ISSN 2712-8520

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

JURIDICAL TECHNIQUES

№20 2026

«**ЮРТЕХНЕТИКА** – НАУКА О ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ, КОТОРАЯ ВЫСТУПАЕТ ЭЛЕМЕНТОМ ТЕХНОСФЕРЫ, ВАРИАНТОМ ТЕХНОНАУКИ, ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИДЕОЛОГО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫЕ, ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРАВООБРАЗОВАНИЯ, ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ СОЗДАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА, РЕАЛИЗАЦИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ».

ПРОФЕССОР БАРАНОВ В.М.

«**ЮРТЕХНЕТИКА** – ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНАЯ НАУКА О ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ, ЕЕ ОСМЫСЛЕНИИ, СОЗДАНИИ, ФУНКЦИОНИРОВАНИИ, ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРАВИЛ, СРЕДСТВ, ТЕХНОЛОГИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ, ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЛАСТНОЙ И НЕВЛАСТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ЦЕЛЬЮ КОТОРОЙ (НАУКИ) ЯВЛЯЕТСЯ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА».

ПРОФЕССОР М.В.БАРАНОВА

Гимн «Юртехнетики»

Слова профессора В. И. Крусса Музыка А. Н. Бардова

С техникой научно-юридической
Никакой сравниться не дано!
Этой древней истине классической
Нам служить с тобою суждено!
Воплотим презумпции и фикции
В понятийно-событийный ряд.
Не пленяясь всуе диспозицией
Поощрений, грантов и наград

Припев:

Техника права – это направо
Или – налево, но до конца!
Право без техники – скучная драма,
Свадьба без тостов и дом без крыльца!

Каждую формальную конструкцию
Мы поверим логикой добра,
Полагаясь, как на Конституцию,
На «сегодня лучше, чем вчера»!
Потому что и в разлуках вместе мы!
Оттого и споры – ни о чём!
В позитивном праве и естественном
Мы зерно гармонии найдём.

Припев:

Техника права – это направо
Или – налево, но до конца!
Право без техники – месса без храма,
Праздник без песен и иск без истца!

Не беда, что у реки два берега.
Наш девиз: «Сомненьям вопреки»!
Справедливость в праве – это техника,
Символ Стрелки Волги и Оки!

Припев:

Техника права – это направо
Или – налево, но до конца!
Право без техники – скучная драма,
Свадьба без тостов и дом без крыльца!

Нижегородская академия МВД России
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского
Нижегородский исследовательский
научно-прикладной центр
«Юридическая техника»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Ежегодник

№ 20

«Символы в праве (доктрина, практика, техника)»

К 80-летию профессора В. М. Баранова

Нижний Новгород
2026

Юридическая техника 2026

16+

№ 20

Ежегодник

Издается с 2007 года

Учредитель: Фонд В. М. Баранова «Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр "Юридическая техника"» (Фонд НИНПЦ «Юртех»)

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-27713 от 11 апреля 2007 года

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии. Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии.

Компьютерная верстка *Т. Ю. Булганиной*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*
Фото *Ю. И. Васильева*

Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 142,45
Тираж 500 экз.

Издатель: Фонд НИНПЦ «Юртех».
Адрес редакции и издателя:
603081, г. Нижний Новгород, ул. Сурикова, 16а, оф. 81;
тел. 8 (831) 421-72-90;
E-mail: baranov_prof@bk.ru

Отпечатано:
Типография «ЮНИКОПИ»
Нижний Новгород, ул. Нартова, 2в

Дата выпуска 15 марта 2026 года
Распространяется в электронной и типографской версиях бесплатно

© Фонд НИНПЦ «Юртех», 2026

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Нижегородской области, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Заместитель главного редактора:

Баранова Марина Владимировна – доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ответственные секретари редакционной коллегии:

Абдулханнянов Ильяс Абдулхаевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)
Пчелкин Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые наук; научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Редакционная коллегия:

Арзамасов Юрий Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)
Бирюков Павел Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)
Василевич Григорий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь, председатель Конституционного Суда Республики Беларусь (1997-2008), Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011), заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)
Власенко Николай Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории права и государства в Российском университете дружбы народов (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)
Габов Андрей Владимирович – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринима-

тельского права Института государства и права Российской академии наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Гамбарян Артур Сиреканович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского университета (Республика Армения) (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Давыдова Марина Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Исаков Владимир Борисович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кабышев Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки).

Капустин Анатолий Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий Центром международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Кашанина Татьяна Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Колоколов Никита Александрович – доктор юридических наук, профессор, судья Верховного Суда РФ в почетной отставке, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова; профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки; научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кузнецов Александр Павлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Лушников Андрей Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Москалькова Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки; научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, заместитель Главного ученого секретаря Национальной академии наук Таджикистана, главный научный сотрудник Отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана (Республика Таджикистан) (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Нефедов Борис Иванович – доктор юридических наук, доцент, про-

фессор кафедры прав человека и международного права Московского ордена Почета университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Поляков Михаил Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Репьев Артем Григорьевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), профессор кафедры теории права, гражданского права и гражданского процесса (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ромашов Роман Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Сивицкий Владимир Александрович – кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридический факультета Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ, судья Конституционного Суда РФ (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Сиземова Ольга Борисовна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Симонян Артур Каренович – доктор юридических наук, сотрудник Берлинско-Потсдамской исследовательской группы при Свободном университете Берлина, сотрудник Ассоциации глобальной политической мысли при Гарвардском университете (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Старилов Юрий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, декан юридического факультета Воронежского государственного университета, заведующий кафедрой административного и муниципального права юридического факультета ВГУ (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Таранова Татьяна Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Тарасов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки).

Токтобаев Болот Токтомышевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Туранин Владислав Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Хабриева Талия Ярулловна – академик РАН, член президиума РАН, академик-секретарь отделения общественных наук РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Эбзеев Борис Сафарович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центрального изберкома, судья Конституционного суда (в отставке) (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки).

Институт рецензирования

Поляков Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент, адвокат (председатель коллегии рецензентов).

Булатов Борис Борисович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Головкин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Ивашевский Станислав Леонидович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нижегородской академии МВД России.

Кабанов Павел Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Тимирясова (ИЭУП).

Колесник Вероника Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия.

Милюков Сергей Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Овчинников Алексей Игоревич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, иерей, штатный клирик Главного воинского храма Южного военного округа св. Георгия Победоносца, проректор по научной работе Донской духовной семинарии.

Оксамытный Виталий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Московского университета имени А. С. Грибоедова.

Плетников Виктор Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева.

Понкин Игорь Владиславович – доктор юридических наук, профессор, директор автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата».

Сосенков Федор Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета по профориентационной работе, профессор кафедры конституционного и муниципального права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Тихонова Светлана Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Толстик Владимир Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Шаршун Виктор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).

Кроме того, к рецензированию поступающих в редакционную коллегию статей на договорной основе привлекаются кафедральные коллективы известных вузовских юридических центров России.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКРЫТИЕ ФОРУМА

Символы в культурах мира (правовое содержание и технико-юридическое оформление). Вступительное слово профессора В. М. Баранова при открытии XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» ... 13
Приветственное слово Председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию Сергея Владимировича Кабышева ... 23
Приветственное слово Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Татьяны Николаевны Москальковой ... 26
Приветственное слово председателя Геральдического совета при Президенте Российской Федерации – государственного герольдмейстера, заместителя генерального директора Государственного Эрмитажа по научной работе Георгия Вадимовича Вилинбахова ... 28
Приветственное слово председателя Законодательного Собрания Нижегородской области Евгения Борисовича Люлина ... 29
Приветственное слово начальника Нижегородской академии МВД России, генерал-майора полиции Константина Анатольевича Плясова ... 30
Приветственное слово ректора Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского Олега Владимировича Трофимова ... 32

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

Овчинников А. И. Церковная символика и правовые символы: единство, различие, взаимодействие ... 33
Мальцев И. В. Символы в праве: междисциплинарные, общетеоретические и отраслевые аспекты ... 38
Гамбарян А. С. Закрытые законодательные перечни как символы правового запрета ... 42
Кодан С. В. Символика как междисциплинарный объект изучения в социогуманитаристике и юриспруденции: науковедческие и историографические проекции* ... 46
Петрянин А. В. Символика экстремистских организаций и их правовая оценка ... 51
Баранов В. М. Познавательная функция юридически значимых символов (доктрина, практика, техника) ... 54

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИМВОЛОВ В ПРАВЕ

Профессорское собрание

Арзамасов Ю. Г. Может ли современное государство обходиться без символов? ... 77
Баранова М. В. Символические элементы рекламного законодательства: сущность, ценность, результативность функционирования ... 83
Биюшкина Н. И. Политико-правовая природа государственного гимна России ... 89
Варенцова Л. Ю. «Станы» и «слазки» как символы путешествий царя Алексея Михайловича в России (1645–1676 гг.) ... 93
Васяев А. А. Преамбулы международных актов и пропорциональность: символический потенциал деклараций и юридическая техника интерпретации в сфере защиты прав человека ... 98
Васяев А. А. Юридический статус и символическая сила правозащитника: между моралью, мифом и нормой ... 104
Власенко Н. А. Скрытые символы и антисимволы в праве ... 113
Головкин Р. Б. Реновация символов в праве ... 116
Давыдова М. Л. Символизация и визуализация в праве: тенденции развития формы и содержания ... 120
Зайцева Е. С. Ценностные основания правовых символов ... 126
Кожевина М. А. Право как символ национальной идентичности ... 129
Кожевников В. В. Правовые символы и семиотика права ... 134
Лановая Г. М., Зуева Ю. В. Символы правосудия в современной российской культуре ... 141
Мацкевич И. М. Исторические символы и их современное значение ... 147
Минникес И. В. Правовая природа символов государственности в законодательстве субъектов Российской Федерации: проблемы согласованности ... 150
Мохов А. А. Символизм и социалистический реализм как феномены и их значение для государственной политики в сфере культуры ... 155
Нестеров А. В. Символ-продукт в юридической деятельности: продуцентный подход ... 162

Оксамытный В. В. Правовые пределы визуализации образов государственной власти в официальной символике ... 168
Парилов О. В. Правовая защита религиозного символа как традиционной духовно-нравственной ценности ... 172
Плетников В. С., Плетникова М. С. Юридическая форма правового символа ... 177
Понкин И. В. Теория правовой символики ... 183
Романовская В. Б. О роли символов, чисел и магии в истории права ... 186
Ромашов Р. А., Ромашова Г. Т. «Крест и звезда»: дихотомия символов и ценностей в Российском политогенезе ... 190
Смирнова М. Г. Символы как средство реализации социальных притязаний в праве ... 196
Толстик В. А. К вопросу о соотношении символа и знака в праве ... 199
Третьякова О. Д. Неправовые символы в образовательной деятельности по формированию правосознания юристов ... 204
Треушников И. А. Символы в праве сквозь призму аксиологии ... 208
Трофимов В. В. Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как символ современной демократической правовой республики: опыт научного обоснования* ... 211
Фирсова А. М. Русская правовая культура в символическом пространстве человеческой цивилизации ... 217
Хужин А. М., Карпычев М. В. Использование символов охраны интеллектуальной собственности ... 221
Червонюк В. И., Баранова М. В. Символизация (антисимуляция символического) в механизме действия права: традиционная оценка и нарративы эпохи метамодерна ... 225
Шафиров В. М. Образ – символ права и типы правопонимания ... 244

Корпус исследователей с ученой степенью кандидата наук и практикующих юристов

Аврамцев В. В., Коннов И. А. Правовые символы и традиционные российские духовно-нравственные ценности ... 250
Александрина Н. М., Грешнова Г. В. Символика в правоприменительной деятельности ... 260
Аринина М. В. Двойственная природа символа и символы права: глубинно-психологический взгляд ... 263
Брылева Е. А. Роль символов в конструировании коллективной идентичности профсоюзов ... 266
Васильев П. В. Проблема понимания соотношения человекочитаемых и машиночитаемых правовых символов ... 269
Волк-Леонович С. О. Символизм в архаическом праве ... 275
Воронин И. К. Правовая природа одежды дворян как символическое подтверждение их принадлежности к благородному сословию в России (XV – начало XX вв.) ... 285
Галузо В. Н. О роли символа в праве как исключительном регуляторе общественных отношений в Российской Федерации ... 289
Горбунов М. Д. Правовые символы, понятия и юридический текст как элементы языка права: соотношение и особенности ... 294
Жданов П. С. Символическая власть в правовом дискурсе ... 298
Завурбеков Ф. З. Юридическая защита государственной символики в Исламской Республике Иран ... 301
Зацепина О. Е. Функции правовых символов ... 304
Золотова Е. В., Кулик О. В. Символизм и правовое значение награждения государственными наградами Российской Федерации сотрудников органов внутренних дел ... 307
Капусткин А. С. Государственные награды как правовые символы: понятие и особенности ... 312
Козлова А. А. Отражение духовно-нравственных ценностей российского общества в правовых символах ... 315
Косых А. А. Рекомендательный характер некоторых правовых символов ... 319
Кулик О. В. Правовые символы государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации ... 323
Лазорин К. Б. Символы в нетипичных нормативных правовых актах ... 326
Ламтева А. В.. Концепция символопонимания и обрядовой формы: визуальный поворот к историческим типам отечественного уголовного процесса ... 331
Латыпова Н. С. Государственные символы США как отражение политического положения в межгосударственной миросистеме ... 338
Лебедева Е. А., Романовская Л. Р. Религиозные символы в зарубежном и российском общественном пространстве: правовые аспекты ... 342
Леонтенкова Е. А. Этнокультурные символы в обычном праве ... 346
Лихтер П. Л. Эстетика правовых символов ... 352
Ломакина Л. А. Дефиниция правовых символов и перспективы их дальнейшего применения ... 356
Лукьянов Р. И. Красота как критерий оценки символов в праве ... 360

Лясович Т. Г. Государственные символы переходной эпохи (на примере России 1917 года) 363
Мазуров И. И. Символическое измерение правопритязаний: роль символического в правовой жизни человека и социальных групп 369
Малышева И. В. Символизм принципов права 373
Манохин В. С. Символизм юридического равновесия 378
Михайлов А. Е. Гимн России – символ государства: теоретико-историческое исследование 381
Мочалова А. А., Мочалов И. В. Значение правовых символов в обеспечении правопорядка на современном этапе государственно-правового развития 386
Орлов Д. В. Влияние правовых символов на стоимость правового регулирования 389
Осипов М. Ю. Правовые символы как специфические феномены правовой культуры 393
Парфенов А. В. Типичные технико-юридические дефекты правовых символов и роль компромисса в их предупреждении 397
Перепелица Е. В. Доверие между обществом и государством: символические и правовые смыслы 402
Петрова Е. А. Роль символов в юридическом образовании 407
Плешаков Е. А. Приоритет в праве как символ и средство дифференциации и специализации 411
Плюснина О. В. Православные символы в праве 415
Погодина И. В. Правовые символы как средство упрощения взаимодействия государства и общества 420
Русакова Н. Г. Символическая природа присяги 424
Савельева М. В. Власть символа или власть судьи? Доктринальный спор о «следовании правилу» и его отражение в юридической практике 426
Сатушиева Л. Х. Историко-правовой подход в понимании символов и роли обычаев в их становлении и развитии 430
Серова Ю. Г. Значение символов в торговом праве Российской империи (конец XIX – начало XX вв.) 436
Тенилова Т. Л. Правовые символы в историческом и современном пространстве 439
Тимофеев Е. А. Господствующая правовая теория (методология) как неявный правовой символ 443
Тонков Е. Н. Символы правосудия в современной культуре 446
Торопкин С. А. Орден как символ поощрения кавалера особыми пенсионными правами 453
Удовиченко М. В. Символическое влияние древнецерковной покаянной практики на исправительную систему 458
Федюшкина А. И. Символическое представление юридических понятий в иллюминированных рукописях Саксонского зерцала 462
Хоконова А. В. Воплощение групповых интересов в символах права 466
Хужина О. Н. О правовой охране символов, отражающих традиционные ценности 469
Чайка В. Н. Символика и духовные смыслы русской традиции права в ситуации современности 473
Червяковский А. В. Закон о нормативных правовых актах как символ взаимодействия юридической науки и практики 476
Чигринский Н. С. К вопросу о символике в процессе трансформации правовой системы государства: отечественный опыт конца XX века 480
Чикина Т. Е. Роль математических символов в нормативно-правовых документах 482
Чинарян Е. О., Чинарян Е. А. Доменные имена как цифровые правовые символы: от знака адреса к знаку доверия 484
Шаламов А. В. Символы как признак государства 487
Шаханов В. В. Символьный метод в контексте «уровневой» системы познания права 491
Щербакова М. П. Механизм адекватной интерпретации символа в контексте формирования правосознания 496

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ СИМВОЛИКИ

Профессорское собрание

Боголюбов С. А. Символы и экологическое право 498
Грачев М. А. Элементы криминальной субкультуры как символы переходных этапов истории России 503
Гук П. А. Символы в судебной деятельности 508
Журавлев С. Ю. Символы и смыслы криминалистической культуры 513
Каминский А. М., Кожевникова О. В. Графические символы и компьютерный сленг в коммуникациях преступной субкультуры 517
Ковтун Н. Н., Ковтун И. С. Символы фальшфасада российского правосудия 524
Колоколов Н. А. Символы в судебном праве: доктрина, практика, техника 534
Крусс В. И. Реальность конституционного символизма 548
Макарейко Н. В. Проблемы административной ответственности за нарушение использования государственной символики 554

Назаренко Г. В. Символы, структурирующие текст уголовного закона: проблемы и решения 558
Плясов К. А. Символизм в криминалистике 563
Погодина Т. Г., Черных Е. Е. Символы в медицине: содержание, значение, связь с уголовно-правовой деятельностью 567
Поляков М. П. Отечественный уголовный процесс как символическое понятие юридической теории и идеологии 571
Поляков С. Б. Моральные символы судебной власти 574
Репьев А. Г. Символ как магистральное технико-юридическое средство в транспортном законодательстве ...584
Румянцев Ф. П. Значение и практическое использование символов в экологическом праве 588
Серебрякова Т. Ю. Символы обеспечения экономической безопасности РФ (доктрина и практика) 591
Скачкова Г. С. Правовые символы в учебных курсах по трудовому праву 594
Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Судебная символика как перформативное средство легитимации и репрезентации правосудия 603
Тарасов А. А., Шарипова А. Р. Символы судебно-правовых реформ 612
Чупрова А. Ю. Уголовно-правовая охрана символов: исторический аспект 616
Шаров В. И., Дягилев А. А., Бессонов В. А. Символизм в оперативно-розыскной деятельности. Теоретико-прикладные аспекты 621

Корпус исследователей с ученой степенью кандидата наук и практикующих юристов

Абдулханнянов И. А. Уголовно-правовая охрана символов, связанных с Великой Отечественной войной в законодательстве государств – членов ОДКБ 624
Агеев А. Н., Пишина С. Г. Институт прокуратуры как символ суверенной российской государственности 630
Азарова Е. С. Судейское усмотрение как символ «живого права»: от формализма к ценностному правоприменению 635
Аникин А. С. О юридической роли знаков и символов в гражданско-правовом регулировании обязательств 639
Балалаева М. В. Символ в праве: уголовно-правовой и криминалистический аспекты 644
Балалаева Ю. С. Этико-правовые проблемы символов правосудия в эпоху развития, внедрения и использования современных цифровых технологий 647
Белинская М. П. Петля Мебиуса как символ экономики замкнутого цикла 651
Бровкина Е. А., Итакаева П. В. Региональные символы судебной власти 654
Вершинина Е. С., Кострова О. В. Символико-правовая природа конклюдентных действий в административной деятельности полиции 657
Вихарев Д. Д. Правовые символы в доказывании при расследовании незаконного сбыта подконтрольных веществ в Российской Федерации 661
Власова С. В. Процедурно-процессуальные правоприменительные символы при рассмотрении уголовных дел судами общей юрисдикции 664
Волкова А. Ю. Информированное добровольное согласие как символ безопасности личности при медицинском вмешательстве 668
Воронин А. В. Символическое пространство посмертного творческого бытия: конституционно-правовое измерение 672
Воронов С. С. Символы в бухгалтерском учёте 675
Гарцева Ю. Ю., Гонтарь В. Н. Символы в международном гуманитарном праве: анализ защитных знаков и их роль в обеспечении безопасности гражданского населения 680
Гольцман Е. В., Вознюк Т. В. Роль правовых символов в информационной безопасности государства в условиях гибридных угроз 684
Горбачева А. В., Соловьев О. Д. Семиотический анализ знаков и символов товарных знаков как инструмент противодействия незаконному использованию средств индивидуализации 688
Грачева О. А. Тактическая формула следственного действия как знаковая система в криминалистике: семиотический аспект 693
Демарева В. А. Символы в СМИ как инструмент манипуляции общественным мнением 698
Денисова Е. Л. Роль правовых символов в обеспечении охраны и защиты частной собственности 700
Дубов Е. И., Дубова М. Е. Уголовно-правовая охрана символов воинской славы в Российской Федерации 703
Ковалев А. Ф. Символы в процессе назначения и исполнения уголовных наказаний: доктрина, практика, техника 710
Коробова А. С. Влияние запрещенных символов на состояние общественного порядка 713
Кузнецова Н. В. Использование философской теории символа и сознания в правовом регулировании градостроительных отношений 719
Курсаев А. В. Уголовно-правовая охрана форменной одежды и документов как атрибутов - символов представителя власти 725

Лапшин В. Е., Новосёлова А. Н. Семиотический анализ визуального символа «след» как многоаспектного феномена 731
Леонова Т. А. Принципы юридического голосования в системе правовых символов 738
Леонтьев А. Г. Значение символики в пропаганде субъектов терроризма и экстремизма 744
Лизунов А. С. Правовые символы судебной власти 752
Малютина О. А. Конкуренция как символ трансформации правового регулирования рыночных отношений 754
Мельникова Е. Ф. Символы русского уголовного процесса: юридический анализ и культурно-правовые аспекты 758
Мацкевич О. В. Символика в трудовом праве 763
Морозов О. Л. Правовые символы в сфере экономики 766
Нелипович Е. В. Предварительное следствие и дознание: парадокс единства целей и различия символов 769
Нестеров Е. А. Символ как средство обеспечения контрольно-надзорной деятельности на транспорте 773
Никифоренко Ю. Л. Использование знаково-символических систем в алгоритмизации выявления и расследования преступлений 776
Остроумов Н. В. Символы принадлежности к адвокатуре в России и зарубежных странах: история и тенденции развития 779
Першина И. В. Символика некоммерческих организаций: пробелы правового регулирования 783
Ремизов П. В., Сальников А. А. Административно-правовые средства охраны государственных символов 787
Репьева А. М. Символы в уголовно-исполнительном праве 790
Сивицкий В. А. Проблематика символов в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 793
Симагин А. С. Государственные символы как элемент идентичности российского гражданского судопроизводства 798
Скляренко М. В. Символы в системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России: доктрина, практика, техника 803
Смолин А. Ю. Процессуальная экономия как ориентир эволюции уголовного процесса от символизма к технологии 814
Тихонова Е. Н. Символы, используемые в делопроизводстве в органах внутренних дел Российской Федерации 821
Шухарева А. В. Использование символов в правовой коммуникации субъектов гражданских отношений 824

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Юридическая символика в исследованиях аспирантов, адъюнктов, соискателей, студентов, курсантов, слушателей

Алешина М. Д. Идея неотвратимости наказания как символический принцип уголовного процесса 827
Андрианова У. Д. Запрещённые символы в праве: правовые аспекты запрета нацистской, экстремистской и террористической символики 830
Васильева М. А. Основные символы агрессии в языке современных англоязычных СМИ 834
Веллмэн М. В. Специфика символов опережающего законодательства 837
Воробьева М. В. Правовые основы противодействия распространению деструктивных символов 841
Белянцева А. С. Время как правовой символ в уголовном праве 845
Болдырев В. И. Регистрация товарного знака. Особенности исследования символов при регистрации товарных знаков 849
Бочкарев Д. О. Дополнение как символ целостности национальной правовой системы Российской Федерации 852
Воронин Н. А. Символическое правосознание на современном этапе развития общества 857
Гилева В. Д. Идеи-символы Французской буржуазной революции, как новые ценностные ориентиры социально-правовой повестки Новейшего времени 861
Гиринович К. Е. Смарт-контракты как самоисполняемый символ правоотношения 865
Гогитидзе Д. А. Символы уважения в праве 869
Горбачева А. В. Правовая охрана государственных символов Российской Федерации 872
Егорочкин Д. В. Уголовная политика РФ в сфере охраны символов воинской славы в современных условиях 875
Елыжев А. Е. Возраст как правовой символ 878
Жарков-Симакин Е. В. Символическое значение директивы 881
Журавлев К. А. Символическая легитимность цифровой власти: новые вызовы для теории права 886
Киреев И. А. Эволюция толкований теории «двух мечей», как символа разграничения светской и духовной власти 891

Козлов Е. В. Символы проактивности законодательства 894
Корешков А. С. Символы специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел 898
Кусакин А. А. Символический смысл поручения Президента Российской Федерации в отечественной правовой системе и юридической практике 902
Леднев А. А. Символическая функция лексемы «эксперимент» в языке права: семиотический анализ 905
Малик Д. В. Символизация почетных правовых статусов: аспекты зарождения и развития 908
Матвеев П. В. Федеральная территория «Сириус» как символ развития научно-образовательного потенциала Российской Федерации 912
Мирный Д. С. Подмена символов абонентского номера как преступный механизм телефонного мошенничества 917
Митькина Е. И. Многозначность понятия «символ» и контексты его исследования в истории, философии, культурологии, политике, психологии, искусствоведении 920
Наимов С. С. Символическое значение поводов к возбуждению уголовного дела в УПК Республики Таджикистан 924
Огородова Е. Ю. Символы и знаки в методологии исследования специальных технических средств как источников доказательств 927
Пантелеева П. А. Разработанность учения об уголовно-правовых символах в современном уголовном праве 933
Прынова В. И. Правовой символ как средство юридического содействия 936
Ратин В. В. Институт обвинения и символизирующие его идеи в отечественной и зарубежной правовой традиции 939
Седов Е. И. Правовое значение символа «эмодзи» в гражданском праве 945
Серегина Е. С. Правовые символы в высшем образовании России: от традиций к современности 949
Судденок К. В. Символическая роль согласия в правовой системе современной России 953
Сурнина А. В. Идентификационный жетон военнопленного как символ унижения и оберега в годы Великой Отечественной войны 957
Танисов Р. А. Институт подозрения как основополагающий символ уголовного процесса 961
Туваева А. С. Георгиевская лента: от символики проекта «Наша Победа» до одного из официальных символов воинской славы России, международный аспект 964
Тургалиева Р. Д. Символы доверия и легитимации в предварительном следствии по делам о международных экономических преступлениях 968
Феоктистов П. А. Символика в архитектуре и дизайне многоквартирных жилых домов в контексте конституционной свободы творчества 972
Цветков В. В. Символы в наднациональном праве Евросоюза 975
Черепнина Е. А. Цифровой профиль гражданина как символ субъекта гражданских правоотношений 980
Чернов А. Д. Правовые символы как особое средство юридической мотивации 983

Библиография к XXVII форуму «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» 987

Интеллектуально-развлекательная битва «Государственный герб: наука, искусство, достоинство, суверенитет» 1044

КОНКУРС ТВОРЧЕСКОГО ЭССЕ

«Юрист как animal symbolicum»: личный опыт обращения к символическим феноменам в научной, преподавательской, практической работе, семейной жизни

1 место – Синченко Г. Ч. Символы права. Бенджамин Франклин между Пирсом и Гегелем 1045
2 место – Гиринович К. Е. Личный опыт обращения к символическим феноменам в научной и семейной жизни 1048
3 место – Якубовская Е. Д. Все тайное становится явным 1050
4 место – Лунёв Р. С. «Юрист как animal symbolicum»: личный опыт обращения к символическим феноменам в научной, преподавательской, практической работе, семейной жизни 1052

ФОТОЭТЮДЫ 1054

НАГРАДЫ ЮБИЛЯРУ 1104

ПОЗДРАВЛЕНИЯ 1105

Список научных, методических и публицистических трудов профессора В. М. Баранова 1140

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему **«Символы в праве (доктрина, практика, техника)»** (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – 1228 с.

FOR QUOTATION PURPOSES:

Yuridicheskaya technique, 2026, No. 20: Materials of the XXVII International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum "Yurtekhnetika" on the topic: **"Symbols in the right (doctrine, practice, technique)"** (Nizhny Novgorod, September 24–27, 2025) / chief editor V. M. Baranov. – Nizhny Novgorod: UNICOPI Publ., 2026. – 1228 p.

ОТКРЫТИЕ ФОРУМА

Символы в культурах мира (правовое содержание и технико-юридическое оформление). Вступительное слово профессора В. М. Баранова при открытии XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика»

Доброе утро, уважаемые коллеги!

XXVII Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» объявляю открытым.

И сразу организационно-культурная поэтически торжественная новелла, которая не просто находится в русле темы Форума, не только отражает длительную историю нашего творческого общения, но как красивый яркий высокий маяк, мощный прожектор освещает будущие направления нашей деятельности в области юридической техники.

Дорогие коллеги! У нас теперь есть Гимн «Юртехнетики». Его текст написал профессор Владимир Иванович Крусс – заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета. Музыку написал Александр Николаевич Бардов. Гимн «Юртехнетики» – *прославление* всего сделанного нами в сфере технико-юридической реальности. И он значительно интереснее, содержательнее, красивее персонального гимна канцлера ФРГ Фридриха Мерца, который появился на днях.

Предлагаю прослушать Гимн и проникнуться торжественностью момента.

Отныне каждый ежегодник «Юридическая техника» будет открываться Гимном.

Отрадно, что у Форума сложилось прочное стратегическое научное партнерство – Нижегородская академия МВД РФ, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника». Это партнерство предполагает синтез совместных научных приоритетов, коммуникационно-информационные связи, культурное взаимодействие.

Форуму уже 27 лет. Главная неизменная идея наших встреч – в одном пространстве, на одной территории собрать специалистов **разных** научных юридических специальностей не только для официально-публичного, но и неформального обсуждения конкретной технико-юридической проблемы. Ядро Форума, то есть круг постоянно участвующих исследователей, неизменно расширяется и оно, по сути, стало своего рода талисманом, символом, «катализатором» притока новых исследовательских сил.

Мне нравится постулат: «Все должно быть в меру, кроме благодарности!». Все эти годы я в душе и письменно веду «дневник признательности» **каждому**, принявшему участие в Форумах «Юртехнетика». Это дань признательности и ушедшим из жизни коллегам.

Сегодня особо благодарю всех приехавших и ранее приезжавших на наши разноплановые встречи не только в Нижнем Новгороде, но и в Черновцах, Геленджике, Суздале. Благодарю Вас, ибо понимаю – как непросто ныне (и материально, и организационно) реально приехать на Форум.

Форум становится центром притяжения различных интеллектуальных ресурсов для изучения техники, технологий, цифровых платформ правотворчества.

Выбор в качестве предмета исследования символов в праве в очередной раз подтверждает постоянно декларируемую мною доктринальную позицию: техника правотворчества стратегически неисчерпаема. Мы меняем горизонт технико-юридической реальности, ищем пути «глубинной» интеграции гуманитарных и естественно-технических научных знаний. Мы исповедуем и активно применяем метод концентрации кругов, включаемых один в другой. Та или иная проблема техники правотворчества остается в качестве центральной, но она, расширяясь концентрически, захватывает все более широкую область знаний.

По символам в праве год назад в информационном письме было вынесено на обсуждение 190 вопросов по проблематике Форума, а библиография состояла из 1379 источников (ныне таких источников уже 1516).

Материалы форума образуют 20 выпуск ежегодника «Юридическая техника». Кроме того, мы, как обычно, опубликуем в 12 номере журнала «Государство и право» обзор о форуме. Вы получили в портфеле участника Форума обзор 2024 года об эксперименте в праве. Примите его за образец (прежде всего по объему текста – 2-3 абзаца о сути выступления). Жалко, когда видные специалисты опаздывают с представлением материала и «выпадают» из обзора.

Мы продолжаем обсуждать проблемы **очно** и не прибегаем к формату онлайн. Последовательно культивируем ценность живого научного общения, укрепляем межвузовские исследовательские связи, разнообразим контакты начинающих ученых с лидерами научных правовых школ России, с маститыми профессорами.

В цифрах программа форума выглядит следующим образом:

Заявлено 398 докладов

Доктор наук, профессор	**106**
Кандидат наук, доцент	**183**
Заслуженный деятель науки РФ	**6**
Заслуженный юрист РФ	**13**
Заслуженный работник высшей школы РФ	**4**
Почетный работник высшего профессионального образования РФ	**5**
Практический работник	**33**
Преподаватель вуза без ученой степени и ученого звания	**50**
Соискатель, докторант, аспирант, адъюнкт	**32**
Магистр, студент, курсант, слушатель	**30**
Исследователь из системы МВД России	**178**
Исследователь из Нижегородской академии МВД России (78% от исследователей из системы МВД России) (35% от общего числа участников)	**137**
Иностранные участники (Армения, Беларусь, Монголия, США, Таджикистан, Узбекистан, Центральноафриканская Республика)	**9**
Представители неюридических отраслей знаний, специалисты в области: экономики, истории, медицины, педагогики, психологии, философии, культурологии, социологии, политологии, филологии, техники	**41**

Российская «география» форума представлена 46 научными центрами: Астрахань, Барнаул, Белгород, Владимир, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Ижевск, Иркутск, Кабардино-Балкарская Республика, Казань, Калининград, Карачаево-Черкесская Республика, Кемерово, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Махачкала, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Одинцово, Омск, Орел, Пенза, Пермь, Республика Дагестан, Республика Хакасия, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Смоленск, Ставрополь, Тамбов, Тверь, Тула, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Ярославль.

Объявляю тему XXVIII форума «Юртехнетика» – **«Техника толкования права: методология и практика взаимодействия с законотворчеством».** Он состоится 23–26 сентября 2026 года. В информационном письме объемом 162 страницы (каждый из Вас получил его в портфеле участника) содержится 290 вопросов, которые будут вынесены на обсуждение. В качестве помощи будущим участникам прилагается библиография – на сегодня она насчитывает 1478 источников, в том числе 76 на иностранных языках. Если внимательно прочесть и вдуматься в «проблемный вопросник» и названия выявленных источников, то специалист любой (и не только гуманитарной) отрасли знания сможет найти свою «нишу» для анализа и участия статьей в 21 выпуске ежегодника «Юридическая техника».

Касаясь **содержательной части** нашего Форума, самым кратким образом отмечу лишь несколько сюжетов. Высокоценное значение символов в культуре и, естественно, в праве отмечается давно. Завершая свою речь на торжественном собрании 31 марта 1839 года «О символизме права вообще и русского в особенности», ординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета Петр Колмыков призвал ученых обратить внимание на символизм Права Русского и констатировал: «Эта важная сторона юридической жизни наших предков может быть с успехом прояснена только через изучение всех письменных и неписьменных преданий старины Русской и через сравнительное рассмотрение всех Прав Славянских». Он усилил этот тезис следующим соображением: «Открытия на этом поприще бросят яркий свет на многие еще темные места нашего древнего Права и дополнят великую страницу, еще не исписанную, в общей истории законодательства»[1]. Истоки юридического символизма он искал в правовых обычаях и связывал развитие отечественной науки по этому предмету с «совокупными трудами многих» (в современной интерпретации – с междисциплинарным анализом).

В цитируемой речи П. Колмыков выдвинул, на мой взгляд, ошибочный прогноз. Вот он: «Символизму юридическому предстоит участь неизбежная, – ему надлежит прийти, исчезнуть и уступить место дальнейшему усовершенствованию сознания и Права. Но редко следы символизма изглаживаются вовсе из понятий народных; он продолжает жить как предание старины глубокой в многочисленном классе поселян, в том классе людей, который более всех иных состояний близок к Природе, более всех находится в тесных с нею сношениях»[2].

Петра Колмыкова нельзя упрекать в теоретической недальновидности – он в принципе не мог предположить, что у юридического символизма окажется столько направлений развития. Он руководствовался в своих

[1] О символисмъ права вообще и русскаго въ особенности. Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго университета Ординарнымъ Профессоромъ Докторомъ Правъ Петромъ Колмыковымъ Марта 31 дня 1839 г. С. Петербургъ, въ типографіи Карла Краяйя, 1839. С. 92.

[2] См.: О символисмъ права вообще и русскаго въ особенности. Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго университета Ординарнымъ Профессоромъ Докторомъ Правъ Петромъ Колмыковымъ Марта 31 дня 1839 г. С. Петербургъ, въ типографіи Карла Краяйя, 1839. С. 21.

рассуждениях и выводах только историей права и не мог знать данные множества иных научных дисциплин – археологии, этнологии, социологии, культурологии, психологии, демографии.

Цифровизация права ведь во многом основана на символизации, но разве мог Петр Колмыков спрогнозировать появление цифрового законодательства, цифровых прав.

Так или иначе, но юридическая символизация не только никогда не исчезнет: наоборот сфера ее функционирования будет неуклонно расширяться, а формы и форматы существования станут все более разнообразными, разноплановыми, гибридными, полифункциональными.

Различные культуры мира (их точное число наука и практика вряд ли когда-нибудь подсчитают) невероятно широко и многопланово оперируют символами. Я решил предложить вниманию юридической общественности несколько странную по своей разноликости небольшую подборку *дефинитивных тезисов* о символах. Символы «живут» и раскрываются через *метафоры.*

Вот лишь некоторые из них.

– Ноль – символ пустоты и отсутствия.

– Сова – классический символ мудрости.

– Конституция России – символ правовой идентичности наций.

– Конституция – символ эпохи[1].

– Бастилия – символ тюрьмы.

– Кодекс – символ системности и зрелости законодательства.

– БРИКС – символ многополярного мира.

– Большой театр – символ национальной культуры.

– Дмитрий Сергеевич Лихачев – символ настоящего русского интеллигента.

– Статуя балерины около Вахтанговского театра – символ стойкости Москвы.

– Пискаревское мемориальное кладбище – символ трагедии и мужества жителей и защитников блокадного Ленинграда.

– «Катюша» и Т-34 – символы Великой Победы в ВОВ.

– Всероссийской патриарх Тихон как символ церковной демократии (название статьи в «Независимой газете» от 7 апреля 2025 года).

– Нормандия – Неман – символ совместной борьбы русских и французов с фашизмом.

– Берлинская стена – символ раскола Европы.

– Инаугурация Трампа – символ перемен.

– Культурная память города – символический ресурс развития территории.

– Пшеничная коса – символ России.

– Мандарин – символ нового года.

– Спагетти – кулинарный символ Италии (кстати, раньше в СМИ их именовали «чуждой американской пищей»).

– Свеча – символ надежды.

– Коньки – символ адаптивности.

– Архимедов винт – символ функциональности.

– Мыло – символ городской цивилизации.

– Сейсмометр – символ колебаний.

– Зубной протез – символ восстановления.

– Шагометр – символ физической активности.

– Бумага – символ чистого разума.

– Петарды – символ радости.

– Ветряная мельница – символ бессмертия.

– Нить – символ судьбы.

– Флейта – символ идиллии.

– Игла – символ женской силы.

– Колокол – символ смерти и бессмертия.

– Микроскоп – символ микромира.

– Спички – символ скоротечности жизни.

– Гвоздь – символ духовных, культурных скреп.

– Лодка – символ спасения.

– Барометр – символ атмосферы.

– Термометр – символ переменчивости жизни.

– Бинт – символ защиты.

– Парашют – символ отчаянной смелости.

– Фортепиано – символ нежности.

– Громоотвод – символ безопасности.

[1] Интересно отметить, что в американской правовой литературе содержатся аналогичные тезисы – «Конституция США с момента её ратификации стала сакральным символом нации». См.: *Чемерински Эрвин.* Ни одна демократия не длится вечно. СПб.: Питер, 2025. С. 22.

– Подводная лодка – символ внезапности.

– Фотоаппарат – символ фиксации момента.

– Планер – символ творческого порыва.

– Рояль – символ приличного дома и воспитания.

Представленную подборку легко увеличить. Например, Континентальная хоккейная лига систематически публикует *символические сборные* по итогам месяца, года и формирует символические сборные новичков. Михаил Швыдкой полагает, что качественная национальная энциклопедия – символ интеллектуального суверенитета государства.

История науки свидетельствует, что отдельные ученые выступают символами не только доктринальных свершений. Например, Исаак Ньютон стал символом начала эпохи Просвещения[1] (заметим – целой эпохи).

В. Р. Легойда выделяет в особую группу «***людей*** (курсив мой. – **В. Б.**), являющихся символами американской национальной культуры: отцы-основатели, первые президенты, президент-освободитель Линкольн». В «понятийную» символику он включает «американскую мечту», «свободу», «избранный народ», «град на холме»[2].

Дмитрий Мережковский полагал, что символами могут быть и характеры людей[3]. Как к этому выводу может отнестись юриспруденция? И должно ли вообще как-то «реагировать» на него правоведение?

Философ и культуролог Вадим Россман одной из ключевых функций столицы считает **символизацию** (наряду с администрированием и интеграцией). Символизация, по его убеждению, состоит в том, что в столице отражается не только настоящее нации, но и ее идеальный образ – то, какой она хотела бы себя видеть и чем хотела бы стать. Столица – это площадка для праздников, парадов, шествий, действ, которые сплачивают нацию, символизируют ее единство[4]. От себя добавлю – это и символы государственной власти, имиджа политической элиты.

Вышеприведенный перечень достаточен, чтобы убедиться: а) предметом (объектом) символизации могут быть почти все феномены (явления) объективной и субъективной реальности; б) одно и то же явление может иметь несколько символических форматов и их истинность либо ложность установить вряд ли возможно; в) в каждом символическом обрамлении можно обнаружить юридический (регулятивный или влияющий) элемент, правовую составляющую (малую либо крупную), тонкие юридические оттенки; г) символы «преобразуются» в сложнейшие и простые, красивые и не очень метафоры, аналогии, образы, аллегории.

Юридически значимые художественно оформленные символы обладают **магнетизмом** – они не только притягивают контактирующего с ним субъекта, но и «намагничивают» его особым эмоциональным, душевным и духовным состоянием.

Серьезную методологическую трудность в анализе юридически значимых символов представляет не столько их многообразие, огромное количество, сколько *приписывание* (обыденное либо доктринальное) символических начал, элементов символа необычным, порой экзотическим феноменам. И достоверно выявить в них «момент», «крупицу», «атом» истинного и правового весьма затруднительно, может быть даже невозможно. По В. В. Ильину, «плюральность символического следствие его полифундаментальности»[5]. Приведу иллюстрацию, где в качестве символа представляется очень спорное явление. **Лозунги** партийных фракций, заседающих в Государственной Думе России, выступают для них столь значимыми символами, что депутаты месяцами (особенно в преддверии выборов) ведут поиск удачных, выигрышных, победных формулировок. Конечно, одних лозунгов-символов для успеха на выборах недостаточно, но и без них обойтись нельзя. Например, КПРФ в 2021 году «выдала» синтетический лозунг-символ, расшифровав аббревиатуру СССР как «сильную, справедливую, социалистическую Родину»[6].

Отсюда сложная теоретическая проблема – можно ли, нужно ли искать, обнаруживать группу феноменов, которые ни при каких оговорках и допущениях не следует относить к символам.

Все это свидетельствует не только о многообразии юридически значимых символов, но и об их **устойчивости** и **глобальности.**

Корпус символов настолько огромен, разнопланов, динамичен, противоречив, художественно многолик, что я прихожу к «нигилистическому» выводу: не было, нет и не будет правового символа. Юридический символ – искусственно созданная, излишне абстрактная теоретическая конструкция, которая не имеет аналога в

---

[1] См.: *Поскетт Дж.* Незападная история науки: Открытия, о которых мы не знали / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2024. С. 149–151.

[2] *Легойда В. Р.* Символы и ритуалы в политических процессах в США: традиции и современность (феномен «Гражданской религии»): дис. … канд. полит. наук. М., 2000. С. 117–118. На с. 117 исследователь относит к символам «священные тексты: американская Конституция, Декларация независимости, Геттисбергское обращение Линкольна, билль о правах».

[3] См.: *Мережковский Д.* О причинах упадка и новых течениях в русской литературе // О закрой свои бледные ноги: статьи о русском символизме. М.: ЭКСМО, 2024. С. 54. На этой же странице автор отмечает: «Идею таких символических характеров никакими словами нельзя передать, ибо слова только определяют, ограничивают мысль, а символы выражают безграничную сторону мысли».

[4] См.: *Россман В.* Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Издательство Института Гайдара, 2013; *Его же.* В поисках Четвертого Рима: российские дебаты о переносе столицы. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.

[5] *Ильин В. В.* Теория познания. Симвология. Теория символических форм. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 9.

[6] См.: *Гармоненко Д., Родин И.* Партии боятся прогадать с предвыборными лозунгами. Поверхностная социология выявляет эффективность пропаганды, а не реальные настроения избирателей // Независимая газета. 2025. 16 апреля.

политико-правовой действительности. Только правовым, сугубо юридическим, стерильно законодательным ни один символ быть не может.

Плодотворнее, правильнее, перспективнее оперировать феноменом **«юридически значимый символ»**.

Отдаю себе отчет в том, что столь «тонкое» различение между понятиями «правовой символ» и «юридически значимый символ» может вызвать возражения в правовой среде.

Чтобы пояснить ситуацию, в качестве аргумента обращусь к Иосифу Бродскому, его трактовке понятия «творческие способности». Он писал, что изнутри творческие способности – «это нескончаемое упражнение в неуверенности и огромная школа сомнений». Поэт предложил вообще отказаться от понятия «творческие способности» и применять другое словосочетание – «способность творить»[1].

Казалось бы, близкие понятия, но разница между ними существенная. Так и в нашем случае: словосочетание «юридически значимый символ» содержательно отличается от понятия «правовой символ».

Юридически значимые символы в силу своей многозначности и полифундаментальности позволяют обеспечить: а) отражение и фиксацию определенного уровня выработанных знаний, качества культуры, направления идеологии общества и государства; б) **регуляцию** деятельности; в) **воздействие** на сознание и подсознание, мотивы, эмоции, чувства субъектов символической коммуникации; г) **влияние** на смежные сферы социального регламентирования.

Интересно и конкретно многозначность и **латентность** юридически значимых символов продемонстрировал в своем стихотворении «Герб» Иосиф Бродский. Вот эти строки:

«Драконоборческий Егорий,
копье в горниле аллегорий
утратив, сохранил досель
коня и меч, и повсеместно
в Литве преследует он честно
другим не видимую цель.
Кого он, стиснув меч в ладони,
решил настичь? Предмет погони
скрыт за пределами герба.
Кого? Язычника? Гяура?
Не весь ли мир?..»[2]

Оправданность моего столь радикально отрицательного вывода косвенно, но убедительно подтверждают два фрагмента авторитетной «Энциклопедии знаков и символов» Джона Фоли. Вступление к книге предваряется таким эпиграфом: «Знаки и символы управляют миром – а не слово и не закон». А завершает 400-страничную работу неординарный раздел «Символьные ассоциации. Словарь слов, связанных со знаками и символами»[3]. В словаре 64 развернутые определения явлений, **ассоциируемых** с символами. Правовое в них «разлито» и «размыто» до такой степени, что ощутить его весьма затруднительно.

Многозначность юридически значимых символов усложняет их доктринальную и дидактическую трактовку в силу еще одного существенного обстоятельства – **символической природы** как государственного, так и литературного языка. В «Литературной газете» развернута интересная и практически важная дискуссия об отличии государственного русского языка от русского литературного. Один из участников дискуссии – доктор филологических наук, руководитель Центра русского языка и славистики РАО Сергей Богданов начал свою статью со следующих слов: «Государственный язык – язык основных символов государства, и гимна прежде всего. Это высокий, символический регистр государственной речи, обращенной к гражданам России»[4]. Возникает своеобразное удвоение символического описания правовой действительности.

Н. В. Андрианов пишет: «Многозначность языка не только затрудняет коммуникацию, но и потенциально содержит в себе созидательный (креативный) потенциал. Так многозначность, безусловно, связана с воображением, причем связана диалогически: одно предполагает и в какой-то мере обусловливает другое». И далее исследователь заключает: «Иначе говоря, многозначность порождает вариативность интерпретаций одного и того же события, а значит, и вариативность (девиантность) поведения»[5].

Существенный изъян дефинитивных тезисов символов состоит в том, что ему (символу) категорично придается всего один смысл, зачастую мало что объясняющий. В действительности любой и каждый символ многозначен, полисемантичен и полифункционален. «Крест, круг, звезду, – отмечает Е. В. Пчелов, – можно встретить во множестве культур и в разные исторические эпохи, но это отнюдь не означает, что их семантика везде была одинаковой»[6].

---

[1] *Бродский И.* О скорби и разуме: эссе / пер. с англ. СПб.: Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. С. 307. На с. 318 поэт отмечает: «Творческие способности – это то, что огромный берег замечает, когда песчинка уносится океаном».

[2] *Бродский И.* Три первые книги стихов: стихотворения, поэмы / пер. с англ. СПб.: Издательство АЗБУКА, 2025. С. 367.

[3] *Фоли Д.* Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече АСТ, 1996. 432 с.

[4] *Богданов С.* Регистр речи. Русский литературный язык чиновнику не подходит? // Литературная газета. 2025. 8–14 октября. С. 4.

[5] *Андрианов Н. В.* Воспроизводство права как проблема семиотики права // Знаково-символическое бытие права. 11-е Спиридоновские чтения: мат. междунар. науч.-теор. конф. / под ред. д. ю. н., проф. И. Л. Честнова. СПб.: ИВЭСЭП, 2013. С. 146. На с. 152 подчеркивается, что «любой образец поведения, рассматриваемый в качестве правовой нормы, находит свое выражение в языковой форме в виде первичной интерпретации».

[6] *Пчелов Е. В.* История России языком дворянских гербов. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 10.

Так или иначе, но юридическая символизация не только никогда не исчезнет, наоборот, сфера ее функционирования будет неуклонно расширяться, а формы и форматы существования станут все более разнообразными, разноплановыми, гибридными, полифункциональными.

Различные культуры мира (их точное число наука и практика вряд ли когда-нибудь подсчитают) невероятно широко и многопланово оперируют символами.

Однако и приведенных в перечне обозначений достаточно, чтобы убедиться в том, что:

а) предметом (объектом) символизации могут быть почти все феномены (явления) объективной и субъективной реальности;

б) одно и то же явление может иметь несколько символических форматов и их истинность либо ложность установить вряд ли возможно;

в) в каждом символическом обрамлении можно обнаружить юридический (регулятивный или влияющий) элемент, правовую составляющую (малую либо крупную), тонкие юридические оттенки;

г) символы «преобразуются» в сложнейшие и простые, красивые и не очень метафоры, аналогии, образы, аллегории.

Какие именно ценности отражают символы, выражающие столь разноплановые объекты – материальные, духовные, социальные, правовые? Может быть, некоторые символы выражают **комплекс разнопорядковых** ценностей? Как из них вычленить правовые ценности? Потребуются уж очень разумный и сильно очеловеченный искусственный интеллект и невероятно мощная компьютерная программа.

В филологии символы «квалифицируются» в качестве «**транскультурных»,** то есть **феноменов, способных находить вариации в различных культурных формациях**[1]. Не приходится сомневаться, что и юридически значимые символы могут носить транскультурный характер. Но пока, насколько мне известно, эта проблема не становилась предметом специального общенаучного анализа. Транскультурность юридически значимого символа относится не только к международно-правовой сфере. Это обнаруживается и в региональном законодательстве России. Например, подсолнух присутствует сразу на нескольких гербах российских городов, поселков, районов (Армавир; Доброполье (Донецкая область); Сальск; Заречный (Свердловская область); Ейский район (Краснодарский край); Урицкий район (Орловская область); Шимановский район (Амурская область); Ржанский район (Тамбовская область)), хотя их культурная идентичность далеко не одинакова.

Подсолнух «украшает» гербы Коммуны Орань (Франция), Коммуны Глен-Монтегю (Франция), Штата Канзас (США). И вряд ли это связано со знаменитой картиной французского художника Клода Моне «Подсолнухи» (написана в 1881 году). Не связано это и со знаменитым автопортретом 1633 года Антониса Ван Дейка, с натюрмортом «Подсолнухи» Винсента Ван Гога. Подсолнух как культурное явление получает разную оценку и различное изображение на гербах, разную степень распространенности. «Цветок солнца» является символом преданности вере и Иисусу Христу, олицетворяет верность и преданность дружбе, подчинение меценатам и заказчикам картин[2].

Раньше или позже, но юридической науке (да и практике) придется системно заняться выявлением юридически значимых символов, которые обладают **транскультурным статусом**. Это может подтвердить гипотезу о межнациональной, межкультурной адаптации юридически значимых символов, а также разгадать, расшифровать их природу.

Юридическая наука и практика далеко не всегда пытается проникнуть в процессы символизации в различных слоях культуры, особенно политической и религиозной.

Правоведы порой не улавливают символический подтекст тех или иных деяний, социальных движений. В этой связи две иллюстрации.

Первая иллюстрация. В Русской православной церкви появился относительно новый термин «субкультура целомудрия». Предлагается распространять символические кольца целомудрия и футболки с призывами к воздержанию. Речь идет о продвижении особых семейных ценностей. Идея создания «субкультуры целомудрия» возникла в Америке, где с 2010 года наблюдался бум «балов непорочности», когда девушки, одетые в белое, торжественно обещали своим отцам оставаться девственными до вступления в брак, избегать объятий и поцелуев. А отцы в свою очередь давали обет защищать невинность своих дочерей. «Кольца чистоты» с надписями типа «истинная любовь подождет» сначала были символическими и недопустимыми, но затем ювелирные компании приступили к авторским кольцам из драгоценных металлов. Более того, в США в это время действовала соответствующая государственная программа полового просвещения и ограниченного воздержания. Теперь эти программы по разным причинам «глохнут», но движение «живет».

Вторая иллюстрация. Символика белого цвета! Много написано о значении белого цвета в политической культуре Древнего Рима. Вспомним мирового уровня скандал после интервью папы Римского Франциска с призывом к Украине пойти на уступки с «белым флагом». Как будто многие забыли, что белый флаг не обязательно обозначает безоговорочную капитуляцию – часто это символ и сигнал движения парламентеров для переговоров.

---

[1] См.: *Маркова А. С.* Поэтика транскультурного символа: голубой цветок в немецкой, англоязычной и русской литературе: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2024. 30 с. На с. 10 автор отмечает: «Транскультурный символ – вид синкретического образа, который, пройдя формирование в национальной культуре, преодолевает ее границы, находя отклики в иных культурах, становится глобальным явлением».

[2] См.: *Никонова А. В.* Зачем художнику детали? Вишни, голуби, розы и другие символы. М.: Эксмо, 2025. С. 122–123.

Все эти нюансы символики цвета или популяризации субкультуры целомудрия имеют непосредственное отношение к политико-правовой действительности[1]. Государство с осторожностью, но может и должно определять свою позицию, обозначать свои приоритеты в этих деликатных и тонких процессах символизации.

Соглашаясь с осторожной оценкой академика РАН Т. Я. Хабриевой роли и возможностей природоподобных технологий в праве, отметим: в сфере юридической символизации их ресурсы весьма значительным, их стоит изучить и использовать. Как отмечает Т. Я. Хабриева, «оптимистичный и вместе с тем идеализированный прогноз состоит в том, что в перспективе коллаборация права и нейронауки может привести к построению и практической реализации модели права, адаптированной к природе человека и способу функционирования его мозга, основанной на влиянии на работу мозга на нейронном уровне, воздействии на волю человека (свободу воли), эмоции и мотивационные процессы»[2]. Юридически значимые символы играют особую и весьма мощную роль в природоподобных информационных технологиях, призванных влиять (воздействовать) на массовое и индивидуальное правосознание, общую культуру граждан и институтов гражданского общества.

Гуманитарная (в том числе юридическая) наука несвободна от некоторых ошибок, то есть неправильностей в действиях и мыслях. Одна из необъяснимых для меня ошибок следующая: двое известных ученых, докторов наук Новиковых – Александр Михайлович и Дмитрий Александрович – посвятили жизнь методологии. Своеобразным итогом их многолетних исследований явилось весьма ценное издание «Методология: словарь системы основных понятий». Они трактуют методологию как учение об организации деятельности[3].

Словарь содержит около 300 статей, раскрывающих содержание основных понятий методологии, но среди них нет категории «символ» и «символизация». Остается заключить, что авторитетные исследователи методологии не считают символы средством организации многих видов человеческой деятельности. По этой причине считаю возможным упрекнуть авторов очень полезного издания в том, что система основных понятий представленной ими методологии **неполна**. В данном контексте символ – **атрибут**, то есть одно из тех **существенных свойств**, без которого система понятий методологии существовать не может.

Нет упоминания о символе и в словаре «Философия права»[4].

Не все помнят, что поэт, драматург, критик, лауреат Нобелевской премии Томас Стернз Элиот (1888–1965) написал (но не защитил) диссертацию по философии, где, в частности, коснулся роли символов. Он считал: «Ни один символ, я настаиваю, не является просто символом, но неразрывен с тем, что он символизирует»[5]. И действительно, почему предмет (объект) символа оказывается в итоге «отраженным» так, а не иначе. Почему «побеждает» в результате один «образ», а не другой.

В философской литературе символические характеристики придаются таким объектам, которые для юриспруденции, правовой науки и практики являются неожиданными и даже чужеродными. Но это только на первый поверхностный взгляд – без междисциплинарного осмысления и попыток «привязать» необычный объект к символическому знанию, поместить его в символические правовые категориальные ряды. В этой связи одна иллюстрация. А. М. Душкин посвятил свою кандидатскую диссертацию сущности и базовым формам бытия патриотизма[6]. Раскрывая тему, он показал закрепление патриотизма в культурном символе, глубинное символическое поле патриотизма, символическое пространство смыслов патриотизма, проанализировал взаимодействие феномена патриотизма с символическими системами. Примечательны наименования некоторых параграфов диссертации – «Символическое бытие патриотизма», «Патриотизм в символической системе священного пространства».

В юриспруденции немало исследований, посвященных патриотизму, но его символические свойства обычно «остаются в тени». Полагаю, лучше всего эти свойства раскрыть при характеристике патриотизма как фундаментального трансдисциплинарного **принципа российского законодательства.**

В научной, публицистической и художественной литературе предложено много разных классификаций правовых символов и каждую градацию со временем упрекают в неполноте либо надуманности оснований группировки.

Считаю: более плодотворно с логико-гносеологической, организационно-управленческой, культурно-воспитательной позиций «вычленить», образовать одну особую группу под условным названием «**Нетипичные юридически значимые символы».** К этому разряду юридически значимых символов можно отнести все явно «выбивающиеся» из типовых традиционных символов феномены. Перечень их желательно оставить открытым и без формального требования непременно обозначить основание (критерий) подразделения. Предлагаемая особая типология юридически значимых символов не является «размежевательной» классификацией. Это своеобразная **векторная** градация, дополняющая картину системного многообразия юридически значимых символов.

---

[1] Подробнее см.: *Фаустова М. Г.* Сестрические кольца непорочности. В РПЦ популяризируют субкультуру целомудрия по американской модели // Независимая газета. 2024. 20 марта; *Мельников А.* Белый флаг капитуляции и белые одежды понтифика. Символический подтекст откровений папы Римского // Независимая газета. 2024. 20 марта.

[2] *Хабриева Т. Я.* Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021 № 12. С. 11.

[3] См.: *Новиков А. М., Новиков Д. А.* Методология: словарь системы основных понятий. М.: ЛЕНАНД, 2024. С. 4, 76–78.

[4] См.: Философия права. Словарь. 2-е изд. / под ред. В. Н. Жукова. М.: Мир философии, Алгоритм, 2021. 904 с.

[5] *Соловьев С.* Томас С. Элиот: Поэт Чистилища. М.: Молодая гвардия, 2024. С. 123.

[6] См.: *Душкин А. М.* Патриотизм: сущность, формы бытия, варианты трансформации: автореф. дис. … канд. филос. наук. Омск, 2023. 21 с. На с. 9 автореферата автор выделяет две базовые формы патриотизма: до и после его использования его государством; в первом случае патриотизм существует как феномен, который не познан, во втором – как понятие, осознанное и направляемое.

И действительно, для классификации юридически значимых символов можно избрать самые разные основания, «изобрести» экзотические критерии. Например, тексты гимнов государств можно классифицировать по количеству знаков, числу запятых, двоеточий, тире, высоте букв, по величине припевов. Надо ли это делать? Филологи могут заявить, что в этом есть некий смысл, но для юридической науки такая классификация бесполезна. Точно также любопытно, но не нужно с правовой точки зрения классифицировать флаги по доминирующим цветам, поскольку неважно: красный либо синий цвет преобладает на флаге того или иного государства.

Эту мою позицию не следует трактовать таким образом, что я вообще отрицаю значение цвета в юридически значимых символах.

Я, естественно, признаю: цвета, в которые оформляют символы (в том числе флаги), имеют мощное воздействие на чувства людей, содержат знания об определенного рода их (людей) представлениях.

Цвета юридически значимых символов должны быть запоминающимися, распознавательными. Последовательность размещения цветов на флагах также имеет значение, но все это лежит вне юридического поля, если отсутствует посягательство на них.

Например, опубликована любопытная статья о символическом значении конвоирования немецких военнопленных по Москве 17 июля 1944 года («Марш побежденных»)[1]. По улицам Москвы провели под конвоем 57 600 пленных немцев (в том числе 19 генералов). Какой это символ? К какому типу из известных классификаций его отнести?

В этом символическом акте отображены многие разноплановые и разнородные факторы – военное и моральное превосходство Советской армии над гитлеровскими войсками, идея справедливого возмездия нацистской Германии, вера в победу, символическое развенчание образа сверхчеловека и сверхнации. Это не просто яркое **символическое событие**: перед нами политическое деяние, демонстрация успехов на фронте, патриотическая акция, воспитательное мероприятие, информационное противостояние фашистской системе пропаганды.

Своеобразны картографические (особенно почвенные и географо-политические) символы, некоторые из которых отличаются сложностью по цвету и образу.

Полагаю, что к разряду нетипичных можно отнести и **религиозные символы**. Так, в шиитской религиозной традиции (в этом своеобразие и морально-психологическая нетипичность) поднятие красного флага над мечетью символизирует как несправедливо пролитую кровь, так и призыв отомстить за убитого человека.

Наполнение этой группы и ее «внутренней» градации правоведы могут провести совместно с теологами. Принципы, методологию, стиль исследования религиозных символов можно «почерпнуть» и взять в качестве образца в новейших диссертационных работах по теологии[2].

Даже в случаях ошибочного отнесения отдельных юридически значимых символов к разряду нетипичных в этом доктринальном факте надо видеть два важных положительных момента: а) «представительство» правовой символики значительно расширится (исследователи не станут избегать их фиксации при обнаружении сложной структуры); б) более точными, логически обоснованными, стройными будут выглядеть типовые классификации (за счет «освобождения» от дискуссионных символических феноменов). Привычных способов категоризации, очевидных оснований градации юридически значимых символов уже недостаточно – их необходимо поменять на более сложные критериальные феномены (явления).

Символы, имея и художественные элементы, оцениваются по красоте. И возникает вопрос, который активно и давно обсуждается в искусстве, но его, пожалуй, уместно поставить в юриспруденции… «Красота не всегда типична, и не все типичное прекрасно», – писал Валерий Брюсов[3]. Считаю, что юридически значимые символы могут отличаться красотой и при этом выступать как типичным, так и нетипичным феноменом.

Предложение о нетипичных юридически значимых символах лежит в другой плоскости, чем доктринальная позиция В. В. Кожевникова.

В. В. Кожевников относит правовые символы к **нетипичным нормативным построениям**. «Правовые символы, – отмечает исследователь, – создаваемые или санкционируемые государством условные образы, видимые или слышимые отличительные знаки, которым придается правовой смысл (государственный флаг, государственный гимн, государственный герб, сигналы светофора при регулировании дорожного движения, отдание чести, логотипы и т. д.)»[4].

Еще в 1991 году Ю. В. Блохин отнес символические предписания к **нетипичным** правовым установлениям. По его мнению, «содержание данных группы предписаний полностью или частично объективировано в форме искусственного знака (символа) – формулы, рисунки, географические карты, схемы. К числу других особенностей символических предписаний относится комбинированный способ их структурной организации, когда гипотеза и диспозиция относятся к различным знаковым системам (естественной и искусственной)»[5].

Символизм искусства и его воздействие на юридически значимую символику – вот тема, которая ждет своего исследователя. Без полномасштабного анализа линий взаимодействия этих двух феноменов

---

[1] См.: *Кузьминых А. Л.* «Марш побежденных»: подготовка, организация и символическое значение конвоирования немецких военнопленных по Москве 17 июля 1944 г. // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 118-124.

[2] См., например: *Пашков П. А.* Полемика о Символе веры на Ферраро-Флорентийском соборе: источники и принципы их использования: автореф. дис. … канд. теологии. М., 2024. 26 с.

[3] *Брюсов В.* Ключи тайн // **О закрой** свои бледные ноги: статьи о русском символизме. М.: Эксмо, 2024. С. 195.

[4] *Кожевников В. В.* Правотворчество и основы юридической техники: учебник: в 2 ч. Ч. 2. М.: Проспект, 2024. С. 146, 172.

[5] *Блохин Ю. В.* Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1991. С. 7.

проблемы юридически значимых символов будут оставаться незавершенным и бедным по содержанию **проектом**. Давайте зададимся вопросом: если символизм как крупное и влиятельное направление в искусстве зародилось в 1860 году во Франции и охватило почти все культуры мира, то сколько опубликовано работ сторонников и противников этого сложного течения? И сколько идей в них сконцентрировано, многие из которых могут и должны быть применены в юридически значимой символике при ее создании, изменении, анализе. Пока в юриспруденции делаются лишь «точечные», «локальные» обращения к символистам – поэтам и художникам. Хочу порекомендовать участникам форума (особенно начинающим исследователям) ознакомиться с прекрасно иллюстрированной книгой А. В. Никоновой «Зачем художнику детали? Вишни, голуби, розы и другие символы»[1]. Она структурирована как словарь, организованный по тематическим группам символов – животных, растениий, насекомых, природных явлений (ураганы, грозы). Автор самобытно раскрывает тайные значения символов. Например, журавля на картине Рафаэля. Или объясняет, почему да Винчи написал даму именно с горностаем. Работа содержит множество цветных иллюстраций из крупнейших музеев мира.

Символические системы, которые используют художники, позволяют им один и тот же предмет изображать через разноплановые знания, с отражением времени написания картины, личности заказчика, собственных пристрастий и фобий. «При этом ни одна деталь на картине не бывает случайной, все они складываются в единый символический узор, который составляет дополнительный, двойной или даже тайный смысл картины», – подчеркивает А.В. Никонова[2].

Особенно широко символы применяются в кино, литературе, живописи, музыке, архитектуре. И здесь один нюанс – в искусстве символы, как правило, сливаются с метафорой и смыслами, которые сложно уловить и тем более юридически интерпретировать. Например, при оценке содержания фильма якутского режиссера Дмитрия Давыдова «Граница» критик отмечает: «Во взаимоотношениях героев символично проглядывает навязчивое патриархальное наследие человечества, душащее даже самых отрешенных и отрешившихся от общества». А в конце рецензии отмечается, что возможно в фильме и нет второго дна и скрытых смыслов[3]. Пределы символизации в искусстве безразмерны, невероятно подвижны, а сами символы – многозначны. Юридической науке и практике для реального использования творческих наработок о сущности и формах символа в искусстве, естественно, потребуется алгоритм перехода к разумной формализации символического знания.

Нередко картины и стихи символистов отображают фантастические сюжеты, мистические грезы, нацеленные в далекое будущее и весьма далекие от реальности, обыденности[4]. Такого плана символы юристам также желательно изучать и, по возможности, осваивать, например, при анализе проблем правового прогнозирования и стратегического планирования.

Не продолжая рассуждения о символическом значении искусства, в частности, кино, трудностях постижения символических кинообразов, отмечу: организационно-управленческие нормативные правовые акты могут порой предоставлять новые знания в этой узкоспециальной сфере. Так, Федеральный закон Российской Федерации от 1 апреля 2022 года № 79-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»» дополнил ранее действовавшее законодательство сразу 5 развернутыми дефинициями. Законодатель определил художественный (игровой) фильм, научно-популярный фильм, анимационный фильм, уникальный авторский анимационный фильм, дебютный фильм[5]. Трактовка и раскрытие смысла юридически значимого символа в кино с момента вступления вышеприведенного закона в силу не могут вестись в отрыве от его жанра.

Так как в Форуме принимают участие студенты университетов и курсанты (слушатели) вузов МВД России (они носят погоны и обязаны быть лояльными государственной власти), прошу в выступлениях избегать излишне резких политических выпадов. Этот мой призыв, естественно, не касается доктринальной мотивированной критики, без которой немыслима ни одна дельная дискуссия.

В юридической литературе порой встречаются неосновательные, демагогические декларативные рассуждения о **«политике символов».** Например, С. А. Денисов, характеризуя доконституционные политические системы, позволяет себе без какой-либо аргументации следующие словесные штампы (клише): «государственная пропаганда ***старается заставить*** (курсив мой. – **В. Б.**) население страны уважать герб, знамя и гимн государства». И далее он заявляет: «Символы **объединяют** людей вокруг правителя, государственной идеологии, позволяют подданным гордится (именно так, без мягкого знака в тексте автора) своим государством, которое угнетает их. Чаще всего символы служат обману людей, заставляют их действовать в ущерб своим интересам»[6]. Перед нами образчик односторонней, субъективной, схоластической, деструктивной, алогичной, нечестной критики целей и значения юридически значимых символов. По этой причине представленные амбициозные и эпатирующие суждения С. А. Денисова далеки от науки.

Далее хочу втянуть Вас в один лично мне интересный политико-правовой и одновременно культурно-воспитательный острый вопрос. Профессор В. Б. Исаков будет презентовать Словарь правовых символов и

---

[1] *Никонова А. В.* Зачем художнику детали? Вишни, голуби, розы и другие символы. М.: Эксмо, 2025. С. 122–123. См. также: *Циммер Г.* Мифы и символы в индийской культуре / пер. с англ. М.: Академический проект, 2020. 194 с.

[2] *Никонова А. В.* Зачем художнику детали? Вишни, голуби, розы и другие символы. М.: Эксмо, 2025. С. 7.

[3] См.: *Григорьева Н.* На «Границе» бесы ходят хмуро. Дмитрий Давыдов снял этноужастик про превращение человека в зверя // Независимая газета. 2025. 30 июня.

[4] См.: *Николаев А. В.* Символизм. М.: Издательство АСТ, 2024. 160 с.

[5] Российская газета. 2022. 5 апреля.

[6] *Денисов С. А.* Конституционная политология (общая теория). Екатеринбург: в ред. авт., 2025. С. 138, 139.

знаков[1]. Словарь не содержит символы и эмблемы террористических и экстремистских организаций. Я не только как соавтор предлагал отвести им особое место в издании, но даже подобрал солидную по объему (да и содержанию) серию их[2]. В. Б. Исаков категорически отказался от моей затеи, мотивировав тем, что **не стоит политизировать** издание. Действительно, обнародование этих символов может повлечь их некоторую невольную популяризацию, распространение влияния на неустойчивую психику отдельных лиц.

Но сколь велика опасность? Я считаю, что «политическое замалчивание» символов террористических и экстремистских организаций – «уход от проблемы», уклонение от результативной борьбы с реально функционирующими деструктивными символами. Другое дело – как профессионально развенчать эту разрушительную символику, привлекающую и мобилизующую немало людей разных поколений из различных стран. Например, можно привлечь талантливых мастеров политической карикатуры (уровня Бориса Ефимова) и объявить конкурс на лучшее произведение, обличающее антигуманную, фашистскую суть символов некоторых подобного толка организаций. Качественная юридическая сатира настолько острая и многогранная, что вполне может выступить мощным идеолого-моральным стопорящим оружием в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Доктринальная толерантность (а если говорить прямо – беззубость) приводит к таким фактам, когда суд вынужден заниматься научными изданиями, содержащими сведения экстремистского характера. Имею в виду решение Московского городского суда о признании экстремистским материалом энциклопедического словаря «Ислам на Северном Кавказе»[3]. Кстати, издательство «Медина» оспаривает решение суда в апелляционном порядке, ссылается на научную апробацию «осужденной» информации. Речь идет о необходимости глубокой профессиональной экспертной оценки спорных текстов, а не о замалчивании дискуссионных проблем.

«В отношении деяния, связанного с пропагандой либо публичным демонстрированием, изготовлением или сбытом в целях пропаганды, либо приобретением в целях сбыта или пропаганды нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций» – этот фрагмент **5 раз** в «привязке» к разным процессуальным решениям «внедрен» в текст не очень объемного Федерального закона Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[4].

Законодатель, как видим, весьма серьезно относится к воздействию деструктивной символики, и гуманитарная наука призвана внести свою лепту в её развенчание.

Обращусь к иллюстрации иного плана. Историк А. В. Окороков издал книгу-определитель, отображающую историю символики русских эмигрантских организаций 1920–1990 годов[5]. Впервые приведены подлинные изображения и описания знаков, наград, жетонов, медалей многочисленных воинских, гражданских, молодежных и религиозных объединений русского зарубежья, сотен тысяч вынужденных эмигрантов.

Работа содержит не только описание символов, но и демонстрирует фотопортреты руководителей Белого движения, включая в том числе фото главы российской фашистской партии К. В. Родзаевского. Можно ли считать эту информацию оправданием деятельности идейных противников большевиков, пропагандой их образа жизни в разных частях света? Думаю – нет. Зато в работе показано величие русского духа, чаяния и надежды наших соотечественников, их патриотизм, стремление сохранить русскую культуру и традиции.

Рассуждая о проблемах цензуры художественных произведений в современной России, писатель Вячеслав Рыбаков верно подметил: «Изображение плохого и прославление плохого, возбуждение желания избавиться от плохого и возбуждение желания приобщиться к плохому – не одно и то же. Бороться надо с отвратительным явлением, а не с эмоционально заряженным художественным отображением того, насколько это явление отвратительно и как оно мешает людям жить»[6].

Осенью, в сентябре, падать должны листья, а **не стремление** к доктринальной дискуссии, **не любопытство** к познанию юридически значимой символики, **не мотивация** к неформальному общению маститых и молодых исследователей. Форум – средство профилактики осеннего сплина: для вашего вдохновения на завтраках, обедах и ужинах будут звучать отечественные и зарубежные музыкальные треки **о сентябре и осени**. Это **символический прием** для вовлечения каждого из вас в традиционные сентябрьские форумы. Пусть сентябрь ассоциируется у вас с Форумом в Нижнем Новгороде.

Желаю участникам Форума запоминающихся выступлений, ярких эмоционально-познавательных впечатлений, увлекательного и полезного неформального общения, творческого диалога юридических и иных интеллектуальных культур.

.

---

[1] *Баранов В. М., Исаков В. Б.* Словарь правовых символов и знаков. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. 317 с.

[2] Кстати, публикации символики террористических и экстремистских организаций имеются. См.: Террористические и экстремистские организации в РФ: методические материалы / авт. Р. А. Силантьев, С. А. Судьин, О. Ю. Стрекалова, Д. А. Шпилев. Н. Новгород, 2023. 215 с.

[3] См.: *Фаустова М.* Мусульманский словарь написан не по букве закона. Суд признал экстремистским издание под эгидой ДУМ РФ // Независимая газета. 2025. 20 августа.

[4] Российская газета. 2025. 9 января.

[5] См.: *Окороков А. В.* Знаки русской эмиграции (1920–1990). Венгрия: Collector's Book, 2005. 174 с.

[6] *Рыбаков В.* Румяный цензор наш. Изображение плохого и прославление плохого – не одно и то же // Литературная газета. 2025. 1–7 октября. С. 21.

Приветственное слово Председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию Сергея Владимировича Кабышева

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОСЬМОГО СОЗЫВА

КОМИТЕТ ПО НАУКЕ И ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ул. Охотный ряд, д. 1, Москва, 103265 Тел. 8(495)692-91-42 Факс 8(495)692-37-40 E-mail: shs@duma.gov.ru

25 марта 2025 г. № 35-23/132

Участникам и организаторам
XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)»

Уважаемые коллеги!

Вот уже двадцать седьмой раз нижегородский форум «Юртехнетика» собирает ученых и практиков, увлеченных проблемами юридической науки, неравнодушных к тому, как развивается российское право, ищущих пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

В этом году авторитетное собрание посвящено теме «Символы в праве (доктрина, практика, техника)». Проблема Символа, символического занимала величайшие умы человеческой цивилизации с древности, и, конечно, юриспруденция, как социальная наука, не может остаться в стороне от выявления глубинных связей символа и права. Изучая исторические правовые памятники, мы всегда сталкиваемся с насыщенностью символическим, поскольку человеческое общество достаточно давно осознало важность символа как коммуникативного инструмента, накладывающего множество культурных слоёв – доступности или таинства, упрощения или усложнения, передачи информации или сакрализации – предназначение Символа велико и многообразно. Особый интерес вызывает изучение символа с сопутствующими ему юридическими свойствами в современную эпоху, которая сочетает в себе обширный коммуникационный поток, и в то же время краткость, сжатость полилога человеческой

цивилизации нашего времени, что ставит сегодня новые задачи и перед законодателем.

Важнейшее место в теме правовой символики занимают символы нашего государства - Герб, Флаг и Гимн, отражающие суверенитет, государственную целостность, историческую преемственность Российской Федерации. Формирование уважения к ним является значимым направлением правового воспитания и неотъемлемым элементом гражданственности. Неслучайно система образования в нашей стране все больше внимания уделяет отношению подрастающего поколения к государственной символике. Не должна остаться в стороне и юридическая наука, перед которой стоит задача исследовать историко-правовые, философско-правовые, конституционные основания государственных символов России, символов субъектов Российской Федерации, символов муниципальных образований и отдельных государственных органов, раскрыть их конституирующую роль в структуре российского государства и в системе российской публичной власти.

Подключая все каналы восприятия (визуальный, аудиальный, кинестический), символы способны гораздо эффективнее воздействовать на сознание людей, чем правовые предписания, изложенные в традиционной текстовой форме. Отсюда и конкретная практическая значимость их исследования. Понимание того, как работают эти правовые средства позволяет максимально продуктивно использовать их регулятивный потенциал, передавать юридически значимую информацию не только на рациональном, но и на подсознательном уровне, формировать позитивное эмоциональное отношение к государственным институтам.

Специфика правовых символов обусловливает их применение в качестве инструментов непрямого влияния, доносящих до сознания людей значимые политико-правовые ценности. Но эти же свойства таят в себе и опасность, связанную с распространением информации, пропагандирующей экстремизм, национализм и другие «антиценности», противоречащие российскому праву.

Крайне актуально поэтому исследование правовых механизмов противодействия использованию и распространению запрещенной символики.

Все это подчеркивает своевременность выбора тематики форума, актуальный, животрепещущий характер поставленных перед его участниками задач, которые, не сомневаюсь, найдут отвечающее вызовам сегодняшнего дня решение.

С особенным чувством хочу отметить, что XXVII форум «Юртехнетика» посвящен 80-летию подвижника российской науки, основателя и президента Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника», заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, моего друга и старшего товарища Владимира Михайловича Баранова.

Для десятков учеников и последователей профессор Баранов и сам является символом неутомимого поиска истины, неиссякающего источника идей, движущей силы, задающей направления развития российского технико-юридического знания.

Желаю Владимиру Михайловичу здоровья, творческого долголетия, неиссякаемой энергии на службе российской юридической науке, а участникам форума - успешной и плодотворной научной работы!

Председатель Комитета
Государственной Думы
по науке и высшему образованию
заслуженный юрист Российской Федерации — С.В. Кабышев

Приветственное слово Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Татьяны Николаевны Москальковой

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации

Участникам
XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему:
«Символы в праве (доктрина, практика, техника)»

Уважаемые коллеги!

Приветствую Вас на XXVII Международном междисциплинарном научно-практическом форуме «Юртехника», который приурочен к 80-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Владимира Михайловича Баранова.

Будучи широко известным ученым-правоведом, посвятившим себя исследованию актуальных проблем теории, практики и техники правотворчества, логики права, истинности, ценности и эффективности юридических норм, Владимир Михайлович сам является символом науки, педагогики, общественной деятельности.

Подчеркивая актуальность сегодняшнего мероприятия, справедливо отметить, что на протяжении всей истории символы сопутствуют развитию права. Категория символа является ключевой для отражения действительности и ее научного осмысления, в связи с чем ни одна отрасль знания не обходится без этого понятия и выработки подходов к его пониманию.

Сегодня время ставит перед правовым сообществом новые организационные и профессиональные задачи. На повестке дня – актуальные проблемы осмысления категории символов в правовой науке, недостатков правового регулирования общественных отношений, связанных с установлением, использованием и защитой правовых символов, а также формирование предложений по их решению. И отрадно, что форум вносит большой вклад в решение этих задач.

Желаю всем участникам форума содержательных дискуссий и конструктивных решений!

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

С глубочайшим уважением и благодарностью

Т.Н. МОСКАЛЬКОВА

Приветственное слово председателя Геральдического совета при Президенте Российской Федерации – государственного герольдмейстера, заместителя генерального директора Государственного Эрмитажа по научной работе Георгия Вадимовича Вилинбахова

Участникам XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» «Символы в праве (доктрина, практика, техника)»

Уважаемые участники и слушатели XXVII форума «Юртехнетика»!

Рад приветствовать вас на масштабном научном проекте, посвященном символам в праве. Правовой аспект геральдики очень важен как с позиции построения ее научного фундамента, так и в практическом отношении. Вспомним, что геральдику очень часто рассматривают как триединство теоретической доктрины герботворчества, так называемой гербовой догматики, гербового художества и геральдического права.

Не могу не упомянуть и то, что одним из основателей теоретической геральдики является именно юрист – доктор права Бартоло да Сассоферрато, написавший в середине XIV века знаменитый трактат «О знаках и гербах».

Желаю современным юристам продолжить замечательные традиции изучения символов и знаков, гербов и флагов, наград и знамён, а всем участникам форума – успешной работы, плодотворных идей, творческих дискуссий!

24 сентября 2025 года С уважением

Председатель Геральдического совета при Президенте Российской Федерации – государственный герольдмейстер, заместитель генерального директора Государственного Эрмитажа по научной работе, доктор исторических наук, профессор

Г.В. Вилинбахов

Приветственное слово председателя Законодательного Собрания Нижегородской области Евгения Борисовича Люлина

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Участникам XXVII Международного научно-практического форума "Юртехнетика"

Уважаемые друзья!

От имени Законодательного Собрания Нижегородской области и себя лично приветствую организаторов, гостей и участников XXVII Международного научно-практического форума "Юртехнетика"!

Традиционно в форуме принимают участие сотни делегатов, ведущие правоведы со всей Российской Федерации и из-за рубежа. Звучат выступления выдающихся юристов, представителей научных школ, крупнейших образовательных и научных организаций, руководителей органов государственной власти.

В этом году форум посвящен 80-летию профессора В.М. Баранова и подытоживает многолетнюю работу научной школы под его руководством по всему спектру проблем юридической техники. Мы гордимся, что наш регион снова станет местом встречи ведущих ученых, занимающихся проблематикой технико-юридического оформления действующего законодательства и правовой базы.

Главной темой форума "Юртехнетика" в этот раз стали "Символы в праве (доктрина, практика, техника)". Символами наполнена вся наша жизнь, включая и право. Важно понять их природу и особенности, определить виды и функции, обосновать ценность символов в праве и выработать правила их использования. На дискуссию заявлены почти 190 научных, практических, дидактических вопросов.

Надеюсь, что насыщенная программа форума позволит участникам поделиться опытом и идеями, выявить проблемы и подводные камни и предложить эффективные решения.

Позвольте мне пожелать вам успешной плодотворной работы!

Председатель Собрания Е.Б. Люлин

Приветственное слово начальника Нижегородской академии МВД России, генерал-майора полиции Константина Анатольевича Плясова

Уважаемые коллеги, дорогие гости, участники конференции!

Рад приветствовать Вас на открытии ежегодного международного научно-практического форума «Юртехнетика».

Настоящее мероприятие, проводимое под очередным 27-м номером, совпало со знаменательным событием в жизни его ключевого организатора – Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Владимира Михайловича Баранова, недавно отметившего 80-летний юбилей. От себя лично и всего коллектива Нижегородской академии МВД России искренне поздравляю юбиляра и желаю ему крепкого здоровья и дальнейших успехов в профессиональной деятельности.

С чувством глубокого уважения свидетельствуем свое почтение столь представительному собранию ведущих ученых-правоведов различных научных школ; представителей судейского сообщества, правоохранительных органов, прокуратуры, адвокатуры и нотариата; практикующих юристов; законодателей из разных стран, а также молодых исследователей. Ваше присутствие здесь – не просто проявление профессионального интереса, а свидетельство нашей общей вовлеченности в изучение одного из самых комплексных и фундаментальных феноменов юриспруденции – символов в праве (доктрина, практика, техника).

Право с древнейших времен «говорит» с обществом на языке символов: молоток судьи; весы Фемиды; скрижали закона; государственный герб, – эти образы являются не просто артефактами или атрибутами. Они – концентрированное выражение власти, справедливости, порядка и легитимности. Они трансформируют абстрактные правовые принципы

в зримые, понятные всем образы, которые обладают огромной силой воздействия на сознание и поведение.

Именно такому многогранному феномену сегодня посвящен научный форум. Совместными усилиями нам предстоит исследовать функционирование символа во всех его измерениях:

в измерении ДОКТРИНЫ, где символы служат краеугольными камнями для построения правовых теорий, концепций и аксиом;

в измерении ПРАКТИКИ, где они непосредственно воплощаются в действительности, а символические ритуалы (такие как инаугурация, приведение к присяге) и атрибуты (например, мантия судьи) конструируют правовую реальность, укрепляют авторитет власти и обеспечивают неукоснительное исполнение закона;

и, наконец, в измерении ТЕХНИКИ, где символы материализуются в конкретных инструментах и текстах, в которых каждое слово, формулировка и даже знак препинания несут глубокий символический смысл. Также будет затронутановая реальность цифровой эпохи, в которой на смену традиционным символам приходят инновационные – электронная подпись, смарт-контракты и алгоритмы, которые становятся новым языком правового общения.

Уверен, что в ходе пленарного заседания, дискуссионных площадок и неформального общения получится не только обменяться богатым опытом и ценными научными наработками, но и наметить новые векторы для междисциплинарных исследований на стыке права, экономики, семиотики, философии и социологии.

Я искренне желаю всем участникам продуктивной и вдохновляющей работы, ярких и содержательных дискуссий, новых интересных знакомств и, конечно, открытий, которые обогатят общее понимание права как универсального языка и символа человеческой цивилизации.

Начальник Нижегородской академии МВД России
доктор юридических наук, доцент
генерал-майор полиции К.А. Плясов

Приветственное слово ректора Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского Олега Владимировича Трофимова

Приветственное слово ректора Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктора экономических наук, профессора О.В. Трофимова

Уважаемые организаторы и участники конференции!

От лица университета им. Н.И. Лобачевского я рад приветствовать вас на XXVII Международном научно-практическом форуме «Юртехнетика»!

Наш университет традиционно стремится к эффективной коллаборации с ведущими национальными и зарубежными научными школами и вузами. Нижегородская академия МВД России, наш Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского и Нижегородский исследовательский прикладной центр «Юридическая техника» вновь объединили усилия для осмысления актуальнейшей темы: «Символы в праве (доктрина, практика, техника)».

В этом году форум приурочен к 80-летию Владимира Михайловича Баранова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного юриста Нижегородской области, основателя и бессменного руководителя научной школы «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческого процесса России (история, теория, практика)». Отрадно, что профессор В. М. Баранов тесно сотрудничает с юридическим факультетом нашего университета, является членом одного из двух действующих на факультете диссертационных советов по юриспруденции.

Двадцать семь лет видные представители передовой правовой науки и юридической практики нашей страны и зарубежья собираются для научного осмысления проблем юридической техники, обмена передовыми идеями, поиска нового в правовой доктрине. Стабильная включенность в организацию дискуссионной площадки такого уровня позволила фундаментировать работу научной школы юридической техники, преумножить знание, провести масштабную апробацию кандидатских и докторских технико-юридических исследований, привлечь к изысканиям новых правоведов и молодое поколение исследователей. Традиционно выступать соучредителем этого крупнейшего специализированного юридического форума в России почетно, интересно и дальновидно.

Форум в этом году акцентирует внимание исследователей и представителей юридической практики на понятии символа в праве, концепциях символопонимания, обращается к проблемам осмысления символического пространства человеческой цивилизации через познание многозначности понятия «символ», контексты его исследования в юриспруденции, истории, философии, культурологии, политики, психологии и искусствоведении. Практика правового опосредования использования символов в жизни государства и социума требует выработки современных доктринальных подходов, генезиса креативных путей модернизации действующего законодательства. Символы в праве и традиционные российские духовно-нравственные ценности на современном этапе развития отечественной государственности приобретают особую значимость, их системное осмысление создает прочный фундамент для правоприменительной деятельности.

Хочу выразить уверенность, что обращение к проблематике эксперимента в правовом регулировании своевременно и необходимо в настоящее время и вызовет яркий интерес участников, внесет достойный вклад в поступательное развитие правовой науки, сохранение преемственности поколений правоведов, гармоничное сочетание общетеоретических, отраслевых и практических подходов.

Всем участникам XXVII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» желаю плодотворной работы, конструктивного диалога, смелости в экспериментах и совместного поиска решений острейших вопросов современной юридической науки и практики.

Успехов нам всем!

Ректор О.В. Трофимов

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

Овчинников Алексей Игоревич

иерей, проректор по научной работе Донской духовной семинарии, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ

Ovchinnikov Alexey Igorevich

Priest, Vice-rector for Research at the Don Theological Seminary, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University

E-mail: k_fp3@mail.ru

Церковная символика и правовые символы: единство, различие, взаимодействие

Church symbols and legal symbols: unity, difference, interaction

Аннотация. Автор показывает на примере символики, что религия и право тесно связаны между собой, и связь эта проявляется, в том числе, и в схожих функциях их символических форм. В статье предпринята попытка показать эту взаимосвязь в новом контексте: в основе любой сложной социальной системы лежит не только свод правил, но и язык символов, который делает эти правила понятными, сакрализует их и транслирует ключевые ценности. Правовая система и религиозная традиция, будучи символическими универсумами, цементируя общество, активно используют символы. Однако их взаимопроникновение оказало влияние на становление западного права и концепции прав человека.

Ключевые слова: церковные символы, правовые символы, правовая теология, правопонимание, философия права, правовая семиотика, правовое мышление, правосознание

Annotation. Using the example of symbolism, the author shows that religion and law are closely related, and this connection is manifested, among other things, in the similar functions of their symbolic forms. The article attempts to show this relationship in a new context: at the heart of any complex social system is not only a set of rules, but also a language of symbols that makes these rules understandable, sacralizes them and translates key values. The legal system and religious tradition, being symbolic universes, cementing society, actively use symbols. However, their interpenetration influenced the formation of Western law and the concept of human rights.

Keywords: Church symbols, legal symbols, legal theology, legal understanding, philosophy of law, legal semiotics, legal thinking, legal awareness

Для цитирования: Овчинников А.И. Церковная символика и правовые символы: единство, различие, взаимодействие // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 33–37.

Понятие символа является одним из самых сложных, многозначных и фундаментальных, одновременно, наиболее дискуссионных в системе социогуманитарного знания. Слишком разнообразные явления можно обозначить термином "символ". В узком, семиотическом, понимании символ - это знак, демонстрирующий связь между формой (означающим) и содержанием (означаемым), которая является произвольной и условной, основанной на договорённости (конвенции). Ключевые фигуры этого подхода: Фердинанд де Соссюр, Чарльз Сандерс Пирс (в его классификации знаков)[1]. В таком случае символ

[1] См.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с франц. яз. под ред. А. А. Холодовича; Ред. М. А. Оборина; Предисл. проф. Н. С. Чемоданова. — М.: Прогресс, 1977. — 696 с.; Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М: Логос, 2000. – 448 с.

отождествляется со знаком. Примером являются математические символы, знак интеграла или сложения. Их форма не вытекает из смысла, а принята по соглашению. Или дорожные знаки: красный треугольник означает «опасность» не потому, что красный цвет — это опасность, а потому, что так решили в правилах дорожного движения.

Существует и более широкое направление, философско-герменевтическое, в рамках которого символ является носителем многозначного смысла (Ганс-Георг Гадамер, Поль Рикер)[1]. Он не просто не просто обозначает, а делает присутствующей глубинную, часто невыразимую иначе реальность. Он многозначен (полисемантичен) и требует интерпретации. Его смысл нельзя исчерпать логическим определением. Например, Чаша Грааля: это не просто кубок. Она символизирует духовные поиски, божественную благодать, бессмертие и высшую цель. Или образ моря в культуре: может символизировать бессознательное, жизненный путь, свободу, неизвестность, вечное движение. Или Крест, парадоксально символизирующий мучительную смерть и победу над смертью, жертвенную любовь и жизненные скорби.

Помимо этих двух ракурсов символ может трактоваться и с позиции психологии, где символы — это язык бессознательного (индивидуального или коллективного, например, по Юнгу символы — это проявление архетипов коллективного бессознательного). Они являются формой преобразования и выражения скрытых психических энергий, архетипов и инстинктов[2]. Его учение о коллективном бессознательном и архетипах дает возможность проследить связь символов и правосознания. Благодаря этому становится очевидным, что право коренится не только в рациональных конструкциях и социальных договорах, но и в глубинных пластах психики, общих для всего человечества. Символы, порождаемые этими пластами, являются психологической основой, на которой формируются представления о справедливости, порядке, вине и наказании.

Ключевым термином для понимания сути юнгианского подхода к символам является коллективное бессознательное. В отличие от личного бессознательного, оно универсально и безлично, являясь врожденной, наследуемой частью психики. Содержанием коллективного бессознательного являются архетипы – первичные, фундаментальные образы и паттерны, которые не имеют собственного оформленного содержания, но являются структурными рамками, наполняемыми конкретным культурным и личным опытом. Именно архетипы лежат в основе мифологии, религии, искусства, правовых идей. Архетипы справедливости (Юстиция), порядка (Космос против Хаоса), тени (преступник, враг), Мудрый Старец (судья, законодатель), являются психологическим субстратом, из которого кристаллизуются правовые концепции. Правосознание, таким образом, – это не только усвоение писаных норм, но и пробуждение в индивидуальной психике этих изначальных, общечеловеческих образов.

С позиции Юнга правовые символы представляют собой именно символы, а не знаки. Они не просто обозначают правовые понятия, а являются живыми, энергетически заряженными посредниками, связывающими сознательный разум с архетипическими основами правосознания. Например, весы Фемиды – это не просто знак суда; это мощный символ архетипа Справедливости, выражающий глубинную человеческую потребность в равновесии, мере и балансе. Этот образ говорит с психикой на языке, который понятен бессознательному. Меч Фемиды – символ не просто наказания, а архетипической силы, способной отсечь зло (архетип Тени) и защитить порядок от хаоса. Мантия судьи – это символ, который не только обозначает статус, но и психологически трансформирует человека, наделяя его атрибутами архетипа Мудрого Старца, отстраненного от личных пристрастий и воплощающего безличный Закон.

Благодаря такому подходу возможно проследить символическое значение ритуалов и понять почему определенные правовые ритуалы и нормы обладают такой мощной психологической силой. Ритуал - это практический инструмент, позволяющий человеку "вернуться" в реальность которая не существует видимо. Например, в реальность справедливого мира. Ведь все правовые установления ранее воспринимались в качестве результата творчества богов. Первоисточники древнего права носили сакральный характер. Участвуя в ритуале, человек выходит из профанной действительности и возвращается к корням, истокам, к "великим временам" сакральных первоначал, к правде Божией. Поэтому символическое воспроизведение сакральных образцов обладало важным значением для правосознания. Юридически значимое действие или поступок (от заключения договора до судебного разбирательства) должны было соответствовать сакральному прообразу, чтобы быть действительным и эффективным.

Согласно религиозному мыслителю Мирча Элиаде, миф и ритуалы неразрывны: миф не просто рассказывается, он воспроизводится в ритуале. Правовые символы и ритуалы права, в таком случае, являются не условностями, а способами актуализации сакрального образца в профанном мире. Поэтому так важна судейская мантия или наличие герба в зале суда. Ритуальные жезлы, священные камни, тотемы, клятвы на реликвиях — все это были символы, являвшие собой «отголоски мифов», которые служили каналами проникновения сакральной силы и авторитета в ситуацию суда или заключения догово-

[1] Рикёр, П. Герменевтика. Этика. Политика. — М.: АО «КАМІ», Изд. центр «Academia», 1995. — 160 с. Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с

[2] См.: Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг; сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 297 с. Юнг, К. Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг, М.-Л. фон Франц и др.; под общ. ред. К. Г. Юнга. – М.: Медков С. Б., 2021. – 352 с.

ра. Поэтому судебный процесс или процедура примирения всегда строго ритуализированы, а право, восходя в своей первооснове к естественному праву, представляет собой сложную символическую систему, глубоко укорененную в мифологическом космосе и религии, получая легитимность не из земной власти, а из ноуменального мира.

Итак, учение Юнга об архетипах позволяет понять, что устойчивость и эффективность правовой системы зависят не только от качества законов, но и от их резонанса с коллективным бессознательным. Правосознание оказывается не просто совокупностью знаний о нормах, а живым, динамичным процессом, в котором культурно-исторические правовые формы взаимодействуют с изначальными, универсальными психическими структурами. Символы, имеющие правовое значение, – от Весов Фемиды до ритуала суда – являются тем языком, на котором это взаимодействие происходит. Понимание этого открывает новые горизонты для изучения легитимности права, правовой культуры и причин, по которым люди добровольно подчиняются закону или, напротив, восстают против него.

Символы религиозные и символы правовые выполняют общую функцию: обеспечивая реальную связь между земным (профанным) и божественным (сакральным) мирами. Через религиозный символ высшая сила Бога является человеку, через символ правовой высшая сила справедливости, правды, правосудия или иных не материальных правовых начал, вера в которые мотивирует бороться за них в суде. При этом религиозный символ участвует в том, что символизирует.

Подходы к пониманию символа в юридической науке.

В праве доминируют два взаимодополняющих подхода. Во-первых, это семиотико-функциональный подход, дающий узкое понимание, где правовой символ рассматривается, прежде всего, как разновидность юридического знака. Акцент делается на следующих характеристиках: формальная определённость (внешняя форма символа, изображение, цвет, предмет строго закреплены в нормативном правовом акте); однозначность (денотативность) (в отличие от многозначных культурных символов, правовой символ должен иметь чёткое, официально установленное значение); функциональность (символ существует не для эстетики, а для выполнения конкретных задач: идентификации, легитимации, свидетельствования, коммуникации). Пример: Государственный флаг. Его цвета и изображение строго регламентированы. Он однозначно идентифицирует государство и его органы. В таком прочтении обязательным элементом является и юридическая значимость: наличие или отсутствие символа влечёт правовые последствия (документ без печати недействителен; неуважение к гербу может быть правонарушением).

Во-вторых, это социокультурный и легитимирующий подход (широкое понимание). Такой подход рассматривает символы как инструменты формирования правосознания, легитимации власти и интеграции общества. Здесь символы понимаются ближе к философско-культурологической традиции. Например, они играют роль легитимации власти: правовые символы (корона, скипетр, мантия судьи) визуализируют власть, делают её зримой и авторитетной, связывают текущую власть с традицией и законностью, придавая ей вес и уважение.

Правовые символы несут еще и воспитательную и интегративную функции, так как сплачивают общество вокруг общих ценностей, формируют гражданскую идентичность и патриотизм. Церемония инаугурации президента — это символический акт, укрепляющий доверие к власти.

Даже сам текст закона можно рассматривать как символ. Принятие прогрессивного закона (например, о правах человека) может иметь огромное символическое значение, даже если его исполнение пока не идеально, — оно знаменует собой изменение курса и декларирует ценности государства. Но большинство юристов, мыслящих позитивистски, символы понимают, прежде всего, как формально-определённый, функциональный инструмент, наделённый властной силой. Однако его глубинная роль заключается в легитимации права и формировании правосознания, что сближает юридический подход с более широким, культурологическим взглядом на символ как на носитель социально значимых смыслов.

Церковные и правовые символы: исторический аспект

Право, как известно, в Древнем мире было неотделимо от религии. Постепенно шел процесс его отмежевания, что было весьма затруднительно. Первые настоящие правовые отношения и институты опирались полностью на религиозный символизм, так как право и мораль интегрированы в религиозное учение. Поэтому первоначально право (ius) не было сводом абстрактных норм, а представляло собой строгую систему сакральных ритуалов и формул.

Раннее римское право (ius civile) было доступно лишь жрецам-понтификам, которые хранили и толковали его, разрешали человеческие конфликты, опираясь на него. Сами юридические процедуры, например, заключение сделки в форме mancipatio, носили ритуальный характер и требовали присутствия свидетелей, произнесения строго установленных фраз, религиозно-юридических формул. Нарушение закона было не просто проступком против другого человека, а sacrilegium — осквернением, нарушением божественной гармонии (pax deorum), что могло навлечь гнев богов на всё общество.

Однако процесс размежевания сакрального и профанного начался еще в древности. Уже римляне разграничивали божественное право (ius divinum), регулирующее отношения с богами (жертвоприношения, деятельность жрецов), и человеческое право (ius humanum), регулирующее отношения между людьми. Но это разделение было функциональным, а не сущностным: оба проистекали из единого понятия справедливости и порядка. По мере усложнения римского общества, особенно в период Республики

и Империи, право начало эмансипироваться и отделяться от религии, соответственно правовой символизм отделялся от религиозного. Однако в своих истоках право так и не отказалось от религиозного символизма, черпая из последнего свою легитимность. Поэтому как первые светские кодификации, такие как Кодекс Юстиниана, были все еще церковно-государственными документами, черпая свою легитимность на божественном откровении, так и сегодня многие Конституции мира содержат отсылки к Богу. Право и сегодня нуждается в символах религии: Пресвятой Троицы, именем Божиим, клятвой на Библии и проч. символах святости и чистоты. Сакральная легитимность права не может не опираться на понятие Бога. Религия остается, как и в Средние века скрепляющей идеологией, а право — инструментом преобразования хаоса в порядок.

Если языческая религия была частью государственного порядка, то христианство предложило трансцендентный источник истины, стоящий выше любого земного закона. Теолог Фома Аквинский создал всеобъемлющую правовую теорию, которая суммировала средневековый взгляд на суть права. Речь идет об иерархии законов: Вечный Закон; Божественный Закон; Естественный Закон; Человеческий закон. При этом законодательство государств должно выводиться из естественного закона. Если человеческий закон противоречил естественному, он считался несправедливым и необязательным к соблюдению. На сегодняшний день идея естественного права, благодаря которой возникла категория права человека, символизирующая естественный закон, остается основным источником оценки позитивного права.

Повлияло ли право на религию? Тоже повлияло и весьма символически. Символ суда и искупления был использован для передачи смысла жертвы Христа, который искупил собой грехи человечества в целом и каждого человека. в частности. Это привело к юридизации западного христианства, о чем глубоко и обоснованно пишет в своей "Западной традиции права" Гарольд Берман[1]. Именно влияние права на религию стало своеобразной предпосылкой замены религиозной легитимности государственной власти на формально-рациональную или юридическую, как это показал Макс Вебер.

Проблема правовых символов имеет глубокий философско-правовой смысл и контекст. Символы представляют собой объективированный, неким образом оформленный, очерченный или явленный смысл, идею, конструируемую в сознании понимающего этот смысл. Юридическая семиотика, соответственно, может быть рассмотрена как раздел правовой герменевтики, так как для понимания смысла символов используется интерпретация. В таком случае. символами являются и языковые явления, и действия, и бездействие, в общем, любое проявление осмысленности человека. Само право представляет собой цельный смысловой "символический универсум" (Г.Гадамер), посвященный идее справедливого порядка. Язык права, его особенные термины, его формально-рациональная легитимность, его носители – полностью символизируют стремление к справедливому порядку.

Церковные и правовые символы: общее и особенное

Что же общего между церковными и правовыми символами? Каждый символ, хоть церковный, хоть правовой — это сакраментальная реальность, особая «онтологическая сфера», где может произойти «парадокс встречи между трансцендентным и имманентным»[2]. И церковный символ, и правовой символ имеют общее: оба указывают на реальность, расположенную вне их самих. У религии и права эта реальность незримая.

Символ, по Аверинцеву, это место встречи явленного образа и тайного смысла, иначе как символически невыразимого. К примеру, любые попытки рационального познания справедливости заканчиваются дискуссией о ее природе, типологии, формах выражения. Но суть ускользает постоянно. Однако символ справедливости – Фемида, вполне успешно транслирует ее сущность. Символ не отражает смысл, но дает возможность конструировать его в определенных границах. Как подчеркивает А.Ф.Лосев: "Символ вещи есть отражение вещи. Но отражение это есть смысловое отражение, а не просто физическое, физиологическое и т. д."[3]. В этом смысле – каждый символ является проводником в мир смыслов, который не существует вне субъекта мышления. Выражаясь языком Канта, в ноуменальный мир транслирует наше внимание каждый символ.

При этом, символ нельзя отождествлять со знаками. Знак проще, однозначнее. "Смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо «вжиться»…. смысл символа не существует в качестве некоей рациональной формулы, которую можно «вложить» в образ и затем извлечь из образа"[4]. Для конструирования смысла требуется "переживание", запускающее процесс психоэмоционального познания. Рациональное мышление включается уже на последующем этапе.

Важно иметь ввиду допустимость многозначности в интерпретации символа. Он может нести намного больше единого смысла. "Если для чисто утилитарной знаковой системы полисемия есть лишь

[1] См.: Берман Г.Д.: Западная традиция права: эпоха формирования. Перевод с английского ; Издание Автор: Берман Г.Д. Издательство: Изд-во МГУ Место издания: ; Москва. 1996.

[2] Аверинцев С. С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1962-1978. Т. 6. С. 826-831.

[3] Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. https://predanie.ru/book/219418-problema-simvola-i-realisticheskoe-iskusstvo/

[4] Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/174#source

бессодержательная помеха, вредящая рациональному функционированию знака, то символ тем содержательнее, чем более он многозначен: в конечном же счете содержание подлинного смысла через опосредующие смысловые сцепления всякий раз соотнесено с «самым главным» – с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого «универсума»"[1].

Итак, смысловая структура символа многослойна и рассчитана на активную внутреннюю, психоэмоциональную работу воспринимающего. Здесь максимум творческих задач и способностей мыслящего – каждое смыслопорождение представляет собой творческий акт. В отличие от символа знак не требует такого напряжения сознания. Поль Рикёр утверждает, что символ «дает мысль»: он содержит в себе избыточность смысла, которая провоцирует мысль на бесконечную работу по интерпретации.

Истолкование символа, как и любое иное истолкование, представляет собой диалогическую форму знания: смысл символа реально существует только внутри человеческого общения, внутри ситуации диалога с тем, кто вложил создал символ, вне которой можно наблюдать только пустую форму.

В западной философии неокантианец Э. Кассирер (1874–1945) сделал понятие символа предельно широким понятием человеческого мира. Его фундаментальный трехтомный труд «Философия символических форм» доказывает, что человек — это animal symbolism (символическое животное), а вся человеческая культура (язык, миф, религия, искусство, наука) — это совокупность различных символических систем, через которые мы конструируем и постигаем реальность: человек есть «животное символическое»; язык, миф, религия, искусство и наука суть «символические формы», посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос"[2]. Право – символическая система, позволяющая преодолевать хаос.

В этом контексте правовые символы напрямую проистекали из религиозных. Яркий пример - клятва на Библии. Процедура дачи свидетельских показаний или вступления в должность символически связывает правовую ответственность с религиозной, апеллируя к высшей, Божественной справедливости как гаранту истины.

Еще один пример – это символика справедливости. Например, римская богиня Юстиция (Фемида) с весами и мечом была доосмысленна христианской культурой. Меч стал означать не только силу закона, но и «меч духовный» (Еф. 6:17), а весы – не только взвешивание вины и невиновности, но и Божественный Суд, на котором взвешиваются души (идея, присутствующая в иконографии Страшного Суда).

Выводы. Общее между церковным и правовым символом состоит в том, что и правовой, и религиозный символ указывают на реальность, которая «находится вне их самих», отличительное — религиозный символ «соучаствует» в этой реальности, а правовой символ — нет. Учение Платона об идеях и их отражении в материальном мире заложило основу для понимания символа как моста между миром чувственным и умопостигаемым.

Общее еще и то, что, как пишет Г.Гадамер, всякий символ - это нечто, чье значение не исчерпывается очевидным смыслом и требует «вхождения в традицию» для своего истолкования. И для церкви, и для права, традиция толкования являются главным в деле осмысления символов.

И церковная, и правовая символика выполняют схожие функции. Во-первых, легитимация власти. Церковный крест, митра, посох символизируют власть духовную, исходящую от Бога. Скипетр, мантия судьи, герб государства символизируют власть светскую, которая в христианской традиции также считалась «богоустановленной» (ср. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога» – Рим. 13:1). Во-вторых, святость и чистоту помыслов: мантия судьи и монашеская мантия обе символизируют бесстрастие. В-третьих, коммуникация ценностей. Символы доносят сложные идеи до людей любого уровня образования. Икона или крест зримо воплощают идеи жертвы, искупления и любви. Весы Фемиды – идею справедливости, свиток закона или конституция – идею верховенства права. В-четвертых, консолидация сообщества. Общие символы создают чувство принадлежности. Для верующих – это крестное знамение, общая литургия. Для граждан – общий правовой кодекс, присяга на конституции, уважение к государственному флагу.

Церковный символ апеллирует к совести и моральному долгу (императив долженствования). Правовой символ аналогично, обращается к совести, но иногда подкрепляется силой принуждения государства (императив принуждения).

Однако несмотря на общие корни, между церковной и правовой символикой существует принципиальное различие. Цель церковной символики – спасение души, приведение человека к Богу (теоцентризм). Цель правовой символики – устроение справедливой жизни в обществе, поддержание порядка и защита интересов (антропоцентризм). Далее, авторитет церковного символа основан на вере и Божественном Откровении. Авторитет правового символа может быть основан на рациональном соглашении, общественном договоре и легитимной власти государства.

Церковная и правовая символика, имея общие исторические и ценностные корни, демонстрируют глубокое единство в основе своих ключевых идей – справедливости, власти, долга. Их основное различие возникает в результате секуляризации и лежит в сфере конечных целей.

---

[1] Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/sofija-logos-slovar/174#source

[2] Кассирер, Э. Философия символических форм: В 3 тт. / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.—СПб.: Университетская книга, 2002.

Мальцев Иван Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Maltsev Ivan Vladimirovich

candidate of legal sciences, associate professor of the Department of theory and history of state and law of the Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: ivan_maltsev@mail.ru

Символы в праве: междисциплинарные, общетеоретические и отраслевые аспекты

Symbols in law: interdisciplinary, general theoretical and sectoral aspects

Аннотация. В статье анализируются многомерность и мультинаучный характер символико-знаковой проблематики, разработка которой не отличается однородностью и в исследованиях правоведов. В целях уточнения методологических критериев, позволяющих разграничить нетождественные подходы к исследованию символических феноменов в праве, предложено обратиться к совокупности антитез, определяющих вектор того или иного учения, среди которых выделены: «прошлое – настоящее/будущее», «вербальное – невербальное», «однозначность – многозначность», «целевые установки – универсальность».

Ключевые слова: символ, знак, герб, правовой символ, юридический знак, символическая юриспруденция, методология исследования символов, юридическая техника, геральдика

Annotation. The article analyzes the multidimensionality and the multiscientific nature of symbolic and sign-based issues, the development of which is not uniform even in legal studies. To clarify methodological criteria for distinguishing between diverse approaches to the study of symbolic phenomena in law, it is proposed to refer to a set of antitheses that define the vector of a particular doctrine, including: “past – present/future”, “verbal – non-verbal”, “unambiguity –polysemy”, “target orientations – universality”.

Keywords: symbol, sign, coat of arms, legal symbol, juridical sign, symbolic jurisprudence, methodology of symbol research, juridical technique, heraldry

Для цитирования: Мальцев И. В. Символы в праве: междисциплинарные, общетеоретические и отраслевые аспекты // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 38–41.

Обращение к символическим феноменам является весьма популярным в социальной практике, культурной коммуникации, научных работах. Анализ тематики диссертаций, посвященных «символам», «символике», «символическому» и т.д., выполненных в России с начала XXI века, подтверждает, что в спектр исследований вовлечены практически все научные отрасли, по которым присуждаются ученые степени, включая юридические науки. Иной раз такая мультинаучность заставляет задуматься: какая сторона «символического» изучается в данный момент? Приведем лишь один пример защищенной совсем недавно докторской диссертации на тему «Символизм музыкального искусства как средство социального познания в межкультурной коммуникации» и предложим читателю угадать отрасль науки или научную специальность. Философия, культурология, искусствоведение, социология? Нет, речь об ученой степени доктора психологических наук по специальности «Социальная психология, политическая и экономическая психология»[1].

Очевидно, что каждая отрасль знания выработала свои собственные, зачастую совсем не совпадающие подходы к пониманию категории символа. Например, символ в лингвистике и символ в философии, символ у Пирса и символ у Гегеля, символ в науке и символ в искусстве – совсем разные явления.

[1] См.: *Звонова Е. В.* Символизм музыкального искусства как средство социального познания в межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2024. 461 с.

Последнюю упомянутую пару С.С. Аверинцев даже привел в Большой Советской Энциклопедии, где статья «Символ» не имеет единого общего знаменателя: о понятии говорится с позиции науки (логики, математики и др.), где оно отождествляется со знаком, и с позиции искусства как об универсальной эстетической категории, раскрывающейся через сопоставление со смежными категориями художественного образа, с одной стороны, знака и аллегории – с другой[1].

Что говорить, даже этимологические границы древнегреческого по происхождению слова «символ» весьма неопределенны. Например, в Большом словаре греческого языка Г. Дж. Лиддела и Р. Скотта выделяются шесть его значений: «σημάδι» (знак, отметка); «τεκμήριο» (предположение); «υποθήκη», «ενέχυρο» (залог); «μισά» (половинки); отдельно упоминаются религиозное значение термина («το Σύμβολον της Πίστεως», т.е. Символ веры)[2].

Поэтому не случайно, что и в словарной литературе встречаются попытки нетождественного толкования понятия «символ» с учетом сложившейся практики его использования в отраслевых науках[3], а Ю.М. Лотман выразительно отметил, что «даже если мы не знаем, что такое символ, каждая система знает, что такое “ее символ”»[4].

Закономерно встает вопрос: а знает ли правоведение, что такое «его символ», соответственно, какие предметные грани должны быть положены в основу специализированных юридических исследований? Но даже при первом приближении к данной проблематике становится очевидно, что в правоведении, как и в масштабах всего научного знания, унифицированного понимания категория символа не получила. Как не тождественен символ у Пирса и у Гегеля, так не тождественен и символ в праве, скажем, у Колмыкова и у Вопленко. Другое дело, что методологические критерии, позволяющие разграничить нетождественные подходы к исследованию символических феноменов, у правоведов только начинают шлифоваться.

На наш взгляд, выделение таких критериев является одной из главных задач как при обращении к существующим позициям, так и при генерации новых учений о символах в праве. С долей образной условности предложим исследователю представить себя за микшерным пультом с целью синтеза собственных (или, при необходимости, декомпозиции существующих) теорий о символических феноменах. В качестве полярных значений для «фейдеров» – ползунковых регуляторов на таком воображаемом пульте – предлагается использовать набор антитез, определяющих вектор того или иного учения. Соответственно, выбор системы «фейдеров», позиции каждого «фейдера» и сочетание таких позиций на микшере в целом определит собственное «звучание» того или иного подхода.

«Прошлое – настоящее/будущее»

Крайнее положение «фейдера» на «прошлом», то есть историко-юридическое понимание правовых символов ограничивает сферу соответствующих научных исследований вопросами развития формы права, где понятие «символ» в значительной степени соотносится с понятием «обычай». Символами здесь могут быть названы предметы быта, одежды, части тела, домашний скот и т.д. Например, в хрестоматийной работе Я. Гримма находим следующие примеры символов: земля, трава; стебель; ветка; палка; рука и палец; ноги; рот и нос; ухо; борода и волосы; шляпа; перчатка; башмак; пояс; пола; плащ; знамя; стрела; молот; копье; меч; нож; веретено; ножницы; крест; щепка (лучина); дверь; ключ; кольцо; монета; камень; нить; веревка; повозка; плуг; стул и стол; вода; вино; кровь; огонь; пучок соломы; ухват (Andelang)[5].

Понятно, что за пределами исторического контекста категория таких «символов» уже утрачивает первоначальную «юридическую поэзию», но неизменно востребована в работах по истории права, юридической этнографии[6].

Выход на постановку и решение современных юридических вопросов категория символа получает, например, в рамках технико-юридического подхода. Для современной отечественной исследовательской традиции во многом определяющей здесь стала статья Н.Н. Вопленко[7], где ученый отводит символам роль специфического вспомогательного средства правового регулирования, позволяющего в предельно краткой условной форме выразить необходимую информацию о юридических особенностях ситуации. Данная позиция, поддержанная многими исследователями[8], обусловила смещение акцента на решение

---

[1] *Аверинцев С. С.* Символ // Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 23. М.: Советская Энциклопедия, 1976. С. 385.

[2] *Liddell H. G., Scott R.* Επιτομή του μεγάλου λεξικού της ελληνικής γλώσσης. Αθήνα: Εκδοσεισ Πελεκανοσ, 2007. Σ. 1217.

[3] См., например: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель, АСТ, 2003. С. 1206.

[4] *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров // *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 240.

[5] *Grimm J.* Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen: In der Dieterichschen Buchhandlung, 1828. S. 109–207.

[6] См., например: *Георгиевский Э. В.* Символизм древнерусского уголовного права // Право и политика. 2013. № 2. С. 238–248; *Глушаков А. Ю.* Символизм права средних веков // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 3 (57). С. 9–22; *Харузин М. Н.* Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда, Вятской губ[ернии] // Юридический вестник. 1883. № 2. С. 257–291.

[7] *Вопленко Н. Н.* Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 71–73.

[8] См., например: *Давыдова М. Л.* Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 56–63; *Никитин А. В.* Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы

с помощью символов актуальных проблем информационной перенасыщенности в юридической сфере. Нельзя, однако, не отметить, что большинство объектов, рассматриваемых здесь в качестве «символов», часто представляют собой знаки с единичным зафиксированным смыслом.

«Вербальное – невербальное»

Оговоримся сразу, что для исследователя с базовым филологическим образованием такой «фейдер» в отношении понятия «символ», скорее всего, будет выглядеть как минимум странно, ведь любое слово с точки зрения семиотики уже является символом, произвольно выбранным и конвенционально устойчивым представителем некого иного предмета или явления. Та же роль и то же определение через «символ» могут быть и у невербальных объектов.

Однако можно предположить, что за пределами фундаментальной филологии существование данной антитезы имеет свое значение, в том числе для специальной проработки невербальных коммуникаций в рамках отдельных исследовательских традиций или целых дисциплин, например, геральдики. Как известно, символы здесь в какой-то мере противопоставляются словам, хотя и сосуществуют с ними. Классический герб должен выразить все заложенные идеи без слов (девизные ленты в геральдике – особый необязательный элемент). Да и у юристов, начиная с первых опытов обращения к символам в праве, с таким водоразделом также можно встретиться. Например, И.Т. Гофман, автор одной из ранних диссертаций о *символической юриспруденции* (Йена, 1726), отмечал, что «выражение, а равным образом задача любой юриспруденции являет собой коммуникацию, следовательно, нуждается или в словах, или в знаках» («quævis jurisprudentiæ species mutual opus habet communicatione, ergo vel verbis eget vel signis»)[1].

«Однозначность – многозначность»

На наш взгляд, «фейдер» многозначности является одним из самых принципиальных, если предпринимается попытка разграничить символы и знаки (очень часто в научных работах отмечается многозначность первых и однозначность вторых). Например, В.С. Мартьянов указывает, что «символ неизменно связан с поливалентностью смысла. Знак – это носитель любого фиксированного смысла. Символ потенциально заключает в себе множественные смыслы»[2]; Ю.П. Тен отмечает, что «главное различие между знаком и символом – это стремление первого к однозначности, второго же – к многозначности»[3]; по замечанию М. Томберга, символу не свойственна однозначность: «однозначный символ называется, например, знаком и символом больше как раз не является»[4].

Для правовых исследований такое разделение имеет особое значение, поскольку в конечном счете подводит к вопросу о целесообразности использования категории символов в (современном) праве вообще. Если вслед за Н.Н. Вопленко предположить, что ценность символов для права сводится лишь к точному, лаконичному и оперативному доведению до субъектов правовых предписаний в условной форме, нужно признать, что мы имеем дело со знаками, обладающими единственным смыслом. Разумеется, такая трактовка ничего «не отнимет», скажем, у дорожных знаков или жестов регулировщика (положение «фейдера» здесь всегда будет переведено в крайнее положение «однозначности»), но, по нашему мнению, лишит важнейших смысловых и сущностных компонентов те же гербы, флаги и гимны (здесь наш воображаемый контроллер может занимать разные положения).

Думается, что в случае с символами своеобразному «кодированию» подлежат и иные семантические пласты, выходящие за пределы сугубо внешнего обозначения, которые также могут иметь юридическое значение и правовую ценность. Так, гербы, флаги и гимны способны служить не только визуальными идентификаторами своих носителей, но и выражать пространство их внутренней идентичности, нести информацию об исторической основе, идеологических максимах, целевых ориентирах. Как замечает М. Пастуро, «изображение как на печати, так и на гербе говорит не только о личности и социальном статусе ее обладателя, но также – за счет выбора того или иного рисунка, той или иной легенды – о его индивидуальности, его стремлениях, его притязаниях. В этом смысле оно одновременно является и эмблемой, и символом»[5]. Существуют и позиции, «дезавуирующие» попытки поиска в рассматриваемых символах какого-либо особого смыслового содержания. Например, по мнению геральдиста М.Ю. Медведева, «основная функция герба состоит в указании на хозяина, а не на некие абстрактные вещи. Поэтому на самом деле, что именно обозначает двуглавие российского орла – абсолютно неважно. Двуглавый

юридической техники: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород: [б. и.], 2000. С. 440–450; *Шарно О. И.* Правовые символы как средства правоприменительной техники: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. 181 с.

[1] *Hoffmann J. T.* Dissertatio Jvridica De Jurisprudentia Symbolica. Ienæ: Litteris Mvllerianis, 1726. [P. III].

[2] *Мартьянов В. С.* Знак и символ как конкурирующие структуры политического дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 114.

[3] *Тен Ю. П.* Символы России и зарубежных государств. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. С. 28.

[4] *Tomberg M.* Studien zur Bedeutung des Symbolbegriffs: Platon, Aristoteles, Kant, Schelling, Cassirer, Mead, Ricœur. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2001. S. 9.

[5] *Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья. СПб.: Александрия, 2017. С. 238.

российский орел обозначает Россию – вот и все. Дальше мы можем вычитывать любые смыслы, близкие нашему пониманию контекста»[1].

«Целевые установки – универсальность»

Проблему терминологической «чистоты» понятия «символ» применительно к вопросам правовой науки, на наш взгляд, осложняет и его мощный риторический потенциал (возможно, ставший залогом особой популярности термина), обусловивший, во-первых, использование его как родового понятия в наименованиях научных работ и их разделов, а также различных мероприятий, содержание которых может касаться большей частью смежных знаковых категорий (сам термин «знак» почему-то востребован в этом отношении гораздо меньше[2]), а во-вторых, его отвлеченное, контекстное использование, основанное на целевых установках автора, нередко вне рамок предметного исследования.

В научной литературе можно встретить множество примеров такого характера: В.Д. Зорькин называет символом правовой идентичности нации Конституцию[3]; И.А. Исаев отмечает, что «кодекс – это выражение формалистической техники, символ системности и антагонист любой фрагментарности; это искусственно созданный абсолют права, символ и конструкт одновременно»[4]; по мнению Л.Ю. Черняк, «если рассматривать суверенитет государства в широком смысле этого слова (как особым образом организованного общества), то он выступает как “правовой символ” существования государства»[5]; Р.А. Ромашов указывает, что «само государство может рассматриваться как символ, олицетворяющий переход человечества от варварства (первобытно-общинного строя) к цивилизации»[6], а М.Л. Давыдова допускает, что и право может рассматриваться «в качестве особого *социального символа метаюридического плана*»[7].

Очевидно, что отдаление соответствующего «фейдера» от «целевых установок» позволило бы, в случае такой потребности, минимизировать количество риторически окрашенных выводов, актуальных только в конкретном контексте, адекватно встроить в общетеоретический дискурс отраслевые исследования[8] либо переключиться в другую предметную область (например, философии права). Разговор о символах с позиции «универсальности» даже в пространстве правоведения остается дискуссионной задачей, как и выборка объектов, которым сущность символа свойственна вне зависимости от избранных допущений и которые устойчиво определяются через данное родовое понятие с учетом формально-логических правил в словарно-энциклопедической, научной литературе и нормативных правовых актах[9].

---

[1] *Усыскин Л.* Геральдика – это искусство контекста. Интервью с М.Ю. Медведевым. URL: https://geraldika.ru/article/32256 (дата обращения: 31.10.2025).

[2] Трудов, в наименованиях которых авторы выходят на обобщающее понятие «знаки в праве» или «юридические знаки», совсем немного, поэтому приведем для примера дореволюционную статью: *Ефименко П. С.* Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Декабрь. Ч. CLXXVI. Отд. 2. С. 271–293. Большинство современных отечественных правоведов, по-видимому, предпочитает термин «символы».

[3] См.: *Зорькин В. Д.* Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 1.

[4] *Исаев И. А.* Политика и поэтика: романтический вызов // Lex Russica. 2014. № 10. С. 1159.

[5] *Черняк Л. Ю.* Общетеоретические проблемы государственного суверенитета: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 13.

[6] *Ромашов Р. А.* Понятия «закон» и «конституция»: определение места в смысловой символике государства // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 1. С. 141.

[7] Подробнее см.: Юридическая техника. Juridical Techniques: учебник / под ред. В. М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. С. 247.

[8] См., например: *Опрятов В. И.* Геральдика и вексиллология как науки о государственных символах и их соотношение с конституционным правом // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 2. С. 177–180; *Гончарова Н. С.* Символы в российском уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 206 с.

[9] Подробнее см.: *Мальцев И. В.* Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2022. 256 с.

Гамбарян Артур Сиреканович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского университета (Республика Армения)

Gambaryan Artur Sirekanovich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the Russian-Armenian University (Republic of Armenia)

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Закрытые законодательные перечни как символы правового запрета

Exhaustive Legislative Lists as Symbols of Legal Prohibition

Аннотация. Статья посвящена исследованию закрытых законодательных перечней не только как технико-юридического приема, но и как особого вида правового символа, выражающего запрет. Ключевой тезис заключается в том, что такой перечень, несмотря на отсутствие прямого запрета, создает его символически через правило толкования expressio unius est exclusio alterius (включение одного означает исключение другого). Это порождает правовую презумпцию: невключение элемента в закрытый список рассматривается как сознательное молчание законодателя, намеренно исключившего его из правового регулирования.

Центральной проблемой статьи является разграничение законодательного пробела, вызванного ошибкой (упущением), и пробела, являющегося результатом сознательного молчания. Автор критикует узкое понимание пробела только как упущения и предлагает рассматривать его как родовое понятие, включающее оба вида. Это разграничение имеет практическое значение: пробел из-за упущения может быть восполнен с помощью аналогии права (extra legem), тогда как преодоление сознательного молчания требует применения доктрины развития права contra legem (вопреки закону). В заключение утверждается, что для закрытых перечней действует особая презумпция сознательного молчания, которая, однако, может быть опровергнута, что открывает возможность для судебного дополнения перечня в случаях вопиющей несправедливости[1].

Ключевые слова: закрытый законодательный перечень, правовой символ, правовой запрет, законодательный пробел, упущение законодателя, сознательное молчание законодателя, толкование права, expressio unius, аналогия права, contra legem

Annotation. This article examines exhaustive (closed) legislative lists not only as a technical legal tool but also as a special kind of legal symbol expressing a prohibition. The key thesis is that such a list, despite the absence of an explicit prohibition, creates one symbolically through the interpretative rule of expressio unius est exclusio alterius (the expression of one thing excludes others). This gives rise to a legal presumption: the omission of an element from a closed list is considered the legislature's conscious silence, intentionally excluding it from legal regulation.

The central problem addressed is distinguishing between a legislative gap caused by an error (omission) and a gap resulting from the legislature's conscious silence. The author critiques the narrow understanding of a gap solely as an omission and proposes viewing it as a broad concept encompassing both types. This distinction has practical significance: a gap due to an omission can be filled using the doctrine of extra legem development (analogy of law), whereas overcoming conscious silence requires applying the doctrine of contra legem development (against the law). In conclusion, it is argued that for exhaustive lists, a special presumption of conscious silence applies, which, however, can be rebutted, opening the possibility for judicial supplementation of the list in cases of egregious injustice.

Keywords: exhaustive legislative list, legal symbol, legal prohibition, legislative gap, legislative omission, conscious silence of the legislature, legal interpretation, expressio unius, analogy of law, contra legem

Для цитирования: Гамбарян А.С. Закрытые законодательные перечни как символы правового запрета // Юридическая техника. – 2026. – № 20. Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 42–45.

Среди философов и лингвистов не сформировался более или менее признанный подход к восприятию понятия «символ». Российские ученые также провели объемные работы в направлении изучения

[1] *Текст доклада переведён на русский с использованием ИИ-платформы "DeepSeek".*

правовых символов[1], однако до сих пор не имеется общепринятого подхода относительно форм выражения правовых символов, соотношения символа, знака и изображения. Считается, что правовые символы являются нетипичными и вспомогательными нормативными регуляторами, которые могут иметь разнообразные формы выражения: предметные символы; символы-действия; изобразительные символы; звуковые символы; световые символы; языковые или словесные символы (письменные и устные).

Закрытый перечень технически завершается точкой, поставленной непосредственно после последнего из перечисляемых элементов, из чего следует, что перечисление является исчерпывающим, и правоприменитель, как правило, не может добавить другие элементы в этот список[2].

Если взять за основу классификацию символов, данную М.Л. Давыдовой[3], то закрытый законодательный перечень можно считать статичным письменным словесным символом, из которого вытекает правовой запрет на совершение каких-либо юридических операций с элементами, не включенными в перечень. Фактически, в конструкции закрытых законодательных перечней прямо (эксплицитно) сформулированный запрет отсутствует, однако, основываясь на правиле толкования «*Expressio unius est exclusio alterius*» («выражение одной вещи исключает другие вещи»), следует вывод о том, что законодатель косвенно запрещает совершение юридических операций с элементами, не включенными в закрытый перечень. Запрет на совершение юридических операций с элементами, не включенными в закрытый список, не является фактом: в реальности такой запрет не предусмотрен, просто из-за того, что список закрыт, предполагается, что законодатель установил такой запрет.

Возможны ли в закрытых законодательных перечнях законодательные упущения, обусловленные законодательной ошибкой, или же законодатель, закрыв перечень, сознательно исключил совершение юридических операций с элементами, не включенными в перечень? Можно ли утверждать, что в случае с закрытыми перечнями всегда присутствует сознательное молчание законодателя?

В контексте поднятого вопроса поневоле необходимо обратиться к разъяснению понятий «законодательный пробел», «законодательное упущение» и «сознательное (преднамеренное) молчание законодателя».

Отсутствие правовой нормы может иметь две причины: упущение (ошибка) законодателя и сознательное молчание законодателя, которое В. В. Лазарев еще годы назад назвал квалифицированным молчанием[4]. В российской доктрине законодательный пробел понимается в узком смысле – как следствие законодательной ошибки, что отличает его от сознательного молчания законодателя[5]. Сторонником разграничения законодательного пробела и сознательного молчания законодателя является также уважаемый В.М. Баранов[6].

Разграничение упущения законодателя и сознательного молчания законодателя является аксиоматической истиной, о чем свидетельствует и то, что Аристотель еще тысячелетия назад также четко разграничивал обсуждаемые явления, просто описав их терминами «добровольный пробел (недостаток)» и «пробел (недостаток) вопреки воле законодателя». Так, в «Риторике» Аристотель отмечает и более конкретные причины пробелов:

«Подобные недостатки писаного закона допускаются законодателями иногда добровольно, а иногда и против воли: против воли, когда [недостатки закона] ускользают от их внимания, добровольно, когда они не могут дать никакого предписания относительно данного случая, потому что их определения должны отличаться характером всеобщности, а данный случай касается не того, что бывает всегда, но того, что случается по большей части. То же можно сказать о случаях, относительно которых трудно давать какие-нибудь указания вследствие их беспредельности, так, например, запрещая наносить раны

---

[1] Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5, Никитин А.В. Правовые символы: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999, Кругликов Л.Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005; Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2, Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014, Мальцев И. В. Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании. М.: Изд. Норма : Инфра-М, 2022 и. д.

[2] См.: Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г. Закрытые законодательные перечни (доктрина, техника и правоприменительная практика). М.: Изд. Юрлитинформ. 2025.

[3] Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 60.

[4] Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Изд. Юрид. лит., 1974. С. 15-16.

[5] Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Изд. НОРМА—ИНФРА • М, 1999. С. 489, Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Изд. Юстицинформ, 2002. С. 287, Демин А. В. Квалифицированное молчание закона в механизме налогово-правового регулирования // Закон. 2012. № 2. С. 129-138, Гамбарян А. С. Правовые режимы молчания и фиктивных выводов, вытекающих из него // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 21, Молчание в праве (доктрина, практика и техника): монография. Под ред. А. С. Гамбаряна. М.: Изд. Юрлитинформ. 2021. С. 87.

[6] Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75-78.

железом, трудно определить, какой длины и какое именно железо имеет в виду, это запрещение: жизни человеческой не хватило бы для этого перечисления»[1].

На самом деле, законодательный пробел не следует сужать и отождествлять его с упущением законодателя, поскольку законодательный пробел — это негативный факт, выражающийся в отсутствии правовой нормы. Другой вопрос – каковы причины возникновения этого негативного факта «законодательный пробел»: упущение законодателя или сознательное молчание законодателя.

Следовательно, законодательный пробел — это общее понятие, включающее в себя как упущение законодателя, так и сознательное молчание законодателя. Законодательный пробел является не только результатом упущения законодателя, но и результатом сознательного молчания законодателя. В этой работе мы в основном будем использовать формулировки «упущение законодателя» и «сознательное молчание законодателя», которые являются самостоятельными проявлениями законодательного пробела.

Важно иметь в виду, что в случае формулы «законодательный пробел = упущение законодателя + сознательное молчание законодателя», законодательный пробел, образовавшийся по причине упущения законодателя, возможно восполнить на основе доктрины развития права *extra legem* (аналогия закона и аналогия права), тогда как законодательный пробел, сформировавшийся в результате сознательного молчания законодателя, возможно преодолеть, при наличии определенных условий, только на основе доктрины развития права *contra legem*. В случае сознательного молчания законодателя судья противопоставляется имплицитной воле законодателя, то есть законодатель сознательно не желал, чтобы данные отношения порождали правовые последствия, однако суд, действуя вопреки этой воле, придает данным отношениям правовое значение. Это важное обстоятельство пока не отражено в законодательстве РА, поскольку в законе РА «О нормативных правовых актах» режимы законодательного пробела как упущения законодателя и сознательного молчания законодателя не разграничены, в результате чего получается, что институт аналогии закона и права может применяться даже в том случае, когда установлено, что неурегулированность отношений является результатом сознательного молчания законодателя. Так, заголовок главы 9 закона РА «О нормативных правовых актах»[2]) сформулирован следующим образом: «Применение норм правовых актов в случае правовых противоречий (правовых коллизий и законодательных пробелов)», а в статье 39 Закона применение аналогии закона и права считается возможным в случае **отсутствия правовой нормы** в законодательстве, независимо от того, является ли отсутствие нормы следствием упущения законодателя или сознательного молчания законодателя.

Использование техники закрытого законодательного перечня важно для разграничения законодательного упущения или преднамеренного молчания. Вернемся к основному вопросу: является ли отсутствие какого-либо элемента в законодательном закрытом перечне (неурегулированность отношений) результатом упущения законодателя или исключительно сознательного молчания законодателя? Согласно правилу толковании *expressio unius*, невключение какого-либо элемента в исчерпывающий список (не урегулирование отношений) следует интерпретировать в смысле его исключения. То есть, законодатель, предусмотрев закрытый перечень и не включив в него конкретный элемент, скорее всего, сознательно (намеренно) не хотел регулировать отношения, не включенные в перечень, в противном случае он бы не закрывал перечень или высказал бы иной подход.

Однако осознанность (преднамеренность) молчания законодателя в закрытом списке, как правило, является не фактом, а скорее предположением с высокой степенью вероятности (презумпция). На практике редко удается установить на основе фактических данных, что законодатель намеренно (осознанно) не включил тот или иной элемент в закрытый перечень. Если не представляется возможным доказать фактическими данными, что невключение конкретного элемента в закрытый перечень является преднамеренным поведением законодателя, то, учитывая особенность закрытого законодательного перечня, следует исходить из *презумпции сознательного молчания законодателя*. Следовательно, в отличие от обычных случаев (не связанных с закрытыми законодательными перечнями), где действует *презумпция законодательного упущения*, в случае закрытых законодательных перечней действует презумпция сознательного молчания законодателя.

На первый взгляд может показаться, что в закрытом перечне возможно сознательное молчание законодателя (как презумпция), а законодательное упущение невозможно. Сказанное, в целом, верно, но даже в случае закрытого перечня нельзя полностью исключать законодательное упущение. Законодательное упущение в закрытом перечне, хотя и редко, возможно, если будет опровергнута презумпция сознательного молчания законодателя в закрытом списке.

Презумпция сознательного молчания законодателя в закрытом перечне может быть опровергнута, если фактические данные подтверждают, что имело место законодательное упущение. Например, в период, когда в законе был предусмотрен закрытый перечень (на момент принятия закона), данный эле-

[1] Аристотель. Риторика // Античные риторики. Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 61.

[2] Закон Республики Армения «О нормативных правовых актах» от 21.03.2018 г., ՀՕ-180-Ն // Официальные Ведомости РА, 2018.03.28/23(1381).

мент (общественные отношение) не существовал, но возник позже, поэтому законодатель не мог сознательно исключить элемент, отсутствующий на тот момент, при перечислении элементов закрытого списка. Предположим, что закон определяет закрытый перечень судебных актов «А», «Б», «В», подлежащих непосредственному (прямому) обжалованию в апелляционном порядке. Позднее закон предусмотрел новый вид судебного акта «Д», который как акт, существенно ограничивающий права человека, несомненно, должен подлежать непосредственному (прямому) обжалованию. Учитывая, что на момент установления закрытого перечня судебных актов, подлежащих обжалованию, судебный акт типа «Д» не существовал, нет оснований полагать, что законодатель сознательно не включил судебный акт типа «Д» в закрытый перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию. Учитывая, что судебный акт типа «Д» по своей природе существенно ограничивает основные права человека, законодатель должен был также внести его в закрытый перечень судебных актов, подлежащих непосредственному обжалованию, однако не сделал этого, допустив законодательную ошибку. Невключение законодателем судебного акта категории «Д» в перечень судебных актов, подлежащих обжалованию, создало последующий законодательный пробел вследствие законодательной ошибки.

Следующий вопрос заключается в том, может ли правоприменитель добавить новый элемент в закрытый законодательный перечень, или же сам факт закрытости перечня исключает возможность добавления новых элементов. В целом, если перечень является закрытым, то добавление новых элементов недопустимо, за исключением следующих двух случаев. В закрытый перечень можно добавить новый элемент, если отсутствие этого элемента является результатом упущения законодателя (ошибки законодателя) или если невключение какого-либо элемента в закрытый перечень (неурегулирование отношений) создает гипернесправедливость (вопиющую несправедливость) или гипернелогичную ситуацию[1].

Какими рациональными обоснованиями должен руководствоваться правоприменитель при добавлении новых элементов в закрытые законодательные перечни – посредством доктрины развития права *extra legem* или доктрины *contra legem*? Выбор этих стратегий зависит от идентификации причины отсутствия соответствующего элемента в закрытом законодательном перечне.

Если фактическими данными доказывается, что отсутствие какого-либо элемента в закрытом перечне является результатом законодательной ошибки (упущения) (то есть опровергается презумпция сознательного молчания законодателя в отношении закрытых перечней), то закрытый перечень дополняется на основе доктрины развития права *extra legem*.

В случае с закрытыми перечнями, при действии презумпции сознательного молчания законодателя, судья может «открыть» закрытый перечень на основе доктрины развития права *contra legem*. Таким образом, если возникает ситуация, при которой невключение какого-либо элемента в закрытый перечень создает вопиющую несправедливость или гипернелогичную ситуацию, то в такой ситуации суд, исходя из какого-либо принципа права, должен развивать право вопреки закрытому перечню, «открыть» его и включить в него новый элемент.

Мы уже отмечали, что из факта использования техники закрытого перечня следует вывод о том, что законодатель косвенно запрещает совершение юридических операций с элементами, не включенными в закрытый список. В случае такого косвенного запрета суд развивает право посредством *contra legem*, поскольку он противопоставляется предполагаемой воле законодателя не урегулировать данные отношения.

Таким образом, закрытый законодательный перечень выполняет функцию символа, имплицитно выражающего правовой запрет на операции с элементами, не входящими в перечень. Ключевым выводом исследования является установление особого правового режима для таких перечней, который характеризуется презумпцией сознательного молчания законодателя. Это означает, что невключение любого элемента в исчерпывающий список по умолчанию считается преднамеренным актом исключения. Однако данная презумпция не является абсолютной и может быть опровергнута, если доказано, что отсутствие элемента вызвано законодательной ошибкой (упущением). В зависимости от причины пробела (упущение или сознательное молчание) применяются разные механизмы его преодоления: развитие права *extra legem* или *contra legem*.

[1] Вопиющую нелогичность или несправедливость законодательного регулирования, которую можно определить по формуле «четырнадцатилетнего ребенка», назавем гипер (сверх)-нелогичностью или гипер (сверх)-несправедливостью. О «формуле «четырнадцатилетннго ребенка» см. Гамбарян А. С. Принцип законности и положение «судья подчиняется закону» в контексте доктрины развития права contra legem // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 4. С. 15–24.

Кодан Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН

Kodan Sergey Vladimirovich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Leading Researcher of the Department of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

E-mail: svk2005@yandex.ru

Символика как междисциплинарный объект изучения в социогуманитаристике и юриспруденции: науковедческие и историографические проекции*

Symbolism as an Interdisciplinary Subject of Study in the Humanities and Law: Scientific and Historiographical Perspectives

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы изучения символики в пространстве междисциплинарного пространства ее изучения – на пресечении и во взаимодействии комплекса научных дисциплин, сложившихся в современной социогуманитаристике. Автор, выделяя различные междисциплинарные пространства исследования символики в современной науке, сосредотачивает внимание на проблемах изучения символики в юриспруденции с привлечение исследовательских наработок семиотики как системообразующей междисциплинарной области познания символического и комплекса сложивших специальных научных дисциплин, изучающих отдельные сферы использования и виды символов. Особое внимание акцентируется на междисциплинарных проблемах изучения юридической символики.

Ключевые слова*:* символизм, символика, знаковые системы, семиотика, замковые системы, дисциплинарные науки изучения символики, изучения символики в юриспруденции, юридическая символика

Annotation. The article discusses the issues of studying symbolism in the interdisciplinary space of its study, at the intersection and in the interaction of a complex of scientific disciplines that have developed in modern sociohumanitarian studies. The author, highlighting various interdisciplinary spaces for studying symbolism in modern science, focuses on the problems of studying symbolism in jurisprudence, drawing on the research findings of semiotics as a system-forming interdisciplinary field of knowledge about the symbolic, as well as on the complex of established special scientific disciplines that study specific areas of use and types of symbols. Special attention is focused on the interdisciplinary problems of the study of legal symbolism.

Keywords: symbolism, symbolics, sign systems, semiotics, lock systems, disciplinary sciences of the study of symbolics, the study of symbolics in jurisprudence, legal symbolics

Для цитирования: Кодан С. В. Символика как междисциплинарный объект изучения в социогуманитаристике и юриспруденции: науковедческие и историографические проекции // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 46–50.

Символика, выступая древнейшим способом выражения и отражения в познании объектов социальной реальности, несет наследие прошлого и является одним из важнейших носителей исторической памяти и выступает одним из элементов «хранилища исторической информации». В современных науках общепризнанно, что символика в коммуникативно информационном плане как способ обозначения различных объектов присутствует в самых различных сферах человеческой жизнедеятельности – в

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

культуре, политике, экономике, юриспруденции и др. Соответственно сложился и комплекс специальных научных дисциплин или разделов в рамках отдельных наук изучающих символику как в целом - на теоретическом и методологическом уровнях, так к сосредотачивающих внимание на исследовании отдельных видов символов. При этом сложившаяся дисциплинарная фрагментация исследуемых символических объектов, при все глубине их проработки в рамках отдельных наук, требует усиления междисциплинарного взаимодействия, позволяющего обеспечить более глубокое понимание символики как многогранного феномена. В рамках данной статьи обратимся к проблематике изучения символов в междисциплинарном плане применительно к юриспруденции и с акцентированием внимания на науковедческих и историографических аспектах их изучения. При этом заметим, что автор развивает некоторые положения, обозначенные в более ранней публикации[1].

Символика как способ коммуникации и информационного обмена, основанные на использовании условных обозначений объектов или идей как символов, уходит своим истоками к самым ранним формирования человеческого сообщества и возникает как первоначальная форма восприятия, осознания и выражения человеком мира в виде графических знаков. Само же появление слова «символ» и его этимология уходят корнями в древнегреческий язык – к слову τόσύμβολον, symbolon, которое и обозначают «знак», «сигнал», «признак», «примета». Еще в Древней Греции сложился обычай – друзья при расставании брали какой-нибудь предмет - глиняную лампадку, статуэтку или дощечку или пластиту с какой-либо надписью, разламывали и части брали с собой. По прошествии многих лет они или их потомки присоединяли части и они, образуя образуют единое целое, и тем самым опознавали себя через «символ». И наверное нам, исследователям-юристам, необходимо в изучении символики и знаков как явлений в жизни общества и объектов изучения в юриспруденции опираться из множество фрагментов междисциплинарной мозаики научных дисциплин как частей дисциплинарно «разломанного целого» для создания целостного восприятия символического в юриспруденции. Расширение познавательных и методологических возможностей исследования символики в юридической науке в настоящих условиях непосредственно связано с расширением междисциплинарных связей. Именно на пересечении различных наук возможно и необходимо получение новых результатов, раскрытие новых граней символического в государственно-правовых явлениях и институтов как в прошлом их развитии, так и в изучении в современном состоянии. Именно здесь и проявляется необходимость выхода представителей юридического научного знания за пределы исключительно юридической сферы познания, преимущественно связанной с государственной символикой.

Междисциплинарные исследовательские пространства и научные дисциплины в изучении символики в социогуманитаристике выступают как обособленные дисциплинарно и одновременно взаимосвязанные между собой своеобразные исследовательские среды, слои изучения данного явления. Для работе в их рамках представляется необходимым объединение учёных из различных научных дисциплин для решения сложных и многогранных исследовательских задач по изучению символики именно на пересечении различных областей научного знания и научных дисциплин. На протяжении более чем боле векового развития изучения символики в науке сегодня в современной социогуманитаристике сложился комплекс научных дисциплин, имеющих отношение к исследованию символики в рамках своей предметно-дисциплинарной направленности с определением собственного содержания и методологии. Выделим основные из них.

Семиотика (семиология) *как наука о знаках* выступает системообразующей междисциплинарной областью познания и исследования символики, аккумулирующей и обобщающей накопление знания о знаках и знаковых системах, знаковой деятельности человека, процессах создания, передачи и интерпретации значений знаков, функционирования знаков в коммуникации и информационном пространстве. В современном научном пространстве семиотика стала областью знания**,** определившей теоретическую и методологическую базу для различных естественным, математических и социально-гуманитарных научных дисциплин. Она присутствует в таких исследовательских сферах как информатика, социология, искусство и архитектура, генетика, медицина и других, и, конечно же, в юриспруденции. Представления о семиотике как об одном из оснований человеческого познания можно обнаружить у классиков философии и науки. Но как область знания семиотика возникла в начале XX в. благодаря работам основоположников семиотики - американского философа, логика, математика и естествоиспытателя Сандерса Пирса, а затем швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра. На протяжении XX столетия сложились научные школы изучения символики с их наиболее яркими представителями: американская - Ч. У. Моррис, французская - К. Леви-Стросс**,** итальянская - У. Эко, советская и современная российская - Ю. М. Лотман, А. Ф. Лосев, И. В. Поляков, Ю. С. Степанов, Б. А. Успенский, М. В. Ильин, В. М. Розин И. В. Фомин и др. Усилиями этих научных школ семиотика сформировалась и оформилась как фундамен-

[1] См.: Кодан С. В. Семиотика в определении политико-юридических характеристик государственной символики России X – начала XX в. // Актуальные направления анализа права и правоведения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девятых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. Отв. ред. и сост. В. Г. Графский. М., 2015. С. 189-194.

тальная междисциплинарная область знаний и исследований, которая сложилась, как подчёркивает Ч. У. Моррис, одновременно и как «наука в ряду наук», и как «инструмент наук»[1].

Семиотика для других наук формулирует исходные, принципиально важные положения и ключевые понятия междисциплинарного характера - «знак», «эмблема», «символ», «символика», «семиозис». Они, как взаимодействующие явления, определяют и показывают уже в рамках семиотической направленности исследований всю их многоаспектность и, соответственно, междисциплинарную ориентацию изучения. Краткая их характеристика необходима для определения содержания предметного поля и методологии изучающих их научных дисциплин.

Знак выступает как определенный объект - предмет, явление, свойство, отношение, действие и т. п.) который используется для обозначения, представления, замещения другого объекта и как значение знака и чувственно воспринимается субъектом. Все разновидности знака обеспечивают информирование о чем-то, сообщение чего-то.

Эмблема - конкретное отражение лица, идеи, содержания, существа той или иной организации или понятия, того или иного исторически существующего объекта, которое достигается, как правило, всегда с помощью исторически-конкретных изображений или фигур, тесно связанных своей историей или происхождением с данным объектом.

Символ - явление более широкое относительно знака, поскольку знак, как и совокупность знаков, приобретает статус символа в силу наличия определенной связи между знаком и его значением, которое усматривается субъектом как пользователем знака. Г. В. Ф. Гегель по этому поводу подчеркивает и обращает внимание на, что «знак отличен от символа: последний есть некое созерцание, собственная определенность которого по своей сущности и понятию является более или менее тем самым содержанием, которое он как символ выражает; напротив, когда речь идет о знаке как таковом, то собственное содержание созерцания и то, знаком чего оно является, не имеют между собой ничего общего»[2].

Символика - совокупность символов, используемых социальными образованиями - группой лиц, организацией, политическим образованием, государством - для трансляции обществу определенных идей и направленных на достижение различных целей в социальных коммуникациях и управлении.

Семиозис - процесс изучения и интерпретации знака, в ходе которыхо человек, использующий знак, трактует его содержание как объекта познания. Еще в Древней Греции в этот процесс включали определенные вопросы по отношению к знаку: чем он выступает, на что он указывает или к чему он отсылает, как он воздействует на интерпретатора. Ч. У. Моррис отмечает: «Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать семиозисом» и указывает на то, что в процессе семиозиса «посредниками выступают знаковые средства, [обобщенное] учитывание — это интерпретанта, действующие лица процесса — интерпретаторы, а то, что учитывается, - десигнаты … Десигнат знака - это класс объектов, к которым применим знак, то есть объекты, обладающие определенными свойствами, которые интерпретатор учитывает благодаря наличию знакового средства»[3].

В рамках семиозиса исследования символики как знаковой системы могут проводиться в трех плоскостях как типов бинарных отношений, которые Ч. У. Моррис определяет по следующим направлениям: 1) синтактика - изучение структурных отношений между знаками, т. е. внутренних свойств систем знаков, правил построения знаков в рамках знаковой системы по типу связи «знак - знак»; 2) семантика - изучение отношения знаков к обозначаемому, т. е. объектам действительности, понятиям о них, относится к содержанию знака по типу связи «знак - объект»; 3) прагматика — изучение отношений между знаком и человеком как интерпретатором знака, т. е. полезность, ценность знака с точки зрения пользователя знака по типу связи «знак - интерпретатор»[4]. В современных условиях развития науки семиотика выступает теоретико-методологической основой изучения символики как в целом, так и в отношении исследования государственной символики как политико-юридического явления, исследование которой невозможно без ее анализа в качестве знаково-символической системы. Последнее требует привлечения исследовательских приёмов семиотики, на которые опираются уже обособленные, специальные научные дисциплины и которые образуют более четко фрагментированные исследовательские пространства исследования символики.

Специальные научные дисциплины, направленные на изучение символики, образуют комплекс предметно определённых, фрагментированных по предметы исследовательских пространств со своими теоретическими положениями и методологией исследования. Они включают следующие специальные научных дисциплины.

Геральдика (гербоведение) как специальная научная дисциплина, изучающая гербы в самом широком плане, своими корнями связана и преимущественно развивается в рамках исторической науки. В ее рамках изучаются теоретические вопросы – предмет геральдики, функции, принципы классификации гербов, методология исследования, история геральдических систем, учреждений и правового регулирования, источники, историография и библиография исследований, а также создаются практические реко-

[1] Морис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. М., 2001. С. 46.
[2] Гегель Г. В. Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.,1997. Т. 3. С. 294-295.
[3] Морис Ч. У. Указ соч. С. 48-49.
[4] Морис Ч. У. Указ соч.

мендации по составлению и описания гербов. Свое внимание на исследовании геральдических вопросов сосредоточили Ю. В. Арсеньев, Г. В. Вилинбахов, П. П. Винклер, А. Б. Лакиер, Н. А. Соболева, С. Слейтер, Д. Санти-Мадзини, М. Пастуро и др.

Вексиллология в качестве научной дисциплины специализируется на изучении флагов, знамен, вымпелов, штандартов и др. знаменных материалов преимущественно в рамках исторической науки. В ее исследовательском пространстве находится изучение происхождения, функции, движение того или иного объекта и др. Свои труды этой сфере символики посвятили К. И. Арсеньев, А. Н. Басов, П. И. Белавец, В. Е. Белинский, А. Я. Дектярев, Н. А. Соболева, А. И. Успенский и др.

Гимнология в предметном научно-дисциплинарном пространстве обращается к изучение различных гимнов, в том числе и государственных. В это пространство входит изучение истории создания и трансформации гимнов, их музыкально-композиционные особенности, **л**ингвистический анализ текстов, место и роль в формировании национального самосознания и др. Эти вопросы изучали Н. Д. Бернштейн, М. Ю. Лотман, М. В. Красева, Н. А. Соболева и др.

Эмблематика выступает специальная научная дисциплина, в предметных рамках которой исследуются условно-символические изображения в графической или пластической формах, выраженные в них идеи, образы понятия. Эмблематика првоначально сложилась как специальная историческая науки и в настоявшее время ее наработки достаточно широко используются в других науках как непосредственно связанных с изучением символики – в геральдике, вексиллологии сфрагистике, так и в искусствоведении, языкознании и литературоведении. Исследования по это проблематике представили в своих работах К. Гинзбург, К. В. Болсуновский, А. А. Молчанов, Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин, А. Е. Малахов и др.

Сфрагистика (сигиллография) как область исследования печатей и штампов первоначально развивалась в рамках дипломатики – области исследований, связанной с определением подлинности документов. По мере накопления исторических артефактов сфрагистика начала развиваться в качестве области исторической науки и в настоящее время как специальная историческая дисциплина включает изучение печатей в рамках археологической культуры, развития государственности и государств, как отражение в сфрагистическом материале внутригосударственных, межгосударственных и частных отношений и др. вопросов своей предметной области . Наиболее известные исследователи с сфере сфрагистики А. Б. Лакиер**,** А. В. Орешников, П. Лихачев, Н. А. Соболева, В. Л. Янин, Е. И. Каширина и др.

Государственно-правовая символика как междисциплинарное исследовательское пространство юриспруденции представляет собой ее изучение как института, связанного с развитием юридической сферы жизнедеятельности общества. В этом плане символы признаются как условный знаки, установленные или санкционированный государственной властью посредством законодательства и интегрированные в государственно-правовую систему общества. Одновременно государственные символы являются частью государственно-правовой культуры общества как часть социальной памяти и наследия, культуры в целом. Изучение государственно-правовой символики входит в предмет ряда юридических наук, в рамках которых в соответствии с их предметной направленность фрагментируются и исследуются отдельные ее стороны. Прежде всего обратим внимание на то, что теоретико-методологические основы семиотики создаю базу для изучения. Исходные положения и ключевые понятия семиотики - «знак», «эмблема», «символ», «символика», «семиозис» - в поучает юриспруденции государственно-правовое наполнение и соответствующую исследовательскую направленность. Так, например в отношении государственной символики семиозис означает процесс ее интерпретации с точки зрения анализа и механизмов репрезентации в обществе основных свойств государственной власти и ее носителя. Интепретантой в данном случае должен выступать результат, который следует из передаваемой символом информации, им имплицируется. Интерпретаторы — лица, которые формируют содержание государственных символов, и лица, которым адресуется тот или иной символ. Посредством государственных символов происходит репрезентация в общественное сознание, на групповом и индивидуальном уровнях, желаемых для государственной власти восприятий и отношений к основным характеристикам существующей государственной власти и ее носителя. Десигнатом того или иного государственного символа является репрезентация некоего идеального образа государственной власти, государства, главы государства. В рамках данной статьи обращу внимание на междисциплинарный характер изучения символики в рамках самой юридической науки. Изучение символики так или иначе присутствует практически в всех отраслевых дисциплинарных исследованиях в юриспруденции. Остановлюсь лишь на историко-теоретических науках.

Теория государства и права рассматривает государственно-правовую символику в контексте ее теоретических характеристик как отличительных знаков, олицетворяющих суверенитет и самобытность государства и зафиксированных в учредительных правовых актах **-** конституции или особых законах. В рамках данной научной дисциплины свою лепту внесли юристы-теоретики В. К. Бабаев, В. М. Баранов, Н. А. Власенко, Н. Н. Вопленко, М. Л. Давыдова, А. В. Никитин, А. С. Пиголкин, П. Д. Шалагинов, И. В. Мальцев и др. Здесь необходимо обратить внимание и на взаимодействие теории государства с политологией в части изучения политической символики и ее роли в государственном развитии социума, которые представили в своих трудах К. С. Гаджиев, А. И. Соловьев, В. А. Попов и др.

Историко-юридические науки обращаются государственно-правовой символике в контексте ее формирования и развития как неотъемлемого атрибута в изучении легитимации публичной власти, раз-

вития государственности и права, системы государственного регулирования, что позволяет показать эволюцию официальных символов страны, их место в юридической политике и законодательстве страны и др. Изучение этой проблематики представлено в трудах историков и историков права - И. А. Исаев, Н. А. Соболева, Г. В. Вилинбахов В. В. Васькин А.С. Сенин, Н. П. Лихачёв и др.. Одновременно выделим историко-юридический контекст изучения символики в юриспруденции.

Анализ государственной символики в историко-юридическом плане строится на основе общих подходов, сложившихся в социогуманитаристике и юриспруденции. Отправным положением здесь будет являться ее общее определение.

Государственная символика — исторически сложившаяся совокупность знаков-символов, презентующих в обществе идеологические и идентификационные образы и признаки организации государственной власти, положения ее носителя в системе властно-политических отношений, изменения содержания элементной базы формы государства - правления, устройства, режима, представляя их через знаковые системы в их определенном сочетании посредством текстуальных, визуальных или звуковых средств. Государственная символика в процессе развития государственности и государства в определенных знаках-символах закрепляет, фиксирует, своеобразным образом кристаллизует смыслы государственности, отражает их динамику развития и правового оформления.

Цель создания государственных символов находится в сфере политики, государственно-правового воздействия власти на общество. Государственные символы как официально установленные субъектом государственной власти носители знаково-символической информации политического и государственно-правового характера направлены на достижение главной цели — легитимацию в общественном (индивидуальном и коллективном) сознании образа существующей государственной власти и ее носителя, организации государства и его деятельности в обобщенном смысле. Это происходит через репрезентацию и воспроизводство в сознании человека посредством визуальных знаков, эмблем, символов, а также поэтико-музыкальных средств неких смысловых образов, связанных с идеей государственности и деятельностью государства. Через государственные символы происходит символическая коммуникация государства, представленного главным субъектом государственной власти (царем, королем и т. д.), с обществом (подданными, гражданами). В этом процессе участвуют и другие символические формы — титул главы государства, государственные регалии, ритуалы и т. п. Соответственно государственная символика в целом, как и отдельные ее элементы - символы, обеспечивает реализацию следующих функций:

представительская — символ выступает как опознавательный знак, позволяющий провести идентификацию конкретного государства как субъекта власти и обозначить его присутствие;

имиджевая — символ указывает на внутри- и внешнеполитическую значимость народа, власти, государства, страны, их историческую роль и значение в развитии представленного ими социума;

идеологическая — символ посредством идейной и смысловой нагрузки легитимирует государство и власть в государственно-организованном обществе, провозглашает и подчеркивает определенные институциональные ценности, а также формирует соответствующее мировоззрение членов общества (подданных, граждан);

коммуникативная — с помощью символа власть на уровне знаков, образов, ассоциаций и эмоций передает обществу определенного рода информацию, направленную на удовлетворение потребностей человека в поддержании традиции, чувства солидарности и принадлежности к конкретной группе людей (подданных, граждан) и др.;

культурологическая — символ выступает как культурное достояние и отражает определенные ценности, историю социума, развитие отдельных видов искусства и т. п.;

технико-юридическая — символ является средством юридической техники и передачи официальной информации.

Виды государственных символов связаны с набором знаков-символов государства. С позиций семиотического подхода основная государственная символика представлена в следующих официально установленных и зафиксированных в правовых актах формах:

государственный герб — отличительная эмблема государства, которая в знаковой форме — посредством сочетания определенных цветов, предметов и фигур — создает его символический образ;

государственный флаг — отличительный знак государства в виде полотнища с использованием одного или нескольких цветов, исторически закрепившихся за определенным народом, страной и сочетающихся с цветовой гаммой геральдической эмблемы государства;

государственный гимн — отличительный знак государства в виде торжественного музыкально-поэтического либо музыкального произведения, который с помощью музыкальных звуков и поэтических средств (или без последних) создает осознанные или неосознанные ассоциации.

Показанные некоторые возможности междисциплинарного подхода позволяют провести более глубокое исследование государственной символики России в историко-юридическом плане. Привлечение возможностей других наук позволяет повысить качество и продуктивность юридического исследования, делает его более востребованным другими научными дисциплинами. Представляется, что данная проблематика требует дальнейшего изучения и более детальной проработки в пространстве различных юридических наук.

Петрянин Алексей Владимирович

доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Petryanin Alexey Vladimirovich

Doctor of Law, Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: petryanin@mail.ru

Символика экстремистских организаций и их правовая оценка

Symbols of extremist organizations and their legal assessment

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правовой оценки символики экстремистских организаций с учетом развития курса уголовной политики в области противодействия экстремизму. Определена методология юридико-технического реагирования на угрозы, основанные на мотивах ненависти или вражды. Продемонстрированы частные коллизии и пробелы. Предложены пути их решения.

Ключевые слова: экстремизм, символика, право, противодействие, конституционный строй, безопасность государства, публичность, пропаганда

Annotation. This article examines the legal assessment of the symbols of extremist organizations, taking into account the development of criminal law policies to combat extremism. It defines a methodology for legal and technical responses to threats motivated by hatred or hostility. Specific conflicts and gaps are identified, and solutions are proposed.

Keywords: extremism, symbols, law, counteraction, constitutional order, state security, publicity, propaganda

Для цитирования: Петрянин А.В. Символика экстремистских организаций и их правовая оценка // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 51–53.

Для того, чтобы разобраться с проблемами правовой оценки символики экстремистских организаций, необходимо обратить внимание на методологические основы взятого для исследования направления. Символика сопровождает мир с момента появления человека. Соглашаясь с научной гипотезой о том, что с начала были символы, затем речь и только потом письменность[1], отметим, что на всех этапах развития человечества знакам уделяется особое внимание как в межличностном коммуницировании, так и регулировании разного рода общественных отношений. Как позитивное достижение символика используется в государственной и общественной деятельности[2]. Сегодня свою официальную символику имеют государства, государственные органы, международные и общественные организации.

Вместе с тем, разного рода знаки используются и в криминальной деятельности. Особо активно сегодня она проявляется при совершении преступлений экстремистской направленности, противодействию чему уделяется особе внимание на разных научных площадках[3].

Так, в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета России создана и активно функционирует научная школа «Обеспечение национальной безопасности в деятельности Следственного комитета Российской Федерации». Результатами ее деятельности являются целый комплекс проводимых ис-

[1] Информатика: уч.-к для 8 кл., Семакин И.Г., Залогова ЛА и др., Москва : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2017. С. 18.

[2] См.: Колесниченко, А. А. Государственно-правовые символы России: история и современность. Философия права. 2011. №3. С. 44-46.

[3] Шиков, А. А. Совершенствование правового механизма борьбы с демонстрированием символики экстремистских организаций / А. А. Шиков, Е. А. Тофт // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2022. – № 3(33). – С. 101-105; Казак, И. Б. К вопросу о неоднократной пропаганде, либо публичной демонстрации атрибутики или символики экстремистских организаций / И. Б. Казак, П. А. Павлов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 409-411; Быков, А. Ю. Противодействие распространению символики и атрибутики экстремистских организаций в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / А. Ю. Быков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7(235). – С. 430-432 и др.

следований и организованных научно-представительских мероприятий. Одним из последних стала защищенная в 2025 году в диссертационном совете № 77.2.002.01, созданном на базе Академии диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.4 – уголовно-правовые науки (юридические науки), затрагивающая рассматриваемые в статье вопросы. Это диссертация, подготовленная Ахметшиным Айратом Саетовичем на тему: «Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства»[1].

Продолжая размышления о методологии противодействия экстремизму, неотъемлемым элементом которого выступает соответствующая символика, хотелось бы продемонстрировать ряд значимых фактов и факторов.

Во-первых, научный мир и государственная политика едины в идеях выработки направлений борьбы с этим явлением. Президент России, Владимир Владимирович Путин неоднократно обращал внимание на опасность экстремизма для национальной безопасности государства[2]. Об этом не устают говорить и ученые. Работ, посвященных противодействию рассматриваемому деструктивному явлению масса, в том числе и диссертационного уровня[3].

Детерминант экстремистской деятельности масса. Это не только политические, но и культурные, идеологические, расовые, религиозные, экономичней, но и иные противоречия. Но все их объединяет ненависть или вражда к оппонентам, вот в чем главная её методологически значимая и опасная характеристика.

Сегодня наблюдается сверх активное проникновение экстремистских идеологий в ранее не подверженные им сферы. Например, диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук, на тему: «Основы вероучения Ханафитов» признана экстремистским материалом, содержащим высказывания экстремистской направленности, основанные на религиозном признаке[4].

Происходящие в мире конфликты, основанные на мотивах ненависти или вражды, позволяют выступить со следующей важной научной гипотезой: «Не исключается рост экстремистской активности будет продолжаться по причине использования ее в качестве инструмента изменения миропорядка», именно поэтому противостояние распространению экстремистским идеологиям стоит сегодня на первом месте в мировой политике и является глобальной стратегической задачей Российской Федерации.

Отметим, что 25 июля 2025 года исполнилось 23 года с момента принятия Федерального закона «О противодействии экстремисткой деятельности». И сегодня мы можем подвести промежуточные итоги его действия.

Во-первых, его принятие - это значимое политико-правовое достижение в борьбе с экстремизмом.

Во-вторых, в этом нормативном акте заложена серьезная позитивная функция, способствующая оперативной реакции со стороны государства на новые угрозы ненавистнического формата. Переходя к главному содержанию проводимого исследования отметим, что на 22 сентября 2025 года запрещена деятельность 127 общественных и религиозных объединений, иных организаций экстремистского толка[5].

Крайним стало международное движение сатанизма (иное наименование – Международное движение сатанистов) (решение Верховного Суда Российской Федерации от 23.07.2025) (дата размещения сведений: 19.09.2025). Государственно-властной реакцией на распространение экстремистской символики стала криминализация ее публичной демонстрации в рамках ст. 282.4 УК РФ «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публич-

---

[1] Ахметшин А.С. Дисс. канд. юрид наук «Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства». 387 с.

[2] Путин назвал экстремизм прямой угрозой единству России // РБК: сетевое издание. 20.12.2021. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61bfbe379a794741a273aa8c (дата обращения: 06.11.2024).

[3] Бешукова, З. М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бешукова Зарема Муратовна. – Краснодар, 2020. – 632 с.; Борисов, С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Борисов Сергей Викторович. – Москва, 2012. – 484 с.; 402. Никитин, А. Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никитин Андрей Геннадьевич. – Казань, 2010. – 257 с. и др.

[4] Экстремистские материалы // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-obshestvennyh-i-religioznyh-obedinenij-deyatelnost-kotoryh-priostanovlena-v-svyazi-s-osushestvleniem-imi-ekstremistskoj-deyatelnosti/ (дата обращения: 20.09.2025).

[5] Перечень общественных и религиозных объединений, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-obshestvennyh-i-religioznyh-obedinenij-deyatelnost-kotoryh-priostanovlena-v-svyazi-s-osushestvleniem-imi-ekstremistskoj-deyatelnosti/ (дата обращения: 20.09.2025).

ное демонстрирование которых запрещены федеральными законами», в рамках института административной преюдиции.

Деяние должно быть совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за правонарушение, предусмотренное ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Противодействие такого рода стало реакцией на следующие цели распространения символики экстремистских организаций (ЭО):

- идентификации участников ЭО
- пропаганда и популяризация деятельности ЭО.

В данной статье внимание будет обращено на следующие, наиболее проблемные положения ст. 282.4 УК РФ имеющие особое значение в рамках правовой оценки символики экстремистских организаций.

Первое, это признак пропаганды.

В науке, под пропагандой предлагается понимать распространение и разъяснение идей или учений[1]. Исследуемый термин используется в юридико-технических конструкциях семи статей Уголовного кодекса РФ. И особенно в главах 24, 25 и 29 УК РФ.

В УК РФ содержатся два таких понятия. Первое в примечании 1.1 ст. 205.2 УК РФ. Второе, в примечании 4 к ст. 281.3 УК РФ.

Отмеченное требует выработки унифицированного понятия, в том числе распространяющегося на ст. 282.4 УК РФ, включив в него два методологически значимых признака:

- распространение запрещенных изображений, материалов и (или) информации.
- цель - получение со стороны неограниченного круга лиц информации об организациях, деятельность которых запрещена в России.

На данных признаках и должно быть построено противодействие пропаганде атрибутики или символики экстремистских организаций.

Второе, признак публичности.

Констатируем, что суды продолжают уточнять признаки публичности призывов, акцентируя внимание на формах и способах выражения убеждений, а также их содержании.

Его базовые, этимологические признаки указывают на то, что публичность обязательно предполагает установление двух критериев. Первый – количество получателей информации. Второй – место и (или) способ.

Обращаясь к профильному акту судебного толкования (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности), мы как раз и обнаруживаем, что в качестве основополагающих признаков публичности выделяют:

– открытый перечень форм обращения, относя к основным письменные, устные, и технические средства;

– обращение должно быть адресовано другим лицам или группам людей[2].

Несмотря на это, в правоприменительной практике по-прежнему прослеживаются проблемные вопросы, детерминирующие расхождение в подходах к юридической оценке указанного признака.

В этой связи, необходимо определить и закрепить, что к объединяющим признакам публичности должны относиться: адресация призывов группе или неограниченному кругу лиц; любая доступная форма выражения призывов.

Третье проблемное направление — это правовая оценка содержания экстремистской символики, что зачастую требует помощи экспертов. Поэтому, в случае публичной демонстрации экстремистской символики, не направленной на разжигание ненависти или вражды, или содержащей призывы к совершению преступлений экстремисткой направленности, действия виновного должны оцениваться в рамках ст. 282.4 УК РФ. В случае, если эта символика доступна для всеобщего понимания, и при этом направлена на разжигание ненависти или вражды, действия субъекта требуют квалификации по совокупности ст. 282.4 УК РФ и ст. 282 УК РФ. Если же экстремистская символика содержит призыв к совершению преступлений экстремисткой направленности, необходима оценка в рамках 282.4 УК РФ и ст. 280 УК РФ.

Отмеченное обосновывает необходимость принятие определенных политико-правовых решений.

В частности, в рамках УК РФ требуется выработка унифицированных понятий «пропаганда» и «публичность». Кроме этого необходимо ведение реестра запрещенной символики экстремистских организаций. Все вышеизложенное обусловлено тем, что противодействие экстремизму – это аксиома и требует соответствующей незамедлительной и симметричной государственно-властной реакции.

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва, 2006. С. 616.

[2] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 // Российская газета. 2011. 4 июля.

Баранов Владимир Михайлович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Нижегородской области, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Baranov Vladimir Mikhailovich

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Nizhny Novgorod region, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center «Legal Technology»

E-mail: baranov_prof@bk.ru

Познавательная функция юридически значимых символов (доктрина, практика, техника)

Cognitive function of legally significant symbols (doctrine, practice, technique)

Аннотация. В статье предпринята попытка обосновать необходимость общественного изучения познавательной функции юридически значимых символов. Показано, что этот предмет есть конкретный вариант логико-гносеологических оснований права. Символическое знание представляется как единый феномен, «распадающийся» на взаимосвязанные «пласты» научно-дисциплинарных познавательных форм. Так, в историко-правовой фрагмент символического знания предлагается включить: сведения о своеобразии российской дореволюционной дворянской геральдики; данные о нетривиальности превращения березы в национальный символ России; традиции символического человеческого жертвоприношения, факторы замены кровавых ритуалов духовными обрядами; результаты выявления у символов утраченного первоначального смысла с обозначением причин его трансформации и современного применения; историю переводов символов веры на различные языки мира (по типу критико-палеографических заметок Гезена Августа Матвеевича); обстоятельства возникновения и факторы модификации орденов, медалей, почетных званий и других видов наградных систем.

Познавательная функция юридически значимых символов «распадается» на ориентационно-сигнализируемую, эстетическую подфункции, трансляции ценностей, перспектив обновления функции.

Значительная познавательная ценность технико-юридического символического знания показана посредством критического анализа Указа Президента США от 25 августа 2025 года «Преследование за поджог американского флага».

Статья завершается перечислением проблем познавательной функции юридически значимых символов, которые ждут своего исследователя.

Ключевые слова: функция права, функциональная характеристика, познавательная функция законодательства, познание юридически значимого символа, познавательная функция правового символа, методология и методика анализа познавательной функции юридически значимого символа

Annotation. The article attempts to substantiate the need for a public study of the cognitive function of legally significant symbols. It is shown that this subject is a specific variant of the logical and epistemological foundations of law. Symbolic knowledge is presented as a single phenomenon, «disintegrating» into interrelated «layers» of scientific and disciplinary cognitive forms. Thus, it is proposed to include in the historical and legal fragment of symbolic knowledge: information about the uniqueness of Russian pre-revolutionary noble heraldry; data on the non-triviality of the birch's transformation into the national symbol of Russia; traditions of symbolic human sacrifice, factors of replacing bloody rituals with spiritual rituals; identification of symbols with lost original meaning, indicating the reasons for its transformation and modern use; the history of translations of symbols of faith into various languages of the world (ac-

cording to the type of criticism of paleographic notes by Gezen August Matveevich); circumstances and factors modifications of orders, medals, honorary titles and other types of award systems.

The cognitive function of legally significant symbols «breaks down» into orientationally signaled, aesthetic subfunctions, value translation, and prospects for function renewal.

The significant cognitive value of technical and legal symbolic knowledge is shown through a critical analysis of the Decree of the President of the United States dated August 25, 2025 «Prosecution for arson of the American Flag».

The article concludes by listing the problems of the cognitive function of legally significant symbols that await their researcher.

Keywords: function of law, functional characteristic, cognitive function of legislation, cognition of a legally significant symbol, cognitive function of a legal symbol, methodology and methodology for analyzing the cognitive function of a legally significant symbol

Для цитирования: Баранов В. М. Познавательная функция юридически значимых символов (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2026. № 20: материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 54–76.

Исследователи функций права с самого начала по логико-гносеологическим основаниям (критериям) при обращении к этой проблеме резко распределились на две противостоящие группы. Какая группа количественно преобладает, доктринального значения не имеет.

Одна группа правоведов категорически отрицает существование у права познавательной функции и выступает против оценки юридических норм истинными либо ложными. Некоторые из них за неимением серьезных аргументов утверждают, что право, как и символы, ничего не могут познавать и выполнять соответствующую функцию.

Такое абсурдное суждение, иногда без какой-либо аргументации, выдвигают противники истинностного подхода к праву. «Выдумав» эту странную и совсем не юридическую конструкцию, эти «исследователи» затем с упоением опровергают ее. Право (и символы тоже) действительно ничего «не познают». Они ничего и не должны «познавать»: у них нет, не было и никогда не появится такой задачи и функции. Совершенно очевидно, и об этом совестно писать: юридически значимые символы – **результат** комплексной творческой познавательной деятельности, они в простой либо сложной художественной форме отображают истинные либо ложные знания.

Считаю возможным прибегнуть не к самоцитированию, а к видовой трансформации ранее (еще в 1989 году) опубликованных мною характеристик **познавательного содержания юридических норм**[1]**.** «Переложив» эти оценки на содержание юридически значимых символов, можно констатировать следующее. Юридически значимые символы выступают не только развитой, но и одной из основных форм государственно-осмысленного знания, интегрирующей истинность, необходимость и реализуемость социальной практики. Символы – **источник** и **средство** познания об окружающей юридически значимой деятельности. О юридически значимых символах можно сказать, что они «познают» мир только для того, чтобы иметь возможность предписывать, повелевать, уравновешивать, рекомендовать, поощрять. В юридически значимых символах содержится **итог взаимопроникновения** научно-практического и вненаучного оценочного знания.

Другая группа юристов и представителей других наук гуманитарного профиля отстаивает прямо противоположную позицию: признает наличие у права познавательной функции и допускает возможность «квалификации» правовых норм в качестве истинных или ложных.

Дискуссии по этому предмету продолжаются десятилетия (может быть даже столетия), если учитывать эволюцию научного, профессионального и обыденного знания.

Я убежденный сторонник второй группы исследователей и считаю, что надо последовательно увеличивать число убедительных аргументов, улучшать качество знаний, осваиваемых и применяемых законодателем.

Доказательство наличия познавательной функции у юридически значимых символов явится относительно самостоятельным научным доводом правоты второй группы специалистов.

Познавательная функция юридически значимых символов относится к разряду **дополнительных, вспомогательных** характеристик, что отнюдь не умаляет ее ценности. Более того, это не мешает ей обусловливать суть и реализацию многих иных функций юридически значимых символов. Знания в юридически значимом символе отличаются кристаллизацией, «сжатием», кодированностью, прозрачностью, но не призрачностью мысли.

«Невозможно правильно определить сущность множества окружающих нас вещей и явлений, если не осознавать ***принципиальную функциональность*** (курсив мой. – **В. Б.**) нашего человеческого мира,

[1] См.: *Баранов В. М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. С. 190–225.

в котором все существующее возникает и существует не для того, чтобы быть из чего-то сделанным, но для чего-то ***предназначенным*** (курсив мой. – **В. Б.**)»[1], – отмечает филолог Александр Рудяков. Одно из функциональных предназначений юридически значимого символа – показать (продемонстрировать), рельефно раскрыть его содержание и форму отображенных им знаний.

Предлагаемую мною для рассмотрения проблему можно заострить через серию следующих вопросов. Можно ли произвести новое знание при творческом объективном анализе юридически значимых символов? Иными словами – есть ли в юридически значимых символах особого рода знания, которые отсутствуют в других правовых текстах? Надо ли для решения проблемы нового для юриспруденции знания выходить за пределы общепринятых методов и логико-гносеологических норм? Проблема эта, бесспорно, существует, поскольку перед нами своеобразный (огромный по масштабу и разнообразный по содержанию) объект юридического анализа – символы. Речь идет о новом аналитическом измерении познавательного смысла символа, имеющего правовое значение.

Профессор А. И. Клименко, подчеркивая, что «функциональность права выступает критерием его действительности», отмечает: «Определить функциональность права теоретически позволяет лишь его восприятие как системы ценностей, а не системы формально-юридических норм как своего рода важного, но не единственного механизма воплощения этих ценностей в общественных отношениях»[2].

«Сущность функционалистской методологии, – полагает В. П. Малахов, – выражается в идее, согласно которой вся совокупность характеристик социальных систем и социальной реальности в ее элементах вторична по отношению к их функциональности; функции (в особенности системообразующие) системы непосредственно выражают ее сущность»[3]. Анализ познавательной функции юридически значимых символов – реализация структурно-функционального исследовательского подхода.

Познавательная функция юридически значимых символов – одна из центральных, базовых категорий **теории символизации** в праве. Познавательная продуктивность этой категории такова, что она выступает главным элементом **функционального метода** исследования юридически значимых символов.

Функциональная характеристика юридически значимых символов предполагает многоплановую «обрисовку» их **значения.** Значение правовых символов можно изучать в качестве самостоятельного предмета, учитывая филологическую и философскую роли этой категории, но в нашей логико-познавательной ситуации ее лучше рассмотреть в рамках функционального подхода. В этой связи остается сожалеть, что в современной правовой литературе нередки ситуации, когда роль юридически значимой символики недооценивается.

Так, нельзя не упрекнуть авторский коллектив из 7 исследователей под руководством профессора А. В. Малько, когда в словаре-справочнике «Основы российской государственности» вообще не оказалось места для представления символики государства[4]. В книге есть раздел «Справочные материалы», где, в частности, даны извлечения из Конституции Российской Федерации, но статья 70 Основного закона о государственном флаге, гербе, гимне не приводится, не упоминается. Не думаю, что авторы не относят столь значимую символику к основам российской государственности. Это весьма существенный дефект и недопустимый пробел издания, если учесть, что в аннотации оно рекомендуется «для студентов бакалавриата и специалитета всех направлений подготовки и специальностей, а также преподавателей и все тех, кто интересуется рассматриваемой проблематикой».

Общая стратегия и логика раскрытия, разрешения проблемы познавательной функции юридически значимых символов таковы.

Первое. Юридические нормы, право в целом, законодательство – аккумулированное государством **знание.** Сущность права, в моем представлении – истинное нормативно-правовое знание, выраженное (отраженное) адекватными средствами в его источниках, выступающих универсальным государственным регулятором юридически значимой деятельности, признанное и поддерживаемое институтами государства и гражданского общества посредством убеждения, поощрения, принуждения[5].

Нельзя не отметить то обстоятельство, что действующее российское законодательство при фиксации правового статуса символов четко акцентирует внимание на их **гносеологической составляющей**, знаниевом элементе.

Так, пункт 1 статьи 8 «Официальные символы муниципальных образований» Федерального закона Российской Федерации от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» гласит: «Муниципальные образования в соответ-

[1] *Рудяков А.* Этюд о стуле. Дать определение даже самому простому слову – задача не из простых // Литературная газета. 2025. 26 марта – 21 апреля. С. 19.

[2] *Клименко А. И.* Функциональность права как критерий его действительности // История государства и права. 2023. № 1. С. 7.

[3] *Малахов В. П.* Методологическое мышление в познании и понимании права: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2018. С. 57.

[4] См.: Основы российской государственности. Словарь-справочник / под ред. А. В. Малько. М.: КНОРУС, 2024. 224 с.

[5] См.: Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. С. 49.

ствии с законодательством Российской Федерации и геральдическими правилами вправе устанавливать официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности»[1].

Язык юридически значимой символики в значительной мере носит **властный характер.** Его связи с так называемым государственным языком нуждаются в специальном анализе, который нельзя провести без учета развернувшейся на страницах «Литературной газеты» острой дискуссии о содержании и форме информационной системы «Национальный словарный фонд» и Толкового словаря государственного языка Российской Федерации (создан юристами Санкт-Петербургского государственного университета)[2].

Так или иначе, но язык юридически значимых символов России должен опираться на **русский язык,** на закономерности его развития. Язык юридически значимого символа призван быть эталоном литературного общенародного национального языка и касаться всех сфер жизни общества и не представляться в качестве доминирующего элемента безликого государственного языка.

Второе. Это знание может и должно характеризоваться с точки зрения истинности либо ложности. «Культурно-символическая политика, – полагает Д. А. Мисюров, – это процесс создания и материализации культурных символических моделей, включающий культивирование доверия и взаимопонимания, обучения и воспитания, исходя из приоритета критерия истинности, для максимальных мирных общественных достижений»[3]. Не только философия, но и правовое познание, по А. А. Гусейнову, ответственны «не просто за истину, а за такую истину, которая одновременно является долгом, обозначает достойный путь жизни»[4].

Познаваемость юридически значимых символов является **относительной,** поскольку достигнуть абсолютной истины даже при анализе одной символической единицы невозможно.

Третье. Юридически значимый символ – понятие, которое охватывает собой не только символы, получившие прямое либо косвенное отражение в законодательстве. Это, конечно, главный и доминирующий элемент нашего анализа, но нельзя оставлять без внимания и множество иных символических форм и форматов, которые имеют определенное юридическое значение и которые вызывают правовые последствия, оказывают позитивное или негативное воздействие на массовое и индивидуальное правосознание, менталитет граждан, имидж государства, национальную культуру. Юридически значимые символы – особый род знания по содержанию, форме, способам воздействия на общество.

Иными словами, «юридически значимый символ» – предельно широкое понятие. Символы при его применении анализируются в широком социальном контексте и, по сути, это понятие тождественно категории «символизм права», «юридический символизм». Именно в таком качестве эти понятия рассматривались в дореволюционной правовой литературе России[5].

Четвертое. В Большой универсальной энциклопедии зафиксировано три значения слова «функция»: «1. В математике – соответствие между переменными величинами, в силу которого каждому значению одной величины *x* (независимого переменного аргумента) соответствует определенное значение другой величины *y* (зависимого переменного). Функции могут быть заданы, например, формулой, графиком, таблицей, правилом. 2. Деятельность, обязанность, работа, внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений (например, Ф. органов чувств, Ф. денег). 3. В социологии – роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (например, Ф. государства, семьи и т. д. в обществе)»[6].

Кроме того, имеются интересные междисциплинарные трактовки понятия «функционализм», в которых также можно почерпнуть немало полезной информации для выяснения смысла познавательной функции символа.

Так, на с. 750 Большой универсальной энциклопедии отмечается: «функционализм – теория в общественных науках, которая уделяет особое внимание взаимозависимости моделей и институтов общества и их взаимодействию при сохранении культурного и социального единства».

---

[1] Российская газета. 2025. 26 марта.

[2] См.: *Кругликова Л.* Словарь тревоги нашей. Или чем литературный язык отличается от государственного // Литературная газета. 2025. 24 сентября; *Богданова С.* Регистр речи. Русский литературный язык чиновнику не подходит? // Литературная газета. 2025. 8 октября; *Корованенко Т.* Мелочи додумайте сами. Продолжаем обсуждение новых нормативных словарей // Литературная газета. 2025. 29 октября – 4 ноября; *Рудяков А*. Этюд о государственном языке // Литературная газета. 2025. 29 октября – 4 ноября; *Ткаченко П.* Русская суть языка. Куда она пропала из Национального словарного фонда // Литературная газета. 2025. 5–11 ноября.

[3] *Мисюров Д. А.* Символы о символах: начала культурно-символической политики. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 7.

[4] *Гусейнов А. А.* Философия между наукой и религией // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 9.

[5] См.: О символисмъ права вообще и русскаго въ особенности. Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго университета Ординарнымъ Профессоромъ Докторомъ Правъ Петромъ Колмыковымъ Марта 31 дня 1839 г. С. Петербургъ, въ типографіи Карла Краяйя, 1839. С. 17; *Кулишер М.* Символизм в праве. Из сравнительной истории культуры // Вестник Европы. 1883. № 2. С. 747–773.

[6] Большая универсальная энциклопедия: в 20 т. Т. 18. М.: АСТ: Апрель, 2010. С. 750–751.

Интересно отметить, что в 45 томе Большой советской энциклопедии (подписан к печати 17 декабря 1956 года) понятию «функция» и смежным с ним (либо вытекающим из нее) терминам (функции физиологические, функции денег, функции ладовые в музыке, функции множеств, функции элементарные, измеряемые функции, функционал, функционализм, функциональная психология, функциональная семантика, функциональная шкала, функциональная школа, функциональное пространство, функциональное устройство, функциональные группы, функциональные определители, функциональные пробы почвы, функциональные уравнения, функциональный анализ, функционер) отведено 15 страниц убористого текста.

Так или иначе в статье предлагается доктринальное **функциональное толкование** знаний в юридически значимых символах.

Пятое. Надо иметь в виду, что нередко понятие «символ» в различных гуманитарных исследованиях применяется как обобщающая метафора. Но обычно символические особенности метафор (особенно концептуальных) не раскрыты. Так, ни разу даже не упомянул понятие «символ» А. К. Аликберов, интересно, глубоко, многопланово (с опорой на историческую основу) давший характеристику города Дербента. При этом статья его называется «Дербент как символ глубоких исторических и культурных связей между народами России и Ирана»[1]. Метафорическое знание в юридически значимых символах необходимо исследовать специально и особо тщательно.

Все вышеизложенное выступает своеобразной **методологической предпосылкой** общетеоретического анализа познавательной функции юридически значимых символов.

Законодатель далеко не всегда выявляет познавательные возможности символов и в силу этого обстоятельства оказываются упущенными сильные результативные механизмы психологического мотивирующего рода. В этой связи одна поясняющая выдвинутый тезис иллюстрация. Пункт 9 статьи 2 «Основные понятия» Технического некурительного регламента на табачную продукцию (обновлен Федеральным законом Российской Федерации от 8 августа 2024 года № 325) гласит: «Предупреждение о вреде потребления некурительных табачных изделий – информация о разрушительных для здоровья человека последствиях потребления некурительных табачных изделий, нанесенная на потребительскую упаковку некурительных табачных изделий ***в виде цветных рисунков или фотоизображений, включающих текст***»[2] (курсив мой. – **В. Б.**).

Думается, на потребительскую упаковку не менее важно и результативно наносить соответствующие антиникотиновые символы, которые способны мощно воздействовать на человека, особенно молодого. Кстати, в пункте 4 статьи 9 «Требования к содержанию информации для потребителей некурительных табачных изделий» есть упоминание (правда, в другом ракурсе) о символах. В нем зафиксировано: «Информация, нанесенная на потребительскую упаковку и (или) лист-вкладыш, не должна содержать термины, описания, знаки, символы или иные слова и обозначения, которые прямо или косвенно создают ложное впечатление о том, что некурительное табачное изделие является менее вредным для здоровья человека, чем другие некурительные табачные изделия и табачная продукция, либо о том, что некурительное табачное изделие имеет вкус пищевой продукции (пищевой добавки), в том числе слова, которые вызывают у потребителей некурительного табачного изделия ассоциации с пищевой продукцией (пищевой добавкой), а также не должна содержать слова, однокоренные с такими словами, аналоги таких слов на иностранных языках и аналоги таких слов, транслитерируемые с иностранных языков».

Полагаю, что понятия «символ», «символика» следует значительно шире применять при оформлении листов-вкладышей к табачному некурительному изделию и другим медицински вредным продуктам.

Познавательная функция юридически значимого символа отличается сложной многоуровневой динамичной структурой и слагается из **ряда подфункций.**

Подфункции познавательного профиля юридически значимых символов неоднородны, разноплановы, порой действуют разрозненно, но все они находятся в более или менее жесткой взаимосвязи, взаимозависимости.

Ориентационно-сигнализирующая подфункция юридически значимых символов отражает их направляющую роль. Например, жесты-символы как проявления мультимодальной коммуникации[3] тесно связаны со схематизирующим пространственно-моторным мышлением. Жест-символ – воплощение знания о телесных движениях, мыслительных и речевых процессах.

Жесты-символы особенно помогают людям с нарушениями речевых и слуховых функций.

Подфункция эстетизации юридически значимых символов нуждается в пояснении.

---

[1] См.: *Аликберов А. К.* Дербент как символ глубоких исторических и культурных связей между народами России и Ирана // Россия–Иран: диалог культур: Международная научная конференция, 8 апреля 2016 года / под науч. ред. А. С. Запесоцкого. СПб.: СПб ГУП, 2017. С. 79–89.

[2] Российская газета. 2024. 15 августа.

[3] См.: *Белых Е. С.* Социальная природа жеста как компонента мультимодальной коммуникации: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 2025. 28 с. На с. 27 автор отмечает: «Жест есть самостоятельный, воплощенный в уникальной человеческой телесности элемент коммуникации, оказывающий влияние на процессы познания и речепроизводства».

Речь идет об одной обычно не отмечаемой исследователями проблеме эстетики права. В трудах по эстетике права упор делается на связи законодательства с искусством – литературой, кино, фотографией, живописью, архитектурой[1].

Юридически значимые символы – относительно самостоятельное средство эстетизации деятельности людей. Символы – объекты почти всех видов искусств, и от того, насколько они эстетичны, зависит их реальное восприятие. Если каким-то образом в символику «вкрадется», «вкрапится» элемент карикатурности, вульгарности, вряд ли можно будет всерьез вести речь о его авторитетности, торжественном «звучании».

Юридически значимые символы призваны «творить красоту», расширять границы ее влияния в процессах правового воспитания и «внедрения» образцов, эталонов правовой культуры.

Символы представляют собой **познавательные образы** и они способны наглядно воздействовать на мотивационную сферу деятельности людей. Они отражают гармонию и действуют как рационально, так и иррационально.

Подфункция эстетизации юридически значимых символов относится не только к их форме, но и к содержанию, а также к структуре. Символы как формат знания не только регулятор, но и инструмент формирования высокой правовой культуры. Они образное познавательное отражение «эстетического государства», о котором мечтал Н. Рерих.

Символы в этом контексте – средство формирования нравственной системы ценностей, правовой активности граждан и их законных объединений, профилактики противоправности.

Юридически значимые символы – **эстетическая ценность,** которая предполагает и многие иные ценностные «пласты». Символы и отображенные ими знания не могут не подлежать эстетической оценке.

Не стану раскрывать – просто назову еще две подфункции: **трансляции ценностей** и **перспектив обновления символических образов**.

Некоторые события и виды деятельности, носящие непреходящий ве́ховский, эпохальный характер, отражаются многими символами, серией их и в различных жанрах искусства, о чем в другой связи я говорил при открытии форума. Знания о такого рода событиях зачастую содержатся в отдельных нетипичных и весьма важных законах. Обратимся к Федеральному закону Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 545-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”». Он содержит (в качестве дополнения) статью 5[2] «Музыкальные произведения и иные произведения, связанные с событиями или периодом Великой Отечественной войны». Она гласит: «В целях сохранения исторической памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне Правительство Российской Федерации может формировать общедоступный перечень правомерно обнародованных до 26 декабря 1991 года музыкальных произведений (с текстом или без текста) и иных произведений, прославляющих подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, героизм, мужество, дружбу, единство, боевое братство защитников Отечества и (или) иным образом связанных с событиями или периодом Великой Отечественной войны. Формирование указанного перечня осуществляется при участии организаций по управлению правами на коллективной основе в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Авторы или иные правообладатели, общероссийские общественные объединения вправе представлять предложения о включении таких музыкальных произведений и иных произведений в указанный перечень.

Музыкальные произведения (с текстом или без текста) и иные произведения, включенные в указанный в части первой настоящей статьи перечень, допускается использовать путем публичного исполнения, публичного показа, сообщения в эфир или по кабелю, ретрансляции, доведения до всеобщего сведения, а также путем включения в сложный объект в объеме, оправданном характером такого объекта, без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения для целей проведения организуемых в соответствии со статьей 1277 Гражданского кодекса Российской Федерации органами публичной власти или с их участием либо по их заказу, либо общероссийскими общественными объединениями, либо учрежденными на основании федерального закона, решений Президента Российской Федерации, или Правительства Российской Федерации, или других органов публичной власти иными организациями, либо обязательными общедоступными телеканалами и (или) радиоканалами праздничных шествий, собраний, митингов, демонстраций и иных мероприятий, приуроченных ко Дню Победы, Дню защитника Отечества, дням воинской славы или памятным датам, связанным с событиями Великой Отечественной войны, без цели извлечения прибыли.»[2].

---

[1] Подробнее см.: *Алферов О. Л., Алферова Е. В.* Искусство и право: рациональные и иррациональные, цивилистические и нравственные основания взаимодействия (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. М., 2025. № 2. С. 167–178; *Скурко Е. В.* [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер.: Государство и право. 2025. № 2. С. 179–185. – Рец. на кн.: Эстетика права: от методологии к формам проявления = Aesthetics of Law: From Methodology to Manifestations / ed. K. Zeidler, J. Kamien. Cham: Springer, 2024. 430 p.; *Ульбашев А.* Право и литература. М.: МИФ, 2025. 384 с.

[2] Российская газета. 2025. 10 января.

Вышеприведенная статья закона предоставляет нам **знания** о:

– особой символической природе музыкальных произведений, связанных с событиями или периодами Великой Отечественной войны;

– возможностях перечня как специфического технико-юридического средства;

– оправданности законодательных исключений из типового правового регулирования для сохранения традиционных духовных ценностей.

Все виды искусств (живопись, скульптура, архитектура) и все жанры литературы используют самые разные (порой весьма экзотические) символы, отражающие сложные идеи и эмоции творцов[1]. Знания об этих символах способны существенно поднять уровень культуры человека, приобщить его к посещению выставок.

Уничтожение, повреждение и осквернение **имущества** (здания, автомобиля, памятника) с **символикой СВО** привело к **новому знанию** о противоправном поведении, а по сути, к расширению сферы девиантной деятельности, логико-гносеологических оснований криминализации такого рода деяний. Внесение изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» также явилось результатом более глубокого познания законодателем роли и ценности религиозной символики. Имею в виду **дополнение** статьи 3 пунктом 6[1] следующего содержания: «Использование изображений и иных форм воспроизведения культовых зданий и иных объектов религиозного назначения, официальных геральдических знаков, их узнаваемых частей, содержащих на момент воспроизведения религиозные символы религий, указанных в преамбуле настоящего Федерального закона, без данных символов, в том числе в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационных сетях, при продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг и в рекламе, не допускается, за исключением случаев, если воспроизводятся исторические изображения с указанием на соответствующий период времени при условии, что в указанный период соответствующие религиозные символы отсутствовали, либо воспроизведение религиозных символов влечет за собой их осквернение»[2].

Познание многообразных форм реализации молодежной политики на всех уровнях власти (особенно муниципальными учреждениями) стало «катализатором принятия Федерального конституционного закона от 31 июля 2025 года № 2-ФКЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 6 Федерального конституционного закона «О Государственном флаге Российской Федерации» и статью 3 Федерального конституционного закона “О Государственном гимне Российской Федерации”». Состоялось дополнение данного Федерального конституционного закона двумя абзацами следующего содержания: его исполнение осуществляется «при открытии и закрытии международных молодежных форумов, проводимых на территории Российской Федерации, всероссийских молодежных форумов и форумов молодежи субъектов Российской Федерации, а также во время проводимых государственными и муниципальными учреждениями, осуществляющими деятельность по реализации молодежной политики (учреждениями молодежной политики), торжественных мероприятий, посвященных государственным и муниципальным праздникам;

при проведении олимпиад и иных интеллектуальных и (или) творческих конкурсов, физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий, включенных в перечень, утверждаемый федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования.»[3].

При подготовке и обсуждении законопроекта о запрете ретуширования религиозных символов при обнародовании изображений культовых сооружений стали известны новые или малоизвестные церковные обычаи, обряды, обнаружились этические требования к их распространению[4]. Эти новые знания могут помочь и неверующим понять истоки уважения верующих к религиозным святыням.

Не символы сами по себе, а именно **знания** об их природе и предназначении в реальной действительности могут жестко конкурировать. И требуются немалые политические, культурные, управленческие усилия для поиска разумных средств смягчения конкурирующих символических начал. В этой связи всего одна показательная иллюстрация. На время Олимпийских игр символ Парижа – Эйфелеву башню – украсил другой символ – пять разноцветных олимпийских колец. Конструкция имела вес 30 тонн, длину в 29 метров, высоту 15 метров. Мэр Парижа настаивал на том, чтобы олимпийские кольца висели до Олимпиады – 2028 года в Лос-Анджелесе.

---

[1] См.: *Hulme F. E.* Symbolism in Christian Art. Great Britain by Blandford Press, Link House, West Street, Poole, Dorset. 1976. 240 p.; *Heath S.* Romance of Symbolism. Literary Licensing, LLC. 2014. 282 p.; Английский символизм: Своеобразие и европейский радиус: сборник научных статей / отв. ред. И. Ю. Замятина. СПб.: Алетейя, 2024. 776 с.; *Ян Пэнтао.* Символика костюма и моды в истории китайской культуры: автореф. дис. … канд. филос. наук. Белгород, 2024. 26 с.

[2] Российская газета. 2025. 8 августа. См. также: Нужен ли верующим закон о «ересях». По поводу дискуссии об искажении религиозных символов. Редакционная статья // Независимая газета. 2025. 24 марта.

[3] Российская газета. 2025. 7 августа.

[4] Подробнее см.: *Веретенникова К.* Депутаты оградят кресты. Защиту религиозных символов предложено расширить и углубить // Коммерсантъ. 2025. 19 июня.

Появилось много противников этой идеи – башня может повредиться от громоздкой конструкции в непогоду, ее эстетический вид ухудшается. Пришлось кольца снять[1]. Но борьба не прекращается, поскольку мэр Парижа и Международный олимпийский комитет намерены создать более легкую конструкцию и вывесить ее на Эйфелеву башню.

Уместность применения символики (и не только государственной) в значительной мере зависит от качества культуры общества, от уровня индивидуальной культуры, образованности граждан и должностных лиц.

Применительно к государственным символам технико-юридически эту проблему разрешить нетрудно: а) зафиксировать исчерпывающий **перечень** дат и мест, где и когда разрешается (либо рекомендуется) исполнение гимна и вывешивание флага; б) установить прямые запреты, где этого делать нельзя, с введением дифференцированной юридической ответственности.

Одно дело – сделать юридически обязательным размещение на регистрационных номерах авто знака российского флага. И совсем другое дело – частная жизнь, где порой граждане применяют государственные и иные символы по собственному усмотрению и далеко не всегда корректно и культурно.

На рекомендательном уровне при описании бланков Почетной грамоты, Благодарственного письма гербы областей и республик размещаются по-разному – в правой либо левой стороне, неодинаковыми размерами и цветами. Полагаю, некоторая унификация (при сохранении самобытности региона) все-таки требуется.

Символы – объект ожесточенной политической борьбы. Так было, так происходит ныне и, по всей видимости, это не исчезнет в будущем. Кроме отрицательных моментов, борьба за сохранение либо ликвидацию отдельных символов (особенно памятников) имеет значимый положительный момент.

Происходит активизация познания истории, конкретных периодов функционирования государства. Например, в Нижегородской области фракция коммунистов довольно давно предпринимает попытки не только создать «Сталин-центр», но и возвести в регионе несколько памятников «вождю народов».

Эти акции невольно заставляют граждан (особенно молодежь) возвратиться к страницам истории сталинизма и вынести собственное мнение об исторической правде и памяти, репрессиях, ГУЛАГе.

Юридически значимые символы – особый, содержательно богатый **объект (предмет) познания.** Результатом правильно организованного трансдисциплинарного познания выступает специфическая область (сфера) знания. Проще всего и точнее всего называть его **символическим**. **Символическое знание** – база, фундамент, основа познавательной функции юридически значимых символов. Много пишут и говорят о **единстве** экономических, политических, демографических, психологических и других видов знания. По всей видимости, можно вести речь **о единстве символического знания.**

Г. П. Ивлиев отмечает, что «символ отображает объект и несет его энергоинформационные характеристики», и продолжает: «Он является творческой идеей Истока, который присутствует в пространстве до и после создания объекта. Он свидетельство наполненности пространства, в чем принимают участие разные формы жизни»[2].

Единство символического знания не означает его неизменности, консервативной шаблонности, рутинной стереотипности. Трудно согласиться с суждением, что «символы не подлежат правкам», а «утрата актуальности влечет замену устаревшего символа новым»[3]. Это упрощенный подход, не учитывающий многомерность и сложность модернизации и накопления знаний о символизации в праве. Преемственность символического знания в большей или меньшей степени не исчезает. И она выступает мощным фактором обеспечения единства и развития символического знания. Приведу любопытный исторический факт: Павел I полковые знамена и штандарты «возвел» в разряд святынь, то есть, по сути, придал им ранг высочайшего символа. Что это означает? Символы могут «создаваться», «изменяться» и «жить» по субъективному велению, «вводиться» волевым политическим решением. Можно, пожалуй, констатировать: посредством личного творчества не исключено возникновение нового символического бытия.

Символы воспроизводят некую действительность такой, какая она есть, то есть содержат объективно-истинное знание. Но некоторые из них могут быть «оторваны» не только от правовой, но и всякой реальности. Какого типа **знание** тогда содержится в них?

Это **знание**, которое существует самостоятельно и, пожалуй, независимо от любых форм социальной деятельности.

Система накопления юридических знаний бесконечна, отличается открытостью к любому объекту – в нашем случае к **символичности.**

Знания «через символы», знания «от символов», знания «в символах» – это не элитный познавательный проект и продукт. Это локальный прирост своеобразных знаний из **природы символики.**

---

[1] См.: *Долгополов Н.* Кольца очень тяжелы. Символ Игр исчез с Эйфелевой башни // Российская газета. 2024. 30 сентября.

[2] *Ивлиев Г. П.* Символы и смыслы патентования. М.: ИД «Городец», 2023. С. 3.

[3] См.: Изменения в праве: новаторство и преемственность: монография / авт. кол.; под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергевнина, Н. В. Разуваева. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 124.

Юридически значимый символ являет собой обширное знаково-информационное пространство, сферу функционирования множества разноплановых данных, связанных друг с другом единой концептуальной идеей.

Юридически значимый символ – **формат представления определенных структур и типов знания.** Эти знания разнообразны, неоднотипны по содержанию и форме, что серьезно затрудняет обоснование **существования познавательной функции** юридически значимого символа.

«Знаниевое» пространство юридически значимых символов можно и нужно очертить предельно точно и максимально конкретно. Символическое – панорама идей, содержащих высокоценное знание.

«Символ всегда нечто, указывающее на иное, он нечто, или некто, стоящее вместо других»[1], – отмечает Д. А. Мисюров.

В коллективной монографии исследователей Оксфордского университета «Разработка нормотворчества: Какое значение имеют инструменты регуляторной политики для государственного управления» имеется раздел под названием «Полезные знания для улучшения регулирования». В работе отмечается значение программы совершенствования регулирования (состоит из принципов, правил, инструментов, которые применяются ко всему правительству и ко всему жизненному циклу законов и нормативных актов). Эффективное регулирование, по убеждению авторов, предполагает взаимодействие заинтересованными сторонами, оценку воздействия первичного и вторичного законодательства, гибкость регулирования, постфактумную оценку регулирования законодательства и программы компенсации регулирования[2].

Полезность знаний, на мой взгляд, – возможная, но излишняя для характеристики управленческой роли познавательной функции юридически значимых символов оценка. Полезность знания – неотъемлемый элемент **необходимого** для результативной правовой регламентации знания. Если знание, содержащееся в том или ином юридически значимом символе, неполезно (либо вредно), то оно и не нужно, в нем нет необходимости. Подчеркну: юридически значимые символы должны содержать не все и не всякие знания, а лишь **необходимые** для их эффективного воздействия логико-гносеологические данные.

Символическое юридически значимое знание **полиструктурно**: оно образуется посредством «атомов» множества гуманитарных и технико-естественных наук. Требуется последовательное «вычленение» из них именно символьного знания, что само по себе крайне сложно. «Миссия» символического юридически значимого знания – воздействие на сознание, волю, деятельность людей и их законных объединений в целях обеспечения суверенитета государства, достоинства личности, экономического благополучия, прогрессивного развития гражданского общества. При этом исхожу из того, что прогресс – такое направление развития, которое объективно характеризуется качественным и количественным переходом от менее совершенного к более совершенному.

По содержанию в юридически значимых символах преобладают следующие виды (типы, уровни, фрагменты) знаний.

Касаясь **философской основы** юридически значимой символики, подчеркну диалектическую сложность ее функционирования. Раскрою ее при помощи убедительного тезиса З. А. Сокулера: «В современной философии складывается довольно парадоксальная ситуация. С одной стороны, философия науки отказывается от понятия истины как неработающего при анализе процессов познания. С другой стороны, философия, отворачивающаяся от теории познания, связывает понятие истины с сокрытостью, тайной или невыразимостью. В одном случае – анализ познания без понятия истины, в другом – понятие истины без процесса познания»[3].

Не только теоретико-методологическая, но и инфографика, визуализация, графический язык **философского знания** образуют познавательную функциональную ценность юридически значимых символов. Визуальная метафористика – доминирующий философский источник конструирования юридически значимых символов.

Политологический «пласт» знаний о юридически значимых символах может «фокусироваться» на базовых идеях национальной солидарности, государственной сплоченности. В этом ключе желательно изучить и модернизировать применительно к условиям современной России некоторые выводы статьи американского политолога Гарольда Ф. Госнелла о проблемах сплочения американского общества во времена военного кризиса[4]. Здесь не следует упускать из виду символы веры, в качестве которых выступают различные политические концепции (например, марксизм не только был символом убежденных

[1] *Мисюров Д. А.* Символы о символах: начала культурно-символической политики. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 5.

[2] *Claire A. Dunlop, Jonathan C. Kamkhaji, Claudio M. Radaelli, Gaia Taffoni, and Claudius Wagemann.* Designing Rulemaking. How Regulatory Policy Instruments Matter for Governance. Oxford University Press. 2024. P. 10–12.

[3] *Сокулер З. А.* Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. С. 226.

[4] *Госнелл Г. Ф.* Символы национальной солидарности (перевод) // Политическая наука. 2023. № 2. С. 338–348. См. также: *Мисюров Д. А.* Политика и символы. М.: Издательская группа URSS, 1999. 124 с.

коммунистов, но и ныне остается таковым у целого ряда общественных объединений в разных странах мира).

Политико-экономическая напряженность последних лет вызвала в жизни новейший уникальный символ – Часы Судного дня. Это символическая попытка физиков-атомщиков («89 секунд до полуночи») продемонстрировать опасность и невероятную близость ядерной глобальной катастрофы.

Языкового (филологического) анализа требует абсолютно каждый юридически значимый символ, выраженный в текстовом формате. В процессе этого анализа обычно не только выявляются особенности законодательных стилей (слова присяг и гимнов), но и с привлечением познавательных приемов юридической лингвистики обнаруживаются пути совершенствования действующего законодательства о символах[1].

«Пласт» **историко-правовых знаний**. Он, по мнению А. В. Скоробогатова, отражает историко-правовую реальность и учитывает не только объективный, но и субъективный элемент, предполагает как перспективную, так и ретроспективную интенцию[2].

Практически все известные нашей цивилизации виды знаний находят отражение в символах. Но эти знания должны концентрироваться на символической основе.

Например, когда исследуется историко-правовой фрагмент символического знания, то акцент желательно сделать **на**:

• сведениях о своеобразии российской дореволюционной дворянской геральдики[3];

• данных о нетривиальности превращения березы в национальный символ России[4];

традициях символического человеческого жертвоприношения, факторах замены кровавых ритуалов духовными обрядами[5];

выявлении у символов утраченного первоначального смысла с обозначением причин его трансформации и современного применения;

истории переводов символов веры на различные языки мира (по типу критико-палеографических заметок Гезена Августа Матвеевича)[6];

обстоятельствах возникновения и факторах модификации орденов, медалей, почетных званий и других видов наградных систем.

И здесь уместно возвратиться к анализу давно будоражащей меня проблемы о надлежащей связи историко-правового знания с современностью, с обязанностью либо отсутствием таковой у историков права в поиске связей с текущим и перспективным политико-юридическим развитием[7].

Историко-правовые исследования представляют собой междисциплинарный синтез исторической науки, социологии, культурологии, психологии, юриспруденции, направленный на выявление закономерностей развития правовых систем с целью формирования стратегических решений в настоящем и прогнозирования их эволюции в будущем. В этом контексте методологический императив предполагает переход от ретроспективного анализа к проективному моделированию, что требует тщательного выявления паттернов правового развития и их экстраполяции в будущее.

Зачастую ретроспективный анализ является ключевым этапом историко-правовых исследований и им же и заканчивается. Объектом такого анализа выступают правовые нормы, документы, судебная практика и в целом институциональные (полезные либо негативные, травматические) изменения. Для достижения этой цели применяются различные методологические подходы, включая историко-догматический, сравнительно-правовой, герменевтический и источниковедческий методы. Использование сугубо ретроспективного подхода, который фокусируется исключительно на воссоздании и описании правового прошлого без проекции его уроков на современность, порождает ряд системных методологических и практических рисков.

---

[1] См.: *Батюшкина М. В.* Законодательные статьи о присягах (клятвах) // Юрислингвистика. 2024. № 32. С. 11–15.

[2] См.: *Скоробогатов А. В.* Предметное поле историко-правового познания // Историко-правовой ежегодник – 2023 / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Ассоциация историков права; Инфотропик Медиа, 2024. С. 12. См. также: *Ракитов А.* Историческое познание: системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.; *Кожевина М. А.* Историческое познание в понимании А. И. Ракитова и современное историко-правовое знание: некоторые методологические зарисовки // Историко-правовой ежегодник – 2023 / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Ассоциация историков права; Ифотропик Медиа, 2024. С. 304–316.

[3] См.: *Пчелов Е. В.* История России языком дворянских гербов. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 592 с.; *Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние интересов с русскими. 4-е изд. М.: Ленанд, 2017. 256 с.

[4] См.: *Нарский И., Нарская Н.* Русская березка. Очерки культурной истории одного национального символа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 600 с.

[5] См.: *Ивик О.* Кровь и символы. История человеческих жертвоприношений. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 340 с.

[6] См.: *Гезен А. М.* История славянского перевода символов веры. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 144 с.

[7] Исходные методологические предпосылки решения этой проблемы были обозначены мною на с. 106–107 (со ссылкой на труды Т. Ф. Ящук и А. А. Демичева) монографии: *Баранов В. М.* Свод кодифицированных актов Российской Федерации: теоретическая и практическая необходимость подготовки в условиях цифровизации общества. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025.

Исследование превращается **в бесцельное накопление фактов и дат.** Ученый выступает в роли «археолога», «регистратора», «собирателя», который описывает найденные «артефакты» (законы, судебные решения), не пытаясь понять их системную связь с современными правовыми проблемами, что лишает работу эвристической ценности.

Парадоксально, но отсутствие проектной цели часто приводит к обратному эффекту – модернизации истории. Исследователь, не ставящий сознательной задачи по актуализации, невольно проецирует на прошлое современные категории и оценки, искажая исторический контекст. Сознательный же проектный подход, напротив, требует четкого разграничения эпох.

Ретроспективный анализ отвечает на вопрос «Что и как произошло?», но уклоняется от вопросов «Почему это произошло?» и «Какие устойчивые закономерности здесь проявляются?». Без ответа на эти вопросы история права теряет способность объяснять причины успехов и провалов политико-правового и иного развития.

Описательный подход часто маскируется под «научную объективность». Однако любое выделение фактов из бесконечного исторического потока уже является интерпретацией. Отсутствие явно сформулированной цели исследования делает эту интерпретацию неявной, нерефлексируемой и, следовательно, методологически некорректной.

Исследования, не содержащие выводов для современности, маргинализируют историко-правовую науку. Законодатели и правоприменители перестают видеть в них источник полезных решений, что ведет к принятию законов без учета исторического опыта и, как следствие, к повторению ошибок прошлого.

Беспристрастное описание устаревших, а порой и репрессивных институтов без их критической оценки может быть использовано для их легитимации в настоящем. Лозунг «Так было всегда» становится аргументом против необходимых демократических реформ.

История права перестает выполнять роль «учителя жизни», будучи не в состоянии сформировать критическое правосознание, не способна сформировать образ права как продукт борьбы и компромиссов, не воспитывает уважение к праву через демонстрацию его эволюции как великого культурного достижения.

Без проектного взгляда в будущее исследователь не может системно выявить правовые решения, которые в долгосрочной перспективе доказали свою неэффективность или вред. Это лишает правовую систему механизма «естественного отбора» и профилактики рецидивов архаичных практик.

Отсутствие новых целей и вызовов приводит к тому, что исследования ведутся по давно отработанным шаблонам. Наука перестает генерировать новые методы и исследовательские программы, довольствуясь комментированием и уточнением известного.

Историко-правовая наука замыкается в узком кругу специалистов, ее язык становится все более эзотерическим, а темы – все более частными, сугубо эмпирическими и далекими от актуальных проблем. Это ведет к маргинализации науки, потере интереса у перспективных исследователей, снижению интереса к историко-правовой проблематике общества и, как следствие, утрате общественного признания, государственного доверия.

Догматические цивилисты, теоретики права, специалисты по конституционному, административному, уголовному, налоговому праву не находят в ретроспективных исследованиях материала для своих изысканий. Исчезает междисциплинарный диалог, обедняющий всю юридическую науку в целом, интегрирующей право в систему социального регулирования.

Чисто ретроспективный анализ превращает историю права из живой, развивающейся дисциплины в музей правовых древностей. Он создает иллюзию научной строгости, но на деле ведет к методологической нерефлексивности, социальной бесполезности и академической стагнации. Преодоление этих рисков возможно через принятие проектной парадигмы, которая рассматривает историческое знание не как самоцель, а как основу для извлечения уроков, диагностики современных проблем и проектирования более эффективных и справедливых правовых институтов будущего. История права должна быть не просто памятью юриспруденции, но ее совестью и лабораторией.

Проективное моделирование представляет собой методологический инструмент, позволяющий конструировать сценарии развития правовых систем на основе выявленных исторических закономерностей. В основе этого подхода лежат принципы нормативности, мультивариативности, адаптивности и трансдисциплинарности, что обеспечивает гибкость и многогранность правового прогнозирования. Для реализации проективного анализа применяются методы сценарного моделирования, форсайт-анализа, агентного моделирования и правового дизайна, позволяющие оценить потенциальные риски и возможности развития правовых систем.

Переход от ретроспективного анализа к проективному моделированию включает несколько ключевых этапов. На первом этапе осуществляется критическая ретроспекция, направленная на систематизацию данных и выявление паттернов правового развития, далее следует анализ выявленных закономерностей, включающий определение факторов влияния и классификацию реформ. На этапе целеполагания формулируются желаемые состояния правовых систем и устанавливаются критерии эффективности. Заключительным этапом является проектирование сценариев развития, включающее моделирование возможных решений и оценку рисков и возможностей их реализации.

Проективный подход находит широкое применение в различных сферах правовой деятельности. В законотворческой практике он используется для проведения прогностической экспертизы и разработки гибких правовых механизмов, адаптированных к будущим изменениям. В судебной практике проективный анализ позволяет осуществлять историко-правовое обоснование судебных решений и моделирование их последствий. В области правового образования проективный подход способствует формированию у студентов навыков проективного и критического мышления и анализа исторических кейсов.

Несмотря на значительные преимущества, проективный подход также сопряжен с рядом рисков и ограничений. Среди них можно выделить гипертрофию оптимизма, технологический детерминизм правовых реформ, этические риски, связанные с внедрением новых технологий, а также методологическую сложность самого процесса правового прогнозирования.

Для иллюстрации применения проективного подхода рассмотрим кейс-стади, посвященный анализу цифровизации права. Ретроспективный анализ эволюции форм фиксации правовых норм и исторических технологических революций позволяет выявить ключевые закономерности, такие как ускорение правотворчества и рост доступности правовой информации. На основе этих данных можно разработать несколько проективных сценариев развития цифрового права, включая оптимистический, пессимистичный и базовый сценарии. Практические рекомендации, вытекающие из этого анализа, включают разработку цифровых стандартов, адаптацию правовых норм к использованию искусственного интеллекта и обеспечение кибербезопасности правовых систем.

Следует сформировать методологический императив историко-правовых исследований, который должен представлять собой комплексный подход, сочетающий как ретроспективный анализ, так и проективное моделирование, данный подход позволит не только углубленно изучать исторические закономерности развития правовых систем, но и формировать стратегические ориентиры для их будущего развития. Основными положениями такого методологического императива должны стать практическая направленность, динамичность и ответственность, что даст возможность превратить такой императив в необходимый инструмент любого историко-правового исследования, что в свою очередь создаст необходимые условия для выявления дефектов в правовых конструкциях, что позволит не допустить ошибок законодателем при подготовке нормативно-правовых актов.

В рамках проектного подхода историко-правовое исследование должно также выполнять функцию диагностики современных правовых проблем через призму их генезиса, например, изучение института ответственности власти в разных исторических периодах позволяет не просто описать эволюцию этого института, но и выявить устойчивые паттерны уклонения власти от ответственности, а также эффективные исторические механизмы ее обеспечения. Такой анализ становится основой для проектирования более совершенных институтов ответственности в современном государстве.

Историк права может и, пожалуй, должен воспринимать современную правовую систему как сложный организм, страдающий множеством «хронических болезней» – неэффективных институтов, противоречивых норм, ложных государственных установлений, устаревших процедур. Осуществляя исследование такого организма, историк права сталкивается с тем, что зачастую традиционные юридические методы оказываются недостаточными для точной диагностики указанных выше проблем, поскольку они работают с симптомами, свидетельствами, показателями, символами, а не с причинами. Историко-правовое исследование в этом контексте приобретает новое значение – оно становится мощным диагностическим инструментом, позволяющим выявить генезис и природу современных правовых патологий. Диагностика в историко-правовом исследовании – это метод выявления устойчивых паттернов правового развития, которые проявляются в повторяющихся проблемах и кризисах правовой системы, и речь здесь идет не просто о констатации фактов прошлого, а об установлении причинно-следственных связей между историческими правовыми явлениями и современными проблемами. В отличие от традиционного подхода, который отвечает на вопрос «Что было?», диагностическое исследование спрашивает: «Почему это было и как это влияет на современность?». В таком исследовании историк права рассматривает объект изучения как некую клиническую карту, где каждый исторический период оставляет следы, помогающие понять природу современных правовых «заболеваний». Диагностика предполагает движение от современной правовой проблемы вглубь истории для выявления ее истоков, например, проблема неправосудных решений может быть прослежена от средневековых ордалий через инквизиционный процесс к современным судебным ошибкам, выявляя устойчивые причины этого явления.

Сравнение того, как аналогичные правовые проблемы решались в разных исторических условиях и правовых системах, позволяет выявить универсальные и специфические элементы правовых патологий, подобный метод выступает аналогом дифференциальной диагностики в медицине. Прослеживание генезиса правового института от его зарождения до современного состояния позволяет понять его изначальный функциональный замысел и последующие «мутации», приведшие к современным проблемам. Диагностика позволяет обнаружить правовые нормы и институты, утратившие свое первоначальное функциональное назначение, но продолжающие существовать в правовой системе, например, анализ эволюции института конфискации имущества показывает его трансформацию из инструмента борьбы с преступностью в средство политических репрессий.

Историко-правовое исследование должно быть направлено на выявление устойчивых ошибок правового регулирования, повторяющихся в разных исторических условиях. Так, например, изучение последствий чрезмерной криминализации в разные эпохи позволяет диагностировать подобные тенденции в современном уголовном праве. Анализ исторической эволюции государственных институтов позволяет выявить устойчивые дисфункции, в частности, изучение многовекового противостояния центральной власти и местного самоуправления помогает диагностировать современные проблемы административной реформы.

Историко-правовая диагностика позволяет обнаружить повторяющиеся сценарии правового развития, например, анализ циклов кодификации и декодификации права помогает понять современные волны законодательной активности. Можно приводить десятки примеров исследований подобной диагностики, охватывающих как общетеоретическую, так и отраслевую проблематику. Исторический анализ эволюции судебной системы от средневековых ордалий до современного состязательного процесса позволяет выявить устойчивые проблемы: зависимость судей от власти, формализм правосудия, недоступность правовой защиты. Эти диагнозы помогают разработать целевую терапию для современной судебной реформы. Изучение исторических форм и методов коррупции (от системы «кормлений» в Древней Руси до современных схем откатов) позволяет выявить устойчивые модели, социально-экономические корни деформации и разработать эффективные антикоррупционные механизмы. Анализ исторической эволюции законодательного процесса выявляет повторяющиеся проблемы: несистематичность законотворчества, лоббизм, низкое качество юридической техники. Этот диагноз позволяет предложить конкретные меры по совершенствованию законодательного процесса. Исторический анализ показывает, что проблема неисполнения судебных решений имеет глубокие исторические корни, связанные с традиционным противостоянием судебной и исполнительной власти. Диагноз: слабость судебной власти как системная проблема, а не временная трудность. Историко-правовое исследование позволяет диагностировать правовой нигилизм не как особенность национального характера, а как следствие многовекового противоречия между писаным правом и правоприменительной практикой. Исторический анализ многовекового противостояния юридического позитивизма и естественно-правовой теории дает возможность диагностировать современный кризис легитимности права как следствие разрыва между правом и представлениями о справедливости.

Таким образом, диагностический подход позволяет проникать в суть правовых явлений, выявляя их глубинные причины, а не работая с поверхностными симптомами. Понимание исторических корней правовых проблем позволяет не только лечить уже проявившиеся «заболевания» правовой системы, но и проводить их эффективную профилактику. Подобный подход дает возможность рассматривать правовые проблемы в их системной взаимосвязи, избегая фрагментарности и односторонности анализа. Как следствие, диагностическое историко-правовое исследование имеет непосредственный практический выход, предоставляя материал для разработки конкретных мер по совершенствованию правовой системы.

Историко-правовое исследование как диагностический инструмент представляет собой качественно новый этап в развитии юридической науки. Оно превращает историю права из вспомогательной дисциплины в мощное средство познания и преобразования современной правовой реальности.

Постановка точного историко-правового диагноза – это лишь первый этап. За ним должно следовать «лечение» – разработка и реализация конкретных мер по совершенствованию правовой системы на основе понимания ее исторически обусловленных патологий.

Будущее историко-правовой науки видится в развитии именно диагностической функции. Историк права должен стать своего рода «врачом» правовой системы, способным не только описать симптомы, но и поставить точный диагноз и назначить эффективное лечение. Только так историко-правовая наука сможет выполнить свою социальную миссию – способствовать построению более совершенной и эффективной правовой системы.

Кроме того, следует отметить, что проектный подход предполагает возможность рассматривать историю права как естественный эксперимент, в ходе которого проверялись различные правовые решения[1]. Задача исследователя права – не просто описать этот эксперимент, но и извлечь из него уроки для современного правотворчества. Как в естественных науках результаты экспериментов используются для создания новых технологий, так и в историко-правовой науке результаты «исторических экспериментов» должны использоваться для проектирования более эффективных правовых институтов.

Историко-правовой эксперимент – это методологическая концепция, рассматривающая конкретные исторические периоды, правовые реформы или институты как естественные эксперименты, в которых проверялись эффективность, жизнеспособность и социальные последствия различных правовых решений. В отличие от лабораторного эксперимента, историко-правовой эксперимент разворачивается в

[1] Подробно о правовом экспериментировании см.: Юридическая техника. 2025. № 19: материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. 968 с.

естественных социальных условиях, что обеспечивает высокую экологическую валидность его результатов, но одновременно требует тщательного учета исторического контекста и специфики условий проведения.

Принцип историко-правового эксперимента основывается на трех методологических столпах:

– реконструкция экспериментальных условий (исторического контекста);

– выявление независимых переменных (правовых инноваций);

– анализ зависимых переменных (социальных последствий).

Можно обозначить следующие критерии оценки результатов историко-правовых экспериментов:

– критерий эффективности, способность правового решения достигать поставленных целей при минимальных социальных издержках (например, оценка эффективности Судебной реформы 1864 года по основаниям скорости, качества и доступности правосудия);

– критерий устойчивости, способности правового института функционировать в течение длительного времени и адаптироваться к изменяющимся условиям (анализ долговечности различных моделей правового регулирования);

– критерий легитимности, уровень общественного признания и добровольного соблюдения правовых норм (изучение факторов, влияющих на легитимность различных правовых институтов в исторической ретроспективе);

– критерий справедливости, соответствие правовых решений исторически обусловленным представлениям о справедливости (анализ восприятия справедливости различных правовых институтов современниками).

Практическое значение принципа историко-правового эксперимента может существенно оптимизировать законодательную деятельность посредством формирования научно-обоснованного прогноза последствий правовых реформ, избежать повторения ошибок нормативного конструирования государственно-правовых институтов, выбрать наиболее эффективные правовые модели, наиболее эффективные и экономичные стратегии, тем самым оптимизировать издержки правового регулирования.

Историко-правовой эксперимент может оказаться полезным для правоприменительной практики, формирование четкого представления об историческом контексте эволюции государственно-правовых институтов позволит правоприменителю более адекватно толковать правовые нормы, учитывать историческое предназначение государственно-правовых институтов. Подобный метод представляет собой бесценный ресурс для современного правотворчества, позволяет, не проводя рискованных социальных экспериментов в настоящем, извлекать уроки из масштабных естественных экспериментов прошлого.

Следует сформировать определённые требования к результатам исследований с использованием вышеуказанных методов.

Все предлагаемые изменения должны быть непосредственно выведены из проведенного исторического анализа, автор полагает категорически недопустимым механическое перенесение исторических моделей в современность, исследователям истории права потребуется демонстрация преемственности правовых проблем и доказательство эффективности исторических решений для современных условий.

Требования к проектной составляющей историко-правового исследования можно сформулировать таким образом.

Исследование обязано выявлять устойчивые дефекты правового регулирования, имеющие глубокие исторические корни.

Историко-правовое исследование должно обнаруживать эффективные правовые институты прошлого, необоснованно отвергнутые в процессе исторического развития. Речь идет о таких институтах, как земское самоуправление, сословное представительство или традиционные формы правосудия, которые могут быть адаптированы к современным условиям.

На основе анализа устаревших и доказавших свою неэффективность правовых институтов должны формулироваться правовые «противовесы», препятствующие их возрождению в современной практике.

Анализ наиболее выдающихся правовых формулировок прошлого, сыгравших значительную роль в становлении современных правовых систем (римские дигесты, классические гражданско-правовые конструкции), должен использоваться для совершенствования современной законодательной техники, борьбы с юридической неопределенностью и избыточной сложностью правовых текстов.

Предложения должны учитывать системный характер права и оценивать последствия изменений для смежных институтов, следует избегать изолированных рекомендаций, не учитывающих их влияния на правовую систему в целом. Каждое предложение должно сопровождаться анализом возможных механизмов его реализации: законодательная инициатива, изменение подзаконных актов, корректировка судебной практики, реформа правоприменительной деятельности.

Критерием ценности любого предложения является его ориентированность на усиление гарантий прав и свобод человека, что должно вытекать из исторического анализа их нарушения или защиты. Историко-правовое исследование должно показывать, как предлагаемые изменения укрепляют правовые позиции личности.

Предложения должны учитывать современные социально-экономические, политические и технологические условия, историку права следует исходить из того, что исторический опыт требует творческой

адаптации, а не механического копирования. В историко-правовом исследовании должны рассматриваться конкретные проблемы современного права, выявленные через историческую ретроспективу, также формулироваться предложения по их решению с указанием объектов воздействия, механизмов реализации и оценки возможных последствий.

Проектный раздел должен быть изложен языком, понятным не только специалистам в конкретной историко-правовой области, но и законодателям, правоприменителям, представителям юридического сообщества в целом.

Предложения должны формулироваться как основа для профессионального обсуждения, а не как догматические истины. Исследователь обязан указывать альтернативные варианты решений и возможные контраргументы.

Важно учитывать критерии оценки качества проектной составляющей:

– предложения должны содержать элементы новизны, выходящие за рамки уже существующих в научной литературе идей по реформированию права;

– степень обоснованности предложений непосредственно вытекающими из исследования историческими данными;

– потенциальная способность предложений реально улучшить правовое регулирование, повысить эффективность правовых институтов, усилить защиту прав граждан;

– учет взаимосвязей предлагаемых изменений с другими элементами правовой системы.

Завершая фрагмент о ценности и возможностях историко-правового знания, отмечу: историко-правовая наука стоит на пороге фундаментальной трансформации своей социальной и профессиональной роли. Из пассивного регистратора правового прошлого она должна превратиться в активного и влиятельного участника правотворческого процесса. Это не просто желательное направление развития, а насущная необходимость, обусловленная как внутренними потребностями самой юридической науки, так и внешними вызовами современного правового развития.

Проведенное исследование демонстрирует, что проектный подход в историко-правовых исследованиях представляет собой не просто новую методику, а подлинную смену парадигмы. Он предполагает переориентацию всей системы историко-правового знания с ретроспективного описания на перспективное проектирование. Такой подход позволяет преодолеть традиционный разрыв между фундаментальными исследованиями в области истории права и прикладными потребностями законодательной практики.

Методологический потенциал историко-правовой науки как активного участника правотворчества раскрывается в нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, историко-правовые исследования обладают уникальной способностью выполнять диагностическую функцию по отношению к современным правовым проблемам. Глубокий анализ генезиса правовых институтов позволяет выявлять не только поверхностные симптомы, но и глубинные причины современных правовых дисфункций. История права выступает как своего рода «медицинская карта» правовой системы, позволяющая поставить точный диагноз ее современным «заболеваниям».

Во-вторых, принцип историко-правового эксперимента открывает возможность использовать богатейший опыт прошлого как естественную лабораторию правового развития. Многовековые эксперименты с различными правовыми моделями, институтами и процедурами представляют собой бесценный ресурс для современного правотворчества. Анализ успехов и неудач этих экспериментов позволяет избежать повторения ошибок прошлого и выбрать наиболее эффективные пути правового развития.

В-третьих, единство исторического и логического в правовом развитии обеспечивает методологическую основу для прогнозирования последствий правовых реформ. Понимание логики исторической эволюции права позволяет не только объяснять прошлое, но и предвидеть будущее, строить обоснованные прогнозы развития правовой системы.

Практическая реализация потенциала историко-правовой науки как активного участника правотворчества требует существенной перестройки всей системы научной деятельности. Необходимы:

– разработка и внедрение стандартов историко-правовой экспертизы законопроектов;

– создание постоянно действующих научных групп при законодательных органах;

– формирование банка данных историко-правовых исследований, применения предложений, содержащихся в таких исследованиях и оценки их эффективности;

– развитие методологии проектных историко-правовых исследований;

– подготовка нового поколения исследователей, сочетающих глубокие исторические знания с пониманием современных правовых проблем;

Особое значение приобретает развитие нормального взаимодействия между историко-правовой наукой, теорией, отраслевыми юридическими науками и органами государственной власти, местного управления. Историки права должны занять место не в академических башнях из слоновой кости, а в рабочих кабинетах законодателей, участвуя в подготовке и экспертизе законопроектов, разработке концепций правовых реформ, оценке их возможных последствий.

В перспективе именно историко-правовая наука **может и должна стать** важнейшим источником **правового (как положительного, так и отрицательного) опыта для современного законодателя**.

Она способна обеспечить то, что невозможно получить в рамках чисто догматического подхода, – понимание права как живого, развивающегося организма, глубоко укорененного в историческом опыте и культурной традиции.

Пришло время историко-правовой науке выйти из академической резервации и занять подобающее место в системе юридического знания и правотворческой практики. Только так она сможет выполнить свою высокую социальную миссию – способствовать построению более совершенной, эффективной и справедливой правовой системы, основанной на уроках прошлого и ориентированной на вызовы будущего.

Будущее права создается сегодня, но оно должно строиться на мудрости веков, и именно историко-правовая наука призвана стать мостом между этой мудростью и современными потребностями правового развития.

Предложенная в первом приближении система требований призвана преодолеть отчуждение историко-правовой науки от актуальных проблем правового развития. Еще раз констатирую: историк права не может оставаться лишь регистратором юридического прошлого – он должен быть активным участником формирования правового будущего.

Внедрение проектного подхода в историко-правовые исследования позволит:

– повысить практическую значимость историко-правовой науки;

– обогатить современную юриспруденцию проверенным историческим опытом;

– создать механизм «правового естественного отбора», отсеивающего нежизнеспособные правовые решения;

– укрепить преемственность правового развития;

– повысить качество законодательной деятельности за счет учета исторических уроков.

Только таким образом историко-правовая наука сможет занять подобающее место в системе юридического знания, стать действительным инструментом прогрессивного развития правовой системы, формой обогащения символического знания.

Усложнение предлагаемого подхода неизбежно при изучении и преподавании истории западного права, которое обладает собственным метаязыком. Естественно, это относительно самостоятельный объект истории права и для него, по всей видимости, требуется иная система понятий, другие методы их анализа, толкования. Здесь необходим поиск и других путей связи с современностью. Принцип равноправности различных правовых традиций предполагает требование не «выбирать», не «назначать» какую-то из них эталоном, идеалом, влекущим некое обязательное следование им.

В **культурологии** феномен «трудное наследие» применяется как ресурс культурно-познавательного туризма[1]. Если применить этот подход к проблеме юридически значимых символов, то можно констатировать: фашистская символика, символика террористических и экстремистских организаций, деструктивных тоталитарных религиозных сект есть не просто трудное наследие, а угнетающе-отвратительный ресурс извращенного, ложного гуманитарного познания.

В культурологии анализируют острейшую проблему о праве некоторых цивилизаций на символическое присвоение мировой культуры[2]. Отдельные исследователи считают возможным утверждать, что русская культура отрезана от мировой и не умеет присваивать ее. Этот «пласт» символического вряд ли близок юриспруденции, но в исторической перспективе возможно изменение приоритетов в «связке» Закон и Культура. И в этом направлении есть резон вести общеправовой поиск.

Социология юридически значимой символики может открыть знания, которые позволят существенно обогатить проблему ее (символики) восприятия. Пока имеются лишь единичные публикации по этому предмету[3]. Между тем проблема восприятия юридически значимой символики весьма широка и включает в себя моменты соотношения «своих» и «чужих» символов, способов воспитания уважения к тем и другим.

Накопление необходимого объема социологических данных о юридически значимых символах можно осуществить разными методами, в том числе последовательными эмпирическими и даже экспериментальными исследованиями. Один из уже апробированных методов – выявление и многоплановый социологический анализ символического содержания представлений граждан России о своей стране: ее прошлом, настоящем и будущем[4].

---

[1] См.: *Бугрова Е. Д.* «Трудное наследие» как ресурс культурно-познавательного туризма: автореф. дис. … канд. культурологии. Екатеринбург, 2025. 24 с.

[2] См.: *Мартынов В. А.* Метод и время. О методологических канонах и «практиках необязательных спекуляций» // Вестник Омского университета. 2019. Т. 24. № 2. С. 97–113.

[3] См., например: *Очур-оол Д. А., Суфиева А. Т.* Восприятие гимна в современном российском обществе // Гражданская идентичность современной молодежи: вызовы, решения, перспективы: сборник докладов по материалам Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов (Саратов, 17 мая 2023 г.) / под ред. А. И. Заграничного, В. В. Щеблановой. Саратов: Амирит, 2023. С. 51–53.

[4] См.: *Смулькина Н. В., Рогач Н. Н.* Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 89–106.

Символы обладают значительной познавательной ценностью с **технико-юридической стороны**. Это относится к сущности, содержанию и форме юридически значимого символа. Прирост знаний здесь может быть с самых разных позиций и обнаружить это возможно посредством анализа зарубежных средств регулирования юридически значимых символов. В этой связи всего одна иллюстрация.

На сайте Белого дома США появился документ от 25 августа 2025 года – символично, что это произошло ровно месяц назад. Чтобы не ослабить его содержание, пришлось не ограничиваться машинным переводом акта – специалисты подготовили содержательный профильный перевод.

В документе нет обозначения вида, жанра нормативного правового акта: на сайте Белого дома предложено **публицистическое** название **«Преследование за поджог американского флага**». При этом текст документа завершается такими вполне официальными реквизитами:

DONALD J. TRUMP ДОНАЛЬД Д. ТРАМП

THE WHITE HOUSE, БЕЛЫЙ ДОМ,

August 25, 2025. Август 25, 2025.

В американских и российских СМИ документ называют решением, распоряжением, постановлением, указом. Вряд ли отсутствие точного официального определения статуса акта технико-юридически оправданно и нам не стоит заимствовать такой подход. Буквальное толкование текста документа позволяет заключить – **это Указ Президента США**.

У акта нет преамбулы в классической ее трактовке. Раздел 1 называется «Цели». Он содержит три абзаца, которые по торжественности стиля напоминают преамбулу. Вот лишь некоторые строки: «Наш великий американский флаг является самым священным и почитаемым символом Соединенных Штатов Америки, а также символом американской свободы, идентичности и силы. На протяжении почти двух с половиной столетий тысячи американских патриотов сражались, проливали кровь и погибали, чтобы звезды и полосы гордо веяли. Американский флаг – это особый символ в нашей национальной жизни, который должен объединять и представлять каждого американца, независимо от происхождения и образа жизни».

Затем, по сути, идет описание состава правонарушения: «Осквернение его (флага. – **В. М.**) является исключительно оскорбительным и провокационным деянием. Это заявление враждебности и насилия против нашей нации – самая очевидная демонстрация оппозиции политическому союзу, задача которого сохранять наши права, свободы и безопасность. Поджог может спровоцировать насилие и беспорядки. Сжигание американского флага также используется группами иностранных граждан как намеренный акт запугивания и угрозы насилия против американцев из-за их национальности и места рождения». Нет четкой диспозиции, признаков состава этого правонарушения.

И только из третьего абзаца становится ясно, что речь идет **об уголовной ответственности**: «Моя администрация предпримет меры для восстановления уважения и почтения к американскому флагу и будет в максимальном объеме, который разрешен полномочиями, вести **уголовное преследование** тех, кто подстрекает к насилию или иным образом нарушает наши законы, оскверняя этот символ нашей страны».

Раздел содержит один особенный для указа технико-юридический нюанс – **ссылку на прецедент** (Техас против Джонсона, 491 U.S. 397, 408-10 (1989)).

Раздел 2 «Меры по борьбе с осквернением американского флага» обозначает субъектов этой деятельности (генеральный прокурор, Министерство юстиции, государственный секретарь, секретарь внутренней безопасности) и некоторые их процессуальные шаги.

Интересен короткий третий раздел: «Если какое-либо положение этого указа или применение какого-либо положения к какому-либо лицу или обстоятельству будет признано недействительным, остальные положения этого указа и их применение к другим лицам или обстоятельствам не будут затронуты».

Раздел 4 «Общие положения» (заметьте!) **завершает** указ, а в российской традиции с общих положений акты начинаются.

«Стержень» раздела образует юридическая норма из четырех частей, но все они «привязаны» к проблеме толкования указа:

«(a) Ничто в этом указе не должно толковаться как ограничение или ***иное влияние*** (курсив мой. – **В. Б.**) на:

(i) полномочия, предоставленные законом исполнительному департаменту или агентству, или их руководству; или

(ii) функции Директора Управления по управлению и бюджету, связанные с бюджетными, административными или законодательными предложениями.

(b) Этот указ должен быть внедрен в соответствии с применимым законодательством.

(c) Этот указ не предназначен для создания и не создает никаких прав или преимуществ, материальных или процессуальных, которые могут быть принудительно реализованы в соответствии с законом или в суде любой стороной против Соединенных Штатов, его департаментов, агентств или организаций, их должностных лиц, сотрудников или агентов, или любого другого лица.

(d) Расходы на публикацию этого указа несет Министерство юстиции».

Неясно – что означает словосочетание «иное влияние»: текст выглядел бы более точным без него. Всем субъектам было бы понятно – запрещается любое ограничительное толкование норм указа.

К положительной стороне указа отношу его обращение к толкованию принятых юридических норм. На этом «поле» чаще всего происходят злоупотребления властью и физическими лицами. Вспомним видео, которое разнеслось по Сети: боснийская туристка танцует в Каппадокии на фоне красивого заката не на пилоне, а на флагштоке турецкого флага. Прокуратура возбудила уголовное дело – туристке «за оскорбление флага, турецкой нации и ее институтов» грозило до 5 лет лишения свободы.

В чем именно состоит оскорбление национального символа в данном случае? Есть ли здесь признак «осквернения» флага?

Перечислить (даже без схематического раскрытия) все области знания, образующие юридически значимую символогию, невозможно.

Не ради политической или иной конъюнктуры, а для привлечения внимания юридической общественности к **особому типу знания** о государственных символах обращусь всего к одной диссертационной работе по теории и истории культуры, искусства. Имею в виду исследование А. А. Карабанова с примечательным названием «Гимн российского государства как социокультурный феномен». Вот лишь некоторые познавательные характеристики этого юридически значимого феномена:

– «гимн как квинтэссенция идеологической парадигмы государства, формализующегося в музыкально-поэтической форме и воспринимаемый гражданами как сакральный символ страны»;

– «песня-гимн должна быть неким маркером-определителем, действующим по принципу “свой-чужой”»;

– «российский гимн является достоянием русской нации, символом объединения, в нем отражены незыблемые духовные ценности, которые передаются из поколения в поколения»;

– «универсальный символ для всех народов и этносов страны, консолидирующий их не по национальному принципу, а по принципу гражданского единения»;

– «совмещает в себе: особенности художественного стиля (образность), выражение идеологической парадигмы государства, архетипические черты народов (активность эмоционально-экспрессивных средств, элементы проповеди, назидательность, риторические вопросы, восклицания, повторы)»[1].

Способов посягательств на государственные и иные символы много – предусмотреть асоциальное вандальное поведение в одном или нескольких нормативных правовых актах вряд ли возможно. Требуется систематизация всех имеющихся актов о дифференцированной юридической ответственности за посягательства на функционирующую в обществе разрешенную символику. Может быть, следует обсудить вариант подготовки Модельного кодекса об ответственности за надругательство над символикой. Кроме всего прочего, это значительно облегчит организацию профилактической воспитательной работы в этой сфере. Со временем станет возможной подготовка комментариев к этому юридическому докумен-

[1] *Карабанов А. А.* Гимн российского государства как социокультурный феномен: автореф. дис. … канд. искусствоведения. Краснодар, 2023. С. 11, 14, 20–21.

ту, где объективной оценке можно будет подвергнуть как типичные, так и нетипичные (экстравагантные) способы посягательства на символику.

Основу предлагаемой кодификации мер правовой ответственности за посягательства на юридически значимые символы могут составить принципы ее установления в следующих нормативных и доктринальных источниках.

Прежде всего, назову неполную серию определений Конституционного Суда Российской Федерации об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики[1].

Доктринальные исследования уголовной и административной ответственности за преступления и иные правонарушения, связанные с символами[2], также могут послужить базой кодификации этого рода нормативных правовых актов.

Юридически значимая знаниевая символосфера предполагает анализ и объективную критическую оценку **информации криминального характера** (татуировки, оскорбительные жесты, воровской жаргон, модифицированная ненормативная лексика). Антикриминальное просвещение и воспитание призваны грамотно и убедительно «развенчивать» символы криминалитета, устанавливать интеллектуальные и иные барьеры против превращения их в модный бренд. Например, в этой непростой деятельности вполне можно использовать песню в исполнении Михаила Шуфутинского «Наколочка» (слова К. Арсенева), где не без горечи фиксируется:

«Прошлась по коже иголка – иголочка,
Как по душе потопталась судьба.
С тех пор осталась наколка – наколочка,
И я забыл бы – да только нельзя».

В этом же ряду располагается песня Михаила Круга «Золотые купола» с «поучительным» припевом: «Золотые купола на груди наколоты, только синие они и ни крапа золота».

Когда символами (в данном случае неважно какими) разрисовывают стены домов, лифтов, заборов, то это не творческое самовыражение, а вполне конкретное и наказуемое асоциальное противоправное поведение.

К защите от криминальных посягательств на символические духовные ценности и знания призывает Русская православная церковь. «Никакими ссылками на свободу слова и творчества нельзя оправдать надругательство в публичной сфере над предметами, символами или понятиями, которые почитаются верующими людьми», – отмечается в Основах учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. Далее в документе подчеркивается: «Современное законодательство обычно защищает не только жизнь и имущество людей, но и ***символические ценности*** (курсив мой. – **В. Б.**), такие, как память умерших, места захоронения, памятники истории и культуры, ***государственные символы*** (курсив мой. – **В. Б.**). Такая защита должна распространяться на веру и святыни, которые дороги для религиозных людей»[3].

---

[1] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кирьянова Федора Павловича на нарушение его конституционных прав статьями 1 и 2 Закона города Москвы «Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы»: определение Конституционного Суда РФ от 7 июня 2001 года № 116-О. URL: https://base.garant.ru/5128172/ (дата обращения: 17.11.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Олега Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», Закона Московской области «Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории Московской области» и статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2003 года № 127-О. URL: https://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_2221.htm (дата обращения: 17.11.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сельковой Елены Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 года № 575-О. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-575-o/ (дата обращения: 17.11.2025).

[2] См.: *Булгакова В. Р.* Уголовно-правовая оценка подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2024. 26 с.; *Гончарова Н. С.* Символы в российском уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2024. 208 с.; *Зарубин А. В.* Проблемы уголовной ответственности за осквернение символов воинской славы России (ст. 354[1] УК РФ) // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс]: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7–8 июня 2024 года / сост. Ю. А. Жутова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 98–101; *Скобликов П. А.* Противодействие нацизму и экстремизму: выборочное исследование судебной практики по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в контексте действующего законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 1. С. 162–179.

[3] Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. Приняты на пленарном заседании Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 26 июня 2008 года // Журнал Московской патриархии. 2008. № 9. С. 7, 12.

Далеко не всегда (и не только молодежь) на своем теле размещают различные символические татуировки только для «украшения» или удовлетворения тщеславия.

Нередки ситуации, когда татуировки символизируют избранную **жизненную стратегию**, принадлежность к определенной преступной **идеологии.** Такого рода татуировки вполне могут используются как доказательство при характеристике личности правонарушителя. Можно даже подискутировать – не стоит ли некоторые из них квалифицировать в качестве отягощающего вину обстоятельства?

Интересно отметить, что на стороне вооруженных сил Украины были лица не только с фашистской символикой.

Британский наемник Джеймс Скотт Рис Андерсон, попавший в плен в Курской области, оказался любителем языческих символов. Он вытатуировал себе «компас викингов». На тыльной стороне правой ладони изображен Вегвизир – рунический компас, который иначе именуют указателем пути. Оберег относится к древнейшим скандинавским символам. Вегвизир представляет собой восьмиконечный крест, на концах которого изображены руны. Слева на груди наемника – выдержка из Псалтыря: «обступили меня, окружили меня, но именем Господним я низложил их». Оберег не помог, «низложить» российских солдат не удалось.

Каждый юридически значимый символ с гносеологической стороны представляет собой «набор» определенных знаний, достаточных для его результативного функционирования. Следовательно, при создании имеющего правовое значение символа остро встает проблема **разумной интеграции** необходимых знаний. В этом контексте заслуживают поддержки основные выводы диссертационного исследования И. Г. Веселова о научно-экспертном обеспечении законодательной деятельности в федеральном правотворческом процессе[1].

Субъективность оценок содержания и формы юридически значимых символов может «зашкаливать», но при этом приближать к истинности символического знания.

Обращусь к прозе Иосифа Бродского. В эссе «Дань Марку Аврелию», подчеркнув, что «в принципе памятник – это противоречие», он пишет: «Памятник, в общем и целом, – вертикальная вещь, символический уход от общей горизонтальности существования, антитеза пространственной монотонности»[2]. Кто-то может спросить – зачем юристу изучать такого рода тексты-оценки, есть ли в них «крупицы» правового и если есть, то как их достоверно обнаружить? Отвечаю – надо, а обнаружение правового в них – дело творческого разума с опорой на историю проблемы. В данном случае, полагаю, возможен такой вариант трактовки – если перед нами пространственное измерение символа, то не может не быть временного смысла. А это означает «мостик» к проблеме времени в праве, значимости временных характеристик юридически значимых символов.

Дидактический аспект познавательной функции юридически значимых символов не так прост, как может показаться на первый взгляд. Для постановки и решения конкретных дидактических задач необходимо более широкое «включение» **когнитивных наук** – когнитивной психологии, когнитивной этологии, нейроэтики, нейрофизиологии и других дисциплин. Известно, что увлечение многих студентов и преподавателей символизацией, графической формой получения и подачи информации уменьшает способности анализировать текстовой материал[3], в том числе и законодательный.

Между тем, как подметил Н. Н. Вопленко, «правовая символика способствует мобилизации в познавательном процессе знаковой краткости выражения смыслового содержания права, активизации образности мышления»[4].

Политический обозреватель В. Выжутович, рассуждая о цифровизации образования, заметил, что с помощью технологий можно передать знания, можно создать идеальную образовательную платформу. И далее констатирует: «Образование – это не только и не столько транзакция данных в голову. Это передача огня. Любви к предмету. Любознательности. Критического мышления». И заключает: «Машина не умеет показать, что мир полон чудес и загадок. Машина способна решать за человека. **Но она неспособна решать по-человечески»**[5]. Символическое отображение юридической действительности – один из высокоценных факторов формирования правового мышления.

Возможные перспективы дальнейшей разработки познавательной функции юридически значимых символов в первом приближении можно обрисовать по следующим направлениям.

---

[1] См.: *Веселов И. Г.* Научно-экспертное обеспечение законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2025. 26 с.

[2] *Бродский И.* О скорби и разуме: эссе / пер. с англ. СПб.: Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. С. 285.

[3] См.: *Болдырев В. А.* Правотворчество и когнитивные науки // Правоведение. 2024. Т. 68. № 1. С. 106–107. См. также: *Герасимова Е.* Наука о том, чему и как учить. Цифровая дидактика – это ничего не значащее понятие // Независимая газета. 2025. 13 ноября.

[4] *Вопленко Н. Н.* Понятийные аспекты толкования и конкретизации правовых норм // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015. С. 123.

[5] *Выжутович В.* Человек – человеку // Российская газета. 2025. 26 сентября.

В филологии (российской и зарубежной) активно изучается проблема звукосимволизма (связь между означаемым и означающим в языке)[1]. Обосновывается существование новой лингвистической дисциплины, которая изучает связи звука (плана выражения, означаемого) и значения (плана содержания, означающего), – фоносемантики. Предметом фоносемантики является звукоизобразительная система языка, которая включает две подсистемы: звукоподражательную и звукосимволичную.

Язык некоторых юридически значимых символов имеет звуковую сторону. Она не столь значительна, как в разных базовых языках (английском, французском, китайском). Но если звукосимволизм широко применяется в маркетинге, рекламе, брендинге, то юридическая наука и практика не может полностью абстрагироваться от них.

Требуется более тщательная логико-гносеологическая «проработка» феноменов «символ» и «знак». Надо признать, что ныне в гуманитарной литературе упор при их анализе делается на единстве, общности. И в целом это правильно и оправданно. Именно по этой причине мы с В. Б. Исаковым издали Словарь правовых символов **и** знаков[2]. В предисловии предпринята попытка провести различие между символами и знаками, но все последующее изложение свидетельствует о том же акценте – их общности. На с. 5 констатируется: «Символ – знак с устойчивым содержанием, которое связано именно с данным знаком». Полагаю: такая трактовка объективно принижает статус, ценность, функции символа (в том числе и познавательную). По всей видимости, целесообразнее, не «разрывая» эти, конечно, тесно взаимосвязанные феномены, не представлять символы разновидностью знака. Это межотраслевой институт права, включающий два их относительно самостоятельных элемента – знаки и символы. При этом символ не просто и не столько знак, это **результат многопрофильного творческого познания.**

Юридически значимые символы не следует прямолинейно, сугубо формально отождествлять со знаками, зафиксированными в законодательстве. Статья 18 «Знаки безопасности на водных объектах» Федерального закона Российской Федерации от 3 февраля 2025 года № 4 «О безопасности людей на водных объектах» гласит: «Знаки безопасности на водных объектах устанавливаются на береговых полосах водных объектов в целях: 1) информирования людей об установленных запретах и ограничениях на пользование водными объектами, о местах разрешенного купания, выхода и выезда на лед; 2) предупреждения происшествий на водных объектах»[3]. В данном случае знаки скорее не символы, а своеобразные конкретные регуляторы деятельности людей.

Вот почему желательно в энциклопедиях, словарях, справочниках помещать более богатые по содержанию дефиниции, без упора на их «знаковость». Например, в Юридическом энциклопедическом словаре О. Г. Румянцева и В. Н. Додонова символ определяется следующим образом: «**СИМВОЛЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ** (национальные) (гр. symbolon – знак) – установленные конституцией или специальным законом особые, как правило, исторически сложившиеся, отличительные знаки конкретного государства, олицетворяющие его национальный суверенитет, самобытность, а иногда также несущие определенный идеологический смысл. К основным С.г. обычно относятся флаг гос., герб гос., гимн гос., гос. цвета, штандарт главы государства, гос. печать, девиз гос.»[4].

В. В. Ильин полагает: «Символ – более, чем знак; он – идеограмма, где в знаковой оболочке синкретизированы визуальное обрамление, интерпретативный контур, гуманитарная ценность»[5].

Различие между юридически значимым символом и знаком можно провести по таким существенным признакам.

Во-первых, символы охватывают неизмеримо более широкий круг предметов (объектов), которые они отображают. Знаковую форму имеют лишь некоторые символы. Но не только в этом дело: символы призваны отражать (по лучшим образцам теории отражения) предметы (объекты) **духовного** рода, идеолого-психологического разряда. А у знаков иная миссия – фиксировать «приземленную», технотизированную деятельность. Это гносеологическое различение и позволяет, не ввергая в «пропасть» отчуждения друг от друга, ставить их не на одну «планку», рассматривать не в одном ряду, а помещать на иерархически и ценностно разных уровнях.

Во-вторых, центральным объектом исследования знаков выступает **семиотика.** А символы издревле – объект множества гуманитарных и даже естественно-технических наук. Их область «приложения» несравнимо у́же, чем у символов[6].

---

[1] См.: *Котомцева Е. А.* Звукосимволизм пейоративов (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2024. 25 с.

[2] См.: *Баранов В. М., Исаков В. Б.* Словарь правовых символов и знаков // Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника». Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. 317 с. См. также: *Мальцев И. В.* Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании. М.: Норма, ИНФРА-М, 2022.

[3] Российская газета. 2025. 5 февраля.

[4] *Румянцев О. Г., Додонов В. Н.* Юридический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 284.

[5] *Ильин В. В.* Теория познания. Симвология. Теория символических форм. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 27.

[6] Нам уже приходилось отмечать существование класса «символов-действий», «символов-ритуалов». См.: *Баранов В. М., Давыдова М. Л.* Правовая символизация (доктрина, практика, техника). Рецензия на монографию И. В. Маль-

В-третьих, чаще всего знаки – **материальный** предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя (заменителя) другого предмета. А символ нередко – художественно оформленное **произведение**, обладающее культурным смыслом, имеющее авторство и охраняемое в качестве объекта интеллектуальной собственности.

В-четвертых, знак предполагает наличие явного или неявного соглашения, «контракта», по которому ему приписывается определенное значение. Символы (особенно государственные либо общественных объединений) могут создаваться по приказу, поручению, просьбе власти или инициативе института гражданского общества.

Система любого знания (и символическое здесь не является исключением) «страдает» не только неполнотой, но и **псевдознанием**, «крупицами» (большими либо малыми) **ложного** знания. Чтобы знания юридически значимых символов могли претендовать на истинность и особое познание (постижение) реальности, им необходимо «освободиться» от такого рода вненаучной (а точнее – антинаучной) информации, данных.

В философской литературе (и в меньшей степени в юриспруденции) этому аспекту уделено определенное внимание[1], но результаты проведенного анализа до сих пор не освоены российскими законодателями и правонарушителями.

Само по себе ложное знание из юридически значимых символов не исчезнет. К нему не стоит относиться толерантно – желательно максимально быстро выявлять такого рода лженаучные символические конструкции. Рациональность символического знания «требует» активного избавления от «недоброкачественных» элементов.

Нельзя забывать, что юридически значимые символы активно используют политтехнологи, рекламодатели, пиарщики. И для них открыта возможность оперирования ложными элементами юридически значимого символа, а значит, облегчается распространение искаженной картины мира, сознательной фальсификации за счет преувеличения одних фактов и умолчания о других. В этих случаях юридически значимые символы становятся средством дезинформации и манипуляции.

Символическая реальность с «юридическим оттенком» неразрывно связана с истиной (связи между ними все усложняются). И для усиления востребованности юридически значимых символов необходимо устранение из их содержания и форм ложных элементов.

В этом ракурсе знание юридически значимых символов нуждается в разноплановой **защите** со стороны государства и институтов гражданского общества.

Речь идет о «внедрении» полезной **охранительной функции,** сопровождающей познавательную функцию юридически значимых символов.

Участвуя в охране и защите подлинности знания в юридически значимых символах, гражданское общество и государственная власть по-иному станут воспринимать ценность правовой науки, точечно (частично) преодолеют косное (равнодушное) отношение к ней.

Правовой науке и практике предстоит выработать не только собственные эффективные механизмы **устранения** ложных знаний в юридически значимых символах, но и **воспроизводства** истинностного сегмента их. Кроме того, важна выработка инструментов самоуправления и саморегуляции, адекватных характеру правовой символики и целям модернизации средств, способствующих росту истинности знания в юридически значимых символах.

Проблемы развития общества знания (knowledge society) опираются на идею междисциплинарности и трансдисциплинарности как современных форм фундаментальности научного знания. «В силу собственной специфики, обусловленной постоянным движением к открытию истины, – отмечается в философской литературе, – знание являет себя не как статичный центр, «держащий» всю социальную пери-

---

цева «Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании» (М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. 256 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 161–166.

[1] См.: *Баранов В. М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Издательство Сарат. ун-та, 1989. 400 с.; Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 3–31; О роли юридической науки в современном российском обществе: сборник статей / кол. авт.; под ред. проф. В. М. Баранова и проф. А. В. Малько. М.: Кнорус, 2024. 464 с.; *Его же.* «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техник: монография. М.: Блок-Принт, 2022. 176 с.; *Туранин В. Ю.* Вольная трактовка юридических понятий в региональных законодательных актах // Российская юстиция. 2006. № 7. С. 64–68; *Его же.* Типология ошибок использования юридической терминологии в российском законодательстве // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 12–14; *Его же.* Три причины трудности понимания текста закона // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 2–4; *Его же.* Юридический жаргон: понятие, примеры, оценка // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 102–108; *Туранин В. Ю., Волков Д. А., Посохова Я. В.* Технико-юридические дефекты Жилищного кодекса Российской Федерации // Право и образование. 2023. № 7. С. 36–42; Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного круглого стола (29–30 мая 2008 года) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. М.: Проспект, 2009. 1120 с.; *Волков Д. А*. Конструирование правовых норм в законодательстве России и англосаксонских стран: сравнительное исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2025. 21 с.

ферию в строго логическом и подчиненном состоянии, но как фактор, насыщающий социальные структуры и институты и инициирующий их постоянное пребывание в динамике»[1].

Правовая оптика относительно общества знания, кроме всего прочего, предполагает «вычленение» самостоятельного компонента – знаний о юридически значимых символах, то есть «пласт» юридизированного символического знания.

Юридически значимые символы «представляют» тот и такой необходимый объем знаний, без которых нельзя вести речь об **интеллектуальном капитале** общества и государства. Знания о юридически значимых символах такой же ценный и ценностный ресурс (богатство), как материальные активы, и одновременно они выступают неотъемлемой частью при принятии государственных стратегических решений.

Своеобразной конкретизацией этого рода капитализации знаний выступают символические капиталы городов, районов, поселков[2].

Самая концовка. На некоторые поставленные в статье вопросы я не знаю ответов. Можно, конечно, было попытаться сформулировать ответы в так называемом первом приближении, но вряд ли они стали бы «работать» и вряд ли бы их признала, одобрила юридическая общественность. Думается, задача исследователя, специализирующегося в теории права, – грамотно поставить проблемные вопросы и организовать их обсуждение. Эту задачу я по мере своих сил и попытался решить.

[1] *Корниенко А. А.* Природа общества знания: когнитивно-инновационные основания и дискурсы исследования: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Томск, 2023. С. 9–10. На с. 10 автор подчеркивает: «В значении доминирующего ресурса всех сфер социальной жизни знание выполняет роль рабочего инструмента и средства креативности, порождая продукт этого процесса – инновации».

[2] См.: *Федотова Н. Г.* Культурная память города как символический ресурс развития территорий: автореф. дис. … д-ра культурологии. Ярославль, 2024. 40 с.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИМВОЛОВ В ПРАВЕ

ПРОФЕССОРСКОЕ СОБРАНИЕ

Арзамасов Юрий Геннадьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности ФГАОУ ВО «РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина»

Arzamasov Yuri Gennadievich

Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Public and International Legal Support of National Security of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas

E-mail: arzam.ruk@mail.ru

Может ли современное государство обходиться без символов?

Can a modern state do without symbols?

Аннотация. Применяя историко-правовой метод, автор делает вывод, что символы государства не были обязательными характеристиками «первичных» государств. Предложено государственную символику относить не к дополнительным признакам современного государства, а к основным, поскольку существующие государства обходиться без государственной символики просто не могут. При этом аксиологическое значение конкретных символов государства проявляется в том, что они являются его специальными характеристиками, позволяющими идентифицировать конкретное государство от других организаций социума.

Ключевые слова: эпервичные государства, современные государства, символы государства, государственная символика, гимн, герб, флаг, признаки государства

Annotation. Applying a historical and legal approach, the author concludes that state symbols were not essential characteristics of "primary" states. It is proposed that state symbols be considered not an additional characteristic of a modern state, but rather a fundamental one, since existing states simply cannot exist without state symbols. Furthermore, the axiological significance of specific state symbols is manifested in the fact that they are its special characteristics, allowing a particular state to be identified from other social organizations.

Keywords: Primary states, modern states, symbols of the state, state symbols, anthem, coat of arms, flag, signs of the state

Для цитирования: Арзамасов Ю.Г. Может ли современное государство обходиться без символов? // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года /гл. ред. проф. В.М.Баранов). Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 77–82.

На сегодняшний день практически все известные независимые государства мира имею свою символику. Данные статистики свидетельствуют, что на 31 октября 2025 г. 193 государства являются членами ООН. Между тем, в общероссийском классификаторе стран мира указано ни много ни мало, целых 253 государства. Однако все ли эти государства имеют государственную символику? Может ли современное государство обходиться без символов?

Отвечая на поставленные вопросы, следует заметить, что такие, можно сказать «классические» символы государства, как гимн, герб, флаг появились не сразу, то есть не одновременно с генезисом государства. Так, например, изначально первые гимны стали использовать в Древнем Египте. Однако, на тот момент, они представляли собой не современные гимны, в форме торжественной патриотической песни или музыкальной композиции, по которой мы легко можем идентифицировать ту или иную страну,

а религиозные песнопения, прославляющие египетских богов и их представителей на Земле. Одним из первых таких гимнов был гимн Атону. По мнению востоковедов, «наиболее известными были «Малый гимн Атону» (или «Короткий гимн Атону») из гробницы (№ 10) Апи и «Большой гимн Атону» (или «Длинный гимн Атону») из неоконченной гробницы (№ 25) Эйе»[1].

История свидетельствует также, что такие символы государства, как гербы вообще не были обязательными характеристиками «первичных государств» Древнего мира. Что же касается Европы, то там первые гербы появились только в эпоху Средневековья.

Сейчас ситуация в корне изменилась, поскольку только отдельные государства не имеют всего набора современной символики. Однако и те государства, где нет некоторых официальных символов, активно пытаются восполнить существующий в их государственной символике пробел, либо найти им соответствующую замену. Например, на спортивных соревнованиях Шотландия, не имеющая официального гимна, успешно заменяет его песней «Flower of Scotland».

Помимо этого, в настоящей статье следует также дать ответ на вопрос, что же следует понимать под термином «государственная символика»? Ограничивается ли данное понятие только одним перечислением символов?

Если мы обратимся к справочной литературе, то в ней конкретно сказано, что символика представляет собой совокупность определенных элементов. К примеру, в словаре С.И. Ожегова закреплена следующая трактовка «символики»: «Символическое значение, приписываемое чему-нибудь», «совокупность каких-нибудь символов»[2]. В иллюстрированном толковом словаре иностранных слов Л.П. Крысина символика трактуется в двух значениях, «1. условное значение, приписываемое чему-нибудь. 2.Совокупность каких-либо символов»[3].

Со второй трактовкой вполне можно согласиться, поскольку элементами (составными частями) символики являются отдельные символы, которые в своей совокупности и составляют тот или иной вид символики. Следует заметить, что понятие «государственная символика» значительно отличается от общего понятия «символика». В свою очередь, символика может быть различной, она может быть коммерческой, состоящей из товарных знаков, наименований, установленных дресс-кодов и т. п., может быть религиозной (кресты, иконы, хоругви т.п.), особое значение для спортсменов профессионалов, любителей и болельщиков спортивных клубов имеет спортивная символика, элементами которой являются флаги, эмблемы и логотипы.

В этой связи возникает вопрос: в чем же особенность государственной символики?

Во-первых, государственная символика той или иной страны утверждается государством, а точнее законодательными или исполнительными органами власти.

Во-вторых, она одобряется, то есть легитимируется большинством населения страны. Так, например, люди вряд ли будут вставать и подпевать текст государственного гимна, если они не будут согласны с его текстом.

В-третьих, символы государства олицетворяют независимость, суверенитет и целостность государства, как политически самостоятельного образования.

В-четвертых, государственная символика подчеркивает историческую самобытность того или иного государства.

Таким образом, на основании перечисленных признаков мы можем предложить следующую дефиницию: **«Под государственной символикой следует понимать, совокупность нормативно утвержденных государством легитимных символов, олицетворяющих независимость, суверенитет, целостность и историческую самобытность конкретного государства»**.

Проведенный анализ показал, что существует несколько подходов относительно элементов государственной символики. Первый, можно назвать традиционным, его еще называют «узким», согласно этому подходу к символам государства относится только следующая триада - гимн, герб и флаг.

Сторонники второго подхода (В.Е. Чиркин и др.) помимо герба, гимна и государственного флага к символам государства относят столицу государства, девизы и т. д. Например, в СССР таким девизом был лозунг - «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а во Французской республике - «Свобода, равенство, братство!». Как справедливо подчеркивает Г.И. Иванов, «девиз - это факультативный элемент государственной символики. Это проявляется в том, что в 45 государствах мира национальные девизы официально не установлены, они отсутствуют»[4].

Еще более широкую трактовку символов государства предлагает Е.В. Кобозева, по мнению которой, «понятие «символы государства» является довольно широким - к ним можно отнести и самого монарха и

[1] Эрнест Альфред Уоллис Бадж. Египет времён Тутанхамона = Tutankltamen: Amenism, Atenism and Egyptian Monotheism / Перевод: Л. Игоревский. - М.: Центрполиграф, 2009. С. 117.
[2] Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Русский язык, 1984. С. 623.
[3] Крысин Л.П. Иллюстрированном толковом словаре иностранных слов. – М.: Эксмо, 2011. С. 647.
[4] *Иванов Г.И.* Национальная идея России: системный подход. М., 2018. С. 117.

такие атрибуты монаршей и государственной власти, как трон, скипетр, державу. Реликвии государства, его исторические и культурные ценности также могут являться символами»[1].

Помимо символов государства, существуют также символы отдельных органов власти. Подтверждение тому мы находим в нормативных правовых актах, примером здесь может служить Указ Президента РФ от 6 марта 2002 г. № 257 «Об учреждении геральдического знака - эмблемы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю»[2]. Проведенный анализ показывает, что существуют также символы отдельных видов власти. Так, согласно п. 1 Указа Президента от 5 августа 1996 № 1138 года «Об официальных символах президентской власти и их использовании при вступлении в должность вновь избранного Президента Российской Федерации», символами президентской власти являются «Штандарт (флаг) Президента Российской Федерации», «Знак Президента Российской Федерации» и «специальный экземпляр текста Конституции Российской Федерации»[3].

С 2000 г. Конституция Российской Федерации официально не является символом президентской власти, хотя отдельные ученые все же относят ее к символам президентской власти, поскольку она используется на инаугурации Президента.

Также в науке существуют предложения называть Конституцию не символом государства, а символом правопорядка[4].

В современной России символы государства утверждаются на федеральном законодательном уровне, а символы президентской власти, как правило, нормативными указами Президента. К примеру, штандарт (флаг) Президента Российской Федерации утвержден Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 1994 года № 319 «О штандарте (флаге) президента Российской Федерации»[5].

Из сказанного следует, что на сегодняшний день символы государства можно подразделить на постоянные, то есть присущие любому современному независимому государству и непостоянные, которые являются характерными, либо для отдельных групп государств, либо в определенные исторические периоды, либо для определенных форм правления, например, скипетр и держава для монархий. При этом к постоянным символам современные исследователи традиционно относят гимн, герб и флаг.

Известно, что сегодня одним из постоянных символов государства является государственный герб. В настоящее время во многих государствах описание и порядок официального использования государственного герба устанавливается нормативными правовыми актами (законами, указами президентов и т.д.). Например, в современной России 25 декабря 2000 г. был принят Федеральный конституционный закон № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации»[6]. В Европе законы о гербе есть Австрии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Дании, Испании, Лихтенштейне, Люксембурге, Мальте, Монако, Нидерландах, Норвегии, Сан-Марино, ФРГ. Не являются исключением и азиатские страны. Например, в Узбекистане 2 июля 1992 года № 616-XII принят Закон Республики Узбекистан «О Государственном гербе Республики Узбекистан». Республика Таджикистан вообще выбрала своеобразную юридическую конструкцию и 14 марта 2007 года, там был принят закон «О государственных символах Республики Таджикистан», что лишний раз подчеркивает их аксиологическое значение.

При этом следует заметить, что самые первые гербы стали появляться в европейских государствах еще в XII веке. Определенным триггером к развитию традиции иметь государственные гербы стали, так называемые в истории, «крестовые походы». Первые гербы появились в Англии и во Франции, потом они распространились во всей Западной и Центральной Европе. Изначально гербы выполняли роль личных опознавательных знаков. При этом, важно и ценно, что гербы, как символы государства, позволили решить перед рыцарями разных средневековых государств вопрос их идентификации, то есть определения отношения к конкретному клану, семье, государству, ордену. Так, например, примером такой символики является Красный крест ордена тамплиеров.

Проведенный анализ показал, что на сегодняшний день только три современных государства не имеют государственный герб. К таким государствам относятся Япония, Турция и Румыния. При этом, такие знаки, как полумесяц и звезда размещаются на флаге государства Турция, чем фактически заменяют официальный герб. Более того, такие символы, как полумесяц и звезда в Турции используются в различных официальных документах, например, в паспортах. Нет официального герба и в современной Франции, поскольку там считают, что герб – это признак монархической формы правлении. Однако его отсутствие успешно заменяет эмблема в виде щита с головой льва и орла, монограммы "RF", оливковой и дубовой ветвей. Не имея официально статуса герба, данная эмблема, которую вполне можно

[1] *Кобозева Е.В.* Государственная символика как средство патриотического воспитания школьников // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 45. С. 44.
[2] Рос. газета. 22 марта 2002 г. № 51.
[3] Рос. газета. 8 августа 1996. № 149.
[4] Подробнее см.: *Батурин Юрий.* Конституция как инсигния и символ правового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. 2007.
[5] Рос. газета. 22 февраля 1996 г. № 35.
[6] Собрание законодательства РФ. 25 декабря 2000 г. № 52 (часть I). Ст. 5021.

назвать официозной (полуофициальной), уже ни один год успешно изображается на различных официальных документах.

Между тем, в современном мире существуют государства, которые не имеют официального гимна. Ярким примером здесь является Шотландия. Кроме того, в нескольких странах существуют гимны без слов. К таким государствам относятся Босния, Герцеговина, Испания и Косово, а также одно из самых малых государств в Европе - Сан-Марино, которое находится на территории современной Италии. Интересная ситуация также в современной Испании, поскольку там было написано целых три текста на музыку гимна, но ни один так и не был признан официальным. Аналогичная ситуации была и в Эфиопии, где до 1992 года не был утвержден текст и музыка гимна.

На сегодняшний день все признанные независимые государства мира имеют государственный флаг. Однако, как показал проведенный анализ, в современном мире существуют государства с флагами без символов (как Ливия в прошлом), существуют также государства с почти одинаковыми флагами, к таким государствам относятся Индонезия и Монако.

«Повесть временных лет» свидетельствует, что первые русские флаги были красного цвета, это было характерным для дружин князя Олега и Святослава. Однако в Московском, Владимирском и в других русских княжествах государственных флагов не было. Даже когда Дмитрий Донской в 1380 г. повел своих воинов на битву с полчищами Мамая на Куликово поле, как свидетельствует «Поведание и сказание о побоище Великого князя Дмитрия Донского», государственных флагов у него тогда не было. В то время функции государственных флагов выполняли так называемые «черные стяги», то есть темно-красные знамена с изображением лика Христа и святых (Георгия Победоносца и др.). Если основываться на «Повести временных лет» и считать датой русской государственности 862 год, то становится видно, что в «первичных» русских государствах только начинался процесс формирования государственной символики.

В 90-е гг. прошлого века в джунглях Папуа-Новая Гвинея этнографы обнаружили несколько неизвестных племен, обладающих признаками государства (территория, население, власть, сбор податей, как аналог современных налогов, своя регулятивная система), у которых вообще не было никаких символов. Аналогичная ситуация была и в Океании, где известный мореплаватель Федор Конюхов отрыл племена, живущие совсем оторвано от цивилизации, но в которых реально были видны признаки разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Однако государственная символика, в современном ее понимании, в этих «первичных» государственных образованиях тоже отсутствовала.

Таким образом, отсутствие государственных символов характерно было только для «первичных» государств, поскольку государственная символика возникла, как показал проведенный анализ, гораздо позже появления «первичных» государств. Следовательно, отсутствие отдельных символов у того или иного современного государства - это не общая закономерность, не общепринятый порядок, а просто исключение из правил.

Что же касается «вторичных» государств, либо современных государств, входящих в различные правовые семьи, обладающих разной формой правления и разным государственным устройством, то важным их атрибутом являются государственные символы, которые можно даже назвать признаками современного классического государства.

Между тем, символы государства часто называют его атрибутами, а признаки государства его характеристиками, которые отличают государство от других организаций в обществе. При этом, к атрибутам государства обычно относят: гимн, герб, флаг, столицы, формы приветствия, памятные даты и т. п. Главное их назначение заключается в том, чтобы дать возможность четко и быстро по внешним признакам идентифицировать то или иное государство, отличить его от других государств.

Отдельные атрибуты, которые мы находим у государства, могут иметь и другие социальные институты, не имеющие даже ничего общего с государством, это спортивные клубы, факультеты университетов, землячества, диаспоры и т. д. При этом, некоторые атрибуты могут появиться значительно позже формирования самого государства и, как показывает практика, даже государства могут менять свои атрибуты в ходе исторического развития. Например, 30 декабря 1922 г. был образован СССР, а через полгода, а точнее 6 июля 1923 г., ЦИК СССР утвердил государственный герб Советского Союза.

Очевидно, что атрибуты и символы государства имеют хоть и важное, но вспомогательное значение для формирования и функционирования государства. Именно поэтому проблемы, связанные с атрибутами и символами государства, не следует рассматривать как центральные в современной юриспруденции, хотя с исторической точки зрения, как и политической, данные проблемы могут приобретать иной раз довольно серьезное значение.

Более того, они могут претендовать, чтобы их стали называть признаками государства, то есть характеристиками государства как специфического общественного феномена, которые отличают его от других подобных общественных феноменов (образований), например, общественных объединений, колоний.

Наличие государственных символов, прежде всего, подтверждает независимость государства, то есть его внешний суверенитет, то есть независимость нашего государства во внешней государственной и экономической политики, от чей либо агрессии и аннексии. Например, символы российского государ-

ства показывают, что современная Россия является, как бы с этим не хотели смериться наши отдельные западные оппоненты, полностью независимой, свободной политической организацией социума, а не находится под управлением другого агрессивного государства.

Также государственная символика подчеркивает и целостность государства. При чем, это касается не только территориального единства и независимости нашей великой Родины, но также идейную, духовную и религиозную целостность, в основе которой лежит, прежде всего, православие, хоть это и не клерикальное государство. Символика говорит и о языковой целостности нашего многонационального народа, где русский язык является государственным языком, на котором звучит гимн Российской Федерации. Также символика подтверждает конституционно закрепленное федеративное устройство государства. Свидетельством тому являются разнообразные флаги субъектов Федерации, которые в своем единстве представлены на втором этаже Совета Федерации Федерального Собрания. Накануне Дня народного единства в галерее флагов субъектов Российской Федерации солдаты роты почетного караула установили флаги Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области», что реально подтвердило факт вхождения данных субъектов в состав нашего государства, а также в российскую правовую систему, которая основана не просто на принципах законности, целостности и единстве системы государственной публичной власти, с учетом конституционно закрепленного разграничения предметов ведения между центром и субъектами Российской Федерации, равноправии, что заключается в равных возможностях субъектов Федерации. Принципы федеративного устройства не просто утверждают правовой статус, иными словами права и обязанности субъектов Федерации, но способствуют тому, что под эти принципы «подстраиваются» все субъекты конституционных отношений, наполняют их конкретным содержанием»[1].

Аксиологическое значение, то есть ценность символики, заключается также и в проявлении почтения нашего народа и органов публичной власти к традициям и устоям государства. В этом выражается также и его историческая память. В данном случае под исторической памятью мы понимаем всю совокупность социокультурных методов, институтов, обычаев и традиций, выражающуюся в накоплении общественного опыта и передачи его потомкам. При этом, «историческая память» основывается на уважении к предкам, к основателям государства, к историческим традициям, к государственным и парламентским обычаям. Недаром в своем видеообращении Президент Российской Федерации В.В. Путин в День Государственного флага справедливо отметил, что «исторические флаги и символы России отражают непрерывность развития ее нации и государственности, они требуют уважения со стороны всех граждан, общественных сил и представителей власти»[2].

Проведенный анализ показал, что современные государства не могут обходиться без государственной символики. Как отмечает А. Д. Дерендяева, «сконструированная символика способствует процессам нациестроительства, формированию идентичности, а также обеспечению легитимности политической власти. Данные тезисы позволяют установить взаимосвязь таких категорий, как «имидж государства», «символическое пространство», «государственные символы» и «идентичность»[3].

В настоящее время символы государства являются не просто атрибутами определенного государства, или средствами нормотворческой юридической техники, как гербы, которые изображаются на официальных экземплярах федеральных нормативных правовых актов, символы государства уже реально претендуют на то, чтобы мы стали называть их признаками государства, ведь для этого уже есть достаточно оснований. В этой связи уже утрачивает свое значение такой традиционный общетеоретический подход, согласно которому ученые различают признаки и атрибуты государства. Данной точки зрения придерживается, например, профессор Л.А. Морозова, утверждая в учебной литературе, что «нельзя отнести к признакам государства и единую систему обороны и внешней политики, а также официальную символику (проф. Н.А. Власенко, В.В. Оксамытный)»[4].

По большому счету, символы государства – это тоже его признаки, именно, то, что характеризует его, как политическую организацию общества. Это объясняется следующей аргументацией.

Во-первых, символы характеризуют государство на современном этапе диалектического развития, идентифицируя конкретное государство, отличая его от других государств, чем подчеркивают независимость, то есть внешний суверенитет государства, путем демонстрации на парадах, международных встречах, спортивных соревнованиях и т. д.

Во-вторых, символика подтверждает, как уже было сказано, такое качество государства, как целостность, то есть не только его территориальное единство и независимость, но и духовную, религиоз-

[1] Подробно об этом см.: *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. Москва: Юрид. лит. 2005.
[2] https://tass.ru/politika/18555217
[3] Дерендяева А.Д. Эволюция государственной символики в контексте имиджевой политики Республики Казахстан (1991–2018 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Томск, 2022. С. 16.
[4] Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – 4-е изд,, - М.: Эксмо, 2010. С. 58.

ную и языковую целостность народа[1]. Например, российская символика говорит о языковой целостности нашего многонационального народа, где русский язык является государственным языком, на котором звучит гимн Российской Федерации.

В-третьих, государственная символика подтверждает конституционно закрепленное федеративное устройство государства, свидетельством тому являются разнообразные флаги субъектов Российской Федерации, которые в своем единстве представлены на втором этаже Совета Федерации Федерального Собрания.

В-четвертых, символика, показывает связь современного государства с его историей. Символы государства поддерживают историческую память народа, передовая ее от поколения к поколению, служат средством воспитания уважения граждан к своей родине, к ее историческому прошлому, к исторических традициям и общепризнанным ценностям.

При чем государственную символику, по нашему мнению, следует относить не к виду дополнительных, и факультативных признаков государства, а к разряду основных характеристик (признаков) современного государства, поскольку, как показало проведенное исследование, современное государство обходиться без государственной символики ни как не может. При этом аксиологическое значение конкретных символов государства (гимн, герб, флаг) проявляется в том, что они уже выступают его специальными характеристиками, позволяющими идентифицировать государство от других государств и иных организаций социума.

[1] О целостности государства см.: *Чинчиков А.А.* Целостность государства: вопросы теории. Дис. ... докт. юрид. наук. - М., 1995; *Рахметов М.А.* Государственная целостность Российской Федерации как объект конституционной защиты: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005.

Баранова Марина Владимировна

доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Baranova Marina V.

Doctor of Law, PhD (Cultural Study), Professor, Professor of Department of Theory and History of State and Law Law Faculty National Research Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky

E-mail:qazxsw1232007@yandex.ru

Символические элементы рекламного законодательства: сущность, ценность, результативность функционирования

Symbolic elements of advertising legislation: essence, value, and effectiveness of functioning

Аннотация. В статье представлено авторское видение специфики сущности, ценности и результативности функционирования символических юридически-значимых элементов на примере рекламного законодательства. Заострила внимание на том, что в целом символы, ставшие неотъемлемой частью современного законодательства, представляют собой знаковую систему, позволяющую фиксировать элементы права/значимые для права. В этой связи актуализируется вопрос о соотношении символической системы и языка права. Эти знаковые системы можно анализировать, как дифференцированные или, напротив, предположить выход языка права за пределы обычного языка, обогащенного юридической составляющей через включение нетипичных знаковых элементов – символов. Специфика рекламного законодательства дает широкий спектр возможностей для исследования таких элементов, нашедших, как буквальное («текстуальное»), так и смысловое закрепление в текстах нормативных правовых актов. Юридически-значимые рекламные символы («реклама», «на правах рекламы», дисклеймер, предупредительные надписи фиксированной формы и содержания), символы, используемые в качестве средств выразительности (товарные знаки, элементы брендирования или фирменного стиля, результаты интеллектуальной деятельности) неоднородны, обладают уникальной транскультурностью, позволяют строить многоуровневую правовую коммуникацию, объединяющую субъектов рекламной деятельности.

Ключевые слова: символические юридически-значимые элементы, символ, рекламное законодательство, ценности, знаковая система, язык права, языковая правовая культура, технико-юридические аспекты, транскультурность, коммуникация

Annotation. The article presents the author's vision of the specifics of the essence, value, and effectiveness of the functioning of symbolic legally significant elements on the example of advertising legislation. It emphasizes that, in general, symbols, which have become an integral part of modern legislation, represent a sign system that allows for the fixation of elements of law/significant for law. In this regard, the issue of the relationship between the symbolic system and the language of law becomes relevant. These sign systems can be analyzed as differentiated or, on the contrary, suggest that the language of law goes beyond the ordinary language, enriched with a legal component through the inclusion of atypical sign elements – symbols. The specifics of advertising legislation provide a wide range of opportunities for studying such elements, which are both literally (“textual”) and semantically embedded in the texts of regulatory legal acts. Legally significant advertising symbols (“advertising”, “on the rights of advertising”, disclaimer, warning labels of a fixed form and content), symbols used as means of expression (trademarks, elements of branding or corporate identity, results of intellectual activity) are heterogeneous, have a unique transculturality, and allow building multi-level legal communication that unites subjects of advertising activities.

Keywords: symbolic legally significant elements, symbol, advertising legislation, values, sign system, language of law, linguistic legal culture, technical and legal aspects, transculturality, and communication

Для цитирования: Баранова М.В. Символические элементы рекламного законодательства: сущность, ценность, результативность функционирования // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в

праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 83–88.

Символические юридически-значимые элементы стали неотъемлемым атрибутом национальной правовой системы. Само право гипотетически представляет собой символ упорядоченности, четкой дифференциации допустимых и недопустимых проявлений в отношениях, зрелости и сложной структурированности социума. Конкретные символы получают нормативное закрепление, становясь неотъемлемой частью действующего законодательства, как особый визуальный или звуковой объект, признаваемый государством в качестве цельной информационной единицы, наделенной правовым содержанием, соответственно, порождающей юридические последствия. Интенсивное развитие технологий, ускорение событийного ряда детерминируют потребность нормативной системы в специфических элементах «сжатых» до образа, слова, словосочетания или звука. Востребованность «символического» в законодательстве проявляется особенно ярко на примере актуальной, перманентно модернизирующейся регламентации отношений в сфере информации, особенно рекламной.

Сложно-структурированное рекламное законодательство, носящее комплексный характер, с базовым законом - Федеральным законом «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ[1] является продуктом постиндустриальной реальности. Отношение к информации, как к значимой ценности для социума и государства присуще обществу потребления, где формирование ценностных ориентиров проходит под влиянием тщательно направляемых информационных потоков. Превышение предложения над спросом востребует рекламные технологии, как особый инструмент достижения цели – получения или увеличение прибыли, привлечения сторонников новой идеи, аккумулирование усилий и средств в программируемых магистральных направлениях развития. При трансформации политических, экономических, культурных аспектов бытия сфера рекламного бизнеса демонстрирует устойчивость к кризисным явлениям и гибкость в адаптации к новым противоречивым реалиям. Спектр воздействия рекламы на граждан постоянно расширяется, рекламные технологии совершенствуются под влиянием неизбежной глобализации, обусловливающей аккультурацию, в том числе правовую. Одновременно протекают процессы культурной самоидентификации национальной рекламы, как проявления самобытного, уникального отечественного опыта.

В настоящее время виден пристальный интерес государства к этому весьма специфическому финансово-емкому предмету правового регулирования. Внимание государства основано и на эффективности деятельности сферы рекламного бизнеса. Статистические данные свидетельствуют о стабильном поступательном развитии рекламного рынка в Российской Федерации, так эксперты отметили, что в 2024 году рост составил 19-27%, что в денежном эквиваленте составляет от 899 миллиардов до 1 триллиона рублей без учета НДС[2]. В первом полугодии 2025 года развитие рынка продолжилось, продемонстрировав динамику роста 10%, объем достиг уровня в 450 миллиардов рублей. Безусловно, видно некоторое замедление темпов развития по сравнению с более успешными 2023 и 2024 годами, но оно не критично[3]. Вместе с ростом рекламного рынка планомерно идет усложнение нормативных регламентов, в том числе формирование системы символических элементов рекламного законодательства.

В целом символы, ставшие неотъемлемой частью современного законодательства, представляют собой знаковую систему, позволяющую фиксировать элементы права или значимые для права. В этой связи актуализируется вопрос о соотношении символической системы и языка права. Эти знаковые системы можно анализировать, как дифференцированные или, напротив, предположить выход языка права за пределы обычного языка, обогащенного юридической составляющей через включение нетипичных знаковых элементов – символов.

В условиях современных реалий, осложненных интенсивной цифровизацией, право, оставаясь привычным оплотом порядка, инструментом защиты, доминантным властным регулятором, мимикрирует сообразно актуальным вызовам, в том числе по-новому проявляет аспекты значения языка права, юридического языка, языковой правовой культуры.

Язык права, языковая правовая культура, знаковые формы, позволяющие фиксировать в действующем законодательстве символические элементы, определяют качество формы и содержания правовой базы, обеспечивающей юридическую коммуникацию в рамках правовой доктрины и юридической практики.

Языковая правовая культура представляет собой часть правовой культуры, отражающую уровень развития юридического языка, специфики его содержательной стороны, детерминирующую, формирующую, модернизирующую, сохраняющую правовые речевые ценности, фиксирующую и регулирующую технико-юридические аспекты воплощения запретов, дозволений, обязываний, терминов в устной и письменной речи в конкретный временной период.

[1] Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

[2] https://www.outdoor.ru/news/obyem_rossiyskogo_rynka_reklamy_priblizilsya_k_1_trln_rubley_po_itogam_2024_goda/?ysclid=mhc4l474fy513537622 (дата обращения: 12.08.2025).

[3] https://akarussia.ru/volumes/obem-rynka-reklamy-v-sredstvah-ee-rasprostranenija-v-janvare-ijune-2025-goda/?ysclid=mhc4mo0gkw709142115 (дата обращения: 12.08.2025).

Представляется актуальным на современном этапе развития технологий искусственного интеллекта, использования правом различных знаковых систем акцентировать внимание на специфике их связи с языковой правовой культурой. Система ее элементов неизбежно будет прирастать инновациями, адекватными специфике трансформирующихся социально-значимых отношений.

Специфика рекламного законодательства дает широкий спектр возможностей для исследования уже успешно функционирующих «нетипичных» элементов языковой правовой культуры - символов, нашедших, как буквальное («текстуальное»), так и смысловое закрепление в текстах действующих нормативных правовых актов.

Официальные государственные символы, символы международных организаций, религиозные символы, средства индивидуализации юридических лиц и товаров, дорожные знаки нашли отражение в части 3 и части 6 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ, содержащей общие требования к рекламе. Символическим смыслом наделяет законодатель образы медицинских и фармацевтических работников (пункт 4 части 5 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ), ставя действенный барьер на пути их бесконтрольного использования.

Отсылка к Федеральному закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 года N 436-ФЗ, обеспечивающая реализацию требования об обязательности указания категории рекламируемой информационной продукции (часть 10.1 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ) фактически отсылает к символам, указывающим на возрастные ограничения, которыми маркируется такая продукция.

Обусловленные сложной политической ситуацией концепты «иностранное лицо», «иностранный агент», «нежелательная организация» обрели в национальном законодательстве, в том числе в рекламном, символический смысл (часть 10.4 статьи 5, часть 10.5 статьи 5, часть 10.7 статьи 5, пункт 12 статьи 7 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ). Введение в национальное рекламное законодательство этих новых субъектов, имеющих гипотетическую возможность выступать в качестве рекламораспространителя или особого объекта рекламирования, позволило законодателю ввести систему запретов на распространение рекламы на информационных ресурсах иностранных лиц, иностранных агентов и нежелательных организаций. Запретительная регламентация коснулась также и рекламирования непосредственно их информационных ресурсов. Основанием столь жесткого подхода регулятора явились, в первую очередь, социально-обусловленные положения, предусмотренные Федеральным законом от 1 июля 2021 года N 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации», Федеральным законом от 28 декабря 2012 года N 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», Федеральным законом от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральным законом от 6 марта 2006 года N 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Именно эти нормативные правовые акты позволяют контролирующим органам и судам принимать решения о ликвидации, ограничениях и запретах (доступа к информационному ресурсу, распространения рекламы, конкретного объекта рекламирования).

Реклама в информационно-коммуникационной сети Интернет охватывает большой объем аудитории, поскольку процессы цифровизации в России проходят активно, вовлекая в потребление интернет-контента не только подростков и молодежь, что было типично для начала 21 века, но и детей и людей «третьего возраста». Широкий спектр потребителей рекламы, а в последствие и объекта рекламирования, обращаются к разнообразным информационным ресурсам, порой сталкиваясь с результатами ограничительной политики государства. В аналогичной ситуации находятся и рекламодатели. В этой связи представляется важным правовая осведомленность всех субъектов рекламной деятельности о трансформации нормативных регламентов и специфике правоприменительной практики, влияющих на юридически-допустимые модели поведения в сфере рекламного бизнеса. Ярким примером актуальности результатов властной реализации права представляется решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу № 02-2473/2022 о признании экстремистской деятельности компании Мета. При этом, правоприменитель особо отметил, что меры судебной защиты не ограничивают действий по использованию программных продуктов компании Мета физических и юридических лиц, не принимающими участие в запрещенной законом деятельности[1]. Ценность данного решения заключается не только в обоснованном ограничении, наложенном на продукты компании Мета на территории Российской Федерации, но и в детерминации очередного витка процесса трансформации рекламного законодательства, касающегося, в том числе, введения новых символических элементов. При этом из информационного пространства были изъяты символы - логотип организации Meta Platforms Inc., социальных сетей Facebook и Instagram (статья 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 N 2124-1).

[1] См.: https://www.garant.ru/files/6/6/1660666/reshenie-tverskogo-rayonnogo-suda-g-moskvy-ot-21-marta-2022-g-po-delu-n-02-24732022.pdf?ysclid=m3ewec5rr8168552916 (дата обращения: 15.07.2025).

Законодатель активно работает над построением системного регулирования рекламного интернет-контента, стремясь к позитивному результату адекватному социальным и политическим реалиям. Так в целях осуществления государственного контроля за распространением рекламной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в настоящее время выстроено и эффективно функционирует новое направление деятельности Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Этот субъект властного контроля осуществляет учет, хранение и обработку информации о распространенной интернет-рекламе. Бремя технологического обеспечения процесса получения, формирования и передачи надлежащей информации лежит на операторе рекламных данных (статья 18.1 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ). Для реализации задачи по передаче в Роскомнадзор полного объема сведений о фактах распространения рекламы оператор рекламных данных присваивает каждой единице интернет-рекламы специальный идентификатор – «erid». Этот уникальный «токен» представляет собой символ, состоящий из пометки «erid:» и набора латинских букв и цифр. Токен распространяется вместе с рекламным контентом и виден, например, при наведении курсора на рекламный баннер – такой способ размещения Роскомнадзор считает приоритетным, допускается размещение непосредственно в текстовом блоке, на изображении, на видео, в выпадающем меню, в описании к видео или изображению.

На основании Приказа Роскомнадзора от 30.11.2022 № 191 «Об утверждении Требований к идентификатору рекламы, его содержанию, порядка и сроков его присвоения, размещения при распространении рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», хранения и предоставления в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» в ноябре 2023 года были разработаны «Рекомендации по размещению идентификатора рекламы (erid) в разных форматах интернет-рекламы»[1]. Рекомендации по размещению этого специфичного символа содержат четкий алгоритм последовательных действий по получению и размещению «erid», иллюстративные примеры, типичные ошибки. Планомерная работа Роскомнадзора с представителями рекламной индустрии, своевременное формирование действующего реестра операторов рекламных данных способствует минимизации правонарушений, повышению юридической грамотности субъектов рекламной деятельности.

Еще одним актуальным символическим элементом рекламного законодательства является *дисклеймер (рекламный дисклеймер), представляющий собой информацию (оговорку, конкретизацию), размещаемую непосредственно внутри рекламного продукта, содержащую существенные для понимания содержания рекламного контента данные, разъясняющую условия продажи, приобретения, специфику эксплуатации, требования к потенциальным потребителям объекта рекламирования, декларирующую минимизацию или снятие отдельных аспектов возможной перспективной юридической ответственности с рекламодателя или рекламораспространителя.*

Рекламный дисклеймер размещается непосредственно внутри рекламного продукта, но, не являясь содержательной частью собственно рекламного контента, как правило, располагается в виде прямоугольника с информацией на нейтральном белом фоне справа, слева, внизу поля рекламы. Технико-юридически дисклеймер представляет собой специфическую символическую форму доведения до адресатов рекламной информации оговорки или конкретизации, которые перспективно могут иметь правовое значение или размещаются в обязательном порядке на основании требований, содержащихся в действующем законодательстве.

Например, реклама фармацевтических препаратов, различных медицинских услуг должна содержать рекламный дисклеймер с предупреждением о «наличии противопоказаний к их применению и использованию, необходимости ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов» по требованию рекламного законодательства (часть 7 статьи 24 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ). Специфика размещения (форма, объем, длительность возможного созерцания информации на экране, продолжительность звучания) также законодательно закреплена. Аналогичен подход законодателя к дисклеймеру в рекламе биологически активных добавок, он должен содержать предупреждение о том, что «объект рекламирования не является лекарственным средством» (пункт 1.1. части 1 статьи 25 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ). В рекламе займов: «Изучите все условия кредита (займа)», «Оценивайте свои финансовые возможности и риски» (пункт 1 части 2.1., часть 3.1. статьи 28 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ); в рекламе сделок с форекс-дилерами: «Предлагаемые к заключению договоры или финансовые инструменты являются высокорискованными и могут привести к потере внесенных денежных средств в полном объеме. До совершения сделок следует ознакомиться с рисками, с которыми они связаны» (часть 5.1. статьи 28 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ). Приведенные примеры демонстрируют системную позицию законодателя по защите прав граждан на надлежащую рекламную информацию и стремление защитить их от необдуманного самолечения, участия в рисковых

[1] https://rkn.gov.ru/docs/Rekomendacii_po_razmeshheniju_identifikatora_reklamy_final_22112023.pdf?ysclid=mhqfi9hqo7187650396 (дата обращения: 15.07.2025).

финансовых операциях. Рекламный дисклеймер содержательно выступает здесь не просто декларацией-предупреждением, указывающим на наличие некого объема ответственности за себя и свои действия потребителя объекта рекламирования, но и символизирует заботу государства о минимизации возможных негативных последствий.

Содержание дисклеймера в рекламе, правомерно использующей утверждение о преимуществах объекта рекламирования в законодательстве не закреплено. Между тем, без конкретизации информации, необходимой для понимания содержания такого рекламного контента, без обретения уверенности в достоверности утверждений о превосходстве или лидерской позиции, такой рекламный контент может быть квалифицирован, как ненадлежащая реклама в силу своей недостоверности (пункт 1 части 3 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ) и/или недобросовестности (пункт 1 части 2, пункта 4 части 2 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ). При этом, недобросовестной реклама признается, если представляет собой акт недобросовестной конкуренции, что подразумевает ведение ненадлежащей рекламы, направленной на получение необоснованных преимуществ для объекта рекламирования и рекламодателя.

Антимонопольное законодательство содержит запрет недобросовестной конкуренции, как путем введения в заблуждение, так и путем некорректных сравнений (статья14.2, статья 14.3 Федерального закона «О защите конкуренции» от 6.07.2006 N 135-ФЗ). Рекламная деятельность является разновидностью предпринимательской, в рамках которой недопустимы подобные противоправные проявления в отношении иных рекламодателей, потребителей рекламы, потребителей объекта рекламирования. Указание на преимущественное положение, лидерскую позицию на рынке правомерно только в случае указания на конкретные характеристики, подтвержденные документально.

В ответ на требования рекламного и антимонопольного законодательств, правоприменительная практика выработала результативный подход – размещение дисклеймера с информацией о подтверждающих документах, содержащих, например, результаты тематического исследования. Указание конкретных характеристик на практике, часто, сводится к одной доминантной для стоящей перед рекламодателем в определенный период цели. В статье 29 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. N 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе»[1] зафиксировано, что в рамках судебного рассмотрения реклама, не содержащая указания на конкретный подтвержденный преимущественный критерий должна считаться недостоверной. Рекламный дисклеймер здесь выступает символом правомерности, достоверности и добросовестности рекламной информации.

Сам термин «дисклеймер» или «рекламный дисклеймер» в действующем законодательстве отсутствует, однако, представляется, что для доктринального правового анализа, структурирования имеющихся специфических по содержанию информационных включений в рекламные продукты, оптимизации работы рекламной индустрии и контролирующих органов он был бы весьма полезен. Процесс транстерминологизации, нацеленный на обогащение языка права здесь вполне уместен, гипотетически может быть оправдан и результативен.

Лицензия, сертификат, государственная регистрация приобрели в национальном праве символическое значение, отождествляя собой идею особых гарантий государства о надлежащем качестве товаров и услуг. Особо следует отметить, что в действующем законодательстве требования размещения данных сертификата или лицензии не содержится, однако, в течение длительного времени правоприменительная практика шла по пути контроля за наличием дисклеймера с такой информацией. Такой подход был логичен, поскольку основывался на содержащемся в рекламном законодательстве запрете рекламы, если объект рекламирования должен иметь сертификат, лицензию, государственную регистрацию, но не имеет его (пункт 6, пункт 7 статьи 7 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ).

Ясность в этот вопрос внесло Письмо Федеральной антимонопольной службы от 22 июня 2020 г. № ДФ/52241/20 «О рекламе лекарственных средств, медицинских изделий и медицинских услуг, методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, методов народной медицины»[2]. Федеральная антимонопольная служба разъяснила, что реклама медицинской деятельности при отсутствии соответствующей лицензии недопустима, как и реклама иной деятельности и товаров, подлежащих сертификации, лицензированию, государственной регистрации. Соответствующие документы должны быть в наличии и предъявляться рекламодателем по требованию рекламораспространителя. При этом указывать информацию о лицензии непосредственно в рекламе не требуется. Примечательно, что реклама с информацией о лицензии, сертификате, государственной регистрации до сих пор периодически встречается.

Логотип телепрограммы, транслируемой по конкретному каналу, представляет собой смежную с рекламой форму информации, символ, с которым ассоциируется канал у зрителей (пункт 2 части 16 статьи 14 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ). Важно отметить, что сам логотип может

[1] https://base.garant.ru/70252460/?ysclid=mhqlz43955871708840 (дата обращения: 15.07.2025)
[2] https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74193564/?ysclid=mhqn5tn34870927330 (дата обращения: 14.07.2025)

быть использован в рекламе телепрограммы, либо, как средство выразительности в рекламе связанных с ним объектов рекламирования.

Типичные «собственно рекламные» символы - это пометки «на правах рекламы», «реклама», которые сопровождают рекламу в периодических печатных изданиях (статья 16 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ), в информационно-коммуникационной сети «Интернет» (часть 16 статьи 18.1. Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ). Акцент на специфике информационного посыла, позволяющий корректно переключить внимание, иначе настроить восприятие потенциального потребителя рекламы, дифференциация рекламного и иного информационного контента – первоочередные задачи таких пометок.

Юридически-значимые рекламные символы («реклама», «на правах рекламы», дисклеймер, предупредительные надписи фиксированной формы и содержания), символы, используемые в качестве средств выразительности (товарные знаки, элементы брендирования или фирменного стиля, результаты интеллектуальной деятельности) неоднородны, обладают уникальной транскультурностью, позволяют строить многоуровневую правовую коммуникацию, объединяющую всех субъектов рекламной деятельности - рекламодателя, реклампроизводителя, рекламораспространителя, потребителя рекламы, потребителя объекта рекламирования, систему государственного контроля, систему саморегулирования.

Биюшкина Надежда Иосифовна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной и прокурорской деятельности Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Biyushkina Nadezhda Iosifovna

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutorial Activities National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Политико-правовая природа государственного гимна России

The political and legal nature of the Russian national anthem

Аннотация. В статье на основе анализа позиций исследователей относительно определения понятия государственного гимна предложена его авторская формулировка, сформулированы признаки, функции исследуемого явления, проведена его классификация. В работе прослеживаются этапы изменения гимнов Российского государства в контексте происходящих в стране политико-правовых преобразований. Делаются выводы о влиянии государственного гимна на политико-правовую теорию и практику.

Ключевые слова: государственные символы, государственный гимн, внешняя политика, патриотизм, мировоззренческие установки, внутренняя политика, государственная идеология, политико-правовой дискурс

Annotation. Based on the analysis of researchers' positions on the definition of the national anthem, the article proposes its author's formulation, identifies the features and functions of the phenomenon under study, and provides its classification. The article traces the stages of changes in the anthems of the Russian state in the context of the ongoing political and legal transformations in the country. The article concludes on the impact of the national anthem on political and legal theory and practice.

Keywords: state symbols, national anthem, foreign policy, patriotism, worldview, domestic policy, state ideology, and political and legal discourse

Для цитирования: Биюшкина Н.И. Политико-правовая природа государственного гимна России // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 89–92.

Проблема определения понятия государственного гимна связана с осознанием его политической связи с государством и духовной – с обществом. По мнению Г.А. Казакова государственный гимн представляет собой «концентрированное выражение государственной идеологии, национальной идеи; воздействуя музыкой на эмоции человека, а словами – на сознание, он побуждает слушающего к отождествлению себя с нацией, государством»[1]. В.В. Бушуев полагает, что «Государственные гимны представляют собой особый формат ценностного позиционирования государств как во внутреннем, так и во внешнем преломлениях. Специфичность этого формата состоит в эмоционально-художественном, образном представлении государства» [2]. И.А. Якоба делает акцент на программировании социального поведения граждан или подданных через воздействие на них идей, заложенных в гимне: «Каждый гимн несет особый смысл – интенцию, направленную на потенциального адресата … Такой дискурсивный продукт, как гимн, способен не просто беспрепятственно проникать в сознание адресата, но и оказывать часто не осознаваемое суггестивное воздействие, и даже закладывать социальную матрицу поведения, так как состоит из команд и призывов»[3]. Схожую позицию занимает Е.Ю. Воробьева: «Операции с символами воздействуют на социальные общности через спрессованные в них блоки ценностей и архетипических констант, напрямую подключенных к коллективному бессознательному и используют их ма-

[1] Казаков Г.А. Религиозный пафос советских гимнов // Политическая лингвистика. 2013. №4 (46). С. 196.
[2] См.: Бушуев В.В. Исторический нарратив государственных гимнов и политика национальной памяти // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. №1. С. 17.
[3] Якоба И.А. Деконструкция гимна России: выявление дискурсивных сил взаимодействия // Дикурс – Пи. 2017. 2 (27). С. 175.

нипулятивный аппарат незаметным для реципиента образом»[1]. В рамках функционального подхода Т.С. Зотеева отмечает такие направления, как борьба за власть и её стабильное существование, генерация и поддержание чувства любви к Родине, отражение основных политических ценностей[2]. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» Т.Г. Юрченко характеризует государственный гимн как «торжественную песнь, прославляющую единство и мощь государства и ставшую, наряду с государственным флагом и гербом, важнейшим элементом державной символики»[3].

Анализируя представления исследователей заявленной проблематики, дадим следующее авторское определение: государственный гимн представляет собой музыкальное либо текстуально-музыкальное произведение, являющееся одним из официальных символов страны, транслирующее идеологические, мировоззренческие установки, культивирующее патриотические чувства через создание позитивного, героико-эстетического эмоционального фона у большинства граждан или подданных.

Представляется возможным выделить следующие признаки данного политико-правового феномена.

Идеологизм и трансляция мировоззренческих установок.

Эмоциональное воздействие посредством музыкальных и поэтических приемов.

Ориентированность на всё население государства в многообразии его социальных групп.

Общедоступность и максимальная распространенность.

Органическое сочетание высокого уровня художественных средств выражения и доступности понимания глубокого смысла заложенных в гимне политико-правовых конструкций.

Включение в индивидуальное и коллективное политическое сознание через многократное повторение на публичном уровне.

Четко обозначенное авторство музыки и текста гимна в отличие от других государственных символов.

Исследуя направления воздействия гимна на государство и общество, можно сформулировать его функции.

Мировоззренческая – содержит в себе исходные положения, образующие политико-правовой фундамент государства и общества (гордость за свою Родину, патриотизм, идея служения своей стране и народу и др.).

Воспитательная - призвана сформировать положительные с государственнической точки зрения установки.

Мотивационная – стимулирует поведение индивидов и их групп в соответствии с государственным внутри- и внешнеполитическим курсом.

Коммуникационная – способствует сплочению граждан на основе исторической памяти и других ценностных ориентиров.

Погружение во многообразие государственных гимнов позволяет провести их классификацию, в соответствии с которой эти символические произведения подразделяются на следующие группы.

По *связи с религией*: религиозно обусловленные («Боже, царя храни») и светские (гимны СССР).

По *связи с конкретным государством*: ориентированные на одну страну (гимн США), её исторические и культурные традиции, и интернациональные («Марсельеза»).

По *сочетанию музыки и текста*: музыкальные («Патриотическая песня») и текстуально-музыкальные (современный гимн Российской Федерации).

Государственная символика, в частности гимн, выступает отражением тех глубинных процессов в государстве и обществе, которые характеризуют их особенности развития на том или ином этапе. Так, этимологию монархических гимнов от религиозных и военных песен проследил А.А. Карабанов[4]. Действительно, монархической государственности свойственны гимны, прославляющие великие воинские победы, имеющие ключевое значение для укрепления государственности, расширения пределов державы (к примеру, «Гром победы, раздавайся …» на стихи Гавриила Державина)[5], либо просто являющимися военными маршами (к примеру, «Марш Преображенского полка»). Чаще же всего для монархий свойственны гимны, возвеличивающие, а порой и обожествляющие верховную власть правителя как лица, которому даровано право и обязанность управлять и нести всю полноту ответственности перед Всевышним за вверенный ему народ и страну (к примеру, «Молитва русских», «Боже царя храни», «God Save the King»). При этом гимну, как правило, присущи черты молитвенных песнопений.

В революционные периоды, когда все прежние политико-идеологические установки перестают действовать, подвергаясь не только сомнению или критике, но и прямому запрету, возникают другие, подчас

[1] Воробьева Е.Ю. Герменевтика гимна. Часть I // Социум и власть. 2014. №6 (50). С. 128.

[2] Зотеева Т.С. Государственный гимн как жанр политического дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 133 – 134.

[3] Юрченко Т.Г. Гимн // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стлб. 179.

[4] См.: Карабанов А.А. Роль государственного гимна в воспитании патриотизма подрастающего поколения // Вестник МГИМ им. А.Г. Шнитке. 2023. №4 (24). С. 42.

[5] См.: Бушуев В.В. Исторический нарратив государственных гимнов и политика национальной памяти // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. №1. С. 19.

прямо противоположные идеалы, которые находят своё логическое воплощение в символах нового строя, приходящего на смену прежней монархии («Марсельеза», «Интернационал»). Так, по мысли исследователя Д.В. Шапочкина, в «Интернационале» обозначена определенная дихотомия «концептов «власть» и «справедливость». Это позволяет представить в тексе гимна «Интернационал» непримиримость двух взаимоисключающих идеологий – капитализма и коммунизма»[1]. Солидаризируясь с данной позицией, отметим, что «Интернационал» несет в себе разрушительное начало по отношению к господству капитала, порождающему классовое угнетение. Действительно, по мнению академика Е.П. Челышева, «многие справедливо видели … идею социальной справедливости («Интернационал»)»[2]. Двойственность природы «Интернационала» как международного коммунистического и государственного советского гимна подчеркивается отсутствием легального протокольного порядка его исполнения, к примеру, при встрече иностранных делегаций, прибывавших в Советский Союз[3].

Логика политического развития неизбежно приводит к тому, что революционные ценности, такие как, например, классовый подход, дополняются, а затем и заменяются патриотическими, представлениями, осознанием причастности к единому великому прошлому и идеям национального единства. Эта тенденция выражалась, в том числе, в «сакрализации самого государства, во многом с ориентацией на дореволюционные имперские нормы»[4]. Эти процессы характерны для 30-х – 40-х годов применительно к Советскому Союзу, апофеозом которых выступает Великая Отечественная война, на переломном этапе которой принимается принципиально новый гимн. Следует согласиться с исследователем С.К. Мусаходжаевой о том, что «гимн должен был заложить в сознание масс идею нового, советского человека и советского общества - многоязычного, многонационального – объединенного коммунистическими идеалами»[5]. Небесспорной при этом представляется позиция Н.А. Сидорова о том, что основная причина отказа от «Интернационала» как государственного гимна состояла во внешнеполитических процессах, связанных с установлением союзнических отношений с Великобританией и США[6]. В действительности же, как убедительно свидетельствуют материалы комиссии по подготовке гимна, содержательные изменения были обусловлены прежде всего внутриполитическими факторами. Так, указывалось: «Гимн должен отразить следующие темы: 1. Победа рабочего класса в нашей стране и торжество власти трудящихся. 2. Братство и дружба победивших в борьбе народов Советского Союза. 3. О партии упоминать не следует, так как гимн является всенародным, национально-беспартийным»[7].

Следующим этапом трансформации гимна выступает период смены курса после XX съезда КПСС, которая не могла не отразиться на текстовом содержании гимна, изменение которого было связано, с одной стороны, с политикой десталинизации и представлениями главы государства о построении коммунизма в ближайшие десятилетия, с другой. В результате «исправленный» текст гимна носил заидеологизированный характер, выражавшийся в идеологемах, опровергнутых политико-правовой действительностью, а также - в незыблемых установках. Так, своеобразной идеологемой стал образ Ленина, который воспринимался как революционный символ[8].

Основанием для наступления нового этапа эволюции текстового содержания гимна послужили ликвидация Советского Союза и образование на его территории самостоятельных государств. В частности, Российской Федерации, которая, претерпев социально-экономический и духовно-нравственный перелом, на протяжении первых десяти лет своего существования не имела гимна с текстовым содержанием вообще. Музыкальным же содержанием была «Патриотическая песня» композитора М.И. Глинки. Отсутствие текста, на наш взгляд, было не случайным. Возможно, это объясняется тем, что навязанные обществу либерально-буржуазные ценности не встретили широкого отклика среди большинства населения России.

На современном этапе, начавшемся с 2000-го года, гимн Российской Федерации получил своё и музыкальное и текстовое выражение. Российское общество и государство продемонстрировали историче-

---

[1] Шапочкин Д.В. Концептуальное противостояние «власть» vs «справедливость» в тексе гимна «Интернационал» // Политическая лингвистика. 2013. №2 (44). С. 132

[2] Челышев Е.П. Государственный гимн как феномен государственной символики: к вопросу о русской национальной идее // Пространство и время. 2012. № 3(9). С. 148.

[3] Девятов В.И., Жиляев В.И., Невежин В.А. ««Интенационал» устарел для нашего народа». Создание государственного гимна СССР (1943 – 1944) // . С. 81.

[4] Казаков Г.А. Указ соч. С. 199.

[5] Мусаходжаева С.К. Государственный гимн Казахской ССР: история коллективного творчества и авторства // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2018. № 3 (124). С. 72.

[6] См.: Сидоров Н.А. Гимн партии большевиков перерастает у нас в государственный: документы российских архивов об истории Государственного гимна СССР. 1943 – 1946 гг. / Н.А. Сидорова // Россия. XX век: Электронный альманах. 2007. URL: http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah- intro/66230 (дата обращения: 11.08.2025)

[7] Цит. по: Аманжолова Д.А. Дружба народов и советский народ: из истории создания гимна СССР // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2023. №12. Т. 1. С. 19.

[8] См.: Ощепкова Л.А. Жанрообразующие признаки государственного гимна (на примере государственных гимнов России и Франции // Сибирский филологический журнал. 2019. №1. С. 271.

скую преемственность различных этапов своего развития. Эта тенденция воплотилась в синтезе советской музыки гимна и его нового текстуального содержания, созданного тем же автором.

Анализ эволюции гимна Российского государства позволяет выделить следующие этапы.

До 1816 года – период первых неофициальных гимнов Российской империи.

1816 – 1833 гг. – действие первого Высочайше утверждённого государственного гимна Российской империи («Молитва русских», автор слов В. А. Жуковский (1814), композитор Генри Кэри (1745).

1833 – 19 марта 1917 гг. – («Боже, Царя храни!» («Молитва русского народа»), автор слов В. А. Жуковский, композитор А. Ф. Львов)

19 марта 1917 г. – 23 января 1918 г. - «Рабочая Марсельеза» (автор слов П. Л. Лавров (1875 г.), композитор Клод Жозеф Руже де Лиль)

1918 – 1944 гг. – «Интернационал» (русский перевод текста А. Я. Коц (1902 г.), композиторПьер Дегейтер).

1944 – 1956 гг. – гимн СССР в первоначальной редакции текста (авторы слов С. В. Михалков, Эль-Регистан, композитор А.В. Александров)

26 февраля 1956 г. - 31 августа 1977 г. - исполнение Гимна СССР без слов

27 мая 1977 г. - 26 декабря 1991 г. – Гимн СССР в новой редакции С.М. Михалкова

23 ноября 1990 г. – 25 декабря 2000 г. - «Патриотическая песня» композитора М.И. Глинки.

25 декабря 2000 г. (музыка), 30 декабря 2000 г. (слова) по настоящее время – Государственный гимн Российской Федерации (авторы слов С. В. Михалков, композитор А.В. Александров)

Таким образом, гимн, представляющий собой один из символов государства, по своей сущности и содержанию выходит далеко за рамки формального представления государства во внутренней и внешней среде. Назначение гимна связано с глубинным осознанием причастности каждого к исторической судьбе и миссии своего государства. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о динамичности изученного явления и его действенной природе, генерирующей многообразное поле политико-правовых, культурно-творческих и иных социальных отношений.

Варенцова Лариса Юрьевна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Varentsova Larisa Yurievna

doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of theory and history of state and law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: l_varentsova.65@mail.ru

«Станы» и «слазки» как символы путешествий царя Алексея Михайловича в России (1645 – 1676 гг.)

«Camps» and «sorties» as symbols of Tsar Alexei Mikhailovich's travels in Russia (1645–1676)

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть «станы» и «слазки» как символы путешествий царя Алексея Михайловича (1645 – 1676 гг.). Научная новизна статьи определяется постановкой данной проблемы. Источниковой базой исследования послужили исторические источники различных видов. Привлекались неопубликованные делопроизводственные документы из фондов Российского государственного архива древних актов (г. Москва): Ф. 27 «Приказ Тайных дел», Ф. 1239 «Фонд дворцового отдела». Из опубликованных делопроизводственных документов наибольшую значимость для подготовки статьи имеют «Дневальные записки Приказа тайных дел». Они являются уникальным историческим источником, представляющим собой ежедневные сведения о жизни царя Алексея Михайловича. Нами использовались источники эпистолярного вида – письма царя Алексея Михайловича, адресованные организатору царской соколиной охоты А.И. Матюшкину. Их можно назвать замечательным памятником древнерусской письменности. Нами применялись источники мемуарного типа – сочинение Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». «Дневальные записки приказа Тайных дел» – это уникальный исторический источник, фиксирующий ежедневные сведения из жизни царя Алексея Михайловича. Историографической базой исследования стали труды классиков отечественной исторической науки: Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, И.Е. Забелина и других ученых. Нами использовались проблемно-хронологический, системно-исторический, сравнительно-исторический методы научного исследования.

Ключевые слова: Россия в XVII в., эпоха правления царя Алексея Михайловича, особенности царского быта, символы путешествий царя Алексея Михайловича, «станы» и «слазки»

Annotation. The purpose of the article is to consider the "camps" and "sorties" as symbols of the travels of Tsar Alexei Mikhailovich (1645–1676). The scientific novelty of the article is determined by the formulation of this problem. The research was based on historical sources of various types. Unpublished office documents from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow) were used: F. 27 «Order of Secret Affairs», F. 1239 «Fund of the Palace Department». Of the published office documents, the most important for the preparation of the article are the "Diary notes of the Secret Affairs Order". They are a unique historical source that provides daily information about the life of Tsar Alexei Mikhailovich. We used epistolary sources – letters from Tsar Alexei Mikhailovich addressed to the organizer of the royal falconry, A.I. Matyushkin. They can be called a remarkable monument of ancient Russian writing. We used memoir – type sources – the work of G.K. Kotoshikhin «On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich». «Diary notes of the Secret Affairs Order» is a unique historical source that captures daily information from the life of Tsar Alexei Mikhailovich. The historiographical basis of the research is the works of the classics of Russian historical science: N.I. Kostomarov, S.M. Solovyov, V.O. Klyuchevsky, I.E. Zabelin and other scientists. We used problem-chronological, system-historical, comparative-historical methods of scientific research.

Keywords: Russia in the 17th century, the era of the reign of Tsar Alexei Mikhailovich, the features of royal life, the symbols of Tsar Alexei Mikhailovich's travels, «camps» and «sorties»

Для цитирования: Варенцова Л.Ю. «Станы» и «слазки» как символы путешествий царя Алексея Михайловича в России (1645 – 1676 гг.) // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24 – 27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 93–97.

Начиная с глубокой древности, в культуре разных народов мира использовались символы. Термин «символ» имеет греческое происхождение, произносится как symbolon. У древних греков это слово означало условный вещественный опознавательный знак[1].

Символы имели место и в русской культуре эпохи Позднего Средневековья – Раннего Нового времени. Символы являлись неотъемлемой частью жизни и быта русских царей в XVII столетии. В эпоху правления «тишайшего государя» Алексея Михайловича Романова (1645 – 1676 гг.) символами его выездов и путешествий можно назвать «станы» и «слазки».

Выезд царя Алексея Михайловича из Московского Кремля назывался «путешествием», «походом» или «объездом». Он мог отправляться в монастыри, в подмосковные дворцовые села, на охоту. Такие путешествия занимали разное количество времени. Во время больших путешествий царь Алексей Михайлович мог выезжать с царицей, ближним боярами (Б.И. Морозовым, И.Д. Милославским, Н.И. Одоевский, В.П. Львов), со стольниками, дворянами. Для царских выездов специально готовились лошади, сани, кареты, колымаги (барские повозки на летнем ходу)[2], каптаны (зимние крытые повозки – Л.В.)[3].

В эпоху правления царя Алексея Михайловича «станом» называлась станция и место отдыха государя на пути его следования[4]. Составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даль под «станом» имел в виду место, где путники останавливались для отдыха, территорию их временного пребывания[5]. На станах могли меняться лошади. Последний из «станов» было принято называть «подхожим». К примеру, по дороге из Смоленска «подхожим станом» считалось царское село Воробьево[6].

«Станы» на больших дорогах имели постоянный характер. Из приписных к ним селений туда поставляли лошадей, корма, все необходимое. Среди известных «станов», часто посещавшихся царем Алексеем Михайловичем, были дворцовые села Измайлово, Коломенское, Тайнинское, Покровское, Воздвиженское, Воробьево, Братовщина, Медведково, Остров. В каждом из них имелись государевы хоромы, церкви, обустроенное царское хозяйство[7]. Большинство из них отличались роскошной отделкой. При государевых дворах находилась местная администрация[8]. Здесь же концентрировались хозяйственные объекты царских вотчин. Как правило, дворы «тишайшего государя» содержались в идеальном порядке[9].

Алексей Михайлович являлся образцом благочестивого, набожного человека[10], который всегда старался посещать богослужения в царских селах. 10 мая 1657 г. он побывал на всенощном бдении и божественной литургии в своем государевом селе Остров, в церкви Преображения Господня. Столовое кушанье было приготовлено для царской семьи в селе Остров. После обеда семейство отправилось на другой «стан» – в село Покровское-Рубцово[11].

Подмосковное село Коломенское издревле было великокняжеской вотчиной, располагалось на берегу реки Москвы, среди обширных москворецких лугов. Оно являлось одной из лучших загородных царских усадеб. Царь Алексей Михайлович часто бывал в Коломенском, «тешился» соколиной охотой в коломенских полях[12]. По свидетельству современников-иностранцев 1670-х гг., Коломенский царский дворец отличался сказочным убранством, превосходной резьбой и позолотой, казался «красивой игрушечкой, только что вынутой из ящика»[13]. Царь Алексей Михайлович почти все лето проводил в потешных походах, поездках по окрестностям Москвы[14].

Село Измайлово считалось образцовой хозяйственной вотчиной царя Алексея Михайловича, которую показывали иностранцам. Оно не только являлось летней резиденцией царя Алексея Михайловича,

---

[1] Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. М., 1988. С. 454.

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В двенадцати томах. Том 5. Кач-Мал. М., 2002. С. 88.

[3] *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 93.

[4] Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути с пояснительною к нему заметкою С.Т. Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка. Иждивением К.Т. Солдатенкова. Издал Петр Бартенев. М., 1856. С. 14.

[5] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В двенадцати томах. Том 11. Сап-Тех. М., 2003. С. 268.

[6] Собрание писем царя Алексея Михайловича… С. 14.

[7] *Варенцова Л.Ю.* «Хоромы для государева пришествия» в дворцовых землях Российского государства в XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, 2023. № 3. С. 54.

[8] Российский государственный архив древних актов (г. Москва) (далее – РГАДА). Ф. 1209. Д. 15651. Л. 17 об.

[9] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3-х томах. Том второй. Ростов-на-Дону, 1997. С. 178.

[10] *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост., вступ. ст. и прим. В.А. Александрова. М., 1990. С. 109.

[11] *Белокуров С.А.* Дневальные записки Приказа тайных дел. 7165 – 7183 гг. / С.А. Белокуров; Изд. Имп. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М., 1908. С. 15.

[12] *Белокуров С.А.* Дневальные записки Приказа тайных дел. 7165 – 7183 гг. … С. 25.

[13] *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1918. С. 139.

[14] Там же. С. 465 – 466.

но и было мощным хозяйственным центром ведомства Тайного приказа[1]. Село Измайлово стояло на берегу реки Серебровки, среди заповедных рощ, великолепных прудов. В начале 1660-х гг. здесь возвели царские двухъярусные хоромы из дубового бруса. Имелась каменная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы[2].

В селе Измайлово были обустроены государевы десятинные пашни, виноградники, яблоневые сады, гряды с лекарственными травами, пасеки, погреба, медоварни, хлебни, квасоварни, винокурни[3]. Царь Алексей Михайлович наблюдал за развитием дворцового хозяйства в селе Измайлово. Со всех дворцовых вотчин сюда переселяли крестьян для работы на полях и скотных дворах.

Некоторые «станы» обустраивались при монастырях. При Колязине монастыре на Волге был «стан» царя Алексея Михайловича[4]. Царские грамоты от одного «стана» к другому пересылались со стадными конюхами[5].

На «станах» царское семейство отдыхало от длительной и утомительной езды. Из села Кубенское, расположенного в 57 верстах (путевая верста равнялась 1,080 км[6]) от Москвы по дороге на Можайск, царь Алексей Михайлович сообщал 13 марта 1655 г., что в этом «стану» придется заночевать, поскольку «дорога такова худа, какой мы от роду не видали»[7].

Нередко в один день царь Алексей Михайлович посещал несколько «станов». 2 апреля 1657 г. он побывал в селах Измайлово и Покровское, посетил Потешный двор в селе Семеновское[8]. Божественную литургию слушал в Измайлово, а столовое кушанье было приготовлено для царского семейства в Покровском[9]. Согласно «Дневальным запискам Приказа тайных дел», в тот день была холодная и ветряная погода[10], но при этом программа посещений дворцовых владений государем была выполнена.

«Станы» являлись местом отдыха, когда царь Алексей Михайлович возвращался из военных походов. 18 декабря 1657 г. он провел некоторое время в своем «стане» в Вязьме, возвращаясь из шведского похода[11].

В селе Воздвиженское был последний царский «стан» на пути в Троице-Сергиев монастырь. Он располагался в 12 верстах от обители. В нем находились царские хоромы. Как правило, духовенство Троице-Сергиева монастыря являлось в село Воздвиженское, «било челом», встречая почетных гостей[12].

По словам российского историка Н.И. Костомарова, царь Алексей Михайлович являлся народу со всей торжественностью. Он мог ехать в широких санях, двое бояр стояли впереди с обеих сторон в этих санях, двое – сзади. Сани сопровождали отряды стрельцов. Путь перед царем выметался. Народ разгонялся. Встречавшиеся пешие люди перед видом царя падали ниц. Всадники слезали с коней и также падали ниц. Подданные благоговели перед царем и почитали его наравне с Богом[13].

Кроме «станов» в путешествиях царя Алексея Михайловича выделялись «слазки» – так назывались местности, где царь Алексей Михайлович выходил из своего экипажа. Глагол «слазить» использовался вместо слов «сходить», «слезать»[14].

Сохранились письма царя Алексея Михайловича 1646 – 1662 гг., адресованные своему родственнику и другу Афанасию Ивановичу Матюшкину. Их матери были родными сестрами, происходили из русского дворянского рода Стрешневых. А.И. Матюшкин с младых лет жил при царском дворце, служил стольником. Он являлся главным организатором царской охоты, сокольничим, заседал в Конюшенном приказе, ведавшим государевой «потехой» – охотой на зверей[15]. С царем Алексеем Михайловичем их объединяла любовь к зимней и летней «забаве», соколиной охоте. А.И. Матюшкин, как правило, сопровождал государя не только во время охоты, но во время посещений монастырей, в двух польских и шведском походах[16].

Царь Алексей Михайлович с младенчества пристрастился к соколиной охоте. После вступления на престол его летняя потеха приобрела обширные форматы. Заведовать соколиной охотой было поручено

---

[1] *Веселовский С.Б.* Памятные места в истории русской культуры XIV – XIX вв. М., 1962. С. 193.
[2] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Т. 1399 – 1715. Д. 532. Л. 1 – 2.
[3] *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 504.
[4] Собрание писем царя Алексея Михайловича… С. 33.
[5] Там же.
[6] *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1975. С. 89.
[7] Собрание писем царя Алексея Михайловича… С. 44.
[8] *Белокуров С.А.* Дневальные записки Приказа тайных дел. 7165 – 7183 гг. … С. 9.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Собрание писем царя Алексея Михайловича… С. 58.
[12] Там же. С. 68.
[13] *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 178.
[14] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В двенадцати томах. Том 11. Сап-Тех. М., 2003. С. 129.
[15] *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 93.
[16] Собрание писем царя Алексея Михайловича… С. 3.

приказу Тайных дел, учрежденному царем Алексеем Михайловичем в конце 1654 – начале 1655 г.[1] Средства, необходимые для организации «царской потехи», также выделялись приказом Тайных дел[2].

Появилось «Уложение сокольничья пути», подготовленное, по вероятности, царем Алексеем Михайловичем[3]. В Кенигсберге закупались бубенчики для ловчих птиц. Для царской охоты приобретались дорогие птицы (кречеты, соколы, ястребы), иногда их набиралось до 3 тысяч голов[4]. Их было принято показывать только лицам, приближенным к царю Алексею Михайловичу. С помощью этих птиц охотились на лебедей, гусей, уток, журавлей, зайцев. Для корма хищным птицам использовались голуби, с этой целью специально был обустроен голубиный двор, число гнезд в нем доходило до 100000 единиц[5]. Разведение голубей контролировалось приказом Тайных дел[6].

Для «царской потехи» были отведены заповедные лесные рощи в Подмосковье, а в них – государевы дворы. Они находились от столицы на расстоянии 7 – 20 верст и более[7]. 1657 – 1667 гг. считаются временем наибольшего увлечения царя Алексея Михайловича соколиной охотой[8].

В ведении приказа Тайных дел находился так называвшийся «Потешный двор», специально учреждавшийся для царской соколиной охоты. Точнее, потешных дворов имелось два – в Семеновском и Коломенском[9]. Организатором царской охоты на зверей был ловчий, на птиц – сокольничий. Ловчий находился во главе Конюшенного приказа. Несколько позже вся царская охота контролировалась Конюшенным приказом[10].

Письма царя Алексея Михайловича А.И. Матюшкину свидетельствуют, что «тишайший государь» часто любил «тешиться охотой», иногда по нескольку дней подряд, особо ценил хорошую погоду. Иногда выходил на охоту с ловчими птицами дважды в день. Он предпочитал посещать село Семеновское, где на полях была возможность «тешиться птицами»[11].

Государя сопровождали лица, необходимые для организации псовой и соколиной охоты[12]. Во время поездок на охоту государь иногда приказывал раскидывать шатры, отличавшиеся большой роскошью[13].

Перед царем Алексеем Михайловичем за охоту непосредственно отвечал ловчий, он же – и сокольничий. При нем были подсокольничий с целым штатом сокольников, а также несколько разрядов других должностных лиц. Так выглядела организация Потешного двора. При этом дворе находился подьячий из числа служителей приказа Тайных дел[14].

«Станами» для царя Алексея Михайловича, прежде всего, служили места его соколиной охоты. На станах находились сокольники[15]. Из своих «станов» он писал письма А.И. Матюшкину, имевшему статус московского ловчего. Письма начинались словами: «От царя и великого князя Алексея Михайловича стольнику нашему Афанасью Ивановичу Матюшкину»[16]. Далее следовало государево распоряжение, что следовало сделать «тотчас» главному организатору царской охоты, когда он получит письмо[17].

Всякий раз свои письма А.И. Матюшкину царь Алексей Михайлович завершал указанием названия своего «стана» и даты пребывания на нем. Например, он указывал, что письмо написал 3 апреля 1646 г. в царском «стане» в селе Покровское[18].

В письмах не только давались краткие наказы, но характеризовались особенности охоты в той или иной местности. Например, 3 апреля 1646 г. Алексей Михайлович писал А.И. Матюшкину из дворцового села Покровское, где были царские хоромы, что в его окрестностях бесчисленное количество уток по лужам и озеркам[19].

25 мая 1650 г. царь Алексей Михайлович подготовил письмо А.И. Матюшкину из своего «стана» в деревне Тарасовке, что на реке Клязьме. Тарасовка располагалась в 24 верстах от Москвы, по дороге к Троице-Сергиеву монастырю. В этом письме Алексей Михайлович требовал от А.И. Матюшкина наблю-

[1] *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 72.
[2] Там же. С. 192.
[3] Собрание писем царя Алексея Михайловича… С. 4.
[4] *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 96.
[5] *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 96.
[6] *Соловьев С.М.* Об истории Древней России / Сост., авт. предисл. и примеч. А.И. Самсонов. М., 1992. С. 495.
[7] *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 93.
[8] История русской культуры / Отв. ред. Н. Дубенюк. М., 2006. С. 438.
[9] *Гурлянд И.Я.* Указ. соч. С. 190.
[10] Там же. С. 191.
[11] *Белокуров С.А.* Дневальные записки Приказа тайных дел. 7165 – 7183 гг. … С. 13.
[12] История русской культуры… С. 441.
[13] Там же. С. 440.
[14] *Гурлянд И.Я.* Указ. соч. С. 192.
[15] Собрание писем царя Алексея Михайловича… С. 23.
[16] Там же. С. 11.
[17] Там же.
[18] Там же.
[19] Там же.

дать за погодой, записывать дни, когда идет дождь[1]. Такие наблюдения были необходимы для ведения охоты с ловчими птицами.

На некоторых «станах» для ловчей охоты выращивались гуси, утки, другая живность, необходимая для корма ловчих птиц. Например, со своего «стана» в селе Ростокино, находившегося на тракте в Троице-Сергиев монастырь, царь Алексей Михайлович писал А.И. Матюшкину о необходимости приготовить откормленных живых гусей, уток и селезней и прислать со стадным конюхом[2].

Известным царским «станом» считалось подмосковное село Хорошево – дворцовая вотчина, обустроенная по Звенигородской дороге. Хорошево оправдывало свое название, поскольку располагалось в живописной местности. В нем находились государевы хоромы. Алексей Михайлович посещал данное село, как правило, во время поездок на богомолье в Саввино-Сторожевский монастырь. Иногда он отправлялся в Хорошево ради прогулок. В XVII в. была распространена поговорка: «Хорошо Хорошево, да не наше, а Царево»[3].

Зимой, осенью, весной и летом, в хорошую погоду и распутицу царь Алексей Михайлович совершал «походы» в царские подмосковные села ради соколиной охоты. Особенно любил село Коломенское. Он совершал «походы» в монастыри на богомолье: ездил в Троице-Сергиев или Саввино-Сторожевский монастыри, в Можайск или Боровск. И в поездках на богомолье он находил возможность позабавиться охотой, либо соколиной, либо псовой[4].

Таким образом, царь Алексей Михайлович являлся разносторонней личностью. Он вел активную внешнюю и внутреннюю политику. Он добился немалых успехов в развитии царского хозяйства в многочисленных дворцовых вотчинах, раскинувшихся в различных частях Российского государства.

Алексей Михайлович посещал вместе со своим семейством многие российские монастыри, прежде всего, Саввино-Сторожевский и Троице-Сергиев. На путях его следования располагались государевы дворы, были обустроены «станы». «Слазки» служили местами прогулок царского семейства во время путешествий.

Большое число «станов» – мест обязательного посещения государя во время походов и путешествий имелось в подмосковных царских селах. Во время посещения «станов» царь Алексей Михайлович контролировал состояние дворцового хозяйства, посещал богослужения, отдыхал со своим семейством, занимался соколиной охотой. Мог восстанавливать силы после военных походов.

При Алексее Михайловиче «царская потеха» получила мощный импульс для своего развития. За ее организацией следил приказ Тайных дел. К ней имел непосредственное отношение Конюшенный приказ.

[1] Там же. С. 23.
[2] Собрание писем царя Алексея Михайловича… С. 20.
[3] Там же. С. 16.
[4] История русской культуры… С. 437.

Васяев Александр Александрович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Vasyaev Alexander Alexandrovich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MGUA)

E-mail: advokat.mgka2@gmail.com

Преамбулы международных актов и пропорциональность: символический потенциал деклараций и юридическая техника интерпретации в сфере защиты прав человека

The preamble of international acts and proportionality: the symbolic potential of declarations and the legal technique of interpretation in the field of human rights protection

Аннотация. В статье рассматривается феномен преамбулы международных правозащитных актов как источника символического капитала и правовой легитимности. Исследуется, каким образом декларативные формулы, содержащиеся в преамбулах, «переводятся» судебной практикой и доктриной в операциональные принципы, то есть в опции необходимости, пропорциональности и ограничения прав. Анализ основан на герменевтическом подходе и концепции правовой риторики. На примере Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ), Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) и решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) показано, что преамбулы функционируют как семиотические источники правовых смыслов, формируя «фон» правосознания, на котором строится доктрина. Проводится анализ того, как символическая функция преамбулы сосуществует с технической нормой, и каким образом риторика достоинства, свободы и демократии продолжает влиять на правоприменение.

Ключевые слова: права человека, преамбула, декларация, символика права, правовая герменевтика, пропорциональность, правовая риторика, риторика прав человека

Annotation. This article examines the phenomenon of preambles to international human rights instruments as a source of symbolic capital and legal legitimacy. It examines how the declaratory formulas contained in preambles are "translated" by judicial practice and doctrine into operational principles, that is, into options of necessity, proportionality, and limitation of rights. The analysis is based on a hermeneutic approach and the concept of legal rhetoric. Using the Universal Declaration of Human Rights (UDHR), the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ECHR), and decisions of the European Court of Human Rights (ECHR), it is shown that preambles function as semiotic sources of legal meaning, forming the "background" of legal consciousness upon which doctrine is built. An analysis is provided of how the symbolic function of the preamble coexists with technical norms, and how the rhetoric of dignity, freedom, and democracy continues to influence law enforcement.

Keywords: human rights, preamble, declaration, symbolism of law, legal hermeneutics, proportionality, legal rhetoric, rhetoric of human rights

Для цитирования: Васяев А.А. Преамбулы международных актов и пропорциональность: символический потенциал деклараций и юридическая техника интерпретации в сфере защиты прав человека // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 98–103.

Международное право возникло не только как система норм, но и как символическая структура, наделенная определенной риторикой и ритуальностью. Преамбулы деклараций и хартии – от Всеобщей

декларации прав человека (1948)[1] до Европейской конвенции (1950)[2] – играют особую роль: они формулируют ценностный миф современного права, который впоследствии трансформируется в юридические алгоритмы.

Как отмечал М. Коскенниеми, «международное право – это язык, в котором мораль становится обязательной»[3]. В этом смысле преамбула представляет собой первичный текст морального свойства, который затем рационализируется средствами юридической техники. Современные суды и правовые доктрины «переводят» эти формулы – достоинство, свободу, демократию – в процедуры: тест пропорциональности, доктрину необходимости, критерии margin of appreciation. Отсюда возникает вопрос: каким образом символическая риторика преамбулы становится операциональной нормой?

В международном праве преамбула традиционно воспринимается как факультативная часть текста, не имеющая прямой нормативной силы. Однако в действительности ее роль гораздо глубже: она выполняет функцию символической активации норм, превращая текст в источник не только прав, но и смыслов. Каждая декларация или хартия, начиная с Всеобщей декларации прав человека 1948 г., несет в себе не только набор юридических формул, но и ритуально-дискурсивный акт, выражающий универсальные ценности человечества[4].

Преамбула – это не просто введение, а «священный пролог» (inspirational preamble), задающий герменевтический горизонт для всего последующего текста. В ней формулируется то, что М. Фуко называл «режимом истины»: набором аксиом, из которых вытекает нормативная архитектура[5]. Таким образом, преамбула является символическим кодом международного права, соединяющим моральный и юридический уровни.

Представляется весьма значимым показать, как символическая энергия преамбулы превращается в юридическую технику, а декларативная риторика – в операционные стандарты, используемые судами (в частности, тест пропорциональности, margin of appreciation и принципы необходимости).

С точки зрения герменевтики, преамбула – не декоративная часть документа, а установка интерпретации, задающая смысловую перспективу для всего текста. Как отмечает Ф. Ост, «преамбула – это не комментарий, а рамка, в которой право обретает голос»[6]. Она формирует ценностное пространство, в котором судья осуществляет толкование и балансировку.

В классических правозащитных актах преамбула выполняет три функции:

- учредительная – формирует моральный статус документа (ВДПЧ: «признание достоинства… является основой свободы, справедливости и мира»);

- легитимирующая – придает нормативному тексту «ауру обязательности»[7];

- интерпретационная – служит аргументом при применении и развитии права.

Иными словами, преамбула – это герменевтический инструмент, без которого невозможно понять дух текста. В правозащитных декларациях преамбула играет роль «обрядового» начала. В ней соединяются моральные, религиозные и юридические формы. Так, ВДПЧ начинается с утверждения: «Признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав является основой свободы, справедливости и мира во всем мире»[8].

Эта формула не является юридической нормой в узком смысле: она не предписывает и не запрещает, не указывает субъектов и санкции. Однако она задает символическую онтологию права – мир, в котором достоинство есть аксиома, а не производная. Преамбула, таким образом, выполняет функцию юридического мифа – создает «первичное основание», из которого вытекают все нормы.

Аналогичная структура наблюдается в ЕКПЧ (1950): «Правительства европейских государств, будучи убеждены, что основные свободы… наилучшим образом защищаются посредством эффективной политической демократии…»[9].

---

[1] United Nations. Universal Declaration of Human Rights. Adopted on 10 December 1948. – Available at: https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights (accessed: 30.10.2025).

[2] Council of Europe. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 4 November 1950. – Available at: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Archives_1950_Convention_ENG (accessed: 30.10.2025).

[3] Koskenniemi M. The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 569 p.

[4] Koskenniemi M. The Gentle Civilizer of Nations. The Rise and Fall of International Law 1870-1960. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 569 p. P.78.

[5] Фуко М. «Истина, власть и самость» // Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3. Пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. с. 287.

[6] Ost F., van de Kerkhove J. De la pyramide au réseau? Pour une théorie dialectique du droit. Bruxelles: FUSL, 2002. P. 54.

[7] Neo, Jaclyn L. “Rediscovering the Constitutional Preamble? How Judges Enlist Preambles to Legitimate Transformative Interpretations.” American Journal of Comparative Law 73(2) (2025): 236.

[8] Организация Объединенных Наций. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights (дата обращения: 06.11.2025).

[9] Council of Europe. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention on Human Rights). 4 November 1950. Strasbourg: Council of Europe, 1950. 16 p. Available at: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Archives_1950_Convention_ENG (accessed: 04.11.2025).

Эта фраза вводит ключевой символ – демократию как условие права. ЕСПЧ многократно возвращался к этому образу, называя демократию «фундаментальной ценностью европейского правопорядка»[1]. Таким образом, преамбула становится метатекстом, к которому апеллирует судебная доктрина.

Преамбула определяет и то, что можно назвать «интерпретационным климатом текста». При отсутствии прямого регулирования суды используют преамбулы как средство контекстуализации норм. Например, в деле Tyrer v. United Kingdom (1978, § 31) Европейский суд интерпретировал понятие «унижение достоинства» (ст. 3 ЕКПЧ) с опорой на гуманистический дух преамбулы, утверждая, что Конвенция – «живой инструмент, который должен толковаться в свете современных условий»[2]. Этот аргумент герменевтически восходит к преамбуле, где Конвенция определена как документ, «стремящийся к коллективному обеспечению прав».

Иными словами, преамбула выполняет функцию «нормативного компаса» – она не предписывает прямо, но направляет интерпретацию. Ее символическая энергия превращается в источник легитимности расширительного толкования.

В преамбуле Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод выражено убеждение, что «основные свободы... наилучшим образом защищаются посредством эффективной политической демократии». Эта фраза, хотя и не имеет нормативного характера, задает аксиологическую логику интерпретации всех последующих статей. Именно она легла в основу устойчивой формулы ЕСПЧ: «демократическое общество» как критерий необходимости ограничения прав. Таким образом, преамбула выступает матрицей смыслов, в которой ценности (достоинство, равенство, демократия) служат ориентирами для правоприменения.

Как показал еще в 1990 году Thomas M. Franck, в международном праве декларации обладают двойной природой – «ритуальной и рациональной»[3]. Они одновременно апеллируют к эмоциям (через возвышенную риторику) и к рассудку (через моральную аргументацию). Эта двойственность делает возможным их последующий «перевод» в рациональные критерии – такие как тест пропорциональности, принцип необходимости или баланс интересов.

Теория пропорциональности стала символом юридической трансформации. Так называемая концепция «взвешивания принципов» сформировалась в немецком публичном праве XIX века как инструмент контроля административных актов, а к середине XX века принцип пропорциональности стал методом защиты основных прав. В своем знаменитом решении BVerfGE 7, 198 (Lüth, 1958) Федеральный Конституционный суд ФРГ провозгласил, что Конституция выражает «объективный порядок ценностей», исходящий из достоинства личности[4]. Эта формула отсылает к преамбуле Основного закона Германии, где говорится о «неприкосновенном достоинстве человека».

Р. Алекси определил пропорциональность как процедуру рационализации моральных принципов, где балансирование не уничтожает ценности, а выявляет их иерархию[5]. По его мнению, каждый случай пропорциональности – это форма диалога между «символической системой» Конституции и конкретной практикой. Таким образом, можно сказать, что пропорциональность – это герменевтика преамбулы, выраженная в правовой форме.

Несмотря на то, что доктрина пропорциональности (или соразмерности) – это продукт германского публичного права, она быстро распространилась в глобальной конституционной юриспруденции. В современной формулировке пропорциональность рассматривается как «рационализация моральных принципов права»[6]. Согласно этой модели, права – это принципы, требующие «взвешивания» (balancing) при конфликте. По сути, пропорциональность – это алгоритмизация морали: то, что было выражено в преамбуле как ценностная декларация, превращается в юридический критерий проверки. А. Барак, развивая эту идею, подчеркивает, что пропорциональность – это «сердце современного конституционного права»[7], так как именно она соединяет права человека с интересами общества в рамках единого морально-правового контекста. По сути, преамбула задает ценностный миф, а пропорциональность рационализирует его для применения в судебном решении.

Рассмотрим, как символическая риторика превращается в юридическую технику на примере теста пропорциональности.

---

[1] Европейский суд по правам человека. Дело Handyside v. the United Kingdom (№ 5493/72) : Постановление от 07 декабря 1976 г. // HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 24.10.25).

[2] Европейский суд по правам человека. Дело Tyrer v. the United Kingdom (№ 5856/72) : Постановление от 25 апреля 1978 г. // HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 26.10.25).

[3] Thomas M. Franck. The Power of Legitimacy Among Nations. Oxford University Press, 1990. Гл. 7: «Symbolic Validation, Ritual, and Pedigree», pp. 91–110.

[4] Bundesverfassungsgericht. BVerfGE 7, 198 – Lüth. Entscheidung vom 15.01.1958. 1 BvR 400/51. – In: Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts (BVerfGE). Bd. 7. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1958. S. 198–230.

[5] Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford: OUP, 2002. P. 98–105.

[6] Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford: OUP, 2002. P. 93.

[7] Barak A. Proportionality: Constitutional Rights and Their Limitations. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 611 p. P. 11.

Тест, сформировавшийся в практике ЕСПЧ, требует установления: законности ограничения, легитимной цели, необходимости в демократическом обществе, соразмерности вмешательства. Формула «в демократическом обществе» является переводом символа в инструмент: она уходит корнями в преамбулу, где демократия названа гарантией свободы. Таким образом, при каждом применении теста пропорциональности суд фактически заново активирует символическую формулу преамбулы. Как отмечает Р. Алекси, принцип пропорциональности – это «юридическая рационализация моральной идеи меры»[1]. Его «моральная идея» как раз и исходит из декларативного дискурса достоинства и справедливости.

Следует отдельно сказать о риторике ограничений – «на условиях, предусмотренных законом». В частности, даже формулы ограничений прав (например, «в интересах национальной безопасности», «на условиях, предусмотренных законом») сохраняют риторическую симметрию с преамбулой. Они выступают как контрбаланс символике универсальности. С точки зрения герменевтики, это не ослабляет символ, а встраивает его в правовую технику. Именно баланс между возвышенной риторикой и прагматикой ограничений делает международные акты устойчивыми.

В решении Sunday Times v. UK (1979, § 65) Европейский суд подчеркивает, что «необходимость» ограничения должна интерпретироваться в свете «демократического общества» – снова обращение к преамбуле[2]. Таким образом, даже ограничение прав – форма ритуального подтверждения их ценности.

ЕСПЧ и другие международные суды выполняют роль жрецов правового ритуала, переводя символы деклараций в юридические решения. Судебные формулы вроде «живая Конвенция» или «основные ценности демократического общества» – не просто метафоры, а ритуальные перформативы, которые поддерживают сакральный статус акта[3]. Иными словами, право в своем судебном измерении продолжает ритуальную жизнь деклараций: каждое решение становится «повторением обряда». Это объясняет, почему цитаты из ВДПЧ или преамбулы ЕКПЧ нередко появляются даже в аргументации по частным делам – суд апеллирует к символической основе легитимности.

Преамбула также выполняет функцию ценностного фильтра, защищая текст от «узкотехнических» интерпретаций. Как отмечал Дж. Финнис, любое право без ценностного основания утрачивает моральный смысл[4]. Поэтому апелляция к преамбуле позволяет избежать редукции права человека к бюрократическому «механизму». В решении Soering v. UK Европейский суд прямо ссылается на «гуманистический дух Конвенции» как аргумент против экстрадиции, ведущей к смертной казни[5]. Это пример того, как символическое измерение текста становится юридическим критерием.

Преамбулы Африканской хартии прав человека и народов (1981) или Каирской декларации по правам человека в исламе (1990) также демонстрируют, что символическая грамматика права адаптируется под культурный контекст, но сохраняет универсальные элементы: идею достоинства, гуманизма и общественного порядка. Это подтверждает тезис о том, что символизм преамбул – не риторическая случайность, а необходимое условие универсальности[6].

Риторическая природа деклараций и хартии очевидна: они написаны языком убеждения, а не приказа. Как подчеркивал Ш. Перельман, «право убеждает, прежде чем обязывает»[7]. Декларации выполняют функцию перформативов – речевых актов, которые создают новые социальные реалии[8]. Так, в момент провозглашения ВДПЧ создается не только документ, но и символическое пространство человечества, объединенного идеей достоинства. Перформативность преамбул заключается в том, что они «учреждают» моральную истину – и это учреждение становится основанием для дальнейшей нормативной конкретизации.

В контексте современной герменевтики международного права можно утверждать, что преамбула – это «речевой акт легитимации», в котором мораль становится юридически артикулированной. Можно утверждать, что преамбула является носителем некоего ценностного кода, поскольку это текст, где язык права соприкасается с языком морали. В ней формулируется морально-правовой универсум, который затем конкретизируется в нормах. Как отмечал Дж. Финнис, «мораль и право неразделимы, если речь идет о правах человека»[9]. Формула Всеобщей декларации прав человека – «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи» – представляет собой акт, утверждающий не юридический, а онтологический статус личности.

---

[1] Alexy, R. A Theory of Constitutional Rights. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 462 p.

[2] Европейский суд по правам человека. Дело The Sunday Times v. the United Kingdom (№ 6538/74) : Постановление от 26 апреля 1979 г. // HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 26.10.25).

[3] Sicilianos L. A. Adapting International Instruments over Time: Remarks on the Evolutive Interpretation of the European Convention on Human Rights //Time and International Adjudication. – Brill Nijhoff, 2024. – С. 473-486.

[4] Finnis J. Natural Law and Natural Rights. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 494 p.

[5] Европейский суд по правам человека. Дело Soering v. the United Kingdom (№ 14038/88) : Постановление от 07 июля 1989 г. // HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 27.10.25).

[6] Orgad L. The Preamble in Constitutional Interpretation // International Journal of Constitutional Law (I·CON). 2010. Vol. 8, no. 4. P. 714–738.

[7] Перельман Ш. Логика юридическая. Новая риторика. Париж: Dalloz, 1979. 193 с.

[8] Searle, John R. “A Classification of Illocutionary Acts.” Language in Society 5, no. 1 (1976): 1–23.

[9] Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford: OUP, 2011. P. 47.

В статьях 8–11 ЕКПЧ установлено, что ограничение прав возможно, если оно «предусмотрено законом» и «необходимо в демократическом обществе». Эта формула по своей структуре – риторический след преамбулы: она воспроизводит аксиологию демократии как критерия легитимности.

В деле Handyside v. United Kingdom (1976) Европейский суд впервые связал свободу выражения с понятием «основы демократического общества»[1]. Позднее в деле Sunday Times v. United Kingdom (1979) Европейский суд развил этот принцип, указав, что любые ограничения должны отвечать «насущной общественной необходимости» (pressing social need). Таким образом, тест необходимости и пропорциональности стал формой «перевода» преамбульной риторики в юридический алгоритм. А. Стоун Свит и Дж. Мэттьюз справедливо замечают, что глобальное распространение пропорциональности связано именно с тем, что она «универсализирует» моральный язык прав человека[2].

Европейский суд по правам человека выступает не только как правоприменительный, но и как герменевтический институт, который интерпретирует символические смыслы Конвенции. Как отмечает Л.-А. Сицилианос, доктрина «живого инструмента» означает, что Конвенция обновляет свои ценности через судебный дискурс[3]. Это превращает суд в «хранителя преамбулы», а не просто исполнителя ее буквального содержания.

Показателен пример дела S.A.S. v. France (2014) Европейский суд рассматривал запрет на ношение религиозного покрывала. Аргумент о «светском характере» государства Суд соотнес с преамбулой и сделал акцент на необходимости защиты «условий совместного проживания» как элемента демократии[4]. В обоих случаях преамбула выступила скрытым источником пропорциональности: она позволила Суду оценить баланс между индивидуальными правами и общественными интересами через ценностную призму.

В решениях ЕСПЧ о пропорциональности можно выделить два уровня смысла:

- юридический (проверка цели, необходимости, соразмерности);
- символический (обновление смысла преамбулы через конкретное решение).

В этом смысле судебная пропорциональность – это ритуал символического баланса. Она обновляет моральные смыслы, заключенные в преамбуле, и подтверждает их применимость в новых контекстах. Ф. Мегре назвал это явление «правовым сакрализмом»: международные суды воспроизводят ценности, превращая юридический акт в символический жест[5]. Такое понимание сближает пропорциональность с ритуальной функцией деклараций: обе формулы – и преамбула, и тест – обеспечивают социальное признание права как нравственной системы.

ЕСПЧ признает, что национальные власти имеют пространство для интерпретации прав, но это пространство ограничивается основными ценностями Конвенции. Именно преамбула позволяет суду определить, где проходит граница между национальной спецификой и нарушением универсальных принципов. М. Кумм полагает, что margin of appreciation – это «герменевтика доверия», когда суд предполагает добросовестность государств, но корректирует ее, если действия противоречат символическим основам Конвенции[6].

Таким образом, символическая риторика преамбулы не только легитимирует нормы, но и задает пределы политической дискреции.

В российской практике подобную роль играет Преамбула Конституции РФ, в которой утверждается верховенство прав человека. Российская Конституция закрепляет в преамбуле, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Статья 2 конкретизирует этот принцип, устанавливая обязанность государства «признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека». Как отмечает С.А. Авакьян, «преамбула Конституции выступает не декларацией, а ценностным основанием конституционного строя»[7].

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к этой формуле при оценке ограничений прав. Конституционный Суд РФ последовательно применяет принцип соразмерности как форму балансирования между правами личности и интересами общества. В Постановлении от 14 февраля 2013 г. № 4-П

[1] European Court of Human Rights. Handyside v. United Kingdom, Application no. 5493/72, Judgment of 7 December 1976. – Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499 (accessed: 01.11.2025).
[2] Stone Sweet A., Mathews J. Proportionality Balancing and Global Constitutionalism // Columbia Journal of Transnational Law. 2008. Vol. 47. P. 73–77.
[3] Sicilianos L.-A. Interpretation of the European Convention on Human Rights: Remarks on the “Living Instrument” Doctrine. Strasbourg: Council of Europe, 2019. 24 p. Available at: https://rm.coe.int/interpretation-of-the-european-convention-on-human-rights-remarks-on-t/1680a05732 (accessed: 07.11.2025).
[4] European Court of Human Rights. S.A.S. v. France, Application no. 43835/11, Judgment of 1 July 2014. – Available at: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145466 (accessed: 02.11.2025).
[5] Mégret F. The Human Rights State as Symbolic Form // European Journal of International Law. 2012. Vol. 23. P. 75–78.
[6] Kumm M. The Idea of Socratic Contestation and the Right to Justification // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8. P. 142–147.
[7] Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: РЮИД «Сашко», 2000. 528 с.

Суд подчеркнул, что любое ограничение права должно быть «обусловлено конституционно значимыми целями и не нарушать сущности права»[1].

В Постановлении от 16 июня 2015 г. № 14-П Суд подчеркнул, что «ограничения допустимы лишь при сохранении уважения к человеческому достоинству и сущности конституционного права»[2]. Таким образом, преамбула выступает не источником норм, а источником интерпретаций. Она функционирует как «символический фильтр», через который судебная практика отбирает для себя легитимные аргументы. Аналогичная логика прослеживается в решениях по делам о свободе собраний, тайне переписки и неприкосновенности частной жизни. Тем самым российская практика демонстрирует, что даже в национальной системе преамбула служит активным источником интерпретации, поскольку «соразмерность в российском праве – это институционализированная форма ценностного компромисса»[3].

Современные исследователи указывают на риск технократизации принципа пропорциональности. По мнению К. Меллера, чрезмерное использование формулы «баланса» может привести к «обесцениванию моральной силы права»[4]. Если тест превращается в чисто логическую процедуру, он теряет связь с ценностями, из которых вырос. Такая опасность существует и в российской практике: ссылка на «соразмерность» иногда используется без раскрытия ценностных мотивов решения. В результате правовая аргументация утрачивает связь с духом преамбулы, превращаясь в формальный баланс интересов.

Чтобы избежать этой тенденции, необходима рефлексивная пропорциональность – осознанное соотнесение каждой стадии теста с ценностями, закрепленными в преамбуле. Иначе говоря, судья должен обосновывать не только юридическую корректность, но и ценностную целесообразность ограничения. Это соответствует подходу А. Барака, который утверждает, что пропорциональность – это не просто инструмент, а «форма публичного разума, выражающего моральные основания демократии»[5]. Современные декларации (например, Конвенция о правах инвалидов 2006 г.) сохраняют преамбулу как обязательный жанр, где формулируются новые символы – инклюзия, достоинство, автономия. Этот язык повторяет структуру ВДПЧ, но добавляет элементы современной чувствительности.

Глобальная преамбула XXI века становится пространством диалога цивилизаций, где разные ценностные традиции – либеральная, исламская, африканская – договариваются о символических терминах[6]. Именно преамбула позволяет тексту быть интеркультурным, не теряя при этом юридической определенности.

Таким образом, преамбулы международных актов о правах человека – не формальные вступления, а символические источники права. Именно они формируют герменевтический горизонт, в котором понятия достоинства, свободы и демократии обретают юридическую конкретность.

Преамбула не обладает прямой юридической силой, но определяет смысловую траекторию норм и направляет судебную герменевтику. Символическая энергия преамбулы трансформируется в технические принципы – пропорциональность, необходимость, баланс – превращая моральные категории в операционные алгоритмы. В этом заключается уникальность международного правового языка: он удерживает в себе двойственность – мораль и алгоритм, ритуал и рациональность. Международные декларации живут не только как тексты, но и как символические системы, а суды – как их хранители и интерпретаторы. Пропорциональность, необходимость, баланс интересов – это не «технические тесты», а рационализированные формы морального мышления, происходящие из языка преамбул. Судебная практика ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ и национальных юрисдикций показывает, что именно преамбула остается «сердцем» правозащитной интерпретации, даже если об этом прямо не говорится. Путь от преамбулы к пропорциональности – это не движение от символа к процедуре, а процесс перевода символа в практику, в ходе которого право сохраняет не только норму, но и смысл.

[1] Конституционный Суд РФ. Постановление от 14 февраля 2013 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

[2] Конституционный Суд Российской Федерации. Постановление от 16 июня 2015 г. № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 26. Ст. 3944.

[3] Белов С. Ценности российской Конституции в тексте и в практике ее толкования. Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С. 68–87.

[4] Möller K. The Global Model of Constitutional Rights. Oxford: OUP, 2012. P. 162–164.

[5] Barak A. Proportionality: Constitutional Rights and Their Limitations. Cambridge: CUP, 2012. P. 341.

[6] Mégret F. Where does the critique of international human rights stand? An exploration in 18 vignettes //New approaches to international law: The European and the American experiences. – The Hague, The Netherlands : TMC Asser Press, 2012. – С. 3-40.

Васяев Александр Александрович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Vasyaev Alexander Alexandrovich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MGUA)

E-mail: advokat.mgka2@gmail.com

Юридический статус и символическая сила правозащитника: между моралью, мифом и нормой

Legal Status and Symbolic Power of the Human Rights Defender: between morality, myth, and norm

Аннотация. В статье рассматривается феномен правозащитника как символа и в институциональном (юридическом) значении, и в культурном измерении. Правозащитник предстает носителем двойственной природы: с одной стороны, он является субъектом права со специальным статусом, а с другой – символической фигурой общественной морали и дискурса. Дан анализ того, каким образом фигура правозащитника превращается в символ в судебной практике, средствах массовой информации и нормотворчестве. Особое внимание уделено таким явлениям, как «мемориализация», преследование и «канонизация» правозащитников. В теоретическом плане исследование опирается на правовую антропологию, доктрину прав человека и концепцию символического капитала П. Бурдье, что позволяет осмыслить статус и роль правозащитника как синтез морали, мифа и правовой нормы. Приводятся примеры трансформации образа правозащитника в различных культурно-правовых контекстах, в том числе в России. Делается вывод о том, что правозащитник обладает значительной символической силой, способной влиять на правовое сознание и практику, однако эта сила зависит от социального признания и, может быть, как легитимирована, так и оспорена различными акторами.

Ключевые слова: правозащитник, права человека, правовой статус, символ, символический капитал, мемориализация, правовая антропология

Annotation. The article examines the phenomenon of the human rights defender as a symbol – both in the institutional (legal) sense and in the cultural dimension. The human rights defender is shown to embody a dual nature: on one hand, a legal subject with a special status, and on the other, a symbolic figure of societal morality and discourse. An analysis is given of how the figure of a human rights defender is transformed into a symbol in judicial practice, the media and rule-making. Particular attention is paid to such phenomena as «memorialization», persecution and «canonization» of human rights defenders. Theoretically, the research draws on legal anthropology, human rights doctrine, and P. Bourdieu's concept of symbolic capital, which allows interpreting the defender's status and role between morality, myth, and legal norm. Examples of the transformation of the defender's image in different cultural-legal contexts, including Russia, are given. The conclusion is that a human rights defender possesses significant symbolic power capable of influencing legal consciousness and practice, but this power depends on social recognition and can be either legitimized or contested by various actors.

Keywords: human rights defender, human rights, legal status, symbol, symbolic capital, memorialization, legal anthropology

Для цитирования: Васяев А.А. Юридический статус и символическая сила правозащитника: между моралью, мифом и нормой // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 104–112.

Введение

Каждый правозащитник – будь то известный диссидент прошлого или современный активист – одновременно действует в поле права и в поле символов. Его деятельность формально регулируется нор-

мами (национальными законами и международными стандартами), однако влияние правозащитника далеко выходит за рамки юридических процедур. В массовом сознании правозащитник часто ассоциируется с моральным авторитетом, борцом за справедливость и голосом совести общества. Тем самым фигура правозащитника приобретает символическую силу, становясь носителем определенных ценностей и мифов. Эту двойственность отражают, с одной стороны, моральные убеждения и мифологизация образа правозащитника, а с другой – правовые нормы, определяющие его статус и возможности.

Актуальность такого рода исследований обусловлена возрастанием роли правозащитников в современном мире и одновременно усилением их уязвимости. Согласно данным международных правозащитных организаций, с момента принятия Декларации ООН «О праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» 1998 года (более известная, как Декларация о правозащитниках), погибли около 4000 правозащитников за свою мирную деятельность[1]. Во многих случаях они стали жертвами преследований со стороны государственных структур и аффилированных с государством организаций, причем в большинстве дел виновные не понесли наказания. Эти тревожные цифры свидетельствуют о том, что обладание правозащитником формальным юридическим статусом (до конца не определенным в законодательстве многих странах, включая Россию) вовсе не гарантирует ему безопасности. Напротив, сам статус борца (защитника) за права человека нередко превращает его в мишень, но также и в символ сопротивления беззаконию. Подобная ситуация особо характерна для авторитарных режимов, где правозащитник воспринимается властью как угроза статус-кво.

В то же время международное сообщество предпринимает усилия по институционализации и защите статуса правозащитника. Декларация ООН «О праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» 1998 года закрепила на уровне soft law понятие «human rights defender» – лица, которое мирными средствами защищает права человека[2]. В ней государства призваны обеспечить таким лицам необходимые условия для деятельности. В развитие положений Декларации приняты национальные законы и нормативы (например, в некоторых странах Латинской Америки и Африки – специальные механизмы защиты правозащитников). Юридическое признание особого статуса правозащитников рассматривается как ключевое условие их безопасности: без этого они остаются один на один с враждебной средой. Так, эксперты подчеркивают, что официальное законодательное признание правозащитников и предоставление им гарантий позволит создать благоприятную среду для их деятельности и убережет от произвольных атак и репрессий[3]. Иными словами, право придает защитникам прав человека институциональную легитимность, которая должна бы выступать щитом от незаконных посягательств.

Однако на практике статус правозащитника в разных юрисдикциях варьируется от почетного до криминализованного. Здесь проявляется противоречие между нормой и мифом: правовые нормы (в демократических государствах и в международном праве) склонны защищать и поощрять деятельность правозащитников, тогда как политизированные мифы (особенно в авторитарных обществах) демонизируют их как «агентов чужого влияния» или «нарушителей порядка». Чтобы понять эту динамику, необходимо рассмотреть фигуру правозащитника не только через призму юридических норм, но и сквозь оптику социальных наук – как культурный символ, наделенный символическим капиталом и включенный в поле идеологических дискуссий.

Правозащитник как правовой институт: статус и признание

Определимся, кто считается правозащитником с формально-правовой точки зрения. Определение этого понятия носит описательный характер. Согласно формулировке, используемой международными организациями, правозащитником является лицо, которое индивидуально или в составе группы мирными средствами поощряет или защищает права человека[4]. Важными признаками являются именно деятельность по защите прав (не обязательно профессиональная – правозащитником может быть журналист, учитель, ученый, рабочий, любой гражданин, то есть не юрист) и мирный характер этой деятельности. Правозащитник обычно действует независимо от государства, часто критикуя органы власти за нарушения прав физических и юридических лиц. При этом правозащитники обосновывают свои требо-

[1] О «Мемориале правозащитников». (В память о тех, кто был убит, отстаивая права человека). – Текст: электронный // URL: – https://hrdmemorial.org/ru (дата обращения: 01.08.2025).

[2] Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 года № A/RES/53/144 «О праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы». // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/defender.shtml?ysclid=mdy848vpaw842381898 (дата обращения: 01.08.2025).

[3] Розенцвайг А.И. Международная правозащитная деятельность: учебное пособие / А.И. Розенцвайг. – Самара: Издательство Самарского университета, 2020. – 92 с.

[4] Понимая принципы и стандарты защиты правозащитников. Методическое пособие. / А. Войтенко, А. Козорог, Л. Коломеец, А. Охредько, В. Потапова / Под редакцией В. Потаповой, М. Сулялиной. – Киев: Центр гражданского просвещения «Альменда», 2021 – 91 с.

вания ссылками как на национальные законы (Конституцию, законодательство), так и на международные стандарты защиты прав человека. Таким образом, правозащитник – собирательный термин, который включает множество субъектов, принадлежащих к различным правозащитным органам и организациям, защищающим права, свободы и законные интересы физических и юридических лиц, восстановление и устранение негативных правовых последствий в случаях их лишения или ограничения[1].

Юридический статус правозащитника пока не оформлен в большинстве стран отдельным специальным законом (исключение составляют некоторые страны, принявшие акты в развитие Декларации ООН 1998 г.). Тем не менее, ряд правовых норм прямо или косвенно закрепляет гарантии для таких лиц. В международном праве о защите правозащитников говорят резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, мандат Специального докладчика ООН по правозащитникам, рекомендации Совета Европы и ОБСЕ. Эти документы призывают государства признавать значимость деятельности правозащитников и обеспечивать им безопасность. Например, в руководящих принципах ОБСЕ подчеркивается, что государства несут обязанность защищать правозащитников и создавать условия для их деятельности[2]. Правозащитные организации обращают внимание на то, что без такого официального признания активисты остаются в серой зоне, подвергаясь произвольным преследованиям.

Институциональное признание правозащитников включает и символические акты со стороны государства или международного сообщества. Присуждение премий (Нобелевской премии мира, премии имени Сахарова и др.), вручение государственных наград за правозащитную деятельность – все это элементы официального символического признания. Они выполняют двоякую функцию. С одной стороны, награды и почетные звания легитимируют правозащитника в глазах общества, конвертируя его моральные заслуги в символический капитал, признанный публично. С другой стороны, такие акты закрепляют за государством или международными институтами роль арбитра, распределяющего символические поощрения тем, кто соответствует определенному образу «героя прав человека». Здесь прослеживается логика, описанная Пьером Бурдье: символический капитал может быть официально санкционирован, гарантирован и легитимирован благодаря официальному признанию[3]. Государство через присвоение званий и наград фактически монополизирует право на высшее символическое одобрение – подобно тому, как диплом или титул подтверждает статус его обладателя. Для правозащитника получение, к примеру, государственной премии означает переход в разряд общепризнанных фигур, своего рода институционализацию его символической роли. Так, в 1990-х г.г. постсоветской России некоторые бывшие диссиденты заняли официальные должности (парламентарии, члены правительственных комиссий), что свидетельствовало о включении их символического капитала в официальное поле.

Однако не всегда государство готово наделить правозащитников позитивным символическим статусом. В авторитарных или переходных режимах наблюдается обратная тенденция – делегитимация правозащитников на институциональном уровне. Это может принимать форму законодательных ограничений и стигматизирующих ярлыков. Яркий пример – российское законодательство об «иностранных агентах». Начиная с 2012 года в России принят ряд законов, обязывающих неправительственные организации, получающие зарубежное финансирование, регистрироваться в качестве «иностранных агентов» и маркировать свои материалы этой печатью. Впоследствии аналогичный статус стали присваивать и отдельным физическим лицам-активистам. Подобная норма не только накладывает бюрократические и финансовые препятствия, но и выполняет символическую функцию стигмы – в массовом восприятии термин «иностранный агент» ассоциируется с шпионажем, предательством национальных интересов. В результате правозащитник, официально объявленный «агентом», утрачивает часть общественного доверия, то есть лишается накопленного символического капитала, или, по крайней мере, сталкивается с его обесцениванием усилиями государства (крайней формой данного процесса является признание адвоката в связи с его деятельностью по оказанию квалифицированной юридической помощи «иностранным агентом»). Аналогично действует и закон о нежелательных организациях, позволяющий властям запрещать в стране деятельность иностранных фондов и НПО, признанных «угрозой основам конституционного строя». Судебные решения о ликвидации правозащитных организаций в России, принятые в 2021–2023 годах, наглядно демонстрируют этот процесс. Так, Московский городской суд ликвидировал Московскую Хельсинкскую группу, исходя из нарушения ею правил функционирования в стране и организации политических акций, и этот процесс чистки так называемых независимых правозащитных организаций продолжился[4]. Ранее по аналогичным основаниям были ликвидированы международное обще-

[1] Васяев А.А., Васяева О.Г. Словарь терминов по адвокатуре России. – М.: ЛЕНАНД, 2024. – С. 14.

[2] Ответственность государств: защита правозащитников в регионе ОБСЕ (2014–2016 гг.). Реализация международных стандартов, изложенных в Руководящих принципах БДИПЧ по защите правозащитников. Документ подготовлен Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ (перевод отчёта «The Responsibility of States: Protection of Human Rights Defenders in the OSCE Region (2014-2016)», впервые опубликованного на английском языке в сентябре 2017 г. OSCE – ODIHR, 2017 г. – 159 с.

[3] Бурдье П. Часть третья. НАЧАЛА. Социальное пространство и символическая власть / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 181-207.

[4] Правозащитники в России нуждаются в поддержке. – Текст: электронный // URL: – https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/human-rights-defenders-in-russia-need-support (дата обращения: 01.08.2025).

ство «Мемориал» и движение «За права человека» – несмотря на тот факт, что «Мемориал» накануне получил Нобелевскую премию мира. Оставшиеся независимые группы (например, Сахаровский центр) также подверглись проверкам, значительная часть из них может быть закрыта на основании законов об «иностранных агентах» и «нежелательных организациях». Здесь мы видим, как юридический статус используется инструментально: правозащитники ввиду своей политизированной позиции могут получить негативный символический статус «нарушителей» и «пятой колонны».

Таким образом, институциональный аспект статуса правозащитника находится в прямой связи с символическим. Официальное признание (через законодательство, суды, награды) может либо укрепить символический капитал правозащитника, легитимировав его в общественном пространстве, либо, напротив, подорвать его. Правозащитник, обладающий юридическими гарантиями, более защищен не только фактически, но и символически: его голос звучит убедительнее, когда за ним стоит авторитет права. И наоборот, когда право используется для преследования защитников, их моральный авторитет ставится под сомнение у части аудитории.

Культурный образ правозащитника: между героем и «чужаком»

Помимо юридических определений, правозащитник существует в массовом сознании как образ, вобравший в себя ценностные коннотации. В разных исторических и культурных контекстах этот образ претерпевал значительные трансформации. В целом можно выделить две полярные мифологемы: правозащитник-герой (борец за справедливость, «совесть нации») и правозащитник-чужак (подозрительная фигура, действующая в чужих интересах). Между этими полюсами располагаются разнообразные оттенки общественного восприятия[1].

В открытых демократиях образ правозащитника, как правило, позитивен. Такие люди рассматриваются как важная часть гражданского общества, «watchdogs» (сторожевые псы) демократии, указывающие на проблемы и помогающие их решать. Их имена нередко известны широкой публике, их приглашают в СМИ, прислушиваются к их оценкам. Примером может служить роль правозащитников в странах Восточной Европы после падения социализма: многие бывшие диссиденты стали уважаемыми общественными деятелями, некоторые получили государственные посты (вспомним Вацлава Гавела в Чехии, ставшего президентом, или литовских и латвийских правозащитников, вошедших во власть в 1990-е). В этих случаях культурный статус правозащитника определён – это моральный лидер, чей личный опыт страданий или борьбы наделяет его особым авторитетом.

Иная ситуация наблюдается там, где государственная пропаганда формирует негативный нарратив о правозащитниках. Например, в ряде стран в официозном дискурсе утвердился образ правозащитника как «излишне либерального элемента», действующего по «двойным стандартам», вплоть до участия в политической борьбе под прикрытием правозащитной риторики. Подобные тезисы, активно транслируемые через государственные СМИ, формируют миф о правозащитнике как о неблагонадежном, чуждом «традиционным ценностям» субъекте. Нередко используются выражения типа «так называемые правозащитники», чтобы подчеркнуть сомнение в их искренности и легитимности. В результате значительная часть населения начинает воспринимать слово «правозащитник» иронично или настороженно. Символически такая фигура отождествляется не с героем, а скорее с нарушителем гармонии, «пособником иностранного влияния». Это – пример негативной мифологизации, которая серьезно осложняет деятельность правозащитников: им приходится в начале восстанавливать доверие, доказывая, что они действуют не из корысти или вражды к стране, а по совести.

Интересно, что образ правозащитника может меняться со временем даже в пределах одного общества. Так, в позднем СССР появилось понятие «правозащитник-диссидент», которое тогда несет скорее негативный оттенок в глазах власти (антисоветчик, бунтарь), но одновременно романтизируется в кругах интеллигенции. После перестройки и особенно в 1990-е бывшие диссиденты получили статус моральных авторитетов – их борьба была переосмыслена как героическая и патриотичная (ведь они отстаивали правовую законность против беззакония). Многие из них – Андрей Сахаров, Сергей Ковалев, Людмила Алексеева и др. – стали живыми символами новой России, строящей демократию. Их именами называли улицы, ими гордились на международной арене. Произошла своего рода реабилитация и канонизация образа правозащитника. Впрочем, уже к 2000-м годам, с изменением политического климата, официоз стал постепенно вытеснять эту позитивную мифологему, возвращаясь к риторике подозрительности. Тем не менее, в массовой памяти закрепились иконы правозащитного движения. Им ставят памятники, их юбилеи отмечаются публично. Например, в 2021 году широко праздновалось 100-летие со дня рождения академика А.Д. Сахарова – советского ученого и правозащитника. О Сахарове А.Д. сегодня говорят как об «отце русской демократии», мудреце и святом. Однако интересно отметить, что еще в 1990-е годы его образ подвергался активному мифотворчеству: отмечалось, что посмертно Сахаров

[1] Rotaru I. G. A look at how the concept of human rights has evolved over time // Jurnalul Libertății de Conștiință. – 2023. – Т. 11. – №. 2. – С. 825-875.

прошел через «канонизацию» – в массовом сознании создавался новый миф о нем как о неком «гениальном праведнике, искупающем грехи создания водородной бомбы служением угнетенным»[1].

Такой миф искажал реальную сложность его биографии, превращая Сахарова в символ абсолютно добродетельного правозащитника. Этот пример показывает механизм обожествления правозащитников: после смерти (а иногда и при жизни) вокруг них формируется ореол святости, их представляют как бескорыстных рыцарей добра. С одной стороны, это усиливает их символический капитал – им доверяют почти безоговорочно, как моральным идеалам. С другой стороны, подобная идеализация может оторвать образ от реальности, превратить человека в икону, а его идеи упростить до лозунгов.

Таким образом, культурный статус правозащитника всегда находится между двух огней: миф героизации и миф демонизации. Общественное мнение может качнуться в ту или иную сторону в зависимости от информационной политики, исторического момента, персональных качеств конкретного активиста. Для самих правозащитников понимание этой символической стороны крайне важно: их успех нередко зависит от доверия общества, от того, удастся ли им убедить людей в своей правоте. Ведь права человека – категория не только юридическая, но и глубоко ценностная. В восприятии масс правозащитник ассоциируется прежде всего с моральной позицией.

Символический капитал и моральный авторитет правозащитника

Французский социолог Пьер Бурдье ввел понятие символического капитала – то есть ресурса, основанного на признании, уважении и доверии, которым обладает субъект в глазах других. По Бурдье, символический капитал есть не что иное, как признанный (легитимированный) капитал любого другого вида – будь то знание, статус или материальные ресурсы[2]. Применительно к правозащитникам их главным ресурсом выступает моральная репутация: убежденность окружающих в их честности, самоотверженности и компетентности в вопросах справедливости. Этот ресурс прямо нельзя измерить или формализовать, но он имеет огромную значимость. Правозащитника слушают и поддерживают настолько, насколько верят в чистоту его мотивов и правоту его требований.

Символический капитал правозащитника накапливается через конкретные действия и биографию. Например, годы тюрьмы или ссылки за убеждения, подвижническая работа с жертвами несправедливости, публичные выступления против очевидного зла – все это конвертируется в моральный авторитет. Такой человек нередко становится нравственным ориентиром для сообщества. Его слово может повлиять на общественное мнение сильнее, чем формальные титулы чиновников. В этом смысле правозащитник выступает своего рода жрецом морали в гражданском обществе. Его символическая власть проявляется в способности задавать рамку обсуждения: например, назвать кого-то «политическим заключенным» – значит придать его делу особый моральный статус. Нередко правозащитники именно так конституируют явления, вводя в публичный дискурс понятия вроде «список политзаключенных», «узник совести» и т.п. Это и есть реализация символической власти – «конституирующая власть создавать группы», по выражению Бурдье[3]. Обладая доверием общества, правозащитник может убедить признать определенных людей жертвами беззакония, а определенные действия властей – недопустимыми. Фактически он навязывает свою картину справедливости, которая становится легитимной для значительной части граждан.

Однако, как отмечает Бурдье, символический капитал существует лишь постольку, поскольку признается другими[4]. Его объем и эффективность зависят от поля борьбы – социального пространства, где разные группы пытаются навязать свою систему ценностей. Правозащитники вступают в эту борьбу с государственными акторами, пропагандистами, представителями традиционных институтов. Их символическое оружие – слово, информация, апелляция к справедливости. Репрессивные правительства стараются лишить их этого оружия, подорвав доверие к ним. Тем не менее, нередко давление на правозащитника только усиливает его моральный капитал: преследование создает образ мученика и привлекает сочувствие. История знает немало примеров, когда судебная расправа над активистом делала его известным и уважаемым в мировом масштабе. Мартина Лютера Кинга арестовывали десятки раз – и каждый арест лишь усиливал глобальное движение за гражданские права, делая Кинга символом борьбы с расизмом. Получается своеобразный парадокс: пытаясь уничтожить статус правозащитника юридически (посадить, очернить), власть может неосознанно возвеличить его символически.

В современных условиях глобализации символический капитал правозащитника часто выходит за пределы одной страны. Международные сети солидарности способны придать локальному активисту

[1] Тольц В. Андрей Сахаров: жизнь идей. – Текст: электронный // URL: – https://proza.ru/2013/05/25/1263?ysclid=mdy9rlm1uq785452457 (дата обращения: 01.08.2025).
[2] Бурдье П. Часть третья. НАЧАЛА. Социальное пространство и символическая власть / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 181-207.
[3] Бурдье П. Часть третья. НАЧАЛА. Социальное пространство и символическая власть / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 181-207.
[4] Там же.

всемирную известность. Присуждение международных премий, освещение ситуаций в мировых медиа – все это подкрепляет статус правозащитника. Тем не менее, со временем именно символический капитал часто оказывается сильнее репрессивных мер. Международное признание создает давление извне, заставляя даже недружественные правительства считаться с фигурой правозащитника или хотя бы опасаться сделать его новым громким мучеником.

Важная грань символической силы правозащитника – это моральная норма, которую он воплощает. Правозащитники апеллируют к универсальным нормам прав человека, утверждая их верховенство над любыми местными обычаями, политической целесообразностью и даже позитивным законом, если последний несправедлив. В этом смысле они черпают авторитет из источника, лежащего вне положительного права – из сферы морали и естественного права. Этот моральный аспект наделяет их борьбу почти сакральным значением. Правозащитное движение иногда сравнивают со «светской религией»: оно имеет своих пророков, мучеников, заповеди (Всеобщая декларация прав человека и другие хартии) и верующих последователей. Такая квазирелигиозная аура усиливает символический эффект. Однако она же несет риск догматизации – превращения живых вопросов права в ритуальные формулы. Задача правозащитника – не только апеллировать к идеалам, но и сохранять связь с реальными проблемами людей, иначе его моральный капитал может обесцениться как абстрактная риторика.

Иными словами, символическая сила правозащитника – это сплав его морального авторитета, общественного доверия и способности формировать нормативные представления о справедливости. Этот капитал может быть конвертирован в реальные изменения (например, давление общественности, вдохновленной правозащитниками, нередко ведет к пересмотру незаконных и несправедливых судебных приговоров, к реформам в законодательстве). Но в равной степени он зависит от общественного признания: символический капитал существует, пока люди верят в ценности, которые несет правозащитник, и признают его право говорить от имени закона и справедливости.

Мемориализация, преследование и «канонизация» в правоприменении и дискурсе

Фигура правозащитника нередко становится центром символических действий со стороны как общества, так и государства. Выделим три формы такого символического отношения: мемориализация, преследование и канонизация. Каждая из них по-своему отражается в судебной практике, законодательных актах и медиаполе.

Мемориализация – это увековечивание памяти народных героев, признание их заслуг для потомков. Она проявляется в установке памятников, в присвоении их имен улицам, организациям, в учреждении премий или памятных дат[1]. В демократических странах мемориализация правозащитников стала частью официальной политики памяти: день рождения Нельсона Манделы отмечается как Международный день Нельсона Манделы (ООН) в честь его вклада в права человека; в Европе присуждается премия Сахарова в память о Андрее Сахарове, советском ученом и правозащитнике, чтобы поощрить современных борцов за свободу. В России 30 октября отмечается День памяти жертв политических репрессий, во многом благодаря усилиям правозащитного сообщества эта дата включена в официальный календарь. Мемориализация переводит фигуру правозащитника из плоскости текущей политики в плоскость истории, закрепляя позитивный образ на длительную перспективу. Иногда это происходит посмертно, когда прежние гонители сами признают заслуги (как в случае с реабилитацией советских диссидентов в начале 1990-х, когда государство отменило обвинительные приговоры и тем самым символически восстановило доброе имя правозащитников). Мемориализация – знак того, что миф о правозащитнике-герое победил, по крайней мере на уровне риторики власти.

Преследование – противоположная форма символического действия, хотя на первый взгляд она носит сугубо утилитарный характер (устранить неугодного). Преследуя правозащитника юридически (уголовное или административное дело, штрафы, запреты на деятельность), власть одновременно посылает символический сигнал обществу. Этот сигнал двоякий. Во-первых, демонстрируется, что деятельность данного лица – не священная корова, а потенциально преступна или вредна. То есть происходит десакрализация образа правозащитника: его ставят в один ряд с правонарушителями, тем самым посягая на его моральный ореол. Во-вторых, преследование устрашает потенциальных последователей – показывает, что статус защитника прав не спасет от наказания. В некоторых случаях правозащитник может выступать отрицательным примером. Например, в России это уже упоминавшиеся законы об «иностранных агентах», которые дают четкую оценку деятельности правозащитников, если он связан с иностранными фондами, поскольку в нынешней политической ситуации в мире любая политическая деятельность в стране на чужие деньги и связанная с ней защита прав a priori может быть сомнительной.

«Канонизация» правозащитника – термин, который мы употребляем условно, подразумевая возвышение до символа веры или образца для подражания. В отличие от мемориализации канонизация может происходить еще при жизни. Это процесс, когда определенный правозащитник приобретает в обще-

[1] Гун Г.Е. Процессы мемориализации в современной культуре / Г.Е. Гун // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 2 (54). – С. 46-52.

стве статус неоспоримого морального авторитета, чье имя окружено почтением. Примером прижизненной канонизации можно назвать судьбу южноафриканского архиепископа Десмонда Туту – его еще при жизни называли «совестью Южной Африки» за борьбу против апартеида; в индийском контексте – Ганди (хотя формально он политический лидер, но и правозащитник в широком смысле, стал «махатмой» – великой душой). Канонизация проявляется в цитировании высказываний правозащитника как наставлений, в создании вокруг него своего рода культа уважения. Канонизация часто идет рука об руку с мифологизацией, упрощением образа (как мы отмечали на примере мифа о Сахарове). Суть этого явления – потребность общества в положительном идеале, особенно в период ценностных трансформаций. Правозащитник, прочно ассоциирующийся с добром, становится таким идеалом. В правовой сфере это отражается, например, в том, что на его экспертное мнение ссылаются судьи (в демократических странах бывает, что суд учитывает заключения известных правозащитных организаций или омбудсменов при вынесении решений), законодатели приглашают таких людей к участию в разработке законов. Иначе говоря, канонизированный правозащитник становится нормативным авторитетом: его присутствие само по себе придает легитимность правовым актам или политическим шагам.

Следует отметить, что одна и та же фигура может пройти все эти стадии в разное время. Сергей Ковалев – советский диссидент, затем первый Уполномоченный по правам человека в РФ – в 1970-х был преследуемым и отбывал наказания в лагерях, в 1990-х отчасти канонизирован (как «голос совести» в парламенте), в 2000-х его имя стало постепенно уходить в тень официального дискурса, но осталось в памяти правозащитного сообщества (после смерти в 2021 году его тоже мемориализировали, проводили вечера памяти, внесли в списки великих правозащитников). Такая динамика символического статуса типична: от борьбы – через признание – к памяти.

Важно также понимать значимость культурно-правовых различий. То, что в одной стране считается каноничным героизмом, в другой – маргинальным отклонением. Например, китайский правозащитник Лю Сяобо, удостоенный Нобелевской премии мира, на родине был осужден как криминальный элемент и умер в заключении; его имя известно на Западе как символ мирной борьбы, но в Китае информация о нем цензурируется – фактически попытка стереть память (антимемориализация)[1]. В странах Латинской Америки, переживших военные диктатуры, к правозащитникам, особенно к тем, кто защищает права коренных народов, экологические права неоднозначное отношение: с одной стороны, они часто признаны законами (например, есть национальные механизмы защиты правозащитников в Колумбии, Мексике), с другой – на местном уровне их могут считать «противниками развития» и устранять физически (что подтверждается статистикой убийств активистов в этих регионах). Таким образом, именно политическая ситуация определяет, станет ли правозащитник объектом мемориальной доски или полицейской слежки.

Если обобщить сказанное, то мемориализация, преследование и канонизация представляются элементами символической «политики» вокруг правозащитников. Они показывают, насколько сильно переплетаются право и культура: через правовые решения (судебные решения, законы о статусе НКО) транслируются символы, а через культурные акции (памятные даты, медианарративы) формируется отношение к правозащитной деятельности, что потом влияет на правотворчество и правоприменение. Чтобы понять суть этих процессов, обратимся к вопросу о трансформации символа правозащитника в различных правовых культурах.

Трансформация символа правозащитника в разных культурно-правовых контекстах

Правовая антропология заключает, что право не существует в вакууме: оно укоренено в культуре и мировоззрении народа. Образ правозащитника – яркий пример того, как одно и то же явление может восприниматься по-разному в разных правовых системах в силу историко-культурных факторов[2]. Сравнительный взгляд на несколько контекстов позволит выявить общие закономерности и особенные черты символической роли правозащитника.

Согласно традиции Западной Европы и Северной Америки правозащитник, по сути, встроен в нормативный порядок как легитимный актор. Со времен Просвещения и особенно после Второй мировой войны защита прав человека стала неотъемлемой ценностью, почти каноном политической культуры. Поэтому и символика вокруг правозащитников преимущественно позитивная. Их могут критиковать за радикализм или излишнюю политизированность, но базовый уважительный статус не отрицается. Например, в США движение за гражданские права 1960-х (Мартин Лютер Кинг, Роза Паркс и др.) со временем превратилось в национальный миф о торжестве свободы; участники того движения сегодня герои учебников. В Западной Европе деятельность правозащитников зачастую поддерживается государством финансово (гранты, субсидии НКО), то есть институционально поощряется. В таком контексте символический капитал правозащитников имеет высокую конвертируемость: их рекомендации влияют на политику (например, Amnesty International или Human Rights Watch, хотя и независимые НКО, фактически вы-

[1] Link P., Wu D. Epilogue: The Legacy of Liu Xiaobo // I Have No Enemies. – Columbia University Press, 2023. – С. 468-480.
[2] Павлов В.И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиции: история формирования: монография / В.И. Павлов. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 559 с.

ступают «нравственными законодателями» – их доклады способны инициировать парламентские слушания, реформы). В этом контексте трансформация образа шла от маргинального «борца» к популярному эксперту. Ныне правозащитник – это зачастую профессионал в НКО, с юридическим образованием, сотрудничающий с международными правительственными и неправительственными органами и организациями. То есть он стал частью нормы. Символически это означает некоторую десакрализацию – правозащитник перестал быть неприкасаемым героем, он просто нужный для гражданского общества специалист.

На постсоветском пространстве, особенно в России, траектория иная. В позднесоветский период правозащитник был контркультурным героем, противопоставленным официальной идеологии. В 1990-е – краткий период – он стал частично интегрирован во власть (правозащитники-депутаты, создание института омбудсмена, сотрудничество НКО с государством, адвокаты). Однако с 2000-х гг. отношение власти охладевало, и начался период возвращения оппозиционности. Правозащитник вновь очутился вне системы и даже против системы. Российская специфика – в настороженном отношении значительной части общества по отношению к либеральным ценностям 90-х гг.: права человека нередко ассоциируются с хаосом «лихих 90-х» или навязанными Западом лекалами. В результате образ правозащитника в официальном дискурсе приобрел оттенок национально чуждого элемента. Этому способствовала и геополитическая конфронтация России и Запада. Тем не менее, парадокс в том, что сами же власти заимствовали ряд идей правозащитников для собственного позиционирования. Например, российское руководство нередко апеллирует к теме защиты традиционных ценностей, прав русскоязычных за рубежом – то есть использует язык «защиты прав», пусть и избирательно. Еще в 2020-е годы часть ведущих российских правозащитников либо вынужденно эмигрировали, либо стала участниками уголовных и административных дел. К 2025 году символ правозащитника в России практически снова превратился в диссидента-подпольщика, как в 1970-е, и его голос звучит больше на внешней арене (через международные структуры), чем внутри страны. Однако для кого-то эти люди – герои, а значит, двойственность этого символа по-прежнему присутствует в общественном сознании.

В ряде традиционных обществ Азии и Африки правозащитник сталкивается еще и с культурным непониманием на бытовом уровне. Идеи универсальных прав могут восприниматься как западные и колониальные. Поэтому символический успех правозащитника зависит от того, насколько ему удается укоренить дискурс прав человека в местной культуре. В Индии, например, были попытки представить правозащитников как продолжателей учения Ганди (что повышает их легитимность, апеллируя к национальному мифу). В странах Ближнего Востока некоторые активисты связывают права человека с религиозными ценностями (напр., исламские правозащитники утверждают, что права – дарованные Богом)[1]. Если такой мост наведен, образ правозащитника получает поддержку. Если же он остается чужеродным, то активиста легко заклеймить как агента Запада, что часто и происходит.

Сравнение разных правовых традиций показывает: символическая сила правозащитника не статична, она определяется сопротивлением или принятием со стороны общества и государства. В либерально-демократических культурах правозащитник близок к норме, его символика вплетена в легитимный дискурс. В авторитарных и переходных обществах символ правозащитника более конфликтен, раздвоен между позицией моралиста и клеймом изгоя. Но повсеместно прослеживается следующая закономерность: чем больше общественный запрос на справедливость и законность, тем выше символический капитал правозащитников. Когда происходит социальное потрясение, кризис доверия к властям, люди обращаются к независимым защитникам прав как к моральным ориентирам, а значит, потенциал правозащитника стать символом справедливости – универсален, даже если временно этот потенциал сдерживается.

Рассматривая роль правозащитника сквозь призму права, культуры и символической теории, можно сделать ряд выводов. Прежде всего, правозащитник – это больше, чем юридический статус. Это социальный институт, пропитанный моральным смыслом и историческими мифами. Его юридическая легитимация (через законы и международные декларации) крайне важна: без нее правозащитник остается беззащитен и изолирован. Но не менее важно и культурное признание – доверие общества, позитивный образ в коллективном сознании. В идеале эти два аспекта подкрепляют друг друга: правовая норма защищает правозащитника, а его моральный авторитет укрепляет верховенство права в обществе.

Фигура правозащитника находится «между моралью, мифом и нормой» в том смысле, что она связывает воедино нормативные идеалы (права человека как юридические нормы и моральные ценности) и социальные представления (мифологизированный образ героя или чужака). Правозащитник одновременно действует посредством языка закона и языка символов. Благодаря этому он способен влиять на правовую культуру: менять общественные установки, продвигать новые законы, требовать от судов справедливости. Но такая сила всегда чревата и конфронтацией с теми, кто владеет монополией на

[1] Ал Кхафаджи Мохаммед Абдуладхим Нимах. Соотношение международной и мусульманской концепций прав человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2021. – Т. 21. – вып. 3. – С. 340-347.

официальные символы (государством, церковью и пр.). Поэтому история правозащитников – это зачастую история борьбы за признание.

Используя терминологию П. Бурдье, можно констатировать, что правозащитник обладает определенным символическим капиталом, который в одних условиях превращается в символическую власть (возможность навязать свое видение справедливости), а в других подвергается символическому насилию со стороны более сильных агентов поля (делегитимация, репрессии). Официальные титулы, премии, законы, защищающие правозащитников, – все это способы легализации символического капитала, придания ему устойчивой формы.

Таким образом, для укрепления правопорядка и прав физических и юридических лиц в обществе необходимо не только улучшать законы, но и работать над общественным мнением, над тем, чтобы образ правозащитника вызывал уважение, а не иронию или страх. В этом заинтересовано само государство (если оно, конечно, ориентировано на благо своих граждан), поскольку признание роли правозащитников способствует развитию демократии, повышает транспарентность и подотчетность власти. Не случайно международные организации призывают государства видеть в правозащитниках союзников, а не врагов.

Для современной России тема символов в праве и, в частности, символической силы правозащитника имеет особое значение. Страна переживает период, когда правовой нигилизм сочетается с ожесточенной борьбой символов (патриотизм vs права человека, традиции vs либеральные ценности). Правозащитник в этой борьбе олицетворяет приверженность универсальным нормам и гуманизму. Его маргинализация – тревожный знак сползания в сторону произвола, тогда как его реабилитация и признание могли бы стать символом оздоровления права. Возможно, спустя время мы увидим новый виток мемориализации нынешних гонимых правозащитников, когда изменится политическая конъюнктура. История учит, что моральный миф правозащитника способен пережить своих гонителей: посмертно ему ставят памятники те, кто при жизни его не слушал. Хотелось бы, чтобы символическая сила правозащитника была востребована не только постфактум, но и hic et nunc – в виде реального участия в правотворчестве, в исправлении нарушений закона, допущенных правоприменителями, в воспитании правосознания граждан.

Власенко Николай Александрович

доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, профессор кафедры теории права и государства РУДН

Nikolai Aleksandrovich Vlasenko

Doctor of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Theory of Law and State, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)

E-mail: nikolai_vlasenko@mail.ru

Скрытые символы и антисимволы в праве

Hidden Symbols and Anti Symbols in Law

Аннотация. Автор опирается на идею философов и лингвистов о том, что символы нередко кроме прямого смысла имеют вторичные, косвенные, иносказательные. При этом предлагается учитывать, что символ – это идея, идеология, нередко система действий власти, государственных органов. Так называемые скрытые, «свёрнутые» символы могут выступать антисимволами в праве и правовой реальности. Такие символы не являются ни правовой, ни социальной ценностью. Идея иллюстрируется на ст. 131 Конституции СССР 1936 года, в которой провозглашается положение о врагах народа. Далее речь идёт о символической метафоре: КПСС «ядро политической системы», обоснованной в Конституции СССР (статья 6) 1977 года. Анализируется символ «атеистическое государство», провозглашенный в Конституции народной социалистической Республики Албания (статья 37) 1976 года. Доказывается, что такая символика, скрытая по характеру, несет в себе социальную опасность.

Ключевые слова: текст права, законодательство, символ, скрытый символ, государство, поведение граждан

Annotation. The author draws on the thesis advanced by philosophers and linguists that symbols often possess, in addition to their direct meaning, secondary, indirect, and figurative senses. He proposes to take into account that a symbol can be an idea, an ideology, and frequently a system of actions performed by state authority and governmental bodies. So-called hidden or «folded» symbols can function as active symbols in law and legal reality. Such symbols are neither legal nor social values. The idea is illustrated by Article 131 of the 1936 Constitution of the USSR, which proclaims the notion of «enemies of the people». The paper then addresses the symbolic metaphor of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) as the «core of the political system», as enshrined in Article 6 of the 1977 Constitution of the USSR. It also analyses the symbol of the «atheist state», proclaimed in Article 37 of the 1976 Constitution of the People's Socialist Republic of Albania. It is argued that such hidden symbolism carries social danger.

Keywords: legal text; legislation; symbol; hidden symbol; state; citizen behavior

Для цитирования: Власенко Н.А. Скрытые символы и антисимволы в праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 113–115.

Введение: степень исследования юридической наукой символов

Сказать о том, что юридическая наука не изучала проблему символов, нельзя. Достаточно обратиться к известной работе А.А. Ушакова «Очерки советской законодательной стилистики»[1], то станет понятно, что лингвистические, знаковые символы автором были исследованы достаточно обстоятельно. Монография Ушакова была переиздана как одно из лучших отечественных юридических произведений. К переизданию мною была подготовлена вступительная статья «А.А. Ушаков – основатель отечественной правовой лингвистики», и здесь есть целый раздел, который называется «Правовая символика»[2]. Иначе говоря, там собрано и проанализировано всё, что написал учёный о правовой символике. Данная проблема была затронута в моей книге «Язык права»; здесь была предложена классификация символов, введён образный термин «знаковое право» и др.[3] Эта тема получила должное развитие и в других

[1] Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.
[2] Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Власенко Н.А. Вводная статья «А.А. Ушаков – основатель отечественной правовой лингвистики». М., 2008. С. 3-24.
[3] Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 28-32.

работах специалистов-правоведов[1]. Однако, всё-таки юристы-правоведы исследовали правовую символику с позиции текста и знаков. Речь идёт о символах, помещённых в нормативно-правовых текстах, особенностях их изложения и регулятивной роли. На самом деле проблема достаточно объёмная и далеко выходит за пределы юридических текстов. Это показала научная конференция, проведённая в Н. Новгороде в сентябре 2025 года под эгидой Нижегородской академии МВД России[2]. Мероприятие в полной мере показало недостаточность исследования проблематики и одновременно выработало рекомендации по направлению дальнейшего изучения проблемы символов в праве.

1. Понятие символа

В философии символ определяется как условный чувственный-воспринимаемый объект, вещественный, письменный или звуковой знак, которым человек обозначает какое-либо понятие (идею, мысль), предмет, действие или событие[3]. Символ, отмечается в Энциклопедии символов, это знак, имеющий бесконечное множество значений, так как бесконечно число контекстов для подобного выражения[4].

Что представляет собой текст? Логический словарь-справочник Н.И. Кондакова так отвечает на этот вопрос: текст (лат. textum - связь, соединение) – изложенное в письменной или печатной форме, логически стройное и граматически правильное авторское сочинение или высказывание[5]. Таким образом, текст и символ тесно взаимосвязаны.

Н.Ф. Алефиренко пишет следующее: «символ позволяет войти в непредметный мир смысловых отношений. Причём подлинный символ не просто выражает некий смысл, он ещё передаёт весь спектр его магической силы»[6]. Далее автор показывает связь метафоры, метонимии и символа. «Развитие однородного когнитивного содержания метафоры – следствие того, что в ней объединяются две части некой «модели мира», а в символе же происходит связывание «модели мира» и «модели поведения»[7]. Подытоживая, учёный отмечает, что символ – это образ знаковой природы, в своей основе условный, или знак, мыслимый как образ. И далее: «Символу нельзя дать однозначное рассудочное объяснение. Может быть потому, что символ – всегда знак максимального обобщённого, максимально абстрактного изображения явлений и понятий»[8].

Известный немецкий исследователь языка Эрнст Кассирер расширяет понятие символа и пишет следующее: «Основополагающие понятия каждой науки, средства которыми она ставит вопросы и формирует выводы, предстают уже не пассивными отражениями данного бытия, а в виде созданных самим человеком интеллектуальных символов»[9]. Заметим, что Кассирер не обо всех понятиях пишет, как о символах, а только об основополагающих. Именно с помощью них ставятся вопросы и формулируются выводы. В юриспруденции многие научные понятия привнесены в законодательство, и наоборот, практические понятия – одновременно занимают место в научных понятийных рядах. Интересно и то, что многие законодательные понятия научными не назовёшь (ядро политической системы, иноагент). Однако они выступали и выступают средством постановки вопросов и формулирования соответствующих выводов.

«Действие символа, - подчёркивает Р. Якобсон, - основано главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого. Сущность этой связи состоит в том, что она является правилом, и не зависит от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности»[10]. Далее Р. Якобсон довольно тщательно анализирует соотношение, связь между означающим и означаемым. Речь идёт о том, кто привносит в мир символ, что в него вкладывает, и что последний порождает в практике, в жизни. Р. Якобсон замечает, что «истинный символ – это символ, который имеет общее значение, и что, в свою очередь, это значение «может быть только значением <…> Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определённо и будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно если символ окажет влияние на мысль и поведение интерпретатора»[11].

Символы давно являются предметом дискуссии и в философии, и в лингвистике, и в психологии. Проблема эта достаточно сложна, о чём свидетельствует огромное количество литературы по разным науч-

[1] См., напр.: Никитин А.В. Правовые символы. Автореферат канд. дисс. Н. Новгород, 1999; Современные методы исследования в правоведении. Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 485-506.
[2] См.: Программа «XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)». Н. Новгород, 2025.
[3] Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 533.
[4] Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М., 2002. С. 5.
[5] Кондаков Н.И. Указ. соч., с. 588; проблема текста юридических документов, на мой взгляд, достаточно основательно представлена мною в параграфе книги «Современные методы исследования в правоведении» (под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007): «Текст юридических документов: методология исследования». Глава 19.
[6] Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Целостно-смысловое пространство языка. М., 2016. С. 189.
[7] Там же. С. 192.
[8] Там же. С. 190.
[9] Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Язык. Том 1. М.; СПб, 2002. С. 12.
[10] Якобсон Р. В поисках сущности языка. М., 1983. С. 4.
[11] Там же. С. 25, 30.

ным специальностям, так или иначе анализирующая роль символизма в жизни человека. Нельзя говорить, что проблематика исключительно философская, так же как ставить знак равенства между знаком и символом. «Если допустить, - отмечает Шувалов В.И., - что символ это обычный знак, тогда всё в окружающем нас мире следует признать символическим, что вряд ли целесообразно»[1]. Большое смысловое значение символа, указывает Шувалов, ссылаясь на Н.Д. Арутюнову, присутствует в нём в «свёрнутом виде»[2].

«Не подлежит сомнению, - указывает Шувалов, - что между символом и метафорой существует вполне очевидная связь – не случайно они часто рассматриваются в комплексе во всех научных исследованиях. Сам символ есть в большинстве случаев закономерный результат метафорической эволюции»[3].

Итак, символы - явление сложное, междисциплинарное; является предметом дискуссии в философии, лингвистике, психологии и других социальных наук. Многие исследователи считают, что дать универсальное определение символу невозможно. Для правоведения очень важен лингвистический аспект исследования символики. Некоторые лингвисты в связи с изучением символов, как отмечалось, оперируют понятиями «означающий» и «означаемый». Речь идёт о том, кто привносит в мир символ, что в него вкладывается и что это порождает на практике, в жизни, тем более символ часто метафоричен.

2. Скрытые символы

Очень важно и то, что символы кроме прямого смысла имеют и смыслы вторичные, косвенные, иносказательные. Здесь требуется учитывать, что символ – это мысль, идея, идеология, нередко политика и действие власти, государственных органов. Специалисты иногда называют скрытые качества символов «свернутыми» (Арутюнова). В связи со сказанным встаёт вопрос об антисимволах в праве, в правовой реальности, которые не являются ни правовой ценностью, ни социальной. Так случилось в советской истории – в 30-40-е годы и начале 50-х прошлого века. Речь идёт о ст. 131 Конституции СССР, провозглашающей положение о врагах народа. Приведём эту статью полностью. Итак, ст. 131 Конституции СССР 1936 года гласит: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». Ещё один исторический пример достаточно скрытого символа. Речь о символической метафоре «ядро политической системы». Речь идёт о Конституции СССР 1977 года, статье 6. Приведём её текст полностью: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооружённая марксистко-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придаёт планомерный научно-обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Следует обратить внимание на эту, казалось бы, безобидную метафору – «ядро политической системы». На самом деле этот метафорический символ обеспечивал безраздельное господство в политической, экономической, социальной сферах КПСС. По существу, это был жизненный принцип руководства огромной страной. И ещё один пример антисимволов в праве. Албанию (Албания – Народная Социалистическая республика - ст. 1 Конституции народной социалистической республики) в советский период называли атеистическим государством. Встаёт вопрос о роли символики в этом случае. Исследование показывает, что Албания в «социалистическом лагере» была единственной страной, в которой религия не признавалась, не поддерживалась, а государство ставило цель развивать атеистическое воспитание. Буквально это звучало так: «Статья 37. Государство не признаёт никакой религии и поддерживает и развивает атеистическую пропаганду, чтобы укоренить в людях материалистическое научное мировоззрение»[4]. По существу, в Конституции Албании, принятой Народным Собранием НСРА 28 декабря 1976 года, провозглашена политика борьбы с религиозным мировоззрением. Символ атеизма для укоренения материалистического научного мировоззрения, провозглашённый в Основном Законе, породил войну с инакомыслием, в том числе религиозным мировоззрением. Как видно, многие скрытые символы в текстах нормативных правовых актах, по существу, являются антисимволами или символами, не имеющими правовой и социальной ценностей.

[1] Шувалов В.И. Символ и метафора в языке и речи. Языкознание, 2017. № 3. С. 350.
[2] Шувалов В.И. Указ. соч. С. 351.
[3] Шувалов В.И. Указ. соч. Сю 352; см. также: Теория метафоры. Под ред. Арутюновой Н.Д. М., 1990.
[4] См.: Конституции социалистических государств. В 2-х т.т. Под ред. Страшуна Б.А. и др. М., 1987. С. 104.

Головкин Роман Борисович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Golovkin Roman Borisovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov

E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Реновация символов в праве

Renovation of symbols in law

Аннотация. Выступление посвящено реновации юридически-значимых символов. Символы (в виде пиктограмм) возникли в глубокой древности для информационного оборота между людьми. С развитием человечества символы редуцировались до буквенного обозначения звуков, обусловливая письменное выражение устной речи, тем самым, расширяя возможности хранения и передачи информации. Сегодня, с развитием информационных технологий субъекты общественных отношений стали меньше использовать текстовую информацию (стали меньше читать) и использование графических символов в социальном общении получило реновационный импульс.

Анализ социологических исследований, посвященных проблеме использования символов в общественных отношениях, возникающих и развивающихся в информационно-телекоммуникационных сетях, позволил автору отметить тот факт, что большинство участников цифрового общения используют графические символы, получившие наименование эмодзи. Анализ использования эмодзи и других символов в правоотношениях позволил резюмировать, что графические символы с развитием современных технологий постоянно обновляются и развиваются, многие из них переходят в цифровую среду, при этом сохраняя материальную основу и возможность использования их в физическом пространстве. Вместе с тем, реновация графических символов породила новые, машиночитаемые символы, имеющие юридическое значение. Эти символы, в отличие от эмодзи, в большей мере, можно отнести к цифровым символам и использование их в качестве идентификаторов субъектов и объектов правоотношений предусмотрено законодательством.

В заключении выступления, делаются выводы и вносятся предложения по совершенствованию правовой регламентации использования символики в организации и осуществления правоотношений.

Ключевые слова: символы, правовые символы, символ, имеющие юридическое значение, правоотношения, право, законодательство

Annotation. The presentation is devoted to the renovation of legally significant symbols. Symbols (in the form of pictographs) originated in ancient times for information exchange between people. With the development of mankind, symbols were reduced to the letter designation of sounds, conditioning the written expression of oral speech, thereby expanding the possibilities of storing and transmitting information. Today, with the development of information technology, subjects of public relations have begun to use textual information less (they have begun to read less) and the use of graphic symbols in social communication has received a renovation impulse.

The analysis of sociological studies devoted to the problem of the use of symbols in public relations, arising and developing in information and telecommunication networks, allowed the author to note the fact that the majority of participants in digital communication use graphic symbols, called emojis.

An analysis of the use of emojis and other symbols in legal relations allowed us to summarize that graphic symbols are constantly being updated and developed with the development of modern technologies, many of them are moving into the digital environment, while maintaining their material basis and the possibility of using them in physical space. At the same time, the renovation of graphic symbols has created new, machine-readable symbols with legal significance. These symbols, unlike emojis, can be attributed to digital symbols to a greater extent, and their use as identifiers of subjects and objects of legal relations is provided for by law.

In conclusion, conclusions are drawn and proposals are made to improve the legal regulation of the use of symbols in the organization and implementation of legal relations.

Keywords: symbols, legal symbols, symbol having legal significance, legal relations, law, legislation

Для цитирования: Головкин Р.Б. Реновация символов в праве // Юридическая техника. – 2025. - № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород, ЮНИКОПИ, 2026. С. 116–119.

Символы как внешнее выражение и закрепление определенной мыслимой или реальной действительности, являются достаточно эффективным средством коммуникации в различных типах общественных отношений от момента возникновения человечества, и до сего дня. Символ – это локализованный, выраженный внешне информационный образ, в виде совокупности устойчивых, взаимосвязанных элементов, характеризующих особенности представляемого явления. Иными словами, символ – форма обозначения определенной смысловой единицы, т.е. понятия о каком-либо явлении.

Следовательно, символ проявляет черты подобия термину, обозначающему понятие. Как известно, понятие это форма абстрактного мышления основанная на концептах представлений о наиболее существенных свойствах объекта познания[1]. Воспринятый сознанием символ – генерирует в сознании понятие (концепт)об объекте которым обозначен символ. Согласно Национальному стандарту Российской Федерации. «Терминологическая работа» понятия могут выступать в качестве текстов (языковых форм), математических формул, кодов, ярлыков, картинок, и т.д., а также в форме поведения (язык жестов, выражение лица движение тела)[2]. Кроме того, символы могут объективироваться в форме звуков (например, звук «Ура», музыка гимна, звуковые обозначения пешеходного перехода, и т.д.). В качестве символа может, выступать и цвет явления. Например, в странах Юго-восточной Азии белый цвет, символизирует траур, а в Европе символ траура – черный цвет— черный[3]. Некоторые символы являясь средством обозначения понятий о явлениях с появлением права, приобретают юридическое значение, например, символическое правовое действие манципации.[4]

Изначально символы служили для опознавания свой-чужой (путем нанесения татуировок – пиктограмм); для передачи информации и общения обозначая целостные образы действительности[5]. Со временем символы редуцировались до буквенного обозначения звуков, обусловливая письменное выражение устной речи, тем самым расширяя возможности хранения и передачи информации. «Взрывное» развитие информационных технологий привело к снижению потребности в текстовой информации, люди стали меньше читать[6]. Данное явление, в ряду прочих, обусловило реновационный[7] импульс для развития графических символов в организации общественных, в том числе правовых отношений.

Сегодня большинство участников социального общения, особенно в телекоммуникационных сетях, используют графические символы в виде букв (как правило латиница)**;** пиктограмм (знаков, отображающий важнейшие узнаваемые черты объекта, в реальном физическом и ирреальном киберпространстве, например, изображение вилки и ножа на дорожных знаках); эмотиконов (смайликов), стикеров (физические и цифровые наклейки), и т.д. Данные символы получили наименование «эмодзи»[8]. Данные символы ежедневно используются в более чем в десяти миллиардах цифровых сообщениях[9].

Огромный массив используемых графических символов в регулировании социальных связей и процессов, обусловливает неизбежность использования эмодзи в правоотношениях. Следовательно, сего-

---

[1] «**Понятие** - мысленное представление свойств, качеств, объектов и явлений с помощью речи»// Понятие, основные формы мысли/URL: https://psyclinic-center.ru/biblioteka-kliniki/vvedenie-v-klinicheskuyu/osnovnye-formy-mysli (дата обращения:02.09.2025).

[2] Понятия//п.5 ГОСТ Р ИСО 704-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Терминологическая работа. Принципы и методы"(утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 21.12.2010 N 879-ст). М.: Стандартинформ, 2012.

[3] *Символика восприятия цвета*/URL: https://psyfactor.org/lib/colorpsy10.htm (дата обращения:18.09.2025).

[4] Манципация//Энциклопедия права/URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/3060/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения:18.09.2025).

[5]См. подробнее об этом: Истрин В.А. Происхождение первоначального письма и его особенности//Развитие письма. Издательство Академии наук СССР. Москва, 1961./URL: http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st004.shtml (дата обращения:23.09.2025).

[6] Путин объяснил, почему люди стали меньше читать// РИА Новости/ URL: https://ria.ru/20250923/passazhir-2043682377.html (дата обращения:23.09.2025.).

[7] Реновация. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения:22.09.2025).

[8] Эмодзи (от яп. 絵 — «картинка» и 文字 *модзи* — «знак», «символ»; произношение: [emodzi]; также эмо́джи) — язык идеограмм и смайликов, используемый в электронных сообщениях и веб-страницах, а также сами пиктограммы. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B7%D0%B8 (дата обращения:20.09.2025).

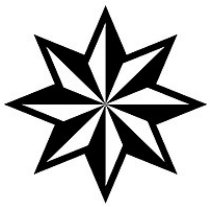
[9] Количество сообщений содержащих «эмоджи». URL: https://www.google.com/search?q=%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE+%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%B2+%D1%84%D0%B0%D0%B9%D1%81%D0%B1%D1%83%D0%BA%D0%B5+%D1%8D%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B6%D0%B8&rlz=1C1GCEB (дата обращения:20.09.2025).

дня, уже можно вести речь не только об оцифрованных правовых символах (гербы, флаги, и т.д.), но и, о символах, имеющих цифровое выражение, имеющих юридическое значение. Данный вариант использования графических символов-эмодзи в идентификации воли субъектов цифрового общения, может повлечь правовые последствия. Использование эмодзи в договорных правоотношениях уже неоднократно становилось предметом судебного разрешения споров, возникающих на этой основе. Например, в соответствии с Постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 N 15АП-8889/2023 по делу N А32-36944/2022 было удовлетворено требование о взыскании неосновательного обогащения по договору купли-продажи, процентов за пользование чужими денежными средствами. Судом было принято в качестве доказательства эмодзи (смайл), как согласование условий договора. При этом суд отметил, что эмодзи допускают слишком большой спектр интерпретаций, и в законодательстве нашей страны не наделены самостоятельной юридической силой[1].

Некоторые графические символы имеют правоохранительное правовое значение, т.е. являясь средствами совершение противоправных деяний. Например, постановлением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29.10.2024 N 16-5358/2024 (УИД 34RS0011-01-2024-008303-75) обжалуемое решение нижестоящего суда о привлечении к административной ответственности оставил без изменений. Лицо привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в указанных целях. Как следует из материалов рассматриваемого дела, в социальной сети «В Контакте» на странице пользователя размещены для публичного пользования графические материалы с публичной демонстрацией нацистской символики - символ Украинской повстанческой армии на сине-желтом фоне, который был опубликованы и распространен для неопределенного круга лиц[2].

Кроме того, некоторые исследователи справедливо указывают на использование эмодзи в преступной деятельности. При этом, предложение именовать данные деяния как эмодзи-преступления, которые автор определяет как «преступные деяния, совершаемые с использованием цифровых символов (эмодзи) в информационно-телекоммуникационных сетях»[3], представляется некорректным.

Во-первых, графические символы-эмодзи - это средство совершения преступления, а не его объект. Наименование, таким образом, противоправного деяния, это все равно, что признать наличие «ножевых», «пистолетных», «банкоматных», т.д. преступлений!

Во-вторых, графические символы-эмодзи, это не только цифровые противоправные символы, они могут также объективироваться и в физическом пространстве, например, в виде татуировок.

Графический символ - татуировка — это форма идентификации характеристики личности, его отношению к окружающему миру и правому поведению. Некоторые подобные формы выступают средством выражения преступных характеристик лица. Например, так называемая «воровская звезда».

Данный графический символ выглядит как восьмиконечная фигура, две такие татуировки размещаются под каждой ключицей или на коленные чашечки. Всегда набивается парно и симметрично. Самый популярный вариант исполнения – разделение луча на черную и белую часть. Это деление означает совмещение людского и воровского начал. Расшифровывается как «Бей активистов, режь стукачей» или «Не встану на колени перед ментами». Является символом вовлеченности лица в преступную деятельность и занятие данным лицом высокого положения в преступной иерархии[4]. Данный графический символ, может являться основанием для квалификации деятельности лица, носящего данную татуировку по статье 210.1. УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». По уголовным делам данного типа, помимо прочих обстоятельств устанавливается время совершения действий, подчеркивающих соответствующий статус, лица, в виде нанесения пиктографических символов

[1]. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 N 15АП-8889/2023 по делу N А32-36944/2022/. URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=253776&dst=100033&cacheid=D146990B995275B2E0354124B7F17C72&mode=splus&rnd=qc8jew#4QOEqyUzaRctfV19 (дата обращения: 23.09.2025).

[2] Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29.10.2024 N 16-5358/2024 (УИД 34RS0011-01-2024-008303-75) Категория спора: Привлечение к административной ответственности. Требования: Об отмене постановления о привлечении к ответственности по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в указанных целях. Решение: Отказано/URL: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.09.2025).

[3] См. об этом: Сидоренко Э.Л. Эмодзи-преступления: типология и алгоритмы квалификации // Мировой судья. 2024. № 4. С. 14–19.

[4] Головкин Р.Б. Цветкова Е. В. Формы выражения правовых понятий: противоправные графико-символические определения // Вестник ВЮИ ФСИН России 2021 №3. С. 139–145.

(татуировок) на свое тело, которые свидетельствуют о том, что данное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии[1].

В целом, анализ использования графических символов-эмодзи, имеющих юридическое значение позволил определить их как выраженный графически информационный образ (конструкт), характеризующий волеизъявление субъектов правоотношений. Данные символы можно классифицировать как минимум на две группы.

Первая группа - правомерные графические символы-эмози (либо правонейтральные), это эмодзи, используемые для идентификации воли субъектов договорных правоотношений.

Вторая группа рассматриваемых символов - это эмодзи - имеющие противоправное значение (средство передачи противоправной информации, противоправная символика, обозначающая принадлежность к преступным сообществам, преступные угрозы и призывы, неправомерная реклама, и т.д.).

Как видно из представленного краткого анализа графические символы с развитием современных технологий постоянно обновляются и развиваются, многие из них переходят в цифровую среду, при этом сохраняя материальную основу и возможность использования их в физическом пространстве. Вместе с тем, реновация графических символов породила новые, машиночитаемые символы, имеющие юридическое значение. Эти символы, в отличие от эмодзи, в большей мере, можно отнести к цифровым символам и использование их в качестве идентификаторов субъектов и объектов правоотношений предусмотрено законодательством. Например, согласно постановлению правительства Российской Федерации от 19 сентября 2025 г. № 1443, предусматривается возможность использовать для идентификации личности QR-код. Этот цифровой графический символ-код можно будет предъявлять наравне с бумажным паспортом[2].

Существуют государственные стандарты использования машиночитаемых символов, для идентификации объектов (прежде всего товаров). Так согласно «ГОСТ ISO/IEC 15426-2-2025» «символы многострочного штрихового кода представляют собой графические изображения в виде последовательностей строк знаков символа, кодирующих данные и служебные компоненты, размещенных в определенном порядке в вертикальном направлении для формирования символа, как правило, прямоугольной формы, который содержит отдельное информационное сообщение». При этом в стандарте отмечается необходимость использования для раскрытия содержания символа технические, в том числе, цифровые средства идентификации товаров[3]. Следовательно, графические символы в виде различных кодов, это важная веха реновации символики, в целом, и в правовой сфере, в частности. Использование данных символов стало неотъемлемой частью правоотношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в цифровой среде. Иными словами, графические символы, все больше, приобретают юридическое значение. В связи с данным обстоятельством, реновация символики, обусловленная цифровизацией общества, требует законодательной регламентации. Поэтому создание четких законодательных рамок позволит избежать правовой неопределенности, обеспечить защиту от злоупотреблений и повысить доверие к цифровым коммуникациям.

В связи с реновацией символики и широкой ее интеграцией в общественную жизнь, необходима ревизия механизмов воздействия графических символов на поведение субъектов правоотношений.

Во-первых, целесообразно легитимировать использование графической символики в идентификации волеизъявления участников регулятивно-правовых отношений (в договорах, официальной переписке, документах, и т.д.)

Во-вторых, необходимо определить рамки противоправности использования графических символов (защита от призывов, угроз, клеветы, от неправомерного использования в рекламе, и т.д.).

В-третьих, уместно, разработать и официально утвердить нормативные словари, содержащие перечень и интерпретацию символов, которые, потенциально, можно использовать в реализации правоотношений, также перечень и интерпретацию запрещенной символики. запрещены.

---

[1] Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. N 511 (ред. от 27.06.2019) "Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации" (вместе с "Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации", "Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации") // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. 29 августа.

[2] Постановление правительства Российской Федерации от 19 сентября 2025 г. № 1443 «О применении мобильного приложения федеральной государственной информационной системы "Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)" в целях представления гражданами Российской Федерации сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, либо иных документах, выданных гражданам Российской Федерации государственными органами Российской Федерации»/URL: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 23.09.2025).

[3] "ГОСТ ISO/IEC 15426-2-2025. Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Технологии автоматической идентификации и сбора данных. Спецификация соответствия верификатора символов штрихового кода. Часть 2. Верификатор двумерных символов" (введен в действие Приказом Росстандарта от 13.05.2025 N 400-ст)// М.: ФГБУ "Институт стандартизации", 2025.

Давыдова Марина Леонидовна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет

Marina L. Davydova

Doctor of sciences (law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law Volgograd State University (400062, Russian Federation, Volgograd city, University prospectus 100)

E-mail:davidovavlg@gmail.com,
davidovaml@volsu.ru
ORCID 0000-0001-8392-9592

Символизация и визуализация в праве: тенденции развития формы и содержания

Symbolization and visualization in law: trends in the development of form and content

Аннотация. В статье проводится сопоставление двух внешне похожих, но различных по своей природе процессов, характерных для современного права: визуализации и символизации. В основе первого лежит визуальный поворот, произошедший в конце XX века и обусловивший отказ от представления об образном мышлении как вторичном, вспомогательном по отношению к мышлению логико-вербальному. Визуализация становится необходимым инструментом в науке, культуре, искусстве, средствах массовой информации, философии. Не обходит этот процесс стороной и право, выражаясь, в частности, в развитии такого направления как юридический дизайн, призваный придать юридической информации более наглядную и четкую форму. Символизация, в отличие от визуализации, затрагивает не форму, а содержание правовой информации, представляя некоторые понятия или явления как «сверхважные». Символизация в праве может проявляться через: (1) появление собственно правовых символов, (2) распространение средств правовой защиты на символы неправовые, но признанные значимыми (например, религиозные), (3) увеличение количества запрещенных символов. Если расширение визуализации в праве может рассматриваться как закономерный поступательный процесс, проявление глобальной тенденции в развитии человеческого общества, то символизация – явление характерное для права во все эпохи его существования, которое может усиливаться в конкретный исторический период под влиянием различных политических и идеологических факторов.

Ключевые слова: символ, символизация, правовой символ, запрещенный символ, визуализация, юридический дизайн, правовое регулирование

Annotation. The article compares two outwardly similar, but inherently different processes characteristic of modern law: visualization and symbolization. The former is based on the visual turn that occurred at the end of the 20th century and led to the rejection of the notion of figurative thinking as secondary, auxiliary in relation to logical-verbal thinking. Visualization is becoming an indispensable tool in science, culture, art, mass media, and philosophy. Law has not ignored this process, manifested, in particular, in the development of such a trend as legal design, aimed at giving legal information a more visual and clear form. Symbolization, unlike visualization, affects not the form, but the content of legal information, presenting certain concepts or phenomena as "ultimately important." Symbolization in law can be manifested through: (1) the emergence of legal symbols, (2) the extension of legal remedies to non-legal symbols, but recognized as significant (e.g., religious ones), (3) an increase in the number of prohibited symbols. If the expansion of visualization in law can be considered a natural progressive process, a manifestation of a global trend in the development of human society, then symbolization is a phenomenon characteristic of law in all eras of its existence, which can intensify in a specific historical period under the influence of various political and ideological factors.

Keywords: symbol, symbolization, legal symbol, prohibited symbol, visualization, legal design, legal regulation

Для цитирования: Давыдова М.Л. Символизация и визуализация в праве: тенденции развития формы и содержания // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Ниж-

ний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл.ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 120–125.

Введение

Подходы к понятию «правовой символ» в отечественной юриспруденции варьируются от крайне узкого, построенного на строгих философских основаниях понимания символов как уникальных, стабильных, выраженных в особой форме ценностных объектов, условно представляющих субъектов права на разных семантических уровнях, установленных, используемых и охраняемых в соответствии с нормами права[1] (в такой трактовке к символам могут быть отнесены практически только гербы, флаги, гимны и печати[2]) до предельно широкого, где в качестве символов рассматриваются наглядные средства формализации правовой информации, используемые с целью экономии правового воздействия, снижения текстового перегруза, демонстрации правового значения в … процессе передачи правовой информации от правотворческого органа через правоприменителя к конкретному индивиду[3] (здесь в перечне символов оказываются также ГАС «Правосудие», официальное опубликование нормативных правовых актов на parvo.gov.ru, видеоконференц-связь, документы на электронных и бумажных носителях, интернет и др.[4]). В промежутке между этими крайностями находится все то множество явлений, которые в юриспруденции принято относить к символам (от государственной символики до дорожных знаков и указателей). Это множество образуют явления различной природы, их существование и динамика в правовой системе обусловлено действием разнонаправленных факторов и тенденций. Важнейшие из этих тенденций связаны с внешне похожими, но совершенно различными по своей сути процессами визуализации и символизации.

Визуализация как современная тенденция в развитии права

Визуальный поворот определяется в науке как обнаруживающееся нарушение устоявшихся отношений визуального и вербального в общественной жизни в пользу визуального[5], когда происходит перенос внимания и доверия от слова к образу[6]. Он происходит в конце XX века (точнее завершается, т.к. исторически выделяют несколько визуальных поворотов или несколько этапов визуального поворота: в 20-х, 50-60-х и в 80-90-х гг. XX века[7]) и приходит на смену лингвистическому повороту, подразумевавшему решение философский и иных научных проблем через анализ языка.

Почему речь идет именно о повороте? Действительно, визуальные образы использовались людьми всегда (что, в частности, наглядно подтверждается историей правовых символов). Еще в XVII в. знаменитый педагог Ян Коменский сформулировал принцип наглядности, ставший фундаментальным принципом педагогики. Однако во все времена наглядность использовалась лишь как инструмент формирования логико-вербального мышления, которое всегда рассматривалось, как нечто гораздо более глубокое и серьезное, чем мышление образное. Исследования в области психологии в XIX в., а затем открытие асимметрии головного мозга во второй половине XX в. (в 1981 году за него была присуждена Нобелевская премия) доказали, что образное мышление существует наряду с логико-вербальным как самостоятельный вид мышления, к тому же обладающий определенными преимуществами (простота и эффективность, творческий подход к решению стандартных задач и др.)[8].

Это позволило иначе взглянуть на роль визуального в культуре и искусстве[9], средствах массовой информации[10], философии[11] – во всех сферах жизни общества.

Тенденция к расширению сферы визуального в современном мире, безусловно, связана и с развитием информационно-коммуникационных технологий[12], хотя визуальное и не сводится только к цифро-

[1] Мальцев И.В. Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании: монография. М., 2022. С. 172.
[2] Там же. С. 165-170.
[3] Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники. Автореф. дисс…. канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 12.
[4] Там же.
[5] Маслов В.М. Философия визуального поворота: от теории к практике // Философская мысль. 2019. №12. С. 39-56.
[6] Смирнова Н.Е. Синтез логико-вербального и визуального мышления в контексте визуального поворота // Гуманитарный вектор. 2020. №2. С. 100.
[7] Там же.
[8] Смирнова Н.Е. Синтез логико-вербального и визуального мышления в контексте визуального поворота // Гуманитарный вектор. 2020. №2. С. 98.
[9] Сергеева Н. А., Пашова Э. В., Бородина М. А. Визуальный поворот в культуре и его отражение в современном искусстве // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2024. №1.
[10] Симакова С.И. Визуальный поворот — новая философия образа в средствах массовой коммуникации // Вестник ЧелГУ. 2018. №10 (420).
[11] Макулин А.В. Социальная визиософия: инфографика, визуализация и графический язык социально-философского познания. Автореф. дисс. … докт. филос. наук. Архангельск, 2019.
[12] Полонников А. А. «Иконический поворот»: образовательные стратегии и альтернативы // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 128.

вому. Строго говоря, оно не сводится и исключительно к визуальному, всегда представляя собой нечто смешанное «визуально-чувственно-эмоциональное»[1], т.к. кино, телевидение, цифровые технологии позволяют обеспечить комплексное воздействие на разные органы чувств и каналы восприятия. При этом, говоря о визуальном, можно подразумевать две разные его формы[2]:

- «визуально-визуальное», которое используя образы, воздействует на чувства и эмоции (таков механизм воздействия на человека искусства, литературы, так же «работают» и правовые символы)
- «рационально-визуальное», использующее наглядность для представления рациональной информации.

В последнем случае речь идет об инфографике (информационной графике), т.е. области коммуникативного дизайна, в основе которой лежит графическое представление информации, связей, числовых данных и знаний[3].

Несмотря на внимание к инфографике со стороны философов[4], журналистов[5]. педагогов[6] и юристов[7], значение ее в современной науке явно недооценивается, т.к. в сознании ученых сохраняется стереотипное отношение к визуализации лишь как к иллюстративному средству по отношению к вербальной информации.

На самом деле даже терминология, которая используется в этой сфере (умная графика (smart graphics), внешний интеллект (external mind), ментальная карта (mind map) и т.п.) указывает на то, что речь идет не просто о «картинках», а о способах интеллектуальной обработки и интерпретации информации.

Внимание к инфографике характерно и для современной юриспруденции. Именно в этом направлении движутся юристы, занимающиеся проблемами юридического дизайна[8]. Строго говоря, их работа направлена на то, чтобы показать преимущества наглядного представления юридической информации, которая, будучи изложенной в виде четких схем, не *выглядит*, а *становится* более ясной, менее противоречивой, запутанной, перегруженной лишними деталями и пр.

Символизация как универсальный способ взаимодействия правовой и социальной реальности

Символизация – процесс создания (на уровне общественного сознания) и освоения (на уровне индивидуального сознания) понятий-символов, концентрирующих в обобщенной форме значимость их специфических свойств как «сверхважных» или «сверхреальных»[9].

В праве процесс символизации может включать:

1) появление собственно правовых символов,

2) увеличение числа запрещаемых правом символов,

3) расширение количества символов, охраняемых правом.

При этом, если первый из названных процессов может быть обусловлен внутриправовыми закономерностями, то вторые два непосредственно связаны с внешними обстоятельствами, с влиянием на право социальных, политических, идеологических факторов, а точнее со стремлением использовать право как инструмент в решении социально-политических задач.

Приведем примеры.

1) К числу относительно новых собственно правовых символов следует, вероятно, отнести электронную подпись, появление и нормативное закрепление которой связано с развитием правового инструментария и современных технических средств его фиксации и представления. Так же как форма правового акта прошла свой путь сквозь добумажную, затем бумажную, а потом электронную эпохи[10],

---

[1] Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология. М.; Екатеринбург, 2017. С.8.

[2] Маслов В.М. Философия визуального поворота: от теории к практике // Философская мысль. 2019. №12. С. 44.

[3] Лаптев В.В. Инфографика: основные понятия и определения // Terra Linguistica. 2013. №184. С. 181.

[4] Макулин А.В. Социальная визиософия: инфографика, визуализация и графический язык социально-философского познания. Автореф. дисс. … докт. филос. наук. Архангельск, 2019.

[5] Симакова С. И. Медиаэстетический код инфографического контента в журналистике: монография. Челябинск, 2022.

[6] Желтухина М.Р., Донскова Л.А. Инфографика как технология визуализации образовательного контента // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №76-3. С. 91-93.

[7] Здесь, в первую очередь, нужно указать на многочисленные работы В.Б.Исакова: Исаков В. Б. Исаков В.Б. Говорите языком схем: Краткий справочник М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016, 2022 и др.; Исаков В. Б. Схематизация и моделирование: Сборник материалов по курсу "Правовая аналитика" М.: НИУ ВШЭ, 2017; Исаков В. Б. Аналитическая графика для юристов. М.: НИУ ВШЭ, 2018.; Исаков В. Б. Правовая аналитика в определениях, картах, схемах: альбом. М.: НИУ ВШЭ, 2019;

[8] О юридическом дизайне подробнее мы писали ранее: Давыдова М.Л. Правовая аналитика и юридический дизайн: соотношение и взаимосвязь // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 70-75.

[9] Колтунова Е.А. Символ и символизация: сходство и различия интерпретаций в контексте различных психологических подходов // Российский психологический журнал. 2012. №3.

[10] Официальное электронное опубликование: История, подходы, перспективы / Отв. ред.: В. Б. Исаков. М., 2012. С. 13.

способы заверения документа (символическое подтверждение его авторства) на разных исторических этапах включали оттиск личной печати[1], отпечаток пальца[2], собственноручную подпись[3] и теперь – подпись электронную: простую и усиленную. Возникнув в мировой практике только в начале 90-х гг. XX века[4], электронная подпись довольно быстро получила нормативное закрепление на международном[5] и национальном[6] уровнях и включена в настоящее время, наряду с другими реквизитами, в стандарт оформления документов[7].

2) Что касается символов, запрещаемых правом, их число постоянно растет. Если 2010 году в докторской диссертации автором этих строк приводились лишь два положения действующего законодательства, запрещающие нацистскую символику (ст.6 Федерального закона N 80-ФЗ от 19.05.1995 и ст.20.3 КоАП РФ), то в настоящее время к числу запрещенных прибавились символы экстремистских организаций[8], а также «иная запрещенная атрибутика или символика»[9]. При этом перечень экстремистских организаций на сайте Минюста по состоянию на 31.10.2025 составляет 129[10] , а перечень экстремистских материалов – 5485[11] (в 2010 году их было 745). Пропорционально этому растет и количество дел об использовании запрещенной символики. Так, по статистике судебного департамента Верховного суда РФ в 2010 году в суды поступило 139 дел по ст. 20.3 КАП РФ, в 2021 – 4279 дел, в 2024 – 6825 по ст.ст. 20.3 и 20.3.1 (с 2022 года статистика по этим статьям приводится совместно)[12].

3) Примером включения в сферу правовой охраны символов, правовой природы не имеющих, являются правовые нормы, направленные на защиту религиозной символики. Так, новейшие изменения в законодательстве о свободе совести и религиозных объединениях[13] запрещают использовать изображения культовых зданий и других объектов религиозного назначения без соответствующих религиозных символов. Введение данных правил связано с тем, что недостоверные изображения религиозных объектов негативно воспринимаются верующими людьми[14].

---

[1] Калашникова А. А. Печати как способ заверения русских судебных документов XV — первой половины XVI в. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 8–18.

[2] Постников Н.А. Биометрия сквозь века: от первых отпечатков к современным методам идентификации // Поволжский вестник науки. 2025. № 35. С. 31-41.

[3] Антропов А.В., Тарасова Л.В. К вопросу о необходимости нормативного закрепления понятия "подпись" в современном законодательстве // Вопросы российской юстиции. 2020. №6. С. 483-496.

[4] Толстов И.В. Электронная цифровая подпись как неотъемлемая часть функционирования электронного государства (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Волгоградского госуниверситета (Legal Concept=Правовая Парадигма). 2013. № 2 (19). С. 39-41.

[5] Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (принят ЮНСИТРАЛ 12 июня 1996 г.). https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce; Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях и Руководство по принятию (принят ЮНСИТРАЛ 5 июля 2001 года). https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures; Модельный закон "Об электронной цифровой подписи" (принят Межпарламентской Ассамблеей государств - участников СНГ от 9 декабря 2000 г. N 16-10) // Информационный бюллетень 2001, № 26, с. 310 https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni.

[6] См.: Федеральный закон от 10 января 2002 года N 1-ФЗ "Об электронной цифровой подписи" (утратил силу); Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) "Об электронной подписи"

[7] ГОСТ Р 7.0.97-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов (утв. Приказом Росстандарта от 26.06.2025 N 622-ст)

[8] Федеральный закон от 25.07.2002 N 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) "О противодействии экстремистской деятельности"

[9] Ст. 20.3 КоАП в настоящее время содержит упоминание «иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами» (ст. 20.3 КоАП РФ от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025)), в символике общественных и некоммерческих организаций нельзя использовать «символы организаций, деятельность которых на территории РФ запрещена» (ст.24 Федерального закона от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "Об общественных объединениях"; п.5 ст.3 Федерального закона от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О некоммерческих организациях")

[10] Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими // Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата доступа 01.11.2025).

[11] Экстремистские материалы // Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата доступа 01.11.2025)

[12] Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. https://cdep.ru/?id=79 (дата доступа 01.11.2025)

[13] Федеральный закон от 31.07.2025 № 319-ФЗ "О внесении изменения в статью 3 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях"

[14] Мухаметшина Е. «Мое выступление не будет долгим. России быть. России быть великой» / Ведомости. 11.07.2025. (https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/06/11/1116393-rossii-bit-velikoi?utm_campaign=newspaper_11_6_2025&utm_medium=email&utm_source=vedomosti)

Следует, однако, подчеркнуть, что включенные ранее в законодательство правила об ответственности за оскорбление чувств верующих[1] также применимы к ситуации правовой защиты религиозной символики. Так, ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ предусматривает ответственность за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики, их порчу или уничтожение, а ч.1 ст.148 УК РФ – за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

Не исключено, что, сложившаяся практика использования (в рекламе, в интернете, при продаже товаров и т.п.) условных изображений культовых зданий без соответствующих символов во многом объясняется опасениями, связанными с угрозой попасть под ответственность по указанным статьям. Тем более что практика привлечения к ответственности за публичное осквернение религиозной символики существует[2]. Действительно, сложно сказать, что может быть с большей вероятностью воспринято как такое осквернение: размещение на упаковке пищевых продуктов недостоверного изображения храма или утилизация использованной упаковки с достоверным его изображением. Также весьма спорны преимущества изображения или неизображения религиозных символов на денежных купюрах[3], учитывая, что расплачиваться ими могут, в том числе и в противозаконных и аморальных сделках.

Приведенная коллизия показывает, что вмешательство права в сферы, для него не характерные, неизбежно влечет за собой противоречия и сложности в правовом регулировании.

Стоит заметить, что «размывание» собственно юридического содержания закона под влиянием политических и идеологических факторов – это не новая для отечественного законодательства проблема. А.М.Васильев в 1987 году писал, критикуя советские законы: «Плакатность и призывность стали преобладать над четким определением нормативно-правового механизма регулирования конкретных ситуаций. Нарушенная мера юридического в законодательстве не восполняется организационными мероприятиями, в результате происходит своего рода «пробуксовка» законов»[4].

Следует, однако, признать, что возрастание внимания к символам – процесс объективный и в определенных ситуациях вполне объяснимый. Если обратиться к современным зарубежным исследованиям, то можно увидеть, что проблема символизации законодательства иногда рассматривается в них в безоценочном ключе, т.е. не как недостаток права, а как специфическое свойство, когда при определенных условиях право переходит в «символический режим». В таком режиме юридические тексты отсылают к гораздо более широкому содержанию, чем первый слой смысла, заключающийся в юридических отношениях[5].

Само право при этом начинает выполнять «символические функции», которые могут выражаться в следующем: «Помимо собственно правовых предписаний, граждане могут увидеть в праве послания стигматизации определённых поступков и людей, их совершающих. Некоторые конкретные законодательные акты или юридические решения могут ассоциироваться у них с определёнными идеологиями или системами ценностей: например, они могут восприниматься как выражающие более консервативные или прогрессивные взгляды на общество. Некоторые положения могут восприниматься как несущие послание тревоги или срочности»[6]. Символы, используемые при этом, «вызывают эмоции, связанные с ситуацией. Они конденсируют в одном символическом событии, знаке или действии патриотическую гордость, тревоги, воспоминания о прошлых славных моментах или унижениях, обещания будущего величия: один из этих элементов или все вместе»[7].

Помимо собственно символов, на решение законом подобных задач указывают и другие признаки, в частности неясность и неопределенность терминологии[8]. Ф.Феррaро приводит примеры первых антиковидных нормативных актов в Италии, которые вместо юридических терминов содержали обыденную лексику («разрешается заниматься физической активностью *вблизи* собственного жилья», «запрещается покидать свои дома за исключением перемещений, вызванных … *ситуациями необходимости*»)[9]. По-

[1] Федеральный закон от 29.06.2013 N 136-ФЗ "О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан"

[2] Ершики для унитаза с изображением Будды сняли с продажи https://www.mk-tuva.ru/social/2024/11/03/ershiki-dlya-unitaza-s-izobrazheniem-buddy-snyali-s-prodazhi.html

[3] Анисимова Н. ЦБ остановил выпуск новой купюры ₽1000 с куполом церкви без креста // РБК. 18.10.2023 (https://www.rbc.ru/finances/18/10/2023/652f67cc9a7947625f002c28)

[4] Васильев А.М. Право и перестройка // Советское государство и право. 1987. №9. С. 22.

[5] Ferraro, F. (2025). The Language of the Law as a Sign and a Symbol. In: Klappstein, V., Dybowski, M. (eds) Languages of the Law. IVR 2022. Living Signs of Law, vol 4. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-72923-2_2. P. 11.

[6] Ibid. P.12.

[7] Edelman M (1964) The symbolic uses of politics. University of Illinois Press, Urbana IL. P.6.

[8] Van Klink B (2016) Symbolic legislation: an essentially political concept. In: van Klink B, van Beers B, Poort L (eds) Symbolic legislation theory and developments in biolaw. Springer, Cham, pp 19–35.

[9] Ferraro, F. (2025). The Language of the Law as a Sign and a Symbol. In: Klappstein, V., Dybowski, M. (eds) Languages of the Law. IVR 2022. Living Signs of Law, vol 4. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-72923-2_2. P. 25-26.

добные акты транслируют не столько четкое юридическое решение проблемы, сколько тревогу и озабоченность ею, и адресуются как будто бы не к профессиональным юристам, а напрямую к гражданам.

Заключение

Сравнение процессов визуализации и символизации в праве позволяет прийти к следующим выводам. Визуализация в большей степени обеспечивает эффективную *форму* представления правового материала, в то время как символизация чаще затрагивает *содержание* правового регулирования, его идеологическую ценностную составляющую.

Визуализация выступает как закономерный поступательный процесс, отражающий глобальные тенденции в развитии права и человечества. В настоящее время катализаторами этого процесса выступают цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий (иногда говорят, что за «визуальным поворотом» следует «цифровой поворот»). Отражением этого процесса в праве можно считать появление юридического дизайна как современного движения за оптимизацию способов наглядного представления правовой информации, отвечающего на общественный запрос о ее доступности и понятности.

Символизация не относится к числу исключительно современных тенденций правового развития. Символы используются правом во все эпохи, и внимание к ним периодически усиливается или ослабевает. Интенсивность использования символов в праве в конкретный исторический период может быть обусловлена влиянием политических и идеологических факторов. Избыточное внимание права к символам (в частности, положительная или отрицательная юридизация значительного количества изначально неправовых символов) приводит к намеренному или вынужденному ослаблению собственно регулятивных свойств права.

Зайцева Екатерина Сергеевна

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Zaitseva Ekaterina Sergeevna

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: zay_tseva@mail.ru

Ценностные основания правовых символов

Value bases of legal symbols

Аннотация. Проблема правовых символов имеет междисциплинарный характер и предполагает, что основой для их анализа должны служить концепты, выработанные философией и семиотикой. Важной характеристикой символа, которая прослеживается в философии и семиотике, но практически не учитывается в юриспруденции, является наличие в символе свернутого смыслового содержания, предполагающего его дальнейшее раскрытие. Сущность правового символа, как и любого иного, определяется синтезом формы (образа) и внутреннего смысла, предполагающего наличие ценностных оснований. Важно учитывать, что форма (образ) и внутреннее содержание не совпадают, содержание всегда будет выходить за пределы формы (образа). В силу этого, во-первых, правовой символ, как и любой иной, может быть понятен только определенному кругу субъектов, причастному к транслируемым ценностям, во-вторых, символ всегда предполагает возможность различной интерпретации ценностных оснований, лежащих в их основе.

Ключевые слова: символ, правовой символ, знак, ценности

Annotation. The problem of legal symbols is interdisciplinary in nature and requires that concepts developed by philosophy and semiotics serve as the basis for their analysis. An important characteristic of a symbol, which is evident in philosophy and semiotics but is largely ignored in jurisprudence, is the presence of a condensed semantic content within it, which presupposes its further development. The essence of a legal symbol, like any other, is determined by the synthesis of form (image) and inner meaning, which presupposes the presence of value foundations. It is important to consider that form (image) and inner content do not coincide; content will always extend beyond form (image). Therefore, firstly, a legal symbol, like any other, can only be understood by a certain circle of subjects involved in the values conveyed; secondly, a symbol always presupposes the possibility of various interpretations of the value foundations that underlie it.

Keywords: symbol, legal symbol, sign, values

Для цитирования: Зайцева Е.С. Ценностные основания правовых символов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)». (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 126–128.

Проблема правовых символов очень сложна ввиду своей междисциплинарности и философско-лингвистического характера. И в философии, и в семиотике многие вопросы, в том числе и связанные с определением понятия «символ», имеют достаточно дискуссионный характер, в связи с чем твердой почвы, на которую могли бы встать представители юридической науки, нет. Возможно, в силу этого в юриспруденции понятие «символ в праве» или «правовой символ» получил, на наш взгляд, неоправданно широкую трактовку.

В юриспруденции, как правило, правовые символы определяют как закрепленные законодательством условные образы, используемые для выражения определенного юридического содержания и понятные окружающим людям[1]. В то же время нельзя не отметить, что понятие «правовой символ» определяется неоднозначно[2] и имеет как узкую, так и широкую трактовку[3]. М.Л. Давыдова наряду с правовыми символами выделяет юридически значимые символы, включающие в себя все символы, опосредо-

[1] Бабаев, В. К., Баранов, В. М. Общая теория права. Краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 74.
[2] Никитин А. В. Правовые символы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 24 с.
[3] Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009.С. 291.

ванные позитивным правом (и охраняемые и запрещенные)[1]. Выступая на пленарном заседании, В.М. Баранов отметил неудачность термина «правовой символ», указав на невозможность вычленения в символе непосредственно правового содержания, и предложил использовать понятие «юридически значимый символ» в качестве альтернативы понятия «правовой символ». Предложенный термин представляется нам наиболее удачным, и, несмотря на то, что в данной статье мы будем использовать устоявшуюся терминологию, считаем, что высказанное предложение заслуживает поддержки.

Известный советский философ и филолог Алексей Федорович Лосев, отмечая идейную, образную или идейно-образную структуру символа, обращал внимание на то, что в отличие от знака символ заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания, свернутого в нем смыслового содержания[2]. Полагаем, что это важный признак символа в целом и правового символа в частности. Смысловым содержанием, позволяющим раскрыть обобщенный принцип, о котором говорит А.Ф. Лосев, являются определенные ценности. Именно они выступают в качестве основы, позволяющей раскрывать смысловое содержание символа. По сути правовой символ – это форма выражения определенных ценностей, позволяющая их не только аккумулировать, но и транслировать. При этом сам символ правовой ценностью не является[3], а выступает именно формой их выражения. Можно согласиться с тем, что право в целом тоже символизирует определенные ценности, например, такие, как справедливость и порядок[4]. Под ценностями мы пониманием смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности, конкретным деяниям и поступкам [2. Т.1 С. 30]. Следует отметить, что далеко не все ценности имеют универсальный характер и разделяются всеми или большинством, поэтому говоря о ценностных основаниях правовых символов, можно говорить и об «антиценностях», которые тоже могут выступать в качестве оснований правовых символов. И хотя они не поддерживаются большей частью общества, а их символическое выражение запрещается государством (например, пропаганда нацистской символики служит основанием наложения санкций со стороны государства - ст. 20.3 КоАП РФ), их существование говорит о том, что для субъектов, разделяющих соответствующую идеологию, они имеют определенное ценностное значение. В процессе повседневной коммуникации формируются смысловые поля, обозначенные символами. Внутри этих семантических полей может быть отражен как исторический опыт существования данного общества, так и основные ценности обыденной жизни, признаваемые в данном обществе[5].

Сущность правового символа определяется синтезом внешнего вида (образа) и внутреннего смысла, подразумевающего определенное ценностное содержание. Но здесь важно, что форма (образ) и внутреннее содержание не совпадают. И если образ предполагает предметное тождество самому себе, то символ делает акцент на другой стороне той же сути — на выхождении образа за собственные пределы, на присутствии некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не тождественного. Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немыслимые один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты)[6]. К сожалению, в юридической литературе эта сущностная характеристика символа либо не рассматривается, либо уходит на второй план. Очевидно, что использование какого-то базового понятия других наук предполагает, что оно может наполняться собственным, дополнительным содержанием, но это не должно приводить к потере его онтологического основания. Чаще всего при характеристике правовых символов выделяют такие признаки, как условность, правовая закрепленность, образность, эмоциональная заостренность, процессуальный характер. Остановимся на указанных признаках.

Условность. Символ всегда условен, внешний вид его ничего не сообщает о его внутреннем содержании. Но синтез одного и другого передает сущность символа[7]. Условность предполагает конвенциональную природу[8], в основе которой в свою очередь лежит приверженность к общим ценностям.

---

[1] Там же.

[2] Определение понятия «символ», предложенное А.Ф. Лосевым содержится в философском словаре и звучит следующим образом: «Символ - это (греч. σύμβολον - знак, примета) идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указание на те или иные, отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком. Как идеальная конструкция вещи символ в скрытой форме содержит в себе все возможные проявления вещи и создает перспективу для ее бесконечного развертывания в мысли, перехода от обобщенно-смысловой характеристики предмета к его отдельным конкретным единичностям. Символ является, таким образом, не просто знаком тех или иных предметов, но он заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания»[2] // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5, С. 10-11.

[3] Такая мысль была высказана М.Л. Давыдовой. См.: Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 57.

[4] Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 57.

[5] Деметратдзе М.Р., Дзюбан В.В., Шорохова С.Л. Националистические символы и ценности в системе управления обществом // Вестник института мировых цивилизаций. 2020. Том 11, № 2 (27). С. 40.

[6] Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 826.

[7] Сычева С.Г. Проблема символа в философии. Томск. 2000. С. 179.

[8] Никитин А. В. Правовые символы. автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 12.

Образность. Образность предполагает, что символ создается с привлечением художественным форм[1]. «Символы мыслятся нами как репрезентации не предметов и событий, а сознательных посылок и результатов сознания. При этом символы могут выступать как в качестве прямого «обозначения» сознания, так и обозначать нечто предметноподобное, косвенно репрезентирующее сознание»[2].

Эмоциональная заостренность. Правовые символы в первую очередь призваны воздействовать на эмоциональную сферу личности, а через нее уже на разум и поведение и предполагают чувственное восприятие.

Эти три признака являются общими для любых символов. Среди специфических признаков, характерных именно для правовых символов, определяющим является правовая закрепленность, или же создание или санкционирование государством в особом процессуальном порядке, предполагающая последующую охрану[3]. К этому перечню можно добавить ценностные основания как характеристику, которая отличает символ от знака. Игнорирование указанной сущностной характеристики правового символа обусловливает попытки приписать не свойственные им признаки. Например, такие признаки, как понятность и однозначность или четкость и определенность[4]. При этом отмечается без какой-либо дополнительной аргументации, что это характерно именно для правовых символов и не характерно для иных.

Мы полагаем, что правовой символ, как и любой иной, должен и может быть понятен определенному кругу субъектов, «тем, кто сознательно связан с ним в своей жизни»[5], в силу того, что предполагает развертывание заложенного в нем ценностного смыслового содержания, которое, во-первых, не находится на поверхности, оно фактически скрыто и может быть доступно только посвященному, причастному к транслируемым ценностям. Значение символа как аккумулятора и транслятора определенных ценностей проявляется в том, чтобы объединять некие общности людей, идентифицировать их принадлежность к определенной группе, разделяющей общие ценности. Во-вторых, символ может быть по-разному интерпретирован, «Символы существуют как символы (а не как вещи) только внутри интерпретаций»[6], поэтому связывать потребность использования символов с необходимостью олицетворения объектов, которые неэффективно выражать с помощью текста в силу того, что текстовое определение может придать явлению неоднозначный смысл[7], а символ предполагает однозначность, не стоит.

Учитывая это, полагаем, что ряд правовых символов, определяемых в качестве таковых в юридической науке, на самом деле ими не являются. Это обусловлено отсутствием четкого разграничения в юридической литературе терминов «символ» и «знак» и употреблением термина «символ» в значении «знак»[8]. Например, дорожные знаки, по нашему мнению, символами не являются. Это обусловлено различием в понимании знака и символа, которое выражается в «стремлении первого к однозначности, второго же – к многозначности»[9]. Знак служит средством обозначения объекта. И если знак может выступать в качестве непосредственного регулятора общественных отношений, то символ не может. Так, дорожный знак, жест регулировщика четко выражают запрет, предписание, предупреждение и т.п. их смысловое содержание совпадает с формой выражения. Именно знак, а не символ может выполнять регулятивную функцию, является формой выражения правовых предписаний и служит средством «регулирования практических действий»[10]. Именно знак, а не символ позволяет обеспечивать краткость, доступность, экономию языковых средств, являясь непосредственным регулятором общественных отношений. По этой же причине нельзя рассматривать в качестве правовых символов таблицы, схемы, подписи, печати, а также образцы (формы) документов используемые в нормативных правовых актах[11].

Подводя итог, солидаризируемся с мнением известных философов М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского: «По-видимому, мы живем в такое время (или «мы такие»), когда символов для нашего собственного оперирования и потребления весьма мало. Этому можно найти ряд причин — исторических, культурных, религиозных или провиденциальных, которые сами, может быть, происходят от какой-нибудь одной постоянно действующей причины, коренящейся не во временных обстоятельствах, а в определенных особенностях психического функционирования личности (перцептивных, апперцептивных, интенциональных)»[12], в том числе и правовых.

---

[1] Еникеев М. И. Юридическая психология. М., 2008. С. 306.

[2] Мамардащвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке URL: https://djvu.online/file/LWqYtWxaezag7?ysclid=mhk6syjyte808971274f (дата обращения 19.09.2025).

[3] Никитин А. В. Правовые символы. автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 12.

[4] Шутак Теория и практика оговорок в праве: система понятий. Терминологический словарь. СПб, 1999. С. 28-29.

[5] Мамардащвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке URL: https://djvu.online/file/LWqYtWxaezag7?ysclid=mhk6syjyte808971274f (дата обращения 19.09.2025).

[6] Там же.

[7] Глушаков А.Ю, Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. № 2. С. 200.

[8] Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 4.

[9] Тен Ю. П. Символы России и зарубежных государств: учебное пособие. Ростов на Дону. 2008. С. 28.

[10] Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 345.

[11] Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986 с. 36.

[12] Мамардащвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке URL: https://djvu.online/file/LWqYtWxaezag7?ysclid=mhk6syjyte808971274f (дата обращения 19.09.2025).

Кожевина Марина Анатольевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Kozhevina Marina Anatolyevna

Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: kozhevina1@rambler.ru

Право как символ национальной идентичности

Law as a symbol of national identity

Аннотация. В статье выделяются признаки национальной идентичности как сложного и многонаправленного социального состояния, формирование которой подвержено влиянию исторических, политических, традиционных, этнических, территориальных, региональных, экономических, генетических акторов, в числе знаковых факторов определяется право, оно показано в контексте символизма, выявляется двойственный характер его социальной роли как системы общепринятых правил поведения, раскрывается его социокультурная ценность, наполненная национальным духовно-историческим потенциалом.

Ключевые слова: право, символ права, национальная идентичность, гражданская идентичность, историческое наследие

Annotation. The article highlights the features of national identity as a complex and multidirectional social state, the formation of which is influenced by historical, political, traditional, ethnic, territorial, regional, economic, genetic actors, law is defined among the symbolic factors, it is shown in the context of symbolism, the dual nature of its social role as a system of generally accepted rules of conduct is revealed, its socio-cultural value, filled with national spiritual and historical potential, is revealed.

Keywords: law, symbol of law, national identity, civil identity, historical heritage

Для цитирования: Кожевина М.А. Право как символ национальной идентичности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 129–133.

«Кто я?», «кто мы?» – этими вопросами сегодня на фоне нестабильных и противоречивых международных отношений задаются многие политики, общественники и просто обычные люди, пытаясь найти в ответе на них некую уверенность в себе, обоснованность сегодняшнего дня и перспективность существования в непростом и глобальном мире. Это состояние принято обозначать понятием идентичности, определяемым как тождественность, одинаковость, совпадение чего-либо с чем-либо. В социогуманитарном пространстве оно характеризует состояние человека и общности людей, проявляющемся не только и не столько во внешних формах существования, сколько во внутренних, скрытых переживаниях, представлениях индивидов и групп о моделях поведения, ценностных ориентациях, влияющих на самоопределение и самосознание, становятся критерием сравнения, выявления отличий себя от других, критерием оценки и самооценки.

В науке принято делить все многообразие этих состояний на естественные (этнические, расовые, территориальные и т. п.) и искусственные (национальные, профессиональные, договорные, конфессиональные, региональные, и т. п.), то есть на те, которые априори присущи человеческому сообществу, и те, что формируются в процессе развития. И коль скоро идентичность есть сложное и многонаправленное социальное состояние, то каким образом она проявляется вовне, какие формы приобретает? Как нам представляется, это могут быть прозрачные формы, например, «я есть» с обозначением всех признаков «я», либо образы с переносным значением, то есть обладающие символичностью в силу многосложности и многоплановости.

К числу последних относятся многие социальные феномены, в том числе право. Воздействуя на сознание человека и общества, оно выполняет, как и все социальные регуляторы, информационную, воспитательную, просветительскую, прогностическую, аксиологическую функцию и т. п. Но при всей силе воздействия право не охватывает интеллектуально-психологические, эмоциональные стороны общественных отношений, поэтому исторически находится в тесной связи с иными факторами воздействия –

моралью, религией, обычаями, традициями, языком, культурой и т. п., которые в совокупности наполняют жизнь наравне с ее упорядоченностью еще и духовностью, без которой осознание собственного «я» невозможно. Но вместе с тем право в отличие от иных факторов обладает общеобязательностью, формальной определенностью и находится в тесной связи с государством, поэтому имеет высокий потенциал активного воздействия на формирование социальной идентичности, прежде всего гражданской и политической.

Понятия гражданской и политической идентичности в обыденности чаще всего используются как синонимы, так как ассоциируются с политической жизнью общества и человека. Однако в науке эти понятия различаются. Под гражданской идентичностью понимается конституированное основание современной политической нации и национального государства, то есть в основу кладется статус гражданина или подданного какого-либо государства, самоидентификация связывается с соотношением своего сознания с политической культурой и институтами политической нации[1].

Национальная идентичность – понятие по своему объему значительно шире. Она включает не только политические ценности, но иные идентификации и признаки. Ее формирование подвержено влиянию исторических, политических, традиционных, этнических, территориальных, региональных, экономических, генетических акторов, «ее невозможно выстроить или ощутимо скорректировать только изменениями в политическом процессе и политико-правовом комплексе, поскольку политика в этом вопросе представлена лишь как элемент и инструмент построения идентичности, но не как основа»[2]. В основу кладется понятие нации. Нация складывается на определенной территории, в определенных природно-климатических условиях под воздействием этнокультурных, экономических универсалий, проявляется в коллективной памяти, обычаях, традициях, в бытовании и политической организации и т. п. Скорее всего поэтому каждая нация, имея свои отличительные черты, в процессе широкой глобализации и универсализации мирового пространства стремится защитить себя, свою уникальность, сохранить свою самобытность, вбирающую «наиболее устоявшиеся, накапливающиеся тысячелетиями и потому наиболее прочные представления о себе самих»[3]. Укрепление национальной идентичности «представляет важнейшую задачу национальной безопасности, поскольку является ее сущностной основой и одновременно важнейшим ресурсом конкурентоспособности в условиях глобализации»[4].

Возникает вопрос – каково предназначение в этом процессе права? Находясь в ряду социокультурных ценностей, должно ли оно служить только неким поведенческим каркасом либо расширить рамки нормативности и предстать неким образом, идеей, символом, олицетворяющим самобытный национальный порядок, укрепляющий национальную идентичность? Нам представляется, ответ сформулировать не просто. С одной стороны, абстрактность юридической нормы позволяет унифицировать общественное пространство, интегрировать национальное государство в мировое политическое и экономическое сообщество, с другой стороны, складываясь исторически в определенном пространстве и времени, право впитывало их специфику и обеспечивало порядок в том балансе, который придавал уверенность формирующейся нации (политической и этнической общности людей на определенной территории) в своей суверенности и перспективности независимого развития. В этом контексте высвечивается двойственный характер социальной роли права как системы общепринятых правил поведения. Однако современность в большей степени ориентирована на нормативность и универсальность права, при этом его социокультурная ценность, наполненная национальным духовно-историческим потенциалом, отходит на второй план, что по сути своей – ошибочная позиция, способная привести к кризису национальной идентичности. По мнению некоторых политиков «в настоящее время идет «битва идентичностей». В этой конкурентной борьбе пощады нет никому. И выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу»[5]. Таким образом национальная идентичность не может быть сформирована без всестороннего осознания своего прошлого в его единстве (знание истории своего государства и своего народа) и осознания своей прямой или опосредованной причастности к этому прошлому (преемственность основных нравственных и духовных ценностей).

Этот аспект нашел юридическое воплощение в статье 67.1 Конституции Российской Федерации. Она включает в себя четыре части, где каждая обусловливает последующую. В части первой наполняется юридическим смыслом понятие преемственности в государственном развитии российского общества, прямо указывается на то, что Российская Федерация является правопреемником СССР, т. е. государства, исторически сложившегося на территории, объединенной тысячелетней историей (часть вторая), позволяющей рассматривать ее в единстве не только как территориальную целостность, но и как пространство, где сформировалась социокультурная общность людей, у которой есть аксиологические

[1] Цветкова О.В. Национальная и гражданская идентичность: проблемы формирования в России / О. В. Цветкова. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. С. 14.
[2] Там же.
[3] Кортунов С. В. Национальная идентичность: Постижение смысла / С. В. Кортунов. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 10.
[4] Там же.
[5] Кортунов С. В. Национальная идентичность. С. 11.

константы и которые разрушать не допустимо (часть третья), поэтому воспитание подрастающего поколения физически, духовно и нравственно устойчивого к трансформациям общественного бытия определяется как будущность, гарантирующая сохранение этого государственного единства и социокультурных ценностей (часть четвертая)[1].

Статья, на наш взгляд, носит не универсальный, а символический характер, так как содержит в себе положения, направленные на укрепление национальной идентичности. Она вбирает, как нам представляется, несколько разновидностей норм права: нормы-принципы (основные идеи, убеждения, положенные в основу действия), нормы-декларации (признанные исторические факты), нормы-предписания (указания на конкретное действие в рамках охраны и защиты декларированных принципов и положений, обеспечение гарантий реализации права). К нормам-принципам мы бы отнесли следующие языковые обороты статьи 67.1: сохранять память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства (ч. 2.); чтить память защитников Отечества, защита исторической правды (ч. 3); «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» (ч. 4). К нормам-декларациям: является правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР (ч. 1); объединенная тысячелетней историей, признает исторически сложившееся государственное единство (ч. 2); подвиг народа при защите Отечества (ч. 3). Норма-предписание прямого действия: умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается (ч. 3). Норма-предписание опосредованного действия: государство обеспечивает защиту исторической правды (ч. 3) государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4), государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (ч. 4)[2].

В этой связи обратим внимание на основополагающие категории истории государственного и общественного развития, введенные законодателем. Это преемственность, государственное единство, память предков, историческая правда, подвиг народа. Все понятия, несмотря на юридизацию, сохраняют символический характер и находятся в числе основных признаков национальной идентичности. Следовательно, закон выполняет функцию актора ее формирования и развития.

Соответствующее отношение к национальному праву складывалось еще на заре отечественной юридической науки. По меткому замечанию профессора А. Г. Станиславского – «ежели правда (а это истина очевидная), что настоящее вполне открывается и объясняется лишь только из прошлого…»[3]. И далее: «Законодательство – это жизнь. В нем мы живем, движемся и существуем. Это до такой степени верно, что устраните мысль о существовании закона, и вы вместе с тем разрушите понятие об обществе…»[4]. В этой связи следует уточник некоторые аспекты используемой терминологии. Понятие законодательство в отличие от современного трактовалось широко и включало в себя все юридические формы. Так профессор Н.Ф. Рождественский указывал, что «закон вообще есть правило, по которому что-нибудь происходит необходимым образом»[5]. Он вбирает признаки «внутренние и внешние», совокупность первых характеризуется как «закон совести» или это «есть сознание долга, волею Божиею предписанного, исполнение их сопровождается чувством внутреннего удовольствия, а неисполнение – угрызением совести. Эти законы для всех людей во всех видах общежития одинаковы». Совокупность внешних признаков определяется как «закон общежительный», который основывается на законах совести, но имеет особенности в зависимости от времени и места действия (законы положительные)[6].

В этом же ключе рассуждает профессор К. А. Неволин. В понятие законодательство включает не только совокупность законов, но и обычай, а также «учение законоведцев». При этом поясняет: «Формы, в которых образуется законодательство, суть или *обычаи*, или *законы в тесном смысле* сего слова. Средину между теми и другими занимает *учение законоведцев* (курсив автора). На пути обычая законодательство образуется без особенного сознания и воли человека, под господством необходимости; на пути закона – при посредстве сознания и воли. Учение законоведцев представляет в себе соединение того и другого способа образования законодательств»3. Выделив три формы права, ученый также ука-

[1] Подробнее см.: Кожевина М.А. Реализация статьи 67.1 Конституции Российской Федерации в контексте научного историко-правового опыта / М. А. Кожевина// Правоприменение. 2021.Т. 5. № 3. С. 5-19.
[2] Там же. С. 14.
[3] Станиславский А. Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления: речь, произнес. в торжеств. собр.Казан. ун-та 8 июня 1853 года А. Станиславским, э.-орд. проф., д-ром юрид. наук: с присовокуплением Систематического указателя сочинений юридического содержания, изданных в России с 1830 по 1852 г. включительно / А.Г. Станиславский. СПб.: Тип. Акад. наук, 1853.С. 4.
[4] Там же. С. 8-9
[5] Рождественский Н. Ф. Обозрение внешней истории русского законодательства, с предварительным изложением общего понятия и разделения законоведения / Н.Ф. Рождественский. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. С. 1.
[6] Там же. С. 2, 5-6, 7.

зывает на то, что они могут рассматриваться не только как форма, «в которой образуются (читаем содержатся – М. К.) начала правды», но и как источники этих начал[1].

Размышляя о законодательстве, ученый рассматривает вопрос об исторической преемственности, обозначает ее характерные признаки, а именно: ее историческую сущность, объективный характер, последовательность и единство в развитии общественной жизни, трансляцию опыта последующим поколениям не в полном объеме, а лишь в той части, которая актуализирована во времени, передача этого опыта может осуществляться как в горизонтальной временной перспективе от поколения к поколению, так и от одного народа другому, то есть в пространстве в рамках одного периода[2]. Экстраполируя взгляд «жизни народной» на сферу права, К. А. Неволин ставит его в один ряд с религией, наукой, искусством и т. п., которые неразрывно связаны и в совокупности обладают системностью[3].

Следовательно, преемственность есть многоаспектный и многомерный сложный исторический факт. Она проявляется на институциональном, социокультурном, политико-правовом, материальном уровнях и т. д., а также осознается человеком и национальным сообществом как проявление самобытности его существования, становится одним из оснований национальной идентичности. К этим основаниям мы бы отнести следующие исторические факты: народ, являющийся социокультурной общностью людей, сложившейся исторически, территория как некое геополитическое пространство, на которой этот народ проживает, публичная власть, реализующая волю этого народа, опосредуя ее в деятельности иерархичного государственного механизма и системы самоуправления.

Указанная триада, как нам представляется, определяет сущность государственного единства и глубину национальной идентичности. Нивелируйте один из факторов, утратится единство, целостность национального государства, разрушится национальная идентичность общества. Преемственность в развитии (политико-правовой опыт в той части, которая сохраняет государственную и социальную идентичность) становится гарантом сохранения исторической памяти. Введенное законодателем понятие «тысячелетняя история» определяет эту суть, и как состоявшийся исторический факт не требует доказательств. Восприятие человеком и обществом тысячелетней истории согласуется с понятием памяти, то есть неким контуром исторического знания о прошлом. В статье 67.1 оно обозначено как «память предков».

В чем суть этой памяти? Само понятие очень емкое, наполняется всеми аспектами общественной жизни в их исторической проекции, которые со временем приобретают символический характер, согласуются с некими образами и идеями (символами), укрепляющими осознание национального «я». В их числе отметим лишь право, как одни из символов этого прошлого и настоящего государства и общества, следовательно, символ национальной идентичности.

В свое время сложившая в юридической науке историческая школа понимания права ввела в научный и обыденный оборот рад постулатов, а именно: 1. «Право каждого отдельного народа есть продукт всей предшествовавшей исторической жизни его, и единственным источником права является правовое сознание народа, представляющееся органическою частью всего его мировоззрения.

2. Право должно быть рассматриваемо как один из продуктов духовной жизни народа.

3. Право каждого народа, как продукт духовной жизни его, должно занимать определенное и вполне самостоятельное место в ряду других проявлений этой духовной жизни, каковыми являются религия, язык, нравственность, народная поэзия»[4].

В этом ракурсе историческое знание о национальном праве рассматривалось в качестве «ключа» к «правильному уразумению существующего права, к разумной критической оценке его» и законодателем, и «интерпретатором, и судьей, и администратором». Особенно законодателем, который имея представления о прошлом, смог бы «предугадать будущее», чтобы вместо «блага и прогресса не внести в народную жизнь зло и застой»[5].

В последующем эти взгляды претерпели некоторую модификацию, в советский период трансформировались в идеологическую формулу «есть право буржуазное и есть право социалистическое», таким образом противопоставление значительно отдалило советское право от предшествующего периода российской истории, что в определенной степени нанесло урон национальной идентичности, произошло вытеснение формулы «я – русский, я – россиянин» формулой «я – советский человек».

---

[1] Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части / К. А. Неволин // Полное собрание сочинений К. Н. Неволина. Т. 1. СПб.: типография Эдуарда Праца, 1857. С. 46.,47-48, 78.

[2] Там же. С. 119-120

[3] Подробнее см.: Кожевина М. А. Преемственность в русском праве: взгляд отечественных юристов XIX века / М. А. Кожевина // Научное наследие В.К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В.К. Бабаева (Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 года) / Под ред. В.А. Толстика. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. С. 150-158.

[4] Загоскин Н. П. История права русского народа/ Н. П. Загоскин. Том 1. Казань: Типография Императорского Университета, 1899. С. 8-9.

[5] Там же. С 11.

Распад советского государства привел к деформации сложившегося представления людей и о себе, и о стране, степень патриотического восприятия своего государства значительно снизилась, в определенное время правопорядок был переориентирован на западные модели, среди юристов и политиков возникли дискуссии по поводу принадлежности к одной из правовых систем западноевропейского образца. Но ответ на дискуссионные вопросы так не сформировался до сих пор, так как обсуждаемые явления вступали в противоречие с национальной самобытностью. В результате кризис национальной идентичности в правовой сфере не заставил себя ждать. Правовые традиции Российского государства в определенной части были нивелированы, например, о месте и влиянии судебной практики на процессы правового регулирования и формирования системы источников отечественного права и т. п.

События последних лет, СВО, вновь заставили поставить вопросы перед каждым россиянином и всеми, кто проживает в России: «Что такое Российская Федерация как государство? Каково ее реальное положение в мире? Кто ее союзники и соперники? Где ее подлинные границы? Как они определяются? Как соотносится весь исторический опыт (как положительный, так и отрицательный) российской государственности с ее нынешним состоянием? Какова долгосрочная стратегия страны в XXI в.?»[1] и т. д. Все эти вопросы неотрывны от права как социального регулятора, подкрепляющего юридическими средствами геополитическую, цивилизационную, экономическую специфику нашего общества и государства. Право остается одним из факторов, активно влияющих на формирование целей национального развития, располагая потенциалом не только строгого вмешательства в общественную жизнь, омраченную неприглядными оттенками поведения субъектов правоотношений, но и широкими возможностями выступать в качестве посредника «между обществом, его социальными институтами и властью, становится своеобразным буфером, где опосредуются корреспондирующие связи, наполненные либо взаимным доверием, либо партнерством, либо неприятием, либо неверием, либо апатией, либо иными эмоциями, подталкивающими гражданское общество и государство искать компромисс, либо паритет, либо баланс, либо императив и т. д.»[2]. Сохраняя образ «правды и справедливости», право неизменно сохраняет свойства символа национальной идентичности и фактора ее укрепления.

[1] Кортунов С. В. Национальная идентичность. С. 8.
[2] Кожевина М.А. Реализация статьи 67.1 Конституции Российской Федерации. С. 9.

Кожевников Владимир Валентинович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Kozhevnikov Vladimir Valentinovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

E-mail: kta6973 @rambler.ru

Правовые символы и семиотика права

Legal symbols and semiotics of law

Аннотация. Рассматривается понятие правовой семиотики, этапы ее становления и развития в науке, в том числе отечественной. При этом подчеркивается, что актуальность данной проблемы определяется тем обстоятельством, что семиотика права как метод имеет перспективы при исследовании права, иных правовых явлений, обусловленные цифровизацией права. Отмечая, что советские ученые - теоретики не проявляли интереса к семиотике права, в настоящее время наблюдается тенденция актуализация последней при проведений исследований права. Резюмируется, что современное правоведение при проведении исследований в правовой сфере должно использовать как традиционные методы: общефилософский (диалектико-материалистический), общенаучные (индукция и дедукция, анализ и синтез и др.), специальные (методы конкретно-социологических исследований, кибернетический и др.), частно-научные (формально-юридический, методы толкования, сравнительно-правовой и др.), так и нетрадиционные методы: герменевтический, синергетический и др.), в том числе метод семиотики. Только при этом условии юридическая наука будет развиваться, находя новые аспекты права и других правовых явлений.

Ключевые слова: семиотика, семиотика права, цифровое право, коммуникативная теория права, методология права

Annotation. The concept of legal semiotics, the stages of its formation and development in science, including domestic, are considered. At the same time, it is emphasized that the relevance of this problem is determined by the fact that the semiotics of law as a method has prospects in the study of law and other legal phenomena due to the digitalization of law. Noting that Soviet theoretical scientists did not show interest in the semiotics of law, at present there is a tendency to update the latter when conducting legal research. It is summarized that modern jurisprudence when conducting research in the legal sphere should use both traditional methods: general philosophical (dialectical-materialistic), general scientific (induction and deduction, analysis and synthesis, etc.), special (methods of specific sociological research, cybernetic, etc.), private scientific (formal-legal, methods of interpretation, comparative-legal, etc.), and non-traditional methods: hermeneutic, synergetic, etc.), including the method of semiotics. Only under this condition will legal science develop, finding new aspects of law and other legal phenomena.

Keywords: semiotics, semiotics of law, digital law, communicative theory of law, methodology of law

Для цитирования: Кожевников В.В. Правовые символы и семиотика права // Юридическая техника. – 2026. – №20: Материалы XXVII Международного дисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 134–140.

1. Введение

Думается, что среди множества актуальных проблем общей теории права, следует обратить внимание на ее методологию и методы, особенно нетрадиционные - герменевтику, синергетику и др. , в том числе и на семиотику, к которым отечественные ученые проявляют весьма скептическое отношение, хотя в настоящее время она имеет перспективу применения при исследовании правовых явлений.

2. О понятии правовой семиотики

Метод семиотики - науки о знаковых системах. В философском энциклопедическом словаре утверждается, что семиотика (от греч. sema-знак) - учение о (графических) знаках и о рядах знаковых форм;

всякий знак-сигнификат, т. е. он означает нечто, но не обязательно употребляться как детонат, т. е. не обязательно ему должно соответствовать какое- либо значение.

Существуют знаки, которые привлекают внимание к определенному содержанию (например, расписание движения) сообщают о свойствах (например, «огнеупорный»), способствуют выбору (например, прейскурант) и т. д. Имеются также знаки, которым не соответствует никакое значение, например, логическо-математические, которые выражают отношение между самими знаками[1].

Что же мы знаем о семиотике, и какие методы мы можем отнести к семиотическим? Обычно семиотикой называют науку, занимающуюся изучением знаков, знаковых систем (языков) и целостных совокупностей знаков (текстов). При этом понятия знак и текст рассматриваются в максимально широком значении. Текстами именуются отнюдь не только фрагменты устной или письменной речи на естественных языках, а вообще любые результаты осмысленной деятельности. Семиотика, таким образом, оказывается тем фундаментальным инструментом, с помощью которого мы можем описать не реальность, но действительность[2]. Семио́тика, или семиоло́гия (греч. - знак; признак») - общая теория, исследующая свойства знаков и знаковых систем. Согласно Ю. М. Лотману, под семиотикой следует понимать науку о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения[3].

3. Семиотика в Советском Союзе

В СССР семиотика развивалась в рамках московско-тартуской семиотической школы, во главе которой стоял Ю. М. Лотман. В 1964 в Кяэрику (Эстония) под руководством Лотмана была организована Первая летняя школа по изучению знаковых систем. Эти школы затем собирались каждые два года до 1970. Советские семиотики издавали Труды по знаковым системам. Основным свойством знака объявляется знаковость, то есть способность одного предмета замещать в сознании интерпретатора другой предмет. В процессе этого замещения один предмет становится знаком, а другой его значением. Советская семиотика возводила свое начало к Пирсу и вслед за ним делила знаки на три вида: иконические, индексальные и символические. Различие между знаками заключено в знаковой связи. В первом случае она основана на подобии, во втором она реальна, а в третьем конвенциональна. Московско-тартуская семиотическая школа делает предметом своего изучения уже не язык, а культуру явленную как текст (семантический универсум, комплекс информации).

В процессе коммуникации происходит трансформация текста, который обнаруживает множество контекстов. Одновременно трансформируется и адресат (например, он получает знание). Поэтому семиотика может быть названа семиотикой культуры, которая тождественна с культурологией. Основная практика взаимодействия со знаками – это дешифровка (семиотический анализ, интерпретация). Тартуская школа полемизирует с французской семиологией, противопоставляя текст дискурсу. Спецификой текста является локализация и композиция. Текст окружен «внетекстовой реальностью», а совокупность текстов-культур образует семиосферу.

А.И. Демидов, видя перспективу использования метода семиотики при исследовании права, иных правовых явлений обращает внимание на то, что правовая реальность во многих своих проявлениях-процедурах, процессуальной форме, стилистике правовых документов, организации правовых отношений является именно знаковой, символической системой, которая представляет собой предметы и действия, несущие определенный условный смысл, зависящий от понимания взаимодействующих субъектов. Автор обращает внимание, что толкование смысла, раскрытия символа может быть различным в зависимости от умонастроений, уровня образования, политических ориентаций, но оно практически всегда происходит, вследствие чего и необходимо понимание тех принципов и механизмов, на основе которых оно осуществляется[4].

4. Научные направления семиотики права: персеанское и структуралистское

Формирование семиотики права началось в 1970-е-1990-е гг. и следовало двум указанным направлениям общей семиотики. С известной долей условности возникшие в области семиотики права научные направления можно именовать пирсеанским и структуралистским.

4.1. Персеанское направление

Особая заслуга в развитии пирсеанского направления принадлежит его основоположнику, профессору Пенсильванского университета Роберта Кевельзон (1931-1998), с позиции которой право рассматривается как сложный и динамичный конгломерат знаковых систем, существующий параллельно с ины-

[1] Философский энциклопедический словарь/ ред.-состав.: Е.Ф. Губский и др. М., 2000.С.408.
[2] Ильин М.В. Существуют ли общие принципы эволюции?// Полис. 2009.№2. С.186-189.
[3] Лотман Ю.М. Люди и знаки //Лотман Ю.М. Семиосфера. СПБ, 2010. С.6.
[4] Демидов А.И. О методологической ситуации в правоведении//Правоведение. 2001. №4. С.20.

ми знаковыми системами. (языком, экономикой, политикой и др.), рождающимися в процессе коммуникации людей и развития различных социальных институтов.

Применяя семиотическую методологию Пирса к исследованию права, Р. Кевельзон исходила не только из знаковой природы и динамичности правовой коммуникации, но из того, что как юридический аргумент, так и весь правовой дискурс функционируют почти универсально и являются прототипами любых других аргументов и диалогического развития мысли[1], которая подчеркивает, что, «подобно тому, как существует не одна идеальная правовая система, а скорее, правовая система как как актуальная сеть конкурирующих и конфликтующих правовых подсистем», так существует и «не один тип правового дискурса, но противоречащие друг другу модели правового рассуждения», которые взаимодействуют и сосуществуют в одном и том же обществе в один и тот же исторический период. Например, «модель дедуктивного правового обоснования преследует отличную цель, нежели модель индуктивного правового обоснования, являющегося основным в процессе принятия судебных решений»[2]. Парадигма семиотики права видится Р. Кевельзон и ее последователями, прежде всего, как применение к анализу речевых актов правового дискурсов целого ряда различных логик: 1) «критической», или формальной логики, анализирующей абдуктивное, дедуктивное и индуктивное рассуждения» 2) деонтической логики; 3) эротетической логики вопросов и ответов[3].

Эротетическая логика особенно значима для анализа процесса принятия юридических решений и иных открытых правовых процедур, «которых вопросительная конструкция и интерпретационный процесс являются наиболее выраженными и прагматический аспект семиотической методологии является наиболее очевидным и полезным»[4]. Н. Ф. Ковкель обращает внимание, что, следуя Пирсу, Р. Кевельзон рассматривала правовую коммуникацию как перевод знаков одного уровня в знаки другого уровня и основную ее проблему определяет как проблему знакового отношения между определенными (на основе норм права или практики) и неопределенными элементами правовой системы. Она использует концепт парадоксальной структуры мышления Пирса, утверждая на его основе неизбежность конфликта между правовыми акторами, и рассматривает право как открытую инновационную систему в которой нет и не может быть одного, изначально заданного типа понимания[5].

4.2. Структуралистическое направление семиотики права

Структуралистическое направление семиотики права, в отличие от пирсеанского, возникло на основе французского структурализма, в связи с чем тесно связано не столько с логикой и анализом правового мышления, сколько с лингвистической и психологией, анализом речевых и психологических смыслопорождающих процессов в правовом дискурсе. По мнению Н.Ф. Ковкель, «парадигма семиотики права, выстраиваемая в рамках структуралистского направления… концентрируется скорее на знаковом анализе правовой коммуникации и особенно интерпретации различных правовых знаков и знаковых систем, нежели на прагматическом исследовании правового рассуждения в различных дискурсивных практиках»[6].

Один из основоположников данной школы, профессор права Ливерпульского университета Бернард Джексон (1985 г. р.) определяет семиотику права как науку, предметом которой должны стать особенности возникновения, трансформации и утраты смыслов в области права[7]. Согласно позиции Джексона, в методологии семиотики права могут использоваться подходы любых наук, специализирующиеся на построении и изменении смысла. Для анализа любого правового текста три уровня значимости: 1) продвинутый, или уровень манифестации, соответствующий первичному восприятию текста; 2) тематический уровень, включающий запас повествований, приобретенных в процессе социализации и используемый для понимания первичного восприятия;3) уровень основных, глубинных структуры означающего который постулируется как универсальный и приобретаются из дискурсивного опыта[8].

5. Семиотика права на постсоветском пространстве

Что касается юриспруденции постсоветского пространства, необходимо отметить, что количество семиотико-правовых исследований крайне незначительно. Первым российским диссертационным исследованиям, посвященным исключительно проблемам семиотики права, была работа А.К. Саркисова «Семиотика права (историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций», в которой автор

[1] Кевельзон Р. Право как система знаков. Нью Йорк, Лондон, 1988. С.4.
[2] Там же.С.10.
[3] Там же.С.6-7.
[4] Там же.С.8.
[5] Ковкель Н.Ф. Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы // Правоведение. 2017.№4. С.42.
[6] Там же.
[7] Бернард Дж. Осмысление права: лингвистические, психологические и семиотические аспекты. Ливерпуль, 1995.С.15-16.
[8] Там же.С.314-316.

семиотику права определяет как категорию общей теории государства и права, проявляющейся на стыке теории права, теории мышления и теории языка, и отражающей типологию правопонимания и уровень правовой культуры данного сообщества.

С позиции автора, на современном этапе общественного развития, который характеризуется масштабными информатизационными процессами, направленными на создание международной информационной сети, фиксирование и передача информации осуществляются при помощи информационных моделей знаковых систем; при исследовании этого процесса в теоретико-правовом аспекте возникает необходимость выявить особенности формирования информационных моделей в сфере правосознания, правотворчества и правоприменения, в первую очередь, в среде современной информационной экономики. Семиотика как наука, изучающая общее в конституировании и функционировании любых знаковых систем, хранящих и передающих информацию, способствует наиболее полному раскрытию правовой информационно-знаковой проблематики и изучению общего правового знакового поля как знаковой системы права того или иного сообщества.

По мнению А.К. Саркисова, категория семиотики права раскрывается через соответствие и взаимосвязь правовых понятий и выражающих их символов, юридических фактов и определяющих их пропозиций; эта категория выводит правовое исследование за пределы текстологического и терминологического уровня на смысловой уровень и иллюстрирует процесс формирования на том или ином уровне правового знакового поля устойчивых групп правовых понятий из первоначальных социально-правовых, нравственно-правовых, религиозно-правовых идей и представлений, неустойчивых в структурном отношении[1]. Однако, следует заметить, что в диссертации данного автора семиотико-правовые проблемы анализируются преимущественно сквозь призму знаков вексельного права, а не как имеющие самостоятельное значение.

В отдельную группу следует выделить труды, в которых рассматриваются особенности правовых символов - наиболее изученных правовых знаков[2]. Наконец, необходимо отметить, что некоторые юридические проблемы анализируются с указанием на знаковую природу права или посредством использования семиотического метода[3]. Это нашло воплощение в диссертации Н. И. Хабибулиной[4]

Думается, к этой группе авторов следует отнести и А. В. Полякова[5]. В частности, ученый определяет правовую коммуникацию как правовое взаимодействие субъектов, которое возникает на основе социальной интерпретации правовых текстов, предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении. Правовая коммуникация по его мнению, опосредуется правовыми текстами. При этом правовой текст ученый рассматривает как систему знаков, интерпретация которых создает определенный правовой смысл, направленный на регулирование поведения субъектов через установление их юридических прав и обязанностей. Правовой текст, согласно представлениям А. В. Полякова, необходимо отличать от правовой нормы: «Правовая норма находится не в тексте, а в психосоциокультурной действительности, бытийствуя как идеально-материальный феномен, она «конституируется не одним правовым текстом, а всей совокупностью текстов данной культуры (интертекстом)»[6].

6. Семиотика права и цифровое право

В последнее время российскими семиотика права рассматривается в связи с проблемами цифрового права[7] , т. е. сферы права, которая включает в себя сразу несколько отраслей права и регулирует отношения, связанные с IT. В российском законодательстве нет отдельных разделов, связанных только с регулированием цифровой среды, и эти нормы рассредоточены по разным законам. В цифровое право входит регулирование отношений в сфере деятельности IT-проектов, публикации информации в сети, блокчейна, обработки персональных данных, больших данных, искусственного интеллекта и других сфе-

[1] Саркисов А.К. Семиотика права (историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций): дис. … канд. юрид. наук. М., 2002.

[2] Никитин А.В. Правовые символы: дис…. канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1999; Шалагинов П.Д. Функции правовых символов: автореф. канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007.

[3] Рахимов Р.А., Хабибулина А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. 2000. № 2. С. 52-59; Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб, 2012. С. 79-87.

[4] Хабибулина Н.И. Политико-правовые проблемы семиотического языка права: дис. … доктор. юрид. наук. СПб, 2012.

[5] Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. СПб, 2014. С. 10-12, 156-166.

[6] Он же. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. … доктора юрид. наук в виде научного доклада. СПб, 2002.С. 9-10.

[7] Ломакин А. Цифровизация права//Жилищное право. 2017.39. С. 103-11; Хабриева Т.Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018.№ 1. С. 85-102; Хабриева Т.Я. Право перед вызовом цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5-16; Хлебников П. Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9. С. 93-101.

рах. Они пересекаются между собой и дополняются другими, и в конечном счёте сфера действия цифрового права расширяется с тем, как цифровизация входит в новые сферы нашей жизни[1]

Так, Т. Я. Хабриева, полагая, что « развитие информационно-коммуникационных технологий придало новый импульс научно- техническому прогрессу и обусловило переход общества к информационной, постиндустриальной (базирующейся на генерации знаний) стадии социально- экономического развития, формируя новую реальность», подчеркивала, что «в этой реальности преломляются действие и образ многих социальных институтов и регуляторов, в том числе и права, которое становится не только средством, инструментом, обеспечивающим внедрение цифровых технологий и их использование в различных сферах общественной жизни-экономике, управлении и других сегментах социально бытия, но и объектом воздействия цифровизации. Изменяются содержание, форма, механизм действия права»[2]. С позиции автора, «цифровизация оказывает заметное воздействие на право не только как на систему общеобязательных правил поведения, установленных государством, но и как на процесс и результат его деятельности, правовой порядок с реальными правоотношениями, действиями субъектов права и видами юридической деятельности. Оно становится важным фактором, обусловливающим динамику права»; «цифровизация влияет прежде всего на сферу правового регулирования. В нее вовлекаются новые общественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо не требовали правового регулирования или объективно не могли быть урегулированы правом»[3].

Ю. А. Гаврилова полагает, что современная правовая реальность в цифровом обществе может обозначаться как «дополненная реальность». В предложенном аспекте дополненная правовая реальность — это особого рода сложная реальность, в которую мы включены, представляющая собой конвергенцию реального (подлинного) бытия права и виртуального, в том числе вымышленного его бытия. В последнем случае имеется в виду, что даже искусственно созданные человеком объекты могут иметь материализованное воплощение, и в этом смысле они могут идентифицироваться как физические или биологические объекты, попадающие в сферу потенциального правового регулирования[4]. Автор подчеркивает, что в период развития цифровых технологий существенно возрастает роль семиотических компонентов смысла права. Строго говоря, знаковый характер права всегда признавался или, по крайней мере, подразумевался учеными в доктринальных исследованиях. В то же время хотелось бы отметить, что прямое внедрение в право идей общей семиотики (в некоторых работах) без учета определенной специфики правовой реальности вряд ли принесет пользу для обновленного понимания смысла права в цифровой среде. Это относится к таким основополагающим для правовой семиотики концептам, как типы знаковых систем, горизонтальная и вертикальная знаковая структура права, связи между базовыми и производными юридическими знаками и т.п.[5].

7. Семиотико-правовые исследования ученых бывших советских республик

Определенное внимание семиотико-правовым исследованиям уделяется учеными государств постсоветского пространства. Так, украинский ученый О. М. Балинская посвятила проблеме семиотики прав свою монографию[6] и докторскую диссертацию на тему «Семиотика права как философско-правовая парадигма»[7], в которых исследуются такие семиотические формы бытия права, как сигнал правовой действительности, семиотический код права, правовой знак.

Следует также отметить попытку эстонского ученого В. Веренича и иных исследователей тартуской школы семиотики сформулировать особую концепцию семиотики права. Опираясь на традиции тартуской школы, В. Веренич в докторском диссертационном исследовании «Семиотические модели правовой аргументации» рассматривает правовую аргументацию через концепт конфликта, который проявляется «как неизбежный продукт семиокультурных процессов внутри правовой системы». Правовая аргументация при этом определяется автором как «напряжение между пониманием и непониманием, а конфликт интерпретаций порождается различие требований правовых акторов»[8]. Определенный интерес вызывает идея В. Веренича сформулировать семиотический подход к праву в контексте постмодернизма, для которого характерно многоярусное представление о праве: «В глазах постмодерниста модернистическая модель права как иерархической пирамиды теряет свою ценность, уступая дорогу сложной, многоуровневой, но далеко не иерархической, модели права, которую, скорей, можно было бы уподобить ячейкам

[1] Цифровое право: что это значит, зачем его нужно знать и где можно изучить //vk.com/wall-193094592_1064 (дата обращения: 31.01.2025).
[2] Хабриева Т.Я. Указ.соч. С. 6.
[3] Там же.С.10.
[4] Гаврилов А.Ю. Проблема смысла права в цифровом обществе //Вестник РУДН. Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3. С .4.
[5] Там же.С. 5.
[6] Балинская О.М. Семиотика права. Львов, 2013.
[7] Она же. Семиотика права как философско-правовая парадигма: дис. .. доктор. юрид. наук. Львов, 2013.
[8] Веренич В. Семиотические модели правовой аргументации: дис. ... доктор. юрид. наук. Тарту, 2014. С.27.

внутри вавилонской башни, внутри которой перемешаны различные стили, стратегии, воззрения, объекты, тексты и далеко не тождественные друг другу прочтения этих текстов»[1].

8. Концепция семиотики права Н. Ф. Ковкель

Представляется, что наиболее предпочтительной концепцией семиотики права, является позиция белорусского ученого Н. Ф. Ковкель, по мнению которой для дальнейшего развития и определенности семиотики права необходимо введение следующих основных концептов: правовой знак, правовая знаковая система, базисный знак правовой знаковой системы, правовая семиосфера и правовой семиозис.

Автор, соглашаясь с определением знака А. Б. Соломоником, согласно которому правовой знак определяется как нечто, что обозначает или кодирует объекты правовой реальности (материальной или идеальной) в целях их описания, нахождения или для обработки и получения новой правовой информации[2], отмечает, что большинство вербальных правовых знаков обозначают не материальные, а идеальные[3].

Ориентируясь на классификацию, предложенному А. Б. Соломиником, который классифицировал знаковые правовые системы по критерию образующих их базисных знаков к таким основным типам, как естественным, образным, языковым, системам записи и кодовым знаковым системах[4], Н. Ф. Ковкель полагает, что указанные типы знаковых систем расположены в той иерархии, в которой они появились в филогенезе человечества и онтогенезе каждого отдельного человека, а также по степени абстрактности их базисного знака. Причем, по мнению автора, данная классификация базисных знаков и основанных на них знаковых систем позволяет исследовать различные типы знаков и знаковых систем, представленные в праве, дополняя первую знаками и знаковыми системами действия, находящимися между образными и языковыми знаковыми системами. Что понимает ученый под правовой знаковой системой и ее базисным знаком? С точки зрения Н. Ф. Ковкель, под правовой знаковой системой следует понимать совокупность правовых знаков, функционирующей в соответствии с правилами, приданными или имманентно присущими данной системе; под базисным знаком правовой знаковой системы-знак, который превалирует в данной системе и обусловливает уровень ее абстракции и знаковых трансформаций[5].

Далее, автор рассуждая о естественных знаках и знаковых системах, утверждает, что функционируют в различных видах правового дискурса, как знаки, выступающие частями (или элементами) тех или иных предметов, явлений, процессов. Исследование этих знаков идет по следующему пути: выделяется какой–либо вид или подвид юридической деятельности и анализируются присущие ему наиболее распространенные естественные знаки (например, в криминалистике широко исследуются самые разнообразные следы).

Образные знаки и их системы представлены в правовой коммуникации самыми разнообразными видами:1) предметные знаки (флаг, форменная одежды, государственные награды и др.); 2) изобразительные знаки (герб, товарный знак, дорожные знаки и др.); 3) звуковые (гимны, марши и др.) и световые (сигналы при регулировании дорожного движения и др.).

Знаки действия и соответствующие знаковые системы широко представлены в праве в виде самых разнообразных процедур и процессов.

Слово и языковые знаковые системы выражены во всех видах правовой речи, а также зафиксированы посредством иероглифических знаков в разнообразных правовых текстах. Правовые языковые системы, базисным знаком которых является слово, и системы их записи представлены в следующих видах правовых текстов и правовой речи: 1) текстах источников права; 2) правореализационных, и прежде всего правоприменительных, правовых текстов; 3) правовой речи правотворческого, правоинтерпретационного и правореализационного процессов (как профессиональной, так обыденной); 4) научных и учебных правовых текстах; 5) научной правовой и правовой речи образовательного процесса. Наконец, даже самые формализованные из знаков и знаковых систем - кодовые системы - могут быть представлены в праве, например, в случаях формализации правовых текстов, т. е. их перевода на язык формальной логики. Как утверждает Н. Ф. Ковкель, «актуальность перевода самых разнообразных правовых текстов на язык логических символов в наш компьютерный век очевидна, поскольку только такой перевод позволяет разрабатывать и эффективно использовать компьютерные технологии как в правотворческом, так и в правоприменительных процессах»[6].

Для развития прагматического анализа особое значение имеют концепты правовой семиосферы и правового семиоза. С позиции Н. Ф. Ковкель, первая определяется как континуум, в котором функционируют правовые знаки и знаковые системы, реализуются правовые коммуникативные процессы и созда-

[1] Он же. Семиотические исследования права в контексте постмодернизма// royallib.com/.../ (дата обращения: 31.01.2025).
[2] Соломоник А.Б. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) /под ред. Г. Крейдлина. Минск, 2004.С.18.
[3] Ковкель Н.Ф. Указ.соч.С.48.
[4] Соломоник А.Б. Указ. соч. С.14.
[5] Ковкель Н.Ф. Указ.соч.С.48-49.
[6] Ковкель Н.Ф. Указ. соч.С.50.

ется правовая информация и которой присущи следующие признаки:1) наличие границы, или отграниченность от внесемиотического или иносемиотического пространства; 2) неравномерность организации (наличие ядерных структур и периферии); 3) несинхронность развития различных участков; 4) дискретность в передаче информации; 5) механизм диалога как основной механизм ее функционирования; 6) пространственная симметрия-ассиметрия в организации. Автором подчеркивается, что «… исследование указанных признаков правовой семиосферы позволит обогатить семиотику права и юриспруденцию в целом новым знанием о структурной организации, функционировании и динамике права как особого континуума знаков и знаковых систем»[1].

Концепт правового семиозиса в самом общем виде может быть определен как деятельность, связанная с созданием и функционированием правовых знаков и знаковых систем. Данным концептом охватываются все виды правовой деятельности: от правотворческой до правореализационной. При этом их анализ должен исходить из особой семиотической модели правовой коммуникации, элементами которой являются: 1) адресант (отправитель) правового знака; 2) адресат (получатель) правового знака; 3) правовой знак (совокупность правовых знаков); 4) коды (языки) адресанта и адресата; 5) контексты, в которых создается и интерпретируется правовой знак (совокупность правовых знаков); 6) коммуникативный канал; 7) тематическое поле; 8) коммуникативная компетенция адресанта и адресата[2].

9. Заключение

В заключение отметим, что современное правоведение при проведении исследований в правовой сфере должно использовать как традиционные методы: общефилософский (диалектико-материалистический), общенаучные (индукция и дедукция, анализ и синтез и др.), специальные (методы конкретно-социологических исследований, кибернетический и др.), частно-научные (формально-юридический, методы толкования, сравнительно-правовой и др.), так и нетрадиционные методы: герменевтический, синергетический и др.), в том числе метод семиотики. Только при этом условии юридическая наука будет развиваться, находя новые аспекты права и других правовых явлений.

Справедливости ради, заметим, что далеко не все ученые оптимистически оценивают потенциал нетрадиционных методов познания права. Например, И. Л. Честнов, назвав свою монографию «Правопонимание в эпоху постмодерна», проанализировав в ней феноменологию герменевтику, синергетику и т. д., пришёл к выводу, что эти подходы к праву как самостоятельные ещё не состоялись»[3]. В.Н. Жуков полагает, что «…натужнымы, придуманными выглядят концепции, построенные на основе феноменологии и экзистенциализма»[4].

В этой связи И.Ю.Козлихин совершенно обоснованно замечает, что последнее десятилетие характеризуется поиском новой парадигмы. Все чаще пытаются ее найти вне права, привлечь к изучению права знания, выработанные в лоне других наук. Наиболее ярко это проявляется в общей теории права. Ученый справедливо полагает, что «такого рода попытки должны приветствоваться, но только в том случае, если они углубляют наше знание о праве, а не о предмете тех наук, к которым мы обращаемся»[5].

[1]Там же. С.52.
[2] Она же. Проблемы легитимации права в контексте семиотического анализа // Признание права и принцип формального равенства / отв. ред. В.В. Денисенко. М.. 2015. С.216-232.
[3] Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб,2002. С.272.
[4] Жуков В.Н. Философия права. М., 2019.С.37.С.37.
[5] Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву//Правоведение. 2006.№1. С.31.

Лановая Галина Михайловна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Lanovaya Galina M.

Doctor of juridical sciences, Professor, Professor of the Theory of State and Law Department Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federationnamed after V.Ya. Kikot'

E-mail: lanovaya-galina@mail.ru

Зуева Юлия Владимировна

кандидат юридических наук, адвокат Нижегородской коллегии адвокатов

Zueva Yulia Vladimirovna

Candidate of Law, Lawyer of the Nizhny Novgorod Bar Association

E-mail: zuevajulia2009@yandex.ru

Символы правосудия в современной российской культуре

Symbols of justice in modern Russian culture

Аннотация. В статье рассматриваются символы правосудия, значимые как для культуры юридической, соотносимой с социальной группой, представители которой профессионально занимаются научным познанием, созданием и реализацией юридических норм, так и для культуры обыденной, профанной.

Рассматривая символы правосудия через призму того контекста, в котором они используются, авторы устанавливают, что ни в юридической, ни в обыденной культуре они не выражают непосредственно того, что составляет природу правосудия. Многие символы, маркируемые в научной литературе в качестве символов правосудия, часто используются для репрезентации самых разных образов и смыслов, в том числе таких, которые связаны с правосудием лишь косвенным образом. Между юридической и обыденной культурой существуют значимые различия с точки зрения того, какие именно образы, помимо самого правосудия, воспроизводятся при помощи рассматриваемых символов, с какими идеями эти символы оказываются связанными и какую коннотацию они приобретают.

Ключевые слова: юридически значимые символы, символы правосудия, юридическая культура, значение символов правосудия, коннотация символов правосудия

Annotation. The article examines the symbols of justice, which are significant both for the legal culture, correlated with a social group whose representatives are professionally engaged in scientific knowledge, creation and implementation of legal norms, and for the ordinary, profane culture.

Considering the symbols of justice through the prism of the context in which they are used, the authors establish that neither in legal nor in everyday culture they do not directly express what constitutes the nature of justice. Many symbols labeled in the scientific literature as symbols of justice are often used to represent a wide variety of images and meanings, including those that are only indirectly related to justice. There are significant differences between legal and everyday culture in terms of which images, in addition to justice itself, are reproduced using the symbols in question, what ideas these symbols are associated with, and what connotation they acquire.

Keywords: legally significant symbols, symbols of justice, legal culture, meaning of symbols of justice, connotation of symbols of justice

Для цитирования: Лановая Г.М., Зуева Ю.В. Символы правосудия в современной российской культуре // Юридическая техника. – 2026 – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 141–146.

Исторически сложилось так, что в России нет ни одного другого вида правозначимой деятельности, с которым было бы связано такое большое количество символов, как с правосудием. При этом, несмотря на наличие работ, посвященных таким символам, у научной общественности сохраняется устойчивый интерес к ним. Очевидно, что символы правосудия могут и должны рассматриваться не только в их связи с осуществлением судебной власти, судопроизводством, судебной практикой, но и в качестве неотъемлемого компонента российской культуры. При этом речь идет не только о культуре юридической как специализированной, соотносимой с социальной группой, представители которой профессионально занимаются научным познанием, созданием и реализацией юридических норм, но и о культуре обыденной, профанной. Подтверждением тому служит и довольно частое обращение к символам правосудия в литературе и искусстве, и их использование в масс-медиа, в том числе в качестве средств репрезентации повседневности, и обращение к ним для эффективного продвижения продуктов, услуг, идей и брендов в отечественной рекламе. Отдельно следует отметить существование в русском языке целого ряда отсылающих к символам правосудия «крылатых выражений»[1]. Общеизвестными являются фразеологизмы «весы правосудия», «жрецы Фемиды», «храм Фемиды», «говорить языком Фемиды», «в руках Фемиды», фразеологические словари также фиксируют существование устаревших оборотов речи «пред алтарем Фемиды», «покривить весы правосудия».

В современной **юридической культуре** правосудие неразрывно связано с такими символами, которые традиционно именуются правовыми. Правовыми символами принято считать либо исключительно символы, установленные или санкционированные действующим законодательством (правовые символы «в узком смысле»), либо любые символы, являющиеся частью правовой культуры общества (правовые символы «в широком смысле»)[2].

Если руководствоваться буквой закона, то символы правосудия «в узком смысле» в современной российской юридической культуре отсутствуют. Что касается символов правосудия «в широком смысле», то к ним чаще всего относят: 1) символы, которые законодательно закрепляются в качестве символов судебной власти (Государственный флаг Российской Федерации, Государственный герб Российской Федерации, мантия, удостоверение судьи)[3]; 2) богиню правосудия (Фемиду/Юстицию)[4], а также предметы, которые устойчиво ассоциируется у юристов с правосудием и судебной властью (весы, меч, молоток, щит)[5]; 3) имеющие символический смысл тексты, специальные процедуры, а также действия суда, выраженные в особой символической форме[6]. Если рассматривать перечисленные символы и тот контекст, в котором они используются, именно через призму юридической культуры, то обнаруживаются интересные закономерности.

Во-первых, отдельные образы, исторически ассоциировавшиеся в российской культуре с правосудием (например, отличительные нагрудные знаки и нагрудные цепи), в современной юридической культуре значение символов правосудия утрачивают.

Во-вторых, многое из того, что в современной юридической культуре принято считать символами правосудия, в реальности к числу таких символов как раз не относится. Символ – это абстрактный образ с переносным значением, знак, несущий вполне определенную информацию о том, что он собой замещает. Символ всегда является условным обозначением, которое не только используется, чтобы передать сообщение об объекте, но и отсылает к объекту. При этом предполагается, что «зачастую символ оказывается более эффективным средством сообщения, чем понятие, он быстрее достигает цели в силу своей связи с эмоциональными переживаниями человека»[7].

---

[1] Использование опыта, зафиксированного в «крылатых выражениях», характерно для обыденной практики оценки различных жизненных ситуаций и является элементом развития духовной культуры (см.: Сидоров, А. И. Юридические пословицы и поговорки в правовой практике русского народа / А. И. Сидоров // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 3(24). – С. 193).

[2] См.: Давыдова, М. Л. Классификация правовых символов / М. Л. Давыдова // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 4. – С. 4.

[3] См.: Акимова, М. А. Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации / М. А. Акимова, Н. В. Тюменева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 431; Бережной, С. А. Символы правосудия: от античности до современности / С. А. Бережной, Д. А. Булгаков, Л. А. Крыжская, П. П. Васильев; под ред. Ю. В. Глазова. – Белгород : Белгородская областная типография, 2012. – С. 92–115; Шарно, О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шарно Оксана Игоревна. – Волгоград, 2014. – С. 115 и др.

[4] Здесь и далее будем исходить из того, что, с одной стороны, в ассоциирующемся с правосудием образе женщины с весами, мечом и повязкой на глазах смешались черты древнегреческой Фемиды и римской Юстиции, с другой стороны, исторически сложилась традиция именовать ее Фемидой.

[5] См.: Акимова, М. А. Указ. соч. – С. 430–431; Бережной, С. А. Указ. соч. – С. 10–36, 126–129; Шарно, О. И. Указ. соч. – С. 96 и др.

[6] См.: Акимова, М. А. Указ. соч. – С. 432; Гольдин, Г. Г. Этическое прочтение символов правосудия / Г. Г. Гольдин, Л. О. Терновая // Форум политических и деловых коммуникаций : Альманах. – Москва : Этносоциум и межнациональная культура, 2014. – С. 18; Шарно, О. И. Указ. соч. – С. 134, 143–145 и др.

[7] Бережной, С. А. Указ. соч. – С. 7.

Таким образом, о существовании символа можно вести речь только тогда, когда, видя его, субъект сразу понимает, условным образом чего он является.

С учетом изложенного вряд ли можно утверждать, что, например, Государственный флаг или Государственный герб – это символы правосудия. Изначально и Государственный флаг, и Государственный герб представляют собой образы государства и государственной власти, и с этой точки зрения даже на законодательном уровне более точным является их именование не «символами судебной власти»[1], а «символами государственной власти в судах»[2].

П. 1 ст. 21 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[3] предписывает установление Государственного флага на здании суда и размещение изображений Государственного герба и Государственного флага в зале судебных заседаний. Вместе с тем изображения Государственного герба и Государственного флага используются в оформлении зданий, помещений, официальных сайтов и страниц в социальных сетях не только судебных органов, но и других органов государственной власти. При этом символизируют они не правосудие, а осуществляемую именем государства власть. Информации о том, о какой именно власти идет речь (судебной, законодательной или исполнительной), рассматриваемые символы в себе не несут.

Изображение Государственного флага или Государственного герба на обложке книги не воспринимается в качестве маркера того, что она посвящена именно правосудию, и опять же в силу того, что названные символы ассоциируются с властью и с Российской Федерацией как государством, а не с осуществляемой судами деятельностью.

В-третьих, символы правосудия отождествляются с символами судебной власти или, по крайней мере, не отличаются от них. Этот феномен представляется любопытным с учетом того, что понятия «судебная власть» и «правосудие» разграничиваются и в действующем законодательстве, и в научной литературе. Более того, зачастую символы правосудия используются в качестве символов юридической или управленческой деятельности вообще, несмотря на то, что из свойств, неотъемлемо присущих правосудию, для названных видов деятельности атрибутивными являются лишь властность и подзаконный характер.

Символизирующие правосудие образы часто используются в оформлении научной и учебной литературы, посвященной как судебной власти, суду, судопроизводству[4], так и различным видам не связанной с осуществлением правосудия юридически значимой деятельности[5], кроме того, в оформлении учебной литературы по теории государства и права, правоведению и отраслевым юридическим дисциплинам[6].

Меч можно увидеть на эмблемах и знаках государственных органов, деятельность которых не связана с отправлением правосудия и осуществлением судебной власти. Например, изображение меча присутствует в геральдических знаках – эмблемах Федеральной службы исполнения наказания[7], Службы внешней разведки Российской Федерации[8], Федеральной службы охраны Российской Федерации[1].

---

[1] См.: ст. 21 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – № 170; ст. 114 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. – 1994. – № 138-139; ст. 51 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Российская газета. – 1995. – № 93.

[2] См.: ст. 34 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета – 1997. – № 3; ст. 40 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета – 2011. – № 29; ст. 11 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О мировых судьях в Российской Федерации» // Российская газета – 1998. – № 242.

[3] Российская газета. – 1992. – № 170.

[4] См.: Бабаев, М. М. Уголовная политика и судебная власть : учебное пособие / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва: РГУП, 2020; Суд и государство / [Беше-Головко Карин, Головко Леонид Витальевич, Дюбрёй Шарль-Андре и др.] ; под редакцией Л. В. Головко, Б. Матьё. – Москва : Статут, 2018; Фетищев, Д. В. Судебная власть в механизме государства / Д. В. Фетищев. – Москва : Научная книга, 2007 и др.

[5] См.: Адвокатура и адвокатская деятельность : учебник для бакалавриата и специалитета : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям / [Волков В. Д., Клишин А. А., Казимирчук А. А. и др.] ; под редакцией А. А. Клишина, А. А. Шугаева. – Москва : Юрайт, 2020; Алексеев, С. В. Футбольное право: теоретические основы : монография / С. В. Алексеев. – Москва : Пробел-2000, 2020; Панченко, П. Н. Уголовная политика, как политика решающего наступления на преступность : монография / П.Н. Панченко. – Москва : РУСАЙНС, 2024 и др.

[6] См.: Евтушенко, И. В. Правоведение с основами семейного права и прав инвалидов : учебник / И. В. Евтушенко, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулла. – Москва : Прометей, 2017; Рыбаков, О. Ю. Теория государства и права. Вопросы и ответы / О. Ю. Рыбаков. – Москва : Прометей, 2017; Трудовое право: учебник / [К. К. Гасанов, Н. Д. Эриашвили, Р. М. Ахмедов и др.] ; под редакцией К. К. Гасанова, Ф. Г. Мышко. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ, 2019 и др.

[7] См.: Указ Президента РФ от 02.12.2005 № 1396 (ред. от 24.02.2022) «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федеральной службы исполнения наказаний» (вместе с «Положением о геральдическом знаке – эмблеме и флаге Федеральной службы исполнения наказаний») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 49. – Ст. 5204.

[8] См.: Указ Президента РФ от 31.10.2009 № 1233 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы, флага и знамени Службы внешней разведки Российской Федерации» (вместе с «Положением о геральдическом знаке – эмблеме и

Оно также используется в рисунке нарукавного знака сотрудников, обеспечивающих антитеррористическую защищенность и безопасность объектов подразделений центрального аппарата МВД России[2].

Весы присутствуют на геральдическом знаке-эмблеме и флаге Федерального казначейства[3], а молоток – на геральдическом знаке-эмблеме и флаге Федерального агентства по управлению государственным имуществом[4].

Слово «Фемида» довольно часто используется в названиях компаний, оказывающих юридические услуги различного рода, а изображения Фемиды и других символов правосудия – в оформлении официальных сайтов таких компаний.

Принесение в торжественной обстановке присяги не является процедурой, характерной исключительно для судебной сферы. Так, ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5] устанавливает, что сотрудник, впервые поступивший на службу в органы внутренних дел, приводится к Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Ст. 13 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[6] фиксирует тот факт, что принесение присяги является условием получения статуса адвоката.

Не имеет в современной юридической культуре однозначной смысловой связи исключительно с осуществлением правосудия и ношение мантии. В этом плане показательным является то, что в 2022 году юридическое сообщество всерьез обсуждало вопрос о возможности и целесообразности предоставления адвокатам права участвовать в судебных процессах в мантиях[7].

В-четвертых, отсутствие однозначной смысловой связи образов, традиционно воспринимаемых в качестве символов правосудия, с самим правосудием обусловливает то, что не все символы являются в равной степени востребованными. Чем более очевидной является указанная связь, тем более востребованным оказывается символ. Например, если обратиться к тем изображениям, которые используются в оформлении посвященной правосудию научной и учебной литературы, то обнаружится, что самый популярный символ правосудия – это изображение богини правосудия[8]. Изображение весов отдельно от других символов правосудия используется реже[9], а изображения меча, щита и молотка почти не встречаются.

В-пятых, примечательным является тот факт, что коннотация символов правосудия всегда остается положительной вне зависимости от того, как именно они изображаются. Например, не всегда использу-

флаге Службы внешней разведки Российской Федерации», «Положением о знамени Службы внешней разведки Российской Федерации») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 45. – Ст. 5319.

[1] См.: Указ Президента РФ от 05.11.1998 № 1329 «Об учреждении военного геральдического знака – эмблемы Федеральной службы охраны Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 47. – Ст. 5740.

[2] См.: Приложение к Правилам ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия, утв. Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 17.11.2020 № 777 «Об утверждении Правил ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия» (ред. от 23.09.2024) // Режим доступа: https://mvd.consultant.ru/documents/1057252?items=100 (дата обращения: 20.09.2025).

[3] См.: Приказ Минфина России от 10.05.2023 № 66н «Об учреждении геральдического знака-эмблемы и флага Федерального казначейства» (вместе с «Положением о геральдическом знаке – эмблеме и флаге Федерального казначейства») // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 08.06.2023 (дата обращения: 20.09.2025).

[4] См.: Приказ Минэкономразвития России от 13.02.2015 № 61 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федерального агентства по управлению государственным имуществом» (вместе с «Положением о геральдическом знаке – эмблеме и флаге Федерального агентства по управлению государственным имуществом») // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 05.03.2015 (дата обращения: 20.09.2025).

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7020.

[6] Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

[7] См.: Мантия для адвоката: зачем ее вводят в современной России // Новые известия. – 2022. – 26 ноября // Режим доступа: https://newizv.ru/news/2022-11-26/mantiya-dlya-advokata-zachem-ee-vvodyat-v-sovremennoy-rossii-369418?ysclid=mfrrga0rp8550364133 (дата обращения: 20.09.2025); В судах адвокаты наденут мантии // Независимая газета. – 2022. – 15 ноября // Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2022-11-15/3_8590_lawyers.html?ysclid=mfrrp976yf440020350 (дата обращения: 20.09.2025).

[8] См.: Дорошков, В. В. Состояние современного правосудия : монография / В. В. Дорошков. – Москва : МГИМО-Пресс, 2016; Ланг, П. П. Экзистенция правосудия : монография / П. П. Ланг. – Москва: Проспект, 2025; Фурсов, Д. А. Теория правосудия: в 3-х т. Т. 1 : Теория и практика организации правосудия / Д. А. Фурсов, И. В. Харламова. – Москва: Статут, 2009; Ярославцев, В. Г. Нравственное правосудие и судейское правотворчество. – Москва: Юстицинформ, 2007; Мурадьян, Э. М. Гражданское правосудие и его итог : монография. – Москва: Изд-во МГУ, 2013; Панкова, О. В. Теоретические основы правосудия по делам об административных правонарушениях / О. В. Панкова. – Москва : Статут, 2020 и др.

[9] См.: Аргунов, А. В. Пространство правосудия / А. В. Аргунов. – Москва : Городец, 2021; Бережной, С. А. Указ. соч.; Панкова, О. В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : монография / О. В. Панкова. – Москва : Статут, 2023 и др.

ется именно «канонический» образ Фемиды с завязанными глазами, мечом и весами, находящимися в состоянии равновесия, однако вне зависимости от того, как именно изображается богиня правосудия, коннотация символа не меняется.

В-шестых, в существующем политико-правовом пространстве наиболее значимыми оказываются не те символы, которые являются наиболее популярными, а те, которые акцентируют внимание на властном характере правосудия, олицетворяют его с осуществлением государственной власти. Прежде всего речь идет об имеющих символический смысл текстах, специальных процедурах. Не менее значимы для официального политико-правового пространства причисляемые к символам правосудия Государственный флаг и Государственный герб, которые являются символами государственной власти в судах. Они часто используются в оформлении не только зданий судов и залов судебных заседаний, но и официальных сайтов судебных органов.

Любой символ всегда имеет два слоя: «первичный» слой символа – образ самого объекта, «вторичный» – мысленно сопрягаемая с данным объектом идея. Анализ того, как воспринимаются и как используются символы правосудия, характерные для современной юридической культуры, свидетельствует о следующем.

На первичном уровне образы правосудия в современной юридической культуре – это образы судебной власти. При этом, однако, не обнаруживается четкой границы между символами правосудия и символами, служащими эстетической формой выражения других образов, связанных с осуществлением юридической деятельности.

На вторичном уровне образы правосудия в юридической культуре связаны с широким спектром идей, иногда с самим правосудием напрямую не связанных. Само правосудие в идее предстает такой деятельностью государственных органов по рассмотрению и разрешению юридических дел, которая осуществляется в специальном процессуальном порядке, предусмотренном законом.

В силу неразрывной связи различных пластов культуры и с учетом того, что правосудие – правовой феномен, в идее символами правосудия **в обыденной культуре** должны выступать символы, приобретающие наибольшую популярность в юридической культуре. Однако эта закономерность прослеживается лишь отчасти.

Отражением типичных представлений о правосудии в обыденной культуре служит характер рисунков, отфильтровываемых в банках изображений по запросу «правосудие», а также используемых в современном веб-дизайне для обозначения правосудия графических символов. Чаще других в качестве символов правосудия используются изображения богини правосудия (фигура полностью или голова с завязанными глазами), весов и молотка. Вместе с тем названные символы часто используются в сочетании с другими символами (книгой, экраном компьютера, рукой или руками). Символом правосудия также служит судья.

Примечательным фактом является гораздо более частное, чем в юридической культуре, использование в качестве символа правосудия молотка. Вероятно, он свидетельствует о том, что на формирование образов, символизирующих правосудие, ощутимое влияние оказала западная массовая культура.

«Для российского правосудия судейский молоток является в большей части мифологическим символом, поскольку он не использовался судьями и не был закреплен в нормативной базе как официальный символ правосудия»[1]. В то же время данный образ в качестве символа правосудия довольно часто воспроизводится в произведениях западной – прежде всего американской – культуры, оказавшей в конце XX – начале XXI века огромное влияние на российскую массовую культуру. Вероятно, по той же причине – в силу значимости для западной культуры, оказавшей влияние на российскую массовую культуру, – символом правосудия в современной обыденной культуре иногда становится парик.

Электронные СМИ и сообщества в популярных социальных сетях, включающие в свои названия слово «правосудие» (но при этом не являющиеся сообществами юристов или страницами фирм, оказывающих юридические услуги), в качестве символов правосудия чаще всего используют изображения богини правосудия и весов. Те же символы, а также изображения фигуры судьи (судей) и молотка в большинстве случаев используются в оформлении художественной и научно-популярной литературы, если в названии книги присутствует слово «правосудие». Перечисленные символы также служат для визуального представления правосудия в публикациях в средствах массовой информации. Весы, молоток, судья, как правило, предстают символами правосудия в телеимитациях судебных процессов и посвященных осуществлению правосудия телерепортажах.

В качестве символов правосудия также используются – значительно реже и, по большей мере, в дополнение к основным символам – изображения книги, ионической колонны (вероятно, выступающей олицетворением «столпа закона»), руки, совсем редко – изображения совы, парика.

Кроме того, парадоксальным образом правосудие связывается с символами, которые в юридической культуре воспринимаются в качестве символов борьбы с преступностью и правоохранительной деятельности – такими как, например, сотрудник полиции или иного правоохранительного органа, огнестрельное оружие, наручники, тюремная решетка. Таким образом, как и в юридической культуре, симво-

[1] Бережной, С. А. Указ. соч. – С. 126.

лы правосудия служат эстетической формой выражения образов, напрямую не всегда связанных с осуществлением правосудия. Однако если в юридической культуре символы правосудия используются в качестве символов юридической деятельности, то в обыденной культуре они соотносятся с образами правоохранительной деятельности, справедливого воздаяния правонарушителю за совершенное им преступление.

Как и в юридической культуре, в обыденной культуре любой символ всегда имеет два слоя: «первичный» – образ самого объекта, «вторичный» – мысленно сопрягаемая с данным объектом идея.

Анализ контекста, в котором используются изображения символов правосудия во внеюридической – повседневной, обыденной – практике, свидетельствует о том, что правосудие связывается прежде всего не с осуществлением судебной власти, а с преследованием лица, нарушившего закон, с уголовным процессом. Следствием этого и оказывается восприятие в качестве символов правосудия того, что в юридической культуре устойчиво связывается не с правосудием, а с правом, законом, ответственностью, правозащитой, правоохраной.

Показателен следующий пример. Опубликованная 22 сентября 2025 года на сайте «Независимой газеты» статья Е. Трифоновой «Правосудие работает в режиме системного сбоя» посвящена проблемам игнорирования конституционных и законодательных гарантий прав граждан в уголовном процессе, недопуска защитников в помещения, где проводятся следственные действия (в частности, такие как осмотр места происшествия и обыск), воспрепятствования реализации нормы закона, согласно которой защита может осуществляться всеми не запрещенными законом средствами и способами[1]. Символами, используемыми для визуального представления «правосудия», в данной статье вполне объяснимо оказываются сотрудник Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

На уровне «вторичного» смыслового слоя в обыденной культуре символы правосудия несут в себе информацию прежде всего не о имманентно присущих данному виду деятельности свойствах, а об оценочном отношении к нему. В этом плане примечательны два факта.

Во-первых, достаточно частым оказывается использование образов, связь которых с российским правосудием неочевидна и носит скорее эмоциональный, чем рациональный характер. При этом в силу того значения, которое обнаруживает первый смысловой слой символов правосудия в обыденной культуре, на эмоциональное восприятие того, что понимает под правосудием юридическое сообщество, влияет не только деятельность российских судов, но и в целом параметры и результаты функционирования правоохранительной системы современного Российского государства.

Во-вторых, если контекст, в который включены символы правосудия, придает им нейтральную или положительную коннотацию, то характерные для юридической культуры символы правосудия изображаются в соответствии с исторически сложившимися канонами. Однако если популярные в современной юридической культуре символы правосудия приобретают в обыденной культуре негативную коннотацию, то это находит отражение в визуальном представлении символа. В этом плане показательно, что если в юридической культуре попытки сознательно «лишить» Фемиду привычных атрибутов связаны со стремлением «наделить» ее дополнительными позитивными качествами, то в обыденной культуре образ Фемиды, лишенной привычных атрибутов, весы, находящиеся в разбалансированном состоянии – это карикатурные образы, призванные акцентировать внимание на негативном отношении к правосудию.

В-третьих, если в том контексте, в который включены символы правосудия, они имеют положительную коннотацию, то наряду с символами, характерными для юридической культуры, в обыденной культуре используются образы, ассоциирующиеся не с правосудием как таковым, а с теми идеалистическими представлениями о нем, воплощение которых в реальной судебной практике придает ему ценностную значимость. Таким образом, символами правосудия становится то, что ассоциируется с мудростью, знаниями, помощью, защитой, прогрессом. Это, например, книга – символ знания, закона, в сочетании с изображениями других предметов, связанных с правом и правовой практикой, – символ верховенства писанного права; рука – символ покровительства, помощи, защиты; экран компьютера – символ прогресса и современности.

Итак, и в юридической, и в обыденной культуре символы правосудия являются множественным и разнообразными. При этом и в первой, и во второй они не выражают непосредственно того, что составляет природу правосудия.

В современной российской культуре символы правосудия в юридическом и обыденного сознании сопряжены с принципиально разными, весьма далекими друг от друга идеями. При этом смысл, в них вкладываемый, не совпадает не только на глубинном уровне, но и непосредственно на уровне образов, которые они выражают.

[1] См.: Трифонова, Е. Правосудие работает в режиме системного сбоя // Независимая газета. – 2025. – 22 сентября // Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2025-09-22/1_9343_justice.html (дата обращения: 23.09.2025).

Мацкевич Игорь Михайлович

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры, Ректор Университета прокуратуры Российской Федерации

Matskevich Igor Mikhailovich

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of the Prosecutor's Office, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

E-mail: mackevich2004@mail.ru

Исторические символы и их современное значение

Historical symbols and their modern meaning

Аннотация. Статья посвящена анализу правового статуса исторических символов в современной России. На примере Знамени Победы, Георгиевской ленты и Дня Победы рассматривается эволюция их восприятия от фактических символов народной памяти к объектам специальной законодательной охраны. Показано, что закрепление статуса Знамени Победы и Георгиевской ленты в федеральных законах направлено не только на сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, но и на противодействие возрождению нацистских и иных радикальных идеологий, разжиганию ненависти и розни. Особое внимание уделено развитию института исторических символов на региональном уровне: анализируются положения Уставов Санкт-Петербурга, Москвы, Саратовской области, а также преамбул конституций ряда республик Российской Федерации, фиксирующие уникальные для каждого субъекта образы, события и ценности. Обосновывается вывод о том, что исторические символы, будучи закреплёнными в основополагающих нормативных правовых актах, формируют культурно-символическое и конституционно-ценностное пространство как Российской Федерации в целом, так и её субъектов, выступая элементами конституционной идентичности и инструментом защиты результатов Великой Отечественной и Второй мировой войн от искажения.

Ключевые слова: исторические символы, Знамя Победы, Георгиевская лента, День Победы, Великая Отечественная война, историческая память, правовая охрана, конституционная идентичность, конституционные ценности, Устав субъекта Российской Федерации, региональное законодательство

Annotation. The article analyzes the legal status of historical symbols in contemporary Russia. Using the Victory Banner, the St. George Ribbon and Victory Day as examples, it examines the evolution of their perception from de facto symbols of popular memory to objects of special legislative protection. It is shown that the consolidation of the status of the Victory Banner and the St. George Ribbon in federal laws is aimed not only at preserving the historical memory of the Great Patriotic War, but also at countering the revival of Nazi and other radical ideologies and the incitement of hatred and enmity. Special attention is paid to the development of the institution of historical symbols at the regional level: the article analyzes the provisions of the Charters of Saint Petersburg, Moscow and the Saratov Region, as well as the preambles of the constitutions of a number of republics of the Russian Federation, which enshrine images, events and values unique to each constituent entity. The article substantiates the conclusion that historical symbols, when enshrined in fundamental normative legal acts, shape the cultural-symbolic and constitutional-value space of the Russian Federation as a whole and of its regions, acting as elements of constitutional identity and as an instrument for protecting the results of the Great Patriotic War and the Second World War from distortion.

Keywords: historical symbols, Victory Banner, St. George Ribbon, Victory Day, Great Patriotic War, historical memory, legal protection, constitutional identity, constitutional values, charter of a constituent entity of the Russian Federation, regional legislation

Для цитирования: Мацкевич И.М. Исторические символы и их современное значение // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 147–149.

Одним из наиболее известных исторических символов современной России является «Знамя Победы». В год 80-летия Великой Победы над фашисткой Германией (Великая Победа) об этом символе следует напомнить в очередной раз. Примечательно, что в течение долгого времени штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии, водруженный 1 мая 1945 года на здании рейхстага в городе Берлине, не имел никакого официального статуса, хотя несомненно всегда был историческим символом. Только в 2007 году был принят Федеральный закон «О знамени Победы».

При этом еще в 1995 году был принят Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (Закон о Победе), но только в 2022 году, т.е. спустя17 лет, Федеральный законом № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в него были внесены изменения, в результате чего часть 2 ст. 1 Закона о Победе была дополнена закреплением правового статуса еще одного исторического символа – Георгиевской ленты.

В статье 1 ФЗ «О знамени Победы» говорится, что Знаменем Победы является штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии, который был водружен 1 мая 1945 года на здании рейхстага в городе Берлине. (Как известно, Знамя Победы было поднято над Рейхстагом после третьего по счету штурма батальона, которым командовал капитан Степан Неустроев. Приказ о водружении знамени отдавал непосредственно полковник дивизии Федор Матвеевич Зинченко. Выполнение приказа обеспечивал лейтенант Алексей Берест вместе с ротой автоматчиков, которыми командовал Илья Сьянов. Знамя Победы на крышу Рейхстага доставили Егор Кантария и Михаил Егоров. Первоначально знамя прикрепили ремнями к конной скульптуре Вильгельма. На следующий день 2 мая после фактической капитуляции Берлина Знамя Победы было перенесено на купол Рейхстага. Знамя Победы является официальным символом победы советского народа и его Вооруженных Сил над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и соответственно государственной реликвией России[1].

Со Знаменем Победы непосредственно связан другой исторический символ России – собственно День Победы. Праздник День Победы закреплен в Федеральном законе от 19 мая 1995 года «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», отмечается 9 мая и является всенародным праздником. В законе закреплено, что День Победы – это нерабочий день и ежегодно отмечается военным парадом и артиллерийским салютом. При этом военные парады, как определено в законе, проводятся с привлечением вооружения и военной техники, с использованием копий официального символа Победы советского народа в Великой Отечественной войне – Знамени Победы и еще одного символа воинской славы России, о котором также говорилось – Георгиевкой ленты. Военные парады проводятся в столице России – городе Москве, городах-героях, а также в городах, где дислоцированы штабы военных округов, флотов, общевойсковых армий и Каспийской флотилии.[2]

Придание официальных статусов историческим символам важно не только для сохранения исторической памяти, но в еще больше степени важно для борьбы с возродившимися наиболее опасными радикальными нацистскими, фашистскими политическими партиями, а также другими радикальными организациями, деятельность которых направлена на разжигание ненависти и розни. Правовая охрана исторических символов Великой Победы поэтому должна обеспечиваться всеми доступными средствами в рамках закона, как в России, так и во всем мире.

Таким образом, законодательное закрепление исторических символов позволяет обеспечивать защиту исторической памяти, служит напоминанием всем, кто пытается исказить итоги Великой Отечественной и Второй мировой войн, в том числе, о юридической ответственности за это.

Развитием исторических символов в России является стремление регионов страны (субъектов Российской Федерации) закрепить в своих основных нормативных правовых актах символы и ценности, подчеркивающие неповторимость региона, его особый исторический путь, отличительные в значительной степени уникальные характеристики, подчеркивающие их своеобразие по отношении к другим регионам и субъектам страны. Придавая тем или иным историческим событиям конституционно-правовое значение, законодатель на региональном уровне, на уровне того или иного субъекта стремится закрепить их в качестве элементов конституционной идентичности региона (субъекта) и тем самым подчеркнуть историческую обусловленность и преемственность текущего статуса конкретного субъекта Российской Федерации.

Например, в Уставе Санкт-Петербурга (принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 января 1998 года) в статье 7 перечислены знаменитые исторические символы города: Медный всадник, кораблик на шпиле Адмиралтейства, ангел на шпиле Петропавловского собора Петропавловской крепости. В статье 8 Устава в качестве исторического символа закреплен полуденный выстрел сигнального орудия с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости, который назван «Петербургской традицией».

[1]Федеральный закон от 07.05.2007 N 68-ФЗ «О Знамени Победы»//Собрание законодательства РФ, 14.05.2007, N 20, ст. 2369.

[2]Федеральный закон от 19.05.1995 N 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов»//Собрание законодательства РФ, 22.05.1995, N 21, ст. 1928.

Кроме этого, в статье 8 Устава говорится о сохранении культурного наследия и исторической памяти о жертвах революций, Гражданской и Великой Отечественной войн, политических репрессий и подвиге ленинградцев во время жестокой и бесчеловечной блокады города германскими нацистами и их финскими союзниками.

Очень важно отметить, что историческими символами являются трагические события Гражданской войны, когда с обеих сторон (красных и белых) гибли сотни тысяч людей, как непосредственно участвующих в противоборстве по идеологическим соображениям, так в еще большей степени погибших в братоубийственной войне в силу обстоятельств: принудительная мобилизация, стремление обеспечить себя пропитанием и одеждой, ответственность за женщин и детей. Не менее важно, что историческим символом названы политические репрессии, отрицать которые бессмысленно, и забывать о которых небезопасно.

Авторы конституционного правового подхода полагают, что рассматриваемые исторические символы с юридической точки зрения и в соответствии с положениями Устава Санкт-Петербурга (основного закона города) конституируют культурно-символическое пространство Санкт-Петербурга, наполняя его конституционно-ценностным содержанием, а «память о жертвах революций, гражданской и Великой Отечественной войн, политических репрессий и блокады, о подвиге города-героя Ленинграда» является конституционной ценностью[1] .

В другом случае, преамбулу Устава Саратовской области предваряет краткая историко-хронологическая справка, согласно которой регион берет свое начало с учреждения императорским Указом наместничества в Саратове в 1780 году.

Преамбулы конституций многих других республик, среди которых можно назвать Республику Алтай, Республика Калмыкии, Чеченская Республика, подчеркивая историческую и культурную самобытность населения субъекта, в то же время говорят о единстве исторической общности судьбы своего народа с многонациональным народом России[2].

Следовательно, историческими символами в праве можно считать, не только сами исторические события и связанные с ними даты, но и сложившиеся культурно-исторические общие закономерности, правовая регламентация которых направлена не только в прошлое, но и в будущее. С этой точки зрения представляет интерес подход авторов, которые полагают, что столица Российской Федерации, город Москва, сама по себе является символом страны. Причем ее роль и значение как символа возрастают, и это в свою очередь является гарантией исторически сложившегося единства Российского государства. Авторитет Москвы, как столицы, отношение к ней граждан страны стали фактом общественного политического сознания и естественным центром политической жизни страны. Таким образом, Москва, как государственный исторический символ России стала местом, где принимаются важнейшие решения относительно дальнейшего существования и вектора развития государства. В современной России Москва, как столица, стала олицетворением центра единого государства, которая объединила вокруг себя все города, регионы, не допустив распада страны[3].

В соответствии с Уставом города Москвы (принят Московской городской Думой 28 июня 1995 года) ее символами являются: герб, флаг и гимн. В соответствии со специальными нормативными правовыми актами герб Москвы представляет собой четырехугольный с закругленными нижними углами и заостренный в оконечности темно-красный геральдический щит с изображением развернутого вправо от зрителя всадника – Святого Георгия Победоносца в серебряных доспехах и голубой мантии (плаще), на серебряном коне с серебряной сбруей, поражающего золотым копьем черного Змия. В свою очередь флаг города Москвы представляет собой темно-красное прямоугольное полотнище с отношением ширины к длине 2:3 с двусторонним изображением в центре развернутого от древка основного элемента герба города Москвы – Святого Георгия Победоносца на коне, поражающего копьем Змия. Наконец, гимном города Москвы является музыкально – поэтическое произведение, созданное на основе песни И.О. Дунаевского на стихи М.С. Лисянского и С.И. Аграняна под названием «Моя Москва».

Исходя из вышеизложенного можно сделать предварительный вывод, что, во-первых, исторические символы в российской праве существуют, и, во-вторых, их правовое закрепление имеет не только культурно-историческое значение, но определяющее перспективное значение. При этом, по мнению ряда авторов, исторические символы России, закрепленные в основополагающих нормативных правовых актах, обладают конституционными правовыми содержательными характеристиками.

[1] *Евдокимов В.Б., Мочалов А.Н.* Конституционные ценности в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. N 5. С. 28 - 42.
[2] Там же.
[3] *Борисов А.В., Корабельникова Ю.Л.* Некоторые проблемы современной российской урбанизации и роль органов местного самоуправления в их решении // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. N 2. С. 25 - 29.

Минникес Ирина Викторовна

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Minnikes Irina Viktorovna

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legal Studies of Baikal State University

E-mail: ivminnikes@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2550-8949
Researcher ID: E-6361- 2017

Правовая природа символов государственности в законодательстве субъектов Российской Федерации: проблемы согласованности

The legal nature of symbols of statehood in the legislation of the subjects of the Russian Federation: problems of consistency

Аннотация. В статье анализируются проблемы правового оформления статуса герба, флага и гимна в законах о символах субъектов Российской Федерации. Отмечено, что в ряде законов указана разная правовая природа символов. В частности, герб обозначен как символ края, а флаг – как государственный символ (Красноярский край); герб и флаг анонсированы как символы государственно-административного статуса области, а гимну придан статус официального государственного символа (Самарская область) и т.д.

Несмотря на разную форму выражения, все три символа имеют одно значение в правовом контексте и выполняют одни и те же функции. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации регламентируют их как правовое триединство. Исходя из этого обосновано, что указание в законе разного правового статуса герба, флага и гимна является ошибкой законодателя.

Ключевые слова: субъект Российской Федерации, Конституция субъекта Российской Федерации, устав субъекта Российской Федерации, законодательство о символах, законы о государственной символике, герб, флаг, гимн

Annotation.The article analyzes the problems of legal registration of the status of the coat of arms, flag and anthem in the laws on symbols of the subjects of the Russian Federation. It is noted that a number of laws specify different legal nature of symbols. In particular, the coat of arms is designated as a symbol of the region, and the flag is designated as a state symbol (Krasnoyarsk Region); the coat of arms and flag are announced as symbols of the state administrative status of the region, and the anthem is given the status of an official state symbol (Samara Region), etc. Despite the different form of expression, all three symbols have the same meaning in a legal context and perform the same functions. The constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation regulate them as a legal trinity. Based on this, it is justified that specifying in the law the different legal status of the coat of arms, flag and anthem is a mistake of the legislator.

Keywords: subject of the Russian Federation, Constitution of the subject of the Russian Federation, charter of the subject of the Russian Federation, legislation on symbols, laws on state symbols, coat of arms, flag, anthem

Для цитирования: Минникес И.В. Правовая природа символов государственности в законодательстве субъектов Российской Федерации: проблемы согласованности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 150–154.

Введение

Символ играют важную роль в общественной жизни. Реализуя многозначные и разнонаправленные функции (познавательно-мировоззренческую, регулятивно-адаптивную и коммуникативно-информационную), сим-

вол «определяет процесс формирования социального опыта, представляет его содержание в специфической знаковой форме»[1].

В правовой сфере символ также выполняет самые разные функции. В зависимости от угла зрения он может выступать средством самоидентификации, передачи информации, «экономии языковых и юридических средств», «специфической формой выражения правовых велений»[2] и выполнять еще ряд функций (в частности, функция унификации правового материала, праворазъяснительная, правоконкретизирующая, правоизменяющая, правопредписывающая, превентивная, охранительная функции, функция легитимации, функция придания официальности и легальности юридическому документу)[3].

Особое место занимают юридически значимые символы[4]. В отличие от символики, которая безразлична праву, эти символы, в силу порождаемых ими последствий, требуют четкой регламентации законом допустимых форм, смыслового наполнения, места и роли в правовом регулировании.

Именно таковым должно быть законодательное оформление официальных геральдических символов как в масштабах государства в целом, так и рамках субъектов, входящих в состав федерации.

Российская Федерация (далее – РФ) имеет сложное государственное устройство, как по числу входящих в федерацию субъектов, так и по их видовому разнообразию – республика, край, область, автономная область, автономный округ, город федерального значения. Каждый субъект РФ имеет собственную символику.

Как правило, символы субъекта федерации регламентируются конституцией/уставом субъекта и специальным законом/законами о символах. Правда, объем конституционных/уставных правовых предписаний, посвященных символике, варьируется, как и число объектов, обозначенных как символы субъекта РФ.

Все субъекты РФ провозглашают наличие у них герба и флага. Гимн как символ субъекта встречается значительно реже, особенно, если речь идет не о республике в составе РФ.

Помимо этих трех символов, в законодательстве ряда субъектов упоминаются иные объекты как вид официальной символики, например, «архитектурно-исторические» и «словесные» символы (в Кемеровской области – Кузбассе; Московской области). Но в данной работе внимание сосредоточено на типичных символах, принятых и урегулированных в субъектах РФ, а это герб, флаг и, если имеется, гимн.

Поскольку указанные символы, предусмотренные конституцией/уставом субъекта РФ, бесспорно, имеют правовое содержание, их регламентация в законодательстве субъекта должна отвечать требованиям, предъявляемым к любым правовым текстам, т.е. должна быть полной, адекватно выражать волю законодателя, последовательно излагать правовое предписание, оперировать простыми и доступными для восприятия языковыми средствами и т.д.[5].

Кроме того, важно, чтобы законодатель не допускал пробелов в нормативных правовых актах и противоречивых, несогласованных правовых предписаний.

Но, к сожалению, не все законодательство субъектов РФ о символах, проанализированное в соответствии с этими критериями, заслуживает положительной оценки. Довольно часто содержание правовых предписаний о гербе, флаге (гимне) республики/края/области/округа неоднозначно, и терминологически не согласовано.

Анализ нормативного материала

Наиболее частой недоработкой законодателя, как показывает анализ статей конституций/уставов субъектов РФ и законов о гербе, флаге и гимне, является наличие несогласованностей и даже коллизий в отношении определения правовой природы символов.

На небольших неточностях в законодательстве (когда, например, в конституции субъекта РФ герб назван «государственным», а в законе о гербе именуется «официальным государственным») в принципе не стоит заострять внимание.

Но в некоторых случаях имеет место полноценное противоречие, которое можно квалифицировать как коллизию. В частности, как иерархическую коллизию можно оценить ситуацию, когда в конституции герб, флаг и гимн наделены статусом «республиканских» символов, тогда как закон, принятый на основе этой конституции, обозначил их как «государственные» символы.

---

[1] Кондратьева Ю.Б. Роль символов в социокультурной реальности. Автореф. дис. …канд. философ. наук. 09.00.11. – Москва, 2004. – С. 8

[2] Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. – 2008. - № 2. – С. 59

[3] Шалагинов П.Д. Функции правовых символов. Автореф. дис. …канд. юрид. наук. 12.00.01. – Нижний Новгород, 2007. – С. 8

[4] Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация. С. 58

[5] Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал Российского права. – 2005. – № 8. – С . 91

Особое место следует отвести ситуациям, когда в формальном смысле противоречия отсутствуют. Но с помощью логического толкования можно установить, что законодатель не был последователен в своих установках.

Такие ситуации складываются тогда, когда закон (или законы) указывают на разную правовую природу герба, флага и гимна.

Речь идет не о тех случаях, когда в законе просто отсутствует определение правовой природы какого-то из символов.

Например, в законах о флаге Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской республик, Оренбургской и Тульской области не указан правовой статус флага; в законах о гимне Москвы и Ивановской области умалчивается о правовой природе гимна и т.п.

Проблему представляют такие законы, которые присваивают гербу, флагу и гимну разный правовой статус.

Например, можно проследить, как обозначен статус герба, флага и гимна в соответствующих законах Республики Ингушетия.

В законах республики о флаге и о гимне государственный флаг и государственный гимн именуются «официальными государственными» символами Республики Ингушетия. Однако государственному гербу, если верить ст. 1 Закона Республики Ингушетия «О Государственном гербе Республики Ингушетия» (от 5 марта 2001 г. N 9-РКЗ), придан иной статус: он не «официальный государственный», как флаг и гимн: «Государственный герб Республики Ингушетия является *официальным* символом Республики Ингушетия…».

По какой причине гимн республики не отнесен к правовому сообществу двух других символов и лишен статуса «государственного» в определении – предположить невозможно. Представляется, что никаких правовых оснований для такого разделения нет. Правда, эта неточность все-таки может быть восполнена тем, что в определении статуса указан не просто герб, а *государственный* герб.

Более спорны положения законов о символике в Красноярском крае.

Хотя краевым законодательством предусмотрено только два символа (герб и флаг края), даже между этими двумя символами данного субъекта РФ нет единства.

В соответствии со ст. 1 Закона Красноярского края «О флаге Красноярского края» (от 27 марта 2000 г. N 10-701), флаг «является *государственным* символом Красноярского края». А вот герб, согласно утверждению Закона «О гербе Красноярского края» (от 12 февраля 1999 г. N 5-296О), к государственным не относится: закон анонсирует его как краевой: «Герб Красноярского края является символом *Красноярского края*».

Еще менее объяснима аналогичная позиция законодателя в тех субъектах РФ, где все символы отражены в едином нормативном акте – в законе о символах республики/края/области.

Казалось бы, общность источника должна вести к единообразию нормативного правового регулирования. Но, как показывает анализ текстов законов, эта документальная общность не всегда порождает общность терминологическую.

В частности, гербу, флагу и гимну Кемеровской области – Кузбасса посвящен единый Закон «О символике Кемеровской области – Кузбасса» (от 7 июня 2002 г. N 42-ОЗ). При этом, согласно ст. 3 Закона «Герб Кемеровской области – Кузбасса… является *официальным символом* Кемеровской области…», а флаг, судя по тексту ст. 8, выступает «официальным *отличительным знаком*» Кемеровской области.

Но почему герб тоже не обозначен как отличительный знак? В принципе, символ трактуется как знак, так что замена в законе слова «символ» некритична. Но какую юридическую нагрузку несет такая замена? Свидетельствует и она о разной правовой сущности герба и флага?

Правовой статус гимна, определенный в ст.13 этого же акта, не совпадает ни с гербом, ни с флагом: «Гимн Кемеровской области – Кузбасса… является *символом Кемеровской области».*

Таким образом, правовая природа всех трех символов области, если руководствоваться текстом одного и того же закона, различается.

Столь же вариативен подход законодателя к статусу символов в Самарской области. Если провести сравнительный анализ текста Закона «О государственных символах Самарской области» (от 13 октября 1998 г. N 22-ГД), выяснится следующее:

«Статья 1. Герб Самарской области является символом *общественно-исторического и государственно-административного статуса* Самарской области…

Статья 6. Флаг Самарской области является *символом государственно-административного статуса* Самарской области…

Статья 12.1. Гимн Самарской области является *официальным государственным символом* Самарской области как субъекта Российской Федерации».

Очевидно, что все три составляющие символики области поставлены законодателем в разные правовые позиции – два символа являются отражением статуса области, тогда как гимн имеет более высокий статус – он анонсирован как государственный.

Для наглядности разночтения в законах о символах представлены в виде таблицы.

Таблица

Вариативность правового статуса герба, флага и гимна в законодательстве субъектов РФ

Субъект РФ	Определение символов в законе/законах		
	герб	**флаг**	**гимн**
Республика Алтай	официальный	официальный	символ сохранения единства многонационального народа, традиций многонациональной культуры
Карачаево-Черкесская	официальный государственный	–	символ сохранения традиций национальной культуры, единства многонационального народа
Республика Северная Осетия-Алания	государственный	государственный	официальный
Красноярский край	символ края	государственный	-
Ивановская область	областной	официальный	-
Кемеровская область	официальный	официальный отличительный знак	символ области
Самарская область	символ общественно-исторического и государственно-административного статуса области	символ государственно-административного статуса области	официальный государственный

Обобщение и выводы

Можно ли квалифицировать этот вид противоречий как коллизии – зависит от угла зрения.

С одной стороны, герб, флаг и гимн представляют собой самостоятельные объекты правового регулирования. Каждый объект воплощен в особую форму.

В частности, герб – это, прежде всего, определенным образом составленный рисунок, графический знак. Разумеется, возможно и объемное изображение герба, но юридическая сила придается именно плоскостному изображению, которое воспринимается только визуально.

В отличие от герба флаг имеет сложную форму. Он воспринимается не только визуальными средствами. Флаг имеет предметное, овеществленное воплощение.

Гимн – еще более сложный конструкт. Он состоит из двух элементов – словесного (текст гимна) и фонического (музыка гимна). Первый элемент несет основную смысловую нагрузку, а второй выступает как аудиальное оформление текста. Согласно законам, оба элемента обязательны: в Законе «О государственных символах Республики Адыгея» (от 7 июня 2007 года N 90) объявлено, что «Государственным гимном Республики Адыгея является *музыкально-поэтическое* произведение» (ст. 8); аналогичным образом в Законе «О государственном гимне Республики Дагестан» (от 19 ноября 2003 года N 26 предусмотрено, что «Государственный гимн Республики Дагестан представляет собой *музыкально-поэтическое* произведение (ст. 2). Закон «О Государственном гимне Республики Бурятия» (от 20 апреля 1995 года N 121-I) использует несколько иную формулировку: «Настоящий закон устанавливает официальный символ государственности Республики Бурятия, ее *музыкально-поэтическую эмблему*, Государственный гимн…».

С другой стороны, несмотря на различие формы, все символы обычно присутствуют в единстве.

Так, энциклопедические статьи, определив сущность каждого символа, обязательно указывают, что, например государственный герб – это «один из трёх гл. символов суверенитета (наряду с государственным флагом и государственным гимном)» [1], государственный флаг – «один из гос. символов (наряду с государственным гербом и государственным гимном)»[2]; герб также является офиц. гос. символом «наряду с государственным флагом и государственным гербом»[3]

Кроме того, следует отметить, что и герб, и флаг, и гимн выполняют одни и те же функции.

[1] Большая российская энциклопедия 2004–2017 URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2373302
[2] Большая российская энциклопедия 2004–2017 URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2373546
[3] Большая российская энциклопедия 2004–2017 URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2373338

В частности, по замечанию А.А. Корникова, «Гербы регионов России являются важными представительно-правовыми знаками, символизирующими, с одной стороны, права и автономию как субъектов Российской Федерации, а с другой – их культурно-историческую общность в рамках одной страны. В гербах регионов, как в капле воды, находят отражение история и современное состояние России как федеративного государства»[1].

Представляется, что это определение с успехом можно отнести и к флагу, и, тем более, к гимну субъекта. Даже флаг, как наименее сложный в изобразительном плане, можно обозначить и как носителя представительно-правовой составляющей, поскольку «государственные флаги визуализируют правовые основы государства и социальные отношения в конкретный исторический период»[2], и как воплощение культурно-исторической общности народа, ведь даже «выбор цвета для национального флага не является случайным. Он отражает определенную культурно-историческую традицию данной страны»[3].

Государственный гимн, по определению А.А. Карабанова, «является специфическим феноменом социально-культурной и политической жизни общества, отражающим уровень самосознания социума в его потребности к самоопределению посредством музыкального символа страны подобного геральдическим знакам (герб и флаг) и формализующим в музыкально-поэтическом виде идеологическую парадигму государства»[4].

Таким образом, единство сущностных черт и места в общественной жизни всех трех символов неоспоримо. Следовательно, и их правовое воплощение должно отражать этот факт. Но, как проиллюстрировано ранее, не все законодатели выделили всем трем символам одну и ту же правовую нишу.

Если все имеющиеся в распоряжении субъекта федерации символы равнозначны и играют одну и ту же роль в обществе, на каком основании закон наделяет их разным правовым статусом? Почему один символ обозначен как государственный, а другой выступает как свидетельство «государственно-административного статуса» субъекта?

Представляется, что эта ситуация вполне может быть квалифицирована как противоречивая, а несогласованность положений закона – как коллизия.

Отношение к таким правовым предписаниям как к коллизиям формируется еще и с учетом того, что на уровне конституции/устава различий между символами нет. И герб и флаг и гимн в основном акте субъекта РФ объединяются общими терминами, т.е. их правовая природа едина.

Обобщая обозначенные проблемы и выводы автора, можно констатировать, что законодательство о символике несовершенно не только в контексте смыслового наполнения[5], но требует корректив и с формально-юридических позиций.

[1] Корников, А. А. Геральдическое многообразие России. Современные гербы и флаги субъектов Российской Федерации. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. – С. 4

[2] Ерохина Ю.В. Соболева А.К. Семиотико-правовой анализ визуальной репрезентации государственных флагов в России // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Том 14. – № 6. – С. 31

[3] Василевич А. П. Национальные цвета и государственные флаги как отражение национально-культурной традиции // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 8. – С. 101

[4] Карабанов А.А. Гимн российского государства как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 5.10.1. – Краснодар, 2023. – С. 10.

[5] Минникес И.В. «Идеологический нейтралитет» законодательства субъектов Российской Федерации о государственной символике. Байкальские компаративистские чтения. – 2025: Материалы международной научно-практической конференции. (Иркутск 20–21 марта 2025 года). – Иркутск: БГУ, 2025. – С. 270-277.

Мохов Александр Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Mokhov Alexander A.

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia

E-mail: med-farm-law@mail.ru

Символизм и социалистический реализм как феномены и их значение для государственной политики в сфере культуры

Symbolism and socialist realism as phenomena and their significance for state policy in the field of culture

Аннотация. В статье исследуются символизм и быстро пришедший ему на смену в 30-е годы XX века социалистический реализм, вобравший в себя необходимые государству черты символизма, модернизировавший их и поставивший на службу государству в сфере культуры, шире – идеологии. Позитивные результаты, а также имевшиеся недостатки соцреализма как феномена, представляют интерес не только для истории государства и права, культуры, но и для современности в связи с поиском ответов на имеющиеся вызовы и угрозы в области ментальной (социокультурной) безопасности, формированием полноценной политики в области национальной культуры.

Ключевые слова: символизм, социалистический реализм, культура, идеология, ментальная безопасность, развитие национальной культуры, законодательство о культуре

Annotation. The article examines symbolism and the socialist realism that quickly replaced it in the 1930s, which absorbed the features of symbolism necessary for the state, modernized them and put them at the service of the state in the field of culture and, more broadly, ideology. The positive results, as well as the shortcomings of socialist realism as a phenomenon, are of interest not only for the history of the state and law, culture, but also for modernity in connection with the search for answers to existing challenges and threats in the field of mental (socio-cultural) security, the formation of a full-fledged policy in the field of national culture.

Keywords: symbolism, socialist realism, culture, ideology, mental security, development of national culture, legislation on culture

Для цитирования: Мохов А.А. Символизм и социалистический реализм как феномены и их значение для государственной политики в сфере культуры // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 155–161.

В последние годы заметно возрос интерес к культуре как феномену в целом, так и к вопросам советской культуры, ее роли в жизни общества, оказываемом влиянии создаваемых и тиражируемых тогда произведений на народ. Достаточно изучить документы стратегического планирования последних лет, чтобы убедиться в том, что современное государство и общество начинают по-иному смотреть на культуру, процессы, происходящие в ее недрах. Согласно Указу Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 "Об утверждении Основ государственной культурной политики"[1] одним из оснований для выработки государственной культурной политики является задача сбережения народа России, сохранения фундаментальных ценностей и принципов, на которых основано единство российского общества.

В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"[2] культура называется одним из факторов, способствующих развитию России. При этом

[1] СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7753.
[2] СЗ РФ. 2021.№ 27 (часть II). Ст. 5351.

защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти называются стратегическими национальными приоритетами.

Свое дальнейшее развитие положения о культуре, сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей, а также исторической памяти, находят и в иных Указах Президента РФ.

Значительным прорывом в направлении формирования суверенной культурной политики стал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей"[1]. В нем было дано понятие традиционных ценностей и закреплен их перечень. Государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей, согласно документу, должна пронизывать отечественные культуру, образование и воспитание, работу с молодежью, средства массовой информации и некоторые другие области и сферы.

В силу Указа Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 "Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения"[2] организации культуры должны стать субъектами государственной политики в области исторического просвещения.

Даже в Указе Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 "Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации"[3] находится место культуре, политике в данной сфере. В документе обращается внимание на то, что внешними силами, а также их агентами внутри страны предпринимаются попытки формирования враждебного отношения к гражданам России, русскому языку и культуре, ее традициям и истории (русофобия).

В провозглашаемом векторе развития культуры (в широком ее понимании) нет ничего удивительного. Коллективный ментальный иммунитет, ментальная безопасность обеспечиваются посредством охраны традиционных ценностей, культуры, исторической памяти, русского и иных языков народов России. Глобалистская же повестка осуществляется через политику размывания идентичности, продвижения западных либеральных ценностей, массовой культуры, английского языка (в американском исполнении), продукции, ориентированной на усредненного потребителя.

Отечественной культуре, многие годы развивавшейся в западной парадигме, многое предстоит переосмыслить, кое-что воссоздать, а также приступить к созданию нового продукта, на который имеется запрос у государства и общества. Для этого нужно внимательно изучить как наш отечественный, так и зарубежный опыт, лучшие практики активной обороны, а также применения в необходимых случаях «мягкой» и иной силы.

Советская культура не являлась монолитной, однако одним из основных направлений, методов, признаков (с 20-х по 60-е годы XX века), характеризующих государственную культурную политику, на короткое время становится символизм и некоторые другие течения, а затем социалистический реализм (выросший из пролетарского, а затем нового социального реализма).

Несмотря на то, что символизм и социалистический реализм (далее – соцреализм) как относительно самостоятельные направления во многом остались в прошлом, вопросы, связанные с их появлением, становлением и развитием, позитивными и негативными сторонами, не могут не представлять для исследователей научного и практического интереса.

В связи с изложенным, следует дать общую характеристику советской культуры (на основе анализа культурологических, политологических и иных работ), а также символизма и соцреализма как феноменов, выработанных в недрах самой отечественной культуры и поддержанных государством.

Символизм конца XIX – начала XX веков во многом подпитывался за счет средневековой культуры, черпал оттуда основные мотивы. Сама идея символа предполагала сосуществование двух реальностей: одна идеальная, недоступная, непостижимая и другая – зримая, привычная. Он пытался сформировать устойчивое мировоззрение и «модель мира»[4] в меняющихся условиях.

Развитие альтернативной культуры расширило и углубило смысл символизма[5], местами исказило его первоначальный смысл. Это было обусловлено попытками «с чистого листа» породить новые смыслы и символы. Революционная окраска культуры, движение масс к антибуржуазному будущему этого требовали. Добавим к этому развернувшуюся борьбу с церковью, следовательно, попытки упразднения христианской системы ценностей и формирования новой (ценностей буржуазного общества либо антиценностей).

Молодая страна Советов остро нуждалась в новых символах: в геральдике, литературе и искусстве. Нужны были и новые люди-символы, и они появились, точнее, были «выбраны» из творческой среды на определенном этапе развития общества поддержаны властью. Следует при этом заметить, что речь

[1] СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
[2] СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2587.
[3] Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 28 декабря 2024 г. № 0001202412280115.
[4] Шураева Е.Л. Русский символизм и культура европейского средневековья // Право и образование. 2013. № 7. С. 160-163.
[5] Хренов Н.А. Символизм на фоне надлома империи // Культура и искусство. 2012. № 3. С. 83-91.

шла преимущественно о позднем символизме, имевшем довольно мало общего с упадничеством и мистицизмом, еще продвигавшимся некоторыми группами.

Образовавшуюся в результате упадка символизма брешь стали быстро заполнять: авангардизм, футуризм, имажинизм и другие направления, течения[1]. Символизм не мог не оказывать на них (видных представителей нового в культуре и искусстве) заметного влияния, хотя сами деятели новых объединений нередко это отрицали. Особенно этим отличались акмеисты. Так или иначе, но образ нового человека активно воплощался в различных формах искусства[2].

Сделав свое дело, символизм в национальной культуре стал быстро иссякать. Он во многим утратил национальные черты и, что более важно, выполнил свою краткосрочную политическую задачу. Следует при этом заметить, что символизм не исчез в одно мгновение, как это иногда представляется теми, кто рассматривает процессы строго линейно. Как ни странно, он «органично» вписался в зарождающийся соцреализм и даже пережил его.

Давайте посмотрим на тексты конституций тех лет. Они, как официальные, строго выдержанные документы, ярко иллюстрируют среду, настрой революционных масс. В ч. 4 гл. 3 Конституции (Основного закона) РСФСР, принятой V Всероссийским съездом советов в заседании от 10 июля 1918 года, обращалось внимание на непреклонной решимости вырвать человечество из когтей финансового капитализма и империализма. Наглядный художественный образ врага прямо зафиксирован в тексте Основного закона страны. В Основном законе (Конституции) СССР, принятая в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года, жестко противопоставляются лагерь капитализма (с национальной враждой, рабством и шовинизмом) и лагерь социализма (с взаимным доверием, миром, братством, равенством). В Конституции (Основном законе) РСФСР, утвержденной постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 года, ставилась задача гарантировать диктатуру пролетариата в стране во всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если же мы проанализируем Конституцию (Основной закон) Союза ССР, учрежденную Чрезвычайным VIII съездом Советом Союза ССР 5 декабря 1936 года, то увидим, что она содержала уже всем «привычные», «нейтральные» формулировки. Борьба с врагами осталась в прошлом. Согласно ст. 2 Конституции, политическую основу в стране составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата. Можно также обратить внимание на официальную символику государства, музыку, произведения живописи (в особенности, плакаты), чтобы убедиться в заметной роли культуры в решении основных задач государства.

Обстановка стабилизировалась, устоялась новая символика, необходимо идти вперед. К моменту принятия Основного документа страны соцреализм уже дал свои заметные ростки и стал занимать ведущие позиции в культуре, государственной культурной и иной политике.

Как известно, уже к середине 20-х годов государство полностью либо частично отказывается от крайних идей нового будущего. Ему вновь приходится заниматься вопросами семьи, воспитания подрастающего поколения, массовым образованием и другими. Возникает запрос на эффективные механизмы и средства воздействия на народные массы. При этом сохраняющийся крен новых веяний в культуре в идеальное, романтическое, в противовес реальному, власть раздражает, тревожит. Все большую поддержку находят представители реализма. К этому времени в стране имеется несколько творческих организаций, в первую очередь, писательских. Именно в них тогда начинается внутренняя борьба за новое искусство, противоположное «буржуазному». В полемику о будущем советского искусства все чаще деятели культуры пытаются вовлечь власть: одни, чтобы получить поддержку, другие – чтобы расправиться с конкурентами. Вопрос о роли культуры в государственной идеологии, следовательно, социалистическом обществе и государстве, довольно быстро выходит на первый план. Нельзя не обратить внимания и на активную работу широко известных на этот момент пролетарских писателей-революционеров, твердо стоящих на идеях реализма. Достаточно указать такие фамилии, как М. Горький и А. Серафимович.

К началу 30-х годов XX века культурный фронт начинает рассматриваться государством в качестве одних из важнейших в связи с грандиозными задачами, стоящими перед обществом (коллективизация, индустриализация), а также наличием угроз для обороноспособности страны и безопасности государства. Культура начинает восприниматься как одно из средств мобилизации народа, что требует совершенно иного подхода к управлению этой областью, сферой. Чтобы культура наряду с другими институтами способствовала строительству новой жизни, образованию и воспитанию «нового человека»[3], ей нужно постоянно заниматься, осуществлять государственный контроль за процессами, проистекающими в ее недрах.

[1] Вопрос о соотношении понятий и их наполнении относится к дискуссионным, может быть оставлен для узкого круга специалистов.

[2] Слепухин В.А. «Новый» человек в советской культурной политике 1920-1930-х годов // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 604-609.

[3] См.: Коваленко Т.В. «Соединяя воспитание с материальным производством…»: практика пропаганды научно-популярных фильмов на селе // Наследие веков. 2016. № 1. С. 25–36.

В связи с изложенным, нельзя не отметить Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года "О перестройке литературно-художественных организаций". В документе обращалось внимание на то, что отдельные организации в области литературы и других видов искусства стали тормозить развитие творчества. Более того, они из средства мобилизации писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству и готовых его поддержать, превращаются в средство кружковой замкнутости. Нельзя не заметить, что многие молодые писатели, включая тех, кто получили широкую известность, под различными предлогами не принимались в соответствующие творческие объединения. Изложенные в документе важнейшие управленческие решения: ликвидация существующих ассоциаций; объединение всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти, в единый Союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем. Объединение писателей-коммунистов в рамках Союза позволяло сформировать механизм восходящей и нисходящей связи по партийной линии, партийный контроль за членами Союза. Фактически создавался своего рода механизм саморегулирования, самоуправления, а также государственного контроля (надзора).

Аналогичные изменения касались и других видов творчества, искусства. Однако мало создать организационно-правовой, регуляторный, контрольный механизм, важно наполнить его содержанием, базовыми, отправными положениями, установками, ориентирами для работы. Должны были появиться государственно-политические критерии, по которым будет оцениваться творчество, конкретные произведения. Работа эта представлялась для партийного руководства крайне сложной. В основном давались устные указания относительно того, чего в произведениях быть не должно. Косвенно можно было угадать «попадание в цель» в случае последующего одобрения результата творчества. Позже этому направлению станут уделять большое внимание. Появится система стимулирования, премирования творческих работников (высшей оценкой заслуг станут Сталинские премии).

Отправные положения для творчества современного этапа развития страны начинают артикулироваться в 1932 году. В процессе подготовки Первого пленума Оргкомитета Союза советских писателей возникла большая дискуссия относительно принципов, подходов к дальнейшему творчеству, продолжившаяся и на самом съезде. На съезде получает одобрение термин «соцреализм», избирается почетный председатель – М. Горький, а также председатель коммунистической фракции И. Гронский. Авторство термина иногда приписывают И. Сталину, но скорее всего он лишь одобрил сделанное узким кругом писателей предложение[1].

Получивший «прописку» в документах съезда термин начинает свою собственную жизнь. Являясь методом советской художественной литературы и литературной критики, он требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и конкретность должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма[2]. В течение первых нескольких лет ведется активная работа над уточнением его смысла и содержания. Большой вклад в понимание соцреализма как метода внесли М. Горький, А. Луначарский, А. Жданов и некоторые другие деятели культуры, партии и правительства. При этом они опирались на подготовленную почву, на широко известные труды о роли культуры в обществе (Н. Чернышевского, Г. Плеханова и других). В дальнейшем исследуемый термин неоднократно уточняется, переосмысливается. В этой связи можно также упомянуть издаваемую более десятилетия парткомом Всероссийской академии художеств газету "За социалистический реализм"[3]. В ней обсуждались актуальные проблемы искусства, размещались критические статьи.

Соцреализм стал сразу же претендовать на наше «сегодня», а также на «завтра» (элементы футуризма). По соцреализму все то, что описывается им с использованием художественных приемов, присущих направлению, методу, если уже не свершилось, то скоро свершится. Новое здесь, рядом, его ростки видны, они оказываю влияние на настоящее и, конечно, на светлое будущее. Соцреализм – это классический реализм плюс социалистический идеал, напишет[4] С.М. Петров, а М.А. Шолохов заявит о том, что соцреализм – это «искусство правды, правды понятной и осмысленной художником…»[5]. При этом Ю.Е. Архангельский, М.К. Найденко и В.И. Лях в одной из своих работ акцентируют внимание на наличии фундаментального противоречия советской культуры, заключавшегося в наличии внутреннего конфликта, обусловленного борьбой с «формализмом», «загнивающим западом», «врагами народа»[6].

---

[1] См.: Захаров А.В. К вопросу о возникновении термина «социалистический реализм» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2006. Вып. 1. С. 107-117.

[2] См. подробнее: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1994. – 714 с.

[3] См.: Грачева С.М. Художественная критика на страницах газеты «За социалистический реализм» // Academia. 2023. №3. С. 326–340.

[4] Петров С.М. Основные вопросы реализма. Критический реализм. Социалистический реализм. М.: Просвещение, 1975. С. 221.

[5] Там же. С. 222.

[6] См.: Архангельский Ю.Е., Найденко М.К., Лях В.И. Сущностные противоречия советской культуры // Вестник Томского государственного университета. Серия: Культурология и искусствоведение. 2018. №31. С. 286.

Однако наличие отдельных противоречий не мешало (в заданных границах) соцреализму развиваться, а что более важно, и в целом отечественной культуре. Соцреализм оказался живучим не только потому, что он поддерживался властью, а в силу его способности к адаптации, изменению и дальнейшему развитию.

Если на начальном этапе в произведениях известных писателей большое внимание уделялось проблематике классовой борьбы и движению масс к светлому будущему, то позже все чаще и чаще на смену «казенному» соцреализму приходит настоящий, творческий реализм, где нет места исключительно противоположностям, «красному» и «белому». Противоречия, описываемые писателями, все чаще носят неклассовый характер[1], что понятно читателю и воспринимается им положительно.

Особенно заметно это проявилось в послевоенные годы в произведениях о Великой Отечественной войне. Они позволили не только сохранить в народе память о трагедии XX века, но и верно осмыслить ее итоги, а также провести работу над допущенными ошибками.

Литература по этой тематике довольно многообразна, она отличается по решаемым задачам, исторической, художественной и иной ценности, а главное – наличием либо отсутствием к таким произведениям народной любви. Соцреализм – это не только «как было», это еще и «как должно быть», это не только наше тяжелое прошлое, но обязательно – «светлое будущее». Именно в таком отражении войны литераторы довольно заметно преуспели, но ожидаемого эффекта ни они, ни власть, не получили.

Ключевое место в литературе о войне стала занимать проза, которую вскоре окрестили «лейтенантской». В ней основной акцент делался на судьбе простого солдата… В художественный оборот вновь активно вводится символика, чему поспособствовало в годы войны и само государство (звания, государственные награды и др.). Однако после появления первых произведений – родоначальников нового направления, возник острый конфликт между писателями, не только разными по возрасту, имеющими различный жизненный опыт, но по-разному понимающими задачи литературы, в т.ч. соцреализм.

Каждая из противоборствующих сторон, как это уже бывало в истории культуры и раньше, попыталась привлечь партийное и политическое руководство страны на свою сторону, потому в дискуссии широко использовались «запрещенные приемы». «Масла в огонь» подливали и некоторые представители генералитета, недовольные критикой младших офицеров, звучащей в их адрес на всю страну со страниц все большего числа охотно поглощаемых населением книг.

Следует отдать должное тогдашнему руководству – оно осталось над схваткой, сохранив нейтралитет, а в отдельных случаях, как это не покажется странным, даже оказав прямую поддержку некоторым писателям – представителям лейтенантской прозы. Уже было понятно, что по команде сверху, как правило, все чаще стал появляться «ширпотреб», на короткое время удовлетворяющий спрос непритязательной публики, да и то не всегда. Сказали свое веское слово и известные на всю страну фронтовики, в т.ч. и из когорты писателей.

Соцреализм, на их взгляд, не может быть заперт в «прокрустовом ложе» прежних довоенных установок, он должен жить и развиваться, обеспечивая решение стоящих перед обществом и государством задач, а не препятствуя им, не порождая контрпродуктивные конфликты.

Не были полностью чужды соцреализму также и «нереалистичные» сюжеты или отдельные вставки такого рода в произведения. Главное, чтобы не допускалось искажение должного видения мира, того, что реально существует либо может существовать в будущем, к которому все стремятся.

В 1966 году состоялась знаковая для культуры и не только конференция "Актуальные проблемы социалистического реализма". На ней активно обсуждались возможность романтизма и критического реализма в советской литературе, а также интеллектуализма. Были предприняты попытки расширить границы и двигаться вперед от соцреализма к советской литературе, не ограниченной жесткими рамками.

Попытки продолжить работать в старой парадигме еще также предпринимались, но довольно слабые. Дело в том, что идеологическая компонента и партийный контроль за творческими организациями и деятелями культуры к этому времени значительно ослабли. Достаточно проанализировать активность Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза по вопросам культуры, в частности, Идеологической комиссии при ЦК КПСС[2].

По инерции и в силу сформировавшейся традиции сфера культуры более-менее функционировала в заданных параметрах около десятилетия, а затем стали быстро нарастать проблемы, до решения которых государству, вошедшему в полосу экономических и политических проблем, дела уже не было.

Радикальные преобразования 90-х годов XX века затронули практически все сферы жизнедеятельности, в т.ч. и культуру.

Через потребность государства в новой старой символике, вновь возникает интерес к символизму, опыту госстроительства, а также к культуре конца XIX – начала XX веков, о чем свидетельствую как труды ученых, так и принятые политические и управленческие решения.

[1] Булавка-Бузгалина Л.А. Соцреализм: переход из «царства необходимости» в «царство свободы» // Философия хозяйства. 2019. № 6. С. 244-254.

[2] упразднена в 1966 году.

В 1992 году принимается Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I "Основы законодательства Российской Федерации о культуре"[1]. В нем провозглашаются права и свободы человека в области культуры, причем не национальной, а культуры в целом, закрепляется правовое положение творческих работников (в части их прав, а также гарантий и при отсутствии четко определенных обязанностей и ответственности).

Государство берет на себя ряд обязанностей в сфере культуры. Оно содействует созданию и деятельности организаций творческих работников, но не вмешивается в их деятельность, если иное не предусмотрено законодательством РФ. В той или иной мере работавшие механизмы взаимодействия государства и общества с представителями сферу культуры законом были полностью разрушены.

В 1993 году принимается Конституция РФ. Частью 2 ст. 13 закреплялся прямой запрет на государственную либо иную обязательную идеологию. Конституция как основной идеологический документ государства зафиксировала запрет на идеологию. Возник когнитивный диссонанс, разрешить который прямо, без принятия новой Конституции, невозможно. Отсюда обходные тернистые пути, обсуждаемые в части элементов государственной идеологии, следовательно, и культуры.

Следует обратить пристальное внимание на изменения 2020 года, внесенные в документ по итогам общероссийского голосования, прошедшего 1 июля 2020 года. В ст. 67.1 Конституции было зафиксировано положение о том, что наша страна сохраняет преемственность в своем развитии и память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога.

Нельзя также не обратить внимания на п. ж1. ч. 1 ст. 72 Конституции, в силу которой вопросы защиты семьи, материнства, отцовства и детства, а также института брака как союза мужчины и женщины, отнесены к совместному ведению РФ и субъектов РФ.

Именно в развитие новых конституционных положений был принят ряд документов стратегического планирования, указанных в начале настоящей работы.

Начался небыстрый процесс внесения значимых точечных изменений в отдельные федеральные законы. Они призваны поставить заслон практикам, входящим в явное противоречие с заявленным традиционалистским курсом.

Так, в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"[2] в 2022 году были внесены изменения в ст. 55 «Применение вспомогательных репродуктивных технологий», а в 2023 году акт был дополнен ст. 45.1 «Запрет смены пола».

Нельзя не упомянуть также ст. 6.21 КоАП РФ, закрепившую запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, отказа от деторождения.

Ведется активная работа в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, а также в ряде ведомств, направленная на обеспечение эффективной фактической и правовой охраны государственных и иных символов, пресечение повреждения или осквернение памятников.

При этом в области культуры, в регулировании основных отраслевых отношений заметных изменений до настоящего времени не произошло. Более того, ряд известных деятелей культуры позволил себе высказывания, прямо противоречащие официальному курсу государства, и выступивших против специальной военной операции. В 2022 году в Государственной Думе был представлен список из 142 фамилий[3], в дальнейшем он пополнялся.

Кстати говоря, некоторые из них ранее на площадке Государственной Думы, а также в средствах массовой информации выступали даже против внесения незначительных изменений и дополнений в Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I "Основы законодательства Российской Федерации о культуре". Основные тезисы, озвучиваемые ими: творчество и творческие работники должны быть абсолютно свободными, иначе они не смогут творить, а государство должно гарантировать свободу творчества, создавать им благоприятные условия, в т.ч. финансировать их проекты.

Действительно, в силу ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, каждому гарантируется свобода творчества. Однако ни в Конституции, ни в отраслевом законе прямо не фиксируется обязанность государства по финансированию лиц, причем некоторых (избранного круга деятелей культуры) с целью обеспечения их прав на свободу творчества. В современной России признаются и сосуществуют субъекты экономической (предпринимательской, приносящей доход и иных видов) деятельности, функционирующие на базе различных форм собственности (государственной, муниципальной, частной). Государство в соответствии с бюджетным законодательством осуществляет в определенной части (согласно госзаданию, по субсидиям, целевым программам и др.) финансирование в первую очередь, государственного сектора (будь то культура, образование, здравоохранение и др.), а в установленных законом случаях – и иных организаций. Иными словами, речь не может идти об «автоматическом» выделении средств под «непрозрачные» результаты.

Средства могут и должны выделяться государством для решения задач, способствующих обеспечению государственной политики в области культуры, и никак иначе. Иные направления в условиях

[1] РГ. 1992. № 248.
[2] СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
[3] Катаева В. В Госдуме представили список 142 знаменитостей, не поддержавших СВО // News.ru. 5 авг. 2022 г.

идеологического многообразия, плюрализма мнений, за исключением прямо запрещенных федеральным законом, могут развиваться, но источниками их финансирования не должны быть средства государственного бюджета.

В советский период, как можно убедиться, государство управляло через профильные советы, создавая, с одной стороны, систему гарантий и стимулов для творческих работников, деятелей культуры, с другой – доводило до них определенные требования. Нередко они рождались по итогам совместной работы представителей творческого цеха и партийно-политического руководства.

Организационно-правовой механизм, обеспечивающий реализацию единой государственной политики в области культуры имеется во многих странах, несмотря на гарантированные свободу творчества, самовыражения.

Например, в Кодексе Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года № 413-З[1] закрепляет приоритет развития белорусской национальной культуры и признание белорусского языка одним с факторов формирования национального менталитета. В нем получает фиксацию принцип сочетания государственных и общественных интересов, прав и свобод граждан в сферы культуры.

Статьей 8 Кодекса в качестве направления государственной политики в сфере культуры провозглашается сохранение, развитие, распространение и (или) популяризация белорусской национальной культуры и языка.

Ряд статей Кодекса посвящены вопросам взаимодействия в сфере культуры различных субъектов, имеется статья о социально-творческих заказах и поддержке талантливой молодежи. Целая глав Кодекса посвящена финансовому и материально-техническому обеспечению сферы культуры.

Определены права, обязанности, гарантии, а также ответственность творческих работников, работников культуры, творческих коллективов, организаций культуры.

Менее объемный, но также содержащий важные с позиций реализации государственной политики в сфере культуры положения, Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 года № 207-III «О культуре»[2]. Он ориентирован на сохранение, развитие и распространение культуры народа Казахстана. В нем прямо говорится об обязательности принятии мер по недопущению в области культуры пропаганды или агитации насильственного изменения конституционного строя, подрыва безопасности государства, войны, социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства, а также культа жестокости и насилия.

Довольно интересной представляется статья, посвященная порядку организации проведения культурно-зрелищных мероприятий. В ней закреплен ряд конкретных обязанностей организаторов такого рода мероприятий.

Нельзя не обратить внимания на ст. 19.1. Закона, посвященную художественным советам. В их состав входят видные деятели, ученые, специалисты, представители творческих объединений в области культуры. Занимаются они выработкой предложений по координации деятельности государственных организаций культуры с целью создания конкурентоспособного продукта – высокохудожественных произведений культуры и искусства. Нашими казахскими коллегами во многом был использован советский опыт отраслевого самоуправления (на различных уровнях).

В России проблема выработки и последующей реализации эффективной государственной политики в области культуры активно начинает обсуждаться лишь последние несколько лет. На наш взгляд, с учетом имеющегося советского опыта управления (государственного регулирования отрасли, а также элементов самоуправления, саморегулирования), современного опыта наших ближайших соседей, необходимо ставить вопрос о разработке Новых Основ государственной культурной политики (с учетом положений новейших документов стратегического планирования) с одновременной разработкой и принятием одноименного Федерального закона, который должен прийти на смену Основам законодательства Российской Федерации о культуре.

Сложные «внутрицеховые» вопросы, посредством которых решаются задачи, возложенные на профсообщество (как, посредством каких произведений, приемов, способов воздействия, жанров и прочие) должны остаться за творческими работниками. Но они должны иметь понятные организационные и правовые средства, посредством которых принимаются те или иные решения. В это части советский опыт работы союзов писателей и других творческих союзов, выработки ими основных ориентиров, принципов, методов работы, не утратил до настоящего времени своей актуальности и значимости.

[1] Зарегистрирован в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 27 июля 2016 г. № 2/2412.
[2] Казахстанская правда». 2006. №271.

Нестеров Анатолий Васильевич

доктор юридических наук, кандидат технических наук, профессор, эксперт, Российский научный фонд

Nesterov Anatoly Vasilyevich

Doctor of Law, Candidate of Technical Sciences, Professor, expert, Russian Science Foundation

E-mail: nesterav@yandex.ru

Символ-продукт в юридической деятельности: продуцентный подход

Product symbol in legal practice: a production approach

Аннотация. Знаки в виде символов широко применяются в юридической деятельности, однако категория символ-продукта отсутствует в научном обсуждении. Продуцентный подход в рамках инженерики позволяет рассмотреть эту категорию и обсудить инструмент символизации при его применении в продуцировании (символизировании) символ-продуктов. В рамках теории знак-продуктов аргументировано определение категории символа в виде знак знака с переносным семиотическим содержанием. Дана дефиниция термину «символ-продукт» с учетом критериев категоризации, терминологизации и/или тезаурусизации для инфо-онтологии предметной области юридической деятельности.

Ключевые слова: знак сведений, сигнал сообщений, обозначение знак-продукта, символ, символизация, символизирование, смартизация

Annotation. Signs in the form of symbols are widely used in legal practice, but the category of symbol-product is absent from scientific discussion. The production approach within the framework of engineering allows us to consider this category and discuss the symbolization tool when it is used in the production (symbolization) of symbol products. Within the framework of the theory of sign products, the definition of the symbol category in the form of a sign with a figurative semiotic content is reasoned. The definition of the term "product symbol" is given, taking into account the criteria of categorization, terminologization and/or thesaurus for the information-ontology of the subject area of legal activity.

Keywords: information sign, message signal, product sign designation, symbol, symbolization, symbolization, smartification

Для цитирования: Нестеров А.В Символ-продукт в юридической деятельности: продуцентный подход[1] // Юридическая техника. – 2025. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 162–167.

Вавилонская башня (продукт) не была построена не только потому, что строители говорили на разных языках, но и потому, что и на одном языке они могли не понять друг друга, и/или конкретный человек нивсегда мог понятно выразить свои идеи.

Знак-продукт (слово), включающий многозначные знаки сведений и/или сигналы (знаки в потоке) сообщений, а также символы (знаки знаков), лежит в основе того, что продукт не будет продуцирован в соответствии с заданными пределами. Поэтому Платон и Конфуций уже говорили об «исправлении имен». Сейчас настало время, когда люди стали коммуницировать со смарт-системами, поэтому «исправление имен» стало еще более важным, т.к. автоматизация рутинных умственных операций с помощью смарт-систем подразумевает, что человек в своих действиях (решениях) может основываться на выводах, сгенерированных смарт-системой.

Несомненно, что формальный анализ нормативной правовой базы для конкретной юридической ситуации, может выполнять смарт-система, продуцируя смарт-продукт. При этом такое взаимодействие не ограничивает усмотрение должностного лица, которое оно может реализовать в соответствии с принципами законодательства. Также ничто не запрещает разрабатывать алгоритмы, с помощью которых

[1] Статья подготовлена при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

уполномоченные должностные лица могут реализовать свои правомочия в неопределенных ситуациях, когда нормативные правовые акты (НПА) обладают недостатками (логическими противоречиями, правовой и/или терминологической неопределенностью, а также пробелами).

Наверное, нельзя создать идеальные НПА, но несомненно, необходимо, чтобы их нормы соответствовали не только устаревшим Методическим рекомендациям[1], Методическим рекомендациям[2], но и критериям современной автоматизации (смартизации), которую еще называют «интеллектуализацией» за счет использования символ-продукта в виде названия «технология искусственного интеллекта».

Если в правоведении дозволение употреблять символ-продукты для продуцирования излишних сущностей и появления словесного «зоопарка кентавров», то в правотворчестве оно должно быть не только ограничено, но и соответствовать критериям категоризации, терминологизации и тезаурусизации при создании инфо-онтологии правотворческой деятельности.

В публикации[3] правильно утверждается, что «юридическая терминология признается основным средством юридической техники». Однако, если быть точным, то это терминологическая база, которая должна соответствовать критериям науки терминологии, а логическая связка «правовая категория – термин – дефиниция» является одним из основных элементом «юридической техники».

Теме «символ» посвящены сотни публикаций, т.к. в каждой научной предметной области или научном направлении слово «символ» имеет не по одному определению, определяющему его значение[4]. Настоящий текст не является обзорным, поэтому приносим извинения тем авторам, чьи публикации не будут упомянуты.

Будем использовать термин «правовая категория», а не «правовое понятие» т.к. слово «понятие» является многозначным, например, известно слово «concept» (понятие). В настоящем тексте под категорией подразумевается идея, которую способен выразить человек в виде термина и дефиниции, характеризующей идею предмета в виде описания его образа (состава и/или структуры) и/или объяснения его понятия (функции).

К сожалению, до сих пор в НПА имеются статьи «понятия и определения», а слово «понятие» не имеет легального определения. Отметим, что в нормах (нормативных текстах), как знак-продуктах, продуцируемых в нормотворческой деятельности, должны использоваться лексические единицы (термины), имеющие единственное семиотическое содержание, представляющее юридические (правовые) категории.

Современное рассмотрение правовых категорий должно опираться на критерии инфо-онтологий, в частности, мета-онтологии в предметной области юридической деятельности. Кроме того, необходимо учитывать правовую инженерию, которая возникла благодаря социальной инженерии Паунда[5]. Достижения научно-инженерного прогресса могут проникать в общественные и/или гуманитарные науки из технических наук, которые по факту можно отнести к инженерным наукам, в частности, инженерике[6]. В отличие от технических наук в инженерике исследуются инженерные категории, которые, как и философские категории, имеют универсальный характер. Кроме того, необходимо учитывать достижение в семиотике, в частности, в теории знаков.

Также отметим энциклопедическую статью[7], в которой аргументировано, что ««правовой символ» потенциально предполагает и возможность существования неправовых и даже запрещённых символов», с чем сложно не согласиться.

Разрешить проблему соотношения символов в праве и правовых символов можно следующим образом. Юридическая деятельность может состоять из научной, практической и/или педагогической. В практической юридической деятельности можно выделить правотворческую деятельность, как составляющую юрисдикционной деятельности, в рамках которой законодатель может устанавливать легальные символы, являющиеся обязательными в юридической действительности. Поэтому можно говорить о правовой категории символа в этих видах деятельности, которые могут иметь разную юридическую зна-

---

[1] Методические рекомендации по подготовке нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, направленных на реализацию положений Федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». СПС КонсультантПлюс.

[2] Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах): М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2017. 56 с.

[3] Шабуров А.С. Юридическая терминология и юридические понятия как юридико-технические средства и научно-теоретические категории // Правовое государство. 2020. №4. часть 1. С. 131-146.

[4] Мальцев И.В. Символы в праве и в юридической науке: диссертация ... кандидата юридических наук. М.: НИУ ВШЭ. 2021. 341 с.

[5] Pound Roscoe. The Spirit of the Common Law. University of Nebraska. Date of this Version. August 1921. URL: https://digitalcommons.unl.edu/ lawfacpub/1/ (дата обращения: 20.11.2024).

[6] Нестеров А.В. Инженерика: о теории юридической инженерии. М.: РФЦСЭ, электронный препринт, октябрь 2024. 16 с. URL: www.nesterov.su

[7] Суменков С.Ю. Символ в праве. URL: https://bigenc.ru/c/simvol-v-prave-ea4607 (дата обращения: 22.07.2025).

чимость. В частности, в зависимости от правовой позиции юридического субъекта это могут быть государственные символы, символы юридического лица, например, средства индивидуализации, охраняемые законом, или символы физических лиц в виде псевдонимов в виртуальных системах, как учетных записей, которые должны защищаться владельцами таких систем от утечек и несанкционированного применения.

В связи с этим, выделяются легальные, формальные и/или персональные символ-продукты, характеризующие юридический символизм. Например, в Греции символом правосудия была богиня Фемида, которую изображали с весами и рогом воздаяния в руках, а в Риме – Юстиция с мечем и весами. Одна и та же идея может быть выражена различными знаками и/или символами, а также по-разному трактоваться ее форма и/или содержание. Особенностью символа является то, что его понимают ограниченное количество людей.

Правовой символ и юридический знак считаются элементами юридической техники[1], а «юридическая техника» – условное название научного учения в юридических науках, которое базируется на инженерной категории, называемой термином «техника». Поэтому важным, актуальным и интересным представляется исследование недостаточно ясных категорий знака, сигнала, символа.

Как известно, не только закон должен был правовым, но и его применение должно быть правильным и принятие судебного и/или ведомственного решения должно опираться на «дух» закона (идеи законодателей, выраженные в законе). «Буква» закона подразумевает «буквальное» (формальное) выполнение норм закона, однако их выполнение должно быть правильным в соответствии процессуальными нормами. Кроме того, закон может не полно соответствовать заданным правовым пределам (субъективным требованиям, инструментальным критериям и/или объективным опорам), в частности, в нем могут быть неточности, противоречия и/или неясности, а также пробелы.

Поэтому лицо, принимающее решение на основании закона, руководствуется не только нормами закона, но и своими внутренними убеждениями (правосознанием) и/или законодательными принципами и/или постулатами, которые выражают «дух» закона в виде представления невидимых идей, которые законодатели пытались вложить в закон.

Несоответствия в законе и/или искаженное правосознание должностных лиц, применяющих нормы закона, могут приводить к формальному исполнению норм закона, не учету «духа» закона и/или злоупотреблению правом. Таким образом, правильное правосознание людей, в том числе в законодательной, право-исполнительной и/или судебной деятельности, является наиболее важным требованием.

Недостатки в теории символов в праве базируются на недостатках в теории знаков и символов. Вслед за Ч. Моррисом[2], основателем семиотики, будем считать, что знак знака называется символом. Однако Моррис не дал конструктивной дефиниции термину «символ», поэтому далее остановимся на нём. А. Ф. Лосев[3] многократно обращался к теме символа, с некоторыми его утверждениями, сложно согласиться, например, с определением символа: «тождество идеи и вещи», где форма и содержание неразделимы.

В соответствии с его публикацией[4] выделены три вида инструментов символизации: аллегория, мифология и/или схема. Аллегория, как иносказание, представляет содержание через конкретные категории действительности, например, (лиса – хитрая), которые общеизвестны для ограниченного круга людей. Мифологема, как иносказание, представляет содержание с помощью мифов. Схема, как иносказание, позволяет символически переносить содержание знак-продукта в виде структуры и/или функции, но требует ее разъяснения. Поэтому, не согласимся с Лосевым и его делением символов на аллегории, мифы и схемы. Отметим, что у него есть и другие виды классификации символов.

Недостатки правовых норм определяются не только инерционностью нормативного правового регулирования, исторически накапливающимися архаизмами и темпами научно-инженерного развития, но и наличием несоответствия текстов правовых норм критериям, формируемым в информатике и инженерной деятельности в виде инфо-онтологий, в частности по алгоритмизации и моделированию данных. Также существуют проблемы с инфо-онтологиями высшего уровня, как базовых для инфо-онтологий предметных областей.

Вступление в действие с 1 сентября 2025 года статьи 35 ФЗ от 29.06.2015 N 162-ФЗ[5], в которой не допускается использование ссылок на иные стандарты, кроме национальных, в нормативных правовых актах, подразумевает укрепление терминологической базы НПА за счет учета критериев терминологической деятельности. Однако и в нормативно-технических документах (НТД), в частности, национальных стандартах, также наблюдается аналогичная тенденция. Отметим, что в национальных стандартах

[1] Юридическая техника: природа, основные приемы, значение. Ретроспективный библиографический указатель / под науч. ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород. 1999. 174 с.
[2] Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Общая редакция Ю.С. Степанова Москва: Радуга, 1983. 627 с.
[3] Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.
[4] Лосев А.Ф. Диалектика мифа: V. Миф не есть ни схема, ни аллегория. (Философское наследие. Т. 130). М.: Изд. Мысль, 2001. 559 с.
[5] Федеральный закон «О стандартизации в Российской Федерации» от 29.06.2015 N 162-ФЗ. СПС КонсультантПлюс.

ГОСТ Р имеются недостатки, свойственные Российским законам, в частности, некорректный перевод иностранных понятий и отсутствие в них исправлений терминологических и/или логических недостатков, а также неучет критериев инфо-онтологий.

Например, в ГОСТ 33707-2016 (ISO/IEC 2382:2015)[1] термины вместо единственного содержания имеют многозначные формальные определения и интерпретации (толкования), названные примечаниями. Кроме того, этот ГОСТ не является национальным стандартом (ГОСТ Р), не соответствует критериям наук терминология и семиотика.

Также сложно согласиться с неконструктивной дефиницией термина в Стандарте ISO/IEC 2382-1:1993[2]: «01.02.07. Символ. Графическое представление понятия, которое имеет значение в некотором определенном контексте». Символ-продукт может представлять представляемое в любой форме и/или на любом носителе.

В ГОСТ Р ИСО 15223-1-2023[3] имеется определение: ««символ» — это изображение на этикетке и/или в сопроводительной документации медицинского изделия, которое передаёт определённую информацию, не требуя от поставщика или потребителя владения знанием конкретного национального или регионального языка». В символ-продукте могут использоваться любые виды знаков (графические, лингвистические, числовые и т.д.).

Отсюда следует, что ученые, в том числе правоведы, должны выявлять такие недостатки и давать научно-обоснованные рекомендации разработчикам проектов НПА и НТД, а также лицам, ответственным за их принятие и модернизацию.

Если правовая категория символа и категория символа в праве достаточно давно обсуждаются, то категории символ-продукта, символизации и символизирования недостаточно исследованы. По нашему мнению, раскрытие содержание этих терминов является необходимым в связи с цифровой трансформацией НПА и НТД (стандартов) на основе инфо-онтологий предметной области юридической деятельности.

Будем исходить из категорийно-тензорного и продуцентного подхода в инженерике, а также из результатов в публикации[4]. Категория знак-продукта позволяет раздельно исследовать категории знаков, их носителей, форм, идей или содержания. Отсюда следует, что категории знака, носителя и/или содержания можно рассматривать как самостоятельные категории, а также они могут логически образовывать сложные категории, в частности категории содержания носителя и/или содержания знака. Категорию содержания материально-вещественного носителя можно называть объективной (естественной и/или техногенной) информацией, которая может характеризоваться количественной величиной (быть измеряемой и/или логико-математически вычисляемой с помощью количественной меры (процедуры)). Категорию содержания знака можно называть субъективной информацией, которая может характеризоваться качественными величинами (быть оцененной с помощью номинальной шкалы и/или ранговой шкалы (номинативной номенклатуры).

Носитель в виде образца/пробы как минимум одного вещественного носителя может выступать в качестве знака, т.е. отображать сам себя в виде содержания внутреннего образа (состава и/или структуры). Например, геолог может собрать образцы породы, которые репрезентативно отображают из чего образовалась такая порода, в частности, наличие в ней совокупности полезных минералов и их количество. При этом геолог описывает предметные величины образца, помечает образец номером и записывает в учете обозначения образца в виде номера, даты, координат места и других обозначений (реквизитов).

Аналогично поступает археолог, когда обнаруживает древний артефакт (искусственно продуцированный продукт), в котором интерес представляют знаки на носителях. Это могут быть следы искусственной деформации, могущие выступать в качестве знаков, и/или следы изображения в виде искусственно нанесенного пигмента, которые являются знаками. Такие знаки могут представлять действительных животных, другие знаки и/или идеи. Люди с помощью знаков способны представлять знаки знаков (символы) и/или знаки идей (идеограммы). Отметим, что идея может представлять идею, где идея идеи – концепт.

Знак-продукт состоит как минимум из одного знака, его структура подразумевает комбинаторику знаков, и он предназначен для представления как минимум одним субъектом как минимум одного действительного индивида, знакового индивида (знака) и/или идейного индивида (идеи). Отсюда следует, что знак может представлять не только действительного и/или идейного индивида, но и репредставлять знак знака в виде символа.

Правовая норма как знак-продукт, включающий символы, должна иметь содержимое в виде семиотического содержания (синтаксического значения, семантической значимости и/или прагматического смысла), формы и/или идеи. Поэтому правовая норма не должна быть бессодержательной (неинформа-

[1] ГОСТ 33707–2016 (ISO/IEC 2382:2015). Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Словарь.
[2] Стандарт ISO/IEC 2382-1:1993. Информационные технологии — словарь. Часть 1: Основные термины.
[3] ГОСТ Р ИСО 15223-1-2023 «Изделия медицинские. Символы, применяемые для передачи информации, предоставляемой изготовителем. Часть 1. Основные требования».
[4] Нестеров А.В. О теории знак-продуктов. М.: РНФ, электронный препринт, август 2025. 20 с. URL: www.nesterov.su.

тивной): синтаксически несвязанной, семантически незначимой и/или прагматически бессмысленной; бесформенной и/или безыдейной.

Семантическая значимость подразумевает, что правовая норма должна точно, актуально и качественно, а также полно, описывать предмет регулируемого правоотношения (его состав и/или структуру) и/или объяснять понятие в виде предназначения (функции) такой нормы.

Отсюда следует, что правовые нормы должны обладать свойствами, позволяющими человеку, в том числе, выступающему в роли юридического субъекта, не только синтаксически воспринимать текст нормы, но и осознавать ее семантическую значимость (правильно интерпретировать ее состав и/или структуру) и/или понимать ее предназначение) и/или осмысливать ее прагматический смысл, позволяющий правильно соблюдать и/или применять такую норму.

Многие авторы публикаций отмечают, что пока нет общепризнанной теории символов, поэтому остановимся на некоторых аспектах продуцирования символ-продуктов в виде качественного переноса содержимого одного знак-продукта (термин-продукта) на другой знак-продукт.

В теории знак-продуктов утверждается, что человек способен с помощью знаков представлять (продуцировать) знак-продукты, представляющие представляемых индивидов, которые он воспринимает, в частности в виде индивидов действительного мира, идейного мира (идей) и/или знакового мира (знаков). Знак-продукт может состоять как минимум из одного знака, а также без его наличия (иметь пустое знакоместо).

Знак знака в знак-продукте может репредставлять (репрезентовать) сам себя в виде символа и/или представлять другой знак. Символ-продукт подразумевает знак-продукт, состоящий как минимум из одного символа. Кроме того, в качестве символ-продуктов могут выступать символьные знаки и/или символические знак-продукты. Символьные знаки подразумевают клавиатурные знаки (совокупность единиц знаков, включающая в себя алфавитно-цифровые и специальные знаки). Специальные знаки могут выступать в качестве модификаторов, функциональных и/или вспомогательных знаков, а сами клавиатурные знаки могут использоваться в комбинациях для формирования определенных символьных знаков. К символическим знак-продуктам можно отнести знак-продукты, содержащие кроме знаков как минимум один символ.

Несомненно, без символ-продуктов в юридической деятельности не обойтись, но должны быть процедуры, регулирующие их продуцирование, депродуцирование и/или их движение в виде употребления в деятельности. Символизирование в юридической деятельности достаточно распространенные действия, однако термины «символизация» и «символизирование» не имеют четких и согласованных дефиниций. Символизация подразумевает продуцирование инструмента (средств, процедур и/или аксиом), с помощью которого осуществляется символизирование. В качестве символизатора в обществе может выступить человек, обладающий необходимыми свойствами.

Символ-продукты могут образовываться путем переноса содержимого как минимум между двумя знак-продуктами как минимум в одной предметной области: из прошлого в виде мифологем, за счет аналогии в виде метафор и/или за счет воображения в виде аллегорий.

Символизирование (продуцирование) искомого символ-продукта может быть произвольным на основе аксиом и/или формализованным с помощью инструмента символизации в виде процедур. Процедура продуцирования символ-продуктов подразумевает: мониторинг, анализ необходимости и синтез символ-продукта за счет когнитивной способности человека в возможном ограниченном окружении знак-продуктов и/или за счет креативных способностей в виде новых и/или ранее неизвестных символ-продуктов путем перехода в неограниченное смежное и/или соседнее окружение.

Мониторинг и/или анализ устоявшихся, общепризнанных символ-продуктов подразумевает продуцирование на их основе символ-терминов с их дефинициями и включения в терминологический словарь с учетом их места в тезаурусе предметной области и/или применения при алгоритмизации юридических операций. Под депродуцированием подразумевается извлечение из легального обращения несоответствующих символ-продуктов из НПА и юридической деятельности, в частности, терминологически многозначные, семиотически неясные по содержанию и/или логически противоречивые. Кроме того, анализ должен выявлять пробелы, которые требуют их заполнения в НПА. Депродуцированию должны подвергаться символ-продукты в виде архаизмов, техницизмов и/или англицизмов, а также несоответствующие критериям теории символизации, и/или некорректно переведенные с иностранного языка.

К процедурам (способам) инструмента символизации можно отнести ассоциативное связывание путем сравнения качественно равных, в частности, эквивалентных (аналогичных (похожих) и/или близких (совпадающих во времени и/или координатном пространстве)), и/или разных, в частности, дополняющих (оппозиционных, противоположных и/или альтернативных) категорий.

Перенос семиотического содержания между знак-продуктами и образование символ-продукта может происходить за счет переноса синтаксического значения, семантической значимости и/или прагматического смысла. Синтаксический перенос подразумевает перенос синтаксических значений для символ-продукта; семантический перенос значимости осуществляется с учетом семантического окружения, в частности, для текста – с учетом подтекста, например, юридического усмотрения; а перенос прагматического смысла – с учетом ситуационного контекста, например, юридического прецедента.

Символ-продукт в НПА или НТД должен выступать в качестве термина, т.е. иметь единственное содержимое, что позволяет его однозначно интерпретировать в правоприменении, а также применять в инфо-онтологии предметной области юридической деятельности при создании смарт-систем.

Повторимся: юридическая наука является точной, с точностью до термина, представляющего юридическую категорию идеи, а точность представления идеи предмета определяется дефиницией. Кроме того, то государство растет, развивается и адаптируется быстрее в турбулентном окружении, у которого более качественная терминологическая база.

Терминологическая разобщенность не только в отраслях права, но и в научных школах внутри этих отраслей, затрудняет законодателям возможность опираться на «монолит» юридической науки. Поэтому стимулом к их терминологической гармонизации является очередной этап автоматизации юридической деятельности, а том числе правотворческой, на основе информационной модели (инфо-онтологии), которая должна базироваться на мета-онтологии юриспруденции.

Выводы. Нормативно-правовые предписания должны быть точными, своевременными и качественными, а также полными, где качество подразумевает, что символическое содержимое знак-продукта должно состоять из содержательного (информативного) семиотического содержания (связанного синтаксического значения, ясной семантической значимости и/или прагматического смысла), определенных форм и/или идей. Предметное содержимое таких символ-продуктов должно не только декларировать и/или инструктировать, но и воодушевлять людей, которые добровольно считают себя принадлежащими определенной цивилизации, многонациональной культуре и/или национальным традициям. Остальные символ-продукты должны соответствовать заданным пределам в правовых нормах и/или психосоциальных правилах, а также не быть похожими до степени смешения на негативные символ-продукты, запрещенные законодательством.

Оксамытный Виталий Васильевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московского университета им. А.С. Грибоедова

Oksamytnyi Vitaly V.

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law of A.S. Griboedov Moscow University

E-mail: oksvv@list.ru

Правовые пределы визуализации образов государственной власти в официальной символике

Legal limits of visualization of state power images in official symbols

Аннотация. Государственная власть как политико-правовое руководство обществом использует в своих интересах различные способы визуализации собственных образов. Юридически значимые символы не просто обозначают государственную власть, они конструируют ее, делая зримой, легитимной и сакральной. На практике правовое регулирование символичной атрибутики государственных органов встречается с целым рядом препонов, вызываемых неоднозначностью трактовок ее применения. Очевидна необходимость стандартизации правовых символов государственной власти на федеральном уровне.

Ключевые слова: государственная власть, правовой символ, визуализация образов, юридически значимый символ, государственная символика, официальная символика, специальное законодательство

Annotation. The article shows that State power, as a political and legal guide for society, uses various methods of visualizing its images for its own benefit. Legally significant symbols do not simply represent state power; they construct it, making it visible, legitimate, and sacred. In practice, the legal regulation of the symbolic attributes of state bodies encounters a number of obstacles caused by the ambiguity of their interpretation. There is an obvious need for the standardization of legal symbols of state power at the federal level.

Keywords: state power, legal symbol, visualization of images, legally significant symbol, state symbols, official symbols, special legislation

Для цитирования: Оксамытный В.В. Правовые пределы визуализации образов государственной власти в официальной символике // Юридическая техника. 2026. № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года /гл. ред. проф. В.М.Баранов). Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 168–171.

Обсуждение проблемы, вынесенной в тематику форума, подтверждает и ее многозначность, и различия в оценочной интерпретации официальной символики в рамках государственно-правовой реальности современного мира. Разновеликость понятия «правовой символ», существенная роль символизма как источника смысловых образов, правовой анализ критериев, видов, взаимосвязи и иных аспектов их визуализации актуализируют обращение к технико-юридическим основам качества и значимости символов государственной власти, их законодательному закреплению.

Символ в механизме действия права— это не просто изображение или знак, а нормативно закрепленная информационная модель, за которой стоит определенная юридическая идея, поддерживаемая государством. Символ, как подчеркивается в современном «Словаре правовых символов и знаков» – знак с устойчивым содержанием, которое связано именно с этим знаком[1]. Согласимся, что правовой символ «служит для закрепления и выражения *юридически значимого содержания»*[2]. Именно такая отличительная черта «позволяет отграничить *собственно правовые* (нормативные) символы от правовых

[1] *Баранов В.М., Исаков В.Б.* Словарь правовых символов и знаков. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 5.

[2] Юридическая техника: учебник /под ред. В.М.Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. С. 250-251.

символов *в широком смысле,* т.е. тех, использование которых не влечет определенных юридических последствий, хотя смысл их неразрывно связан в сознании людей с правом»[1].

К отличительным признакам, которые определяют правовые рамки существования символа, относят:

- *нормативную закрепленность* — символ должен быть официально учрежден и описан в нормативных правовых актах. Без юридического оформления знак не может считаться официальным символом;

- *общеобязательность* — символы обязательны для уважения и соблюдения неопределенно широким кругом лиц;

- *охрану государством* - их правовой режим включает защиту от нарушений, вплоть до применения мер государственного принуждения;

- *объективированную форму* — символ должен иметь воспринимаемый образ: визуальный (герб, флаг, девиз) или звуковой (гимн, специальные сигналы). Символы не просто обозначают власть, они конструируют ее, делая зримой, легитимной и, показывает история, сакральной.

Визуализация как понятие в целом предполагает представление информации об окружающем мире посредством наглядного изображения, но не только. Функции визуального отражения символов права в обобщенном виде представлены как:

- *регулятивная*, регламентирующая общественные отношения (в частности, процедура исполнения государственного гимна или процесс инаугурации с использованием символов высшей государственной власти);

- *охранительная*, обеспеченная институтом юридической ответственности за нарушение или осквернение (оскорбление) официальной символики;

- *информационная,* сообщающая определенные сведения о носителе символики;

- *идеологическая,* визуально воплощающая государственную идеологию и/или взгляды и концепции, в соответствии с которыми в государственно организованном обществе устанавливается должный порядок и осуществляются определенные изменения.

Собственно визуализация в праве становится составным компонентом системы способов и средств выражения понятийно-категориального аппарата юридической науки и практики[2]. Визуализация образов власти через правовые символы — это универсальный язык, понятный во времени и пространстве населению, культурам и эпохам. Одновременно она выступает весомой силой, инструментом легитимации власти, связывая ее с традицией, божественной силой или законом, переводит абстрактное понятие власти в конкретность, соединяет вместе культурно-исторические ценности народа и притязания носителя и/или иного представителя власти. Государство не только учреждает разрешенную символику, но и законодательно запрещает использование определенных образов. Таким образом, умение "читать" такой визуальный язык — это важнейший навык не только для историка или политолога, но и для юриста, желающего познать механизмы действия государства и права в современном мире.

Визуальные образы страны — это не столько констатирующие символическую конструкцию изображения или иллюстрации, сколько активные инструменты государственной политики. Они были во все времена не только незыблемым атрибутом власти, но и воплощением духовной и исторической памяти.[3]

В древности власть была сакральной, и ее символы были буквально предметами культа. К таковым могут быть отнесены классические и универсальные символы, имевшие многовековую историю и встречающиеся в самых разных обществах. В частности, ими признавались корона, держава и скипетр, символизирующие верховенство, легитимность и право повелевать. Трон олицетворял не просто место для сидения, но символ самого института власти, а его возвышение подчеркивает дистанцию между правителем и подданными, сакральность его статуса. Мантия становилась выражением величия и покровительства. Перстень-печатка был личным символом, который правитель носил всегда с собой.

В Средние века и Новое время власть стала национальной, происходит перенос власти с личности правителя на абстракцию "государства" или "нации". И на первый план вышли безличные, но объединяющие символы —герб как воплощение суверенитета, истории и ценностей государства; флаг – символ национального единства и суверенитета над территорией; гимн, текст которого, прославляющий отечество, его историю и народ, воспринимается как символ государственного единства, способный выразить высокие патриотические чувства.

В современном мире визуальные образы государства продолжают меняться, его символами могут быть рассмотрены и таковыми нередко считаются, в частности, резиденция главы государства, архитек-

[1] Там же. С. 251.

[2] См. в этой связи: Чуйко Н.А. Визуализация права //Журнал российского права. 2013. № 5. С. 121-131; Глушаков А.Ю. Средства визуализации права в цифровую эпоху //Ленинградский юридический журнал. 2019. № 4. С. 18-27; Волков Д.А. Визуализация норм как предпосылка формирования машиночитаемого права //Сб. научных статей по материалам Международного научно-практического форума «VI Сибирские правовые чтения. Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи». Тюмень: ТюмГУ, 2024. // URL: https://library.utmn.ru/dl/PPS/Sb.Pravo>. Текст: электронный.

[3] См. подробнее: *Поцелуев С.П.* Выбор государственной символики: бюрократические и политические решения // Философия права. 2012. № 4 (53). С. 39-43; *Балязин В.Н., Кузнецов А.А., Сивова Н.А., Соболева Н.А.* Символы и награды Российской державы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 5-37.

турные места воплощения ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной). Власть становится медийной и цифровой, и ее дополняющие символы — тщательно продуманные изображения знаковых лиц, олицетворяющих государство; логотипы государственных учреждений и программ; цифровые символы (печать на электронном документе, аватары официальных аккаунтов в социальных сетях), предназначенные для мгновенного узнавания и эмоционального отклика в глобальном информационном потоке.

Мировой опыт правового регулирования знаков государственной власти показывает, что до сих пор за рубежом отсутствует обобщающее законодательство, касающиеся национальной символики. Исключением может послужить индийский Закон о предотвращении оскорблений национальной чести, 1971 (с поправками 2005 г.)[1], характеризующий национальные символы государства, к которым отнесены его флаг, эмблема, девиз, гимн, конституция и даже карта Индии. Общим правилам и традициям обращения с американским флагом служит принятый в 1923 г. Кодекс флага США)[2]. В то же время для большинства зарубежных законодательств характерна практика внесения соответствующих положений в действующие законы, призванных защитить от различного рода посягательства отдельные символы общегосударственного значения. А в странах с федеративным устройством вводится законодательная защита символов субъектов федерации (регионов, провинций, штатов или земель). Выбор подхода к регулированию символических образов государства чаще всего предопределяется историческим и культурным контекстом страны, трактовкой баланса соотношения права и защиты государственных ценностей и свободой личности, а также ожиданием или предвидением потенциальных последствий для общественного спокойствия.

В Российской Федерации законодательно выделяются *основные символы государственной власти* — это установленные конституцией или специальными законами отличительные знаки государства, которые олицетворяют его суверенитет, единство и историческую преемственность.

К такой символике, не вызывающей принципиальных разночтений в юридической науке, отнесены общероссийские флаг, герб и гимн[3]. Ключевое различие между ними заключается в правовом регулирования правового режима, которое строится на уравновешенности: флаг доступен для уважительного использования всеми, тогда как герб и гимн охраняются строже, подчеркивая суверенитет и величие государства. В то время как граждане и организации вправе уважительно использовать флаг, задействование герба по своей инициативе запрещено. Общими для основных государственных символов является запрет на использование в рекламе и на регистрацию в качестве товарного знака. Они не могут быть объектами авторского права, а также не могут быть охраняемыми элементам промышленного образца без специального согласия государства. В любом случае нарушение установленного порядка использования такой символики влечет за собой юридическую (административную и/или уголовную) ответственность.

Их правовой статус определяется федеральными конституционными законами, которые строго регламентируют описание и порядок использования государственных символов, устанавливают правовые пределы визуализации их образов, разрешая их неофициальное применение только в определенных рамках.

- *Государственный флаг РФ* («представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верхней - белого, средней - синего и нижней - красного цвета. Отношение ширины флага к его длине 2:3»[4]) разрешен к использованию государственными органами, органами местного самоуправления, гражданами и их объединениями. В то же время его нельзя использовать в случаях, не предусмотренных законом. Предусматривается запрет на использование флагов субъектов Российской Федерации, идентичных государственному (флаги российских регионов, муниципальных образований, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности не могут быть идентичны Государственному флагу, который также не может быть использован в качестве основы геральдической основы их флагов). Также при совместном использовании с другими флагами (региональными, муниципальными, корпоративными) государственный должен занимать приоритетное положение (левую сторону, центр) и быть большего размера или равной высоты («высота подъема Государственного флага Российской Федерации не может быть меньше высоты подъема других флагов»).

[1] The Prevention of Insults to National Honour Act, 1971 // https://www.mha.gov.in/sites/default/files/Prevention_Insults_National_Honour_Act1971.

[2] См.: Кодекс флага США: этикет, правила и рекомендации // https://www.almanac.com/us-flag-etiquette-rules-and-guidelines.

[3] Однако и здесь допущено отступление от указанного выше понятия: все три федеральных конституционных акта, закрепляющие визуализацию образов верховной государственной власти, указывают на то, что речь идет об *официальных государственных символах* Российской Федерации. Таким образом, по сути, законодатель не проводит различий между *основной* и *официальной* государственной символикой.

[4] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ (в ред. от 31.07.2025) «О Государственном флаге Российской Федерации) // http://pravo.gov.ru

- *Государственный герб* («представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и - над ними - одной большой короной, соединенными лентой. В правой лапе орла - скипетр, в левой - держава. На груди орла, в красном щите, - серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьем черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона»1) разрешено использовать только государственным органам, организациям, наделенными властными полномочиями, а также некоторыми организациями по специальному разрешению главы государства. Гражданам и их объединениям запрещено использовать как герб, так и изображения, сходные с ним до степени смешения. Запрещается размещение государственного герба на бланках и печатях негосударственных организаций и частных лиц. Гербы (геральдические знаки) субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности не могут быть идентичны Государственному гербу, который также не может быть использован в качестве геральдической основы их гербов (геральдических знаков).

- *Государственный гимн* («представляет собой музыкально-поэтическое произведение, исполняемое в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным конституционным законом» 2) исполняется в строго установленных официальных случаях (инаугурация, государственные праздники, спортивные мероприятия и т.д.). Более поздняя поправка (от 21.12.2013 № 5-ФКЗ) предусматривает и иные случаи исполнения гимна России «во время торжественных мероприятий, проводимых государственными органами, органами местного самоуправления, а также государственными и негосударственными организациями»). В то же время запрещено использовать гимн в случаях, не предусмотренных российским законодательством. Законом также регламентированы случаи и порядок исполнения Государственного гимна, который «должен исполняться в точном соответствии с утвержденными музыкальной редакцией и текстом».

Приведенные отсылки к тексту федеральных конституционных законов служат примером четкого выделения пределов визуализации определяемых законодательством образов верховной власти государства, в котором закреплено юридическое положение символов, установлены требования к использованию и охране, а также предусмотрена ответственность за их нарушение.

Однако изучение иных нормативных правовых актов (федеральных и региональных законов, постановлений и приказов исполнительной власти разного уровня), дают примеры понятийно-теоретического разнобоя как в наименовании символических конструкций, так и в самом правовом регулировании данного феномена.

Сошлемся на библиографический список нормативных правовых актов, составляющих приложение к проводимому форуму[3]. В них присутствуют такие заголовки законов и иных актов как: «О государственной символике Республики Башкортостан», «Об официальной символике в Республике Саха (Якутия)», «Об официальной и иной символике в Воронежской области», «Об официальных символах власти Главы Республики Марий Эл и их использовании при вступлении в должность Главы Республики Марий Эл», «О символике государственных природных заповедников и национальных парков», «О геральдической символике Центральной избирательной комиссии Российской Федерации», «О Порядке выдачи свидетельств о регистрации официальных символов и отличительных знаков в Государственном геральдическом регистре Российской Федерации» и т.п.

Таким образом на практике правовое регулирование символических конструкций органов государственной власти встречается с целым рядом препон, вызываемых неоднозначностью трактовок их применения (символы страны, государства и государственной власти; общегосударственная, государственная и официальная символика; основные, официальные, национальные, геральдические символы и т.п.) и отсутствием общефедерального закона о государственной символике, который закрепил бы правовой статус отличительных образов государства и его субъектов, ввел бы общие положения о законодательной защите символов государственной власти. Все более очевидной становится необходимость стандартизации правовых символов государственной власти на федеральном уровне.

[1] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 2-ФКЗ (в ред. от 30.12.2021) «О Государственном гербе Российской Федерации» // http://pravo.gov.ru.

[2] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 3-ФКЗ (в ред. от 31.07.2025) «О Государственном гимне Российской Федерации //http://pravo.gov.ru.

[3] XXVII Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» «Символы в праве (доктрина, практика, техника»): Информационное письмо. Вопросы к обсуждению. Библиография по теме форума. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С.14-43.

Парилов Олег Викторович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нижегородской академии МВД России

Parilov Oleg Viktorovich

Doctor of Philosophical Science, Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olegparilov@yandex.ru

Правовая защита религиозного символа как традиционной духовно-нравственной ценности

Legal protection of a religious symbol as a traditional spiritual and moral value

Аннотация. В статье проанализирован утверждённый в июле 2025 года Закон о защите религиозных символов традиционных вероисповеданий, рассмотрены причины появления его на свет. Продемонстрировано, что сакрализация и абсолютизация религиозной символики в древности и Средневековье и, напротив, агрессивно-враждебное отношение к религиозному символу на Западе и в России сегодня – следствие глобальных мировоззренческих трансформаций, происходивших в процессе смены исторических парадигм, при переходе от эпохи традиции – к Новому времени и затем – к эпохе постмодерна. Вновь принятый закон рассмотрен в системной связи с Конституцией РФ, а также с базовыми правовыми документами, отразившими геополитические, идеологические тренды современной России. Автор обращает внимание на очевидное противоречие между современной юридической и социально-политической практикой: де-юре – церковь отделена от государства, де-факто, никакого отделения нет.

Ключевые слова: религиозный символ, правовая защита, традиция, модерн, постмодерн, отделение церкви от государства, традиционные ценности, религия и российская культура

Annotation. The article analyzes the Law on the Protection of Religious Symbols of Traditional Faiths, approved in July 2025, and considers the reasons for its emergence. It is demonstrated that the sacralization and absolutization of religious symbols in ancient times and the Middle Ages and, on the contrary, the aggressive and hostile attitude towards religious symbols in the West and in Russia today are a consequence of global ideological transformations that occurred in the process of changing historical paradigms, during the transition from the era of tradition to the New Age and then to the postmodern era. The newly adopted law is considered in a systemic connection with the Constitution of the Russian Federation, as well as with the basic legal documents reflecting the geopolitical and ideological trends of modern Russia. The author draws attention to the obvious contradiction between modern legal and socio-political practice: de jure, the church is separated from the state, de facto, there is no separation.

Keywords: religious symbol, legal protection, tradition, modernism, postmodernism, separation of church and state, traditional values, religion and Russian culture

Для цитирования: Парилов О.В. Правовая защита религиозного символа как традиционной духовно-нравственной ценности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 172–176.

15 июля 2025 года депутаты Государственной Думы на пленарном заседании приняли во втором и третьем чтениях Закон о защите религиозных символов традиционных вероисповеданий. 25 июля Совет Федерации его одобрил[1]. По свидетельству председателя Госдумы В. Володина, новый закон явился ответной реакцией депутатов на затирание религиозной символики при изображении культовых исторических объектов – тенденция, которая, начиная с 2023 года, приобрела массовый характер и в народе по-

[1] Федеральный закон от 31.07.2025 № 319-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511126/ (дата обращения: 14.09.2025).

лучила наименование «крестопада». Закон призван защитить символику всех традиционных религий России: ислама, иудаизма, буддизма, но главным поводом к появлению межфракционной инициативы законодательной защиты религиозных символов стала борьба различных художников-оформителей и дизайнеров с православным крестом. Одно дело, когда обескрещенные храмы изображают на рекламных баннерах-растяжках (вообще говоря, и это недопустимо). Другое дело, когда подобные исторические фальсификации в виде «снятия» крестов с соборов присутствует на обложке одного из последних изданий Конституции РФ или на обновлённой банкноте в 1000 рублей (в срезании крестов, собственно, и заключается идея обновления дизайна купюры). Новый закон нацелен на запрет изображать культовые объекты без религиозной символики в СМИ, рекламе, в государственных и муниципальных символах и знаках. В ближайшей перспективе в КоАП РФ будут внесены поправки, предусматривающие ответственность за нарушение положений закона.

Законопроект начали готовить ещё в мае. Обращает на себя внимание единодушие парламентариев – всякий раз он утверждался единогласно. Солидарно поддержали законопроект в том числе и российские коммунисты, которые, вопреки атеистическим установкам марксизма-ленинизма, продемонстрировали готовность защищать религиозные святыни.

Появлению нового закона предшествовало бурное обсуждение российской общественностью тенденции массового «крестопада»: какова природа этого явления? Что движет теми людьми, которые, вопреки историческим реалиям, изображают религиозные объекты без их символов? Высказывались различные, зачастую полярные точки зрения. Некоторые списывают это на банальный недосмотр, но, учитывая массовость явления и целенаправленное затирание именно религиозных символов, это объяснение не выдерживает критики. В ходе обсуждения законопроекта некоторые депутаты давали следующие объяснения. По мнению Главы Комитета Госдумы РФ по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Я. Лантратовой, причины могут быть разные: небрежность, провокация, но чаще всего, – это масштабная кампания по подрыву национального духа. По мнению депутата, новый закон призван защитить религиозные чувства миллионов людей, нацелен на сохранение культурного и исторического наследия[1]. Начальник военно-политического управления 88 разведывательно-диверсионной бригады «Эспаньола» А. Живов ещё более радикален в своём объяснении «крестопада» – это происки либералов-русофобов, засевших в кабинетах российской власти, отрабатывающих западно-глобалистскую повестку стирания культурной и религиозной памяти нашего народа[2]. А вот мнение ректора Российского православного университета Святого Иоанна Богослова А.В. Щипкова, которое он высказал в передаче С. Михеева «Традиция» и с которым нельзя не согласиться: стирают христианские кресты представители нетрадиционных вероисповеданий либо богоборцы, которых крест выводит из внутреннего равновесия. Это действительно так, вряд ли стоит искать рациональные, прагматичные причины затирания крестов на изображениях церквей. Эта борьба с христианскими религиозными символами абсолютно иррациональна. Если у человека есть что-то сакральное, дорогое и значимое, обязательно найдутся силы, которые предпримут атаку на это. Так будет всегда. Справедливо ученый определил внутреннее состояние борцов с религиозной символикой как ослепление и озлобление.

Транслируя глубокие смыслы, символ, не только религиозный, но и, к примеру, государственный, может быть чрезвычайно дорог для человека или народа, и в этом его сила. Во время Великой Отечественной войны полк, потерявший знамя, расформировывался. То есть, символ определял бытие воинского подразделения. Россия в XXI веке пережила величайший позор, когда на олимпийских соревнованиях наших спортсменов лишали государственного флага и гимна. Несомненно, этот шаг был одним из звеньев гибридной войны русофобского Запада против России, и они били в самую больную точку. Религиозный символ может быть дороже жизни, и это вовсе не метафора. Ярким историческим подтверждением этому является русское старообрядчество.

Если раскол в западной христианской церкви (в XVI веке – разделение на католицизм и протестантизм и позже – дробление протестантизма на множество деноминаций) произошёл из-за различных подходов к сути вероучения, предметом разногласий стало содержание христианской доктрины, то ключевая причина раскола в русской церкви – исключительно формальная, обрядовая. Содержание христианского вероучения в ходе реформы XVII века не было затронуто, патриарх Никон изменил лишь обряд, символ. Но при этом сотни тысяч русских людей, тех, кого позже назвали раскольниками, оставшись верными древлеправославному двоеперстию, добровольно лишили себя жизни, причём, зачастую, без видимых внешних гонений. Так, на севере нижегородчины люди сжигали себя целыми сёлами, по две тысячи человек, только чтобы не креститься тремя перстами, по их убеждению, – «испорченным» реформой символом. С точки зрения современной прагматичной цивилизации – это фанатизм и безумие, но, чтобы понять этот уникальный исторический феномен, необходимо посмотреть на мир, на высшие

[1] ГД приняла закон о запрете использовать изображения храмов без религиозных символов. URL: https://zavtra.ru/events/krestopad_ostanovlen_gosduma_edinoglasno_prinyala_zakon_o_zashite_religioznih_simvolov (дата обращения: 14.09.2025).
[2] Там же.

смыслы бытия глазами старообрядцев – представителей средневековой традиционной христианской культуры.

В процессе перехода от одной исторической парадигмы к следующей: от эпохи традиции – к эпохе модерна (Новому времени) в XVII веке, а затем от Нового времени к эпохе постмодерна в наши дни – кардинально менялось мировоззрение людей, трактовка смысла жизни и, конечно же, отношение к религии и её символам. Если мы проследим эти глобальные метаморфозы при переходе от эпохи к эпохе, мы поймём и логику людей христианской традиции – старообрядцев, добровольно лишавших себя жизни за христианский символ, и логику современной западной неолиберальный цивилизации и ее агентов в России, объявивших войну символам традиционных религий.

В мире сакрацентричной традиции мировоззрение людей полностью определялось религией[1]. Высшие смыслы бытия прочитывались за пределами эмпирического – они были в мире трансцендентном. Для типичных традиционалистов-старообрядцев XVII столетия целью жизни было исключительно спасение в вечности, а земное бытие рассматривалось лишь как приготовление к ней. Специфична в традиционной культуре и трактовка религиозного символа: он не только транслирует смыслы (подобная трактовка присуща парадигмам Нового времени и постмодерна), но и реально действует, обладает преобразующей силой, способен трансформировать не только окружающую действительность, но и, главным образом, внутреннюю природу человека. Так, крест реально защищает верующего от инфернальных воздействий, сообщает ему силу мира трансцендентного. Таким образом, в мире традиции природа религиозного символа не только формальна, но и содержательна. Представители средневековой традиционной культуры вообще не различали содержание и форму. Вот почему старообрядцы предпочитали добровольную смерть «испорченному» (конечно же, в их понимании) символу, ибо такой символ, по их убеждению, необратимо разрушает экзистенциальную природу, превращает человека в беззащитный объект воздействия инфернальных сил. Используя такой «неистинный» (в их понимании) символ, человек утрачивает надежду на спасение. Таким образом, если пользоваться «истинным» символом – двоеперстием – невозможно, то невозможно и жить в этом мире, чтобы не осквернить. Единственный выход – добровольно принять «последнее огненное крещение» – так старообрядцы воспринимали массовое самосожжение.

В эпоху Нового времени, которая стартует в XVII веке на Западе, а в России – в XVIII столетии, сознание людей кардинально меняется. Это, прежде всего, эпоха секуляризации (этим, главным образом, и было ново это Новое время). Религия постепенно уступает место науке, технике; Новое время по своей природе антропоцентрично, в том смысле, что человек земной объявляется богом, центром Вселенной. И все смыслы его бытия абсолютно земные: научно-технический прогресс, обустройство земного бытия, покорение и приручение природы. Символ в сознании субъекта модерна утрачивает преобразующую силу, он лишь демонстрирует. Отношение к религии и к религиозным символам у него по большей части равнодушное, а в эпоху позднего модерна (конец XIX – XX век) – уже и враждебно-агрессивное. Это месть Богу со стороны возомнившего себя богом человека. Поругание христианского символа обнаруживается в среде русских нигилистов XIX столетия (Ф. Достоевский показал это в романе «Бесы», когда нигилисты подкладывают мышь в икону Богородицы накануне большого церковного праздника – великий писатель пророчески увидел в этом инфернальную, бесовскую суть). А в двадцатые – тридцатые годы XX столетия убеждённые марксисты-ленинцы уже массово уничтожали христианские символы в нашей стране. В традиционную эпоху война с религиозной символикой имела исключительно религиозные основания. Как, например, римляне в 70 году нашей эры, усмиряя взбунтовавшуюся иудейскую провинцию, попутно разрушали иудейские символы – это была война античного язычества с иудаизмом. Ненависть марксистов-ленинцев к христианским символам в прошлом столетии детерминирована агрессивно-богоборческой идеологией. Поразительный факт приводит А.В. Щипков. Решетка Летнего сада в Петрограде была украшена орнаментами, на которых был изображен двуглавый орел, над ним – корона, над короной – крест. Захватившие власть большевики в Петрограде спиливали только кресты. То есть, возбуждал ненависть, колол глаза не символ старорежимного «эксплуататорского» государства, не символ российской монархии, а православный символ.

Стартовавшая в конце XX века эпоха постмодерна унаследовала идею богоборчества, ненависти к сакральному у Нового времени и абсолютизировала ее. Постмодерн вообще ничего нового не изобретает по сравнению с модерном, а лишь доводит его установки до крайности, до логического завершения. Новое время попыталось отменить Бога, религию – постмодерн объявляет им войну, позиционирует себя как враг Бога и традиционных религий, обращение с символами, святынями традиционных религий превращает в дьявольскую игру. Яркий пример – современные постмодернистские иконы, которые нельзя определить иначе как поругание христианства. Если Новое время ставит человека в центр мира, то постмодерн стремится абсолютно его раскрепостить, предоставить право жить по принципу «всё позволено» – в этом суть идеи толерантности. Новое время переводит высшие смыслы бытия в земную плоскость – постмодерн вообще дискредитирует высшие смыслы, подменяя их игрой. На сегодняшний день в

[1] Парилов О.В., Собко Р.В. Идейная преемственность В.С. Соловьёва и Иоахима Флорского // Соловьевские исследования. – 2011. – № 2 (30). – С. 26-32.

авангарде постмодерна идёт западная цивилизация, и проявляется это в идеях глобализма и неолиберализма. Не случайно для современного Запада характерны: война с традиционными религиями и их символами, интерес к антихристианской символике и сатанизму (в последнее время объектом агрессивного сатанинского воздействия на Западе стали дети). В Европе притесняют людей за религиозные символы (на последней олимпиаде сербского дзюдоиста отстранили от соревнований за то, что он перекрестился), глумятся над самими символами традиционных религий – показательны сжигания Корана, высмеивание религиозных святынь в сатирическом журнале «Charlie Hebdo». Сегодня угроза христианским символам исходит … от самой европейской церкви (если еще можно называть ее таковой). Епископ(ша) шведской Лютеранской Церкви Ева Брунне, открытая лесбиянка, призвала священство Стокгольма снять кресты с христианского храма, чтобы они не кололи глаза мигрантам-мусульманам – образец утверждения толерантности.

Такую же агрессивную иррациональную злобу европейцы испытывают к другим дорогим для россиян символам, например, к Георгиевской ленточке.

Верх цинизма в отношении к христианским символам демонстрирует современная Украина, когда изготовляет бомбы из православных икон, и это не единичный случай, а зловещая тенденция. В Псковской области сотрудники ФСБ задержали грузовик с иконами, начиненными гексогеном. Взрывоопасные иконы были изготовлены на Украине. Позже в Крыму по указаниям СБУ женщина пыталась взорвать здание ФСБ с помощью устройства, вмонтированного в икону.

В России проводниками повестки этой неолиберальной глобалистской постмодернистской цивилизации выступают маргинальные движения типа «фемен», которые в форме постмодернистских игр-перформансов транслируют идею полного раскрепощения (прилюдно обнажаясь) и уничтожают христианские символы при большом стечении народа (спиливает поклонные кресты). Мы полагаем, что такова же природа и анализируемого явления «крестопада» – это отголосок неолиберальный постмодернистской глобалистской цивилизации Запада, воюющей с традиционными религиями и ее символами.

Возможно, новый закон станет объектом критики со стороны российской либеральной общественности, вызовет упреки в «клерикализации», нарушении ст. 14 Конституции РФ, утверждающей Россию как светское государство и постулирующей отделение религиозных объединений от государства. Однако закон о защите религиозных символов находится в системной связи с базовыми актуальными юридическими документами, в том числе, и отражающими геополитические, идеологические тренды последних лет. Так, согласно Конституции, государство обязуется защищать человека, его права и свободы (Ст. 45), его жизнь и достоинство (Ст. 20, 21), честь и доброе имя (Ст. 23), возможность определения своей национальной принадлежности (ст. 26); гарантируется свобода совести и вероисповедания (Ст. 28), мысли и слова (Ст. 29)[1].

Но Государственная защита религиозных символов – это и защита гражданина: его убеждений, его веры и святынь, то есть его духовного здоровья. Новый закон о защите религиозных символов коррелирует с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[2]. Символы традиционных религий – это такие же традиционные ценности, подлежащие защите, ибо обладают всеми атрибутами таковых: формируют мировоззрение граждан, передаются от поколения к поколению, лежат в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства (п. 4). Символы непосредственно связаны с теми ценностями, которые признаны Указом традиционными (п. 5): жизнь, достоинство, права и свободы человека (как мы показали выше, защита религиозных символов означает защиту человека, его прав, достоинства, духовного здоровья); приоритет духовного над материальным (символ является материальным воплощением высших духовных сакральных смыслов); историческая память и преемственность поколений (религиозные символы сами по себе являются частью исторической памяти народов России, передающейся из поколения в поколение). Кроме того, Указ прямо утверждает, что именно традиционные религии (христианство, ислам, буддизм, иудаизм) сыграли решающую роль в формировании традиционных ценностей. При этом доминирующая роль в их становлении и укреплении признаётся за православием (п. 6).

Очевидна связь нового закона и с Концепцией гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, Указ об утверждении которой Президент РФ подписал в 2022 году. Там в качестве одной из главнейших задач названа защита русского мира, его традиций и идеалов[3]. Но сам концепт русского мира нерасторжимо связан с православием и его символикой. Этот очевидный факт признается всеми, но

[1] Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 14.09.2025).

[2] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 14.09.2025).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280 (дата обращения: 14.09.2025).

оценивается по-разному. Для одних православие – это богатство России, её культурный код. Для других (русофобов, наследников П.Я. Чаадаева) – проклятие. Невозможно отрицать, что становление русской государственности непосредственно связано с Крещением Руси. Ведущую роль сыграла церковь и в централизации России, объединении русских земель вокруг Москвы. Культура русского этноса, народная психология сформированы православием. Собственно, как минимум в течение 8 веков (с XI по XVIII) культура Руси – России практически полностью определялась православием (живопись, литература, зодчество); образование вплоть до XVIII столетия также исключительно было церковным. И сегодня православие и его символы играют заметную роль в русской культуре, жизни. Многие храмы имеют форму креста, по всей России на дорогах стоят поклонные кресты. Так что задача защиты русского мира неизбежно подразумевает и защиту православия и его символа – креста.

Что касается возможных упреков в нарушении конституционной нормы об отделении церкви от государства, мы считаем, что на сегодняшний день подобное отделение фактически иллюзорно. С одной стороны, государство не отделяется от церкви. Новый закон о защите символов традиционных религий, а также другие проанализированные выше документы красноречиво свидетельствуют о том, что власть защиту традиционных религий, церкви и религиозных символов трактует в качестве политической задачи. С другой стороны, мы видим, что церковь активно участвует в государственной, в том числе и законотворческой жизни. Так, в разработке, обсуждении, корректировке Закона о защите символов традиционных религий активно участвовали представители всех традиционных конфессий, но ведущая роль в этом процессе принадлежала Правовому управлению Московской Патриархии РПЦ. Именно руководитель Управления игуменья Ксения (Чернега) анонсировала дальнейшую работу по утверждению мер ответственности за нарушение данного закона.

Изначально сама идея законодательного отделения церкви от государства была порождена, выношена и реализована предтечами нынешних либералов Временным правительством. Впоследствии, вполне ожидаемо, её поддержали и утвердили большевики, в русле идеологии тотального атеизма. Те и другие ушли в небытие. Порождённая ими юридическая норма продолжает жить. Мы не утверждаем, что она устарела, тем более не призываем к её отмене. Просто констатируем очевидное противоречие, несоответствие правовой и социальной реальности. Де-юре церковь отделена от государства. Де-факто никакого отделения нет.

Плетников Виктор Сергеевич

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Pletnikov Viktor Sergeevich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law named after S.S. Alekseev Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

E-mail: pvs80@mail.ru

Плетникова Мария Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева

Pletnikova Maria Sergeevna

candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Prosecutor's Activities of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

E-mail: maka.pletnikova@mail.ru

Юридическая форма правового символа

The legal form of the legal symbol

Аннотация. В статье представлены результаты познания юридической формы правового символа как средства юридической техники. В процессе исследования обращено внимание на неоднозначность содержания понятия «правовой символ», на необходимость его использования только в границах юриспруденции, а также на место и роль формы в процессе определения содержания понятия.

В результате сформулирован ряд выводов, которые требуют внимания как со стороны научного сообщества, так и представителей практической юриспруденции:

- юридическая форма правового символа формируется не только посредством нормативного правового акта,
- индивидуальные правовые акты являются неотъемлемой частью формы, определяющей содержание правового символа.

Отдельно, в связи с фактическим увеличением объема представлений о праве, указано на необходимость пересмотра понятия «форма (источник) права».

Ключевые слова: правовой символ, юридическая форма, знак, образ, право, форма права, правовая система России

Annotation. This article presents the results of an investigation into the legal form of a legal symbol as a tool of legal technique. The study addresses the ambiguity of the concept of "legal symbol," the need for its use only within the boundaries of jurisprudence, and the place and role of form in determining the concept's content.

As a result, a number of conclusions have been formulated that require the attention of both the academic community and practitioners of jurisprudence:

- the legal form of a legal symbol is formed not only through normative legal acts;
- individual legal acts are an integral part of the form that determines the content of a legal symbol.

Separately, in light of the increasing scope of legal concepts, the need to revise the concept of "form (source) of law" is emphasized.

Keywords: legal symbol, legal form, sign, image, law, form of law, legal system of Russia

Для цитирования: Плетников В.С., Плетникова М.С. Юридическая форма правового символа // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического

форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 177–182.

Представители различных юридических научных школ в качестве объекта познания рассматривают правовой символ. В результате исследований предложены дефиниции, определена динамика и значение, выделены основания для классификации и собственно виды, проанализирован порядок использования правовых символов[1] и т.д.

При этом в юридической науке отсутствует единство в определении содержания понятия правовой символ; единства нет в определении его родовых характеристик, сущности. В ряде случаев ученые-исследователи, авторы учебной литературы по дисциплине «Юридическая техника» не называют правовой символ среди юридико-технических средств, используемых в правовых актах, а если и называют, то забывают раскрыть его существенные признаки[2]. В связи с данными обстоятельствами, для полной и качественной характеристики юридической формы правового символа, важно сделать ряд уточнений.

Во-первых, при раскрытии содержания понятия формулировка «правовой символ – это символ…» некорректна. Хотя если речь идет, например, о видах или функциях вполне допустима. Также не следует ставить знак равенства между символом и знаком, поскольку знак более широкое понятие, причем в отличие от символа имеет, как правило, конкретное, однозначно определенное, фиксированное содержание, тогда как символы теоретически позволяют мультиплицировать смыслы практически до бесконечности[3]. Символические знаки – «знаки по соглашению» – не похожи на то, что они замещают, имеют большую степень абстракции.

Как следствие, правовой символ по своему содержанию скорее ближе к образу, форме отражения объекта в сознании человека[4], а поскольку образ по своей природе идеален, существует в сознании субъекта, для его представления во вне, ему необходимо придать соответствующую форму. Как результат, правовой символ есть некий образ, воплощенный в праве – форма этого образа. В праве закрепляется образ отношения субъекта к объекту, содержащий как объективные характеристики, так и субъективные – эмоциональное отношение к отражаемому, основанное на прошлом опыте. Субъективный прошлый опыт человека выражается в сложной, иерархизированной системе эмоционально-смысловых образований, которые актуализируются под воздействием стимула и предшествуют каждому акту восприятия тех объектов, в отношении которых они были сформированы[5].

Во-вторых, часто оставляют без должного внимания тот факт, что право, правовая система, также, как и символы, относятся к знаковым системам[6]. Изначально право, это текст, написанный на естественном языке народа, проживающего в данной местности и договорившегося о содержании отдельных слов, терминов… Довольно убедительно об этом пишет М.Л. Давыдова, когда определяет «право в качестве особого социального символа метаюридического плана»[7]. Право есть единство мысли и знаков как логико-языковых феноменов, – отмечает А.Ф. Черданцев[8], форма закрепления и доведения идей господствующего субъекта до всех членов общества.

---

[1] Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 56-62; Уланов Н.Д. К вопросу о философско-правовой дефиниции правовых символов // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 226-231; Муминов У.К. Особенности становления и правового регулирования института государственных символов республики Таджикистан // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2013. № 3-4. С. 85-88; Давыдова М.Л. Классификация правовых символов // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9). С. 4-10; Шарно О.И. Классификация правовых символов в контексте правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2 (21). С. 22-28; Нужин К.В. Правовое регулирование ответственности за ненадлежащее использование государственных символов субъекта РФ // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 3. С. 35-38 и др.

[2] Горохова, С. С. Юридическая техника: учебник и практикум для вузов / С. С. Горохова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 340 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18450-1. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/560454 (дата обращения: 03.09.2025); Калина, В. Ф. Юридическая техника: учебник для вузов / В. Ф. Калина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 264 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21145-0. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/559442 (дата обращения: 03.09.2025).

[3] Никоненко С. В. К вопросу о соотношении символа и знака // Вестн.С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 3. С. 47–53. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.306; Бразговская Е.Е. Семиотика. Языки и коды культуры: учебник и практикум для академического бакалавриата / Е. Е. Бразговская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 187 с.

[4] Философский энциклопедический словарь. С. 432.

[5] Плетников В.С. Модель государства: монография / В.С. Плетников. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 298 с. – С. 43-44.

[6] Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А.Ф. Черданцев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 320 с. – С. 14-16.

[7] Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С.56-63.

[8] Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А.Ф. Черданцев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 320 с. – С. 13.

Если формировать понятие правового символа в обозначенных аспектах восприятия символа и права, возникает бессмысленная конструкция.

Понятие правовой символ обретает и имеет свое особое содержание только в границах юриспруденции, когда происходит искусственное соединение содержания понятий «символ» и «право». При чем с подменой первоначального содержания последнего. В данной конструкции право это не столько знаковая система, сколько система общеобязательных формально определенных норм, выражающих меру свободы человека и устанавливающих каноны равенства и справедливости в обществе, принятых или санкционированных государством и охраняемых им от нарушений[1], т.е. некоторая ценность, но даже в этой интерпретации четко прослеживается форма, обуславливающая внешнюю объективацию права. Право – это единство формы и содержания, – пишет С.С. Алексеев[2]. При интерпретации понятия «правовой символ» в первую очередь следует исходить из того, что его содержание формируется путем соединения двух сущностей: символ – отражение образа, правовой – отражение ценности данного образа для общества, но внешняя форма права – это не только специальное юридическое содержание акта, но и внешнее словесно-документальное изложение выраженной в нем воли[3]. Только после осознания данных обстоятельств становится возможным анализировать его юридическую форму.

В-третьих, для качественного познания юридической формы правового символа, важное значение имеет полнота представлений о норме, которая выражает «меру свободы человека …»: где она содержится, кто ее создает и т.д.

По мнению В.Д. Перевалова норма права – общеобязательное формально-определенное правило поведения, установленное и обеспеченное обществом и государством, закрепленное и опубликованное в официальных актах, направленное на регулирование общественных отношений путем определения прав и обязанностей их участников[4]. Следовательно, можно утверждать: в юридической конструкции нормы права закрепляются взаимные права и обязанности субъектов; они формируют содержание правила поведения[5]; охраняются государством от нарушения.

В современных условиях российское государство охраняет от нарушения значительный объем прав и обязанностей, при чем последние отражены как в актах, обладающих высшей юридической силой, так и в иных источниках, в том числе, с учетом общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, признанных в ч. 1 ст. 55 Конституции России, в весьма специфических. Следовательно, в правовой системе России, с учетом господствующей нормативистской концепции правопонимания, символ становится правовым при отражении его образа в любом источнике, создаваемом субъектами публичной власти и закрепляющем субъективные права и юридические обязанности.

Первые три уточнения связаны с определением «предметной сущности»[6] – содержания понятия «правовой символ». Четвертое уточнение, завершает формирование методологической основы исследования, и собственно, обращает внимание на форму. Предметная сущность, если не выражена в определенной форме значит ее нет. По меткому утверждению А.Ф. Лосева «… форма … есть *становящаяся в ином* сущность…». Форма есть «залог всяческого функционирования сущности», «твердо очерченный лик сущности»[7].

Юридическая форма правового символа не связана с его внешней объективацией, будь то звуковой, устный, световой или символ-действия[8], чтобы стать правовым символом он должен быть представлен в праве на языке конкретного общества в виде знаковой системы; применительно к Российской Федерации должен получить письменную форму, закрепление в акте, содержащем норму права, обеспеченном силой государственного принуждения. Для подтверждения тезиса, обратим внимание на известные всем правовые символы:

- звуковой символ – гимн (текст и его музыкальная редакция) – закреплен федеральным конституционным законом от 25.12.2000 № 3-ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации»;

---

[1] Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 552 с. – С. 138.

[2] Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. М.: Наука, 1987. № 6. С. 14.

[3] Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с. – С. 482.

[4] Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 552 с. – С. 205.

[5] Плетников В.С. Субстанционально-функциональная характеристика правовых средств в условиях технологизации общественной жизни (в продолжение идей С. С. Алексеева) // European and Asian Law Review. 2024. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/substantsionalno-funktsionalnaya-harakteristika-pravovyh-sredstv-v-usloviyah-tehnologizatsii-obschestvennoy-zhizni-v-prodolzhenie (дата обращения: 04.09.2025).

[6] Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1995. – 944 с. С. 8.

[7] Там же. С. 15.

[8] Юридическая техника. Juridical techniques: учебник / под ред. В.М. Баранова. М.: Проспект, 2024. 696 с.

- устный символ – «Есть» (ответ военнослужащего, получившего приказ) – п. 43 Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации»);

- световой символ и связанные с ними символы-действия – сигналы светофора и регулировщика – закреплены в разделе 6 постановления Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения».

При видимой однозначности характеристики юридической формы правовых символов в российской правовой системе – нормативный правовой акт – при детальном анализе возникает ряд вопросов. А если учесть, что применительно к юриспруденции проблемы (несоблюдение/несоответствие) с формой не позволят правовому символу стать правовым и выполнить стоящие перед ним задачи, реализовать присущие ему функции – юридическая форма правового символа требует пристального внимания.

Первый вопрос, как бы это не звучало банально, что такое нормативный правовой акт. За последние 20 лет в исследованиях отечественных юристов не сформировано должного понимания природы нормативного правового акта, возникло больше вопросов, чем ответов.

В Приказе Ростехнадзора от 24.12.2009 № 1053 «О Порядке подготовки нормативных правовых актов Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору и их государственной регистрации» сказано, «это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм». Аналогичная позиция отражена в методических рекомендациях, которые размещены на сайте Министерства юстиции Российской Федерации: «…письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм»[1]. Мало того, что данные дефиниции заключают в себе «круг» – одно понятие определяется через другое (нормативный ***правовой*** акт, через ***право***творческие органы), так еще в них не содержится ответа на вопрос кто эти правотворческие органы.

При этом ранее Правительством Российской Федерации принято постановление от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» в котором сказано, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти «издаются при наличии в федеральных конституционных законах, федеральных законах, актах Президента Российской Федерации и постановлениях Правительства Российской Федерации полномочий на издание того или иного нормативного правового акта или группы актов». В данном случае федеральные органы исполнительной власти являются органами исполнительной власти, а не правотворческими; нормативные правовые акты являются результатом деятельности тех органов, которые имеют на это соответствующие полномочия.

Возможно, представителям органов публичной власти стоит присмотреться к положениям, выработанным научным сообществом, и, например, закрепить, что нормативный правовой акт – это официальный документ, изданный компетентными субъектами в одностороннем порядке, содержащий нормы права[2]. Тогда будет возникать на порядок меньше вопросов и появится возможность отнести к нормативным правовым актам акты, например, возникающие в результате референдума.

Во-вторых, в современных условиях развития практики правотворчества юридическая форма правового символа, как правило, находит отражение не в одном нормативном правовом акте, а в нескольких, имеющих различную юридическую силу. В значительном числе случаев складывается ситуация, когда часть актов уже принята, а вторая в которой, например, определяется форма или порядок еще не принято. Как итог, результат (итоговый вид юридической формы) весьма специфичен.

Для примера обратим внимание на товарный знак как правовой символ и его юридическую форму. По своей природе словосочетание «товарный знак» является правовым символом, который формирует на основании статей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и понимания того, что:

- лицо, на имя которого зарегистрирован товарный знак имеет исключительное право его использования любым не противоречащим закону способом, а также может распоряжаться его судьбой (ст. 1484 ГК РФ);

- если товарный знак размещен на товаре незаконно, то такой товар является контрафактным (ст. 1515 ГК РФ) и т.д.

---

[1] Методические рекомендации по определению нормативности правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов в целях ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов и регистров муниципальных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации / авторы: Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. – М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2019. – 140 с.

[2] Теория государства и права: *учебник:* в 2 книгах / отв. ред. А. С. Шабуров, В. С. Плетников. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009. – Книга 1. – 239 с. С. 175.

При этом словосочетание «товарный знак» ни коем образом не формирует представления о конкретном его обладателе, продукции, обозначаемой данным товарным знаком, сфере его использования и т.д. Для этих целей, а также введения товарного знака в гражданский оборот, он должен быть в соответствии с положением о Федеральной службе по интеллектуальной собственности (утв. постановлением Правительства РФ от 21.03.2012 № 218) зарегистрирован в Роспатенте.

Согласно требованиям отечественной юридической практики деятельность государственных органов по предоставлении государственных услуг должна регулироваться соответствующим административным регламентом. В нашем случае подача заявления и регистрация товарного знака осуществляется на основе:

- приказа Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак»;

- приказа Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 483 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов».

Собственно регистрационные действия осуществляет федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный институт промышленной собственности», соответственно необходимо учитывать приказ ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов».

Следовательно, дополнительно к ГК РФ юридическая форма товарного знака формируется посредством постановления и приказов органов и учреждений государства. Но и в данном случае еще не все. Защита конкретного товарного знака возникает с даты подачи заявки, а право на знак – после его регистрации. Без заявки и свидетельства (решений о принятии и регистрации) конкретный товарный знак существовать не может.

Делаем вывод о том, что юридическая форма товарного знака формируется не только на основании нормативного правового акта, но и конкретных индивидуальных правовых актов, поскольку сам, индивидуально определенный товарный знак, представлен в решении Роспатента о государственной регистрации товарного знака. Данное решение в совокупности с системой нормативных правовых актов, регулирующих право на товарный знак, будет формировать индивидуально определенный товарный знак как правовой символ, обеспеченный охраной государства. В связи с чем возникают вопросы к современному понятию права, ведь в нем нет ни слова о индивидуальных правовых актах, а правовой символ есть «… образ, воплощенный в праве …».

Аналогичного рода вопросы, возникают и в отношении писем органов государственной власти. В действующем отечественном законодательстве, несмотря на утрату силы приказа Минюста РФ от 04.05.2007 № 88 «Об утверждении Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (п.3), встречаются формулировки о том, что «издание нормативных правовых актов в виде писем и телеграмм не допускается»[1]. При этом содержание такого правового символа как налог определяется в том числе с учетом содержания постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газ-

[1] Приказ Минэкономики РФ от 29.08.1997 № 96 «О мерах по выполнению в Минэкономики России Постановления Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. N 1009 "Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (п.3); Приказ Россельхознадзора от 16.05.2025 № 555 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в центральном аппарате Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору» (п.3.6.2)

пром нефть»[1], в котором письмо признано актом правотворчества сочетающим, как писал С.С. Алексеев, «нормативное и индивидуальное в содержании»[2].

Таким образом, юридическая форма правового символа определяется в том числе, актами судебных органов, а также зависит от содержания ненормативных правовые акты с нормативным содержанием[3] (писем органов государственной власти).

Подводя промежуточные итоги, считаем нужным констатировать следующее.

1. Анализ юридической формы правового символа позволяет утверждать, что правовой символ, как некий охраняемый государством образ, отраженный в праве, формируется не только посредством нормативного правового акта.

Распространенной является практика определения содержания правового символа посредством правоприменительных актов органов государственной власти.

Значимый вклад в формирование содержания правового символа вносят акты высших судебных органов государственной власти.

Особое место в деле формирования понимания правового символа отведена ненормативным правовым актам с нормативным содержанием.

2. Соотнесение характеристик юридической формы правового символа и понятия «правовой символ» требуют от ученых-юристов, в целях качественной организации правовой системы России, обратить пристальное внимание на современное понимание права и особенности его содержания; пересмотреть, в связи с фактическим увеличением объема, подходы к понятию форм (источников) права.

[1] СПС «Гарант».

[2] Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 433-434.

[3] Подробнее см.: Плетников В.С., Плетникова М.С. Юридическая техника и культура законодательной деятельности // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 449-453.

Понкин Игорь Владиславович

доктор юридических наук, профессор, директор Автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата»

Ponkin Igor V.

Doctor of science (Law), State professor, director of Autonomous Non-Commercial Organization «Chamber of Arbitration for Sport»

E-mail: i@lenta.ru

Теория правовой символики

Theory of Legal Symbolism

Аннотация. Статья посвящена понятию, значению и особенностям применения правовой символики. Автор представляет основы теории правовой символики. В статье даны авторские дефиниции понятий: «Метод оперирования правовой символикой», «Правовой символ (знак)». Автор подробно излагает и объясняет функционально-целевое назначение правовые символов.

Ключевые слова: правовой символ, метод оперирования правовой символикой, правовая аналитика, правовая наука, методология

Annotation. The article is devoted to the concept, significance, and peculiarities of the application of legal symbols. The author presents the fundamentals of the theory of legal symbols. The article provides the author's definitions of the concepts of “method of operating with legal symbols” and “legal symbol (sign).” The author details and explains the functional and purposeful use of legal symbols.

Keywords: legal symbol, method of operating with legal symbols, legal analytics, legal science, methodology

Для цитирования: Понкин И.В. Теория правовой символики // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / Гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 183–185.

Изображения – не просто раскрашенный холст, они воздействуют
на чувства и мысли, оставляют след в душе, пробуждают предчувствия.
Иоганн Вольфганг Гёте[1].

Тема правового символа (франц. – «*symbole juridique*»; испан. – «*símbolo legal*»; англ. – «*legal symbol*») – не сказать, что исхожена исследователями-интерпретаторами вдоль и поперёк, но и *terra incognita* тоже не является. Есть достаточно известные работы по этому тематическому горизонту[2].

Тем не менее, недооценённость данного тематического горизонта очевидна, и таковой объективно нуждается в дальнейшем переосмыслении и реинтерпретации на более глубоком уровне в интересах развития методологии правовой науки и правовой аналитики[3]. И основа основ здесь – это ужесточаю-

[1] *Иоганн Вольфганг Гёте.* Собрание сочинений: Пер. с нем. Т. 3: Из моей жизни. Поэзия и правда: Пер. с нем. Н. Ман / Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. Коммент. Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – 719 с. – С. 306.

[2] См., например: *Исаков В.Б.* Говорите языком схем: Краткий справочник. 2-е изд. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2022. – 216 с. *Исаков В.Б.* Словарь правовой аналитической графики. – М.: Норма – ИНФРА-М, 2019. – 272 с. См. также: XXVII Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» «Символы в праве (доктрина, практика, техника)»: Библиография по проблеме правовых символов. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2025.

[3] *Понкин И.В.* Методология научных исследований и прикладной аналитики: Уч. Изд. 5-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 1: Прикладная аналитика: Мастерство и искусство аналитического мышления и аналитической работы. – М.: Буки Веди, 2024. – 720 с. <https://moscou-ecole.ru/ponkin_methodology_5_1_practical-analytics/>. *Понкин И.В., Лаптева А.И.* Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 5-е, дополн. и перераб. В 2 т. Т. 2: Научные исследования: Мастерство и искусство научного мышления и научной работы. – М.: Буки Веди, 2025. – 752 с. <https://moscou-ecole.ru/methodology_5_2_scientific-research-2025/>. *Понкин И.В.* Иллюстрированное введение в прикладную аналитику. Приложение к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». – М.: Буки Веди, 2024. – 88 с. <https://moscou-ecole.ru/2024/04/02/analyst-training/>. *Понкин И.В.* Иллюстрированное введение в научно-исследовательскую работу. Приложение № 2 к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики». – М.: Буки Веди, 2025. – 80 с. <https://moscou-ecole.ru/analyst-training2/>.

щее строгость формализации и повышающее глубину понимания уточнение дефиниций ключевых понятий, соответствующее погружение в семиотику[1] данного вопроса.

Метод оперирования правовой символикой – это один из схемографически-визуализирующих (когнитивно-графических) методов репрезентации юридических или юридически существенно-значимых данных, образов (ментальных проекций) и/или предписаний в форме знака (графического обозначения или жеста) с последующим реальным или потенциальным воплощением транслируемого коммуникативного послания. Объём семантической области «символ в праве» больше объёма семантической области «правовой символ», входящей в первую из указанных. Понятие «правовой символ» не имеет единого согласованного, общепринятого определения.

Правовой символ (знак) – это полилатеральная и многоуровневая невербальная сверхкраткая **прагматико-семантическая сущность** (смысловой «узел», культурный артефакт), реализуемая в визуально осязаемых, официально признанных (юридически установленных) или конвенционально-однозначно в правовой традиции когнитивно распознаваемых формах (эмблема, марка, геральдический знак, жест, иное графические обозначение), структурно и интерсекционально интегрированная в семиотическое, формально-юридическое и юридико-когнитивное измерения в качестве семиотическо-регулятивного механизма упорядочения, системной когерентности, легитимности и культурно-правовой преемственности правовой реальности и её отображения, в кодированном виде (в сжатой интенсивно-ёмкой «свёртке») конкретизирующая, хранящая, артикулированно репрезентующая и транслирующая абстрагированные (культурно или институционально сформированные) нормативные ценности и правовые принципы (суверенитет, идентичность, правосудие, нравственность, справедливость), а также конкретные нормативные предписания.

Узнаваемая, укоренённая в правосознании **правовые символы обладают следующим функционально-целевым назначением**:

– выступают структурированным ассоциативно-ментальным, когнитивным «якорем» в толковании и понимании права и рефлексиях на правовую действительность – в рамках аксиологических основ и когнитивных рамок правового порядка и референтного ему контекстного, коннотативного и дискурсивного окружения;

– онтологически упрощают восприятие и интерпретацию сложных правовых абстрактных аксиоматизаций и концептов (власть, ответственность, долг, честь, нравственность, верность) до относительно легко воспринимаемых и усваиваемых сверхкратких форм коммуникативных посланий, синтетически соединяя простой сенсорный опыт со сложным концептуальным правовым мышлением; обеспечивают интуитивное понимание и усвоение таких аксиоматизаций и концептов;

– осуществляют отсылки к правовому порядку и публичному порядку через расшифровку устоявшихся (укоренённых в сознании) общих ассоциативных ментальных моделей (схем) – институциональных знаков легитимности и порядка, имеющими определённую юридическую силу; активируя такие ментальные модели (схемы), связывают материальные формы с абстрактными понятиями (надлежащая правовая процедура; правосудие; справедливость);

– обеспечивают уважение к государству и публичному порядку через формирование преданности государственным инсигниями (лат. insignia – знаки) – внешним знакам власти (государственным флагу и гербу);

– интернализируют маркеры профессиональной юридической идентичности и власти;

– применимы (используются) как оперативные инструменты, встроенные в правовые рамки.

Правовых символов используется целая линейка (комплекс), точнее даже – целый ряд таких линеек, в числе прочего, в следующих сферах:

– в публичном праве: национальные флаг и герб (суверенитет); знаки «фасции», «держава», «скипетр» (власть, государство); знак «весы правосудия» (беспристрастность), знаки «юридический молоток», «Фемида», «судебная печать», «юридические весы» (правосудие), знак «юридическая колонна» (фундаментальность и незыблемость правового порядка; сила, стабильность и непреложность правосудия); логотипы государственных органов и др.;

– в военном праве: боевое знамя войсковой части; эмблема вида или рода войск либо войсковой части; тактический знак группировки войск; штандарт командующего; знаки различия по воинским званиям; идентификаторы в производстве вооружений и др.;

– в норморайтерской и иной юридико-технической работе: знак раздела «§» в нормативном акте или договоре; знак «омега» (Ω), в англосаксонской традиции означающий конец или заключение юриди-

[1] **Семиотика** – наука о знаках и знаковых системах. В рамках семиотического анализа независимо от сферы его использования, как правило, выделяются три уровня исследования знаковых систем: синтактика изучает сочетания знаков и способы их сочетания; семантика исследует знаковые системы как средства выражения смысла – основным её предметом является интерпретация знаков и сообщений; прагматика связана с изучением отношения между знаковыми системами и теми, кто использует и интерпретирует содержащиеся в них сообщения (*Красильникова Я.А.* Информационная картина мира в программах провинциального телевидения: семиотический аспект // Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и её содержания / Науч. ред. А.А. Стриженко. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. технич. универс. им. И.И. Ползунова, 2003).

ческого аргумента или раздела; сокращение «et al.» в библиографическо-источниковой записи; знак «&» означает в юридических формулировках «и»; стандартизированы конвенциями, типа «The Bluebook»;

– в праве интеллектуальной собственности: знак авторского права (© – копирайт), обозначение товарного знака («™» или, при его зарегистрированности, «®»); знак обслуживания; коммерческое обозначение;

– в биомедицинском[1] и фармацевтическом праве;

– в регулировании обеспечения пожарной безопасности, радиационной безопасности, санитарно-эпидемиологической безопасности, биологической безопасности и др.;

– в регулировании автодорожного[2], железнодорожного, водного, воздушного, пешеходного движения и в сфере обеспечения транспортной безопасности;

– в регулировании индустриально-технологической сферы и в обеспечении технической безопасности и др.

Правовые символы обоснованно подразделять на 6 функциональных категорий:

1) государственные инсигнии, отображающие национально-государственную идентичность или принадлежность к месту в системе органов власти;

2) регулятивные или прескриптивные (предписательные) знаки – содержат и реализуют форму нормативного предписания (например, дорожный знак);

3) защитные символы – несут в себе особый охранно-правовой смысл – для обозначения конкретных охраняемых и защищаемых объектов, мер правовой охраны и правовой защиты; определяются и/или охраняются законом;

4) символы юридически значимого информирования (например, символы на медицинской технике);

5) условные обозначения, помогающие организовывать юридические тексты и ссылаться на части юридических текстов, облегчая эффективную передачу сложных идей в юридических документах;

6) правовые символы, отображающие правовые концепты или репрезентующие юридические нормативные ценности и правовые принципы.

Кроме того, правовые символы различаются между собой по следующим основаниям:

– степень кодирования «зашитого» в правовой символ коммуникативного послания;

– степень «юридичности» (ёмкости правовой семантики), степенью выраженности нормативной предписательности (или, напротив, чистой информативности) и степенью юридической силы, степенью композиционной сложности и по другим основаниям;

– степень конвенциональной признаваемости и, соответственно, узнаваемости (связанная с этим степень укоренённости в правосознании, в правовой культуре, в правовых коммуникациях).

Что касается последней из перечисленных позиций, объёмы активно применимых юридических символов разнятся от страны к стране, от одной правовой культуры – к другой. Так, китайский символ верховенства закона отображает мифическое существо Сечжи (獬豸; xiè zhì), известность и применимость которого в названном качестве явно теряется за пределами китайской культуры. Да и само семантическое значение тех или иных юридических символов нередко существенно зависит от контекста, варьируется в зависимости от применения.

Некоторые охраняемые символы и правовой режим их использования прямо устанавливаются законами. Приведём для примера отсылки к законам США: Закон США 1976 года «Об авторском праве» (17 Свода законов США, § 401[3]), регулирующий использование символа ©; Закон Лэнхема (15 Свода законов США, § 1051[4]), регулирующий использование товарных знаков; правовой режим Государственного флага США (4 U.S. Code § 1[5]), устанавливающий правила использования и демонстрации государственного флага США как национального символа; правовой режим Большой государственной печати (18 Свода законов США § 713[6]).

Надлежащее оперирование правовой символикой является важным элементом требований юридической техники. Соответственно, обоснованно вести речь о технико-юридических критериях качества правовой символики, оценивая такое качество. В условиях развития и всё более интенсивного внедрения машиночитаемого, машинопроизводимого и машиноисполняемого права, юридических кибер-метавселенных[7] актуальность и значение правовой символики будут экспоненциально расти. Этому способствуют и процессы глобальной стандартизации.

---

[1] См., например: ГОСТ Р ИСО 15223-1-2023. Изделия медицинские. Символы, применяемые для передачи информации, предоставляемой изготовителем. Ч. 1: Основные требования / Утв. и введён в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 14.07.2023 № 537-ст. М.: Российский институт стандартизации, 2023. 46 с.

[2] См.: Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 27.03.2025) «О Правилах дорожного движения» // <https://www.consultant.ru>.

[3] <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/401>.

[4] <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/1051>.

[5] <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/4/1>.

[6] <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/713>.

[7] См., например: *Понкин И.В., Лаптева А.И.* Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2021. 174 с. <http://moscou-ecole.ru/2021/03/06/ponkin_lapteva_law-and-digital-2021/>. *Понкин И.В.* Кибер-метавселенная: правовой взгляд // International Journal of Open Information Technologies. 2023. Vol. 11. № 1. С. 118–127.

Романовская Вера Борисовна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Romanovskaya Vera Borisovna

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

E-mail: Vera_borisovna@mail.ru

О роли символов, чисел и магии в истории права

On the Role of Symbols, Numbers, and Magic in the History of Law

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу символов в праве, их функциям и значению в юридической практике и науке. Рассматривается роль символов, таких как государственный флаг, герб, судебная мантия и весы Фемиды, как средств визуализации и укрепления авторитета правовых норм, а также инструментов идентификации и легитимации власти. Особое внимание уделяется символическому и ритуальному языку юридических текстов, который усиливает их обязательный характер и общественное восприятие. Исторически символы служили универсальным языком для выражения прав, обязанностей и власти ещё до формирования сложных правовых систем и письменности, что подтверждается примерами из античности и средневековья: корона, меч, длань Божия и числовая символика в судопроизводстве. Автор подчеркивает, что символы оказывали значительное эмоциональное и психологическое воздействие на восприятие права, обеспечивая преемственность и стабильность правовых традиций и государственных институтов.

Ключевые слова: магия, символы, числа в праве, история права

Annotation. The article is devoted to the historical and legal analysis of symbols in law, their functions, and significance in legal practice and science. It examines the role of symbols such as the national flag, coat of arms, judicial robe, and scales of Themis as means of visualizing and reinforcing the authority of legal norms, as well as instruments of identification and legitimation of power. Special attention is given to the symbolic and ritual language of legal texts, which enhances their binding nature and social perception. Historically, symbols served as a universal language for expressing rights, duties, and authority even before the development of complex legal systems and writing, as evidenced by examples from antiquity and the Middle Ages: the crown, sword, the Hand of God, and numerical symbolism in judicial proceedings. The author emphasizes that symbols exerted significant emotional and psychological influence on the perception of law, ensuring the continuity and stability of legal traditions and state institutions.

Keywords: magic, symbols, numbers in law, history of law

Для цитирования: Романовская В.Б. О роли символов, чисел и магии в истории права // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 186–189.

История и функции символов в праве— важная часть как историко-правоевой науки, так и юридической практики. В современном праве символы играют большую роль: они упрощают и визуализируют правовые нормы, формируют традиции и авторитет закона (флаг, герб, мантию судьи, весы Фемиды), а ещё служат средством идентификации и легитимации власти. Символы способны оказывать эмоциональное и психологическое воздействие, усиливая восприятие закона обществом и укрепляя доверие к государственным институтам.

Современный юридический язык часто используют архаичные, формально-ритуальные конструкции, чтобы придать текстам заклинательный, обязательный характер. По мнению ряда исследователей юридические тексты схожи с магическими формулами: обе работают не столько «по смыслу», сколько по силе произнесения и закреплённой традиции — например, привычка начинать законы с особых фраз,

использовать повторы, специфические обороты и длинные перечисления, чтобы увеличить авторитет текста и его силу воздействия на адресата[1]

С древних времен через символы ранние общества выражали, передавали и закрепляли квазиправовые отношения, так было ещё до появления разветвлённой юридической системы и даже письменности. Символы возникли как универсальный язык, наглядно передававший права, обязанности, власть и собственность. С ранних времен в классовых обществах закрепились символы власти: например, корона, меч, скипетр или перстень означали передачу престола, ведомства, титула или земли.

История вопроса уходит корнями в античность и раннее Средневековье: и древнейшие законы, и правовые обряды были насыщены символизмом. Так символами судебной власти, правосудия и справедливости стали Весы, они использовались в римском праве, затем перешли в средневековую юриспруденцию. Меч символизировал судебную власть и наказания. Значимым символом выступала Длань Божия (Manus Dei) как символ божественного правосудия, который в западной средневековой культуре в целом приобретал значение высшей справедливости и карающего промысла, образ длани Божией был универсальным сакральным знаком Божественного вмешательства, охраны или суда. Корона и скипетр являлись символами королевской юрисдикции.

Для истории права интересной представляется роль не только символов, но и чисел, которые также имели символическое значение в судопроизводстве. Числовая магия в средневековых судах – это вера в то, что определённые числа обладают сакральной, мистической или юридической силой, влияющей на исход дела. Эта практика коренилась в языческих традициях, библейской символике и позже, в средневековом мистицизме. У числовой символики и ее магическом влиянии на право имеются глубокие корни. Античные философы, например Пифагорейцы, считали числа основой мироздания, а римляне использовали сакральные числа в своих ритуалах. В христианской нумерологии придавалось особое значение числам 3, 7, 12, 40, в которых заключался особый смысл (Троица, 7 дней Творения, 12 апостолов, 40 лет исхода). Эти символы проявлялись и в судебных процедурах. Так в каноническом праве наличие 3х свидетелей было минимальным числом (отсылка к Троице), а 7 или 12 свидетелей – считалось, что обеспечивает "божественную справедливость". Число присяжных в суде, начиная с английской истории, - 12 человек, символ 12 апостолов или 12 библейских племён Израиля. 3 дня – время на покаяние перед казнью, 40 дней – срок для "очистительной клятвы" (аналогия с 40 днями поста Христа). Интересно, что штрафы и компенсации часто были кратными 3, 7, 12 , поскольку считалось, что такие суммы "угодны Богу".

Надо отметить, что обращения к определенным цифрам работали. Это оказывало определенное психологическое воздействие, люди верили, что нарушение "священных чисел" приведёт к божественной каре. Кроме того, чёткие числовые правила упрощали судебную процедуру. Нельзя игнорировать связь символики с астрологией и алхимией: Некоторые судьи (особенно в позднем Средневековье) учитывали астрологические числа (например, не проводили казни в "несчастливые" дни). Так, числовая магия в средневековых судах – это не просто суеверие, а система сакральной юриспруденции, где цифры играли важную роль. Они отражали связь права с религией и традицией.

Телеграмм канал Historia Juris (История права) содержит такую информацию. «В крошечной немецкой деревеньке Реппихау находится, похоже, единственный в мире музей истории права под открытым небом. Идея создать такой необычный туристический арт-проект возникла у деревенской общины неслучайно: Реппихау – родина Эйке фон Репкова, автора «Саксонского зерцала», великого памятника права эпохи Высокого Средневековья. История права здесь на каждой улице. Она представлена через выставочные пространства, скульптуры или целые фасады из иллюминированных рукописей «Саксонского зерцала». Вы словно находитесь в большой живой книге с картинками. Одна из трансформаторных будок, например, расписана по всем четырем стенам мотивами, изображающими число 7: семь веков мира, семь щитов господ (последний, седьмой, пустой, ибо без ленного права), семь степеней родства и наследования, а также седьмой день творения – день покоя. Фон Репков приписывал числу 7 особо символическое значение.»[2]

Символика цифры 7 является одной из наиболее значимых и распространённых в различных культурных, религиозных и эзотерических традициях. Рассмотрим её значение с нескольких точек зрения. В нумерологии семёрка ассоциируется с духовностью, мудростью и внутренним поиском истины. Она считается числом мистиков и философов, отражающим глубокую внутреннюю работу над собой. Семёрка также связана с тайнами вселенной и пониманием скрытых законов мироздания. Люди, рождённые под влиянием семёрки, часто обладают аналитическими способностями, склонностью к размышлениям и интровертированным характером. В западной астрологии семь планет — Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн — играли ключевую роль в формировании натальных карт и предсказаниях судьбы. Каждая планета имела своё особое влияние на человеческие качества и события жизни. Таким образом, семёрка стала символом космического порядка и взаимосвязанности небесных тел.

[1] Магия убеждения: почему законы написаны сложным языком // ПостНаука. 2018. 21 сентября. URL: https://postnauka.ru/faq/93343 (дата обращения: 16.06.2024).
[2] [2] t.me/histjuridica. Дата обращения : 15 августа 2025 г.

Семёрка занимает важное место в магических практиках и ритуалах. Например, в Каббале существует концепция семи нижних сефирот, представляющих различные аспекты человеческой души и мира. Эти сефиры образуют структуру духовного восхождения и развития сознания. В Таро аркан номер 7 («Колесница»), символизирует контроль, силу воли и способность преодолевать препятствия. В различных религиях эта цифра имеет особый смысл. В Христианстве: Бог создал мир за шесть дней и отдыхал на седьмой, сделав его днём покоя и благословения. В Иудаизм: Шаббат (седьмой день недели) посвящён покою и духовной практике. В индуизме существует представление о семи чакрах, энергетических центрах человеческого тела, каждая из которых соответствует определённым уровням сознания и здоровья. В Жребий и нумерология - В некоторых судах бросали жребий (например, вытянуть число от 1 до 12 – если выпадало 7, считалось знаком невиновности).

Таким образом, семёрка олицетворяет гармонию, равновесие и завершение цикла, соединяя материальное и духовное начала. Её присутствие в разных сферах культуры подчёркивает важность осознания высших истин и внутреннего роста.

Имеется ряд научных работ, посвященных связи магии и права. Изучено, как магическая символика, заклинания и ритуалы использовались для юридического закрепления решений, утверждения законности и легитимности тех или иных действий и институтов (пример: магия как часть юридических или государственных ритуалов в древних странах). Так философ ВА Павлова, основываясь на концепциях Фрезера, Гартмана, Гегеля и других, раскрывает механизмы воздействия «магического мышления» на общественное сознание, политику и право, а также место магии в культурно-исторической эволюции как преднауки. Автор не без основания полагает, что магия выполняет интегративную, культурно-организующую и психологическую функции, а элементы магического мышления до сих пор прослеживаются и в современных правовых институтах и ритуалах.[1]

20 июня 2020 года на базе НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге прошел семинар «Право и магия». Участники обсуждали исторические и теоретические пересечения магии и права, магические практики в юридических ритуалах, а также анализировали, как магические элементы отражались в правовых институтах разных эпох.[2] Е.Г. Самохина рассказала о проявлениях магического мышления в повседневной юридической практике: как верования, ритуалы, устаревшие обряды и символы проникают в современные правовые действия и решения; рассматривала, почему некоторые правовые процедуры до сих пор напоминают мистические ритуалы. В.В. Архипов выступил с докладом «“Магический круг” в юриспруденции», где анализировал заимствование концепции «магического круга» из культурологии (Й. Хейзинга) для обозначения особых границ и правил юридической игры, а также семантические и символические аспекты функционирования права в цифровых и игровых средах. Отдельное внимание уделялось абсурдности и парадоксам при применении норм в новых медиареалиях. Н.С. Васильева представила доклад на тему «Магический правовой реализм», где сравнивала мифологические, магические и правовые конструкторы современной правовой реальности, анализировала, как правовые нормы приобретают "магическую" силу обязательности и почему правовые ритуалы схожи с магическими.[3]

К вопросу о влиянии магии на право обращались известные зарубежные ученые, в частности Джеймс Джордж Фрэзер (James George Frazer) — британский антрополог, автор классической работы «Золотая ветвь». Ученый анализировал сходство магии и права, рассматривал магию как раннюю форму нормирования, полагая, что ранние правила и табу являются прототипами законов[4]. Он писал, что «Магия основана на представлении о существовании скрытых связей между вещами; маг всегда действует так, будто в природе существуют неизменные законы, по которым соответствующее воздействие обязательно вызывает желаемый результат…[5] Подобно законам, на которых основывается магия, законы настоящей природы кажутся никогда не нарушающимися...». Другой известный автор - Линн Торндайк (Lynn Thorndike) американский историк, автор фундаментального труда «История магии и экспериментальной науки», рассматривал связь между магическими ритуалами и рождением европейской правовой традиции[6]. Французский этнолог Клод Леви-Стросс (Claude Lévi-Strauss) разбирал магико-правовую символику, место ритуала и мифа в закреплении и передаче права.[7] Для разбора магико-правовой символики Клод Леви-Стросс особенно подробно обращается к ритуалам, мифологическим структурам и символам в таких своих работах, как "Тотемизм сегодня" (Le Totémisme aujourd’hui, 1962) и

[1] Павлова В.А. Магия как форма вненаучного знания и психологического воздействия: диссертация канд. филос. наук. — Казань, 2000. — 180 с. (https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/155036).

[2] Право и магия: материалы семинара (Санкт-Петербург, 20 июня 2020 г.) // Юридический факультет НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. URL: https://spb.hse.ru/ius/news/377477783.html (дата обращения: 28.07.2025).

[3] https://legalacademy.ru/course/2598909: https://spb.hse.ru/ius/news/377477783.html: https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-igry-magicheskiy-krug-i-smyslovye-predely-prava: https://cyberleninka.ru/article/n/deystvie-pravovyh-normv-tsifrovom-mediaprostranstvei-semanticheskie-predely-prava

[4] Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1980. — 672 с.

[5] Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. — М.: Политиздат, 1980. — С. 51)

[6] Thorndike L. A History of Magic and Experimental Science. Vol. 1–8. New York: Columbia University Press, 1923–1958.

[7] Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / Пер. с фр. А. Б. Островского. — М.: Академический проект, 2008. — 520 с. — (Философские технологии).

"Неприрученная мысль" (La Pensée sauvage, 1962). Именно здесь он исследует логику мифологических и ритуальных кодов, этнологические параллели между тотемизмом, магией, родовыми обычаями и механизмами социально-правовых различий[1].

Британец Эдуард Тайлор (Edward Tylor) — историк и этнограф, описывал переход от магии к религии и оттуда — к праву. Он писал, что на ранних этапах развития человек объяснял все происходящее вокруг через магические практики, затем — через религию, где появилась вера в духов и богов, а позже — через формализованные нормы, правила и право. Он рассматривал магию как свойственную "детству человечества" систему заблуждений, которая уступает месту религиозным и затем юридическим нормам по мере усложнения культуры. Тайлор показал, что даже в современных обществах встречаются элементы архаичных форм объяснения мира — остатки магического и раннерелигиозного мышления[2]. В современном мире с высоким уровнем развития правосознания у определенной части общества все же остаются следы магического мышления, веры в приметы, в символы, в силу клятв и ритуалов. Люди по-прежнему обращают внимание на цифры, предпочитают 7, а не 13, выбирают 555, а не 666, символика играет важную роль в политике и праве. Почему так происходит, в чем причины устойчивости древнейших феноменов? Однозначного ответа до сих пор нет. Поэтому исследование данной темы будет продолжаться.

[1]Леви-Стросс К. Неприрученная мысль, «Тотемизм сегодня»: URL: https://psychoanalysis.by/wp-content/uploads/2019/06/totemism_today1.pdf (дата обращения: 28.07.2025).
[2]Тайлор Э. Б. Первобытная культура: исследования в области мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев. — М.: Политиздат, 1989. — 575 с.

Ромашов Роман Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Romashov Roman Anatolyevich

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.S. Pushkin Leningrad State University, Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement at St. Petersburg University of Trade Unions for the Humanities

E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Ромашова Галия Талгатовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Romashova Galiya Talgatovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Law at the Northwestern Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: 9515913@mail.ru

«Крест и звезда»: дихотомия символов и ценностей в Российском политогенезе

"Cross and Star": the Dichotomy of Symbols and Values in Russian Political Genesis

Аннотация. На основе сравнительного анализа понятий «иллюзорность» и «реальность», делается вывод об иллюзорности как смоделированном на уровне субъективного сознания смысловом образе реального для конкретного субъекта окружающего мира. Осуществляется рассмотрение символов, посредством которых формируются субъективные иллюзии. Предлагается наряду с традиционными символами государства (гербом, гимном, флагом), рассматривать в качестве символических характеристик систему государственных наград и праздников. Показываются изменения в системе государственной символики в императорской, советской и постсоветской России.

Ключевые слова: государственная символика, конституционная терминология, социальная реальность, иллюзорная реальность, герб, гимн, флаг, государственная наградная система, государственные праздники

Annotation. Based on a comparative analysis of the concepts of "illusory" and "reality", a conclusion is drawn about illusory as a semantic image of reality modeled at the level of subjective consciousness for a specific subject of the surrounding world. The symbols are considered, through which subjective illusions are formed. Along with the traditional symbols of the state (coat of arms, anthem, flag), it is proposed to consider the system of state awards and holidays as symbolic characteristics. The changes in the system of state symbols in imperial, Soviet and post-Soviet Russia are shown.

Keywords: state symbols, constitutional terminology, social reality, illusory reality, coat of arms, anthem, flag, state award system, public holidays

Для цитирования: Ромашов Р.А., Ромашова Г.Т. «Крест и звезда»: дихотомия символов и ценностей в Российском политогенезе // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 190–195.

1. Иллюзорная реальность как социально-культурная среда воплощения национальных государственно-правовых систем

Восприятие мира как формы социальной реальности осуществляется путем формирования субъективных образов индивидуального и коллективного бытия, посредством которых мир познается и оценивается. Получается, что мир, существующий в настоящее время, равно как и существовавший в различные периоды исторического прошлого, это сложившееся на уровне субъективного сознания иллюзорное представление. Возникает вопрос: а что из себя представляет сама иллюзия?

Из современных толковых словарей следует, что иллюзия (от франц. illusion - обманчивое представление, заблуждение) – это «искажённое восприятие действительности, основанное на обмане чувств; принятие кажущегося, мнимого за действительное»[1]. Если процитированное понимание экстраполировать в область правопонимания, то всякая иллюзия есть форма юридической фикции. Очевидно, что это не так. Эмпирическое чувственное восприятие предметов правовой реальности представляет собой важнейшее средство получения юридической информации, которая при дальнейшей проверке может с равной вероятностью быть как истиной, так и ложной. Таким образом формирование иллюзии – это не что иное как создание обличенной в иллюзорную (наглядную) форму информации о государстве и праве как существующих в реальной жизни каждого из нас явлений.

Иллюзорная реальность – это совокупность чувственных восприятий окружающего субъекта реального мира, представленного действующими законодательными актами, государственными и муниципальными органами с деятельностью которых он сталкивается в процессе собственной жизнедеятельности, официальной и неофициальной информацией о деятельности государственно-правовой и международно-правовой систем и т.п.

Окружающий нас мир в целом и государственно-правовые системы в частности являются такими, какими мы их себе представляем. Получается, что для каждого мир сводится к тем иллюзорным образам, которые формируются на уровне субъективного миропонимания.

2. Образность и символизм как факторы государственно-правовой реальности (на примере Российского политогенеза)

Представляя собой социально-культурную абстракцию (теоретическую модель), государственно-правовая система воспринимается на различных уровнях социально-правового сознания, посредством формируемых смысловых образов, которые в свою очередь получают внешнее выражение в законодательно закрепляемых символах.

Образное восприятие государства осуществляется в трех смысловых контекстах – географическом, социальном, политическом.

Государство в его географическом понимании – это страна, автономное территориальное (пространственное) образование, складывающееся в рамках государственных границ и определяющее сферу государственной юрисдикции. Символом государства страны выступает окрашенное в определенный цвет (для России, как правило, в красный) «пятно» на политической карте мира, либо на глобусе.

Модель «политического мира» как совокупности равных в своем территориальном статусе суверенных государств представляет собой с одной стороны результат завершения Второй мировой войны и образования ООН, в уставе которой закреплялся тезис: «Членами Организации Объединенных Наций являются государства, которые, приняв участие в Конференции в Сан-Франциско по созданию Международной Организации или ранее подписав Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 года, подписали и ратифицировали настоящий Устав»[2], а с другой - следствие системных трансформаций имевших место во второй половине XX века, когда прекратили свое существование системы империалистического колониализма и социалистического содружества[3]. Сложившаяся в настоящее время модель «территориального» государства, базируется на принципе территориальной целостности, в соответствии с которым, не допускаются как территориальные аннексии, основанные на «праве агрессии», так и обусловленные «правом народов и наций на самоопределение» стремления к обретению суверенной государственности путем

[1] Большой толковый словарь русского языка // https://gramota.ru/poisk?query=иллюзия&mode=slovari&dictsяв[]=42 (дата обращения 03.10.2025).
[2] Устав ООН // https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text.
[3] Носов, М. Г. Мир в XXI веке: дилеммы полярности / М. Г. Носов // Современная Европа. – 2021. – № 5(105). – С. 5-18. – DOI 10.15211/soveurope520210518. – EDN MVVSGY.

территориального обособления, с последующим международным признанием, той или иной национальной группы[1]. Получается, что обретение той или иной территорией статуса «государственной» в настоящее время связано с признанием ее таковой со стороны других признанных государств, что в свою очередь обусловливает вопрос о критериях такого признания, и количестве «признавших» государств необходимом для включения претендующего на суверенную государственность «новообразования» в ООН. Отсутствие единого подхода к решению обозначенного вопроса, влечет ситуацию, когда наряду с признанными государственными территориями, существуют не признанные и частично признанные, что безусловно способствует повышению «градуса» конфликтности в системе межгосударственных отношений.

Понимание государства как объединенного общим государственным гражданством (подданством) народа (нации) актуализирует проблему понимания и определения социальной сущности категорий «народ» и «нация». С учетом трех исторических циклов Российского политогенеза, в рамках которых отечественная государственно-правовая система была представлена различными формами государственного правления (монархией, советско-партийной республикой, президентской республикой), следует дифференцировать представления о русском (российском) народе как о социально-культурном явлении и определенным образом структурированной организации общества[2].

В Российской империи социальная составляющая была представлена царствующей династией Романовых и подданными. Последние делились на благородных и простых (черных) людей. Именно простые люди и выступали в качестве имперского народа, представленного в своей основной массе крестьянством (к началу XX в. крестьянство составляло более 80% российского народонаселения).

Великая Октябрьская Социалистическая революция 1917 г. отменила сословное неравенство, однако вместе с тем закрепила классовую неоднородность общества. Конституция 1918 г. содержала «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в которой определялось, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти» (ст. 7)[3]. Наряду с бывшими эксплуататорами, политических прав в «молодом» советском государстве были лишены лица проживающие на «нетрудовые доходы, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступлений с имущества и т.п.; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствующего в России дома» (ст. 64). Конституция СССР 1936 г. устанавливала, что «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян (ст. 1). Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата (ст. 2)». Таким образом «равноправный советский народ» был представлен «трудящимися» («нерушимым блоком коммунистов и беспартийных»), к числу которых относились официально трудоустроенные лица, живущие «на зарплату либо пенсию», а также «законные» совершеннолетние иждивенцы (женщины-домохозяйки, инвалиды и т.п.). В Конституции СССР 1977 г. отмечалось, что в ходе успешного строительства социализма в стране «сложилось социально-политическое и идейное единство советского общества, ведущей силой которого выступает рабочий класс…в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ».

Распад СССР и появление на постсоветском пространстве 15 суверенных государств, в число которых вошла Российская Федерация, провозгласившая себя правопреемником и правопродолжателем Союза ССР, повлекли за собой системные изменения базовых основ конституционного устройства государства и общества. «Ушла в прошлое» классовая концепция структурирования общества, равно как и «руководящая и направляющая сила» КПСС. Закрепление на конституционном уровне представления о труде как о форме свободного волеизъявления (ст. 37), наряду с легализацией частной собственности и предпринимательства (ст. 34, 35), обусловили «возврат» к экономическому неравенству и связанному с ним делению общества на «богатых и бедных»[4], а также легализацию эксплуатации человека человеком, о необходимости уничтожения которой говорилось в советских конституциях. Современный российский народ представляет собой достаточно неопределенное в плане юридического восприятия формирование, в котором сочетаются единство («Мы многонациональный народ Российской Федерации…принимаем Конституцию») и множество («Многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»), выделяется государствообразующий русский народ, однако отсутствуют органи-

[1] Давитадзе, М. Д. Принцип территориальной целостности государств как гарант мира и мирного сосуществования / М. Д. Давитадзе // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2019. – № 4. – С. 22-27. – EDN JLEJYT.

[2] Ромашов, Р. А. Политогенез : Храм- Полис- ГосударЬство-State / Р. А. Ромашов. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2020. – 300 с. – ISBN 978-5-907189-93-5. – EDN LKRZKC.

[3] Ромашов, Р. А. Конституция РСФСР 1918 г. и ее место в системе источников советского конституционализма / Р. А. Ромашов // История государства и права. – 2016. – № 22. – С. 14-21. – EDN XDEMYN.

[4] В России увеличился разрыв между бедными и богатыми // https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11011854 (дата обращения 05.10.2025).

зационные формы его представительства как на общефедеральном, так и на региональном уровнях[1]. В конституционной терминологии «представительство трудящихся» было заменено на «народное представительство», что привело к фактическому «вымыванию» из состава «народных» представительных органов рабочих и крестьян, которые в современных условиях безусловно утратили свой «главенствующий» статус. Также следует обратить внимание на то, что в региональных конституционных актах (конституциях республик, уставах краев, областей, городов федерального значения, автономных округов, автономной области), наряду с понятием «народ» (конституции республик, уставы Свердловской, Запорожской, Херсонской областей и др.) используется слово «жители» (уставы Москвы, Санкт-Петербурга и др.), что на наш взгляд в достаточной степени символично.

Политический образ государства как обличенного в организационные формы механизма публичной власти, так же, как и социальный образ государства-народа/нации, целесообразно рассматривать в контексте циклического политогенеза.

Российская империя в прямом смысле слова представляла государЬственную форму правления. Известен исторический факт, когда на вопрос о роде занятий, Император Николай II собственноручно начертал: «Хозяин земли русской»[2]. Именно с осознанием себя как хозяина страны и народа, связана манера идентификации себя в качестве целостного коллективного «Мы Николай II», соединяющего царствующего императора с «его подданными», к числу которых относился и «мой народ», о чем уже говорилось ранее. В таком понимании публичная власть как функция государства была производной от личности государя-императора и в конечном счете носила ярко выраженный волюнтаристский характер. Ярким примером такого волюнтаризма являются отношения между императором и учрежденной по его повелению Государственной думой, которую многие современные российские ученые и политики гордо именуют первым Российским парламентом[3]. Из четырех созывов на которые российской политической историей «было отпущено» всего 11 лет, полным был только третий. Первые два состава были распущены Императором, как «не оправдавшие высокого доверия», ну а окончательный приговор «российскому парламентаризму» вынесла революция, ставшая началом государственно-правовой системы нового исторического типа.

Советская модель публичной власти представляла собой достаточно интересную диархическую конструкцию в которой объединились официальная власть многоуровневых советов депутатов трудящихся и неофициальная, однако от этого не менее действенная партийная власть, представленная формируемыми по производственно-территориальному принципу партийными организациями «замкнутыми» на высшем органе партийного руководства – Политбюро ЦК КПСС и партийном лидере – Генеральном секретаре ЦК КПСС.

В современной России, сложилась система публичной власти качественно отличающаяся как от советского, так и от имперского аналогов[4]. По форме правления Российская Федерация представляет собой президентскую республику, в которой действующий Президент обладает прерогативами практически во всех функциональных направлениях властной деятельности, а также является «гарантом Конституции»[5]. При этом следует обратить внимание, что в действующей Конституции требования к кандидату в Президенты носят сугубо формальный характер и не ограничиваются ни официальным государственным вероисповеданием и родовым статусом (как в Российской империи), ни партийной принадлежностью (как в СССР). С одной стороны, такой подход свидетельствует о фактической демократической системе, в рамках которой на занятие высшего положения в аппарате публичной власти может претендовать любой гражданин, соответствующий конституционным требованиям. Вместе с тем, с другой стороны, такая «свобода», допускает возможность избрания Президентом человека ориентирующегося на отличные от «традиционно русских (православных)» духовные ценности, а это в свою очередь может оказать деструктивное влияние на процессы национальной самоидентификации и выбор приоритетов стратегического развития российского государства и общества.

Образное представление о Российской государственно-правовой системе на различных исторических этапах ее развития получает внешнее выражение в государственно-правовых символов, представленных комплексом внешних атрибутов как государства, так и права. К числу символов государства следует отнести в первую очередь его главу (должность которого в свою очередь также опирается на опре-

[1] Грудцына, Л. Ю. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика / Л. Ю. Грудцына, С. М. Петров // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 5-15. – EDN PBIDQB.

[2] Грачиков В. Как выглядела та самая анкета, которую заполнил «Хозяин земли Русской» // https://dzen.ru/a/Ytvpg3eCWWlW0uEQ (дата обращения 05.10.2025)

[3] Чехарина, В. И. О роли правил внутренней организации российского парламента (из опыта I Государственной думы Российской империи) / В. И. Чехарина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 12-3. – С. 84-87. – EDN XECCVH.

[4] Фарикова, Е. А. Современные проблемы организации публичной власти / Е. А. Фарикова // Современная научная мысль. – 2021. – № 1. – С. 153-157. – DOI 10.24412/2308-264X-2021-1-153-157. – EDN KPGLFT.

[5] Полунина, И. Е. Правовой статус главы государства как гаранта конституции Российской Федерации / И. Е. Полунина, Е. В. Шленева // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 9(28). – С. 63-68. – EDN LNLBGW.

деленные символы), государственную символику (герб, флаг, гимн), систему государственных наград и официальных праздников (установленных государством в качестве выходных/нерабочих дней)[1].

В качестве наиболее образного символа права следует рассматривать конституцию как «основной закон» государства выраженный в писаной (единый нормативный правовой акта) или же в неписанной (совокупность правовых актов) форме[2]. При этом если говорить об «основных» символах государства и права, то ими, по мнению автора, являются государь (в различных наименованиях должности главы государства) и конституция (как определенным образом позиционируемый государством, в лице его «государя», документ). В свою очередь верификация как основных, так и производных от них символов российского государства и права определяется символами, которые с определенной долей условности могут быть названы цивилизационными. В качестве таких символов применительно к реалиям Российского политогенеза представляется целесообразным определить «крест» и «звезду».

3. Между крестом и звездой: проблемы поиска Российской цивилизационной идентичности

Крест - символ христианской культуры в целом и государственного православия в частности.

В Российской Империи – крест основная составляющая государственной символики, демонстрирующая единство государства и церкви, гармонию императорской власти и народа, выраженную знаменитой триадой графа Уварова – «Православие, Самодержавие, Народность»[3]. Культурное единство национальных групп и религиозных конфессий в котором доминирующее положение занимали русский (православный) император и русский (православный) народ, качественным образом отличали «национальную идею» имперского культурного «модерна», от предшествующих ему моделей «Римско-Византийско-Русско-Московского правопреемства» («Москва – третий Рим») и «Петровской вестернизации» («Россия – окно в Европу»). В российской государственно-правовой системе эпохи «культуры звезды», русское православие представляет собой государственную и в силу этого главенствующую религию, отказ от исповедования которой вплоть до 1905 г. являлся самостоятельным составом преступления, с соответствующей ответственностью за его совершение. РПЦ, начиная с эпохи Петровских реформ выступала в качестве государственного органа, деятельность которого направленная на борьбу «за чистоту веры» обеспечивалась системой государственных гарантий, в том числе средствами легального государственного принуждения.

После победы Великой Октябрьской Социалистической революции, в первые годы существования РККА красная **звезда** символизировала единство мирового пролетариата всех пяти континентов Земли: пять концов звезды - пять материков планеты. Красный цвет - цвет пролетарской революции, цвет пролетарской крови противопоставляемой «голубой крови и белой кости» эксплуататоров – аристократов. Наибольшее распространение звезда как символ советской власти получила в наградной системе СССР, где присутствовала практически на всех государственных наградах и прежде всего на Медали «Золотая звезда» Героя СССР и Золотой медали «Серп и молот» Героя социалистического труда. Красная звезда являлась структурным элементом композиции Герба и Флага СССР, а также гербов и флагов союзных и автономных республик

Крест и Звезда в символике современной России. Кризис советской государственно-правовой системы, обусловивший распад СССР и разрушение мировой системы социализма вызвал «брожение» в умах не только простых граждан, разом «потерявших» привычные жизненные ориентиры и ценности, но и среди тех, кто волей судьбы оказался на вершине «политического Олимпа». Одномоментный отказ от коммунистических идеалов, потребовал психологического замещения, осуществленного посредством «возврата к корням», с одновременным обращением к западному либерализму. В качестве «корней» выступала «восстановленная в правах» религия, причем понятие «бога» рассматривалось не в узкоконфессиональном (христианском, мусульманском, иудейском и т.п.), а в обобщенном смысле, что повлекло (особенно на первоначальном этапе становления суверенного Российского государства) широкомасштабную религиозную экспансию, осуществляемую как со стороны «коллективного Запада» (Свидетели Иеговы, Адвентисты 7-го дня, баптисты, мормоны и др.), так и с «Востока» (ортодоксальный ислам, кришнаиты, Аум Синрикё и др.). Государственные лидеры, большинство из которых являлись выходцами из разрушенного ими же СССР, одномоментно из идейных коммунистов-атеистов «превратились» в «истово верующих», с готовностью поменяв веру «в окончательную победу коммунизма» на веру в Бога. Следствием подобных изменений стало совмещение в государственной символике образов звезды и креста, при доминирующем положении последнего.

---

[1] Дроздова, Е. В. Государственная символика и политическая идентичность: влияние символов на формирование политической самоидентификации / Е. В. Дроздова // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2024. – Т. 13, № 4(49). – С. 63-66. – EDN WSOFKX.

[2] Ромашов, Р. А. Понятия "закон" и "конституция": определение места в смысловой символике государства / Р. А. Ромашов // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 1(22). – С. 140-143. – EDN OUWVIJ.

[3] Сколько национальных идей было в истории России // https://dzen.ru/a/aLF-WjThzRdpeTTs (Дата обращения 05.10.2025).

В наградной системе современной России сохранились «советские» Медаль «Золотая звезда» и Золотая медаль «Герой труда РФ». Интересная особенность: на звезде Героя труда РФ сочетаются золотая звезда и двуглавый орел с увенчанными крестами малыми и большой императорской коронами и сжимаемыми в лапах скипетром и державой. Красные звезды вплоть до настоящего времени украшают башни московского кремля (кстати двухглавых имперских орлов красные звезды на кремлевских башнях сменили только в 1935 году). При этом московский кремль является символом российской государственной власти в целом и президентской власти в частности. В этой связи достаточно символично название телепередачи, освещающей деятельность главы государства: «Москва. Кремль. Путин», а также название официального электронного портала Президента РФ: «http://www.kremlin.ru».

Крест является частью композиции Герба РФ, а также является центральным элементом ее военно-морского флага. При этом, следует обратить внимание, что герб Российской Федерации практически полностью копирует имперский герб, в изображении которого крест присутствовал в неразрывной связи с символами императорской власти (большой и малыми коронами, скипетром, и державой). В виде креста выполнен знак Президента РФ. Большинство орденов РФ либо выполнены в форме креста, либо включают крест в структурную композицию.

Смешение символических образов звезды и креста достаточно наглядно видно и в системе современных государственных праздников, в которой причудливым образом смешались «восстановленные» церковные праздничные дни, советские государственные праздники, часть из которых изменили название с целью их деидеологизации, а также «вновь рожденные» праздники «новой» России.

Исходя из заявленной темы, авторы постарались классифицировать отмечаемые в настоящее время праздники, тем самым придав им реальный системный характер.

Традиционные праздники

1 января - Новый год празднуется с 1898 г. (с 1930 по 1947 гг. являлся рабочим днем)

Советские праздники с символическим ребрейдингом

23 февраля - День советской армии и ВМФ – День защитника отечества.

1 мая – День Интернационала – День Всемирной солидарности трудящихся – День весны и труда.

9 мая – День Победы. В настоящее время – «главный праздник» страны.

Новые праздники – новые символы

12 июня – День России – символизирует разрыв советской традиции – день подписания Декларации о государственном суверенитете России, в которой был провозглашен приоритет республиканского законодательства по отношению к союзному.

4 ноября – День народного единства – символизирует отказ от советской системы ценностей, положенных в основу «советской» России как государства нового исторического типа и возврат к традиционным духовно-нравственным ценностям, сформировавшимся на всем протяжении «Российской Федерации с ее тысячелетней историей» (ст. 67.1). Основной целью включения названного праздника в систему государственных символов является «вытеснение» из общественного сознания праздника 7 ноября символизировавшего по версии советской государственной власти и партийного руководства страны «главное историческое событие XX в.»[1].

«Возвращенные» праздники

7 января - Рождество Христово, в СССР праздновался и был нерабочим до 1927 г. вновь стал нерабочим в 1991 г.

«Отмененные» праздники

7 ноября - День Великой Октябрьской Революции, «главный» советский государственный праздник, символизирующий начало нового этапа как в национальной, так и в мировой истории.

12 декабря - День принятия Конституции. Причем, речь идет не об ушедших в историческое прошло советских, а о действующей Конституции Российской Федерации.

Рассмотрение систем государственных символов, рассматриваемых в непосредственной смысловой «привязке» к историческим государственно-правовым реалиям Российской государственно-правовой системы, позволяет говорить о современном ее состоянии как о переходном. Советская культура звезды, декларировавшая свою «окончательную» победу над монархической культурой креста, в настоящее время уступила ей первенство. Однако это не капитуляция и уж тем более не уничтожение, а всего лишь смешение символов и культур, кстати весьма характерное для тысячелетней российской традиции, в которой алогичное воспринималось как логичное и наоборот. Сочетание креста ордена Андрея Первозванного и золотой звезды Героя России в системе высших государственных наград, равно как и уравнивание в статусах «возвращенного» в перечень государственных праздников православного Рождества Христова – 7 января, сохраненного, хотя и переименованного 1-го мая (День весны и труда) и «вновь рожденного» 4 ноября (День народного единства), одновременно со стремлением «забыть» на государственном уровне главный праздник Советского государства – День 7 ноября - наглядное тому подтверждение.

[1] Сушко, А. В. К оценкам революции в России в масштабах мировой и национальной историй / А. В. Сушко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 55. – С. 48-55. – DOI 10.17223/19988613/55/8. – EDN VMCPMZ.

Смирнова Марина Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского Университета Правосудия им. В.М. Лебедева

Smirnova Marina Gennadievna

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Procedure Law North-Western Branch of the Russian University of Justice named after V.M. Lebedev

E-mail: msm777@inbox.ru

Символы как средство реализации социальных притязаний в праве

Symbols as a means of realizing social claims in law

Аннотация. Символы выступают средством реализации социальных притязаний. Причем социальные притязания могут воплощаться в различных символах, которые могут иметь как правовой, нейтральный характер так и вовсе противоречить праву.

К первой группе относятся символы, закрепленные в официальных источниках права и охраняемые государством. Эти виды символом как правило закрепляют притязания государства в сфере публично-правовых отношений (государственный герб, флаг, гимн, знаки дорожного движения и т.д.). Такие символы имеют ценностную природу.

Символы, могут использоваться в праве и воплощать социальные притязания субъектов независимо от их нормативного закрепления.

Социальные притязания могут воплощаться в юридически значимых символах, выступающих в качестве юридического факта. В есть примеры, когда суды признали эмодзи «большой палец вверх» согласованием условий договора.

Социальные притязания могут воплощаться и в символах, которые вовсе противоречат праву. Законодательством России установлен запрет на использование запрещённой символики, а также предусмотрена ответственность за её пропаганду и демонстрацию.

Ключевые слова: символы, реализация, социальные притязания, источники права, эмодзи

Annotation. Symbols are a means of realizing social claims. Moreover, social claims can be embodied in various symbols, which can have a legal, neutral, or even contradictory nature.

The first group includes symbols that are enshrined in official sources of law and are protected by the state. These types of symbols typically represent the claims of the state in the field of public law relations (national coat of arms, flag, anthem, traffic signs, etc.). These symbols have a value-based nature.

Symbols can be used in law and embody the social claims of subjects, regardless of their legal recognition.

Social claims can be embodied in legally significant symbols that act as legal facts. There are examples where courts have recognized the "thumbs up" emoji as an agreement to the terms of a contract.

Social claims can also be embodied in symbols that are contrary to the law. Russian law prohibits the use of banned symbols and provides for liability for their promotion and display.

Keywords: symbols, implementation, social claims, sources of law, emojis

Для цитирования: Смирнова М.Г. Символы как средство реализации социальных притязаний в праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) /гл.ред. проф. М.В. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 196–198.

Научное обоснование символизма в праве началось сравнительно недавно. В современное время стоит констатировать отсутствие в науке единого подхода к понятию правовых символов. Автор статьи полагает, что в «чистом» виде правовые символы как таковые отсутствуют.

Символы имеют разное отношение к праву. Они могут получить законодательное свое закрепление, а могут и не получить. Очень много символики может отражать те или иные моральные, религиозные, иные аспекты и вообще не соприкасаться с правом. В тоже время ряд символов имеют юридически значимую роль и выступают в виде юридических фактов правообразующего, правопрекращающего и

правоизменяющего характера. Также есть и символика, которая запрещается правом. В законодательстве предусмотрена ответственность за ее пропаганду и демонстрацию.

В толковых словарях русского языка символ определяется как отличный условный знак, предмет или действие, служащие для обозначения какого-либо понятия, явления, идеи, образа.[1] Символ – это условная социально-знаковая единица, создаваемая для нужд определенных групп (категорий) людей по договоренности последних и являющаяся своеобразной формой передачи информации.

Символы выступают средством реализации социальных притязаний. Причем социальные притязания могут воплощаться в различных символах, которые могут иметь как правовой, нейтральный характер так и вовсе противоречить праву.

К первой группе относятся символы, закрепленные в официальных источниках права и охраняемые государством (правовые символы в узком смысле). Эти виды символом как правило закрепляют притязания государства и сфера их - публичное право (государственный герб, флаг, гимн, знаки дорожного движения и т.д.).

В этом значении правовой символ можно определить, как закрепленный законодательством условный образ (замещающий знак), используемый для выражения определенного юридического содержания и понятный для окружающих. Такие символы имеют ценностную природу.

Символы, могут также использоваться в праве и воплощать социальные притязания субъектов не зависимо от их нормативного закрепления. Так, требования притязателей могут воплощаться в юридически значимых символах, имеющих значение юридического факта. Например, в Канаде суд провинции Саскачеван постановил, что эмодзи «большой палец вверх» является законным заверением контракта. В одном из случаев оптовый покупатель обговорил по телефону с поставщиком условия приобретения партии льна и переслал ему фотографию контракта на поставку, попросив подтвердить контракт. Поставщик ответил эмодзи «большой палец вверх». Суд встал на сторону истца и обязал ответчика выплатить деньги за неисполнение контракта.

В России также есть судебная практика, в которой суд признал эмодзи согласованием условий договора (Постановление Пятнадцатого ААС от 29 июня 2023 г. № 15АП-8889/23). Стороны заключили договор купли-продажи мобильного киоска и договорились признавать юридическую силу всех документов, которые передаются, в том числе, по электронной почте и в мессенджере. Покупатель сообщил продавцу о выбранном цвете киоска и получил ответ в виде эмодзи с изображением руки с поднятым вверх большим пальцем. Суд встал на сторону покупателя и взыскал с продавца задаток с процентами.

Стоит отметить, что, эмодзи — это многозначные символы, и толкование коммуникаций с их использованием во многом зависит от социального контекста. В вышеприведенном случае подобный порядок взаимодействия сторон соответствовал условиями договора, которым была предусмотрена возможность обмена юридически значимыми сообщениями в том числе посредством мессенджера.

Есть и противоположная судебная практика. Примером является дело, в котором седьмой арбитражный апелляционный суд отказался признать эмодзи в переписке формой согласования договора. Подрядчик обратился в суд, чтобы взыскать с заказчика задолженность по договору. В качестве доказательства истец представил в том числе переписку в мессенджере WhatsApp, в которой сообщил о том, что выполнил работы по договору, а заказчик в ответ прислал четыре эмодзи в виде рукопожатий. Суд первой инстанции удовлетворил частично требования истца. Он отказался принимать переписку в качестве надлежащего доказательства. Апелляционная инстанция, в свою очередь, отметила, что эти эмодзи нельзя трактовать однозначно. В данном случае они могли указывать: на согласие с фактом выполнения работ; принятие заказчиком к сведению сообщения о готовности работ; подтверждение того, что сообщение получено. Дополнительно суд учел, что в переписке ответчик не понимал, какой объем работ ему нужно принять, поскольку истец периодически выставлял счета на разные работы и суммы (Постановление Седьмого ААС от 13.05.2024 по делу № А27-4962/2023).

Как указывалось, ранее, эмодзи -это полисемантические символы и толкование коммуникаций с их использованием во многом зависит от многих обстоятельств. Значение может иметь не только практика использования эмодзи в какой-то стране, но и в возрастной или профессиональной группе, даже индивидуальные привычки конкретного человека, а также предшествующая практика коммуникаций спорящих сторон. В случае спора о значении эмодзи «большой палец вверх» в переписке закономерны вопросы, подтверждает ли такой значок получение сообщения, предложения или согласие с ним, относится ли он к последнему сообщению в беседе или к какому-то более раннему утверждению.

При толковании эмодзи следует использовать не только их словарное значение, но и общий контекст сообщения, а также сопутствующие обстоятельства, в том числе социально-культурную принадлежность автора сообщения, а порой и этническую, и возрастную принадлежность. Например, жест «большой палец вверх» и соответствующий эмодзи для большинства людей западной культуры означает одобрение, но в некоторых других культурах (например, в Иране, Ираке, Афганистане, Нигерии) он может быть грубым и оскорбительным. Поэтому существуют очень большие риски, связанные с исполь-

[1] Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1995.с. 36

зованием эмодзи в договорных отношениях. Это прежде всего неоднозначность толкования и невозможность однозначного выражения волеизъявления.

Существуют многочисленные символы, которые воплощают различные социальные притязания субъектов морального, религиозные и иного характера, они могут не иметь отношения к праву. Примером выступают различные эмодзи характерные для определённых стран. Например, в Саудовской Аравии самым популярным стало белое сердце, так как красное использовать нельзя, иначе сообщение будет расценено как домогательство, для Южной Кореи и Казахстана — сиреневое сердце. Отправка большого пальца вверх греку может его оскорбить.

Социальные притязания могут воплощаться и в символах, которые вовсе противоречат праву. Законодательством России установлен запрет на использование запрещённой символики, а также предусмотрена ответственность за её пропаганду и демонстрацию. Федеральным законом от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закреплён запрет на использование нацистской символики[1]. Статья 20.3 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование символики экстремистских организаций. Статья 282.4 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за повторную демонстрацию запрещённой символики. Реестр запрещённых материалов ведёт Минюст России. По состоянию на 30 июля 2025 года список содержал 5475 пунктов (часть из которых исключена в связи с повтором содержания ранее внесённых пунктов). Список составляется Министерством юстиции России на основе судебных решений, и в него включаются материалы, признанные экстремистскими.

Важно отметить, что есть символы, использование которых запрещено в тех или иных учреждениях. Так, во французских государственных начальных и средних школах запрещено носить демонстративные религиозные символы. Это правило установлено законом № 2004-228 от 15 марта 2004 года, который вступил в силу 2 сентября 2004 года. Закон не упоминает конкретный религиозный символ и запрещает носить христианские (вуаль, знаки), мусульманские (вуаль, знаки), сикхские (тюрбан, знаки), еврейские (ермолка, знаки) и другие религиозные знаки. Запрет связан с принципом светскости и отделением церкви от государства во Франции. В России прямого федерального закона, запрещающего ношение религиозной символики в учебных заведениях, нет. Согласно части 1 статьи 38 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», образовательные организации вправе устанавливать требования к одежде обучающихся, в том числе правила её ношения[2].

Таким образом, символы выступают средством реализации социальных притязаний. Социальные притязания, представляя собой требования, возникающие в обществе, отражающие интересы, существующие в различных сферах, воплощаются в многочисленных символах, которые могут иметь как правовой, нейтральный характер так и вовсе противоречить праву.

[1] Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" от 25.07.2002 N 114-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

[2] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

Толстик Владимир Алексеевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Tolstik Vladimir Alekseevich

doctor of law, professor, honored lawyer Russian Federation, honored worker of professional higher education of the Russian Federation, head of the department of the theory and history of state and law of the Nizhniy Novgorod academy of the Russian Ministry of internal affairs

E-mail: tolstikva@mail.ru
ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5834-9561
Web of Science Researcher ID:
http://www.researcherid.com/rid/Q-6136-2018

К вопросу о соотношении символа и знака в праве

On the Relationship between Symbols and Signs in Law

Аннотация. В статье предпринята попытка внести определенность в решение проблемы адекватного понимания символа и знака применительно к сферам юридической науки и практики. Обращено внимание на запутанность данного вопроса в научной, в том числе юридической литературе, сформулированы причины такого состояния. Рассмотрены два основных, наиболее распространенных подхода к рассматриваемому соотношению: а) знак и символ разграничиваются и даже противопоставляются; б) символ интерпретируется как одна из разновидностей знака. На основе проведенного анализа сделан вывод о целесообразности и обоснованности использования в сфере юриспруденции и юридической практике понятий «символ» и «знак» как тождественных (равнозначных).

Ключевые слова: символ, знак, знак-икона, и знак-индекс, знак-символ, дорожный знак, образ, формальная определенность, государственные символы, технико-юридический клиринг

Annotation. The article attempts to provide a clear solution to the problem of understanding symbols and signs in the fields of legal science and practice. It draws attention to the complexity of this issue in scientific and legal literature, and identifies the reasons for this complexity. The article examines two main and most common approaches to this relationship: a) distinguishing and even contrasting symbols and signs; and b) interpreting symbols as a type of sign. Based on the analysis conducted, it is concluded that the concepts of "symbol" and "sign" are identical (equivalent) in the field of law and legal practice.

Keywords: symbol, sign, icon sign, index sign, symbol sign, road sign, image, formal certainty, state symbols, technical and legal clearance

Для цитирования: Толстик В.А. К вопросу о соотношении символа и знака в праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 199–203.

Зададимся вопросом, в каких случаях научную статью обоснованно называть «К вопросу…»? Как правило, такое наименование уместно и обоснованно тогда, когда по тому или иному вопросу написано (В.М. Баранов иногда вместо данного краткого страдательного причастия среднего рода единственного числа использует глагол «насловоблудили») немало, а нередко много или даже очень много, но при этом вопрос так и остается нерешенным или не до конца решенным.

В числе многих иных вопросов на сегодняшний день в таком состоянии в юридической науке находится и решение вопроса, вынесенного в заглавие настоящей научной статьи. И действительно, в современном социогуманитарном знании, несмотря на высокий проявленный и продолжающий проявляться к ней научный интерес, проблема соотношения символа и знака вообще и в праве в частности, не имеет не только однозначного, но и удовлетворяющего потребности науки и практики решения.

Достаточно сказать, что в научной и иной литературе на сегодняшний день представлены все основные варианты отношений между рассматриваемыми понятиями: *подчинение* с двумя возможными альтернативами (знак шире символа; символ шире знака); *пересечение* (некоторые символы являются знаками и некоторые знаки являются символами); *равнозначность* (объемы символа и знака полностью совпадают). Не исключены и такие отношения как соподчинение, противоположность и противоречие.

В этих условиях, прежде всего, следует выяснить, в чем причины такой вариативности? В числе основных назовем следующие.

1) Многозначность как самих понятий «символ» и «знак», так и тех понятий, посредством которых они определятся (в случаях, когда они не определяются одно через другое). В различных толковых словарях приводится от двух до шести значений слова символ[1]. Не меньшая многозначность у слова «знак». Например, в Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова приведено семь его значений[2]. В юридической литературе правовой символ обычно определяют через словосочетание «условный образ». Так, в краткой энциклопедии по общей теории права В. К. Бабаев и В. М. Баранов дефинировали символ как «закрепленный законодательством условный образ (замещающий знак), используемый для выражения определенного юридического содержания»[3]. Близкое к приведенному определению дает А.В. Никитин[4] и многие другие авторы. Но слово «образ» не менее многозначно, чем слова «символ» и «знак». Так, в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой содержится шесть смысловых значений слова «образ», которые при этом весьма существенно различаются между собой: «1. В философии: результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека. 2. Вид, облик. 3. Живое, наглядное представление о ком-чём. 4. В искусстве: обобщённое художественное отражение действительности, облечённое в форму конкретного индивидуального явления. 5. В художественном произведении: тип, характер. 6. чего. Порядок, направление чего-н., способ»[5]. Понятно, что любые произвольные их сочетания могут приводить к необоснованному многообразию трактовок.

2) Специфика представлений о рассматриваемых понятиях в различных отраслях научного знания, которая в свою очередь обусловлена особенностями предмета исследования. Так, в математике, логике, информатике, лингвистике и других науках символ и знак употребляются как синонимы. В искусстве символ – характеристика художественного образа с точки зрения его осмысленности, выражения им некой художественной идеи[6]. В литературе символ — связь, сущность в немногих знаках. Обычно под символом мы разумеем картинное изображение с переносным иносказательным значением[7]. В эпистемологии и философии науки наиболее общим является понимание символа как универсальной формы человеческого познания и творчества[8].

3) Необоснованное (без должного критического осмысления) перенесение интерпретаций, принятых в одних сферах (науке, искусстве) на другие. Отчасти такая практика имеет место в сфере юриспруденции, когда речь идет, например, об официальных государственных символах.

4) Рассмотрение символа в рамках одной отрасли научного знания, но при этом смешение значений, принятых в границах различных научных парадигм: юридического позитивизма, школы естественного права, социологической школы права, психологической, исторической школ права, коммуникативной теории и других.

5) Естественное стремление отдельных ученых использовать для наименования существенно различающихся явлений различные слова (термины).

Однако, не смотря на существующее многообразие отношений между понятиями «знак» и «символ», равно как и обилие причин, их обусловливающих, в целях настоящей статьи целесообразно выделить два основных, наиболее распространенных подхода к рассматриваемому соотношению. В рамках первого подхода знак и символ разграничиваются и даже противопоставляются, в контексте второго символ интерпретируется как одна из разновидностей знака.

Представители первого подхода (С. В. Никоненко, Ю. С. Петросян и другие) выделяют различные критерии для разграничения данных понятий, но основным при этом является наличие однозначности (определенности) у знака и ее отсутствие у символа. Так, по мнению С. В. Никоненко, «символы и знаки имеют разные источники как происхождения, так и понимания. Знаки обладают однозначностью, которая вводится рассудком; тогда как символы выступают формой выражения возвышенного опыта и не обла-

[1] См., например, https://etymological.academic.ru/
[2] См.: Знак. Большой толковый словарь русского языка // https://gramota.ru/poisk?query=знак&mode=slovari&dicts[]=42.
[3] Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права : краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 74.
[4] См.: Никитин А. В. Правовые символы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 8.
[5] Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой // https://gufo.me/dict/ozhegov/образ
[6] См.: Большой энциклопедический словарь // https://gufo.me/dict/bes/%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%92%D0%9E%D0%9B
[7] См.: Словарь литературных терминов // https://gufo.me/dict/literary_terms/символ
[8] См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки // https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/символ

дают однозначностью. В отличие от знака, символ всегда выступает предметом интерпретации»[1]. Исходя из представления, что знак всегда соразмерен со своим значением, тогда как символ всегда обладает неполнотой значения, С. В. Никоненко полагает, что этот тезис «опрокидывает как утопические любые «эмблематические» тенденции сделать знак подлинным «именем» символа. Такие попытки (а они возникают постоянно) сводят символизм к рассудочному схематизму, подменяя возвышенное конкретно-чувственным»[2]. И более того, «В определенном смысле подмена символа знаком неизбежно приводит к обеднению символа, догматизации его значения, уничтожению интерпретационного плюрализма»[3].

При этом он отмечает, что у нас имеется естественная склонность путать знаки и символы, а также воспринимать символы как знаки[4]. Здесь непонятно, кого автор имеет в виду, когда пишет: «у нас»? Можно предположить, что речь идет о тех ученых, которые анализируемые понятия рассматривают как тождественные. Однако сам факт акцентирования внимания на указанном положении свидетельствует о широком распространении такого подхода в научной литературе.

Еще более категоричен другой философ – Ю. С. Петросян, которая безапелляционно заявляет: «Определенность убивает символ, снова превращает его в обыкновенный знак, а многозначность и неопределенность, напротив, придает ему пластичность и позволяет выполнять творческую (созидательную) функцию[5]. Силу и могущество символа она видит в том, чтобы «ориентировать мысль, а не обозначать, предоставлять возможность домысливать и примысливать, а стало быть, и осмысливать предмет или явление по-новому, а не выявлять в нем некое «предустановленное» содержание»[6].

Обоснован ли такой подход? Полагаю, что однозначный ответ на поставленный вопрос вряд ли будет корректным. Все зависит от того, в какой области используются данные понятия. Об этом свидетельствуют и приведенные выше различные словарные значения слова «символ». Когда мы говорим о таких сферах культура, религия, искусство, многозначность, метафоричность символа вполне оправданна. Иное дело, те сферы, где принципиальное значение имеет определенность, недвусмысленность тех или иных положений. К таковым относятся наука, правовое регулирование и ряд иных.

Не трудно представить, к чему понимание символа, предполагающее не только возможность, но и необходимость домысливания, примысливания, интерпретационный плюрализм может привести в сфере правового регулирования. Для права, правового регулирования общественных отношений однозначность, определенность, недвусмысленность имеет большое, если не определяющее значение. Здесь требуется высокая степень формальной определенности нормативных и индивидуальных правовых предписаний, без которой эффективное правовое регулирование общественных отношений невозможно. С этой точки зрения, любое «нестрогое» понимание символа – антипод права, оно «убивает» право, лишает его такого существенного признака как формальная определенность.

На это обстоятельство неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации. Так, в Информации «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 – 2020 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020), говоря о принципе правовой определенности, Конституционный суд в очередной раз отметил: «По смыслу последовательно высказываемых Конституционным Судом позиций неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод[7].

Полезно обратиться и к государственным стандартам. В пункте А.15 Приложения А «Термины и определения общетехнических понятий, применяемые в межгосударственной стандартизации» ГОСТ 1.1-2002 «Межгосударственная система стандартизации. Термины и определения» дано определение понятия «однозначность»: «Краткое логически последовательное не допускающее различных трактований изложение текста документа, необходимое и достаточное для его применения». При этом в самом государственном стандарте указано, что «Термины, установленные настоящим стандартом, рекомендуется использовать в правовой, нормативной, технической и организационно-распорядительной документации, научной, учебной и справочной литературе»[8].

Между тем в сфере юриспруденции имеет место тенденция дуалистического понимания символов, закрепленных в праве. Так, в Большом юридическом словаре нет понятия «символ», но присутствует термин «символы государственные (национальные)», понимаемые как «установленные конституцией

[1] Никоненко С. В. К вопросу о соотношении символа и знака // Вестник СПбГУ. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 3. С. 47.
[2] Там же. С. 48.
[3] Там же. С. 49.
[4] Там же.
[5] Петросян Ю. С. Символ: сущность и предназначение // Вестник Омского университета 2018. Т. 23, № 4. С. 103.
[6] Там же. С. 107.
[7] См.: постановления от 20 декабря 2011 года N 29-П, от 2 июня 2015 года N 12-П, от 19 июля 2017 года N 22-П.
[8] См.: ГОСТ 1.1-2002 «Межгосударственная система стандартизации. Термины и определения» // https://ntd.metrologu.ru/ntd/gost/gost_1.1-2002.pdf

или специальным законом отличительные знаки конкретного государства, олицетворяющие его национальный суверенитет и самобытность»[1].

Обратим внимание на два существенных момента. С одной стороны авторы словаря определяют символ через понятие знак, что, как представляется, является совершенно обоснованным, с другой – включают в его содержание «олицетворение государственного суверенитета и самобытность». Государственный суверенитет – неотъемлемый признак государства, а соответствующий символ является его знаком. Причем здесь политологическое понятие «национальный суверенитет», который авторы этого же словаря определяют как «полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая, прежде всего способность политически самоопределяться вплоть до отделения и создания самостоятельного государства»[2] непонятно. Еще менее понятно, какой юридический смысл вкладывается в понятие «самобытность», имея при этом в виду, например, богатую историю смыслов российского государственного флага.

Понятно, что официальные символы государства несут в себе не только сугубо правовую информацию как знаки государства, но и иную, выходящую за пределы собственно правового содержания. Однако с теоретической и особенно практической точек зрения необходимо четко различать эти принципиально различные аспекты понимания и смыслонаполнения. Здесь требуется своеобразный технико-юридический клиринг, своеобразная юридическая чистота.

В рассматриваемом контексте уместно вспомнить Г. Кельзена с его чистой теорией права. Он писал: «Это учение о праве называется «чистым» потому, что оно занимается одним только правом и «очищает» познаваемый предмет от всего, что не есть право в строгом смысле. Другими словами, оно стремится освободить правоведение от всех чуждых ему элементов». При этом цитируемый автор специально подчеркивает необходимость и важность учета связи права с другими социальными явления, категорически он выступает лишь против подмены права этими явления в целях не допустить «методологического синкретизма, который затемняет сущность правоведения и смазывает границы, предназначенные ему природой его предмета»[3]. Необходимо не только право и правоведение, но и символы в праве освободить от всего того, что не есть право.

Вместе с тем, говоря о юридической чистоте символов, во избежание утрированного понимания, еще раз следует отметить, что такой аспект имеет принципиальное значение именно для правового регулирования общественных отношений. Что касается иных форм правового воздействия (информационного и ценностно-ориентационного), которое осуществляется как государством, так и иными субъектами права, то формы и методы их реализации могут быть значительно более разнообразными, в том числе существенно выходящими за пределы собственно права. Достаточно вспомнить, что функции государства могут и осуществляются как в правовых, так и неправовых формах, равно как и посредством различных методов.

Переходя к рассмотрению второго ранее обозначенного подхода к соотношению символа и знака, в рамках которого первый является разновидностью второго, заметим, что для его существования имеется более чем достаточно оснований. Во-первых, практически все толковые словари и целый ряд этимологических, предметных и словарей иностранных слов определяют символ через знак. Во-вторых, в специализированной науке «семиотике», предметом которой является изучение знаков и знаковых систем, понятие «знак» основательно проработано и при этом дана его развернутая классификация.

В контексте настоящей статьи особое значение имеет деление рассматриваемого понятия, предложенное одним из основателей семиотики, американским философом и логиком Чарльзом Сандерсом Пирсом, который в зависимости от характера связи знака, объекта и интерпретатора выделил три вида знаков: иконические знаки (знаки-иконы) – для них характерно наличие сходства с обозначаемым объектом (фотография, звукоподражательные слова, карты, диаграммы, иконические значки на дорожных знаках); индексальные знаки (знаки-индексы, знаки-признаки) – между знаком и объектом существует причинно-следственная связь (дым (индекс огня), след на снегу (индекс зверя), стрелка компаса (индекс севера), симптомы болезни); символические знаки (знаки-символы) – их ключевая особенность в отсутствии связи знака и объекта. Такая связь условна, а их значение устанавливается соглашением, традицией, культурой (слова естественного языка, гербы, флаги, дорожные знаки с абстрактными изображениями, математические символы и другие)[4].

Заметим, что в рамках представленного понимания, отличие знаков-символов от иных видов знака состоит лишь в том, что их форма никоим образом не связана с обозначаемым понятием. Она (эта связь) условна и произвольна. При этом никаких дополнительных особенностей символа в том числе таких как многозначность, вариативность интерпретации ему не приписывается, поскольку они не являют-

[1] Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1998. – IV. С. 623–624.
[2] Там же. С. 664.
[3] Кельзен Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. пер. Вып. 1. М.: АН СССР ИНИОН, 1987. С. 3.
[4] См.: Классификация знаков Чарльза Пирса // https://quizlet.com/ru/925728156/

ся его существенными признаками. Смысловое значение символа устанавливается конвенционально, директивно, апеллируя к традиции, культуре и является при этом вполне определенным.

Когда мы говорим о символах, закрепленных в праве (законодательстве), то здесь их смысловое значение устанавливается субъектом правотворчества и интерпретироваться оно должно в полном соответствии с буквой и духом закона, и никак иначе. Разумеется, сказанное отнюдь не исключает в случае необходимости обращение к услугам экспертов, в том числе не юристов, для уяснения смысла той или иной символики в целях правильного и обоснованного применения соответствующей нормы права[1].

В праве находят отражение все приведенные выше разновидности знаков. Причем, следует учитывать, что подобно тому, как, например, один и тот же юридический факт может быть одновременно и правообразующим, и правоизменяющим, и правопрекращающим, один и тот же знак (его форма) может выступать в разных ипостасях. Он может быть и знаком-иконой, и знаком-индексом, и знаком-символом. На эту особенность знаков обратил внимание Ч. Пирс, отметив, что чистые типы знаков встречаются редко. Гораздо чаще имеют место случаи, когда знаки обладают чертами разных типов, образуя при этом сложные комбинации. Для иллюстрации сказанного, он приводит следующий пример, имеющий непосредственное отношение к праву: «дорожный знак «Пешеходный переход» — это и икона (изображены пешеходы), и символ (согласно ПДД, он обозначает конкретное место), и даже индекс (предупреждает о возможном появлении пешеходов)»[2].

В заключение вновь зададимся вопросом, какой вариант понимания соотношения символа и знака наиболее приемлем для юридической науки и практики? Проведенный анализ различных подходов к соотношению понятий «символ» и «знак» позволяет сделать вывод о целесообразности и обоснованности использования в сфере юриспруденции и юридической практике данных понятий как тождественных (равнозначных). Тем более, что такой подход в значительной степени соответствует сложившей в соответствующих сферах традиции их употребления.

[1] См., например, Кияйкин Д. В. К вопросу экспертного исследования материалов, имеющих отношение к пропаганде или публичному демонстрированию нацистской атрибутики или символики, атрибутики или символики, сходных до степени смешения с нацистской атрибутикой или символикой, а также атрибутики или символики, сходных до степени смешения с атрибутикой или символикой международного общественного движения "А.У.Е." // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 1 (52). С. 47-53.

[2] См.: Классификация знаков Чарльза Пирса // https://quizlet.com/ru/925728156/

Третьякова Ольга Дмитриевна

доктор юридических наук, доцент, директор юридического института Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Tretyakova Olga Dmitrievna

Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

E-mail: o_tretjakova@mail.ru

Неправовые символы в образовательной деятельности по формированию правосознания юристов

Non-legal symbols in educational activities f or the formation of legal awareness of lawyers

Аннотация. В выступлении охарактеризованы неправовые символы, имеющие значение для формирования профессионального правосознания юриста. Важным признаком любого символа является его длительное существование и устойчивое отражение конкретных явлений действительности (в том числе правовых). Неправовые символы позволяют не только ускорить восприятие определенных конструктов, понятий или явлений, но и закрепить в сознании конкретные ценности. В результате при их возникновении в чувственном поле человека он может не только воспроизвести содержание символа, но и его значение в правовом опыте субъекта. Обращаясь к опыту воспитания студентов-юристов, Ольга Дмитриевна привела конкретные примеры применения неправовых символов в повышения правосознания и воспитании позитивного отношения к образовательному процессу.

В завершение выступления сформулированы общие выводы и вносятся предложения по совершенствованию механизмов использования неправовых символов в организации образовательной деятельности.

Ключевые слова: право, правовые символы, символы, имеющие юридическое значение, неправовые символы, правосознание, образовательный процесс

Annotation. The article describes the non-legal symbols that are important for the formation of a lawyer's professional legal awareness. An important feature of any symbol is its long-term existence and stable reflection of specific phenomena of reality (including legal ones). Non-legal symbols allow not only to accelerate the perception of certain constructs, concepts or phenomena, but also to consolidate specific values in consciousness. As a result, when they occur in the human sensory field, he can not only reproduce the content of the symbol, but also its meaning in the legal experience of the subject. Referring to the experience of educating law students, Olga Dmitrievna gave specific examples of the use of non-legal symbols in raising legal awareness and fostering a positive attitude towards the educational process.

At the end of the presentation, general conclusions are formulated and proposals are made to improve the mechanisms for using non-legal symbols in the organization of educational activities.

Keywords: law, legal symbols, symbols of legal significance, non-legal symbols, legal awareness, educational process

Для цитирования: Третьякова О.Д. Неправовые символы в образовательной деятельности по формированию правосознания юристов // Юридическая техника. – 2025. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород, ЮНИКОПИ, 2026. С. 204–207.

Символы это организованно-модулируемая иллюзорная, либо физическая действительность, проявленная в конкретную форму, с которой сознание связывает определенный объем понятия об обозначенной реальности.

В истории человечества символы использовались как графическая знаковая система коммуникации субъектов общественных отношений. При этом символ, как правило, выступал первичным вариантом

письменности и представлял собой форму-знак[1] закрепляющий информацию, понятную (часто интуитивно) всем участникам социальных связей и процессов. В период активного развития книгопечатания абсолютное преимущество получило текстовое выражение смысловых единиц, в том числе в сфере права[2].

В современном мире – мире цифровых технологий значение символов вновь актуализировалось. Символы сегодня – это средство выражения информационных образов во всех сферах функционирования общества от частной до общественно-публичной жизни. В соответствии с законодательством понятийные образы могут идентифицироваться посредством текстов, графических символов, символов в форме действий жестов, телодвижений и кодов[3]. Кроме того, из текстов законодательства, следует, что символическое значение имеют некоторые звуки[4] и цвет символов[5].

В целом, применительно к использованию в организации юридического образования символы можно подразделить на *юридические*, *имеющие юридическое значение* и *неюридические.* К юридическим символам, так или иначе, участвующим в правовом регулировании образовательной деятельности, можно отметить: государственные символы, используемые в формировании и обеспечения правового положения образовательной организации (гербовая печать, элементы государственного герба, флагов и т.д.)[6]) К символам, имеющим юридическое значение в организации и реализации образовательной деятельности, можно отнести символы индивидуализации вуза, например, географическое указание местоположения вуза[7]. Все остальные символы, используемые в образовательной деятельности, можно отнести к *неправовым символам.*

Неправовые символы в образовании – это информационные образы действительности, не имеющие прямого юридического значения, но характеризующие признаки индивидуализации вуза (например, бренд[8]), а также качество, эффективность и деонтологические свойства образовательного процесса.

Рассмотрим влияние неправовых символов, используемых в организации и осуществления юридического образования на примере Юридического института Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича (далее ЮИ ВлГУ). Как отмечено выше, символы в графической форме могут иметь текстовую форму. Важными символами в текстовой форме, в том числе, и вузах выступают различного рода девизы. Девизы – это текстовые символы, которые, в некоторых случаях, выступают официальными атрибутами государств, например, в Конституции Франции (ст.2) наряду с государственными символами в виде гимна и флага закрепляется символ-девиз: «Свобода, Равенство, Братство»[9]. Государственные символы-девизы закреплены в целом ряде зарубежных конституций: Джибути (ст. 1): «Единство, равенство, мир»; Бенин (ст. 1): «Братство, справедливость, труд»; Мавритания (ст. 9): «Честь, братство, справедливость», и др.[10].

Символы-девизы используются в формировании профессионального правосознания у студентов юридического института ВлГУ. Данные символы не юридические, но имеют значение для сплочения студенческих коллективов и формирования устойчивых стереотипов-традиций качественной подготовки к занятиям и участия в позитивной социально-политической и добровольческой деятельности. Важным признаком подобных символов является относительно длительное их существование и устойчивое отражение

---

[1] См., подробнее о соотношении символа и знака: Баранов В.М., Исаков В.Б. Предисловие// Словарь правовых символов и знаков. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025.

[2] См. об этом: Ярмоц Е.Н. Визуализация судебной деятельности и её роль в обеспечении доступности правосудия//Вестник Полоцкого государственного университета Серия D. Экономические и юридические науки, 2024 № 3. С. 126-129.

[3] Понятия//п.5 ГОСТ Р ИСО 704-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Терминологическая работа. Принципы и методы"(утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 21.12.2010 N 879-ст). М.: Стандартинформ, 2012.

[4] Например, гимн РФ. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 3-ФКЗ (ред. от 31.07.2025) "О Государственном гимне Российской Федерации" URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения:20.09.2025).

[5] См., например, золотисты цвет герба. Указ Президента РФ от 16.05.2011 N 640 "Об учреждении знамени Федеральной службы охраны Российской Федерации" (вместе с "Положением о знамени Федеральной службы охраны Российской Федерации")

[6] . п. 1,3. Статьи 1231.1. Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025)// СПС «консультант Плюс» (дата обращения:20.09.2025).

[7] П.14.1 Статьи 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025)// СПС «консультант Плюс» (дата обращения:20.09.2025).

[8] Бренд - это символическое воплощение комплекса информации, связанной с определенным продуктом или услугой. Данный термин включает в себя название и иные визуальные элементы (шрифты, цветовые схемы и символы).// Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2009 N 09АП-8678/2009-АК по делу N А40-90240/08-4-424 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие: сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/33c606c5-a4b8-47ea-a68e-d82afd10f0a4/d057c5be-e5cb-4c72-abf6-ae7209766072/%D0%9040-90240-2008__20090611.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.09.2025).

[9] Ст. 2 Конституции Французской Республики от 04.10.1958 (Конституция Франции) (с изм. и доп. от 23.07.2008)// Конституции зарубежных государств: учеб. пособие. - 8-е изд., исправл. и доп.- М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 81 - 116.

[10] Конституции/URL: https://www.constituteproject.org/ (дата обращения:20.09.2025).

в конкретных символах. Девизы позволяют не только ускорить восприятие определенных конструктов, понятий или явлений, но и закрепить в сознании конкретные ценности. В результате при их возникновении в чувственном поле человека девиз может не только воспроизвести содержание символа, но и его значение в правовом опыте субъекта. Так, современные технологии диктуют необходимость ускорения поиска нужной информации и для этого применяются девизы в виде символов-хэштегов, которые отражают целое направление материалов в социальных сетях, связанных единой тематикой[1]. Применительно к деятельности ЮИ ВлГУ используется хэштег: *#СемьяЮИ.* Данный символ при проведении различных мероприятий может массово озвучиваться в виде слогана, указывающего на общность студентов и преподавателей учреждения. Кроме того, вариация указанного хэштега-слогана размещается на информационных стендах в виде графического символа «ЮИ7Я». Несмотря на то, что в отношении хэштегов отсутствует специальное правовое регулирование, они упоминаются в некоторых правовых актах[2]. В целом, хештеги используются для упрощения поиска и доступа к информации о деятельности образовательной организации и существующих практиках правового воспитания, что позволяет распространить применяемый опыт и превратить хэштеги в символы правового воспитания.

Символ-логотип образовательного учреждения выступает в качестве ключевого элемента мировосприятия студентов и его позитивное восприятие зависит от уже сложившегося опыта субъекта. Логотип образовательного учреждения, в частности Юридического института ВлГУ, не только индивидуализирует место получения знаний и конкретную организацию, но и повышает узнаваемость региона, и отмечает связанность с государственными символами. Применение данного символа в правовом воспитании студентов корреспондирует Распоряжению Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р <Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года> [3], согласно которому вуз должен развивать у студентов уважение к государственным символам, в том числе историческим. То есть, использование одним из направлений политики в сфере воспитания выступает повышение узнаваемости исторических памятников (в том числе утраченных). Государство рассматривает символы как инструмент повышения патриотизма и гражданской ответственности, идентификации себя как гражданина России[4]. И если в Стратегии государственной политики до 2025 года говорилось о совершенствовании образовательного процесса как инструмента воспитания общероссийской самоидентичности, то в Стратегии реализации молодежной политики до 2030 года уже напрямую указывается на значимость присутствия государственных символов во всех сферах жизни.[5] Под последними в данном акте понимается не только герб, флаг, но и совершение церемоний поднятия Государственного флага Российской Федерации, даже «Уроки о важном» включаются в перечень средств по реализации политики сохранения традиционных ценностей.

Юридический институт ВлГУ чтит историческую память государства и активно реализует цели государственной политики, в том числе путем закрепления на логотипе образовательного учреждения Золотых ворот как символа города Владимира. Создание собственной продукции с фирменным стилем института и его логотипом позволяет говорить о формировании неправового символа, оказывающего влияние на правосознание студентов, формирование активной гражданской позиции, в том числе правозащитной деятельности. На повышение узнаваемости исторических символов региона работает и тот факт, что Юридический институт ВлГУ носит имя знаменитого государственного деятеля М.М. Сперанского (в корпусе оформлена глубоко символическая экспозиция, позволяющая показать и рассказать студентам о значимости данной фигуры для истории России). Кроме того, одним из новейших направлений символизации в институте является увековечивание истории других известных юристов Владимирской земли. Создание музейных экспозиций в совокупности с проведением регулярных мероприятий создает символическую конструкцию исторической преемственности и становится частью позитивного опыта студентов.

---

[1] Хештег, изображаемый значком "решетка" #, позволяет другим пользователям находить все записи, обозначенные этим значком через поисковую систему. См об этом: Письмо> Минобрнауки России от 31.03.2017 N ВК-1065/07 «О направлении методических материалов»// СПС «Консультант Плюс» дата обращения 20.09.2025).

[2] См., например, Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // «Собрание законодательства РФ». №как 20, ст. 2901. 15.05.2017; Письмо> Минобрнауки России от 31.03.2017 N ВК-1065/07 «О направлении методических материалов»// СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 20.09.2025).

[3] Распоряжение Правительства РФ <Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года> от 29.05.2015 № 996-р // «Собрание законодательства РФ». № 996-р. 08.06.2015.

[4] Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) // «Собрание законодательства РФ». № 52, ст. 7477. 24.12.2012.

[5] Распоряжение Правительства РФ <Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года> от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) // «Собрание законодательства РФ». № 36, ст. 5484. 02.09.2024.

Необходимо отметить символичность различных направлений студенческой самодеятельности института. Например, «студенческая весна» – один из важнейших символов молодежного творчества, поддерживаемая как Министерством науки и образования РФ, так и Министерством просвещения РФ. Это уникальный символ, который ассоциируется с массовым движением творческой самодеятельности и влияет на самовыражение студентов не только в образовательной среде, но и в культурно-досуговой. Эта Программа поддержки[1] молодежи повышает уровень патриотичности и позитивно влияет на распространение культурного наследия страны. Данный положительный символьно-знаковый образовательный опыт формирует лояльное отношения ко всему учреждению и желание способствовать его развитию, распространению ценностей качественного образования.

Важными неправовыми символами, используемыми в формировании профессионального правосознания будущих юристов и повышения эффективности деятельности ЮИ ВлГУ стало использование машиночитаемых графических символов в виде различных QR-кодов, с помощью которых своевременно и эффективно доводится информация до обучающихся о правовом положении института (свидетельства о лицензировании и аккредитации), о графике учебного процесса, о заданиях и контроле успеваемости, и т.д.

Эффективность использования неправовой символики в формировании высокого уровня правосознания будущих юристов была проконтролирована посредством проведения социологического исследования, посвященного изучению степени удовлетворенности студентов уровнем качества образования в вузе[2]. Данное исследование содержало ряд вопросов, посвященных влиянию символов вуза, на психоюридический микроклимат в образовательной организации и степень влияния сформированной образовательной среды на профессиональное качество подготовки будущих юристов.

Проведенное социологическое исследование позволило сделать некоторые умозаключения.

Во-первых, неправовые символы в организации и реализации образовательной деятельности по подготовке юристов, тесно связаны, и достаточно часто, основаны на официальной правовой символике, либо на символах, имеющих юридическое значение. Неправовые символы играют роль вспомогательных инструментов повышения правосознания студентов, их гражданской позиции. Они не являются правовым в том смысле, в котором это понимает правовая доктрина, однако их влияние на развитие общества достаточно существенно. Помимо классических государственных символов, речь идет о применении целых комплексов разнородных символов, в том числе исторических, которые используются для сохранения традиционных ценностей и формирования общероссийской идентичности.

Во-вторых, представляется, что образовательные учреждения должны быть мобильными в части применения новых цифровых символов и не отрицать их значимость в развитии информационного общества с учетом установленной государственной политики.

В-третьих, в целом, неправовая символизация в организации образовательного процесса в юридическом вузе оказывает определенное влияние на формирование высокого уровня правосознания и готовности студентов к профессиональной деятельности, а также способствует повышению уровня удовлетворенности получаемым образованием, создает позитивный образ юридического образования.

[1]Студвесна URL: https://studvesna.ruy.ru/about-program (дата обращения: 08.10.2025).
[2] Приказ ректора ВлГУ №193/11 от 30.08.25.

Треушников Илья Анатольевич

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Нижегородская академия МВД России; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Treushnikov Ilya Anatolievich

Doctor of Philosophy, associate Professor, Head of the Department of Socio- Humanitarian Disciplines, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Nizhniy Novgorod)

E-mail: treushnikovilya@mail.ru

Символы в праве сквозь призму аксиологии

Symbols in Law through the Prism of Axiology

Аннотация. В статье рассматриваются актуальность и особенности анализа проблемы символов в праве в контексте творческого поля аксиологии. Отмечается значимость иерархии ценностей в идеологической составляющей на современном этапе. Определяется роль и значение символов в праве в процессе консолидации общественных сил и формирования продуктивной направленности общественного сознания. Утверждается мысль о том, что ценность символа определяется значимостью феномена, который символ олицетворяет и с которым в общественном сознании устанавливается устойчивая взаимосвязь.

Ключевые слова: аксиология, правовая аксиология, символы в праве, ценности, иерархия ценностей, общественное сознание

Annotation. Drawing on the doctrine of values, this article examines the relevance and specific features of analyzing the problem of symbols in law. The significance of the hierarchy of values in the ideological component in the modern era is noted. The role and significance of symbols in law in the process of consolidating social forces and shaping a productive direction for public consciousness is determined. It asserts that the value of a symbol is determined by the significance of the phenomenon it represents and with which a stable relationship is established in public consciousness.

Keywords: axiology, legal axiology, symbols in law, values, hierarchy of values, public consciousness

Для цитирования: Треушников И. А. Символы в праве сквозь призму аксиологии // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 208–210.

В настоящий период представляется актуальным полномасштабное и всестороннее обсуждение темы символов в праве. Определенная работа в этом направлении уже проводилась в научном сообществе. Однако, – как отмечают современные авторитетные исследователи, – «в качестве самостоятельного предмета исследования правовая символика выступает редко. В пространстве юриспруденции существуют единичные примеры ее системного рассмотрения. Вероятно, объясняется это тем, что основательная разработка данной темы требует значительной авторской эрудиции (не только правовой, но и философской, общенаучной, исторической), обобщения огромного массива научного и фактического материала»[1]. В связи с этим интерес представляют работы И.В. Мальцева, в которых он подвергает комплексному анализу указанную тему. Автор обнаруживает истоки ее штудий в европейской юридической мысли начала Нового времени. Он вводит в научный оборот информацию о работах юристов XVIII века, которые посвятили свои исследования символам в праве (отмечаются труды Б.Л. Моленбека, И.Г. Шер-

[1] Баранов В. М., Давыдова М. Л. Правовая символизация (доктрина, практика, техника). Рецензия на монографию И. В. Мальцева «Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании» (М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. 256 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 162.

ца, Э. Отто, И.Т. Гофмана, И.В. Гофмана, И.У. Крамера, Х.У. Групена, И.Г. Шаумбурга и др.). И решается расширить историографию вопроса до научных трудов таких юристов XVI–XVIII вв., как И.Т. Фрайг, И. Каль, А. Альчато, Ю. Мейер, Н.И. Гундлинг,[1] что представляет научный интерес. При этом на наш взгляд, именно сейчас вопросы осмысления символов в праве заслуживают специального внимания.

Не лишено познавательного значения рассмотрение данной темы сквозь призму аксиологии. Актуальность проблематики, на наш взгляд существенно возрастает в современных условиях. Внимание к ценностным установкам, которые должны формироваться в общественном сознании, постоянно возрастает в общественной и политической сферах. Это можно увидеть при обращении к вопросам обеспечения безопасности страны. Национальная безопасность – комплексный многоаспектный феномен. Достичь на общенациональном уровне состояния, при котором вся государственная и общественная система готова отвечать на разнообразные вызовы и сохранять при этом устойчивость и положительную динамику развития, достаточно сложно. Современные вызовы и угрозы, возникающие перед нашей страной, требуют системного рассмотрения. Не следует игнорировать роль и общественного сознания как фактора, способствующего обеспечению национальной безопасности. Современный этап общественного развития демонстрирует возрастание роли идеологической составляющей в процессе обеспечения национальной безопасности страны. При рассмотрении вопроса о современных вызовах и угрозах национальной безопасности Российской Федерации мы можем обратиться к ряду нормативных правовых актов, которые обеспечивают утверждение стратегических приоритетов развития страны.

В современной «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», которая утверждена указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400, отмечается необходимость «согласованных действий» по реализации национальных приоритетов нашей страны и нейтрализации «внешних и внутренних угроз». Особенности современных угроз национальной безопасности Российской Федерации связаны со «снижением эффективности системы глобальной безопасности». Это произошло, как отмечается в документе, на фоне существенных трансформаций во всех сферах общественной жизни, затронувших всю мировую систему. Для нас сейчас особенно важно обратить внимание на то, что в рассматриваемой Стратегии указывается на актуальность «проблемы морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства». Это теснейшим образом связано с негативным информационным давлением на общественной сознание, попытками «целенаправленного размывания традиционных ценностей», стремлением к пересмотру роли и места России в мировой истории, искажению исторической действительности.[2]

В Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» уточнены вызовы и угрозы в области духовно-нравственной культуры. Важно отметить, что в документе четко определяется значение традиционных ценностей народов России как фактора противостояния современным вызовам и угрозам, среди которых значимое место занимают «деструктивные идеологии». В идеологической конструкции центральное место занимает иерархия ценностей. Среди традиционных российских духовно-нравственных ценностей обозначены идеалы патриотизма и служения Отечеству.[3] Данные ценностные установки прямо способствуют политической консолидации общества, что чрезвычайно необходимо в условиях современных комбинированных угроз.

В данных условиях существенное значение приобретает аксиология права (правовая аксиология). Правовая аксиология – многоаспектный феномен. Он связан со всеми сферами жизни общества. Мы в свое время уже отмечали, что «поскольку в центре общественной системы стоит человек с его интересами, способностями и всем духовно-культурным укладом, постольку в этой области знания и деятельности будут присутствовать аксиологические аспекты»[4]. Аксиологическая проблематика с необходимостью присутствует в большинстве теоретико-правовых и философско-правовых работ, но, как отмечают современные исследователи «специализированных трудов по юридической аксиологии нет, как нет и целостной системы понятий, раскрывающей ценность права как сложного многоаспектного явления, обладающего биосоциальной, социокультурной и юридической природой»[5]. Мы можем опираться на ресурс философской аксиологии, что позволит рассмотреть интересующие нас вопросы, не утрачивая их правового содержания.

Следует понимать, как справедливо замечают в современной исследовательской литературе, что «словосочетание «аксиология права» может быть понято двояко: и как тематический раздел аксиологии

[1] Мальцев И.В. Ранняя историография исследования правовых символов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3 (38). С. 63.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 18.04.2025).

[3] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 18.04.2025).

[4] Треушников И.А. Формирование профессиональной готовности к правовой аналитике // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 407.

[5] Сивкова Л.А. Аксиология права: понятийный аппарат // Вестник. Государство и право. 2019. № 26. С. 44.

– специальной философской дисциплины, исследующей ценности как особый вид бытия, направленный на аналитику ценностного содержания права, в различных его проявлениях, и как сама аксиологическая составляющая правовой реальности, дающая предметное содержание аксиологическому исследованию»[1]. Опираясь на вторую методологическую позицию и рассматривая символы в праве в качестве предмета аксиологического исследования на современном этапе развития общества, мы придаем (можем придать) им (символам) фактическое значение.

Отдавая должное исследованию И.В. Мальцева, который обозначил актуальность ценностного аспекта в вопросах изучения символов в праве, следует отметить, что заметное место может занимать почитание самого символа как такового. И.В. Мальцев обстоятельно проанализировал работы современных юристов, посвященные аксиологическим аспектам символов в праве. Он обращает внимание на то, что государственные символы рассматриваются как «однопорядковые с особо почитаемыми духовными явлениями». В основе такого отношения к государственным символам лежит взаимовлияние «идейного начала и эмоциональной оценки». Особо подчеркивается, что в одном ряду с символами публичной власти стоят религиозные символы и символы, увековечивающие память защитников Родины. Отдельно утверждается справедливая мысль о том, что ценность символа определяется значимостью феномена, который символ олицетворяет и с которым в общественном сознании устанавливается устойчивая взаимосвязь. В связи с этим правовой защите подлежит и сам феномен и его символ. Кроме того, не смотря на определенные черты «сакрализации» символов указанного выше порядка, вопросы, связанные с ними, остаются в пределах научного анализа.[2]

При осмыслении символов в праве на основе современной методологической линии зарубежной аксиологии можно столкнуться с определенным затруднением. Современные отечественные исследователи отмечают стремление к «релятивизации ценностной сферы», которое становится особенно заметным в начале нашего столетия. В работах ведущего теоретика постмодернизма – Ж. Бодрийяра можно увидеть, что результатом анализа понятие «ценность» выступает «ценность-символ». Ж. Бодрийар приходит к выводу о том, что интерпретация ценностей в современной философии приводит к утверждению «их полной невозможности и неопределенности».[3] Символизация самих ценностей приводит к крайнему субъективизму. Для нас такой подход при осмыслении темы символов в праве не представляется продуктивным.

В современной ситуации особое значение приобретает процесс утверждения в общественном сознании общенациональных приоритетов, системы традиционных ценностей, которые позволят добиться формирования у граждан нашей страны общенациональной идентификации. В условиях идеологического противостояния возрастает также значение образов определенных событий (можно назвать эти образы идеологемами), которые являются смыслообразующими феноменами в системе общественного сознания. В связи с этим первостепенную ценность приобретают, и сами феномены (факты, процессы, объекты, институты), и символы их олицетворяющие.

В год восьмидесятилетия Победа советского народа в Великой Отечественной войне хочется специально подчеркнуть, что сам факт Великой Победы выступает самым значительным образом, который способен выступать консолидирующим фактором для большинства представителей российского общества. В связи с этим представляются оправданными целенаправленные усилия для поддержания в актуальном состоянии исторической памяти о событиях военного времени. Трансляция образа Великой Победы приобрела на современном этапе особое значение. Можно рассматривать в качестве иллюстрации усилий по укреплению этого символа в общественном сознании – нормативное правовое закрепление традиции проведения военных парадов на Красной площади в Москве, городах-героях и ряде иных городов. В частности, Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» предусматривает в ходе проведения данных парадов использование копий официального символа Победы советского народа в Великой Отечественной войне – Знамени Победы, иных символов, произведений искусства, прославляющих подвиг советского народа.[4]

[1] Карнаушенко Л.В. Современная аксиология права как теоретическая проблема // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 34.
[2] Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально- юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 107-108.
[3] Котлярова В.В. Современная аксиология в поиске новой парадигмы // Казанская наука. 2014. № 5. С. 81.
[4] Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7872 (дата обращения: 18.04.2025).

Трофимов Василий Владиславович

доктор юридических наук, доцент, начальник НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, руководитель Научно-образовательного центра «Государственно-правовая политика современной России»

Trofimov Vasily Vladislavovich

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Institute of State and Legal Studies, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Head of the Scientific and Educational Center "State and Legal Policy of Modern Russia"

E-mail: iptgutv@mail.ru

Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как символ современной демократической правовой республики: опыт научного обоснования*

Legal co-creation of public authorities and civil society as a symbol of a modern democratic legal republic: the experience of scientific substantiation**

Аннотация. Рассматривается явление правового сотворчества публичной власти и гражданского общества в качестве символа демократической правовой республики. Обосновывается необходимость более активного введения в научный оборот понятия правовой республики. Дается авторское определение понятия правовой республики. Устанавливается одна из характерных черт данного состояния государственности в виде открытой возможности общества существенным образом влиять на процессы правотворчества, становиться таким образом соучастниками этих процессов, сотворцами права. Характеризуется феномен правового сотворчества и обосновывается его практический функционал в части оптимизации и совершенствования правовой системы государства.

Ключевые слова: право, правотворчество, правовое сотворчество, публичная власть, гражданское общество, сотрудничество, государство, символ, демократическая правовая республика, функции правового сотворчества

Annotation. The phenomenon of legal co-creation of public authorities and civil society as a symbol of a democratic legal republic is considered. The necessity of a more active introduction of the concept of a legal republic into scientific circulation is substantiated. The author's definition of the concept of a legal republic is given. One of the characteristic features of this state of statehood is established in the form of an open opportunity for society to significantly influence the law-making processes, thus becoming accomplices in these processes, co-creators of law. The phenomenon of legal co-creation is characterized and its practical functionality in terms of optimizing and improving the legal system of the state is substantiated.

Keywords: law, lawmaking, legal co-creation, public authority, civil society, cooperation, state, symbol, democratic legal republic, functions of legal co-creation

Для цитирования: Трофимов В.В. Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как символ современной демократической правовой республики: опыт научного обоснования // Юридическая техника. 2026. № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года /гл. ред. проф. В.М.Баранов). Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 211–216.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, https://rscf.ru/project/24-28-00271/.

** The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00271, https://rscf.ru/project/24-28-00271/.

Политико-правовая система в государстве – это очень сложное и динамично функционирующее образование, в котором переплетаются объективные и субъективные начала, закономерные и случайные, позитивные и негативные, гомеостатические и энтропийные, реальные и имитационные (симулякры) и пр., но все что касается конструктивных начал так или иначе выполняет свою функцию, обеспечивая постановку и решение тех или иных текущих и стратегических задач (при этом и негативные, деконструктивные явления тоже оказывают свою роль, стимулируя общую систему к переустройству, адаптации и пр.). Система политико-правовых явлений как некая целостность и управляется (прежде всего государственной властью, контролирующей баланс и соответствие необходимым параметрам всех ее элементов), и имеет самоуправляемые (аутопойетические) характеристики, что позволяет ей развиваться и осуществлять присущие ей и её элементам функции.

Вместе с тем, можно заметить, что выполнение каждым из элементов системы той или иной своей функции может проявляться одновременно и как реально работающий аппарат (со своими действиями, процедурами, следствиями и пр.), и в символическом плане – как некий знак, символ того, что система в целом отвечает/не отвечает своему характеру и предназначению[1]. При этом символическое значение того или иного элемента имеет нередко вес не менее существенный, чем та реальная работа, которая этим элементом системы выполняется. Особенно, на наш взгляд, это важно для элементов политико-правовой системы, выражающих общий (принципиальный) настрой (режим) ее функционирования. Так, в частности, если государственная, политическая и правовая система провозглашают себя цивилизованными и демократическими (как правило, на уровне Основных законов государства), то все элементы, которые нацелены на обеспечение данных утверждений (деклараций), должны всем своим присутствием и функционированием подтверждать это, символизируя, что это именно так и есть на самом деле. Это относится по сути ко всем тем элементам системы, которые выражают начала демократии и народовластия, начиная от выборов и референдума и продолжая всеми теми механизмами, которые обеспечивают участие людей в управлении государством, в том числе теми форматами, которые дают возможность народу (гражданам) принимать участие в правосозидательной (правотворческой) работе (деятельности).

Думается, не станет большим откровением тезис о том, что сила государства определяется изначально единством и активностью народа, который и образует государство как политико-территориальную общность – суверенную единицу в международных процессах (на международной арене). Государство (и мировая история это не раз демонстрировала) никогда не сможет быть сильным (уверенным в своих силах), если не будет находиться в прямом контакте с обществом, если будет с обществом в разных «эшелонах», что возникает, когда власть (властные элиты) узурпируют все властные механизмы, принимают решения вне общественной среды, а нередко вопреки общественным запросам и реальным социальным интересам. Такие ситуации складываются, когда в государстве используются недемократические средства управления, и сами режимы власти становятся недемократическими. Но это, как правило, путь для любого государства в тупик, поскольку рано или поздно «сила» и «внутренняя энергия» для функционирования и развития будет исчерпана, а новых ресурсов для ее возобновления не существует и не создано, так как в недемократических условиях такие ресурсы сами по себе возникнуть не могут, тем более если само государство тем или иным образом подавляет общество (пресекая общественную инициативу, запрещая и ограничивая средства массовой информации, которые выявляют те или иные острые проблемы, и пр.).

Российское государство, которое в своей истории сталкивалось с подобными «недемократическими крайностями», думается, смогло провести «работу над недочетами», и сегодня вполне уверенно провозгласило и постоянно старается поддерживать курс на демократическое развитие. Как верно подчеркивает В.В. Путин, «…подлинная демократия – это непременное условие построения государства, нацеленного на служение интересам общества»[2].

Демократия (*от греч. demos – народ и kratos – власть*) есть *народовластие*. *Демократичность государства* означает прежде всего то, что *народ является источником власти*, т. е. базовые (принципиальные) решения по вопросам о том, каким быть государству, в каком направлении двигаться, какие приоритеты устанавливать, а также как и каким образом достигать поставленные цели и т. п., принимает народ, его мнение и воля являются главенствующими. Все прочие решения принимаются только в исполнение принятых (одобренных) народом главных решений или принимаются отдельным образом (по конкретным вопросам) тем же народом, если в этом возникает потребность.

Народ, как носитель власти в государстве, может осуществлять власть как непосредственно (путем прямых демократических форм: осуществляя волеизъявление на выборах разного уровня (муниципального, регионального, национального), голосуя «за» или «против» той или иной политической силы или отдельного кандидата на ту или иную должность; принимая решения в ходе референдумов), так и опосредованно – через избранных народом представителей во власти (через органы государственной власти или органы местного самоуправления, их должностных лиц).

[1] См.: Баранов В.М., Исаков В.Б. Словарь правовых символов и знаков / Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника». Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. 317 с.
[2] Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. № 20/П. 6 февраля. С. 1.

Как гласят части 1-3 статьи 3 Конституции РФ:

«1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы».

В этих трех базовых конституционных позициях по сути выражен главный демократический смысл российского государства. Но не только – и одновременно этим подчеркивается и правовой, и республиканский характер организации государственной жизни, так как реальная демократия обеспечивается исключительно правовыми инструментами и способна себя реализовывать в полной мере, если в государстве царит (верховенствует) право, и именно демократия, демократические институты в государстве обеспечивают существование и неноминальную реализацию республиканского проекта правления, основанного на совместном решении общих дел (войны и мира) общими усилиями всех граждан государства. Иными словами, это позволяет воплощать и реализовывать на практике проект *правовой республики*[1] как того государства, которое не просто по форме выражает республиканский образ правления (с избираемой и сменяемой политической властью) и присущий ему демократический режим, проводя в жизнь принцип верховенства права, но той государственно-политической системы, которая обеспечивает органичный синтез государственного и общественного ресурсов, построенный на развитых и полиформенных демократических делиберативных началах осуществления государственного управления и правового опосредования публично-властных и частно-социальных отношений при непременном приоритете права как самой оптимальной и универсальной меры социальной свободы и государственного волеизъявления.

С правовой точки зрения демократичность и республиканский формат российского государства выражают также конституционные положения о том, что граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (часть 1 статьи 32 Конституции РФ), имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (часть 2 статьи 32 Конституции РФ); то же демонстрируют иные законодательные положения (о референдуме, о народной правотворческой инициативе, об общественных обсуждениях и др.), предусматривающие законные способы осуществить народную волю по вопросам развития политико-правовой системы страны.

Совокупность *политических прав граждан и их объединений*, закрепленных в Конституции России (статьи 29-33), конкретизирует демократичность политического режима в стране на уровне каждого члена российского общества, который получает возможность выражать свою политическую (и одновременно – правообразующую) волю, оказывая со своей стороны влияние на государственную и муниципальную власть, на ее политические, правотворческие и правоприменительные решения. И тогда, когда эта воля одного «вливается» в «океан» волеизъявления многих, принимается истинно народное решение, при этом чем больше людей будет задействовано в этом процессе, тем более социально-объективной станет позиция, полагаемая в основу принимаемого политического и / или правового решения.

В частности, путем общественного участия в правотворчестве могут приниматься правотворческие решения, которые при таких условиях принятия будут воплощать истинные народные интересы. Официальная власть сможет своевременно и оптимально решать насущные проблемы прежде всего тогда, когда между властью и обществом существует конструктивная коммуникация, и в особенности это полезно может быть тогда, когда эта коммуникация складывается в правотворческой области, поскольку здесь в результате данной коммуникации может появляться реальный продукт совместной правотворческой работы – правотворческий результат, который в этом случае и становится непосредственным результатом правового сотворчества.

Если соответствующие коммуникационные связи должным образом налаживать, то вполне допустимо выходить на такой инструмент (ресурс) правотворческой активности, как *правовое сотворчество*, которое может быть представлено как «высшая форма сотрудничества в правовой сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванная согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правотворческие акты), выступающая составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума»[2]. Это своего рода новый государственно-правовой институт, демонстрирующий собой пример позитивно-креативной социально-властной коммуникации в правотворческой области, когда на основе сотрудничества и совместной деятельности власти и общества созда-

[1] См. также: Варданянц Г.К. Правовая республика как социолого-правовая категория // Социология власти. 2008. № 4. С. 148-155.

[2] Малько А.В., Трофимов В.В., Самородов В.Ю. Правовое сотворчество публичной власти и общества как совместная деятельность // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 50.

ется истинная (социально-легитимная) правовая форма, реально отражающая демократические начала в организации государственно-правовой жизни (не исключается здесь и сфера правоприменения, где также можно достигать уровня сотворческих власти и общества (граждан) правовых решений)[1]. Как справедливо также отмечает В.В. Путин: «Демократия, на мой взгляд, заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля, коммуникаций и “обратной связи”»[2].

В своем Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации В.В. Путин связывает успешность развития с фактором свободы и демократии: «Чтобы идти вперёд, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причём во всех сферах, укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру, новым идеям и инициативам»[3]. Правовое сотворчество с этих позиций – это форма проявления социальной свободы в правотворческой сфере, принципа демократизма в правотворчестве, где у общества есть необходимые возможности выражать юридически значимые интересы, формулировать правовые идеи и высказывать правотворческие инициативы, способные получить надлежащую легитимную фиксацию, начав «работать» на государство и социум в качестве нормативных устоев, созданных в союзе и сотрудничестве власти и гражданского общества.

Вообще любое современное государство сталкивается сегодня со множеством рисков и угроз (экономических, социально-демографических, экологических, технологических, биологических, военных и др.), сопротивление которым становится не просто «выбором» власти и общества, а фактически – «обязанностью», залогом и предпосылкой дальнейшего существования, острой жизненной необходимостью, где неосуществление таковой может привести в лучшем случае к утрате государственного суверенитета, в худшем – к банальному исчезновению (под натиском угроз и при невозможности государства противостоять им) с политической карты мира. Поэтому если применять к феномену современного государства аналогию с античным полисом (городом-государством), от которого во многом в политической истории ведут отсчет классической форме политической организации общества, то из всех известных значений этимологического плана греческого термина «polis» сегодня уместнее всего значение полиса в смысле «цитадель», «крепость» (akropolis)[4].

Вместе с тем, учитывая презумпцию того, что практически все современные государства безусловным образом настроены на то, чтобы продолжать свое существование и даже усиливать свое влияние на мировой арене, будем смотреть на феномен государства (полиса) в основном известном нам сущностном значении, а именно в смысле политического сообщества граждан, организующих свою жизнедеятельность в целях развития (согласно определению Аристотеля, греческий полис (polis) был сообществом (koinonia) граждан (politai), группирующихся вокруг политических институтов (politeia)[5]).

Если же понимать современные государства непосредственно как политически организованные общества (общества, сорганизовавшиеся для решения общих дел), то это единение граждан вокруг политических институтов следует понимать не столько как внешний признак государства и государственности, сколько как имманентное свойство, ресурс, обеспечивающий функционирование и развитие государства (публичной власти, управляющего сословия) и общества (сословия управляемых), а вместе с этим и тех политико-правовых институтов, которые являются проявлением полисной (государственной) формы организации общественной жизни. Это именно то измерение политики, которое возникло в «античном полисе, и которое, как подчеркивал Аристотель, отличает людей свободных: у последних политика оказывается не просто управлением обществом (такая «политика» была и у современных Аристотелю персов, ее можно найти в любой сегодняшней диктатуре), но общением, взаимодействием граждан по поводу общего блага»[6].

Одним их наиболее значимых политико-правовых институтов в устройстве полиса-государства, воспроизводящим базовые основания государства и этим проявляющим себя как «стрежневой» во всей системе государственно-правовой жизни, является институт правотворчества. С ним связано «начало» государственно-правовой жизни, и с ним же связано ее окончание (прекращение) (вместе с отменой тех или иных нормативных правовых актов). Влияние этого института принципиально – все его достижения – позитивные приобретения и улучшения в реальной общественной жизни; все огрехи, в свою очередь, в правотворчестве есть почва для всех коллизий и в самой государственно-правовой действительности.

---

[1] Трофимов В.В. Правовое сотворчество как способ (форма) организации и осуществления правотворческой деятельности в современном полисе (государстве): постановка проблемы // Правовая культура. 2024. № 3. С. 115.

[2] Путин В.В. Указ. соч. С. 1.

[3] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/56957 (дата обращения: 05.07.2023).

[4] Медовичев А.Е. Греческий полис как исторический феномен и его политическая концепция в исследованиях М.Г. Хансена (Аналитический обзор) // Историческое знание на рубеже столетий. 2003. № б/н. С. 70.

[5] Там. же. С. 76.

[6] Летняков Д.Э., Шарова В.Л. Город как полис: агонистические практики в городской среде // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. № 26 (3). С. 157.

К сожалению, в современной жизни правотворчество не свободно от недостатков и ошибок (об этом немало в свое время было сказано[1]). Причин тому немало – от динамики самой жизни до непрофессионализма законодателей. При этом наиболее существенной проблемной стороной в этой плоскости можно назвать также и дефицит реально осуществляемых способов конструктивной коммуникации субъектов официального публично-властного правотворчества и общества (гражданского общества), без которой власть просто не видит насущных проблем, а значит не способна их своевременно и оптимально решать.

Для преодоления подобных ошибок в правотворчестве, порождаемых не столько непрофессиональным подходом или отсутствием научности при принятии правотворческих решений, сколько неадекватностью реагирования на социальный контекст, разрывом государственного и общественного срезов политико-правовой действительности, как раз и требуется применение системного синтеза властных и общественных потенциалов при выработке и принятии правотворческих (и иных правовых) решений, что собственно и позволяет осуществлять механизм *правового сотворчества*, под которым предлагается понимать «процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)»[2].

Правовое сотворчество способно обеспечить особый кумулятивный эффект при осуществлении созидательно-правовой активности, поскольку в этом процессе участвуют не только государственные, но и социальные структуры. Сотворчество как инструмент (внутри-) и (меж-) государственно-правовой жизни, ее ресурс для самообновления, имеет незаменимый потенциал синергии разных энергетических источников, солидаризации усилий разных субъектов государственно-правовой жизни во благо общего дела, на идейной константе которого только и может строиться современное государство как достояние всего народа (р е с п у б л и к а), которая в этом смысле вполне может именоваться «правовой»[3]. Как пишет Г.К. Варданянц: «Правовое государство означает не просто верховенство права, но и универсальность права с точки зрения социального контроля. Правовая республика – это государство не просто демократического режима, но политическая система, обеспечивающая социальный синтез общественного пространства социальности»[4].

Кроме того, правовое сотворчество способно придавать политико-правовой активности конструктивный характер. Для государственно-правовой жизни намного ценнее не всякая правотворческая активность (поскольку порой таковая может порождать и воспроизводить совсем не те нормативные стандарты, которые ожидаемы как системой государственного управления, так и обществом), а та правотворческая активность, которая приводит к качественным и социально легитимным правовым результатам (эффективным правотворческим решениям). Такие решения в сфере правосозидания, на наш взгляд, способны генерироваться только при условии конструктивного и деятельностного взаимодействия (диалога) управляющих (государство) и управляемых (общество), или политико-правовой коммуникации в глобальном срезе (между государствами), того межсубъектного взаимодействия, которое обеспечивает взаимообмен информационно-культурными продуктами (сигналами, активностями, смыслами, знаниями).

Еще одна функция правового сотворчества – возможность позволять выражать обществу созидательный (креативный) потенциал в деле государственно-правового строительства. ***Сотворчество*** в рамках определенного вида деятельности – это довольно мощный ресурс для создания полноценных и качественных результатов, продуктов совместного творчества[5]. При этом, когда в этом сотворчестве задействована естественная энергия общества, качество осуществляемой совместной деятельности априори существенно возрастает.

Правовое сотворчество развивает на практике демократические начала государства. Каждый гражданин, участвуя в решении государственно-правовых задач, будь то голосование на референдуме, на электронном ресурсе Российской общественной инициативы за политико-правовое предложение, с которым он солидарен, направляя жалобы и обращения в органы власти, выражая свое критическое мнение о законопроектах или высказывая инициативы в плане совершенствования законов, совершая другие действия, влияющие на будущее право, принимает участие в правовых преобразованиях, в процессах совместного сотворения права. Как верно констатирует В.М. Баранов: «Демократия — реальное

[1] См.: Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного научно-практического круглого стола (29-30 мая 2008 г.) / Под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М.: Проспект, 2009. 1120 с.

[2] Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 109.

[3] См.: Варданянц Г.К. Указ. соч. С. 148-155.

[4] Там же. С. 154.

[5] Об этимологическом значении понятия «сотворчество» см. также: Трофимов В.В., Свиридов В.В. Указ. соч. С. 108.

право граждан государства непосредственно участвовать в принятии правовых решений (в том числе и в электронной форме[1]) и контролировать их исполнение[2]». Представленные процессы являются естественным состоянием демократического государственно-правового развития, где у каждого есть право голоса, и этот голос (мнение) становится кирпичиком общего правового строения, есть право выбора и право активного участия в процессах, изменяющих правовую действительность.

В конечном счете (при этом имея в виду и многие иные функциональные проявления) правовое сотворчество позволяет создавать социально легитимное позитивное право, так как присущий ему механизм дает почву для выработки более социально проверенных и одобренных решений, так как в ином случае позитивное право имеет риск стать малодейственным. Верно, в этом смысле, в рамках анализа легитимности закона в юридической литературе отмечается, что «если нормы права, выступая в форме закона, позитивированного права, противоречат социальному контексту, то их эффективность правового регулирования и поддержания правопорядка в обществе значительно снижается»[3]. Поэтому вектором правового развития должны быть более активные взаимоотношения между субъектами публичной власти и гражданского общества, направленные на совместное создание права. Именно совместные творческие продукты в виде законов смогут необходимым образом положительно влиять на государственно-правовую жизнь, обеспечивать ее стабильное развитие, поскольку в этих правотворческих результатах получат отражение реальные (а не придуманные в кабинетах чиновников и законодателей) правообразующие социальные интересы. Публичная власть и гражданское общество выступят здесь естественными союзниками и партнерами ради укрепления государства, в направлении сохранения внутри него социального мира и согласия, столь важных и ценных сегодня, в условиях острой турбулентности глобальной системы.

Таким образом, правовая республика как состояние государственности, предполагающее особо значимую роль права как организатора и медиатора всех процессов, а также имманентность демократического режима функционирования этой государственности, наиболее заметным выражением (ярким символом) имеет (могло бы иметь) наличие в системе политико-правовых отношений действующего института (механизма) правового сотворчества публичной власти и гражданского общества, позволяющего обществу реально участвовать в управлении делами в государстве, в процессах правотворчества, что осуществляется конечно не ради стремления общества и его структур ко властным полномочиям и пр., а прежде всего для того чтобы реальные общественные интересы, согласованные на различных социально-властных площадках были отражены при принятии политических и правовых решений, которые не должны создавать каких-либо проблем, а напротив должны идти на пользу гражданам и обществу в целом.

[1] Подробнее об электронной демократии см.: Федосеева Н.Н. Институты современной демократии в условиях информатизации // Государство в меняющемся мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 26-28 мая 2011 года). М., 2012. С. 544-554.

[2] Баранов В.М. Принцип демократизации современного российского правотворчества: сущность, ценность, технико-юридические проблемы реализации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 27.

[3] Честнов И.Л., Кочевинов С.Ю. Легитимность как необходимое условие существования позитивного права // Искусство правоведения. 2023. № 2 (6). С. 17.

Фирсова Анна Михайловна

доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нижегородской академии МВД России

Firsova Anna Mikhailovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: rary-anna@mail.ru

Русская правовая культура в символическом пространстве человеческой цивилизации

Russian legal culture in the symbolic space of human civilization

Аннотация. В представленной статье рассматривает уникальность русской правовой культуры в символическом пространстве мировой цивилизации, специфика, роль и место в системе общечеловеческих историко-культурных традиционных духовно-нравственных ценностей. Особое внимание уделяется смысловому анализу структуры символического значения русской правовой культуры.

Ключевые слова: русская правовая культура как феномен, символ, мировая цивилизация, соборность, православие, духовно-нравственные ценности

Annotation. This article examines the uniqueness of Russian legal culture within the symbolic space of global civilization, its specificity, role, and place within the system of universal historical, cultural, and traditional spiritual and moral values. Particular attention is given to the semantic analysis of the structure of the symbolic meaning of Russian legal culture.

Keywords: Russian legal culture as a phenomenon, symbol, world civilization, conciliarity, Orthodoxy, spiritual and moral values

Для цитирования: Фирсова А.М. Русская правовая культура в символическом пространстве человеческой цивилизации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 217–220.

Русская правовая культура – это не просто свод законов и юридических практик, это сложный и многогранный феномен, глубоко укорененный в православной вере и истории. Она занимает уникальное место в символическом пространстве человеческой цивилизации, представляя собой своеобразный мост между духовными ценностями и правовыми нормами.

В отличие от западной традиции, где право часто рассматривается как автономная система, русская правовая культура исторически формировалась под сильным влиянием православного мировоззрения. Идея справедливости, милосердия, сострадания и ответственности перед Богом пронизывала все аспекты правовой жизни, от разработки законов до их применения.

Символическое значение русской правовой культуры проявляется в нескольких ключевых аспектах:

Православное учение о *соборности*, то есть единстве верующих в Церкви, оказало влияние на формирование представлений о коллективной ответственности и общинном самоуправлении. Это отразилось в существовании таких институтов, как земские соборы и крестьянская община, где решения принимались коллегиально, с учетом интересов всего сообщества.

Право, как феномен в отечественной традиционной культуре, воспринималось не только как средство регулирования общественных отношений, но и как способ и символический путь достижения *нравственного совершенства*. [1]

Закон, обусловленный правом, должен был не только стоять на страже порядка, но и способствовать духовности каждого человека, его личностному развитию и росту. Свое выражение эта особенность

[1] Каландаришвили З. Н. Специфика и особенности русской правовой культуры // Философия права. 2009. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-osobennosti-russkoy-pravovoy-kultury (дата обращения: 03.09.2025).

русского права нашла в литературе и культуре - в акценте на покаяние перед Богом, прощение людей и искуплении вины «всем миром» - то есть - обществом.[1]

Благодаря этому утверждению мы можем говорить о том, что русская правовая культура тесно связана со сохранением *исторической памяти* и уважением традиций.

Преемственность традиций древнерусского права, византийского права, канонов православной церкви – это факторы, оказавшие влияние на на формирование современной российской правовой системы**.** Именно об этой преемственности мы говорим, когда беремся рассуждать об уникальности и самобытности русской правовой культуры.

Одной из основных самобытных черт символизма русского права выступает его постоянное *стремление к справедливости,* понимаемой как действие в соответствии с заповедями православия, что всегда было одной из главнейших особенностей русской правовой культуры**.**

Это уникальное качество обычно проявлялось в критическом недоверии к формализму правопроизводства в частности и бюрократической системе права в целом, опираясь на свое понимание приоритета и символического назначения права - как стремления к защите слабых и обездоленных.

Вместе с тем, не следует игнорировать тот факт, что история русской правовой культуры также не лишена *противоречий* и трагических страниц, полных судебных ошибок и несправедливых решений.

Беспристрастность исследователя заставляет нас признать, что в истории русского права случались и периоды беззакония, злоупотребления властью и пренебрежения правами человека в особые, «смутные» времена, которые тоже являются неотъемлемой частью этой истории. Но даже в самые темные века смуты и хаоса, общественная мысль держалось за идею справедливости и нравственного закона, вера в «правду для народа» продолжала жить в сердцах людей.

Сегодня, в нашем современном мире, когда стремительное развитие технологического прогресса ставит перед человечеством новые вызовы, русская правовая культура может предложить мировой цивилизации ценные символические нравственные уроки. Она может напомнить человечеству о важности традиционных духовно-нравственных ценностей и напомнить о важности нравственных ориентиров в правовой сфере**,** о необходимости учитывать историческую память и культурные особенности каждого государства при разработке его законов, о приоритете справедливости и милосердия в сфере правопорядка и правоприменения.[2]

Русская правовая культура, являясь не только общественным, но и духовно-нравственным феноменом, неразрывно связана с духовными основами бытия, по-прежнему продолжает оказывать влияние на формирование правосознания как в глобальном смысле, так и в сфере правоприменительной практики, даже в условиях стремительных перемен современного мира.

Можно говорить о том, что символическое значение русской правовой культуры заключается не только в сохранении исторической преемственности, но и в предложении иных, более знаковых подходов к решению не только российских, но и мировых правовых проблем, которые могут быть актуальны не только для нашей страны, но и для всего мирового сообщества.

Тогда как под влиянием требований глобализации правовые системы разных стран зачастую унифицируются под влиянием западной правовой модели - русская правовая культура продолжает сохранять свою самобытность, напоминая тем самым, о ценности многообразия и необходимости учитывать специфику каждой национальной правовой традиции. [3]

Ее уникальные качества, ее акцентирование на соборности и общинности могут послужить источником вдохновения для поиска новых форм участия граждан в управлении государством и принятии глобальных общественных решений, способствуя укреплению доверия между российским государством и нашим обществом.

Эта идея – идея доверия между обществом и государством**,** идея долженствования, то есть - нравственного императива в праве, в свою очередь, призывает к более глубокому осмыслению цели и задач правового регулирования общественных отношений, выходя за рамки простого обеспечения порядка и переходя к формированию гармоничного и духовно развитого общества.

Не следует упускать из виду, что символическое пространство русской правовой культуры не является застывшим, статичным**,** поскольку оно постоянно развивается, впитывая новые смыслы современной жизни и воплощая их в новых образах.

---

[1] Сенюшкина Т. А. Православные ценности и русская правовая культура // Культурологический журнал. 2017. №4 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnye-tsennosti-i-russkaya-pravovaya-kultura (дата обращения: 03.09.2025).

[2] Овчинников А. И., Андрейченко А. С. Духовные основания русской правовой культуры // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. №1 (6). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-osnovaniya-russkoy-pravovoy-kultury (дата обращения: 03.09.2025).

[3] Исмагилова М.М. Философское обоснование традиционализма в русской правовой культуре // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskoe-obosnovanie-traditsionalizma-v-russkoy-pravovoy-kulture (дата обращения: 05.09.2025).

Современные реалии, полные различного рода нематериальных симулякров, таких, например, как цифровизация, искусственный интеллект и новые формы киберпреступности, требуют глубокой трансформации традиционных правовых подходов.

Уникальность русской правовой культуры заключается, кроме прочего, еще и в том, что может она, в силу своего символического содержания, может предложить уникальный взгляд, основанный на историческом опыте русской культуры и ее духовно-нравственных ценностях.[1]

Например, вопросы ответственности за действия искусственного интеллекта могут быть рассмотрены через призму традиционных представлений о вине и воздаянии, а также о необходимости нравственного контроля над технологическим прогрессом.

Кроме того, символическое значение русской правовой культуры проявляется в ее способности служить источником вдохновения для правотворчества и правоприменения. Изучение исторических прецедентов, судебных решений и правовых доктрин, сформированных под влиянием православной традиции, может помочь в разработке более справедливых и гуманных законов. Особое внимание к защите прав слабых и обездоленных, которое всегда было присуще русской правовой культуре, приобретает особую актуальность в современном мире, где социальное неравенство и уязвимость отдельных групп населения остаются острыми проблемами.

Таким образом, русская правовая культура – это не просто исторический артефакт, а живой и развивающийся феномен, который продолжает обогащать символическое пространство человеческой цивилизации. Ее способность соединять веру и закон, нравственность и справедливость, традицию и современность делает ее ценным ресурсом для построения более справедливого и гуманного общества. Понимание и осмысление этой культуры позволяет не только глубже постичь российскую действительность, но и внести свой вклад в диалог правовых систем и культур всего мира, способствуя формированию общего правового и нравственного фундамента для будущего человечества.

В конечном счете, символическое значение русской правовой культуры заключается в ее стремлении к целостности. Она не разделяет мир на духовное и материальное, на веру и разум, на право и мораль, а стремится к их гармоничному сочетанию.

Это отражается в ее акцентуации на нравственном долженствовании, на стремлении вернуться к соборности и общинности, на традициях исторической преемственности и на вечном поиске справедливости, понимаемой как соответствие заповедям веры.

Это стремление к целостности, вместе с тем, не означает отсутствия противоречивых исканий или намерение максимально облегчить себе решение сложных этических вопросов. Русская правовая культура никогда не отрицала ни слабости человеческой натуры, ни того факта, что мир не совершенен, поэтому она не предлагает готовых шаблонных моделей ответов на все глобальные вопросы, но призывает к постоянной борьбе за торжество истины и справедливости. [2]

Она напоминает о важности нравственных ориентиров в принятии решений, о необходимости учитывать интересы всех членов общества, о приоритете долгосрочных целей над краткосрочными выгодами, о важности сохранения культурного наследия и о необходимости диалога между различными культурами и цивилизациями.

Более того, русская правовая культура может внести свой вклад в формирование новой парадигмы права, которая будет основана не только на рациональных принципах, но и на духовных ценностях. Эта парадигма будет учитывать не только права и свободы человека, но и его обязанности перед обществом и перед будущими поколениями. Она будет стремиться не только к обеспечению порядка и безопасности, но и к созданию условий для духовного и нравственного развития человека. Она будет признавать, что право – это не только инструмент регулирования общественных отношений, но и средство достижения общего блага.[3]

Итак, следует признать, что русская правовая культура, со всеми ее составляющими противоречивыми тенденциями, все же, бесспорно, представляет собой уникальный вклад в символическое пространство мировой цивилизации. Она выступает непосредственным свидетельством того, как религия и право могут теснейшим образом взаимодействовать, создавая то общество, что стремится к мировой справедливости, нравственности и духовному совершенствованию.

Изучение и понимание этой культуры позволяет лучше понять не только историю России, но и общие закономерности развития правовых систем в контексте различных культур и цивилизаций.[4]

---

[1] Слабкая, Д. Н. Правовая культура и юрисдикция русского языка / Д. Н. Слабкая // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13, № 11-1. – С. 138-145.

[2] Белкин, В. В. Избирательность правового нигилизма русской правовой культуры в контексте воззрений русских религиозных философов / В. В. Белкин // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2022. – № 3. – С. 74-79.

[3] Римский, А. В. Парадоксальная идеология народничества в правовой культуре русского интеллигента / А. В. Римский, М. М. Исмагилова // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2022. – Т. 47, № 2. – С. 230-237.

[4] Фальшина, Н. А. Русская естественно-правовая школа и ее влияние на формирование правовой культуры в России / Н. А. Фальшина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3-3. – С. 111-114.

В заключение следует отметить, что русская правовая культура – это не просто значительный пласт мировой правовой истории, но и живой и динамично изменяющийся феномен, который продолжает оказывать серьезное влияние не только на формирование правосознания человечества в целом, но и правоприменительной практики, в частности.

Ее символическое значение в пространстве мировой цивилизации, таким образом, заключается в ее извечном стремлении к целостности, к гармоничному союзу духовного и материального, веры и разума, закона и нравственности.

Постижение основ русской правовой культуры позволит человечеству не только глубже постичь нашу современную российскую действительность, но и внести свой значительный взнос в диалог правовых систем и культур всего мира, способствуя формированию всеобщего правового и нравственного совершенствования, необходимого для будущего планеты, где символы *справедливости, милосердия и сострадания* будут не просто словами, а фундаментальными основами правового бытия.

Хужин Альфир Мисхатович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России; профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Khuzhin Alfir Miskhatovich

Doctor of Law, associate professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky

E-mail: alfirhuzhin@mail.ru

Карпычев Михаил Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Karpychev Mikhail Vladimirovich

candidate of legal sciences, associate professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

E-mail: jurius-nn@yandex.ru

Использование символов охраны интеллектуальной собственности

The Use of Intellectual Property Protection Symbols

Аннотация. В статье исследуется вопрос использования знаков охраны как символов в сфере интеллектуальной собственности. Рассматривается разнообразие символики по различным объектам охраняемой интеллектуальной собственности. Анализируются проблемы нанесения предупредительной маркировки и ответственности за ее неправомерное использование. Делаются выводы и рекомендации по совершенствованию использования символов охраны интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: символы в праве, интеллектуальная собственность, знаки охраны, предупредительная маркировка, защита интеллектуальных прав

Annotation. The article explores the use of protection symbols as symbols in the field of intellectual property. The variety of symbols for various objects of protected intellectual property is considered. The problems of applying warning markings and the responsibility for their misuse are analyzed. Conclusions and recommendations are made to improve the use of intellectual property protection symbols.

Keywords: symbols in law, intellectual property, protection symbols, warning markings, protection of intellectual rights

Для цитирования: Хужин А.М., Карпычев М.В. Использование символов охраны интеллектуальной собственности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 221–224.

Потребность защиты создаваемых в современном мире объектов интеллектуальной собственности не вызывает сомнений. Бурное развитие технологий и возникающая на этой основе конкурентная борьба между правообладателями, наращивают усилия по защите принадлежащих им интеллектуальных прав. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что интеллектуальная собственность все

более коммерциализируется, участники экономического оборота проявляют значительную активность по регистрации объектов промышленной собственности,

Так, за последние пять лет наблюдается стабильный рост количества заявок о регистрации товарных знаков, подаваемых в Федеральную службу по интеллектуальной собственности, например, в 2024 году их было подано 158637, что на 10,8 % больше чем в 2023 году[1]. По состоянию на 31 декабря 2024 года в нашей стране охранялось по различным процедурам 931589 товарных знаков, что в два раза превышает показатели 2020 года[2]. Схожую динамику показывают данные о регистрации и предоставлении правовой охраны по иным объектам интеллектуальной собственности (изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам, топологиям интегральных микросхем, программа для ЭВМ и базам данных, наименованиям мест происхождения товаров и географическим указаниям). Все это свидетельствует о потребности максимальной идентификации и визуализации средств охраны создаваемых объектов интеллектуальной собственности.

Одним из эффективных способов защиты интеллектуальной собственности выступает предупредительная маркировка, символизирующая посредством нанесения знаков охраны, информацию о принадлежащих и охраняемых правах. Такую предупредительную маркировку могут использовать обладатели исключительного авторского права, изготовители фонограмм и исполнители, записанных на фонограмме произведений, правообладатели иных объектов интеллектуальной собственности.

Сама по себе предупредительная маркировка может иметь словесный или символический характер описания на основании закона. Действующее гражданское законодательство предусматривает следующие символы:

1) знак охраны авторского права (ст. 127 ГК РФ), который в свой состав включает три элемента: а) латинскую буква "С" в окружности; б) указание имени или наименования правообладателя; в) указание на год первого опубликования соответствующего произведения[3].

2) знак охраны смежного права (ст. 1305 ГК РФ), состоящий из трех элементов: а) латинской буквы "Р" в окружности; б) указание имени или наименования обладателя исключительного права; в) указание на год первого опубликования фонограммы[4];

3) знак охраны топологии интегральной микросхемы (ст. 1455 ГК РФ), состоящий: а) из выделенной прописной буквы "Т" в пяти вариантах написания ("Т", [Т], Т в окружности, Т* или Т в квадрате); б) указания даты начала срока действия исключительного права; в) информации, позволяющей идентифицировать правообладателя;

4) знак охраны товарного знака или знака обслуживания (ст. 1485 ГК РФ), который помещается рядом с товарным знаком и включает в себя: латинскую букву "R" или латинскую букву "R" в окружности[5] либо словесное обозначение "товарный знак" или "зарегистрированный товарный знак" и указывает на то, что применяемое обозначение является товарным знаком, охраняемым на территории РФ.

5) знак охраны географического указания (ст. 1520 ГК РФ; далее – ГУ), размещаемый рядом с соответствующим географическим указанием в виде словесных обозначений "зарегистрированное географическое указание", "с защищенным географическим указанием", "зарегистрированное ГУ" или соответствующей эмблемы, указывающих на то, что применяемое обозначение является географическим указанием, зарегистрированным в РФ.

6) знак охраны наименования места происхождения товара (ст. 1520 ГК РФ; далее – НМПТ), размещается рядом с наименованием места происхождения товара в виде словесных обозначений "зарегистрированное наименование места происхождения товара", "с защищенным наименованием места происхождения товара", "зарегистрированное НМПТ" или соответствующей эмблемы, указывающих на то, что применяемое обозначение является наименованием места происхождения товара, зарегистрированным в РФ.

Для последних двух знаков охраны Роспатентом разработаны эмблемы в двух цветовых вариантах (черно-белый, сине-белый и черно-белый, красно-белый)[6]. Данные символы были выбраны в результате проведенного голосования среди специалистов в области интеллектуальной собственности, успешно прошли геральдическую экспертизу и получили согласование в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации. Визуально данные символы представлены ниже.

---

[1] Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2024 год. / под редакцией к. пед. н. Ю.С. Зубова, д. э. н. О.П. Неретина. Москва: ФИПС, 2025. С. 13. / https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/1/RP-AR-2024.pdf (дата обращения: 28.10.2025).

[2] Там же. С. 128.

[3] Один из наиболее известных и широко применяемых во всем мире символов, так называемый копирайт - ©, от англ. – *copyright* – авторское право.

[4] Данный символ используется весьма ограниченно, в связи с ограничением сферы его применения лишь звукозаписями, на упаковке которых, как правило, его и размещают. Латинская «Р» от англ. *phonorecords* – звукозапись.

[5] Чаще используется именно такой символ - ®. Латинская R обозначает, что товарный знак был зарегистрирован (от англ. – *registrated*)

[6] Приказ Роспатента от 03.07.2020 № 94 "Об утверждении знаков охраны географического указания и наименования места происхождения товара в виде эмблем" // СПС «КонсультантПлюс».

Рис. 1. Знак охраны географического указания

Рис. 2. Знак охраны наименования места происхождения товара

В настоящее время все производители традиционных российских товаров могут наносить такие визуальные символы, подтверждающие, что в отношении этого товара зарегистрированы НМПТ или ГУ. Современный электронный сервис, размещенный на сайте Федерального института промышленной собственности, позволяет ознакомиться со всеми зарегистрированными региональными брендами на электронной интерактивной карте России, с детализацией по каждому субъекту Российской Федерации[1]. Согласно данной информации, по состоянию на 01.10.2025 г. в России зарегистрировано 385 региональных брендов.

Действующий ГК РФ не предусматривает в качестве знаков охраны какие-либо иные обозначения, хотя и не запрещает их использование, в частности, обозначений ранее известных отечественному законодательству или праву иностранных государств. Так в США существует практика использования знаков охраны обозначений, которые потенциально могут быть зарегистрированы в качестве товарного знака (знака обслуживания), но еще не прошли регистрацию. Используются обозначения Trade Mark ™ – торговая марка, и Service Mark ℠ – сервисная марка.

Использование предупредительной маркировки или знаков охраны (в терминологии ГК РФ) является не обязанностью, а особым неимущественным интеллектуальным правом правообладателя. Реализация данного права по сути является одним из вариантов права на информирование других субъектов гражданского оборота о надлежащем правообладателе[2].

Вместе с тем следует учитывать, что знак копирайта приобрел юридическое значение в СССР с 27 мая 1973 г., когда Советский Союз присоединился в Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве от 6 сентября 1952 г. Как справедливо отмечает Э.П. Гаврилов, что применение копирайта явилось компромиссом между американским законодательством и законами стран, присоединившихся к Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., в соответствии с которой авторское право возникает независимо от выполнения каких-либо формальностей[3]. Однако в настоящее время данное положение в России не применяется.

Само нанесение символов охраны интеллектуальной собственности должно рассматриваться как элемент защиты последнего. Как верно отмечают Е.А. Моргунова и Б.А. Шахназаров указание знака правовой охраны является одним из прямо предусмотренных отечественным законодательством способов самозащиты[4]. Основной целью нанесения знаков охраны на материальную форму объекта интеллектуальной собственности или упаковку товаров, при изготовлении которых используется объект интеллектуальной собственности, является информирование и предупреждение третьих лиц о принадлежности на данный товар соответствующих интеллектуальных прав.

Несмотря на то, что мы являемся сторонниками максимального избавления от иностранных заимствованных слов (в том числе иностранных букв) в текстах отечественного законодательства, считаем, что к знакам охраны интеллектуальной собственности это правило не должно применяться. Данные знаки являются визуальными международными (наднациональными) символами, которые охраняются и используются практически в каждой стране мира, включая Россию, в рамках международных соглашений. Заменять знаки охраны на иные национальные символы, в том числе в буквенном исполнении, не имеет ни практического, ни юридического смысла, так это нарушило бы универсальность и узнаваемость предупреждения.

Использование без согласия правообладателя принадлежащих ему объектов интеллектуальной собственности другими лицами, в отношении которых не использовалась предупредительная маркировка, является правонарушением, также, как и использование объектов с нанесенными знаками охраны,

[1] https://irbis.fips.ru/web/regbrands/regbrands.html (дата обращения: 25.12.2025).
[2] *Черничкина Г.Н.* Иные интеллектуальные права части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Современное право. 2019. № 3. С. 61 - 73.
[3] *Гаврилов Э.П.* Нюансы в авторском праве // Патенты и лицензии. 2019. № 4. С. 2.
[4] *Моргунова Е.А., Шахназаров Б.А.* Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2023. 152 с.

однако во втором случае вина правонарушителя носит более очевидный характер, соответственно и санкции при их вариативности в первом случае должны быть менее жесткими.

Одной из ключевых проблем использования предупредительной маркировки является объективно и нормативно ограниченный круг объектов, в отношении которых возможно нанесение знаков охраны.

Так знак копирайта может быть нанесен на бумажную форму (рукопись, печатное издание), включен в электронный документ, размещен на упаковке носителей информации, включен в аудио-визуальные произведения. Однако его использование на фотографических произведениях, произведениях живописи, архитектуры является крайне редким явлением. Это обстоятельство не всегда позволяет правообладателю своевременно и визуально предупредить о наличии и охране интеллектуальных прав. Полагаем, что правообладатели не должны пренебрегать возможностью нанесения знака копирайта на такие объекты интеллектуальной собственности. Современные способы визуального обозначения, в том числе посредством нанесения рядом с произведением QR-кода, включающими в своем содержании информацию о правообладателе и соответствующей предупредительной маркировкой, могут максимально широко использовать такие символы охраны интеллектуальной собственности.

Еще одним проблемным вопросом является ответственность за неправомерное использование предупредительной маркировки в отношении объектов, которые в России не охраняются как интеллектуальная собственность. В ГК РФ до 2025 года имелась лишь одна норма (п. 5 ст. 1515), носящая бланкетный характер и устанавливающая, что лицо, производящее предупредительную маркировку по отношению к не зарегистрированному в Российской Федерации товарному знаку, несет ответственность в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации. Ранее данной норме корреспондировалось положение ч. 2 ст. 180 УК РФ, криминализирующей незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, при условии, что такое деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб.

Данная норма явилась мертворожденной и фактически не применялась на практике. Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ статья 180 была изложена в новой редакции и оставлена ответственность только за неправомерное использование средств индивидуализации[1]. Тем самым получила поддержку позиция ряда отечественных ученых, не признававших общественную опасность данного деяния, и заявлявших, что такое деяние не причиняет никому вреда[2].

Теперь самое любопытное! Несмотря на проведенную декриминализацию такого вида преступления, как незаконное использование предупредительной маркировки (ч.2 ст. 180 УК РФ) в 2024 году, в ГК РФ с 28.05.2025 г. вводится новая редакция п.3 ст. 1537, которая предусматривает аналогичное п. 5 ст. 1515 бланкетное применение мер уголовной ответственности (декриминализованной ч. 2 ст. 180 УК РФ), только за незаконное использование незарегистрированных на территории РФ знаков охраны географических указаний и наименований мест происхождения товаров.

Таким образом в настоящее время юридическая ответственность за незаконное использование знаков охраны в отношении объектов, которые не считаются интеллектуальной собственностью отсутствует. Рассинхронизация норм гражданского и уголовного законодательства в отношении мер ответственности за незаконное использование предупредительной маркировки может говорить о несогласованности позиции законодателя к данной проблеме и низком качестве юридической техники при использовании бланкетных норм.

[1] Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

[2] Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 407. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 451. Никитина Л.К. Основные направления оптимизации уголовного законодательства об ответственности за незаконное использование товарного знака // Общество и право. 2010. № 1. С. 173. Серебруев И.В. Уголовно-правовая специфика незаконного использования товарного знака: постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 67 – 79;

Червонюк Владимир Иванович

доктор юридических наук, профессор Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Vladimir Ivanovich Chervonyuk

the doctor of jurisprudence, the professor of the Moscow university of the Ministry of Internal Alfairs of Russia named after V. Ya. Kikot

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

Баранова Марина Владимировна

доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Baranova Marina V.

Doctor of Law, Candidate of Cultural Studies, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Deputy Dean for Research at the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center "Legal Technology"

E-mail: qazxsw1232007@yandex.ru

Символизация (антисимуляция символического) в механизме действия права: традиционная оценка и нарративы эпохи метамодерна

Symbolization (anti-simulation of the symbolic) in the mechanism of legal action: traditional assessment and narratives of the metamodern era

Аннотация. Исследуется понятие, природа, признаки, свойства, виды символизации и символов. Отмечается, что в предельно широком значении символизация соотносится с символической реальностью. В специальном смысле назначение символизации в праве может быть охарактеризовано как демаркация в сфере действия права символьного поля – обособление тех участков, зон его (права) действия, в которых объективно проявляются два класса символов, (1) фактически предрасположенные к признанию их юридически значимыми и (2) разновидность символов, которые имплицитно по самой своей природе воплощают социальную (фактическую) нормативность и могут быть квалифицированы в качестве правовых символов, или регуляторов права. Отмечается, что в таком контексте проблема правовых символов не попадает в оптику теоретической юриспруденции – отечественной и зарубежной. Доказывание правовых символов как сегмента структуры правовых регуляторов (права) основано, в том числе, на материалах проведенного автором экспертного опроса, основные результаты которого представлены в предлагаемой публикации. Предложено сегмент действующего права, позиционируемый совокупностью правовых символов, обозначать символьным правом, а обслуживающую его доктрину – символьной юриспруденцией.

Ключевые слова: символизация, символическая реальность, визуализация, симуляции в правовой сфере, акты-симулякры, партии-симулякры, «порядок, основанный на правилах», квазиконструкция международ-

ной нормативности, гиперреальность, пределы символизации, право как знаково-символическая система, символьное право, символьная юриспруденция

Annotation. The article explores the concept, nature, features, properties, and types of symbolization and symbols. It is noted that in its broadest sense, symbolization is related to symbolic reality. In a special sense, the purpose of symbolization in law can be characterized as the demarcation of a symbolic field within the scope of law – the separation of those areas, zones of its (right) action, in which two classes of symbols objectively manifest themselves, (1) actually predisposed to recognizing them as legally significant and (2) a variety of symbols that are implicit by their very nature They embody social (factual) normativity and can be qualified as legal symbols or regulators of law.It is noted that in this context, the problem of legal symbols does not fall within the scope of theoretical jurisprudence, both domestic and foreign. The proof of legal symbols as a segment of the structure of legal regulators (law) is based, among other things, on the results of an expert survey conducted by the author, which are presented in this publication. It is proposed to refer to the segment of current law that is represented by a set of legal symbols as symbolic law, and to the doctrine that supports it as symbolic jurisprudence. law as a sign-symbolic system, symbolic law, symbolic jurisprudence.

Keywords: symbolization, symbolic reality, visualization, legal imulations, simulacrum acts, simulacrum parties, «rule-based order», quasi-construction of international normativity, hyperreality, limits of symbolization, law as a sign-symbolic system, symbolic law, symbolic jurisprudence.

Для цитирования: Червонюк В.И., Баранова М.В. Символизация (антисимуляция символического) в механизме действия права: традиционная оценка и нарративы эпохи метамодерна // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 225–243.

Введение и постановка проблемы

Изучение специальной литературы по теме, анализ выступлений участников форума, включая представленные на нем доклады, позволяют обратить внимание на следующее методологической значимости обстоятельство. Несмотря на существующие расхождения в оценке обсуждаемого на форуме концепта и даже на высказанные в отдельных работах сомнения относительно целесообразности размещения в одном ряду, так или иначе объективирующихся в сфере действия права всех символов (например, М.В. Давыдова), общий контекст укоренившихся в юридической теории взглядов и подходов, можно сказать, располагается в одному ряду: в исследовании проблемы, притом вне зависимости от принадлежности исследователей к научным школам, общетеоретической, философско-юридической или отраслевой ветвям правоведения и государствоведческой мысли, утвердился монистический подход к оценке существа данного феномена, что, видимо, в немалой степени обязано чрезмерной привязанности далеко не отдельных авторов к традиционной методологии правопознания. Можно сказать, что основывающиеся в своих выводах на таких ориентирах юристы уже добрались до дна; тот методологический ресурс, который используется в освоении проблемы, похоже на то, исчерпан. Продолжать движение в этом же направлении означало бы хождение «по кругу».

Есть ли выход из создавшегося положения? Очевидно, что нужна смена методологического формата анализа проблемы, или, точнее говоря, смена научной парадигмы. И здесь самое время обратиться к фундаментальным принципам научного анализа, прежде получивших развитие в естествознании и не без труда пробивающих дорогу в социальных и гуманитарных науках. Это, в частности, обращение к принципу дополнительности (основоположником которого по праву является Нильс Бор), суть которого заключается в том, что для описания объекта анализа вводятся взаимоисключающие (дополнительные) классы понятий, которые в своем единстве позволяют воспроизвести целостность данного объекта; познание и освоение объекта исследования предполагает использовать в том числе и дополнительный (и даже несколько необычный для объекта анализа) методологический инструментарий, включая смену методологии, и методологической позиции, или научной идентичности, класса исследователей. Тем самым появится реальная возможность оценки исследуемого феномена в ином контексте, станет возможным доступ к познанию ранее непознанных его свойств и связей, имея в виду принципиально изменившуюся в условиях окончания первой четверти XXI века среду действия права, равным образом как и наблюдаемую трансформацию самого права. Это также использование ресурса принципа соответствия, имея в виду, что в процессе символизации, в том числе в правовой сфере, перед конструирующим символ как бы предстает несовместимое единство противоположностей – соединить образ, смысл с противостоящей им формой выражения. Как справедливо замечено по поводу символизации в искусстве, в акте символизации раскрывается эстетическая достоверность мира, преодолевается его косность, и он является сознанию художника, а затем и реципиента в первозданной красоте и гармонии. На выразительном уровне художественный символ предстает системой многоуровневых отношений между всеми элементами художественного языка, обладаю-

щего суггестивной многомерностью значений. Изучение художественного символа позволяет понять сущностный смысл процесса художественной символизации[1].

Не перекрывается возможностями принципов дополнительности, соответствия, равно как и детерминизма[2] применение к рассматриваемому объекту анализа методологии междисциплинарного анализа[3], актуализация которой в юридической науке, как на то справедливо было обращено внимание отдельных выступающих на форуме (С.В. Кодан, Д.А. Пашенцев), весьма значимое. Действительно, как средство научной коммуникации междисциплинарность обеспечивает взаимодействие наук с целью передачи, актуализации и использования накопленной информации, идей, а также сотрудничество ученых на дисциплинарном и междисциплинарном уровнях[4]: если монодисциплинарный подход в исследовании предполагает освоение предмета посредством методов из устоявшегося инструментария, то междисциплинарное исследование – это такой особый тип организации исследовательской деятельности, когда один и тот же объект исследования изучается при помощи средств и методов различных дисциплин[5]. Сфера междисциплинарного анализа – «это коммуникативное пространство взаимообмена и конкуренции разных типов знания…»[6], есть сотрудничество двух или более предметных областей. Ключевая идея междисциплинарности – синтез знаний, терминологии, методологии разных научных дисциплин, необходимый для всестороннего (целостного) изучения объекта, решения вопросов, понимание которых недоступно в рамках дисциплинарного подхода: «междисциплинарность связана с необходимостью обеспечить целостное видение разных предметов, как отдельных, так и мира в целом»[7]. И если «дисциплинарный подход решает конкретную задачу, возникшую в историческом контексте развития предмета, подбирая методы из устоявшегося инструментария», то прямо противоположный ему междисциплинарный подход – «это принципиально иной холистический способ структурирования реальности, где господствует полиморфизм языков, аналогия, закон композиции, синхронизм, а не каузальное начало»[8]. Тем самым междисциплинарность позволяет обогатить знания, методологию, терминологию одной научной дисциплины за счет знаний, методологии и терминологии другой.

Междисциплинарность несводима только к экстраполяции методов исследования, «переносу методов одной дисциплины в другую», как следует из наиболее распространенных взглядов на проблему (Б. Николеску)[9]; это применяемый в границах отдельной сферы научных исследований (биологии, медицины, физики, социологии, экономики, права и др.) методологический инструментарий множества специальных дисциплин, предполагающий «взаимодействие идей, концепций и теорий в области гуманитарных наук (например, социологии и права, экономики и права), а также теорий находящихся на стыке социальных, гуманитарных и естественных наук (биологии и права, физики и социологии, здравоохранения и химии)»[10]; это заимствованные, синтезированные и концептуализированные на основе общей идеи выводы, обобщения, понятия отдельно взятых дисциплин, преследующих добывание в научном исследовании нового знания, получение которого иными методологическими средствами оказывается невозможным. Методология междисциплинарности, таким образом, представляет собой синтез методологических ресурсов множества специальных научных дисциплин, адаптированных для анализа объектов, входящих в предметное поле каждой из этих дисциплин, и получение на этой основе результатов, недоступных в контексте познавательных возможностей какой-либо одной из таких дисциплин.

Точно так же по своему методологическому ресурсу междисциплинарность не идентифицируется исключительно с особенностями применяемого языка[11]: это и своеобразие специфичных для отдельно

---

[1] Бычков В.В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 81–90.

[2] См.: Червонюк В. И. Методология подготовки научного исследования в юридической отрасли науки. М., 2017. С. 126–134.

[3] Развернутый анализ проблемы представлен в публикации: Червонюк В.И. Юридическая наука и практика в оптике методологии междисциплинарности // Российский юридический журнал. 2025. № 4.

[4] Кодан С.В. Юридическая историография: общее понимание, направления исследований, междисциплинарные взаимодействия // Российский юридический журнал. 2024. № 6. С. 14–24.

[5] Пржиленский В.И. Междисциплинарность – методология инновационной деятельности // Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт: монография. М.: Проспект, 2021. С. 87.

[6] Гусев С. С. Междисциплинарность в эпистемологии // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 480.

[7] См.: Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура : [коллективная монография] /отв. ред.: Л. П. Киященко, В. С. Степин. Санкт-Петербург : Міръ, 2009. С. 249–295.

[8] Цит. по: Черникова И. В. Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки : учеб. пособие. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – С. 36.

[9] См.: Моисеева А. П., Ланкин В.Г., Кондратьева И.В. Социальная инженерия в контексте трансдисциплинарности. Томск: Изд-во ТПУ, 2012. С. 27 и сл.

[10] Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г., Цирина М.А. Указ. раб. С. 13–18.

[11] При этом преобразование формата научного исследования посредством языка приводит к разным вариантам междисциплинарной коммуникации. Это: а) применение языка одной дисциплины для описания предметной области другой дисциплины; б) использование разных языков для описания элементов сложного комплекса; в) формирование

взятых отраслей научного знания методов, техник и технологий получения нового знания, понятийного аппарата и др.

Таким образом, наверное, не будет преувеличением сказать, что новый цикл развития современной юридической науки имплицитно сопровождается становлением и мультипликацией новых междисциплинарных форм знания в самых различных его жанрах[1]. Становится все более очевидным, что юридическая наука в новых реалиях должна опираться на современную методологию правопознания, включая в том числе междисциплинарный способ освоения правовой действительности, «основанный на понимании сложных взаимосвязей между различными сферами научного знания о праве»[2], имея в виду, что «кризис научного мировоззрения во многом преодолевается сейчас в синергетической теории»[3]. При этом выход «юриспруденции в междисциплинарную область позволяет по-новому взглянуть на традиционную проблематику юридической науки, открыть новые пласты» в праве как неисчерпаемом объекте научного познания[4]. Междисциплинарность как базовый принцип современной науки позволяет понять и исследовать сложные взаимосвязи между различными сферами научного знания, получить более достоверную научную картину состояния и развития правовой реальности под влиянием технологического прогресса и иных современных факторов цивилизационного развития[5].

Отмеченное принципиально важно для исследования поставленной проблемы, имея ввиду, что феномен символизации и символа находится на стыке интересов практически всех отраслей научного знания, которые в той или иной мере направлены на изучение человека и человеческой цивилизации: истории, археологии, психологии и антропологии, социологии, этнологии и других наук. Так называемый «лингвистический поворот» в науке, давший толчок к развитию феноменологии, герменевтики и лингвистической философии, буквально вынуждает исследователя при анализе символического в праве использовать методологический ресурс семиотики и лингвистики, методы и принципы феноменологии и герменевтики. Новый взгляд на отмеченную проблему обусловлен изменяющимся характером правовой реальности.

Следовательно, осмысление правовой составляющей поставленной проблемы символизации и символов требует привлечения нового методологического ресурса, принципиально отличающегося от того, который воспринят традиционной теорией права, по-прежнему абсолютизирующей позитивистскую концепцию права или же представленные в «новом» формате ее плюралистические версии. Речь идет о том, чтобы все же несколько по-иному, так сказать, сменив угол зрения, посмотреть на проблему символизации и символов в праве в контексте иной исследовательской парадигмы. В этом случае, обращают на себя внимание исследование символизации и символов в праве в контексте (1) динамично меняющейся социально-правовой реальности (метаправовой анализ проблемы) и (2) изменяющейся структуры правовых регуляторов. Это различные по своему характеру проблемы, которые вместе с тем органично между собой связаны.

Символизация и символы в контексте изменяющейся социально-правовой реальности

Символизация и символы – это близкие и вместе с тем различающиеся концепты. Как показывает анализ, современное понимание символизации представлено в двух значениях: (1) в предельно широком и (2) в собственном, специальном смысле.

В первом значении символизация в современной юриспруденции интерпретируется в качестве глобальной тенденции развития современного общества, проявляющейся во всех сферах современного общества, включая промышленный сектор, сектор информационных технологий. Основываясь на той посылке, что переход к «информационной эпохе» позволяет охарактеризовать современное общество как сетевое, главной чертой которого становятся сети, связывающие между собой людей, институты и государства[6], сторонники данного подхода приходят к тому выводу, что сетевое общество привносит иные подходы к идентификации (личной, политической, экономической и пр.) и сопровождается отказом

нового синтеза, открывающего новую реальность и как следствие этого – создание новой дисциплины (см.: Тишков В.А. Отечественная этнология и симбиоз наук // Феномен междисдиплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 5 и сл.).

[1] Современные реалии указывают на то, что не только на пересечении названных отраслей знания, но и применительно к возникающим новым, казалось бы, далеким от юриспруденции знаний, практик, технологий, возникает необходимость собрать их воедино и оценить, тем самым придавая новое качество правовой системе страны.

[2] Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5–13.

[3] Сычева С.Г. Проблема символа в философии: автореф. дис… д-ра филос. наук. М., 2002. С. 17.

[4] См.: Честнов И.Л. Диалогическая методология юридической науки // Методологические проблемы современной юридической науки. М., 2015. С. 165.

[5] См.: Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2023. Т. 3. С. 137–158.

[6] Уэбстер Фрэнк. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 135; Печеный О.П. Проблемы недействительности сделок и других актов в сфере электронной коммерции (Харьков) // rosmedlib.ru›doc/ISBN9785835415106-SCN0011.html

от старых экономических макромоделей. Этот процесс трансформации общества характеризуется исследователями как символизация[1].

Такой подход базируется на получившей распространение главным образом в зарубежной специальной литературе идее символизации современного общества, следствием которой в том числе является становление «символической реальности»[2] – феномен бытия, действительность, которая структурируется посредством символов и иных символических форм. По утверждению одного из основателей данной концепции, немецкого философа Эрнста Кассирера (1874–1945), представленного им в главном труде «Философия символических форм» (1923–1929), символические формы есть актуальные процессы освоения мира, которые отличаются способами установления отношений между человеком и действительностью[3]. К числу таких форм философ относит миф, язык, искусство, религию, науку, технику, право, историю и экономику[4]. Частью символической реальности являются символический язык, символы, символическая коммуникация как способ и фактор адаптации, или социализации, человека к условиям символической реальности. По утверждению А.Ф. Лосева, процедура символизации реальности предполагает наличие следующих условий: (1) тетический – акт полагания знака в мысли; (2) объективирующий – акт соотнесения знака с предметом; (3) интенциональный акт сознания – направленность сознания на предмет с целью отвлечения; (4) являющееся основным условием – ноэматический акт, конструирующий в предмете предметность и создающий смысловую определенность[5].

В собственном, специальном, значении символизация – это процесс создания на абстрактно-обобщенном уровне понятий-символов, которые не просто являются знаком-аналогом, замещающим определенный предмет или явление, а концентрируют в обобщенной форме значимость их специфических свойств как «сверхважных» или «сверхреальных»[6]; это процесс замещения иных форм, способов, стандартов коммуникации взаимодействующих в социальном пространстве акторов, включая виртуальную и дополненную реальности, посредством символов.

Применительно к сфере художественного творчества, что имеет более широкое применение, символизация как многозначное, конкретно-чувственное выражение смысловой предметности составляет основу практически любой художественной активности, любого творческого метода, являет собой становление и жизнь художественного символа, т.е. определяет в конечном счете эстетическое качество произведения искусства, его художественность. В указанном смысле символизация интерпретируется как диалогический процесс «творчества – восприятия-сотворчества», в центре которого находится художественный символ, и сквозь него «просвечивает» глубинный смысл символизируемого (метафизической реальности), которое само обретает полную актуализацию только в художественном символе[7]. Таким образом, именно символ выступает «сущностным ядром, основой художественного образа», воспринимаемый и осмысливаемый как органическая духовно-эйдетическая целостность, которая выражает, презентует некую реальность в модусе большего или меньшего изоморфизма (подобия формы) и реализуется во всей своей полноте только в процессе эстетического восприятия конкретного произведения искусства конкретным реципиентом в его внутреннем мире[8]. Соответственно, в акте символизации раскрывается эстетическая достоверность мира, преодолевается его косность, и он является сознанию художника, а затем и реципиента в первозданной красоте и гармонии. На выразительном уровне художественный символ предстает системой многоуровневых отношений между всеми элементами художественного языка, обладающего суггестивной многомерностью значений. Следовательно, изучение символа позволяет понять сущностный смысл процесса художественной символизации[9].

В специальном смысле назначение символизации в праве может быть охарактеризовано как демаркация в сфере действия права символьного поля – обособление тех участков, зон его (права) действия, в которых объективно проявляются два класса символов, (1) фактически предрасположенные к признанию их юридически значимыми и (2) разновидность символов, которые имплицитно по самой своей природе воплощают социальную (фактическую) нормативность и могут быть квалифицированы в качестве правовых символов, или регуляторов права. Следует заметить, что в таком контексте проблема правовых символов не попадает в оптику теоретической юриспруденции – отечественной и зарубежной, оставаясь «закрытой» темой.

---

[1] Речицкий В.В. Символическая реальность и право. Л.: ВНТЛ-Классика, 2007. С. 20 - 21.
[2] См.: Там же. С. 11 и сл.
[3] Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
[4] Кассирер Э. Указ. соч. С. 11 и сл.; Гумбольдт, В. ф. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984; Фромм, Э. Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов / Э. Фромм // Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 185–188.
[5] Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. С.31.
[6] Колтунова Е.А. Символ и символизация: сходство и различия интерпретаций в контексте различных психологических подходов // Российский психологический журнал. 2012. Том 9. № 3. С. 74.
[7] Бычков В.В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 84, 85.
[8] Там же. С. 86.
[9] Бычков В.В. Указ. раб. С. 87.

Символизацию как самостоятельный феномен следует отличать от сопредельного с ней понятия визуализации. Распространенное – едва ли не господствующее – мнение относительно оценки визуализации как более широкого понятия, включающего и символизацию, как представляется, не соответствует методологическому статусу каждого из этих концептов. Применительно к соотношению данных понятий в правовой сфере следует, думается, исходить из той посылки, что это не однопорядковые феномены. Правовая символизация, в ее современном понимании, – это метод и способ конструирования правовой реальности – институционализации юридически значимых символов и/или внедрения в правовую систему правовых символов.

Что касается визуализации, то ее назначение прежде всего и главным образом заключается в придании правовым символам, равно как и юридически значимым символам, формата узнаваемости и соответствия определенным стандартам, в том числе с точки зрения юридического дизайна; соотнесение образа с заложенной в символе идеей – также охватывается содержанием визуализации.

Применительно к различным факторам – временному периоду человеческой истории (античность, Средневековье, Новое Время, современный этап), сферам общественной жизни (экономика, политика, духовная жизнь, социальная сфера), типам соционормативных систем регуляции и др. обстоятельствам символизация реализуется по-разному, приобретая при этом особенные типологические характеристики.

Как уже отмечалось, символизация и символы – органично связанные и зависимые друг от друга, хотя и различающиеся, концепты. Человеческую цивилизацию можно смело назвать цивилизацией символов, а XXI век стал не просто веком тотальной символизации сущего, а временем реформации символических систем многих этносов и символической системы человечества в целом. Уже из изречения Конфуция следовало, что «знаки и символы управляют миром, а не слово и не закон»; по утверждению Гётте, «всё можно считать только символом, за которым скрыто ещё нечто другое»; по выражению М. Цветаевой, «в жизни символиста все – символ. Не-символов – нет»[1]. Симптоматично, что в Резолюции 1276 (1995) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Про силу визуальных образов» заявлено, что «символы во все большей степени воздействуют на нас»[2].

В энциклопедическом понимании символ определяется как «элемент коммуникации, который представляет, заменяет лицо, объект, группу, процесс, идею»[3]. Символ является важной составляющей современного сознания, как на личностном, так и на групповом уровнях. Возникновение символов имеет длительную эволюционную историю в процессе культурного становления человечества. Этимологически понятие символа связано с греческим глаголом «соединять», «сталкивать», «сравнивать».

Хотя рассмотрение проблемы символа в русской мысли XX в. связано прежде всего с философией П. А. Флоренского, получило дальнейшее распространение в русской литературе конца XIX – начала XX вв. в одном из самых первых и значительных модернистских течений символизме, уместно отметить, что для отечественной науки проблема символов – «это относительно новая проблема, имея в виду, что в советской литературе исследование этого термина и понятия целиком отсутствует»[4]. В трудах уже упомянутого П. А. Флоренского символ есть такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, растворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю. По Флоренскому, символ, – это реальность, связывающая явления мира в некоторое единство и одновременно являющаяся пределом; символ не может быть объяснен: но только описан[5]. Символ – это явление абсолютного в определенном, конечном. При этом «символ не есть отвлеченное понятие, и только изучение фактических случаев символопользования дает возможность приблизительно понять проблему символа, но лишь приблизительно»[6].

Символ есть многомерное понятие. В понимании А.Ф. Лосева, символ вещи (притом, что каждая вещь больше, чем ее явление)[7] – это ее отражение в сознании[8]; ее изображение и ее выражение[9], есть сигнификативный акт[10]. «Символ есть арена встречи обозначающего и обозначаемого, которые не имеют ничего общего между собою»[11].

По общему признанию, символ выступает как особый знак в силу особенности его значения. При этом «символ есть потенция знака, могущая в нем актуализироваться; принципиально же символ несво-

[1] Цветаева М. И. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 259.
[2] Цит. по: Речицкий В. Символическая реальность и право. Львов, 2007. С. 20.
[3] Britannica : настольная энциклопедия. Т. 2. М. ; Тверь, 2006. С. 1747.
[4] Лосев А.Ф. Из творческого наследия : современники о мыслителе М.: Русскій миръ, 2007. С. 313.
[5] Флоренский П. Имена: Сочинения. М.: Эксмо, 2006.
[6] Флоренский П. А. Точка // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. М., 1984. С. 114.
[7] В представлении мыслителя, «всякая вещь, как бы пуста и бессодержательна она ни была, есть, безусловно, символ, и притом обязательно бесконечный символ, символ бесконечности, допускающий по этому самому и бесконечное количество разнообразных интерпретаций» (Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само / общ. ред. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого. СПб: изд. Олега Абышко, 2016. С. 333).
[8] Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Премиум, 1999. С. 323.
[9] Там же. С. 324.
[10] Там же. С. 331.
[11] Там же. С. 334.

дим к знаку»[1]. Как и любой знак, символ включает в себя форму (означающее) и содержание (означаемое), характеризуемое как «образ», «идея», «идейно-образная составляющая знака» или, иными словами, ментальное представление о референте, закрепленное в сознании человека; это некое единство знака и образа, то есть означающего и означаемого, притом что знак ограничен своей формой, рассматриваемой как вещное или вербальное выражение означаемого, а образ неисчерпаем и многозначен. В понимании К.А. Свасьяна, «символ и есть вид идеи, данной образом. Применяя греческую терминологию, можно сказать: символ есть эйдос идеи в эйдолоне»[2]. В отношении идеи к образу А.Ф. Лосев указывает на два главных аспекта, первый из которых касается их различия: «Для символа, как его понимают все культурные языки, необходима такая идея, которая не имела бы ничего общего с непосредственным содержанием самого символа»[3]. Это, видимо, следует понимать так, что в символе преобладает идеальность образа.

Отсюда содержательно символ предполагает две составляющие: предметный образ и глубинный смысл, притом, что сущность символа состоит в том, что смысл являет себя через образ, а образ приобретает значимость при наполнении смыслом. Кроме означаемого и означающего, в значение знака входит и референт – объект или явление реальности, обобщенное представление о котором выражено в означаемом. В отличие от знака, символ, не только указывает на референта (представляющего собой лишь наименьшую часть в структуре символа) и образ, но и, как следует из компетентной литературы, на нечто большее – на наличие трансцендентального смысла, который трудно постичь до конца и вербализовать. Если референт символа представляет собой лишь наименьшую часть в структуре символа и, как правило, это вещь или слово, выбранные в силу исторических причин и культурных традиций в качестве материального носителя символа, то означаемое символа, наоборот, представляет собой неисчерпаемую идейно-образную структуру.

Символ вполне обоснованно можно назвать имманентным атрибутом человека. В этой связи, как отмечает П. Флоренский, поскольку человек находится в таком состоянии, что он отделен от «сущности» вещей и взаимодействует лишь с их «поверхностями», то как раз с «миром» он и связан через символы и умение их распознавать[4]. Согласно К. Юнгу символические образы являются соединительными звеньями между культурным наследием и опытом отдельной личности и служат матрицами познания. «Помогая оформить и упорядочить впечатления, они создают перспективу развития личности, расставляя в «смысловые ниши» триумфы и несчастья, надежды и страхи, радости и горести»[5]. А.Ф. Лосев обращает внимание на наличие в содержании символа «трех моментов: живого чувственного созерцания, абстрактного мышления и человеческой практики»[6].

Вопреки бытующему мнению об отчужденности символа от реальности, компетентная литература указывает на имплицитно присущую ему (символу) связь с ней (реальностью), а именно: «1) символ отражает реальность, 2) выражает ее, 3) тождествен и различен с ней, 4; несводим к ней»[7]. Еще ранее связь символа и реальности постулируется А.Ф. Лосевым: «Символ вещи есть ее знак, однако не мертвый и неподвижный, а рождающий собою многочисленные, а может быть, и бесчисленные закономерные и единичные структуры, обозначенные им в общем виде как отвлеченно данная идейная образность»[8].

Отмеченные выводы имеют принципиальное значение для оценки роли символов в сфере действия права. Несомненно, важен вопрос о механизме образования символа. «Что же нужно для выражения, чтобы оно стало символом?». На этот, им же и поставленный вопрос, А.Ф. Лосев отвечает следующим образом: «Выражение вещи может быть даже и незначительным, схематическим, но оно обязательно должно быть существенным и оригинальным, указывать на нечто совсем другое и все время подчеркивать, что внешнее здесь не есть только внешнее, но и внутреннее, существенное; а внутреннее, как бы оно не было глубоко, здесь – не только внутреннее, но и внешнее, даже чувственное»[9]. Значимы в этой связи выводы К. Юнга. Указывая на принципиальную разницу между символом и знаком, в том смысле, что «знак всегда уже, чем означаемое, в то время как символ всегда шире и глубже, чем символизируемое», К. Юнг формулирует, может быть, даже неожиданный вывод: «Более того, символ нельзя искусственно сконструировать, придумать. Он не рационализируем, естествен и спонтанен, в отличие от рационального знака»[10].

Безусловно, символ обладает внутренней силой. Это весьма точно подметил А.Ф. Лосев, постулируя мысль о том, что «символ вещи есть ее отражение, однако не пассивное, не мертвое, а такое, кото-

[1] Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). Ереван, 1980. С. 112.
[2] Свасьян К.А. Указ. раб. С. 104.
[3] Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. С. 262.
[4] Флоренский П. Имена: Сочинения. М.: Эксмо. С. 263.
[5] Юнг К.Г. Введение в психоанализ. Гл. 5. М., 1997.
[6] А. Ф. Лосев: Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Премиум, 1999. С. 315.
[7] Свасьян К.А. Указ. раб. С. 67.
[8] Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. С. 335.
[9] Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. С. 260, 261.
[10] Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 235.

рое несет в себе силу и мощь самой же действительности, поскольку однажды полученное отражение перерабатывается в сознании, анализируется в мысли, очищается от всего случайного и несущественного и доходит до отражения уже не просто чувственной поверхности вещей, но их внутренней закономерности. В этом смысле и надо понимать, что символ вещи порождает вещь»[1].

В специальной литературе обращено внимание на титульные свойства символа: это не только двойственность (свойство наделять практику неким значением, отклоняющимся от его прямого семантического определения) предметно-образный способ выражений в действительности незримого; посредническая роль между конкретным и неопределенной целостностью мира, в который включено это конкретное; нейтрализация контрарного характера взаимоотношения противоположностей; особый способ (форма) структурирования связи между конкретным и целостностью мира, реализуемый через функцию трансформации. Титульное свойство символа – присущее ему таинство, загадочность, отличающая его от чистого знака; это также тяга к наглядности и др.

Символы, как и символизация, подвержены типологизации. Это политические, моральные, религиозные, исторические, культурные, иные виды социальных символов. К. Юнг обращает внимание на индивидуальные и коллективные символы, к которым им в основном отнесены религиозные образы; выделяет символы древнейшие и символы цивилизованных обществ[2]. Эрих Фромм разграничивает три группы символов: условные (конвенциональные) символы – не имеющие никакой внутренней связи с обозначаемым и основаны на соглашении, «заключенном» между людьми; случайные символы – возникающие по пространственно-временной смежности, базирующиеся на случайном совпадении, имеющие индивидуальные характеристики и не являющиеся закономерностью; универсальные символы – основанные на внутренней связи между символом и символизируемым (исключающие случайностей, воспринимаемыми одинаково всеми людьми)[3].

Несмотря на то, что символ – такое же древнее явление, как человек, сопровождающее человечество на протяжении всей его эволюции, под влиянием сложного комплекса факторов в XXI в. наблюдается разрушение традиционных символических систем, что, по свидетельству исследователей проблемы, привело к профанации и десакрализации символа. Юристы как-то не обратили внимание на этот вывод социальной философии в отношении смены вех в оценке символов. Презюмируется, что вследствие отмеченных процессов символ перестал рассматриваться как единство образа и смысла и был заменен на понятие «симулякр», превратился в оболочку, потерявшую своё наполнение, форму без содержания, искусственно созданную гиперреальность[4]. Превращаясь в симулякр, символ более не может выполнять присущие ему изначально функции: быть отражением результатов познания, высшей формой Бытия, служить инструментом познания. Как реакция на сделанные в одном из докладов на форуме выводов (В.М. Баранов) такое утверждение касается всяких символов вне их предметной принадлежности – право, религия, иные соционормативные системы.

Как отмечалось, целостность символа – это синтез знака и образа. Симулякр же, утратив связь с реальностью, являет собой некую гиперреальность, не имеющую ни истока, ни основания. Если символ указывает на некий предмет, то симулякр – это копия копий, образ, лишенный смысла. В работе «Симулякры и симуляции»[5] Жан Бодрийяр практически не использует слово «символ», предпочитая такие выражения как «символическая форма», «символический порядок», «символический обряд» и т. д. Но он пишет о симуляции как о «радикальном отрицании знака как ценности».

Зарождение симулякра обусловлено эволюционированием образа от отражения базовой реальности до её искажения, а затем подлога; на последней же стадии симулякр теряет всякую связь с реальностью, становясь «чистым симулякром». На пути своей трансформации – движения к «чистому симулякру», по версии Ж. Бодрийяра, симулякр проходит четыре цикла, или четыре уровня, каждый из которых, в оценке Ж. Бодрийяра, «всё дальше уводит нас от подлинного».

Обозначенный Ж. Бодрийяром процесс движения к «чистому симулякру» указывает, как симулякры постепенно захватывают восприятие человека, формируют его мышление, создают пространство, имеющее глобальный характер распространения. Это все более раздвигающее границы своего влияния пространство Ж. Бодрийяр характеризует через вводимое им в оборот ключевое понятие «гиперреальность» – концепт, характеризующий мир, намного сложнее, чем мир иллюзий или фантазий и нечто большее, чем просто обман или подделка: это новый уровень бытия, где вымышленное настолько вторгается в человеческую жизнь, что люди перестают замечать разницу. Это пространство, где симуляция перестаёт быть копией и начинает жить своей собственной жизнью, становясь даже более убедительной, чем сама реальность. «Симуляция, – это... порождение моделей реального без оригинала и реаль-

[1] Лосев А.Ф. Из творческого наследия : современники о мыслителе М.: Русскій миръ, 2007. С. 338,
[2] Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 235.
[3] Фромм Э. Забытый язык. М.: Март, 1994.
[4] Наиболее радикальные взгляды на эту проблемы представлены в работах Ж. Делезу (Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.; Его же: Логика смысла. М.: Раритет, 1998. 473 с.).
[5] Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр: [пер. с фр. А. Качалова]. М.: ПОСТУМ, 2016. 240 с.

ности: гиперреального»[1]. По утверждению Ж. Бодрийяра, «симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете. Одно отсылает к наличию, другое – к отсутствию…Симуляция же ставит под сомнение различие между «истинным» и «ложным», между «реальным» и «воображаемым»[2]. Симуляция есть «порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального»[3].

Симуляцию Ж. Бодрийяр рассматривает в противопоставлении репрезентации. Если «репрезентация исходит из принципа эквивалентности знака и реального», то «симуляция, наоборот, исходит из утопичности принципа эквивалентности, из радикальной негации знака как ценности, из знака как реверсии и умерщвления всякой референции… Репрезентация пытается абсорбировать симуляцию, интерпретируя ее как ложную репрезентацию», а «симуляция включает в себя всю структуру репрезентации, представляя ее симулякром»[4]. При этом Ж. Бодрийяр обращает внимание на последовательные фазы развития образа, которые указывают на репрезентацию в разных формах ее проявления и принципиальное отличие от нее симуляции. Таковыми названы четыре фазы: (1) образ отражает фундаментальную реальность (это доброкачественное отображение и, соответственно, репрезентация имеет сакраментальный характер); (2) образ маскирует и искажает фундаментальную реальность (это злокачественное отображение и репрезентация имеет вредоносный характер); (3) образ маскирует отсутствие фундаментальной реальности (образ лишь создает вид отображения, а репрезентация принимает характер чародейства); (4) образ вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде. «В четвертом случае, – заключает Ж. Бодрийяр, – речь идет уже не об отображении чего-либо, а о симуляции»[5].

Примечательно, что, говоря о симуляции и симулякрах, Ж. Бодрийяр рассматривает их проявление в различных сферах общественной жизни: в политике, медиасфере, в рекламном бизнесе; ученый прослеживает связь с данными феноменами, обращаясь к проблеме искусства[6], оценке общества потребления («общества самообман с его иррациональной само целью, «философией красоты», и «индустрией красоты»[7] и т.д. Возникает вполне логичный вопрос о том, как это связано с правом и символами в праве. Очевидно, что сделанные выводы относительно процесса симуляции и симулякров – перерождения символов – имеют прямое отношение к исследуемой проблеме. В связи с этим понятно стремление оценить феномен симуляции и его продукт – симулякры, симуляции символического в праве в сфере действия права, включая и цифровую среду.

Можно было бы достаточно критично отнестись к оценкам Ж. Бодрийяром трансформации символов, принимающих облик симулякров и символизации, которая утрачивает свое значение вследствие симуляции, имея в виду, что его теория символа современной философией отнесена к маргинальным[8]. Время, однако, подтверждает правоту далеко не отдельных выводов Ж. Бодрийяра. Здесь надо оговорить, что виртуальная и дополненная реальности – цифровые сущности, которые внешне похожи, но не тождественны феномену гиперреальности, описанного Ж. Бодрийяром[9]; и лишь при определенных

[1] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. С. 13.
[2] Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 7 – 8.
[3] Там же. С. 5.
[4] Там же. С. 12.
[5] Там же. С. 12 – 13.
Несколько в иной интерпертации движение к «чистому симулякру: может быть представлено применительно к следующим четырем уровня (т.е. циклам): *первый уровень* характеризует отражение реальности. На этой стадии движения к «чистому симулякру», или удаления от реальности симулякр ещё связан с оригиналом, как зеркало, в котором отображен человек, фото человека, но это уже не сам человек, а его образ. На *следующем уровне* симулякр начинает искажать реальность: он не просто копирует оригинал, но и изменяет его, добавляет нечто своё. В качества примера обращают внимание на глянцевые журналы: фотографии моделей обрабатываются так, что их внешность становится идеальной, но недостижимой. Это уже не просто отражение, а улучшенная версия реальности, которая начинает влиять на наши ожидания. *Третий уровень* фиксирует маскировку отсутствия. На этой стадии перевоплощения симулякр более не нуждается в оригинале, он сам становится реальностью. Например, диснейленд: это не просто парк развлечений, а целая вселенная, которая создаёт ощущение сказки. Но за этой сказкой нет никакой «настоящей» реальности – она существует сама по себе, как самостоятельный мир. По Бодрийяру, Диснейленд – прекрасная модель всех переплетающихся между собой порядков симулякров. Это прежде всего игра иллюзий и фантазмов. На *четвёртом уровне* симулякр полностью отрывается от реальности и начинает её подменять. Это уровень гиперреальности, где копия не просто заменяет оригинал, но и становится убедительнее его. Социальные сети – яркий пример.
[6] Бодрийяр Ж. Заговор искусства. Совершенное преступление / Ж. Бодрийяр ;[пер. с фр. А.В. Качалова]. М.: РИПОЛ классик, 2020. 250 с.
[7] Бодрийяр Ж. Общество потребления /Жан Бодрийяр; [пер. франц. Е.А. Самарской]. Москва.: Издательствьо АСТ, 2020.320 с.; Его же: К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Академический Проект, 2007. 335 с.
[8] Сычева С.Г. Проблема символа в философии: автореф. дис… д-ра филос. наук. М., 2002. С. 10 – 11.
[9] Отсюда несколько неожиданным выглядит утверждение о том, что «в основу технологий виртуальной и дополненной реальности положена концепция симуляции» (Ипполитова Э.В. Графический интерфейс пользователя как объект интеллектуальной собственности: опыт США и России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 10. С. 36 – 81).

условиях виртуальная и дополненная реальности, могут (равно как объективная, физическая реальность), опровергнув свою суть, трансформироваться в гиперреальность. Примечательно, что спустя несколько лет после выхода в свет работы «Симулякры и симуляции» Ж. Бодрийяр не счел необходимым внести какие-либо коррективы в ранее предложенную им терминологию.

В самом первом приближении в качестве примера симуляции символического в правовой сфере, на первый взгляд, может быть, все же несколько отдаленно от внешне описанной Ж. Бодрийяром ситуации, можно было бы обратить внимание на имеющие проявление в сфере действия частного права так называемые симулятивные сделки, обобщенно отнеся к ним сделки притворные и мнимые, сделки в обход закона, фидуциарные сделки. Исследователи проблемы обратили внимание, что в немецком гражданском праве для обозначения мнимых и притворных сделок используется единый термин – «scheingeschaft», в качестве синонима которого используется также термин «симуляция»[1].

Представляется, что под симуляцию подпадают продукты генеративного искусственного интеллекта, имея в виду, что относимая к производным произведениям переработка (подп. 1 ст. 1259 ГК РФ), к которой по смыслу пп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ относится в том числе «сложная, компьютерная компиляция, сделанная на основе заданного алгоритма», – это и есть симуляция творческого.

В сфере действия налогового права проявлением симуляции, очевидно, можно считать утверждающийся в практике такой «новояз», как ставший широко известным налогоплательщикам «фирменный прием» налоговиков при выездных проверках: «выставить требование и сразу приостановить проверку». Отмечается, что «такая многолетняя практика однозначно повлекла многочисленные нарушения прав налогоплательщиков… именно этот случай новояза стал одним из столпов дальнейшей эрозии гарантий прав налогоплательщиков в рамках налоговых проверок». Представляется, что в приведенном случае симуляция более чем очевидна: «сейчас мы пожинаем плоды «предпроверочного анализа», который как бы не проверка, но «ходит и крякает», как самая настоящая проверка»[2]. Тем самым «приостановление выездной налоговой проверки» приобретает свойство симулякра: приобретающая характер обыкновения проверка порождает «реальность», утверждающую недействительные по своей правовой природе действия и решения налоговых органов.

Многочисленные примеры симуляции в сфере законодательствования. Это, в частности, распространенный в законодательной деятельности дефект, связанный с тем, что вначале принимается закон, а затем усилено ведутся поиски механизма его реализации; между тем принятый закон вне имплицитно представленного в нем механизма реализации – это закон-симулякр, акт никак не связанный с правовой реальностью. Далеко не отдельные случаи введения в правовую систему страны таких законов-симулякров способно определенным образом ее (правовую систему) реструктурировать, обособляя в ней некие зоны правового отчуждения – пространство правовой гиперреальности.

В качестве примера подобных законов обращают внимание, в частности, на сферу действия налогового законодательства. Отмечается, что «наиболее распространены в налоговом праве так называемые процедурные пробелы, когда законодатель наделяет субъектов налогового права субъективными правами и обязанностями, но упускает из виду механизм их реализации»[3]. Невнимание законодателя к процедурной оснащенности принимаемого им закона[4], можно сказать, является типичным дефектом законодательствования, который в той или иной мере наблюдается практически в разных сферах действия права. Кроме того, к типичным дефектам, как показывает анализ проблемы, следует также отнести: наличие первоначальных пробелов; стиль закона, подобный инструкции; неконституционность отдельных положений закона Конституции, к примеру, положениям ч. 1 ст. 50, ч. 4 ст. 29; неоправданные или вызванные профессиональным браком деятельности законодательного органа вносимые изменения в законодательство. Отмеченных проявлений дефектности так много, что специальное обсуждение проблемы качества закона в среде профессионального сообщества в современных реалиях становится чрезвычайно актуальным. Феномен симуляции в законодательствовании способствует тому, что де-юре вводимый в правовую систему закон, превращается в свою противоположность – акт-симулякр, который

[1] Шаляев Д.Ю. Доктрина симулятивных сделок и дело Балаяна. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 марта 2024 года № 305-ЭС20-20127(20) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 10. С. 39–80; Шаляев Д.Ю. Доктрина симулятивных сделок и дело Балаяна. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 марта 2024 года N 305-ЭС20-20127(20) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 10. С. 39–80; Лакоценина Н.М. О соотношении недействительности притворных сделок и смежных с ними сделок: общее и особенное // Современный юрист. 2020. № 4. С. 44–53; Захарова О.Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ: дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021; Иноземцева А.В. Проблема самостоятельного значения института обхода закона // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3. С. 152–189; № 4. С. 157–191.

[2] См., например, Султанов А.Р. Борьба с пробелами в Налоговом кодексе Российской Федерации и фиксированными идеями в налоговых спорах : монография. М., 2022.

[3] Демин А.В. Принцип определенности налогообложения: монография. М.: Статут, 2015. 368 с.

[4] На это обстоятельство в новейшей истории было обращено внимание сравнительно давно (см. об этом: Гойман В.И. Лействие права : Методологический анализ : монография. М., 1992.

более не является символом устойчивости и стабильности, упорядоченности социальных процессов. Очевидно, что оценка этой проблемы – задача современной юридической науки.

Отмеченное особенно важно для цифровой сферы. Правовое регулирование не должно подменяться симуляцией регуляторного воздействия в сфере применения цифровых технологий, а действительные правовые регуляторы заменены симулякрами – квазиустановлениями, хотя внешне и напоминающими правовые регуляторы, но, в сущности, отрицающие и дискредитирующие их; использование такого рода псевдорегуляторов как раз и порождает гиперреальность, где всякая связь с правовой реальностью, в том числе, имея в виду виртуальную и дополненную, утрачивается.

Симуляцией заполняется и традиционно усиленное присутствием властных институций конституционное пространство. Последняя четверть ушедшего столетия и XXI век хранят множество примеров симуляции в различных сферах конституционно-правовой жизни – сфере властвования. Примерами симуляции изобилует сфера партийного строительства. Это, в частности, ситуации, связанные с созданием политическими элитами общенациональных политических партий, не характерными для такого рода объединений способами и вне связи с объективно сложившейся социальной структурой общества. Классический (и конституционный) формат формирования и институционализации политических партий в новых условиях не принимаются в расчет, как это, к примеру, характерно для создания т.н. «партии денежного мешка». Именно так, в частности, в преддверии президентских выборов была учреждена партия «Вперед, Франция» во главе с ее «лидером» Э. Макроном. Процессы действительного партийного строительства в этом случае были подменены сомнительными политтехнологиями, приобретшими характер откровенной симуляции; ее следствие – появление партий-симулякров и сгенерированной ими соответствующей «реальности», в которой действительная конституционная практика утрачивает свое значение, уступая место квазиполитическим процессам.

В новейшее время симуляции укореняются в практике функционирования партийных систем. Примечательно, что в одной из своих работ, специально посвященных исследованию симулякров в политической сфере, Жан Бодрийяр, анализируя практику поведения т.н. левых партий во Франции, делает вывод, что «партии, по сути, больше не соперничают друг с другом в идеологическом смысле, политики превращают свои выступления в хорошо просчитанные перформансы, а общество предпочитает зрелище, а не реальное управление»[1].

Буквально наводнено симуляциями и симулякрами электоральное пространство. Это формирование избирательных округов не в соответствии с административно-территориальным устройством страны, а с применением вопреки принципу равного избирательного права технологий джерримендеринг («избирательной геометрии»); манипуляции с кандидатами-двойниками, голосование с применением технологии «каруселей», покупкой голосов избирателей, использованием административного ресурса при подсчете голосов; квазиправовые новации избирательного и партийного законодательства в преддверии проведения общенациональных выборов. Это также принимающие характер обыкновенной практики решения национальных конституционных судов, принципиально влияющие на результаты уже проведенного голосования при проведении выборов президента страны, как это, в частности, имело место в 2025 году в Румынии и Молдове, а несколькими годами ранее – в Украине.

Симуляции в сфере действия права могут иметь место и на уровне наднациональных правовых систем, включая пространство универсального международно-правового порядка. Торжество однополярного устройства мира и связанное с этим заметное ослабление роли международных институтов (структур ООН) обусловили (точнее: спровоцировали) радикальные изменения в сфере международно-правового регулирования. Действительные правовые регуляторы в этой сфере заменяются регуляторами-симулякрами. Заявление США о «порядке, основанном на правилах», безусловно поддерживаемое их (США) союзниками и воспринятое многими западными теоретиками, придерживающихся той позиции, что «международное право лежит в основе такого порядка»[2], заменяет действительный международный правопорядок, основанный на суверенной воле государств-участников наднационального Союза[3].

---

[1] Бодрийяр Ж. Божественное левое движение /Жан Бодрийяр; [пер. с фр. Т. Чугшуновой]. М.: Издательство АСТ, 2023. 192 с.

[2] См.: Jorgensen M. The Jurisprudence of the Rules-Based Order: the Power of Rules Consistent with but not Binding under International Law // Melbourne Journal of International Law. 2022. Vol. 22. № 2. P. 221–259; Bashfield S., Katselli Proukaki E. The Rules-Based Order, International 13, Law and the British Indian Ocean Territory. Do as I Say, not as 1 Do // German Law Journal. 2022. Vol. 23. № 5. P. 713–718; Dugard J. The Choice Before Us: International Law or a «Rules-Based International Order»? // Leiden Journal of International Law. 2023. Vol. 36 № 2. P. 223–224; Lake D., Martin L., Risse T. Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization // International Organization. 2021. Vol. 75. № 2.P. 225–257. Описание западной аргументации в пользу «порядка, основанного на правилах» представлено также в работе: The Term «Rules-Based International Order» in International Legal Discourses Law / Vylegzhanin A.N., Neverov B.I., Voronin E.R., Magomedova O.S., Zotova P.K. // Moscow Journal of International. 2021. № 2. P. 40–42, 47– 57.

[3] Международно-правовая доктрина хаактеризует такой «порядок» как организованную группу международных институтов, помогающую могущественным державам декларировать «правила» и регулировать таким образом взаимодействие между государствами – участниками порядка и в отношениях с государствами, не являюшимися участниками. Презюмируется, что этот порядок «помогает этим державам направлять действия слабых государств таким

В этой связи требуют оценки обнаружившиеся в западной политической и правовой науке «новые» теоретические подходы к поиску источников нормативности за рамками международного права[1]. Последователями америка-центричного мироустройства и их идеологами[2] предлагается отказаться от существующей онтологии международного права, пересмотреть роль и правовое положение его субъектов, институтов международного взаимодействия, и таким образом с «чистого листа» полностью синтезировать новое понимание международного права и порядка[3].

Исследователи западных научных центров обращают внимание на роль в международном нормотворчестве таких категорий, как цели, задачи международного сотрудничества и количественные показатели, служащие индикаторами их достижения. При этом в ущерб не только правовому анализу, но и политическому обсуждению оцениваемых проблем техническим индикаторам достижения целей международного сотрудничества, основанным на анализе данных, придается все большее значение[4]. Хотя и отмечается, что индикаторы не подменяют собой международное право, но вместе с тем международно-правовой доктрине настойчиво навязывается мысль о том, что они приобретают самостоятельное значение в межгосударственном взаимодействии, привнося в него собственную «нормативность». Противники такого подхода …отмечают, что «проблемой является не только подмена сложного, в том числе нормативно-правового контекста крайне упрощенными техническими показателями, но и завуалированность политического выбора в решениях, принимаемых на основе индикаторов, отстранение от процедур его правового оформления»[5].

Понятно, что предложенная квазиконструкция нормативности, основанная на отрицающих всякую легитимность «правилах», в своей сущности, призвана создать новую международную гиперреальность, но при этом позиционируя собой действительный международный правопорядок; старательно выстраиваемый и основывающийся «на правилах» порядок есть симулякр (квазиреальность), который по замыслу его архитекторов, призван упразднить международное право и международно-правовой порядок.

Таким образом, исследование проблемы символизации и символов в контексте постулируемых социальной философией выводов о разрушении в XXI в. традиционных символических систем, десакрализации символа, отчуждении в его содержании единства образа и смысла, превращении в конечном счете в искусственно созданную гиперреальность приобретает особенную научную значимость. Применительно к сфере действия права это означает, что объективные основания, закономерный характер и очевидные преимущества символизации (не симуляции символического) в правовом регулировании (устраняет его избыточность, придает высокую точность регуляторам) не исключают (буквально: имплицитно предполагают) ее (символизации) пределы, обусловленные ценностным содержанием и антропоцентричностью права. Отмеченными обстоятельствами обусловлена значимость феномена символизации в сфере действия права, включая пространство применения цифровых регуляторов, и одновременно необходимость проявления разумной сдержанности.

Правовые символы в структуре правовых регуляторов

Данное направление исследования поставленной проблемы, как отмечалось, связано с обоснованием правовых символов разновидностью правовых регуляторов, что применительно к современным реалиям приобретает особую ценность. Действительно, право представляет собой уникальную знаково-

образом, чтобы они удовлеворяли их интересы. При этом «…когда правила не соответствуют интересам тех же доминирующих государств, они игнорируют или переписывают эти правила. Сделан вывод, что порядок, основанный на правилах (подобная процедура международного нормотворчества) разрушает представление о согласительном характере процедуры создания норм международного права, основанном на суверенном равенстве государств. Следовательно, «это никак не предоставляет данным правилам качества универсального регулятора международной системы в целом» (см.: Mearsheimer J. Bound to Fail: the Rise and Fall of the Liberal IntemadonaJ Order// International Security . 2019. Vol. 43. № 4. P. 7–8, 9–11).

[1] См., напр.: Lake D., Martin L., Risse T. Op. cit. P. 225–257.

Описание западной аргументации в пользу «порядка, основанного на правилах» представлено также в работе: The Term «Rules-Based International Order» in International Legal Discourses Law / Vylegzhanin A.N., Neverov B.I., Voronin E.R., Magomedova O.S., Zotova P.K. // Moscow Journal of International. 2021. № 2. P. 40–42,47– 57.

[2] Одновременно заявили о себе далеко не отдельные противнии такого подхода (см., напр.: Mearsheimer J. Op. cit. P. 7– 8; Orford A. International Law and the Politics of History, 2021. P. 18–69; Ikenberry J. The End of Liberal International Order? // International Affairs. 2018. Vol. 94. № 1. P. 7– 8, 17– 21 и др.).

[3] Kelsall M. Disordering international law // The European Journal of International Law. 2022. Vol. 33. № 3. P. 729–759.

[4] См.: Duvic-Paoli L. International Law: a Discipline of Ambition // Leiden Journal of International Law. 2023. Vol. 36. № 2. P. 235 – 237; Ellis J., Edmonds D. Coming to Terms with the SDGs: A Perspective from Legal Scholarship // Leiden Journal of International Law. 2023. Vol. 36. № 2. P. 251–252.

[5] См.: Bashfield S., Katselli Proukaki E. Op. cit. P. 718; Dugard J. Op. cit. P. 223–224.

Парадоксально, но «правовая основа» для легализации правил представлена в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 19. 09. 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Цели в области устойчивого развития определены как «дорожная карта» – план построения устойчивого глобального общества – собственно и есть основа правил.

символическую систему и, будучи выраженным в законе, иных нормативных правовых актах, оно (право) в то же время полностью к ним несводимо. Существуют нетипичные формы его (права) объективации в социально-правовую среду и, соответственно, передачи (ретрансляции) нормативного содержания (дозволений запретов, обязываний, в том числе через правовые символы) для восприятия адресатами.

Давно доказано, что право может осуществляться как посредством слов, так и действий[1], сочетая вербальные и конклюдентные формы выражения; право не сводится только к системе языковых, текстовых форм, его могут заменять и дополнять неязыковые правовые регуляторы[2]. Имея в виду, что право может быть выражено и представлено с помощью особых знаков, символов (дорожных знаков, стрелок-указателей, межевых знаков, пломбах на замках, пограничных столбах и т. д.), а нормы права могут быть нарисованы, изваяны в виде скульптуры и даже быть выражены средствами музыки (государственный гимн)[3], сделан вывод о неязыковой (неречевой) форме выражения права[4].

При этом нетипичным регуляторам и, соответственно, неязыковым формам выражения права традиционно отведена второстепенная роль либо же они вообще выводятся за скобки. По существу, господствующее мнение основывается на том, что основной формой ретрансляции права (передачи правовой информации) является язык, который не только делает идеальные объекты воспринимаемыми, но и придает им объективность и независимость от его участников[5]. Соответственно, язык выступает первоэлементом, из которого создаются и оформляются все правовые категории: и сама правовая норма, позиционируемая как единство государственной воли с особой логической структурой, и средства выражения правовой нормы во вне (тема, идея, проблема, композиция законодательного произведения); отсюда иные неязыковые формы права производны от языка и им обязательно должны предшествовать выраженные в словесной форме правовые нормы[6]. Соотнесение языка права исключительно с «государственной волей» – это устоявшийся позитивистский взгляд на проблему. Оставаясь исключительно на этой позиции, невозможно получить достоверное и точное представление относительно природы действия права (равным образом и государства). Исторические факты указывают на то, что правогенез и политогенез разделены во времени, право возникает задолго до появления государства: на определенном этапе развития истории человечества государство институционализируется, в том числе для того, чтобы обеспечить действие права, поскольку изменившиеся социокультурные, экономические духовно-ментальные условия социума, трансформировавшиеся интересы больших групп людей, не могли быть гарантированы традиционными механизмами – потребность в такой институции как государство в таких условиях ощущалось буквально во всем. Требует поэтому уточнения вывод о том, что основным информационным средством юридического взаимодействия выступают правовые тексты, обладающие логическим, грамматическим, лексическими началами и определенным образом структурированные[7].

Позиция, согласно которой в основе знаковой символической системы лежит обычный, естественный язык придерживается и новейшая правовая литература. В понимании сторонников этого взгляда, в том случае если люди заранее осознали это явление с помощью категорий языка, если договорятся об этом, только потом они могут перейти к знакам и другим средствам изображения права[8]. Если исходить из доказанного доктриной постулата о целостности права[9], то принятое некогда деление правовых форм и соответствующих им правовых регуляторов требует существенной коррекции, что в особенности важно в условиях цифровой среды.

Итак, понимание права, в том числе как знаково-символической системы, требует внимания к феномену символизации права и его продукту – правовому символу. При этом под символизацией в праве

---

[1] 17 См.: Лассаль Ф. Система приобретенныхправ. Соч.: в 3 т. Т. III. СПб., 1908. С. 381.
[2] 15 См.: Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 29.16 Там же. С. 31
[3] 17 См.: Лассаль Ф. Система приобретенных прав. Соч.: в 3 т. Т. III. СПб., 1908. С. 78.
[4] 19 См.: Власенко Н. А. Указ. соч. С. 31.
[5] См.: Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 5, 13 и сл.
[6] См.: Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. С. 78, 26, 79.
[7] См.: Романова Е. А. Указ. соч. С. 13.
[8] См.: Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. С. 79; Чуйко Н.А. Визуализация права // Журнал российского права. 2012. № 5 (197) С. 121–131.
[9] Целостность права – это организованная совокупность его элементов или, иными словами, есть одновременно и необходимый (достаточный) набор и мера необходимых для него (права) элементов – собрания разновидовых регуляторов, вследствие чего структура права приобретает лабильность, способность адаптироваться к изменяющейся среде действия права, не будучи всецело зависимой только от воли законодателя или судейского активизма. При этом структура права не есть раз и навсегда данная совокупность. Свойство целостности, или целого, право приобретает при определенных условиях: прежде всего его структурности, сохраняющемся соответствии (изоморфности) между функциями и структурой права; дисфункциональность превращает право в бессвязную груду актов, никак не коммуницирующих друг с другом и не оказывающих синергетического регулятивного эффекта. Целостность права имплицитно предполагает наличие у права свойства системности. Целостным (и в этом смысле правовой системой, как бы отечественные теоретики не упражнялись, пытаясь развести это понятие с другим – «системой права») право становится при условии, по выражению Р. Алекси, «правильности его содержания» («моральности права» – по Л. Фуллеру) (Червонюк В. И. Структура права : теория, методология, технологии и практики формирования : монография. М. : Юстицинформ, 2024. С. 76, 77).

мы понимаем легитимацию фактической (социальной) нормативности в форме правового символа как особенной разновидности регуляторов современных правовых систем. Таким образом, символизация в праве имеет специальное значение: это есть способ выражения придания социальной (фактической) нормативности специальной юридической формы – значения правового символа, или регулятора права.

Обратим внимание на то обстоятельство, что в таком контексте проблема правовых символов в теоретической юриспруденции – отечественной и зарубежной – не рассматривается. Казалось бы, что опубликованная сравнительно давно на эту тему статья М.В. Давыдовой «Символы в праве и правовые символы: понятие и значение»[1] должна была бы быть воспринятой в качестве исключения к сделанному выводу. Однако знакомство с публикацией указывает на то, что за основу различения концептов «символы в праве» и «правовые символы» взят критерий позитивации/непозитивации тех символов, которые находятся в зоне действия права. Такой подход позволяет обратить внимание на различные формы символов, находящиеся в орбите правового регулирования. Собственно же типологическое различие отмеченных двух групп символов в оптику исследователя не попадает.

Наверное, большего следовало бы ожидать от монографического исследования, специально посвященного данной проблеме. Речь идет о монографии украинского автора В. Речицкого с весьма многообещающим названием[2]. Однако автор в целом интересной (и редкой в таком жанре) работы не привносит принципиально нового в понимание правовой природы символа в сравнении с публикациями, уже обнародованными до издания книги. По существу, в упомянутом издании добросовестно воспроизводится уже известное по предмету анализа. Так, постулируется, что «предикат «правовой», производный от социального (его вид), говорит, о том, что речь идет о символах, закрепленных в праве и признаваемых государством»[3].

Что касается формулировки понятия правового символа, то его существование поставлено в полную зависимость от позитивирования в законодательстве и санкционирования государством. В представлении цитируемого автора, «правовой символ – это создаваемый или санкционируемый государством условный образ, отличительный знак, представляющий собой видимое либо слышимое культурно-ценностное образование, которому субъект правотворчества придает особый политико-правовой смысл…»; «это создаваемый или санкционируемый государством условный знак. Ссылки на работы других авторов не устраняют привязанности к тем же подходам к анализируемой проблеме. Утверждается, что «правовой символ – это средство, имеющее техническую сущность», они (правовые символы) «объективно связаны с правовым регулированием, обнаруживают специализированную форму хранения знаний о правовых предписаниях и правовых обычаях, реализуют функции права…»[4] и т.д. и т.п.

Представляется современным утвердить принципиально иной взгляд относительно понимания природы правовых символов, который в постановочной версии уже был представлен автором на форуме[5]. Как показывает анализ проблемы, вся совокупность кодифицированных в сфере действия права символов, подразделяется на два класса: во-первых, юридически значимые символы (герб, гимн, флаг и др.), притом что отдельные из них могут быть позитивированы правом или находится вне формально-юридического оформления, и, во-вторых, собственно правовые символы, позиционирующие специальную разновидность правовых регуляторов (знак копирайта, торговая марка, дорожные знаки и др.).

Основываясь на ранее сделанных выводах относительно состава правовых регуляторов[6], которыми располагают современные правовые системы, при этом как национального, так и наднационального уровней, следует указать на три класса (типа) правовых регуляторов, представленных: (1) конкретными регуляторами (нормами права, или юридическими правилами; (2) общими (исходными) регуляторами (правовыми принципами, традициями, стандартами, целями, конструкциями и др.; (3) специальными регуляторами, к которым в том числе можно отнести цифровые регуляторы, а также и правовые символы.

Являясь составной частью знаково-символической системы права, элементом структуры правовых регуляторов, правовой символ обладает присущими ему особенностями. Такие особенности обусловлены, с одной стороны, принадлежностью правового символа к классу символов вообще, и таким образом сохранением им всех тех характеристик, которые присущи родовому по отношению к нему понятию, уже рассмотренному ранее; с другой стороны, правовой символ является частью действующего права, в силу чего ему присущи признаки всякого правового регулятора – общеобязательность, узнаваемость (общеизвестность), определенность юридического содержания, конституционность, защищенность государственно-принудительными мерами и пр.

[1] Давыдова М.В. Символы в праве и правовые символы : понятие и значение // Правоведение. 2009. № 3 (284) С. 42 – 46.
[2] Речицкий В. Символическая реальность и право. Львов, 2007.
[3] Там же (§1 Правовые символы: понятие и значение).
[4] Речицкий В. Символическая реальность и право. Львов, 2007.
[5] См.: Государство и право. 2025. № 12.
[6] Червонюк В.И. Идея права и право в идеях: в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права : монография. М.: Юстицинформ, 2021. С. 171–182.

Вместе с тем статус самостоятельного регулятора в правовой системе позволяет обратить внимание на те характеристики, которые идентифицируют правовой символ в структуре правовых регуляторов, указывают на его преимущества и одновременно обособляют от иных символов:

во-первых, правовой символ выражает не характерные для других регуляторов правовой смысл и соответствующую правовую идею и при этом визуализирует, наглядно выражает их (идею и смысл), вследствие чего обладает особенной для регулятора визуальной формой, не свойственной иным символам;

во-вторых, являясь особенной нормативной информационной моделью, правовой символ доступен для восприятия его адресатами, идентифицируется ими и тем самым мотивирует их правовое поведение, действия и решения;

в-третьих, в сравнении с иными регуляторами, правовые символы обладают способностью вне каких-либо иных ретрансляторов, непосредственно воздействовать на находящихся в зоне действия акторов, согласовывая их поведение с присущим этим регуляторам нормативным содержанием. Что характерно, идентифицирующие правовые символы свойства таковы, что они одинаково воспринимаются всеми лицами независимо от их языковой принадлежности (во всем мире красный восьмиугольник участниками дорожного движения понимается однозначно – как «стоп»: абсолютный (эвентуальный) запрет движения транспортного средства, тем самым исключающий возможные риски для жизни людей);

в-четвертых, правовые символы – это такая форма существования нормативности в праве, которая выступает в качестве противодействия избыточности правовой энергии – достоинством не специфичного для норм права. Отсюда и «задача втиснуть законодательство в программный код» (В.Д. Зорькин) представляется едва ли не самым значимым фактором радикального усовершенствования правовой формы вообще, имея в виду, что другие инструменты сдерживания нарастающего массива позитивированного права оказываются недейственными. Являясь выражением символических форм ретрансляции нормативной энергии в социально-правовое пространство, правовые символы тем самым позволяют повысить точность, ясность, целостность действующего права, усилить его формальную определенность и, в конечном счете, результативность;

в-пятых, способы выражения правовых символов могут быть различными и не обязательно позитивированы в законодательстве. В связи с этим неточным является распространенное (читай: господствующее) мнение о том, что «при санкционировании сложившиеся в обществе символы признаются государством в качестве общеобязательного регулятора общественных отношений и охраняются им»[1]. Легитимация правовых символов может иметь различные формы: посредством судебной практики, сложившегося общего согласия в профессиональном сообществе, придающего им (символам) конвенциональный характер, вследствие приобретения ими в силу длительного применения характера обычной нормы; равным образом правовой символ может быть легитимирован правовой позицией федерального органа конституционного нормоконтроля и др.;

в-шестых, правовой символ в одинаковой мере может выступать регулятором как в локальном, относительно ограниченном, пространстве, так и распространять свое действие в общенациональном масштабе, равно как иметь и трансграничный характер проявления. Эта особенность указывает на большой потенциал использования регуляторного воздействия правовых символов в цифровой среде. С этим обстоятельством связана актуальность цифровизации правовых символов (их адаптация к цифровой среде). В указанном смысле за правовыми символами сохраняется возможность придания им характера императивных установлений, не исключая титула принципов права, применительно к той сфере, которая связана с применением цифровых технологий.

Целью осмысления правовых символов в контексте структуры правовых регуляторов было продиктовано проведение специального обследования в форме экспертного опроса. В выборку были включены слушатели (студенты) выпускных курсов юридических факультетов университетов, выпускники юридического факультета Бауманского технического университета, адъюнкты (аспиранты), соискатели и преподаватели этих вузов. В основном респондентов представляли вузы городов Москвы и Ставрополя. Особенность опроса – множество так называемых «открытых» вопросов; тем самым респондентам была предоставлена значительная свобода в выборе ответов на далеко не простые вопросы современной правовой жизни.

В обследовании, прежде всего, предстояло выяснить информированность респондентов относительно как природы, форм проявления, титульных характеристик правовых символов, так и символов в целом, в связи с чем респондентам предстояло ответить на ряд вопросов, фрагменты ответов на которые ниже приводятся.

В частности, на вопрос о том, «что вы слышали о т.н. правовых символах» и предложенных вариантах ответов: а) «кое-что», б) «правовые символы опутали социальное пространство» и в) «ничего», выделим ответы пункта «б». По мнению опрашиваемых, правовые символы являются неотъемлемой частью социальной ткани, выполняя функции идентификации, легитимации, предупреждения и унифика-

[1] Ипполитова Э.В. Графический интерфейс пользователя как объект интеллектуальной собственности: опыт США и России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 10. С. 36–81.

ции. К числу таковых респондентами отнесены государственные символы: герб, флаг, гимн, концентрирующие идею государственного суверенитета и власти; символы судебной и правоохранительной власти: Фемида (весы правосудия и меч возмездия), мантия судьи, гербовая печать на документах, знак «Полиция» на форме. При этом отмечалось, что такие обозначения символизируют авторитет, беспристрастность и принудительную силу закона; символы, обозначающие правовой статус лица, имея в виду, что такие артефакты являются материальными воплощениями прав и обязанностей их обладателя: это водительское удостоверение, паспорт, диплом о высшем образовании; дорожные знаки и разметка как ярчайший пример системы правовых символов, регулирующих поведение в общественном пространстве в режиме реального времени; предупреждающие знаки, например, знак «Охраняется законом» на объектах частной собственности или «Соблюдайте тишину» – в общежитиях.

Как видно из опроса, респонденты не обратили внимания на различие в терминологии: термины «правовой символ» и «символы в праве» при самой общей постановке вопроса воспринимались как равнозначные, притом что указание на собственно правовые символы, понимаемые в значении правовых регуляторов, в ответах все же были представлены.

Ответы на открытый вопрос «с какими символами вы встречаетесь в повседневной жизни?» были довольно пространные, их систематика, исключая правку, может быть представлена следующим образом: дорожные знаки и светофоры; логотипы государственных услуг (например, «Госуслуги» на сайте и в приложении); знак авторского права (©) на книгах, сайтах, в программном обеспечении; предупреждающие символы: «Осторожно, злая собака», «Вход воспрещен», «Работает видеонаблюдение»; юридические символы на товарах: знаки соответствия (РСТ, СЕ), маркировка алкогольной продукции (ЕГАИС); символы в интерфейсе цифровых услуг: значок «замок» в адресной строке браузера, обозначающий безопасное HTTPS-соединение; галочка принятия пользовательского соглашения.

Утверждение самостоятельности правовых символов в структуре правовых регуляторов предполагает уяснение их соотношения с нормами права. Это, по существу, центральный вопрос заявленной темы, без решения которого аргументация правовых символов в качестве правовых регуляторов будет выглядеть слабой. В этой связи в обследовании респондентам предстояло ответить на ряд вопросов, в частности, на вопрос: «что более мотивирует поведение человека – писаная норма или символ – норма, представленная в визуализированной форме?». Наряду с письменным опросом проводилось и интервьюирование, притом не без подсказок для интервьюируемого. Ответы респондентов, близкие к экспертным, можно представить в форме общего вывода (формулы) и его обоснования. Общий вывод сводился к тому, что «символ, в большинстве повседневных ситуаций, мотивирует поведение эффективнее». В качестве обоснования приведеы следующие аргументы: а) писаная норма (статья закона) абстрактна и требует для своего восприятия определенного уровня правосознания и интеллектуального усилия. Символ же действует на уровне мгновенного визуального восприятия и подсознательных реакций; б) преобладает скорость восприятия правового символа: водитель не успевает мысленно «прокручивать» текст ПДД при виде знака «СТОП». Символ срабатывает мгновенно; в) универсальность правового символа: символы часто транскультурны и понятны без знания языка (дорожные знаки, пиктограммы в аэропортах); г) эмоциональная заряженность правового символа: изображение видеокамеры вызывает более непосредственную реакцию осторожности, чем абстрактная норма о праве на сбор доказательств.

В то же время позитивистский формат освоения респондентами права не мог не проявить себя. Далеко не отдельными опрашиваемыми специально было обращено внимание на то обстоятельство, что «писаная норма является первичной и легитимирующей основой для символа»; что «без юридической силы, стоящей за ним, символ превращается в пустую картинку». Если следовать такой логике, то норма создает содержание, а символ – эффективный канал его донесения.

Что по этому поводу можно сказать: опрос – это в некоем роде зеркало, в нем отражается то, что есть в реальной жизни. Соответственно, оценка связи нормы и символа, во всяком случае в оптике части респондентов, может быть и такой, как представлено выше. Данное обстоятельство также нельзя не принимать в расчет при анализе заявленной темы.

Безусловно, значима оценка роли правовых символов в цифровой среде. Этим обстоятельством была продиктована обращенная к респондентам часть вопросов, в том числе сформулированных в «развернутом» формате. Это, в частности, следующий вопрос: «В условиях окончания первой четверти XXI века цифровизация создает новую реальность (виртуальную – VR, дополненную – AR, смешанную – MR), технологическую, или цифровую, среду, отличную от привычного для человека физического мира – среду его обитания. Какие, на ваш взгляд, символы, выступающие в качестве регуляторов (стандартов поведения), можно обнаружить в цифровой среде?».

Соответственно, в качестве регуляторов (стандартов поведения), коммуницирующих в цифровой среде субъектов, были указаны несколько групп таковых. Это: а) значки лицензий и безопасности: «Замок» HTTPS, значок «SSL», маркировка возрастных ограничений (18+, 12+); б) интерфейсные элементы: кнопка «Я согласен» с пользовательским соглашением (EULA) –мощный цифровой регулятор, порождающий юридические последствия; в) пиктограммы настроек конфиденциальности, например, переключатель «Вкл/Выкл» для отслеживания данных; г) символы верификации: «Галочка» подтвержденного акка-

унта в социальных сетях; д) капча (CAPTCHA) – символ-регулятор, distinguishing человека от бота; е) предупреждающие баннеры, в частности, сообщения о нарушении авторских прав, блокировке контента.

На вопрос, «какую символическую форму можно придать цифровому регулятору, действие которого имело бы обязательное значение?», респонденты отметили, что это должен быть уникальный, стандартизированный и законодательно закрепленный знак, аналогичный государственному гербу на официальных документах. Это, в частности, может быть: «Цифровая печать» или «Голограмма», например, специальный анимированный или статический значок (вроде ⚖ или Ⓛ), который размещается рядом с официальными требованиями, исходящими от государственных органов в цифровой среде (к примеру, уведомления от ФНС, судебные повестки). При этом признание официального статуса такого символа должно быть обременено обязательными условиями: (1) такой символ должен генерироваться и подтверждаться квалифицированной электронной подписью уполномоченного органа, а его подделка караться по закону; (2) при наведении курсора или клике на символ должно появляться всплывающее окно с информацией о легитимности источника и юридических основаниях требования.

Необходимостью оценки ориентации респондентов относительно регулятивных возможностей правовых символов в цифровой среде был обусловлен обращенный к ним вопрос о том, «имеют ли место не соответствующие законодательству страны, принципам права цифровые регуляторы? (Если они известны Вам, укажите)». Ответы были однозначно утвердительны: «да, безусловно». К их числу отнесены: а) «Темные паттерны» (Dark Patterns) – элементы интерфейса, которые обманом или манипуляцией вынуждают пользователя совершить действие, противоречащее его интереса (например, навязчивая подписка, от которой сложно отказаться (условия отмены скрыты); б) преимущественный выбор, выделенный визуально (когда согласие на передачу данных – большая зеленая кнопка, а отказ – маленькая серая ссылка); в) создание ложного ощущения срочности («Это предложение только для вас и исчезнет через 10 секунд!»); г) незаконные блокировки контента без вступившего в силу судебного решения, осуществляемые провайдерами или владельцами платформ под давлением; д) скрытые соглашения на обновление ПО (программного обновления), которые включают новые условия по сбору данных без явного согласия пользователя.

Еще один вопрос предполагал получение ответов на вопрос о том, «какие символы могли бы указывать потребителю цифровых услуг, что обращенное к нему цифровым регулятором требование не соответствует закону, правам человека?». По оценкам респондентов, в подобных ситуациях необходим символ-индикатор правового риска, аналогичный предупреждаю-щему знаку. Это, в частности, может быть своего рода условный знак, например, ⚠ внутри которого стилизованное изображение разорванной цепи (символ нарушения связи или прав) или щита с вопросительным знаком. Это также нечто вроде механизма действия, в качестве которого мог бы выступать плагин/расширение для браузера, которое анализирует текст на странице (например, пользовательские соглашения, уведомления) на предмет несоответствия законодательству о защите прав потребителей или персональных данных. При обнаружении сомнительных формулировок расширение подсвечивало бы их и рядом ставило бы значок-предупреждение с кратким пояснением («Данное условие может нарушать ваше право на...»).

Уже приходилось обращать внимание на необходимость использования в цифровой среде едва ли не самого мощного по силе своего регуляторного воздействия потенциала принципов права[1]. Как представляется, символизация и соответствующая этому процессу визуализация принципов права в этой связи имели бы большой эффект. Соответственно, в обследовании был сформулирован вопрос: «В какой форме (визуальной – изображения, вербальной формулировке, иной) можно выразить основные принципы права (или абсолютные запреты), прежде всего адресованные отдельным лицам и организациям, обеспечивающим интернет-коммуникации, оказание цифровых услуг – обладателям информации, владельцам сайтов в сети Интернет и провайдерам хостинга (блогерам), операторам информационной саморегулируемым организациям, а также юридическим лицам, организующим функционирование электронных площадок, физическим или юридическим лицам, поддерживающим техническое обеспечение систем, необходимое для электронного взаимодействия и др., а также – информационным посредникам, операторам интернет-сервисов, хостинг-провайдерам, владельцам сайтов и др.». Было представлено несколько возможных вариантов решения поставленного вопроса, притом что наиболее эффективной, по мнению респондентов, была бы комбинация визуальной и вербальной форм – «Хартия цифровых прав и принципов». Это, соответственно: а) визуальная форма: каждому принципу (верховенство права, уважение прав человека, презумпция добросовестности, прозрачность) соотнесена простая, запоминающаяся иконка; б) вербальная форма: рядом с иконкой дается краткая, но юридически точная формулировка принципа на понятном языке. Например, иконка «весов Фемиды» + текст: «Действия оператора должны быть основаны на законе и подлежат судебному контролю»; в) юридическая форма: упомянутая

[1] См.: Червонюк В.И. Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Государство и право. 2021. № 10. С. 86-96; Его же: Принципы права как базовый уровень права и вид правовых регуляторов: структурообразующее значение // Структура права : теория, методология, технологии и практики формирования : монография / В. И. Червонюк. М. : Юстицинформ, 2024. С. 286–339.

Хартия должна быть не просто рекомендацией, а приложением к отраслевым кодексам или основой для саморегулируемых организаций, ссылка на которую обязательна в договорах.

Несомненно, нельзя было обойтись без постановки вопроса о том, «можно ли посредством правового символа противодействовать назойливой рекламе (вроде размещения условного и понятного для всех знака (символа) о том, что размещение на мобильных устройствах рекламы есть безусловное нарушение одного из конституционных прав?». Ответив на этот вопрос позитивно утвердительно «да, можно», респонденты предложили возможные версии противодействия назойливой рекламе посредством использования регулятивного потенциала правовых символов. Отмечено было, что таким символом может быть некий условный знак, например, (перечеркнутый мобильный телефон с рекламным баннером) или надпись «Рекламный спам запрещен». Очевидно, что такой символ будет служить визуальным подкреплением предусмотренного ст. 14.3 КоАП РФ («Нарушение законодательства о рекламе») запрета и одновременно выполнять роль рекомендательного установления относительно использования гражданами, гарантированного ст. 23 Конституции РФ (право на неприкосновенность частной жизни) права на отказ от такой рекламы.

Безусловно, формат исследования требовал оценки собственно регулирующего воздействия правовых символов в среде функционирования респондентов. При этом принималось во внимание то обстоятельство, что правовые символы по своему юридическому содержанию могут приобретать характер императивных, диспозитивных или рекомендательных установлений; иметь материально-правовое или процессуально-правовое значение, а равно иметь распространение в зоне действия охранительной или регулятивной функции права. Значительный потенциал правовых символов резервирует, в том числе, т.н. «мягкое право». В этой связи одним из поставленных был вопрос о том, «какие символы целесообразно разместить в кабинетах чиновников для мотивации правомерного поведения?» В ответах указывалось, что целесообразно разместить символы, напоминающие о служебном долге, приоритете прав граждан и публичности власти. Это, в частности, изображение или барельеф Конституции РФ – ключевой символ, напоминающий о высшей юридической силе документа и обязанности действовать в его рамках. Это также современная интерпретация образа Фемиды – не просто женщина с весами и мечом, а, например, Фемида, протягивающая весы гражданину, что символизировало бы не только правосудие, но и равенство перед законом и доступность государства. Среди ответов предлагалось разместить на стене: лаконичный девиз: «Закон. Служение. Ответственность» или цитату из присяги госслужащего; символ «открытых данных» или «обратной связи» – например, стилизованное изображение диалога между двумя фигурами разного размера (государство и гражданин), что подчеркивало бы важность коммуникации. Подчеркнуто, что изображение символа должно выражать не власть и закрытость, а служение, открытость и диалог.

Нельзя, конечно, было не поставить перед респондентами вопрос о том, «какие из размещенных в учебной аудитории символов-регуляторов могли бы стимулировать креативность курсанта (слушателя) во время проведения занятия, в процессе самостоятельной работы, вне аудитории». Было отмечено, что такими стимулами могут быть: а) во время проведения занятия – не стандартные портреты, а цитаты великих юристов, мыслителей, реформаторов, подчеркивающие важность критического мышления («Закон – это не математика»); схемы, иллюстрирующие сложные юридические конструкции не линейно, а в виде ментальных карт (mind maps), стимулирующие ассоциативное мышление; б) в процессе самостоятельной работы: это символы-вопросы (?) на стенах или плакатах, призывающие ставить под сомнение и исследовать; изображения, метафорически представляющие поиск истины (например, лабиринт, луч света в темноте); в) вне аудитории: это создание «Креативного уголка» или доски объявлений, где студенты могли бы размещать свои эссе, проекты, дискуссионные вопросы. Сам факт наличия такого пространства – символ поощрения инициативы и нестандартных подходов.

Что называется, post festum к предыдущему был задан следующий вопрос: «Какие юридические максимы должны быть усвоены курсантом (студентом), которые бы гарантировали: а) юридическую защиту от неправового поведения, б) поведения исключительно в интересах государственной службы, в) в) профессиональное удовлетворение от работы?». Соответственно, были предложены следующие максимы: а) для правовой защиты от неправового поведения: «Незнание закона не освобождает от ответственности, но его нарушение под предлогом приказа – не оправдание» (принцип личной ответственности); «Закон суров, но это закон» (Dura lex, sed lex); понимание, что формальная процедура и соблюдение закона важнее сиюминутной «целесообразности»; б) для гарантирования поведения исключительно в интересах государственной службы: «Благо народа – высший закон» (Salus populi suprema lex); максима, напоминающая о первоисточнике власти и смысле службы; «Публичное право не может быть изменено соглашениями частных лиц» (Jus publicum privatorum pactis mutari non potest); понимание приоритета публичных интересов над частными; в) для обеспечения профессионального удовлетворения от работы: «Пусть восторжествует правосудие, хоть бы погиб мир» (Fiat justitia, et pereat mundus); при этом не в смысле разрушения, а в смысле непоколебимой веры в правду и справедливость как высшую ценность, дающую моральное удовлетворение; «Мы служим Закону, чтобы защищать Свободу»; краткая формула, соединяющая долг и высокую цель профессии.

В заключение обратим внимание на следующее. Известно, что в юридической лексике зарубежных стран прочно укоренились термины «визуальная юриспруденция» и «визуальное правоведение» и, более того, позиционируемые ими концепты стали частью правовой реальности. Как представляется, с учетом отмеченного есть все основания предположить, что принципиально трансформировавшаяся правовая реальность с полным основанием позволяет вести речь о символьной юриспруденции – имеющем междисциплинарное основание научном направлении и укореняющемся в практике права символов, или символьном праве.

Шафиров Владимир Моисеевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Shafirov Vladimir Moiseevich

doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of Department of Theory and History of State and Law, of the Law Faculty National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: vshafiroff@gmail.com

Образ – символ права и типы правопонимания

Image as symbol of law and types of legal understanding

Аннотация. Образ-символ - это наглядное**, с** определённой степенью предметной конкретности выражение идеи права. Издревле стало традицией отождествлять образ права со справедливостью. Но это только в идеале. В реальности под воздействием правовой идеологии (типов понимания права) выстраиваются разные символы-образы права. Доминирует здесь юридический позитивизм, под влиянием которого сложился образ права, как только должного, формального, ограничивающего свободу, допускающего приоритет законности перед справедливостью, обеспеченного принуждением явления. Это исказило природу, содержание и миссию права в обществе. Выход из этой ситуации дает Конституция РФ. В ней закреплено не только новое понимание права, но его новый образ. В статье раскрыты черты конституционного символа-образа права, позволяющие более полно задействовать огромный аксиологический потенциал права как достижения цивилизации и культуры, мегарегулятора.

Ключевые слова: право, Конституция РФ, образ-символ права, типы правопонимания

Annotation. Image-symbol is an evident expression of the idea of law, with a certain degree of substantive specificity. Since ancient times, it has become a tradition to identify the image of law with justice. But this is only in the ideal case. In reality, under the influence of legal ideology (types of law understanding), various symbols-images of law are formed. Legal positivism dominates here, under the influence of which the image of law has developed as a phenomenon which is suitable, formal, restrictive, allowing priority of legitimacy over justice provided with unlawful force. This depraved the nature, content, and mission of law in society. The Constitution of the Russian Federation provides a way out of this situation. Not only new understanding of law, but also its new image are guaranteed in it. The article reveals the features of the constitutional symbol- image of law, which makes it possible to involve the enormous axiological potential of law as an achievement of civilization and culture, a mega-regulator more fully.

Keywords: law, Constitution of the Russian Federation, image-symbol of law, types of legal understanding

Для цитирования: Шафиров В.М. Образ – символ права и типы правопонимания // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 244–249.

В литературе образ-символ - самостоятельный художественный образ, воплощающий какую-либо идею. Если применить настоящее словосочетание к праву, то это эмоционально-образное наглядное, с определённой степенью предметной конкретности выражение идеи права. Идея права раскрывается посредством анализа его природы, содержании, миссии, соотношения с моралью, свободой, справедливостью и т.д. Символ-образ (далее - образ) права издревле отождествлялся со справедливостью. В Ветхом Завете., например, в третьей книге Моисея «Левит» сказано: «По правде, (то есть по справедливости) суди ближнего твоего» (Левит 19,15). Для древних юристов право – это то, что справедливо; пра-

во – мерило справедливого и несправедливого[1]. Об обусловленности содержания права справедливостью писали выдающиеся мыслители эпохи европейского Просвещения Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Д. Локк, Ф. Аруэ (Вольтер), Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо. Проблема справедливости права была в центре внимания наиболее ярких представителей немецкой классической философии права – И. Канта, Г. Гегеля. В отечественной правовой мысли идея справедливости права также заняла достойное место. Заметный вклад в её обоснование внесли в конце XIX и в начале XX в. Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьёв, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Н.А. Бердяев, Н. Н. Алексеев и др. Традиции русской правовой школы в разработке проблемы права и справедливости успешно продолжены многими советскими и современными российскими учеными. Удивляться тут нечему. В языках многих народов словам «право», «правильный», «правда», «справедливый» придается одинаковый смысл, значение. Так, в латинском языке ius (jus) – право, справедливое притязание; justiti – справедливость и правосудие; в немецком языке «Gerechtigkeit» (справедливость) – «следование праву»; во французском языке «Legitime» (право) – «справедливость», «законность». В русском языке этимологически слово «справедливость» ближе к слову «правда». Один из первых и важнейших источников (памятников) русского права XI-XIV вв. назывался Русская Правда. Правдами именовались и юридические источники права других государств: Салическая правда франков (V-VI вв. н.э.), Бургундская и Вестготская правды (VI-VII вв. н.э.), англосаксонские правды (VII-начала XI в.: Этельберта, Инэ, Альфреда), Польская правда (XIII в.).

Казалось бы, все очевидно, образ права ассоциируется со справедливостью. Но это только в идеале. В реальности в профессиональном юридическом и массовом общественном сознании под воздействием правовой идеологии (разных типов понимания права) выстраиваются разные символы-образы права, не только отдаляющие его от справедливости, но и искажающие природу, содержание и миссию права в обществе. Ответу на вопрос: «Какой из типов правопонимания формирует адекватный современным условиям образ права и посвящена настоящая статья»? Будут исследованы следующие учения: юридический позитивизм, материалистическая теория, либертарно-юридическая концепции права, интегративное понимание права.

Юридический позитивизм. Приоритет отдается институциональным ценностям (государству, законам, подзаконным актам, нормам). Личности отводятся малозаметные место и роль. Закономерно, что в данном типе понимания права сформировался образ права как строгого, формального, чисто внешнего, ограничивающего свободу, безучастного по отношению к справедливости**,** представляющего «минимум нравственности», обязательно-принудительного явления. Философским основанием смещение акцента на строгость права служит этика И. Канта. Юридическое законодательство (строгое право) «…должно принуждать, а не быть привлекательной приманкой»[2]. Поэтому право и правомочие принуждать одно и то же.

Под воздействием юридического позитивизма в правоведении сложился стереотип о том, что само право и обусловленные им правовые явления должны, в первую очередь, рассматриваться через призму формального, а не содержательного подхода. С формальностью связывается повышение роли и социальной ценности права в обществе, государстве. Для юристов-практиков становится привычно **(**и тем более формально это законно) действовать, соблюдая лишь внешнюю сторону дела, не вникая в его суть. В результате складывается устойчивая психологическая установка на то, что достижение формального соответствия действий и решений юридической норме и есть та цель, тот результат, к которым надо стремиться. Другие цель и результат в сфере правовой действительности считаются абстрактными, почти или вообще недостижимыми. Такой психологический настрой формирует и соответствующее поведение. Правоприменитель обязан устанавливать соответствие закону (пусть и формальное), а не справедливость. Справедливость уходит в тень презумпция позитивизма: «Закон суров, но это закон». И этому есть свое объяснение. «Профессиональный долг судьи, заключается в том, чтобы приводить в действие «волю действия», заложенную в законе, жертвовать собственным правовым чувством во имя высшего авторитета закона. Ему надлежит спрашивать лишь о том, что соответствует закону, и никогда о том, является ли это одновременно и справедливым… Судья служит закону без оглядки на его справедливость»[3].

Право – строится на «внешнем установлении», представляет «внешние нормы», независимые от личных убеждений. Признается лишь необходимость принятия во внимание внутренних побуждений человека при правонарушениях, и особенно при преступлениях. Иное отношение к оценке роли внутреннего при правомерном поведении. Обосновывается безразличие права к мотивам, целям совершения правомерных действий (бездействия). «Для правового регулятора в принципе безразличны все вариации индивидуальных выборов поведения, которые могут быть продиктованы различными причинами, условиями, целями и т.п. Но регулятор не может быть безразличным к тем результатам поведения людей,

[1] См.: Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 25, 30.
[2] Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч.2. С. 126.
[3] Радбрух Густав. Философия права. – Пер. с нем.- М.: Международ. отношения, 2004. С.100.

которые возмущают заданное состояние поля в такой мере, что несут угрозу его порогу. Вот эти критические состояния поля или конфликтные ситуации становятся заботой правовой системы»[1].

Право, прежде всего, сфера ограничений свободы. Так, А.Ф. Черданцев пишет: «Что же касается права как формы, меры свободы, то можно с большим основанием утверждать, что право форма, мера несвободы. Свобода может существовать и без права. Если она нуждается в праве, то только для своего собственного ограничения»[2].

Право - «минимум нравственности». Эту формулу ввел последователь И. Канта философ В.С. Соловьев. считая, что «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в царство божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад»[3]. Схожие оценки дают современные ученые. Вот, одно из таких суждений. «Право есть требование непременного осуществления минимума нравственного содержания…»[4]. Это во многом объясняет сложившееся в общественном сознании убеждение, что мораль важнее права. Ведь мораль выводится из природы человеческого общества, рассматривается в качестве общечеловеческой ценности. Она предполагает свободу выбора поведения, добросовестность и добровольность реализации своих принципов и норм, ориентирует на достижение блага, добра, справедливости, равенства, лежащих в основе интересов отдельного человека и всех людей. Отсюда, подходить по-человечески предназначение морали, а не права.

Право - общеобязательное явление. Такая характеристика связана с тем, что любая норма по содержанию своего предписания есть настоятельное требование неукоснительной ее реализации (использование, соблюдение, исполнение). Отсюда утверждение, что всякая норма несет на себе печать необходимого и должного. «Независимо от словесной формулировки, в которой выражена та или иная правовая норма (правомочие, веление, дозволение, запрет и т.п.), она всегда представляет собой властное общеобязательное предписание государства относительно возможного и должного, разрешаемого и запрещаемого поведения людей»[5]. Согласно такой позиции одинаково должным (общеобязательным) является поведение, установленное посредством прав и обязанностей. Это логично приводит к умалению прав, допустимости отождествления прав и обязанностей, и даже к отрицанию дозволительных норм. По мнению Г.Ф. Шершеневича, требование норм исчерпывается приказами и запретами, а поэтому «дозволительная форма не совместима с повелительным содержанием закона»[6].

Право обеспечивается государственным принуждением. Принудительность является объективным, определяющим и универсальным свойством права. Это внешнее воздействие на поведение, опирающееся на организованную силу государства и направленное на безусловное утверждение государственной воли. Государственное принуждение обусловлено политической природой права, властным характером правовых предписаний, выражается в конкретных правоприменительных актах, требующих неукоснительного подчинения и следования им.

Материалистическая теория. В ней синтезированы отдельные положения из разных течений школы позитивного права (среди которых выделяется нормативное, точнее узконормативное понимание права). Но основополагающими являются идеи марксизма о праве и государстве. Этим и объясняется более жесткий (негативный) образ права. Основные идеи следующие: для человеческой истории возникновение и существование права - это «шаг назад», регресс; право служит средством угнетения одного класса другим, есть «порядок», который узаконивает и упрочивает это угнетение; существует примат государства над правом, поскольку все юридическое имеет политическую природу; у права**,** нет своей собственной истории; всякое право есть право неравенства**,** так как применяется равная мера к неравным индивидам; права человека – это права эгоистического индивида; не существует прав человека независимо от признания их государственной властью и закрепления в законодательстве; после исчезновения частной собственности, классов, государство и право отмирают. Их будущее классики марксизма видели в музее древностей вместе с прялкой и бронзовым топором. Следовательно, марксистская материалистическая теория – это учением об антиправе, ему соответствует негативный образ права.

Либертарно-юридическая концепции права. Автор данной концепции, В.С. Нерсесянц, особо выделяет три существенных свойства права: равенство, свободу, справедливость. Безусловно, это придает, в отличие от освещенных выше учений, гуманистический образ праву. Однако, приведенные свойства рассматриваются через призму принципа формального равенства, который, трактуется В.С. Нерсесянцем, как единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойства (характеристики) права – всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости[7]. К сожалению, о том, что нового привносит

[1] Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М.: Высш. школа, 1972, С. 179;. См. также: Берекашвили Л.Ш. Обеспечение прав человека и законности в деятельности правоохранительных органов: Учеб. пособие. М.: Изд-во «Щит-М», 2000. С.15.

[2] Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права// Журнал российского права 2016, № 10. С..9.

[3] Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск, 2001. С.42.

[4] Черненко А.К. Философия права. Новосибирск, 1998. С. 65.

[5] Байтин М.И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. С.201

[6] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 2. М., 1911. С. 393**.**

[7] См.: Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция// Вопросы философии.2002 № 3. С.4.

конкретно принцип формального равенства, он не уточняет. А значит, идея о праве как всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости в содержательном плане не раскрыта. Это вызывает критику данной концепции. Она, как раз связана, «… с недостаточной проясненностью в рамках данной концепции вопроса о социальном содержании правого принципа формального равенства»[1]. А вот определение права близко к позитивистскому: «… Соответствующая принципу формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью применения мер государственного принуждения»[2].

Схожа с позитивистским взглядом и его оценка соотношения права и морали. «…1) Право и мораль, пишет В.С. Нерсесянц, – принципиально различные социальные явления, нормы, регуляторы; 2) специфическим принципом права (в его различении с законом) является принцип формального равенства; 3) с точки зрения юридического правопонимания, принцип морали есть принцип автономной саморегуляции личностью отношения к себе и к миру, своего поведения; 4) соотношение права и морали – это соотношение разных принципов…»[3].

Следовательно, попытка изменить образ права, придать ему гуманистические черты не привела к желаемому результату.

Интегративное понимание права. Настоящий тип правопонимания закреплен в Конституции РФ (далее – Конституции). При построении теоретической и нормативной модели Основного правового документа страны были использованы концептуальные основы «…базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию права»[4] и положениях юридического позитивизма. Это позволило закрепить в Конституции бинарную природу права: естественное начало (природа личности – ч.2, ст.17) и позитивное начало (политическая природа – ст. 2). Одни из основных разработчиков проекта Конституции, С. С. Алексеев., подчеркнул, что крупные изменения в позитивном праве, выражающие глубокое проникновение в саму его органику возрожденного естественного права, по своей масштабности и, особенно, значению для настоящего и будущего - гигантский сдвиг в правовом прогрессе[5]. Итак, конституционная концепция понимания права имеет отчетливо выраженный интегративный (естественно-позитивный) характер. Как следствие сформировался новый образ права**.** Право предстает как гуманное (человеко-ориентированное), выражающее свободу и справедливость, разумное, ориентированное на внутреннее и внешнее поведение, равнозначное морали, обеспеченное государством и обществом социальное явление. Разберем приведенные характеристики нового образа права.

Человеческое измерение права (человекоориентированность) лейтмотивом проходит через весь текст Конституции. Уже в ее первой статье записано: «…Россия есть…правовое государство…». Определяющими принципами правового государства являются: «Не человек для права, а право для человека»; «не человек для государства, а государство для человека». В соответствии с Конституцией «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст.2); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; «они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст.18).

В Конституции изменен подход к содержанию права не юридические нормы, а закрепленные в них права, свободы и обязанности являются элементами содержания права. Права и свободы личности как всеобщая мера возможного поведения выступают наиболее адекватным и полным юридическим выражением свободы. В современном обществе, государстве свобода объективно не возможна вне права, без права. Свободное состояние личности, есть правовое состояние. Оно носит реальный, а не формальный характер. Право одновременно есть сама свобода, её мера, форма, гарантия. Право, как свобода проявляется в двух аспектах: негативном и позитивном.

В первом (негативном) значении это свобода «от» любой формы личной зависимости, дискриминации, ограничения, ущемления, лишения прав, вмешательства в частную жизнь, принуждения со стороны кого бы то ни было.

Во втором (позитивном) смысле – это свобода (возможность) «для» проявления правовой активности. Юридические правила, содержащие права, свободы не предписывают, не повелевают, не принуждают, а открывают возможности для выбора и инициативного, творческого поведения**.** В правах и свободах нет никакого долга, обязательности. Квинтэссенция свободы в праве выражается в формуле: «Можно делать всё, что правом, законом не запрещено». Обладая свободой (правами) человек сам решает, с кем и в какие отношения ему вступать, или не вступать, по своему усмотрению выбирает вари-

[1] Лапаева В.В. Либертарная концепция права В.С. Нерсесянца (К 70-летию со дня рождения)// Государство и право. 2008, № 10, С. 76.
[2] Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепци. С.8.
[3] Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода//Государство и право 1998. 2 8. С. 116.
[4] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М. 2011. С. 53.
[5] См.: Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. С.612.

анты поведения. Более того, граждане могут своим соглашением установить иной, чем предусмотренный в законе, порядок действий, объем прав и т.д.

Обязанности личности как элемент содержания права - это всеобщая мера должного поведения**.** Они призваны уравновесить, сделать нормальной, т.е. справедливой свободу общения. Свободой (правами и свободами) в том или ином случае человек может не воспользоваться, поступать же несправедливо запрещено. «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч.3, ст. 17 Конституции РФ).

Две группы условий, определяют общую меру справедливости права: условия правового равенства и условия правового неравенства.

Условия правового равенства: признание необходимости одинаковой правосубъектности; равноправие; равная возможность для осуществления прав и свобод; сбалансированность прав и обязанностей; одинаковое применения закона ко всем; использование равных оснований ограничения прав и свобод. Условия правового неравенства (установление неодинаковой величины прав и обязанностей, преимуществ и т.п.). Но это неравенство имеет положительное значение. При сохранении равенства общих возможностей, нормативное закрепление неравенства, позволяет избежать несправедливости в процессе реализации права, воздав каждому в соответствии с его юридическим статусом (общим, специальным, индивидуальным), социально-правовой ролью (предпринимателя, налогоплательщика, собственника и т.д.), заслугами, упущениями, а также другими достойными внимания обстоятельствами. Здесь справедлива неодинаковость в правах и обязанностях**,** их максимальная индивидуализация.

Новый образ утверждает разумный (соответствующий здравому смыслу, вразумительной) подход к праву. Это позволяет признать ошибочной презумпцию позитивизма: «Закон закрепляет только то, что является правом». По сути данная презумпция запрещает субъектам ставить по сомнение действующий, хотя и ущербный закон На самом деле согласно Конституции, не каждый закон можно считать правовым. Признание наличия не правовых законов - компетенция Конституционного Суда РФ. Обратится в Конституционный Суд РФ по поводу проверки соответствия Конституции норм закона вправе с жалобой граждане, если они считают, что права их нарушены. С запросом В Конституционный Суд РФ при рассмотрении дела может обратится суд любой инстанции, придя к выводу о несоответствии закона Конституции .

Право воздействует на внутреннее и внешнее поведение. Не иначе как заблуждением следует признать суждение о праве, как преимущественно внешнем регуляторе (ограничение, запрещение, контроль) действий (бездействий) людей. Неточно мнение и о безразличии права к тому какими интересами, мотивами будет руководствоваться человек, главное, чтобы его поведение по своим результатам было формально правомерным (законным). Здесь не учитывается, что в праве наряду с обязательным существует дозволительное правовое регулирование. Нормативной основой дозволительного правового регулирования являются управомочивающие правила поведения (нормативные правовые обобщения и управомочивающие нормы права). Данные правила содержат права и свободы. Они не есть жесткий императив, приказ к подчинению, не ограничивают действий (бездействий), а побуждают субъектов к правомерному поведению посредством достаточно мягких формулировок «вправе», «может». Их реализация непосредственно зависит от признания и принятия её субъектом. а, следовательно, от его развитого внутреннего правового настроя. Поэтому право обращены к добросовестности человека, настраивают его вести себя разумно и активно правомерно. «Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются» (ч.5, ст.10 ГК РФ).

При обязательном правовом регулировании добросовестность также необходима. «При… при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» (ч.3, ст. 1 ГК РФ). Вместе с тем, за не соблюдение, не исполнение обязанностей предусмотрено внешнее воздействие - принуждение.

Право разнозначное морали явление. Конституция, закрепляя личностную природу права, провозглашая человека, его права высшей ценностью создает нормативную и теоретическую платформу для сближения (но не устранения различия) права и морали, выстраивает условия для углубления их взаимодополнительности. Под углом зрения человеческого измерения право и мораль выступают как однонаправленные, равнозначные имеющие общие цели регуляторы поведения. Данное обстоятельство позволяет констатировать факт, что Конституция не только юридический, но нравственный (в той мере, в какой затрагиваются права, свободы и обязанности людей) документ. Защита нравственности отнесена к числу основных приоритетов главного правового документа государства (ч.3. ст. 55). Существенные изменения во взаимодействии двух мегарегуляторов (права и морали), произошедшие под влиянием Конституции позволяют преодолеть нежелательные последствия действия формулы «право минимум нравственности». Решать по-человечески, справедливо разумно, проявляя, уважение к достоинству личности, неравнодушие к ее физическому и (или) нравственному страданию, не только предназначение морали, но и права.

Формируемый Конституцией образ права предполагает внесение уточнений в устоявшееся в качестве всеобщего положения «Право обеспечивается государственным принуждением». Обеспечение права – многоаспектная проблема. Она не ограничена рамками государственно-принудительного воз-

действия, не должна отождествляться с ним. Принуждать к использованию прав недопустимо. Права и свободы как общая мера возможного поведения обеспечиваются, в первую очередь, мерами позитивного воздействия (льготы, правовое поощрение, правовое воспитание и т.п.). Применение мер юридического принуждения допустимо в качестве средств охраны и защиты прав и свобод. Меры государственного правового принуждения применяется к обязанным лицам за уклонение от осуществления обязанностей, за правонарушения.

В заключении хотелось бы сказать следующее. Образ-символ права самостоятельный термин в понятийном аппарате теории права и государства. Такой образ дает эмоционально-предметную характеристику права, раскрывает отношение к нему людей, место и роль в обществе, государстве. Утвердившийся под влиянием жесткого позитивизма в правоведении, да во всех гуманитарных науках взгляд на право, как только должное, формальное, реализуемое под внешним принуждением, обращенное к несовершенству человека явление формирует малоприятный, имеющий ограниченное применение образ права. Ситуация полностью изменилась после принятия Конституции РФ. В ней закреплено не только новое понимание права, но его новый образ. Право (права и свободы) провозглашены высшей ценностью. Это позволяет более полно раскрыть и задействовать огромный аксиологический потенциал права как достижения цивилизации и культуры, мегарегулятора.

КОРПУС ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ С УЧЕНОЙ СТЕПЕНЬЮ КАНДИДАТА НАУК И ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Аврамцев Владимир Владимирович

кандидат психологических наук, доцент, советник директора Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, профессор кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

Avramtsev Vladimir Vladimirovich

PhD in psychology, associate Professor, advisor to the Director of the Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of RANEPA, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vvavr@mail.ru

Коннов Иван Александрович

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС

Konnov Ivan Alexandrovich

PhD in psychology, associate Professor, associate Professor of the Department of Legal Support of National Security of the Nizhny Novgorod Institute of Management - Branch of RANEPA

E-mail: konnov-ia@mail.ru

Правовые символы и традиционные российские духовно-нравственные ценности

Legal symbols and traditional russian spiritual and moral values

Аннотация. В статье анализируется феномен традиционных российских духовно-нравственных ценностей, как правовых символов в широком смысле, раскрывается их сущность, содержание и влияние на формирование политики государства. Отмечается, что регулирование правовых отношений в сфере защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей требуют первостепенного внимания со стороны теоретической юриспруденции к вопросу определения понятийного содержания ценностей.

Авторами раскрывается смысл духовно-нравственных ценностей, сформулированы выводы о том, что правовая регламентация традиционных духовно-нравственных ценностей является значимым движением по пути официального формирования государственной идеологии Российской Федерации, которая создается на основе духовно-нравственных ценностей, поскольку они находились в основании развития системы российской государственности в течение всего времени развития российской истории.

Ключевые слова: правовые символы, российские духовно-нравственные ценности, законодательство, национальная безопасность, идеология, государственная политика

Annotation. This article delves into the concept of traditional Russian spiritual and moral values as legal symbols in a comprehensive sense, exploring their essence and impact on the shaping of public policy. It is emphasized that legal relations concerning the protection of these values demand the utmost attention from legal scholars, particularly in terms of defining their conceptual content.

The authors elucidate the significance of spiritual and moral values and conclude that the legal regulation of these values represents a crucial step towards formalizing the state ideology of the Russian Federation. This ideology

is founded upon spiritual and moral principles that have served as the bedrock for the development of Russian statehood throughout history.

Keywords: legal symbols, Russian spiritual and moral values, legislation, national security, ideology, state policy

Для цитирования: Аврамцев В. В., Коннов И. А. Правовые символы и традиционные российские духовно-нравственные ценности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 250–259.

Символы и ценности - понятия, которые связаны с социокультурной ситуацией, сложившейся в обществе и с самой культурой. Данные явления отражают разные аспекты культурного опыта.

Символ может быть определен как знак, который обозначает какой-либо предмет, понятие, идею или другой объект. Таким образом, символы — это элементы, которые объединяют людей, в разных сферах: в культуре, политике, профессиональной деятельности. Такое положение дел связано с тем, что символы создают общие смыслы, которые коллективно воспринимаются всеми членами группы, и помогают людям осознавать себя как часть чего-то большего.

Ценности - это присущие той или иной культуре представления о том, к чему следует стремиться. В неолиберальном контексте - это успех, богатство, слава, неограниченная свобода и др. В традиционном контексте - это семья, любовь, святость, справедливость и др. Ценности - это духовные ориентиры, задающие общую стратегию поведения человека в обществе.

В узком смысле, правовой символ рассматривается как символ, установленный или санкционированный действующим законодательством. Такие правовые символы могут также носить название нормативных или законодательных символов, и именно они, как правило, подразумеваются в классических определениях[1].

Дефиниция «правовой символ» в широком смысле объединяет все символы, которые выступают частью правовой культуры данного общества и интегрированы в его правовую систему[2]. К таким символам относятся как символы, которые закреплены в нормативных правовых актах, так и те, которые не требуют подобного закрепления, но в социальном контексте воспринимаются большинством населения в качестве элементов юридико-правовой действительности, так как символизируют в общественном правосознании определенные юридические ценности (например, щит и меч как символы борьбы с преступностью, образ Фемиды как символ справедливости и правосудия). В данном контексте можно рассматривать ценности, как правовые символы в широком смысле.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности - это приоритеты, цели, ориентиры, которые перечислены в качестве таковых в Конституции Российской Федерации[3] и в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее - Основы)[4].

Анализ Основного Закона Российской Федерации показывает, что большая часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей (11 из 17) упоминается в Конституции России, то есть имеет нормативное закрепление. Так, жизнь упоминается в статьях 20 и 7; в пункте 1 статьи 21 упоминается достоинство; О крепкой семье говорится в статьях 38 и 72; созидательный труд упомянут в статье 37; справедливость фигурирует в статье 75; права и свободы человека упоминаются в преамбуле, а в главе 2 они рассматриваются в статьях с 17 по 64; суть гражданственности раскрывается в статье 32 и ч.4 статьи 67.1, которая упоминает гражданственность в контексте воспитания в детях этого качества.; О воспитании патриотизма говорится в статье 67.1, также патриотизм упоминается в преамбуле; служение Отечеству и ответственность за его судьбу обозначено в преамбуле и статье 59; историческая память и преемственность поколений упомянуты в ч. 1, 2 и 3 статьи 67.1; О единстве народов России говорится, как в преамбуле так, и в статье 3.

Указом Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 г. утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Этот нормативный правовой акт является документом стратегического планирования, о чем прямо сказано в п. 1 Основ. Данное обстоятельство, с позиций теории права, свидетельствует о том, что Основы, с одной стороны, не создают непосредственно права и обязанности в формально-юридическом

[1] Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. с. 163.

[2] Давыдова М.Л. Классификация правовых символов, Волгоградский государственный университет. Актуальные проблемы российского права: Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) Номер: 4 (9) 2008. с. 4-10.

[3] Конституция Российской Федерации (с изменениями от 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[4] Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 09.11.2022.

смысле. Вместе с тем,с другой стороны, они предопределяют те установки, в том числе политические, которые должны обязательно учитываться при принятии управленческих решений в органах власти всех уровней, а также в организациях.

Как справедливо отмечают некоторые авторы[1] в течении достаточно длительного периода нашей новейшей истории, практически до 2000 года не наблюдалось заметных действий по проведению последовательной политики поддержки традиционных российских духовно нравственных ценностей. В этот период существования нашей страны отсутствие внимания к традиционным ценностям в некоторых кругах общества стало, практически, нормой жизни. Радикальные проявления феминизма, изменение пола, однополые отношения и другие формы перверзий стали считаться допустимыми. К сожалению, за это время примеров отступления от традиционных ценностей накопилось множество. Именно поэтому в настоящее время государство и общество должны куда более настойчиво внедрять традиционные ценности,, поддерживать, развивать и даже насаждать, в первую очередь, правовыми средствами и методами.

Это тем более актуально, что Запад через украинские ЦИПСО активно внедряет в сознание нашей молодежи деструктивную идеологию. Одним из проектов информационно-психологической войны Запада является стимулирование внутреннего терроризма путем поддержки любых деструктивных движений и течений, включая запрещенные в России террористические организации "М.К.У." и "Колумбайн". В настоящее время нормативно определены те субъекты, представители коллективного Запада, которые навязывают окружающим, в том числе населению России деструктивные идеологические установки, противоречащие традиционным ценностям. Данные субъекты включены в Перечнь иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям[2]. Надо понимать, что здесь имеется в виду не население этих государств и даже не все государство. А истеблишмент, элита, исповедующая деструктивную идеологию. Как заявил Президент России Владимир Путин[3]: У Российской Федерации нет недружественных стран, но есть недружественные власти в некоторых государствах. "У нас нет недружественных стран", отметил глава государства на встрече с работниками атомной отрасли. У страны есть недружественные элиты в некоторых государствах, подчеркнул Путин.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что деструктивные неолиберальные идеологические установки являются элементом чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, которая определена, как деструктивная идеология. Перечень субъектов деструктивной идеологии приводится в п.13 Основ[4], где перечислены те, кто представляет угрозу традиционным ценностям. К ним относятся Соединенные Штаты Америки и другие недружественные иностранные государства, некоторые транснациональные корпорации и иностранные некоммерческие организации. Также угрозу представляет деятельность отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций и некоторых организаций и лиц на территории России. В этом же ряду отмечены и террористические и экстремистские организации.

Деструктивная идеология включает в себя культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности. Это одна из ее характерных особенностей. Технологически это выглядит следующим образом. Берется нормальная демократическая ценность, идея или свойство личности и доводится до крайних форм, которые принимают порой абсурдные, извращенные выражения. Например, каждый человек отличается мировоззрением, ценностями и поведенческими особенностями. Некоторые люди являются приверженцами индивидуализма. Индивидуализм подразумевает защиту собственного мировоззрения, но при этом не затрагиваются и уважаются чувства окружающих. Деструктивная идеология, культивируя индивидуализм, доводит его до крайних форм выражения, которые трансформируются сначала в эгоизм, а затем и в мизантропию. Свободу деструктивная идеология трансформирует во вседозволенность через насаждение негативной свободы, то есть «свободы от…». А толерантность превращается в диктат меньшинства, что в частности приводит к пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений и культивирует безнравственность.

---

[1] Кропачев Н. М., В. В. Архипов. «Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты». Вестник Санкт-Петербургского университета. 2023. Том 14. Вып.2 Право. с. 294-306.

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2024 г. № 2560-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 20.09.2024

[3] Путин: у России нет недружественных стран // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/24852705 (дата обращения 28.09.2025).

[4] Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 09.11.2022.

Исходя из анализа положений Основ, а также, изучая феномен деструктивной идеологии, транслирующей деструктивные неолиберальные идеологические установки, мы полагаем, что этому явлению присущи следующие характеристики.

1. Деструктивная идеология, как система деструктивных идей и ценностей активно и агрессивно ориентирована на дискредитацию, противопоставление и подмену традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

2. Роль и значение ведущих идей и ценностей деструктивной идеологии существенно преувеличены и возведены в культ. Безусловное следование им представляются как обязательное условие для достижения успеха, славы, богатства и власти.

3. Ценности деструктивной идеологии маскируются под традиционные демократические идеи, хотя на самом деле являются их искаженными, крайними формами или извращенными вариантами.

4. Представители деструктивных течений отводят себе особую роль (особая каста или даже раса, причисление себя к божествам и избранным), всех остальных, они относят к людям низшего сорта, «терпилам», биологическому мусору.

5. Деструктивная идеология в конечном счете приводит к насилию, смерти или вырождению.

Таким образом, деструктивная идеология - это идеология, ведущая к смерти или вырождению. Она основана на культивировании эгоизма, вседозволенности и безнравственности. Идеологии смерти и вырождения мы должны противопоставить идеологию жизни, развития и восхождения человека к духовным вершинам, основанную на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

В Основах, утвержденных Указом Президента Российской Федерации содержится официальное, нормативное определение традиционных ценностей: «Традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»[1]. Здесь законодатель однозначно и категорически указывает на важность и значимость традиционных ценностей для народа России.

В целях разностороннего осмысления, анализа и понимания сущностных смыслов, значимости возрождения, сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей рассмотрим каждую из них по определенной схеме. Мы позволим себе включить в эту схему элемент для обучаемых. Это фрагмент учебных материалов, подготовленных для патриотического воспитания юных динамовцев[2]. Это определение традиционных российских духовно-нравственных ценностей в стихах. Данный элемент не является вполне аналитическим, но служит яркой иллюстрацией смысла ценностей и позволяет их легче понимать и усваивать подрастающему поколению. Итак, наша схема будет выглядеть следующим образом.

А) Общее определение ценности (краткая дефиниция);

Б) Стихотворный вариант определения ценности;

В) Правовые основы ценностей (в каких нормативных правовых актах упоминаются);

Г) Степень противодействия деструктивной идеологии (каким деструктивным неолиберальным идеологическим идеям и установкам противостоит каждая из ценностей).

1. Жизнь.

А) Человеческая жизнь является высшей и абсолютной ценностью, жизнь уникальна и неповторима. Это неотъемлемое право гражданина, которое находится под охраной и защитой государства. С религиозной точки зрения – это божественный дар человеку. Ценность жизни обусловлена смыслами человека. Обстоятельства и намеренные действия, которые направляют человека к моральному разложению (безнравственность) и физическому исчезновению (суицид, вырождение) ведет к деградации и вымиранию и направленно против жизни.

Б) Жизнь- это главное чудо на свете,
Это известно и взрослым и детям.
Помни всегда и другим расскажи:
Каждый имеет право на жизнь

В) Конституция РФ, Статья 20: «Каждый имеет право на жизнь». Статья 7: п.1. «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Г) Приоритет эгоистического поведения, неограниченное стремление к свободе личности за счет ущемления интересов социума в пользу индивида и его деструктивной группы (от идей пропагандирую-

[1] Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 09.11.2022

[2] В. Аврамцев. Мы – Динамо, руководитель проекта, автор идеи: А.Н. Гулевский, издатель: общество «Динамо», 2025, часть 2, С.57-106.

щих нетрадиционные сексуальные отношения, педофилию, смену пола, отрицание естественного продолжения жизни до различных форм мизантропии, а также обесценивания собственной жизни и стремления к смерти)

2. Достоинство

А) Достоинство - внутренняя уверенность в собственной ценности, как человека и личности, чувство самоуважения, проявляющееся в сопротивлении всяким попыткам посягнуть на свою индивидуальность и независимость. Обладать достоинством — значит вести себя гуманно и справедливо по отношению к другим людям, признавать их достоинства и ценности.

Б) Достоинство личности ты береги,
Всегда уважай и себя и других.
Россия своими людьми дорожит,
Для всех обеспечит достойную жизнь.

В) Конституция РФ, Статья 21: п.1. «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».

Г) Внедрение антиобщественных стереотипов поведения и противоестественных ролевых моделей, унижающих и отменяющих достоинство личности. Отрицание естественной (полученной при рождении) гендерной принадлежности; замена человеческого образа жизни на образ жизни животного.

3. Крепкая семья

А) Семья – фундаментальная ценность, определяющая жизнь человека на земле. Это добровольный союз мужчины и женщины, в основе которого лежит сакральное чувство любви. В семье формируется опыт созидательной деятельности друг для друга, а также воспроизводства, воспитания и обучения детей, их дальнейшей занятости и развития.

Б) Семья для России надежный оплот,
Чем крепче семья, тем сплоченней народ.
Семья-это счастье для всех на планете,
Семья-это чудо великое – дети.

В) Конституция РФ, Статья 38: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». П.п. ж п.1 статьи 72: В совместном ведении РФ и субъектов РФ находятся защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях.

Г) Отрицание естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности; разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

4. Созидательный труд

А) Созидательный труд – осмысленная, целенаправленная и продуктивная деятельность человека по созданию (производству) материальных и духовных ценностей (вещей, товаров, услуг, произведений науки и искусства), которые способны удовлетворять насущные человеческие потребности.

Б) В нашей стране уважают и чтут
Творческий и созидательный труд.
Всем надо знать и все помнить должны -
Труд главный источник богатства страны.

В) Конституция РФ, Статья 37 «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию»

Г) Отрицание идеи созидательного труда; отказ от участия в коллективном труде, крайний индивидуализм, эгоизм, стремление к разрыву социальных связей, пропаганда социального иждивенчества и ведущего к разложению личности девиантного поведения.

5. Справедливость

А) Справедливость – это соответствие деяния и воздаяния, труда и вознаграждения, нарушения закона и наказания. Это всеобщее равенство перед законом, которое воспринимается обществом, как политическое и социальное равноправие,

Б) В России для всех справедливость важна,
Все по местам расставляет она.
Она для закона стальное ядро.
Вместе с ней честность и вера в добро.

В) Конституция РФ, Преамбула: «…чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Конституция ст. 19 «все равны перед законом и судом», ст.75: «В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений».

Г) Справедливость рассматривается в контексте социальной дифференциации, которая является результатом рыночных отношений и, в первую очередь, конкуренции. Таким образом приоритет отдается частному интересу, конкуренции и правам собственности, а не принципам социальной справедливости. Конкуренция как механизм «естественного отбора» устанавливает и мерило справедливости.

6. Права и свободы человека

А) Права и свободы человека - это права, принадлежащие людям вне зависимости от наличия или отсутствия у них гражданства. Они, соответственно, обеспечивают свободу и безопасность личности. Основные права и свободы являются неотчуждаемыми и принадлежат каждому человеку от рождения.

Б) Для граждан России- великой страны
Права и свободы с рожденья даны.
Право на отдых и право на труд
Всем гарантируют и берегут.

В) Конституция РФ Статья 2 главы 1: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства». В главе 2 с 17 по 64 статьи рассматриваются права и свободы человека и гражданина.

Г) Уделяется особое внимание индивидуальным правам и свободам, делается акцент на личной автономии и возможности каждого человека самостоятельно организовывать свою жизнь. При этом максимально отрицается ценность и роль в общественной жизни государства и возможности его управленческого воздействия, что ведет к отрицанию существования общенациональной системы ценностей, в т. ч. прав и свобод человека в государственном понимании. Интерпретация прав и свобод человека происходит через культивирование эгоизма, вседозволенности и безнравственности с акцентом на права (или псевдоправа) без обязанностей.

7. Гражданственность

А) Гражданственность – это осознанное и добровольное участие гражданина в процессах управления государством посредством данных ему прав и свобод.

Б) Гражданственность это для взрослых права,
Важны здесь дела, а не просто слова.
Как только достигнешь ты взрослой черты -
В делах государства участвуешь ты

В) Конституция РФ, Статья 32: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей»

Г) Деструктивная идеология содержит в себе систему взглядов отвергающую государство и все виды взаимодействия с ним. Это означает оппозицию государству с опорой на нигилистическое отвержение как законов, так и российских традиционных ценностей. В таком контексте, гражданственность, связанная с активной позицией и заботой об общественных благах, теряет свою политическую значимость. Область гражданской активности формулируется в экономических терминах, и человек начинает действовать по принципам рынка.

8. Патриотизм

А) Патриотизм - это любовь к своей Родине, к своему народу, преданность Отечеству. Патриотизм - это отношение к Родине, которое выражается в готовности служить ей и защищать от врагов. Патриотизм - это высшая форма проявления гражданственности.

Б) Без патриотизма страна слаба,
Народ ее легко превратить в раба.
Быть патриотом и Родину любить
Значит настоящим гражданином быть.

В) Конституция РФ, Ч. 4. Ст. 67. п.1: Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Г) Отрицание идеалов патриотизма, борьба со своей страной как таковой, а не за меры по её усовершенствованию. Критиканское отношение к истории и культуре своей страны, к её роли в мире, к политическим элитам и их позициям. Убеждённость в том, что своя страна не может быть хорошей.

9. Служение Отечеству и ответственность за его судьбу

Служение Отечеству и ответственность за его судьбу - это практическое проявление патриотизма, действенный акт любви, преданности и верности своей стране, ее народу и интересам. Под служением Отечеству мы понимаем не только причастность к государственной службе и, в первую очередь, к ее военной составляющей, но и социальную гражданскую активность, участие в различных сферах общественной жизни и работу на благо своей страны.

Б) Служить Отечеству – обязанность святая!
Долг отдаем мы, предков почитая.
Нет выше чести, чем Отчизну защищать,
От всякой нечисти Россию защищать.

В) Конституция РФ, Преамбула: «…стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями». Статья 59: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации»

Г) Отрицание идеалов служения Отечеству; подрыв доверия к институтам государства, в особенности к правоохранительным органам и к системе образования, формирование негативного отношения к воинской службе и государственной деятельности в целом.

10. Историческая память и преемственность поколений

А) Историческая память и преемственность поколений – это бережное сохранение в памяти ныне живущих людей наиболее выдающихся и важных исторических событий, а также основ и смыслов традиционной отечественной культуры, которые раскрывают историческую сущность и предназначение существования многонационального народа России и передают традиции с целью сохранения преемственности настоящих и будущих поколений.

Б) Нет крепче для страны к единству устремлений,
Чем память и преемственность поколений.
Пока мы предков чтим и о победах помним славных,
Мы не уроним героических знамен державных!

В) Конституция РФ, Статья 67.1

1. Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также … за пределами территории Российской Федерации.

2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается.

Г) Отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру. Истории России, ее достижениям, отказывают в праве не только существовать в настоящем, но и вычеркивают из прошлого, фальсифицируют исторические факты, принижают достижения. Обвиняют Россию в том, что это она — угроза стабильности и разрушитель миропорядка, основанного на мифических (западных) правилах.

11. Единство народов Росси

А) Единство народов Росси - Народы России составляют органичное единое целое, несмотря на все этническое, культурное, языковое и конфессиональное разнообразие.

Б) Единство народов России –
В нем наша и мудрость и сила!
Под небом Отчизны родной
Мы связаны общей судьбой.

В) Конституция РФ, Преамбула: «Мы многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле,… исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов,…». Статья 3. п. 1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

Г) Дестабилизация межнационального единства России, разжигание межконфессиональной розни, сепаратистских настроений, поощрение и провоцирование разнообразных радикальных экстремистских и террористических движений, выступающих против нашей страны.

12. Высокие нравственные идеалы

А) Высокие нравственные идеалы - это система духовно-нравственных ценностей, направляющих человека к достижению высшего, идеального образа высоко морального человека путем личностного саморазвития и самосовершенствования. Стремление к идеалу подразумевает определенные ступени (этапы) достижений на вершине которых: Честь, Героизм и Святость.

Б) Героев в России всегда почитали,
Равнялись, мечтали, как об идеале.
Чем дольше твой путь к идеальным мечтам,
Тем лучше и чище становишься сам!

В) В Конституции РФ содержится упоминание о необходимости сохранять «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» - ч.2 статьи 67.1. Кроме этого, существует понятие Конституционного идеала — это закрепление ключевых целей и ценностей, обеспечение которых составляет сущность Конституции. К таким ценностям относятся: свобода, права человека, демократия, равноправие, гражданский мир, безопасность, суверенная государственность, правосудие, верховенство права, государственное единство, разделение властей, парламентаризм и другие.

Г) Возведение в культ, преувеличение роли и значения разрушительно-агрессивных, в том числе саморазрушительных ценностей и идеалов, представление их как особые характеристики, претендующие на избранность, причастность к «высшим» группам и кастам (от принадлежности к псевдорелигиозной или гендерной ориентации, к расе или нации до причисления себя к божествам).

13. Приоритет духовного над материальным

А) Приоритет духовного над материальным – это фундаментальная, исторически обусловленная, ценность для всех представителей многонационального народа России. Она является фундаментом построения российского общества и государства. Выбор духовного вместо материального – это обращение

к главной основе России, которая образует и скрепляет государство. Это обращение к истокам российской культуры – «невозможно душу в золото одеть».

Б) Духовность в России всегда выше денег:
На совесть и честь не приделаешь ценник!
Искренность, мужество, верность, забота
Настежь откроют к счастью ворота!

В) Часть 2 статьи 67.1 Конституции РФ определяет, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Таким образом, государственное единство нашей страны признается на основе тысячелетней истории, памяти предков, их идеалов и веры в Бога, то есть явлений сугубо духовных.

Правовым аргументом приоритета духовности могут служить и положения Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Так, в статье 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» гражданские права могут быть ограничены, в том числе, и в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, т.е. по сути традиционных духовно-нравственных ценностей.

Г) Деструктивная идеология культивирует приоритет индивидуально-материальных устремлений индивида, эгоистического поведения в социуме в ущерб остальным. Высшей ценностью является крайний индивидуализм, переходящий в эгоизм, с фиксацией на удовлетворении материальных потребностей, пропагандируется потребительское отношение к окружающему миру, неограниченное стремление к свободе личности и ущемление общественных интересов в пользу материальных интересов индивида.

14. Гуманизм

А) Гуманизм определяет наивысшей ценностью человеческую жизнь, и полагает, что все доступные ресурсы должны быть направлены на сохранение и улучшение качества жизни человека. Термин «гуманизм» имеет латинское происхождение от слова humanitas, что переводится как «человечность».

Б) В гуманизме все люди это высшая ценность:
В этом смысл гуманизма, его неизменность.
Человек – наша гордость! В России всегда
Были в почете люди труда.

В) Принцип гуманизма в Конституции Российской Федерации означает заботу о человеке, всемерном развитии его духовных и физических качеств, улучшении материальных условий жизни. Статья 2: «…человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства». Часть 2 статьи 21: «…никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Глава 2 «Права и свободы человека и гражданина». В ней перечислены основополагающие права и свободы человека и гражданина, а также гарантии их осуществления.

В) Трансгуманизм в деструктивной идеологии противопоставляется гуманизму и, в конечном счете, уводит от позиции сохранения и улучшения качества жизни каждого человека всеми имеющимися ресурсами. На это получают право лишь те, кто по законам рынка способен материально обеспечить такие улучшения. Вместо этого, трансгуманизм подводит человечество к созданию принципиально нового подвида «усовершенствованного» Homo sapiens с ограниченным самосознанием, управляемым размножением и дешёвым питанием, так называемого, «служебного человека»[1], Его формирование осуществляется через «абсолютизацию свободы личности", которая приводит к уничтожению суверенных государств, и "внедрение в массовое сознание представлений, противоречащих естественным", а именно семей без детей и ценностей ЛГБТ.

15. Милосердие

А) Милосердие проявляется, как индивидуально-личностное качество человека, которое состоит в искреннем желании и готовности бескорыстно, из чувства любви и сострадания к ближнему оказать помощь и тем сотворить добро.

Б) Милосердие – это уменье прощать,
Понимать, бескорыстно все сердце отдать.
Милосердие – дар, несомненно, большой!
Мы в России его понимаем душой!

В) В статье 21 Конституции РФ, как мы уже отмечали, закреплён принцип гуманизма, в том числе милосердное отношение к отдельной личности. «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

[1] Служебные люди Михаила Ковальчука. Выступление перед членами Совета Федерации России 30 сентября 2015 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vechnayamolodost.ru/articles/zdorovyy-skepsis/sllmk99/ (дата обращения 28.09.2025).

Г) Неолиберальные установки определяют, что свободный рынок и неограниченная конкуренция являются основным средством обеспечения прогресса и достижения социальной справедливости. Деструктивная идеология проповедует идеи, призывающие к, равнодушию, жестокосердию, злонамеренности, социальному эгоизму. С позиций неолиберализма милосердие может считаться преступным. На рассмотрении властей Норвегии находится законопроект[1], согласно которому любой человек, предоставляющий бездомным и попрошайкам кров, деньги на проезд, одежду, еду или другую материальную помощь, может быть приговорён к году тюремного заключения.

16. Коллективизм

А) Коллективизм - принцип общественного устройства, который направлен на организацию и объединение людей для достижения значимых целей, при этом, интересы общества признаются более важными, чем интересы отдельной личности.

Б) Когда мы говорим «коллективизм»,
То «Дело общее» - такой у нас девиз!
Без страха все опасности встречай:
Сам погибай, а друга выручай!

В) Нормативно-правовым основанием коллективизма может служить отсылка к Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом, утвержденной Указом Президента РФ от 05.09.2022 № 611[2] (далее - Концепция), где коллективизм рассматривается как особенность российского менталитета: «Российскому менталитету присущи взаимопомощь, коллективизм, вера в добро и справедливость» (статья 19). В статье 105 Концепции говорится, что «Российское государство создавалось как единение народов. Благодаря многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию на исторической территории Российского государства сформировалось уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов, приверженных единым принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм»[3].

Г) Неолиберализм противопоставляет коллективизму идеологию индивидуальной свободы, важной составляющей которой было абсолютизация права частной собственности. Деструктивная идеология занимается культивированием эгоизма, вседозволенности, безнравственности, что приводит к трансформации индивидуализма, который предполагает приоритет интересов любого индивидуума над общественными в эгоизм. Эгоизм в свою очередь пропагандирует безусловный приоритет своих личных интересов над интересами любых других людей.

17. Взаимопомощь и взаимоуважение

А) Взаимопомощь и взаимоуважение - это не просто важные общественные ценности, а основа на которой человек может выстраивать позитивные отношения с другими людьми. Это особый тип человеческих отношений, который основан на потребности человека помогать своему ближнему. В таких отношениях проявляется человеколюбие, формиркется взаимное доверие и чувство благодарности.

Б) Помни, что в мире ты не один,
Вежливым будь, проявляй терпение.
Будь готов помогать другим
И проявлять уважение.

В) Статья 38 Конституции РФ: - «Материнство, детство и семья находятся под защитой государства. При этом закрепляются следующие принципы: забота о детях и их воспитание — равное право и обязанность родителей; трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях». Так же, статья 75.1 Конституции говорит о том, что в России создаются условия для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда. Таким образом, Конституция РФ закрепляет принципы, которые подразумевают взаимопомощь и уважение в семейных отношениях. Об этом же говорит и статья 31 Семейного кодекса Российской Федерации («Равенство супругов в семье»). В ней закреплён принцип, согласно которому супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей.

Взаимопомощь и взаимное уважение между людьми должны проявляться в повседневной жизни, в общении. Особую роль они играют в совместном труде и решении социально значимых задач. Например, достижение взаимоуважения и взаимопомощи между полицией и гражданами создает обстановку, при которой эффективнее будут решаться задачи общественной безопасности в государстве.

Г) Неолиберальные установки деструктивной идеологии абсолютизируют свободу действий по принципу «каждый сам за себя», то есть государство отказывается от защиты граждан. Восхваляется общество тотальной конкуренции, отсутствия социального обеспечения и гарантий на труд. Каждый про-

[1] В Норвегии за помощь бездомным будут сажать в тюрьму https://russian.rt.com/article/72315
[2] Указ Президента РФ от 05.09.2022 N 611 "Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом" // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 05.09.2022
[3] Там же.

возглашается свободным, а по сути является брошенным государством. Здесь отрицается общественное благо и абсолютизируется индивидуальное, а эгоистичное стремление к личному благосостоянию рассматривает в качестве залога развития всех граждан.

Проведенный анализ позволяет с достаточной определенностью сказать, что правовая регламентация традиционных духовно-нравственных ценностей является значимым движением по пути официального признания государственной идеологии Российской Федерации, основа которой формировалась веками, и духовно-нравственные ценности всегда были в системе основ развития российской государственности. Несмотря на конституционный запрет в России государственной идеологии, она в рамах традиционных духовно-нравственных ценностей является неразрывной частью государственной политики. В современной Конституции Российской Федерации[1], в Указе Президента России от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[2] и в ряде других нормативных правовых актах отражается идеологическая составляющая. Поэтому идеологическое многообразие, отмеченное в статье 13 Конституции Российской Федерации, не может отменять или запрещать идеологию, которая опирается на стержневые для российского общества традиционные духовно-нравственные ценности, и в последствии, может стать основой государственной идеологии.

[1] Конституция Российской Федерации (с изменениями от 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 09.11.2022.

Александрина Наталья Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нижегородской академии МВД России

Alexandrina Natalia Mikhailovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: aleksandrinan.m@gmail.com

Грешнова Галина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Нижегородского института управления – филиал РАНХиГС

Greshnova Galina Vladimirovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: galina.q2014q@yandex.ru

Символика в правоприменительной деятельности

Symbols in Law Enforcement Activities

Аннотация. В статье акцентируется внимание на том, что категория символ в правовой науке отражает процесс научного осмысления действительности и приобретает особую актуальность в связи с тем, что государство выражает свои властные веления непосредственно через символы в праве. Актуальность изучения вопроса о символах, безусловно, обусловлена потребностями юридической практики. Символика в правоприменительной деятельности является средством формализации правовой информации, носит ярко-выраженное прикладное значение и существенный эвристический потенциал, т.к. позволяет ориентироваться во всем многообразии символов, учитывать общие характеристики и закономерные связи между ними. В статье символ рассматривается как одна из форм реализации превентивного воздействия государственного принуждения, а предложенные изменения ст.17.12 КоАП РФ, по мнению авторов, выступят дополнительной гарантией значимости такого символа в праве как форменная одежда со знаками различия правоохранительных или контролирующих органов, будут способствовать снижению количества правонарушений, совершенных против порядка управления.

Ключевые слова: символ, категория, правоприменительная деятельность, форменная одежда, государственное принуждение, правонарушение

Annotation. The article focuses on the fact that the category of symbol in legal science reflects the process of scientific understanding of reality and becomes particularly relevant due to the fact that the state expresses its authoritative commands directly through symbols in law. The relevance of studying the issue of symbols is undoubtedly due to the needs of legal practice. Symbolism in law enforcement is a means of formalizing legal information, has a pronounced applied significance, and has a significant heuristic potential, as it allows for orientation in the diversity of symbols, taking into account their common characteristics and regular connections. In the article, the symbol is considered as one of the forms of implementation of the preventive impact of state coercion, and the proposed changes to Article 17.12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, according to the authors, will serve as an additional guarantee of the significance of such a symbol in law as uniform clothing with insignia of law enforcement or regulatory agencies.

Keywords: symbol, category, law enforcement, uniform, state coercion, and offense

Для цитирования: Александрина Н. М., Грешнова Г. В. Символика в правоприменительной деятельности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 260–262.

Категория символ в правовой науке отражает процесс научного осмысления действительности и приобретает особую актуальность в связи с тем, что государство выражает свои властные веления непосредственно через символы в праве. Однако данная проблематика до настоящего времени мало изучена, несмотря на то, что без понятия символ не обходится ни одна отрасль права.

Актуальность изучения вопроса о символах, безусловно, обусловлена потребностями юридической практики. Символика в правоприменительной деятельности является средством формализации правовой информации, носит ярко-выраженное прикладное значение и существенный эвристический потенциал, т.к. позволяет ориентироваться во всем многообразии символов, учитывать общие характеристики и закономерные связи между ними.

Юридическое осмысление данной категории необходимо для определения пределов правового регулирования и последовательности применения[1].

Превентивное воздействие символики реализуется, буквально, в каждой из сфер общественной жизни. Сигналы светофора, знаки, регулирующие дорожное движение, форменное обмундирование сотрудников правоохранительных органов и т.д. Все эти, казалось бы, привычные нам символы, имеют юридическое значение, так или иначе, в основе своей содержат правовую основу.

Представляется, что символ в контексте приведенных примеров возможно рассмотреть как одну из форм реализации превентивного воздействия государственного принуждения.

Реализация государственного принуждения представляет собой процесс непрерывного изыскания путей совершенствования государственного принуждения с помощью различных средств, наиболее оптимальную координацию усилий всех заинтересованных органов и возможность изменяться в зависимости от возникшей ситуации. Реализация функций государственного принуждения как способ воздействия на поведение людей – необходимый элемент общественной жизни. Достижение эффективной реализации государственного принуждения возможно поэтапно, через решение последовательно поставленных, конкретных задач. Реализация функций государственного принуждения немыслима без правоприменительной деятельности, она всегда результат такой деятельности.

Формы реализации функций государственного принуждения представляют собой внешнее выражение деятельности государственного органа в том или ином направлении. Еще раз подчеркнем тот факт, что форма реализации представляет внешнее проявление государственного принуждения, приведение его в исполнение.

Форма реализации функций государственного принуждения представляет собой специфический способ государственного воздействия на регулируемые общественные отношения, выражающийся в применении принудительных мер различного характера: превентивного, пресечения, мер защиты, юридической ответственности, которые применяются в особом процедурном порядке, т.е. им свойственна процессуальная регламентация. Сюда же относится и осуществление гражданами своих субъективных прав и обязанностей, в связи с применением к ним мер воздействия [2].

Итак, еще раз подчеркнем, что государственное принуждение социально значимо лишь тогда, когда оно реально воздействует на общественные отношения. Реализация функций государственного принуждения является динамической составляющей его сущности и от того, насколько качественно они будут реализованы, зависит степень эффективности государственного принуждения.

Формы реализации функций государственного принуждения многообразны, одной из форм реализации превентивной функции государственного принуждения выступает символ. Высокая степень значимости символики в динамике правовой жизни обусловлена, прежде всего, тем, что она является неким первоисточником, основой, фундаментом правоотношений и выступает одним из наиболее эффективных способов охраны общественных отношений.

Так, по мнению Н.Н. Вопленко символы – специфическое вспомогательное средство правового регулирования, которое позволяет в предельно краткой условной форме выражать нужную информацию об юридических особенностях ситуации[3].

В данном контексте обратим внимание на необходимость проработки законодателем отдельных видов составов правонарушений. Так, представляется, что в рамках административного законодатель-

[1] Мальцев , И.В. Символы в праве и в юридической науке: автореф. дис …канд. юрид.наук. // И.В. Мельцев. М. – 2021. – С. 2.

[2] Попкова Е. С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: дис. … канд. юрид. наук // Е. С. Попкова. – М., 2001.

[3] Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. – 1995. – № 4-5. – С. 71-73.

ства ужесточение ответственности по ст. 17.12 КоАП РФ[1] будет способствовать предупреждению правонарушений против порядка управления. Предусмотренный в настоящее время по ч.1 ст.17.12 КоАП РФ штраф в размере от тысячи до полутора тысяч рублей является уже не существенным для большинства граждан, в связи с чем предлагается увеличить его до размера пяти тысяч. Предусмотреть часть третью, согласно которой, те же действия, предусмотренные частями первой и второй, совершенные повторно указанными лицами, влекут в качестве одной из мер наказания арест с конфискацией предметов и орудий совершенного правонарушения.

В настоящее время количество лиц, приобретающих и незаконно использующих форменное обмундирование сотрудников полиции увеличивается, связано это как с его свободной продажей[2], так и новыми общественными отношениями. Форма, в руках недобропорядочных граждан, становится орудием правонарушений.

Некоторые правозащитники уже выступили с предложением о запрете свободной продажи формы сотрудников правоохранительных органов, которое мы разделяем, а пока необходимо ввести запрет на продажу форменного обмундирования без специальных документов-удостоверения сотрудника силовых ведомств, подтверждающего его статус.

Данная мера представляется оправданной, в силу большой значимости форменного обмундирования сотрудников правоохранительных органов, статуса данного символа. Специфика его заключается в том, что оно используется для косвенного, опосредованного воздействия на объект принуждения и имеет тесную связь с убеждением. Форменная одежда содержит в себе большую смысловую нагрузку. Сотрудники ОВД, исполняющие свои обязанности, облеченные в форму сотрудника правоохранительных органов, психологически воздействуют на сознание субъекта для предотвращения противоправных деяний с его стороны. Субъект права обладает правом выбора – согласиться на выполнение воли принуждающего или нет, тем самым допустить возможность наступления определенных нежелательных последствий для себя в виде физического воздействия.

Полагаем, что предложенные изменения ст.17.12 КоАП РФ выступят дополнительной гарантией значимости такого символа в праве как форменная одежда со знаками различия правоохранительных или контролирующих органов, будут способствовать снижению количества правонарушений, совершенных против порядка управления.

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. − №1. – Ст. 1.

[2] Форму полиции могут убрать из свободной продажи [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://chelovekizakon.ru/dela/formu-policii-mogut-ubrat-iz-svobodnoj-prodazhi?ysclid=mhndectz3i836544344 (дата обращения 30.10.2025).

Аринина Марина Владимировна

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России

Arinina Marina Vladimirovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: arimari@rambler.ru

Двойственная природа символа и символы права: глубинно-психологический взгляд

Dual nature of symbol and symbols of law: a depth psychology perspective

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности понимания символа и символического с точки зрения аналитической психологии К.Г. Юнга. Проанализированы архетипические корни и смыслы, лежащие в основе некоторых символов права, используемых в современном обществе. Обсуждается дуалистический характер символа как понятия и символических репрезентаций правосудия и справедливости.

Ключевые слова: символ, архетип, право, аналитическая психология, двойственность, правосудие

Annotation. The article examines the ways of understanding symbol and the symbolic from the point of view of the C.G. Jung's analytical psychology. The archetypal roots and meanings underlying some symbols of law used in modern society are analyzed. The dualistic character of symbol as a concept and of symbolic representations of justice and equity is discussed.

Keywords: symbol, archetype, law, analytical psychology, duality, justice

Для цитирования: Аринина М. В. Двойственная природа символа и символы права: глубинно-психологический взгляд // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 263–265.

Символы – неотъемлемая часть человеческой жизни, как коллективной, так и индивидуальной. Право в свою очередь – неотъемлемая часть современного общества, уходящая корнями в глубокие слои истории и психики. Символы, связанные с областью права многочисленны и многогранны. В нашей статье мы предприняли попытку раскрыть некоторые особенности самых распространенных и известных символов права, основываясь на понимании аналитической психологии К.Г.Юнга.

Согласно этимологии, греческое существительное symbolon, которое переводят как «знак», произошло от глагола symballein — «соединять»[1]. Соединять две половины одного целого. В Древней Греции две половины одной разломленной пластины помогали владельцам каждой из половин в определенных ситуациях узнать друг друга. Этим словом обозначали то, что изначально было единым целым, затем разделено на две части, для того, чтобы служить способом для опознания и соединения. То есть, в самом истоке понятии заложено изначально и понятие целостности, и двойственности. И в этом особенность символа и символического.

Если обобщить определения слова «символ» в русскоязычных словарях, толковых, лингвистических, психологических, философских, то все они говорят об условном обозначении какого-то понятия или идеи посредством чего-то другого – графического изображения, звука, предмета, действия и т.д.

Понятие символа и символического стало одним из центральных в психологической теории швейцарского психиатра и психотерапевта К.Г.Юнга, и оно тесно связано с концепцией архетипа, им разработанной. К.Г. Юнг давал такое определение: «То, что мы называем символами, — это термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному и очевидному смыслу. Они подразумевают нечто смутное, неиз-

[1] Этимологический словарь русского языка /Составитель Г.А. Крылов. - СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – С.161.

вестное или скрытое от нас»[1] . Это то, что неизвестно сознанию, что невозможно описать кратко. Это значимый образ, продуцируемый бессознательной составляющей психики, который может быть выражен в разных физических формах. Согласно определению самого понятия, символами могут служить изображения, слова (Э. Кассирер, например, и сам язык называл знаком-символом[2]) и предметы, а также действия, имеющие символическую нагрузку.

Само по себе понятие символ можно считать психологическим, поскольку символическое восприятие – специфически человеческая особенность. Как справедливо немецкий философ Э.Кассирер назвал человека animal symbolicum. Символическая система опосредует восприятие человеком окружающего и внутреннего мира. И уже в этом заложена и двойственность, и попытка соединения того, что по сути является единым – мира внешнего и мира внутреннего в психике человека.

В аналитической психологии и психотерапии считается, что именно символическое способствует исцелению травмированной психики благодаря способности символа соединять разделенное, соединять противоположности, который другими способами соединить не получается, или оказывается слишком невыносимым для психики. Символ воздействует на психику минуя логическое восприятие. Можно сказать, символ – это язык психики. Он соединяет то, что разделено. Именно посредством символов можно соединить несоединимое, немыслимое для сознания, противоположное. Символ – это то, что может соединить сознание и бессознательное, осознанное и неосознанное. И то, что для сознания может восприниматься как несовместимое и пугающее. Особенностью символа является лаконичность, емкость, при этом за ним стоит большой смысловой объем, который при попытке раскрытия, потребует больного количества языковых средств, при этом все они могут оказаться недостаточными, и описание никогда не будет исчерпывающим.

За символами обычно стоят архетипические смыслы – то, что типично и архаично одновременно. То есть типично, или повторяется, воспроизводится, архаично – имеет долгую историю. Архетипы – общие для всего человечества универсальные идеи. Право, как присущее именно человеку, также архетипично. Это понятие встречается в самых древних письменных источниках, в летописях, священных писаниях, мифологии. Как отмечал К.Г. Юнг, мифология – способ переработать архетипические образы, которые потом проявляются в форме символов. И поэтому обращение к мифологии дает возможность понять психологическое значение и особенности той или иной символики, в нашем случае – символов права. К.Г.Юнг придерживался идеи о том, что «онтогенез повторяет филогенез»[3], поэтому в психике современного человека могут продуцироваться символы более ранних исторических эпох, пройденных человечеством. Архетипическое проявляется в том числе в языке как знаково-символической системе и в форме когнитивных конструктов – концептов.

Большинство символических образов, ассоциируемых с правом в современном обществе, уходят своими корнями к связи с божественным и включают понятия справедливости, правосудия, правды, возмездия. В большинстве пантеонов можно встретить богов, отвечающих справедливость и правосудие. Например, в славянской традиции богом справедливости и правосудия был Сварог. А современный образ весов в руках всем известной богини Фемиды как символа правосудия, восходит не только к греко-римской традиции, но и к более ранней, египетской. Это атрибут египетской богини правосудия и справедливости Маат[4]. В Тибете тоже использовался образ весов в подобном смысле. Таким образом, в восприятии человека более ранних эпох вершить правосудие было прерогативой богов. То есть, в человеческой психике заложено представление о том, что правосудие, это то, что изначально выше человека, за пределами его компетенции, и это то, что было до его появления. В то же время, если рассматривать богов, описанных в древних источниках, как персонификации коллективной психической энергии определенного характера, то можно считать понятие права и правосудия как нечто архетипическое – универсальное для человека любой расы, национальности и места происхождения.

Если снова обратиться к понятию символа как тому, что соединяет две части одного целого, то любопытно, что эта двойственность присутствует и во многих традиционных символах правосудия, известных западноевропейской культуры, также использующиеся в нашей стране. У любого архетипа, как отмечал К.Г.Юнг, есть как созидательные аспекты, так и разрушительные (так называемы теневые аспекты). Это постоянное противостояние противоположностей. Двойственность как белое и черное, хорошее и плохое, свет и тьма, добро и зло как вечные пары противоположностей. Символы соединяют в себе эту двойственность, воплощают единство противоположностей.

Один из самых распространенных, символов – вышеупомянутые весы. У них есть две чаши. Одно из значений – божественное суждение, а также, олицетворение «равновесия всех противоположностей и

[1] Юнг, К.Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг; пер. с англ. В. В. Зеленского. – Эл. Изд. – Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2020. – С.16.
[2] Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. 272 с.
[3] Юнг, К.Г. Архетип и символ: [Перевод / Карл Густав Юнг; Предисл. А. М. Руткевича, с. 5-22; Примеч. В. М. Бакусева и др.]. – Москва: Ренессанс, 1991. – С.10.
[4] Тресиддер, Дж. Словарь символов /пер. с англ. С. Палько. – Москва : Гранд : ФАИР-Пресс, 1999. - 443 с.

дополняющих друг друга факторов»[1]. И это равновесие, баланс как справедливость. И на них могут складывать добрые деяния и злые, и вердикт будет зависеть от того, что перевесит. Слепота – еще один символ, связанный с темой правосудия. Она может рассматриваться как символ безумия или кары за ненадлежащее поведение, противоречащее общепринятым законам или здравому смыслу, но в то же время это и слепота Фемиды, которая вершит правосудие, т.е. не отвлекается на внешние факторы, а исходит из внутренней справедливости.

Меч или оружие часто тоже являются символами правосудия (например, меч и весы – атрибуты Архангела Михаила, вершителя правосудия[2]). И они могут иметь два значения – защита и разрушение, как агрессия может и защищать, и разрушать. Правосудие может обернуться обеими сторонами, как темной, так и светлой. Здесь важно упомянуть о феномене энантиодромии (термин, заимствованный К.Г.Юнгом у Гераклита) в паре противоположностей психическая энергия переходит от одного полюса к другому – как только одна сторона полюса становится ригидной или слишком выраженной, она превращается в собственную противоположность или начинает проявлять свои теневые качества. Так меч, который защищает, при излишней ригидности и чрезмерном использовании может стать противоположностью – уничтожить то, что был призван защищать. Поэтому одной из важных и сложных задач является удерживать равновесие и баланс.

Таким образом символ с одной стороны говорит о двойственности, с другой стороны помогает преодолеть эту двойственность в психике человека, соединить противоположности. Той же особенностью обладают, например, такие общеизвестные символы в области права, как весы и меч. За символами права стоит многовековая коллективная психологическая история человечества.

[1] Купер, Дж. Энциклопедия символов: [Перевод] / Дж. Купер. – Москва: Ассоц. духов. единения «Золотой век», 1995. - – С.35.

[2] Тресиддер, Дж. Словарь символов /пер. с англ. С. Палько. – Москва : Гранд : ФАИР-Пресс, 1999. - 443 с.

Брылева Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско – правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, доцент юридического факультета Пермского филиала РАНГХ и ГС

Bryleva Elena Aleksandrovna

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Disciplines of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Perm Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: elenbrylev@yandex.ru

Роль символов в конструировании коллективной идентичности профсоюзов

The role of symbols in constructing the collective identity of trade unions

Аннотация. В данной статье автор выделяет тенденции развития профсоюзов, начиная с имперской России. Автор указывает, что прообразами профсоюзов явились зубатовские общества; в «советский» период времени, произошло сращивание профсоюзов и государства, что в общем то наблюдается и в настоящее время. Отличительной чертой российских профсоюзов является их солидаризация с государством, что проявляется и в символах профсоюзов, вместе с тем потенциал данного института гражданского общества не исчерпан. Видится необходимость сосредоточиться на категориях платформенных работников и самозанятых.

Ключевые слова: профсоюзы; солидарность; символизация; коллективная идентичность

Annotation. In this article, the author highlights trends in the development of trade unions, beginning with imperial Russia. The author points out that the Zubatov societies were the prototypes of trade unions; during the "Soviet" period, trade unions and the state merged, a process that continues today. A distinctive feature of Russian trade unions is their solidarity with the state, which is reflected in their symbols. However, the potential of this civil society institution has not been exhausted. A focus on platform workers and the self-employed is seen as essential.

Keywords: trade unions; solidarity; symbolization; collective identity

Для цитирования: Брылева Е. А. Роль символов в конструировании коллективной идентичности профсоюзов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему ««Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2026 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 266–268.

История профсоюзов берет свое начало с XIX века, родоначальником является Англия, в которой первые профсоюзы (тред – юнионы) возникли в конце XVIII в.

В России же говорить о формировании как таковых профессиональных союзах в их оформленном виде в имперский период вряд ли представляется возможным, речь идет о следующих формах организациях рабочего класса: обществах взаимопомощи; стачечных кассах; зубатовских обществах, которые с определённой долей можно назвать прообразом современных профсоюзов, причем с государственного одобрения, цель которого улаживание конфликтов между фабрикантами и рабочими, устройство еженедельных общих собраний и частных семейно – танцевальных вечеров[1]

Надо сказать, что большевики также использовали профсоюзы для пропаганды своих идей. В середине 1905 года в Российской Империи было больше 50 легальных и нелегальных профсоюзов в большинстве своем организованным по производственному принципу, во главе которых стояли большевики. Формирование зачатков социальной помощи связано с принятием в 1906 года Именного высочайшего

[1]Бухбиндер Н.А. Зубатовщина и рабочее движение в России. Издательство всесоюзного общества политкаторжан и С.С. поселенцев. М.:1926

указа правительствующему сенату «О временных правилах об обществах и союзах»[1], п. 2.2 который дал шанс на создание профессиональных союзов, в части гуманитарной помощи – предоставление выплат своим членам; организация погребения, взаимопомощи и т.д.; функционирование библиотек, образовательных учреждений, курсов и чтений; помощь в приобретении предметов первой необходимости и орудий производства; оказание правовой поддержки.

Государственным служащим предоставлялось право также образовывать организации для оказания помощи или для удовлетворения своих нужд в виде духовных и материальных ценностей, но только при наличии оснований в уставе, принимаемый руководством, при этом, общество не могло в своей деятельности преследовать политические цели или противоположные требования государственного долга, с служебными взаимоотношениями и с осуществлением порядка и условиям службы.

Возникают протестные акции за счет членских взносов, от книготорговли, коммерческих образовательных организаций, творческих выступлений и выставок . В 1907 году заключаются первые коллективные договора; создаются примирительные камеры между профсоюзами и работодателями, третейскими судами. В связи с возникновением в июне 1912 году страховых законов «Об обеспечении рабочих на случай болезни»; «О страховании рабочих от несчастных случаев»; «О присутствии по делам страхования рабочих» повлияло на формирование зачатков социальной помощи, которая включает в этот период социальное страхование.

В период Первой мировой войны, когда большинство профсоюзов были запрещены, использовались как легально временные, (больничные кассы; клубы по интересам, рабочие столовые) так и нелегальные методы, война в том числе способствовала солидаризации населения[2]

В России, безусловно, на развитие профсоюзов повлияла Октябрьская революция (переворот как указывают некоторые современные историки)[3]– трудовые объединения принимали участие в устранении необразованности; а так же создавали условия для поставки продуктов питания и топлива рабочим и их семьям[4]. Кроме того, была принята резолюция об организации и деятельности Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов. (ВЦСПС). С I Всероссийского съезда профсоюзов, по мнению Носач В.И. начинается их «огосударствление», логика понята профсоюзы не могут вести борьбу со своей собственной пролетарской властью[5]. Прозвучало и другое мнение: секретарь ВЦСПС С.А.Лозовского о том, что важнейшим условием жизнедеятельности профсоюзов является сохранение за ними независимости и самостоятельности. «Мы можем идти параллельно, мы можем сотрудничать, но слияние невозможно»[6]Итогом конституционного развития, несмотря на подчеркнутый характер проводника диктатуры пролетариата;[7] общественного объединения;[8] профсоюзы становятся организаций солидарной с государством, что в общем то наблюдается и в современном российском обществе. Не случайно солидарность выступает на нескольких эмблемах, в том числе Федерации независимых профсоюзов России[9] В период Великой Отечественной войны профсоюзы фактически становятся частью системы государственного управления, взяв на себя дополнительно функции социального обеспечения, на что обратил внимание VIII Пленум ВЦСПС (14 мая 1990 года).

Функционирование профсоюзов как «добровольного общественного объединения граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создавае-

---

[1] Закон от 4 марта 1906 года «О союзах и обществах» с последующими к нему разъяснениями Правительствующего Сената и Министерства внутренних дел»: Санкт –Петербург, Министерство внутренних дел. Санкт – Петербург, 1906 год.

[2] Шатилова Н.М. К 100 летию профсоюзов России. Российское профсоюзное движение в годы Первой мировой войны//Дело чести онлайн. - № 8.

[3]См. например Попов, Александр Львович (1888-1943). Октябрьский переворот [Текст] : Факты и документы / составил А. Л. Попов ; под ред. и со вступ. ст. "Ход революции" Н. А. Рожкова. - Петроград : Новая эпоха, 1918. - 415 с.; 22 см. - (Архив революции 1917 года).Мельгунов, Сергей Петрович (1879-1956).Как большевики захватили власть = Commentlesbolchevikss'emparèrentdupouvoir :Commentlesbolchevikss'emparèrentdupouvoir : Октябрьский переворот 1917 г. / С. Мельгунов. - Париж :LaRenaissance, cop. 1953. - 390, [1] с.; 24 см.

[4] Эволюция профсоюзного движения в России: теоретический аспект.//Вестник Челябиснкого государственного университета. 2012. № 19. (273)

[5] Позиция В.И. Ленина, Г.Е Зиновьева

[6]Первый всероссийский съезд профсоюзов : Стенографический отчет. М.:: 1918. С. 98

[7]Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной советской республики. Принята V Всероссийским съездом Советов // https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm.

[8]Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик . Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Совета Союза ССР 5 декабря 1936года // https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm;Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик . Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Совета Союза ССР 7 октября 1977 года// https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm

[9]Статья ч. 2. Ст. 40 Устава ФНПР «Эмблема имеет квадратную форму. Внутри квадрата под углом 450 расположены три равноширокие полосы красного, синего и белого цвета – по диагонали от нижнего правого угла наверх в левый угол. В центре квадрата белый медальон округлой формы. В середине медальона – изображение контуром черного цвета соединенных в рукопожатии двух рук. В левой верхней части четырехугольника расположены буквы черного цвета: ФНПР – аббревиатура наименования Федерации Независимых Профсоюзов России. По полуокружности внутри медальона – надпись черного цвета: Единство Солидарность Справедливость.

мое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов»[1]: конфликт, солидарность, взаимопомощь, партнёрство, сотрудничество.

Особенности современного российского профсоюзного движения заключаются в том, что это больше дополнение к администрации предприятия, отвечающее за культурно – массовую работу и в некоторых организациях – санаторно – курортное обслуживание. В то же время – профсоюзы, безусловно, один из элементов цивилизованных взаимоотношений наемных работников и работодателей. Перспективными направлениями для профсоюзного движения России видится: система коллективных договоров как дополнительный источник социальных гарантий наемных работников; восполнение пробелов в трудовом праве; осуществление первичного правового регулирования; влияние на формирование правосознания и содержание государственного регулирования; функция правового выбора.[2]

В настоящее время в Федерацию независимых профсоюзов России входят 122 членские организации: 36 общероссийских, межрегиональных профсоюза; 86 территориальных объединений, в составе более 19 миллионов членов профсоюза. Взаимодействие осуществляется через законотворческую инициативу - через межфракционную депутатскую группу группа Солидарность; Объединение профсоюзов СОЦПРОФ – 1 миллион 570 тысяч, действует в 72 субъектах РФ;

Среди более значимых профсюзов необходимо выделить: Общероссийский профсоюз работников оборонной индустрии (ОБОРОНПРОФ); Российский горно – металлургический профсоюз (ГМПР); Федеральный профсоюз авиационных диспетчеров (ФПАД России); Профсоюз работников государственных учреждений и общественного обслуживания РФ – объединяющий более миллиона работников государственных, муниципальных учреждений, органов местного самоуправления – численность превышает как минимум 1 млн. людей; профсоюз работников народного образования и науки РФ – объединяет 5,5 млн. людей, в состав которого входит: 78 республиканских, краевых и областных организаций, 2488 окружных, городских, районных и 96231 первичных профсоюзных организаций; общероссийский профессиональный союз военнослужащих (ОПСВ); профсоюз машиностроителей входит 46 территориальных и около 700 первичных организаций; Российский профсоюз работников атомной энергетики и промышленности: российский профсоюз работников химических отраслей промышленности; (Росхимпрофсоюз); всероссийский Электропрофсоюз.

Несмотря на официальность профсоюзов, в советское временя эти общественные организации занимали значительное место в государственно системе, считаясь объединяющим звеном среди служащими и государством. О продуктивности деятельности профсоюзов в XXв. подтверждает как многочисленное содействие рабочих, так и информация о вдожении профсоюзов в развитие эффективности труда, усовершенствование уровня труда, осуществляющие в большом количестве проводимые социалистические соревнования (к концу 70-х гг. XX в. «соцсоревновании» в участии приняло не менее 97 млн. людей). Несмотря на это было создано и напрямую подлежало начальство со стороны профсоюзов такие объединения трудящихся, как ВОИР – Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, а также многочисленные НТО – научно-технические общества, организованные к началу 1980-х гг. более 15 млн. трудящихся людей[3].

Безусловно, можно с полной уверенностью утверждать, о наличии в данный период времени коллективной идентичности– общего чувства принадлежности к социальной группе в основе которой лежат коллективные ценности, при этом оно символического характера, «социальное тело нельзя не потрогать, не увидеть, оно представляет метафору, мнимую величину, социальную конструкцию.[4] Что касается профсоюзных символов, то речь идет об определенных ценностных объектах.

Так, знаки профессиональных союзов можно разделить на следующие группы: наградные знаки за трудовую доблесть; юбилейные знаки, выпущенные к различным годовщинам профсоюза, которые также являлись наградными; членские значки профсоюзных спортивных объединений; призовые спортивные знаки или жетоны. Интересным символом является марка, распространённая в 40 – е – 80 е годы, подтверждающая уплату членских взносов. Современные символы профсоюзов в большинстве своем сводятся к логотипам и брендовой продукции – отвечают реалиям рыночной экономики. Вместе с тем, несмотря на пессимистичное настроение о существовании профсоюзов, потенциал их не только не исчерпан, более того имеется острая необходимость создания профсоюзов среди самозанятых, а также платформенных работников, с соответствующей символизацией.

[1] Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 N 10-ФЗ (последняя редакция)//Спс Консультант +

[2]Катальников, Владимир Дмитриевич.Институциональная трансформация российских профессиональных союзов : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.04 / С.-Петерб. гос. ун-т. - Санкт-Петербург, 2006. - 47 с.

[3]Федоренко С.А. Правовые и организационные гарантии деятельности профсоюзов в советский и постсоветский период// https://cyberleninka.ru/

[4]Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с. - (Studia historica).

Васильев Павел Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Vasiliev Pavel Vyacheslavovich

candidate of legal sciences, associate professor, Associate professor of the Department of Legal Disciplines of the Ulyanovsk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

Проблема понимания соотношения человекочитаемых и машиночитаемых правовых символов

The problem of understanding the relationship between human-readable and machine-readable legal symbols

Аннотация. Проблема понимания соотношения человекочитаемых и машиночитаемых правовых символов рассмотрена с точки зрения аргументации использования понятия «машиночитаемый правовой символ», а также обоснования соотношения объемов понятий «человекочитаемые правовые символы» и «машиночитаемые правовые символы». Использование системно-функционального метода позволило сформулировать рабочие дефиниции человекочитаемых и машиночитаемых правовых символов. Человекочитаемые правовые символы – это предназначенные для восприятия человеком целостные образы, обладающие относительной пространственно-временной и функциональной юридической обособленностью в системе других средств правового регулирования, условно отражающие правовые ценности, охраноспособные, предусмотренные или санкционированные действующим законодательством в качестве правового средства. Машиночитаемые правовые символы представляют собой предназначенные для считывания компьютеризированными системами целостные образы или команды (системы команд), обладающие относительной пространственно-временной и функциональной юридической обособленностью в системе других средств правового регулирования, условно отражающие правовые ценности, охраноспособные, предусмотренные или санкционированные действующим законодательством в качестве правового средства.

Сделан вывод о том, что объем понятия «человекочитаемый правовой символ» подлежит полному включению в объем понятия «машиночитаемый правовой символ», то есть каждый человекочитаемый правовой символ может стать также и машиночитаемым, если компьютеризированную систему запрограммировать для осуществления данной функции.

Также в работе сформулированы отдельные сомнения и гипотезы, разрешение и проверка которых может способствовать развитию знаний о природе как правовых символов, так и правового регулирования в целом.

Ключевые слова: машиночитаемое право, искусственный интеллект, машиночитаемые правовые символы, человекочитаемые правовые символы, правовое регулирование, правовые средства

Annotation. The problem of understanding the relationship between human-readable and machine-readable legal symbols is considered from the point of view of arguing for the use of the concept of "machine-readable legal symbol", as well as substantiating the relationship between the volumes of the concepts of "human-readable legal symbols" and "machine-readable legal symbols". The use of the system-functional method made it possible to formulate working definitions of human-readable and machine-readable legal symbols. Human-readable legal symbols are holistic images intended for human perception, possessing relative spatio-temporal and functional legal isolation in the system of other means of legal regulation, conditionally reflecting legal values, protectable, provided for or sanctioned by current legislation as a legal means. Machine-readable legal symbols are integral images or commands (command systems) intended for reading by computerized systems, possessing relative spatio-temporal and functional legal isolation in the system of other means of legal regulation, conditionally reflecting legal values, protectable, provided for or sanctioned by the current legislation as a legal means.

It is concluded that the scope of the concept of "human-readable legal symbol" is subject to full inclusion in the scope of the concept of "machine-readable legal symbol", that is, each human-readable legal symbol can also become machine-readable if the computerized system is programmed to perform this function.

The work also formulates individual doubts and hypotheses, the resolution and verification of which can contribute to the development of knowledge about the nature of both legal symbols and legal regulation in general.

Keywords: machine-readable law, artificial intelligence, machine-readable legal symbols, human-readable legal symbols, legal regulation, legal means

Для цитирования: Васильев П. В. Проблема понимания соотношения человекочитаемых и машиночитаемых правовых символов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 269–274.

Комплексный характер общественного прогресса находит свое выражение в возникновении множества причинно-следственных и функциональных связей между явлениями различных сфер общественной жизни. Так, потребности автоматизации однотипных расчетных экономических операций обусловили изобретение вычислительных устройств, развитие технологий функционирования которых привело к появлению современных компьютеризированных систем, ставших технической основой появления так называемого искусственного интеллекта. Способности последнего существенным образом повлияли на понимание роли символов, используемых при осуществлении правового регулирования.

Появление у искусственного интеллекта способности учитывать при осуществлении юридически значимого функционирования символы, предназначенные при их создании для восприятия людьми, существенно повлияло на понимание соотношения объемов понятий «человекочитаемые правовые символы» и «машиночитаемые правовые символы».

Эмпирическую основу настоящего исследования составили полученные в результате наблюдения правовой реальности фактические данные о работе, например, робота-юриста, разработанного правовым департаментом «Сбера», и способного извлекать юридически значимую информацию из документов, проверять корректность сведений и полномочия участников сделки[1]. Аналогичный сервис под названием «Цифровой юрист» разработан компанией «Мегафон». Он работает с помощью нейросети и технологии распознавания символов, что позволяет работать таким продуктам, как «Конструктор документов», «Судебная платформа» и «Система по распознаванию первичной документации»[2]. Специально-юридический метод, примененный к изучению нормативно-правовой информации, позволил обнаружить пример правового символа, непосредственно предназначенного для восприятия компьютеризированными системами – электронную подпись[3], полноценно заменяющую в электронном документообороте традиционную выполняемую рукой человека подпись. Авторская практика работы в личных кабинетах цифровых сервисов «Госуслуг» и «Сбербанк Онлайн» показывает использование машиночитаемого символа-действия в виде введения присылаемого в СМС-сообщениях цифрового кода, позволяющего авторизоваться для совершения юридически-значимых действий. Данные примеры непосредственно доказывают существование правовых символов (цифровая подпись, введение цифрового кода для авторизации в личном кабинете), предназначенных для восприятия и обработки компьютеризированными системами.

Поставленная проблема понимания соотношения человекочитаемых и машиночитаемых правовых символов имеет ряд относительно самостоятельных аспектов, обусловивших цель настоящего исследования, состоящую, во-первых, в аргументации обоснованности понятия «машиночитаемый правовой символ», во-вторых, в определении соотношения объемов понятий «человекочитаемые правовые символы» и «машиночитаемые правовые символы».

В качестве составляющего компонента теоретической основы настоящего исследования использовано понимание правовых символов как некоторых установленных или санкционированных действующим законодательством обособленных условных образов или динамических явлений (действия правосубъектного лица, функционирования механизмов или компьютеризированных систем), более обстоятельно изученных в юридической литературе[4], воспроизводящей обобщенное словарное определение данного явления. При этом следует заметить, что в «компьютерном программировании символом называют графическое обозначение команды, операции и т.п.[5] Таким образом, в объем понятия «правовые символы» включены только те символы, которые обеспечивают правовое регулирование (в функциональном его понимании[6]). По этой причине в объем понятий «правовые символы» и производных от него «человекочитаемые правовые символы», «машиночитаемые правовые символы» не включены симво-

[1] URL: https://sber.pro/publication/robot-iurist-kak-sekonomit-rabochee-vremia-kvalifitsirovannykh-sotrudnikov/ (дата обращения: 19.08.2025)

[2] URL: https://lenta.ru/news/2020/01/29/megafon_jur/ (дата обращения: 19.08.2025)

[3] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.08.2025).

[4] Давыдова М. Л. Классификация правовых символов // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9). С. 4–10.

[5] Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст.: Свыше 35000 значений: Более 70000 иллюстрат. примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Издательство АСТ, 2003. С. 1206.

[6] Васильев П. В. Правовое регулирование: проблемы понимания // Государство и право. 2022. № 11. С. 79–84.

лические явления, используемые в правовой культуре для обозначения отдельных ценностных образований (например, образ греческой богини Фемиды, используемый как символ правосудия, если он не входит в состав документов или других правовых средств).

Изучение ряда работ по тематике машиночитаемых документов показало, что термин «машиночитаемые правовые символы» не вошел в научный оборот. Однако, в указанный оборот прочно вошли термины такие родственные по смыслу термины, как «машиночитаемый документ» и «машиночитаемое право»[1].

Простое и лаконичное определение машиночитаемому документу можно обнаружить в актах подзаконного регулирования. Так, «Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения» в пункте 2.3.3.1 определяет данное понятие как «документ, пригодный для автоматического считывания содержащейся в нем информации»[2].

При этом следует учесть, что машиночитаемый документ вполне может содержать как электронную подпись, так и такие реквизиты, как герб, товарный знак, знак обслуживания и другие, предназначенные для восприятия человеком, то есть человекочитаемые правовые символы.

Понятие «правовые символы» обстоятельно изучено юридической наукой и признано настолько, что вошло в учебную литературу. Так, лекция 11 популярного учебника по юридической технике имеет название «Правовые символы»[3]. Однако, представленное в лекционном материале, а также в других изученных источниках понимание правового символа сориентировано на восприятие сообщаемой символом информации именно человеком, а не техническим средством. Это следует из авторского пояснения функционирования правовых символов в форме воздействия на сознание и волю людей (С. 198 данного учебника) и указания таких признаков, как «художественный образ, видимое, реже - слышимое образование» и «ценностное образование», «используется в особом процессуальном порядке». Включив в содержание понятия «правовой символ» указанные признаки, автор сузил объем данного понятия до «человекочитаемый правовой символ». Видимо, автор использовал свои прежние наработки, сделанные при написании диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, защищенной в 1999 году[4].

Изучение более ранних работ других авторов позволяет сделать вывод о наличии некоторой традиции ограничения объема понятия «правовые символы» только человекочитаемыми. Так, по мнению, В. К. Бабаева и В. М. Баранова, правовые символы это «закрепленные законодательством условные образы (замещающие знаки), используемые для выражения определенного юридического содержания и понятные окружающим людям»[5].

Ориентированность понимания правовых символов на восприятие их человеком в указанных работах еще раз подтверждает тезис о комплексном характере общественного прогресса, обуславливающего необходимость пересмотра научных положений с учетом современной реальности и тенденций развития. Однако, другие обозначенные А. В. Никитиным и иными авторами признаки правового символа (искусственный знак; это условный (конвенциальный) знак; создается либо санкционируется государством, выражает определенное юридически значимое содержание; охраняется государством) вполне пригодны для формирования понятия «правовой символ» на современном этапе развития юридической реальности.

Если абстрагироваться от предназначенности правового символа для восприятия именно человеком, то можно выделить следующие значимые для осуществления правового регулирования признаки правовых символов.

Во-первых, конвенциональный (условный) искусственный характер. Принимая во внимание наличие в юридической реальности естественных явлений, возникновение, изменение или прекращение существования которых влияет на правовое регулирование (наступление светлого времени суток и ночи, гроза, шторм, ураган, землетрясение и другие явления природы) указание на искусственность происхождения правовых символов, по поводу понимания сущности которых субъектам права необходимо достичь некоторого соглашения, вполне уместно.

---

[1] Привалов С. А. Перспективы и проблемы применения машиночитаемого права в защите прав человека и гражданина // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1. С. 146–149; Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: учебник. М.: Буки Веди, 2021. 174 с.; Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в регтехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 9. С. 59–69.

[2] URL: https://legalacts.ru/doc/gosudarstvennaja-sistema-dokumentatsionnogo-obespechenija-upravlenija-osnovnye-polozhenija/ (дата обращения: 20.08.2025).

[3] Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В. М. Баранова. М.: Издательство Юрайт, 2016. Серия: Специалист. С. 196–216.

[4] Никитин А. В. Правовые символы: диссертация ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. 241 с.

[5] Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Нижний Новгород, 1997. С. 74

Во-вторых, предусмотренность или санкционированность действующим законодательством в качестве правового средства. Наиболее важные для настоящего исследования свойства правовых средств отражены С.С. Алексеевым (субстанциональность, возможность их использования субъектами;

наличие в правовых явлениях социальной силы, своего рода юридической энергии)[1]. Понимание данного признака в настоящем исследовании тождественно представленным в указанных выше работах и самостоятельного пояснения не требует.

Во-третьих, относительная пространственно-временная и функциональная юридическая обособленность в системе других средств правового регулирования. Данный признак отражает способность правового символа *обособленно* существовать и функционировать, порождая изменения в юридическом статусе лиц-адресатов. Так, например, появление запрещающего движение сигнала светофора или регулировщика однозначно обуславливает появление в составе всех соответствующих адресатов (участников дорожного движения) обязанности остановиться. Закодированная соответствующим программным образом команда (серия команд) клиента банка о расторжении договора банковского вклада до востребования, отдаваемая посредством электронного инструментария личного кабинета пользователя, аналогичным образом обуславливает обязанность банка осуществить возврат денежных средств в предусмотренном договором объеме. Представленная аналогия характерна тем, что средством, обеспечивающим правовое регулирование, в обоих случаях выступает правовой символ (знак светофора, электронная команда или серия таких команд), существующий в системе механизма правового регулирования относительно обособленно в пространственно-временном и функциональном смысле.

Если поставить конкретизирующий вопрос о том, следует ли рассматривать в качестве машиночитаемого правового символа единичный элемент программного кода (знак языка программирования или скомпилированного файла), то следует дать отрицательный ответ. Применив системно-функциональный метод, можно сделать вывод о том, что юридически значимый результат в виде изменений в правовом статусе субъекта права обеспечивает не отдельный знак, а их совокупность. Так, инициируя юридически значимое функционирование компьютеризированной системы, например, заключая договор банковского вклада через личный кабинет какого-либо онлайн-банкинга, клиент дает команду целиком. При это следует отметить, что единичный символ не способен функционировать так, чтобы обеспечить заключение договора или наступление иного юридически значимого результата, для этого нужна команда целиком. Именно команда или система команд функционирует в компьютеризированной системе как символ, порождая соответствующие юридически значимые результаты.

В-четвертых, охраноспособность, то есть способность правовых символов быть объектом охраны. Степень разработанности понятия «охраноспособность» применительно к человекочитаемым правовым символам, например, товарному знаку[2] и некоторым другим объектам гражданских правоотношений, весьма внушительна. По этой причине в рамках настоящего исследования имеет смысл обратить внимание лишь на принципиальную возможность осуществления самостоятельной правовой охраны как машиночитаемых, так и человекочитаемых правовых символов. Однако, применительно к машиночитаемым правовым символам данная охрана имеет некоторую специфику. Она обеспечена как регулятивными нормами законодательства об информации и информационных технологиях[3], так и охранительными, например, изложенными в главе 28 УК РФ.

Представленный сравнительный анализ показывает, что человекочитаемые и машиночитаемые правовые символы имеют ряд общих свойств: охраноспособность, условность (условный характер), предусмотренность или санционированность действующим законодательством в качестве правового средства; относительная пространственно-временная и функциональная юридическая обособленность в системе других средств правового регулирования.

Единственное принципиальное функциональное различие человекочитаемых и машиночитаемых символов состоит в том, что машиночитаемые правовые символы, существующие в форме отдельных команд или систем команд, осуществляя свое юридически значимое функционирование, подлежат *считыванию* (слово «восприятия» вряд ли применимо к аппаратно-программным средствам) компьютеризированными системами, а не человеком. Заметим, что даже если человек каким-то образом сможет прочитать программный код, то данное информационное воздействие никак не перейдет в соответствующее правовое регулирование. Так, например, само по себе чтение пользователем информационного ресурса программного кода, позволяющего заключить, изменить или расторгнуть договор банковского вклада через личный кабинет интернет-банкинга, не повлечет правового результата в виде возникновения, изменения или прекращения соответствующих прав и обязанностей стороны договора банковского

[1] Алексеев С. С. Теория права. М.: Изд-во БЕК, 1994. С. 152.

[2] Медведев Н. Ю. Охраноспособность товарных знаков по законодательству Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук; [Место защиты: Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности Роспатента]. М., 2008. 138 с.

[3] Статья 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.08.2025).

вклада. Напротив, считывание указанных команд соответствующей компьютеризированной системой как раз повлечет указанные правовые последствия.

Таким образом, можно сформулировать рабочие дефиниции человекочитаемых и машиночитаемых правовых символов. Используя достижения юридической науки и полученные в результате настоящего исследования результаты, можно определить человекочитаемые правовые символы как предназначенные для восприятия человеком целостные образы, обладающие относительной пространственно-временной и функциональной юридической обособленностью в системе других средств правового регулирования, условно отражающие правовые ценности, охраноспособные, предусмотренные или санкционированные действующим законодательством в качестве правового средства. Однако, следует отметить, что данная формулировка представляет собой синтезированное и несколько более конкретизированное повторение определений правовых символов, даваемых указанными выше авторами. Представленная дефиниция нужна для того, чтобы соотнести человекочитаемые правовые символы с машиночитаемыми, принимая во внимание тот факт, что современный искусственный интеллект может совершенно точно распознать и юридически корректно интерпретировать любой человекочитаемый символ, обеспечив возникновение соответствующего правового результата.

Метод наблюдения за социальной реальностью дает возможность обнаружить множество примеров распознавания и интерпретирования искусственным интеллектом человекочитаемых символов. Так, например, автоматизировано функционирующие банкоматы принимают денежные купюры, распознавая на них человекочитаемые символы. Применяемые полицией системы фото и видеофиксации административных правонарушений основаны на чтении компьютеризированными системы государственных регистрационных знаков транспортных средств, предназначенных изначально для восприятия людьми. Несмотря на то, что автоматизированно подготовленная информация об административном правонарушении носит предварительный и оцениваемый человеком характер (сотрудник полиции, оформляющий соответствующее постановление об административном правонарушении должен осмыслить и юридически оценить данную информацию), технически можно обойтись и без участия человека. Рассуждая исключительно с технической точки зрения, можно сделать вывод о том, что исключение сотрудника полиции из процесса вынесение решения по делу об административном правонарушении также возможно, как и распознавание банкоматом символов на денежных купюрах. Тенденция подобной автоматизации имеет место в судах. Изучение отдельных работ позволяет сделать вывод о том, что судья может стать не лицом, осуществляющим интеллектуальную работу по анализу материалов приказного судопроизводства, а всего лишь должностным лицом, подписывающим судебный приказ в рамках некоторого общего контроля[1]. Знакомство автора настоящего исследования с качеством работы мировых судей, нашедшем отражение в более ранних работах[2], позволяет предположить, что предлагаемая автоматизация приказного судопроизводства не должна снизить качество работы мировых судей, которые формально станут подписывать подготовленные компьютеризированными системами документы.

Принимая во внимание способность искусственного интеллекта распознавать и юридически корректно интерпретировать человекочитаемые правовые символы, для определения машиночитаемых правовых символов представляется возможным использовать модификационный метод, применяя его к представленной выше дефиниции человекочитаемых правовых символов. Машиночитаемые правовые символы представляют собой предназначенные для считывания компьютеризированными системами целостные образы или команды (системы команд), обладающие относительной пространственно-временной и функциональной юридической обособленностью в системе других средств правового регулирования, условно отражающие правовые ценности, охраноспособные, предусмотренные или санкционированные действующим законодательством в качестве правового средства.

Таким образом можно сделать вывод о том, что потенциально объем понятия «человекочитаемый правовой символ» подлежит полному включению в объем понятия «машиночитаемый правовой символ». Иначе говоря, на данной стадии технического развития каждый человекочитаемый правовой символ может стать также и машиночитаемым, если компьютеризированную правовую систему запрограммировать для осуществления данной функции.

Завершая работу над данным исследованием, хочется высказать некоторые сомнения и гипотезы, разрешение и проверка которых может способствовать развитию знаний как о природе правовых символов, так и правового регулирования.

Существующая в юридической технике традиция понимания правового символа основана на том, что символ представляет собой разновидность правовых средств наряду, например, с нормами права и юридическими фактами. Такое соотношение понимания данных явлений сомнительно. Осмысливая сущность правового символа с использованием системно-функционального метода позволяет сделать некоторые предварительные выводы о том, что и нормы права, и нормативные правовые акты в целом и

[1] Маркина Е. В. Комплексная автоматизация приказного производства в ГАС РФ «Правосудие» // Правовая информатика. 2019. № 2. С. 57–68.

[2] Васильев П. В. Аппаратно-программный правоприменительный аналитик: опыт использования и перспективы // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 213-220.

юридические факты функционируют одинаково, то есть вызывают в человеческом сознании соответствующий образ или инициируют функционирование алгоритма в компьютеризированных системах. По всей видимости, с функциональной точки зрения между правовыми символами (в современном их понимании) и иными правовыми средствами отсутствуют принципиальные различия. Вероятно, что юридической науке нужно расширить понятие правовой символ, включив в него как источники права и отдельные нормы, так и юридические факты. В этом случае понимание правовых средств будет существенно изменено. Сами правовые средства будут определяться как правовые символы (родовое сходство), а в видовых различиях дефиниенсов можно будет указывать признаки юридических фактов, норм права и других правовых средств, функционирующих в системе того или иного правового регулирования. Однако, данные соображения носят лишь гипотетический характер, так как основаны лишь на применении одного из возможных методов постижения сущности юридических явлений и нуждаются в дальнейшей проверке.

Волк-Леонович Станислав Олегович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Volk-Leonovich Stanislav Olegovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ejiwolf2006@ yandex.ru.

Символизм в архаическом праве

Symbolism in Archaic law

Аннотация. В статье исследуется роль символизма в архаических правовых системах. Автор показывает, как ритуальные действия, предметы и жесты выступали носителями юридических смыслов, обеспечивая легитимацию норм и процедур. На примерах из традиционного права разных культур демонстрируется, что символ не просто сопровождал право, но был его неотъемлемой частью: через него формулировались обязательства, фиксировались сделки, вершилось правосудие. Делается вывод о принципиальной неотделимости права и символической практики в дописьменных и раннеписьменных обществах.

Ключевые слова: архаическое право, правовой символизм, юридическая антропология, история права, ритуал в праве, ордалии, талион, сакральное право, обычное право, клятва как доказательство, жребий в судопроизводстве, символические наказания, миф и право, космология и право, легитимация власти, архаическое правосознание

Annotation. The article examines the role of symbolism in archaic legal systems. The author shows how ritual actions, objects, and gestures acted as bearers of legal meanings, providing legitimacy to norms and procedures. Examples from traditional law from different cultures demonstrate that the symbol not only accompanied law, but was an integral part of it: obligations were formulated through it, transactions were recorded, and justice was administered. The conclusion is made about the fundamental inseparability of law and symbolic practice in pre-literate and early literate societies.

Keywords: archaic law, legal symbolism, legal anthropology, history of law, ritual in law, ordalia, talion, sacred law, customary law, oath as proof, lot in court proceedings, symbolic punishments, myth and law, cosmology and law, legitimization of power, archaic legal awareness

Для цитирования: Волк-Леонович С. О. Символизм в архаическом праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 275–284.

Современное право мы привычно воспринимаем как сугубо рациональную, светскую и бюрократическую систему норм. Однако за привычным и, казалось бы, понятным нам рациональным фасадом скрывается непонятная, присущая праву магия побуждать индивидов зачастую неосознанно и, следовательно, добровольно следовать предписаниям правовых норм. Становится вполне очевидным, что подобное зачастую не обусловлено вовсе угрозой санкций, по крайней мере для большинства, но зиждется на глубоко укоренившейся вере в легитимность права. Но, как и когда человек приобрел подобную веру? Обращаясь к началу человеческой истории, мы можем наблюдать, что в архаическом обществе легитимность права обеспечивается его сакральностью и связью с космическим порядком. Ритуал, клятва, символический жест были не просто формальностями, а способом включения индивида и всего общества в сферу действия высшего закона (воле богов, предков), обеспечивающего защиту от хаоса и разрушения.

Обращаясь к изучению архаического символизма, мы приходим к очевидному выводу, что право нельзя понимать механистически, оно никогда не было и не может быть чисто техническим инструментом, а является сложным многогранным явлением, органически вплетающимся в саму суть человеческой природы. И по сей день сила права по-прежнему зависит от символического капитала — доверия, уважения, восприятия существующего порядка как должного и справедливого, противостоящего социальному хаосу, анархии, криминализации. Многие современные ритуалы (инаугурация президента, при-

ведение к присяге, судейская мантия) — это прямые наследники архаических практик, наполняющие абстрактные нормы видимым и ощутимым авторитетом. Автор статьи полагает, что без добросовестного научного анализа, позволяющего объяснить природу этих символических механизмов, невозможно эффективно укреплять правопорядок и бороться с правовым нигилизмом в современном обществе.

Многие процедуры в современных государственных институтах власти кажутся нам иррациональными, алогичными и нелепыми пережитками прошлого, глубинный смысл и назначение этих процедур мы можем раскрыть только через призму архаического символизма. Так, поднятие руки при принесении клятвы, использование молотка судьи, особое оформление залов судебных заседаний, присутствие герба и флага — все это нечто большее, чем просто «традиция», в архаическом праве эти действия и атрибуты маркировали переход в особое, сакральное правовое пространство, где действуют иные законы и где произнесенное слово воплощается в жизнь и изменяет, программирует реальность. Эти символы работают на подсознательном уровне, сигнализируя участникам процесса серьезность момента, вводя в определённое состояние и обязывая их к определенному поведению, именно они создают «магию права», отделяя его от обыденной рутины, переводя бытовой конфликт в конфликт юридический.

Принятие данного тезиса позволит нам осознанно проектировать правовые пространства и процедуры для усиления их легитимности, критически оценивать их, если они превращаются в пустую формальность, утратившую символический смысл, объяснять, почему «справедливость должна быть зримой» — потому что в массовом сознании она по-прежнему во многом воспринимается через символы.

Нам следует принять, что право — это не только сознательное следование нормам, но и область, где мощно действуют коллективные, архетипические представления о справедливости, вине и наказании. Архаическое право было пронизано символами, обращенными к коллективному бессознательному: очищение от скверны, изгнание козла отпущения, компенсация или изгнание из общины как восстановление гармонии, и эти архетипы глубоко укоренились в сознании и продолжают оказывать воздействие на поведение современного человека. Сформулированные иначе, но основанные на древнем фундаменте, проявляющиеся в общественном запросе на «справедливое» (а не просто законное) наказание, дискуссии о восстановительном правосудии (где акцент на исцелении жертвы и социальной общности), даже феномен «показательных процессов» — все это отголоски архаических моделей мышления.

Изучение архаического символизма позволит правоведам, законодателям и правоприменителям овладеть мощным аналитическим инструментом, посредством которого будет значительно проще интерпретировать общественную реакцию на те или иные правовые решения, предвидеть, причины, вследствие которых правовые инновации (например, исключительно денежные компенсации без символического покаяния) могут не восприниматься обществом как справедливые.

Следует также отметить потенциал изучения символизма в праве в контексте сравнительного правоведения. Различия между правовыми системами (например, западной, основанной на римском праве, и восточной, основанной на конфуцианских или иных традиционных принципах) часто коренятся в разных типах архаического символизма.

В одних культурах архаический символизм был связан с формальным ритуалом и буквой договора (что предопределило развитие формального права), в других — с поддержанием гармонии в общине и авторитетом старейшин (что способствовало развитию примирительных процедур и обычного права). Непонимание этих глубинных символических оснований приводит к неудачам в правовой трансплантации — когда законы, успешные в одной стране, терпят крах в другой из-за конфликта с местной правовой культурой. В условиях глобализации и межкультурного взаимодействия такое понимание необходимо для успешного международного сотрудничества, унификации права и построения эффективных наднациональных правовых институтов.

Таким образом, необходимость изучения символизма архаического права заключается в том, что оно позволяет изучать современное право «в разрезе», исследуя и выявляя его скрытые, иррациональные, но вместе с тем оказывающие значительное воздействие на поведение индивидов основы, диагностировать проблемы легитимности и авторитета права в современном мире, объяснить устойчивость многих правовых ритуалов и понять их истинную функцию, учесть мощное влияние бессознательных архетипов на правовое поведение и общественное правосознание.

Как уже было сказано выше, архаическое право не верно сводить к малопонятным текстам с устаревшими предписаниями, годными лишь на то, чтобы реконструировать правовой быт древности. Архаическое право это феномен, который требует глубокого научного анализа и детального изучения в контексте лежащей в его основе специфической парадигмы мышления — мифологического мышления. Данный тип мировоззрения нельзя рассматривать как примитивный или нелогичный, поскольку он формировал целостную и внутренне согласованную модель мира, где право выступало неотъемлемой частью космического порядка, а не просто набором человеческих установлений. Для понимания архаического права как элемента мировоззрения, сформированного в архаических обществах, нам необходимо представить основу этого мировоззрения, мифологическое мышление. В основе такого мышления лежат три ключевых принципа, которые и определили формы и сущность архаического права, к таким принципам относятся: единство мира, партиципация (сопричастие) и принцип подобия.

Принцип единства мира предполагает сакрализацию окружающего мира и взаимообусловленность любого элемента системы, в том числе и права, мировым порядком. Исходя из данного принципа следует полагать, что в архаических социальных системах, где доминировала мифологическая картина мира, не существовало четкого разграничения между природным и сверхъестественным, правовым и религиозным, индивидуальным и коллективным. Божества, духи предков и природные стихии рассматривались как активные агенты повседневной жизни, наделяющие ее сакральным смыслом и интеграцией в единую космологическую структуру. Любое, даже самое минимальное отклонение от привычного, а тем более от складывающихся на протяжении нескольких поколений обычаев или традиций, интерпретировались не только как правонарушения против сородичей, но и как посягательства на установленный божественными силами порядок, который обеспечивал гармонию между микро- и макрокосмосом. В этом контексте концепты «маат» в египетской мифологической традиции[1], «ме»[2] в месопотамской традиции, «рита» в индийской традиции[3], концепция «дао» в китайской традиции и «дике»[4] в древнегреческой культуре отражали представления древних о высших космических силах обеспечивающих космический порядок. Они функционируют как фундаментальные принципы, регулирующие социальные отношения во взаимодействии с макро- и микрокосмосом и при следовании предписаниям формируют космическую гармонию. Указанное свидетельствует о синкретичности архаического мировоззрения, где право и религия представляют собой единое целое. Здесь мы подходим к вопросу об онтологических и функциональных аспектах архаической правовой системы. Право воспринимается в архаическом обществе как сакральное откровение, а не человеческая конструкция, где законы не конструировались искусственно, а являлись откровением, передавались через божественные послания или интерпретацию воли богов жрецами и правителями, осуществляющими функции жрецов. Фигура жреца или правителя выступала не столько в качестве творцов права, сколько в качестве медиаторов между человеческим миром и божественным. Формируются концепции, закрепляющие статус медиатора за правителями, в частности в Древней Месопотамии, концепция «царственности» содержала указание на божественное происхождение и легитимность царской власти. В мифологических текстах указывается, что боги даровали эту власть либо напрямую с небес, либо из потустороннего мира, тем самым придавая ей сакральный статус и отделяя её от человеческой воли. Эта власть рассматривается как неотъемлемая часть божественного замысла, направленного на сохранение космического и социального порядка. Хотя сущность царской власти, обозначаемая термином «царственности», воспринимается как неизменная и вечная, её носители, лугали (цари), могут сменять друг друга. Боги обладают способностью отобрать «царственность» у одного города-государства и передать ее другому. Переход «царственности» в месопотамской историографической традиции объясняется динамикой возвышения и падения династий, отражая сложные процессы взаимодействия между божественным и человеческим мирами[5].

Концепция «Небесного мандата» в Китае служила легитимационной основой для правящих династий, начиная с эпохи Чжоу в XI веке до н. э. правитель получает титул «Сын Неба», который используется для обозначения носителя мандата. Правящий дом, обладая «небесным доверием», обретал монопольную связь с Небом через накопление добродетели Дэ. Добродетельный император обеспечивал процветание страны. Утрата добродетели является основной причиной кризисных явлений, экономического, социального и политического характера и в конечном итоге ведет к утрате власти. Основатели новых династий неизменно предстают носителями добродетели, тогда как падение династии ассоциируется с нравственным разложением правителя, что приводит к утрате Небесного мандата. Утрата Небесного мандата рассматривается как событие космического масштаба, сопровождаемое катаклизмами и чудесами, что подчеркивает её значимость и необратимость[6].

Перед нами в приведенных выше примерах не просто «царская власть», а архетип божественного правления, санкционированный свыше для поддержания порядка в мире.

Таким образом, власть и право приобретают статус сакрального феномена, интегрированного в метафизическую структуру мироздания, что подчеркивает его онтологическую трансцендентность и связь с космическими принципами.

Те же признаки сакрального можно наблюдать и в ходе осуществления судопроизводства в архаических обществах. Судебные процессы проводились в сакрально отмеченных местах, таких как священные рощи, храмы или возвышенности, где, согласно архаическим представлениям, небо соприкасалось с землей, что символизировало божественное присутствие. Это придавало судебным разбирательствам характер не просто социальных, но и священных ритуалов, направленных на восстановление нарушенного космического порядка и гармонии, что свидетельствует о глубокой интеграции права в сакральную космологию.

[1] Жданов В.В. Эволюция категории «Маат» в древнеегипетской мысли. М., 2006. С.5
[2] Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002. С. 199-200
[3] Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., 2001. С. 186-187
[4] Нерсесянц, В.С.Политические учения Древней Греции. М., 1979. С. 10-11
[5] Список шумерских царей// https://web.archive.org/web/20090408172033/http://hworld.by.ru/text/sumer/king.file.html
[6]Шицзин: Книга песен и гимнов. М.,1987. С. 300.

Наказания интерпретировались не как социальные санкции, а как манифестации высшей справедливости, исходящей от божественных сил. Болезни, неурожаи, военные поражения часто рассматривались как кара богов за нераскрытые или неотомщенные преступления, что способствовало укреплению интегративной функции права в космической парадигме, где нарушение одного элемента неизбежно влекло за собой дисбаланс в других сферах.

Таким образом, правовая система архаических обществ представляла собой интегральную часть сакрального мироустройства, где законы, судебный процесс и наказания воспринимались как неотъемлемая часть божественного порядка, регулирующего как социальные, так и космические процессы. Это свидетельствует о неразрывной взаимосвязи между правом и мирозданием, где право выступало как отражение и воплощение универсальных космических принципов, что позволяет рассматривать его как неотъемлемый элемент космологической системы, обеспечивающей гармоничное сосуществование человека и мира.

Партиципация (Сопричастие), философские и правовые аспекты магической связи между символом и реальностью.

Термин «партиципация», введенный выдающимся антропологом Люсьеном Леви-Брюлем, обозначает комплексную мистическую связь, устанавливающуюся между объектами, явлениями или сущностями, воспринимаемыми как нераздельное целое[1]. В контексте архаического мировоззрения концепция партиципации предполагала, что часть может символизировать целое, а образ или имя — саму сущность объекта. Это означает, что любое действие, производимое над символом, интерпретировалось как непосредственное воздействие на сам объект, что свидетельствует о глубинной интеграции символического и материального в архаическом сознании.

Партиципация выступает как фундамент архаической правовой системы и проявляется, в частности, в ритуалах передачи права собственности. В архаических правовых системах передача права на землю не ограничивалась устным соглашением, а требовала проведения ритуальных действий, устанавливающих партиципационную связь между новым собственником и землей. Примерами таких ритуалов служит церемония передачи горсти земли[2] или стебля[3] (символизировала передачу части земли новому владельцу, что, согласно концепции партиципации, означало передачу всей территории). В этом контексте горсть земли выступала в роли символической репрезентации всей земли, что обеспечивало магическую связь между владельцем и объектом права. Передача ключа от амбара, жезла или узды символизировала не только конкретный объект, но и полноту власти над имуществом[4]. Эти предметы, передаваемые новому владельцу, создавали магическую связь между ним и объектом права, подчеркивая сакральный характер правовых отношений и их интеграцию в религиозную и социальную структуру общества. Еще одной иллюстрацией партиципации, является институт коллективной ответственности, характерный для архаических обществ, где сородичи обвиняемого выполняли функцию соприсяжников[5]. Их роль заключалась не в свидетельстве о фактах, а в мистической «партиципации» к его невиновности посредством клятвы, где коллективная клятва представляла собой мощное юридическое средство, основанное на сакральной силе рода. Ошибка или ложное свидетельство одного из соприсяжников могло вызвать гнев богов и привести к наказанию всего коллектива, что подчеркивает глубокую интеграцию правовой системы в религиозную и социальную структуру общества. Концепция партиципации оказала значительное воздействие на формирование правовых конструкций последующих эпох. Примером этому служит римский ритуал манципации, включающий символическое действие: удар монетой по весам в

[1] Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 2020. С. 313-314

[2] Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 102-103

[3] Салическая правда. XLVI О передаче имущества. § 1 // Салическая правда / Пер.: Н. П. Грацианский. М., 1950. С. 46-47.

[4] Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. III. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2008. С. 595. См. также: Мейер Д.И. Избранные труды.: в 3 т. М.,2022. Т.1. С. 298

[5] Салическая правда. XXXIX. О похитителях рабов. § 2 Если кто похитит свободного человека и (против него) не окажется верной улики, он должен представить соприсяжников как бы при убийстве. LIII. О выкупе руки от котелка § 1. Если кто будет вызван к испытанию посредством котелка с кипящею водою, то стороны могут прийти к соглашению, чтобы присужденный выкупил свою руку и обязался представить соприсяжников. LVIII. О горсти земли. § 1. Если кто лишит жизни человека и, отдавши все имущество, не будет в состоянии уплатить следуемое по закону, он должен представить 12 соприсяжников (которые поклянутся в том), что ни на земле, ни под землей он не имеет имущества более того, что уже отдал. Хрестоматия феодального государства и права. М., 1960. С. 17,21,23; Саксонская правда. 3. Если идет кровь — 120 солидов, или с одиннадцатью (соприсяжниками) пусть присягнет. Там же. С. 28; Правда Инэ. Если возбудит обвинение англичанин, то тот (обвиняемый) должен очистить себя двойной (по количеству соприсяжников) присягой; если обвинение будет возбуждено уэльсцем, она (очистительная присяга) не должна быть из-за этого увеличенной (двойной). Там же. С. 68; Законы Кнута. 30.2. И если (эта) присяга состоится, пусть человек, который подвергается обвинению по поводу (вещи) в 30 пенсов, выбирает, что он хочет: простую ли ордалию или присягу ценою в фунт (с соприсяжниками) из трех сотен. Там же. С. 86

присутствии пяти свидетелей[1]. Данный ритуал создавал магическую связь между покупателем и вещью, даже при отсутствии физической передачи предмета.

Еще одним характерным примером партиципации является особая присяга в разногласиях, связанных с определением границ земельных участков, и собственно юридической обрядности, при передаче права собственности. В контексте межевых споров дерн приобретал особое значение как элемент, связывающий человека с землей. Процедура «Заклинания Земли» включала присягу, при которой участник держал дерн на голове. Это символизировало его готовность быть связанным с землей и нести ответственность за свои слова. Ложь в таком контексте рассматривалась как нарушение сакрального договора с природой, что могло повлечь за собой наказание, воспринимаемое как вмешательство природных сил. Эта практика, зафиксированная в правовых актах и описаниях судебных процессов, сохранялась вплоть до XVI-XVII веков, демонстрируя устойчивость традиционных правовых механизмов[2].

Передача права собственности на землю сопровождалась ритуалом вручения дерна новому владельцу. Этот элемент символизировал связь с землей и публичность сделки. Дерн, вручаемый при продаже или дарении, становился неотъемлемой частью нового владения, что делало сделку необратимой и легитимной в глазах сообщества. В некоторых регионах также практиковался обряд «бросания дерна», который символизировал отказ от прав на участок, что подчеркивает его роль в разграничении земельных владений.

Дерн также использовался в различных юридических обрядах, направленных на урегулирование конфликтов и установление правовых отношений. Бросание дерна на землю могло символизировать отказ от прав на участок в случае его возвращения или возврата в общественное пользование. Совместное воткнутие дерна в землю являлось ритуалом примирения, который закреплял согласие между сторонами и восстанавливал их правовую связь с землей. Дерн, как элемент природы, обладал глубоким символическим значением в правовой культуре, отражая сложные взаимоотношения человека и земли, а также механизмы поддержания социальной справедливости и стабильности[3].

Обряд рукобитья представляет собой одну из наиболее значимых и архаичных символических практик, сохраняющую свое значение и по сей день в рамках делового обыкновения. Данный ритуал имеет глубокие исторические корни и культурное значение. Заключающие сделку стороны совершают жест рукопожатия, этот физический акт символизирует заключение соглашения и взаимное признание обязательств. Обрядность обязательно проводится в присутствии свидетеля-разъемщика, который выполняет важную функцию контроля и легитимации процесса. Разъединитель, ударяя по рукам участников сделки, тем самым подтверждает ее завершение и формализует достигнутые договоренности[4].

Таким образом, юридические фикции, зародившиеся в архаической концепции партиципации, стали основой для развития сложных правовых систем последующих эпох. Отметим, исходя из выше рассмотренного, что партиципация представляет фундаментальный принцип архаического мышления. Она оказала значительное влияние на формирование правовых систем, определяя не только символические акты передачи права собственности, но и коллективные механизмы ответственности. Кроме того, она способствовала возникновению юридических фикций, ставших основой для развития более сложных правовых конструкций. Таким образом, партиципация представляется ключевым элементом, связывающим символическое и материальное, индивидуальное и коллективное в правовой системе архаических об-

---

[1] Институции Гая / Под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М., 2020. С. 49. См. также. Diosdy Gyorgi. Ownership in ancient and preclassical Roman law. — Budapest, 1970. — С. 56.

[2] Акты, относящиеся до юридическаго быта древней России / изданы Археографической коммиссией под редакцией Николая Калачова. - Санкт-Петербург : в Тип. Императорской акад. наук, 1857-1884. Т. 2: Кабалы, книги, купчия, межевыя, мировыя, меновныя, наемныя, наказы, оброчныя, отводныя, откупная, отписи, отписки, отписныя, отпускныя, отсрочныя, памяти, писания, письма, платежныя, подорожныя, подписи, подписки, подрядныя, поручныя. Т. 2. - 1864. С. 453. См. также. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции : Их форма, содержание и значение в истории русского права : Исслед. Д. М. Мейчика, присяж. пов. при Моск. судеб. палате. — Москва : Тип. Л. Ф. Снегирёва, 1883. С. 109.

[3] Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский, орд. проф. Т.1-. Т. 1 / 29. — Киев: тип. Давиденко, 1860-1863, 1860. Т.2. № 100, С. 323, 325. См. также Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. - Санктпетербург : Археографическая комиссия, 1872-1927. Т. 14: Акты Холмогорской и Устюжской епархий / [под редакцией А. И. Тимофеева]. Ч. 2. - 1894.

[4] Библия. Ветхий Завет. Притч.6:1 «Сын мой! если ты поручился за ближнего твоего и дал руку твою за другого». Библия. Ветхий Завет. СПб., 2024. С. 1037; Библия. Ветхий Завет. Иез.17:18 «Он презрел клятву, чтобы нарушить союз, и вот, дал руку свою и сделал все это; он не уцелеет» Там же. С.1306.

Псковская судная грамота. 24. «А кто с кем ростяжется о земле, а почнет просить сроку на управы, или на шабъры, ино ему дать один срок на сто верст три недели, а дале и ближе а то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кем управы лежат, по крестному целованью, да и по руце ему ударити с истцом своим; а посад- нику приложить к срочной грамоте своя печать. А иному сроку не быть. А от сроку взять гривна. Также и иным судьям давать срок по тому ж. А кой истецъ не возмет срочной за печатью, ино тем его и обвинить тому судье, пред ко- им суд был, а сроку не ждать. А о иных делех срок по старине». Российское законодательство X—XX веков. М.: Юрид. лит., 1984. Т. I. С. 306.

ществ, что подчеркивает её фундаментальное значение для понимания эволюционного развития правовых систем.

Принцип подобия в контексте магии и правовой системы может быть сформулирован как «Подобное производит подобное». Такой принцип подобия известен как закон симпатической магии (термин Дж. Фрэзера)[1], представляет собой фундаментальную концепцию, постулирующую, что объекты, обладающие сходством или находившиеся в физическом или символическом контакте, способны оказывать взаимное влияние, даже на расстоянии. Этот феномен, глубоко интегрированный в магическую практику и правовую систему, проявляется в стремлении к достижению симметрии между преступлением и наказанием, что является ключевым аспектом формирования юридических норм и практик. Данный принцип находит свое отражение в системе архаического права и проявляется в таких институтах, как талион: концепция зеркального отражения, выраженная в формуле «око за око, зуб за зуб»[2], является прямым воплощением принципа подобия. В этом контексте наказание должно быть идентично по форме и содержанию преступлению, что символизирует восстановление нарушенной гармонии и справедливости. Например, если лицо совершило преступление, связанное с лишением зрения, то и само оно должно быть лишено глаза, что наглядно демонстрирует действие магии подобия. Важно отметить, что талион применялся исключительно к лицам, обладающим равным социальным статусом; для рабов или чужаков существовали иные правовые механизмы, отражающие иерархическую структуру общества.

Еще один институт, иллюстрирующий принцип подобия — это ордалии, или «божий суд» – широко применялся в архаическом процессуальном праве, где божественное вмешательство используется для установления истины, а именно виновности и причастности лица к преступлению. «Церемониальная сложность ордалий показывала их значение как акта прямого обращения к божественной справедливости, где физическое испытание было лишь внешней формой проявления воли богов», отмечает историк права П.В. Кейн[3].

В современной историко-правовой науке ордалии традиционно классифицируются на три основных типа: двусторонние (активные), односторонние (пассивные) и смешанные. Каждый из этих типов представляет собой метод установления истины посредством божественного вмешательства, основанный на концепциях божественного вмешательства.

Двусторонняя ордалия характеризуется активным участием обеих сторон процесса — как обвинителя, так и обвиняемого. Наиболее распространённым методом данного типа ордалии была практика судебного поединка, который представлял собой прямое столкновение сторон в вооружённом противостоянии, исход поединка считался выражением божественной воли, определяя оправдание или осуждение проигравшего[4].

---

[1] Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983. С.19

[2] Тураев Б.А. Законы Хаммурапи Москва Берлин, 2018. С.78 (196. Если кто-нибудь повредит глаз у свободного, то должно повредить глаз ему (самому). 197. Если он сломает кость у свободного, то должно сломать кость ему.)
Пятикнижие и гафтарот. М. 1999 // Мишпатим (Исход) XXI, 24. С. 414. // Шофтим (Судьи) XIX, 17. С. 1207.
Законы ману. Глава 8. 279. Тот член, каким человек низший ударит высшего, — именно он — у него должен быть отрезан, таково предписание Ману. Законы ману. М., 2002. С. 313.
Библия//Книга Исход (21:23–25): «...а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». // Книга Левит (24:19–20): «...кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб...». // Второзаконие (19:21): «...да не пощадит [суд] глаз твой: душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу».
Струве В.В. Хрестоматия по истории Древнего мира. В 3 т. Т.3. М., 1953// Двенадцать таблиц // Таблица VIII. 2. Если причинит членовредительство и не помирится с [потерпевшим], то пусть и ему самому будет причинено то же самое.
Коран, сура 5 «Аль-Маида», аят 45: «Мы предписали им в нём: душа за душу, око за око, нос за нос, ухо за ухо, зуб за зуб, а за раны — возмездие».

[3] Kane, P. V. History of Dharmasastra: Ancient and Medieval Religious and Civil Law in India. 5 vols. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute. p. 391

[4] Мир Фридриха I для Рейнской Франконии 1179 года «6. Если обвиняемый, свершив злодеяние, убежит, то пусть будет призываться на суд трижды с промежутками по 14 дней. Если явится, пусть очистится сам-сём, если только кто-либо из друзей убитого или раненого не пожелает вызвать его на поединок. Если обвиняемый будет побежден, то коли он убийца — повесить, коли он только пролил кровь — лишить руки». Хрестоматия феодального государства и права. М., 1960 С. 322.
Псковская судная грамота. «Относительно земли необработанной (пустоши) суд таков: если в суд представят обе тяжущиеся стороны письменные документы на одну и ту же землю и если в том и другом будет указана одна и та же земля, то тяжущиеся должны взять межевщиков и указать по документам в натуре оспариваемые участки, затем каждый пред судьями (господою) доказывает свое право на участок, означенный межевщиком, — или спор разрешается поединком». Российское законодательство X—XX веков. — М.: Юрид. лит., 1984. — Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 331—343.

Судебный поединок был неотъемлемой частью правовой системы средневековья и использовался для разрешения споров, связанных с вопросами чести, собственности и другими значимыми аспектами общественной жизни.

Своеобразным видом ордалии является двустороннее испытание крестом, ритуал представлял собой символическое противостояние участников, находившихся напротив друг друга перед распятием, участники скрещивали руки на груди, и проигравшим считался тот, кто первым опускал руки. Согласно О. И. Тогоевой, указанный ритуал восходит к библейским прецедентам, таким как действия Моисея в битве с амаликитянами[1] (Исх. 17:8-13). Этот вид ордалии был широко распространён в Англии, Ирландии и Дании.

К пассивным ордалиям относились испытания только обвиняемого, в частности Законы Ману называют пять видов ордалий, осуществляемых посредством огня, воды, яда, весов, освященной воды[2], Шастра Нарад[3] указывает еще два вида, рисом и монетой. **Испытание водой, которое в архаическом обществе** символизировало чистоту, применялось для определения невиновности или виновности обвиняемого. Согласно данной процедуре, невиновный человек должен был быть принят водой, то есть не утонуть, в то время как виновный, являясь осквернённым, должен был быть отвергнут водой, что проявлялось в утоплении. Таким образом, подобие между моральной и физической чистотой служило фундаментом для вынесения вердикта, подчеркивая, что божественная справедливость опирается на символическое взаимодействие между элементами природы и человеческой моралью[4].

Еще один вид ордалии включал испытание огнем, символизирующим божественный суд. Невиновный индивид должен был пройти через раскаленное железо и остаться невредимым, что свидетельствовало о его чистоте перед богами. Ожог, как видимый знак на теле, служил явным свидетельством вины, демонстрируя принцип подобия, где огонь, обжигая грешника, символизировал его моральную нечистоту. Этот ритуал не только подтверждал справедливость, но и подчеркивал роль божественного вмешательства в правовую систему[5].

Промежуточным видом ордалий являлось испытание кипятком. Обвиняемый должен был достать кольцо или камень из котла с кипящей водой. Затем его руку забинтовывали и через несколько

---

[1] Тогоева О. И. Ордалия // Православная энциклопедия. — М., 2019. С. 104—106.

[2] Законы ману. М., 2002. С. 313-314

[3] Дхармашастра Нарады. М., 1998. С. 93-98

[4] Тураев Б.А. Законы Хаммурапи Москва Берлин, 2018. С. 54. «Если кто-нибудь, бросив на другого подозрение в чаро_действе, не докажет этого, то тот, на кого брошено подозрение в чародействе, должен пойти к реке и опуститься в реку. Если река овладеет им, то тот, кто его обвинил, получает его дом, а если река объявит этого человека невинным, и он останется невредим, то того, кто бросил на него подозрение в чародействе, должно предать смерти, а опускавшийся в реку получает дом своего обвинителя.

Законы ману. М., 2002. С. 286. Глава 8. Стих 115 «Тот, кого пылающий огонь не обжигает, кого вода не заставляет подняться вверх и [с кем] вскоре не случается несчастья, должен считаться чистым в клятве»

Салическая правда. «LVI. О неявке на суд § 1. Если кто пренебрежет явкою на суд или замедлит исполнением того, что ему определено рахинбургами, и не пожелает войти в сделку ни путем композиции, ни путем очищения водой, ни каким-либо другим законным способом, тогда истец должен вызвать его на суд пред лицом самого короля». Хрестоматия феодального государства и права. М., 1960 С. 22.; Законы Этельстана. «23.1. И если это (ордалия) холодной водой, то пусть он погрузится на 1 1/2 локтя (связанным) веревкой, если (же) это ордалия (раскаленным) железом, то должны пройти 3 ночи, прежде чем откроют руку». Там же. С. 79; Закон об ордалии горячим железом и (кипящей) водой. 1в. И если (ордалия) будет производиться водой, то- пусть она будет разогрета до степени кипения, причем, котел должен быть железный или медный, свинцовый или глиняный. Там же. С. 91-92; Кларендонская ассиза. «2. И если окажется, что обвиняемый на основании фактических данных или на основании слухов, на основании клятвенных показаний названных выше есть действительно разбойник, или тайный убийца, или грабитель, или укрыватель их после того, как государь король стал королем, то он должен быть арестован, подвергнут испытанию водой и даст клятву, что не был разбойником или тайным убийцею или грабителем, или укрывателем их после того, как государь король стал королем». Там же. С. 124; Польская правда XIII века. XXV. Если тогда не погрузится, но выплывет над водой, то этим доказывается то, в чем его обвиняют. Там же. С. 746; «Kniha rozmberska». 157. За разбой один вызов; тем же порядком звать в; суд, как за ограбление; испытание водой. Там же. С. 840.

Салическая правда. LIII. О выкупе руки от котелка § 1. Если кто будет вызван к испытанию посредством- котелка с кипящею водою, то стороны могут прийти к соглашению, чтобы присужденный выкупил свою руку и обязался представить соприсяжников. Хрестоматия феодального государства и права. М., 1960. С. 21.

Законы ману. Глава 8. 279. Тот член, каким человек низший ударит высшего, — именно он — у него должен быть отрезан, таково предписание Ману. Законы ману. М., 2002. С. 313.

[5] Дхармашастра Нарады. А285-А300. М., 1998

Пространная Русская Правда ст. 22 «В случае отсутствия послухов при обвинении в убийстве дается испытание железом. Так же поступают при обвинении в краже, если не будет поличного (лица), когда обвинение не может быть доказано. Железо присуждается насильно («из неволи») по искам до полугривны золота. Если иск меньше, – до двух гривен серебра, – дается испытание водою. Российское законодательство X—XX веков. — М.: Юрид. лит., 1984. — Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 65.

дней проверяли. Если ожоги заживали — он невиновен. Если нет — виновен. Это была классическая **ордалия кипятком**, разновидность испытания огнем[1].

Испытание ядом, предполагалось, что Божественное вмешательство защитит невиновного от вреда[2]. Так, например обычаи в Гане включали в себя испытание ядом одум и «ношение трупа», когда люди несли мёртвое тело, и оно указывало на человека, ответственного за смерть в результате колдовства[3].

В отдельную группу следует выделить группу, условно обозначенную **«испытаний чудом»** (или «пассивных ордалий»). Это мы полагаем совершенно оправданным, так как логика таких ордалий фундаментально отличается от поединка и испытаний огнем, водой или железом.

Если испытания элементами являлись «горизонтальным» вызовом (человек активно доказывает свою невиновность, проходя через страдание), то «испытания чудом» — это «вертикальное» ожидание знака свыше, где человек пассивен, а решение проявляет божественная сила напрямую, через чудо или случай.

В основе этих практик лежала вера в то, что Бог или святой не позволят случиться кощунству или явно укажут на виновного через знамение.

В частности, к такому виду ордалий можно отнести целование креста или иконы. Обвиняемый должен был публично поцеловать крест или особо чтимую икону, считалось, что лжец, совершивший кощунственный обряд, будет немедленно наказан Богом — его поразит болезнь, или он умрет на месте, невиновный же останется невредим.

В некоторых случаях обвиняемый должен был принять причастие (евхаристию). Вера в то, что «кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе» (1-е послание к Коринфянам, 11:29), служила гарантией того, что виновный будет поражен.

Посещение могилы святого или храма. Считалось, что невиновный сможет беспрепятственно войти в святилище или прикоснуться к раке с мощами. Для виновного же это должно было быть невозможно — двери храма могли «чудесным» образом закрыться перед ним, он мог быть отброшен невидимой силой, или его поражала болезнь. Эта практика восходит к ветхозаветному представлению о святилище как о месте, недоступном для скверны.

К этой же группе следует отнести испытание жребием (гаданием). Эта одна из самых архаичных форм, и основывается на вере в то, что божество направляет случай[4].

Бросание жребия, жребий (кости, камешки, ветки с метками) бросали перед алтарем или после молитвы, выпавшая сторона считалась проявлением божественной воли. Этот метод был распространен повсеместно — от древнегерманских племен до Византии. «Едва ли можно выяснить, какое из двух значений является первоначальным: в архаическом мышлении оба понятия сливаются воедино. Зевс держит весы божественного суда, асы мечут мировой жребий, бросая игральные кости. Божий суд выносит свой приговор через испытание в силе или через схватку с оружием точно так же, как и через случайно выпавшие игровые символы»[5].

«Ордалии представляли собой не суеверие, а системный юридический механизм разрешения неразрешимых иным способом судебных тяжб», – отмечает индийский историк права П.В. Кейн.[6]

Интересна оценка ордалии французским философом М. Фуко. Он постулирует тезис, согласно которому в архаическом праве истина была не объектом открытия, а результатом ритуализованного столкновения, своего рода театрализованного представления с заранее установленными ролями и жестами, которое и производило «истину» как событие-победителя[7].

Обращаясь к институтам архаического уголовного права, следует отметить проявление принципа подобия в правовой практике применения символического наказания, отражающие суть совершенного

[1] Законник благоверного царя Стефана 84. Об оправдании котлом. «Да не будет никаких судебных пошлин ни за котел, ни за оправдание; оправданный да не дает судьям никакой пошлины за оправдание; пошлины за поруку да не будет на суде, (равно как да не допускается) клеветы, ни самоуправства; только да судятся по закону». Хрестоматия феодального государства и права. М., 1960 С. 902

[2] Дхармашастра Нарады. А319-А326. М., 1998

[3] Gray, Natasha (2001). "Witches, Oracles, and Colonial Law: Evolving Anti-Witchcraft Practices in Ghana, 1927-1932". The International Journal of African Historical Studies. 34 (2): 339–363.

[4] Библия. Ветхий Завет. Книга Исуса Навина.18:6 «а вы распишите землю на семь уделов и представьте мне сюда: я брошу вам жребий здесь пред лицем Господа, Бога нашего». Библия. Ветхий Завет. СПб., 2024. С. 414; Русская Правда Пространная редакция. Дополнительные стать. О мужи кроваве. «Аще ль пьхнетъ муж мужа любо к себе, любо от себя, ли по лицу ударить, или жрѣдию ударить, а без зънамения, а ви- док будетъ, бещестие ему платити; аже будетъ болярин вели- ких боляр или менших боляр, или людин городскыи, или се- лянин, то по его пути платити бесчестие; а оже будетъ варяг или колоб яг, крещения не имея, а будетъ има бои, а ви- док не будетъ, ити има роте по своей вере, а любо на жребии, а виноватый в продажи, в что и обложатъ». Российское законодательство X—XX веков. — М.: Юрид. лит., 1984. — Т. I. Законодательство Древней Руси. С. 73;

[5] Хёйзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2011. С. 124

[6] Kane, P. V. History of Dharmasastra: Ancient and Medieval Religious and Civil Law in India. 5 vols. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute. p. 395

[7] Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2. М., 2005. С. 83-84.

преступления. Например, вора, укравшего пищу, могли принудить носить кусок хлеба на шее[1], а у клеветника — отрезать язык[2]. Эти наказания имитировали совершенное преступление, делая его видимым и осязаемым для сообщества, что способствовало укреплению социальной справедливости и порядка, а также демонстрировало глубокое понимание принципа подобия в правовой системе.

Таким образом, принцип подобия, пронизывающий как магические, так и правовые практики, является фундаментальной основой, обеспечивающей симметрию и справедливость в обществе. Его применение в различных формах, от талиона до ордалий и символических наказаний, отражает стремление к восстановлению нарушенного порядка и укреплению социальных норм.

В контексте мифологического миропонимания, базирующегося на триаде фундаментальных концепций — синкретичности мира, партиципации и принципа подобия, — правовая реальность представляла собой интеграцию ритуальных практик и символических структур, выполнявших функции, аналогичные современным правовым институтам. Ритуал в данном контексте выступал в роли первичного регулятора общественных отношений, а символ выполнял функцию доказательства, обеспечивая легитимность и сакральность правовых предписаний.

Правовая система, сформированная на основе мифологического мировоззрения, не являлась абстрактным набором правил, а представляла собой сложную сеть сакральных практик, направленных на поддержание гармонии между человеческим социумом и божественным миром. Этот баланс, будучи ключевым элементом архаического правопорядка, обеспечивал стабильность и предсказуемость общественных процессов, несмотря на отсутствие формализованных правовых норм в современном понимании.

Понимание логики мифологического правопонимания позволяет рассматривать архаические судебные процедуры как сложную и глубоко осмысленную систему, адаптированную к специфике общества, оперирующего категориями мифа и магии. Архаические правовые институты, сформированные в рамках этой символической парадигмы, впоследствии эволюционировали, пройдя длительный процесс рационализации, который, тем не менее, сохранил их основополагающие элементы, интегрированные в современные правовые системы.

Таким образом, мифологическое правопонимание представляет собой не только исторический артефакт, но и важный элемент для понимания генезиса и развития правовых институтов, демонстрируя их глубокую укорененность в человеческой культуре и мышлении.

Результаты проведенного исследования символизма в контексте архаического права позволяют сделать вывод о том, что в архаических обществах право функционировало не как абстрактная система норм, а как целостный комплекс сакральных практик, в которых символ выступал в качестве универсального языка правовой коммуникации. Данный язык был единственным доступным средством выражения, хранения и передачи юридических смыслов в условиях доминирования мифологического типа мышления, что подчеркивает его ключевую роль в формировании правовой реальности архаических обществ.

В архаических правовых системах символ занимал центральное место, выполняя функции, аналогичные тем, которые в современных системах распределены между различными правовыми институтами. Символический акт, основанный на ритуале, служил основополагающим механизмом опосредования ключевых правовых концептов, таких как вина, собственность и обязательства.

Вина в архаическом праве устанавливалась посредством обращения к сакральному через поединок или испытание огнем, водой, ядом, или жребием, компенсировалась посредством вергельда, который выступал как символическое возмещение ущерба. Рассмотренные нами практики отражали архаическую концепцию вины как нарушения сакрального порядка, требующего ритуального очищения, превращали неразрешимый спор в окончательный вердикт, производя «истину» как **событие**, а не как результат логического анализа.

---

[1] «Вору, пойманному с поличным, связывают руки и надевают ему на шею, или привязывают на спину украденную вещь: кусок полотна, сноп хлеба, живую курицу и т.д. и т. д. Ежели он украл сено, его обвязывают сеном; ежели украл овцу, на него надевают овечью шубу. Иногда на него надевают хомут, сделанный из соломы, или раздевают его до нога, обмазывают дегтем и обсыпают перьями». Якушкин Е. И. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875-1909.Вып. 1. - 1875. С.XXXVIII. «В некоторых местах укравшего вещь водят с нею по улице при толпе народа; напр, похитившего чужое сено водят с привязанным на спине кошелем сена, укравшего дрова с навешенною через плечо вязанкой дров, на виновного в кражах н зарезании овцынадевают кожу этого животного и водят в таком виде по деревне. Когда водят вора, у каждого дома приостанавливаются и спрашивают, не утерялось ли чего?». Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев. 1869. Вып. 3.

[2] Правда (судебник) Альфреда. «32. Если кто-нибудь распространял публично (среди народа) клевету и будет изобличен в ней, то пусть он расплатится за это не менее того, что у него отрежут язык, и чтобы язык нельзя было выкупить ни за какую меньшую цену, чем оценивают его (клеветника) вергельд». Хрестоматия феодального государства и права. М., 1960. С. 74; Законы светские. И если кто-либо ложно обвинит другого, так что будет нанесен ущерб его имуществу или благосостоянию, и если потом этот другой сможет опровергнуть то, что приписывали ему, то пусть отвечает он (клеветник) своим языком, если только не откупиться с помощью своего вергельда.

Собственность устанавливалась через акты инвеституры, где символическая передача части объекта (например, горсти земли) представляла собой замещение целого (земельного участка). Данный процесс символизировал установление сакральной связи между владельцем и объектом собственности, подчеркивая его сакральный характер. Ордалии переносили ответственность за установление вины с человека на божество.

Обязательства закреплялись посредством ритуалов, которые превращали будущие действия в настоящее магическое единение воль. Примерами таких ритуалов являются рукобитие или залог, где символическое действие служило гарантом выполнения обязательств и укрепляло социальные связи.

Символические практики в архаическом праве выполняли множество функций, аналогичных тем, которые в современных системах распределены между различными институтами права.

Символ сакрализировал власть и правовые решения, выводя их источник за пределы человеческой субъективности в сферу божественного или сверхъестественного, что обеспечивало легитимность правовых норм и решений.

В условиях отсутствия письменности и абстрактных понятий, символ обеспечивал визуальную и доступное передачу правовых смыслов, способствуя эффективному правовому регулированию.

Коллективное участие в правовых ритуалах способствовало сплочению общины и воспроизведению коллективного сознания, укрепляя социальные связи и идентичность.

Консервативный характер ритуалов обеспечивал устойчивость правовых систем на протяжении поколений, что способствовало поддержанию социальной стабильности.

В архаическом сознании право воспринималось как механизм поддержания и восстановления космической гармонии. Преступление рассматривалось не просто как нарушение человеческих установлений, а как разрыв в сакральной ткани миропорядка, вводящий элементы хаоса.

Правовые ритуалы выполняли ряд значимых социальных функций, ритуал выступал как ритуальное повторение изначального божественного акта создания и поддержания порядка в мире, что подчеркивало его сакральную природу. Ритуал служил средством устранения скверны, вызванной преступлением, и восстановления нарушенного баланса, что способствовало возвращению к первоначальному состоянию гармонии. Ритуал выполнял функцию социальной терапии, позволяя коллективу пережить катарсис и восстановить нарушенное равновесие, что способствовало интеграции индивида в социум.

Проведенное исследование символизма в архаическом праве демонстрирует не разрыв, а сложную преемственность с современными правовыми системами. Рудименты правового символизма до сих пор сохраняются в современных юридических процедурах, в частности таких как присяга, атрибуты власти и законодательный церемониал, что свидетельствует о сохранении элементов архаического наследия.

Юридические фикции могут рассматриваться как рационализированные формы архаического символизма, адаптированные к новым социальным условиям, что подчеркивает их генетическую связь с архаическими правовыми традициями.

Анализ архаических корней права способствует глубокому пониманию иррациональных и бессознательных аспектов современной правовой культуры, что позволяет более комплексно подходить к изучению правовых феноменов.

Научная и практическая значимость данного исследования заключается в преодолении европоцентристских и модернизаторских подходов к изучению ранних правовых систем. Архаическое право предстает не как отсутствие правовых предписаний или набор курьезных фактов, а как высокоэффективная социальная технология, идеально приспособленная к потребностям общества на определённой стадии его развития, оперирующего категориями мифа и магии. Это позволяет пересмотреть традиционные представления о правовой эволюции и подчеркнуть важность изучения архаических правовых систем для более глубокого понимания фундаментальных аспектов права.

Перспективы дальнейших исследований включают следующие направления: это, прежде всего, проведение сравнительного анализа символических систем различных архаических правовых традиций, что позволит выявить общие закономерности и специфические особенности правовых ритуалов в разных культурах, изучение психологических основ правового символизма, что откроет новые перспективы для понимания механизмов правового регулирования на уровне индивидуального и коллективного сознания, исследование современных форм правового символизма в контексте цифровой цивилизации, что позволит проследить эволюцию правовых символов в условиях глобализации и технологического прогресса.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что символизм в архаическом праве представлял собой не внешний атрибут, а сущностное содержание, живую ткань, из которой была соткана первоначальная правовая реальность. Обращение к архаическому праву, являющемуся истоком современных правых систем, позволяет современной юриспруденции глубже понять не только историю права, но и его фундаментальную природу как феномена, находящегося на пересечении рационального и иррационального, социального и сакрального, принуждения и веры.

Воронин Иван Константинович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теория и история государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС)

Voronin Ivan Konstantinovich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Far Eastern State Transport University (FESTU)

E-mail: voronin@festu.khv.ru

Правовая природа одежды дворян как символическое подтверждение их принадлежности к благородному сословию в России (XV – начало XX вв.)

Clothing as a symbolic aspect of the person's identity to the nobility in Russia (XV – early XX centuries)

Аннотация. В публикация рассматривается одежда как символический аспект, позволяющий выделить дворянство среди других сословий России в XV – начало XX вв. Выявляется причина более позднего, чем в Западной Европе появления правовых актов, регламентирующих ношение одежды. Выявляется основные законодательные акты, связанные с этим. Ношение соответствующей одежды дворянами, а также соответствующих орденов и знаков дворянами, рассматривается и как их право, и как привилегия.

Ключевые слова: сословия, дворянство, одежда, символы, право, привилегии, законы

Annotation. In the publication, clothing is considered as a symbolic aspect that makes it possible to distinguish the nobility from other estates of Russia of the XV - early XX centuries. The main legislative acts related to this are disclosed. The wearing of appropriate clothing by the nobility, as well as the corresponding orders and badges, is considered both their right and privilege.

Keywords: estates, nobility, clothing, symbols, law, privileges, laws

Для цитирования: Воронин И. К. Правовая природа одежды дворян как символическое подтверждение их принадлежности к благородному сословию в России (XV – начало XX вв.) // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 285–288.

Сословия как правовая категория в досоветской России, характеризует отношение между сувереном, коим в ранний период был Великий князь, затем царь, а в период абсолютизма император, и подданными. В качестве признака, характеризующего принадлежность лица к определенному сословию, выделяют прежде всего набор прав и обязанностей, которыми он обладает, отличный от других сословий. И если в современном праве действует принцип равенство всех перед законом, то в сословном обществе, коим несомненно была царская Россия торжествовал другой принцип –принцип неравенства подданных перед законом. Однако, для полной характеристики сословий одного этого признака недостаточно. Важно указать на те функции, которые выполняет сословие в социуме, характеризуемом отношениями «сюзерен- подданные». Так, для дворян это – служение царю (императору), которое оплачивалось либо землей-поместьем (поместное дворянство), либо деньгами (личное дворянство). Большинство авторов, как историков[1] и социологов[2], так и историков права[3], фокусируются на этих двух характе-

[1] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи: (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2009. – 741 с.

[2] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. Т. 1. – 547, [1] с.; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. Т. 2. – 582, [1] с.

[3]Смирнов С.Н. Правовое оформление сословной модели в России. Середина XVII – начало XX в. = Legal Registration of Social Stratum's Model in Russia. Mid XVII – Beginning XX Century. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 663, [1] с.; Новицкая

ристиках сословий, ограничиваясь лишь упоминанием вскользь о других. К другим признакам относятся: 1) наличие сословной корпоративной организации; 2) система воспроизводства сословного состояния; 3) отличная от других сословий система регистрации принадлежности лица к сословию; 4) символы и знаки, по которым можно определить принадлежность лица к тому или иному сословию.

В данной публикации автор сфокусировался на одежде, носимую дворянством, выделяющую их среди других сословий. К другим символическим знакам, обозначающим принадлежность лица к дворянству, относится наличие фамильного герба, а также право быть награжденным орденами, орденскими знаками и лентами, с особым порядком их ношения.

Следует отметить, что изучением гербов занимается геральдике,[1]а орденов и медалей – фалеристика.[2] Они являются вспомогательными историческими дисциплинами, позволяя специалистам атрибутировать артефакты прошлого, установить дату их появления на свет, извлечь другую информацию. Эти же цели ставит и Л.Е. Шепелев, исследуя историю русского мундира.[3] Наша задача рассмотреть одежду дворян как символический аспект, определяющий принадлежность лица к благородному сословию в России в XV – начале XX в.

Со времен Киевской Руси и вплоть до второй половины XVII столетия определяющим признаком знатности лица была его приближенность, в почти буквальном смысле, к князю, а затем и к царю определялось «местничеством» и пока оно существовало служилой аристократии можно было пренебречь гербами, орденами, титулами и другими символическими знаками. Поэтому только после ликвидации местничества у нее – аристократии, возникла потребность обозначить свое привилегированное положение символическими средствами. Это, в свою очередь, позволило взять наработанный в Западной Европы опыт и применить его на русской почве. Законодательное оформление было использования символических средств дворянством произошло сравнительно поздно – в XVIII в.

Наиболее распространенной символической формой «отделения» дворян от других сословий был мундир – чиновничий (или гражданский) и военный. Мундир, как вид костюма имел две функции – эстетическую (форма) и практическую (содержание).[4] Сословные различия в одежде складывались первоначально стихийно, но уже во второй половине XVII в. она подверглись законодательному регулированию и, таким образом, костюм, прежде всего дворян, становится предметом правовой регламентации. В первую очередь это коснулось московских жильцов. У них уже было разделение на парадную и повседневную одежду. Первую они одевали на царские приемы.[5]

В том же XVII столетии законодатель, впервые обратил внимание на внешний вид дворян и бояр, запретив им носить платья, стричь волосы и бороды на манер иностранцев. В частности, в указе царя Алексея Михайловича было сказано: «… и Жильцам указал Великий государь свой государев указал сказати, чтоб они иноземных немецких иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, також и платьев, кафтанов и шапок, с иноземских образцов не носили, людям своим потомуж носить не велели».[6]

Петр I уделил внешнему виду подданных еще большее внимание, и произвел тем самым «революцию» в их одежде. Начало этому положили указы от 4 января 1700 г.[7] и декабря следующего года[8]. Данные указы существенным образом расходился с предыдущим, изданным его отцом, и делал крутой поворот в сторону «вестернизации» внешнего облика дворянства. Они ориентировали дворянство на ношение одежды европейского образца.

Военный мундир французского покроя доминировал в одежде дворян вплоть до конца XVIII в. – первой половине XIX вв. Для того чтобы наглядно убедиться в этом достаточно посмотреть многотомный альбом военнослужащих французской армии, опубликованный 1902 г. [9] (см. рис. 1, 2)

Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. – М.: Зерцало-М, 2005. – 567 с.

[1] Геральдика от латинского *heraldus* – глашатай. Основной объект геральдического исследования – герб (от польского, чешского – *herb*, немецкого *Erbe* – наследство. См.: Леонтьева Г.А. Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. для студентов вузов / Г.А. Леонтьева, П.А. Шорин, В.Б. Кобрин / Под ред. Г.А. Леонтьевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2015. – С. 215.

[2] Фалеристика (от лат. falerae, phalerae– металлические воинские знаки отличия, от греч. φάλαρα – металлические бляхи), вспомогательная историческая дисциплина, изучающая ордена и медали.

[3] Шепелев Л.Е. Гражданские мундиры в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л.: АН СССР, 1991. Т. XXIX. – С. 6 – 33; Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. – 224 с.

[4] Каминская Н.М. История костюма. – М.: «Легкая индустрия», 1977. – С. 3.

[5] Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками в 30 Ч. / под ред. Висковатова А.В. – СПб.: Военная типография, 1841. Ч. 1. – С. CXIX.

[6] См.: ПСЗРИ. Собр.-1. Т. I. 1675. Август, 8. № 607. – С. 1008.

[7] ПСЗРИ. Собр.-1. Т. IV. 1700. Январь, 4. № 1741.

[8] ПСЗРИ. Собр.-1. Т. IV. 1701. Декабрь. № 1887. – С. 182.

[9] См.: Les Uniformes de l'Armée Française: Recueil d'ordonanes de 1690 à 1894. Par le docteur Lienhart et René Hambert. – Leipzig: M. Ruhl, 1899. Tome I – V.).

Рис. 1. Корнет Кирасирского полка 1756–1762 гг.[1]

Влияние прусской униформы превалировало только в правление Павла I, который довел регламентацию внешнего облика солдат и офицеров до педантизма. В конце XVIII в. для офицеров армии вводятся эполеты. Все офицеры-дворяне получают единообразные военного покроя мундиры, различающиеся по цвету, в зависимости от рода войск и принадлежности к воинскому формированию. Особо отличались внешней отделкой парадные мундиры старших офицеров – генералов и полковников.

Во второй половине XIX в. военная форма упрощается. Он становится проще и практичнее, более приспособленным к условиям военных действий массовой армии. Введение погон, в качестве главного знака отличия, позволило: 1) упростить военный костюм; 2) провести различие между солдатами и офицерами; 3) отделить генералов, штаб-офицеров от младших офицеров. В XIX в. понятие «честь мундира» для офицеров было равнозначно понятию дворянской чести. Это понятие было сформулировано В.М. Кульчицким в его брошюре, адресованной молодым офицерам.[2] Брошюра получила неофициальное название «Кодекс чести русского офицера» и выдержала множество изданий. Она является квинтэссенцией русской офицерской чести. В годы Великой Отечественной войны отдельные положения кодекса вошли в «Законы советской гвардии».[3] Сам В.М. Кульчицкий и его сын М.В. Кульчицкий – известный советский поэт, погибли в этой войне. Отец – в оккупации, сын – на фронте.

Ношение военного мундира рассматривалось как почетное право, а выход в отставку, в ряде случаев сопровождалось повышением в звании. Примечательно, что отставным генералам, штаб- и обер-офицерам не разрешалось носить военную форму при исполнении обязанностей, не связанных с военной службой, за исключением тех случаев, когда они поступали на выборные дворянские сословные должности (предводители губернского или уездного дворянства, депутаты дворянских собраний, заседатели дворянской опеки)[4].

К 70-м – 80-м гг. XVIII в. относятся первые законодательные акты, регулирующие форму одежды и правила её ношения классными чиновниками[5].

Гражданский мундир стал внешним выражением правового статуса чиновника, указывая на его должность, чин и звание,[6] местом его службы. В апрельском 1784 г. указе Екатерины II было начертано: «…Присвоить в каждом наместничестве особые цвета для платья в пользу находящихся там у дел дворянства и гражданства и в описании, и в сокращении роскоши. Мы рассудили за благо назначить оные цвета по трем полосам Империи Нашей, с отменами и различиями для каждой губернии, заимствованные из гербов, ими употребляемых»[7].

Большую роль в правовом регулировании формы костюма гражданских чиновников сыграл Николай I. В феврале 1834 г. им было утверждено «Положение о гражданских мундирах»[8], которое, наряду с другими нормативными актами, позволяет нам сформулировать основные принципы политики государства в этой области:

1. Законности, т.е. все изменения в форме одежды санкционировались самим императором.

2. Ответственности, т.е. недопустимость нарушения формы одежды не только солдат и офицеров, но и гражданских и придворных чинов.

3. Всеобъемлемости, т.е. с одной стороны, законодатель стремился предусмотреть все детали мундира, с другой, его одели и военные, и гражданские чиновники, и придворные, и студенты университетов, и гимназисты.

---

[1] https://i.pinimg.com/736x/fc/a6/f2/fca6f27b87ab1809046751afeccf240a.jpg (режим доступа: свободный)

[2] Кульчицкий В.М. Советы молодому офицеру. Изд. 3-е. – Харьков: Типо-Литография Р. Радомышльского, 1916. – С. 1 - 23 с.

[3] См.: Красная звезда. 1942. 2 октября. №232(5296). – С. 3.

[4] Примечание к ст. 390 кн. 7 Свода военных постановлений // Свод военных постановлений 1869 года. 2-е изд. Сводное продолжение 1911 г. – СПб.: Государственная типография, 1912. – С. 175.

[5] См.: ПСЗРИ. Собр.-1. Т. XIII. 1761. Декабрь, 5. № 11374; ПСЗРИ. Собр.-1. Т. XXI. 1782. Октябрь, 23. № 15557.

[6] Шепелев Л.Е. Гражданские мундиры в дореволюционной России в связи с их значением для исторических исследований // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л.: АН СССР, 1991. Т. XXIX. – С. 25.

[7] ПСЗРИ. Собр.-1. Т. XXII. 1784. Апрель, 8. № 15975. – С. 190.

[8] Положение о гражданских мундирах: Утв. 27 февр. 1834 г. – СПб., 1834. – С. 35.

4. Определенности, т.е. наличие не только словесного описания мундиров, но и их изображений в ПСЗРИ и, соответствующих, ведомственных изданиях.

5. Дифференцированности, понимаемая нами, как отделение дворян от других слоев населения и разделение их между собой.

Рис. 2. Форма французского кирасира 1772 г.[1]

Гражданский и военный офицерский мундир, на котором носились соответствующие ордена и орденские ленты выделял дворян среди других сословий. В допетровской России была попытка выработать свою систему наград за те или иные заслуги представителей господствующих сословий.[2]

В целом же система наград в России для «благородного» сословия сложилась только в XVIII в. Первые ордена нашивались на мундир и были украшены художественным шитьем, выделяя кавалеров ордена не только среди других сословий, но их самих среди прочих дворян. В XIX в. ордена изготовлялись из металла. Высшие ордена украшались бриллиантами, другими драгоценными и полудрагоценными камнями, представляя ювелирную ценность.

Во второй половине XIX в. были выработаны и правила ношения орденов, соответствующих указах для военных (1889[3]) и для гражданских чинов (1890[4]). Ордена располагались на груди, прикрепленные либо к мундиру, либо на орденской ленте согласно их старшинству. Можно предположить, что означенные царские указы обобщили практику ношения орденов и сделали их «прочтение» осведомленными людьми понятным и определенным.

Итак, мундир являлся непременным атрибутом дворянина, служащему императору на военном, гражданском и придворном поприще. Особый блеск и торжественность мундиру придавали ордена и орденские ленты. Ношение мундира и орденов строго регламентировалось и регулировалось законодательством царской России. Правовая природа одежды дворян означала символическое подтверждение их принадлежности к благородному сословию в России.

[1] См.: Les Uniformes de l'Armée Française: Recueil d'ordonanes de 1690 à 1894. Par le docteur Lienhart et René Hambert. – Leipzig: M. Ruhl, 1899. Tome I. Pl. 2.

[2] См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. [в 12 тт.]. – СПб: Тип-фия Н. Греча, 1819, Т. VIII. – С. 90; Карамзин Н.М. История государства Российского. [в 12 тт.]. – СПб: Тип-фия Н. Греча, 1824. Т. X. – С. 242.

[3] ПСЗРИ. Собр.-3. Т. IX. 1889. Декабрь, 15. № 6445.

[4] ПСЗРИ. Собр.-3. Т. X. Отд. 1. 1890. Май, 31. № 6874.

Галузо Василий Николаевич

кандидат юридических наук, научный редактор журнала «Государство и право»

Galuzo Vasily Nikolaevich

Candidate of Law, Scientific editor of the journal "State and Law"

E-mail: vgrmn@yandex.ru

О роли символа в праве как исключительном регуляторе общественных отношений в Российской Федерации

On the role of the symbol in law as the exclusive regulator of public relations in the Russian Federation

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства о роли символа в праве, как исключительном регуляторе общественных отношений в Российской Федерации, обосновано несколько суждений: символизм, опосредуемый посредством символов, может рассматриваться в качестве средства познания окружающей действительности; многозначность символизма предполагает поиск особенностей его применения в разных сферах человеческой деятельности; сама же человеческая деятельность может быть представлена общественными отношениями, для регулирования которых используются разные регуляторы (в частности, политика, право, религия, традиция); в Российской Федерации, как субъекте международного права, исключительным регулятором общественных отношений, должно признаваться право, что закреплено в части 1 ст. 1 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.; право, как исключительный регулятор общественных отношений в Российской Федерации, опосредуется системой правовых актов, в том числе и нормативных правовых актов, с разной юридической силой; чрезмерное обилие правовых актов, в том числе и нормативных правовых актов, усложняет использование права, как регулятора общественных отношений в Российской Федерации; правовые акты, в том числе и нормативные правовые акты, должны быть систематизированы, для чего потребуются фундаментальные научные разработки действительно ведущих ученых; существенным признаком для понятий «система правовых актов», «система нормативных правовых актов» должна являться юридическая сила; принятие нормативного правового акта, предназначенного для систематизации правовых актов, в том числе и нормативных правовых актов, не требуется; использование символов (знаков) (в частности, математических) в правовых актах, в том числе и в нормативных правовых актах, допустимо, однако при этом необходимы единообразные правила их применения.

Ключевые слова: государство, Российская Федерация, правовое государство, законодательство, правовой акт, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., общественное отношение, регулирование, регулятор, система регуляторов общественных отношений, политика, право, религия, традиция, теория государства, символизм, символ

Annotation. Based on an analysis of legal literature and legislation on the role of symbols in law as an exclusive regulator of social relations in the Russian Federation, the article provides several arguments: symbolism mediated by symbols can be considered as a means of understanding the surrounding reality; the ambiguity of symbolism implies the search for specific features of its application in various fields of human activity; human activity itself can be represented by social relations, which are regulated by various regulators (such as politics, law, religion, and tradition); in the Russian Federation, as a subject of international law, the exclusive regulator of social relations should be recognized as law, as stated in Part 1 of Article 1 of the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993; law, as the exclusive regulator of public relations in the Russian Federation, is mediated by a system of legal acts, including regulatory legal acts, with varying legal force; an excessive abundance of legal acts, including regulatory legal acts, complicates the use of law as a regulator of public relations in the Russian Federation; legal acts, including and regulatory legal acts should be systematized, which will require fundamental scientific developments by truly leading scientists; an essential feature for the concepts of «system of legal acts», «system of regulatory legal acts» should be legal force; the adoption of a regulatory legal act designed to systematize legal acts, including regulatory legal acts, should not It is required; the use of symbols (signs) (in particular, mathematical symbols) in legal acts, including regulatory legal acts, is permissible, but uniform rules for their use are necessary.

Keywords: state, Russian Federation, legislation, regulatory legal act, system of regulatory legal acts, Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, public relations, regulation, regulator, system of regulators of public relations, politics, law, religion, tradition, theory of the state, symbolism, symbol

Для цитирования: Галузо В. Н. О роли символа в праве как исключительном регуляторе общественных отношений в Российской Федерации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 289–293.

Предметом данной статьи является символ и его роль в праве, как исключительном регуляторе общественных отношений в Российской Федерации[1].

Первоначально о состоянии теории.

Оказывается, в литературе обращается внимание не столько на символы, как на символизм.

Так, Е.А. Аброчновой в качестве предмета исследования избиралась «специфика поэтики Гумилева, связанная с преодолением «магического символизма» и его стремлением через религиозный символизм найти пути к «достоверности», жизни»[2].

Н.В. Звонок в качестве предмета исследования избрана: «История и теория символизма в православной культуре»[3].

С.Л. Филимонов смог дать «гносео-семиотическое определение символа», а также символизма, как «результат кодирования, фиксации знания, которая определяется смысловым информационным полем в памяти субъекта»[4].

Предметом исследования Е.М. Коваленко явилось «осмысление роли символа в организации представлений о культуре в различных культурфилософских системах»[5].

Целью Чичелии Пило Боил Путифигари явилось «изучение набоковского творчества в контексте философских и художественных исканий эпохи символизма и разработка проблемы трансформации символисткой традиции в прозе Набокова»[6].

Дж. Мид, сфокусировав внимание на символизации, фактически отождествляет символ с голосовым жестом: «Итак, значение голосового жеста состоит в том факте, что индивид может слышать то, что он говорит, и, слыша это, стремится откликнуться так же, как откликается другой»; «Разумеется, именно взаимосвязь этого символа, этого голосового жеста с подобным набором откликов как в самом индивиде, так и в другом превращает этот голосовой жест в то, что я называю значимым символом. Символ имеет тенденцию вызывать в индивиде некую группу реакций, подобных тем, которые он вызывает в другом»[7].

В известнейшей публикации Р. Саватье обнаруживаем символы, обозначаемый названным актором как, например, «система индексов» («В гражданских и торговых делах закон часто решает проблему таким образом, что для некоторых договоров, например для аренды земли, устанавливается система индексов, а в других – например при займе торговых помещений, суду предоставляется право периодически изменять условия договора»)[8].

В наиболее известном энциклопедическом словаре Российской Федерации под символом предложено понимать «1) то же, что знак; 2) образ с переносным значением; 3) в литературе – одна из фигур иносказания»[9].

Мы используем первое значение, а именно отождествляем термины «символ» и «знак», а само использование символов (знаков) называем символизмом.

Не выходя за пределы предмета данной статьи, мы фокусирует внимание на допустимости использования символов (знаков) в праве, как исключительном регуляторе общественных отношений в Российской Федерации[1].

---

[1] Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

[2] Аброчнова Е.А. «Религиозный» символизм Н.С. Гумилева: Автореферат дисс. … канд. филологических наук. Нижний Новгород, 2006. С. 6.

[3] Звонок Н.С. Религиозный символизм как духовный феномен (философско-теоретический анализ православной культуры): Автореферат дисс. … докт. философских наук. Луганск, 2019. С. 7.

[4] Филимонов С.Л. Символизм как семиотическое явление и его гносеологическая оценка: Автореферат дисс. … канд. философских наук. Казань, 1999. С. 5, 6.

[5] Коваленко Е.М. Символизм современной европейской культуры (концептуальный анализ): Автореферат дисс. … докт. философских наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 7.

[6] Пило Боил Путифигари Ч. Владимир Набоков и русский символизм: Автореферат дисс. … канд. филологических наук. Санкт-Петербург, 2012. С. 4.

[7] Мид Дж. От жеста к символу / Американская социологическая мысль: Хрестоматия / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Издание международного университета бизнеса и управления, 1996. С. 213-221.

[8] Саватье Рене. Теория обязательств: Юридический и экономический очерк / Пер. с франц. Р.О. Халфиной. М.: Прогресс, 1972. С. 288.

[9] См.: Большая Российская энциклопедия. В 35 томах. Т. 30 / Отв. ред. С.В. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2015. С. 183.

Право опосредуется через систему правовых актов, в том числе и нормативных правовых актов. Обилие правовых актов, в том числе и нормативных правовых актов, предполагает их систематизацию, которая в Российской Федерации фактически отсутствует и на что нами обращалось внимание[2].

Общепринято признавать Конституцию РФ от 12 декабря 1993 г.[3] в качестве нормативного правового акта с наибольшей юридической силой на территории Российской Федерации. В Конституции РФ используются символы (знаки), и первую очередь арабские цифры для обозначения статей и их структурных элементов (частей). Проблемы возникают при применении отдельных статей, которые обозначаются двумя арабскими цифрами, но вторая цифра – в виде индекса (статьи 67[1], 75[1]). Продолжается импровизация при названиях частей отдельных статей, для обособления которых используются арабские цифры. Название частей отдельных статей выводится из отсылочных норм (в частности, часть 3 статьи 56). Иначе говоря, для названия структурных элементов статей, которые обозначаются арабскими цифрами, необходимо использовать термин «часть».

Наметившаяся тенденция на видоизменение Конституции РФ осуществляется посредством принятия нормативного правового акта с неопределенной юридической силой[4]. Так, Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» был «одобрен» Государственной Думой ФС РФ 23 мая 2014 г.[5] и также «одобрен» Советом Федерации ФС РФ 28 мая 2014 г.[6]. Правовой основой для обнаруженной тенденции является Федеральный закон РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 6 февраля 1998 г.[7]. Сам же «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ» (а таковых уже несколько) может рассматриваться в качестве самостоятельного нормативного правового акта, по юридической силе занимающего промежуточное положение между Конституцией РФ и федеральным конституционным законом РФ.

Федеральных конституционных законов РФ в Российской Федерации уже принято несколько тысяч.

Так, 12 июля 1994 г. «одобрен» Советом Федерации ФС РФ Федеральный конституционный закон РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[8], в который в последующем вносились изменения и дополнения[9]. В соответствии со статьей 71 Федерального конституционного закона РФ от 12 июля 1994 г. Конституционный Суд РФ, как суд специальной юрисдикции[10], принимает три вида решений: постановление, определение, заключение, два из которых (постановление и определение) могут рассматриваться в качестве правовых актов, но не нормативных правовых актов.

Меньшей юридической силой по отношению к федеральному конституционному закону РФ обладают федеральные законы РФ. Таковых ныне в Российской Федерации несколько десятков тысяч.

Федеральные законы РФ можно сгруппировать на две группы: кодифицированные и не кодифицированные.

В кодифицированные федеральные законы РФ, как правило, вносятся систематические изменения (в некоторые даже по несколько тысяч). Приоритет в этот принадлежит Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, для которого необоснованно применяется аббревиатура[11] – КоАП РФ[12], в том числе и в решениях Конституционного Суда РФ[13]. В КРФоАП (именно эта аббревиатура

---

[1] Подробнее об этом см.: Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. О безальтернативности права как регулятора общественных отношений в Российской Федерации // Социально-гуманитарное обозрение. 2023. № 1. С. 81-92.

[2] См. об этом, например: Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102; он же: Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // Государство и право. 2018. № 6. С. 76-81.

[3] См.: РГ. 1993. 25 декабря; …; 2020. 4 июля. Знак «…» (отточие) означает наличие нескольких изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[4] См. об этом, например: Юсубов Э.С. Знаки и значения поправок к Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7.

[5] См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4202.

[6] Там же.

[7] См.: СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146; 2015. № 10. Ст. 1393; 2023. № 25. Ст. 4442.

[8] См.: СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

[9] См.: СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 607; …; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6118. Знак «…» (отточие) означает наличие многочисленных изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[10] Подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. С. 162-170.

[11] О процессе образования аббревиатур в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Об аббревиации в Российской Федерации (юридический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10. С. 90-94.

[12] Подробнее об этом см.: Татаров Л.А., Галузо В.Н. Об оригинальности структурирования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Закон и право. 2020. № 6. С. 121-124.

[13] См. об этом, например: постановление КС РФ № 50 от 06.11.2024 г. // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 7030; постановление КС РФ № 26-П от 24.06.2025 г. // СЗ РФ. 2025. № 26 (часть II). Ст. 3702; постановление КС РФ № 29-П от 17.07.2025 // СЗ РФ. 2025. № 30 (часть III). Ст. 4621; определение КС РФ № 2355-О от 11.11.2021 г. // В официальных источниках не опубликовано.

соответствует названию кодифицированного федерального закона РФ в официальном источнике опубликования[1]) применяется оригинальная нумерация статей: арабские двойные цифры, разделенные знаком «.» (в частности, «статья 1.1.»), первая цифра означает номер главы, а вторая – номер статьи в этой же главе. Именно в этой связи даже подсчет общего количества статей в КРФоАП от 20 декабря 2001 г.[2] вызывает затруднения.

В иных кодифицированных федеральных законах РФ использована индексация статей.

Так, в УК РФ от 24 мая 1996 г.[3] обнаруживаем статью «53[1]». Правда большинство ученых используют обычную двойную нумерацию, как-то использовано в КРФоАП, на ошибочность чего справедливо обращает внимание А.И. Рарог[4].

На оригинальность структурирования Налогового кодекса РФ (Часть первая от 16 июля 1998 г.[5]; Часть вторая от 19 июля 2000 г.[6]) нами уже обращалось внимание[7].

В некодифицированных федеральных законах РФ, по юридической силе приравненных к кодифицированным федеральным законам РФ, также использована индексация статей.

Обращаем внимание лишь на Федеральный закон РФ «О несостоятельности (банкротстве)» от 27 сентября 2002 г.[8]. Именно названным нормативным правовым актом ныне в Российской Федерации фактически подменяется гражданское законодательство, в особенности Гражданский кодекс РФ (Часть первая от 21 октября 1994 г.[9])[10]. Кроме того, использование символов (знаков) фактически не позволяет осуществлять комплексное праворегулирование посредством Федерального закона РФ от 27 сентября 2002 г.[11]. Чего только стоят статьи с необычной нумерацией: статья 201[15-1] «Особенности урегулирования обязательств застройщика перед участниками строительства»; статья 201[15-2] «Передача имущества и обязательств застройщика»; статья 201[15-2-1] «Особенности урегулирования обязательств застройщика по строительству объектов инженерно-технической, транспортной и социальной инфраструктур».

Меньшей юридической силой по отношению к федеральному конституционному закону РФ обладают законы РФ. Таковых ныне в Российской Федерации несколько сотен.

Так, Закон РФ «О средствах массовой информации» был принят 27 декабря 1991 г.[12], в который в последующем вносились изменения[13], но статус нормативного правового акта не изменился.

17 января 1992 г. был принят Закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации»[14], статус которого в отличите от Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. был изменен: вместо Закона РФ отныне действует Федеральный закон РФ, что закреплено в Федеральном законе РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» от 18 октября 1995 г.[15]. Уже в Федеральный закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 18 октября 1995 г.[16] (указание на дату – 17 января 1992 г. является ошибочным) продолжают вноситься изме-

---

[1] См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

[2] См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1; …; 2025. № 31. Ст. 4656. Знак «…» (отточие) означает наличие нескольких тысяч изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[3] См.: СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; …; 2025. № 31. Ст. 4636. Знак «…» (отточие) означает наличие нескольких тысяч изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[4] Рарог А.И. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России // Государство и право. 2024. № 1. С. 38-48.

[5] См.: СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; …; 2025. № 42. Ст. 6082. Знак «…» (отточие) означает наличие многочисленных изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[6] См.: СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; …; Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 27.10.2025. Знак «…» (отточие) означает наличие многочисленных изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[7] См. об этом: Татаров Л.А., Галузо В.Н. Об оригинальности структурирования Налогового кодекса Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 10. С. 95-99.

[8] См.: СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; …; 2025. № 31. Ст. 4706. Знак «…» (отточие) означает наличие многочисленных изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[9] См.: СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; …; 2025. № 31. С. 4669. Знак «…» (отточие) означает наличие многочисленных изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[10] Подробнее об этом см.: Галузо В.Н. О соотношении гражданского законодательства и законодательства о банкротстве (опыт праворегулирования в Лефортовском районном суде города Москвы) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11. С. 12-15.

[11] Подробнее об этом см.: Галузо В.Н. О некоторых проблемах комплексного правоприменения к отношениям, связанным с несостоятельностью (банкротством) в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2020. № 6. С. 101-104.

[12] См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

[13] См.: СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 169; …; 2025. № 30 (часть I). Ст. 4364. Знак «…» (отточие) означает наличие многочисленных изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[14] См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

[15] См.: СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

[16] См.: СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

нения и дополнения[1]. На означенную «метаморфозу» одного и того же нормативного правового акта в литературе обычно не обращается внимание. Поэтому наши публикации могут в этом значении рассматриваться новаторскими[2].

Таким образом, определение роли символа в праве, как исключительном регуляторе общественных отношений в Российской Федерации, нуждается в продолжении научных исследований.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, символизм, опосредуемый посредством символов, может рассматриваться в качестве средства познания окружающей действительности.

Во-вторых, многозначность символизма предполагает поиск особенностей его применения в разных сферах человеческой деятельности.

В-третьих, сама же человеческая деятельность может быть представлена общественными отношениями, для регулирования которых используются разные регуляторы (в частности, политика, право, религия, традиция).

В-четвертых, в Российской Федерации, как субъекте международного права, исключительным регулятором общественных отношений, должно признаваться право, что закреплено в части 1 ст. 1 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.

В-пятых, право, как исключительный регулятор общественных отношений в Российской Федерации, опосредуется системой правовых актов, в том числе и нормативных правовых актов, с разной юридической силой.

В-шестых, чрезмерное обилие правовых актов, в том числе и нормативных правовых актов, усложняет использование права, как регулятора общественных отношений в Российской Федерации.

В-седьмых, правовые акты, в том числе и нормативные правовые акты, должны быть систематизированы, для чего потребуются фундаментальные научные разработки действительно ведущих ученых.

В-восьмых, существенным признаком для понятий «система правовых актов», «система нормативных правовых актов» должна являться юридическая сила.

В-девятых, принятие нормативного правового акта, предназначенного для систематизации правовых актов, в том числе и нормативных правовых актов, не требуется.

В-десятых, использование символов (знаков) (в частности, математических) в правовых актах, в том числе и в нормативных правовых актах, допустимо, однако при этом необходимы единообразные правила их применения.

[1] См.: СЗ РФ. 1999. № 7. Ст. 878; …; 2025. № 6. Ст. 468. Знак «…» (отточие) означает наличие многочисленных изменений и дополнений в названный нормативный правовой акт.

[2] См. об этом, например: Галузо В.Н. Прокурорский надзор: Учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019; он же: Власть прокурора в Российской Федерации. Часть IV. Возрождение права: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

Горбунов Максим Дмитриевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Gorbunov Maxim Dmitrievich

Candidate of science (law), Senior Lecturer, Department of History of State and Law, Lobachevsky State University

E-mail: maxandgor@gmail.com

Правовые символы, понятия и юридический текст как элементы языка права: соотношение и особенности

Legal Symbols, Concepts and Legal Text as Elements of the Legal Language: Correlation and Features

Аннотация. В статье характеризуется юридический язык как совокупность входящих в него коммуникативных элементов: правовых символов, понятий и текстов. Характеризуется доминирующий в отечественной правовой науке подход к понимаю языка права, обуславливающий общий контекст понимания его функциональной роли как юридико-технической категории – инструмента фиксации норм. Выделяются особенности правовых символов, понятий и текстов и их специфическое место в юридическом языке. Установлено, что специфика названных элементов как сложных явлений, имеющих семантическое, культурологическое и лингвистическое проявление, обуславливает необходимость расширения догматического понимания языка права. Контекстуальность, символизм и социокультурный характер правовых символов, понятий и текстов определяет необходимость рассмотрения их взаимодействия в широком социо-гуманитарном подходе.

Ключевые слова: язык права, юридическая техника, правовые символы, правовые понятия, юридический текст, правовая лингвистика, семиотика

Annotation. The article characterizes the legal language as a set of communicative elements included in it: legal symbols, concepts and texts. The dominant approach to understanding the language of law in domestic legal science is characterized, which determines the general context of understanding its functional role as a legal and technical category - an instrument for fixing norms. The features of legal symbols, concepts and texts and their specific place in the legal language are highlighted. It is established that the specificity of these elements as complex phenomena with semantic, cultural and linguistic manifestations determines the need to expand the dogmatic understanding of the language of law. The contextuality, symbolism and socio-cultural nature of legal symbols, concepts and texts determine the need to consider their interaction in a broad socio-humanitarian approach.

Keywords: legal language, legal technique, legal symbols, legal concepts, legal text, legal linguistics, semiotics

Для цитирования: Горбунов М. Д. Правовые символы, понятия и юридический текст как элементы языка права: соотношение и особенности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 294–297.

Правовой (юридический) язык выступает единственным коммуникативным инструментом передачи юридически значимой информации, что обуславливает использования всех возможных выразительных средств в их системном функциональном взаимодействии. В числе таких средств выступает триада символов, понятий и текста, с помощью которых происходит фиксация и передача юридических смыслов и норм. Поэтому от понимания их места в коммуникативной системе правового языка зависит общая эффективность нормативного регулирования и правового общения.

Вопрос понимания и соотношения этих элементов языка права усложняется существованием различных подходов к пониманию специфики самого языка и его инструментальной значимости. Изучение правового языка требует сочетания различных подходов при одновременном соблюдении четкости и последовательности формулировок, поскольку произвольное понимание и толкование коммуникативных средств ведут к нарушаю принципа правовой определенности. В условиях усложнения законодатель-

ства, роста объема и разнообразия юридических текстов, символов и понятий проблема точности, ясности и системности языка права становится особенно значимой.

Анализ трех ключевых элементов языка права – правовых символов, юридических понятий и текстов в их взаимосвязи требует решения вопросов их функций в языке права, роли в правовой системе, влияния на эффективность правоприменения и потенциальных коллизий интерпретаций.

Правовой язык может быть охарактеризован через следующие взаимосвязанные свойства:

- коммуникативность – через юридический язык осуществляется юридическое общение, производится передача обязательных предписаний от законодателя к адресатам норм, сообщение властного статуса и полномочий, структурирование правового мышления в юридическом категориальном аппарате[1];

- формализованность – юридический язык отличается от естественного языка значительно большей степенью конкретизации, точностью использования терминов, стандартизированностью языковых конструкции, преобладанием предписывающих и запрещающих формулировок и исключением оценочных субъективных конструкций[2];

- социальная обусловленность – юридический язык не существует изолированно и заимствует слова из обыденной речи, что в свою очередь может порождать сложности, связанные с разночтением употребления одних и тех же понятий в разных языковых средах, использованием устаревших терминов и анахронизмов, а также чрезмерное заимствованием из других правовых систем, в частности латинизмов и англицизмов[3];

- знаковость – юридический язык представляет собой семиотическую систему, состоящую из множества вербальных, невербальных и комбинаторных знаков разной природы и форм фиксации, связанных с юридическим мышлением и несущих целостный смысл, которые тем не менее могут требовать интерпретации[4].

Таким образом, правовой (юридический) язык сам по себе – это иерархическая знаковая система, где тексты, понятия и символы взаимодействуют для регулирования общественных отношений, эффективность которой зависит от баланса между точностью и доступностью, связью с естественным языком, а также грамотной комбинацией коммуникативных элементов.

Вместе с тем, необходимо отметить, что отечественная наука по-разному смотрит на природу юридического языка[5]. В догматической юриспруденции в целом главенствует формально-юридический подход, который рассматривает язык права в утилитарном контексте как инструмент правового регулирования с акцентом на нормативном содержании текстов, точности и однозначности правовых формулировок, а не на их знаковой контекстуальной природе. При этом также учитывается и лингвистическая составляющая юридического языка как особой функциональной разновидности русского языка, использующего специфические языковые средства в правовой сфере.

В свою очередь в социально-гуманитарном знании в целом распространен более концептуальный подход, концентрирующийся на семиотических и культурологических составляющих[6]. Юридический язык здесь рассматривается как комплексная знаковая система, сложившаяся в социокультурном пространстве в виде единства вербальных и невербальных компонентов, выполняющих соответствующую социально и культурно обусловленную символическую коммуникативную функцию. Данный подход делает больший упор на роль правовых символов в системе государственности, ритуалах и обрядовости в правоприменительной практике, интерпретации визуальные компонентов правовой коммуникации, определении историко-культурного контекста правовой терминологии.

Представляется, что при анализе символов, понятии и юридического текста необходимо исходить из комплексного подхода, учитывающего как функциональную формально-юридическую сторону, так и более широкий смысловой контекст. Кроме того, современные тенденции демонстрируют растущий интерес к междисциплинарным подходам и прикладным аспектам функционирования языка права[7]. Исходя из этого необходимо обратиться непосредственно к характеристикам рассматриваемых коммуникативных элементов юридического языка.

---

[1] Воронкова Л. С. Язык как взаимодействующий аспект правовой коммуникации / Л. С. Воронкова // Наука. Образование. Современность. – 2024. – № 2. – С. 27–29.

[2] Шепелёв А. Н. Юридический язык и правовые запреты / А. Н. Шепелёв // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2012. – № 1. – С. 60–64.

[3] Головушкина М. В. Роль языка права в диалоге культур / М. В. Головушкина // Наука. Общество. Государство. – 2021. – № 1 (33). – С. 71–78.

[4] Грибанов Д. В. Юридическое мышление и юридический язык: вопросы взаимодействия / Д. В. Грибанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 4 (20). – С. 63–68.

[5] Шепелёв А. Н. Теория юридического языка / А. Н. Шепелёв // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 2. – С. 137–144.

[6] Слепухин С. Н. Категории юридического языка в плане выражения естественного языка: когнитивно-семиотический подход / С. Н. Слепухин // Сибирский филологический журнал. – 2011. – №. 3. – С. 222–226.

[7] Шепелёв А. Н. Теория юридического языка / А. Н. Шепелёв // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 2. – С. 137–144.

1. Правовые символы – это образы, обладающие наглядной чувственной формой визуального, акустического или поведенческого характера, несущие эмоционально-ценностную нагрузку и юридически значимые смыслы для целей правовой коммуникации[1]. К числу правовых символов можно, в частности, отнести гербы, флаги, печати, гимны, церемонии, присяги, вещественные атрибуты типа судейской мантии, или жезла.

Характерными чертами юридических символов, отличающих их от других коммуникативных средств, можно назвать: во-первых, многозначность и образность; во-вторых, ориентацию на эмоциональное восприятие; в-третьих, опосредованное нормативное санкционирование. Названные черты также обуславливают специфическое значение символов в правовой системе, которое может быть представлено в рамках следующих функций:

- идентификационная – маркируют субъектов права и обозначают правовые статусы (например: форменная одежда);
- легитимационная – придают законность действиям и удостоверяют полномочия (например: печать на документе);
- коммуникативная – передают в визуальной или звуковой форме правовую информацию для упрощения правового общения (например: дорожные знаки);
- воспитательная – отражают правовые смыслы и идеологию через знаковые элементы правовой культуры для формирования правосознания и поддержания правовых традиций (например: церемонии);
- охранительная – выступают специальным способом обеспечения правопорядка и законопослушного поведения (например: защита от подделок с помощью водяных знаков).

Таким образом, правовые символы представляют собой важный коммуникативный элемент языка права, сочетающий в себе нормативное содержание и образную форму, направленную на специфическое эмоциональное восприятие. Важным здесь является то, что их понимание и применение требует комплексного подхода, учитывающего юридические, семиотические и культурологические аспекты.

2. Юридические понятия – это формально-определенные языковые конструкции, выражающие специфические правовые явления, отношения или действия, характеризующиеся обязательным характером, формальной точностью и системностью[2]. Именно нормативность и строгая определенность отграничивает юридические понятия от категорий обыденного языка. При этом необходимо отметить, что общепринятый характер юридический понятий не предусматривает автоматически их закрепление в законодательстве, поскольку помимо таких понятий существуют также доктринальные – разработаны наукой и судебные – сформированы практикой. Важно то, что они конвенционально приняты в юридическом языке.

Использование юридических понятий обеспечивает реализацию следующих функций:

- познавательная – помогают понимать содержание права посредством установления официальных дефиниций и оценочных категорий, описания юридически операций;
- регулятивная – определяют права и обязанности на уровне формулировки декларативных норм и описания юридически значимых явлений;
- системная – формируют единую иерархичную структуру нормативного регулирования на базе единого категориального аппарата.

Таким образом, юридические понятия представляют собой своего рода базовый конструктивный элемент юридического языка, от определенности которого эффективность правового регулирования.

3. Юридический текст – система языковых письменных знаков, являющихся носителем юридически значимой информации, в том числе в виде конкретных правовых норм и нормативных предписаний императивного характера[3]. Юридический текст отличается от обыденного текста: во-первых, нормативностью, поскольку выступает носителем информации о правилах поведения; во-вторых, институциональностью, так как создается посредством специальных процедур и функционирует в рамках правовых институтов; в-третьих, дискурсивностью, в виду того, что включен в систему правовой коммуникации и обладает внутренней формальной логикой.

Функциональная роль юридического текста в правовой системе в большей степени связана с практическим воздействием на правовую реальность и выражается в:

- нормативной функции – текс доводит содержание дозволений, запретов и обязанностей до адресатов в стандартизированной форме, фиксирует статусы, права и обязанности в юридической форме.

[1] Глушаков А. Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация / А. Ю. Глушаков // Социология власти. – 2009. – № 2. – С. 199–207.

[2] Шабуров А. С. Юридическая терминология и юридические понятия как юридико-технические средства и научно-теоретические категории / А. С. Шабуров // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4-1 (62). – С. 131–145.

[3] Воронцова Ю. А. Юридический текст как базовый конструкт правовой коммуникации / Ю. А. Воронцова, Д. А. Галиева, Е. Ю. Хорошко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 4 (98). – С. 168–175.

- охранительной функции – формальный правовой текст выступает гарантией правовой определенности, поскольку содержит четкие процедурные требования и ограничивает возможных злоупотреблений при работе с правовой информацией.

- технико-юридической функции – текс выступает основным средством фиксации правовой информации, на работу с которым в первую очередь направлена юридическая техника, с помощью текста также происходит систематизация нормативного материала.

- информационно-идеологической функции – правовой текст фиксирует сложившийся юридический опыт и правовые ценности в культуре, имеющие образовательную роль и доктринальное значение.

Таким образом, юридический текст представляет собой сложный феномен, требующий системного подхода. В определенном смысле юридический текст объединяет в себя комплекс символов и понятий, однако взаимосвязь этих элементов юридического языка более сложная. Многофункциональность правовых текстов требует баланса между точностью формулировок и доступностью содержания, что невозможно без выявления смыслового контекста, входящих в него элементов. Понимание природы юридических текстов, их взаимосвязи с символами и понятиями имеет ключевое значение для совершенствования законодательной техники и правоприменительной практики.

В данном контексте на основании вышесказанного возможно установить взаимосвязь коммуникативных элементов правового языка. Юридический язык образует триединство связанных явлений, где символы – это визуальные маркеры правовой реальности и средства легитимации власти; понятия – это абстрактные категории правового мышления, выражение в правовой догме и источниках права; тексты – это материальные носители правовых норм, вмещающий в себя текстуальное выражение юридически значимой информации.

Они имеют механизм взаимодействия, состоящий также из трех компонентов:

1. Иерархическая взаимосвязь: символы визуализируют абстрактные понятия, понятия формализуются в текстах, а тексты создают институциональный контекст для символов.

2. Функциональная взаимодополняемость: символы определяют эмоциональное восприятие права, понятия придают этому восприятию форму рациональное осмысление, а тексты нормативное закрепление.

3. Смысловая взаимосвязь: социальные практики формируют символы, символы формируют понятия, понятия образуют тексты, а тексты образуют социальные практики.

Результативным такое взаимодействие может быть только при достижении внутреннего баланса языка права и его практики, понимания уникальных функции каждого элемент языка в правовой коммуникации. Вместе с тем, правовая система постоянно сталкивается с рисками и угрозами такого дисбаланса, который может проявляться в следующем:

1. Символизм права: заключается в доминировании аспектов ритуализации и нарочитой процедурной юридических практик, доминировании символической формы над содержанием.

2. Доминирование понятий: проявляется в значительной догматизации права через ориентацию на теоретические понятия и научную демагогию, ведущую к отрыву социальной реальности и практическому проявлению правовых процессов.

3. Текстуальный фетишизм: выражается в формализации содержания правовых норм, буквализму и игнорирование духа закона при абсолютизации текста.

Представляется, что причины такого дисбаланса заключаются в отсутствии выстроенного системного понимания взаимосвязи коммуникативных элементов юридического языка на теоретическом и практическом уровнях. Как уже было указано выше, для отечественной правовой науки характерна концентрация на обеспечения инструментальной роли юридического языка в формализованной юридической практике. Вместе с тем, свойства языка и его коммуникативных элементов показывает необходимость более широкого подхода к пониманию. Наблюдаемая тенденция к построению диалога между формальной юриспруденцией и социо-гуманитарным знанием только подтверждает эту необходимость[1].

Такой подход должен включать как формально-юридический, так и лингвистический и семиотический компоненты и включать в себя: во-первых, анализ норм, регулирующих использование символов и терминов; во-вторых, изучение логической и семантической структуры юридических текстов и терминов; в-третьих, исследование правовых символов как знаков, несущих скрытые смыслы, обусловленных социокультурным контекстом. Интегративный подход к изучению языка права способствует более точному пониманию соотношения коммуникативных элементов в виде правовых символов, понятий и юридический текстов и открывает новые перспективы как для теоретических исследований, так и для практической юриспруденции.

[1] Шепелёв А. Н. Теория юридического языка / А. Н. Шепелёв // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 2. – С. 137–144.

Жданов Павел Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Zhdanov Pavel Sergeevich

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: pavelzhdanov@bk.ru

Символическая власть в правовом дискурсе

Symbolic power in legal discourse

Аннотация. В статье затрагиваются проблемы соотношения правового дискурса и правового мышления. Отмечается, что, поскольку порядок дискурса определяет порядок мышления его субъектов, дискурс становится сферой реализации «символической власти». Язык правового дискурса, выступая проводником определенной идеологии, имеет принципиальное значение для легитимации существующих общественных отношений. Подчеркивается важность семиотического анализа правового дискурса для понимания конкретных способов воздействия символической власти на его участников.

Ключевые слова: правовой дискурс, правовое мышление, идеология, символическая власть, семиотика

Annotation. The article touches upon the problems of the correlation of legal discourse and legal thinking. It is noted that, since the order of discourse determines the order of thinking of its subjects, discourse becomes the sphere of realization of "symbolic power." The language of legal discourse, acting as a medium of a certain ideology, is of fundamental importance for legitimizing existing social relations. The importance of a semiotic analysis of legal discourse for understanding the specific ways symbolic power affects its participants is emphasized.

Keywords: legal discourse, legal thinking, ideology, symbolic power, semiotics

Для цитирования: Жданов П.С. Символическая власть в правовом дискурсе // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 296–300.

В настоящей статье мы обратимся к проблеме символического отображения в правовом дискурсе структур юридического мышления. Мы постараемся показать, что, создавая и поддерживая в сознании субъектов определенный образ общества, правовой дискурс выступает одной из форм осуществления власти. Причем, поскольку сферой реализации власти в данном случае является дискурс, она приобретает характер власти «символической».

Следует отметить многозначность термина «символ». В рамках семиотики он определяется как идея «некоторого содержания, которое, в свою очередь служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания»[1]. По словам Ю. Кристевой, элементы семиотики символа, характерной, скорее, для мифологического мышления, «отсылали к одной или нескольким трансценденциям, универсальным, непредставимым и неузнаваемым»[2]. Ю.М. Лотман рассматривал символы как универсальный «механизм памяти культуры»: они «переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой»[3].

Кроме того, понятие «символ» зачастую употребляется для описания средств внешнего выражения, т.е. объективации внутренних психических процессов. В частности, это касается социального взаимодействия людей, в основании которого лежат их внутренние переживания, воплощающееся в определенных действиях, жестах, иных способах коммуникации. По словам П.А. Сорокин, всякое социальное явление должно рассматриваться «под точкой зрения чисто психологической, или внутренней, и под

[1] Лотман Ю.М. Семисфера. – С.-Петербург: «Искусство-СПб», 2010. С. 240.
[2] Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу. – М.: Академический проект, 2015. С. 48.
[3] Лотман Ю.М. Семисфера. – С.-Петербург: «Искусство-СПб», 2010. С. 241.

точкой зрения символической, или внешней»[1]. Можно сказать, что все формы социальных общностей – это объективация переживаемого субъектами ощущения взаимной связи. При этом социальный мир, который «интерсубъективно конституирован участниками деятельности», «экстернализируется как существующий вне их и независимо от них», обретая «некоторую степень объективной фактичности»[2].

В понимании Э. Кассирера, т.н. символическим формам, к которым он относит язык, миф, науку, принадлежит функция не столько выражения внутреннего содержания индивидуальной психики, сколько установления границы между Я и действительностью[3]. Посредством символической деятельности сознания происходит «оформление мира»[4], его структурирование. Ни форма «объективных предметов природы», ни форма общества не являются «просто данными» нашему сознанию: они конструируются путем обработки различного рода впечатлений в рамках языковых, мифологических, научных систем. При этом человеческий дух, существуя в своих собственных продуктах, как в некой «объективной реальности», не узнает себя в них[5]. Символические формы не только определяют структуру внешнего для индивида мира, но задают и структуру его собственного сознания: «Я не только накладывает на предметы отпечаток своей собственной, изначально данной ему формы, но и находит, обретает эту форму лишь в совокупности воздействий, которые оно оказывает на предметы и которые предметы оказывают на него»[6].

Схожую роль в формировании мышления социальных субъектов играют, т.н. «структурирующие структуры», описанные П. Бурдье. В частности, он использует термин «габитус», который понимается как «система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире»[7]. Отражая социальную позицию, в которой он был сформирован, «габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик»[8]. Схемы восприятия и оценивания могут быть заложены на уровне языка, поскольку «слова, названия конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают»[9]. При этом социальный мир может быть построен различными способами в соответствии с разными «принципами видения». Соответственно, слова, отражающие схемы восприятия социальной реальности, являются «ставками в политической борьбе, в борьбе за навязывание легитимного принципа видения и деления», в свою очередь выступая каналами осуществления «символической власти», т.е. власти «творить вещи при помощи слов»[10]. В качестве «структурированных и структурирующих инструментов коммуникации и познания» символические системы, делающие возможным «консенсус по поводу смысла социального мира», выполняют политическую функцию легитимации господства[11].

В соответствии с этим мы можем рассматривать правовой дискурс, его специфический порядок и язык, как форму символического отображения и воспроизводства структуры общества. Определяя возможные способы описания социально-правовой реальности, фиксируя в виде юридических институтов конкретный порядок общественных отношений, правовой дискурс формирует в сознании субъектов совокупность «очевидностей», ментальных структур, направляющих их мышление и действия. В этом плане, язык права выступает одной из форм реализации социальной власти. Причем в данном случае речь идет о власти символической, поскольку она опирается на возможность наделять слова (термины) значениями и устанавливать связь между элементами дискурса.

Таким образом, рассматривая право не только как способ нормативного регулирования общественных отношений, но и как разновидность дискурса, мы можем проследить его действие не только на уровне властных предписаний, но и на уровне ментальных структур. Также можно говорить и об определенном «правом мышлении», которое в равной мере и выражается в системе правового дискурса и определяется его порядком. Подобно тому, как язык права может рассматриваться в качестве одного из языков данной культуры, так и правовое мышление может быть вписано в систему мировоззрения данного общества. В этом случае способы выражения и восприятия смыслов, которые несут в себе правовые тексты, а также особенности правового мышления и поведения субъектов в правовой сфере должны рассматриваться в общем контексте данного семиотического пространства. Действие символической

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. С. 46.
[2] Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 261.
[3] Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление. – М.: Академический проект, 2011. С. 168.
[4] Кассирер Э. Философия символических форм. Т. I: Язык. – М.: Академический проект, 2011. С. 16.
[5] Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление. – М.: Академический проект, 2011. С. 221.
[6] Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление. – М.: Академический проект, 2011. С. 207.
[7] Бурдье П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С. 75.
[8] Бурдье П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С. 75.
[9] Бурдье П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С. 79.
[10] Бурдье П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С. 79, 84.
[11] Бурдье П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С. 92.

власти, реализуемой на уровне правового дискурса, может быть неочевидным, если не учитывать, какие семиотические средства в рамках данного общества могут быть задействованы для структурирования мышления индивидов, как навязанный идеологией образ общества сопрягается с общей картиной мира. В конечном итоге, поскольку право воспринимается обществом как источник легитимного порядка, вопрос о том, что считать правом, в каких формах в данном обществе могут выражаться нормативные смыслы, является одним из принципиальных в процессе осуществлении символической власти. Очевидность ответа на эти вопросы в конкретном социокультурном пространстве не должна вводить в заблуждение, ведь субъектом суждения о праве всякий раз будет выступать сознание, структура которого уже сложилась в рамках определенного господствующего дискурса. В этой связи семиотический анализ правового дискурса в конкретной культурной среде напрямую касается самой онтологии права.

Завурбеков Фаридун Завурбекович

доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Zavurbekov Faridun Zavurbekovich

Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law, National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: zfz2005@gmail.com

Юридическая защита государственной символики в Исламской Республике Иран

Legal protection of state symbols in the Islamic Republic of Iran

Аннотация. В статье показывается, что юридическая защита государственных символов в России и Иране имеют некоторое сходство. Для России это вопрос национальной безопасности, ответ на внешние угрозы и сохранение духовно-нравственных ценностей. Для Ирана — защита сакральных религиозно-идеологических основ, где флаг или герб являются прямым воплощением веры. Указано, что в иранском праве государственные символы, защищены косвенно, но максимально жёстко — через комплекс норм, объединяющих политические и религиозные запреты, что подкрепляется примерами из иранской судебной практики.

Ключевые слова: государственный символ, ответственность за осквернение, Иран, флаг, герб, доктрина имамата, Имам, Рохбар

Annotation. The article shows that the legal protection of state symbols in Russia and Iran have some similarities. For Russia, this is a matter of national security, responding to external threats and preserving spiritual and moral values. For Iran, it is the protection of sacred religious and ideological foundations, where the flag or coat of arms is a direct embodiment of faith. It is shown that in Iranian law, state (legal) symbols are protected indirectly, but as strictly as possible — through a set of norms combining political and religious prohibitions, which is supported by examples from Iranian judicial practice.

Keywords: state symbol, responsibility for desecration, Iran, flag, state emblem, doctrine of imamate, Imam, Rohbar

Для цитирования: Завурбеков Ф.З. Юридическая защита государственной символики в Исламской Республике Иран // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 301–303.

Сегодня множество государств обращают более пристальное внимание на защиту знаковых образов национального суверенитета и самобытности в самых разных областях общественной жизни.

До недавнего времени охрана государственных символов[1], в особенности с помощью уголовного законодательства, осуществлялась без особой тщательности. Катализатором значительного количества законодательных инициатив, направленных на защиту символов национального единства, государственной идентичности, духовно-нравственных ценностей является возникший в 2022 году международный кризис. Россия оказалась под беспрецедентным давлением западных государств, которые ввиду невозможности прямого военного нападения используют все возможные виды гибридных инструментов воздействия на российское население.

[1] В статье автор, опираясь на определение Мальцева (правовые символы это “уникальные, стабильные, выраженные в особой форме ценностные объекты, условно представляющие субъектов права на разных семантических уровнях, установленные, используемые и охраняемые в соответствии с нормами права». Мальцев И. в Понятие правовых символов в рамках институционально- юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 117), рассматривает государственные символы как частные случаи символов правовых.

В стремлении защитить собственную идентичность, зафиксированную в государственных символах, в отличие от стран, где господствует неолиберализм и безыдейность, Россия вводит юридическую ответственность за осквернение и надругательство важнейшими видом правовых символов, таких как флаг, герб (ст. 329 УК РФ), гимн (ст. 17.10 КоАП РФ).

Наряду с Россией вопросу юридической ответственности за надругательство над государственными символами в целях защиты национальных интересов уделяет внимание Исламская республика Иран.

Особое отношение к государственным символам в Иране проявляется в связи с их тесным сопряжением с идеологическим фундаментом страны, который носит сакральный характер и связан с культом мученичества и доктриной «вилайет ал-факих»[1]. Любое надругательство над ними воспринимается как вызов политическим, религиозным и духовным основам общества, которые заключаются в исламской вере, ядре иранской политической системы после Исламской революции 1979 года.

В отличие от России в Иране кроме таких правовых символов как флаг, герб, гимн, под государственную защиту попадают также личность духовных лиц, особенно Пророка и признаваемых шиитами имамов, а также Рохбара, то есть главы государства[2].

Правовое регулирование отношения к государственным символам в Исламской Республике Иран основывается на Конституции 1979 г., Законе об исламских уголовных наказаниях от 1991 г. (с поправками от 2013 г.) и Законе об ограничениях выбора и полномочий революционных судов и судебного преследования от 1983 г., которые придают государственной символике особый статус.

Так Конституция ИРИ закрепляет ведущую роль ислама в общественной и политической жизни.[3] Уже в преамбуле подчеркивается, что государство носит «религиозных исламских характер», а государственная власть осуществляется на принципах ислама и революционных ценностях.[4] В этом контексте государственные символы рассматриваются не только как знаки национального суверенитета, но и как выражение религиозной идентичности народа.

Пример сакрализации государственных символов проявляется на флаге Ирана, на котором изображено стилизованное слово «Аллах» и лозунг «Аллах Акбар», нанесенным по краям, символизирует неразрывное единство национальной идентичности и шиитской духовности[5].

Несмотря на то, что уголовный кодекс Ирана напрямую не содержит отдельной статьи, посвящённой надругательству над флагом или гербом, практика иранских судов показывает, что такие действия квалифицируются через более широкую интерпретацию норм о «пропаганде против государства» (ст. 500), «оскорблении святынь» (ст. 513), «оскорблении лидера» (ст. 514), а также через положения о подрыве национальной безопасности.

Так, если надругательство над символикой сопровождается лозунгами или действиями, трактуемыми как оскорбление ислама, Пророка или шиитских имамов, наказание может быть значительно строже, включая многолетнее заключение и даже смертную казнь. В некоторых случаях к обвинению добавляется статья о «мохаребе» — вражде против Аллаха, что карается аналогично. Важно отметить, что при квалификация подобного рода преступлений необходимо установить их умышленный характер. То есть для привлечения человека к ответственности нужно доказать, что человек понимал значение своих действий.

К сожалению, публично доступной статистики, содержащей точные данные о количестве дел, возбужденных за оскорбление государственных символов в Иране, практически нет. Известно лишь о некоторых из подобного рода судебных процессов, демонстрирующих непримиримую позицию иранских властей по этому вопросу. Так в 2005 году к уголовной ответственности за «оскорбление верховного лидера» был привлечен журналист и Араш Сигарчи, получивший 3 года тюремного заключения[6]. За аналогичное преступление, а также «оскорбление Пророка» (ст. 513 УК ИРИ) к смертной казни были пригово-

[1] Кузнецов А. А. Теория Имамата как основа шиитского социокультурного пространства: политологический аспект: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.01 / Кузнецов Александр Андреевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2010. С. 100

[2] Отметим, что теократии государственные символы, имеющие религиозное происхождение, являются частным случаем правовых символов. Но говорить, что все религиозные символы становятся правовыми, — это ошибка. Их правовой статус является производным от воли государства, а не от их религиозной сущности.

[3] Степанова М. А., Креховец А. В. Общая характеристика уголовного закона Исламской Республики Иран // Вестник БелЮИ МВД России. 2020. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-ugolovnogo-zakona-islamskoy-respubliki-iran (дата обращения: 01.09.2025).

[4] Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. – Москва: Проспект, 2010. – С. 65

[5] Фиксация религиозных формул в государственных символах привод к ужесточению последствий их осквернения, поскольку означает преступление не только против государства, но и религии. Например, в Саудовской Аравии жесткие санкции следует за попирание флага, поскольку в нем зафиксирована шахада (один из столпов исламской веры).

[6] Arash Sigarchi // Committee to Protect Journalists. [Электронный ресурс] URL: https://cpj.org/data/people/arash-sigarchi/ (дата обращения: 31.08.2025).

рены фотографы и блогеры Сахейл Араби[1], Вахид Саяди-Насари (политический активист)[2], Рухоллах Тавана (в 2013 г.). За сожжение иранского флага к 10 годам тюремного заключения были приговорены активисты азербайджанской национальности Хоссейн Али Мохаммади и Таха Кермани (в 2015 г.). В апреле 2025 года в Тегеране были арестованы сотрудники государственного телевидения: во время прямого эфира в адрес первого суннитского халифа Абу Бакра прозвучали проклятия, что власти расценили как «мятеж»[3]. В июле 2023 года в городе Сакез молодой протестующий получил пятнадцать лет лишения свободы, в том числе за опускание государственного флага в ходе акций протеста; в приговоре ему также вменили «пропаганду против государства» и «оскорбление основателя и лидера республики»[4]. В январе 2025 года Фатеме Сепехри, известная оппозиционная активистка, была приговорена к восемнадцати годам заключения после того, как из тюрьмы публично сравнила Верховного лидера Али Хаменеи с Башаром Асадом; ей инкриминировали «оскорбление Верховного лидера» и «антигосударственную пропаганду»[5]. Наконец, в июне 2024 года активист Хасан Шанбехзаде оказался под следствием по обвинениям в «оскорблении святости» и даже «шпионаже» после того, как разместил в социальной сети единственную точку под фотографией Верховного лидера[6]. Примеры показывают, как жёстко иранская судебная система реагирует на действия, которые связывают с религиозными оскорблениями, поскольку, как уже было сказано, государственные символы имеют не только юридическое, но и ярко выраженное идеологическое значение.

В политической идеологии ИРИ государственные символы служат не только знаком национального суверенитета, но и инструментом мобилизации общества. Они отражают лозунги «независимости», «борьбы с угнетателями» и «самоотверженности», которые прочно закрепились в иранском общественном сознании через культ мученичества и доктрину имамата. Поэтому оскорбление флага, герба или фигуры верховного лидера воспринимается не как индивидуальный протест, а как покушение на саму сущность исламской революции и на духовные основы государства.

Таким образом, защита государственных символов в Иране выходит за пределы правовой сферы и становится вопросом национальной безопасности и идеологии. Подобные дела становятся предметом особого внимания судов, спецслужб и религиозных авторитетов, в связи с тем, что в Иране данные институты сосуществует в особой взаимосвязи, характерная только для теократических государств.

[1] Dehghan S. K., correspondent S. K. D. I. Iranian death sentence commuted to two years' theology study // The Guardian. 2015. (дата обращения: 31.08.2025).

[2] Vahid Sayadi Nasiri: Jailed Iran activist dies on hunger strike // 2018. (дата обращения: 31.08.2025).

[3] Iran arrests 4 state TV staff for insulting Sunni caliph in rare move [Электронный ресурс]. URL: https://apnews.com/article/iran-state-tv-insult-sunni-caliph-38f809b569ef781c855e2542afe922bc (дата обращения: 31.08.2025).

[4] Protester Sentenced to 15 Years in Jail for Lowering Iran's Flag [Электронный ресурс]. URL: https://iranwire.com/en/prisoners/118946-protester-sentenced-to-15-years-in-jail-for-lowering-irans-flag/ (дата обращения: 31.08.2025).

[5] Political Prisoners in Iran Charged Insulting Supreme Leader [Электронный ресурс]. URL: https://iranwire.com/en/news/138585-political-prisoners-in-iran-charged-insulting-supreme-leader/ (дата обращения: 31.08.2025).

[6] Iranian Activist Faces Espionage, Insult Charges [Электронный ресурс]. URL: https://iranwire.com/en/news/130348-iranian-activist-faces-espionage-insult-charges/ (дата обращения: 31.08.2025).

Зацепина Олеся Евгеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета

Zatsepina Olesya Evgenievna

candidate of legal sciences, senior lecturer of the department of theory and history of state and law of Altai State University

E-mail: zatsepina.olesya@yandex.ru

Функции правовых символов

The functions of legal symbols

Аннотация. В статье рассматриваются функции правовых символов. Установлено, что правовые символы выполняют следующие функции: выражают правовые предписания, обозначают охраняемые законом ценности (материальные и нематериальные), удостоверяют юридическую силу документов, а также их принадлежность к определенному государству или его части, функцию законодательной экономии, а также функцию отображения в специфической (цифровой) форме правовых явлений, имеющих нецифровые аналоги. Сделан вывод, сто правовые символы обладают огромным инструментальным потенциалом.

Ключевые слова: правовые символы, отображение действительности, цифровизация, правовые фикции, нецифровой аналог

Annotation. The article examines the functions of legal symbols. It is established that legal symbols perform the following functions: expressing legal regulations, designating legally protected assets (both tangible and intangible), certifying the legal force of documents and their affiliation with a particular state or part thereof, serving as a legislative economy, and representing legal phenomena with non-digital counterparts in a specific (digital) form. It is concluded that legal symbols possess enormous instrumental potential.

Keywords: legal symbols, representation of reality, digitalization, legal fictions, non-digital analogue

Для цитирования: Зацепина О.Е. Функции правовых символов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 304–306.

В настоящее время в связи с существующей необходимостью снижения законодательной инфляции, а также возникновения цифровых объектов и отношений, требующих правового регулирования, особую актуальность приобретает рассмотрение таких категорий как правовые символы.

В.К. Бабаев и В.М. Баранов полагают, что правовые символы – это установленные законодателем условные обозначения с целью отображения правового содержания, понятные адресатам правовых норм[1].

М.Л. Давыдова[2] выделяет следующие функции правовых символов (ее позицию по данному вопросу полностью разделяют С.Д. Бражник и И.А. Пилясов[3], а также М.А. Малахов и А.Н. Воробьева[4]):

1. Регулятивная (проявляющаяся в том, что правовой символ в особой форме отображает требование законодателя, например, дорожный знак, тем самым упорядочивает общественные отношения).

2. Правоустанавливающая (авторы полагают, что правовые символы играют роль юридических фактов, являясь основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений, например, подпись, печать).

[1] Бабаев, В.К. Общая теория права: краткая энциклопедия / В.К. Бабаев, В.М. Баранов. - Нижний Новгород: Нижегородский юрид. ин-т, 1997. – С. 74.

[2] Давыдова, М.Л. Символы в праве и правовые символы: понятие и значение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. - № 3 (284). – С. 45-46.

[3] Бражник, С.Д., Пилясов А.И. Функции юридических символов в процессе нормотворческого конструирования. – Образование и наука в современных реалиях: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. - Чебоксары, 2018. – С. 264-265.

[4] Малахов, М.А., Воробьева, А.Н. Юридические символы в теории права: функции и значение. – Право, экономика и управление: теория и практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / гл. ред. Э.В. Фомин. Чебоксары, 2021. - С. 204- 205.

3. Идеологическая функция (символы передают «дух» права и знакомят адресатов с элементами государственной идеологии – например, судейская мантия, государственные награды).

4. Информационная функция (обозначает, что символ является средством передачи информации в силу общеизвестности).

5. Ориентирующая функция, обеспечивающая интеграцию права в повседневную жизнь человека.

6. Идентификационная функция, позволяющая человеку определить свое место среди субъектов права (например, предъявление документов, удостоверяющих личность).

7. Охранительная функция (выражается в том, что с помощью исследуемых правовых категорий символически обозначается правовая охрана со стороны государства определенных явлений – например, пломба, установленная на двери помещения).

8. Экономическая функция (осуществление лингвистической и юридической экономии, оптимизация юридической деятельности).

С.Д. Бражник и И.А. Пилясов[1], а также М.А. Малахов и А.Н. Воробьева[2] выделяют еще второе значение экономической функции - достижение равнозначного эффекта при применении форм поощрения, имеющих разную материальную ценность - Государственную премию Российской Федерации в области культуры (в размере 5 млн. рублей) и государственную награду – почетное звание «Заслуженный артист России».

Данная классификация функций правовых символов, безусловно, имеет огромную научную ценность, отражает основные сферы, в которых исследуемые категории играют важную роль, кроме того, подчеркивает их значимость в части воздействия на субъектов права, повышения их правовой культуры и правовой грамотности.

Однако полагаем, что, исходя из рассмотрения инструментального потенциала и значения правовых символов, характеристика некоторых из указанных выше функций требует уточнения.

Бесспорно, правовые символы отображают правовое веление в специфической форме, что является одной из главных их функций, но с точки зрения конструирования правовых норм важно отметить, что посредством правовых символов не создается новое правовое веление, а отображается уже созданное, закрепленное в законодательстве.

В этом смысле правовой символ играет вспомогательную роль, что позволяет его отграничить от смежных правовых явлений, например, правовой фикции, имеющей самостоятельное регулятивное значение посредством закрепления в правовой норме, определенным образом корректирующей правовую реальность[3].

Что касается правоустанавливающей функции, то, представляется, что правовой символ не являются самостоятельными юридическими фактами, а удостоверяют юридическую силу документов путем печати и подписи, а также их принадлежность к определенному государству или его части. и в этом аспекте тоже имеют вспомогательный характер.

Исходя из инструментального и содержательного значения правовых символов, можно выделить такую функцию правовых символов как обозначение охраняемых законом ценностей (материальных и нематериальных) – например, гимн государства, товарный знак, эмблема заповедника.

Эта функция в определенном аспекте объединяет идеологическую, информационную, ориентирующую и охранительную функцию правовых символов.

Говоря об экономической функции, следует отметить следующее.

Правовые символы, несомненно, способствуют законодательной экономии, выражая правовое веление в лаконичной форме, а со вторым значением указанной функции трудно согласиться.

Полагаем, что правовые символы не обладают функцией по достижению равнозначного эффекта, поскольку, на наш взгляд, в рассматриваемом примере в действительности нет равнозначности – речь идет о материальной и нематериальной ценности различных видов поощрений, которые некорректно уравнивать друг с другом.

Итак, по нашему мнению, правовые символы – это особые правовые категории, используемые государством для обозначения определенных правовых явлений и донесения их смысла до субъектов права.

Правовые символы выполняют следующие функции: выражают правовые предписания, обозначают охраняемые законом ценности (материальные и нематериальные), удостоверяют юридическую силу документов, а также их принадлежность к определенному государству или его части. Кроме того, они способствуют законодательной и лингвистической экономии, отображая правовое веление в лаконичной форме.

Поскольку правовые символы специфическим образом олицетворяют правовую реальность (но не искажают ее, в отличие от фикций), в условиях появления новых объектов и отношений, связанных с цифровизацией и нуждающихся в правовой регламентации, исследуемые правовые категории приобре-

[1] Бражник, С.Д., Пилясов А.И. Указ. соч. – С. 265.

[2] Малахов, М.А., Воробьева, А.Н. Указ. соч. - С. 205.

[3] Зацепина, О.Е. Правовой символ и правовая фикция: проблемы разграничения // Российско-азиатский правовой журнал. - 2019. - № 4. - С. 16.

тают еще большее значение, так как, представляется, что цифровые права, виртуальная личность, аватар, электронный документ и др. представляют собой правовые символы, обозначающие в специфическом виде правовые явления, имеющие нецифровые аналоги – традиционные права на объект гражданских прав, человек, документ на бумажном носителе и др.

Таким образом, можно выделить еще одну очень важную функцию правовых символов – отображение в специфической (цифровой) форме правовые явления, имеющие нецифровые аналоги.

Данный вывод подтверждается следующим примером.

Цифровые права, закрепленные в ст. 128 ГК РФ и ст. 141.1 ГК РФ, многие ученые также считают фикцией, аргументируя это тем, что цифровые права представляют собой лишь цифровую форму, то есть особый способ фиксации традиционных прав, а не самостоятельный вид прав.

Указанной позиции придерживаются Р.И. Ситдикова, Р.Б. Ситдиков[1], И.М. Конобеевская[2], А.Ю. Чурилов[3], В.А. Садков[4], Е.С. Селиванова, О.В. Дмитриева[5] и другие.

Полагаем, цифровая форма существования традиционных прав свидетельствует о том, что цифровые права по своей сущности являются правовым символом, а не правовой фикцией, поскольку не искажают правовую действительность, а специфическим образом отображают ее.

О.М. Шевченко справедливо отмечает, что цифровые права – это права, аналогичные акциям, облигациям и инвестиционным паям[6], то есть цифровые права имеют аналоги, что также является признаком символа, а не фикции.

У.П. Кузнецов, анализируя пояснительную записку к законопроекту о цифровых правах, определяет цифровое право как совокупность электронных данных, (цифровой код, обозначение), которые удостоверяют право на объект гражданских прав, однако утверждает, что цифровые права – это новая юридическая фикция, аналогичная фикции ценной бумаги[7].

На наш взгляд, данное определение тоже является подтверждением того, что цифровое право – символ (ключевые слова – «код», «обозначение»), как и ценная бумага.

Таким образом, правовые символы имеют огромный инструментальный потенциал, который еще предстоит раскрыть, в том числе в связи с цифровизацией общественной жизни.

[1] Ситдикова, Р.И., Ситдиков, Р.Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Гражданское право. -2018. - № 9. - С. 75.

[2] Конобеевская, И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. - 2019. - Т. 19. - Вып. 3. - С. 333.

[3] Чурилов, А.Ю. К вопросу о целесообразности введения в гражданский кодекс цифровых прав // Legal Concept = Правовая парадигма. - 2020. - Т. 19. - № 2. - С. 105.

[4] Садков, В.А. Оцифрованные права как электронно-виртуальная фикция для юридического обеспечения оборота субъективных требований // Legal Concept = Правовая парадигма. - 2021. - Т. 20. - № 2. - С. 161.

[5] Селиванова, Е.С., Дмитриева, О.В. О влиянии цифровизации общества на содержание и гражданско-правовое регулирование имущественных отношений // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2023. - Т. 10. - № 2. - С. 78.

[6] Шевченко, О.М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - Т. 17. - № 11 (144). - С. 82.

[7] Кузнецов, У.П. Феномены и юридические фикции цифровой сферы // Российское право: образование, практика, наука. - 2019. - № 6. - С. 78.

Золотова Елена Владимировна

заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник полиции, руководитель аппарата заместителя Министра (Кубышко В.Л.) Департамента делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций МВД России

Zolotova Elena Vladimirovna

Candidate of Law, honored Lawyer of the Russian Federation, police colonel, Head of the Office of the Deputy Minister (Kubyshko V.L.) of the Department of Office Work and Work with Citizens and Organizations' appeals of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: zolotovaelen@yandex.ru

Кулик Олег Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Kulik Oleg Valeryevich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot

E-mail: hoigel@gmail.com

Символизм и правовое значение награждения государственными наградами Российской Федерации сотрудников органов внутренних дел

The symbolism and legal significance of rewarding state awards of the Russian Federation to officers of the internal affairs bodies

Аннотация. Награждение сотрудников органов внутренних дел государственными наградами Российской Федерации рассматривается как многостороннее общественное отношение, характеризующееся глубоким символизмом, в том числе в юридическом смысле. Помимо определения сущности наград, как социальных символов, раскрывается их характеристика как символов правовых. Анализируется действующая система государственных наград и влияние поощрения на правовой статус награжденных.

Ключевые слова: символизм, правовые символы, поощрение, стимулирование, награждение, награды, правовая практика, органы внутренних дел, государственная служба

Annotation. The rewarding of state awards to officers of the internal affairs bodies is considered a multifaceted social relationship characterized by profound symbolism, including in the legal sense. In addition to defining the nature of awards as social symbols, their characteristics as legal symbols are explored. The current system of state awards and the impact of these awards on the legal status of those awarded are analyzed.

Keywords: symbolism, legal symbols, encouragement, stimulation, rewarding, awards, legal practice, internal affairs bodies, public service

Для цитирования: Золотова Е.В., Кулик О.В. Символизм и правовое значение награждения государственными наградами Российской Федерации сотрудников органов внутренних дел // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 307–311.

Испокон веков проявление человеком своих лучших качеств, неординарных способностей, наличие достижений либо совершение полезных социально-значимых поступков, подвигов поощрялось и отмечалось обществом и государством. Представляя собой многомерное явление социальной действитель-

ности, имеющее глубокие исторические корни, награды и награждение становились предметом изучения различных гуманитарных наук – философии, социологии, политологии, психологии, юриспруденции.

Актуализации взглядов и идей на вопросы награждения в Российской Федерации в немалой степени способствовали произошедшие в государстве в конце прошлого века политические и правовые изменения. Если же говорить о сегодняшнем дне, то тема награждения и предоставления особых правовых статусов награждаемым прочно вошла в информационную повестку на фоне проведения с февраля 2022 года специальной военной операции, послужив фактором сплочения народа, ощущения причастности к общему делу и гордости за заслуги военнослужащих, волонтеров и иных лиц.

Помимо общетеоретического осмысления наград как мер (средств) поощрения и их социального предназначения, не менее интересным и важным для изучения является их символизм и значение, в том числе правовое в различных сферах жизни общества. Одна из них сфера правоохранительная, представляющая собой совокупность отношений, возникающих, развивающихся и прекращающихся в связи с реализацией своих функций по обеспечению, защите прав и свобод человека и гражданина специализированными государственными органами. В истории России огромное место на данном поприще занимают органы внутренних дел, структура которых трансформировалась с течением времени, но сущность и назначение оставались неизменным.

Сегодня органы внутренних дел, включающие в себя полицию, входят в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации, выполняющего широкий спектр задач по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, защите жизни, здоровья, прав и свобод физических лиц, противодействию преступности, охране общественного порядка и собственности, обеспечению общественной безопасности, а также управлению (в широком смысле) подчиненными силами и средствами. Последнее обстоятельство обуславливает, помимо прочего, необходимость осмысленного и грамотного стимулирования работы личного состава, от результатов которой в конечном итоге зависит эффективность всего ведомства.

Проблематика стимулирования служебной деятельности в органах внутренних дел исследована достаточно подробно[1]. Исходя из анализа научных трудов по данной тематике, можно говорить о том, что стимулы играют существенную роль в формировании мотивации к труду и выражаются во внешнем воздействии на сотрудников различными методами и средствами. К мерам стимулирования, в первую очередь, относятся средства, влекущие благоприятные последствия и улучшающее правовой статус сотрудника, такие как предоставление правовых гарантий и преимуществ, поощрения, обучение, карьерный рост, проведение конкурсов профессионального мастерства, присвоение квалификационных званий, организация морально-психологического обеспечения (позитивное стимулирование), а, во-вторых, связанные с неблагоприятным воздействием в случае применения взысканий и т.д. Развивая дискуссию об отнесении мер депоощрения к стимулам[2] следует отметить, что таковые представляется наиболее верным рассматривать не как ограничения[3], выполняющие функцию превенции совершения правонарушений, то есть в контексте достаточно сомнительной теории позитивной юридической ответственности[4], а как реализованную санкцию, влекущую негативные юридические последствия. Взыскание как мера стимулирования действует не в роли абстрактной нормы права, а когда в результате применения оно побуждает работать лучше, как минимум до восстановления статуса-кво. Недаром на государственной службе бытует анекдотическая пословица, что «лучшее поощрение – это снятие ранее наложенного взыскания».

Итак, среди всех видов стимулирования, как инструмента управления личным составом органов внутренних дел, можно выделить меры поощрения и отдельно их разновидность – награждение государственными наградами Российской Федерации[5]. В Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[6] меры поощрения перечислены в главе 7 «Служебная дисциплина в органах внутренних дел». Частью 5 статьи 48 Закона о службе определено, что за заслуги

[1] См.: Адян А.О., Яськов Е.Ф. Стимулирование труда в органах внутренних дел. Монография. – М.: 2004. – 127 с.; Юдин К.А. Правовое стимулирование служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: теоретико-прикладной аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2017. – 248 с.; Голубев А.В. Стимулирование как фактор повышения эффективности правоохранительной деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 179 с.; Богатырева Л.И. Правовое регулирование и организационные основы стимулирования деятельности сотрудников органов предварительного следствия в системе МВД России: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022. – 270 с.

[2] См.: Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника) : монография / В.М. Баранов, А.Г. Чернявский, И.В. Девяшин, Д.А. Пешехонов. – М. : Инфра-М, 2017. – 448 с.

[3] См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве : (Теоретико-информационный аспект): автореферат дис. ... док. юрид. наук. – Саратов, 1995. – 40 с.

[4] См.: Баранов В.М. Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. – М.: Блок-Принт, 2022. – 176 с.

[5] Далее – «государственные награды».

[6] Далее – «Закон о службе».

перед государством сотрудник органов внутренних дел может быть представлен к награждению государственной наградой, поощрению Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации. Порядок представления к награждению государственными наградами утвержден Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации», в котором подчеркивается, что данные награды являются высшей формой поощрения граждан за заслуги в области государственного строительства, экономики, науки, культуры, искусства и просвещения, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, воспитании, развитии спорта, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством. Решение о награждении принимается Президентом Российской Федерации на основании внесенного ему представления и предложений Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам. Ходатайство о награждении возбуждается по месту основной (постоянной) работы (службы). Примечательно, что помимо конкретных физических лиц государственными наградами согласно Указу могут награждаться еще и официальные воинские формирования, образовательные и медицинские организации ряда ведомств, а также коллективы предприятий, организаций и учреждений. Так, в системе МВД России могут быть представлены к награждению орденом Пирогова медицинские организации (за исключением санаторно-курортных организаций), а орденом Почета – образовательные организации[1]. В 2020 году первой образовательной организацией, удостоенной ордена Почета, стала отмечавшая свое 100-летие Омская академия МВД России, а в 2025 году этим же орденом отмечен Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Высшее положение государственных наград в иерархии мер поощрения подчеркивается их символизмом. Практические все иные меры стимулирования, за исключением награждения ведомственными наградами и присвоения квалификационных званий, каких-либо символов лишены вовсе. Государственная награда, явленная в материально-вещественных знаковых образах, орденах и медалях, – это многомерный социальный символ. Создание материальных предметов – символов есть результат объективизации награды как социального явления и ее сущности. Сущность награды заключается не столько в том, чтобы быть материальной ценностью и иметь рыночную стоимость, сколько в том, чтобы значить. Награда как символ многомерна. Она одновременно отображает подвиги, заслуги, услуги; социальные успехи личности награжденного и достигнутый им социальный статус; власть и господство социального субъекта – учредителя награды[2]. Наряду с этим награда символизирует возможности, которые открываются перед сотрудником, стимулируя его добросовестно выполнять служебные обязанности, принимать активное участие в различного рода проектах на уровне Министерства или общегосударственного масштаба.

Такое содержание символизма награды вытекает из того, что она представляет собой взаимотношение трех субъектов – награждаемого, награждающего (учредителя награды) и общества (большей его части). Участие последнего строго обязательно, поскольку именно социум признает значимость самой награды, что делает ее таковой, а также подтверждает, что награждаемый ее достоин. С аксиологической точки зрения общественный консенсус в отношении значимости награды является необходимым условием для признания заключенных в ней принятых в обществе ценностей, которые в современных правовых государствах носят конвенциональный характер и поэтому понятны для всех[3]. Приведенная выше конфигурация наградных отношений в органах внутренних дел прослеживается на этапе рассмотрения кандидатуры для награждения на заседании коллегиального органа – аттестационной комиссии[4] и проявляется в момент вручения награды на общих собраниях (совещаниях), других публичных мероприятиях. Что касается самого акта награждения, то он также крайне символичен, осуществляется в специальном церемониальном порядке, отличающемся торжественностью и демонстративностью[5].

Ценностная значимость наград и конвенциональность заложенных в них смыслов во многом предопределили трансформацию правил поощрения в доступную и понятную всем систему норм права, регулярное лишенное избирательности применение которых обеспечило постоянство и устойчивость наградных отношений, вовлечение в них всех слоев населения, минимизировало субъективность принятия руководителем управленческих и кадровых решений.

---

[1] См.: Поощрение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : учебно-методическое пособие / [В.Л. Кубышко и др.]; под общ. ред. В.Л. Кубышко. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. С. 109 – 127.

[2] Малинкин А.Н. Социальная природа награды: исследование по социологии власти // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – № 23 (3). – С. 197.

[3] Клименко А.И. Правовые основы российской государственности: ценности, идеи, нормы // История государства и права. – 2025. – № 10. – С. 8.

[4] Золотова Е.В. Специфика полномочий Центральной аттестационной комиссии МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 29.

[5] См.: Трофимов Е.В. Понятие и особенности наград // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – № 2. – С. 23 – 67.

Выделение в качестве отдельного института наградного права позволяет раскрыть символизм наград и их значение в строго юридическом аспекте. Будучи разновидностью стимулов, награды выступают в качестве правовых средств, которые обеспечивают реализацию нормативных предписаний, а также связь между целями правового регулирования и его социально-полезными результатами. Главное, что меняют государственные награды для человека как субъекта общественных отношений – это его правовой статус. Причем изменение статуса происходит по большей части в сторону расширения субъективных прав и преимуществ, которые по своему характеру являются приобретаемыми, добываемыми независимо от изначальных обстоятельств и мотивов совершения социально-полезных действий.

Особенностью правового статуса награжденного является его перманентность, ограниченная только наступлением определенных юридических фактов. Исключения составляют лишь случаи лишения государственных наград, которое применяется в качестве дополнительного вида уголовного наказания. Во всех иных случаях награждение не требует переподтверждения деяния, проверки лица на соответствие каким-либо критериям на протяжении всей его последующей жизни. В этом отношении заслуживает внимания довольно-таки дискуссионная тема обеспечения соответствия статусов наград и награжденных, на которых фактически не возлагаются никакие обязанности, а предъявляются только моральные и нравственные требования. Безусловно, в сознании широких масс лица, удостоенные государственных наград, особенно публичные, в своей повседневной профессиональной деятельности и в быту должны служить примером выполнения гражданского долга и образцом нравственности. Вместе с тем юридические критерии обратного недостойного поведения, за исключением совершения преступления, отсутствуют. В связи с этим встречаются случаи, когда лица, наделенные высоким статусом, нивелируют своими действиями оказанное им ранее государством и обществом доверие, попутно нанося ущерб авторитету и репутации власти, государственного органа, в котором они осуществляют служебную деятельность.

Что касается вытекающих из награждения преференций, то они представлены материальным вознаграждением, денежными выплатами, а также правовыми преимуществами[1]. В настоящее время с учетом положений ряда нормативных правовых актов награждение сотрудника государственной наградой влечет за собой помимо прочего: выплату единовременного поощрения в размере 5 окладов месячного денежного содержания; установление ежемесячных поощрительных выплат в случае награждения медалями СССР, медалями Российской Федерации (за исключением юбилейных медалей), орденами СССР, орденами Российской Федерации, знаком отличия – Георгиевским Крестом, знаками особого отличия – медалью «Золотая Звезда», золотой медалью «Герой Труда Российской Федерации», знаком отличия Российской Федерации «За безупречную службу», либо присвоения почетного звания, наименование которого начинается со слова «Заслуженный», «Народный»; увеличение размера единовременного пособия, выплачиваемого при увольнении на 1 оклад денежного содержания; присвоение квалификационного звания «мастер».

Помимо правового значения непосредственно для поощренного сотрудника, награды, наряду со взысканиями, как это описано выше, способствуют поддержанию и укреплению служебной дисциплины и законности среди личного состава органов внутренних дел. Наличие у подчиненных сотрудников наград юридически закрепляет достижения руководителя, коллектива и отдельных его представителей.

В заключение стоит отметить, что с учетом значения института государственных наград для регулирования общественных отношений их можно рассматривать в качестве правовых символов с позиции юридической техники, понимаемой в не узком смысле, как совокупность методов, приемов и правил составления документов, а в широком – как совокупность навыков, приемов, способов, применяемых во всех сферах юриспруденции[2]. В данном контексте на примере классификации, предлагаемой М.Л. Давыдовой, государственные награды следует относить к предметным статичным декларативным символам, которые существуют в виде определенных материальных объектов[3].

В качестве итога проведенного исследования можно сделать следующие выводы и обобщения, характеризующие награждение сотрудников государственными наградами в символическом и правовом значении:

1. Награждение государственными наградами представляет собой сложное социальное явление, которое применительно к организации прохождения службы в органах внутренних дел следует рассматривать как средство позитивного стимулирования деятельности личного состава, заключающееся в применении особой меры поощрения, исходящей от государства в лице Президента Российской Федерации.

2. Государственные награды безусловно символичны по своей сущности (олицетворяют подвиги и заслуги, социальный статус награждаемого, власть и полномочия награждающего), а также по внешнему

[1] См.: Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. И.Н. Сенякина. М.: Юрлитинформ, 2020. – 392 с.
[2] Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. – Москва : Проспект, 2021. – С. 39.
[3] См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. – Волгоград, 2009. – С. 305.

выражению – в виде объектов материальной действительности – разного рода знаков (орденов, медалей и т.п.).

3. Учитывая значение для регулирования общественных отношений и юридические последствия награждения, государственные награды возможно отнести к числу правовых символов, т.е. элементов, связывающих между собой общую и юридическую действительность и культуру.

4. Основное юридическое значение награждения состоит в изменении правового статуса награждаемого, предоставлении ему не только причитающихся к награде материальных благ, но и прав и преимуществ.

5. Затронутая в рамках настоящей статьи проблематика символизма и правового значения награждения государственными наградами Российской Федерации сотрудников органов внутренних дел не исчерпывает собой всех вопросов в рассматриваемой области. При этом в свете выполнения поручений руководства МВД России по сбережению личного состава органов внутренних дел она может послужить в качестве ориентира и отправной точкой для проведения комплексных исследований по формированию и реализации сбалансированной и грамотной наградной политики.

Капусткин Александр Сергеевич

заместитель генерального директора Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, преподаватель юридического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Kapustkin Alexander Sergeevich

Deputy General Director of the Vladimir-Suzdal Historical, Architectural and Art Museum-Reserve; Lecturer at the Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs

E-mail: kac33@mail.ru

Государственные награды как правовые символы: понятие и особенности

State awards as legal symbols: concept and characteristics

Аннотация. В статье исследуется теоретико-правовая природа государственных наград как правовых символов. Автор анализирует проблему отсутствия единого подхода к пониманию правовых символов, акцентируя внимание на разграничении понятий «символ» и «знак» и их роли в правовом регулировании. Автор приходит к выводу, что государственные награды представляют собой не просто материальные объекты (медали, знаки отличия, почётные грамоты), а сложные правовые символы, выполняющие регулятивную, коммуникативную и оценочную функции в системе общественных отношений.

Ключевые слова: награды, правовой символ, знак, право, форма права, наградное дело, поощрительные нормы, свойства наград, законодательство о наградах

Annotation. The article explores the theoretical and legal nature of state awards as legal symbols. The author examines the problem of the absence of a unified approach to understanding legal symbols, focusing on differentiating between the concepts of «symbol» and «sign» and their roles in legal regulation. The study concludes that state awards are not merely material objects (such as medals, insignia, and certificates of honour) but rather complex legal symbols that perform regulatory, communicative, and evaluative functions within the system of social relations.

Keywords: awards, legal symbol, sign, law, form of law, award administration (awards management), incentive norms, properties of awards, legislation on awards

Для цитирования: Капусткин А.С. Государственные награды как правовые символы: понятие и особенности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 312–314.

Данная статья выступает продолжением идей, высказанных в более ранней работе[1], посвящённой одноимённой тематике. В ходе выступлений на международном междисциплинарном научно-практическом форуме «Юртехнетика» (XXXVII) были высказаны важные позиции, дополняющие и углубляющие доктринальные положения о правовых символах, а соответственно — и о наградах. В результате требуется дополнение в части особенностей теоретико-правовой оценки государственных наград.

Анализ позиций теоретиков права даёт понимание отсутствия единства в определении правовых символов по двум причинам. Во-первых, очень высокую значимость имеет соотношение понятий «символ» и «знак». Во-вторых, само содержание правового символа находит отражение не только в действующем законодательстве, но и в истории государства.

Здесь стоит отметить, что работа Н. Н. Вопленко[2] считается одной из ключевых в контексте исследования места символов в правовом регулировании. С его точки зрения, символы помогают существен-

[1] Капусткин А.С. Награда как правовой символ / А.С. Капусткин // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 5. — С. 15-19.

[2] Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. — 1995. — № 4–5. — С. 71–73.

но сократить процесс передачи необходимой информации о правоотношении либо могут выступать даже в качестве юридического факта. Знаки ПДД могут рассматриваться в такой роли при их нарушении. Подобная позиция была поддержана А. А. Колесниченко[1] и А. В. Никитиным[2]. Таким образом, общий функционал символов сдвинулся в сторону способа сокращения скорости восприятия юридической информации. Однако это привело к размыванию границ между правовыми символами и «визуализацией».

С этой точки зрения интересна позиция В. М. Баранова и В. Б. Исакова[3], которые определяют символ как знак с устойчивым содержанием, связанным именно с данным знаком. Знак, в свою очередь, выступает как материальный предмет, представляющий другой предмет или его свойство и используемый для хранения, обработки или передачи информации. С их позиции, возникновение внутреннего содержания знака необходимо связывать с достижением соглашения о его восприятии. В соотношении с понятием «символ» (для которого именно «устойчивость» содержания является ключевым элементом) стоит отметить сложность определения момента соглашения об общем восприятии. К примеру, знаки египетского алфавита можно считать подходящими, так как они имели смысл для конкретного общества, однако их устойчивое содержание теперь существенно изменилось и связано с историческим фактом существования древнего государства.

Символы, существующие вне правового пространства, определяются и устанавливаются обществом с учётом сложившихся общественных условий и проходят через многократное повторение. Это созвучно с правовым обычаем, в основе которого лежит такое важное явление, как «традиция». Символ выступает в качестве общепринятой формы выражения права, повторённой многократно. Его абстрактность подразумевается привязанной к правовым категориям (когда речь идёт о правовых символах). Форма права, с точки зрения С. С. Алексеева, имеет одно из ключевых значений. Абстрактные нормы должны найти выход в материальный мир и быть восприняты всеми.

В контексте существующей всеобщей символизации правового регулирования (речь идёт о формировании цифрового пространства, основанного на символах) вновь возникает вопрос о месте наград в системе средств упорядочивания общественных отношений. Существующие подходы определяют преимущественно публично-правовую природу, слабо освещая теоретико-правовые аспекты.

Г. Р. Хабибуллина[4] и Е. В. Сердобинцева[5] рассматривают наградное право с конституционно-правовой точки зрения, концентрируясь на его публичном характере и социальной значимости. О. В. Романовская[6] резюмирует, что награды — это высшая форма оценки заслуг гражданина перед государством. На первый взгляд, подходы Г. Р. Хабибуллиной и О. В. Романовской созвучны, так как лицо получает награду действительно за особые заслуги, имеющие значение для общества. Однако само государство устанавливает форму поощрения, порядок и примерный перечень необходимых действий, чтобы её заслужить (который, несомненно, сформулирован чаще всего абстрактно).

В некоторых случаях награда зависит от получения другой награды — как в случае со званием «Ветеран труда», для которого было установлено требование о наличии ведомственной награды. Хотя с точки зрения теоретиков наградного права существуют споры, связанные с правильностью оценки звания «Ветеран труда» как награды или необходимостью регламентации перечня ведомственных наград (сейчас в основном они именуются «знаками отличия» или «поощрениями»), в настоящей статье это не выступает предметом исследования.

Награда выступает элементом поощрительных норм, имеющих материальное отражение. Она может выражаться в форме медалей, знаков отличия, почётных грамот[7]. Главное — это разновидность правового символа, имеющего устойчивое значение для общества не с точки зрения внешнего выражения, а с позиции подтверждения значимости деятельности субъекта государством. Это означает, что награда — это форма выражения поощрительных норм, включающая целый спектр объектов материальной действительности, закреплённых в законе и отражающих значимость действий, совершенных субъектом с точки зрения общественных интересов.

---

[1] Колесниченко А. А. Государственно-правовые символы России: история и современность // Философия права. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2011. — № 3. — С. 44–46.

[2] Никитин, А. В. Правовые символы : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никитин Александр Всеволодович. – Нижний Новгород, 1999. – 241 с.

[3] Баранов, В. М. Словарь правовых символов и знаков / В. М. Баранов, В. Б. Исаков. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2025. – С. 5-6.

[4] Хабибуллина Г.Р. Принципы наградного права и практика Конституционного Суда Российской Федерации и уставных судов субъектов Федерации / Г.Р. Хабибуллина // Современное право. — 2015. — № 3. — С. 69-72.

[5] Сердобинцева Е.В. К вопросу о конституционно-правовой ответственности в сфере государственных наград / Е.В. Сердобинцева // Государственная власть и местное самоуправление. — 2010. — № 8. — С. 34-36.

[6] Романовская О.В. Правовой режим наград в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2019. -№1 (25). С. 17-22.

[7] Кабанов П.А. Лишение ведомственной награды судебной системы российской Федерации как вид наказания за совершение коррупционного деяния // Russian Journal of Economics and Law. 2019. №3. С. 1379-1403.

Право, выступая в качестве социального регулятора, определяет правила взаимодействия субъектов, санкции за нарушение и границы дозволенного поведения, а также устанавливает возможность стимулирования субъектов за их деятельность, в том числе с использованием наград. Сужение их функций исключительно до материального объекта, подтверждающего заслуги, игнорирует их теоретико-правовую природу. Несомненно, присвоение наград сопровождается соблюдением особой процедуры и присвоением специального статуса, предоставляющего различные льготы. Однако ключевым элементом выступает именно способ оценки деятельности человека с позиции общественных интересов.

Государственная награда как правовой символ обозначает не просто конкретный объект, а виды объектов, выступающих в качестве формально определённого выражения поощрительных норм в отношении субъекта (как физического, так и юридического лица), исходящих от государства. Награды имеют законодательное закрепление и подтверждают существование у лица определённого позитивного статуса (то есть сокращают процесс передачи юридической информации), а также отражают положительную характеристику награждённого лица, что, в том числе, важно при взаимодействии с ним (коммуникативная функция символов).

Таким образом, государственные награды как правовые символы являются одним из средств регулирования общественных отношений, которые, хоть и имеют индивидуально-определённый характер, обладают большим и устойчивым значением для всех субъектов правоотношений. При этом, хотя награда исходит от государства и легитимизируется им, она имеет в большей степени общественное политико-правовое значение.

Козлова Анастасия Александровна

преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Kozlova Anastasia Alexandrovna

Lecturer at the Department of General Legal Disciplines at the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Applicant at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V.Ya. Kikot'

E-mail:nastenkkozlova@yandex.ru

Отражение духовно-нравственных ценностей российского общества в правовых символах

Reflection of the spiritual and moral values of Russian society in legal symbols

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о связи, существующей между правовыми символами и духовно-нравственными ценностями российского общества. Обосновывается, что в российской правовой системе имеется множество символов, которые не только отражают исторически сложившиеся убеждения и идеалы, но и служат важным инструментом передачи духовно-нравственных ценностей, а также задают ориентиры для законопослушного поведения в неразрывной связи с моральным поведением. В качестве отражающих духовно-нравственные ценности российского общества правовых символов рассматриваются герб, флаг, присяга, геральдические знаки, государственные награды.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, правовые символы, государство, герб, флаг, геральдика, присяга, государственные награды.

Annotation. The article examines the relationship between legal symbols and the spiritual and moral values of Russian society. It argues that the Russian legal system contains numerous symbols that not only reflect historical beliefs and ideals, but also serve as an important tool for conveying spiritual and moral values, as well as setting guidelines for law-abiding behavior in close connection with moral behavior. The article focuses on legal symbols that reflect the spiritual and moral values of Russian society, such as the coat of arms, flag, oath, heraldic symbols, and state awards.

Keywords: spiritual and moral values, legal symbols, state, coat of arms, flag, heraldry, oath, state awards

Для цитирования: Козлова А. А. Отражение духовно-нравственных ценностей российского общества в правовых символах // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 315–318.

Опыт правотворческой и правоприменительной деятельности свидетельствует о том, что правовые символы играют большую роль в правовом регулировании общественных отношений. Это дает основание утверждать, что познание сущности правовых символов, уяснение их функционального назначения в механизме правового регулирования, анализ их содержательных и формальных характеристик способствуют укреплению и совершенствованию методологической базы правовых исследований. Изучение правовых символов позволяет получать результаты, применимые для совершенствования нормотворческого процесса и правоприменительной практики, имеющие значимость для профессиональной подготовки юристов, а также для решения задач, связанных с формированием правосознания общества и сохранением его правовой культуры.

Правовые символы играют огромную роль как во внутригосударственном, так и в международном взаимодействии. Они обладают глубоким смыслом и во многом определяют особенности восприятия гражданами справедливости и закона. «Символизм связывает право с менее формализованными нормативными системами (моралью, религией, традицией)»[1], и поэтому не случайно в современной юриди-

[1] Капицын В. М. Символы в праве и глобализация // Нравственные императивы в праве. 2012. № 1. С. 50.

ческой науке правовые символы рассматриваются как важнейшие элементы правовой культуры, выполняющие функции трансляции и сохранения духовно-нравственных ценностей в правовом поле. Такие правовые символы как герб, гимн, флаг, присяга, судебные атрибуты выступают частью не только правовой культуры, но и культурного наследия народа в целом.

Российская история богата традициями и обычаями, которые способствовали формированию национальной идентичности и стали основой общественного порядка. Правовая система нашей страны является отражением многовекового развития русского духа и мировоззрения. В этой связи не удивительно, что в российской правовой системе существует множество правовых символов, которые отражают глубинные ценностные ориентиры общества.

Анализ правовых символов как визуальных маркеров, которые связывают формально-юридические конструкции с глубинными мировоззренческими основаниями общества, представляет очевидный интерес. Вместе с тем, в рамках отдельно взятой статьи крайне затруднительно рассмотреть все известные символы, выступающие такими маркерами, поэтому представляется целесообразным остановиться на отдельных иллюстративных примерах.

Государственный флаг Российской Федерации «представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верхней – белого, средней – синего и нижней – красного цвета»[1]. В настоящее время значение цветов триколора не зафиксировано ни в одном официальном документе, тем не менее, они несут вполне определенную смысловую нагрузку. При этом традиционное понимание того, что означают цвета российского флага и какой смысл каждый из них несет, связывает цвета российского флага с духовно-нравственными ценностями российского общества. Считается, что белый цвет олицетворяет мир, благородство, чистоту, невинность, и в то же время он ассоциируется со свободой. Синий цвет является символом честности, верности, надежды, это цвет веры и духовности. Красный цвет устойчиво ассоциируется со всем тем, что так или иначе связано с патриотизмом, защитой Отечества: со смелостью, силой, мужеством, любовью к Родине и кровью, пролитой за нее.

Важным фактором, определяющим восприятие цветов российского флага в качестве связанных с духовно-нравственными ценностями российского общества, является то, что на формирование символики Государственного флага России оказали влияние русская языковая культура и иконография православной церкви.

Так, слово «белый» в русском языке исторически употреблялось не только в качестве синонимичного словам «светлый», «чистый», но и в значении «вольный»[2]. Именно в качестве обозначающего волю, свободу оно используется в словосочетаниях «белая слобода», «белый крестьянин».

Особое положение на российском флаге занимает голубой цвет. Связь между голубым цветом и религиозной символикой во многом обусловливается тем, что в изображении Богородицы, образ которой символизирует духовную высоту и святость, нередко присутствует голубой цвет. В то же время в иконописи голубой цвет часто используют для изображения небесной сферы и ангельских одежд, что отражает связь с божественным началом. Присутствие данного цвета на национальном флаге укрепляет веру народа в божественное покровительство и защиту России. Такие ассоциации исторически важны для укрепления чувства общности и самоидентификации россиян в качестве носителей важнейших духовных устоев.

Красный цвет, присутствующий на Государственном флаге Российской Федерации, занимает важное место в геральдике и национальной символике не только России, но и многих других стран. В жизнь русского народа красный цвет прочно вошел как цвет мужества, героизма и стойкости духа. Многочисленные войны и конфликты способствовали укреплению этой ассоциации, превращая красный цвет в ключевой компонент военной и государственной символики. Упрочение связи этого цвета с такой духовно-нравственной ценностью как патриотизм обусловливается тем, что чувство любви к Родине и готовность защищать ее интересы формируются под влиянием исторических обстоятельств и общей социальной среды.

Осознание связи цветов Государственного флага Российской Федерации как правового, официально закрепленного законодательством символа с духовно-нравственными ценностями российского общества способствует укреплению национальной идентичности, объединению общества вокруг общих ценностей и идеалов, способствует формированию ощущения принадлежности к единому народу, воспитанию патриотизма. Правовые символы вызывают чувство гордости за свою страну и побуждают граждан выражать любовь и уважение к своей Родине.

Еще одним важный правовым символом, который отражает в себе духовно-нравственные ценности российского общества, является присяга.

Присяга – важный элемент правовой культуры. Обеспечивая легитимность властных полномочий, создавая основу доверия между человеком и государством, гарантируя выполнение взятых на себя обя-

[1]Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ (ред. от 23.03.2024) «О Государственном флаге Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 52 (Часть I). Ст. 5020.

[2] Перфилова М. Н. Цветообозначение белый в истории русского языка // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. 2020. С. 235-236.

зательств, этот ритуал неразрывно связан с идеей личной ответственности каждого перед обществом и государством. Присяга устойчиво ассоциируется с осознанным желанием индивида посвятить свою жизнь служению интересам общества и государства. Акт принятия гражданской присяги служит символом преданности высоким принципам и добродетелям, таким как справедливость, гуманизм, честность, патриотизм.

Церемония принятия присяги проводится открыто, что позволяет акцентировать внимание на общественном характере обязанностей, возлагаемых на гражданина перед государством. Так, принесение присяги Президентом Российской Федерации, которое является официальным юридически предусмотренным действием, проходит в рамках торжественной церемонии, на которой присутствуют высокопоставленные лица и представители общественности.

То, каким образом проводится церемония принятия присяги, чрезвычайно значимо, поскольку влияет на формирование не только юридической, но и устойчивой эмоциональной связи государственно-властной деятельности с основополагающими принципами культуры российского общества. Это особенно важно в современных условиях глобализации, экономических и политических противоречий, когда остро встает вопрос сохранения национальной самобытности, независимости. Важную роль в преодолении проблем, встающих перед обществом, играют взаимопомощь, взаимовыручка. В этой связи важно, что государственная присяга служит инструментом объединения граждан вокруг общих целей и ценностей, помогающим сохранять национальную идентичность.

Каждое государственное ведомство, обладая своим набором задач и функций, использует свою уникальную геральдику, которая служит символическим отражением его деятельности. Исследования геральдических знаков позволяют проникнуть в мир тех ценностей, которые играют важную роль в формировании профессиональной этики сотрудников, дают возможность лучше понять их внутренние мотивы и отношение к исполнению своих обязанностей.

Геральдика отражает не только сугубо профессиональные ценности, формирующие мотивы служебного поведения, но и духовно-нравственные ценности, приверженность которым лежит в основе добросовестного исполнения служебных обязанностей.

Например, изображение двухглавого золотого орла имеется не только на гербе Российской Федерации, оно также присутствует на эмблемах многих министерств и ведомств. Использованием данного символа подчеркивается сохранение современной Россией преемственности с Древнерусским государством и Российской империей.

Можно согласиться с мнением, что «в имперский период герб был сильно усложнен и потерял ясность выражаемых им идей о принципиальных особенностях Российской империи. Современный герб России освобожден от этих излишеств и ясно выражает древний смысл герба»[1]. В частности, «тело птицы обозначает Отечество, а именно народ с его культурой и Верой, установленной народом формой государственного устройства и вооруженными силами, а также территорию, включая её природные богатства и материальное рукотворное наполнение»[2].

Кроме того, сам по себе образ орла – это образ, глубоко укорененный в православных традициях и в православном мировоззрении, отражающий духовно-нравственные ориентиры русского народа. Орел – большая птица, поднимающаяся высоко в небо, независимая и сильная, не поддающаяся приручению. Он ассоциируется с волей и свободой выбора как даром Божиим, позволяющим человеку выбирать между добром и злом. Кроме того, орел воспринимается как символ, ассоциирующийся с патриотизмом и служением Отечеству, поэтому символика, в которой он используется, способствует воспитанию чувства патриотизма и гордости за свою страну, учит любить Родину и служить ей честно и бескорыстно.

Геральдические знаки содержат и другие символы, которые отражают широкий спектр нравственных категорий, включая честь, отвагу, справедливость. Их использование в деятельности сотрудников органов государственной власти способствует поддержанию благоприятного морального климата в профессиональных коллективах, более успешному выполнению служебных задач.

Еще один из примеров правовых символов – государственные награды. Они традиционно рассматриваются как символы признания, которые подтверждают знаковые заслуги гражданина перед государством и обществом. Принципиально значимо, что «награда является … правовым явлением, так как само ее учреждение и существование, а также процесс награждения урегулированы действующим правом»[3], это позволяет рассматривать ее именно как правовой символ. Нельзя забывать и о том, что получение государственных наград влечет за собой изменение правового статуса лица, приобретение дополнительного объема прав и льгот, в силу этого награда квалифицируется как специализированный правовой атрибут, обладающий выраженными юридическими свойствами.

В качестве правовых символов государственные награды бесспорно играют значимую роль в стимулировании духовно-нравственного поведения граждан, более ответственному отношению к своим

[1] Монах Варфоломей (Чернышев). Двуглавый орел: христианское понимание содержания герба Российской Федерации // Ипатьевский вестник. 2023. № 2. С. 145.
[2] Там же. С. 145.
[3] Капусткин А. С. Юридическая техника законодательства о наградах // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 199.

обязанностям перед обществом и государством. Это обусловлено тем, что, помимо символической, награды выполняют множество других функций[1], в частности, им свойственны мотивирующая и гедонистическая функции, функции оценивания, регуляции и стабилизации[2].

Рассматривая государственные награды как особые правовые символы, значимые для стимулирования, с одной стороны, правозначимого сверхнормативного, с другой стороны, морально одобряемого поведения, особо следует выделить следующие: Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством»; Медаль «За отвагу»; Медаль «За храбрость»; Медаль Суворова; Медаль Жукова. Награждение ими военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, научных работников и других граждан служит средством демонстрации образов героического поведения и высокоценимого вклада в общественное благо. Помимо признания и стимулирования моделей поведения, соответствующих таким образам, оно обеспечивает осознание и принятие членами общества в качестве собственных таких ценностей как долг, честь, персональная ответственность, патриотизм, а также национальная идентичность. Медаль ордена «Родительская слава» – символ ценности крепкой семьи. Орден «За доблестный труд» – символ ценности созидательного труда. Знак отличия «За благодеяние» является символом, неразрывно связанным с такими духовно-нравственными ценностями как высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение.

Итак, правовые символы имеют тесную связь с духовно-нравственными ценностями российского общества. Эти символы не только отражают исторически сложившиеся убеждения и идеалы, они служат важным инструментом передачи духовно-нравственных ценностей, способствуя формированию общественного сознания. Современные российские правовые символы передают тысячелетнюю историю, веру в добро и справедливость, стремление к миру и согласию. Одновременно они задают ориентиры для законопослушного поведения в неразрывной связи с моральным поведением.

Сохраняя традиции и адаптируясь к новым условиям, страна укрепляет позиции в мире, развивает демократические процессы и поддерживает высокий уровень доверия граждан к органам власти.

[1] См.: Гусева Н. А. Социальная сущность награды и ее функции // Четвертые Ковалевские чтения: материалы научно-практической конференции / Отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб., 2009. С. 39-41; Ручкин А. В. Функции государственных наград в обществе в контексте социальных потребностей // Вопросы политологии и социологии. 2011. № 1(1). С. 95-98.

[2] Гусева Н. А. Указ. соч. С. 40.

Косых Алексей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

Kosykh Alexey Alexeevich

candidate of law, associate Professor, Deputy Head of the Department of state and legal disciplines Academy of Management of the MIA of Russia

E-mail: lexovip36@mail.ru

Рекомендательный характер некоторых правовых символов

Recommended character of some legal symbols

Аннотация. В статье подвергается научному осмыслению роль и функциональные особенности правовых символов в современных условиях развития общества. Автором на основе анализа существующих подходов к понятию и классификаций функций правовых символов предлагается рассмотреть действие отдельных правовых символов через призму правовой рекомендации. Особенность рекомендательного воздействия правового символа проявляется не столько в отсутствии конкретных правовых последствий, сколько в предложении выбора наиболее правильного и целесообразного варианта правового поведения в сложившихся условиях правовой действительности, что свидетельствует об уровне развития общества, его зрелости и способности воспринимать правовую информацию в том числе в форме символа.

Ключевые слова: символ, правовой символ, юридическая рекомендация, функции правовых символов

Annotation. The article provides a scientific analysis the role and functional features of legal symbols in the current conditions of social development. Based on an analysis of existing approaches to the concept and functions classification of legal symbols, the author proposes to consider the effect of individual legal symbols through the lens of legal recommendations. The peculiarity of the recommendatory effect of a legal symbol lies not so much in the absence of specific legal consequences, but rather in the suggestion of choosing the most correct and expedient legal behavior in the current legal environment, which indicates the level of social development, maturity, and ability to perceive legal information, including in the form of a symbol.

Keywords: symbol, legal symbol, legal recommendation, functions of legal symbols

Для цитирования: Косых А.А. Рекомендательный характер некоторых правовых символов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 319–322.

Правовые символы выступают неотъемлемым и весьма эффективным элементом правовой коммуникации в современном мире. В.К. Бабаев убедительно подчеркивал, что «символика – своеобразное средство формализации правового содержания в целях придания ему четкости, определенности, лапидарности и образности»[1]. Государственная символика (флаг, герб, гимн), правовые символы, подтверждающие юридическую силу документов (печати, голограммы, водяные знаки), зарегистрированные товарные знаки и логотипы компаний, знаки и символы в сети «Интернет» – вот лишь малая доля того массива правовых символов, которые сопровождают жизнь современного человека.

Правовой символ – это еще и своеобразный показатель правовой связи между общей культурой и правовой культурой общества. Внедряемые в настоящее время во все сферы общественной жизни цифровые технологии оказывают существенное влияние и на сферу права, включая правовую символику. Только за последнее десятилетие стали достаточно распространенными и во многом обыденными правовые символы, которые объективируются и находят свое выражение в хэштегах (#реклама, #спонсорскийконтент), знаках, обозначающих возрастные ограничения (12+, 16+, 18+), знаках авторского права (© – copyright), ℗ – phonogram, «CC» – creative commons), знаковых выражениях и протоколах интернет-серфинга, используемых в ходе поиска информации («https», «SSL/TLS», знак замка в адресной строке браузера символизируют защиту персональных данных при переходе на соответствующий сайт), информационных сообщениях или метафорах, свидетельствующих об использовании рекомендательных технологий (сообщение «На информационном ресурсе применяются рекомендательные техноло-

[1] Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 2003. С. 347.

гии») или уведомляющих о сборе данных (сообщение «Этот сайт использует cookies»), и многие другие. Как справедливо отмечает М.Л. Давыдова, «количество и значение символов в современном мире отнюдь не снижается пропорционально повышению уровня развития общества»[1]. Приведем простой пример: если в 1961 году, после присоединения СССР к Международной конвенции по дорогам и моторному транспорту 1949 года, число дорожных знаков составляло 36, то на сегодняшний день Правилами дорожного движения установлено более 240 основных и примерно 50 дополнительных знаков. В соответствии с приказом Росстандарта от 25 декабря 2024 г. № 2001-ст[2], с 1 января 2026 года вступают в силу изменения, согласно которым вводятся в действие еще несколько дорожных знаков: «Рекомендуемая скорость при проезде искусственной неровности» (п. 6.2.1), «Глухие пешеходы» (п. 8.15.1), вертикальный знак «Стоп-линия» (п. 6.16.1) и другие.

В качестве другого примера приведем последние изменения законодательства о рекламе. Так, Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 347-ФЗ[3] был внесен довольно широкий перечень изменений в Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – Закон «О рекламе»). В частности, были введены новые правила маркировки рекламы: с 1 сентября 2022 г. любая реклама, распространяемая в информационно-коммуникационной сети «Интернет», должна содержать указание на рекламодателя и (или) страницу сайта, содержащую сведения о рекламодателе, а также отметку «реклама». Подобная маркировка является обязательной для всей рекламы в сети «Интернет», за исключением социальной рекламы или рекламы, размещенной в телепрограммах и телепередачах, радиопрограммах и радиопередачах, транслируемых в сети «Интернет». Другим федеральным законом от 26 декабря 2024 г. № 479-ФЗ[4], Закон «О рекламе» был дополнен новыми обязанностями, возлагаемыми на рекламодателей, рекламораспространителей и операторов рекламных систем: реклама услуг, связанных с предоставлением потребительского кредита (займа), пользованием им и погашением указанного кредита (займа) должна содержать маркировку предупредительного характера в форме информационного сообщения «Оценивайте свои финансовые возможности и риски», а также «Изучите все условия кредита (займа)». Подобные знаки, становясь символами безопасной рекламы и правопорядка в сфере кредитования, выполняют не только коммуникативную функцию между личностью и государством, но и направлены на предупреждение противоправного поведения посредством воздействия на эмоционально-волевые и когнитивные процессы личности, а также повышают эффективность осуществления контрольно-надзорных полномочий органами государственной власти.

Приведенные примеры качественного и количественного многообразия правовых символов в очередной раз заставляют задуматься над словами, которые приписывают древнекитайскому философу Конфуцию, – «Знаки и символы правят миром, а не слово и не закон». Однако познание сущности такого феномена, как правовой символ, установление его соотношения с общим понятием символа, определение коммуникативно-регулятивных свойств, форм и способов выражения в отрыве от функциональных особенностей в процессе правотворчества, правореализации или правовой культуры общества не представляется возможным. Именно функции способствуют познанию не только собственно регулятивных свойств правового феномена, но и его природы, сущностных особенностей, причин возникновения или исчезновения. Как справедливо отметил Л.И. Каск, «безотносительно к функциям вообще невозможно сказать что-либо о разумности, целесообразности и эффективности структуры какого-нибудь объекта»[5].

Профессор Н.Н. Вопленко одним из первых обратил внимание на необходимость теоретического осмысления функций правовых символов и обосновал три функции – предупредительно-ориентационную, функцию усиления регулятивного эффекта и функцию экономии языковых и юридических средств[6]. М.Л. Давыдова выделяет восемь важнейших функций правовых символов – регулятивную, правоустанавливающую, идеологическую, информационную, ориентирующую, идентификационную, охранительную, экономическую[7]. При этом ученый, учитывая особенности функциональной специализации исследуемого феномена, подчеркивает неспособность выполнения всех отмеченных функций отдельным правовым символом. П.Д. Шалагинов в своем диссертационном исследовании, посвященном функциям правовых символов, выделяет три достаточно объемные в содержательном плане группы функций правовых символов. В зависимости от сферы общественной жизни ученым обосновываются экономическая, политическая, идео-

[1] Юридическая техника. Juridical Techniques: учебник / Под ред. В.М. Баранова. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. С. 246.

[2] Об утверждении национального стандарта Российской Федерации: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25.12.2024 № 2001-ст // СПС «КонсультантПлюс»

[3] О внесении изменений в Федеральный закон "О рекламе": федеральный закон от 02.07.2021 № 347-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.07.2021. № 27 (часть I). Ст. 5175.

[4] О внесении изменений в Федеральный закон "О рекламе" и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 26.12.2024 № 479-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.12.2024. № 53 (часть I). Ст. 8489.

[5] Каск Л.И. Функции и структура государства. Л., 1969. С. 3-4.

[6] Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 71-73.

[7] Юридическая техника. Juridical Techniques: учебник / Под ред. В.М. Баранова. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. С. 252-254.

логическая и другие функции правовых символов; семиотический подход позволил дифференцировать функции правовых символов на коммуникативную, сигнальную, аксиологическую, ориентационную, сигнификативную, номинативную, функцию замещения, а также функцию фиксации и передачи юридически значимой информации; в зависимости от назначения в правовой системе ученый предлагает рассмотреть функцию придания официальности и легальности, охранительную функцию, превентивную, функцию унификации правового материала, функцию легитимации, праворазъяснительную, правоконкретизирующую, правоизменяющую и правопредписывающую функции[1]. В диссертационном исследовании на тему «Правовые символы как средства правоприменительной техники» О.И. Шарно пишет о трех функциях правовых символов в правоприменительной деятельности – интеграция, унификация и универсализация[2]. По сути, автором доказывается обеспечительная функция правовых символов, которая реализуется с целью повышения эффективности правоприменительной практики разными способами: достижением внутреннего единства, рациональным единообразием и синтезом интеграционных и унификационных процессов. Опираясь на информационно-семиотический подход, И.А. Демидова заостряет внимание на одной, как предлагается автором сущностной, реализуемой правовыми символами информационной функции или, как пишет автор, функции информационных правовых моделей. По мнению ученого, правовые символы выступают способом и служат источником передачи правовой информации о состоянии правовой материи для представителей других правовых культур[3].

Функциональный потенциал правовых символов разнообразен и позволяет рассмотреть правовой символ не только как средство, оказывающее непосредственно регулятивное воздействие на общественные отношения, но и как средство, оказывающее воспитательное, информационное и в отдельных ситуациях обеспечительное воздействие на регулируемые общественные отношения. В ряде случаев можно говорить о рекомендательном характере воздействия правовых символов на общественные отношения. Так, дорожные знаки традиционно символизируют не только предупреждение (предупреждающие), запрет (запрещающие) или обязанность (предписывающие) для участников дорожного движения, но и воспринимаются как рекомендация наиболее оптимального режима движения на дороге как с точки зрения субъективного восприятия, так и с позиции объективно сложившихся погодных условий, в случаях наличия опасных участков и их протяженности и других факторов. Особенность рекомендательного воздействия проявляется не столько в отсутствии конкретных правовых последствий, сколько в предложении выбора наиболее правильного и целесообразного варианта правового поведения в сложившихся условиях правовой действительности. Рекомендательное воздействие дорожных знаков может также сопутствовать или предшествовать наступлению ограничивающего или запрещающего воздействия. Так, действие знака 6.15.1 «Направление движения для грузовых автомобилей» не является обязательным, но водителям следует придерживаться указанного направления, так как в последующем будет ограничение или запрещение движения для таких субъектов.

Рекомендательный характер правовых символов можно также проследить на примере такого правового символа, как последнее слово подсудимого. Право подсудимого на последнее слово в российском суде уходит корнями в законодательство XVIII-XIX вв., где оно рассматривалось как важный элемент состязательного процесса и проявление гуманности правосудия. Сегодня последнее слово подсудимого в России – это не только юридическая процедура, но и важный психологический момент, позволяющий подсудимому обратиться к суду, потерпевшим и обществу, что нередко влияет на восприятие приговора. В соответствии со ст. 293 УПК Российской Федерации «После окончания прений сторон председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово. Никакие вопросы к подсудимому во время его последнего слова не допускаются». Вместе с тем, несмотря на тот аспект, что предоставление последнего слова фигуранту является обязательным. Информация, которая излагается в последнем слове для суда имеет рекомендательный характер. Суд не обязан кардинально менять сформированную позицию по делу на основании последнего слова обвиняемого. Ст. 294 УПК Российской Федерации содержит диспозитивную норму «Если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства, то суд вправе возобновить судебное следствие». Но минимизировать значение данной нормы недопустимо. Так, правоприменительная практика знает немало случаев, когда в последнем слове подсудимый напомнил о своем ходатайстве о вызове свидетеля, которое было проигнорировано судом первой инстанции, но повлекло пересмотр дела на стадии апелляционного производства (например, Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 27.09.2016 по делу № 22-7860/2016).

[1] Шалагинов П.Д. Функции правовых символов: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2007. С. 9-10.

[2] Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов. 2014. С. 13-14.

[3] Демидова И.А. Правовые символы: осмысление в контексте исследования правовой культуры общества // Актуальные вопросы права, образования и психологии : Сборник научных трудов. Том Выпуск 8. – Могилев : Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2020. С. 56-62.

Рекомендательный характер использования отдельных символов может с течением времени изменяться и приобретать правовой, обязательный характер, обеспеченный мерами государственного принуждения. Здесь можно провести аналогию с процессом формирования и трансформации рекомендательных норм в типичные нормы права[1]. В качестве примера можно привести Георгиевскую ленту, которая долгое время, олицетворяя вечную память о героизме и подвигах защитников Родины в Великой Отечественной войне, имела традиционный, во многом рекомендательный в применении характер. Использование данного символа не было урегулировано нормами законодательства. После принятия Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 579-ФЗ Георгиевская лента приобрела официальный статус правового символа воинской славы России[2], посягательство на который влечет наступление уголовной ответственности. В качестве другого примера можно привести проводимую политику в сфере защиты персональных данных. Установка пароля всегда воспринималась как символ безопасности, защиты персональных данных, сохранения или обеспечения прав, свобод, законных интересов. Рекомендуемые принципы создания паролей, периодичности их подтверждения или обновления изменяются с развитием информационных технологий. Так, рекомендуемый принцип обновления периодической смены пароля каждые 30 или 60 дней сменяется принципом обязательной смены пароля при наличии риска. С течением времени пароль как рекомендуемое средство обеспечения безопасности приобрел статус юридически значимого символа: во-первых, пароль – это способ защиты информации; во-вторых, пароль выступает одной из форм создания простой электронной подписи; в-третьих, установление пароля – это один из способов установления достоверных сведений о наличии или отсутствии юридического факта; в-четвертых, передача пароля влечет наложение административного наказания (в соответствии со ст. 13.29.2 КоАП Российской Федерации).

Таким образом, функциональные особенности правовых символов свидетельствуют о всестороннем как непосредственном регулирующем воздействии, так и о косвенном, но не менее значимом информационном, психологическом, воспитательном и, в том числе, рекомендательном характере воздействия правовых символов на общественные отношения. Особенность рекомендательного характера действия правового символа состоит в возможности преобразования и трансформации в сторону формально-юридического закрепления статуса правового символа, обусловленного потенциальным наступлением правовых последствий и обеспеченного мерами государственного принуждения.

[1] См., например: Бризкун К.А. Влияние рекомендательных актов международных организаций на развитие международно-правовых и внутригосударственных норм Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2011. 227 с.

[2] О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2022 № 579-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.01.2023. № 1 (часть I). Ст. 26.

Кулик Олег Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Kulik Oleg Valeryevich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot

E-mail: hoigel@gmail.com

Правовые символы государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации

Legal symbols of public service in the internal affairs bodies of the Russian Federation

Аннотация. В статье затрагивается проблематика символизма службы в органах внутренних дел в юридическом аспекте. Правовые символы государственной службы разграничиваются с иными сопутствующими ей знаками, предметами и явлениями.

Ключевые слова: символизм, правовые символы, органы внутренних дел, полиция, государственная служба

Annotation. This article addresses the symbolism of service in the internal affairs agencies from a legal perspective. Legal symbols of civil service are distinguished from other associated signs, objects, and phenomena.

Keywords: symbolism, legal symbols, internal affairs bodies, police, public service

Для цитирования: Кулик О.В. Правовые символы государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 323–325.

Символизм государственной службы в Российской Федерации во-многом определяется семантическим значением самого понятия, применяемого для обозначения данного рода деятельности. В истории России служение государству изначально предполагало служение государю (царю, императору) и лишь после трансформировалось в профессиональное занятие, работу в советующих административных институтах. Для того, чтобы почувствовать разницу, достаточно сравнить привычный отечественной науке термин с дословным переводом аналогичных понятий в английском языке – «public cervice», «civil cervice».

Прохождение, несение службы в сознании народа длительный период времени ассоциировались, в первую очередь, с выполнением воинских или аналогичных им обязанностей сословием служилых людей, взаимодействие которых с самодержцем отличалось сакрализацией и ритуализированностью. Поступление на службу сопровождалось клятвенными обещаниями, принесением Присяги, по сути – священнодействиями в мировоззрении современников, опосредующими причастность к судьбе Отчизны. Структурируясь и формализуясь, государственная служба, окутанная ореолом верховной власти, вырабатывала свою систему основанных на традициях, обычаях, церемониях и ритуалах символов, которые в прикладном аспекте можно рассматривать в качестве инструмента регулирования, установления символически-властных отношений на межиндивидуальном и межинституциональном уровнях[1]. По мере развития государственной службы ее символика как института власти и управления осталась связана с символикой государства, а как вида профессиональной деятельности – стала связываться с символикой профессий. Как разновидность социальных символов профессиональные символы «имеют специфическую деятельностную составляющую – отражают определенный образ, модель профессиональной деятельности (действия), условий и отношений, сопровождающих ее. … с точки зрения социологии управ-

[1] Бакланов П.А. Профессиональные символы государственной службы: социологический анализ: автореферат дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2007. С. 13.

ления профессиональный символ госслужбы может выступать средством, способом, формой выражения содержания (понятий, идей, представлений, оценок) определенного управляющего воздействия и его результатом, инструментом взаимодействия госслужбы и общества, достижения социальной гармонии, в том числе внутри профессиональных сообществ»[1].

На сегодняшний день в Российской Федерации сформировалась система символов, в которой государственную службу как особый социальный институт преимущественно представляет символика военизированных и правоохранительных органов, в число которых входит МВД России, включающее в себя органы внутренних дел. Согласно действующему законодательству служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы и предопределяет наличие у сотрудников специального правового статуса, обусловленного выполнением функций по охране общественного порядке и обеспечению общественной безопасности.

Профессиональные символы государственной службы в органах внутренних дел детерминированы исторически и опираются на восходящие к общевойсковым ритуалы и традиции, но отличаются своей спецификой. Не повлияла на них и реформа МВД России 2010 – 2011 гг. Выполнив поставленные руководством государства задачи по оптимизации служебной деятельности и проведению внеочередной аттестации, удалось сохранить не только профессиональное кадровое ядро, но и преемственность в работе правоохранительной структуры. Сегодня, как и прежде, в условиях стремительных общественных преобразований органы внутренних дел опираются на традиции, в основе которых лежат идеалы и ценности служения Отечеству, патриотизма, выполнения задач государственной важности, профессиональной культуры. Современная полиция, вернув свое историческое название, прочно ассоциируется в сознании граждан с помощью, безопасностью, героическими примерами выполнения служебного долга, стойкостью и мужеством не только в деле борьбы с преступностью, но и защиты страны и населения в условиях вооруженных конфликтов, иных чрезвычайных ситуаций. Все это безусловно предопределяет символизм службы в органах внутренних дел как таковой, а также ее связи с символами, ритуализирующими взаимоотношения отдельных людей, социума и государства.

Среди окружающих государственную службу в органах внутренних дел символов особое место занимают символы правовые, дискуссия о понятии и классификации которых весьма подробно и обстоятельно представлена в работах Баранова В.М.[2] Опираясь на проведенные исследования и разделяя позицию о широте понятия правовых символов, следует констатировать, что в качестве таковых возможно рассматривать действия, предметы, документы, графические изображения, слова и словесные формулы, звуки, которые имеют юридическое значение для регулирования общественных отношений. Исходя из приведенной характеристики, правовые символы государственной службы в органах внутренних дел подразделяются на следующие группы.

К первой группе относятся геральдические знаки и гимн, опосредующие принадлежность органов внутренних дел к российскому государству и его аппарату. Государственные герб и флаг присутствуют не только в повседневном визуальном оформлении зданий и помещений органов внутренних дел, но вместе с гимном Российской Федерации выполняют особую роль при проведении торжественных мероприятий и церемоний. Государственный герб Российской Федерации помещается на официальных бланках документов ведомства – приказах, распоряжениях, письмах. К региональной местной символике МВД России не обращается, что сообразуется с принципами построениями вертикали управления и подчеркивает статус Министерства как органа государственной власти федерального уровня, подчиненного напрямую Президенту Российской Федерации.

Помимо государственных геральдических знаков МВД России использует собственную отличительную символику. Так, Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 1998 г. № 1333 учреждена эмблема органов внутренних дел, которая указывает на принадлежность к ним сотрудников, вооружения, техники и другого имущества, помещается на угловых штампах или бланках с угловыми штампами подразделений, знаках отличия и знаках различия сотрудников.

Указом Президента Российской Федерации от 12 июля 2012 г. учреждены знамя и флаг Министерства, знамена его территориальных органов и образовательных организаций. Знамена в отличие от флага, единого для всей системы органов внутренних дел, являются реликвиями, отражающими специфику деятельности и историю конкретного подразделения, и вручаются в торжественной обстановке. Флаг и эмблема МВД России охраняются патентным законодательством.

В развитие исторических традиций Указом Президента Российской Федерации от 13 марта 2000 г. № 485 Министру обороны и руководителям ряда правоохранительных органов (силового блока) разрешено учреждать в своих ведомствах личные штандарты отдельных должностных лиц. Личный штандарт Министра внутренних дел Российской Федерации утвержден приказом МВД России от 22 мая 2000 г. № 560.

Следующая группа символов представлена форменной одеждой, знаками различия по специальным званиям и функциональному предназначению сотрудников, знаками отличия. Форменная одежда и знаки

[1] Бакланов П.А. Профессиональные символы государственной службы: социологический анализ: автореферат дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2007. С. 12.

[2] См.: Юридическая техника : учебник / под ред. В.М. Баранова. – М.: Проспект, 2021. С. 239 – 245, 252 – 260.

различия красноречиво сигнализируют для окружающих о принадлежности сотрудников к федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, наличию у них особых правомочий. Они служат для идентификации сотрудников обществом и внутри служебного коллектива, опосредуя иерархию должностей и правовой статус их носителя. Так, знаки различия на погонах свидетельствуют о занятии соответствующих им должностей, стаже службы (выслуге лет), личных достижениях и профессионализме. Нарукавные знаки различия (шевроны) демонстрируют принадлежность сотрудника к тому или иному подразделению (службе) в системе МВД России. Помимо унификации внешнего вида и визуализации образа представителя власти и правоохранительных органов, наличие формы косвенно играет роль превенции совершения в отношении сотрудников противоправных действий. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации содержит основания для привлечения к ответственности лиц, применивших в отношении представителей власти насилие либо оскорбивших их. В случае, когда указанные действия совершаются в отношении находящегося при исполнении в форме полицейского, их квалификация не вызывает сомнений. Статья 17.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает ответственность за незаконное ношение форменной одежды со знаками различия, символикой государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов. Тем самым государство подчеркивает, что соответствующее право и «привилегия» имеются только у ограниченного круга лиц. Имеет юридическое значение соблюдение правил ношения форменного обмундирования и для самих сотрудников, поскольку их нарушение составляет состав дисциплинарного проступка.

Ведомственными знаками отличия являются ведомственные награды, которые подразделяются на медали и нагрудные знаки. Награды символизируют заслуги сотрудников, могут сопровождаться материальными выплатами, учитываются при прохождении карьерной лестницы и последующих поощрениях. Правилами ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия, утвержденными приказом МВД России от 17 ноября 2020 г. № 777, предусмотрено расположение на форме помимо ведомственных знаков отличия наград иностранных государств, знаков об окончании образовательных организаций, классных специалистов и других эмблем, символизирующих их высокие достижения и профессионализм.

Тесно связаны с предыдущей группой, но в силу своей специфики требуют отдельного упоминания и анализа правовые символы в виде государственных наград Российской Федерации. Представляя собой сложное социальное явление, награждение государственными наградами сотрудников органов внутренних дел заслуживает особого внимания в плане научного исследования. В юридическом смысле такое награждение влечет изменение правового статуса, сопровождающееся преференциями в виде денежных выплат и правовых преимуществ. Внешне символизм государственных наград проявляется в материальных знаках – орденах, медалях и т.д. В этих знаках объективируются заслуги сотрудника и его социальный статус, отмеченный государством, обществом и служебным коллективом.

Еще одна группа правовых символов, которые одновременно выражаются в действиях, устной форме и документах – это служебные церемонии и ритуалы, проводимые в рамках торжественных мероприятий с участием личного состава органов внутренних дел. Ярчайшим примером выступает приведение граждан, впервые поступивших на службу, к Присяге сотрудника органов внутренних дел. Текст Присяги нормативно закреплен в статье 28 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Присяга, заключающаяся в клятве служения российскому государству, устанавливает ориентиры исполнения служебного долга, выполнения служебных обязанностей, определяет принадлежность сотрудника к многотысячному коллективу МВД России. Помимо сакральной церемониальной функции Присяга связывает принявшее ее лицо юридической и моральной ответственностью за допущенные им в последующем нарушения, включая совершение поступка, порочащего честь сотрудника.

Таким образом, перечисленные правовые символы сами по себе служат передающими определенную информацию социально-культурными знаками, выступают внешним выражением содержания правового статуса сотрудников и связанных с его изменением юридических последствий. Одновременно с этим, будучи разновидностью социальных символов, образов с переносным смысловым значением, они отражают идеологическую связь службы в органах внутренних дел с государством и государственностью. С их помощью транслируется идея служения Отечеству, как одна из традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Функционал правовых символов службы в органах внутренних дел имеет огромное значение для развития корпоративной культуры, в основе которой лежат ценности правосудия и законности, формирования правосознания сотрудников органов внутренних дел и их профессиональной идентичности.

В заключении необходимо отметить, что правовые символы государственной службы в органах внутренних дел не стоит смешивать с иными знаками, которые хоть и имеют значение для повседневной деятельности правоохранителей и даже могут быть закреплены в нормативных правовых актах, но носят лишь информативный характер. В частности, речь идет о различного рода конклюдентных действиях (например, жестах регулировщика), знаках дорожного движения, сигналах светофора, опознавательных знаках, надписях, специальных световых и звуковых сигналах служебного автотранспорта и т.д.

Лазорин Кирилл Борисович

член правления Федеральной нотариальной палаты, Президент Нижегородской областной нотариальной палаты, нотариус, занимающийся частной практикой в нотариальном округе - город областного значения Нижний Новгород, заместитель председателя городской Думы города Нижнего Новгорода, депутат городской Думы города Нижнего Новгорода, соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Lazorin Kirill Borisovich

Member of the Board of the Federal Notary Chamber, President of the Nizhny Novgorod Regional Notary Chamber, notary engaged in private practice in the notary district of Nizhny Novgorod, Deputy Chairman of the City Duma of Nizhny Novgorod, Deputy of the City Duma of Nizhny Novgorod, candidate of the Department of Theory and History of State and Law at the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Символы в нетипичных нормативных правовых актах

Symbols in Atypical Normative Legal Acts

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа актуальных нормативных правовых актов, носящих нетипичный характер с позиции использования правовых символов. Исследуются оригинальные решения использования символов в нетипичных нормативных правовых актах. Особый акцент делается на перспективы использования мультисенсорных и цифровых символов, как элементов нетипичного правотворчества.

Ключевые слова: нетипичные нормативные правовые акты, феномен «нетипичности», правовые символы, нетипичное правотворчество, юридическая техника

Annotation. The article attempts to analyze current normative legal acts that are atypical in nature from the perspective of the use of legal symbols. Original solutions for the use of symbols in atypical normative legal acts were presented. Special emphasis was placed on the prospects for the use of multisensory and digital symbols as elements of atypical lawmaking.

Keywords: atypical legal acts, the phenomenon of "atypicality", legal symbols, atypical lawmaking, and legal technique

Для цитирования: Лазорин К.Б. Символы в нетипичных нормативных правовых актах // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 326–330.

Современная правовая система характеризуется усложнением структуры и появлением новых форм правого регулирования. Наряду с традиционными (типичными) нормативными правовыми актами, все большую значимость и реализацию получают нетипичные нормативные правовые акты. Как верно отмечает В.М. Баранов, «нетипичный – значит нетривиальный, необычный, оригинальный, лишенный банальности, обладающий новизной, уникальностью, исключительностью. Нетипичность – свойство, которое в качестве устойчивого «ядра», гибкого, но прочного «стержня» сохраняется в течение всего времени существования рассматриваемого нормативного регулятора»[1]. Именно с этих методологических позиций нетипичный нормативный правовой акт, мы понимаем, как *особый отличающийся от преимущественной массы нормативный правовой акт, имеющий оригинальное наименование (и) или особое содержательное наполнение всего акта и (или) отдельных его частей (разделов, глав, норм права), специфику формы этих актов, а также в особенностях их применения и интерпретации.*

[1] *Баранов В. М.* Экспериментальный нормативный правовой акт как нетипичная форма российского права // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 70.

Одним из инновационных элементов современной юридической техники, как правило, придающий нормативному правовому акту статус нетипичного выступает использование в его структуре и содержании правового символа. *Активное использование оригинальной символики – вербальной, визуальной, графической, а в отдельных случаях – цифровой и мультисенсорной, уже может свидетельствовать о нетипичном правотворчестве. Символы в нетипичных правовых актах выполняют не только идентификационную, но и особую нормативно-смысловую нагрузку, выступая средством оптимизации правового воздействия.* Рассмотрим в рамках данной статьи наиболее яркие примеры использования символов в нетипичных нормативных правовых актах.

Использование вербальных символов. В контексте нормативного правового регулирования вербальные символы представляют собой слова и (или) словосочетания, которые несут особую смысловую нагрузку. Отдельные наименования нетипичных нормативных правовых сами по себе представляют собой вербальные символы, определяющие их правовую природу и сферу действия. Например, *меморандум* (от лат. Memorandum – «то о чем следует помнить») в своем наименовании уже символизирует нормативный правовой акт, фиксирующий договоренности или разъясняющий позиции сторон. При этом, если ранее такого рода акты были характерны для международно-правовых соглашений, как «промежуточная договоренность о намерениях, в случаях эффективной реализации которой может быть заключен уже договор»[1], то в настоящее время меморандумы применяются, как особые нормативные формы отражения государственной, общественной и корпоративной политики. Так, в качестве особого отражения финансовой политики государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» распоряжением Правительства РФ от 10.08.2021 г. был принят соответствующий меморандум[2]. Вне сомнений, что данный акт уже в рамках своего символического вербального наименования представляет собой нетипичный нормативный правовой акт, регулирующий особую форму инвестиционной финансовой деятельности государства.

Еще одним ярким примером нетипичного символического наименования нормативного правового акта может выступать регистр. национальные (федеральные) *информационные регистры*. Данное наименование происходит от латинского regisirum, т.е. «перечень или список». В условиях повсеместной цифровизации, накопления информационных баз данных, формирование регистров, как особо упорядоченных систем, имеющих правовую регламентацию, приобрело потребность нормативного правового закрепления. Так, в 2020 году был принят Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации"[3]. Уже само наименование нормативного правового акта символизирует создание беспрецедентной системы учета сведений о населении Российской Федерации, обеспечивающей их актуальность и достоверность. Указание на экспериментальный переходный период введения действия данного федерального закона до конца 2025, также подтверждает масштабность, инновационность и уникальность введения федерального регистра сведений о населении, в рамках нетипичного нормативного правового акта.

Использование визуальных и графических символов. Наиболее распространенной формой использования нетекстовых символов в праве является способ визуального либо графического отображения. Среди данного нормативного правового массива можно выделить, как уже сложившиеся (традиционные) формы изложения правовых символов, так и нетипичные нормативные правовые акты. К первой группе, безусловно, следует отнести использование строго регламентированной государственной и муниципальной символики (флаг, герб, гимн). К данной группе также относятся официальные символы и знаки, которые не могут быть объектом исключительных прав в качестве товарных знаков или промышленных образцов (наименования международных и межправительственных организаций, их эмблемы, официальные контрольные, гарантийные или пробирные клейма и печати, награды и иные знаки отличия). Конечно, и использование правил дорожного движения любой страны, отсылающей к использованию графических и визуальных символов дорожных знаков и разметки является типичной формой нормативных правовых актов. Отличительной особенностью использования данных символов в нормативном правовом регулировании является их признание в качестве общегосударственной или общественно признанной в качестве универсального технико-юридического приема закрепления с помощью визуального или графического изложения смысла и содержания нормативного правового предписания.

В современном нормотворчестве имеют место уникальные визуальные символы и графические образы, введенные для решения конкретных задач, выполняющих идентифицирующие и нормативные функции. Рассмотрим данные нетипичные нормативные правовые акты и используемые в них символы.

Графическое и визуальное отображение символов используется в качестве оригинальных названий государственных программ и инициатив, придающих нетипичный характер для нормативных правовых

---

[1] *Лисаускайте В.В.* Меморандум как особая форма правового сотрудничества государств в сфере бедствий // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2 (77). С.115.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 10.08.2021 № 2208-р «Об утверждении Меморандума о финансовой политике государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ"» // СЗ РФ. 23.08.2021. № 34. Ст. 6222.

[3] Федеральный закон от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // СЗ РФ. 15.06.2020. № 24. ст. 3742.

актов. Так, например, в развитие указов Президента РФ «о национальных проектах»[1] в соответствии с поручением Председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина от 04.04.2020 №ММ-П39-2750 АНО «Национальные приоритеты» был разработан единый визуальный стиль реализации национальных проектов (брендбук)[2]. Данная информационная база разработала единый логотип (символ) «Национальные проекты России» (см. рисунок 1) с рекомендациями по дальнейшему нормативному закреплению его порядка использования на уровне субъектов Российской Федерации[3].

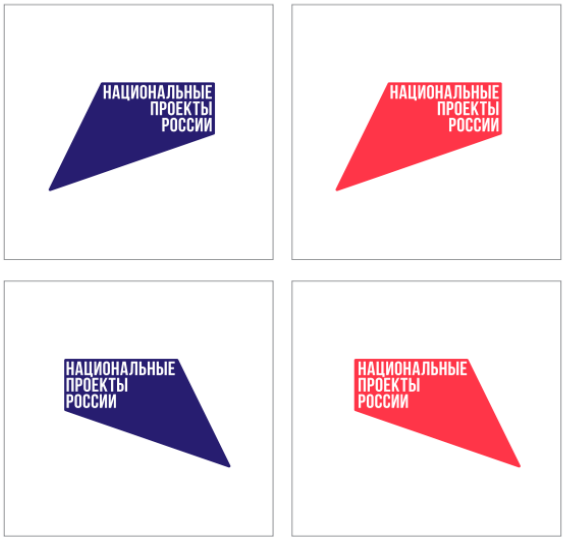

Рис. 1. Использование графического изображения "Национальные проекты России"

Использование такого комплексного механизма брендирования государственных национальных программ, включающего информационную систему по применению символов (логотипов) в различных национальных проектах с рекомендациями по их размещению, следует признать в качестве инновационной уникальной системы, основанной на реализации нетипичных нормативных правовых актов.

Определенную значимую нишу по использованию символов, содержащих графическое изображение (логотип) занимают ведомственные нормативные правовые акты.

Так, например, Министерством сельского хозяйства РФ изданы нетипичные нормативные правовые акты: об использования графического изображения (знака) органической продукции единого образца[4]; маркировки в виде графического изображения (знака соответствия) улучшенных сельскохозяйственной продукции, продовольствия, промышленной и иной продукции единого образца[5]. Данные акты в своей основе описывают символику (логотип), которая должна наноситься в целях идентификации такого рода товаров. По своей структуре и содержанию, данные акты относятся к нетипичным нормативным правовым актам.

Использование мультисенсорных символов. Это наименее распространенная разновидность символов, где правовая регламентация направлена на органы слуха, зрения и тактильных ощущений. Так, на основании раздела 3 Правил дорожного движения «Применение специальных сигналов», регламентируются соответствующие цвета проблесковых маячков и специальных звуковых сигналов для транспортных средств, выполняющих неотложное служебное задание[6]. Если Правила дорожного движения, как правило, универсальные требования к участникам дорожного движения, в том числе, использующих

[1] Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" // Собрание законодательства РФ", 14.05.2018. N 20. ст. 2817; Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 13.05.2024. N 20. ст. 2584.

[2] https://share.nationalpriority.ru/brandbook/ (дата обращения: 20.10.2025)

[3] См., например: Паспорт «Национальный проект "Продолжительная и активная жизнь"» // СПС КонсультантПлюс.

[4] Приказ Минсельхоза России от 19.11.2019 № 634 "Об утверждении формы и порядка использования графического изображения (знака) органической продукции единого образца" // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 19.12.2019.

[5] Приказ Минсельхоза России от 11.02.2022 № 70 «Об утверждении порядка маркировки в виде графического изображения (знака соответствия) улучшенных сельскохозяйственной продукции, продовольствия, промышленной и иной продукции единого образца, а также указанного изображения и требований к такой маркировке» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 25.02.2022.

[6] Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 «О Правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 22.11.1993. № 47. ст. 4531.

специальные сигналы, то конкретизированные акты, регламентирующие все технические требования к специальным сигналам и их размещению, следует относить к нетипичным нормативным правовым актам в силу их особого технико-юридического построения. В частности, Национальный стандарт РФ «Автомобили, автобусы и мотоциклы оперативных служб. Цветографические схемы, опознавательные знаки, надписи, специальные световые и звуковые сигналы. Общие требования»[1] детализирует требования к цветографическим схемам наружных поверхностей транспортных средств оперативных служб и их эле-

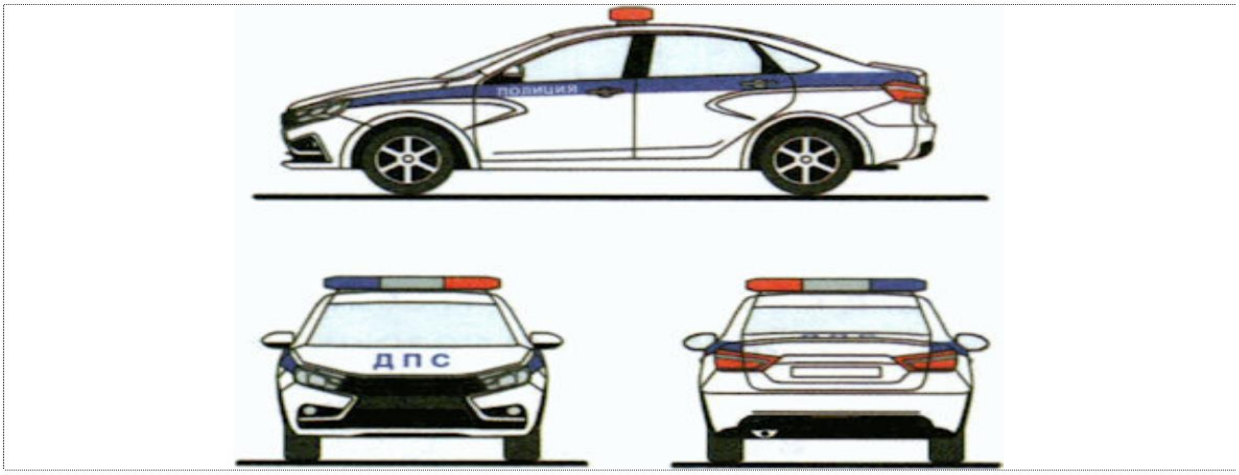

Рис. 2. Цветографические схемы автомобилей полиции и Госавтоинспекции

ментам, а также технические требования к устанавливаемым специальным световым и звуковым сигналам на различных специальных транспортных средствах. Например, в Приложении А данного стандарта размещены цветографические схемы транспортных средств оперативных служб (см. рисунок 2).

С позиции применения тактильных символов, Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в РФ» в статье 15 п. 6. указано, что обязанностью органов государственной и муниципальной власти является «дублирование необходимой для инвалидов звуковой и зрительной информации, а также надписей, знаков и иной текстовой и графической информации знаками, выполненными рельефно-точечным шрифтом Брайля, допуск сурдопереводчика и тифлосурдопереводчика»[2]. Национальный стандарт Российской Федерации «Рельефно-графические изображения для слепых. Технические характеристики» устанавливает технические характеристики рельефно-графических изображений для слепых с целью унификации различных приемов их рельефного отображения[3]. В частности, они предписывают использование тактильной плитки и указателей на улицах и в зданиях. Определенный рельеф (конусы, полосы) являются символом, предупреждающих слепых людей об опасности или изменении маршрута (см. рисунок 3). Использование мультисенсорных символов позволяет описывать нестандартные ситуации восприятия информации (цветовой, звуковой, тактильной) в целях правовой регламентации особых общественных отношений. Данная правовая символика, а также специфика ее технико-юридического оформления, придает нормативным правовым актам характер нетипичности.

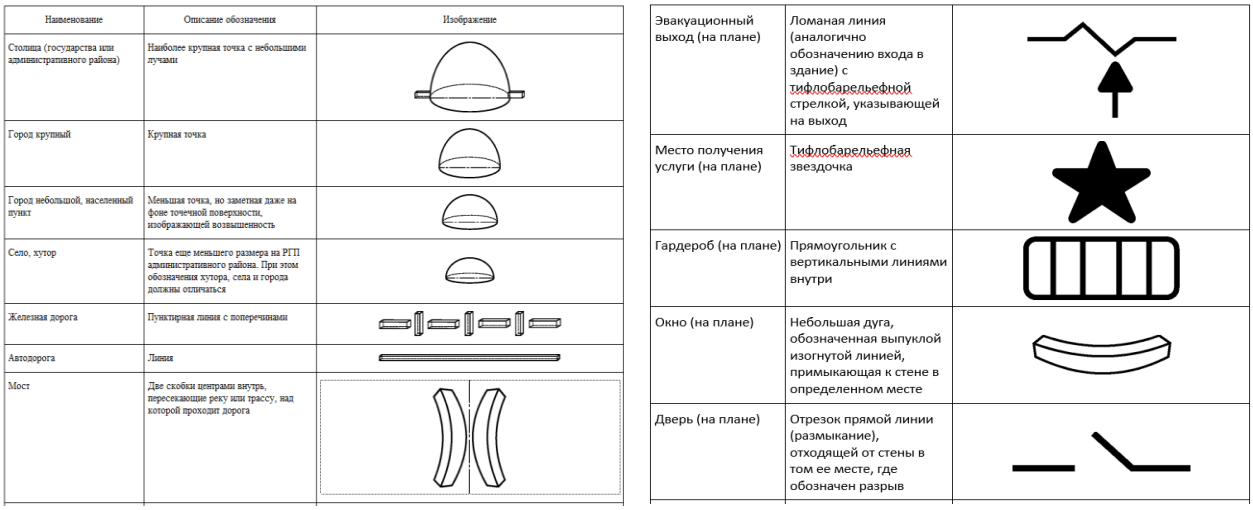
Использование цифровых символов. С появлением феномена цифрового права и потребностям правовой регламентации данной сферы отношений, в отечественной правовой системе появились нормативные правовые акты, содержащие в своем технико-юридическом оформлении цифровые символы. Распространение получило нормативное указание на возможность получения цифрового символа в виде QR-кода, содержащего соответствующую правовую информацию. Так, в Ветеринарных правилах организации работы по оформлению ветеринарных сопроводительных документов», в ст. 7 указано, что ветеринарный сопроводительный документ (далее – ВСД) после оформления автоматически создает «двумерный матричный штриховой код в форме, доступной для расшифровки стандартными программами и аппаратами для сканирования штрих-кодов, содержащий идентификационные данные»[4].

[1] Национальный стандарт Российской Федерации «Автомобили, автобусы и мотоциклы оперативных служб. Цветографические схемы, опознавательные знаки, надписи, специальные световые и звуковые сигналы. Общие требования» / Утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 07.02.2019 N 25-ст. // М.: Стандартинформ, 2019.

[2] Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 27.11.1995. № 48. ст. 4563.

[3] Национальный стандарт Российской Федерации «Рельефно-графические изображения для слепых. Технические характеристики» / Утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29.08.2019 № 592-ст. // М.: Стандартинформ, 2019.

[4] Приказ Минсельхоза России от 13.12.2022 № 862 «Об утверждении Ветеринарных правил организации работы по оформлению ветеринарных сопроводительных документов, Порядка оформления ветеринарных сопроводительных

Наименование	Описание обозначения	Изображение
Столица (государства или административного района)	Наиболее крупная точка с небольшими лучами	
Город крупный	Крупная точка	
Город небольшой, населенный пункт	Меньшая точка, но заметная даже на фоне точечной поверхности, изображающей возвышенность	
Село, хутор	Точка еще меньшего размера на РГП административного района. При этом обозначении хутора, села и города должны отличаться	
Железная дорога	Пунктирная линия с поперечинами	
Автодорога	Линия	
Мост	Две скобки центрами внутрь, пересекающие реку или трассу, над которой проходит дорога	

Эвакуационный выход (на плане)	Ломаная линия (аналогично обозначению входа в здание) с тифлобарельефной стрелкой, указывающей на выход	
Место получения услуги (на плане)	Тифлобарельефная звездочка	
Гардероб (на плане)	Прямоугольник с вертикальными линиями внутри	
Окно (на плане)	Небольшая дуга, обозначенная выпуклой изогнутой линией, примыкающая к стене в определенном месте	
Дверь (на плане)	Отрезок прямой линии (размыкание), отходящей от стены в том ее месте, где обозначен разрыв	

Рис. 3. Фрагмент таблицы рекомендуемых условных обозначений для рельефно-графических карт, схем и планов

Использование QR-кода, как определенного цифрового символа активно внедряется в отечественное правовое пространство, где в качестве технико-юридического описания используется система кодов и иной юридически значимой информации, а также бланкетные нормы на используемые цифровые базы и ресурсы, позволяющие идентифицировать и распознавать, содержащуюся в QR-коде информацию. Безусловно, такого рода пилотные нормативные правовые акты в настоящее время относятся к нетипичным нормативным правовым актам ввиду своей оригинальности и уникальности.

Возможность применения электронной подписи, как сложного цифрового криптографического символа, а также применяемой технологии на основе сертификата ключа проверки цифровой подписи, предусмотренного действующим законодательством (в его новой редакции), также подтверждает интеграцию нормативной правовой сферы с цифровыми символами[1]. Перспективы использования цифровых символов в правотворческой деятельности способствуют трансформации всего нормативного правового пространства и переходу на типичную форму правового регулирования.

Таким образом, проведенный анализ использования особых правовых символов (вербальных, визуальных, графических, мультисенсорных, цифровых) в современной отечественной правотворческой деятельности, может свидетельствовать об оригинальном и инновационном технико-юридическом приеме изложения смысла и содержания правовых предписаний. Как было выявлено, преимущественно, такого рода нормативные правовые акты относятся к разряду нетипичных, по критерию нетрадиционного (оригинального, инновационного) способа закрепления и регулирования общественных отношений. Вместе с тем, расширение практики использования правовых символов (в особенности – цифровых) в правотворческой деятельности, в ближайшей перспективе, может привести к ее массовому применению, и соответствующему признанию такого рода актов в качестве типичных по данному критерию.

документов в электронной форме и Порядка оформления ветеринарных сопроводительных документов на бумажных носителях» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 25.01.2023.

[1] См.: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 11.04.2011. № 15. ст. 2036.

Ламтева Анна Вячеславовна

кандидат юридических наук, докторант научно-исследовательского отдела Нижегородской академии МВД России

Lamteva Anna Vyacheslavovna

candidate of legal law, doctoral student of the research department of the Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: oannes2007@mail.ru

Концепция символопонимания и обрядовой формы: визуальный поворот к историческим типам отечественного уголовного процесса

The concept of symbolic understanding and ritual form: a visual turn to historical types of domestic criminal procedure

Аннотация. В уголовном судопроизводстве есть множество правовых символов-действий, чуть меньше – символов-визуализаций и аудиальных символов. В статье проанализирована динамика символов-действий на примере Отечественной уголовно-процессуальной типологии. Также было сконструировано определение правовой символики, и предложено два новых юридически значимых символа для внедрения в практическую действительность – предметный и музыкальный.

Ключевые слова: правовой символ, символический обряд, отечественная типология, обвинительный тип, розыскная технология

Annotation. There are many legal action symbols, slightly fewer visualization symbols and auditory symbols in criminal proceedings. The dynamics of action symbols using the example of the Domestic criminal procedure typology was analyzed in the article. The definition of legal symbolism was also constructed and two new legally significant symbols for implementation in practical reality - an object and a musical were proposed.

Keywords: legal symbol, symbolic ritual, domestic typology, accusatory type, investigative technology

Для цитирования: Ламтева А.В. Концепция символопонимания и обрядовой формы: визуальный поворот к историческим типам отечественного уголовного процесса // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 331–337.

«Правовые символы – это закрепленные законодательством условные образы, используемые для выражения определенного юридического содержания»[1].

«Правовой символ – это охраняемый государством условный образ, отличительный знак, представляющий собой видимое либо слышимое ценностное образование, используемое в особом процедурном порядке…»[2].

Правовые символы – это олицетворение объектов, которые существуют в правовой действительности и внешне могут быть выражены символом, «попытка выразить их только с помощью текста неэффективна»[3].

Полагаем, что **правовые символы и уголовно-процессуальная обрядность тесно связаны**. В научной литературе можно встретить такое сочетание как «**символические обряды**»[4]. Приведем примеры:

- заслушивание приговора суда стоя (ст. 310 УПК РФ);
- обязанность вставать при входе судьи в зал судебного заседания (ст. 257 УПК РФ);

[1]См.: Теория государства и права: Учебник / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ. 2001. С. 347. – 592 с.
[2]См.: Юридическая техника: курс лекций / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2015. С. 308. – 830 с.
[3]См.: Глушаков. А. Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация / А. Ю. Глушаков // Социология власти. – 2009. – № 2. – С. 199–206.
[4]См.: Юридическая техника: курс лекций / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2015. С. 302. – 830 с.

- сама структура ординарного судебного заседания, состоящая из пяти взаимосвязанных частей;

- вынесение приговора суда в совещательной комнате (ст. 298 УПК РФ), которая в соответствии со ст. 765 Устава уголовного судопроизводства 1864 года называлась особой и др.

Функциональная ценность правового символа для нас сосредоточена в следующей цитате: «использование в законодательстве символики освобождает от необходимости давать или повторять описание… правовых явлений…»[1]. Правовые символы делают законодательство лаконичным, строгим, придают образности, возникает **3-D эффект внешнего выражения нормы права, смыслового содержания, исторической ценности и преемственности**. Пора создавать **молодые юридически значимые символы**, чтобы они набирали свой юридический стаж. Чем более богатой историей и юридической длиной жизни обладает символ, тем большее позитивное влияние он оказывает на граждан, тем более он понятен, приятен и продуктивен.

Перейдем к конструированию авторского определения правовой символики. Но для начала определимся с содержанием более широких понятий – право и символ.

Право – «это система нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы, выраженная большей частью в законодательстве и регулирующая общественные отношения»[2].

Символ – это «предмет или действие, служащее условным знаком какого-нибудь понятия, чего-нибудь отвлеченного. Голубь - символ мира. Якорь – символ надежды»[3]. Якорь также символизирует безопасность и устойчивость, он удерживает корабль в бурю.

Правовая символика – это сумма актуальных **символов-обрядов** (например, предоставление подсудимому права сказать последнее слово), **символов-визуализаций** (герб и флаг России, судебная мантия и др.) и **аудиальных символов** (гимн России, присяга присяжных заседателей, удар судебным молотком, который означает окончательность вынесенного судебного решения, либо позволяет навести порядок в зале судебного заседания), благодаря которым поддерживается и укрепляется патриотизм, уважение к духу и букве закона, повышается уровень доверия к юридически значимым действиям, и формируется убежденность в истинности применительно к правовому результату, а в сфере уголовного судопроизводства – к итоговому судебному решению.

Таким образом, **правовой символ в сфере уголовного судопроизводства как единица правовой символики –** это всегда либо символический обряд (например, порядок исследования доказательств в ходе судебного следствия), либо визуальный символ (Фемида как олицетворение справедливого судебного заседания), либо аудиальный символ (например, устное оглашение судьей вводной и резолютивной части вынесенного приговора).

Также нам импонирует классификация правовых символов, в основании которой лежит способ внешнего выражения. Она созвучна с нашим видением, изложенным выше. В нее входят: а) предметные символы (паспорт, денежные знаки и др.); б) символы-действия (ритуалы и церемонии); в) словесные формы (присяга, личная подпись и др.); г) музыкальные символы (государственный гимн)[4].

Правовой символ тесно связан с типом правопонимания, который в своей сущности сводится к тому, что есть основа и предназначение права как явления социальной жизни. Легистский подход (как разновидность позитивистского правопонимания) можно связать с велениями закона, это «предписанные публичной властью общеобязательные правила поведения»[5]. Естественно-правовой тип правопонимания сводится к тому, что человек в силу своего рождения обладает многообразием правовых возможностей. И задача каждого – эти альтернативы сохранить и не мешать реализации интересов других индивидов. Идея равенства, свободы и автономности пронизывает данную юснатуралистскую концепцию. Концепция свободы индивида здесь весьма широка, но она заканчивается или ограничивается в том случае, если влияет на независимость или нарушает интересы другого лица.

Правовым символом очень точно можно выразить сущность нормы в частности и предназначение всего права в целом. Сущность философского типа правопонимания сводится к тому, что «сущность права является критерием и правового качества закона, и правовой природы естественных прав»[6]. Закон, противоречащий естественным началам, сущности права в целом в таком ключе признается обладающим неправовым характером.

Правовой символ, на наш взгляд, **представляет из себя баланс** диаметрально противоположных, но при этом взаимосвязанных полюсов – **рационального и иррационального**, **позитивистского земного и естественно-правового как более возвышенного метафизического феномена**. И так как

[1]См.: Теория государства и права: Учебник / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ. 2001. С. 347. – 592 с.
[2]См.: Там же. С. 196.
[3]См.: Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и Образование. 2016. С. 1070. – 1376 с.
[4]См.: Юридическая техника: курс лекций / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2015. С. 315–316. – 830 с.
[5]См.: Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо. 2008. С. 43. – 528 с.
[6]См.: Там же. С. 76.

мозг человека состоит из двух полушарий, то такая визуализационная модель правового символа лучше охватывается человеческим сознанием, на более высоком созидательном уровне постигается как смысл буквы закона, так и духа права. Полагаем, что именно **философский тип правопонимания – это своеобразная квинтэссенция позитивистского и юснатуралистского начал**. А правовой символ – это как юридический инь и ян. И речь здесь не столько о противоборстве, сколько о единстве и сущностном взаимодополнении смыслового содержания нормы права визуальной декорацией.

В этом смысле символ является индикатором не только позитивистского правопонимания (так он емко выражает содержание нормы права или духа закона в целом), но и философского, потому как любой закон ориентирован на помощь социуму и государству.

Символ рассматривается в разделе законодательной техники наряду с юридической конструкцией, правовыми презумпцией и фикцией[1]. Таким образом, символ – это особая техника донесения информации до общества посредством знакового выражения. Не картина, не просто текст, а своеобразное юридическое кодирование социальной действительности вневременного порядка.

Перейдем к анализу символов-обрядов из уголовно-процессуальной сферы с опорой на уголовно-процессуальную типологию. Но прежде приведем несколько значимых цитат.

- Обрядность уголовного процесса – это «совокупность атрибутов уголовно-процессуальной формы, имеющих специально акцентированное внешнее выражение и призванных показать важность, торжественность, особый высший смысл и самоценность… поведения участников процесса и обстановки…»[2];

- «Церемониально-ритуальная составляющая должна разрабатываться и применительно к досудебному производству, поскольку для него она также имеет функциональное значение»[3];

- «Под покровом современных процессуальных процедур живут древние обычаи, воплощающие в себе успешный опыт человечества»[4].

Полагаем, что **сегодня в уголовно-процессуальной сфере имеет место дефицит визуальных символов, что в целом компенсируется обилием символических обрядов.** В рамках каждого типа уголовного процесса предпримем попытку отыскать интересный процессуальный обряд или символ-действие, что приблизит нас к пониманию существующих юридико-метафизических реалий и позволит сконструировать абрис новых правовых символов в сфере самой суровой отрасли российского права.

Три уголовно-процессуальных примера символических обрядов (правовых обрядов-символов):

Первый пример, в основе которого лежит **обвинительный тип уголовного судопроизводства**: при наличии сомнений при разрешении уголовного дела по существу и отсутствии достаточного количества убедительных доказательств допускалось производство **ордалиев** (судов Божьих), а впоследствии – судебных поединков (поле).

Эта технология с позиции современного рационального мировоззрения не гарантировала установление истины по уголовному делу. Но с точки зрения личности периода XI в. выступала существенным аргументом, дающим судье право вынести судебное решение, которое сторонами конвенциально признавалось. Приведем такую цитату: «Детальное соблюдение ритуала могло само по себе рассматриваться в качестве результата, способного принести удовлетворение обеим сторонам в уголовном процессе»[5].

Ордалий – это инструмент обвинительного типа уголовного судопроизводства. Но параллельно с ним наличествует и тип розыскной. Его процессуальный инструментарий – это процедура, состоящая из трех этапов: **заклич + свод + гонение следа**.

В соответствии со ст. 21 и 22 Пространной редакции Русской Правды при отсутствии послухов допускалось проведение испытания железом или водой. Раскаленное железо использовалось, если было совершено убийство или имела место кража в особо крупном размере (стоимость похищенного свыше половины гривны золота[6]). Если стоимость украденного рассчитывалась в интервале от двух гривен до половины гривны золота – проводилось испытание водой. «Невиновным признавался тонущий[7]». Ордалию подвергался обвиняемый. Если имела место мелкая кража до двух гривен – было достаточно роты (присяги). По одной из точек зрения она давалась потерпевшим, которым утратил свои деньги или имущество.

---

[1]См.: Теория государства и права: Учебник / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ. 2001. С. 346-350. – 592 с.

[2]См.: Внешняя (обрядовая) форма уголовного судопроизводства: Учебное пособие / М.П. Поляков, Т.В. Полякова. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2012. С. 73. – 139 с.

[3]См.: Там же. С. 22.

[4]См.: Там же. С. 26.

[5]См.: Внешняя (обрядовая) форма уголовного судопроизводства: Учебное пособие / М.П. Поляков, Т.В. Полякова. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2012. С. 28. – 139 с.

[6]Гривна золота могла весить в среднем от 160 до 200 гр. в зависимости от региона. Примерная формула расчета стоимости полугривны золота в контексте XXI в.: (5 000*200):2 = 500 000 тысяч, где 5 000 руб. – средняя стоимость золота за 1 гр.

[7]См.: Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. I. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. С. 93. – 432 с.

Вся сфера уголовного судопроизводства была окутана божественным ореолом. При невозможности разрешить дело рациональным путем люди уповали на высшие силы, которые, по их мнению, курировали как весь пласт уголовно-процессуальной действительности, так и возникающие уголовно-правовые споры.

Технология: заклич, свод и гонение следа:

Заклич (ст. 34 Пространной редакции Русской Правды): если у лица пропадал или был погублен конь, оружие или одежда, то он должен был сообщить об этом на торгу, то есть публично объявить о пропаже. Если затем он обнаруживал свою собственность у другого лица, то мог «свое ему лицем взяти»[1].

Свод синонимичен розыску субъекта преступления (ст. 35-36, 39): процедура берет начало с момента обнаружения собственной вещи у другого лица. Цель свода – найти именно того, кто похитил данную вещь. Свод в городе идет до конца, то есть не ограничен количеством собственников, владевших искомой вещью. Свод вне города «истец ведет только до третьего владельца»[2]. Именно на него лягут функции по реализации дальнейших розыскных мероприятий. С этого третьего владельца будет взыскана стоимость похищенного имущества.

Гонение следа (ст. 77): если тать не был обнаружен в случае совершения кражи на территории общины, то он разыскивался по следу. Если члены общины не устанавливали куда ведет след, то они сами отвечали за кражу, то есть возмещали ущерб, причиненный потерпевшему. «Процедура преследования по следу должна была вестись с участием чужих людей, не принадлежавших данной общине, являвшихся понятыми»[3]. След мог вывести к соседской общине, к купеческому обозу, на большую дорогу и др.

Второй пример связан с постепенным **доминированием розыскного типа** уголовного судопроизводства. В соответствии со **ст. 56 Судебника 1550 года** имел место следующий алгоритм при поимке вора с татьбою[4]:

[1]См.: Там же. С. 66.
[2]См.: Там же. С. 97.
[3]См.: Там же. С. 110.
[4]См.: Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид. лит., 1985. С. 107. – 520 с.

Та же технология имеет место в гл. XXI Соборного Уложения 1649 года (например, ст. 35 гл. XXI). Розыск проводился по таким деяниям как кража, разбой или убийство. В соответствии со ст. 9 гл. XXI татя, пойманного впервые, пытали. За первую татьбу били кнутом, отрезали левое ухо и сажали в тюрьму на два года. Затем ссылали в Украинные города. Если это лицо вновь совершало кражу, то его пытали, били кнутом, отрезали правое ухо и сажали в тюрьму на четыре года, затем ссылали. Согласно ст. 12 при совершении лицом от трех краж и более его пытали, а затем казнили смертной казнью[1].

Таким образом, обыск и повальный обыск – это универсальная технология, которую можно расценивать преимущественно в качестве розыскного обряда, визитной карточки уголовного процесса XVI-XVII вв. В связи с большим количеством краж и разбойных нападений исчезали целые города, а население мигрировало в поисках более безопасных территорий. Таким образом, **розыск – это реакция государства на внутренние угрозы, связанные с общественной безопасностью и порядком**. Его основной инструмент – это результаты повального обыска. При его проведении было значимым мнение 20-30 человек и более о личности заподозренного. Ставился вопрос не только о противоправном деянии, но и о характеристиках и качествах исследуемого лица. Если человек признавался добрым, то отдавался на поруки тем людям, которые его положительно охарактеризовали. Если признавали лихим, то дальнейшая процессуальная судьба зависела от факта дачи им признательных показаний. Могло иметь место как пожизненное тюремное заключение, так и смертная казнь. В этой связи мы можем увидеть, что законодатель большое значение придавал именно **общественному мнению**. Оно служило мерилом потенциальной свободы или неотвратимости наказания для предполагаемого субъекта преступления.

Полагаем, что **повальный обыск можно расценивать как символический обряд** XVI-XVII вв.

Третий пример связан с доминированием состязательного типа уголовного судопроизводства.

В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 года в уголовно-процессуальную материю проникает институт присяжных заседателей и формируется свободная система оценки доказательств. Прослеживается интересная отечественная тенденция по аналогии с повальным обыском – спрашивать самих граждан о том, было ли совершено преступление, виновен ли подсудимый и заслуживает ли он снисхождения.

Прообраз института присяжных заседателей усматривается уже в ст. 15 Краткой редакции «Русской Правды»: «Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека…»[2]. В комментарии к данной статье говорится следующее: если в результате свода у татя будет обнаружена только часть похищенного, то должен иметь место общинный суд. Здесь мнения разделяются. Первая точка зрения: «Скорее всего названные **12 мужей** фигурируют здесь в качестве **свидетелей доброй славы** – послухов»[3]. Вторая точка зрения: «Если считать **12 мужей общинным судом**, то следует признать, что этому суду подлежали все дела о кражах имущества, расследуемые при помощи свода»[4].

В соответствии со ст. 550 Устава уголовного судопроизводства 1864 года назначалось **30 присяжных заседателей** «за три недели до открытия судебных заседаний…»[5] и **6 запасных заседателей**. Согласно ст. 658 «из числа неотведенных назначаются по жребию для разрешения дела **двенадцать комплектных и двое запасных** присяжных заседателей»[6]. Согласно ст. 813 присяжные заседатели должны были прийти к единогласному решению. Либо вопросы разрешались большинством голосов. Если голоса разделялись поровну, то принималось «то мнение, которое последовало в пользу подсудимого»[7].

Представляется интересным и разнополярным подход законодателя, связанный с задействованием общественного мнения для разрешения уголовного дела по существу. В XVI в. губные избы интересовались мнением общества (соседей, родных, друзей и др.) о личности задержанного. Добрый или лихой – это скорее общая характеристика личности. Сведения о подозрении лица в совершении противоправного деяния до опрашиваемых лиц не доводились.

В реалиях XXI в. скорректировано количество оценивающих лиц, которые отвечают определенным требованиям – возрастным, профессиональным, юридическим. Их вводят в курс дела относительно события совершенного преступления. Но при этом при них не анализируются обстоятельства, негативно характеризующие личность подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ).

Приведем примеры и выскажем предложения относительно уголовно-процессуальных символов-визуализаций:

---

[1]См.: Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юрид. лит., 1985. С. 231. – 512 с.

[2]См.: Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. I. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. С. 47. – 432 с.

[3]См.: Там же. С. 57.

[4]См.: Там же. С. 56.

[5]См.: Российское законодательство X-XX веков. Т. 8. Судебная реформа – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 174. – 496 с.

[6]См.: Там же. С. 184.

[7]См.: Там же. С. 198.

Предлагаем внедрить в правоприменительную деятельность юридически значимый символ-визуализацию «Кворум сов». Посредством чата gpt и такой просьбы как «нарисуй три совы России как символ правосудия на щите» искусственным интеллектом было спроектировано данное изображение. Цифра три (количество сов) означает тройственную структуру, гармонию, полноту и завершенность, а также единство прошлого, настоящего и будущего. Совы символизируют мудрость, знание и проницательность. Совы могут контролировать происходящее вокруг себя на 270 градусов, а если их трое, то они становятся практически неуязвимыми.

Юстиция (римская богиня)

Фемида (греческая мифология), расположенная над центральным входом в Верховный Суд РФ

Проанализируем изображение статуи Фемиды. Из особенностей: у Богини на здании Верховного Суда РФ нет повязки на глазах, а вместо меча щит. Есть различные точки зрения, объясняющие такую модификацию. Полагаем, что щит – это ориентир на защиту прав и законных интересов всех участников, а также исполнение назначения уголовного судопроизводства, отраженного в ст. 6 УПК РФ – защита личности от незаконного обвинения, осуждения и ограничения прав и свобод. Отсутствие повязки объясняется тем, что Богиня правосудия не слепа и все видит и знает. Другая точка зрения сводится к идее всевидящей Фемиды, которая изображается слепой и руководствуется исключительно законом, фактами и истиной. Кроме того, «изначально Фемида не имела повязки на глазах, которая впервые возникла у римской богини Юстиции, поэтому справедливее называть облеченную в мантию женщину с весами, мечом и повязкой именно Юстицией»[1]. Таким образом, Фемида – это греческая богиня, которая изначально изображалась с открытым взором и рогом изобилия вместо меча. Он олицетворял собой воздаяние за добрые поступки и противоправные деяния. Юстиция – это римская богиня правосудия с повязкой, мечом и весами. Сегодня грань между обеими богинями не столь очевидна. Полагаем, что исторически речь велась об одной и той же богине в ее различающемся обличье. Как и любая настоящая женщина, богиня имеет право на смену аксессуаров, пусть и из правовой сферы.

Приведем интересную цитату: «Заметим, что древние славяне судили народные дела торжественно, «часто во мраке леса: ибо славяне воображали, что бог суда, Прове, живет в тени древних густых дубов»[2]. Эти места почитались в качестве священных. «Преступники могли там безопасно укрываться»[3].

[1]См.: Образ российской Фемиды // «Профессиональное сообщество юристов и адвокатов «Праворуб». URL.: https://pravorub.ru/articles/1498.html (дата обращения: 08.09.2025).
[2]См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4 книгах. Книга первая (т. I-III). – Ростов н/Д: Издательство «Феникс». 1995. С. 85. – 512 с.
[3]См.: Там же. С. 85.

Таким образом, можно заметить, что сакральная легитимность права издревле опиралась на божественное начало.

Выскажем предложение, связанное с **правовым аудиальным символом** в сфере уголовного судопроизводства: если подсудимого в зале суда признают невиновным, то представляется возможным воспроизводить торжественную музыку П.И. Чайковского «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик» по аналогии со свадебным маршем Ф. Мендельсона.

Перейдем к формулированию сути авторской концепции символопонимания и обрядовой формы: в уголовном судопроизводстве имеет место большое количество символов-действий или символических обрядов на фоне небольшого количества узкопрофильных визуальных правовых символов (например, Фемида, судейская черная мантия и др.). Правовой символ может выступать как частью уголовно-процессуального обряда, так и полностью слиться с ним, образуя символический обряд.

С позиции узкого смысла к пониманию правовых символов даже Фемида не является таковым, так как не санкционирована действующим законодательством. Но в ракурсе широкого подхода она выступает частью правовой культуры и воспринимается людьми в качестве юридически значимого символа, ассоциирующегося с правовыми ценностями.

Предложение: следует определиться с тем, какое изображение Богини правосудия целесообразнее использовать (в образе Фемиды или Юстиции) для однообразного понимания обществом первичных ориентиров судебной власти и судебного подхода.

Гипотеза: каждому типу уголовного процесса свойственен свой уникальный символический обряд (заклич-свод-гонение следа, повальный обыск и др.), позволяющий разглядеть ведущую технологию в установлении объективной истины.

Пожелание: символические обряды как разновидность правовых символов-действий должны соблюдаться и сохраняться даже в сокращенных производствах.

Авторское резюме: сфера уголовного процесса оказалась процессуально законсервированной и, несомненно, нуждается в конструировании хотя бы двух новых внутриотраслевых юридически значимых символов – одного аудиального и одного визуального. Полагаем, что символ – это благо, это задействование творческого потенциала для его создания. Даже если он проектируется кем-то одним, то по итогу все равно является коллективным творчеством всей нации, так как отражает букву и дух закона, менталитет и культуру конкретного народа и государства.

Правовые символы могут позволить в считанные минуты разглядеть юридическую преемственность типов в рамках типологии отечественного уголовного судопроизводства. То, что можно многословно описать, иногда возможно емко и удачно изобразить в форме одного правового символа.

Приведем цитату Э. Кассирера: «**нация** представляет собой определяемую конкретным языком **духовную форму человечества**, индивидуализированную в отношении идеальной целостности… ему (индивиду) поистине чудесным образом приходит на помощь **язык**, который также соединяет, обособляя, заключая возможность всеобщего понимания в оболочку индивидуального выражения»[1]. В продолжение этой мысли добавим, что и правовой символ обладает схожими свойствами. Он помогает рассуждать схожим образом, единообразно понимать веления закона и правильно их исполнять.

Правовой символ с одной стороны является искусственным, а с другой - таким же волшебным произведением как картины И.И. Шишкина, И.К. Айвазовского или музыкальные произведения С.С. Прокофьева, П.И. Чайковского. Правовой символ - это особый вид юридического искусства, высший социально-правовой пилотаж. Это знание закона и своего народа и воплощение этого союза, ожиданий от него в реалиях конвенциального творческого результата, который должен быть и интеллектуально понятным, и визуально приятным, и физически исполняемым.

[1]См.: Кассирер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Ун. книга, 2002. – С. 87. – 272 с.

Латыпова Наталия Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий

Latypova Natalia Sergeevna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

E-mail: marchrose@yandex.ru

Государственные символы США как отражение политического положения в межгосударственной миросистеме

State symbols of the USA as a reflection of the political situation in the interstate world system

Аннотация. Государственные символы США с момента образования молодого государства стали наглядным отражением восприятия бывшими колонистами своего положения на оси ядро-периферия современной миросистемы. Государственный флаг, государственная печать наравне с колоколом свободы и статуей свободы олицетворяли цивилизационную и экономическую общность колоний, стремление к положению ядра миросистемы и избранности американской нации.

Ключевые слова: история США, государственные символы США, миросистема, правовые символы, миросистемный анализ, мир-система

Annotation. Since the formation of the young state, the state symbols of the United States have become a clear reflection of the perception by former colonists of their position on the core-periphery axis of the modern world system. The national flag and the state seal, along with the liberty Bell and the Statue of Liberty, personified the civilizational and economic community of the colonies, the desire for a position at the core of the world system and the electability of the American nation.

Keywords: US history, US state symbols, world system, legal symbols, world system analysis, world system

Для цитирования: Латыпова Н.С. Государственные символы США как отражение политического положения в межгосударственной миросистеме // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 338–341.

Государственные символы США формировались одновременно с построение молодого государства, завоевавшего свободу от метрополии в конце XVIII века. Тем не менее, государственные образования – североамериканские штаты начали свое развитие задолго до начала войны за независимость. Еще в начале XVII века образовались Вирджиния, Плимут и другие колонии, часть из них были частновладельческие, часть принадлежали короне.

Первые колонии были образованы переселенцами из европейских стран, преимущественно Нидерландов, Франции, Великобритании, искавших в новых землях свободу от религиозных притеснений, новые экономические возможности для бизнеса, либо присланных на кораблях в качестве ссыльных и рабов. Тем не менее, несмотря на разный классовый и религиозный состав колонистов (протестанты, католики, лютеране), разные языки и экономический статус, объединял большинство из них отмеченный В.В. Согрином англосаксонский цивилизационный архетип, выражавшийся в исповедовании христианской религии, признании системы общего права, особой ценности частной собственности и свободы предпринимательской деятельности, представительского правления, приверженности превосходству белокожей расы, вера в особое предназначение нации, посланное самим Провидением – «чертами, типичными для западной цивилизации в целом»[1].

[1] Согрин В.В. Американская цивилизация. М.: Весь мир, 2019. С. 7.

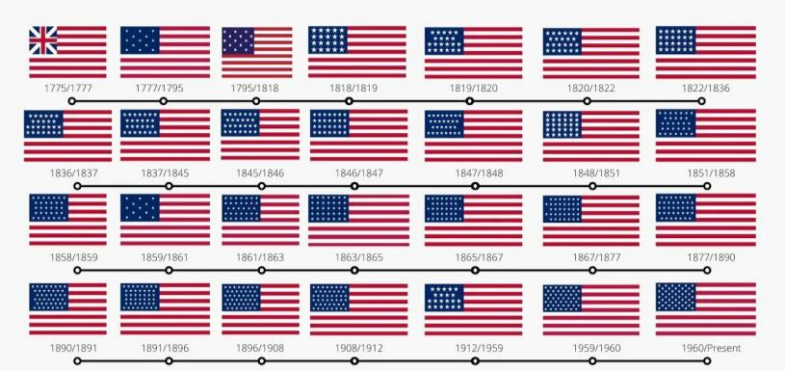
Первым символом, ставшим во время войны за независимость неофициальным государственным флагом, стала в 1775 году гремучая змея на желтом фоне с надписью «Не наступай на меня» – символ либертарианства, который олицетворял сопротивление угнетению и индивидуализм. Флаг был создан полковником К. Гадсденом и означал посыл англичанам, что ядовитая змея, обитающая в Северной Америке, готова дать отпор и защищать свою свободу. По сей день флаг используется, а демонстрациях и митингах в защиту прав граждан.

Первоначальная идея использовать в государственной символике змею принадлежит Б. Франклину. В 1754 году в одной из американских газет он опубликовал рисунок змеи, разрубленной на несколько частей, олицетворяя разделенные американские штаты, подписанные первыми заглавными буквами рядом с каждой частью змеи: Мэриленд (М.), Пенсильвания (Р.), Виргиния (V.) и другие. Надпись под изображением – «Объединимся или погибнем» подчеркивала напряженный характер отношений штатов с метрополией и призыв к объединению для сопротивления угнетению, прежде всего, экономическому, усилившемуся после увеличения налогообложения колоний в период англо-французской войны.

После окончания войны за независимость символ, слишком тесно связанный с военными действиями и агрессией был заменен на более нейтральный, демонстрирующий 13 красных и белых полос – первые вошедшие в состав Союза штаты, а также 50 звезд – соответствующих количеству современных штатов. При этом первый официальный флаг содержал помимо бело-красных полос британский флаг отражая, тем самым, отмеченный ранее англосаксонский архетип и восприятие себя США как части британской империи, но не в качестве колоний, а в качестве части ядра.

Расширение американского государства и присоединение новых штатов находило отражение в количестве звезд на официальном флаге. При этом этот официальный символ государственности стал историческим свидетельством постоянного поступательного расширения государства как за счет завоевания западных земель вплоть до Тихого океана вследствие расширения фронтира и захвата индейских земель, так и за счет завоеваний территории Мексики и Филиппин. Расширение капиталистической мир-экономики за счет военной экспансии колонистов уничтожало индейские племенные мини-системы, увеличивая территорию для ведения предпринимательства и использования природных ресурсов.

На протяжении всей истории США государственные символы играли ключевую роль в формировании национальной идентичности. Одними из таких символов помимо флага стала Большая печать, Колокол свободы и Статуя свободы.

Большая печать – государственный символ, используемый на официальных правовых актах – постановлениях, указах, международных договорах, ежегодно скрепляет более 3000 документов. Знак был утвержден в 1782 году и включает изображение белоголового орла, ветки оливок, щита в форме флага и

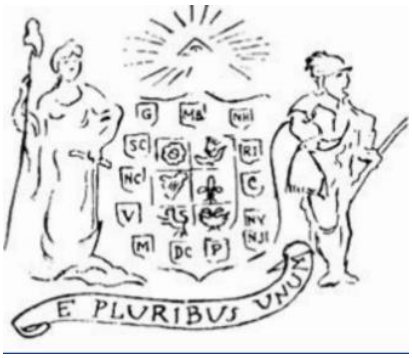

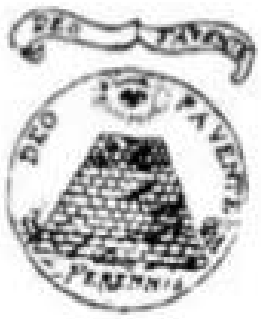
стрел, а также девиза «из многих – единое». Большая печать – не типичный символ государства, отсутствующий во многих странах мира. Его появление в США связано с принятием Декларации независимости 1776 г., являющейся по сути международным внешнеполитическим документом, обращенным не только к Великобритании, но и всему миру в попытке разъяснить причины отделения от метрополии и объявления войны. Дж. Адамс писал, что Декларация стала «…официальным и торжественным заявлением для всего мира о том, что колонии перестали быть зависимыми сообществами и стали свободными и независимыми штатами»[1].

Декларация была разослана во многие государства и требовалась печать, удостоверяющая подлинность документа. В результате членами Второго континентального конгресса в 1776 году было поручено Б. Франклину, Дж. Адамсу и Т, Джефферсону разработать печать Соединенных Штатов. Однако предложенные Геркулес, американцы в качестве детей в пустыне Израиля, Моисей и другие образы не были приняты и в 1782 году была учреждена более консервативная версия изображения, созданного секретарем конгресса Ч. Томпсоном.

В своем описании печати автор отмечал стрелы и оливковую ветвь как готовность к войне, но стремление к миру, о чем говорит поворот головы орла к ветви, флаг-щит олицетворяет готовность защищать национальные интересы. Созвездие над головой орла символизирует новую нацию, занявшую свое место в межгосударственной миросистеме. Девиз на латыни переводится как «Из многих одиное».

Однако не менее интересными представляются непринятые версии печати. Т. Джефферсон отразил Око Провидения, направляющее американцев. Божественное Провидение, предначертавшее особую просветительскую роль американской нации, нашло отражение как в культуре, так и нормативных актах, государственной символике. Подчеркивая превосходство нового государства в миросистеме с самого момента его основания. Провидение упоминается в Декларации независимости 1776 г. – «уповая на помощь Божественного Провидения мы взаимно обязываемся друг другу поддерживать эту Декларацию жизнью, имуществом и честью…»[2]. Как отмечает О.В. Добродум, «одна из легенд о богоизбранной нации утверждала, что Провидение предопределило Америке быть страной, созданной по Божьему повелению»[3]. Один из сторонников идей американского империализма Дж. Стронг и вовсе отмечал, что, «эта раса, олицетворяющая самую полную свободу, самое чистое христианство, самую великую цивилизацию, исполнит предназначенную ей Богом судьбу, «англосаксонизирует» человечество»[4].

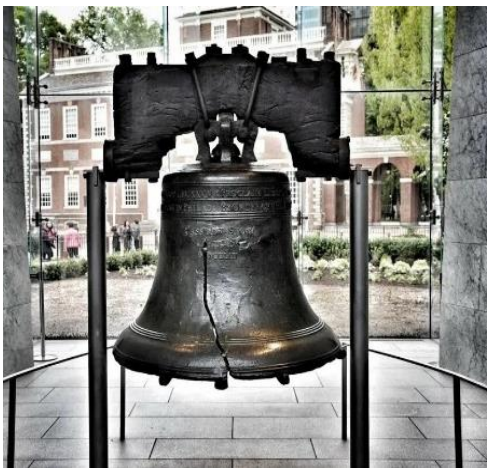

Еще одной версией Большой печати стал макет юриста У. Бартона, сочетавший идею изображения орла, влага и пирамиды с возвышавшимся над ней также Оком Провидения. Девиз на печати «Благоволит к нашим начинаниям» и «Новый порядок веков» также ярко свидетельствует о миросистемных устремлениях молодого государства.

Колокол свободы является также одним из государственных символов. Он звонил на башне дома в Пенсильвании, называемого сегодня Домом независимости. Отлитый в 1751 году колокол треснул при первом пробном звонке, в Филадельфии его переплавили новый, который звонил для созыва законодателей на собрания и для оповещения населения о новостях. Значение символа свободы, оповещающего

[1] National museum of American diplomacy. Great seal. URL: https://diplomacy.state.gov/the-great-seal/ (дата обращения: 20.09.2025).
[2] Декларация независимости США от 4 июля 1776 г. / Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. Пер. с англ. / Сост. В.И. Лафитский; Под ред. И со вступ. Ст. О.А. Жидкова. М.: Прогресс, 1993. С. 25.
[3] Добродум О.В. Религиозная политика в начале XXI В. (на примере США) // Территория новых возможностей. 2011. №1 (10). С. 128.
[4] Quoted in: Alhstrom S.E. A Religious History of the American People. Vol.2. New York: Doubleday, 1975. P. 327.

о ней всех жителей страны колокол приобрел лишь в 1830-х годах. Появление новой трещины связывают с ее неумелым ремонтом. Надпись в основании взята из Библии – «Провозглашайте Свободу по всей Земле Всем ее жителям». Надпись выбрал спикер Ассамблеи Пенсильвании А. Норрис в 1751 году. Колокол стал символом борьбы с рабством и аболиционистского движения в середине XIX века, движения за избирательные права женщин в XX веке.

Статуя свободы стала дополнительным символом наряду с колоколом свободы, символизирующим торжество прав человека и свободы от угнетения в США. При этом стоит отметить, что при отливке колокола и установления Статуи свободы всей полнотой политических и гражданских прав обладали лишь белокожие мужчины. Афроамериканцы, индейцы и женщины, составлявшие вместе более 2/3 населения получили все гражданские права в самом демократичном государстве мира, избранном Провидением для распространения свободы, лишь в XX веке.

Первоначальная идея создания статуи принадлежит французу Эдуардо де Лабуле в 1865 году. Лабуле признавал США как государство, в котором чтят свободу и демократию и рассматривал дар статуи как знак почтения и надежды на торжество демократии и прав человека в самой Франции. В конце XIX в. в период массовой иммиграции в США статуя была первым образом, который видели иммигранты, приплывающие в Нью-Йорк к соседнему острову, на котором находился главный миграционный пункт. Статуя олицетворяла визуальное представление о США, свободе и раскрепощенности. В руках женщина держит табличку, на которой указана дата принятия Декларации независимости – 4 июля 1776 года.

Таким образом, цивилизационная, правовая и экономическая общность колоний стали основой формирования, или скорее сохранения единого конфедеративного, а затем и федеративного государства после окончания войны за независимость. При этом создание нового государства требовало и создания его неотъемлемых атрибутов – государственных символов, которые несомненно отразили отмеченные выше исторические особенности. Помимо отражения англосаксонского архетипа символы должны были стать олицетворением как сохранения традиционных ценностей, прежде всего, религиозных, так и совершенно отличную от британской парадигму построения государства, основанного не на тирании и угнетении, а на свободном объединении тринадцати независимых штатов, равенстве прав и верховенстве закона, триумфе демократического представительского правления народа.

При этом в контексте миросистемного анализа И. Валлерстайна[1] символы также отражали восприятие, а скорее в положении недавно освободившихся от колонизаторов периферийных колоний – мечтания и стремления американского государства занять свое место в капиталистической мир-экономике, в которой они воспринимали себя никак иначе как частью государства-ядра миросистемы – Великобритании. После обретения независимости предстояло восстановить свое место в межгосударственной системе «ядро-периферия» в системе «при которой доминирующие страны в центре эксплуатируют менее развитые страны на периферии... и получают большую часть прибыли от международной торговли»[2] и символика молодого государства явно свидетельствовала о больших устремлениях штатов на этом пути.

[1] Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. Пер. с англ. / Вступ. Ст. С.Г. Дергульяна. Изд. 3-е, стереотип. М..: ЛЕНАНД, 2020. 304 с.; Валлерстайн И. Анализ мировых систем: Пер. с англ. / Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2020. 400 с.

2 Burhanuddin A. Rethinking World System Theory: A Historical and Conceptual Analysis // Jurnal Wanua Jarasan Hubungan international universitas Hasanuddin, 2015. Vol. 1. P. 2.

Лебедева Екатерина Александровна

исполняющий обязанности директора института – филиала Нижегородского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Lebedeva Ekaterina Aleksandrovna

Acting Director of the Institute – Branch of the Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: lebedeva-eka@ranepa.ru

Романовская Любава Ростиславовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Romanovskaya Lyubava Rostislavovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: elza_r@mail.ru

Религиозные символы в зарубежном и российском общественном пространстве: правовые аспекты

Religious symbols in the foreign and Russian public space: legal aspects

Аннотация. Автор рассматривает проблему религиозных символов в общественном пространстве стран Западной Европы и России. В статье обосновывается необходимость комплексного подхода, учитывающего как юридические нормы, так и социальные контексты. Отмечается, что правовые аспекты этой проблемы должны отражать уважение к правам человека, в том числе и свободе совести, при этом не игнорировать принцип светскости и необходимости поддержания общественного порядка и согласия среди граждан государства. Приводятся примеры решения данной проблемы в ряде стран Европы.

Ключевые слова: религиозные символы, традиционные ценности, культурная идентичность, общественное пространство

Annotation. The author examines the problem of religious symbols in the public space of Western European and Russian countries. The article substantiates the need for an integrated approach that takes into account both legal norms and social contexts. It is noted that the legal aspects of this problem should reflect respect for human rights, including freedom of conscience, while not ignoring the principle of secularism and the need to maintain public order and harmony among the citizens of the state. Examples of solutions to this problem in a number of European countries are given.

Keywords: religious symbols, traditional values, cultural identity, public space

Для цитирования: Лебедева Е.А., Романовская Л.Р. Религиозные символы в зарубежном и российском общественном пространстве: правовые аспекты // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 342–345.

Вопрос о допустимости религиозных символов в общественном пространстве России и европейских стран является сложным и неоднозначным, поскольку он затрагивает право на свободу вероисповедания, принцип светскости государства и многообразие культурных традиций. В Европе подход к религиоз-

ным символам варьируется в зависимости от страны и её законодательства. С одной стороны, Европейская конвенция о правах человека (ст. 9) гарантирует свободу каждого исповедовать свою религию, что подразумевает и право демонстрировать религиозные символы, носить определенную религиозными предписаниями одежду. Однако ч. 2 данной статьи допускает возможность законодательных ограничений, если это необходимо «в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц»[1].

В качестве примера рассмотрим разные подходы в странах Европы. Так, например, законодательством Франции установлен строгий лаицизм, что означает светскость государства. На уровне Конституции закреплен принцип уважения всех вероисповеданий, но есть законы, которые устанавливают некоторые ограничения на публичную демонстрацию религиозной символики и одежды. Так, закон 2004 года запрещает носить явные религиозные символы и одежду в государственных школах, колледжах и лицеях, в частности это распространяется на хиджабы, крупные кресты, сикхские тюрбаны и иудейские кипы. В 2010 году был принят закон «О запрете сокрытия лица в публичных местах». Его нормы сформулированы нейтрально, напрямую не указывая на ограничение демонстрации приверженности к определенной религии: запрещена любая одежда, скрывающая лицо (например, балаклава), но под данный запрет попали паранджа и никаб. Данный закон также определил, что подразумевается под «публичным местом»: «общественное пространство состоит из общественных дорог и мест, открытых для публики или отведенных для общественных нужд»[2]. Отдельная тема – возможность носить публично кресты или устанавливать их в школах или госучреждениях. В ряде случаев это разрешено как часть культурного наследия.

Для современной Германии характерен компромиссный подход. Здесь имеются различия в зависимости от федеральных земель. В половине из них, как и во Франции, ношение религиозных символов на работе запрещено для госслужащих, включая учителей. Кресты в классах могут оставаться, если нет возражений родителей. Но если в классе есть дети иных вероисповеданий, то их родители имеют право возражать.

В Италии исторически сильно влияние католической традиции. Благодаря этому, христианские символы – распятия – в школах и госучреждениях разрешены. Данный вопрос специально рассматривался в Европейском суде по правам человека, и в 2011 году он признал это допустимым, с оговоркой, если к вере не принуждают. Что касается других религиозных символов и одежды, например, хиджабов, то они обычно не запрещаются.

В Великобритании в XX веке утвердилась мультикультурная модель. Большое количество мусульман и представителей иных конфессий со времен Британской Империи традиционно поколениями проживают в стране. Поэтому религиозные символы (хиджабы, тюрбаны, кресты) разрешены даже в полиции и армии. Споры на этой почве возникают редко, поэтому все символы разрешены, если их демонстрация не мешает работе.

Несмотря на развитое демократичное законодательство, периодически возникают проблемы, которые требуют рассмотрения в судах и вынесения конкретных судебных решений.

Существует ряд известных ключевые судебных решений, которые признают права на религиозные символы или наоборот, запрещают их в определенных случаях. В 2011 году в Европейском суде по правам человека рассматривалось дело «Лаутси против Италии», и ЕСПЧ вынес решение о допустимости присутствия распятий в классах государственных школ как части культурной традиции[3]. Думается, что влияние Ватикана сыграло не последнюю роль. Было бы странно в Италии принять противоположное решение.

Еще одно показательное разбирательство состоялось в 2005 году – дело «Лейла Сахин против Турции»[4], где защищалась возможность носить хиджабы в школе и университетах. В данном случае ЕСПЧ поддержал запрет хиджабов в университетах. Однако позже законодательство Турции поменялось – в 2010 году было принято решение об отмене запрета на ношение хиджаба в высших учебных заведениях страны, в октябре 2013 - в госучреждениях, кроме судов, полиции и армии. В 2016 г. был снят запрет для женщин-полицейских, а в 2017 министерство обороны Турции разрешило ношение хиджабов женщинам-офицерам[5].

Из рассматриваемых примеров можно сделать вывод о том, что проблема запрета или разрешения публичной демонстрации религиозных символов является весьма острой и имеет не только правовой, но и политический характер.

---

[1] Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая в Риме 04 ноября 1950 года. //СЗ РФ.- 1998.- № 14.- Ст. 1514.

[2] LOI № 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public // https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000022911670.

[3] Подробнее см.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2011 г. Дело «Лаутси против Италии» (Жалоба № 30814/06) // https://base.garant.ru/2571318/

[4] Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 ноября 2005 г. Дело «Лейла Сахин против Турции» (жалоба N 44774/98)// https://base.garant.ru/5848213/.

[5] Turkey permits women soldiers to wear headscarf // https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-permits-women-soldiers-to-wear-headscarf-110035

На сегодняшний день существуют различные тенденции и возникает множество дискуссий в средствах массовой информации, в научной и публицистической литературе.

Проблема первая: как совместить в одном пространстве секуляризм и религиозную идентичность. Как мы уже показали, подходы имеются разные: во Франции доминирует стремление к ликвидации религиозных символов из общественного пространства, а в других странах, например, в Италии и Польше наличествует однозначная защита христианских символов. Это объяснимо с точки зрения современной европейской миграционной повестки.

В некоторых средствах массовой информации указывается, что в Европе исламские символы (хиджаб, минареты) чаще подвергаются ограничениям, чем христианские. Опять же, неудивительно, если знать и уважать историю европейской культуры, которая две тысячи лет была христианской. Рост национализма в Европе, как протест против миграционной политики властей и возникших на этой почве социальных проблем, приводит к защите «традиционных символов» (крестов) и ограничению «чужих». В большинстве стран госучреждения и школы – зона строгих правил, частная сфера – более свободная. В любом случае, для Европы эта тема остаётся острой, баланс между свободой веры и светскостью пока не достигнут.

Обратимся к проблеме наличия религиозных символов в общественном пространстве в истории Российской Империи и в современной России. Надо подчеркнуть, что в России религиозные символы являются маркером культурной памяти и идентичности. Религиозные символы всегда играли значимую роль в формировании культурного и идеологического ландшафта России. Их присутствие в общественном пространстве отражает взаимодействие государства, религии и общества.

В Российской Империи православие имело статус государственной религии, что закреплялось в законодательстве. Религиозные символы были инструментом консолидации многонационального государства и подчеркивали его сакральный характер.

На протяжении всей истории в Российской империи доминировала православная символика: строились храмы и монастыри, которые служили не только культовыми, но и идеологическими центрами страны. Иконы и кресты размещались в государственных учреждениях, учебных заведениях, на вокзалах и в войсковых частях. Царская власть использовала религиозную символику в публичных церемониях (коронации, крестные ходы), что подчеркивало связь монархии с божественным промыслом.

Отдельно следует отметить символику, которую имели иноверцы, проживающие в большом количестве в Российской империи, в разных ее уголках и в центральных регионах. Так, для народов, исповедующих ислам, буддизм, иудаизм или католицизм, существовали определенные ограничения. Например, строительство мечетей и синагог разрешалось только с одобрения властей, а их архитектура не должна была «конкурировать» с православными храмами. В регионах с мусульманским населением (Поволжье, Кавказ) исламские символы (полумесяцы, минареты) допускались, но под контролем государства.

Таким образом, в Российской Империи православие рассматривалось как основа имперской идентичности, поэтому наличие христианских религиозных символов поощрялось. Религиозные символы других конфессий не запрещались, но находились под бдительным оком государства.

Современная Россия является светским государством с богатым религиозным наследием. Согласно Конституции РФ (ст. 14) никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Однако историческая роль православия, атеизм (внерелигиозность) значительной части населения, и многоконфессиональность создают сложный баланс.

На гербах некоторых регионов (например, Белгородской области) изображены православные кресты. С 2009 года в армии введен институт военных священников, а на военной технике иногда размещают иконы или надписи «С нами Бог». Можно заметить, что курс, взятый на защиту традиционных ценностей, подразумевает, в частности, усиление роли религиозных символов, которые выполняют не только сакральную, но и культурную, и политическую функцию, а также необходимость их правовой охраны.

Так, еще в 2013 году был принят закон, получивший неофициальное название «закон о защите чувств верующих»[1]. Он ввел уголовную ответственность за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» (ст. 148 УК РФ). До 2013 года оскорбление религиозных чувств граждан могло повлечь лишь административную ответственность в виде штрафа по ч.2 ст. 5.26 КоАП РФ. Данная норма КоАП в 2013 году также была скорректирована и уточнена, ее содержание сузилось до защиты «религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики» от умышленного публичного осквернения, порчи или уничтожения.

Важным стратегическим документом, закрепившим необходимость государственной защиты традиционных ценностей, стал Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. В нем подчеркивается, что «христи-

[1] Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // СЗ РФ, 1 июля 2013 г., № 26. Ст. 3209.

анство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан»[1]. Отдельно указывается на особую роль православия в становлении и укреплении традиционных ценностей.

Анализ данного Указа показывает, что в хрупком балансе между светским характером государства и защитой свободы вероисповедания государство в данный исторический период делает ставку на религию как духовную основу мировоззрения и национальной идентичности верующих граждан. Подтверждением этого является принятие в июле 2025 года «закона о защите религиозных символов», который внес дополнение в действующий закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»[2]. Новая норма запрещает использование любых форм воспроизведения культовых зданий (и других религиозных объектов) без религиозных символов, которые они содержат (например, куполов храмов без крестов), за исключением исторических изображений. Цель - защита религиозных символов традиционных вероисповеданий в публичном пространстве, недопущение их «затирания». Необходимость данного законопроекта возникла в связи с участившимися случаями, когда кресты убирали с изображений церквей на гербах, плакатах, логотипах. Также широкую общественную дискуссию вызвала презентация нового дизайна тысячной купюры, на которой были изображены объекты Казанского кремля: башня Сююмбике с полумесяцем и православная церковь без креста. Со стороны представителей Русской православной церкви было высказано возмущение такому выбору изображения, хотя на этой церкви креста нет с советских времен, а в культовом здании на данный момент располагается Музей государственности Татарстана. Данный случай показывает, что в многоконфессиональном государстве спор об изображении религиозных символов может вызвать большое напряжение в обществе и привести к раздору, конфликтам, которых можно было бы избежать при необходимом взаимном уважении и внимательности.

По словам Вячеслава Володина, новая правовая норма обеспечит бережное и уважительное отношение к религиозным символам: «Этот законопроект крайне важный. Когда речь идет о символах веры, о вере в целом, мы должны понимать, национальная идентичность – это язык, история, культура и вера»[3]. Заместитель председателя Государственной Думы Анна Кузнецова, комментируя данный законопроект в своем телеграм-канале, отметила, что «защищая священные символы, мы сохраняем духовные корни и историческую память России – основу нашего единства и силы. Если мы хотим, чтобы наши ценности уважали другие, то сами должны их уважать в первую очередь!»

Приведенные высказывания российских государственных деятелей, а также законодательные нормы, определяющие государственно-конфессиональную политику, базируются на том, что религиозные символы в России остаются маркерами культурной памяти и политической идентичности. Если в Российской Империи они служили укреплению вертикали власти, то сегодня их роль сложнее: они отражают поиск баланса между традицией, светскостью и этноконфессиональным разнообразием. Вызовы глобализации, миграции и цифровизации требуют от общества и государства новых подходов к регулированию религиозного пространства, чтобы избежать как радикального секуляризма, так и клерикализации.

В условиях глобализации и миграции в обществе сосуществуют различные религии и культуры, что порождает вопросы о месте религиозных символов в публичном пространстве. Разные подходы к свободе вероисповедания и секуляризму могут вызывать правовые дилеммы, связанные с размещением религиозных символов на государственных зданиях, в школах и общественных местах. Правильное регулирование использования религиозных символов может способствовать межкультурному диалогу и социальной интеграции, предотвращая конфликты и недопонимание.

[1]Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019

[2] Федеральный закон от 31.07.2025 № 319-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»// http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310067.

[3] Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: http://duma.gov.ru/news/61796/

Леонтенкова Елена Андреевна

кандидат юридических наук, председатель судебного состава судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда

Leontenkova Elena Andreevna

Candidate of Law, Chairman of the judicial staff of the Judicial Board for Civil Cases of the Nizhny Novgorod Regional Court

E-mail: superbegemot@rambler.ru

Этнокультурные символы в обычном праве

Ethnocultural symbols in customary folk law

Аннотация. В статье обосновывается подход, согласно которому обычное право, являющееся основной формой регуляции жизни в традиционных обществах, интегрируя моральные, религиозно-мифологические и собственно правовые идеи, не сводится лишь к набору правил, представляя собой сложную символическую систему, в которой правовые нормы кодируются и передаются через этнокультурные символы, выступающие «языком» обычного права, создавая условия понятности и очевидности смысла права, делая его ясным, легитимным и живым для коллектива. Автор попытался осуществить комплексный анализ роли и значения этнокультурных символов в обычном праве через призму их функций, типологии и связи с мифологией, правовым мышлением и поведением.

Ключевые слова: правовые символы, этнокультурный символ, обычное право, правосознание, этническое право, этнокультурное правопонимание

Annotation. The article substantiates the approach according to which customary law, which is the main form of regulation of life in traditional societies, integrating moral, religious, mythological and legal ideas proper, is not reduced only to a set of rules, representing a complex symbolic system in which legal norms are encoded and transmitted through ethnocultural symbols that act as the "language" of customary law. creating conditions for the clarity and obviousness of the meaning of law, making it clear, legitimate and alive for the collective. The author has attempted to carry out a comprehensive analysis of the role and significance of ethnocultural symbols in customary law through the prism of their functions, typology, and connection with mythology, legal thinking, and behavior.

Keywords: legal symbols, ethnocultural symbol, customary law, legal awareness, ethnic law, ethnocultural legal understanding

Для цитирования: Леонтенкова Е.А. Этнокультурные символы в обычном праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 346–351.

Введение

Обычное право, оперируя не абстрактными понятиями, а зримыми образами, тесно связанными с мифологией, природой и хозяйственным укладом, обладает символически-метафорическими характеристиками. Например, у многих народов символы весов использовались для установления меры возмездия эквивалентности воздаяния, понятия и символы «правды» и «кривды» воплощались в образах прямого и кривого дерева, белого и черного цвета; символический ритуал примирения (например, объятие, «братание» через совместную трапезу) был не просто формальностью, а мощным символом восстановления нарушенной гармонии. Сакральные предметы (например, родовые знамена, тотемы, печати) или ритуалы (клятва на оружии, принесение жертвы предкам) служили гарантией соблюдения договора, апеллируя не к страху перед наказанием, а к коллективной совести и вере. В таких условиях нарушение клятвы виделось как разрывание связи не только с общиной, но и с космическим порядком.

Таким образом, этнокультурные символы были и остаются неотъемлемой частью обычного права, транслируя абстрактные правовые принципы в плоскость конкретных, эмоционально насыщенных и культурно узнаваемых образов, обеспечивая тем самым их эффективность и устойчивость в передаче из поколения в поколение.

Обзор законодательства и литературы

В условиях глобализации и унификации права возрастает интерес к традиционным правовым системам не только как к хранилищам культурного кода, но и как к конкурентным и структурно-компонентным элементам современных правовых систем, которые, как оказалось, могут вполне успешно сочетать внутри себя различные правовые уклады.

В качестве примера можно привести и Российскую Федерацию, в которой правовая система включает в себя тесно связанные с обычаями и национальными правовыми традициями компоненты, позволяющие сохранить нормы традиционного права и сберечь самобытную правовую культуру в национальных субъектах Российской Федерации. Правовая система включает в себя и защитные механизмы по отношению к национальным традициям, это достигается посредством адресных законов: Федеральный закон "О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации"; Закон РФ "О языках народов Российской Федерации"; Федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" и др.[1]

Исследователи современного правового регулирования этнокультурных процессов признают роль символических систем обычного права. Этнокультурные символы являются ключевым элементом обычного права, обеспечивающим его эффективность, стабильность и связь с коллективной идентичностью, поэтому важно обеспечивать их защитой. Как справедливо отмечают М.Х.Дугужева и Р.Ш. Рахматулина: "всякое искажение использования или эксплуатация определенных знаков, символов, элементов чужой культуры наносит ей ущерб. Поэтому любое государство призвано развивать и охранять свою культуру, тем более культуру малочисленных народов"[2].

Изучение задач, природы и функций этнокультурных правовых символов позволяет глубже понять механизмы правового регулирования в догосударственных и традиционных обществах, которые могут прекрасно уживаться с современным постиндустриальным обществом, достаточно терпимым по отношению к традиционным этнокультурам и этноукладам коренных народов.

Нельзя здесь не отметить интересную работу современных исследователей, раскрывающую особенности обычно-правовой объективации права собственности у финно-угорских народов, а также правовой природы экслибриса. В их статье рассмотрено обычно-правовое закрепление права собственности на примере родовых обычно-правовых знаков российских финно-угорских народов как части их этноправовой культуры и в то же время как одного из составных элементов обычного права, отраженного в экслибрисах[3].

Дело в том, что важнейшим элементом символической системы являются родовые знаки. Благодаря им осуществляется трансляция сведений о праве собственности на вещь и о ее владельце. Выражались они в формате "символов, обладающих простейшей геометрической формой и структурой, будучи адаптированы под этносоциальную ситуацию, они обладали серьезным смысловым объемом и были связаны с существовавшей системой этно-правовых ценностей"[4].

Большую роль в обычно-правовом регулировании играет этническое правосознание и этноправовая культура. На связь символов и архетипов такого правовосознания обращается внимание в статье В.В.Кулыгина[5]. Он пишет: "в числе правовых символов исторически первичными являлись те, которые сформировались под воздействием изначальных психических структур - архетипов. Помимо Земли, персонифицированной в образе Богини-Матери, в категорию архетипически значимых символов входили, несомненно, стихии Огня и Воды. Причем сам по себе архетип, разумеется, никоим образом не являлся правовым в современном понимании. Данный "статус" ему придавал определенный ритуал, закрепляющий договор или клятву"[6].

Несмотря на признание важности обычного права, роль конкретных этнокультурных символов как его структурного элемента исследована недостаточно системно. Остаются без ответа многие важные вопросы, например, совершенно не раскрыта сущность и специфика обычного права как символической системы, не разработана типология этнокультурных символов в обычном праве, не установлены функ-

[1] Федеральный закон от 20.10.2022 N 402-ФЗ "О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации"; Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 13.06.2023) "О языках народов Российской Федерации"; Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс.

[2] Дугужева М.Х., Рахматулина Р.Ш. Культурная апроприация: проблемы правового регулирования при создании результатов интеллектуальной деятельности // Юрист. 2023. N 7. С. 16 - 21. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-7-16-21 (www.doi.org).

[3] Плоцкая О.А., Сердитова Е.Н. Обычно-правовое закрепление права собственности: от родовых знаков к экслибрисам // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 11 - 23. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.011-023 (www.doi.org).

[4] Там же.

[5] См.: Кулыгин В.В. Становление русского уголовного права с древнейших времен до Крещения Руси: историко-лингвистические аспекты // История государства и права. 2010. № 14. С. 2 - 8.

[6] Там же.

ции символов в обычноправовом регулировании, не раскрыта взаимосвязь правовых символов с мифологией, архаическим мышлением и правосознанием. Между тем, для современной юриспруденции очевиден факт сохранения значимости обычного права и этнокультурных традиций, что еще раз заставляет обратить внимание на влияние символов на формирование правового поведения индивида в традиционном обществе, которое, повторяемся, никуда не исчезло, и не растворилось, но продолжает сохраняться в современном обществе, в том числе в российских регионах (Северный Кавказ, Сибирь, Север, Дальний Восток и др.).

Обычное право как символический универсум

Система обычного права конкретного этноса представляет собой, с точки зрения семиотики, вовсе не свод норм, обычаев, ритуалов, а целостную систему значений, закодированных в символах. В рамках такого подхода можно легко обнаружить, что право действует, живет и функционирует в традиционных обществах, будучи неотъемлемой частью их культуры и мировоззрения.

Данное обстоятельство особенно очевидно в рамках социологии права. Как известно, ключевой вклад в понимание права как социального, а не просто нормативного феномена внес Эмиль Дюркгейм. Он предложил рассматривать социальные факты как вещи, существующие объективно и внешне по отношению к отдельным индивидам, но обладающие принудительной, императивной по отношению к человеку силой. Исследуя религию в сочинении «Элементарные формы религиозной жизни»[1], Дюркгейм приходит к выводу, что, поклоняясь сакральным символам, общество на самом деле поклоняется самому себе, так как эти символы являются кодами, через которые общество осознает свою целостность, воспроизводит ее, идентифицирует себя, выражаясь современным языком. Иными словами, сакральные символы являются частью этноидентичности. "Первобытный тотем Дюркгейм понимал как символ, с помощью которого определялась групповая принадлежность древнего человека"[2]. Обычное право, чаще всего неразрывно связанное с религией и мифологией, функционирует точно так же — его ритуалы, табу и формулы являются материальными воплощениями коллективных представлений о справедливости и порядке.

Если из исследования Дюркгейма можно сделать вывод о том, что право — это символическая система, то в работах еще одного ученого, изучающего архаичные культуры и общества, Леви-Строса, можно сделать вывод о том, что символические системы, тотемические классификации как знаковые системы, обладают внутренней логикой. Нормы и символы обычного права (например, ритуал обмена дарами) образуют бинарные оппозиции (дарить/получать, честь/бесчестье, свой/чужой), составляя материю правовых отношений. Запрет кровосмешения, который Леви-Строс исследует в «Элементарных системах родства», — это не просто норма, а фундаментальный символ перехода от природы к культуре, акт установления социальной коммуникации. "В «Тотемизме сегодня» (1962) Леви-Стросс дает критику старых теорий и интерпретирует тотемизм как своеобразную знаковую моделирующую систему, как орудие логических классификаций"[3]. В знаменитом исследовании «Первобытное мышление» Леви-Строс не только доказывает, что мышление представителей традиционных обществ не является «дологическим» (как считал Леви-Брюль), но и показывает как осуществляется интеллектуальная работа с чувственно-конкретными символами — тотемами, природными явлениями, ритуалами. Нормы обычного права и являются продуктом этой «науки конкретного», где логические операции производятся не с абстрактными понятиями, а с многообразными символами.

Обобщая подходы этих исследователей можно предположить, что основные задачи обычного права как символического универсума – это задачи кодирования, идентификации (интеграции) и логического моделирования. Задача кодирования, выполняемая символами в обычном праве (жезл вождя, ритуал рукопожатия, клятва на реликвии, обряд примирения), заключается в том, что они служат материальными носителями правовых значений и делают абстрактные понятия о правде, правосудии, обязанностях, вине, справедливости зримыми, осязаемыми и, следовательно, общедоступными и общеобязательными.

Задача идентификации выражается в защите коллективной идентичности. Правовые символы, как и другие, скрепляют коллектив, являясь точками концентрации социальной солидарности, общности. Совместное участие в правовом ритуале (например, в суде старейшин) — это акт воспроизводства социальной связи и единства.

Задача логического моделирования: символические системы обычного права (например, тотемические классификации) являются инструментом упорядочивания мира. Распределяя людей, животных и растения по категориям, они создают логическую сетку, через которую осмысливаются все социальные отношения, включая правовые.

[1] Православная энциклопедия. Дюркгейм. См.: https://www.pravenc.ru/text/180834.html
[2] Там же.
[3] Мелетинский, Е. Клод Леви-Стросс. Только этнология? / Е. Мелетинский // Вопросы литературы. - 1971 - №4. - С. 115-134.

Философско-антропологическое понимание правового символа

Целый ряд исследователей может быть интересен с точки зрения восприятия символов как посредников между сознательным и бессознательным, чувственным и рациональным, что важно для понимания функций символов обычного права и этнического правосознания.

Для Энрста Кассирера символ – это универсальная структура, устанавливающая человеческую культуру. Эрнст Кассирер, развивая традиции неокантианства, совершил антропологический поворот в философии, поместив в центр своих размышлений понятие символа[1]. В своей работе, посвященной теории "символических форм", он утверждает, что человек не имеет непосредственного доступа к реальности, но всегда опосредует его через символические системы – язык, миф, искусство, религию, науку, право[2]. Эти формы не отражают готовую реальность, а активно конструируют ее, каждая согласно своим внутренним законам. Именно способность к созданию и использованию символов является, по его мнению, родовым отличием человека. При этом символ выполняет посредническую функцию между чувственным восприятием и логическим мышлением. Чувственные данные – "сырая материя" опыта – обретают смысл и структуру только будучи оформленными в той или иной символической форме. Например, одно и то же явление может быть осмыслено как гнев божества в мифе, как метафора в поэзии или как юридический процесс (ордалии). Таким образом, символ является тем мостом, который соединяет мир ощущений с миром значений, делая человеческий опыт осмысленным.[3]

Для Густава Юнга символ выступает ключевым посредником между сознанием и глубинными слоями психики. Центральным моментом для понимания его концепции следует считать понятие "коллективного бессознательного". Коллективное бессознательное представляет собой врожденный, универсальный для всех людей психологический слой, содержащий в себе архетипы, которые сами по себе непознаваемы, так как являются глубинными психическими структурами, не имеющими собственного оформленного содержания. Так вот каждый символ, в понимании Юнга, является "посредником между сознательным и бессознательным", той единственной формой, в которой архетип может проявиться в индивидуальном сознании. Знак – это условное обозначение чего-то известного. Символ же – это "наилучшее возможное выражение или формулировка относительно неизвестного факта, который, однако, признается или требуется существующим"[4]. Он всегда указывает на смысл, который шире и глубже, чем может вместить сознательное понимание[5]. Через символы человек соединяется не только со своим личным бессознательным, но и с общечеловеческим опытом, запечатленным в коллективном бессознательном. Таким образом, частное правосознание индивида дополняется коллективным правовым сознанием.

Архаическое право как часть мифологического космоса

Этническое обычное право до сих пор содержит в качестве ядра в себе архаическое право. В архаическом правосознании не существовало разделения на правовую, религиозную и мифологическую сферы. Право признавалось не человеческим установлением, но неотъемлемой частью сакрального миропорядка, укорененной в мифологическом космосе. И воспринималось оно лишь как прямое продолжение изначальных законов творения, данных богами или героями-законодателями в «начальные времена», а не как творение человека.

Общеизвестно, что в основе архаического правового сознания лежало представление о том, что подлинной реальностью и абсолютной ценностью обладает лишь сакральное — та сфера, где действуют боги, мифические предки и культурные герои. Согласно концепции Мирчи Элиаде, архаический человек четко разделял два уровня существования: сакральное (священное) и профанное (мирское)[6]. Сакральное — это сфера абсолютной реальности, силы и значимости, которая проявляется в нашем мире через особые явления, названные Элиаде иерофаниями (от греч. hieros — священный, и phainein — являть). В таком ракурсе право понимается не как продукт общественного договора или воля законодателя, а как неотъемлемая и важнейшая часть мифологического космоса. Правовые нормы, таким образом, были не изобретены, а открыты через откровение или миф как божественный образец. Оно было дано людям в "начальные времена" (in illo tempore) богами или героями-законодателями. Таким образом, правовые нормы воспринимались как продолжение и отражение космического закона (дхармы, риты, логоса), управляющего мирозданием. Их цель — поддерживать установленный изначально порядок и гармонию, предотвращая хаос.

---

[1] Гуревич П. С., Султанова М. А. Первооткрыватель философии символизма // Философские науки. № 4-6.1993.
[2] Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3: Феноменология познания. М.-СПб, 2002.
[3] Орешкин А.С. Эрнст Кассирер: символ как основа человеческой культуры. // Психолог. 2013. № 1. С. 131-182. DOI: 10.7256/2306-0425.2013.1.346 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=346
[4] Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг; сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 297 с.
[5] A Way into Mystery, A Way Out of Catastrophe: Jung on Symbols and the Symbolic Life https://jungiancenter.org/a-way-into-mystery-a-way-out-of-catastrophe/
[6] Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде ; пер. с фр. Н. К. Гарбовского. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 144 с.

Поскольку сакральные образцы были установлены "в начале", знание происхождения явления давало магическую власть над ним. Именно поэтому многие архаические правовые системы приписывались мифическим героям-законодателям, которые действовали в эпоху творения и получили законы непосредственно от богов. В качестве примера можно привести Законы Ману - древнеиндийский правовой памятник, считающийся одним из многих священных текстов, трактующих дхарму.

Не только Законы Ману, но и Законы библейского пророка Моисея неотделимы от религиозных и мифологических представлений. Они открываются повествованием о сотворении мира, и все последующие правовые установления выводятся из этого космогонического акта. Право, мораль и религия здесь слиты воедино. Огромную роль в архаическом праве играют ритуалы – символы. Дело в том, что в теории Элиаде о вечном возвращении раскрыто, что миф — это не просто сказка, а повествование о событиях сакральной "mythical age", когда боги и герои создали мир и установили все значимые образцы для подражания. Ритуал же — это практический инструмент, позволяющий человеку "вернуться" в это сакральное время и заново пережить события мифа[1]. Участвуя в ритуале, человек выходит из профанного временного потока и магически воссоединяется с "великим временем" мифологических первоначал. Поэтому символическое воспроизведение сакральных образцов обладало важным значением для правосознания. Любое значимое действие (от заключения договора до судебного разбирательства) должно было соответствовать мифическому прообразу, чтобы быть действительным и эффективным.

Согласно Элиаде, миф не просто рассказывается, он воспроизводится в ритуале. Правовые символы и ритуалы обычного права, в таком случае, являются не условностями, а способами актуализации сакрального образца в профанном мире. Ритуальные жезлы, священные камни, тотемы, клятвы на реликвиях — все это были символы, являвшие собой «отголоски мифов», которые служили каналами. С помощью этих каналов сакральная сила и авторитет мифического «начала» проникают в ситуацию суда или заключения договора. Клятва, произнесенная именем бога-законодателя, была действенной потому, что она магически приобщала клянущегося к сакральной реальности этого бога.

Поэтому судебный процесс или процедура примирения часто были строго ритуализированы. Участники воспроизводили модель, установленную в мифе. Например, ритуал ордалии («божьего суда») был не просто испытанием, а драмой, в которой божество, установившее закон, непосредственно проявляло свою волю, восстанавливая нарушенную справедливость, подобно тому как в мифе оно побеждало хаос.

Таким образом, этническое обычное право, восходя в своей первооснове к архаическому праву представляет собой сложную символическую систему, глубоко укорененную в мифологическом космосе и религии. Оно черпало свою легитимность не из земной власти, а из сакрального «начала времен», когда боги и герои-законодатели установили миропорядок. Через ритуалы и символы обычного права происходит реактуализация первоначального правоустановления, обеспечивая устойчивость, авторитет и эффективность правовых норм в традиционном обществе. Право, таким образом, является не сводом правил, а живой частью вечно возобновляемого диалога между миром людей и миром богов.

Функции этнокультурных символов в обычном праве

Итак, как следует из вышеизложенного, обычное право, будучи основной формой нормативной регуляции в догосударственных и традиционных обществах, представляет собой сложный символический универсум. При этом, этнокультурные правовые символы (ритуалы, предметы или вербальные формулы) являются не просто украшениями или архаичными пережитками, а функциональными элементами, обеспечивающими эффективность правовой системы, стабильность и преемственность правопорядка. Через эти символы осуществляются ключевые для существования общины процессы: передача знаний, легитимация норм, интеграция коллектива, разрешение споров и социализация индивидов.

Прежде всего, этноправовые символы выполняют коммуникативно-информационную функцию, осуществляя трансляцию правовой информации. В условиях бесписьменной культуры символы брали на себя роль текста, транслирующего сложные правовые смыслы в доступной и запоминающейся форме. В качестве примера можно указать на то, что у многих народов, например, у славян или народов Кавказа, существовал ритуал передачи земли или имущества с использованием символических предметов: горсти земли, прута или ключа. Сам акт вручения такого предмета в присутствии общины являлся наглядным и понятным всем «документом» о смене собственника. Антрополог Бронислав Малиновский в работе «Преступление и обычай в обществе дикарей» показал, что система взаимных обязательств (кула) в Меланезии была насыщена символами (например, церемониальный обмен браслетами и ожерельями), которые визуализировали и напоминали участникам об их правовых обязанностях[2]. Эти символы выступали универсальным языком, понятным даже без грамоты.

[1]Элиаде, М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / М. Элиаде ; пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. — СПб. : Алетейя, 1998. — 249 с.

[2] Малиновский, Б. Преступление и обычай в обществе дикарей / Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. -959 с.

Еще одна важная функция - легитимирующая функция через связь с сакральным. Чтобы норма воспринималась как обязательная, она должна быть освящена высшим, часто сверхъестественным авторитетом. Правовые символы служили мостом между миром людей и миром богов, духов или предков. Например, клятва на священном объекте (Библии, Коране, тотеме, мощах) была эффективна потому, что призывала в свидетели и гаранты высшие силы. Нарушение такой клятвы означало уже не просто проступок против человека, а грех, влекущий сверхъестественную кару. Как отмечал философ Мирча Элиаде в «Священном и мирском», для архаического человека сакральное является источником всей реальности, силы и эффективности[1]. Таким образом, символ, связанный с сакральным (реликвия, тотем), придавал правовой норме непререкаемый авторитет, легитимируя её через отсылку к мифу или воле предков.

Еще одна функция - интегративная функция или сплочение коллектива. Символы служили мощным инструментом консолидации общины, визуально и эмоционально обозначая её единство и границы. Например, родовые знамена у тюркских народов были и остаются не просто символами идентичности. Они являются центром, вокруг которого выстраивалась вся правовая жизнь рода. Совместное почитание тотема укрепляло солидарность, а защита родового символа была долгом каждого члена общины. Нарушитель обычаев тем самым осквернял и общий символ, становясь врагом коллектива. Об этой функции подробно говорится выше в контексте социологии Эмиль Дюркгейма. Классик показал, что коллективные символы (тотемы) являются объектами поклонения именно потому, что олицетворяют само общество, его моральную силу и единство.

Доказательственная функция: символ как доказательство. В отсутствие современных методов доказывания, именно символы и ритуалы позволяли установить истину в судебном споре. Например, распространенные в средневековой Европе и у многих других народов ордалии («суды Божьи»), такие как испытание огнем, водой или раскаленным железом, были не просто жестокими суевериями. Это был сложный правовой ритуал, в котором символом божественного приговора выступал результат испытания (например, заживающая или не заживающая рана). Ритуал ордалии, как писал историк права Арон Гуревич в исследованиях по средневековой культуре, был актом, в котором божество непосредственно проявляло свою волю, указывая на правого и виноватого[2]. Клятва на реликвии также была доказательством, так как считалось, что лжец не посмеет осквернить святыню или будет немедленно наказан высшими силами.

Правоциализирующая функция: включение индивида в правовую общность. Обряды инициации, знаменовавшие переход из детства во взрослую жизнь, были ключевым моментом правовой социализации и правосубъектности. Через систему символических действий индивид не только приобретал новый статус, но и усваивал всю совокупность прав и обязанностей полноправного члена общины. В ритуалах инициации неофит проходит через символическую смерть и возрождение, что означает разрыв с прежним бесправным состоянием и включение в сообщество взрослых, обладающих всей полнотой прав. Символические испытания, татуировки, обрезание или получение оружия были не просто испытаниями на мужество, а актами правового признания. Пройдя через них, молодой человек становился субъектом обычного права — он мог наследовать, заключать сделки, участвовать в народном собрании и нести ответственность за преступления.

Заключение и вывод

Таким образом, этнокультурные символы в обычном праве выполняют комплекс взаимосвязанных функций, образуя целостный механизм социально-правового регулирования. Они являются языком, на котором этническое сообщество говорит о праве и мыслит право. Изучение этих функций позволяет понять, что обычное право является не примитивным набором правил, а живой, эффективной и глубоко символической системой, обеспечивающей порядок и устойчивость традиционного общества. Этнокультурные символы являются неотъемлемым и системообразующим элементом обычного права, выполняющим ключевые социально-регулятивные функции. Символы глубоко укоренены в мифологии и архаическом типе мышления, что определяет специфику традиционного правосознания. Воздействие символов на поведение осуществляется через эмоционально-психологические механизмы, что обеспечивает высокую эффективность правового регулирования в этнических сообществах. Перспективы дальнейших исследований в сфере этнокультурных правовых символов: изучение трансформации правовых символов в современном праве, сравнительный анализ символики в разных правовых семьях, их типологизация и т.п.

[1] Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде ; пер. с фр. Н. К. Гарбовского. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
[2] Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.

Лихтер Павел Леонидович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета

Likhter Pavel L.

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law Penza State University
E-mail: lixter@mail.ru

Эстетика правовых символов

Aesthetics of legal symbols

Аннотация. Статья посвящена исследованию онтологических оснований правовой реальности через призму эстетики и концепции супервентности. Оспаривается методологический редукционизм, выступающий против самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов. Доказывается, что эстетические категории (гармония, соразмерность, симметрия) выступают фундаментом для формирования правовых символов и обеспечивают их легитимность. Правовая реальность супервентна на социальных, культурных и эстетических факторах, то есть детерминирована ими, но не сводится к ним, обладая собственной нормативной автономией. В качестве методологического инструмента супервентность позволяет объяснить дуалистичную природу права, одновременно укорененного в социальной действительности и связанного с идеальными категориями. Делается вывод о том, что эстетический подход, преодолевая субъектно-объектную оппозицию, предоставляет ключ к пониманию интерсубъективной природы правовых феноменов и подтверждает самостоятельность их онтологического статуса.

Ключевые слова: философия права, правовая онтология, эстетика права, правовые символы, супервентность, методологический редукционизм, правосознание, легитимность, интерсубъективность

Annotation. The article is devoted to the study of the ontological foundations of legal reality through the prism of aesthetics and the concept of supervenience. Methodological reductionism, which opposes the independent ontological status of legal phenomena, is disputed. It is proved that aesthetic categories (harmony, proportionality, symmetry) serve as the foundation for the formation of legal symbols and ensure their legitimacy. Legal reality is supervenient on social, cultural and aesthetic factors, that is, it is determined by them, but it is not reduced to them, having its own normative autonomy. As a methodological tool, supervenience makes it possible to explain the dualistic nature of law, which is both rooted in social reality and associated with ideal categories. It is concluded that the aesthetic approach, overcoming the subject-object opposition, provides a key to understanding the intersubjective nature of legal phenomena and confirms the independence of their ontological status.

Keywords: philosophy of law, legal ontology, aesthetics of law, legal symbols, supervenience, methodological reductionism, legal awareness, legitimacy, intersubjectivity

Для цитирования: Лихтер П.Л. Эстетика правовых символов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 352–355.

Правосознание представляет собой совокупность знаний, эмоций, взглядов относительно символов (формы) и содержания объектов правовой реальности. Каждый человек сначала определенным образом воспринимает правовые феномены и только потом вступает в частные или публичные правоотношения. Таким образом вопрос восприятия правовых символов – один из центральных вопросов фундаментальной юриспруденции.

Проблема заключается в том, что восприятие человека – весьма ненадежное основание для построения правовой реальности. Символы окружающего мира воспринимаются по-разному. Недавние споры о цвете платья (синего или бело-золотого)[1], о произнесенном звуке («Янни» или «Лорел»)[2] подтверждают актуальность вопросов восприятия феноменов действительности. Если такие «простые» квалиа, как цвета или звуки воспринимаются по-разному, то можем ли мы быть уверены в едином понимании символов права? Этот вопрос вполне можно интерпретировать как одну из вариаций т.н. трудной

[1] Brainard D., Hulbert A. Colour Vision: Understanding #TheDress // Current Biology. 2015. № 25 (13). P. 551–554.
[2] Hollister S. Yanny or Laurel leaves scientists as mystified as we are // CNET. 18.05.2018. URL: https://www.cnet.com/culture/yanny-laurel-leaves-scientists-as-mystified-as-we-are/ (дата обращения: 22.11.2024).

проблемы сознания: каким образом вообще у человека возникает феноменальный опыт восприятия окружающего мира? (или в формулировке Д. Чалмерса: «почему у нас не темно внутри?»[1]).

Поскольку трудная проблема сознания остается неразрешенной современной наукой, в качестве дополнительного ресурса исследования феноменов правовой реальности можно применить эстетический подход. Эстетическое начало пронизывает практически любые аспекты общественной жизни, аккумулируя в себе специфику их социально-исторического контекста. Чувство справедливости вырастает из эстетического чувства *гармонии*, которая, как невидимый каркас, пронизывает всё здание юридической догматики. Значимость принципа *пропорциональности* постоянно отражается в правоприменительной практике; категории *симметричности и сбалансированности* также являются важными составляющими в отраслевой догматике, особенно в гражданском и уголовном праве. Но еще важнее тот факт, что эстетические категории в определенных случаях можно рассматривать как онтологические основания возникновения правовых символов и других составляющих элементов правовой реальности. Проблематика эстетики в праве не может быть сведена к герменевтике юридических текстов. **Она обладает богатым и сложным содержанием, включающим различные смысловые и структурные модификации, и доходит вплоть до онтологических оснований правовой символики.** П. Шлаг доказывает, что «… эстетика формируют способ, которым мы мыслим право, делаем право и воображаем будущие направления права. Они формируют самую его сущность»[2].

Сформировавшаяся в XX веке на стыке герменевтики и феноменологии рецептивная эстетика (англ. *reader-response criticism*) **исследует, как реципиент взаимодействует с текстом. Ключевой тезис этой концепции – произведение (в нашем случае, смысл правового символа) объективно существует не в тексте закона, а рождается в сознании его читателя (судьи, юриста, гражданина). Этот подход может также быть использован для разрешения вопросов, связанных с онтологией правовых символов. В результате правовая реальность предстаёт как система текстов, чьё содержание определяется не только интенцией законодателя, но и интерпретацией субъектом права.**

Данный аспект приобретает особую актуальность в конституционном праве, где нормы носят прескриптивный характер. Здесь ключевое значение имеет соответствие текста конституции восприятию и правосознанию граждан. Диссонанс между ними порождает риск конституционно-правовой аномии – состояния дезинтеграции устоявшихся правовых идеалов и институциональных норм. В конституционном праве подходы рецептивной эстетики могут применяться при изучении различных вопросов, касающихся правовой реальности и правовой культуры[3].

С точки зрения всего общества интерпретация любого правового текста детерминирована совокупностью коллективных установок. Правовые институты детерминированы культурными, социальными и иными особенностями правосознания населения. Следовательно, в различных контекстах одинаковые правовые символы могут быть приняты человеком, если они эстетичны и обоснованы, либо отвергнуты из-за несовершенной формы или содержания.

Правовые символы – это, прежде всего, интеллигибельные объекты, то есть их сущность открыта для рационального познания. Их восприятие человеком и встречное воздействие на него подчиняются принципу целостности познавательного процесса. В целом, восприятие правовых феноменов определяется группами факторов: внешними (средовыми условиями) и внутренними (направленностью сознания на постижение идеальных ценностей гармонии, справедливости, соразмерности, равенства).

Влияние идеальных категорий на формирование онтологических конструкций права может быть продуктивно проанализировано через концепцию *супервентности*. Этот термин получил широкое распространение в современной аналитической философии за счёт работ Д. Чалмерса, отвергающих методологический редукционизм при установлении онтологической подлинности ментальных феноменов[4]. Согласно его хрестоматийной формулировке «Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах»[5].

Супервентность описывает специфическое отношение зависимости между сложными системами, которое не поддаётся редукции до простой логической импликации («если А, то Б»). Импликация – это широкое понятие формальной логики, а супервентность как правило применяется для анализа связи между онтологически разнородными уровнями реальности, где свойства высшего уровня (Б-факты, например, ментальные феномены) определяются свойствами низшего уровня (А-факты, например, физическими процессами в мозге).

[1] Chalmers D. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. № 2 (3). P. 200–219.
[2] Schlag P. The Aesthetics of American Law // Harvard Law Review. 2002. № 115. P. 1047–1116.
[3] Лихтер П.Л. Влияние художественной литературы на формирование конституционно-правовых институтов в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3(45). С. 60–69.
[4] См.: 8Davidson D. Mental Events // Essays on Actions and Events. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 207–227.
[5] См.: Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 55.

Эстетика сохраняет значение для юриспруденции, так как позволяет воспринимать правовые символы за счёт приближения к их «эйдетической» сущности. На определенной степени отвлечения супервентность объектов правовой реальности (Б-факты) устанавливается через соответствие формы воплощения идейным предпосылкам (А-факты) и подлежит оценке в перспективе таких эстетических категорий, как соразмерность, умеренность, гармоничность, целостность. Одновременно эстетические модификации создают ряд двойственных связок (текст-контекст, объект-структура, сущность-форма и др.), фундирующих иерархические структуры права. И если правовая реальность – это сфера бесконечного многообразия каузальных цепочек, то эстетика выступает одновременно их ограничением и фактором формирования.

Супервентность в юридической науке может выступать как методологический инструмент, позволяющий описать сложный, нередуцируемый характер генезиса правовых символов. Так, если в качестве исходного тезиса взять супервентность правовых символов на эстетических категориях, то появляются новые вопросы: будут ли отличаться правовые символы (Б-факты) при тождестве эстетических оснований (А-факты)?; останется ли неизменным содержание правовых символов (Б-факты) при отсутствии различий в восприятии их реципиентами (А-факты)? И т.п.

Ответы на подобные вопросы предполагают несколько этапов подготовки.

1) ***Преодоление методологического редукционизма.*** Традиционные доктринальные подходы зачастую пытаются свести право либо к чистой норме (нормативизм), либо к социальным фактам (институционализм), либо к экономическим отношениям (марксистские теории) и т.п. Концепция супервентности позволяет утверждать, что правовые символы и нормы (Б-факты) *детерминированы* социальными, экономическими, политическими и другими факторами (А-факты), но **не сводятся к ним.**

2) ***Интегративное объяснение нормативной силы и автономии права.*** **Онтологическая сущность права не определяется лишь государственной силой принуждения. Е**го сила коренится в соответствии норм неким идеальным категориям (справедливость, равенство, благо). Эти категории в свою очередь могут быть супервентны на особенностях национальных традиций, историческом опыте и культуре. Таким образом, право не «парит в воздухе», оно укоренено в реальности, но эта укорененность не является простой причинно-следственной связью.

3) ***Моделирование статики и динамики правовой реальности.*** Относительная независимость Б-фактов объясняет почему право может сохранять устойчивость даже в периоды социальных потрясений, выполняя роль стабилизирующего каркаса. **В то же время и**зменения А-фактов (технологический уклад, социальная структура) **рано или поздно с необходимостью** влекут трансформацию правовых феноменов. Впрочем, признак супервентности не позволяет предвидеть *конкретную форму* этих изменений, что объясняет вариативность правовых систем в сходных условиях.

4) *Легитимность правовых символов.* Легитимность правового символа (например, Конституции) можно рассматривать как свойство, супервентное на нескольких взаимосвязанных базисах: ф**актическом (э**ффективность правоприменения) и ц**енностном (**воспринимаемое соответствие права идеалам справедливости, равенства, которые сами супервентны на моральных интуициях общества. «Фиктивная конституция» – это та конституция, в которой связь между её текстом (Б-факт) и ценностным базисом (А-факты) нарушена.

Таким образом, признак супервентности дает методологический ключ к пониманию права как **дуалистичного феномена**, одновременно детерминированного социальной реальностью и обладающего автономией благодаря своей связи с идеальными категориями. Этот подход позволяет системно изучать онтологические основания права, не разрывая связь между «сущим» и «должным», и предлагает язык для описания сложной архитектоники правовой реальности.

Супервентность правовой реальности через призму эстетики **позволяет сделать вывод, что правовая реальность – это нечто большее, чем просто физические объекты. Она опровергает методологический редукционизм, который обосновывает реальность существования только материальных вещей (суд как здание, конституция как книга).** Вопрос о подлинности правовых феноменов, (в том числе таких предельно общих категорий, как правовые идеи, принципы и ценности) сложен, требует классифицировать объекты по различным критериям и предполагает другие методологические сложности. Однако еще б*о*льшие сложности влечёт отказ от признания онтологической подлинности правовых абстракций.

Правовая реальность – это сложный, многоуровневый мир, который включает в себя нормы и правила; институты; идеи и ценности; субъективные переживания (чувство правоты, страх перед наказанием, уверенность в защите). Принцип супервентности позволяет сохранить за правовой реальностью свои собственные нередуцируемые свойства и законы, основанные на физических или социальных предпосылках, но не сводимых к ним. Так картина зависит от красок, но ее эстетическая ценность, смысл и красота не сводятся к химическому составу красок. Право тоже не существует без физической реальности (документы, здания, средства связи), но его суть – нормативность, обязательность, справедливость – не является свойством бумаги или бетона.

Ключевой категорией здесь выступает эстетика, которая позволяет сделать шаг дальше и определять право не как сухую логическую систему, а как феномен, который воспринимается чувственно через символы, образы, ритуалы и переживания.

Эстетический подход, создавая символическое измерение, позволяет привести примеры правовой реальности, которые невозможно редуцировать к материи:

мантия судьи – это не просто кусок ткани, а носитель значительного символического веса: авторитета, беспристрастности, традиции и её эстетика (цвет, покрой) работает на создание этого эффекта;

здание суда – это не просто бетон и стекло, его архитектура (монументальность, высокие потолки, пространственная организация) должна создавать ощущение торжественности, значимости процесса, величия закона;

государственный герб, печать, присяга – все эти эстетические объекты и ритуалы конструируют реальность, наделяя физические действия (подпись, клятва) особым юридическим смыслом.

Таким образом, эстетический анализ права не просто украшает его изучение, а является методологическим инструментом против редукционизма, доказывая самостоятельный онтологический статус правовой реальности как мира смыслов, ценностей и символов, воплощенных в материи.

Помимо прочего, правовые феномены воспринимаются как элемент объективной реальности, так как они выступают общим объектом интенционального внимания при социальном взаимодействии. Невозможно рассматривать право как нечто, существующее само по себе, независимо от человека. При этом для построения любого измерения социальной реальности «нужно иметь что-то общее в субъективных реальностях разных людей»[1]. Это общее позволяет намечать устойчивые контуры особого типа, которые формируют юридическую действительность.

Таким образом, использование эстетического подхода в правовой онтологии не влечет оправдание субъективизма, но дает инструменты для придания правовому символу в восприятии человека форму, наиболее близкую к его эйдосу. М. Хайдеггер отмечал: «воспринять, означает заметить присутствующее и поставить его перед собой, то есть представить его»[2]. Немецкий философ отмечает нацеленность мышления не на сущее как таковое, а на сущее как наличной данности, для изучения которого надо прежде всего воспринять его присутствие[3].

Отказ от субъектно-объектной оппозиции при исследовании правовой реальности позволяет признать, что в межсубъектных связях по поводу общих универсалий рождается реальность, которая утрачивает свою субъективность. Для того, чтобы сложились правоотношения нужен не просто факт коммуникации между субъектами, но общее понимание того внешнего, по поводу чего и как они складываются. Собственно слово «коммуникация» и происходит от латинского слова «*communico*», что означает «делать общим». Интенсивность и схожесть восприятия правовых символов подтверждают самостоятельный онтологический статус объектов правовой реальности, даже если речь идет об идеальных категориях эстетики.

[1] См.: Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 284.
[2] См.: Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге : сборник. М.: Высшая школа, 1991. С. 110.
[3] См.: Матяш Т.П. Что означают слова Хайдеггера «наука не мыслит»? // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 3(43). С. 152–159.

Ломакина Любовь Александровна

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела законодательства о труде и социальном обеспечении Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Lomakina Lyubov Alexandrovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, leading researcher at the Department of Labor and Social Security Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

E-mail: lomakina_la@mail.ru

Дефиниция правовых символов и перспективы их дальнейшего применения

Definition of legal symbols and prospects of their further application

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к исследованию понятия правовых символов в юридической науке и делается вывод, что неоднозначность их понятий связана с тем, что система символов, используемых в праве весьма динамична, что не позволяет раскрыть с достаточной полнотой их сущность, и дает возможность говорить о необходимости дальнейшего исследования данной проблематики.

Ключевые слова: символ, правовой символ, герб, защищенность правовых символов, символ как правовой объект, юридическая техника

Annotation. The article examines various approaches to the study of the concept of legal symbols in legal science and concludes that the ambiguity of their concepts is due to the fact that the system of symbols used in law is very dynamic, which does not allow us to fully reveal their essence, and makes it possible to talk about the need for further research into this issue.

Keywords: symbol, legal symbol, coat of arms, protection of legal symbols, symbol as a legal object, legal technique

Для цитирования: Ломакина Л.А. Дефиниция правовых символов и перспективы // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 356–359.

Интерес к такому понятию как символ в науке возник с древних времен, но не утратил актуальность и сегодня со стороны исследователей различных наук[1]. Проблематика символов обсуждается исследователями с позиции права в качестве межотраслевого правового института достаточно активно. При этом нельзя не отметить, что дискурс относительно сущности правовых символов не находит однозначного толкования и это вызвано тем, что система правовых символов крайне динамична и требует постоянного исследования учеными-правоведами.

Однако стоит отметить, что роль символов в правовой системе России в условиях развития информационных технологий неумолимо возрастает. У исследователей нет единства в определении такого правового феномена. Предлагаемые определения «правового символа» учеными-исследователями разнообразны, имеют свои особенности.

М.Л. Давыдова, раскрывая понятие правового символа, указывала, что в широком смысле символы являются составной частью правовой культуры современного социума и его правовой системы. Символы могут иметь как законодательное закрепление в нормативных правовых актах, так и не иметь такого закрепления. Однако, тем не менее, они «воспринимаются людьми в качестве правовых, т.к. символизи-

[1]См., например: Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997; Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 71–73; *Исаев И. А*. Символизм правовой формы: историческая перспектива // Правоведение. 2002.№ 6 (245). С. 4–10; Никитин А. В. Правовые символы : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999; Шалагинов П. Д. Функции правовых символов. Автореф. дисс. …к.ю.н. Н.-Новгород, 2007; Шарно О. И. Правовые символы как средство правоприменительной техники. Дисс... к.ю.н. Саратов, 2014; Юридическая техника. Учебник. Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. М. Баранова. М. Изд. Проспект.2021.

руют в общественном правосознании определенные правовые ценности».[1] В одном из своих исследований М.Л. Давыдова, соглашаясь с определением А.И. Пигалева из учебника по культурологии[2], говорит, что символ – это знак, он отличается идеальным содержанием для его восприятия в обществе конкретными индивидами[3].

В своем исследовании О.Г. Соловьёв характеризует правовые символы, как «своеобразные специфические средства формализации юридического содержания в целях придания ему четкости, определенности, лапидарности и образности» [4].

П.Д. Шалагинов утверждает, что правовой символ «…создаваемый или санкционируемый государством - условный знак, ценностное образование, выражающий определённое юридическое содержание и охраняемый государством»[5].

Говоря о юридическом символе, О.И. Шарно характеризует его как государственно-правовой юридико-технический (прикладной) инструмент для восприятия юридического материала, соответствующий определенной форме, который применяется в определенном процессуальном порядке, признан и санкционирован государством[6].

А. В. Никитин исходит из того, что правовой символ, созданный или санкционированный государством, представляет собой условное изображение, которому законодатель придает особое политико-правовое значение, которое охраняется государством и применяется в особом процессуальном порядке[7].

Как мы видим, представленные определения являются крайне дискуссионными, имеющие определенную незавершенность, что говорит о том, что символика в праве довольно сложный и неоднозначный феномен, требующий дальнейшей разработки и исследования.

Между тем, на основании изложенного напрашивается вывод, что правовые символы имеют законодательное закрепление либо их официальное признание государством, что является их признаком[8], их общеобязательность, а также защищенность мерами государственного принуждения[9], они содержат юридическо-значимую информацию[10].

Так, Н.Н. Вопленко рассматривает правовые символы в качестве вспомогательного средства правового регулирования, приема юридической техники[11].

В. К. Бабаева верно отмечает, что символ, являясь элементом правовой государственной системы, «закрепленный законодательством условный образ (замещающий знак), используемый для выражения определенного юридического содержания»[12].

Право, как социальный регулятор, призвано обеспечивать порядок в обществе посредством законодательного закрепления правил поведения соответствующих экономическому и политическому развитию государства. Нормы права, являясь регуляторами общественных отношений, находят свое закрепление в виде письменных текстов, издаваемых законодателем в строго установленной форме. Правовые нормативные акты создаются человеком для обеспечения порядка в обществе в целях упорядочения отношений между людьми, защищая их интересы в целях недопущения социальных конфликтов[13]. Следует отметить, что чем совершеннее закон, тем больше у него возможностей обеспечить правовую защиту. При этом закон должен соответствовать политическому и экономическому развитию общества.

---

[1]См.: Юридическая техника. Учебник. Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. М. Баранова. М. Изд. Проспект.2021. С.243. (автор раздела11 Давыдова М.Л.)

[2] См.: Пигалёв А. И. Культурология. Волгоград. 1999. С. 349.

[3] См.: Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 56.

[4] Соловьёв О. Г. Юридические символы как средства конструирования составов преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. 2016. № 3 (26). С. 69.

[5] Шалагинов П. Д. Функции правовых символов. Автореф. дисс. …к.ю.н. Н.-Новгород, 2007. С. 8.

[6] См.: Шарно О. И. Правовые символы как средство правоприменительной техники. Дис. ... к.ю.н. Саратов, 2014. С. 83.

[7] См.: Никитин А. В. Правовые символы: дис. . канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 19.

[8] См.: Никитин А.В., Н.С Гончарова Н.С. Правовой символ: понятия и признаки// Вестник ВГУ. Серия: Право.2017.С.73; Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве : понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 57.Однако не все символы имеют законодательное закрепление, например, изображение Фемиды как символ правосудия, но при этом представляют собой те или иные правовые ценности.

[9] См.: Глушаков А.Ю., Спиридонова О.Е. Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. № 2. С. 200; Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С.165.

[10] См. : Давыдова М.Л., Глушаков А.Ю. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград; 2009. С. 293; Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 57; Глушаков А. Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация// Социология власти. 2009. № 2.С.201.)

[11] См.: Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 71-73.

[12] См.:Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 74.

[13] См.: Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2010. С. 5.

Нельзя не согласиться с И.А. Ильиным И. А., что «право всегда утверждает и отрицает, оно формулирует и требует – для того чтобы люди знали формулируемое требование»[1]. Этими же свойствами обладают и символы.

«Только в символической форме создаются и существуют идеальные объекты, образующие искусственный мир права. Именно эта форма придает праву объективную реальность»[2]. Следовательно, содержание правовых символов может быть отражено как в форме текста, так и в виде изображения, жеста или действия[3].

А. В. Венгеров справедливо отмечает, что «норма права – это общеобязательное веление, выраженное в виде государственно-властного предписания»[4]. Следовательно, каждая норма в правовом акте содержит юридически значимое понятие, которое обязательно должно быть исполнено, так как регламентирует те или иные общественные отношения.

По мнению Н.Н. Вопленко, символическая форма применяется как наглядная модель[5]. Рассмотрим такие правовые символы как Государственный герб Российской Федерации и Государственный флаг Российской Федерации, которые являются наглядными примерам того, как правовые символы являются олицетворением правовых объектов.

Государственный герб Российской Федерации, его текстовое изложение довольно объемно. Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации»[6] «Государственный герб Российской Федерации представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и - над ними - одной большой короной, соединенными лентой. В правой лапе орла - скипетр, в левой - держава. На груди орла, в красном щите, - серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьем черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона».

Государственный герб Российской Федерации, являясь правовым символом, находит отражение на документах в виде рисунка, что говорит о лаконичности, однозначности выражения государственной воли[7].

Рассматривая данный пример, необходимо отметить, что символы являются наиболее доступным средством регулирования общественных отношений, они передают правовую информацию от законодательных органов правоприменителям, что обеспечивает легитимность правового регулирования, его открытость и доступность. Они понятны и реализуются даже на подсознательном уровне при условии четкой взаимосвязи текста нормативного акта и правового символа его отражающего.

Государственный флаг Российской Федерации представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верхней - белого, средней - синего и нижней - красного цвета. Отношение ширины флага к его длине 2:3 (ст.1 Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» (ред. от 23.03.2024 (далее − ФКЗ о Государственном флаге РФ)[8]. Его использование определено Федеральным конституционным законом.

Юридические символы весьма разнообразны. Это можно увидеть на примере символов государственной власти в судах общей юрисдикции.

Порядок официального использования символов государственной власти в судах общей юрисдикции установлен федеральными конституционными законами от 25.12.2000 № 1-ФКЗ 2 «О Государственном флаге Российской Федерации»((ред. от 23.03.2024) , от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации», ст. 34 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[9], ст. 40 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»[10] и ст.21 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[11]. Вопросы использования государственных символов власти Российской Федерации в судах регламентированы Положением о порядке официального использования государственных символов Российской Федерации в судах общей юрисдикции, утвержденным приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26.03.2019 № 64[12] с изменениями внесенными приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ

[1] Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: «Рарогъ», 1993. С. 24.
[2] Губаева Т. В. Указ. соч. С. 8.
[3] См.: Гончарова Н.С. Символизм в праве// Вестник ВГУ.Серия.Право. С.91-97.
[4] Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2000. С.172.
[5] См.:Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 71–73.
[6] СЗ РФ. 2000. № 52 (Часть I). Ст. 5021.
[7] См.: Глушаков А. Ю. Правовой символ : понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. № 2. С. 199.
[8] СЗ РФ.2000. № 52 (Часть I). Ст. 5020.
[9] СЗ РФ. 06.01.1997. № 1. ст. 1.
[10] СЗ РФ.14.02.2011. № 7. ст. 898.
[11] СЗ. 14.02.2011. № 7. ст. 898.
[12] Бюллетень актов по судебной системе. № 6. 2019.

от 14.03.2024 № 52 «Об утверждении Положения о порядке официального использования государственных символов Российской Федерации в судах общей юрисдикции и федеральных арбитражных судах»[1].

Так, Государственный флаг Российской Федерации устанавливается на зданиях судов (ст. 3 ФКЗ о Государственном флаге РФ), в залах судебных заседаний и в рабочих кабинетах судей (ст.4 ФКЗ о Государственном флаге РФ), что дает возможность визуально воспринимать судью (судебный состав) как носителя (носителей) судебной власти - государственной власти.

Правовыми символами являются и факты провозглашения судебных постановлений (решения или приговора), влекущих определенные юридически значимые последствия, и судейская мантия, выражающая ценности, связанные с государственной властью.

А.В. Никитин отмечает, что «применение символов в праве имеет двоякое значение: во-первых, оно облегчает унификацию права, и, во-вторых, оно способствует экономии сил, упрощая и типизируя юридически значимое поведение»[2], т.е. направлены на экономию языковых и юридических средств[3] . Однако нельзя отрицать, что юридический символ достаточно сложно определить с точки зрения ясности его описания, что требует дальнейшего изучения столь многогранного правового явления.

Правовые символы являются эффективным средством правовой коммуникации в современном обществе, выражая предельно кратко мысль не в виде текста, а в виде символа, что, безусловно, требует углубленного изучения применения символики в праве.

Проанализировав существующие позиции ученых-правоведов, которые безусловно заслуживают высокой оценке, не претендуя на исчерпывающий анализ всех имеющихся работ отечественных исследователей по рассматриваемой теме, следует отметить, что правовые символы придают правовым нормам большую логическую стройность и наглядность, что позволяет говорить о более широком их использовании в общественной жизни государства. При этом следует признать, что исследование данной проблематики нельзя считать исчерпанной.

[1] Журнал «Судья» ., № 2. 2024.

[2] См.: Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники / Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С 443.

[3] Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5.С. 73.

Лукьянов Руслан Игоревич

преподаватель кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России

Lukyanov Ruslan Igorevich

Lecturer of the Department of Constitutional and International Law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: rlukyanov@internet.ru

Красота как критерий оценки символов в праве

Beauty as a criterion for evaluating symbols in law

Аннотация. Исследованию подвергается эстетическая категория «красота» в контексте ее функционального назначения для оценки символов в праве. Делается вывод о мощном философско-культурологическом потенциале рассматриваемого понятия в рамках процедуры теоретико-правового оценивания правовых символов.

Ключевые слова: красота, критерий, процедура оценки, символы в праве, эстетическая категория

Annotation. The aesthetic category "beauty" is being studied in the context of its functional purpose for evaluating symbols in law. The conclusion is made about the powerful philosophical and cultural potential of the concept under consideration in the framework of the procedure of theoretical and legal assessment of legal symbols.

Keywords: beauty, criterion, evaluation procedure, symbols in law, aesthetic category

Для цитирования: Лукьянов Р. И. Красота как критерий оценки символов в праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 360–362.

В системе современного правоведения, традиционно оперирующего категориями формальной определенности, справедливости, равенства и целесообразности, обращение к эстетическому понятию «красоты» может показаться ненаучным, выходящим за рамки догматическо-определенного подхода к проведению юридических изысканий. Однако пристальный анализ правовой материи позволяет обнаружить, что право не просто регулирует поведение людей посредством нормоустановлений, но и активно оперирует символами, выступая, по выражению П. Бурдье, особой символической формой власти[1]. Следует согласиться с мнением М.В. Демидовой о том, что символ это «идеальный смысл, вкладываемый интерпретатором в понимание чего-либо, понятие «знак» как материализованный символ, воплощённый в словах, жестах, вещах. В любом случае символ всегда информативен»[2].

Атрибуты государства, печати органов публичной власти, судейские мантии, архитектура зданий официальных публично-представительских организаций – все эти феномены несут в себе мощный символический заряд, призванный вызывать определенные чувства, ассоциации и установки. В связи с этим закономерно возникает вопрос о критериях, которым должен соответствовать правовой символ для эффективного выполнения своей функции. В данном контексте категория красоты, понимаемая не в узко-эстетическом, но в широком философско-культурологическом ключе, претендует на роль одного из таких критериев, требующего серьезного теоретико-правового осмысления.

Правовая система, будучи продуктом культуры, неизбежно впитывает в себя ее базовые коды и архетипы. Символы, используемые в праве, являются концентрированным выражением культурных ценностей, исторического опыта и коллективных представлений о социальном идеале. Они служат инструментом коммуникации между государством и индивидом, переводя сложные правовые и политические концепции на язык визуальных и аудиальных образов. Эффективность этой коммуникации напрямую зависит от способности символа быть не только понятным и узнаваемым, но и вызывать эмоциональный отклик, чувство причастности, уважения или, в случае негативных символов (например, знаков запрета), осознания недопустимости определенного поведения. Именно здесь эстетическое измерение символа

[1] *Бурдье П. О* символической власти // Бурдье П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007. С. 87—96.

[2] *Демидова Марина Владимировна* Символическая власть и правящая элита: социально-философский анализ // Инновации в науке. 2012. №14-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskaya-vlast-i-pravyaschaya-elita-sotsialno-filosofskiy-analiz (дата обращения: 18.09.2025).

вступает в неразрывную связь с его функционально-правовым назначением. Красота в данном ракурсе перестает быть произвольной категорией личного вкуса и становится социальным феноменом, связанным с восприятием легитимности, авторитета и сакральности права.

Историко-правовой анализ предоставляет множество примеров того, как эстетическое начало было неотъемлемой частью правового бытия. Римское право, эталон юридической техники, существовало в контексте имперской эстетики, где величие Закона подчеркивалось монументальностью архитектуры форумов и базилик, ритуализированной театральностью судебного процесса, строгой элегантностью тоги. В средневековый период право было глубоко сакрализовано, а его символы – от миниатюр в правовых кодексах до готических соборов, в которых заседали суды, – были призваны выражать трансцендентную природу Божественного закона и внушать благоговейный трепет. Эпоха Просвещения и последовавшие за ней буржуазные революции, секуляризируя право, не отказались от его символического оформления, но наполнили его новым, рациональным и гражданским содержанием. Лаконичность и геометрическая строгость классицизма в архитектуре общественных зданий, ясность и симметрия государственной геральдики отражали идеи порядка, разума и общественного договора. Таким образом, на каждом витке исторического развития эстетическая форма правовых символов находилась в диалектической связи с господствующим типом правопонимания.

В современном государстве ключевым аспектом является легитимность власти, и символы играют в ее конструировании и поддержании значимую роль. Легитимность, понимаемая не только как формальное соответствие позитивному праву, но и как признание власти со стороны общества, имеет иррациональную, эмоциональную составляющую. Эстетически выверенный, гармоничный и, в широком смысле, красивый государственный символ (флаг, герб) способствует формированию позитивной идентификации гражданина с государством, укрепляет чувство гражданской солидарности и патриотизма. Рассуждая о роли государственных символом в процессе формирования личности, Е.В. Кобозева, отмечает «Изучение символов Родины содействует самоопределению личности, созданию условий для ее реализации; формированию гражданина, интегрированного в современное общество и нацеленного на его совершенствование, его ориентации на развитие гражданского общества и утверждение правового государства, воспитание гражданственности и любви к Родине; формированию основ мировоззренческой, нравственной, правовой культуры»[1]. Следовательно, красота здесь выступает не как самодостаточная ценность, а как инструментальный фактор, усиливающий эффективность права через укрепление его символического капитала.

Особую сферу представляет собой судебная система, где эстетика традиционно играет роль одного из механизмов поддержания авторитета Фемиды. Театральность судебного процесса, строго регламентированная процедура, особая лексика, а также визуальные атрибуты – мантия, молоток, архитектура зала суда – все это элементы, призванные подчеркнуть дистанцию между повседневностью и особым правовым пространством, где вершатся судьбы. Мантия судьи, например, выполняет функцию не только униформы, но и эстетического фильтра, нивелируя индивидуальные особенности и визуально трансформируя конкретного человека в персонификацию Закона. Ее строгость и торжественность призваны вызывать не страх, но уважение к процедуре, ощущение серьезности и беспристрастности происходящего. Эстетическая бедность или нелепость судебного ритуала (что иногда наблюдается в некоторых юрисдикциях при попытках неуклюжего реформирования) способна нанести урон не конкретному судье, но имиджу правосудия в целом.

Однако введение категории красоты в правовой дискурс сопряжено с рядом фундаментальных методологических трудностей. Главная из них – проблема объективности данного критерия. Классическая формула «о вкусах не спорят» указывает на принципиальную несоизмеримость и субъективность эстетических оценок. Действительно, представления о прекрасном исторически и культурно обусловлены, изменчивы и вариативны. То, что представляется возвышенным и гармоничным одной социальной группе или поколению, может казаться безвкусным или архаичным другой. В этом заключается ключевое отличие красоты от таких классических правовых критериев, как юридическая определенность или пропорциональность, которые стремятся к максимальной рационализации и верификации. Следовательно, правоведение не может заимствовать понятие красоты из философии искусства в его наивно-реалистической трактовке как некоего универсального свойства объектов.

Разрешение этого противоречия видится в отказе от поиска абсолютной, метафизической красоты и переходе к ее функциональному и коммуникативному пониманию применительно к праву. Критерий эстетической оценки правового символа должен быть не субъективно-вкусовым, а культурно-семантическим. Речь идет не о том, «нравится» ли символ тому или иному чиновнику или дизайнеру, а о том, насколько успешно он выполняет свою символическую функцию в конкретном культурно-историческом контексте. Эта успешность зависит от ряда факторов, которые могут быть подвергнуты рациональному анализу. Во-первых, это фактор *узнаваемости и различимости*. Символ должен быть

[1] *Кобозева Е. В.* Государственная символика как средство патриотического воспитания школьников // Вестник НовГУ. 2008. №45. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-simvolika-kak-sredstvo-patrioticheskogo-vospitaniya-shkolnikov (дата обращения: 05.10.2025).

ясным, не перегруженным деталями, хорошо читаемым как с большого расстояния, так и в уменьшенном виде. Во-вторых, это *семантическая адекватность*: визуальные элементы символа должны соответствовать передаваемому значению (например, весы – правосудие, щит – защита). В-третьих, это *контекстуальная гармония*: соответствие символа культурным кодам и историческим традициям общества, в котором он функционирует. В этом смысле «красивым» можно признать символ, который является аутентичным, уместным и эффективным в своей коммуникативной роли.

С данной точки зрения, процесс создания и легитимации официальных символов (например, через геральдические советы или конкурсные процедуры) не должен быть исключительно административным актом. В идеале он должен включать в себя экспертизу не только юристов и историков, но и специалистов в области семиотики, дизайна и культурологии, способных оценить предлагаемые решения с точки зрения их будущей символической эффективности и культурного резонанса. Это позволило бы избегать ситуаций, когда новый герб муниципального образования или даже государства становится объектом публичной критики и насмешек из-за своей эстетической и семиотической неуклюжести, что в конечном итоге вредит его восприятию как репрезентанта власти.

Еще один аспект проблемы – это соотношение красоты и других правовых ценностей, в частности, демократической инклюзивности и плюрализма. Жесткая фиксация канона «официально прекрасного» может привести к эстетическому этатизму и маргинализации альтернативных или оппозиционных символов, которые могут быть носителями иного, но не менее эстетического и смыслового заряда. Право в демократическом обществе должно находить баланс между необходимостью поддерживать единый символический каркас государственности и толерантностью к многообразию культурных и эстетических выражений в гражданском обществе. Это вопрос тонкой настройки, где запрет должен касаться лишь откровенно враждебных и деструктивных символов (пропагандирующих расовую ненависть, насилие и т.д.), а не просто эстетически чуждых или критических по отношению к официальному дискурсу.

Более того, эстетический критерий может и должен применяться не только к визуальным, но и к вербальным символам права. Юридический язык, будучи профессиональным языком особого рода, также обладает своим эстетическим измерением. Его безупречная точность, логическая выстроенность, терминологическая ясность и стилистическая нейтральность могут рассматриваться как проявление особой, «строгой красоты», родственной красоте математического доказательства. Напротив, правовая неопределенность, внутренние противоречия норм, тяжеловесный и запутанный бюрократический язык являются не только юридическими дефектами, но и эстетическими изъянами, разрушающими гармонию и ясность правовой системы, что в конечном итоге снижает ее эффективность и общественное доверие к ней.

В заключение следует отметить, что тема красоты как правового критерия открывает перед юридической наукой новое, малопроработанное поле междисциплинарных исследований. Она позволяет выйти за узкие рамки нормативизма и рассмотреть право как живой, культурно укорененный феномен, чья эффективность зависит в том числе от его способности говорить на языке символов, понятных социуму.

Символическая функция права является его неотъемлемой и важнейшей составляющей, а значит, инструментарий для ее изучения и оценки должен быть адекватным и включать в себя, наряду с традиционными, культурологические и семиотические подходы. Таким образом, красота, понятая как синоним гармонии, уместности, смысловой и формальной цельности, может и должна занять свое место в системе критериев оценки права наряду с его формально-догматическими качествами.

Лясович Татьяна Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России

Liasovich Tatiana Georgievna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, doctoral student of the Scientific Research Department, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vyaznikova@mail.ru

Государственные символы переходной эпохи (на примере России 1917 года)

State symbols of the transitional era (for example, Russia in 1917)

Аннотация. В настоящей статье исследуются особенности трансформации государственной символики России в 1917 году периода перехода от монархии к советской республике (РСФСР). Автор делает вывод, что государственная символика переходного периода носит иррациональный характер, который обусловлен комплексом политических, социальных, культурных и психологических факторов. Создание эффективной и легитимной символики требует широкого общественного диалога, учета исторических и культурных традиций, соответствия символики реальным политическим и социальным реалиям, а иногда и концентрации государственной воли.

Ключевые слова: государственно-правовые символы, переходная государственно-правовая система, переходный период, государственный герб, государственный флаг, государственный гимн, двоевластие, Временное правительство, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года, Октябрьская социалистическая революция 1917 года, падение монархии, Российская республика, РСФСР.

Annotation. This article explores the features of the transformation of Russia's state symbols in 1917, during the period of transition from a monarchy to a Soviet republic (the Russian Soviet Federative Socialist Republic). The author concludes that the state symbols of the transition period have an irrational nature, which is influenced by a complex of political, social, cultural, and psychological factors. The creation of effective and legitimate symbols requires a broad public dialogue, consideration of historical and cultural traditions, alignment of symbols with real political and social realities, and sometimes the concentration of state will.

Keywords: state and legal symbols, transitional state and legal system, transitional period, state coat of arms, state flag, state anthem, dual power, Provisional Government, Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, February Bourgeois-Democratic Revolution of 1917, October Socialist Revolution of 1917, fall of the monarchy, Russian Republic, RSFSR

Для цитирования: Лясович Т.Г. Государственные символы переходной эпохи (на примере России 1917 года) // Юридическая техника. – 2026. - № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24 – 27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 363–368.

Государственная символика во все времена являлась важным атрибутом государства, показателем его статуса и самобытности, средством самоидентификации. По определению А.В. Яковлева и Ю.В. Пую, «государственная символика всегда выступала обобщенной формой утверждения взаимного признания и ответственности власти и каждого члена общества, реализующей всеобщие витальные ценности, культурно и исторически обусловленные формы социальной организации как государственного целого»[1].

[1] Яковлев А.В., Пую Ю.В. Государственная символика России как средство гражданского воспроизводства исторической традиции, культурных ценностей и культурной идентификации // Общество: философия, история, культура. - 2024. - № 12. - С. 133.

Государственные символы несут определенный идеологический смысл, отражая сложившуюся систему ценностей в обществе, а также демонстрируя особенности исторического развития конкретного государства, его культуру, традиции и потенциал. Отличительной чертой государственной символики является ее рациональность, которая, с одной стороны, обуславливает ясность любой интерпретации символического «посыла», а с другой, - позволяет обеспечить позитивную идентификацию гражданина со всем комплексом символических смыслов исторически сложившейся государственной традиции»[1].

Как известно, основными государственными символами, являются государственный флаг, государственный герб, государственный гимн. Государственная символика, как правило, официально закреплена в законодательстве и охраняется государством. Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ в августе 2023 года, государственные герб, гимн и флаг являются символами государственной идентичности России в представлениях большинства населения нашей страны[2].

В качестве факультативных (неофициальных) символов могут использоваться широко известные обозначения государства, изображения животных, памятников архитектуры, зданий и сооружений, известных исторических деятелей и т.д. Так, наиболее известными ассоциациями, которые стали неофициальными символами России, являются медведь, береза и матрешка. Среди других символов, закрепившихся в массовом сознании, респонденты назвали исторические памятники (44 процента опрошенных), и конкретные архитектурные памятники: Кремль, Красная площадь, Медный всадник, Эрмитаж (27 процентов)[3].

В условиях функционирования традиционной государственно-правовой системы, отличающейся стабильностью, упорядоченностью системных связей и предсказуемостью сценария развития, государственная символика воспринимается «как живой символ единства общества, способный адаптироваться к объективно меняющимся условиям»[4].

В ситуации системного кризиса и формирования переходной государственно-правовой системы[5] системно-структурные связи, как правило, нарушаются, государственно-правовое и общественное развитие идет вне «сценария», оно, как правило, происходит стихийно, внепланово, под воздействием различных факторов, в том числе и субъективного характера. Духовная разобщенность населения, культурная и правовая аномия, свойственная переходным периодам, влекут за собой утрату чувства самоидентификации населения. Гордость за страну, патриотизм становятся относительными категориями. При переходе от одной формы правления к другой (который является одним из критериев отнесения государственно-правовой системы к переходной), зачастую сопровождаемом революционными потрясениями или преобразованиями революционного характера (по своей силе и содержанию), в условиях кризиса национальной идеи патриотизм становится пластичной категорией. Так, может иметь место как его проявление в крайней форме – в виде революционного фанатизма, сопровождающегося утратой чувства самосохранения и опасности и желанием любой ценой отдать жизнь за революционные идеалы. С другой стороны, для переходных периодов в равной степени свойственны аномия, нигилизм или демонстративное равнодушие населения к происходящему по принципу «моя хата с краю». В такой обстановке государственные символы обретают особую роль. Они призваны пробудить у населения чувство национальной гордости за свою страну, способствовать объединению масс и выработке единой национальной идеи, которая бы стала вектором общественного развития, и вывела бы страну из кризиса, т.е. способствовала бы стабилизации государственно-правовой системы и возвращению ее в традиционное состояние.

В переходные периоды государственные символы отражают смену политических режимов, идеологий и ценностей; становятся инструментом для утверждения новой власти, визуализируя ее и обозначая преемственность либо, наоборот, – подчеркивая полный разрыв с прошлым. Во всех случаях государ-

[1] Яковлев А.В., Пую Ю.В. Государственная символика России как средство гражданского воспроизводства исторической традиции, культурных ценностей и культурной идентификации // Общество: философия, история, культура. - 2024. - № 12. - С. 133 – 134.

[2] Розенберг Н.В., Карпова М.К. Символы государственной идентичности в представлениях российской студенческой молодежи // Наука. Общество. Государство. - 2024. - Т. 12. - № 2. - С. 123.

[3] Четверикова А. Опрос: что россияне считают символами и знают об истории // Российская газета. 2021. № 91 // www. rg.ru (дата обращения: 27.09.2025).

[4] Розенберг Н.В., Карпова М.К. Государственные символы в восприятии российских и иностранных студентов: сравнительный анализ // Наука. Общество, Государство. - 2025. - № 1 (49). - С. 114.

[5] Лясович Т.Г. Переходные государственно-правовые системы: на примере опыта Российской буржуазной республики (февраль – октябрь 1917) // Государственная служба и кадры. - 2023. - № 4. - С. 40 – 47; Лясович Т.Г. Понятие и признаки переходной государственно-правовой системы в отечественной теоретико-правовой науке // В сборнике: Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития. Материалы XXI международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Санкт-Петербург, 2024. - С. 135–138; Лясович Т.Г. Переходная государственно-правовая система: понятие и признаки // В сборнике: право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2024. - С. 133–140.

ственные символы становятся символами надежды, единства народа и его стремления бороться за лучшую жизнь в будущем.

Приведем пример государственной символики России в 1917 году, эпохе двух революций - Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической, которые буквально перевернули жизнь Российского государства и общества, изменив вектор развития государственности - сначала с монархического на буржуазно-демократический, а затем и на советский социалистический.

В этом контексте 1917 год рассматривается как один большой переходный период, состоящий их двух малых периодов (под периодов): 1) 23 февраля (8 марта) 1917 года – 25–26 октября (7 – 8 ноября) 1917 года – исторический отрезок времени между Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями, связанный с формированием переходной государственно-правовой системы Российской республики; 2) 25–26 октября (7 – 8 ноября) 1917 года - 30 декабря 1922 года – рассматривается как исторический отрезок времени, связанный со становлением переходной государственно-правовой системы Российской советской федеративной социалистической республики, история которой завершается образованием общесоюзного государства - СССР и вхождением ее в состав СССР на правах союзной республики.

Государственная символика Российской республики (февраль – октябрь 1917 года)

В период с февраля по октябрь 1917 года, после Февральской буржуазно-демократической революции и вплоть до Октябрьской социалистической революции, Россия находилась в состоянии политической и социальной турбулентности. Осознавая важность решения вопроса о государственных символах, Временное правительство, пришедшее к власти на волне революционных событий, предприняло ряд шагов по определению государственной символики республиканской России, однако, решение этих вопросов было в достаточной степени противоречивым, поскольку правительство пыталось балансировать между интересами оппозиционных политических и общественных сил и вынуждено было искать компромисс. Исходя из этого, государственная символика Российской республики впитала себя элементы ушедшей имперской эпохи, элементы текущей (на тот момент) переходной и содержала недвусмысленные намеки на республиканское будущее Российского государства.

В качестве государственного флага Российской республики как «способа обозначения политической идентичности»[1] Временное правительство определило бело-сине-красный триколор, который использовался Российской империей и, как известно, символизировал державность (красный цвет), покровительство Богоматери (синий цвет) и свободу (белый цвет). Существовали и другие трактовки: триединство цветов государственного флага России отождествлялось с объединением трех народов: белый – с Белой Русью, синий - с Малороссией, красный - с Великороссией. После Февральской революции 1917 года имперский триколор был оставлен в рядах российских государственных символов исключительно по прагматическим соображениям: во-первых, Юридическое совещание 25 апреля 1917 года при Временном правительстве приняло решение, что флаг триколор является нейтральным и не содержит династических символов; во-вторых, во времена империи флаг активно использовался на торговых судах, что закрепило за ним славу символа мирной торговли и торгового сотрудничества с Россией[2], в-третьих, Временное правительство решило стабилизировать ситуацию и не менять флаг во избежание дополнительного общественного резонанса.

В то же время обратимся к флаговой символике Великой Французской буржуазной революции 1789 года, которую часто сравнивают с Февральской буржуазно-демократической революцией в России в 1917 году, и отметим, что революционные цветовые символы, несмотря на внешнюю схожесть, отличались коренным образом. Белый цвет в революционной Франции означал королевскую власть и самодержавное монархическое начало, а красный и синий были негласными цветами восставшего Парижа, а точнее, цвета кокард повстанцев (синих и красных). Сочетание цветов (триколор) во во французской трактовке означал союз королевской власти и революционного народа, установление республики. Представляется, что выбор флага Французской революции русскими «февралистами» не был случайным. Вопрос об отмене государственного флага или разработке нового (равно как решение вопроса о форме государства) не мог быть разрешен самостоятельно Временным правительством без созыва Всероссийского Учредительного собрания. Следовательно, теоретически в Россию по решению Учредительного собрания могла бы вернуться монархия с конституционным монархом во главе, а также могла бы быть установлена и буржуазно-демократическая республика на манер французской. В связи с этим, затягивание решения вопроса о государственном флаге и принятие за временную основу старый, проверенный вариант представлялось целесообразным в условиях углубляющегося политического кризиса.

Интересно решение вопроса о государственном гербе Российской республики, в качестве которого был использован двуглавый орел без символов монархии: короны, скипетра и державы. Известно, что новый рисунок герба был разработан знаменитым художником Иваном Билибиным и представлял собой

[1] Ерохина Ю.В., Соболева А.К. Семиотико-правовой анализ визуальной репрезентации государственных флагов в России // Труды Института государства и права РАН. - 2019. - № 6. - С. 30.

[2] Загоруйко М.В. Флаг, как индикатор политики государства - история флага России // Власть истории – История власти. - 2024. - № 52. - С. 154.

«разоруженного» двухглавого орла, беспомощно растопырившего крылья и лапы и смотрящего в стороны. Новая вариация герба Российской республики была утверждена 21 марта 1917 года. Из используемой символики следовало, что Российская республика претендует на могущество и власть и не отказывается от исторической преемственности, в том числе и имперского наследия. Не чуждым ей было и имперское стремление на Восток и на Запад (обращенные в разные стороны головы орла). В то же время царский орел был лишен монархических регалий и изображался с опущенными крыльями. Возможно, художник, делая эскиз, стремился подчеркнуть этим демократические устремления нового правительства, отказ от агрессивной имперской политики и его способность к компромиссу.

В качестве временного государственного гимна Российской республики 6 марта 1917 года была утверждена «Рабочая Марсельеза» в русской трактовке П. Л. Лаврова[1] (1875), которая справедливо считалась общепризнанным символом революционного движения и звучала во время революций 1905 – 1907 и 1917 годов[2]. Как уже отмечалось, русских революционеров всех поколений вдохновлял пример Великой Французской буржуазной революции, поэтому ее идеи, ценности и символы были перенесены на русскую почву. Выбор Марсельезы был обусловлен ее популярностью в народе. Мелодия была несколько изменена композитором А.К. Глазуновым.

«Конкурентом» Марсельезы стал «Интернационал», провозглашенный 4 апреля 1917 года государственным гимном Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Это решение не встретило поддержки правительства, заявившем о том, что решение о гимне должно принять Учредительное собрание. Сосуществование двух гимнов – официального и неофициального стало яркой чертой рассматриваемого переходного периода, особенно, периода двоевластия и указывало на иррациональный характер государственной символики, обусловленный противоречиями революционной идеологии, конфликтом интересов различных социальных групп, идеологической разнородности российского общества. В то же время принятие официального гимна Российской республики стало своеобразным идейно-политическим компромиссом между Временным правительством (государственная власть) и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов (оппозиция). По мнению Е.С. Герман, гимн играл консолидирующую роль в постреволюционном обществе, способствовал восстановлению исторической преемственности поколений[3]. Символический переход роли гимна страны к «Интернационалу» произошел 23 января 1918 года на открытии III съезда Советов в Таврическом дворце[4] и окончательно подчеркнул единство советской идеологии в РСФСР.

Помимо официальной символики Российской республики существовала также и неофициальная символика, отражавшая революционные настроения и надежды российского общества на положительные перемены. К примеру, самым распространенным неофициальным символом рассматриваемого переходного периода стал красный флаг, олицетворявший революцию, борьбу за свободу и справедливость, несогласие с властями, который часто использовался наряду с государственным триколором. Другими неофициальными символами стал образ Учредительного собрания как всероссийского парламента переходного типа (символ демократии и перемен)[5], созыва которого ждали все слои населения России, поскольку именно оно уполномочивалось решить все важнейшие вопросы государственного устройства; белый флаг с эмблемой Учредительного собрания (символ мирного урегулирования политического конфликта), а также эмблема «Февральская революция», представляющая скрещенные мечи или булавы (готовность к битве, решимость).

Таким образом, заключим, что символика Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года и Российской республики не была унифицирована. В качестве символов использовались и монархические символы, адаптированные к революционным реалиям времени, и революционные символы, сочетавшие буржуазные и пролетарские элементы.

Переходный республиканский период февраля – октября 1917 года применительно к государственной символике стал временем великого компромисса: сама идея революционной борьбы за светлое будущее и успех ее реализации в февральских событиях вдохновлял и позволял различным общественным объединениям, организациям и партиям отстаивать свои интересы, используя различную неофициальную символику, толерантно принимая и то, что единая временная государственная символика уже была установлена.

Государственная символика Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (октябрь 1917 года – декабрь 1922 года)

[1] Впервые текста «Рабочей Марсельезы» был опубликован в газете «Вперед» 1 июля 1875 года под наименованием «Новая песня».

[2] Фахретдинов Р.И. «Русская Марсельеза»: жестокий романс Петра Лаврова // Антропологический форум. - 2018. - № 36. - С. 118.

[3] Герман Е.С. Государственный гимн как отражение идеологии государства // Образование и право. - 2023. - № 1. - С. 47.

[4] Фахретдинов Р.И. «Русская Марсельеза»: жестокий романс Петра Лаврова // Антропологический форум. - 2018. - № 36. - С. 126.

[5] Парламентаризм: история, теория, технология: коллективная монография / под ред. Р.А. Ромашова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. – 202 с.

После победы Октябрьской социалистической революции 25 – 26 октября (7 - 8 ноября) 1917 года государственным символом Советской республики стал красный флаг без каких-либо дополнительных символов. Однако уже 8 апреля 1918 года на собрании фракции большевиков ВЦИКа по предложению Якова Свердлова был утвержден национальный флаг РСФСР – прямоугольное полотнище красного цвета с золотой надписью «РСФСР» в верхнем левом углу. Красный цвет олицетворял единство и борьбу международного пролетариата, являлся «символом великих побед свободного народа, строящего коммунизм»[1]. При этом старый «триколор» стал ассоциироваться с насилием и угнетением народа «буржуями-империалистами».

В 1917 году у Советской России не было официального герба. Государственный герб РСФСР был утвержден только в июле 1918 года. Он представлял собой изображение золотых серпа и молота, расположенных крест-накрест рукоятками вниз на красном фоне в лучах солнца и в обрамлении венца из колосьев. В верхней части герба помещалась надпись «РСФСР», а на красной ленте, перевивавшей колосья, – девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Официального государственного гимна тоже не было. В качестве гимна использовался «Интернационал» – гимн международного социалистического движения.

В качестве неофициальных символов использовались пятиконечная красная звезда как символ единства трудящихся всего мира; красная гвоздика, буревестник, фигуры молотобойца и солдата-красноармейца[2]; революционные лозунги («Вся власть Советам!», «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим!»), а также агитационные плакаты, призывавшие к построению советского общества как важная часть визуальной культуры исследуемого исторического периода. Отметим, что новые символы не были связаны с историческими традициями Российского государства. Отказ от исторической символики был рациональным шагом, с точки зрения большевиков, стремящихся к полному разрыву с историческим прошлым, и иррациональным с точки зрения преемственности и национальной идентичности.

Завершая сказанное, заключим, что победа Октябрьской социалистической революции в 1917 году стала важной вехой в разработке и утверждении новой государственной символики Советской России. В это время наблюдался отход от ранее установленных законодательством государственных символов, ставших олицетворением буржуазного режима. После событий Октября 1917 года произошел окончательный переход от «имперской культуры креста к советской культуре красной звезды»[3], что не могло не найти отражения и в общественном сознании, и в новой – постреволюционной правовой реальности. Так неофициальная символика Февральской революции (в частности, красный флаг) стала государственным символом Советской России, вытеснив законодательно установленные государственные символы Российской буржуазной республики.

Изменения в государственном строе России в 1917 году носили драматический характер и были сопряжены «с резкой сменой политического, социального и культурного пейзажа; в то же время кардинальная смена идеологии повлекла за собой смену символического значения государственных символов, отражающих политическую идентификацию государства»[4], что в целом является характерным для большинства переходных эпох.

На этапе перехода от одной формы правления к другой возможно и одновременное использование символики «старого и нового периодов», а также ее частичное или полное временное отсутствие, что позволяет сделать вывод об иррациональности государственной символики переходного периода, преодолеть которую стало возможным, в том числе, вследствие применения целенаправленной государственной воли.

Проблема иррациональности государственной символики переходного периода сопряжена с разрывом с историческим прошлым и поиском новой идентичности; несоответствием между символикой и жизненными реалиями; идеологической борьбой и манипуляциями. Так, государственная символика в условиях традиционной государственно-правовой системы связана с историческим прошлым государства. В переходные периоды, особенно в эпоху революционных потрясений и краха политических режимов, новая власть стремится к разрыву с прежней символикой, рассматривая ее как олицетворение несправедливости или идеологической несовместимости. Именно тогда возникает вопрос о легитимности новой символики и ее связи с историческими или культурными традициями.

Государственная символика в условиях традиционной государственно-правовой системы отражает политические и социальные реалии, а также сформировавшиеся общественные идеалы. В переходные периоды часто имеет место конфликт между различными социальными группами, каждая из которых

[1]Ерохина Ю.В., Соболева А.К. Семиотико-правовой анализ визуальной репрезентации государственных флагов в России // Труды Института государства и права РАН. - 2019. - № 6. - С. 40.

[2] Тен Ю.П. Национальные и государственные символы России // Народное образование. - 2010. - № 4. - С. 276.

[3] Из доклада доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Р.А. Ромашова на Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24 – 27 сентября 2025 года).

[4]Ерохина Ю.В., Соболева А.К. Семиотико-правовой анализ визуальной репрезентации государственных флагов в России // Труды Института государства и права РАН. - 2019. - № 6. - С. 34.

имеет собственное представление о том, какой должна быть новая идентичность и символика. Поэтому в переходные эпохи формирование идентичности затруднено вследствие нестабильности политической ситуации и недостатка общественного консенсуса. В результате, новая символика может восприниматься частью общества как навязанная сверху, не отражающая их ценности и идеалы (например, красный флаг, который был провозглашен в качестве государственного символа после Октябрьской революции 1917 года.

Несоответствие между символикой и реалиями связано и с идеализацией будущего, к которому стремится политическая элита, пришедшая к власти. Однако политико-правовая реальность переходной эпохи, как правило, далека от этих идеалов, что может привести к отторжению символов, восприятию их как «навязанных сверху» и чуждых населению.

В переходные периоды государственная символика часто становится объектом идеологической борьбы между различными политическими силами, каждая из которых стремится использовать символику для продвижения своих интересов и укрепления власти. Кроме того, политическая элита с целью отвлечения населения от реальных проблем может использовать государственную символику для манипуляций общественным сознанием и создания ложного чувства единства и патриотизма. Таким образом, иррациональность государственной символики переходной эпохи обусловлена сложным комплексом политических, социальных, культурных и психологических факторов. Создание эффективной и легитимной символики требует широкого общественного диалога, учета исторических и культурных традиций, соответствия символики реальным политическим и социальным реалиям, а иногда и концентрации государственной воли.

В заключении приведем пример более близкого к современности переходного этапа в истории Российского государства, когда в течение семи лет (с 1993 года по 2000 год) страна жила без обязательного конституционного утверждения главных символов – герба, флага и гимна. Бесконечные дискуссии в Государственной думе парализовали процесс и фактически завели его в многолетний тупик. И лишь по инициативе президента России В.В. Путина в 2000 году этот кризис удалось преодолеть. Так государственная символика России получила конституционное оформление в виде конституционных законов, подписанных президентом[1].

[1] Артемова П.В. Государственные символы России – продолжение истории // Власть. 2018. № 5. С. 146.

Мазуров Игорь Игоревич

кандидат юридических наук, и.о. заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета

Mazurov Igor Igorevich

PhD in law, Acting Head of the Department of Public Law Disciplines, Smolensk State University

E-mail: igor_mazurov@tut.by

Символическое измерение правопритязаний: роль символического в правовой жизни человека и социальных групп

The symbolic dimension of legal claims: the role of the symbolic in the legal life of a person and social groups

Аннотация. Статья посвящена выявлению закономерностей взаимосвязи символического и правопритязаний. Отмечается целесообразность разграничения категорий «знак» и «символ» для более детального осмысления социального взаимодействия, базирующегося на праве. Основное внимание уделяется роли символического в структуре и реализации правопритязаний. Раскрывается специфика символического в условиях исторической динамики, классового общества и борьбы за права.

Символы и символическое в контексте притязаний могут быть инструментом трансляции смыслов и гегемонии, предметом манипуляции и защиты. В структуре правопритязания символ выполняет идентификационную (отражение и конституирование идентификационной модели), интеграционную (сплочение социальной группы – притязающего субъекта) и легитимирующую (обеспечение признанности притязаний) функции.

Предлагается классификация правопритязаний по степени их символизации.

В основе исследования лежит диалектико-материалистический подход, принцип историзма, логический и системный методы.

Ключевые слова: символ, символическое, притязание, правопритязание, идентификация, идентификационная модель, интеграция, признание

Annotation. The article is devoted to the identification of patterns in the relationship between symbolic and legal claims. It is noted that it is advisable to distinguish between the categories "sign" and "symbol" for a more detailed understanding of social interaction based on law. The main focus is on the role of the symbolic in the structure and implementation of legal claims. The article reveals the specifics of the symbolic in the context of historical dynamics, class society and the struggle for rights.

Symbols and the symbolic in the context of claims can be a tool for translating meanings and hegemony, an object of manipulation and protection. In the structure of legal claims, the symbol performs identification (reflection and constitution of the identification model), integration (consolidation of a social group – the claiming subject) and legitimizing (ensuring recognition of claims) functions.

The classification of claims according to the degree of their symbolization is proposed.

The research is based on the dialectical-materialistic approach, the principle of historicism, logical and systematic methods.

Keywords: symbol, symbolic, claim, legal claim, identification, identification model, integration, recognition

Для цитирования: Мазуров И.И. Символическое измерение правопритязаний: роль символического в правовой жизни человека и социальных групп // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 369–372.

В юридической науке встречается позиция отождествления знака и символа[1]. Она имеет право на существование. Однако для более глубокого осмысления генезиса права (социальный аспект), его дви-

[1] См., например, Глушаков А.Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. № 2. С. 199; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 163.

жения и реализации целесообразно, полагаем, разграничить категории «знак» и «символ». Особенно это важно при исследовании взаимодействия людей и социальных групп, всегда подчиняющихся определенным регулятивным системам, которые, с одной стороны, обладают знаково-символическим оформлением, и, с другой стороны, обусловливают знаково-символический элемент как обязательный для юридически признаваемой деятельности участников общественных отношений. Показательно, что при определенных условиях используются не любые, а знаки особого рода – символы.

Символ приковывает внимание человека, занимает его мысли, вызывает эмоциональные переживания, что далеко не всегда характерно для знака. Действительно, соприкосновение с особой образно-знаковой системой – символом – порождает в психике человека (разумеется, на основании определенного социально-культурного опыта) интеллектуально-эмоциональный отклик. Это, пожалуй, первое, что отличает символ от знака. Оно указывает на специфику функционирования символа. Вместе с тем отличия только этим не исчерпываются. Мы солидарны с мыслью С.С. Аверинцева, что символ – «это образ, взятый в аспекте своей знаковости, и знак, наделенный неисчерпаемой многозначностью образа. Всякий символ есть образ, в котором всегда присутствует определенный *смысл*, слитый с образом, но несводимый к нему»[1]. Таким образом, в настоящей работе мы исходим из традиционного для нашей отечественной социогуманитарной науки понимания символа, символического, символизации.

В правоотношениях и правовой жизни в целом представлено множество символов. Они значимы для правоприменительной практики, реализации права, правоотношений и, более того, являются самостоятельным объектом правовой защиты и предметом юридической регламентации. Наиболее известные из них – государственные символы, юридизированные соответствующим образом (например, государственный герб, флаг и гимн, закрепленные в законодательстве России в качестве государственных символов). Это классический пример символов, обладающих собственным юридическим статусом и значением. Некоторые авторы и вовсе полагают, что они обладают собственным правовым содержанием[2]. Вместе с тем все богатство мира символов, используемых в правовой жизни, не исчерпывается только государственными символами. Символы и символическое тесно вплетены в правовую жизнь. Так, притязания и, в частности, правопритязания[3] могут включать символическое в качестве одного из своих элементов.

Символ, очевидно, обладает смысловым наполнением, заложенным в него самим субъектом, а также приписываемым (восстанавливаемым, деконструируемым, интерпретируемым) адресатами – другими участниками общественных отношений. Он всегда контекстуален и историчен, как в моменте своего генезиса, так и в моменте интерпретации. Действительно, характер символического в правопритязаниях зависит от культуры и исторических условий, при которых эти правопритязания складываются (например, в XI – нач. XIV в. красный крест на белом фоне символизирует мученичество и принадлежность к Христовым воинам; с конца XVIII в. – Великой французской революции – красный цвет на флагах, лентах, петлицах и прочих аксессуарах – символ революции). В области политики артикулируются исторические и религиозные сюжеты, в коммерции ставка делается на привлекательность для потребителя.

Обнаружение символического в притязаниях прошлых времен возможно только при определенном понимании соответствующего исторического контекста. Отрыв от этого контекста обусловливает необходимость реконструкции смысла и символического как элемента притязания и притязания в целом, либо приводит к наделению его новыми смыслами.

В контексте правопритязания символ – отражение идентификационной модели субъекта[4], указание на нее[5]. Отсюда и вмешательство в символический мир субъекта может остро им переживаться, подталкивать к поиску защиты. Это вмешательство в его личное, «священное» идентификационное пространство, которому могут сопутствовать и другие эффекты: эмоционально-когнитивное воздействие, подчинение, захват коммуникативного пространства, отвоевание влияния, навязывание языка и т.д. Вместе с тем мы согласны с позицией П. Бурдье, полагающего, что в классовых обществах власть господствующего класса, если она легитимна (то есть не воспринимается как произвол), приобретает символический характер сама по себе, что не только расширяет ее возможности, но и позволяет осуществлять интеграцию общества на выгодных для себя основаниях[6]. Так, на базе экономического, политического и куль-

[1] Аверинцев С.С. Символ // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд-е перераб. и доп. М.: Республика, 2001.

[2] См. Колесниченко А.А. Государственно-правовые символы России: история и современность // Философия права. 2011. № 3(46). С. 44–46.

[3] См. Мазуров И.И. Правовые притязания: понятие, природа и содержание: монография. М.: Проспект, 2024. С. 27, 44, 58–59, 72.

[4] Здесь и далее по тексту субъект нами понимается в широком, социологическом смысле, то есть не как «субъект права», а как социальный актор.

[5] См. Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 59.

[6] Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. пер. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 91–95.

турного доминирования господствующего класса, его символический ряд представляется как всеобщий и универсальный для всех социальных групп, а исторически сложившиеся символы подвергаются переинтерпретации в интересах и с идейно-ценностной позиции господствующего класса. В таком случае символическое насилие (а порой и подавление) власти, реализуемое через ее притязания и акты признания, а также объективируемая иными способами, размывает идентификационные модели эксплуатируемого класса, не позволяет сформироваться классовому сознанию. Подобного рода воздействие со стороны власти остается не только безответным, но зачастую и незамеченным для разобщенных представителей эксплуатируемого класса.

Символическое в правопритязаниях кроме трансляции определенных смыслов и указания на идентификационную модель субъекта, обеспечивает их признанность. Символ помогает легитимировать содержание правопритязания[1]. Даже если деятельность субъекта по существу не является правовым притязанием, о чем известно ему самому (социальное притязание злоумышленника – противоправное посягательство), манипуляция с символическим также позволяет обеспечить их признанность. К примеру, недобросовестная организация, желающая выдать себя за более успешного конкурента, вероятнее всего заимствует не качество производимых им товаров, услуг, а его символику как то, что отражает соответствующую идентификационную модель, которой можно манипулировать.

Правовой статус символа, его авторство и принадлежность сами по себе могут быть предметом притязания. В таком случае правопритязание приобретает форму защиты своей идентичности: собственной правосубъектности, своего правового статуса.

Для притязаний с политическим содержанием (создание правил, перераспределение власти и собственности и т.д.) процесс символизации особенно важен, поскольку в политике идентификационные модели ее субъектов принципиальны[2]. Более того, каждый субъект политического пространства осуществляет экспансию своих идей, в которой символ – проверенный временем инструмент. При усилении конфронтации между субъектами символизация их притязаний усиливается, а при тотальности вражды – достигает наивысшего значения, хотя к этому моменту правовой дискурс между ними практически полностью разрывается. Этот разрыв способствует развитию у каждого субъекта собственных идеолого-мифологических представлений о своем оппоненте: враг оказывается не просто «врагом», но и носителем самых разных неприглядных этических и эстетических свойств. В таких условиях символическое может и безосновательно приписываться притязаниям своего врага[3], и приобретать новое смысловое наполнение посредством интерпретации[4]. Это классическая коммуникативная проблема.

Чем структурно сложнее социальная группа – притязающий субъект, тем сильнее она нуждается в символизации правопритязаний. Как метко отмечает С.С. Аверинцев: «в символе есть теплота сплачивающей тайны: по символу опознают и понимают друг друга “свои”, “посвященные”»[5]. Это, с одной стороны, обеспечивает устойчивость идентификационной модели социальной группы – участника общественных отношений, и, с другой стороны, служит инструментом интеграции[6]. Причем для выражения притязания социальная группа (или ее часть) должна обладать определенным уровнем интеграции и состоянием группового правосознания.

Символическое обеспечивает устойчивость правовой идеологии и порядка в силу своего консолидирующего и коммуникативного потенциала, позволяющего воспроизводить и транслировать единую си-

---

[1] См. Мазуров И.И. Правовые притязания: понятие, природа и содержание: монография. М.: Проспект, 2024. С. 63–65, 70–71; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 382–401.

[2] Артикуляция и формирование идентификационной модели позволяет определить «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов», маркировать ассоциации и диссоциации – см. Шмитт К. Понятие политического // пер. с нем.; под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 301–302.

[3] Например, шествие рабочих – членов организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» во главе с Г.А. Гапоном к Зимнему дворцу с целью передать императору Николаю II петицию о своих нуждах было истолковано не как акт политико-правового дискурса (такая практика была нова для монархической политико-правовой традиции той поры), а символически, то есть как попытка изменения существующего государственного строя и ограничения самодержавия – см. Доклад директора Департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись. Л., 1922. № 1. С. 330–338. События 9 января 1905 г. в своем названии и сегодня носят отпечаток символического: «Кровавое воскресенье» – отражает сочувствие расстрелянным рабочим; «Великая провокация», «Русская смута» – выражает осуждение «самовольства» рабочих и защиту монархических порядков Российской империи начала XX в.

[4] Например, принятие Декрета о мире 26 октября 1917 г., символизировавшего принципиальный курс большевиков на выход из войны и установление мира, получило новый смысловой слой у противников большевиков: большевики якобы желают не мира, а реализуют заказ ряда стран Антанты, желающих исключить Россию из списка стран-победительниц Германии и присвоить себе все лавры победы. Данный тезис, разумеется, не имеет под собой никаких документальных оснований кроме домыслов противников большевиков.

[5] Аверинцев С.С. Символ // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд-е перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 511.

[6] Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. пер. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 91.

стему ценностей, идей, образов, эмоций. Поэтому трансформация (разрушение) сложившегося символического ряда всегда связывается с трансформацией (разрушением) соответствующей ему идеологии и порядка. Символы в данном случае оказываются и предметом воздействия, и «первой жертвой» идеологического противостояния. Как воспроизводство, так и трансформация идеологии и порядка зависит от множества факторов. Здесь художественное произведение может оказаться не менее значимо, чем прямая политическая манифестация. Однако социальное притязание и, в частности, правопритязание является таким волевым актом, который способен целенаправленно изменять сложившийся порядок, идеологию и, разумеется, соответствующий им символический ряд.

Правовое притязание может иметь различные формы выражения. В зависимости от того как правопритязание связано с символическим, следует говорить о правопритязаниях без элемента символизации, с элементом символизации и символических правопритязаниях. Символическое правопритязание включает совокупность действий более ритуального (описательного, оценочного, нормативного), чем аскриптивного[1] характера. Они предполагают признание права значимости субъекта как такового, его заслуг и свершений, идейно-ценностной системы и т.д. Такие правопритязания могут играть и вспомогательную роль, то есть только их реализацией не достигается приобретение или добывание права, но тем не менее совместно с другими правопритязаниями они обеспечивают это.

Правопритязающий опирается на сложившуюся практику и правила использования символов при реализации правопритязаний, как, собственно, предпочитает руководствоваться устоявшимися процедурами реализации правопритязаний, устоявшимися формами правопритязаний. Все они предполагают приобретение права. Символизация же как инициативный и творческий процесс присущи праводобывающим притязаниям, то есть притязаниям, направленным на получение новых прав и сопровождающим борьбу за права и свободы, освоение правового пространства. Сама борьба и социальная мобилизация часто приобретают символическое значение в контексте праводобывающих притязаний как основание потенциальных изменений существующего порядка, правил и конъюнктуры власти. Подобного рода символы способны актуализировать групповое и классовое сознание при условии реализации практики борьбы. В рамках правового дискурса такая борьба объективируется прежде всего в форме правопритязаний.

Таким образом, на основании изложенного следует сделать следующие выводы и обобщения.

1. Правопритязания могут иметь символическое измерение и символическое является одним из факторов их формирования. Для ряда притязаний и, в частности, правопритязаний символы структурно значимы. В зависимости от того как правопритязание связано с символическим, следует говорить о правопритязаниях без элемента символизации, с элементом символизации и символических правопритязаниях.

2. Помимо трансляции смыслов (обеспечение коммуникации), символическое отражает идентификационную модель субъекта, его онтологическое и идейное пространство, поэтому посягательство на него может восприниматься как вторжение в идентификационное, личное пространство. Вместе с тем в условиях классового общества власть, обладая символическим характером (П. Бурдье), способна представлять свой символический ряд как универсальный и переинтерпретировать существующие символы. Эта скрытая форма подавления (гегемония) господствующего класса размывает идентичность эксплуатируемых групп, препятствует формированию у них классового сознания и часто остается незамеченной. Также символ служит инструментом сплочения социальных групп, обеспечивает социальную интеграцию и легитимацию содержания правопритязаний.

3. Социальное притязание и, в частности, правопритязание является волевым актом, обеспечивающим целенаправленное изменение сложившегося порядка, идеологии и соответствующего им символического ряда. В свою очередь, изменение символического ряда всегда связывается с трансформацией соответствующей ему идеологии и порядка.

4. Наиболее ярко символическое проявляется в праводобывающих притязаниях, то есть притязаниях, направленных на получение новых прав и сопровождающих борьбу за свои права, освоение правового пространства. Здесь сама борьба и социальная мобилизация могут приобретать символическое значение как основание потенциальных изменений существующего порядка.

[1] См. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. С. 27.

Малышева Инна Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела – ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии

Malysheva Inna Viktorovna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Research Department - Leading Researcher of the St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy

E-mail: inna1108@yandex.ru

Символизм принципов права

Symbolism of the principles of law

Аннотация. Правовые символы представляют собой многозначное явление, чаще всего определяемое через понятие «знак». Знак и символ имеют как правило форму материальных предметов, действий, аббревиатур. Предметом исследования выступили принципы права, их словесная форма выражения с позиции возможности их отнесения к символам права. С помощью метафизики, структурного анализа, сравнения и соотношения, описательного приема и формально-юридического метода автор заключает правомерность рассмотрения принципов права в качестве разновидности словесных форм правовых символов; выделяет краткость выражения, особую смысловую нагрузку и ритуальную природу правовых принципов, отличающих их от иных словесных выражений и норм права; признает первостепенную роль принципов права в правовом массиве; заявляет о необходимости разработки механизма профилактики упрощения смыслов и содержания правовых символов в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: правовые символы и знаки; принципы права; правовые традиции и ритуалы; язык символов; иерархия правовых принципов

Annotation. Legal symbols are a multi-valued phenomenon, most often defined through the concept of «sign». The sign and symbol usually have the form of material objects, actions, abbreviations. The subject of the study was the principles of law, their verbal form of expression from the standpoint of the possibility of their attribution to the symbols of law. With the help of metaphysics, structural analysis, comparison and correlation, descriptive technique and formal legal method, the author concludes the legality of considering the principles of law as a kind of verbal forms of legal symbols; highlights the brevity of expression, the special semantic load and the ritual nature of legal principles that distinguish them from other verbal expressions and legal norms; Recognizes the primary role of principles of law in the legal body; declares the need to develop a mechanism for the prevention of simplification of meanings and content of legal symbols in the digital age.

Keywords: legal symbols and signs; principles of law; legal traditions and rituals; symbol language; hierarchy of law principles

Для цитирования: Малышева И.В. Символизм принципов права // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 373–377.

В научной литературе понятие «символ» имеет различные трактовки. В отдельных областях научного знания они исследуются с общекультурных позиций, в других - с точки зрения отдельных научных отраслей: для обозначения технических терминов, при использовании знаков, графиков, рисунков, карт и проч., в связи с чем содержание понятия «символ» имеет разные интерпретации[1].

Для правовой науки символы имеют особое значение. Государственно-правовая материя включает строго установленные символы, которые имеют обязательный характер. Но и они неоднородны по своей природе: некоторые используются при реализации обязательных, запретительных или рекомендательных предписаний (напр., дорожные знаки), другие устанавливают обязательные нормы использования

[1] См., напр.: *Чернегова В. В., Авдеева О.А.* Место правовых символов в инструментарии юридической техники // Современность в творчестве начинающего исследователя : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 27 марта 2025 года. Иркутск, 2025. С. 400-403; Уланов Н. Д. К вопросу о философско-правовой дефиниции правовых символов // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 226.

наиболее значимых символов, в частности, предписывают строгие требования к изображению, размерам, месторасположению государственных символов и иные правовые установления; третьи фиксируют и подтверждают правовые факты (подписи, печати, голограммы).

В.К. Бабаев и В.М. Баранов в конце прошлого столетия при определении понятия «символ» использовали термин «условный образ»[1], однако сегодня символы чаще всего имеют знаковое значение, то есть определяется через понятие «знак» или через соотношение с этим понятием: «*символ* — знак с устойчивым содержанием, которое связано именно с данным знаком»[2], при этом под знаком понимается «материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи информации…: рисунки, предметы, явления, свойства, отношения, действия и т. п.»[3]. Н.Д. Уланов различает правовые символы и правовые знаки: «если объект имеет одно прямое значение, то он выступает в качестве знака, если объект имеет несколько дополнительных значений, то он выступает в роли символа… Признавая многочисленность знаковых интерпретаций символа, считаем, что знак может быть символом, а символ знаком — нет»[4]. Разрешение данной дискуссии не ставится целью настоящего исследования. Отметим как факт, что знак и символ явно связаны друг с другом в силу природной сущности. Однако, стоит констатировать, что строго установленного понятия «правовой символ» на сегодняшний день в теории отсутствует.

И.В. Мальцев исследуя природу правовых символов, выделяет две парадигмы исследования: с историко-правовой точки зрения, по мнению автора, понятие «символ» в значительной степени соотносится с понятием «обычай»; в рамках институционально-юридического понимания правовой символ рассматривается как «вспомогательное средство правового регулирования, прием юридической техники»[5]. С юридико-технической, инструментальной позиции автор настаивает на строгой определенности отнесения к правовым символам тех или иных изображений, знаков, рисунков. Напр., отнесение таких понятий как «герб», «флаг», «гимн» не вызывает сомнений[6] и из руководства общеязыковой практики и исходя из нормативных установлений соответствующих законодательных актов. Иные понятия, с точки зрения отнесения их к правовым символам, имеют спорный характер. При этом, И.В. Мальцев справедливо замечает отсутствие четкости определения понятия «правовой символ», равно и его признаков, что фактически усложняет и запутывает как теоретиков, так и практиков. Стоит помнить, что использование некоторых символов довольно строго определено и нарушение установленных правил может повлечь конкретные неблагоприятные последствия: неправомерное использование государственного флага, либо нарушение предписаний дорожных знаков, либо проявление неуважения к суду в форме действий или бездействий влечет юридическую ответственность, установленную законом. Безусловно, профессиональное или иное сообщество должно иметь единое понимание содержания не только самого понятия «правовой символ», но и конкретного правового символа. Четкость формулировок – залог безальтернативного понимания сущности с общетеоретических позиций, а также единства правоприменительной практики.

Исследователи выделяют следующие признаки правовых символов: условность (конвенциональность); многозначность; ценностное содержание; исключительность правовой связи с субъектом-носителем; уникальность; стабильность; государственно-правовое опосредование; внешняя объективация в особой форме, образность[7]. *Краткость* правового символа также имеет огромное значение для определения сущности понятия, она обеспечивает «юридическую и лингвистическую экономию посредством донесения смысла правовых велений в лаконичной и понятной форме»[8]. Преимущества знака или символа в том и заключается, что он фактически представляет собой лаконичную, краткую форму выражения глубокого по сущностным характеристикам понятия, в том числе и в тех случаях, когда содержание понятия сложно выразить словами. Последнее отражает образность как признак правового символа.

---

[1] *Бабаев В. К., Баранов В. М.* Общая теория права : краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 74.

[2] *Баранов В. М., Исаков В.Б.* Словарь правовых символов и знаков. Нижний Новгород, 2025. С. 5.

[3] Там же.

[4] *Уланов Н. Д.* К вопросу о философско-правовой дефиниции правовых символов // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 227.

[5] *Мальцев И. В.* Понятие правовых символов в рамках институционально- юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 101.

[6] Там же. С. 102.

[7] См.: *Гончарова Н. С.* Правовой символ: понятие и признаки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. 3(30). С. 62-74; *Давыдова М. Л.* Символы в праве и правовые символы: понятие и значение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 3(284). С. 44; *Демидова И. А.* Правовые символы: осмысление в контексте исследования правовой культуры общества // Актуальные вопросы права, образования и психологии : Сборник научных трудов. Том Выпуск 8. Могилев, 2020. С. 57; *Мальцев И. В.* Понятие правовых символов в рамках институционально- юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 102-117 и др.

[8] *Зацепина О. Е.* Правовой символ и правовая фикция: проблемы разграничения // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 4. С. 16.

Кроме сказанного стоит отметить, что авторы, исследующие знаки и символы рассматривают такие формы как графические изображения, рисунки, предметы, действия, аббревиатуры и прочие, в большей степени, несловесные формы. Выбрав в качестве предмета исследования принципы права, полагаем, что отдельные слова и словосочетания, какими фактически являются принципы права, так же могут быть отнесены к правовым символам. При этом, остается очевидным, что не все даже общеупотребимые правовые понятия и словесные выражения предполагают под собой характеристики символа. Напр., вряд ли можно отнести к символам понятия «юридическое лицо», «физическое лицо», «преступление» и проч. Упомянутый выше историко-правовой подход И.В. Мальцева связывает «символ» и «обычай». Очевидно, что именно эта особенность, то есть характерная связь с обычаем, традицией, ритуалом является отличительной чертой символа, в том числе и в словесной форме.

Не вдаваясь в дискуссию о точности признаков, определяющих понятие «правовой символ», будем исходить из следующей авторской дефиниции: правовой символ это *установленный государством значимый условный, уникальный знак или слово (словосочетание), выраженный в краткой форме, интерпретация которого отражает конкретное правовое явление*.

В процессе исследования принципов права важным видится уточнение В.А. Илюхиной, которая говорит о многозначности понятия «принципы права» в зависимости от типа правопонимания[1]. Рассматривая принципы права как разновидность символов, полагаем правильным исходить из концепции правового позитивизма, в рамках которой принципы права представляют собой исходные, основополагающие идеи, установленные государством и содержащиеся в нормативных правовых актах, присущие праву в целом или его отдельным элементам (отраслям, видам деятельности, явлениям, процессам).

Говоря о принципах права как об основополагающих началах, фундаментальных основах права и его отдельных элементов с точки зрения формальной разновидности правовых символов, стоит обратить внимание на содержательную наполненность каждого отдельного принципа и узнаваемость по одному слову или словосочетанию. Напр., «законность», «гуманизм», «демократизм» и т.д. О.Н. Городнова рассматривая принципы права как структурные элементы правовой идеологии пишет: «принцип представляет собой форму идеи, имеет значение общего руководства к действию… принципы (как формы идей)… находят выражение в символах, понятиях и категориях, … эти смысловые единицы могут выступать как элементы правовой идеологии»[2].

Узнаваемость и очевидная содержательная наполненность принципов права в ряде случаев позволила законодателю отказаться от описательной части принципов, закрепляя их в законе простым перечислением, например, ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Правоприменители в соответствующих актах также используют символические названия принципов права, как правило предполагая, что содержание их общеизвестно и понятно адресату правового акта. Именно этот факт позволяет рассматривать принципы права в качестве символов и признавать их регулятивное воздействие: «символы-действия, предметы (мебели, одежды и пр.) или словесные формулы могут служить основанием возникновения, изменения, прекращения и подтверждения прав и обязанностей (правоотношений), т.е. имели значение юридического факта и порождали правовые последствия»[3].

Безусловно, в современную цифровую эпоху символы наполняются особым смыслом, ценностью. Очень точно В.М. Баранов и В.Б. Исаков называют язык символов способом взаимодействия естественного и искусственного интеллекта[4]. Возможно, и современное, так называемое, «клиповое мышление» представляет собой некий не столько упрощенный и примитивный язык, сколько именно отражение и проявление языка символов. В таком случает, понимание и использование языка символов может стать средством связи между поколениями. Однако, опасения людей зрелого возраста заключается не в отрицании символичности знаковых форм языка, а в упрощении, отсутствии точности наполнения содержанием конкретного символа. Очевидно, именно через глубину содержания символов проявляется и точность их понимания, и смысловое единство, так как «символ содержит зашифрованный смысл и нуждается в толковании»[5].

М.А. Акимова и Н.В. Тюменева высказались о другой стороне современной реальности, обратив внимание на особенность сохранения традиций и ритуалов правосудия в цифровую эпоху. Последние зачастую имеют форму символов. Важным видится обратить внимание на следующее: первое, «правовые традиции судейского сообщества способствуют легитимации норм права и их толкований, а также выражают властные веления государства» (подчеркивание – И.М.) и, второе, - «символы и ритуалы пра-

[1] *Илюхина В. А.* Иерархия и конкуренция принципов права: методологические проблемы // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3(77). С. 23.
[2] *Городнова О. Н.* Структура правовой идеологии // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 4(50). С. 89.
[3] *Акимова М. А., Тюменева Н. В.* Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, № 4. С. 429.
[4] *Баранов В. М., Исаков В.Б.* Указ. соч. С. 4.
[5] *Зацепина О. Е.* Указ. соч. С. 16.

восудия представляют собой многофункциональный инструмент воздействия на участников процесса, сочетающий в себе психологические, воспитательные, дисциплинарные и процессуальные аспекты»[1], тем самым определяя особую значимость сохранения правовых символов и ритуалов при осуществлении правосудия.

Символы и ритуалы заложены во многих социально значимых действиях, установленных правовыми нормами (присяга, ритуальное возложение цветов на знаковых местах памяти и др.) и предметах (форма военных и сотрудников правоохранительных органов, фотопортреты глав государств, правительств, ведомств или иных должностных лиц и др.). Все эти символы, действительно, имеют не только правовое значение, но и воспитательное, в ряде случаев – политическое и идеологическое. Вряд ли можно приписывать эти свойства и качества всем правовым символам. К примеру, знаки дорожного движения, безусловно, относятся к правовым символам, но вряд ли они имеют идеологическое или политическое воздействие. М.А. Акимова, Н.В. Тюменева справедливо замечают, что технологизация судебного процесса, использование возможностей проведения судебных заседаний в дистанционном формате, с одной стороны, позволяет реализовать право на судебное разбирательство практически в условиях вынужденных ограничений, напр., в условиях пандемии, с другой стороны, это «влечет существенное упрощение процессуальной формы, ставит под сомнение возможность осуществления ряда символических действий, выраженных в ритуальной форме»[2], что фактически снижает воспитательное и иное воздействие ритуалов классического судебного заседания, в режиме реального участия в зале суда. Авторы приходят к выводу, что фактически ритуальное упрощение снижает ценность и значимость выносимых судебных решений. В этой связи стоит обратить особое внимание на исследование сохранности правовых символов и ритуалов в условиях цифровой эпохи.

Возможно, некоторые правовые символы, нормы, ценности постепенно станут архаизмами и историзмами в силу естественного развития общества, права и государства. Однако, имеются справедливые опасения, что в цифровую эпоху упрощение приводит к обеднению, скупости, примитивизации языка, культуры и иных социально значимых явлений, к коим можно отнести и государственно-правовую реальность.

В отношении принципов права как символов стоит заметить, что их особая ценность для правовых норм – правил поведения, правовых отношений, правоприменительной практики имеет особое значение, подобное судебной символике, в ряде случаев пересекаясь с последней: напр., богиня Фемида являясь символом правосудия, в то же время является символом справедливости и правопорядка; стук судебного молотка является символом неоспоримости решения судьи, уважения к суду; расстановка предметов мебели в зале судебного заседания отражает принцип равноправия и состязательности сторон в гражданском процессе и прочее. В целом вся судебная атрибутика отражает принцип беспристрастности суда при принятии решения. Не только предметы судебного разбирательства дела связаны с принципами, но и иные значимые предметы и действия, выступающие формами права или имеющие отношение к праву: конституция как законодательный акт высшей силы в каждом государстве отражает принцип верховенства права, законности; принцип иерархичности власти заложен в элементах формы отдельных категорий служащих (погоны, эмблемы, головные уборы и проч.). Таким образом, признанные правовые символы зачастую содержательно отражают тот или иной правовой принцип, что фактически связывает, а иногда отождествляет принципы права и правовые символы.

Очевидно, что не все принципы права напрямую связаны с материальными символами. Однако, представляется, что названия принципов права сами по себе содержат символическое содержание: например, принцип гуманизма, демократизма. Содержание этих и иных принципов права в законодательных актах не всегда установлено, однако очевидность содержания, заложенный смысловой конструкт этих принципов, интерпретация в трудах исследователей делает их понятными каждому. Кроме этого, принципы права зачастую фиксируют основные для определенной сферы ценности, тем самым связывая установленные для конкретных общественных отношений и ситуаций правовые нормы с общечеловеческими ценностями и традициями. В.В. Сорокин пишет о процессе создания правовых принципов, точнее их открытии: «формирование правовых принципов идет не только путем их письменного закрепления в нормах законодательных актов. Принципы права чаще всего открываются учеными-правоведами на основе глубокого изучения разнообразных правовых явлений и процессов. При этом принципы права не выдумываются силой научного интеллекта, а открываются учеными как объективные закономерности существования и функционирования правовой системы, коды ее потенциального развития»[3]. Позиция профессора, использование термина «коды», смеем предположить, фактически подтверждает и отражает заложенный в принципах права символизм.

Кроме сказанного, необходимо порассуждать о важном для правовой материи в концепции позитивизма свойстве иерархичности. Если создавать правовой язык символов, то стоит отвести первостепенное, значимое место именно принципам права, так как они «имеют важное значение в формировании и

[1] *Акимова М. А., Тюменева Н. В.* Указ. соч. С. 430, 431.
[2] Там же. С. 436.
[3] *Сорокин В. В.* Дух права и буква закона: характер соотношения // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 8.

действии права. Они являются предпосылкой наличия у права идеологической функции… Современные кодифицированные принципы являются основными конвенциальными идеями»[1]. В системе права иерархическая модель не выстраивается подобно системе законодательства, однако принципы права выступают фундаментальными основами, базовыми символами, в которых заложены, во-первых, основополагающие смыслы, во-вторых, возможная иерархическая структура самих принципов: общеправовые принципы, отраслевые принципы, институциональные принципы. Но данное предположение можно рассматривать пока только как гипотезу, требующую отдельного исследования и обоснования. Этот вопрос сопряжен, в том числе, с открытой проблемой иерархии и конкуренции принципов права между собой[2].

В качестве выводов отметим следующее: наряду со знаковыми символами, которые представлены преимущественно в виде рисунков, графических схем, картин, повествований, изображений материальных предметов, церемониального характера действий и проч., считаем возможным выделять и словесные формы символов в виде принципов права, уделяя им особое значимое место в системе правовых символов.

Особенностью принципов права как символов является отсутствие графического изображения в какой-либо форме, но при этом выраженная односложная форма, проявленная в одном слове или словосочетании, обладающая понятным общеизвестным содержанием, при этом сохраняя характеристики символа: во-первых, – краткое выражение, используемое в правотворческой и правоприменительной практике, в том числе в правоприменительных актах, во-вторых, - имеющих особое значение для правовой теории и практики, в-третьих, непосредственно связанные с исторически сложившимися обычаями, традициями, ритуалами.

В цифровую эпоху символы приобретают особый смысл и ценность. Именно знаки и символы естественно встраиваются в цифровую модель государства, права и экономики. Однако, необходимо разработать механизм профилактики упрощения смыслов и содержания правовых символов, в том числе принципов права, с целью сохранения богатства и точной сущности как отдельных правовых символов, так и всей правовой материи.

[1] *Городнова О. Н.* Указ. соч. С. 89-90.
[2] *Илюхина В. А.* Указ. соч. С. 27.

Манохин Виталий Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Финансовое право и таможенная деятельность» Юридического института ВлГУ

Manokhin Vitaly Sergeevich

Candidate of Legal Sciences (Ph.D. in Law), Associate Professor at the Department of Financial Law and Customs Activities, Law Institute, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov

E-mail: i@vmanohin.ru

Символизм юридического равновесия

Symbolism of legal equilibrium

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь правового символизма и юридического равновесия как условия устойчивости правовой системы. Показано, что символизм отражает общественные представления о справедливости и порядке. В заключении делается вывод: символизм юридического равновесия формирует общественное восприятие правовой системы как справедливой и устойчивой. Он реализуется через взаимодействие законодательства, практики, доктрины и обычаев, позволяя не только разрешать коллизии, но и предотвращать их деструктивное влияние на правопорядок и доверие к праву.

Ключевые слова: правовой символизм, правовой символ, юридическое равновесие; правовое регулирование, правовая система, правоприменительная практика, социальные регуляторы

Annotation. The article examines the relationship between legal symbolism and legal equilibrium as a condition for the stability of the legal system. It is shown that legal symbolism reflects societal perceptions of justice and order. The conclusion reached is that the symbolism of legal equilibrium shapes the public perception of the legal system as fair and stable. It is realised through the interaction of legislation, practice, doctrine, and customs, enabling not only the resolution of conflicts but also the prevention of their destructive impact on the rule of law and public trust in the legal system.

Keywords: legal symbolism, legal symbol, legal equilibrium, legal regulation, legal system, law enforcement practice, social regulators

Для цитирования: Манохин В.С. Символизм юридического равновесия // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 378–380.

Право выступает в качестве инструмента регулирования общественных отношений, а с позиции некоторых учёных — как средство коммуникации. При этом не всегда обязательно применение норм для прямого воздействия: достаточно формально определённого закрепления дозволенных границ, в рамках которых лицо может действовать. Понятность и доступность правовых норм для всего общества становятся залогом устойчивости государства и правовой системы в целом. Последняя достигает баланса за счёт существующих средств и инструментов обеспечения эффективности и устойчивости законодательного регулирования. При этом можно говорить о существовании побочного эффекта равновесия, неочевидного при первичном анализе любой системы. В рамках данной статьи исследуется правовой символизм и то, как состояние равновесия влияет на регулирование общества.

Стоит начать с разграничения правового «символа» и «символизма». Первый представляет собой знак, содержание которого определяется участниками правоотношений на основании законодательства, правоприменительной практики либо обычаев. Стоит обозначить мнения и других учёных. М. Л. Давыдова[1] определяет правовые символы как все знаки, являющиеся частью правовой культуры, находящие своё отражение в культуре и связанные с правовой системой. Н. Н. Никитин[2] акцентирует

[1] Давыдова М.Л. Классификация правовых символов // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9).

[2] Никитин, А. В. Правовые символы: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никитин Александр Всеволодович. – Нижний Новгород, 1999. – С. 12

внимание на необходимости законодательного закрепления символа, то есть его легитимации, и определяет его как инструмент упрощения передачи юридической информации.

Термин «символизм» рассматривается в контексте скрытого смысла рассматриваемого явления: если «символ» исходит из устойчивого восприятия субъектами конкретного точного смысла, то «символизм» раскрывается как некая последовательность идей, заключённых в форме нематериального объекта. Право как социальный регулятор стоит в одном ряду с моралью, религией, обычаем, однако в то же время оно может ассоциироваться с порядком, справедливостью. Непрямое значение явления исходит из его восприятия обществом и отражения в культуре. Н. С. Гончарова[1] анализирует символизм с позиции его соотношения с символами нормы, а также значения права как социального явления. В. М. Капицын[2] исследует взаимовлияние общепринятых (универсальных) символов и национальных, а также то, каким образом конвергенция правовых систем мира сдвигает правовой символизм. Е. А. Исаев[3] различает внешние символы, которые выступают в качестве универсального инструмента общения и регулирования, и внутренние, означающие целый спектр идей и находящие отклик в сознании общества, а не конкретного индивида. В результате в юридической доктрине нет единого подхода к изучению «символизма права», и его рассматривают в контексте общепринятых социальных смыслов и идей: о справедливости, порядке, нормированности жизни. В результате для общества право означает стабильность и устойчивость в развитии государства и социальном взаимодействии.

Юридическое равновесие, в свою очередь, характеризуется как баланс между правовыми нормами, средствами и поведением субъектов правоотношений. Оно выступает в качестве равновесных моделей правового регулирования, а также соотношения предполагаемого воздействия правовых предписаний с реальным действием права. Правовая система может рассматриваться как взаимовлияние абстрактных норм и практики правоприменения, которая характеризует наличие баланса, выражающегося в сохранении гармонии. Юридическое равновесие как юридико-техническая характеристика состояния правового регулирования отражает уровень гармонизации юридических форм, средств и правил с существующим общественным порядком общества и государства.

Равновесной можно назвать систему, в которой дестабилизирующие факторы либо сбалансированы противонаправленными действиями, либо не подвергаются воздействию внешних акторов. Существующую правовую систему РФ можно назвать в целом сбалансированной, стремящейся к равновесию, однако окончательное достижение равновесия в материальном мире невозможно ввиду открытости системы. Тем не менее можно говорить о существовании средств противодействия дестабилизации, которое реализуется за счёт специальных полномочий отдельных государственных и судебных органов.

Одним из показательных примеров можно считать произошедший в 2020 г. локдаун и объявление нерабочих дней в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. В целях противодействия пандемии было принято решение о полной приостановке деятельности всех государственных и коммерческих учреждений, в том числе судов. В ответ на экстраординарную ситуацию Верховный Суд РФ впервые выпустил Обзор судебной практики[4], который действовал проактивно, то есть отвечал на возникшие вопросы, ещё не успевшие стать предметом рассмотрения судов, но уже имевшие правовое значение. Это позволило восстановить равновесие в правоприменительной практике и ответить на большинство проблемных ситуаций не с точки зрения анализа уже сложившейся правоприменительной практики, а с позиции прогнозирования рисков. В дальнейшем, уже исходя из возникающих споров, Верховный Суд РФ принимал дополнительные обзоры, которые позволяли закрывать оставшиеся коллизии.

Ещё одним примером можно считать серию деприватизационных и антикоррупционных исков, которые инициировала Генеральная прокуратура. Цель — изъятие активов, полученных ранее по противоправным (в том числе преступным) основаниям и обращение их в собственность государства. Однако выбранная надзорным органом правовая позиция вызывала активные споры в юридическом сообществе. Связано это было с подачей иска об изъятии активов либо на основании негаторного иска (ст. 304 ГК РФ), либо вопреки пропуску срока исковой давности (ст. 196 ГК РФ). С целью разрешения сложившейся правовой неопределённости и спорной судебной практики (иски удовлетворялись не всегда) была подана жалоба в Конституционный Суд РФ. В результате рассмотрения высшей инстанцией было вынесено постановление[5], согласно которому допускается неприменение сроков исковой давности по коррупционным искам, а вот деприватизационные не могут рассматриваться в случае объективного пропуска. Данное решение стало практикообразующим и позволило предотвратить дальнейшее распростране-

[1] Гончарова Н. С. СИМВОЛИЗМ В ПРАВЕ // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. №1 (24). С. 92

[2] Символы в праве и глобализация // Нравственные императивы в праве. — 2012. — № 1. — С. 49–58.

[3] Исаев, И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) / И. А. Исаев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 6 (245). – С. 5.

[4] «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 5. Май. 2020

[5] Вечная угроза изъятия: КС разрешил забирать коррупционные активы без сроков давности // Право.ру URL: https://pravo.ru/story/255915/ (дата обращения: 29.10.2025).

ние некорректной практики применения закона и не допустить ухода от ответственности лиц, которые получили своё имущество незаконным путём.

Если рассматривать две ситуации с точки зрения юридического равновесия, то высшие судебные инстанции в пределах своих полномочий смогли предотвратить усиление дестабилизации системы и определить дальнейший вектор движения и гармонизации правоприменительной практики. Их задача заключается не в перманентном восстановлении баланса системы, так как это невозможно ввиду сложной структуры и большого числа акторов, а в определении направления правоприменительной практики с позиции «абстрактное — фактическое» и с учётом необходимости сохранения стабильности юридической регуляции.

Ещё один пример можно рассмотреть на решении арбитражного апелляционного суда[1]. Спор заключался в неправомерном наложении ООО «Вайлдберриз» штрафа на продавца за несвоевременное удаление с площадки запрещённого товара. Однако на момент наложения штрафных санкций спорная продукция ещё не была ограничена в обороте, ввиду чего суд восстановил права продавца. Постановление примечательно тем, что апелляционная инстанция указала на неравенство сторон, несмотря на их статус коммерческих организаций. Маркетплейс выступает в качестве более сильной стороны и может диктовать условия, что приводит к дестабилизации принципа равенства. Это решение не влияет на практику всей правовой системы РФ, однако является важным в вопросе установления локального юридического равновесия, достижения баланса между правовыми нормами и реальным поведением субъектов. Оно совпадает с общей тенденцией по регулированию платформенной экономики[2] и повышению государственного контроля за данной сферой, что говорит о намерении восстановления равновесия и гармонизации интересов маркетплейсов, продавцов и потребителей.

Таким образом, символизм юридического равновесия есть внутреннее восприятие правовой системы как устойчивой и справедливой с позиции общества и государства. Он реализуется как за счёт уже существующего законодательства, правоприменительной практики, так и правовой доктрины и обычаев, которые отражают общественное представление о предполагаемом и реальном праве. Вышеуказанные примеры показывают, что для правовой системы важно не просто разрешать возникающие пробелы или коллизии, а не допускать их деструктивного влияния на правовую систему и общественное восприятие права как социального регулятора.

[1] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.09.2025 N 10АП-9214/2025 по делу N А41-47649/2023

[2] Закон о платформенной экономике: соблюсти баланс интересов // Адвокатская газета URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/zakon-o-platformennoy-ekonomike-soblyusti-balans-interesov/ (дата обращения: 29.10.2025)

Михайлов Анатолий Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и административно-правовых дисциплин Северо-Кавказской государственной академии. Победитель Всероссийского конкурса «Золотые Имена Высшей Школы»

Mikhailov Anatoly Evgenievich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Administrative Law Disciplines, North Caucasus State Academy. The winner of the All-Russian competition "Golden Names of Higher Education"

E-mail: aemihaylov@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0465-7379

Гимн России – символ государства: теоретико-историческое исследование

The Russian national anthem as a symbol of the state: a theoretical and historical study

Аннотация. Статья исследует «Гимн России – символ государства»; посвящена глубокому анализу текста главной музыкальной эмблемы страны. Особое внимание уделено изучению и анализу различных традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сопоставляя строки Гимна с этими ценностями, раскрывая их глубокий смысл. На основе исследования сравнительных теоретических, исторических и практических вопросов Гимна России, выявлено и обосновано, что Гимн – не просто музыка, а отражение истории, патриотизма и единства народа. Современный Гимн России укрепляет связь поколений и напоминает о важности государственных символов.

Ключевые слова: Гимн России, символ государства, традиции, идеология, культура, патриотизм

Annotation. The article explores "The National Anthem of Russia as a Symbol of the State," focusing on a deep analysis of the text of the country's main musical emblem. It pays special attention to studying and analyzing various traditional Russian spiritual and moral values, comparing the lines of the Anthem with these values and revealing their profound meaning. Based on a comparative analysis of theoretical, historical, and practical aspects of the Russian National Anthem, the article concludes that the Anthem is not just music but a reflection of history, patriotism, and national unity. The modern Russian National Anthem strengthens the bond between generations and reminds us of the importance of national symbols.

Keywords: The Russian national anthem, the symbol of the state, traditions, ideology, culture, and patriotism

Для цитирования: Михайлов А.Е. Гимн России – символ государства: теоретико-историческое исследование // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 381–385.

Анализ символов государства будет неполным, если не рассмотреть модель организации социального государства. Считаем, что понятия «социальное государство» и «государственные символы» связаны через идею активного влияния государства на социальную сферу. Государственные символы отражают идеи социального государства — они олицетворяют, что государство заботится о гражданах, обеспечивает им достойные условия жизни.

Участие государства в урегулировании задач социальной справедливости стояли и стоят в современном мире[1]. Однако, в условиях глобализации и экономических изменений, разрешение одних и появ-

[1] См.: Петров А.П. Социальное государство: понятие, сущность и признаки // Проблемы социально ориентированного инновационного развития белорусского общества и профсоюзы: материалы XXIX Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, г. Гомель, 3 апреля 2025 г. / Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»; под общ. ред. Н. В. Кузнецова. – Гомель, 2025. – С. 337-340.

ление новых задач приводит к необходимости поиска новых моделей организации социального государства. Кроме того, актуальность выражается и в том, что важно понимать, как правовая система страны обеспечивает защиту социальных прав граждан.

Лоренц фон Штейн писал, что «социальное государство обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счёте развитие одного выступает условием развития другого и именно в этом смысле говориться о социальном государстве»[1].

Идеи социального государства актуальны и в настоящее время.

Во-первых, подчёркивается обязательственная природа социального государства. Во-вторых, закрепляется цель социального государства – сохранение социальной и политической стабильности в обществе и государстве. А это возможно только при предоставлении всем членам общества возможностей для достойного существования.

В Конституции России в первой главе первого раздела «Основы конституционного строя» не только обозначено, что Российская Федерация – социальное государство, но и закреплено, что политика данного государства «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»; а в п. 2 ст. 7 Основного закона Россия закрепила, что «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты»[2].

Социальное государство, по мнению Г.А. Василевича и А.Н. Соколова – это «государство, для которого характерны баланс интересов человека, общества и государства, а также политика, обеспечивающая социальное равенство. С этой целью используются различные средства – правовые, экономические, организационные и др.»[3].

О.В. Мартышин отмечает, что «в теории и практике социального государства переплелись две стороны: регулирование экономической жизни предоставление льгот и гарантий. Оно необходимо хотя бы потому, что эти процессы приобретают всё в большей степени общественный характер и выходят за рамки возможностей частных субъектов»[4]. Практика свидетельствует, что социальное государство и рынок – явления совместные. Государство, в котором развиты рыночные отношения высоко развиты и социальная защита граждан. А также наличие развитого социального законодательства. Поэтому новая познавательная реальность заставляет нас задуматься и о задачах Гимна России как символа государства. Гимн – не просто музыка, а отражение истории, патриотизма и единства народа. Современный Гимн России укрепляет связь поколений и напоминает о важности государственных символов. Например, 72% опрошенных чаще всего испытывают восхищение государственным гимном Российской Федерации, в то время как 68% и 64% соответственно испытывают восхищение флагом и гербом. С 2013 года доля тех, кто с гордостью демонстрирует государственные символы, выросла на 15-19%, а доля сочувствующих снизилась на 14-18%. Иными словами, симпатии граждан постепенно переросли в восхищение и гордость. В тоже время за этот период в обществе сформировалось достаточно устойчивое ядро людей, заявляющих о безразличии, и с 2013 года их доля существенно не изменилась[5].

Именно взяв во внимание конкретно это исследование, будет справедливым изучить историю создания Гимна Российской Федерации.

Мотив и гордый, и знакомый
Звучит по радио с утра.
Так просыпается страна
Под звуки Гимна — знак особый.
И нам не стоит забывать —
При звуке Гимна
Надо встать.
(А. Александров)[6].

[1] Цит. по: Милоцкий, В. П. Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в современном измерении / В. П. Милоцкий. – СПб.: [б.и.], 1997. – С. 82.
[2] Цит. по: Конституция Российской Федерации в новейшей действующей редакции 2025 г. / Оформление Изд-во «Эксмо». – Москва: Эксмо, 2025. – 96 с. – (Актуальное законодательство).
[3] Цит. по: Василевич, Г. А. Правовое социальное государство и национальные интересы / Г. А. Василевич, А. Н. Соколов // Право и демократия: сб. научн. статей; Издат. центр БГУ; Редкол. В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – Вып. 20. – С. 303-313.
[4] Цит. по: Мартышин, О. В. Идея социального государства и её противники / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2011. – № 2. – С. 9.
[5] См.: Мониторинг ВЦИОМ от 22 августа 2023 года. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvoly-rossii (дата обращения: 25.10.2025).
[6] См.: Стихи юным гражданам России. URL: https://zanimatika.narod.ru/RF8.htm (дата обращения: 25.10.2025).

Первый официальный гимн. Первым официальным гимном Российской империи стал «Боже, Царя храни!», написанный в 1833 году. Он был создан после победы в русско-турецкой войне и подавления восстания в Польше. Автором слов стал поэт Василий Андреевич Жуковский, а музыку написал композитор Алексей Фёдорович Львов.

Первый вариант песни был составлен поэтом Василием Жуковским, который в 1815 году вдохновился гимном Великобритании «God save the King/Queen». Через год гимн был утверждён императором Александром Первым.

Создание гимна было инициировано императором Николаем I, который стремился укрепить авторитет монархии и создать единый символ государственности.

В годы Советской власти гимн можно было услышать в пьесе «Дни Турбиных» (1926 год, МХАТ), в фильмах «Пролог» (1956 год) и «Тихий Дон» (1958 год).

"Русская Марсельеза". Гимн был написан в 1875 году популярным русским революционером Петром Лавровичем Лавровым. Текст песни накладывался на музыку "Марсель", гимна Франции, который в свое время стал символом революции. Гимн сразу же завоевал признание среди всех радикальных кругов общества.

В эпоху великих революций 1905 и 1917 гг. французская Марсельеза неожиданным образом превратилась в гимн «русского национально-освободительного движения». Её текст отличается от французского оригинала, однако, также носит антимонархический характер. Музыкальный текст также отличается от французского оригинала Руже де Лиля, он упрощён для более удобного и простого исполнения.

В нотах отсутствуют слова, хотя вокальная партия приведена; очевидно, издатель не отважился напечатать столь резкий революционный текст, который, впрочем, был распространен устно и «непечатно». Кроме того, печатной доске был присвоен идентификационный номер сто, что говорит о желании выделить этот важный выпуск. Указанный тираж – 11-я тысяча, показывает популярность песни в то время: скорее всего, это осень 1905 года.

Интересно, что столь откровенно революционная песня издана вполне капиталистами-буржуа – торговым домом «Ф. И. Детлаф и Компания», а отпечатана «типографией Гаврилова в собственном доме на Генеральной улице». Это говорит о том, что в тот период свержение феодальной монархии было общим желанием и буржуазии и пролетариата.

Автор аранжировки — Фёдор Детлаф, который был не только издателем, но и модным композитором-аранжировщиком популярных вальсов, романсов и рэгтаймов, в числе которых знаменитые хиты — «Негритёнок Земби» и «Негритянка».

«Русская Марсельеза» была утверждена буржуазным Временным правительством Керенского в качестве государственного гимна. Ближе к 1917 году песню почему-то стали называть «Рабочей Марсельезой», хотя по своему историческому смыслу и появлению во времени она является скорее «буржуазной»; «рабочей» же — лишь отчасти, в том смысле, что в условиях монархии стремление низвергнуть «царизм» является общим желанием пролетариата и буржуазии.

Кроме того, до Октябрьской революции 1917 года рабочие составляли не «рабочий класс», а «пролетариат», — и в условиях монархии и в условиях власти буржуазии пролетарии разобщены и являются конкурентами друг другу в стремлении продать свою рабочую силу работодателю; лишь позднее пролетариат, объединившийся для общей борьбы против буржуазии, после пролетарской революции становится рабочим классом. Однако, как показывает исторический опыт последних десятилетий, и пролетариат и рабочий класс более склонны и более способны «обуржуазиться», нежели объединяться и бороться с буржуазией[1].

В январе 1918 года (название страны — Российская Демократическая Федеративная Республика – РДФР), уже при большевистском правительстве, гимном стал «Интернационал», во-первых, из-за того, что слишком резкий текст «Русской Марсельезы» не нравился главе государства Владимиру Ленину, а, во-вторых, из-за ассоциаций с предыдущим свергнутым буржуазным правительством.

Первый официальный государственный гимн Советского Союза – «Интернационал», был написан в 1888 году французским анархистом Эженом Потье и наложен на музыку композитора Пьера Дегитера. В качестве государственного гимна СССР он был утвержден в 1921-1924 годах, на заседании Центрального исполнительного комитета СССР. Однако в 1930-х годах появилась необходимость в новом государственном гимне, который бы мог отражать реалии социалистического строительства в СССР.

Работу над созданием нового гимна начали уже в 1943 году, после того как руководство СССР осознало необходимость в государственном символе, который бы укрепил единство советского народа в борьбе с нацистской Германией.

Сергей Михалков, известный советский поэт, взял на себя написание текста, а музыка была позаимствована из произведения Александра Александрова.

В первый раз новый гимн звучал в ночь с 31 декабря 1943 года на 1 января 1944 года. При этом уже на X Всесоюзном съезде Советов 27 декабря 1943 года он был официально утвержден.

[1] См.: Старинные русские ноты «золотого века» фортепиано. URL: https://starinnye-noty.ru/русская-марсельеза/ (дата обращения: 25.10.2025).

После разоблачения культа личности и смерти И. В. Сталина в 1953 году, на XX съезде КПСС в 1956 году было принято решение откорректировать гимн текста[1]. В основном изменения были заключены в исключении упоминания о Сталине. Последний вариант текста был закреплён и утверждён Президиумом Верховного Совета СССР 27 мая 1977 года. Музыка же всё время оставалась прежней. Идеологические принципы советского государства: интернационализм, патриотизм, верность партии и правительству четко прослеживались в строчках гимна. Музыка же, в свою очередь, будучи торжественной и вдохновляющей, делала композицию подходящим для торжественных мероприятий. Как итог, национальный гимн успешно способствовал распространению социалистических и де-коммунистических идей среди народа.

Современный гимн России. Современный гимн зародился еще в начале 2000-х годов. 20 декабря 2000 года Советом Российской Федерации был одобрен законопроект "О Государственном гимне Российской Федерации", а уже 25 декабря он был подписан Президентом РФ[2].

Слова гимна утвердили указом Президента РФ 30 декабря 2000 года № 2110. Впервые этот гимн был исполнен 1 января 2001 года.

Гимн обязательно должен звучать во время вступления в должность Президента, руководителей органов государственной власти, при открытии и закрытии заседаний Совета Федерации и Госдумы, церемоний встреч и проводов, посещающих Россию с официальными визитами глав иностранных государств, при подъёме государственного флага и других официальных церемониях.

Государственный гимн РФ ежедневно транслируется государственными телевизионными и радиовещательными компаниями перед началом и по окончании вещания, а при круглосуточном вещании — в 6 часов и в 24 часа. Также гимн звучит после поздравления Президента в новогоднюю ночь. В соответствии с законом гимн РФ исполняется при проведении официальных церемоний во время спортивных соревнований на территории России и за её пределами, учитывая правила проведения этих соревнований.

9 июня 2022 года глава Министерства просвещения России Сергей Кравцов сообщил журналистам: «Сегодня мною подписан стандарт церемонии поднятия государственного флага нашей страны в школах. Этот стандарт согласован с председателем геральдического совета при президенте РФ. В нем описаны и порядок проведения церемонии поднятия флага, установления флага, герба нашей страны»[3].

Другой пример. Итоги VIII Всероссийского конкурса «Гимн России понятными словами» подвели на Межрегиональном гражданско-патриотическим форуме «Патриот – это я!». Об этом сообщили в пресс-службе Министерства информации и молодежной политики Московской области, которое выступало организатором форума.

На награждения в Подмосковье приехали 36 победителей из 24 регионов страны. Среди них – Даня Гурьянов и Таня Митрошина из башкирского города Октябрьский. Они получили Гран-при, покорив жюри артистизмом и увлечённостью. «Спасибо вам за ваши работы – такие творческие, такие интересные, с изюминкой. Мы получили огромное удовольствие, когда их просматривали. Важно, что ваши отзывы, которые вы присылаете вместе с работами, – про любовь к Родине и гордость за страну», – сказала организатор конкурса, президент Инновационного центра развития и воспитания детей и молодёжи Екатерина Аверкиева.

Также, в Госдуму РФ внесен законопроект, обязывающий спортсменов приносить присягу и знать текст гимна России. Авторы законопроекта отмечают, что спортсменам важно формировать «достойные нравственные ориентиры чести и патриотизма, воспитывать чувства уважения и гордости за страну»[4].

Изменения предлагается внести в закон «О физической культуре и спорте в РФ». Предлагается дополнить обязанности спортсменов необходимостью знания текста государственного гимна России, а также в случае включения спортсмена в списки кандидатов в спортивные сборные страны обязанность по принесению присяги спортсмена.

Отмечается, что присяга спортсмена должна приноситься в торжественной обстановке. Предлагаемый текст присяги: «Я (фамилия, имя, отчество (при наличии), торжественно клянусь: соблюдать спортивные принципы и стремиться к честным победам и достижениям; уважительно относиться к сопернику; быть верным России и достойно защищать ее честь на спортивной арене».

Авторы инициативы подчеркивают, что российские спортсмены высокого класса, принимающие участие в международных соревнованиях, являются не только профессионалами своего дела, но и кумирами молодежи. «Поэтому крайне важно, чтобы они формировали достойные нравственные ориенти-

[1] См.: 5 фактов о "сталинском" гимне СССР. URL: https://rg.ru/2013/12/13/stalin-gimn-site.html (дата обращения: 25.10.2025).

[2] См.: Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 г. № 3-ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/16407 (дата обращения: 25.10.2025).

[3] Цит. по: Агранович М. С 1 сентября в школах будут исполнять гимн России. URL: https://rg.ru/2022/04/19/so-sleduiushchego-uchebnogo-goda-v-shkolah-zazvuchit-gimn-rossii.html (дата обращения: 25.10.2025).

[4] См.: Эрдниева К. В Госдуму внесли законопроект об обязательном знании спортсменами гимна России. URL: https://www.forbes.ru/sport/517567-v-gosdumu-vnesli-zakonoproekt-ob-obazatel-nom-znanii-sportsmenami-gimna-rossii (дата обращения: 25.10.2025).

ры чести и патриотизма, воспитывали чувства уважения и гордости за нашу страну», — говорится в пояснительной записке.

В связи с вышеизложенным интересен и опыт использования государственных символов Республики Беларусь на международных спортивных соревнованиях[1]. Так одной из характерных особенностей спортсменов на спортивных соревнованиях является присутствие на их одежде флага или герба страны. На Олимпийских играх 2024 года в Париже Республика Беларусь была лишена возможности участвовать в соревнованиях с использованием своей государственной символики. Тем самым международный олимпийский комитет (далее – МОК) нарушил «Основополагающие правила Олимпизма» которые прописаны в Олимпийской хартии[2].

В Олимпийской хартии и в ее примечаниях отсутствуют положения, которые бы устанавливали лишение государства права участвовать в соревнованиях без наличия своих национальных символов. Таким образом, Международный олимпийский комитет нарушает права спортсменов, представляющих Республику Беларусь, на выступление с Государственным флагом, Государственным гербом и Государственным Гимном.

Заключение. Каждый гимн по-своему раскрывает разные особенности каждого периода в истории нашей страны. Все композиции содержат в себе традиции, идеологию и культуру определенных исторических событий России. История гимна России хранит в себе изменения политической, социальной и культурной истории жизни России.

Современный гимн России играет по сей день весьма важную роль для всей страны. Он продолжает быть символом народного единства и патриотизма.

[1] См.: Громыко В.В. О государственных символах Республики Беларусь на международных спортивных соревнованиях // Проблемы социально ориентированного инновационного развития белорусского общества и профсоюзы: материалы XXIX Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, г. Гомель, 3 апреля 2025 г. / Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»; под общ. ред. Н. В. Кузнецова. – Гомель, 2025. – С. 225-228.

[2] См.: Олимпийская хартия [Электронный ресурс]: https://olympteka.ru – Режим доступа: https://olympteka.ru/olymp/ioc/document.html (дата обращения: 25.10.2025).

Мочалова Анна Алексеевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России

Mochalova Anna Alekseevna

PhD in Law, Lecturer at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: aanna.mochalova@gmail.com

Мочалов Илья Валерьевич

преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России

Mochalov Ilya Valeryevich

Lecturer at the Department of Professional Activities of Public Order Protection Units, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: Ilmoch87@gmail.com

Значение правовых символов в обеспечении правопорядка на современном этапе государственно-правового развития

The Significance of Legal Symbols in Ensuring Public Order at the Contemporary Stage of State-Legal Development

Аннотация. Статья посвящена анализу значения правовых символов в русле важнейшей категории современной правовой доктрины – правопорядка и его обеспечения в условиях современного государственно-правового развития. Правовые символы обеспечения правопорядка являются значимыми средствами выражения нормативной правовой упорядоченности общественных отношений и уровня развития правовой системы в целом. Особое внимание уделяется анализу символической природы факторов обеспечения правопорядка и классификации исследуемых его символических оснований.

Ключевые слова: правовые символы, правопорядок, законность, государственно-правовое развитие

Annotation. The article is devoted to analysing the significance of legal symbols within the framework of a key category of modern legal doctrine — public order — and its maintenance amid contemporary state-legal development. Legal symbols related to upholding public order serve as important means for expressing the normative legal regulation of social relations and reflect the overall advancement of the legal system. Particular attention is given to the analysis of the symbolic nature of factors ensuring public order and the classification of these symbolic foundations.

Keywords: legal symbols, public order, legality, state-legal development

Для цитирования: Мочалова А.А., Мочалов И.В. Значение правовых символов в обеспечении правопорядка на современном этапе государственно-правового развития // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 386–388.

На современном этапе государственно-правового развития с появлением множества новых явлений и тенденций значимость традиционных инструментов, таких как правовые символы, не теряется, а наоборот получает новое звучание. Роль символики в самом широком ее понимании огромна. Государственные символы – герб, флаг, гимн - имеют своей целью отражение истории и культуры страны, служат теми опознавательными знаками, по которым государство становится узнаваемым. Кроме того, гос-

ударственные символы для граждан становятся связующей составляющей между прошлым, настоящим и будущим страны.

Правовые символы в современной России служат эффективным средством передачи правовой информации: от органов власти через исполнителей права к отдельным гражданам. Правовые символы, являясь традиционной формой выражения норм, успешно применяются для решения как классических, так и новых задач правового регулирования, что подтверждается их востребованностью на практике.

Правовой символ в теории права определяется как условный образ, закрепленный в законодательстве и предназначенный для передачи определённого юридического смысла. В правовом поле он представляет собой олицетворение реально существующих объектов, которые невозможно адекватно передать лишь текстом, поскольку словесное описание зачастую может вызвать неоднозначное толкование. Законодателю важно стремиться к простоте и ясности выражения государственной воли, используя ограниченное количество слов, что способствует точности и однозначности нормативных норм.

В связи с рассмотрением значения правовых символов в обеспечении правопорядка, необходимо разобраться с терминологией: что понимать под термином «правопорядок» и «правовой символ».

Изучение проблемы правопорядка представляет собой важное поле пересечения различных научных дисциплин[1]. Проблему правопорядка можно рассматривать на разных уровнях — как с теоретической точки зрения, так и с позиции массовой культуры и повседневной жизни. Это положение имеет важное значение, так как именно в массовой правовой практике право реализуется в формах, значимых для общества в целом, а не только для государственной власти. Когда население воспринимает правопорядок не как принудительную необходимость, а как внутреннюю потребность, он становится по-настоящему действенным, получает доверие и поддержку. Правовой порядок приобретает свойство естественности, благодаря своей ясности, логичности, удобству, очевидным положительным результатам и социальной защищённости.

Наконец, переход от понимания правопорядка к его идее способствует формированию целостного восприятия правовой действительности, в котором рациональный подход сочетается с глубокой эмоциональной оценкой правовых норм, отношений и поведения через призму их подлинности и соответствия идеалам правового бытия. Идея правопорядка отражает ключевые аспекты как государственной, так и гражданской жизни, объединяя их в единую концептуальную основу.

На наш взгляд, для точного определения понятия правопорядка важно выделить взаимосвязь между правопорядком, общественным порядком и законностью[2]. Правопорядок является частью общего общественного порядка, который представляет собой совокупность общественных отношений, формирующихся благодаря соблюдению субъектами всех социальных норм — как правовых, так и моральных, религиозных и прочих. В отличие от общественного порядка, правопорядок предполагает строгое соблюдение исключительно правовых норм. Он выступает как результат законности, то есть итог точного выполнения и соблюдения правовых норм на практике. Следовательно, правопорядок — это отдельный элемент общественного порядка, который образуется путём исполнения, применения и соблюдения законов и подзаконных актов, отражая тем самым реальное воплощение принципов законности в общественных отношениях.

Что касается понимания «правового символа», в научной литературе встречаются разные трактовки этого понятия, однако во всех их ключевыми остаются два момента: 1) символы рассматриваются как условные знаки[3], 2) у них есть правовая закрепленность. Помимо этого, правовой символ отличается особой характеристикой — будучи нормативной информационной моделью, он обязан быть доступным и понятным для общества, то есть смысл символа должен быть максимально ясен, что отличает его от других типов символов, часто обладающих более абстрактным или многозначным значением.

В научной литературе существует несколько подходов к классификации правовых символов[4]. Самая простая классификация - на форме выражения, которая позволяет разделить правовые символы на четыре группы: письменные, устные, изобразительные и знаки-действия.

Устные символы обладают ритуальным и процедурным характером. Они выражаются через произнесение текстов, имеющих юридическую силу, например, при приведении к присяге чиновников, озвучивании судебных решений или присвоении воинских званий.

Письменные символы отражают юридические акты и отношения, имеющие высокую социальную значимость. К ним относятся, например, аббревиатуры организаций и предприятий.

---

[1] Клевцов, Сергей Владимирович. Идея правопорядка в юридической теории : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Клевцов Сергей Владимирович; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. — Москва, 2008. — 24 с..

[2] Бялт В. С. К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЙ ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №11-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-teoretiko-pravovoy-harakteristiki-ponyatiy-zakonnost-i-pravoporyadok (дата обращения: 03.11.2025).

[3] Шалагинов, П. Д. Функции правовых символов : автореф. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / П. Д. Шалагинов ; Нижегород. правовая акад. — Н. Новгород, 2007. — 26 с

[4] Давыдова, М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. — 2008. — № 2. — С. 56–63.

Изобразительные символы характеризуются наглядностью и образностью, что помогает легко передать юридическое содержание. К ним относятся дорожные знаки, форма должностных лиц, эмблемы власти.

Знаки-действия представляют собой звуковые, световые и жестовые символы, такие как исполнение государственного гимна, поднятие государственного флага[1]. Таким образом, классификация правовых символов основывается на способах их выражения и позволяет систематизировать разнообразные формы юридического воздействия.

Если проанализировать правовые символы в обеспечении правопорядка и общественной безопасности в современной России, можно заметить наличие всех рассмотренных выше видов правовых символов по форме выражения. В соответствии с ч.4 ст.5 ФЗ «О полиции» при обращении к гражданину сотрудник полиции в обязательном порядке:

1. называет свои должность, звание, фамилию, предъявляет по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщает причину и цель обращения;

2) в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъясняет ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина.[2] Обязательное представление сотрудником полиции в установленной законом форме при обращении к гражданину представляют собой устные правовые символы.

Подпись сотрудника патрульно-постовой службы полиции, составившего протокол об административном правонарушении во время несения службы, виза руководителя территориального органа на материалах дела, аббревиатура отдела полиции в любом регионе России или полного наименования должности следователя – каждый из примеров будет являться письменным выражением правовых символов, призванных констатировать юридический факт.

Сотрудник госавтоинспекции, который контролирует и регулирует движение транспортных средств и пешеходов на перекрёстках и других участках дороги, обеспечивает безопасное движение для водителей и пешеходов, будет представлять собой яркий пример правового символа по форме выражения знаки-символы в области обеспечения правопорядка и общественной безопасности. На перекрёстках, где часто возникают сложные дорожные ситуации из-за высокой интенсивности движения, регулировщик помогает предотвратить аварии, с помощью жестов, использования свистка, жезла. Согласно правилам дорожного движения[3], указания регулировщика являются обязательными для выполнения водителями автотранспорта и пешеходами, приоритетными перед установленными дорожными знаками, сигналами светофора и любой нанесённой дорожной разметкой.

Изобразительные правовые символы имеют важнейшее значение в области безопасности дорожного движения: речь о дорожной разметке, указателях, знаках. Дорожные знаки делятся на несколько видов, которые выполняют разные функции: предупреждают о приближающейся опасности, вводят ограничения, предписывают действия или обозначают особые режимы движения. В приложении 1 к ПДД РФ представлены знаки разных групп, и их значения закреплены в правилах.

Кроме того, изобразительным правовым символом, имеющим важную роль в обеспечении правопорядка является форменное обмундирование полицейского. К примеру, у сотрудника патрульно-постовой службы полиции большой перечень обязанностей: он должен знать законы и другие правовые акты РФ, обеспечивать правопорядок на улицах, площадях, скверах, вокзалах, аэропортах и других общественных местах; выявлять неблагоприятные обстоятельства, которые способствуют преступной деятельности, и в рамках своих полномочий устранять их, оказывать помощь жертвам преступлений или несчастных случаев, а также гражданам, которые оказались в положении, опасном для жизни и здоровья, и многие другие обязанности, в том числе профилактического характера. Но само наличие, появление в общественном месте сотрудника патрульно-постовой службы полиции в форменном обмундировании способно предотвратить или пресечь правонарушения, повлиять на выбор граждан в сторону правомерного поведения.

Подводя итоги, уместно сделать акцент на том, что правопорядок представляет собой основу стабильного функционирования государства и общества. Важным элементом его поддержания являются правовые символы — специфические знаки и атрибуты, которые визуально и эмоционально выражают волю государства и закрепляют юридические нормы, позволяют сделать юридическую информацию более доступной и понятной для общества, избегая двусмысленности, которая зачастую присуща текстовым формулировкам. Как закреплённые законом условные знаки, правовые символы служат своеобразным мостом между нормами и их восприятием гражданами. Благодаря своей лаконичности и однозначности, они способствуют чёткости государственной воли. В итоге правовые символы становятся незаменимым инструментом эффективной коммуникации в правовом поле.

---

[1] Вопленко, Н. Н. Правовая символика / Н. Н. Вопленко // Правоведение. — 1995. — № 4–5. — С. 71–73.

[2] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»

[3] Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 16.07.2025) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

Орлов Дмитрий Викторович

кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Нижегородской академии МВД России

Orlov Dmitry Viktorovich

Candidate of Law, Associate Professor, Doctoral student of the Scientific Research Department of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: dm_orlov@rambler.ru

Влияние правовых символов на стоимость правового регулирования

The impact of legal symbols on the cost of legal regulation

Аннотация. В статье исследуется зависимость объема и характера издержек правового регулирования от закрепления и использования правовых символов. Особый интерес вызывает соотношение расходов по изменению символа, целям, которые преследует законодатель и результату такого изменения, включая отношение граждан к этому процессу и его последствиям. Автор приходит к выводу, что данные издержки могут носить как материальный, в виде средств и трудозатрат, так и нематериальный характер – репутационные издержки. В некоторых случаях издержки по реализации положений нормативных правовых актов, касающихся правовых символов, в значительной степени ложатся на субъектов правоотношений – физических или юридических лиц и зачастую оценке не подлежат. Автором отмечается необходимость очень трепетно относиться к существующим символам в связи с чем проводить последовательную политику в отношении их реформирования.

Ключевые слова: символ, знак, правовой символ, правовое регулирование, реформа, стоимость правового регулирования, издержки, репутация

Annotation. The article examines the dependence of the volume and nature of the costs of legal regulation on the consolidation and use of legal symbols. Of particular interest is the ratio of the costs of changing the symbol, the goals pursued by the legislator and the result of such a change, including the attitude of citizens to this process and its consequences. The author comes to the conclusion that these costs can be both material, in the form of funds and labor, and non-material in nature – reputational costs. In some cases, the costs of implementing the provisions of regulatory legal acts concerning legal symbols largely fall on the subjects of legal relations – individuals or legal entities, and are often not subject to assessment. The author notes the need to be very sensitive to existing symbols, and therefore pursue a consistent policy towards their reform.

Keywords: symbol, sign, legal symbol, legal regulation, reform, cost of legal regulation, expenses, reputation

Для цитирования: Орлов Д. В. Влияние правовых символов на стоимость правового регулирования // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 389–392.

В условиях сложных международных отношений и поиска оптимального пути развития экономики государства сокращение издержек при правовом регулировании видится как одна из важнейших задач, стоящая перед законодателем и правоприменителем. Проведение научных исследований с рекомендациями по совершенствованию юридико-технических правил при законотворчестве, содержанию норм права и оптимизации правоприменительных процедур будет являться хорошей основой и помощью в достижении этих самых задач.

Одним из таких направлений является исследование целесообразности нормативного закрепления и использования различных знаков и символов с учетом издержек на этот процесс.

На наш взгляд, «стоимость правового регулирования можно определить как совокупность явных и неявных издержек в денежном выражении на процедуры принятия норм права, их изменения или отмены, а также интерпретации и их реализации, направленных на получение запланированного результата»[1].

В широком же смысле стоимость правового регулирования будет заключаться в результате оценки правового регулирования с учетом социальной полезности, как возможности удовлетворять потребности субъектов правоотношений, эффективности реализации, материальных издержек, а также нематериальных издержек в части ухудшения правового положения субъектов общественных отношений[2].

В словаре правовых символов и знаков, под знаком понимается «материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения переработки и передачи информации»[3], а под символом – знак с устойчивым содержанием, формирующийся исторически и имеющий определенный социально-культурный смысл.

Исходя из вышеуказанного юридически закрепленное наименование чего-либо является знаком или символом в зависимости от устойчивости содержания и социокультурного смысла.

Приведем примеры. Как мы относимся к названиям органов власти, учреждениям, названиям каких-либо институтов? В чем заключается разница между наименованиями «Милиция» и «МФЦ». По нашему убеждению, разница в символизме, который закладывается десятилетиями. Если сегодня государство захочет поменять наименование МФЦ (многофункциональный центр) предположим на – МФУ (многофункциональное учреждение) каких-то существенных возмущений это не вызовет. Большинство граждан этого не заметят, а тот, кто заметит будут задавать вопросы относительно целесообразности расходов, следующих за таким решением. Милиция же – это иное.

Милиция была символом в общественном сознании долгое время. Зачем нужно было менять устоявшееся положение в сознании людей, формировавшееся на протяжении более 90 лет? Есть, конечно, различные мнения на этот счет, в том числе - уход от негативного имиджа. Но можно ли уйти от того, что было в сознании людей почти столетие? Думается, что нет. Кроме того, далеко не все граждане негативно относились к деятельности данного органа. Негатив скорее был вызван последующей реформой, включающей новое обозначение самого правоохранительного органа. Стоит отметить, что после распада СССР в некоторых республиках до сих пор существует данное наименование органа и никаких проблем или дискомфорта, они от этого не испытывают.

Так, например, Президент Белоруссии Александр Григорьевич Лукашенко в 2012 году обозначил свою позицию о переименовании милиции и проведении реформы МВД в республике: «Я не просто так сказал о том, что нам надо реформировать МВД, но реформировать, не ломая, как это обычно бывало, может быть и у нас, и у наших соседей. Мы не собираемся ни переименовывать МВД как-то иначе (в полицию, например) и так далее» и при этом отметил, что «реформа должна заключаться в совершенствовании той структуры, которая сегодня создана. … Реформу мы всегда должны понимать как совершенствование»[4].

В 2018 году Правительством Киргизии было принято решение о переименовании милиции в полицию и проведение реформы, но как отмечалось для их реализации потребуются значительные расходы, в связи с чем реформа должна была проводиться поэтапно[5]. До настоящего момента изменений не произошло.

Уход от неблагоприятного имиджа являлся причиной проведенного ребрендинга в 1998 году, когда ГАИ было переименовано в ГИБДД. Новые расходы на организацию правовой работы по внесению изменений в правовые акты, расходы в виде подготовки новых бланков документов, замены элементов обозначения на автомашинах, зданиях, шевронах. Еще в 2001 году В.В. Путин на прямой линии произнес: «Есть такая организация – ГИБДД. Трудно выговаривается и вообще не очень понятно, зачем переименовали. Так до сих пор никто внятно не может объяснить»[6]. По всей видимости отсутствие аргументированного ответа, желание не сильно отдаляться от корней, а также экономия средств на проводимые изменения повлияли на подписание Владимиром Владимировичем Путиным Указа от 02.07.2002 № 679, который сделал наименования ГИБДД и ГАИ равнозначными[7]. С мая 2024 года вновь отказались от ис-

[1] Орлов Д. В. Стоимость правового регулирования: определение понятия // Юридическая наука. 2024. № 3. С. 31.
[2] Там же.
[3] Баранов В. М., Исаков В. Б. Словарь правовых символов и знаков. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2025. С.5.
[4] Лукашенко против переименования милиции в полицию: надо реформировать МВД не как соседи // URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2012/06/15/n_2391221.shtml (дата обращения: 25.08.2025).
[5] Милицию Киргизии переименуют в полицию // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5001654?ysclid=mg2h3yrysu245515959 (дата обращения: 25.08.2025).
[6] Стенограмма прямого теле- и радиоэфира («Прямая линия с Президентом России») // URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21457 (дата обращения: 20.05.2024).
[7] Указ Президента РФ от 02.07.2002 № 679 «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 "О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения" и в

пользования наименования ГИБДД и вернулись к ГАИ. Об этом заявил глава ГИБДД М.Ю. Черников: «Мы сейчас стали Госавтоинспекцией, ГИБДД убираем, законодательно урегулировали. Милиция не знаю, но Госавтоинспекция уже есть»[1]. Парадокс ситуации заключается в том, что на официальных сайтах уже активно используется «госавтоинспекция», но изменений в законодательстве нет.

На наш взгляд «ГИБДД» уже устоялось в сознании и общественных отношениях и какого-либо существенного значения возвращение наименования «ГАИ» не имеет, помимо того, что возврат, как и ранее, будет сопровождаться значительными расходами на реализацию этого решения.

Вспомним высказывание английского экономиста Рональда Коуза о том, что «следует сравнить выгоды от предотвращения ущерба с убытками, которые неизбежно возникнут в результате прекращения той деятельности, которая является причиной ущерба»[2]. В свою очередь отметим, что, «сворачивая» уже существующие наработки, будут иметь место как издержки в виде ранее потраченных ресурсов на подготовку и реализацию данных норм, так и издержки самого процесса отмены норм, включая издержки в виде благ, которые появились в результате такого регулирования.

Если внимательно посмотреть на некоторые изменения, которые происходят — это попытки вернуться к старым советским положениям и порядкам.

Об этом говорит и желание вернуться к другому символу – официальной форме одежды в школах. Рассматривается установление единого образца для школьников всей России, так и образцов формы только для школьников субъектов РФ или отдельных школ. В отличие от вышеуказанных примеров данное нововведение скажется в основном на издержках граждан. Нужно ли это делать и в каком объеме регулировать эти отношения? С одной стороны, единая форма действительно будет являться символом школьного образования, сделает «равными» детей, будет способствовать духу корпоративности, с другой – не будет давать возможности самовыражения и будет носить милитаризационный характер.

К слову, есть сомнения в обязательности ношения формы определенными представителями государственных структур в определенных ситуациях. Действительно, форма одежды — это символ государства, государственной деятельности, власти. Но есть ли реальная необходимость ее ношения на работе, если работа напрямую не связана с общением с гражданами? Как известно издержки, которые государство несет на закупку форменного обмундирования являются существенными. Бывают случаи, когда сотрудники, пытаясь получить выгоду в виде компенсации за нее используют форму долгое время, иногда и в ущерб имиджу, который изначально подразумевался введением этой самой формы. Государство же, пытаясь сэкономить, предоставляет рекомендации, как правильно ухаживать за форменным обмундированием для его долгой службы, продляя тем самым периоды ее использования. Почему бы в таком случая не ввести на рабочем месте обязательность ношения одежды делового стиля? У государственных гражданских служащих, например, официальной формы нет, и структура вполне эффективно функционируют. Кроме того, данное решение позволит одновременно экономить средства на форменном обмундировании, экономить место на ее размещение в рабочих кабинетах и экономить рабочее время на переодевании. Повторюсь – указанное предложение, может быть осуществимо, только в отношении тех случаев, когда деятельность сотрудников этих структур (подразделений) или отдельных лиц не связана напрямую с работой с гражданами.

Говоря о символах – стандартах следует упомянуть ранее существовавшую систему ГОСТа. Необходимость возвращения стандартов, с государственным регулированием и контролем за выполнением этих требований не раз поднималось в качестве общественной инициативы[3], а также депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, но не доходило до решения.

В этой связи интересным является ответ на вопрос заданный В.В. Путину в рамках прямой линии 7 июня 2018 года: «Теперь: «Верните ГОСТ на молочные продукты». Ведь дело не в ГОСТе, дело в контроле за качеством. И в контроле за этим ГОСТом, если его надо будет возвращать.»[4].

Еще один интересный момент связи символов, материальных издержек и доходов — это вопрос продажи «красивого номера», что сейчас в полной мере можно наблюдать в коммерческой деятельности операторов мобильной связи. Это же предлагается предпринять в отношении номерных знаков транспортных средств.

На встрече, прошедшей 18 сентября 2025 года В.В. Путина с лидерами парламентских фракций, А.Г. Нечаев предложил сделать официальную продажу красивых автомобильных номеров на «Госуслу-

Положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденное этим Указом» // Собрание законодательства РФ, 08.07.2002, № 27, ст. 2679.

[1] Глава ГАИ Черников рассказал про постепенное избавление от названия ГИБДД // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6729255?ysclid=mg2ik1367n752129476 (дата обращения: 20.05.2024).

[2] Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2007. С.34.

[3] См.: Инициатива № 33Ф643: Восстановление системы ГОСТов в РФ, производство товаров, услуг и продуктов питания в соответствии с ГОСТ, и запрет производства продуктов питания и напитков по ТУ (Техническим Условиям) // https://www.roi.ru/643/ (дата обращения 20.12.2024); Инициатива № 77Ф52669: Восстановление системы ГОСТов в РФ, производство товаров, услуг и продуктов питания в соответствии с ГОСТ, и запрет производства продуктов питания и напитков по ТУ (Техническим Условиям) // https://www.roi.ru/52669/ (дата обращения 20.12.2024).

[4] Прямая линия с Владимиром Путиным // http://kremlin.ru/events/president/news/57692 (дата обращения: 20.08.2025).

гах», посчитав, что доход от этой деятельности может составлять до 25 миллиардов рублей. На что Владимир Владимирович ответил: «Продажа красивых номеров. Почему нет? Чего здесь такого? Я не вижу почему до сих пор решение не принимается»[1].

Действительно, данное решение, может помимо пополнения бюджета положительно отразиться на ликвидации «теневого» рынка, ликвидации коррупции в этом вопросе, получении равных возможностей для граждан в приобретении желанных цифр (номерных знаков). Данная практика уже существует в иных государствах.

Ну и последний пример, связанный с символами и издержками, который упомянем – это принятый недавно Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], который направлен на защиту русского языка и ограничение использования иностранных слов в публичном пространстве. Изменения в том числе предусматривают указывать информацию на различного рода вывесках и обозначениях жилых и нежилых помещений, их комплексов, используемых как в коммерческих, так и некоммерческих целях только на русском языке.

Изначально в финансово-экономическом обосновании к проекту этого закона содержалась стандартная фраза об отсутствии в проекте закона положений, предусматривающих расходование средств федерального бюджета, что вызвало замечание со стороны заместителя Председателя Правительства Российской Федерации – Руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации Д.Ю. Григоренко, заключающееся в необходимости указания информации о влиянии реализации положений проекта закона на доходы и расходы всех бюджетов бюджетной системы Российской Федерации[3].

Стоит отметить, что основные издержки понесут юридические лица, поскольку замена вывесок потребует существенных финансовых затрат.

Все приведенные примеры показывают влияние смысла, который скрывается за символом, на общественные отношения. Вводя вновь ранее отмененное власть демонстрирует ошибочность принятых решений и непоследовательность своих действий в рассматриваемом вопросе.

И тут возникает интересный и одновременно сложный вопрос. Что лучше – наполнять новым смыслом старый правовой символ проводя реформу или отказываться от старого символа, создавать новый, с последующим наполнением его смыслом в связи с проведением реформы?

Полагаем, что к любому правовому символу необходимо относиться трепетно. Должна иметь место преемственность, выраженная в его сохранении и сохранении его основ, позволяющая говорить о духовно-нравственных ценностях, устоях и культуре народа.

И в этом смысле важно не бежать от имиджа, а сделать все чтобы его изменить. На наш взгляд, переименование государственных структур не имеет существенного значения, и здесь можно полностью согласиться с мнением А.Г. Лукашенко, что важно не ломать, а сохранить, развить, реформировать. Таким образом государство покажет с одной стороны важность этого символа, с другой – работу по совершенствованию, при этом сохраняя ресурсы и сокращая издержки на данное реформирование.

Если же по тем или иным причинам необходимо отказаться от определенного символа, к нему не стоит возвращаться. Издержки, в таких случаях будут носить не только материальный характер, в виде средств и трудовых ресурсов, но и нематериальный, в виде репутационных издержек. И тут безусловно можно поддержать мнение В.В. Путина, что дело не в наименовании, а в том, что стоит за этим символом – качество, структура, деятельность, контроль.

Мы уже не раз говорили о том, что следует особо обращать внимание на издержки, которые несет не только государство, но и на издержки, которые несет «потребитель»[4]. Но данный учет на практике ведется только в рамках процедур оценки регулирующего воздействия в отношении предпринимателей в целях развития экономики и экономических отношений.

[1] Встреча с лидерами парламентских фракций // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78025 (дата обращения: 22.09.2025).

[2] Федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.06.2025, № 26 (часть I), ст. 3498.

[3] Официальный отзыв на проект федерального закона № 468229-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы Е.А. Ямпольской, М.А. Топилиным, С.А. Пахомовым и другими // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/468229-8 (дата обращения: 21.08.2025)

[4] Орлов Д. В. Нормативное регулирование стоимости правового регулирования // Право и политика. 2024. № 5. С. 14.

Осипов Михаил Юрьевич

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международная полицейская академия ВПА»

Osipov Mikhail Yurievich

Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher Autonomous non-profit organization of higher education "International Police Academy of the VPA"

E-mail: osipov11789@yandex.ru

Правовые символы как специфические феномены правовой культуры

Legal symbols as specific phenomena of legal culture

Аннотация. Предметом исследования, результаты которого изложены в настоящей статье выступают особенности правовых символов как специфических элементов правовой культуры. Цель исследования заключается в том, чтобы определить место и роль правовых символов в правовой системе.К числу методов исследования, результаты которого изложены в данной статье можно отнести общенаучные методы: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, абстрагирование, обобщение, моделирование, а также специфические методы: культурологический подход, формально – юридический метод. Результаты исследования состоят в следующем. Под правовым символом предлагается понимать специфический элемент правовой культуры, представляющий собой знак или систему знаков, которые закреплены в нормах права, наличие которых вызывает определенные правовые последствия. Также подробно рассматриваются роль правовых символов в правовой системе, анализирую бия их функции, в том числе основные, к числу которых предлагается относить: функцию правовой идентификации, ориентирующую функцию. Также раскрыты специфические особенности правовых символов, которые отличают их от других феноменов правовой культуры.

Ключевые слова: правовые символы, правовая культура, функции правовых символов, правовая идентификация, правовая ориентация, правовые последствия, юридическая наука

Annotation. The subject of the research, the results of which are presented in this article, are the features of legal symbols as specific elements of legal culture. The purpose of the study is to determine the place and role of legal symbols in the legal system. The research methods, the results of which are presented in this article, include general scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction, Annotationion, generalization, modelling, as well as specific methods: cultural approach, formal-legal method. The results of the study are as follows. Under the legal symbol it is proposed to understand a specific element of legal culture, which is a sign or a system of signs that are enshrined in the norms of law, the presence of which causes certain legal consequences. The role of legal symbols in the legal system is also considered in detail, their functions are analyzed, including the main ones, among which it is proposed to include: the function of legal identification, orienting function. The specific features of legal symbols that distinguish them from other phenomena of legal culture are also revealed.

Keywords: legal symbols, legal culture, functions of legal symbols, legal identification, legal orientation, legal consequences, legal science

Для цитирования: Осипов М.Ю. Правовые символы как специфические феномены правовой культуры // Юридическая техника. – 2026 – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 393–396.

Проблема осмысления феномена правовых символов – это одна из проблем, современной юридической науки. Актуальность данной проблемы обусловлена неоднозначностью понимания правовых символов как специфических юридических феноменов. Анализ существующей литературы, посвященный правовым символам, показывает, что существуют различные точки зрения, по поводу данных объектов научных исследований. Так по мнению А.В. Глушакова: «правовой символ – это закрепленная в законодательстве нормативная информационная модель, выражающая общее и наиболее значимое для

государства юридическое содержание и понятная субъектам правового воздействия»[1] Однако при таком подходе к пониманию феномена правового символа возникает вопрос, все ли правовые символы и всегда ли «несут определённое юридическое содержание»[2]. Ответ далеко не всегда. Например, государственный герб РФ имеет определенное юридическое содержание, но мало кто из граждан может сказать какое правовое значение имеет тот или иной элемент государственного герба, государственного флага, или государственного гимна. А указанные феномены, несомненно, являются правовыми символами[3]. Если же сами по себе взятые элементы того или иного правового символа не имеют юридического значения, то и говорить о каком – либо юридическом содержании правового символа нельзя, ибо юридическое содержание того или иного феномена по нашему мнению возможно, если и только если имеется набор элементов, каждый из которых имеет определённое юридическое значение, в противном случае говорить о каком – либо юридическом содержании того или иного феномена невозможно.

Другой подход к пониманию феномена «правовых символов» представлен «в работах М.Л. Давыдовой. По ее мнению, правовой символ в узком смысле – это символ, установленный или санкционированный действующим законодательством»[4] «В широком же смысле правовой символ – любой символ, который является частью правовой культуры и интегрирован в правовому систему»[5]. Однако при таком подходе возникает следующий вопрос. С точки зрения лингвистики любая совокупность знаков может рассматриваться как символ[6]. Возникает вопрос, может ли статья закона или иного нормативно – правового акта рассматриваться как правовой символ или нет. На этот вопрос в юридической литературе нет однозначного ответа.[7]

Все это затрудняет понимание феномена правового символа и требует его специального изучения, посредством проведения специальных юридических исследований данного феномена.

Целью подобного рода исследований, по нашему мнению, должна состоять в том, чтобы определить место и роль правового символа в правовой системе, необходимость его использования в качестве специфического средства юридической техники, о чем отмечается в специальной литературе[8].

Для установления места и роли правового символа в правовой системе России, по нашему мнению, необходимо решение следующих научно – исследовательских задач.

1. Выявление таких особенностей правовых символов, которые отличают данный феномен от иных правовых феноменов

2. На основе анализа особенностей правовых символов формулировка понятия «правового символа», которое учитывало бы особенности данного феномена

3. Раскрытие роли правовых символов через анализ особенностей функций правовых символов в правовой системе России

Анализ особенностей правовых символов как юридического феномена позволяет выявить их следующие особенности

Во – первых, правовые символы отражают определенные правовые ценности, существующие в обществе[9].

---

[1] Глушаков А Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. №2. С. 199 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-simvol-ponyatie-priznaki-klassifikatsiya (дата обращения: 03.04.2025).

[2] там же

[3] Давыдова М. Л. Классификация правовых символов // Актуальные проблемы российского права. 2008. №4. С. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-pravovyh-simvolov (дата обращения: 03.04.2025). С.7.

[4] Давыдова М.Л.. Указ. соч. С.4. Давыдова М.Л. Давыдова Марина Леонидовна Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. №2. С.57 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-simvoly-i-simvoly-v-prave-ponyatie-znachenie-klassifikatsiya (дата обращения: 03.04.2025).

[5] там же

[6] Todorou Tzv. Theories du symbole / Ed. Seuil. – Paris, 1977; Idem. Symbolisme et interpretation / Ed. Seuil. – Paris, 1978. Тетерук В. А. Культурно-исторический анализ понятия «Символ» // Система ценностей современного общества. 2010. №12. С.170 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskiy-analiz-ponyatiya-simvol (дата обращения: 03.04.2025)

[7] см об этом Глушаков, А. Ю. Правовые символы в структуре юридической информации / А. Ю. Глушаков // Вестник научных конференций. – 2015. – № 2-4(2). – С. 31-32. – EDN VBSUHH. Никитин, А. В. Правовые символы : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никитин Александр Всеволодович. – Нижний Новгород, 1999. – 241 с. – EDN NLMWVZ. Шарно, О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шарно Оксана Игоревна. – Саратов, 2014. – 22 с. – EDN ZPNRTP.

[8] Никитин, А. В. Указ. соч, Шарно, О. И. Указ соч.

[9] Демидова, И. А. Правовые символы: осмысление в контексте исследования правовой культуры общества / И. А. Демидова // Актуальные вопросы права, образования и психологии : Сборник научных трудов. Том Выпуск 8. – Могилев : Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2020. – С. 56-62. – EDN WCHFOE. Зяблова, Т. Е. Историко-правовые символы: понятие, признаки и функции / Т. Е. Зяблова //

Во –вторых, правовые символы, по нашему мнению, не всегда могут выступать в качестве непосредственных правовых средств регулирования общественных отношений, например, какие общественные отношения регулирует государственный герб, государственный флаг, или государственный гимн? Ответ очевиден, будучи правовыми вышеуказанные правовые символы не являются непосредственными регуляторами общественных отношений.

В-третьих, правовые символы могут выступать в качестве объектов общественных отношений, которые регулируются при помощи права, например общественные отношения, связанные с использованием государственного герба, государственного флага и государственного гимна, регулируются соответствующими федеральными конституционными законами,[1]

В-четвертых, правовые символы могут выступать в качестве объекта правовой охраны[2].

В-пятых, правовые символы выполняют целый ряд функций в правовой системе, включая функцию правовой идентификации (то есть правовые символы выступают в качестве средств правовой идентификации того или иного субъекта права, в том числе государства.

В- шестых, наличие правового символа порождает определенные правовые последствия, которые воплощаются в соответствующем поведении субъекта права.

Это выражается формулой: правовой символ →правовое поведение субъекта права

В-седьмых, правовой символ включая его описание в ряде случаев закреплен в соответствующих нормах права.

Таким образом анализ особенностей правовых символов позволил сформулировать следующее определение правового символа. Под правовым символом предлагается понимать специфический элемент правовой культуры, представляющий собой знак или систему знаков, которые закреплены в нормах права, наличие которых вызывает определенные правовые последствия

В чем же заключается отличие правового символа от других элементов правовой культуры.

1. Правовой символ будучи взятым сам по себе не регулирует и не может регулировать общественные отношения, поскольку для того, чтобы правовой символ исполнял свою роль в правовой системе он должен быть закреплен в нормах права

2. Основное назначение правового символа – это осуществление правовой идентификации: то есть процесса отождествления того или иного юридического феномена. При этом правовой символ может идентифицироваться с: а) субъектом права: например, государственный герб, или товарный знак позволяют идентифицировать в данном случае государство (если используется государственный герб) или коммерческую организацию, если используется товарный знак; б) с наличием определенного должностного положения субъекта права. Судейская, к примеру мантия означит то, что перед нами судья, осуществляющий правосудие. Форма военнослужащих, прокурорских работников, сотрудников правоохранительных органов символизирует принадлежность субъекта права к тому или иному элементу государственного управления, а также к тому, что человек находится при исполнении своих должностных обязанностей; в) с исхождением документа от определенного субъекта права, например подпись и печать на документах; г) с определенным поведением субъекта права, например сигналы светофоров, а также определенные дорожные знаки, требуют от участников дорожного движения определенного проведения, иными словами наличие того или иного сигнала светофора или дорожного знака, определенных звуковых и сигналов, например вой сирен, позволяет идентифицировать данный сигнал как сопровождающий определенное поведение субъекта права.

4. Правовые символы не являются не выступают и не могут выступать в качестве средств правовой социализации, также им не присущи такие функции как «гарантирующая функция», «функция координации и защиты интересов субъектов права», «интегративная функция» «функция моделирования общественных отношений»[3]

Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 12. – С. 154-156. – DOI 10.23672/SAE.2022.67.15.001. – EDN SVIICL.

[1] "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 2-ФКЗ
(ред. от 30.12.2021) "О Государственном гербе Российской Федерации" "Собрание законодательства РФ", 25.12.2000, N 52 (Часть I), ст. 5021, Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 3-ФКЗ
(ред. от 13.06.2023) "О Государственном гимне Российской Федерации"// Собрание законодательства РФ", 25.12.2000, N 52 (Часть I), ст. 5022, Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 1-ФКЗ
(ред. от 23.03.2024) "О Государственном флаге Российской Федерации"// "Собрание законодательства РФ", 25.12.2000, N 52 (Часть I), ст. 5020,

[2] см об этом статьи 329, 325, 325.1. 326, 327,1. Уголовного Кодекса РФ. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025)// Официальный интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru - 28.02.2025).

[3] О функциях правового регулирования см Осипов, М. Ю. Функции правового регулирования / М. Ю. Осипов // Право и государство: теория и практика. – 2006. – № 8. – С. 35-43. – EDN KXGECT.

5. Для правовых символов характерны следующие основные функции: 1) функция правовой идентификации, то есть последствием использования правовых символов можно осуществить идентификацию того или иного субъекта права; а) в качестве такового (подпись лица); б) в качестве принадлежности того или иного субъекта права к определенной группе (медицинский халат, форма военнослужащих, прокурорских работников, сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, судейская мантия); в) принадлежность того или иного объекта общественных отношений тому или иному лицу, например государственный флаг на том или ином здании или сооружении особо подчеркивает принадлежность того или иного здания или сооружения государству; г) с определенным поведением и деятельностью субъекта права например при осуществлении дорожного движения, знаки и сигналы светофоров предполагают наличие определенного поведения и деятельности субъекта права; наличие забора предполагает запрет нахождения лиц на той или иной территории и.т,д; 2) «функцию ориентации субъекта права относительно его поведения при появлении того или иного правового символа»[1], которая проявляется в: «а) необходимости действовать определенным образом при появлении того или иного правового символа; б) необходимости воздержаться от определенных действий при наличии того или иного правового символа».[2] Другие же функции для правовых символов не характерны, за исключением «функции стимулирования и ограничения»[3], которая проявляется с одной стороны в активации определенного поведения при появлении одних правовых символов, и сдерживания поведенческой активности субъектов права при появлении других правовых символов[4], а также функции отражения правовых ценностей.

6. Правовые символы являются наиболее стабильными элементами правовой культуры, поскольку в них отражаются определенные правовые стереотипы и архетипы, сложившиеся в том или ином обществе.[5]

Мы рассмотрели все вопросы, входящие в предмет данного исследования. Подведём итоги.

В ходе проведенного исследования правовых символов было установлено следующее

1. Под правовым символом предлагается понимать специфический элемент правовой культуры, представляющий собой знак или систему знаков, которые закреплены в нормах права, наличие которых вызывает определенные правовые последствия

2. Для правовых символов характерно наличие следующих особенностей: а) принадлежность правовых символов к правовой культуре; б) закрепление правовых символов на уровне факта или описания в нормах права; в) наступление определенных правовых последствий, связанных с существованием правовых символов; г) правовые символы могут выступать в качестве объектов определенных общественных отношений; г) правовые символы характеризуются наличием достаточно ограниченного круга функций, к числу которых можно отнести: функцию правовой идентификации, в качестве основной функции, отражательную функцию, функцию правовой ориентации, функцию стимулирования и ограничения; д) правовые символы в отличие от других элементов правовой культуры характеризуются повышенной стабильностью.

Таковы, по нашему мнению, понятие и основные особенности правовых символов как феноменов правовой культуры.

[1] Осипов, М. Ю. Функции правового регулирования / М. Ю. Осипов // Право и государство: теория и практика. – 2006. – № 8. – С. 35-43. – EDN KXGECT.
[2] Осипов М.Ю. Указ соч.
[3] Осипов М.Ю. Указ соч.
[4] Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2004. С. 90
[5] Демидова, И. А. Указ соч. Зяблова, Т. Е. Указ соч.

Парфенов Александр Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Parfenov Alexander V.

Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: Parfen-AV@mail.ru

Типичные технико-юридические дефекты правовых символов и роль компромисса в их предупреждении

Typical technical and legal defects of legal symbols and the role of compromise in preventing them

Аннотация. В представленной статье предпринимается попытка рассмотрения наиболее типичных технико-юридических дефектов правовых символов. Автор, в частности, выявляет четыре их группы. В статье анализируются причины их появления. Рассматриваются формы проявления основных технико-юридических дефектов правовых символов. Отмечается, что они могут возникнуть вследствие нарушения баланса ценностей, отраженных в правовом символе, некорректном определении его признаков, в наличии в его содержании взаимоисключающих образов. Пытаясь привлечь к рассматриваемой проблеме внимание ученых-правоведов, автор стремится определить, каким образом можно предупредить появление дефектов правовых символов. Он, в частности, полагает, что в этой области целесообразно задействовать потенциал компромисса.

Ключевые слова: символ, правовой символ, символ в праве, конфликт, дефект, дефект правового символа, технико-юридический дефект правового символа, предупреждение дефекта, предупреждение дефекта правового символа, компромисс, правовой компромисс, компромисс в праве, виды правового компромисса

Annotation. This article examines the most common technical and legal defects of legal symbols. Specifically, the author identifies four groups. The article analyzes the causes of their occurrence. The manifestations of the main technical and legal defects of legal symbols are examined. It is noted that they can arise due to an imbalance of values reflected in the legal symbol, an incorrect definition of its features, or the presence of mutually exclusive images in its content. Attempting to attract the attention of legal scholars to this problem, the author seeks to determine how to prevent the emergence of defects in legal symbols. He, in particular, believes that it is advisable to utilize the potential for compromise in this area.

Keywords: symbol, legal symbol, symbol in law, conflict, defect, defect of a legal symbol, technical and legal defect of a legal symbol, defect prevention, prevention of a defect of a legal symbol, compromise, legal compromise, compromise in law, types of legal compromise

Для цитирования: Парфенов А.В. Типичные технико-юридические дефекты правовых символов и роль компромисса в их предупреждении // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 397–401.

Процесс упорядочения общественных отношений в современном государственно организованном обществе сегодня вряд ли можно представить без правовых символов. В отечественной юридической науке они традиционно рассматриваются в качестве одного из специальных технико-юридических средств, позволяющих существенно оптимизировать процесс правового регулирования. До недавнего времени целый ряд значимых аспектов их юридической природы, структуры и функций, находился за рамками поля зрения ученых-правоведов. В.К. Бабаев в начале 90-х годов XX века отмечал по этому поводу, что правовые символы оказались обойдены вниманием в научной литературе[1]. За несколько по-

[1] См.: *Бабаев В.К.* Правовая система общества // Общая теория права / Под ред. В.К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993. – С. 100.

следних десятилетий ситуация значительно изменилась. Наблюдаемый в отечественной научной среде всплеск интереса к проблемам юридической техники в целом заставил исследователей обратить пристальное внимание на целый ряд технико-юридических средств, в числе которых оказались и правовые символы. Внимание ученых-правоведов было сосредоточено на уточнении системы их признаков, оптимизации системы функций, разработке дополнительных вариантов классификации и т.д. По-нашему мнению, на сегодняшний день среди наиболее перспективных и любопытных направлений исследования правовых символов, продолжающих оставаться без должной теоретической разработки, следует обозначить вопросы, связанные с установлением основных дефектов данного феномена и определением путей их преодоления. В рамках данной статьи мы преследуем цель, состоящую в привлечении к ним внимания юридической научной общественности, и предпримем попытку частичного заполнения пробела в этой области знаний, характерного для современной юриспруденции.

В юридической литературе отмечается, что выражение правовой информации с помощью текста нередко оказывается малоэффективным, ибо приводит к появлению усложненных, громоздких языковых конструкций, которые, во-первых, трудны для понимания, во-вторых, создают опасность «размытия» мысли правотворческого органа. В этих случаях законодателю целесообразно задействовать потенциал правовых символов, которые «являются олицетворением объектов, существующих в правовой действительности»[1].

Предложение такого рода представляется нам вполне обоснованным. Оно не вызывает серьезных нареканий и со стороны большинства отечественных ученых-правоведов. Действительно, правовой символ, как «закрепленный законодательством условный образ (замещающий знак), используемый для выражения определенного юридического содержания»[2], способен существенно сократить и упростить процесс получения субъектами правовой информации, способствовать снижению уровня ошибок в ходе ее уяснения и разъяснения, обеспечить оптимизацию массива действующего законодательства. Подчеркнем, что достижение всех перечисленных целей представляется возможным при наличии одного условия – высоком качестве содержания и формы создаваемых правовых символов. Однако обращение к действующему законодательству и материалам юридической практики показывает, что в области их формирования и закрепления по сей день существуют многочисленные проблемы. Они приводят к появлению у правовых символов разного рода дефектов технико-юридического характера, которые, в свою очередь, существенно усложняют, порой ставят под сомнение саму возможность практического использования данного юридического инструмента.

Мы полагаем, что к числу основных дефектов правовых символов следует отнести следующие недостатки:

1) *Нарушение баланса ценностей, отраженных в правовом символе*. Правовые символы отражают ценности, характерные для конкретного общества, нации, социальной группы. Если законодателем они определены корректно, то правовые символы находят понимание и поддержку у своих адресатов и способны в дальнейшем порождать предусмотренные юридическими предписаниями правовые последствия.

Круг социальных ценностей в настоящий момент весьма широк. По мере развития общественных отношений он имеет тенденцию к расширению. «Концентрация» ценностей в обществе вынуждает субъекта правотворчества в ряде случаев отражать в отдельных правовых символах уже не их отдельную разновидность, а целую группу. При этом, к сожалению, им далеко не всегда принимается во внимание то обстоятельство, что ценности способны конкурировать друг с другом, вступать в конфликт. В этой связи уместно вспомнить о попытке Центрального Банка России разработать новый дизайн для банкнот номиналом 1000 рублей и последующего их введения в оборот. Данная идея была озвучена в марте 2023 года. Предполагалось, что помимо оформления, новый образец купюры получит улучшенную защиту и станет более износостойким. Напомним, что сами денежные банкноты, М.Л. Давыдова относит к числу важных предметных символов[3]. В первоначальной варианте на новой купюре номиналом 1000 рублей было размещено несколько символов, отражающих весьма важные для российского общества ценности. Так, на лицевой стороне банкноты изобразили Никольскую башню Нижегородского Кремля, которая традиционно ассоциируется с нижегородским ополчением под предводительством Минина и Пожарского. На другой стороне купюры были показаны казанский музей истории государственности татарского народа и Республики Татарстан, башня Сююмбике, находящаяся на территории Казанского Кремля, и уфимский музей археологии и этнографии. Представленное здесь сочетание названных символов породило скандал. Так, очень скоро было замечено отсутствие православного креста на куполе бывшего Дворцового храма в Казанском кремле, что само по себе уже породило недовольство многих российских граждан. Более того, на купюре храм в таком виде оказался расположен рядом с минаретом, на котором был отчетливо виден полумесяц. В новом дизайне купюры ряд православных верующих

[1] См.: *Гончарова Н.С.* Правовой символ: понятие и признаки // Вестник ВГУ: Серия: Право. – 2017. – № 3 (30). – С. 68.
[2] *Бабаев В.К., Баранов В.М.* Общая теория права: Краткая энциклопедия. – Н. Новгород, 1997. – С. 74.
[3] См.: *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: Монография. – Волгоград, 2009. – С. 304.

узрел оскорбление. Под давлением общественности Центральный Банк России заявил о приостановке выпуска обновленной купюры номиналом в 1000 рублей, пообещав переработать ее дизайн. В представленном примере мы можем заметить, как непродуманная деятельность целого ряда должностных лиц и неоправданно свободное обращение с их стороны с религиозными символами, представленными на важнейшем государственном символе, коим являются денежные знаки, привели к появлению конфликта внутри российского общества и к острому отторжению нового образца купюры номиналом в 1000 рублей большим количеством граждан. Демонстрация символов ислама на фоне «обезглавленного» православного храма на денежном знаке интерпретировалась ими как попытка законодательно закрепить правовой символ, который вводит иерархию религий, существующих на территории современной России. Со своей стороны подчеркнем, что попытка признания одной из них доминирующей, уже сама по себе противоречит смыслу ст. 4 Федерального закона РФ от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», устанавливающей, что «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом»[1].

Игнорирование факта нарушения баланса ценностей, отраженных в правовом символе, попустительство их противоборству, может привести к самым разным негативным последствиям. Нарочитая демонстрация через правовой символ одной ценности, подчеркивание ее особой социальной значимости, сопровождающаяся здесь же очевидным нивелированием другой ценности, способно оказать мощное идеологическое влияние на граждан и явно не способствует формированию и поддержанию согласия, стабильности внутри общества.

2) *«Размытость» признаков правового символа*. Своевременное обнаружение и идентификация правового символа, отграничение его от смежных образов, со стороны адресатов правового предписания, становятся возможными лишь тогда, когда субъектам правотворчества удалось четко определить и зафиксировать родовой и видовые отличительные признаки обозначаемого при помощи него феномена. К сожалению, данному направлению деятельности далеко не всегда уделяется должное внимание. Описание отдельных правовых символов может сопровождаться выявлением лишь самых общих признаков объекта. Они в должной мере не отражают его специфики и могут быть характерны и для многих других явлений и процессов. Еще больше усложняют ситуацию случаи, когда, создав подобный правовой символ, законодатель связывает возможные правовые последствия как с ним самим, так и с символами, которые с ним сходны до степени смешения.

В результате на практике возникают случаи, в рамках которых законопослушные граждане в своей деятельности могут столкнуться с «невинными», по их мнению, символами, использование которых, как выясняется, потенциально грозит им мерами юридической ответственности. Правоприменители же, со своей стороны, могут ошибочно придавать юридическую окраску символам, не имеющим отношения к правовой сфере, связывать с ними наступление правовых, в том числе, неблагоприятных, последствий.

Достаточна любопытна в этом плане юридическая практика, связанная с рассмотрением дел, касающихся нарушения запрета на использование нацистской атрибутики или символики. Описание символов такого рода содержится в Постановлении Верховного Суда РФ от 11.12.2018 г. № 24-АД18-6. В нем указывается, что нацистской атрибутикой и символикой являются атрибутика и символика, которые использовались организациями, признанными Нюрнбергским международным военным трибуналом преступными. К таковым относят, в частности, знамена, значки, атрибуты униформы, приветственные жесты и пароли, свастику, а также их воспроизведение в любой форме.

Наступление неблагоприятных правовых последствий для субъекта по российскому законодательству связано с использованием, демонстрацией как самой нацистской атрибутики или символики, так и атрибутики или символики, сходных с ней до степени смешения. Соответствующий запрет содержится в ст. 6 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов»[2]. Она гласит: «В Российской Федерации запрещается использование, в том числе публичное демонстрирование, нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных до степени смешения с нацистской атрибутикой или символикой».

Выявление, идентификация собственно нацистской символики либо атрибутики не составляет особой проблемы на практике. Куда более сложным является определение символов, сходных с этими образами до степени смешения. В частности, по сей день ведутся споры о возможности отнесения к этой группе отдельных славянских символов. Например, отечественная юридическая практика твердо стоит на позиции, в соответствии с которой, к группе «сходных» символов следует относить «квадрат Сварога» («Звезда Руси»). Так, 30 июня 2020 года Останкинский суд города Москвы признал журналиста Е. Колесова виновным в его демонстрации в публичном пространстве. Он был обвинен в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ. Ему было назначено наказание в виде административного штрафа в размере 1.000 рублей, с конфискацией предмета административного правонарушения.

[1] СЗ РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.
[2] СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1928.

Официальная трактовка затронутого символа имеет сегодня немало противников. Они утверждают, что «квадрат Сварога» не имеет никакого отношения к нацистской символике или атрибутике. Данный славянский символ посвящён исключительно богу-творцу Сварогу. Подобная ситуация в настоящий момент складывается и с другим славянским символом, известным как «коловрат». Его отдаленное сходство со свастикой позволяет должностным лицам отнести его в разряд «сходных» символов, хотя и здесь есть ярые противники подобного подхода.

До тех пор, пока законодатель не предложит четкие критерии, позволяющие отграничить символы, имеющие юридическое значение, от иных символов, споры о природе, упомянутых нами, квадрата Сварога и коловрата в российском обществе будут продолжаться.

В целом же «размытость» признаков правового символа опасна тем, что на местах в правовую сферу ошибочно «втягивают» символы, которые к праву отношения не имеют. Им приписывают смыслы, которых в них нет, связывают с ними правовые последствия, которые явно не были предусмотрены отечественным законодателем.

3) *Поливариантность смыслового значения правовых символов (их отдельных элементов)*. Традиционно ученые-правоведы совершенно справедливо полагают, что правовые символы способствуют повышению степени ясности, доступности государственно-властных велений. Однако смысловая нагрузка некоторых из них вызывает целый ряд вопросов у адресатов. Один и тот же образ, включенный в состав правового символа, может привести к существенным разночтениям, спорам, касающимся его содержания. Для примера рассмотрим некоторые элементы государственного герба Российской Федерации. Его описание приводится в ст. 1 Федерального конституционного закона от 25.12.2000 г. № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации»[1]. В соответствии с ней, «Государственный герб Российской Федерации представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья». Далее в ней описывается один любопытный элемент. В частности, отмечается, что «орел увенчан двумя малыми коронами и – над ними – одной большой короной, соединенными лентой». Наличие подобного символа Л.А. Окуньков объясняет тем, что современный российский герб «восходит к традиционным российским символам, несет в себе идею стабильности государства и тех непреходящих ценностей, которые составляют его основу»[2]. Однако точный смысл такого символа как короны на Государственном гербе Российской Федерации ни он, ни другие представители науки конституционного права, как правило, не расшифровывают. В этой связи, мнения специалистов по этому вопросу существенно расходятся. Одни полагают, что короны обозначают три крупных ханства (княжества), покорённых Россией: Казанское, Астраханское и Сибирское. Другие видят в них символ, именуемый «симфония властей», олицетворяющий важнейший православный принцип взаимоотношений между церковью и государством. Он предполагает согласованную деятельность властей светской и церковной.

Другой пример может быть связан с использованием такого символа как «ликторский пучок». Его изображение сегодня можно увидеть на официальных символах Федеральной службы исполнения наказаний РФ, Федеральной службы судебных приставов РФ, военной полиции Министерства обороны РФ. Его смысл, как и отношение к нему в целом, может существенно варьироваться в зависимости от круга лиц и исторической эпохи.

Так, изначально ликторский пучок представлял собой «перевязанный лентой пучок розог, который ликторы (телохранители) римских царей, а также консулов, проконсулов провинций и преторов носили перед ними, расчищая дорогу в толпе и требуя тишины»[3]. В провинциях и во время войны в него вплеталась секира. Со временем ликторский пучок трансформировался в важнейший символ власти. В античный период он олицетворял власть и порядок. В таком значении он в дальнейшем и использовался в качестве государственного символа. В подобном качестве он, в частности, снискал популярность в наполеоновской Франции. После октябрьской революции 1917 года в советской России он превращается в эмблему революционного порядка. Однако в 1922 году, после прихода к власти в Италии Муссолини, ликторский пучок стал главной эмблемой итальянского фашизма. В этой связи в СССР на долгие годы отказались от его использования[4]. После распада Советского Союза отношение к данному символу вновь изменилось, и он вернулся на эмблемы целого ряда государственных служб и организаций.

4) *Наличие в правовом символе набора несогласованных (противоречащих друг другу) знаков.* Правовой символ нередко представляет собой сложную конструкцию, выраженную в системе взаимосвязанных и дополняющих друг друга изображений. Каждое из них, в свою очередь, может выступать отдельным самостоятельным символом. В своей совокупности, они порождают органическую знаковую систему, которая, по замыслу законодателя, должна нести новые юридически значимые смысловые зна-

[1] СЗ РФ. – 2000. – № 52. – Ст. 5021.

[2] *Окуньков Л.А.* Комментарий к Конституции РФ. – М.: БЕК, 1996. – С. 664.

[3] *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2001. – С. 233.

[4] См.: *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. – 3-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2001. – С. 234-236.

чения. Однако все это становится возможным лишь при условии согласованности всех изображений, составляющих правовой символ. К сожалению, достигнуть ее на практике субъектам правотворчества удается далеко не всегда. Весьма характерным в этом отношении является пример, связанный с гербом Нижегородской области. Его описание содержится в ст. 2 Закона Нижегородской области от 10.09.1996 г. № 42-З «О гербе Нижегородской области»[1]. В соответствии с ней, он представляет «помещенное на геральдическом щите изображение идущего в серебряном поле червленого оленя, имеющего рога с шестью отростками и черные копыта; геральдический щит увенчан исторической российской короной и обрамлен золотыми дубовыми листьями, соединенными исторической Андреевской лентой». Неискушенному читателю сложно обнаружить в этом описании какие-либо дефекты. Однако герб Нижегородской области не был внесён в Геральдический регистр Российской Федерации. Основная причина – несоответствие методическим рекомендациям Геральдического совета при Президенте РФ. Данный совет констатировал, что герб субъекта Российской Федерации не может включать в себя императорскую корону, она, фактически, является здесь лишним элементом. Кроме того, герб областного уровня не может иметь внешних обрамлений в виде дубового венка и Андреевской ленты. Таким образом, как выясняется, столь любимый нижегородцами герб, содержит в себе набор несочетающихся между собой символов.

Полагаем, что перечень возможных технико-юридических дефектов правовых символов не ограничивается перечисленными недостатками. В рамках представленной статьи освещение получили лишь наиболее яркие среди них. Изложенный материал позволяет нам обозначить вполне резонный вопрос, что же можно противопоставить тем или иным технико-юридическим дефектам правовых символов, как предупредить их появление? Очевидно, что каждый типичный недостаток требует к себе пристального внимания и тщательного рассмотрения со стороны ученых-правоведов. Все это станет возможным лишь в рамках отдельного специального исследования. Здесь же мы считаем уместным точечно обозначить основные рекомендации самого общего характера. К их числу, прежде всего, следует отнести пожелание, адресованное субъектам правотворчества, связанное с расширением сферы использования феномена компромисса в ходе разработки правовых символов. Традиционно он ассоциируется лишь с взаимным согласованием интересов, позиций лиц, занимающихся подготовкой правового предписания, и в этом плане он рассматривается в качестве важнейшего ориентира их деятельности. Признавая актуальность данного направления отметим, что применительно к сфере разработки правовых символов, наряду с ним, принципиальное значение имеет поиск компромисса и между ценностями, которые они отражают. Подбор образов, составляющих правовой символ, по-нашему мнению, должен происходить с обязательным учетом данного положения. В частности, осуществляя деятельность подобного рода субъекты правотворчества, во-первых, должны исключить ситуации, при которых в одном правовом символе могли бы встречаться образы, олицетворяющие взаимоисключающие ценности; во-вторых, указанные субъекты должны в обязательном порядке принимать во внимание и учитывать при разработке правовых символов место затрагиваемых ценностей в общей иерархии ценностей современного российского общества; в-третьих, при работе с образами, олицетворяющими ценности одного порядка, необходимо обеспечить их грамотное согласование, в противном случае, посредством полученного на их основе правового символа произойдет искусственное повышение значимости одной из них в ущерб другой. Реализация подобных рекомендаций в современных условиях представляется достаточно перспективной. Она позволит повысить качество разрабатываемых правовых символов, что, несомненно, позволит повысить эффективность правового регулирования общественных отношений. В конечном итоге, право в целом, как и его основные элементы, в том числе и правовые символы, станут восприниматься, в качестве «средства и результата компромисса»[2].

[1] Нижегородские новости. – 1996. – № 177 (1162).
[2] *Вопленко Н.Н.* Очерки общей теории права: Монография. – Волгоград, 2009. – С. 34.

Перепелица Елена Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и информационного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Perepelitsa Elena Vasilievna

Cand. S c i. (Law), Associate professor, Leading Researcher Department of Research in the Field of State Building and Information Law Institute of Legal Research of the National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, associated member of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights of the National Research University «Higher School of Economics»

E-mail: elenaperepelitsa@rambler.ru

Доверие между обществом и государством: символические и правовые смыслы

Trust between society and the state: symbolic and legal meanings

Аннотация. В статье раскрыты символические и правовые коннотации общественно-государственного доверия. Подчеркивается сложность измерения доверия как метафизической величины. Приведены примеры его юридического прочтения в законодательстве Республики Беларусь, Российской Федерации и на межгосударственном уровне. Констатируется потребность актуализации методов и средств, при помощи которых оценивается доверие общества к органам публичной власти в условиях «пересборки социального».

Ключевые слова: публично-правовое доверие, легитимность, типы правового регулирования, солидарность, гражданское согласие, сетевые сервисы, блокчейн

Annotation. This article explores the symbolic and legal connotations of public trust. It emphasizes the complexity of measuring trust as a metaphysical quantity. Examples of its legal interpretation in the legislation of the Republic of Belarus, the Russian Federation and at the interstate level are given. The need to update the methods and means by which public trust in public authorities is assessed in the context of the “reassembly of the social” is stated.

Keywords: Public-law trust, legitimacy, types of legal regulation, solidarity, civil consent, network services, blockchain

Для цитирования: Перепелица Е.В. Доверие между обществом и государством: символические и правовые смыслы // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 402–406.

Доверие между обществом и государством важно́ при любой исторической данности. Не чуждые языку символов качества сложности и изменчивости весьма удобны для описания доверия вообще и доверия между обществом и государством, в особенности. В силу нахождения за пределами материального бытия и «”неуловимой“ эпистемологической сущности»[1] доверие легче постигается в метафорах, чем в строгих юридических формулах. Время «пересборки социального», в которое нам выпало жить, делает вопрос о доверии стратегически острым. Общественно-государственное доверие заставляет с собой считаться. Его трудно заслужить и легко потерять, сохранение доверия задача монументальная.

При том, что базовые смыслы доверия с самых разных сторон просвечены социальной психологией, социологической и политической мыслью, эти и другие науки все еще решают, «является ли доверие

[1] Деникин А. В., Ореховская Н. А., Деникина З. Д. Социальное доверие – опыт философско-методологической интерпретации // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 89.

эмоцией, установкой (аттитюдом), рациональным действием, обоснованным решением, "*скачком веры*"»[1]? В семантике Петра Штомпки доверие – регуляция, сотрудничество, личностная тенденция, культурное правило[2]. «В различных исследованиях доверие рассматривается как ожидание, установка, отношение, состояние, чувство, (…) личностное и групповое свойство»[3]. В экономическом тезаурусе содержание интересующего нас понятия раскрывает коннотация «взаимосвязь выгодности и лояльности контрагентов»[4]. В какой-то части вышеприведенные значения согласуются, однако же последний смысл доверия по-прежнему сокрыт, он вряд ли подпадает по исчерпывающие научные определения, особенно, когда последние рождены формально-догматическими способами. Это обусловлено «ограниченностью рационального типа познания»[5] применительно к данному объекту и пребыванием доверия «вне пределов рациональности»[6].

Доверие общества к государству в юридической лексике – величина, сопоставляемая с легитимностью и легальностью, часто к ней приложимо обозначение «взаимное признание». В масштабе различных ветвей государственной власти ситуацию доверия создает «предсказуемость правоприменительных решений»[7]. В праве эта субстанция позиционируется в том числе под знаком типов правового регулирования, но не замыкается лишь ими. «Нельзя однозначно связывать доверие только, скажем, с дозволительным типом правового регулирования, а недоверие – с запретительным. Важно то или иное сочетание типов правового регулирования»[8]. По точному высказыванию профессора В. И. Червонюка, «Доверие граждан к публичным властям является одним из важнейших конструктивных компонентов "прочности" всего государственного здания. Следствием доверия к институтам властвования является нормативная стабильность, противоположность которой – нормативный хаос (аномия)»[9].

Если спроецировать обсуждаемый вопрос на уровень «высшего юридического акта в правовой системе»[10], то взаимное доверие между государством и обществом в российской Конституции следует из буквального содержания статьи 751, которая говорит о гражданском мире, согласии и солидарности[11]. При этом принцип солидарности справедливо рассматривать как обращенный «к органам публичной власти, и к частным лицам»[12]. В свою очередь Конституция Республики Беларусь упоминает гражданское согласие в преамбуле, статьях 16 («Религия и вероисповедания равны перед законом»), в главе о Всебелорусском народном собрании[13].

Из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации следует, что доверие общества к государству «предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость предоставления гражданам возможности, в частности посредством временного регулирования, в течение разумного переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям (…)»[14]. Довольно часто категория «доверие граждан к государству» встречается в решениях органа конституционной юстиции Республики Беларусь.

---

[1] Давыденко В. А., Адрианова Е. В., Лазутина Д. В. «Светлые» и «темные» стороны доверия: анализ идей участников мирового научного форума «trust» (Токио, 18–20 ноября 2017 г.) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 1. С. 33.

[2] См.: Штомпка П. Доверие – основа общества: пер. с пол. Н. В. Морозовой. Москва: Логос, 2012. С. 149–163.

[3] Купрейченко А. Б. Доверие и недоверие к социальным институтам и социотехническим системам: постановка проблемы и особенности похода к исследованию // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсияновой. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 427.

[4] Доверие – неэкономический постулат экономики. Экспертное заключение подготовлено по итогам сессии ПМЭФ-2024 «Российская экономика: как обеспечить достижение национальных целей». Росконгресс. Пространство доверия. URL: https://roscongress.org/materials/doverie-kak-fundamentalnyy-faktor-razvitiya-rossiyskoy-ekonomiki-i-obshchestva/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 27.08.2025).

[5] Водолазкин Е. Постижение свободы. Новый тип духовного лидера // Библиотечное дело. 2017. № 3(285). С. 7.

[6] Водолазкин Е. Постижение свободы. Новый тип духовного лидера // Библиотечное дело. 2017. № 3(285). С. 8.

[7] Фролова Е. А. Фундаментальная юридическая наука в Московском университете в XXI в. // Вестник Московского университета. 2024. № 6. С. 33.

[8] Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. Москва: Юристь, 2004. С. 24.

[9] Червонюк В. И. Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования: монография. Москва: Юстицинформ, 2024. С. 780.

[10] Малый А. Ф. О мотивирующем значении преамбулы Конституции Российской Федерации. Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 5.

[11] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ СПС КонсультантПлюс Россия (дата обращения 23.10.2025).

[12] Варламова Н. В. Права человека: теоретические основания и юридико-догматическая конкретизация: дис. … докт. юрид. наук. ФГБУН Институт государства и права РАН. Москва, 2024. С. 569.

[13] Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023.

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.11.2017 № 34-П по делу о проверке конституционности пункта 8 статьи 75, подпункта 1 статьи 111 и подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Флот Новороссийского морского торгового порта». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201711300028 (дата обращения 24.10.2025).

Принцип доверия граждан к закону и действиям государства из конституционного прорастает в отраслевое право. Доверие обеспечивается стабильностью правового регулирования общественных отношений. В правовой системе Беларуси это один из основных принципов нормотворческой деятельности, находящий закрепление в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», где прямо говорится об ограничении слишком частых их корректировок[1]. В числе иных законов, упоминающих доверие к институтам государственной власти – Закон Республики Беларусь «Об основах гражданского общества»[2]. Доверие материализуется в поддержке государственных институтов и в удовлетворенности граждан деятельностью управленческих структур. О том, что питает общественное доверие к государственным институтам, напоминает Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г.[3].

В овеществлении публично-правового доверия Российская Федерация пошла несколько дальше. Скажем, Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. «связал доверие и систему правового регулирования цифровой экономики как будущей основы единой цифровой среды доверия»[4]. Показательно, что доверие к власти, а именно, к Президенту Российской Федерации, к высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, уровень которого определяется в том числе посредством оценки общественного мнения в отношении достижения субъектами Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации – первый пункт в Приложении к Единому плану по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2035 г.[5].

На межгосударственном уровне юридический смысл доверия граждан к закону и к действиям государства раскрыт постановлениями Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Скажем, в Постановлении О рекомендациях «Социальная стратегия государства как основной параметр устойчивого развития государства» от 29 ноября 2013 г., поддержание доверия граждан названо важнейшим вектором развития социального законодательства[6].

Несмотря на все предпринимаемые меры вопрос о кризисе доверия между обществом и государством не покидает актуальной правовой повестки. Возможная причина такого положения дел кроется в том, что у названной величины неуловимая природа, которую не так легко верифицировать. Она недоступна формальной прямолинейной логике. Доверие отличается динамичностью, оно «не имеет общепризнанных методов оценки»[7], его точный уровень не поддается непогрешимой оценке. Тем не менее, цифровой поворот – «момент, когда получается формализовать то, что только что казалось неформализуемым и неструктурируемым»[8] – не исключает фиксации данной величины «числовыми кодами символов»[9]. Предвидится, что «В будущем мы, вероятно, сможем формализовать хранение и обработку эмо-

[1] О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г., № 130-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130 (дата обращения 20.10.2025).

[2] Об основах гражданского общества: Закон Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 250-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300250 (дата обращения 14.09.2025).

[3] Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005 (дата обращения 24.10.2025).

[4] Костюнина О. В. Доверие к власти как условие достижения национальных целей развития России на современном этапе: теория и правовое регулирование // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26, № 1. С. 38.

[5] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., утвержден Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» // СПС КонсультантПлюс Россия (дата обращения 19.09.2025).

[6] О рекомендациях «Социальная стратегия государства как основной параметр устойчивого развития государства»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 29 ноябр. 2013 г. № 39-19. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=n21300184 (дата обращения 12.10.2025).

[7] Доверие – неэкономический постулат экономики. Экспертное заключение подготовлено по итогам сессии ПМЭФ-2024 «Российская экономика: как обеспечить достижение национальных целей». Росконгресс. Пространство доверия. URL: https://roscongress.org/materials/doverie-kak-fundamentalnyy-faktor-razvitiya-rossiyskoy-ekonomiki-i-obshchestva/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 27.08.2025).

[8] Гагарина Д. А. Базы данных: модели, структуры, связанные данные // Цифровые гуманитарные исследования: монография; А. Б. Антропольский, А. А. Бонч-Осмоловская, Л. И. Бородкин и др.). Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2023. С. 100.

[9] Гагарина Д. А. Базы данных: модели, структуры, связанные данные // Цифровые гуманитарные исследования: монография; А. Б. Антропольский, А. А. Бонч-Осмоловская, Л. И. Бородкин и др.). Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2023. С. 106.

ций, впечатлений, запахов (…)»[1]. В ряду конвертируемых в цифру метафизических величин время обещает поставить доверие.

У общественно-государственного доверия разные степени и уровни. Дефицит доверия проявляется в отношении друг к другу с прохладой. Лидер по публично-правовому доверию – пожалуй, Китай[2], правда, субъективные критерии, по которым искомые показатели изменяются там, нетипичны для иных культур и цивилизаций. Трудно постижимую логику доверия хорошо высвечивает то, чем оно не является. Минувший век продемонстрировал примеры крайней степени взаимного недоверия между государством и обществом, которая материализовалась в подозрительности, контроле и слежке. Кажется, это должно навсегда привить иммунитет к подобным вещам. Недоверие общества к государству овеществляется в открытых и скрытых формах. В числе первых – намагниченное социальное пространство, наглядный образец латентного недоверия – миграция. Интересно, что в ситуации короткого горизонта доверия к государству люди могут сохранять доверие к «конкретным политическим фигурам, олицетворяющим власть»[3].

Расцвет сетевых и платформенных сервисов вроде бы снимает проблему публично-правового доверия по умолчанию. Естественно говорить о сокрушении временных, пространственных и прочих препятствий между людьми, а равно о замене вертикально-иерархических отношений горизонтальными. Компьютерные помощники как бы делают государство прозрачным для народа, но подчас они же лишают человека приватного пространства и вместо транспаретности мы получаем новые формы изолированности публично-властных и невластных субъектов. Совершенно очевидно, что только прорывные технологии не решают ситуацию кризиса доверия. «Глубинные реформы захлебнутся и не принесут ожидаемого результата, если общество будет по-прежнему рассматриваться как *объект*, а не *субъект* экономических, политических и социальных процессов»[4].

Головокружительные технические успехи стали причиной безоглядного доверия к бестелесным посредникам. Люди склонны доверять алгоритмическим устройствам больше, чем себе подобным, вполне привычным и обыденным становится доверие к роботам. Парадокс заключается в том, что фальшивые новости, сгенерированные при участии машинных технологий, иногда вызывают гораздо большее доверие, нежели фейковая информация, исходящая от человека. Чтобы технические устройства не мешали делу, нужно, по меньшей мере, маркировать контент, создаваемый искусственным интеллектом.

Причина излишнего доверия к неодушевленным механизмам кроется в постепенной утрате здоровых коммуникативных навыков, присущих людям. Лишнее тому подтверждение block chain – разновидность технологий системы распределенного реестра. По мнению разработчиков, «одноранговая пиринговая сеть»[5] – безызносная и не допускающая просчетов технология, продуктивная по той причине, что она более удовлетворительно решает задачи, связанные с посредничеством между людьми, чем к тому способны сами люди. Блокчейн работает так, что доверия не требуется, со всем благополучно справляется технология и никакой нужды в людях попросту не возникает. Однако же при внешней безупречности системы распределенного реестра разрушающе воздействуют на межличностные отношения. Это касается профессиональных участников бизнес-сообщества, а также широко социального контекста.

Оппоненты найдут массу обратных доказательств. На этот счет можно заявить следующее: технология блокчейн действительно широко применима, ареал ее использования простирается, начиная от налогового администрирования и заканчивая сферой государственного управления. Рядом европейских стран еще в 2018 г. была подписана Брюссельская декларация о взаимодействии в блокчейн-среде, призывавшая к поддержке соответствующей технологии во имя «”трансформации“ экономической деятельности»[6]. Основанные на сходных технологиях цифровые платформы несут пользу в процессе проведения выборов в некоторых правопорядках. В то же самое время трудно возразить на то, что «ни одна из цифровых технологий не может быть признана безопасной»[7]. Таким образом, делая взаимодействие

[1] Гагарина Д. А. Базы данных: модели, структуры, связанные данные // Цифровые гуманитарные исследования: монография; А. Б. Антропольский, А. А. Бонч-Осмоловская, Л. И. Бородкин и др.). Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2023. С. 100–101.

[2] См.: Ерохина О. В. Общество и государство: информационно-коммуникационные технологии для преодоления «кризиса доверия» в условиях пандемии // Информационные технологии. 2020. Т. 18, № 3. С. 368–374.

[3] Костюнина О. В. Доверие к власти как условие достижения национальных целей развития России на современном этапе: теория и правовое регулирование // Академический юридический журнал. 2025. Т. 26, № 1. С. 41.

[4] Краснов М. А. Государство и общество: преодолеть «наследственность» // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 51, № 4. С. 24.

[5] Чаннов С. Е. Правовое регулирование использования блокчейн-технологий // Информационное право: учебник / под ред. С. Е. Чаннова. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 239.

[6] Цит. по: Добробаба М. Б., Чаннов С. Е. Отечественный и зарубежный опыт применения технологии в государственном управлении // Правовое обеспечение применения цифровых технологий в государственном управлении: монография / под ред. М. Б. Добробабы. Саратов: Амирит, 2024. С. 25.

[7] Добробаба М. Б., Чаннов С. Е. Отечественный и зарубежный опыт применения технологии в государственном управлении // Правовое обеспечение применения цифровых технологий в государственном управлении: монография / под ред. М. Б. Добробабы. Саратов: Амирит, 2024. С. 31.

между людьми ничем не опосредованным, одноранговые пиринговые сети предлагают безоговорочно довериться алгоритмам. Сами же «механизмы (алгоритмы) консенсуса»[1] не поддаются проверке, их исправная работа понятна далеко не многим специалистам.

Самый простой и верный способ достижения искомого состояния доверия предложил Апостол Павел. В первом послании Коринфянам им недвусмысленно сказано, что «недоверие преодолевается полным доверием (*всему верит* (1 послание Коринфянам 13, 7))»[2]. Понятно, что доверие рождает любовь, но для секуляризованной юридической лексики одного этого недостаточно. «Доверие – это не то, что возникло *до* веры, но полнота веры, как в слове *досыта* речь не идет о полной сытости. (…) Вера связана с призывом к полностью открытым отношениям, в которых один открывает истину о себе, а другой ее признает»[3].

Подчас нынешнее право пытается решать вопросы доверия граждан к институтам государственной власти дедовскими методами, мало обращая внимание на то, что такие методы со временем ветшают и их нужно подвергать периодической инвентаризации. Один из таких методов – безгласное приобщение граждан к правовой информации. В теории публично-правовое доверие эволюционирует, что нельзя со всей однозначностью отнести на счет практики.

Подводя итоги, заметим, что восприятие доверия напрямую зависит от контекста. Неюридические дисциплины создают более полноподобный образ общественно-государственного доверия, чем это делает собственно право. Символически доверие описывается как сокрушенность преград между людьми и никакие технологии не в силах гарантировать такой эффект. В юридическом смысле обсуждаемая величина выполняет важную охранительную функцию. Она означает стабильность правового регулирования общественных отношений, наличие солидарности и гражданского согласия. Хотя на практике постсоветские страны склонны прибегать в апробированным в прошлом способам обеспечения искомого состояния, наукой права предложены более современные и действенные средства преодоления дефицита доверия между обществом и государством. Помимо конвергенции различных типов правового регулирования к числу такого рода средств принадлежит согласование интересов.

[1] Чаннов С. Е. Правовое регулирование использования блокчейн-технологий // Информационное право: учебник / под ред. С. Е. Чаннова. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 239.
[2] Клюев В. // Богословский вестник: научно-богословский журнал / Московская духовная академия. Сергиев Пасад: Издательство Московской духовной академии, 2024. № 1 (52). С. 128.
[3] Ямпольская Я. Г., Великанов А. И., Логинов А. В. Доверие как ценность: обсуждение проблемы // Ценности и смыслы. 2023. № 5 (87). С. 143.

Петрова Екатерина Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой частного права, сравнительного правоведения и правотворчества Ивановского государственного университета, доцент кафедры теории и истории государства и права

Petrova Ekaterina Alekseevna

Candidate of Law Science, Ass. Professor, Head of Private Law, Comparative Law and Lawmaking Process Department of Ivanovo State University

E-mail: petrova_tgp@mail.ru

Роль символов в юридическом образовании

The role of symbols in legal education

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования символов в образовательном процессе при обучении студентов-юристов. Предлагается деление всех символов на нормативно закрепленные (обязательные) и на сложившиеся в качестве обычаев в педагогической практике (рекомендательные). Описывается познавательная функция первых, и воспитательная роль вторых. Делается вывод о целесообразности использования символов в учебном процессе с целью обеспечения его доступности и эффективности.

Ключевые слова: нормативные символы, правовые символы, юридическое образование, педагогические традиции, познавательная роль символов, правовое воспитание

Annotation. The article discusses the use of symbols in the educational process when teaching law students. It is proposed to divide all symbols into normative (mandatory) and established as customs in pedagogical practice (recommendatory). The cognitive function of the first one and the educational role of the second are described. The conclusion is made about the symbols usefulness in the educational process in order to ensure its accessibility and effectiveness.

Key-words: normative symbols, legal symbols, legal education, educational traditions, cognitive function of symbols, legal upbringing

Для цитирования: Петрова Е.А. Роль символов в юридическом образовании // Юридическая техника. – 2025. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 407–410.

Символы как условные образы, передающие определенную мысль, идею, т.е. имеющие смысловое значение, используются в самых разных сферах общественной жизни, в т.ч. и в образовательной. Образование в целом, и юридическое, в частности, направлено, в первую очередь, на передачу определенных знаний, умений, навыков, но в то же время выполняет и определенную воспитательную функцию. Юридическое образование, реализуемое высшими учебными заведениями, обеспечивает формирование соответствующих универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций выпускника, позволяющих ему решать задачи в сфере нормотворческой, правоприменительной, правоохранительной и экспертно-консультационной деятельности[1]. Поставленные цели высшего юридического образования достигаются с помощью различных педагогических средств, приемов, к которым можно отнести и использование символов.

Символика в целом обеспечивает наглядность, образность передачи информации, что делает последнюю более понятной, доступной, и, как следствие, легче воспринимающейся и запоминающейся. Учитывая, что обучать праву в отечественной системе образования начинают еще со школьной скамьи, а на первый курс бакалавриата приходят «вчерашние» школьники, то очень важно выбрать правильные методики обучения, чтобы эффективно и продуктивно «погрузить» студентов во все сложности юридической «материи». Особенно важно это для студентов младших курсов, только еще приступающих к

[1]См., например: Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13 августа 2020 г. № 1011 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru.

освоению юридических дисциплин. И здесь на помощь преподавателю как раз и может прийти использование символов, различных по своему содержанию и предназначению в контексте реализации познавательной и воспитательной функций как главных в образовательном процессе.

Роль символов в рассматриваемой сфере зависит от их вида. Речь при этом идет о социальной символике, т.е. той, которая воплощает в себе определенную социально значимую информацию. Классификация символов может быть произведена по различным критериям, обусловленным её целью. Для нашего исследования мы предлагаем все символы, используемые в сфере юридического образования, в зависимости от формы их закрепления разграничивать на *нормативные* (законодательно закрепленные) и сложившиеся на уровне *обычая* (устоявшейся практики).

Нормативные символы предусмотрены в различных формальных источниках права: актах федерального законодательства или законодательства субъектов, локальных актах, нормативных договорах и т.д. Их, в свою очередь, можно разделить, на те, *с помощью которых* учат, и те, *которым* учат студентов-юристов. Первые используются как соответствующие средства обучения и служат прежде всего для передачи юридических знаний (умений, навыков). Их примеры мы находим, в частности, в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования. Так, в ФГОС ВО бакалавриата по направлению 40.03.01 – Юриспруденция закреплено в качестве одного из требований к условиям реализации образовательной программы наличие учебного зала судебных заседаний, а также специализированных аудиторий, оборудованных для проведения занятий по криминалистике (п.4.3.1). Данные объекты выступают предметными символами, позволяющими обучающимся выработать навыки практической юридической деятельности путем моделирования соответствующих процессуальных действий (проведение судебного заседания, осуществление криминалистических мероприятий и т.п.). Так, при проведении в зале судебных заседаний «игрового» юридического процесса студенты не только апробируют свои знания процессуального законодательства, но и знакомятся с процессуальной символикой (судебная мантия, вставание при оглашении судебного решения и т.п.). Несомненно, подобная «символическая» форма проведения практического занятия, например, по гражданскому процессу будет иметь гораздо больший познавательный эффект, чем просто пересказывание норм ГПК РФ.

Что касается законодательно закрепленных символов, которым учат будущих юристов, то их перечень обусловливается содержанием рабочих программ тех или иных юридических дисциплин. Так, к ним будут относиться в первую очередь государственные символы. Речь идет как о символике различных государств, в т.ч. и РФ, так и о символике субъектов федерации, муниципальных образований. Изучение подобных символов входит в качестве обязательного компонента программ по теории государства и права, конституционному праву, сравнительному правоведению и государствоведению и другим дисциплинам. В данную же группу символов будут входить и иные, помимо государственных, юридически значимые символы, которые в целом именуют правовыми символами. Не вдаваясь в дискуссию по поводу трактовки категории правовых символов, отметим, что мы исходим из понимания их как нормативно установленных условных образов, используемых для выражения определенного юридического содержания. В этом смысле они выступают специальными средствами юридической техники, которые обеспечивают возможность «экономить» языковой материал, позволяя в краткой образной форме передать юридически значимую информацию. С их помощью усиливается регулятивный эффект права, поскольку те или иные предписания становятся более понятными соответствующим субъектам. Примерами таковых символов выступают дорожные знаки, сигналы регулировщика, присяга при вступлении в должность, печать на документах и т.д. Будучи носителями юридического содержания, правовые символы имеют общеобязательный характер для своих «адресатов», и их использование влечет за собой определенные юридические последствия. Они изучаются, как правило, в рамках отраслевых или прикладных юридических дисциплин, поскольку многие правовые символы используются именно в процессе правореализационной, в т.ч. правоприменительной, деятельности. Следует подчеркнуть, что в настоящее время наблюдается тенденция расширения использования символики в сфере реализации права, в частности, за счет развития информационно-коммуникационных технологий. Причем законодатель не всегда «успевает» за подобными изменениями путем собственно нормативного закрепления использования тех или иных символов, и тогда на первое место выходит правоприменительная, в т.ч. судебная, практика их использования (например, придание юридического значения эмодзи-символам, содержащимся в электронных сообщениях между контрагентами по сделке). Несомненно, студентам необходимо давать информацию и о подобной юридической практике, служащей базой для совершенствования действующего законодательства, закрепляющего правовую символику.

Таким образом, мы видим, что использование нормативно (законодательно) закрепленных символов в юридическом образовании направлено прежде всего на то, чтобы обеспечить *передачу юридических знаний, умений и навыков* через визуализацию юридического содержания и моделирование юридически значимых действий. Будучи закрепленными в соответствующих формальных источниках, данные символы приобретают обязательную юридическую силу, и несоблюдение «воплощенного» в них юридического предписания может влечь за собой юридически значимые последствия (например, административная ответственность за нарушение правил дорожного движения или за нарушение порядка использования государственных символов).

Ко второй группе символов, используемых в юридическом образовании, мы относим те, которые были выработаны в ходе практической педагогической деятельности, сложились на уровне обычая в образовательных организациях. Они, в отличие от рассмотренной ранее группы, не связаны собственно с юридической профессией, применяются при получении образования в целом, а не только юридического и не только в высшей школе, и играют в первую очередь *воспитательную* роль, обеспечивая формирования определенного уровня культуры. Причем для будущих юристов эта роль особенно важна, т.к. данная профессия предполагает не только наличие правовых знаний, но и обладание соответствующим уровнем правосознания и правовой культуры. Работа юриста – это работа прежде всего с людьми, базирующаяся на таких социальных ценностях, как справедливость, гуманизм, беспристрастность и т.п. Её невозможно осуществлять эффективно без высокого уровня культуры в целом, и правовой культуры, в частности. Не случайно, воспитательной работе в вузах уделяется не меньшее внимание, чем собственно образовательной (ежегодно утверждаются планы воспитательной работы и т.д.). Эта группа символов складывается исторически, в рамках педагогических традиций того или иного социума, а потому весьма разнообразна и своеобразна. Не будучи, как правило, нормативно закрепленной, данная символика носит преимущественно рекомендательный характер, но субъекты ей, как правило, следуют в силу устоявшейся практики. Однако, очевидно, что подобная практика может меняться по мере развития социальной среды, что ставит вопрос об актуальности (необходимости) использования тех или иных символов в образовательном процессе. И решение этого вопроса, как правило, зависит от самих субъектов образовательной деятельности.

Приведем лишь некоторые примеры из рассматриваемой группы: дача звонков как звукового символа начала и окончания занятий; вставание при входе преподавателя как символ-действие, свидетельствующее о выражении уважения; аплодисменты в конце лекции как символ признания профессионализма и качества проведенного занятия; надевание мантии при вручении дипломов как предметный символ, подтверждающий «переход» в новое качество выпускника вуза и т.д., и т.п. Подобные символы имеют вполне конкретное социальное содержание, понятное субъектам, их использующим. Так, звонки обозначают необходимость находиться в аудитории и быть готовыми к началу занятий или соответственно к их завершению. Если студент заходит в аудиторию после звонка, то это свидетельствует о нарушении учебной дисциплины. Звонок в конце занятий «дисциплинирует» в большей степени преподавателя, чем студента, чтобы, погрузившись в свой предмет, не забыть вовремя отпустить обучающихся на перемену, обеспечив их право на отдых. В этом контексте воспитательная роль звонков как звуковых символов представляется достаточно важной для эффективной организации учебного процесса. Однако во многих высших учебных заведениях в настоящее время от подобной практики отказались, и субъекты образовательной деятельности при проведении занятий ориентируются не на звонки, а на установленное локальными актами время начала и окончания занятий. Возможно, такой подход обусловлен спецификой обучения именно в высшей школе: предполагается, что самоорганизация у студентов должна формироваться на более высоком уровне, чем, например, у школьников, и потому дача звонков является излишней. Данный пример подтверждает изменчивость тех символов, которые не закреплены в качестве обязательных и действуют на уровне обычая (если требование о звонках будет зафиксировано в локальных актах, то оно приобретет обязательный характер, и в этом случае мы уже будем говорить об отнесении этого символического действия к первой группе символов). Их использование зависит от воли и желания самих субъектов, хотя и предопределяется сложившейся практикой.

Также для указанной группы символов характерна вариативность содержания. Поскольку они чаще всего четко нигде не зафиксированы, то и толкование их значения может быть различным, что также может привести к «сокращению» их использования как неоднозначных. Например, когда студент на семинарском занятии поднимает руку, то это может «символизировать» как готовность дать ответ на поставленный вопрос, так и желание выйти из аудитории по тем или иным причинам. Поэтому некоторые преподаватели разрешают студентам выходить из аудитории, если действительно возникла такая необходимость, без поднятия руки, чтобы не прерывать процесс обсуждения материала. И здесь действительно многое зависит от позиции самого обучающего.

Таким образом, нормативно незакрепленные символы, играя важную роль в образовательном процессе, в то же время не имеют обязательного характера, и их значимость и частота использования предопределяется сложившимися социальными реалиями, а также собственным усмотрением соответствующих субъектов образовательной деятельности.

Разнообразие символов, используемых в образовательном процессе, в целом обусловливается теми традициями, которые формируются в национальной системе образования. Это ярко иллюстрирует система оценок в вузах. Оценка – тоже символ, фактически содержащий в себе информацию об уровне знаний (умений, навыков) обучающегося. При этом в традициях отечественной системы образования - использование пятибалльной шкалы оценивания (хотя оценка «единица», как правило, не ставится и критерии ее отличия от «двойки» не устанавливаются). В то же время в зарубежных вузах нередко применяется буквенное, а не цифровое обозначение оценок или более дробная, например, стобалльная система оценивания. Подобный подход может создавать определенные сложности при переводе оценок из одной шкалы в другую, допустим, при взаимном признании дипломов в разных странах. Поэтому важ-

но таким символам придавать нормативный характер, т.е. прямо закреплять в законодательстве условия их применения. Интересно отметить, что в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» пятибалльная система оценивая результатов освоения образовательных программ четко не закреплена, хотя и используются такие категории, как оценка «отлично» (ст. 34); «неудовлетворительные» результаты аттестации (ст.ст.58-60)[1]. Не содержатся критерии оценивания и в федеральных государственных стандартах высшего образования. Соответственно система оценивания знаний конкретизируется образовательными организациями самостоятельно. И они, как правило, следуют установившейся в отечественной системе традиции пятибалльной оценки. Так, согласно Положению о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся по программам высшего образования – образования бакалавриата, специалитета и магистратуры ИвГУ, утвержденному 10 февраля 2017 г., устанавливается, что результаты промежуточной аттестации в формах экзамена, зачета с оценкой, а также результаты выполнения курсовой работы оцениваются по шкале: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно» (п. 5.16)[2]. При этом критерии оценивания в Положении не определяются, а содержится отсылка к рабочим программам учебных дисциплин. Так, например, в Рабочей программе по международному праву предусматривается, что критериями оценивания ответа на теоретические вопросы экзамена на «отлично» выступают следующие показатели: применение знаний, умений, навыков для решения нестандартных заданий, требующих проявления творчества; объяснение явлений с использованием высокой степени общности описания, глубина проникновения в сущность явлений, широкое использование профессиональной терминологии[3]. Соответственно, имея в принципе одинаковое смысловое содержание, оценки как символы конкретизируются уполномоченными на то субъектами образовательного процесса, которые в принципе могут вводить и иную систему оценивания (балльно-рейтинговую, стобалльную и т.д.), но приводимую в итоговой аттестации к общему «знаменателю» пятибалльной шкалы. Хотя данная шкала и не закреплена нормативно на федеральном уровне, но действует в качестве обычной нормы, «подкрепляемой» локальными актами вузов.

Таким образом, символы в юридическом образовании выступают необходимым средством обучения, обеспечивающим как передачу юридических знаний, навыков юридической деятельности, так и оценивание уровня их усвоения, и способствующим повышению уровня культуры, в т.ч. правовой, обучающихся. При этом одни символы нормативно закреплены и их использование при подготовке юристов обязательно как с точки зрения организации учебного процесса, так и с позиции содержания преподаваемого материала. Другие же формируются на уровне сложившихся в системе образования конкретного государства традиций, социально обусловлены, а потому изменчивы и не носят обязательного характера. Их использование зависит от воли, желания самих субъектов образовательной деятельности. В целом же символы делают учебный процесс более понятным, эффективным и четко организованным.

[1] Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru.
[2] Официальный сайт ИвГУ. https://ivanovo.ac.ru/upload/iblock/67e/Formi_sroki_kontrolya_10.02.17.pdf
[3] Петрова Е.А. Рабочая программа дисциплины «Международное право». Иваново, 2025. Электронный ресурс // Официальный сайт ИвГУ. https://ivanovo.ac.ru/sveden/education/

Плешаков Евгений Александрович

Вице-президент Московской коллегии адвокатов «Международная коллегия адвокатов № 1 г. Москвы»

Pleshakov Evgeny Alexandrovich

Vice-President of the Moscow Bar Association "International Bar Association No. 1 of Moscow"

E-mail: law_pleshakov@mail.ru

Приоритет в праве как символ и средство дифференциации и специализации

Priority in law as a symbol and means of differentiation and specialization

Аннотация. В статье подвергается исследованию категория «приоритет в праве», демонстрируется его двойственный, дуалистичный характер. Аргументируется, что с одной стороны приоритет в праве объективируется в качестве символа ценностной иерархии, закреплённой в конституционных и международных нормах, а с другой – как инструмент дифференциации правовых режимов и специализации правоприменения. На основе анализа доктринальных источников, нормативных правовых актов и правоприменительных, интерпретационных решений судов и иных органов, констатируется, что приоритет обеспечивает баланс публичных и частных интересов, формирует правосознание и повышает эффективность правового регулирования. Подчёркивается условный, контекстуальный характер приоритета в праве, базирующийся на принципе верховенства права и зависящий от политико-правовой среды.

Ключевые слова: приоритет в праве, дифференциация, специализация правоприменения, ценностная иерархия, коллизия норм, верховенство права, правовая система

Annotation. The article examines the category of "priority in law", demonstrates its dual, dualistic nature. It is argued that, on the one hand, priority in law is objectified as a symbol of a hierarchy of values enshrined in constitutional and international norms, and on the other hand, as a tool for differentiating legal regimes and specializing law enforcement. Based on the analysis of doctrinal sources, regulatory legal acts and law enforcement, interpretative decisions of courts and other bodies, it is stated that priority ensures a balance of public and private interests, forms legal awareness and increases the effectiveness of legal regulation. The author emphasizes the conditional, contextual nature of priority in law, based on the principle of the rule of law and depending on the political and legal environment.

Keywords*:* priority in law, differentiation, specialization of law enforcement, value hierarchy, conflict of norms, rule of law, legal system

Для цитирования: Плешаков Е.А. Приоритет в праве как символ и средство дифференциации и специализации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 411–414.

Современное правовое регулирование характеризуется высокой степенью сложности, обусловленной не только ростом количества нормативных правовых актов, интерпретационных положений, но и глубокой дифференциацией правовых институтов, отраслей и подотраслей права. В этих условиях категория «приоритет» приобретает особое значение как инструмент упорядочения правовой системы и как символ иерархии ценностей, закрепленных в праве.

Юридический приоритет, по своей сущности, представляет собой *средство дифференциации и иерархичного построения различных элементов правовой системы, на основе которого государство не только находит различия относительно важности, значимости таких элементов правовой системы как норма права, правовой институт, правовое отношение, правовое сознание, правовой*

статус и пр., но и выстраивает внутреннюю иерархию опираясь на ценности общества и преследуемый интерес[1].

При этом, теория и практика правоотношений демонстрирует, что приоритет может выступать одновременно как технико-юридический приём и как выражение политико-правовой воли государства, определяющей, какие нормы, права или интересы должны доминировать в случае коллизии. Между тем, такое восприятие данного сложного, универсального феномена – несколько обедняет его регулятивный потенциал.

В частности, в юридической науке приоритет часто воспринимается исключительно как формальный критерий разрешения коллизий (например, международного и национального права)[2], тогда как его символическая функция – как маркер ценностной иерархии – остается недостаточно исследованной. Имеют место единые публикации на этот счет[3]. Между тем, именно через приоритет реализуется дифференциация правовых режимов и специализация правоприменительной деятельности[4]. Как отмечает В.С. Нерсесянц, «приоритет – это не просто юридическая техника, а способ выражения суверенной воли государства в условиях правовой полифонии»[5].

В этой связи, нельзя не подчеркнуть, что актуальность обращения к тематике восприятия приоритета в праве как символа и средства дифференциации и специализации – обусловлена сегодняшней тенденцией «приоритизации» отдельных прав и свобод в конституционных системах (например, приоритет прав человека в Конституции РФ, ст. 2), а также ростом числа противоречий между различными правовыми системами (например, национальными нормами и положениями международного права, или столкновение частных и публичных интересов). В этой связи назрела необходимость комплексного исследования приоритета в праве как двойственного феномена: и как средства, и как символа. Приведем аргументы обозначенному доводу, продемонстрирован дуалистичную правовую природу приоритета.

Во-первых, как мы предположили ранее, приоритет в праве является символом ценностной иерархии. Так, в конституционном праве приоритет служит выражением доминирующих ценностей правопорядка. К примеру, статья 15 Конституции РФ устанавливает приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, что символически подчеркивает открытость российской правовой системы внешнему миру, готовность следовать общепризнанным нормами положениям, а также приверженность универсальным правам человека. Однако, интерпретация указанного положения должна отвечать требованиям приоритизации: главенствующее значение имеют национальные ценности. Это подтверждает практика Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П подчеркнул, что международные нормы применяются лишь в той мере, в какой они не противоречат основам конституционного строя[6]. Это свидетельствует о том, что приоритет – не абсолютная категория, а условный символ, зависящий от политического и правового контекста.

---

[1] См. об этом подробнее: Плешаков, Е.А. К вопросу о сущности юридического приоритета / Е. А. Плешаков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 4 (64). – С. 35-43; Плешаков, Е.А. Юридический приоритет: необходимость разработки доктринальной концепции. Рецензия на диссертацию Н. Н. Хрони «Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса» (Москва, 2023. 220 с.) / Е.А. Плешаков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 4 (64). – С. 198-208; и др.

[2] См.: Болотова, А.С. Права человека: приоритет международного права над внутригосударственным / А.С. Болотова // Права человека - индикатор современного развития России: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 30 октября 2015 года / под общей редакцией Т.А. Сошниковой. – М.: Московский гуманитарный университет, 2015. – С. 253-258; Остиловский, И.А. Приоритет международного права прав ребенка над национальным как фактор риска для конституционной безопасности России / И. А. Остиловский // Проблемы публичного и частного права: Сборник студенческих научных работ IV Международного студенческого форума (весенней сессии), Тверь, 08–25 апреля 2024 года. – Тверь: Тверской государственный университет, 2024. – С. 99-102.

[3] См., например: Хужина, О.Н. О юридическом приоритете традиционных духовно-нравственных ценностей / О. Н. Хужина, Е. А. Плешаков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 1 (65). – С. 32-40.

[4] См.: Репьев, А.Г. Приоритеты права и приоритеты в праве / А.Г. Репьев // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : Сборник докладов VIII Московского юридического форума: в 5 ч. В сборник включены материалы конференций, круглых столов, дискуссионных площадок, в том числе с международным участием, проводившихся в рамках Форума: XIX Международная научно-практическая конференция., Москва, 08–10 апреля 2021 года. Том Ч. 1. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – С. 37-41.

[5] Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 2019. – С. 78.

[6] См.: По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государствен-

Аналогичные тенденции наблюдаются и в европейском праве. Суд Европейского Союза в деле Costa v. ENEL (1964) закрепил приоритет права Европейского Союза над национальным правом, что стало символом единства правового пространства Евросоюза[1]. При этом, как отмечает профессор А.В. Малько, «символический приоритет формирует правосознание участников правоотношений, задавая ориентиры для их поведения»[2].

Во-вторых, приоритет нередко выступает как средство дифференциации правовых режимов. Приоритет в праве позволяет разграничивать юридические режимы в зависимости от объекта, субъекта или цели регулирования. Например, в трудовых правоотношениях приоритет отдается интересам работника[3], что обусловливает специфику правоприменения и толкования норм. В экологическом праве приоритет имеет охрана окружающей среды над экономическим развитием, в частости «приоритет сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов»[4], что ведёт к формированию особого правового режима хозяйственной деятельности.

Статистические данные подтверждают эффективность такого подхода: по данным Росприроднадзора, в 2022 г. число экологических правонарушений снизилось на 12% по сравнению с 2020 г. Эксперты, что как думается не случайно, связывают такую динамику с усилением приоритета экологических норм в судебной практике[5].

В административном праве приоритет публичного интереса над частным закреплён в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и подтверждён постановлением Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 57, где указано, что «при наличии коллизии между частными и публичными интересами предпочтение должно отдаваться последним»[6].

Наконец, в-третьих, приоритет может объективироваться в форме механизма специализации правоприменения[7]. Мы убеждены, что специализация правоприменительной деятельности соответствующих компетентных органов невозможна без четкого определения приоритетов. Так, в сфере защиты прав потребителей приоритет отдается нормам Закона РФ «О защите прав потребителей» над общими положениями Гражданского кодекса РФ[8] (далее – ГК РФ). Это позволяет создавать специализированные судебные практики и упрощённые процедуры защиты интересов граждан.

В международном частном праве приоритет *lex fori* (права суда) над *lex causae* (правом, подлежащим применению по существу дела) обеспечивает процессуальную специализацию и предсказуемость правоприменения. Как показывает анализ решений Верховного Суда РФ за 2020–2023 гг., в 78% дел с участием иностранных субъектов – суды руководствовались приоритетом российского процессуального права[9].

Кроме того, приоритет выступает инструментом специализации в цифровом праве. К примеру, в сфере персональных данных приоритет имеют нормы ФЗ № 152-ФЗ[10] над общими положениями ГК РФ, что обусловливает создание специализированных органов контроля (например, Роскомнадзор) и особых процедур обжалования.

Подведем краткие итоги тезисно изложенному материалу.

Изучение доктринальных источников, нормативных правовых актов и судебной практики позволяет сделать вывод, что приоритет в праве – универсальный, дихотомичный феномен, сочетающий в себе символическую функцию (выражение ценностной иерархии) и инструментальную составляющую (разрешение коллизий, дифференциация и специализация правового регулирования).

Символическое значение приоритета проявляется в конституционных нормативных установках, международных обязательствах и ориентируется (в определенной мере даже зависит) на правосознании. Приоритет формирует национальную (юридическую, культурологическую, экономическую) идентичность государства и задаёт ориентиры для правотворчества и правоприменения.

ной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29. – Ст. 4491.

[1] Costa v. ENEL, Case 6/64, ECLI:EU:C:1964:66 // Reports of Judgments and Decisions. – 1964. – P. 585-620.

[2] Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – 7-е изд. – М.: Проспект, 2021. – С. 118.

[3] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 29.09.2025), ст. 2 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2025. № 31. Ст. 4660.

[4] Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред. от 26.12.2024), ст. 3 // Российская газета. – 2002. – 12 янв.; 2024. – 16 авг.

[5] См.: Годовой отчёт Росприроднадзора за 2022 год. – URL: https://rpn.gov.ru (дата обращения: 10.04.2024).

[6] О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами КоАП РФ: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 57 // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 9. – С. 12-28.

[7] Такое качество приоритета, как средство специализации права, ранее отмечалось некоторыми авторами. См.: Репьев, А.Г. «Преимущественное право» и «правовой приоритет» в юридической доктрине и законодательстве / А. Г. Репьев // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 1. – С. 14-20.

[8] См.: О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // Российская газета. – 2012. – 11 июля.

[9] Обзор судебной практики по делам с иностранным элементом (2020–2023) / Верховный Суд РФ. – М., 2023. – 48 с.

[10] См.: О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. от 24.06.2025), ст. 4 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451; 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3486.

Как средство дифференциации, приоритет вправе позволяет выделять особые юридические режимы (трудовой, экологический, потребительский и др.), обеспечивая баланс частных и публичных интересов в сложных социальных системах. В контексте специализации, приоритет служит основанием для создания специализированных институтов, процедур и судебных практик, повышая эффективность правоприменения.

Однако, приоритет не следует абсолютизировать. Как показывает практика его реализация зависит от контекста, интерпретации и соотношения с другими принципами права, ценностными основаниями (например, справедливостью, разумностью, правовой определенностью и пр.).

Таким образом, приоритет в праве – это не просто технико-юридический прием закрепления в нормативном правовом акте какого-либо главенствующего положения, а ключевой элемент архитектуры современного права, отражающий как внутреннюю логику правовой системы, так и ее связь с общественными ценностями. Приоритет в праве нуждается в дальнейшем, глубоком исследовании, основной предмет которого, как думается должен быть направлен на разработку критериев легитимного установления приоритетов и их соотношения с принципом верховенства права.

Плюснина Ольга Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Теории и истории государства и права Костромского государственного университета, генеральный директор АНО "Православная паломническая служба "Стезя"

Pliusnina Olga Vitalyevna

Candidate of Law, Docent, head of the Department of Theory and History of State and Law of Kostroma State University, General Director of the Orthodox pilgrimage service "Stezya"

E-mail: kn-oliga@ya.ru

Православные символы в праве

The orthodox symbols in law

Аннотация. Статья посвящена исследованию места православных религиозных символов в современном законодательстве и социальной жизни страны. Проведенное исследование демонстрирует сохранение высокого уровня религиозности среди россиян, большинство из которых относят себя к православию. Сохраняя ведущую позицию, православие и православные символика играет важную роль в формировании социальной и культурной идентичности россиян, являясь основополагающими элементами общественного сознания. В этой связи проведен анализ законодательных новелл, направленных на охрану традиционных ценностей.

Ключевые слова: символ, религиозные символы, православные символы, христианство, православие, традиционные ценности

Annotation. The article is dedicated to study of place of Orthodox religious symbols in modern legislation and social life of the country. The carried out research shows that the high level of religiosity among Russians remains, most of which consider themselves to be Orthodox. Maintaining the leading position, Orthodoxy and Orthodox symbols play an important role in shaping the social and cultural identity of Russians being the fundamental elements of public consciousness. In this context an analysis of novel legislation aimed at protecting traditional values has been carried out.

Keywords: symbol, religious symbols, Orthodox symbols, Christianity, traditional values

Для цитирования: Плюснина О.В. Православные символы в праве // Юридическая техника. – 2026 – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 415–419.

Православные символы прошли сложный путь формирования в истории России, отражая духовные устои и национальные традиции. Кресты и иконы, трансформируясь на протяжении веков, стали не только религиозными атрибутами, но и мощными культурными маркерами, подтверждающими историческую преемственность.

В современном обществе они остаются значимыми образами, которые символизируют связь с духовным наследием и историей российского народа. Особое внимание уделяется тому, как эти символы влияют на формирование российской правовой системы, религиозной идентичности и национального самосознания.

В настоящей статье мы рассмотрим, какое значение религиозные символы имеют для законодательства и социальной жизни страны, а также как они формируют религиозную и культурную идентичность.

Весной 2025 года Государственной Думой был принят федеральный закон «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»[1]. В соответствии с этим актом использование изображений и иных форм воспроизведения культовых зданий, их узнавае-

[1] Федеральный закон от 31.07.2025 № 319-ФЗ "О внесении изменения в статью 3 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях". Номер опубликования: 0001202507310067. Дата опубликования: 31.07.2025. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310067

мых частей, а также иных объектов, содержащих религиозные символы, без указанных символов не допускается в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационных сетях, при продаже товаров, выполнении работ или оказании услуг, а также в государственных, муниципальных символах и знаках, эмблемах, в объявлениях, на вывесках и в рекламе».

По мнению авторов законопроекта - межфракционной рабочей группы по законодательной реализации государственной политики в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, - предлагаемые ограничения направлены на усиление гарантий по защите чувств верующих, совершенствование условий для уважительного и добросовестного отношения общества и государства к традиционным духовным ценностям многоконфессионального населения России. Необходимость такого акта была выявлена по итогам осуществляемой в Государственной Думе деятельности по мониторингу исполнения законодательства и выявления имеющихся правовых проблем. Кроме того, данная норма направлена на законодательную реализацию Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 (далее – Указ № 809)[1].

Проанализировав пятый абзац преамбулы закона, мы можем ответить на вопрос: символы каких религий становятся объектом правовой защиты. К ним законодатель относит христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России. А, изучив пояснительную записку к законопроекту, понимаем, что законодатель, говоря о религиозных символах, прежде всего имеет виду символы признаваемых в России религиозных конфессий (православный или католический крест, мусульманский полумесяц, звезду Давида, шпиль и колесо Дхармы и других обязательных для соответствующей конфессии символов на религиозных объектах).

Как мы видим, норма закона не конкретизирует, а пояснительная записка не отражает всё многообразие религиозных символов, что, безусловно, сделает затруднительным правоприменение и разрешение спорных вопросов реализации данного положения законодательства.

Для ответа на вопрос о символах религиозных конфессий многонациональной и многоконфессиональной России потребуется большая работа не только ученых-юристов, но и историков, культурологов, искусствоведов.

На рубеже XXI века можно наблюдать сложную картину трансформации традиционных религиозных взглядов, возрождения утраченных смыслов и значения символов. Если в начале столетия сохранение и возрождение православных традиций проходило под влиянием государственного и общественного интереса к духовным ценностям, то в настоящее время религиозные традиции и символы прочно вошли в жизнь россиян.

По данным опросов общественного мнения, большинство граждан России считают себя верующими, по разным источникам считают себя верующими от 67% до 83%[2].

При этом две трети опрошенных считают себя православными, что является достаточно стабильным показателем. Доля последователей ислама около 7%, что отражает стабильность религиозной структуры в России, а представителей других религий (буддизм, католичество, протестантизм и прочие) невелико и варьируется от 1% до 2%.

Количество россиян, не относящих себя к верующим, возросло до 11%-19%, что связано с увеличением секулярных настроений в обществе[3].
При этом среди форм проявления религиозности опрошенные назвали:

53% - ношение религиозных символов (например, нательных крестов);
49% - участие в религиозных праздниках;
49% - жизнь в соответствии с моральными нормами своей религии;
45% - чтение религиозной литературы (иногда);
28% - регулярная молитва;
13% - посещение храмов (регулярно);
65% - посещение храмов (иногда).

Анализ этих данных позволяет сделать вывод о значительной доле религиозности россиян и ведущей роли православия, как традиционной религии государства. Проведенный анализ показывает, что православие продолжает играть ключевую роль в религиозной жизни страны, несмотря на вызовы современности. Данные обследования религиозной активности православных в России показывают разно-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". Номер опубликования: 0001202211090019. Дата опубликования: 09.11.2022. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019

[2] Перчин Л. Социологи обнаружили незначительное снижение числа верующих в РФ. Дата размещения: 17.06.2025.Режим доступа:https://www.ng.ru/ng_religii/2025-06-17/10_597_religion.html. Религия и общество: мониторинг Дата размещения: 27.07.2023. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring

[3] "ADPASS сравнил религиозность россиян и американцев". Дата размещения: 10.06.2025. Режим доступа: https://adpass.ru/skolko-veruyushchikh-i-ateistov-v-rossii-i-ssha-v-2025/

образие практик — от ношения нательного креста, участия в церковных обрядах до чтения духовной литературы и молитв. Эти формы активного участия отражают глубокую личную преданность и связь с религиозным сообществом. Стоит отметить высокую вовлечённость православных в праздники и соблюдение религиозных норм, что формирует основу их социального и культурного поведения.

Религиозность населения проявляется комплексно, охватывая различные аспекты жизни верующих. В последние годы расширяется и становится более динамичным диалог между религиозными и светскими институтами, государством и церковью, отражающийся в законодательных нормах и культурных практиках. Традиционные религии используют современные инструменты для выстраивания такого диалога, применяют институты соработничества и прямого взаимодействия, государственной поддержки церковных инициатив.

Использование религиозной символики становится неотъемлимой частью правовой культуры, отражаясь в нормах права, программных и концептуальных документах. В основе правового регулирования религиозных вопросов в России лежит Конституция Российской Федерации, которая, хотя и устанавливает светский характер государства и равенство всех конфессий перед законом, в то же время подчеркивает уникальную роль России как многонационального и многоконфессионального государства с тысячелетней историей, сохраняющего идеалы и веру предков.

«Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» закрепляют влияние различных религий — христианства, ислама, буддизма, иудаизма — на формирование общих ценностей общества. При этом отмечая особое место православия, благодаря его исторической и культурной значимости. Положения основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом № 809, развивают стратегические документы — Стратегия национальной безопасности, Доктрина информационной безопасности, Стратегия противодействия экстремизму, а также государственная политика в области культуры и развития информационного общества[1], что указывает на комплексный подход к регулированию данной сферы.

Однако, несмотря на закрепление в основополагающих документах веры в Бога, неодиночны факты исключения, ретуширования, стирания религиозных символов: крестов с куполов христианских храмов на фотографиях, уличных плакатах, на упаковке товаров, элементах внутреннего дизайна (убранства) выставочных залов, на денежных купюрах, на страницах периодических печатных изданий, на интернет-страницах. На эту проблему неоднократно обращал внимание в своих выступлениях Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. "... многочисленные неравнодушные люди возмутились и указали на целый ряд случаев, когда на публичных изображениях — на плакатах, гербах, логотипах регионов и даже на предполагавшейся к выпуску в обращение банкноте — нарочито затирался на православных храмах Крест Господень <...> Радует, что во многих случаях общественная озабоченность привела к исправлению упомянутых ситуаций. Ситуаций, которые не должны иметь место тем более в то время, когда наша страна вовлечена в глобальное цивилизационное противостояние, в котором отстаивается наша самобытность, отстаивается сама возможность людей жить в соответствии со своей верой и на основании того, что завещали предки <...> "Кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего" (Мк. 8:38), — эти слова нашего Господа и Спасителя Церковь предлагает нам в евангельском чтении за богослужением в Неделю по Воздвижении, и речь в них идет именно о Кресте и о Крестной Жертве Сына Божия <...>...там, где сознательно упраздняется Крест Христов, неизбежно рано или поздно жизнь людей скатывается в преисподнюю" - отмечал в 2023 году Святейший Патриарх на Епархиальном собрании духовенства Москвы[2].

«Традиционные ценности порой не просто попираются, но порой перечеркиваются: стыдливо затираются кресты на изображениях храмов – и даже в государственной символике. Хотя стыдиться нужно не креста, а своего "безродства" и "беспамятства". Как заклинание повторяют мысль о том, что Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна. И кто бы с этим спорил, если бы на практике эта

[1] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". Номер опубликования: 0001202107030001. Дата опубликования: 03.07.2021. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации". Номер опубликования: 0001201612060002. Дата опубликования: 06.12.2016. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 "Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации". Номер опубликования: 0001202412280115. Дата опубликования: 28.12.2024. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы". Номер опубликования: 0001201705100002. Дата опубликования: 10.05.2017. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002

[2] Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании духовенства Москвы 20 декабря 2023 года. Режим доступа: https://vk.com/wall-55490878_569031

формула не превращалась в попытку переформатировать наше государство в безнациональное и бесконфессиональное» - отметил Святейший Патриарх, открывая торжественное заседание Рождественских образовательных чтений 28 января 2025 года[1].

Современное возвращение к традиционным ценностям безусловно связано с восстановлением духовной связи с верой в Бога и исторической памятью предков. По нашему мнению, это не просто укрепляет личную религиозность, но и поддерживает государственную преемственность, важную для стабильного развития общества и адекватного ответа на такие глобальные вызовы современности, как секуляризация и глобализация, формирующие восприятие символов как части общекультурного поля. При этом необходимо учитывать, что законодательство России не содержит прямых указаний на конкретные религиозные символы, но учитывает их культурно-исторический контекст, гарантируя защиту вероисповедания и религиозных чувств[2].

Использование религиозных символов в обычном обороте - достаточно распространенное явление и в целом не вызывает потребности доказывать его необходимость. Здесь, как и при правоприменении, встает вопрос о соблюдении смысла символа, соответствия его первоначальному замыслу или современному значению. То есть закрепленный в нормативном правовом акте символ фактически приобретает значение правового предписания.

В соответствии с п.2. ч.6 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации, государственные символы и знаки, такие как флаги, гербы, ордена, денежные знаки и тому подобное, а также символы и знаки муниципальных образований не являются объектами авторских прав. Тогда как гражданско-правовой статус религиозных символов остается не закрепленным. Сложность решения этого вопроса безусловно связана с особенным характером религиозных символов.

Если в качестве объекта защиты мы будем рассматривать только «изображения и иные формы воспроизведения культовых зданий, их узнаваемых частей, а также иных объектов, содержащих религиозные символы», могут быть затронуты вопросы авторского права и свободы художественного творчества. Не секрет, что многие художники обращались и обращаются к религиозной символике в своих работах, а история изобразительного искусства в целом во многом основана на религиозной культуре. И здесь, вероятно, мы должны будем разграничить официальное изображение и изображение творческое, художественное (которое без указанных символов допускается). С этой целью необходимо определить сферу и отрасль регламентируемых отношений.

Легальной дефиниции религиозного символа в законодательстве не закреплено. В энциклопедии религиозные символы охарактеризованы как «предметы, действия, тексты, изображения, речевые формулы, образы сознания и т.д., репрезентирующие религиозные значения и смыслы, отличные от собственных свойств и содержания»[3]. В работе графа А.С. Уварова «Христианская символика» охарактеризованы восемь священных таинств и 17 религиозных символов, а начатый автором словарь символов остался неоконченным по причине сложности материала[4].

По мнению А.Н. Овчинникова, «…в разговорной речи под словом "символ" обычно имеется в виду некий условный знак, подразумевающий определенную идею или образ. Однако символы религиозные есть сублимация тех реалий, которые были структурными элементами определенной эпохи и ее культуры. В основе символических изображений закладывался наиконкретнейший и живой опыт, поэтому символ внутри языка был знаком "безусловным", имеющим собственную "валентность" с бесчисленным множеством других символов. Легенды, апокрифы и вся религиозная поэзия христианства с их феноменальным метафоризмом, возникшие на основе всех предыдущих ближневосточных культур, были той музыкальной энергией мира, тем магнитом, который сводил все явления в живую связь и обращал материально-преходящее естество мира и духовное и непреходящее. Поэтому-то иконописец до тех пор не включает в свою композицию тот или иной знак, пока не увидит его связь со всем миром, выясняя таким образом его иерархическое значение. Бесконечные споры об эстетике в христианском изобразительном искусстве довели многих неофитов до полного отрицания красоты образа, тогда как способность человека воспринимать красоту есть едва ли не самое подлинное осознание присутствия Творца и Его благой воли. А потому и красота в коне есть не художественная роскошь, а тот уровень, тот градус, который доводит руду условных знаков до точки плавления. Тогда-то и начинается безусловный символ, то есть икона, то есть зримая молитва. Из этого следует, что тот или иной символ обретает свое истинное значение только в контексте современного ему менталитета, как словесного, так и изобразительного»[5].

---

[1] Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXXIII Международных Рождественских образовательных чтений. Источник: Патриархия.ru. Режим доступа: https://pravoslavie.ru/166824.html

[2] Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359

[3] Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., Академический проект, 2006, С. 982

[4] Христианская символика / [Соч.] Гр. А.С. Уварова. - Посмерт. изд. - Москва: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1908. / Ч. 1: Символика древнехристианского периода. [Предисл.: гр. Уварова]; [Ред.: В. Айналов, Е. Редин]. 1908. - XII, 212 с.

[5] Овчинников А.Н. Символика христианского искусства. М., 1999. С. 227-228

Символами христианства, наряду с общеизвестным изображением креста, являются таинства, обряды, иконы и другие объекты, несущие священный смысл. "Религиозный реализм есть символический реализм, согласно которому невидимая высшая (небесная) реальность проявляется в виде некоторых внешних знаков, частично приоткрывающих ее сокровенные планы. Такие внешние знаки таинственных энергийных божественных озарений, изливающихся в чувственном мире, в православно христианском миросозерцании именуются символами[1].

В пространстве интернета зачастую христианские символы трактуются крайне свободно, применительно, например, к прикладной деятельности агентств по предоставлению ритуальных услуг. Символы разных религий смешиваются, а в «Путеводителе по христианским религиозным символам и их значениям» среди символов, обозначаемых авторами как христианские, есть даже символы, используемые деструктивными запрещенными в Российской Федерации организациями[2].

Если при толковании положений законодательства интерпретатор решится на использование таких источников, последствия будут негативными. Следовательно, введение охранительной нормы должно сопровождаться детализаций объекта охраны, особенно в части традиционных ценностей, принадлежащих православию, и общих для верующих и неверующих граждан.

Необходимо разработать рекомендации к тому, какие православные символы следует относить к охраняемым, будет ли это лишь названный в пояснительной записке крест. Примечательно, что авторы законопроекта демонстрируют понимание различий в изображении (и символическом значении) креста в православии и католичестве. Однако, следует иметь в виду и то, что принимаемых православием вариантов изображений креста более двадцати[3].

Что уж говорить о других, не упомянутых в пояснительной записке, символах. Ведь если рассматривать норму с точки зрения целей, для которых она создана - возврат к традиционным ценностям, основой которых является традиционная религия и вера в Бога, - то круг охраняемых религиозных символов, для которых она была создана, безусловно, должен быть расширен. Это и изображение храма, как символа православия и русской культуры, символика Христа на воинских знаменах, а также символические тексты, например, православный "Символ веры".

Безусловно, множество символов можно отыскать и в других традиционных религиозных учениях. Это значит, что представителям других религиозных конфессий необходимо включиться в работу по определению объекта охраны и формированию перечня религиозных символов. Кроме того, остается открытым вопрос о том, какие же религии определены в преамбуле федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»[4] как "другие религии".

Ключевой вопрос заключается в том, какие конкретно символы подлежат защите, как определить критерии их значимости и как учитывать мнение представителей различных конфессий, чтобы нормы были как справедливыми, так и эффективными. Формирование перечня символов, требующих особой правовой защиты, становится задачей, требующей широкой кооперации различных религиозных сообществ и государственных органов. Необходим также четкий выбор сферы действия и отраслевой принадлежности соответствующих норм, чтобы обеспечить эффективное регулирование без ущемления прав.

Укрепление исторически сложившегося государственного единства через признание православия как культурного и духовного базиса создает основу для диалога между религиозными и светскими институтами, что способствует гармонизации общественной жизни.

[1] Епифанович, 1996, с. Епифанович С.Л. Преп. Максим Исповедник и византийское богословие [Текст] / С.Л. Епифанович. - М.: Мартис, 1996. - с.120

[2] Путеводитель по христианским религиозным символам и их значениям. Оливия Вудфорд и Марьяна Лючия Вестич, магистр искусств, магистр философии. Режим доступа: https://www.wikihow.com/Christian-Symbols-and-Meanings.

[3] Православные кресты: как разобраться в значениях? Режим доступа: https://www.pravmir.ru/kak-razobratsya-v-izobrazheniyax-kresta/

[4] Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях". Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359

Погодина Ирина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права и таможенной деятельности ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых»

Pogodina Irina Vladimirovna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Financial Law and Customs Activities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladimir State Universitynamed after A. G. and N. G. Stoletov"

E-mail: ipogodina@vlsu.ru

Правовые символы как средство упрощения взаимодействия государства и общества

Legal symbols as a means of simplifying the interaction between the state and society

Аннотация. В статье автор рассуждает о роли правовых символов в коммуникации государства и общества. Принят широкий подход к правовым символам. Сделан вывод, что символ аккумулирует в себе важную социальную информацию, передает ее всем заинтересованным лицам, при этом существенно экономит время участников отношений на передачу-получение и понимание такой информации, заметно упрощая и ускоряя коммуникацию между государственными органами и гражданами, ориентируя граждан, указывая им правильное направление движения и подталкивая к правомерным действиям. Тем самым применение правовых символов повышает эффективность взаимодействия государства и общества, а значит управления.

Ключевые слова: символ, знак, правовой символ, взаимодействие государства, общество, правовая навигация, правомерное поведение

Annotation. In this article, the author discusses the role of legal symbols in communication between the state and society. A broad approach to legal symbols is adopted. It is concluded that a symbol accumulates important social information, conveys it to all stakeholders, and significantly saves time for those involved in the communication, receiving, and understanding such information. This significantly simplifies and accelerates communication between government agencies and citizens, orienting citizens, pointing them in the right direction, and encouraging them to take lawful action. Thus, the use of legal symbols increases the effectiveness of interactions between the state and society, and therefore of governance.

Keywords: symbol, sign, legal symbol, interaction of the state, society, legal navigation, lawful behavior

Для цитирования: Погодина И.В. Правовые символы как средство упрощения взаимодействия государства и общества // Юридическая техника. – 2026. – № 20. Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 420–423.

Во взаимодействии государства с обществом правовые символы выполняют несколько функций. Они выступают средством общения, выражения ценностей, способом организации и интерпретации реальности, участвуют в формировании социального поведения, культуры взаимодействия, идентичности членов общества. Выполняя коммуникативную, регулирующую, информационную, эвристическую, эмоциональную функции символы в отношениях государства и общества способствуют также социальной активности, солидарности и мотивации к действиям. Одновременно символы имеют довольно утилитарное предназначение – они призваны упрощать взаимодействие граждан и государства, в какой-то мере ускорять его, делать его более понятным. Верно пишет В. А. Парамонова, что символы определённым образом «кодируют» жизнь, облегчая восприятие картины мира участнику отношений[1], помогая ему быстрее сориентироваться в ситуации, ускоряя его реакции и действия. Здесь же можно заметить, что использование символов за-

[1] Парамонова В. А. Проблемы интерпретации знаков и символов в процессе кросс-культурного взаимодействия. С. 430. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32476/1/klo_2015_49.pdf (дата обращения 12.08.25).

трудняет понимание обстановки «чужим» участникам отношений – лицам из другой культуры, которым придется думать над значением символа, искать его смысл. Ведь люди не просто реагируют на символы, а интерпретируют их, придавая им определенное значение, причем делают это под влиянием своего опыта – традиционно символический мир является многообразно наполненным, многозначным. Однако некоторые исследователи правовых символов указывают, что у символов все же есть функция средства не только внутригосударственного, но и международного правового общения[1].

Не следует забывать, что значения символов формируются в процессе взаимодействия людей, они не являются статичными и универсальными, и могут меняться в зависимости от контекста и интерпретации. Взаимодействуя, общество и государство создают, согласовывают и изменяют смыслы используемых символов, «каждый символ потенциально открыт для новых интерпретаций»[2]. Очевидно, что официальные государственные символы, в которых отражена история страны, сохранена связь с прошлым, являются важнейшими атрибутами суверенитета государства, особенно важны для него и для общества. У них главная роль в диалоге государства и общества. Они демонстрируют авторитет, историческую преемственность. Они «пронзают срез [времени] …, приходя из прошлого и уходя в будущее…»[3]. Однако мир наполняется и новыми знаками, которые имеют потенциал стать правовыми символами, как некими особенно значимыми для государства и общества образами, «сверхзнаками», имеющими юридическое значение. Их появление в последние годы связано в основном с цифровизацией нашей жизни, применением новых технологий.

Увеличение количества информации, постоянное использование технических средств с их потоками данных, заставляет сместить акцент при передаче информации на «картинку», «рисунок», «знак». Это требуется для того, чтобы избежать чрезмерно большого текста, сократить время на его прочтение и понимание. Исследователи отмечают усиление роли символов в меняющемся мире[4]. Итак, появляются новые знаки для организации взаимодействия общества и государства. Использование современных технологий не только ведет к созданию новых знаков, которые в будущем потенциально могут быть названы символами не только в широком но и в узком смысле, но и позволяют сделать знаки и символы понятнее широкому кругу лиц, более привычными (применяя их, например, в виде пиктограмм в приложениях для устройств и на сайтах).

В науке сложилось как минимум два подхода к соотношению понятий «символ» и «знак»: первый, когда слово «символ» рассматривается как эквивалент понятиям «знак», «образ», «идея»; и второй – у «символа» и категории «знак» родовидовое соотношение: символ – вид знака. В настоящей статье используется термин «символ», в том числе правовой символ, как аналог знаку (первый из указанных подходов).

Если принять второй подход и, допустим, согласиться с В. А. Парамоновой, которая приводит довольно веские аргументы (символ подлежит интерпретации, а знак лишь пониманию; символ обладает полифоничностью, а знак – нет; рождение символа определяется историческими процессами коммуникации, а для знака достаточно короткого времени для появления; у символа должно быть массовое признание; символ – особый внеисторический феномен психики, который даже имеет бессознательное начало)[5], то следует сделать вывод, что символ – это Суперзнак[6]. Тогда правовые символы окажутся довольно немногочисленными знаками – ведь им требуется время для получения признания в обществе, для накопления богатого смысла, сразу будут отсечены многочисленные образы, которые уже широко используются, в том числе в коммуникации государства и общества, но еще не приобрели исторический вес и глубокую социально-психологическую ценность. Специализирующийся на тематике символов И. В. Мальцев также указывает, что лишь весьма «компактный корпус явлений, ассоциируемых в нормативных правовых актах с понятием «символ», применяется в нормах как публичного, так и частного права»[7]. Пожалуй, самыми распространёнными правовыми символами при таком подходе остаются Фемида/Юстиция и весы как символ правосудия, а также флаги и гербы государств, некоторых органов власти.

В научных трудах юристов набор признаков правовых символов определяется по-разному, поэтому следует признать существование проблемы определения объема понятия «правовой символ» и его признаков[8]. Характеристики правового символа, выделяемые наиболее авторитетными исследовате-

[1] Никитин А. В. Правовые символы: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 1999.
[2] Парамонова В. А. Проблемы интерпретации знаков и символов в процессе кросс-культурного взаимодействия. С. 432, 434. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32476/1/klo_2015_49.pdf (дата обращения 12.08.2025).
[3] Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 147.
[4] Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2014. С. 3.
[5] См. об этом: Парамонова В. А. Указ. соч. и Парамонова В. А. Политический символ как средство легитимации социального пространства: дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. - Волгоград, 2002. - 164 с.
[6] Парамонова В. А. Проблемы интерпретации знаков и символов в процессе кросс-культурного взаимодействия. С. 432. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32476/1/klo_2015_49.pdf (дата обращения 12.08.2025).
[7] Мальцев И. В. Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 256 с. URL: https://znanium.ru/catalog/product/1896819 (дата обращения: 29.07.2025).
[8] Мальцев И. В. Символы в праве и в юридической науке: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2021. С. 3-7.

лями темы (В. М. Баранов, В. К. Бабаев. М. Л. Давыдова и др.) – это закрепленность в праве, общеобязательность, защищенность государственно-принудительными мерами, передача юридически значимой информации. Наличие такого свойства символов как закрепление в нормах права, на наш взгляд, дискуссионный вопрос. Авторы специализированных исследований (например, тематических диссертаций), как правило, также приводят эту характеристику правовых символов. Так, П. Д. Шалагинов в авторском определении диссертационного исследования обращает внимание, что символ – это создаваемый или санкционируемый государством условный знак[1]. Специфичность способа происхождения – появление символа посредством правотворчества и закрепление в законодательстве, на наш взгляд, существенно ограничивает исследование символов в праве. Представляется верным подход при котором следует трактовать правовые символы в широком и узком значении. В узком смысле под правовым символом понимают условный знак, установленный или санкционированный действующим законодательством, а в широком – понятие охватывает собой совокупность всех знаков, образов и даже идей, являющихся частью правовой культуры общества, так или иначе интегрированных в его правовую систему. Группу символов, используемых в праве, независимо от нормативного закрепления – «правовые символы» в широком смысле выделяет и М. Л. Давыдова[2].

В связи со сказанным сформулируем подход к правовым символам так: правовой символ – это вид знака, представляющий собой код (визуальный образ, объект, получивший семиотическое осмысление) выражающий правовые нормы, идеи справедливости и правопорядка, *как правило*, закреплённый в нормах права, признаваемый обществом и понятный ему, интерпретируемый большинством одинаково, ставший традиционным.

О. И. Шарно, в комплексной работе о символах указывает, что правовой символ – наглядное средство формализации правовой информации, используемое с целью экономии правового воздействия, снижения текстового перегруза[3]. Продолжая ее мысль скажем, что символ – это средство для ускорения процессов передачи правовой информации, которое выполняет функции навигации, повышения узнаваемости органов/организаций/процессов, эффективности передачи правового материала участникам отношений.

А. Ю. Глушаков, изучая историю государственно-правовых символов, отмечает, что символ двойственен: «с одной стороны он выражает общие тенденции культурно-исторического развития этноса, а с другой, раскрывает индивидуальные свойства его новейших социальных и правовых феноменов»[4]. Соглашаясь с исследователем и взяв понимание словосочетания «правовые символы» в самом широком значении разделим условно правовые символы, используемые для диалога власть-общество, на «старые» и «новые». К первым отнесем: государственные флаг, герб, гимн, Фемиду, паспорт, эмблемы и гербы госорганов, форму их сотрудников. «Новые» символы — это, преимущественно, те знаки, которые были созданы в последние годы, под воздействием цифровизации: например, логотипы МФЦ, платформ и приложений для взаимодействия. Так, символ портала государственных услуг – это логотип, который был приведен к единому стандарту (рис. 1).

Проведённый автором социологический опрос (приняли участие 300 человек, все из них имеют высшее образование или получают его в настоящее время, а 63 % имеют юридическое образование, более половины респондентов моложе 25 лет, 90 % респондентов проживают во Владимирской области) показал, что 90 % опрошенных могут назвать несколько правовых символов, 62 % указали, что правовые символы помогают им ориентироваться в пространстве, действовать, найти нужное место, принять решение и пр., остальные же ответили, что не задумывались о роли символов навигации и/ил в направлении их действий.

Символы как графические знаки, условные обозначения, применяемые государственными органами для облегчения взаимодействия с населением, помогают гражданам быстрее ориентироваться в пространстве, в административных процедурах, на сайтах, в приложениях, а значит получать связь и поддержку через официальные каналы. Выполняя информативную функцию быстрой передачи информации (например, запрет действий в данном месте), символы регулируют поведение, ориентируют в пространстве (например, показывая, что именно здесь находится государственный орган, МФЦ и др.) – служат навигационными знаками в общественных местах, указывают направления движения, выполняют идентификационную функцию, стимулируют к правомерным действиям.

[1] Шалагинов П. Д. Функции правовых символов: автореф. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2007. С. 7.
[2] Давыдова, М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2010. С. 12.
[3] Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2014. С. 13.
[4] Глушаков, А. Ю. Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX - I половины XV вв.: историко-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб, 2003. – 195 с.

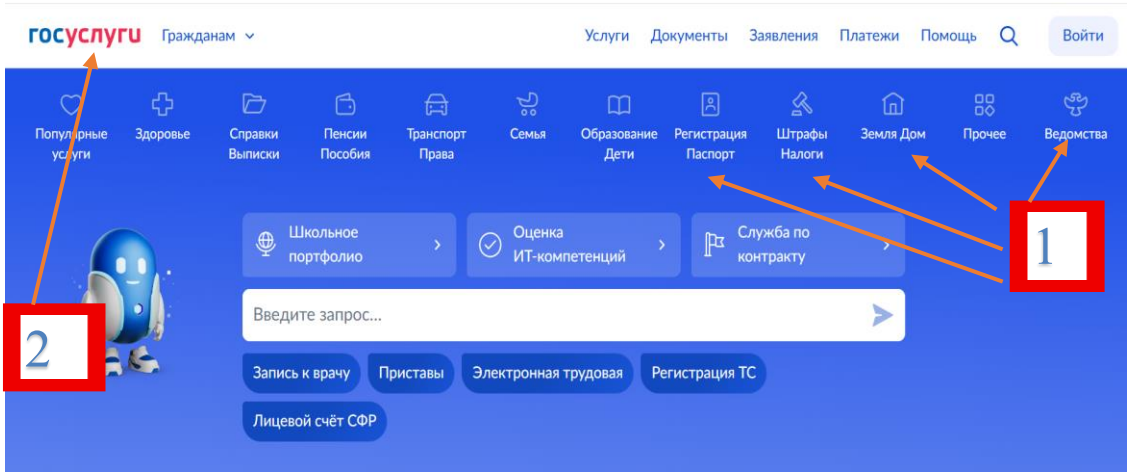

Рис. 1. Знаки-пиктограммы на портале «Госуслуги» (1) и символ «Госуслуги» (2), как новый правовой символ в РФ

Платформенная парадигма взаимодействия общества и государства значительное место отдает порталу государственных услуг в этом взаимодействии. Знаки в виде логотипов портала «Госуслуги», МФЦ, отдельных ведомств стремятся стать (если уже не стали) новыми правовыми символами.

Символ, в том числе правовой, аккумулирует в себе некую важную социальную информацию и может ее передать всем заинтересованным лицам. А поскольку символ – это объект, где закодирован смысл, то он существенно экономит время участников отношений на передачу-получение такой информации. Таким образом, правовые символы заметно упрощают коммуникацию между государственными структурами и гражданами, ускоряют ее, выступают ориентирами и навигационными знаками, тем самым повышают эффективность управления, формируют правовую грамотность и культуру взаимодействия общества и государства, укрепляют дисциплину в обществе.

Русакова Наталья Григорьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры транспортного права Волжского государственного университета водного транспорта, г. Нижний Новгород

Rusakova Natalia Grigorievna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Transport Law of the Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod

E-mail: ngrus2005@yandex.ru

Символическая природа присяги

The symbolic nature of the oath

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы и пути и их решения в русле развития сферы правового регулирования, имеющей значение как для юридической науки и практики. Символический характер присяги имеет существенное значение для отражения правового статуса принимающих ее субъектов и конституционного развития современной России. Правовыми основаниями символического характера присяги при получении гражданства РФ являются различные правовые смыслы, которые имеют нормативное правовое закрепление.

Ключевые слова: присяга, правовой символ, гражданство, конституционное развитие

Annotation. The article discusses current issues and ways to solve them in the context of the development of legal regulation, which is important for both legal science and practice. The symbolic nature of the oath is essential for reflecting the legal status of the subjects who take it and the constitutional development of modern Russia. The legal basis for the symbolic nature of the oath when obtaining Russian citizenship is based on various legal meanings that are legally established.

Keywords: oath, legal symbol, citizenship, and constitutional development

Для цитирования: Русакова Н.Г. Символическая природа присяги // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 424–425.

Проблема символических оснований различных явлений, которые имеют значение для конституционного развития современной России является очень значимой. В системе данных категорий особое место занимает присяга при получении гражданства Российской Федерации и ее нормативные правовые основания.

Понятие символа лежит в основе понятийного ряда различных явлений, которые имеют символическую природу и носят правовой характер. Значение символа представляется более сложным, чем вытекает из его первоначальных содержательных характеристик. Как не существует единого определения термина время в физике, так же и нет единого понимания термина - символ и, конечно, правового символа. В общем смысле: символ от греч. σύμβολον — это знак, аллегория, иносказание, образ. Возможно причиной достаточно разных свойств понятия можно считать историческое место символа в появлении человека. Очевидно, что символы возникли раньше, чем письменность и, не исключено, что символика возникает одновременно с человеческой речью. Практическое применение символов исторически определяет судьбу человечества. Изобретение и использование символов и собственно сама символика во многом и формирует мышление, самосознание человека.

Наиболее важными примерами использования символики являются, именно правовые смыслы, заключенные в символе. Возникновение правовых символов определено ходом истории возникновения и развития человеческого вида, обнаруживается важное свойство символа — это перенос информации, а носитель информации может принимать самые разные формы. Проникновение символики самого разного генезиса в общественные отношения современного общества очень глубоко и органично.

В качестве характерного значимого правового символа рассмотрим символический характер присяги. В современной системе правовых явлений— институт присяги, без п Савельева М. В.

Власть символа или власть судьи?

Доктринальный спор о «следовании правилу» реувеличения можно считать значимым правовым феноменом, который находит все большее применение и развитие в самых разных общественных отношениях. Перечень видов присяги постепенно расширяется: существует присяга не только сотрудников государственных органов, органов самоуправления разных уровней, но и корпоративная присяга. Появление все большего числа видов деятельности, связанных с принятием присяги не является данью моде или увлечением кадровыми технологиями. Институт присяги востребован, его эффективность возрастает.

Этимологическое значение присяги является важным основанием ее символического характера. Так, слово *присяга* происходит от славянского корня, что и глагол *сягать*, который в настоящее время не употребляется, однако в восточнославянских языках используются слова с этим глаголом. В этимологическом словаре славянских языков prisęga (от prisęgati — «касаться») подразумевало касание предмета рукой[1].

На всех этапах развития общественных отношений формы присяги могли различаться, чтобы соответствовать своей эпохе, например, в России, при смене царствующего императора была принята форма коллективного принятия присяги войсками Российской империи. Присяга в те времена не была однократным действием как в СССР, военнослужащий принимал Воинскую присягу одни раз. В Российской империи течении своей службы и офицеры, и солдаты могли присягать неоднократно, каждому императору нужно было присягать отдельной присягой. Восстание декабристов, было вызвано династическими проблемами в царствующем доме Романовых. После смерти бездетного императора Александра I 19 ноября 1825 года, в Петербурге стало об этом известно только 27 ноября 1825 года, на престол должен был войти его брат Александра 1 - Константин Павлович. В строгом соответствии с Законом о престолонаследии гарнизоны столицы были немедленно приведены к присяге новому императору Константину, в этот же день 27 ноября 1825 родной брат Константина Павловича - Николай Павлович принял присягу. Однако сам Константин Павлович от престолонаследия категорически отказался. Более того, он отрекся от престола ещё при жизни Александра 1, в 1823 году, манифест об отречении не был обнародован. Еще два раза он сообщал из Варшавы о своем отречении, но, как и в случае с манифестом делал это не официально, в двух частных письмах. Для разрешения ситуации 13 декабря 1825 года Николай Павлович принял на себя престолонаследие и провозгласил себя императором Николаем I. Эти, мало кому известные, династические, обстоятельства вызывали необходимость повторного принятия присяги. Ропот в войсках, слухи об узурпации власти, общая непопулярность Николая I в сочетании с давно уже тлеющем заговоре тайных дворянских обществ привели к отказу от принятия присяги Николаю, и к вооруженному восстанию. Только успешное подавление восстания декабристов предотвратило широкомасштабную гражданскую войну в России. Этот исторический урок учит глубочайшему уважению к институту присяги. По мнению глубоко верующих людей, ценой предательства данной присяги была их собственная жизнь перед лицом вечности. Войска приняли присягу Константину, Константин жив и значит присягу для них никто не отменял. Тот факт, что для Константина их верность присяги была формальностью для простых солдат была клятвой верности Государю и Отечеству перед лицом Всемогущего Бога. Офицеры целовали Евангелие, солдаты целовали крест, как символ Пречестного и Животворящего Креста Господня. В мировоззрении человека той эпохи всё становилось на свои законные места: воины присягают земному царю, царь земной венчается на царство и как проявление христианского дуализма, является символическим отражением образа Царя Небесного. Одновременно все вместе они могут служить определенным символом Пресвятой Троицы. В Евангелие от Матфея, (Мф18,20) говорится; **«**Ибо, где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них». Происходит акт синергии, а Бог в отношениях воина и царя становится третьим и самым главным лицом: одновременно участником присяги, свидетелем присяги и милосердным судьёй при исполнении присяги. Вот, почему войска решительно шли на смерть, при этом ясно осознавая всю безнадежность своего положения. Свою решающую роль сыграло глубокое взаимопроникновение христианской и воинской символичности в ходе принятия и исполнения присяги.

Таким образом, символический характер присяги имеет существенное значение для отражения правового статуса принимающих ее субъектов и конституционного развития современной России.

[1] Этимологический словарь славянских языков. **–** М., 1983. **–** С. 37-39.

Савельева Мария Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Savelieva Maria Vladimirovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: savelevamv@internet.ru

Власть символа или власть судьи? Доктринальный спор о «следовании правилу» и его отражение в юридической практике

The Authority of the Symbol or the Authority of the Judge? The Doctrinal Debate on "Rule-Following" and Its Reflection in Legal Practice

Аннотация. В статье исследуется фундаментальный для философии права вопрос: обладает ли правовой символ (норма) собственной властью и значением, или он является лишь инструментом в руках интерпретатора (судьи)? Этот вопрос раскрывается через призму доктринального конфликта между правовым позитивизмом и реализмом, а также их отражения в судебной практике. Под влиянием аналитической философии (Л. Витгенштейн, Дж. Остин) право понимается как знаковая система, где «следование правилу» есть процесс интерпретации, а судебное решение — перформативный акт, творящий правовую реальность. На примере анализа доктрины судебного метода Альфа Росса и практики российских судов демонстрируется, что современная юридическая практика представляет собой не механическое следование символам и не чистый произвол, а признаваемую обществом практику наделения значением, где власть символа и власть судьи находятся в диалектическом единстве.

Ключевые слова: правовой позитивизм, правовой реализм, следование правилу, интерпретация, судебный метод, символ, норма, судебное усмотрение, юридическая практика

Annotation. This article examines a fundamental question in the philosophy of law: does a legal symbol (norm) possess inherent authority and meaning, or is it merely an instrument in the hands of the interpreter (judge)? This inquiry is explored through the doctrinal conflict between legal positivism and realism and its manifestations in judicial practice. Influenced by analytical philosophy (L. Wittgenstein, J.L. Austin), law is understood as a semiotic system where "rule-following" constitutes an interpretive process, and judicial decisions function as performative acts that construct legal reality. Through analysis of Alf Ross's doctrine of judicial method and Russian court practice, the study demonstrates that contemporary legal practice represents neither mechanical compliance with symbols nor pure arbitrariness, but rather a socially recognized practice of meaning attribution where the authority of symbols and judicial power exist in dialectical unity.

Keywords: legal symbol, rule-following, legal positivism, legal realism, judicial interpretation, performative act, Alf Ross, judicial practice, philosophy of law

Для цитирования: Савельева М.В. Власть символа или власть судьи? Доктринальный спор о «следовании правилу» и его отражение в юридической практике // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 426–429.

Введение: Парадокс следования правилу

Диалог из «Алисы в Стране чудес» удивительно точно отражает суть проблемы. На вопрос Алисы «А куда мне отсюда идти?» Чеширский Кот отвечает: «Это зависит от того, куда ты хочешь прийти». Этот обмен репликами иллюстрирует парадокс, сформулированный Людвигом Витгенштейном: «Ни

один образ действий не мог бы определиться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом»[1]. Этот парадокс лежит в основе центрального вопроса юриспруденции: обладает ли правовой символ (норма, правило) собственной властью и значением, или он является лишь инструментом в руках правоприменителя, интерпретатора (судьи)?

Данный вопрос определил фундаментальный доктринальный конфликт между правовым позитивизмом и реализмом по поводу природы значения в праве. Для позитивизма (Г. Кельзен, Г. Харт) право — это система норм, обладающих объективным значением, а задача судьи — рационально вывести решение из этой системы. Для реализма (К. Ллевеллин, Дж. Фрэнк, А. Росс) право принципиально неопределенно, а его действительное содержание создается судьями в процессе принятия решений, зачастую под влиянием внеправовых факторов.

Особую глубину этой проблеме придает семиотический подход, развитый под влиянием аналитической философии. Право перестало рассматриваться как объективная данность и стало пониматься как знаковая система, создаваемая и поддерживаемая через язык и социальные практики. В этом ключе правило рассматривается как знак, следование правилу — как процесс его интерпретации, а правовая квалификация (аскрипция) — как перформативный акт, в котором юридическое высказывание не просто описывает, но фактически творит новое правовое состояние. Когда судья произносит: «Признать виновным», он совершает созидательное действие, преобразующее правовую реальность.

Цель данной статьи — проанализировать этот доктринальный спор и показать, как он отражается в юридической практике, являясь ли она рациональным следованием символическим правилам (позитивизм) или же творческим актом, лишь прикрывающимся символами (реализм).

1. Доктринальное противостояние: Власть Системы против Власти Интерпретатора

1.1. Позитивизм: власть символической системы

Классический правовой позитивизм представляет право как строгую иерархическую систему логически взаимосвязанных норм. В этой системе наблюдаемые на практике действия приобретают юридический смысл только через акт уполномоченного субъекта, опосредованный нормой. Значение правового символа (текста нормы) объективно и выводимо из самой системы. Судья выступает как «уста закона», а его задача — подвести конкретный случай под общую норму с помощью логического силлогизма.

Герберт Харт, развивая позитивистские взгляды Г. Кельзена, вносит в нее важное уточнение. Он признает существование «открытой текстуры» права — области, где первоначальные правила не определяют однозначно способ их применения, оставляя пространство для толкования. Г. Харт не допускает фундаментальной неопределенности правил, поскольку судейское усмотрение ограничено целями и принципами развития правовой системы, а также минимальным моральным содержанием правовых норм[2]. Таким образом, Г. Харт считает, что власть судьи производна и ограничена властью символической системы права.

1.2. Правовой реализм: власть интерпретатора

Правовые реалисты — как американские (Джером Фрэнк, Карл Ллевеллин), так и скандинавские (Альф Росс, Карл Оливекрона) — утверждают принципиальную неопределенность права, вызванную неопределенностью языка. Они подвергают сомнению саму возможность механического следования правилу.

Для реалистов право — это не текст закона, а «право в действии» (law in action). Как утверждал Оливер Уэнделл Холмс-мл., право — это «предсказания, что в реальности будут делать судьи, и не более того»[3]. Карл Ллевеллин прямо заявлял, что «то, что эти должностные лица [судьи] решают, и есть само право»[4]. Субъективное усмотрение судьи, по мнению реалистов, играет главную роль, а формально-логические методы толкования часто служат лишь для создания видимости обоснованности заранее принятого решения.

Таким образом, с точки зрения реализма, правовой символ не обладает собственной властью; он обретает ее лишь в момент интерпретации судьей, который руководствуется не только текстом нормы, но и социальными обычаями, личным опытом, идеологическими предпочтениями и даже подсознательными импульсами.

---

[1] Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Т. 1. С. 163.

[2] Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура : монография. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2016. – С. 71.

[3] Holmes O.W. The Path of the Law // Harvard Law Review. 1897. Vol. 10. P. 457.

[4] Аналитическая философия права: юридический язык и речевые акты / В. В. Оглезев, В. А. Суровцев. Серия Библиотека аналитической философии. – Москва: Канон+ РООИ «реабилитация», 2023. С. 145.

2. Аналитический поворот: Правило как Знак в Социальной Практике

Влияние аналитической философии, в первую очередь Л. Витгенштейна, привело к смещению фокуса с онтологии права на его языковую природу. Витгенштейн показал, что значение правила не заключено в нем самом, а проявляется в практике его применения внутри определенного языкового сообщества. «Следование правилу» — это социальный обычай, разделяемая участниками практика.

Этот подход был воспринят в юриспруденции. Право стало пониматься как социальная и языковая практика профессионального сообщества юристов. Герберт Харт, говоря о «вторичных правилах признания», по сути, описывал конвенциональные практики, которые сообщество юристов использует для идентификации того, что является правом.

В этом контексте судебное решение — это не просто констатация, а перформативный акт (по Дж. Остину). Высказывания «признать виновным» или «взыскать убытки» являются действиями, которые меняют правовой статус лиц. Власть символа здесь сливается с властью того, кто уполномочен его произнести в надлежащей процедурной форме. Символ (норма) задает рамку и язык, но наполняет их конкретным содержанием и силой — интерпретатор (судья).

3. Доктрина судебного метода А. Росса: попытка синтеза

Яркой попыткой операционализировать реалистический подход стала доктрина судебного метода, разработанная представителем скандинавского правового реализма Альфом Россом.

А. Росс пытается разрешить основную проблему реализма — непредсказуемость судебного решения. Под «судебным методом» А. Росс понимает деятельность судов, направленную на выявление способов, приемов и правил, в судебной практике фактически определяющих переход от общей правовой нормы к конкретному решению[1].

Росс разделяет проблемы интерпретации на два типа:

Семантические, связанные с лингвистической неопределенностью текста.

Прагматические, обусловленные соображениями «здравого смысла» и оценкой последствий решения.

При этом прагматическое толкование, считает А. Росс, шире телеологического, так как интегрирует множество оценок в свете фундаментальных ценностей правовой системы. Ученый подчеркивает, что судебная интерпретация — не чисто рациональная деятельность: «За решением судьи всегда стоит вся его личность», его формальное и материальное правосознание[2].

Таким образом, Росс не отрицает власть символа (нормы), но показывает, что его значение актуализируется и конкретизируется только через сложный, насыщенный внеправовыми факторами процесс интерпретации судьей. Власть судьи заключается в наделении абстрактного символа конкретным, властно-обязывающим значением.

4. Отражение спора в практике российских судов

Анализ современной российской судебной практики показывает, что она не является ни чисто позитивистской, ни чисто реалистической, а представляет собой сложный гибрид.

С одной стороны, российская правовая система тяготеет к континентальной традиции с ее верховенством закона. Суды демонстрируют приверженность рационально-догматической модели:

Строгая алгоритмизация юридической квалификации;

Связь с позициями вышестоящих судов (Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ);

Обоснование решений через систему традиционных способов толкования (грамматическое, систематическое, телеологическое).

Например, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.05.2024 № Ф04-1696/2024 по делу № А45-23871/2023 суд, ссылаясь на разъяснения вышестоящих инстанций, прямо определил «приоритет телеологического (целевого) толкования норм права над грамматическим (буквальным) толкованием»[3]. Это демонстрирует не произвол, а рациональный выбор метода интерпретации в рамках сложившейся профессиональной практики.

С другой стороны, в практике высших судов явно прослеживаются реалистические элементы:

---

[1] *Росс А.* Валидность и конфликт между правовым позитивизмом и естественным правом / пер. с англ. М. В. Антонова // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2/ С. 460

[2] *Стратегии* судебного толкования и принципы права: учебное пособие / Е. В. Тимошина, Н. С. Васильева, А. А. Краевский, В. Е. Кондуров, Д. А. Сошникова; под общ. ред. Е. В. Тимошиной. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 94.

[3] Официальный сайт Арбитражного суда Западно-Сибирского округа : [сайт]. – URL: https^// faszs.arbitr.ru (дата обращения: 27.08.2025).

Применение принципа *contra legem*. Например, в деле об арбитражном управляющем, не заключившем договор страхования из-за отказа страховщиков, Верховный Суд РФ постановил, что формальное применение нормы об отстранении недопустимо, если управляющий действовал добросовестно. Суд прямо апеллировал к принципам разумности и справедливости, отходя от буквы закона[1].

Постановления Пленума Верховного Суда РФ (например, о принципе добросовестности) по сути создают новые поведенческие стандарты и алгоритмы для нижестоящих судов, наполняя правовые символы конкретным содержанием.

Однако, в отличие от модели Росса, российские суды даже при отходе от буквы закона апеллируют не к иррациональным «прагматическим факторам», а к высшим правовым принципам (справедливости, разумности, добросовестности), которые интегрированы в правовую систему. Власть судьи здесь легитимируется не его личными предпочтениями, а способностью аутентично интерпретировать и применять эти фундаментальные принципы, заложенные в самой правовой системе.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что противопоставление «власти символа» и «власти судьи» является ложной дихотомией. Современная юридическая практика, особенно в такой сложной системе, как российская, демонстрирует их диалектическое единство.

Правовой символ обладает властью, но эта власть потенциальна. Норма, как знак, обладает инерционной силой, задает язык, рамки и направления для решения споров. Она является необходимым стабилизирующим элементом правопорядка, обеспечивающим предсказуемость и единство. Без символа власть судьи превращается в произвол.

Власть судьи актуализирует и конкретизирует власть символа. Без интерпретатора норма остается мертвым текстом. Судья, действуя в рамках профессиональных конвенций, процедур и принципов, наделяет абстрактный символ конкретным, властно-обязывающим значением. Его власть — это власть авторитетной интерпретации в рамках социально признанной практики.

Таким образом, судебная практика представляет собой не механическое следование символам и не чистый произвол, а признаваемую обществом практику наделения значением. Юридические термины и правила служат инструментами квалификационной оценки, связующим звеном между абстрактными нормами и конкретными общественными отношениями. Власть в праве осуществляется не символом или судьей по отдельности, а самой практикой следования правилу, в которой они неразрывно связаны и взаимно обусловливают друг друга.

[1] Там же.

Сатушиева Любовь Хабасовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

Satushieva Lyubov Khabasovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Institute of Law, Economics and Finance of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

E-mail: 9157235@mail.ru

Историко-правовой подход в понимании символов и роли обычаев в их становлении и развитии

A historical and legal approach to understanding symbols and the role of customs in their formation and development

Аннотация. В статье рассматривается применение историко-правового подхода к исследованию символов и их генезиса, а также роли обычаев в формировании и развитии этих символов. Анализируется эволюция символов в контексте исторического развития общества и правовой системы, выявляются ключевые этапы их становления и изменения.

Ключевые слова: Символы, обычаи, традиции, ритуалы, историко-правовой подход

Annotation. The article examines the application of a historical and legal approach to the study of symbols and their genesis, as well as the role of customs in the formation and development of these symbols. The evolution of symbols is analyzed in the context of the historical development of society and the legal system, and the key stages of their formation and change are identified.

Keywords: Symbols, customs, traditions, rituals, historical and legal approach

Для цитирования: Сатушиева Л.Х. Историко-правовой подход в понимании символов и роли обычаев в их становлении и развитии // Юридическая техника. – 2026. – №20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года)/ гл.ред. проф. В.М. Баранов. – Нижнийй Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 430–435.

Историко-правовой подход к изучению символов и обычаев представляет собой многогранный анализ, позволяющий проникнуть в глубинную связь между правом, культурой и социальными практиками различных эпох. Он основывается на понимании того, что право не существует в вакууме, а является продуктом исторического развития общества, отражая его ценности, верования и устоявшиеся традиции. Символы и обычаи, будучи неотъемлемой частью этих традиций, выступают в качестве своеобразных маркеров эпохи, ключей к пониманию правовых институтов и норм, действовавших в прошлом.

В рамках историко-правового подхода символы и обычаи рассматриваются как значимые источники информации об историческом контексте формирования и функционирования права. Они помогают реконструировать мировоззрение людей прошлого, их представления о справедливости, порядке и власти. Анализ символики и обычаев позволяет выявить скрытые смыслы, лежащие в основе правовых норм, и понять, почему те или иные законы принимались и применялись именно в такой форме.

Одним из ключевых вопросов историко-правового анализа является установление генезиса символа. Откуда он появился? Какие мифологические, религиозные или культурные корни он имеет? Символ (др.-греч. σύμβολον — (условный) знак, сигнал) — образ, наделенный знаковостью и смыслом, имеющий отношение к чему-то другому и являющийся его представителем[1]. Символ — это некоторая знаковая структура, служащая для обозначения идеального содержания, отличного от ее непосредственного предметного бытия, открывающегося органам чувств.

[1] Символ это что такое. Символ: определение — Психология. НЭС. vocabulary.ru. (дата обращения: 31.08.2025).

Символика как явление пересекает сферы внимания практически всех научных дисциплин, стремящихся к изучению человека и созданной им культуры. Происхождение символа неразрывно связано с развитием человеческого разума, зародившись еще в эпоху первобытности. Символ стал итогом познавательной деятельности человека, его попыток понять окружающий мир и зафиксировать это понимание в форме, доступной для восприятия всеми членами определенной социальной группы. Первые общества уже имели собственные символические системы, выраженные, например, в тотемах (от оджибве: ᐅᑌᶜ или ᐅᑌᴸ "дудем") – духовных сущностях, сакральных объектах или знаках, выступающих в качестве эмблем для различных групп людей, таких как семьи, кланы, роды или племена[1], ритуалов (от англ. «right» (право), «art» (искусство), «rite» (обычай, обряд), русское слово «ряд», «обряд», «порядок»; современный научный термин «ритуал» происходит из латинского языка, в котором есть существительное «ritus», означающий обряд, служба, и образованное от него прилагательное «ritualis» (обрядовый)[2] и мифологии (от др.-греч. μῦθος — сказание, предание) — повествование, передающее представления людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего сущего, о богах и героях[3].

В древних обществах символы зачастую выступали в качестве первичных форм правовых установлений. Отсутствие письменности и развитой системы правовых институтов компенсировалось использованием сакральных символов, которые наделялись особой юридической силой. Тотемы, фетиши (неодушевленный предмет, наделенный в представлениях верующих сверхъестественными свойствами и служащий поэтому объектом религиозного культа); ритуальные предметы являлись не только объектами религиозного поклонения, но и инструментом регулирования общественных отношений. Нарушение табу, связанных с почитаемыми символами, влекло за собой неминуемое наказание, зачастую носившее мистический характер. Эти символы, укорененные в религиозном сознании, обеспечивали примитивный, но эффективный механизм поддержания общественного порядка[4].

С развитием государственности символика приобретает более выраженный политический и правовой характер. Государственные гербы, флаги, печати становятся визуальным воплощением суверенитета, власти и легитимности правителя. Их изображение на монетах, документах, зданиях государственных учреждений символизирует государственную власть и защиту прав граждан.

Изначально, в эпоху, когда княжества существовали разрозненно, общей государственной символики не было. Каждый князь самостоятельно выбирал устоявшиеся символы – львов, орлов, грифонов и прочих животных – для демонстрации своей власти, силы и могущества. Эти изображения помещались на флаги, монеты и печати. Наряду с реальными и мифическими зверями, на знаменах часто использовались православные символы (крест, Богородица, Христос, различные святые), подчеркивая священный характер власти и непоколебимую поддержку народа божественным провидением. Государственный герб, как ключевой символ, возник в период становления централизованной России, в эпоху правления Ивана III, охватывающую конец XV – начало XVI столетий. Это было обусловлено стремлением к символической фиксации новообразованного государства и потребностью в обозначении нового политического игрока на европейском пространстве. Флаг и гимн, другие атрибуты государственной власти, появились значительно позднее[5].

Церемонии, ритуалы, процессии с использованием символических атрибутов подчёркивают значимость правовых актов и создают атмосферу торжественности и незыблемости закона. Например, использование скипетра и державы как символов монархической власти указывало на божественное происхождение права монарха на управление и его исключительные полномочия.

В средние века символика проникает в систему права и становится важным элементом правовой коммуникации. Визуальные образы, геральдические знаки, эмблемы цехов и гильдий обозначают принадлежность к определенной социальной группе, определяя права и обязанности ее членов. Использование религиозных символов в правовых актах, клятвах и присягах подчеркивает их святость и нерушимость. Клятва на Библии, изображение креста в судебных залах, использование литургических текстов при заключении договоров свидетельствуют о тесной связи между правом и религией, а также о высокой значимости моральных и этических принципов в правовом регулировании.

Эпоха Возрождения и Просвещения (XIV–XVI в.в.) характеризуется переосмыслением традиционных символов и появлением новых, отражающих идеалы гуманизма, свободы и равенства. Появление конституций и кодексов, основанных на принципах разделения властей, правового государства и верховенства закона, сопровождается созданием новой символики, подчёркивающей значимость этих прин-

---

[1] Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

[2] Артемьева, А. А. К вопросу о ритуале: этимология и понятие термина / А. А. Артемьева // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 7. – с. 75.

[3] Миф (др.-греч. μῦθος — «сказание, предание») — сказание, передающее представления людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего сущего, о богах и героях.

[4] Никитин А. В. Правовые символы. Автореф. дис. … к. ю. н. Н. Новгород, 1999. с. 10.

[5] Бутромеев, В. П. Символ власти: флаги, гербы, правители, награды, деньги всех стран и времен: иллюстрированный энциклопедический справочник / В. П. Бутромеев. 2-е изд., уточн. и доп. — М.: Белый город, 2007. — 573 с.

ципов. Изображения весов правосудия, фемиды с завязанными глазами, рук, сжимающих меч, становятся универсальными символами правосудия, равенства перед законом и защиты прав граждан.

В XX и XXI веках символика продолжает играть важную роль в правовой сфере, но приобретает новые формы и значения. Конституционные символы – флаг, герб, гимн – становятся неотъемлемой частью национальной идентичности и символизируют единство народа, его историю и культуру. Символы, связанные с правами человека, такие как голубь мира, поднятый кулак, шестиконечная звезда, напоминают о важности защиты человеческого достоинства, борьбы с дискриминацией и обеспечения равенства возможностей. Появление международных организаций, таких как Организация Объединенных наций (ООН), Европейский Союз (ЕС), сопровождается созданием собственной символики, отражающей цели и задачи этих организаций, а также их вклад в поддержание международного мира и безопасности.

Обычаи – важная часть жизни общества. Как указывает Малько А.В., обычай — это исторически сложившееся правило поведения, вошедшее в привычку в результате многократного повторения и ставшее в силу этого регулятором общественных отношений[1]. Жизнь общества на ранних стадиях его развития строилась на началах естественного самоуправления, правила поведения основывались на объективных ежедневных потребностях и имели целью выживание и продолжение рода, а обычаи в первобытном обществе выполняли функцию организации общественной жизни, являясь при этом и нормами морали, и нормами религии, т. е. мононормами[2].

Рассмотрение обычаев через призму истории права выявляет закономерности их формирования, изменения и взаимодействия с другими источниками права, а также позволяет оценить их влияние на формирование правовой культуры и правового сознания общества.

Обычаи представляли собой свод правил, сложившийся в период упадка первобытного общества и формирования классовой структуры, так как их исполнение изначально обеспечивалось общественными институтами, существовавшими до появления государственного аппарата. В ранних государствах эти общественные институты не исчезают, а модернизируются, обогащаются и встраиваются в систему государственной власти.

Отличительная черта обычая как правового источника заключается в его неформальном характере. Это правило поведения, не зафиксированное в официальных юридических актах. Обеспечение соблюдения обычаев происходит главным образом за счет социальных механизмов, а не государственного принуждения. Поскольку обычаи появились раньше государства, именно общество, а не государственные институты, выступало гарантом их выполнения. Обычаи определяли правила в семейных отношениях, заключении брака, владении имуществом, передаче наследства, улаживании споров и отправлении правосудия. Неукоснительное следование им поддерживалось влиянием почтенных старцев, верой в сверхъестественное и боязнью общественного порицания. Неписаные законы были неотделимы от мифов, церемоний и обрядов, образуя единую систему общественных правил и моральных принципов. Отступление от обычая воспринималось как угроза основам общества и влекло за собой строгое возмездие, вплоть до изгнания из общины или лишения жизни. Семейные устои, брачные ритуалы, имущественные права, наследование, разрешение конфликтов и судопроизводство регулировались обычаями. Неуклонное соблюдение этих норм обеспечивалось авторитетом старейшин, религиозными убеждениями и страхом перед общественным осуждением. Устные законы были тесно переплетены с мифологией, обрядами и церемониями, формируя цельную систему социальных норм и нравственных ориентиров. Нарушение обычаев рассматривалось как подрыв устоев общества и каралось суровым наказанием, включая исключение из общины или смертную казнь.

На протяжении всей истории Русского и Российского государства обычаи играли роль социальных регуляторов, однако их влияние варьировалось в зависимости от уровня развития общества. Часто встречалось перенесение традиционных поведенческих норм в правовые установления. В качестве примера можно привести Русскую Правду, которая систематизировала обычай кровной вражды[3]. Не все устоявшиеся обычаи напрямую перекликаются с юридической сферой. К примеру, исполнение обрядовых причитаний по невесте в день бракосочетания – это обряд, не имеющий правовых последствий, в то время как ритуал умыкания невесты влечет за собой юридически значимый результат – оформление супружеских отношений. К группе обычаев, влияющих на право, можно отнести и древнерусский обряд рукобития, служивший подтверждением совершения сделки.

Учитывая вышесказанное, допустимо разграничить все обычаи, исходя из их соотношения с правом, на два типа: те, что обладают юридической силой, и те, что не оказывают воздействия на правовое регулирование. Предполагается, что именно первая категория обычаев была в основе формирования русского права на начальном этапе развития общества. С ходом времени роль обычаев как главного и

[1] Малько А.В. Теория государства и права: учебник / А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2001. – с. 304.

[2] Марков А. М. Обычаи, нормы права и явление преступности: историко-правовой взгляд / А. М. Марков // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 2(4). – С. 27.

[3] Минникес И.В. Обычай как источник русского права: историко-правовой анализ / И.В. Минникес // История государства и права. – 2010. – № 15. с.8.

наиболее часто используемого источника права постепенно уменьшалась. Хотя законодательство иногда обращалось к обычаям (в частности, при создании Судебника 1550 года было объявлено о стремлении «исправить судебник по старине», то есть в соответствии с обычаями), их роль в обществе стала менее значимой. Некоторые обычаи были заменены законами, как светскими, так и религиозными. Так произошло, например, с рядом родовых обычаев, в частности, с рукобитием как способом заключения гражданской сделки. Было законодательно установлено, что судебные разбирательства будут проводиться только по договорам, оформленным документально. В данном случае прямого запрета на обычай нет, однако он теряет свою ценность как юридически обязательное действие. Кроме того, государство изменяет обычаи, включая их в правовые документы и наделяя их принудительной силой. Обычай, зафиксированный в правовой норме, становится основой для соответствующего нормативного акта[1].

В семейных и имущественных отношениях, в особенности среди крестьянства, обычай все еще играет довольно важную роль. Так, на основании обычаев производятся действия по подготовке к венчанию – погляд (смотрины), пропоины, кладка (предбрачный взнос за невесту) и др.; значительную роль обычаи играют при разделе крестьянского имущества между родственниками.

Становление абсолютной монархии в России (XVIII в.) отразилось на характере источников российского права. На данном этапе отмечается дальнейшее сокращение числа источников права. Это вызвано как ростом количества нормативных правовых актов, их всеохватывающим содержанием, так и требованием законодателя во всем строго следовать закону. Отныне свободное решение вопроса возможно лишь тогда, когда отсутствует нужная правовая норма. Обычай в период абсолютизма теряет значение юридически значимого. Если практика общественных отношений внутри сельских сообществ еще сохраняла возможность обращения к обычаям для решения мелких бытовых проблем, то государство отделило обычай от законодательства. Обращение в администрацию и суд за защитой интересов на базе обычая отныне стало невозможным. Согласно предписаниям монарха решения официальных властей должны основываться не на обычаях, а на положениях закона.

Правда, иногда законодатель делает прямые ссылки на обычаи, укрепляя положение правового обычая как источника права. Наказе Екатерины II: «Весьма худа та политика, которая переделывает законами то, что надлежит переменять обычаями»[2]. Законодательные акты также принимали во внимание тот факт, что оптимальное время для решения вопросов, касающихся общества, наступает после окончания сельскохозяйственных работ, в связи с чем зимний период считался предпочтительным для проведения выборов. Например, выборы земских комиссаров должны были проходить каждый год «в конце года», хотя данное положение не всегда реализовывалось на практике. Декабрь рассматривался как подходящий месяц для избрания лиц, ответственных за таможенные платежи. Для выборов бургомистров с их коллегами законодательство определяло время «в начале года, в январе месяце»[3].

В Своде законов, изданном в 1832 году, подчеркивалось, что российское право базируется исключительно на указах, исходящих от верховной власти (то есть на законодательстве). Только подобные указы могли включаться в систематизированные акты гражданского права России. XIX столетие ознаменовалось безусловным главенством закона. С позиции законодательства обычай приобретал обязательную силу лишь тогда, когда на него указывал нормативный акт, то есть когда власти официально утверждали правовой обычай как источник права. С уверенностью можно сказать, что обычное право было признано законом не только де-факто, но и юридически, начиная с 40-х годов XIX века. Свидетельством тому служит сбор обычаев и правил, касающихся наследования у государственных крестьян, проводившийся Палатами государственных имуществ. Уже статья 38 Общего положения о крестьянах, освобожденных от крепостной зависимости, позволяла им руководствоваться обычаями при наследовании имущества[4].

На практике обычай имеет гораздо большую сферу действия, особенно среди тех слоев населения, которые живут сплоченно и строят свою жизнь на патриархальных началах. В общинном быту обычаи сохраняли значимость и практическую ценность. Отмена крепостного права не только не упразднила, а скорее укрепила роль обычая в жизни крестьянства. Этому способствовали мероприятия правительства. Во-первых, в некоторых сферах позднефеодальные обычаи были санкционированы государством и приобрели силу правовых обычаев. Законодатель прямо отсылал к обычаям, когда речь шла о внутриобщинных имущественных отношениях, наследовании, опеке. Во-вторых, были созданы волостные суды специально для крестьян. Судя по решениям волостных судов, они руководствовались обычно-

[1] Шешера, С. В. История становления обычая как источника права в России / С. В. Шешера // Фундаментальные и прикладные исследования : проблемы и результаты : сборник материалов XXXIII Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 25 апреля – 12 2017 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Центр развития научного сотрудничества", 2017. – с.243.

[2] Минникес И.В. Обычай как источник русского права: историко-правовой анализ / И.В. Минникес // История государства и права. – 2010. – № 15. –с.9.

[3] Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prlib.ru/en-us/Lib/pages/item. aspx? itemid=10285/ (дата обращения: 31.08.2025)

[4] Ерофеева Д. В. Источники права: проблемы теории и истории права / Д. В. Ерофеева // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2013. – № 1. –с.56.

правовыми нормами. Имущественные отношения крестьян вновь были поставлены вне сферы регулирования общего гражданского права и остались в ведении обычаев. Применительно к данному периоду можно выделить два вида обычаев: дополняющие и самостоятельные. Первый вид – это обычаи, на которые имеется ссылка в законодательстве (правовые обычаи), и те обычаи, которые восполняли пробелы в законе, хотя прямо и не обозначены законодателем. Они действовали как дополнение правовых установлений. Например, в соответствии с Уставом торговым, в торговых делах суд может обращаться к обычаям при отсутствии нормативно-правового регулирования данного спора. Другой вариант – неполнота правового регулирования. Так, закон предусматривал возможность отсрочки или рассрочки исполнения обязательств. Обычай дополнял эту норму приемлемыми сроками, например, после сбора крестьянами урожая. Второй вид – обычаи, имевшие самостоятельное значение. Эти обычаи функционировали как самостоятельные правила, иногда даже идущие вразрез с нормами права. Так, в некоторых местностях обычай допускал такой способ обеспечения обязательств, как отобрание вещи у должника или у третьего лица, хотя этот способ законодатель совершенно не одобряет. Кроме того, в некоторых местностях в крестьянской среде большое значение имел факт свадьбы. Венчание в этом смысле не означало вступления в брак до тех пор, пока не состоялось свадебное пиршество. Закон имел совершенно противоположный взгляд на эту проблему.

В первые годы XX века активно обсуждалась тема юридического статуса крестьянства и значения обычного права. В эпоху первой русской революции сформировались две стратегии реформирования обычая. Одна из них предполагала постепенное упразднение общинных норм и перевод крестьян в категорию субъектов общего гражданского права. Эту линию активно продвигали С.Ю. Витте и П.А. Столыпин. В условиях революции император также придерживался сходной точки зрения. В указе 1904 года указывалось на необходимость интеграции крестьянского законодательства в общую правовую систему империи. Однако предпринятые шаги в этом направлении были незначительными, а их осуществление сопровождалось большими трудностями. Другая стратегия сводилась к упрощению или кодификации сельского законодательства при сохранении особого правового положения крестьян. Смена политического режима и революционные преобразования правовых основ государства существенно повлияли на источники права. Правовой строй периода двоевластия и становления Советского государства до середины 1920-х годов можно охарактеризовать как право переходного времени. В этот период правовой обычай, понимаемый как обычай, на который ссылается нормативный акт, выступал как самостоятельный источник права. Например, в Конституции 1918 года местным Советам было позволено проводить выборы в соответствии с «установившимися обычаями».

В советском государстве данная форма права не приветствовалась, поскольку правовой обычай имел ряд характеристик, которые не соответствовали направленности социалистического права, позиционировавшегося как право нового, прогрессивного типа. Нечеткость и размытость норм, присущие правовому обычаю, создавали предпосылки для субъективного их толкования и применения судебными органами, что кардинально расходилось с принципами социалистической законности.

В современной российской правовой системе правовые обычаи играют существенную роль. В Гражданском кодексе Российской Федерации (статья 5)[1], который официально признает и законодательно закрепляет их в качестве источников права, они обозначены как «обычаи делового оборота». В юридических трудах справедливо отмечается, что, признавая правовые обычаи в общей форме, а не только для конкретных сфер, таких как раздел имущества крестьянского хозяйства, обычаи морского порта и прочее, Гражданский кодекс существенно расширил, по сравнению с предыдущими нормами, возможности использования правового обычая.

Если ранее правовой обычай имел силу только при наличии прямой ссылки на него в законодательстве, то нынешний Гражданский кодекс допускает применение обычаев делового оборота даже при отсутствии специальных юридических положений. Это правило действует независимо от того, зафиксировано ли данное, широко распространенное в предпринимательской среде, правило поведения в каком-либо официальном документе.

В заключение подчеркнем, что символы играют важную роль в формировании правосознания и правовой культуры, способствуют утверждению правовых установлений, обеспечивают легитимность власти и служат важным средством правовой коммуникации. Анализ символов в историко-правовом ключе позволяет глубже понять эволюцию права, выявить ценностные ориентиры различных исторических периодов и проследить связь между правовыми учреждениями и культурными традициями. Символы могут отражать основополагающие правовые идеи, такие как справедливость, равноправие, верховенство закона. Они могут напоминать о значимых исторических событиях, связанных с борьбой за права и свободы человека. Использование символов в образовательном процессе может способствовать формированию у граждан уважения к закону и правовым институтам.

С развитием государственности и появлением письменных законов роль обычая постепенно меняется, но он не исчезает полностью, сохраняя значительное влияние на правовую систему. Зачастую

[1] Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

обычаи служат основой для формирования правовых норм и институтов. Многие нормы гражданского, семейно-правового и земельного регулирования берут свое начало в древних обычаях, которые со временем были кодифицированы и закреплены в законах. В других случаях обычаи используются для толкования правовых норм, позволяя адаптировать формальные правила к конкретным жизненным ситуациям. Суды нередко обращаются к обычаям для разрешения споров, особенно когда в законодательстве имеются пробелы или неясности. Таким образом, обычай является важным инструментом адаптации права к меняющимся потребностям общества. Будучи отражением коллективной памяти и установившихся традиций, обычаи не только предшествуют письменному законодательству, но и непосредственно влияют на его содержание, толкование и применение. Символы, возникшие из обычного права, обогащают правовую систему, придают ей легитимность в глазах общества и обеспечивают ее эффективность. Игнорирование этого исторического и культурного контекста может привести к неполному и искаженному пониманию как самого права, так и его роли в обществе.

Серова Юлия Геннадьевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Serova Yulia Gennadyevna

PhD in law, Senior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: julsug2011@mail.ru

Значение символов в торговом праве Российской империи (конец XIX – начало XX вв.)

The significance of symbols in the trade law of the Russian empire (end of the 19th – beginning of the 20th century)

Аннотация. Символизм в торговых отношениях Российской империи исторически имел особое значение. В статье на основе норм законодательства Российской империи, трудов правоведов, автором проводится историко-правовой анализ используемых в торговых отношениях символов – торгового знака, герба. В конец XIX века появился новый закон о торговых знаках, определивший правила регистрации и защиты этого института. Именно этот правовой символ играл важную роль в торговле, определяя идентификацию продукта, а также обеспечивающее информирование потребителя о благонадежности предпринимателя и о качестве, поставляемого товара.

Ключевые слова: символы, символические действия, финансовая благонадежность, торговое право, кредитоспособность

Annotation. Symbolism in the trade relations of the Russian Empire has historically had a special significance. In this article, based on the norms of the legislation of the Russian Empire and the works of legal scholars, the author conducts a historical and legal analysis of the symbols used in trade relations, such as trademarks and coats of arms. In the late 19th century, a new law on trademarks was introduced, which defined the rules for registering and protecting this institution. This legal symbol played an important role in trade, as it defined the identification of a product and provided consumers with information about the reliability of the entrepreneur and the quality of the goods supplied.

Keywords: symbols, symbolic actions, financial reliability, trade law, creditworthiness

Для цитирования: Серова Ю.Г. Значение символов в торговом праве Российской империи (конец XIX – начало XX вв.) // Юридическая техника. – 2026. – №20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. Проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 436–438.

В торговых отношениях «символизм» исторически имел особое значение, поскольку именно в этой сфере в Российской империи регулирование осуществлялось не только законами, но и обычным правом. Это нашло отражение в способах заключения договора. Например, после достижения договоренности по всем условиям договора, совершались различные символические действия, с целью определить момент заключение сделки: пожимание друг другу руки – «рукобитие»; совместная молитва, как удостоверение отсутствия обмана с обоих сторон; вычет за веревку или узду проданной лошади; «магарыч», «обмытие копыт», «литки» [1].

В Российской империи символы играли значимую роль не только как ритуал при заключении сделок, они становились важнейшими правовыми институтами, обеспечивавшими идентификацию того или иного товара, определяющими доверие к предпринимателю, а также обеспечивающими защиту прав потребителей. Именно визуальные символы играли ключевую роль в отечественном регулировании торго-

[1] Кузнецов Я. Обязательственное право в пословицах и поговорках русского народа // Журнал Министерства юстиции, 1903, №3 (март). С. 280.

вых отношений. К символам, закреплявшим право собственности на тот или иной продукт и идентифицирующим последний от аналогов – являлись товарные знаки. Законом от 26 февраля 1896 года «О товарных знаках» (фабричных и торговых марках и клеймах)» определялся правовой статус товарных знаков, а также были систематизированы правила их регистрации и защиты. «Клейма, тавры, печати, пломбы, капсюли, метки, этикетки, виньетки, девизы, ярлыки, обложки…» [1] — все это относилось законом к понятию «товарный знак»; предусматривалась возможность его нанесения как на сам товар, так и на упаковку. Законом определялось, что не могло быть на товарных знаках: например, «надписи и изображения, противные общественному порядку, нравственности и благопристойности» (ст.3.)[2] Использование товарных знаков было правом предпринимателя, за исключением ряда товаров, где законом устанавливалось обязательное клеймение[3].

Рекламное объявление
Фирмы М. Рживю.
(Фото взято из газеты «Кредитор»
№4,1910 г., С. 4)

Рекламное объявление Товарищества
А.И. Абрикосова и С-вей
(Фото взято из газеты «Кредитор»
№1,1912 г., С.3)

Клеймо являлось главным доказательством происхождения товара. В случае судебных споров о контрафакте или недоброкачественности продукции именно клеймо позволяло идентифицировать производителя и привлечь его к ответственности.

Единая централизованная система регистрации товарных знаков начала формироваться в конце XIX века. По Закону «О товарных знаках (фабричных, торговых марках и клеймах)» (1896 года) свидетельства на товарные знаки выдавались на срок до 10 лет Отделом торговли Министерства торговли и промышленности по заявке предпринимателя, что подтверждало его право «исключительного пользования товарным знаком» (ст.4)[4]. Заявляемые к регистрации товарные знаки обязательно должны были быть на русском языке и включать в себя кроме местонахождения предприятия, указание фамилии имени и отчества собственника предприятия или наименование фирмы (ст.6).

В торговых отношениях большое значение имеет доверие, поэтому как справедливо отмечал А.И. Каминка «пользующееся доверяем имя собственника, привлекает публику к его предприятию… Доверие к лицу переносится на предприятие»[5]. Поэтому нередко именно указание на владельца фирмы в торговом знаке было своего рода гарантией качества продукта и надежности фирмы. Так, «потребитель, оценивая достоинство товаров известного происхождения, естественно, будет искать их между других по их отличительным признакам»[6].

[1] Розен Я.С. Товарные знаки (законы и применение их в административной и судебной практике, законодательные мотивы и решения Правительствующего Сената, трактаты и декларации). СПб.: Юридический книжный склад «Право», 1913. С. 3.

[2] Свод законов Российской империи Т. XI ч.2.–Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и устав пробирный). (с дополнениями и разъяснениями по 1 июня 1896 года) // составил А. Кобеляцкий, начальник Отделения Департамента Торговли и Мануфактур., С.-Петербург Типография В. Киршбаума, 1896 г. С.158.

[3] Обязательным нанесения клейма торговца или производителя было на табачные изделия, водка, дрожжи, сахар, спички, маргарин, медная посуда, изделия из золота и серебра, лекарственные препараты.

[4] Свод законов Российской империи Т. XI ч.2.–Устав о промышленности (фабричной, заводской и ремесленной и устав пробирный). (с дополнениями и разъяснениями по 1 июня 1896 года) // составил А. Кобеляцкий, начальник Отделения Департамента Торговли и Мануфактур., С.-Петербург Типография В. Киршбаума, 1896 г. С.159.

[5] А.И. Каминка Очерки торгового права -М.: «Центр ЮрИнфоР», 2002. С.187.

[6] Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. М.: «Спарк», 1996. С. 179.

Законодательно устанавливалась защита исключительного права пользования товарным знаком: возможность взыскание убытков[1] в пользу потерпевшей стороны, также виновное лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности[2].

Наивысшим символом качества в имперской торговле было право использовать государственную символику. «Поставщик Двора Его Императорского Величества» - Компании, удостоенные этого звания, имели право размещать на своей продукции, вывесках и в рекламе изображение государственного герба. Это была маркетинговая и правовая привилегия, выделявшая товар среди конкурентов и говорящая о его безупречном качестве.

Также высоко ценились символы наград с промышленных и сельскохозяйственных выставок (как всероссийских, так и международных)[3]. Изображение медали на этикетке или вывеске было наглядным свидетельством признания заслуг производителя. При использовании знаков отличия в товарных знаках на товар необходимо было обязательно указывать год получения такого знака отличия.

Рекламное объявление Магазина и мастерской обуви Н.Я. Архарова
(Фотография взята из книги А.Я. Торгова «Деловой спутник
по Северному Краю Верхнему Поволжью», 1912 г., С. 114)

Символы в торговом праве Российской империи выполняли несколько критически важных функций: от идентификации производителя и гарантии качества до фиксации социально-правового статуса коммерсанта. Торговый знак был не просто маркетинговым инструментам, а являлся правовым институтом, гарантирующим качество товара и благонадежность предпринимателя, поставляющего этот товар. Эта система заложила основы для современного российского законодательства о товарных знаках, фирменных наименованиях и борьбе с недобросовестной конкуренцией, демонстрируя непреходящую роль визуального символа в построении доверительных отношений между бизнесом и потребителем.

[1] Гражданский кассационный департамент, 1876г. №370; 1895г.. №237, 1879г. №13, 1876г. №455 Носенко Сборник решений 4-го департамента Правительствующего Сената т.I, №361.

[2] Свод законов Российской империи. Свод законов гражданских Т. X ч.1 (изд. 1891) (ст.644) https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/387.html#img388; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года (ст.59). - 6-е изд., пересмотр. и доп. - Санкт-Петербург : издание Н. С. Таганцева, 1889. – https://dspace.spbu.ru/items/376e674e-7e4a-4e50-a7aa-151910985455/full.

[3] В «Сводах законов Российской империи» 1832, 1842 и 1857 гг. законодательство, регулирующее выставочную деятельность, практически в полном объеме входило в постановления о фабрично-заводской промышленности («Уставы о промышленности»).

Тенилова Татьяна Львовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Волжского государственного университета водного транспорта

Tenilova Tatyana Lvovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Volga State University of Water Transport

E-mail: tatyana_tenilova@mail.ru

Правовые символы в историческом и современном пространстве

Legal symbols in historical and modern space

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и значение символов древних государств, используемых в праве, и их влияние на формирование символов, существующих в современном правовом пространстве. Особое внимание уделяется использованию в символике пространственно-временных свойств.

Ключевые слова: Правовые символы в древневосточных государствах, правовые символы в античных государствах, правовые символы древнерусского государства, пространственно-временной аспект в символах права, символы как отражение справедливости

Annotation. The article examines the features and significance of the symbols of ancient states used in law, and their influence on the formation of symbols that exist in the modern legal space. Special attention is paid to the use of spatial and temporal properties in symbolism.

Keywords: Legal symbols in ancient Eastern states, legal symbols in ancient states, legal symbols of the Old Russian state, the spatial and temporal aspect of legal symbols, and symbols as a reflection of justice

Для цитирования: Тенилова Т.Л. Правовые символы в историческом и современном пространстве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф.В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 439–442.

Изначально возникнув в жизни общества, символы постепенно начинают вторгаться во все сферы его отношений. В результате этого они оказывают влияние на понимание права и справедливости, формируют некие наглядные представления о правовых нормах и правоприменительной практике. На ранних этапах развития государственности при разрешении спорных вопросов символика во многих случаях отражала и закрепляла понимание содержания справедливости. Кроме того, в древних культурах символы имели глубокую связь с категориями пространства и времени. Все это оказывало значительное влияние на формирование представления о существующем общественном порядке.

В Древнем Египте символом правосудия являлась богиня Маат, которая ассоциировалась с истиной, порядком и справедливостью. Маат изображалась с пером на голове и часто символизировала весы, которые использовались в процессе взвешивания сердца усопшего перед входом в загробный мир. Маат служила идеалом, которому следовали судьи. Кодекс законов, составленный на основании ее учений, являлся основой судебной системы, где соблюдение справедливости имело первостепенное значение. Это отражало общественное стремление к гармонии и балансу в жизни. Законы Египта основывались на моральных нормах, и каждый житель должен был следовать правилам, чтобы сохранить космический порядок. Наличие символа правосудия указывало на то, что добродетель и честность ценятся на высшем уровне, а любые нарушения могут привести к хаосу. В Древнем Египте пространство и время воспринимались как цикличные элементы, что находило отражение в символах и законодательстве. Секреты бытия заключались в концепциях, представляющих постоянное обновление. Закон был неотъемлемой частью этого процесса. Символы, такие как Анкх (Египетский крест), олицетворяющий жизнь, служили напоминанием о вечности, что положительно влияло на представления о справедливом правосудии. Законы, вещавшие о праве на землю и наследство, учитывали пространственный аспект и обеспечивали стабильность и порядок.

Кодекс Хаммурапи в Древнем Вавилоне был высечен на большом столбе из черного базальта и являлся символом власти и справедливости, указывающим на необходимость обоснованности, публичной доступности и единообразия правовых установлений. Исходя из роли роль религии в странах Древнего Востока, особенно важным было то, что в верхней части присутствовало изображение бога правосудия Шамаша, держащего в руках солнечные лучи и скипетр и передающего Хаммурапи данный свод законов как символ их божественного происхождения и незыблемости его царской власти. Меры наказания и социальные обязательства, прописанные в данном Своде, указывали на то, каким образом божественная компенсация связывала людей с принципами справедливости.

Кодекс Хаммурапии другие законы Вавилона отражали пространственные отношения через конкретизацию территориальных прав и правосудия. Временные аспекты воплощались в праздниках и ритуалах, которые создавали контекст для применения законов, основываясь на сезонных циклах земледелия. Законы, закреплявшие права собственности и торговые отношения, были тесно связаны с элементами времени. Государственное управление выстраивалось с учетом особенностей каждого региона.

Китайская культура также умело использовала символику в законодательстве. Система законов, основанная на учениях Конфуция, включала такие символы, как дракон, олицетворяющий власть и защиту, и феникс, символизирующий гармонию и процветание. Эти символы отражали идею о том, что правление должно быть мудрым и справедливым. Подобное понимание правосудия формировало основы законов и общественного порядка, где особое внимание уделялось морально-этическим нормам.

В Древнем Китае использование символики пространства и времени проистекало из философии даосизма и конфуцианства. Понятия "явь" и "поток" символизировали гармонию времени и пространства. Законодательство, основанное на этих принципах, утверждало идею о естественном порядке вещей. Например, Тайпин (Великое благоденствие), символизирующий идеальные условия, использовался для создания законов, благоприятствующих сообществам и поддерживающих равновесие. В этом контексте закон стал не только инструментом, но и культурным элементом, определяющим правила жизни. Особое значение имели времена года. Так, браки должны были заключаться исключительно весной, поскольку заключение их в другое время грозило супружеской паре бесплодием. Осуществление же наказания, напротив, могло быть исполнено не иначе как осенью, поскольку подобные вещи не гармонировали с весенним пробуждением природы.

В различных культурах Древнего Востока часто встречаются символы в виде животных, олицетворяющих определенные качества. Например, в шумерской культуре лев представлял силу и защиту правосудия. Львы часто сопровождали законодателей, символизируя их способность защищать справедливость. Это указывает на то, что для общества был важен не только закон, но и моральная опора, защищающая права граждан. Учитывая индийскую культуру, можно отметить, что множество символов связаны с философией дхармы («мораль», «добродетель», «правило») или естественного закона. В древнеиндийской традиции правосудие и моральные нормы рассматривались как единое целое. Символы, олицетворяющие знания и мудрость, такие как священные писания, подтверждали важность соблюдения моральных норм в правомерной жизни. Таким образом, символы правосудия в древних культурах не только соответствовали юридическим нормам, но и отражали глубокие социальные ценности и идеалы каждого общества. Их присутствие в культуре показывало, что закон и справедливость — это не просто тексты, но живые идеи, которые имеют огромное значение для благополучия общества.

В Древних Афинах подобную роль исполнял образ богини Фемиды, обычно изображаемой с завязанными глазами, весами и мечом, став знаковым символом правосудия. Весы олицетворяли объективность и беспристрастность в принятии решений, в то время как меч указывал на силу исполнения правосудия. Образ Фемиды стал не только основой для законов, но и важным культурным символом. Каждый гражданин считал своим долгом следить за соблюдением законов. В результате, соблюдение правового порядка стало важнейшим принципом в афинском обществе. Подобное представление о справедливости без предвзятости является основополагающим и для современных судов.

Афиняне выстраивали свою юридическую систему, базируясь на концепции времени, где был отмечен переход от мифа к логике. Храм Зевса, в котором проходили судебные заседания, становится пространственным символом, демонстрирующим, что правосудие возвышается над обычным миром. Временной аспект проявлялся в ритме собираний народных ассамблей для обсуждения законопроектов. Данная система позволяла отслеживать исторические изменения и адаптировать законы под современные нужды, тем самым утверждая идею об эволюции правосудия. Еще одним аспектом пространства-времени в Древних Афинах было введение остракизма, основанного на идее борьбы с врагами демократии. Согласно данного установления наиболее популярная личность была вынуждена покинуть Афины на десять лет, чтобы своим авторитетом не произвести узурпации власти и не навредить демократии.

Образ Фемиды стал олицетворением справедливости и в древнем Риме. Весы и меч широко использовались в качестве символов законности и правопорядка. Весы символизировали равновесие в судебных решениях, а меч представлял силу закона. Римское право, включая Законы Двенадцати таблиц, основывалось на этих символах, подчеркивая важность защиты гражданских прав.

Римские символы, такие как Тога – своеобразная ткань на зажимах, которую носили полноправные граждане, находясь в официальных учреждениях, использовалась для обозначения социального статуса, в том числе, правителя и судьи. Кроме того, они символизировали публичность правосудия и доступность закона для всех граждан. Указанный символ явился прообразом современной судейской мантии.

Римляне понимали право как нечто, обнимающее пространство и время. Их термины, такие как "jus" (право) и "res" (вещь), отражали необходимость учитывать конкретные обстоятельства и локальные особенности. Принципы римского права устанавливали связь между законом и пространством, где каждое правление основывалось на привязанных к определённым регионам законах.

Если сравнить содержание пространственно-временных символов в странах Древнего Востока, античности и Древней Руси, то можно выявить определенные общие и особенные черты.

В Древнем Востоке, особенно в Месопотамии и Египте, законы проникнуты божественным началом. Например, в Кодексе Хаммурапи множество статей посвящено земле и правам на неё. Обозначая границы земли, законы подчеркивали как социальный статус, так и божественное предписание, что фиксировало наивысшую власть правителя. Символ пространственных границ тут становится не только юридическим, но и сакральным. Временные аспекты, такие как циклы сельскохозяйственных работ и религиозные праздники, также детально отражены в законах. Так, в египетском законодательстве время сбора урожая связывается с определёнными обрядами, что показывает, как циклы природы влияли на юридические практики.

Такие античные цивилизации, как Древние Афины и Рим, связывают законы с концепцией города-государства. Для государства-субъекта, коими являлись Древние Афины, характерно наличие собственных правовых норм, действующих строго в рамках полиса. Пространство становится символом автономии и самоуправления. Например, Закон о гражданских правах был ограничен пределами Аттики, что подчеркивало привязанность его к конкретной территории.

В Риме пространственная линия юрисдикций была чётко очерчена: законы действовали в зависимости от одного или нескольких территориальных элементов. Временные аспекты включали, например, "гражданские сроки" для подачи иска, что подчеркивало важность распорядка и времени в правосудии.

Древняя Русь также активно использует символику пространства и времени в своих правовых системах, о чем свидетельствует "Русская Правда". Здесь правила касаются, прежде всего, общинных земель и личных владений, что говорит об общинном начале. Так, есть статьи, определяющие уголовное наказание за посягательство на соседскую землю и время, отведенное для разрешения споров. Временные аспекты законов касаются не только сроков исполнения обязательств, но и обрядов, связанных с общинами. Установление времени для праздников и общинных собраний показывает, как временные рамки помогают согласовывать социальные отношения и поддерживать правопорядок. Сравнив законодательство трёх цивилизаций, можно выделить следующие закономерности:

Пространственные символы в Древнем Востоке воспринимаются как святые границы; в античности они связаны с идеями государства и гражданства; в Древней Руси акцент на общинность и местное самоуправление.

Время везде играет регулятивную роль: оно формирует правила для социального порядка и справедливости, но каждая культура интерпретирует его по-своему, в зависимости от духовных и практических аспектов.

Таким образом, в законодательных системах всех трёх культур пространство и время служат ключевыми компонентами, дающими представление об их мировосприятии, социальных устройствах и идеалах правосудия.

Древние символы правосудия, имея глубокие корни в юридической системе, актуальны и для правовой культуры современных государств и их органов, обществ и организаций. Они продолжают использоваться для подчеркивания важных аспектов справедливости, правопорядка и защиты прав человека. Так, символ весов, являвшихся символом Фемиды в Древних Афинах, широко используется в современном праве для обозначения справедливости и беспристрастности. Весы изображаются в гербах представительств правосудия, на судебных эмблемах и в юридических учреждениях, подчеркивая важность равенства сторон в суде.

Изображение Фемиды с завязанными глазами символизирует объективность и отсутствие предвзятости. В современных судах этот символ применяется как напоминание о необходимости беспристрастного подхода к судебному разбирательству и равному отношению ко всем участникам процесса.

Меч используется в качестве символа правосудия, представляя силу и авторитет закона. В некоторых судах и юридических учреждениях меч изображается в гербе, подчеркивая, что правосудие должно быть не только справедливым, но и сильным в защите прав граждан.

Лев, символизирующий силу и защиту, встречается в некоторых судебных системах, особенно в странах с британским правом. Он может быть изображен на гербах судов и юридических организаций, отражая идею о том, что правосудие должно быть мощным и защищать слабых.

Колонна, представляющая собой архитектурный элемент античных храмов, используется в современном праве как символ стабильности и устойчивости. Она часто встречается в архитектуре судебных зданий, подчеркивая важность долговечности и устойчивого правопорядка.

Книги и свитки как символы знаний и законов имеют своеобразное отражение в современных юридических системах. Они представляют собою своды законов и судебные прецеденты, которые необходимы для осуществления справедливого правосудия.

Древние изображения, где представлены ораторы или учёные, символизируют необходимость диалога и обсуждения в правовой системе. В современных судах подобные же изображения указывают на важность адвокатского представительства и аргументов сторон, отражают стремление к открытому взаимодействию.

Факел, олицетворяющий свет знаний, также может быть встречен в современных символах. Он символизирует просвещение и осведомленность о законах, напоминает участникам правовой системы о важности честности и прозрачности.

В Древнем Риме существовала традиция, согласно которой все участники судебного процесса вставали в тот момент, когда входил судья или судейская коллегия, что символизировало уважение к представителям законной власти и правосудию в целом. Данная традиция воспринята современным российским законодательством, в частности, согласно ст.262 УПК РФ появление судьи приветствуется стоя.

Важным элементом преемственности является государственная символика, связанная с законодательным закреплением и использованием герба[1], флага[2] и гимна.[3] При этом указанные символы способны выражать их пространственную идентичность, связанную с историей и идеологическими ориентирами.[4] Эти элементы создают визуальную ассоциацию с правом и служат напоминанием о высоких идеалах справедливости и защиты прав граждан.

Символы правосудия однозначно присутствуют в органах судопроизводства. Вполне естественно, что в различных правовых системах они могут интерпретироваться неодинаково. Так, в африканских культурах часто используются символы, связанные с общиной, подчеркивая важность коллективного правосудия. В то же время в европейских государствах акцент ставится на индивидуальные права. Подобные ситуации часто могут происходить и на территории одного и того же государства, но в различные исторические периоды. Так, переход индивидуальных символов к коллективным присутствовал при сломе царского режима в Советском Союзе, а в дальнейшем возникает обратный переход от коллективного к индивидуальному после развала СССР уже на территории Российской Федерации.

Символы правосудия в древних культурах не только соответствовали юридическим нормам, но и отражали глубокие социальные ценности и идеалы каждого общества. Используя и учитывая как правовые или религиозно-нравственные, так и пространственно-временные аспекты, они помогали создавать и поддерживать уровень правопорядка, обеспечивая определенный баланс и существующие моральные принципы. Их присутствие в культуре свидетельствует, что закон и справедливость — это не просто тексты, но живые идеи, которые имеют огромное значение для благополучия общества, в том числе, и для современного.

[1] Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 года № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2000. – 27 декабря.

[2] Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 года № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2000. – 27 декабря.

[3] Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 года № 3-ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2000. – 27 декабря.

[4] Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // file:///C:/Users/user/Downloads/ponyatie-pravovyh-simvolov-v-ramkah-institutsionalno-yuridicheskogo-podhoda.pdf.

Тимофеев Евгений Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», директор по правовым и корпоративным вопросам акционерного общества «Научно-исследовательское предприятие общего машиностроения»

Timofeev Evgeny Alexandrovich

PHD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process at the National Research University Higher School of Economics, Director of Legal and Corporate Affairs at the Joint-Stock Company General Engineering Research Enterprise

E-mail: evg-timofeev@mail.ru

Господствующая правовая теория (методология) как неявный правовой символ

The prevailing legal theory (methodology) as an implicit legal symbol

Аннотация. В статье исследуется понятие правового символа в теории права. Показано, что оно не ограничивается закреплёнными в законодательстве образами, но охватывает более широкий круг явлений, связанных с правовой культурой общества. Обосновывается возможность отнесения господствующей правовой теории (методологии) к числу неявных правовых символов. Рассматриваются признаки правового символа, предложенные И.В. Мальцевым, а также проводится сравнительный анализ западной и российской традиций правовой мысли.

Ключевые слова: правовой символ, правовая теория, методология права, правовая культура, правовые ценности, западная правовая традиция, российская правовая мысль

Annotation. The article examines the concept of a legal symbol in legal theory. Legal symbol is not limited to the images enshrined in legislation, but covers a wider range of phenomena associated with the legal culture of society. The possibility of classifying the prevailing legal theory (methodology) as an implicit legal symbol is substantiated. The features of a legal symbol proposed by I.V. Maltsev are considered, and a comparative analysis of Western and Russian legal approaches is carried out.

Keywords: legal symbol, legal theory, methodology of law, legal culture, legal values, western legal approach, Russian legal approach

Для цитирования: Тимофеев Е. А. Господствующая правовая теория (методология) как неявный правовой символ // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 443–445.

Понятие правового символа в теории права не является общепринятым и само по себе дискуссионно. Так, в узком смысле можно сказать, что «правовой символ представляет собой закрепленный законодательством образ, используемый для выражения определенного юридического содержания».[1] Отсюда следует, что одни из системообразующих признаков данного понятия – законодательное закрепление и, как следствие, общеобязательность, а значит и признание, а также охрана со стороны государства.[2]

Однако в широком смысле, к правовым символам могут быть отнесены «все символы, являющиеся частью правовой культуры данного общества, интегрированные в его правовую систему».[3]

[1] Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. – М., 1999. – С. 347

[2] Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. – СпБ., 2005. – С.166.

[3] Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. №2. С. 57

На наш взгляд, понятие правового символа выходит за рамки вспомогательного средства правового регулирования или сугубо приема юридической техники (А.В. Никитин)[1]. Кроме того, общеобязательность, сводящая в качестве признака правовой символ к некоей особой разновидности правовых норм, также не является необходимым элементом каркаса понятия «правовой символ» поскольку автоматически исключает из него целый ряд правовых явлений, которые необходимо более детально рассмотреть на предмет их отношения к обсуждаемому понятию. В частности, одним из таковых является господствующая в тот или иной исторический период в конкретном государстве правовая теория (методология).[2]

Именно потенциальная неограниченность спектра семантических векторов, поливалентость смысла, многозначность, отличает символ, скажем от знака. При этом смысловое поле, охватываемое символом, при своей безграничности и широте отличается осознаваемым единством и непротиворечивостью, при всей своей несводимости к единственному значению.

В этой связи представляет научный интерес совокупность признаков понятия «правовой символ», сформулированная И.В. Мальцевым[3]. Так, автор относит к таковым:

Условность (конвенциональность);

Многозначность;

Особая ценность;

Исключительность правовой связи с субъектом- носителем;

Уникальность;

Стабильность;

Правовое опосредование;

Внешняя объективация в особой форме.

Анализируя указанные признаки понятия «правовой символ», даже старательно избегая опасности использования риторической красоты использования понятия «символ», можно обратить внимание на тот факт, что для господствующей в обществе в тот или иной исторический период правовой теории (методологии) характерны в той или иной форме все вышеупомянутые характеристики. Более того, именно господство той или иной правовой теории отражает и в определенной степени задает единый полисемантический смысловой ряд для иных правовых явлений, правовой науки и правоприменительной практики, опосредуя отношение общества к иерархии правовых ценностей и главенствующих в тот или иной период смыслов.

В качестве иллюстрации можно обратиться к смысловой оси современной западной правовой традиции: «правовой реализм» (К. Ллевеллин, Дж. Франк, О. Холмс и др.) - «школа критических правовых исследований» (М. Хорвитц, К.Маккинен и др.) - «экономический анализ права» (Р. Познер и др.).

Несмотря на отсутствие закрепления в нормативных актах данных правовых теорий, они, являясь последовательным развитием идей друг друга, имплицитно определяли вектор дальнейшего развития правовой мысли в то же время отражая отношение общества, а вместе с ним и юридического сообщества к правовым ценностям, ставя во главу угла прагматичность, рациональность, присущее Западу тяготение к улучшению благосостояния и направленность именно на экономический рост и процветание.

В то же время российские правовые теории, будь то психологическая школа (Л. Петражицкий), советское право (С.С. Алексеев) или более поздние российские правовые школы (например, либертарная концепция правопонимания (В. С. Нерсесянц) всегда были направлены на поиск высшей правовой ценности, находившейся за пределами исключительно экономического процветания, напротив, принося его «жертву» иной высшей идее (пусть таковая и менялась в разные периоды исторического развития).

Однако именно это неявное смысловое поле поиска «высшего блага», отражающееся в том числе и в правовой теории (методологии) в значительной степени определяло и определяет рамки и направления развития правовой науки и практики. Более того, представления общества о должном, отражающееся в иерархии защищаемых (в том числе посредством права) ценностей настолько значительно определяет правовую реальность, что господствующие правовые теории, при всей их развитости и проработанности не могут быть перенесены из одного государства в другое без глобальной перестройки общества. Значит, вопрос проработанности и сугубо научной приоритетности правовой теории и методологии не является определяющим для правового поля того или иного общества.

Правовая теория (методология), господствующая в обществе на том или ином этапе его исторического развития, является неявным правовым символом представлений этого общества о надлежащей иерархии правовых ценностей и смыслов, и сама по себе не является продуктом сугубо научного развития и прогресса. Именно господствующая правовая теория для всех носителей правовой культуры об-

[1] Никитин А.В. Правовые символы: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01: Н. Новгород, 1999. С.241

[2] Под «господствующей правовой теорией (методологией)» мы понимаем разделяемое большинством правоведов научное течение и совокупность представлений о праве, включая методологию, представляющее собой научный мейнстрим для конкретной исторической эпохи

[3] Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. №4. С. 100-121

щества обладает понятной им без дополнительных пояснений конвенциональностью смысла, является многозначной в достаточной степени для того чтобы отражать отношение к самому широкому кругу правовых явлений, представляется безусловной ценностью и опосредует собой связь с носителем (обществом, народом). Уникальность и стабильность господствующих правовых теорий наглядно подчеркивается эволюцией условной «западной» и отечественной правовой науки – каждая их них эволюционирует по сугубо собственной траектории и развитие от условного «правого реализма» к «экономическому анализу права» не предполагает на своем пути остановок в виде «соборности» или «либертарного правопонимания».

Внешняя объективация господствующей правовой теории – достаточно сложный вопрос, однако несмотря на затруднительность точного ответа на него, сам по себе этот вопрос не является определяющим для отнесения господствующей правовой теории (методологии) к числу неявных правовых символов, поскольку является скорее техническим. Для всех участников единого правового пространства понятна общая правовая предметность, выражаемая через широкий круг общих семантических отсылок и рядов.

Таким образом, господство определенной правовой теории (методологии), по нашему мнению, можно отнести к числу неявных правовых символов, отражающих представления конкретного общества об иерархии правовых целей и ценностей.

Тонков Евгений Никандрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, адвокат

Tonkov Evgenii Nikandrovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the theory and history of law and state Department of North-West Institute of management – Branch of the Presidential RANEPA, Barrister

E-mail: e.tonkov@mail.ru

Символы правосудия в современной культуре

Symbols of justice in modern culture

Аннотация. В тексте исследованы современные символы правосудия, раскрыто их влияние на правопорядок, актуализирована зависимость восприятия символов от типа правопонимания субъекта. Право рассматривается как элемент культуры, результат и способ взаимодействия доминирующих этносов. Автором предложена классификация правовых символов: 1) символы-знаки, очевидно защищенные силой принуждения; 2) символы-действия, обеспеченные правовыми механизмами; 3) символы-образы, сформированные в сознании субъекта как обязательный поведенческий алгоритм. В исследовании обосновывается символическое значение архетипа судьи, на основе зарубежных и российских публикаций выводятся типические образы идеального судьи по Г. Канторовичу, идеального судьи Геркулеса, неидеального судьи Велеса.

Ключевые слова: символы правосудия, культура, этнос, символы-знаки, символы-действия, символы-образы, идеальный судья по Г. Канторовичу, идеальный судьи Геркулес, неидеальный судья Велес

Annotation. The text examines modern symbols of justice, reveals their influence on law and order, and actualizes the dependence of the perception of symbols on the type of legal understanding by the subject. Law is considered as an element of culture, a result and a way of interaction between dominant ethnoses. The author has proposed a classification of legal symbols: 1) symbols-signs that are obviously protected by force of coercion; 2) symbols-actions provided by legal mechanisms; 3) symbols-images formed in the mind of the subject as a mandatory behavioral algorithm. The study substantiates the symbolic meaning of the archetype of the judge, based on foreign and Russian publications, typical images of the ideal judge according to G. Kantorovich, the ideal judge Hercules, and the imperfect judge Veles are derived.

Keywords: symbols of justice, culture, ethnos, symbols-signs, symbols-actions, symbols-images, ideal judge according to G. Kantorovich, ideal judge Hercules, imperfect judge Veles

Для цитирования: Тонков Е.Н. Символы правосудия в современной культуре // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 446–452.

Мы научились дифференцировать интерпретацию символов в различных типах правопонимания: позитивизме, юснатурализме, социологических подходах. Используемые сторонниками естественного права символы могут не получить признания в практиках эксклюзивного позитивизма, что с неизбежностью проявится в механизмах защиты символических прескрипций. Каждому типу правопонимания имманентен собственный язык символизации норм и ценностей. Правовые символы составляют значимую часть нормативной системы человека, на них распространяются известные признаки права, в том числе формальная определенность, системность, обеспеченность принудительным исполнением, многократность использования.

Символы, связанные с правосудием, требуют особого внимания, ибо от их правильного распознавания подчас зависят человеческие судьбы. Суд для современного человека представляет собой не только прагматический инструмент реализации субъективных прав и защиты от чужих притязаний, но является символическим пространством, вокруг которого вращается весь юридический мир. Художественные и основанные на реальных событиях детективы, сериалы про судей, полицейских и адвокатов, телешоу в стиле «Суд идет», публичные покаяния преступников, обвинения в открытом эфире и прочие

формы вовлечения населения в правовую жизнь формируют в массовом сознании разнообразные стереотипы и символы, имеющие прямое отношение к правовой культуре и правосудию.

Судебный процесс в культуральной парадигме – это коммуникативный акт, направленный на восприятие его результатов не только непосредственными участниками, но и всем обществом. История свидетельствует о том, как публичное приведение приговора в исполнение (например, отрубание головы) оказывало воздействие на правосознание жителей, собираемых на городской площади. Сегодня функцию доведения до населения основ правопорядка, в том числе принципа неотвратимости наказания, выполняют государственные, ведомственные и частные средства массовой информации, включая растущий сегмент блогеров в сети Интернет. Без символов правосудия трудно наполнять правовым смыслом деятельность судов и правоохранительных органов, создавать образ легитимности власти, демонстрировать процессуальную справедливость, поддерживать социальный порядок.

Ритуальная сторона правосудия не менее важна, чем прагматические функции судебной системы, поскольку принято считать, что доверие населения формируется, в том числе, через утверждение символов власти. Например, мантия судьи символизирует беспристрастность, высокий статус, принадлежность к особой страте компетентных и добросовестных людей. Кроме того, мантия скрывает возможные особенности тела и даже человеческую индивидуальность, подчеркивая функцию служителя Фемиды.

Судейский молоток демонстрирует поддержание порядка и власть председательствующего. Удар молотком представляет собой перформативный акт, которым судья не просто открывает и закрывает заседания, но также дисциплинирует участников процесса и слушателей, символизирует момент оглашения решения.

Кресло судьи обычно размещено на фоне герба государства, что свидетельствует об официальности и легитимности судебного процесса. Наличие герба в зале суда – прямое указание на то, что правосудие осуществляется от имени государства.

Судейский стол находится на возвышении, чтобы физическое расположение судьи (выше всех остальных участников) символизировало иерархию и высшую власть в зале заседаний.

Расположение оппонирующих сторон (друг напротив друга: истец – ответчик, обвинение – защита) предвосхищает состязательность процесса; геометрически выверенное противопоставление визуализирует схватку сторон, подчеркивает нейтральное состояние судьи «между сторонами», «над схваткой». Пространственная композиция в зале судебных заседаний демонстрирует разнонаправленность интенций участвующих лиц и стадиальность процесса, – при несомненном верховенстве процессуальных норм.

Места подсудимых в залах для рассмотрения уголовных дел организованы в форме клеток, что отражает особый правовой статус людей, изолированных от общества.

Судопроизводство опосредуют наборы ритуальных действий и символических процедур, например, требованием «Встать, суд идёт!» сопровождается вход судьи (судей) в зал судебного заседания. Символ становится понятен каждому человеку: представитель одной из ветвей государственной власти начинает своё действие, обязанность вставать – знак уважения не к конкретной личности, а к представителю государства, наделенному широкими полномочиями по определению прав и обязанностей сторон.

К символам правосудия следует отнести и специальную юридическую лексику, направленную на взаимопонимание участвующих в процессуальных действиях лиц. Единообразие терминов достигается не только путем их законодательного утверждения (например, ст. 5 УПК РФ вводит основные понятия, используемые в уголовном судопроизводстве: «ночное время – промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени»), но также посредством официального толкования в постановлениях Пленума ВС РФ, судебной практикой и устными указаниями судей, которые могут отражаться в протоколе судебного заседания. При использовании юридически значимых терминов важно соблюдение закона тождества, – чтобы стороны и суд одинаково понимали означаемые терминами вещи, явления и статусы. Единство понятийного аппарата достигается на стадии получения юридического образования и стажировки в определенной профессиональной корпорации.

В доминантах, стоящих за символами правосудия, можно усмотреть многоуровневое регулирование не только законами и подзаконными актами, но и традициями, и деловыми обыкновениями, и конвенциональными договоренностями, и внепроцессуальными воздействиями.

Релятивизм и классификация символов

Представления о содержании и значении символов, отражающих современное правосудие, не всегда совпадают у юристов, относящихся к разным профессиональным корпорациям. Осознавая разнообразие выводов о качестве правосудия и его границах, мы признаем историческую детерминированность культуральных феноменов, основанных, в том числе, на традиционных ценностях. Несмотря на подчас противоположные мнения об интерпретации нормативных положений, демонстрируемые процессуальными оппонентами, юристы способны находить единство в конвенциональных договоренностях, достигаемых как на доктринальных, так и на локальных уровнях.

Современная культура характеризуется релятивистским отношением к правосудию и его символам, что проявляется, в том числе, в несовпадении институтов права из разных правовых семей, в усложне-

нии рассмотрения юридических споров на международном уровне. Право следует рассматривать как элемент культуры взаимосвязанных этносов, правила приобретают нормативное значение в результате жизнедеятельности социальных организмов и их взаимной коммуникации. При наличии разнородных обозначений человеческих общностей (семья, нация, народ, раса, общество, класс, страта, сословие, социальная группа), предлагается рассматривать именно *этнос* как ядро групповой самоидентификации. По итогам социального развития СССР на стадии «победившего социализма» был сформирован мега-этнос «советский народ», который не прекратил своё существования, эволюционировав в массовом восприятии в «российский народ».

Символы правосудия формируются как на основе исторических (эволюционных) преобразований через правотворчество, так и путем их немедленного внедрения по усмотрению революционно настроенных масс, политических, военных, финансовых акторов (например, в последующие после 1917 и 1991 гг. в России радикально изменялась система правосудия с заменой её символических элементов). Следует отметить, что современное судопроизводство в широком смысле включает не только функционирование судов, но и деятельность правоохранительных органов, акты которых могут быть обжалованы в суд. Например, стандартное следственное действие «обыск в жилище» требует предварительного судебного разрешения или последующего судебного одобрения. Несоблюдение этого требования может привести к исключению результатов обыска из перечня доказательств.

Объем понятий правосудие и судопроизводство принято толковать расширительно, включая в него деятельность правоохранительных органов, адвокатуры и даже нотариата. Большинству юристов, получивших образование до 1991 г., знаком учебник В.М. Семёнова «Суд и правосудие в СССР»[1], который переиздавался много раз. В учебнике излагалась не только деятельность судов, но также прокуратуры и других правоохранительных органов. По этому (и структурно аналогичным) учебнику на протяжении десятилетий преподавалось, в том числе, устройство органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания, адвокатуры, нотариата и товарищеских судов, что демонстрировало единство доктринального подхода к осуществлению правоприменительной практики всеми институтами правопорядка.

Для исследования символов правосудия в современной культуре требуется их (минимальная) классификация по признаку формальной определенности и ответственности за неправомерное использование, несоблюдение уважения к символам, искажение изображения и содержания. Применяя метод структурного анализа, целесообразно разделить рассматриваемые феномены на три класса:

формально-определенные, имеющие универсальный юридический и гуманитарный характер, защищенные силой принуждения (например, флаг, герб, гимн, мантии судей в большинстве государств, формы принесения присяги в судебных процессах);

проявленные в императивно предусмотренных действиях, имеющих юридические последствия, но осуществляемые неодинаково, оцениваемые в зависимости от усмотрения правоприменителя (например, процедуры ареста и взятия под стражу, формы заключения брака, обыск в жилище, разгон силовым ведомством несанкционированного мероприятия);

сформированные в правосознании не только на уровне рациональных алгоритмов, но и в бессознательных скриптах: зрительных образах, звуках, знаках (например, при звуке сирены кареты скорой помощи водитель уступает дорогу не только в силу нормативного предписания, но и интуитивно; человек нередко выполняет команды лица, облачённого в форму полицейского или представившегося сотрудником спецслужбы, на интуитивном уровне, забывая спросить о полномочиях и основаниях требования).

Символическое значение, понимаемое как эффективность воздействия, правовая природа и правила признания вышеприведенных классов не будут совпадать. Многие культуральные феномены, укоренившиеся в правовом сознании людей как символы правосудия, носят спорный характер в части их изображений и последствий игнорирования важности. Наиболее серьезно защищены формально-определенные символы правосудия, нарушение предписанного отношения к которым может повлечь наказание, – например, ст. 329 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за надругательство над Государственным гербом РФ или Государственным флагом РФ, аналогичные санкции предусмотрены в большинстве государств мира. А вот несоблюдение императивно предусмотренных действий, имеющих юридические последствия, например, игнорирование требований неприкосновенности жилища или презумпции невиновности, будет оцениваться по усмотрению правоприменителя. Этот (второй) класс символов правосудия носит наиболее распространенный характер.

Требуют дальнейших исследований символы, укоренившиеся в правосознании, формирующие отношение к праву и юридически значимому поведению, например, «гаишники при любом удобном случае берут взятки», «подряд на строительство дороги без «отката» невозможен», «судьи уголовной юрисдикции всегда действует с обвинительным уклоном». Исследование этого класса (третьего – по классификации автора) символов требует большего внимания, поскольку воздействие поведенческих фреймов на человека недостаточно исследовано. Не буду затруднять текст ссылками на публикации о конкретных фактах, достаточно вспомнить, что почти у каждого есть знакомые, которым звонил якобы «сотрудник ФСБ РФ» и давал последовательные команды, в результате исполнения которых потерпевшие лиши-

[1] Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР. М.,1976. 376 с.

лись значительной для них суммы денежных средств. Одним из элементов нейролингвистического программирования в большинстве таких случаев являлся символический страх постсоветского человека перед непредсказуемыми действиями сотрудников силовых ведомств, ощущение обязанности выполнять команду, отдаваемую приказным тоном. Неспособность прервать коммуникацию с мошенниками нередко основана на символе доверия к системе правосудия, проявляемом в форме правового идеализма. Разрушение способности к критическому мышлению становится существенной особенностью «советского (постсоветского) человека», которая имплицитно искажает восприятие символов правосудия.

Разнообразие изображений богини Фемиды демонстрирует отсутствие единства в содержании и значении символов правосудия. Этот антропоморфный концепт следует отнести к третьему классу символов, варианты рисунков богини правосудия неисчерпаемы. В советском обществе слово Фемида стало нарицательным: все понимали, что речь идет о суде, правосудии, законности, справедливости и т.д. Юристам известна этимология и изобразительные ряды этого феномена, который рассматривается символом судопроизводства у большинства народов. Опуская рассказ об истории коммуникации этой богини с Зевсом и другими акторами силы, следует отметить традиционную повязку на глазах, весы в одной руке и меч – в другой. Каждый школьник знает, что повязка на глазах – символ беспристрастности, весы – символ меры справедливости (взвешивания добра и зла, вины и невиновности), а меч – символ возмездия, которое неотвратимо настигнет нарушителя.

Ещё мы помним, что меч должен быть расположен остриём вверх («воля небес»), в правой руке («правое, правильное дело»), иметь обоюдоострый клинок («не только карает, но и предупреждает»). Существуют также развернутые паттерны про мудрость, истину и т.п., – каждый этнос имеет право на мифологизацию правосудия в имманентных ему исторических условиях.

Но если мы изучим изображение Фемиды, расположенной на фасаде здания Верховного Суда Российской Федерации (г. Москва, ул. Поварская, дом 15), то не найдем повязки на глазах Фемиды и меча в её руке. Опущу разные варианты интерпретации слов автора скульптуры, который *как архитектор проекта* именно так увидел Российскую Фемиду. Вполне релевантна объяснительная версия про то, что Фемиде нужно всё видеть, поэтому повязки нет, а меч избыточен по причине её доброты. Те, кто отсутствие повязки у символа правосудия воспринимает как небеспристрастность суда, а меч как защиту своей корпорации, – могут оставаться при своём мнении. Ведь беспристрастность тоже является символом, оценку количества и качества которого юристы и философы относят к аксиологическим категориям. Про защиту своих профессиональных корпораций мы знаем много, – все юридические сообщества стремятся отстаивать групповые интересы и не бросают в беде достойных коллег.

Варианты изображений юридических символов используются в разнообразных целях: недавно известная адвокатская фирма внесла изменение в свой логотип, после чего одна чаша весов оказалась немного ниже другой. На вопрос «почему так», адвокаты отвечают: мы стремимся, чтобы наши доказательства оказались более весомыми, чтобы они «перевесили» доводы оппонентов, в результате чего Фемида согласилась бы с нашими аргументами. Такой подход можно назвать рациональным в понятийном и маркетинговом смыслах.

Опишу эпатажную скульптуру «Чиновничья Фемида» Йенса Галшиота, установленную в г. Копенгаген (Дания): тяжеловесная, обрюзгшая Фемида с ногами уселась на плечи изможденного, болезненно худого Человека. Непропорционально сформировавшееся символическое тело правосудия словно высасывает жизненную энергию из тела налогоплательщика и нет этому состоянию никаких разумных ограничений. Складывается впечатление, что никто уже не спасет Человека от тяжелого бремени усевшейся на него (свесив ноги) Фемиды.

Символические типы судей в юридической литературе

6 сентября 2025 года на фасадной стене здания Королевского суда в г. Лондоне (Великобритания) появилось граффити Бэнкси, который изобразил классического английского судью, энергично избивающего судейским молотком человека, очевидно совершившего действия протестного характера. Метафора оказалась настолько уместной, что фотографии и мемы моментально распространилась по всему юридическому миру. Многие адресаты послания художника именно в такой символике увидели английского судью. Уместно отметить, что в отечественной юрисдикции судьи практически не используют судейские молотки как символы правосудия.

Очевидно, что символы правосудия в разных юрисдикциях не совпадают, именно поэтому судья как символ заслуживает самого пристального внимания. Но если мы зададимся целью найти несколько типических судейских образов не в художественной литературе, а в юридической науке, то для нас довольно быстро станет очевидным неразработанность этого направления ни в теории права, ни в разнообразных курсах о судоустройстве.

Судья является базовым символом правосудия, потому что это должностное лицо, наполняющее абстрактные нормы закона конкретным содержанием дела и собственным усмотрением, в решении проявляются его личностные качества. Результаты судейского толкования, выраженные в текстах, предоставляют блага одним субъектам, отнимая их у других, лишают свободы и даже жизни. Судьи каждым

словом напоминают нам о том, что закон существует не сам по себе, а приводится в действие их усилиями. Право нуждается в убедительнейшей аргументации, а лучшая аргументация после насилия – это текст судебного решения, обладающий не только качеством принудительности, но еще и символической магией государственной власти. А.В. Поляков обоснованно утверждает, что «право возникает как интерпретированный текст, т.е. текст, воспринятый сознанием, эмоциями и волей субъектов социального взаимодействия»[1]. Даже в юрисдикциях, не признающих правила прецедента, судьи создают право на стадии его интерпретации и применения.

В компетенцию судьи входит выбор применяемого закона и его интерпретация, в процессе осуществления которой он конкретизирует абстрактные нормы закона с учетом оцениваемых им фактов и правоотношений. Осуществляемая судьей интерпретация правовой реальности становится стержневым моментом его деятельности. Он реконструирует сущее, а в некоторых случаях создает новую реальность, объективируя в итоговом решении сплав нормативных положений, субъективных прав и обязанностей, фактических обстоятельств спора.

Судья в юридически значимом тексте выражает все свои ассоциации, симпатии и антипатии, сославшись на нормы закона. Он сформулирует в решении то качество, которым наделит избранных им людей, наградив своей благосклонностью ту сторону, которая (по его мнению) будет достойна этого.

Судейские архетипы по-разному отражаются в профессиональных юридических сообществах и обыденном правосознании.

У подавляющего большинства из населяющих современную Россию людей образ стандартного судьи не принято идеализировать. Количество рассматриваемых дел растет год от года, а механизмы принятия судейских решений становятся все туманнее. Возможность по собственному усмотрению влиять на судьбы людей, перераспределять собственность, повелевать и властвовать не проходит бесследно ни для кого. В постсоветской отечественной юридической науке не разработана теоретическая модель типического судьи, в массовом сознании создается «телевизионный» и «детективный» символы судей.

Каждое государство (и как группа субъектов публичной власти, и как гражданское общество, и как население) заинтересовано в формировании позитивного образа «человека в мантии», от мнения которого зависит свобода, собственность и чувство собственного достоинства неопределенного количества людей. Возникает необходимость восполнить методологические пробелы в исследование судейских архетипов, символизирующих акторов, творящих правосудие.

Сторонники реалистического типа правопонимания соглашаются с тезисом о том, что судья принимает решение, в первую очередь, в своих интересах, ибо интенция всех достопочтенных судей мира сформирована именно так, – вынести судебный акт, который будет высоко оценен вышестоящими инстанциями и коллегами по цеху. Каждым судебным решением судья стремится институализировать своё положение, доказать профессиональную компетентность, добиться признания сторон и юридического сообщества. Именно по этому принципу происходит отбор прецедентов в англо-американской традиции, – качественные решения судей высших инстанций, содержащие квалифицированные аргументативные конструкции, начинают использоваться нижестоящими судьями, формируя прецедент посредством его многократного применения. Прецедент – это символ разумного правосудия, которое содержит соревновательное в интеллектуальном смысле начало и зависит не от благорасположения начальников, а от прагматически рассматриваемого качества изготовленного решения.

Образ идеального судьи по Г. Канторовичу. Германа Канторовича можно назвать одним из основоположников движения свободного права, основы которого оказали существенное влияние на развитие европейской методологии судебной деятельности и практической юриспруденции XX века. По мнению М.С. Куликовой «постановка Канторовичем вопроса о правотворческой роли судьи в процессе означала совершенно новое отношение к судьям. В личности судей, их правосознании, профессионализме, гражданских качествах теперь хотели бы видеть существенную гарантию стабильности правопорядка»[2].

В трудах Г. Канторовича излагаются качества идеального судьи, в том числе, необходимость обладания широким объемом знаний для принятия справедливого и обоснованного решения. По его мнению судья – это не просто юрист, а виртуоз владения юридической техникой, который «любит играть непревзойденно на клавиатуре юридических конструкций, но дилетантство которого проявляется сразу, как только он напрямую сталкивается с определенным уровнем сложностей фактических обстоятельств, со структурой реальной жизни, с которой он не знаком»[3].

---

[1] Поляков А.В. Язык нормотворчества и вопросы юридической техники // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 363.

[2] Куликова М.С. Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска «свободного права». Дисс… канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 140.

[3] Flavius, G. Der Kampf um die Rechtswissenschaft [Electronic resource]. Heidelberg, 1906. S. 46. Цит. по: Куликова М.С. Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска «свободного права». Дисс… канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 142.

Поэтому судья должен быть экспертом, образованным не только в области юриспруденции, но и в других смежных науках применительно к определенной ограниченной области жизни, которая впоследствии станет сферой его деятельности. Канторович критиковал «отчуждение от народа судебных решений» как результат господствующей теории, по его мнению «применив новую теорию, мы достигнем сближения правосудия с жизнью под условием улучшения образования будущих судей»[1]. Праксеологическая направленность его идей близка взглядам сторонников концепции правового реализма: «мы нуждаемся в специалистах по фактическим обстоятельствам дела, а не в многотысячных творцах правовых положений»[2].

По мнению Д.И. Луковской и М.С. Куликовой, «Канторович, как и его единомышленники, уделял особое внимание выявлению качеств идеального судьи и указывал на необходимость обладания судьей широким объемом знаний для принятия справедливого и обоснованного решения. Он выступал против судьи как исключительно судьи-юриста, который великолепно владеет юридической техникой, «любит играть непревзойденно на клавиатуре юридических конструкций, но дилетантство которого проявляется сразу, как только он напрямую сталкивается с определенным уровнем сложностей фактических обстоятельств, со структурой реальной жизни, с которой он не знаком». Судьям следует постоянно смотреть через «китайскую стену» на «равнину реальной жизни, туда, где отражаются принимаемые ими решения»[3].

Канторович писал: «Нам нужны судьи, которые знакомы как с царящими в народе правовыми воззрениями, так и с фактами жизни и результатами соседствующих научных дисциплин. Не удастся противостоять коммерческому преступнику судье с экономическим и предпринимательским образованием, не оснащенным при этом знанием банковского процесса. Все уловки современного коммерческого преступника столь же запутанны, как и специфика его «художественного» отношения к делу»[4].

Идеи Г. Канторовича об идеальном судье отражают должное в праве, способствуют формированию программы-максимум в подготовке судейских кадров. Именно такого судью можно рассматривать в качестве символа правосудия.

Идеальный судья Геркулес. Разработанный Рональдом Дворкиным символ судьи обладает исчерпывающими знаниями норм права, наивысшими профессиональными навыками и неограниченным временем для принятия решений[5]. Идеальный судья Геркулес старается найти лучшее обоснование законодательному событию прошлого, его решение всегда является интерпретацией правовой, моральной и политической структуры общества в целом, от наиболее фундаментальных конституционных законов до деталей морального долга. В судье Геркулесе заложен символ исчерпывающего толкования права и алгоритм принятия решений в сложных делах. Людям нравится идеализированный, сверхчеловеческий актор, обладающий безграничными временными ресурсами, невероятной проницательностью, глубокими познаниями и безупречной моральной чуткостью. Такой судья способен найти единственно верное, обоснованное и справедливое решение по самому сложному делу, опираясь не на личные предпочтения, а на всю систему права в комплексе.

По мнению Р. Дворкина даже в самых сложных делах существует единственно правильное решение и задача идеального судьи — его обнаружить, а не изобрести. Важность этого символа заключается ещё и в том, что ему можно подражать: «мы воображаем себе подобного Геркулесу судью сверхчеловеческих способностей, располагающего бесконечным временем. Но реальный судья может подражать Геркулесу ограниченным образом»[6].

Дворкин утверждает, что судья в состоянии принимать решения на основе целостности права, которое является не просто набором разрозненных правил, а системой, основанной на последовательных принципах и нормах. Судья должен так интерпретировать право, чтобы представить всю его систему как продукт единого видения, где каждое решение по конкретному делу будет последовательно встраиваться в общую ткань правовой системы.

Конечно, Геркулес – это символ, недостижимый для регулярных судей с их ограниченным временем, умеренными знаниями и разнообразными «уклонами». Идея «единственно верного решения» тоже не выдерживает критики, ибо мы понимаем существование нескольких вариантов принятия решений по большинству сложных дел в каждой юрисдикции.

Мощный нормативный символ Геркулеса призывает к судейскому перфекционизму, к тщательному анализу и последовательной аргументации решения.

Неидеальный судья Велес. Неидеальный судья Велес – это добропорядочный судья средних лет (гендерные различия в юриспруденции, как и в медицине, максимально нивелированы), который в про-

[1] Ibid. S. 44.
[2] Ibid. S. 45.
[3] Луковская, Д. И. § 2. Идеальный судья в правовом учении Германа Канторовича / Д. И. Луковская, М. С. Куликова // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография. СПб., 2019. С. 418-419.
[4] Там же.
[5] См.: Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004; Dworkin R. Law's Empire. Oxford, 1998; Dworkin R. Justice in Robes. London, 2006.
[6] Дворкин Р. Империя права. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. С. 331.

шлом преимущественно был следователем, прокурором или секретарем (помощником) в суде, он преимущественно государственник и позитивист. В административной и уголовной юрисдикциях он – сторонник инквизиционного процесса, его коллеги по правоохранительным органам призывают к цеховой солидарности, он им почти всегда помогает, поскольку считает себя связанным общей (с силовыми ведомствами) корпоративной этикой. Иногда он «перегибает палку» в своей жесткости, но «лучше арестовать и жалеть, что арестовал, чем не арестовать и жалеть, что не арестовал». Он уверен, что его друзья по правоохранительной корпорации на стадии оперативной и следственной работы уже правильно определили виновность человека и собрали достаточное количество доказательств наличия состава правонарушения. Он требует от следователей копии обвинительных заключений в электронном виде для удобства их трансформации в обвинительные приговоры[1].

Важным фактором корректности этого судейского символа является то, что стереотипная характеристика Велеса не придает феномену предустановленного негативизма. Неидеальный судья Велес – это, в целом, позитивный образ, его «неидеальность» связана лишь с несовершенством каждого человека, со свойственными любому субъекту права слабостями и пороками.

Практики трансформации правовой реальности не проходят бесследно ни для кого, судья Велес на каком-то этапе профессиональной карьеры начинает ощущать трансцендентную свободу от текстуальных норм, попадая в полную зависимость от своего руководства. Автономность его деятельности не имеет определяющего значения, приговор может быть написан помощником или продиктован старшим товарищем по цеху, но именно Велес прокламирует его объективное значение и проставляет подпись.

Судебную систему Велес рассматривает как продолжение законодательной компетенции суверена и административной деятельности органов исполнительной власти. Благополучное существование самого Велеса основывается на его лояльности и преданности интересам конкретных лиц (не обязательно включенных в судебную систему), от которых зависит его профессиональное будущее. Он борется за их интересы, ответственно выполняя свои обязанности, поскольку это единственный путь обеспечения его собственного благосостояние. Велес не зависит ни от гражданского общества, ни от населения в широком смысле термина, гармоничность своих решений он поверяет мнением вышестоящих инстанций.

Заключение. Символы правосудия направлены на внушение уважения и доверия к судебной системе, они транслируют обществу фундаментальные ценности права, в том числе разумность, справедливость, беспристрастность.

Символы несут глубокую смысловую и эмоциональную нагрузку, обращаясь также к чувствам. Они пронизывают все уровни правопорядка, проявляются в визуальных атрибутах, процедурных ритуалах, интеллектуальных установках. Содержание и смысл рассмотренных образов могут не совпадать у субъектов права, но понимание символического языка правосудия необходимо для всестороннего учета факторов, имеющих юридическое значение.

Публичная власть обязана способствовать полноценному и объективному восприятию правосудия не только как механизма разрешения споров, но и как важнейшего социального института, формирующего представления о справедливости в обществе.

[1] Тонков Е.Н. Неидеальный судья Велес и его подходы к толкованию права // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4. С. 77.

Торопкин Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия им В.М. Лебедева

Toropkin Sergey Alexandrovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Associate Professor of the Department of Theory and History of Law, State, and Judicial Power Volga Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

E-mail: st81@rambler.ru

Орден как символ поощрения кавалера особыми пенсионными правами

The order as a symbol of recognition of a cavalier with special pension rights

Аннотация. В современном обществе символика и награды занимают значительное место в системе социальной справедливости и признания заслуг граждан. В частности, ордена, как высокие награды, служат важным инструментом для поощрения индивидуумов за их заслуги перед государством и обществом в целом. Особенно актуален вопрос о значении орденов в контексте пенсионных прав, которые они могут предоставить своим кавалерам. Рассмотрение данной темы позволяет выявить, как именно орден становится не только знаком отличия, но и важным элементом социальной защиты и поддержки граждан.

Ключевые слова: пенсия кавалеров орденов, пенсионное обеспечение, орден как символ

Annotation. In modern society, symbols and awards occupy a significant place in the system of social justice and recognition of citizens' merits. In particular, orders, as high awards, serve as an important tool for rewarding individuals for their contributions to the state and society as a whole. The significance of orders in the context of the pension rights they can provide to their recipients is particularly relevant. Examining this topic allows us to understand how an order becomes not only a symbol of distinction but also an important element of social protection and support for citizens.

Keywords: pension for order recipients, pension provision, order as a symbol

Для цитирования: Торопкин С.А Орден как символ поощрения кавалера особыми пенсионными правами // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 453–457.

По мнению В.К. Бабаева и В.М. Баранова, правовые символы – это закрепленные законодательством условные образы (замещающие знаки), используемые для выражения определенного юридического содержания и понятные окружающим людям[1]. Исходя из данного определения, ордена можно бесспорно отнести к числу правовых символов. Любая награда является символом признания определенных заслуг человека перед обществом и государством и имеет свой уникальный визуальный образ, который должен считываться окружающими и вызывать уважение. При этом ордена как одна из высших наград влияют еще и на правовой статус награжденного.

Сущность и история отечественных наград является предметом изучения отдельной и достаточно обширной науки – фалеристики. В трудах по фалеристике рассматриваются история возникновения различных наград, их подробное описание, правила присвоения, правила ношения, практика присвоения наград отдельным лицам[2]. В настоящей работе мы постараемся исследовать лишь один из аспектов награждения орденами – пенсионные права, которые возникают у награждаемого (кавалера ордена). Для начала полагаем необходимым рассмотреть данный вопрос в его историческом развитии.

[1] Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права: Краткая энциклопедия. Н.Новгород, 1997. С.74.

[2] См., например: Бурков В.Г. Историография отечественных фалеронимов и фалеристики: Учебное пособие. – Л.: ЛГУ, 1990. – 88 с.; Глейзер М.М. Награды. Аннотированная библиография (1925-2003). – СПб., 2004. – 47 с.

Как известно, ордена в России, как наградные знаки, были учреждены Петром I на рубеже XVII-XVIII веков: первым из них стал орден святого апостола Андрея Первозванного, учрежденный в 1698 году. РИС.

Кроме этого, в период царствования Петра I были введены ордена св. великомученицы Екатерины (1713 г.) и св. князя Александра Невского (1722г.).

Идея награждения орденами была заимствована Петром I в западной Европе, где к тому времени уже существовали специальные законы (статуты), определявшие порядок награждения, устанавливавшие особые орденские праздники, орденские одеяния, обязанности и привилегии кавалеров орденов. Одной из таких привилегий или, как писали тогда «преимуществ», являлись пенсии. Известно, что кавалеры Австрийского военного ордена Марии-Терезы получали пенсии и пособия из специальной орденской кассы. Во Франции все офицеры, унтер-офицеры и солдаты, награжденные орденом Почетного Легиона, получали ежегодно определенную сумму соответственно степени присвоенных им знаков отличия. В Пруссии имелся фонд кавалеров ордена Железного Креста, в котором проценты с основного капитала распределялись между неимущими кавалерами[1]. Однако, в России при Петре I институт пенсий еще только зарождался, и кавалеры орденов их не получали.

Впервые орденские пенсии были установлены Екатериной II 23 ноября 1769 г. при учреждении ордена «Великомученика и Победоносца Георгия»[2]. Из государственного бюджета по решению императрицы на эти цели выделялось 38 400 рублей. Данная сумма распределялась между четырьмя степенями ордена: на первую степень 8 400 руб., на остальные – по 10 000 руб. Ежегодные пенсии кавалеров ордена первой степени составляли 700 руб., второй – 400 руб., третьей – 200 руб., а четвертой – 100 руб.[3] То есть, пенсии выплачивались не всем кавалерам ордена. Существовал «комплект пенсионеров по орденам», – определенная численность кавалеров каждой степени, которым полагалась пенсия. Несложно подсчитать состав этих «комплектов»: за орден св. Георгия 1-й степени пенсии получали 12 кавалеров, 2-й степени – 25, 3-й – 50 и 4-й степени – 100 кавалеров, а всего – 187 кавалеров ордена. При этом, остальные кавалеры ордена Святого Великомученика и победоносца Георгия могли получить пенсию лишь тогда, когда «вакансия в числе пенсионеров сделается»[4].

Пенсия за орден Святого Георгия была пожизненной и не зависела от наличия других источников существования, например, жалования по службе или других пенсий (по инвалидности или за выслугу лет). Однако, кавалер мог лишиться ее в случае лишения ордена. В статуте ордена было указано, что «если кто из кавалеров в такие падет погрешности, которые чести офицерской противны, или если противу неприятеля торопливым окажется, либо и самым робким, такого, по донесению Нам, и на предварительном военном суде по ясном изобличении, из Ордена исключаем, и знаки ордена от него отобрать повелеваем»[5].

Вдова кавалера имела право пользоваться орденской пенсией мужа в течение года после его смерти[6].

Аналогичные правила пенсионного обеспечения были установлены Екатериной II при учреждении 22 сентября 1782 г. ордена св. Владимира[7].

Значительные реформы в наградной системе России провел Павел I: утвердил первый кодифицированный акт об орденах «Установление о Российских Императорских Орденах», а также создал орган, администрирующий вопросы награждения, – Орденскую канцелярию (в 1798 году переименована в Капитул российского кавалерского Ордена). Для материального обеспечения кавалеров орденов им была создана система «командорств»: кавалеры орденов стали получать в пожизненное пользование земельные наделы с определенным количеством крепостных душ (командорственные имения). В частности, двенадцать старших по времени награждения орденом св. А. Первозванного кавалеров получали в пожизненное пользование командорства от 1000 до 700 крепостных душ каждое.

Таким образом, в период недолгого правления Павла I, пенсионное обеспечение кавалеров орденов было заменено системой командорств. Их могли получать как российские поданные, так и иностранные граждане[8].

Однако, уже Александр I отказался и от архаичной бенефициарной системы «командорств» и восстановил более демократическую практику выплаты кавалерам денежных пенсий. При этом им был сохранен Капитул орденов как государственный орган, ведавший вопросами награждения и выплаты пенсий.

---

[1] Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденских статутов. – Изд.2 – СПб., 1892. – С.XIV.

[2] Торопкин С.А. Пенсионные реформы Екатерины II // Закон и право. 2015. № 11. С. 64-67.

[3] Статут военного ордена Святого Великомученика и победоносца Георгия. № 13387. 26 ноября 1769 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XVIII.

[4] Там же.

[5] Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденских статутов. – Изд.2 – СПб., 1892. – С.134.

[6] Статут военного ордена Святого Великомученика и победоносца Георгия. № 13387. 26 ноября 1769 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XVIII.

[7] Об учреждении ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира: Манифест. № 15515. 22 сентября 1782 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т.XXI.

[8] Торопкин С.А. История становления и закрепления конституционного права иностранных граждан на пенсию // Вестник Тверского государственного университета. Серия "Право". 2016. № 2 . с. 232-239.

На царствование Николая I приходится пик нормотворчества в сфере пенсионного обеспечения кавалеров орденов. В этот период были существенно переработаны и обновлены целый ряд орденских статутов: св. Анны (14 апреля 1829 г. и 22 июля 1845 г.), св. Георгия (6 декабря 1833 г.), св. Станислава (22 мая 1839 г.) и св. Владимира (22 июля 1845 г.). Указанные статуты, с небольшими изменениями, действовали вплоть до октября 1917 г. Пересмотру подверглись размеры пенсий, численность «комплектов», отдельные условия назначения и выплаты пенсий кавалерам орденов. Однако, общий принцип лимитирования числа пенсионеров по принципу «комплектов» оставался неизменным. В мирное время награждения происходили реже, и практически все кавалеры орденов могли получить пенсию, однако, в период войн число награжденных возрастало и появлялась очередь на зачисление в «комплект».

К началу XX века в Российской империи существовало уже восемь орденов, кавалеры которых, за исключением ордена Белого Орла, могли претендовать на пенсии.

После Октябрьской революции 1917 года все привилегии кавалеров императорских и царских орденов практически сразу же были отменены. В отчете о деятельности Народного комиссариата социального обеспечения за 23 марта по 19 июня 1918 года говорилось: «Пенсии назначаются лишь потерявшим трудоспособность и не имеющим средств к существованию. Таким путем масса пенсий бывшим чиновникам отпадает и уничтожается паразитизм этих групп населения. Прекращены также пенсии и за ордена, так называемые заслуги. Этим путем бывшие генералы, фавориты и прочие отстранены от кормления из государственного сундука»[1].

Тем не менее, традиции материального поощрения кавалеров орденов, пусть и в изменившемся виде, – в советское время все же сохранились. Первоначально эту роль выполняли персональные пенсии. А с 1930 года для награжденных орденом были установлены ежемесячные выплаты в размере 30 рублей за первый орден и 25 – за каждый последующий[2]. Эти выплаты не именовались пенсиями, но по сути являлись их аналогом. Выплаты производились независимо от получаемой зарплаты и не зависели от рабочего стажа, возраста и иных условий. В отличие от дореволюционного периода общий бюджет на эти расходы уже никак не имитировался.

В 1936 году размеры ежемесячных выплат были дифференцированы по степени значимости награды: за "Орден Ленина" - 25 руб. в месяц, за орден "Красное Знамя" - 20 руб. в месяц, за ордена "Трудовой Красное Знамя" и "Красная Звезда" - 15 руб. в месяц, за орден "Знак Почета" - 10 руб. в месяц[3]. В последующем аналогичные денежные выплаты были распространены на обладателей и других государственных наград: ордена Отечественной войны (15 руб.), ордена Славы (15 руб.), медали «За отвагу» (8 руб.), медалей «За боевые заслуги», Нахимова, Ушакова (5 руб.).

Примечательно, что Постановление ЦИК СССР 1936 года обязывало награжденных орденом СССР «служить примером выполнения всех обязанностей, возлагаемых законом на граждан Союза ССР», а в случае совершения преступления или «порочащего поступка» устанавливало возможность лишения ордена. Эти нормы во-многом объясняют логику предоставления орденских пенсий: награждение орденом порождает длящееся правоотношение между государством и гражданином, в котором гражданин обязан поддерживать высокий моральный облик, а государство должно материально поддерживать награжденного. Орден демонстрирует окружающим особый статус кавалера, привлекает внимание к награжденному и его заслугам, поэтому закономерно требование о соответствии кавалера ордена эталонам общественной морали.

В период Великой Отечественной войны количество награжденных, как и расходы государства на выплаты за ордена, существенно выросли. Отсутствие «комплектов» привело к тому, что количество наград, предполагающих выплату, составило 11 млн 922 тыс. 733 шт., а расходы бюджета на установленные выплаты – огромную по тем временам сумму – 3 млрд 455 млн 900 тыс. руб., что составляло весомые 1,2 % от государственного бюджета 1945 г.[4] В экономически сложный послевоенный период, когда требовалась концентрация всех сил и средств для восстановления народного хозяйства, было принято решение об отмене выплат за ордена[5].

Выплаты за ордена отменялись с 1 января 1948 года. Обосновывая такое непопулярное решение, власти сослались на «многочисленные предложения награжденных орденами и медалями СССР об отмене денежных выплат по орденам и медалям», а также их просьбы о «направлении освобождающихся средств на восстановление и развитие народного хозяйства СССР». Под соответствующим обращением

---

[1] Астрахан Е.И. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим. Исторический очерк (1917-1970 гг.). М.: Юр.лит., 1971. С. 14-15.

2 Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.04.1930 "Об утверждении общего положения об орденах Союза ССР" // СЗ СССР", 1930, № 26, ст. 286

3 Постановление ЦИК СССР от 07.05.1936 г. № 56, СНК СССР № 812 "Об утверждении "Общего положения об орденах Союза ССР" в новой редакции // СЗ СССР, 1936, № 24, ст. 220а

[4] Запарий В. В., Шуняков Д. В. Отмена льгот по орденам и медалям СССР после окончания великой отечественной войны: экономические причины // Том 15, № 4. 2019. С.391.

[5] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947г. «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР» // "Ведомости ВС СССР", 1947, N 41.

в Верховный Совет действительно подписались знаменитые асы и трижды Герои Советского Союза Александр Покрышкин и Иван Кожедуб, а также генерал Павел Батицкий.

По свидетельствам современников отмена денежных выплат была воспринята многими кавалерами крайне негативно, – вплоть до отказа носить ордена[1]. Люди не только лишились весомой материальной поддержки, но и рассматривали это решение властей как занижение значимости совершенных подвигов.

В последующем, по мере восстановления экономики государства, постепенно стали возвращаться и меры материального поощрения кавалеров орденов. Для этого использовались механизмы льготного пенсионного обеспечения. Герои Советского Союза, Герои Социалистического труда, лица, награжденные орденами Славы трех степеней, а также их семьи имели получили право на установление им персональных пенсий союзного значения[2]. Лицам, награжденным орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» трех степеней, пенсии повышались на 15%[3].

В современной России возрождаются многие традиции, символы и ордена монархической России, ликвидированные Октябрьской революцией 1917 года. Так, согласно указу Президента России Б.Н. Ельцина от 1 июля 1998г. № 757 «О восстановлении ордена святого апостола Андрея Первозванного», первым в иерархии российских орденов вновь стал орден Андрея Первозванного. Ныне действующий Президент Российской Федерации В.В. Путин также внес свой вклад в возрождение системы наград монархической России: Указом Президента Российской Федерации № 1463 от 8 августа 2000г. утвержден Статут ордена святого Георгия и Георгиевского креста.

Традиции пенсионного обеспечения кавалеров орденов восстанавливаются, правда, в существенно измененном, адаптированном к современным условиям, виде. Во-первых, выплаты кавалерам орденов перестали именовать пенсией. Во-вторых, такая льгота сопутствует далеко не всем государственным наградам.

Наибольшие выплаты получают граждане, удостоенные звания Героя Российской Федерации и награжденные медалью «Золотая Звезда». Уже с момента присвоения этого звания они начинают получать ежемесячную денежную выплату (в 2025 году – 98 194,28 рубля).

Кавалеры ордена Андрея Первозванного получают ежемесячную доплату к страховой пенсии в размере 415% размера социальной пенсии. Аналогичную доплату получают кавалеры ордена «За заслуги перед Отечеством»: 415% размера социальной пенсии — граждане, награжденные орденом I степени; 330% размера социальной пенсии — граждане, награжденных орденами II, III и IV степеней. Граждане, награжденные тремя орденами Мужества и (или) «За личное мужество» также получают дополнительное материальное обеспечение в размере 330% размера социальной пенсии.

Учитывая сложившуюся внешнеполитическую обстановку, в 2024 году по инициативе ряда депутатов Государственной Думы и Сенаторов были внесены изменения в федеральный закон "О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией". Как было сказано в пояснительной записке к законопроекту, принимался он в целях «установления преемственности боевых традиций Русской императорской, Советской и современной Российской Армии»[4]. Граждане, награжденные орденом "Святого Георгия" или знаком отличия ордена Святого Георгия – Георгиевский Крест, получили право на дополнительном ежемесячное материальное обеспечение в размере 415, 330 или 250% социальной пенсии в зависимости от степени ордена. Правда, в отличие от дореволюционного периода, в настоящее время эти средства начинают выплачиваться кавалеру только после назначения страховой пенсии.

Обобщая сказанное, можно отметить, что в России существовали различные модели пенсионного обеспечения кавалеров орденов. В основном, их отличали: момент начала выплаты пенсии (сразу после награждения орденом либо при наступлении определенных условий), количество обеспечиваемых лиц (ограниченное число или все награжденные) и статус орденской пенсии (самостоятельная выплата или доплата к другой пенсии).

Так, для самодержавного периода было характерно назначение самостоятельной пенсии с момента награждения орденом, но ограниченного числа кавалеров, попавших в «комплект». Такая модель была удобна государству, поскольку позволяла лимитировать и контролировать расходы на пенсионное обеспечение, однако, несправедлива по отношению к награждаемым, так как назначение пенсии не гаранти-

[1] Запарий В. В., Шуняков Д. В. Отмена льгот по орденам и медалям СССР после окончания великой отечественной войны: экономические причины // Том 15, № 4. 2019. С.392.

[2] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1967г. N 1863-VII "Об установлении дополнительных льгот Героям Советского Союза, Героям Социалистического Труда и лицам, награжденным орденами Славы трех степеней" // СПС «Гарант»; Постановление Совета Министров СССР от 30 апреля 1975 года №349 «О повышении размеров персональных пенсий Героям Советского Союза, кавалерам ордена Славы трёх степеней и их семьям» // СПС «Гарант».

[3] Котляр А.И., Боченков С.Г. Пенсии и льготы военнослужащим и их семьям. – М., 1984. С. 239.

[4] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 1 и 2 Федерального закона «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией" // https://sozd.duma.gov.ru/bill/456352-8 (дата обращения 09.08.2025).

ровалось и зависело от случайных факторов. Аналогичным образом, на наш взгляд, можно оценивать и практику назначения персональных пенсий кавалерам орденов, существовавшую в СССР.

В советский период политика пенсионного обеспечения кавалеров орденов неоднократно претерпевала кардинальные изменения: от полной отмены пенсий до предоставления пенсий всем кавалерам орденов с момента награждения и без ограничения по численности (с 1930 по 1948 год). Последний вариант является наилучшим для награжденных, однако, обременителен для государственного бюджета.

В современной России существует дифференцированный подход: Герои Российской Федерации получают ежемесячную денежную выплату (аналог орденской пенсии) с момента присвоения звания и вне зависимости от каких-либо ограничений. Кавалеры отдельных орденов получат доплату к страховой пенсии, – своего рода «отсроченную» орденскую пенсию. Такой способ пенсионного обеспечения награжденных видится как компромисс между финансовыми возможностями государства и задачей сохранения особых правоотношений с награжденными.

Очевидно, что предоставление определенных материальных благ вместе с орденом существенно повышает значимость награждения в восприятии человека. При этом именно пенсионное обеспечение является гораздо более эффективным способом поощрения, нежели выплата единовременного пособия. Какой бы ни был размер пенсии, при пенсионном обеспечении возникает длящееся правоотношение между человеком и государством. Находясь в этом правоотношении, человек ощущает регулярную финансовую поддержку, видит, что его заслуги не забыты. Наличие такого правоотношения позволяет требовать от кавалера ордена законопослушного или даже образцового поведения. Таким образом, орден становиться не только символом признания заслуг человека, но и правовым символом принадлежности лица к особой орденской корпорации.

Удовиченко Максим Владимирович

кандидат богословия, священник Храма Иверской иконы Божьей Матери

Udovichenko Maxim Vladimirovich

Candidate of Theology, Priest of the Church of the Iversky Icon of the Mother of God

E-mail: udav.max@yandex.ru

Символическое влияние древнецерковной покаянной практики на исправительную систему

The symbolic influence of ancient church penitential on the correctional system

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме исследования древних символов покаянной практики, оказавших влияние на формирование пенитенциарной системы. С целью выявления первопричины появления пенитенциарной системы как института восстановления социальной справедливости дан анализ этапов и степеней покаянной практики. В зависимости от тяжести совершённого греха проведена дифференциация этапов покаянной практики: вступление в покаяние через публичное исповедание своих грехов, выполнение духовных упражнений, торжественное примирение кающегося грешника с Богом. Выделены степени покаянной дисциплины – плач, слушание, публичная исповедь, а также её инструменты – совершение совместной молитвы с верными в храме, постное воздержание, трудовая деятельность, совместное стояние на Литургии, прохождение которых позволяло восстановить грешника во всех церковных правах. Основной вывод: покаянная практика оказала непосредственное влияние на построение пенитенциарной системы.

Ключевые слова: символы покаянной практики, этапы покаянной практики, степени покаянной дисциплины

Annotation. This article explores the topical study of ancient symbols of penitential practice, which influenced the development of the penitentiary system. To identify the root cause of the penitentiary system's emergence as an institution for restoring social justice, an analysis of the stages and degrees of penitential practice is provided. Depending on the severity of the sin committed, the stages of penitential practice are differentiated: entering into repentance through public confession of one's sins, performing spiritual exercises, and the solemn reconciliation of the repentant sinner with God. The stages of penitential discipline are identified—weeping, listening, public confession—as well as its instruments—communal prayer with the faithful in church, fasting, labor, and standing together at the Liturgy—the completion of which allowed the sinner to be restored to all ecclesiastical rights. The main conclusion: penitential practice had a direct influence on the development of the penitentiary system.

Keywords: symbols of penitential practice, stages of penitential practice, degrees of penitential discipline

Для цитирования: Удовиченко М.В. Символическое влияние древнецерковной покаянной практики на филадельфийскую исправительную систему // Юридическая техника. – 2026. – №20:Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехника» на тему и «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 г.) гл. ред. проф. В.М.Баранов. – Н.Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 458–461.

В любом обществе для регулирования общественных отношений существует ряд институтов, деятельность которых способствует сохранению и восстановлению социальной справедливости. Так в числе направлений можно выделить и пенитенциарную систему.

Интересным представляется тот факт, что квакеры были одними из первых, кто предложили идею того, что сама по себе физическая и духовная изоляция от общества лиц, совершивших преступление, сама по себе может рассматриваться как наказание. До филадельфийской реформы системы тюремного содержания темницы не были местом отбывания наказания, а рассматривались в качестве «камеры хранения» или преддверием настоящего наказания.[1] К основным принципам квакерской системы исправления можно отнести идею полной изоляции преступника от общества (даже внутри тюрьмы) с це-

[1] Васильева, С. А. Идеология квакеров и возникновение филадельфийской системы тюремного содержания / С. А. Васильева // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2015. – № 4(49). – С. 64-74.

лью его покаяния и исправления. Сторонники филадельфийской системы считали преступление проявлением болезненности общества. Следовательно, изоляция преступников рассматривалась как необходимая мера на период выздоровления. Излечение от греховной болезни через покаяние требовало длительного времени, возможного только в условиях одиночного тюремного заключения. Процесс исправления проходил в несколько этапов. В течение первого периода преступник находился в полной изоляции с целью осознания глубины своего преступления. На данном этапе круг занятий заключённого был строго ограничен приёмом пищи и чтением Библии. Также тщательно регламентировался круг общения. Второй этап наказания допускал возможность занятия заключённым определённым видом деятельности. Трудовая деятельность рассматривалась как средство излечения.

В контексте данной работы важными являются два замечания. Квакеры – это представители протестантского религиозно-мистического движения. Им, как и в целом, протестантскому движению, характерно было стремление к возрождению древнехристианских практик. Своё название пенитенциарная система получила от латинского слова «poenitentia», которое на русский язык переводится как «раскаяние» или «покаяние». В связи с этим, важным представляется проанализировать практику покаяния в древней церкви, для того чтобы ответить на вопрос: «насколько покаянная практика древней церкви могла являться первопричиной появления того или иного социального инструмента?»

Сегодня Таинство Исповеди, как «одно из церковных священнодействий, представляет собой устное или реже письменное изложение своих плохих поступков или мыслей перед священником в надежде получить прощение у Бога по молитвам Церкви».[1] В древней Церкви под исповедью понимался не один только акт устного исповедания грехов, а вообще весь подвиг покаяния, вся совокупность покаянных действий, в которых должно было выражаться чувство скорби грешника о содеянных грехах и пламенное желание воссоединиться с Церковью.

Следует сделать существенное замечание. В древней Церкви, как и в настоящей, «грех» понимается двояко. С одной стороны, он является нарушением норм бытия, установленных Богом, т.е. как поступок или действие.[2] С другой – как унаследованная испорченность или повреждённость человеческой природы, имеющая выражение в мыслях, чувствах, поступках, тем самым требующая уврачевания.[3]

В современной науке существуют различные подходы относительно роли исповеди в первые века христианства. Одни учёные полагают, что до III в. в древней Церкви к покаянию относились как к уникальному, практически неповторимому акту. Исповедь совершалась один раз в жизни перед принятием крещения. После крещения Церковь не признавала покаяния в грехах. Отражение данной практики мы видим в самом раннем христианском тексте – послании к Евреям апостола Павла. «Ибо невозможно – однажды просвещённых (т.е. крещённых), и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого (участвовавших в Таинстве Евхаристии), и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему» (Евр 6. 4-6; ср.: 10. 26). Другие исследователи считают, что Церковь, будучи наследницей ветхозаветных традиций, не только исключала вероотступников и грешников из своей среды, но и предоставляла возможность, после строгого прохождения покаянной дисциплины, возвратиться в общину верующих.

К концу III в. как вынужденная мера формируется покаянная дисциплина. В работах Тертуллиана, св. Климента Александрийского, Оригена, св. Амвросия Медиоланского, блаж. Августина отражён взгляд о возможности только одного единственного покаяния в случае совершения тяжких грехов. Исторической основой для этого послужило время гонений и массовых отречений от Христа во время правления императора Деция (249-251). [4] Не малое значение в осмыслении покаянной практики сыграли расколы Новата и Фелициссима в Карфагене и Новациана в Риме.

На основании имеющихся источников мы можем говорить о зарождении и существовании в общинах древней Церкви двух покаянных практик. Тяжесть совершённого греха была основанием к осуществлению той или иной покаянной практики. При совершении повседневных грехов члены церковной общины побуждались к взаимной молитве: «Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился. Всякая неправда есть грех; но есть грех не к смерти» (1 Ин 5. 16-17). Иное отношение в церковной общине было к серьёзным или так называемым смертным грехам. При совершении явных или тайных грехов, о которых становилось известно, грешник изгонялся из общины, а его отказ от исповеди и раскаяния рассматривался как ведущий к смерти.

[1] Суворов Н. С. К вопросу о тайной исповеди и о духовниках в восточной церкви. Изд. 2-е, исправ. и дополн. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1906. С. 110.
[2] Иванов М. С. Грех // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. – Т. 12. – С. 330.
[3] Там же. С 336.
[4] Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. – 3-е изд., знач. исправ. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. – 352 с. Эпоха гонений на христиан. С. 109-125.

Церковное наказание в виде отлучения от общины, как правило, было двух видов: великое и малое отлучение. Великое отлучение или анафема было самым строгим церковным наказанием, которое назначалось за тяжкие грехи, такие как: ересь, вероотступничество, святотатство, убийство, прелюбодеяние. Данный вид наказания предполагал пожизненное отлучение грешника из церковной общины. Малое отлучение было связано в древней Церкви с публичным покаянием и назначалось за менее серьёзные преступления. Следует заметить, что само отлучение рассматривалось церковным сознанием не как неотменяемая кара и возмездие верующим за преступные деяния, а как врачевание и исцеление от болезненных состояний души грешников.[1] Отлучение в этот период характеризовалось тем, что оно было связано с лишением гражданских прав.[2]

Покаянная практика древней Церкви представляла собой строгий процесс и состояла из нескольких продолжительных этапов. К первому этапу можно отнести так называемое вступление в покаяние через публичное исповедание своих грехов. Открытие грехов перед епископом или пресвитером хотя и было одним из начальных элементов процесса покаяния, всё же не имело сакраментального значения. Публичное исповедание рассматривалось только, как начальный и отправной акт церковного покаяния.[3]

Христианин, своими грехами разорвавший общение с Церковью, обличаемый собственной совестью (если искренне раскаивался в своих грехах) или священнослужителем (в отношении тех, кто не сознавался в своей вине), приходил к пресвитеру-духовнику или епископу с изъявлением желания покаяться.[4] После тщательного исследования советом епископа всех обстоятельств греховного поступка, грешник отлучался от общины. До начала «покаянного пути» отлучённый оставался под духовным попечением специального священника, который должен был определять меру и срок прохождения покаянной дисциплины.

После определения грешника в разряд т.н. «кающихся», начинался следующий этап. Внешне это выражалось в возложении рук епископа с прочтением положенных молитв. Церковная община принимала активное участие за богослужением в покаянном процессе. С этой целью имя кающегося вносилось в специальный список для общего сведения и поминовения на Литургии. Кроме того, кающийся выполнял ряд духовных упражнений: пост, молитва, выполнение различных работ в монастыре.

Последний этап заключался в торжественном примирении кающегося грешника с Богом и восстановлении всех церковных прав. Обычно совершался в Великий Четверг и выражался в возложении рук епископа и чтением специальных молитв в присутствии церковной общины.

Разрешение от греха и обратное принятие в церковную общину могли последовать лишь после отбытия продолжительного, и притом однократного, покаяния. Второй этап покаянной дисциплины предполагал прохождение кающимся последующих стадий публичного покаяния. Трульский собор (692 г.) в 87-м правиле, ссылаясь на «Каноническое послание» (262 г.) сщмч. Григория Чудотворца, архиепископа Неокесарийского, упоминает четыре степени кающихся: плачущие, слушающие, припадающие, и вместе стоящие с верными.[5]

Находящимся в первой степени – «плача» – кающимся не позволялось входить в храм, где совершалось богослужение. Они имели право находиться только в границах внешнего притвора перед вратами храма, где оплакивали свой грех и просили проходящих мимо, особенно священнослужителей, помолиться о себе. В свою очередь, в храме возносились специальные молитвы о даровании кающимся покаяния, поскольку первая степень мыслилась в качестве подготовительного этапа к покаянной дисциплине. На степени плача отлучение от церковной общины выражалось в полной изоляции грешника от совместных молитв, причащения на Евхаристии, приношения даров на проскомидию.

На следующей стадии покаяния – «слушания» – кающиеся, по церковным правам приравнивались к т.н. «оглашенным». Оглашенные представляли особую группу уверовавших, готовящихся к принятию крещения. Хотя, как и предыдущая степень, «слушающие» была только подготовительной к совершению церковного покаяния, однако, являлась уже переходной и имела богослужебное выражение. Отличительной особенностью была возможность нахождения в притворе храма, где кающиеся могли слушать Св. Писание и проповедь священнослужителя. Покинуть храм предписывалось вместе с оглашенными перед началом второй части Литургии – «Литургии верных».

Когда пройдены были предыдущие степени предварительной покаянной дисциплины, кающийся приходил в собрание верных, возглавляемое епископом, перед которым совершал публичную исповедь. После чего кающийся переходил на следующую ступень – «припадающий». Литургическое выражение

[1] Цыпин В. А. Епитимия // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. – Т. 18. – С. 533.

[2] Моисеева А. / Отлучение от Евхаристии и развитие покаянной дисциплины в Православной церкви / Анна Моисеева // Свет Христов просвещает всех: Вестник Свято-Филаретовского православно-христианского института. Выпуск 3. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2011. С 169.

[3] Суворов. Н. С. К вопросу о тайной исповеди и о духовниках в восточной церкви. С. 107, 110.

[4] Суворов Н. С. К вопросу о тайной исповеди и о духовниках в восточной церкви. С. 111.

[5] Пентковский А. М. Покаянная дисциплина христианской Церкви в конце I тысячелетия // Журнал Московской Патриархии. Москва. 2002. – № 10. – С. 66.

нахождения в данной степени заключалось в возможности совместной молитвы с верными о кающихся в самом храме, в задней его части. По окончании этих молитв «припадающий» получал благословение епископа и покидал богослужение. На последней степени покаяния – «совместного стояния» – кающимся разрешалось присутствовать вместе с верными на протяжении всей Литургии. Ограничения касались только возможности причащения Св. Даров.

После прохождения всех степеней покаянной дисциплины, кающийся восстанавливался во всех церковных правах. После заключительного публичного исповедания своих грехов, над кающимся в собрании верных, епископом прочитывалась разрешительная молитва, чем он воссоединялся с Церковью и восстанавливался во всех правах. Как и крещение оглашенных (крестили в Великую Субботу), так и присоединение к Церкви кающихся происходило в торжественной обстановке в Великий Четверг или Великую Пятницу страстной седмицы.

Таким образом, мы видим сложную систему покаянной практики существовавшей в древней Церкви. Несмотря на всю строгость и длительность покаянной дисциплины, она имела, в первую очередь, терапевтическую цель. Достижение данной цели осуществлялась с помощью определённых средств, среди которых можно выделить необходимое отлучение на длительный срок грешника от церковной общины и последовательное прохождение кающимся этапов покаянной дисциплины. Сравнивая покаянную практику древней Церкви с филадельфийской системой исправления, можно сделать вывод об их схожем характере и возможном влиянии религиозной практики на построение исправительной системы, разработанную квакерами. Отличие состоит в способе временного исключения преступника из общества: религиозное отлучение не предполагало тюремного заключения грешника.

Федюшкина Арина Игоревна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Fedyushkina Arina Igorevna

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Faculty of Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

E-mail: fedyushkina@jur.unn.ru

Символическое представление юридических понятий в иллюминированных рукописях Саксонского зерцала

The Symbolic Representation of Legal Concepts in the Illuminated Manuscripts of the Sachsenspiegel

Аннотация. В настоящей статье автор анализирует особенности символического представления юридических понятий в иллюминированных рукописях Саксонского зерцала – важном источнике германского права, где сопровождающие текст миниатюры выполняют роль «визуальных терминов». Обоснована ключевая роль символов и ритуалов в формализации средневекового права, где слово, жест и предмет становились официальными знаками юридической силы. Анализируются конкретные символы (ножницы, меч, ветвь), используемые для обозначения юридических понятий наследственного и ленного права, что подчеркивает значение визуальной символики как части юридического языка и инструмента закрепления социальных и правовых отношений в Средние века. Статья демонстрирует, что изучение символики в средневековом праве способствует углубленному пониманию правовой культуры и судебных практик того времени.

Ключевые слова: саксонское зерцало, иллюминированные рукописи, юридический язык, «визуальный термин», правовая иконография, правовая иконология.

Annotation. This article analyzes the features of the symbolic representation of legal concepts in the illuminated manuscripts of the Sachsenspiegel – an important source of German law, where the miniatures accompany the text and serve as «visual terms». The author substantiates the key role of symbols and rituals in the formalization of medieval law, where words, gestures, and objects became official signs of legal authority. The article examines specific symbols (scissors, sword, branch) used to denote legal concepts in inheritance and feudal law, highlighting the significance of visual symbolism as part of the legal language and as a tool for reinforcing social and legal relations in the Middle Ages. The study demonstrates that exploring symbolism in medieval law contributes to a deeper understanding of the legal culture and judicial practices of that time.

Keywords: sachsenspiegel, illuminated manuscripts, legal language, «visual term», legal iconography, legal iconology

Для цитирования: Федюшкина А.И. Символическое представление юридических понятий в иллюминированных рукописях Саксонского зерцала // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 462–465.

Проблеме символов в праве в отечественной и зарубежной юридической науке посвящено большое количество работ, затрагивающих как теоретико-правовые аспекты[1], так и отраслевые особенности правовой символики[2]. Однако особый интерес данная тематика, по нашему убеждению, представляет для исследователей истории права, рассматривающих особенности становления правовых институтов в Средние века.

[1] Мальцев, И. В. Символы в праве и в юридической науке: Резюме диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук. М. : НИУ «Высшая школа экономики», 2021; Никитин, А. В. Правовые символы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999; Давыдова, М. Л. Символические основы юридической техники // Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. проф. Н. А. Власенко. М., 2010. С. 252–263.

[2] Нужин, К. В. Конституционно-правовое регулирование государственной символики в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Мытищи, 2009; Бузарова, Н. Х. Средства индивидуализации граждан в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Бузарова Нина Хасановна. – Краснодар, 2007.

Символизм является ключевой чертой средневековой картины мира[1]. В Средние века символы не рассматривались лишь как знаки или копии, а были «внутренне-внешним» выражением глубинных смыслов. Мир воспринимался через призму символов, которые связывали земное и небесное, видимое и невидимое, материальное и духовное, и пронизывали все сферы жизни: от религиозного искусства с иконографией и библейскими сюжетами до социальной структуры и мировоззрения, где каждый элемент имел свое место и смысл в единой иерархии. Средневековый человек видел в каждой вещи скрытое значение, ведущие к спасению и высшему порядку, а мышление строилось на открытии и интерпретации различных знаков.

Также и право в Средние века воспринималось как сложная система символов и ритуалов, где слово, жест и предмет служили официальными знаками юридической силы. Знаки и ритуалы играли фундаментальную роль в правовой формализации, поскольку именно через них закреплялись, подтверждались и обретали законную силу юридические нормы и договоры. Например, заключение договора между сеньором и вассалом символически оформляли ритуалы вассалитета. В таких церемониях использовалась «символическая троица»: слово, жест и предмет, которые вместе фиксировали обязательства и права сторон[2]. Их использование было больше, чем простой формальностью и отражением традиции, а являлось юридически обязывающим актом, признанным обществом и правовой системой. Ритуалы, такие как присяга, передача знаков власти (ветка, посох, знамя), ломание соломы как знак разрыва договора, были необходимы для юридической действительности акта.

Принятая в конкретном социуме символическая обрядность обеспечивала общественное признание и защиту правовых отношений, придавая им непроизвольную силу и стабильность. Правовые нормы без исполнения соответствующих ритуалов и символов часто не имели силы, так как средневековое право было крайне формализованным и ритуализированным.

В этой связи отдельный интерес для историков права представляет символическое пространство иллюминированных рукописей Саксонского зерцала, одного из старейших и наиболее авторитетных памятников германского права периода высокого Средневековья[3]. Они представляют собой уникальный источник права, обогащённый визуальной информацией, которая тесно связана с текстом и усиливает его содержание. Миниатюры в этих рукописях не просто украшение: они являются компонентом юридического языка, визуально закрепляют содержание правовых норм. Изображения нарративного характера, сцены судебных процессов, символы наказаний, числовые обозначения и другие миниатюры образуют семиотическую систему, которая помогает читателю понять и запомнить нормативный материал. В пространстве рукописи текст и миниатюра связаны между собой повторяющимися красочными инициалами, что позволяет безошибочно соотнести изображение и соответствующую ему статью правового памятника. Большой массив иллюстрированных рукописей Саксонского зерцала позволяет реконструировать судебные и социальные практики Средневековья, так как визуальные образы связаны с конкретными правовыми ситуациями.

Среди миниатюр, встречающихся на страницах рукописи, в отдельную группу можно объединить изображения, представляющие юридические понятия, мы предлагаем называть их «визуальными терминами»[4]. Это изображения юридических абстракций, которые в силу их специфики сложно передать на миниатюре буквально или в виде какого-либо действия. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Ножницы и меч

Германскому наследственному праву, изложенному в Саксонском зерцале, известны различные категории наследуемого имущества, среди которых особым режимом обладали «женская доля» и «имущество воина». Первое наследовалось только по женской линии, второе оставляли только мужчины рыцарского сословия, оно передавалось ближайшему равному родственнику, способному носить меч (то есть, быть стороной ленного договора)[5]. Понятия «женской доли» и «имущества воина» раскрываются в

[1] См. наприм.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Избранные труды. Средневековый мир. – Санкт-Петербург.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – С. 17 – 263; Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.; Столяров А.А. Средневековый символизм / История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. – М.: Греко-латинский кабинет, 2000. С. 286–291.

[2] Глушаков А.Ю. Символы в истории цивилизации: юридический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 85. С. 310.

[3] Здесь и далее будет анализироваться наиболее полная из четырёх сохранившихся иллюминированных рукописей Саксонского зерцала – Вольфенбюттельская, см.: Eike <von Repgow>. Der Sachsenspiegel und das sächsische Lehnrecht (Cod. Guelf. 3.1 Aug. 2°; Heinemann-Nr. 1642). URL: https://diglib.hab.de/?db=mss&list=ms&id=3-1-aug-2f&lang=en (дата обращения: 01.09.2025).

[4] Подробнее о классификации визуальных элементов средневековых юридических рукописей см.: Федюшкина А.И. Знаковые системы средневековых правовых памятников: дихотомия вербального и невербального // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 2. С. 166 – 177.

[5] Саксонское зерцало: Памятник, комментарии, исследования / Отв. ред. В.М. Корецкий. М.: Наука, 1985. С. 30

тексте памятника путем перечисления имущества, которое в них входит: бытовые вещи, домашняя птица, платье, богослужебные книги включены в первую категорию (статья 24 книги 1 Земского права Саксонского зерцала); меч, лучший конь, лучшие латы, походная постель и другое военное снаряжение – во вторую (статья 22 книги 1 Земского права Саксонского зерцала). Отдельные нормы определяют порядок выделения указанных видов имущества из общей наследственной массы, особенности наследования в случае отсутствия надлежащих наследников или наличии более, чем одного претендента, и другие спорные ситуации.

Таким образом, «женская доля» и «имущество воина» - это абстрактные юридические категории, сущность и особенности которых описаны в статьях Саксонского зерцала. Как они могут быть представлены в изображении? Обратимся к миниатюре, сопровождающей статью 24 книги 1 Земского права, где раскрывается содержание понятия «женская доля» (*рис. 1*). Здесь мы видим подробное изображение предметов, перечисленных в статье (гуси, овцы, богослужебные книги, платье, кровать, постель и др.).

Рис. 1. Саксонское зерцало
(Wolfenbüttel, Herzog August Bibl., Cod. 3.1 Aug. 2°. Folio 17r)

Однако в последующих миниатюрах все входящее в понятие «женской доли» имущество уже не изображается, оно сокращается до одного предмета – ножниц (см. *рис. 2*). То же самое мы наблюдаем и при анализе миниатюр, касающихся «имущества воина», символическим изображением данного понятия является меч. Во всех миниатюрах, сопровождающих статьи Саксонского зерцала о наследстве, эти понятия всегда изображаются в виде указанных предметов: ножниц и меча. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с редуцированием группы объектов до одного, которое позволяет избежать излишней детализации визуальной части манускрипта и экономит пространство рукописи, то есть выполняет те же функции, которые выполняют термины в юридических текстах.

Ветвь

Еще одним визуальным термином является изображение ветви. Зеленая ветвь с несколькими заостренными листьями часто встречается в руках представленных на страницах манускрипта людей, мужчин и женщин, простого люда и лиц рыцарского звания. Этот символ мы встречаем уже не только в группе миниатюр, сопровождающих статьи земского права о наследовании, как ножницы и меч (например, рис. 2), но и в других частях рукописи: в изображениях, иллюстрирующих порядок распределения имущества по ленному праву (рис. 3 и 4), особенности передачи по наследству земельного участка, переданного наследодателем арендатору или чиншевику (рис. 5) и других. Систематическое толкование текста и сопровождающих его миниатюр позволяет сделать вывод, что ветвь здесь используется для символического изображения имущества, которое не обладает особым режимом и чаще всего наследуется по общим правилам земского права. В большинстве случаев это так называемое родовое имущество, которое накапливалось в течение жизни человека и после его смерти распределялось внутри семьи.

Рис. 2. Саксонское зерцало
(Wolfenbüttel, Herzog August Bibl.,
Cod. 3.1 Aug. 2°. Folio 17v)

Рис. 3. Саксонское зерцало
(Wolfenbüttel, Herzog August Bibl.,
Cod. 3.1 Aug. 2°. Folio 61r)

Рис. 4. Саксонское зерцало
(Wolfenbüttel, Herzog August Bibl.,
Cod. 3.1 Aug. 2°. Folio 65r)

Рис. 5. Саксонское зерцало
(Wolfenbüttel, Herzog August Bibl.,
Cod. 3.1 Aug. 2°. Folio 55v)

Символика данного визуального термина более сложная, чем у «женской доли» и «имущества воина». В последних случаях мы имеем дело с простым сокращением группы предметов до одного из них, которое и используется в символическом значении, ветвь же является самостоятельным сложным символом, не сводимым к содержанию обозначаемого понятия, связанным с идеей родовой преемственности. В средневековой геральдике и культуре ветвь зачастую символизировала род, линию происхождения и продолжение династии. Отдельные ветви рода отражали разные линии наследования и ветвления семейного дерева, визуализируя юридическую и генеалогическую связь между поколениями.

Анализ таких символов, как ножницы, меч и ветвь, используемых в иллюминированных рукописях Саксонского зерцала показывает, что визуальная символика в средневековом праве являлась важной частью юридического языка, облегчая понимание абстрактных понятий и закрепляя социальные и юридические отношения. Таким образом, символика в средневековом праве является ключевым элементом его формализации, а ее изучение помогает лучше понять правовую культуру и судебные практики того времени.

Хоконова Анастасия Вадимовна

консультант Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга

Khokonova Anastasia Vadimovna

consultant of the Krasnogvardeysky District Court of St. Petersburg

E-mail: sapun01@inbox.ru

Воплощение групповых интересов в символах права

Embodying group interests in legal symbols

Аннотация. Групповые интересы имеют различные формы своего опосредования. Они могут воплощаться в символах, которые представляют собой условное знаковую единицу, образ, который создается для потребностей определенных социальных групп людей, по их договоренности и вступает определенной своеобразной формой передачи информации. Символы, в которых отражаются групповые интересы могут иметь различный характер: моральный, религиозный и иной, не имеющий отношения к праву и выступающий одним из социальных регуляторов групп субъектов.

Групповые интересы могут получить свое закрепление в текстах нормативных правовых актов, которые выступают официальным источником нашего государства. В то же время, интересы социальных групп получают свою институционализацию и в символах, установленных или санкционированных действующим законодательством. Также групповые интересы могут воплощаться в символах, которые признаны запрещенными государством.

Ключевые слова: групповые интересы, символы, символы в праве, воплощение, социальные группы

Annotation. Group interests have various forms of their mediation. They can be embodied in symbols, which are a conventional sign unit, an image that is created for the needs of certain social groups of people, by their agreement, and acts as a specific form of information transmission. The symbols that reflect group interests can have various characteristics: moral, religious, and others that are not related to law and act as one of the social regulators of groups of subjects.

Group interests can be enshrined in the texts of regulatory legal acts, which are the official source of our state. At the same time, the interests of social groups are institutionalized in symbols established or sanctioned by current legislation. Group interests can also be embodied in symbols that are prohibited by the state.

Keywords: group interests, symbols, symbols in law, embodiment, social groups

Для цитирования: Хоконова А.В. Воплощение групповых интересов в символах права // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) /гл.ред. проф. М.В. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 466–468.

Интересы субъектов, могут иметь свое воплощение в символах, служащих социальным регулятором религиозной, моральной и иной сферы, не имеющей отношение к праву.

В толковых словарях русского языка символ определяется как отличительный условный знак, предмет или действие, служащие для обозначения какого-либо понятия, явления, идеи, образа.[1]

Символы служат средством закрепления интересов различных субъектов, индивидом и в том числе социальных групп.

В символах получают свою институционализацию символы социальных групп. Причем, символы выполняют основополагающие функции, способствующие жизнедеятельности группы, ее активности.

Прежде всего символы способствуют формированию групповой идентичности. Они являются средствами объединения людей в группы на основе общности интересов, ценностной основы и общих целей. Устанавливаются между субъектами сильные межличностные связи, устанавливается доверие и понимание. Символы выступают по сути средствами коммуникации между членами группы.

Символы способствуют выработке ценностной основы группы, выработке соответствующих традиций, которые способствуют сплоченности членов группы, выработке эмоциональных чувств, таких как гордость, одухотворенность, вера в свои идеалы. Общая моральная основа, в виде соответствующих ценностей, усиливает взаимодействие между членами группы, создает их сплоченность и единство.

[1] Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык. 1995. С. 36.

Символы оказывают помощь в определение принадлежности субъектов к той или иной группе, очерчиваются границы социальной группы, формируют уникальный код группы.

Яркими примерами символом социальных групп различные эмблемы, флаги, гимны и т.д. Так у пионеров символом был красный галстук.

Рокеры имеют свои символы, ими выступают соответствующие массивные украшения, определенный стиль одежды, прически (длинные волосы), татуировки и использование жеста «козы». Этот жест похож на голову козы, потому что только мизинец и указательный палец выпрямлены, а остальные два прижаты к ладони. Этот жест ранее использовали древнегреческие и римские ораторы, как важный инструмент риторики. Данный жест стал символом рок-музыки благодаря певцу Ронни Джеймсу, он использовал его на концертах и теперь он стал символом рока.

Символы способствуют повышения уровня сплоченности группы, ее активности, они способствуют активным внешним действиям по отстаиванию своих общих интересов.

Первоначально группа формирует свои общие групповые интересы, ее ожидания, чувства неудовлетворенности получают свое выражение в виде определенных требований.

Следующим этапе интересы группы согласуются, происходит процесс их упорядочения, вырабатываются общие групповые цели.

Далее данные групповые интересы, выраженные в соответствующих требованиях, выражаются внешне, транслируются, используя в том числе средства массовой информации, доводятся тем самым до сведения государства в лице органов государственной власти и общества.

Те или иные социальные группы выражают свои с требования при помощи в том числе и символов. Основная задача группы, добиться удовлетворения своих требований, способствующих изменениях их положения в обществе.

Представители социальных групп могут принимать участие в формировании законодательных органов власти как на федеральном уровне, так на уровне субъектом федерации. В том числе участвовать в формировании органов законодательной власти на муниципальном уровне.

Представители социальных групп участвуют в формировании властных структур общества и формированию политической элиты с целью реализации интересов социальной группы и изменения положения в обществе.

Стоит отметить, что на формирование символов оказывают влияние многочисленные факторы, экономического, политического, социального и иного характера. Символы являются динамичной категорией. Так мода диктует те или иные тенденции, новые стили в одежде, которые выступают символизмом нового поколения.

Так, в настоящее время в связи с создавшейся политической обстановкой в нашей стране растет интерес к русской культуре и традициям, что проявляется в музыке и в моде. Набирает популярность тренд «Турбо Русь», который делает популярными товары и одежду в народном русском стиле. Так стали популярны песни Надежды Кадышевой, на ее концерты люди разных поколений, в том числе и молодежь приходили в русских кокошниках, сарафанах и др. Появились фан-арты, ремиксы, нарезки в социальных сетях. Молодежь подхватила фольклорный вайб и стала его распространять. Все это способствует укреплению русских традиций, воспитывает чувство патриотизма и способствует сплоченности русского народа в это непростое для странны время.

Таким образом, социальные сети оказывают мощное воздействие на трансляцию символов, что способствует их распространению.

Вышеуказанные примеры наглядно показывают, что символы выступают одной из форм воплощения групповых интересов, а также их институционализации.

Причем групповые интересы могут воплощаться в различных символах, которые могут иметь как правовой, нейтральный характер так и вовсе противоречить праву.

К первой группе относятся символы, институционализированные в официальных источниках права, таких как нормативный правовой акт. Данные символы получили свое закрепление в том числе благодаря активной внешней деятельности группы по их отстаиванию и закреплению в законе. Поскольку только в этом случае они получают соответствующий механизм своей обеспечения, защиты и соответствующей реализации. Примерами их являются государственный герб, флаг, гимн, знаки дорожного движения. Данные виды символов прежде всего закрепляют интересы государства в публичной правовой сфере

Примером символами групп, объединенных профессиональной основой могут служить законодательно закрепленные символы судебной власти. Так, в статье 21 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1, получили отражение такие символы судебной власти: на задании суда подлежит установлению Государственный флаг Российской Федерации, в зале судебных заседаний устанавливаются изображение Государственного герба Российской Федерации и Государственный флаг Российской Федерации. При осуществлении правосудия судьи облачаются в мантии. Также

судьям как федеральных судов, так и мировым судьям выдаются удостоверения.[1] Сотрудникам суда, включая консультантов федеральных судов также выдаются соответствующие удостоверения.

У сотрудников прокурату также есть символы, указывающие на принадлежность к этой профессиональной группе. К ним можно отнести соответствующую эмблему, флаг, нарукавный знак, нагрудные нашивки. Так Указом Президента РФ от 04 октября 2008 года № 1441 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага прокурату Российской Федерации» получили нормативное воплощение эти символы[2].

В качестве групповых символов, которые получили свое воплощение в праве могут выступать символы военной чести. Они характеры для групп лиц, которые являются военнослужащими. Символы военной чести относятся боевое знамя, военная форма, награды (ордена, медали), знаки различия (погоны) и воинские ритуалы (приведение к военной присяге, вручение боевых знамен и орденов, вынос боевого знамени воинской части). Данные символы олицетворяют честь, доблесть, славу и боевые традиции военнослужащих.

Данные символы получили свое закрепление в праве, они поддерживаются государством, обеспечиваются мерами принуждения.

Также символы могут иметь юридически значимую роль и выступать в виде юридических фактов, которые будут иметь правообразующий, правоизменяющий и правопрекращающий характер. Такие символы могут выступать доказательствами при рассмотрении конкретных дел и оцениваться судом с учетом других доказательств которые имеются в деле.

Однако символы могут иметь нейтральное значение по отношению к праву и не получить свое отражение в соответствующих нормах. Они воплощаются в символах, возникающих в области морали, нравственности (например, ношение обручального кольца символизирует нахождение в браке и олицетворяет верность), религии (символами православных является крест восьмиконечный, который называют православным крестом; хризма, терновый венок; череп; всевидящее око и т.д.)

Данные символы не имеют отношение к праву и отражают иные стороны жизни, которая не нуждается в регулировании правом. Данная сфера подлежит другими социальными регуляторами.

К данной категории групповых символов относятся и символы субкультур. Данные символы выступают отличительными знаками данных представителей, выраженные в виде одежды, прически, других атрибутов. Они выражают характер этой субкультуры, ее настроения, идеи и направление.

Так, например, для панков характерны разноцветные ирокезы, тяжелые ботинки, массивные железные украшения с черепами. Для готов характерна черная одежда, для эмо – розовая и т.д. Символы субкультур отражают музыкальные стили, политические убеждения, направления искусства и т.д.

Символы также могут отражать групповые интересы субъектов, которые вступают в противоречие с действующим законодательством. Такая символика будет считаться запрещенной и нее будет предусмотренные соответствующие меры ответственности. Законодательством Российской Федерации установлен запрет на использование запрещенной символики, а также предусмотрена ответственность за ее пропаганду и демонстрацию. Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности» закреплен запрет на использование нацисткой символики».[3] Статья 282.4 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за повторную демонстрацию запрещённой символики.

К нацистской символики относятся флаг со свастикой, эмблемы организаций, руны, приветствия.

В целом запрещенными символами являются символы, знаки, жесты, выражения, которые противоречат действующему законодательству и оказывают вред обществу. Они связаны как правило с национализмом, сексизмом, расизмом, антисемитизмом и другими формами ненависти и дискриминации.

Данные символы воплощают групповые интересы экстремистских организаций, запрещенных религиозных движений террористических группировок и т.д.

Таким образом, символы, в которых отражаются групповые интересы могут иметь различный характер: моральный, религиозный и иной, не имеющий отношения к праву и выступающий одним из социальных регуляторов групп субъектов. В то же время, интересы социальных групп получают свою институционализацию и в символах, установленных или санкционированных действующим законодательством. Также групповые интересы могут воплощаться в символах, которые признаны запрещенными государством.

[1] Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (Дата обращения: 31.10.2025).

[2] Указ Президента РФ от 04 октября 2008 года № 1441 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага прокурату Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=430762#L1UKE1VsDoFRgNzL ((Дата обращения: 31.10.2025)

[3] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения 31.10.2025).

Хужина Оксана Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Huzhina Oksana Nikolaevna

PhD in law, associate professor of the department of theory and history of state and law of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: oksana_17.92@mail.ru

О правовой охране символов, отражающих традиционные ценности

On the legal protection of symbols reflecting traditional values

Аннотация. В свете актуализации в правовом пространстве идеи сохранения и укрепления традиционных ценностей автором ставится вопрос о правовой охране символов, отражающих традиционные ценности, в связи с их значимостью в усилении российской государственности и национальной идентичности. В статье раскрывается проблема искажения символов, отражающих отдельные традиционные российские ценности. В частности исследуется вопрос о правовой охране религиозных символов основных традиционных вероисповеданий, а также государственного герба, особый акцент делается на поиске баланса между традициями и новациями, в том числе в цифровом пространстве.

Ключевые слова: Традиционные ценности, духовно-нравственные ценности, российское право, символы, государственные символы, религиозные символы, традиционные символы

Annotation. In the light of the actualization in the legal space of the idea of preserving and strengthening traditional values, the author raises the question of the legal protection of symbols reflecting traditional values, due to their importance in strengthening Russian statehood and national identity. The article reveals the problem of distortion of symbols reflecting certain traditional Russian values. In particular, the issue of legal protection of religious symbols of the main traditional faiths, as well as the state coat of arms, is being investigated, with a special emphasis on finding a balance between traditions and innovations, including in the digital space.

Keywords: Traditional values, spiritual and moral values, Russian law, symbols, state symbols, religious symbols, traditional symbols

Для цитирования: Хужина О.Н. О правовой охране символов, отражающих традиционные ценности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 469–472.

Слово «символ» пришло в русский язык из греческого, где «σύμβολον» [sýmvolon]в прямом значении трактуется как знак, опознавательная примета. В зависимости от сферы научного познания понимание символа, его функций разниться. Наиболее широкий смысл вкладывает в это слово философия, где символ определяется как «понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия»[1]. Важность символа в социуме детерминирована его специфичными свойствами, способностями, такими как «1) способность символа к бесконечному раскрытию своего содержания в процессе соотнесения со своей предметностью при сохранении и «неотменимости» данной символическойформы; 2) способность символа устанавливать коммуникацию, которая в свою очередь создает сообщество «посвященных», т.е. субъектов, находящихся в поле действия и относительной понятности символа; 3) устойчивое тяготение символа к восхождению от данных «частей» к действительному и предполагаемому «целому» символу»[2]. Основное назначение любого символа в социуме видится в необходимости лаконично передать определенную информацию адресатам с тем, чтобы ориентировать

[1] Новейший философский словарь. Символ // Gufo.me — словари и энциклопедии: сайт. URL: https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%92%D0%9E%D0%9B (дата обращения: 13.08.2025).
[2] Новейший философский словарь. Символ // Gufo.me — словари и энциклопедии: сайт. URL: https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%92%D0%9E%D0%9B (дата обращения: 13.08.2025).

поведение таковых. Символ, независимо от формы существования, будучи воспринятый человеком, преломляясь сквозь его сознание, имеет потенциал оказать воздействие на поведение лица актуально либо потенциально. Ведь символы не просто представляют идеи и ценности, но и «комбинируют их внутри новых контекстов, наполняя эмоциями и создавая символическую реальность — их интерпретацию мира, которая, будучи принятой, становится частью этого мира, и, тем самым, основанием восприятия и действия. Именно таким образом символы становятся активными факторами в социальном изменении (Mach 1993: 51)»[1]. Отрицать важность символов в жизни человека не представляется возможным. Символы являются активными факторами преобразования действительности. Через них передаются смыслы, идеи и ценности. С другой стороны, и сами символы, как любое явление, опосредующее социальное взаимодействие, претерпевают трансформации.

Трансформация социокультурного пространства в современном мире видна невооруженным взглядом. Меняются не только формы социального взаимодействия, прежде всего за счет резкого скачка человечества в информационно-технологическом направлении, позволившего создать виртуальную социальную среду, но и содержательное наполнение, обусловленное изменением ценностных ориентаций личности, в том числе духовно-нравственных. В этой связи видится весьма важным шагом оформление легальной системы традиционных ценностей благодаря принятию соответствующего указа Президента России в 2022 году[2]. В современном российском государстве отдельные мировоззренческие ориентиры получили государственную защиту в виде признания их традиционными российскими духовно-нравственными ценностями (далее — традиционные ценности). Вместе с тем недостаточно правовой декларации, необходимы конкретные шаги в заявленном государством направлении.

В свете актуализации в правовом пространстве проблемы сохранения и укрепления традиционных ценностей видится важным ставить вопрос о правовой охране символов, отражающих традиционные ценности, в связи с их значимостью в усилении российской государственности и национальной идентичности. Ведь казавшиеся веками непоколебимыми ценности духовно-нравственного порядка и символы, их отражающие, оказываются перед лицом угрозы их размывания, забвения в настоящее время. Вот лишь несколько свежих зарисовок по отдельным традиционным символам, имеющим в сознании многих поколений российского народа определенный образ, несущий информацию о традициях, обычаях и устоях.

Самым ярким примером, пожалуй, является систематическое удаление в информационном пространстве крестов с изображений православных святынь и культовых зданий, что получило негласное название «крестопад». В средствах массовой информации описываются ставшие не редкостью случаи изображения традиционных символов православия в искаженном формате на объектах, предназначенных для широкого круга адресатов (печатная продукция, видео и прочее). Негативную реакцию общественности вызвало использование изображения одного из самого известного православного сооружения — храма Василия Блаженного с затертыми, вымаранными крестами, заменой их на шпили, кружочки и прочие художественные приемы, не заметные для невежественного взгляда потребителя такой информационной продукции. Особо остро встает данный вопрос, когда речь идет об использовании такого «отредактированного символа» в учебных материалах для школьников, будь то учебное пособие для подготовки к экзамену либо методичка к урокам «Разговоры оважном»[3].

В попытке исказить, спрятать один из главных символов российского народа кто-то апеллирует к светскому характеру российского государства, но в этом видится не только оскорбление чувств верующих, но и стремление маленькими шагами удалить из сознания человека многотысячелетнею историю российского государства и общества, стержневой основой которой явилось православие. Люди, ретуширующие религиозные символы, посягают на культурное, духовное наследие, ставя под угрозу символ коллективной идентичности многонационального российского народа.

Примечательно, но попытки стереть традиционные символы, ставшие неотъемлемой частью российской идентичности, были и есть. Так, в информационном пространстве была оформлена общественная инициатива, суть которой сводится к тому, чтобы удалить символы царского самодержавия и христианской идентификации государственного герба России (за инициативу подано: 502 голоса, против инициативы подано: 1 018 голосов)[4], т.е. речь идет опереформатировании государственного символа за

[1] Цит. по. Кармадонов О.А. Трансформация символов и символы трансформации: версия одного социально-политического суицида // ЖССА. 2005. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-simvolov-i-simvoly-transformatsii-versiya-odnogo-sotsialno-politicheskogo-suitsida (дата обращения: 13.08.2025).

[2] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09 ноября 2022 года № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. 2022. 09 ноября. URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 15.08.2025).

[3] С иными примерами можно ознакомиться в СМИ, например, в публикации: Облачно, местами «Крестопад»: вскрыта идеологическая диверсия года. 2023. 17 декабря // Царьград: сайт. URL: https://tsargrad.tv/articles/oblachno-mestami-krestopad-vskryta-ideologicheskaja-diversija-goda_928309 (дата обращения: 15.08.2025).

[4] См.: Убрать с герба российского государства символы царского самодержавия и религиозной идентификации: инициатива № 70Ф17106 // Российская общественная инициатива: сайт. URL: https://www.roi.ru/17106/ (дата обращения: 13.08.2025).

счет удаления из его образа традиционных элементов, отражающих особенности исторического пути российского государства. С точки зрения закона Государственный герб РФ остается неизменным, однако практика его использования изменяется под влиянием информационных технологий.

Активное развитие цифрового пространства сказалось на трансформации визуального образа Государственного герба РФ, появился и активно внедряется на официальных государственных Интернет-ресурсах цифровой герб, который представляет собой «адаптированную версию официальных символов для использования в цифровых продуктах на экранах»[1]. Впервые цифрой герб РФ был разработан компанией aic по заказу Минкомсвязи России в 2017 году[2]. Цифровой герб РФ получил свободное распространение и помещался на официальных сайтах, порталах отдельных государственных органов. Однако визуальный образ первого цифрового герба РФ существенно отличался от эталонного, описанного в законе[3]. Сопоставив описание Государственного герба РФ, изложенного законодателем, и официальное его изображение с образом первого цифрового герба , можно невооруженным глазом заметить искажение государственного символа.

Появление цифровой версии изображения государственного символа объясняется тем фактом, что существующее для печатного варианта изображение герба в информационном пространстве становится сложно читаемым и неразборчивым, и с тем чтобы «нивелировать эти минусы» дизайнеры убрали значительную часть мелких деталей, мешающих восприятию символа в целом[4]. Поэтому вместо скипетра, державы, корон с крестами на первом цифровом гербе РФ пользователи государственных информационных ресурсов продолжительное время виделиромбики. Символы, отражающие историю российского государства, были удалены как мелкие детали, мешающие восприятию. Цифровая оптимизация информационного пространства создала риск размывания верного представления населения о государственном символе, т.к. создалась следующая ситуация: все больше граждан нашей страны пополняют ряды цифровых пользователей, видят именно цифровой герб РФ, может быть, не имея понимания, что оригинальный символ выглядит иначе, его визуальный образ несет информацию об истории российской государственности, в то время как цифровой герб РФ такой важной информационной нагрузки уже не несет, остается лишь неким подобием.

Обращение автора на данный момент к официальному сайту с государственной символикой, где представлены, в том числе и эталонные изображения Государственного герба РФ, показало, что ранее активно внедряемый на информационные платформы государственных органов цифровой герб РФ образца 2017 г. там отсутствует, а размещен одноцветный герб безгеральдического щитадля экранов илималеньких форматов, визуально уже сохраняющий все черты эталонного герба из закона[5]. Его изображение, в отличие от первого варианта, визуально имеет больше сходствс эталонным описанием Государственного герба РФ, базовые элементысохранены. Вместе с тем, в сети интернет встречаются обращения в компетентные органы с призывом проверить действия уполномоченных должностных лиц на наличие в их действиях надругательства над государственным символом, приводимый довод заслуживает поддержки: «Учитывая значимость такого явления как Государственный герб РФ, скорее стоило бы делать акцент на развитии технологий, позволяющих во всех деталях отображать государственные символы, а не упрощать их изображения»[6]. Действительно, ситуация спорная, необходимо оценить риски использования цифрового герба РФ особенно в условиях, когда государственная власть правовыми средствами стремится сохранять и защищать историческую память и преемственность поколений. Изменения символа российской государственности создают угрозу размывания названной традиционной ценности.

Найти правовую оценку действиям, связанным с цифровой трансформацией Государственного герба РФ не удалось, однако законодатель оперативно отреагировал на «крестопад»: нашла поддержку законодательная инициатива созданной в Государственной Думе РФ межфракционной рабочей группы по законодательной реализации государственной политики в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей о защите религиозных символов основных традиционных вероисповеданий. В пояснительной записке к законопроекту сказано, что предлагаемые «ограничения направлены на усиление гарантий по защите чувств верующих, совершенствование условий для

[1] Цифровые гербы субъектов и муниципальных образований Российской Федерации: сайт. URL: https://цифровыегербы.рф/ (дата обращения: 13.08.2025).

[2] См.: В России появился официальный цифровой герб для госсайтов. 2017. 26 июля // Известия: сайт. https://iz.ru/624144/vladimir-zykov/v-rossii-poiavilsia-ofitcialnyi-tcifrovoi-gerb-dlia-gossaitov ; Цифровой герб Российской Федерации // Aic.ru: сайт. URL:https://aic.ru/cases/gerb-rf (дата обращения 13.08.2025).

[3] См.: О Государственном гербе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 52. Ст. 5021.

[4] В России появился официальный цифровой герб для госсайтов. 2017. 26 июля // Известия: сайт. https://iz.ru/624144/vladimir-zykov/v-rossii-poiavilsia-ofitcialnyi-tcifrovoi-gerb-dlia-gossaitov ; Цифровой герб Российской Федерации // Aic.ru: сайт. URL:https://aic.ru/cases/gerb-rf (дата обращения 08.08.2025).

[5] См.: Государственная символика: сайт. URL: http://flag.kremlin.ru/emblem (дата обращения: 13.08.2025).

[6] См., например, В Генпрокуратуру о цифровом гербе. 2025. 7 июня // Livejournal.com: сайт. URL: https://politics-20.livejournal.com/11201.html (дата обращения: 14.08.2025).

уважительного и добросовестного отношения общества и государства к традиционным духовным ценностям многоконфессионального населения России»[1]. Поправки приняты в форме федерального закона, согласно которому Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» дополнен п. 6.1., содержащим конкретизацию запрета на использование изображений и иных форм воспроизведения культовых зданий и иных объектов религиозного назначения, официальных геральдических знаков, их узнаваемых частей, содержащих на момент воспроизведения религиозные символы религий, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, без данных символов[2]. Таким образом, религиозные символы традиционных вероисповеданий получили правовую защиту.

Беря в расчет тот факт, что в современной культуре онтологическая функция символов, заключающаяся в придании системе ценностей свойств целостности и иерархичности, вытесняется функцией манипулирования сознанием, как общественным, так и индивидуальным, например, «символы убеждают индивидов в необходимости потребления определенных продуктов для повышения статусов, достижения успеха, получения удовольствия»[3] практика искажения традиционных символов приобретает еще большую опасность. В этой связи принятые законодателем нормы выглядят своевременными и важными в свете укрепления традиционных ценностей, на формирование которых «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние»[4].

Вместе с тем, не все законодательные инициативы, связанные с ограничениями и запретами по использованию религиозных символов реализуются. В частности, отклонена законодательная инициатива о запрете рекламы эзотерических и оккультных символов[5]. Возможно, рациональное зерно в подобной инициативе есть. Данная проблема имеет место, она активно обсуждается общественностью, предполагается, что «одной из основных причин массового увлечения эзотерическими символами и оккультными услугами является невежество, поэтому запретительные меры должны сопровождаться образовательными и просветительскими»[6]. Однако отклоненный законопроект был низкого качества, не соответствовал принципу правовой определенности, т.к. предлагаемые правовые нововведения совершенно не могли внести ясности в решение проблемы. С другой стороны, право — это не панацея от всех проблем современного общества. Необходимо задействовать другие механизмы, например, активное просвещение людей, которое позволит не впасть в невежество.

Трудно поспорить с утверждением, что «Символы — своеобразное отражение своей эпохи»[7]. Трансформация символов — всегда вызов существующему порядку. От их интерпретации зависит поведение человека, в том числе ориентация его на правомерное либо противоправное поведение. В современном российском обществе символы не утрачивают своего регулятивного потенциала. С одной стороны, они отражают исторически сложившееся мировоззрение людей, способствуют передаче его от поколения к поколению (такую группу символов можно назвать традиционными); с другой — сопровождают новаторские изменения в социуме, визуализируя в сознании новые ориентиры. Трансформация символов, а значит и ценностей, под влиянием различного рода факторов есть неизбежный процесс. Думается, что правовая охрана символов, отражающих традиционные ценности, необходима с целью сохранения и укрепления традиционных ценностей, противостояния размыванию таковых, что может быть мощным фундаментом российской государственности и национальной идентичности.

---

[1] См.: О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в части использования религиозных символов в средствах массовой информации) :Законопроект № 926231-8 (в архиве) // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/926231-8 (дата обращения: 13.08.2025).

[2] См.: О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»: федеральный закон от 31.07.2025 № 319-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507310067. 2025. 31 июля.

[3] Цветкова И.В., Иванова Т.Н. Функции символов в традиционной и в современной культуре // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. № 1 (51). С. 180–189. С. 187, 189.

[4] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873. 2022. 9 ноября.

[5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленные на запрет рекламы эзотерических и энергетических услуг, духовных практик и развитие механизмов выявления и блокировки ресурсов, содержащих предложения о предоставлении таких услуг: Законопроект № 901048-8 // https://sozd.duma.gov.ru/bill/901048-8 (дата обращения: 13.08.2025).

[6] См.: например, Общественники поддержали запрет рекламы эзотерических и оккультных символов. 2025. 14 марта // Общественная палата РФ : сайт. URL: https://www.oprf.ru/news/obshchestvenniki-podderzhali-zapret-reklamy-ezotericheskikh-i-okkultnykh-simvolov (дата обращения: 13.08.2025).

[7] Никитин А.В. Правовые символы :дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Нижний Новгород, 1999. 241 с.

Чайка Виктория Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и права СПб Университета ГПС МЧС России

Chaika Victoria Nikolaevna

Candidate of Law, Associate Professor of Economics and Law Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia

E-mail: chaika_v@mail.ru

Символика и духовные смыслы русской традиции права в ситуации современности

Symbols and spiritual meanings of the russian tradition of law in the context of modernity

Аннотация. В статье анализируется значение государственной символики для сохранения национальной идентичности в ситуации усиления влияния универсальных наднациональных знаков массовой культуры и общества потребления. В условиях снижения культуры восприятия, роль государственных символов приобретает особое значение, поскольку они являются универсальной формой отражения концептуальных основ государственной власти. Государственная символика указывает на принцип власти и определенность исторической и социальной традиции, а также служит защитой общественному мировоззрению, формируя пространство социальной идентичности.

Ключевые слова: символика, современность, правовое сознание, правовая культура, традиция, безопасность, идентичность

Annotation. The article analyzes the significance of state symbols for the preservation of national identity in the context of the growing influence of universal supranational signs of mass culture and consumer society. In the context of a declining culture of perception, the role of state symbols becomes particularly important, as they are a universal form of reflection of the conceptual foundations of state power. State symbols indicate the principle of power and the certainty of historical and social tradition, and also serve as a protection for the public worldview, forming a space of social identity.

Keywords: symbols, modernity, legal consciousness, legal culture, tradition, security, identity

Для цитирования: Чайка В.Н. Символика и духовные смыслы русской традиции права в ситуации современности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 473–475.

Сегодня мы сталкиваемся с тем, что объемы информации, с которыми вынужден иметь дело как отдельный человек, так и общество в целом, включая социальные институты, становятся практически необозримыми. Поэтому утрачиваются навыки внимательной рефлексии, что касается как современной молодежи, которая традиционно всё больше и больше времени проводит в интернете, так и более взрослых поколений, которые так же не могут избежать информационных перегрузок[1]. Чтобы компенсировать постоянное информационное напряжение, человек вынужден упрощать способы коммуникаций, снижать интенсивность личного общения. Часто это выражается в обеднении наших символических спектров восприятия, в упрощении языка, в весомой утрате значения духовно-нравственных принципов жизни, которые традиционно связаны с культурой и религией. Значит ли это, что и символика государственности и права так же находится в зоне риска?

Для традиционных культур символы выступают как четко обозначенные, но весьма многозначные указания не только на ту или иную реальность, социальную институцию, принцип права, власти или справедливости, но и одновременно – как ключ к раскрытию ключевых ценностей культуры. Так, мы воспринимаем православный крест гораздо шире, многозначнее и глубже, чем только указание на право-

[1] Медведская Е.И. Особенности устойчивости внимания взрослых интернет-пользователей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. №19 (2). С. 304-319

славную веру или Православную Церковь. Как пишет В.В. Омельченко, «знаковые символы силы и могущества, включая современную государственную символику (двуглавый орёл, всадник, поражающий копьем дракона и др.), являются универсальной формой отражения вектора концептуальной государственной власти»[1]. Одновременно символика - как указывает на принцип власти и определенную историческую и социальную традицию, так и служит им фундаментом и защитой, формируя пространство социальной идентичности. В этом смысле современные дискуссии о гражданско-правовом самосознании и формировании устойчивого патриотизма, тесно связаны не столько с прямым обращением к осознанным мировоззренческим контекстам, но и, как смеет предположить автор, с функционированием «коллективного бессознательного» (термин К.Г. Юнга), когда формирование представлений о ценностных аспектах социального бытия тонко, но прочно связаны с идеальными установками самой культуры[2].

Весьма символично и то, что в широком распространении «универсальной» (космополитической) символики в рамках самых различных национальных культур (в рекламных кампаниях, в трансляции популярных символов массовой культуры) можно увидеть сходство с тем, как действуют принципы «надгосударственного управления». Как определяет В.В. Омельченко, это – «внешнее управление государством (обществом) с целью достижения внешних концептуальных целей»[3]. Сегодня многие национальные государства сталкиваются с угрозами своему суверенитету со стороны транснациональных сил[4]. Это процесс, который объединяет финансовые и политические аспекты под эгидой прагматических ценностей. Им оказываются противоположны установки национальных традиций на сохранение исторически обусловленных духовно-нравственных принципов, а также особенностей хозяйствования и правового регулирования. И в условиях информационной открытости национальные суверенитеты испытывают серьезное давление со стороны, казалось бы, нейтральных образов и символов, относящихся к массовой культуре и к культу успеха и потребления.

Об угрозах в сфере отечественного образования следует говорить отдельно, поэтому лишь несколько слов в рамках данной работы. Автор, как и прежде, в начале 2000-х годов, обращает особое внимание на то, что образование – это процесс двучастный, состоящий из обучения и воспитания, причём законодателем воспитание вынесено, что представляется совершенно справедливым, на первое место. К сожалению, в 90-е годы уже прошлого века воспитательную составляющую попытались убрать из образовательной сферы (высшее, школьное образование), предоставив зелёный свет таким новым для российского образовательного пространства, шагнувшим с запада конструкциям как ОГЭ, ЕГЭ, Болонская 100-балльная система оценивания. Во что это в итоге переродилось? На примере нашего – поистине уже многострадального - школьного образования – учителя, загруженные отчётностью и требованиями гонки рейтингов – фактически сняли с себя труд воспитывать подрастающее поколение – доносить помимо знаний представления о духовно-нравственных началах в обществе. Аксиологическая составляющая, таким образом, под воздействием рыночной экономики обрела более материальные черты. Позже, уже в XX веке, не так давно – лишь несколько лет назад – о необходимости воспитания вновь заговорили, но вывели его в рамках школьной системы в т.н. «доп.образование».

Но мы хорошо понимаем, что учитель формирует ценностный ряд у школьников на любом предмете – будь то точные науки, или гуманитарные дисциплины – своим образом, умением задавать вопросы, обращением к ученику, коллективной аудитории, выстраивая свои, особые отношения с классом, даже если они складываются со знаком «минус». Восприятие учителя, педагога как одного из Образов коллективного бессознательного соотносится с образами государства, власти, прав человека, правилом, законом, выстраивая на этой почве отношения с явлениями правовой реальности. Безусловно, это оказывает воздействие на формирующееся правовое сознание обучающихся – на правовую идеологию, правовую психологию, правовые установки.

Русская культура всегда была чрезвычайно внимательна к тем идеям и идеалам, которые ей предлагались «со стороны». Россия переживала периоды увлечения западными моделями, начиная от стремления исправить богослужебные книги «по старым харатейным и греческим»[5] (1654 г.), заканчивая современными попытками реформировать отечественную систему образования по западным лекалам. Как подчеркивают историки российской государственности (Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев и многие другие), духовные установки русской культуры всегда были тесно связаны с символическим контекстом. То, что в западной традиции права могло интерпретироваться как следование прямым логикам общественного или личного блага, в отечественной правовой культуре всегда носило трансцен-

[1] Омельченко В.В. Символика власти — информационная основа государственного управления // Правовая информатика. 2024. № 2. С. 152-169.
[2] Сальников В.П., Чайка В.Н., Прокофьев К.Г. Ценностные аспекты безопасности в ситуации системного кризиса современности // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190). С. 74-77.
[3] Омельченко В.В. Символика власти — информационная основа государственного управления // Правовая информатика. 2024. № 2. С. 152-169.
[4] Ефимов А.А. Глобальная экспансия транснациональных корпораций и политические интересы России. Автореф. дисс. канд. полит.наук. М. 2013.
[5] Сидаш Т.Г. Начало церковного раскола в России // Скрижаль. Акты соборов 1654,1655,1656 годов. СПб «Свое издательство», 2013. 640 с. С. 34

дентный характер (указывало на высшие векторы) и, одновременно, прочитывалось как верность исторической традиции (земле, заветам предков). Поэтому можно утверждать, что для русской модели государственности символика власти и социальных институций может рассматриваться не только как указание на культурную и ценностную идентичность, но и как защитная функция сохранения национальной идентичности.

Русский мир всегда строился на принципах коллективности, понимаемой как «организационная установка объединения людей …в традиционной системе ценностей», и она «производна от их единства в духовном идеале. И в России соответствующее …понятие было найдено – соборность»[1]. Эта установка вплоть до наших дней, несмотря на все исторические сломы, что постигли российскую государственность, остается важнейшим этическим принципом, который распространяется на все сферы жизни, от семейных отношений – до профессиональных связей.

Принцип «соборности», как его понимали русские мыслители в XIX в., в ситуации современности, как представляется, может получить особую актуальность. В современную эпоху, когда в информационном пространстве активно продвигаются ценности индивидуализма, что ставит любую социальную идентичность под угрозу, идея единства, созидаемого из личных ценностных векторов каждого, получающих резонанс и устойчивость в определенности общей судьбы и истории, может стать одним из мировоззренческих символов современной России.

Р.А. Ромашов подчеркивает, что современное стремление России к утверждению национальной, ценностной и культурной суверенности неотделимо от поиска таких форм преемственности с историко-культурным основанием нашей страны, которые позволили бы осуществлять поступательное движение в соответствии с вызовами и требованиями современности. Ценностные установки культуры всегда тесно переплетены со стратегиями государственного строительства. Он подчеркивает, что для формирования исторической и символической преемственности культуры преемственности необходим «ретроспективный анализ национальной культурной традиции»[2], что позволило бы четко увидеть аутентичные векторы ценностей и символов российской государственности.

Внимание к государственной символике – это не столько вопрос формального признания, сколько требование само жизни. Только в том государстве, где каждый гражданин осознает священный смысл государственного символического ряда, существует полноценное отражение и в самих практиках жизни и правового сознания[3].

При этом государственная символика должна рассматриваться как естественная составляющая правовой культуры. В.Д. Зорькин обращает внимание на то, что в своем фундаменте, представления об идеальных векторах общественного развития заключены в самой природе человека: «история показывает, что существует тесная связь между природой человека и понятиями права и морали»[4]. Поэтому в ситуации современности востребован «поворот теории права» от представлений о том, что символика государства есть конструкт – к признанию того, что каждая культура естественным образом порождает свою символику, которая показывает и глубину общественного «бессознательного», и исконные ценности, что сохраняются даже в самых стремительных преобразованиях новой эпохи[5].

[1] Багдасарян В.Э, Иерусалимский Ю.Ю. Ценности российской цивилизации. Ярославль: ИПК «Индиго», 2023. С. 26
[2] Ромашов Р.А. Национальная культура как контекст государственно-правового развития России // История государства и права. 2015. № 12. С. 3—9.
[3] Честнов И.Л. Государство с точки зрения социокультурной антропологии права // Вестник МГПУ. Юридические науки, 2015, №2 (18). С. 23-31. С. 23
[4] Зорькин В.Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. №1. С. 5-16
[5] Там же. С. 10

Червяковский Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Chervyakovsky Alexander Vladimirovich

Candidate of Laws, Docent, Docent of the Chair of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs, Russia

E-mail: chervaleksandr@yandex.ru

Закон о нормативных правовых актах как символ взаимодействия юридической науки и практики

Law on normative legal acts as a symbol of the interaction of legal science and practice

Аннотация. Предложения о подготовке и принятии закона о нормативных правовых актах автором работы рассматривается как символ во многом неудачного взаимодействия между юридико-технической наукой и законодательной практикой. Такой вывод делается посредством анализа достижений юридической науки и практики правотворчества. В работе большое внимание уделено особенностям нормативно-правового регулирования российского правотворческого процесса, разработке и принятию законов о нормативных правовых актах в России и в иностранных государствах.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, правотворчество, юридическая техника, правовые символы, норморайтер

Annotation. The proposal for the preparation and adoption of a law on normative legal acts is considered by the author of the work as a symbol of the largely unsuccessful interaction between legal science and technology and legislative practice. This conclusion is made by analyzing the achievements of legal science and law-making practice. In the work, great attention is paid to the features of regulatory regulation of the Russian law-making process, development and adoption of laws on normative legal acts in Russia and in foreign states.

Keywords: normative legal act, legal creation, legal technique, legal symbols, normwriter

Для цитирования: Червяковский А.В. Закон о нормативных правовых актах как символ взаимодействия юридической науки и практики // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 476–479.

Символы бывают разные. Символом российского государства является город-герой Москва, правда, для многих проживающих на окраинах нашей необъятной Родины Москва ассоциируется также с несоразмерным по сравнению с другими богатством, расточительностью, коррупцией. Для многих символом спокойствия является наличие достатка, детей в семье. Многие старшие поколения говорили, что все переживут, только если бы не было войны. Для поколений, переживших или родившихся после Второй мировой войны мир тем самым является символом надежды на светлое будущее. Мы чтим и уважаем традиции и символы государства, государственных и муниципальных образований, наших образовательных организаций. Для многих из нас символом нашей научной юридической деятельности являются не только наши научные труды, диссертации, обучающиеся, которым мы пытаемся «сеять разумное, доброе, вечное», но тот форум по юридической технике, на котором присутствуем.

Символы в праве, юридической науке и практике тоже имеются. Фемида, судейская мантия – самые известные правовые символы. Есть символы, которые закрепляются в правовых источниках, а также символы, используемые в праве и правовой системе, кроме того имеются символы, которые запрещаются правом и законодательством[1]. В законодательстве России фиксируется запрет на использование нацистской и экстремисткой символики.

[1] Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 57.

Хотел бы обратить внимание на те символы, которые формируются в юридической науке, законодательстве и практике в процессе юридической деятельности, в т.ч. научной. Французский гражданский кодекс, принятый в 1804 г. и переживший уже не одно столетие, является символом не только для самого Наполеона I, но для многих французов. Станет ли когда-нибудь символом текущей эпохи какой-либо принятый и действующий федеральный закон, принятый российским парламентом. Им могла бы стать российская Конституция 1993 г., но она за последние десятилетия была подвержена такой критике, что вряд ли такое произойдет. Нередко вспоминаешь ряд нашумевших законов, которые на время стали действительно символами положительных перемен, так и, наоборот, актами, которые вызывали недовольство и возмущение населения страны, привели к расколу в обществе.

Не так давно прочитал вышедшую в этом году монографию юбиляра – В. М. Баранова, в которой утверждается, что Свод кодифицированных актов Российской Федерации вполне можно и нужно «квалифицировать» в качестве символа государства[1]. Наверное, это правильно. Тем не менее, такого Свода в России нет, предвидится ли его появление в ближайшее время, трудно сказать. На мой взгляд, символом, а может быть и даже камнем преткновения (оно же и камень взаимодействия), юридико-технической науки и законодательной практики стал закон о нормативных правовых актах.

Попробую аргументировать свою позицию посредством отдельных тезисов, раскрывающих связь юридической науки и практики правотворчества.

1. Задача науки собрать, обобщить и систематизировать имеющиеся знания, в частности, накопленные в сфере правотворчества. Благодаря усилиям российских и зарубежных ученых собран, обработан, обобщен многочисленный материал, посвященный различным аспектам правотворческого процесса. Написаны многочисленные научные труды по отдельным аспектам правотворчества, защищено множество кандидатский и докторских диссертаций по указанной проблеме, проводились и организуются разные научно-представительные мероприятия всероссийского и международного уровня не только в целом по проблеме современного правотворчества, но и по отдельным аспектам деятельности по принятию законов и иных правовых актов. Мы сами были участниками таких конференций в Нижнем Новгороде, в частности, посвященных демократизации правотворчества, принципам правотворчества, экспертизам в правотворческой деятельности.

В тоже время следует отметить, как в юридической науке остаются определенные лакуны, нуждающиеся в дополнительном научном исследовании. По поводу отдельных понятий существуют споры. В правотворческую практику вводятся новые приемы и методики, которые требуют научного осмысления.

Правотворческая практика должна заимствовать те наработки, которые предлагаются российскими и зарубежными учеными, но многие рекомендации остаются неуслышанными, а те предложения, которые становятся востребованными практикой, оказываются или сами фактически вновь открыты юридической практикой, или получили свое воплощение спустя длительное время.

Теория государства и права как наука разрабатывает общие понятия, активно применяемые всеми юридическими науками и практикой. Одним из понятий общих для юридической науки является дефиниция «нормативный правовой акт». В ряде научных и учебно-методических работ мы можем встретить различные определения данного понятия. В тоже время верное понимание, что такое нормативный правовой акт, имеет важное значение для принятия юридических значимых решений. Осознавая это, видимо, государственные органы в своих правовых актах стремятся зафиксировать легальные дефиницию и признаки данного понятия. Признаки нормативного правового акта содержаться в постановлении Пленума Верховного Суда России[2]. Легальная дефиниция понятия фигурирует в правовых актах различных органов государственной власти. В законе о нормативных правовых актах можно было бы определить рабочее определение понятия «нормативный правовой акт» и других понятий, которые бы использовались юридической практикой.

2. Юридическая наука, и прежде всего, теория государства и права, призвана выявлять общие закономерности развития государства и права. Юридическая техника как наука большое внимание уделяет правотворческому процессу. Об этом говорит, прежде всего, количество публикаций (статей, монографий, диссертаций, учебной литературы), вышедших по данной проблематике. Юридическая наука и, в частности, юридическая техника сформулировала общие понятия, характерные для всего правотворческого процесса, смогла описать данный вид деятельности в целом, сформулировать принципы правотворчества, выделить отдельные его этапы, показать правотворческий процесс как не спонтанный, сиюминутный, хаотичный момент выражения волеизъявления властвующих субъектов, а спланированную, целенаправленную деятельность государственных органов, народа, иных субъектов, направленную на подготовку, изменение и отмену нормативных правовых актов. Учеными подготовлены многочисленные обещающие труды, в которых раскрываются закономерности правотворчества, издаются многочислен-

[1] Баранов В. М. Свод кодифицированных актов Российской Федерации: теоретическая и практическая необходимость подготовки в условиях цифровизации общества. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 19.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

ные учебники и учебные пособия по технике правотворчества, нормографии, организуется преподавание в высших учебных заведения учебных дисциплин по технике правотворчества. Поставлена и отчасти реализуется задача по подготовке юридических кадров, которые могли бы активно принимать участие в разработке проектов нормативных правовых актов.

Проблема подготовки кадров для правотворческого процесса занимает умы и помыслы многих ученых, преподавателей, практических работников. Напомним, что в 2017 г. вышла статья В. М. Баранова «Норморайтер как профессия»[1], посвященная необходимости разработки профессионального и образовательного стандартов нормарайтера, лиц, которые могут и должны профессионально заниматься правотворчеством. Данная статья вызвала большую дискуссию, результаты которой были опубликованы в научном журнале и изданы также отдельным сборником[2].

В трудах ученых, в учебно-методических материалах выработаны общие требования к организации и осуществлению правотворческого процесса, однако они не в полной мере находят отражение в общих правовых актах, регламентирующих правотворческий процесс на федеральном уровне. Нормативное регулирование правотворчества осуществляется в настоящее время актами разной юридической силы, принятыми различными государственными органами. Законодательный процесс определен, прежде всего, актами Федерального Собрания России (регламентами палат), а также федеральными законами и указами Президента России, устанавливающими нормативы необходимые для реализации отдельных стадий правотворческой деятельности. На уровне правотворчества Правительства и федеральных органов исполнительной власти приняты были постановлением Правительства правила, определяющие порядок подготовки нормативных правовых актов и их государственной регистрации, еще в 1997 г.[3], с тех пор в них вносились только изменения и дополнения. Кроме того, Минюстом России подготавливаются соответствующие приказы, которыми утверждаются методические рекомендации, разъясняющие положения, содержащиеся в указанных правилах. В отдельных министерствах и иных федеральных органах исполнительной власти имеются свои нормативные правовые акты, регламентирующие порядок подготовки правовых актов.

Необходимо отметить, что указанные правовые акты не являются в полной мере кодифицированными или консолидированными актами, помимо них имеются ряд правовых актов, определяющие отдельные элементы или стадии правотворческого процесса. Так на уровне федеральных законов приняты акты, регулирующие проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов, официального опубликования и вступления в силу законов. На уровне Президента России и Правительства России имеются правовые акты, определяющие организацию и порядок проведения антикоррупционных экспертиз, оценки регулирующего воздействия, общественного обсуждения нормативных правовых актов.

3. Наука использует различные методы исследования, как общие, так и частные, специальные. Совокупность общефилософских подходов, принципов научного исследования и выработанных методов и приемов научной деятельности составляет методологию научного исследования. Одним из методов юридической науки является сравнительно-правовой метод, позволяющий проанализировать, в частности, каким образом осуществляется нормативное регулирование правотворческой деятельности в различных правовых системах. Вопросам законодательного обеспечения принятия нормативных правовых актов в зарубежных странах посвящены многие публикации российских ученых[4]. Зарубежные ученые также делятся своими наблюдениями, о том, как принимаемые в иностранных государства правовые акты, регулирующие процесс правотворчества, реализуются на практике[5].

Как показывает анализ законодательного регулирования правотворчества в зарубежных странах, во многих государствах имеются специальные законы, определяющие общие требования к правотворческому процессу. Законы о нормативных правовых актах приняты и активно применяются в странах ближнего зарубежья. Такие законы на просторах бывшего СССР начали появляться в конце 90-х годов прошлого столетия. Одним из первых закон о правовых актах вступил в силу в Туркмении. Долгое время

---

[1] Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16-29.

[2] Норморайтер как профессия// Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 333 – 502; Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. М.: РГ-Пресс, 2019. 352 с.

[3] Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009).

[4] Липень С. В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ: возможности сравнительно-правового исследования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 4 (44). С. 159–164; Сорокин В. В. Обзор законов о нормативно-правовых актах стран СНГ // Правовая система Узбекистана: история и современность. Барнаул, 2023. С. 73-80; Червяковский А. В. Закон о нормативных правовых актах: опыт государств ближнего зарубежья // Право и образование. 2021. № 3. С. 49-55.

[5] Жанузакова Л. Т. Проблемы толкования норм права в свете реализации Закона РК «О нормативных правовых актах» // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2012. № 2 (26). С. 35-404; Павлов В. И. Особенности доктринального содержания закона республики беларусь «О нормативных правовых актах» // Право.by. 2019. № 3 (59). С. 27-31. и др.

в Украине не было закона о правовых актах, предпринималось несколько попыток принять закон, регламентирующий основы правотворчества, однако только 24 августа 2023 г. подписан закон № 3354-IX «О правотворческой деятельности». На наш взгляд, наиболее активно процесс взаимодействия юридической науки и практики в сфере нормативной регламентации правотворческого процесс осуществляется в Республике Беларусь.

Опыт принятия и реализации законов о нормативных правовых актах имеется не только за рубежом, такие же акты приняты во многих субъектах Российской Федерации. Несмотря на имеющийся иностранный и региональный опыт принятия законов о правовых актах, на уровне федерации такой закон до сих пор отсутствует.

4. Наука как сфера человеческой деятельности, направлена не только на накопление, обработку и систематизацию накопленных знаний, но и на их применение в практической деятельности. Вопрос о подготовки и принятии закона о нормативных правовых актах будоражил многих российских ученых. О необходимости такого закона начали говорить еще в прошлом веке, несмотря на это работы, в которых предлагается вернуться к разработке такого закона активно публикуются и в современный период, что еще раз говорит нам об актуальности для российского научного сообщества темы принятия закона о нормативных правовых актах. Ученые не только заявляют о надобности принятия законов о правотворчестве, но и вносят свой посильный вклад в разработку таких законов посредством не только указания в своих статьях важных элементов, которые должны были бы найти отражение в структуре закона в случае его принятия, но и посредством предложения инициативных проектов федеральных законов. В частности, следует упомянуть инициативу В. Б. Исакова, подготовившего проект Законодательного кодекса, В. В. Ершова – проект федерального закона «О формах российского права». В 2021 г. опубликована уже шестая редакция разработанного Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России проекта федерального закона «О нормативных правовых актах»[1].

О потребности России в принятии закона о нормативных правовых актах столько написано, сколько разработано предложений и проектов, проведено научных совещаний, а «воз и ныне там». Как уж было отмечено ранее, закон о нормативных правовых актах на федеральном уровне в России отсутствует. Говорить о том, что в российской правотворческой практике не предпринимались попытки принятия закона о нормативных правовых актах, было бы неверно. Такие усилия имели место, однако предпринимаемые действия не доводились до конца. Еще в середине 90-х годов прошлого столетия проект закона «О нормативных правовых актах» даже прошел первое чтение, однако в дальнейшем, по-видимому, он так и лежал в «запасниках» Государственной Думы, пока в 2004 г. не был полностью отклонен той же палатой российского парламента. Вторая известная попытка вернуться к разработке и принятию закона о нормативных правовых актах была предпринята спустя 10 лет в 2014 г., когда проект закона о нормативных правовых актах был разработан Министерством юстиции Российской Федерации и размещен на соответствующем портале для размещения проектов правовых актов и обсуждения экспертного сообщества. Однако после его публикации на портале он так и не был представлен для прохождения дальнейшей процедуры принятия федерального закона.

До сих пор регулирование правотворческого процесса остается разрозненным, хаотичным, отнюдь не сбалансированным, осуществляется актами разного уровня и юридической силы.

Подводя итоги отметим, что, на наш взгляд, идея принятия закона о нормативных правовых актах и все последующие действия российских ученых до сих пор остается одним из амбициозных предложений, направленных на совершенствование правотворческого процесса, до настоящего времени не востребованных практикой деятельности российского федерального парламента. Поэтому можно сказать, что закон о нормативных правовых актах, вернее все дебаты по его принятию, попытки разработки были и остаются символом нереализованных надежд российской юридико-технической науки в правотворческом процессе.

[1] О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 96 с.

Чигринский Николай Сергеевич

преподаватель кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета; заместитель начальника отдела по вопросам регионального законодательства и регистрации уставов муниципальных образований Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Иркутской области

Chigrinskii Nikolai Sergeyevich

Lecturer of Department of Constitutional Law and Legal Theory, Law Institute of Irkutsk State University; Deputy head of department on regional legislation and registration of charters of municipalities Departments of the Ministry of justice Russian Federation for the Irkutsk region

E-mail: tchigrinsky@yandex.ru

К вопросу о символике в процессе трансформации правовой системы государства: отечественный опыт конца XX века

On the Issue of Symbolism in Process of Transforming the State's Legal System: Domestic Experience of the late 20th Century

Аннотация. В статье предпринята попытка определить специфику такого явления как «символизм» при его существовании в государстве с правовой системой переходного периода. В связи с тем, что государства, находящееся в процессе трансформации своей правовой системы обладает такими характерными чертами как «нестабильность» и «активное изменение», то и символизм, выражающийся в государственной символике и других правовых явлениях вероятнее всего тоже будет подвержен нестабильности своего состояния. В результате автор приходит к выводу, что символизм государства трансформационного типа чаще всего выражается не столько в предметных результатах творчества деятелей государственной власти, сколько в непосредственно процессах, олицетворяющих эпоху перемен.

Ключевые слова: символизм, символы, переходный период, правовая система, трансформация правовой системы

Annotation. This article attempts to define the specific nature of the phenomenon of "symbolism" as it exists in a state with a legal system in transition. Given that states undergoing legal system transformation possess such characteristic features as "instability" and "active change," the symbolism expressed in state symbols and other legal phenomena is likely to be subject to instability as well. Author concludes that the symbolism of a state undergoing transformation is most often expressed not so much in tangible results of the creative work of state officials as in processes that embody the era of change.

Keywords: symbolism, symbols, transition period, legal system, transformation of the legal system

Для цитирования: Чигринский Н.С. К вопросу о символике в процессе трансформации правовой системы государства: отечественный опыт конца XX века // Юридическая техника. – 2025. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 480–481.

Исследуя тему трансформации правовой системы в государстве (или, говоря иначе, тему правовой системы переходного периода рано или поздно возникает вопрос – как тема символизма в праве может пересекаться с трансформационными процессами права в государстве? По итогам изучения данного вопроса вполне уверенно можно сделать вывод о том, что такое явление как «символизм» в значении «внешняя атрибутика конкретного государства» важно непосредственно для граждан государства с правовой системой переходного периода именно в виде олицетворения эпохи перемен. Подробнее данный вывод предлагается раскрыть в настоящей статье.

В первую очередь определимся, что правовая система переходного периода – это взаимосвязанные правовые явления общества, развивающиеся при активной трансформации правовой действительности, характеризующиеся нестабильностью и неопределённой длительностью, сопровождающиеся активным правотворчеством и снижением регулятивной функции государства.[1] Такая система функционировала практически во всех странах Восточной Европы (включая Россию), когда социалистическая правовая система менялась на романо-германскую в 80-х – 90-х годах прошлого века, а в начале XX века – наоборот, с романо-германской на социалистическую.

Если в рамках данной статьи мы определим символизацию как «выражение обобщённого смысла через наглядную модель»[2] (то есть донесение до граждан сути явления через определённые творческие результаты), то мы столкнёмся со следующими проблемами:

- во-первых, нестабильность и неопределённая длительность переходного периода затрудняют задачу одномоментно определить символы этого периода;

- во-вторых, такие черты переходного периоды как «активное правотворчество» и «снижение регулятивной ценности права» приводят к тому, что противоборствующие группы, стремящиеся захватить государственную власть в процессе трансформации системы, своей борьбой не дают населению однозначную картину определённости.

Указанные две проблемы создают трудности также и для законодателя, у которого есть задача нормативно оформить смену правовых систем, но поскольку практически всегда данный переход сопровождается наличием противоречий и борьбой оппонирующих друг другу групп – этот процесс завершается далеко не тем результатом, который ожидался руководством государства.

Стоит сказать, что законодатель в переходном периоде однозначно не стремится нормативно обозначить символы переходного период – именно потому, что:

- во-первых, это процесс, который следует как можно скорее и качественнее завершить;

- во-вторых, практически всегда переходный период не является заранее чётко спланированных процессом – почти всегда это результат совокупности противоречий в обществе, обусловленных экономическими, социальными и культурными факторами.

В целом, символизм переходного периода, на наш взгляд, стоит искать:

- в процессе смены внешней атрибутики в каких-либо государственных сферах – например, этим характеризуются 20-е года прошлого века, когда шёл процесс разработки герба Советского государства, в ходе которого шли длительные обсуждения с размещениями промежуточных результатов работы на административных зданиях страны.[3] И на наш взгляд, этот процесс является естественным, поскольку трансформационные процессы, сопровождающиеся борьбой интересов, зачастую порождают неожиданные решения;

- следующее, где нужно искать символизм переходного периода – это в снижении регулятивной ценности права, и оно уже может выражаться:

а) в откровенном противоречии основополагающих актов друг другу (например, как в конце 80-х – начале 90-х годов XX века некоторые указы Президента СССР противоречили Главному Закону страны);[4]

б) в ситуации, когда нормотворческий процесс в государстве непозволительно отставал от стремительно развивающихся общественных отношений. Так, цитируя Я.В. Бакарджиева, следует помнить, что «комплексная трансформация правовой реальности неизбежно приводит к пробельности и коллизионности в нормативных предписаниях, что негативно сказывается на эффективности их воздействия».[5]

В заключении стоит указать, что символизм правовой системы переходного периоды нужно находить не столько в формах внешнего выражения и атрибутике, сколько в нюансах изменений экономики и политики государства, стараясь найти в них характерные черты.

---

[1] Чигринский Н.С. Понятие правовой системы переходного периода // NOMOTETIKA: Философия. Социология. Право. 2024. Т.49. № 2. С.277.

[2] Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4/5. С. 71.

[3] Закутнов О.И. Особенности развития геральдической системы в России (на примере XIX-XX вв.)// Каспийский регион: политика, экономика, культура. ф2016. № 4(49). С.36.

[4] Беджанов Н.М., Беджанова Т.Е. Конституционное развитие России в XX веке (80-90-е годы)// Журнал Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. Вып.2. С.100.

[5] Бакарджиев Я.В. Переходный период в развитии государства и правовой системы // Вестник Омского университета. Серия «Право». Омск, 2014. № 4 (41). С.78.

Чикина Татьяна Евгеньевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры математики, информатики и информационных технологий Нижегородской академии МВД России

Chikina Tatiana Yevgenievna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Mathematics, Computer Science and Information Technology of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: kurapkina@yandex.ru

Роль математических символов в нормативно-правовых документах

The role of mathematical symbols in legal documents

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли математических символов в нормативно-правовых документах, актуальности цифровой точности в мире права. Выделены важные функции математических символов в праве и приведены примеры использования математического языка в законодательстве. Отмечается, что, несмотря на описанные в статье преимущества, применение математического языка в праве сопряжено с определенными сложностями, поэтому важен баланс между использованием математической символики там, где она необходима для обеспечения точности, и её ясными пояснениями, доступными для всего общества.

Ключевые слова: математические символы, формулы, нормативно-правовые документы, законодательство, правовые акты

Annotation. The article is devoted to the role of mathematical symbols in legal documents, significance of digital accuracy in law. It represents major functions of mathematical symbols in law and some examples of using mathematical language in the sphere of legislation. Despite its advantages mentioned in the article the usage of mathematical language in law can involve some difficulties. As a result there should be the balance between the use of mathematical symbolism where it is in need to provide accuracy and its clear explanations to provide accessibility for all members of our society.

Keywords: mathematical symbols, formula, legal documents, legislation, legal acts

Для цитирования: Чикина Т.Е. Роль математических символов в нормативно-правовых документах // Юридическая техника. - 2026. - № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. - Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 482–483.

Ключевыми требованиями нормативно-правого акта как инструмента регулирования общественных отношений выступают однозначность, точность и недвусмысленность толкования. С целью создания его идеальной ясности законодатели зачастую вынуждены обращаться к языку математики, поскольку он по своей природе лишен двусмысленности и эмоциональной окраски. В связи с этим математические символы и формулы становятся важным средством формулирования правовых норм, позволяющим обеспечить необходимую для правоприменения «цифровую» точность.[1]

Рассмотрим наиболее важные, на наш взгляд, функции, которые выполняют математические символы в праве.

Во-первых, это краткость и лаконичность. Благодаря математической символике можно сложные количественные отношения выразить с помощью одной короткой формулы, избавившись тем самым от громоздких текстовых описаний. Например, чтобы рассчитать размер пенсии или налога, вместо длинных текстовых описаний достаточно использовать короткую формулу P=(S*K)*C, что позволяет избежать риска разночтений и связанных с этим ошибок.

Во-вторых, математические символы позволяют обеспечить однозначность, поскольку они задают строгие, измеримые критерии. Например, благодаря математическим символам ≤; ≥; <; >; = можно избе-

[1]Горшунов Д. Н. Математические методы в исследовании системы права / Учёные записки Казанского Государственного университета. Том 5, кн.5, 2008. С. 27-33.

жать многозначности естественного языка. Так, предложение «скорость движения не должна превышать 60 км/ч» является юридически точным благодаря символу ≤, скрытому в слове «не превышать».

Еще одной важной функцией математического языка является его стандартизация и унификация. Это объясняется интернациональностью математического языка. Ведь различные финансовые обозначения (€, $), символы процента (%), арифметических операций (+, -, /, ×, ÷) легко понимаются специалистами разных стран без перевода, что очень важно в международных договорах, технических регламентах и финансовых отчетах.

Кроме того, стоит отметить важность формализации логических связей. К примеру, в гражданском и налоговом праве, в сложных правовых конструкциях используются логические операции, которые удобно выражать с помощью символов. Так, условия наступления ответственности или порядок расчёта могут зависеть от нескольких факторов, связанных операторами «и» (логическое умножение, &), «или» (логическое сложение, │).

Следует отметить, что математические символы пронизывают многие отрасли права. К примеру, налоговый кодекс изобилует формулами. Ставки налога, налоговые вычеты, расчет налоговой базы описаны с помощью арифметических операций (+, -, ÷, ×) и процентов (%). Например, чтоб рассчитать НДС, используется следующая формула: НДС = Налоговая база× (Ставка / 100).

Финансовое и банковское право также не обходится без математических формул и символов. Ведь основой банковских договоров и нормативных актов Центрального банка выступают расчеты процентов по кредитам и депозитам, формулы сложных процентов (A=P(1+r/n)^(nt)), индексации сумм.

В административном праве тоже используются математические символы, например, штрафы рассчитываются как процент от определенной суммы или имеют верхний и нижний пределы, которые задаются с помощью неравенств ≤; ≥.

В трудовом праве расчет среднего дневного заработка для отпускных или больничных осуществляется по четкому алгоритму, который представляет собой формулу, прописанную в законе.

Ну и наконец, в техническом регулировании (ГОСТах, СанПинах) так же используются математические символы для установления предельно допустимых концентраций определённых веществ (мг/м^3),уровней шума (дБ), различных допусков.

Несмотря на описанные преимущества и важные функции, которые несет математический язык, его использование сопряжено с определёнными трудностями, которые опишем далее.

Одна из сложностей связана с тем, что использование математических символов и формул в нормативно-правовых актах не всегда удовлетворяет требованию доступности для неспециалистов. Ведь правовые акты адресованы всем гражданам, а слишком сложная математизация может сделать текст непонятным для обычного человека, не обладающего специальными математическими знаниями, что противоречит принципу доступности права.

Другим возможным недостатком может быть неточность в самой формуле, символе, ошибка в формулировке. Подобная неточность может привести к массовым правовым последствиям и судебным спорам, и как следствие - к изданию нового нормативного акта.

Так же, следует отметить, что юридическая точность формулы зависит от точности определения составляющих. Если, к примеру, какая-то переменная определена в законе расплывчато, то и результат расчета будет неоднозначным. Поэтому еще одной сложностью может стать не достаточно правильная интерпретация данных.

Итак, можно сделать вывод, что математические символы играют важную роль в нормативно-правовых документах, которую можно сравнить с ролью «костылей» для точности, компенсируя гибкость и неточность естественного языка. Математический язык позволяет трансформировать качественные правовые категории в количественные, измеряемые параметры, что очень важно для современного правового государства.

В идеале, законодатель должен находить баланс между использованием математической символики там, где она необходима для обеспечения точности, но при этом сопровождать ее ясными текстовыми пояснениями, чтоб не был нарушен принцип доступности нормативно-правовых документов. На наш взгляд, в эпоху цифровизации роль математического языка будет только возрастать, требуя от юристов новой грамотности - математической.

Чинарян Елена Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общей юриспруденции Российского государственного социального университета

Chinaryan Elena Olegovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Jurisprudence of the Russian State Social University

E-mail: chinarjaneo@rgsu.net

Чинарян Елизавета Амаяковна

преподаватель колледжа Российского государственного социального университета

Chinaryan Elizaveta Amayakovna

is a college lecturer at the Russian State Social University

E-mail: chinarIan@rgsu.net

Доменные имена как цифровые правовые символы: от знака адреса к знаку доверия

Domain names as digital legal symbols: from address label to trust mark

Аннотация. Статья посвящена доменным именам как особому виду цифровых правовых символов. Показано, что домен выполняет не только техническую адресную функцию, но и функции идентификации, легитимации и организацию доверия в цифровых коммуникациях. Предложены признаки домена как правового символа: нормативная опосредованность, публичная читаемость, институциональная и территориальная маркировка через доменные зоны, проверяемость происхождения и доказательственное значение. Рассматриваются государственные доменные зоны (.gov, .mil, .ru, .рф) и примеры официальных адресов (kremlin.ru, minfin.gov.ru) как «цифровые вывески» власти. Анализируются риски фишинга, тайпсквоттинга и гомографических атак, а также платформенные и технические контрмеры (DNSSEC, сертификаты OV/EV, индикаторы верификации). Предлагается модель регулирования: национальный/отраслевой стандарт trust-marks, публичный реестр доверенных доменов и минимальная обязанность браузеров и поисковых систем обозначать ресурсы органов власти и банков.

Ключевые слова: доменное имя; правовая символика; цифровые правовые символы; доверие; фишинг; DNSSEC; верификация; UDRP

Annotation. The paper explores domain names as a specific class of digital legal symbols. A domain performs not only a technical addressing function but also identification, legitimation and trust-building in online communication. The article outlines key features of domains as legal symbols: regulatory embeddedness, public readability, institutional and territorial marking via TLDs, verifiability of origin and evidentiary value. Government TLDs (.gov, .mil, .ru, .рф) and official addresses (kremlin.ru, minfin.gov.ru) act as “digital signboards” of authority. Risks of phishing, typosquatting and homograph attacks are discussed together with platform and technical countermeasures (DNSSEC, OV/EV certificates, verification indicators). A regulatory model is proposed: a national/industry trust-mark standard, a public registry of trusted domains, and a minimal duty for browsers/search engines to label government and banking resources.

Keywords: domain name; legal symbolism; digital legal symbols; trust; phishing; DNSSEC; verification; UDRP

Для цитирования: Чинарян Е.О., Чинарян Е.А. Доменные имена как цифровые правовые символы: от знака адреса к знаку доверия // Юридическая техника. — 2026. — № 20: Материалы XXXVII Междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. - Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 484–486.

Остаётся проблема единообразного понимания смысла и сущности государственных и правовых символов[1], в данной статье, под правовыми символами понимаются закреплённые государством или иными правовыми институтами знаки, несущие юридическое значение и воздействующие на общественное сознание. В цифровой среде такие знаки принимают форму минималистичных маркеров интерфейса. Доменные имена рассматриваются как цифровые правовые символы, поскольку их форма и смысл опосредованы правом (регламентами ICANN, условиями регистратур и национальными нормами), а эффект выражается в изменении статуса ресурса и перераспределении рисков ответственности.

Домен — символьное обозначение, сопоставляемое IP-адресу. Доменные имена представляют собой символьные обозначения, используемые для идентификации ресурсов в сети Интернет. На сегодняшний день, по состоянию на август 2025 г. уже достигает почти 6 млн.[2] Доменное имя – неразрывно связанный с Интернетом элемент его архитектуры[3]. Технически они заменяют цифровые IP-адреса, делая их удобными для восприятия человеком. В юридическом смысле доменное имя: становится объектом правового регулирования; выступает средством индивидуализации юридического лица или государственного органа; закрепляется за определённым субъектом в порядке регистрации.

Домен как цифровой правовой символ, обладает особыми признаками и функциями:

Нормативная опосредованность: доменные отношения регулируются совокупностью публичных и частноправовых норм (национальные законы об информации, правила регистратур, политики ICANN, договоры с регистраторами).

Публичная читаемость: значение и статус ресурса считываются массовой аудиторией по TLD и форме имени (например, .gov, .mil, .edu, .ru, .рф).

Идентификация и легитимация: домен связывает ресурс с конкретным субъектом; использование официального имени создаёт презумпцию достоверности источника.

Коммуникативная функция: домен выступает «цифровой вывеской», обеспечивая ориентирование граждан в многообразии ресурсов.

Территориальная и институциональная маркировка: ccTLD указывает на национальную юрисдикцию, специализированные зоны — на род деятельности.

Проверяемость происхождения и безопасность: связка домена с сертификатами, DNSSEC и иными механизмами повышает уверенность в источнике.

Доказательственное значение: принадлежность домена, история WHOIS/реестра и технические записи могут служить доказательствами при разрешении споров.

Доменные имена обеспечивают коммуникацию между государством и обществом. Они выполняют роль «цифровых вывесок», с помощью которых граждане ориентируются в многообразии информации. Они выполняют функцию символа, позволяя пользователю сразу определить принадлежность ресурса к тому или иному государственному органу, учреждению или компании. Например: kremlin.ru – [4]символизирует официальный сайт Президента Российской Федерации; supcourt.ru [5]– сайт Верховного Суда РФ; minfin.gov.ru [6]– сайт Министерства финансов. Эти адреса не просто указывают на веб-ресурс, но и выполняют роль цифровых символов власти, аналогичных государственным печатям и гербам в бумажных документах.

Важно понимать, что наличие официального доменного имени подтверждает подлинность интернет-ресурса. Пользователь, видя в адресной строке «.gov.ru», воспринимает сайт как легитимный источник информации, что предотвращает подделки и мошенничество. Таким образом, доменные имена приобретают символическое значение доверия и законности.

Количество зарегистрированных доменных имён в национальных зонах устойчиво растёт; по состоянию на август 2025 г. суммарное число в отечественных доменных пространствах оценивается почти в 6 млн. Массовость использования усиливает символический эффект домена и делает его ключевым ориентиром для граждан и бизнеса.

В современном праве доменные имена приобретают статус охраняемых объектов. Их регистрация закрепляет за субъектом исключительное право на использование конкретного обозначения.

---

[1] Кисенко Н. П., Щебет В. Е. Значение государственных и правовых символов России в формировании правовой культуры на современном этапе развития общества // Журнал юридических исследований. 2025. Т. 10. № 1. С. 34–39.

[2] Статистика доменов .RU и .РФ за август 2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cctld.ru/upload/iblock/36d/ff2gpnc5929wzltmk0o7x07nng6mpaij/08.2025_RU.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

[3] Максуров А. А. Доменное имя в системе объектов гражданского права // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : материалы международной научной конференции (Новополоцк, [даты]). — Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2023. — С. 59–72.

[4] Президент России : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kremlin.ru/ (дата обращения: 20.10.2025).

[5] Верховный Суд Российской Федерации : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vsrf.ru/ (дата обращения: 27.10.2025).

[6] Министерство финансов Российской Федерации : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ (дата обращения: 27.10.2025).

Особое значение имеют государственные доменные зоны (.gov, .mil, .ru, .рф), которые выступают символами национальной и государственной идентичности в интернете.

Несмотря на очевидное значение доменных имён как правовых символов, их использование сопряжено с рядом проблем. Особое внимание следует уделить такой проблеме, как: «Подделка и фишинг» — создание доменов, имитирующих официальные, для введения пользователей в заблуждение. С начала года Роскомнадзор заблокировал более 800 тысяч сайтов — это на 35% больше, чем в прошлом году. около 20 % кликов по фишинговым ссылкам приходятся на поисковики — мошенники используют SEO и рекламу, чтобы вывести фальшивые сайты в топ результатов. [1]

Один из способов борьбы с фишинговыми сайтами, который также можно рассматривать в категории правовых символов, это синяя галочка.

В результатах поиска рядом с сайтами может появляться синяя галочка (в виде белой на синем фоне или просто синяя галочка), обозначающая, что сайт официально подтверждён Яндексом. С июня 2025 года такие галочки предоставляются только ограниченному числу ресурсов:[2]банкам и финансовым организациям (на основе данных Центробанка РФ);[3]госучреждениям; подтверждённым профилям в соцсетях.

Такие значки помогают пользователям легко отличать официальные и заслуживающие доверия ресурсы от возможных фальшивок, фишинговых сайтов и мошенников. Галочка — это не просто декоративный элемент, а индикатор верифицированной информации с дополнительной проверкой, но данный символ — это функциональность Яндекса, а не требование законодательства. Таким образом, можно вывести еще одну проблему: недостаточность правового регулирования. Многие аспекты защиты доменных имён находятся в стадии формирования, особенно в международном праве. Если бы «галочки» были закреплены на уровне закона и выдавались только официальным и проверенным ресурсам (банки, госуслуги, крупные компании), это помогло бы снизить количество успешных фишинговых атак. Предлагаются следующие варианты для решения проблемы:

Принять ГОСТ или отраслевой стандарт.

Закрепить в законе только обязанность браузеров/поисковиков обозначать доверенные сайты госорганов и банков, а всё остальное оставить добровольно.

Ввести реестр доверенных сайтов, доступный через государственные сервисы, а поисковики просто интегрировали бы его.

Таким образом, цифровые правовые символы в интернет-пространстве — это знаки легитимности, аутентичности и доверия, которые переносят функции традиционной правовой символики (гербов, печатей) в электронную среду. Доменные имена в интернет-пространстве можно рассматривать как новые правовые символы, выполняющие идентификационную, легитимирующую и коммуникативную функции. Подобно гербу или печати, они выражают государственный авторитет и юридический статус, но в условиях цифрового общества.

[1] Более 60 тыс. фишинговых сайтов заблокировали с начала года : [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. — 20.06.2024. — Режим доступа: https://digital.gov.ru/news/bolee-60-tys-fishingovyh-sajtov-zablokirovali-s-nachala-goda (дата обращения: 30.10.2025).

[2] Яндекс сфокусируется на защите пользователей при отображении знаков сайта : [Электронный ресурс] // Блог Яндекса для вебмастеров. — 27.06.2025. — Режим доступа: https://webmaster.yandex.ru/blog/685e54a6c7b1d500164bf0cb (дата обращения: 28.10.2025).

[3] Маркировка сайтов финансовых организаций в Интернете расширяется : [Электронный ресурс] // Банк России. — 16.10.2019. — Режим доступа: https://www.cbr.ru/press/event/?id=3939 (дата обращения: 25.10.2025).

Шаламов Андрей Владимирович

кандидат политических наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Нижегородской академии МВД России

Shalamov Andrey Vladimirovich

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Internal Affairs Activities in Special Conditions at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: aswert100@gmail.com

Символы как признак государства

Symbols as a sign of the state

Аннотация. В статье рассмотрена этимология понятия государства, рассмотрены признаки государства, государственные символы России.

Ключевые слова: государство, признаки государства, государственные символы.

Annotation. The article examines the etymology of the concept of the state, the signs of the state, and the state symbols of Russia.

Keywords: state, signs of the state, state symbols.

Для цитирования: Шаламов А.В. Символы как признак государства // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 487–490.

Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) дает ***понятие государства*** – как *основного орудия политической власти в классовом обществе.* В более широком смысле под государством понимают *политическую форму организации жизни общества,* которая складывается как результат возникновения и деятельности публичной власти – особой управляющей системы, руководящей основными сферами общественной жизни и опирающейся в случае необходимости на силу[1].

Единого и общепризнанного определения понятия «*государство*», ни в философии и юриспруденции, ни в международном праве не существует. Как отмечал В.И. Ленин (1870-1924) в своей работе «О государстве» (1919): «Я уже говорил о том, что едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве»[2].

Приведем некоторые высказывания о государстве древних мыслителей и философов:

Государство является выражением идеи справедливости (Платон, годы жизни: 427- 347 гг. до н.э.)[3].

Государство определяется как община, организованная для общего блага, это естественное образование, а человек – существо политическое (Аристотель, 384-322 гг. до н.э., в своем трактате «Политика» 335-322 гг. до н.э.)[4].

Государство является «достоянием народа», а народ – как сообщество, «связанное согласием в вопросах права и общностью интересов» (Цицерон Марк Тулий, 106-43 гг. до н.э., «О государстве», 51 г. до н.э.)[5].

Государство – объединение множества людей, подчиненных правовым законам. (Иммануил Кант, 1724-1804 гг.)[6].

Известный нидерландский философ-рационалист Бенедикт Спиноза (1632-1677), один из главных представителей философии Нового времени, посвятивший много времени изучению государства, обще-

[1] Государство: большая советская энциклопедия — Википедия. https://ru.m.wikipedia.org (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Ленин В.И. «О государстве» // Лекция в Свердловском университете 11.07.1919. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/О_государстве_(Ленин) (дата обращения: 20.10.2025).

[3] Платон о государстве. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Государство_(Платон) (дата обращения: 20.10.2025).

[4] Аристотель о государстве. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_(Аристотель) (дата обращения: 20.10.2025).

[5] Цицерон о государстве. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/О_государстве (дата обращения: 20.10.2025).

[6] Иммануил Кант о государстве. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кантианство (дата обращения: 20.10.2025).

ства и человека, отмечал, что «Цель всего общества и *государства* состоит в спокойной и удобной жизни, … безопасную жизнь гражданину помогает прожить *государство»* и одной из функций государства является обеспечение защиты и безопасность граждан, своих подданных от существующих вызовов, опасностей и угроз, а безопасность в широком смысле «составляет как бы жизнь и душу *государства*» и далее «Власть *государства* не беспредельна, но ограничена реальной силой. *Государство* имеет столько прав, сколько силы»[1].

В.И. Даль (1801-1872) – русский писатель, этнограф и военный врач, получивший воистину мировую известность, благодаря «Толковому словарю живого великорусского языка», на создание которого он потратил 53 года своей жизни, практически почти всю сознательную жизнь. В своем толковом словаре дал следующее определение *государства* – «*Государство* ср. царство, империя, королевство, земля, страна под управлением государя. Держава – *государство*, самостоятельное владение, народ и правительство его …»[2], таким образом, в авторском толковании В.И. Даля характерные черты *государства* связаны в единое целое, образуя ряд фундаментальных и обязательных признаков государства: территория-земля, население-народ, управление-правительство как аппарат публичной власти и т.д.

Новая философская энциклопедия трактует категорию *государства* определяющей «политическую целостность, созданную национальной или многонациональной общностью на определенной территории, где с помощью политической элиты, монополизирующей власть, поддерживается юридический порядок, включая законное право применения насилия»[3].

Малый академический словарь определяет *государство* как «политическую организацию общества во главе с правительством и его органами, с помощью которой господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка и подавление классовых противников...»[4].

Социологический словарь дает свое определение: *государство* – «…машина для поддержания господства одного класса над другим, возникшая в результате обществ, разделения труда, появления частной собственности и антагонистических классов»[5].

В энциклопедическом словаре «Конституционное право России» предложено одно из наиболее полных определений государства и его признаков. «*Государство* – есть универсальная суверенная организация политической власти общества, располагающая специальным аппаратом (организованной силой) и необходимыми ресурсами для эффективного и легитимного воздействия на это общество в целях обеспечения его интеграции и достижения в нем социального мира. Социальное предназначение *государства* как раз и заключается в том, что оно есть такой общественный институт, который всецело призван служить обществу. Государство – это исторически сложившаяся, сознательно организованная социальная система, управляющая обществом. Это фактически первая планомерно функционирующая организация, оказывавшая и оказывающая огромное воздействие на жизнь индивидов, социальных групп и всего общества»[6], таким образом, *государство* определяется как институциональная форма организации общества, обладающее своими, присущими только ему, признаками:

– государство имеет свою определенную территорию в определенных границах, где действуют свои законы государственной власти;

– на этой территории проживает население, некое сообщество людей, разного возраста и половой принадлежности, демографического состава, где политико-правовой связью государства и людей выступает гражданство;

– система публичной власти в государстве помогает руководить и управлять обществом, для этой цели государство имеет административный аппарат управления и принуждения;

– самостоятельный статус государства определяется его суверенитетом, государственный суверенитет означает независимость государственной власти от всякой другой как внутри страны, так и за ее пределами;

– государство регулирует общественные отношения посредством права и правовых норм, которые имеют обязательный характер;

– одним из признаков государства является также наличие государственной казны и налогов.

Особенность государственных признаков в их специфичности, ведь они отличают государство от иных форм общественной организации. Есть ещё государственные признаки, которые характерны для большинства государств, но не являются обязательными. Такие признаки определяют предметную

---

[1] Бенедикт Спиноза о государстве. – URL: https://yandex.ru/q/article /_f1df3024/?ysclid=mhqlx2vayu373140334 (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Даль В.И.: Толковый словарь. – URL: https://philolog.petrsu.ru/vdahl/projects/slovar/index.php?word_text=%D0% B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0% B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE&mode= findf rags (дата обращения: 20.10.2025).

[3] Новая философская энциклопедия. – URL: https://gufo.me (дата обращения: 20.10.2025).

[4] Малый академический словарь. – URL: https://gufo.me (дата обращения: 20.10.2025).

[5] Социологический словарь. – URL: https://gufo.me (дата обращения: 20.10.2025).

[6] Энциклопедический словарь «Конституционное право России». – URL: https://law.niv.ru/doc/dictionary/ constitutional-law-of-russia/articles/29/gosudarst vo.htm (дата обращения: 20.10.2025).

форму организации политической власти. Это, так называемые, необязательные признаки государства, потому, что государство может существовать и обходиться без них:

– наличие Конституции.

Конституция – это главный документ государства и основа действующего законодательства. Документ определяет государственный строй, основные права и свободы, форму государства и систему высших государственных органов, имеет высшую юридическую силу и прямое действие (положения конституции должны выполняться независимо от того, противоречат ли им другие акты), характеризуется стабильностью благодаря особому, сложному порядку принятия и изменения. Необходимо отметить, что есть государства, которые не имеют своей конституции, в частности: Великобритания, Канада, Израиль, Новая Зеландия, Швеция и др.

– к необязательным (явным) признакам также относится и государственная символика в виде Государственного флага, Государственного гимна и Государственного герба, определенная законодательством государства, и, выражающая государственный суверенитет и независимость страны.

В главном документе нашего государства, в статье 70 Конституции Российской Федерации записано: «Государственные флаг, герб и гимн Российской Федерации, их описание и порядок официального использования устанавливаются федеральным конституционным законом»[1].

Государственные символы России – это установленные федеральными конституционными законами отличительные знаки страны, которые олицетворяют её национальный суверенитет и самобытность[2].

Государственный флаг – «прямоугольное полотнище из трёх равновеликих горизонтальных полос: верхней – белого, средней – синего и нижней – красного цвета. Отношение ширины флага к его длине – 2:3» (утвержден Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 25 декабря 2000 года № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации»)[3].

Первое появление трехцветного флага России, триколора (с ярким полосами белого, синего, красного цвета) датируется XVII веком, а именно, в 1669 году флаг был поднят на военном корабле «Орел», заложенном 29 июня 1667 года по Указу царя Алексея Михайловича для защиты торговых путей в Каспийском море. Корабль имел на вооружении 22 пушки и внушительные для того времени габариты, 25 метров в длину и 6,5 метров в ширину, был построен по образцу западноевропейских судов, напоминая конструкцией двухпалубные трехмачтовые голландские военные корабли, лучшие в своем классе того времени. Дальнейшее развитие история флага российского (триколора) получила при Петре I. В 1705 году император самолично начертал расположение полос и приказал использовать трехцветный флаг на всех торговых судах, закрепив это решение своим высочайшим Указом. В те далекие петровские времена российской истории белый цвет символизировал свободу, независимость, чистоту и мир (белый голубь мира). Синий цвет – символ веры, духовности, святого заступничества матери Богородицы (синие купола церкви Пресвятой Богородицы), покровительницы Святой Руси. Красный цвет – мужество, богатство, достоинство, героизм, готовность к самопожертвованию за Державу и цвет крови, пролитой за Отечество.

Такие же цвета можно было увидеть на флагах ряда европейских стран, например, Сербии, Словении, Словакии, Хорватии, Чехии, что подчеркивало близость, общие исторические корни и единое социокультурное пространство славянских народов.

Причем, что интересно, красный цвет на флагах разных стран можно рассматривать в разном контексте, он может быть символом страсти и любви, а может символизировать тревогу и опасность, а возможно и агрессию. Разные культуры по-разному интерпретируют понимание того же красного цвета, так, например, восточная культура представляет красный цвет как индикатор счастья, удачи, роскоши, богатства (много красного и золотого), а для западной культуры красный цвет – это символ опасности и тревоги, что говорит о двойственной природе символов. Наряду с Государственным флагом Российской Федерации и Государственным гимном Российской Федерации Государственный герб является официальный государственным символом Российской Федерации.

***Государственный гер*б** – «четырёхугольный, с закруглёнными нижними углами, заострённый в оконечности красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх расправленные крылья. Орёл увенчан двумя малыми коронами и – над ними – одной большой короной, соединёнными лентой. В правой лапе орла – скипетр, в левой – держава. На груди орла, в красном щите, – серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьём чёрного, опрокинутого навзничь и попранного конём дракона»[4].

---

[1] Конституция Российской Федерации. Основной закон. – URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 20.10.2025).

[2] Государственные символы России. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственные_символы_России (дата обращения: 20.10.2025).

[3] О Государственном флаге Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2025). – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/16406 (дата обращения: 20.10.2025).

[4] О Государственном гербе Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1993 г. № 2050. – URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 20.10.2025).

Государственный гимн – торжественное патриотическое музыкальное произведение, торжественная песня (ода), признанная законодательством и руководством страны в качестве одного из государственных символов, посвящённая стране, Отчизне, Родине. Текст гимна носит патриотический смысл, показывая дань уважения историческим традициям страны и уважение к самому государству и народу страны. Современная редакция гимна на слова С.В. Михалкова и музыку А.В. Александрова была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 2000 года №2110[1].

Интересны исторические факты изменения одного из главных символов страны – гимна России с течением времени: начало было положено во времена царствования Императора Российского Павла I (1796-1801), чьим Указом был утвержден гимн Российской Империи «Коль славен наш Господь в Сионе» на музыку Д. Бартнянского и слова поэта М. Хераскова, но все же первым официальным гимном России в 1816 году стал гимн «Молитва русских» в виде измененного английского гимна «Боже, храни короля», текст которого был переведён Василием Жуковским (1783-1852), русским поэтом, одним из основоположников романтизма в русской поэзии. С 1833 по 1917 годы гимн, созданный Алексеем Львовым (1798-1870) – русским композитором и дирижером, на слова Василия Жуковского, с более привычным для нас названием «Боже, Царя храни» был по указанию царя Николая I объявлен государственным. В разное время с 1917 года фактически до 1944 года гимном России были и знаменитая французская «Марсельеза», и не менее знаменитый «Интернационал», но в том же военном 1944 году страна получила новый Государственный гимн, где создателями текста были Сергей Михалков (1913-2009) (советский и российский писатель, поэт, драматург, военный корреспондент, Герой Социалистического труда) и Гарольд Эль-Регистан (Габриэль Аршакович Уреклянц (1899-1945) – советский журналист, писатель, фронтовой корреспондент), а музыкальную мелодию предложил к прочтению Александр Александров (1883-1946) (русский и советский композитор, хормейстер, дирижер, автор музыки к знаменитой патриотической песне «Священная война», а также музыки к гимну СССР и гимну Российской Федерации). Этот гимн стал той могучей силой, которая поднимала в атаку и сплачивала многонациональный советский народ. Именно тот гимн стал одним из истоков сегодняшнего бессмертного полка и современной редакции Государственного гимна Российской Федерации.

25 декабря 2000 года Федеральным конституционным законом Российской Федерации № 3-ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации» была утверждена сегодняшняя редакция гимна на музыку Александра Александрова, а Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря утвердил новый текст гимна на слова Сергея Михалкова.

Что касается других символов государства, то кроме Государственных символов (флаг, гимн, герб), к официальным символам России также относятся ***Знамя Победы*** *и* ***Георгиевская лента,*** несущие сакральный смысл, это не просто предметы, это что-то большее, вызывающие душевное волнение, гордость и уважение перед памятью поколений.

Знамя Победы — официальная реликвия страны и официальный символ, означает Великую победу многонационального народа Советского Союза и его Вооруженных Сил над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Георгиевская лента – символ Победы, означает доблесть и славу советской армии[2]. Практически для каждого русского человека и не только русского, Георгиевская лента неразрывно связана с Великим праздником, Днем Победы, а сама Победа долгих четыре года ковалась на полях сражений Великой Отечественной Войны, где воевали плечом к плечу русский и украинец, белорус и казах, латыш и узбек, грузин и армянин, представители всех национальностей, народностей и конфессий многонационального Советского Союза. Это важный народный символ, символ вечной памяти о подвигах и героизме защитников Родины в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, рассматривая и исследуя символы, мы приходим к выводу, что символы имеют различное и глубокое значение в понимании мультикультурного разнообразия современного мира. Символы окружаю нас в повседневной действительности, являясь частью общественного пространства, влияя на образ жизни, ценности общества. Традиции, символы, ритуалы и обряды в контекстном понимании, исторический опыт и память поколений формируют наше восприятие действительности в особенном социокультурном формате, где общая цель, стоящая перед современным обществом нашей страны, сохранить и сберечь богатства культуры и накопленные знания, формируя общую идентичность и сохраняя культурный код нации для последующей бережной передачи будущим поколениям. А такие явные Государственные символы, как Государственный герб, Государственный флаг и Государственный гимн служат символами единства, диалога культур, символом идентификации, общекультурной идентичности и глубинного чувства сопричастности к нации, народу и истории Великой страны, гордости и уважения к Отечеству.

[1] О тексте Государственного гимна Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2000 г. № 2110. – URL: http://www.kremlin.ru/ (дата обращения: 20.10.2025).

[2] – URL: https://ru.wikipedia.org (дата обращения: 20.10.2025).

Шаханов Вячеслав Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Shakhanov Vyacheslav Vladimirovich

candidate of law, docent, associate professor of the department of theory and history of state and law of the Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Символьный метод в контексте «уровневой» системы познания права

The symbolic method in the context of the «level» system of knowledge of law

Аннотация. В контексте «уровневой» системы научного познания каждый метод рассматривается в привязке к эмпирическому, теоретическому и метатеоретическому уровням (типам) познания. Символьный метод следует воспринимать как этап достижения теорией правовых символов стадии «зрелости», когда она «сжимается в метод». Такая методология характерна для метатеоретического уровня научного познания. Теория правовых символов еще находится в стадии формирования. Разработанность теории определяется не количеством проведенных исследований, а качеством конвенциональных выводов, достижением такого уровня обобщений, который позволит использовать теорию как самостоятельный инструмент познания.

Ключевые слова: символьный метод, символический метод, символ, знак, метатеория, метатеоретический уровень, метаязык, методология права, эпистемология

Annotation. In the context of the «level» system of scientific knowledge, each method is considered in relation to the empirical, theoretical, and metatheoretical levels (types) of knowledge. The symbolic method should be perceived as a stage in the theory of legal symbols' achievement of «maturity», when it «condenses into a method». This methodology is characteristic of the metatheoretical level of scientific knowledge. The theory of legal symbols is still in its infancy. The maturity of a theory is determined not by the quantity of research conducted, but by the quality of conventional conclusions, the achievement of a level of generalization that allows the theory to be used as an independent tool for knowledge.

Keywords: symbolic method, symbolic method, symbol, sign, metatheory, metatheoretical level, metalanguage, methodology of law, epistemology

Для цитирования: Шаханов В.В. Символьный метод в контексте «уровневой» системы познания права // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 491–495.

Юриспруденция является творением ума человеческого. Она представляет собой развивающуюся систему, которая имеет свои закономерности и принципиально познаваема. С этой целью используется система методов как общенаучных, так и частнонаучных (в т.ч. специально-юридических), составляющих методологию правовых исследований. Интерес к методологическим исследованиям в правоведении носит непроходящий характер, но имеет и свои «всплески» что позволяет говорить о неких «волнах» интереса правоведов к вопросам методологии[1]. В качестве одного из элементов этой методологии мы рас-

[1] См.: Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 32; Лапшин В.Е. Новая волна в исследовании методологических вопросов отечественной юриспруденции (Рец. на кн.: Метатеория и методология права и правопорядка : монография / кол. авторов ; под ред. д-ра юрид. наук А.В. Аверина, д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Давыдовой. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. 249 с.) // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2024. № 4 (28). С. 26.

смотрим символьный метод. Человек способен производить символы, придавать символическое значение окружающему его миру[1]. Здесь следует заметить, что в сфере научного знания используют и понятие «символический метод», в частности в математике[2] (в теории инвариантов) и электротехнике (для расчета электрических цепей переменного тока[3]). Полагаем, что применительно к юриспруденции название символьный метод предпочтительнее, так как термин «символический» создает иллюзию чего-то условного, незначительного, несущественного. Подобные характеристики явно противоречат существу юридического метода познания.

Символьный метод не упоминается в «классических» классификациях методологии права, но имеет шанс занять свое место в системе методов, только не в качестве самостоятельного, самостийного метода. Здесь нужно учесть, что в науке есть методы, использование которых возможно вне привязки к системе воззрений (конечно же этот посыл весьма условен), но есть и теории, обладающие методологическими свойствами. Причем методологическими свойствами должна обладать каждая теория, достигшая «зрелости». Достижение «зрелости» и есть одна из целей теории, так как именно в этой фазе она имеет наибольший объяснительный потенциал. Хотелось бы лишь уточнить, что прямого тождества между теорией и методом нет. Теория является источником методологических установок, требований и регулятивов, она резюмируется в метод[4]. Для выполнения методологической функции направленность теории должна быть преобразована из объяснительной в ориентационно-деятельностную[5].

Пищу для дальнейших размышления дает отмеченное А.Ф. Черданцевым деление систем на содержательные и формализованные. Символический язык, по его мнению, используется при создании формализованных систем, в то время как право «выражается естественным языком соответствующего народа»[6], т.е. представляет собой содержательную систему. При этом он уточняет, что формальная определенность права достигается использованием приемов юридической техники[7]. «Такого рода формализм не превращает право в формализованную систему, оно остается содержательной нормативной системой», - уточняет известный правовед[8]. Таким образом сферу проявления символизма нужно искать в формализованных системах. Формализованная модель фиксирует существенные аспекты объекта, отражая как внутреннюю структуру, так и взаимодействие с окружением. Полагаем, что к формализованным системам в полной мере можно отнести структуры, используемые для познания права, и прежде всего правовую эпистемологию. Метод входит в эпистемическую структуру исследовательской деятельности как способ включения фактов в теорию. А здесь, символизм, это не «гимн, герб и флаг», а элемент когнитивного механизма. Хотя, безусловно, наше знание о символах должно быть всесторонним, дабы выводы, которые мы сделаем, не могли быть охарактеризованы как «парадокс Геттиера».

Складывается впечатление о том, что все то, что пишут про символы, относится и к знакам. Такая двойственность изначально заложена практически во всех определениях термина «символ». Это не случайно, так как знак является формой выражения символа, а символ – это смысловое значение знаковой формы. Апогеем двойственности символа и знака выступает словосочетание «символический знак». С методологических позиций наибольшую ценность представляют не формальные (знаковые), а содержательные (смысловые) контексты правовых символов. Полагаем что символизм не в буквах и словах. Символизм проявляется в постановке вопросов, т. е. в самой проблематизации, в контекстах ответов на эти вопросы. Так символьный метод используется в юридической науке.

В законодательстве применяются другие формы выражения данного метода. Это может быть изменение порядка расположения правовых институтов во вновь принятом законодательном акте по сравнению с предыдущим, регулировавшим те же самые общественные отношения. Например, в Гражданском кодексе РФ 1994-го года изменился порядок расположения норм, регулирующих наследование по закону и наследование по завещанию по сравнению с ранее действующих кодифицированным актом советской эпохи (ГК РСФСР 1964 г.)[9]. С точки зрения правового регулирования в данной сфере ничего не изменилось – приоритет при решении вопроса о порядке наследования как был, так и остался за наследованием по завещанию. Изменение порядка расположения статей говорит в торжестве либеральных идей, по-

[1] См.: Маркарян Э.С. О значении разработки основ общей культурологической теории для формирования идеологии самосохранения человечества // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А.В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 123.

[2] «Символический метод получил такое название, поскольку в нем оригиналы (синусоидальные функции) заменяются своими символами (комплексными числами или векторами на комплексной плоскости)» (Баврин И.И., Исмагилова Е.И. Комплексные числа в задачах по физике // Наука и школа. 2008. № 4. С. 34).

[3] Его альтернативное название – метод комплексных амплитуд.

[4] См.: Кохановский В.П. Философия науки: учебник для аспирантуры и магистратуры / В.П. Кохановский, В.И. Пржиленский, Е.А. Сергодеева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 114.

[5] См.: Кохановский В.П. Указ. соч. С. 114.

[6] Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 267.

[7] См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 268.

[8] См.: Черданцев А.Ф. Там же. С. 268.

[9] В ГК РФ нормы наследования по завещанию расположены перед нормами, регулирующими наследование по закону. В ГК РСФСР 1964 г. нормы наследования по закону предшествовали нормам наследования по завещанию.

лучивших закрепление в Конституции РФ 1993 года (закрепление свободы во всех ее проявлениях, что выражается и в свободе завещания).

Как следствие использования символьного метода в законодательстве можно рассматривать изменение акцента в ключевых (применительно к данному закону) законодательных дефинициях. Например, сравнивая понятие местного самоуправления в трех последовательно сменяющих друг друга законах о местном самоуправлении можно обнаружить следующую «схему» смещения акцентов в изменении роли граждан в местном самоуправлении: деятельность населения (в законе 1995 г.[1]) – форма осуществления народом своей власти (в законе 2003 г.[2]) – форма самоорганизации граждан (в законе 2025 г.[3]).

Принципиальным для изучения методологических свойств теории правовых символов имеет отнесение символических языков к метаязыкам[4]. Возникает закономерный вопрос о том, что понимать под метаязыком[5] и какова его роль в юриспруденции[6]? Определение данному термину дается в различных словарях и в общем плане сводится к тому, что это язык (язык второго уровня), предназначенный для изучения или описания другого языка (объектного языка или языка первого уровня). Здесь нужно учесть, что сама модель метаязыкового формата зародилась в математике и логике. Будучи заимствованной другими сферами научного знания, эта модель получила достаточно разнообразные интерпретации и коннотации. В гуманитарных науках достаточно сложно, а быть может и невозможно найти метаязык в строгом, «математическом» смысле[7]. Сейчас «широким фронтом» идет отказ от фундаментализма в рамках формирующихся неклассических традиций (неклассическая юриспруденция, неклассическая эпистемология[8] и т.п.). Бессмысленно испытывать внутренние душевные волнения, отказываясь от идеи о существовании некоторых неизменных норм, позволяющих выделять и обосновывать знание (т.е. от фундаментализма). Это не означает, что можно «терять под ногами почву». Должен присутствовать фундамент, но не нужно настаивать на фундаментализме. Возможно, что в омуте различных «переходов» и «разворотов» сопровождающих как науку в целом, так и юридическую науку в частности, найдутся варианты метаязыкового многообразия. Тем не менее, исходя из необходимости наличия общего фундамента, мы предлагаем найти место метаязыку в системе научного познания, а не просто в научном познании. Метаязык в гуманитарной сфере, это не язык слов, а язык смыслов. Он не может здесь иметь исключительно логическую интерпретацию и должен быть опосредован гносеологической теорией. Что же касается упомянутых «переходов» и «разворотов», то здесь тоже кроется символизм, который заключается в причинах изменения подходов в общей направленности исследований.

Необходимо ответить на вопрос о том, как соотносятся метаязык и метатеория? Функционал метатеорий заключается в обосновании «менее общих и менее фундаментальных теорий», а также в более глубоком объяснении «тех явлений и процессов, которые описываются в менее общих по отношению к ним теориях»[9]. Полагаем, что метаязык и метатеорию следует рассматривать как звенья одной цепи (т.е. метаязык как язык метатеории). Чтобы это сделать нужно рассуждать системно, а сделать это можно только разработав эту систему или приняв за основу уже существующую систему (фундамент).

Есть еще один существенный методологический посыл заключается в том, что символьные методы в технической сфере нельзя отождествлять с символизмом гуманитарной сферы. Они имею разную смысловую нагрузку. Так, в диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Роль символьных методов в задачах общего искусственного интеллекта» автор увидел эту роль в обеспечении «коммуникации как между машиной и человеком, так и между машинами»[10]. Хотелось бы отметить следующее. Философское опосредование должно опираясь на наиболее общие формы восприятия и инструментарий рефлексивного анализа, «возвышаться» над предметом исследования, а не «утопать» в нем. Нельзя смешивать знаковую и символьную формы восприятия.

---

[1] См.: ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1995 г., № 35, ст. 3506.

[2] См.: ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (частично утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2003 г., № 40, ст. 3822.

[3] См.: ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета. 2025. 26 марта.

[4] См.: Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. профессора В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 442.

[5] Об этом см., напр.: Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания: Монография. М.: Высш. школа, 1978. С. 62-63.

[6] Свою интерпретацию вариантов использования метаязыка в юриспруденции предлагает А.Ф. Черданцев (см.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 17-18).

[7] Так, ценность от признания языка науки метаязыком по отношению к языку практики, наверное, не очень велика, так как их несовпадение очевидно и без использования термина «метаязык».

[8] См. напр.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 7.

[9] Лебедев С.А. Уровневая методология науки: монография. М.: Проспект, 2023. С. 115.

[10] Ковалев М.А. Роль символьных методов в задачах общего искусственного интеллекта: автореф. дис. … канд. философ. наук. М., 2024. С. 11.

Такой подход допустим в собственно-технической сфере, где строй мысли «заточен» под решение осязаемых результатов, но этого следует избегать в гуманитарных науках, где акцент делается на сущностях анализируемых явлениях и очень ревностно относятся к разграничению смежных понятий. Решить задачу разделения гуманитарной и технической сфер восприятия автор обозначенного выше диссертационного исследования пытается путем выделения абстрактно-теоретического уровня использования символьных методов[1] и уровня их инженерной реализации[2]. Полагаем что это абсолютно правильное методологическое решение. Нам не удалось обнаружить лишь признаков обособления символов и знаков, что очевидно обусловлено повышенным вниманием к «практическим (инженерным) аспектам реализации процессов генезиса новых понятий, правил и знаков»[3].

Итак. Мы согласились с рассмотрением символьного метода в качестве метаязыка, но с учетом его привязки к метатеории. В качестве необходимого фундамента позволяющего рассматривать метаязык и метатеорию в определенной системе предлагаем использовать «уровневую» систему познания права. Она представляет собой интерпретированную применительно к праву и получившую дальнейшее развитие уже существующую систему научного познания[4]. Хотелось бы уточнить, что когнитивные модели в юриспруденции могут иметь различное терминологическое обличие, но, как правило, укладываются в логику взаимодействия трех элементов (аналогичных эмпирии, теории и метатеории). Первый – это инструмент восприятия информации, которая подвергается дальнейшему осмыслению, второй — механизм осмысления, сопоставления, и третий – это банк предустановленных ориентиров, доктринальных конвенций (инструмент достижения доктринального консенсуса)[5]. Каждый уровень познания имеет свою цель. Цель метатеоретического уровня научного познания – «анализ конкретных научных теорий на их внутреннюю логическую непротиворечивость, полноту, общенаучную и мировоззренческую значимость, практическую эффективность»[6]. Даже у философии есть свой метауровень – философия философии (метафилософия). Ее главная задача заключается в самопознании философии[7].

Инструментарий метатеоретического уровня позволяет устанавливать границы и направления для исследований, осуществляемых с использованием иных уровней (или типов) научного познания. В данном качестве могут применяться «отдельные метатеории, частнонаучная и общенаучная картина мира, идеалы и нормы научного исследования, философские основания науки»[8].

В контексте «уровневой» системы познания права каждый метод рассматривается в привязке к уровням (типам) научного познания: эмпирическому, теоретическому и метатеоретическому. На такую возможность неоднократно указывалось как в философской литературе (В.С. Степин[9], С.А. Лебедев[10]), так и в правовых исследованиях (В.М. Сырых, В.М. Баранов, В.Б. Першин, И.В. Першина[11]). Символьный метод следует рассматривать как элемент формализованной системы в контексте достижения теорией правовых символов стадии «зрелости», о чем уже говорилось выше. Такая методология характерна для метатеоретического уровня научного познания.

Теория правовых символов еще находится в стадии формирования. Разработанность теории определяется не количеством проведенных исследований, а качеством конвенциональных выводов, дости-

---

[1] Где под символьными методами предлагает понимать «процедуры манипулирования символами как многоуровневыми представлениями в понимании этого Аланом Ньюэллом и Гербертом Саймоном» (Ковалев М.А. Указ. соч. С. 15).

[2] Здесь символьные методы он использует как «совокупность инженерных решений, реализующих процедуры создания и преобразования смысловых выражений» (Ковалев М.А. Указ. соч. С. 15).

[3] Необходимость работы в этом направлении следует из раздела автореферата «Степень разработанности темы исследования» (см.: Ковалев М.А. Указ. соч. С. 8)

[4] См. об этом: Шаханов В.В. «Уровневая» система познания права как гносеологическая матрица юриспруденции // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 3. С. 18-31.

[5] См.: Шаханов В.В. Догма права в контексте «уровневой» системы познания права // Журнал российского права. 2025. № 8. С. 25.

[6] Лебедев С.А. Научный метод: история и теория: монография. М.: Проспект, 2020. С. 5-6.

[7] См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 3.

[8] Лебедев С.А. Указ. соч. С. 6.

[9] Так, В.С. Степин в качестве основных методов эмпирического уровня отмечает реальный эксперимент и реальное наблюдение. Особыми методами теоретического исследования, по его мнению, являются: «идеализация (метод построения идеализированного объекта); мысленный эксперимент с идеализированными объектами; особые методы построения теории (восхождение от абстрактного к конкретному, аксиоматический и гипотетико-дедуктивный методы); методы логического и исторического исследования и др.» (Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов / отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. Науч. ред. Т.Г. Щедрина. М.: Издательский дом Международного ун-та в Москве, 2006. С. 458).

[10] См.: Лебедев С.А. Уровневая методология науки: монография. М.: Проспект, 2023. – 208 с.

[11] По крайней мере применительно к эмпирическому и теоретическому уровням (см.: Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 79-87; Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Методология эмпирического правового исследования: основные понятия и дискуссионные вопросы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 21). Состав метатеоретического уровня и его методологических средств еще дискуссионен.

жением такого уровня обобщений, который позволяет использовать теорию как самостоятельный инструмент познания. Существенным вкладом в разработку теории правовых символов до стадии, позволяющей ее рассматривать в качестве самостоятельной методологии и является научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)».

Таким образом, в тезисной форме результат рассмотрения символьного метода в контексте «уровневой» системы познания выглядит следующим образом: 1) символьный метод является частью формализованной системы, используемой для познания права; 2) в методологической плоскости определяющими являются не формальные (знаковые), а содержательные (смысловые) контексты правовых символов; 3) отнесение символических языков к метаязыкам допустимо, но с поправкой на то, что метаязык в гуманитарной сфере, это не язык слов, а язык смыслов; 4) в качестве фундамента, позволяющего рассматривать метаязык и метатеорию в рамках определенной системы, может выступать «уровневая» система познания права; 5) символьный метод следует воспринимать как этап достижения теорией правовых символов стадии «зрелости», когда она «сжимается в метод».

Щербакова Мария Павловна

кандидат социологических наук, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нижегородской академии МВД России

Shcherbakova Maria Pavlovna

PhD in Sociological Sciences, deputy head of the department of social and humanitarian disciplines of the Department of management of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

E-mail: lasko79@rambler.ru

Механизм адекватной интерпретации символа в контексте формирования правосознания

The mechanism of adequate interpretation of a symbol in the context of the formation of legal consciousness

Аннотация. В статье представлено описание термина «символ», рассмотрен механизм интерпретации символа, проведен анализ характера его интерпретации, рассмотрены вопросы социального правоприменения символа.

Ключевые слова: общество, законы, правосознание, правовые символы, социальное взаимодействие, ответственность, индивидуальное восприятие, юридическая грамотность

Annotation. The article presents a description of the term «symbol», examines the mechanism of interpretation of the symbol, analyzes the nature of its interpretation, and considers issues of social application of the symbol.

Keyword. society, laws, legal consciousness, legal symbols, social interaction, responsibility, individual perception, legal literacy

Для цитирования: Щербакова М.П. Механизм адекватной интерпретации символа в контексте формирования правосознания // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 496–497.

Проблема толкования символа (формирования образа смыслового значения в определенной интерпретации) на протяжении ряда лет продолжает оставаться вопросом, вызывающим неизменный интерес.

Термин «символ», который означает «понятие», «условный знак», «предмет», «явление» или «действие», прочно зафиксирован в социальной жизнедеятельности, передается впоследствии новому поколению, сохраняя свой глубинный смысл.

Востребованность знаний о сущности понятия «символ» обусловлена неизменной актуальной значимостью данного понятия в контексте понимания истинной сути интерпретируемого, а повышение информативности содержательного образа, характеризующего символ, обеспечивает возможность правового регулирования его применения в практическом смысле.

Следует заметить, что механизм интерпретации представляет собой процесс наполняемости информативными значениями определенного смыслового образа путем прямого или опосредованного толкования «символа».

Трактовку «символа» как значимого образа, подлежащего правоприменению, необходимо анализировать исходя из компетентности интерпретирующего, средств (способов, приемов, техник, методов) интерпретации, своего личного восприятия, исключая возможность его спорного толкования.

Таким образом, «символ» имея чисто формальный характер, способен прояснять суть закона, интерпретировать его содержание. Следует заметить, что ассоциативная реакция на сущность «символа», нередко возникающая на рефлексивном уровне человеческого сознания, формирует устойчивое восприятие объекта, наделенного смыслом, с набором упорядоченных характеристик, тем самым происходит интерпретация интересующего символа. От ассоциативных процессов, аккумулирующих собира-

тельные признаки «символа», зависит адекватность и степень полноты его количественно-качественных характеристик.

Значительная роль отводится трактовке «символа» и содержательному воспроизведению его сущности путем распознавания его фрагментарного значения и конструирования смыслового контекста истинного значения. Этот процесс возникает в той же системе общественных отношений, в которой происходит переход предметного содержания сути «символа» в множественность смыслов[1], в контексте полисемантического значения элементов. Совокупность подлинных исключительных свойств «символа» станет не только парадигмой его уже известных значений, но и позволит сформировать правосознание субъекта, определить механизм адекватного правоприменения, набор новых персональных инструментов правовой реализации.

С этой целью осуществляется генезис структуры символа[2], позволяющий проникнуть в саму суть объекта, наделяя его символической значимостью, наделенной знаковостью, и предполагающей необходимость законотворческого закрепления в определенной культуре или сообществе. Как правило, проверка практикой истинности смыслового образа далеко не всегда может быть осуществлена сразу вслед за тем, как были получены результаты внедрения условных знаков, регулирующих правосознание общества, но лишь на основе интегрирования в правовую систему с соблюдением процедурного порядка использования.

Безусловно, для внедрения «символа» в регулирующую систему общественных отношений необходима не только его абстрактная интерпретация, но и конкретизированная форма «чистого» значения «символа», порожденная мыслительными знаковыми операциями интерпретирующего[3]. Поэтому, для ясного понимания интерпретируемого образа возникает задача раскрыть его категориальное значение.

Таким образом, в противоположность взглядам о спонтанности возникновения и функционирования «символа», его адекватная интерпретация позволяет регулировать общественные отношения, создавать дополнительные социальные ценности на законодательном уровне.

[1] См.: Гайденко, П. П. История греческой философии в ее связи с наукой / П. П. Гайденко. – Изд. 2-е, испр. – М.: URSS, 2009. – 262 с.

[2] См.: Исаенко, А. В. Символы евразийских протогосударств, их генезис / А. В. Исаенко // Евразийство и мир. – 2017. – № 1. – С. 113-129.

[3] Эльконин, Б. Д. Современность культурно-исторической психологии / Б. Д. Эльконин // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 118-133.

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ СИМВОЛИКИ

ПРОФЕССОРСКОЕ СОБРАНИЕ

Боголюбов Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Sergey Aleksandrovich Bogolyubov

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Head of the Department of Environmental and Agrarian Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

E- mail: bogolyubovsa@mail.ru

Символы и экологическое право

Symbols and environmental law

Аннотация. В контексте с экологическим правом символы имеют двуединое значение: 1) применительно к самой отрасли российского права, состоящей из природоресурсного права и природоохранного права, то есть символические знаки, цепочки в самом экологическом праве; 2) символы – знаки, представители экологического права, отражающие объекты и иные категории правовой охраны окружающей среды, участвующие в других явлениях государственно-правовой, обыденной жизни.

Обилие символов экологического характера в гербах публичных образований означает приверженность образам естественной природы, регулярность употребления терминологии и компонентов экологического права в житейском пространстве, в межгосударственных отношениях, использование авторитета природных символов для решения актуальных задач. Усложнение общественных отношений, механизмов публичного управления природопользованием, распространение больших данных содействуют символизации способов регулирования сферы охраны окружающей среды.

Ключевые слова: символизация экологического права через его принципы; терминология; геральдика; символы природы в правилах дорожного движения

Annotation. In the context of environmental law, symbols have a dual meaning: 1) in relation to the branch of Russian law itself, which consists of natural resource law and environmental protection law, i.e., symbolic signs and chains in environmental law itself; 2) symbols are signs and representatives of environmental law that reflect objects and other categories of legal protection of the environment, and are involved in other phenomena of state law and everyday life.

The abundance of environmental symbols in the coats of arms of public entities signifies a commitment to the images of natural nature, the regular use of terminology and components of environmental law in everyday life and interstate relations, and the use of the authority of natural symbols to address current challenges. The complexity of social relations, public management mechanisms for environmental management, and the proliferation of big data contribute to the symbolization of environmental regulation methods.

Keywords: symbolization of environmental law through its principles; terminology; heraldry; symbols of nature in traffic regulations

Для цитирования: Боголюбов С.А. Символы и экологическое право // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 498–502.

При всей многозначности понятия «символ»[1] он в контексте с экологическим правом имеет двуединое значение: 1) применительно к самой отрасли российского права, состоящей из природоресурсного права и природоохранного права, то есть символические знаки, цепочки в самом экологическом праве; 2) символы – представители экологического права, отражающие объекты и иные категории правовой охраны окружающей среды, участвующие в других явлениях государственно-правовой, а также обыденной жизни.

В становлении, развитии экологического права символы имеют как общее –для всех отраслей права, так и специфическое значение, обусловленное его относительной молодостью, сравнительной новизной, комплексным интегрирующим характером, сочетанием естественных и гуманитарных наук и знаний, распространением на значительный – широкий контингент правоприменителей, постоянно изменяющейся климатической, водной, иными сторонами экологической и, отчасти связанной с ними, социально-экономической, ситуациями.

Сама природа частично продолжает быть символом человека и ореолом его достойной жизни. А.Н. Радищев писал, что гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему не сулило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник[2].

Оставляя в стороне дискуссию о том, является ли человек частью окружающей среды или лишь субъектом ее охраны либо объектом ее сбережения, нельзя не признать их неразрывного единства, что получает подтверждение при правовом регулировании общественных отношений: в соответствии с преамбулой Закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» природная среда служит важнейшей составляющей окружающей среды, являющейся основой жизни на Земле.

В литературе неоднократно отмечались языковые особенности правового языка, превращающиеся порой в его символы[3], – документальность, ясность, точность и простота внешнего выражения мыслей законодателя, экономичность (скупость), логическая последовательность, беспристрастность, категоричность смысловых знаков – эти-то свойства правового, законодательного языка предполагают упрощенное закрепление в сознании граждан их содержания для того, чтобы требовать их неуклонного соблюдения, исполнения, применения посредством символов[4]. В исторической ретроспективе, в условиях и перспективе нарастания глобальных вызовов, угроз, усиливающейся деградации окружающей среды языковые символы ее охраны способствуют обеспечению необходимых для экологического правопорядка преемственности, стабильности, и, одновременно, взвешенной динамичности правовых предписаний[5].

Екатерина Вторая писала об Уложении Алексея Михайловича 1649 года: «слог почти везде ясен, прост и краток, с удовольствием слушаешь из него выписки, никто не ошибается в смысле того, что слышит, его выражения понятны самому посредственному уму»[6]. В силу этих вышеуказанных запросов читателей нормативных актов, правоприменителей и специальных требований к природопользователям экологическое право должно быть особенно понятным, более доступным для граждан, перманентно обрастать соответствующими маркерами, символизирующими его предписания, доводящими их до широкого потребителя[7].

Олицетворением, обозначением отрасли права становятся ее принципы. Среди двух с лишним десятков основных принципов законодательства об охране окружающей среды, предусмотренных в Законе об охране окружающей среды от 10 января 2002 года, некоторые из них могут быть выделены своей ла-

---

[1] Символ образ с переносным значением, предполагающий единство формы и содержания, передающий определенную информацию; Г. В. Ф. Гегель обращался к понятию символа как знака или образа, обладающего «значением» // Большая российская энциклопедия. Гл. ред. С.Л. Кравец; см. также: К. Г. Юнг. Символика духа. Цюрих. 1948.

[2] Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. 1979. С. 105.

[3] Никитин, А. В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники: Сборник статей / под ред. проф. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 440–450; Шалагинов, П. Д. Формы реализации функций правовых символов: понятие и виды / П. Д. Шалагинов, А. В. Никитин // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – М., 2007. – № 6. – С. 15–17; Давыдова, М. Л. Символические основы юридической техники // Доктринальные основы юридической техники/ отв. ред. проф. Н. А. Власенко. – М., 2010. – С. 252–263.

[4] Пиголкин А.С., Прянишников Е.А. Особенности языка законов; юридическая терминология: понятие и классификация // Язык закона. Под ред. А.С. Пиголкина (С.А. Боголюбов, И.Ф. Казьмин, Г. Т. Чернобель и др.). М. Юр. литература. 1990. С. 18-34, 63 и др.; Уваров, Л. В. Образ, символ, знак (анализ современного гносеологического символизма). – Минск, 1967; Ушаков, А. А. Очерки советской законодательной стилистики: учебное пособие. – Пермь, 1967. – 208 с. ; Боголюбов С.А. Стиль правовых актов // Советское государство и право. 1973. № 10.

[5] Вовк О. В. Знаки и символы в истории цивилизаций. – М., 2005; Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски. М. 2015; Кичигин Н.В. Минимизация и предупреждение эколого-правовых рисков // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 144-154.

[6] Развитие русского языка в ХУ – первой половине ХУ11 в. М. 1986. С. 47.

[7] Боголюбов С.А. Использование медиапространства для обнародования правовых актов // Язык, право и общество в координатах массмедиа. Сб. материалов Международной научно-практической конференции Под ред. И.В. Анненковой, Л.Р. Дускаевой (М.В. Залоило, А.А. Каширкина, Т.Я. Хабриева и др.) М. ИЗиСП, РАН, С. Пб. гос. университет. 2021.

пидарной обобщенностью, превратившись в нестандартные постулаты охраны природы, символизируя для многих физических и юридических лиц ее требования, – своеобразные символы экологического права. Среди них – соблюдение права каждого человека на благоприятную окружающую среду; сочетание экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства; ответственность органов публичной власти за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях; презумпция экологической опасности любой планируемой деятельности.

Обозначенные основные положения в виде принципов служат не только костяком, «скелетом», ведущими направлениями содержания и действия самого экологического права, но и в определенной мере означают его внешние символы, давая представления об основных требованиях, предпосылках, предпочтениях, путях дальнейшей символизации экологического права и законодательства. В условиях современного состояния эколого-правового сознания граждан, должностных лиц это может быть обнадеживающим и перспективным в деле воспитания их экологической культуры в соответствии с п. е[6)] ч. 1 ст. 114 Конституции РФ.

Для формирования символов хорошим строительным материалом в каждой отрасли права может служить набор терминов, а в экологическом праве, с учетом его вышеназванных особенностей, совокупность и уникальность его терминологического ряда, поскольку термин представляет понятие в соответствующей знаковой форме, являясь его носителем, внешним символом; именно поэтому терминологии экологического права уделяется неослабное внимание, посвящаются научные исследования[1]. Гаральд Киндерман полагает, что если адресатами нормативного акта является ограниченный круг специалистов, то не слишком важна его всеобщая понятность и можно приветствовать, например, в законе об охране окружающей среды точных химических формул и количественных данных[2]. Однако адресатами могут оказаться не предусмотренные заранее люди и трудно решаемой проблемой становится чрезмерное использование техницизмов, не всем понятных слов, не годящихся для обобщенных представлений о категориях экологического права (эпизоотия, гербициды, кадастр, животный организм, презумпция опасной деятельности, обременение, нетронутая полоса).

На повышенную трудность наталкивается символика технико-юридических частей актов экологического права и законодательства. Обоснованно писал И.Ф. Казьмин о том, что в тексте актов зачастую не повторяется содержание, заложенное в чертежах, схемах, рисунках, различного рода знаки и символы, а лишь имеются отсылки к ним; более того, иногда знак сам по себе служит условным символом целого нормативного предписания и в повседневной жизни заменяет словесный текст предписания, являясь его более сжатым и наглядным заменителем; своеобразной знаковой формой изложения правовой информации являются географические карты, географические знаки; чаще всего это имеет место в актах о границах и режиме особо охраняемых природных территорий, водоохранных и других выделяемых на местности зон, что повышает формальную определенность и четкость изложения, символизирует очерченность, масштаб ограничений[3].

В то же время, излишнее применение в нормативных актах техницизмов не способствует формированию правовых представлений, символов права. В Федеральном законе от 03.08.2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» используются выражения «пробиотические микроорганизмы», «микробиологическая порча» и др., не всегда понятные рядовому читателю. Не работают на создание символов нежелательные в принципе вульгаризмы: например, в ведомственных актах упомянуты «незаподсоченное насаждение», «необлесившаяся лесосека», «зажеребление конематок», которые перешли в правовые акты из лесопатологического и ветеринарного жаргона, не способствуя укрупнению понятий, символизации, закреплению необходимых для лучшего уяснения и понимания категорий экологического права.

Затруднению символизации терминов и положений экологического права служат не всегда удачные попытки расшифровки смыслов, употребления (для расцвечивания и облегчения чтения текстов) синонимии, снижающие однозначность правопонимания: «лесоохрана – лесная охрана, колхозный двор – семья колхозника, сельхозземли – земли сельскохозяйственного назначения, ветеринарный осмотр – ветеринарно-технический осмотр» не служат образованию однозначных символов в экологическом праве, допуская порой двусмысленности, не терпимые правилами юридической техники.

---

[1] Голиченков А.К. Эколого-правовой словарь // Экологическое право. 2002. № 4-6; 2004 № 1-4, 6; Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. 2017.

[2] Киндерман Г. Министерские директивы о законодательной технике. Сравнительное исследование регулирования в Федеративной республике Германии, в Австрии и Швейцарии. Берлин. 1968. С. 31-46.

[3] Казьмин, И. Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса – М. : Юридическая литература, 1986. – 192 с. ; Казьмин И.Ф. Научно-техническая терминология и другие техницизмы, употребляемые в законе // Язык закона. Под ред. А.С. Пиголкина (С.А. Боголюбов, И.Ф. Казьмин, Г. Т. Чернобель и др.). М. Юр. литература. 1990. С. 95-96; Смирнов, Л. В. Законотворческая техника в современной России : учебное пособие для вузов. – М.; Тула, 2006. – С. 83–94; Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. – 2019. – № 9. – С. 285–312; Исаков В. Б. Графический язык в праве. // Юрислингвистика. – 2020. – 17. – С. 12–15.

Предпринимаются попытки изобретения универсального языка с целью насыщения большим смысловым содержанием каждого воспринимаемого смыслового символа; сторонники здорового образа жизни требуют ответственности перед всеми живыми существами на Земле, уча жить на основе символов ЗОЖа; постоянно выдвигаются и обсуждаются идеи единства языка и символов законодательства для упрочения экономических, социальных, в том числе экологических, отношений в условиях нарастающих глобальных и региональных вызовов и угроз [1].

Вторую группу символов, связанных с экологией, составляют отражения компонентов правовой охраны окружающей среды, которые вне экологического права участвуют в формировании знаков государственной, правовой, обыденной жизни, становясь их непосредственной принадлежностью, приобретающей зачастую юридический характер. Составляющая весомую часть экологического права, давнее и весьма развитое природоресурсное право включает нормативные акты об охране, использовании земель, недр, лесов, вод, животного мира, содержащих возможности отражения этих объектов[2].

Главенствующим символом природной среды суждено быть земле, использованию и охране которой посвящено наибольшее количество нормативных актов природоресурсного права, поскольку эта важнейшая составная часть природы служит основой осуществления любой хозяйственной, иной деятельности, будучи средством производства в сельском и лесном хозяйстве и одновременно недвижимым имуществом.

Земля признается конституционной ценностью в прямом и переносном (обобщенном) смыслах. В соответствии с текстом гимна РФ, утвержденного ФКЗ от 25.12.2000 N 3-ФКЗ (ред. от 13.06.2023) "О Государственном гимне Российской Федерации" предусматривается: «От южных морей до полярного края / Раскинулись наши леса и поля. / Одна ты на свете! Одна ты такая - Хранимая Богом родная земля!». Обращает на себя внимание, что символ «земля» подразумевается здесь как родимая, своя (преамбула Конституции РФ) территория (ст. 4 Конституции РФ), и как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ч. 1 ст. 9 Конституции РФ), объект правовой охраны (ст. 3, 4 ЗК РФ), и как недвижимое имущество, объект права государственной, частной, муниципальной и иных форм собственности (ч. 2 ст. 9, ст. 36 Конституции, ст. 1 и др. ЗК РФ).

В геральдике ряда зарубежных стран присутствует символ, связанный с трудом в сельском хозяйстве, являющемся основным потребителем и загрязнителем природы, – серп с молотом, который использовался не только в гербе Союза ССР и гербах составлявших его Союзных Республик, но и в настоящее время отображается в геральдике Австрии, Великобритании и некоторых других государств[3]; международно-признанным символом медицины считается кусающая себя змея.

В гербах государств, организаций, юридических лиц обильно отображаются символы природной среды – горные вершины, озера, реки, моря, особенно получают распространение объекты животного мира – волки, кенгуру, цапли, аисты, нерпы, орлы разных видов, кони, медведи (бурые, белые, травоядные), тюлени, пчелы, змеи, ящуры, крокодилы, другие рептилии, иные земноводные, рыбы, чайки, утки, гуси. Не уступают и представители растительности – пальмы, ели, березы, кипарисы, розы, магнолии, кувшинки, саванна, прочие леса, лотосы, иные цветы, лепестки хмеля, барбариса и др.[4].

Применяется приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 25 января 2018 года № 22 «О порядке утверждения и использования символики федеральных государственных бюджетных учреждений, осуществляющих управление государственными природными заповедниками и национальными парками»; их наглядные обозначения присутствуют на щитах и схемах экологических троп, экскурсионных плакатах, информационных щитах и буклетах, туристических открытках и приглашениях, других официальных документах, демонстрируя краткость и доходчивость информации.

На основании ст. 8 «Официальные символы муниципальных образований» Федерального закона от 20.03.2025 N 33-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" муниципальные образования в соответствии с законодательством РФ и геральдическими правилами вправе устанавливать официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности; с учетом исторических и иных местных традиций от-

---

[1] Кичигин Н.В. Минимизация и предупреждение эколого-правовых рисков // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 144-154;.Григорьева О.Н. Цвет и запах закона. // Язык, право и общество в координатах массмедиа. Сб. материалов Международной научно-практической конференции Под ред. И.В. Анненковой, Л.Р. Дускаевой (С.А.\Боголюбов, М.В. Залоило, А.А. Каширкина, Т.Я. Хабриева и др.) М. ИЗиСП, РАН, С.Пб. гос. университет. 2021. С. 99-102; Ильина Ю.И. Эволюция языкового знака в связи с развитием технических средств коммуникации // Там же. С. 184-187; Королькова А.С. Здоровый образ жизни как объект негативной оценки в блогосфере // Там же. С. 2008-211; Лукашов Н.В., Лукашова С.С. Единство языка закона как условие обеспечения эффективности правового регулирования социальных отношений в условиях глобализации // Там же.

[2] Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. Государственная экологическая политика и документы стратегического планирования // Экологическое право. 2016. № 3.

[3] Кисилев, Г. Ф., Сперансов Н. Н.. Эмблемы мира и труда. М., 1968.

[4] Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997; Омельченко, В. В. Всадник, поражающий копьём дракона: знаки, образы, числа, слова, смыслы : от ветхозаветных времен до настоящего времени / В. В. Омельченко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Книгиздат, 2023. – 477 с.

дельные населенные пункты, входящие в состав муниципального образования, могут иметь официальные символы населенного пункта; получили распространение символы субъектов РФ**,** которые, как и муниципальные символы, зачастую используют представителей животного и растительного мира[1].

В Правилах дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 27.03.2025), в качестве символов широко применяются элементы и части природных ресурсов, прежде всего, земля: это – полоса земли, обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств, рассматриваемая в качестве дороги; в предупреждающих знаках земля изображается на знаке «неровная дорога», становясь символом ухабов, других впадин и выпуклостей, предупреждением водителей об опасностях; с землей связаны знаки «крутой подъем», «крутой спуск», «выезд на набережную», «искусственная неровность»; разумеется, в этих знаках земля применительно к экологии подразумевается опосредованно (в том числе, как объект, не допускающий загрязнения, порчи и т.п.), но в основном, как пространство для движения транспорта.

В качестве предупреждающих дорожных знаков используются и другие символы – обозначения природных объектов: «тоннель», «перегон скота», «дикие животные», «падение камней», «боковой ветер»; к запрещающим знакам относятся "движение гужевых повозок запрещено" (запряженных лошадью), "подача звукового сигнала запрещена" (звуковое загрязнение атмосферного воздуха). Знаки особых предписаний включают "зону с ограничением экологического класса механических транспортных средств, то есть место, с которого начинается территория (участок дороги), где запрещено движение механических транспортных средств, экологический класс которых, указанный в регистрационных документах на эти транспортные средства, ниже экологического класса, указанного на знаке, либо экологический класс которых не указан в регистрационных документах на эти транспортные средства" или "зону с ограничением экологического класса по видам транспортных средств"; знаки сервиса предусматривают "мойку автомобилей", "питьевую воду", "бассейн или пляж" (предполагающие требования водного законодательства); на знаках дополнительной информации (табличках) изображаются «опасная обочина», «влажное покрытие», "экологический класс транспортного средства".

Обилие символов экологического характера в гербах государственно-национальных, иных публичных образований, на прочих документах подтверждает приверженность физических и юридических лиц образам естественной природы, ее постоянное участие в их жизни, наглядность и регулярность употребления терминологии и компонентов экологического права не только в житейском, обыденном пространстве, но и в межгосударственных отношениях; человечество пытается не уйти от природной среды, цепляется за нее, стремится напоминать себе о ней хотя бы через ее символы, поддерживать ощущение неразрывной связи с окружающим природным миром, сокращать свое расстояние с ним, использовать авторитет природных символов для решения актуальных задач.

Дальнейшее отдаление от природы, усложнение общественных отношений, механизмов публичного управления природопользованием, охраной природных ресурсов, распространение больших данных в сфере экологии содействуют символизации способов регулирования общественных отношений в сфере охраны окружающей среды, а с помощью ее символов узнаванию юридических требований, усилению их стабильности и преемственности.

[1] Сапрыков, В**.** Крылатый барс Татарстана: Государственные символы республики // Наука и жизнь. – 1994. – № 10. – С. 26–31; Сапрыков, В. Белый лебедь – символ Удмуртии // Наука и жизнь. – 1994. – № 11. – С. 21–24; Юрьев, Э. И. Государственные символы Чувашской Республики. – Чебоксары, 1995.

Грачев Михаил Александорович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного университета им. Н.А.Добролюбова

Grachev Mikhail Alexandorovich

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Teaching Russian as a Native and Foreign Language of N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State University

E-mail: ma-grachev@mail.ru

Элементы криминальной субкультуры как символы переходных этапов истории России

Elements of the criminal subculture as symbols of the transitional stages of Russian history

Аннотация. В статье проанализированы элементы субкультуры криминального мира – арготизмы, пословицы и поговорки, татуировки, блатные песни, одежда, жесты и привычки, которые не только стали знаковыми во всех преступных группах, но и стали символами определённой переходной эпохи и активно употребляются представителями законопослушного общества. Показаны причины перехода и распространения элементов-символов в законопослушной среде.

Ключевые слова: символы, субкультура, арготизмы, пословицы и поговорки, татуировки, блатные песни, переходные периоды

Annotation. The article analyzes elements of the criminal subculture – argot, proverbs and sayings, tattoos, outlaw songs, clothing, gestures, and habits – which have become iconic in all criminal groups and symbols of a specific transitional era, actively used by law-abiding society. The reasons for the transition and spread of symbolic elements into the law-abiding environment are shown.

Keywords: symbols, subculture, argot, proverbs and sayings, tattoos, outlaw songs, transitional periods

Для цитирования: Грачев М.А. Элементы криминальной субкультуры как символы переходных этапов истории России // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 503–507.

Цель исследования – охарактеризовать разряды символов-элементов криминального мира, перешедших в законопослушную среду, выявить причины их функционирования и предложить меры борьбы с ними.

Под *криминальной субкультурой* понимается совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих деятельность криминальных сообществ, что способствует их живучести, сплочённости, криминальной активности и мобильности, преемственности поколений правонарушителей. Криминальная субкультура зеркально отражает жизнедеятельность лиц, объединившихся в преступные группы, придерживающиеся уголовных традиций и правил. К основным традициям и правилам, закреплённым криминальной субкультурой, относят следующие: представители криминального мира обязаны выделять долю в общеворовскую казну – *общак (общественное)*; запрещено поднимать руку на *вора в законе*; следует непримиримо относиться к предателям; нельзя признавать вину в совершённом преступлении; следует учить молодёжь традициям и правилам уголовной субкультуры; обязательно оказывать материальную помощь сотоварищам и их родственникам и т.п. Характерными признаками криминальной субкультуры называют: игнорирование общепринятых норм и ценностей; отражение в ней тюремных традиций; агрессивное, жестокое и циничное отношение к «чужим»; эксплуатация нижестоящих в системе криминальной стратификации, глумление над ними; неуважение прав собственников, выражающееся в кражах и вымогательствах; поощрение циничного отношения к лицам женского пола; поощрение любых форм асоциального поведения и др.

К элементам уголовной субкультуры криминологи относят: 1) законы, обычаи, нравы преступного мира; 2) установившуюся иерархию преступников; 3) арго; 4) клички; 5) татуировки и амулеты (обереги); 6) способы зашифровки и передачи информации; 7) жесты, знаки, сигналы; 8) клятвы и ритуалы; 9) симуляцию болезни; членовредительство; 10) меры поощрения и наказания; 11) уголовный фольклор: стихи, песни, пословицы, поговорки, мифология; 12) стиль в одежде и самовыражение преступников; 13) игры и способы времяпрепровождения; 14) преступные ценности и стандарты поведения (см. подробнее об этом в книге Пирожкова В. Ф. Криминальная психология. М., 2007). Сюда можно добавить воровские сказки и истории и в последнее время возникшую систему подчёркиваний в письмах, так называемые воровские *прогоны* (большое послание *воров в законе* основной массе осуждённых)[1].

Воры в законе, а также иные лица, имеющие высшие статусы в преступной иерархии, обеспечивают существование, воспроизводство и развитие криминальной субкультуры. Они организуют и регулируют деятельность её представителей.

Таким образом, в соответствии с традициями и правилами криминальной субкультуры, *воры в законе* занимают наивысший уровень в преступной иерархии. К высшим разрядам преступной иерархии относятся статусы *положенец, смотрящий, стремящийся*.

Известно, что именно в переходные периоды истории русского государства активизируется деятельность криминального элемента: увеличивается количество преступлений, причём как мелких, так и тяжких, с правоохранительные органы в силу либерализации законов не могут воздействовать на уголовный мир в должной степени, общественность разделилась во мнениях по отношению к преступному сообществу. В ряде случаев оно напрямую поддерживается некоторыми группами населения, как это случилось, например, во время бунта под предводительством С.Т. Разина, а в первые послереволюционные годы профессиональных преступников даже объявили близкими по социальному статусу большевикам, тем самым внося путаницу в отношение к ним в среду законопослушных граждан. Добавим при этом, что СМИ и художественная литература нередко популяризировали жизнь криминальных сообществ: Итогом всего этого явилось неправильное восприятие законопослушного общества воровских антиценностей.

1. **Арготизмы как символы переходных эпох:**

а) во время бунта С.Разина в общенародный русский язык перешли следующие слова: *сорынь на кичку* – боевой клич волжских разбойников; изначально приказ рядовым матросам, бурлакам – перебазироваться на носовую часть судна, пока нападающие не расправятся с хозяином, приказчиками и вооружённой охраной; *измываться* – «пытать при помощи холодной воды, *мошенник* – «вор, срезающий мошны; преступник»;

б) в 60-х гг. XIX в. *двурушник* – «нищий протягивающий две руки за подаянием», *липа* – «поддельный документ»», *очковтирательство* – «процесс обмана шулерами»;

в) 20-е гг. XX в. *свой* – «профессиональный преступник», *мурка* – агент уголовного розыска (МУРа), *блат* «использование знакомства для незаконных целей; *стукач* – предатель, *урка* – профессиональный преступник»; *туфта* – обман, ерунда. г) 80-90-е гг XX в.: *беспредел* – вопиющее нарушение воровских законов; *тусовка, тусоваться* « собираться в группы (компании) для общения»; *понятия, теневик*;

д) 10-е г. XXI в.: АУЕ – «*Арестантское уголовное единство*», вариант: «*Арестантское уркаганское единство*. Особенность всех указанных арготизмов состоит в том, что они активно переходят в общенародный язык или в территориальные диалекты.

Во многом процесс нейтрализации арготизмов связан с изменением функций лексики криминальных элементов, а также массовым влиянием арготизмов на общенародный русский язык. Важно подчеркнуть, что большинством населения многие арготизмы уже не воспринимаются как лексемы, пришедшие из криминального мира, см. примеры: *разборка* – разбирательство, *стрелка* – встреча, *забить стрелку* – договориться о встрече.

2. **Татуировки:** 20-е г. XX в. *Не забуду мать родную* - под *матерью* понималась воровская шайка, которая вскормила и воспитала профессионального преступника»; 30-50-е гг. XX в. – изображение распятого на кресте И. Христа – символ *вора в законе*; 50-е-70-е гг. XX в.; СЛОН – «смерть легавым от ножа»; ЛОРД – «легавым отомстят родные дети» восьмиконечные звёзды – изначально знак воров в законе, нарушителей режима ИТУ: на коленях – никогда не стану на колени; купола на церкви – количество судимостей или лет отбытия наказания; татуировка, изображающее сердце, пробитое стрелой: изначально «знак вора в законе» (60-е гг. XX в.).

В настоящее время также наблюдается любопытный криминальный процесс: проникновение «письменной» формы арго – татуировок в законопослушное общество (прежде всего в молодёжную среду). Причём воспринимаются они как один из видов искусства – боди-артом. Более того, молодые люди не видят (или не понимают?) физического и духовного вреда для себя и окружающих. За последние три года использование криминальных татуировок резко увеличилось. Некоторые молодые люди стали

[1] Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2007.

наносить рисунки и высказывания профессиональных уголовников на фаланги пальцев и даже на лицо. Заметим при этом, что многие тюремные татуировки не воспринимаются молодёжью как криминальные[1].

3. Пословицы и поговорки: первая половина XIX в.: *смелого ищи в тюрьме, а глупого в попах; голодный и архиерей украдёт; от сумы да от тюрьмы не отрекайся*; *без мата, туфты и аммонала не построили бы Беломорканала* (20-е гг. XX в.); *не верь, не бойся, не проси* (60-е -90 гг. XX в.).

4. Одежда и обувь как символы эпохи: 30-50-е гг. XX в. брюки, заправленные в сапоги – мода профессионального преступника; 50-е-60-е гг. фуражка на бочок; тельняшка вне зависимости от качества костюма – 20-70-е гг. XX в., 80-е г. XX в. – 2000-е гг., золотая цепочка на шее, малиновый пиджак.

5. Наличие **автомашины БМВ** – «боевая машина воров» (символ не только принадлежность к элите криминального мира, но и символ престижа и богатства у законопослушного населения в 90-е гг. XX века

6. Жесты: *распальцовка* (90-е г. XX в.), сидение на корточках на улице, даже если рядом имеется скамейка. Привычка уголовников: при этапировании из одной колонии в другую или из СИЗО в СИЗО, тюрьму – в любое ИУ с собой стул не захватишь. Поэтому осуждённый, арестованный, задержанный вынужден либо сидеть на земле, на полу (что *западло*), либо на корточках. Мода сидения на корточках настолько захватила молодёжь, что и девушки (!), даже не бывавшие в местах лишения свободы, сидели на корточках в 90-е-2000 гг. Заметим, что эта привычка сохранилась до сих пор среди отдельных групп молодёжи, напрямую или даже косвенно связанной с АУЕ.

7. Криминальные песни: конец XVIII – первая половина XIX вв. «Не шуми, мати зелёная дубровушка», конец XIX-нач. XX в. – «Солнце всходит и заходит…», «По диким степям Забайкалья…», 20-е-30-е гг. XX в. «Мурка», «Парень в кепке и зуб золотой», в 50-60-е гг. «Голубоглазая», в 80-90-е гг. «Окурочек» (автор Юз Алешковский). Многие из них ушли в народ и до сих пор являются хитами в определённых группах населения.

В настоящее время многие криминальные символы прошедших переходных эпох уже не осознаются как таковые: населением забыто их происхождение, изменены оттенки значений, эмоциональная окраска и проч. Хотя намёки на криминальное прошлое всё-таки остались. Рассмотрим основные причины этого процесса. К сожалению, российское законопослушное общество до сих пор так и не попыталось разобраться в истоках влияния субкультуры криминального мира.

Не случайно элементы арго ещё в 90-е гг. XX века гармонично вошли в язык современных журналистов, слились с так называемым новоязом. Российский профессиональный правонарушитель не станет добропорядочным, законопослушным предпринимателем, так как он не способен к обучению и находится в окружении таких же, как и он, *воров*. Более того, он отрицательно воздействует на часть законопослушных чиновников, которые так же начали употреблять арготизмы. Так, в речи коррупционных чиновников чрезвычайно много воровских словечек, см. примеры: *лапа* – взятка, *брать на лапу* – брать взятку, *откат* – взятка за услугу, размер которой определяется от суммы сделки и проч.

Ярким показателем принадлежности к криминальному символу является его использование в художественных произведениях. Вот пример из

повести «Призраки» (1864 г.) И.С. Тургенева:

"Высокий правый берег скоро начал воздыматься перед нами в полумраке. Показались крутые горы с большими расселинами. Мы приблизились к ним.

- Крикни: "*Сары'нь на ки'чку*!" - шепнула мне Эллис.

… я не хотел произнести роковые слова, я знал заранее, что в ответ на них появится… что-то чудовищное, - но губы мои раскрылись против воли, и я закричал, тоже против воли, слабым напряжённым голосом: "*Сарынь на кичку*!"

… и отовсюду поднялся оглушительный гам. Чего только не было в этом хаосе звуков: крики и визги, яростная ругань и хохот, хохот пуще всего, удары вёсел и топоров, треск как от взлома дверей и сундуков, скрып снастей и колёс, и лошадиное скакание, звон набата и лязг цепей, гарканье и топот плясски… "Бей! Вешай! Топи! Режь! Любо! Так! Не жалей!" - слышалось явственно, слышалось даже прерывистое дыхание запыхавшихся людей…

"Фролка! Где ты, пёс? - загремел страшный голос (С. Разина - М.Г.). - Зажигай со всех концов - да в топоры их, белоручек!"

Вот что навеяло И.С. Тургеневу выражение *са(о)ры'нь на ки'чку*.

Выражение *са(о)ры'нь на ки'чку* является ключевым фразеологизмом, своего рода символом, паролем эпохи и бунта С. Разина в 1667-1871 гг. Слово *са(о)ры'нь* впоследствии перешло в диалекты. Так, В. Даль утверждал, что оно функционировало как диалектизм в губерниях Волжского бассейна (в том числе и в Нижегородской губернии) и обозначало мальчишек-сорванцов и мелких преступников[2].

Борьба против субкультуры в русской истории была, но, как всегда, не поддержанная общественностью. Во всяком случае, всё начало XX века вплоть до революции характеризуется разнузданным исполнением блатных песен в кафешантанах, ресторанах и кабаках, наблюдается выход первых сборни-

[1] Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // Neophilology. 2022. т. 8. №. 2. С. 215.
[2] Грачев М.А. Словарь дореволюционного арго // Н.Новгород: ЖЕКО, 1991. С. 126.

ков воровских песен (см., например, «Маруся отравилась»). Русская литература если не восторгалась низами общества, то, по меньшей мере, лояльно относилась к ним. Вспомним рассказ А.М. Горького «Челкаш», очерк А.И. Куприна «Вор». И только отдельные писатели и учёные предупреждали о пагубном влиянии профессиональной уголовной романтики на общество. Это этнограф-писатель С.В. Максимов в научно-публицистической работе «Несчастные» (1872 г.), журналист Г. Брейтман в книге «Преступный мир» (1901 г.), П.П. Ильин в «Исследовании жаргона преступников» (1912 г.).

Значительная часть современного общества считает, что без нарушения законодательства Российской Федерации не разбогатеешь. Оно запугано уголовным миром: частые ограбления, изнасилования, кражи, взятки и – шире – коррупция, невозможность полноценно обороняться от грабителей (могут осудить за превышение обороны). С одной стороны, сильное влияние преступности на общество, с другой стороны, низкая общая культура. Отсюда – низкопробные кинофильмы-детективы на главных каналах страны, телепередачи, посвящённые уголовному миру (см., например, по первому каналу телевидения музыкально-песенную телепередачу «Три аккорда», где откровенно популяризируют криминальные песни с употреблением арготизмов). Законопослушный социум уже не воспринимает слова *беспредел, отстой, мент, тусовка, опустить* (кого-л.) как арготизмы. Об этом помнит только пожилое население, а молодёжь считает их вполне употребительными словами.

Некоторые общественные деятели и политики в 90-х гг. XX века пытались договориться с *ворами в законе*, чтобы те навели правовой порядок в стране (!). Даже серьёзные государственные газеты и ряд радикальных депутатов Государственной Думы пытались выявить отношение к этой идее в обществе. Общество отреагировало отрицательно. Переход и адаптация в законопослушном обществе символов эпохи распада государства (СССР) создали множество проблем в коммуникативно-этическом отношении между гражданами РФ. Современная Россия начинает постепенно решать эти проблемы в правовом ключе, например, в борьбе с иерархами криминального мира: *ворами в законе, положенцами, стремящимися, смотрящими* и проч. Но следовало бы ускорить этот процесс.

Подводя итог выше сказанному, можно констатировать, что многие элементы криминальной символики переходят в общенародную культуру и язык, являясь символом эпохи. И не только переходят, но и живут до сих пор. Конечно, некоторые из них архаизируются (примеры), другие же активно используются в законопослушном обществе.

Если идеологические аспекты сходны у жертвы и представителя криминального мира, то последнему легче навязать представителю законопослушной части общества свою субкультуру.

И здесь вполне уместно рассказать о так называемом **Стокго́льмском синдро́ме.** Под данным термином понимается описание защитно-бессознательной травматической связи, взаимной или односторонней симпатии, возникшей между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и/или применения угрозы или насилия. Под воздействием сильного переживания заложники начинают сочувствовать своим захватчикам, оправдывать их действия и, в конечном счёте, отождествлять себя с ними, перенимая их идеи и считая свою жертву *необходимой* для достижения «общей» цели[1].

Парадокс при *стокгольмском синдроме* заключается ещё и в том, что преступник убеждается в правоте своих действий. Как, например, в случае с русскими лесными разбойниками XVI–XIX веков, о которых крестьяне говорили, что те никогда не грабили бедного человека, а только богатых, часто не понимая, что грабить его нечего, если нет денег. Среди сельского населения было распространено мнение, что разбойники делились с крестьянами награбленным. А как же иначе? Они обязательно должны иметь в деревнях своих людей: наводчиков, пристанодержателей, фельдшеров, коновалов, любовниц и проч. Тем самым разбойники имели ореол защитников бедняков. То есть лесные преступники преследовали практическую цель. Точно так же как и беглые каторжники. См. строчки из известной старой каторжанской песни: «Хлебом кормили крестьянки меня, / Парни снабжали махоркой». То есть крестьяне задабривали беглых, чтобы те не сожгли деревню. Одними из таких криминальных «*добрых*» преступников были волжский и каспийский пират С. Разин, бандит Г. Котовский, грабитель Камо (Тер-Петросян).

Употребление языка криминальных элементов настолько увлекло общество, что оно стало считать в 20-х гг. XX века «*буржуями*» часть интеллигенции, которая не использовала в речи арготизмы и нецензурные выражения. Их «неиспользование» интеллигентной частью общества влекло за собой определённое недоверие со стороны пролетариата, вплоть до ареста ЧК. Преступники приветствуются законопослушным населением, если официальная власть совершает преступления гораздо чувствительнее в отношении законопослушного общества, чем сами уголовники.

З. Фрейд в своё время использовал слово *идентификация*, то есть жертва и преступник – это одно целое, а значит, применительно к нашему исследованию, жертва должна перенимать и духовные (а лучше сказать, контрпродуктивные) ценности. В распространении и адаптации криминальной субкультуры в законопослушной среде виноваты кино и Интернет. Например, до сих пор среди населения популярны сериалы «Бригада» (15 серий), «Ментовские войны» (11 серий). И зрители требуют продолжения. Продолжения того, как на протяжении всего сериала убивают, насилуют, грабят законопослушных лиц,

[1] Стокгольмский синдром. Что это, как он возникает, и кто становится его жертвами // b17.ru [сайт] URL: https://www.b17. ru/article/stockholmsyndrome/ (дата обращения: 24.12.2021)

издеваются над честными представителями правоохранительных органов и показывают торжество криминального мира. Регулярное использование арготизмов представителями власти, людьми, издающими законы страны, часто обращающихся к гражданам через средства СМИ (то есть через систему, которая все ещё считается гражданами Российской Федерации эталонной системой трансляции информации) оказывает несомненное влияние на сознание носителей русского языка. Если использование арготизмов в прямом эфире можно объяснить излишней эмоциональностью и неспособностью ораторов контролировать себя, то употребление лексем языка криминальных элементов в печатных СМИ и на сайтах информационных интернет-ресурсов не может быть оправдано только человеческим фактором. Любой авторский, а тем более публицистический текст проходит несколько стадий проверки перед попаданием на страницы информационных изданий[1].

Автором предлагается ряд мер по борьбе с субкультурой криминального мира.

В России имеются Центры по борьбе с экстремизмом, но нужна одна общая оперативно-тактическая научно-практическая Организация, которая бы занималась аналитикой и моментально реагировала на изменения в криминальной среде. В СМИ, кинофильмах и художественной литературе должна быть изменена характеристика криминального мира: ни в коем случае не должно быть восторженного к нему отношения среди писателей и журналистов. И в то же время должно быть объективно оцениваться труд правоохранительных органов, которые, не жалея времени и жизни, защищают граждан России от преступников.

[1] Адаптация арготических единиц в общенародном русском языке в XXI веке // Neophilology. 2022. т. 8. №. 2. С. 216

Гук Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор кафедры Правосудие ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

Guk Pavel Alexandrovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Justice FSBEI HE "Penza State University"

E-mail: pravosudiepenza@mail.ru

Символы в судебной деятельности

Symbols in judicial activity

Аннотация. Символы в судебной деятельности раскрывают особенности органов судебной власти, олицетворяют государственную власть в национальной правовой системе. Совокупность закрепленных в нормативных правовых актах символов образуют государственную символику судебной власти, которая реализуется непосредственно в судебной деятельности.

Ключевые слова: Государственный герб, Государственный флаг, Гимн России, мантия судьи, судья, судебная деятельность, судебная практика

Annotation. Symbols in judicial practice reveal the characteristics of judicial bodies and embody state authority within the national legal system. The set of symbols enshrined in regulatory legal acts constitutes the state symbols of the judiciary, which are directly implemented in judicial practice.

Keywords: State emblem, State flag, Russian anthem, judge's robe, judge, judicial activity, judicial practice

Для цитирования: Гук П.А. Символы в судебной деятельности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 508–512.

> Я никогда не имел дело с судом, но боле всего нравится у них эта педантичность, всякие формальности и процедуры, которых там придерживаются, даже если дело выеденного яйца не стоит. Это, понимаете ли, вызывает доверие к правосудию. Уж если у Фемиды в руках весы, пусть это будут весы аптекарские. А ежели меч, то пусть он будет остер, как бритва.
>
> *Карел Чапек рассказ «Игла»*

В юридической литературе термины «символ», «символ в праве», «правовой символ» имеют разное понимание, смысловое значение, но вместе с тем они определяют, показывают, раскрывают сущность правового явления, его ценность, предназначение в той или правовой (неправовой) сфере, влияние на сознание определенного круга людей, несут информационную, коммуникационную нагрузку в сфере общественных отношений.

Философская мысль рассматривает «символ (от греч. simbolon) – отличительный знак; знак, образ, воплощающий какую-либо идею; видимое, реже слышимое образование, которому определенная группа людей придает особый смысл, не связанный с сущностью этого образования»[1]. В словаре иностранных слов и выражений «символ – предмет, действие и т.п., служащие условными обозначениями какого-либо образа, понятия, идеи»[2]. Толковый словарь русского языка раскрывает: «символ – то, что служит условным знаком какого-нибудь понятия, явления, идеи»[3].

Символ в праве это определенный знак, действие служащие для определения порядка, процедуры при совершении общественно-значимых отношений.

По мнению А.В. Никитина «правовой символ – это охраняемый государством условный образ, отличительный знак, представляющий собой видимое либо слышимое ценностное образование, используе-

[1] Философский энциклопедический словарь. М., 1998. С. 413.
[2] Словарь иностранных слов и выражений. М., 2000. С. 566.
[3] Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 717.

мое в особом процедурном порядке, которому субъект правотворчества придает особый политико-правовой смысл, не связанный с сущностью этого образования»[1].

Встречаются в общественной жизни и неправовые символы основанные на аморальных жестах, жаргонах, рисунках, татуировках, которые не закреплены нормативно, но связаны с обычаями тех или иных слоев общества, народа.

М.Л. Давыдова считает, что «природа символов не однородна и предлагает выделить как минимум три группы: 1). Символы, закрепленные в официальных источниках права и охраняемых государством. 2). Символы, используемые в праве. 3). Символы, которые устанавливаются в законодательстве, не приобретая при этом правового характера»[2].

Следует добавить и символы, которые содержаться с сознании человека и используются устно, в его действиях включаются в систему правоотношений (например: символично, что это судья будет рассматривать данное дело; символичный судебный акт по делу; символично рассмотрения дела в определенную дату, время и так далее).

Общетеоретический аспект символа в полной мере относится к судебной власти, ее системе органов, деятельности, закрепляется, используется субъектами данной власти – судьями в судебной деятельности. В соответствии со статьей 10 Конституции РФ судебная власть является одной из ветвей государственной власти, а суды и судьи олицетворяют судебную власть, имеют государственную символику.

Так впервые, в статье 21 Символы судебной власти Закона РФ от 26 июня 1992г. (в актуальной редакции) «О статусе судей в Российской Федерации» определены следующие символы: Государственный флаг Российской Федерации (устанавливается на здании суда), в зале судебных заседаний помещаются изображение Государственного герба Российской Федерации и Государственный флаг Российской Федерации (ч. 1). При осуществлении правосудия судьи облачаются в мантии (ч. 2). Судьям федеральных судов выдаются удостоверения судьи, подписанные Президентом РФ. Мировым судьям удостоверения подписываются и выдаются в порядке, установленном законами субъектов РФ. Судьям, пребывающим в отставке, удостоверения судьи подписываются и выдаются председателем суда, в котором они работали в качестве судьи перед уходом в отставку (ч.3).

Удостоверения судьи Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, выдается Советом Федерации Федерального Собрания РФ, органом их назначившим и подписывается Председателем Совета Федерации Федерального Собрания РФ, а также вручается мантия и документы о назначении судьи, удостоверение (судьям Конституционного Суда)[3]. Это, по нашему мнению, установленный государственный церемониал вступления в должность вновь назначенного судьи в Конституционный Суд РФ, а не ритуал или обряд, как отдельные авторы хотят это представить.

ФКЗ от 21 июля 1994 (в актуальной редакции) «О Конституционном Суде Российской Федерации» в статье 114 Символы судебной власти Конституционного Суда Российской Федерации закрепил, что «На здании, занимаемом Конституционным Судом Российской Федерации, поднимается Государственный флаг Российской Федерации. В зале заседаний Конституционного Суда Российской Федерации находятся изображение Государственного герба Российской Федерации и Государственный флаг Российской Федерации. В служебном помещении судьи Конституционного Суда Российской Федерации устанавливается Государственный флаг Российской Федерации. Судьи Конституционного Суда Российской Федерации заседают в мантиях». У председателя Конституционного Суда РФ имеется отличительный нагрудный знак.

ФКЗ от 31 декабря 1996 (в актуальной редакции) «О судебной системе Российской Федерации» в статье 34 Символы государственной власти в судах закрепляет: 1. На зданиях судов устанавливается Государственный флаг Российской Федерации, а в зале судебных заседаний помещаются Государственный флаг Российской Федерации и изображение Государственного герба Российской Федерации. На зданиях судов может также устанавливаться флаг субъекта Российской Федерации, а в залах судебных заседаниях- устанавливаться флаг и помещаться изображение герба субъекта Российской Федерации. 2. При осуществлении правосудия судьи заседают в мантиях либо имеют другой отличительный знак своей должности.

Таким образом, можно выделить основные символы, нормативно закрепленные, судебной власти – Государственный флаг Российской Федерации, Государственный герб Российской Федерации, мантия судьи, удостоверение судьи, флаг и изображение герба субъекта Российской Федерации, и другие отли-

[1] Юридическая техника. Курс лекций / Под ред. В. М. Баранова, В.А. Толстика. М., 2012. С. 162.

[2] Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 290.

[3] См. например: Назначение судей Конституционного Суда РФ Калиновского К. и Тарибо Е. Советом Федерации ФС РФ от 16 июля 2025. Принимается Постановление Совета Федерации ФС РФ в отношении каждого кандидата, назначенные судьи Конституционного Суда РФ приносят в Совете Федерации ФС РФ присягу (звучит Государственный Гимн России), председатель Совета Федерации ФС РФ вручает им мантию и удостоверения судьи, документы о назначении судьей Конституционного Суда РФ // Сайты: РГУП им В.М. Лебедева; Совета Федерации ФС РФ. (дата обращения от 28.08.2025)

чительные знаки судейской должности (таблички, отличительный знак судьи (цепь с наименованием суда, должности) председатель Конституционного Суда РФ, мировой судья субъекта РФ).

Совокупность символов судебной власти образуют ее символику (выражение идей судебной власти, принципов, понятий правосудия, судоустройства, судопроизводства, судебной практики, судебных правовых позиций с помощью определенных разъяснений, пояснений, наглядных знаков, объектов, предметов) в осуществлении судебной деятельности.

Встречались символы и в Российский империи, которые определялись нормативными актами того времени. В ходе реализации судебной реформы и созданием института мировых судей императором Александром II был учрежден отличительный знак «Мировой судья». Судебные служащие имели установленную форму, знаки отличия. В судебных заседаниях, участвующие в деле судьи надевали особые нагрудные цепи, с золоченым изображением на нижнем конце Государственного герба, в залах суда был установлен герб Российской империи. Отличительные знаки судьи (медальоны, золоченные цепи) являлись символами в судебной деятельности, во-первых - определяли статус носителя, во-вторых - показывали источник власти судебной, чьим именем судит судья[1].

В Советском Союзе строились типовые задания районных судов, в залах судебных заседаний три кресла с высокими спинками для судьи и народных заседателей, на стене за судьей герб республики или Союза ССР, стол на возвышенности, столы сторон, прокурор в форменной одежде, судьи военных трибуналов и народные заседатели в военной форме, барьер для подсудимого, в дальнейшем установили железные клетки, решетки, и в современной России, символы приведены выше.

Символы в суде, судейские, имеет нормативное закрепление символа судебной власти – в Конституции РФ, ФКЗ «О судебной системе РФ», Законе РФ «О статусе судей в РФ» (государственный флаг РФ, герб), символика правосудия (мантия судьи, наименование судебных органов всех уровней, судебные акты с государственным гербом РФ – Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, печать судебных органов всех уровней), символичное решение суда вынесенное по делу, дело рассматривает опытный и беспристрастный судья, тоже символично для участников процесса.

Символы в судебной деятельности можно разделить на судейские и судебные:

судья – как символ рассмотрения дела (справедливый, не справедливый, обладающий определенными качествами необходимыми для судьи (см. например: Клеандров М.И. Правовая организация механизма правосудия. М., 2019. С. 169-180), его убеждение, основанное на собранных и проверенных доказательствах, его усмотрение, способное правильно выбрать норму права, принцип, договор, обычай, доктрину судебную для разрешения спорных отношений.

Судоустройство – система судебных органов в российской правовой системе. В соответствии с Конституцией России, федеральным законодательством созданы: Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, система судов общей юрисдикции, система арбитражных судов, мировые судьи субъектов РФ.

Судопроизводство – как символ технико-юридической судебной процедуры процессуального права, определяет установленный нормами права и правовыми позициями высшего суда порядок рассмотрения споров судебными органами, а судьи как субъекты в судебной деятельности обязаны обеспечивать и поддерживать установленный порядок, тем самым символизируя беспристрастность, законность и справедливость правосудия.

Судебная практика – как символ, обобщенного или конкретного результата рассмотрения дела, позволяющего обеспечивать единство и единообразие применения законодательства при рассмотрении аналогичных дел судьей в определенном виде судопроизводства. Судья как воплощение символа судебной деятельности при рассмотрении спора, установления факта по правилам судопроизводства принимает судебный акт – приговор, решение, постановление, определение, которое становится символом справедливого правосудия, но может быть и наоборот.

Символ правосудия судебной деятельности содержит такие элементы как судья, судоустройство, судопроизводство, судебная практика.

Указанные элементы находят свое закрепление в нормативных актах, правовых позициях высших судов (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ). Совокупность данных элементов символизируют правосудие в судебной деятельности национальной правовой системы.

Технико-юридическое закрепление символа в судебной деятельности имело место в Приложении к УПК РФ в 2002г. Образцы досудебных и судебных процессуальных документов, сочетались с процессуальными нормами. В последствии законодатель по ходатайствам правоохранительных органов (прокуратуры, следствия) исключил данные Приложения из УПК РФ.

В судебной деятельности судья как непосредственный представитель судебной власти, назначенный в установленном порядке, осуществляет свои полномочия, определенные процессуальным законодательством (УПК, ГПК, АПК, КАС, КоАП РФ), при этом судья как символ правосудия должен соблюдать государственную символику судебной власти (флаг, герб, находится в мантии в зале судебного заседа-

[1] См.: Символика права: происхождение и современность. Слайд выставка на основе издания «Символы правосудия: от античности до современности». Белгород, 2012.

ния при рассмотрении дел, надевать отличительный знак судьи, если таковой предусмотрен) в судебной деятельности.

Кроме нормативно закрепленных символов судебной власти, с осуществлением судебной деятельности непосредственно связаны такие символичные знаки, образы, судебные акты, документы которые олицетворяют положительный момент в такой деятельности, к ним можно отнести установленную систему судов символизирующую власть судебную в стране, судопроизводство обеспечивающие единый порядок рассмотрения дел (первая инстанция, апелляция, кассация, надзор), судья как центральная фигура в системе осуществления правосудия, обладающий определенными требования для его назначения (ст.119 Конституции РФ, ст. 4, 4.1, 5 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации») и качествами (справедливость, беспристрастность, обладать внутренним убеждением, усмотрением, а не произволом, умение вести судебный процесс, и не мало важным способность применять к спорным правоотношениям определенные источники права (нормы и принципы права, договоры, правовые позиции высших судов, обычаи, судебную доктрину) необходимыми для принятия законного и обоснованного судебного акта - символа справедливости.

Иногда встречается, такое бытующие в обществе мнение «Если этот судья будет рассматривать дело, значить будет все законно и обосновано, а решение справедливым. Это символично для данного дела». Бывает и другое мнение, тоже символичное, но противоположное первому.

Модель идеального судьи, предлагает разработать М.И. Клеандров, которая бы повысила требования к отбору на должность судьи, его судебной деятельности, привлечения к ответственности за допущенные нарушения, проступки при осуществлении своих полномочий[1]. Это в свою очередь и соблюдение установленной символики в судебной деятельности. Интересна идея предложенная Е.Н. Тонковым об идеальном и неидеальном судьи[2]. На наш взгляд необходимо концептуально сформировать требования к будущему кандидату в судьи и нормативно закрепить, с учетом современных вызовов и реалий времени. Для этого необходимо выработка новых определенных требований к назначаемому кандидату в судьи, с учетом научных исследований в данной области, практики назначения судей и прекращения их полномочий. Какими характерными чертами он должен обладать, способен ли он осуществлять правосудие, беспристрастно, справедливо, оперативно, самостоятельно составить обоснованный и процессуально законный судебный акт. Предполагаемый кандидат в судьи – это символ правосудия и судебной деятельности, а поэтому какие законные требования будут предъявляться к кандидату, какими качествами он будет обладать при осуществлении правосудия и вне служебной деятельности зависит авторитет судебной власти.

Для поддержания и обеспечения символики судебной власти существуют определенные регуляторы как процессуального характера, так и морально-нравственного.

Процессуальные регуляторы судебной деятельности закреплены нормах процессуальных кодексов, в которых определяется порядок, процедура рассмотрения тех или иных дел (уголовных, гражданских, административных, арбитражных, об административных правонарушениях) подсудных судье.

Рассмотрение определенных видов споров закреплено процессуальными кодексами (УПК, ГПК, АПК, КАС, КоАП РФ), а поэтому судья должен строго в соответствии с установленной процедурой, порядком осуществлять рассмотрение того или иного дела, и выносить соответствующий судебный акт – как символ окончания правового спора. Нарушение установленной процедуры рассмотрения дела (процессуальное, материальное нарушение, неправильное истолкование норм права без учета правовых позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ), влечет отмену судебного акта вышестоящей инстанцией.

Регулирование морально-нравственного поведения судьи определяется Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации», Кодексом судейской этики, допущенные судьей нарушения влекут дисциплинарную ответственность, вплоть до прекращения полномочий[3].

Конечно, символом судебной деятельности, на наш взгляд, также будет единообразная и последовательная судебная практика, которая формируется высшими судебными органами, ими обеспечивается, и находит свое закрепление в статье 126 Конституции РФ, ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации».

Такая положительная единообразная судебная практика должна учитываться судьей при выборе нормы права и ее толковании в рассматриваемом деле как это определено пунктом 3 части 3 статьи 310 КАС РФ, постановлениями Пленума Верховного Суда РФ № 23 от 19.12.2003 «О судебном решении», № 12 от 30.06.2020 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в

[1] См. Клеандров М.И. Правовая организация механизма правосудия: проблемы совершенствования. М., 2019. С. 165-256.

[2] Ромашов Р.А. Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право - язык и масштаб свободы. СПб., 2015. (Глава 6. Толкование права и свободы (Е.Н. Тонков) 6.4 Толкование свободы: идеальный судья Геркулес versus неидеальный судья Велес. С. 403-407).

[3] См. например: Гук П.А. Судебное правоприменение в современной России: общетеоретический аспект и реалии практики. Пенза, 2024. С. 87-100 (Нравственно-этические основания судебного правоприменения).

арбитражном суде апелляционной инстанции». Это в свою очередь формирует судебную доктрину обязательности правовых позиций высших судов, и определяет символику единства судебной практики в судебной деятельности.

В юридической литературе иногда терминологически, лексически, филологически или еще как-то некоторые авторы стараются придать устоявшимся терминам в судебной деятельности и судебной власти, в частности, какие-то не свойственные им понятия такие как: судебный перфоманс, обряд, ритуал и так далее, приводят цитаты из статьи и признают в судебном процессе наличие ритуалов, а сам процесс - судебным перфомансом[1]. Отчасти можно согласиться с авторами статей по поводу поднимаемых проблемных аспектов при осуществлении правосудия, но сравнивать судебный процесс как установленный порядок с «перформансом», ритуалом не допустимо, поскольку это разные по форме и содержанию процедуры, аналогия здесь не уместна и вредна для судебной деятельности.

Так, в словаре иностранных слов перформанс, перфоманс (анг. Performance - представление) – вид художественного творчества, объединяющий возможности изобразительного искусства и театра, характерный для дадаизма и концептуального искусства. Ритуал (лат. Ritualis обрядовый) – вид обряда, исторически сложившаяся форма сложного символического поведения, упорядоченная система действий при совершении какого-либо религиозного акт. Процесс (лат. Processus продвижение) – порядок рассмотрения дел в суде, судопроизводство[2].

Авторы, наверное, смотрят телевизионные постановочные «судебные шоу», некоторые фильмы показывающие судебные процессы, которые отличаются от реальной судебной деятельности и их как раз можно отнести к «судебному перфомансу», постановочному процессу, отождествлять же их, «судебным перформансом и ритуалами в суде», с судебными порядками, судебными процедурами закрепленными в нормативных процессуальных актах, крайне не корректно.

Конечно, любое научное исследование должно отвечать реальности времени и тем источникам, которые регулируют предмет познания, как научным, так и нормативно-правовым, а поэтому предание какой-то новой словесной оболочки устоявшимся в науке и практике терминам, на наш взгляд не приемлемо, что создает не нужный фон в такой тонкой сфере как судебная деятельность, где должна соблюдаться символика и символы судебной власти, судебные процедуры установленные нормативными актами.

[1] См. Акимова М.А., Тюменева Н.В. Символы судебной власти и ритуалы правосудия:
их перспективы в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 428–439; Моисеева Е. Встать суд идет! Судебный процесс как объект социологического анализа // Laboratorium. 2018.№ 10 (1). С. 29-50.

[2] Словарь иностранных слов и выражений. М., 2000. С. 463, 502, 539.

Журавлев Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Нижегородская академия МВД России

Zhuravlev Sergey Yurievich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: monah07@yandex.ru

Символы и смыслы криминалистической культуры

Symbols and Meanings of Forensic Culture

Аннотация. С позиции комплексного понимания криминалистической культуры и духовно-нравственных основ в жизни человека рассмотрены ключевые символы и смыслы, влияющие на процесс правоприменения и правотворчества. Символ рассматривается как узкое (емкое, компактное, краткое) или широкое (комплексное) выражение некоторого смысла. Обращается внимание на важность учета сферы, области, пространства в которых формируются, находят выражение различные символы в жизни людей. Предложен авторский перечень ключевых антагонистических символов и смыслов в жизни людей, обозначены рамки возникновения потребности в криминалистическом (правовом) знании, выделены особенности символов и смыслов с позиции криминалистической культуры правоприменения и правотворчества.

Ключевые слова: символ, смысл, криминалистическая культура правоприменения, криминалистическая культура правотворчества, след, информация, отображение, признак, криминальная реальность, следовое пространство, система доказательств, событие преступления, криминальная ситуация, ситуация расследования, версия, план, тактико-методический алгоритм

Annotation. From the perspective of a comprehensive understanding of forensic culture and the spiritual and moral foundations of human life, key symbols and meanings influencing law enforcement and lawmaking are examined. A symbol is considered as a narrow (succinct, compact, and brief) or broad (complex) expression of a certain meaning. Attention is drawn to the importance of considering the sphere, area, and space in which various symbols in people's lives are formed and expressed. The author offers a list of key antagonistic symbols and meanings in people's lives, outlines the framework for the emergence of the need for forensic (legal) knowledge, and highlights the characteristics of symbols and meanings from the perspective of the forensic culture of law enforcement and lawmaking.

Keywords: symbol, meaning, forensic culture of law enforcement, forensic culture of lawmaking, trace, information, display, sign, criminal reality, trace space, system of evidence, crime event, criminal situation, investigation situation, version, plan, tactical and methodological algorithm

Для цитирования: Журавлев С.Ю. Символы и смыслы криминалистической культуры // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 513–516.

Дискуссия о символах и смыслах криминалистической культуры предполагают самоопределение автора в вопросе о соотношении данных понятий. В нашем понимании символ – это узкое (емкое, компактное, краткое) или широкое (комплексное и даже, возможно, многофакторное) выражение некоторого смысла. При этом следует учитывать и дифференцировать те сферы, области, пространства в которых формируются, находят выражение, существуют различные символы в жизни людей.

Вероятнее всего наиболее распространенными сферами применения символов являются зрительная и слуховая. Видимые образы и стоящие за ними смыслы, а также воспринимаемые на слух команды и призывы, инструктажи и разговоры – это основная часть символической составляющей в жизни людей.

При этом янтра, как зрительный образ, и мантра, как воспринимаемое на слух и произносимое голосом выражение некоторого понимания реальности (как правило, внутренней), могут находится в очень сложном смысловом взаимовлиянии и выводить практикующего их адепта не только на ольфакторные (обонятельные), но и на тактильные, а в особых случаях и ментальные отражения реальности.

Безусловно запаховая и тактильная сферы в жизни человека могут иметь совершенно независимые проявления, например, запахи могут быть признаками определенного состояния человека (состояния алкогольного опьянения, состояния болезни) или его профессиональной принадлежности. Определен-

ные типы прикосновений и тактильных контактов – это целый мир в жизни людей, в том числе в сфере правоприменения, когда, например, легкий контакт с локтем правонарушителя позволяет полицейскому понять его последующие действия и квалифицированно предупредить нежелательное развитие ситуации, а если необходимо, задержать правонарушителя.

Символы ментальной сферы – это определенного рода знания, например, об объектах познания в некоторой профессии. На стыке с ментальной существует чувственно-эмоциональная сфера со всем многообразием осознанно-критических смыслов, а также смыслов, которые усвоены субъектом в опыте его земной жизни, в том числе в результате внешнего социально-психологического воздействия, которое может иметь злонамеренный характер.

Не следует забывать и о так называемой сфере «тонкого мира», духовной сфере, которая проецируется в жизни людей через такие символы и смыслы как:

– Бог и безбожие, то есть отрицание Христа и выдумывание своих смыслов;

– Рай и ад, например, как выражение содержания и результатов человеческой жизни;

– Крест и петля, как отражение Богоугодной устремленности или ограниченности помыслов и добрых дел конкретного человека;

– Ангел и бес, как проецируемое в земную жизнь понимание того чья проекция может найти воплощение в конкретном человеке;

– Молитва и заговор, как сущностное понимание вербального и ментального проявления человека в процессе его общения с «тонким миром».

Все многообразие проявлений человека в этой земной жизни можно выразить в некоторых понятийных символах с очень глубоким смыслом, который имеет диаметрально противоположное значение, а именно: разумность–безумие, рассуждение–верхоглядство, сердечность–теплохладность, совесть–бессовестность, святость–одержимость. Осознание указанных символов и смыслов выводит, ограждает человека от «сна разума, который рождает чудовищ» (Ф. Гойя). За «чудовищами в разуме», на смену возможности быть добродетельным, приходят страсти, грехи и злые дела, которые могут быть откровенно злонамеренными или легковесно-безответственными. Именно в этой точке и возникает потребность в криминалистическом знании.

В этом смысле криминалистика и продуцированная всем ее совокупным и смежным правовым знанием криминалистическая культура выступают, с одной стороны, как символ существования добра и зла, а также тех смыслов, которые стоят за рассмотренными выше категориями, а с другой стороны криминалистическая культура является символом устремленности людей к поиску правды, символом возможности восстановить в том или ином процессе (уголовном, гражданском, арбитражном, административном) обстоятельства происшедших событий, в которых произошло нарушение чьих-то прав, что выразилось в конкретном ущербе отдельному человеку, группе людей или природе.

Понятия (символы) выражающие смыслы криминалистической культуре достаточно обширны, но ключевыми являются категории «след» (материальный, идеальный, следы-процессы, следы состояния), информация (достоверная, непротиворечивая, относимая, достаточная, значимая), отображение (полное, фрагментарное), признак (общий, частный).

Криминалистическое понимание процесса взаимного влияния противоправной и правоприменительной деятельности позволяет выделять фазы противостоящих видов деятельности, их средства, предмет и итоги (результаты) деятельности. Для криминалиста объектом юридического познания всегда является криминальная реальность как символ существования преступного мира и смысловое наполнение следового пространства, в котором происходит расследование (следование по следам), раскрытие их смыслового содержания и превращение их в систему доказательств.

Производными, от указанного выше, символами и смыслами являются такие категории как событие преступления, криминальная ситуация, ситуация расследования (следственная, оперативно-розыскная), версия, план, тактико-методический алгоритм и т.д.

Ранее мы отмечали, что в умной, высокоинтеллектуальной части работы юриста, с позиции криминалистической культуры, необходимо сделать установку на такие базовые качества специалиста как разумность, совесть и глубокомыслие. Именно эти качества конкретного носителя криминалистического, и в целом правового, знания должны лежать в основе его деятельности. Также было отмечено, что субъект правоприменения, усвоив символ носителя криминалистической культуры, всегда исходит из того смысла, что особая внутренняя работа является ключевым условием эффективности его организационно-методических и тактико-технических решений[1].

Объективное переосмысление тех, кого можно назвать субъектами расследования, субъектами юридического познания не меняет самого смысла работы носителей криминалистической культуры. Они работают для восстановления справедливости в нарушенных общественных отношениях, разбираются в обстоятельствах причинения вреда людям и природе, превращая результаты своей работы в доказательства, применительно к различным правовым процессам.

[1] Журавлев, С.Ю. Элементы криминалистической культуры правоприменения как средства правовой аналитики // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 369-377.

Криминалистическая культура как символ правоприменения базируется не просто на понимании смыслов добра и зла, а на ясном видении организационно-методических и тактико-технических схем (методик) восстановлении справедливости в нарушенных общественных отношениях. В этих схемах-методиках акценты всегда делаются на понимание оставленных правонарушителем символов (следов). Из них затем извлекают смыслы для понимания криминальной реальности. Измененное состояние материальных объектов, отраженные образы и впечатления в сознании людей и в целом отражения в значительной части мира человеческих взаимоотношений это для криминалиста символы, из которых он должен извлечь смыслы криминальной реальности о происшедших событиях.

Символом и предвестником государства, права, судопроизводства, правоприменения, юриспруденции, да и самого понятия «криминалистика» является охотничье, в широком смысле, сыскное ремесло. Но так сложилось, что именно в рамках криминалистических исследований были созданы ключевые смыслы, которые отражают содержание особой деятельности по восстановлению справедливости в жизни людей, деятельности по обнаружению, расследованию и рассмотрению в суде обстоятельств нарушения права. Полагаем, что категория «криминалистическая культура» в смысле ее проявления, существования, реализации в сфере правоприменения и правотворчества (перспективный спектр наших исследований) является точным выражением сути тех качеств криминалиста и самой направленности работы любого правоприменителя и законодателя, которые обладают подобного рода культурой.

С позиции криминалистической культуры правоприменения, как символа юридического познания его смысл заключается в обнаружении и фиксации несоответствий между нормативными рамками поведения людей, обусловленного этими рамками должного развития социальных процессов и тем, что фактически имело место в реальных общественных отношениях, в том числе в частной и общественной жизни, реальном производстве, документообороте, процессе закупок, выборном процессе, биржевой деятельности, функционировании рынка недвижимости, цифровом пространстве[1].

По своему смыслу криминалистическая культура правоприменения как символ усвоенного криминалистического знания – это совокупность нравственных, познавательных и процедурных способностей носителя криминалистического знания (юриста), которые позволяют на основании частных отображений криминальной реальности понимать общий характер, детальное содержание и квалификационные особенности изучаемой преступной (противоправной) деятельности, а в ситуации когда нет явных следов преступления, а прослеживаются некоторые символы негативных смыслов в жизни некоторого региона, группы людей или отдельного человека, на основании анализа специфики общественных процессов, негативных тенденций в общественных отношениях, а также понимания основ криминальной деятельности в различных сферах производить методическое моделирование криминальных процедур с детализацией возможных последствий механизма следообразования в целях обнаружения следов противоправной деятельности[2].

Смысл криминалистической культуры правотворчества заключается в наличии совокупности нравственных, познавательных и процедурных способностей носителя криминалистического знания позволяющих ему на основании доктринального и сущностного анализа специфики общественных процессов, наблюдаемых негативных тенденций в общественных отношениях, также понимания основ криминальной деятельности в различных сферах производить методическое моделирование (формирование) и (или) трансформацию положений законодательства с учетом необходимости его использования в уголовном, гражданском, административном и ином процессе для восстановления справедливости в ситуациях нарушения права.

Ориентир на криминалистическое глубокомыслие как символ в правотворчестве заставляет задуматься о смыслах некоторых существующих несоответствий в праве применительно к объективной необходимости поиска правды в процессе юридического познания. Например, противоречия между заявленной в ст. 74 УПК РФ возможности использовать в качестве доказательств любые сведения и объективным требованием, как минимум, достоверности сведений, формирующих доказательственную базу.

Криминалистическая культура, как символ совокупности мировоззренческих профессиональных установок, которые предопределяют действия юриста, в первую очередь, подразумевает смысл ее направленности на совершенствование процесса профессионального мышления для принятия оптимальных решений, которые следует положить в основу поведения правоприменителя.

---

[1] Журавлев С.Ю. Криминалистическая культура правоприменения как инновационное развитие идеи Р.С. Белкина о целостности и комплексности криминалистического знания // Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «63-и криминалистические чтения» (Москва, 20 мая 2022 г.) : в 2 ч. / редкол. : Ю. В. Гаврилин, Б. Я. Гаврилов, С. Б. Россинский, Ю. В. Шпагина. – Москва : Академия управления МВД России, 2022. Ч. 1. С. 138-147.

[2] Журавлев С.Ю. О понятии «криминалистическая культура правоприменения» // **Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт:** сборник научных трудов. Ч.2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2020. С. 147-153.

Криминалистическое глубокомыслие как символ выражается в методических и тактических смыслах. Можно с уверенностью констатировать, что в деятельности лиц, занимающихся юридическим познанием, в контексте выяснения всех обстоятельств происшедших событий, реализуется несколько методических программ: а) методика работы с первичной информацией; б) методика криминалистического анализа; в) методика выдвижения и разработки версий; г) методика обоснования и формирования системы доказательств; д) тактико-методический алгоритм обоснования и реализации решения о проведении отдельного тактического действия или их взаимосвязанного комплекса.

В заключение отметим, что определенным мировоззренческим символом криминалистической культуры является наличие у юриста базовой разумности, рассудительности и совести. На основании этого формируется общее и специализированное криминалистическое (правовое) глубокомыслие, которое должно исключать качества «лукавого ума». Это является базовым символом и условием эффективной юридической деятельности, которая основывается на духовно-нравственных и профессионально специализированных смыслах.

Каминский Александр Маратович

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Удмуртской республики, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Kaminsky Alexander Maratovich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Udmurt Republic, Professor at the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Institute of Law, Social Management and Security, Udmurt State University

E-mail: kam2090@yandex.ru

Кожевникова Оксана Вячеславовна

кандидат психологических наук, доцент, эксперт Учебной лаборатории судебных экспертиз Института права, социального управления и безопасности, доцент кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Kozhevnikova Oksana Vyacheslavovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Expert at the Educational Forensic Laboratory, Institute of Law, Social Management and Security, Associate Professor at the Department of General Psychology, Udmurt State University

E-mail: mail-to@oksana-kozhevnikova.ru

Графические символы и компьютерный сленг в коммуникациях преступной субкультуры

Graphical Symbols and Computer Slang in Criminal Subculture Communications

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния и динамике некоторых видов коммуникаций в преступной субкультуре, возможностей использования графических символов и компьютерного сленга в преступной деятельности и необходимости их исследования для противодействия организованной преступности.

Ключевые слова: графические символы, компьютерный сленг, эмодзи, коммуникация, цифровизация, преступная субкультура

Annotation. The article is devoted to the analysis of the current state and dynamics of certain types of communications in criminal subculture, the possibilities of using graphical symbols and computer slang in criminal activities, and the necessity of their research to counteract organized crime.

Keywords: graphical symbols, computer slang, emoji, communication, digitalization, criminal subculture

Для цитирования: Каминиский А.М., Кожевникова О.В. Графические символы и компьютерный сленг в коммуникациях преступной субкультуры // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 517–523.

Вопросы коммуникации, интеракции, информации и информирования приобретают в современном обществе все большее значение. Этот бесспорный факт определяет построение деятельности во многих сферах функционирования социума. Преступная деятельность в этом плане не является исключением: более того, преступный мир является носителем специфической субкультуры, которая аккумулирует

в себе, в том числе, и специфические средства общения. «Важный элемент субкультуры профессиональных преступников – постоянное осуществление связи между ними и способы передачи информации»[1], что подчеркивают многие исследователи криминальной среды[2].

Вполне закономерно и то, что процессы информирования в современной практике выявления и раскрытия преступлений выступают объектом особого интереса криминалистики. На настоящий момент сложилась определенная теоретическая база таких исследований: «Судить об отражаемом, по информации о преступлении можно только в том случае, если отражение обладает содержательной стороной, если связь изменений с событием можно обнаружить, выявить, понять по содержанию этих изменений. Информация, как мера связи события и вызванных этим событием изменений в среде, не может существовать без материальной основы…вне информационного сигнала, под которым понимают единство материального носителя и средства передачи информации… Изменения – это информационный сигнал, имеющий свое содержание – информацию и форму выражения – информационный код»[3].

Развивая данное положение, М. К. Каминский отмечал, что: «Форма существования информации, выражаемая совокупностью характерных признаков, есть код информации. Важнейшей особенностью кода является его изменчивость во времени, но неизменность содержания информации при этом»[4].

Как указывает Г. Г. Камалова, на нынешний момент сложилась частная криминалистическая теория информирования[5]. В самом общем виде концептуальными положениями этой части криминалистической науки являются следующие: объектом криминалистики выступает взаимосвязь, взаимозависимость преступной деятельности и деятельности по выявлению и раскрытию преступлений. В процессе расследования преступления они выступают во взаимосвязи, и последнее обусловливает криминалистическую особенность их изучения. Преступная деятельность в ходе своего функционирования и развития отображает информацию о себе в измененных (преобразованных) состояниях объектов, на которые воздействовал субъект преступной деятельности. Эту отображенную информацию, существующую объективно, но потенциально, субъект, раскрывающий преступление, должен обнаружить, зафиксировать и перекодировать, дешифровать.

Таким образом, взаимосвязь системы преступной деятельности с системой деятельности по выявлению и раскрытию преступлений носит информационный характер, что требует выяснения сущности информирования. Необходимо учитывать, что существует несколько видов информирования, среди которых, в первую очередь, выделяется трансинформирование, то есть правильное информирование. Коды этого вида информирования линейны и непрерывны, что обеспечивает равенство информаций, находящихся в различных формах. Также имеют ценность иные типы и виды информирования, в частности: псевдоинформирование, дезинформирование, параинформирование и метаинформирование.

Еще одним распространенным видом информирования в преступной среде является использование в качестве средства коммуникации татуировок. В недалекие советские времена наличие у человека татуировок уголовно-воровского содержания характеризовало его внутренний мир, отношение к тем или иным моральным ценностям. Они свидетельствовали, как правило, либо о принадлежности лица к определенной категории преступников, либо о его месте и роли в преступной иерархии. «Татуировка рассматривается как индивидуальная особая примета. В криминалистике используется как идентифицирующий признак при описании личности, поскольку особенность изображения татуировки и его значение часто позволяют следователю, криминалисту, судебно-медицинскому эксперту установить личность преступника, пострадавшего или неопознанного трупа, а также может использоваться при опознании погибших»[6].

А. И. Гуров разделял уголовные татуировки на две группы: старые и новые. Первые характерны для рецидивистов 30–50-х годов. Новые связаны с изменением структуры уголовной среды, ее психологии и большей частью несут в себе сюжеты, работающие на эмоциональное восприятие. Но при этом часть рисунков прошлого по-прежнему хорошо известна и современным преступникам, что убеждает в преемственности уголовных традиций.

Следует отметить и тот существенный факт, что начиная с начала 80-х годов XX века татуировки постепенно утрачивают ту коммуникативную роль, которая ранее им отводилась. «Современные наиболее опытные профессиональные преступники стремятся не татуироваться и уничтожить старые рисунки,

---

[1] Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990. С. 184.

[2] См., например Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001. 418 с.

[3] Бекин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т.1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. с. 121.

[4] Каминский М.К, Каминский А.М. О деятельности, ее субъектах, следовой информации и кодах в судебной экспертизе // Судебная экспертиза: правовые и естественно-научные аспекты: сборник статей. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2020. С. 105

[5]Криминалистика: курс лекций для бакалавров / под ред. М.К. Каминского, А.М. Каминского. Ижевск: Jus est, 2012. С. 38

[6] Современные татуировки: классификация и криминалистическое значение : учебное пособие / И. В. Харченко,Н. Ю Дусева, А. А. Курин; под редакцией И. В. Харченко. Волгоград: ВА МВД России, 2024. 104 с.

что вполне объяснимо»[1]. Однако криминалистическое изучение татуировок необходимо продолжать, так как «распространение за последние 20 лет татуировок криминального и некриминального происхождения и расширение их номенклатуры ставят задачи по систематизации и типизации стилей и разновидностей современных татуировок, пересмотру методических подходов к их криминалистическому исследованию»[2].

Неудивительно, что интерес практических работников и ученых криминалистов к данной теме не угасает, о чем свидетельствует хотя бы выход в свет оригинального учебного пособия «Современные татуировки: классификация и криминалистическое значение» (Волгоград, 2024). Авторы данного учебного пособия классифицируют мотивы нанесения татуировок, приводят криминалистически значимые основания классификаций татуировок, способов их нанесения и удаления, расшифровку наиболее распространенных аббревиатур. Ими также классифицированы современные стили татуировок, которых насчитывается тридцать восемь. Что немаловажно, авторы пособия приводят примеры татуировок членов экстремистских организаций.

Особенно подчеркивается, что «в настоящее время значительно расширилась практика проведения исследований предметов и документов по запросам оперативно-розыскных органов и при назначении криминологических экспертиз по делам о преступном лидерстве, об организации и участии в деятельности преступных организаций, о пропаганде и публичном демонстрировании запрещенной атрибутики и символики»[3].

В качестве иллюстрации данного положения можно привести результаты исследований, проведенных по запросам СК. Специалисту было дано задание и поставлены следующие вопросы**:** *провести исследование характера и смыслового значения татуировок, нанесенных на тело _____, в том числе на предмет принадлежности к символике запрещенного на территории Российской Федерации международного общественного движения «АУЕ».* В исследовании, проведенном специалистом, отмечается, что изображения, имеющие символическое значение в криминальной субкультуре: надпись «Свобода», размещенная на фоне колючей проволоки; изображения восьмиконечных звезд в черно-белой цветовой гамме, сходные с изображением розы ветров. Совокупность представленных на исследование изображений с приведенными расшифровками их значений исключает возможность смыслового восприятия данного комплекса как имеющего исключительно художественный смысл, поскольку представленные изображения наделены смысловым содержанием, характеризующим их носителя как человека, поддерживающего криминальную субкультуру, отрицательно настроенного к сотрудникам правоохранительных органов.

Еще одним средством криминальных коммуникаций издавна был жаргон. Исследования последних лет позволяют констатировать тот факт, что уголовный жаргон как самостоятельная часть субкультуры имеет тенденцию к дальнейшему развитию и существенным изменениям. Компьютеризация и информатизация существенно изменяют все аспекты функционирования социума, в том числе и вербальное средство общения людей – язык, который под их воздействием приобретает новые грани и аспекты. Тенденция появления новых аспектов в языке как социальное явление распространяется не только на IT-специалистов и программистов, но и на большинство членов социума. В нашу повседневную жизнь прочно входят термины: «мессенджеры», «биткоины», «киберденьги», «майнинг», «мининг», «блокчейн», «фишинг» и т.д.

Таким образом, за относительно небольшой временной период возник компьютерный сленг – новое явление в русском языке, его создатели и носители – программисты, продвинутые компьютерщики, представители молодежи. Этот сленг «…позволяет специалистам в области программирования и не только понимать друг друга с полуслова. Благодаря знанию этого языка компьютерщики чувствуют себя членами некоторой замкнутой общности, обособленной от “непосвященных”»[4].

Однако чем глубже и прочнее компьютерные технологии внедряются в жизнедеятельность социума, тем шире компьютерный сленг внедряется в повседневный язык общества. А если это так, то приходится констатировать, что компьютерный сленг вплетается и в ткань преступной деятельности. «Как и любое глобальное явление в социуме, компьютеризация не могла не коснуться и сферы взаимовлияния преступной деятельности и деятельности по выявлению и расследованию преступлений, то есть той сферы, что составляет предмет мысли ученого-криминалиста»[5]. Все глубже внедряясь в различные

[1]Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990. С.187–188.

[2]Современные татуировки: классификация и криминалистическое значение: учебное пособие / И. В. Харченко, Н. Ю Дусева, А. А. Курин; под редакцией И. В. Харченко. Волгоград: ВА МВД России, 2024. 104 с.

[3] Шиков, А.А**.** Криминальная среда: основные понятия и терминология: толковый словарь / А. А. Шиков, А. В. Агарков, К. В. Капустин ; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. институт Федер. службы исполн. наказаний. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2024. С.4.

[4] Лихолитов П.В. Компьютерный жаргон // Русская речь. 1997. №3.

[5] Каминский М.К. Основы общей теории криминалистики. Курс лекций по криминалистике для бакалавров: учеб. пособие / под ред. М.К. Каминского, А.М. Каминского. 2-е изд., испр. и доп. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований. 2015. С. 4.

сферы человеческой жизни, «…компьютерные технологии представляют собой удобный инструмент и для действия злоумышленников. Для подобных преступлений не нужно ни физического усилия, ни физического контакта, ни постоянной слежки за объектом. Легче выдавать себя за другую личность, легче скрывать следы воздействия»[1]. Произошел стремительный скачок в развитии цифровых технологий, в том числе и в области экспертных исследований компьютерных и коммуникационных объектов.

В связи с этим Е. Р. Россинская предлагает концепцию новой частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Предметом этой науки могут служить закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений.

В последнее время наблюдается масштабная цифровизация криминальной сферы: вслед за правоотношениями купли-продажи, государственными услугами, избранием выборных должностных лиц и т.д., традиционно существовавшими в «материальном» формате, в пространство виртуальной коммуникации перемещаются платные сексуальные услуги, услуги по изготовлению поддельных документов и обналичиванию денежных средств, по продаже запрещенных товаров, в том числе оружия, наркотиков и др.[2] По оценкам специалистов, на конец третьего квартала 2024 года рынок даркнета (так называемого «теневого» сегмента глубокого интернета, используемого, в том числе, и с преступными целями[3]) оценивался почти в два миллиарда долларов[4].

В связи с этим актуальным становится всестороннее изучение новых средств осуществления преступной коммуникации, представляющих собой синтез графических символов и компьютерного сленга, среди которых можно выделить граффити, рекламирующие нелегальные сетевые ресурсы, логотипы маркетплейсов и отдельных интернет-магазинов, реализующих запрещенные товары и услуги. Ниже приведены некоторые из них:

Преступность в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием интернет-технологий приобрела такой размах, что ее организация потребовала выделения отдельной специализации – «трафаретчиков». В их задачи входит размещение красочных и ярких трафаретов, выполненных в молодежных стилях на стенах строений в посещаемых молодежью местах с целью привлечения будущих «закладчиков», которые составляют нижний уровень преступной иерархии и востребованы в преступной среде. Далее приведены примеры таких граффити.

Широко распространенным в виртуальном общении стал язык эмодзи. Термин «эмодзи» (от яп. 絵 э – «картинка» и 文字 модзи – «знак», «символ») используется для обозначения паралингвистических языковых средств – идеограмм (условных изображений, соответствующих определенной идее) и пиктограмм (знаков, обозначающих простейшие интернациональные понятия, значение которых передается с помощью схематичных рисунков). В основе этого графического языка переплелись символика японской манги, дорожные знаки и эмотиконы (известные также как «смайлики») – изображения эмоций существующими типографическими средствами.

---

[1] Каминский А.М., Русских Ж.А. Некоторые аспекты использования компьютерного сленга для решения задач расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Пермский юридический альманах. 2019. №2. С.665–672.

[2] Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Васильева О.В. Даркнет как ускользающая сфера правового регулирования // Юрислингвистика. 2019. No12. С. 11–13.

[3] Что такое глубокий и теневой интернет? https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/deep-web.

[4] Даркнет (теневой интернет, DarkNet) / Деловой портал TAdviser: Государство. Бизнес. ИТ. https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%94%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BD%D0%B5%D1%82_(%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82,_DarkNet).

Идея эмодзи возникла в конце 1990-х годов у японского дизайнера по имени Сигэтака Курита, разработавшего первую коллекцию из 176 символов для локального оператора мобильного интернета. Эти эмодзи были еще довольно примитивными и состояли из пиксельных графических изображений, похожих на пиктограммы, отображаемые на вывесках в общественных местах, таких как символ «не курить» или схематическое изображение поезда, указывающее на железнодорожную станцию или путь.

Спустя восемь лет команда по локализации программного обеспечения Google в сотрудничестве с Unicode внедрила эмодзи в качестве одобренного языка, используемого на компьютерных устройствах и мобильных телефонах компании. В 2008 году эмодзи стали частью программного кода Apple, разрабо-

тавшей, в свою очередь, дополнительные элементы[1]. С тех пор количество эмодзи с каждым годом неуклонно увеличивается: на 2025 год насчитывается 3790 символов. С 2014 года отмечается Всемирный день эмодзи (17 июля), а ежедневно в сетевой коммуникации используется не менее 10 миллионов эмодзи, при этом часть таких сообщений вообще не сопровождается каким-либо текстом в стандартном формате.

Соблюдая объективность исследования, отметим, что идея передачи криминального сообщения в графическом формате сама по себе не нова. Так, еще Артур Конан Дойл в одном из своих детективных рассказов описал ситуацию, когда преступниками использовался специфический шифр, где буквы алфавита заменялись рисунками человечков.

Однако необходимо подчеркнуть, что, если в «Пляшущих человечках» рисунок заменяет только одну букву алфавита и не может быть отнесен ни к идеограммам, ни к пиктограммам, то, как отмечалось выше, эмодзи аккумулируют в себе и обобщенные понятия, и отношение пишущего к явлению, то есть выполняют целый ряд функций. Так, Э.Л. Сидоренко перечисляет основные лингвистические функции эмодзи, в числе которых 1) дублирующая: значение используемого слова дублируется, усиливается; 2) заменяющая: эмодзи замещает слово, понятие или образ, подразумеваемые автором, но не использующиеся напрямую по разным причинам; 3) смыслообразующая: при помощи последовательности нескольких пиктограмм эмодзи выстраивается выражение или фраза, смысл которой может быть дешифрован; 4) функция изменения смысла вербального высказывания: с помощью эмодзи, добавляемому к фразе, значение последней может быть заменено от придания особой эмоциональной окраски до инверсии первоначального смысла фразы[2]. Широчайшее распространение эмодзи привело к появлению в сети толковых словарей, содержащих информацию о наиболее распространенных символах (например, https://www.emojiall.com/ru или https://emojipedia.org/). Однако, если для рядовых пользователей эмодзи – это, прежде всего, улыбающаяся рожица, или алое сердечко, или огонек, которые вставляются в текст или используются для выражения одобрения (или «лайка») в социальных сетях, то в преступной среде применяется совершенно иная система обозначений и интерпретаций, адекватная расшифровка которой требует особой подготовки специалиста[3].

Анализируя алгоритмы квалификации эмодзи-преступлений, Э.Л. Сидоренко выделяет три основных функции, которые выполняют эмодзи в контексте криминальной деятельности: эмодзи-угрозы, эмодзи-призывы к совершению противоправных действий, эмодзи-инструменты, облегчающие совершение преступления[4]. За рубежом университетские лингвисты, спецслужбы, госорганизации, чья деятельность направлена на превенцию девиантного поведения, разрабатывают специализированные словари эмодзи, чтобы упорядочить как деятельность по раскрытию преступлений, так и последующую судебную практику[5], так как единообразие в трактовке эмодзи на сегодняшний день отсутствует[6]. M.M. McMahon

[1] Evans V. The Emoji Code. How smiley faces, love hearts and thumbs up are changing the way we communicate. Michael O'Mara Books Ltd., 2017. 256 p.

[2] Сидоренко Э.Л. Эмодзи-преступления: типология и алгоритмы квалификации // Мировой судья. 2024. № 4. С. 14–19.

[3] Alhendi N., Baniamer A., Alsalamat N., Salameh M., Alanazi H. Emoji crimes on social media applications // Cogent Social Sciences. 2024. 10(1). P. 1–13.

[4] Сидоренко Э.Л. Там же

[5] Tenzer L. An Emoji Legal Dictionary // University of Pittsburgh Law Review. 2022. Vol. 1. P. 1–24.

Graham P.V. Emojis: An approach to interpretation // UC Law SF Communications and Entertainment Journal. 2024. № 2(46). P. 123–152.

Emoji Drug Code | Decoded – доступный для скачивания в разделе для родителей документ, содержащий расшифровку эмодзи, используемых при незаконном распространении психоактивных веществ, сайт Управления по борьбе с наркотиками (США) https://www.dea.gov/onepill/parents-and-caregivers

[6] Смирнова И.Г. Доверие как аксиологическая детерминанта процесса доказывания по уголовным делам: эмодзи как объект оценки судом / И.Г. Смирнова. 2024. Т. 18, № 5. С. 504–512.

отмечает, что применение преступниками современных средств коммуникации существенно осложняет работу полицейских, которые расследуют эти правонарушения: использование эмодзи в криминальном контексте крайне разнообразно, но их объединяет то, что эти знаки работают как код, понятный только членам преступной организации[1]. В этом плане эмодзи очень близки к языку бумажных заметок («pizzini»), которым пользовался бывший крестный отец сицилийской мафии Бернардо Провенцано: тексты, насыщенные грамматическими ошибками вперемешку с цифрами и кодированными выражениями, могли быть расшифрованы только самим автором[2].

На сегодняшний день все известные преступные группы – от незаконных торговцев из даркнета до последователей радикального исламизма – используют эмодзи в своих коммуникациях, при этом практически у каждой группировки есть свой собственный код. Так, если преступная организация захватывает заложников или занимается торговлей людьми, эмодзи «корона» используется для подтверждения того, что у банды есть жертва. Количество роз, отправленных в сообщении, обозначает сумму, которую нужно заплатить за похищенного. Для уличной банды эмодзи бегущего человека вместе с ножом или ножницами – это приказ ударить кого-то ножом, а эмодзи полицейского с пистолетом – это требование убить полицейского из пистолета. Отмечается, что наиболее изобретательными в плане применения эмодзи являются наркодилеры. Брокколи и деревья используются для заказа марихуаны, снеговик – для метамфетамина, а иглобрюхая рыба – для кокаина. Черный бильярдный шар с номером восемь или рюкзак позволяют указать вес продаваемого наркотического вещества. Иногда эмодзи бывает довольно трудно проинтерпретировать. Например, изображение таблетки имеет несколько значений: оно может быть использовано наркодилерами для продажи наркотиков, террористами для обсуждения ядов, а сторонниками идеологии превосходства белой расы для выявления идеологических врагов или вербовки в свои ряды[3].

Таким образом, средства коммуникации, сопровождающие преступную деятельность, развиваются параллельно с развитием средств коммуникации в социуме и их изучение должно быть использовано в деле борьбы с организованной преступностью.

[1] McMahon M.M., Kirley E.A. When cute becomes criminal: emoji, threats, and online grooming // Minnesota Journal of Law, Science and Technology. 2019. №21(1). P.37–92

[2] Pira, F. From «pizzini» to social media channel: The mediatic storytelling of mafia language // Forum Socjologiczne. 2018. № 9. P. 191–199.

[3] Criminal and violent extremist use of emojis: Joint Intelligence Bulletin. Central Florida Intelligence Exchange (CFIX), San Diego Law Enforcement Coordination Center (SD-LECC), Utah Statewide Information & Analysis Center (SIAC), 2020. 17 p. https://archive.org/stream/cfix-sdlecc-siac-jib-criminal-and-violent-extremist-use-of-emojis/%28U--FOUO%29%20CFIX_SDLECC_SIAC%20JIB%20-%20Criminal%20and%20Violent%20Extremist%20Use%20of%20Emojis2_djvu.txt.

Ковтун Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Kovtun Nikolai Nikolaievich

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ковтун Ирина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и земельного права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Kovtun Irina Sergeevna

PhD in law, Associate Professor of the Department of Environmental and Land National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: kovtunnnov@mail.ru

Символы фальшфасада российского правосудия[1]

Symbols of the false facade of Russian justice[2]

Аннотация. В работе, с позиций институционально-юридического подхода, анализируются суть и ценностно-содержательные признаки-свойства образа Фемиды – как символа правосудия, так и непосредственно его материального субъекта-носителя – правосудия современной России. В итоге, констатирована коллизионная двойственность должного и сущего, как в понимании собственно символа, так и отражаемого им институционального правового явления – национального правосудия.

Ключевые слова: Фемида, правосудие, символ, признаки-свойства, беспристрастность и справедливость, правда суда, процесса, итога

Annotation. In this work, from the perspective of the institutional-legal approach, the essence and value-based features of the image of Themis are analyzed, both as a symbol of justice and as the material subject-carrier of justice in modern Russia. As a result, the conflictual duality of the ought and the actual is stated, both in terms of the symbol itself and the institutional legal phenomenon it reflects – national justice.

Keywords: Themis, justice, symbol, features, impartiality and fairness, truth of the court, process, outcome

Для цитирования: Ковтун Н.Н., Ковтун И.С. Символы фальшфасада российского правосудия // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 524–533.

Уголовное судопроизводство как отрасль правовой, государственной деятельности в своем более чем тысячелетнем генезисе, безусловно, наработало или восприняло систему публично признаваемых и широко провозглашаемых символов, призванных, в том числе акцентировать, как индивидуально-ценностную суть отражаемого явления, так и не менее ценные идентификационные свойства его субъекта-носителя. Уголовное судопроизводство России в этом контексте не исключение. И для ясности в предмете исследования можно, конечно, «плодотворно» включиться в дискуссию либо о значимых, строго индивидуализированных признаках фундаментальной категории «символ», либо о вариативности проявления ее сущностных, ценностно-значимых свойств в таких, по идее, синонимических категориях

[1] Фальшфасад – временное сооружение, имитирующее реальный фасад здания во время строительных или реставрационных работ. Его задача – скрыть неприглядный вид здания, поддерживать эстетический облик среды, уменьшить визуальный дискомфорт для окружающих.

[2] A false facade is a temporary structure that mimics the real facade of a building during construction or restoration work. His task is to hide the unsightly appearance of the building, maintain the aesthetic appearance of the environment, and reduce visual discomfort for others.

как «знак», «эмблема», «художественный образ», «метафора», «миф»[1]. Однако мы конвенционально откажемся от подобного рода усилий.

Во-первых, в силу того, что эти моменты скорее предмет иной отрасли права, системно оперирующей институциональными смыслами государства и права. Во-вторых, рассуждать в целом о символах национального уголовного судопроизводства, особенно в контексте исторического подхода, несколько затруднительно, ибо, к примеру, символом процесса по «Русской правде» могут быть заявлены и ордалии, и «поле», и присяга, и гонение следа, хотя акцентирующим видится все же национально-ментальное стремление тяжущихся именно к Истине-Правде. С материальным символом последней, увы, не только тогда, но и сейчас никак не сложилось. Уголовный процесс по Судебникам 1497, 1550, 1589 гг., как его не исследуй, прежде всего, ментально являет символы «...слова и дела», пытки, дыбы, топора на плахе, и вновь с акцентуаций все той же ментально-ценностной Правды. И эти символы сути процесса, признаем, весьма материальны и осязаемы. Имперские символы процесса, практически от Зерцала Петра I[2] и до, максимально воспетых как правовой идеал, Судебных Уставов 1864 года, нормативно и высочайше оформились в знак особого рода – столба (Прове?) высочайшей незыблемой власти, обрамленного в знаке (в зависимости от того или иного контента) либо дубовыми листьями, либо именными вензелями самого императора[3].

Спорить о символах уголовного судопроизводства в контексте процесса по нормам УПК РСФСР 1922-1923 гг. идеологически вредно, ибо в контексте известного тезиса замнаркома юстиции Н. Крыленко: «Суд – это та же расправа, а расправа – это тот же суд», в качестве символа могут быть явлены и народный судья «...в пыльной буденовке», и его «...товарищ маузер». Символы-эмблемы, воспринятые НКВД-МГБ 1934-1953 гг., «...с мечем и змеей, кусающей свой хвост», в их известном смысловом понимании, мы в комментариях благоразумно опустим. Как и, не особо акцентируемые национальной доктриной, символы очередной «оттепели» или «застоя».

На современных правовых символах, напротив, остановимся более детально, оговорившись предварительно, что предмет непосредственного анализа не столько символы в целом (действующего) уголовного судопроизводства России, сколько правосудия – его центральной, определяющей части. Оговоримся и в том, что, несмотря на известный дуализм в научных суждениях, предметом внимания не будут являться такие явления как флаг, герб, мантия, удостоверение судьи (etc.), ибо, по букве закона[4], это символы не столько правосудия, сколько судебной власти; соответственно, всесильного государства, «...совместно властвующего» в интересах российского социума[5]. Тем более не символ, с позиций институционально-юридического подхода, предложенного И.В. Мальцевым, деревянный молоток судьи (при отправлении правосудия) и иные обрядно-ритуальные моменты процесса, связанные с особой формулой обращения к суду или с отдельными обрядными актами правосудия. И первые, и вторые, на наш взгляд, суть неотъемлемый элемент должной формы процесса – как установленного законом порядка, не более. В итоге, остается апеллировать разве что к образу Фемиды – богини и, практически общепризнанного, символа правосудия, украшающего собой и современные дворцы российского правосудия, и официальные сайты судов, и многие служебные кабинеты федеральных судей в качестве сакрального символа-атрибута особого «рукоположения» последних к священному праву судить.

Истоки данного символа, как акцентируют, в особых ценностно значимых характеристиках этого образа, которые наиболее полно и ярко олицетворяют искомую (божественную) идею «...суда», «...законного права судить», «...судить о Праве и Правде», «...судить строго по Правде». Как следствие, в большинстве стран англо-саксонской и континентальной системы права именно символ Фемиды несет в себе идею должного Правосудия и Правды суда. Воспринят этот символ и эти экзистенциальные смыслы и современным российским процессом, ибо категории Правды и Права: суть духовные скрепы и особый идентификационный код многонационального российского социума. Отсюда, остается разве что эмпирически верифицировать должное и сущее, как в сути и свойствах этого сакрального символа-образа, так и непосредственно практического правового явления-деятельности, имя которому российское правосудие.

---

[1] См., напр.: Баранов В.М., Давыдова М.Л. Правовая символизация (доктрина, практика, техника). Рецензия на монографию И.В. Мальцева «Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании» (Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2022, 256 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. №3 (59). С. 161-166; Гончарова Н.С. Символизм в праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 87-93; и др.

[2] Зерцало – трёхгранная призма с орлом наверху и с тремя указами Петра I на гранях (Указ о хранении прав гражданских от 17 апреля 1722 г.; Указ, регламентирующий поведение в судебных местах от 21 января 1724 г.; Указ о государственных уставах и их важности от 22 января 1724 г.). В Имперской России был непременной принадлежностью каждого присутственного судебного места.

[3] Подробнее см.: Насонов С.А. Знаки судебной реформы 1864 г. URL: file:///C:/Users/User/Desktop/Юр.техн-25/Знаки/Суд%20приставы.htm

[4] См.: статья 21 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

[5] См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб, 1904. С. 272, 275.

В качестве средств (анонсируемого) анализа, как представляется, должно принять именно те, предложенные И.В. Мальцевым, признаки символа, которые, во-первых, диалектически взаимосвязаны и с сутью исследуемого образа-символа, и с ценностным содержанием, отображаемого им правового явления. Во-вторых, как верно акцентирует тот же исследователь, именно наличие и система (диалектика) указанных признаков-свойств наиболее полно и объективно характеризует исследуемое явление именно как символ независимо от возможных допущений или того или иного контекста[1]. Среди данных признаков, напомним:

1. **Признак условности** (конвенциональности)[2]. Суть этого признака в конвенциональной согласованности субъектов познания, как в имени, образе символа и количестве (назначении) всех сущностных его атрибутов, максимально раскрывающих основу и характеристики отображаемого явления, так и в едином понимании сути того что собой представляет само указанное явление. Поэтому, закономерен вопрос: насколько данному признаку соответствуют имя, образ, атрибуты, декларируемые смыслы конвенционально-публичного символа Фемиды, столь широко явленного национальному правосудию и российскому гражданскому обществу.

С конвенциальной согласованностью в этих моментах, как выяснилось, дело обстоит достаточно сложно. И, прежде всего, в имени, образе символа и согласованности основных его атрибутов. Классическая Фемида, как общепризнанно, статная и достойная женщина, облеченная в мантию – символ особой, божественной власти. В левой ее руке (стороне чувственной, духовной, воспринимающей) весы – символ меры и справедливости. В правой (стороне действия, правого дела...) – обоюдоострый меч; символ духовной силы, высшего воздаяния, возмездия. На весах Правосудие беспристрастно и точно взвешивает деяние, добро и зло, доводы виновности и невиновности; как итог, у Фемиды-символа весы не уравновешены; чаша Истины-Правды всегда перевешивает. Обоюдоострый меч не только карает виновного и устраняет из процесса познания любую неправду, но и предупреждает (символизирует) о неотвратимости ответственности, возмездия. В одних национальных системах меч символа направлен острием вверх (по образу римской Богини-Юстиции) – к небесам, к высочайшей божественной Правде; в иных – вниз; тем не менее, он всегда обязателен, ибо отсутствие меча – символ бессилия Права и Правосудия. Повязка на глазах Фемиды символизирует полную беспристрастность и справедливость процесса. Суд не взирает на тяжущихся, на их социальное, имущественное положение. Суд внемлет исключительно фактам, Праву и Правде, беспристрастно выслушивая, взвешивая доводы сторон. Отсюда и публичные содержательно-ценностные идеи-принципы (символы) должного правосудия – беспристрастность, состязательность, законность, равенство прав в процессе; в итоге, Правда Суда и Справедливости.

Однако образ Фемиды, воздвигнутый перед зданием Верховного Суда РФ (г. Москва) и публично, как символ, представленный на официальном сайте этого органа, являет несколько иные смыслы, как в отношении самого символа-знака, так и сути, отображаемого им правового явления – национального правосудия. У «всевидящей» Фемиды России глаза, как известно, не завязаны, повязка – отсутствует в принципе[3]. Как следствие, национальное правосудие с интересом рассматривает (оценивает) и собственно тяжущихся, и кто именно, и что и в какой мере кладет на чаши весов. Кроме того, при столь широко обеспеченном обозрении можно всегда своевременно и беспристрастно решить в каком именно направлении должно обеспечить подлинно правовое «равенство» сторон в состязании; да и в сторону власти (реальной) смотреть несравненно удобней; причем и зорко и правильно. Практические примеры подобного «правосудия» (и по существу, и по частным моментам процесса) более чем обширно приведены и на уровне солидных монографий, и на уровне бесчисленных ВАК-публикаций; повторяться в этих моментах, полагаем, излишне. Отсутствует в указанном образе и меч – символ духовной силы, правового дела, возмездия-воздаяния. «Обессиленная» российская Фемида то ли, с намеком, опирается на щит (как символ особой защиты суда со стороны всесильного государства), то ли преданно демонстрирует означенный щит как символ защиты самого государства от каких-либо к нему притязаний. Любопытен и геральдический знак на этом щите, «до боли» напоминающий герб национальной столицы; в итоге, рождающий контексты неких сомнений: это символ всецело российского правосудия, как отрасли единой государственной деятельности, или правосудия сугубо Москвы, с ее особыми правами и правилами. Закономерно и то, что в этом, самобытно воспринятом, символе весы пребывают практически в равновесии, либо ложно намекая на полное отсутствие неведомой Правды («в весах»?), либо, ожидая особо ценных указаний подлинно власти на то кому и в какую именно сторону «вешать»[4].

---

[1] См.: Мальцев И.В. Указ. раб. С. 102.

[2] Отдельные исследователи, правда, апеллируют к конвенциональной солидарности социума, как относительно имени и образа символа, так ценностного содержания предлагаемых социуму идей. Однако, на наш взгляд, принципиальных отличий в данном подходе особо не наблюдается.

[3] См., напр.: «Всевидящая» Фемида как символ Верховного Суда и российского правосудия. URL: https://zakon.ru/discussion/2014/7/22/vsevidyashhaya_femida_kak_simvol_verxovnogo_suda_i_rossijskogo_pravosudiya (дата доступа: 18.09.2025);

[4] См.: Фемида Российского правосудия: сколько вешать в граммах? URL: https://romansh-84.livejournal.com/24878.html; О символе Правосудия. URL: https://www.burdug.ru/zapiski-advokata/o-simvole-pravosudiya?ysclid=mfjol0ma7j909866403 (дата доступа: 18.09.2025).

Не устраняют этих субъективных сомнений и «разъяснительные» тезисы о том, что представленный образ, скорее, символ Богини-Юстиции[1] или, по крайней мере, символ особого национального Правосудия. При этом, настолько особого и самобытного, что в Индексе верховенства права WJP за 2024 г. по качеству гражданского правосудия Россия занимает 78 место в мире из 142 (51 балл из 100) наряду с такими странами, как Иран и Кот-д'Ивуар, а по качеству уголовного – 127 место из 142 стран (29 баллов из 100) вместе с Габоном и Гвинеей[2]. В итоге, даже страшно помыслить, что означенный символ может лишь более-менее точно отображать наличную правовую реальность – сущее национальное правосудие.

2. Вторым сущностным (институциональным) признаком подлинно символа, как И.В. Мальцев, так и, к примеру, В.С. Мартьянов называют его **многозначность** (поливалентность)[3]. Еще более емко характеризует указанный признак Веракса А.Н., подчеркивая, что символ всегда характеризуется двойственной предметностью; первичная – определяется его внешностью (образом), т.е. чувственно созерцаемой формой. Вторичная, скрытая предметность – обусловлена многозначностью самой символизируемой сущности; в нашем случае, правосудия[4].

Многозначность смысла классической Фемиды, как образа-символа, сомнений не вызывает, ибо каждый из ее атрибутов несет идею то ли высочайшей, божественной власти (мантия[5]), то ли справедливости, состязательности и равенства прав (однозначно, весы), то ли неотвратимости и законности, и правосудия, и определенного судом воздаяния (меч), то ли беспристрастности и объективности процедуры-суда (повязка). Отсюда, в целом указанный символ: суть олицетворение Правды Суда и Правды Права, а равно формы (правды) и итога процесса.

По идее, те же ментальные и смысловые контексты объективированы в ценностных характеристиках сути, отображаемой деятельности, – правосудии; по крайней мере, как с позиций закона (ст. 6-19 УПК РФ), так и в части доминантных суждений доктрины. Насколько это тождество должного и сущего в правосудии, действительно факт объективной реальности, пока, оставим без комментария; для нас значима сама констатация в части того, что признак поливалентности сущности формально в наличии и в первой предметности, и во второй.

3. Третьим характеризующим признаком символа названа его **особая ценность**[6]. Наиболее интересно суть этого признака раскрыли И.М. Дзялошинский и М.А. Пильгун, утверждая, что символ, «обозначая какие-то предметы, явления или процессы, одновременно указывает на связь означаемого предмета или явления с высшими (национальными – *Авт.*) ценностями или высшими силами»[7].

Отрицать сакральную ценность Истины-Правды Суда, Равенства Прав, Справедливости, Беспристрастности и Объективности в разрешении спора, особенно, в контексте национальной идентичности и духовных начал российского социума, безусловно, нет оснований. Тем более в настоящее время, когда российский народ не только все более осознает высочайшую ценность этих исходных начал, но и максимально активно отстаивает их примат в новом, справедливом мироустройстве. Как следствие, можно было бы даже не спорить о реальном наличии и особой ценности этого признака в понимании и символа-образа, и собственно его материального носителя-деятельности (национального правосудия). Однако П.Е. Родькин, и именно с позиций национальной идентичности российского социума, видимо, не зря задается институциональным вопросом: насколько мы, действительно, готовы сражаться и умирать за те или иные публичные символы[8].

И здесь ответы, как представляется, могут быть кардинально отличны, ибо предметом сомнений и торга изначально не могут быть сущности Правды Суда, Истины, Равенства Прав, Справедливости. Это сакральные, идентификационные коды жизнедеятельности и сохранения российского общества; как следствие, амбивалентность оценок и подлинно деятельности здесь неприемлема в принципе. Проблема, в другом. Во-первых, насколько нашему обществу, действительно, настолько ценно именно сущее российское правосудие; и уже, во-вторых, его столь вольно интерпретируемый символ-образ. Ответы на эти вопросы-маркеры, как представляется, отчасти, представлены и в публичных рейтингах и оценках по

---

[1] См., напр.: Богиня Юстиция – атрибут Российского правосудия URL: https://01alex.livejournal.com/2664.html?ysclid=mfjogmhna3307251762 (дата доступа: 18.09.2025).

[2] См.: WJP Rule of Law Index (англ.). worldjusticeproject.org (дата обращения: 21.09.2025).

[3] См.: Мальцев И.В. Указ. раб. С. 105; Мартьянов В.С. Знак и символ как конкурирующие структуры политического дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 114.

[4] См.: Веракса А.Н. Символ и знак: диалектика символического познания // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 54.

[5] Поэтому, как минимум, неуместны бесчисленные символы-образы данной Фемиды, где она предстает в весьма фривольной облегающей тунике, являя к оценке и (весьма) роскошные ноги, и вполне достойные груди.

[6] См.: Мальцев И.В. Указ. раб. С. 107-108.

[7] См.: Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Бизнес как пространство символической коммуникации // Символы в коммуникации. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 18.

[8] Available at: URL: https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/nacionalnaya-identichnost-gotovy-li-my-umirat-za-svoi-simvoly (дата обращения: 19.09.2025).

вопросу о доверии к национальному правосудию[1], и, не столь репрезентативно, но более емко и содержательно в частных комментариях в публичной сети «Интернет»[2].

4. В качестве институционального так же акцентируется признак **исключительности правовой связи символа с его (непосредственным) носителем**. И.В. Мальцев однозначно подчеркивает, что символ, как явление, однопорядковое с именем лица, является обозначением неотчуждаемым и обладает ярко выраженным персонифицированным характером, связь лица (носителя – *Авт.*) и символа исключительна[3].

По идее, смысловые эманации сути Фемиды-символа и отражаемого им правового явления – национального правосудия – не только тождественны, но и связаны диалектически. Беспристрастность и Справедливость, Правда Закона и Правда Суда, Законность и Мера Воздаяния за содеянное: суть смыслообразующие правовые конструкции, наполняющие ценностным своим содержанием и собственно символ, и непосредственно правосудие-деятельность, включая, безусловно, итоги последнего. Смысловой и содержательный «разрыв» в этих моментах, не менее однозначно, влечет негативно-ценностные коннотации социума: «...это не Суд», «...не Правосудие», «...не Правда процесса», «...не Правда решения». В итоге, негативные последствия последних объективно отражаются на последующем восприятии, понимании, оценке и непосредственно носителя смысла, и собственно декларируемого публичного символа.

Именно в этом контексте рассмотрим, насколько, действительно, знаковы и тождественны оценки эмоционально-чувственного восприятия, как декларируемого образа-символа, так и явления, им отражаемого. Тем более что объективные критерии-маркеры в целом известны и только Правда Суда, Правда Процесса, Правда Итога наиболее полно и точно объективируют подлинно ценностное содержание и собственно символа, и явления в их исключительной правовой диалектической связи.

Правда Суда (право судить: о законе и праве). Оговоримся, с учетом предмета работы, мы однозначно откажемся от дискуссий о праве позитивном и праве естественном, об институциональном отличии закона и права, от характеристик суда как органа ограничения государства и подлинно властного органа в системе сдержек и противовесов различных ветвей государственной власти. Для нас, в силу идентификационного кода нации, российский суд везде и всегда – суть орган всесильного государства (государя), «...совместно властвующего» с иными ветвями государственной власти[4]. И в этом контексте весьма органичен тезис о том, что «суд (и не только Конституционный Суд РФ) в текущий момент времени выступает в роли координирующего центра, ... вырабатываемой всеми ветвями власти уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики»[5]. Какой именно, не вопрос, ибо реально в наличии исключительно две модели последней:

а) модель «надлежащей правовой процедуры», где основным приоритетом процесса заявлена защита индивидуальных прав и свобод личности, обеспечиваемая, прежде всего, предоставлением максимального числа гарантий лицу, защищающемуся от уголовного преследования; и

б) модель «контроля над преступностью», где во главу угла доминантно поставлена защита государства («общества») от преступлений, допускающая во имя максимального достижения указанной эффективности существенное ограничение гарантий, индивидуальных прав и свобод[6].

Применительно к первой модели, суд (правосудие), действительно, выступает гарантом прав, свобод и законных интересов личности, реализуя конституционное свое назначение. Применительно ко второй, суд есть орган борьбы с преступностью, активно включенный в «общее дело» сохранения и сбе-

---

[1] См.: По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в рейтинге доверия основным политическим и государственным институтам (включая органы федеральной и местной власти, правоохранительные органы, СМИ, политические и общественные организации) судебная система устойчиво занимает лишь 9-10-е место из 14. Рейтинг доверия к судебной системе: https://reiting.infogoro.ru/reyting-doveriya-k-sudebnoy-sisteme (дата доступа: 23.09.2025)

[2] См., напр.: Азербайджан отказал России в выдаче «золотой судьи» Хахалевой: https://www.rbc.ru/politics/10/03/2025/67cedd519a79475f6a06d149?ysclid=mfwlb4hyj361204622; «Будьте вы прокляты!»: когда судья узнала, что всё её имущество на 10 млрд. рублей конфискуют, улыбка тут же сползла с её лица. URL: https://dzen.ru/a/aMvJEcZ49V2LtGPZ?ysclid=mfwl3pi32a926396497; У главы Совета судей РФ Момотова хотят изъять активы на 9 млрд. рублей URL: https://dzen.ru/news/story/16e54b53-40d6-54e5-8bb9-955aea28a406?lang=ru&from=main_portal&fan=1&annot_type=trust&t=1758624518&persistent_id=3226569627&cl4url=e276519b51f38224bb898b21e7d91a4f&tst=1758625440&story=065cb291-6a46-5d7c-8302-646c8c521675 (дата доступа: 23.09.2025); Барщевский заявил о «катастрофической ситуации» с работой судей: https://www.rbc.ru/politics/16/09/2025/68c9423b9a79470fa6a35b3f?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fa23381ac-d84b-5936-ae8c-5e52b21c03ba (дата доступа: 20.09.2025); и др.

[3] См.: Мальцев И.В. Указ. раб. С. 108-110.

[4] См.: Коркунов Н.М. Указ. раб. С. 272, 275; Кудрявцев В.Н. Предисловие к монографии проф. А.И. Александрова. См.: Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : моногр. / под ред. В.З. Лукашевич. 2-е изд. перераб и доп. М. : Проспект, 2025. С. 3.

[5] Там же. С. 3.

[6] Подробнее см.: Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. М.: «Статут», 2016. С. 18.

режения государства (государя). Как следствие и правда процесса здесь с особым публичным контентом. Каким именно, поясним:

С нарушением части 2 ст. 193 УПК РФ проведено опознание осужденного Ш. потерпевшим, которого последний знал; перед опознанием потерпевший **не был допрошен и внешние данные нападавшего следствием предварительно (в протоколе) не были установлены**. Позиции суда: из материалов дела следует, что опознание осужденного **проведено в соответствии с требованиями ст. 193 УПК РФ**, в рамках возбужденного уголовного дела[1];

Вместо предъявления осужденных для опознания потерпевшему, как следует из его показаний в суде, в ходе предварительного следствия предъявлялись несколько фотографий, на которых он узнал гр. Я. и гр. Ш. Указанный факт **не свидетельствует о нарушении требований ч. 5 ст. 193 УПК РФ** и не ставит под сомнение достоверность реализованного опознания. Оснований к отмене приговора – нет[2].

Апелляция сочла, что **следователь нарушил закон, не ознакомив обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы;** приговор, в итоге, отменен[3]:

Несвоевременное ознакомление обвиняемого и защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы и итоговым заключением экспертов, … **не влияет на допустимость доказательств** и **не влечет нарушения прав осужденных на защиту**, поскольку как в ходе предварительного расследования, так и судебного разбирательства сторона защиты имела возможность на заявление ходатайств о назначении экспертиз, постановке своих вопросов экспертам, а также о реализации других прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ[4].

По букве закона: если потерпевший или сторона защиты не согласны с заключением экспертизы, реализованной в стадии возбуждения уголовного дела, их ходатайство о назначении и производстве дополнительной или повторной экспертизы (в стадии предварительного расследования) **подлежит удовлетворению** (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ);

Верховный Суд РФ существенно «поправляет» закон: «…назначение повторной или дополнительной экспертизы по ходатайству защиты требуется **лишь при наличии оснований, указанных в ст. 207 УПК РФ**[5]. Доказать наличие этих оснований суду, естественно, исключительно бремя заинтересованных лиц.

Как видим, суд весьма избирателен, как в обеспечении силы закона, так и в обеспечении прав и законных интересов заинтересованных лиц; идея «общего дела» в борьбе с преступностью доминирует в актах и правде суда.

Достаточно интересны и критерии подлинной беспристрастности суда, обеспечения процессуального равенства прав сторон в состязании:

по букве закона заключение специалиста (показания специалиста) легальное доказательство по уголовному делу (ч. 2 ст. 74 УПК);

по сути правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных в определении от 17 июня 2013 г. № 1003-О: обвиняемый (защитник) имеют законное право привлекать к участию в деле выбранного ими специалиста; ...получить от него заключение, представить его суду для приобщения к материалам дела как доказательство защиты (ч. 3 ст. 80, чч. 2-3 ст. 86 УПК)[6];

аналогичны и позиции Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28: «заключение и показание специалиста даются на основе использования специальных знаний и так же, как заключение и показания эксперта в суде являются доказательствами по уголовному делу (ч. 2 ст. 74 УПК РФ)»[7];

правовые тезисы органов национальной юрисдикции согласованы и с актами международного правового характера. В постановлении от 27 марта 2014 г. «Матыцина против России» (жалоба № 58428/10)

---

[1] См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 23.03.2015 № 2362/15 // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=545858#03085793890907593 (дата доступа: 21.09.2025)

[2] См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 02.05.2017 № 58-АПУ17-7 // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=500703#021902353127169172 (дата доступа: 21.09.2025).

[3] См.: Обзор апелляционной практики по уголовным делам суда Еврейской автономной области за первое полугодие 2019 года от 31.10.2019 г. // Суд Еврейской автономной области. URL: http://os.brb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1225.

[4] См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 4 сентября 2018 г. по делу № 10-14073/2018 // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1045339#08804472784109523 (дата обращения: 20.09.2025).

[5] См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.06.2015 № 13-АПУ15-3сп // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/

[6] Аналогично: определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2011 № 264-О-О, от 19.06.2012 № 1100-О, от 23.04.2013 № 495-О // СПС «КонсультантПлюс».

[7] См.: пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // БВС РФ. 2011. № 2. С. 3-6.

Европейский Суд по правам человека итожит: в контексте экспертных доказательств правила допустимости не должны лишать сторону защиты возможности их эффективного оспаривания; в том числе путем представления или получения альтернативных заключений. Отказ в исследовании альтернативной экспертизы в качестве доказательства, ... должен рассматриваться как нарушение ст. 6 Европейской конвенции[1].

Практика отправления национального правосудия более независима в этих вопросах:

«…суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключения специалиста И. как полученного вне рамок уголовно-процессуального закона»[2];

«из дела видно, что судом принято и приобщено к материалам дела заключение специалистов, … однако оно не исследовалось, поскольку получено адвокатом в рамках осуществления защиты»[3];

«суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключений, сделанных специалистами А., Л., П. по запросам защиты; …эти заключения добыты вне рамок уголовного дела и не отвечают требованиям УПК РФ к основаниям и процедуре получения таких заключений»[4].

Аналогично дело обстоит и с объяснениями очевидцев, полученными защитником в рамках оказания юридической помощи своему доверителю:

объяснения получены не в порядке, предусмотренном УПК РФ; отсюда, они не могут быть признаны ни «иными документами» (п. 6 ч. 2 ст. 74, ст. 84 УПК РФ), ни в целом легальными доказательствами по делу[5];

объяснения не входят в перечень доказательств, установленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ; как следствие легитимными средствами доказывания в уголовном судопроизводстве России они не являются[6];

при получении объяснений не обеспечены процессуальные права лиц (потенциально – свидетеля[7], потерпевшего[8], подозреваемого[9]), от которых фактические сведения получены. В силу указанного эти фактические данные не должны и не могут быть признаны в качестве надлежащих средств уголовно-процессуального доказывания, исследованию и проверке в ходе судебного следствия не подлежат.

Избирателен суд и в разрешении ходатайств сторон, заявленных в ходе рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу. В подлинно состязательном, процессуально-равноправном правосудии России: по первому требованию, судом **полностью удовлетворяется до 56% ходатайств государственного обвинителя**, связанных с представлением или исследованием доказательств в суде; еще **примерно 30,0% ходатайств – на ¾** (от заявленных требований). И, напротив: однозначно **отклоняется до 80% аналогичных ходатайств стороны защиты**, как *a priori* не имеющих отношения к делу, фактически необоснованных или несколько «преждевременных» для суда[10].

При столь согласованной практике отправления должного правосудия, по сути, единственным шансом для стороны защиты на представление и исследование своих доказательств в суде первой инстанции являлась норма части 4 ст. 271 УПК РФ. По сути последней, суд не вправе отказать в ходатайстве стороны защиты о допросе и исследовании в судебном заседании специалистов (свидетелей), явка которых в суд обеспечена указанной стороной. Однако в текущей практике отправления правосудия объективирована ревизия и этой процессуальной гарантии. Суды категорически отказывают в удовлетворении подобного ходатайства стороны защиты. В качестве обоснования суд надуманно апеллирует не к

---

[1] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2014. № 4. Аналогично ЕСПЧ констатировал: заключение эксперта (со стороны защиты – *Авт.*) было важным доказательством, которое подкрепляло позицию стороны защиты, …и оно могло быть решающим при рассмотрении вопроса об уголовном характере деяний, совершенных заявителем. См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Красуля против Российской Федерации» от 22.02.2007 (жалоба № 12365/03) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27.07.2005 по делу №32-о05-26сп // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/

[3] См.: Определение Верховного Суда РФ от 29.08.2007 по делу № 5-д07-105 // Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 г. // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/

[4] См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18.04.2013 № 51-О13-10. // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 30-36.

[5] См.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 14.05.2013 № 22-3313/2013. URL: http: // kraevoy.krk.sudrf.ru/.

[6] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.06.2013 № 41-АПУ13-13сп. URL: http://vsrf.ru/

[7] См.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда по делу от 06.03.2014 № 22-224/2-14. URL: http: //oblsud.yld.sudrf.ru/

[8] См.: Приговор Вичугского городского суда Ивановской области от 06.09.2013 по делу № 1-80/2013. URL: http: //vichugsky.iwn. sudrf.ru/

[9] См.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Костромского областного суда от 17.09.2013 № 22-1283. URL: http://oblsud.kst.sudrf.ru/

[10] Подробнее см.: Калиновский К.Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции : сб. ст. / под ред. В. В. Волкова. М. : Норма, 2015. С. 101–102.

императиву части 4 ст. 271 УПК РФ, а к части 1 указанной статьи, устанавливающей правило обоснованности заявленного стороной ходатайства. Если это условие-правило, в соответствии с дискреционным (единственно правильным!) усмотрением суда не выполнено, заявленное ходатайство не имеет под собой оснований; соответственно, оно, откланяется[1].

В итоге, при публично провозглашенном праве на равенство процессуальных прав сторон на представление и исследование доказательств в суде, сторона защиты вынуждена на «равных» состязаться не только против стороны государственного обвинения, но и с судом, активно поддерживающим (обеспечивающим) государственную правду процесса.

Своеобразны также образцы итоговой Правды процесса, призванные обеспечить и правовую определенность в государстве и обществе, и единство правового пространства. К примеру:

Кассация установила, что суд апелляционной инстанции не предоставил право выступать в прениях, как стороне защиты, так и стороне обвинения. Вместе с тем суд кассационной инстанции **посчитал эти нарушения несущественными**, поскольку сторона обвинения не была ограничена в изложении своей позиции до прений, и оставил оправдательный приговор и апелляционное постановление без изменений[2];

Суд кассационной инстанции указал, что стороне защиты не было предоставлено право на выступление с репликой. Эти и иные выявленные судом нарушения, оставленные без внимания предыдущей судебной инстанцией, **признаны существенным нарушением закона** и повлекли за собой отмену апелляционного постановления[3].

«Вопреки доводам жалобы о плохом качестве аудиопротокола, **часть 5 ст. 257 УПК РФ не содержит запрета сторонам осуществлять запись судебного разбирательства самостоятельно»**[4]. Как следствие, видимо, представлять ее на рассмотрение (проверку) суда вышестоящей инстанции в своем интересе;

Однако этот же Восьмой КСОЮ отверг к исследованию запись стороны защиты: «Аудиозаписи судебных заседаний, приложенные осужденным О.О.В. к дополнительной апелляционной жалобе, **не подлежали исследованию и проверке судом апелляционной инстанции,** поскольку они изготовлены участниками судебного разбирательства без соблюдения установленного процессуального порядка»[5]. Как следствие, оснований к отмене (изменению), обжалованного судебного решения – нет;

Возмещению в порядке уголовного судопроизводства подлежит не только прямой ущерб, **но и упущенная выгода»**[6];

«Невозможность взыскания упущенной выгоды противоречит п. 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070 ГК РФ и п. 1 ст. 133 УПК РФ, согласно которым возмещение вреда должно производиться в указанном случае в полном объеме, т. е. **с возмещением убытков в виде упущенной выгоды»** [7];

И, напротив: «Упущенная выгода, о взыскании которой просил Т., к этим средствам (ст. 135 УПК РФ) или иным расходам не относится и **не может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства**. Согласно ст. 2 ГК РФ эти требования подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства...»[8].

В итоге, приведенные, далеко не исчерпывающие, примеры достаточно верно отражают тождество сути и признак исключительности правовой связи, как весьма неопределенного символа-образа национальной Фемиды, представленной перед Верховным судом России, так и его непосредственного носителя – самобытного российского правосудия.

5. **Уникальность**, как признак подлинно символа, в характеристиках И.В. Мальцева, обусловлена неповторимостью его непосредственного носителя, и в этой связи, является логическим продолжением исключительности их диалектической связи, о которой сказано выше[9].

---

[1] См.: Давлетов А.А., Чарыков А.В. Верховный суд «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать право специалиста в судебное следствие // Российский судья. 2022. № 1. С. 60-64.

[2] См.: Кассационное определение Шестого КСОЮ от 13.10.2021 по делу № 77-4906/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

[3] См.: Кассационное определение Седьмого КСЮЮ от 15.09.2020 по делу №77-1665/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2025).

[4] См.: Кассационное определение Восьмого КСОЮ от 29.06.2021 № 77-2533/2021; аналогично: кассационное определение Первого КСОЮ от 08.09.2020 по делу № 7У-10024/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2025).

[5] См.: Кассационное определение Восьмого КСОЮ от 16.12.2020 по делу № 77-3046/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2025).

[6] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2008 № 1037–О–О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2025).

[7] См.: Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2004 № КАС04 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2025).

[8] Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2010 № 67–О10–57 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.09.2025).

[9] См.: Мальцев И.В. Указ. раб. С. 111.

Сохранение этой уникальности – в формировании и реальном применении императивных юридических средств, в принципе исключающих конъюнктурное тиражирование («иждивенческое использование») значимого публичного символа любыми иными государственными, общественными, частными лицами или структурами, в принципе не наделенными исключительным правом к отправлению правосудия – высшей формы объективации судебной власти.

История дает примеры подобной охраны, причем с достаточно выверенным и официальным государственно-нормативным контентом. Напомним, к примеру, формулу правовой защиты символа Правосудия (Зерцала) в указе Петра I: «Также по данному образцу в Сенате доски с подножием, на которую онои печатной указ наклеить и всегда во всех местах, начав от Сенату даже до последних судных мест, иметь на столе яко зеркало, пред очми судящих. А где такого указа на столе не будет, то за всякую ту преступку сто рублев штрафу в гошпиталь»[1].

Насколько исследуемая уникальность и подобные средства обеспечены государственной властью России применительно к символу-образу Фемида, вопрос, представляется, праздный. Достаточно набрать имя искомого символа в любой поисковой сети «Интернет», как выясняется, что к сакральной ценности этого образа (в своем интересе), к примеру, прибегли: Пенсионный фонд Оренбургской области – в рамках организации 22 марта 2019 г. «Дня бесплатной юридической помощи»[2]; Всероссийский Чемпионат Офицерской Хоккейной Лиги[3]; Межрегиональная организация банкротства граждан (г. Уфа)[4]; Управление МВД России по Приморскому краю[5]; Федеральное бюджетное учреждение здравоохранения «Центр эпидемиологии и гигиены в городе Москве»[6]; адвокат Евтушенко Светлана Игоревна (г. Москва)[7]; и равно иные заинтересованные органы и субъекты. В итоге редкая уникальность и однозначная «узнаваемость» (сути, содержания, смысла) этого символа, по идее, несколько преувеличена.

6. Признак **стабильности** правовых символов, как поясняют, напрямую связан со стремлением к устойчивости и постоянству их носителей (суда – правосудия)[8]. И ранее нами, отчасти, уже отмечалось определенное различие в установлении официального символа правосудия в генезисе становления российской государственности и российского права. Как следствие, исследуемый образ Фемиды (символа правосудия) – это, скорее, флер привнесения в уголовное судопроизводство России известных либеральных идей в периоды временных демократических «оттепелей», «перестроек», «реформ», в итоге, как правило, не очень удачно ассимилированных в систему традиционных национальных ценностей. Утверждать в этой связи о наличии в исследуемом образе институционального признака несомненной стабильности, значит множить мифы о тысячелетней «древности» и ценности данного, пока, далеко не публичного для России образа.

7. Существенным признаком символа названа так же их юридическая регламентация или, в более широком смысле, как уточняет И.В. Мальцев, **правовое опосредование**[9]. Последнее, к примеру, может быть выражено в официальных источниках права. Эта форма, объективируемая в качестве нормативной, как правило, более или менее детально описана посредством юридически-значимых смыслов. Как следствие, охраняема государством, в том числе посредством отсылок к определенному виду ответственности. Другая, представленная в условных, но всегда узнаваемых, символах-образах, в принципе не имеет юридического закрепления в нормах, как в части признания в качестве публичного символа, так и в части правового описания основных своих элементов; тем не менее, и сутью и смысловым своим содержанием *a priori* имеет самое непосредственное отношение к праву. По сути, это символ, чувственно воспринятый и конвенционально признаваемый социумом. И в этом контексте эта подгруппа, как акцентируется доктриной, также представляет однозначный интерес с точки зрения правотворческой техники, так как именно эти конвенциональные образы являются тем материалом, который впоследствии подлежит нормативному закреплению[10].

В отличие от своего материального источника-носителя (собственно правосудия), детально обозначенного в отраслевых юридических нормах и строго охраняемого государством, как особая институциональная ценность, исследуемый символ, пока, не нашел ни официального закрепления имени, образа,

---

[1] См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B0%D0%BB%D0%BE_(%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80_I)

[2] См.: https://sfr.gov.ru/branches/orenburg/news/~2019/03/22/178655

[3] См.: https://season22-23ekb.ohliga.ru/kluby/print/femida/

[4] См: https://yandex.com/maps/org/mezhregionalnaya_organizatsiya_bankrotstva_grazhdan/218567777266/gallery/?ll=56.072678%2C54.815648&z=10

[5] См.: https://25.мвд.рф/news/item/26888985/?year=2022&month=12&day=5

[6] См: https://mossanexpert.ru/zpp/viewnews.php

[7] См: https://advokat-esi.narod.ru/index.html

[8] См.: Мальцев И.В. Указ. раб. С. 112-113.

[9] См.: Мальцев И.В. Указ. раб. С. 114-115.

[10] См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2009.С. 290-291, 312.

ни должного статуса в нормах закона, ни смыслового описания основных своих элементов. Лишен он и средств публичной защиты со стороны государства и права. На данный конкретный момент это не более чем (конвенционально-узнаваемая) фигура речи, используемая как элемент «...упражнений в изящной словесности», как модный тренд для украшения определенных кабинетов и зданий. Отсюда, говорить о Фемиде (классической, или в российском ее исполнении) как о подлинно ценностном символе, как представляется, несколько преждевременно.

8. Отсюда и **внешняя («геральдико-графическая») объективация** данного «символа» в особой, не всегда точно совпадающей, форме имени, образа, сути (отображаемого) правового явления, это, скорее, конъюнктурный элемент украшения правового публичного дискурса и фальшфасада ряда судебных, силовых правоохранительных либо квази-правоохранительных органов, далеко не всегда оперирующих полномочиями в сфере той или иной формы отправления правосудия.

Что касается официального закрепления ценностно-содержательного символа подлинно Богини-Фемиды, в диалектике всех ее смысловых атрибутов, то это направление деятельности призвано, прежде всего, к формированию и функционированию должной модели самого субъекта носителя – имя которому подлинно Правосудие: как суд о Праве и Правде процесса.

Колоколов Никита Александрович

доктор юридических наук, судья Верховного Суда РФ в почетной отставке, заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета им. А.С. Грибоедова; профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Kolokolov Nikita Aleksandrovich

Doctor of Law, Honorably Retired Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Judicial and Prosecutor-Investigative Activity at A.S. Griboyedov Moscow State University; Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Institute of Social and Humanitarian Education at Moscow State Pedagogical University

E-mail: nikita_kolokolov@mail.ru

Символы в судебном праве: доктрина, практика, техника

Symbols in Judicial Law: Doctrine, Practice, Technique

Аннотация. Статья представляет собой углубленный критический анализ, таких феноменов как система, так и антисистема символов судебного права. Автором исследуются: доктрина символов судебного права, их место в судебной практике, а также некоторые особенности юридической техники в судебной символике. Констатируется, что важнейшим символом системы судебного права (всех времен и народов), как и его практической реализации в рамках судебной деятельности в целом, является межотраслевая абстрактная категория справедливость (justitia), а также ее специфическая ипостась равенство (aequum) – общечеловеческие чисто умозрительные понятия о неком должном, что предполагает самое строгое соответствие воздаяния конкретному деянию. К социально-значимым символам судебного права принято относить и гипотетическую обязанность суда на установление истины (veritas). Особенностью судебной деятельности является сохранение интриги до завершения судебного разбирательства. В тоже время, в рамках антисистемы судебного права, перечисленные выше (казалось бы, базовые категории) зачастую ниспровергаются результатами антропологического их исследования. Вдруг, обнаруживается, что справедливость – категория важная, но, в первую очередь, историческая, процессуальное равенство – заведомая утопия, а обязанность суда установить истину подменяется весьма спорным принципом свободы договора тяжущихся сторон (pacta sunt servanda). Не определилась отечественная доктрина (наука) и по таким процессуальным институтам, как коллегиальность и состязательность. Первый из почитаемых некогда символов канул в небытие, а второй возведен в ранг главнейшего правила судопроизводства.

Ключевые слова: символ, открытая система символов, судебное право, открытая система символов судебного права, нарративы v.s. символы в судебном праве, антисистема символов с судебном праве, доктрина символов в судебном праве, роль правовых символов в повседневной судебной практике, техника реализации символов судебного права

Annotation. This article presents an in-depth critical analysis of both the system and anti-system of judicial law symbols. The author examines the doctrine of judicial law symbols, their place in judicial practice, and some features of legal technique in judicial symbolism. It is stated that the most important symbol of the judicial system (of all times and peoples), as well as its practical implementation within the judicial process as a whole, is the interdisciplinary Annotation category of justice (justitia), as well as its specific hypostasis, equality (aequum)—universal, purely speculative concepts of a certain duty, which presupposes the strictest correspondence between retribution and a specific act. The hypothetical duty of the court to establish the truth (veritas) is also commonly considered a socially significant symbol of judicial law. A distinctive feature of judicial activity is the preservation of intrigue until the conclusion of the trial. At the same time, within the framework of the anti-system of judicial law, the above-mentioned (seemingly basic) categories are often subverted by the results of anthropological research. Suddenly, it turns out that justice is an important category, but primarily a historical one. Procedural equality is a blatant utopia, and the court's duty to establish the truth is being replaced by the highly controversial principle of freedom of contract between litigants (pacta sunt servanda). Domestic doctrine (science) has also been undecided on such procedural institutions as collegiality and adversarial proceedings. The former, once revered, has sunk into oblivion, while the latter has been elevated to the rank of the most fundamental rule of legal proceedings.

Keywords: symbol, open system of symbols, judicial law, open system of symbols of judicial law, narratives vs. symbols in judicial law, anti-system of symbols in judicial law, doctrine of symbols in judicial law, role of legal symbols in everyday judicial practice, technique for implementing symbols of judicial law

Для цитирования: Колоколов Н.А. Символы в судебном праве: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 534–547.

1. Суд и его право – символ конкретной эпохи

Применительно к нормам отечественного судебного права можно смело заявить о том, что символизм[1] присутствует во всем: суду верьте на слово – так должно быть, поэтому любые сомнения эффективности аппарата власти судебной не уместны в принципе. Например, советский суд - «самый гуманный суд в мире»[2] и этим было сказано абсолютно все! В ч. 3 ст. 6 УК РСФСР 1961 года «Действие уголовного закона во времени» четко и однозначно было зафиксировано (норма расширенному толкованию не подлежит!): «закон устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание обратной силы не имеет». Однако, признанный в стране и за рубежом лидер советского государства, Первый секретарь ЦК КПСС (1853-1964 гг.), Председатель Совета Министров СССР (1958-1964 гг.) – «дорогой» Н.С. Хрущев (1894-1971 гг.) в канун принятия Третьей программы КПСС (в которой провозглашалось - наша цель коммунизм!) для себя твердо решил: жертвы его персональной «короткой оттепели» - «валютчики» Ян Рокотов, Владислав Файбишенко и Дмитрий Яковлев пусть хотя бы и по «третьему» приговору (1961 г.), но казнены будут обязательно[3].

Думается, что составители юбилейной книги «Верховный Суд России» не случайно привели символ той эпохи (ручного управления судьями) текст стенограммы заседания Президиума ЦК КПСС от 17 июня 1961 года, на котором Н.С. Хрущев вопреки фундаментальным нормам уголовного закона потребовал расстрела «валютчиков», угрожая в противном случае Председателю Верховного Суда СССР т. Горкину А.Ф. (1897-1988 гг.) увольнением. На кануне аналогичная угроза из уст Н.С. Хрущева прозвучала и в адрес Генерального прокурора СССР – героя Нюрнбергского процесса легендарного Р.А. Руденко (1907-1981 гг.). Итог известен: «валютчики» - расстреляны. Авторы названной выше книги (уже в другую эпоху) констатировали: «Это был один из «черных дней» российского правосудия»[4].

Думается, более чем символично в этой связи выглядит факт уголовного преследование за «клевету в отношении судей» (ч. 5 ст. 128.1 УК РФ) одного из соавторов названной книги (фактически ее главного автора) – доктора юридических наук, профессора, бывшего члена ККС Ставропольского края – Л.Г. Свечниковой[5].

Не исключено, что также весьма символично будет напомнить читателю две азбучные истины. В первом случае речь идет о народной мудрости: «чем играешься, тем и зашибаешься» (судя по публикациям в СМИ, проф. Л.Г. Свечникова недальновидно забыла, что в рамках ее правового положения (какой-то представитель общественности) «не должно сметь свое суждение иметь»[6].

Вместе с тем, правоведы должны знать представитель «от юридической общественности» в ККС, ВККС – ход в политике судебного строительства чисто символический. Согласно ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 14 марта 2002 №30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» во всех квалификационные коллегии судей (ККС и ВККС) входят «представители юридической общественности». Особо символично то, что данные «представители» от юридически образованного народа (док-

[1] Символи́зм (Symbolisme) — течений в искусстве, признаками которого является декларативное стремление к новому, - эксперименты, использование символики, недосказанности, намёки, таинственные и загадочные образы (например: «тайна совещательной комнаты»).

[2] Крылатая фраза из эксцентрической комедии «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966 г.): «Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире» - классическое появления символизма в искусстве периода «хрущевской оттепели» (середина 1950-х – середина 1960-х годов). Вспомним слова проф. М.И. Исаева, одной фразой описавшего предыдущую этому периоду конфигурацию Верховного Суда СССР: «Из пяти коллегий четыре ведают уголовными делами». Исаев М.И. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М.: Московский большевик, 1948. – 136 с. С. 11.

[3] Сравните данную фразу со словами из песни В.С. Высоцкого (1938-1980 гг.) «Песня-сказка про джина» (1967 г.): «Если я чего решил - я выпью обязательно…».

[4] Лебедев В.М., Корчагин А.Ю., Свечникова Л.Г. Верховный Суд России: Монография. Пятигорск, 2012. С. 320-323.

[5] О суждениях по этому поводу см., например: постановление судьи Верховного Суда РФ от 16 февраля 2018 года №19-УД18-8П; апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26 апреля 2018 года №АПЛ18-152 и соответствующие протоколы судебных заседаний. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2018 год.

[6] Так посредством предельно кратной реплики «приспособленца» Молчалина А.С. Грибоедов (1795-1829 гг.) в своем произведении символе - «Горе от ума» (1824 г.) была раскрыта извечная народная мудрость «всяк сверчок знай свой шесток». Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: Эксмо, 2008. – 460 с.

тора наук, профессора, да «доценты с кандидатами»), например, в ВККС по существу назначаются Советом Федерации Федерального Собрания! В тоже время, в законодательстве современной России определение понятию «юридическая общественность» отсутствует[1].

Мы уверены, что просвещенный читатель хорошо знает, кому принадлежит функция подбора кандидатов от «юридической общественности» в ККС и ВККС. Не будем спорить, заслуженный ученый в ККС (ВККС) – безусловно символ торжества демократии в судебном строительстве. Думается, что сам наш просвещенный читатель даст ответ на вопрос не является этот ученый одновременно «белой вороной» в среде судей профессионалов.

Опять-таки, согласно информации, опубликованной в СМИ, 4 февраля 2019 года на заседании ВККС «профессор» упрекнула кандидата на должность судьи Второго КСОЮ – судью Московского городского суда с 2009 года (в прошлом сотрудника аппарата Верховного Суда РФ, помощника заместителя Председателя Верховного Суда В.П. Верина) – Э.Н. Бондаренко в том, что она, рассматривая кассационные жалобы в рамках «старой» и абсолютно законной выборочной кассации (ст. 401.7 – 401.8 УПК РФ в ред. ФЗ от 29 декабря 2010 г. №433-ФЗ), в 2014 году по 492 из них вынесла постановление об отказе в принятии к производству и только 27 жалоб передала для рассмотрения в президиум Мосгорсуда. По мнению «профессора», судья Э.Н. Бондаренко 90% кассаторов лишила законного права на самое святое – на правосудие. Результат: по совокупности замечаний судье Мосгорсуда ВККС отказала в рекомендации на выдвижение во Второй КСОЮ[2].

Как видим, «представители научной общественности» могут быть «секретным оружием» в формировании судейского корпуса, что тоже весьма символично!

А теперь вторая азбучная истина, очередной символ! К уголовному преследованию проф. Л.Г. Свечниковой бесспорно применимо библейское изречение «не судите, да не судимы будете» (фраза из Нагорной проповеди Иисуса Христа, одна из главнейших заповедей Нового Завета, дважды упоминаемая в Библии: в Евангелиях от Матфея, например, в главе седьмой и от Луки).

А теперь рассмотрим почитаемый очень многими символ истинности приговора[3], да, таков в отношении Исхакова в 1959 году был суров, пока спустя 64 года его не отменили[4].

Или символ справедливости[5]. Реабилитация дома Романовых тоже – символ, но уже порочности методов, свойственных Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года[6] (впрочем как и всем иным революциям).

Вопросы, касающиеся правосудия, его доктрины[7], текущей практики и соответствующий им юридической техники являются предметом современной судебной феноменологии[8].

2. Символы, знаки и эмблемы в нашей повседневной жизни

Символ – предмет, действие, служащие обозначением какого-либо понятия, идеи. Например: белый голубь – символ мира; семь слонов – традиционный символ счастья; весы – символ правосудия; некие гипотетические «красные линии» в дипломатии – символ неприемлемости.

---

[1] Согласно ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 14 марта 2002 №30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» во всех квалификационные коллегии судей (ККС и ВККС) входят «представители юридической общественности». Особо символично то, что данные «представители», например, в ВККС фактически назначаются в Советом Федерации Федерального Собрания! В тоже время, в законодательстве современной России определение понятию «юридическая общественность» отсутствует.

[2] См.: Иванов Максим. Судье Мосгорсуда аукнулись 492 отказа в передаче дел в кассацию // Судебный репортаж. Legal.Report. 05.02.2019.

[3] Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: Монография / Под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2012. – 496 с.

[4] См. об этом: Колоколов Н.А. Роль и место решений Конституционного Суда РФ в формировании конкретных судебных правовых позиций Верховного Суда РФ по отдельным вопросам // Конституционный судебный процесс: Учебник / Под. научн. ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева, Н.А. Колоколов / под общ. ред. Л.Т. Чихладзе. 5-ое изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. – 319 с. С. 158-268.

[5] Колоколов Н.А. Справедливость приговора – базовая социальная ценность // Структура тюремной индустрии / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2012. - 176 с. С. 57-73.

[6] Колоколов Н.А. Реабилитация членов Российского императорского дома в призме судебного решения // Судебная власть и правосудие в сфере уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 30-31 марта 2011 года). Екатеринбург, 2012. Ч. 1. - 316 с. С. 261–269.

[7] См. об этом: Перевалов В.Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М: Норма, 2022. – 168 с.; Судебные доктрины в российском праве: теория и практика / Отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗиСП, Норма, 2021. – 344 с.

[8] См. подробнее: Колоколов Н.А. Правосудие в современной России: доктрина, текущая практика, юридическая техника // Правосудия в современной России. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Е.В. Михайловой. М.: ИД «Городец», - 728 с. С. 119-158.

Символ – это еще и художественный образ, условно переданный через какую-то мысль. Символ – яркий пример в судебной риторике. Например, такие многозначительные фразы: «суд установил»; «суд считает возможным ограничиться конкретным наказанием»; «суд не находит оснований для применения ч. 6 ст. 15 УК РФ».

Символ – условное обозначение какой-либо определенной величины (вспомним: «размер тоже имеет значение»).

Для сравнения: символ веры - краткое изображение основных догматов христианской религии (крест).

Символизация – изображение чего либо при помощи символов: красное знамя, красный галстук, красные революционные шаровары.

В уголовном процессе – базовый символ справедливость наказания, понятие, которое обросло совокупностью символов несколько меньшей значимости.

Вчитаемся в понятия «символизировать», «символизм», «символика», «символический»[1].

Например: «наказание снижено, но по мнению стороны защиты, «чисто символически» с 19 лет лишения свободы до 18 лет 10 мес. лишения свободы. Формально из смягчающих наказания обстоятельств Высшие суды все же что-то учли, но по факту получается, что ничего не учли.

Да, некоторые обстоятельства, в принципе влияющие на размер наказания появились, но на общем фоне информации о личности осужденного, тяжести и степени опасности им содеянного, они столь не существенны (не значительны), что оснований для снижения наказания суд не усматривает.

Весьма символично рассуждение: «Снижать, не снижать наказание «злодею» по конкретному составу, в том время как «злодей» этот (например, такой как Рыжих) осужден был к пожизненному лишению свободы за убийство сожительницы и двух ее малолетних детей». В данном деле весьма символично и то, что обжаловать суровой приговор осужденному запретили сокамерники[2]! В аналогичной ситуации оказался Ильинов, осужденный автором к смертной казни, которому запрет на подачу жалобы также установили сокамерники. В кассации дело было рассмотрено по жалобе защитника. Последний подачу этого сверхкраткого документа мотивировал только тем: мой подзащитный приговорен к расстрелу, в силу чего я из этических соображений пусть и символически, но приговор обжаловать должен. Символом той эпохи явился мораторий на смертную казнь. Президент России – Б.Н. Ельцин заменил осужденному Ильинову смертную казнь на 25 лет лишения свободы[3].

Антисистема символов – Верховный Суд РФ посчитал наказание, назначенное группе убийц всего лишь одного человека слишком суровым и смягчил его в отношении каждого из осужденных на пару лет[4].

Символичны судебные решения только тогда, когда сущность явления не в целом не понятна, в тоже время ее можно выразить лишь в символе – таковым может быть просто суровый приговор. Правосудие свершилось! Общество довольно! «Бешенные собаки расстреляны!»

Юридической практике знакомы также термины «предел» и «беспредел», каждый из которых очень кратно обозначает «красную линию» в поведении, как администрации (например, ИВС, СИЗО, ИК) и лиц, находящихся под стражей[5].

Знак – предмет, изображение, метка, служащий для обозначения чего-либо, указание на что-либо. Опознавательные знаки. «Показались, наконец, старшины: кошевой с палицей в руке – знаком своего достоинства, судья с войсковой печатью» (Н.В. Гоголь, 1821-1852 гг. - «Тарас Бульба»). «Пьер ближе рассмотрел перстень. Он увидел на нем адамову голову, знак масонства» (Л.Н. Толстой, 1828-1910 гг. – «Война и мир»). «На астрономическом пункте надо было поставить какой-нибудь прочный знак, чтобы в будущем найти точное место наших наблюдений» (Г.А. Ушаков, 1901-1963 гг. - «По нехоженой земле»).

Знак – это внешнее обнаружение, проявление чего-либо, свидетельство, признак чего либо. Например: молчание – знак согласия; молчание – знак внимания. «Визит свой Лаврецкому она считала знаком великого снисхождения» (И.С. Тургенев, 1818-1883 гг. – «Дворянское гнездо»). «Я давно не писал с удовольствием, а это дурной знак» (А.П. Чехов, 1860-1904 гг. – «Письмо Леонтьеву (Щеглову) 24 октября 1892 года»).

Знак – след, отметина; характерный отпечаток, наложенный чем-либо. Знак – изображение с известным условным значением. Знак свыше… Знак качества. Фабричный знак. Фирменный знак. Клеймо, метка. Личное клеймо. Знак – тоже, что и значок (Университетский знак). Диплом, аттестат.

---

[1] См.: термины: Символ, символизация, символизировать, символизироваться, символизм, символика, символист, символистика, символистический, символистика, символистский, символически, символистический, символично, символичный // Словарь русского языка в 4-х т. Т. IV. М.: АН СССР, Русский язык, 1988. Т. IV. С-Я. Изд. третье, стереотипное. – 696 с. С. 93-94.

[2] См. об этом: Колоколов Н.А. Приговор обжалован не был // Юридическая газета. 2000. № 22. С. 3, 13.

[3] Колоколов Н.А. Смертная казнь глазами судьи // Российская юстиция. 1998. №7. С. 26-27.

[4] Колоколов Н.А. Высокий суд проявил к ним милосердие // Юридическая газета. 1999. №13. С. 3.

[5] Систему соответствующих символов в виде конкретных художественных образов читатель найдет в художественном фильме «Беспредел» (1989 г.)

Вспомним термин клеймо в юриспруденции. Например такое фактически пожизненное клеймо как «ранее судимый», еще раньше: «рваные уши», «рваные ноздри». Весьма символично и выражение: «клейма ставить негде».

Знак – это еще и движение рукой, головой. Вспомним знак во власти: «Вдруг слабым мановением руки на русских двинул он (Карл XII, 1682-1718 гг.) полки» (А.С. Пушкин, 1799-1837 гг., стихотворение «Полтавский бой», 1825 г.)

А известен ли читателю такой знак (символ): «Удар судейского молотка возвестил от принятии судьей решения…»[1].

Наряду с терминами «знак», «символ» могут бать использованы термины «бренд», «марка»

3. Символ

Термин «си́мвол» (греч. Σύμβολον) первоначально толковался исключительно, как «опознавательный знак». Впоследствии термины «знак» и «символ» (уже в широком смысле) трансформировались в категорию конкретного образа с переносным значением. В текущий момент времени определенные символы (знаки), обладая единством формы (единым внешним видом) автоматически наполнены и единым содержанием (смыслом). В рамках устоявшихся социально-политических традиций символы – это культурные знаки, передающие понятную для все (многих) определённую информацию. По общему правилу, символы позволяют разрешить тройную смысловую задачу: в первую очередь, информативную, во-вторых, коммуникативную и, наконец в третьих, консервативную. В литературе (в том числе и специальной) символы — одна из фигур речи (иносказания), существующих наряду с аллегорией.

Символика в целом носит социальный характер. В тоже время, существуют символы (группы символов), являются принадлежностью отдельных социальных общностей или социальных институтов.

Как правило, символ – это определенная идея, которая постигается феноменологическим путем. Считается, что содержание символа крайне трудно адекватно передать вербальным способом, так как содержание символа раскрывается посредством интуитивного соотнесения образа с некогда вложенным в него смыслом. Принципиальное отличие символа от знака заключается в том, что символ прямо не указывает на означаемый им объект.

В тоже время, знак становится символом, если при его употреблении у человека вызывается общезначимая реакция на какое-то отвлечённое значение - спектр значений, которые конвенционально связаны с конкретным объектом. По своей информативности знак = символу, если приписываемый ему смысл давно стал общепринятым.

4. «Жители забытой деревни» - тоже символ

Н.А. Некрасов в своем стихотворении «Забытая деревня» (1855) предельно четко сформулировал правовую идеологию россиян – ждут, когда приедет барин, который их рассудит. Естественно, что таковой не приехал, да и зачем барину себя утруждать разрешением споров, без разрешения которых общество, как существовало, так и существует. В этой связи удивляет: с одной стороны терпеливое ожидание российского общества, жаждущего некого хорошего, доброго чиновника от правосудия; с другой – административный нажим на судей: они только «должны», «обязаны»…[2].

Да, судьи, безусловно, и должны, и обязаны, но, как в таких случаях говорил Питирим Сорокин (1899-1968 гг.)[3], а есть ли у них возможность для классического служения праву (или, хотя бы, закону)? Говоря уже современным языком, «человек с лопатой - может копать, а может - и не копать», поскольку и мотивированность, и направленность его действий предопределена множеством фактов, в числе которых «добрая воля конкретного судьи»[4], далеко не самая главная составляющая в оправлении правосудия. В очередной раз напомним: судья, даже мудрейший, - не всемогущ, так как главное в процессе не он, а стороны. А вот сторон то и нет, они окопались в «забытой деревне», ждут барина…

5. Бесконечная система символов судебного права

С самых древнейших времен государственная судебно-правовая деятельность, как когда-то «земля на трех китах» (для России тоже символ – православие, самодержавие, народность, а по «мужику вредному» Демьяну Бедному (Придворов Е.А., 1883-1945 гг.) – «трех символах непригодности»), покоится на

[1] Термин «знак», Словарь русского языка в 4-х т. Т. I. М.: АН СССР, Русский язык, 1985. Т. I. А-Й. Изд. третье, стереотипное. – 696 с. С. 615.

[2] См. подробнее: Нравственные начала российского правосудия. Материалы Седьмой Межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016.

[3] См., например: Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999.

[4] Термин подсказан участниками конференции. См. Предыдущую сноску. С. 25.

открытой в бесконечность системе[1] символов, которой также во все времена противостояла соответствующая антисистема символов. Для того, чтобы разобраться сути обозначенных выше системы и антисистемы, необходимо четкое понимание таких биологических (в первую очередь, психолого-психиатрических)[2] социально-экономических[3] и государственно-правовых явлений как общество (здоровое/нездоровое), его сознание, культура (включая веру и правосознание), авторитет, власть, символы власти, судебная власть, символы судебной власти, доктрина (наука), право в целом и судебное право в частности, судопроизводство.

Начнем с главного – с того, что судопроизводство во все времена было сродни священнодействию[4]. Судья в чаяниях народа одновременно и жрец, и фокусник, ибо общество от суда (судьи) во все времена ожидало (да и сейчас ожидает) чуда! Чтобы читатель смог осознать о чем мы ведем речь, попросим его поставить знак равенства, например, между гнусным и самым жестоким убийством и действительно социально справедливым наказанием (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ч. 1 ст. 297 УПК РФ).

Даже в современных условиях, когда роль своеобразных «подмастерьев» в судебной деятельности выполняют: 1) законодатель (он дает определение понятию «убийство», высказал свои пространные и во многом противоречивые суждения о виде и размере возможного наказания); 2) органы предварительного расследования (собрали/не собрали доказательства, характеризующие основные фактические обстоятельства дела); 3) стороны (обвинитель и защитник), которые перед судом разложили «по полочкам» все доказательства; все равно субъекты, творящие правосудие (например, коллегия присяжных), не только вынуждены, но и обязаны действовать строго по только «по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью» (ч. 1 ст. 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств»). В данной ситуации: если с категорией «закон» более или менее что-то понятно, то такие явления, как «совесть»[5] и «внутреннее убеждение»[6], явно «не правового поля ягоды», ибо загнать их в четкие рамки закона люди пока не смогли.

Скажем больше, на текущий момент философская категория «справедливость» (социальная справедливость), а это ведь один из важнейших символов правосудия, не разработана даже на концептуальном уровне. Знатоком в этой сфере человеческого бытия с некоторых пор принято считать философа-моралиста Джона Ролза (1921-2002 гг.), magnum opus которого «A Theory of Justice» (1971)[7] весьма противоречив. Если образно, то Дж. Ролз в рамках некой общей (ясное дело гипотетической) коммуникации предлагает «раздать всем сестрам по серьгам». При этом великий метр не знает: ни числа «сестер», ни количества имеющегося у него наличия «серег». А ведь мы-то прекрасно знаем, что «пряников сладких не хватает на всех»[8].

В вопросах рассуждения о справедливости (Justice), безусловно, гораздо дальновиднее оказался другой знаток этой сферы человеческих отношений – Паоло Проди (1832-2016 гг.). Данный автор во вступлении к своему базовому труду «История справедливости» с расширением «от плюрализма форумов к современному дуализм совести и права»[9] честно признается, что он не столь амбициозен как Дж. Ролз, поэтому предлагает своему читателю в познании категории «справедливость», во-первых, опираться на исторический метод и, во-вторых, не забывать о дуализме таких понятий, как «совесть» и «право». В названной работе П. Проди поднимает вопросы, касающиеся «непрямой власти»[10], противостояния совести и позитивных законов[11], соотношения права и морали в эпоху тотальной кодификации[12], наконец вопрошает, реальная ли «этика без церкви?[13]»

---

[1] О понятиях «система» и «системный подход» ст., например, Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем. М.: Норме, 2021. – 264 с.

[2] Судья Седьмого окруженного апелляционного суда США - Р.А. Познер (1939 года рождения) всегда прямо говорил, что «разрешение судебных споров – глубоко эмоциональный процесс. Познер Р.А. Рубежи теории права. М.: ВШЭ, 2017. – 480 с. С. 244; Колоколов Н.А. Психология судебной власти // Судебная реформа 1864 г.: уроки прошлого, перспективы будущего: материалы «круглого стола» (15 ноября 2024 г.) / Под научн. ред. Н.А. Колоколова. М.: ИД «УМЦ», 2025. – 570 с. С. 28-30.

[3] О праве и экономике, старой и новой См. Познер Р.А. Указ. соч. С. 9-12, 37-156.

[4] Колоколов Н.А. Правосудие – Священнодействие // Судебная реформа 1864 г. Указ. соч. С. 30-31.

[5] Термин «совесть» – чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения. См.: Словарь русского языка в 4-х т. Т. IV. М.: АН СССР, Русский язык, 1988. Т. IV. С-Я. Изд. третье, стереотипное. – 696 с. С. 175.

[6] Термин «убеждение» - твердое мнение, система взглядов, мировоззрение. См.: Словарь русского языка в 4-х т. Т. IV. Указ. соч. С. 443.

[7] См., например: Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Изд. ЛКИ, 2010. – 536 с.

[8] Слова из песни барда Б.Ш. Окуджавы (1924-1997 гг.) «Песенка о старом, больном, усталом короле, который отправился завоевывать чужую страну, и о том, что из этого получилось» (1961 г.).

[9] Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М.: Институт Гайдара, 2017. – 512. С. 9.

[10] Проди П. Указ. соч. С. 331-341.

[11] Проди П. Указ. соч. С. 387-395.

[12] Проди П. Указ. соч. С. 361-370.

[13] Проди П. Указ. соч. С. 501-505.

Да, справедливость – символ правосудия, однако, уж больно он исторически изменчив.

Пример №1. Вспомним, «закон небывалый в истории цивилизованного мира» - Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 года, который не исключал ни привлечение 12-летних подростков к уголовной ответственности, ни применение к 16-летним высшей меры социальной защиты – смертной казни.

Пример №2. В рамках тотальной борьбы с педофилией законодатель в наши дни не только всецело встал на защиту половой неприкосновенности девушек, не достигших 16-летнего возраста, но и «взял под прицел» парней, которые рискнули «соблазнить» фактически своих сверстниц. Читатель, вдумайтесь, парню за «двойной успех на личном фронте» может быть назначено наказание от 8 до 15 лет лишения свободы (ч. 4 ст. 134 УК РФ)! Для сравнения: умышленное убийство – от 6 до 15 лет (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Не будем спорить: закон драконовский, суды первой инстанции дают минимум – 8 лет лишения свободы («всем сестрам по серьгам»). Вот оно в жизни противоречие между законом и моралью, о котором писал П. Проди.

Верховный Суд РФ, чтобы хотя бы чуть-чуть приблизиться к восстановлению социальной справедливости (найти для кого-то из осужденных «персональный сладкий пряник»), вынужден проявлять чудеса изобретательности, фактически писать прецеденты[1]. Судебный прецедент – тоже символ правосудия!

Вместе с тем, в нашей классификации **первый символ суда (правосудия) – весы**, на одной чаше которых со времен Древнего Египта (40 веков до н.э.) пушинка (некий идеал), а на другой вся грешная жизнь конкретного человека.

Второй символ – вера в божественное предначертание права. Ох, уж этот извечный вопрос: «What is law?» (Что есть право?). Его постановка, неизбежно порождает вопрос следующий: где почерпнуть информацию о том, в какой части света и в каком «раю», расположены государства (как они называются), успешно преодолевшие (по В.Д. Зорькину, родился в 1943 г.) заветную планку «правового барьера»[2], который обязательно и непременно следует взять всем народам России, чтобы жить не только правильно, но и счастливо?

Пока же отметим, что сущность таких категорий, как «право», «государство» и «суд» далеко не познана не только в российской, но и мировой юридической науке. Например, Рональд Дворкин (Ronald Dworkin, 1931-2013 гг.) свое фундаментальное исследование «Империя права» (Law's Empire), изданное в прошлом веке (XX), начинает главой «Что есть право?» и завершает свое повествование «Эпилогом: что есть право?»[3].

С тем же вопросом «What is law?» (Что есть право?) в XXI веке обратился к юридической общественности «модный» ныне (судя по числу цитирований) проф. Washington University in St. Louis–School of Law (школы права вашингтонского университета в Сент-Луисе) Brian Z. Tamanaha (Брайон Таманаха)[4], который в понимании сути права тоже не продвинулся, поэтому в своем повествовании ограничился перечислением того, что по теме ранее сказано другими исследователями.

Современное реальное право – адская смесь следственных, прокурорских и судейских практик. Насколько допустимо рядовым практикам от юриспруденции готовить такую смесь? Судья Верховного суда США Б. Кардозо (1870-1938 гг.), творивший в 20-30 годы XX века, отвечать на данный вопрос не стал, он только «констатировал: такая смесь реальность»[5]. По большому счету, писанные нормы права в некоторых странах (например, в Англии) эпизодически появляются только лишь для того, чтобы несколько упорядочить процесс формирования реального права судами. Насколько это получается у российского законодателя, судить читателю, мы же только констатируем: творец писанных норм, не успев принять один закон, положенный в основу судебной деятельности, с помощью совокупности других тут же пытается его улучшить. Особый интерес представляют ситуации, когда не успели суды применить очередную новеллу в УК РФ, а законодатель предлагает ее инновационное прочтение.

Классический пример, такой чисто символический по содержанию состав как хулиганство, некогда субсиволами которого длительное время являлись «особая дерзость» и «исключительный цинизм». Вдруг, законодатель заявил – эти символы дерзкого поведения себя исчерпали, главное в рамках квалификации содеянного мотив, который из сферы публичного права переместился в сферу права частно-

[1] Колоколов Н.А. Очередной «засекреченный» прецедент. Верховный Суд РФ смягчил наказание по ч. 4 ст. 134 УК РФ // Администратор суда. 2025. №3. С. 38-44; Колоколов Н.А. Неизвестный прецедент Верховного Суда РФ по делу о половом сношении с потерпевшими в возрасте до 16 лет // Уголовный процесс. 2025. №6. С. 90-93.

[2] Зорькин В.Д. Право эпохи модерна. О том каковы юридические уроки предыдущих попыток модернизации России // РГ. 2010. 25 июня. №138 (5217)

[3] Дворкин Р. Империя права. М., 2020. С. 17, 546.

[4] Tamanaha Brian Z. // Washington University in St. Louis Legal Studies Research Paper No. 15-01-01. Number of pages: 65 Posted: 09 Jan 2015 Last Revised: 16 Oct 2016.

[5] Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности. М.: Статут, 2017. С. 10-11.

го[1]. Впрочем, в рамках последний редакций прослеживается реинкарнация публично-правовой опасности каждого хулигана (ст. ст. 213 УК РФ в ред. ФЗ за период 2003-2020)

Право - юридическая ноосфе́ра[2] - творческая эволюция (L'évolution créatrice) регулятора, в употребимом обществом виде формируемого, в первую очередь, практиками, процесс непрерывный, в его основе «жизненный порыв» (l'élan vital), генерация которого обусловлена текущей потребностью в сфере правоприменения. В основе этого процесса такие туманные категории как: справедливость (justice) и общая польза (general utility) для наших целей.

Особо следует подчеркнуть, что в организации судебной деятельности право далеко не единственный, а порой и не самый важный регулятор общественной жизни. Так, в СССР компетенция судебных инстанций была необычайно узка: дела серьезные (уголовные) + дела «тряпичные» (гражданские). Основной объем споров разрешался в административном, а то и вообще внеправового поля, в частном («партийном») порядке: исключили человека из членов КПСС – автоматически утратил право на должность. Правом на иск в суд о восстановлении на работе обладали, в основном, лица, «производившие что-то руками» (гегемон), в то время как их руководители, должности которых входили в два специальных списка, такой возможности были лишены. Особо следует подчеркнуть, что не по закону (КЗоТ РСФСР), а в силу заурядного подзаконного административного акта, который, как видим, в те годы по силе легко превосходил все прочие нормы, включая Конституцию СССР.

Дезавуирование значимости этих актов (демократическая инновация!) привело к тому, что в суды «ринулись», обиженные руководители. Результат: по решению гарнизонного военного трибунала – появились сразу два командира дивизии внутренних войск в Орле; по решению Верховного Суда РФ – при одной штатной единице – два первых заместителя прокурора Курской области.

Со временем суды научились при рассмотрении подобных исков руководствоваться не только и не столько формальным правом истца на конкретную должность, но и скрытым в совокупности многих прочих регуляторов особым государственным интересом.

Может быть, что-то интересное о праве и правоприменении успел, сказать назначенный в канун нашего юридического форума (24 сентября 2025 года) Председатель Верховного Суда РФ? В рамках своего первого интервью «Российской газете» Игорь Викторович Краснов, в первую очередь процитировал слова нашего Президента РФ – Владимира Владимировича Путина о призвании судьи: «Опираясь на право и закон, искать, находить и утверждать справедливость»[3] **(Третий элемент в нашей системе символов судебного права)**.

Ниже И.В. Краснов уточнил: «Справедливость - категория универсальная. Люди ее хорошо понимают и чувствуют». Еще ниже Игорь Викторович, ссылаясь на Ф.М. Достоевского (1821-1881 гг.), отметил, что «характерная черта русского народа – его чувство справедливости и неутомимая потребность в ней»[4]. Разве это не призывы к священнодействую?

Не преминул И.В. Краснов сказать «о роли суда в правотворчестве»[5] - **Четвертом элементе в системе символом судебного права**; о **Пятом символе - «равенстве сторон»[6], Шестом символе – «разумном сроке»[7], Седьмом символе – «добросовестности участников процесса»[8].**

Была Игорем Викторовичем высказана и мысль о таком **Восьмом (?) элементе символов судебного права как «единство судебной практики»[9].** Вот только вопрос: насколько это реально в многонациональной, многоконфессиональной стране?

Судебное право это - открытая система символов, не будем забывать и про ее антипода – параллельно существующую антисистему символов.

Не посмеем также забывать и о рассуждениях судьи Верховного суда США – Б. Кардозо, который еще сто лет назад вынужден был признаться, что норм права (а тем более законов) для организации судебной деятельности недостаточно (ибо правовое поле apriori пробельно[10]), поэтому в поисках справедливости (justice) суды (судьи) вынуждены варить «странную смесь», элементами которой являются право и мораль[11]. Для современного правопонимания характерен интегративный подход к осознанию кате-

---

[1] См. об эволюции понятия: Колоколов Н.А. Хулиганство: апофеоз эволюции - особая дерзость абордажа // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. №1(5). С. 153-174.

[2] Ноосфе́ра (от греч. νόος — разум и σφαῖρα — шар, дословно — «сфера разума») — сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (эта сфера обозначается также терминами «антропосфера»).

[3] Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС. 5 ноября 2025 года //

[4] См.: указ. интервью.

[5] См.: указ. интервью.

[6] См.: указ. интервью.

[7] См.: указ. интервью.

[8] См.: указ. интервью.

[9] См.: указ. интервью.

[10] О проблеме см. подробнее: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 2019. - 183 с.

[11] Кардозо Б. Природа судейской деятельности. М., 2017. – 112 с. С. 10-11.

гории судебное право, которое со времен проф. Михайловского выражает не только научную концепцию, но и прежде всего реально существует[1]. Важнейшим элементом права судебного[2] является уголовно-судебное право[3] – регламент деятельности уголовной юстиции (уголовного суда)[4].

Бесплатная юридическая помощь (БЮП) – девятый (системный/внесистемный) символ судебной деятельности? Впрочем, не исключено, что БЮП может быть рассмотрен не только как символ правосудия, но и как элемент антисистемы символов судебного права. БЮП **-** согласие обвиняемого на «бесплатного адвоката» - договор между обвиняемым и государством a priori несвободный: во-первых, рано или поздно деньги (гонорар) адвокату (пусть и крохотный) все же заплатить придется договор; во-вторых, а это - главное ожидать от «бесплатного адвоката» истинного рвения в работе не нужно, закон в данном случае требует от последнего не более чем отбытия вынужденной повинности.

Как известно, некоторые «пустые бланки» (бланкетные диспозиции) уголовно-процессуальных правил в силу целого комплекса причин доверено заполнить не «штатному законодателю» (хотя бы Правительству РФ), а, например, институту гражданского общества - совету Федеральной палате адвокатов (ФПА). Да – демократично, но вот насколько разумно и эффективно – вопрос. Не будет преувеличением сказать, что последнему (совету ФПА) на «откуп» (аутсорсинг) фактически дано право определить: будет ли адвокат по назначению следователя и суда участвовать в уголовном деле или нет (ст. 50 УПК РФ); каков перечень его обязательных действии, а равно, что такое «полноценное адвокатское досье».

Бесспорно, разумна логика совета ФПА относительно закрепления за конкретным подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и осужденным одного «персонального адвоката», выполняющего функции защитника по назначению (ч. 3 и 4 ст. 50 УПК РФ) в стадиях: 1) возбуждения уголовного дела, 2) предварительного расследования, 3) судебного разбирательства в: а) первой и б) второй инстанций. Это – система! Которая, вдруг, «торпедируется» фактическим запретом на участие на тех же условиях (по назначению) данного адвоката в кассации и надзоре. Это – антисистема!

Совет ФПА, а в месте с ним и кассационный суды вынуждают осужденного «согласиться» (выбора то нет…) на адвоката, фактически «аккредитованного» при каком-то определенном КСОЮ, ВС РФ (например, адвоката Р.В. Заводника)[5].

Такой подход к решению проблемы (существование которого обусловлено только совокупностью экономических и организационных факторов) явно не способствует сохранению: 1) личностных контактов (психология) в связке «обвиняемый – его адвокат»; 2) изначально выработанной линии защиты. Очевидно и то, что избранный законодателем подход к решению проблемы автоматически влечет предельную формализацию участие адвоката в суде кассационной инстанции.

Не маловажен и тот факт, что в подавляющем большинстве случаев личный непосредственный контакт (психология) потребителя услуги БЮП (осужденного) и ее «продавца» (адвоката) по существу полностью исключен, ибо КСОЮ - всего девять, а субъектов Российской Федерации, в следственных изоляторов в которых содержатся осужденные - на порядок больше. В подсистеме военных судов данная проблема чувствуется еще острее, так как: апелляция – одна, и кассация - одна.

Следующий важный аспект, о котором упоминали и Richard Allen Posner (1939 г. рождения) [6], и проф. С.В. Бажанов[7] – бюджете, который разрешено судам по своему усмотрению истратить на компенсацию судебных расходов. Не секрет, что государство путем финансирования давно сложившейся когорты адвокатов, специализирующихся на участии в уголовных делах по назначению (ст. 50 УПК РФ), фактически «покупает по дешевке» допустимость доказательств подозреваемых и обвиняемых в стадии предварительного расследования[8].

---

[1] Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права / Под ред. В.М. Савицкого. М.: Наука, 1983. – 224 с. С. 3.

[2] Михайловский И.В. Судебное право, как самостоятельная юридическая наука (к вопросу о системе юридических наук) // Право. 1908. №32. Отдельный оттиск из газеты «Право» №32. - 16 с.

[3] В отдельные годы судебное право в Отечестве нашем преимущественно было уголовно-судебным (термин наш – Н. Колоколов). Например: из пяти Судебных коллегий Верховного Суда СССР четыре были de facto уголовными (т. е. «наказательными»). См. об этом. Исаев М.М. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М.: Московский большевик, 1948. – 136 с. С. 11.

[4] Подробнее см. об этом: Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Указ. соч.

[5] Колоколов Н.А. Адвокат-назначенец: выбора нет // ЭЖ-Юрист. 2012. №35 (738). С. 8. Особый интерес представляет спор адвоката Р.В. Заводника с Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ, разрешенный во второй инстанции с восстановлением права адвоката на 480 руб., честно истраченных им на дорогу в суд. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 года №АПЛ21-534. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2021 год

[6] Richard Allen Posner. Economic analysis of law. Boston: Little, Brown, 1973. – 974 p.

[7] Бажанов С.В. «Стоимость уголовного процесса» (дисс. на соиск. уч. степ. докт. юр. наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс. Нижний Новгород, 2002. – 585 с.

[8] подробнее см. об этом: Колоколов Н.А. Адвокат по назначению в суде кассационной инстанции: проблемы подбора, назначения, пределов компетенции, объема работы, оплаты труда // Российский правовой журнал. 2022. №1(10). С. 51-69.

Опять-таки, не случайно в «Курсе уголовного процесса» под ред. проф. Л.В. Головко отмечается, что «следователь иногда заинтересован в присутствии защитника едва ли не больше самого обвиняемого, поскольку от этого зависит допустимость полученных в ходе допроса показаний»[1]. Специально подчеркнем: адвокат нужен обвиняемого – это элемент системы правосудия. А вот адвокат в качестве комиссара нужен следователю – это уже антисистема в праве, о чем много пишут наши коллеги из Краснодарского края[2].

Автору известны примеры из практики, в рамках которых адвокат по назначению, участвуя в допросах подозреваемого (обвиняемого), других проводимых с мни следственных действиях, сначала «добросовестно» легитимирует доказательства, после чего уже в ходе судебного разбирательства их дезавуирует.

Следует также честно признать то, что судьи «склонны» экономить на оплате труда адвокатов. Так, судья Курского гарнизонного военного суда в своем письме от 12 ноября 2024 года №10747 адвокату сообщил, что «расходы по проезду к месту рассмотрения апелляционной жалобы, пожданной его подзащитным (апелляционный военный суд), ему возмещены не будут».

Анализ судебной практики показывает, что суду (видимо в целях экономии) «дозволяется» вмешиваться в такие мелочи, как например: читать защитнику протокол судебного заседания во второй, третьей инстанции или не читать. Скажем больше, чтобы «основать» свою правоту в законности отказа адвокату в оплате его труда, суды высших инстанций «не стесняются» спрашивать о необходимости такого прочтения его подзащитного. Этично ли это, особенно с учетом того, что когда дело проиграно, то и ответ очевиден...

Ускоренные технологии, например институт The Plea Bargaining – породили **Десятый символ современного правосудия** – элемент системы, или (!!!) составная часть антисистемы, ибо выигрываем во времени, автоматически проигрываем в качестве[3].

6. Отдельная тема: символы в уголовном праве

Доктрина о символах (из системе и антисистеме) в уголовном праве всегда находилась в призме самого пристального внимания российских ученых[4]. В наши дни уголовно-правовой символ на доктринальном уровне толкуется как «нормативно закрепленная условная единица (?), создаваемая субъектами правотворчества или участниками правоотношений для определенных групп (категорий) людей, являющаяся специфической формой передачи правового материала и предназначенная для оптимизации юридической деятельности. Суть правовых символов состоит в том, что они создаются как предписания, целенаправленно придающие законодательству лаконичность, образность и обеспечивающие экономию правовой материи[5].

От комментариев по поводу этого определения дальновидно воздержимся…

7. Пространство правосудия[6], его символы знаки и эмблемы

Элементы пространства правосудия могут быть материальными (храмы правосудия, судейский корпус, облаченный в мантии, судебные клерки, затянутые в мундиры), виртуальными (отражение судебной деятельности посредством цифровых технологий) и нерукотворными (доктрина – симбиоз права и практики). Остановимся только на некоторых аспектах проблемы.

8. Храм правосудия

Кисти художника Д.Г. Левицкого (1735-1822 гг.) принадлежит парадный портрет Императрицы Екатерины II Великой (1729-1796 гг.) «Портрет Екатерины II виде Законодательницы в храме Богини Правосудия». На лицо символ (аллегория) образа просвещенной правительницы, приносящей свой покой в жертву общественному служению. На данной картине зритель находит соответствующую теме атрибутику: статуя Фемиды (без повязки на глазах, но с весами), жертвенник с надписью «Для общего блага» (да, бунтовщик Е. Пугачев казнен, но тоже для общего блага). У ног Императрицы своды законов – символ

[1] Курс уголовного процесса / Под ред. проф. Л.В. Головко. 4-ое изд. М.: Статут, 2025. – 1041 с. С. 351-352.
[2] Проценко В.П. Система и антисистема права. Краснодар: Совет. Кубань, 2004. – 429 с.
[3] Fisher G. Plea Bargaining's Triumph. A History of Bargaining in America / G. Fisher. California. Stanford University Press, 2003. 397 p.
Дело Ярцева по аварии…
[4] См., например: Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08, уголовное право. Казань, 2002. – 215 с.; Гончарова Н.С. Символ как предмет преступления. Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4., уголовное право. Саратов, 2023. – 30 с.
[5] Гончарова Н.С. Указ. соч. С. 9.
[6] См. подробнее: Аргунов А.В. Пространство правосудия. М.: Городец, 2021. – 352 с. с илл.

истины, орел с оливковой ветвью – символ легитимности правления, сжигание на алтаре маковых цветов (Морфей – источников знаков в сновиденьях) – символ жертв, принесенных Правительницей на благо народа. Наконец, море и развивающийся российский флаг с изображением Меркурия – символ защиты торговли.

Не обошелся без фиксации символов власти наш живописец В.И. Суриков (1848-1916 гг.) на своем полотне «Княжий суд» (1874 г.)

Сюжет произведения связан с ранним периодом принятия христианства, значительная часть Руси еще жила по языческим правилам. На верхней площадке крыльца богатого терема (символ богатства), слева от которого виден купол православного храма (символ православия), изображен князя со своей семьей (тоже символ) и высокопоставленные священники (как же без этого символа. Скорее всего, это князь Владимир (), крестивший Русь в 988 году (символический год). Над свитой князя хоругви с ликом Спасителя - символ христианства. Подсудимый, судя по всему, обвиняется в многоженстве (символ прежней эпохи).

Широкую известность получили следующие творения В.И. Сурикова, во многом имеющие исключительное, символическое значение: это «Утро стрелецкой казни» (1881 г.). Автором посредством изображения целого ряда символов раскрыта тема «преступления и наказания». Весьма символичны и такие полотна В.И. Сурикова, как «Меньшиков в Березове» (1883 г.), «Боярыня Морозова» (1887 г.), «Покорение Сибири Ермаков Тимофеевичем» (1895 г.), «Переход Суворова через Альпы» (1899 г.), «Степан Разин» (1906 г.), «Посещение царевной женского монастыря» (1912 г.), его эскизы к картине «Княгиня Ольга встречает тело князя Игоря, убитого древлянами» (1915 г.).

Тему символов в изобразительном искусстве продолжать можно до бесконечности…

9. Просто дворец правосудия

Синонимами словосочетанию, вынесенному в подзаголовок, являются такие термины как: «дворец справедливости», «здание суда», «судебное учреждение», «палата правосудия», «судебная палата», «правосудительный орган», «судебный орган», «истинный суд».

См. также например, знаменитое здание Верховного Суда США (Temple of Justice – a government building in Olympia Washington – Supreme Court USA) было построено только в 1935 году (автор проекта - Кэсс Гильберт, 1859-1934 гг. + архитектор – Роберт Ингерсолл Эйткен, 1878-1949 гг.). Данное сооружение облицовано белым мрамором, украшено большим количеством скульптур, с среди которых видное место естественно занимает «Юстиция, страж свободы» (автор Гармон Аткинс Макнейл, 1866-1947 гг.).

Изначально Верховный суд США был дислоцирован ив Нью-Йорке, затем заседал в Индепенденсхолле, после чего с 1810 года ютился в подвале Капитолия, в 1960 году перебрался в Old Senate Chamber. Только в 1929 году Министр юстиции У.Г. Тафт (1857-1930 гг.) убедил Конгресс, что Высший орган судебной власти заслуживает специального помещения.

Для сравнения, здания в которых помещались высшие судебные инстанции Российской империи были сооружены в первой половине XIX века: Сенат и Священный правительствующий Синод (архитектор – К. России, 1775-1849 гг.). На территории Московского Кремля располагается Сенатский дворец (1776-1787), возведенный по проекту М. Казакова (1738-1812 гг.). В годы Великой Судебной реформы, конкретно в 1865 году, было принято решение разместить в этом дворце судебных установлений: Окружной суд, Судебную палату, Межевую канцелярию. Купол этого сооружения венчал символ императорского правосудия – столб с царской короной и надписью «Закон».

В текущий момент времени в здании бывшего Сената располагается Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ дислоцирован в здании бывшего Верховного Суда СССР, специально построенного в 1956 году (архитектор Б.П. Лейбо, 1908-1978 гг.). Скажем больше, в Санкт-Петербурге в наши дни завершается строительство нового здания Верховного Суда РФ.

10. Эмблемы правосудия

Эмблема – предмет или его изображение в качестве символа, выражающего определенную идею, например, стилизованное изображение атрибутов судебной власти[1].

11. Уникальная система правовых символов: дискурс предложенный доц. Ю.А. Цветковым

Для введения читателя в дискурс наших дальнейших рассуждений о системе символов судебного права позволим себе интервенцию в формате авторских размышлений по поводу монографии доц. Ю.А. Цветкова с весьма длинным и во многом чисто знаковым названием «Игры, в которые играют судьи. Де-

[1] Термин «эмблема» // Словарь русского языка в 4-х т. Т. IV. М.: АН СССР, Русский язык, 1988. Т. IV. С-Я. Изд. третье, стереотипное. – 696 с. С. 759.

конструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма»[1]. В режиме post factum нами уже было изложено: а) свое собственное видение проблем, вовлеченных автором монографии (Ю.А. Цветковым) в орбиту исследования; б) дана принципиальная оценка результатам исследования[2] - пропагандируемой Ю.А. Цветковым системе символов.

С сожалением отметим, что в отличие от Ю.А. Цветкова подавляющее большинство российских ученых о судебной власти, судах, судьях и правосудии пишет как о неких **«святых категориях»**, участвующих в чисто символическом **«непорочном зачатии»**, в силу чего они (эти авторы) вынуждены ограничиваться в своем повествовании в набором основных традиционных символических заклинаний, на самом деле представляющих собой примитивную подборку цитат из скучных законов. В силу этого обстоятельства наши рассуждения продолжим с рекомендации просвещенному читателю обязательно найти вышеуказанную монографию Ю.А. Цветкова о **«реалистической» природе суда** в особой свойственной ей системе символов и изучить ее. Особо подчеркнем тот фат, что автор: во-первых, объяснение сути власти судебной и ее функционирования пытается найти именно там, где их следует искать - в психологии (игре судей) и, во-вторых, свои выводы он базирует в основном на трудах зарубежных ученых, среди которых: а) ведущие психологи, социологи и юристы; б) некоторые судьи высших судов США.

В наши дни кто-то обязательно скажет: непатриотично! Неисправимым скептикам напомним: 1) наука – интернациональна; 2) трудов, аналогичных вовлеченным Ю.А. Цветковым в орбиту исследования, в нашем Отечестве практически нет. Исключения из общего правила некоторые работы Е.Н. Тонкова.

Поскольку в режиме post factum делать замечания автору поздновато, то свои рассуждения мы сведем к ряду размышлений на обозначенную Ю.А. Цветковым тему.

Итак, критику книги начнем с изучения ее обложки. На первой странице читатель увидит прекрасную **Фемиду (символ №1)**, в левой руке - **точные весы (символ №2)**, в правой – **карающий меч (символ №3)**. Выбранный автором монографии образ **Богини Правосудия (правосудие – символ №4)** весьма оригинален потому, что эта **Дама (почему дама?)**, во-первых, как и скульптура **«Правосудие»**, венчающая главный вход в здание Верховного Суда РФ, предстает перед нами не только **без повязки на глазах (символ №5)** (значит, суд, как и Господь Бог, все видит). Во-вторых, главной особенностью выбранного Ю.А. Цветковым образа Богини, украшающей обложку, является то, что ее **обнаженное тело (символ №6)** прикрыто только лишь прозрачным (скорее эфемерным, чем реальным) **Покровом Пресвятой Богородицы, что свидетельствует, как о святости самого института Правосудия, так и его обязательной прозрачности (символ №7)**.

Название книги на обложке автором дано без расширения **«Игры, в которые играют судьи» (символ №8)**. Чего больше в этих словах авторских амбиций, эпатажа или интриги, решать читателю. К «играм» вообще, «играм судейским», как и к нашей постоянной «игре» в жизни, мы еще вернемся. Пока же остановимся на расширении «Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма», в сути которого без совокупности словарей не вдруг и разберешься.

Начнем с термина «деконструкция», который может быть истолкован, например, с помощью другого «заморского» слова демонтаж и русского понятия «разбор» («разбор полетов»). Деконстру́кция (от лат. de «сверху вниз; обратно» + construction - «сооружение», «осмысление») — еще и понятие в современной философии, означающее понимание (уяснение) **первоначальной** (предикатной) идеи посредством **разрушения стереотипа**, включения ранее сказанного в **новый контекст**. «Деконструкторы» считают, что привычное представление о каком либо предмете исследования (применительно к анализируемой книге: суде, судьях и видах их деятельности) либо лишено глубины (тривиально), либо навязано нам какой-то репрессивной инстанцией (в самом широком смысле этого понятия). Поэтому **«деконструкторы» смело идут на провокацию, считается, что появление нового толкование старого освобождает (возможно) некие скрытые смыслы давно существующего текста, раскрывают его оригинальный контекст**, который опять-таки, в силу целого ряда причин совершенно **не контролируется автором предикатной идеи**.

Концепцию символической деконструкции разработал и ввел в научный оборот один из самых влиятельных философов XX века Жак Деррида (1930-2004). Впрочем, эта его концепция восходит к понятию деструкции другого виднейшего философа прошлого века - Мартина Хейдеггера (1889-1976) — суть пространного учения этих обоих мужей полностью умещается в краткую библейскую мудрость «очищаем зерна от плевел» **(символ № 8)**. Здесь главное – не переусердствовать: «как бы не выплеснуть вместе с водою и ребенка» (1512 год, Томас Мурнер «Обращение к дуракам»), **символ №9**.

---

[1] Цветков Ю.А. Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 383 с.

[2] Летом 2016 года ИЗиСП при Правительстве РФ привлек автора этих строк к рецензированию рукописи «Судебная практика в современной правовой системе России». Нами было сделано 17 замечаний с рекомендацией к авторам книги недостатки устранить. «Компетентный лица» сочли эти замечания несущественными, привлекли к оценке труда еще одного рецензента и книга увидела свет в первоначальной редакции. См.: Судебная практика в современной правовой системе России. М.: Норма, 2017. С. 4. Инициаторы проекта намекнули: мы не против публикации рецензии в открытой печати.

В частности Деррида всегда критиковал традиционную европейскую науку за её логоцентризм — структурирование мысли вокруг некого центрального элемента, например, априорной пользы какого-то государственного института (суда, судей, их деятельности), присвоения этому институту скорее **желаемых (!)**, чем **реальных (!)** характеристик, например, гипотетическую независимость арбитража **(символ №10)**. Все, что оказывается за рамками мысли об их бесспорной рациональной пользе автоматически вытесняется из сферы познаваемых элементов целого, провозглашается «немыслью», то есть квалифицируется как что-то «немыслимое». Деконструкторы этой правильной традиционно рациональной идеи им возразят: арбитраж государственный, независим от кого? Государства?

Не случайно, в недалеком прошлом судья Суда Евразийского экономического союза проф. Т.Н. Нешатаева пишет: «… 1) власть, чиновник, административное лицо в суде – всегда правы **(символ №11)**; 2) человек, предприниматель – всегда неправ **(символ №12)**; 3) суд – традиционно подчиненный правоприменитель…»[1] **(символ №13)**. Еще в своей работе Т.Н. Нешатаева упоминает о моббинге и буллинге в отношении судей[2]. Каких, судей? Излишне самостоятельных?[3] **(символ №14)**.

Скажем больше, логоцентризм предполагает обязательное существование бинарных (парных) категорий, например: «добро» **(символ №15)** и «зло» **(символ №16)**. Задача деконструкции — проанализировать оба компонента любого парного социально-правового образования (позиция и оппозиция). Поскольку с позицией мы согласны (она бесспорна), то затем предметом исследования автоматически становился оппозиция, изучаются возможность (невозможность) её существования, свойственные ей параметры.

Например: форма непосредственного устного судебного разбирательства в XIX веке **(символ №17)** в Европе практически полностью вытеснила своего предшественника (как рудимент прошлого) - процесс инквизиционный, письменный с обязательным контролем судов высших за деятельность. судов низших (иного варианта организации процесса просто не было – народ то безграмотный), **символ №18**. В наше «цифровое» время поголовной компьютерной грамотности, уже доминирование процесса устного выглядит как анахронизм, поскольку появились новые коммуникационные системы, восполнившие большинство недостатков старого процесса письменного **(символ №19)**.

Очевидно, что обнаружить порой подобное «двойное дно» **(символ №20)** конструкции совсем не просто, ибо оно от наблюдателя и скрыто этой самой конструкций. В таких случаях Деррида предлагал искать не это само «двойное дно» (бесполезно, ибо его не разглядеть), а информацию, указывающую на его существование, то есть - следы искомого явления. Отыскание следов ранее неведомого подталкивает исследователя к инверсии (замене главного понятия на его антипод).

Иными словами, термином «деконструкция» Ю.А. Цветков призывает своего читателя задуматься, а нет ли в изучаемых нами таких знакомых и понятных социально-правовых явлениях чего-то скрытого («второго дна»). С учетом вышеприведенного примера (а таковых можно привести множество), мы вынуждены констатировать: автор рецензируемой монографии – прав, предмет исследования в, казалось бы, общеизвестном и понятном не только реально существует, но и он еще и обширен[4].

Чего больше в системе и антисистеме символов судебного права рационального или иррационального (хаоса) – судить читателю… Обе системы живы, если обществе разбирается в конкретных символах, знаках и эмблемах; общество верит в рационализм судебной интриги, настоящий суд всегда коллегия, курия, ассизы (группа профессиональных судей, судьи и шеффены, комиссары от народа - заседатели, присяжные).

12. Основные научно-практические выводы

1. Практически все существующие в мире символы судопроизводства, свойственные их проявлению технологии – порождение эпохи индустриальной (века прошлого, а то и позапрошлого). Очевидно, что им просто нет места в постиндустриальном в обществе. На смену «офису судебному» стремительно идет «офис» пока тоже (скорее всего, временно) судебный, но уже вертуальный... Смена систем мысли неизбежно ведет к смене всех прочих стратегических схем и систем, в ряду которых и система символов правосудия, впрочем, как и соответствующая ей антисистема.

2. Авторы, описывающие судебную деятельность, далеко не всегда уделяет достаточное внимание вопросам значимости символической инфраструктуры, свойственной судебным система, а равно среде, в которую эти системы погружены. Вместе с тем, именно несовершенство первой (инфраструктуры сим-

[1] Нешатаева Т.Н. О независимости суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях: сборник научных трудов. М: Институт государства и права РАН. ООО «Издательство «ПЛАНЕТА»», 2022. С. 34-35.

[2] Нешатаева Т.Н. Указ. соч. С. 35-36.

[3] Колоколов Н.А. Вправе ли судья сметь - свое суждение иметь? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3. С. 36-41.

[4] Колоколов Н.А. Участники процесса, делайте свою игру, только правила не забывайте. Post factum рецензия на монографию Ю.А. Цветкова, посвященную деконструкции традиционного видения правосудия // Международный журнал конституционного и государственного права. 2023. №2. С. 168-176.

волов), а в ряде случаев не то, что ее фрагментарность, но и полное отсутствие не позволяет обществу в полной мере задействовать заблаговременно созданные им знаки и отличия «судебной мощи», молоха правосудия, извечного спутника человека. Эмпирическим путем давным-давно доказано, что эффективность судебного процесса зависит не от качеств «чисто внутренней системной инфраструктуры» (здания, оборудование, кадровый аппарат), о которых так много и подробно пишет большинство авторов, а от понимая обществом его символообразующего значения. Например, суд – это, в первую очередь, не учреждение, а метод установления высшей справедливости. Исследование проблемы именно в таком ракурсе позволяет сделать, на первый взгляд, ошеломляющий вывод: в суде первостепенное значение имеет не судья, а стороны, ибо невежество последних в системе символов, свойственных правосудию, с легкостью «похоронит» самое совершенное процессуальное законодательство. К сожалению, в постсоветских обществах господствуют идеи иждивенчества, их члены замерли в ожидании, «когда приедет барин и их рассудит». В таких случаях на авансцену выходит антисистема судебного право, которое вырождается в одну из форм административного управления.

3. Делая правильный вывод о необходимости усовершенствования системы символов судебного права, ученые крайне редко отграничивает стратегический и тактический аспекты проблемы. Пора понять, что постройкой нового здания суда и назначением в него «безупречных» судей, проблему качества правосудия не решить.

4. Хотелось бы также, чтобы наши читатели не забывали, что символы судебной правоохраны – не более чем одна из государственных подсистем, причем в их ряду далеко не самая важная. Вспомним у государства не одна символическая цель, а иерархия таковых целей. Следовательно, эффективность работы системы (фактически подсистемы) символов правосудия напрямую зависит от схемы сложения активностей всего ряда подсистем государства. В этой связи от исследователей проблематики хотелось бы получить ответ: может ли быть эффективным функционирование символов судебной системы (социальной подсистемы), например таких как мантия, мундиры, если в конкретный исторический период времени не эффективна государственная политика символов в целом.

5. Не удается большинству авторов обозначить и четкую позицию относительно символической роли личности (судьи) в организации управления судебной системой и ее элементами. Вместе с тем, именно идеология ее кадрового корпуса судей, исповедование ими на уровне религии система символов российского судопроизводства – основа основ эффективности функционирования системы правосудия в современной России.

Крусс Владимир Иванович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Kruss Vladimir Ivanovich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law Tver State University

E-mail: t-prava@yandex.ru

Реальность конституционного символизма

The Reality of Constitutional symbolism

Аннотация. В статье намечается перспектива научно-юридической методологии, исходящей из представления о реальности конституционного текста в его узко-семантическом и «объективно» социальном воплощении. По мнению автора, единственным продуктивным вариантом актуального осмысления права и решения непрерывно множащегося комплекса юридически «окрашенных» проблем является конституционное правопонимание. Аксиоматика этого подхода включает тезис о реальности национальной конституции (имея в виду Конституцию РФ), в смысловом измерении которой укоренены все возможные варианты нормативно значимых моделей социальной коммуникации. Символы служат важным конструктивным компонентом (материалом) такого моделирования и заинтересованного приобщения к его результатам. Современная юридическая наука (философия и теория права) стремиться утвердить свое эвристическое и практическое значение, в том числе, с опорой на достижения аналитической философии языка. При этом обнаруживаются риски междисциплинарной комплементарности. Значение юридических терминов, понятий и категорий нередко критично редуцируется и онтологически выхолащивается, если подходить к ним исключительно с лингвистических или семиотических позиций. В этой связи автор предлагает начать разработку имманентно юридической (конституционной) семиотики и символизма в рамках теории конституционализации права и философии реального конституционализма.

Ключевые слова: конституционная реальность, юридический контекст, символизм, философия языка, конституционный символизм, семиотика прав человека

Annotation. The article outlines the perspective of scientific and legal methodology based on the idea of the reality of the constitutional text in its narrowly semantic and "objectively" social embodiment. According to the author, the only productive option for an up-to-date understanding of law and solving a continuously multiplying set of legally "colored" problems is constitutional legal understanding. The axiomatics of this approach includes the thesis about the reality of the national constitution (meaning the Constitution of the Russian Federation), in the semantic dimension of which all possible variants of normatively significant models of social communication are rooted. Symbols serve as an important constructive component (material) of such modeling and interested communication to its results. Modern legal science (philosophy and theory of law) strives to assert its heuristic and practical significance, including by relying on the achievements of the analytical philosophy of language. At the same time, risks of interdisciplinary complementarity are revealed. The meaning of legal terms, concepts and categories is often critically reduced and ontologically emasculated if approached exclusively from linguistic or semiotic positions. In this regard, the author suggests starting the development of immanent legal (constitutional) semiotics and symbolism within the framework of the theory of the constitutionalization of law and the philosophy of real constitutionalism.

Keywords: constitutional reality, legal context, symbolism, philosophy of language, constitutional symbolism, semiotics of human rights

Для цитирования: Крусс В.И. Реальность конституционного символизма // Юридическая техника. 2026. № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года /гл. ред. проф. В.М.Баранов). Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 548–553.

На исходе первой четверти XXI столетия перспектива однородной, последовательной, внутренне непротиворечивой модернизации российской системы права, концептуально связанной понятием конституционализации[1], остается неясной по ряду причин объективного и субъективного характера. Перманентно-суммарное противодействие названному процессу не могут решающим образом купировать даже

[1] См.: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. 240 с.

результаты деятельности Конституционного Суда РФ как уникального актора генерации национальной правовой материи[1]. Конституционное правопонимание, обязывая ответственную юридическую науку к содействию конституционализации права и становлению конституционного правопорядка, побуждает, прежде всего, философию и теорию права, искать инновационные и адекватные новым вызовам методологические ресурсы реализации своего предназначения. И по нашему мнению, далеко не все предпринимаемые в этой связи усилия и шаги можно считать правильно выверенными и успешными. В частности, это касается тех исследований природы и значения юридических символов, которые не выходят за рамки «двухмерного» измерения *юридического* позитивизма или неопозитивизма. (О подчеркнутой нами предметной спецификации названных теоретико-правовых понятий представители смежных социально-гуманитарных дисциплин могут, впрочем, и не догадываться.)

Побудившая к написанию данной статьи тематика междисциплинарного научного форума могла бы показаться избыточно «обыденной» и даже «факультативной», учитывая объем и инструментальное значение *номинальных* символов в арсенале правоведения, в особенности, его позитивистского сектора. Позитивисты (как и неопозитивисты) *справедливо* подходят к идентификации и определению значения такой символики как наиболее краткой, элементарной версии (формы) правовой информации, ее дизайнерского воплощения («упаковки») в функционально обезличенный контур юридического знака или сигнала и вне связи с онтологической проекцией и/или рефлексией. Отрадно, поэтому, что содержание заявленного издания обещает нечто большее и качественно иное. Прежде всего, благодаря программной презентации исследовательского вектора, предложенной основателем российского проекта юридической техники В. М. Барановым, а также заявкам участников, научно-юридические пристрастия которых тяготеют к сферам философии, эпистемологии, феноменологии и семиотики (И. А. Овчинников, Р. А. Ромашов, А. И. Клименко, Д. А. Пашенцев, А. В. Поляков, В. И. Червонюк, Ю. Ю. Ветютнев и др.). Вместе с тем, обозначенные выше «издержки» междисциплинарной комплементарности просматриваются и в фокусе сопряжения аналитической (позитивистской) юриспруденции и современной (постнеклассической) философии языка. Следует признать, что значение юридических терминов, понятий и категорий критично редуцируется и онтологически выхолащивается, если подходить к ним исключительно с лингвистических или семиотических позиций, тем более – ориентируясь на подобострастную рецепцию научно-философских достижений западного постмодерна. Противовесом чему служит стремление связать тренды правовой символики с методологией конституционного правопонимания и философией реального *отечественного* конституционализма.

Любое обоснование (уяснение и разъяснение) сущности права как уникального социально-нормативного регулятора учитывает текстуально-письменный характер его наглядного выражения. В поисках права мы всегда приходим к юридическому *тексту*, будь то акты (высказывания) нормативные или правоприменительные. Соответственно чему каждый правовой символ есть некая первичная, дискретно-элементарная морфема юридического текста и языка, пусть не самодостаточная, но предопределенная к актуально-контекстуальному значению и прочтению. Ничего не меняет в этом отношении и перенесение символического значения (нагрузки) на отчасти или даже значительно развернутые по содержанию (сложные) морфемы как элементы системы позитивного права. В любом случае правовой символ остается для исследователя или практика *только* номинальным символом, чем исчерпывается его значение и функционал (хотя нередко символ считают возможным трактовать и как правовой принцип, декларацию или фикцию). Более того, для конституционалистов *особое* символическое значение приобретают и основные неотчуждаемые права и свободы человека. Причем – в семантике этой особенности – без какого-либо умаляющего рефрена («оттенка»), которого, к сожалению, не лишены высказывания претендующих на юридический дискурс представителей смежных наук.

Мы не беремся судить, могут ли социально-философские дисциплины в принципе решать основные вопросы (смысла, сущности, значения) права как воплощения «юридического мира» (В. С. Нерсесянц) или «юридического концепта действительности» (Г. А. Гаджиев), либо для этого необходимо все-таки особое юридическое первородство. Но представляется несомненным, что только философия права имеет имманентное *право* определять круг тех концептов, к суждениям и выводам которых она, во всяком случае, *должна* прислушиваться. И для иллюстрации столь категоричных выводов намерены обратиться к монографии, поднимающей проблему связи философской теории лингвистического значения с пониманием моральных и правовых высказываний, и непосредственно касающейся при этом научной проблематики юридического символизма[2].

Ознакомление с содержанием названного монографического «триптиха», насыщенного доктринальными экспликациями западных лингвистических теорий и комментариями к ним российских исследователей, обнаруживает неоднократные, хотя и разной степени отчетливости, «признания» онтологической несостоятельности транс- или междисциплинарного подхода к решению проблем юридической

[1] См.: Крусс В.И. Конституционный нормоконтроль как аутентичное правотворчество // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 3–8.

[2] Оглезнев В.В., Суровцев В.А., Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: теория лингвистического значения, Л. Витгенштейн и границы права. М. Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 352 с.

идентификации текстов, утверждений, понятий и символов. Поскольку, например, «оказывается», что для понимания слов, составляющих предложение, нужно знать пропозиции управляющих этими словами аксиом, а для определения значения символов как «выражений, меньших чем предложение», существует «затруднение даже в формулировке грамматически правильной формы прямого приписывания им значений», во-первых[1]. Далее, потому что ресурсы «индифферентных» интерпретаций («языковой игры») в отношении «сложных правовых случаев», дескриптивных терминов, концептуальных понятий и ценностей права – крайне ограничены, во-вторых[2]. И наконец, в виду *необходимого* соответствия (метафизического и семантического) между правовыми явлениями (как видом) и значением их терминов, которое *должно иметь место и быть найдено* даже в ситуации отсутствия методологического консенсуса о правовых (политических и моральных) понятиях и ценностях, в-третьих (выделено нами – В.К.)[3].

Последнее из приведенных суждений очевидно ведет к обоснованию актуальности методологии конституционного символизма как единственно (легитимно) необходимого ресурса познания, утверждения и сохранения ценности/ценностей реального конституционализма, «иммунная система» которого, в свою очередь, защищает от вызовов идеологического и морального релятивизма, включая крайнюю версию эпистемологического анархизма[4]. Трудно (и незачем) спорить с тем, что правовые символы детерминированы правовой (государственно-правовой) действительностью, «обязаны» обеспечивать ее адекватное отражение, а значит, и могут быть «уличены» в некорректном либо даже злонамеренном искажении существующего как сущего. Участь, действительно, незавидная, однако – не предрешенная. Юридические символы и юридический символизм могут быть избавлены от служебного подчинения и занять подобающее им место под знаком доминаты верховенства права как Конституции. Для чего необходимо стоять на почве конституционного правопонимания. В пространстве и перспективе конституционной онтологии юридико-технического воплощения права – то есть правовых смыслов и правовой имманентности – юридические понятия обретают свою природу, и *именно символы* оказываются феноменами, легитимное проявление которых обеспечивает *реальность* юридического концепта *действительности*. Благодаря символически опосредуемой возможности юридически адекватной и ответственной коммуникации субъектов права, прежде всего, – физических лиц (людей, граждан).

Конституционная символика – атрибут человека конституционного, позволяющий ему (преимущественно опосредованно, через специально уполномоченные и контекстуально признанные институты) разрешать самые сложные и формально неразрешимые противоречия и конфликты частного (межличностного) и публичного характера. Легитимно-семантический поиск конституционных смыслов и значения конституционных ценностей, их последующее практическое утверждение корректно соотносятся с современным подходом (эпистемологическая парадигма) к гибкой рациональности *человека познающего*. В своей философской абстракции – это субъект, понимаемый как человек цельный (целостный), т. е. – *реальный*, отмеченный признаками (включающий свойства) эмпирической конкретности, изменчивости, историчности. «Это *реально* действующий и познающий, творческий, интуитивный, изобретательный субъект, обладающий новыми познавательными качествами, методами, процедурами; он синтезирует свою как абстрактно-гносеологическую и логико-методологическую природу и форму, так и одновременно получает экзистенциально-антропологическое и «историко-метафизическое» осмысление»[5].

Юридическая наука, тем не менее, едва ли не более других философских дисциплин и социальных наук обязана думать о практических следствиях своих пропозиций. Заявляя возможность реальности того, что понятийно есть внутреннее противоречие (самопротиворечие?), поскольку переводит в антиномию понятие реальности – как *реальности символизма*, – мы должны попытаться хотя бы кратко (этимологически и концептуально) обосновать как такое – состояние? явление? феномен? – возможны в принципе? Иначе говоря, если противоречие все-таки есть (что отрицать сложно), насколько оно непримиримое. При каких условиях, в какой среде или парадигме возможно столь необходимое для общественного порядка примирение реальности и действительности?

Первоначальный ответ может исчерпываться тем соображением, что подобное возможно в «юридическом концепте»: в праве как должном и сущем, т.е. в символике правовой реальности как референте конституционной реальности и исключительно на основе конституционного правопонимания.

Однако – вследствие фундаментальной конституционной амбивалентности – необходимые последующие разъяснения и уточнения допускают уже две содержательных версии. Либо конституционная

[1] См.: Даммит М. Что такое теория значения? (фрагмент) Перевод с англ. В.А. Суровцева / / Оглезнев В.В., Суровцев В.А., Дидикин А.Б. Аналитическая философия права… С. 226–228; 238–240.

[2] См.: Бикс Б. Применение (и неправильное применение) идеи Витгенштейна о следовании правилу в теории права. Перевод с англ. В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева / Оглезнев В.В., Суровцев В.А., Дидикин А.Б. Аналитическая философия права… С. 292–320.

[3] См.: Паттерсон Д. Дворкин о семантике правовых и политических понятий. Перевод с англ. А.Б. Дидикина и С.А. Александрова / Оглезнев В.В., Суровцев В.А., Дидикин А.Б. Аналитическая философия права… С. 321–349.

[4] См.: Крусс В.И. Крусс В.И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 19–35.

5 Парадоксы теории множеств и их философская интерпретация. См.: URL: https://habr.com/ru/articles/197578/ (дата обращения: 12.09.2025).

реальность принимает в себя и объемлет юридический символизм, либо юридический символизм обретает реальность по мере его конституционного проникновения и восприятия (инклюзии) в конституционную реальность. Выбрать из них один – *безусловно* истинный – вариант вряд ли возможно. Тем не менее, поскольку конституционная реальность не может удовлетвориться формальной правильностью, а конституционно правильное – суть должное, следует скорректировать поиск и прибавить к признакам искомого представления/состояния такие качества как насущность, или общепризнанная потребность. Соответственно чему «правильным» (приемлемым) можно признать (может быть) только второй вариант ответа.

И здесь принципиально важно вернуться к предопределению такой реальности, а именно – к природе национальной Конституции и конституционализма, реальность которых качественно отличается от заключенного в понятии действительности и семантически подчиненного именно этому понятию. Тем самым потребуется преодолеть и известные парадоксы теории множеств. В частности, парадокса Грелллинга-Нильсона, согласно которому слова либо знаки могут обозначать какое-либо свойство и при этом иметь его или нет. Добиться этого необходимо не потому только, что «отказ» от онтологической перспективы реального конституционализма в пользу рачительно насаждаемой, культивируемой и никогда не достигающей идеала (образца) номинально конституционной действительности, по сути, равнозначен дискредитации научного статуса конституционной теории права. Важнее другое: в полной мере оценить значение реальности Конституции РФ, которая, с позиций конституционного правопонимания, представляет собой онтологически модулированное высказывание (нарратив) о детерминированной историческим опытом (судьбой) транспоколенческой жизни носителя национального суверенитета – народа, объединенного, в том числе, необходимостью признания, соблюдения и обеспечения неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина, жизни и достоинства каждого (ст. 2, 3, 18, 21 Конституции РФ)[1]. И только такое общенародное признание/конституирование (конвенционная легитимация) предполагает возложение на государство – в пространстве и перспективе конституционной реальности – обязанности по генерации защитных механизмов, гарантирующих каждому пользование основными правами и свободами и заключенными в них социальными благами[2]. Иначе говоря – только реальный конституционализм *мыслим* (как) и *есть* (что) символически означенное измерение *возможности* и *осуществления* (течения) достойной жизни народа и каждого гражданина конституированного этим народом государственного сообщества. Конституционный символизм не только не умаляет реальности такого социального феномена, но, скорее, «охраняет» его от позитивистских требований соответствия некой обезличенной «действительности».

Согласно философской транскрипции, *символизм* понимается в узком смысле (эстетический, художественный тренд); и в широком – как направление философского мышления, признающее невозможность исчерпывающего содержательного вербального определения и объяснения того *действительного*, что соприкасается с областью трансцендентного или укоренено в этом измерении. В западной философии соответствующее восприятие восходит к Сократу, Платону и риторике отвлеченных (абстрактных) понятий, которыми, в том числе, изначально оперировала Западная традиция права. Вследствие чего, само право и может быть понято как символическая знаковая система или текст. Специфика юридического текста не предполагает отсутствия его творца – автора, без учета намерений которого («вольных или невольных») текст не может быть понят как аутентичный, дабы «затем» быть принятым или отвергнутым, поскольку речь идет о высказывании прескриптивном. Историю западного права в этой связи можно охарактеризовать как *забвение или уничижение* его автора по мере изживания символизма, как редукцию юридического метатекста. Конституционное правопонимание для России определяет возможность преодоления такой деструктивной интенции: онтологически «восстановленное» конституционное право вновь обретает своего – теперь уже безоговорочно легитимного – автора.

Выдающийся отечественный философ А. Ф. Лосев определял сущность символов через пять положений (признаков). В его умозрительной композиции символ есть:

1. функция (отражение) действительности, «способная разлагаться в бесконечный ряд членов, как угодно близко или далеко отстоящих друг от друга и могущих вступить в бесконечно разнообразные структурные объединения»;

2. смысл действительности, не сводимый к тому, что отражается; символическое проникновение в глубины отражаемого, высвечивает его грани, «недоступные внешнечувственному их восприятию»;

3. интерпретация (понимание, осознание) действительности, ее специфическая («человеческая») переработка;

4. сигнификация действительности, поскольку *как знак* «он должен так или иначе обратно отражаться в действительности, т.е. ее обозначать»;

---

[1] См.: Крусс В.И. Реальность российской Конституци // Конституция Российской Федерации : доктрина и практика: материалы науч.-практ. конф., посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации, 60-летию Всеобщей декларации прав человека. (С.-Петербург, 13-14 ноября 2008 г.) / отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2009. С. 235–250.

[2] Эбзеев Б.С. Статья 2 Конституции РФ // Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 61.

5. методическое (перманентное) переделывание действительности, т. е. ее отражение *и* обозначение; «поскольку действительность вечно движется и творчески растет, следовательно и символ строится как вечное изменение и творчество».

«Без этой системы реальных и действенных символов действительность продолжала бы быть для нас непознаваемой стихией неизвестно чего», – заключал мыслитель[1].

Представляется, что столь многообразная структура символа (реального и феноменологически данного) вполне коррелирует возможности и обоснованности перехода от теории реального (конституционного) символизма к конституционной семиотике (включая аналитику сингулярности), конституционной феноменологии, а также нового наполнения (актуализации) тренда конституционной герменевтики. Формат публикации не предполагает развернутого освещения и проработки всех связанных с таким познавательным настроем гносеологических и эпистемологических проблем, и мы кратко отметим лишь наиболее важные, на наш взгляд, обстоятельства.

Методологии конституционного символизма созвучно, в том числе, философско-семиотическое положение того, что структура символа никогда не может быть окончательно дана, но подлежит *феноменологическому описанию*. Значительный вклад в развитие принципов такого описания внесла теория дескрипций Б. Рассела, который понимал под дескрипициями способ и специфические конструкции индивидуации объектов[2]. В теории конституционализации права сходным образом мыслится технология содержательной конкретизации прав и свобод человека и гражданина, актуализации основных обязанностей каждого, а также принципов их нормативного опосредования.

Сингулярность – еще одно понятие современной философии, связанное с символизмом восприятия и помогающее прояснить «сущность конкретного, единичного, а также сущность отношения единичного и множественного, абстрактного и конкретного»[3]. В этом отношении философия реального конституционализма вполне может положиться на представление, что сингулярность – это событие, имеющее смысл или, другими словами, сам смысл. Конституционно значимое событие не может существовать (мыслиться) изолировано от других событий, оно носит (на «поверхности мира») континуальный характер. Смысл каждого такого события характеризуется понятием *точки* (конституционный символ), однако точка носит *пролиферированный* характер, т. е. она может быть понята как серия или линия, или плоскость. Сверх того, сингулярность в своем существовании определяет возможность других сингулярностей как возможность других событий, точнее как их со-возможность. «Но, определяя какую-либо совозможность, сингулярность определяет в то же самое время не-совозможное, которое исходнее совозможного… Поскольку мир существует в качестве определенного, но в то же время он определен в первую очередь через свою не-совозможность»[4].

«Доверяя» приведенным пояснениям Д. В. Котелевского (хотя и отчасти перефразируя их), философия реального конституционализма вправе полагаться на свое понимание сущности *юридической* сингулярности и – следовательно – судить о со-возможности правовых явлений и категорий, поскольку конституционная логика (логика конституционализации права) проясняет возможность их «встречи» с другими конституционными явлениями и категориями и, одновременно, о-пределяет постоянно изменяющее свои границы «пространство» не-совозможного как неконституционного. Как «пространство» тех «чтойностей», с которыми «чтойности» конституционные встретиться не могут[5]. И в этом (последнем) утверждении мы полагаем уже прямую связь с конституционным обоснованием не-совозможности с формально-означенными установлениями и долженствованиями (из)тех притязаний и действий, которые необходимо идентифицировать как злоупотребления правом, прежде всего – для выработки конституционного вектора противодействия нарастающей экспансии таких проявлений[6].

В заключение подчеркнем ключевое, в практическом плане, следование из методологии конституционного символизма. Реальность правопорядка, производная от реальности Конституции РФ, обеспечивается исключительно посредством институциональных ресурсов судебного конституционализма и – решающим образом – практикой Конституционного Суда РФ. Сегодня, как и в конце XX века, семантическая «истинность» этого утверждения продолжает ставиться под сомнение; и далеко не отдельными представителями российской юридической науки. Однако гипотетическая и фактическая множественность актов созерцания и мышления «о Конституции», с учетом специфической природы (реальности) этого предмета осознания, «требует» распределения таких актов *по уровням* «феноменологической приближенности» к Конституции РФ. Никому нельзя отказать в «праве» на значения выраженного в тек-

---

[1] См.: Азаренко С.А. Символ / Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, Минск / «ПАНПРИНТ», 1998. 1064 с. С. 779–780.

[2] См.: Современный философский словарь… С. 612–614.

[3] См.: Котелевский Д.В. Сингулярность / Современный философский словарь… С. 783.

[4] См.: Котелевский Д.В. Указ. соч. С. 783–784.

[5] См.: там же.

[6] См., в частности: Крусс В.И. Закон как средство противодействия и предпосылка публично-властного злоупотребления правом / Модель общества и национальная безопасность: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Калининград, 5 февр. 2010 г. / Калининингр. юрид. ин-т МВД России. Калининград, 2010. С. 67–78.

сте Конституции РФ, но правом на конституционные значения необходимо достоверно обладать (быть наделенным). Поскольку Конституция РФ (отнюдь не вопреки ее реальности) мыслится как идеальная и неразрывная по своему смыслонесущему потенциалу матрица должного, единственным вариантом обретения непротиворечивых конституционных значений оказывается конституционное признание «права» на такие значения за одним лицом, как исключительно и достоверно наделенным конституционным правопониманием. В силу соответствующего признания (неопровержимой презумпции) семантические, по сути, акты выражения (высказывания) Конституционного Суда РФ становятся конституционными значениями нормативных положений и символов Конституции РФ; тем самым, форматом этих актов, умножается и конституционная реальность в целом[1].

Во многом сказанное выше есть возвращение к методологии (и технологии) целеполагания общего – легитимного – конституционного основания для выработки («дескриптивной индивидуации») правовых понятий[2]. Исключительно конституционной семиотике (а не «суфлерам» из цеха аналитической философии языка) может быть доверена, в том числе, и задача актуального прояснения значения понятий и символов, укорененных в «текстуре» конституционализма, но «неожиданно», потребовавших «доказательств» имманентного характера их связи с российской конституционной традицией. В синтетическом единстве (корпусе) философии конституционализма сегодня в смысловой деконструкции нуждаются такие фундаментальные понятия как суверенитет, демократия, основы конституционного строя, права и свободы человека, интересы и ценности, справедливость, солидарность, добросовестность, безопасность, культура и др. Потому так важно признать, что именно конституционный символизм созвучен методологии, которая только и может (вправе) требовать для себя титула единственно (в конституционно-правовом дискурсе) научной и философской (позитивной и эйдетической), ибо предмет ее *познания и осмысления* составляют сущностная (необходимая) и фактическая (случайная) стороны объекта исследования – конституционной реальности. Не страшно, что это противоречит «действительности». Важно, что посредством конституционной семиотики в континууме конституционной реальности осуществляется смысловая «сертификация» любого, претендующего на юридическое значение фактического материала, как следствие получающего или не находящего подтверждения своего искомого значения (частного в многообразии сущего), а следовательно – и непрерывно легитимируется «со-возможное» и исключается из конституционного контекста «не-совозможное».

[1] Подробнее см.: Крусс В.И. Реальность российской Конституции…

[2] См.: Крусс В.И. Конституционная топология и дефинитивная трансгрессия правовых смыслов: теория и практика // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Междунар. «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сент. 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Нижний Новгород, 2007. С. 199–223.

Макарейко Николай Владимирович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

Makareyko Nikolay Vladimirovich

doctor of sciences (law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law and Process of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: makareiko_nik@mail.ru

Проблемы административной ответственности за нарушение использования государственной символики

Problems of administrative responsibility for violation of the use of state symbols

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов установления и применения административной ответственности за нарушения использования государственной символики. В правоприменительной практике возникает ряд спорных вопросов при реализации потенциала административной ответственности в данной области, что требует дополнительного осмысления и выработки адресных рекомендаций. Существует необходимость в детализации положений действующего законодательства об административных правонарушениях в указанной области.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, правовой символ, государственная символика

Annotation. The article is devoted to the consideration of problematic issues of establishing and applying administrative liability for violations of the use of state symbols. In law enforcement practice, a number of controversial issues arise when realizing the potential of administrative liability in this area, which requires additional reflection and development of targeted recommendations. There is a need to detail the provisions of the current legislation on administrative offenses in this area.

Keywords: administrative liability, administrative offense, legal symbol, state symbols

Для цитирования: Макарейко Н. В. Проблемы административной ответственности за нарушение использования государственной символики // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 554–557.

Административная ответственность в настоящее время прочно встроена в механизм обеспечения наиболее важных общественных отношений. Данная посылка в полной мере относится и к охране отношений в области государственной власти, о чем свидетельствуют нормы главы 17 КоАП РФ. Такое законодательное решение вполне закономерно и направлено на вытеснение чуждых обществу и государству отношений, минимизации негативных последствий в указанной области. Об этом, в частности, свидетельствует установление административной ответственности за нарушения, связанные с незаконным использованием государственной символики. Закрепление административной ответственности за указанные правонарушения выступает в качестве составного элемента государственной правовой защиты конституционных отношений[1].

Для непосвященного современного читателя, может показаться необоснованным установление административной ответственности за нарушение использования государственной символики. Наши оппоненты будут апеллировать, что данные отношения должны быть объектом неправовой охраны, что достаточно задействования потенциала морали, обычаев, традиций, корпоративных норм для нормализации ситуации. Мы глубоко убеждены в ошибочности и даже порочности такого подхода. Государствен-

[1]См.: Зинков Е.Г. О некоторых проблемах реализации административной ответственности в сфере конституционно-правовых отношений // Административное право и процесс. 2013. № 8. С. 33–36.

ные флаг, герб, гимн традиционно заключают в себе мощный метафизический потенциал[1]. Неслучайно они являются важнейшими средствами поднятия духа, самосознания населения, достижения социально значимых результатов. В качестве очевидного примера нужно сослаться на действие международных и иностранных спортивных сообществ, которые запрещают использовать государственную символику Российской Федерации, Республики Беларусь спортсменами названных государств при проведении официальных спортивных соревнований.

Граждане США, государств Западной Европы с чувством повышенной ответственности относятся к государственным символам. При этом речь идет не только о потенциальной возможности применения юридической ответственности, а о высоком уровне правосознания, гордости за свою принадлежность к определенному государству. Именно по указанному пути следует идти в России и всемерно повышать уровень правового населения российского государства.

В настоящее время в Российской Федерации очевидно падение уровня правовой культуры и правосознания граждан. В этой связи существует объективная потребность в задействовании самых различных средств для нормализации ситуации и административная ответственность в данном случае не является исключением. Мы солидарны с потребностью реализации системного подхода, в рамках которого необходимо активизировать использование потенциала административной ответственности[2]. В силу указанных факторов существует объективная потребность в правовой защите государственной символики. Неслучайно, что для решения указанной многосложной задачи наряду с административной ответственностью используется потенциал уголовной ответственности. В этой связи следует разделить позицию В. Е. Карабановой: «Если символизируемое явление признается социально значимым и особо почитаемым с точки зрения нравственной ценности, то объектом уголовно-правовой охраны должны выступать и само явление, и его символ, суть которого в неразрывной связи знака и обозначаемого явления. Иногда уголовно-правовая охрана той или иной нравственной ценности возможна только посредством охраны ее символа»[3].

Действующим российским законодательством к официальным государственным символам Российской Федерации отнесены Государственный флаг РФ[4], Государственный герб РФ[5], и Государственный гимн РФ[6]. Названные правовые символы олицетворяют собой историческое достоинство Российской Федерации как суверенного государства. В этой связи в случае надругательства над ними причиняется очевидный ущерб авторитету и достоинству России как внутри государства, так и за его пределами. Уголовная ответственность за такое деяние предусмотрена ст. 329 УК РФ. Законодатель в данном случае весьма осторожно подошел к использованию потенциала уголовной ответственности, хотя в свете проведения конституционной реформы 2020 года, принимая во внимание роль и значение патриотического воспитания, следовало расширить возможность применения уголовной ответственности. Данная посылка в полной мере относится и к уголовной ответственности за осквернение религиозной символики, когда ущемляются чувства верующих, что влечет за собой очевидный подрыв государственного суверенитета.

Актуальность установления административной ответственности за посягательство на государственную символику всемерно усилилось в свете проведения третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях. Не вызывает споров необходимость применения административной ответственности в указанной области. При этом вызывают вопросы действующей редакция статьи 17.10 КоАП РФ. Очевидно, что вполне закономерным является ее отнесение к правонарушениям, посягающим на институты государственной власти. Такое законодательное решение видится обоснованным. В Проекте КоАП РФ[7] также предусмотрена административная ответственность за указанное правонарушение статьей 34.28 «Нарушение порядка официального использования государственных символов Российской Федерации», которая включена в главу 34 «Административные правонарушения, посягающие на институты власти и порядок управления», которая объединит действующие в настоящее время главы 17 и 19 КоАП РФ. При этом редакции действующей статьи 17.10 КоАП РФ и статьей 34.28 Проекта КоАП РФ принципиально не отличаются. В этой связи можно утверждать о преемственности с действующим законодательством, что не «снимает» существующие проблемные вопросы.

---

[1] См.: Зинков Е.Г. Метафизически-правовой аспект Государственного герба России // Административное право и процесс. 2012. № 10. С. 38–43.

[2] См.: Зорин А.С. «Символические» отношения // Право в Вооруженных Силах. 2006. № 9. С. 18–21.

[3] Карабанова Е.Н. Особо почитаемые символы как объект уголовно-правовой охраны: проблемы законодательного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 62.

[4] О Государственном флаге Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 52 (Часть I), ст. 5020.

[5] О Государственном гербе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 25 2000 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 52 (Часть I), ст. 5021.

[6] О Государственном гимне Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 52 (Часть I), ст. 5022.

[7] Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс», 2025 (дата обращения: 11 августа 2025 г.).

Непосредственным объектом правоохраны статьи 17.10 КоАП РФ выступают отношения связанные с использованием государственной символики. В результате совершения указанного административного правонарушения урон причиняется авторитету и достоинству Российской Федерации как суверенного государства. Как было указано выше, данные отношения регулируются соответствующими федеральными конституционными законами. Законодателем использована бланкетная конструкции при закреплении указанной нормы[1]. В этой связи возникают дополнительные сложности для правоприменителя, который должен обладать определенными навыками, позволяющими не только воспринимать специфику бланкетного конструирования норм, но и уметь ее использовать в конкретной правовой ситуации. Следует отметить, что в данном случае обнаруживается очевидный дефект бланкетного регулирования. Он выражается в наличии отсылки на отсылку, что создает дополнительные сложности[2]. Такое положение вполне закономерно и обусловлено сложностью охраняемых отношений. Не стоит строить иллюзии об устранении указанного дефекта. Более реалистичным видится стабилизация нормативного правового регулирования на уровне указов Президента РФ[3] и постановлений Правительства РФ[4]. Предупреждением административно-правовых ошибок[5] в указанной области могло бы стать принятие соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое было бы посвящено спорным вопросам, возникающим в правоприменительной практике при реализации административной ответственности применительно к административным правонарушениям, посягающим на институты государственной власти в целом[6]. При этом следует учитывать наличие предмета посягательства, в качестве которых выступают Государственный флаг РФ, Государственный герб РФ, Государственный гимн РФ.

Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.10 КоАП РФ может быть совершена как в форме действия, так и бездействия. Следует принимать во внимание, что ранее указанное правонарушение предусматривалось исключительно в форме действия[7] и связывалась с незаконным использованием государственной символики. В настоящее время с одной стороны произошло расширение потенциально возможных совершенных противоправных деяний, а с другой административная ответственность установлена исключительно за нарушение «официального использования» государственной символики.

Полагаем, что целесообразно было бы конкретизировать перечень деяний, за которые предусмотреть административную ответственность, связанные с посягательством на государственную символику. Прежде всего, предусмотреть материальный состав указанных правонарушений. Отказ законодателя от использования названных составов является очевидным недостатком действующего КоАП РФ и во многом расширяет возможность использования административного усмотрения[8]. С учетом специфики объекта правоохраны целесообразным является введение повышенной административной ответственности за повторное совершение указанных правонарушений. Можно было бы подумать об установлении уголовной ответственности за деяния, посягающие на государственную символику с использованием конструкции административной преюдиции.

В качестве субъекта административной ответственности предусмотренной статьей 17.10 КоАП РФ выступают физические лица, должностные лица и юридические лица. С учетом статуса указанных субъектов предусмотрено дифференцированное применение в отношении них административных наказаний. В свете реализации специальных административно-правовых режимов можно было бы подумать об усилении административной ответственности специальных субъектов (должностных и юридических лиц).

Буквальный анализ диспозиции статьи 17.10 КоАП РФ позволяет заключить, что указанное административное правонарушение может быть совершено как в форме умысла, так и неосторожности. Форма вины должна учитываться в соответствие со статьей 26.1 КоАП РФ при назначении административного наказания. При этом следует принимать во внимание, что у субъектов административной юрисдикции, в

---

[1]См.: Макарейко Н.В. Бланкетные нормы законодательства об административных правонарушениях // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 59–64.

[2] См.: Кипарисов Г.Ф. Бланкетные нормы российского права: доктрина, практика, техника: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 360 с.

[3]О Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации: указ Президента РФ от 29 июня 1999 г. № 856 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 27, ст. 3309.

[4]Об упорядочении изготовления, использования, хранения и уничтожения печатей и бланков с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 27 декабря 1995 г. № 1268 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 2, ст. 123.

[5] См.: Бочарникова Н.А. Административная ошибка: правовое содержание, Значение и основные направления преодоления: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. 191 с.

[6] См.: Макарейко Н.В. Роль Верховного Суда Российского Федерации в обеспечении конституционности применения административной ответственности // Актуальные вопросы российского конституционализма: сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 6 декабря 2024 года) / под общ. ред. Н.А. Трусова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 181–192.

[7] О внесении изменения в статью 17.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 08 ноября 2008 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 45, ст. 5143.

[8] См.: Макарейко Н.В. Вопросы усмотрения при применении административного принуждения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 79–87.

качестве которых может выступать исключительно суд (ст. 23.1 КоАП РФ), существует потенциальная возможность с учетом конкретных обстоятельств дела признать деяние малозначительным (ст. 2.9 КоАП РФ). Принятие такого решения предусматривается постановлением Пленума Верховного Суда РФ[1]. При этом следует иметь в виду, что наличие неосторожной формы не освобождает от административной ответственности. Малозначительность административно-наказуемого деяния должна связываться с характеристикой совершенного правонарушения и наступивших противоправных последствий.

А. А. Куратовым обращается внимание на роль установления причин, условий и мотивов совершения административных правонарушений, связанных с незаконным использованием Государственного герба РФ[2]. С этой целю, предлагается активизировать использование представлений об устранении причин и условий способствующих совершении административных правонарушений в указанной области (ст. 29.13 КоАП РФ). Не возражая в отношении данного предложения, мы полагаем, при конструировании соответствующих составов административных правонарушений в качестве одного из квалифицирующих признаков следует закрепить мотив совершения административных правонарушений.

Следует признать оправданным наделение должностных лиц органов внутренних дел полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях (ст. 28.3 КоАП РФ), которые являются процессуальным основанием для рассмотрения дела об административном правонарушении. Наряду с этим у прокурора в силу действующего законодательства (ст. ст. 25.11, 28.4 КоАП РФ имеются правомочия по фиксации административного правонарушения, посягающего на государственную символику. В отличие от других субъектов они должны вынести постановление о возбуждении дела об административном правонарушении и составление протокола об административном правонарушении не требуется. Инициирование возбуждения дела об административном правонарушении прокурором позволяет активизировать его роль в производстве по делу об административном правонарушении. Вместе с тем имеют место существенные проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях[3].

Не умаляя потенциала административной ответственности, следует отметить усиление использовать других мер административного принуждения, прежде всего, предупреждения и пресечения, что будет всемерно способствовать предупреждению противоправных посягательств на государственную символику и их прекращению. Наряду с этим не стоит сбрасывать со счетов применение непринудительных средств воздействия (убеждение, поощрение), что весьма значимо в силу формирования гражданского общества в стране.

Интерес представляет использование государственной символики должностными лицами отдельных органов государственной власти[4]. Очевидно, что в ряде ситуаций правонарушения совершаются в силу ненадлежащей информированности соответствующих должностных лиц в рассматриваемой области.

Одним из важных аспектов рассматриваемой проблематики является его региональный аспект. Он обусловлен реализацией административной ответственности за противоправные посягательства, связанные с использованием государственной символики субъектов Российской Федерации. В специальной литературе отмечается, что на региональном уровне отсутствует единство в решении указанного вопроса[5]. Он является частным проявлением установления и реализации административной ответственности на указанном уровне. Мы полагаем, что учитывая типичность ситуации, было бы целесообразным ограничить полномочия регионального законодателя по установлению административной ответственности, что позволило бы предупредить административно-правовые ошибки.

Подводя краткий итог рассматриваемой проблематики, следует отметить, что требуется определенная коррекция нормативного правового регулирования установления административной ответственности за администратвиные правонарушения, посягающие на государственную символику, что позволит упрочить состояние правопорядка в указанной области. С учетом специфики охраняемых отношений требуется соответствующая подготовка правоприменителей для осуществления правоохраны в рассматриваемой области.

---

[1] См.: О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

[2] См.: Куратов А.А. Выявление мотивов правонарушений, способствующих незаконному использованию Государственного герба Российской Федерации // Административное право и процесс. 2016. № 10. С. 60–63.

[3] См.: Макарейко Н.В. Проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования прокуратуры России (Россия, Нижний Новгород, 2–3 июня 2022 г.) / отв. ред. доктор юридических наук, профессор А.В. Мартынов. Н. Новгород: ООО Буки-Веди, 2023. С. 124–131.

[4] См.: Васильев А.Л. Проблемы официального использования государственных символов Российской Федерации органами судебной власти // Российский судья. 2006. № 12. С. 13–16.

[5] См.: Нужин К.В. Правовое регулирование ответственности за ненадлежащее использование государственных символов субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2008. №. С. 35–38.

Назаренко Геннадий Васильевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и публичного права Московского университета «Синергия», академик Российской академии юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Nazarenko Gennady V.

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal and Public Law at Moscow University "Synergy", Academician of the Russian Academy of Law Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

E-mail: orcrimpravo@yandex.ru

Символы, структурирующие текст уголовного закона: проблемы и решения

Symbols that structure the text of the criminal law: problems and solutions

Аннотация. Статья посвящена недостаточно исследованной теме символов, структурирующих текст уголовного закона, а также проблемам, которые связаны с языковой компетенцией юристов. В статье показано, что в качестве формальных элементов уголовного закона структурирующие символы не имеют самостоятельной правовой силы, но вместе с тем дают возможность правильного толкования уголовно-правовых предписаний и создают предпосылки точной квалификации преступных деяний, так как эти символы способствуют осуществлению ряда таких взаимосвязанных функций уголовного закона, как организационная, коммуникативная, интерпретационная и правоприменительная. В силу этого структурирующие символы являются неотъемлемой частью правовой системы, соответствующей международным стандартам юридической техники и требованиям отечественной законодательной текстологии. Автор с сожалением отмечает падение уровня языковой грамотности среди юристов уголовно-правового профиля, занимающихся научными исследованиями, и предлагает ряд мер, направленных на повышение языковой компетенции преподавателей юридических факультетов и высших учебных заведений.

Ключевые слова: уголовный закон, структурирующие символы законодательного текста, функции структурирующих символов, уровень языковой компетенции юристов, кризисные явления в уголовно-правовой науке, меры, направленные на повышение языковой компетенции юристов

Annotation. The article is devoted to the insufficiently studied topic of symbols structuring the text of the criminal law, as well as problems related to the linguistic competence of lawyers. The article shows that as formal elements of the criminal law, structuring symbols do not have independent legal force, but at the same time they provide an opportunity for the correct interpretation of criminal law regulations and create prerequisites for the accurate qualification of criminal acts, since these symbols contribute to the implementation of a number of such interrelated functions of the criminal law as organizational, communicative, interpretative and law enforcement. Due to this, structuring symbols are an integral part of the legal system that meets international standards of legal technique and the requirements of domestic legislative textology. The author regrets the decline in the level of language literacy among criminal law lawyers engaged in scientific research, and proposes a number of measures aimed at improving the linguistic competence of teachers of law faculties and higher educational institutions.

Keywords: criminal law, structuring symbols of legislative text, functions of structuring symbols, level of linguistic competence of lawyers, crisis phenomena in criminal law science, measures aimed at improving the linguistic competence of lawyers

Для цитирования: Назаренко Г.В. Символы, структурирующие текст уголовного закона: проблемы и решения // Юридическая техника. - 2026. - № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) гл. ред. проф. В.М.Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 558–562.

Актуальность исследования структурирующих символов в уголовном законодательстве определяется тем, что они являются носителями наглядной и вполне доступной информации, которая представлена в тексте уголовного закона в предельно сжатой форме. Эти символы представляют собой вспомогательные визуальные объекты, способствующие восприятию основной информации, заложенной в уголовном законодательстве.

В правовых исследованиях по уголовному праву структурирующим символам не уделяется должного внимания, несмотря на их особую коммуникативно - информационную функцию в законодательных текстах. Исключение в этом отношении представляют собой работы по законодательной текстологии уголовного права, в которых рассматриваются структурные особенности текстов уголовно-правовых предписаний, институтов и Уголовных кодексов[1].

Именно структурирующие символы придают Уголовному кодексу и уголовным предписаниям четкую форму и тем самым способствуют оптимальному восприятию норм и правовых институтов, а также их правильной реализации. Вместе с тем концепт «символ» крайне редко используется в понятийном аппарате науки уголовного права и до настоящего времени не известен правоприменителям, а понятие «структурирующие символы» отсутствует даже в монографических работах, посвященных символам в уголовном праве[2].

На наш взгляд, научную ценность данных исследований в определенной степени ограничивает рассмотрение в этих работах тех аспектов, которые достаточно известны благодаря публикациям, касающимся общетеоретических разработок по уголовному праву, таких как состав преступления, его элементы и признаки[3].

Указанные факторы свидетельствуют о том, что исследование символов, имеющих место в уголовном законодательстве, требует дальнейших исследований как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Особенно это обстоятельство касается структурирующих символов, так как этот феномен в силу традиционного подхода к правовым исследованиям символов остался вне поля зрения специалистов по законодательной технике уголовного права.

Структурирующие символы уголовного законодательства - это структурно-организационные элементы законодательного текста, являющиеся средствами оформления и организации уголовного закона, которые создают его иерархичность, структурную четкость, доступность восприятия и заданную законодателем интерпретацию. Будучи обязательными средствами законодательной техники уголовного закона, структурирующие символы связаны с интерпретацией уголовно-правовых предписаний Общей части и норм Особенной части УК РФ, а также с практикой их применения. В этом качестве структурирующие символы уголовного закона являются надежными ориентирами, дающими возможность правоприменителям и всем пользователям уголовного закона находить необходимую уголовно-правовую информацию, толковать уголовно-правовые нормы, а следователям и судьям их правильно применять.

При этом в большинстве случаев юристы-практики, как правило, даже не осознают, что на их деятельность влияют символы, структурирующие текст уголовного закона, поскольку правоприменители не обращают должного внимания на такие элементы оформления и организации законодательного текста, которые ***сопровождают*** членение уголовного закона на Общую и Особенную части, разделы, главы, статьи, части статей и примечания. Оставаясь у всех на виду сопроводительные символы в силу их неприметности с течением времени обрели латентный характер. Эти текстологические элементы уголовного закона «скрываются» за содержанием уголовно-правовых предписаний, но тем не менее, оказывают на их смысловое содержание далеко не символическое, а сугубо практическое значение.

Правовой памятник Древней Руси, Русская Правда, в трех редакциях (Краткой, Пространной и Сокращённой), который содержит нормы уголовного права, фактически не знал символов, используемых для структурирования законодательных текстов. Все дошедшие до наших дней рукописные списки этого правового памятника (их более сотни) не имеют пробелов между словами. Списки Краткой Правды, имеющей более раннее происхождение, написаны сплошным текстом без разделения на статьи. Текст Пространной Правды имеет заголовки, которые выделены киноварью и заглавными буквами. Эти средства можно отнести к цветовым и графическим символам, которые служили для выделения заголовков, обозначающих важные смысловые части законодательного текста[4].

Русская Правда, написанная без использования символов, разделяющих текст на части (разделы, главы, статьи и т. д.), к тому же без интервалов между словами, без использования системы знаков препинания, представляла большую сложность для рескрипторов и правоприменителей Древней Руси. Тексты Русской Правды вначале приходилось расшифровывать путем опознания слов, словосочетаний, терминов и терминологических оборотов, уяснять их смысл, а затем заучивать текст наизусть для практического применения. Этот предельно трудоёмкий процесс создавало отсутствие в законодательном

[1] Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права: монография. М. 2011С.169-216.
[2] Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления6 автореф. дис. … канд. юрид. наук.12.00.08. Казань: Каз. гос. ун-т, 2002. – 20 с.
[3] Иванчин А.В. Состав преступления: учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 125 с.
[4] Российское законодательство X-XX в. Т.1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С.5-40.

тексте конструктивных символов, таких как абзацы, пробелы между словами, знаки препинания и разбивка на юридически значимые смысловые блоки и части посредством заголовков, снабженных римскими и арабскими цифрами, а также буквами кириллицы, символизирующими деление нормативного материала на юридически значимые структурные образования.

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации снабжен не только многочисленными символами, структурирующими уголовно-правовую материю, но также обеспечен заголовками и словами-маркерами, которые конкретизируют текстологические символы уголовного закона, обозначая различные уровни структуры Кодекса, придавая им за счет символических и содержательных элементов иерархическое соподчинение, образующее системные связи между Общей и Особенной частями, разделами, главами и статьями. Соответственно, Уголовный кодекс РФ имеет деление на общие положения, обозначенные в тексте закона как «Общая часть» и конкретные составы преступлений, выделенные в тексте как «Особенная часть». Общая часть Кодекса включает в себя несколько блоков, которые пронумерованы римскими цифрами, символизирующими разделы (I, II, III, IV, V). Арабские цифры символизируют порядковые номера глав (1 — 15[2]) и статей (1–104[5]). Для дифференциации арабских цифр, обозначающих номера глав и статей, используется символика шрифта: порядковые номера глав обозначены жирным укрупненным шрифтом (**1,2,3** и т.д.), а номера статей даны обычным, но укрупненным шрифтом (3,4,5 и т.д.). Части статей пронумерованы не крупным, но жирным шрифтом (**1,2,3,4,5**). Размер шрифта и начертание арабских цифр являются графическими символами, внешние признаки которых дают возможность четко дифференцировать арабские цифры, используемые для обозначения глав и статей Общей части УК.

В Особенной части Уголовного кодекса РФ законодатель использует аналогичные цифровые и графические символы. При этом кроме римских цифр в разделах и арабских цифр в главах и статьях в качестве символов деления частей множества статей на пункты используется литерация, то есть обозначение пунктов прописными буквами кириллицы. Например, ст.158 «Кража» состоит из нескольких частей, которые обозначены цифрами 1,2,3,4, символизирующими деление статьи на четыре части. При этом части 2,3,4, которые содержат квалифицирующие признаки кражи, имеют пункты а), б), в), г), а ч.2 и 3 ст. 158 УК - пункты а), б) ,в), как и ч.4 ст.158 УК. Дифференцированная структура статей Особенной части Уголовного кодекса дает возможность детально отразить в квалификационной записи конкретные признаки совершенного преступления. Так, преступное деяние, совершенное в виде кражи группой лиц по предварительному сговору с причинением значительного ущерба гражданину, подлежит квалификации по п. «а», «в» ч.2 ст. 158 УК РФ, которые символизируют указанные в этой статье отягчающие признаки.

Кроме того, законодатель в качестве символов, повышающих читабельность законодательного текста, использует интервалы, отделяющие заголовки друг от друга и интервалы между статьями. Функцию графических символов в законодательном тексте выполняют знаки препинания, пробелы между словами и абзацы, снабженные цифровыми и буквенными символами, которые обеспечивают четкое восприятие структуры статей и уголовно-правовых норм. Обращает на себя внимание наличие комплекса символов, используемых для дифференциации диспозиций и санкций в статьях Особенной части УК РФ. Дифференцирующий комплекс включает в себя такие знаки препинания, как запятая и тире, которые обозначают termin (предел) диспозиции и ее связь с санкцией, которая дополнительно отделена от диспозиции абзацем. Примечательно, что знаки препинания, включенные в комплекс символов, используются без грамматической необходимости, поскольку запятая и тире на стыке диспозиции и санкции не соответствуют правилам синтаксиса. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что эти элементы выполняют роль сугубо структурных символов, а не пунктуационных знаков, вид которых они имеют.

Знаки препинания, которые выполняют свои синтаксические функции, в тоже время являются конструрирующими символами законодательного текста. Их двойная функциональность очевидна, но далеко не всем. На фоне заметного падения грамотности среди юристов молодого и среднего возраста, занимающихся научными исследованиями, в последние годы получило распространение негативное мнение, согласно которому знаки препинания в доктринальном тексте не имеют существенного значения. Эту позицию фактически поддерживают те диссертационные советы, которые не обращают внимания на изобилие языковых ошибок в диссертациях, а также экспертная комиссия по уголовному праву и политологии, так как эксперты этой комиссии игнорируют основные положения закона о государственном языке, требования которого о грамотности распространяются на образовательную и научные сферы. В результате своеобразного подхода ВАК РФ присуждает ученые степени даже тем соискателям, которые допускают беспрецедентное количество ошибок языкового характера[5]. Такого рода политика подготовки научных кадров в юридических вузах неизбежно приведет не только к псевдонаучности уголовного права и криминологии, но и к снижению качества действующего Уголовного кодекса РФ и обезнаучиванию федеральных законов, вносящих текущие изменения и дополнения в уголовно-правовые институты.

[5] Ситникова А.И. Имитация диссертационных исследований в праве //Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. №1. С.157-169.

Исходя из роли символов, структурирующих текст уголовного закона, совершенно недопустимо их произвольное использование в научных текстах, поскольку ошибочное использование символов не только искажает концептуальные высказывания, но и существенным образом изменяют смысл предлагаемых уголовно-правовых норм за счет пропуска знаков препинания или их неверной постановки. Современные юристы-практики нередко упускают из виду, что игнорирование и неверное использование структурных символов ведёт к смысловым ошибкам, снижает точность интерпретации норм, определения конкретных составов преступлений, квалифицирующих признаков и в конечном итоге негативно влияет на качество правоприменения. Вот почему не лишним будет напомнить (в том числе лицам, которые берут на себя роль нормодателей), что «точка» как самый распространенный символ не только завершает уголовно-правовые предписания, но и служит знаком, отделяющим цифровые символы от заголовков разделов, глав и статей, начинающихся литерным символом, в качестве которого выступают заглавные буквы. В этой связи возникает вопрос, почему после слова «Примечания» в тексте уголовного закона фигурирует точка, а не двоеточие? Например, в примечаниях к ст.158 УК РФ, где сформулированы четыре комментирующих статью «Кража» дополнения. В данном случае логичней использовать знак «двоеточие», так как рубрика «Примечание» включает в себя перечень пронумерованных комментариев к статьям Особенной части. В приведенном примере двоеточие - это символ, который указывает на пояснения, которые находятся в логической связи с составами кражи, признаки которых даны в ст. 158 УК РФ.

Наиболее частыми символами, структурирующими текст уголовного закона, являются такие знаки, как запятая (,) и точка с запятой (;). Запятая символизирует наличие в уголовно-правовых предписаниях таких признаков и смысловых фрагментов, которые требуется разделить между собой, выделить либо обособить. Запятыми выделяются обособленные определения, уточняющие и пояснительные признаки. Без запятых, выполняющих эти функции, юридические тексты становятся бесформенным набором слов, теряющим смысловую определенность. К сожалению, в юридических диссертациях последнего времени нередко встречается и другая крайность: произвольная постановка запятых, которая порождает недопустимый в научных текстах алогизм и сумбур изложения[6].

Наиболее часто запятая используется как элемент, структурирующий санкции статей Особенной части УК РФ, которые содержат обширные перечни альтернативных наказаний. Обращает на себя внимание полиальтернативность подобных санкций, растущая из года в год. Невольно складывается впечатление, что избыточность символов, структурирующих санкции статей, тесно связан с избыточной альтернативностью наказаний: чем больше в тексте санкций запятых, тем больше альтернативных наказаний и шире произвол судебных решений и возможность назначения условного (символического) наказания или тождественной символическому наказанию отсрочки исполнения приговора, особенно в случае применения ч.6 ст.15 УК РФ.

Точка с запятой используется в законодательных текстах в качестве сугубо разделительного элемента в тех уголовно-правовых предписаниях Общей части, где законодатель дает перечень видов наказаний, обозначенных литерами а), б), в), г), д) и т. д., которые символизируют наличие альтернативных наказаний, одна часть которых может быть назначена в качестве основных, а другая - в качестве дополнительных (ст.44 УК РФ). Аналогичным образом в Общей части структурированы обстоятельства, смягчающие наказание (ст.61 УК), и обстоятельства, отягчающие наказание (ст.63 УК), и ряд других четко структурированных уголовно-правовых предписаний.

В этой связи представляется, что ст. 20 УК РФ, где вторая часть содержит недифференцированный перечень преступлений, за которые ответственность предусмотрена с четырнадцати лет, нуждается в разукрупнении за счет изменения ее структурного облика по образцу вышеприведенных статей. Дело в том, что в первоначальной редакции ч.2 ст. 20 УК РФ содержала перечень двадцати составов преступлений, а в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. данная часть включает в себя 32 состава. В результате этот перечень, который и ранее не отличался компактностью, в настоящее время представляет собой предельно громоздкий текст, так как в его составе наряду с номерами статей находятся объемные заголовки, например, «хищение либо вымогательство, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226)». Часть вторая ст. 20 УК РФ явно нуждается в разукрупнении, в том числе путем разделения ее на подгруппы по объектам преступлений, таким как «преступления против собственности», «преступления против общественной безопасности» и так далее.

В Особенной части УК РФ комплекс символов в виде знаков препинания используется в сочетании с цифровыми и буквенными символами. Наиболее наглядно в этом отношении структурирована ч.2 ст. 105 «Убийство», которая содержит четырнадцать отягчающих признаков, обозначенных буквами от а) до и) под скобку. В качестве структурирующих элементов наряду с цифровыми и литерными знаками с непарными скобками вполне уместно используется вербальное обозначения части второй в сопровождении двоеточия, сигнализирующего о наличии перечня квалифицирующих признаков, разделенных между собой абзацами и знаком «точка с запятой». Использование указанного комплекса элементов создает четкую структуру диспозиции, которая дает возможность в режиме быстрого доступа получить необхо-

[6] Ситникова А.И. Имитация диссертационных исследований в праве //Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. №1.С.157-169.

димую информацию о признаках квалифицированного убийства, а также точно и детально обозначить квалификационную запись совершённого деяния.

Аналогичным образом структурированы диспозиции ч.2 ст.110 «Доведение до самоубийства», ч.3 ст.110.1 «Склонение к совершению к самоубийству или содействие совершению самоубийству», ч.2 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ч.2 ст.112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» и многие другие диспозиции. Кроме того, наряду с рассмотренными структурирующими элементами с целью экономии законодательного материала в УК РФ используются вербальные обозначения преступных деяний, имеющие цифровые обозначения. Например, в ч.3 ст.110.1 УК РФ перечню квалифицирующих признаков предшествует вербализованный цифроид : « 3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи...:». Этот законодательно-технический прием широко распространен в Особенной части УК РФ как средство устранения тавтологии нормативного материала.

Анализ символов, структурирующих текст действующего Уголовного кодекса РФ, показывает, что указанные символы — это формальные элементы, которые законодатель использует для организации текста уголовного закона в единую, логически выстроенную систему. В качестве формальных элементов структурирующие символы не имеют самостоятельной правовой силы, но вместе с тем обеспечивают наглядное восприятие структуры Уголовного кодекса, четкость структуры его разделов, глав и статей, возможность правильного толкования уголовно-правовых предписаний и создают предпосылки точной квалификации преступлений в соответствии с принципами уголовного закона. Проще говоря, высокая степень формализации Уголовного кодекса РФ обеспечивает его правоприменительную определенность и связанную с ней функциональность.

Структурирующие символы выполняют в тексте уголовного закона ряд взаимосвязанных функций: организационную (обеспечивает порядок и логику построения кодекса) , коммуникативную (делает текст закона доступным для восприятия правоприменителей и пользователей), интерпретационную (позволяет правильно толковать нормы УК РФ), правоприменительную (создаёт возможность осуществлять точную квалификацию преступлений) и превентивную (повышает предсказуемость толкования и применения уголовно-правовых предписаний).

Таким образом, структурирующие символы Уголовного кодекса Российской Федерации — это не только элементы оформления законодательного текста, но и неотъемлемая часть правовой системы, которая соответствует международным стандартам юридической техники и требованиям отечественной законодательной текстологии. Без структурирующих символов уголовный закон утратил бы вместе с формальной определенностью свою юридическую силу и функциональность.

К сожалению, падение языковой грамотности среди юристов уголовно-правового и криминологического профиля — это не столько вопрос орфографии, пунктуации и стилистики. Эта тенденция представляет собой системную проблему, которая затрагивает будущее уголовно-правовой науки и способность юристов-практиков обеспечить верховенство права и законность. В этой связи катастрофическое падение уровня языковой грамотности среди юристов несёт угрозу не только профессии, но и правовому государству в целом.

Возможные пути решения указанных проблем: включить в программы повышения квалификации преподавателей юридических факультетов обязательный модуль «Язык юридической науки: стилистика, терминология, структура доктринальных текстов». Цели модуля: формирование навыков создания и анализа научных тезисов, статей, авторефератов, диссертаций; повышения уровня грамотности и языковой культуры преподавателей; привлечение внимания к классической и современной юридической доктрине как образцу научного письма.

Предлагаемый модуль может быть реализован в рамках существующих ДПП (дополнительных профессиональных программ) и рассчитан на 36 академических часов. По итогам необходимо проведение зачета с защитой отредактированного фрагмента научной работы.

Реализация этой обоснованной инициативы, направленной на повышение языковой культуры, научного уровня и престижа юридического образования вполне отвечает положениям национального проекта «Образование», который размещен на официальном портале: https://edu.gov/ru

Плясов Константин Анатольевич

доктор юридических наук, академик Российской академии юридических наук, начальник Нижегородской академии МВД России, генерал-майор полиции

Plyasov Konstantin Anatolyevich

Doctor of Law, Academician of the Russian Academy of Law, Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Major General of Police

Символизм в криминалистике

Symbolism in criminalistics

Аннотация. В статье раскрываются основные формы и признаки проявления символизма в криминалистике, выразившиеся в ее прикладном и теоретическом характере. Особенность символизма в криминалистике заключается в том, что символы необходимо находить не только в материальном мире в виде образа отдельных следов и инструментария, необходимого для работы с ними, но и в самих продуктах криминалистического научного творчества. Начиная от обширного разнообразия криминалистической техники, заканчивая криминалистическими рекомендациями – все это символизирует криминалистическое начало. Отмечается, что сама криминалистика выступает символом деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, а известные ученые-криминалисты и научные школы – преемственности поколений в научном обеспечении борьбы с преступностью. Делается вывод о том, что уровень развития криминалистического знания может служить олицетворением эффективности всей правоохранительной системы.

Ключевые слова: символизм; криминалистика; символ; знак; язык криминалистики; преступная деятельность; деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений

Annotation. This article explores the main forms and characteristics of symbolism in criminalistics, expressed in its applied and theoretical nature. A distinctive feature of symbolism in criminalistics is that symbols must be found not only in the material world, in the form of individual traces and the tools necessary for working with them, but also in the very products of criminalistics creativity. From the vast diversity of criminalistics equipment to criminalistics recommendations – all this symbolizes the criminalistics principle. It is noted that criminalistics itself serves as a symbol of the activity of identifying, solving, and investigating crimes, while renowned criminalistics scientists and scientific schools symbolize the continuity of generations in the scientific support of the fight against crime. It is concluded that the level of development of criminalistics knowledge can serve as an embodiment of the effectiveness of the entire law enforcement system.

Keywords: symbolism; criminalistics; symbol; sign; criminalistics language; criminal activity; activities to identify, solve and investigate crimes

Для цитирования: Плясов К.А. Символизм в криминалистике // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 563–566.

В Большой российской энциклопедии символизм раскрывается как направление в европейской литературе и искусстве конца 19 века и начала 20 века, на формирование которого прежде всего повлияли А. Шопенгауэр, Э. фон Гартман, Ф. Ницше, Р. Вагнер и Э. По[1]. Разумеется, были и другие мыслители, ученые, писатели, поэты, художники разных времен и народов, развивавшее это течение, в том числе и в России. Как минимум в этом списке следует указать В.С. Соловьева, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского и других.

Основная идея символизма – восприятие окружающей действительности «…как систему символов, т. е. зримых носителей незримого и сверхчувственного – единой духовной субстанции, пронизывающей природный мир (объективная трансцендентная сущность универсума) и человеческое сознание (субъективный внутренний мир индивида), которую можно постичь лишь интуитивно с помощью искусства»[2].

[1] Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/literature/text/3662500 (дата обращения: 08.11.2025).
[2] Там же.

Представляется, что реализуется это не только с помощью искусства, но и науки. Указанное уточнение наглядно подтверждается тем, что символизм также справедливо относится к типу миропонимания[1] и мышления[2], которые свойственны ученым и ими же исследуется. Особое представление картины мира и абстрактное мышление и вовсе является неотъемлемым атрибутом в деятельности ученых.

Среди всех работ в этой области особо выделяется семиотика и поэтика Р. Барта[3], символы трансформации К.Г. Юнга[4], работа Дж. Пирса «Символы, сигналы, шумы»[5], философия символических форм Э. Кассисера[6], теории символа Ц. Тодорова[7], символизм А.Н. Уайтхеда[8], фундаментальный труд А.Ф. Лосева «Знак. Символ. Миф»[9], символизм миропонимания А. Белого[10], символизация Л.В. Уварова[11], проблема символа К.А. Свасьяна[12], символика в познавательном и идеологическом процессе В.И. Антонова[13], проблема символа в философии С.Г. Сычевой[14] и другие. Имеется множество диссертаций, которые так или иначе затрагивают эту тему[15].

Юридическая наука в свою очередь уже давно обратила внимание на место символов и знаков в праве. Например, И.В. Мальцев в своей диссертации отмечает, что исследования символов в правовом контексте начались еще в XVIII веке, а первый труд вообще относится к XIV веку, когда вышел в свет трактат Бартоло да Сассоферрато «О знаках и гербах»[16].

Современных правоведов, занимающихся теоретической и методологической разработкой этой проблематики солидное количество. Учитывая незавершенность категориальной разработки, к этой группе можно отнести многих авторов, проводящих исследования как по теории государства и права, так и в рамках отраслевых наук. В целом научный поиск в этой области сводится к изучению вопросов семиотики права, отдельных символов в праве, правовых символов[17]. Имеются работы, посвященные и символизации права[18]. Что касается отраслевых юридических наук, то там также присутствует общая теоретико-правовая логика. По всей видимости, со всей справедливостью можно говорить о символах в уголовном праве, гражданском праве, административном праве, финансовом праве, трудовом праве и т.д. Наглядным подтверждением верности подобных рассуждений выступает монографическое исследование Н.С. Гончаровой, посвященное проблеме символов в уголовном праве[19].

В криминалистике и судебной экспертизе проявления символизма в основном находят через обращение к языку криминалистики и судебной экспертологии[20], их семантической основе[1] и терминологии[2],

---

[1] Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. 528 с.

[2] Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: https://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/epistemology/articles/853/simvolizm.htm (дата обращения: 08.11.2025).

[3] Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.

[4] Юнг К. Символы трансформации; пер. с англ. М., 2021. 583 с.

[5] Пирс Дж. Символы, сигналы, шумы. М., 1997. 337 с.

[6] Кассисер Э. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб., 2001. 271 с.; Кассисер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб., 2002. 280 с.; Кассисер Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. М.; СПб., 2002. 398 с.

[7] Тодоров Ц. Теории символа / перевод с французского Б. Нарумова. М., 1998. 408 с.

[8] Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999. 64 с.

[9] Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. 480 с.

[10] Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. 528 с.

[11] Уваров Л.В. Символизация как гносеологическая проблема (системный анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Минск, 1978. 51 с.

[12] Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии (Критика и анализ). Отв. ред. А.В. Гулыга. Ер., 1980. 226 с.

[13] Антонов В.И. Символика в познавательном и идеологическом процессе. Улан-Удэ, 1991. 128 с.

[14] Сычева С.Г. Проблема символа в философии: дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2002. 336 с.

[15] См., например: Поликарпов В.С. Философский анализ роли символов в научном познании: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1988. 29 с.; Олейник С.М. Философские модели интерпретации символов и их онтологические основания: автореф. дис. ... канд. филос. наук Барнаул, 2004. 24 с.; Мищанина Т.А. Знак как гносеологическая конструкция в познании неизвестного: автореф. дис. ... канд. филос. наук М., 2009. 23 с.

[16] Мальцев И.В. Символы в праве и юридической науке: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 6.

[17] См., например: Никитин А.В. Правовые символы: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. 241 с.; Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. 51 с.; Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 183 с.; Мальцев И.В. Символы в праве и юридической науке: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. 341 с.

[18] Глушаков А.Ю. Символизация права (теоретические аспекты). СПб., 2007. 153 с

[19] Гончарова Н.С. Символы в российском уголовном праве: монография. М., 2024. 206 с.

[20] См., например: Малютина О.А. Язык криминалистики в протоколах следственных действий: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 205 с.; Кузнецов В.О. Современные тенденции формирования и развития экспертных понятий как элемента языка судебной экспертологии: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 161 с.; Юматов В.А., Нестерова О.А. Язык криминалистики и судебной экспертизы. Современное состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 254-258; Степаненко Д.А. К вопросу о языке науки криминалистики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3(94). С. 223-231; Комаров И.М. К вопросу о языке криминалистики // Вестник Московского университета. Серия. Право. 2024. Т. 65. № 6. С. 152-

знаковым системам[3]. Однако эти работы нельзя отнести к группе исследований, в которых затрагивалась бы сама проблема символизма в криминалистике.

На наш взгляд, это, главным образом, связано с неопределенностью терминологии и методологическим различием двух типов символизма, которые существуют в криминалистике. По первой части проблемы необходимо раз и навсегда определиться с тем, что смысл символов, знаков, языка универсален независимо от сферы приложения, а их соотношение давно уже определено в других областях научного знания. Тем самым, споры об этом становятся беспредметными и непродуктивными. Если язык есть система знаков, а знак ее элемент, имеющий определенное значение, то символ выражает смысл того или иного знака или системы знаков через процесс понимания отдельного субъекта.

В свое время Р.С. Белкин уделил серьезное внимание систематизации имеющихся знаний о языке криминалистики и ее знаковых системах[4]. С одной стороны, им отмечался общетеоретический характер этих категорий, с другой – указывалось на разнородность типов знаковых систем в криминалистике. Так, им приводится пять направлений разработки проблем в этой области:

– исследование методологических проблем построения и функционирования знаковых систем в криминалистике;

– разработка и применение в криминалистике знаковых систем кибернетики;

– разработка информационно-поискового языка для использования компьютерных методов;

– использование знаковых систем символической логики для анализа процесса расследования и попытки создания алгоритмов расследования отдельных видов преступлений;

– разработка различных графических знаковых систем[5].

Это, действительно, крайне важные аспекты изучения знаковых систем в криминалистике, которые позволяют усилить потенциал всей правоохранительной системы за счет проведения самостоятельных исследований по каждому направлению. В то же время, следует признать, что само существование знаковых систем не свидетельствует о проявлении символизма.

По второй части обозначенного нами выше суждения – видится, что давно уже пора признаться, что существует не только прикладная криминалистика, но и теоретическая.

В прикладной криминалистике символизм проявляется в отдельных символах, генерируемых самой деятельностью по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Здесь это чаще всего все, что относится к объектам материального мира и их отображениям. Например, обнаруживаемое на месте происшествия разнообразие следов символизирует, с одной стороны, реализованную преступную деятельность, с другой – процесс работы с ними в рамках деятельности по противодействию. Изображение папиллярных узоров рук, отображения внешнего строения подошв обуви, шин транспортных средств уже давно стали своего рода символом криминалистики, часто используемых в связанных с этой тематикой эмблемах.

Имеющийся арсенал технико-криминалистических средств также претендует на статус криминалистических символов. Так, к ним относятся увеличительные устройства и приборы, среди которых, прежде всего, выделяется лупа, а также микроскоп, измерительные и фиксирующие приспособления (номерки, масштабные линейки) и многое другое. По сути сам криминалистический чемодан также следует отнести к этой группе. Таким образом, символами прикладной криминалистики является весь инструментарий, относящийся как к стороне преступников, так и к стороне следователей, дознавателей, экспертов, оперуполномоченных и т.д., а также результаты его применения. Часто такого типа символы отвечают за наглядное и упрощенное представление сущности криминалистики.

Идее символизма в самом классическом понимании, очевидно, такие символы соответствуют не полностью. Представляется, что так сужается смысл этого глубокого и обширного направления, что нельзя сказать о символизме, проявляющемся в теоретической криминалистике.

160; Матушкина Н.В. Тенденции развития средств выражения в криминалистике // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sredstv-vyrazheniya-v-kriminalistike (дата обращения: 09.11.2025); Арешонков В.В. Сущность и значение языка криминалистических исследований // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: сборник материалов II Международной заочной научной конференции, Могилев, 19 мая 2017 года / Ответственный редактор В.Е. Бурый. Могилев, 2017. С. 24-26.

[1] См., например: Шаров В.И. Формализация в криминалистике. Вопросы теории и методологии криминалистического исследования: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 56 с.

[2] См., например: Светличный А.А. Криминалистическая терминология в теории и практике противодействия преступной деятельности: дис. … д-ра юрид. наук. Тула, 2024. 630 с.

[3] См., например: Лушин Е.А. Теоретико-прикладные основы криминалистического описания объектов в виде знаковых систем: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 28 с.; Mokhorov D., Mokhorova A. Sign Systems and Technologies in Forensic Science // T&L. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sign-systems-and-technologies-in-forensic-science (дата обращения: 09.11.2025).

[4] Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 262-329.

[5] Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 327-329.

Во-первых, сама криминалистика символизирует противоборствующую с преступностью деятельность, а известные ученые-криминалисты и научные школы – преемственность поколений в научном обеспечении этой борьбы. Это, главным образом, исходит из того, что криминалистика изучает две действительности – криминальную и антикриминальную. Ее двуединый объект символизирует это вечное противостояние. Об этом же свидетельствуют закономерности, заложенные в ее предмет. Вся терминология и понятийно-категориальный аппарат криминалистики, в свою очередь, также являются отражением деятельности правоохранителей – чем они точнее и более разработаны, тем выше ее уровень. Вероятно, уровень развития криминалистического знания может служить олицетворением эффективности всей правоохранительной системы.

Во-вторых, состояние общей теории и методологии криминалистики, а также разнообразие развиваемых в ней частных криминалистических теорий и учений может символизировать о ее соответствии либо несоответствии критериям, которые предъявляются области знания для признания ее наукой. Прежде всего, сформированность объекта, предмета и методов науки делает ее наукой. Именно такой, какая она есть. Представляется, что у криминалистики благодаря усилиям всех предшественников с этим все благополучно. Однако нельзя упускать из-под контроля закономерное развитие области научного знания, в том числе путем крупных теоретических и методологических разработок, предполагающих постоянную ревизию атрибутов.

В-третьих, продукты научного криминалистического творчества выступают символом криминалистики. Тут речь идет об известных всем криминалистических рекомендациях, криминалистических характеристиках, которые разрабатываются учеными-криминалистами. По сути по их качеству и применимости можно понять, что они символизируют – либо упадок в науке криминалистики, либо подъем. Претензии по неоправдавшим себя криминалистическим изобретениям нередко звучат от самих криминалистов[1]. Именно поэтому зачастую им на смену приходят новые виды результатов их исследований, которые символизируют смену парадигмы и поиск более эффективных решений проблем науки и практики. Своевременная адаптация направлений и тематик исследований под текущие нужды может говорить о динамичности и гибкости криминалистики в условиях изменяющегося мира.

Таким образом, символизм в криминалистике имеет две стороны. Первая – обусловлена ее прикладным характером и находит выражение в символах преступной деятельности и деятельности по ее выявлению, раскрытию и расследованию. Она проявляется в типовых средствах и инструментарии двух видов деятельности и результатах их применения. Вторая – исходит от теоретической составляющей криминалистики. В этой части сама криминалистика, известные ученые-криминалисты и научные школы выступают символом противоборствующей с преступностью деятельности. Состояние общей теории и методологии криминалистики, а также разнообразие развиваемых в ней частных криминалистических теорий и учений являются символом ее научности. Продукты научного криминалистического творчества символизируют соответствие (несоответствие) науки потребностям практики.

[1] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 223.

Погодина Татьяна Григорьевна

доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Pogodina Tatiana Grigorievna

Doctor of Medical Sciences, Associate Professor Professor of the Department of Criminal Law and Procedure National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: tatiana.pogodina@mail.ru

Черных Евгения Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, проректор по учебной работе, декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Chernykh Evgeniya Evgenievna

Candidate of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Dean of the Faculty of Law, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

Символы в медицине: содержание, значение, связь с уголовно-правовой деятельностью

Symbols in Medicine: Content, Meaning, and Connection to Legal Activities

Аннотация. В статье рассматривается эволюция символов, связанных с врачеванием; обсуждаются версии об их происхождении и значении для определенных исторических периодов. Показано, что первоначально они были более конкретными, выполняя преимущественно информационные и идентификационные функции, а затем усложнились, стали более знаково-графическими, абстрактными, но при этом возросло их правовое, в том числе и уголовно-правовое, что нашло отражение в современных законодательных актах.

Ключевые слова: символы медицины, эмблемы в медицине, красный крест, маркировки в медицине

Annotation. The article examines the evolution of symbols associated with healing and discusses their origins and significance in different historical periods. It shows that these symbols were initially more specific and served primarily as information and identification tools, but later became more complex and Annotation, with increased legal and criminal implications, which are reflected in modern legal frameworks.

Keywords: medical symbols, medical emblems, red cross, medical markings

Для цитирования: Погодина Т.Г., Черных Е.Е. Символы в медицине: содержание, значение, связь с уголовно-правовой деятельностью // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 567–570.

Символ (от греческого simbolon) в соответствие с определением данным в словаре Брокгауза и Эфрона – это «всякий вещественный знак, имевший условное тайное значение для известной группы лиц».[1]Таким образом, это обозначение, которое является носителем некой информации, понятной определенному сообществу людей. Как указывает В.О. Волкова «порождаемый смысл передается другим

[1]Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. - URL: https://vehi.net›brokgauz/index.html (дата обращения 12.09.2025)

людям, становясь фактом, в котором образ перешел в «свое иное» значение[1]. Это значение может быть юридически значимым и понятным все более широкому кругу лиц.

Символы медицины в полной мере отвечают определению упомянутого выше энциклопедического словаря, так как изначально эти знания были доступны ограниченному кругу лиц, вступление в число которых было достаточно сложным, что мы видим в тексте старейшей клятвы Гиппократа, появившейся около 400 года до н.э., которую ряд молодых исследователей также причисляют к символам медицины. В первых ее строках речь идет о почитании учителей и об ограничении передачи медицинских знаний третьим лицам, то есть создается ореол «тайного знания».

Известный в истории медицины русский врач, написавший первое руководство по акушерству Максимович-Амбодик Нестор Максмович, еще в XVIII веке занимался изучением истории символов и не только в медицине. В результате появился его труд «Емблемы и символы избранные…», ставший настолько популярным в свое время, что упоминание о нем есть даже у И.С. Тургенева в «Дворянском гнезде». Там символ определен как «краткая надпись, состоящая в остроумном изречении немногих слов, совершенный смысл в себе заключающих, кои, будучи соединены с эблемою, руководствуют нас к познанию другой вещи…».[2] То есть, в его понимании символ дополняет эмблему, некий условный знак, воплощая определенную идею. Символы и их эмблемы неразрывно связаны между собой. Получается, что символ – это смысл, содержание явления, а эмблема – его знак, который должен быть понятен определенной группе людей.

Существует множество классификаций символов. В частности, как указывает Давыдова М.Л., юридическая наука, ориентируясь на направленность действия выделяет политические, социальные, экономические[3]. Медицинские мы можем причислять к социальным.

Как указывает Е. Л. Подзорова, символы важны для сознания человека, неся целый ряд функций[4]. Это, прежде всего информационная, дающая представление о некоем явлении. Для ее реализации важна универсальность, широкая распространенность среди различных групп населения, понятность изображения, невзирая на территориальные и языковые различия. С данной функцией перекликается идентификационная, позволяющая причислять конкретное лицо к определенной группе. И, наконец, регулятивная, как выражение правовых явлений, связанных с этим символом. Символ может побуждать к определенным действиям или запрещать их. Можно сказать, что появляется определенная поведенческая схема, возможно эмоционально окрашенная, поскольку перерабатывается сознанием человека.

Символы, связанные с медицинской деятельностью, возникли в глубокой древности, как часто говорят «со времен Гиппократа». Их достаточно много. Первоначальные символы созвучны определенным явлениям природы, животным и растениям. До нас дошли различные их толкования. Исследователи, изучающие данную проблему, разделили все имеющиеся медицинские символы на общие и частные. Первые символизируют медицинскую деятельность в целом, а частные относятся к отдельным направлениям врачевания. К общим принадлежит, прежде всего, изображение змеи. Это основной и древнейший символ медицины. Есть разные варианты этого изображения: змея или змеи вокруг посоха, зеркала или чаши. Как указывали в школе Гиппократа, медицина невозможна без мудрости, символом которой и является змея. Асклепий (Эскулап), бог врачевания, первоначально изображался в виде змеи, а позднее принял облик бородатого мужчины, опирающегося на посох, увитый змеями.

Другое толкование гласит, что змея, сбрасывающая кожу, олицетворяет обновление, исцеление, возрождение и, даже бессмертие. В храмах, возводимых в честь Асклепия, содержали змей, прежде всего полозов. Данные многочисленных древних авторов указывают, что змеи ползали там во время «священного сна», прикладывались к ранам, и считалось необходимым притрагиваться к ним, поскольку через них действует сам бог Асклепий.

Есть различные толкования изображения чащи со змеей. Змея, является символом знаний и мудрости, но, тем не менее она может быть и источником зла, болезни, выпуская яд. При этом, известны и целительные свойства яда. Историки медицины относят появление символа чаши со змеей в XVI веке авторству Парацельса, изучавшего его свойства. Этим изображением он завершил свой труд. Вспомним его знаменитые слова о том, что все есть яд и лишь доза отличает его от лекарства.

В России в XVIII веке при Петре I эта эмблема стала медицинским символом врачебной армейской службы, а в XX веке и символом военной медицины в целом, утвержденным Реввоенсоветом в 1924 году.

---

[1] Волкова В.О., Малахова Н.В., Волков И.Е. — Имагинация: от образа к символу, от символа к тексту / Философская мысль. – 2020. – № 8. – С. 1 - 18. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.8.33491 URL: https:/nbpublish.com/library_read_article.php?id=33491

[2]Избранные емвлемы (!) и символы на российском... с. 19. -URL:https://rusneb.ru›catalog/000199_000009_002988105/ (дата обращения 12.09.2025).

[3] Давыдова М. Л. Классификация правовых символов // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9). С. 4—10.

[4] Подзорова Е. Л. Обретая символ: обзор исследований символа и сим волизации в детской психологии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 6–22. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-6-22

Есть источники, описывающие чашу со змеей как символ Гигеи, дочери Асклепия, изображавшейся в образе девушки, кормившей из чаши змею. Затем ее имя превратилось в Гигиену, ассоциирующиеся сегодня с направлением профилактической медицины.

В Европе XVIII века использовалась медицинская эмблема в виде зеркала, увитого змеей. В медицине Тибета также зеркало использовалось как обязательный атрибут обрядов, связанных с исцелением. Образы зеркала или воды нередко олицетворяли зазеркалье, то есть так называемый «иной мир», недоступный для обычного человека.

Символом медицины считалось и изображение горящей свечи. По мнению древнегреческого философа Гераклита Эфесского огонь как элемент природы, способен излечивать любую болезнь. Изображение свечи дополнялось надписью «Светя другим, уничтожаю себя». Вспомним еще и изображение сердца в ладонях.

В Древнем Китае, кроме змеи для обозначения врачевания использовали образ петуха, который нередко приносился в жертву для исцеления.

Обратимся к частным символам. В средние века в Европе частной эмблемой терапии стало изображение ландыша, уже известного к тому времени как средства полезного при болезнях сердца. А эмблемой педиатрии с начала XIX века стал «флорентийский младенец» – закутанный до пояса ребенок, изображение которого наносилось на здания сиротских приютов.

Символом фтизиатрии, противостоящей туберкулезу, является белая ромашка, ассоциирующаяся с чистотой воздуха, свободным дыханием. Он появился в 1911 году как эмблема благотворительного движения Всероссийской Лиги по борьбе с туберкулезом. Символы хирургии, это, прежде всего, пентаграмма или медицинские инструменты (скальпель, нож, пила). Известна также капля крови, но сейчас она связана больше с донорством.

Таким образом, частных медицинских символов, появившихся в разные время, множество. Как указано в одном из исследований их более пятидесяти. Историческое значение их в том, что они с древности объединяли единомышленников в различные медицинские школы, гильдии, по сути, становясь их социальным лицом, то есть несли идентификационную, информирующую функции, а порой и удостоверительную функции. Практически каждое направление медицинской деятельности имеет свою интересную историю.

Но, наиболее узнаваемым во всем мире общим символом медицины сегодня является красный крест на белом фоне. Чаша со змеей в настоящее время больше рассматривается как частный символ фармакологии.

Символ «красный крест» был утвержден в 1863 году для защиты медицинских работников, а также раненых и медицинских учреждений во время боевых действий. Исторически это изображение отсылает нас к иерусалимскому кресту известному с IV века нашей эры как крест паломника, ставшим символом христианства. Его ассоциируют, прежде всего с милосердием, спасением, надеждой. Связь с медициной обусловлена созданием Международного комитета помощи раненым, впоследствии Международного комитета Красного Креста. На дипломатической конференции 1864 года была принята Первая Женевская конвенция «Об облегчении участи раненых и больных воинов на поле боя», ставшая важнейшим правовым документом. Впервые на международном уровне было указано, что раненым необходимо лечение независимо от того, к какой армии они принадлежат и спасающий их медицинский персонал, является неприкосновенным. В качестве отличительного символа медицинской помощи был утвержден белый флаг с красным крестом. Россия стала одним из первых государств, подписавших этот договор.

Примечательно, что у нас более ста лет назад в 1920 году постановлением Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина была введена уголовная ответственность за незаконное использование символики Красного Креста. Указывалось, что во время ведения военных действий виновные должны предаваться суду военного трибунала.[1]

В 1929 году красный полумесяц был так же утвержден как отличительный символ, наравне с красным крестом. В 1949 году ч. 3 ст. 85 Дополнительного Протокола I к Женевской конвенции введен запрет на вероломное использование эмблем Красного Креста и Красного полумесяца. Совет Безопасности ООН в 1993 году включил конвенцию в состав норм международного права, что сделало ее обязательной для исполнения странами, вовлеченными в военные конфликты.

В соответствие со статьей 269 УК РСФСР от 27.10 1960 года к воинским преступлениям было отнесено незаконное ношение знаков Красного креста и Красного Полумесяца и злоупотребление ими. Затем уголовным кодексом РФ данный состав преступления был декриминализирован. Но, в особенной части действующего УК РФ в ч. 1 ст. 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» указывается на ответственность за применение в ходе боевых действий методов, запрещенных международным договором РФ. Таким образом, к ним относится сегодня и вероломное использование эмблемы Красного Креста. Субъективной стороной данного преступления является вина в форме прямого умысла, а субъектом преступления – вменяемое лицо достигшее возраста 16 лет.

[1] Сто лет назад. За незаконное использование символики... URL:https://rusneb.ru›catalog/000199_000009_002988105/ (дата обращения 12.09.2025).

Таким образом, именно красный крест на белом фоне мы считаем сегодня наиболее узнаваемым символом медицинской помощи, имеющим и уголовно-правовое значение. Мы наблюдаем его, в частности, на транспортных средствах, спешащих оказать помощь пострадавшим. Вспомним, что Уголовный кодекс с 2019 года пополнила ст. 124.1, установившая уголовную ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи.

В 1999 году на Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств участников СНГ был принят модельный закон об использовании эмблемы Красного Креста и Красного Полумесяца, в котором указано, что лица, умышленно причинившие вред здоровью в ходе боевых действий, прикрываясь данным символом, должны нести ответственность за совершенное военное преступление. С 2005 года, была принята третья эмблема в виде красного кристалла.

Нас заинтересовал вопрос, а что же знают об интересующей нас теме учащиеся юридического вуза. Был проведен опрос студентов пятого курса о символах, ассоциирующихся с медицинской деятельностью. В результате выяснилось, что это: 1) белый халат, 2) красный крест, 3) здание больницы, 5) чаша со змеей.

Таким образом, белый халат в общественном сознании также может быть символом медицины. Действительно, определенная форма несет в себе большую смысловую нагрузку. Базовым нормативным документом, регламентирующим требования к внешнему виду медработника, является Постановление главного государственного санитарного врача РФ от 24.12.2020 N 44 (ред. от 14.04.2022). Указано, что одежда должна соответствовать требованиям стандартов (ГОСТ 24760-81 и ГОСТ 25194-82 – медицинские халаты мужские и женские).

Но, нельзя сказать, что медицинских работников отличает лишь белый халат, хотя если вы встретите в медицинской организации человека в такой одежде, то, скорее всего, он медицинский работник. Но, это не обязательно, так как это может быть и эксперт, и сотрудник организаций общественного питания, то есть тех, где нужно соблюдать чистоту и показывать это.

Есть еще целая группа современных знаково-графических медицинских символов, имеющих правовое значение. Существует даже национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 15223-1-2023 «Изделия медицинские. Символы, применяемые для передачи информации, предоставляемой изготовителем». В нем представлены признанные во всем мире символы, связанные с соблюдением определенных требований. Там мы можем прочитать современное толкование понятия медицинский символ как «изображение на этикетке и/или в сопроводительной документации медицинского изделия, передающее определенную информацию, не требуя от поставщика или потребителя владения знанием конкретного национального или регионального языка».[1] Например изображение раскрытого зонта указывает, что изделие нельзя подвергать воздействию воды.

За нарушение их применения или несоответствие стандарту изготовитель несет юридическую ответственность.

Существует международная организация стандартизации, которая утверждает и обновляет базу данных графических символов, представленную по адресу https://www.iso.org/obp/ui/#search.

В настоящее время у нас Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) предусмотрена ответственность за нарушение маркировки в медицине. Но, действующим Уголовным кодексом Российской Федерации утверждена и уголовная ответственность за незаконное производство медицинских изделий (ст. 235.1).

Таким образом, символы всегда сопутствуют медицинской деятельности. Они исторически связаны с разными ее аспектами, включая не только процесс врачевания, имидж врача, но и выпуск лекарств, медицинских изделий. Символы в медицине менялись с изменением общества, отражая предпочитаемые ценности как культурные, так и духовные.

Первоначально они носили более конкретный, предметный характер (животные, птицы, предметы, явления природы). Затем усложнились, стали более абстрактными, знаково-графическими, но при этом их правовое значение, отраженное в законодательных актах, возросло. С конца XIX века можно обсуждать и уголовно-правовое значение медицинской символики, закрепленной в международных правовых актах. Мы наблюдаем постоянное развитие данной темы. Так, в 2025 году в соответствие с требованием времени в Госдуму внесен законопроект, определяющем правовой статус общества Российского Красного Креста[2]. В статье 10 утверждается использование для обозначения его деятельности эмблемы «Красный Крест».

---

[1] «ГОСТ Р ИСО 15223-1-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Изделия медицинские. Символы, применяемые для передачи информации, предоставляемой изготовителем. Часть 1. Основные требования» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 14.07.2023 N 537-ст).
URL: https://gostassistent.ru›doc/a47bf881-9898-4136-901b-…(дата обращения 12.09.2025).

[2] Проект федерального закона N 909082-8 "Об Общероссийской общественной организации "Российский Красный Крест" (внесен 02.05.2025 Правительством Российской Федерации) (принят в первом чтении 24.06.2025) URL: https:// (дата обращения 05.10 2025).

Поляков Михаил Петрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Polyakov Mikhail Petrovich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Procedure Department of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: polmihpet@rambler.ru

Отечественный уголовный процесс как символическое понятие юридической теории и идеологии

Domestic criminal procedure as a symbolic concept of legal theory and ideology

Аннотация. В статье рассматривается символическое, идеологическое и теоретическое значение понятия «отечественный уголовный процесс». Данное понятие символизирует историческое единство уголовного процесса, преемственность уголовно-процессуального права. Это понятие помогает примирить противоречивые фрагменты истории.

Ключевые слова: отечественный уголовный процесса, уголовно-процессуальная концептология, идеология уголовного процесса, уголовно-процессуальные идеологемы.

Annotation. This article examines the symbolic, ideological, and theoretical significance of the concept of "domestic criminal procedure." This concept symbolizes the historical unity of criminal procedure and the continuity of criminal procedural law. This concept helps reconcile contradictory fragments of history.

Keywords: domestic criminal procedure, criminal procedural conceptualization, criminal procedure ideology, criminal procedural ideologemes.

Для цитирования: Поляков М. П. Отечественный уголовный процесс как символическое понятие юридической теории и идеологии // Юридическая техника. 2026. № 20: материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 571–573.

В самом доходчивом виде логика определяет термин «понятие» как «мысль, отображающую общие и существенные признаки предмета»[1]. Но логика не разъясняет термина «символическое понятие», поскольку сама эта формула выходит за строгие пределы логики, наполняясь разными оттенками и смыслами. Искусственный интеллект, поспешивший на наш Интернет-запрос, представил следующую подсказку: «Символическое понятие – это условный образ, который передает абстрактное значение, идею или чувство, а не буквальное значение».

Наука уголовного процесса не выделяет в своей теории символические понятия, но это не означает, что таковых понятий в ней не может быть. Более того, такое понятие есть. И науке оно известно. Это понятие, обозначаемое формулой «отечественный уголовный процесс». В нем удивительным образом переплетаются и условности, и абстрактности, и объективная реальность. Возвышенные идеи, чувства и буквальные земные смыслы – все это вмещает в себя символическое понятие – «отечественный уголовный процесс.

Однако внимание к этому символическому понятию пока «чисто символическое». Далеко не все исследователи видят в нем символическое значение, да и теоретическая ценность этого понятия пока по-настоящему не осознана. Попытки глубокой теоретической разработки понятия «отечественный уголовный процесс» немногочисленны Складывается впечатление, что научное сообщество действительно предпочитает видеть в нем понятие-символ, для постижения которого вполне достаточно душевной ин-

[1] *Виноградов С.Н., Кузьмин А.Ф.* Логика: учебник для средней школы. М, 1954. С. 19

туиции и сердечного отклика. Поэтому формула «отечественный уголовный процесс» активно используется в разных контекстах, зачастую без строго определенного смысла, как нечто само собой разумеющееся, а то и просто применяется в качестве риторической альтернативы словосочетанию «российский уголовный процесс» [1].

Вместе с тем, можно разглядеть научные направления, где данное понятие выходит за рамки «изящной словесности» и обретает методологическую и символическую функцию. Так, можно констатировать, что в рамках системных исторических описаний российского судопроизводства понятие «отечественный уголовный процесс» в силу присущих этому понятию «синтетических» свойств является более строгим и предпочтительным иным «географическим» формулам имени уголовного процесса.

Однако «синтезирующий» потенциал, будучи достоинством понятия отечественного уголовного процесса, одновременно делает это понятие парадоксальным. С одной стороны, «отечественный уголовный процесс» может играть роль исторически нейтрального собирательного понятия, которое без всяких идеологических подтекстов и уклонов способно системно соединить в себе досоветский, советский и постсоветский периоды истории родного нам уголовного судопроизводства. В качестве примера использования понятия в этом ключе можно привести «Курсе уголовного процесса». Историческая глава этого научного труда так и называется «Развитие отечественного уголовного процесса». К соответствующей терминологии обращаются и авторы параграфа, посвященного истории досудебного производства («Генезис отечественного предварительного расследования (досовесткий и советский период»)[2].

С другой стороны, будучи нейтральным в широком историческом контексте, понятие «отечественный уголовный процесс» в современном тренде формирования уголовно-процессуальной политики получает идеологическое звучание, позволяющее создавать особый политический контекст. Идеологический потенциал данного понятия позволил поставить проблемный вопрос о целесообразности включении формулы «отечественный уголовный процесс» в систему идеологических основ современного уголовного судопроизводства России. А.Н. Конев, детально разбиравшийся с этими основами на монографическом уровне, предпринял удачную попытку представить анализируемое понятие в виде ключевой идеологемы уголовного судопроизводства, которая, по его мнению, особым примиряющим образом связывает другие важнейшие идеологемы, в частности, «инквизиционность» и «состязательность».

«Идеологемой, не уступающей по идеологическому потенциалу всем выше названным и не названным идеологемам, – пишет он, – является формула «отечественный уголовный процесс». Подчеркнем, наш главный тезис – почти всем известно и даже привычно имя «отечественный уголовный процесс», но мало кому приходит мысль, что это через это имя может проявить себя важнейшая идеологема»[3].

В приведенной цитате заложена установка о существенной идеологической ценности имени «отечественный уголовный процесс». Но только этим, на наш взгляд, аксиологическая функция формулы «отечественный уголовный процесс» не исчерпывается. В своей работе А.Н. Конев углубился в политические нюансы, одарив вниманием «душевные» аспекты этого понятия и в очередной раз подвинув нас к мысли о его важности этого понятия. По его мнению, «анализ особо ярких (в буквальном смысле патриотических) публикаций показывает, что для определенного круга процессуалистов формула «отечественный уголовный процесс» действительно является не просто фигурой речи, не обычным синонимом российского судопроизводства, а выступает самой настоящей идеологемой, проводником в мир осознанной национальной идеологии уголовного процесса»[4].

В русле этих выводов следуют многие процессуалисты. Здесь как раз и проявляется символизм этого понятия. Представителям «патриотического» направления уголовно-процессуальной науки свойственно подчеркнуто душевное отношение к формуле «отечественный уголовный процесс». Сторонники «вестернизации» российского судопроизводства слова «отечественный уголовный процесс» наполняют иными эмоциональными нотами. Важно отметить, что, несмотря на различие атмосферы, складывающейся вокруг этого понятия, никто прямо не высказался, что данное понятие вредно или неуместно, не обмолвился о том, что это понятие публицистическое и, тем более, популистское.

Таким образом, можно говорить о том, что понятие, укладывающееся в формулу «отечественный уголовный процесс», имеет большую теоретическую и идеологическую ценность для науки уголовного процесса. Осознанию этой ценности способствовала монография А.Н. Конева. С одной стороны, глубо-

---

[1] *Барабаш А.С.* Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012; *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство. Лекция-монография. Нижний Новгород, 2007; *Александров А.И.* О задачах и принципах отечественного уголовного процесса: в поисках утраченного // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 3 (278). С. 14-21.

[2] Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. - 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.

[3] *Конев А.Н.* Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России. Монография. М.: Издательство «Проспект», 2021. С. 344

[4] *Конев А.Н.* Указ. работа. С. 345.

кого теоретического осмысления понятия отечественного уголовного процесса в этой работе не представлено. Но, с другой стороны, автор достойно решил не менее важную задачу, выявив и представив специфические черты понятия «отечественный уголовный процесс» в контексте идеологического подхода, чем внес существенный вклад в формирование общего научного понятия отечественного уголовного процесса и его концептуальных основ.

Благодаря указанной монографии и другим работам, наметились «инструментальные» контуры научных возможностей понятия отечественного уголовного процесса.

По нашему мнению, это понятие является одновременно символическим, догматическим и эвристическим. Оно аккумулирует в себе существенные признаки отечественного уголовного судопроизводства, формирует его беспристрастное теоретическое понимание в широком историческом ключе. Символизм понятия «отечественный уголовный процесс проявляется в том, что с его помощью уголовно-процессуальная наука с большим почтением относится к историческому опыту, ищет в нем не только холодные факты, но и горячее вдохновение. Понять сущее (настоящее) невозможно, не попытавшись понять былого (прошлого). Но понимание это должно быть не только фактологическое, но и идеологическое. Этому и способствует символическое понятие «отечественный уголовный процесс». В его контексте слово «идеологическое» предстает исключительно в позитивном эвристическом аспекте, позволяет трактовать идеологический подход к истории как умение видеть нужное и важное, как искусство замечать в большом малое, а в малом прозревать великое. И не только видеть и замечать, но и правильно комбинировать эти исторические открытия и факты, вскрывая значимые идеологические закономерности.

Одновременно понятие отечественного уголовного процесса выступает катализатором проявления сущностных сторон тех уголовно-процессуальных явлений, в контекст которых оно помещается.

Налицо двойственность символического понятия «отечественный уголовный процесс», которая помогает прояснить исследовательские горизонты ученым, пытающимся добраться до сути понятия и раскрыть его новые стороны. Становится понятно, что широкое всеобъемлющее понятие отечественного уголовного процесса невозможно захватить одним даже очень мощным и талантливым концептуальным наскоком, не под силу одолеть его загадки в один даже самый искусный исследовательский приём. К «сердцу» этого понятия нужно искать особые подходы, невероятные извилистые пути. И может оказаться, что, подобно всем дорогам, некогда соединявшимся в Риме, все интеллектуальные замахи на формулу «отечественный уголовный процесс» сойдутся в сердцевине этого понятия, которую еще предстоит открыть. Отсюда вытекает однозначная и непререкаемая установка. Всякие попытки качественно и научно обстоятельно представить хотя бы одну сущностную сторону понятия отечественного уголовного процесса, нужно приветствовать интеллектуальными «аплодисментами» и «букетами» научного внимания.

Символизм понятия отечественного уголовного процесса должен вдыхать особый дух в уголовно-процессуальную концептологию, нацеливать е на то, чтобы разглядеть идеи и концепты, из которых выросли обособленные фрагменты долгого исторического пути уголовного судопроизводства. Необходимо разглядеть не только явные исторические предпосылки развития отечественного уголовного процесса, но уловить намеки, которые предвещают и возвещают грядущие тенденции. Эти идеи заявляют о себе на стыке документальных фактов и доктринальных мнений, проявляются в заголовках нормативных актов и скрываются между строк законодательных статей и комментариев к ним. Концептуально-идеологический подход к знаковым историческим событиям в области права позволяет иначе расставлять акценты и вскрывать истинные предпосылки появления знаменитых законодательных памятников. На этом идеологическом фоне более отчетливыми становятся и ключевые «технологические» тенденции развития уголовного судопроизводства.

Символизм понятия отечественного уголовного процесса способен принести огромную пользу на образовательном уровне. Именно он порождает романтизм обучения, который в свою очередь заставляет по-новому звучать понятие «отечественный уголовный процесс». С одной стороны, с помощью романтической функции обучения величие и красота уголовного процесса должны быть преподнесены вне идеологического фона, а, с другой, зазвенеть и засиять очень даже идеологично и политично. Это должна быть и красота вселенская, и особое отечественное изящество.

Символическое понятие «отечественный уголовный процесс» очень нужно современной идеологии и теории уголовного процесса. Оно призывает на помощь могущественные силы, опекающие отечественный уголовный процесс и российское правосудие.

Поляков Сергей Борисович

доктор юридических наук, доцент, адвокат, г. Пермь

Polyakov Sergei Borisovich

Doctor of Juridical Science, Ass. Professor, Lawyer

E-mail: psb59@rambler.ru

Моральные символы судебной власти

Moral symbols of judicial power

Аннотация. Статья о причинах восприятия обществом суда не так, как он представляется идеальными символами (знаками) судебной власти, а наделения ее иными символами. Основное содержание статьи о судебном правотворчестве, создающем при конкретизации норм права с оценочными моральными понятиями правила поведения без этических оснований. В итоге судебной властью творятся нравы, противоречащие закону и этике. В ответ общество обозначает суд нелицеприятными символами-образами, опровергающими официальные и идеальные символы судебной власти. Борьба символов судебной власти отражает борьбу за право.

Ключевые слова: символ, знак, образ, судебная власть, ценности, судебное правотворчество, мораль, этика, закон

Annotation. The author considers why society does not perceive the court as it is presented by ideal symbols (signs) of judicial power and endows it with other symbols. The article is dedicated to judicial lawmaking, which creates rules of conduct without ethical grounds while concretizing legal norms with evaluative moral notions. As a result, judicial power forms customs, which contradict law and ethics. Consequently, society associates the court with disagreeable symbols-images that deny official and ideal symbols of judicial power. Struggle of judicial power symbols reflects struggle for law.

Keywords: symbol, sign, image, judicial power, values, judicial lawmaking, moral, ethics, law

Для цитирования: Поляков С.Б. Моральные символы судебной власти // Юридическая техника. – 2025. - № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 574–583.

Слово символ имеет разные значения: 1) то же, что знак; 2) образ с переносным значением; 3) в литературе – одна из фигур иносказания (наряду с аллегорией и др.)[1].

«Отличие символа от других видов знаковых средств заключается в том, что он имеет чувственно-наглядную форму и что связь между этой формой и смыслом, который она выражает, не является произвольной. На более высоких ступенях развития символ освобождается от чувственно-наглядной формы, приобретает условный характер и становится собственно знаком»[2].

Регулятивное свойство символов проявляется в диалектической связи всех указанных их значений.

В целях определения чувственного восприятия обществом знака или персонажа как образа действительности годится искусственный интеллект, обожествляемый ныне для каких угодно целей. Потому что он выводит значение предмета из массового мнения, а не научного. Так при вводе в строку поиска в Яндексе «Дон Кихот символ чего?» получен ответ программ ИИ, созданный из публицистических и научных публикаций, школьных сочинений и другой информации, водящейся в Интернете: «Дон Кихот является символом, олицетворяющим идеализм, благородство и готовность бороться за свои идеалы, даже если они противоречат действительности». Литературоведы спорят об истинных замыслах Сервантеса. Но в массовом сознании Дон Кихот – устойчивый символ безнадежного идеализма.

Идеалы судебной власти имеют свои символы. Официальные символы судов – государственный герб Российской Федерации и государственный флаг Российской Федерации на здании судов и в залах судебных заседаний, а мировых судов также гербы и влаги субъектов Российской Федерации[3] – показы-

[1] Большая российская энциклопедия: В 35 т. М, 2016. Т.30. С.183.

[2] Краткий словарь по философии /Под общ. ред. И.В. Блауберга, И.К. Пантина.–4-е изд.–М.: Политиздат, 1982. С.304.

[3] Статья 114 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ст.51 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Россий-

вают место судов в системе государственной власти (ст.10 Конституции РФ). Они вряд ли вызывают у граждан иные чувства кроме страха перед государственной силой.

Официальные символы судей – облачение их в мантии при осуществлении правосудия[1] – уже несут чувственно-наглядную форму.

В юридической литературе отмечаются такие чувственные функции мантии на участников судебных заседаний:

- отличия власти судьи от власти исполнительной[2];

- независимости судьи при осуществлении правосудия и его связанность только с принципом законности отсутствием знаков отличия на мантии[3];

- державность в смысле мощности ведущей роли, дающей уверенность[4];

- восприятия безупречной репутации судьи. «Судья должен быть не просто профессионалом, но он в глазах представителей сторон должен быть человеком с безупречной репутацией. Мантия создает эту атмосферу»[5];

- подчинения официальности и строгости атмосферы суда и судебного заседания[6], отличного, в том числе, от примирительной процедуры с ее добровольностью, открытостью, сотрудничеством[7];

- допустимость поведения судьи и обычного гражданина нетождественна, судья представляет закон и правосудие[8];

- подавляющая психику[9]. В качестве примеров приводится практика судебных заседаний по уголовным делам в отношении несовершеннолетних подсудимых, в которых судья никогда не надевает мантию[10].

Из Определения Конституционного Суда РФ от 20.02.2007 № 162-О-О по жалобе Горлова С.М. следует, что он воспринимает мантию судьи, как знак, отличающий судью от частного лица, действующего в своих интересах.

Возле зданий судов или на их стенах нередко можно увидеть статую или изображение Фемиды. Обзор от ИИ: Фемида – это древнегреческая богиня правосудия, воплощающая закон, справедливость и беспристрастность. Ее часто изображают с повязкой на глазах (символ непредвзятости, беспристрастности), весами (символ взвешенных решений, справедливости и баланса, показывая, что правосудие взвешивает добро и зло, вину и невиновность) и мечом (символ кары за преступления), а само имя Фемида иносказательно означает правосудие[11].

Официальные и художественные символы судебной власти отражают ценности правосудия и моральные качества судей, должные для их воплощения в действительности, точно названные в преамбу-

---

ской Федерации», ст.34 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации", ст.21 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», ст.11 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации».

[1] Там же.

[2] Хужокова И.М. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ "Об арбитражных судах в Российской Федерации" (постатейный) // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2006. Комментарий к ст.51 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ.

[3] Маранц Ю.В. Комментарий к Федеральному конституционному закону "Об арбитражных судах в Российской Федерации" (постатейный). М.: Юстицинформ, 2005 // СПС «КонсультантПлюс». Комментарий к ст.51;Маранц Ю.В. Комментарий к Федеральному закону "О судебной системе Российской Федерации" (постатейный). М.: Юстицинформ, 2006 // СПС «КонсультантПлюс». Комментарий к ст.34.

[4] Кучерена А.Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России: Монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2009 // СПС «КонсультантПлюс». § 2 гл.2.

[5] Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс». К 20-летию арбитражный судов. О введении мантий.

[6] Завидов Б.Д. Комментарий к Закону "О статусе судей в Российской Федерации" (постатейный). М.: Юстицинформ, 2003 // СПС «КонсультантПлюс». Комментарий к ст.21 Закона; Алеев Р. Символы правосудия // Бюллетень нотариальной практики. 2005, № 3; Попова А.Д. Фемида и общественное сознание (о воспитательной функции суда: история и современность) // Мировой судья. 2010. № 1. С.10–13; Никулинская Н.Ф. Комментарий к главе 15 "Судебное разбирательство" Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (постатейный) // Подготовлен для системы КонсультантПлюс. 2017. Комментарий к ст.158 ГПК РФ; Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: Учебник / Н.В. Азаренок, В.А. Байдуков, В.М. Бозров и др.; под ред. В.М. Бозрова. М.: Юстиция, 2017 // СПС «КонсультантПлюс». § 5 гл.4.

[7] Лазарев С.В. Основы судебного примирения. М.: Инфотропик Медиа, 2011 // СПС «КонсультантПлюс». § 3.2.

[8] Кротов А.В. Официальное освещение поведения судей как инструмент формирования доверия к судебной власти // Российский судья. 2024. № 11. С. 33–38.

[9] Пинто А. Адвокаты, потерпевшие, общество // Адвокат. 2012. № 6. С. 5–9.

[10] Окунева Д.А. Детский суд // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 3 // СПС «КонсультантПлюс»; Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: научно-практическое пособие / С.П. Андрусенко, Н.А. Голованова, А.А. Гравина; отв. ред. В.П. Кашепов. М.: ИЗиСП, Анкил, 2012 // СПС «КонсультантПлюс». § 5 гл.4; Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2023 // СПС «КонсультантПлюс». § 2.3.3.

[11] https://www.google.com/search?q. Дата обращения 25.08.2025.

ле Кодекса судейской этики: «Судебная защита прав и свобод человека может быть обеспечена только компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности». Далее указывается иерархия ценностей судебной деятельности и судей: «Государственные гарантии независимости, неприкосновенности, несменяемости судей, недопустимости вмешательства в их деятельность, высокий уровень материального и социального обеспечения являются не личной привилегией судей, а средством обеспечения целей правосудия - вынесения законных, обоснованных и справедливых судебных решений»[1].

Обычное в социальных отношениях расхождение должного и сущего проявляется в судебной деятельности отсутствием в отправлении правосудия идеальных символов.

Вопреки независимости и беспристрастности суда вечной проблемой отечественного уголовного судопроизводства является обвинительный уклон. Мантия судьи символизирует его связанность при осуществлении правосудия только законом. Но первым делом судья думает о том, как спасти уголовное дело[2]. Закон при решении дел отодвигается судьями на второй план другими факторами (управленческими, политическими, психологическими и т.д.). «Весь этот замес» Ю.А. Цветков называет правовым реализмом[3]. Следуя за налоговыми органами, арбитражные суды привлекают к налоговой ответственности и взыскивают недоимки по обстоятельствам, не соотносимым с понятиями в применяемых положениях налогового законодательства, по налоговым жаргонам. Налоговые органы оцениваются по объему взимаемых налогов, пусть и взысканных не по закону. В Налоговом кодексе РФ в обеих частях нет слова «законность». В АПК РФ о законности указано неоднократно. Укрепление законности названо задачей судопроизводства в арбитражных судах в п.4 ст.2 АПК РФ. Особо сказано о законности при рассмотрении дел арбитражным судом в ст.6 АПК РФ. Об обязанностях доказывания законности принятия оспариваемого решения органом, принявшим оспариваемое решение, указано в ч.5 ст.200 АПК РФ. Однако, решения арбитражных судов в основном копипаста решений налоговых органов. В остальной части судебным правотворчеством введены

- право суда на расширение по собственной инициативе объема налогового обвинения;
- право не проверять или избирательно проверять доказательства налоговых органов;
- право, а не обязанность налогового органа и суда на исследование и оценку доказательств налогоплательщика при возложении на них вопреки буквальным положениям закона бремени доказывания своей невиновности. Менее 5% решений арбитражных судов по налоговым спорам выносится хотя бы с частичным вниманием к доводам налогоплательщиков[4].

Н.А. Колоколов, судья Верховного Суда РФ в почетной отставке, на конференциях на мои ссылки на закон, как источник судебной деятельности, замечает: «Кто-то верит в непорочное зачатие». Под «непорочным зачатием» подразумевается вынесение судебных решений исключительно по закону. Это верный слепок государственно-правовой действительности.

Непосредственное назначение Генерального прокурора России председателем Верховного Суда Российской Федерации символизирует место судебной власти в системе государственной власти России, перевешивая в мантии символы независимости и подчинении суда только закону в пользу державности и меча. Сложно найти в таком назначении основания отпугивания судов от спасения прокурорских дел.

Много пишется о противоречиях судебных решений морали.

Весы Фемиды символизируют справедливость как результат взвешенных решений. «По Аристотелю, справедливость – это определенная характеристика таких отношений между людьми, которые нуждаются по своей природе в известной мере»[5]. В ч.2 ст.389.18 УПК РФ словами «соответствующее», «чрезмерно» подчеркивается ключевой признак понятия справедливости – мера между конкурирующими ценностями.

Моральный выбор – акт моральной деятельности, заключающийся в том, что человек, проявляя свою автономию, самоопределяется в отношении системы ценностей (идеала, принципов) и способов их

---

[1] Кодекс судейской этики, утвержденный VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 (ред. от 01.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Колоколов Н.А. Если услуга a priori опасна: анализ некоторых судебных решений по делу в отношении пластического хирурга, на операционном столе которого от анафилактического шока скончалась пациентка // Уголовное судопроизводство. 2024. № 4. С.2–12; Он же. «Чужая колея». Верховный Суд РФ в очередной раз круто изменил траекторию движения уголовного дела: что проглядели нижестоящие судебные инстанции? // Уголовное судопроизводство. 2025. № 1. С.2–11; Он же. Нарушено общее правило: nullum crimen, nulla poena sine lege. Анализируем зигзаги судебной логистики по конкретному уголовному делу: вместо "громкого оправдания" отложенное на два года "тихое прекращение" // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. С.2–13.

[3] Цветков Ю.А. Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и су-дебной деятельности в парадигме правового реализма. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С.10 и далее.

[4] Поляков С.Б. Превращение налогообложения в рэкет как результат нигилистического отношения к нормативному пониманию права // Сибирское юридическое обозрение. 2025. № 2. С. 185–200.

[5] Смирнов А.В. Социальное назначение уголовного судопроизводства: истина или умиротворение сторон? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 1. С.6.

реализации в линии поведения или в отдельных поступках[1]. Моральный конфликт заключается не в том, что нужно сделать выбор между нравственным и безнравственным, а в том, что нужно выбрать одну из однопорядковых, но не равноценных (в конкретной ситуации) ценностей[2].

Причина морально неправильного, несправедливого решения давно названа И. Бентамом: «Слабый и ограниченный ум может впасть в заблуждение, приняв в расчет только малую часть добра и зла. <…> Но не следует сваливать на принцип те ошибки, которые ему противоположны и которые он только один может исправить. Когда человек неверно делает вычисление, в этом виновата не арифметика, а он сам»[3]. Позже в том же духе А.Ф. Кони первой опасностью выработке правильного приговора назвал «лень ума, отказывающегося проникать в глубь вещей и пробивать себе дорогу среди кажущихся видимостей и поверхностных противоречий»[4].

Проблема справедливых, гармоничных с моралью судебных решений связана со способностью судьи принять в расчет все проявления добра и зла в конкретной ситуации при применении включенных в тексты законов оценочных понятий, в том числе этических, от умения судьи определять в каждом деле «индивидуально определяемые (или относительно определенные) факты»[5] и находить баланс между ними. «Хотите ли из двух противоположных способов действия выбрать тот, который действительно заслуживает предпочтения? Разочтите хорошие и дурные последствия того и другого и выбирайте тот, который обещает наибольшее количество счастья»[6].

Мантия отличает судей от других государственных служащих, дает надежду участникам судебного разбирательства, что судья в отличие от заскорузлого бюрократа увидит то, что не хотел видеть скудоумный чиновник. Однако, найти для всей судебной системы России людей с должными способностями сложнее, чем найти в ней двадцать футболистов, способных выиграть чемпионат мира. Не набирается даже на судей кассационных инстанций, чтобы исправлять решения по делам, в которых судьи первой инстанции смогли увидеть только непосредственное действие в конфликте.

Нами приводились примеры судебных решений с неумением преобразовывать оценочные юридические факты в обстоятельства, подлежащие установлению по делу. В результате их установлены моральные стандарты: мужчина и женщина должны драться на равных, более того, женщине нельзя отбиваться от насильника. Женщина – потерпевшая по административному делу от насилия С. присуждена по встречному иску к выплате компенсации морального вреда правонарушителю в размере, равном компенсации морального вреда от правонарушения, за то, что отбиваясь от нападения, нанесла ему удар ногой по ноге. Другим решением удовлетворен заявленный иск супругов С. о взыскании с соседки А. компенсации морального вреда за две ее нецензурные фразы в конфликте. Затеян конфликт был возле дома А. провокационным фотографированием истцами с замыслом, о котором сам С. пояснил: «Я на этот раз решил поймать ее на этом мате, когда мы пошли. Я себе задался целью: мы сейчас запишем и привлечем ее к ответственности» (орфография протокола судебного заседания сохранена)[7].

Уместно привести отрывок из литературного произведения современной школьной программы: «– Вы, Шариков, третьего дня укусили даму на лестнице! – налетел Борменталь.

– Да она меня по морде хлопнула! – взвизгнул Шариков. – У меня не казенная морда!

– Потому что вы ее за грудь ущипнули! – закричал Борменталь»[8].

Современные российские судьи, поскольку они – не доктор Борменталь, тем более не И. Бентам и не А.Ф. Кони, заметили бы только, что Шарикова по морде хлопнули.

При рассмотрении этого дела «по Шарикову» при попустительстве судьи – председателя Краснокамского городского суда Пермского края истцы С. в присутствии А. до каких-либо ее пояснений вещали в ее адрес: «Я не знаю, в какой школе она училась, там обучали либо школяров, либо идиотов и дебилов»; «она не разговаривает, только лает, она сейчас врет, эта ложь ее постоянная»; «натуральная хабалка», «отличается патологической тяге к клевете»; «моральный урод».

А. подала иск о компенсации морального вреда к супругам С. и судье, поощрявшего С. к этим оскорблениям неисполнением требований ст.159 ГПК РФ и п.7 ст.11 Кодекса судейской этики. В принятии требований к председателю суда определением отказано со ссылкой на ч.1 ст.134 ГПК РФ без ссылки на закон, который предусматривает судебный порядок рассмотрения иска о привлечении судьи к гражданско-правовой ответственности за действия, не связанные с вынесением решения по делу. Иск

---

[1] Словарь по этике. М., 1989.С.48.

[2] Волкогонов Д.А. Моральные конфликты и способы их разрешения. М., 1974. С.7–16; Бакштановский В.И. Принципы морального выбора. М., 1974. С.7–8; Личность: этические проблемы. М., 1979. С.65–78.

[3] Бентам И. Принципы законодательства // Юм Д. Опыты. Бентам И. Принципы за-конодательства. – О влиянии условий времени и места на законодательства. – Руководство по политической экономии. М.: Солдатенков, 1896. С.21.

[4] Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) / Собр. соч. в 8 т. М., Юридическая литература, 1967. Т.4. С.40.

[5] Исаков В.Б. Юридические факты // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах /отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2007. Т.2. С.690–691.

[6] Бентам И. Указ. соч. С.76.

[7] Поляков С.Б. Виноват ли нормативизм и что делать? // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С.7–20.

[8] Булгаков М.А. Собачье сердце. М.: Эксмо, 2024. С.117.

удовлетворен только в части слов «моральный урод». Апелляционным и кассационным определениями решение и определения суда первой инстанции оставлены без изменения[1].

Судья, рассматривавшая этот иск А. по делу № 2-78/2025, продолжая линию своего руководителя по невыполнению требований ст.159 ГПК РФ и п.7 ст.11 Кодекс судейской этики, поощряла С. к новым оскорблениям А., из-за чего она отказалась лично присутствовать в судебных заседаниях. Вне какой-либо связи с предметом разбирательства (предметом и основаниями иска А.) С. в судебных заседаниях бездоказательно утверждал: «А. – аморальная особа, моральные устои для нее ничего не значат, это постоянный лжец», «проявляет мат и в отношении других живущих жителей на улице»; «делать гадости, сплетни в отношении нас – это ее любимое занятие, потребность»; «наши соседи с ней вообще никаких отношений не поддерживают, презирают ее».

Замечания, предложения ответчику представить доказательства своих порочащих утверждений и/или обосновать связь этих утверждений с предметом и основаниями рассматриваемого иска от судьи не было. Не ведая преград суда, С. в письменных возражениях на иск и в судебном заседании назвал истицу «духовной помойкой». Представителем истицы было заявлено ходатайство о привлечении С. к процессуальной ответственности за такие слова.

Определением судьи от 21.02.2025 в удовлетворении ходатайства отказано доводом: «Указанные действия ответчика С. не могут быть расценены судом как нарушение порядка в судебном заседании, поскольку не связаны с невыполнением распоряжений председательствующего, и действий, влекущих дезорганизацию судебного процесса». Частью 1 ст.159 ГПК РФ установлено: «Председательствующий в судебном заседании вправе ограничить от имени суда выступление участника судебного разбирательства, который самовольно нарушает последовательность выступлений, дважды не исполняет требования председательствующего, допускает грубые выражения или оскорбительные высказывания либо призывает к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом». Почему не применено альтернативное основание ответственности за нарушение порядка в судебном заседании – «допускает грубые выражения или оскорбительные высказывания» – в определении не сказано. Но в итоге следует, что в содержание распоряжений судьи при рассмотрении дела входило обеспечение возможности С. назвать истицу «духовной помойкой».

В определении было указано, что оно подлежит обжалованию. Этот абзац был исключен определением от 19.03.2025 председателя Краснокамского городского суда, заявленного А. ответчиком по этому делу, под предлогом исправления описки на основании ч.2 ст.200 ГПК РФ.

В удовлетворении требований о компенсации морального вреда за все кроме одной вышеуказанные фразы отказано, поскольку «данные суждения являются субъективными оценочными мнениями и суждениями ответчика в отношении истца А. в рамках рассматриваемого спора по делу № 2-1946/2023, и основаны на произошедшем между сторонами конфликте, не имеют неприличной формы выражения и примененная ответчиком форма не противоречит общепринятым нормам морали, примененные ответчиком в высказываниях речевые обороты и образы являются способом эмоциональной подачи взглядов и суждений». Источники определения приличных и неприличных выражений в решении не указаны.

В то же время в решении не дано оценки доводам со стороны истца о том, что в соответствии с конституционной иерархией ценностей (ч.3 ст.17, ст.21, 23, 29 Конституции РФ) обстоятельством, имеющим значение для дела, является наличие у С. полномочий на публичные моральные оценки и пределы таких полномочий. В решении суда положения Конституции РФ изложены в обратной иерархии ценностей, начиная со ст.29 Конституции и далее к статьям 23 и 21 Конституции РФ. Часть 3 ст.17 Конституции РФ («Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц») вообще не приведена.

В ч.1 ст.21 Конституции РФ закреплено: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».

Наличие у ответчиков полномочий (исключений закона из «ничто») на публичные моральные оценки в решении не указаны.

Суд в обоснование правомерности фраз С. сослался на п.9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц": судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты. Притом что в последнем абзаце этого пункта указано, что если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением. В этом же пункте особо оговаривается, в отноше-

[1] Решение Краснокамского городского суда Пермского края от 21.02.2025 по делу № 2-78/2025, апелляционное определение Пермского краевого суда от 27.05.2025 № 33-4817/2025 (официальный сайт Пермского краевого суда: oblsud.perm.sudrf.ru), кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2025 (официальный сайт Седьмого кассационного суда общей юрисдикции: 7kas.sudrf.ru).

нии кого допускается без специального разрешения публичная оценка: политические деятели, государственные должностные лица. А. к таким лицам не относится. В п.1 этого постановления правовые позиции излагаются, начиная именно с положений ст.17 Конституции РФ.

Суд интерпретировал п.9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 не в толковании его к обстоятельствам дела представителем истицы, внесшим вклад в установление этого положения[1], а в пояснениях ответчиков с неизвестным образованием, но известных (полученными судом в дело сведениями об ответчиках) преступными деяниями ответчицы (уголовное дело в отношении которой прекращалось в силу акта амнистии), административными насильственными правонарушениями ответчика в отношении женщин.

Вспоминается отповедь профессора Преображенского на рассуждения Шарикова: «в присутствии двух людей с университетским образованием, позволяете себе, с развязностью совершенно невыносимой, подавать советы космического масштаба и космической же глупости о том, как все поделить»[2]. Образование судей по излагаемому делу отличается от университетского образования профессора Преображенского и доктора Борменталя, но равно неизвестному образованию С–ных.

Фразы ответчиков в судебном заседании правомерны, если бы суд имел право написать в решении по делу № 2-1946/2023 кроме юридической квалификации деяний А. слова, являющиеся предметом иска по делу № 2-78/2025. Смысл определения об отказе в принятии иска к соответчику – председателю Краснокамского горсуда в том, что явно недопустимые для судьи действия при раздельной оценке признаны допустимыми для С.

Судом не приведены ни правовые, ни этические источники о содержании оценочных понятий «неприличная форма выражения», «порочащий и оскорбительный характер», унижение достоинства. Следовательно, выводы суда о соответствии/несоответствии обстоятельств дела – оспариваемых фраз – указанным юридическим фактам изначально (на стадии установления соответствия обстоятельства дела юридическому факту) лишены основы.

Суд не дал оценки доводам со стороны истца

- о необходимости применения в деле ст.1 Всеобщей Декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. («Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»), ч.3 ст.17, ч.1 и 2 ст.19 Конституции РФ, из которых следует, что определяющим признаком в понятии достоинства является понятие равенства[3];

- о применении для оценки приличия и допустимости фраз ответчиков признаваемого большинством людей, но не Ницше и ответчиками, а теперь и судом «золотого правила нравственности», следование которому предупреждает конфликты: «(не) поступай по отношению к другим так, как ты (не) хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе»[4].

Утверждения суда о том, что фразы ответчиков не имеют неприличной формы выражения и избранная для этого форма не противоречит общепринятым нормам морали, как и у ответчиков, имеют основанием исключительно собственное сознание. В последнем из отсутствия в решении суда этических и правовых источников следует отсутствие признаков общепрофессиональной компетенции магистра юриспруденции – уровня образования, обязательного для претендента на статус судьи: профессиональная этика юриста[5].

В апелляционном определении заявлено о разрешительном методе привлечения судьи к юридической ответственности, притом что в статьях законов, на которые сделаны ссылки, нет общего запрета на привлечение судьи к юридической ответственности. Такой вывод основан на отождествлении понятий «вынесение решения судьей» и «действия судьи» и является логической ошибкой расширения понятия «вынесение решения судьей». По логике апелляционного определения, если законом прямо не предусмотрена гражданско-правовая ответственность, например, за имущественный вред, причиненный судьей при дорожно-транспортном происшествии, то с судьи нельзя взыскать сумму в возмещение причиненного им вреда в порядке гражданского судопроизводства. Статья 46 Конституции РФ и ч.1 ст.3 ГПК РФ не применены при отсутствии в законе ограничений права на судебную защиту в гражданском судопроизводстве от оскорблений судьей в судебных заседаниях.

В апелляционном определении нет оценки новым многочисленным оскорблениям истицы ответчиками уже в настоящем деле при поощрении судьи – доказательствам фактических оснований для заявлявшегося отвода Краснокамскому городскому суду.

---

[1] Поляков С. Свобода мнения и защита чести // Российская юстиция. 1997. № 4. С.47–49; Потапенко С. Факты и мнения в делах о защите чести // Российская юстиция. № 7, 2001. С.28–29.

[2] Булгаков М.А. Указ. соч. С.117.

[3] О том же говорят и этические источники, см.: Словаре по этике. М., 1989, С.84, 397.

[4] Там же. С.100.

[5] Пункт 3.3 федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция», утвержденного приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 25.11.2020 № 1451.

Ограничившись текстом ст.106 ГПК РФ без взаимосвязи его с положениями ст.19, 21, 45, 46 Конституции РФ, ст.6, 12, 105, ч.1 ст.331 ГПК РФ без оценки ссылок на них истца, суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении жалобы на определение от 19.03.2025, исключающее обжалование определения от 21.02.2025 об отказе наложить на С. процессуальный штраф за оскорбление истицы в судебном заседании по настоящему делу. Тем самым подтверждено безнаказанное оскорбление истицы ответчиками и судом словами «духовная помойка». А такие выражения в адрес участников судебных заседаний признаны приличной формой выражения мнения, не противоречащей общепринятым нормам морали.

В апелляционном определении нет обоснования права ответчика на публичные моральные оценки, основанного на чтении Конституции РФ в обратной последовательности, и оценки довода о юридическом значении основания «свободы выражения мнения» ответчиков. Приоритет ст.29 Конституции РФ над статьями 17, 21, 23, 24 Конституции РФ не обоснован.

Единственным основанием для оставления решения суда первой инстанции в силе в апелляционном определении указано: от назначения по делу судебной лингвистической экспертизы обе стороны отказались.

Если без специальных лингвистических познаний суд не может понять значение оспаривавшихся слов ответчиков, это означает только то, что суд не владеет русским языком и нуждается в переводчике.

В силу ст.9 ГПК РФ суд обязан владеть русским языком. В этом деле уровень владения судом русским языком в апелляционном определении выглядит так: «Проанализировав фразу ответчика: «Я не знаю, в какой школе она училась, там обучали либо школяров, либо идиотов и дебилов», суд первой инстанции указал на то, что данная фраза является субъективным, оценочным мнением и суждением ответчика С., не имеет неприличной формы выражения, относится и характеризует школу, а не личность А. В данной части суд апелляционной инстанции полностью соглашается с выводами суда первой инстанции. При этом, данная фраза ответчика относится и характеризует школу и непосредственно к характеристике личности истца А. не относится. К иным выводам судебная коллегия прийти не может, в том числе с учетом буквального текста оспариваемой фразы» (орфография определения сохранена).

Но если А. училась в школе для идиотов и дебилов, то это характеризует не школу, а ее умственную отсталость. Притом что она училась в обычной школе. Суд не обязал ответчиков доказать, что истица училась в школе для учеников с ограниченными умственными способностями для подтверждения сведений, порочащих умственные способности истицы.

На том же уровне владения русским языком и вопреки легальной дефиниции, содержащейся в ч.1 ст.128.1 УК РФ, и разъяснениям п.7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 сделан вывод, что слова ответчика «патологическая тяга к клевете» не являются обвинением в совершении противоправного поступка «исходя из смыслового содержания фразы».

Для правильной оценки фразы «она не разговаривает, только лает» суду не хватило элементарных знаний, что сравнение человека с собакой является унижением человеческого достоинства по самому его определению «человеческое». Но такое выражения, как и «хабалка», по мнению судов обеих инстанций являются оценочным мнением и не имеют неприличной формы выражения.

Неприличная форма выражения, порочащий и оскорбительный характер, унижение достоинства – это не лингвистические, а этические понятия. Критерием для оценки фраз ответчиков должны быть не правила русского языка, а хотя бы «золотое правило нравственности».

Для правильной квалификации фраз ответчиков в соответствии с «золотым правилом нравственности» достаточно применить эти фразы к самим себе. Можно было бы согласиться с выводом суда, если бы суд написал, что они (судьи)

- учились не в университете, а в школе для школяров, идиотов и дебилов;
- в судебном заседании лают и врут ложью постоянной;
- натуральные хабалки (судьи-женщины),
- патологически клевещут.

Но в апелляционном определении судьи в отношении себя так не написали. Для этого им хватило знаний русского языка без лингвистической экспертизы.

Следовательно, вывод о том, что такие фразы не являются оскорбительными, неприличными, а соответствуют общепринятым нормам морали, основан на судейском моральном сознании, лишенным этических основ, с пороками русского языка и логики и является неправильным применением норм материального права, содержащих этические понятия.

Для квалификации слов «моральный урод» в части удовлетворения иска А. суд апелляционной инстанции сумел обратиться к словарям, где такие выражения названы бранными. Хотя для правильной этико-юридической квалификации этих слов достаточно было по «золотому правилу нравственности» примерить это слово на себя. Почему этот способ не применен, например, для слов «натуральная хабалка», в апелляционном определении не мотивировано. В нем нет оценки довода искового заявления

о том, что согласно словарям «хабалка – женщина, отличающаяся грубостью, наглостью, вздорностью нрава, ведущая себя вульгарно, крикливо».

Суд кассационной инстанции повторил позицию нижестоящих судов, не указав ничего самостоятельного на доводы кассационной жалобы. В очередной раз было подтверждено, что вопреки официальной иерархии моральных ценностей, установленной Кодексом судейской этики, верховной ценностью в моральном сознании судей является корпоративная солидарность.

Итог изложенных судебных актов таков. Узаконенные в них слова, признанные судьями конституционным приличным по формы выражения мнением, не противоречащим общепринятым нормам морали, можно произносить в судебных заседаниях.

В том же духе моральный стандарт, установленный решением Ленинского районного суда г.Перми от 12.04.2022, оставленным без изменения апелляционным определением Пермского краевого суда от 11.07.2022, которым удовлетворен иск адвоката С. о признании незаконным решения Совета Адвокатской палаты Пермского края (АППК) о прекращении статуса адвоката за выражения при очной ставке в адрес другого адвоката: «бабушка мировой революции, а ведет себя как пацаненок»[1]. Мера АППК признана несоразмерной тяжести проступка адвоката С.

Конкретные моральные нормы создаются при применении оценочных норм права с нравственными понятиями судьями. В конечном итоге обществу устанавливаются правила поведения людей по отношению друг к другу по качеству ума судей. Если это качество на уровне сознания Шарикова, то общество должно жить по его разумению: «Вот все у нас как на параде, салфетку туда, галстук – сюда, да «извините», да «пожалуйста», «мерси», а так, чтобы по-настоящему, – этого нет. Мучаете себя, как при царском режиме»[2].

Шарикова опекали духовно близкие ему и чуждые профессору Преображенскому Швондер и его свита в тужурках, ассоциации суда с которыми возникают сами собой. Вдохновленный состоявшимися в его пользу решениями С. по тому же сценарию, что и в отношении А., начал досаждать кляузами в разные органы соседу с другой стороны. Придя с женой к дому соседа, затеял конфликт, опять получил нецензурные слова для записи их на телефон. Прокурор и мировой судья опять увидели только то, что «Шарикова по морде хлопнули». Сосед С-х присужден к штрафам по 4000 руб. за желанные «потерпевшим» «оскорбления», превращенные С. в способ заработка и морального удовлетворения от ссор с соседями[3].

По «золотому правилу нравственности» следует, что слова и фразы С. можно произносить и в адрес суда. Но судьями устанавливаются другие правила по отношению к ним самим.

Решением Адвокатской палаты Пермского края адвокат Б. привлечена к дисциплинарной ответственности по частному постановлению судьи Верховного Суда Республики Башкортостан от 02.04.2025 по уголовному делу № 22-1135/2025, в котором указывалось, что в апелляционной жалобе на приговор защитником Б. (далее приводится текст постановления) «допущены следующие суждения:

«данный приговор является безграмотным, незаконным и недействительным»;

«поражает низкая юридическая грамотность суда»;

«отсутствие объективности, состязательности, конституционности при рассмотрении данным судом уголовных дел является нормой»;

«суд категорически отказывается обосновать свои доводы»;

«суд никак не обосновал грубое существенное нарушение УПК РФ… как-то глупо сославшись на ст.252 УПК РФ»;

«что имеет в виду суд? Или на что намекает? В приговоре кроме домыслов следствия и суда нет ни одной ссылки на нормы закона»;

«…вместо спящего гособвинителя…»;

«Да судом установлен факт существенного нарушения процессуальных норм! Цинизма и непрофессинализма суда!!!»;

«очень грустно читать приговор суда, который не видит разницу между рыночной и фактической стоимостью похищенных труб. Видимо, не изучив, голословно приписывает в приговоре…»;

«суд видимо особо не вникал в то, что они говорили»;

«желание суда дотянуть до обвинения подтверждает его обвинительный уклон».

В прениях защитник «в адрес следователя допустила фразы «очень скользкая особа», «очухалась», в связи с чем ей было объявлено замечание».

В постановлении судьи не указывается на то, что такие суждения, изложенные обрывками предложений, приведены адвокатом в жалобе при наличии в приговоре ссылок на закон и фактические обстоятельства дела в обоснование выводов суда. Между тем, в апелляционной жалобе эти суждения защит-

[1] СПС «КонсультантПлюс».

[2] Булгаков М.А. Указ. соч. С. 112.

[3] Постановления мирового судьи судебного участка № 1 Краснокамского судебного района Пермского края от 29.08.2025 по делам № 5-568/2025 и № 5-569/2025 (архив судебного участка № 1 Краснокамского судебного района Пермского края).

ника предварялись изложением оспариваемых положений приговора и материалов дела. В частности перед фразой о цинизме суда приведено положение приговора с признанием нарушения следователем процессуальных норм. Но затем в приговоре написано, что это не влечет недействительность доказательства, полученного с таким нарушением. Притом что ч.3 ст.7 УПК РФ установлено: «Нарушение норм настоящего Кодекса судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств». Пренебрежение к принятым правилам поведения – сущностный признак цинизма, т.е. малоприятная для судьи моральная квалификация адвокатом суждения приговора основана на указании содержащихся в нем обстоятельств, соответствующих признакам негативного морального понятия.

Как бы то ни было, излишне эмоциональные суждения адвоката существенно деликатнее вышеприведенных фраз С. в отношении А., признанных правосудием соответствующим общепринятым норам морали. И слова в адрес отсутствующего в судебном заседании следователя «очень скользкая особа», «очухалась» не ровня «хабалке», «духовной помойке», «обучавшейся в школе для идиотов и дебилов». Другое дело, что последние слова сказаны в отношении рядовой пенсионерки «в соответствии с распоряжениями суда», а слова адвоката обращены в адрес суда и следователя, чьи дела суд спасает. Система ценностей множества судей не соответствует провозглашенной в преамбуле Кодекса судейской этики. Ими личная привилегия отождествляется с правосудием, которое отправляется так, чтобы не утруждать свой ум, порождающий ужасные нравы. Духовное сопротивление таким нравам рождает в обществе символы, далекие от официальных.

В замечаниях для господ актеров, играющих пьесу «Ревизор», Н.В. Гоголь написал: «Ляпкин-Тяпкин, судья, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину»[1].

Ляпкин-Тяпкин, как противоположный мантии символ судьи, можно отнести к так называемым интенциональным символам, т.е. образам, получающим символический статус только в акте рефлексии автора или толкователя[2]. Ревнители судебной власти, невзирая на ее осуществление вопреки официальным символам, скорее обрушатся на авторов негативных символов-образов судебной власти до их воплощения в символы-знаки, чем займутся теми, кто является источником негативных символов. Для них в предисловии к «Женитьбе Фигаро» Бомарше написал: «Мы строим из себя придирчивых и тонких знатоков и прикрываем личиной благопристойности падение нравов, вследствие чего мы превращаемся в ничтожества»[3].

Представляя характеры и костюмы действующих лиц пьесы «Женитьбы Фигаро» Бомарше писал, что судья «Бридуазон должен быть наделен тою простодушною и откровенною самоуверенностью, какою отличаются утратившие робость животные. <…> Весь комизм Бридуазона заключается в том, что важность его положения не соответствует потешному его характеру, и чем менее актер будет переигрывать, тем более выкажет он истинного дарования. Костюм его составляет мантия испанского судьи, более просторная, нежели мантии наших прокуроров, и скорее напоминающая сутану, а также большой парик и испанские брыжи; в руке у него длинный белый жезл»[4].

Автор пьесы разъясняет, что комизм судье должна придавать не манера актеров, а символы власти – мантия судьи и жезл. Достаточно простодушно в мантии произносить реплики:

«Марселина. Это вы будете судить нас?

Бридуазон. А для чего же я покупал эту должность?

Марселина (со вздохом). Как это дурно, что должности у нас продаются!

Бридуазон. Конечно, ку-уда лучше, если бы нам их раздавали бесплатно»[5].

«Бридуазон. Где-то я видел этого ма-алого.

Фигаро. У вашей супруги, в Севилье, господин судья, – я был вызван к ней для услуг.

Бридуазон. Ко-огда именно?

Фигаро. Меньше чем за год до рождения вашего младшего сынка. Прехорошенький мальчик, я им просто горжусь.

Бридуазон. Да, он у меня са-амый красивый»[6].

В глазах зрителей, хохочущих над глупостью судьи, судейская мантия превращается в клоунский наряд. Нечто подобное нередко происходит в судебных заседаниях при восприятии судей, создающих

[1] Гоголь Н. Ревизор // Библиотека всемирной литературы. М.: Изд-во «художественная литература». 1975. Серия вторая. Т.75. С.164.

[2] Большая российская энциклопедия: В 35 т. М, 2016. Т.30. С.183.

[3] Бомарше. Драматические произведения. Мемуары // Библиотека всемирной литературы. М.: Изд-во «художественная литература». 1975. Серия первая. Т.48. С.120.

[4] Там же. С.151–152.

[5] Бомарше. Указ. соч. С.208.

[6] Там же. С.208–209.

правила поведения логико-языковыми ляпами и ленью ума. Обратить клоунский наряд обратно в мантию штрафами за неуважение к суду невозможно, если в платье облачен носитель слабого и ограниченного ума, а не человек, способный осуществлять разумное индивидуальное правовое регулирование на основе закона и этических источников.

Официальные символы (знаки) способны приобретать со временем противоположное значение в соответствии с реальными символами. Так, некоторые из символов-знаков, запрещенных ст.282.4 УК РФ, изначально имели иной смысл, чем приобрели в руках носителей человеческого зла. То же угрожает судейской мантии.

В современной юридической литературе много обвинений в адрес позитивного понимания права, но не выяснения причин торжества лени ума. «Как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках»[1]. Винить позитивное право в судебных решениях, творящих судейским правосознанием без этических источников безнравственность, все равно, что обвинять кулинарные книги в том, что человек ничего не может приготовить кроме яичницы.

Между тем, система юридического образования, превращенная в сферу услуг, да к тому же с пренебрежением к позитивному праву, нацелена на выдачу дипломов юристов без обучения получателей владению методами, которые должны, как писал Р. Иеринг, отличать их от профанов[2].

Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ, многократно увеличивший размеры госпошлин, в частности, для физических лиц при подаче кассационной жалобы в Верховный Суд РФ, более, чем в 46 раз со 150 руб. до 7000 руб., при тех же самых по содержанию отказных определениях судей Верховного Суда РФ, в которых нет оценки по существу доводов кассационных жалоб, показывает неуклонную тенденцию сворачивания контроля за решениями Ляпкиных-Тяпкиных.

В силу этих закономерностей в обозримом будущем нас ждет процесс дальнейшей деградации нравов, творимых судьями в мантиях, но без юридической техники применения законов и без знания этических источников для применения норм права с моральными понятиями. Что найдет отражение и в символах судебной власти. От судейской мантии – к тужурке Швондера, от Ляпкина-Тяпкина – к духовной помойке, и иным реальным символам судебной власти.

Переменчивое до противоположности восприятие обществом символов говорит о ненадежности их в качестве регуляторов отношений, т.е. в пользу мысли В.М. Баранова о том, что следует говорить не о юридических символах, а о юридически значимых символах.

[1] Кони А.Ф. Указ. соч. С.34.
[2] Иеринг Р. Юридическая техника. М., Статут. 2008. С.16.

Репьев Артем Григорьевич

доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), профессор кафедры теории права, гражданского права и гражданского процесса

Repyev Artem Grigorievich

Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Professor of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure

E-mail: repev-artem@yandex.ru

Символ как магистральное технико-юридическое средство в транспортном законодательстве

The symbol as the main technical and legal means in the transport legislation

Аннотация. В статье автором предпринимается попытка осмысления регулятивного потенциала правовой символизации в транспортной сфере как стабилизирующего механизма в условиях стремительной технологической трансформации и усложнения транспортных отношений. Автор рассматривает правовой символ как семиотическое средство, воздействующее на органы чувств, преодолевающее языковые барьеры, обеспечивающее оперативное реагирование в чрезвычайных ситуациях и формирующее правосознание через эмоционально-психологическое восприятие. На примерах правового регулирования в области железнодорожных перевозок, а также автомобильных и морских показано, как визуальное технико-юридическое свойство правовых символов, так и звуковое и тактильное.

Ключевые слова: символ, правовой символ, юридическая техника, транспорт, ценности.

Annotation. In the article, the author attempts to understand the regulatory potential of legal symbolization in the transport sector as a stabilizing mechanism in the context of rapid technological transformation and increasing complexity of transport relations. The author considers the legal symbol as a semiotic means that affects the senses, overcomes language barriers, ensures prompt response in emergency situations and forms legal awareness through emotional and psychological perception. Examples of legal regulation in the field of railway transportation, as well as automobile and marine transport, show both the visual technical and legal properties of legal symbols, as well as the sound and tactile ones.

Keywords*:* symbol, legal symbol, legal equipment, transport, values.

Для цитирования: Репьев А.Г. Символ как магистральное технико-юридическое средство в транспортном законодательстве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 584–587.

Транспорт на сегодняшний день – одна из наиболее динамично развивающихся областей социальных отношений, напрямую сказывающаяся на состоянии экономики, промышленности, туризма, энергетики, сельского хозяйства и многом другом. Инновационную характеристику имеют не только уже повседневно окружающие нас средства индивидуальной мобильности (моноколеса, гироскутеры, питбайки и пр.), автономные транспортные средства (наземные, водные, воздушные), но и сами подходы транспортировки, строящиеся на «развитии мультимодальных логистических технологий, цифровой трансформации отрасли»[1]. Несомненно, на таких стремительных темпах развития сказывается геополитическая обстановка. Продвижение евразийской экономической интеграции, реалии и прогнозы международной торговли, обуславливают включение в отрасль транспортно-правового регулирования новых сегментов, например, трубопроводного компонента.

[1] Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27.11.2021 № 3363-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

Сообразно меняющимся транспортным технологиям непрерывно трансформируется социальная ткань. Технологические контуры детерминируют формирование новых правил поведения, к которым общество не только не успевает привыкнуть, порой даже ознакомиться с ними способны лишь максимально продвинутые пользователи. В силу перечисленных факторов, а также культурного крена населения в сторону приоритета транспортной мобильности, стремительного меняющихся подходов к правовому воздействию на весь транспортный комплекс, системе правового регулирования нужны опорные, стабилизационные механизмы, исторически доказавшие свой высокий потенциал. В их число нами включена правовая символизация.

В рамках данного материала мы оставим за скобками толкование символа в качестве художественного образа или аллегорического выражения мысли, и сосредоточим внимание на понимании его как предмета или действия, служащего условным знаком[1], обозначающим что-либо применительно к правоотношениям. Это позволит раскрыть в первую очередь регулятивный потенциал символизации, не игнорируя тем не менее свойство ее образности, позволяющее через визуализацию достигать обобщенного смысла и получать наглядную модель.

Мы полагаем, что *правовой символ – устанавливаемое государством семиотическое средство в различной визуальной форме (текстовой, графической, аудиальной и иной), представляющее собой видимое, слышимое и ощущаемое формально-юридическое, ценностное, культурное образование, которому в рамках правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности придается специальное значение инструмента правового регулирования.*

Приведем аргументы относительно того, что именно в транспортном законодательстве правовой символ выступает магистральным способом передачи воли законодателя и технико-юридическим средством ее формально-юридического закрепления[2]:

во-первых, способность влиять все органы чувств человека и тем самым задействовать по возможности максимально широкий перечень каналов восприятия информации. Символы в области организации пассажирских и грузовых перевозок воздействуют и на слух, на органы зрения, а равно и осязания, поражая своим многообразием. К примеру, в рамках организации безопасности железнодорожных перевозок применяется система сигналов и способов их совершения:

– для подачи звукового сигнала используются свистки локомотивов, мотор-вагонного и самоходного специального подвижного состава, духовые рожки, ручные свистки;

– для подачи визуального сигнала применяются семафоры, сигнальные приборы локомотивов, желтые и красные флажки, огни ручных фонарей, красные диски со светоотражателями[3]. Такие средства, как сигнальная железнодорожная петарда одновременно воздействует и на зрительные, и на слуховые органы чувств;

– для трансляции требований через тактильные свойства. В частности, сайт и мобильное приложение ОАО «РЖД» адаптированы под скринридеры[4] (JAWS, NVDA и др.), что позволяет незрячим пользователям самостоятельно оформить билет, прочитать условия договора перевозки и дать согласие. Применение правовой символизации возможно и для оформления юридической воли субъекта правоотношений;

во-вторых, это универсальный прием преодоления языковых барьеров: как в рамках наземного транспорта, так и воздушного, водного, и в особенности – морского. Исходя из данных последних лет[5], наибольшая динамика роста в рамках морских перевозок российскими судами отмечается относительно нефтеналивных и зерновых грузов, при этом наиболее активными участниками рынка выступают островные развивающиеся государства. Многие из них не ориентированы на традиционные языковые группы, а некоторые и вовсе, обладают уникальной самобытностью. Так, Папуа-Новая Гвинея самый лингвистически развитый остров на планете, жители которого говорят на 800 различных языках. Знаки, используемые в морской коммуникации[6], – наиболее надежный способ регулирования данных отношений. Они,

---

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. 52000 слов 1953. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. С. 661.

[2] Ранее, профессор Н.А. Власенко отмечал такую закономерность, что «описание символов как средств правового регулирования свойственно законодательству о правилах дорожного, водного, железнодорожного и др. движения». Власенко Н.А. Язык права. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, АО «Норма-плюс», 1997. С. 31.

[3] См.: Об утверждении Комментариев к Правилам технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации, утвержденным приказом Минтранса России от 23 июня 2022 г. № 250: распоряжение ОАО «РЖД» от 07.10.2022 № 2603/р (в ред. от 07.05.2025) // СПС «Консультант Плюс».

[4] Скринридеры (от англ. *screen reader* («читатель экрана»)) – программы экранного доступа, с помощью которого пользователь может получать информацию с экрана визуального дисплея без использования зрения.

[5] См.: Обзор морского транспорта, подготовленный по итогам конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию [Электронный ресурс]. Путь доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2023overview_ru.pdf. Дата обращения: 15.09.2025.

[6] Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 г., приложение I: Расположение и технические характеристики огней и знаков // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций,

как функциональные инструменты юридической техники выполнены с приоритетом на узнаваемость, универсальность, минимализм, стандартизацию. Так, черный шар, поднятый на мачте, символизирует, что судно стоит на якоре[1]. Это не просто информационный знак, а юридически значимый символ, обязывающий другие суда учитывать его статус при маневрировании. Такие символы – это нормативно закреплённые семиотические средства, выполняющие функцию правового регулирования поведения субъектов судоходства, имеющие вненациональную, языконезависимую трансляцию правовых требований в международной морской среде;

в-третьих, символ в транспортной сфере – универсальный сигнализатор правильного реагирования в чрезвычайных, внештатных ситуациях. Это объясняется ограниченным периодом времени, отводимым для принятия решения в рамках аварии или иного транспортного происшествия. Сегодня, к примеру, Концепция перспективного диспетчерского управления на сети железных дорог в качестве одного из ключевых эффектообразующих факторов позиционирует снижение времени на согласование и принятие оперативных решений при обеспечении совместного доступа к актуальной информации. Средством достижения отмеченного служит использование инфографики, табло коллективного пользования и многомониторные комплексы[2]. В совокупности, данная система визуализации позволяет снизить потери и риски при пассажирских перевозках;

в-четвертых, психологический фактор. Именно в нем проявляется ключевое отличие значения правовых символов в транспортном законодательства, от иных отраслей. Так, все знаковые правовые символы преимущественно выполнены в виде какой-либо художественной формы, которые способствуют выработке у людей определенного эмоционального настроя[3]. Символ не только информирует и ориентирует, но и коннотирует, т.е. несёт дополнительный культурный, психологический, социальный смысл. Следовательно, воздействует не только на разум (как носителя нормы), но и на чувства, формируя правосознание через уважение, страх, доверие, тревогу и т.д. Дорожный знак «Движение без остановки запрещено» (знак «Стоп»), имея природу нормативного правового символа[4], обладая обязательной юридической силой (водитель обязан остановиться перед стоп-линией или знаком), выполнен в эксклюзивной художественной форме (красный восьмиугольник). Цвет ориентирован на подачу сигнала тревоги, опасности, запрета (психофизиологически воспринимается как сигнал к немедленному действию), а восьмиугольник – уникальная форма, не повторяющаяся у других знаков, усиливает узнаваемость (заметен и определяем даже в условиях плохой видимости). Такой правовой символ – продукт дизайнерского замысла, где художественные решения (цвет, форма, композиция) подчинены юридической цели: обеспечить мгновенное распознавание и эмоциональную реакцию. Подобного рода символы обладают высокой способностью воздействия на сознание и разум одновременно, формируя необходимые поведенческие установки.

Резюмируя кратко изложенный материал, подчеркнем, что транспорт – не только одна из самых развивающихся сфер социума, но и самая динамичная. Мы не всегда успеваем подстроиться под одни прорывные технологические достижения, как появляются новые. Несмотря на тот факт, что роботы-доставщики уже несколько лет передвигаются по улицам города Москвы[5], и к ним, как участникам дорожного движения, еще не до конца привыкли горожане (особенно это касается приезжих, туристов), с 3 сентября по Москве уже не в режиме эксперимента, а на постоянной основе начали курсировать беспилотные трамваи[6]. Появление высокотехнологичных, полностью автономных транспортных средств, уже

заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 435-461; Международная Конвенция по охране человеческой жизни на море (Лондон,1974 г.) // Бюллетень международных договоров. 2011. № 11.

[1] Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 г., ст. 30 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 435-461.

[2] См.: Об утверждении Концепции перспективного диспетчерского управления на сети железных дорог с применением сквозных принципов: распоряжение ОАО РЖД от 16.05.2025 № 1072/р // СПС «Консультант Плюс».

[3] Об эмоциональной стороне правовой символизации см.: Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 71-73.

[4] См.: Венская конвенция о дорожных знаках и сигналах (Вена, 1968 г.) // Бюллетень международных договоров. 2017. № 11; О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (в ред. от 16.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025), п. 2.5 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531; Собрание законодательства РФ. 2025. № 29. Ст. 4304.

[5] К слову сказать, статус роботов-курьеров, т.е. автономных устройств компании «Яндекс» для доставки грузов, посылок, почты, – на сегодняшний день составляет правовой пробел. Минэкономразвития подготовило проект постановления Правительства РФ, по которому в 37 регионах нашей страны появятся подобного рода участники дорожного движения, для которых установят специальные условия страхования, лимиты скоростного движения и пр., который на момент подготовки материала статьи еще не принято.

[6] См.: Сергей Собянин запустил первый в России беспилотный трамвай с пассажирами // Официальный сайт мэра г. Москвы [Электронный ресурс]. Путь доступа: https://www.mos.ru/mayor/themes/13333050/?ysclid=mfjv4t0zcu654966450. Дата обращения: 14.09.2025.

не перспектива грядущих лет, а реальность дня сегодняшнего. Следовательно, подобрать оптимальные регулятивные механизмы для транспортного комплекса, адаптированные в своем текстовом и графическом выражении, понятные любому участнику движения – «задача со звездочкой».

Правовой символ – уникальное совмещение контрастов в одном феномене. Обозначенная тематика научно-представительского мероприятия подтвердила не только высокую степень актуальности исследования правовых символов в целом, но и их различных проекций на все многообразие правоотношений. Изучение правовой символизации в транспортной сфере обеспечит возможность улучшить коммуникацию перевозчиков и пассажиров, повысить уровень осведомленности последних, что непременно в лучшую сторону отразиться на состоянии безопасности.

Румянцев Федор Полиектович

доктор юридических наук, профессор, доцент кафедры трудового и экологического права Национально-исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Rumyantsev Fyodor Polyektovich

doctor of Law, Professor, Associate Professor, Department of Labor and Environmental Law, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

E-mail: odo-328@mail.ru

Значение и практическое использование символов в экологическом праве

The meaning and practical use of symbols i n environmental law

Аннотация. В статье раскрывается содержание некоторых экологических символов, используемых для подтверждения экологической безопасности производимых продуктов либо применяемых технологий для их производства. Указывается на аналогию зарубежных и российских практик применения экологических символов, используемых в хозяйственной деятельности. Анализируется действующая нормативно-правовая база, являющаяся содержательной основой разработанных экологических символов.

Ключевые слова: символы, содержание, цели применения, российская и зарубежная практика использования

Annotation. This article explores the content of certain environmental symbols used to confirm the environmental safety of manufactured products or the technologies used in their production. Similarities are noted between international and Russian practices in applying environmental symbols used in business activities. The current regulatory framework, the application of which is facilitated by the developed environmental symbols, is analyzed.

Keywords: Symbols, content, purposes of application, Russian and international practices

Для цитирования: Румянцев Ф.П. Значение и практическое использование символов в экологическом праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 588–590.

В сфере использования и охраны природных объектов значение правовых символов всегда имеет повышенное значение в силу масштабности непосредственного соприкосновения каждого гражданина к природной среде либо как неотъемлемой и незаменимой части окружающей среды проживания либо как объекта хозяйственного использования природных ресурсов, необходимых для существования человеческого общества. Поскольку технический прогресс неизбежно связан с появлением огромного разнообразия технологий переработки выращенной растениеводческой и животноводческой продукции для производства продовольственных продуктов перед государством усиливается необходимость обеспечения их безопасного качества, гарантирующего исключение вредного влияния на состояние здоровья потребителей.

Указанная государственная функция особо возрастает с повышением уровня благосостояния населения и соответственно возрастающими требованиями к качеству производимых продуктов питания, повышенной экологической чистоты технологий их производства.

Одним из наиболее известных и широко применяемых символов в сфере оборота продуктов питания считается указание на отсутствие в произведенном продукте ГМО, подтверждающий, что при его производстве не применялись методы генной инженерии по трансформации того или иного «чужого» гена в геном модифицируемых видов продовольственного сырья, направленных на повышение тех или иных их потребительских свойств, как правило связанных с увеличением их урожайности, продуктивности, либо с улучшением устойчивости к наиболее опасным болезням, вредителям, удлинением сроков

хранения, повышением содержания белков, углеводов, сахаров, влияющих на изменение питательных и вкусовых свойств.

Следует отметить, что Российская Федерация в отличие от ряда зарубежных государств продолжает сохранять запрет с 24 июня 2017 года на использование генной инженерии в отношении выращивания сельскохозяйственных растений и разведения сельскохозяйственных животных, закрепляя указанный запрет в положениях Федерального закона «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»[1].

Повышенный риск с использованием методов генной инженерии связан с непредсказуемостью последствий влияния использования модифицированных продовольственных продуктов на состояние здоровья человека. В связи с чем согласно п.2 5 Постановления Правительства РФ от 18 января 2023 г. N 35 «О порядке государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации»[2] предусмотрено осуществление мониторинга и внесение в реестр[3] модифицированных организмов информации о результатах мониторинга влияния разрешенных к ввозу на территорию нашей страны продуктов, содержащих ГМО с концентрацией свыше 0,9 процента.

Теоретически, продукт, содержащий ГМО его производитель может выдать за результат селекционной деятельности, что позволяет осуществить их маркировку как продуктов «не содержащих ГМО», «натуральных продуктов» или «органиков», избегая тем установленный императивный запрет на осуществление выращивания и разведения генно-модифицированных растений и животных.

Законодательство Российской Федерации разрешает осуществлять использование генно-модифицированных организмов исключительно лишь в научно-исследовательских целях.

Одним из широко известных и массово применяемых в торговом обороте экологических символов Российской Федерации является так называемый **«Листок жизни»,** маркировка с помощью которого подтверждает факт проведения в отношении данного пищевого либо непищевого товара процедуры добровольной сертификации на соответствие требованиям экологической безопасности технологии по его изготовлению. Данный экологический символ признан соответствующим требованиям международной добровольной экологической сертификации и успешно применяется на территории Российской Федерации начиная с 2001 года.

В Европейском Союзе применяется схожий информационный экологический символ Европейский «Цветок ЕС» - «Eco Label», проставляемый на упаковках непищевых товаров, отнесенных к категории опасных продуктов.

Следует отметить, что российская практика применения экологических символов по ряду позиций повторяет зарубежный опыт в его содержательной части.

В качестве примера можно привести шведский экологический символ «KRAV», указывающий на исключение из технологии при производстве сельскохозяйственной продукции применение пестицидов, инсектицидов, минеральных удобрений и иных экологически небезопасных веществ и компонентов. Аналогом указанного шведского экологического символа «KRAV» в Российской Федерации является символ ОРГАНИК (ORGANIC), который выступает визитной карточкой целеполагания Федерального закона от 3 августа 2018 г. N 280-ФЗ «Об органической продукции»[4], реализация которого позволяет осуществлять выращивание экологически чистую растениеводческую продукцию исключительно в границах тех сельскохозяйственных угодий, на которых в результате их длительного неиспользования не вносились никакие химические минеральные удобрения, не применялись пестициды, инсектициды и другие агрохимикаты, т.е. почва признана пригодной для выращивания сельскохозяйственных культур по результатам проведенных агрохимических обследований на содержание нитратов и неразложившихся остаточных концентраций пестицидов.

Следует подчеркнуть, что весьма успешно сформировавшаяся практика применения указанного закона позволяет осуществлять производство экологически чистой растениеводческой продукции на экологически благополучных сельскохозяйственных землях, что подтверждается возрастающими статистическими данными о торговом обороте данного вида продукции.

---

[1] Федеральный закон от 5 июля 1996 г. N 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»// СЗ РФ от 8 июля 1996 г. N 28, ст. 3348

[2] Постановление Правительства РФ от 18 января 2023 г. N 35 «О порядке государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»//СЗ РФ от 23 января 2023 г. N 4 ст. 654

[3] Румянцев Ф.П. О значении природоресурсных реестров и кадастров в реализации аналитической деятельности надзорных и правоохранительных органов // // Юридическая техника. Ежегодник №18. «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности».Н.Новгород-2024.№18.-С.402-403

[4] Федеральный закон от 3 августа 2018 г. N 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// СЗ РФ от 6 августа 2018 г. N 32 (часть I) ст. 5073

Страны Западной Европы начали реализовать на законодательном уровне стимулирующие меры по переходу на органическое земледелие, исключающее применение химических средств защиты растений и минеральных удобрений еще в начале 2000-х годов. Одной из возможных причин такого императивного запрета, поставившего фермерские хозяйства ФРГ на грань банкротства была возрастающая существенными темпами динамика онкологических заболеваний населения страны[1].

Ряд экологических символов информируют о гарантии качества реализуемых фруктов, овощей и иных плодов. В частности символ, изображающий «Яблоко», подтверждает о канцерогенной безопасности указанных выращенных продуктов, основанных на достоверной проверке состава их содержания, исключающего наличие веществ, провоцирующих развитие онкологических заболеваний. Данный символ является своего рода конкретизацией более общего по смысловой нагрузке символа ОРГАНИК (ORGANIC).

Поскольку одна из главных задач экологического права состоит в обеспечении сохранении благополучной среды обитания человека ряд символов указывают на химическую безопасность для окружающей среды произведенного изделия. В частности экологический символ: «**Свободно от хлора**» подтверждает об отсутствии в данном продукте одного из самых токсичных и опасных для загрязнения атмосферного воздуха химического элемента хлора и хлорсодержащих соединений.

Для обозначения безопасности для окружающей среды упаковок производимых товаров и о финансировании затрат на их переработку производителями таких упаковок используется символ «Зеленая точка».

«Яблоко»

Зеленая точка

Осознавая прямую корреляцию таких факторов как продолжительность жизни человека и экологически благополучная среда его проживания законодатель, а также многочисленные общественные экологические организации и движения, безусловно, будут развивать механизмы использования экологических символов как эффективного наглядно-информационного способа усиления реализации конституционного права граждан (ст.42 Конституции РФ) на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу потерпевшего.

[1] Румянцев Ф.П. О теоретических подходах к концепции эколого-правовой ответственности // Юридическая орбита.2022. №2.С.132-134.

Серебрякова Татьяна Юрьевна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и экономической безопасности Учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России

Serebryakova Tatyana Yuryevna

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Economic Security of the Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs

E-mai: serebrtata@yandex.ru

Символы обеспечения экономической безопасности РФ (доктрина и практика)

Symbols of economic security of the Russian Federation (doctrine and practice)

Аннотация. Статья посвящена символизму в экономике и ее научном направлении - экономической безопасности. Философское значение символов определяется общественной необходимостью, догмы определяются устоявшейся практикой. Для экономики более характерны догмы, однако, экономической безопасности в силу ее институциональности присущи символы, которые и определяют это научное направление.

Ключевые слова: символ, догма, экономика, экономическая безопасности, принцип

Annotation. The article is devoted to symbolism in economics and its scientific direction - economic security. The philosophical meaning of symbols is determined by social necessity, dogmas are determined by established practice. Economics is more characterized by dogmas, however, economic security, due to its institutionality, is characterized by symbols that define this scientific field.

Keywords: symbol, dogma, economics, economic security, principle

Для цитирования: Серебрякова Т.Ю. Символы обеспечения экономической безопасности РФ (доктрина и практика) // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 591–593.

Символизм является непременным атрибутом права. Право, в свою очередь является символом властных полномочий, таким образом, государственные институты и институции формируются, основываясь на правовых символах. По мнению М.Л. Давыдова само по себе право является метаюридическим символом.[1] Значение символов проявляется в их функциях. Чаще всего выделяют три основные функции правовых символов: предупредительно-ориентационная, усиления регулятивного эффекта и экономии языковых и юридических средств.[1] Следует указать на социальное значение символов, которое различно для разных слоев и субъектов общества, поскольку их актуальность не для всех одинакова.[2]

По мнению К. А. Чернявской, непосредственно язык общения является социо-культурным символом, что указывает на его постоянство.[3] В философских исследованиях присутствует мнение о том, что «…символы рождаются и умирают», что свидетельствует об их непостоянстве.[4] Однако свойство постоянства не является основополагающим. Главное для понимания символа состоит в выводах о его сущ-

[1] Давыдова, М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 56-62.

[2] Гулюта, Ю. В. К проблеме определения символа / Ю. В. Гулюта // Известия Алтайского государственного университета. – 2006. – № 3(41). – С. 118-121.

[3] Чернявская, К. А. Язык как этнический символ и основа идентификации / К. А. Чернявская // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". – 2019. – № S4. – С. 228-235.

[4] Спирова Э.М. Знак или символ? // Знание. Понимание. Умение. 2007. №1. С. 110–114.

ностном наполнении. Сущность символа заключается в выделения символа на основании особенности его смысла.[1] Таким образом, смысл определяет символ и его значение в той или иной социо-культурной сфере, той или иной отрасли науки.

Экономическая наука как институт (если это институт) не всегда увязывается с правовыми символами в силу собственного субъективизма, поскольку символами обозначают признанные властными органами устоявшиеся категории, признаваемые как минимум, для использования в правовом поле. И в этом смысле, экономика, не вполне символична.

На различных этапах развития общества и общественных институтов возникала проблема оценки институционального взаимодействия государства и экономических воззрений. Государственные деятели по мере развития государственной власти – государственных институтов, их укрепления, стали интересоваться финансово-хозяйственными результатами управления государством, его возможностями в целях укрепления могущества. Эти процессы находились в правовом поле, для которого и создавались символы, однако, это не влекло создание символов в зоне экономических категорий.

Экономика по-разному может быть интерпретирована в зависимости от общественного строя и формы собственности: демократия, автократия, частная собственность, общественная собственность.

Символы в экономике могут быть созданы при наличии: единой общегосударственной цели, общей экономики и единой нравственно-экономической доктрины по ее достижению. в таких условиях символизм может быть распространен на экономику, поскольку все задачи экономического развития ложатся в правовое поле и могут быть увязаны с символами права.

Под экономикой греки понимали науку о ведении хозяйства. хозяйство же представляет собой результат деятельности технологического характера не выраженный в денежном измерителе. Как только технологическую деятельность начинают отражать в денежном выражении, возникает проблема экономической интерпретации хозяйственной деятельности. Символизм в экономике может быть связан с оценкой показателей экономической деятельности и характеристиками экономического состояния, но экономическая деятельность в контексте символизма не обладает объективностью и стабильностью (что характерно для символов) в достаточной мере. Однако, наука об экономике недостаточно стара для приобретения устойчивых символов. В связи с чем, для нее характерны доктринальные воззрения. Судебная доктрина представляет собой с одной стороны принцип для понимания судьями возможных решений по разрешаемым спорам, а с другой стороны - метод, поскольку судьи используют сформированные практикой принципы для принятия судебных решений в конкретных случаях. Следовательно, в праве доктрина является его источником на основе сложившейся правоприменительной практики. Следовательно, по мнению В.В. Сарычева «совокупность однородных решений органов судебной власти и есть составляющее судебной доктрины.»[2]

Экономическая наука достаточно молода, хотя начало ее становления относится к 18 веку, как целенаправленная деятельность она развилась во второй половине 20 века, причем сразу для всех возможных уровней: микро-, миди-, макро. Именно для экономики характерен доктринальный подход. Это объясняется тем, что в ней отсутствуют устоявшиеся знаки, что делает невозможным построить систему символов. Она настолько динамична и подвержена влиянию социума и социальных символов, что собственные символы не успевает обозначить. Помимо социума, другим источником символов является государство, однако и здесь символы, если и устанавливаются, то существуют недолго и сметаются под влиянием развития общества, правителей или государственных институтов.

Одним из направлений экономики в нашей стране с начало 2000-х годов рассматривается экономическая безопасность. Это научное направление наиболее сильно тяготеет к символизму в силу тесной связки с государственными институтами и задачами. В паспорте научных специальностей оно отнесено к Региональной и отраслевой экономике, выделено в отдельный раздел. Именно собственными символами характеризуются отличия этого направления от всех иных направлений, для которых символы не установлены столь однозначно.

Следует обратить внимание на институциональность доктринальных положений экономической безопасности, в силу чего возникает сомнение: наука ли это или все же вид деятельности государственных институтов.

Отнести к государственным институтам экономическую безопасность сложно, поскольку она не обладает субъектностью. Не вполне понятно, кто организует деятельность, в связи с чем, не ясны субъекты экономической безопасности. Так же, как и объекты экономической безопасности как науки довольно неопределенны. Кто и как регулирует экономическую безопасность, а также по каким признакам определяется опасность / безопасность экономических отношений и экономики. Как взаимодействует эта от-

[1] Горбачев, М. Д. знак и символ / М. Д. Горбачев // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 1. – С. 126-132. – DOI 10.17072/2078-7898/2022-1-126-132.

[2] Сарычев, В. В. Понятие доктрины как родоначальника судебных доктрин / В. В. Сарычев // Вестник науки и образования. – 2020. – № 23-1(101). – С. 50-53.

расль с другими частями экономической науки. Или, если это деятельность, тогда: «Кто за нее отвечает в масштабах макро-, миди- и мини экономик?»

В то же время, определенным символизмом обладают государственные документы в этой области. В доктрине национальной экономической безопасности и в паспорте научной специальности содержится большое количество символов, которые в целом, являются характеристиками крайних состояний экономических явлений или методов: угроза, противодействие, риск, пороговое значение, мониторинг, инструмент, механизм. Таким образом, при помощи символов удалось выделить данное направление из общенаучного поля и произошло его сращивание с институциями государственного управления, поскольку в доктринальных документах президента применяются именно эти специфические категории.

Применение символов в теории экономической безопасности, так же, как и в праве, позволяет стабилизировать данное научное направление, очевидно, так же, как и в свое время – право, как науку и институцию. В этом смысле, символизм необходим.

Однако, сравнивать право, как объективно необходимое направление деятельности государств, с экономической безопасностью трудно, поскольку последнее пока не подтвердило свою объективно необходимую функцию как государственного института. Привнесение символов как отличительных характеристик обычных явлений в экономике не означает наличие общественной потребности в символах экономической безопасности. Необходимо создание института экономической безопасности для контроля параметров экономической безопасности, а не экономики в целом. Все показатели должны быть выстроены согласно символам экономической безопасности, а не наоборот, согласно экономическим доктринам, как это наблюдается в настоящее время.

Это связано с тем, что символы несут в себе правовую основу и экономическая безопасность смыкается с правовыми институциями, поскольку обеспечивают совместно существование государства.

Таким образом, символизм и доктрины остаются важнейшими атрибутами государственного строительства во всех сферах.

Технические и практические вопросы в указанном контексте не представляют интереса, поскольку не отличаются уникальностью и повторяют инструментарий экономической науки в целом.

Скачкова Галина Семеновна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права ЧОУ ВО Юридический институт (Санкт-Петербург)

Skachkova Galina Semenovna

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Law, CHOU HE Law Institute (Saint Petersburg)

E-mail: gskachkova@mail.ru

Правовые символы в учебных курсах по трудовому праву

Legal symbols in labor law courses

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся понятия в науке правовых символов как особого средства юридической техники. Определив признаки правовых символов, обращено внимание на критерии их распределения по отраслям права и особенности отраслевых правовых символов, среди которых особая роль отводится конституционному праву как индикатору государственно-правовых отношений. Показано своеобразие использования правовых стимулов в учебных курсах по трудовому праву, устанавливаемых как в централизованном порядке, так и локальным путем.

Ключевые слова: юридическая техника, правовые символы, государственно-правовые отношения, трудовое право

Annotation. This article discusses some issues related to the concept of legal symbols in science as a special means of legal technique. After defining the characteristics of legal symbols, the article focuses on the criteria for their distribution across legal branches and the specific features of sectoral legal symbols, with a particular emphasis on constitutional law as an indicator of state-legal relations. The article also explores the unique use of legal incentives in labor law courses. The article demonstrates the uniqueness of the use of legal incentives in labor law training courses, which are established both centrally and locally.

Keywords: legal technique, legal symbols, state-legal relations, labor law

Для цитирования: Скачкова Г.С. Правовые символы в учебных курсах по трудовому праву // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 594–602.

Человек – существо социальное, поэтому как никогда актуальна фраза В.И. Ленина: «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»[1]. Т.е. человек, будучи частью общества, не может существовать вне его социальных норм (правовых, моральных, религиозных, обычаев и традиций) и должен соотносить свою волю с порядками поведения в обществе: регуляторы отношений в любом обществе действуют как совокупность определенных правил и норм, упорядочивающих поведение людей.

Регуляторы поведения людей, в том числе и правовые регуляторы, в каждом обществе весьма разнообразны, они не остаются неизменными, раз и навсегда данными: активно взаимодействуя друг с другом, регуляторы неизбежно меняют свое содержание, объективно приводящее как к расширению сферы их использования, так и к возможности появления новых правовых регуляторов, ранее неизвестных в обществе.

Создание нормативно-правовых документов в процессе такого регулирования происходит путем применения и использования при их обработке определенной юридической техники. При отсутствии в науке единого общепризнанного определения юридической техники в качестве таковой обычно рассматривается комплекс профессиональных юридических правил (способов), специфических приемов и средств совершения каких-либо действий, в результате которых разрабатываемый документ облекается в определенную форму, имеющую правовое значение[2].

В тексте нормативно-правового документа с целью улучшения понимания и использования информации выделяют посредством юридической техники ключевые аспекты и логически связывают между

[1] Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. XII. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. С. 104.

[2] См.: Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. М.: Проспект, 2021. С. 38.

собой разрозненные факты, идеи и данные в целостную группу по некоему логическому основанию. Тем самым устанавливается связь между ними, т.е. имеющиеся данные упорядочиваются и определенным образом структурируются для обеспечения наиболее оптимального регулирования общественных отношений в той или иной области права.

Как справедливо отмечается в литературе, «в результате качественного и количественного расширения сфер применения правовых регуляторов, активного взаимодействия права с другими видами социальных норм появились и стали быстро распространяться новые нетрадиционные способы изложения государственно-властных велений в виде таблиц, рисунков, картографических знаков, бланков документов и др.»[1].

Такие способы выражения правовых норм получили название правовых символов, под которыми обычно имеются в виду создаваемые или санкционируемые государством и признаваемые им зафиксированные законодательством определенные образы (условные знаки), используемые для выражения конкретного юридически значимого содержания[2]. Поэтому правовой символ рассматривается как «условный образ, представляющий собой культурно-ценностное образование, обладающий особым политико-правовым смыслом, охраняемый государством и применяемый согласно особой регламентированной процедуре»[3].

Символика сама по себе служит средством формализации правового содержания, придает ему четкость, определенность и образность. Не случайно в теории права «во всех дефинициях правового символа акцент делается: 1) на условность символов как разновидности знаков и 2) на их правовую закрепленность»[4].

Если слово «символ» в широком его понимании рассматривать как знак, обозначающий какой-либо предмет, идею или другой объект[5], а «знак» - как «изображение, метка, стоящие на каком-либо предмете и служащие для отличия его от подобных»[6], то неформальное графическое изображение определенного товарного знака именуют «логотипом»[7].

Многочисленность различных символов с учетом условности их образов, социальной роли в общественной жизни не позволяет дать однозначно исчерпывающий ответ на вопрос об определении как самого понятия «правовой символ», так и о раскрытии соотношения с близким ему по смыслу, но не идентичным понятием «символ в праве».

Значительная часть ученых склоняется к тому, что «символ в праве», будучи разновидностью социальных символов, рассматривается как условный образ, хотя и имеющий отношение к праву и выступающий составным элементом правовой системы общества, но не получивший юридического закрепления. «Символ в праве», не имея юридического значения, используется в праве: общепризнано и общеизвестно, что в качестве «символа в праве» часто приводят изображение Фемиды как символа правосудия.

В литературе, в том числе и справочного характера, нередко происходит смешивание понятий «символ в праве» и «правовой символ».

Например, в Большой российской энциклопедии используется термин «символ в праве», рассматриваемый как «установленный либо санкционированный государством условный знак, обладающий юридическим содержанием, представляющий собой значимый образ, интегрированный в правовую систему и используемый в особом процедурном порядке»[8].

Исходя из такого понимания символа в праве, в качестве наглядных его примеров в юридических словарях и энциклопедиях приводятся указания на государственные символы (герб, эмблему, гимн, флаг). Но, к сожалению, следует признать, что, как правило, эти символы в различных изданиях лишь перечисляются, без развернутых их определений[9]. Хотя указанные дефиниции имеют конкретное значение с такими признаками, как то: нормативное закрепление, общеобязательность, защита и охрана.

Юридическое же закрепление «символа в праве» - санкционирование государством с возможностью юридической защиты - свидетельствует о появлении у символа в праве нового статуса - превращение его в «правовой символ», закрепленный законодательно и охраняемый государством, т.е. поддерживаемый силой государственного принуждения.

---

[1] Гончарова Н.С. Правовой символ: понятие и признаки // Вестник ВГУ. Серия: Право. Воронеж, 2017. С. 66-67.
[2] См.: Шалагинов П.Д. Функции правовых символов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 8.
[3] Никитин А.В. Правовые стимулы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 10.
[4] Глушаков А.Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. № 2. С. 199.
[5] См.: Нестерова О.Е. Символ // https://bigenc.ru/c/simvol-98a411?ysclid=me09gr14gh31640151 (дата обращения: 06.09.2025).
[6] Большой толковый словарь русского языка под общ. ред. С.А. Кузнецова. 2000 // https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (дата обращения: 08.09.2025).
[7] См.: Логотип и товарный знак: в чем разница и почему это важно? // https://cs-garant.ru/blog/tovarnyj-znak-i-logotip-v-chem-raznica/(дата обращения: 08.09.2025).
[8] Суменков С.Ю. Символ в праве // https://bigenc.ru/c/simvol-v-prave-ea4607 (дата обращения: 25.09.2025).
[9] См.: Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 103.

Представляется, что «правовой символ» - разновидность более широкого понятия «символ в праве». Поэтому такого рода правовые категории, как государственный герб, государственный флаг и проч., находящиеся под юридической защитой со стороны государства, следует рассматривать как правовые символы, определяя более четко их правовую природу в качестве государственных (национальных) символов (знаков), законодательно закрепленных, т.е. эмблем (отличительных знаков), олицетворяющих суверенитет, самобытность государства[1]. При этом закрепляемые в законодательстве РФ условные образы используются для выражения определенного юридического содержания символов (знаков).

Понятие «правовой символ», как считают некоторые ученые, чтобы не ограничивать искусственно круг исследуемых проблем, целесообразно употреблять как в узком, так и в широком смысле слова[2], с чем трудно не согласиться. Правовые символы как особое средство юридической техники при наличии различных научных позиций[3] классифицируют по разнообразным основаниям, число видов которых с учетом большого количества правовых стимулов достаточно велико: единый критерий, который мог бы быть положен в основу классификации, не сформирован и он отсутствует.

Так, классификация правовых символов возможна в зависимости не только от формы внешнего выражения (письменные, устные, изобразительные, символы-действия)[4] и функциональной роли (статичные и динамичные).

Важна их классификация с учетом особенностей нормативных правовых предписаний выполнения правовыми символами основных функций (регулятивной, правоустанавливающей, информационной, экономической и проч.). Символы наделены такими функциями согласно действующему законодательству РФ[5], с перечислением в литературе наиболее полного их перечня[6]. Однако анализ перечней символов с учетом их содержания показывает, что и эти перечни зачастую весьма условны, поскольку одни и те же символы могут принадлежать к разным группам.

Правовые символы по-разному закрепляются и используются в различных отраслях российского права. Закономерно, что наиболее распространенными являются правовые символы, закрепленные и используемые в рамках конституционного права в качестве индикаторов государственно-правовых отношений, выражая властные предписания, как правило, на уровне регулирования федерального законодательства.

В трудовом праве России встречаются различные символы, рассматриваемые в специальной литературе в качестве: а) символов в трудовых отношениях как составляющих человеческой культуры; б) средств юридической техники.

В качестве наглядного примера символов 1 типа обычно приводят логотип Международной организации труда (МОТ), представляющий собой аббревиатуру ILO – англоязычное обозначение аббревиатуры «МОТ», обрамляемой стилизованной шестеренкой и колосьями, символизирующими единство промышленного и сельскохозяйственного труда[7].

Символы, связанные с трудовыми отношениями в России, могут располагаться, например, на эмблемах профсоюзных организаций в виде, как правило, рукопожатия, символизирующего социальное партнерство, т.е. взаимодействие профсоюзов с работодателями на основе равноправия и сотрудничества, мирного урегулирования возникающих между ними разногласий. Имеется в виду как федеральный уровень такого сотрудничества, например, с Федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР), так и на иных уровнях социального партнерства, в частности, на региональном уровне - в рамках субъектов РФ. Символы профсоюзов включают эмблему и флаг, с указанием на их принадлежность к данной организации, с закреплением символики соответствующих профсоюзов в уставных документах.

Описание эмблемы и флага ФНПР содержится в ст. 40 Устава Общероссийского союза «Федерация Независимых Профсоюзов России», принятого Учредительным съездом профсоюзов РСФСР 23 марта 1990 г.[8] Но ФНПР может иметь и использовать иную символику в соответствии с законодательством РФ.

---

[1] См.: Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: Юристъ, 2021. С. 211, 216; Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. С. 623-624.

[2] См.: Афанасьева А.А. К пониманию «правового символа» // Вестник магистратуры. 2017. № 6-1 (69). С. 89.

[3] См.: Демидова И.А. Правовые символы: осмысление в контексте исследования правовой культуры общества // Актуальные вопросы права, образования и психологии: сб. науч. тр. / Могилев, институт МВД. – Могилев, 2020. – Вып. 8. С. 58.

[4] См.: Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 73.

[5] См.: Давыдова М.Л. Правовые символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 59-60.

[6] См.: Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000. С. 448.

[7] См.: Официальный сайт Международной организации труда // https://www.ilo.org/ (дата обращения: 05.09.2025).

[8] См.: Официальные логотипы и эмблемы общероссийских профсоюзов и ФНПР // https://fpkk.ru/14995/?ysclid=mdye3el08b55527439 (дата обращения: 15.09.2025).

Многие общероссийские профсоюзы имеют свои символы. Можно привести в качестве примера Профсоюз работников агропромышленного комплекса РФ[1], Профсоюз работников народного образования и науки РФ[2], Горно-металлургический профсоюз России[3] и др.

У региональных организаций профсоюзов могут быть и свои символы, но они должны включать элементы единой символики общероссийского профсоюза. Например, первичные, территориальные и региональные (межрегиональные) организации Профсоюза работников народного образования и науки РФ могут использовать собственную символику (флаг, эмблему) и знаки отличия.

В ст. 59 «Символика профсоюза» Главы 11 «Символика профсоюза» Устава профсоюза работников народного образования и науки РФ сказано, что Эмблема и флаг Профсоюза являются официальными символами, указывающими на принадлежность к Профсоюзу, также определено, где эти символы помещаются и где могут помещаться, где используются. Иные случаи использования эмблемы и флага Профсоюза могут быть определены Исполнительным комитетом Профсоюза. В заключительной части данной статьи (в п. 7) дано описание символики Профсоюза, с указанием размеров и цветовой палитры, возможности выполнения эмблемы Профсоюза в одноцветном изображении и т.д.

В России могут иметь место и иные символы, связанные с трудовыми отношениями: например, официальный символ Федеральной службы по труду и занятости (Роструда)[4] - геральдический знак в виде двуглавого серебряного орла, на груди которого расположен щит с зубчатым кольцом и двумя скрещенными молотами[5].

Геральдический знак Роструда утвержден в соответствии с постановлением Правительства РФ от 24 марта 2011 г. № 210 «Об организации деятельности, связанной с учреждением геральдических знаков федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, и о внесении изменений в акты Правительства Российской Федерации»[6].

В рамках реализации мероприятий по комплексной модернизации федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» установлен фирменный стиль бренда «Работа России», представляющий собой набор графических, цветовых, шрифтовых и иных констант, позволяющих гражданину безошибочно идентифицировать центры занятости населения нового типа.

Руководство по фирменному стилю бренда «Работа России» содержится в приложении № 2 к приказу Минтруда России от 16 марта 2023 г. № 156 «Об утверждении Стандарта организации деятельности органов службы занятости населения в субъектах Российской Федерации»[7].

На логотипе бренда «Работа в России», символизирующем трудовые отношения, можно видеть направленные вправо треугольники, которые символизируют стремление вперед и технологичность, с использованием 3-х цветов. Оранжевый цвет – проактивный: мотивация человека к благополучию. Синий цвет – эффективный: нацеленность на результат, а не на процесс. Голубой цвет – гуманистичный: в центре всего – человек, его благополучие и рост.

В трудовых отношениях в рамках технико-юридического подхода к символам им отводится роль вспомогательного средства правового регулирования, приема юридической техники. Однако до сих пор отсутствуют исследования о специфике символов в трудовом праве именно в таком качестве.

Так, в докторской диссертации Смирнова Д.А. «Трудоправовая техника нормотворчества» (2024 г.) содержится много различного материала на заданную тему, но нет ответа на главный вопрос: какова правовая природа трудоправового символа и специфика конкретных их видов, как это излагается в литературе о правовых символах применительно к другим отраслям российского права. Докторант сделал акцент на исследовании символических действий законодателя по правилам ст. 19.1 Трудового кодекса

---

[1] См.: ст. 48 Устава профсоюза работников агропромышленного комплекса РФ, утв. I съездом профессионального союза работников агропромышленного комплекса РСФСР 22 сентября 1990 г. // d31c7eb16d079e65e1b97f01217835d1.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Эмблема и флаг Профсоюза работников народного образования и науки РФ утв. постановлением Центрального комитета Профсоюза от 27 февраля 2008 г. № 4. – См.: Официальная символика и реквизиты профсоюза // Информационный бюллетень. 2009. № 46.

[3] Эмблема и флаг Горно-металлургического профсоюза России (ГМПР) утв. 11 февраля 2000 г. на IV съезде ГМПР // https://cloud.mail.ru/public/dJ4M/m9jjSjWAc (дата обращения: 15.09.2025).

[4] Федеральная служба по труду и занятости (Роструд) — федеральный орган исполнительной власти России, находящийся в ведении Минтруда России,, осуществляющим функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере труда, занятости, альтернативной гражданской службы, специальной оценки условий труда и социальной защиты населения, оказанию государственных услуг в сфере содействия занятости населения и защиты от безработицы, трудовой миграции и урегулирования коллективных трудовых споров, а также по предоставлению социальных гарантий, установленных законодательством РФ для социально незащищенных категорий граждан. – См.: постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 324 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости// Собрание законодательства РФ. 2004. № 28. Ст. 2901.

[5] См.: приказ Минтруда России от 12 ноября 2012 г. № 521н «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федеральной службы по труду и занятости» // БНА РФ. 2012. № 7.

[6] Собрание законодательства РФ. 2011. № 14. Ст. 1935.

[7] Документ официально опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

РФ – о признании трудовыми отношений, возникших на основании заключения физическим лицом гражданско-правового договора[1]. Однако вопрос о символах в их практическом применении именно в трудовых отношениях в диссертации Смирнова Д.А. рассмотрен не был …

В трудовом праве России имеют место символы, непосредственно связанные и с трудом лиц, работающих по трудовому договору (ст. 16 Трудового кодекса РФ).

В числе таковых можно назвать, прежде всего, символы при поощрении работодателем работников, добросовестно исполняющих трудовые обязанности (ст. 191 Трудового кодекса РФ). Положения об этом могут быть закреплены в локальных нормативных актах (ст. 8 Трудового кодекса РФ) или в актах социального партнерства – коллективных договорах и соглашениях (Часть вторая, Раздел II Трудового кодекса РФ) с возможностью выдачи работнику, например, письменной благодарности или почетной грамоты, ценного подарка с логотипом организации, представления работника к званию лучшего по профессии и проч.

Согласно ч. 2 ст. 191 Трудового кодекса РФ «за особые трудовые заслуги перед обществом и государством работники могут быть представлены к государственным наградам».

Прежде всего, это, конечно, нагрудные знаки и значки при поощрении граждан за особые трудовые заслуги путем награждения орденами, медалями и другими знаками отличия за выдающиеся трудовые заслуги.

Среди таких символов нельзя не отметить нагрудные знаки и значки, бывшие весьма популярными во времена СССР: было учреждено более 1000 различных знаков и значков для награждения работников промышленности, транспорта, строительства, культуры, сферы обслуживания и сельского хозяйства. Большое количество наградных знаков и значков было выпущено для награждения ударников первых и послевоенных пятилеток

Среди значков и знаков, вручаемых за трудовую доблесть, можно назвать, например: «Ветеран труда»; «Трудовым успехам слава»; «Участнику движения за коммунистический труд»; «Предприятие коммунистического труда»; «Ударник коммунистического труда»; «Член коллектива коммунистического труда»; «Ударник пятилетки», «Победитель социалистического соревнования» «Участнику уборки урожая на целине»; «За освоение Голодной степи»; «За освоение новых земель»; «Строителю черной металлургии»; «Передовику новостроек VI пятилетки»; «Ударнику полей» и др.

В СССР осуществлялось также награждение граждан государственными наградами, т.е. орденами и медалями СССР, с выдачей соответствующих знаков отличия. Согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 марта 1992 г. № 2424-1 «О государственных наградах Российской Федерации»[2], в системе наград России были сохранены некоторые ордена и медали бывшего Союза ССР, а некоторые из наград претерпели изменения.

В СССР присваивались и почетные звания: до 1984 г. присвоение почетных званий СССР производилось указами Президиума Верховного Совета СССР.

Например, почетное звание «Народный артист СССР», учрежденное Постановлением ЦИК СССР от 6 сентября 1936 г. № 47[3], присваивалось выдающимся деятелям искусства, получившим общее признание в развитии советского театра, музыки, кино, цирка, телевидения и радиовещания. Награда состояла из грамоты Президиума Верховного Совета СССР, нагрудного знака и удостоверения к нему.

Почетных званий СССР было всего 16, основная часть из которых (8 званий) была связана с покорителями неба, т.е. ровно половина[4].

Указом Президента РФ от 2 марта 1994 г. № 442 «О государственных наградах Российской Федерации»[5] было утверждено новое Положение о государственных наградах Российской Федерации, сохранившее в системе российских наград некоторые ордена и медали бывшего СССР.

Затем был принят Указ Президента РФ от 30 декабря 1995 г. № 1341 «Об установлении почетных званий Российской Федерации, утверждении положений о почетных званиях и описания нагрудного знака к почетным званиям Российской Федерации»[6].

Окончательно система российских наград была утверждена Указом Президента РФ от 15 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации»[7]. Данный документ определяет перечень государственных наград России, порядок награждения, представление к награждению и ответственность за незаконное использование наград.

Государственные награды Российской Федерации - высшая форма награждения граждан за выдающиеся заслуги в защите Отечества, государственном строительстве, экономике, науке, культуре, ис-

[1] См.: Смирнов Д.А. Трудоправовая техника нормотворчества. Дисс. докт. юрид. наук. Ярославль, 2024. С. 215-230.
[2] Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 12. Ст. 633.
[3] СЗ СССР. 1936. № 47. Ст. 400.
[4] См.: Черемин А.А. Книги по истории // https://alexandercherymin.wixsite.com/mysite/books (дата обращения: 21.09.2025).
[5] Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 10. Ст. 775.
[6] Собрание законодательства РФ. 1996. № 2. Ст. 64.
[7] Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

кусстве, воспитании, просвещении, охране здоровья, жизни и прав граждан, благотворительной деятельности и иные выдающиеся заслуги перед государством.

Указом Президента РФ от 15 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» утверждены:

а) Положение о государственных наградах Российской Федерации;

б) статуты орденов Российской Федерации, положения о знаке отличия ордена Святого Георгия - Георгиевском Кресте, медалях Российской Федерации, знаке отличия «За безупречную службу», почетных званиях Российской Федерации, описания названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации;

в) формы наградного листа для представления к награждению государственными наградами Российской Федерации;

г) образцы бланков удостоверений к государственным наградам Российской Федерации, государственным наградам СССР, званию Героя Российской Федерации, бланков Грамоты о присвоении звания Героя Российской Федерации;

д) рисунки государственных наград Российской Федерации.

В государственную наградную систему Российской Федерации входят:

а) высшие звания Российской Федерации: звание Героя Российской Федерации, звание Героя Труда Российской Федерации, звание «Мать-героиня»;

б) ордена Российской Федерации: орден Святого апостола Андрея Первозванного, орден «За заслуги перед Отечеством», орден «За доблестный труд», орден «Мужества», орден «Почета», орден «Дружбы» и др.;

г) медали Российской Федерации: медаль ордена «За заслуги перед Отечеством», медаль «За отвагу», медаль «За храбрость» и др.;

г.1) почетный знак Российской Федерации «За успехи в труде»;

г.2) знаки отличия Российской Федерации: знак отличия «За благодеяние», знак отличия «За наставничество», знак отличия «За безупречную службу»;

д) почетные звания Российской Федерации: «Летчик-космонавт Российской Федерации», «Народный артист Российской Федерации», «Заслуженный артист Российской Федерации», «Народный учитель Российской Федерации», «Народный архитектор Российской Федерации», «Заслуженный архитектор Российской Федерации», «Заслуженный врач Российской Федерации», «Заслуженный юрист Российской Федерации» и др.

Установлено, что юбилейные медали РФ, награды, учреждаемые федеральными органами государственной власти и иными федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов РФ, общественными и религиозными объединениями, не являются государственными наградами РФ.

Учреждает государственные награды и награждает ими Президент РФ, который устанавливает также высшие и почетные звания РФ. Государственных наград могут быть удостоены граждане РФ, иностранные граждане, а также лица без гражданства. Положения нормативных документов о государственных наградах России распространяются, согласно Положению о государственных наградах, на граждан РФ, удостоенных государственных наград СССР.

Не являются государственными наградами юбилейные медали РФ, награды, учреждаемые федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ, общественными и религиозными объединениями.

Указом Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» утверждены также и прилагаемые рисунки государственных наград РФ.

Особо хотелось бы обратить внимание в данном документе на Раздел VI (2) Положения о государственных наградах РФ от 7 сентября 2010 г., в котором говорится о награждении государственными наградами коллективов предприятий, организаций и учреждений.

В п. 68 (9) Раздела VI (2) сказано о возможности награждения государственными наградами коллективов предприятий, организаций и учреждений независимо от форм собственности как одной из форм поощрения таких коллективов за высокие достижения в области промышленного и сельскохозяйственного производства, экономики, науки, культуры, искусства, просвещения, здравоохранения, образования, физической культуры и спорта и за иные заслуги перед государством.

Коллективы предприятий, организаций и учреждений могут быть представлены к награждению орденом Гагарина, орденом «За доблестный труд», орденом Александра Невского, орденом «За морские заслуги», орденом Почета, орденом Пирогова, орденом «За заслуги в культуре и искусстве», почетным знаком Российской Федерации «За успехи в труде» - см. п. 68 (10) Раздела VI (2).

Предприятия, организации и учреждения, награжденные указанными государственными наградами, имеют право использовать наименование и изображение перечисленных орденов, почетного знака на своих логотипах и иных фирменных знаках, эмблемах и бланках – см. п. 68 (14) Раздела VI (2).

Правовые символы при регулировании трудовых отношений лиц, работающих по трудовому договору у конкретного работодателя (ст. 56 Трудового кодекса РФ), сейчас находят свое широкое применение в институте охраны труда путем использования так называемых «знаков безопасности»: под ними принято понимать различные условные обозначения в виде изображений, меток, которые, как сказано в Большом толковом словаре русского языка, «стоят на каком-либо предмете и служат для отличия его от подобных»[1].

Знаки безопасности, применяемые в трудовом праве, помогают сохранить жизнь и здоровье работников, предотвратить получение ими травм, не допустить аварии у работодателей. В настоящее время в этих целях применяется «ГОСТ 12.4.026-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Цвета сигнальные, знаки безопасности и разметка сигнальная. Назначение и правила применения. Общие технические требования и характеристики. Методы испытаний», введенный в действие приказом Росстандарта от 10 июня 2016 г. № 614-ст[2].

Требования, предусмотренные ГОСТом 12.4.026-2015, будучи национальным стандартом, исполняются добровольно. Вместе с тем, если требуемых по стандарту знаков нет или они не соответствуют требованиям ГОСТа, работодателя могут привлечь к ответственности по ст. 5.27.1 КоАП РФ «Нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации» в виде предупреждения или штрафа в законодательно установленных размерах.

Знаки по охране труда и технике безопасности (далее: знаки по безопасности) оформляются в специализированных организациях по регламенту, утвержденному ГОСТом 12.4.026-2015, с учетом единых технических требований и целевого назначения (по распределению, внешнему виду, материалам изготовления, размерам, цвету и т.д.)[3].

Какие именно знаки безопасности будут размещены у работодателя, зависит от условий, в которых выполняются соответствующие работы, что влияет на основания применения соответствующих знаков, в зависимости от содержания в них необходимой информации.

Согласно ГОСТу 12.4.026-2015 знаки безопасности представляют собой цветные изображения разных геометрических форм (круг, квадрат, прямоугольник и др.). Изображение состоит из графического символа или надписи, либо может сочетать в себе то и другое.

При изготовлении знаков безопасности используют самые разные материалы (металл, пластику, стекло, пленки и т.д.), с использованием контрастных цветов (красный, желтый, синий, зеленый).

Знаки безопасности в зависимости от места их расположения бывают несветящимися, световозвращающими, фотолюминесцентными.

Так, если несветящиеся знаки размещают в местах с хорошим освещением, то световозвращающие знаки размещают в местах с плохим освещением при проведении работ с фонарями (туннели, шахты), а также на дорогах, автомобильных трассах, в аэропортах и т.п. (п. 6.2.5 ГОСТа 12.4.026-2015).

Знаки пожарной безопасности, размещенные на пути эвакуации, и эвакуационные знаки безопасности, а также знак «Аптечка первой медицинской помощи» должны изготавливаться из фотолюминесцентных материалов (п. 6.1.4 ГОСТа 12.4.026-2015).

Знаки могут выглядеть как обычные плоские таблички, так и размещаться на объемных фигурах (на сторонах куба, пирамиды, призмы и т.д.), видимых с нескольких сторон (п. 6.1.2.2 ГОСТа 12.4.026-2015).

Относительно некоторых знаков может потребоваться дополнительная подсветка. Так, например, знаки для обозначения выходов из темных мест (коридоров и проч.) должны быть объемными с внутренним электрическим освещением от автономного питания и от сети переменного тока (абз. 2 п. 6.1.4 ГОСТа 12.4.026-2015).

Распределение действующих знаков по группам и видам производится согласно законодательству РФ о труде, а также указаниям соответствующих органов государственной власти в сфере охраны труда.

Знаки по охране труда делятся по основаниям их применения и информации, которую они содержат, на такие основные их виды, как-то: *запрещающие* (содержат запрет на опасное поведение), *предупреждающие* (призывают к осторожности и вниманию, информируя о возможной опасности), *предписывающие* (указывают обязательные действия работника, чтобы не допустить опасной ситуации), *эвакуационные и медицинского и санитарного назначения* (указывают, куда направляться в случае эвакуации, где искать спасение, первую помощь), *указательные* (указывают на расположение служб работодателя, служебных входов и выходов, мест для курения и т.д.), *пожарной безопасности* (информируют о местах размещения средств противопожарной защиты, содержат сведения о порядке действий при возникновении пожара и т.д.).

ГОСТ 12.4.026-2015 определяет также и цветовое решение элементов, призванных обеспечить безопасную работу у работодателя: для каждого из видов элементов из числа знаков по охране труда

[1] Большой толковый словарь русского языка // https://gramota.ru/poisk?query (дата обращения: 09.09.2025).
[2] Бюллетень строительной техники. 2016. № 9.
[3] См.: Иванова Н. Как правильно выбрать знаки безопасности по охране труда // https://ppt.ru/art/kadri/kak-pravilno-vybrat-znaki-bezopasnosti-po-okhrane-truda?ysclid=me5w2w4mhi272863445 (дата обращения: 20.08.2025).

установлен свой определенный цветовой формат, максимально комфортный для зрительного восприятия и понимания. Обозначения на всех видах элементов, отображаемых в ярких цветовых решениях, должны быть черного или белого цвета для обеспечения максимального контраста.

Каждый из знаков имеет как свой сигнальный цвет (красный, желтый, зеленый или синий), так и внешний формат, чтобы сделать для работников информацию о знаках максимально доступной и единообразной. Все знаки по охране труда с учетом их значимости в системе символов по охране труда, т.е. с учетом целевого назначения, подразделяются на 4 вида: основные, дополнительные, комбинированные и групповые. Основные знаки, однозначно выражая требования по обеспечению безопасности труда, могут использоваться как самостоятельные или включаться в состав комбинированных и групповых знаков. Для основных знаков строго установлены цвет для оформления и соотношение включенных элементов. Например, в предупреждающих знаках площадь желтого цвета должна составлять не менее 50 % от поверхности, в запрещающих знаках красного – не менее 35 %. В свою очередь, в предписывающих знаках строго установлены цвет для оформления и соотношение включенных элементов.

В дополнительных знаках содержится поясняющая надпись, предусмотрено их использование в сочетании с основными знаками. Комбинированные и групповые знаки включают в состав основные и дополнительные, содержат комплексные требования по обеспечению безопасной работы. Для наиболее точного и полного информирования работников в целях обеспечения надлежащего уровня защиты их здоровья требуется совместное использование основных и дополнительных элементов. Комбинированное обозначение может одновременно преследовать несколько целей: предписывать, запрещать и предупреждать, оформляемое на белом фоне в виде прямоугольной формы.

В Разделе X «Охрана труда» Трудового кодекса РФ содержится Глава 34, посвященная государственному управлению охраной труда. В данной главе закрепляются как полномочия соответствующих государственных органов (на федеральном и региональном уровнях), так и государственные нормативные требования охраны труда, национальные стандарты безопасности труда, права и обязанности работодателя и работника по охране труда, содержание которых раскрывается в соответствующих статьях Трудового кодекса РФ.

В условиях строгих норм и стандартов профессия специалиста в области охраны труда является необходимой для всех предприятий и организаций. Отвечая за безопасность работников на рабочем месте, тем самым специалист по охране труда обеспечивает соблюдение нормативных требований, помогая работодателям избегать штрафов и неблагоприятных юридических последствий.

При проведении инструктажей по охране труда используются наглядные пособия - плакаты по охране труда, применяемые для оформления кабинетов инструктажей, уголков по охране труда и специальных классов. Использование плакатов в процессе обучения и при проведении инструктажей способствует лучшему пониманию и усвоению материала.

Очень важным является выбор места размещение знаков: следует обеспечивать видимость их для работников, которым они адресованы, но не препятствовать работникам в выполнении ими заданий и не отвлекать от работы. Знаки не должны перекрывать проходы и проезды, не мешать прохождению грузов.

В России в последнее время широкое распространение в трудовом праве получают его символы в виде различных изображений, не являющихся правовыми символами, но несущих различную, в том числе и познавательную информацию о труде и трудовых отношениях.

Имеются в виду символы векторных изображений, т.е. графических иллюстраций, созданных с помощью математических формул, состоящих из линий, кривых и геометрических фигур[1]. В свою очередь, распространены и иконки (от англ. icon) - элемент графического интерфейса, небольшая картинка, обозначающая приложение, файл, каталог, окно и т. п. Разница между вектором и иконкой в графическом дизайне заключается в том, что вектор - это формат изображения, а иконка - элемент графического интерфейса.

Символы, связанные с трудовыми отношениями, могут иметь, как уже указывалось ранее, различное предназначение, например, использоваться в рекламе, быть связанными с работой и трудоустройством и проч. В таких значках могут быть иконки, отражающие работу, карьеру, трудоустройство, встречи, организацию, командную работу и другие темы. В частности, имеются в виду символы**,** представляющие законные права работников в определенных правовых рамках, трудовые правовые стандарты. При использовании же символов в рекламе важно учитывать, что они могут быть служебными произведениями, созданными в рамках трудовых отношений. В таком случае имущественные права на такие объекты принадлежат работодателю, но соглашением между ним и автором может предусматриваться и иное.

Распространены значки трудового законодательства — например, с изображением Трудового кодекса РФ, трудового договора и проч. Найти изображения, связанные с трудовыми отношениями, можно, например, на сайтах Pngtree и PNGWing. ru.pngtree.compngwing.com и др.

[1] См., например: Бесплатные векторы, которые помогут разжечь ваше воображение // https://ru.freepik.com/vectors (дата обращения: 20.09.2025).

Подводя итоги сказанному выше, можно сделать вывод о том, что символы и знаки в трудовом праве, имея определенный социальный смысл, повсеместно используются для отображения и решения разнообразных юридических задач, в том числе и в сфере производственных процессов, при регулировании трудовых отношений, где все большее распространение имеет искусственный интеллект, взаимодействующий с естественным интеллектом, в том числе в сфере права.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением, высказанным в литературе, что язык символов, знаков и проч. может стать «одним из переходных мостиков между искусственным и естественным интеллектом», которые, дополняя друг друга, создают «перспективы для использования «человека-машинного» языка символов и знаков как в сфере права, так и в других гуманитарных областях»[1].

[1] См.: Баранов В.М., Исаков В.Б. Словарь правовых символов и знаков / Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника». – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 4-5.

Скоробогатов Андрей Валерьевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)

Skorobogatov Andrey Valerievich

Doctor of Historical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (EIML)

E-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Краснов Александр Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Krasnov Alexandr Valerievich

candidate of the law, associate professor, associate professor of chair of the theory and history of the right and the state, Kazan branch of Russian University of Justice

E-mail: field08@mail.ru

Судебная символика как перформативное средство легитимации и репрезентации правосудия

Judicial Symbolism as a Performative Means of Legitimizing and Representing Justice

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей судебной символики в правовой реальности России. На основе комплексного анализа нормативных правовых актов и эмпирических наблюдений судебных процессов авторы делают вывод, что несмотря на рационализацию современной правовой реальности, ее воздействие на сознание и поведение человека может осуществляться не только рациональными, но и иррациональными средствами, одним из которых выступают судебные символы. Выступая перформативным средством выражения правовой реальности, судебная символика способствует погружению индивида в правовое пространство судебного процесса, артикулируя роли субъектов, которые закрепляются в нормах права и эксплицируют правовые традиции. Благодаря этому, судебная символика не только активно участвует в процессе легитимации государственной власти и позитивного права, но и обеспечивает эффективность функционирования индивида в правовой реальности.

Ключевые слова: судебная символика, правовая реальность, правовое пространство, правовое воздействие, средство правового регулирования, легитимация, правосудие

Summary. This article examines the specifics of judicial symbolism in the legal reality of Russia. Based on a comprehensive analysis of regulatory legal acts and empirical observations of court proceedings, the authors conclude that, despite the rationalization of modern legal reality, its impact on human consciousness and behavior can be exerted not only by rational but also by irrational means, one of which is judicial symbols. As a performative means of expressing legal reality, judicial symbolism facilitates the individual's immersion in the legal space of the judicial process, articulating the roles of subjects that are enshrined in legal norms and explicate legal traditions. As a result, judicial symbolism not only actively participates in the process of legitimizing state authority and positive law but also ensures the individual's effective functioning within the legal reality.

Keywords: judicial symbolism, legal reality, legal space, legal influence, means of legal regulation, legitimization, justice

Для цитирования: Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Судебная символика как перформативное средство легитимации и репрезентации правосудия // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 603–611.

Суд, как орган правосудия, поддержания правопорядка и средство обеспечения бесконфликтного социального сосуществования, выступает государственным органом, который наиболее близок к человеку. Сказанное обусловлено тем, что вхождение в правовую реальность для многих обычных граждан становится осязаемым не с момента вступления в регулятивные правоотношения, а при возникновении юридического спора, конфликта, рассмотрение которых и является центром деятельности по отправлению правосудия.

Воздействие суда на сознание индивида имеет бинарную природу. С одной стороны, суд призван обеспечить режим законности путем восстановления нарушенных прав и реализации законных интересов человека нормативными средствами. С другой стороны, он должен показать гражданам государственную заботу. Если в первом случае судебное воздействие рассчитано на осознанное принятие и осуществляется рациональными средствами, то во втором – речь идет о формировании в общественном сознании образа правосудия не только рациональными, но и иррациональными средствами, ориентированными на чувства субъекта. Одним из таких иррациональных средств являются судебные символы, выступающие частью правокультурной картины мира, эксплицирующие конструируемый государством образ правосудия[1] и призванные не только транслировать гражданам правовую информацию об особенностях функционирования системы правосудия, в т.ч. в сфере обеспечения прав и законных интересов субъектов, но и включить в этот образ индивида в качестве полноценного участника. Благодаря этому, суд в своем символическом выражении принимает активное участие в конструировании правового пространства.

Архитектоника правового пространства включает в себя разнообразные элементы, среди которых судебные символы играют роль визуальных и вербальных средств упорядочения общественной жизни в области юридических конфликтов. Актуализация этой проблематики связана с отказом от методологического монизма классического правопонимания. Постклассическая наука, основанная на релятивизме правовых воззрений и оценок, позволяет сделать вывод о том, что правовое пространство, как часть социальной среды, пронизано юридическими смыслами, которые основываются отнюдь не только на официальных текстах, но и на разного рода символах. Соответствующая господствующим в обществе правовым ценностям архитектоника правового пространства тем самым обретает более весомое значение в сравнении с формально-юридической фиксацией правил поведения[2].

Судебные символы выступают проявлением символизма государственной власти в целом. Последняя в ряде концепций рассматривается как символическое господство, символический капитал[3]. Все ритуальные действия и процессы, олицетворяющие осуществление власти, имеют целью, прежде всего, обеспечить отсутствие конфликтов и посягательств на политическую власть. При этом реальное, прямое принуждение, само по себе может носить чувственный характер, и только в наиболее опасных для сохранения правопорядка случаях трансформируется в физическое. По существу, легитимация власти в идеальном варианте должна основываться именно на символическом принуждении, соответствующих церемониях и речевых обращениях.

Судебная символика, тем самым, продолжает общую тенденцию символизации принуждения, однако обладает специфическими чертами, которые отражают ее генезис со времен первобытного общества, а также современную роль в системе разделения государственной власти. Заточенная главным образом на разрешение юридических конфликтов, в том числе и с администрацией, судебная власть, при ее принадлежности к государству, так или иначе может демонстрировать в символике определенную автономность.

Судебная символика в контексте более широкой категории правовой символики может быть рассмотрена в нескольких значениях: символика, закрепляемая в нормативных правовых актах; символика, напрямую не закрепляемая формально, однако имеющая принципиальное значение; символика, проявляющая себя через юридические факты[4]. Это предполагает рассмотрение судебной символики не только в вербальном, но и в визуальном и перформативном смысле, включая в нее визуальные образы правосудия, судебные церемонии и ритуалы, имеющие перформативный, иммерсивный, метафорический

[1] Ляхов Ю.А. Суд как символ справедливости // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 1. – С. 113-116. – DOI: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-113-116.

[2] Федорченко Е.В., Федорченко А.А. Правовое пространство в эпоху постмодерна // Право и современные государства. – 2023. – № 2. – С. 16-28.

[3] Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.

[4] Давыдова М.Л. Классификация правовых символов // Актуальные проблема российского права. – 2008. – № 4. – С. 4-11.

характер и обеспечивающие в иррациональной форме не только репрезентацию реализации судебной функции государства, но и легитимность правосудия[1].

В этом отношении можно рассматривать судебную символику как специфичное средство правовой коммуникации. С одной стороны, с помощью судебных символов государство транслирует индивиду правовую информацию о состоянии правосудия, его роли в поддержании правопорядка и режима законности, значении суда в обеспечении прав и законных интересов граждан. С другой стороны, образная форма представления символического выражения правосудия ориентирована не столько на семантику информации (форму выражения), сколько на семиотику (культурное и философское содержание). Главным при этом становится использование образов, смысл которых имеет строго определенное значение в данном пространственно-временном континууме, эксплицируя социокультурный опыт и правовое наследие социума.

Связь символа с культурой общества в значительной степени определяет, что иррациональный смысл образа может быть интерпретирован с помощью рациональных культурных кодов[2]. Символ при этом выступает специфичным эрзацем нормы[3], облегчающем правовую коммуникацию[4]. Будучи ориентированным на правовое наследие, символ предполагает обращение к культурным кодам, которые имеют широкое распространение в обществе и выступают в качестве общепринятого толкования правовых явлений и процессов. Соответственно, в определенной степени правовая коммуникация приобретает более экономичный характер и не предполагает необходимость дефинирования или нормирования тех юридических фактов, которые обладают признаками культурного кодирования.

Тем самым можно говорить, что символизм дополняет формализм правовой реальности[5]. Вербальность и визуальность тесно взаимодействуют – это заметно на примере гербов[6] и символов судебной власти. Речь, однако, идет не о реконструкции первоначального смысла визуального образа, а о его деконструкции, которая предполагает интерпретацию смысла в контексте тех культурных детерминант, которые характерны для субъекта интерпретации и опосредованы ценностями социума, с которым он себя идентифицирует. Однако в этой ситуации правовая коммуникация приобретает не диалогичный, а специфически полилогичный характер: адресант присутствует не только на этапе производства и трансляции правовой информации, но и на этапе ее уяснения и использования адресатом, который читает и воплощает в жизнь символ, руководствуясь культурными кодами, выработанными адресантом и в демаркированном им пространстве.

При максимальном абстрагировании судебная символика демонстрирует разные стороны бытия – реального и виртуального, зримого и подразумеваемого. Более того, сам судебный процесс в целом начинает играть символическую роль, что, в частности, показано в известном романе Ф. Кафки «Процесс»[7]. Судебный символизм в сочетании с абсурдностью, переносом смыслов, формирование особой реальности судоговорения и судебного полилога приводит нас к пониманию специфики правовой реальности[8], когда соответствующие правила существуют лишь в некоем пространстве полилога, столкновения смыслов и интерсубъективном поиске соответствующего решения.

С этим связано разнообразие судебных символов, сконструированных в историко-правовой реальности, но сохраняющих свое значение до настоящего времени. По особенностям передачи правовой информации и способам ее восприятия таксономию судебных символов можно представить следующим образом: функциональные, визуальные, антропологические, вербальные, пространственные, темпоральные, политические, коммуникативные.

Функциональные символы выражают коммуникативные смыслы и концепты через действие[9]. К ним можно отнести, например, регламентацию судебного процесса, который имеет определенный порядок, являющийся обязательным для всех участников судебного процесса. Хотя этот порядок закреплен в процессуальных кодексах (например, ст. 257 УПК РФ[10]), его формирование связано с правовым наследием предыдущих поколений и эксплицирует социальный опыт взаимодействия субъектов судебного

---

[1] Gibson J.L., Lodge M., Woodson B. Losing, but Accepting: Legitimacy, Positivity Theory, and the Symbols of Judicial Authority // Law & Society Review. – 2014. – Vol. 48. – No. 4. – P. 837-866. – DOI: 10.1111/lasr.12104.

[2] Юнг К.Г. Символы трансформации / пер. с англ. – М.: АСТ, 2008. – С. 152-153.

[3] Lerner M. Constitution and Court as Symbols // Yale Law Journal. – 1937. – Vol. 46. – P. 1293.

[4] Шалагинов П.Д. Функции правовых символов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – С. 13.

[5] Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью) / пер. с фр. – М.: KAMI, 1995. – С. 10.

[6] Мальцев И.В. Синтаксис и семантика правовых символов // Российский юридический журнал. – 2019. – № 3 (126). – С. 32-41.

[7] Кафка Ф. Процесс / пер. с нем. – М.: АСТ, Фолио, 2001. – 250 с.

[8] Исаев И.А. Правовое пространство процесса (юридическая семиотика Франца Кафки) // Lex Russica (Русский закон). – 2006. – Т. 65. – №. 5. – С. 854-872.

[9] Лонская С.В. Судопроизводство как правовая коммуникативная среда интерактивных ритуалов (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 4(321). – С. 118-123.

[10] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 4921.

процесса. Фактически речь идет о «театральном» представлении, перфомансе, в котором строго определены не только роли, но порядок действий и тексты участников.

Вся судебная процедура наполнена символическими интеракциями, в которых принимают участие все присутствующие, подчиняясь заранее определенным ролям. В качестве основных символических элементов судебного процесса можно обозначить:

- вставание всех присутствующих в момент входа судьи, выхода судьи и оглашения решения, что призвано символизировать уважение к судье как ведущему субъекту процесса всех иных лиц, в нем участвующих;

- гласность судебного процесса и провозглашения решения, имеющая бинарную правовую природу. С одной стороны, она призвана символизировать потенциальную возможность каждого гражданина принять участие в судебном заседании и(или) узнать содержание судебного решения. С другой стороны, это гарантирует реализацию прав сторон на непредвзятость и справедливость суда;

- состязательность судебного процесса, гарантирующая процессуальное равенство сторон и дающая возможность участникам процесса воспроизвести собственную версию реконструкции или деконструкции рассматриваемого дела;

- непосредственность исследования судом представленных сторонами доказательств, символизирующая не только исключительное право суда на оценку доказательств и их учет при вынесении решения, но и возможность сторон прокомментировать доказательства и тем самым повлиять на решение суда, хотя и в строго очерченных законом формах;

- принятие решение от имени государства, символизирующее, с одной стороны, что суд принимает решение в строго демаркированных процессуальным законодательством формах и на основе норм материального права, что должно подчеркнуть легальность решения и его юридическое значение для поддержания правопорядка и режима законности. С другой стороны, принятое решения имеет императивный характер и обязательно для реализации адресатом, что гарантируется принудительной силой государства. При этом мотивировочная часть судебного решения выступает специфичной деконструкцией прошедшей правовой реальности, эксплицирующей нарушение правопорядка, а резолютивная часть конструирует новую правовую реальность, предполагающую восстановление нарушенного правопорядка[1].

- принятие решения в совещательной комнате (даже в случае единоличного принятия решения), символизирующее тайну совещания судей и независимость судей.

Визуальные символы представляют собой ценностные элементы судебного процесса, ориентированные, прежде всего, на зрительное восприятие. К этой группе можно отнести как материальные объекты (судебная атрибутика: мантия, судебный молоток и т.д.), так и ряд нематериальных, имеющих перформативный характер (различные судебные ритуалы и процедуры). Эти символы призваны вызывать в сознании зрителя ассоциации с верховенством права и справедливого судопроизводства.

Среди визуальных символов на первое место следует поставить судейскую мантию (ч. 1 ст. 21 Закона РФ «О статусе судей»[2]), которая отличает судью, выполняющего профессиональную деятельность (ч. 2 ст. 34 Федерального конституционного закона «О судебной системе»[3]), от других участников судебного процесса, и является одним из самых узнаваемых образов правосудия. Пользуясь классификацией моды, которую предложил крупнейший французский культуролог Р. Барт, судебную мантию можно отнести к одежде-описанию (текст, комментирующий и эксплицирующий образ)[4], поскольку она выступает не столько в качестве униформы, сколько эксплицирует квалификацию, знания и чувство справедливости судьи[5]. Мантия призвана скрыть человеческую сущность судьи, представив его фигуру как экспликацию справедливости правосудия, его авторитет и неподвластность человеческим эмоциям.

Надевая мантию, судья преображается в «другое существо», призванное олицетворять его исключенность из обыденной жизни и, напротив, включенность в реальность высшего уровня, что сближает правосудие с религиозными ритуалами[6]. Одновременно ношение мантии должно подчеркивать равенство судей и показывать гражданам, что судебное решение выносится не судьей-индивидом, а судьей-представителем судейского сообщества. Именно поэтому осуществление правосудия без судейской

[1] Bennett A. (ed.) Reconstructing reality in the courtroom: Justice and judgment in American culture. – [Washington]: International Monetary Fund, 2014. – x, 83 p.

[2] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 30.07.1992. – № 30. – Ст. 1792.

[3] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.01.1997. – № 1. – Ст. 1.

[4] Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры: моногр. / перев. с фран. С.Н. Зенкина. – М.: Академический проект, 2019. – С. 9.

[5] Beliznai Bódi K. Judicial Robe: The Insignia of the Judicial Profession // Journal on European History of Law. – 2019. – Vol. 10. – No. 1. – P. 114.

[6] Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий: Опыт определения игрового элемента культуры / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; коммент., указ. Д.Э. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 120.

мантии невозможно[1]. Большую роль при этом играет черный цвет судейской мантии, который символизирует торжественность, отстраненность (в сакральном понимании связанную с потусторонним миром) и беспристрастие (в сакральном понимании несвязанность с бренностью мирского), восходящие в своих истоках к ветхозаветным коннотациям черного цвета с Божьим судом[2]. Тем не менее, с учетом изменений, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г.[3], компонент в виде традиционных правовых ценностей российского общества все больше находит отражение в политической и правовой жизни нашей страны, что, возможно, в перспективе позволит скорректироваться также и судебные символы – к примеру, красный цвет мантии мог бы означать тягу российского правосознания к особой правде, справедливости, а также резко негативное отношение к тем, кто нарушает гармонию правовой реальности.

Особо отметим, что визуальный символизм в судебной деятельности затрагивает не только суд, но и участников процессов. Это объясняется церемониальной необходимостью оказания почести судебной власти и предполагает определенные требования, предъявляемые к внешнему виду участников судебного заседания. В частности, в соответствии с нормативным документом Совета судей РФ[4] «основаниями для отказа в допуске в здание (помещение) суда являются прибытие в суд лиц, имеющих внешний вид, не отвечающий санитарно-гигиеническим требованиям; лиц в спортивной или пляжной одежде и обуви, в шортах выше колен; лиц в одежде и обуви, имеющей надписи и рисунки, оскорбляющие человеческое достоинство или свидетельствующие о явном неуважении к обществу и суду, в одежде, не позволяющей идентифицировать личность; прибытие в суд лиц в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения» (п. 2.12.).

Сказанное следует понимать в контексте общих требованиям к торжественности судебных процедур, которые предполагают особо уважительное отношение к отправлению правосудия всех участников судебного процесса. Достаточно показательным в этом отношении выглядел казус, произошедший в Верховном Суде Республики Татарстан, когда адвокаты во время судебного заседания облачились в мантии, идентичные с судебными. В конечном счете им было указано на необходимость снять мантию и предстать в обычной одежде делового стиля[5]. Несмотря на некоторый шум в адвокатской среде (ранее планировалось допустить ношение мантии лицами со статусом адвоката по аналогии с зарубежным правосудием и закрепить такие нормы в Кодексе профессиональной этики, но этого на данный момент не произошло), отметим, что такое требования абсолютно законно, исходя из того, что мантия обозначена в законодательстве исключительно как облачение для судей и, тем самым, она выполняет глубокую символическую роль. То есть прямое отсутствие указания в Типовых правилах на запрет надевать мантию для лиц, участвующих в деле или вообще присутствующих на судебном заседании вовсе не означает, что адвокаты имеют право использовать в суде такую одежду – до появления соответствующего правового регулирования.

Антропологические символы связаны с восприятием судьи в качестве деперсонифицированного образа, призванного обеспечить поддержание правопорядка и национальной безопасности путем конкретизации нормативным положений применительно к отдельным юридическим фактам. Гражданин ожидает от судьи как носителя высшей справедливости не столько законного, сколько справедливого решения дела. Решение при этом не должно зависеть от личности судьи, а выступать экспликацией отношения к подобным ситуациям всех судейской корпорации.

Обращение к Закону РФ «О статусе судей» и Кодексу судейской этики[6] также подчеркивает, что судья при осуществлении правосудия выступает не столько человеком, сколько институтом, обладающим специфичным набором качеств, нехарактерным для обычного человека. Судья выступает носителем судебной власти, и в этом значении он есть совершенно особый субъект, с которым должна ассоциироваться авторитетность судебной власти. Это подчеркивается и Кодексом судейской этики, который

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2007 № 162-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горлова Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 34 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации", отдельных норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=40086&cacheid=B870C8158E54FBC116BDA16578B58EB2&mode=splus&rnd=EA47DE094F0B5B83500548AB27D80C01#niNakvU97ZjJPWS1 (Официально документ опубликован не был).

[2] Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена и др. – СПб.: Библия для всех, 2008. – С. 1297.

[3] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 16.03.2020. – № 11. – Ст. 1416.

[4] Постановление Совета судей РФ от 07.12.2023 № 32 «О Типовых правилах пребывания посетителей в судах» // Юрисконсульт в строительстве. – 2024. – № 4.

[5] Официальный сайт Ассоциации юристов России. – URL: https://alrf50.ru/novosti-perepoloh-v-verhovnom-sude-tatarstana. – Дата обращения: 05.10.2025.

[6] Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) // Бюллетень актов по судебной системе. – 2013. – № 2.

предъявляет требования не только к служебному поведению судьи, но и его внеслужебной деятельности[1]. Специфичные качества судьи предполагают преемственность с основанным на исторически сформированным опытом предков авторитетом старейшин в традиционном обществе[2], что является важным компонентом легитимации как государственной власти, так и позитивного права.

Вербальные символы представляют собой словесные стандартизированные конструкции, эксплицирующие отношение к правосудию участников судебного процесса и представляющие образ судьи как представителя государства, именем которого он осуществляет правосудие и конструирует правовую реальность[3].

Прежде всего, мы имеем в виду специфическую форму обращения к суду, которая используется в судебном процессе и прямо закреплена в процессуальных кодексах. Так, ч. 3 ст. 257 УПК РФ прямо указывает, что «участники судебного разбирательства, а также иные лица, присутствующие в зале судебного заседания, обращаются к суду со словами "Уважаемый суд", а к судье - "Ваша честь"». Аналогичные нормы, предписывающие обращение к суду в форме «Уважаемый суд!» содержатся в ГПК РФ[4] (ч. 2 ст. 158) и АПК РФ[5] (ч. 2 ст. 153.2).

Несмотря на некоторое различие форм обращений к суду в процессуальных кодексах, в целом они имеют большое сходство и используют устаревшую формулу, которая в современном русском языке не используется. Это свидетельствует, прежде всего, о двух принципиальных моментах. Во-первых, что формула обращения к суду диктуется не столько процессуальными потребностями, сколько требованиями традиции создать при помощи языковых средств ощущение важности судопроизводства для поддержания правопорядка и режима законности и апелляцией к исторической памяти, в которой получила закрепление эффективность деятельности органов правосудия. Во-вторых, использование этой формулы должно не только подчеркнуть субординацию участников судебного процесса, но и создавать определенную отстраненность суда от иных участников процесса и его включенность в сакральную реальность. Как и в случае с мантией, это направлено на создание образа судьи, который лишен человеческих эмоций и выносит решение, руководствуясь иными основаниями, чем это может сделать обычный гражданин. В качестве таковых выступает, прежде всего, закон, с помощью применения которого судья показывает отношение к оцениваемому деянию со стороны государства, которое он представляет. Даже применение при оценке доказательств внутреннего убеждения судьи (ч. 1 ст. 117 УПК РФ) может рассматриваться в качестве специфичного аналога судебного усмотрения и имеет институциональный характер, поскольку эксплицирует не личное отношение судьи-человека к анализируемому деянию, а его оценку судьей как типичным представителем судейского сообщества.

По мнению ряда исследователей, с которым мы солидарны, использование в судебной процессе «устойчивых словосочетаний и клишированных формул-обращений» свидетельствует о ритуальности и перформативности судебного дискурса[6]. Это позволяет рассматривать формулы обращения к суду в качестве церемониального обращения, призванного обезличить судью и подчеркнуть, что именно он управляет ходом судебного заседания и принимает решение, хотя выступает при этом в институциональной роли носителя государственной власти и представителя судейского сообщества.

Пространственные символы эксплицируют «форму организации судебной деятельности, которая реализуется в определенных пространственно-временных рамках»[7] и связаны с раскрытием значения архитектуры мест осуществления правосудия и интерьером зала судебного заседания и эксплицируют включенность правосудия в правовое пространство общества[8].

---

[1] См. подробнее: Скоробогатов А.В. Профессионально-этическая культура судьи как аксиологический компонент правового статуса судьи // Правовой статус судьи, прокурора и адвоката: российский и зарубежный опыт. Сборник научных статей / под ред. Я.Б. Жолобова. – СПб.: Астерион, 2021. – С. 365-376.

[2] Кучин М.В. Прецедентные нормы догосударственного общества // Российский юридический журнал. – 2013. – № 6. – С. 20-26.

[3] Failinger M.A. Against Idols: The Court as a Symbol-Making or Rhetorical Institution // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. – 2006. – Vol. 8(3). – P. 367-430.

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.

[5] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.

[6] См. подробнее: Ларионова М.В., Фокина А.Д. Ритуальность как типологическая характеристика юридического дискурса: семиотическое измерение // Вопросы современной лингвистики. – 2025. – № 1. – С. 51-66. – DOI: 10.18384/2949-5075-2025-1-51-66.

[7] Лонская С.В. Символизация судебного пространства как историко-правовой феномен // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – Т. 7. – № 3(27). – С. 361. – DOI: 10.21603/2542-1840-2023-7-3-359-365.

[8] Rosenbloom J.D. Social Ideology as Seen through Courtroom and Courthouse Architecture // Columbia Journal of Law & the Arts. – 1998. – Vol. 22(4). – No. 463. – P. 463-523.

Зал судебного заседания как искусственное пространство[1] имеет не только определенное назначение, но и специфичную структуру, которая призвана обеспечить наиболее эффективное осуществление правосудия и направлена на создание торжественности судебного процесса, способствуя росту уважения и авторитета суда. Одновременно эта структура соответствует принципам судебной коммуникации[2] и эксплицирует социокультурное понимание судебного процесса. Как и иные аспекты осуществления правосудия, зал судебного заседания включает в себя два аспекта. Во-первых, существуют официально утвержденные нормы, определяющие организацию судебного пространства[3] как специально оборудованного помещения, предназначенного для проведения судебных заседаний в присутствии участников дела и призванного обеспечить публичность и гласность судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ, ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ). Во-вторых, интерьер зала судебного заседания несет символическую нагрузку, определяя порядок размещения участников, в зависимости от их роли в судебном процессе.

Перформативность интерьера зала судебного заседания имеет двойственную природу. С одной стороны, размещение места судьи на возвышении можно рассматривать как аналогию театральной сцены, на которой идет представление правосудия, где судья выступает главным действующим лицом, а присутствующие в зале суда – зрителями. С другой стороны, возвышение призвано символизировать, что именно судья руководит процессом и выносит решение, а все остальные участники должны выполнять его распоряжения. Об исключительной роли судьи в процессе свидетельствует и размещение сторон относительно него (на равном удалении) и друг друга (на противоположных сторонах зала). Это должно обеспечить восприятие судьи как независимого арбитра, для которого важнее не интересы той или иной стороны, а необходимость восстановления нарушенного правопорядка на основе законодательно установленных норм.

Темпоральные символы, эксплицирующие преемственность с историко-правовой реальностью. В качестве таковых можно рассматривать статую Фемиды (строгая женская фигура с весами в одной руке, мечом – в другой, повязкой на глазах) и суд присяжных. Если первая должна символизировать справедливость и беспристрастность правосудия[4], то последняя призвана выражать социальную ориентированность судебного процесса, высокую степень его демократизма и включенность в процесс не только профессиональных юристов, но и представителей общества[5], что должно дополнительно подчеркивать традиционную для России взаимосвязь государства и общества и конвенциональность в принятии решений, определяющих бесконфликтность социального сосуществования, которые выражены в архетипах этатизма и соборности[6]. Скульптурное изображение Фемиды призвано транслировать участникам процесса ощущение равновесия и устойчивости (чисто физическое измерение баланса тела, наличие уравновешенных весов), невозмутимости и гармонии (отстраненность и покой на лице, повязка на глазах, статичность и почтенность позы), неотвратимость правосудия (меч в руках, который карает виновных и защищает обиженных). Именно суд должен воплощать идеи бесстрастного исполнения идеи справедливости и безапелляционного равенства всех граждан перед законом. Образ Фемиды отчетливо вписывается в публичное пространство зданий судов и залов судебных заседаний, в которых она присутствует и передает принципы правосудия, которые сформировались в правовом наследии, показав свою эффективность в прошлом, и были переданы с помощью правового опыта предыдущими поколениями.

Политические символы выполняют конституирующую роль и представляют собой официальные государственные символы, которые используются в судебном заседании, чтобы обеспечить восприятие легальности правосудия, представление судом государственных интересов, защиту судом законных прав граждан именно от имени государства. К таковым символам можно, прежде всего, отнести государственный флаг, присутствующий в зале судебных заседаний (ч. 1 ст. 34 Федерального конституционного закона «О судебной системе»), и текст судебных актов, который включает в себя формулу «Именем Российской Федерации» (напр. п. 1 ст. 304 УПК РФ). Государственные символы, установленные в зале судебного заседания, не предполагают особой символики, отличной от общего значения использования официальной символики, и направлены на репрезентацию включенности судебного института в систему публичной власти и его действие на основании государственной санкции и в направлении осуществления государственных функций. Особое значение флаг, герб и формула «Именем Российской Федерации» имеют при оглашении судебного решения, символизируя, что конкретный акт правосудия является

[1] Stępień M., Dudek M. The courtroom as a built environment: On the usefulness of Amos Rapoport's theoretical framework // Oñati Socio-Legal Series. – 2021. – Vol. 11. – No. 6(5). – P. 228-253. – DOI: 10.35295/osls.iisl/0000-0000-0000-1230.

[2] Дорская А.А. Принципы правосудия как предмет российских исследований в XXI веке // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2023. – № 2. – С. 9-12.

[3] СП 152.13330.2018. Свод правил. Здания федеральных судов. Правила проектирования (утв. и введен в действие Приказом Минстроя России от 15.08.2018 № 524/пр) (ред. от 26.12.2024). – М.: [Минстрой], 2018. – 41 с.

[4] Smith C.E. Turning rights into symbols: The US Supreme Court and criminal justice // Criminal Justice Policy Review. – 1997. – Vol. 8. – No. 1. – P. 99. – DOI: 10.1177/088740349700800105.

[5] Пашенцев Д.А. Суд, мораль и закон (к 180-летию со дня рождения выдающегося русского юриста Анатолия Федоровича Кони) // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 12. – С. 5-16. – DOI: 10.61205/S160565900032351-0.

[6] См. подробнее: Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4(5). – С. 28-33. – DOI: 10.17816/RJLS18073.

частью реализации судебной функции государства, которое и выступает в данном случае адресантом судебной коммуникации, и обязателен для исполнения его адресатами.

Коммуникативные символы представляют собой определенную инверсию вербальных, однако в более широком плане олицетворяют собой особую роль суда в коммуникации и вообще специфичность структуры коммуникации в рамках судебного процесса. Руководство судьи, осуществляемое процессом, направление им коммуникации в определенное русло, оценка допустимости или недопустимости высказываний и предъявления доказательств, относимости тех или иных вопросов к рассматриваемому делу, которые отрегулированы во всех видах юридического процесса, подчеркивают авторитетность суда, его первенство в модерации всех обсуждений. Вызовы, вставшие перед человеческим сообществом в эпоху пандемии, поставили множество вопросов и перед сохранением значения судебной символики при использовании в судопроизводстве видеоконференций. Однако российская судебная система достаточно оперативно смогла адаптироваться к сложной ситуации[1].

В связи со сказанным выше возникает вопрос о том, можно ли символ рассматривать в качестве не только средства правовой коммуникации, но рассмотреть его формально-юридически, как средство правового регулирования? Думается, что в позитивистском смысле это делать проблематично, поскольку позитивистская догма увязывает правовые средства с элементами правового текста. Тем не менее, подобного рода попытки осуществляются в правовой науке[2].

В свою очередь, при интегративном анализе правового символа можно прийти к тому, что закрепление функциональных, визуальных, вербальных и коммуникативных символов есть особое средство, позволяющее переводить символическое содержание в конкретное поведение людей. Безусловно, это средство принципиально отличается от субъективных прав, юридических обязанностей, запретов, ограничений и иных известных правовых средств, затрагивая социально-психологические аспекты правового регулирования. Закрепление требований посредством символа есть составное, сложное правовое средство, которое позволяет «вплетать» в правовое регулирование соответствующее символическое содержание. То есть судебные символы сами по себе есть подчиненное правовое средство, которое технически закрепляется в соответствующем предписании.

Исходя из того, что норма права есть модель, планирующая правовую коммуникацию посредством субъективных прав, юридических обязанностей, запретов и иных средств, мы имеем дело не только и не столько с реально сложившимся правоотношением, а с гипотетическим его описанием. Во многих случаях норма права призвана сформировать правоотношение, которого еще нет в эмпирической реальности, либо скорректировать согласно воле законодателя имеющиеся на данный момент правоотношения. Указанное обстоятельство роднит норму права в целом с символами, так как достижение абсолютного совпадения намечаемой модели и реальности выглядит утопичным. Позитивизм практически полностью игнорирует символизм, однако те или иные правовые действия, совершаемые в рамках согласования воли сторон в правоотношениях, а также в церемониях разрешения юридического конфликта, имеют прежде всего символическое значение. Один из субъектов заявляет о своем интересе, а правовая форма этого действия символизирует его стремление к правовому, цивилизованному решению проблемы. Именно это характерно для так называемого неписаного социального права, которое, будучи продуктом человеческой деятельности и представляя собой обычаи, не поддерживается государством, но реализуется не менее эффективно (а порой и более). Сказанное говорит нам о том, что не только и не столько государственное принуждение, сколько следование символам, церемониальным требованиям становится ключевым моментом при разрешении конфликтов. Принуждение государства становится лишь тем дополнительным сильнодействующим средством, которое в неформальном праве может быть применено не только государством. Именно эти обстоятельства, в свою очередь, свидетельствуют о том, что судебная символика коренится в специфике человеческого общения со времен первобытного общества, когда человек учился избавляться от агрессивных животных инстинктов, требующих активных действий по нанесению вреда или по уничтожению противоположной стороны в отношениях.

В контексте вопроса об истинности норм права[3] можно также говорить об истинности судебной символики. Истинность в этом смысле представляется как соответствие сложившейся в данном социуме системе ценностей. Внесение в символические формы заимствованных из других культур элементов способно создать хаос в правовых архетипах сознания и в итоге дезорганизовать судебную деятельность.

Таким образом, судебная символика включает достаточно широкий спектр явлений, выступая средством правовой коммуникации не только вербально, но и перформативно. Воздействуя на сознание ин-

[1] Акимова М.А., Тюменева Н.В. Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24. – Вып. 4. – С. 428-439. – DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-4-428-439.

[2] Морозкина М.С., Сурина А.И. Правовые символы как средство юридической техники // Актуальные проблемы юридической техники в правотворческой и правоприменительной деятельности , Саранск, 06 июня 2014 года. – Саранск: Мордовский гуманитарный институт, 2014. – С. 80-86.

[3] Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / под ред.: Байтин М.И. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 400 с.

дивида, она конструирует образ правосудия, который призван обеспечить восприятие суда как института, направленного на поддержание законности и справедливости. Охватывая разные пласты правовой реальности, связанные с правовым текстом, визуализацией и вербализацией деятельности, антропологическим статусом судьи и участников судебного процесса, судебная символика может рассматриваться в контексте средств правового регулирования. Недооценка роли судебной символики в легитимации правосудия может приводить к потере авторитета судебной власти, приводя к десакрализации правосудия, архетипически воспринимаемого населением как специфическая форма правовой реальности, наполненная глубоким символизмом.

Выступая перформативным средством выражения правовой реальности, судебная символика способствует погружению участника в правовую реальность судебного процесса, определяя для субъектов те роли, которые закрепляются в нормах права и эксплицируют правовые традиции. Среди ветвей государственной власти именно суд оказывается самым близким к людям, особенно в контексте защиты их интересов, восстановлении нарушенного правопорядка, возмещения вреда и достижения социально-правовой справедливости, олицетворяющей правосудие. Тем самым судебная символика не только участвует в процессе легитимации государственной власти и позитивного права, но и обеспечивает эффективность функционирования индивида в правовой реальности.

Тарасов Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права. Уфимский университет науки и технологий

Tarasov Alexander Alexeevich

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

E-mail: aatar@mail.ru

Шарипова Алия Рашитовна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права. Уфимский университет науки и технологий

Sharipova Aliya Rashitovna

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

E-mail: nord-wind23@mail.ru

Символы судебно-правовых реформ

Symbols of judicial-legal reforms

Аннотация. Символами судебно-правовых реформ можно считать генеральные, системообразующие идеи, определяющие основное содержание этих реформ. В формировании современного российского уголовного правосудия наибольшую роль сыграли три глобальные судебно-правовые реформы: 1) Великая судебная реформа Императора Александра Второго 1864 года; 2) Советская судебно-правовая реформа; 3) Постсоветская судебно-правовая реформа, проводящаяся с начала 1990-х годов по сей день. Главными символами названных реформ можно считать соответственно 1) создание независимого суда и суда присяжных в условиях абсолютной монархии; 2) революционный слом буржуазной системы правосудия и замена его новым, революционным (а позднее - социалистическим) правосудием; 3) решительное отрицание всего советского и партийно-политического в правосудии в сочетании с противоборством двух противоположных идеологических тенденций – преимущественной ориентацией одних реформаторов на международный и зарубежный юридический опыт и отстаиванием другими реформаторами исторической преемственности российской уголовной юстиции. Каждый из символов судебно-правовых реформ получал отражение в законодательстве, в правоприменительной практике и в научных исследованиях своего времени. Каждый из этих символов сыграл собственную роль в формировании современного уникального облика российского уголовного правосудия.

Ключевые слова: судебно-правовая реформа, судебная реформа, правосудие, уголовная юстиция, судебная система, символы в праве, российский уголовный процесс, уголовное судопроизводство

Annotation. Symbols of judicial-legal reforms can be considered general, system-forming ideas that determine the main content of these reforms. Three global judicial and legal reforms played the greatest role in the formation of modern Russian criminal justice: 1) The Great Judicial Reform of Emperor Alexander II of 1864; 2) Soviet judicial and legal reform; 3) Post-Soviet judicial and legal reform, carried out from the early 1990s to the present day. The main symbols of these reforms can be considered respectively: 1) the creation of an independent court and a jury trial in the conditions of an absolute monarchy; 2) the revolutionary collapse of the bourgeois justice system and its replacement with a new, revolutionary (and later - socialist) justice; 3) a decisive rejection of everything Soviet and party-political in the justice system, combined with the confrontation of two opposing ideological tendencies: the predominant orientation of some reformers toward international and foreign legal experience, while others defended the historical continuity of Russian criminal justice. Each of the symbols of judicial and legal reforms was reflected in legislation, law enforcement practice, and academic research of its time. Each of these symbols played a role in shaping the modern, unique character of Russian criminal justice.

Keywords: judicial-legal reform, judicial reform, justice, criminal justice, judicial system, symbols in law, Russian criminal procedure, criminal proceedings

Для цитирования: Тарасов А.А., Шарипова А.Р. Символы судебно-правовых реформ // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве(доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов.– Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 612–615.

Символом любой судебно-правовой реформы можно считать такую её генеральную идею, которая сыграла в этой реформе ведущую, системообразующую роль, ту идею, которая позволяет отличить одну реформу от другой, и собственно реформу как некое глобальное преобразование системы правосудия от менее масштабных изменений в нём. Российская, и не только российская, практика показала, что процессы перманентного обновления характерны для системы правосудия всё время её существования, поскольку именно такие процессы позволяют этой системе приспосабливаться к социально-правовой реальности, меняющейся ежедневно. В научной литературе такие процессы называют оптимизацией, совершенствованием, иногда даже реформированием, однако слово «реформа» применимо далеко не ко всем изменениям в нормативно-правовой регламентации и практике осуществления судебной и правоохранительной деятельности. Да и те правовые идеи, которые можно было бы назвать «символом реформы» применимо не к любым, даже достаточно масштабным правовым идеям.

В формировании современного российского уголовного правосудия наибольшую роль сыграли три глобальные судебно-правовые реформы: 1) Великая судебная реформа Императора Александра Второго 1864 года (условно назовём её императорской); 2) Революционный слом буржуазной судебной системы и становление советского социалистического правосудия (условно – советская судебно-правовая реформа); 3) Постсоветская судебно-правовая реформа, начавшаяся с официального закрепления её концептуальных основ в Концепции судебной реформы 1991 г. и не прекращающаяся по сей день.

Главным символом императорской судебной реформы был независимый суд, действующий в условиях абсолютной монархии и постановлявший приговоры Именем (а точнее – «По указу…») Его Императорского Величества, но несущий при этом ответственность «перед Богом на страшном суде Его», что и было зафиксировано официально не только для профессиональных судей, заступающих на должность, но и для присяжных заседателей и свидетелей в главных документах реформы 1864 года – Учреждениях судебных установлений и Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г[1].

Вторым символом судебной реформы второй половины XIX века по праву считается суд присяжных – «суд общественной совести»[2], который в условиях абсолютной монархии не был бы возможен без независимой судебной власти. В основе обоих символов императорской судебной реформы лежало более масштабное историческое событие – отмена крепостного права в России в 1861 году, которая хотя и не касалась всей территории Российской Империи, поскольку оно, как известно, было не везде, а точнее сказать – на меньшей её территории и только в европейской части. Однако сам факт «всемилостивейшего дарования»[3] Государем Императором личной свободы бывшим крепостным крестьянам и перевода взаимоотношений подданных Императора преимущественно в экономическую, политическую и культурную плоскость означал, что даже в условиях абсолютизма российский вариант рабства не просто тормозит развитие всех сфер общественной жизни, но и влечет неминуемую деградацию страны. В правосудии в Российской Империи вплоть до Февральской 1917 года революции сохранятся и сословные различия между людьми, влекущими, в том числе, и их неравенство перед законом и судом, и административное вмешательство в судебную деятельность, и политическая ангажированность судебных процессов и многое другое. Однако всё перечисленное не было специфично только для России, а характерно для любой национальной системы правосудия в той или иной мере, в тот или иной период. Ликвидация же крепостной зависимости значительной части населения страны, превращавшей одного человека в объект имущественных прав другого человека, ознаменовала принципиально новый этап развития отечественной правовой системы.

Главным символом советской судебно-правовой реформы, которую и реформой-то называть было не принято, был революционный слом буржуазной государственной машины с его системой правосудия и замена его новым, революционным правосудием, основанным на идеях классовой борьбы и революционного (а позднее - социалистического) правосознания. Многие законодательные решения первых лет советской власти в сфере правоохранительной и судебной деятельности в основе своей имели фактор

[1] Доступ из СПС «Гарант». Дата обращения 27 октября 2025 г.

[2] Насонов С.А. «Суд общественной совести» // Адвокатура и суд присяжных в России: сборник статей и документов. В 2 т. / Федеральная палата адвокатов РФ; сост. С.А.Насонов, М.В.Петелина. М.: Издательство «Граница», 2016.С.23.

[3] Напомним, что главным правовым документом отмены крепостного права был Манифест от 19 февраля (3 марта) 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей», но весь пакет юридических документов о правовых формах и последствиях отмены крепостного права образован двумя десятками законов (См.: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13677 - Дата обращения 24 октября 2025 г.).

отрицания того, что было при царизме, часто вне связи с соображениями целесообразности и полезности, а то и просто – здравого смысла. Слова из «Интернационала» «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем – мы наш, мы новый мир построим! Кто был ничем, тот станет всем» в полной мере можно считать и главным лозунгом всей революционной политики, и символом судебно-правовых преобразований.

Применительно к системе правосудия для первых лет Советской власти было характерно следующее: 1. Априорное недоверие государства к «старым специалистам» в правоохранительных органах и в судах, которое сочеталось с массовым саботажем со стороны самих «старых специалистов», не желающих сотрудничать с новой властью, а нередко и с их активной борьбой против этой власти, заканчивающейся, как правило, уничтожением представителей «чуждых классовых элементов», а в их лице – самой образованной части российского населения. 2. Формирование нового кадрового корпуса правоохранительных органов из числа рабочих, беднейших крестьян, солдат и матросов под руководством особой социальной прослойки так называемых «профессиональных революционеров», значительная часть которых имела антагонистический опыт взаимодействия с правоохранительной системой царской России, в том числе и опыт отбывания уголовного наказания (лишения свободы и каторги, ссылок и высылок). 3. Формирование нового судейского кадрового корпуса из тех же социальных слоёв при отсутствии среди квалификационных требований высшего юридического образования, а иногда – какого бы то ни было образования вообще[1]. В специальной уголовно-процессуальной литературе верно отмечается, что кадровая политика Советской власти, в которой приоритет отдавался не уровню профессиональной подготовки, а классовой принадлежности и преданности, влекла за собой и приспособление к этой реальности уголовно-процессуального законодательства, превратившегося в своеобразную «пошаговую инструкцию по делопроизводству»[2].

Как минимум, до конца 1930-х годов потребности системы уголовной юстиции в квалифицированных юридических кадрах, в принципе, не могли быть удовлетворены ещё и по причине отсутствия отвечающей этим потребностям собственной советской системы высшего юридического образования.

Небезынтересно отметить, что для «народных судей» всего советского периода впоследствии ещё долго, вплоть до 1989 года, в законодательстве отсутствовало квалификационное требование о наличии высшего юридического образования. В конце XX столетия этот факт законодательной реальности не мог не вызывать недоумения, тем более, что среди действующих судей по понятным причинам не удавалось найти представителей без диплома юридического вуза, а по официальной статистике высшее юридическое образование на 1 января 1990 г. имели все 100% действующих судей[3]. Тем не менее, впервые после 1864 года законодательное требование о наличии у кандидата на должность судьи высшего юридического образования и о сдаче им квалификационного экзамена появилось в Законе СССР «О статусе судей в СССР» от 4 августа 1989 г. Впоследствии это требование было воспроизведено в п.1 ч.1 ст.4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1[4].

Для советской судебной системы было характерно ещё одно деловое обыкновение, не получившее отражения в законодательстве, но известное каждому студенту и выпускнику юридического вуза тех лет – на должность судьи мог претендовать только член Коммунистической Партии Советского Союза, или, как минимум, кандидат в члены КПСС, и каждая кандидатура, включаемая в избирательные бюллетени для голосования, обсуждалась на бюро соответствующего райкома или горкома КПСС с обязательной личной явкой кандидата. Даже если в силу каких-то исключительных обстоятельств (например, при хронической нехватке судей в каком-нибудь отдаленном сельском районе) среди кандидатов в судьи оказывался беспартийный, его кандидатуру тоже утверждали на заседании бюро райкома КПСС. Вплоть до 1990 года положение статьи 6 Конституции СССР 1977 года о КПСС как о руководящей и направляющей силе советского общества в полной мере реализовывалось и в советской системе правосудия.

Постсоветская судебно-правовая реформа началась с решительного отрицания всего советского и партийно-политического в правосудии, с ориентации на международные и некоторые зарубежные стандарты судебных процедур. Иногда это отрицание всего советского приобретало самодовлеющий характер, сопровождалось крайне субъективными, исключительно эмоциональными оценочными суждениями, в том числе и на уровне обоснования предлагаемых, а отчасти и реализуемых законодательных решений. Символом преобразований в системе уголовной юстиции для какой-то части реформаторов стал решительный отказ от советского прошлого с резко негативными оценками не только собственно юридического опыта нескольких десятилетий собственной страны, но и со столь же резкими критическими высказываниями в отношении советских профессиональных юристов, то есть в отношении значительной

[1] Юдина Т. В. Особенности становления профессионального юридического образования в Советском государстве в довоенный период // Юридический аналитический журнал 2023. 18 (1). С. 47. 45–50.

[2] . Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства? // Труды Института государства и права Российской Академии наук. 2023. Т. 18. № 1. С. 124. 116–135.

[3] Серов Д.О. Российские судьи и высшее юридическое образование // Высшее образование в России. 2013. № 10. С.80 (77-82).

[4] Там же.

части российского народа. Так в Концепции судебной реформы 1991 года утверждалось: «Длительное время государство оставалось враждебной силой по отношению к гражданскому обществу и личности. <…> Государство оказывается на земле тем же, что и Бог на небе: создателем заповедей, всепроникающим куратором, всеведущим вершителем судеб[1]».

Такой символ преобразований отечественной системы уголовной юстиции, основанный на очевидном противопоставлении одной части российского народа другой не мог не вызвать негативной реакции. Перемен в правоохранительной и судебной системах желали многие, если не сказать, что большинство населения России. Однако столь очевидное противопоставление государства, в котором жил весь российский народ, обществу и человеку не могло быть воспринято всеми гражданами России с одинаковым воодушевлением. Государственные институты никогда не существовали вне людей – огромного аппарата государственных служащих, поэтому эмоциональные негативные оценки государства закономерно вызвали столь же эмоциональное отторжение во многих социальных слоях как самих этих оценок, так, вместе с ними, и концептуальных основ той судебной реформы, которая изначально получила официальное закрепление в 1991 году.

Именно поэтому «отречение от советского прошлого» нельзя было считать единственным символом постсоветской судебной реформы в России. При этом полагаем, что в числе этих символов можно назвать давно сложившееся в истории России противоборство двух идеологических течений, которые и сейчас условно можно назвать «западничеством» и «славянофильством». Обе тенденции в общественном правосознании присутствовали и соперничали во всех социальных реформах, как минимум, со времен Екатерины Второй. И «западничество», как преимущественная ориентация на закономерности развития Европы, а с конца XIX столетия – и Северной Америки, и «славянофильство», основанное на идеализации вплоть до обожествления российской истории и вековых национальных традиций, были в равной мере естественны для развития правовой системы России, и в той же степени непримиримы между собой[2]. Всё это проявилось и в постсоветской судебно-правовой реформе и в её основных символах.

Возрождение в России конца XX столетия суда присяжных породило в науке вообще и в уголовно-процессуальной науке в частности множество разноплановых дискуссий, сопровождавших любые формы народного, т.е. непрофессионального, элемента в правосудии, как минимум, с XII столетия, когда в Англии появилась форма судопроизводства, давшая начало современной классической модели суда присяжных. Одни авторы были убеждены в англосаксонском происхождении этого института и в невозможности использовать его на российской почве, да еще и в современных условиях глобальной профессионализации всей юридической деятельности. Другие авторы, напротив, усмотрели в возрождении суда присяжных в России в современных условиях возврат к историческим корням, к той модели правосудия, которая, в своё время, стала одним из символов Великой Судебной реформы 1864 г., выведшей Россию и её правовую систему на одну из самых передовых позиций в мире. Важно отметить, что в российском суде присяжных XIX столетия никто из известных юристов того времени не увидел подражания Западу, а символ действительно эпохальных общественных реформ и прямое следствие отмены крепостного права увидели практически все.

В настоящее время главным символом продолжающейся судебной реформы стал поиск национальной идентичности российского правосудия, то есть формирование такого его уникального исторического облика, который в наибольшей степени соответствовал и отечественным традициям, и требованиям современного уровня развития общества и его повседневным потребностям.

Реализация всех перечисленных судебно-правовых реформ неизменно показывала, что провозглашенные символы и реальные преобразования в судебно-правовой сфере далеко не всегда совпадают с их воплощением в законодательстве и в правоприменительной практике, да и сами символы нередко не выдерживают испытания временем. Полноценно судить о действительном значении каждого из этих символов можно, как полагаем, только по прошествии значительного по историческим меркам периода времени.

[1] Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы». Доступ из СПС КонсультантПлюс – дата обращения 24 октября 2025 г.

[2] Царьков И.И. Развитие правопонимания в европейской традиции права. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 346 с. С.306.

Чупрова Антонина Юрьевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Antonina Yu. Chuprova

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

E-mail: 3959400@mail.ru

Уголовно-правовая охрана символов: исторический аспект

Criminal protection of symbols: historical aspect

Аннотация. Государственная символика, как своего рода визуализация власти, традиционно рассматривалась в качестве неотъемлемой части любого государства, подчеркивающей его суверенность, объем властных полномочий и принадлежность определенной территории, на которую эта власть распространяется. Естественно, государство требовало от своих граждан и представителей других государств уважительного отношения к этим очевидным атрибутам власти. Игнорирование подобных предписаний влекло для провинившегося негативные последствия личного или имущественного характера, иногда весьма суровые. Вместе с тем, государством охранялась и другая символика, существенно различающаяся по масштабам ее применения, характер и размер правоограничений за нарушения, связанные с ее использованием, во многом зависел от значимости отдельных символов для государства и тех отношений, которые нарушались в каждом конкретном случае. Реакция государства была также обусловлена особенностями поведения нарушителя, характера совершаемых им действий, демонстрирующих пренебрежение к общепринятым в стране нормам поведения. Анализ уголовного законодательства, действовавшего на протяжении полутора веков в нашей стране, показал, что число и содержание защищаемых государством символов, как и кара за проявление неуважения к ним, существенно изменялось в зависимости от государственно-правового строя в определенные временные периоды российской истории.

Ключевые слова: государственные символы, религиозные символы, международные символы, частные символы, герб, флаг, уголовная ответственность

Annotation. State symbols, as a kind of visualization of power, have traditionally been considered as an integral part of any state, emphasizing its sovereignty, the scope of its authority, and the territory over which this authority extends. Naturally, the state required its citizens and representatives of other states to respect these obvious attributes of power. Ignoring such regulations could lead for a person in charge to negative personal or property consequences, sometimes quite severe. However, the nature and severity of the consequences depended on the significance of the symbol for the state and the specific relations that was affected, as well as the offender's specific behaviour and actions that could demonstrate a disregard for the country's rules. An analysis of the criminal legislation that has been in effect in our country for a century and a half has shown that the number and content of state-protected symbols, as well as the punishment for disrespecting them, have changed significantly over time, depending on the political and legal system being in place during different periods of Russian history.

Keywords: state symbols, religious symbols, international symbols, private symbols, coat of arms, flag, criminal liability

Для цитирования: Чупрова А.Ю. Уголовно-правовая охрана символов: исторический аспект // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) /гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 616–620.

На протяжении многих столетий нормами уголовного законодательства охранялись не только правовая основа и незыблемость Верховной власти, но и ее основные атрибуты – символы власти и той основы, на которой эта власть держится - православной религии. С течением времени, помимо государственной и религиозной символики интерес для государства, стала представлять и иная атрибутика, в том числе экономического и гуманитарного характера, которая также оказалась под защитой уголовного законодательства государства. Преступления, посягающие на значимые для государства символы,

можно классифицировать на несколько групп, исходя из значимости и узнаваемости охраняемого символа, его функций и содержания тех благ, которые он отражает.

Во-первых, - это посягательства на глобальные (общеизвестные международные) символы, используемые во всех или большинстве стран, визуализирующих ценности, значение которых для общества и многих государств очевидно для большинства граждан и не требует специального пояснения. Так к общеизвестным международным символам относится медицинская символика международной организации, - Красный крест, а для мусульманских стран – Красный полумесяц, наличие которых на транспортных средствах или зданиях отражает возможность человека получить защиту для жизни и здоровья, предоставляемую международным сообществом как в период вооруженных конфликтов, так и в мирное время. Кроме того, вышеозначенные символы выполняют и опознавательную функцию, указывая на принадлежность к международной гуманитарной организации, оказывающей медицинскую помощь всем нуждающимся в ней.

Во-вторых, это преступления, посягающие на религиозные символы. К известным религиозным можно отнести символы основных мировых религий, в первую очередь, христианства, ислама, иудаизма, буддизма. Посягательства на религиозные символы, с определенными особенностями, свойственными конкретной исторической эпохе, также криминализированы как в российском законодательстве, так и в уголовном праве других государств.

В-третьих, законодательство многих стран защищает национальные символы, как консолидирующую основу формирования гражданской идентичности, и рассматривает неуважение к ним не только как аморальное поведение, порицаемое обществом, но и как правонарушение. Прежде всего к таковым охраняемым объектам относятся визуальные символы государственной власти – Государственный герб и Государственный флаг, символы воинской славы, правовой статус которых и значение которых устанавливается в Конституции государства, конституционных и федеральных законах, в том числе и уголовном законодательстве.

Так, в СССР символика государства определялась непосредственно в Конституции СССР 1977 года[1] и в иных федеральных нормативных актах. В ст.169 Конституции СССР давалось описание государственного герба, ст.170 содержала перечень основных характеристик государственного флага государства. На современном этапе, в соответствии со ст. 70 Конституции Российской Федерации[2], Государственные флаг, Государственный герб Российской Федерации, их описание и порядок официального использования, ответственность за неуважение к этим государственным символам устанавливаются федеральными конституционными законами[3].

Национальным, государственным символом воинской славы в соответствии законодательством выступает Георгиевская лента, правовой статус, правила использования и ответственность за осквернение которой отражены в положениях федерального закона «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2022 № 579-ФЗ законом[4].

Следует отметить, что спектр символов воинской славы достаточно широк. Он может включать и государственные награды, вручаемые за мужество и героизм лицам, отличившимся при исполнении воинского долга, в том числе и в период Великой Отечественной войны, а также мемориалы и памятники Великой Отечественной войны, которые охраняются государством, взявшим на себя обязательство сохранять их и реставрировать, воспитывать уважение к ним гражданами России и иными лицами, находящимися в нашей стране.

В соответствии с законом Российской Федерации «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»[5] государственные награды и другие знаки отличия, связанные с событиями Великой Отечественной войны, не могут быть объектами отчуждения, а органы власти всех уровней ответственны за сохранение памятников Великой Отечественной войны, поддержание их в состоянии, соответствующем достойному и уважительному отношению к памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне.

---

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. http://www.pravo.gov.ru.

[3] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О Государственном гербе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 52 (ч. I). Ст. 5021; Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2025) «О Государственном флаге Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 52 (ч. I). Ст. 5020; Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 3-ФКЗ (ред. от 31.07.2025) «О Государственном гимне Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 52 (ч. I). Ст. 5022.

[4] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 26.

[5] Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1928.

В-четвертых, российское уголовное законодательство в течении многих лет охраняло от преступных посягательств частные символы, демонстрирующие права на интеллектуальные достижения, результаты экономической деятельности отдельных лиц или компаний как в российском государстве, так и в других странах, позволяющие идентифицировать конкретного правообладателя или местность, географические особенности которой обусловили выпуск определенных широко известных товаров.

Уголовное законодательство в различные исторические периоды защищало наиболее значимые символы как нормами, непосредственно принятыми с целью предупреждения посягательств на них, так и нормами, предусматривающими ответственность за иные варианты поведения, охватывающие действия, нарушающие правила использования символов или представляющие собой демонстративное к ним неуважение.

В Российской Империи уголовное законодательство установило запреты демонстрации неуважительного отношения к религиозным символам православной веры, к Государственному гербу, а также защищало от неправильного использования частные символы, такие как товарный знак

В Уложении Российской Империи о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. содержался Раздел второй «О преступлениях против веры, и о нарушении ограждающих оную постановлений», открывающий Особенную часть этого документа (перечень деяний, признаваемых преступными, официальная дифференциация на Общую и Особенную части в данном законе не проводилась), что свидетельствует о значении для государства символов Веры.

Глава первая данного раздела «О богохульстве и порицании веры» содержала нормы, предусматривающие ответственность за богохульство, кощунство, язвительные насмешки и другие действия, доказывающие явное неуважение к обрядам и правилам православной церкви и христианству в целом. В ст.176 Уложения 1885 г. предусмотрена ответственность наиболее тяжкое преступление данной главы - богохульство, т.е. публичное в церкви умышленное возложение хулы на Единосущную Троицу Бога, Пречистую Владычицу нашу Богородицу Деву Марию, Крест Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, на Силы Небесные или Святых Угодников и их изображения. Виновное в этих действиях лицо подвергалось лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на срок от 12 до 15 лет. Особую дерзость преступлению придавало место его совершения - церковь. В ч.2 ст.176 Уложения аналогичные действия, хоть и совершенные публично, но в ином месте рассматривались законодателем как менее опасное преступление, которое наказывалось лишением всех прав состояния и каторжными работами на срок от шести до восьми лет. При этом, следует обратить внимание, что возложение хулы на Святых Угодников, не признаваемых официально Православной церковью, признаков данного преступления не составляло[1].

Виновным признавалось и лицо, допустившее богохульство не в публичном месте (ст.177 Уложения), подобные действия влекли лишение всех прав состояния и ссылку в отделенные местности Сибири.

В соответствии с законом укрывательство публичного богохульства признавалось преступлением. Лицо, бывшее свидетелем совершения умышленного богохуления в публичном месте, но не донесшее о совершении таких действий надлежащему начальству, подвергалось аресту на срок от трех недель до трех месяцев или заключению в тюрьму на срок от четырех до восьми месяцев (ст.179 Уложения).

Вместе с тем, существенно менее строго каралось произнесение в публичном месте слов, имеющих вид богохуления, но учиненные без умысла оскорбить Святыни в силу неразумия, невежества или пьянства (ст.180 Уложения). Субъект этого преступления наказывался тюремным заключением с лишением некоторых прав и преимуществ, либо только тюремным заключением.

Положения ст.182 Уложения, предусматривающие ответственность за кощунственные действия, представляющие собой язвительные насмешки, обращенные к правилам и порядкам православной церкви, демонстрирующие явное к ним неуважение, распространялись правоприменительной практикой того времени на демонстрацию неуважения к православным символам, кресту и ликам Святых. Данные действия в качестве основного признака не содержали указания на публичное место. Поэтому насмешки над святыми или символами веры квалифицировались по ст.182 Уложения и в случаях, когда произносились при свидетелях в частном доме[2].

В ст.183 Уложения в качестве преступных проявлений назывались различные варианты кощунственных действий, такие как воспроизведение, продажа или иное распространение в писаном, гравированном, отлитом или резном «соблазнительном виде икон или иных предметов, относящихся к вере или богослужению», что в настоящее время представляет собой надругательство на православными символами.

Вместе с тем, следует отметить, что Уложение 1885 г. не содержало специальных норм, предусматривающих ответственность за проявление неуважения к отдельным атрибутам государственной

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных1885 года. Издано профессором Н.С. Таганцевым. Издание пятое, дополненное. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. – 1886. С.143-144.

[2] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных1885 года. Издано профессором Н.С. Таганцевым. Издание пятое, дополненное. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. – 1886. С.143-144.

символики, в частности, к государственному флагу. В то же время в ст.277 Уложения 1885 г., расположенной в Разделе четвертом «О преступлениях и проступках против порядка управления» в главе второй «О оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности» признается преступлением намеренно оказанное неуважение к властям законным, проявляющееся в таких действиях как вычернение, повреждение, искажение выставленных по распоряжению властей в публичном месте гербов или учинение надписей на них публично при стечении народа или без этого увеличивающего вину лица обстоятельства. Субъект этого преступления наказывался тюремным заключением с лишением некоторых прав и преимуществ, либо только тюремным заключением.

Частные символы, такие товарный знак, охранялись в рамках принятого в Сенатом в 1830 г. Положения о клеймении фабричных изделий, обязывающего владельцев мануфактур, выпускающих изделия, относимые к легкой промышленности, клеймить свои изделия. Причем клейма должны были содержать личную идентифицирующую владельца производства информацию – имя и фамилию, а также место нахождения мануфактуры. Терминология закона 1830 года использовалась до принятия в 1896 году нового закона «О товарных знаках (фабричных и торговых марках и клеймах)»[1].

Достаточно жесткие требования торгового законодательства того времени были воспроизведены во всех редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В редакции Уложения о наказаниях 1885 года ст. 1354 г., предусматривающая ответственность за подделку и незаконное использование фабричных клейм, содержалась разделе VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» в главе. XIV «О нарушении уставов фабричной, заводской и ремесленной промышленности», т.е. фактически объектом данного преступления, как и в наше время, был установленный законом порядок осуществления предпринимательской деятельности. Виновное лицо, в соответствии с данной нормой, «…подвергается: лишению всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию присвоенных, и заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев»[2]. При этом предметом данного преступления выступали только клейма, зарегистрированные в Департаменте Мануфактур, т.е. подлежащие охране. Государство распространяло действие ст. 1354 Уложения о наказаниях в редакции 1885 года и на клейма других государств, с которыми находилось в особых экономических отношениях[3].

В советский период истории отношения к охране символов существенно изменилось. Во-первых, прекратилась охрана православных религиозных символов, более того в Особенной части УК РСФСР 1922 г. появилась глава третья «Нарушение правил об отделении церкви от государства»[4]. В УК РСФСР1926 г.[5] и УК РСФСР 1960 г.[6] религиозная символика также охране не подлежала.

Во-вторых, общепризнанные международные символы, такие как Красный Крест и Красный Полумесяц в соответствии с УК РСФСР 1922 г. уголовно-правовой защиты не имели. Вместе с тем, уже в УК РСФСР 1926 г. государство берет указанные символы под свою охрану, относя такие действия к разновидности воинских преступлений, сосредоточенных в главе о воинских преступлениях. В ст.193.30 и 193.31 УК РСФСР 1926 г. было запрещено, соответственно, носить в районе военных действий знаки Красного Креста или Красного Полумесяца лицам, не имеющим на то права, а также злоупотреблять в военное время знаками Красного Креста и Красного Полумесяца. Последующее законодательство, УК РСФСР 1960 г., расширило сферу применения уголовно-правовой защиты глобальных символов, криминализировав в ст. 202 главы девятой «Преступления против порядка управления» незаконное пользование знаками Красного Креста и Красного Полумесяца, а также незаконное использование их наименования для гражданских лиц. Вместе с тем, незаконное ношение указанных знаков и злоупотребление ими в военное время по-прежнему признавались воинским преступлением ст. 269 УК РСФСР 1960 г.

В-третьих, национальные символы в советский этап нашей истории периодически исключались из сферы защиты уголовного закона. Если в уголовном законодательстве 1922 г. оскорбительное проявление неуважения к РСФСР, выразившееся в надругательстве над Государственным гербом и флагом, рассматривалось как посягательство на порядок управления и каралось лишением свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией, то уголовное законодательство 1926 г. аналогичных деяний не содержало. Однако, в ст. 59.1 УК РСФСР1926 г. давалось определение преступления против порядка управления, к которым относились любые варианты поведения нарушителей, сопряженные «… с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти». С учетом того, что аналогия закона

[1] Законодательство о фабричных и торговых клеймах в России и за границею. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1886. С. 34.

[2] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных1885 года. Издано профессором Н.С. Таганцевым. Издание пятое, доп. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1886. С.479.

[3]Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 1999. – 296 с.

[4] Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р 1922 г. Введен в действие Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР.1922. № 15. Ст. 153.

[5] Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1926 г. Введен в действие Постановление ВЦИК от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. №80. Ст. 600.

[6] Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

не была запрещена, а определение преступлений против порядка управления позволяло давать его распространительное толкование в части указания на преступность «иных действий, вызывающих ослабление силы и авторитета власти», представляется, что государственные символы – Государственный Герб и Государственный флаг – находились под защитой уголовного закона.

В УК РСФСР 1960 года изначально норм, предусматривающих ответственность за оскорбление государственных символов, не содержалось. Однако, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 г.[1] в главу девятую «Преступления против порядка управления» была включена ст.190-2, предусматривающая ответственность за надругательство над Государственным гербом или флагом. Предложенная в 1966 г. формулировка преступного проявления сохранилась и в настоящем законодательстве.

В отличие от ранее действовавших законов и современного законодательства, предметом этого преступления выступали не только государственный флаг РСФСР, но и флаг федеративного государства - СССР, и флаги других союзных и автономных республик.

Частная символика охранялась советским уголовным законодательством в период действия всех законодательных актов. Товарный знак охранялся и Постановлением СНК РСФСР от 10.11.1922 «О товарных знаках».[2] и ст. 199 УК РСФСР 1922 г., запрещающей самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком. УК РСФСР 1926 г. почти дословно воспроизводил данную формулировку в ст.178 УК. В обоих уголовных законах нормы содержались в главах, предусматривающих ответственность за имущественные преступления. В качестве цели преступного использования чужого товарного знака называлась недобросовестная конкуренция. Однако в УК РСФСР 1922 г. самовольное использование чужого товарного знака каралось более жестко, предусматривая наказание в виде принудительных работ или штраф в тройном размере против извлеченной от самовольного использования выгоды.

Более позднее советское законодательство, УК РСФСР 1960 г., разместило ст.155 УК, содержащую запрет на незаконное пользование чужим товарным знаком, в главе шестой Особенной части уголовного закона. Особенностью этой нормы не только является резкое сокращение перечня предметов преступления до одного товарного знака, но и весьма мягкое наказание за это деяние.

Современное уголовное законодательство, как и дореволюционное российское, и советское уголовное право обеспечивает защиту национальных государственных символов (Государственного Герба и Государственного Флага) от осквернения и частных символов, спектр которых существенно расширился и охватывает помимо торгового знака также наименование места происхождения товара и знак обслуживания, от незаконного их использования. В отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства, в настоящее время уголовно-правовая защита предоставлена национальным символам воинской славы. Статья 243.4 УК РФ охраняет памятники, обелиски стелы, увековечивающие память защитников Отечества, а также мемориалы, посвященные дням воинской славы от уничтожения, повреждения либо осквернения. Еще одной особенностью действующего уголовного законодательства является не только охрана национальной символики, но и запрет публичного демонстрирования и пропаганды атрибутики и символики нацизма, экстремистских организаций, а также символики, запрещенной законодательством Российской Федерации. Нарушение этого запрета рассматриваются как посягательство на основы конституционного строя и безопасности государства. На современном этапе безопасность религиозной символики вновь обеспечивается государством. Неуважительное отношение или осквернение религиозных символов расценивается как нарушение права на свободу совести и вероисповеданий и содержит признаки ст.148 УК РФ деяние.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что, несмотря на определенные различия, основные тенденции обеспечения уголовно-правовой охраны символики, наиболее значимой для государства и общества, принципиальных изменений не претерпели. В зависимости от существующего общественно-политического строя несколько трансформировались основания и условия из защиты и спектр самих символов.

[1] Указ Президиума ВС РСФСР от 16.09.1966 «О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1966. № 38. Ст. 1039.
[2] Постановление СНК РСФСР от 10.11.1922 «О товарных знаках» // СУ РСФСР. 1922. № 75. Ст. 939.

Шаров Виктор Иванович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России

Sharov Victor Ivanovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: v-i-sharov@rambler.ru

Дягилев Андрей Аркадьевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России

Dyagilev Andrey Arkadyevich

candidate of legal Sciences, Head of the Department of operational search Activity of internal Affairs bodies, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

E-mail: musasi2008@yandex.ru

Бессонов Владимир Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России

Bessonov Vladimir Anatolyevich

candidate of legal Sciences, Deputy Head of the Department of operational search Activity of internal Affairs bodies, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

E-mail: kvadro-nn@yandex.ru

Символизм в оперативно-розыскной деятельности. Теоретико-прикладные аспекты

Symbolism in operational investigative activities. Theoretical and applied aspects

Аннотация. В статье авторы поднимают вопрос об использовании символов в преступной среде. Использования знаков, символов и условных обозначений в оперативно-розыскной деятельности, особенно в ее негласной области. Исследование основано на доктринальных трудах ученых в области оперативно-розыскной деятельности, а также открытых данных из публицистических источников.

Ключевые слова: символизм, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, правоохранительные органы

Annotation. In the article, the authors raises the question about the use of symbols in a criminal environment. The use of signs, symbols, and conventions in operational and investigative activities, especially in the covert field. The research is based on the doctrinal works of scientists in the field of operational investigative activities, as well as open data from journalistic sources.

Keywords: symbolism, operational investigative activities, operational investigative measures, law enforcement agencies

Для цитирования: Шаров В.И., Дягилев А.А., Бессонов В.А. Символизм в оперативно-розыскной деятельности. Теоретико-прикладные аспекты // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 621–623.

Использование различного рода условных символов в процессе коммуникации известно с древних времен. Как отмечается в специальной литературе «символ это информационный посредник в процессе взаимодействия человека и мира»[1]. Применимо это высказывание и к оперативно-розыскной деятельности. Как известно процесс познания в ОРД реализуется посредством чувственных и рациональных методов. Некоторые авторы также выделяют коммуникативный метод получения информации в процессе познания. Так, Н.И. Павличенко и А.И. Тамбовцев отмечают, что «осознанная коммуникация … может быть речевой, письменной, жестовой, мимической и пр. Кроме того, обмен информацией между людьми возможен посредством знаковых систем (ноты, дорожные и пр. знаки, рисунки, смайлики, шифры), языков программирования (кодирования) и др.»[2].

Более того, учитывая, что одним из основных объектов познания в ОРД выступают сокрытые области преступной деятельности, проявляющиеся в окружающей действительности в виде определенных символов и условных обозначений, возрастает значение их своевременного обнаружения и правильной интерпретации. Таким образом, мы можем говорить о месте и значении символизма в процессе оперативно-розыскного познания, реализуемого на основании положений семиотики.

Говоря о символизме в оперативно-розыскной деятельности, особенно в ее негласной области, можно выделить следующие направления использования знаков, символов и условных обозначений.

Различного рода символы издревле использовались в качестве средства коммуникации и осуществляемой в процессе нее идентификации в системе координат «свой-чужой», а также обозначения объектов потенциальной опасности (например, клеймение преступников). Причем символы использовали лица, находящиеся по ту и другую сторону закона. Наиболее ярким представителем символизма можно считать криминальную татуировку, которая не только определяет принадлежность носителя к уголовному сообществу, но и место ее носителя в криминальной иерархии. Татуировки свойственны любой относительно закрытой среде, носящей чаще всего профессиональный характер. Всем известна склонность к татуировкам моряков, наиболее характерный рисунок которых - якорь, перешел в криминальную среду, а восьмиконечная звезда, берущая свое начало от видоизмененного изображения в форме компаса (она же роза ветров, которая показывала направление ветра) даже стала символом «вора в законе» - высшей ступени преступной иерархии. Но нигде татуировки не получили такого распространения, не имели такого значения как в криминальном мире. Татуировка на теле заключенного - это элемент воровской субкультуры, подчеркивающий принадлежность лица к преступному кругу, его опытность и желание «быть своим» в криминальной среде. Она показывает стремление носителя татуировки к достижению особого положения среди преступников, самоутверждение и значимость, стремление к завоеванию авторитета, рассчитаны на внушение страха перед носителем татуировки. Татуировка – это и своеобразная смысловая конструкция, определяющая статус и принадлежность к чему-то значимому для уголовной среды. Это символы, которые наглядно демонстрируют, что их носитель принадлежит к воровскому сообществу[3].

Наряду с татуировкой, можно отметить также и символы, передаваемые при помощи жестов. «Передаются буквы или целые слова, в зависимости от системы языка. Называется этот способ ведения переговоров «маяком» или «светом». В среде преступников существует 10-15 жестов, которые возникли в обыденной воровской речи и вытеснили из неё обычные воровские слова»[4].

Безусловно, особым символизмом наполнен криминальный жаргон, имеющий глубокие исторические корни и выступающей наряду со способом идентификации еще и средством конспиративной коммуникации. Многие исследователи связывают, появление такого жаргона с так называемым «офенским»

[1] Демидова, М. В. Понятие «символ»: социально-философский подход / М. В. Демидова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 25. – С. 23-30. – EDN QCDZUD.

[2] Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Эволюция оперативно-розыскных мероприятий: монография / А. И. Тамбовцев, Н. В. Павличенко. – Москва : Академия управления МВД России, 2021. С. 24.

[3] Криминальная татуировка : учебно-наглядное пособие / В. А. Бессонов, И. Ю. Антонов, А. А. Дягилев [и др.]. – Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – 69 с. – EDN GQLLDJ.

[4] А.Ю. Чирков Средства общения преступников, жесты и телодвижения Вестник Удмуртского университета 2014. Вып. 1 – С 231-238

языком, использовавшимся в рамках внутренней коммуникации сообщества бродячих торговцев-коробейников[1].

Жаргон используется как при непосредственном, личном общении, так и при использовании опосредованных способов коммуникации, например, путем передачи письменных сообщений («малявы», «воровские прогоны» и т. п.), оформленных с применением приемов шифрования текстов либо смыслов. Рассматривая тайнопись криминального мира, А.М. Кустов выделяет рисованные, писаные и шифрованные условные знаки. Он отвечает, что «значительное число лиц, заключенных под стражу или уже осужденных, прибегают к тайной переписке с сообщниками, родственниками и т. д.»[2]. Подобного рода тенденция использования тайных символов при осуществлении преступной деятельности продолжается и в настоящее время. С активным развитием информационных технологий, подобного рода условные обозначения встречаются в средствах электронной коммуникации – на страницах сайтов, социальных сетей и т.п. Кроме того, преступники, вовлекающие в свою противоправную деятельность новых соучастников, активно используют рисунки – граффити. В такого рода рисунках, изображены символы и аббревиатуры, содержащие предложения «легкого заработка» в качестве наркозакладчика, либо курьера на службе у мошенников. Кроме того в них может быть представлен электронный адрес либо QR-код, по которому можно выйти на связь с преступниками.

Наличие указанных графических (татуировка, рисунок, знак), невербальных (жестикуляция) и вербальных (жаргон) символов позволяет, как определить принадлежность человека к определенной общности - криминальному миру, так и предположить его место в нем. Таким образом, их присутствие может выступать поисковым признаком, указывающим на принадлежность лица к криминальной среде, соответственно к потенциальным объектам оперативно заинтересованности.

В этой связи оперативные сотрудники в процессе решения задач ОРД должны обладать знаниями, умениями и навыками обнаружения указанных символов и их интерпретации. Кроме того при проведении отдельных ОРМ, например таких как оперативное внедрение еще и навыками их имитации, например для поддержания легенды внедряемого в криминальную среду лица.

Стоит отметить, что и представители оперативных подразделений также используют символику и условные знаки в процессе осуществления ОРД. Так, например, применяя негласные методы при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, сыщики, соблюдая конспирацию, должны скрыть от окружающих, которые могут стать случайными очевидцами происходящего, как факт проведения ОРМ, так и информацию, получаемую и передаваемую в процессе их проведения. При этом им требуется осуществлять коммуникацию как друг с другом, так и с лицами, оказывающими им содействие. В этой связи оперативные сотрудники также активно используют знаки, символы и условные обозначения в своей профессиональной деятельности.

Таким образом, мы видим, что при осуществлении оперативно-розыскной деятельности ее субъекты довольно часто сталкиваются с различного рода символами, которые используют как их противники– представители криминалитета, так и сами оперативные сотрудники для обеспечения конспирации в своей работе. Знание подобного рода символов, умение их своевременного обнаружения, правильной интерпретации, позволяет решать стоящие перед оперативными сотрудниками задачи ОРД и не допускать расшифровки проводимых мероприятий перед иными лицами.

[1] Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. Тверь, 1994. Дворянцева В.В. Стилистические проявления фени-русского арг. /Культурная жизнь юга. 2007 № 6 (25) С. 97-98

[2] Кустов, А. М. Использование знаний тайных знаков (сигналов) преступных группировок в расследовании совершенных преступлений / А. М. Кустов // 30 лет юридической науки КУБГАУ : Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 10 декабря 2021 года / Под редакцией В.Д. Зеленского, отв. за выпуск С.А. Куемжиева, А.А. Тушев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2021. – С. 396-405. – EDN HIIRNH.

КОРПУС ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ С УЧЕНОЙ СТЕПЕНЬЮ КАНДИДАТА НАУК И ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Абдулханнянов Ильяс Абдулхаевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Abdulkhannyanov Ilyas Abdulkhaevich

PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal and Penal Enforcement Law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: abdulxann@gmail.com

Уголовно-правовая охрана символов, связанных с Великой Отечественной войной в законодательстве государств – членов ОДКБ

Criminal and legal protection of symbols related to the Great Patriotic War in the legislation of the CSTO member States

Аннотация. В представленной статье актуализируется значимость уголовно-правовой охраны исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и в особенности одной из основных форм ее материализации – символов, в современных условиях. Сравнительное исследование уголовного законодательства государств-членов ОДКБ позволило выявить особенности их уголовной политики в вопросе установления ответственности за всевозможные посягательства на символы, связанные с Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: символ, историческая память, Великая Отечественная война, уничтожение, повреждение, осквернение, памятник культуры, символ воинской славы

Annotation. The presented article highlights the importance of criminal protection of the historical memory of the events of the Great Patriotic War and, in particular, one of the main forms of its materialization - symbols, in modern conditions. A comparative study of the criminal legislation of the CSTO member states has revealed the specifics of their criminal policy in establishing responsibility for all kinds of attacks on symbols associated with the Great Patriotic War.

Keywords: symbol, historical memory, Great Patriotic War, destruction, damage, desecration, cultural monument, symbol of military glory

Для цитирования: Абдулханнянов И.А. Уголовно-правовая охрана символов, связанных с Великой Отечественной войной в законодательстве государств-членов ОДКБ // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 624–629.

Происходящие геополитические метаморфозы, выражающиеся в неприкрытом желании недружественных стран ослабить и подавить Российскую Федерацию и ее партнеров требуют принятия решительных организационно-управленческих и правовых мер. Беспрецедентное экономическое санкционное давление сопровождается агрессивной идеолого-информационной и контркультурной кампанией, нацеленной на искажение историко-цивилизационной идентичности всех стран постсоветского пространства. В особенности это касается переосмысления решающей роли и значения Советского Союза в Победе над фашистской Германией и ее сателлитами. При помощи так называемых «мягких» социально-инженерных технологий как извне, так и изнутри на население и должностных лиц стран, входивших не-

когда в состав СССР, оказывается методическое системное влияние, ориентированное на массовую подмену понятий в вопросах истории Великой Отечественной войны[1].

В этих условиях особенно важно противодействие идеологическим диверсиям, происходящим как в Российской Федерации, так и в других странах постсоветского пространства. Речь в данном случае идет об обеспечении *коллективной культурной безопасности*, требующей выработки единых согласованных, в первую очередь правовых, мер, нацеленных на охрану исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны. Деятельность подобного рода возможна в условиях существующих региональных международных организаций, важное место среди которых принадлежит Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), активными членами которой в настоящий момент являются Российская Федерация, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан[2]. В рамках ее деятельности уже обсуждались вопросы совершенствования законодательства в области противодействия проявлениям нацизма[3]. В частности, обращалось внимание на то, что осквернение символов воинской славы, увековечивающих Победу советского народа в Великой Отечественной войне является одним из объективных проявлений реабилитации нацизма и искажения исторической истины[4]. В заявлении Совета коллективной безопасности ОДКБ в связи с 80-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне выражалась глубокая обеспокоенность участившимися случаями осквернения и разрушения памятников, мемориалов и захоронений борцов с нацизмом, оскорбляющих их память[5].

В указанных выше странах за последние десятилетия были приняты отдельные законодательные решения, связанные с охраной совместной культурно-исторической памяти. Наиболее важные и эффективные из них, связаны с установлением уголовной ответственности за посягательства (в самой различной форме) на *символы Великой Отечественной войны.* Под последними понимаются материальные условные знаковые образы (отличительные знаки), закрепляющие культурно-ценностное значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Символы подобного рода выступают опредмеченной формой исторической памяти. Столь большое внимание к уголовно-правовой охране символов в данном случае объясняется их номинативной, коммуникативной и информационно-сберегательной функциями[6], непосредственно влияющими на чувства и мышление людей, а потому и на их ценностную систему, поведение и отношение к государству и обществу. Общественная опасность любых деструктивных действий (уничтожение, повреждение, осквернение и т.п.) в отношении символов, связанных с Великой Отечественной войной в складывающихся геополитических условиях бесспорна, а потому мы не будем останавливаться на вопросе их вредоносности и целесообразности криминализации подобного рода[7]. Рассмотрим тезисно имеющийся «арсенал» уголовно-правовых средств охраны описываемых символов в законодательстве государств-членов ОДКБ, в целях выявления их достоинств и недостатков.

Российская Федерация в условиях построения экономики рыночного типа еще в 90-х гг. прошлого столетия начала законодательно декларировать значимость охраны исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и погибших при защите Отечества[8]. Несмотря на это, вплоть до 2014 года в

---

[1] См.: Зеленский объявил 9 мая на Украине Днем Европы // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5977358 (дата обращения: 20.09.2025); Вандальская история: не менее 300 советских памятников снесли в ЕС за три года // URL: https://iz.ru/1882413/semen-boikov/vandalnaya-istoriya-ne-menee-300-sovetskih-pamyatnikov-snesli-v-es-za-tri-goda (дата обращения: 20.09.2025).

[2] См.: Договор о коллективной безопасности (Ташкент, 15 мая 1992 г.) // Российская газета, 1992.

[3] См.: Постановление Парламентской Ассамблеи ОДКБ от 5 ноября 2019 года № 12-5.3 «О проекте Рекомендаций по совершенствованию национального законодательства государств-членов ОДКБ в сфере противодействия нацизму и его проявлений» // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.paodkb.ru/ (дата обращения: 20.09.2025); Рекомендации об ответственности за деяния, связанные с реабилитацией нацизма и искажением исторической истины, в законодательстве государств-членов ОДКБ // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.paodkb.ru/ (дата обращения: 20.09.2025).

[4] Рекомендации об ответственности за деяния, связанные с реабилитацией нацизма и искажением исторической истины, в законодательстве государств-членов ОДКБ // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.paodkb.ru/ (дата обращения: 20.09.2025).

[5] См.: Заявление Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности в связи с 80-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // URL: http://kremlin.ru/supplement/6234 (дата обращения: 20.09.2025).

[6] См.: Баранов В.М., Исаков В.Б. Словарь правовых символов и знаков / Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника». Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 6-7.

[7] Более подробно об этом см.: Шевелева К.В. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. П.В. Агапова. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 22-35.

[8] См.: Закон Российской Федерации от 14 января 1993 года № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Ведомости Верховного Совета и Съезда народных депутатов, 1993. № 7. Ст. 245; Федеральный закон от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России» // Собрание законодательства РФ, 2005. № 1. Ст. 26; Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» // Собрание законодательства РФ, 1995. № 21. Ст. 1928; Феде-

Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) отсутствовали специальные нормы, устанавливающие ответственность за посягательства на материальные объекты, связанные с Великой Отечественной войной (подобного рода деяния могли в некоторых случаях квалифицироваться по общей норме о вандализме по ст. 214 УК РФ, ст. 243 УК РФ об уничтожении и повреждении объектов культурного наследия или ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»)[1].

Начиная с 2009 года парламентарии обсуждали вопрос установления уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, который оказался разрешен лишь в 2014 году введением ст. 354[1] УК РФ «Реабилитация нацизма». Данной нормой наказывается широкий перечень действий, связанных с умышленным отрицанием фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, одобрением преступлений в нем указанных, распространением ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны или о ветеранах, совершенные публично (ч. 1). В части 3 ст. 354[1] УК РФ предусматривается ответственность за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, оскорбление памяти защитников Отечества, унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, а также *осквернение символов воинской славы* (преступление небольшой тяжести). В 2021 году указанная норма оказалась дополнена частью 4, предусмотревшей квалифицирующие признаки за те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (преступление средней тяжести)[2].

Не останавливаясь на всех дискуссионных вопросах, связанных с описываемой нормой, обратим внимание лишь на то деяние, которое касается заявленного предмета исследования и устанавливает ответственность за публичное осквернение символов воинской славы. Названный признак объективной стороны известен отечественному уголовному законодательству (встречается в общеуголовных составах преступлений – ст. 214 и 244 УК РФ), и в целом не вызывает трудностей в толковании. Как отмечает А.П. Кузнецов, под осквернением в данном случае следует понимать надругательство над ними, выраженное в нанесении надписей, рисунков, слов, карикатур [и т.п.] циничного содержания, оскорбляющих основы публичной нравственности и общественного спокойствия[3].

Технико-юридические изъяны скрываются в конструировании объекта и предмета данного преступления. Во-первых, вызывает сомнения обоснованность структурного помещения ч. 3 и 4 ст. 354[1] УК РФ в раздел XII УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества». Диспозиция ч. 1 и 2 ст. 354[1] УК РФ базируется на положениях фундаментальных международных документов и в основе своей действительно охраняет победившую идеологию, провозгласившую современный мир и безопасность человечества, а потому называть последние объектом таких посягательств целесообразно. Однако деяния, запрещенные ч. 3 и 4 ст. 354[1] УК РФ лишь отчасти касаются уголовно-правовой охраны событий, явлений и фактов, связанных с Великой Отечественной войной или Второй мировой войной в целом. Уже упомянутые признаки преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 354[1] УК РФ сформулированы чрезмерно абстрактно и затрагивают все предусмотренные соответствующим законодательством дни воинской славы и памятные даты России, связанные с защитой Отечества[4], все символы воинской славы России, а не только те, которые связаны с Великой Отечественной войной. Это означает, что содержание и наименование ст. 354[1] УК РФ в ч. 3 и 4 принципиально не коррелируют друг с другом. Представляется более верным обозначить в качестве видового объекта таких посягательств общественную нравственность (дополнительный объект – историческая память о защитниках Отечества в самом широком понимании этого слова), нормы об охране которой содержатся в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»[5].

Во-вторых, размышляя о предмете преступления – *символы воинской славы России*, следует заметить, что это оценочная категория, их видовое многообразие практически не формализовано, порождая квалификационные трудности. В настоящий момент однозначно можно сказать о том, что к ним относит-

---

ральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2002. № 26. Ст. 2519 и некоторые другие.

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] См.: Федеральный закон от 5 апреля 2021 года № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2021. № 15. Ст. 2426.

[3] См.: Кузнецов А.П. Реабилитация нацизма (статья 354.1 УК РФ): общая характеристика уголовной ответственности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 3. С. 56.

[4] В их числе, помимо дней и дат, связанных с Великой Отечественной войной можно встретить, например, Ледовое побоище 1242 года, Куликовскую битву 1380 года, день Бородинского сражения в 1812 году и т.п. Исходя из буквального толкования положений рассматриваемой нормы, получается, что публичное распространение неуважительных сведений о названных датах влечет наступление уголовной ответственности по статье именуемой «Реабилитация нацизма», что с языково-технической точки зрения звучит крайне нелепо.

[5] Более подробно об этом см.: Кибальник А.Г., Иванов А.Ю. Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества: монография. М.: Юрлитинформ, 2019.

ся Знамя Победы и Георгиевская лента[1], иные же объекты, олицетворяющие воинскую славу, нигде не закрепляются. По мнению П.В. Пошелова, они представлены также мемориальными музеями, памятниками, обелисками и объектами, увековечивающими дни воинской славы России и СССР, а также территориями, связанными с подвигами российских воинов[2]. Данную позицию нельзя признать безоговорочно верной, поскольку в таком случае возникает вопрос конкуренции ч. 3 ст. 354[1] УК РФ и ст. 243, ст. 243[4] и ст. 244 УК РФ. Для разрешения трудностей в оценке однотипных общественно опасных деяний требуется нормативное закрепление исчерпывающего перечня символов воинской славы.

В 2020 году УК РФ был дополнен еще одной статьей, ориентированной на охрану и обеспечение целостности материальных символов, связанных с Великой Отечественной войной. Часть 2 ст. 243[4] УК РФ предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение воинских захоронений, памятников, стел, обелисков и иных мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов в период Великой Отечественной войны.

Эта норма стала специальной по отношению к ст. 243 УК РФ и вызвала неоднозначную реакцию в научном сообществе. С одной стороны ст. 243[4] УК РФ не криминализировала принципиально новую модель поведения, а конкретизировала уже запрещенную в части описания предмета преступления. С другой стороны ее внедрение в состав УК РФ демонстрирует приверженность Российской Федерации к сохранению исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, в том числе ее материального воплощения. Это, однако, не исключает наличие конкуренции и отсутствие каких-либо ясных критериев разграничения ст. 243 и 243[4] УК РФ.

Таким образом, несмотря на имеющиеся содержательные и технико-юридические изъяны, уголовное законодательство Российской Федерации за последнее десятилетие обрело две специальные нормы, нацеленные на охрану материальных символов, связанных с Великой Отечественной войной.

Республика Беларусь проводит активную законотворческую деятельность по охране исторической памяти, в том числе путем установления соответствующих уголовно-правовых запретов. Как и в Российской Федерации, в Беларуси в ст. 130[1] Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) криминализирована реабилитация нацизма, а в ст. 130[2] УК РБ отрицание геноцида белорусского народа[3]. К существенному недостатку ст. 130[1] УК РБ следует отнести неконкретизированность объективной стороны, выражающуюся в отсутствии каких-либо признаков, описывающих действия по реабилитации нацизма. Они сформулированы впоследствии принятом Законе, исходя из содержания которого действия по осквернению символов воинской славы не охватываются содержанием реабилитации нацизма[4].

В главе 30 УК РБ «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» содержится целый ряд общих и специальных норм, которые могут применяться в случае посягательств на символы, связанные с Великой Отечественной войной. Ст. 344 УК РБ устанавливает ответственность за умышленное уничтожение или повреждение историко-культурных ценностей или культурных ценностей, которым может быть придан такой статус, ст. 345 УК РБ за уничтожение, повреждение или утрату таких ценностей по неосторожности.

Ст. 346 УК РБ наказывает за надругательство над историко-культурными ценностями, в том числе совершенное в отношении памятников защитникам Отечества (часть 2). Ст. 347 УК РБ предусматривает ответственность за надругательство над трупом или могилой в отношении братской могилы или могилы защитника Отечества (часть 2).

Можно заметить, что белорусский законодатель не пошел по пути выделения специальных статей, а сконструировал квалифицирующие признаки в уже имеющихся составах преступлений. Кроме того, УК РБ не содержит упоминания о Великой Отечественной войне как таковой, а называет памятники и могилы защитников Отечества (более общая, широкая категория). УК РБ также не знает словоформы «символы воинской славы», в связи с чем актуально стоит вопрос об их соотношении с категориями «памятник защитникам Отечества» и «историко-культурные ценности». В частности, не вполне ясно как должно квалифицироваться, например, надругательство над Георгиевской лентой – по ст. 130[1] или ст. 346 УК РБ?

К недостаткам УК РБ следует отнести игнорирование глобального процесса цифровизации, способствующего упрощению совершения некоторых преступлений или причинению большего ущерба. Речь идет о том, что УК РБ в отличие от российского уголовного закона не устанавливает в качестве квалифицирующего признака, например, надругательство над историко-культурными ценностями, совершенное посредством информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Представля-

[1] См.: Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» // Собрание законодательства РФ, 1995. № 21. Ст. 1928; Федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2023. № 1. Ст. 26.

[2] См.: Пошелов П.В. Уголовно-правовая оценка реабилитации нацизма: дис. …канд. юрид. наук. Омск, 2023. С. 83.

[3] См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 1999. № 76, 2/50.

[4] См.: Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 года № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2021. № 2/2823.

ется, что названное средство увеличивает степень общественной опасности преступления и потенциальный «охват» лиц, способных ознакомиться с результатами такого надругательства.

Казахстан в современный период идет по пути неагрессивной десоветизации, что отражается и на государственной политике в области сохранения исторической памяти и символов, связанных с Великой Отечественной войной. Несмотря на значительный вклад казахского народа в Победу над фашизмом, действующие власти стали существенно реже проводить традиционный парад Победы[1], чаще демонтировать советские памятники[2] и относительно мягко реагировать на случаи осквернения символов, так или иначе посвященных Великой Отечественной войне[3].

К слову, до сих пор в Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) отсутствуют какие-либо составы преступлений, особо оговаривающие охрану исторической памяти о Великой Отечественной войне, включая и символы, связанные с ней. В УК РК не встречается терминов «реабилитация нацизма», «Великая Отечественная война», «защитник Отечества» и т.п., ставшие частью российской и белорусской уголовно-правовой терминологии. Встречающиеся в средствах массовой информации случаи осквернения мемориальных комплексов и памятных мест квалифицируются в качестве административных правонарушений (мелкое хулиганство) или по общим нормам об умышленном уничтожении, вывозе или повреждении предметов, имеющих особую ценность (ст. 203 УК РК) или вандализме (ст. 294 УК РК)[4].

Ст. 203 УК РК предметом преступления называет памятники истории, культуры, природные комплексы, объекты, взятые под охрану государства, а также предметы и документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Профильный Закон Республики Казахстан определяет, что памятники истории и культуры подлежат включению в соответствующий Государственный список[5]. Обратившись к нему можно обнаружить, что к памятникам истории и культуры отнесены в том числе объекты – символы, связанные с Великой Отечественной войной (например, бюст дважды Героя Советского Союза С.Д. Луганского, бюст дважды Героя Советского Союза Ивана Павлова, мемориал Славы и другие)[6]. Таким образом, несмотря на отсутствие отдельной уголовно-правовой нормы об ответственности за различные посягательства на символы Великой Отечественной войны, нельзя сказать о том, что УК РК их не охраняет. Однако представляется, что такой подход детерминирует пробелы, не позволяющие наказать лиц, оскверняющих, например, объект не входящий в список памятников истории и культуры или Георгиевскую ленту, Знамя Победы и т.п. символы, не подпадающие под названную категорию.

Кыргызская Республика в своем национальном уголовном законе (далее – УК КР) также не предусмотрела отдельной нормы об ответственности за посягательства на исследуемые символы. Более того, в Кыргызстане по-прежнему не криминализирована реабилитация нацизма, несмотря на широкое обсуждение этого вопроса[7]. Символы, связанные с Великой Отечественной войной не выделяются в качестве особого объекта правоохраны. Общественно опасные действия по их уничтожению повреждению, осквернению могут квалифицироваться по ст. 164 «Надругательство над телом умершего и местом захоронения», ст. 216 «Уничтожение или повреждение чужого имущества», ст. 281 «Вандализм», а также по ст. 413 «Преступные нарушения норм международного гуманитарного права»[8].

---

[1] Впервые за восемь лет в Казахстане пройдет военный парад ко Дню Победы // URL: https://rg.ru/2025/05/07/vpervye-za-vosem-let-v-kazahstane-projdet-voennyj-parad-ko-dniu-pobedy.html (дата обращения: 20.09.2025).

[2] См.: В Казахстане участились демонтажи советских памятников // URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/01/03/24763574.shtml?ysclid=mhamyapfel737185112&updated (дата обращения: 20.09.2025).

[3] См.: Кто оскверняет памятники Великой Отечественной войны в Казахстане // URL: https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4968324-kto-oskvernyaet-pamyatniki-velikoy.html?ysclid=mhamzblmey297321946 (дата обращения: 20.09.2025).

[4] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК // Казахстанская правда, 2014. № 132.

[5] См.: Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия // Казахстанская правда, 2019. № 249.

[6] См.: Приказ Министерства культуры и информации Республики Казахстан от 11 июля 2025 года № 318-НК «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры республиканского значения» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G25KS000318#z130 (дата обращения: 20.09.2025).

[7] См.: Героизация нацизма в Киргизии станем уголовным преступлением // URL: https://web.archive.org/web/20231116022930/https://rg.ru/2016/03/17/nacizm.html (дата обращения: 20.09.2025); В Кыргызстане предлагают ввести уголовную ответственность за реабилитацию и героизацию нацизма // URL: https://evrazia-ural.ru/novosti/v-kyrgyzstane-predlagayut-vvesti-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-reabilitaciyu-i-geroizaciyu (дата обращения: 20.09.2025).

[8] См.: В Киргизии вандалы осквернили место захоронения погибших от ран красноармейцев // URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/v-kirgizii-vandaly-oskvernili-mesto-zakhoroneniya-pogibshikh-ot-ran-krasnoarmeytsev/ (дата обращения: 20.09.2025); В Киргизии осквернили памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны // URL: https://regnum.ru/news/2822928 (дата обращения: 20.09.2025); Киргизские школьницы осквернили памятник жертвам Великой Отечественной // URL: https://dixinews.ru/news/obshchestvo/kirgizskie-shkolnitsy-oskvernili-pamyatnik-zhertvam-velikoy-otechestvennoy/ (дата обращения: 20.09.2025)

Так, диспозиция ст. 216 УК КР предусматривает ответственность за уничтожение или разрушение взятого под охрану государства памятника истории либо культуры[1]. Ст. 281 УК КР наказывает за осквернение охраняемых государством памятника истории или культуры надписями, рисунками или иным образом. Ст. 413 УК КР предписывает ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права и фактически дублирует положение одной из Женевских конвенций. К числу таких нарушений относится превращение ясно опознаваемых исторических памятников, являющихся культурным или духовным наследием народов, в объект нападения либо их уничтожение или хищение при отсутствии военной необходимости.

Таджикский уголовный закон, в отличие от Казахского и Киргизского более внимательно подходит к регламентации ответственности за посягательства на символы Великой Отечественной войны. Так, п. «в» ч. 2 ст. 243 УК РТ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» предусматривает наказание за уничтожение, повреждение или осквернение скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам фашизма либо могил участников борьбы с фашизмом[2]. Представляется, что приведенная диспозиция по своему объему шире наименования статьи и более целесообразно было бы выведение ее в отдельную норму.

Кроме того в Республике Таджикистан действуют общие нормы о вандализме (ст. 237[1] УК РТ) и об уничтожении или повреждении памятников истории и культуры (ст. 242 УК РТ), которые распространяют свое действие в том числе и на определенные материальные объекты, связанные с Великой Отечественной войной.

Проведенное краткое исследование уголовного законодательства государств-членов ОДКБ на предмет правоохраны символов, связанных с Великой Отечественной войной позволяет сформулировать следующие обобщенные выводы.

Во-первых, в условиях агрессивной идеологической неонацистской пропаганды крайне важно обеспечить правовую охрану исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, в том числе средствами уголовного законодательства, на территории всего постсоветского пространства.

Во-вторых, определенные усилия в этом направлении предпринимаются региональными международными организациями, в частности ОДКБ, в рамках которой вырабатываются рекомендации по совершенствованию и унификации национального уголовного законодательства.

В-третьих, несмотря на принятые Рекомендации по вопросам противодействия нацизму, отдельные государства-члены ОДКБ игнорируют их содержание и не отражают их в своем законодательстве, включая и уголовные законы. Все это порождает не единообразный подход к уголовно-правовой охране символов, связанных с Великой Отечественной войной. В одних странах (Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Таджикистан) существуют специальные нормы и криминообразующие признаки, устанавливающие ответственность за различные посягательства (уничтожение, повреждение, осквернение) на материальное воплощение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, а в других странах (Республика Казахстан, Киргизская Республика) таковые отсутствуют, а аналогичные деяния могут квалифицироваться по общим статьям о вандализме, уничтожении и повреждении объектов культурного наследия и т.п.

В-четвертых, существующие средства уголовно-правовой охраны символов, связанных с Великой Отечественной войной представлены в государствах-членах ОДКБ с языковой и структурно-композиционной точки зрения не унифицировано. Все это препятствует выработке единой уголовной политики противодействия нарождающемуся неонацизму.

[1] См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 // Эркин-Тоо, 2021.

[2] См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&ysclid=mhdgoj52ns787586144 (дата обращения: 20.09.2025).

Агеев Александр Николаевич

кандидат юридических наук, старший советник юстиции, прокурор в отставке, доцент кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Нижний Новгород)

Ageev Alexander Nikolaevich

PhD Law, SeniorAdvisor of Justice, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of Privolzhsky branch FGBOUVO «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

E-mail: ageev.a.n@yandex.ru

Пишина Светлана Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Филиала Частного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте» в г. Нижнем Новгороде

Pishina Svetlana Georgievna

PhD Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Branch of the Private Educational Institution of Higher Education «Moscow University named after S.Yu. Witte» in Nizhny Novgorod

E-mail: s.g.pishina@mail.ru

Институт прокуратуры как символ суверенной российской государственности

The Prosecutor's Office as a Symbol of Sovereign Russian Statehood

Аннотация. Прокуратура России со времени её учреждения и по настоящее время является символом государственности, квинтэссенцией единства государства и централизации его властных полномочий по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, институтом защиты охраняемых законом интересов общества и государства, конституционных прав граждан и проводником суверенной политической воли на всей территории Российской Федерации, олицетворяя правовую целостность объединённого государственного механизма.

Ключевые слова: прокуратура, символ государственности, становление и развитие прокуратуры, верховенство закона, объединённый государственный механизм

Annotation. Since its establishment, the Prosecutor's Office of Russia has been and continues to be a symbol of statehood, the quintessence of unity of the state and centralization of its authority in ensuring the supremacy of law, the unity and strengthening of legality, the institute of protection of legally safeguarded interests of society and the state, the constitutional rights of citizens, and a conduit of sovereign political will throughout the territory of the Russian Federation, embodying the legal integrity of unified state mechanism.

Keywords: prosecutor's office, symbol of statehood, formation and development of the prosecution, rule of law, unified state mechanism

Для цитирования: Агеев А.Н., Пишина С.Г. Институт прокуратуры как символ суверенной российской государственности // Юридическая техника. - 2026. - № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)»

(Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов.- Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 630–634.

Прокуратура – становой хребет российской государственности
В.В. Путин

Одним из важнейших символов сильного и независимого Российского государства является Прокуратура России - институт правовой системы Российской Федерации, играющий ключевую роль в обеспечении законности и правопорядка. История российской прокуратуры, изначально названной Петром I «око государево», насчитывает более трехсот лет и охватывает множество этапов, каждый из которых был обусловлен изменениями в политической, социальной и правовой сферах страны. История становления российской государственности уходит корнями в Московское царство XVI века, во времена начала процесса образования суверенных государственных органов и их охранительных функций для защиты интересов государства и поддержания порядка.

Начало формирования контрольно-надзорных функций встречается в Судебниках 1497, 1550 гг. и указах царя Ивана IV Грозного, согласно которым были введены государственные должности лиц, уполномоченных нести ответственность за исполнением царских указов.

Образование Российской Империи ознаменовало введение должности прокурора. Известен Указ Петра Великого от 18 января 1722 г. «Об установлении должности прокуроров в надворных судах (гофгерихтах), и о пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальским и прочих людей». Указ Петра Великого от 12 января 1722 г. «О должности генерал-прокурора» провозгласил: «Надлежит быть при Сенате Генерал-прокурору и Обер-прокурору, а также во всякой Коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-прокурору». Таким образом, должности прокурора при Сенате и Синоде стали основой для формирования прокуратуры как самостоятельного органа с целевой задачей осуществления надзора за исполнением законов и обеспечения правопорядка.

Несмотря на Указ Екатерины I Алексеевны от 8 февраля 1726 г. «Об учреждении Верховного Тайного Совета», Манифест от 2 октября 1730 г. «О назначении при Сенате Генерал-Прокурора <…>» и Указ Анны Иоанновны от 3 сентября 1733 г. «О должности прокурора», в период «дворцовых переворотов» 1725-1740 гг. статус Генерал-прокурора, к сожалению, потерял прежнее положительное влияние на государственность России. Указы Елизаветы Петровны от 12 декабря 1741 г. «О восстановлении власти Сената в правлении внутренних Государственных дел <…>» и Екатерины II от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления Губерний Всероссийския Империи» свидетельствуют о пристальном внимании императриц к возрождению и назревшему реформированию российской прокуратуры, что немало способствовало подъёму Российской империи в середине и во второй половине XVIII века.

Потеряв самостоятельность в 1802 г. при Александре I (Указ от 8 сентября 1802 г. «О правах и обязанностях Сената» и Манифест от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении Министерств»), но оставаясь символом государственности, прокуратура продолжала эффективную надзорную деятельность в рамках министерства юстиции.

Примечательна позиция обер-прокуроров Святейшего Синода по вопросу распространения действия государственного финансового контроля на церковные финансовые отношения в период подготовки бюджетной реформы 1862 г. Так, обер-прокуроры А.П. Толстой и А.П. Ахматов настаивали на финансовой независимости Церкви, обосновывая её особым статусом Церкви в государстве. Г.В Бежанидзе и А.Г. Фирсов подчёркивают, что таким образом была выражена позиция самодержавной власти того периода[1]. Следовательно, обер-прокурор являлся символом государственной власти.

Судебными реформами Александра II прокуратура была перенацелена с общенадзорной деятельности на уголовное преследование и активное участие в суде (Указ от 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах», Указ от 7 марта 1866 г. «Об изменениях и дополнениях законов о правах и обязанностях лиц прокурорского надзора», Указ от 25 мая 1874 г. «Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам»). Это способствовало укреплению прокуратуры как независимого органа, отвечающего за обеспечение правовой защиты интересов государства, общества и поданных империи.

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., по ошибочной мысли новой власти о строительстве народного государства без старых государственных механизмов, в соответствии с Декретом о суде №1 от 22 ноября 1917 г., принятым Советом Народных Комиссаров РСФСР, прокуратура перестала существовать. Выдающийся российский политический деятель В.И. Ленин так высказался об отмене символов российской империи: «Мы расчистили этим [Декретом] дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессии, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей…».

[1] Бежанидзе Г.В., Фирсов А.Г. Обер-прокуроры Святейшего Синода о синодальной системе церковного управления // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. № 1(6). 2021.С.46-47.

Однако уже через четыре года советское государство восстановило прокуратуру как символ государственности, возродив её в составе народного комиссариата юстиции в качестве эффективного инструмента защиты интересов социалистического государства и борьбе с преступностью. В соответствии с Постановлением III сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР IX созыва от 28 мая 1922 г. «О принятии Положения о прокурорском надзоре» и Циркуляром Наркомата Юстиции РСФСР от 10 ноября 1922 г. № 125 «О принятии к руководству Инструкции военным прокурорам и их помощникам», была образована Государственная прокуратура РСФСР, в том числе военная прокуратура, ставшие частью системы органов государственной власти. Прокуроры получили широкие полномочия, что позволило им активно участвовать в уголовных делах и обеспечивать контроль и надзор за соблюдением законов во всех сферах правоотношений и в военном управлении.

В направлении укрепления системы государственной власти и повышения авторитета советской прокуратуры Постановлением ЦИК СССР №84 и СНК СССР №2621 от 17 декабря 1933 г. «О принятии Положения о прокуратуре Союза ССР», российской прокуратуре, через 131 год со времени учреждения в России, в историческом лице СССР была возвращена независимость от органов юстиции. Глубоко символично, что Конституция Советского государства 1936 г. в статье 113 главы 9 «Суд и прокуратура» закрепила за прокуратурой высший надзор за точным исполнением законов всеми министерствами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР. Однако значительно позже, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» были детализированы основы деятельности прокуратуры, заложенные в положениях Конституции СССР 1936 г.

В годы Великой Отечественной войны деятельность органов прокуратуры была подчинена общей величайшей цели – победе советского народа над фашизмом. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», работа органов прокуратуры, как военных, так и территориальных, была перестроена на военный лад. Многие прокуроры и следователи ушли на фронт, в действующую армию или в партизанские отряды. Расширилась сеть военных прокуратур. В действующей армии были созданы военные прокуратуры фронтов, которым подчинялись военные прокуратуры армий и соединений. Главное содержание деятельности органов прокуратуры воплощалось в надзоре за исполнением законов военного времени, направленных на охрану общественного порядка, трудовой и государственной дисциплины, законных интересов военнослужащих и их семей, в охране социалистической собственности от преступных посягательств, в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В тяжёлый военный период Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 года «Об установлении классных чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры», Положением о классных чинах работников органов Прокуратуры СССР, Постановлением Совнаркома СССР от 16 сентября 1943 г. для прокурорско-следственных работников впервые установили новые символы - классные чины и форменную одежду.

Усилившееся Советское государство высоко оценило деятельность прокуратуры за все периоды её участия в строительстве социалистической государственности и восстановило историческую преемственность наименования высшего руководителя прокуратуры, приняв закон СССР от 19 марта 1946 года «О присвоении Прокурору СССР наименования Генерального Прокурора СССР». Установленное наименование вполне перекликалось со званием генерал-прокурора времён Российской империи эпохи Петра I.

На пике развитого государственного социализма Верховный Совет СССР 7 октября 1977 г. принял Конституцию (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, которая выделяет, в первый и пока единственный раз в истории нашего государства, отдельную главу для прокуратуры - «Глава 21 «Прокуратура» со статьями 164-168. Такое построение Основного Закона страны символически подчеркнуло значительную роль и место прокуратуры в поддержании российской государственности. Так, на Генерального прокурора СССР и подчиненных ему прокуроров возлагается высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами. Такая весомая компетенция делает прокуратуру всеобъемлющим органом поддержания законности и правопорядка в стране. В 1979 г. на основании части 2 ст. 168 Конституции СССР 1977 г. был принят Закон СССР «О прокуратуре СССР» от 30.11.1979 № 1162-X. В нём определялись задачи прокуратуры, вся деятельность которой была направлена на укрепление социалистической законности, правопорядка, охрану от всяких посягательств закрепленного Конституцией СССР общественного строя СССР, его экономической и политической систем, социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, провозглашенных и гарантированных Конституцией СССР и советскими законами, прав и законных интересов государственных предприятий, учреждений и организаций, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций. Всей своей деятельностью прокуратура должна была способствовать воспитанию должностных лиц и граждан в духе добросовестного исполнения своих конституционных обязанностей, соблюдения законов и правил социалистического общежития. В целом, в советский период российской истории органы

прокуратуры полностью вернулись к своим истокам – к статусу, учреждённому Петром I, при котором надзорная деятельность возводилась в ранг основной деятельности.

После распада в 1991 г. Советского Союза, правопреемником которого стала Российская Федерация, прокуратура столкнулась с новыми вызовами. Появление большого количества нормативных правовых актов, обрушающих советскую правовую систему и изменяющих векторы развития государственности, политической и экономической ситуации в стране, требовало адаптации прокурорских функций к складывающимся новым разрушительным условиям. Постановлением Верховного Совета РФ от 17 января 1992 г. № 2203-1 «О порядке введения в действие закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» введён в действие Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации». В принятой 12 декабря 1993 г. первой Конституции нового государства - Российской Федерации, преемника СССР, российской прокуратуре была посвящена единственная ст. 129, но в главе 7 под названием «Судебная власть», что весьма символично иллюстрирует противоречия положений Концепции судебной реформы в РСФСР, утвержденной Постановлением Верховного Совета РСФСР 24.10.1991г. № 1801-1 (далее – Концепция).

Вот какое чудовищное извращение характера общего надзора прокуратуры выражено в Концепции: «державное оружие принуждения в условиях отсутствия материальной заинтересованности производителя и неразвитости гражданского общества»[1].

Концепция стала, по сути, основой всей непоследовательной законотворческой деятельности постсоветской России в 90-е годы. В ней российской прокуратуре отводилась только функция уголовного преследования с перераспределением её ненужных функций в пользу судебной власти, а также органов государственной власти РФ и субъектов РФ. Надзорная функция прокуратуры стала предметом дискуссий при разработке проекта Конституции РФ 1993г[2]. Это стало причиной включения краткой ст. 129 о прокуратуре в главу Конституции РФ о судебной власти. Вероятно, с оглядкой на первые советские конституции, прокуратура всё-таки получила своё символическое место в Основном законе страны.

Однако с 2000 г. началось устойчивое развитие суверенной государственности России, и это придало прокуратуре статус одного из основных символов этого политико-правового процесса. Так, изменения, внесенные Федеральным законом от 03.02.2025 № 5-ФЗ в Закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[3], являются 88-м изменением данного закона с момента принятия его в 1992 г. Причем из них 85 изменений закона были приняты с 1999 г. Изменения и дополнения в закон о прокуратуре были приняты в 2022 г. 7 раз, в 2023 г. - 6 раз. Новые редакции закона о прокуратуре, иных нормативных актов, а также указов Президента РФ о расширении полномочий прокуратуры увеличили значение российской прокуратуры в укреплении государственности нашей страны.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 февраля 2015 года № 2-П[4] подтвердил важную роль прокурорского надзора как инструмента «универсальной, постоянной и эффективной защиты конституционно значимых ценностей».

В приветственной телеграмме по случаю Дня работника прокуратуры 12 января 2015 г. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул значимую и ключевую роль прокуратуры в укреплении российской государственности, законности и правопорядка, защите прав и интересов граждан страны в различные периоды истории[5]. 17 марта 2021 г. на итоговой коллегии Генеральной прокуратуры РФ Президент РФ поручил привести нормативную базу субъектов РФ в соответствие с поправками к Конституции РФ, указав, что с помощью прокуратуры РФ в начале 2000-х гг. удалось привести уставы и конституции субъектов РФ в соответствие Конституции РФ[6].

---

[1] Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 59 // Ульянов А.Ю. Историко-правовые предпосылки и основные этапы конституционализации Прокуратуры РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 127.

[2] Ульянов А.Ю. Историко-правовые предпосылки и основные этапы конституционализации Прокуратуры РФ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 127-130.

[3] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497701/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ #dst100009 (Дата обращения: 1.09.2025)

[4] Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «АГОРА», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_137857 (Дата обращения: 1.09.2025)/

[5] «Путин назвал борьбу с экстремизмом одной из главных задач прокуратуры» // «Российская газета» - Федеральный выпуск № 6573 (2) от 12.01.2015. (Дата обращения: 1.09.2025)

[6] https://www.business-gazeta.ru/news/502616 (Дата обращения: 1.09.2025)

О высоком доверии российской прокуратуре свидетельствуют Указы Президента РФ от 20.07.2023 № 544 «Об утверждении Положения о порядке представления кандидатур для назначения на должности судей Суда Евразийского экономического союза от Российской Федерации и внесении инициативы о досрочном прекращении их полномочий»[1] и от 25.04.2024 № 291 «Об утверждении Положения о назначении судей от Российской Федерации в реестр судей Экономического Суда Содружества Независимых Государств и прекращении их полномочий»[2], согласно которым Генеральный прокурор РФ вносит предложения по кандидатурам от Российской Федерации для назначения на должности судей Суда Евразийского экономического союза и включения в реестр судей Экономического Суда Содружества Независимых Государств, издает приказ о создании конкурсной комиссии и об объявлении открытого конкурса по отбору кандидатур, а также о процедуре проведения, критериях выбора победителей открытого конкурса по отбору кандидатур и перечне документов, представляемых для участия в нём.

Отрадно, что в настоящее время прокуратура чутко реагирует на все актуальные потребности общественного развития и государственного строительства, направляя свою правотворческую функцию на превентивную защиту прав граждан и оперативное улучшение общественно-политической обстановки. Так, в 2024 г. прокурорами Саратовской области, Архангельской области, Калининградской области внесены проекты законов о региональном государственном контроле в области технического состояния и эксплуатации аттракционов, о патриотическом воспитании, о полном запрете продажи конфет и жевательных резинок с содержанием никотина[3].

На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2025 г. В.В. Путин подчеркнул, что с 2025 г. прокуратура как орган надзора «перешла на риск-ориентированный подход», призвал устранить препятствующие экономике «административные барьеры» и обеспечить защиту прав потребителей, а также высказал уверенность в присущем «прокурорскому корпусу России» абсолютном понимании своей ответственности, исторического значения поставленных задач и их максимально эффективном выполнении[4].

Таким образом, российская прокуратура, как уникальный общественно-полезный институт государственного строительства, являет собой символ развития российской государственности, немедленно отражающий все её колебания и тенденции, обусловленные сменой государственного строя или парадигмы общественно-политического развития. Прокурорский надзор за исполнением законодательства является гарантией осуществления государственной власти. Отмена прокурорского надзора неизбежно влечёт неисполнение правовых норм, то есть государственных предписаний, волеизъявления государства, а в результате попрания государственной воли государство перестаёт существовать. Поэтому все деструктивные силы, желая ослабить Россию, пытались нейтрализовать прокуратуру как символ суверенной государственности. Однако, несмотря на все исторические штормы нашего Отечества, прокуратура, в первую очередь претерпевающая все их превратности, остаётся незаменимым актуальным институтом государственного контроля, не имеющим аналогов. Современная позиция высших органов власти РФ и современные изменения федерального законодательства, на наш взгляд, способствуют укреплению института прокуратуры в структуре государственной власти как неотъемлемого элемента суверенной государственности России, эффективного рычага президентской власти и символа устоявшихся российских государственных суверенных ценностей. Прокуратура, наряду с традиционными для постсоветской и современной России функциями и направлениями надзора, приобрела функции экспертного, учетного, статистического, контрольно-ревизионного федерального органа исполнительной власти по контролю за внутренней политикой практически во всех сферах общественных отношений. Фактически современная российская прокуратура стала главным дополнительным контролером президентской власти, находящимся под личным контролем Президента РФ. Следовательно, в настоящее время Прокуратура РФ вернула себе назначенный Петром Великим статус «ока государева» и вновь является полновесным символом суверенной российской государственности.

[1]https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452468/6bdb679c3d18fd991fbdb4d17c06783e78016b44/ (Дата обращения: 1.09.2025)

[2]https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475368/4c0c6856c28c5afd0de03830d1c0821ee803f311/ (Дата обращения: 1.09.2025)

[3] Синякова Г. Ю., Гайнов И. Д., Казанцев С. Я. Участие прокурора в подготовке законопроектов, разрабатываемых органами государственной власти // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 81–82.

[4] http://kremlin.ru/events/president/news/76484 (Дата обращения: 1.09.2025)

Азарова Екатерина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Волгоградского государственного университета

Azarova Ekaterina Sergeevna

Candidate of Law, Associate Professor, Docent Volgograd State University

E-mail: aes2404@yandex.ru

Судейское усмотрение как символ «живого права»: от формализма к ценностному правоприменению

Judicial Discretion as a Symbol of «Living Law»: From Formalism to Value-Based Law Application

Аннотация. В статье исследуется феномен судейского усмотрения как ключевого элемента перехода от юридического формализма к ценностно-ориентированной модели правоприменения. Анализируя теоретические основы «живого права» в контексте российской правовой системы, автор выявляет диалектическую взаимосвязь между принципом свободной оценки доказательств и дискреционными полномочиями суда. Статья доказывает, что легитимное и структурированное усмотрение является не угрозой принципу законности, а необходимым условием для достижения подлинной справедливости в условиях усложнения общественных отношений и цифровой трансформации. На основе сравнительного анализа и изучения судебной практики предлагается система критериев, направленная на оптимизацию реализации дискреционных полномочий в уголовном процессе России.

Ключевые слова: судейское усмотрение, живое право, юридический формализм, ценностное правоприменение, свободная оценка доказательств, дискреционные полномочия, принцип справедливости, уголовный процесс

Annotation. The article examines the phenomenon of judicial discretion as a key element of the transition from legal formalism to a value-oriented model of law application. Analyzing the theoretical foundations of «living law» in the context of the Russian legal system, the author reveals the dialectical relationship between the principle of free evaluation of evidence and the discretionary powers of the court. The article proves that legitimate and structured discretion is not a threat to the principle of legality, but a necessary condition for achieving genuine justice in the context of increasingly complex social relations and digital transformation. Based on comparative analysis and the study of judicial practice, a system of criteria and procedural guarantees aimed at optimizing the implementation of discretionary powers in the Russian criminal process is proposed.

Keywords: judicial discretion, living law, legal formalism, value-based law application, free evaluation of evidence, discretionary powers, principle of fairness, criminal process

Для цитирования: Азарова Е.С. Судейское усмотрение как символ «живого права»: от формализма к ценностному правоприменению // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 635–638.

Современная правовая реальность характеризуется нарастающим противоречием между традиционной, статичной моделью правового регулирования, основанной на строгом нормативизме и формализме, и динамично развивающимися общественными отношениями. В этом контексте институт судейского усмотрения перестает быть маргинальным явлением и выдвигается в эпицентр теоретических и практических дискуссий о природе права и правосудия. Он становится символом так называемого «живого права», то есть права, которое не исчерпывается текстом закона, но постоянно воссоздается и адаптируется в процессе его толкования и применения судами.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ судейского усмотрения как механизма трансформации от формалистической парадигмы к ценностному правоприменению в российской правовой системе, в частности, в сфере уголовного судопроизводства. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

Раскрыть теоретико-правовые основы «живого права» и место в нем судейского усмотрения.

Проследить эволюцию от формализма к ценностно-ориентированной модели в российской юридической традиции.

Проанализировать соотношение принципа свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) и дискреционных полномочий суда как взаимодополняющих элементов.

Выявить проблемы и предложить пути формирования системы критериев и гарантий легитимного осуществления судейского усмотрения.

Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления сохраняющихся в правоприменительной практике рисков как чрезмерного формализма, так и ничем не ограниченного судейского произвола, что находит отражение в противоречивой судебной практике и правовых позициях высших судов.

Понятие «живого права», введенное в научный оборот Е. Эрлихом, противопоставляется «праву в книгах» и акцентирует внимание на праве, которое реально существует и функционирует в обществе, формируясь из социальных связей и договоренностей[1]. В этом смысле судейское усмотрение является главным каналом, через которого «живое право» проникает в официальную правовую систему. Оно позволяет наполнять абстрактные правовые нормы конкретным социальным содержанием, учитывать особенности конкретной ситуации, которые законодатель не мог предвидеть в полной мере.

Исторически российская правовая система, относящаяся к романо-германской семье, демонстрировала тяготение к формализму. Эта тенденция была особенно сильна в советский период, когда суд рассматривался как «орган применения закона», а его творческая роль минимизировалась. Однако с принятием Конституции РФ[2] 1993 года и введением в действие новых процессуальных кодексов начался постепенный переход к иной модели. Закрепление принципов состязательности, равноправия сторон, непосредственности, а также таких оценочных категорий, как «справедливость», «разумность», «добросовестность», создало правовую основу для ценностного правоприменения.

Ценностное правоприменение предполагает, что суд при принятии решения руководствуется не только буквой закона, но и его духом, основными принципами права, общеправовыми аксиомами и началами[3]. В этом контексте судейское усмотрение – это не право на произвол, а ответственность за нахождение баланса между формальной определенностью закона и требованиями справедливости в конкретном деле. Как верно отмечал Г. Кельзен, акт применения права всегда в определенной степени является и индивидуальным правотворческим актом[4].

Таким образом, эволюция от формализма к «живому праву» представляет собой сдвиг от взгляда на судью как на «уста, произносящие слова закона» (Ш. Монтескье) к пониманию его как активного участника в процессе реализации права, наделенного дискреционными полномочиями для достижения материальной, а не только формальной правды.

Одним из наиболее ярких проявлений «живого права» в уголовном процессе является взаимодействие принципа свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ) и дискреционных полномочий суда. Эти две категории, хотя и тесно взаимосвязаны, выполняют различные функции и относятся к разным стадиям интеллектуально-волевой деятельности суда[5].

Принцип свободной оценки доказательств относится, прежде всего, к гносеологической (познавательной) сфере. Он представляет собой методологическую основу для установления фактических обстоятельств дела[6]. Судья, оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, основываясь на их совокупности, руководствуясь законом и совестью, отвечает на вопрос: «Что произошло в действительности?». Эта деятельность направлена на реконструкцию объективной реальности, на поиск истины.

Дискреционные полномочия суда – это прерогатива, относящаяся к волевой сфере. Они вступают в действие после того, как факты установлены (или считаются установленными). Дискреция отвечает на вопрос: «Какое решение следует принять на основе установленных фактов в рамках, предоставленных законом?». Эта деятельность предполагает выбор из нескольких законных альтернатив, взвешивание ценностей, соображений целесообразности, справедливости и гуманизма.

Например, установив факт совершения преступления обвиняемым (свободная оценка доказательств), суд решает, какой вид и размер наказания назначить, учитывая личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства (дискреция). Аналогично, установив наличие оснований для избрания меры пресечения, суд решает, является ли она необходимой и соразмерной (дискреция)[7].

---

[1] Эрлих О. Основы социологии права. – М.: Издательский дом «СТАТУТ», – 2011. – С. 47.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).

[3] Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. – М.: РГУП, 2016. – С. 112.

[4] Kelsen H. Pure Theory of Law. – Berkeley: University of California Press, 1967. – P. 153.

[5] Петуховский А.А. Судебное усмотрение в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 115–127.

[6] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2018. – С. 89.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

Таким образом, внутреннее убеждение, сформированное в результате свободной оценки доказательств, служит фактическим фундаментом для последующего осуществления дискреционных полномочий. Попытка подменить недостаток доказательств ссылкой на усмотрение является грубейшим нарушением как принципа оценки доказательств, так и пределов дискреции. В этом заключается их диалектическое единство и взаимное ограничение: усмотрение без прочной доказательственной основы превращается в произвол, а оценка доказательств, не ведущая к обоснованному решению, теряет свой смысл.

В уголовном судопроизводстве ценностный аспект правоприменения проявляется особенно остро. Судейское усмотрение выступает ключевым инструментом для реализации целого ряда конституционных и общеправовых ценностей. Являясь этической и правовой категорией, справедливость часто требует отступления от формального равенства в пользу равенства фактического. Классический пример – назначение наказания[1]. Суд, используя дискреционные полномочия, предоставленные ст. 60 УК РФ, может назначить наказание ниже низшего предела или применять более мягкий вид наказания, если это диктуется целями исправления и социальной справедливости, с учетом конкретных обстоятельств дела и личности виновного. Формалистский подход, игнорирующий эти обстоятельства, привел бы к несправедливому и неэффективному результату.

Уголовный закон оперирует типизированными составами преступлений, однако каждое преступление уникально. Судейское усмотрение позволяет адаптировать общую норму к индивидуальному случаю. Это проявляется при избрании меры пресечения (ст. 108 УПК РФ), где суд должен оценить не только формальные основания, но и реальную необходимость применения строгой меры [10], или при оценке допустимости доказательств, полученных с нарушениями (ч. 3 ст. 7 УПК РФ), где суд взвешивает ценность доказательства против тяжести нарушения прав личности.

Принцип гуманизма находит прямое выражение через дискреционные полномочия суда, например, при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ) или при применении института досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). Суд, оценивая характер и степень сотрудничества обвиняемого, осуществляет ценностный выбор, поощряя позитивное посткриминальное поведение.

Однако реализация этих ценностей сталкивается с серьезными проблемами. Анализ практики судов г. Москвы и Волгограда, проведенный в ходе данного исследования, выявил существенные расхождения в подходах к определению размера снижения наказания по делам о досудебном соглашении. Если московские суды в среднем применяют снижение на 45-50%, то волгоградские – лишь на 30-35%. Это свидетельствует об отсутствии единых ценностных ориентиров и критериев, что подрывает принцип равенства всех перед законом и судом[2].

Основная опасность, связанная с судейским усмотрением, – это риск его перерождения в судейский произвол. Для минимизации этого риска необходимо не ограничение самого института, а развитие модели структурированного усмотрения, которая сочетает свободу судьи в оценке обстоятельств дела с четкими рамками и критериями [5, с. 124].

Целесообразно ввести в УПК РФ новую статью 17.1 «Судебное усмотрение», которая бы закрепила: понятие судебного усмотрения, его основные принципы (законность, справедливость, соразмерность, мотивированность), сферы применения, общие критерии правомерности его осуществления.

Верховному Суду РФ следует активизировать работу по формированию единообразной практики через принятие постановлений Пленума и обзоров судебной практики, конкретизирующих критерии усмотрения по отдельным категориям дел (например, по избранию меры пресечения[3], оценке допустимости доказательств, назначению наказания). Необходимо требовать от судов не просто перечисления обстоятельств, но и демонстрации логической связи между установленными фактами, примененными критериями и принятым решением. Мотивировка должна быть «прозрачной» и позволять проверить, не был ли выход за пределы предоставленных полномочий.

Для сложных случаев, таких как оценка сотрудничества обвиняемого, можно разработать примерные алгоритмы или системы критериев (объективных – характер помощи, ее значимость; и субъективных – добровольность, своевременность), которые, не связывая судью жестко, служили бы надежным ориентиром. Состязательное начало должно проявляться в возможности сторон активно участвовать в формировании предмета для судейского усмотрения, представляя свои доводы относительно пределов и оснований для принятия того или иного дискреционного решения.

Судейское усмотрение, вопреки устоявшимся стереотипам, не является атавизмом или угрозой законности. Напротив, в современном сложноорганизованном обществе оно представляет собой неотъем-

[1] Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. – М.: РГУП, 2016. – С. 98.
[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 5.
[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

лемый элемент «живого права», необходимый механизм перехода от юридического формализма к гибкому и справедливому ценностному правоприменению.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Судейское усмотрение является диалектическим развитием принципа законности, позволяющим наполнять абстрактные нормы конкретным социальным и этическим содержанием.

В уголовном процессе оно находится в тесной взаимосвязи с принципом свободной оценки доказательств, выполняя иную функцию: если оценка доказательств – это установление фактов, то усмотрение – это принятие ценностного решения на основе установленных фактов.

Легитимность судейского усмотрения напрямую зависит от его структурированности. Ключом к решению проблем является не сворачивание дискреционных полномочий, а создание эффективной системы гарантий, включающей законодательное закрепление критериев, развитие прецедентного права, повышение стандартов мотивировки и усиление состязательных начал.

Таким образом, будущее правоприменения видится не в возврате к формализму, а в построении сбалансированной модели, в которой судейское усмотрение, будучи ограниченным законом, принципами и процедурами, служит главным инструментом достижения подлинной, а не формальной справедливости, делая право по-настоящему «живым» и отвечающим вызовам времени.

Аникин Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Anikin Alexander Sergeevich

Candidate of Juridical Sciences, docent of the Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law, National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: aas@list.ru

О юридической роли знаков и символов в гражданско-правовом регулировании обязательств

The legal meaning of signs and symbols in the civil law regulation of obligations

Аннотация. В статье дается обзор примеров использования знаков и символов как юридических средств при регулировании гражданско-правовых обязательств. Выделены функции символов и знаков относительно установления, динамики, и прекращения обязательств, показано их юридическое значение и последствия отклонения от предписанного порядка использования таких символов и знаков.

Ключевые слова: обязательство, правовые средства, ценные бумаги, знак, символ, отметка, примерные условия договора

Annotation. The article provides an overview of cases of the use of signs and symbols as legal means in the law of obligations. The author establishes the functions of symbols and signs that provide for the establishment, movement and termination of obligations. The legal meaning of signs and symbols are shown. The consequences of deviation from the prescribed order of use of such symbols and signs are also analyzed.

Keywords: obligation, legal means, securities, sign, symbol, mark, approximate terms of the contract

Для цитирования: Аникин А.С. О юридической роли знаков и символов в гражданско-правовом регулировании обязательств // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 639–643.

В обязательственном праве знаки и символы, хоть и не часто, но используются в качестве приема юридической техники, имеют регулятивное значение. Применение символов и знаков в правовом регулировании обязательственных отношений, как представляется, «способствует экономии сил, упрощая и типизируя юридически значимое поведение»[1]. Как справедливо отмечает О.И. Шарно, «правовой символ есть наглядное средство формализации правовой информации, используемое с целью экономии правового воздействия, снижения текстового перегруза, демонстрации правового значения в ракурсе правовой коммуникации…»[2], что актуально для целей гражданско-правового регулирования.

Термины «знак», «символ», «отметка», «пометка» известны гражданскому законодательству, активно используются применительно для целей урегулирования обязательств различных видов.

Знаки и символы в обязательственном праве можно сгруппировать по их функциональному назначению для регулирования установления, движения и прекращения обязательственных правоотношений, а также определения их содержания. Рассмотрим их ниже, а также определим юридические последствия несоблюдения порядка использования таких знаков и символов.

[1] Никитин А.В. Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники / Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород: [б. и.], 2000. С. 443.

[2] Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 / Шарно Оксана Игоревна ; [Волгогр. гос. ун-т ; Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.]. - Саратов, 2014. С. 6.

Знаки и символы, использование которых необходимо для установления обязательств. Очевидно, что самым распространенным примером символа, необходимого для самого установления (и существования) обязательств, является подпись стороны обязательства. В случаях обличения сделки в письменную форму, т.е. в большинстве случаев, закон требует подписания документа стороной, используя обычную подпись на документе, либо электронную, либо аналоги при использовании обмена сообщениями (ст. 160, ст. 434 ГК РФ и др.). Отсутствие подписи или ее аналога при письменном оформлении сделки существенно затрудняет доказывание факта ее совершения, либо приводит к недействительности сделки (ст. 162 ГК РФ).

Также примером применения символов и знаков, прямо влияющих на установления обязательств, являются реквизиты ценной бумаги. При отсутствии в документе обязательных реквизитов документарной ценной бумаги, несоответствии его установленной форме и другим требованиям документ не является ценной бумагой (ст. 143.1 ГК РФ), т.е. не способен породить обязательство именно из ценной бумаги.

Печать лица (юридического), можно отнести к разновидности юридического знака или символа, однако ее использование влияет на установление обязательства в случаях, прямо предусмотренных законом (как обязательный реквизит ценной бумаги, к примеру)[1], или необходимость использования печати для оформления сделок предписана в нормативном акте или соглашении сторон (абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ).

В случае с нотариальным удостоверением сделок в силу требования закона или соглашения (п. 2 ст. 163 ГК РФ) сторон, на документе проставляется печать нотариуса (ст.163 ГК). Отсутствие нотариального удостоверения сделки влечет ее недействительность (ст. 15 ГК РФ).

Аваль на векселе[2] или аваль на чеке (ст. 881 ГК РФ) вполне можно отнести в данную группу знаков и символов, поскольку он подтверждает наличие требования к поручителю (авалисту) как для действующего векселедержателя (чекодержателя), так и для всех будущих векселедержателей (чекодержателей).

Акцепт по векселю[3] также является актом установления обязательства плательщика (трассата) произвести платеж по векселю, создает обязательство между трассатом и ремитетном

Знаки и символы, подтверждающие полномочия стороны обязательства в отношениях с третьими лицами. Гражданское законодательство при доверительном управлении имуществом устанавливает обязанность использования в рамках отношений доверительного управляющего с третьими лицами пометки «Д.У.» в документах (п. 3 ст. 1012 ГК РФ). Использование данного символа информирует участников гражданского оборота о том, что лицо действует от своего имени, но как доверительный управляющий. Неиспользование такой пометки в документах исключает для лица возможность применения статуса доверительного управляющего (перед третьим лицом он обязывается лично, отвечает своим имуществом). Аналогичные положения находим применительно к доверительному управлению паевым инвестиционным фондом (п. 4 ст. 11 Федерального закона от 29.11.2001 N 156-ФЗ "Об инвестиционных фондах").

Знаки и символы, идентифицирующие конкретный гражданско-правовой договор между конкретными субъектами. Законодательству известно использования знаковых обозначений заключенных договоров, в целях их идентификации в совокупности аналогичных договоров, в случаях, когда это предписано требованиями нормативно-правового акта. При этом законодатель использует понятие «символ». Так, полис обязательного медицинского страхования представляет собой уникальную последовательность символов в машиночитаемом виде, которая присваивается сведениям о застрахованном лице в едином регистре застрахованных лиц при ведении персонифицированного учета сведений о застрахованных лицах[4]. Такой порядок обусловлен прежде всего необходимостью учета договоров в системе государственного реестра, поэтому отклонение от порядка (например, ошибка в нумерации полиса) не могут свидетельствовать о незаключенности или недействительности такого договора, юридические последствия будут связаны прежде всего с применением мер публично-правовой ответственности, а так же гражданско-правовой ответственности перед застрахованным лицом в форме возмещения страховой

[1] Так, на обоих частях двойного складского свидетельства должна быть проставлена печать (ст. 913 ГК РФ).

[2] Надпись «считать за аваль» или по смыслу аналогичная с подписью авалиста, или подпись авалиста на лицевой стороне векселя, считаются авалем (п. 30, 31 Положения о простом и переводном векселе (утв. Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 07.08.1937 N 104/1341 // Собрание законов и распоряжений РКП СССР. – 1937. – N 52. – Ст. 221).

[3] Акцепт подтверждается словом "акцептован" или всяким другим равнозначащим словом; он подписывается плательщиком. Простая подпись плательщика, сделанная на лицевой стороне векселя, имеет силу акцепта (п. 25 Положения о простом и переводном векселе).

[4] ч. 1 ст. 45 Федерального закона от 29.11.2010 N 326-ФЗ "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" // СЗ РФ. – 2010. – N 49. – Ст. 6422.

медицинской организацией ущерба, причиненного ненадлежащим исполнением обязанности по организации и оказанию медицинской помощи[1].

Знаки и символы, подтверждающие существование обязательства для сторон обязательства и третьих лиц. Законом установлено использование в обязательственных отношениях знаков, которые могут *подтверждать наличие требования по обязательству*, т.е. предъявляя должнику такой знак, кредитор получает исполнение по обязательству. Таковыми являются: номерной жетон, иной знак, удостоверяющий принятие вещи на хранение (п. 2 ст. 887 ГК РФ); знак или документ, удостоверяющие право клиента на доступ к сейфу и его содержимому при хранении ценностей в банковском сейфе (ст. 922 ГК РФ); лотерейный билет или квитанция[2]; билет в кино[3]; проездные билеты[4]. Использование знаков и символов в этом случае непосредственно влияет на исполнение обязательств, отсутствие у лица документа или предмета (знака) позволяет должнику воздержаться от исполнения обязательства.

Также знаки *используются как подтверждение существования обязательства* не столько для сторон, сколько *для третьих лиц*. Именно такую функцию выполняют знаки и печати при залоге[5], при этом обеспечивается интерес залогодержателя в сохранении предмета залога во владении залогодателя (третьи лица уведомляются об обременении вещи, и в случае совершения отчуждения или иной сделки с вещью, не смогут считаться добросовестно не знавшими об обременении вещи).

Знаки и символы, подтверждающие правопреемство в обязательстве. Использование знаков и символов для опосредования правопреемства в обязательствах предусмотрено институтом документарных ценных бумаг. Отметки на ордерных и именных документарных ценных бумагах – индоссамент и иные отметки уполномоченных лиц, что подтверждает переход права по ценной бумаге и делает его действительным (состоявшимся) (ст. 146 ГК РФ).

Знаки и символы, подтверждающие произведенное исполнение по обязательству. К таковым возможно отнести государственные знаки почтовой оплаты - почтовые марки и иные знаки, наносимые на почтовые отправления и подтверждающие оплату услуг почтовой связи (ст. 2 Федеральный закон от 17.07.1999 N 176-ФЗ "О почтовой связи"). Гражданско-правовое отсутствия такого знака заключается в квалификации неоплаты по обязательству почтовых оказания услуг, за использование поддельных знаков устанавливается публично-правовая административная ответственность[6].

В качестве знака, квалифицирующего факт исполнения обязательства, может рассматриваться печать организации на актах и документах, однако не сама по себе, а при наличии подписи уполномоченного лица. Так, печать или штамп на товарной накладной без подписи уполномоченного лица не принимается как доказательство факта поставки товара по такой накладной[7].

Отметка на лицевой стороне векселя о частичном платеже также следует отнести к данной группе знаков и символов[8].

Символы и знаки данной группы имеют доказательственное значение, они подтверждают факт исполнения обязательства.

---

[1] п. 9 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 29.11.2010 N 326-ФЗ "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации".

[2] Лотерейная комбинация - предусмотренная условиями лотереи совокупность надписей, рисунков, символов или чисел, нанесенных (внесенных) на лотерейный билет, лотерейную квитанцию и электронный лотерейный билет (п. 17 ст.2 Федерального закона от 11.11.2003 N 138-ФЗ "О лотереях" // СЗ РФ. – 2003. – N 46 (ч. 1). – Ст. 4434.

[3] Серия и номер билета или уникальный номер билета (для электронного билета или для билета, выдаваемого с использованием контрольно-кассовой техники), иная информация (указываются сведения (реквизиты), предусмотренные законодательством Российской Федерации о применении контрольно-кассовой техники (Приказ Министерства культуры РФ от 1 июня 2021 г. N 740 “Об утверждении формы билета как бланка строгой отчетности, который используется при проведении показа фильма в кинозале” // Официальный интернет-портал правовой информации. – Москва, 22.10.2021. – URL:, http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202110220020 (дата обращения 13.09.2025).

[4] См. требования к реквизитам проездных документов, например: Постановление Правительства РФ от 01.10.2020 N 1586 "Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом" // СЗ РФ. – 2020. – N 41. – Ст. 6428.; Правила перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом, утв. приказом Минтранса России от 05.09.2022 №352 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Москва, 27.10.2022. – URL:, http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210270033 (дата обращения 13.09.2025). и др.

[5] Предмет залога оставляется у залогодателя с наложением знаков, свидетельствующих о залоге (твердый залог), или под замком и печатью залогодержателя (п. 2 ст. 338 ГК РФ). Залог товаров обороте допускает проставление на таких товарах знаков и печатей залогодержателя, в случае нарушения залогодателем условий залога (п. 4 ст. 357 ГК РФ).

[6] Статья 13.10 КоАП РФ предусматривает ответственность за изготовление в целях сбыта либо сбыт заведомо поддельных государственных знаков почтовой оплаты, международных ответных купонов, использование заведомо поддельных клише франкировальных машин, почтовых штемпелей или иных именных вещей.

[7] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.01.2018 № Ф09-7402/17 по делу № А60-9508/2017 // Использовано по СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.08.2017 №Ф050-11309/2017 по делу № А40-118236/2016// Использовано по СПС «КонсультантПлюс».

[8] П. 39 Положения о простом и переводном векселе.

Знаки и символы, подтверждающие отказ от исполнения обязательства или факт неисполнения обязательства. Отказ от исполнения обязательства формулируется стороной и направляется другой стороне, как правило, без применения каких-либо символов или знаков, если только сами стороны не решили применять в этом случаи определенные отметки, знаки, символы (ст. 310, ст. 450.1 ГК РФ). Законодательство предусматривает применение символов и знаков для подтверждения отказа от исполнения обязательства и факта неисполнения – это институт исполнительной надписи нотариуса[1], применяемый для различных гражданско-правовых обязательств, и имеющий силу исполнительного документа.

Акт нотариуса в протесте в неакцепте или в неплатеже по векселю[2], как видится, не относится к сфере использования правовых символов, и представляет собой отдельный документ с установленными требованиями к его содержанию.

Символы и знаки, обозначающие условия обязательств сторон. В целях стандартизации договорных моделей в некоторых сферах гражданского оборота применяются разработанные некоммерческими организациями, национального или международного уровня, и опубликованные документы, квалифицируемые как примерные условия договора или «стандартная документация» (ст. 427 ГК РФ)[3]. При этом удобным стало использование юридической техники «символизации» таких договорных моделей. Так, в международной торговле широкое распространение приобрели правила Международной торговой палаты Инкотермс (современная редакция – 2020)[4], содержащие базовые условия поставок, разделенные на четыре группы, и определенным образом распределяющие обязанности между сторонами внешнеторговой сделки. При заключении договора стороны используют аббревиатуры, например EXW, CIF, DAP, которые и символизируют определенный набор условий их обязательств.

В сфере оборота прав на объекты авторских и смежных прав в качестве открытых лицензий (ст. 1286.1 ГК РФ) используются модели лицензий, разработанные общественными организациями, также использующие прием «символизации» через определенные аббревиатуры, иные обозначения, в том числе изобразительные. Например, лицензии Open Source Initiative содержат типы лицензий CDDL-1.1, MIT-CMU, OLDAP-2.8 и др.[5], лицензии Creative Commons[6] используют аббревиатуры «CC BY-SA», «CC BY-NC-SA» и др., комбинирующие условия об обязанности лицензиата указывать автора, наличия или отсутствия права на адаптацию, на коммерческое использование объекта лицензии и т.п.

Система «символизации» удобна для выбора договорной модели с минимальными усилиями по согласованию отдельных условий договора, поскольку «позволяет существенно упростить процесс заключения договора и тем самым сократить транзакционные издержки, связанные с заключением и согласованием договорных условий»[7].

Таким образом, использование символов, обозначающих модельные конструкции договорных условий, рассматриваются судами как согласованные сторонами условия договора (ст. 427 ГК РФ).

Использование символов и знаков как способа надлежащего информирования об условиях исполнения обязательств (о предмете, о сроках, о качестве товара и др.). Данная группа знаков также свидетельствует об определении условий соглашения сторон, но своеобразна тем, что используется в обязательном порядке как публично-правовое предписание, имеет цель надлежащего информирования стороны в публичном договоре (ст. 426 ГК), как до его заключения, так и при заключении, и в процессе исполнения, и является средством обеспечения защиты прав потребителя. Так, для составления расписания воздушных перевозок, т.е. надлежащем информировании об услугах перевозки, установлены требования к содержанию описания сообщений официальной информации аэропорта через использования специальных символов (например, «ВСЕВС» - ограничения действуют для всех принимаемых аэропортом типов ВС, «ШУМНТ» - ограничения по шуму и др.)[8]. Статья 2 Федерального закона

---

[1] Глава XVI Основ законодательства Российской Федерации о нотариате" (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) // Российская газета. – 1993. – N 49.

[2] Протест векселя представляет собой нотариальное действие (п. 14 ст. 35 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате).

[3] Стороны могут предусмотреть применение таких примерных условий (стандартной документации) к их отношениям по договору как в полном объеме, так и частично, в том числе по своему усмотрению изменить положения стандартной документации или договориться о неприменении отдельных ее положений (п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 "О свободе договора и ее пределах" // Вестник ВАС РФ. – 2014. – N 5).

[4] См.: Incoterms 2020. Правила ICC по использованию национальных и международных торговых терминов. Публикация ICC № 723 / Пер. с англ. Н.Г. Вилковой. М.: ICC Russia, 2020. – 400 с.

[5] См.: официальный сайт Open Source Initiative (OSI). URL: https://opensource.org/license (дата обращения 05.09.2025).

[6] См.: официальный сайт Creative Commons (CC). URL: https://creativecommons.org/share-your-work/cclicenses/ (дата обращения 12.09.2025).

[7] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Российской Федерации (отв. Ред. А.Г. Карапетов). – М.: М-Логос, 2017. С. 868.

[8] Приказ Минтранса России от 12.12.2011 N 310 "Об утверждении Порядка формирования, утверждения и опубликования расписания регулярных воздушных перевозок пассажиров и (или) грузов, выполняемых перевозчиками, имеющими соответствующие лицензии" // Российская газета. – 2012. – N 64.

от 28.12.2009 N 381-ФЗ "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации"[1] содержит понятия средств идентификации товара (код маркировки), состоящего из кодов идентификации и проверки, включающих определенные символы. Статья 22 Федерального закона от 27.12.2002 N 184-ФЗ "О техническом регулировании" устанавливает использования знака соответствия системы добровольной сертификации, который нужен для информирования приобретателей, в том числе потребителей, о соответствии объекта сертификации требованиям системы добровольной сертификации. Отклонения от использования предписанной символики в упомянутых примерах может создавать гражданско-правовые последствия – ответственность за нарушение прав потребителей на информацию, компенсация морального вреда, требования отказа от договора и др., так и публично-правовые – административная ответственность (например, административные штрафы за Производство, ввод в оборот или продажа товаров и продукции, в отношении которых установлены требования по маркировке и (или) нанесению информации, без соответствующей маркировки и (или) информации, а также с нарушением установленного порядка нанесения такой маркировки и (или) информации – ст. 15.12 КоАП РФ).

Таким образом, использование символов и знаков при регулировании решает, в определенных случаях, следующие задачи: 1) обуславливает установление обязательств; 2) подтверждает полномочия стороны обязательства в отношениях с третьими лицами; 3) идентифицирует конкретный гражданско-правовой и его стороны; 4) подтверждает существование обязательства для сторон обязательства и третьих лиц; 5) подтверждает правопреемство в обязательстве; 6) подтверждает отказ от исполнения обязательства или факт неисполнения обязательства; 7) обозначает систему условий обязательств сторон (модель договора); 8) является способом надлежащего информирования об условиях исполнения обязательств.

При этом символы и знаки в зависимости от ситуации выступают как правоустановительные средства; как правоподтверждающие (имеющие доказательственное значение) средства; как информирующие средства. Использование знаков и символов может быть рекомендовано либо предписано как юридическая обязанность. Юридическими последствиями отклонения от необходимости использования знаков и символов являются: недействительность или незаключенность договора; заключенность договора на иных, нежели предполагаемых, условиях или установления обязательства между другими, нежели предполагаемыми, лицами; возможность для должника приостановить исполнение или отказаться от исполнения обязательства; сложность с доказыванием факта исполнения обязательства; применение мер гражданско-правовой ответственности и др. В случае, когда использование знаков и символов предписано как публично-правовая обязанность, отклонение от порядка их использования повлечет применение административной ответственности.

[1] СЗ РФ. – 2010. – N 1. – Ст. 2.

Балалаева Марина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС

Balalaeva Marina Viktorovna

Candidate of Sciences (law), Associate Professor, Associate Professor of the De-partment of Legal Support of National Security of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA

E-mail: marina.balalaeva.73@mail.ru

Символ в праве: уголовно-правовой и криминалистический аспекты

Symbol in Law: Criminal Law and Criminalistics Aspects

Аннотация. Автором анализируется уголовно-правовой и криминалистический аспекты символа в праве. Особое внимание уделяется анализу использования правовых символов в уголовном праве в качестве признаков состава преступления, таких как предмет и средство совершения преступления. Подчеркивается неоднозначность законодательного подхода в части определения уголовно-правовых признаков символа, а именно, использование законодателем общеупотребительных терминов, имеющих социальное содержание и социальный смысл, и не определяющих их уголовно-правовые признаки, что, приводит к ошибкам в квалификации преступных деяний. Обосновывается необходимость научного и законодательного переосмысления правовых символов в уголовном законодательстве, и их детализации в нормах уголовного законодательства.

Ключевые слова: символ в праве, уголовно-правовые символы, уголовно-правовые признаки символа в праве, символ воинской славы России, объект уголовно-правовой охраны

Annotation. The author analyzes the criminal law and criminalistic aspects of the symbol in law. Special attention is paid to the analysis of the use of legal symbols in criminal law as elements of a crime, such as the object and means of committing a crime. The ambiguity of the legislative approach regarding the definition of the criminal law features of the symbol is emphasized, namely, the use by the legislator of commonly used terms with social content and social meaning, and not defining their criminal law features, which leads to errors in the qualification of criminal acts. The necessity of scientific and legislative rethinking of legal symbols in criminal legislation and their detailing in the norms of criminal legislation is substantiated.

Keywords: a symbol in law, criminal law symbols, criminal law signs of a symbol in law, a symbol of military glory of Russia, an object of criminal law protection

Для цитирования: Балалаева М.В. Символ в праве: уголовно-правовой и криминалистический аспекты // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 644–646.

В эпоху цифровизации общества символ является тем средством, который позволяет представить необходимую информацию в более доступной и сжатой форме, а, значит, и сэкономить время на ее получение и исследование. При этом особое значение символ приобретает как средство регулирования общественных отношений, в том числе правовых.

Символ в праве имеет несколько функций и направлений реализации. Во-первых, правовые символы позволяют передать юридически значимую информацию, что является весьма важным в сфере правотворчества и правоприменения. Во-вторых, они придают правовым нормам соответствующую форму, что способствует их однозначному толкованию.

Правовые символы используются практически во всех отраслях права. Однако, отраслевое использование правовых символов имеет определенную специфику. Так, в конституционном праве символы права в большей степени направлены на идентификацию государственно-правовых отношений, а в гражданском на идентификацию товаров и их отграничение.

Использование правовых символов в уголовном праве отличается многообразием форм их выражения. Так, например, символ может служить одним из средств законодательной техники, а, может быть предметом и средством совершения преступления. Однако, несмотря на достаточно широкий спектр их

использования в научной доктрине существуют различные подходы как к самому понятию «символ в уголовном праве», так и к его форме выражения и, соответственно функциям. Кроме того, нельзя забывать и о криминалистической составляющей данного понятия, так как расследование любого преступления предполагает установление всех признаков состава преступления, включая и те, выражением которых являются сами символы. Символ в уголовно-правовом и криминалистическом смысле может выступать как средство и как предмет преступления.

Особо следует подчеркнуть, что необходимость в анализе правовых символов в уголовном праве возникает тогда, когда возникает необходимость либо в их уголовно-правовой охране, то есть, тогда, когда они выступают как предмет преступления, либо, когда они выступают средством совершения преступления. Но, и в том, и другом случае, они должны иметь четко обозначенные законодательные границы, определяемые посредством установления их уголовно-правовых признаков.

Отдельными авторами обращается особое внимание на особенности законодательного закрепления правовых символов в уголовном праве. О.Е. Спиридонова в своем исследовании на примере государственных наград обращает внимание на неоднозначный подход законодателя к регулированию уголовно-правовых отношений в исследуемом аспекте, выражающийся, прежде всего, в различном толковании и понимании вида государственной награды, которой суд может лишить лицо, совершившее преступление в рамках назначения наказания, предусмотренного статьей 48 УК РФ[1]. В данном случае государственная награда рассматривается как ключевой компонент назначаемого уголовного наказания. Н.С. Гончарова предлагает рассматривать культурные ценности как символы истории, и именно в таком качестве рассматривать их в качестве предмета ряда преступлений в сфере обеспечения сохранности культурных ценностей[2]. Кроме того, правовой символ может и не закрепляться напрямую в уголовно-правовых нормах, а подразумеваться, как один из элементов, отражающих предмет преступления (например, форменная одежда сотрудника полиции в случае посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа). Н.С. Гончарова в своем исследовании особо подчеркивает роль и значение форменной одежды сотрудника правоохранительных органов как символа власти, посягательство на который должно влечь за собой административную ответственность[3], то есть в данном случае форменная одежда рассматривается как предмет административного правонарушения. В то же время форменная одежда как символ власти может выступать и средством совершения некоторых преступлений.

С введением в 2014 году уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за реабилитацию нацизма[4] уголовное законодательство пополнилось еще одним символом, а именно символом воинской славы. Однако, в уголовно-правовой доктрине до настоящего времени не сложилось однозначного понимания, что включает в себя данное понятие ввиду широкого толкования уголовно-правовой нормы. В этой связи мы абсолютно согласны с мнением К.В. Шевелевой, полагающей, что отсутствие в российском законодательстве как признаков и правовой природы символов воинской славы, так и утвержденного перечня символов воинской славы Российской Федерации существенным образом затрудняет процесс квалификации преступных деяний и порождает проблемы в правоприменительной практике[5]. Однако, несмотря на неоднозначность данного понятия, в данной уголовно-правовой норме законодатель установил специальный правовой статус символов воинской славы как предмета преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354.1 УК РФ.

Нередко в правоприменительной практике обвиняемыми и осужденными по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ оспаривается как наличие умысла на осквернение символа воинской славы, так и принадлежность того или иного монумента к символам воинской славы. Так, приговором Верховного Суда Чувашской Республики от 18 августа 2021 года гражданин Н. был осужден по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ. Судом установлено, что, взяв с собой сосиски, Н. направился к монументу в честь воинов - чебоксарцев, погибших в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов. Осуществляя видеосъемку своих действий на камеру мобильного телефона, с целью публичного осквернения символа воинской славы гражданин Н. насадил сосиски на прутья и под музыкальное произведение с грубой нецензурной бранью стал обжаривать их на пламени Вечного огня указанного монумента, комментируя свои действия, после чего разместил данную видеосъемку для публичного просмотра в интернете в личном профиле <...> сети Инстаграм, имеющем более 16 000 подписчиков, в результате его преступные действия стали известны широкому кругу лиц. Сам гражданин Н., не оспаривая фактические обстоятельства обвинения, пояснил, что сам снял указан-

[1] Спиридонова О.Е. О технике законодательного закрепления символов в уголовном праве России (на примере государственных наград) //Юридическая техника. 2012. № 6. С. 497-502.

[2] Гончарова Н.С. Символ – предмет преступления (на примере культурных ценностей) //Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3. С. 356-361.

[3] Гончарова Н.С. Форменная одежда представителя власти как символ – предмет преступления и как символ – средство совершения преступления ////Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2. С. 269-277.

[4] Федеральный закон от 05.05.2014 N 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» //Российская газета, N 101, 07.05.2014.

[5] Шевелева К.В. Символ воинской славы как предмет преступлений //Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 138-145.

ную видеозапись и выложил в интернет для просмотра, но при этом отрицал наличие умысла на осквернение монумента[1].

В некоторых случаях в процессе расследования для установления умысла виновного на совершение преступления, посягающего на осквернение символа воинской славы следователи назначают историко-лингвистическое исследование, которое направлено на идентификацию действий виновных по отношению к монументу как символу воинской славы России. Также в рамках судебного разбирательства возникает необходимость в установлении факта осведомленности виновным духовного значения символа воинской славы. Так, приговором Верховного Суда Республики Марий Эл от 28 сентября 2023 г. гражданин Д. был осужден по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ. Судом установлено, что 14 марта 2023 года в период с 16 часов 02 минут до 16 часов 08 минут, Д. вставал на монумент, являющегося символом воинской славы России, посвященного погибшим в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, курил на нем, после чего бросил окурок сигареты в факел, находящийся в центре пятиконечной звезды, расположенной в центре указанного монумента, что видели посетители парка. Сторона защиты настаивала на том, что гражданин Д. не имел представления о значимости данного символа воинской славы, и, соответственно, не имел намерения его осквернить. В данном случае также возникла необходимость в назначении и производстве историко-лингвистической экспертизы, которая установила, что монумент воинской славы в г. Йошкар-Ола имеет статус символа воинской славы России. В отношении данного воинского символа славы кинесическими действиями Д. в виде вставания на постамент, пятиконечную звезду, курения на ней и выкидывания в факел окурка сигареты, совершено осквернение[2].

Законодательная неопределенность в части категориального аппарата относительно символов в уголовном праве приводит также не только к необходимости в процессе расследования и судебного разбирательства установления их дополнительных признаков посредством назначения судебных и криминалистических экспертиз, но и к проблемам квалификации преступных деяний. Так, в вышеприведенном примере, первоначальная квалификация преступных действий гражданина Н. была осуществлена по ст. 214 УК РФ, где в качестве предмета преступления выступал не символ воинской славы, а сооружение, расположенное в общественном месте. Представляется необходимым, применительно к анализируемому составу преступления, законодательно детализировать уголовно-правовые признаки предмета преступления в примечании к статье 354.1 УК РФ, а также создание официального государственного реестра символов воинской славы, включив в него наряду с законодательно определенными, и те, которые вызывают уважение к подвигам Защитников Отечества (например мемориальные комплексы), что, также будет способствовать и патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Многоаспектность и многофункциональность правовых символов, используемых в уголовно-правовых нормах, порождает на практике ряд коллизий и пробелов в правоприменительной деятельности. И это касается не только государственных символов, таких, например, как государственные награды и форменная одежда сотрудников полиции, но и негосударственных, которые, зачастую в процессе квалификации и дальнейшего расследования рассматриваются не как символы, нуждающиеся в уголовно-правовой охране, а как обычное сооружение, здание, строение, чем, в свою очередь, ошибочно подменяется и объект уголовно-правовой охраны. К сожалению, законодатель, обозначая в нормах уголовного законодательства общеупотребительные термины, имеющие социальное содержание и социальный смысл, не определяет их уголовно-правовые признаки, что, приводит к ошибкам квалификации. В настоящее время требуется переосмысление правовых символов в уголовном законодательстве, их детализация в нормах уголовного законодательства, что впоследствии исключит неверное толкование уголовного закона, и, в целом, будет способствовать сохранению и защиты исторического наследия и формированию национальной идентичности общества.

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, доступ к которым и распространение ограничены.

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.2022 N 31-УД22-5-А4 //Документ опубликован не был.

[2] Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.12.2023 N 55-743/2023 (УИД 12OS0000-01-2023-000052-71)//Документ опубликован не был.

Балалаева Юлия Сергеевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Balalaeva Yulia Sergeevna

Candidate of Sciences (law), Lecturer of the Department of theory and history of state and law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: balalaeva.98@mail.ru

Этико-правовые проблемы символов правосудия в эпоху развития, внедрения и использования современных цифровых технологий

Ethical and legal issues of symbols of justice in the era of development, implementation and use of modern digital technologies

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в выявлении и анализе проблемных вопросов символов правосудия, возникающих в сфере правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием, внедрением и использованием современных цифровых технологий и носящих этико-правовой характер. Сначала автором проводится анализ различных подходов к понятию «правовой символ», в результате чего им делается вывод о целесообразности использования для целей исследования широкого, интегративного подхода, учитывающего одновременно культурные, формально-юридические и социально-психологические аспекты данного феномена. Далее им акцентируется внимание на символах правосудия (судебное решение, судебный ритуал) которые сегодня претерпевают воздействие современных цифровых технологий, главенствующая роль среди которых принадлежит искусственному интеллекту. Автором выявлены и проанализированы проблемы, связанные с оптимизацией отдельных судебных процедур, выражающейся во внедрении видеоконференцсвязи, а также генеративного искусственного интеллекта. В результате им делается вывод о том, что оптимизация судебной деятельности, предполагающая внедрение цифровых технологий, не должна рассматриваться как утрата значения ее правовой символики.

Ключевые слова: правовой символ, правосудие, цифровые технологии, искусственный интеллект, судебное решение

Annotation. The purpose of this article is to identify and analyze the problematic issues of justice symbols that arise in the field of legal regulation of social relations related to the development, implementation, and use of modern digital technologies and have an ethical and legal nature. First, the author analyzes various approaches to the concept of "legal symbol," and as a result, he concludes that it is appropriate to use a broad, integrative approach for research purposes that takes into account both the cultural, formal-legal, and socio-psychological aspects of this phenomenon. Next, he focuses on the symbols of justice (judicial decision, judicial ritual). Today, they are being influenced by modern digital technologies, with artificial intelligence playing a leading role. The author identified and analyzed the problems associated with the optimization of certain judicial procedures, such as the introduction of video conferencing and generative artificial intelligence.

Keywords: legal symbol, justice, digital technologies, artificial intelligence, court decision

Для цитирования: Балалаева Ю.С. Этико-правовые проблемы символов правосудия в эпоху развития, внедрения и использования современных цифровых технологий // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 647–650.

Наша жизнь наполнена различными символами – образами, транслирующими явные или скрытые идеи. Их распространение и значение настолько велико, что представляется возможным говорить о существовании самостоятельного учения о символах – символогии. Оно заключается в том, что символы позволяют человеку «выйти за границы чувственного опыта повседневности и проникнуть в иные сферы

реальности»[1], предполагают человеческую способность преодолевать чувственные барьеры окружающего мира и мысленно переноситься в трансцендентное[2].

Исследование символов носит междисциплинарный характер, поскольку категория «символ» имеет несколько смыслов и является предметом изучения далеко не одной науки: истории, философии, культурологии, политики, психологии, культурологии. Исключением не является и юридическая (правовая) наука. Подтверждением этому служит тема Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика», выбранная в 2025 году: «Символы в праве (доктрина, практика, техника)».

Связь символа и права выражается в таком понятии, как «правовой символ», открывающем просторы для научных исследований. Так, возникает необходимость в анализе теоретических подходов пониманию правовых символов, их классификации и функциональному назначению, выявлении соотношения с другими правовыми явлениями (правовыми аксиомами, правовыми фикциями правовыми принципами и др.). Первоочередным вопросом является следующий: что же следует понимать под правовым символом? С нашей точки зрения, представляется возможным говорить о нескольких подходах к рассматриваемому феномену.

Во-первых, правовые символы можно рассматривать как элемент (часть) правовой культуры общества. Они воплощают в себе ценности, нормы и обычаи народа, формируют правовую ментальность и способствуют укреплению правопорядка. Например, государственные флаги, гербы, гимны, памятники выдающимся деятелям государства и юридические формулы (например, знаменитое выражение «Lex est ratio scripta») создают связь поколений, укрепляют национальную самоидентификацию и доверие к государству и праву. Кроме того, помимо свой аксиологической функции, отдельные правовые символы в рамках данного подхода выполняют социально-психологическую функцию, оказывая влияние на поведение индивидов и формирование общественного мнения. С этой точки зрения символы способны формировать поведенческие установки, воспитывать уважение к закону и обеспечивать социальное согласие. Примерами таких социальных правовых символов служат фигуры судьи, прокурора, адвоката, изображения Фемиды, меча правосудия и весов.

Во-вторых, правовой символ представляется возможным рассматривать исключительно как элемент нормативного правового предписания, указание на который содержится в гипотезе либо диспозиции правовой нормы. Например, в ч. 1 ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[3] правовой символ (товарный знак) упоминается законодателем при формулировании условия, при котором начинает действовать нормативное предписание: *«Товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены* ***товарный знак*** *или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными».* Данное предписание носит охранительный характер, так как оно содержит указание на неблагоприятные последствия использования правового символа (в данном случае – признание товара контрафактным). Указанный подход к понятию правового символа согласуется с юридико-позитивистской концепцией правопонимания и носит узкий характер.

В-третьих, правовой символ можно рассматривать в качестве многоаспектного феномена, то есть в рамках интегративного (широкого) подхода, учитывающего его культурные, формально-юридические и социально-психологические грани. По нашему мнению, именно этот подход позволяет лучше понимать механизмы формирования правовых традиций, восприятия права гражданами и эффективности нормативных предписаний. В этой связи, он представляется наиболее перспективным для исследования правовых символов в современной юриспруденции. Однако в юридической литературе преобладает узкий или позитивистский подход, в соответствии с которым правые символы понимаются как закрепленные законодательством условные образы (замещающие знаки), используемые для выражения определенного юридического содержания и понятные окружающим людям[4].

Эпоха развития, внедрения и использования современных цифровых технологий, флагманом среди которых является искусственный интеллект, вносит изменения в различные сферы общественной жизни и порождает множество проблемных вопросов. Исключением не является и сфера права. Здесь возникают вопросы, касающиеся места искусственного интеллекта в правовой реальности, возможной правосубъектности высокоавтоматизированных программно-аппаратных комплексов, направлений и рисков использования рассматриваемых технологий представителями юридической профессии[5]. Многие из данных вопросов носят не только правовой, но и этический характер, поскольку затрагивают такие моральные категории как справедливость, благо, ответственность. Думается такие проблемы сегодня свя-

---

[1] *Тен Ю.П.* Место и роль символа в современной культуре // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 6 (142). С. 14-17.

[2] *Мусурилло Х.* Символ и миф в древней поэзии. Нью-Йорк, 1961. С. 179.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета, 2006, 22 декабря.

[4] *Давыдова М.Л.* Классификация правовых символов // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 4.

[5] *Балалаева Ю.С.* Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере: дис. … канд. юрид наук. Нижний Новгород, 2024.

заны и с правовыми символами. В настоящей статье мы хотим обратить внимание на символы правосудия и изменения, происходящие с ними под воздействием цифровых технологий.

В юридической литературе совершенно справедливо отмечается, что правосудию всегда был присущ символизм[1]. Несмотря на высокую степень формализованности судебной деятельности, она не утратила данное свойство. Символы судебной власти (статуя Фемиды, зал судебных заседаний, фразы «уважаемый суд», «Ваша честь», ритуал уединения суда в совещательной комнате и др.) выражают «культурную мерность суда и его оснований: разрыв этот никогда не может быть преодолен… пока суд будет оставаться судом, а не средством мести или простого прикрытия произвола власти»[2].

Судебные правовые символы мы будем рассматривать в рамках широкого интегративного подхода. С этой точки зрения, правовые символы имеют культурно-ценностное государственно-правовое и юридико-техническое (прикладное) значение, а также формируют образ судебной власти и правосудия. Это могут быть предметы, одежда сотрудников суда, судебные акты, а также действия суда, образующие судебные ритуалы. Процесс цифровизации положил начало модернизации судебной системы, которая оказывает влияние на общие условия судебного разбирательства. Так, пандемия короновирусной инфекции 2020 года продемонстрировала успешные формы опосредованного участия в судебном разбирательстве посредством видеоконференцсвязи, что затрагивает такое требование как непосредственность исследования доказательств в суде, являющееся значимой процессуальной гарантией законности судебного решения.

Таким образом, имеет место изменение традиционного ритуала судебного разбирательства, выражающееся в упрощении процессуальной формы. Ритуал следует рассматривать как отдельную разновидность символа, которая предполагает действия в форме разнообразных торжественных церемоний, совершаемых в виде одного действия (например, заслушивание итогового судебного решения участниками разбирательства стоя) или последовательности действий (удаление суда в совещательную комнату)[3].

Помимо этого, сегодня имеет место использование так называемого генеративного искусственного интеллекта при подготовке судебного решения. Судебное решение следует рассматривать в качестве правового символа, выраженного в текстовой форме и олицетворяющего торжество справедливости. Возникает следующий вопрос: насколько допустимо прибегать к помощи искусственного интеллекта при подготовке указанного судебного акта? Данный вопрос стал предметом апелляционной жалобы на приговор, вынесенный по делу, рассмотренному 4 июня 2025 года Ейским судом Краснодарского края[4]. В своей жалобе защитник оспаривал применение рассматриваемых технологий в пяти фрагментах приговора. Аргументируя свою позицию, он ссылался, например, на ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[5], в соответствии с которой, приговор должен быть законным, обоснованным и мотивированным, и ст. 17 УПК РФ, согласно которой судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Кроме того, защитник полагал, что в случае использования искусственного интеллекта при подготовке приговора представляется невозможным обеспечить персональную ответственность судьи за принятые решения. Помимо этого, он указал и на положение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 13-П/2023[6]: «Недопустимо воспроизведение формальных, шаблонных формулировок, не отражающих индивидуальные особенности дела».

В результате суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что выбранная судом стилистика изложения определенных умозаключений не влияет на законность принятого судом решения, не противоречит нормам УПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. В связи с этим, следует сделать вывод, что ключевым условием использования искусственного интеллекта при подготовке судебных решений является соответствие данного акта требованиям законности, обоснованности и справедливости. В этом случае вопроса об утрате правовым символом (судебным решением) своего значения не возникает. Следует отметить, что иногда судьи и без использования цифровых технологий пренебрегают требованиям отсутствия формального подхода к рассмотрению дела и подготовке судебного решения (при-

---

[1] *Курдыбайло Д.С., Курочкин Ф.Ф.* Метафизика и право: о термине «символ» в некоторых текстах императора Юстиниана I // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 18.

[2] *Власова Г. Б.* Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса // Философия права. 2007. № 2. С. 73.

[3] *Гончарова Н. С.* Символы в российском уголовном праве : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2024.

[4] Адвокат выявил признаки использования ИИ при составлении обвинительного приговора. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-vyyavil-priznaki-ispolzovaniya-ii-pri-sostavlenii-obvinitelnogo-prigovora-/ (дата обращения: 01.11.2025).

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета, 2001, 22 декабря.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2023 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части второй статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Великанова» // Российская газета, 2023, 12 апреля.

говора), механически копируя текст обвинительного постановления (акта), подготовленного субъектом предварительного расследования, причиной чему высокая загруженность.

Таким образом, обозначенные выше изменения имеют одновременно и положительное, и отрицательное значение. С одной стороны, с внедрением цифровых технологий в деятельность судов произошло расширение права на доступ к правосудию, повышение оперативности, удобства его осуществления. Но, с другой – рассматриваемая модернизация негативно сказывается на возможности осуществления ряда символических действий суда, выраженных в ритуальной форме, на что указывают, в частности М.А. Акимова и Н.В. Тюменева[1]. Однако, с нашей точки зрения, такая возможность сегодня утрачивается и в условиях рассмотрения и разрешения судом отдельных категорий дел, предусмотренных действующим законодательством, то есть и без воздействия цифровых технологий. Действия суда здесь имеют максимально формализованный характер. Речь идет о приказном производстве, которое сводятся к проверке судьей представленных в документах сведений, подтверждающих право на взыскание денежных средств. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 126 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[2], вынесение судебного приказа происходит без вызова сторон – взыскателя и должника – и без проведения судебного разбирательства. С нашей точки зрения, производство о выдаче судебных приказов целесообразно полностью перевести в онлайн-формат с передачей функций по проверке документов технологиям искусственного интеллекта[3].

Подводя итог, отметим, что первоочередной задачей сегодня является снижение судебной нагрузки. В связи с этим, оптимизация судебной деятельности, предполагающая внедрение цифровых технологий, не должна рассматриваться как утрата значения ее правовой символики. Ведь правовые символы призваны повышать уровень доверия граждан к судебной системе, формировать положительное к ней отношение. А высокая судебная нагрузка иногда становится причиной формального отношения судей к своей деятельности, что тоже не может не свидетельствовать о негативном влиянии на судебную символику. В связи с этим, упрощение отдельных судебных ритуалов, следует, по нашему мнению, считать необходимой мерой совершенствования процесса отправления правосудия.

[1] *Акимова М.А., Тюменева Н.В.* Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24., вып. 4. С. 436.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета, 2002, 20 ноября.

[3] *Балалаева Ю.С.* Реформирование судебной деятельности в условиях развития, внедрения и использования искусственного интеллекта: проблемы и пути решения // Пятнадцатые Бабаевские чтения. Правовая рфеорма: история, теория, практика, техника. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2024. С. 608-615.

Белинская Мария Петровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

Belinskaya Maria Petrovna

Candidate of Law, senior lecturer of the Department of Administrative Law and Procedure of the Nizhhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: run030@mail.ru

Петля Мебиуса как символ экономики замкнутого цикла

Mobius loop is the symbol for economy of the closed cycle

Аннотация. Проблема обращения с отходами производства и потребления приобретает особое значение с каждым годом. В свете перехода от линейной экономической модели к экономике замкнутого цикла актуальной становится тема переработки отходов. Петля Мебиуса известна во всем мире как символ вторичной переработки материалов.

Ключевые слова: петля Мебиуса, раздельный сбор отходов, правовое регулирование переработки сырья, переработка, вторсырье, экономика замкнутого цикла, экология

Annotation. The problem of work with production wastes and consumption gets special value every year. The theme of recycling of materials is actual at transition from linear economic model to economy of the closed cycle. Mobius loop is internationally know as the symbol for recycling of materials.

Keywords: mobius loop, recycling of materials, legal regulation of recycling of materials, recycling of materials, economy of the closed cycle, ecology

Для цитирования: Белинская М.П. Петля Мебиуса как символ экономики замкнутого цикла // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 651–653.

Петля Мебиуса – символ бесконечности и цикличности. Знак, который часто встречается на упаковке товаров, но о его назначении догадывается не каждый потребитель. Знакомый всем треугольник из трех стрелок, образующих замкнутую фигуру широко используется производителями для обозначения материала, из которого изготовлена соответствующая упаковка. Этот знак экологической маркировки информирует граждан о возможности переработки упаковочного материала.

Специальная система символов была разработана в США и стала международным стандартом в сфере обращения с отходами и их переработкой. В настоящее время системой общепризнанных символов и знаков активно пользуются производители европейских стран[1], страны Евразийского экономического союза[2], в том числе и в России.

В Российской Федерации экологическая повестка стала наиболее актуальной в последние годы. Примером этого могут служить национальные проекты «Экология» (2018-2024 гг.) и «Экологическое благополучие» (2025-2030 гг.). Благодаря уже реализованному нацпроекту «Экология» в сфере обращения с

[1] Директива № 94/62/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об упаковке и отходах от упаковки» (Принята в г. Брюсселе 20.12.1994) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 08.09.2025).

[2] Решение Комиссии Таможенного союза от 16.08.2011 № 769 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности упаковки»» // URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 08.09.2025).

отходами наблюдаются позитивные изменения. Так, доля направленных на обработку твердых коммунальных отходов в 2024 году составила 53,3%[1]. В 2018 году этот показатель составил 3%. Несмотря на это, 85% всех ежегодно образуемых твердых коммунальных отходов по-прежнему отправляются на полигоны для захоронения, а вторично используется только около 8%[2].

Решить эту проблему, призван национальный проект «Экологическое благополучие». К 2030 году показатель перерабатываемых отходов производства и потребления должен превысить 25%. Увеличить показатели сортировки и переработки отходов правительство планирует в рамках федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». Главной идеей этого направления является круговорот сырья в производстве: вторичное использование сырьевого материала, и, как следствие, сокращение отходов.

Сегодня достижению поставленных целей мешает текущая экономическая модель, основанная на постоянном росте потребления и производства. Низкий уровень экологической культуры населения, отсутствие системы раздельного сбора и недостаточность производственных мощностей для обработки отходов также тормозят процесс перехода к экономике замкнутого цикла. Помочь в решении этих проблем может просветительская работа среди населения на тему обращения с отходами и вторсырьем, повсеместное внедрение раздельного сбора отходов. Кроме того, требуется четко законодательно сформулировать общий порядок обращения с отходами и их переработки.

Правовая оценка деятельности в сфере обращения с отходами и переработки вторсырья позволила сформулировать следующие выводы.

В процессе переработки вторичных материалов важную роль играет общепринятый знак – петля Мебиуса. Отсутствие его на упаковке не позволит переработчикам повторно использовать вторсырье в производственном процессе, а, значит, упаковка вновь отправится на полигон. Следовательно, правовое закрепление четких требований по использованию этого символа (безусловно, наряду с другими факторами) позволит повысить долю переработанных отходов и обеспечить замкнутый цикл отдельных производств.

В свете последнего важно отметить, что в российском правовом поле существует два понятия обозначающих изучаемое графическое изображение – «петля Мебиуса» и «лента Мебиуса». В России требование по нанесению на упаковку *петли* Мебиуса устанавливается, прежде всего, Техническим регламентом Таможенного союза «О безопасности упаковки»[3]. Однако, Национальный стандарт РФ[4], определяющий порядок использования экомаркировки производителями, содержит формулировку «*лента* Мебиуса». На наш взгляд, подобная несогласованность на сегодняшний день не имеет существенного значения, однако в перспективе законодателю потребуется прийти к единому пониманию формы этого символа.

Кроме того, производителям разрешается самостоятельно устанавливать размеры символа в зависимости от своих технических возможностей. Это означает, что на практике отсутствует унифицированная модель использования данного знака. Зачастую изготовители злоупотребляют предоставленным им правом. И в первую очередь, размещают петлю Мебиуса не с целью информирования граждан о возможности переработки упаковки, а с целью формального исполнения требования о размещении символа на упаковке – «для галочки». Именно по этой причине в процессе сортировки вторсырья нередко сложно обнаружить сам символ или возникают трудности с идентификацией его содержимого.

На наш взгляд, данное положение технического регламента в свете перехода на замкнутый производственный цикл в экономике также требует пересмотра. Знак возможной переработки сырья, нанесенный на упаковку или укупорочные средства, должен быть наглядным, опознаваемым без использования дополнительных подручных средств. Важно подчеркнуть, что большинство производителей добросовестно подходят к этому вопросу и размещают петлю Мебиуса на упаковке так, чтобы облегчить процесс раздельного сбора отходов. Возможными вариантами решения этой проблемы, на наш взгляд, могут стать:

1. установление нормативного соотношения размера графического изображения и самой упаковки. Соблюдение указанных пропорций позволит идентифицировать символ на упаковке без особого труда.
2. установление минимального размера графического изображения. Допускаем, что в ряде случаев соблюдение первого требования не приведет к желаемому результату т.к. технологические возможности производителей или конструктивные особенности упаковки (укупорочных средств) не позволят исполнить данное положение. Однако минимально допустимое изображение петли Мебиуса, до-

[1] Подведены итоги по форме 2-ТП «Отходы» за 2024 год // https://rpn.gov.ru/press/news/podvedeny_itogi_po_forme_2_tp_otkhody_za_2024_god/ (дата обращения: 08.09.2025)
[2] Там же.
[3] Решение Комиссии Таможенного союза от 16.08.2011 № 769 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности упаковки»» // URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 08.09.2025).
[4] ГОСТ Р ИСО 14021-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Экологические маркировки и заявления. Самодекларируемые экологические заявления (экологическая маркировка типа II). – М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.

ступное для глаз человека без использования специальных средств, облегчит задачу по сортировке вторсырья.

3. разрешение наносить буквенное обозначение (общепринятую аббревиатуру) материла без петли Мебиуса. В настоящее время действует запрет на указание цифрового или буквенного кода при отсутствии петли Мебиуса. Предлагаемый вариант обозначения возможности переработки упаковки (укупорочных средств) представляется самым действенным, когда размеры упаковки не позволяют реализовать ранее перечисленные пункты.

Еще одной проблемой, затрудняющей раздельный сбор отходов, является отсутствие символа переработки непосредственно на упаковочном материале. Отметим, что у производителя есть законное право наносить экомаркировку не только на упаковку (укупорочные средства), но и на ярлык или этикетку. Ярлык или этикетка это вещь мобильная. В процессе эксплуатации товара этикетка может прийти в негодность или потерять связь с упаковкой – потеряться, оторваться. А также при обращении с отходами нет никакой гарантии, что ярлык или этикетка будут неразрывно сопровождать упаковку до ее конечной точки утилизации, а значит информация, необходимая для идентификации материала, из которого изготовлена упаковка, не будет доступна субъектам переработки, а значит, вторсырье опять не будет использовано повторно.

На практике встречается продукция, непосредственно на упаковке которой отсутствует петля Мебиуса, однако на этикетке содержится информация о возможной переработке материала. По опыту раздельного сбора отходов необходимо отметить, что в ряде случаев подлежит переработке как упаковка, так и этикетка. В данном случае утилизация одного элемента не позволит утилизировать другой. Для решения этой проблемы необходимо обязать производителей маркировать исключительно упаковку и укупорочные средства, а также оставить за ними право наносить петлю Мебиуса на ярлык или этикетку.

В заключении хотелось бы отметить, что раздельный сбор и переработка отходов это важные и ответственные мероприятия. Экологическое благополучие будущих поколений зависит исключительно от наших текущих действий. Выбранное мировым сообществом направление по сокращению отходов позволит обеспечить комфортные условия жизни человека на планете. Внедрение повсеместного раздельного сбора отходов, агитационная работа среди населения позволят реализовать идею об экономике замкнутого цикла и уменьшить количество производимых отходов.

Бровкина Екатерина Алексеевна

ассистент кафедры судебной и прокурорской деятельности юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Brovkina Ekaterina Alekseevna

Assistant of the Department of Judicial and Prosecutorial Activities of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: bobrowa3k@yandex.ru

Итакаева Полина Викторовна

ассистент кафедры судебной и прокурорской деятельности юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Itakaeva Polina Viktorovna

Assistant of the Department of Judicial and Prosecutorial Activities of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: polinaitakaeva@yandex.ru

Региональные символы судебной власти

Regional symbols of judicial power

Аннотация. В статье анализируются региональные символы судебной власти, относящиеся к мировым судьям. Уделено особое внимание отличительным знакам должностей мировых судей, которые вводятся субъектами РФ по их усмотрению. На примере нескольких регионов детально исследованы элементы отличительных знаков и определено их символическое значение для мировой юстиции.

Ключевые слова: судебная власть, мировая юстиция, мировой судья, символы мировых судей

Annotation. The article analyzes the regional symbols of judicial power related to justices of the peace. Special attention is paid to the distinctive marks of the positions of magistrates, which are introduced by the subjects of the Russian Federation at their discretion. Using the example of several regions, the elements of distinctive signs are studied in detail and their symbolic significance for world justice is determined.

Keywords: judicial authority, international justice, magistrate, symbols of magistrates

Для цитирования: Бровкина Е.А., Итакаева П.В. Региональные символы судебной власти // Юридическая техника. – 2026 – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 654–656.

В общественном правосознании деятельность органов государственной власти ассоциируется с разнообразной символикой. В этом смысле судебную власть и ее органы соответственно можно назвать самым символизированным государственным институтом. Для судоустройства характерны как официальные формально закрепленные символы (например, флаг, герб, гимн), так и неформальные, имеющие ритуальное значение.

Роль символов в судебной деятельности можно представить в следующих аспектах. Во-первых, совокупность неформальных символов (мантия, молоток, фемида, весы и т.д.) формирует образ суда в мировоззрении людей, что способствует взаимосвязи общества и государства. Во-вторых, использование одинаковых символов в судопроизводстве на различных территориях государства обеспечивает единство и целостность судебной системы. В-третьих, наличие особого смысла в трактовке судебных символов, передающего в том числе справедливость и обоснованность судебных решений, способству-

ет легитимации правосудия в целом. Кроме того, правовые символы имеют значение для сохранения и развития традиций судейского сообщества.[1]

В настоящее время невозможно представить судебное заседание без Государственного герба Российской Федерации, Государственного флага Российской Федерации и судьи, облаченного в судейскую мантию. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» признает данные атрибуты символами судебной власти[2], которые совместно с иными атрибутами и церемониями формируют образ правосудия в правосознании общественности, определяют высокую значимость судебной власти для функционирования государства и развития общества.

В соответствии с принципом федерализма, система государственного аппарата предполагает наличие у каждой ветви власти государственных органов двух уровней – федерального и регионального. Таким образом, судебная власть имеет двухуровневую судебную систему, однако после полного упразднения конституционных (уставных) судов с 1 января 2023 года единственными представителями региональной судебной власти являются мировые судьи, выступающие первой инстанцией для дел, отнесенных к компетенции судов общей юрисдикции.

Если залы судебных заседаний федеральных судов должны быть оснащены Государственными гербом и флагом Российской Федерации, а судьи, ведущие судебный процесс, должны быть облачены в мантию установленного образца, то залы судебных заседаний на участках мировых судей должны быть дополнительно оснащены флагом и гербом соответствующего субъекта Российской Федерации, на что указывает статья 11 Федерального закона от 17.12.1998 № 188- ФЗ «О мировых судья в Российской Федерации»[3].

Федеральное законодательство о мировых судьях имеет следующее положение: «При осуществлении правосудия мировой судья заседает в мантии и (или) имеет другой отличительный знак своей должности, предусмотренный законом соответствующего субъекта Российской Федерации»[4]. Данная норма заслуживает отдельного внимания, поскольку ее буквальное толкование позволяет представительным органам субъектов РФ освобождать мировых судей от ношения мантии, заменяя ее отличительными знаками, либо налагать на мировых судей обязанность на ношение мантии с дополнительными отличительными знаками своей должности. При этом полное освобождение мировых судей от облачения в мантию лишает судебную власть субъекта РФ одного из главных символов правосудия, что противоречит статье 21 Закона РФ «О статусе судей в РФ» и принципу единства статуса судей. Однако стоит отметить, что ни один субъект РФ не отказался от ношения мантии мировыми судьями. Это объясняется тем, что данный символ является неотъемлемой частью судебного процесса, оказывающей психологическое воздействие на ее участников, подчеркивая важность правосудия, авторитет судьи, как независимого и беспристрастного арбитра и, как следствие, напоминает о необходимости соблюдения установленного порядка в судебном заседании и об обязательности исполнения судебных актов.

Таким образом, к региональным символам судебной власти относятся флаг и изображение герба субъекта РФ, а также отличительные знаки должности мировых судей. Данные символы дополняют федеральную символику судебной власти, подчеркивая особый статус мировых судей в судебной системе.

Анализ регионального законодательства о мировых судьях позволил выявить тринадцать субъектов РФ, которые воспользовались правом на введение обязательного ношения отличительных знаков мировых судей в дополнение к судейской мантии. Так, закон Кабардино-Балкарской Республики «О мировых судьях Кабардино-Балкарской Республики» содержит в себе положение знаке мирового судьи, в соответствии с которым знак является символом судебной власти мирового судьи при осуществлении им правосудия, носится на левой стороне груди[5]. Знак Мирового судьи представляет собой медальон в форме щита размером 37 х 30 мм. Фон - красный. Знак выполнен из медного сплава желто-золотистого цвета, с возможным его золочением.

[1] Акимова М. А., Тюменева Н. В. Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. №4. - С.428-439

[2] Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792

[3] Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188- ФЗ «О мировых судья в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6270

[4] Там же

[5] Закон Кабардино-Балкарской Республики от 30 ноября 1999 г. № 55-РЗ «О мировых судьях Кабардино-Балкарской Республики» // Кабардино-Балкарская правда. 1999. № 240

В верхней части знака изображен герб Кабардино-Балкарской Республики, что указывает на статус мирового судьи как судьи Республики, который призван приблизить правосудие к населению Республики. В центре знака расположены весы, являющиеся одним из атрибутов правосудия как в руках Фемиды, так и в качестве самостоятельной атрибутики. Древние весы символизируют взвешенность судейского решения, которое должно быть справедливым, беспристрастным и объективным. Чаши весов олицетворяют доказательства, представляемые двумя сторонами процесса, на основании оценки которых судьи принимают соответствующее решение: об удовлетворении исковых требований или об отказе в их удовлетворении; о признании лица виновным или невиновным. Ниже весов расположена указывающая на должность надпись «Мировой судья».

Отличительный знак мирового судьи Кабардино-Балкарской Республики должным образом отображает его особенность в судебной системе, визуально указывает на роль мирового судьи в судебном процессе и на характер принимаемых им решений.

Мировым судьям Астраханской области также вручается отличительный знак. Закон Астраханской области «О мировых судьях в Астраханской области» содержит описание данного знака, в соответствии с которым он имеет форму эллипса, большая ось которого вертикальна, а в верхней и нижней третях эллипса справа и слева имеются треугольные выступы.

Такая форма знака не случайна, она имеет историческое значение для мировой юстиции в истории нашей страны. После введения мировой юстиции в результате Судебной реформы 1864 года, был учрежден нагрудной знак мирового судьи. Данный знак имел аналогичную форму, в центре него располагалось рельефное изображение герба Российской империи, а по краям проходила надпись «Мировой судья 20 ноября 1864». Отличительный знак мировых судей Астраханской области совпадает со знаком мировых судей Российской империи также наличию по краям надписи «Мировой судья». Схожесть знаков ярко отражает, что модель мировой юстиции Российской империи стала прообразом при формировании данного судебного органа в Российской Федерации.

В центре отличительного знака изображен герб Астраханской области, что указывает также на статус мировых судей как судей области, призванных обеспечить осуществление правосудия для всех жителей региона, даже отдаленно проживающих. На принадлежность к субъекту указывает и надпись «Астраханская область», расположенная в верхней части эллипса. Над гербом изображается шапка Мономаха, символизируя тем самым то, что правосудие осуществляется от имени Российской Федерации, а мировые судьи, несмотря на то что являются судьями Астраханской области, призваны действовать во благо всего государства, выступая представителями единой судебной системы. Шапка Мономаха отражает не только власть, но и высочайшую степень ответственности, тем самым это призывает мировых судей действовать беспристрастно, справедливо, честно и законно.

Изображение герба области обрамлено дубовым венком, перевитого синей лентой[1]. Дуб считается символом мудрости, долговечности, благородства и доблести, еще в Древнем Риме дубовыми венками награждались доблестные воины и правители, а в последующем дубовые венки стали употребляться в геральдики как символ победы и уважения. Венок обивается лентой, синий цвет которой традиционно символизирует благородство, чистоту помыслов, честность и великодушие. В символическом контексте дубовый венок, обвитый синей лентой, отражает авторитет, честность и справедливость мирового судьи, который верен исключительно законам Российской Федерации и Астраханской области.

Следовательно, отличительный знак мировых судей Астраханской области подчеркивает высокую степень значимости истории мировой юстиции для региона. Знак символизирует мудрость и беспристрастность мировых судей, которые осуществляет правосудие от имени Российской Федерации, исключительно на основании закона, во благо жителей Астраханской области.

Помимо приведенных регионов, отличительные знаки для мировых судей предусмотрены в Республике Карелии, Пермском крае, Ставропольском крае, Вологодской, Волгоградской, Кировской, Ленинградской, Новосибирской, Ростовской, Саратовской, Тверской областях и Ямало-Ненецком автономном округе.

В заключение можно отметить, что важным символом региональной судебной власти помимо вышесказанного является отличное от федерального наименование мирового судьи, а не мирового суда, что придает его статусу самостоятельность и обособленность, подчеркивая особое положение мировых судей в судебной системе Российской Федерации.

[1] Закон Астраханской области от 9 сентября 2005 г. № 47/2005-ОЗ «О мировых судьях в Астраханской области» // Астраханские известия. 2005. № 38

Вершинина Екатерина Сергеевна

кандидат юридических наук, начальник кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России

Vershinina Ekaterina Sergeevna

Candidate of Sciences (Law), head of the Department of Administrative Affairs of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ver_es@mail.ru

Кострова Ольга Владимировна

доцент кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России

Kostrova Olga Vladimirovna

associate Professor of the Department of Internal Affairs of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail:okostrova2007@yandex.ru

Символико-правовая природа конклюдентных действий в административной деятельности полиции

The symbolic and legal nature of conclusive actions in police administrative activities

Аннотация. В статье исследуется феномен конклюдентных действий как ключевого элемента административной деятельности органов внутренних дел. Авторы доказывают, что невербальные акты сотрудников полиции (жесты, демонстрация атрибутов, пространственное позиционирование) представляют собой не только оперативные инструменты воздействия, но и сложные правовые символы, выражающие государственную волю и легитимирующие власть.

Ключевые слова: конклюдентные действия, правовые символы, административная деятельность полиции, невербальная коммуникация, легитимность, правовое принуждение

Annotation. The article explores the phenomenon of conclusive actions as a key element of the administrative activities of internal affairs bodies. The authors argue that the non-verbal acts of police officers (gestures, display of attributes, and spatial positioning) are not only operational tools of influence, but also complex legal symbols that express the state will and legitimize power.

Keywords: conclusive actions, legal symbols, police administrative activities, non-verbal communication, legitimacy, and legal coercion

Для цитирования: Вершинина Е.С., Кострова О.В. Символико-правовая природа конклюдентных действий в административной деятельности полиции // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 657–660.

Современная административная практика полиции характеризуется возрастающей сложностью коммуникативных задач, особенно в условиях массового скопления граждан, высокой напряженности или необходимости оперативного реагирования. В этих реалиях вербальные методы воздействия (приказы, требования, предостережения) зачастую оказываются недостаточно эффективными или даже провоцируют эскалацию конфликта. На первый план выходят «конклюдентные действия» — молчаливые, но юридически значимые поведенческие акты, выражающие властную волю государства, направленные на поддержание общественного порядка. Здесь следует уточнить соотношение понятий «конклюдентное действие» и «конклюдентный акт». Категория «конклюдентный акт» используется лишь в сфере управ-

ления как одна из форм правового акта. В иных областях сферы правового регулирования устойчивым является понятие «конклюдентное действие». На наш взгляд, эти понятия тождественны, тем более точных критериев разграничения устных и конклюдентных актов и действий в науке административного права не сформулировано[1].

Отметим, что в теории права и административной деятельности конклюдентные действия рассматриваются не только как инструмент управления, но и как правовой символ, воплощающий легитимность, авторитет и функциональную направленность государственной власти. Однако позиция некоторых исследователей позволяет сделать вывод о возможности совпадения содержательного аспекта категорий «правовой символ» и «конклюдентное действие» при разности самих правовых явлений[2]. Целью данной статьи является комплексный теоретико-правовой анализ конклюдентных действий сотрудников полиции, раскрытие их двойственной природы как инструмента управления и правового символа.

Законодательное закрепление рассматриваемых дефиниций отсутствует, а их доктринальное толкование многообразно. Дословно символ (др.-греч. σύμβολον — «совместное бросание») — условный знак, сигнал, то, что было сведено вместе. Традиционным научным подходом к пониманию правового символа считается позиция В.К. Бабаева, который определяет символ как самостоятельный элемент правовой системы, «закрепленный законодательством условный образ (замещающий знак), используемый для выражения определенного юридического содержания»[3]. В этом контексте можно выделить существенные признаки символа, из числа предложенных правоведами, необходимые для их разграничения со смежными правовыми явлениями. Общепризнанными и фундаментальными чертами являются условность (конвенциональность) и наглядность. Остальные признаки, как правило, рассматриваются дифференцированно. Нормативная определённость (формальная закреплённость) атрибут, отметающий символы, использование которых не имеет юридического значения[4]. Здесь также можно говорить об общеобязательности правовых символов, поддерживаемой государственным принуждением[5]. Способность порождать юридические последствия, по мысли исследователей, это не случайное свойство, а сущностная характеристика правового символа, возводящая его в ранг полноценного инструмента права[6]. Однако в объяснении механизма этой способности мнения расходятся, дополняя друг друга: от строгого формализма («так велено законом»)[7] до социологических («это эффективно»)[8], психологических («это влияет на сознание»)[9] и семиотических («это успешная коммуникация»)[10] обоснований. Публичность и легитимность правовых символов в научных кругах предстают как два краеугольных камня, на которых держится их результативность[11]. На наш взгляд, публичность наделяет символ властной силой, а легитимность — моральным авторитетом и общественным признанием. Без легитимности публичный символ становится лишь принуждением, а без публичности легитимный символ остаётся просто идеей, не способной породить юридические последствия.

Под конклюдентными действиями в юридической науке (от лат. «concludere» — заключать, делать вывод) понимаются формы выражения воли субъекта права, которые явствуют из его поведения, а не из прямых устных или письменных заявлений. Применительно к деятельности полиции данное понятие приобретает следующие специфические черты:

- властный характер: действия направлены на реализацию государственно-властных полномочий, предоставленных ФЗ «О полиции»[12].

---

[1] Кабытов П. П. Административные решения: понятие, виды, формы // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 133.
[2] Пахомов М.С. Конклюдентные действия в сфере правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук. Владимир ВЮИ ФСИН России, 2011. С. 14.
[3] Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 74.
[4] Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. - 2008. -№ 2. - С. 57.
[5] Глушаков А.Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. – 2009. – №.2. – С. 201.
[6] См.: Никитин А.В. Правовые символы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1999. 33 с.; Шалагинов П.Д. Функции правовых символов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. 26 с.
[7] См.: Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. В 2-х томах. Т. 1 / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1981. – 361 с.; Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебник для вузов / В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова. – 3-е изд., доп. и испр. – М.: Омега-Л, 2008. – 384 с.
[8] См.: Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. – 1995. - № 4-5. – С. 73; Шарно О.И. Правовые символы как средство правоприменительной техники: дис..канд.юрид.наук. Саратов, 2014. С. 183.
[9] См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001 – 352(522) с.; Васильев В.Л. Юридическая психология. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. — 604 с.
[10] См.: Баранов В.М. Теория юридической техники6 избранные труды: в 2 т. Т. 1 / В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ООО «Типография «Поволжье», 2017. – с. 247; Никитин А.В. Правовой символ как средство правовой коммуникации. Екатеринбург: УрГЮА, 2006. — 238 с.
[11] См.: Карташов В. Н. Теория правовой системы общества : учебник для вузов / В. Н. Карташов. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 283 с. Чиркин В.Е. Публичная власть: монография / В.Е. Чиркин. – М.: Юристъ, 2005. 174 с.
[12] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 20.08.2025).

- невербальность: передача властного веления осуществляется через жесты, знаки, демонстрацию атрибутов, физическое позиционирование (ст. 25 ФЗ «О полиции»).

- формальная определенность: многие действия стандартизированы нормативными актами (например, сигналы регулировщика в Правилах дорожного движения[1]).

- юридическая последственность: несоблюдение законного конклюдентного требования (например, жеста об остановке) влечет административную ответственность по ст. 19.3 КоАП РФ «Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции…»[2]).

Таким образом, конклюдентное действие полиции — это правомерный поведенческий акт, совершенный в рамках предоставленных полномочий и направленный на достижение конкретного юридически значимого результата.

Символико-правовая природа конклюдентных действий в административной деятельности полиции наиболее ярко раскрывается через их систематизацию. Во-первых, жесты и сигналы как правовые символы-команды. Это, на наш взгляд, наиболее чистая форма конклюдентных действий. Жест здесь заменяет словесную команду, будучи наделенным идентичным правовым значением. Сигналы регулировщика (сотрудника ДПС ГИБДД) поднятие жезла/руки, свисток символизируют беспрекословность требования остановиться или изменить направление движения. Их сила основана на нормативном закреплении в Правилах дорожного движения. Профилактические жесты (сотрудника патрульно-постовой службы полиции), поднятая ладонь в направлении гражданина (символ «стоп»), указание на место для остановки, символизируют превентивное вмешательство и предупреждение о возможном принуждении. Во-вторых, демонстрация атрибутов власти как символ легитимации. Само по себе молчаливое предъявление властного атрибута является конклюдентным действием, активирующим правовой статус сотрудника. Предъявление служебного удостоверения, символизирует законность и подтверждает полномочия. Ношение установленной формы одежды и знаков различия - постоянно действующий визуальный символ принадлежности к государственной правоохранительной системе легализует любые последующие действия сотрудника. Демонстрация специальных средств (жезл, наручники) - невербальный символ готовности к правомерному принуждению, играет превентивную роль, символизируя неотвратимость применения силы в случае неподчинения. В-третьих, пространственные действия как символы контроля и ограничения. Физическое поведение сотрудника, направленное на изменение поведения граждан. Блокирование, оцепление, символизирует установление границы дозволенного, запрет на перемещение в определенную зону. Целенаправленное приближение к нарушителю, символизирует избирательное внимание и начало процесса задержания.

Кроме этого, конклюдентное действие, как и любое другое правовое явление, обладает присущей ему системой функций, посредством которых достигается соответствующий эффект в его использовании. В рамках дайной системы полагаем можно выделить следующие функции конклюдентных действий в административной деятельности полиции:

- идентификационная, подтверждает законность действий представителя власти;

- коммуникативная, обеспечивает быструю и эффективную передачу властного веления в условиях где вербальный контакт затруднен;

- демонстративная, служит наглядным, визуальным воплощением властных полномочий и правовых норм;

- профилактическая, видимое присутствие снижает потенциальный уровень девиантного поведения.

- оптимизационная, позволяет существенно сократить время на принятие и доведение решения до адресата.

Из вышесказанного следует, что конклюдентные действия сотрудников полиции представляют собой сложный инструмент административной деятельности, находящийся на стыке права, семиотики и теории управления. Они являются неотъемлемым элементом правоприменительного процесса, выполняющим ключевые функции по визуализации власти, оперативному воздействию и профилактике правонарушений. Однако, их использование сопряжено с высокими правовыми рисками, которые порождает их невербальная природа. Во-первых, риск субъективного восприятия и двусмысленности. Гражданин может неверно истолковать жест или действие (например, приняв приближение сотрудника за агрессию). Это требует от действий максимальной стандартизации и понятности. Во-вторых, риск злоупотребления («символического насилия, которое маскируется под естественный порядок вещей»[3]). Демон-

[1] Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения)» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/824c911000b3626674abf3ad6e38a6f04b8a7428/ (дата обращения 20.08.2025).

[2] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 20.08.2025).

[3] Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства: Пер. с фр. / Общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — С. 87-96.

страция силы может использоваться для неправомерного давления при отсутствии законных оснований для реального принуждения. В-третьих, проблема доказывания. В случае спора сложно установить, какой именно жест был продемонстрирован и как он был истолкован, в отличие от письменного или озвученного требования. Главная опасность заключается в разрыве между символическим посланием (законность, порядок, справедливость) и реальным действием, которое прикрывается этим символом. Когда такой разрыв становится системным, правовые символы превращаются из инструмента порядка в инструмент произвола и несправедливости.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что конклюдентные действия сотрудников полиции — это не просто технические приемы, а правовые символы, облеченные в форму действия. Это сложный, многофункциональный инструмент правовой системы, который сочетает в себе материальную форму, нормативное содержание, ценностный посыл и социальную функцию по признанию власти и обеспечению коммуникации между государством и обществом. Его фундаментальные признаки показывают, что право действует не только через тексты, но и через образы и действия. Однако нельзя говорить о полной тождественности этих понятий. Они идентичны по функциям и по содержанию, но различаются по онтологическому статусу: символ — это сущность, а действие — это процесс, в котором эта сущность проявляется. Их соотношение можно представить, как пересекающиеся круги, где большая часть конклюдентных действий является правовыми символами, но не все правовые символы сводятся к конклюдентным действиям. Последние материализуют абстрактную государственную власть в конкретных, видимых и понятных актах поведения ее представителей. Эффективность и легитимность их применения напрямую зависят от соблюдения основных правовых принципов законности, соразмерности и правовой определенности. Поэтому дальнейшее развитие правового регулирования в данной области должно быть направлено на стандартизацию наиболее распространенных конклюдентных действий, внедрение современных технических средств фиксации (body-камеры) для минимизации рисков злоупотреблений и конфликтов, повышения правовой культуры. Только при этих условиях конклюдентные действия смогут в полной мере реализовать свой потенциал как эффективный и одновременно правовой инструмент охраны общественного порядка.

Вихарев Данил Дмитриевич

преподаватель кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России

Vikharev Danil Dmitrievich

Lecturer at the Department of Preliminary Investigation Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: Danil19-92@inbox.ru

Правовые символы в доказывании при расследовании незаконного сбыта подконтрольных веществ в Российской Федерации

Legal symbols in evidence in the investigation of the illegal sale of controlled substances in the Russian Federation

Аннотация. В статье исследуется феномен правовых символов как инструмента доказывания в рамках расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (подконтрольных веществ) в Российской Федерации. Автор доказывает, что традиционный доказательственный подход, основанный на материальных носителях информации, зачастую оказывается неэффективным в условиях конспиративной деятельности участников наркорынка. В работе вводится и раскрывается понятие «символьно-доказательственного комплекса», образуемого совокупностью вербальных, предметных и действенных символов, которые, будучи надлежащим образом процессуально закрепленными и системно интерпретированными, приобретают доказательственное значение. Анализируются виды правовых символов (символы-следы, символы-операции, семиотические коды), их роль в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), и процедура их трансформации в доказательства. Делается вывод о необходимости разработки специальной методики символьно-семиотического анализа в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: правовые символы, доказывание, незаконный сбыт наркотиков, подконтрольные вещества, символ-след, семиотика права, оперативно-розыскная деятельность, оценка доказательств

Annotation. The article examines the phenomenon of legal symbols as a tool of proof in the investigation of crimes related to the illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues (controlled substances) in the Russian Federation. The author proves that the traditional evidentiary approach based on tangible information media often proves ineffective in the context of the conspiratorial activities of drug market participants. The paper introduces and reveals the concept of a "symbolic-evidentiary complex" formed by a set of verbal, objective and effective symbols, which, being properly procedurally fixed and systematically interpreted, acquire evidentiary significance. The types of legal symbols (trace symbols, operation symbols, semiotic codes), their role in establishing the circumstances to be proved (Article 73 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), and the procedure for their transformation into evidence are analyzed. It is concluded that it is necessary to develop a special method of symbolic-semiotic analysis in criminal proceedings.

Keywords: legal symbols, evidence, illicit drug trafficking, controlled substances, trace symbol, semiotics of law, operational investigative activities, evaluation of evidence

Для цитирования: Вихарев Д.Д. Правовые символы в доказывании при расследовании незаконного сбыта подконтрольных веществ в Российской Федерации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве(доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов.– Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 661–663.

Расследование незаконного сбыта подконтрольных веществ, представляет собой одну из наиболее сложных задач современного уголовного судопроизводства России. Высокий уровень конспирации, использование зашифрованных каналов коммуникации, стремительная цифровизация преступной дея-

тельности обуславливают «нематериальный» характер многих значимых сведений[1]. Классическая доказательственная парадигма, ориентированная на вещественные доказательства (само вещество, упаковка, деньги), зачастую фиксирует лишь конечные, второстепенные элементы преступной цепи.

В этих условиях актуализируется обращение к семиотическому подходу в праве, в рамках которого преступная деятельность рассматривается как знаковая система. Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование и практическая разработка концепции использования правовых символов в процессе доказывания по уголовным делам о незаконном сбыте подконтрольных веществ.

Под правовым символом в контексте уголовного судопроизводства мы предлагаем понимать материальный или идеальный объект (знак, действие, высказывание), который в силу соглашения, традиции или причинной связи замещает и репрезентирует собой иное явление, имеющее значение для установления обстоятельств преступления, и может быть вовлечен в уголовный процесс в качестве источника доказательственной информации.

В отличие от прямого доказательства (например, видеозаписи сбыта), символ требует интерпретации. Его доказательственное значение раскрывается не изолированно, а в системе — «символьно-доказательственном комплексе».

Считаем необходимым представить сформированную нами классификацию правовых символов в доказывании по делам о сбыте подконтрольных веществ:

1. Символы-следы. Их связь с событием преступления основана на причинно-следственной или смежной связи. К ним можно отнести «Предметные», к примеру, свертки с подконтрольным веществом внутри. Сам по себе сверток является символом-указанием на способ хранения и сбыта. «Цифровые» - метаданные переписки в мессенджерах (время, частота, шаблонность сообщений), номера телефонов, специфические ники и аватары[2].

2. Символы-операции (действенные символы). Что являет собой определенные поведенческие акты. К таковым мы относим «Действия по конспирации» - использование слов-паролей, наблюдение за местность в целях личной безопасности «закладчика» и иные. Эти действия, будучи зафиксированными в рамках оперативно-розыскного мероприятия (далее - ОРМ), символизируют осведомленность лица о незаконности своей деятельности. «Финансовые операции», то есть получение денежных переводов на карты, не связанные с основными доходами лица, через анонимные платежные системы (криптовалюты). Сама схема оплаты является символом принадлежности к теневому обороту.

3. Символы-коды (условные символы). Их связь с обозначаемым произвольна и основана на предварительной договоренности. К таковым нами были отнесены «Вербальные коды» - жаргон, то есть использование сленга («скорость», «меф», «соль», «кристалл») в переписке. Доказательственное значение имеет не сам жаргон, а его использование в контексте, однозначно указывающем на наркооборот. «Визуальные коды», то есть изображения весов, химических формул, определенных растений на страницах в социальных сетях, которые служат символом причастности к субкультуре.

Отдельным аспектом является процессуальная трансформация символа в доказательство. Данный процесс может включать в себя несколько стадий:

1. Выявление и фиксация. Основными процессуальными инструментами являются результаты оперативно-розыскной деятельности, как источники обнаруженных и зафиксированных символов. Так и протоколы следственных действий (осмотра места происшествия, осмотра предметов или документов и т.п.).

2. Интерпретация, систематизация, оценка. На этой стадии процессуальные лица (следователь, прокурор, суд), в том числе с привлечением специалистов раскрывает значение символа. Например, лингвистическая экспертиза подтверждает, что используемые в переписке термины однозначно относятся к наркотическому обороту. Отдельный символ («закладка») в системе с другими (переписка о «товаре», получение платежа) образует единую доказательственную цепь. Оценка представляет собой процесс анализа символа в совокупности с другими доказательствами на предмет относимости, допустимости и достоверности (ст. 88 УПК РФ). Критически важным является установление непротиворечивой причинно-следственной связи между символом и доказываемым обстоятельством.

К примеру, при анализе переписки между подозреваемыми, сама по себе она может быть истолкована как абстрактный разговор. Однако в системной связи с видеозаписью, вещественным доказатель-

[1] Докучаева Е. В. Особенности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, совершаемых преступным сообществом (преступной организацией) / Е. В. Докучаева // Традиции и новации в системе современного российского права : Материалы Международного конгресса молодых ученых. В 3-х томах, Москва, 05–06 апреля 2024 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 459-461. – EDN CBNCAR.

[2] Макаренков Д. В. Актуальные проблемы предупреждения незаконного сбыта, производства и пересылки наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий / Д. В. Макаренков // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : Сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции и XXIV Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели. В 4-х частях, Москва, 21–24 ноября 2023 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 199-201. – EDN IOBEAC.

ством и финансовой операцией она утратит свой гипотетический характер и приобретет статус полноценного доказательства, символически описывающего всю структуру преступления.

Таким образом, концепция правовых символов предлагает новый ракурс для решения проблемы доказывания в условиях латентности и конспирации преступной деятельности в сфере незаконного оборота подконтрольных веществ. Символьно-доказательственный комплекс позволяет реконструировать событие преступления даже при отсутствии прямых свидетелей или изобличающих вещественных доказательств в традиционном их понимании. Использование семиотического инструментария не только повышает эффективность борьбы с наркопреступностью, но и способствует развитию теории доказательственного права в России, адаптируя его к вызовам цифровой эпохи.

Власова Светлана Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академия МВД России

Vlasova Svetlana Vladimirovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vlasovasvetla@yandex.ru

Процедурно-процессуальные правоприменительные символы при рассмотрении уголовных дел судами общей юрисдикции

Procedural and law enforcement symbols in the consideration of criminal cases by courts of general jurisdiction

Аннотация. В данной статье представлен комплексный анализ судебной практики с точки зрения процедурно-процессуальных правоприменительных символов, а также проведен сравнительный анализ с зарубежным опытом их функционирования в уголовном процессе. Рассмотрены функции и классификация различных групп символов, таких как атрибутивно-изобразительные, знаково-графические и собственно процедурно-процессуальные символы, их влияние на процессуальную форму и качество правосудия. Полученные результаты подчеркивают важность систематизации и глубокого понимания процессуальных символов как условия повышения эффективности и справедливости уголовного процесса в судах общей юрисдикции.

Ключевые слова: правоприменительные символы, процессуальная форма, уголовное судопроизводство, судебная практика

Annotation. This article presents a comprehensive analysis of judicial practice in terms of procedural law enforcement symbols, as well as a comparative analysis with international experience of their use in criminal proceedings. The functions and classification of various groups of symbols, such as attributive-figurative, iconic-graphic, and procedural symbols proper, are examined, as well as their impact on the procedural form and quality of justice. The results highlight the importance of systematizing and thoroughly understanding procedural symbols as a prerequisite for improving the efficiency and fairness of criminal proceedings in courts of general jurisdiction.

Keywords: law enforcement symbols, procedural form, criminal proceedings, judicial practice

Для цитирования: Власова С.В. Процедурно-процессуальные правоприменительные символы при рассмотрении уголовных дел судами общей юрисдикции // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф.В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 664–667.

В современном уголовном судопроизводстве, особенно в судах общей юрисдикции, особое значение приобретает процессуальная техника как инструмент упорядочивания и эффективного осуществления правосудия. К числу ключевых элементов этой техники относятся процедурно-процессуальные правоприменительные символы, рассматриваемые в современной юридической науке как устойчивая и целенаправленная последовательность взаимосвязанных действий и условных образов, способствующих систематизации и регламентации процессуальной деятельности. Их исследование позволяет раскрыть теоретическую и практическую основу правоприменительной деятельности, в том числе как средства повышения качества и результативности рассмотрения уголовных дел судами общей юрисдикции[1].

Понятие и сущность указанных символов тесно связаны с более широким понятием правоприменительной техники, которая представляет собой совокупность способов, средств и методов, направленных на реализацию положений права в конкретных процессуальных и правовых условиях. В этом контексте процедурно-процессуальные правоприменительные символы выполняют функцию своеобразных «маркировок» и «направляющих» для действий процессуальных субъектов, обеспечивают экономию правового воздействия и повышение эффективности коммуникации между судом и участниками уголовного

[1] Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: диссертация. – Саратов, 2014. 183 с.

процесса. Они существенно влияют на восприятие правовых норм и способствуют гармоничному сочетанию формального и содержательного подходов к осуществлению правосудия[1].

Развитие концепции процессуальной формы в уголовном процессе служит важным теоретическим фундаментом для изучения процедуры как механизма реализации уголовно-процессуального права. Уголовно-процессуальная форма, в понимании ряда авторов, представляет собой совокупность установленных законодательством условий реализации следственных и иных процессуальных действий, а также принятия процессуальных решений, направленных на достижение конечных процессуальных результатов. Данный подход предполагает раскрытие детальной структуры и последовательности процессуальных шагов, которые закреплены в уголовно-процессуальном кодексе и отражают принципы уголовного судопроизводства, включая принцип законности, состязательности, равенства сторон, объективности и разумного срока судопроизводства[2].

Процедурно-процессуальные права и обязанности субъектов уголовного процесса формируют ядро организационных и нормативных рамок, в которых раскрываются смысл и функциональное назначение правоприменительных символов. Сила и значение этих символов обусловлены их способностью создавать условия для однозначного понимания и исполнения процессуальных норм, минимизировать риск процессуальных ошибок и обеспечить стабильность и предсказуемость судебной практики. Важнейшей особенностью символов данного типа является их связь с конкретными процессуальными действиями и нормами, что позволяет выделить в структуре уголовного процесса отдельные знаковые системы, включающие как ритуальные, так и технические элементы судебного разбирательства.

Теоретические разработки ориентированы на создание классификаций процедурно-процессуальных символов. Так, в одной из современных концепций они подразделяются на три основные группы: атрибутивно-изобразительные символы (например, молоток судьи, символы правосудия), знаково-графические символы (например, клятва, дорожные знаки, электронная подпись) и собственно процедурно-процессуальные символы, включающие устойчивые последовательности процессуальных действий и элементов судебного ритуала (например, присяга, порядок вызова участников, оформление судебных решений). Каждая из этих групп выполняет конкретные правоприменительные функции и способствует оптимизации судебного процесса, повышению качества правотворчества и исполнения решений[3].

Кроме того, значительное внимание заслуживает анализ судебной практики и нормативного регулирования, который демонстрирует, что процедурно-процессуальные символы не только играют формальную роль, но и позволяют моделировать процесс судопроизводства как систему, обеспечивающую баланс интересов сторон и соблюдение правовых гарантий. В этой системе символы служат своеобразными якорями, зафиксированными в законных предписаниях, что позволяет им выполнять регулятивную и когнитивную функции, облегчая принятие обоснованных и справедливых решений судами общей юрисдикции[4].

Через призму процедурно-процессуальных правоприменительных символов в судебной практике реализуется связь теоретического права и практического судопроизводства. В последующих дискуссиях необходимо подчеркнуть, что в условиях современной судебной системы символы выступают не просто формальными элементами, но как сложный комплекс знаков, сигнальных процедур и нормативных шаблонов, обеспечивающих классификацию действий, координацию между участниками процесса и регулирование хода судебного разбирательства. Данный комплекс символов позволяет упорядочивать правоприменительную деятельность, формируя таким образом процессуальные рамки, которые ориентируют судей, прокуроров, защитников и других участников уголовного процесса, минимизируют возможность бюрократических сбоев и достигают баланса между формальными требованиями и содержательной справедливостью.

Анализ реальной судебной практики выявляет многочисленные примеры, когда процедура нарушения правил использования процессуальных символов ведет к серьезным последствиям для исхода дела. Так, рассмотрение апелляционных решений показывает случаи, когда обвинительное заключение, содержащее ненормативную лексику, включая замену непристойных слов на сочетания букв и точек, было признано судом первой инстанции не соответствующим требованиям ясности и официального стиля правоприменительного документа. Это послужило основанием для возвращения уголовного дела прокурору и отказа в судебном разбирательстве по существу дела, что ясно демонстрирует, какое зна-

[1] Шарно О. И. Классификационная модель правоприменительной символики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. №3 (20) С. 41-43.

[2] Питько Р.Ю. Уголовно-процессуальная форма : понятие, признаки и соотношение с иными процессуальными категориями // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. №9А. С. 463-472.

[3] Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: диссертация. – Саратов, 2014. 183 с.

[4] Горохов С.В. Принципы уголовно-процессуальной деятельности судьи, направленной на предупреждение и разрешение конфликтов при разбирательстве уголовных дел // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2011. №1. С. 395-402.

чение придается процедурам и символам в формировании правоприменительной техники и обеспечении законности процесса[1].

Судебная практика также иллюстрирует, что процедурно-процессуальные символы охватывают широкий спектр аспектов уголовного судопроизводства: от оформления процессуальных документов и ведения протоколов до ритуалов вызова участников и особенностей изготовления судебных постановлений. Недостаточное внимание к этим символам может привести не только к процессуальным нарушениям, но и к утрате доверия к судебной системе в целом. Следовательно, символы эти не должны рассматриваться исключительно как внешние атрибуты процесса — они выступают как эффективные инструменты системной правоприменительной деятельности, способствующие обеспечению принципа разумного срока, состязательности и равноправия сторон[2].

Оценка зарубежного опыта в сфере уголовного судопроизводства представляется не менее важной, поскольку позволяет выявить общие тенденции и лучшие практики в применении процедурных символов. Например, в цивилизованных правовых системах Запада процессуальные символы не ограничиваются лишь традиционной формализацией, а активно интегрируются с принципами открытости, прозрачности и доступности правосудия. Значительный акцент делается на стандартизацию процессуальных действий через четко регламентированные ритуалы и электронные системы документооборота, что повышает качество и оперативность рассмотрения дел. Некоторые европейские страны внедряют электронные судебные платформы, которые также функционируют на базе унифицированных символических кодов, упрощая коммуникацию между судом и участниками процесса и способствуя легитимности судебных решений.

Стоит отметить, что в российской практике традиционные процедурно-процессуальные символы претерпевают естественную трансформацию под влиянием цифровизации судебной системы. Это выражается в появлении новых видов символов — электронных подписей, цифровых протоколов, видеозаписей судебных заседаний, что не только меняет форму их выражения, но и расширяет функциональные возможности с точки зрения доказательственного значения и контроля за соблюдением процессуальных норм. Вместе с тем, адаптация данных инноваций требует глубокого понимания теоретических основ процессуальной символики и пересмотра устоявшихся методологических подходов, что становится предметом современного научного и практического обсуждения[3].

Рассмотрение каждой группы символов в уголовном процессе позволяет выявить их специфические роли и функцию. Так, атрибутивно-изобразительные символы, включающие традиционные атрибуты правосудия — судебный молоток, мантию, герб — служат внешними индикаторами официального статуса судебного процесса и символизируют его авторитет и независимость. Знаково-графические символы, такие как клятва свидетеля или подсудимого, протокольные записи, судебные штампы и отметки, обеспечивают легитимность проведения конкретных процессуальных действий и выступают в роли средств доказательства надлежащего соблюдения процедур.

Процедурно-процессуальные символы, включающие устойчивые последовательности процессуальных действий, оказываются наиболее сложным по содержанию и структуре элементом. Они определяют порядок вызова сторон, проведения допросов, оглашения приговоров, а также процессуальные способы обеспечения прав участников процесса. Их роль в регламентировании судебного разбирательства трудно переоценить, поскольку именно эти символы формируют железобетонный каркас уголовного процесса и отвечают за его технологическую непрерывность и юридическую полноту. При анализе судебных материалов выявляется, что нарушение или несоблюдение данных символов ведет к существенным процессуальным нарушениям и, как следствие, к пересмотру дел и отмене судебных актов.

Важным аспектом выступает и то, что процедурно-процессуальные символы обладают не только регулятивной функцией, но и познавательной, а также формируют особую культуру правоприменения. Суды, применяя эти символы, обеспечивают не только юридическую правильность решений, но и формируют доверие к справедливости судебного разбирательства, что особенно важно в уголовном процессе, где затрагиваются фундаментальные права личности. Компетентное понимание и использование данных символов судьями и иными процессуальными лицами свидетельствует о высоком уровне профессиональной подготовки и служит гарантией правовой защищенности участников процесса[4].

Важно отметить, что современные тенденции развития уголовного процесса, такие как введение электронного правосудия, активное использование цифровых технологий и развитие дистанционных способов ведения судопроизводства, существенно влияют на эволюцию правоприменительных симво-

[1] https://ros-advocat.ru/partner_news/apelljacija-razobralas-s-zamenoj-necenzurnyh-vyrazhenij-na-sochetanie-bukv-i-tochek-v-obvinitelnom-zakljuchenii/

[2] Гаврилова Ю.А.Судебная практика и правоприменительное смыслообразование в российской Федерации // Lex Russica. 2018. №7 (140). С. 125-134.

[3] Электронное правосудие: монография / Е.В. Бурдина [и др.]; под ред.Е.В.Бурдиной, С.В. Зуева. М.: РГУП, 2021. 344 с.

[4] Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие и содержание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2004. №6. С.14-30.

лов, трансформируя их содержание и функции. В частности, знаково-графические и процедурно-процессуальные символы приобретают новые формы выражения, что обуславливает необходимость обновления теоретических моделей и адаптации практических подходов к новым условиям судебного разбирательства.

Вместе с тем, необходимо отметить, что изучение судебной практики выявляет ряд проблем, связанных с недостаточным нормативным закреплением некоторых процедурно-процессуальных символов и отсутствием универсальных стандартов их применения. Некоторые суды допускают формальные подходы к исполнению символических процедур, что негативно отражается на качестве уголовного судопроизводства и требует законодательного и методического совершенствования[1]. В связи с этим актуальной задачей становится разработка четких методических рекомендаций и повышение правового образования участников процесса в части значимости и правильного использования процессуальных символов.

Таким образом, проведенный анализ судебной практики и сравнительный анализ зарубежного опыта подтверждают, что процедурно-процессуальные правоприменительные символы представляют собой важнейший элемент уголовного процесса, способствующий законности, эффективности и справедливости правосудия. Их систематизация и глубокое понимание необходимы для улучшения качества правоприменения в судах общей юрисдикции, а также для инновационного развития уголовного судопроизводства в условиях современных вызовов и требований.

В свете изложенного можно констатировать, что исследование процедурно-процессуальных правоприменительных символов представляет собой важное и перспективное направление современной юридической науки и судебной практики, направленное на повышение эффективности и справедливости уголовного судопроизводства в судах общей юрисдикции. Их систематизация, теоретическое осмысление и практическая апробация способствуют не только развитию процессуального права, но и укреплению правовой культуры в обществе, формированию доверия к судебной системе и обеспечению законности и правопорядка в целом.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2023 N 3-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисяна» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438079/ (дата обращения 20.09.2025)

Волкова Алина Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Volkova Alina Yuryevna

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal and Penal Law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: auvolkovs@mail.ru

Информированное добровольное согласие как символ безопасности личности при медицинском вмешательстве

Informed voluntary consent as a symbol of personal safety during medical intervention

Аннотация. В статье анализируется правовая природа информированного добровольного согласия как ключевого механизма обеспечения безопасности медицинского вмешательства. Обосновывается необходимость строгого соблюдения процедуры его получения, рассматриваются этические, правовые и уголовно-правовые аспекты информирования пациента в отечественных правовых реалиях. Делается вывод о значимости информированного добровольного согласия как юридического гаранта не только соблюдения прав пациента, но и профессиональной защиты медицинского работника при оказаний медицинской помощи или иоказании медицинских услуг.

Ключевые слова: информированное добровольное согласие, медицинское вмешательство, права пациента, медицинская помощь, безопасность, уголовная ответственность, медицинская этика, биомедицинское законодательство, медицинская услуга

Annotation. This article analyzes the legal nature of informed voluntary consent as a key mechanism for ensuring the safety of medical interventions. The need for strict adherence to the procedure for obtaining it is substantiated, and the ethical, legal, and criminal law aspects of informing patients in Russian legal realities are considered. A conclusion is reached regarding the importance of informed voluntary consent as a legal guarantee not only of the patient's rights but also of the professional protection of healthcare workers when providing medical care or services.

Keywords: informed voluntary consent, medical intervention, patient rights, medical care, safety, criminal liability, medical ethics, biomedical legislation, medical service

Для цитирования: Волкова А.Ю. Информированное добровольное согласие как символ безопасности личности при медицинском вмешательстве // Юридическая техника. – 2025. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (24-27 сентября 2025 года, Нижний Новгород) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 668–671.

Введение. Современная медицинская практика немыслима без соблюдения принципов законности, профессиональной этики и уважения прав личности. Одним из важнейших инструментов, обеспечивающих эти принципы, является информированное добровольное согласие (далее – ИДС) на медицинское вмешательство. Институт ИДС обеспечивает баланс между правом гражданина на охрану здоровья и автономией личности, а также профессиональной обязанностью медицинского работника действовать в интересах пациента. Правовое закрепление данного института на территории Российской Федерации содержится в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», что придает ему нормативно-обязательный характер символа безопасности личности[1]. Помимо обязательного федерального требования получения ИДС перед медицинским

[1] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 48, 28.11.2011, ст. 6724.

вмешательством, необходимость его получения устанавливается биомедицинским законодательством, сужающим процедуру получения ИДС до конкретных медицинских манипуляций[1]. И согласно Определению Верховного Суда РФ от 5 августа 2019 г. № 303-ЭС19-11529, если ИДС получено с нарушением процедуры или не содержит исчерпывающего перечня необходимой информации, то ошибки в оформлении ИДС приравниваются к его отсутствию[2]. Правовые последствия ввиду отсутствия ИДС или нарушения процедуры его получения охватывают все виды юридической ответственности, но уголовная ответственность может наступать не сам факт отсутствия ИДС, а за наступившие последствия осуществленного медицинского вмешательства, базировавшегося на ИДС пациента.

В последние несколько лет биомедицинское законодательство претерпевает серьезные изменения в части переработки различных медицинских стандартов оказания медицинской помощи. С 1 января 2025 г. в рамках реализации положений ст. 37 ФЗ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» завершилось поэтапное введение применения клинических рекомендаций при оказании медицинской помощи, которые[3]. Для определения характера осуществляемого вмешательства в качестве медицинской помощи необходимо руководствоваться повсеместно внедряемыми клиническими рекомендациями.

Правовая природа и функции информированного согласия. ИДС представляет собой юридический акт выражения воли пациента, основанный на достаточном информировании о целях, методах, рисках и последствиях медицинского вмешательства. Согласно ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ, медицинское вмешательство без получения согласия не допускается, за исключением строго определённых законом случаев, в которых промедление при осуществлении медицинского вмешательства создает риски для жизни и здоровья пациента.

ИДС, исходя из его правовой природы и функционального назначения, выполняет несколько ключевых *функций*:

– *правоустанавливающая* – ИДС является юридическим основанием (правопорождающим фактом) для осуществления медицинского вмешательства;

– *гарантийная* функция обеспечивает рамки данного согласия как для медицинского работника, так и для пациента в части права на получение полной и достоверной информации о будущем вмешательстве, так и о возможности отказаться от процедуры;

– *защитная* функция характеризует ИДС как инструмент правовой защиты пациента и медицинского работника. В отношении пациента ИДС обеспечивает защиту от нежелательного вмешательства и от принятия решения в условиях повышенного риска для жизни и здоровья. Для медицинского работника подписанное ИДС является документальным подтверждением правомерности осуществленного медицинского вмешательства, что снижает риск последующих судебных разбирательств по обвинению в несанкционированном вмешательстве.

Таким образом, ИДС выступает не только юридической, но и этической категорией, призванной укрепить доверие между пациентом и медицинским персоналом.

В рамках осуществления различного рода медицинских манипуляций необходимо отграничивать два понятия: медицинская помощь и медицинская услуга. В рамках доктринальных подходов отграничение медпомощи от медицинской услуги осуществляется по сфере правового регулирования; по источнику финансирования оказания медицинских услуг – бюджетные денежные средства и за счет собственных средств; целевая функция оказания медицинских услуг – социальная или коммерческая[4]. И в зависимости от того, в рамках чего получается ИДС, его правовая природа варьируется. Так, исполнитель медицин-

---

[1] См. например: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 апреля 2012 г. № 390н «Об утверждении Перечня определенных видов медицинских вмешательств, на которые граждане дают информированное добровольное согласие при выборе врача и медицинской организации для получения первичной медико-санитарной помощи» // Российская газета, № 109, 16 мая 2012; Приказ Министерства здравоохранения РФ от 12.11.2021 г. № 1051н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Доступ [сайт]. –: URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения 30.10.2025).

[2] Определение Верховного Суда РФ от 5 августа 2019 г. « 303-ЭС19-11529 по делу № А73-10416/2018 «Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации» // Доступ СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 30.10.2025).

[3] Постановление Правительства РФ от 17.11.2021 г. № 1968 «Об утверждении Правил поэтапного перехода медицинских организаций к оказанию медицинской помощи на основе клинических рекомендаций, разработанных и утвержденных в соответствии с частями 3, 4, 6-9 и 11 статьи 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 22.11.2021, № 47, ст. 7867

[4] См. например: *Бимбинов А.А.* Причинение вреда при оказании медицинской помощи как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 125-136;; *Мелихов А.В., Мохов А.А.* Деятельность по оказанию медицинских услуг – разновидность деятельности предпринимательской // Медицинское право. 2006. № 2. С. 27-33; *Мохов А.А.* Медицинская деятельность – вид социального предпринимательства // Медицинское право. 2016. № 1. С. 6-10; *Помазкова С.И.* О значении соотношения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» для реализации права граждан на охрану здоровья // Юридический мир. 2012. № 11. С. 35-38.

ской услуги обязан предоставить потребителю необходимую и достоверную информацию о работах (услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора[1]. Тем самым оказание медицинской услуги, не отвечающей требованиям безопасности ввиду нарушения процедуры получения ИДС, является основанием для привлечения медицинского работника к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ.

Этические основы информирования пациента. Процедура информирования – это не формальная стадия перед подписанием согласия, а центральный элемент медицинского взаимодействия с пациентом. Она отражает уважение к автономии личности и принципу осознанного выбора нарушения физической неприкосновенности. Этическое содержание ИДС определяется международными правовыми актами, в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Также отдельные нормативные правовые акты определили значение и роль ИДС лица на медицинское вмешательство как обязательного условия обеспечения безопасности личности.

Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины в 1997 г. определила общие правила согласия лица на любое медицинское вмешательство: добровольность, информированность, отзываемость/возвратность, делегирование иным лицам дачи согласия ввиду неспособности лицом самостоятельно дать согласие[2].

Всеобщая Декларация о геноме человека и правах человека уточнила условия применения согласия лица на медицинское вмешательство. Оно характеризуется предварительной, свободной и ясно выраженной формой[3].

Резолюция пленарного заседания 75-го пленарного заседания Генеральной Ассамблеи ООН содержит *Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи*, где утверждено в качестве согласия на лечение осознанное согласие, получаемое свободно, без угроз или неоправданного принуждения после надлежащего предоставления пациенту в понятной ему форме достаточной и ясной информации о ходе лечения[4].

Зачастую не уделяется должного внимания уголовно-правовой стороне письменного согласия гражданина на медицинское вмешательство, хотя его цель − охрана прав и свобод человека/гражданина от медицинского противоправного воздействия, от врачебных преступлений − отражает одну из задач уголовного законодательства. Сопряженность производства медицинского вмешательства с риском для жизни и здоровья пациента предполагает, что согласие лица выступает оправдательным обстоятельством допущения риска по отношению к себе, что обусловлено не только правовой, но и этической составляющей ИДС, ведь без составляющей риска невозможно осуществление медицинского вмешательства.

Уголовно-правовые последствия отсутствия ИДС или нарушения процедуры его получения. В зависимости от тяжести наступивших последствий, действия медицинского работника при осуществлении медицинского вмешательства могут содержать признаки различных противоправных деяний: от оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), до причинения по неосторожности вреда здоровью пациента или же смерти.

ИДС лица на претерпевание вреда в рамках медицинского вмешательства объединяет с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, его социально-юридическая природа, выражающаяся в желании названного лица достичь общественно полезную цель: проведение успешного медицинского вмешательства, но в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, волеизъявление лица на допущение вреда М.В. Пановым не расценивается ввиду его правовой природы как элемента правомерности различных форм социального поведения, связанных с реализацией прав человека на здоровье и условиями причинения себе вреда[5].

Исходя из вышеуказанного, хотелось бы обозначить правовые последствия нарушения процедуры получения ИДС для медицинского работника. В зависимости от специфики производимого медицинского вмешательства (в рамках оказания помощи или предоставления услуги) несоблюдение процедуры получения ИДС предполагает различные варианты реализации уголовной ответственности.

Последние изменения уголовного закона исключили возможность привлечения медицинских работников по ст. 238 УК РФ, основываясь на разграничении медпомощи от различного рода медицинских

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета, № 156, 11 июля 2012.

[2] Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине: заключена 4 апреля 1997 г. в г. Овьедо // Доступ СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 30.10.2025).

[3] Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека: принята 11 ноября 1997 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры // Доступ СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 30.10.2025).

[4] Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи: Резолюция 46/119 на 75-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1991 г. // Доступ СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 30.10.2025).

[5] См.: *Панов М.В.* Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 12.

услуг. Примечание к ст. 238 УК РФ, введенное Федеральным законом от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ, должно стать отправной точкой не только для реформирования целого блока биомедицинского и смежного с ним законодательства в части разделения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга», определения необходимых условий для освобождения медработников от уголовной ответственности по данной статье[1], но обозначить значимость иных обязательных организационных мероприятий при производстве медицинского вмешательства.

Заключение. Для эффективного применения института ИДС требуется не только наличие подписи пациента, но и реальное понимание им сути медицинского вмешательства (манипуляции). Медицинский работник обязан предоставить сведения в доступной форме, объясняя не только ожидаемые результаты, но и возможные осложнения, альтернативные методы и риски отказа от вмешательства. Игнорирование этих требований снижает юридическую силу ИДС, превращая его в формальную процедуру, лишённую содержания.

ИДС выступает ключевым элементом современной системы медицинского права, объединяя правовые, этические и деонтологические начала. Несоблюдение процедурных требований может повлечь, установленную законом юридическую ответственность, что делает процедуру ИДС неотъемлемым гарантом обеспечения безопасности личности при осуществлении медицинских вмешательств.

Нарушение процедуры получения ИДС при предоставлении медицинской услуги делает ее оказание не безопасной. И в совокупности с другими нарушениями предоставление медицинской организацией услуг, не отвечающих требованиям безопасности, определяет возможность привлечения медработника к уголовной ответственности в соответствии со ст. 238 УК РФ.

Если же не соблюдаются требования к процедурному оформлению ИДС или его неполноте в рамках оказания медпомощи, уголовная ответственность наступает лишь при возникновении последствий в виде смерти пациента или тяжкого вреда здоровью.

В контексте современной государственной политики по совершенствованию мер уголовной ответственности медицинских работников важно реализовать межотраслевой принцип защиты прав пациентов: необходимо сформировать доступный комплекс правовых инструментов для обеспечения гарантий безопасности личности и в последующем восстановления нарушенных прав лиц, обращающихся за медицинской помощью или предоставлением медицинских услуг. В данном случае ИДС пациента позволяет обеспечить названные гарантии безопасности личности при подготовке к медицинскому вмешательству.

[1] См.: *Волкова А.Ю.* Актуальные вопросы обеспечения безопасности личности в рамках оказания медицинской помощи / А. Ю. Волкова, Е. П. Амочкина // Вопросы безопасности. 2025. № 3. С. 91-104.

Воронин Алексей Витальевич

ассистент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета, адвокат Тверской областной коллегии адвокатов «Линия защиты»

Voronin Alexey Vitalyevich

Assistant of the Department of Judicial Power and Law Enforcement Activity Tver State University advocate of the Tver Regional Bar Association «Line of Defense»

E-mail: alexvor1997@yandex.ru

Символическое пространство посмертного творческого бытия: конституционно-правовое измерение

The symbolic space of posthumous creative existence: the constitutional and legal dimension

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы определения структурно-содержательных основ символического пространства посмертного творческого бытия с позиций конституционной теории права. На основе результатов анализа содержания практик цифрового «реставрирования» умерших творческих деятелей, положений Конституции России, в композиционном единстве образующих правовую базу объективирования категории «пространство» в дуалистическом понимании, материалах практики конституционной юстиции определяется диалектический характер взаимодействия права и цифровых технологий. Делается вывод о необходимости принятия специального закона о дипфейках.

Ключевые слова: конституционное право, посмертное творческое бытие, символическое пространство, дипфейк, аватар

Annotation. This article explores the problem of defining the structural and substantive foundations of the symbolic space of posthumous creative existence from the perspective of constitutional legal theory. Based on an analysis of the content of digital «restoration» practices for deceased creative figures, the provisions of the Russian Constitution that, when combined, form the legal basis for objectifying the category of «space» in a dualistic sense, and the practice of constitutional justice, it identifies the dialectical nature of the interaction between law and digital technologies. A conclusion is drawn regarding the need to adopt a special law on deepfakes.

Keywords: constitutional law, posthumous creative event, symbolic space, deepfake, avatar

Для цитирования: Воронин А.В. Символическое пространство посмертного творческого бытия: конституционно-правовое измерение // Юридическая техника. – 2026 – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 672–674.

Актуальность заявленной проблематики детерминирована возникновением в правовой реальности как реальности означивающей и означиваемой феноменов, с одной стороны, маркируемых в качестве образно-символических конструктов, с другой – постулируемых в формате инновационно-технологических паттернов, до настоящего времени не нашедших адекватного восприятия, осмысления и отражения на уровне актов текущего законодательства, конкретизирующих конституционные правоположения. Речь идёт о практиках цифрового «воскрешения» умерших творческих деятелей, которое ещё совсем недавно могло рассматриваться лишь как предмет конституционно-футурологических изысканий, но в свете ускорения социального времени, всеобъемлющей, всепроникающей и всепоглощающей цифровизации и её «правой руки» - цифровой трансформации, глобального цивилизационного противостояния и ряда других вызовов времени, плотно укоренилось в конституционной теории права, вызвав к жизни сопутствующий интерес учёных-конституционалистов и, прежде всего, автора настоящего исследования.

Как видится, создание самодовлеющих, способных к рефлексии и самофлексии аватаров личности (для примера можно рассматривать практики возвращения к «жизни» актёра Сергея Бодрова младшего

в различных формах и сочетаниях форм[1]) в актуально сущем праве как знаково-символической системе с юридико-технических позиций надлежит рассматривать в качестве конституционно значимого действия, осуществляемого в соответствии с конституционными целями, перечисленными, прежде всего, в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)[2], конституционно значимыми публичными и частными интересами, реализация которых сопряжена с пользованием конституционным правом на посмертное творческое бытие, содержательно выводимом, прежде всего, на основе системного толкования конституционных норм, закрепляющих право каждого на жизнь, достоинство, неприкосновенность (в широком смысле) и творчество, а также постулат сохранения исторической памяти. Между тем онтология такого бытия, по нашему мнению, может быть мыслима только на стыке трёх реальностей: правовой, цифровой и аналоговой, интегральным основанием которых выступает категория «пространство». В конституционно-правовом измерении идентификацию пространства надлежит осуществлять посредством дефинирования, во-первых, в качестве особой области восприятия человеком мира и их взаимодействия (подобно тому, как сущность названной категории определяется Е. В. Карповой[3]), в которой конституирующее значение придаётся символам, во-вторых, в качестве объективного поля для такого рода взаимодействия (выражаясь иначе, формы существования материи[4]).

На основе ресурсов конституционной методологии права, обладающей, на наш взгляд, исключительно широким (в отличие от предшествующих теорий) юридико-техническим инструментарием и потенциалом, представляется возможным выдвинуть тезис, согласно которому символическое пространство посмертного творческого бытия являет собой конвергенцию символов, диалектически отражающих природу, смысл и динамику означенного явления.

По своей природе посмертное творческое бытие представляет собой набор цифровых символов, обращение с которыми при помощи искусственного интеллекта, анализирующего сведения об умершем, позволяет воссоздать целостный образ умершего – аватар его личности. Правовыми символами, в своём системном единообразии и композиционном многообразии образующими конституционный текст, характеризуется актуально достоверное состояние правопользования. При этом, учитывая, что живые люди с определённой долей условности «коммуницируют» с умершими в пространстве как объективной действительности, характеризующейся определёнными объёмом и площадью, важно отметить, что дуализм в понимании символического пространства посмертного творческого бытия может быть представлен как Декартова система координат[5] (с вертикальной и горизонтальной плоскостями) или в духе Шеллинговских формул основ мироздания, представленных им в изложении его системы философии[6].

В Конституции РФ категория «пространство» используется в трёх положениях: ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 67, п. «н» ст. 71. При первом приближении может показаться, что в конституционном нарративе речь идёт, в частности, о пространстве экономическом и воздушном. Однако, обращаясь, к примеру, к нормам ч. 1 ст. 9, ч. 1 ст. 27 Конституции РФ, определяющим правовой режим земли как основы жизни и деятельности народов и закрепляющим свободу передвижения, можно в очередной раз убедиться в том, что только комплексный анализ конституционных положений позволяет с достоверностью судить о подлинном содержании «закодированной» в конституционных символах реальности. Изложенное, на наш взгляд, актуально и применительно к символическому пространству посмертного творческого бытия. Так, с учётом содержания положений ч.ч. 1, 2 ст. 44 Конституции РФ необходимо указать и на существование творческого (культурного) пространства.

В этом смысле принципиальная значимость развиваемого подхода находит своё подтверждение в практике Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) как единственно легитимного органа конституционной юстиции России. В частности, основываясь на его Постановлении от 25.06.2024 № 33-П[7], важно отметить, что посмертное творческое бытие имеет в качестве своего конституционного назначения увековечивание исторической памяти и популяризацию сведений о тех или иных лицах либо событиях. Не менее убедительной с юридико-технических позиций в заданном контексте выглядит позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой государство призвано гарантировать достойное отношение к памяти человека, что служит необходимой предпосылкой для создания

---

[1] См.: Посмотрите, как Данила Багров «исправил» финал «Игры престолов» – спас Дейенерис и увез ее в Москву под «Группу крови» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pravilamag.ru/news/film-news/10-08-2022/679317-posmotrite-kak-danila-bagrov-ispravil-final-igry-prestolov-spas-deyeneris-i-uvez-ee-v-moskvu-pod-gruppu-krovi/ (дата обращения: 20.09.2025).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] См.: Карпова Е. В. К вопросу о восприятии пространства // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 29(167). – С. 34–36.

[4] См.: Шимко З. И. Формы бытия материи «Пространство» и «Время» в начальном естествознании // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2008. – № 2. – С. 86–93.

[5] См.: Осипова А. Д. Р. Декарт – математик и анатом // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2017. – Т. 7. – № 6. – С. 833.

[6] См.: Шеллинг, Ф. В. Й. Изложение моей системы философии. – СПб., 2014. – 264 с.

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 № 33-П // СПС «КонсультантПлюс».

правовых гарантий её охраны и обеспечения достойного отношения к умершему (Определение от 20.07.2023 № 1791-О[1]).

В настоящее время на просторах «всемирной паутины» всё более широкое распространение приобретают предоставляемые отдельно взятыми лицами услуги по созданию с помощью искусственного интеллекта видеороликов, в которых заказчики символически прощаются с близкими, погибшими в ходе проведения специальной военной операции[2]. Учитывая тот факт, что Российская Федерация приняла на себя обязательства по сохранению исторической памяти (ч. 3 ст. 67[1] Конституции РФ), в том числе памяти о защитниках Отечества, исходя из высшей ценности человека, его прав и свобод (ст. 2 Конституции РФ), полагается необходимым указать на особый диалектический характер взаимодействия права и цифровых технологий (цифры как таковой) в их символическом выражении. Такое взаимодействие, с нашей точки зрения, выступает в качестве основы символического пространства посмертного творческого бытия. Соответственно, поскольку конституционное правопользование призвано обеспечить фактическое верховенство конституционного принципа высшей ценности человека[3], постольку требуется вести речь о необходимости опосредования возникающих в правовой действительности общественных отношений, прежде всего, в формате нормативных конкретизаций конституционных правоположений. В частности, с целью недопущения дестабилизации деятельности государства (в лице органов публичной власти) по защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и свобод человека и гражданина и иных конституционно значимых ценностей, включая общественную безопасность.

Так, только осенью 2025 года имели место практики создания при помощи технологии «дипфейк» цифровых двойников российских государственных деятелей. В частности, речь идёт об актах внедрении в цифровое пространство аватара губернатора Орловской области, якобы призывавшего население региона отказаться от использования личного транспорта вследствие нехватки топлива на автозаправочных станциях[4], и губернатора Самарской области, якобы высказывавшего мнение о мере наказания подростков из г. Тольятти, которые исполнили песню про лидера украинских националистов, а также о рисках потери урожая в регионе в результате атаки украинских беспилотных летательных аппаратов[5]. В этой связи вряд ли у кого-либо вызовет сомнения необходимость урегулирования общественных отношений, связанных с созданием аватаров личности (и тем более аватаров умерших людей, «воскрешение» которых может иметь особенно пагубный характер (с учётом особой психоэмоциональной составляющей «взаимодействия» живых с «воскресшими») при совершении тем или иным лицом антиконституционных деяний с использованием соответствующей технологии. На наш взгляд, концептуальную основу такого регулирования должен образовывать Федеральный закон «О дипфейках», определяющий основания, порядок, условия и последствия воссоздания чьего-либо образа (в том числе образа почившего лица).

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие заключительные выводы.

Во-первых, символическое пространство посмертного творческого бытия содержит в себе сообразующиеся и коррелирующие между собой символы права и цифры, призванные в своём органичном взаимодействии обеспечить каждому возможность продолжения своего творческого пути после собственной физической смерти.

Во-вторых, с целью обеспечения надлежащего конституционного правопользования представляется необходимой разработка системы правовых, юридико-технических гарантий соответствующего конституционного права, в первую очередь, посредством нормативных конкретизаций приведённых конституционных правоположений.

В-третьих, базовым нормативно-правовым актов, регулирующим общественные отношения, связанные с цифровым воссозданием образа какого-либо лица (включая умершего) должен стать профильный Федеральный закон «О дипфейках». В данном законе надлежит определить основания, порядок, условия и последствия создания аватара личности.

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 1791-О // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Погибших бойцов СВО оживляют в нейросетях. Кто и за сколько продает вдовам и матерям иллюзию прощания? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2025/09/04/neironecrologue/ (дата обращения: 30.10.2025).

[3] См.: Крусс, В. И. Теория конституционного правопользования : монография / В. И. Крусс – М.: Норма, 2007. – 752 с. – Текст : непосредственный.

[4] См.: В Сети появилось видео с дипфейком губернатора Орловской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chr.aif.ru/orel/incidents/v-seti-poyavilos-video-s-dipfeykom-gubernatora-orlovskoy-oblasti (дата обращения: 30.10.2025).

[5] См.: Губернатор Вячеслав Федорищев стал жертвой создателей дипфейков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sgpress.ru/news/508747 (дата обращения: 30.10.2025).

Воронов Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учёта учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России

Voronov Sergei S.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Accounting and Accounting of educational and scientific complex of countering economic and tax crimes of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

E-mail: raven.22@mail.ru

Символы в бухгалтерском учёте

Symbols in accounting

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и объекты бухгалтерского учёта; приводятся примеры используемых в бухгалтерском учёте графических символов, буквенных условных обозначений, цифровых условных обозначений, условных обозначений документов, а также описывается международный герб бухгалтеров.

Ключевые слова: бухгалтерский учёт, бухгалтерская отчётность, счета бухгалтерского учёта, дебет, кредит, основные средства, нематериальные активы, товарные знаки, материально-производственные запасы, банковские платёжные документы, международный герб бухгалтеров

Annotation. The article discusses the concept and objects of accounting; provides examples of graphic symbols, letter symbols, digital symbols, and document symbols used in accounting, and describes the international coat of arms of accountants.

Keywords: accounting, financial statements, accounting accounts, debit, credit, fixed assets, intangible assets, trademarks, inventories, bank payment documents, international coat of arms of accountants

Для цитирования: Воронов С.С. Символы в бухгалтерском учёте // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 675–679.

Бухгалтерский учет, в соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ «О бухгалтерском учёте»[1], является процессом формирования документированной систематизированной информации об объектах бухгалтерского учёта, а также процессом составления на основе такой информации бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Объектами бухгалтерского учёта, согласно ст. 5 данного федерального закона, являются:

1) активы;
2) доходы;
3) источники финансирования его деятельности;
4) обязательства;
5) расходы;
6) факты хозяйственной жизни;
7) иные объекты.

Бухгалтерская (финансовая) отчетность, в соответствии со ст. 3 ФЗ «О бухгалтерском учёте», является информацией о финансовом положении хозяйствующего субъекта на определённую дату, финансовом результате его хозяйственной деятельности и движении денежных средств за определённый период, систематизированной в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами.

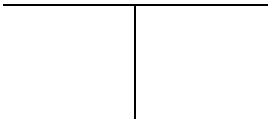
Другими словами, бухгалтерский учёт содержит информацию о различных объектах, возникающих в процессе хозяйственной деятельности экономического субъекта, а также о его финансовом положении и результатах его финансовой деятельности за определённый период.

[1] Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О бухгалтерском учете».

Хозяйственная деятельность экономических субъектов крайне многообразна. Она отличается по сфере функционирования экономического субъекта: промышленность, торговля, строительство, сельское хозяйство, банковская сфера и т.д. Отличается по масштабам функционирования экономического субъекта: крупные предприятия, субъекты малого и среднего бизнеса, микропредприятия и индивидуальные предприниматели. Кроме того, хозяйственная деятельность отличается в зависимости от режима налогообложения и видов экономической деятельности, указанных в качестве основных в уставе экономического субъекта.

При всём этом многообразии бухгалтерская информация должна быть понятна различным пользователям бухгалтерской отчётности, в том числе и государственным контролирующим органам. Одним из средств, способным решить эту проблему, является использование условных обозначений (символов) в бухгалтерском учёте. Условные знаки представляют собой сокращения или коды, которые используются для упрощения учётных записей и понимания хозяйственных операций. Они помогают систематизировать информацию, сокращают время на оформление учётных документов и облегчают анализ учётных данных.

Пожалуй, самым распространённым символом в бухгалтерском учёте является графический знак в форме буквы «Т», который обозначает счёт бухгалтерского учёта.

Такой символ некоторые бухгалтеры неофициально называют «самолётик», а пессимистично настроенные – «виселицей». Этот символ обозначает двухстороннюю таблицу, левая сторона которой называется «Дебет», а правая – «Кредит». Этот символ используется для визуализации хозяйственных операций, отражённых по дебету и кредиту каждого счёта, и помогает бухгалтерам анализировать финансовые операции, движение имущества и рассчитывать остатки на счетах.

Довольно распространёнными символами в бухгалтерском учёте являются буквенные условные обозначения. Например, «Дт» означает запись хозяйственной операции по дебету счёта бухгалтерского учёта, а «Кт» означает запись по кредиту счёта.

Все счета бухгалтерского учёта в зависимости от признака отношения к бухгалтерскому балансу делятся на две группы – пассивные и активные. У пассивных счетов остаток на начало месяца указывают в графе «Кредит», а у активных счетов – в графе «Дебет». Для активных счетов запись в графе «Дебет» означает увеличение остатка, запись в графе «Кредит» – уменьшение остатка. Для пассивных счетов, наоборот, запись по «Дебету» означает уменьшение, по «Кредиту» – увеличение.

Буквенные условные обозначения часто используют для указания на отдельные объекты бухгалтерского учёта. К примеру, буквенное сочетание «ОС» обозначает такой объект бухгалтерского учёта, как «основные средства».

Основные средства представляют собой материально-вещественные ценности, используемые в качестве средств труда при производстве продукции, продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг. К основным средствам относятся: здания, сооружения, рабочие и силовые машины и оборудование, измерительные и регулирующие приборы и устройства, вычислительная техника, транспортные средства и т.п.

Буквенное сочетание «НМА» обозначает такой объект бухгалтерского учёта, как «нематериальные активы». Нематериальные активы представляют собой имущество, используемое в хозяйственной деятельности организации, но в отличие от основных средств, не имеющее материально-вещественной формы. К нематериальным активам относятся: произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин; изобретения; полезные модели; селекционные достижения; секреты производства (ноу-хау); товарные знаки и т.п.

Товарные знаки, кстати, можно расценивать как отдельный символ, обозначающий определённый вид продукции или целую организацию. Рейтинг самых дорогих товарных знаков мира возглавляет Apple. Его стоимость эксперты оценивают в 574,5 млрд $. В тройку лидеров также входят Microsoft (461,1 млрд $) и Google (413 млрд $).

Рейтинг самых дорогих товарных знаков России возглавляет Яндекс. Его стоимость оценивается экспертами в 16,4 млрд $. В тройку лидеров также входят Ozon (8 млрд $) и Wildberries (6,6 млрд $).

Компании, которые владеют известными брендами, учитывают их стоимость в составе нематериальных активов. При этом вследствие изменения рыночной стоимости бренда стоимость нематериального актива регулярно подвергается переоценке в соответствии с правилами бухгалтерского учёта.

Буквенное сочетание «МПЗ» обозначает такой объект бухгалтерского учёта, как «материально-производственные запасы». Запасами, в соответствии с п. 3 ФСБУ 5/2019 «Запасы»[1], считаются активы, потребляемые или продаваемые в рамках обычного операционного цикла организации, либо используемые в течение периода не более 12 месяцев. К материально-производственным запасам относятся: сырье, материалы, топливо, инструменты, инвентарь, специальная одежда, готовая продукция, товары и т.п.

Также весьма распространёнными символами в бухгалтерском учёте являются цифровые условные обозначения. Наиболее часто используемыми из них являются коды счетов бухгалтерского учёта. Для иллюстрации процесса отражения хозяйственных операций путём использования кодов счетов бухгалтерского учёта рассмотрим следующий пример:

Д-т 02 К-т 01 10,0
Д-т 91 К-т 01 15,0
Д-т 50 К-т 91 8,0

Для непосвящённого человека такие записи вообще мало о чём говорят. Любой бухгалтер же, напротив, легко прочитает зашифрованную здесь хозяйственную операцию:

Объект основных средств (сч. 01 «Основные средства»[2]) первоначальной стоимостью 25,0 тыс. руб. (балансовая стоимость 15,0 тыс. руб. (за вычетом суммы накопленной на сч. 02 амортизации)) продан за наличный расчёт (сч. 50 «Касса») за 8,0 тыс. руб. При это оплата произведена в момент совершения хозяйственной операции. Такая операция приведёт к отражению на сч. 91 «Прочие доходы и расходы» отрицательного финансового результата, который в конечном итоге может создать или увеличить сумму убытков от финансовой деятельности организации.

Или ещё пример использования кодов счетов бухгалтерского учёта для отражения хозяйственных операций:

Д-т 90 К-т 43 80,0
Д-т 62 К-т 90 108,0
Д-т 90 К-т 68 18,0

Готовая продукция (сч. 43 «Готовая продукция») учётной стоимостью 80,0 тыс. руб. продана за 108,0 тыс. руб. (в том числе НДС 20% (сч. 90 «Продажи» в корреспонденции со сч. 68 «Расчёты по налогам и сборам»), что составляет 18,0 тыс. руб.). При этом в учёте отражается дебиторская задолженность покупателей (сч. 62 «Расчёты с покупателями и заказчиками»), что означает, что оплата ещё не произведена. Такая операция приведёт к отражению на сч. 90 «Продажи» положительного финансового результата, который в конечном итоге может создать или увеличить сумму прибыли от финансовой деятельности организации.

Также в бухгалтерском учёте могут использоваться условные обозначения документов. Например, в банковской сфере применяются цифровые коды для обозначения различных видов платёжных документов. Они используются для идентификации и классификации различных операций и платёжных документов, проводимых по банковским счетам. Эти коды помогают упростить обработку операций, систематизировать хранение платёжных документов и облегчить поиск информации в банковских электронных системах данных.

[1] Приказ Минфина России от 15.11.2019 № 180н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 5/2019 «Запасы».

[2] Приказ Минфина России от 31.10.2000 № 94н (ред. от 08.11.2010) «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению».

Условные цифровые обозначения документов[1]	Наименование документов, по которым отражены операции
1	2
01	Списано, зачислено по платежному поручению, по поручению банка
02	Оплачено, зачислено по платежному требованию
03	Оплачен наличными денежный чек, выдано по расходному кассовому ордеру
04	Поступило наличными по объявлению на взнос наличными, приходному кассовому ордеру, препроводительной ведомости к сумке
06	Оплачено, зачислено по инкассовому поручению
07	Оплачено, поступило по расчетному чеку
08	Открытие аккредитива, зачисление сумм неиспользованного, аннулированного аккредитива
09	Списано, зачислено по мемориальному ордеру, а также по первичным учетным документам с реквизитами счетов по дебету и кредиту
12	Зачислено на основании авизо
16	Списано, зачислено по платежному ордеру
17	Списано, зачислено по банковскому ордеру
18	Списано, зачислено по ордеру по передаче ценностей

В качестве завершения вопроса об использовании символов в бухгалтерском учёте хотелось бы привести международный герб бухгалтеров.Автором международного герба бухгалтеров считается французский учёный Жан Батист Дюмарше. Он придумал его в 1944 году. Через два года, в 1946 году Всемирная ассамблея бухгалтерских работников утвердила придуманную Дюмарше эмблему как символ счётной профессии. Международный герб бухгалтеров имеет овальную форму и включает три символа:

Солнце – символизирует прозрачность и ясность бухгалтерской (финансовой) отчётности, освещение бухгалтерским учётом хозяйственной деятельности экономического субъекта.

Весы – символизируют баланс, который является основой бухгалтерского учёта и бухгалтерской (финансовой) отчётности.

Кривая Бернулли – символизирует непрерывность и вечность бухгалтерского учёта, указывая на то, что учёт, возникнув однажды, будет существовать всегда.

Эти символы отражают суть профессии бухгалтера и принципы бухгалтерского учёта.

[1] Положение Банка России от 24.11.2022 № 809-П (ред. от 02.11.2024) «О Плане счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядке его применения».

Также герб сопровождается словами: «SCIENCE» (наука), «CONSCIENCE» (доверие), «INDEPENDANCE» (независимость).

Наука в данном контексте символизирует знание, опыт бухгалтера, использование проверенных методов и принципов ведения бухгалтерского учёта, а также постоянное развитие и совершенствование в области учёта.

Доверие символизирует честность, ответственность и надёжность бухгалтера, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей. Бухгалтер должен быть надёжным источником информации, заслуживающим доверия со стороны руководства экономического субъекта, своих коллег и других заинтересованных пользователей бухгалтерской отчётности, в том числе государственных контролирующих органов.

Независимость символизирует объективность, беспристрастность бухгалтера, отсутствие влияния на него со стороны третьих лиц. Бухгалтер должен принимать решения, руководствуясь только фактами, первичными документами, соблюдать профессиональные стандарты.

Вместе эти три слова формируют основу для профессиональной деятельности бухгалтера, подчёркивая важность знаний, честности и независимости в выполнении своих должностных обязанностей.

Таким образом, в бухгалтерском учёте, как и во многих других видах профессиональной деятельности, используются определённые символы и условные обозначения, упрощающие информацию и способствующие её лучшему пониманию со стороны всех заинтересованных лиц.

Гарцева Юлия Юрьевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России

Gartseva Yulia Yurievna

Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Constitutional and International Law at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: Yulya.gartseva@bk.ru

Гонтарь Владимир Николаевич

кандидат педагогических наук, генеральный директор Автономной некоммерческой организации «Научно-производственный центр беспилотных авиационных систем Республики Дагестан»

Gontar Vladimir Nikolaevich

Candidate of Pedagogical Sciences, General Director of the Autonomous Non-Profit Organization Scientific and Production Center for Unmanned Aerial Systems of the Republic of Dagestan

E-mail: vladimirgontar@mail.ru

Символы в международном гуманитарном праве: анализ защитных знаков и их роль в обеспечении безопасности гражданского населения

Symbols in International Humanitarian Law: An Analysis of Protective Signs and Their Role in Ensuring Civilian Safety

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный анализ системы специальных символов, используемых в международном гуманитарном праве (МГП) в качестве визуальных маркеров защиты. Авторы, опираясь на нормативную базу Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним 1977 года, а также на ряд других международно-правовых актов, исследуют генезис, функциональное назначение и правовой режим основных защитных эмблем: красного креста, красного полумесяца, красного кристалла, а также знаков, обозначающих гражданские объекты, находящиеся под особой охраной. Цель исследования заключается в выявлении юридической природы этих символов, их значения как инструмента превентивной правовой коммуникации и в оценке их действенности в условиях современных вооруженных конфликтов. Особое внимание уделяется роли защитных знаков в обеспечении безопасности гражданского населения, которое, будучи центральным объектом защиты в МГП, наиболее уязвимо в ходе боевых действий. В работе доказывается, что, несмотря на закрепление в международных договорах, эффективность защитной функции эмблем находится в прямой зависимости от уровня их универсального признания, строгого соблюдения правового режима их использования и, что наиболее важно, от готовности сторон конфликта уважать и обеспечивать уважение к этим визуальным символам права. В статье также рассматриваются современные вызовы, такие как проблема множественности эмблем, случаи их перцептивного использования и сложности идентификации в цифровую эпоху, предлагая научно обоснованные выводы и рекомендации по укреплению данной правовой институции.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, эмблема, символы, вооруженные конфликты, гражданское население, жизненно важные объекты

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the system of special symbols used in international humanitarian law (IHL) as visual markers of protection. Drawing on the normative framework of the 1949 Gene-

va Conventions and their 1977 Additional Protocols, as well as a number of other international legal acts, the authors explore the genesis, functional purpose, and legal regime of the main protective emblems: the red cross, the red crescent, the red crystal, and the symbols designating civilian objects under special protection. The purpose of this study is to identify the legal nature of these symbols, their significance as a tool for preventive legal communication, and to assess their effectiveness in modern armed conflicts. Special attention is given to the role of protective symbols in ensuring the safety of civilians, who are the central objects of protection in international humanitarian law and are the most vulnerable during armed conflicts.

Keywords: international humanitarian law, emblem, symbols, armed conflicts, civilians, vital facilities

Для цитирования: Гарцева Ю. Ю., Гонтарь В. Н. Символы в международном гуманитарном праве: анализ защитных знаков и их роль в обеспечении безопасности гражданского населения // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 680–683.

В системе международного гуманитарного права, призванного ограничить последствия вооруженных конфликтов, особое место занимают визуальные средства идентификации, известные как защитные знаки или отличительные эмблемы. Эти символы, обладающие строго определенной юридической силой, выполняют критически важную функцию визуальной коммуникации между воюющими сторонами, сигнализируя о необходимости предоставления защиты лицам и объектам, не принимающим непосредственного участия в военном конфликте. Их роль невозможно переоценить в контексте обеспечения безопасности гражданского населения, которое, согласно основополагающему принципу международного гуманитарного права (далее – МГП), должно пользоваться общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями. Гражданские лица, медицинский и духовный персонал, гражданские объекты, особенно те, что имеют жизненно важное значение (больницы, санитарные транспорты, установки и сооружения, содержащие опасные силы), – все они становятся объектами особого правового режима, визуальным выражением которого и выступают соответствующие защитные эмблемы. Таким образом, анализ данных символов представляет собой не просто изучение формальных атрибутов, но глубокое погружение в механизм реализации норм МГП на практике, где видимость и однозначность опознавательного знака зачастую являются единственной гарантией сохранения жизни и здоровья.

Историческое развитие защитных эмблем неразрывно связано с эволюцией самого международного гуманитарного права. Зарождение системы символов можно отнести к середине XIX века, а именно к принятию первой Женевской конвенции 1864 года «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»[1]. Именно этот документ закрепил в качестве единой отличительной эмблемы для медицинской службы вооруженных сил красный крест на белом фоне. Выбор символа был инспирирован флагом Швейцарии, но с инверсией цветов (белый крест на красном фоне), что подчеркивало дань уважения инициаторам конвенции. Важно подчеркнуть, что изначально эмблема не наделялась никаким религиозным или культурным значением, представляя собой сугубо светский, нейтральный символ. Однако в ходе последующих конфликтов, в частности во время Русско-турецкой войны (1877-1878 гг.), Османская империя заявила о намерении использовать вместо красного креста красный полумесяц, мотивируя это тем, что крест оскорбляет чувства мусульманских солдат. Несмотря на первоначальные возражения, де-факто это использование было признано, а впоследствии, на Дипломатической конференции 1929 года, красный полумесяц был официально признан в качестве второй отличительной эмблемы. Этот прецедент создал серьезную проблему универсальности, открыв путь для потенциальных требований о признании иных символов, что в конечном итоге привело к многолетним дискуссиям и лишь в 2005 году было частично разрешено принятием третьего Дополнительного протокола, учредившего дополнительную эмблему – красный кристалл (красный ромб на белом фоне).

Юридическая природа защитных знаков в МГП является дуалистической. С одной стороны, они выполняют индикативную (указательную) функцию, обозначая лиц, объекты и транспортные средства, находящиеся под защитой Конвенций и Протоколов. Это, так сказать, их видимая, поверхностная роль. С другой, и это их глубинная сущность, они несут охранительную (защитную) функцию, выступая в роли юридического щита. Их демонстрация обязывает противную сторону воздерживаться от любых враждебных действий в отношении обозначенного объекта или лица. Следовательно, уважение к эмблеме трансформируется из акта доброй воли в строгую правовую обязанность сторон, участвующих в конфликте. Правовой режим использования эмблем также различен и зависит от их функционального назначения. МГП традиционно выделяет три вида использования: использование в качестве защитного знака, использование в качестве опознавательного знака национальными обществами Красного Креста

[1] Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях" [рус., англ.] (Вместе с "Проектом Соглашения о санитарных зонах и местностях") (Заключена в г. Женеве 12.08.1949) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI.- М., 1957. – С. 71 - 100, 279.

и Красного Полумесяца в мирное время для обозначения своей деятельности и использование в качестве указательного знака для оборудования, используемого для оказания первой помощи[1]. Наиболее значимым, безусловно, является защитное использование, которое регламентировано с максимальной строгостью. Его размеры должны быть достаточно большими для четкой идентификации, а размещение – максимально видимым для противника с различных направлений и расстояний. Любое несанкционированное использование эмблемы, известное как перцептивное использование, представляет собой серьезное нарушение международного гуманитарного права и рассматривается как военное преступление. Это включает в себя использование эмблемы для прикрытия движения войск или военных объектов, а также ее имитацию с целью ввести противника в заблуждение.

Центральное место в системе защитных символов занимает эмблема красного креста и эквивалентные ей эмблемы красного полумесяца и красного кристалла. Их основное предназначение – обозначать медицинский и духовный персонал, учреждения и транспортные средства как вооруженных сил, так и гражданского здравоохранения. Для гражданского населения эта эмблема является ключевым маркером безопасности, указывающим на место, где можно получить медицинскую помощь и где, в теории, должно соблюдаться перемирие. Однако эффективность этого символа напрямую зависит от его всеобщего признания и уважения. Исторически сложившаяся множественность эмблем (крест, полумесяц) сама по себе стала источником проблем. В некоторых регионах мира та или иная эмблема может неправильно восприниматься как имеющая религиозную, культурную или политическую коннотацию, что ставит под угрозу воспринимаемый нейтралитет медицинского персонала и, как следствие, его безопасность. Именно для преодоления этой проблемы и был введен красный кристалл – эмблема, лишенная каких-либо исторических, религиозных или культурных ассоциаций. Государства и национальные общества, которые не могут или не желают использовать красный крест или красный полумесяц, имеют возможность использовать красный кристалл, что, как предполагалось, должно способствовать универсальности и укреплению доверия к защитной функции символа.

Помимо медицинских эмблем, МГП предусматривает ряд других специальных знаков, направленных на защиту гражданского населения и гражданских объектов[2]. К ним относится, например, знак гражданской обороны – равносторонний синий треугольник на оранжевом фоне. Этот знак предназначен для обозначения персонала и объектов гражданской обороны, чья деятельность заключается в защите гражданского населения от опасностей военных действий, в помощи ему в преодолении их последствий и в обеспечении условий, необходимых для его выживания. Уважение к этому знаку имеет первостепенное значение для минимизации страданий мирных жителей в условиях разрушения инфраструктуры. Другой критически важный символ – знак, обозначающий культурные ценности (бело-голубой щит). В соответствии с Гаагской конвенцией 1954 года о защите культурных ценностей[3] в случае вооруженного конфликта, этот знак используется для идентификации движимых и недвижимых культурных ценностей, которые подлежат особой защите (например, музеи, крупные памятники архитектуры, архивные хранилища). Уничтожение или повреждение таких объектов, обозначенных данным знаком, наносит непоправимый ущерб культурному наследию всего человечества. Кроме того, особые знаки установлены для обозначения установок и сооружений, содержащих опасные силы (плотины, дамбы, атомные электростанции), атака на которые может вызвать высвобождение этих сил и как следствие, серьезные потери среди гражданского населения. Эти объекты обозначаются группой из трех ярко-оранжевых кругов, расположенных на одной оси.

Несмотря на детальную правовую регламентацию, практическая эффективность защитных знаков в современных вооруженных конфликтах сталкивается с серьезными вызовами. Во-первых, это проблема соблюдения и имплементации. Многочисленные доклады международных организаций и миссий по установлению фактов свидетельствуют о тревожной тенденции игнорирования защитных эмблем. Обстрелы больниц, помеченных красным крестом или полумесяцем, удары по объектам гражданской обороны стали, к сожалению, распространенным явлением в конфликтах новейшего времени. Это свидетельствует о глубоком кризисе уважения к нормам МГП как таковым, где символы становятся первой жертвой этого пренебрежения. Во-вторых, сохраняется проблема перцептивного использования. Негосударственные вооруженные группы, а иногда и регулярные войска, используют защитные эмблемы для прикрытия своих перемещений или размещения военных объектов в гражданских зданиях, что не только является серьезным нарушением, но и дискредитирует сам символ, подрывая его защитную силу на будущее. В-третьих, технологический вызов современности. Методы ведения войны изменились: широко используются беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА), высокоточное оружие, ведение бое-

[1] Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста (МККК). — URL: https://www.icrc.org/ru (дата обращения: 12.09.2025).

[2] База данных по обычному международному гуманитарному праву. — URL: https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/home (дата обращения: 12.09.2025).

[3]Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Вместе с "Исполнительным регламентом...", "Резолюциями") (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIX.- М., 1960. – С. 114 - 142.

вых действий в густонаселенных городских районах. В этих условиях визуальная идентификация традиционной эмблемы с воздуха или через электронные системы наведения может быть затруднена. Это актуализирует вопрос о необходимости разработки и внедрения дополнительных высокотехнологичных средств идентификации (например, электронных радиомаяков, RFID-меток, стандартизированных цифровых маркеров на картах), которые могли бы работать в симбиозе с традиционными визуальными символами.

Роль защитных знаков в обеспечении безопасности гражданского населения является системообразующей, но опосредованной. Сами по себе знаки не обеспечивают физическую защиту; они являются инструментом, катализатором, активирующим правовые механизмы защиты. Их присутствие на больнице, убежище или объекте культурного наследия должно автоматически включать правовой режим неприкосновенности для стороны, атакующей этот объект. Следовательно, их эффективность является прямым индикатором эффективности всего МГП в данном конкретном конфликте. Безопасность гражданского населения обеспечивается не краской на стене, а готовностью командира подразделения, оператора БПЛА или артиллерийского наводчика признать юридическую силу этого символа и воздержаться от удара. Поэтому образовательная и разъяснительная работа по распространению знаний о МГП и значении его символов среди личного состава вооруженных сил, а также среди негосударственных вооруженных групп является не менее важной, чем сам факт существования этих норм в текстах конвенций.

В качестве заключения следует констатировать, что система защитных знаков в международном гуманитарном праве представляет собой уникальный и незаменимый правовой инструмент, визуализирующий гуманитарные обязательства сторон вооруженного конфликта. Эти символы, будучи продуктом долгой исторической эволюции, служат краеугольным камнем в механизме обеспечения защиты наиболее уязвимых категорий лиц, прежде всего гражданского населения. Однако их действенность находится под постоянной угрозой в условиях эрозии уважения к нормам МГП, усложнения характера вооруженных конфликтов и появления новых технологий ведения войны. Юридическая сила эмблемы, сколь бы четко она ни была прописана в международных договорах, оказывается бессильной перед лицом преднамеренного пренебрежения или тактики перцептивного использования. Таким образом, будущее защитной функции символов зависит от комплексного подхода, сочетающего в себе дальнейшее развитие и унификацию правового режима эмблем (как это было с принятием красного кристалла), активное внедрение современных технологий идентификации и, что самое главное, непрерывную работу по интеграции принципов МГП в военные доктрины, правила ведения боевых действий и систему подготовки военнослужащих всех уровней. Только когда уважение к защитному знаку станет неотъемлемой частью военной культуры, данный правовой институт сможет в полной мере реализовать свой потенциал в деле спасения человеческих жизней и сохранения культурного достояния в горниле войны.

Гольцман Елена Валериевна

доцент кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России

Goltsman Elena Valeryevna

Associate Professor of the Department of Internal Affairs of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ev12345@mail.ru

Вознюк Тимофей Владимирович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России

Voznyuk Timofey Vladimirovich

The teacher is a teacher of the department of Internal Affairs of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: point.blanck.1913@yandex.ru

Роль правовых символов в информационной безопасности государства в условиях гибридных угроз

The Role of Legal Symbols in the Information Security of a State in the Face of Hybrid Threats

Аннотация. В статье исследуется роль правовых символов как ключевого элемента обеспечения информационной безопасности государства в контексте современных гибридных угроз. Анализируются функции правовых символов в формировании правосознания, их уязвимость к целенаправленным информационно-психологическим воздействиям и предлагается система мер по защите символико-правового пространства. Доказывается, что в условиях гибридных войн атаки на правовые символы направлены на подрыв легитимности власти и дезинтеграцию общественного сознания. Предлагается комплексный подход к защите правовых символов, интегрирующий правовые, организационные и информационно-пропагандистские меры.

Ключевые слова: правовые символы, информационная безопасность, гибридные угрозы, правосознание, легитимность власти, информационно-психологическое воздействие, правовая культура, семиотика права, национальная безопасность, символические атаки

Annotation. The article explores the role of legal symbols as a key element in ensuring the information security of a state in the context of modern hybrid threats. It analyzes the functions of legal symbols in shaping legal consciousness, their vulnerability to targeted information and psychological influences, and proposes a system of measures to protect the symbolic and legal space. The article argues that in the context of hybrid wars, attacks on legal symbols are aimed at undermining the legitimacy of power and disintegrating public consciousness. The article proposes a comprehensive approach to protecting legal symbols that integrates legal, organizational, and information and propaganda measures.

Keywords: legal symbols, information security, hybrid threats, legal awareness, legitimacy of power, information and psychological influence, legal culture, legal semiotics, national security, and symbolic attacks

Для цитирования: Гольцман Е.В., Вознюк Т.В. Роль правовых символов в информационной безопасности государства в условиях гибридных угроз // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 684–687.

Современная эпоха характеризуется переходом к гибридным формам ведения конфликтов, где военные, экономические и информационные методы тесно переплетаются. Центром приложения сил в гибридной войне становится не столько физическая инфраструктура государства, сколько сознание его граждан, их доверие к институтам власти и коллективная воля к защите национальных интересов. В этих условиях ключевыми мишенями для агрессии оказываются фундаментальные основы государственности, выраженные в системе правовых символов.

Правовые символы, понимаемые как условные образы, знаки и понятия, которые в концентрированной форме выражают правовые идеи, принципы и институты, обеспечивая их общественную узнаваемость и легитимность[1], становятся критически важным объектом защиты. Как справедливо отмечал профессор В.М. Баранов, право по своей природе символично, оно оперирует не только предписаниями, но и образами, ценностями, архетипами, которые глубоко укоренены в общественном сознании[2]. Именно эта укорененность делает их одновременно мощным инструментом консолидации общества и уязвимой точкой для внешнего воздействия.

Правовые символы представляют собой сложный многогранный феномен. К их числу относятся:

- материальные символы (государственный герб, флаг, гимн, печать, судейская мантия, знаки правосудия);
- текстуальные символы (Конституция, кодексы, международные договоры);
- процессуальные символы (ритуалы принятия присяги, процедура подписания законов, судебное заседание);
- абстрактные понятия-символы («верховенство права», «справедливость», «суверенитет», «демократия», «законность»).

Функциональный потенциал правовых символов в системе национальной безопасности многогранен. Во-первых, правовые символы маркируют правовое пространство государства, обозначая его суверенитет и уникальность. Во-вторых, сплачивают общество вокруг единых ценностей и целей. Почитание общих символов (Конституции, флага) создает чувство коллективной принадлежности – «воображаемого сообщества» нации. В-третьих, власть, опирающаяся на признанные символы, воспринимается как законная и справедливая. Символы визуализируют и делают осязаемой власть, которая сама по себе абстрактна. И, в-четвертых, правовые символы транслируют ключевые правовые ценности, выступая мощным инструментом правового воспитания и формирования правовой культуры. Как подчеркивал В.М. Баранов, «символы права… являются средством хранения и передачи правовых ценностей, традиций, образцов поведения»[3].

Таким образом, устойчивая система правовых символов формирует «иммунный щит» нации, защищающий ее ценностное ядро от деструктивных воздействий. В этой связи невозможно не согласиться с суждением Н.И. Матузова и А.В. Малько, которые в своих работах по теории государства и права раскрывают связь между символами власти и ее легитимностью. Они утверждают, что «кризис символов есть верный признак кризиса легитимности», так как подрыв доверия к внешним атрибутам власти неминуемо ведет к подрыву доверия ее сущности[4].

Гибридные угрозы носят комплексный, асимметричный и диффузный характер. Их главная цель – дестабилизация государства изнутри путем манипуляции общественным сознанием. Правовые символы идеально подходят для такой атаки в силу их семиотической насыщенности и эмоциональной заряженности.

Можно выделить несколько основных видов символьных атак в гибридной войне:

- целенаправленное публичное унижение и осквернение государственной символики (сжигание флагов, надругательство над гербом в медиапространстве). Это нацелено на демонстрацию слабости и неуважения к власти;
- продвижение альтернативных символов (флагов сепаратистских движений, логотипов неправительственных организаций, подменяющих государственные институты), которые противопоставляются государственным и дробят единое символическое поле;
- систематическая дискредитация судебной системы, обвинения ее в неправосудности и ангажированности. Подрыв веры в справедливость суда является одним из самых эффективных способов разрушения правового порядка;
- «символическая диверсия», т.е. наделение традиционных правовых символов новым, негативным или деструктивным смыслом. Классический пример – трактовка понятия «суверенитет» как «изоляционизм и автаркия», а «традиционные ценности» – как «нарушение прав человека». Происходит семанти-

---

[1] Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - С. 112 https://search.rsl.ru/ru/record/01001349577 (дата обращения 22.08.2025).

[2] Баранов В.М. Символы в праве: теоретико-правовое исследование: монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской академии МВД России, 2017.- С. 45.

[3] Баранов В.М. Ценностные ориентиры современного российского права: символьный аспект // Право и политика. 2019. № 5. - С. 78.

[4] Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Дело, 2021.- С. 291.

ческий захват ключевых понятий. Как отмечает специалист в области информационной безопасности И.Н. Панарин, в гибридной войне «основной удар наносится по символическому капиталу нации»[1]. Цель – не уничтожить символ физически, а лишить его сакрального значения в глазах населения, превратить из объекта гордости в объект насмешки или ненависти.

С 2020 года в законодательстве Российской Федерации наблюдается дальнейшее ужесточение мер по охране государственной символики и формированию ответственности за действия, подрывающие информационную безопасность посредством её осквернения. Яркое отражение данный процесс находит в поправках к статье 329 УК РФ («Надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации») и введении новых составов административных и уголовных правонарушений за распространение недостоверной информации.

Существенные изменения претерпел Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2,] в частности — запреты на распространение заведомо ложной информации под видом достоверных сообщений, способной привести к дестабилизации общественного порядка или нанесению вреда жизни и здоровью граждан (ст. 13.15.1 КоАП РФ, ст. 207.1 и 207.2 УК РФ)[3].

За надругательство над государственными символами установлена как административная (ст. 17.10 КоАП РФ), так и уголовная ответственность (ст. 329 УК РФ): санкция предусматривает штрафы, принудительные работы либо лишение свободы[4]. Особо подчёркивается квалифицирующий признак — совершение подобных действий в «информационной среде», что охватывает действия в интернете и социальных сетях.

За публичное распространение заведомо ложной информации (фейк-ньюс) о действиях государственных органов наказания различны: в зависимости от тяжести последствий могут применяться крупные штрафы (до 5 млн рублей для юридических лиц), исправительные работы, ограничение и лишение свободы сроком до 5–10 лет[5].

Отдельно стоит выделить ужесточение наказаний в условиях чрезвычайных ситуаций, пандемии или проведения специальной военной операции: при наступлении тяжких последствий (например, массовых беспорядков, вреда здоровью граждан) наказание возрастает кратно, что определяется в ст. 207.1, 207.3 УК РФ[6].

Подобное усиление юридической ответственности закономерно вызывает общественный резонанс, находясь на стыке интересов охраны государства, прав и свобод граждан, а также обеспечения свободы слова. Законодательные ограничения, если их применение осуществляется без учёта принципов правовой определённости, могут быть восприняты в российском обществе как инструмент цензуры, возникнуть риски избыточного или избирательного преследования по политическим мотивам. Результатом этого становятся негативные правовые эффекты: от утраты гражданским обществом доверия к институтам власти до увеличения социального напряжения и смещения дискурса в теневой информационный сектор. Наблюдается также риск возникновения самоцензуры среди журналистов, блогеров, реальных и потенциальных активистов из-за страха возможного преследования.

Для сохранения баланса между публичным интересом в защите национальной символики, поддержанием информационной безопасности и соблюдением демократических свобод, на наш взгляд, требуется:

1. Детализировать составы правонарушений: чётко разграничивать оскорбление символики от критики государственных институтов; разграничивать распространение ложной информации от выражения мнений и оценочных суждений.

2. Совершенствовать судебную практику: обеспечить единообразие в применении законодательных норм, разъяснять критерии оценки фальсифицированных новостей, определять механизм проверки достоверности.

3. Развивать правовую просвещённость: широко информировать граждан о юридическом статусе правовых символов, их роли в обеспечении безопасности и о последствиях совершения правонарушений.

---

[1] Панарин И.Н. Информационная война и гибридные угрозы. М.: Проспект, 2018.- С. 56.

[2] Закон Российской Федерации "Об информации, информационных технологиях и о защите информации " от 27.07.2006 № 149-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 20.08.2025)

[3] «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 10.09.2025); «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.09.2025).

[4] См.: Там же.

[5] Закон Российской Федерации "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 04.03.2022 № N 31-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410886/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения 10.09.2025).

[6] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.09.2025)

4. Ввести эффективные нормы реагирования: предусмотреть механизмы для подачи гражданами апелляций на неправомерные блокировки и административные меры.

Подводя итог нашего исследования необходимо отметить, что в условиях гибридных угроз безопасность государства определяется не только прочностью его границ и мощью армии, но и устойчивостью его информационно-символического поля. Правовые символы, являясь основой государственного суверенитета и национальной идентичности, становятся критически важным объектом защиты. Атаки на них носят стратегический характер и ведут к подрыву легитимности и дезинтеграции общества.

Как показали исследования некоторых отечественных правоведов, право по своей природе символично, а потому его защита должна включать в себя и защиту его символического измерения. Успешное противодействие современным вызовам требует признания этого факта и перехода от фрагментарных мер к выработке целостной государственной политики по охране и укреплению правового символического капитала нации. Защита правовых символов – это не вопрос ритуалов, а вопрос национальной безопасности, защита смыслов, легитимности и, в конечном итоге, конституционного строя страны.

Роль правовых символов в обеспечении информационной безопасности государства в условиях гибридных угроз для России невозможно переоценить. Они выступают не только средством поддержания внутренней сплочённости, но и важнейшим элементом правового суверенитета. Однако эффективность законодательного регулирования напрямую зависит от баланса между обеспечением безопасности и соблюдением конституционных прав граждан. Только при развитии культуры права, справедливого правоприменения и широкой правовой просвещённости возможно достичь целей, обозначенных в современной стратегии информационной безопасности России.

Горбачева Алена Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России

Gorbacheva Alena Vladislavovna

candidate of Judicial Science, docent, deputy head of the department of forensic accounting and bookkeeping of the educational and scientific complex for combating economic and tax crimes Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: alena_91_91@list.ru

Соловьев Олег Демьянович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России

Solovev Oleg Demyanovich

candidate of Judicial Science, docent, docent of the department of forensic accounting and bookkeeping of the educational and scientific complex for combating economic and tax crimes Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: solod-nn@rambler.ru

Семиотический анализ знаков и символов товарных знаков как инструмент противодействия незаконному использованию средств индивидуализации

Semiotic analysis of trademark signs and symbols as a tool to combat illegal use of means of individualization

Аннотация. В статье рассмотрены возможности использования семиотического анализа в качестве составной части системы защиты прав хозяйствующих субъектов-правообладателей на средства индивидуализации, основные направления анализа товарных знаков, используемые в экспертной практике при расследовании уголовных дел, связанных с неправомерным использованием средств индивидуализации.

Ключевые слова: средства индивидуализации, товарный знак, степень смешения, семиотика, семиотический анализ, ответственность

Annotation. The article examines the possibilities of using semiotic analysis as an integral part of the system for protecting the rights of economic entities-rights holders to means of individualization, the main directions of trademark analysis used in expert practice in the investigation of criminal cases related to the illegal use of means of individualization.

Keywords: means of individualization, trademark, degree of confusion, semiotics, semiotic analysis, responsibility

Для цитирования: Горбачева А.В., Соловьев О.Д. Семиотический анализ знаков и символов товарных знаков как инструмент противодействия незаконному использованию средств индивидуализации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 688–692.

В процессе оборота товаров, работ, услуг на рынках участвуют множество организаций, компаний, иных хозяйствующих субъектов, – которые, в целях узнаваемости и отличности от других используют определенные средства (обозначения), отличающие производимую ими продукцию от других, – такого рода обозначения могут признаваться (равно как и не признаваться) средствами индивидуализации, которые подлежат охране. Следует учитывать, к какому типу относится такого рода обозначение, – от этого будут определяться последствия его использования другими участниками рынка в случаях их неправомерного использования, например, когда такое обозначение является очень похожим на охраняемое правом средство индивидуализации.

В соответствии в позицией Верховного суда РФ[1]к средствам индивидуализации (далее – СИ) следует относить фирменные наименования; товарные знаки (далее – ТЗ) и знаки обслуживания; географические указания и наименования мест происхождения товаров; коммерческие обозначения. И в мировой, и в российской практике факты нарушений прав на СИ широко распространены и представляют собой не только угрозу экономической безопасности, но и влияют на национальную безопасность. Использование сходных с чужими, охраняемыми как СИ обозначений, влечет различные последствия, такие как изъятие и уничтожение продукции, получившей по результатам экспертных исследований статус контрафактной, взыскание ущерба, привлечение нарушителей к административной (ст. 14.33 КоАП РФ) или уголовной ответственности в соответствии с размером ущерба, причиненного правообладателю (ст. 180 УК РФ).

Немаловажную роль в определении и подтверждении фактов нарушения прав правообладателей, особенно в случаях, когда отсутствует буквальное сходство, что имеет особую актуальность в современных ситуациях (когда широкое распространение получили так называемые завуалированные подделки), – выполняет семиотический анализ, позволяющий не только выявить и обосновать разницу между копированием СИ в буквальном смысле и семиотическим сходством между оригинальным СИ и поддельным.

В соответствии с определением Большой Российской энциклопедии, – «Семиотика,[2] семиология (от греч. σημεῖον – знак, признак), научная дисциплина, исследующая общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и передающих информацию». Таким образом, применительно к семиотическому анализу ТЗ, можно утверждать, что его использование – это действенный инструмент, служащий не только для выявления, но и для доказывания незаконного использования СИ (контрафакции продукции (работ или услуг), смешения до степени однородности, который по своей сути выходит за рамки простого визуального или фонетического сравнения объекта исследования, вскрывая при этом глубинные значения и ассоциации, которые, например, ТЗ создает в сознании субъекта-потребителя товаров, работ или услуг.

К основным направлениям и принципам семиотики, применительно к ТЗ, следует отнести:

– анализ ТЗ непосредственно как знака или символа – то, что мы воспринимаем органами чувств, т.е. физическую форму знака, символа (слово, логотип, цвет, форма, звук, запах);

– анализ ТЗ с позиций значения знака, символа – множество смыслов, ассоциаций, эмоций, которые связываются с этой формой в сознании целевой аудитории (например логотип Apple – это стилизованное яблоко, вызывает ассоциации с инновациями, премиальностью и т.д.; эмблема Toyota ассоциируется с качеством, надежностью, долговечностью и т.д.);

– процесс интерпретации знака, символа потребителем – как потребитель видит знак и приписывает ему определенные значения, основанные на его интеллектуальном и культурном багаже, жизненном и потребительском опыте, а также частоты и массовости маркетинговых коммуникациях конкретного бренда;

– проверка следующих фактов – не является ли обозначение или отдельные его элементы: общепринятыми символами, такими, которые присущи отдельным либо специфическим отраслям экономики или области профессиональной деятельности; условными обозначениями, которые используются в отдельных направлениях и в целом в науке и технике, а также общепринятыми терминами, которые служат лексическими единицами;

– в случаях использования светового обозначения следует анализировать характеристику световых символов (сигналов), в том числе, в какой они последовательности, какова длительность их свечения, а также и другие идентифицирующие признаки, и нюансы такого рода символов.

Семиотический анализ помогает бороться с незаконным использованием ТЗ следующим образом:

а) выявление смешения не только по форме, но и по значению: в традиционном подходе сравнение знаков осуществляется на основе визуального, фонетического и концептуального сходства самих знаков, а при семиотическом подходе анализируется, вызывают ли спорные знаки схожие значимые ассоциации у потребителя, создают ли они аналогичное впечатление в целом, даже если анализируемые формы не идентичны, что важно для доказательства «вероятности смешения» (например, две разные графические эмблемы могут вызывать одинаковые ассоциации с ручной работой, роскошью, создавая смешение с известным брендом в той же категории товаров);

[1] О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23 апреля 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2025).
[2] Большая Российская энциклопедия: БРЭ 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3547672 (дата обращения: 18.08.2025).

б) семиотика помогает оценить, насколько уникальны и насыщенны значимые составляющие охраняемого ТЗ, так как «сильный знак» с яркими, четкими ассоциациями (например, Adidas – это аутентичность, спортивный стиль, комфорт) легче защитить, так как любая попытка использовать схожие по виду и составным частям знаки (даже с другим оформлением) будет объективно видна заметнее и с большей вероятностью приведет к смешению;

в) деконструкционный анализ знака позволяет выявить не только сходства, но и намеренные «игры» (изменяемость составных частей) с элементами оригинального знака;

г) проведение анализа ассоциативных связей позволяет ответить на вопрос – использует ли нарушитель элементы (цвета, шрифты, символы), семиотически связанные с оригинальным брендом, чтобы создать ложное впечатление связи (родства, одобрения), в том числе прямое копирование смыслового поля оригинального бренда (надежность, молодость, экологичность) для своего, менее известного продукта;

д) анализ коммуникаций нарушителя – это проведение исследования рекламы, упаковки, интернет-сайта на предмет использования семиотических кодов, характерных для оригинального бренда (слоганы, визуальный стиль, стиль речи, целевая аудитория), что может помочь подтвердить намерение нарушителя создать смешение или извлечь выгоду из репутации чужого знака.

В юридической практике проведение экспертных исследований ТЗ, включающих элементы семиотического анализа, опирается не только на знания и компетенции специалистов, экспертов, но и на нормативно установленные требования. Так, например, в приказе Минэкономразвития[1] (пункты 41-44) установлены ключевые признаки тождественности, однородности, схожести, а детализация требований, которым должны удовлетворять составляющие части и содержание ТЗ, в том числе словесных, изобразительных, объемных и иных обозначений, а также новаций в области элементов ТЗ (объемные, звуковые, изменяющиеся, цветовые, голограммы и голографические элементы и т.д.) детально описаны в гл. 2 Приказа федеральной службы по интеллектуальной собственности[2]. В качестве примера анализа ТЗ с элементами семиотического анализа можно продемонстрировать часть алгоритма экспертных действий, произведенных в рамках расследования уголовного дела по ст. 180 УК РФ: на разрешение экспертизы были поставлен вопрос «*Является ли обозначение товарного знака «САМАРОВКА» и товарного знака «САМАРОВО» на каждой из 4 картонных коробок, на поверхности каждой из которых имеется товарный знак «САМАРОВО», на транспортных этикетках, содержащих наименование дезинфицирующего средства «САМАРОВКА» и товарный знак «САМАРОВКА», номер партии – «0823ЯНВ2014», приобретенных в ходе ОРМ «Негласная проверочная закупка», сходным до степени смешения с зарегистрированным товарным знаком «САМАРОВКА» по свидетельству № 247189, и с зарегистрированным товарным знаком «САМАРОВО» по свидетельству № 247188, правообладателем которых является ООО «САМАРОВО»?».* В процессе проведения отдельных экспертных действий были исследованы документы о ТЗ из официальных источников (госреестра) и проведен анализ ТЗ, представленного на экспертизу (Табл. 1 и 2):

Таблица 1

Данные о зарегистрированных ТЗ

САМАРОВКА	САМАРОВО
ТЗ зарегистрированы в МКТУ как «дезинфицирующие средства для гигиенических целей» (5 класс) – источник: www.fips.ru.	
Словесный элемент – буквы русские, черные, заглавные, шрифт графический	буквы русские, заглавные, шрифт графический, в черном цвете, при этом буква «А» выполнена в виде фантазийной; геометрической фигуры в красном цвете. Также, в товарном знаке присутствуют; словесные элементы – наименование производителя и адрес, которые в знаке являются неохраняемыми элементами

[1] Об утверждении правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак : приказ Минэкономразвития РФ от 20 июля 2015 г. № 482 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2025).

[2] Об утверждении руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов : приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 20 января 2020 г. № 12 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2025).

Таблица 2

Данные по исследуемому ТЗ

		
Товарный знак «САМАРОВО» представляет собой словесный элемент «САМАРОВО», выполненный оригинальным шрифтом заглавными буквами русского алфавита в черном цвете, при этом буква «А» выполнена в виде фантазийной геометрической фигуры в красном цвете. Также, в товарном знаке присутствуют словесные элементы – наименование производителя и адрес, которые в знаке являются неохраняемыми элементами.		
При сравнении обозначения «САМАРОВО», нанесенного на коробку и зарегистрированный товарный знак «САМАРОВО» (правообладатель ООО «Самарово») выявлено: - звуковое (фонетическое) сходство – тождественно по следующим признакам: *- присутствуют совпадающие и близкие звуки;* *- звуки, из которых состоит обозначение, близки;* *- расположение звукосочетаний относительно друг к другу;* *- имеются совпадающие слоги, их число, ударение и размещение одинаково.* Графическое сходство – сходно до степени смешения: *- шрифта букв – тождественен;* *- графическое написание– тождественно, обозначения выполнены тождественным оригинальным шрифтом заглавными буквами;* *- буква «А» выполнена в виде фантазийной геометрической фигуры – тождественно;* *- цвет или цветового сочетания – сходно до степени смешения. Цвет шрифта словесного элемента в товарном знаке «САМАРОВО» выполнен в черном цвете, буква «А» выделена красным цветом, а в обозначении «САМАРОВО», расположенном на коробке цвет шрифта выполнен в черном цвете, а буква «А» выделена серым цветом.* Смысловое сходство – тождественно, т.к. несут одинаковую смысловую нагрузку.		

Вывод эксперта по результатам проведенного исследования очевиден: обозначение «САМАРОВО», сходно до степени смешения с товарным знаком «САМАРОВО» по свидетельству № 247188, т.к. ассоциируется с ним в целом. Отличием является цветовая гамма написания буквы «А».

Если говорить об использовании в составе ТЗ различных символов, то следует учитывать, каким образом могут быть применены общепринятые символы, так как ТЗ не может содержать только элементы из общепризнанных символов (см. табл. 3).

В целях анализа специалисту целесообразно пользоваться специальными справочниками, технической литературой, энциклопедиями.

Важным моментом является использование официальных символов в составе ТЗ: государственные символы и знаки (флаги, гербы); наименования международных организаций, в том числе их флаги, символы и знаки и др.

Такого рода символы и отличительные знаки, равно как и их узнаваемые имитации могут быть использованы в составе ТЗ исключительно с согласия соответствующего государственного органа, международной организации. Это необходимо учитывать при проведении анализа ТЗ.

Таблица 3

Примеры общепринятых символов

Общепринятый символ	Характеристика (сфера применения)
	Применяется, в основном, в медицине и фармацевтике
обозначения химических элементов: Mg, Au	- Mg (магний), - Au (золото) и т.д.
символы из различных систем единиц: °C, Ω	- °C (градус Цельсия - единица измерения температуры); - Ω (Ом - единица измерения сопротивления)
	Знак является стандартным обозначением высокого напряжения

В качестве вывода необходимо отметить, что использование семиотического подхода имеет как преимущества, так и отдельные недостатки. Безусловно, семиотический подход более глубок, чем традиционный, он позволяет выявить скрытые механизмы смешения, неочевидные при поверхностном сравнении, что позволит предоставить суду более весомые доказательства вероятности смешения, основанные на восприятии потребителя. Однако, здесь присутствует элемент субъективизма, для исключения которого потребуются не только более сложные исследования, но и квалифицированные эксперты, что, в свою очередь потребует больше трудовых и стоимостных затрат, и сложностей в донесении такого рода информации до суда.

Тем не менее, семиотический анализ может перевести процессы защиты ТЗ на качественно новый уровень. Он позволяет доказать, что незаконное использование заключается не только в копировании внешнего вида, но и в присвоении или размывании тех глубинных смыслов, эмоций и ценностей, которые составляют суть бренда и в которые были вложены значительные ресурсы. Это делает его незаменимым инструментом в борьбе со сложными случаями смешения и защите интеллектуального капитала, воплощенного в товарных знаках. Использование семиотики может значительно укрепить позиции правообладателя в спорах о нарушении прав на средства индивидуализации.

Грачева Олеся Александровна

старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России

Gracheva Olesya Alexandrovna

Senior Lecturer at the Department of Criminology Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: olesya_leushkina@mail.ru

Тактическая формула следственного действия как знаковая система в криминалистике: семиотический аспект

Tactical formula of investigative action as a sign system in criminology: semiotic aspect

Аннотация. В статье осуществлен семиотический анализ тактической формулы следственного действия, обоснован тезис о ее сущности как специализированной иерархической знаковой системы, детерминированной задачами криминалистики и закономерностями получения доказательственной информации. Выявлены базовые элементы системы (знаки-действия, знаки-ситуации, знаки-принципы), проанализированы их взаимосвязи и семантическое наполнение в контексте норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и тактических закономерностей. Рассмотрены семантика, синтактика и прагматика формулы через триаду Ч. Морриса. Детализированы ее функции: моделирующая, коммуникативная, когнитивная, оптимизирующая и нормативная. Доказано, что семиотический подход обеспечивает более глубокое понимание природы тактической формулы, способствует формализации тактических знаний, повышает эффективность разработки и применения тактических рекомендаций в следственной практике и открывает новые перспективы для научных изысканий в области криминалистической тактики, включая разработку автоматизированных систем поддержки принятия следственных решений.

Ключевые слова: криминалистика, следственное действие, тактическая формула, тактика, семиотика, знаковая система, знак, модель, алгоритм, доказательственная информация, УПК РФ

Annotation. The article provides a semiotic analysis of the tactical formula of investigative action, substantiates the thesis about its essence as a specialized hierarchical sign system determined by the tasks of criminology and the patterns of obtaining evidentiary information. The basic elements of the system (signs-actions, signs-situations, signs-principles) are identified, their interrelationships and semantic content are analyzed in the context of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and tactical patterns. The semantics, syntactics and pragmatics of the formula through the triad are considered. Morris. Its functions are detailed: modeling, communicative, cognitive, optimizing and normative. It is proved that the semiotic approach provides a deeper understanding of the nature of the tactical formula, contributes to the formalization of tactical knowledge, increases the effectiveness of the development and application of tactical recommendations in investigative practice and opens up new prospects for scientific research in the field of forensic tactics, including the development of automated investigative decision support systems.

Keywords: criminalistics, investigative action, tactical formula, tactics, semiotics, sign system, sign, model, algorithm, evidentiary information, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

Для цитирования: Грачева О.А. Тактическая формула следственного действия как знаковая система в криминалистике // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 693–697.

Криминалистическая тактика, выступая неотъемлемым и динамично развивающимся разделом науки криминалистики[1], сосредоточена на разработке теоретических основ и научно обоснованных практических рекомендаций по организации и производству следственных действий. Целью данной деятельности является обеспечение максимально эффективного, полного и достоверного получения доказательственной информации, отвечающей требованиям относимости и допустимости, установленным

[1] Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. 464 с.

ст. 74, 75 УПК РФ[1]. Центральным, интегрирующим понятием криминалистической тактики традиционно признается тактическая формула следственного действия – система научно обоснованных и апробированных следственной практикой приемов, методов и правил, определяющих оптимальную стратегию и тактику поведения следователя в типичных следственных ситуациях для достижения целей конкретного процессуального действия и расследования в целом[2]. Исторически сложилось, что тактическая формула преимущественно интерпретировалась в рамках кибернетического подхода как алгоритм деятельности или в гносеологическом ключе как модель. Однако для раскрытия ее глубинной сущности и механизмов функционирования представляется эвристически ценным обращение к семиотике – науке о знаках и знаковых системах в человеческой коммуникации и познании[3]. Целью настоящего исследования является комплексный семиотический анализ тактической формулы следственного действия, обоснование и раскрытие ее природы как специфической знаковой системы, действующей в поле уголовно-процессуальной деятельности и криминалистического знания.

Тактическая формула: от алгоритма к знаковой системе

Безусловно, трактовка тактической формулы как алгоритма, предписывающего последовательность операций следователя[4], или как модели, репрезентирующей типичную структуру деятельности в рамках следственного действия[5], сохраняет свою значимость. Однако семиотический подход позволяет выявить за этой алгоритмичностью и модельным характером более фундаментальный уровень организации. Тактическая формула представляет собой искусственно созданную, специализированную знаковую систему, функционирующую в специфическом семиотическом пространстве уголовного судопроизводства. Ее элементы (знаки) обозначают (репрезентируют) определенные действия следователя, состояния процессуальной среды (следственные ситуации), основополагающие принципы деятельности и закономерные связи между ними[6]. Эта система является продуктом криминалистической рефлексии, кодирующим знание о закономерностях генезиса, обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств, о типичных сценариях взаимодействия участников процесса и оптимальных путях достижения задач расследования в рамках процессуальной формы, определенной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Создание и функционирование данной знаковой системы детерминировано двойной детерминацией: строгими требованиями процессуального закона, задающего общие рамки и пределы допустимого, и тактическими закономерностями, выявленными криминалистической наукой и практикой, определяющими эффективность внутри этих рамок[7].

Элементы и структура знаковой системы тактической формулы

Базовыми элементами (знаками) семиотической системы тактической формулы выступают:

1. Знаки-действия: эти знаки репрезентируют конкретные, дискретные операции, выполняемые следователем в ходе производства следственного действия. Их семантика (значение) определяется целью операции в контексте общей цели действия и жестко увязана с процессуальными нормами. Например, знак «предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым» (ст. 193 УПК РФ) обозначает специфический способ обеспечения объективности и безопасности; знак «применение звуко- или видеозаписи при допросе» (ч. 5 ст. 189 УПК РФ) репрезентирует действие, направленное на максимально точную фиксацию хода и результатов допроса; знак «использование плана-схемы места происшествия при осмотре» (ч. 3 ст. 180 УПК РФ) обозначает действие по визуализации и структурированию пространственных отношений[8]. Семантика знака-действия включает не только само операциональное содержание, но и его процессуальное основание и цель.

2. Знаки-ситуации: данные знаки обозначают типичные состояния процессуальной среды, в которых осуществляется следственное действие. Они выступают ключевыми контекстными маркерами, определяющими выбор и комбинацию знаков-действий. Семантика знака-ситуации формируется криминали-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
[2] Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: Изд-во МГУ, 1984. 206 с.
[3] Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с франц. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. (Работы первоисточников по семиотике).
[4] Лузгин И. М. Моделирование при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1981. 152 с.
[5] Комаров В. С. Криминалистическое моделирование: понятие, виды, значение // Вестник криминалистики. 2003. Вып. 2(6). С. 32-38.
[6] Эйсман А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М.: Юрид. лит., 1967. 152 с.
[7] Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 389 с.
[8] Дулов А. В. Тактика следственных действий. Минск: Вышэйшая школа, 1971. 240 с.

стическим учением о следственных ситуациях[1] и отражает типизированную совокупность условий, влияющих на тактику. Примеры: «ситуация активного противодействия установлению истины со стороны подозреваемого (обвиняемого)», «ситуация добросовестного заблуждения свидетеля», «ситуация латентности или маскировки материальных следов преступления», «ситуация необходимости взаимодействия со специалистом или оперативным сотрудником». Значение знака-ситуации заключается в его способности актуализировать определенные тактические программы (цепочки знаков-действий).

3. Знаки-принципы: эти абстрактные знаки репрезентируют фундаментальные императивы, регулирующие построение и реализацию всей тактической формулы. Их семантика коренится в нормах права (прежде всего, принципах уголовного судопроизводства – ст. 6-19 УПК РФ) и этических нормах профессиональной деятельности следователя[2]. К ним относятся: «законность», «целесообразность» (адекватность средств поставленным задачам расследования), «динамичность» (способность адаптироваться к изменению ситуации), «этичность» (соблюдение норм профессиональной этики), «плановость» (системность и подготовленность действий), «внезапность» (применение тактических приемов, на которые лицо не успевает подготовить противодействие, в рамках закона), «активность и наступательность следователя». Знаки-принципы образуют нормативно-ценностный каркас системы, ограничивающий и направляющий использование знаков-действий и интерпретацию знаков-ситуаций.

Структура знаковой системы тактической формулы носит иерархический и сетевой характер с выраженной ситуационной динамикой. Знаки-принципы занимают высший, метауровень, задающий семантическое поле и границы допустимого для всей системы. Знаки-ситуации функционируют как ключевые узлы (триггеры), активирующие специфические кластеры (тактические комбинации) знаков-действий, объединенных синтаксическими правилами последовательности и взаимозависимости. Последовательность знаков-действий формирует логическую цепь (алгоритм), направленную на достижение конкретной тактической задачи в рамках цели следственного действия[3]. Критически важным свойством структуры является ее вариативность и адаптивность. Система допускает замену, модификацию или пропуск отдельных знаков-действий в зависимости от конкретных обстоятельств реализации типичной ситуации, отражая диалектику общего (типичного) и единичного (конкретного) в криминалистической тактике[4]. Эта динамика обеспечивается механизмом интерпретации знаков-ситуаций следователем.

Семантика, синтактика и прагматика тактической формулы

Для всестороннего анализа знаковой системы тактической формулы применима классическая триада Ч. Морриса[5]:

Семантика: охватывает отношения знаков к обозначаемым объектам и понятиям реальности криминалистической деятельности. Семантика тактической формулы заключается в том, что каждый ее элемент отсылает к конкретным сущностям: знак-действие – к операциям следователя, регламентированным УПК РФ и тактически детализированным; знак-ситуация – к типичному комплексу условий производства следственного действия; знак-принцип – к нормативным и этическим основаниям деятельности. Значение формулы в целом – это динамическая модель оптимальной следственной деятельности по получению, закреплению и проверке доказательств в заданных процессуальных и тактических условиях. Точность, однозначность и адекватность семантики элементов формулы критически важны для ее корректного понимания и применения следователем, исключающего произвольное толкование и нарушение закона[6].

Синтактика: исследует отношения между знаками внутри самой системы, правила их сочетания и комбинирования. В тактической формуле синтактические правила определяют:

– последовательность знаков-действий (например, подготовительные действия предшествуют основным, обнаружение следов предшествует их фиксации и изъятию);

– сочетаемость знаков-действий внутри одной тактической комбинации (например, приемы установления психологического контакта сочетаются с приемами нейтрализации лжи на допросе);

– зависимость выбора и комбинации знаков-действий от активированного знака-ситуации;

– подчиненность знаков-действий и знаков-ситуаций императивам знаков-принципов (например, прием «внезапность» не должен нарушать принцип «законность»);

---

[1] Лавров В. П. Следственные ситуации и планирование расследования: Учебное пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978. 88 с.

[2] Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1925. 438 с.

[3] Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966. 208 с.

[4] Шевченко Б. И. Теоретические основы тактики следственных действий. Волгоград: ВА МВД России, 2001. 92 с.

[5] Morris C. W. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science. Vol. 1. No. 2. Chicago: University of Chicago Press, 1938. 59 p.

[6] Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М.: Норма, 1998. 192 с.

– синтактические связи обеспечивают внутреннюю логическую непротиворечивость, последовательность, эффективность и, что крайне важно, процессуальную корректность тактической комбинации[1].

Прагматика: рассматривает отношение знаков к пользователям (интерпретаторам) системы и эффективность этого отношения в достижении целей. Прагматика тактической формулы заключается в ее ориентированности на практический результат и эффективность в деятельности следователя как основного интерпретатора и исполнителя. Ценность формулы как знаковой системы определяется ее способностью:

– адекватно направлять следователя в распознавании актуальной следственной ситуации (через интерпретацию знаков-ситуаций);

– предоставлять эффективный инструментарий (знаки-действия) для решения тактических задач;

– обеспечивать соответствие деятельности правовым и этическим стандартам (знаки-принципы).

В конечном итоге, способствовать достижению целей следственного действия – получению полной, достоверной, процессуально безупречно оформленной доказательственной информации (ст. 73, 74 УПК РФ).

Эффективность (прагматика) формулы измеряется ее вкладом в успешное расследование преступления, защиту прав граждан и обеспечение правильного применения закона[2].

Функции тактической формулы как знаковой системы

Реализуясь в семиотическом пространстве следственной деятельности, тактическая формула выполняет ряд ключевых функций:

1. Моделирующая функция: формула выступает как динамическая знаково-символическая модель оптимального поведения следователя в типичных условиях. Она абстрагирует существенное, отсекая случайное, и представляет в обобщенном, структурированном виде схему деятельности, доказавшую свою результативность. Эта модель служит для следователя когнитивным ориентиром и инструментом планирования в сложной, нередко конфликтной и неопределенной обстановке следственного действия[3].

2. Коммуникативная функция: формула является мощным средством трансляции и кодификации криминалистических знаний от научного сообщества и опытных практиков к следователям, особенно начинающим. Она аккумулирует и систематизирует накопленный эмпирический опыт и теоретические разработки, переводя их в форму знаковой системы, доступной для восприятия, усвоения и применения в практической деятельности. Через систему знаков происходит передача информации о тактических приемах, их сочетаниях, условиях и ограничениях применения[4].

3. Когнитивная (познавательная) функция: использование формулы как знаковой системы активно структурирует профессиональное мышление следователя. Она предоставляет категориальный аппарат (знаки-ситуации) для анализа текущей обстановки, помогает идентифицировать ее как типичную или требующую нестандартных решений, прогнозировать возможные реакции участников процесса, выдвигать и проверять следственные версии. Знаки выступают опорными точками для криминалистической рефлексии и принятия тактических решений[5].

4. Оптимизирующая функция: система знаков формулы направлена на обеспечение рациональности, эффективности и экономии процессуальных усилий. Предписывая научно обоснованную оптимальную последовательность и содержание действий, она минимизирует хаотичность, снижает риск тактических ошибок и процессуальных нарушений, способствует рациональному использованию временных, кадровых и материальных ресурсов следователя. Это повышает вероятность достижения целей следственного действия с наименьшими затратами и в разумные сроки (ст. 6.1 УПК РФ)[6].

5. Нормативная (регулятивная) функция: инкорпорируя знаки-принципы, формула выполняет роль внутреннего нормативного регулятора деятельности следователя. Она постоянно актуализирует необходимость строжайшего соблюдения норм УПК РФ (знак «законность»), уважения прав и достоинства личности (знак «этичность»), соразмерности применяемых мер (знак «целесообразность»). Эта функция способствует обеспечению законности и обоснованности всего процесса доказывания[7].

Заключение.

Проведенный семиотический анализ убедительно демонстрирует, что тактическая формула следственного действия представляет собой не просто алгоритм или модель, а сложную, специализирован-

[1] Лифшиц Е. М., Цветков П. П. Тактика следственных действий: Учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2014. 168 с.
[2] Россинская Е. Р. Криминалистика: Курс лекций. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 463 с.
[3] Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1993. 224 с.
[4] Яблоков Н. П. Криминалистика: Учебник для вузов. М.: Норма, 2007. 781 с.
[5] Драпкин Л. Я. Общая характеристика следственных ситуаций // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1984. Вып. 28. С. 89-94.
[6] Комиссаров В. И. Теоретические проблемы следственной тактики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 160 с.
[7] Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (утв. приказом МВД России от 12.10.2011 № 1108) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 49.

ную искусственную знаковую систему, органично встроенную в процессуальную ткань уголовного судопроизводства и криминалистическое знание. Ее структурные элементы (знаки-действия, знаки-ситуации, знаки-принципы), объединенные синтаксическими правилами и наполненные конкретной семантикой, отражающей реалии следственной работы и требования закона, образуют динамическую, вариативную модель, ориентированную на достижение прагматического результата – эффективного и законного получения доказательственной информации.

Семиотическая интерпретация тактической формулы обладает значительным эвристическим и прикладным потенциалом. Она способствует:

– углублению теоретического понимания криминалистической тактики: раскрывает знаковую, семиотическую природу тактических рекомендаций, их системность и опосредованность, что обогащает криминалистическую методологию[1].

– четкой формализации и структуризации тактических знаний: позволяет более точно и однозначно описывать элементы тактики, их взаимосвязи и семантику, создавая основу для систематизации криминалистического знания[2].

– совершенствованию методик профессионального обучения и повышения квалификации следователей: знаковая природа формулы облегчает визуализацию тактических связей и закономерностей, делает процесс усвоения тактических рекомендаций более осмысленным и эффективным[3].

– разработке новых и оптимизации существующих тактических приемов и комбинаций: системный семиотический подход облегчает анализ эффективности различных комбинаций знаков-действий в разных контекстах (знаках-ситуациях), выявление пробелов и поиск оптимальных решений[4].

– созданию интеллектуальных автоматизированных систем поддержки следственных решений (АСППР): Формализованная знаковая структура тактической формулы потенциально пригодна для алгоритмизации и использования в экспертных системах, предназначенных для помощи следователю в выборе тактики в конкретной ситуации[5].

– дальнейшему развитию теории криминалистики: открывает новые перспективы для междисциплинарных исследований на стыке криминалистики, семиотики, когнитивистики, теории систем и искусственного интеллекта[6].

Понимание тактической формулы как знаковой системы подчеркивает ее роль как основного когнитивного инструментария следователя, структурирующего его профессиональную деятельность и обеспечивающего ее соответствие требованиям закона, тактической целесообразности и высоким нравственным принципам. Дальнейшая разработка семиотического подхода в криминалистической тактике представляется исключительно плодотворным направлением современной криминалистической науки.

[1] Зуев Е. И. Криминалистика как знаковая система: семиотический аспект // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 4(36). С. 15-22.
[2] Жбанков В. А. Тактика следственных действий в свете современных достижений криминалистики: Монография. М.: Юрлитинформ, 2008. 176 с.
[3] Баев О. Я. Тактика следственных действий: Учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. 192 с.
[4] Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. М.: Юрид. лит., 1976. 160 с.
[5] Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 799 с.
[6] Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

Демарева Валерия Алексеевна

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой киберпсихологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Demareva Valeriia Alekseevna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Cyberpsychology, Faculty of Social Sciences, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

E-mail: valeriia.demareva@fsn.unn.ru

Символы в СМИ как инструмент манипуляции общественным мнением

Symbols in the media as a tool for manipulating public opinion

Аннотация. В современном медийном пространстве символы —вербальные и невербальные знаки, иконографические образы, метафоры и ритуалы — выполняют не только информационную, но и мощную манипулятивную функцию. В статье рассматриваются механизмы действия символов в средствах массовой информации, их связь с когнитивными схемами и эмоциональными реакциями аудитории, приводятся типичные приемы и иллюстративные примеры, а также обсуждаются этические и практические последствия для общества и медиаобразования.

Ключевые слова: символы, средства массовой информации, манипуляция, общественное мнение, когнитивные схемы, эмоциональное воздействие, медиаобразование

Annotation. In the modern media space, symbols — verbal and nonverbal signs, iconographic images, metaphors, and rituals — perform not only an informational but also a powerful manipulative function. The article examines the mechanisms through which symbols operate in mass media, their connection with cognitive schemas and the emotional responses of the audience, presents typical techniques and illustrative examples, and discusses the ethical and practical implications for society and media education.

Keywords: symbols, mass media, manipulation, public opinion, cognitive schemas, emotional influence, media education

Для цитирования: Демарева В.А. Символы в СМИ как инструмент манипуляции общественным мнением // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 698–699.

Введение. Символ — это сконденсированное значение: образ, слово или предмет, который несет широкий культурный смысл. В СМИ символы выступают как «ярлыки», позволяющие быстро передать сложные идеи и вызвать предсказуемые ассоциации. В условиях информационной перегрузки и ускоренного потребления новостей символы становятся эффективным средством упрощения и эмоционального управления — то есть инструментом, который легко применить как для просвещения, так и для манипуляции общественным мнением.

Цель статьи: проанализировать, каким образом символы, используемые в средствах массовой информации, становятся инструментом воздействия на общественное мнение, выявить психологические и семиотические механизмы их манипулятивного влияния, а также обозначить возможные пути противодействия этому воздействию посредством развития критического мышления и медиаобразования.

Основная часть. Действие символов можно объяснить через призму семиотики и когнитивной психологии. Семиотика показывает, как знак, соединяя означающее и означаемое, получает культурную нагрузку и может вызывать ситуативные смыслы. Когнитивная перспектива подчеркивает роль схем и фреймов: символ активирует готовые ментальные структуры, сокращая когнитивные усилия и способствуя быстрой категоризации событий. Теории фрейминга и агенда-сэттинга (от англ. agenda-setting) объясняют, как повторное использование символов формирует повестку и ценностные ориентиры аудитории.

Манипулятивная сила символа заключается в способности активировать ассоциации, управлять эмоциями и направлять интерпретацию информации. Один и тот же символ — например, флаг, жест или фотография — вызывает у разных групп разные ассоциативные сети. Средства массовой информации, используя эти знаковые комплексы, способны управлять тем, какие эмоции и смыслы возникают у аудитории. Символы выполняют функцию «эмоциональной конденсации»: изображение сломленного памятника или плачущего ребенка мгновенно вызывает чувство сочувствия или гнева без необходимости логических аргументов. Кроме того, символы закрепляют нормативные представления, формируя образы правильного и неправильного, достойного и постыдного. Через повторение они создают иллюзию естественности и неизбежности, снижая критическое восприятие информации. Персонификация символов — привязка образа к конкретной личности или группе — позволяет использовать харизму и авторитет в целях легитимации идей.

Механизмы манипуляции реализуются через различные медийные приемы. Подбор иконографии позволяет управлять эмоциональной реакцией: светлые тона создают ощущение надежды, темные — опасности. Метафоры, такие как «волна миграции» или «экономический обвал», переводят сложные явления в эмоционально понятные образы. Даже отсутствие элементов в кадре — пустая комната, опустевшие улицы, брошенные игрушки — становится символом тревоги или утраты. Визуальные коллажи и монтаж связывают несопоставимые образы, создавая ложные причинно-следственные связи. Однословные ярлыки и хештеги вроде «герой» или «предатель» формируют мгновенные оценочные реакции, а ритуальное повторение одних и тех же символов закрепляет их в массовом сознании.

В политических сообщениях символ материнства часто используется как код заботы и традиционных ценностей. В экономических новостях кризис нередко изображается как «обвал» или «шторм», превращая абстрактные процессы в наглядную угрозу. Социальные кампании, напротив, используют позитивную символику — ленты, эмблемы, логотипы — чтобы вызвать чувство сопричастности и коллективной идентичности. Во всех случаях символы экономят внимание аудитории и вызывают эмоциональную реакцию быстрее, чем аргументированный текст.

Манипуляция символами опирается на универсальные свойства человеческого восприятия. Люди стремятся экономить когнитивные ресурсы, предпочитая простые объяснения сложным. Эмоции нередко оказываются сильнее логики: именно эмоциональная реакция определяет поведение и оценки. Важную роль играет и конформизм: повторяющиеся символы воспринимаются как часть общего мнения, с которым человек склонен соглашаться. Эффекты первичности/новизны и края делают первые и последние символические образы особенно значимыми, так как они сильнее запоминаются и формируют итоговую оценку сообщения.

Манипулятивное использование символов подрывает доверие к средствам массовой информации, способствует социальной поляризации и снижает качество общественной дискуссии. Когда символы превращаются в инструменты эмоционального давления, они вытесняют рациональный анализ и укрепляют стереотипы. Для противодействия этому необходима развитая культура медиаобразования. Обучение распознаванию символических приемов, анализ фреймов и развитие критического мышления должны стать частью образовательных программ. Важным направлением является также формирование этических стандартов журналистики, предполагающих осознанный выбор символов и оценку возможных манипулятивных эффектов. Потребителям информации стоит развивать навыки критического чтения, замедленного восприятия и кросс-проверки источников. Прозрачность медийного контента и маркирование форматов (новости, реклама, аналитика) могут снизить уязвимость аудитории перед символическим воздействием.

Заключение. Символы в СМИ представляют собой мощное средство формирования общественного мнения. Они упрощают коммуникацию, ускоряют восприятие и усиливают эмоциональный отклик, но та же эффективность делает их опасным инструментом манипуляции. Способность осознанно читать и интерпретировать символы является важным элементом информационной безопасности общества. Только при сочетании медиаобразования, профессиональной ответственности и этичной журналистики возможно сохранить баланс между выразительностью символического языка и его честным использованием в публичном пространстве.

Денисова Екатерина Леонидовна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; аспирант Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)

Denisova Ekaterina Leonidovna

senior lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; is a postgraduate student at the Law Institute of the Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov Vladimir State University (VlSU)

E-mail: denisova.catherina@mail.ru

Роль правовых символов в обеспечении охраны и защиты частной собственности

The role of legal symbols in ensuring the protection and protection of private property

Аннотация. В статье рассматривается значимость правовых символов как неотъемлемого элемента системы охраны и защиты частной собственности. Анализируется влияние символического представления права собственности на формирование общественного сознания, укрепление правовой культуры и повышение эффективности правоприменительной практики. На основе анализа теоретических подходов и практических примеров, автор приходит к выводу о том, что правовые символы играют важную роль в создании и поддержании стабильной и предсказуемой правовой среды, способствующей развитию экономики и имущественного оборота.

Ключевые слова: неприкосновенность частной собственности, символы в праве, символическая передача вещи

Annotation. This article examines the importance of legal symbols as an integral element of the system for protecting and defending private property. It analyzes the influence of the symbolic representation of property rights on the formation of public consciousness, the strengthening of legal culture, and the effectiveness of law enforcement. Based on an analysis of theoretical approaches and practical examples, the author concludes that legal symbols play a vital role in creating and maintaining a stable and predictable legal environment conducive to economic development and property turnover.

Keywords: inviolability of private property, symbols in law, symbolic transfer of property

Для цитирования: Денисова Е.Л. Роль правовых символов в обеспечении охраны и защиты частной собственности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума "Юртехнетика" на тему "Символы в праве" (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 700–702.

В данной статье рассматривается роль символа в праве как способа обеспечения права частной собственности.

В гражданском праве выделяются две фундаментальные подотрасли – вещное и обязательственное право. Вещное право изучает права на вещи, объекты материального мира, осязаемые и измеримые. Среди вещных прав самым объемным является право частной собственности – абсолютное право, устанавливающее абсолютное господство лица над вещью, возможность в полной мере владеть пользоваться и распоряжаться судьбой данной вещи. Право частной собственности является абсолютным, то есть оно противопоставляется неопределённому кругу лицу.

Обязательственное право устанавливает и регулирует права и обязанности сторон по отношению друг к другу. Оно является относительным по своей природе, то есть устанавливает права и обязанно-

сти только для лиц-участников этого обязательства. Понимание обязательства достаточно размыто, обязательство есть абстракция, форма человеческой мысли. Невозможно потрогать или измерить договор купли продажи. Обязательство является результатом воли лиц, участвующих в нём. Во многом существование обязательства обусловлено развитием юридической мысли и человеческой фантазии.

Одним из важнейших разделов обязательственного права является договорное право, в частности договоры, которые обуславливают передачу вещи. Это самые распространённые договоры, обуславливающие имущественный оборот, такие как купля-продажа, мена, дарение и т.д.

Одним из достижений древнеримской юридической мысли было создание конструкции договора купли-продажи. До римлян куплю-продажу понимали, как разновидность договора мены – древнейшего из известных человечеству договоров.

Древние греки, например, не знали куплю продажу, так как знаем её мы. Они понимали куплю-продажу, как обмен товара на деньги. Что это значит на практике? Договор купли-продажи заключался греками устно. Например, если вы договорились, что вы продаёте товар за определённую цену, но завтра, а завтра покупатель не пришёл, то считалось, что договора никакого нет. А это значит, что негативных последствий для неявившегося покупателя не наступало.

Древние римляне же понимали, что договор это нечто большее, чем просто обмен, что договорившись о чём то, вы становитесь связанными условиями этой договорённости, приобретаете права и обязанности, даже если вещь ещё не передана реально или если за неё ещё не уплачена цена. Отсюда происходит и термин «контракт» от лат. contractus, буквально – стягивание; сделка, соглашение, договор.

Римские юристы, осмысливая консенсуальную природу купли-продажи, приходили к выводу, что право собственности на вещь при исполнении контракта переходит к покупателю независимо от уплаты цены за эту вещь. Что в случае просрочки оплаты Продавец вправе требовать только деньги, но не вправе требовать саму вещь[1].

Однако для человеческого сознания остаётся важным связать абстрактный юридический акт, существующий лишь в нашем мышлении выразить в реальной действительности, придать ему овеществлённую форму. В период античности, который характеризовался низким уровнем распространения письменных сделок, таким способом выражения стали обряды и символы, которые в преобразованной форме дошли до наших дней.

В классический период римского права складывается и оформляется такой способ передачи вещи, как «манципация» и «традиция».

С токи зрения правовой символики нам интереснее всего манципация, как яркий пример символа в праве.

Манципация — акт фиксации перехода права собственности от одного лица к другому.

В римском праве выделялись манципируемым вещи. Это в первую очередь наиболее ценные для оборота вещи (рабы, рабочий скот, италийская земля и др.).

Сложно представить, как реально передать из рук в руки участок земли или сто голов скота, поэтому при заключении таких сделок римляне использовали процедуру манципации - символическую передачу вещи.

Акт манципации заключался в символической передаче вещи посредством меди и весов. Покупатель произносил формулу: «утверждаю, что этот товар по праву квиритов принадлежит мне и что он должен считаться купленным мною при помощи этой меди и весов»[2]. Потом они ударяли слитком меди о весы, приобретатель передавал медь продавцу как символ вручения покупной цены.

Все другие вещи назывались лат. res nec mancipi — «неманципируемые вещи». Они передавалась просто из рук в руки, эта передача называлась «traditio»[3].

Таким образом, древние римляне понимали, что поскольку вещь, например, земельный участок нельзя передать из рук в руки, то необходимо использовать определённый правовой символ, так и появилась манципация, и она надолго вошла в древнеримский оборот.

Также римском праву была известна категория traditio symbolica — условный термин, который соответствовал «символической передаче» в римском частном праве.

При такой передаче передавалась вещь, которая лишь обозначала передачу главной вещи. Например, так могла происходить передача ключей от склада.

М. Бартошек так определяет слово traditio: «[передача], традиция, передача права собственности, сопровождавшаяся фактической передачей вещи [t. в узком смысле слова или t. corporalis, t. possessions - adprehensio 1], согласная воля сторон утратить и соответственно приобрести право собственности [voluntas] и действительное правоотношение между сторонами, которое правовые нормы признают до-

[1] Римское частное право : Учеб. для вузов / Д. В. Дождев; Под ред. В. С. Нерсесянца. - Москва : Изд. группа «ИНФРА-М» : Норма, 1996. С. 521-523.
[2] Институции Гая. Книга I. § 119.
[3] Новицкий И. Б. Римское право. 6-е, стереотипное. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», «ТЕИС», 1997. С. 88-89.

статочным для передачи права собственности»[1]. При этом он уточняет, что фиктивная передача вещи посредствам передачи символа это вещи является частным случаем traditio symbolica и имеет название traditio ficta.

Эта символика несет идею всеобщего эквивалента и нацелена на то, чтобы нейтрализовать личный, неимущественный момент в отношении принадлежности.

Акт манципации символизировал установление связи между сторонами сделки, которые обязывались к её соблюдению.

Мы можем сказать, что в античный период люди имели потребность связать свои абстрактные юридические действия с объективно действительностью посредством внешних символов, но и сегодня мало что изменилось.

Манципация в классическом римском праве превращается в способ фиксации перехода права собственности на наиболее значимые вещи с целью придания этому переходу публичной достоверности и обеспечения таким путем стабильности оборота[2].

В этом смысле поход в МФЦ для регистрации перехода права собственности на недвижимость, получение заверенной печатью выписки из Росреестра, подтверждающей право собственности на недвижимость, есть всё тот же правовой символ.

Полагаем, создание таких символов есть естественная закономерность, поскольку у людей всегда есть необходимость в символической фиксации своих юридически значимых актов. Такой символ будет сигнализировать другим участников оборота о том, что вещь уже кому-то принадлежит.

И.А. Покровский писал о такой символической передаче вещей, что такой, «акт при переходе права собственности в другие руки желателен для того, чтобы все третьи лица могли по тому или иному внешнему признаку легче судить о том, кто собственник данной вещи»[3].

В современной действительности мы можем привести примеры такой символической передачи: передача ключей от квартира, склада, автомобиля. Вспомним передачу Поле чудес. Ни у кого из зрителей не вызывает сомнения, что игрок стал собственником автомобиля, причём конкретного, если он просто вытащил правильный ключ. Ключ это устойчивый правовой символ собственности на вещь под замком, который он открывает.

Несмотря на то, что манципация со временем утратила своё юридическое значение, примеры символической передачи вещи встречаются в российском праве на законодательном уровне. Статья 224 ГК из всех случаев t. symbolica упоминает прямо передачу коносамента или иного товарораспорядительного документа на вещь[4]. Стороны могут согласовать и классическую t. symbolica — передачу ключа от хранилища вещи или сообщение ПИН-кода от банковской карты, пароля от электронного кошелька.

Проблемным вопросом остаётся то, насколько это правило универсально и применимо в стременном праве, влечёт ли переход права собственности на символ вещи переход права собственности на саму вещь или получатель символа так и не станет истинным владельцем пока не вступит во владение самой вещью.

[1] Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 314.

[2] Рудоквас А.Д. Вступительная статья. И.А. Покровский. История римского частного права. Москва : Статут : Консультант плюс, 2004. С. 20.

[3] И. А. Покровский. История римского права. М.: Статут: Консультант плюс, 2004. С. 379.

[4] "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

Дубов Егор Игоревич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Dubov Egor Igorevich

PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal and Penal Enforcement Law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: egordubov1997@yandex.ru

Дубова Мария Евгеньевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России

Dubova Maria Evgenyevna

candidate of Legal Sciences, PhD in Law, Lecturer at the Department of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shaleeva0005@yandex.ru

Уголовно-правовая охрана символов воинской славы в Российской Федерации

Criminal law protection of symbols of military glory in the Russian Federation

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые и социально-нравственные основания уголовно-правовой охраны символов воинской славы как важнейшего элемента государственной политики по сохранению исторической памяти и патриотического воспитания граждан. Исследуются нормы уголовного закона России, регулирующие ответственность за посягательства на объекты воинской славы, а также проблемы их разграничения в судебной практике. Обосновывается необходимость введения легальной дефиниции понятия «символ воинской славы», создания государственного реестра таких объектов и разработки разъяснений Верховного Суда РФ для обеспечения единообразия правоприменения. Сделан вывод о значении уголовно-правовой охраны символов воинской славы как средства поддержания духовно-нравственных ценностей, общественной солидарности и национальной идентичности.

Ключевые слова: символ воинской славы; реабилитация нацизма; осквернение символов воинской славы, уголовная ответственность, уголовно-правовая охрана

Annotation. The article examines the theoretical, legal, and socio-moral foundations of the criminal law protection of symbols of military glory as an essential element of state policy aimed at preserving historical memory and fostering citizens' patriotic education. The study analyzes the existing provisions of Russian criminal law governing liability for encroachments on objects of military commemoration, as well as the challenges of distinguishing between related offenses in judicial practice. The authors substantiate the need to introduce a legal definition of the concept of a "symbol of military glory," to establish a state register of such objects, and to develop clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation to ensure uniform law enforcement. The article concludes that the criminal law protection of symbols of military glory serves as a means of maintaining spiritual and moral values, social cohesion, and national identity.

Keywords: symbol of military glory; rehabilitation of Nazism; desecration of symbols of military glory; criminal liability; criminal law protection

Для цитирования: Дубов Е.И., Дубова М.Е. Уголовно-правовая охрана символов воинской славы в Российской Федерации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техни-

ка)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 703–709.

Охрана символов воинской славы представляет собой одну из значимых составляющих государственной политики в области увековечения памяти о защитниках Отечества и формирования общественной историко-культурной идентичности. Символы воинской славы - флаги, знамена, эмблемы, памятные знаки, атрибуты, мемориалы и иные формы выражения воинской славы – выполняют не только коммуникативную и идентификационную функцию, но и носят мощный воспитательный и консолидирующий характер, выступая средством коллективной памяти и исторического самосознания общества. Защита таких символов от осквернения, иного принижения их значения обусловлена как правовыми обязанностями государства, так и необходимостью поддержания устойчивых нравственных ориентиров и общественной солидарности в отношении истории России и подвигов соотечественников.

Правовая база, закрепляющая особый статус ряда объектов, отнесенных законодателем к символам воинской славы (в т.ч. Знамя Победы, Георгиевская лента, боевые знамена воинских частей), реализует конституционные приоритеты в сфере охраны исторического наследия. Одновременно уголовно-правовые запреты на публичное осквернение и иные деяния, посягающие на память о подвигах защитников Отечества, отражают стремление законодателя обеспечить ее надежную защиту.

Существующая система уголовно-правовой охраны исследуемого явления предусматривает ответственность за реабилитацию нацизма, содержание которой включает публичное осквернение символов воинской славы. Однако на практике выявляются существенные проблемы квалификации преступных посягательств на такие символы. Отсутствие единой нормативной дефиниции понятия «символ воинской славы», официального реестра соответствующих объектов создают правоприменительные трудности при разграничении конкурирующих составов преступлений (статьи 214, 243[4], 244, 280[3], 354[1] Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[1]). Эти трудности усугубляются неоднозначностью предмета преступления в отдельных диспозициях и разнонаправленностью правовых критериев, используемых правоприменителями при квалификации деяний, совершенных в отношении мемориальных сооружений, захоронений, воинских знамен и иных подобных предметов. Неопределенность законодательной дефиниции порождает риск как излишней уголовно-правовой репрессии, так и, напротив, поверхностного реагирования на общественно опасные деяния, посягающие на общественно значимые ценности.

Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны символов воинской славы проявляется в нескольких взаимосвязанных измерениях. Во-первых, сохранение исторической правды и уважительного отношения к подвигу военнослужащих обеспечивает формирование патриотической самоидентификации. Во-вторых, общественное почитание памятных символов способствует межпоколенной передаче историко-нравственных норм, воспитывающих уважение к службе и самопожертвованию. В-третьих, реакция государства в форме уголовно-правовых запретов сигнализирует о неприемлемости деяний, унижающих общенациональную память, и формирует превентивный эффект. Следовательно, уголовно-правовая охрана выступает не только как карательный инструмент, но и как элемент комплексной политики по защите исторической и нравственной основы современного российского общества.

Проблема правового определения и классификации символов воинской славы активно разрабатывается исследователями[2]. Несмотря на то, что термин «символ воинской славы» активно употребляется в законодательстве, правоприменении, научной литературе, он не имеет легальной дефиниции.

Конституция Российской Федерации провозглашает преемственность исторической памяти, защиту исторической правды и признание заслуг защитников Отечества одной из основ государственной политики (ст. 67.1 Конституции РФ[3]). Указанный принцип конкретизируется в ряде источников федерального законодательства, в которых закреплен особый статус отдельных объектов воинской славы. Так, Федеральный закон от 7 мая 2007 г. № 68-ФЗ «О Знамени Победы» устанавливает правовой режим главного

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Российская газета. 1996, 18 июня.

[2] См., например: Спиридонова О.Е. Символы воинской славы в контексте новых вызовов России (уголовно-правовой аспект) // Демидовский юридический журнал. 2023. № 2. С. 230-239; Шевелева К.В. Символ воинской славы как предмет преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 1 (55). С. 138–145; Радченко Т.В., Шевелева К.В. Актуальные вопросы разграничения посягательств на объекты культурного наследия и объекты, увековечивающие память лиц, погибших при защите отечества // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 4 (74). С. 151–157; Горбунов П.И., Милешина Н.А., Лукина В.А., Потапова Л.А. О значении правового закрепления статуса георгиевской ленты в качестве официального символа воинской Славы России // Обзор.НЦПТИ. 2020. № 3 (22). С. 33–42.

[3] Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. 2020, 4 июля.

символа Победы советского народа в Великой Отечественной войне – Знамени Победы, определяя его как «штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии, водруженный 1 мая 1945 года на здании рейхстага в городе Берлине»[1]. Аналогичный статус имеют Знамена Вооруженных Сил Российской Федерации, порядок утверждения и использования которых установлен Федеральным законом от 29 декабря 2000 г. № 162-ФЗ «О Знамени Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований»[2]. Эти знамена представляют собой не только официальные символы и воинские реликвии Вооруженных Сил Российской Федерации, но и олицетворяют боевую славу воинских подразделений, самоотверженно защитивших Отечество.

Особое место занимает Георгиевская лента – символ воинской доблести, закрепленный в Федеральном законе от 29 декабря 2022 г. № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», часть 3 статьи 1 которого устанавливает, что Георгиевская лента является символом воинской славы России, а ее публичное осквернение влечет юридическую ответственность[3].

Кроме того, в федеральном законодательстве особое внимание уделяется памятникам, мемориалам и захоронениям как формам увековечения воинской славы. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» предусматривают охрану памятников Великой Отечественной войны – обелисков, стел, надгробий и иных мемориальных сооружений, установленных в честь защитников Отечества[4]. В соответствии со статьей 243[4] Уголовного кодекса Российской Федерации, уничтожение или повреждение подобных объектов влечет уголовную ответственность.

Следует подчеркнуть, что общественное восприятие символов нередко опережает законодательное закрепление. Появление и распространение символов поддержки российских военнослужащих, принимающих участие в Специальной военной операции – букв «V» и «Z», участия граждан в акциях «Бессмертный полк», использования военных песен, свидетельствует о живом процессе формирования новых элементов символов воинской славы. Они несут глубокую моральную и патриотическую нагрузку и, несмотря на отсутствие формальной легализации, становятся объектами общественного признания и, следовательно, должны рассматриваться как предмет потенциальной правовой охраны.

Включение таких символов в сферу уголовно-правовой защиты представляется логически и социально оправданным. Государство, реализуя свою охранительную функцию, обязано реагировать на любые формы посягательств на общественные ценности, в том числе на осквернение символов, значимых для общества, государства, их исторической памяти.

Исходя из анализа действующих нормативных актов, символы воинской славы могут быть условно классифицированы на следующие группы:

– официальные государственные символы воинской славы, обладающие прямым нормативным закреплением (Знамя Победы, Знамена Вооруженных Сил, Георгиевская лента и др.);

– материальные объекты памяти – памятники, обелиски, мемориальные комплексы, воинские захоронения, музеи боевой славы;

– атрибуты и знаки отличия, отражающие воинскую доблесть (ордена, медали, воинские эмблемы);

– историко-культурные объекты нематериального характера (даты воинской славы, обряды, ритуалы, церемонии воинской памяти, песни, аббревиатуры).

Подобное деление позволяет рассматривать символы воинской славы не только как объекты материального мира, но и как носители духовных и нравственных ценностей. Уголовно-правовое воздействие, таким образом, направлено не столько на защиту материального объекта, сколько на охрану общественного отношения уважения к воинской истории, чести и памяти павших.

Несмотря на существование отдельных правовых норм, в действующем законодательстве отсутствует комплексный акт, регламентирующий правовой режим всех символов воинской славы. В результате в судебной практике возникают сложности при определении предмета преступления в случаях вандализма, осквернения символов воинской славы, уничтожения или повреждения воинских захоронений, памятников, стел, иных мемориальных сооружений.

Несмотря на то, что отечественная правовая система не является прецедентной, судебные органы нередко прибегают к аналогии при установлении, является ли конкретный объект «символом воинской славы». В научной литературе все чаще высказывается предложение о необходимости введения в зако-

[1] О Знамени Победы: федеральный закон от 7 мая 2007 года № 68-ФЗ // Российская газета. 2007, 7 мая.

[2] О знамени Вооруженных Сил Российской Федерации, знамени Военно-Морского Флота, знаменах иных видов Вооруженных Сил Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2000 года № 162-ФЗ // Российская газета. 2001, 4 января.

[3] О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 579-ФЗ // Российская газета. 2023, 9 января.

[4] Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ // Российская газета. 1995, 24 мая.

нодательство легальной дефиниции «символа воинской славы», а также создания соответствующего реестра, включающего как материальные, так и нематериальные формы воинской памяти[1].

Уголовно-правовая охрана символов воинской славы в Российской Федерации формируется в рамках нескольких взаимосвязанных составов преступлений. Конституционные положения о защите исторической правды и увековечении памяти защитников Отечества прямо или косвенно конкретизируются в статьях 214, 243[3], 244, 280[3] и 354[1] УК РФ. Эти нормы, хотя и различаются по объектам и признакам объективной стороны, объединены общей целью – защитой общественных отношений, обеспечивающих уважение к памяти защитников Отечества, историческим традициям и нравственным ценностям, связанным с воинской доблестью.

В целом систему уголовно-правовых средств охраны символов воинской славы можно разделить на две группы:

– нормы, обеспечивающие защиту материальных символов воинской славы (вандализм, уничтожение памятников, надругательство над местами захоронений и мемориалами);

– нормы, направленные на защиту идеологического и нравственного содержания воинской памяти (реабилитация нацизма, оскорбление памяти защитников Отечества, отрицание фактов преступлений против мира и человечности)[2].

Одной из наиболее сложных проблем правоприменительной практики в сфере уголовно-правовой охраны символов воинской славы является разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 214, 243[4], 244, 280[3] и 354[1] Уголовного кодекса Российской Федерации. Эти нормы нередко пересекаются по объекту, предмету и объективной стороне посягательства, что приводит к квалификационным ошибкам при оценке аналогичных фактов. В целях придания репрезентативности укажем основные объективные признаки упомянутых составов в наглядной форме (табл. 1).

Таблица 1

Статья УК РФ	**Основной непосредственный объект преступного посягательства**	**Специфика предмета преступления**	**Форма выражения общественно опасного деяния**
214	Общественный порядок	Здания и иные сооружения, имущество, находящиеся в общественном месте	Осквернение, порча
243[3]	общественную нравственность «в сфере охраны памяти погибших, защищавших Отечество, а также его интерес	Воинские захоронения, памятники, стелы, обелиски, мемориальные сооружения или объекты	Уничтожение, повреждение
244	Общественная нравственность, память об умерших	Тела умерших, места захоронений, надмогильные сооружения, кладбищенские здания, за исключением объектов, указанных в ст. 243[4] УК РФ	Надругательство, уничтожение, повреждение, осквернение
280[3]	Общественные отношения, обеспечивающие авторитет, доверие и легитимность деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, иных войск, органов и добровольческих формирований	-	Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации
354[1]	Историческая правда, память защитников Отечества	Символы воинской славы	Отрицание фактов, одобрение преступлений стран оси,

[1] Шевелева К.В. Уголовно-правовые средства защиты исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2024. С. 11–12.

[2] Спиридонова О. Е. Символы воинской славы в контексте новых вызовов России (уголовно-правовой аспект) // Демидовский юридический журнал. 2023. № 2. С. 230–239.

			распространение фейков и порочащих сведений, оскорбление памяти, осквернение, унижение чести и достоинства

Статья 214 УК РФ предусматривает ответственность за осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. В судебной практике к актам вандализма нередко относят случаи порчи памятников, мемориалов, братских могил, надписей и барельефов, посвященных воинской славе[1], хотя если предмет преступления представляет собой символ воинской славы или мемориал, то квалификация деяния должна смещаться в сторону статьи 243^4 УК РФ[2]. Вместе с тем, в материалах судебной практики встречаются случаи квалификации по совокупности ст. 214 УК РФ и ст. 354^1 за осквернение символа воинской славы (чаще всего Вечного огня), сопряженное с порчей имущества, находящегося на территории мемориала[3]. Встречаются и обратные примеры, когда аналогичные по форме действия, совершенные в отношении символов воинской славы, не получают уголовно-правовой оценки. Так, по сообщению «КоммерсантЪ», некий гражданин, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил неуважительные действия у Вечного огня, выражающиеся в распитии спиртных напитков, выкриках нецензурных выражений и попытке тушения огня ногой, прикуривании от него сигареты[4]. При этом повреждения мемориальному комплексу причинено не было, а умысел на оскорбление памяти защитников Отечества судом не установлен. В результате содеянное расценено как мелкое хулиганство, повлекшее административный арест на 10 суток.

До недавнего времени особое значение имела статья 244 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за осквернение мест воинских захоронений. Введение в УК РФ в 2020 году статьи 243^4 должно было решить проблемы квалификации однородных составов преступлений путем конкретизации предмета. Однако на практике это разграничение оказалось затруднительным: суды нередко продолжают квалифицировать деяния по ст. 244 УК РФ даже тогда, когда объект посягательства по своей юридической природе подпадает под признаки предмета ст. 243^4 УК РФ. Так, приговором Центрального районного суда г. Калининграда Ф* осужден по п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ за совершение акта дефекации и иных циничных действий вблизи мемориального комплекса на братской могиле советских воинов, являющегося объектом культурного наследия местного значения и символом воинской славы. Следствие квалифицировало его действия как осквернение места захоронения, совершенное по мотивам политической ненависти[5].

Ключевую роль в защите духовно-нравственных аспектов воинской славы играет статья 354^1 УК РФ («Реабилитация нацизма»). Она предусматривает уголовную ответственность за:

– публичное отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала;

– публичное одобрение преступлений, установленных данным приговором;

– публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах ВОВ;

– публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;

– осквернение символов воинской славы России;

– публичное оскорбление памяти защитников Отечества;

– унижение чести и достоинства ветерана ВОВ.

Данная статья имеет особую социальную направленность: ее целью является предотвращение идеологических форм деструктивного воздействия на общественное сознание, в частности попыток пересмотра итогов Великой Отечественной войны и нивелирования значения подвига советского народа.

[1] См., например: Приговор Южноуральского городского суда Челябинской области от 14 апреля 2019 г. по делу № 1-56/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/C3jzkqytjKQ5/ (дата обращения: 12.10.2025); Постановление Тутаевского городского суда Ярославской области от 15 января 2019 г. по делу № 2А-264/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/NE2eXhLF1lop/ (дата обращения: 12.10.2025).

[2] См., например: Возбуждено уголовное дело в связи с повреждением обелиска в Мытищах. URL: https://iz.ru/1897482/2025-06-03/vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-v-sviazi-s-povrezhdeniem-obeliska-v-mytishchakh (дата обращения: 12.10.2025).

[3] Приговор Верховного Суда Республики Бурятия от 16 апреля 2025 г. по делу № 1-8/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qfYEqMLLUMNX/ (дата обращения: 15.10.2025).

[4] Жителя Кубани арестовали на пять суток за осквернение памятника погибшим. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8142160 (дата обращения: 15.10.2025).

[5] Приговор Центрального районного суда г. Калининграда Калининградской области от 24 июня 2021 г. по делу № 1-344/2021. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SjdwDPvgvAmx/ (дата обращения: 15.10.2025).

Она охраняет духовно-нравственную сторону воинской памяти, дополняя материально ориентированные нормы (214, 243[3], 244 УК РФ).

Судебная практика применения ст. 354[1] УК РФ демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию понятия «символ воинской славы». Так, судами признавались таковыми не только Георгиевская лента, Знамя Победы, но и памятные доски, барельефы и мемориалы, хотя фактически они подпадают под признаки предмета преступления, предусмотренного ст. 243[4] УК РФ[1].

В современных условиях перечень символов воинской славы существенно расширяется за счет появления новых, неформальных форм общественного выражения патриотизма и солидарности с защитниками Отечества. К числу таких символов, по справедливой мысли О.Е. Спиридоновой, относятся буквы «V» и «Z», ставшие знаками поддержки участников специальной военной операции[2]. Несмотря на то что данные обозначения согласно разъяснению Минобороны России не признаны официальными символами воинской славы и не закреплены в действующем законодательстве[3], они воспринимаются таковыми военнослужащими и гражданами Российской Федерации, а также населением новых регионов, что подтверждает их фактический статус общественно значимых символов воинской славы, символизирующих мужество, верность долгу и героизм.

Публичное надругательство или порча изображений с указанными символами, как показывает практика, уже стало предметом уголовно-правовой оценки. Так, случаи обливания краской баннеров с символом «Z» и «V» квалифицируются как вандализм[4], а действия, направленные на унижение граждан, использующих данные знаки в предметах одежды, аксессуарах – как хулиганство[5]. Однако в ряде случаев подобные действия выходят за пределы вандализма или хулиганства, поскольку их мотивом является противопоставление себя общественно одобряемой позиции и дискредитация самой идеи защиты Отечества. В таких случаях объектом посягательства становятся не материальные предметы, а общественные отношения, охраняющие авторитет Вооруженных Сил Российской Федерации. Именно поэтому подобные деяния должны подпадать под признаки ст. 280[3] УК РФ, предусматривающей ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и иных госорганов и воинских формирований, при наличии административной преюдиции.

Наиболее дискуссионным является вопрос разграничения материальных и идеологических форм посягательств. В частности, возникает вопрос: когда осквернение памятника или мемориала следует квалифицировать не как вандализм, а как осквернение символов воинской славы?

Исходя из анализа материалов судебной практики, можем утверждать, что если действия виновного совершаются по мотивам идеологической вражды, с целью унижения значения подвига защитников Отечества или искажения исторической памяти, они образуют состав преступления, предусмотренного ст. 354[1] УК РФ. При отсутствии таких признаков объективной стороны (например, хулиганские побуждения, сопряженные с состоянием опьянения) квалификация осуществляется по статьям 214, 243[4] в зависимости от предмета преступления, а при наличии цели по дискредитации российской армии, – по ст. 280[3] УК РФ.

Однако в правоприменении доказать подобные мотивы оказывается сложно, поскольку субъективная сторона преступления определяется по совокупности внешних проявлений, в том числе по тексту высказываний, сопровождающих деяние, или характеру действий (например, размещение кощунственных надписей).

Отсутствие единого понятийного аппарата и нормативно закрепленного перечня символов воинской славы приводит к разноречивой судебной практике. Например, осквернение Вечного огня или мемориала Победы может быть квалифицировано как вандализм, как уничтожение памятника, как осквернение символа воинской славы, как мелкое хулиганство, в зависимости от оценки суда. Особую сложность вызывает правовая оценка действий, связанных с новыми символами, такими как буквы «V» и «Z», ставшие народными знаками поддержки участников специальной военной операции. Поскольку данные символы олицетворяют не конкретный объект материального мира, а идею единства и героизма защитников Отечества, их осквернение по своему содержанию ближе к дискредитации Вооруженных Сил РФ, нежели к вандализму. Следовательно, правовая квалификация таких действий должна основываться на ана-

---

[1] См., например: Приговор Псковского областного суда Псковской области от 20 апреля 2025 г. по делу № 2-11/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/P7Nx0Ri5EFJq/ (дата обращения: 17.10.2025); Приговор Свердловского областного суда Свердловской области от 1 апреля 2025 г. по делу № 2-14/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dxMFtX2UytQZ/ (дата обращения: 17.10.2025).

[2] Спиридонова О.Е. Символы воинской славы в контексте новых вызовов России (уголовно-правовой аспект) / О. Е. Спиридонова // Демидовский юридический журнал. 2023. № 2. С. 238.

[3] Ответ Минобороны России от 28.04.2022 на запрос депутата Московской городской Думы Е. В. Ступина. URL: https//t.me/evstupin/2979 (дата обращения: 16.10.2025).

[4] См., например: Двое жителей Чувашии, повредивших инсталляцию «Z» в центре города Чебоксары, предстали перед судом. URL: 21.мвд.рф/news/item/31670530/ (дата обращения: 16.10.2025); Жителя Ставрополья будут судить за порчу объектов с буквами Z и V. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5651111 (дата обращения: 16.10.2025).

[5] См., например: Суд приговорил уральца к трем годам колонии за оскорбление ребенка в шапке с «Z». URL: https://www.kommersant.ru/doc/6760895 (дата обращения: 16.10.2025).

лизе идеологической направленности и мотивов виновного, а не только на факте повреждения изображения или баннера.

В этой связи представляется необходимым системное совершенствование уголовного законодательства. Представляется целесообразным дополнить ст. 354^1 УК РФ примечанием следующего содержания:

«Примечание. Под символами воинской славы в настоящей статье понимаются материальный или нематериальный объект, выражающий память о подвигах российских воинов, о военных победах и заслугах Отечества, обладающий особой духовно-нравственной и историко-культурной ценностью, охраняемый государством в целях сохранения исторического наследия и формирования патриотического самосознания граждан».

Во-вторых, актуальным представляется предложение о дополнении ч. 3 ст. 354^1 УК РФ после слов «совершенные публично» фразой «с целью дискредитации исторической памяти о защитниках Отечества». Такое уточнение позволит дифференцировать случаи идеологически мотивированных деяний, не сводимых к прямой дискредитации Вооруженных Сил (ст. 280^3 УК РФ), но направленных на подрыв доверия к подвигу и памяти защитников Отечества.

В-третьих, целесообразно рассмотреть вопрос о создании официального государственного реестра символов воинской славы, включающего как материальные (памятники, знамена, мемориалы), так и нематериальные (песни, даты, ритуалы, символы) формы федерального, регионального и локального уровня.

В-четвертых, представляется необходимой разработка Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое разъясняло бы критерии разграничения составов преступлений, связанных с посягательствами на символы воинской славы, и закрепляло бы методические рекомендации по выявлению идеологических мотивов и признаков дискредитации.

Более того, с учетом общественной опасности реабилитации нацизма в современной политической обстановке считаем перспективным предложение об отнесении «совершения преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки реабилитации нацизма» к обстоятельствам, отягчающим наказание.

Современная система уголовно-правовой защиты символов воинской славы в России демонстрирует высокий уровень нормативной разработанности, однако остается фрагментарной и несогласованной по формальным основаниям. Для повышения ее эффективности требуется формирование единой правоприменительной доктрины, отражающей баланс между охраной общественной морали, исторической памяти и авторитета Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ковалев Александр Федорович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Kovalev Aleksandr Fedorovich

PhD in law, associate professor of the department of Criminal and Criminal-Executive Law of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: velnos@mail.ru

Символы в процессе назначения и исполнения уголовных наказаний: доктрина, практика, техника

Symbols in the process of appointment and execution of criminal penalties: doctrine, practice, technique

Аннотация. Представленная научная статья, фактически представляет собой авторские тезисы выступления А.Ф. Ковалева на международном междисциплинарном научно-практическом форуме «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года). В указанном выступлении основной акцент сделан на тех символах, которые возникают, а равно могут возникнуть при назначении и исполнении уголовных наказаний. Подход к символам учитывает актуальные доктринальные исследования, современную практику назначения и исполнения наказания, а сверх того юридико-технические аспекты конструирования правовых норм.

Ключевые слова: символы в уголовном праве, уголовные наказания, исполнение уголовных наказаний, порядок исполнения уголовных наказаний

Annotation. This research article is essentially the author's Annotation of A.F. Kovalev's speech at the international interdisciplinary scientific and practical forum "Yurtekhnetics" on the topic "Symbols in Law (Doctrine, Practice, Technique)" (Nizhny Novgorod, September 24–27, 2025). This speech focuses on the symbols that arise, and may arise, in the imposition and execution of criminal penalties. The approach to symbols takes into account current doctrinal research, contemporary sentencing practices, and, furthermore, the legal and technical aspects of the construction of legal norms.

Keywords: symbols in criminal law, criminal penalties, execution of criminal penalties, procedure for execution of criminal penalties

Для цитирования: Ковалев А.Ф. Символы в процессе назначения и исполнения уголовных наказаний: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 710–712.

В современной юридической доктрине все чаще звучат призывы обращаться к истокам, искать и находить правовые традиции и ценности, которые свойственны, характерны только для отечественной науки. При этом стремление исследователей как можно скорее предъявить результаты своих изысканий приводит не всегда к однозначному результату.

Безусловно, истоки и традиции есть, что неоднократно отмечалось в исследованиях различного уровня: кандидатских и докторских работах, монографиях, рецензируемых научных изданий «первой величины». Но поиск новых должен учитывать работу проделанную предшественниками, теми, кто уже ставил подобные цели и задачи, но что важнее достигал их.

Профессор В.М. Баранов образец для ученых юристов вне зависимости от конкретной сферы научных интересов, будь то теория права, уголовное право или криминалистика, так как он всегда обстоятельно, всесторонне подходит к формулированию и постановке проблематики, а равно предложений, направленных на решение, либо снижение «градуса» напряженности выявленных проблем. Вот и теперь настоящая тема, которая заинтересовала и заинтриговала нас, была тщательным образом проработана и сформулирована, на основании результатов общения В.М. Барановым более 200 источников указан-

ных в библиографическом указателе, который был составлен еще год назад, вместе с приглашением на данное высоконаучное мероприятие – XXVII Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика», тема «Символы в праве (доктрина, практика, техника)».

Соответствующей духу заявленной темы: «Символы в праве (доктрина, практика, техника)», мной было выбрано направление для проведения обзорного исследования, целью которого выступил анализ доктрины, практики и соответственно юридической техники закрепления *символов*, как явления правового порядка, возникающих в процессе назначения и исполнения уголовных наказаний.

Выступающими на форуме неоднократно подчеркивалось, что этимология слова «символ» происходит от греческого аналога «σύμβολον», что возможно перевести как *знак*, с помощью которого возможно различать предметы одинакового порядка.

Интересно, что в уголовно-правовой доктрине выделяют символы как предметного, так и непредметного порядка. Примером первых могут служить государственные награды и форменная одежда сотрудников правоохранительных органов, а примером вторых почетные звания или занимаемые должности. Приведенная дифференциация символов справедлива, как и их разделение на такие виды как: символы-предметы преступления, символы-орудия (средства) преступления[1].

Впервые о символах в уголовном праве на уровне кандидатской диссертации писала О.Е. Спиридонова.[2] Думается, что исходя из объекта и предмета исследования, она не смогла свою идею транспонировать на меры государственного принуждения. А учитывая, что сфера моих научных изысканий связана с исследований уголовного наказания и системы уголовных наказаний, хотел бы обратить внимание на отсутствие в классификации правовых символов такого вида как символ-наказание/символ-мера государственного принуждения.

Так согласно п. «б» и «в» ст. 44 УК РФ, видами уголовного наказания является – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

Если мы рассматриваем такое социально детерминированное явление, которое связано со сложной структурой общества – *должность* (государственной, в органах местного самоуправления и др.), то необходимо указать, что с течением времени она стала приобретать некий сакральный характер. Данный процесс (сакрализации) характерен как для отечественного государственного устройства, так и для иностранных юрисдикций.

Уместно вспомнить народную пословицу – «не место красит человека, а человек место». К сожалению, так бывает не всегда. Не случайно специалисты криминологи проводят исследования направленные на анализ и оценку коррупционных рисков выполнения обязанностей/полномочий на определенных государственных должностях.

Возвращаясь к теме настоящего форума возможен вывод и о том, что должность, тоже символ – символ власти. Применение же уголовного наказания сопряженного с лишением должности не только направлено на предотвращение совершение новых преступлений, исправление осужденного, восстановления социальной справедливости, но и осуществляет десакрализацию *должности* как символа власти виновного. Сказанное справедливо и в случае лишения права заниматься определенной деятельностью.

В лишении осужденного специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, мы опять наблюдаем некий символизм связанный, во-первых, с уже упоминавшейся десакрализацией должности, занимая которую у виновного лица появилась возможность получить/заслужить воинские или почетные звания, классные чины и государственные награды. А во-вторых, с осознанным обесцениванием результатов его службы и успехов достигнутых до момента совершения уголовно-наказуемого деяния.

Последнее представляется достаточно суровой мерой государственного принуждения для человека который решил посвятить свою жизнь/существенную ее часть служению государству и обществу. Но, зачастую лица совершающие уголовно наказуемые действия относятся к службе и званию как прикрытию для осуществления своих преступных действий. Для этой категории лиц, потеря звания и должности будет менее существенной карой, нежели потеря денежных средств полученных в результате совершения наказуемых деяний, легализованных доходов и изменение образа жизни со сверх обеспеченного уровня на обыкновенный.

В последнем тоже проявляется символизм, выступающий отражением перемен происходящих в современном российском обществе. Утрата духовно-нравственных ориентиров, присущих офицерам прошлого, привело к снижению эффективности нематериальных мер государственного принуждения и возрастанию эффективности тех которые в императивном порядке нацелены на снижение материального благополучия осужденных. Безусловно, лишение свободы не потеряло своего лидирующего положения

---

[1] См. например: *Гончарова Н.С.* Уголовно-правовые символы: понятие, виды, функции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019, № 4 (39), С. 319-320;. *Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е.* Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 194.

[2] *Спиридонова О. Е.* Символ как предмет преступления : дис…канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. С. 111–181.

в иерархии основанной на суровости воздействия и степени ограничения прав и свобод осужденного, но иные видов уголовных наказаний необходимо подвергнуть ревизии на предмет их эффективности, соответствия целям, для достижения которых они применяются.

Подводя итог сказанному и действуя в рамках обозначенной темы не могу не затронуть важный элемент, который не был затронут мной ранее. Этот элемент касается симбиоза юридической техники и символов возникших в системе наказаний.

Одним из символов нашего времени связанного с системой уголовных наказаний, во круг которого сломлено бессчетное число копий, проведены сотни научно-практических мероприятий, осуществлялись обсуждения на самом высоком государственном уровне, является вопрос о применении конфискации имущества в качестве уголовного наказания, а не иной меры уголовно-правового характера.

Учитывая, что эффективность некоторых наказаний как символов борьбы с преступностью снизилась, важно обратиться к тем, которые незаслуженно ограничены. В ходе диссертационного исследования мной были обобщены и проанализированы как доктринальные основы, так и мнение российского общества, а кроме этого и мнение экспертного сообщества в лице тех, кто осуществляет правоприменение.

Итог следующий, конфискация имущества должна быть возвращена в систему уголовных наказаний, как символ неотвратимости ответственности и решительного настроя государственной власти в борьбе с преступностью. Предлагаем *конфискацию имущества* закрепить в УК РФ в качестве дополнительного наказания (вместо иной меры уголовно-правового характера) и предусмотреть ее назначение по усмотрению суда за совершенные из корыстных побуждений либо с корыстной целью преступления против службы в органах власти, организациях, учреждениях или в сфере экономики, а равно в отношении преступников *корыстного подтипа низкосоциализированного типа*, совершивших иные деяния корыстной направленности[1]. Таким образом, символы в процессе назначения и исполнения уголовных наказаний доктринально обусловлены, практически значимы и имеют технико-юридическую реализацию в нормах уголовного закона.

[1] *Ковалев А. Ф.* Уголовные наказания в Российской Федерации: система, целеполагание, эффективность применения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2025. С. 12.

Коробова Анна Сергеевна

редактор редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России

Korobova Anna Sergeevna

editor of the editorial and publishing department of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: korobova07@list.ru

Влияние запрещенных символов на состояние общественного порядка

The influence of prohibited symbols on public order

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные правовые вопросы, связанные с влиянием запрещенной символики на общественный порядок (в широком его понимании). Автор рассматривает природу собственно символа и содержание запрещенных символов в праве, их особенности, обозначена связь между деструктивной идеологией и запрещенными символами, являющимися знаковым отражением сути разрушительной идеи, ее конструкции. В статье автор выделяет цели подобного рода символов, направленных на ослабление и уничтожение традиционных ценностей, морали, права, религиозных догм, лежащих в основе общественного порядка. Кроме того, подвергнуто изучению отечественное нормативно-правовое регулирование в сфере запрещенной символики. Кроме того, обозначены проблемы правоприменения законодательства в данной области в ходе расследований преступлений и правонарушений. В заключении автор делает выводы о негативном влиянии запрещенных символов на общественный порядок путем информационного влияния на подсознание граждан и насаждения чуждых установок, а также необходимости своевременного государственного реагирования, направленного на борьбу с деструктивными символами.

Ключевые слова*:* символы, запрещенные символы, деструктивная идеология, деструктивные символы, экстремистские материалы, экстремизм, глобализационные процессы, традиционные ценности, общественный порядок

Annotation. This article examines current legal issues related to the impact of prohibited symbols on public order (in the broad sense). The author examines the nature of the symbol itself and the content of prohibited symbols in law, their specific features, and identifies the connection between destructive ideology and prohibited symbols, which are a symbolic reflection of the essence of a destructive idea and its structure. In the article, the author highlights the purposes of such symbols, aimed at destroying traditional values, morality, law, and religious dogmas that underlie public order. Furthermore, domestic legal regulation in the area of prohibited symbols is examined. Furthermore, the problems of law enforcement in this area during investigations of crimes and administrative offenses are identified. In conclusion, the author draws conclusions about the negative impact of prohibited symbols on public order by influencing the subconscious of citizens and instilling alien attitudes, as well as the need for a timely government response aimed at combating destructive symbols.

Keywords: symbols, prohibited symbols, destructive ideology, destructive symbols, extremist materials, extremism, globalization processes, traditional values, public order

Для цитирования: Коробова А.С. Влияние запрещенных символов на состояние общественного порядка // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 713–718.

Исследование символа и его роли в культуре и языке является традиционным в философском и культурологическом аспектах.

Прежде чем перейти к рассмотрению проблематики влияния запрещенных символов на общественный порядок, следует обратить внимание на исходный термин «символ» (от греч. σύμβολον — условный знак, примета), представляющий фундаментальное значение для понимания его роли в исследуемом вопросе.

Согласно филологическим источникам он обозначает предмет, действие и т.п., служащие условным обозначением какого-либо понятия, идеи; в литературе представляет собой художественный образ,

условно передающий какую-либо мысль, переживание; как специальный термин используется для условного обозначения какой-либо величины, принятого той или иной наукой[1,2].

Исследование символа и его роли в культуре и языке является конвенционально присуще философии и сфере искусства.

Рассмотрение символа в художественном аспекте в качестве автономной, целостной категории восходит к учениям И.В. Гете и К.Ф. Мориц, интерпретировавшим символ как самодостаточное и органичное единство «смысла» и «бытия», дифференцируя символ от образа, знака и аллегории[3].

В философии символ трактуется как знак, в понятие которого входят, не поглащая его, художественный образ, аллегория, или сравнение. Истоком дифференциации символа, аллегории и мифа служит трансцендентальная философия И. Канта[4].

Символизм как совокупность знаковых форм рассматривается амбивалентно. Положительный аспект оценивания символа прослеживается в философских трудах А. Уайтхед, Ж. Лакан и Э. Кассирер. Деструктивный компонент символа подвергнут изучению такими учеными-философами, как Ж. Делез, А. Бергсон и Ж. Бодрийяр.

В психологии понятие символа как продукта спонтанной психической деятельности или порождения бессознательного разрабатывались в работах З. Фрейда и аналитической психологии К. Юнга[5].

Нельзя не обратить внимания на воззрения представителя американской социологии Д. Мида, основоположника символического интеракционизма, фундаментом философии которого является положение об основополагающей роли социальных символов в формировании личностных качеств и ее действий в обществе. Придерживаясь данной теории, можно с уверенность говорить о том, что используемые в глобализационных процессах символы влияют на подсознание человека, изменяют его природу, систему ценностных ориентиров и установок[6]. Именно поэтому они широко используются криминальными структурами, пропагандирующими деструктивную идеологию.

Символ характеризуется своей универсальностью за счет совокупности признаков, ему присущих, пронизывая все социально-культурное пространство, активно применяясь и в религии, и в политике, и в праве.

Изучение символа в праве восходит к трудам Я. Гримма[7] и П.Д. Калмыкова[8], а также отмечается в более ранних трудах немецких авторов XVIII в. (Б.Л. Молленбек, И.Г. Шерц, И.У. Крамер, И.Г. Шаумбург, И.Т. Гофман, Э. Отто и др.) В современной российской юридической литературе правовые символы исследуются в работах Н.Н. Вопленко, В.К. Бабаева, В.М. Баранова, А.В. Никитина, М.Л. Давыдовой, А.Ю. Глушакова, Л.Л. Кругликова, О.Е. Спиридоновой, И.В. Мальцева, И.А. Исаева, П.Д. Шалагинова, О.И. Шарно и других авторов[9].

В классическом изучении правовые символы коррелируются с общим понимание символа и его функционалом в социуме.

Что же есть символ? Символ – это некоторая знаковая структура, служащая для обозначения идеального содержания, отличная от ее непосредственного предметного бытия, открывающегося органам чувств[10].

Представляется, символ – это не просто любое знаковое обозначение, он по своей природе предполагает отражение отражаемого, вскрывающее его суть, являясь некоей интерпретацией действительности в человеческом сознании.

Что касается права в целом, то по сути оно образует символ, отражая в сознании людей концептуальные элементы существующей правовой структуры.

В свою очередь, символы, имеющие корреляционные связи с правом, многообразны, при этом отличаются неоднородностью, в связи с чем в правовой науке предлагается их классификация. Солидаризируемся с позицией группирования символов по принципу их действия и применения на символы, закрепленные в официальных источниках права и охраняемые государством (так называемые «правовые

---

[1] Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. — С. 93.

[2] Толковый словарь русского языка: в 4 т. — Москва: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940. Т. 4. С–Ящурный; под ред. А.П. Ушакова. — Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940.— Стб. 181.

[3] Лагутина И. СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГЕТЕ. Поэтика художественной прозы. — Москва: Наследие, 2000. — 280 с. С. 21.

[4] Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: ПАНПРИНТ, 1998. — 1064 с. С. 776-777.

[5] Юнг К.Г. Архетип и символ / пер. с нем. А.М. Руткевича. — Москва, 1991. С. 84.

[6] Мид Дж., Мертон Р., Парсонс Т., Шюц А. Американская социологическая мысль: тексты / пер. с англ. — Москва: Изд-во МГУ, 1994. С. 125–128.

[7] Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer [Немецкие правовые древности]. Göttingen,1828.

[8] Калмыков П.Д. О символизме права вообще и русского в особенности. — Санкт-Петербург, 1839.

[9] Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В.М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — 696 с. С. 242.

[10] Пигалев А.И. Культурология. — Волгоград, 1999. С. 349.

символы»[1]); символы, юридически незакрепленные, но используемые в праве, представляя собой составной элемент правовой системы общества; и, наконец, символы, которые упоминаются в законодательстве, не приобретая при этом правового характера. В частности, такими являются символы, использование которых запрещается действующим правом[2]. Последняя группа символов выступает объектом настоящего исследования, поэтому подробнее остановимся на проблематике данного явления правовой действительности.

Как показывают материалы научных исследований и законодательные инициативы, в настоящее время актуализируется интерес к изучению запрещенной деструктивной символики как в юридической науке, так и в правотворческой среде.

Полагаем, исходя из юридического аспекта под запрещенными (деструктивными) символами следует понимать символы, являющиеся элементом правовой системы, пропагандирующие инородные, чуждые, несвойственные ей установки, дискредитирующие систему общепризнанных правовых ценностей, за использование которых предусмотрена юридическая ответственность. Кроме того, действующее нормативно-правовое регулирование демонстрирует негативное отношение правовой системы к данному элементу.

В настоящей статье термин «общественный порядок» понимается в широком его осмыслении как организованные в соответствии с правовыми нормами, моралью, обычаями отношения членов общества, складывающиеся в системе государственного устройства согласно установленным законодателем, обществом правилам в целях соблюдения прав и интересов всех участников отношений, поддержания благоприятного состояния в обществе, требующего, в свою очередь, обеспечения, охраны от нарушений, посягательств, угроз.

Так, в целях борьбы с проявлениями фашизма на территории Российской Федерации в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ запрещается любое использование, пропаганда, публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, а также сходные до степени смешения с нацисткой атрибутикой или символикой, а также являющиеся экстремистскими материалами изображения руководителей преступных групп, организаций или движений, признанных таковыми, либо виновными в совершении преступлений в соответствии с приговорами судов, указанных в данной статье, а также атрибутики или символики организаций, отрицающих факты и выводы, установленные приговорами судов[3].

Таблица

Запрещенная атрибутика и символика в соответствии с Федеральным законом от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ[4]

Часть ст. 6	*Действие*	*Предмет*	*Основание*
Ч. 2	➢ Использование, в том числе ➢ публичное демонстрирование	➢ Нацистская атрибутика, символика, ➢ атрибутика или символика, сходные до степени смешения с нацистской атрибутикой или символикой, ➢ являющиеся экстремистскими материалами изображения руководителей преступных групп, организаций или движений	➢ Приговор Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала)
Ч. 3	➢ Пропаганда	➢ атрибутика или символика, ➢ являющиеся экстремист-	➢ Приговор Международного военного трибунала для суда и наказания главных воен-

[1] Бабаев В.К. Общая теория права: Краткая энциклопедия / В.К. Бабаев, В.М. Баранов. — Н. Новгород, 1997. С. 74; Кругликов Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. — Санкт-Петербург., 2005. С. 163; Никитин А.В. Правовые символы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 17–19.

[2] Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В.М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — 696 с. С. 245.

[3] Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов: федеральный закон от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/1518946/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/ (дата обращения: 10.09.2025).

[4] Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов: федеральный закон от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/1518946/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/ (дата обращения: 10.09.2025).

	➢ публичное демонстрирование	скими материалами изображения руководителей организаций, сотрудничавших с группами, организациями, движениями или лицами, признанными преступными либо виновными в совершении преступлений	ных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) ➢ приговоры национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанные на приговоре Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) ➢ приговоры, вынесенные в период Великой Отечественной войны ➢ приговоры, вынесенные в период Второй мировой войны
Ч. 4	➢ Пропаганда; ➢ публичное демонстрирование	➢ атрибутика и символика организаций (в том числе иностранных или международных, отрицающих факты и выводы	установленные приговорами: ➢ Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) ➢ национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала) ➢ вынесенными в период Великой Отечественной войны ➢ вынесенными в период Второй мировой войны

Кроме того, законодательством Российской Федерации установлен порядок определения данного перечня организаций, указанных в ч. 3-4 ст. 6 вышеназванного закона, а также их атрибутики и символики[1]. Правила предусматривают включение в перечень Министерством юстиции Российской Федерации (далее — Минюст) в том числе атрибутики и символики организаций в случае представления федеральными органами государственной власти официальных документов (в том числе иностранных) и (или) копий постановлений судов о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.3 КоАП РФ, подтверждающих принадлежность атрибутики и символики организациям[2].

В то же время на основании поступающих копий вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими в установленном порядке органом государственной регистрации осуществляется ведение федерального списка экстремистских материалов, который подлежит размещению в сети «Интернет» на официальном сайте указанного органа. Кроме того, в целях обеспечения деятельности федеральных органов государственной власти по противодействию экстремистской деятельности органом государственной регистрации осуществляется ведение банка данных экстремистских материалов ограниченного доступа (ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ).[3]

Кроме того, за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (гл. 20 ст. 20.3 КоАП РФ) предусмотрена административная ответственность.

При этом за неоднократные пропаганду либо публичное демонстрирование, а также изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение нацистской атрибутики или символики, либо атрибути-

[1] Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», а также атрибутики и символики этих организаций: постановление Правительства РФ от 11 июня 2015 года № 574. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71085308/ (дата обращения: 10.09.2025).

[2] Там же.

[3] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://ivo.garant.ru/#/document/12127578/paragraph/17553:0 (дата обращения 10.09.2025).

ки или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.3 КоАП РФ, лицо, совершившее вышеуказанные деяния, несет уголовную ответственность в соответствии со ст. 282.4 УК РФ. Обратим внимание, что ст. 20.3 расположена в гл. 20 КоАП РФ, именующейся как «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность», а ст. 282.4 размещена в гл. 29 УК РФ, объединяющей преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Кроме того, борьба с нацистской, расистской и другой человеконенавистнической символикой активно ведется международными[1] и отечественными спортивными организациями.

Например, в соответствии со статьей 121 Дисциплинарного регламента РФС (2019) предусмотрены штрафные санкции для футбольного клуба (игрока, официального лица клуба) за дискриминацию и расизм, пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики[2]. Так, в Приложении № 2 к Дисциплинарному регламенту РФС[3] содержатся наиболее часто используемые ультраправые знаки и символы, руны, используемые расистами и неонацистами, буквенные и численные коды, которые применяются экстремистами во избежание наказания за публичную демонстрацию символики, а также запрещенные символы, наиболее часто употребляемые во время матчей на территории Российской Федерации.

Между тем конкретный перечень символики, относящейся к запрещенной, в законодательстве Российской Федерации по настоящее время отсутствует. Символика организаций, признанных экстремистскими, содержится в числе экстремистских материалов, формируемых органом государственной регистрации, в виде словесного описания, графическое изображение не предусмотрено. Полагаем, что отсутствие непосредственно реестра запрещенных символов с визуализацией препятствует эффективному правоприменению[4], в частности в ходе предварительного расследования уголовных дел, возбужденных по признакам преступлений, предусмотренных ст. 282.4 УК РФ, а также в рамках административных расследований правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ. Отметим, что расследование подобного рода преступлений (правонарушений) осложняется проведением трудоемких комплексных экспертиз, а при определенных условиях проведение которых без иного материала, например, лингвистического характера, содержащего признаки экстремизма, не представляется возможным.

Однако в ходе рассмотрения апелляционного представления по уголовному делу по обвинению в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282.4 УК РФ, Тамбовский областной суд в апелляционном постановлении № 22-535/2025 от 7 апреля 2025 года указал, что «…относится ли символика, присутствующая на листовке либо на странице социальной сети к нацисткой, специальных познаний эксперта не требует»[5]. При этом в данном случае необходимо исходить из достаточности иных доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение.

Зачастую запрещенные символы непосредственно связаны с организациями, осуществляющими деятельность, основанную на деструктивной идеологии, направленной на отрицание и дискредитацию традиционных ценностей и фундаментальных принципов, фундирующих правила общежития, сложившийся порядок в обществе во всех сферах жизнедеятельности, представляя угрозу общественной системе в целом.

В свою очередь, традиционные ценности представляют собой нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство[6].

Обратим внимание на отсутствие легальной дефиниции понятия «деструктивная идеология», конструирование и последующая интеграция в действующее законодательство которого предлагается спи-

---

[1] Организация FARE (Football Against Racism in Europe) совместно с ФИФА вы пускает сборники запрещенных на спортивных мероприятиях символов и лозунгов (Monitoring discriminatory signs and symbols in European football. London. UK. Fifth updated version, June 2016). Использование этих символов влечет за собой серьезные наказания для фанатов и санкции для клуба.

[2] РФС: Документы – Российский футбольный союз. Дисциплинарный регламент РФС. Электронный документ. URL: https://rfs.ru/subject/1/documents/preview?documentId=1834 (дата обращения: 10.09.2025).

[3] РФС: Документы – Российский футбольный союз. Приложение № 2 к Дисциплинарному регламенту РФС (в ред. от 13 июля 2024 года). Электронный документ: URL: https://rfs.ru/subject/1/documents/preview?documentId=1510 (дата обращения: 10.09.2025).

[4] Павлов А.Н. Запрещенные символы в российском и зарубежном праве: особенности юридической техники // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруд. 2013. № 2 (19). С. 191.

[5] Апелляционное постановление № 22-535/2025 от 7 апреля 2025 года // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DjPm6Xlt3zrw/ (дата обращения: 15.09.2025).

[6] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S (дата обращения: 15.09.2025).

керами на заседаниях экспертных советов и законодательных собраниях, а также выдвигаются идеи о введении административного и уголовного наказания за ее распространение[1].

Однако невозможно не согласиться с интерпретацией деструктивной идеологии, в соответствии с Указом Президента РФ № 809, как насаждения чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей путем идеологического и психологического воздействия на граждан[2].

Таким образом, целью деструктивной идеологии и собственно деструктивных символов, представляющих собой знаковые образы, отражающие ее существо, идею или идейно-образную конструкцию, является разрушение традиционных устоев во всех сферах общества и общественного порядка в целом, создавая предпосылки для духовно-нравственной деградации общества, разрыву социальных связей; обострения социокультурного дисбаланса общества и классовой стратификации, обособленности граждан, утрате национального единства и гражданской идентичности, обесценивания идей созидательного труда и взаимопомощи; насаждение положений, содержащих признаки унижения человеческого достоинства и обесценивания человеческой жизни; внедрения антиобщественных стереотипов поведения; формировании ложных представлений об исторических событиях и фактах; дискредитации государственной власти[3].

Надо отметить, что несмотря на проявляющийся интерес к изучению негативных символов в праве и разработке предложений по противодействию, существующие законодательные инструменты правотворческое регулирование данного явления правовой действительности осуществляется непоследовательно, наблюдается замедленное реагирование на изменения, происходящие в криминальной среде, деятельность которой направлена на деструкцию общественного сознания, в том числе правового, и установленного общественного порядка в государстве.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам.

Во-первых, нормативно запрещенная символика, а также символы, признанные экстремистскими по решению суда оказывают сугубо негативное влияние на общественный порядок (в широком его толковании), отражая в знаковых образах разрушительные идеи, манипулируя личностью на подсознательном уровне, вкладывая в мировоззренческую структуру человека определенные модели поведения и мышления[4], формируя ложные представления о правилах поведения, морали и фундаментальных принципах существующих в российском обществе.

Во-вторых, в условиях информационной атаки российского населения со стороны агрессоров, эрозии традиционных установок в глобализационных процессах государственным органам следует концентрироваться на защите общества от внешнего идеологического давления, подрывающего духовно-нравственные ориентиры, определяющие благополучие и спокойствие, а также векторное развитие общества.

В-третьих, своевременные меры противодействия государственного уровня, в том числе законотворческого, запрещенным (деструктивным) символам позволят сохранить национальную самобытность, сложившийся порядок в обществе, основанный на нравственных ориентирах, традициях и обычаях, морали, нормах религии и права, обеспечив тем самым стабильность, спокойствие и защищенность общества, его сплоченность.

---

[1] В ГД призвали противодействовать распространению «деструктивной идеологии» // РВС. 07.12.2022. URL: https://rvs.su/novosti/2022/v-gd-prizvali-protivodeystvovat-rasprostraneniyu-destruktivnoy-ideologii (дата обращения: 10.09.2025); В законодательство хотят ввести определение деструктивной идеологии // Парламентская газета. 15.02.2024. URL: https://www.pnp.ru/social/v-zakonodatelstvo-khotyat-vvesti-opredelenie-destruktivnoy-ideologii.html (дата обращения: 10.09.2025); В Госдуме пообещали внести законопроект о деструктивных идеологиях к концу года: Политика: Россия // Lenta.ru. 26.10.2024. URL: https://lenta.ru/news/2024/10/26/no-destroy/ (дата обращения: 10.09.2025).

[2] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S (дата обращения: 15.09.2025).

[3] Там же.

[4] Русанова А.А., Лукьянова Н.А. Конструктивная и деструктивная роль символа как объекта культурной идентичности в процессах глобализации // Философская мысль. 2017. С. 31.

Кузнецова Надежда Владимировна

заместитель генерального директора по правовым вопросам ООО «ЗенитПроект» г. Орел

Kuznetsova Nadezhda Vladimirovna

Deputy General Director for Legal Affairs, LLC "ZenitProekt", Orel

E-mail: nadezhda-kuzn@yandex.ru

Использование философской теории символа и сознания в правовом регулировании градостроительных отношений

The use of the philosophical theory of symbol and consciousness in the legal regulation of urban relations

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли символов в механизме регулирования градостроительных отношений. Правовые теории подходов к регулированию градостроительных отношений полезно соотносить с философскими теориями, раскрывающими особенности восприятия действительности и мотиваций участников социальных отношений к добровольному исполнению правил поведения. В статье рассматривается как выводы отдельных философов (М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского) о соотношении символов и сознания могут повлиять на перспективу правового регулирования (перехода от формально-юридического подхода к культурно-символическому), основанного на постепенном введении правил, добровольно выполняемых субъектами градостроительных правоотношений при их активном творческом участии в градостроительном процессе.

Ключевые слова: символ в праве, философская теория символа и сознания, градостроительные отношения

Annotation. The article is devoted to the study of the role of symbols in the mechanism of regulation of urban relations. It is useful to correlate legal theories of approaches to regulating urban relations with philosophical theories that reveal the peculiarities of perception of reality and motivations of participants in social relations to voluntarily comply with the rules of behavior. The article considers the conclusions of individual philosophers (M.K. Mamardashvili and A.M. Pyatigorsk) on the relationship between symbols and consciousness may affect the prospect of legal regulation (the transition from a formal legal approach to a cultural and symbolic one) based on the gradual introduction of rules voluntarily implemented by subjects of urban planning legal relations with their active creative participation in the urban planning process.

Keywords: symbol in law, philosophical theory of symbol and consciousness, urban planning relations

Для цитирования: Кузнецова Н. В. Использование философской теории символа и сознания в правовом регулировании градостроительных отношений // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 719–724.

Введение

Социальное устройство общества в большой степени зависит от формирования городской среды, от принципов, на которых строятся взаимоотношения между субъектами градостроительной деятельности. Из всех перечисленных подходов наиболее значимый для понимания способов правового регулирования градостроительных отношений – подход, в основе которого лежит философия Мамардашвили М.К. и Пятигорского А.М., рассматривающая символ как часть механизма сознания. Следуя этой теории, возможно использование связи символов с сознанием в сложной системе правовых мер, направленных на устойчивое положительное социальное поведение людей.

Представляется, что для градостроительных отношений добровольное исполнение правил поведения имеет приоритетное значение перед принуждением, поскольку деятельность по обустройству городов предполагает активное творческое участие всех субъектов градостроительной деятельности.

Актуальность

Тема эффективности правового регулирования и соответствия правовой культуры общества в области градостроительных отношений современным запросам не перестает быть актуальной в связи с динамикой общественных отношений. Философская теория Мамардашвили и Пятигорского о символе и сознании помогает выработать новую позицию о принципах и критериях эффективности правового регулирования, учитывая потребности общества в разнообразии, открытости к трансформациям и многофункциональности пространства города.

Символы как философская категория интересовали философов начиная с античности (Аристотель, Диоген, Платон) и далее в период развития науки в прошлом веке.[1]

Впервые наиболее полный, комплексный подход к изучение правовых символов предпринял Никитин А.В.[2] Символ как инструмент юридической техники рассматривала Давыдова М.Л.[3] Шарно О.И. раскрывает значение символов в правовой коммуникации, т.е. в процессе передачи юридически значимой информации от правотворческого органа через правоприменительный орган к конкретному лицу.[4]

И.В. Мальцев, кроме технико-правового подхода, использует историко-юридический и институционально-юридический подходы, что позволяет соотнести понятие правового символа с понятием «обычай», выделить правовые символы из категории «социальные символы» и отграничить от смежных знаковых явлений.[5]

В социологии существует направление символического интеракционизма, в котором «… символизм понимается как инструмент и результат социальной деятельности и взаимодействий».[6] Направление изучает взаимосвязь культуры и общества, а также социальные настроения и социальную память в их символических формах.[7]

В научной литературе существует и иной подход к изучению символов, отраженных в нормах права. Используя исторический метод А.А. Дорская проследила эволюцию символов зла в российском праве: от хаоса (разрушения всего), греха до нацизма и терроризма в наше время. Различалось и восприятие (раскодирование на сознательном и подсознательном уровне) одних и тех же символов в разное время.[8]

Философская теория символа и сознания Мамардашвили М.К. и Пятигорского А.М.

Из философских теорий особо следует выделить теорию Мамардашвили М.К. и Пятигорского А.М. о соотношении символов и сознания. Символ, согласно этой теории, является не внешним фактором, влияющим на сознание, а способом функционирования сознания: «Символы – орудия нашей сознательной жизни. Они – вещи нашего сознания, а вовсе не аналогии, не сопоставления, не метафоры»[9]. Это понимание символа, как явления, имеющего определенное отношение к сознанию, предлагает более глубокое проникновение в социальное поведение людей. И именно философское понимание Мамардашвили и Пятигорского символов, способа их взаимодействия с сознанием, на наш взгляд, позволяет найти правовые подходы к формированию стереотипа социального поведения людей, что представляет ценность для выработки механизма правового воздействия, минимизирующего необходимость принуждения и применения санкций.

Понятие символизма Мамардашвили и Пятигорский выводят из теории взаимодействия символов и сознания, понимаемое ими не в качестве психического процесса, а в качестве уровня, на котором синтезируются все возможные психические процессы. Символы приобретают отношение к сознанию определенного уровня[10]. Сконструированная авторами новая категория – «сфера сознания» - позволяет рассматривать символизм права не как аналогии, присущие представлениям конкретного индивида или группы лиц, а в качестве того «места», где символы по мнению авторов находятся, но не рефлексируют-

[1] Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. 1976., Мальцев И.В. «Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании» М. НОРМА, ИНФРА-М. 2022., Баранов М.В. Юридическая техника: учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. В.М. Баранова. М. Проспект. 2021.

[2] Никитин А.В. Правовые символы: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород.1998.

[3] Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград. 2009. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация / М.Л. Давыдова // Юридическая техника. 2008. №2. С. 56-63

[4] Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: дис. … канд. юрид. наук. Саратов. 2014.

[5] Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал высшей школы экономики. 2019. №4. С. 100-121.

[6] Халас Э. Символы и общество. Интерпретативная социология. Харьков. Гуманитарный центр. 2021. С. 7.

[7] Там же, с. 8.

[8] *Дорская А.А.* СИМВОЛЫ ЗЛА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. №4 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/simvoly-zla-v-istorii-rossiyskogo-prava (дата обращения: 11.06.2025).

[9] Мамардашвили М. Быть философом – это судьба // Как я понимаю философию. М. Прогресс. 1990. С. 38.

[10] Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М. Школа «Языки русской культуры». 1997. С. 43.

ся людьми, попадают без подключения эмоций или других чувственных процессов в результате бытия, которое упрощенно можно определить как повседневная человеческая жизнь и деятельность. Мамардашвили определенно ставит знак равенства между понятиями «сознание» и «бытие»[1].

В сжатом виде авторы дают своё нематериалистическое определение символа: «Символ для нас, во-первых, это то, что не просто соотносится с содержательностью сознания, а та конкретная вещь, которая конкретно и вещественно соотносится с чем-то определенным в содержательности сознания. …Символ вообще предстает как то, что одним концом погружено в это определенное содержание сознания, а другим - в психическую экзистенцию, где какие-то содержательности сознания прорабатываются»[2]. Материя символа содержится в сознании. Символы по мнению авторов представляют собой матрицу, форму для содержательного функционирования сознания, причем никакой символ напрямую не соотносится с конкретной содержательностью (структурой) сознания. Структурные образования сознания находятся в недоступной для нас области символа[3].

Символы представляются авторам как репрезентации результатов сознание[4]. Такой подход к символу исключает возможность влияния на сознание путем «механической» замены одних символов на другие. Речь может идти только о медленном формировании новых символических представлений о нормах поведения, которые воспроизводятся одновременно с осознанным или неосознанным представлением о таких неосязаемых понятиях, как добро и зло, справедливость и произвол, и других дихотомических понятиях.

Символы и знаки

Все исследователи отмечают различие между символами и знаками, однако, сравнение проводится по разным параметрам. Мамардашвили и Пятигорский в своем философском изучении и сравнении символа и знака приходят к выводу о беспредметной сущности символа в отличии от знака, который не может быть беспредметным в принципе[5]. Такой вывод авторов в философском исследовании помогает разграничить понятия символа и знака в правовой науке. Если принимать теорию авторов целиком, то любое проявление предметности обобщенного, сформулированного на ассоциациях понятия, исключает его из состава правовых символов и переводит в знаковые системы, легализованные в нормах права. Получается, по теории авторов, символами в праве могут быть ценности и другие нематериальные понятия, которые учитываются при составлении законодательных норм, но не включаются непосредственно в текст закона. Закон, как продукт интеллектуальной деятельности, может содержать только знаки.

Переход символов в знаки

Высказанная позиция авторов о принципиальной разнице философской сущности символа и знака последовательно развивается ими при описании перехода символов (часто через псевдосимволы) в знаки, что активно происходит в современном мире. Псевдосимволы идеологических систем превращаются в знаки в позитивном смысле, т.е. десимволизируются. Происходит процесс перехода из ситуации понимания в ситуацию знания. Научное семиотизирование – это перевод символов сознания в знаки культуры. Авторы делают важный вывод о том, что наряду с процессом культивации у человека должна сохраняться возможность и восстанавливаться, чтобы видеть мир отвлеченно от неотрефлексированной субъективности[6] . Такая возможность может сохраняться в случае, если в вопросах благоустройства городов будет задействовано как можно больше заинтересованных субъектов, способных принимать и реализовывать творческие решения городского строительства. Заинтересованными можно считать всех городских жителей постоянно или временно проживающих в городах. Предоставление им возможности участия в формировании городской среды сделает ее более естественной для проживания, так как будут учтены мнения большого количества людей, что минимизирует ошибки.

По мнению авторов первичные символы появляются неосознанно, без рефлексии, но в дальнейшем именно чувства мотивируют содержание символов в сознании (так называемая вторичная символика)[7]. При этом важно, чтобы чувственное «осознание» символов не подвергалось субъектами правоотношений и правоприменителями идеологическому интерпретированию, не направленному на общественный интерес, и не вытеснялось содержание первичных символов[8]. Применительно к практике го-

[1] Мамардашвили М.К. Введение в философию. СПб. Азбука, Азбука-Аттикус. 2024. С. 142.
[2] Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М. Школа «Языки русской культуры». 1997. С. 129.
[3] Там же, с. 144.
[4] Там же, с. 99.
[5] Там же, с. 200.
[6] Там же, с. 101-103
[7] Там же, с. 146.
[8] Там же, с. 121-122.

родского строительства эта мысль звучит как предложение при регулировании отношений учитывать запросы горожан на строительство жилья, соответствующего представлениям об уюте и комфорте, не искаженном идеологическими концепциями, выстроенными в интересах участников градостроительного процесса, к которым не относятся сами жители.

Теоретически, по мнению авторов, тексты могут содержать первичные «символы, которые восходят к структуре «неэмпирического сознательного бытия»»[1]. Это тексты мировой культуры и труды отдельных философов. Соответственно нельзя исключить возможность написания таких же по качеству текстов законов. На наш взгляд, идеальным текстом обязательных правил поведения (законов), понятных и добровольно исполняемых гражданами, могут быть только такие законы, которые интерпретируют первичные символы сознательного бытия, не искажая, т.е. оставляя их первоначальный смысл при переводе через псевдосимволы в знаковые системы права в процессе десимволизации. Для достижения этой цели подготовка нормативных актов должна содержать стадию реконструкции сознательной жизни народа и изучения работы его «психического механизма в отношении содержательности сознания, внутри которой мы находимся»[2], проводя различие между символами и псевдосимволами. В результате использования теории Мамардашвили и Пятигорского символа и сознания может быть предпринята попытка сформулировать правовые нормы на основе первичных символов, которые в большинстве случаев могут совпадать с общепринятыми ценностями. Защитой от искажений смыслов первичных символов может стать широкое обсуждение не только проектов законов, но и предложения по их концепции (целеполагания). На этом этапе законотворческого процесса легче понять не лежит ли в основе предложения регулирования ложная идея, не основанная на потребностях людей, чьи отношения призван регулировать закон.

Созвучность теории символа и сознания, разработанной Мамардашвили М.К. и Пятигорским А.М., и идеи символизма права Колмыкова П.

Удивительно, но за полтора века до появления теории символов Мамардашвили и Пятигорского, Петр Колмыков, рассуждая о символизме права, делал свои выводы, словно был знаком с теорией символа и сознания этих философов. Петр Колмыков считал, что философская основа науки «Права» не может постигаться опытным путем. В его представлении исследователь права проникает в основные философские законы, «движущие народами в их духовной жизни», постигает их путем изучения неосязаемых фактов, доступных только «внутреннему созерцанию и только проявляющиеся в событиях наружных»[3]. Открытия в общественных науках «развиваются в сознании медленно, незаметно»[4] и становятся возможными, если правоведы могут уловить это незримое, изучая внешние проявления творческого процесса, тысячелетиями происходящего в сознании народа. Если учесть несоответствие терминологии, проявится сущностное совпадение взглядов Колмыкова о символизме «Права» и теории Мамардашвили и Пятигорского о символах сознания в той ее части, которая касается внешнего проявления символов в знаковых формах (языке, текстах, в том числе законодательных). Высказывание Колмыкова о единстве основных истин права, коренящихся в восприимчивости сознания, поскольку юридические истины таятся в глубине сознания как зародыши[5] вполне соответствует выводам Мамардашвили и Пятигорского о связи символов с сознанием, где сознание равно понятию бытия.

Право, как совокупность идей, юридических истин, которыми руководствуются люди, лежат в сознании людей, их настроении и направлении осознаваемой воли. «Так возникают формы и обряды юридические, необходимые наружные оболочки тех внутренних явлений, которые происходят в духе отдельных людей, но… касаясь предметов жизни общественной, не могут ограничиться сферою воли, а непременно должны сделаться достоянием для всех общим.. и… осязаемым», материализуемом в виде «Права»[6]. Внешние обряды отражают уровень развития народа, этап в его образовании[7].

Мнение Колмыкова о том, что «… формула юридическая составляет переход от материальности символизма к отвлеченности форм делопроизводства»[8] можно соотнести с мнением Мамардашвили и Пятигорского о различных (внешних) знаковых проявлениях символизма: от предметов, в миниатюре повторяющих предмет сделки (ком земли означал земельный надел в определенных границах), до описания предметов и прав в виде текстов делопроизводства. Для Мамардашвили и Пятигорского символизм означает более ранние содержательности сознания, сформировавшие представления о нормах поведения. Для поведения в области приобретения и реализации прав и обязанностей это может быть идея о возмездности сделки, адекватности встречного исполнения и т.д., что в конечном итоге приводит к идее

[1] Там же, с. 122.
[2] Там же, с.132.
[3] Колмыков П.Д. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб. типография Карла Крайя. 1839. С. 3-5.
[4] Там же, с. 8.
[5] Там же, с. 10.
[6] Там же, с. 11-12.
[7] Там же, с. 13.
[8] Там же, с. 21.

справедливости и социального равенства. Передача же кома земли в подтверждение продажи земельного надела, ударение по рукам в знак достижения соглашения об условиях сделки или подписание двустороннего соглашения (договора) для Мамардашвили и Пятигорского – всего лишь знаки, внешнее проявление сложившихся на протяжении длительного времени символических представлений.

Колмыков утверждает, что историческое развитие «народного духа», условия народности связаны с юридическими явлениями[1], придавая иную форму мысли Мамардашвили и Пятигорского об укоренении символов одновременно в сознании и психической деятельности людей, в том числе и деятельности по написанию правовых норм.

Применимость теории Мамардашвили и Пятигорского к градостроительным правоотношениям

Е.В. Петровская предполагает выход значения теории символизма Мамардашвили и Пятигорского за пределы метафизического рассуждения о сознании. Их идеи могут резонировать в других областях знаний, поскольку применимы для изучения в них проблемных узлов[2]. Вопросы регулирования отношений, возникающих между субъектами в сфере градостроительства, представляются таким узлом, требующим приведения механизма регулирования в соответствие с заявленными принципами законодательства о градостроительной деятельности в отношении субъектов этой деятельности.

Принимая во внимание мнение Петровской о возможности резонирования теории символизма Мамардашвили и Пятигорского за пределами философских рассуждений о сознании в других областях знаний, следует признать необходимость переосмысления причин проблемности регулирования градостроительных отношений с позиций возможности сознания воспринимать знаковую систему права, приближенную к первичным символическим явлениям.

По мнению авторов функции символических объектов раскрываются через активность людей[3]. Описанный авторами процесс раскрытия функций символических объектов применительно к теме исследования можно назвать творческим подходом в активной деятельности всех субъектов градостроительной деятельности. Необходимо не только соблюдения норм права (знаковых систем в понимании Мамардашвили и Пятигорского), но и активное эмоциональное подключение заинтересованных граждан и других участников к творческому процессу -- созданию благоприятной городской среды обитания. Так может быть реализовано на практике предоставление возможности активным гражданам возвращения к символическим системам после перехода к знаковым понятиям (законам).

Чаще всего интерпретация символов происходит в культурном слое[4]. Поэтому если последовательно проводить идею справедливости, социального равенства, надо понимать, что «рукотворная символизация» этих идей «заработает» только в условиях преобладания в информационном пространстве и на уровне поступков людей, широко освещаемых в информационном поле. И даже в этих условиях потребуется продолжительный период для закрепления общественно полезных навыков поведения, того социального бытия, в котором исполнение законов будет устойчивой нормой.

Как правило, в отношении символов не происходит рефлексии. «Но символ можно и понимать. Кто понимает символ, не нуждается в балансе расчета наказаний, поощрений, указаний и оправданий»[5]. Это важное замечание Мамардашвили и Пятигорского может объяснить некоторые явления правового регулирования. С одной стороны, субъекты правоотношений могут исполнять законы (потому что «так надо» или из страха наказания), а могут и осознавать необходимость социально-ответственного поведения, что одновременно означает и понимание символов, формирующих такое поведение. С другой стороны, законы, учитывающие «дух народа», уровень его социальной зрелости, направленные на положительные социальные практики, а не временно актуальные идеи, можно назвать правовыми законами. Символизм в том смысле как его понимают Мамардашвили и Пятигорский, действует на уровне понятий: свой – чужой, частное – общественное – государственное (имущество, интерес, ответственность и др.). Эти символические понятия не отразятся в нормах права непосредственно, но не могут игнорироваться при определении целеполагания законов или формулирования определенных правил поведения участников градостроительного процесса. Подводя итог, можно сказать, что процесс регулирования заключается в создании условий бытия. В этом случае процесс замены символов будет происходить последовательно, непрерывно, без необходимости применения санкций.

---

[1] Там же, с. 22, 24.

[2] Петровская Е.В. В сторону образа: об одном возможном применении символологии // Мераб Константинович Мамардашвили: сборник статей. Редактор-составитель Мотрошилова Н.В. М. Политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 98.

[3] Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М. Школа «Языки русской культуры». 1997. С. 156.

[4] Там же, с. 168-169.

[5] Там же, с. 182.

При регулировании градостроительных отношений следует учесть особенности восприятия символов людьми и на основе этого выбирать способ регулирования. При этом идеологическое направление целеполагания требует особого обсуждения и постоянной корректировки в соответствии с изменениями в социальной жизни и в случае новых изысканий специалистов в гуманитарных областях. В контексте правового регулирования символы – понятные явления и/или вещи, которые не рефлексируются, часто не имеют названия. Явления, видимо, представляют собой обстоятельства, которые влияют на поведение людей, на их психическую реакцию, которая может быть более-менее гомогенная или различная в зависимости от психотипов людей. Задача правовой науки определить степень готовности общества к определенным правилам социального поведения и выстраивать последовательную цепь постепенного введения норм, развивающих у людей навыки социального поведения, основанных на понятных правилах (учитывающих символизм сознания и иерархию ценностей), исполнение которых не требует применения принуждения.

Успех градостроительной деятельности и деятельности по благоустройству городов во многом зависит от активности субъектов этой деятельности и от эффективности их взаимодействия. Учитывая символизм нашего сознания, следует признать, что только в повседневной позитивной социальной практике сознание отражает символы бесконфликтного социального взаимодействия, которые следует мотивировать и стимулировать нормами права. Таким образом, навыки самоуправления, проекты благоустройства городов с реализацией творческой активности самих жителей закрепят в повседневной жизни и сознании символы добрососедства.

Настоящая статья предопределяет направление, в котором продолжится работа по конструированию модели взаимоотношений субъектов градостроительной деятельности.

Заключение

Теория символизма, изложенная М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорским, подтверждает тесную связь символов и сознания, а также антропологическую природу символизма права. Использование этих знаний из философской науки меняет представление о роли символов в поведении индивидуумов и групп людей, подвергает ревизии механизмы правового воздействия, используемые в правовом регулировании как частных, так и публичных отношений, в том числе, возникающих в сфере градостроительной деятельности. Городская среда складывается под влиянием активности всех субъектов градостроительных отношений и ее благоприятное для жизни состояние зависит от многих факторов, в том числе от добровольности выполнения правовых предписаний жителями городов. Исследование приводит к выводу о необходимости формировать правовую политику, учитывающую символическую составляющую сознания и права, что обеспечит устойчивость положительного социального поведения, снизит конфликтность отношений субъектов. Установленная законодательством процедура взаимоотношений субъектов в интегративной модели регулирования, учитывающей роль символов в правосознании, предоставит условия для творческой активности жителей в результате которой у каждого города появится возможность создания неповторимого облика и притягательности для жизни и туризма.

Курсаев Александр Викторович

кандидат юридических наук, главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России, г. Москва

Kursaev Alexander Viktorovich

candidate of Law, Chief expert-specialist Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow
E-mail: kursaev@list.ru

Уголовно-правовая охрана форменной одежды и документов как атрибутов - символов представителя власти

Criminal law protection of uniforms and documents as attributes and symbols of a government representative

Аннотация. статья посвящена вопросам оценки форменной одежды и документов как атрибутов – символов представителя власти в уголовном праве. Анализируется понятие правового символа и форменной одежды и документов как его разновидностей. Рассматривается влияние использования данных символов на квалификацию преступлений и назначение наказания. Раскрывается правовая природа использования форменной одежды и документов представителя власти как отягчающего обстоятельства. Разбираются сложности и судебные ошибки, возникающие в судебной практике при вменении этого обстоятельства в вину. Отмечается, что преступно использование не только подлинных, но и поддельных (до степени смешения) форменной одежды и документов. Обращается внимание, что указанные атрибуты – символы могут выступать не только в качестве средства совершения преступления, но и являться предметом преступления.

Ключевые слова: герменевтика, правовой символ, форменная одежда, служебные документы, представитель власти, отягчающие обстоятельства, судебная практика, назначение наказания

Annotation. The article is devoted to the issues of assessing uniforms and documents as attributes and symbols of a representative of authority in criminal law. The concept of a legal symbol and uniforms and documents as its varieties is analyzed. The influence of the use of these symbols on the qualification of crimes and the imposition of punishment is considered. The legal nature of the use of uniforms and documents of a representative of authority as an aggravating circumstance is revealed. The difficulties and judicial errors that arise in judicial practice when this circumstance is considered as a fault are analyzed. It is noted that it is criminal to use not only genuine, but also fake (to the point of confusion) uniforms and documents. It is emphasized that these attributes – symbols can act not only as a means of committing a crime, but also as the subject of a crime.

Keywords: hermeneutics, legal symbol, uniform, official documents, representative of authority, aggravating circumstances, judicial practice, and sentencing

Для цитирования: Курсаев А.В. Уголовно-правовая охрана форменной одежды и документов как атрибутов – символов представителя власти // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 725–730.

Средством воздействия на людей могут выступать не только правовые нормы, но и знаки, которые представляют собой определенные сигналы – коды для выражения определенного содержания. Такие символы имеют место и в правовой сфере. В юридической науке правовой символ определяется как законодательно закрепленный условный знак, выражающий определенное юридическое содержание и понятный окружающим[1] либо как нормативно закрепленная условная единица, создаваемая субъектами правотворчества или участниками правоотношений для определенных групп (категорий) людей, являющаяся специфической формой передачи правового материала и предназначенная для оптимизации юридической деятельности[2]. Через правовые символы может выражаться властное веление государства. В частности, атрибутом представителя власти может являться форменная одежда и документы. Форменная одежда представителя власти представляет собой такую одежду, которая обязательна для

[1] Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб. 2005. С. 163
[2] Гончарова Н.С. Символы в российском уголовном праве. М. 2024. С. 47

ношения государственным служащим или иным лицом при исполнении служебных обязанностей, в процессе осуществления профессиональной деятельности. В свою очередь под документами представителя власти понимаются официальные документы (удостоверения), выдаваемые органами государственного управления представителям власти, предназначенные для демонстрации третьим лицам в целях подтверждения статуса.

Роль форменной одежды и документов как атрибутов – символов представителя власти заключается в том, что их использование позволяет обеспечить доверие со стороны населения, а также обуславливает необходимость выполнения требований их носителя. Носители данных атрибутов символизируют авторитет власти. Эти предметы выполняют роль внешних сигналов, через которые передается определенная правовая информация. При этом статус этих носителей вытекает не из обычаев или традиций, а закреплен в правовой форме, путем регламентации их внешнего вида и порядка использования. Неправомерное использование форменной одежды и документов представителя власти может учитываться уголовным законом, в том числе и в процессе индивидуализации наказания.

В УК РФ не предусмотрен отдельный состав преступления за незаконное ношение форменной одежды. Такие действия влекут только административную ответственность (статья 17.12 (незаконное ношение форменной одежды со знаками различия, с символикой государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов) КоАП РФ). Ответственность за использование документа представителя власти в отдельных случаях может охватываться частью 3 статьи 327 УК РФ[1]. Однако указанное не означает, что использование форменной одежды или документов представителя власти является индифферентным для уголовного законодательства. Так, пунктом «н» части 1 статьи 63 УК РФ предусмотрено обстоятельство, отягчающее наказание, в виде совершения преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти. В связи с этим указанные действия учитываются при индивидуализации наказания в процессе его назначения в сторону усиления наказания.

Отнесение использования форменной одежды или документов представителя власти к отягчающим обстоятельствам обусловлено тем, что в результате таких действий облегчается совершение преступления, поскольку в результате в силу доверия, оказываемого представителю власти, устраняется противодействие преступным посягательствам виновного. Преступник получает возможность проникать в жилище либо иные помещения. Кроме того, так как виновные совершают свои действия, прикрываясь авторитетом власти, происходит ее дискредитация, что может рассматриваться как дополнительный объект, страдающий в результате преступного деяния. Таким образом, анализируемое отягчающее обстоятельство основано на преступном использовании виновным доверия, традиционно оказываемое гражданам представителя государственной власти, путем демонстрирования ее атрибутов – символов.

Социально-правовая обусловленность закрепления использования форменной одежды или документов в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, находит отражение и в судебной практике. Так, суды отмечают, что использование форменной одежды или документов представителя власти было направлено на подавление воли потерпевшего к сопротивлению[2], вызывание у потерпевшего доверия к себе, как представителю органов власти[3], введение в заблуждение оказавшихся на месте нападения лиц относительно характера производимых действий[4], способствование подчинению потерпевших и предотвращению возможного сопротивления с их стороны, что существенно облегчало совершение этих преступлений[5], подрыв авторитета государственной власти[6].

В пункте «н» части 1 статьи 63 УК РФ законодатель фактически предусмотрел два самостоятельных отягчающих обстоятельства, отличающихся по предмету. Поэтому возможны случаи, когда подсудимому вменяется только одно из них (например, использование документа представителя власти[7]). Градация производится также по тому, применительно к какому из преступлений применялся символ – атрибут представителя власти. Так, в отношении Д.В. отягчающим обстоятельством по преступлениям в отношении ФИО2, ФИО3 было признано использование форменной одежды, документов представителя власти, а в отношении ФИО4 – использование форменной одежды[8].

Рассматриваемое отягчающее обстоятельство должно указываться в приговоре в соответствии с его точкой формулировкой, определенной уголовным законом. Так, суд указал, что Ф. при совершении

[1] Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 1 сентября 2020 г. № 1-639/2020.
[2] Приговор Октябрьского районного суда города Владимира от 14 ноября 2022 г. № 1-197/2022; приговор Раменского городского суда Московской области от 13 декабря 2023 г. № 1-616/2023.
[3] Приговор Калининградского гарнизонного военного суда от 14 июля 2017 г. № 1-51/2017; апелляционное определение Московского городского суда от 21 марта 2018 г. № 10-4067/2018.
[4] Приговор Московского областного суда от 22 января 2024 г. № 2-69/2024.
[5] Приговор Курганского областного суда от 26 марта 2021 г. № 2-07/2021.
[6] Кассационное определение Краснодарского краевого суда от 5 декабря 2012 г. № 22-8333/2012.
[7] Приговор Раменского городского суда Московской области от 11 февраля 2022 г. № 1-11/2022; апелляционное определение Московского областного суда от 8 сентября 2022 г. № 22-6397/2022.
[8] Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 17 ноября 2020 г. № 1-540/35/2020.

преступления использовал форменную одежду. В этом случае суд ошибочно не указал, что форменная одежда принадлежит представителю власти, что было устранено вышестоящим судом[1].

Понятие представителя власти конкретизировано в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации»[2]. Под ним следует понимать должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Соответственно, форменная одежда или служебные документы должны принадлежат данным лицам. Это может быть форменная одежда или удостоверение сотрудника ФСБ России[3], МВД России[4], СК России[5], помощника премьер-министра Республики Татарстан[6].

Исходя из этого суды не признают форменной одеждой представителя власти форменное обмундирование военнослужащего[7], а документом представителя власти – удостоверение сотрудника пенсионного фонда (последнее, как указал суд, подтверждает только факт работы в данной организации, и не имеет отношения к полномочиям представителя власти)[8].

Исходя из содержания пункта 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[9], рассматриваемое обстоятельство, отягчающее наказание, может совершаться только с умышленной формой вины.

На этих позициях стоит и судебная практика. Так, не было признано наличие отягчающего обстоятельства, предусмотренного пунктом «н» части 1 статьи 63 УК РФ, в преступлении, установленном статьей 264 УК РФ, поскольку это деяние совершалось не умышленно, а по неосторожности[10].

Форменная одежда и документы представителя власти выступают в качестве средства совершения преступления, с помощью которого оно непосредственно осуществляется или облегчается его совершение. Анализ судебной практики показывает, что используя форменную одежду или документы представителя власти, виновные преследуют две основные цели.

Во-первых, это подавить сопротивление жертвы путем демонстрации внешних атрибутов-символов власти. Как правило, речь идет о похищении человека (статья 126 УК РФ[11]), насильственных формах хищения (разбой[12]) либо при бандитизме[13]. Во-вторых, такие действия направлены на введение в заблуждение потерпевшего или иных лиц относительно действительного статуса виновного. Указанное может иметь место при мошенничестве[14] или вымогательстве[15]. Например, Ф., предлагая приобрести путевки в санатории и пансионаты от силовых структур, с целью облегчения совершения преступления предъявлял потерпевшим поддельное удостоверении сотрудника ФСО России[16].

Возможны и иные варианты. Так, форменная одежда использовалась виновными для задержания лиц, пытающихся сбыть или приобрести наркотические средства, и введения их в заблуждение относительно статуса задерживающих с последующим предъявлением требований о передаче денежных средств за не привлечение их к уголовной ответственности[17]. Форменная одежда или документы представителя власти могут использоваться не только в ходе самого преступного посягательства, но и в целях содействия его совершению. В частности, по одному из уголовных дел совершение участниками банды преступлений с использованием форменной одежды представителя власти было признано обстоятельством, отягчающим наказание. Форма представителей власти была использована нападавшими для предотвращения как сопротивления со стороны потерпевших, так и вмешательства в происходящее случайных оче-

[1] Апелляционное определение Челябинского областного суда от 22 июня 2022 г. № 10-3682/2022.
[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.
[3] Приговор Крымского гарнизонного военного суда от 6 июня 2018 г. № 1-52/2018.
[4] Приговор Забайкальского краевого суда от 12 сентября 2017 г. № 2-33/2017; апелляционное определение Ярославского областного суда от 14 октября 2013 г. № 22-1729/13.
[5] Приговор Королевского городского суда Московской области от 23 сентября 2019 г. № 1-361/2019; апелляционное определение Тюменского областного суда от 14 февраля 2019 г. № 22-311/2019.
[6] Приговор Дрожжановского районного суда Республики Татарстан от 27 августа 2024 г. № 1-23/2024.
[7] Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 5 марта 2020 г. № 1-144/2020.
[8] Приговор Центрального районного суда г. Омска от 13 декабря 2021 г. № 1-303/2021.
[9] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
[10] Приговор Раменского городского суда Московской области от 31 июля 2024 г. № 1-422/2024.
[11] Определение Верховного Суда РФ от 2 июля 2020 г. № 78-УД20-5-А2.
[12] Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 6 июня 2022 г. № 1-166/2022; приговор Лобненского городского суда Московской области от 5 декабря 2024 г. № 1-210/2024.
[13] Приговор Московского городского суда от 6 июня 2017 г. № 2-22/2017.
[14] Приговор Московского областного суда от 3 августа 2023 г. № 2-100/2023; апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 15 января 2015 г. № 22-74/2015.
[15] Приговор Сосновского районного суда Челябинской области от 24 февраля 2021 г. № 1-57/2021; апелляционное определение Брянского областного суда от 28 апреля 2020 г. № 1-23/2019.
[16] Приговор Нижегородского районного суда г. Нижнего Новгорода от 1 июля 2021 г. № 1-14/2021.
[17] Приговор Балашихинского городского суда Московской области от 3 июля 2020 г. № 1-218/2020.

видцев[1]. В этих же целях форменная одежда и удостоверение представителя власти использовались и по другому делу[2]. Поэтому форменная одежда и документы могут использоваться не только непосредственными исполнителями преступлениями, но и иными соучастниками, например, пособниками.

Виновный может находиться при совершении преступления в форме и документами представителя власти на законном основании или без такового. Для уголовного права с этих позиций безразлично, совершен ли разбой действующим сотрудником правоохранительного органа или простым обывателем, только использовавшим специальную форму одежды. В то же время само по себе наличие у виновного форменной одежды или документов представителя власти, которые, однако, непосредственно не использовались для совершения преступления, не позволяет вменять рассматриваемое отягчающее обстоятельство[3]. Например, суд не усмотрел оснований для применения пункта «н» части 1 статьи 63 УК РФ в ситуации, когда виновный предъявил удостоверение сотрудника полиции, однако не дал ознакомиться с содержимым удостоверения[4],

Рассматриваемое отягчающее наказание обстоятельство относится к совершенному деянию, а не к личности виновного или постпреступному поведению. Поэтому форменная одежда и документы представителя власти должны именно использоваться в ходе совершения преступления. Так, например, по одному из уголовных дел, где виновным вменялись разбой, вымогательство и похищение человека, они во время нападения использовали служебные удостоверения и сообщили потерпевшему, что являются сотрудниками правоохранительных органов, для обеспечения подчинения потерпевшего и предотвращению возможного сопротивления с его стороны[5].

Поэтому, например, не усмотрел наличие рассматриваемого отягчающего обстоятельства суд в ситуации, когда виновный действительно имел форменную одежду представителя власти, однако не использовал ее при совершении преступления[6], если виновный находился в форменной одежде лишь до совершения преступных действий, а при совершении преступления переоделся в обычную одежду[7], использование форменной одежды не облегчило совершение преступления[8] либо если служебное удостоверение демонстрировалось уже после совершения преступления[9]. Не признается наличие данного отягчающего обстоятельства также в ситуации, когда потерпевший изначально не поверил в подлинность представленного служебного удостоверения, посчитав его муляжом[10].

Во внимание принимается и характер совершенного преступления. Так, отягчающее обстоятельство, предусмотрено пунктом «н» части 1 статьи 63 УК РФ, не было усмотрено в отношении И. при совершении им деяния, предусмотренного статьей 264[1] УК РФ. Как указал суд, наличие одетой на И. форменной куртки сотрудника МЧС России никоим образом не связано с совершенным преступлением[11].

Не может вменяться рассматриваемый признак и в случае, если служебное удостоверение использовалась для ухода от ответственности. Так, лицо, привлекаемое к ответственности по статье 228[1] УК РФ, представило служебное удостоверение сотрудника СК России не в ходе незаконного сбыта наркотических средств, а предъявило его сотрудникам полиции с целью избежать ответственности за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств[12]. В то же время некоторые суды достаточно строго подходят к вменению названных атрибутов – символов представителя власти. Так, несмотря на то, что осужденный Б. демонстрировал потерпевшему ФИО8 заведомо подложное удостоверение на имя сотрудника ФСО России по делу о мошенничестве, где обман, как способ совершения преступления. состоял в сообщении заведомо ложных сведений о возможности приобрести необходимого для переработки нефтепродуктов технологического оборудования по выгодной цене, организации совместного бизнеса по переработке нефтепродуктов, в котором ФИО8 будет выступать инвестором, суд посчитал, что оснований полагать, что данное обстоятельство облегчило совершение преступления, и оно стало возможным по этой причине, а не в связи с желанием ФИО8 заниматься предпринимательской деятельностью в целях извлечения прибыли, не имеется[13].

По другому уголовному делу суд не согласился с вменением признака «использование форменной одежды» в отношении подсудимого, который незаконно, помимо воли потерпевшего, предъявив последнему удостоверение, ворвался в его квартиру. Суд сослался на то, что использование подсудимым

[1] Пункт 4 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2016), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 года (определение № 58-АПУ16-3) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 3 – 4.
[2] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 декабря 2024 г. № 77-3405/2024.
[3] Кассационное определение Московского городского суда от 12 апреля 2012 г. № 22-3347/12.
[4] Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 9 января 2025 г. № 1-17/2025.
[5] Апелляционное определение Московского областного суда от 14 ноября 2024 г. № 22-9652/2024.
[6] Приговор Измайловского районного суда г. Москвы от 4 сентября 2023 г. № 1-373/2023.
[7] Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 23 марта 2017 г. № 22-1409/2017.
[8] Приговор Стерлибашевского межрайонного суда Республики Башкортостан от 3 сентября 2018 г. № 1-98/2018.
[9] Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 9 января 2024 г. № 22-68/2024.
[10] Приговор Железнодорожного районного суда г. Новосибирска от 26 марта 2019 г. № 1-13/2019.
[11] Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 11 декабря 2020 г. № 10-5804/2020.
[12] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 2 августа 2019 г. № 22-5423/2019.
[13] Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 июля 2024 г. № 77-1869/2024.

форменной одежды сотрудника полиции не явилось причиной незаконного проникновения в жилище потерпевших[1]. Такое толкование полагаем неверным, поскольку виновным все-таки демонстрировалось служебное удостоверение потерпевшему. Следует предполагать, что делалось это неспроста, а в целях повышения статуса виновного для большего доверия к нему. Именно для этих целей преступник и одевался в форменную одежду или приискивал служебное удостоверение (изготавливал его).

Признак использования форменной одежды или документов представителя власти может иметь место и при осуждении за кражу[2], например, когда очевидцы не осознавали, что происходит тайное хищение чужого имущества (виновный, предъявив удостоверение инспектора ДПС, дал указание погрузить автомобиль на автоэвакуатор и перевезти его[3]).

Пункт «н» части 1 статьи 63 УК РФ предусматривает усиление наказания только за использование форменной одежды представителя власти. Поэтому использование одежды, только похожей на нее, например, напоминающей форму сотрудников милиции, как указала высшая судебная инстанция, данной нормой не охватывается[4]. Такой же позиции придерживаются и нижестоящие суды[5].

Исходя из этого не признается отягчающим обстоятельством использование: одежды, содержащей только надпись «Полиция»[6]; одежды, лишь визуально схожей с форменной одеждой сотрудника органов внутренних дел[7]; одежды, имитирующей форменную одежду представителей власти[8]; одежды, которая не являлась форменной одеждой сотрудников полиции, а была лишь ее имитацией, внешне похожей на официальную форму[9]; камуфлированной одежды черного цвета, на которую прикреплены форменные нашивки сотрудников полиции (суд указал, что подсудимые не использовали форменную одежду представителя власти, то есть такой одежду, которая по стилю, цвету создает единый облик сотрудника полиции)[10]; одежды, имеющей внешнее сходство с официальной формой сотрудника полиции, при отсутствии знаков различия, иных атрибутов[11]; камуфлированной одежды и маски с прорезями для глаз[12].

Аналогичный подход имеет место и в отношении служебных удостоверений. Так, не подлежит вменению в качестве отягчающего обстоятельства признак использования документов представителя власти, когда виновный показывал лишь обложку от удостоверения[13], потерпевший с документом не знакомился, а поверил подсудимому, представившемуся сотрудником полиции, на слово[14].

Неоднозначно в судебной практике решается вопрос о необходимости подлинности представленного документа представителя власти. Одни суды допускают, что предъявленное служебное удостоверение может быть и подложным[15]. Другие же суды наоборот, исключают указанное отягчающее обстоятельство, если предъявление служебное удостоверение было поддельным[16].

Полагаем верным первый подход, так как использование документов представителя власти направлено на создание у потерпевшего иллюзии наличия законности в действиях виновного. Указанное достигается представлением не только действительных, но и подложных документов, внешний вид которых действительно допускает смешивание с оригинальным документом. Аналогичное мнение отстаивается и другими учеными, например, Л.Л. Кругликов[17]. Поэтому суды во многих случаях не требуют строгого соблюдения внешней формы одежды или бланка документа, если сама обстановка совершения преступления исключала для потерпевшего наличие каких-либо сомнений, что перед ним действительно представитель власти. Так, суд указал, что подлинность формы одежды правового значения не имела, так как использование форменной одежды в совокупности с использованием служебного удостоверения представителей власти оказало влияние на потерпевших, снизило их бдительность, вызвало доверие и подчинение им именно как представителям власти, что существенно облегчило совершение преступлений[18]. По другому делу суд отметил, что подсудимые были одеты в камуфляжную одежду, оборудован-

[1] Приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 19 октября 2017 г. № 1-35/2017.
[2] Приговор Алексинского городского суда Тульской области от 28 сентября 2022 г. № 1-180/2022.
[3] Приговор Зюзинского районного суда г. Москвы от 25 октября 2018 г. № 1-366/2018.
[4] Пункт 2.3.2 Обзора кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2011 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 5.
[5] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23 августа 2011 г. № 14-011-27сп.
[6] Приговор Московского областного суда от 23 сентября 2024 г. № 2-74/2024.
[7] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 23 октября 2014 г. № 48-АПУ14-46.
[8] Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 14 июля 2014 г. № 2-36/2014.
[9] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2014 г. № 11-АПУ14-53.
[10] Апелляционное определение Московского городского суда от 22 октября 2018 г. № 10-18787/2018.
[11] Приговор Ленинского районного суда г. Владимира от 22 сентября 2015 г. № 1-222/2015.
[12] Приговор Ленинского районного суда г. Перми от 8 апреля 2016 г. № 1-10/2016.
[13] Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 10 сентября 2012 г. № 1-476/12.
[14] Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 10 мая 2016 г. № 01-0071/2016.
[15] Приговор Курганского областного суда от 21 апреля 2021 г. № 2-06/2021; приговор Ленинского районного суда г. Ставрополя от 27 марта 2024 г. № 1-71/2024; апелляционное определение Владимирского областного суда от 19 августа 2015 г. № 22-1790/2015.
[16] Приговор Дербентского городского суда Республики Дагестан от 11 февраля 2021 г. № 1-19/2021.
[17] Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М. 2009. С. 597.
[18] Апелляционное определение Тульского областного суда от 19 января 2023 г. № 22-103/2023.

ную погонами офицера УМВД России, шевронами «МВД РФ», «Россия МВД», погонами и звездочками, выдавали себя за сотрудников органов внутренних дел, и именно в таком качестве их воспринимали потерпевшая и свидетели[1].

При вменении рассматриваемого отягчающего обстоятельства не имеет значение также факт доступности форменной одежды (например, камуфлированной), использования ее в быту, наличия ее в любом хозяйстве. Такие доводы защиты оставляются судами без внимания[2]. Такое толкование является обоснованным, так как в настоящее время форменная одежда может не только распространяться через систему централизованных государственных поставок, но и приобретаться в розничной сети (военторгах и проч.). В случае, если использование форменной одежды или документов представителя власти одним из соучастников преступления охватывалось умыслом других соучастников (которые предоставляли форменную одежду, видели, как исполнитель преступления переодевался в нее, передвигался в ней[3] либо знали о предъявлении служебного удостоверения исполнителем преступления потерпевшему[4]), то предусмотренное пунктом «н» части 1 статьи 63 УК РФ отягчающее наказание обстоятельство вменяется и этим соучастникам. Исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации[5] при наличии в обвинении описания преступного деяния с использованием при его совершении форменной одежды представителя власти (сотрудника полиции), отсутствие в обвинительном заключении указания на данное обстоятельство в качестве отягчающего не мешает суду апелляционной инстанции признать его таковым.

Соответственно, такое обстоятельство признается отягчающим и принимается во внимание при назначении наказания и в случае, если оно не было учтено судом первой инстанции[6].

Предусмотренное пунктом «н» части 1 статьи 63 УК РФ отягчающее обстоятельство не может вменяться в случае совершения должностных преступлений, когда виновный правомерно использовал данные атрибуты. Обоснованной является позиция М.Н. Становского о том, что к лицу, выполняющему должностные полномочия, пункт «н» части 1 статьи 63 УК РФ не может быть применен, поскольку имел бы место повторный учет фактически одно и того же обстоятельства – форменной одежды или документов представителя власти[7]. Это его мнение разделяется А.В. Серебренниковой[8]. Иная позиция, допускающая применение к сотрудникам полиции данного отягчающего обстоятельства, в том числе и в случае совершения ими деяния при исполнении служебных обязанностей[9], представляется неверной.

Указанный вывод подтверждается и судебной практикой. Например, суды не нашли оснований для применения указанного обстоятельства в отношении сотрудников ФСИН России и МВД России, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьями 285, 286, 290 и 291[2] УК РФ, так как форменная одежда и документы представителя власти являются неотъемлемыми свойствами субъекта данных преступлений[10]. В то же время вменение использования форменной одежды или документов представители власти в качестве отягчающего обстоятельства лицам, которые в действительно имеют статус представителей власти, возможно в случае совершения ими общеуголовных преступлений. Так, названный признак вменялся при совершении разбоя в составе организованной группы начальнику штаба – заместителю командира отряда мобильного особого назначения «Зубр» Центра специального назначения сил оперативного реагирования и авиации Росгвардии[11], при совершении мошенничества заместителем старшего судебного пристава[12]. Форменная одежда и документы представителя власти помимо средства совершения преступления (пункт «н» части 1 статьи 63 УК РФ) могут выступать и в качестве предмета преступления. Указанное будет иметь место тогда, когда преступное посягательство направлено на их носителей (статьи 317 – 319 УК РФ). Форменная одежда здесь будет позволять идентифицировать ее носителей как представителей власти и являться носителем, на которую может быть направлено воздействие. Указанное, например, может проявляться в повреждении одежды сотрудника правоохранительного органа[13].

---

[1] Апелляционное определение Ярославского областного суда от 14 октября 2013 г. № 22-1729/13.
[2] Приговор Кировского районного суда Республики Крым от 27 февраля 2019 г. № 1-5/2019.
[3] Апелляционное определение Липецкого областного суда от 24 октября 2023 г. № 22-1324/2022.
[4] Приговор Ленинского районного суда г. Самары от 14 июня 2019 г. № 1-31/2019.
[5] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2018 г. № 3374-О.
[6] Апелляционное определение Липецкого областного суда от 20 июня 2023 г. № 22-746/2023.
[7] Энциклопедия уголовного права. Т. 9. Назначение наказания. СПб. 2008. С. 426.
[8] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М. 2012. С. 614.
[9] Ларин В.Ю. Уголовно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 211.
[10] Приговор Карачаевского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 8 июля 2021 г. № 1-55/2021; приговор Устюженского районного суда Вологодской области от 18 апреля 2024 г. № 1-21/2024.
[11] Приговор Ногинского городского суда Московской области от 6 февраля 2024 г. № 1-63/2024.
[12] Приговор Солнечногорского городского суда Московской области от 10 октября 2024 г. № 1-2/2024.
[13] Приговор Ирбитского районного суда Свердловской области от 17 марта 2025 г. № 1-29/2025; кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2024 г. № 77-3577/2024.

Лапшин Вячеслав Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Lapshin Vyacheslav Evgenievich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Forensic Examination of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: vel-len@mail.ru

Новосёлова Антонина Николаевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Novoselova Antonina Nikolaevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Examination of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: antonina40@yandex.ru

Семиотический анализ визуального символа «след» как многоаспектного феномена

Semiotic analysis of the visual symbol "trace" as a multidimensional phenomenon

Аннотация. В статье рассмотрен многоаспектный феномен «след» в рамках семиотического анализа его визуального символа. Поскольку след – многоаспектное понятие, рассматриваемое в различных научных дисциплинах, то, с учетом междисциплинарности, он стал объектом криминалистического и семиотического анализа, а область исследования была сужена до следа пальца руки. Было установлено, что след пальца руки является объектом криминалистического анализа и символом в различных сферах жизни. Кроме того, след пальца руки имеет культурный, криминалистический и философский контексты, связанные с идентификацией, доказательством и контролем; становится медиатором между телом, символом, субъектом и системой, объединяя различные области знания, является сложным семиотическим объектом, имеющим различные значения и проявления, постулируется как индексальный, иконический и символический знаки, объединяющие сферы права, изобразительности, технологии и философии.

Ключевые слова: семиотический анализ, символ «след пальца руки», след в криминалистике, индивидуальный образ, процедура распознавания, интерпретация, индексальный, иконический и символический знаки

Annotation. The article examines the multidimensional phenomenon of "finger trace" within the framework of the semiotic analysis of its visual symbol. Since a trace is a multidimensional concept considered in various scientific disciplines, taking into account interdisciplinarity, it became the object of criminalistic and semiotic analysis, and the field of study was narrowed to the trace of finger. It has been established that the trace of a finger is an object of criminalistics analysis and a symbol in various spheres of life. In addition, the trace of finger has cultural, criminalistics and philosophical contexts related to identification, proof and control; it becomes a mediator between the body, symbol, subject and system, combining various fields of knowledge, is a complex semiotic object with different meanings and manifestations, is postulated as an indexical, iconic and symbolic signs uniting the spheres law, fine arts, technology and philosophy.

Keywords: semiotic analysis, the "finger trace" symbol, trace in criminalistics, individual image, recognition procedure, interpretation, indexical, iconic and symbolic signs

Для цитирования: Лапшин В.Е., Новосёлова А.Н. Семиотический анализ визуального символа «след» как многоаспектного феномена // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 731–737.

След – настолько многоаспектное понятие, что даже внутри различных научных дисциплин он может рассматриваться с многообразных точек зрения. Самый широкий взгляд на этот феномен дает философия, которая позволяет увидеть такие аспекты явления, как его междисциплинарный, символический, этический характер и т. п. След также является объектом изучения ряда гуманитарных наук: истории, культуры, семиотики, юриспруденции и др. Желание рассмотреть феномен «след» в рамках семиотики и криминалистики связано с их общей методологической базой – междисциплинарностью. Авторы ставили перед собой задачу рассмотрения феномена «след» на этой базе в рамках антропоцентрического подхода.

Целесообразно сразу сузить область исследования, сосредоточив внимание на процессе визуального воспроизведения не всех допустимых символов, касающихся тех или иных проявлений материально-фиксированных следов в их разнообразном криминалистическом проявлении. В дальнейшем акцент будет сделан на многоаспектном проявлении собирательного образа следа пальца руки, сформированного силуэтным заполнением воспринимаемого пространства папиллярными линиями. В основе силуэтной формы исследуемого символа следа-отображения лежит остаточное явление, сформированное в результате контакта, где состояние и комплекс специфических особенностей следообразующего объекта нашло отображение на следовоспринимающей поверхности.

Идентификационные исследования папиллярных узоров рук проводятся уже свыше 100 лет, и используемая методика отождествления личности остается существенно проработанной[1]. Внешний ассоциативный образ следа пальца руки является узнаваемым в обществе и ассоциируется с криминальными событиями. Изначальные исследования отпечатков пальцев рук для удобства восприятия особенностей строения папиллярных узоров осуществлялись на материале с белой поверхностью, а контрастирующие различия в цветовом фоне между отображаемыми папиллярными линиями, окрашенными в черный цвет, давали четкое восприятие признаков исследуемого объекта. В процессе обнаружения следов пальцев рук, используя физические методы, традиционно применялся порошок сажи[2], позволяющий усилить контраст визуально определяемых границ.

Будет рассмотрено сходство с графической техникой воспроизведения плоскостных однотонных очертаний фигур и предметов[3]. Данные очертания границ черного и белого цвета как визуально различимых дактилоскопических элементов формируются посредством изменения слабовидимых папиллярных линий в границах фонового пространства в результате:

– окрашивания выявленных следов пальцев рук дактилоскопическими порошками;

– формирования следов рук в результате контакта пальцев руки со следами загрязнения на их поверхности;

– отображения отпечатков пальцев руки традиционным (красковым) методом при составлении дактилоскопической карты на специальном бланке;

– отображения отпечатков пальцев руки электронным (бескрасковым) методом с использованием дактилоскопического сканера, с последующим формированием электронной дактилоскопической карты.

Следует отметить, что два последних варианта, позволяющих сформировать дактилоскопическую информацию в виде биометрических персональных данных об особенностях строения папиллярных узоров пальцев и (или) ладоней рук человека, закреплены в соответствующем Федеральном законе[4]. Именно проявление черно-белого контраста в воспринимаемом образе следа пальца, где в большинстве случаев черным цветом (позитивное отображение) выступают папиллярные линии, а белым – межпапиллярное пространство, имеет базовое визуальное закрепление не только для криминалистов, но и для большинства людей, сталкивающихся с данной визуальной ассоциацией.

Механизм деятельностного взаимодействия субъекта преступления с окружающей обстановкой лежит в основе формирования криминалистического понятия следа, где отождествление личности с установлением особенностей произошедшего криминального события выступает в виде идеальной модели в

[1] См., например: Дактилоскопия и судебная дактилоскопическая экспертиза: учебник / И.А. Анищенко [и др.]; под общ. ред. В.А. Чванкина; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск: Академия МВД, 2019 – 113 с.

[2] Исторически технический углерод (техуглерод, сажа), являясь мелкодисперсным черным порошком, образующимся при неполном сгорании продуктов каменноугольного происхождения, наряду с повсеместным использованием в шинной и печатной промышленности, стал применяться и в криминалистике.

[3] См., например: Силуэт (графика) // РУВИКИ: [сайт]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Силуэт_(графика) (дата обращения: 26.09.2025).

[4] Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

сложной системе процесса раскрытия и расследования различных преступлений. Интегративные проявления следов, нашедшие отражение в материальной обстановке минувшего события преступления, содержат в себе широчайшую возможность изучения личности как с позиции криминалистического, так и психологического проявления его свойств и состояний. Именно визуальный образ такого дактилоскопического объекта, как след пальца руки, в течение долгого времени надежно ассоциируется с некой информацией, ставшей известной или обнаруженной в ходе работы на месте происшествия.

В аспекте криминалистического учения о следах мы выделим трасологическое проявление дактилоскопических свойств пальца руки как материального следа, нашедшего отображение прежде всего в вещной обстановке.

След также может быть исследован с позиции идеального следа-образа, хранящего информацию об иных многогранных проявлениях минувшего преступного события со всеми сопутствующими элементами, такими как осознанные действия субъекта преступления, восприятие происходящего иными участниками и характер отображаемой информации на следоносителях. Опираясь на позицию О.Н. Сафаргалиевой[1], отметим, что криминалистические составляющие базируются на методологических предпосылках о том, что след является отражением деятельности субъекта преступления, выступающим в виде интегративной системы, отражающей особенности его личности и порождающим отражение не только на объектах материальной природы, но и в сознании людей. Поэтому складывается представление о многообразии видов и форм следовой информации, образующихся в связи с совершенным преступлением.

В данном ракурсе, с присущей ему причинно-следственной связью, след пальца руки изначально воспринимается специалистами как объект криминального происхождения, нашедший отображение в материальной обстановке, а по его зафиксированным формам происходит дальнейшее познание в виде экспертного исследования. Исходя из этого, образ «след пальца руки» можно определить как сложный семиотический объект, который, в зависимости от ситуации и контекста, обнаруживает то знаковые, то символические свойства.

Например, в своем исследовании Н.И. Лобанова отмечает, что знак и символ оказываются не выражениями разных онтосемиотических сущностей – они представляют собой альтернативные способы описания различных граней (аспектов) одной и той же вещи (предмета)[2]. Отсюда следует, что, если подходить к исследованию образа «след пальца» с позиции его криминалистического функционирования, он будет выступать в виде объекта традиционной дактилоскопической идентификации, содержащим необходимую для этого совокупность систематизированных знаков (признаков).

Однако подвергнув его семиотическому анализу, мы неизбежно столкнемся с многоаспектными направлениями, проявляющимися в сущности визуального символа. Описывая характерную своеобразность символа вещи (предмета), Н.И. Лобанова указывает, что ему свойственна избирательность «…с каждым он говорит на своем языке, обращаясь не ко всякому и любому, а к данному, конкретному лицу (не в юридическом, а в феноменологическом смысле этого слова: как к явленности, которую нельзя скрыть или спрятать, поскольку она существует только в момент (при условии) своего проявления, показа)»[3]. Опираясь на данное представление, рассматриваемый образ может быть представлен в виде сложного семиотического объекта, реагирующего на совокупность сосредоточенных в нем знаковых и символических свойств, варьирующих в зависимости от складывающейся ситуации и предстоящего направления его использования.

Проводимая работа по семиотическому анализу символа «след пальца руки» – это, прежде всего, исследование, направленное на изучение структурной совокупности функционирования знаков в аспекте разносторонней коммуникации, того, как они влияют на восприятие и понимание широкого спектра информации. Итак, можно воспринимать образ «след пальца» с криминалистических позиций как базовую категорию доказательств и одновременно как глубоко символическую единицу, нашедшую выражение в виде визуального знака.

След пальца руки – не только объект криминалистического анализа, но и культурный, визуальный и философский знак, сочетающий в себе множество тесно пересекающихся значений. Его символический образ – это семиотическая конструкция, где индивидуальное (уникальность человека) встречается с универсальным (процедура распознавания, структура доказательства), а разнообразное графическое воплощение служит связующим звеном между технологией, правом и символикой. Следует отметить, что отпечаток в криминалистике – это прямое, но немое высказывание, зачастую оставленное субъектом (в основном преступной деятельности) без его сознательного намерения.

С позиции всеобъемлющей материалистической составляющей след пальца руки постулируется как иконический, индексальный и символический знак, объединяющий сферы права, изобразительности,

[1] Сафаргалиева О.Н. О понятии и содержании следов в криминалистике // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2010. – № 2 (23). – С. 163.
[2] Лобанова Н.И. Вещь между знаком и символом (о семиотической деятельности вещи) // Манускрипт. – 2019. – Том 12. –Выпуск 10. – С. 205.
[3] Там же. – С. 206.

технологии и философии, и в данном проявлении все три вида знаков вовсе не являются взаимоисключающими. Они входят в большую группу неязыковых знаков, специфика которых заключается в передаче информации без использования устной и письменной речи[1]. Так, например, в соответствии с теорией Ч. Морриса рассматриваемая типология неизменно будет трактоваться гораздо шире: семантическое правило для индексального знака «след пальца руки» тесно связано с субъектом, оставившим его отображение в конкретных условиях в определенном месте. Отсюда следует, что индексальный знак означает то, на что он направляет внимание.

Согласно иконическим представлениям, выражение нацелено на характеризующие обстоятельства сущности данного проявления, где знак обнаруживает в себе самом свойства, которыми должен обладать его объект как денотат[2] (от лат. denotatus – обозначение, обозначенный), т.е. конкретное предметное значение знака в широком смысле слова – неизменное присутствие в нем предполагаемых индивидуальных особенностей. В символической форме заключается общий, собирательный образ разноплановых проявлений, наделенных комплексом индивидуально определенных черт, позволяющих различным субъектам, с точки зрения их обученности (допустим, в виде комплекса общих знаний, полученных при изучении криминалистики, или присутствующего факта приобретенных знаний о воспринимаемых образах, полученных в результате накопления жизненных ассоциаций и представлений), интерпретировать данный визуально сформированный образ как след пальца руки.

Используя приведенную характеристику указанных трех типов знаков, дальнейший семиотический анализ визуального символа «след пальца руки» будет проработан исходя из суждений Э. Бейтс[3], занимавшейся психолингвистическими исследованиями. Особо следует отметить то обстоятельство, что она весьма оригинально использовала базовую трихотомию знаков Ч. Пирса[4], представляя свои научные суждения в виде доступных для восприятия теоретических рассуждений[5].

Иконический знак (знак-копия) базируется исключительно на внешнем подобии обозначаемого объекта. Иконический знак «след пальца руки» тесно связан со своим референтом (от лат. referens – относящий, сопоставляющий) с позиции физического сходства, так как выступает в виде копии, представленной в зеркальном отображении. Отметим, что механизм следообразования в данном случае играет важную роль, и исходя из того, каким было это взаимодействие и какая структура материала восприняла данный контакт, можно говорить о двухмерном или трехмерном отображении исходного объекта (ногтевой фаланги пальца руки). В смысловом выражении явно прослеживается утверждение: не обязательно быть специалистом в области криминалистики, достаточно быть просто наблюдательным, ведь высокая степень иконичности базируется на наличии у нас референтного объекта (пальца руки) и постоянных манипуляциях, вызывающих контактное взаимодействие.

Индексальный знак (знак-признак) находится в причинно-следственной связи с объектом. Индекс – это следствие по отношению к некоторой причине и потому выступает как «естественный» знак этой причины. Не стоит принимать во внимание известные жесты, например, различные вариации с указующим жестом пальца руки, как проявления индексального знака; мы нацелены на рассмотрение визуальной конструкции, в которой присутствует следовой контакт ногтевой (дистальной) фаланги пальца руки с обязательным отображением папиллярного узора, без строгого разделения по их типам.

Знак-индекс «след пальца руки» является неизменной сущностью, собирательным комплексом признаков (папиллярного узора пальца руки), закладываемых самой природой на этапе (третьем-четвертом месяце) внутриутробного формирования организма человека. Они остаются относительно неизменными, проявляя собственную устойчивость на протяжении всей жизни, и даже наступление биологической смерти не является фактором обязательного уничтожения их свойств и внешнего образа, лишь биологические деструктивные процессы, связанные с разрушением клеток и тканей, приводят к полному уничтожению присущего им информационного потенциала.

Здесь как раз и формируется главный посыл, указывающий на основополагающий непосредственный физический контакт референта (ногтевая фаланга пальца руки) со своим денотатом (след пальца руки). В нем и заложена сущность информационной трансформации: референт – это конкретный денотат, то есть предмет, обозначаемый именем «след», поскольку с позиции данного исследования и тесной связи с криминалистикой именно след пальца руки имеет для нас первостепенное значение, так как через него мы можем выйти (исследовать) на субъекта (преступной деятельности), наделенного важны-

[1] См., например: Неязыковой знак // РУВИКИ: [сайт]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/ Неязыковой_знак (дата обращения: 26.09.2025).

[2] Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 65–66.

[3] Элизабет Энн Бейтс (26.07.1947–13.12.2003) – американский ученый, признанный специалист в области психолингвистики и других смежных областях знания.

[4] Чарльз Сандерс Пирс (10.09.1839–19.04.1914) – американский ученый, основоположник науки семиотики.

[5] Бетс Э. Интенции, конвенции и символы: пер. с англ. // Психолингвистика: сб. ст.: [пер. с англ., итал., нем., фр.] / сост. А.М. Шахнарович; общ. ред. А.М. Шахнаровича; предисл. Р.М. Фрумкиной. – М. 1984. – С. 50–102.

ми информационными составляющими, сосредоточенными в данном случае на ногтевых фалангах пальцев рук.

Иногда бывают и ситуации обратного порядка, с информационным выходом через субъекта на зафиксированные дактилоскопические следы, но информационное развитие (версионный анализ) началось со следа – прямого «участника» криминального события.

Символьный знак (знак-символ) основан на условной связи с обозначаемым объектом. Преобразование в визуальный символ «след пальца руки» связаны с отображением на следовоспринимаемой поверхности определенной совокупности имеющихся общих и частных признаков папиллярного узора, сформированных природой на ногтевой фаланге пальца руки в результате контакта или оптической фиксации (сканирования).

В буквальном образном восприятии между рассматриваемыми двумя конечными объектами, подверженными семиотическому анализу, «след пальца руки» и «ногтевая фаланга пальца руки» отсутствует прямое «естественное» физическое сходство или ассоциативная сочетаемость. Однако здесь нет как таковой степени произвольности, так необходимой в структуре определения производного знака-символа, зачастую базово закрепленной посредством конвенций (от лат. conventio – договор, соглашение) или негласно принятой среди определенного круга лиц.

В нашем случае, исходя из системы базовой основы, как бы это парадоксально ни звучало, преобразованный в различных модификациях визуальный образ знака-символа «след пальца руки» не требует сложной предварительной подготовки для его узнавания; такой знак в большинстве случаев невозможно неправильно интерпретировать. Данные обстоятельства мы как раз и анализировали ранее, а то, что степень произвольности визуальной модификации знака-символа порождена самой природой, лишний раз доказывает укоренившуюся за десятилетия во взглядах многих людей безоговорочную ассоциацию в отношении многоаспектной связи следообразующего объекта и его производного – следа (отпечатка).

Выделенная Ч. Пирсом тройственная структура семиотических элементов: знак – объект – интерпретант – позволяет трактовать след не только как доказательство, но и как семиотическую единицу, встроенную в систему коммуникации: от преступника к эксперту и следователю, от материально фиксированного отображения к его анализу и исследованию. Отметим, что интерпретант – это элемент, который позволяет использовать репрезентамен (форма, которую принимает знак) в качестве знака объекта, а также является «результатом» процесса семиозиса (процесса порождения и функционирования знаков абстрактных или материальных объектов).

Таким образом, след пальца руки выступает многоаспектным семиотическим объектом, пересекающим границы между:

– телом и отображением;

– преступлением и доказательством;

– частным и универсальным;

– контролем и безопасностью;

– материальным и знаковым.

Изображение следа (отпечатка) пальца руки – это современный символ, в котором сливаются биология, криминалистика, культура и цифровые технологии. Преодолев путь от непонятного объекта к вещественному доказательству, он стал собирательным образом идентичности в XXI веке – одновременно телесной, визуальной, правовой и цифровой информацией.

Обладая культурным и историческим контекстом, обросший неизменной совокупностью социальных факторов, след пальца руки как символ присутствует в кино, литературе, рекламе, медиапространстве и т. д.:

– в детективных жанрах предстает в виде квинтэссенции доказательства и символа вины или невиновности, анонимности в условиях присущей идентичности, тая в себе так называемый ключ к разгадке или как визуальная и смысловая доминанта – то, что связывает субъекта с его действием навсегда;

– в антиутопиях и киберпанке сопоставим со знаком тотальной цифровой слежки;

– в рекламе созвучен метафоре уникальности «Ты – как твой отпечаток», а зачастую и как «цифровой след»;

– в медицине и генетике – используемый при постановке диагноза по отпечатку руки[1], а также в дерматоглифике[2].

Отметим весьма интересный философский подход Ж. Деррида[1] к рассмотрению в широком смысле понятия следа. Концепция исследования находит выражение в позиции преподнесения данного знака как некоего феноменального в исторической взаимосвязи существования человечества.

---

[1] См., например: Российские генетики ставят диагноз по отпечатку руки // Сетевое издание «Вести.Ру». – Дата обновления: 25.10.2011. URL: https://www.vesti.ru/article/2118773 (дата обращения: 23.09.2025).

[2] См., например: Водовозов А., Панчин А. Связь между узорами на ладонях и личными качествами: как на смену хиромантии пришла дерматоглифика // Сетевое издание TechInsider. – Дата обновления: 25.04.2023. URL: https://www.techinsider.ru/science/240654-khiromantiya-xxi-veka-antinauchno-li-izuchenie-liniy-na-ladonyakh/ (дата обращения: 22.09.2025); Клак Н.Н. Перспективы применения дерматоглифики в медицине / Н.Н. Клак, Н.С. Горбунов, В.И. Чикун // Сибирское медицинское обозрение. – 2012. – № 3 (75). – С. 10–14.

След преподносится как метафизическая структура – он указывает на отсутствующее присутствие, является условием любой записи, любой памяти, а также мысли и опыта[2]. След выступает **наличествующим знаком** той вещи, которая отсутствует, – знаком, оставленным этим отсутствующим после его перемещения туда, где оно наличествовало[3]. Таким образом, след – не только криминалистическая единица, но и символ времени, утраты, памяти и идентичности.

Еще одним интересным обстоятельством, характеризующим символ «след пальца руки», является его специфическая направленность, проявляющаяся в интеграции учебных дисциплин. След – это интердисциплинарная структура, объединяющая:

– криминалистику как научную дисциплину, исследующую механизм взаимодействия и функцию доказывания;

– семиотику как науку о знаках и знаковых системах, изучающую их структуру и логику в передаче смыслов;

– технологии как разносторонние направления, охватывающие средства обнаружения, фиксации, изъятия, хранения и анализа следов (например, дактилоскопия, биометрия и цифровая криминалистика);

– философию как размышление об отсутствующем присутствии, следе, памяти и субъектности;

– искусство как визуальное выражение индивидуальности и следов бытия.

Семиотический анализ визуального следа пальца руки позволяет увидеть в нём не только криминалистический объект, но и сложный культурный, визуальный и философский феномен. Графический образ следа пальца руки становится медиатором между телом и символом, между субъектом и системой. В нём сливаются идентичность и доказательство, вина и оправдание, безопасность и контроль, отсутствие и присутствие, образность и память, а также уникальность и универсальность.

Таким образом, такой след выступает как знак новых познаний в антроцентрических исследованиях, где человек оставляет след не только в физическом, но и в знаковом, цифровом и культурном пространстве.

Анализ интерпретации, буквального понимания в абстрактном выражении символа «след пальца руки» обширен.

Комплексное выражение соответствующей специфики его проявления как многоаспектного феномена можно выделить и охарактеризовать, исходя из наиболее известных ключевых направлений в областях современного знания.

В криминалистике и юриспруденции след пальца руки является материальным доказательством, частным проявлением следовой информации. Узор папиллярных линий уникален, в этом и проявляются его идентификационные свойства.

В узком значении нас интересуют сведения о том, при каких обстоятельствах, где, как был оставлен след и каково его выражение. В широком понимании функции следа могут свидетельствовать и о физическом доказательстве, опираясь на конкретную материальную вещь, поддающуюся фиксации и анализу; о признаке причастности к преступлению, где он определён символом вины, если доказана принадлежность следа; и о собирательной образности, свойственной метафоре расследования, где образ пути, который ведёт к истине, сравним с выражениями: «идти по следу», «оставить след», «след преступника».

След выступает основой построения гипотезы, версии, экспертизы, реконструкции и т. п. Он апостериори связывает субъект (преступник), объект (место, вещь, жертва) и инструмент (орудие, технология).

В современном мире он все чаще превращается в код доступа и в цифровой документ. Однако для эксперта он остается объектом исследования как элементом, связующим его с системой знаний; он одновременно приватен (физическое лицо) и универсален (как форма доказательства).

В комплексном правовом исследовании он не просто физическая метка, а основополагающая единица доказательной базы.

В семиотическом проявлении след пальца руки – не просто последствие действия, а репрезентация присутствия в отсутствии субъекта. Зачастую в следе сакрально сохранен ключевой смысл вины и невиновности, поиска истины (включающей метафору «оставленного следа» в рамках расследования) или присутствия как таковой объективной истинности. Один из вариантов слогана «Ты уникален, как твой отпечаток (пальца)» или «В твоем отпечатке (следе) заложена твоя уникальность» определяет суть самости – выражение психологической целостности отдельного индивида. Параллельно с этим существует и

[1] Жак Деррида (15.07.1930–09.10.2004) – французский философ, литературовед и теоретик культуры, основоположник философского деконструктивизма.

[2] См., например: Политов А.В. Феномен следа в философии Жака Деррида и его онтологическое истолкование // Технологос. – 2016. – № 4. – С. 93–102.

[3] Грицанов А.А., Силичев Д.А., Маньковская Н.Б., Александров П.С. Жак Деррида / Гуманитарный портал: персоналии [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2025 (последняя редакция: 09.10.2025). URL: https://gtmarket.ru/personnels/jacque-derrida (дата обращения: 10.10.2025).

философский подтекст: «Мы существуем, пока оставляем след», приобретающий экзистенциальный оттенок.

Мы можем наделить след чередой философско-символических значений, где отражение контроля проявится в фиксации субъекта, т. е. его записи (причастности к событию) в определенном исследуемом пространстве; непоправимость образует след, который нельзя будет взять обратно, ибо он зафиксирован и определена его связь с событием (временная необратимость действия); при отсутствии субъекта, оставившего след, он укажет на того, кого уже нет на месте происшествия.

В графическом воспроизведении визуальный символ следа пальца руки воплощен в многомерном образном воплощении, например, как универсальный криминалистический символ (логотипы, эмблемы, значки и т. п.); знак (код) статического вида биометрических данных; культурный архетип в комплексной связи двух эпох (аналоговой и цифровой), где его изображение стало самостоятельным, узнаваемым символом и вне криминалистики.

Представление его в визуальном воплощении в виде иконки биометрического сканера сроднило его с реальным объектом, и мы стали мгновенно ассоциировать его с действием – «прикоснись» (англ. touch it). В гибридизации образа в цифровых системах (Face ID, Touch ID) данный знак получил дополнительный семиотический уровень – символ цифровой идентичности.

Визуальная семиотика отпечатка (следа) пальца в иконическом виде напоминает реальный след пальца руки, в индексальном – отсылает к реальному телесному отпечатку, а в символическом его графический образ становится знаком идентичности, аутентификации и контроля (например, на смартфонах, картах доступа, в биометрических системах). Зачастую в настоящее время его не нужно объяснять – он говорит сам за себя.

След пальца руки становится знаком бренда (например, в логотипах правоохранительных или IT-структур, лабораторий, специализированных учебных подразделений и научных изданий, интерфейсах цифровых устройств), а его графический образ объединяет разные дискурсы – от юридического до художественного, становясь мультикодовым символом. Графический образ следа пальца руки выступает инвариантом, который связывает науку, искусство, технологию и этику.

Присутствие данного символа частотно на современных знаках и эмблемах, например, экспертно-криминалистической службы (ФГКУ «ЭКЦ МВД России»)[1]. Собирательный образ на эмблеме всецело не будет подвергнут анализу, а вот понятийная структура фигурирующего на нем следа пальца руки будет охарактеризована в социокультурном и юридическом контексте.

Отметим, что значение символа в формировании визуально-идеологического образа государственной структуры также весьма важно. В частности, о визуальном маркере, расположенном на фоне серебряного свитка, перекрытого золотой лупой – классического инструмента эксперта-криминалиста, официально указано: «След пальца руки символизирует исследуемые экспертами улики и вещественные доказательства». Интересным представляется факт, что след пальца руки не вынесен в отдельное перечисление к пояснениям по символике, а является вспомогательным элементом символа «свиток». Вне всякого сомнения, след пальца руки символизирует собой визуальную метафору истины (научной и профессиональной точности и экспертной объективности), расследования (доказательственной чистоты) и идентификации (разностороннего исследования).

Графический образ отпечатка пальца стал мемом современной визуальной культуры. В сети интернет присутствуют образы различных персонажей, где отображение папиллярного узора является частью визуальной композиции. Он, в некоторой степени, придает иную смысловую нагрузку всему произведению, создавая из обезличенной фигуры некую индивидуальность. Образ, где присутствует силуэт человека, имеющий вместо головы след (отпечаток) пальца руки в виде контура папиллярного узора, вызывает ассоциацию с тем, что перед нами прежде всего субъект (личность), уже являющийся индивидом.

Семиотический анализ визуального символа «след пальца руки» позволяет увидеть в нём не только криминалистический объект, но и сложный культурный, технологичный и философский феномен. Его графический образ акцентирует внимание на контексте, кодах интерпретации и потенциальной неоднозначности следов, что позволяет более глубоко и всесторонне анализировать воспринимаемую информацию.

[1] Символика ЭКЦ МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/JEkspertno_kriminalisticheskij_centr/Simvolika_JEKC_MVD_Rossii (дата обращения: 11.09.2025).

Леонова Татьяна Алексеевна

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

Leonova Tatiana Alekseevna

Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: tleo76@yandex.ru

Принципы юридического голосования в системе правовых символов

The principles of juridical votingwithin the system of legal symbols

Аннотация. Статья посвящена исследованию символической природы правовых принципов, лежащих в основе института юридического голосования. Обосновывается недостаточность традиционного формально-юридического подхода, который, сводя голосование к набору формальных процедур, упускает из виду его аксиологическое и семиотическое измерения. Автором предлагается и обосновывается концепция, согласно которой система принципов юридического голосования рассматривается как сложная, иерархически организованная структура правовых символов, обеспечивающая легитимность и общественное признание итоговых коллективных решений. В статье последовательно анализируется символическое значение каждого уровня этой иерархии, от универсальных мета-принципов до специальных процедурных механизмов и обеспечительных гарантий, воплощаемых в процедуре голосования, рассматриваемой в качестве правового ритуала. Автор приходит к выводу, что именно символическая наполненность данных принципов, а не только их нормативное закрепление, превращает формальную процедуру голосования в легитимирующий социальный акт. Поднимается проблема десимволизации института юридического голосования, ведущая к кризису доверия к нему и, как следствие, подрыву легитимности принимаемых в его рамках коллективных решений.

Ключевые слова: юридическое голосование, правовые принципы, правовой символ, символы в праве, правовой ритуал, легитимность, десимволизация

Annotation. This article is devoted to the study of the symbolic nature of the legal principles that form the basis of the institution of legal voting. The author argues for the insufficiency of the traditional formal-legal approach, which, by reducing voting to a set of formal procedures, overlooks its axiological and semiotic dimensions. A concept is proposed and substantiated wherein the system of legal voting principles is viewed as a complex, hierarchically organized structure of legal symbols that ensures the legitimacy and social acceptance of final collective decisions. The article sequentially analyzes the symbolic meaning of each level within this hierarchy, from universal meta-principles to specific procedural mechanisms and guaranteeing safeguards, which are embodied in the voting procedure, itself considered as a legal ritual. The author concludes that it is the symbolic substance of these principles, rather than merely their normative enactment, that transforms the formal voting procedure into a legitimizing social act. The article raises the problem of the de-symbolization of the institution of legal voting, which leads to a crisis of trust in it and, consequently, undermines the legitimacy of the collective decisions made within its framework.

Keywords: legal voting, legal principles, legal symbol, symbols in law, legal ritual, legitimacy, de-symbolization

Для цитирования: Леонова Т.А. Принципы юридического голосования в системе правовых символов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 738–743.

В современной юридической науке институт юридического голосования как правило исследуется в рамках позитивистской, нормативно-догматической парадигмы. В фокусе внимания ученых и практиков находится его функциональное выражение – правовой механизм, то есть совокупность норм, процедур и стадий, обеспечивающих принятие коллективного решения. Такой инструментальный подход, будучи безусловно необходимым для анализа формально-юридической структуры юридического голосования, обладает тем не менее существенным, по нашему мнению, недостатком, который выражается в оставлении за рамками исследования глубинной аксиологической и семиотической природы данного правово-

го феномена. Между тем, юридическое голосование представляет собой не только отлаженную правовую технологию, но и сложный ритуально-символический комплекс, где каждый элемент функционирует как знак, транслирующий обществу фундаментальные ценности правопорядка. Мы считаем, что игнорирование этого символического измерения ведет к риску десакрализации и обесценивания института юридического голосования, превращения его в формальный, лишенный внутреннего смысла ритуал, что наглядно проявляется в таких проблемах, как, например, абсентеизм и кризис доверия к выборным процедурам.

Цель нашей статьи заключается в том, чтобы попытаться преодолеть этот узкоутилитарный подход и раскрыть символическое значение системы принципов юридического голосования, показав, что именно их символическая наполненность, а не только формальное закрепление в качестве правовых норм в законодательстве, обеспечивает подлинную легитимность и социальную действенность всего института.

Качественную, идеологическую основу института юридического голосования определяет его соответствие системе специальных правовых принципов. Мы считаем, что именно эта система в конечном итоге отвечает на важнейший вопрос о том, каким основополагающим требованиям должен отвечать институт юридического голосования, чтобы считаться легитимным и справедливым. При этом, по нашему глубокому убеждению, эти принципы не являются однородным, плоским перечнем, а образуют сложную, многоуровневую иерархическую систему, где каждый принцип выполняет свою уникальную функцию и создает при этом предпосылки для реализации других принципов. Такая система по своей сути является семиотической структурой, где каждый уровень иерархии обладает собственным символическим значением. В этой связи для обеспечения необходимой полноты научного анализа и логической последовательности изложения материала мы считаем необходимым рассмотреть каждый из этих принципов в соответствии с его местом в предлагаемой нами иерархии.

На вершине этой системы находится универсальный, общеправовой принцип законности. Он выступает в качестве мета-принципа, пронизывающего всю правовую систему и устанавливающего императивное требование неукоснительного соблюдения норм права всеми субъектами и на всех этапах реализации института юридического голосования. Однако его значение не исчерпывается этой регулятивной функцией. В символическом поле права он выполняет более сложную задачу, выступая в качестве основополагающего символа правопорядка, то есть такого типа социальной организации, который основан на господстве формально-рациональных, универсальных и предсказуемых правил.

Его символическая функция заключается в проведении качественного разграничения между двумя моделями социального регулирования. Первая модель основана на произволе, где решения принимаются дискреционно, ситуативно и зависят от воли конкретного субъекта власти. Вторая модель основана на законности, где действия всех субъектов подчинены заранее установленным, безличным и общеобязательным нормам права.

Применяемый к институту юридического голосования, принцип законности символически трансформирует его природу. Из потенциального акта политической борьбы, результат которого определяется соотношением сил, он превращается в строго формализованную, упорядоченную правовую процедуру. Именно эта процедурная формализация процесса голосования, подчиненная закону, является источником легитимности итогового решения. Каждый элемент этой процедуры обретает свой смысл и юридическую силу исключительно в силу его соответствия установленным нормам права. Таким образом, законность в данном контексте есть символ деперсонифицированной власти правовых норм, которым в равной степени подчиняются и организаторы голосования, и его участники. Любое нарушение установленного порядка воспринимается правосознанием не просто как техническая ошибка, а как посягательство на легитимирующую основу всей процедуры, что подрывает доверие к ее результатам. Без этого метасимвола, гарантирующего стабильность и предсказуемость правового поля, все остальные, более частные принципы-символы, такие как, например, принцип равенства голосов или принцип свободы волеизъявления, теряют свой обеспечительный механизм и могут быть сведены к юридической фикции.

На следующем, установочном уровне располагается принцип коллективности. Он определяет сущность формата правоотношений в тех сферах, где правовая система сознательно отказывается от единоличного принятия решений в пользу совместного. При этом его значение выходит далеко за рамки такого технического выбора. В символическом поле он является знаком важнейшего идеологического выбора правовой системы между двумя полярными моделями организации власти. Первая модель, единоличная, выраженная в принципе единоначалия и широко применяемая в административном или военном праве, символизирует иерархию, субординацию и эффективность, основанную на приказе. В противоположность ей, вторая модель, коллективная, символизирует совершенно иные ценности, такие как диалог, согласование интересов и легитимность, рождающуюся из процедуры совместного волеизъявления, а не из статуса одного лица.

Символическое воздействие этого принципа проявляется в коренной трансформации природы юридически значимого решения, которое перестает быть актом воли одного наделенного властью субъекта, и становится продуктом сложения, а порой и столкновения, множества индивидуальных воль, принадлежащих формально равным участникам. Данный аспект позволяет рассматривать принцип коллек-

тивности как конкретное процедурное воплощение абстрактной идеи общественного договора. Он создает те формально-юридические рамки, в пределах которых разрозненные субъекты конституируются в единый коллективный субъект – народ, собрание акционеров, коллегию присяжных –, способный вырабатывать общеобязательную для всех его членов волю. Таким образом, принцип коллективности представляет собой не просто рамочное условие для проведения голосования, а является мощным правовым символом, утверждающим, что в ключевых сферах общественной жизни источником легитимной власти является не отдельная личность, а коллектив как таковой, действующий строго в рамках правовых предписаний.

Содержательным ядром и основополагающим компонентом всей системы принципов юридического голосования, по нашему глубокому убеждению, является принцип свободного и осознанного волеизъявления. Именно он определяет качественные требования к действиям каждого участника процесса голосования, однако его значение отнюдь не сводится к этой сугубо процедурной функции. В ценностном измерении он является центральным символом, который наполняет весь институт юридического голосования гуманистическим содержанием. Его символическая работа заключается в коренном преобразовании статуса участника в рамках специфического правоотношения, возникающего в процессе голосования. Благодаря этому принципу участник юридического голосования перестает быть пассивным объектом, подчиненным внешнему воздействию организаторов голосования или иных сил. Вместо этого правовая система конституирует его в качестве активного, суверенного субъекта, чья личная воля признается единственным легитимным источником юридически значимых последствий.

Мы считаем, что этот символический эффект достигается через два неразрывных элемента, которые необходимо рассмотреть отдельно. Первый элемент, свобода волеизъявления, символизирует создание и правовую защиту сферы индивидуальной автономии участника голосования. Когда правовая система устанавливает императивный запрет на любое принуждение участника к определенному волеизъявлению со стороны третьих лиц, будь то органы власти, должностные лица или частные акторы, она тем самым очерчивает символическую границу, внутри которой личность суверенна в своем выборе. Процедурные гарантии, такие как, например, тайна голосования или юридическая ответственность за посягательство на свободу выбора, выступают в качестве обеспечивающих правовых ритуалов. Под этим мы понимаем конкретные, формализованные действия, такие как уединение участника в специальной кабине для голосования, использование стандартизированного бюллетеня, процедура его опускания в урну, которые в своей совокупности и создают материальную и психологическую среду для свободного выбора, оберегая неприкосновенность этой автономной сферы. Таким образом, свобода воли в данном контексте есть символ отказа правопорядка от насильственного конструирования коллективной воли.

Второй элемент, осознанность волеизъявления, символизирует приверженность правовой системы идеалу рационального субъекта. Тот факт, что право придает юридическую силу не любому волевому акту, а только тому, который является результатом внутренней интеллектуальной деятельности самого участника, его размышлений над сутью вынесенного на голосование вопроса и последствиями принимаемого решения, имеет огромное символическое значение. Этот аспект, как мы полагаем, противопоставляет правовую модель голосования архаичным моделям, основанным на аккламации, эмоциональном порыве или ритуальном согласии без понимания сути. Осознанность выбора является символом того, что право ценит и признает интеллектуальную и волевую состоятельность личности, а не просто требует от нее формального акта согласия с каким-то заранее предопределенным решением.

В совокупности, по нашему глубокому убеждению, эти два элемента конституируют рассматриваемый принцип как мощнейший символ юридического признания достоинства личности. Когда правопорядок отказывается придавать юридическую силу волеизъявлению, лишенному свободы или осознанности, он тем самым, по сути, символически заявляет, что человек не может и не должен рассматриваться как простой инструмент или средство для достижения коллективных целей. Легитимность итогового решения, с нашей точки зрения, ставится в прямую зависимость от уважения к достоинству и автономии воли каждого отдельного участника юридического голосования. Именно это позволяет нам сделать вывод о том, что рассматриваемый принцип является не просто одним из многих, а содержательным ядром всей системы, без которого ритуал голосования теряет свой правовой, гуманистический и легитимирующий смысл.

Логическим и процедурным следствием ранее рассмотренных нами принципов коллективности и свободного волеизъявления является принцип большинства. На первый взгляд, он предстает как сугубо технический, математический механизм, позволяющий трансформировать множество разрозненных индивидуальных воль в единое общеобязательное решение в условиях неизбежного отсутствия консенсуса. Однако, по нашему глубокому убеждению, сведение его роли к этой инструментальной функции означало бы игнорирование его сложнейшего символического значения. Принцип большинства – это отнюдь не просто какое-то правило подсчета голосов, это мощнейший правовой символ, который знаменует собой сознательный и идеологический выбор правовой системы в пользу определенной модели социальной реальности.

Во-первых, он выступает как символ политического реализма и отказа от утопии. Сам факт его существования и доминирующего положения в праве есть символическое признание правопорядком фун-

даментальной истины об обществе, заключающейся в том, что консенсус, то есть полное единодушие в принятии коллективного решения, в ряде случаев является либо совершенно недостижимым идеалом, либо результатом принуждения. Таким образом, устанавливая принцип большинства для принятия коллективных решений, правовая система, по сути, символически отказывается от иллюзии всеобщего согласия и предлагает работающий, легитимный инструмент для движения вперед в условиях неустранимых разногласий между участниками юридического голосования. Этот принцип символизирует такое общество, которое готово действовать и развиваться, а не быть парализованным бесконечным поиском абсолютного консенсуса. По нашему мнению, в этом смысле принцип большинства является символом действенности и жизнеспособности коллективного субъекта.

Во-вторых, принцип большинства функционирует как центральный символ демократической легитимации итогового коллективного решения и той власти, которую это решение воплощает. Процедура юридического голосования, завершающаяся констатацией агрегированной воли большинства, представляет собой сложный правовой ритуал, который публично и формально отвечает на главный для любой политической системы вопрос о том, кто имеет право принимать решения. Ответ, который символизирует этот принцип, абсолютно однозначен – право на принятие решения принадлежит большему числу участников голосования, а не элитарному меньшинству, не отдельному правителю и не тем, кто обладает силой или богатством. Таким образом, принцип большинства противопоставляет демократическую модель легитимности всем остальным моделям – аристократической, монархической или олигархической. При этом каждый акт применения этого принципа представляет собой, по сути, ритуальное подтверждение идеи народного суверенитета.

Однако было бы серьезным упрощением и идеализацией видеть в принципе большинства исключительно позитивный символ. По нашему глубокому убеждению, его символическое значение глубоко диалектично и внутренне противоречиво, поскольку, являясь символом власти коллектива, этот принцип одновременно несет в себе и символ имманентной угрозы, выражающейся в потенциальной возможности превращения демократии в свою противоположности, которую принято называть «тиранией большинства». В данном контексте рассматриваемый принцип символизирует скрытую опасность любого коллективного действия, выражающуюся в потенциальной возможности подавления прав и игнорирования законных интересов отдельной личности или группы участников голосования, когда единственным легитимирующим основанием для такого ущемления выступает решение, принятое арифметическим большинством голосов. То есть данный принцип символизирует тот момент, когда количественный показатель, выраженный в числе отданных за конкретный вариант решения голосов, может возобладать над качественной сущностью права – справедливостью. Именно поэтому в развитых правовых системах принцип большинства никогда не существует в вакууме. Его легитимность поддерживается не только его демократической природой, но и сложной системой правовых контр-символов, которые призваны уравновесить и нейтрализовать его деструктивный потенциал.

Одним из таких контр-символов является, по нашему мнению, институт квалифицированного большинства, например, в две трети или три четверти голосов. Когда закон требует для принятия решения не простого, а квалифицированного большинства, он тем самым совершает важное символическое действие, публично признавая, что вынесенный на голосование вопрос имеет особую, фундаментальную значимость и не может быть решен простым большинством голосов. Данная процедура символизирует необходимость достижения более глубокого и широкого согласия между участниками юридического голосования и выступает как символический барьер, защищающий те системообразующие правовые установления, которые определяют природу и структуру правового сообщества, будь то государство или корпорация, от их изменения решением простого большинства. Тем самым правовая система проводит четкое разграничение между двумя типами решений. Для текущих, ординарных вопросов признается достаточным минимальный перевес голосов. Однако для изменения тех правил, которые конституируют саму правовую реальность для данного сообщества, такого минимального перевеса уже недостаточно. Требование квалифицированного большинства символизирует, что принятое решение отражает устойчивую и разделяемую большинством волю коллектива.

Еще одним мощным контр-символом выступает принцип единогласия. В тех исключительных случаях, когда правовая система требует единогласного решения от всех участников юридического голосования, она полностью меняет саму парадигму принятия решения. Власть большинства здесь обнуляется, и на ее место приходит символ абсолютного суверенитета каждого отдельного участника. Принцип единогласия символизирует, что существуют такие ценности, например, национальный суверенитет государства в ключевых международных организациях, или право собственности при ликвидации общества, которые являются настолько священными и неприкосновенными, что их судьба не может быть решена никем, кроме самого их носителя, причем исключительно единогласно.

И наконец, вся эта конструкция поддерживается и защищается системой обеспечительных принципов-гарантий, к которым относятся принципы равенства голосов, тайны голосования, достоверности и однозначности результатов голосования, а также гласности (открытости). Эту систему следует рассматривать как совокупность обязательных правовых ритуалов, без точного соблюдения которых вся симво-

лика вышестоящих принципов обесценивается. Их основная функция – обеспечить справедливую и легитимную реализацию всех вышестоящих принципов.

И наконец, вся эта сложная иерархическая конструкция, состоящая из мета-символов и содержательных принципов, оставалась бы на уровне абстрактных правовых построений, если бы она не поддерживалась и не защищалась системой обеспечительных принципов-гарантий. К ним относятся принципы равенства голосов, тайны голосования, достоверности и однозначности результатов голосования, а также гласности (открытости). По нашему глубокому убеждению, методологически неверно рассматривать эти принципы как простой набор технических, процедурных правил. Их сущность и функция гораздо сложнее. Эту систему следует рассматривать как совокупность обязательных правовых ритуалов. Под этим мы понимаем строго формализованные, символически значимые действия, чья ценность заключается не только в их утилитарной эффективности, но и в их способности создавать и поддерживать веру участников юридического голосования и наблюдателей в легитимность всего процесса. Легитимность итогового решения оказывается в прямой зависимости от строжайшего соблюдения установленной процедурной формы, любое отклонение от которой подрывает символическое значение всего акта голосования.

Для того, чтобы раскрыть эту идею, необходимо последовательно проанализировать символическое значение каждого из этих принципов-гарантий.

Первым в этом ряду стоит принцип равенства голосов. Его символическая функция заключается в ритуальном конструировании особого правового состояния – состояния временного, но абсолютного юридического равенства всех участников. В момент совершения акта голосования все прочие социальные различия – имущественные, статусные, властные – символически обнуляются. Процедура выдачи каждому участнику одного стандартного бюллетеня или наделения его голосом равной силы является перформативным актом, то есть таким действием, которое не просто описывает или символизирует равенство участников голосования, а юридически конструирует его в момент совершения. Этот акт, осуществленный уполномоченным лицом в рамках строго установленной процедуры, преобразует разнородную социальную группу в однородный коллективный субъект, состоящий из временно уравненных в правах юридических единиц. Таким образом, рассматриваемый принцип не просто обеспечивает арифметическую справедливость при агрегировании голосов и подведении итогов коллективного волеизъявления, а символизирует саму идею гражданского общества, в котором воля коллектива формируется из суммы воль равноправных индивидов, а не определяется весом наиболее влиятельных из них.

Далее следует принцип тайны голосования. Его символическое значение состоит в создании и правовой защите сакрализованного пространства индивидуальной автономии. Физические атрибуты этого ритуала, такие как специальная кабина или отдельная комната для голосования, выступают мощными символами, создающими временную, но юридически неприкосновенную зону, изолированную от социального контроля и внешнего давления. Сам акт входа в это пространство является ритуальным переходом из сферы публичного в сферу сугубо личного, где субъект остается наедине со своим выбором. Этот принцип символически утверждает, что источником легитимности является не публично продемонстрированная лояльность, а внутренняя, невидимая для других, подлинная воля индивида. Государство, обеспечивая этот ритуал, не просто защищает гражданина, оно символически демонстрирует свое доверие к его способности сделать самостоятельный и осознанный выбор.

Третьим элементом системы является принцип достоверности и однозначности результатов голосования. Его символическая функция заключается в легитимации итогового решения через ритуал его объективации. Этот принцип призван символически преобразовать множество субъективных и разрозненных волеизъявлений в единый, неоспоримый и математически выверенный объективный факт. Сложные и скрупулезные процедуры подсчета, составления протоколов, их проверки и подписания являются ритуальными действиями, цель которых – продемонстрировать, что итоговый результат свободен от произвола и субъективных предпочтений лиц, осуществляющих подсчет. Этот ритуал символизирует победу рациональной, проверяемой процедуры над возможной предвзятостью или ошибкой. Без этого символа объективной истины итоговая цифра оставалась бы лишь мнением или версией, но не стала бы общеобязательным юридическим фактом.

Завершает эту систему принцип гласности (открытости). В символическом поле права эти два принципа – принцип достоверности и однозначности результатов голосования и принцип гласности (открытости) –, решают две взаимосвязанные, но различные задачи, совместно обеспечивая полноту легитимации итогового коллективного решения. Принцип достоверности и однозначности результатов голосования утверждает его внутреннюю, объективную истинность, создавая символ математически неоспоримого факта. Принцип гласности (открытости), в свою очередь, формирует внешнее, социальное доверие к этому факту. Он осуществляет переход от результата, установленного в рамках закрытой, сугубо технической процедуры подсчета, к итогу, получившему публичное подтверждение и общественное признание. Он представляет собой ритуал публичной верификации, в рамках которого общество приглашается стать свидетелем безупречного исполнения ритуала подсчета голосов. Присутствие наблюдателей, представителей СМИ, публикация протоколов голосования – все это символические акты, которые делают весь процесс подсчета голосов и установления окончательных итогов голосования прозрачным и

проверяемым. Принцип гласности (открытости) находится в сложной диалектической связи с принципом тайны голосования. Эти два ритуала выполняют комплементарные, но направленные на разные объекты функции. Ритуал тайны защищает начальный, наиболее уязвимый этап этого процесса – момент формирования и выражения индивидуальной воли каждым отдельным участником юридического голосования. Он создает защищенное от внешнего контроля пространство для совершения автономного выбора по существу поставленного на голосование вопроса. Ритуал гласности, напротив, легитимирует его финальный этап – процесс подведения итогов голосования и установления коллективного результата, делая его общественно подотчетным. Он символически утверждает, что власть, рожденная в результате тайного волеизъявления, должна быть подотчетна обществу, и сам процесс ее рождения не может быть тайной. Таким образом, именно этот завершающий ритуал позволяет всему сообществу принять итоги как свои собственные, легитимные и заслуживающие доверия.

Подводя итоги отметим, что проведенное в настоящей статье исследование позволяет сделать вывод о том, что система правовых принципов, лежащая в основе института юридического голосования, представляет собой нечто большее, чем просто нормативно-регулятивный каркас данного правового института. Мы полагаем, что ее следует рассматривать как сложный, многоуровневый иерархический механизм символического производства, основная функция которого заключается в преобразовании формальной юридической процедуры голосования в социально признанный, легитимирующий акт формирования коллективной воли. Эта иерархическая структура, включающая в себя универсальные метасимволы, содержательные символы-ценности и обеспечивающие ритуалы-гарантии, последовательно и системно решает сложнейшую задачу – конструирование общественного доверия к итоговому коллективному решению. Она создает тот семиотический контекст, в рамках которого итоги голосования воспринимаются в правосознании как самих участников голосования, так и общества в целом не как результат доминирования одной группы над другой, а как справедливое и объективное выражение общей воли.

Следовательно, любая деформация или пренебрежение хотя бы одним из элементов этой символической системы ведет к неизбежным последствиям для всего института юридического голосования. Основная проблема, с которой сталкиваются современные правовые системы, заключается, по нашему мнению, в процессе десимволизации юридического голосования. Этот процесс выражается в нарастающем разрыве между формальной стороной правовых ритуалов и их внутренним символическим содержанием. Когда процедура, формально соответствующая закону, перестает восприниматься обществом как носитель символов справедливости, свободы и равенства, она выхолащивается. Юридическое голосование в таком случае перестает быть актом конструирования легитимности и превращается в ее симулякр – формальную оболочку, лишенную легитимирующей силы. Итоговое решение, принятое в рамках такой профанированной процедуры, может обладать формальной юридической силой, но оно не обретает главного – общественного признания и добровольного внутреннего принятия.

Таким образом, жизнеспособность института юридического голосования в правовом государстве напрямую зависит от способности правовой системы и общества в целом поддерживать и защищать не только букву закона, регулирующего процедуру, но и символическую целостность стоящих за ней принципов.

Леонтьев Алексей Георгиевич

заведующий криминалистической лаборатории, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Leontev Aleksey Georgievich

Head of the Forensic Laboratory, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure, Faculty of Law, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

E-mail: alexey.leontev@unn.ru

Значение символики в пропаганде субъектов терроризма и экстремизма

The Significance of Symbols in Propaganda by Subjects of Terrorism and Extremism

Аннотация. В статье проанализированы значение использования символов в пропаганде субъектов терроризма и экстремизма. Приведены основные символы, которые, по мнению автора, наиболее часто используются указанными субъектами в информационном пространстве. Раскрыты смысл и тактика использования символов, а также приведены их конкретные примеры.

Ключевые слова: экстремизм, исламский радикализм, левый радикализм, правый радикализм, этнический национализм, цветные революции, ненасильственное сопротивление

Annotation. The article analyzes the significance of symbols used in propaganda by subjects of terrorism and extremism. It presents key symbols that, according to the author's opinion, are most frequently employed by these entities within the information sphere. The meanings and tactics behind their use are explained along with specific examples provided.

Keywords: Extremism, Islamic radicalism, left-wing radicalism, right-wing radicalism, ethnic nationalism, color revolutions, non-violent resistance

Для цитирования: Леонтьев А.Г. Значение символики в пропаганде субъектов терроризма и экстремизма // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 744–751.

В современном мире, где информационные потоки определяют ход событий не менее, чем прямые военные действия, символы приобрели статус мощного инструмента борьбы. Для субъектов терроризма и экстремизма, а также для архитекторов современных технологий смены политических режимов, символика становится действенным смысловым оружием. Она служит для вербовки, пропаганды, устрашения, консолидации, легитимизации и мобилизации широких масс. Понимание механизмов работы этих символов, их эволюции и воздействия на целевую аудиторию является критически важным для разработки эффективных мер противодействия. Данная статья исследует феномен использования символов террористическими и экстремистскими организациями, а также идеологами «цветных революций», анализируя их функции, каналы распространения и вызовы, которые они создают для глобальной безопасности.

Политическая цель не достижима без символа – бренда, логотипа которые позволяют закрепить позиционирование структуры в информационном пространстве, так как политическое восприятие подвержено влиянию целого ряда факторов, в т.ч. собственного и коллективного опыта субъекта, а также преднамеренного коммуникативного воздействия на него[1].

[1] Кокуш Марина Юрьевна Логотип как компонент фирменного стиля предвыборной кампании // Власть. 2011. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/logotip-kak-komponent-firmennogo-stilya-predvybornoy-kampanii (дата обращения: 08.09.2025).

Символ, в отличие от простого знака, несет в себе глубокий, многогранный смысл, часто заряженный мощной эмоциональной и идеологической компонентой. Это концентрат идеи, истории, идентичности и эмоции, упакованный в простую, легкоузнаваемую форму. Для экстремистских групп и политических технологий символ выполняет ряд ключевых функций.

В первую очередь это идентификационная и консолидирующая функции. Символ служит опознавательным знаком «своих», маркером принадлежности к конкретной группе или движению. Он создает чувство общности, зачастую преодолевая этнические, конфессиональные, лингвистические и географические границы.

От плаща легионера или орла древнего Рима до современных зонтиков в Гонконге и площади Тахрир в Египте, символ позволял разным по национальному или конфессиональному признаку людям почувствовать единство цели. Ощутить, что отдельные «Я», которые собрались вместе являются частью чего-то большего. Это фундаментальные механизмы создания и поддержания политических общностей. Через идентификацию символ отвечает на вопрос «Кто мы?», а через консолидацию — на вопрос «Что нас делает единым целым?». Умелое управление символами является одной из ключевых задач любой политической силы, будь то государство, партия или общественное движение.

Можно отметить также пропагандистскую и мобилизационную функции. Данные функции направлены как на упрощение сложных для массовой трансляции идеологию или политическое требование до простого изображения или лозунга, так и создать компактный, яркий, запоминающийся и доступный для массовой аудитории образ — символ, который можно использовать для привлечения внимания потенциальных сторонников.

Значительное место занимает функция устрашения (террора). Центральная, базовая функция символов, используемых субъектами экстремизма и терроризма. Это не просто «страшные картинки», а изощрённый инструмент психологического воздействия и коммуникации.

Эти символы работают на нескольких уровнях, направленных на разные аудитории. Символы устрашения предназначены для воздействия на три ключевые группы:

Устрашение противника (государства, «неверных», инакомыслящих). Вселить страх, парализовать волю к сопротивлению, создать ощущение тотальной уязвимости и постоянной угрозы. Символ (например, знак известной террористической организации) напоминает о прошлых атаках и обещает будущие. Он трансформирует абстрактную угрозу в нечто конкретное и вездесущее. Видя его в пропагандистских роликах или на стенах соседних зданий, люди чувствуют, что опасность рядом, даже если физически боевиков нет в их городе. Так, черное знамя террористической организации «Исламское государство» (далее – «ИГ»)[1] с печатью пророка не только идентифицирует группу, а несет посыл: «Мы — наследники первоначального ислама, мы непримиримы, и мы идем к вам».

Устрашение местного населения на оккупированных территориях. В данном случае символ призван обеспечить покорность, подавить волю к сопротивлению, установить контроль через страх. Символ служит постоянным напоминанием о власти группировки. Неподчинение карается смертью, и символ визуально представляет эту карающую силу. Это инструмент террора в чистом виде.

Устрашение и деморализация «колеблющихся» внутри своей социальной базы. Руководителям экстремистских и террористических организаций необходимо подавить любые попытки несогласия, инакомыслия или сотрудничества с властями внутри собственной общины или группы. Символы служат маркером лояльности. Отказ от их использования или проявление неуважения к ним может быть сурово наказано. Таким образом, страх перед расправой заставляет даже несогласных публично демонстрировать поддержку.

Функция устрашения у символов экстремистов — это не побочный эффект, а их основное оружие. Это психологический инструмент, который позволяет малыми силами оказывать максимальное воздействие на общество, парализуя его страхом, деморализуя противника и укрепляя контроль над населением.

Использование исторических, религиозных или псевдогосударственных символов призвано создать видимость легитимности и преемственности, в этом его легитимизирующая функция. Данная и следующая функции подробнее будут рассмотрены ниже на примере деятельности «ИГ».

Коммеморативная функция, в рамках которой символы используются для увековечивания памяти о погибших боевиках (мучениках) или ключевых событиях. Коммеморативная функция символов работает напрямую с эмоциями, а не с рациональным мышлением. Она позволяет создать чувство общности, оправдывает насилие провозглашая постулат, что смерть «мученика» требует отмщения. Кроме того, данная функция позволяет создать романтизированный образ «героической смерти» привлекая молодежь, ищущую цель и признание, а также превращает отдельных боевиков в «бессмертных героев», а теракты — в «славные вехи» истории их движения, что способствует циклу насилия и постоянному воспроизводству террористической угрозы.

Следует отметить, что перечисленные функции особенно ярко проявляются в условиях глобализации, когда символ становится ключевым инструментом пропаганды, трансформируясь в универсальный

[1] Организация признана в России террористической и запрещена.

язык, преодолевающий культурные и языковые барьеры. Благодаря цифровизации и социальным сетям, лаконичные и эмоционально заряженные образы (флаги, логотипы, мемы) мгновенно тиражируются по всему миру. Они эффективно конструируют коллективную идентичность, упрощают сложные идеи до бинарных оппозиций («свой–чужой») и манипулируют массовым сознанием. В условиях информационной перегрузки именно символ, а не текст, обеспечивает быстрое узнавание и мгновенную реакцию, выступая мощным катализатором как консолидации общества, так и разжигания конфликтов в глобальном масштабе.

Цифровая революция кардинально изменила масштаб и скорость распространения символов. Социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры стали идеальной средой для их тиражирования, превращая символ из статичного изображения в динамичный, интерактивный и повсеместно присутствующий элемент медиасреды.

Рассмотрим примеры символики экстремистских и террористических объединений, большая часть которой запрещена в России.

Ценности традиционных (мировых) религий, в том числе и ислама, активно используются в интересах субъектов терроризма и экстремизма. Идеологи террористических организаций, для придания легитимности своим действиям, активно используют различные символы, принятые в религиозной среде.

Так, пропагандисты террористического движения «Исламское государство» использовали в качестве названия занятой ими территории форму идеального государственного устройства, принятую в суннитском направлении ислама – Халифат.

Лидеры «ИГ» использовали имена сподвижников и приемников пророка, а также сведения, связанные с его личность для формирования образа символичного для мусульман.

В качестве примера можно использовать псевдоним одного из первых лидеров «ИГ» — Абу Бакр аль-Багдади (настоящее имя Ибрагим Аввад Ибрагим Али аль-Бадри (28.07.1971–27.10.2019)), который провозгласил себя халифом в 2014 году и оставался у власти до своей смерти в 2019 году. Прототипом для принятого им имени послужила историческая личность первого халифа мусульманского мира (правил в 632–634 годах) и одного из ближайших сподвижников пророка Мухаммеда и отца его жены Аиши. Сунниты считают его лучшим из людей после пророков и посланников, самым верным и аскетическим из сподвижников пророка.

Очевидно, что для пропаганды идей «ИГ» имя первого сподвижника пророка несет сакральный смысл.

Другим примером является символ, который использовал приемник Абу Бакр аль-Багдади — Абу Ибрахим аль-Хашими аль-Кураши (настоящее имя Амир Мухаммед Абдул Рахман Аль-Маула Аль-Салби (1976–2022)). В данном псевдониме присутствует отсылка к роду и племени пророка Мухаммеда курайш[1]. Отец пророка был сыном вождя племени курайшитов Абд аль-Мутталиба ибн Хашима.

В данном примере отчетливо видно, что используется попытка показать преемственность лидера «ИГ» по отношению к роду пророка. Данная принадлежность сообщает о праве на управление мусульманской уммой, на его легитимность.

Важным символом исламских радикалов является понятие «шахида» —статус мученика, пожертвовавшего своей жизнью в интересах общего дела мусульман.

Суть шахидства как религиозного исламского явления выводится из беззаветного служения мусульманина своей религии, его готовности в случае крайней необходимости пожертвовать своей жизнью ради веры в Единого Аллаха и укрепления мусульманской уммы. Усилиями идеологов радикализма и отдельных представителей западной исламистики шахидству, как исламскому явлению путем искажения его религиозного содержания, привнесения в него нерелигиозных элементов придается превращенная форма шахидизма. Шахидизм в своей превращенной форме не имеет уже ничего общего с исламской религией, но в силу приобретенного им самостоятельного онтологического статуса продолжает восприниматься массовым сознанием как исламский феномен[2].

Также, исламские террористические и экстремистские формирования используют визуальные символы — «Черное знамя», «Печати пророчеств», жест «таухид» и фирменный визуальный стиль для создания образа силы, легитимности и запугивания.

Ультраправые движения и объединения используют широкий спектр символов, который можно разделить на несколько категорий.

Историческая нацистская и фашистская символика (прямая и измененная).

Несмотря на запреты во многих странах, эти символы используются в открытую или в модифицированном виде.

Классический символ национал-социализма — свастика. Чтобы обойти запреты, ее часто изображают неявно (например, в виде граффити), используют фрагменты или «закрученные» версии. Также

[1] Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» URL: https://bigenc.ru/c/mukhammed-ebe6e3 (дата обращения 05.09.2025).

[2] Яхгмен М.Я. Шахидство в исламе и шахидизм в современном мире // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 2. С. 19-33 https://cyberleninka.ru/article/n/shahidstvo-v-islame-i-shahidizm-v-sovremennom-mire (дата обращения 03.10.2025).

используются руны и символы СС, например «зиг-руна» — символ гитлерюгенда и дивизии СС «Мертвая голова». Две руны вместе образуют эмблему СС.

Волчий крюк (Wolfsangel) — использовался различными дивизиями СС, сейчас популярен у неонацистов по всему миру.

Одал-руна — символ дивизии СС «Принц Ойген», сегодня означает идеи «кровной и почвенной» общности, этнического национализма.

Черное солнце (Sonnenrad). Языческий символ, активно использовавшийся в СС. Сегодня стал одним из самых популярных символов среди неоязыческих и ультраправых групп, так как он менее узнаваем для широкой публики, но однозначен для посвященных.

К часто используемым символам данной категории можно отнести числовые коды. Самый известный код — 14/88. Данный символ содержит отсылку на основы нацистских символов. Это 14 слов нацистского идеолога, американца Дэвида Лэйна: «We must secure the existence of our people and a future for White children» («Мы должны обеспечить существование нашего народа и будущее для Белых детей»). А также цифры 88, самым популярным значением которой принято считать намек на порядковый номер латинской буквы «H», которая дважды встречается в приветствии нацистского рейха «Heil Hitler!» («Хайль Гитлер!»).

В праворадикальной пропаганде используется также символика, заимствованная из истории и культуры.

Изначально древний религиозный символ — кельтский крест был присвоен неонацистскими группами (например, «Арийские националисты») и стал символом белого движения. Сегодня это один из самых распространенных ультраправых символов.

Флаг Конфедерации (Юга США) — исторически символ рабовладельческих штатов. Используется расистами и сторонниками превосходства белой расы как символ «традиционного Юга», сопротивления и расизма.

Образы викингов и «Вотана» (Одина) используются идеологами «расового» или «этнического» неоязычества для продвижения идей о «мужественном», «воинственном» и «чистом» североевропейском наследии. Молот Тора часто используется в этом контексте.

К символике современных правых движений можно отнести логотипы движений «Альт-райт» (Alt-right) и «Фэш-вейв» (Fashwave).

Лягушка Пепе — изначально безобидный интернет-мем, который был намеренно присвоен ультраправыми и стал их символом. Использование подобных мемов позволяет рекрутировать молодежь через юмор и иронию.

«Fashwave» — эстетическое направление в музыке и графике, сочетающее элементы синтвейва 80-х с фашистской и нацистской символикой (например, накладывая руны на неоновые закаты). Это создает гламурный и ностальгический образ радикальных идей.

Невербальные символы и жесты также популярны среди праворадикалов.

Жест «OK». В 2017 году на 4chan[1] была запущена кампания, в рамках которой этот жест был представлен как символ «власти белых» (круг из трех пальцев символизирует «W», а остальные — «P», White Power). Хотя изначально это был троллинг, жест был подхвачен реальными ультраправыми и используется ими на митингах и фото.

Римский салют — жест, который содержит прямую отсылку к фашистской Италии Муссолини и национал-социалистам Германии.

Жест «14 слов» представляющий собой поднятие указательного и среднего пальца одной руки и большого — другой (образуя цифры 1 и 4).

В качестве отдельного явления правой направленности следует выделить идеологию субъектов этнонационалистического экстремизма, использующих особую символику, в которой перекликаются как исторические и политические, так и религиозные смыслы. Рассмотрим этнонационалистическую символику не примере используемой российскими националистическими объединениями.

Среди народов России используют свой уникальный набор символов, который часто прямо противопоставлен символам русского гражданского национализма[2]. Их ключевые нарративы — это борьба за автономию или независимость, сопротивление ассимиляции, память о колониальном прошлом и защита культурной самобытности.

[1] Англоязычный имиджборд и анонимный веб-форум, запущенный в 2003 году с ежемесячно посещаемостью около двадцати миллионов человек.

[2] В рамках настоящей статьи термин «национализм» рассматривается в своем исходном варианте и не несет негативной коннотации. Автор согласен со следующей позицией: «Гражданский национализм тождествен патриотизму, ввиду того что в его основу заложен принцип законности государства и активной непосредственной роли граждан в его управлении». Подробнее см.: Пуховская Н. Е., Таранин Б. Л., Бусыгин П. И., Саенко А. В., Венцель С.В. Национализм, нацизм, фашизм и неонацизм: что общего и где разница? // Обзор. НЦПТИ. 2024. №2 (37). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalizm-natsizm-fashizm-i-neonatsizm-chto-obschego-i-gde-raznitsa (дата обращения: 15.10.2025).

К общим категориям символов можно отнести:

1. Доколониальное прошлое и государственность, как символы эпох, когда народы были независимы и имели собственную государственность.

2. «Избранные травмы»[1], как память о войнах, депортациях и репрессиях со стороны Российской империи и СССР.

3. Религиозная идентичность, которая особенно актуальна для мусульманских народов Кавказа.

4. Язык и письменность, как символ культурного суверенитета.

5. Природа и этническая атрибутика представляющие символическое обозначение «исконной земли».

Символы национализма народов Северного Кавказа сочетают в себе исламский фактор и память о Кавказской войне. В качестве общекавказских символов возможно указать следующие.

Флаг «Народов Кавказа» (флаг конфедерации горских народов Кавказа) — зеленое полотнище и семь белых пятиконечных звезд над тремя перекрещенными белыми стрелами в центре. Зеленый — цвет ислама, а семь звезд это отсылка к основным кавказским народам (аварцы, чеченцы, черкесы и т.д.). Стрелы — боевое братство и готовность к защите. Это мощный символ кавказской солидарности и идеи единого Имамата[2], противостоящего России.

Для националистов актуальна фигура Имама Шамиля (лидер горцев в Кавказской войне XIX века) представляет символ сопротивления колониализму, борьбы за свободу и исламскую государственность.

Чеченские националисты и сепаратисты также имеют собственную символику.

Зеленое полотнище с широкими красными полосами сверху и снизу. В центре — волк на фоне луны и гор (или без них), часто сопровождаемый надписями на арабской графике представляет собой флаг чеченской республики ичкерия (ЧРИ). Волк — ключевой символ. Он олицетворяет свободу, верность своей стае (народу) и воинскую доблесть. Чеченцы часто называют себя «вольным народом», а волк — их тотемным животным. Зеленый — ислам, красный — пролитая кровь.

«Избранной травмой» чеченских националистов является депортация 1944 года (выселение чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан). Это главная травма, символизирующая жестокость советской власти и геноцид. Память о ней используется для обоснования права на независимость.

Черкесский (Адыгский) национализм также имеет свои символы, это Черкесский флаг и своя «избранная травма»

Черкесский флаг представляет собой зеленое полотнище, на котором изображены 12 золотых звезд и три перекрещенные черные стрелы. 12 звезд — 12 основных черкесских племен. 3 стрелы — единство, сила и готовность к обороне. Это главный символ черкесского национального движения во всем мире.

«Избранная травма», это Русско-Кавказская война (1763-1864) и последующее мухаджирство (массовое изгнание черкесов в Османскую империю). Подается как геноцид, в результате которого черкесы потеряли большую часть населения и исторической родины. 21 мая — День памяти жертв Кавказской войны — ключевая дата, мобилизующая националистов.

Национальная черкесская одежда в контексте может также восприниматься как символ. Ношение черкески, папахи и кинжала в публичном пространстве может быть не просто традицией, а политическим жестом, подчеркивающим свою идентичность в противовес «русской».

Дагестанские движения использую следующие символы, которые также встречаются и у других народности Северного Кавказа. Это и символика Кавказского Имамата, а также зеленые знамена, шахада (исламский символ веры), фигуры лидеров сопротивления (Имам Шамиль, Шейх Мансур). Кроме этого, самостоятельным символом может считаться использование арабской графики для записи дагестанских языков (в противовес кириллице). Данный символ показывает ориентацию на исламский мир и отрицание имперского (российского и советского) наследия.

В символах национализма и регионализма народов Сибири акцент смещен с религиозного на этнокультурный и экологический аспекты. Движения часто носят не сепаратистский, а регионалистский характер («Сибирь для сибиряков»), но имеют и националистические ответвления.

К символам общесибирского регионализма (сибирского движения) можно отнести следующие.

Флаг Сибири («Сибирское знамя»), на котором изображены две равные горизонтальные полосы — белая и зеленая. Белый цвет — снег, чистота помыслов. Зеленый — тайга, природные богатства. Этот

[1] Выражение «избранная травма» (chosen trauma) — это термин, введенный психоаналитиком Вамиком Волканом. Он описывает коллективное чувство поражения, стыда и унижения, которое группа (чаще всего этническая или национальная) «выбирает» как краеугольный камень своей идентичности. Когда «избранная травма» становится символом национального экстремизма, это означает, что она используется не для исцеления и памяти, а как инструмент для разжигания ненависти, ксенофобии и агрессии.

[2] Имамат, в 1830-х гг. - 1859 военно-теократическое мусульманское государство на Северо-Восточном Кавказе, официально входившее в состав Российской империи. Возникло на территории Северо-Западе Дагестана и Южной Чечни. Единовластным правителем Имамата являлся имам, обладавший военной, судебной, административной и духовной властью // Муханов В. М. ИМАМАТ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2005672 (дата обращения: 15.10.2025).

флаг используется сторонниками идеи автономии или независимости Сибири, противопоставляющими себя «европейской России».

Исторический герб Сибири — два соболя, держащих корону и лук со стрелами. Символизирует богатство сибирской земли и ее суверенный статус в прошлом.

«Избранной травмой» этнонациалисты считают колонизацию Сибири Российским государством, подаваемую не как «присоединение», а как захват и уничтожение местных культур и народов, а также эксплуатация ресурсов региона в ущерб ее жителям — ключевой нарратив о «колонии внутри России».

К символам тюркских народов Сибири (Якутия, Тува, Алтай, Хакасия) можно отнести дохристианская духовность и шаманизм, солярные знаки (в частности, якутская «солярная розетка»[1]). Кроме этого, в качестве тюркских символов можно назвать верхний мир и мировое дерево. Эти символы подчеркивают уникальное, нехристианское и неисламское мироощущение, противопоставляя его «русскому».

Белый цвет — у тюрков символ святости, чистоты и высших духовных сил активно используется в национальной символике и несет в себе идентификационную и консолидирующую функции.

К тюркским символам можно отнести национальный эпос и героев, древнюю руническую письменность. Например, орхоно-енисейская руница[2] у тувинцев и хакасов. Ее использование — символ связи с великим тюркским прошлым (Тюркские каганаты) и отказ от «колониальной» кириллицы.

«Избранная травма» для якутов — присоединение к России и последующая христианизация, воспринимаемая как насилие над культурой. Для тувинцев — сложные воспоминания о периоде в составе СССР и Китая, потеря независимой государственности (Тувинская Народная Республика существовала в 1921-1944 гг.).

К символам народов Крайнего Севера можно отнести солнце и луну в национальном орнаменте, а также стилизованные изображения оленя, медведя, моржа, нерпы. Эти животные — не просто фауна, а основа мифологии и хозяйственного уклада. Их защита от промышленных компаний — ключевой пункт национал-активизма.

«Избранной травмой» для коренных народов Крайнего Севера можно считать советизацию и насильственный перевод на оседлый образ жизни, уничтожение традиционного уклада, загрязнение исконных земель промышленностью. Борьба за землю и ресурсы — центральный мотив.

В целом, символика этнонационалистов внутри России строится на следующих центральных символах:

1. Антиколониализм. Память о сопротивлении (Кавказская война) и образах героев (Шамиль).
2. Культурное возрождение. Язык, письменность, дохристианские и доисламские верования.
3. Экологическая и земельная справедливость. Особенно актуально для Сибири и Севера.

Эти символы служат мощным инструментом мобилизации, создавая альтернативную официальной «российской» идентичность и апеллируя к трагическим, но героизированным страницам собственной истории.

Символы в леворадикальной и анархистской средах не являются единой, строгой системой. Их значение часто зависит от контекста, течения и даже региона. Многие из них имеют долгую историю и используются для выражения протеста, солидарности и политической идентичности.

К классической анархистской символике можно отнести букву «А» в круге. Это один из наиболее узнаваемых символов анархизма. Буква «А» происходит от слова «Анархия» (от греч. «an» — без, «archos» — правитель), а круг символизирует порядок и единство. Вместе это читается как «Анархия — мать порядка» — известная фраза Пьера-Жозефа Прудона[3].

Историческим символом анархизма, начиная с конца XIX века является чёрное знамя. Чёрный цвет символизирует траур по павшим в борьбе за свободу, непреклонность, протест и отрицание всех репрессивных структур. Часто используется как фон для других символов. Существуют также вариации: красно-чёрное знамя (анархо-синдикализм, синтез анархизма и рабочего движения), зелёно-чёрное (эко-анархизм), фиолетово-чёрное (анархо-феминизм).

Более агрессивная и милитантная версия классического символа - буква «А» в круге в сочетании с изображением кулака. Кулак символизирует сопротивление, силу, прямую действие и солидарность. Данный символ популярен среди антифашистских и более радикальных групп, подчёркивающих необходимость активной борьбы.

---

[1] Солярный знак — это мотив круга с вписанной вихревой розеткой, он использовался в росписи и резьбе якутской народной мебели, домовой резьбе XIX в. Т.П. Тишина. Якутское орнаментальное искусство // Наука и техника в Якутии. 2005. №1 (8). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yakutskoe-ornamentalnoe-iskusstvo (дата обращения: 27.10.2025).

[2] Древнетюркское руническое письмо — это вид рунической письменности, применявшаяся в Центральной Азии для записей на тюркских языках в VIII—X веках.

[3] Прудо́н Пьер Жозеф (15.01.1809 – 19.01.1865), французский социальный мыслитель и политический деятель. В своей работе «Решение социального вопроса» (1848 г.), в которой развил концепцию мютюэлизма писал, что: «Республика есть позитивная анархия ... Это взаимная свобода ...; свобода не дочь, а мать порядка!». URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3170245 (дата обращения: 11.10.2025).

Символы, связанные с антифашизмом и автономизмом достаточно разнообразны, это красно-чёрный флаг и его варианты, звезда Давида, три красные стрелы в чёрном кругу, стилизованное изображение шлема древнегреческого воина-гоплита («троян»), иногда радужный флаг. Рассмотрим некоторые из них.

Антифашистский символ (Antifa) представляет флаги (обычно красно-чёрные, реже полностью чёрные), перекрещенные за буквой «А» в круге. Чётко обозначает антифашистскую позицию и используется группами «Антифа» по всему миру для идентификации и демонстрации своей принадлежности к движению.

Чёрный блок (Black Bloc) — это не конкретный символ, а тактика и форма организации на акциях протеста, где участники одеваются в чёрную одежду, закрывают лица масками и балаклавами, чтобы сохранить анонимность и действовать как единая масса. Сама униформа (чёрная одежда, маски) стала мощным невербальным символом радикального протеста. Часто сопровождается чёрными флагами с анархистской и антифашистской символикой.

Звезда автономов изображается как стилизованная звезда, часто с округлыми или изогнутыми лучами, иногда вписана в круг. Символизирует автономное движение — леворадикальные группы, которые действуют независимо от официальных партий и профсоюзов, создавая автономные пространства (сквоты, социальные центры). Распространена в Европе, особенно в Германии, Италии и Греции.

Часть символов леворадикалов заимствованы из рабочего и революционного движения.

Красная звезда — символ коммунизма и советской власти (пять лучей — пять континентов, объединённых мировым пролетариатом). Леворадикалы, особенно анархо-коммунисты и марксистско-ленинские группировки, используют её как символ революционной борьбы и антикапитализма. Часто изображается с серпом и молотом (у марксистов) или без них.

Универсальным символом солидарности, сопротивления, силы и единства является кулак (поднятый кулак). Используется самыми разными движениями — от рабочих профсоюзов до движений за гражданские права (например, «Чёрные пантеры»[1]). Леворадикалы и анархисты используют его как жест на демонстрациях и как графический символ.

Красно-чёрный флаг является символом анархо-синдикализма и анархо-коммунизма. Красный цвет представляет рабочее движение, экономическую борьбу и революцию, а чёрный — анархистский протест против государства. Диагональное разделение символизирует синтез этих двух идей.

Современные и нишевые символы объединений леворадикальной направленности представляют собой смешение лозунгов, воззваний и мемов.

Популярный лозунг «ешь богатых» (Eat the Rich), который часто изображается в виде графического символа — стилизованного черепа с мотивом пожирания или просто в виде надписи. Выражает радикальный антикапитализм, классовую ненависть к элите. Стал особенно популярен в последние годы на фоне растущего социального неравенства.

Эко-анархисты и участники движений вроде «Земля прежде всего!» (Earth First!)[2] используют символы, сочетающие анархистские мотивы с экологическими. Например, буква «E» и «F» в круге (Earth First!), или монкиренч (обезьянка с гаечным ключом) — символ саботажа промышленных объектов, угрожающих природе.

Популярный, часто ироничный символ — кот-анархист, популяризированный комиксом Алана Мура «V — значит Вендетта» призван выразить неукротимую, дикую и независимую природу анархизма.

Символика «цветных революций» и ненасильственного сопротивления представляет собой особую категорию, где символы используются для мобилизации широких народных масс под конкретные политические цели, часто с внешней поддержкой.

Самый известный прием — присвоение движению определенного цвета или предмета одежды, что создает мощный визуальный образ единства и простоту идентификации.

«Бульдозерная революция» (Сербия, 2000) — поднятый кулак.

«Революция роз» (Грузия, 2003) — роза в руках протестующих.

«Оранжевая революция» (Украина, 2004) — оранжевая символика (флаги, шарфы, значки).

«Тюльпановая революция» (Киргизия, 2005) — тюльпан.

«Арабская весна» (2010-2011) —хештеги в соцсетях (#sidibouzid).

Цвет превращает разношерстную толпу в единую визуальную массу, что усиливает медийный эффект и создает ощущение необратимости и массовости протеста.

Ключевым стратегическим элементом является символика ненасилия. Идеологи «цветных революций» (такие как Джин Шарп, Питер Акерман, Мачей Бартовски и Джек Дюваль) активно пропагандируют

[1] См.: Воробьев Д. Н. Особенности идеологии партии самообороны "Черные пантеры" (1966-1982 ГГ.): от истоков к основным элементам // Вестник БГУ. 2022. №3 (53). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ideologii-partii-samooborony-chernye-pantery-1966-1982-gg-ot-istokov-k-osnovnym-elementam (дата обращения: 13.10.2025).

[2] См.: Duke TRINITY COLLEGE of ARTS & SCIENCES. SOCIALMOVEMENTS. URL: https://socialmovements.trinity.duke.edu/movements/earth-first-movement.html (дата обращения: 11.10.2025).

концепцию ненасильственного сопротивления как более эффективную и морально оправданную[1]. Само понятие «ненасильственное сопротивление» становится мощным символом-брендом, который выполняет критические функции:

Моральное превосходство. Символ позволяет протестующим занять позицию морально правых, «жертв» режима, что затрудняет для власти применение силовых сценариев без риска потерять легитимность на международной арене.

Привлечение широкой аудитории. Лозунги ненасилия делают участие в протестах психологически более комфортным для обычных граждан, женщин, пожилых людей, которые могли бы испугаться открытого насилия.

Международная легитимизация. Образ мирных протестующих, с которыми «жестоко расправляется»[2] власть, является мощным инструментом для привлечения поддержки западных СМИ, иностранных некоммерческих неправительственных и международных организаций и правительств. Это символ, который легко «продается» глобальной аудитории.

Тактический инструмент. Демонстративная мирность может быть тактикой для провокации власти на чрезмерное применение силы, которое затем используется для дискредитации режима и дальнейшей радикализации протеста.

Простота и повторяемость. Символы «цветных революций» намеренно просты и доступны для тиражирования (нарисовать розу, надеть цветную ленточку, использовать определенный фильтр в соцсетях). Это низкий порог входа для участия в символическом акте солидарности.

Символы могут быть и гораздо более абстрактными, на уровне чистых значений, в которые постоянно вплетаются новые и неочевидные оттенки, в зависимости от личности говорящего или интерпретирующего. Всё это используется для формирования ценностных ориентаций и закрепления идей в политическом поле[3].

Символ в руках субъектов терроризма, экстремизма и политических технологий — это изощрённый инструмент ведения гибридной войны. От черного знамени «ИГ» до оранжевой ленточки или концепции «ненасилия» — все они работают по схожим законам: упрощают сложное, эмоционально заряжают, консолидируют и мобилизуют. Эффективная борьба с этим явлением требует глубокого понимания этих механизмов, развития медиаграмотности и критического мышления в обществе. Это борьба не только за безопасность, но и за смысловое пространство, в котором подлинные ценности мирного созидания и суверенитета должны быть представлены ярче и убедительнее, чем деструктивные символы вражды и управляемого хаоса.

Борьба с использованием деструктивной символики сопряжена с серьезными вызовами, особенно когда она маскируется под мирный протест.

Крайне трудно законодательно разграничить символ экстремистской организации, символ мирного протеста и исторический или культурный символ. Запрет одного и того же символа в разных контекстах может привести к злоупотреблениям.

Стратегия использования концепции ненасилия требует столь же продуманной контрпропаганды, направленной на разоблачение реальных механизмов управления толпой, источников финансирования и конечных целей организаторов.

Простое запрещение символа без предложения альтернативной, позитивной идентичности неэффективно так как создает вакуум смыслов.

Меры противодействия должны реализовываться на государственном уровне и носить комплексный характер. Они должны быть направлены как на локализацию и минимизацию деструктивного информационно-психологического воздействия субъектов терроризма и экстремизма, так и на предвосхищение и нейтрализацию подобных попыток.

В качестве основных направлений противодействия можно предложить следующие:

1. В рамках законотворческой деятельности необходимо развитие правовых норм, учитывающих контекстное использование символов.

2. Реализовывать просветительские программы, направленные на формирование медиаграмотности населения, на обучение населения распознаванию манипулятивных техник, включая инструменты «ненасильственного» брендинга.

3. Создавать альтернативный контент, разоблачающего истинные цели и методы как террористических групп, так и архитекторов управляемого протеста.

4. Расширить работу по созданию и продвижению позитивных национальных символов и нарратив, укрепляющих гражданскую и культурную идентичность и создавая суверенитета смыслов.

---

[1] Украина: ненасильственная победа Питер Акерман, Мачей Бартовски и Джек Дюваль, 3 марта 2014 -го года. URL: https://www.opendemocracy.net/civilresistance/peter-ackerman-maciej-bartkowski-jack-duvall/ukraine-nonviolent-victory (дата обращения 12.09.2025).

[2] Там же.

[3] Коновалов А.А. Символы в политической дискурсивной практике. Опыт деконструкции / А.А. Коновалов, Д.У. Баклагин, С.И. Миронов // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. №8 (134). URL: https://research-journal.org/archive/8-134-2023-august/10.23670/IRJ.2023.134.138 (дата обращения: 12.09.2025).

Лизунов Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России

Lizunov Alexey Sergeevich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the Interior Troops Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: lizunov52rus@yandex.ru

Правовые символы судебной власти

Legal symbols of judicial power

Аннотация. Статья посвящена исследованию присущих судебной власти правовых символов, предложена их классификация на такие разновидности, как символ – предмет, символ – ритуал, символ – идея.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, символ-идея, символ-ритуал, функции символов правосудия

Annotation. The article is devoted to the study of legal symbols inherent in judicial power, their classification into such varieties as symbol – object, symbol – ritual, symbol – idea is proposed.

Keywords: judicial power, justice, symbol-idea, symbol-ritual, functions of symbols of justice

Для цитирования: Лизунов А.С. Правовые символы судебной власти // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 752–753.

Анализ научной литературы позволяет выделить два подхода к раскрытию категории «правовые символы». В узком смысле правовой символ – это символ, санкционированный государством, закрепленный в законе либо ином нормативно-правовом акте. Так, исходя из содержания ст. 21 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» символами судебной власти являются Государственный флаг Российской Федерации, Государственный герб Российской Федерации, мантия и удостоверение судьи. Государственные символы защищаются законом. Предусмотрена юридическая ответственность за совершение противоправных действий в отношении государственной символики либо невыполнение тех требований, которые они предусматривают.

Правовые символы в широком смысле включают в себя все символы, интегрированные в правовую систему общества без учета требования к их нормативности. Очевидно, что далеко не все правовые символы, и символы правосудия, в частности, нашли свое отражение в законе. Скажем, изображение богини Фемиды в общественном правосознании воспринимается как символ правосудия. Ей свойственны следующие символические атрибуты: меч – символ воздаяния, способность и возможность показать за содеянное; повязка, закрывающая глаза – символ беспристрастности, равенство всех перед судом, объективности и справедливости; весы – символ, олицетворяющий возможности оценки доводов перед принятием решения. Вместе с тем формально-юридически тот факт, что богиня Фемида является олицетворением правосудия нигде не отражен.

К символам правосудия в широком смысле слова можно также отнести отдельные предметы интерьера зала судебного заседания, например, молоток на столе у председательствующего суда, который в определенные моменты может наносить им удары, в целях призвания присутствующих к порядку либо акцентирования внимания на какие-либо вопросы или решения, тем самым подчеркивается руководящая и определяющая роль суда в процессе рассмотрения и разращения социально-правового спора. Благодаря этим атрибутам процессу рассмотрения дела придается официальность, строгость, обязательность исполнения требований суда.

Полагаем, что кроме символов, как объектов материального мира, существуют также и символы – идеи. Для того чтобы стать символом эта идея должна быть вписана в правовой менталитет общества, соответствовать особенностям его национально-онтологического этноса. Это не происходит одномоментно, формирование идей детерминировано целым рядом относительно объективных факторов: ре-

лигия, культура, традиции, природные условия и др. Отечественное правосудие с точки зрения эволюционного развития всегда имело и в настоящее время продолжает сохранять тесную связь с потребностью установления правды по делу. Полагаем, что для менталитета российского народа в его исконной традиции, о чем достаточно много в последнее время говорят и пишут специалисты различных отраслей знаний, установление правды и стремление к этому имело куда большее значение, чем формальное соблюдение закона.

Неслучайно первый законодательный акт Древней Руси носил название «Русская Правда». В последующих исторических источниках отечественного права. Так, в Соборном уложении 1649 года предписывалось суду вести расправу в правду, а в Кратком изображении процессов и судебных тяжб Петра I в обязанность судьи вменялось знать права и вразуметь правду[1].

Можно сказать, что правда суда, правда процесса и правда итогового решения по делу являются неотчуждаемыми символами отечественного правосудия. Согласно древнегреческой мифологии богиня Дикэ, являющаяся дочерью Зевса была защитницей правды и непримиримым врагом обмана. Именно она на Олимпе располагалась рядом с богиней Фемидой. Кроме этого, идея правды имеет и религиозное содержание, в христианстве, которое с X века является основной религией нашего государства, она является высшей ценностью, представляет собой совершенство идеал, совершенство, сущность социального порядка[2].

Ещё одной разновидностью символов правосудия является правовой ритуал (обряд), то есть совокупность определенных символических действий, совершаемых судом и другими участниками процесса при рассмотрении и разрешении социально-правового спора. Подобные ритуалы придают образность, определенность, четкость и последовательность процессу рассмотрения дела[3]. Можно заметить, что они имеют во многом универсальных характер независимо от вида процесса (уголовный, гражданский, административный).

В заключение отметим, что символы правосудия являются средством правового регулирования, придают официальность совершению значимых в правовом отношении действий, обеспечивают законоуважение и законопослушание. Одновременно с этим можно сказать, что данные символы являются теми нитями, которые скрепляют право, мораль, обычаи, традиции, выступают в качестве проводника между общей и правовой культурами и выполняют следующие функции:

1. Регулятивная. Символы правосудия транслируют определенные государственные веления. Наряду с нормой права, правовым обычаем, деловым обыкновением в праве, моралью и нравственностью, они являются своеобразными регуляторами общественных отношений. Нередко такие символы выступают в качестве юридических фактов, то есть порождают собой возникновение правоотношений. Например, словесное требование секретаря судебного заседания «Встать, суд идет», провозглашаемое при входе судьи в зал судебного заседания. Полагаем, что к регулятивным функциям следует отнести и присягу лица, вступающего в должность судьи.

2. Информационная. С помощью символов правосудия субъектам передается определенная информация о необходимости совершения определенных действий либо напротив в символах выражается требование воздержатся от определенного поведения.

3. Идеологическая. Символы правосудия оказывают психологическое, эмоциональное воздействие на граждан, формируют у них чувство уважения к закону и государственной власти. Обрядность уголовного процесса, - пишет Т.В. Никифорова, - опирается по большей части на иррациональное начало. Иррациональность уголовно-процессуальной формы направлена на формирование установки по принятию результата судебного познания не только на рациональном (логическом), но и на иррациональном (эмоционально-психологическом уровне)[4].

4. Экономия языковых средств выражения государственной воли. Правовые символы заменяют собой объемные по своему содержанию тексты правовых разъяснений либо устные обращения с требованиями о необходимости того или иного поведения, вместо этого перед субъектом возникает наглядный образ, дающий понимание необходимого отношения к ситуации[5].

5. Идентификационная функция. Скажем, человек обличенный в мантию для других участников процесса идентифицируется как судья. В древности мантия судьи имела сакральное значение. Только человек облеченный в мантию был вправе совершать ритуальные действия. Мантия символизирует тот факт, что, одев её судья как-бы оставляет свою одежду для гражданских дел и тем самым всецело посвящает себя рассмотрению судебного спора.

---

[1] Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4 М. : Юрид. лит., 1986.

[2] Медушевская Русский идеал правды в отечественном правосознании //Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 26.

[3] Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники: дисс. … канд. юр. наук. Саратов. 2014. С. 133.

[4] Никифорова Т.В. Уголовно-процессуальный обряд: теоретические и прикладные аспекты внешней стороны процессуальной формы: автор. дис. … канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 11.

[5] Вопленко Н.Н. Правовая символика / Н. Н. Вопленко // Правоведение. – 1995 – № 4-5. – С. 67-71.

Малютина Оксана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России

Malyutina Oksana Aleksandrovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: omaliutina7@mvd.ru

Конкуренция как символ трансформации правового регулирования рыночных отношений

Competition as a symbol of the transformation of legal regulation of market relation

Аннотация. В статье анализируются изменения правового регулирования сферы конкурентной борьбы, введение законодательных ограничений накладываемых на поведение хозяйствующих субъектов через призму конкуренции, как основополагающего понятия рыночной экономики. Автором конкуренция рассматривается как движущая сила перемен в сфере реализации конституционного принципа защиты конкуренции. Особенности трансформационных изменений норм права поставлены в зависимость от объективной реальности – складывающихся на современном этапе общественных отношений и субъективного воздействия хозяйствующих субъектов на конкурентную борьбу и выбираемых ими способов.

Ключевые слова: конкуренция, взаимодействие, хозяйствующий субъект, соперничество, символ, антимонопольные органы

Annotation. The article analyzes changes in the legal regulation of competition, the introduction of legislative restrictions imposed on the behavior of business entities through the prism of competition as a fundamental concept of a market economy. The author considers competition as the driving force of changes in the implementation of the constitutional principle of competition protection. The specifics of transformational changes in legal norms depend on the objective reality of the current stage of public relations and the subjective impact of economic entities on competition and the methods they choose.

Keywords: competition, interaction, business entity, rivalry, symbol, antimonopoly authorities

Для цитирования: Малютина О.А. Конкуренция как символ трансформации правового регулирования рыночных отношений // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 754–757.

Трансформации общества, связанные с переходом к рыночной экономике запустили масштабный процесс изменения всего общества и всей правовой системы, регламентирующей складывающиеся отношения. Конституционные нормы, став опорой и одновременно вектором развития, закрепили в числе прочих гарантий «поддержку конкуренции» (ст.8). Конкуренция, в свою очередь, как необходимая составляющая рыночных отношений и конституционная гарантия, стала движущей силой не только для хозяйствующих субъектов, но и для законодателя.

В подтверждение тезиса – конкуренция – это символ трансформации правового регулирования рыночных отношений, исследуем направления правового регулирования в сфере защиты конкуренции. В настоящем исследовании под определением понятия «символ» будем подразумевать «правовые символы», закрепленные в официальных источниках права и охраняемые государством[1]. И именно в этом контексте будет рассмотрена конкуренция, как побудительная сила, получившая отражение в норме права.

В качестве «скелета» исследования определим несколько направлений деятельности антимонопольных органов, уполномоченных на защиту конкуренции, а именно:

[1] См., например: Никитин А. В. Правовые символы : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. С. 17–19.

– надзор и контроль за соблюдением законодательства о естественных монополиях;

– надзор и контроль за соблюдением законодательства о рекламе;

– контроль в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Приведенный перечень не является исчерпывающим и ограничен в интересах исследования[1]. Предпримем попытку проанализировать отдельные направления в целях подтверждения высказанного тезиса.

Деятельность естественных монополий в контексте защиты конкуренции всегда представляет собой сферу столкновения интересов – потребителей и монополиста, государства и монополиста, потенциальных конкурентов и монополиста. В каждом из перечисленных звеньев правоотношений есть свой связующий механизм, в качестве которого выступает норма закона, регламентирующая рамки допустимого поведения для естественных монополий. Законодатель, устанавливая требования к деятельности естественных монополий, ограничивает прибыль последних в целях исключения злоупотребления монополистом своим положением. Так, в рамках этого направления в соответствии с п.1 ст. 4 Федерального закона «О естественных монополиях» перечислены сферы деятельности, где осуществляется правовое регулирование. Заметим, что сферы являются жизнеобеспечивающими направлениями для ряда субъектов. Путь, выбранный законодателем, подвергается критике ввиду того, что предложенные критерии отбора монополистов позволяют контролирующим органам необоснованно отнести хозяйствующего субъекта к монополисту и, как следствие, подвергнуть контролю[2], включив в реестр естественных монополий, таким образом ограничивая монополиста. Однако полагаем, что именно здесь прослеживается влияние конкуренции, как символа трансформаций в сфере законодательства, направленных на защиту в данном случае – слабой стороны в отношениях – потребителя. Хозяйствующему субъекту, в свою очередь предоставлена возможность обжаловать действия антимонопольного органа по включению в соответствующий реестр, защитив свои интересы. Деятельность по контролю за монополистами позволяет предупредить и пресечь злоупотребление доминирующим положением, которое для субъектов естественных монополий презюмируется.

Второе направление деятельности антимонопольных органов, определенное в начале исследования для подтверждения высказанного тезиса –надзор и контроль за соблюдением законодательства о рекламе. Выбранная сфере регулируются не только законодательством о защите конкуренции, но и законодательством о рекламе[3], разграничивая и субъектов, и ответственность за нарушения в соответствующей сфере. Административное законодательство предусматривает ответственность и за недобросовестную конкуренцию и за ненадлежащую рекламу[4]. В основе взаимодействия двух сфер лежит использование рекламных инструментов в конкурентной борьбе и возможность превратить конкуренцию в недобросовестную именно с использованием рекламных «рычагов». Так, в числе форм недобросовестной конкуренции предусматривается ответственность за введение в заблуждение, которое может быть реализовано посредством размещения на рекламных конструкциях, в проектной документации на сайте, иных информационных материалах) информации, не в полной мере соответствующей действительности[5]. В таком случае, стоит согласиться с мнением, высказанным А.И. Каминка который отмечал, что «недобросовестная конкуренция — это вид конкуренции вообще... И если, в общем, в настоящее время признание конкуренции как необходимого элемента хозяйственной деятельности может казаться бесспорным, то в такой же мере бесспорно, что недобросовестная конкуренция является злом, которое не должно быть терпимо»[6].

Полагаем возможным обратить внимание на тот факт, что законодательство о рекламе содержит запрет на размещение ненадлежащей рекламы, к которой отнесена реклама недостоверную и недобросовестную. Последняя сопряжена с использованием оценочных категорий, тогда как недостоверная реклама напрямую коррелируется с возможностью введения в заблуждения ее потребителя и получение с ее помощью преимуществ рекламодателем в конкурентной борьбе. В подтверждение тезиса о конкурен-

---

[1] Полный перечень направлений деятельности предусмотрен постановлением Правительства РФ от 07.04.2004 N 189 (ред. от 09.02.2021) "Вопросы Федеральной антимонопольной службы" // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.11.2025).

[2] Масленников, Э. А. О спорных моментах Федерального закона "О естественных монополиях" и об альтернативных методах идентификации естественных монополий / Э. А. Масленников // Российское конкурентное право и экономика. 2016. № 4(8). С. 17.

[3] Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О рекламе" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.11.2025).

[4] Кулакова, К. К. Проблема недобросовестной конкуренции в сфере рекламы / К. К. Кулакова // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения : сборник статей по материалам XXXVII международной научно-практической конференции, Москва, 03 июля 2020 года. Том 7 (37). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2020. – С. 62-69.

[5] См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2025 N 307-ЭС25-1629 по делу N А56-6783/2024

[6] Каминка А.И. Очерки торгового права. М.: Зерцало, 2007. С. 270–271, 551

ции как символе трансформации законодательства в целом и рыночных отношений в частности напомним об имевшей место рекламной войне производителя легковых автомашин российского производства, запустившей соперничество рекламных слоганов[1] или известное ранее и недопустимое на сегодняшний день прямое сравнение в рекламе конкурирующих продуктов.

Безусловно, вопросы соотношения ненадлежащей рекламы и недобросовестной конкуренции, вызывают споры как в науке, так и в сфере правоприменения[2]. Сторонники одного подхода полагают, что понятие «недобросовестная конкуренция» включает в себя понятие «ненадлежащая реклама», и считают возможным закрепить ненадлежащую рекламу как форму недобросовестной конкуренции[3]. Подход основан на разъяснениях законодательства, содержащих положения о том, что информация, распространение которой отвечает признакам недобросовестной конкуренции, может быть распространена не только посредством рекламы, но и другим способом (например, на этикетках товара, в переписке с контрагентами по договорам). Следовательно, распространивший субъект подлежит привлечению к административной ответственности на основании статьи 14.33 КоАП РФ, из чего следует заключить, что ненадлежащая реклама — составной элемент сложного деяния, квалифицируемого как недобросовестная конкуренция.

Сторонники второго подхода включают недобросовестную конкуренцию в состав «ненадлежащей рекламы», объясняя это тем фактом, что нельзя квалифицировать всякую ненадлежащую рекламу как акт недобросовестной конкуренции[4]. Полагаем, что соотношение понятий «ненадлежащая реклама» и «недобросовестная конкуренция» следует представлять не как часть и целое, а как взаимопересекающиеся области, где ненадлежащая реклама может одновременно отвечать признакам недобросовестной конкуренции и входить в состав сложного деяния[5].

В интересах настоящего исследования полагаем возможным согласиться с тем, что наличие спорных моментов в части, касающейся разграничения ненадлежащей рекламы и недобросовестной конкуренции провоцируют исследование законодательства и правоприменительной практики в целях поиска новых решений, как для конкурентной борьбы, так и для совершенствования законодательства в указанных сферах.

Следующе направление, выбранное для подтверждения высказанного тезиса, затрагивает сферу закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Не акцентируя внимание на постоянном увеличении споров в выбранной сфере, остановимся лишь на внедрении в целях превентивного воздействия на субъектов, участвующих в конкурентной борьбе «системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (антимонопольного комплаенса)»[6]. Принятие документа стало одним из направлений реализации Стратегии развития конкуренции до 2030 года[7]. Принятое определение было и остается предметом обсуждений и жарких споров законодателей, ученых[8] и правоприменителей[9]. Высказывалось мнение о несоразмерности затрат на формирование системы антимонопольного комплаенса хозяйствующим субъектом, об узости предложенного понятия и его направленности на совокупность правовых и организационных мер, предусмотренных внутренним актом (актами) хозяйствующего субъекта[10]. Принцип добровольности, положенный в

---

[1] См.: Автоваз развязал рекламную войну // [Электронный ресурс] https://rg.ru/2016/02/15/avtovaz-razviazal-reklamnuiu-vojnu.html (дата обращения 02.11.2025)

[2] Кулакова, К. К. Проблема недобросовестной конкуренции в сфере рекламы / К. К. Кулакова // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения : сборник статей по материалам XXXVII международной научно-практической конференции, Москва, 03 июля 2020 года. Том 7 (37). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2020. С. 62-69.

[3] Куликова Ю.С. Ненадлежащая реклама как форма недобросовестной конкуренции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

[4] Кулакова, К. К. Проблема недобросовестной конкуренции в сфере рекламы / К. К. Кулакова // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения : сборник статей по материалам XXXVII международной научно-практической конференции, Москва, 03 июля 2020 года. Том 7 (37). – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука", 2020. С. 62-69.

[5] См.: Малютина, О. А. Ненадлежащая реклама и недобросовестная конкуренция: коллизия или конкуренция норм / О. А. Малютина // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 498-500.

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции: федеральный закон от 01.03.2020 № 33-ФЗ // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003010005 (дата обращения 09.05.2020).

[7] Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 № 6) // URL: https://plan.fas.gov.ru/pages/national_plan/ (дата обращения 10.09.2025).

[8] *Попондопуло В.Ф., Петров Д.А.* Антимонопольный комплаенс: современное состояние и перспективы // Арбитражные споры. 2019. № 2

[9] См., например *Рогачевский А.* Антимонопольный комплаенс: практика внедрения // Конкуренция и право. 2016. № 6.

[10] *Малютина, О. А. Комплаенс-контроль в сфере закупок / О. А. Малютина // Второй конгресс цивилистов правоохранительных органов : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород, 23–24 марта 2020 года. – Нижний Новгород: РУСАЙНС, 2020. С. 169-174.*

основу компленс-контроля вслед за мировой практикой в сфере антимонопольного регулирования[1], оставляет возможность выбора хозяйствующим субъектам модели поведения в сфере конкуренции с одной стороны, с другой стороны – свидетельствуют о постепенном переходе от «меча карающего» к мерам, предупреждающим нарушения в антимонопольной сфере.

Заключения ограничивающих конкуренцию соглашений остаются одной из самых распространенных форм монополистической практики в современном мире. На это указывают данные Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (ФАС России) [2], а также многочисленные высказывания экспертов, которые отмечают, что картели до сих пор пользуются популярностью[3]. Важно подчеркнуть, что стремление проанализировать сущность картеля, определить его характеристики и разработать методики противодействия не всегда гарантирует успех в борьбе с ним. В результате совершенствования законодательства о защите конкуренции был внесен ряд изменений в закон о защите конкуренции (четыре антимонопольных пакета), которые разделили соглашения, ограничивающие конкуренцию, и согласованные действия, признав их самостоятельными правонарушениями в области антимонопольного законодательства, что также свидетельствует о побудительной силе конкуренции, трансформирующей законодательство, направленное на ее защиту.

Таким образом, подводя итог проведённому исследованию, отметим, что высказанный в начале настоящего исследования тезис – конкуренция представляет собой символ трансформации правового регулирования рыночных отношений – подтверждается изменениями законодательства в части, касающейся:

– разработки превентивных мер противодействия нарушениям антимонопольного законодательства (внедрение антимонопольного комплаенса);

– разграничением соглашений и согласованных действий, требующих сбора доказательств для каждого вида противоправных деяний в сфере защиты конкуренции;

– исследование возможностей использования рекламы в конкурентной борьбе и анализ возможных нарушений в этой сфере;

– определение правовых рамок деятельности монополистов, позволяющих установить приемлемый баланс между монополистом и потребителем, монополистом и иными хозяйствующими субъектами.

[1] Интервью с руководителем ФАС России И.Ю. Артемьевым «Работа ФАС России над изменением законодательства в области антимонопольной деятельности» // Российское конкурентное право и экономика. 2016. № 3. С. 10.

[2] Картели представляют реальную угрозу для экономической безопасности страны [Электронный ресурс] // URL:https://fas.gov.ru/news/30504 (дата обращения 09.09.2025).

[3] Интернет-интервью с А.П. Тенишевым, начальником управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/law/interview/tenishev6/ (дата обращения 09.09.2025)

Мельникова Екатерина Федоровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России

Melnikova Ekaterina Fedorovna

PhD, Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: efmelnikowa@yandex.ru

Символы русского уголовного процесса: юридический анализ и культурно-правовые аспекты

Symbols of the Russian Criminal Process: Legal Analysis and Cultural and Legal Aspects

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ ключевых символов русского уголовного процесса, их правового регулирования, культурно-исторического значения и современных проблем. Автором рассматривается символика через призму юридических норм, производится сравнительно-правовой анализ с аналогами в других правовых системах и влияние на правовую культуру. Анализируются нормативно-правовые акты, исторические источники судебной практики.

Ключевые слова: правовая культура, правосудие, независимость судей, уважение чести и достоинства, законность, презумпция невиновности, защита прав и свобод

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the key symbols of the Russian criminal process, their legal regulation, cultural and historical significance, and current issues. The author examines the symbols through the lens of legal norms, conducts a comparative legal analysis with analogues in other legal systems, and examines their impact on legal culture. The article analyzes legal acts and historical sources of judicial practice.

Keywords: legal culture, justice, independence of judges, respect for honor and dignity, legality, presumption of innocence, and protection of rights and freedoms

Для цитирования: Мельникова Е.Ф. Символы русского уголовного процесса: юридический анализ и культурно-правовые аспекты // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 785–762.

Уголовный процесс в Российской Федерации представляет собой тщательно регламентированную систему правовых норм и процедур, направленных на обеспечение справедливого и эффективного правосудия. В этом контексте символы уголовного процесса играют не только декоративную роль, но и выступают как фундаментальные элементы, укрепляющие авторитет государства, независимость судебной системы и защиту прав участников уголовного процесса. Символы — это материальные и нематериальные знаки, которые воплощают принципы законности, справедливости, гуманизма и равенства перед законом, закрепленные в основополагающих документах российской правовой системы, таких как Конституция Российской Федерации (статьи 2, 18, 46–52)[1] и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[2] (далее - УПК РФ) и др. Актуальность темы обусловлена динамичным развитием правовой системы России, где символы не просто атрибуты, а инструменты формирования правовой культуры и доверия граждан к институтам власти. В эпоху цифровой трансформации и глобализации правовых систем символы помогают сохранить традиции, одновременно адаптируясь к новым вызовам.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (дата обращения: 20.09.2025).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921. //Справочно-правовая система «Консультант Плюс».: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (Дата обращения 20.09.2025).

Исторически символы русского уголовного процесса уходят корнями в дореволюционную Россию, Петровские реформы и советский период, когда они эволюционировали под влиянием европейских и византийских традиций. Сегодня, в условиях реформирования судебной системы (например, введение апелляционных инстанций и онлайн-заседаний), анализ символов позволяет глубже понять их роль в обеспечении легитимности правосудия.

Государственный герб Российской Федерации является одним из наиболее значимых и универсальных символов уголовного процесса, олицетворяющим суверенитет государства и его роль в отправлении правосудия[1]. Согласно Федеральному конституционному закону от 25 декабря 2000 г. № 2-ФКЗ "О Государственном гербе Российской Федерации"[2], герб представляет собой золотого двуглавого орла на красном фоне, увенчанного тремя историческими коронами Петра Великого, держащего в лапах скипетр и державу. На груди орла — изображение всадника на белом коне, поражающего копьем черного дракона, что символизирует победу добра над злом и защиту Отечества. Этот дизайн восходит к гербу Московского княжества XV века и был окончательно утвержден в 1993 году после распада СССР.

В уголовном процессе герб присутствует повсеместно: он размещается на фасадах зданий судов общей юрисдикции, прокуратуры, следственного комитета Российской Федерации (СК РФ) и органов внутренних дел. На официальных документах — постановлениях о возбуждении уголовного дела (ст. 146 УПК РФ), обвинительных заключениях (ст. 220 УПК РФ), приговорах суда (ст. 299 УПК РФ) и протоколах судебных заседаний (ст. 259 УПК РФ) — герб подтверждает их подлинность и государственный статус. Например, в зале суда герб часто висит над местом председательствующего судьи, подчеркивая государственный характер разбирательства.

Правовое значение герба заключается в том, что он служит гарантом легитимности процессуальных действий, предотвращая фальсификации и укрепляя доверие к судебным решениям. В соответствии с принципом законности (ст. 7 УПК РФ), наличие герба на документах свидетельствует о соблюдении формальных требований, что может быть использовано в качестве доказательства в апелляционных или кассационных жалобах. Культурно-исторически герб символизирует преемственность российской государственности, от Киевской Руси до современной Федерации, и олицетворяет баланс между властью и справедливостью. В сравнении с западными аналогами, такими как орел в гербе США или лев в британском гербе, российский герб более многогранен, включая элементы христианства (крест на короне) и мифологии (дракон), что отражает уникальный синтез культур.

Однако в современном контексте возникают вопросы: в условиях онлайн-судопроизводства (введенного Федеральным законом от 30 декабря 2018 г. № 497-ФЗ), герб может быть представлен в цифровом формате, что требует стандартизации для предотвращения подделок. Кроме того, в республиках РФ герб может дополняться региональными символами, что иногда вызывает дискуссии о единстве правового пространства.

Судейская мантия — это классический атрибут судей, символизирующий их независимость, беспристрастность и торжественность судебного разбирательства. В России традиция ношения мантии была введена в XIX веке под влиянием французской и немецкой правовых систем, хотя корни уходят в средневековые европейские суды. Согласно Федеральному закону от 26 июня 1992 г. № 3132-I "О статусе судей в Российской Федерации" (ст. 3)[3], судьи носят черную мантию с золотыми пуговицами и галунами, что отличает их от других участников процесса.

В уголовном процессе мантия надевается во время судебных заседаний, включая предварительные слушания (ст. 234 УПК РФ), основное разбирательство (ст. 240 УПК РФ) и оглашение приговора (ст. 310 УПК РФ). Это не только формальный ритуал, но и психологический инструмент, создающий атмосферу уважения и сосредоточенности. Дополнительные символы судебной власти включают табличку "Суд идет" (или "Судебное заседание"), которая вывешивается перед началом, и в некоторых судах — судейский молоток, хотя последний не закреплен законом и используется редко, в отличие от англосаксонской традиции.

Правовое значение мантии заключается в обеспечении независимости судей (ст. 120 Конституции РФ), что гарантирует объективность процесса. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 "О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях"[4], мантия подчеркивает формализацию проце-

[1] Символика государственной власти в России / Под ред. А.В. Иванова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.

[2] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ "О Государственном гербе Российской Федерации" // СЗ РФ. 2000. № 52 (ч. I). Ст. 5021. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (Дата обращения 20.09.2025).

[3] Федеральный закон от 26.06.1992 № 3132-I "О статусе судей в Российской Федерации" // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (Дата обращения 20.09.2025).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 52 "О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 3 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».:URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (Дата обращения 20.09.2025).

дуры, предотвращая вмешательство внешних факторов, что отражено в ст. 8.1 УПК РФ – независимость судей. Культурно-исторически мантия ассоциируется с традициями римского права, где судьи носили тоги, и символизирует мудрость, справедливость и власть Фемиды — древнегреческой богини правосудия с завязанными глазами, весами и мечом.

В России мантия способствует формированию уважения к суду, но в эпоху видеоконференций (ст. 155.1 УПК РФ) возникает проблема: как передать символизм в виртуальном пространстве? Некоторые суды экспериментируют с цифровыми аналогами, но это требует законодательного закрепления.

Полиция в Российской Федерации представляет собой ключевой институт исполнительной власти, играющий центральную роль в уголовном процессе. Согласно Федеральному закону "О полиции" от 07.02.2011 № 3-ФЗ, полиция обеспечивает общественный порядок, безопасность и борьбу с преступностью. В контексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), полиция часто выступает инициатором уголовного преследования, проводя доследственную проверку, дознание и оперативно-разыскные мероприятия (ст. 40-41 УПК РФ). Исторически полиция эволюционировала от жандармерии Российской империи (создана в 1837 году) к современной структуре, интегрированной в систему Министерства внутренних дел (МВД РФ), что отражает переход от авторитарных к демократическим принципам. Как символ уголовного процесса, полиция воплощает авторитет государства, законность и защиту прав граждан. Ее атрибуты — форма, эмблемы, мигалки и жезлы — не только практические инструменты, но и культурные маркеры, формирующие восприятие правосудия.

Полицейская форма (синяя с белыми, красными, золотыми элементами) символизирует порядок и дисциплину. Эмблема МВД РФ — двуглавый орел с щитом, мечом и ветвью — отражает государственный суверенитет и защиту (Приказ МВД РФ от 26.07.2013 № 575 "Об утверждении Правил ношения форменной одежды"). В уголовном процессе форма подчеркивает легитимность действий полиции, например, при задержании или обыске (ст. 91, 164 УПК РФ), предотвращая произвол и способствуя уважению к процедуре. Кокарда на фуражке — золотой орел — ассоциируется с имперской традицией и авторитетом. Жезл регулировщика (дирижерская палочка) символизирует контроль над движением и порядком, используемый в патрульной деятельности, связанной с профилактикой преступлений. Эти символы усиливают перформативный аспект полиции, делая ее присутствие видимым и авторитетным.

Синие мигалки на автомобилях полиции (ст. 12.1 КоАП РФ) обозначают приоритет в движении, символизируя неотложность борьбы с преступностью. В уголовном процессе они ассоциируются с оперативностью, например, при преследовании подозреваемого (ст. 210 УПК РФ), но также вызывают дискуссии о злоупотреблениях, подчеркивая необходимость баланса между властью и правами.

Правовое значение этих символов заключается в обеспечении идентификации и доверия: они регулируют поведение граждан и сотрудников, снижая риск конфликтов. Однако нарушения (например, подделка формы) караются уголовно (ст. 327 УК РФ), что подчеркивает их сакральный статус.

Исторически полиция эволюционировала от репрессивного инструмента (ОГПУ в 1920-х) к демократическому институту, с акцентом на права человека (Федеральный закон № 3-ФЗ). Символически она представляет баланс между силой и гуманизмом, но современные вызовы — цифровая преступность и терроризм — требуют адаптации, например, через киберполицию, что расширяет символику на виртуальное пространство.

Культурно полиция интегрирует русские традиции: от казачьих патрулей до советского "милиционера-друга". В фольклоре и литературе (например, у Достоевского) полиция часто символизирует власть, вызывая амбивалентное восприятие — от уважения до страха. В многоэтнической России символы полиции адаптируются к регионам (например, в Чечне учитывают местные обычаи), способствуя инклюзии. Таким образом, полиция — не просто инструмент, а культурный архетип, формирующий правовую идентичность России и способствующий гармонии в обществе.

Прокуратура Российской Федерации - "око государева", именно так великий русский правитель Петр 1 называл структуру, учреждённую 12 января 1722 года, использует символику, отражающую ее роль в надзоре за законностью и борьбе с преступностью. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I "О прокуратуре Российской Федерации" (ст. 40.1)[1] описывает нагрудный знак прокурора: золотой щит с изображением весов правосудия, меча, перевитого змеей (символ мудрости и бдительности), и надписью "Прокурор". Этот знак носится на форменной одежде сотрудников прокуратуры, участвующих в уголовном процессе[2].

Правовое значение символов прокуратуры состоит в усилении авторитета органов, осуществляющих публичное обвинение и надзор (ст. 21, 37 УПК РФ). Это способствует соблюдению принципа законности и предотвращает злоупотребления властью. Культурно-исторически символы прокуратуры связаны с реформами Петра I в 1722 году, когда была учреждена прокуратура для контроля за исполнением

[1] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I "О прокуратуре Российской Федерации" // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472. //Справочно-правовая система «Консультант Плюс».: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (Дата обращения 20.09.2025).

[2] История русской адвокатуры: от Петра I до наших дней / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Юристъ, 2001.

законов. В советское время они эволюционировали, отражая идеологию "диктатуры пролетариата", но сегодня символизируют баланс между властью и правом.

Сравнивая с другими системами, в США прокуроры носят значки с орлом, а в Германии — с весами, что подчеркивает различия в моделях обвинения. В России символы прокуратуры иногда критикуют за ассоциации с репрессивными органами прошлого, но они играют ключевую роль в обеспечении публичности процесса.

Адвокатура в России символизирует независимую защиту прав и свобод, выступая противовесом государственному обвинению. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (ст. 3, 15)[1] регламентирует мантию адвоката: черную с белым воротником и манжетами, и нагрудный знак — золотые весы правосудия на фоне раскрытой книги законов. Эти атрибуты носятся во время судебных прений, допросов свидетелей и оглашения приговора. 26 декабря 2024 года Совет Адвокатской палаты утвердил образец мантии, рекомендованной для адвокатов при участии в судебных заседаниях.

В уголовном процессе символы адвоката подчеркивают принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ) и право на защиту (ст. 45–48 УПК РФ). Они присутствуют на адвокатских удостоверениях и в залах суда, где адвокаты выступают наравне с прокурорами. Например, в ходе судебного следствия адвокат может использовать мантию для демонстрации профессионализма и независимости.

Правовое значение заключается в гарантировании равенства сторон и предотвращении нарушений прав обвиняемого. Согласно Кодексу профессиональной этики адвоката[2], символы укрепляют доверие к адвокатуре. Культурно-исторически они восходят к традициям барристерства в Англии и Франции, символизируя справедливость, гуманизм и защиту слабых.

В международном контексте адвокатские мантии схожи: в Великобритании — белые парики и мантии, в США — простые костюмы. В России символы адвокатуры способствуют формированию правовой культуры, но сталкиваются с проблемами, такими как недостаток финансирования адвокатуры (ст. 48 УПК РФ) и

В России символы адвокатуры способствуют формированию правовой культуры, но сталкиваются с проблемами, такими как недостаток финансирования адвокатуры (ст. 48 УПК РФ) и давление на адвокатов со стороны властей. Например, в делах о коррупции или политических преступлениях адвокаты часто сталкиваются с ограничениями в доступе к материалам дела (ст. 217 УПК РФ), что подрывает их символическую роль защитников. Однако судебная практика, включая решения Европейского суда по правам человека (например, дело "Михеев против России" от 26 января 2006 г.)[3], подчеркивает необходимость уважения к адвокатским символам как части права на справедливый суд.

Культурно-исторически символы адвокатуры эволюционировали от дворянских защитников в дореволюционной России к современным независимым профессионалам, отражая переход от инквизиционного к состязательному процессу. В советское время адвокатура была интегрирована в систему "социалистической законности", но после 1993 года она стала частной, с акцентом на гуманизм и равенство. Это символизирует борьбу за права человека, аналогично роли адвокатов в французской революции или американской конституции.

В сравнении с другими странами, в США адвокаты носят простые костюмы, фокусируясь на аргументации, а не на визуальных символах, в то время как в России мантия добавляет церемониальности, укрепляя доверие к профессии. В цифровую эпоху адвокаты используют онлайн-платформы для консультаций, но символы остаются ключевыми в очных заседаниях, требуя адаптации к виртуальным судам.

Символы уголовного процесса не только юридические инструменты, но и культурные артефакты, формирующие национальную идентичность и правовую культуру. В России они интегрируют элементы славянской, византийской и европейской традиций, отражая синтез православия (крест на гербе), мифологии (дракон) и республиканских ценностей (веса правосудия). Эта символика способствует социализации граждан, воспитывая уважение к закону и институтам, что особенно важно в многонациональной стране с 89 субъектами.

Культурно-правовые аспекты включают влияние символов на восприятие правосудия: герб ассоциируется с патриотизмом, мантия — с мудростью, полицейские – с защитой, символы прокуратуры — с авторитетом, а адвокатские — с гуманизмом. Однако в современной России возникают вызовы, такие как скептицизм к власти (по данным ВЦИОМ, доверие к суду — около 40%)[4], что требует активного ис-

[1] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102. //Справочно-правовая система «Консультант Плюс».: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (Дата обращения 20.09.2025).

[2] Кодекс профессиональной этики адвоката (утвержден IV Всероссийским съездом адвокатов 22.04.2005) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2005. № 3. //Справочно-правовая система «Консультант Плюс».: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (Дата обращения 20.09.2025).

[3] Михеев против России (жалоба № 77617/01) // Европейский Суд по правам человека. 26.01.2006.

[4] ВЦИОМ. Доверие к институтам власти в России. 2023. URL: https://wciom.ru/ (дата обращения: 15.10.2025).

пользования символов для укрепления легитимности. В сравнении с Западом, где символы более утилитарны (например, молоток судьи в США как инструмент порядка), российские символы носят более философский характер, подчеркивая духовное измерение права.

Символы русского уголовного процесса — это не просто атрибуты, а ключевые элементы, обеспечивающие авторитет, справедливость и культурную преемственность правосудия, которые встречаются во всех ведомствах - в суде, прокуратуре, адвокатуре, полиции. Они регулируются нормами УПК РФ и федеральными законами, эволюционируя от исторических традиций к современным вызовам. Анализ показывает их роль в укреплении принципов законности, состязательности и гуманизма, но также выявляет проблемы, такие как адаптация к цифровой эпохе и региональные различия. Будущие реформы должны учитывать культурно-правовые аспекты, возможно, через стандартизацию символов в онлайн-процессах и образовательные программы по правовой культуре. Это позволит символам оставаться живыми инструментами справедливости в динамично меняющемся мире.

Мацкевич Оксана Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Matskevich Oksana Valerievna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines of the Faculty of Training Investigators Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev

E-mail: 4448907@mail.ru

Символика в трудовом праве

Symbols in labor law

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу становления и развития государственной инспекции труда в России через призму символики Федеральной службы по труду и занятости (Роструда). Показано, что современный геральдический знак Роструда восходит к знаку фабричных инспекторов Российской империи, выполнявших особую функцию надзора за соблюдением фабричных законов и посредничества между рабочими и заводовладельцами. Рассматривается формирование института фабричной инспекции после закона 1 июня 1882 года о регулировании труда малолетних, роль Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте в организационном и нормативном оформлении инспекции, а также изменение её подведомственности и компетенции, включая переход к техническому надзору. Анализируются ключевые нормативные акты, закрепившие статус и символику инспекции, прежде всего «Наказ чинам фабричной инспекции» 1894 года и приказ Минтруда России от 12 ноября 2012 г. № 521н. Обосновывается вывод о преемственности символа Роструда по отношению к историческому знаку фабричных инспекторов, при этом подчёркивается смещение акцента современной инспекции труда на защиту прав и интересов работников, а также предлагается считать датой принятия символа Роструда 11 июля 1894 года – день нормативного закрепления знака фабричного инспектора.

Ключевые слова: фабричная инспекция, фабричный инспектор, Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), геральдический знак, символ государственного органа, трудовое законодательство, охрана труда, Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, государственный надзор за трудом

Annotation. The article is devoted to a historical and legal analysis of the formation and development of the state labour inspectorate in Russia through the lens of the symbolism of the Federal Service for Labour and Employment (Rostrud). The author shows that the modern heraldic emblem of Rostrud originates from the badge of factory inspectors of the Russian Empire, who performed a special function of supervising compliance with factory laws and mediating between workers and factory owners. The paper examines the formation of the institution of factory inspection after the Law of 1 June 1882 on the regulation of child labour, the role of N.Kh. Bunge and S.Yu. Witte in the organisational and normative consolidation of the inspectorate, as well as changes in its subordination and competences, including the shift towards technical supervision. Key normative acts that fixed the status and symbolism of the inspectorate are analysed, in particular the “Instruction to the Ranks of the Factory Inspectorate” of 1894 and Order No. 521n of the Ministry of Labour of Russia dated 12 November 2012. The article concludes that the symbol of Rostrud is institutionally continuous with the historical badge of factory inspectors, while the emphasis of the modern labour inspectorate has moved towards the protection of workers’ rights and interests; it is also proposed to regard 11 July 1894, the date of the normative description of the factory inspector’s badge, as the official date of adoption of the symbol of Rostrud.

Keywords: factory inspection, factory inspector, Federal Service for Labour and Employment (Rostrud), heraldic emblem, symbol of a state body, labour legislation, occupational safety and health, N.Kh. Bunge, S.Yu. Witte, state supervision over labour

Для цитирования: Мацкевич О.В. Символика в трудовом праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 763–765.

Поскольку целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей (статья 1 Трудового кодекса Российской Федерации, - далее – ТК РФ) очевидно, что деятельность специальных государственных органов направлена на обеспечение этих целей, а также на решение соответствующих задач, в том числе государственному контролю (надзору), профсоюзному контролю за соблюдением трудового законодательства.

Одним из таких государственных органов является Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), геральдическим знаком которой является эмблема, представляющая собой двуглавого орла серебряного цвета с поднятыми крыльями, увенчанного двумя малыми и одной большой коронами серебряного цвета, соединенными лентой серебряного цвета (в правой лапе орла - скипетр серебряного цвета, в левой лапе - держава серебряного цвета, на груди - треугольный геральдический щит черного цвета, на котором зубчатое кольцо серебряного цвета, поверх которого - два скрещенных молота серебряного цвета). Геральдический знак с полным основанием можно считать символом Роструда, поскольку фабричные инспектора Российской империи носили примерно такие же знаки в виде полукруглого медальона, на котором был выгравирован двуглавый орел и в обязательном порядке – личный номер инспектора.

Общий штат фабричных инспекторов в Российской империи составлял 18 старших инспекторов в соответствии с числом губерний, а также 125 фабричных инспекторов и 10 кандидатов для практической подготовки к исполнению должности фабричного инспектора (также устанавливался штат в 10 делопроизводителей при старших фабричных инспекторах).

Кандидат на должность – это была самостоятельная должность, предполагающая практическую предварительную подготовку к исполнению должности фабричного инспектора.

Необходимость введения фабричных инспекторов в России дискутировалась достаточно долго, но практическая реализация началась после принятия 1 июня 1882 года закона, которым стала регламентироваться работа малолетних и в соответствии с которым учреждалась особая инспекция для надзора за работой и обучением малолетних. Фабричная инспекция находилась в ведении Министерства финансов по департаменту торговли и мануфактур. Кроме того, создание службы фабричных инспекторов непосредственно связано с именем Николая Христофоровича Бунге (1823-1895), который с 1 января 1882 года занял пост Министра финансов. Необходимо подчеркнуть, что Н.Х. Бунге был экономистом, профессором Киевского императорского университета Святого Владимира. Имел сбалансированные взгляды на экономику. За 100 лет до американского психолога Абрахама Маслоу, который разработал, так называемую «пирамиду потребностей», говорил, что по мере удовлетворения повседневных нужд в человеке пробуждаются умственные, нравственные и эстетические, потребности, которые в свою очередь мало-по-малу становятся столь же настоятельными, как потребности физической природы.

Таким образом, благодаря Н.Х. Бунге в России появились фабричные инспектора, которые состояли в штате министерства финансов. Следует подчеркнуть, что современное российское трудовое законодательство также началось с Н.Х. Бунге, который первым обратил внимание на необходимость законодательного регламентирования отношений между рабочим и промышленником.

В 1905 году фабричные инспектора перешли в ведение министерства торговли и промышленности. Они стали наблюдать за исполнением промышленниками и предпринимателями (заводовладельцами, как их тогда называли) фабричных законов. Деятельность фабричных инспекторов строилась по территориальному принципу.

Важные изменения в деятельности фабричных инспекторов произошли 14 марта 1894 года: фабричная инспекция была переподчинена непосредственно Департаменту торговли и промышленности Министерства финансов. Однако, самым важным изменением стало расширение штата фабричных инспекторов и значительное увеличение их числа. Законом окружные фабричные инспектора переименовывались в старших фабричных инспекторов, помощники стали называться фабричными инспекторами.

Законом упразднялась должность губернских механиков, а их обязанности были возложены на фабричную инспекцию. Это было содержательное, а не формальное решение, поскольку в результате было изменено содержание деятельности фабричной инспекции, в компетенции которых теперь был включен технический надзор. В законе устанавливался временный трехгодичный сбор с паровых котлов, наблюдение за которым было возложено на фабричную инспекцию. Таким образом, вместо надзора за соблюдением законов об охране труда фабричных рабочих (в современном понимании этого понятия) фабричные инспектора вынуждены были заниматься в основном сугубо техническим надзором. Примечательно, что сбор с паровых котлов просуществовал вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Важной вехой в деятельности фабричной инспекции стало учреждение Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия. Одновременно были введены окружные инспекции, что позволило реализовать необходимость объединения трехуровневой системы управления (участок-губерния-округ). Таким образом сложилась система надзора не только технического, но и надзора за исполнением складывающегося фабрично-заводского законодательства (будущего трудового законодательства).

В деятельности фабричных инспекторов в начале 20 века наметилась реальная практика посреднической деятельности. Фабричные инспектора рассматривали заявления, просьбы и жалобы фабрич-

ных рабочих и передавали их заводовладельцам. Если жалобы, поданные непосредственно рабочими удовлетворялись далеко не всегда, то жалобы, полученные из рук фабричных инспекторов удовлетворялись намного чаще по той простой причине, что заводовладельцы не хотели лишний раз «дразнить» инспекторов и получать от них предписания, рассмотрение которых и удовлетворение которых скорее всего требовала дополнительных трат.

О двойственности в деятельности фабричных инспекторов говорил Сергей Юльевич Витте (выпускник Новороссийского императорского университета): «Фабричная инспекция была основана при министре финансов Бунте и всегда находилась в подозрении как такое учреждение, которое будто бы склонно поддерживать интересы рабочих и против интересов капиталистов, хотя это была, да и в настоящее время есть совершенная неправда. Фабричная инспекция как прежде, так и в настоящее время относилась и относится к интересам рабочих и фабрикантов вполне объективно». Таким образом, в Российской империи скорее всего фабричные инспектора, пытаясь, где возможно отстаивать интересы рабочих, тем не менее все-таки оставались на стороне заводовладельцев и императора.

Современный символ Роструда (геральдический знак), описание которого приведено в начале, регламентирован приказом Минтруда России от 12 ноября 2012 года № 521н.[1]. Как было сказано символ Роструда в значительной степени заимствован со знака фабричного инспектора, но имеются существенные на первый взгляд не бросающиеся в глаза отличия.

Во-первых, на современном символе Роструда в самом центре помещен знак, олицетворяющий, как представляется труд: два молота (или молоточка), обрамленные шестеренкой. Совершенно очевидно, что это означает направленность работников Роструда прежде всего на защиту интересов работников, а не работодателя.

Во-вторых, на символе Роструда присутствуют кресты, что должно подчеркивать преемственность с фабричной инспекцией Российской империи, и в то же время знак уважение ко всем религиям, существующим в России, не акцентируя внимание на христианстве вообще и православии в особенности.

В-третьих, императорские короны, наоборот, кроме напоминания о символе фабричных инспекторов ничего больше не означают. Наверное, можно предположить, что императорские короны – это символ российской государственности, но скорее всего автора современного символа Роструда вряд ли об этом хотели сказать.

Примечательно, что образцы формы для чинов фабричной инспекции и фабричных ревизоров Министр финансов Российской империи С.Ю. Витте лично утверждал у императора Александра III, который 7 июля 1893 года на соответствующем документе собственноручно наложил необходимую резолюцию.

Спустя год, 11 июня 1894 года, когда в России был уже другой император Николай II, С.Ю. Витте утвердил «Наказ чинам фабричной инспекции», в котором было в том числе описание символа фабричных инспекторов. При этом в «Наказе» говорилось: «Ближайший надзор за внутренним благоустройством и распорядком на фабриках и заводах, как то: наблюдение за правильным исполнением требований законов и изданных в их развитие постановлений за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, расследование недоразумений и нарушений, возникающих на почве заключенного сторонами договора о найме, содействие к миролюбивому соглашению сторон и возбуждение, в подлежащих случаях, законом определенного преследования — возлагается исключительно на чинов фабричной инспекции».

Таким образом, официальным днем принятия символа Роструда будет правильно определить дату 11 июля 1894 года, когда знак фабричного инспектора был зафиксирован в упомянутом «Наказе» и описан в этом нормативном правовом документе.

[1] Приказ Минтруда России от 12.11.2012 N 521н "Об учреждении геральдического знака - эмблемы и флага Федеральной службы по труду и занятости" (вместе с "Положением о геральдическом знаке - эмблеме и флаге Федеральной службы по труду и занятости") // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, N 7, 18.02.2013 (рисунки не приводятся).

Морозов Олег Леонидович

кандидат экономических наук, заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе)

Morozov Oleg Leonidovich

Candidate of Economic Sciences, Deputy Head Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work)

E-mail: morozoole@yandex.ru

Правовые символы в сфере экономики

Legal symbols in the field of economics

Аннотация. В данной статье исследуется правовые символы в сфере экономики. Приводится их классификация, разбираются отдельные примеры правовых символов, наиболее широко используемых в экономической деятельности. Рассмотрены правовые символы в экономической сфере в контексте гражданского и экономического уголовного права. Изложены основные функции правовых символов в сфере экономики, а также направления их развития. Сделаны выводы о роли правовых символов в сфере экономики на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: правовой символ, сфера экономики, норма, гражданское право, уголовное право, преступление, наказание, социально-экономические отношения

Annotation. This article explores legal symbols in the field of economics. It provides a classification of legal symbols and examines specific examples of legal symbols that are widely used in economic activities. The article also examines legal symbols in the economic sphere in the context of civil and economic criminal law. It outlines the main functions of legal symbols in the economic sphere and discusses their development. The article concludes by highlighting the role of legal symbols in the economic sphere at the current stage of society's development.

Keywords: legal symbol, economic sphere, norm, civil law, criminal law, crime, punishment, socio-economic relations

Для цитирования: Морозов О.Л. Правовые символы в сфере экономики // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 766–768.

Си́мвол (греч. σύμβολον) – это образ с переносным значением, закреплённый в традиции социально-культурный знак, передающий определённую информацию1.

Правовые символы в сфере экономики условно делятся на два кластера. Первый – это условные обозначения, являющиеся выражением казначейских, ревизорских, дилерских и иных прав и обязанностей официальных и негосударственных структур, других видов хозяйствующих образований экономики страны. Они представлены в широком диапазоне от товарных знаков, штампов и печатей, государственного пробирного клейма до лицензии, государственного кадастра недвижимости, единого государственного реестра юридических лиц, межевого плана, акцизных марок, налоговых деклараций и т.д.

Второй – это бумажные носители информации, официальные бланки, банкноты (купюры), банковские карты, гарантирующие патримониальные и финансовые права, имеющие материальное выражение. Они представлены документами, подтверждающими имущественные и неимущественные права владельца, отечественной и иностранной валютой, определяющей меру стоимости и средство платежа, банковскими чеками, векселями, как разновидностью документарной ценной бумаги, и т. д.

Для наглядности можно привести несколько примеров правовых символов в сфере экономики.

Товарный знак – это изображение в графическом виде, используемое в целях распознавания того или иного субъекта экономической деятельности, товарной продукции по уникальному признаку. Статья 180 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает меру наказания за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Часть установленной правовой нормы указывает на следующие условия, при которых она подлежит применению: «Незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования

[1] Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. - К.: Дух і Літера, 2001, с. 155-161.

места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб» 1.

Штампы и печати – это специфическая разновидность юридических признаков, назначение которых удостоверить оригинальность бумажных носителей информации. Статья 327 Уголовного кодекса Российской Федерации регламентирует меру ответственности за подделку, изготовление или оборот фальсифицированных бланков, штампов или печатей.

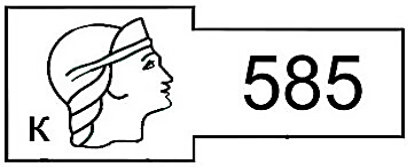
Государственное пробирное клеймо — это официальная государственная маркировка на изделии из драгоценных металлов, в том числе золота, которая подтверждает его подлинность и пробу. Клеймо означает, что изделие проверено в государственной инспекции и имеет содержание драгоценного металла, не ниже указанного в клейме.

Структура клейма включает:

- профиль женской головы в кокошнике;
- пробу — количество массовых долей драгоценного металла на тысячу массовых долей сплава. Для ювелирных изделий, реализуемых на территории России и стран ЕАЭС, предусмотрена метрическая система проб: для золота — 333, 375, 500, 583, 585, 750, 875, 916, 958, 999; для серебра — 800, 830, 875, 925, 960, 999;
- шифр территориального органа Федеральной пробирной палаты или его подразделения, который опробовал и клеймил изделие;
- двухмерный штриховой код (проставляется только лазерным методом).

Элементы клейма проставляются как рядом друг с другом, так и отдельно друг от друга.

Оттиски клейм могут наноситься механическим (оттиск выдавливается на изделии на станке) или лазерным (оттиск наносится лазерной установкой). Метод клеймения выбирает территориальный орган Федеральной пробирной палаты с учётом особенностей изделия. Изделия, проба которых ниже минимальной, не подлежат клеймению и не считаются ювелирными.

Структура Государственного клейма

К шифр Государственной инспекции

знак пробирного удостоверения

585 цифровое обозначение пробы драгоценноого металла.

Пробирное клеймо может быть основным и дополнительным. Основное — удостоверяет соответствие драгоценного сплава одному из установленных стандартов. Дополнительное — ставится только при наличии основного клейма, служит для клеймения разъёмных и легко отделяемых второстепенных деталей ювелирного украшения. Также дополнительное клеймо используют, когда в изделии несколько различных сплавов (например, золото 750 пробы и серебро 925 пробы) — в этом случае дополнительное клеймо содержит только цифры, соответствующие пробе второго вида металла.

В России продажа ювелирных изделий из драгоценных металлов без государственного пробирного клейма и «именника» изготовителя является незаконной. Исключение — изделия из серебра отечественного производства, для которых опробование и клеймение добровольное. Опробование, клеймение и маркировку ювелирных изделий в России осуществляет Федеральная пробирная палата.

Если обратиться к гражданско-правовой сфере регулирования, то следует обратить внимание на такой символ гражданского права как знак защиты авторского права. Данный символ представляет собой латинскую букву «С» помещенную в окружность – ©. Не случайно, что знак выглядит, таким образом, так как является первой буквой английского термина «Copyright», которое в переводе на русский язык означает авторское право. В соответствии со статьей 1271 ГК РФ «правообладатель для оповещения о принадлежащем ему исключительном праве на произведение вправе использовать знак охраны авторского права, который помещается на каждом экземпляре произведения…»[2]. Знак авторского права является символом права, так как сообщает пользователям своим графическим выражением о владении авторским правом на определенную работу. При указании в тексте работы авторского права необходимо поместить на экземпляр работы знак «copyright», наименование правообладателя, год первого опубликования текста[3].

В классификации системы предметов преступления, которые обладают символической природой, в зависимости от предметной специализации отдельно выделяют данные предметы в сфере экономики (денежные купюры, средства индивидуализации и др.).

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 мая 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: федер. закон от 6 ноября 2001 г. № 230-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 52. – Ст. 1551.

[3] Алатарцева М. С., Правовые символы в отраслевом законодательстве Российской Федерации / https://ep.mrsu.ru/journal/2-21/Alatarceva.htm. Дата обращения 22.11.2025.

Как утверждает в своей монографии «Экономическое уголовное право: Общая часть» Г.А. Есаков: «Экономическое уголовное право сегодня представляет собой подотрасль уголовного права в подлинном смысле этого слова. Его содержание в контексте Особенной части УК РФ образуют в первом приближении преступления в сфере экономики; в связи с Общей частью уголовного права оно предметно связано с модификацией генерализованных конструкций состава преступления, неоконченного преступления, соучастия в преступлении, обстоятельств, исключающих преступность деяния, наказания и связанных с ним институтов в свете экономических реалий» [1].

Если обратиться к нормам, регулирующим уголовную ответственность за экономические преступления, то глава 22 УК РФ предусматривает ответственность за преступления в сфере экономики, в том числе связанные с неправомерным использованием правовых символов, относящиеся к экономическому уголовному праву. Как говорилось выше, правовые символы могут быть использованы как предметы преступления. Например, в ст. 172 УК РФ в качестве правового символа (предмета преступления) перечислена лицензия (специальное разрешение для осуществления банковских операций). В ст. 173.2 УК РФ содержится упоминание о таком правовом символе, как государственное пробирное клеймо.

Правовые символы часто используются в конструировании норм права, в том числе о преступлениях в сфере экономической деятельности. Например, в главе 22 УК РФ закреплены такие символы, как «Таможенный союз» (примечание к ст. 194 УК РФ), «налог» (примечание 1 к ст. 198 УК РФ), «дорожные чеки» (примечания 1 и 2 к ст. 2001.1 УК РФ) и другие.

Сегодня есть все основания утверждать, что правовые символы, наряду с юридическими, выполняют и экономические функции, оказывая влияние на соответствующие стороны народнохозяйственной деятельности.

Целесообразно выделить следующие основные функции правовых символов в сфере экономики.

Первая. Правовые символы аутентифицируют представителей социального экономического взаимодействия, в том числе вновь образующихся независимых сегментов (органов местного самоуправления, индивидуальных предпринимателей, организаций, созданных в связи с реорганизацией подразделений государственного аппарата).

Вторая. Они служат заменяющим элементом одного или нескольких распорядительных документов или значимой их составной части. Являясь лаконичным, демонстративным аналогом в деловых обыкновениях, они вполне самостоятельно помогают воспринимать все производимые экономические операции и происходящие события в полном объеме.

Третья. Информируют о правовом содержании и ответственности за выполнение определенных функций, обязательств в экономической деятельности. Символы предписывают правила поведения при наступлении каких-либо повседневных ситуаций.

Четвертая. Сберегают вербальные и правовые ресурсы. Символизация дает возможность максимально четко и ёмко довести требуемый объем сведений о юридических нюансах складывающейся экономической обстановки.

Пятая. Представляют собой «триггер», запускающий механизм воплощения нормы права в социально-экономические отношения.

Если говорить о путях развития правовых символов в сфере экономики, то обоснованно остановиться на следующих.

Во-первых, это использование информационных телекоммуникационных технологий. Правовые символы объединяют характерные обозначения различных отраслей экономики в качестве способа передачи информации. Это обстоятельство обуславливает законность экономико-правовой регламентации, прозрачность, верификацию и качество данной категории информационного взаимодействия.

Во-вторых, это возникновение новых символов. Символы не могут поменяться мгновенно: ряд из них вытесняется за границы общеупотребляемых, ряд получает новое содержание по смыслу, возникают ранее не используемые с целью идентификации новаций в экономической деятельности.

В-третьих, это стандартизация символов. Статичные знаково-графические символы стремятся к унификации в реальной жизни, чего в сфере экономики возможно достичь за счёт более ёмкого обозначения того или иного события, действия, предмета.

Таким образом, роль правовых символов в сфере экономики заключается в том, что они помогают идентифицировать некоторые правовые явления и передавать закреплённый в них смысл.

При этом, они выполняют предупредительно-ориентационную функцию, когда предупреждают или указывают, как надо поступать в определённых жизненных обстоятельствах. Кроме того, они способствуют экономии языковых и юридических средств. Символизация позволяет в предельно краткой условной форме выразить необходимую информацию о юридических особенностях ситуации. Помимо этого, они выражают правовые предписания и обозначают ценности, охраняемые законом.

[1] Есаков, Г. А. Экономическое уголовное право: Общая часть / Г. А. Есаков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — (Монографии ВШЭ: Юридические науки). С. 20.

Нелипович Екатерина Васильевна

преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России

Nelipovich Ekaterina Vasilievna

Teacher of the Department of Professional Activity of Employees of Public Order Protection Units Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: evnelipovich@yandex.ru

Предварительное следствие и дознание: парадокс единства целей и различия символов

Preliminary Investigation and Inquiry: The Paradox of Unity of Goals and Difference of Symbols

Аннотация. Рассматривается проблема символической дифференциации предварительного следствия и дознания. Обращается внимание на то, что следственные подразделения официально связываются с «символикой юстиции», а подразделения дознания удерживаются в рамках «символики полиции». Автор задается вопросом о том, насколько оправдан подобный подход и в чем заключаются его идеологические и процессуальные истоки. Делается вывод о том, что причины этого явления во многом объясняются генезисом формы предварительного расследования в отечественном уголовном процессе.

Ключевые слова: дознание, предварительное следствие, юстиция, дифференциация предварительного расследования, символика предварительного расследования

Annotation. The article examines the problem of symbolic differentiation between preliminary investigation and inquest. It draws attention to the fact that investigative units are officially associated with the "symbolism of justice," while inquest units are kept within the "symbolism of the police." The author questions the validity of this approach and explores its ideological and procedural origins. The article concludes that the reasons for this phenomenon can be largely attributed to the genesis of the form of preliminary investigation in Russian criminal proceedings.

Keywords: inquest, preliminary investigation, justice, differentiation of preliminary investigation, and symbols of preliminary investigation

Для цитирования: Нелипович Е.В. Предварительное следствие и дознание: парадокс единства целей и различия символов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему ««Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2026 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 769–772.

Юридическая наука традиционно много внимания уделяет обоснованию положений, на которые опираются теория и практика дифференциации уголовно-процессуальной формы предварительного расследования. Причин и оснований для разделения расследования на предварительное следствие и дознание называется множество. Так, например, С.Л. Масленков в диссертации, посвященной дознанию, формулирует одиннадцать оснований дифференциации: 1) материально-правовые основания; 2) информационно-правовые основания; 3) криминалистические основания; 4) особенности субъектов, привлекаемых к уголовной ответственности, а также пострадавших от преступления; 5) наличие составов преступлений, вызывающих к жизни идею диспозитивности; 6) общественно-политическое значение дела; 7) необходимость (или ее отсутствие) принудительного обеспечения надлежащего поведения обвиняемого и подозреваемого; 8) учет интересов лица, в отношении которого ведется судопроизводство, или лица, пострадавшего от преступления; 9) совершение преступления организованной преступной группой; 10) отраслевая принадлежность преступлений; 11) полное признание обвиняемым своей вины, отсутствие материально-правового спора[1].

[1] Масленков С.Л. Дознание в современном уголовном процессе России: проблемы совершенствования. Дис. канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2004.. С. 116–135.

И это далеко не исчерпывающий перечень оснований для дифференциации предварительного расследования. Значительно меньше внимания сегодня уделяется вопросам оснований унификации предварительного расследования, хотя и здесь тоже появляются оригинальные мысли[1]. Однако во всем обилии научных трактовок оснований дифференциации и унификации предварительного расследования нам не приходилось встречать мнений, касающихся «символических интерпретаций» указанных оснований.

Именно эти символические основания дифференциации форм предварительного расследования и стали предметом нашего интереса в рамках состоявшегося форума. Мы сформулировали свою тему так: «Предварительное следствие и дознание: парадокс единства целей и различия символов». На первый взгляд, эта формулировка звучит, как констатация свершившегося факта. Однако это не так: данное утверждение свидетельствует лишь о первом эвристическом взгляде на эту проблему. В ходе более глубокого погружения в проблематику нам захотелось поставить знак вопроса? Действительно, есть ли здесь парадокс или малейшее противоречие? Ответить на этот вопрос мы и попытались в настоящей статье.

Обосновать единство целей, стоящих перед предварительным следствием и дознанием не представляет особого труда. По сути, вокруг этого вопроса не существует особой полемики. В этой сфере в науке сложились положения, принимаемые всеми. Так, например, никто и никогда не усомнился в правильности унифицированного подхода к целям (задачам) предварительного расследования. Ученые процессуалисты единодушно признают, что органы предварительного расследования, как представители государства, едины в своих правоохранительных целях. Причем данное единство, на наш взгляд, существует независимо от того, в каких формулировках эти цели официально закрепляются в уголовно-процессуальном законодательстве. Будучи порожденными розыскными началами, все формы расследования устремлены к познанию объективной материальной истины, дабы создать необходимые условия для полноценной реализации идеи неотвратимости наказания. Законные пути к этой цели могут быть вполне специфическими в формальном облике, но, по сути, едиными и неразделимыми в своей гносеологической сущности. По нашему мнению, дознание и предварительное следствие можно назвать различными формами решения задач предварительного расследования лишь с многочисленными формальными оговорками. По сути, дознание и предварительное следствие – это лишь легкие вариации единой формы расследования. Поэтому унификация – главный принцип организации расследования, а дифференциация – лишь легкие отступления от него. Единство цели расследования неизбежно предполагает и единство средств достижения этой цели, во всяком случае, единство эффективных средств, которые программируются самой целью.

Категория цели уголовного процесса (и, как следствие, цели предварительного расследования) находится в особом концептуальном положении. С одной стороны, цель расследования программирует практическую деятельность и поэтому может обоснованно называться практической целью. Но, с другой стороны, цель черпает свою энергетику не только из сферы эмпирии. В значительной мере цель предварительного расследования подпитывается в идеологической сфере. Цель уголовного процесса теснейшим образом связана с принципами судопроизводства. На этом основании прочно стоит и Томинская (нижегородская) научная школа уголовного процесса. Исходя из этого учения, легко вывести положение, что цель предварительного расследования – это полноправный проводник идеологии процесса. В сфере идеологии помимо чисто целеполагающих элементов (цель и задачи) всегда выделялись и другие важные компоненты. В первую в этой связи следует вспомнить принципы уголовного процесса. В науке уголовного процесса есть подход, который сводит идеологические основы отечественного уголовного процесса преимущественно к системе принципов. Сами принципы при этом наделяются особым идеологическим статусом, объявляются ценностями, более того, духовными ценностями русского народа. Такую позицию, например, высказывает А.В. Агутин. И эта позиция поддерживается профессором В. Т. Томиным[2].

Этими вариантами оригинальные взгляды на принципы уголовного процесса не исчерпываются. В программе форума, по итогам которого готовилась настоящая статья, можно встретить интересный доклад, в котором М. Д. Алешина называет идею неотвратимости наказания – «символическим принципом уголовного процесса». Таким образом, возможность символического подхода, как метода познания важнейших аспектов уголовного процесса, прямо связывается с идеологическими основами уголовного судопроизводства.

Этот доклад мы выделили не случайно. Вопрос о символическом значении идеи неотвратимости наказания напрямую связан с особенностями целеполагания и в области предварительного расследования. Ранее М.П. Поляков и М.Д. Алешина опубликовали свою позицию о телеологических амбициях уголовного процесса, поставив в центр своей концепции идею неотвратимости наказания. По их мнению, эта неотвратимость находит выражение через особую (амбициозную) формулировку задач уголовного процесса и, как следствие, через задачи предварительного расследования. Такую сакрально-

[1] Шишев В. С. Понятие унификации предварительного расследования в свете многомерности идеи унификации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 208-212.
[2] Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009. С. 101.

символическую формулировку задач они увидели в советском уголовно-процессуальном законодательстве (пример: статья 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР)[1]. Эта формулировка вполне красочно выражает единое устремление органов дознания и предварительного следствия. Эти органы едины в цели, они схожи и в процедуре установления истины по делу. Однако при всей это схожести невозможно отрицать, что имеются явные различия во внешних символических проявлениях деятельности по осуществлению дознания и предварительного следствия.

Размышления по этому поводу мы начнем с парадоксального допущения. Суть парадокса заключается в том, что будет неправильным говорить о том, что у дознания и предварительного следствия различные символы. Правильнее говорить о другом (и в этом парадоксальность): у следственной деятельности эти символы есть, а у деятельности дознавательской их, как может показаться на первый взгляд, нет.

Во всяком случае, такой символ, как имя «юстиция» (читай – справедливость), широко востребованный органами предварительного расследования, подразделениями дознания не используется. Речь идет в первую очередь о формально-нормативном, то есть легитимном использовании. Но и в неформальной сфере имя «юстиция» дознанием в символическом значении не востребовано. В то же время для предварительного следствия, для его сотрудников имя «юстиция» – это прямой и очень почитаемый символ. Даже в сериалах, следователи то и дело уточняют гражданам, воспринимающим их как обычных полицейских: «Мы не полиция, мы юстиция». А вот дознавателю таких «козырей» закон и ведомственные нормативные акты не предлагают. Дознаватель – это не юстиция, а сама я настоящая полиция.

Следователи склонны заявлять, что они юстиция, дабы дифференцироваться от прочих субъектов, допущенных к расследованию. Подчеркнем, что это не только традиция. Символические предпочтения органов предварительного следствия имеют под собой официальные подтверждения. Специальные звания следователей МВД РФ и Следственного комитета РФ имеют непременное уточнение «…юстиции». Налицо и цветовая дифференциация: просветы на погонах, лампасы на брюках. И вообще общая цветовая тема синевы. Так, женщину следователя МВД России можно издалека узнать по голубому шарфу. И это не просто веяние ведомственного обособления. Это прямое указание на особую миссию – служение справедливости. Юстиция буквально и переводится, как справедливость. Это и есть символы в действии.

Но почему символ юстиции не внедрен в дознание, которое сегодня мало, чем отличается от предварительного следствия в формальном смысле? Прямого ответа на этот вопрос никто не предложил. Возможно, дознание не дотягивает до прямой связи с этими символами. Есть интересное наблюдение: в названии классных чинов прокуратуры символ «юстиция» появляется вместе с большими звездами. Только с большой «майорской звезды» мы слышим имя юстиции, да и то чин звучит скромно – «младший советник юстиции». Следователь же, даже будучи самым младшим лейтенантом, сразу становится представителями юстиции (младшим лейтенантом юстиции).

Конечно, можно за этой традицией видеть лишь простое следование предписаниям закона. Но можно ощутить в этом и глубокое символическое значение. «Символ» означает – «условный знак каких либо понятий, идей и явлений…». Так вот, есть полноценная возможность использовать этот знак для того, чтобы напрямую связать следственную деятельность с идеей справедливости. То есть, наряду с целью предварительного расследования (единой для предварительного следствия и дознания), здесь через символ «юстиции» для предварительного следствия дополнительно провозглашается и его миссия. Образно говоря, предварительное следствие через слово «юстиция», прикрепленное к специальным званиям следователей, выбирает себе «небесного покровителя», фактически в виде той же самой Фемиды.

Однако возможно, что данный символ – «юстиция» – в контексте предварительного расследования не так прост в символической интерпретации. Мы можем предположить, что в атмосфере следственной деятельности словесная привязка к юстиции символизирует юстицию особого рода. Речь идет о «боевой, наступательной юстиции», о справедливости, добываемой в бою с преступностью. Не зря на эмблемах следователей изображен щит и два скрещивающихся меча. Это тоже символы, наполненные особым смыслом. Примечательно, что мечи находятся в ножнах.

Впрочем, эмблема Управления по организации дознания МВД России по своей внешней символике тоже очень напоминает эмблему следственную. Там, по сути, те же символы (мечи и щит), что и в символике следователей. Намеки на принадлежность к юстиции, как говорится, налицо. Но вот сокровенное слово «юстиция», официально к дознанию не примыкает. Возможно, препятствием для этого служит дифференциация самого дознания. До сих пор юридическая наука так и не договорилось по вопросу о том, сколько у нас в отечественном уголовном процессе видов дознания. Двумя видами, на которые прямо указывает закон, наука не удовлетворяется. К общему дознанию и его сокращенной форме прибавляют еще два вида – дознание в форме неотложных следственных действий и дознание, которое производят следователи Следственного комитета России в случае, когда при расследовании возникает конкуренция между предметной и персональной подследственностью. Последний вид гипотетически

[1] Поляков М.П., Алешина М.Д. Телеологические амбиции уголовного процесса // Юридическая наука и практики: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 96-103.

должен актуализироваться тогда, когда специальный субъект совершает преступление, для которого закон предусмотрел процедуру дознания. В этой ситуации возникает счастливый случай, когда дознание окрыляется символом юстиция, поскольку решения по дознанию подписываются представителями имеющими специальные звания «юстиции». Правда, практика в этих случаях, как правило, идет по пути, когда по решению прокурора изменяется форма предварительного расследования и символ «юстиции» так и остается в лоне предварительного следствия.

Имя «юстиция», востребованное предварительным следствием, навело нас на мысль, что следствие и дознание служат разным символам. Однако размышления на данную тему привели нас к тому, что сущностная близость этих форм расследования не должна порождать разную символику. Суть дознания и предварительного следствия неразделима. Но тогда неизбежно возникает вопрос: зачем следователям понадобилось слово «юстиция». Зачем им это постоянное напоминание о «юстиции»?

На этот счет у нас возникла гипотеза. Полагаем, что через это слово органы предварительного следствия подсознательно хотят подчеркнуть генетическую связь со своими историческими предшественниками – прокурорскими и судебными следователями. Слово «юстиция» это как символическое отчество, постоянно напоминающее о предках. На сегодняшний день сложилось устойчивое мнение, что современные следователи – это прямые «потомки» судебных следователей, тех, что принадлежали к судебному ведомству и по полному праву относились к органам юстиции. Сама «юстиция» в этом контексте означала не только символ справедливости, но и имела отношение непосредственно к форме отправления государственных полномочий. Юристы старой научной школы выделяли разные формы отправления государственной власти. Юстиция, как специфическая форма, обычно противопоставлялась другой форме, именуемой – администрацией. Последняя обнимает собой и деятельность полиции. Юстиция, как юридическая форма, предусматривает особый порядок реализации полномочий, особую процессуальность. Сама обстоятельная процедура и делает юстицию юстицией.

Юстиция в этом втором формальном значении включает в себя и самостоятельные полномочия органов предварительного следствия по установлению справедливости. Справедливость, даже в формальном смысле, – дело непростое. Поэтому и юстиция, как форма реализации государственной власти, это всегда оправданная сложность. И в этой связи тенденция упрощения предварительного расследования в каком-то смысле противоречит именно справедливости.

А вот в дознании, которое связывается через звания субъектов расследования не с юстицией, а с полицией, такой символической помехи нет. Поэтому подсознательно возникает идеологическая установка, что дознание можно упрощать до бесконечности. Дознание по сути своей слоняется к простоте и экономии этой самой процессуальности (юстиции). Изначально смысл дознания и заключался в возможности возложения следственных полномочий (юстиции) на полицейские органы в случае простых и несложных дел. И в этом случае «юстиция» незаметно подменялась «администрацией».

Таким образом, можно сделать в некотором смысле парадоксальное заключение о том, что предварительное следствие символически вырастает из «судебной справедливости», а дознание (опять же символически) из «сыскной (розыскной) справедливости». И этот исторический первоисточник и заключен в словах-символах. Следователи через слово «юстиция», образно говоря, призывают в поддержку своей деятельности «небесных покровителей» юстиции, а дознаватели, будучи офицерами полиции, покровителей администрации (полиции). Но это не столько окончательный вывод, сколько очередная гипотеза, которая приглашает нас к более глубокому исследованию вопроса, который отражен в названии настоящей статьи.

Нестеров Евгений Александрович

кандидат юридических наук, директор Юридического института Российского университета транспорта

Nesterov Evgeny Alexandrovich

PhD in Law, Director of the Law Institute Russian University of Transport

E-mail: jnesterov@yandex.ru

Символ как средство обеспечения контрольно-надзорной деятельности на транспорте

The symbol as a means of ensuring control and supervisory activities in transport

Аннотация. В статье исследуется роль феномена «символ» как самостоятельного средства в механизме контрольно-надзорной деятельности на транспорте в Российской Федерации. Автор раскрывает многогранность символа в правовом контексте – от геральдических знаков и аллегорий до условных обозначений и индикаторов риска. Подчеркивается необходимость формально-юридического закрепления правовых символов для обеспечения прозрачности, снижения коррупциогенности и повышения эффективности надзора. Особое внимание уделяется их функции в системе управления рисками, профилактике нарушений и коммуникации между контролирующими органами и подконтрольными субъектами. В качестве стратегического ориентира предлагается укрепление социальной ответственности участников транспортных правоотношений.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность; транспортное право; правовой символ; индикаторы риска; социальная ответственность

Annotation. The article examines the role of the "symbol" phenomenon as an independent tool in the mechanism of control and supervisory activities in transport in the Russian Federation. The author reveals the versatility of the symbol in the legal context, from heraldic signs and allegories to symbols and risk indicators. The need for formal legal consolidation of legal symbols is emphasized in order to ensure transparency, reduce corruption and increase the effectiveness of supervision. Special attention is paid to their function in the risk management system, prevention of violations and communication between regulatory authorities and controlled entities. Strengthening the social responsibility of participants in transport legal relations is proposed as a strategic guideline.

Keywords: control and supervisory activities; transport law; legal symbol; risk indicators; social responsibility

Для цитирования: Нестеров Е.А. Символ как средство обеспечения контрольно-надзорной деятельности на транспорте // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 773–775.

Контрольно-надзорная деятельность современного российского государства предполагает системную взаимосвязь целого комплекса элементов, образуя в своей совокупности сложный механизм. Его составляют не только надлежащая регуляторная правовая основа, выраженная в системе обязательных требований[1], но и действенный организационно-правовой симбиоз соответствующих разрешительных и регламентационных, планово-распорядительных, методических, информативных актов подзаконного характера и средств их реализации. В свою очередь, транспортный комплекс России выступает одним из наиболее востребованных сегментов государственной контрольно-надзорной деятельности. Это объясняется не только вкладываемым объемом финансовых средств, организационно-материальных ресурсов в формирование новой цифровой модели перевозки пассажиров и грузов, развитие транспортно-логистических коридоров и пр. Как известно, государственная поддержка национального проекта «Эффективная транспортная система» только в текущем году составила 1 трлн рублей[2].

[1] См.: Репьев А.Г. Теория унификации транспортного права: возможные модели и технико-юридические сложности // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2(50). С. 29-34.

[2] Латухина К. Мишустин: На нацпроект «Эффективная транспортная система» выделят 1 трлн рублей // Российская газета. 2025. 26 марта.

Помимо обозначенного, транспортная сфера сегодня находится на пике медийной популярности в обществе, с каждым днем все больше акцентируя на себе внимание. Население государства взволновано качеством оказываемых услуг, промышленный сектор нацелен на повышение технологической независимости существующих автопарков, бизнес сообщество остро ощущает необходимость мер поддержки государства и снижения административных барьеров. Все это создало не только ажиотаж в средствах массовой информации и публичных каналах, но и актуализирует потребность повышения эффективности правового регулирования данной сферы, определения стратегических приоритетов реализации публично-правовой политики государства, в том числе, за счет нетривиальных подходов в контрольно-надзорной деятельности. Одним из таких вполне можно считать использование феномена «символ» как компонента системы контрольно-надзорной деятельности на транспорте.

Наименование проводимого на Нижегородской земле форума весьма полиформично в силу того, что категория «символ» имеет крайне широкую интерпретационную вариативность. Даже сузив проекцию символов на правоотношения, ограничив ее исключительно транспортно-правовой тематикой, мы получаем безграничное поле для осмысления весомого значения процесса символизации в контрольно-надзорной деятельности публичных органов власти.

В частности, в рамках ее осуществления применительно к транспортной сфере свое проявление находят символы в следующих значениях:

– условных знаков, указывающих на фундаментальные представления о стремлении к законности и правопорядку, иллюстрирующих контрольно-надзорную деятельность. К примеру, таким символом выступает геральдический знак – эмблема прокуратуры Российской Федерации, выполненная в виде традиционного двуглавого орла, держащего щит, в поле которого золотой «столп Закона»[1];

– аллегорическом и метафорическом смысле, как определенный образ, условно передающий какую-либо мысль. К примеру, по мнению отдельных авторов принятие Федерального закона № 248-ФЗ[2] стало «символом реформирования контрольно-надзорной деятельности, обновления и перехода к новому умному контролю и надзору»[3];

– условного обозначения какого-либо действия субъекта контрольно-надзорной деятельности на транспорте, не только закрепленного на формально-юридическом уровне, но и общепринятого в бытовом значении. К примеру, с самого юного возраста участникам дорожного движения прививают дисциплинированность на проезжей части и наиболее узнаваемым символом безопасности дорожного движения является поднятый вверх жезл в руке регулировщика[4]. Данное символичное действие выступает актом применения права, а его игнорирование образует состав административного правонарушения[5];

– самостоятельного вербального (графического) либо иного знака, передающего информацию о желаемой модели правового поведения. Здесь можно упомянуть не только традиционные, так называемые видимые знаки автомобильного движения, но и, например, звуковые сигналы, применяемые при технической эксплуатации железных дорог. В свою очередь, требования по сигнализации на железнодорожном транспорте составляют отдельный сегмент нормативно-правовой регламентации (закреплены ГОСТ[6], детализированы ведомственными правовыми актами[7] и иными видами актов) и являются объектом контрольно-надзорной деятельности[8].

---

[1] Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага прокуратуры Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 04.10.2008 № 1441 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 41. Ст. 4652.

[2] См.: О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007; 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8550.

[3] Евдокимов А.С. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»: организационно-правовой анализ // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 34-40.

[4] См.: О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (в ред. от 16.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531; Собрание законодательства РФ. 2025. № 22 (часть I). Ст. 2857.

[5] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025), ст. 12.12 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2025. № 28. Ст. 3843.

[6] См.: ГОСТ Р 54957-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Железнодорожная электросвязь. Общие требования безопасности (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 16.08.2012 № 242-ст) // СПС «Консультант Плюс».

[7] Об утверждении Правил технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации: приказ Минтранса России от 23.06.2022 № 250 // СПС «Консультант Плюс».

[8] В частности, одним из наиболее распространенных объектов контрольно-надзорной деятельности и, соответственно, одной из популярных позиций в актах реагирования органов власти выступают требования по оборудованию таких символов, как светофорные объекты на железнодорожном транспорте. См., например: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20.08.2014 № 10-КГПР14-3 // СПС «Консультант Плюс».

Показанная терминологическая и сущностная вариативность термина «символ» в проекции к транспортно-правовой тематике не только актуализует предпринятую попытку включить данный феномен в механизм обеспечения контрольно-надзорной деятельности на транспорте в качестве самостоятельного средства. Это без преувеличения демонстрирует прозорливость организаторов сегодняшнего мероприятия, подобравших в качестве темы форума такую универсальную и значимую категорию.

С учетом установленного лимита во времени выступления, к сожалению, не представляется возможным максимально детально остановиться на всех показанных проекциях символа. Попробуем сделать это обзорно, обозначив общие требования к символам как средству реализации контрольно-надзорной деятельности.

Во-первых, ключевой информационный, коммуникативный смысл применяемых символов (в виде условных обозначений, графических, звуковых или иных форматах) как правовых средств обеспечения контрольно-надзорной деятельности на транспорте состоит в их обязательном формально-юридическом закреплении. Применяемые правовые символы должны быть официально определены (включая процедуру реагирования на них, последствия, образующиеся вследствие их игнорирования): в Положении относительно вида контроля в транспортной сфере[1], детализированы в административных регламентах деятельности. Это обеспечит прозрачность контрольно-надзорной деятельности, снизит коррупциогенность данной сферы, исключит (или по крайней мере минимизирует) произвол контрольно-надзорного органа с учетом транспортной отраслевой специфики. К сожалению, на сегодняшний день, даже с учетом генерального значения некоторых правовых символов, обеспечивающих транспортную безопасность, их формально-юридическое закрепление по большинству видов транспорта уязвимо. Положительных примеров немного, но мы все же их приведем. Так, в рамках контрольно-надзорной деятельности на воздушном транспорте, виды плановых контрольных (надзорных) мероприятий в отношении объектов контроля проводятся в зависимости от присвоенной категории риска с определенной периодичностью. Кроме определения критериев риска в каждом Положении о контроле (надзоре) на виде транспорта закреплены индикаторы риска нарушения обязательных требований (фактически это – правовые символы, указывающие на соотнесение категории риска с группой тяжести и группой вероятности), которые обозначают соответствие или отклонение от параметров объекта контроля (надзора). Индикаторы риска необходимы также для оценки рисков причинения вреда при принятии решения о проведении конкретного контрольно-надзорного мероприятия. К сожалению, обозначенная детализация правовых символов, напрямую влияющих на процесс обеспечения безопасности перевозки пассажиров и грузов, не в полной мере свойственна иным видам транспорта.

Во-вторых, правовые символы в транспортной сфере должны эффективно решать задачи по контролю, а для этого, сводить к минимуму время контакта контролирующего и подконтрольного субъекта, выполнять внутренние задачи в отрасли и подотрасли контроля с учетом специфики транспортной деятельности. Правовой механизм контроля обеспечивается установленными организационно-правовыми средствами для определенного вида и подвида контроля на транспорте, в первую очередь, посредством установления и регламентации порядка осуществления контрольно-надзорных мероприятий. Оперативная, достоверная, полная передача необходимой информации – ключевое требование к правовым символам в транспортной отрасли.

Сказанное подтверждает ранее сформулированную гипотезу – символы как правовые средства коммуникации и компонент механизма обеспечения контрольно-надзорной деятельности на транспорте имеют магистральное регулятивное значение. Оно состоит в установлении правовой системы обоюдного информирования и взаимодействия контрольно-надзорных органов и контролируемых лиц. Эта система включает в себя: механизм информационного обеспечения контроля (надзора); систему управления рисками; профилактику рисков причинения вреда; механизм исполнения решений контрольно-надзорных органов и многое другое.

В качестве итогового вывода по тезисно изложенному материалу, хотелось бы также ориентироваться на одну из ранее обозначенных проекций феномена «символ». В качестве образа, концептуальной идеи построения эффективной контрольно-надзорной деятельности на транспорте, иными словами – ее символом, должно стать усиление социальной ответственности участников данных отношений (особенно в тех сегментах, в которых присутствует явный дисбаланс государственных и частных интересов – такси, каршеринг и пр.), выражающееся не только в ужесточении мер безопасности перевозок, заботе о социально уязвимых категориях населения, но и в продолжении вдумчивой, научно-апробированной транспортно-правовой политики.

[1] См.: Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1051 (в ред. от 07.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть III). Ст. 5429; 2025. № 7. Ст. 606.

Никифоренко Юлия Лавриновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России

Nikiforenko Yulia Lavrinovna

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ulchaha@mail.ru

Использование знаково-символических систем в алгоритмизации выявления и расследования преступлений

The use of sign-symbolic systems in the algorithmization of crime detection and investigation

Аннотация. В статье рассматривается проблема алгоритмизации процесса выявления и расследования преступлений с применением знаково-символических систем. Основное внимание уделяется теоретическим и практическим аспектам использования различных видов знаковых обозначений в криминалистической практике.

Автор анализирует методологические основы применения графических символов, математических моделей и структурных схем для оптимизации работы следственных органов.

Ключевые слова: алгоритмизация, знаково-символические системы, раскрытие, расследование, символическое моделирование; информационная обработка.

Annotation. The article discusses the problem of algorithmization of the process of identifying and investigating crimes using sign-symbolic systems. The main focus is on the theoretical and practical aspects of using various types of signs in forensic practice. The author analyzes the methodological foundations of using graphic symbols, mathematical models, and structural schemes to optimize the work of investigative bodies.

Keywords: algorithmization, sign-symbolic systems, disclosure, investigation, symbolic modeling; information processing

Для цитирования: Никифоренко Ю.Л. Использование знаково-символических систем в алгоритмизации выявления и расследования преступлений // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 776–778.

В современной криминалистической науке знаково-символические системы занимают особое место как фундаментальный инструмент выявления и расследования преступлений. Их применение позволяет не только структурировать и систематизировать сложные криминалистические процессы в формализованные алгоритмы, но и обеспечивает принципиально новый уровень эффективности в работе с криминалистической информацией.

Особая значимость знаково-символических систем проявляется в их способности преобразовывать/алгоритмизировать хаотичную информацию о преступлении в упорядоченную систему данных, доступную для анализа и обработки. Это достигается за счет создания единой системы обозначений, которая позволяет:

– обеспечить точность фиксации криминалистически-значимых признаков;

– гарантировать однозначность интерпретации данных;

– создать единый информационный язык для специалистов;

– оптимизировать процессы обмена информацией между участниками расследования.

Комплексный характер знаково-символических систем проявляется в их многокомпонентной структуре, где каждый элемент выполняет свою специфическую функцию[1]. Рассмотрим отдельные элементы.

[1] См., например: *Матушкина Н.В*. Тенденции развития средств выражения в криминалистике // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sredstv-vyrazheniya-v-kriminalistike (дата обращения: 10.09.2025).

Графические символы выступают как универсальный язык визуализации, позволяющий преобразовывать сложные данные в наглядную и легко воспринимаемую форму. В общем виде под ними понимаются специальные графические знаки, рисунки, схемы, планы, чертежи, карты и другие визуальные элементы, которые стандартизированным образом фиксируют информацию о преступлении и его обстоятельствах. В криминалистике к графическим символам относятся: зарисовки места происшествия, схематические изображения следов преступления, рисованные портреты подозреваемых, топографические планы, технические чертежи и другие визуальные материалы, созданные по определённым правилам и стандартам[1]. Эти символы обеспечивают точное отображение места происшествия, фиксируют взаимное расположение объектов и динамику преступного события, сохраняя при этом масштабность и пропорции.

Развитие цифровых технологий и специализированного программного обеспечения открывает новые перспективы для совершенствования графических методов, включая создание трёхмерных моделей и интеграцию с системами искусственного интеллекта.

Фотографические системы представляют собой комплекс специальных методов и способов фиксации криминалистически-значимой информации с помощью фотографической техники. Они являются одним из важнейших инструментов визуализации доказательственной базы, позволяющим объективно запечатлеть обстановку места происшествия и материальные следы преступления.

В структуре знаково-символической системы, используемой в криминалистике следует отметить *вербальные обозначения.* Данный элемент представляет собой систему специальных терминов, определений и описаний, формирующую единый профессиональный язык криминалистической науки[2]. Применение единой, стандартизированной терминологии, разработанной с учётом специфики профессионально-служебной деятельности правоохранительных органов, позволяет исключить двоякое понимание и разночтений терминов и определений исследуемых объектов.

Методика словесного портрета занимает особое место среди вербальных обозначений, используемых для розыска и идентификации человека[3]. Она основана на описании внешних признаков с применением унифицированной терминологии, что обеспечивает точность и однозначность восприятия информации. Источники данных для составления словесного портрета включают как объективные материалы (фотографии, видеозаписи), так и субъективные свидетельства (протоколированные показания очевидцев). Такой подход позволяет создать комплексное и достоверное описание внешности человека, что особенно важно для оперативно-розыскной деятельности.

Системы кодирования данных[4]. В современных условиях процесс раскрытия и расследования преступлений невозможно представить без обращения к различным информационным системам, регистрирующим определенные стороны общественных отношений. На сегодняшний день в рамках криминалистической техники разработана и внедрена в практическую деятельность научно обоснованная учетно-регистрационная система значимых для расследования данных. Причем ее использование допустимо при производстве любой категории дел в большем либо меньшем объеме. Данное направление возможно представить следующими элементами:

1. Базы данных представляют собой структурированные наборы данных, используемых для хранения, обработки и анализа информации. Они играют важнейшую роль в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, так как позволяют эффективно собирать, систематизировать и анализировать следовую картину преступления.

Среди наиболее активно используемых систем можно выделить АДИС «Папилон» применяемая при регистрации, обработки, сравнения и отождествления дактилоскопической информации. Также широко используются системы учета автотранспорта, помогающие находить угнанные автомобили, и базы данных ДНК, которые анализируют биологические следы.

2. Цифровые коды представляют собой систему уникальных идентификаторов, используемых для классификации и хранения данных о преступлениях, подозреваемых и вещественных доказательствах.

В качестве наглядного применения кодирования информации можно указать введенные в 2017 года правила нумерации уголовных дел и материалов проверок, утверждённые приказом Генерального прокурора РФ от 28.12.2016 № 824. Регистрационный номер состоит из 17 разрядов и формируется по следующей схеме: ХГГААББВВВВNNNNNN, где:

– Х – вид уголовного дела или материала проверки;

---

[1] *Юматов В. А.* Язык криминалистики и судебной экспертизы. Современное состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1-1. С. 255.

[2] *Матушкина Н.В.* Там же.

[3] *Шхагапсоев З.Л., Гаужаева В.А.* Основы теории и практическое использование субъективных портретов // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-teorii-i (дата обращения: 10.09.2025).

[4] См. например: *Курин А.А*. Современные возможности и перспективы информационно-аналитического обеспечения раскрытия преступлений // ЮП. 2018. №1 (84). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye (дата обращения: 10.09.2025).

– ГГ – последние две цифры года возбуждения дела или вынесения постановления об отказе в возбуждении;

– ААББВВВВ – уникальный код подразделения органа, осуществляющего уголовное судопроизводство;

– NNNNNN – порядковый номер дела в пределах одного года.

Развитие технологий постоянно расширяет возможности применения цифровых кодов в криминалистике. Современные системы кодирования способны обрабатывать не только текстовую информацию, но и изображения, аудио- и видеоматериалы, что значительно повышает эффективность криминалистического анализа.

3. Система защиты данных от несанкционированного доступа и утечки информации.

В рамках исследуемой тематики принципиально важна работа с материальными следами. Их обнаружение, фиксация и последующий анализ с применением специализированных графических знаков, цифровых обозначений и профессиональной терминологии позволяют формировать единый, автоматизированный массив данных, способствующий повышению эффективности правоохранительной деятельности.

Стремительное развитие цифровых технологий актуализирует вопросы, связанные с интеграцией классических криминалистических методов с передовыми достижениями в области искусственного интеллекта и машинного обучения. Так, например, в современной криминалистической практике наблюдается устойчивая тенденция к интеграции цифровых технологий, что находит отражение в ряде прикладных решений, направленных на повышение точности, скорости и объективности экспертно-следственных процедур:

1. Геномная фенотипирование[1] – алгоритмическая реконструкция 3D-модели лица по ДНК-профилю с учётом биомаркеров пола, возраста и массы тела, обеспечивающая идентификацию при отсутствии традиционных доказательств;

2. Мультимодальный анализ цифровых следов[2] – синтез данных радиоэлектронного мониторинга, систем видеофиксации (*Автодория*, *Поток*) и биллинговой информации для реконструкции событий.

3. Системы поведенческого анализа[3] – алгоритмы выявления криминогенных паттернов (11 типов аномального поведения) на основе видеоданных, внедряемые в рамках проектов типа *«Безопасный город»*.

В заключение следует подчеркнуть, что главная особенность знаково-символических систем в алгоритмизации выявления и расследования преступлений заключается в их способности объединять разноплановые данные в единую информационную систему. Это создаёт надёжную базу для всестороннего анализа механизма преступной деятельности, позволяя не только фиксировать отдельные факты преступления, но и выявлять скрытые связи между ними, устанавливать причинно-следственные отношения. В итоге складывается действенная система криминалистического анализа, где каждый элемент информации находит своё место в общей картине, что помогает установить истину и обеспечить справедливое разрешение уголовного дела.

[1] См. например: *Краева Я.В.* ДНК-фенотипирование: проблемы и перспективы // Вопросы российской юстиции. 2021. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dnk-fenotipirovanie-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 10.09.2025).

[2]Варакин Я.Г. Криминалистические технологии обнаружения, фиксации, изъятия цифровых следов преступления и иной доказательной информации // Вестник СурГУ. 2021. №4 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ (дата обращения: 10.09.2025)..

[3] Кузьмин Н.А., Половинка А.Ю. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n (дата обращения: 10.09.2025).

Остроумов Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Ostroumov Nikolay Vladimirovich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process, Faculty of Law, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

E-mail: uf_nngu@mail.ru

Символы принадлежности к адвокатуре в России и зарубежных странах: история и тенденции развития

Symbols of Membership in the Bar in Russia and Foreign Countries: History and Development Trends

Аннотация. В статье будут рассмотрены различные символы, указывающие на принадлежность к адвокатуре в их историческом развитии от момента возникновения до современного этапа. Будут проанализированы существующие в России и мире тенденции отказа или сохранения исторически сформировавшихся символов принадлежности к указанному институту.

Ключевые слова: адвокатура, знаки отличия, присяга, дресс-код

Annotation. The article will examine various symbols indicating membership in the legal profession in their historical development from their inception to the present day. It will analyze the existing trends in Russia and around the world regarding the rejection or preservation of historically established symbols of membership in this institution.

Keywords: bar, insignia, oath, dress code

Для цитирования: Остроумов Н.В. Символы принадлежности к адвокатуре в России и зарубежных странах: история и тенденции развития // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С.779–772.

Адвокатура в России с самого своего появления в ходе реформ Александра II представляла собой довольно закрытое сообщество, принадлежность к которому вызывала пиетет в обществе.

На современном этапе развития адвокатуры символы принадлежности к институту можно условно разделить на две группы: символы-атрибуты и юридически значимые символы.

В Российской Федерации к первой группе безусловно относится нагрудный Знак. Согласно п.1.1. Положения о нагрудном Знаке российских адвокатов (утв. решением Совета ФПА РФ от 17 сентября 2015 г. (протокол №2) «Нагрудный Знак российских адвокатов является отличительным атрибутом и официальным элементом корпоративной культуры российских адвокатов. Знак предназначен для ношения лицами, имеющими действующий статус адвоката, при осуществлении ими профессиональной адвокатской деятельности»[1].

Если обратиться к зарубежной практике, то можно встретить указание на обязанность адвокатов, в зависимости от уровня и вида судопроизводства, присутствовать в судебном заседании в сословной мантии (Австрия, Азербайджан, Литва, Молдавия, Румыния, Турция и Чехия), парике (до недавнего времени адвокаты-барристеры, принимающие участие в уголовных процессах).

Необходимо отметить, что указанные символы классифицируются как атрибуты в силу того, что их отсутствие не лишает адвоката его статуса, не исключает возможность оказывать юридическую помощь на законном основании.

[1] Положение о нагрудном Знаке российских адвокатов (утв. решением Совета ФПА РФ от 17 сентября 2015 г. (протокол №2) [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-position-on-the-badge-of-the-russian-lawyers/?ysclid=mhewoyiqri431886028 (дата обращения: 30.09.2025г.)

Что касается собственно юридически-значимых символов, то их наличие, собственно, определяет правовой статус адвоката в публичных и частных правоотношениях. Присвоение статуса подтверждается удостоверением утвержденного образца, выдаваемым в настоящий момент территориальным органом юстиции на 15 лет. Удостоверение адвоката является единственным документом, подтверждающим наличие у гражданина адвокатского статуса. Кроме того, документ удостоверяет не только статус, но и личность гражданина, так как согласно аб.3 п.3 ст.15 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», на основании удостоверения адвокат имеет право доступа (прохода) в здания судов.

Удостоверение выдается адвокату после принятия присяги адвоката, текст которой также закреплен ст. 13 Федерального закона от 31.05.2002г. №63-ФЗ. О юридически значимом статусе присяги говорит в том числе тот факт, что в случае, если лицо, которому решением квалификационной комиссии был присвоен статус адвоката, не принесет присягу в течение 3 месяцев со дня сдачи квалификационного экзамена, решение комиссии о присвоении статуса аннулируется.

Полагаем, что в отечественной правовой системе наиболее соответствует понятию символ с правовой и общегражданской точки зрения, именно наличие знака отличия – нагрудного Знака российского адвоката.

Впервые нагрудный знак присяжного поверенного был утвержден Временными правилами внутреннего распорядка в судебных установлениях, принятыми Государственным советом 22 января 1866 г. Изображение знака было высочайше утверждено 31 декабря 1865 г. императором Александром II на основании представления министра юстиции России Н.И. Замятина и решения Государственного совета.

Къ №: 42846.

Высочайше утверждено:
31-го Декабря 1865 года.

РИСУНКИ ЗНАКОВЪ

ЗНАКЪ ПРИСЯЖНАГО ПОВѢРЕННАГО.

Рис. 1. Изображение нагрудного знака присяжного поверенного, Высочайше утвержденного Императором Александром II

Любопытный факт: описание знака, содержащееся во Временных правилах внутреннего распорядка в судебных установлениях, принятых Государственным советом 22 января 1866 г. не соответствовало рисунку, утвержденному императором: «Знак присяжных поверенных серебряный, с изображением герба судебного ведомства, окруженного дубовым венком. Знак этот носится в петлице на левой стороне фрака». В то время, как на рисунке, утвержденном императором, левая сторона венка из дубовых листьев, а правая – из лавра.

В справочнике «Должностные знаки Российской империи» содержится следующее описание: «Знак присяжного поверенного. Размер 35х40 мм. Серебро позолоченное. Лицевая сторона: столп закона, обрамленный венком из дубовых и лавровых листьев, связанных снизу лентой. Оборотная сторона: гладкая, с булавкой для крепления знака к одежде»[1].

Столп закона (или «сенатский чекан») венчала императорская корона, увенчанная крестом. На рисунке она располагалась над венком. Но поскольку все знаки изготавливались индивидуально и не было ни одного одинакового, то можно встретить знаки, где корона находится внутри венка, или венок имеет другую форму, или обе части венка выполнены из одного типа листьев.

Все императорские знаки отличия были упразднены в 1917 году. И официально утвержденный единый знак Российского адвоката появляется только к 150-летию начала деятельности присяжной российской адвокатуры. Он учреждается Положением о нагрудном Знаке российских адвокатов (утв. решением Совета ФПА РФ от 17 сентября 2015 г. (протокол №2).

[1] Должностные знаки Российской империи / Г. Мельник, И. Можейко. - М.: Хронос, 1993. С. 181

За основу современного Знака был взят знак присяжных поверенных. Согласно описанию, приведенному в Положении: «Основу Знака представляет овальный рельефный венок из металла серебристого цвета, состоящий с одной стороны из лавровых ветвей с листьями и зёрнами, с другой стороны из дубовых ветвей с листьями и желудями; концы ветвей под колонной перевязаны лентой с бантом. Поверх основы на Знаке расположено накладное изображение из металла золотистого цвета «Столп Закона» – рельефная дорическая колонна на основании из трех ступеней; на высоте в 2/3 от основания колонны прямоугольник с надписью «ЗАКОНЪ»; на одноступенчатой капители колонны расположена императорская корона»[1].

Рис. 2. Изображение Знака Российского адвоката, утвержденное Положением о нагрудном Знаке российских адвокатов: утв. решением Совета ФПА РФ от 17 сентября 2015 г. (протокол № 2)

Утверждение Знака именно в таком виде показало преемственность современной российской адвокатуры и присяжной российской адвокатуры, преемственность в принципах и ценностях.

Несмотря на очевидные причины выбора именно такого внешнего вида нагрудного знака, в 2022г. адвокат московского филиала «Право» КА «Низам» Чеченской Республики Тимур Идалов решил, что венчающий корону крест оскорбляет его религиозные чувства, так как являясь мусульманином, он не может носить такой нагрудный знак.

Адвокатское сообщество в своем большинстве претензии не поддержало. Действительно, полагаем, что императорская корона не является религиозным символом, а лишь отсылает к истокам российской адвокатуры. Кроме того, необходимо отметить, что сам внешний вид императорской короны обладает глубоким символизмом. Корона состоит из двух соединяющихся полусфер, символизирующих соединение, единство Востока и Запада на территории Российской империи под единым началом. Как известно, Российская Империя, как и современная Российская Федерация являлась многонациональным и многоконфессиональным государством. Присяжные поверенные также придерживались различных вероисповеданий и ни в одном историческом источнике не содержится упоминания о том, что кто-то из присяжных поверенных отказался носить нагрудный знак по религиозным мотивам. Напротив, нагрудный знак был гордостью присяжного поверенного и отражал его принадлежность к корпорации. Так и в современной России недопустимо пытаться разобщить адвокатов по надуманным, на наш взгляд, предлогам.

Говоря о тенденциях развития символов принадлежности к адвокатуре необходимо отметить, что они направлены на упрощение и унификацию. Так в октябре 2025г. барристерам Великобритании разрешили не носить парики, отказавшись тем самым от многовекового символа. В 2011 году этому предшествовало послабление в виде права выбора каждого барристера носить парик или нет.

Что касается сохраняющихся в некоторых странах адвокатских мантиях, то необходимо отметить, что вопрос об их включении в качестве символа принадлежности к адвокатуре с 2022г. рассматривается и в нашей стране. Так Е.Г.Авакян (с 2021 по 2025 г. – вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ) часто появлялась на официальных мероприятиях в адвокатской мантии темно-синего цвета с вышитым изображением Знака российского адвоката на левой стороне. В конце 2024г. вопрос о мантиях был поднят на очередном заседании Совета молодых адвокатов Адвокатской палаты Московской области. Необходимо отметить, что все чаще в публикациях на сайте ФПА РФ можно увидеть новости и заметки о появлении адвокатов на судебных заседаниях в мантиях. Адвокаты, принявшие решение носить мантию, говорят о том, что ее наличие придает уверенности, создает атмосферу доверия и беспристрастности, ассоциируется с авторитетом и профессионализмом. Кроме того, необходимо отметить, что в Российской правовой системе адвокат является единственным профессиональным участником процесса, не имеющим единой форменной одежды: судья участвует в процессе в мантии, прокурор и иные государственные органы – в соответствующих мундирах.

[1] Положение о нагрудном Знаке российских адвокатов (утв. решением Совета ФПА РФ от 17 сентября 2015 г. (протокол №2) [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-position-on-the-badge-of-the-russian-lawyers/?ysclid=mhewoyiqri431886028 (дата обращения: 30.09.2025).

Возможно, через некоторое время Федеральная палата адвокатов РФ примет положение о ношении адвокатами мантий, но на современном этапе развития судебной инфраструктуры это представляется нецелесообразным и затруднительным, так как далеко не все суды (особенно суды общей юрисдикции) оборудованы гардеробами, комнатами для адвокатов, и адвокатам приходится подолгу проводить время в коридорах судов в ожидании начала процесса, держа в руках верхнюю одежду и документы. Носить с собой еще и мантию представляется не вполне удобным и практичным.

В заключении статьи необходимо отметить, что адвокатура как корпорация, члены которой наделены законом особыми полномочиями, безусловно должна иметь свои отличительные символы-атрибуты, отражающие принадлежность к ней. Полагаем, что если ношение мантии на современном этапе и является чрезмерным, то как минимум нагрудный знак должен являться обязательным элементом образа адвоката. Наличие унифицированных отличительных знаков в сознании граждан порождает большее доверие и авторитет к профессии.

Першина Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ННГУ им. Н.И. Лобачевского к.ю.н., доцент

Pershina Irina Viktorovna

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, PhD in Law, Associate Professor

E-mail: irina150477@yandex.ru

Символика некоммерческих организаций: пробелы правового регулирования

Symbols of non-profit organizations: gaps in legal regulation

Аннотация. В статье обозначена проблема необходимости разработки как с общеправовых позиций, так и теории цивилистики единого концептуального подхода к трактовке правовой сущности таких средств индивидуализации некоммерческого юридического лица как наименование и символика. Анализ действующего законодательства свидетельствует, что данные объекты гражданских прав лишь формально закреплены в законе, не будучи отнесенными ни к объектам права интеллектуальной собственности ни к институту нематериальных благ. Пробел правового регулирования а так же сложившаяся судебная практика в настоящее время не позволяют обеспечить исключительность прав некоммерческой организации на используемые средства индивидуализации и возможность, в отличие от коммерческих юридических лиц, применять такие гражданско-правовые способы защиты как запрет на использование тождественных наименований и символов, возмещение убытков и репутационного ущерба.

Ключевые слова: наименование некоммерческой организации, исключительное право на наименование, фирменное наименование, символика некоммерческой организации, эмблема, герб, флаг

Annotation. The article outlines the problem of the need to develop a unified conceptual approach to the interpretation of the legal essence of such means of individualization of a non-profit legal entity as a name and symbols, both from a general legal standpoint and from the theory of civil law. An analysis of the current legislation shows that these objects of civil rights are only formally enshrined in the law, and they are neither classified as objects of intellectual property law nor as an institution of intangible benefits. The current legal regulation and judicial practice do not allow for the exclusive rights of a non-profit organization to use means of individualization and the ability to apply civil law remedies such as prohibiting the use of identical names and symbols, as well as compensating for losses and reputational damage, unlike commercial legal entities.

Keywords: name of a non-profit organization, exclusive right to a name, brand name, symbols of a non-profit organization, emblem, coat of arms, and flag

Для цитирования: Першина И.В. Символика некоммерческих организаций: пробелы правового регулирования // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026.– С. 783–786.

Юридические лица по своей правовой природе как бестелесный, неосязаемый субъект права не обладают уникальными индивидуализирующими их признаками как человек, физическое лицо – местом жительства, внешностью, интеллектом. Будучи исключительно функциональным образованием, организации тем не менее имеют свои собственные интересы, определяемые целями, характером деятельности и, как следствие, нуждаются в самоидентификации, в отграничении как от собственных учредителей (участников), так и от себе подобных. Наименование юридического лица и используемая им символика являются тем индивидуализирующим ДНК-кодом, дающим конкурентные преимущества, определяющим его узнаваемость, эффективность, репутацию. Нормативное закрепление переводит их в статус именно правовых символов, что служит показателем состояния правовой защищенности интересов юридического лица. И если в отношении коммерческих организаций в праве существует арсенал механизмов защиты - фирменные наименования, коммерческие обозначения и т.п., урегулированные отдельным институ-

том права интеллектуальной собственности, стоящие на их охране Роспатент, Суд по интеллектуальным правам, то в правовом регулировании наименований некоммерческих организаций (НКО), их символов и атрибутов как нематериальных благ, индивидуализирующих некоммерческое юридическое лицо следует констатировать полную правовую неопределенность.

Причины столь разного подход законодателя к нормативному закреплению казалось бы схожих средств индивидуализации юридических лиц и результатов их действий кроется в формальном подходе к вопросу, что есть сфера частного гражданско-правового имущественного оборота, а что к ней не относиться и посему остается «за бортом».

Правовой статус всех юридических лиц как субъектов права, независимо от сферы их деятельности определяется нормами частного гражданского права. Привычное и понятное деление их на коммерческие и некоммерческие организации существует не так давно – с момента создания современного гражданского кодифицированного законодательства. В то же время такое разграничение до некоторой степени условно – одну и ту же деятельность, скажем, медицинскую помощь могут оказывать бюджетные, автономные учреждения здравоохранения публичной формы собственности, а могут и коммерческие клиники в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью (или даже в статусе индивидуального предпринимателя) по договору возмездного оказания услуг. В первом случае это одна из основополагающих задач государственной социальной политики, во втором – вид деятельности по извлечению прибыли, при том что существо и стандарты оказания медицинской помощи не меняются. Однако из них лишь предпринимательская деятельность, построенная на договорных отношениях есть предмет гражданского частного права. Как следствие, вся символика, используемая ее субъектами в коммерческом обороте – фирменное наименование, коммерческое обозначение, товарный знак и знак обслуживания, наименование мест происхождения товара и географическое указание, которая имеет экономическую ценностью, вовлекается в сферу гражданского права в качестве объекта права интеллектуальной собственности, а именно «промышленной собственностью», наряду с такими объектами патентного права, как изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Производны от этого и возможность применения многообразных способов защиты, характерных для таких благ – запрет на использование тождественных средств индивидуализации, возмещение убытков, компенсации, изъятие и уничтожение контрафактных экземпляров и т.д.

Совершенно иное положение занимают некоммерческие организации. Будучи «по прописке» субъектами частного права, свое основное предназначение НКО находят в большей степени в общественно значимой публичной сфере – именно им принадлежит ведущая роль в реализации национальных проектов, молодежных творческих инициатив, политической и управленческой, культурной и религиозной сферах жизни общества[1]. Использование таких символов как гербы и эмблемы, цвета и флаги, элементы формы и ритуалы имеют глубоко идейный смысл и служат основной цели некоммерческой организации – создать стимулы для вовлеченности участников в общее дело, их самоидентификации и корпоративной сплоченности и как следствие – повышению социальной ответственности за общий результат. Особое признание получили социально ориентированные некоммерческие организации, занимающиеся решением особенно острых социальных проблем населения и общества в целом и рассчитывающие на меры государственной поддержки.

В отношении некоммерческих юридических лиц существующая система правового регулирования ограничивается лишь позиционированием возможного существования названий и символики, используемой ими на добровольной основе. В ГК РФ закреплены общие положения о праве на наименовании юридического лица, возможности включения в них официальных публичных наименований и слов от них производных, а так же отдельные указания относительно содержания наименований отдельных организационно-правовых форм НКО. Специальные законы закрепляют право некоммерческих организаций на собственную символику - эмблему, герб, геральдический знак, флаги и гимн (а общественные движения, не являющиеся юридическими лицами вправе учреждать награды, в частности почетные звания, медали и знаки отличия и иные поощрения за личные и коллективные заслуги), описание которой должно содержаться в учредительных документах и соответствовать законодательству об интеллектуальных правах[2]. При этом в отличие от наименования символика некоммерческой организации не подлежит регистрации в Министерстве юстиции – последний административный регламент по предоставлению соответствующей услуги утратил силу еще в 2014 году с принятием закона о ее отмене[3]. Таким образом сим-

[1] Особняком в ряду некоммерческих организаций, не принимающих участия в общественной жизни общества находятся потребительские кооперативы, личные фонды и товарищества собственников недвижимости, для которых проблема защиты символики не стоит так остро – их интерес по своей природе является имущественным, но не связанным с извлечением прибыли и Закон об НКО на них не распространяется (ст. 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. – 1996. - № 3. - Ст. 145 (Далее – Закон об НКО)).

[2] П. 5 ст. 3 Закона об НКО; Ст. 23 Федерального закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. – 1995. - № 21. - ст. 1930.

[3] Приказ Министерства юстиции РФ от 01.02.2012 № 10 «Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по государственной регистрации эмблем некоммерческих организаций и символики общественных объединений» (зарегистрирован Минюстом России

волика некоммерческих организаций не охраняется вообще, что же касается наименований – Закон об НКО ограничивается единственным способом защиты – возможностью отказа в регистрации если НКО с таким же наименованием уже есть в реестре. Парадоксально, но при огромном идеологическом значении правового статуса некоммерческих юридических лиц в части средств индивидуализации его регулирование фрагментарно и непоследовательно сводиться к отдельным указаниям относительно слов в названиях применительно к различным организационно-правовым формам НКО а так же недопущению влияния недружественных, экстремистских идеологий, проникновению иностранного капитала.

Такой диссонанс в подходе законодателя имеет исторические корни. Поспешность принятия части четвертой ГК РФ, содержащей нормы права интеллектуальной собственности была обусловлена стремлением скорейшего вступления России в ВТО. Качество юридической техники во главу угла не ставилось – принципиальной задачей было учесть интересы бизнеса, предпринимателей. Нормативные акты, не вписывающиеся в новые реалии были просто отменены, оставив после себя пробел, в частности положение о фирме, распространявшееся на все организационно-правовые формы юридических лиц[1]. А после в судебной практике, в том числе Суда по интеллектуальным правам надолго возобладал формально-юридический подход – новая норма ст. 1473 ГК РФ о праве на фирменное наименование к требованиям некоммерческих организаций о защите своего наименования применяться не может поскольку фирменным считается наименование только коммерческой организации. Заметим – применение данной нормы даже по аналогии к НКО исключается судебными инстанциями в силу различий в правовом положении коммерческих и некоммерческих организаций[2]. И основа такому подходу была положена еще Определением КС РФ, указавшего что защита путем предъявления требования некоммерческой организации о запрете использования тождественного заявителю наименования другой организацией и об обязывании его изменить не предусмотрена Законом об НКО (только отказ в регистрации если это было выявлено на данном этапе) и не может быть основана на положениях ГК РФ о фирменном наименовании[3].

Таким образом, декларируемое Законом об НКО исключительное право на наименование некоммерческой организации оказалось вне механизма защиты. Обратим внимание на неточность использования оставшегося неизменным самого термина «исключительное право», который в новом гражданском законодательстве стал использоваться для обозначения имущественного права на объекты интеллектуальных прав, к которым наименование некоммерческих организаций формально не относится.

Природа не терпит пустоты и одним из возможных тактических способов защиты «нематериальных благ» некоммерческих организаций было предложено использование принципа добросовестности участников гражданского оборота и недопустимости злоупотребления своими правами в силу ст. 10 ГК РФ. Такой вариант может быть эффективным в противодействии недобросовестным компаниям, специально регистрирующим сходные до степени смешения названия с известными общероссийскими НКО, предполагая воспользоваться их популярностью и репутацией. В остальных случаях следует оценивать трудности доказывания при такой тактике защиты – помимо опровержения презумпции добросовестности, которая возлагается на истца, необходимо доказать наличие отрицательных для заявителя последствий и факты, подтверждающие намерение ответчика использовать наименование истца с целью введения кого-либо в заблуждение [4].

Еще одним относительно новым оригинальным способом закрепления прав на свою символику, наименование некоммерческой организации правоприменительная практика предлагает регистрацию их в качестве товарного знака, что не исключается действующим законодательством, поскольку даже некоммерческие организации могут осуществлять деятельность, приносящую доход постольку поскольку это не противоречит целям их создания. Последний резонансный пример – отказ в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ Общероссийской общественно-государственная организация «Союз женщин России» об оспаривании регистрации за другим НКО (фондом) прав на товарный знак «Женщины России». «По мнению заявителя, знак «Женщины России», зарегистрированный на другую организацию, может быть воспринят в качестве средства индивидуализации

05.03.2012, регистрационный N 23406) // СПС «Консультант плюс», 2025; Федеральный закон от 21.07.2014 № 236-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам символики некоммерческих организаций» // СЗ РФ. – 2014. - № 30 (Часть I). - ст. 4237.

[1] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 22.06.1927 «О введении в действие Положения о фирме» // СПС «Консультант плюс», 2025.

[2] «Справка о некоторых вопросах, возникающих при применении положений параграфа 1 главы 76 Гражданского кодекса РФ судом по интеллектуальным правам как судом кассационной инстанции» (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 04.09.2015 N СП-23/25) // СПС «Консультант плюс», 2025.

[3] Определение Конституционного суда РФ от 10.02.2009 № 244-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Союза производителей сельскохозяйственной техники и оборудования для АПК «Союзагромаш» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем вторым пункта 1 статьи 4 Федерального закона "О некоммерческих организациях» // СПС «Консультант плюс», 2025.

[4] Шамшина А.А. Некоммерческие организации: путь к правовой защите наименования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. - 2018. - № 19. - С. 80-85.

«Союза женщин России» и ввести потребителя в заблуждение по поводу производителя товаров. Заявитель заметил, что имеет свою эмблему, которая используется при проведении мероприятий, на бланках, штампах, свидетельствах членов, на сувенирной продукции, в печатных периодических изданиях, в сети интернет»[1]. Несмотря на доказательства, обосновывающие нарушение прав заявителя – опросы общественного мнения, лингвистическую экспертизу и т.п. нарушений закона при регистрации товарного знака за фондом высшая судебная инстанция не усмотрела руководствуясь принципом «кто первый зарегистрировал тот и прав».

Тем не менее следует признать, что подобное решение есть по сути «латание дыр», которое совершенно не устраняет и не решает принципиально значимую проблему - отсутствие концептуально непротиворечивого единого подхода к пониманию правовой сущности таких средств индивидуализации некоммерческих юридических лиц как наименование и символика. За ориентир следует принять тезис: «Правовые символы ***в широком смысле*** (курсив автора) представляют интерес с точки зрения правотворческой техники, т.к. именно они являются тем материалом, который впоследствии подлежит нормативному закреплению»[2].

Отсутствие общих положений о праве некоммерческой организации на собственное наименование и символы как средства индивидуализации участников гражданского оборота не позволяет должным образом организовать защиту данных нематериальных благ от искажения и несанкционированного использования иными лицами, добиваться восстановления положения и компенсации ущерба, причиненного деловой репутации. Подобно праву граждан на изображение, имя, неприкосновенность личности закрепление прав некоммерческой организации на наименование и символы во всем их многообразии создаст правовое поле, гарантирующее защиту законных интересов как самой НКО как самостоятельного субъекта права, обладающего этими благами, так и граждан, являющихся их участниками, учредителями.

Первоначальная задача именно теории цивилистики видится в разработке логически обоснованного непротиворечивого с позиций традиционной системы объектов гражданских прав понимания правовой сущности символов некоммерческих организаций – как нематериальных благ, неотчуждаемых и непередаваемых как права личности либо как объектов интеллектуальных прав, подобно фирменному наименованию коммерческой организации.

[1] https://www.rapsinews.ru/judicial_news/20251027/311277564.html
[2] Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С. 261.

Ремизов Павел Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

Remizov Pavel Vladimirovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: pasha5225@yandex.ru

Сальников Андрей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

Salnikov Andrey Alexandrovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Административно-правовые средства охраны государственных символов

Administrative and legal means of protecting state symbols

Аннотация. В статье проводится анализ состояния административно-правовых средств охраны государственных символов. Рассматриваются нормы об административной ответственности, предусмотренные ст. 17.10–17.12 КоАП РФ, а также отдельные положения законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Осуществлена оценка степени общественной опасности (вредности) данных правонарушений, сформулированы отдельные предложения по совершенствованию административного законодательства и повышению эффективности правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: государственный символ, административное правонарушение, административная ответственность, правовая охрана

Annotation. This article analyzes the current state of administrative and legal protection of state symbols. It examines the administrative liability provisions stipulated by Articles 17.10–17.12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as well as specific provisions of the legislation of the constituent entities of the Russian Federation on administrative offenses. An assessment is made of the degree of public danger (harmfulness) of these offenses, and proposals are formulated for improving administrative legislation and enhancing the effectiveness of law enforcement.

Keywords: state symbol, administrative offense, administrative responsibility, legal protection

Для цитирования: Ремизов П.В., Сальников А.А. Административно-правовые средства охраны государственных символов // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 787–789.

Государственные символы выступают важным элементом государственности, средством формирования высокого уровня правовой культуры и идеологии патриотизма. Подчеркивая суверенитет, самобытность, исторические и культурные традиции, они позволяют выделить страну среди других государств в мировом сообществе. Нарушение порядка их использования, небрежное отношение к государ-

ственным символам способны, в конечном счете, стать предпосылками возникновения угроз конституционному строю, государственной и общественной безопасности. В этой связи вопросы их правовой охраны имеют существенное значение и должны подвергаться периодическому научному анализу с учетом изменения идеологической и политической обстановки на каждом этапе государственного строительства.

Необходимо отметить, что правовая охрана государственных символов носит межотраслевой характер, однако среди всех используемых в данной области средств немаловажное значение имеет административной законодательство и институт административной ответственности, в частности. Административные правонарушения в рассматриваемой области получили отражение в главе 17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.[1] Именно там законодатель разместил ст. 17.10–17.12, предусматривающие административную ответственность за нарушение порядка официального использования государственных символов Российской Федерации, незаконное ношение государственных наград и незаконное ношение форменной одежды со знаками различия. Данные административные правонарушения не являются достаточно распространенными. В соответствии с официальными статистическими данными, опубликованными на официальном интернет-ресурсе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[2], в 2024 году поступило 207 дел о данных правонарушениях (17.10 – 94, 17.11, ч. 1 ст. 17.12 – 113), всего рассмотрено – 220 (17.10 – 97, 17.11, ч. 1 ст. 17.12 – 123), поступило повторно – 14, направлено для устранения существенных недостатков протоколов – 58 (17.10 – 19, 17.11, ч. 1 ст. 17.12 – 39). При этом подвергнуто административному наказанию лишь 123 лица (17.10 – 59, 17.11, ч. 1 ст. 17.12 – 64). Статистическая отчетность 2023 года выглядит следующим образом: поступило 169 дел (17.10 – 73, 17.11, ч. 1 ст. 17.12 – 96), рассмотрено – 163 (17.10 – 68, 17.11, ч. 1 ст. 17.12 – 95). Возвращено для устранения недостатков протоколов – 29, подвергнуто административному наказанию 102 лица.

Таким образом первичный анализ показывает тенденцию роста рассматриваемых правонарушений за последний год (122%), а также свидетельствует об увеличении процента возврата протоколов для устранения недостатка протокола – 17% в 2023 и 26% в 2024 году. При этом последний рост говорит о нехватке методологического инструментария у правоприменителя и взывает к необходимости разработки в научных центрах методических рекомендаций по сбору соответствующего административного материала. Отдельными процессуальными нарушениями, приводящими к отмене постановлений о назначении административного наказания признаются нарушение права лица на защиту[3] и отсутствие в материалах дела сведений о виновности лица.[4]

В свою очередь, при квалификации деяний по ст. 17.10 необходимо учитывать, что, например, окрашивание остановок общественного транспорта с использованием цветов Государственного флага Российской Федерации, определяющих его цветовую гамму, в частности белого, синего и красного цветов не является нарушением официального порядка использования государственного символа Российской Федерации.[5]

Следует отметить, что, на наш взгляд, санкции рассматриваемых правонарушений не отражают степень их общественной опасности в части установленных размеров административных штрафов, которые повышались в последний раз в 2010 году.[6] Необходимость повышения размеров административного наказания обусловлена не только увеличением роста рассматриваемых правонарушений и изменениями экономических показателей, но и рядом других факторов. Во-первых, в условиях сложившейся политической обстановки данные правонарушения могут нести следы экстремистской деятельности. Данный тезис также отмечается в отдельных разъяснениях органов прокуратуры.[7] Во-вторых, данные правонарушения могут использоваться как инструмент упрощения совершения других самостоятельных противоправных и антиобщественных действий (для восприятия лица в качестве представителя государства и власти).[8] Здесь представляется уместным напомнить правовую позицию Верховного Суда, со-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).
[2] URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 20.07.2025).
[3] Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2025 N 16-4774/2025 (УИД 22MS0049-01-2025-000879-62) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).
[4] Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.10.2022 N 16-6416/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).
[5] Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2024 по делу N 16-4380/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).
[6] Федеральный закон от 19.05.2010 N 88-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления контроля за использованием государственной символики, незаконным ношением форменной одежды» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2010. № 21. Ст. 2526.
[7] Официальный сайт Прокуратуры Пермского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_59/activity/legal-education/explain?item=104413663 (дата обращения: 20.07.2025).
[8] Куратов А.А. Выявление мотивов правонарушений, способствующих незаконному использованию Государственного герба Российской Федерации // Административное право и процесс. 2016. № 10. С. 60-63.

гласно которой объективную сторону ст. 17.10 образует незаконное использование и размещение Государственного герба Российской Федерации на документах (печатях).[1] В-третьих, размеры административных штрафов, установленных федеральным кодексом, в отдельных случаях, уступают региональному законодательству за совершение однородных административных правонарушений.[2]

В свете последнего тезиса представляется возможным указать, что законодательство субъектов об административных правонарушениях также выступает важным средством правовой охраны государственных символов (если точнее, *символов государственности*). Этот блок законодательства устанавливает целый комплекс «самобытных» административных правонарушений, устанавливающих охрану не только герба и флага субъектов России и муниципальных образований, но и, например, словесных или архитектурно-мемориальных символов. Проведенный анализ регионального законодательства показал также, что во многих субъектах установлена ответственность за надругательство гербом и (или) флагом субъекта РФ, что ставит вопрос о целесообразности перевода подобных норм в разряд федеральных административных правонарушений. Встречаются, в региональном законодательстве и случаи, когда, по нашему мнению, законодательный орган субъекта РФ выходит за пределы компетенции, установленные КоАП РФ. Как иллюстрацию можно привести ст. 6. «Незаконное изготовление и ношение государственных наград Республики Марий Эл» закона Республики Марий Эл «Об административных правонарушениях в Республике Марий Эл» (с изменениями на 25 апреля 2025 года) № 43-З,[3] которая устанавливает в качестве наказания за это правонарушение наложение административного штрафа с *изъятием* ордена Республики Марий Эл, медали ордена Республики Марий Эл, нагрудного знака к почетному званию Республики Марий Эл. Думается, что данная норма входит в прямое противоречие со ст. 1.3, 1.3.1, и 3.2 КоАП РФ, согласно которым действующий перечень административных наказаний не содержит такого наказания как изъятие, установление перечня видов наказаний, относится к исключительной компетенции федерального законодателя, а в законе субъекта РФ могут быть предусмотрены только такие административные наказания, как предупреждение и административный штраф.

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).

[2] См., например: Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 (ред. от 29.01.2025) «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях». URL: https://www.mos.ru/upload/content/files/0c09172cbebfed85aa70194f53e29774/KoAPMoskvi.rtf (дата обращения: 20.07.2025), ст. 14.4.

[3] URL: https://docs.cntd.ru/document/802001340?section=text (дата обращения: 20.07.2025).

Репьева Анна Михайловна

кандидат юридических наук, и.о. заведующего кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» Юридического института Российского университета транспорта

Repyeva Anna Mikhailovna

Candidate of Sciences in Law (Ph.D. in Law), Acting Head of the Department of «Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement Activities» Law Institute Russian University of Transport

E-mail: anna-repeva@yandex.ru

Символы в уголовно-исполнительном праве

Symbol in criminal enforcement law

Аннотация. В статье автором предпринимается попытка осмысления роли и значения символа в уголовно-исполнительном праве. Символ и символика рассматриваются в качестве проявления в официальной атрибутике; восприятия наказания, как карательного элемента; неформальных наименований учреждений системы исполнения наказания; тюремной субкультуры. Каждое из проявлений сопровождается примерами, наглядно демонстрирующими роль символа в уголовно-исполнительном праве в том или ином аспекте. Аргументируется тезис, что символы выступают не только как знаки идентичности, но и как инструменты социального и правового воздействия.

Ключевые слова: символ, символика, уголовно-исполнительное право, ФСИН России, тюремная субкультура

Annotation. In the article, the author attempts to understand the role and meaning of the symbol in penal enforcement law. Symbols and symbols are considered as manifestations in official attributes; perception of punishment as a punitive element; informal names of institutions of the penal system; prison subculture. Each of the manifestations is accompanied by examples that clearly demonstrate the role of the symbol in penal enforcement law in one aspect or another. The thesis is argued that symbols act not only as signs of identity, but also as instruments of social and legal influence.

Keywords: symbol, symbolism, criminal enforcement law, Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN), prison subculture

Для цитирования: Репьева А.М. Символ в уголовно-исполнительном праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 790–797.

Символ традиционно рассматривается в контексте «предмета или действия, служащего условным знаком чего-нибудь, выражающего, означающего какое-нибудь понятие, идею»[1]. Однако в уголовно-исполнительном праве символы и символика (совокупность символов) приобретают особое значение, поскольку воплощены в различного рода аспектах, как правового, так и внеправового поля, связанных с сущностью наказания. Рассмотрим наиболее характерные формы объективации символов применительно к пенитенциарной науки:

1. Символ *в ракурсе воплощения особенностей специализированной государственной службы* (эмблема, форменная одежда и пр.). Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН России) – это федеральный орган исполнительной власти, подведомственный Минюсту России, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, решающий задачи по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвои-

[1] Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-Принт», ООО «Издательство «ДОМ.XXI век.», 2008. С. 955.

рованию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания[1].

Соответственно, как любая государственная служба, ФСИН России традиционно имеет свой геральдический знак, состоящий из эмблемы и флага, являющихся официальными символами и указывающими на соответствующую принадлежность[2]. Эмблема помещается на флаге ФСИН России, а также на ведомственных наградах и знаках различия сотрудников уголовно-исполнительной системы. Символизм здесь прослеживается и в самой идее эмблемы ФСИН России. К примеру, на ней можно увидеть в левой лапе орла серебряный ликторский пучок[3] (или фасций). Фасций с римских времен это символ правосудия и воздаяния, символ права требовать исполнения воли власти[4].

2. Символ, *как восприятие наказания в качестве карательного элемента*. Отмеченное воплощается в таких символичных словах и сочетаниях слов, как «решетка», «тюрьма», «забор», «колючая проволока», «вышка» и пр. Как правило, произношение данных слов не просто обозначает физические объекты, а воспринимается человеком, как нечто негативное, гнетущее, становится метафорой утраты свободы, изоляции, общественного осуждения. Вспомним символичное народное выражение - «от сумы и от тюрьмы не зарекайся». «Тюрьма» здесь выступает как равноценная угроза наряду с нищетой – и то, и другое в сознании индивидуума лишают человека свободы и социального статуса, благ и возможностей. Действительно, восприятие наказания в общественном сознании символично и эмоционально окрашено, эта специфика укоренилась не столько из-за правовой составляющей, сколько в силу коллективной памяти, культурного кода и повседневного представлении о свободе и ее ценности, а также страхе ее лишиться. Если задуматься, данное отношение к наказанию, в принципе – один из аспектов достижения целей уголовно-исполнительного законодательства, регламентированных ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ[5], а предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

3. Символ, *как посыл к формированию неформального («народного») названия учреждений системы исполнения наказания*. Так, к примеру, следующие следственные изоляторы и колонии особого режима для осужденных к пожизненному лишению свободы с символичными неформальными названиями – аналогами сложных официальных наименований:

«Черный дельфин» (ИК № 6 УФСИН России по Оренбургской области), название получено благодаря соответствующей скульптуре, расположенная на территории;

«Снежинка» (ИК-6 УФСИН России по Хабаровскому краю) вероятнее всего именуется так из-за схожей архитектуры строения (от главного корпуса лучами расходятся здания) и пр.;

«Матросская тишина» (СИЗО № 1 по г. Москве) названа так в силу географического расположения на одноименной улице и пр.

Рассмотрим более подробно соотношение термина «символ» и уголовно-исполнительной системы на примере одного из, пожалуй, самых известных учреждения системы исполнения наказаний. «Кресты» – неформальное название Следственного изолятора № 1 Главного управления федеральной службы исполнения наказаний по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, переставшего существовать в качестве места изоляции в 2017 году. Название сложилось в связи с особой архитектурой учреждения, представленной двумя корпусами, каждый из которых имеет вид креста. Символическое наименование настолько поглотило официальное название, что использовалось (и продолжает использоваться) не только в обиходе сотрудников СИЗО № 1 и людей, не имеющих отношение к службе там, но и в публицистической и научной литературе[6], музыке и пр. К примеру, знаменитые строки Анны Ахматовой в поэме «Реквием»:

---

[1] Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (ред. от 05.01.2024) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 42. Ст. 4109; 2024. № 2. Ст. 399.

[2] Указ Президента РФ от 02.12.2005 N 1396 (ред. от 24.02.2022) «Об учреждении геральдического знака - эмблемы и флага Федеральной службы исполнения наказаний" (вместе с «Положением о геральдическом знаке - эмблеме и флаге Федеральной службы исполнения наказания») // Собрание законодательства РФ. 2005. № 49. Ст. 5204; 2022. № 9 (часть I). Ст. 1299.

[3] Символика ФСИН России // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fsin.gov.ru/fsin/simvolika/ (дата обращения: 19.08.2025).

[4] См: Яровая М. В. Инсигнии и регалии власти в Древнем Риме // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2010. № 2(6). С. 41-50; Демко Т. Н. Геральдические знаки уголовно-исполнительной системы с точки зрения воспитания уважения к профессии // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России, Рязань, 31 октября – 01 2024 года. Рязань: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 124-127.

[5] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198; 2025. № 15. Ст. 1797.

[6] См., например: Гавриш А. Семь лет в «Крестах»: тюрьма глазами психиатра. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 202 с.; Булычева Л. И. «Кресты»: прошлое и настоящее. От колоний - снова к тюрьмам?! // Закон и право. 2003. № 10. С. 75-

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лед прожигать[1].

К слову сказать, несмотря на прогрессивность системы исполнения наказания, на смену «Крестам» пришли «Новые кресты» или «Кресты-2», открывшиеся в 2017 году. Что интересно, символизм сохранился, как с точки зрения народного названия, так и архитектурного построения.

4. Символов-обозначения, *как воплощение тюремной субкультуры*. К таковым можно отнести, нанесение специальных татуировок, употребление жаргона, демонстрация специальных жестов для обмена информацией между осужденными в исправительных учреждениях и пр. К примеру, в связи с криминализацией занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 Уголовного кодекса РФ[2]) возник вопрос о сборе такой доказательственной базы, которая бы указывала на соответствующую принадлежность лица. Здесь показателен аспект наличия специальной татуировки, как символа статуса. Так, в Верховный Суд РФ поступила жалоба на принятие (помимо прочего) во внимание татуировки обвиняемого по делу о занятии высшего положения в преступной иерархии при вынесении обвинительного приговора. Было отмечено, что согласно заключению эксперта татуировки, нанесенные на тело лица, подтверждают его статус в преступной иерархии как лица, занимающего высокое положение в преступной элите. Судебная коллегия, рассмотрев материалы, пришла к выводу, что оценка всем имеющимся доказательствам дана надлежащая. Сделан обоснованный вывод о виновности лица, а его действия квалифицированны правильно. Определено приговор оставить без изменения, а кассационную жалобу адвоката – без удовлетворения[3]. Таким образом, фактически символ признан допустимым доказательством.

Интересен тот факт, что по делам об участии в преступной иерархии в качестве доказательств приводились не только татуировки, но и фотографии бассейна, на дне которого была выложена из плитки восьмилучевая звезда (так называемая, «воровская звезда»)[4].

Таким образом, отмеченные выше примеры позволяют прийти к выводу, что символы в уголовно-исполнительном праве представляют собой многогранный феномен, выполняющий одновременно несколько функций и характеризующийся наличием специфических черт, иллюстрирующих особенности и назначение пенитенциарной системы. Символы в уголовно-исполнительном праве функционируют одновременно и в правовом, и в культурном поле, отражая сложную взаимосвязь между государством, обществом и осужденным.

72; Маркачева Е.М. Кому на Руси сидеть хорошо: как устроены тюрьмы в современной России. М.: Альпина. 376 с.; Смирнов Л. Б. «Кресты»: история и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2(26). С. 202-210 и пр.

[1] Ахматова А.А. Реквием / пред. И.Д. Тименчика; сост.и прим. Р.Д. Тименчика при участ. К. М. Поливанова. М.: Изд-во МП И, 1989. С. 306.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 42. Ст. 6087.

[3] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2022 № 11-УД22-34-А4 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22092022-n-11-ud22-34-a4/ (дата обращения: 21.08.2025).

[4] ВС объяснил, можно ли считать татуировки доказательствами статуса в преступной иерархии // Российское агентство правовой и судебной информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rapsi-pravo.ru/judicial_analyst/20220930/308335596.html (дата обращения: 21.08.2025).

Сивицкий Владимир Александрович

кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридический факультета Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ

Sivitskiy Vladimir A.

Candidate of Law Sciences, professor of Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, HSE Campus in St. Petersburg

E-mail: vsivitskij@hse.ru

Проблематика символов в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

The issues of symbols in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена тому, каким образом проблематика символов затрагивается в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Хотя непосредственно по этим вопросам им не было принято постановлений, определения об отказе в принятии к рассмотрению жалоб, связанных с данной проблемой, имеются. В статье выявляются те вопросы, которые заявители ставили перед Конституционным Судом в связи с символами. Многие из таких жалоб являлись политически или идеологически мотивированными. Нередко проблему символов заявители пытались использовать как способ защиты прав совсем в других отношениях. Наиболее же часто вопрос о символах возникал, в различных аспектах, в жалобах о проверке конституционности положений законов, устанавливающих запрет экстремистской и нацистской символики и ответственность за его нарушение. Конституционный Суд в своих определениях подтвердил конституционность соответствующих законоположений.

Ключевые слова: символика, решения Конституционного Суда Российской Федерации, государственные символы, запрет экстремистской и нацистской символики

Annotation. The article focuses on the way the issue of symbols is addressed in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Although the Court has not issued any judgement specifically on this issue, there are several decisions to reject the complaint related to symbols. The article identifies the issues that the applicants raised with the Constitutional Court regarding the symbols. Many of these complaints have been politically or ideologically motivated. In some cases, the issue of symbols has been used by the applicants as a means to protect their rights in other areas. The most frequent issue regarding symbols arose, in various aspects, in complaints about the constitutionality of provisions of laws establishing the prohibition of extremist and Nazi symbols and liability for its violation. In its decisions, the Constitutional Court confirmed the constitutionality of the relevant legal provisions.

Keywords: symbols, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, state symbols, the prohibition of extremist and Nazi symbols

Для цитирования: Сивицкий В. А. Проблематика символов в решениях Конституционного Суда Российской Федерации //Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 793–797.

Поскольку сегодняшняя тема обсуждения - символы в праве, хотелось бы рассмотреть, каким образом проблематика символов находила отражение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Пока в его практике нет ни одного постановления, специально посвященного этому вопросу. Тем не менее, косвенно проблематика символов в постановлениях Конституционного Суда затрагивалась. Более того, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" предметом была, наряду с другими положениями, статья 162 Конституции Республики Алтай, согласно которой в действующей на момент оспаривания редакции «Республика Алтай имеет свои государственные символы: герб, флаг, гимн, выражающие суверенитет Республики Алтай, самобытность и традиции многонационального

народа республики». Она рассматривалась Конституционным Судом в связке с положением статьи 4 этой Конституции, в которой говорилось о суверенитете Республики.

Не затрагивая вопрос о самих государственных символах Республики Алтай, Конституционный Суд признал содержащиеся в статьях 4 и 162 Конституции Республики Алтай положения о суверенитете Республики Алтай, взаимосвязанные с положениями части первой статьи 1, части первой статьи 6, части первой статьи 20, статей 77 и 114 Конституции Республики Алтай, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 3 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 5, 66 (части 1 и 5), 67 (часть 1) и 71 (пункт "б"), оговорив, что этим не затрагивается принадлежность Республике Алтай всей полноты государственной власти, которой она - в силу статьи 73 Конституции Российской Федерации - обладает вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

При этом он, в мотивировочной части, отметил, что «в силу своего конституционного статуса (статьи 65 и 66 Конституции Российской Федерации) республика, как и другие субъекты Российской Федерации, вправе самостоятельно устанавливать свои символы, выражающие исторические и иные ценности и традиции народов, проживающих на соответствующей территории, придавать им статус официальных отличительных атрибутов, определять порядок их официального использования. Флаг, герб и гимн наряду с наименованием республики призваны самоидентифицировать ее внутри Российской Федерации и по своему предназначению не могут служить иным целям.

<…> по смыслу закрепляющих принцип суверенитета Республики Алтай положений статей 4 и 162 Конституции Республики Алтай во взаимосвязи с другими ее предписаниями, суверенитет самой Российской Федерации, ее конституционно - правовой статус, федеративное устройство и полномочия, по существу, рассматриваются как производные от суверенитета, провозглашаемого тем или иным субъектом Российской Федерации. Однако это нельзя признать допустимым, поскольку тем самым ограничивались бы суверенитет Российской Федерации, верховенство Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации и создавалась бы возможность одностороннего изменения республикой установленных Конституцией Российской Федерации федеративного устройства, принципа равноправия республик с иными субъектами Российской Федерации, разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов». Таким образом, данное решение наглядно демонстрирует, что при установлении государственных символов правовое значение имеет и то, как в соответствующей норме определяется, что эти символы выражают, и при допущении в этом аспекте противоречия Конституции Российской Федерации данные положения – именно в данной части, а не в части самих символов – могут быть признаны неконституционными.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2007 года № 8-П также фигурирует проблематика символа – но символа негативного. В данном Постановлении проверялась конституционность статьи 14.1 Федерального закона "О погребении и похоронном деле" и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, предусматривающих, что погребение лиц, уголовное преследование в отношении которых в связи с их участием в террористической деятельности прекращено из-за их смерти, наступившей в результате пресечения совершенного ими террористического акта, осуществляется в особом порядке специализированными службами по вопросам похоронного дела, а тела указанных лиц для захоронения не выдаются и о месте их захоронения не сообщается.

В его мотивировочной части отмечалось, что «захоронение лица, принимавшего участие в террористическом акте, в непосредственной близости от могил жертв его действий, совершение обрядов захоронения и поминовения с отданием почестей как символу, как объекту поклонения, с одной стороны, служат пропаганде идей террора, а с другой - оскорбляют чувства родственников жертв этого акта и создают предпосылки для нагнетания межнациональной и религиозной розни». В результате оспариваемое регулирование признано соответствующим Конституции Российской Федерации, однако в качестве конституционно-правового смысла оспариваемых положений предусмотрен ряд гарантий, позволяющих проверять выводы о гибели лица именно в ходе совершения им террористического акта, а также обеспечивающих нормальное отношение к телу такого лица при его погребении в особом порядке.

Можно вспомнить также недавнее Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2025 года № 2-П по делу о проверке конституционности подпункта 5 пункта 3 статьи 39, пункта 1 статьи 41, пунктов 1 и 2 статьи 248, пунктов 1 и 2 статьи 249, а также пункта 1 статьи 346.15 Налогового кодекса Российской Федерации, в котором есть фраза: «в период нахождения у общества перешедшая к нему от вышедшего участника доля, по сути, является номинальной величиной, символизирующей (обозначающей) набор определенных прав и обязанностей, которыми могут быть в последующем наделены иные лица». Привожу это просто в качестве дополнительного подтверждения того, как многообразно применение слова «символ» и производных от него слов в правовой сфере, в том числе в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Проблематика собственно символов также неоднократно ставилась заявителями перед Конституционным Судом Российской Федерации в разных аспектах, но ни одно такое обращение не завершалось

вынесением постановления. По ним принимались определения Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии обращений к рассмотрению. Так, некоторые заявители оспаривали конституционность законов об официальных Государственных символах (гербе, гимне, флаге) Российской Федерации и некоторых ее субъектов. Многие из таких жалоб являлись, очевидно, политически или идеологически мотивированными – заявители, по сути, выражали несогласие с произошедшим в начале 90-х годов прошлого века изменением общественно-политического строя, повлекшим и изменение государственной символики. Конституционный Суд, отказывая в принятии этих жалоб к рассмотрению, исходил из того, что соответствующие законы, предусматривая описание и порядок официального использования этих символов, не являются и не могут являться основанием для ограничения каких-либо конституционных прав и свобод, и таковое в делах заявителей не было подтверждено. В ряде случаев конкретного судебного дела, наличие которого в тот период времени являлось условием подачи конституционной жалобы (сейчас, напомню, требуется также исчерпание иных средств судебной защиты в таком деле), вообще не было, а нередко эти дела можно лишь условно назвать конкретными, как, например, дело в районном суде по иску заявителя к Президенту Российской Федерации и Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда, причиненного в результате установления Государственного герба Российской Федерации (Определение от 15 июля 2004 года № 249-О).

Любопытный пример, также свидетельствующий о скорее политико-идеологическом контексте таких жалоб, - требование заявителя, наряду с проверкой конституционности установленного Федеральным конституционным законом Государственного герба Российской Федерации, проверить на соответствие Конституции Российской Федерации также изготовленные им рисунок и описание герба, который он предлагал использовать в качестве Государственного герба Российской Федерации (Определение от 29 мая 2014 года № 1132-О), на что Конституционный Суд ответил такая проверка не входит в полномочия Конституционного Суда Российской Федерации.

В некоторых жалобах (по ним, например, вынесены определения от 17 июля 2012 года № 1343-О, от 24 октября 2013 года № 1631-О) заявители, привлеченные к административной ответственности по статье 17.10 КоАП Российской Федерации за использование Государственного герба Российской Федерации на своих обращениях в различные государственные органы, настаивали на неконституционности запрета такого использования герба. Отказывая им в принятии жалоб к рассмотрению, Конституционный Суд отметил, что определяя в Федеральном конституционном законе «О Государственном гербе Российской Федерации» порядок использования Государственного герба Российской Федерации, федеральный законодатель не отнес граждан к числу лиц, имеющих право использовать его на бланках и печатях (статьи 3 и 4); данное регулирование обусловлено тем, что Государственный герб Российской Федерации как государственный символ Российской Федерации служит средством обозначения актов и документов, исходящих от ее государственных органов и должностных лиц, а также документов органов, организаций и учреждений, деятельность которых имеет общегосударственное значение, и не выходит за пределы дискреционных полномочий федерального законодателя; следовательно, оно не может рассматриваться как нарушающее конституционные права и свободы граждан. В одной из жалоб (по ней было принято Определение от 20 марта 2014 года № 511-О) заявитель попытался подойти к разрешению этой же ситуации в свою пользу иным образом. В его случае используемый им на обращениях к государственные органы герб являлся схожим до степени смешения с Государственным гербом Российской Федерации. Он ставил вопрос о неконституционности ряда положений как позволяющих суду произвольно, без получения заключения Геральдического совета при Президенте Российской Федерации, определять, является ли герб, изображенный на обращении гражданина, сходным до степени смешения с Государственным гербом Российской Федерации, и тем самым лишающих граждан возможности судебной защиты их прав от незаконных действий судей.

В указанном Определении Конституционный Суд Российской Федерации, с учетом конституционной природы герба как государственного символа и обусловленного этим специального режима его использования, солидаризировался с позицией Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года, утвержденным Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2012 года, согласно которой объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.10 КоАП Российской Федерации, может выражаться как в использовании лицами при обращении в те или иные органы или к должностным лицам бланков и (или) печатей, содержащих изображение, идентичное изображению Государственного герба Российской Федерации, но не указанных в Федеральном конституционном законе "О Государственном гербе Российской Федерации", так и в использовании бланков и (или) печатей с изображением, схожим по внешнему виду до степени смешения с Государственным гербом Российской Федерации. Также Конституционный Суд отметил, что действующее законодательство не предусматривает обязательного проведения экспертизы для целей привлечения к административной ответственности за нарушение официального порядка использования Государственного герба Российской Федерации; разрешение вопроса о назначении экспертизы осуществляется в каждом конкретном случае судьей, рассматривающим дело о данном административном правонарушении, с учетом необходимости использования специальных познаний для всестороннего, полного, объективного и своевре-

менного выяснения обстоятельств дела; лицо, привлекаемое к ответственности, может ходатайствовать о проведении экспертизы, а отказ в удовлетворении этого ходатайства должен быть мотивированным.

Любопытная связка процессуального регулирования с проблематикой символов проявилась в Определении от 29 сентября 2011 года № 1115-О-О. Как следует из него, предпосылкой для заявления заявителями в конкретном деле требования об отводе судьи суда общей юрисдикции, неудовлетворение которого вызвало с их стороны конституционную жалобу, было нарушение судьей порядка официального использования Государственного герба Российской Федерации.

Особенно явно попытки граждан апеллировать к ненадлежащему использования символов как способу защиты других прав выражены в жалобах, касающихся использования символов судебной власти. Так, Определение от 20 февраля 2007 года № 162-О-О было вынесено по жалобе гражданина, который оспаривал часть 2 статьи 34 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации", согласно которой при осуществлении правосудия судьи заседают в мантиях либо имеют другой отличительный знак своей должности, поскольку эта норма, не устанавливая правовых последствий рассмотрения дела судьей без мантии или других отличительных знаков своей должности, допускает проведение судьей судебного разбирательства без облачения в мантию, что позволяет рассматривать его как частное лицо, которое действует в своих интересах, а вынесенные им решения - как заведомо неправосудные. Иными словами, он имел в виду, что судебные решения, вынесенные без использования судьей символов судебной власти, по этому основанию подлежат отмене (сходные мотивы, наряду с другими, были – при оспаривании положений процессуального законодательства – использованы в жалобе, по которой было вынесено Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2013 года № 27-О).

Конституционный Суд не поддержал такую категоричную позицию заявителя, но подтвердил, что статья 34 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации", устанавливающая перечень символов государственной власти в судах, сама по себе не допускает осуществления правосудия при отсутствии предусмотренных ею символов.

Встречались в практике Конституционного Суда Российской Федерации и жалобы о неконституционности положений о различных кодах как допускающих, по мнению заявителей, антирелигиозные символы. Так, Определение от 10 июля 2003 года № 287-О было принято об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина и коллективной жалобы ряда граждан, которые утверждали, что идентификационный номер налогоплательщика содержит антирелигиозную символику, служит заменой имени человека и используется для сбора, хранения и использования информации о частной жизни лица без его на то согласия.

Конституционный Суд проанализировал порядок формирования идентификационного номера налогоплательщика - физического лица и пришел к выводу, что наличие в идентификационном номере некоего числа, могущего затрагивать религиозные чувства налогоплательщика, носит случайный характер. Также он отметил, что идентификационный номер не заменяет имя человека и подлежит использованию наряду с другими сведениями о налогоплательщике исключительно в целях налогового учета, а Налоговый кодекс Российской Федерации не препятствует изменению идентификационного номера в случаях, когда такая необходимость продиктована религиозными убеждениями налогоплательщика. При этом он пришел к выводу, что Порядок и условия присвоения, применения, а также изменения идентификационного номера налогоплательщика, установленные Министерством Российской Федерации по налогам и сборам, такого основания к изменению идентификационного номера налогоплательщика, как религиозные убеждения, не содержат, однако проверка соответствия нормативных правовых актов министерств и ведомств федеральному законодательству в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации не входит.

Гражданин, об отказе в принятии жалобы которого было вынесено Определение от 23 мая 2006 года № 180-О, оспаривал конституционность наличия в паспорте гражданина Российской Федерации графы "Личный код", а также конституционность использования международного стандарта штрихового кодирования товаров EAN-13 для автоматической идентификации, как содержащих, по его мнению, антихристианскую символику, что, как он считает, нарушает его право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, оскорбляет религиозные чувства, умаляет человеческое достоинство. В данном случае основанием отказа было отсутствие применения положений какого-либо нормативного акта в касающемся заявителя конкретном деле. Любопытно, кстати, что Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2021 года № 1205 указания на «личный код» из ранее действовавшего Положения о паспорте гражданина Российской Федерации были исключены, в действующем сейчас Положении 2023 года его нет, и на практике он и не указывался, по имеющимся сведениям, в паспорте.

Наиболее частыми, из относящихся к вопросам о символах, были жалобы на положения законов, устанавливающие запрет экстремистской и нацистской символики и ответственность за его нарушение. Конституционный Суд в своих определениях подтвердил конституционность соответствующих законоположений. Конституционный Суд Российской Федерации последовательно исходит из того, что запрет на использование указанной символики представляет собой меру, направленную на противодействие нацизму, экстремизму, фашизму и другим действиям, оскорбляющим память о жертвах, понесенных в Великой Отечественной войне, и ассоциирующимся с идеологией, запрещенной в силу статьи 13 (часть 5) Конституции Российской Федерации; само по себе использование нацистской атрибутики (символики),

равно как и атрибутики (символики), сходной с нацистской атрибутикой (символикой) до степени смешения, - безотносительно к ее генезису - может причинить страдания людям, чьи родственники погибли во время Великой Отечественной войны, что также предполагает право законодателя принимать меры в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации; установление за публичное демонстрирование такой символики административной ответственности является мерой, направленной на противодействие экстремизму (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 года № 2480-О, от 17 февраля 2015 года № 347-О, от 28 апреля 2022 года № 1131-О, от 27 февраля 2024 года № 504-О и другие).

Вопрос о неконституционности положений, касающихся экстремистской и нацистской символики, ставился заявителями в различных аспектах, при том, что фактически никто из них не отрицал конституционность самого по себе запрета ее демонстрации. Рассмотрим некоторые эти аспекты.

Так, в Определении от 8 апреля 2004 года № 91-О отказано в принятии к рассмотрению жалобы о проверке конституционность положений части второй статьи 6 Федерального закона от 19 мая 1995 года "Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" и пункта 2 статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года "О противодействии экстремистской деятельности". Заявитель указывал на недопустимость приравнивания используемых возглавляемой им религиозной группой символики отдельных солярных знаков (свастик), сходных с нацистской символикой или атрибутикой, к экстремистской деятельности. Он не оспаривал необходимость установления ответственности за осуществление общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, а также запрещения использования в любой форме нацистской символики, а фактически просил рассмотреть вопрос о том, относятся ли соответствующие солярные знаки к таковой, что к компетенции Конституционного Суда не относится.

Такая постановка вопроса является одним из проявлением попыток лиц, привлеченных к ответственности за демонстрацию экстремистской или нацистской символики, апеллировать к неопределенности критериев отнесения символики к таковой. Конституционный Суд последовательно подтверждает, что часть 1 статьи 20.3 КоАП Российской Федерации, действующая во взаимосвязи с другими законоположениями, не допускает возможности произвольного применения и не содержит неопределенности в вопросе о том, публичное демонстрирование какой символики влечет привлечение к административной ответственности (например, Определение от 27 февраля 2024 года № 504-О).

Указывалось заявителями и на то, что законодательное регулирование допускает привлечение к административной ответственности в случае изображения на объектах, формирующих негативное отношение к идеологии экстремизма, общеупотребительной символики, которая также использовалась запрещенной экстремистской организацией в противоправных целях (например, жалоба, по которой было вынесено Определение от 29 апреля 2025 года № 961-О). Не соглашаясь с этими подходами, Конституционный Суд Российской Федерации обращал внимание на то, что согласно примечанию к статье 20.3 КоАП положения этой статьи не распространяются, в частности, на случаи использования символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания экстремистской идеологии, и в системе действующего регулирования это не предполагает произвольного привлечения к административной ответственности какого-либо лица без выяснения всех обстоятельств по делу об административном правонарушении.

Также заявители в ряде случаев ставят вопрос о том, что в момент размещения символики в социальной сети она не была экстремистской. Так, заявительница, об отказе в принятии к рассмотрению жалобы которой было вынесено Определение от 28 марта 2024 года № 575-О, была привлечена к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.3 КоАП Российской Федерации, в связи с тем, что на своей странице в одной из социальных сетей разместила несколько сообщений, содержащих символику организации, которая впоследствии была признана экстремистской, и просила . признать оспариваемое законоположение не соответствующим ряду статей Конституции Российской Федерации, поскольку оно, по ее мнению, позволяет привлекать к административной ответственности за деяние, которое в момент его совершения не являлось административным правонарушением.

В связи с этим Конституционный Суд в указанном Определении отметил, что противоправность данного деяния заключается в самом факте публичной демонстрации (пропаганды) символики экстремисткой организации. При этом момент размещения соответствующей символики способом, обеспечивающим доступ к ней неограниченного круга лиц, не имеет правового значения, поскольку после признания судом организации экстремисткой публичная демонстрация ее символики запрещена и должна быть прекращена. Иными словами, гражданин мог и должен был «почистить» свои социальные сети от символики, как только она стала экстремистской.

Завершая краткий обзор, хотелось бы отметить, что решения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых затрагивалась символика, подтверждают, что проблематика символов в праве имеет разные проявления и аспекты.

Симагин Антон Сергеевич

кандидат юридических наук, председатель судебного состава, судья Нижегородского областного суда; доцент кафедры гражданского права, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства Приволжского филиала РГУП им. В.М. Лебедева (г. Н. Новгород)

Simagin Anton Sergeevich

Candidate of Law, Chairman of the Judicial Panel, Judge of the Nizhny Novgorod Regional Court; Associate Professor of the Department of Civil Law, Civil, Arbitration and Administrative Proceedings of the Volga Branch of the Russian State University for the Humanities named after V.M. Lebedev (Nizhny Novgorod)

E-mail: antonsimagin@yandex.ru

Государственные символы как элемент идентичности российского гражданского судопроизводства

State symbols as an element of the Identity of Russian Civil proceedings

Аннотация. В статье исследуются вопросы использования государственных символов при осуществлении гражданского судопроизводства. Особое внимание уделяется государственной символике, размещаемой в залах судебных заседаний, как важнейшему маркеру государственной власти и верховенства закона. Аргументируется позиция автора об унификации использования герба Российской Федерации как правового символа при вынесении итоговых судебных постановлений. Особо подчеркивается роль символов в укреплении правовой идентичности и уникальности российского гражданского судопроизводства, обеспечении его устойчивости и развития.

Ключевые слова: символы в праве, идентичность гражданского судопроизводства, государственные символы, судебный акт, символы правосудия, гражданская процессуальная форма

Annotation. The article explores the issues of statesymbols in the implementation of civil proceedings. Special attention is paid to state symbols placed in courtrooms, as the most important markers of state power and the rule of law. The author's position on the unification of the use of the coat of arms of the Russian Federation as a legal symbol in the issuance of final court decisions is argued. The role of symbols in strengthening the legal identity and uniqueness of Russian civil proceedings, ensuring its stability and development, is particularly emphasized.

Keywords: symbols in law, identity of civil proceedings, state symbols, judicial act, symbols of justice, civil procedural form

Для цитирования: Симагин А.С. Государственные символы как элемент идентичности российского гражданского судопроизводства // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 798–802.

Значимая роль символов в сфере осуществления правосудия по гражданским делам не вызывает сомнений. Использование символов в гражданском судопроизводстве служит усилению авторитета суда, формированию правосознания и правовой культуры у участников судебного разбирательства. Более того, символы являются своего рода знаками, отражающими «глубинный генетический код» отечественного гражданского процесса, подчеркивающими его идентичность.

Прежде чем обратиться к исследуемой проблематике, следует оговориться, что понятие символов в гражданском судопроизводстве, нами воспринимается с позиции сугубого узкого подхода, в соответствии с которым к ним относятся лишь «законодательно закрепленные знаки (образы), имеющие специ-

фическую форму выражения и используемые в определенном гражданском процессуальном порядке»[1]. В соответствии со ст. 21 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» к символам судебной власти относятся: установленный на здании суда Государственный флаг Российской Федерации; помещенные в зале судебных заседаний изображение Государственного герба Российской Федерации и Государственный флаг Российской Федерации; мантия судьи при осуществлении правосудия, а также удостоверение судьи (судьи в отставке)[2]. Рассмотрим данные символы с позиции формирования идентичности отечественного гражданского судопроизводства.

Государственные символы (Государственный герб Российской Федерации[3], Государственный флаг Российской Федерации[4], изображение Государственного герба Российской Федерации), размещаемые в залах судебных заседаний, не являются лишь декоративными элементами, а представляют собой важные визуальные маркеры государственной власти и верховенства закона. Именно через эти государственные символы формируется атмосфера уважения к судебной власти, что способствует усилению восприятия судебного процесса как справедливого и легитимного. Тем самым, символы становятся обязательным компонентом гражданской процессуальной формы, закрепляющим правовую основу всего судопроизводства.

Исторические отечественные корни использования государственных символов уходят в царский период, где правосудие осуществлялось от имени монарха, а императорская символика включала размещение государственного герба на зданиях судебных присутствий, портрет императора, который обычно размещался на видном месте зала судебных заседаний, Скипетр и Держава, их изображения присутствовали в оформлении судов как часть гербовой композиции. В советский период, в качестве государственных символов правосудия использовались Герб СССР (РСФСР), размещаемый на зданиях судов, мантиях судей[5] и всех официальных документов; Красная звезда, часто размещавшаяся на зданиях судов и форме судей военного времени; Красное знамя, присутствовавшее в залах судебных заседаний. Все эти государственные символы свидетельствуют об эволюционном развитии от персонифицированных через идеологические к институциональным, с неизменным визуальным функционалом суда как органа государственной власти, уполномоченного вершить правосудие.

Порядок использования государственных символов в деятельности судов в настоящее время регламентируется специальным Положением, утвержденным приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ[6]. Данным актом детально описываются особенности размещения государственных символов, порядок их приобретения, замены и утилизации, а также указываются недопустимые случаи их использования. Рассмотрим данные особенности подробнее.

Государственный флаг Российской Федерации в обязательном порядке на постоянной основе должен устанавливаться на зданиях всех судов (с учетом архитектурных особенностей зданий), в залах судебных заседаний, а также в рабочих кабинетах судей федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В отношении кабинетов мировых судей обязательность размещения Государственного флага требуется только в случае использования кабинета в качестве зала судебного заседания. Особо указывается, что в зале судебных заседаний и кабинетах судей Государственный флаг может размещаться вертикально и на напольном флагштоке, слева и на уровне Государственного герба Российской Федерации, справа от кресла судьи, председательствующего в судебном заседании.

Государственный герб Российской Федерации размещается в залах судебных заседаний, в рабочих кабинетах судей (у мировых судей при использовании кабинета в качестве зала судебных заседаний). Обязательное размещение данного символа на зданиях судов не предусмотрено. При размещении в залах судебных заседаний и в рабочих кабинетах судей Государственный герб по возможности размещается на стене (по центру) над креслом судьи (председательствующего в судебном заседании) на расстоянии не менее 150 см от пола. При этом особо подчеркивается, что расположение государственных символов должно позволять визуально воспринимать судью как носителя судебной власти на фоне символов государственной власти.

---

[1] *Акимова М. А., Тюменева Н. В.* Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 428-439.

[2] Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля.

[3] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 52 (Часть I). Ст. 5021.

[4] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 52 (Часть I). Ст. 5020.

[5] См.: ст. 23 Закона СССР от 04.08.1989 «О статусе судей в СССР», введенного в действие с 1 декабря 1989 года // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. № 9. Ст. 223.

[6] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.03.2019 № 64«Об утверждении Положения о порядке официального использования государственных символов Российской Федерации в судах общей юрисдикции и федеральных арбитражных судах» // Бюллетень актов по судебной системе. 2019. № 6.

В Положении отдельно регламентируется вопрос одновременного использования государственных символов с символами субъектов Российской Федерации. В частности, указывается на обязательное нормативное правовое регламентирование использования символов субъектов Российской Федерации, их размещения слева от государственных символов (если стоять к ним лицом). Решение о размещении таких символов принимается председателями областных и равных им судов с учетом мнения совета судей соответствующего региона. При этом символы субъектов Российской Федерации не размещаются в судах апелляционной и кассационной инстанций.

Особый интерес в нормативном правовом регламентировании порядка размещения государственных символов в судах представляет собой раздел о недопустимых случаях такого использования. Так, указывается, что категорически не допускается искажение государственных символов, в том числе по форме, размеру и описанию, нарушения правил их размещения (с отдельным акцентированием на неэстетичности, размещение Государственного флага РФ без древка), замены символов, использование при флажном оформлении зданий и помещений судов штандарта Президента Российской Федерации. Особо подчеркивается, что использование различных настольных флажков в виде изображений Государственного флага РФ не является показателем наличия соответствующего символа государственной власти в залах судебных заседаний и в рабочих кабинетах судей.

Столь строгая регламентация использования государственных символов Российской Федерации при осуществлении правосудия, в том числе в рамках гражданского судопроизводства, свидетельствует о их концептуальной роли. Наличие государственных символов – Государственного флага РФ и Государственного герба РФ в суде необходимо рассматривать не просто как формальное требование, а как необходимый элемент гражданской процессуальной формы, механизма достижения цели и задач гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ), а также реализации законности, справедливости и публичности процесса. Они способствуют концентрации внимания и формированию уважительного отношения к суду, что помогает обеспечивать надлежащее соблюдение процедурных норм и достижение объективного правосудия. Государственные символы правосудия с уверенностью можно отнести к элементу национальной идентичности как неотъемлемой части сложившихся традиций, в том числе в сфере гражданского судопроизводства.

Высказываемые в юридической литературе сомнения относительно эффективности мер дисциплинарных взысканий к судьям, мер административной и уголовной ответственности за противоправные действия в отношении государственных символов считаем не оправданными[1]. Постоянное и неукоснительное требование о соблюдении правил использования государственной символики при осуществлении правосудия со стороны руководителей судов, привлечение судей к дисциплинарной ответственности за такого рода нарушения, осуждение действий со стороны органов судейского сообщества являются систематическими мерами воздействия и профилактики на лиц, нарушающих установленные правила. *Неукоснительное и уважительное отношение к использованию государственной символики при осуществлении правосудия является обязательным стандартом правового и этико-нравственного поведения судьи.*

Еще одним государственным символом судебной власти, предусмотренным действующим законодательством выступает *мантия судьи при осуществлении правосудия*. Мантия судьи выполняет помимо утилитарной и символическую (ритуальную) функцию, она подчеркивает статус судьи как носителя государственной власти и справедливости.

Если рассматривать исторический ракурс использования мантии, то следует отметить, что данный символ судебной власти впервые законодательное оформление на территории Российской Федерации получил в 1992 году в соответствии со ст. 87 Закона «О Конституционном Суде РСФСР»[2]. До этого, ни в Российской Империи, ни в СССР официальные лица, осуществлявшие судебные функции, не носили специализированных мантий[3]. Федеральные судьи обрели профессиональную форму в виде мантии вслед за судьями Конституционного Суда РФ с принятием в 1992 году Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации (ч. 2 ст. 21). Само описание и образец мантии судей РФ были утверждены Постановлением Президиума Верховного Совета от 22 марта 1993 года[4]. В приложении к данному акту содержалось описание мантии, в частности указывалось, что «силуэт должен быть в виде «трапеции» с большой прибавкой на объем, с расстоянием от пола 3-4 см., с центральной бортовой застежкой встык на ленту «Вилькро» на притачном пластроне с внутренней стороны». 25 января 1999 года Судебный де-

[1] См.: *Васильев А.Л.* Проблемы официального использования государственных символов Российской Федерации органами судебной власти // Российский судья. 2006. № 12. С.13-16.

[2]Закон РСФСР от 12.07.1991 № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.

[3] Отметим, что формально на территории СССР судейская мантия с изображением Государственного герба СССР в качестве символа судебной власти в Верховном Суде СССР законодательно была закреплена Законом СССР от 04.08.1989 «О статусе судей в СССР».

[4]Постановление Президиума ВС РФ от 22.03.1993 № 4656-1 «Об утверждении описания и образца мантии судей Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 14. Ст. 516.

партамент при ВС РФ утвердил Инструкцию о порядке выдачи мантий судьям, с детализацией практических вопросов обеспечения судей мантиями. Так, указывалось, что судьи могли получить одну мантию раз в три года, в случае отставки могли оставить себе, а в случае досрочного прекращения полномочий за нарушения – обязаны были вернуть. Далее, была принята аналогичная Инструкция от 4 декабря 2014 года[1] просуществовавшая до мая 2023 года с принятием и утверждением нового положения[2]. Этот акт систематизировал и унифицировал регулирование вопросов, связанных с судебными мантиями.

Следует отметить, что мантия выполняет несколько важных функций в судебном процессе, в том числе при осуществлении правосудия по гражданским делам. Во-первых, собственно символическая функция, отражающая воплощение государственной власти и свидетельствующая особый статус и авторитет судьи перед участниками процесса. Во-вторых, процедурная функция, выражающая облачение в мантию, как внешнее выражение легитимности судебного разбирательства. В-третьих, идентификационная функция, визуально отделяющая судью от других участников процесса, подчеркивая его нейтральность и беспристрастность, а также особую (главенствующую) роль судьи (судей) в судебном процессе.

Высказываемые сомнения относительно отсутствия мер правового воздействия за нарушение установленного порядка использования данного символа считаем не обоснованными. Более того, данное обстоятельство было поводом для обращения в Конституционный Суд РФ, где высший судебной орган указал на однозначность позиции о недопустимости осуществления правосудия судьей без облачения в мантию[3]. Нарушение порядка использования мантии является не только нарушением дисциплины, но и ослаблением имиджа суда, авторитета судебной власти, что служит основанием для привлечению судей к соответствующему виду юридической ответственности. В частности, в материалах решений Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ имеются факты привлечения судей к дисциплинарной ответственности (в том числе в виде досрочного прекращения полномочий) за проведение судебных заседаний без мантии[4]. Такой подход подчеркивает важность символики как элемента идентичности судейского корпуса и всего гражданского судопроизводства, поскольку действующее законодательное регулирование не допускает осуществления правосудия при отсутствии символов государственной власти. Государственные символы становятся гарантом сохранения традиций и национального самосознания в правоприменении.

Удостоверение судьи (удостоверение судьи в отставке), как официальный документ, подтверждающий особый статус и полномочия, также может рассматриваться в качестве официального символа осуществления правосудия. Сам факт легитимации данного документа в статье «Символы судебной власти» Закона «О статусе судей в Российской Федерации» уже подтверждает его соответствующий символический статус. Более того, подписание удостоверения судей федеральных судов Президентом Российской Федерации и вручение им (или по его поручение Полномочным представителем в соответствующем федеральном округе) в торжественной обстановке, в присутствии других судей, также усиливает символическое значение данного документа[5]. Документальное подтверждение особого статуса судьи также возможно рассматривать с позиции укрепления идентичности отечественного судопроизводства посредством использования государственной символики.

Один из проблемных вопросов в использовании государственных символов судебной власти связан с оформлением судебных постановлений. Общеизвестно, что судебные постановления, принимаемые судами общей юрисдикции по гражданским делам, должны соответствовать общим критериям процессуального законодательства о содержании акта. Конкретизирующие данные вопросы положения процессуального законодательства (ст. 127, 198, 225, 235, 329, 390.1, 390.16, 391.13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации – далее также ГПК РФ) не содержат требований к символам, ко-

---

[1]Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 04.12.2014 № 271» Об утверждении Инструкции о порядке выдачи мантий судьям федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов» // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 7.

[2]Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.05.2023 № 81 (с изм. от 11.08.2025) «Об утверждении Положения о порядке и нормах обеспечения мантиями и служебным обмундированием судей федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов, Положения о порядке и нормах обеспечения служебным обмундированием имеющих классные чины работников федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов» // Судья. 2023. № 3.

[3]Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2007 № 162-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горлова Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 34 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации", отдельных норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См.: Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 13.07.2021 № ДК21-40 // URL: https://legalacts.ru/sud/reshenie-distsiplinarnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-13072021-n-dk21-40/ (дата обращения: 25.10.2025).

[5]Указ Президента РФ от 9 сентября 2000 г. № 1624 «Об утверждении Положения о порядке оформления и вручения судьям федеральных судов удостоверения судьи» // СЗ РФ. 2000. № 38. Ст. 3781.

торые могут быть размещены в тексте судебного постановления при его оформлении. Упоминание о специальном оформлении судебного акта имеется только в отношении судебного приказа в части 3 статьи 127 ГПК РФ, предписывающей необходимость составления судебного приказа на специальном бланке в двух экземплярах, которые подписываются судьей. Данное законодательное требование обусловлено тем, что судебный приказ является одновременно исполнительным документом (ч. 2 ст. 121 ГПК РФ). Как известно исполнительный лист, выдаваемый в материализованном виде в целях принудительного исполнения решения суда общей юрисдикции, оформляется на специальном бланке. Однако специальных бланков для судебных приказов разработано не было, поэтому в правоприменительной деятельности изготовление судебных приказов мировыми судьями осуществляется в общем порядке.

По устоявшемуся правовому обыкновению (традиции) только Верховный Суд Российской Федерации свои судебные постановления, принятые на стадии приемлемости обращения, по отдельным процессуальным вопросам либо по существу спора размешает в верхней части акта по центру Государственный герб Российской Федерации. Суды общей юрисдикции, к которым Верховный Суд Российской Федерации формально не отнесен, не используют данный символ в оформлении судебного постановления. В то время как арбитражные суды повсеместно используют в оформлении Герб Российской Федерации.

Поэтому в целях унификации процессуальных походов в использовании государственной символики в осуществлении правосудия предлагается законодательно закрепить возможность использования Государственного герба, к примеру, при вынесении итоговых судебных постановлений, что повысит их юридическую значимость и ценность. Полагаем, что использование государственного символа (Государственного герба Российской Федерации) в итоговом судебном постановлении будет способствовать усилению его особого статуса как акта государственной власти, разрешающего спор, а также способствовать формированию уважительного отношения к суду и закону.

Таким образом, итогом интеграции символов в гражданское процессуальное право становится формирование мощной символической основы, объединяющей участников судопроизводства вокруг идеи справедливого правосудия. Государственные символы выступают ключевыми элементами, укрепляющими правовую идентичность и уникальность российского гражданского судопроизводства, обеспечивая его устойчивость и развитие. Использование государственной символики при осуществлении правосудия по гражданским делам оказывает влияние на всех участников процесса и обеспечивает возможность визуально воспринимать судью (судебный состав) как единственного носителя судебной власти.

Выражаем надежду, что высказанные предложения о дополнительных мерах по использованию государственных символов в отечественном гражданском судопроизводстве найдут свое отражение в законодательном закреплении и практической реализации.

Скляренко Марина Владимировна

советник Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ

Marina Vladimirovna Sklyarenko

Advisor to the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation

E-mail: marina-sklyarenko@yandex.ru

Символы в системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России: доктрина, практика, техника

Symbols in the System of Appeals, Review, and Revision of Court Decisions in Russian Criminal Proceedings: Doctrine, Practice, and Technique

Аннотация. Раскрывается проблема группы символов, свойственных системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России. Констатируется, что важнейшим элементом судебной деятельности в целом является вера подавляющего большинства участников процесса в способность вышестоящих судебных инстанций восстановить социальную справедливость. Автором доказывается, что анализируемая система символов имеет открытый характер, в силу чего результативность ее деятельности во многом зависит от среды, в которую она погружена. Общая эффективность исследуемой системы символов помимо прочего в значительной мере предопределена, во-первых, параметрами функционирующей в конкретный исторический момент архитектурой судебной системы, во-вторых, личностными характеристиками, вовлеченных в рассмотрении дела субъектов процесса.

Ключевые слова: символ, система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России, антисистема обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России юридическая доктрина, практика, техника

Annotation. This article explores the problem of a group of symbols inherent in the system of appeals, review, and review of court decisions in Russian criminal proceedings. It is established that the most important element of judicial activity as a whole is the faith of the overwhelming majority of trial participants in the ability of higher courts to restore social justice. The author demonstrates that the analyzed symbol system is open-ended, meaning its effectiveness depends largely on the environment in which it is embedded. The overall effectiveness of this symbol system is, among other things, largely predetermined by, firstly, the parameters of the judicial system's architecture operating at a particular historical moment and, secondly, the personal characteristics of the parties involved in the proceedings.

Keywords: symbol, system of appeal, review, and revision of court decisions in Russian criminal proceedings, anti-system of appeal, review, and revision of court decisions in Russian criminal proceedings, legal doctrine, practice, technique

Для цитирования: Скляренко М.В. Символы в системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 803–813.

1. Апелляция, кассация, надзор – символы восстановления социальной справедливости

Как известно, вопросы правосудия, его доктрины, текущая практика и юридическая техника - предметом современной судебной феноменологии[1]. При этом крайне трудно оспорить суждение, согласно которому получается: чтобы люди не сделали, рано или поздно они об этом могут пожалеть. Разве это явление само по себе не символично? С величайшим сожалением приходится констатировать, что в ис-

[1] См. подробнее: Колоколов Н.А. Правосудие в современной России: доктрина, текущая практика, юридическая техника // Правосудия в современной России. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Е.В. Михайловой. М.: ИД «Городец», - 728 с. С. 119-158.

тории очень многих государств сравнительно легко найти факты, когда судебные решения прошлых лет частично, а то и кардинально пересматривались.

Как известно, институт обжалования, проверки и пересмотра судебных решений (а вместе с ним и свойственная ему система символов) представляет собой широко открытую систему (Далее - Система), работоспособность которой напрямую зависит не только от точности настройки ее элементов, но и среды, в которую таковая бывает погружена.

Что касается анализируемой Системы (по общему правилу, это элементы + связи[1]), то давным-давно пора уяснить всем автором, пишущим о суде и судебной деятельности в любых видах процесса что таковая не мыслима без среды. Естественно, что как самой Системе, так соответствующей среде свойственны свои оригинальные система и антисистема символов.

Обжалуемое решение - это всегда не только квинтэссенция результатов работы сторон и суда, завершившиеся, например, обвинительным приговором, которым удовлетворены интересы далеко не всех заинтересованных исходе спора лиц, но и совокупность символов, характерных для данного вида государственной деятельности.

Речь идет о реальной неудовлетворенности – движущей силе анализируемой нами системы. Как показывает практика, данный вид неудовлетворенности (что весьма символично) своего специального срока давности не имеет.

2. Символ «ведьма» в истории религии и правосудия

Классический пример «глубинных процессуальных экскурсов в историю» - дело «салемских (сейлемских) ведьм», процессы в отношении которых проходили в новоанглийском (New England – нынешний Северо-Восток США) г. Сейлем (Салем – Salem, округ Эссекс, штат Массачусетс) с февраля 1692 года по май 1693 года. Тогда по обвинению в колдовстве 14 женщин и 5 мужчин были повешены, 1 мужчина раздавлен камнями, от 175 до 200 человека – заключено в тюрьму (из которых не менее 5 умерло).

Дальнейшая судьба этих решений:

- 1677 год – судьи признали ошибку;
- 1702 год – решения о виновности признаны незаконными;
- 1706 год – главный обвинитель Энн Патнам заявила об оговоре;
- 1957 год – Commonwealth Massachusetts: все приговоры отменить;
- 2001 год – губернатор штата еще раз подтвердил невинность «ведьм».

Как видим, на уяснение проблемы «о ведьмах» родина института «Plea Bargaining» затратила 309 лет.

Отечественная фемида с «расшифровкой» оговора по рядовому делу Исхакова справилась за 64 года[2]. А видный российский государственный деятельность и историк отечественного государств и права В.Н. Татищев (1686-1750 гг.) дело о «колдовстве» легко распутал за полчала беседы с осужденной, и при помощи системы всем известных символов убедил фельдмаршала Б.П. Шереметьева (1652-1719 гг.) в глупости возведенных на нее наветов. Осужденная была обвинена в том, что «летала на пере» (религиозный символ – обозначающий предсказательницу, занимающуюся колдовством). Естественно, что сама по себе порочность символа свидетельствовала о незаконности осуждения.

3. Современное правосудие против антисимволов советской эпохи

Если выражаться языком, свойственным технологии обработки металлов резанием, в отношении невинно осужденных, то, например, справедливость бывает восстановленной и «за один проход». Классический пример, дело Малиновского: в 1918 году – он провокатор, а в 2021 году – добропорядочный «Слуга Царю»[3].

---

[1] Некоторые наши рассуждения о системе, особых системных качествах, которыми нагружены уголовно-процессуальные категории, см., во-первых: Колоколов Н.А. УПК РФ – плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. 2007. №1. С. 1-2 (Данный материал тогда же нами был озвучен на конференции, проводимой проф. П.А. Лупинской. Предложенное нами название буквально шокировало Полину Абрамовну, поэтому в своем Сборнике она указала: Колоколов Н.А. Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ). М.: МГЮА, 2007. С. 49-52); во-вторых: Теория уголовного процесса: состязательность / Под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2013. В 2-х книгах. Книга 1-ая. – 367 с. Книга 2-ая. – 315 с.

[2] См. об этом: Колоколов Н.А. Роль и место решений Конституционного Суда РФ в формировании конкретных судебных правовых позиций Верховного Суда РФ по отдельным вопросам // Конституционный судебный процесс: Учебник / Под. научн. ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева, Н.А. Колоколов / под общ. ред. Л.Т. Чихладзе. 5-ое изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. – 319 с. С. 158-268.

[3] См., например: Скляренко М.В. Срок на «апелляцию». Статья №3. Агент охранного отделения Р.В. Малиновский оправдан спустя 103 года // Уголовное судопроизводство. 2024. №3. С. 38-42.

Аналогично символичен процесс по делу «руководителя» расстрельной команды лейтенанта П.П. Шмидта (1967-1906 гг.) – морского офицера М.М. Ставраки (1866-1923 гг.), реабилитированного уже в наши дни[1]. Помимо Ставраки был реабилитирован начальник полиции, работавший в Вятской губернии[2].

Что, например, касается восстановления «честного имени» провокатора И.Ф. Окладского (1859-1925 гг.) – символа эффективности царской охранки, то его реабилитаций судебная система пока еще не озаботилась – повода нет. Не будем забывать, что над всеми видами процесса довлеет принцип состязательности (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ).

Как известно, Окладский был арестован 4 июля 1880 года по Процессу шестнадцати. Под влиянием А.А. Квятковского на суде держался очень достойно. Однако, оказавшись в камере смертников, смалодушничал (!) и согласился сотрудничать с Департаментом полиции. В ночь с 3 на 4 ноября 1880 года к Окладскому уже после оглашения смертного приговора, но до объявления ему о замене смертной казни бессрочной каторгой, явился начальник Петербургского жандармского управления А.В. Комаров с целью возможного получения некоторых пояснений о деятельности партии «Народная воля». Окладский сообщил, что редактором газеты «Народная Воля» был Н.А. Морозов, живший с Ольгой Любатович, которая в качестве сестры и под фамилией Сидоренко жила с Окладским, в Туле в 1874 году.

После этого Окладский, поддавшись уговорам представителей Департамента полиции, выдал и лично указал две конспиративные квартиры партии «Народная Воля», в одной из которых была типография, а в другой заготовлялся динамит. Были арестованы Г.М. Фриденсовн, А.И. Баранников, Н.Н. Колодкевич, Н.В. Клеточников и С.С. Златопольский. 27 февраля на основании полученных от Оклядского данных был произведён обыск в квартире М.И. Тригони, арест последнего, арестован Желябов.

24 июня 1881 года бессрочная каторга Окладскому была заменена ссылкой сначала в Восточную Сибирь, а 15 октября 1882 года на Кавказ. 30 декабря 1882 года о пути следования Окладский опознал Веру Фигнер. С января 1889 года Окладский был негласным сотрудником департамента полиции с окладом в 150 рублей, которые получал до Февральской революции. 28 августа 1903 года Сенат Российской империи удовлетворил ходатайство о награждении Окладского переводом в сословие потомственных почетных граждан. Предательство Окладского было раскрыто в 1918 году Н.С. Тютчевым. 24 января 1924 года провокатор был арестован, Верховным судом РСФСР 14 января 1925 года приговорён к смертной казни, замененной в связи с преклонным возрастом десятью годами лишения свободы. Окладский скончался в местах лишения свободы в 1925 году[3].

4. Деконструкция судебных ошибок, допущенных в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Так изучая и описывая проблемы характерные для судебной проверки и пересмотра некоторых решений, вынесенных в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, как различными судебными инстанциями (преимущественно трибуналами), так и рядом внесудебных органов (например, Особыми совещаниями), то ключом вхождения в систему символов является предикатное оспариваемое судебное решение, в основе которого лежит еще одна (как правило оставляемая авторами «за кадром») система – символически упорядоченная совокупность действий (бездействия) и решений предшествующих его принятию[4].

Если мы говорим о таких системах, как: а) конструкции судебных ошибок, б) их деконструкции, то мы опять-таки не вправе забывать о среде, в которую анализируемые системы были погружены. В первом случае, среда - Великая Отечественная война, в условиях которых требовалась беспощадная борьба с любыми проявлениями негативного поведения. Во втором случае, среда - мирное время, в течение которого «кажутся нелепыми некоторые прошлые обиды».

Сложившаяся в современной России Система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений (приговоров, определений) в отношении лиц, осужденных в годы Великой Отечественной Войны (1941-1945 годов), а равно ее эффективность, являются самостоятельным предметом исследования для

---

[1] Колоколов Н.А. «Дело лейтенанта Шмидта»: новая официальная юридическая оценка // История государства и права. 2013. № 23. – С. 32-36.

[2] См.: Скляренко М.В. Скляренко М.В. Срок на апелляцию: от идеологии к идеологии. Статья №2. Идеология «советская»: полный отказ от института апелляции (1917-2001 гг.); идеология «постсоветская»: неспешное поэтапное восстановление апелляции (2001-2019гг.) обусловили образование массивного пробела в практике выявления процессуальных ошибок, исправлять которые суды вынуждены в наши дни // Уголовное судопроизводство. 2024. №1. С. 39-44.

[3] См. подробнее: Процесс предателя-провокатора Окладского-Петровского в Верховном суде. Л.: Рабочий суд, 1925. - 232 с.; Кон Ф.Я. Процесс Окладского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. - 45 с.; Кон Ф. Окладский как предатель и его поведение на суде // Каторга и ссылка. 1925. №2(15) С. 139—147; Дело провокатора Окладского: тридцать семь тел в охранке. Л.: Рабочий суд, 1925. 184 с.

[4] См. об этом: Скляренко М.В. Некоторые особенности проверки и пересмотра приговоров военных трибуналов и решений внесудебных органов, вынесенных в отношении предателей Родины в период Великой Отечественной войны (1941-1945 годов) // Человек и закон. 2025. №10. С. 4-22.

целого ряда юридических наук (криминология, уголовного право, уголовно-процессуального право и уголовно-исполнительного (пенитенциарного) право.

Данная Система – разновидность судебных, особых государственно-властных отношений. Их возникновение и существование обусловлено способностью социума: генерировать механизмы разрешения конфликтов, возникновение которых обусловлено деятельностью, как низших, так и высших судебных инстанций СССР в отдельный исторический период.

Основой функционирования данной Системы является взаимодействие ее компонентов, которое проявляется в уникальных судебно-властных отношениях. В этом случае речь идет об общественных отношениях, возникающих в процессе реализации современными судами высших инстанций государственной власти при разрешении конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия между осужденными и субъектами права, представляющими государство[1].

Мы уже писали о том, что юристы нашего времени то, что их коллегами в 1941-1945 годах расценивалось как преступление против интересов Родины, теперь квалифицируют как рядовые общеуголовные преступления[2].

5. Дело Клинцевича: смена символов

На постановление Особого совещания при МГБ СССР (ОСО) от 10 июня 1950 года, которым Кунцевич (1896 года рождения, несудимый) за измену Родине (ст. 58-1 «а» УК РСФСР) и контрреволюционную агитацию (ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР) был заключен в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) сроком на 10 лет (Срок наказания исчислен с 8 декабря 1949 года). В кассационном и надзорном порядках дело не рассматривалось. Кунцевич освободился 13 октября 1955 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентябр 1955 «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

11 июля 1006 года прокурором Псковской области было утверждено заключение о полной реабилитации. 1 сентября 2025 года данное заключение отменено заместителем Генерального прокурора РФ.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ Ткачев И.В. просил отменить постановление ОСО в части указания на ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР как основание назначения наказания и прекращении уголовного дела в данной части на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в действиях Кунцевича состава преступления.

В судебном заседании прокурор Генеральной прокуратуры РФ доводы кассационного представления поддержала.

Суд было установлено, что Кунцевич виновен в том, что в сентябре 1941 года при освобождении из немецкого лагеря дал подписку о сотрудничестве с немецкими контрразведывательными органами по выявлению коммунистов, комсомольцев и лиц, связанных с партизанами. С марта 1942 года по май 1943 года, являясь помощником землеустроителя, участвовал в ликвидации колхозов Карамышевского и Сошихинского районов Ленинградской области (с 1944 года - Псковской области). С мая по сентябрь 1943 года являлся делопроизводителем уездной полиции и общего отдела земской управы, вел учет граждан, уклоняющихся от работы на немцев.

Эти действия ОСО были квалифицированы по ст. 58-1 «а» УК РСФСР, предусматривающей ответственность за измену Родине путем перехода на сторону врага. Кроме того, Кунцевич вернувшись по репатриации из Германии в г. Псков, он систематически вел антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию существующего в СССР строя.

Содеянное было квалифицировано по ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за контрреволюционную пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания.

Согласно п. «а» ст. 5 Закона РФ от 18.10.1991 года №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» антисоветская (контрреволюционная) агитация и пропаганда признаны деяниями, не содержащими общественной опасности, и осужденные за них лица подлежат реабилитации независимо от фактической обоснованности обвинения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ постановление ОСО в части указания на ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР отменила, уголовное дело в данной части прекратить на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в действиях Кунцевича состава указанного преступления.

---

[1] См. подробнее: Скляренко М.В. Система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе России: постановка проблемы, определение методов исследования // Вестник Московского университета МВД РФ. 2013. № 10. С. 116-120; она же Базовые характеристики системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном процессе России: научная новизна заявленной проблематики, вопросы, выносимые на обсуждение научной общественности // Вестник Московского университета МВД РФ. 2013. №11. С. 131-136.

[2] См. подробнее: Скляренко М.В. Обжалование, проверка и пересмотр приговоров, постановленных судами в период Великой Отечественной войны (1941-1945 годов) // Военно-юридический журнал. 2015. №3. С. 26-30 .

Постановлено считать Кунцевича подвергнутым наказанию в виде 10 лет заключения в исправительно-трудовой лагерь за совершение преступления, предусмотренного ст. 58-1 «а» УК РСФСР[1].

6. В символы (знаки свыше) обязательно должны вникнуть люди. Что в статусе судей символично, а что нет?

Весьма символично, что Особенная часть УК РФ содержит значительное число норм, диспозиции которых по своей юридико-технической конструкции являются бланкетными, что автоматически отсылает правоприменителя к некой аморфной арифметической совокупности (не системе!) нормативных правовых актов, которые зачастую не только весьма фрагментарно и неполно регламентируют базовые административные и гражданские правоотношения, но и порой и вовсе противоречат друг другу. Обязанность привести всю эту чрезвычайно пеструю нормативную базу к некому «общему знаменателю» возложена на рядовых правоприменителей: дознавателей, следователей, прокуроров и судей.

Само по себе символично, что Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ время от времени приходится исправлять грубейшие ошибки, допущенные различными судебными инстанциями при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности некоторых следователей[2]. Особый интерес представляет факт незаконного осуждения начальника РСО СК по г. Ковылкино Лобанова. Очевидна и причина: авторы обвинения законсервировались в совершенно иной системе символов, поскольку они не смогли понять, что XXI веке означают такие понятия как «переезд к новому месту жительства», «проживание на этом самом месте жительства» в то время как между Рузаевой и Ковылкино расстояние то всего в 35 км., которые легко преодолеваемое на легковом автомобиле. Мы же с сожалением констатируем, что на доказывание свой очевидной невиновности у бывшего РСО Лобанова ушло пять лет жизни[3].

7. Символ эпохи: «А я еду за деньгами, за туманом едут только дураки…»

Многие сотрудники правоохранительных органов и судьи едут на «Севера» не только за «длинным рублем», но и за специальным стажем и соответствующей ему пенсией. Думается, что в этом нет ничего противоестественного, а, следовательно, и противозаконного. Также нет ничего не удивительного в тем, что законодатель постоянно изыскивает способы «задержать» работника на «Северах», например, путем ограничения право на пенсию в льготном исчислении, которая выплачивается работнику только тогда, когда он либо проработал в два раза больше, либо так «полюбил Север», что остался там навсегда.

Насколько такой подход к решению задачи удержания кадров на «Северах» справедлив судить читателю. В тоже время, нельзя не отметить и того, что уж больно велик соблазн и повышенную пенсию получать, и «Север» пораньше покинуть.

8. Символичное дело в отношении «хитрого» судьи

Как известно в ст. 120 и ст. 122 Конституции РФ закреплены базовые принципы независимости и неприкосновенности судей - лиц, обладающих особым правовым статусом. В частности, судья не может быть привлечён к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом (ч. 2 ст. 122 Конституции РФ). Это первый символ эпохи.

Второй символ - процедурный механизм осуществления уголовного преследования в отношении судей урегулирован УПК РФ (ст. ст. 144, 145 и 448) во взаимосвязи с положениями Закона РФ от 26 июня 1992 года №3132-1 «О статусе судей в РФ» (Далее – Закон «О статусе судей») и предусматривает в качестве составной части и одновременно способа обеспечения неприкосновенности и независимости судей особый – сильно усложнённый по сравнению с обычным - порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи и привлечения его в качестве обвиняемого.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, абз. 3 п. 3 ст. 16 Закона «О статусе судей» решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи районного суда принимается Председателем Следственного комитета РФ (Далее – СК РФ) с согласия ВККС РФ.

---

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2025 года №91-Н25-1. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2025 год.

[2] Колоколов Н.А. «Бей своих, чтобы чужие боялись»? Верховный Суд РФ в очередной раз был вынужден решительно выступить в защиту незаконно осужденного следователя. Почему элементарные процессуальные ошибки не замечают прокуроры и судебно-контрольные инстанции? // Российский следователь. 2025. №9. С. 22-26.

[3] Колоколов Н.А. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ дела оценку конфликту: следствие Мордовии v.s. руководитель следствия г. Ковылкино // Российский судья. 2021. №11. С. 33-41; Колоколов Н.А. Защита убедила ВС РФ в необходимости оправдать следователя, осужденного за мошенничество // Уголовный процесс. 2022. №4. С. 82-90.

9. Антисистема символов v.s. судья в отставке

16 июня 2023 года в ВККС РФ поступило представление Председателя СК РФ о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении Тимошенко. Это представление было основано на материалах процессуальной проверки №201-34пр-23 (два тома), проведённой СУ СК РФ по Республике Коми. Из материалов усматривалось, что Тимошенко 16 февраля 2012 года в целях получение ежемесячного пожизненного содержания (Далее - ЕПС) обратился в Управление Судебного департамента в Республике Коми (далее - УСД по Коми) с заявлением о назначении ему ЕПС, указав адрес проживания: г. Воркута Республики Коми, то есть населённый пункт, относящийся к районам Крайнего Севера.

На основании п. 5 ст. 15 Закона «О статусе судей», Закона РФ от 19 февраля 1993 года №4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», постановления Правительства РФ от 24 апреля 2007 года №245 «Об отнесении некоторых населённых пунктов Республики Коми к районам Крайнего Севера» должностными лицами УСД по Коми было принято решение о назначении Тимошенко с 1 мая 2012 года ЕПС с применением районного коэффициента и процентной надбавки за работу в районах Крайнего Севера.

При этом общий трудовой стаж судьи Тимошенко в районах Крайнего Севера составлял всего 10 лет 1 мес. 13 дн. в связи с чем вышеуказанные выплаты для него полагались только при условии проживания в Воркуте.

Прекрасно зная об этом, Тимошенко, реализуя свой заранее обдуманный преступный замысел, непосредственно направленный на хищение государственных денежных средств, 10 мая 2012 года формально зарегистрировался в Воркуте в квартире, принадлежавшей на праве собственности супругу помощника судьи Б., а сам 11 мая 2012 года со спокойной душой и чистой совестью выехал на постоянное место жительства в г. Таганрог Ростовской области, что автоматически явилось бесспорным фактом, влекущим прекращение выплат в повышенном размере.

9 апреля 2021 года Тимошенко зарегистрировался в специально приобретённой им в собственность квартире, также расположенной в Воркуте, где он, однако, там фактически не проживал.

Умолчав о факте своего проживания в Таганроге, Тимошенко умышленно ввел в заблуждение должностных лиц УСД по Коми относительно сохранения у него правовых оснований для получения ЕПС в льготном исчислении.

За период с 11 мая 2012 года по 31 марта 2023 года УСД по Коми перечислил на счёт Тимошенко ЕПС в размере 24.167 861 руб. 61 коп., из которых 14.097.919 руб. 25 коп. (предмет преступного посягательства) были выплаты районного коэффициента и процентной надбавки за работу в районах Крайнего Севера с учётом его проживания в Воркуте.

По мнению автора представления в действиях Тимошенко усматривались признаки преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159.2 УК РФ (мошенничество при получении выплат, то есть хищение денежных средств при получении иных социальных выплат, установленных законами, путём умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, совершённое в особо крупном размере).

О наличие и повода, и оснований для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении Тимошенко свидетельствовала информация, содержатся, как в объяснениях ряда свидетелей, а так и в результатах ОРМ и иных данных, полученных в ходе процессуальной проверки.

10. Первый элемент антисистемы символов - решение ВККС

Решением ВККС РФ от 13 июля 2023 года выше названное представление было удовлетворено: Председатель СК РФ получил согласия на возбуждение уголовного дела в отношении Тимошенко. Очень символично, что по общему правилу судьи, пребывающие в отставке, по-прежнему являются членами судейского сообщества, органы которого в силу свой институциональной обязанности должны своевременно предупредить коллегу о том, что ведет он себя совсем неправильно.

11. Второй и третий элемент антисистемы символов по делу Тимошенко

Обжалуя решение ВККС Тимошенко обратился в Верховный Суд РФ с административным исковым заявлением, в обоснование которого сослался на то, что преследование его персоны, может быть, связано с тем, что им было постановлено 20 оправдательных приговоров. Судья Верховного Суда РФ оснований для удовлетворения административного иска Тимошенко не усмотрела и в своем решении, заранее и a priori предначертавшем траекторию движения уголовного дела указала следующее, что тоже очень символично.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 года №16-П указано, что ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, конкретизирует общепризнанный правовой принцип «Nullum crimen, nulla poena sine lege (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе)», во взаимосвязи со ст. 49 Основного закона, закрепляющей принцип презумпции невиновности, из чего следует: подозрение или обвинение в совершении преступления могут основываться лишь на положениях уголовного закона, определяющего

преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, закрепляющего все признаки состава преступления, наличие которых в деянии, будучи единственным основанием уголовной ответственности, должно устанавливаться только в надлежащем, обязательном для суда, прокурора, следователя, дознавателя и иных участников уголовного судопроизводства процессуальном порядке. Если же противоправность того или иного деяния или его совершение конкретным лицом не установлены и не доказаны в соответствующих уголовно-процессуальных процедурах, все сомнения должны толковаться в пользу этого лица, которое - применительно к вопросу об уголовной ответственности - считается невиновным.

Не может быть сделан вывод о виновности лица в совершении преступления на стадии возбуждения уголовного дела, когда сугубо предварительно, с целью определения самой возможности начать расследование решается вопрос о наличии в деянии лишь признаков преступления, когда ещё невозможно проведение всего комплекса следственных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств виновности лица в совершении преступления.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 17 января 2012 года №176-О-О, п. 8 ст. 16 Закона «О статусе судей»» придаёт обусловленности возбуждения уголовного дела в отношении судьи позицией, занимаемой им при осуществлении судейских полномочий, качество основания для принятия квалификационной коллегией судей решения об отказе в даче согласия на возбуждение дела. При этом законодатель не закрепляет особо основания, при наличии которых квалификационная коллегия судей принимает решение о даче согласия на возбуждение дела. Следовательно, оспариваемое законоположение предполагает, что если квалификационная коллегия судей не усматривает обусловленности возбуждения уголовного дела в отношении судьи позицией, занимаемой им при осуществлении судейских полномочий, то она принимает решение о даче согласия на возбуждение дела. Такое регулирование не противоречит Конституции РФ.

В силу п. 8 ст. 16 названного выше Закона РФ ВККС уполномочена лишь проверить обусловленность производства следственных действий в отношении судьи позицией, занимаемой судьёй при осуществлении им судейских полномочий.

Наличие решения ВКСС о даче согласия на возбуждение в отношении судьи уголовного дела само по себе автоматически не предопределяет дальнейшие действия компетентных органов, осуществляющих уголовное преследование, в том числе не влечёт обязательность вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо об отказе в этом, а также принятия того или иного итогового решения по уголовному делу. При этом ВККС в своём решении не вправе делать выводы (в том числе о виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица), которые могут содержаться только в приговоре или ином итоговом решении, постановляемом по результатам непосредственного исследования в ходе судебного разбирательства всех обстоятельств уголовного дела, то есть разрешать вопросы, которые могут быть предметом доказывания на последующих стадиях уголовного процесса.

В частности, событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы подлежат доказыванию при производстве по уголовному делу в порядке уголовного судопроизводства, назначением которого также является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6, п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Наличие признаков преступления и оснований для возбуждения уголовного дела исследуется в порядке уголовного судопроизводства, назначением которого также является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

С учетом изложенного в удовлетворении административного искового заявления Тимошенко было отказано[1]. С данным решением ожидаемо согласился и суд второй инстанции[2].

12. Смена символов?

Позиция судей в отставке, получающих ЕПС в льготном исчислении. Коллеги Тимошенко «по несчастью», также как и он, живущие на «Юге» и получающие деньги с «Севера», внутренне «напряглись» и озадачились вопросом: «Может быть, вернуться на время в свое северное жилище?»

13. Символический текст и тайный контекст предикатных судебных решений

Думается, что судьи Верховного Суда РФ, рассмотревшие административный иск Тимошенко, должны были, по крайней мере, догадывается, что диспозиция ст. 159.2 УК РФ, инкриминируемой члену

[1] Решение Верховного Суда РФ от 27 ноября 2023 года №АКПИ23-905. Электронный архив Верховного Суда за 2023 год. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2023 год.

[2] Апелляционное определение апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 29 февраля 2024 года №АПЛ24-26. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2024 год.

судейского общества, является бланкетной. Четко ли они представляли какими нормами и в каком объеме этот «бланк» будет заполнен следователем, прокурором и судом, нам не ведомо. В тоже время, все эти судьи не могли не знать, что правонарушение, допущенное Тимошенко, явление, как минимум, не единичное. Представляется, что при таких обстоятельствах совершенно не лишним было бы определиться по вопросам:

- почему уголовное дело возбуждается именно в отношении Тимошенко?
- что это единичный случайный выбор или «пилотный проект»?
- в силу каких обстоятельств руководство УСД по Коми позволило Тимошенко обманывать себя столько длительный период времени?
- наконец, в полном ли объеме понимали судьи Верховного Суда РФ предикатное значение постановленных ими решений?

14. Антисистема символов: решения судов первой и второй инстанций

По приговору Верховного Суда Республики Коми от 31 июля 2024 года Тимошенко осуждён по ч. 2 ст. 159.2 УК РФ к 2 годам лишения свободы со штрафом 300.000 руб. Одновременно с него в пользу УСД по Коми в возмещение имущественного вреда было взыскано 15.436.533 руб. 37 коп.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго АСОЮ от 17 октября 2024 года приговор в отношении Тимошенко подвергся изменению:

- во-первых, из осуждения исключен период с 1 мая по 9 декабря 2012 года, соответственно уменьшен размер ущерба, причинённый государству до 14.864.634 руб. 23 коп.;
- во-вторых, смягчено назначенное до 1 года 10 мес. лишения свободы;
- в-третьих, на основании ст. 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 2 года.

15. Система символов все же работает:
кассационная жалоба осужденного в Верховный Суд РФ

В кассационной жалобе осуждённый Тимошенко во-первых, указал, что адрес его фактического проживания всегда был прекрасно известен как работникам Воркутинского городского суда, так и сотрудникам УСД по Коми. Месте своего фактического проживания он никогда не скрывал. Еще до ухода в отставку дважды подавал налоговые декларации о наличии у него недвижимости в Таганроге. В рамках переписки с УСД по Коми регулярно указывал этот реальный адрес. Во-вторых, Тимошенко заявил, что получение судьями ЕПС с «северными надбавками», в то время как они проживают на «Юге», носит массовое явления. В-третьих, согласно с п. 2.10 Инструкции «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пожизненного содержания судьям федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и мировым судьям» от 10 августа 2015 года он и не был должен был подавать заявление о прекращении выплат, поскольку такое заявление, согласно этой Инструкции, подаётся только при изменении регистрации по месту жительства. Осведомленность должностных лиц УСД о его фактическом проживании в Таганроге позволяла им в любой момент прекратить выплаты и без его заявления. В-четвертых, гражданский иск разрешён с нарушением правил ГПК РФ, так как деньги должны быть взысканы в бюджет РФ, а не в пользу УСД.

16. Торжество системы символов

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда отменив все состоявшиеся по делу постановления, указала следующее. В соответствии с п. 5 ст. 15 Закона РФ «О статусе судей», Законом от 19.02.1993 №4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям» Тимошенко с 1 мая 2012 года назначено ЕПС как проживающему в Воркуте Республики Коми с применением районного коэффициента - 60% и северной надбавки - 80%. После выхода в отставку и регистрации в квартире, находящейся в Воркуте, Тимошенко 11 мая 2012 года выехал на ПМЖ в Таганрог, однако об обстоятельствах, влекущих прекращение выплат, УСД по Коми в известность не поставил, до 8 февраля 2024 года он получил ЕПС, включающее и коэффициент, и северную надбавку, чем причинил ущерб государству - 15.436.533 руб. 37 коп. (с учётом изменений, внесённых апелляционной инстанцией – 14.864.634 руб. 23 коп.).

В соответствии с пп. 15 и 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года №48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» состав преступления, предусмотренный ст. 159.2 УК РФ, характеризуется особым способом совершения преступления, в частности, путём умолчания о фактах, влекущих прекращение назначенных лицу выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Умолчание о фактах, влекущих прекращение выплат, предполагает, что если условием получения пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат является сохранение какого-либо состояния

лица (например, проживания в определённой местности), то с изменением такого состояния и появлением у лица нормативно закреплённой обязанности оповестить соответствующий орган государственной власти, ответственный за назначение и выплату соответствующих выплат, лицо, не исполнившее такую обязанность, тем самым умолчало о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Деяние может квалифицироваться как мошенничество при получении выплат только при установлении наличия у лица прямого умысла на хищение денежных средств, в частности, на момент умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, и заведомой осведомлённости лица о наличии у него обязанности сообщить о наступлении фактов, с которыми в законе или ином нормативном правовом акте связывается прекращение указанных выплат.

В описательно-мотивировочной части приговора суд указал, что Тимошенко, заведомо зная, что выплаты ЕПС с применением коэффициента и процентной надбавки возможны только при условии его проживания в местностях, где таковые предусмотрены, однако о переезде в Таганрог УСД по Коми в известность он не поставил.

В обоснование своего вывода об обязанности Тимошенко сообщить о смене места жительства и наступлении факта, влекущего прекращение выплат, предусматривающих северные коэффициент и надбавку, суд сослался на п. 2.10 Инструкции «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пожизненного содержания судьям федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и мировым судьям, утверждённой Председателем Верховного Суда РФ 29 июля 2003 года, Председателем Высшего Арбитражного Суда РФ 09 июля 2003 года, Генеральным директором СД при Верховном Суде РФ 03 июля 2003 года (Далее - Инструкция).

При этом суд не учёл, что Инструкцией в редакции 2003 года, которая действовала на момент начисления Тимошенко ЕПС (на которую сослался суд), никакой обязанности на судей судов общей юрисдикции, получающих ЕПС, сообщать об изменениях места жительства в УСД или в соответствующий суд не возлагалось.

Обязанность подать заявление о прекращении соответствующей выплаты в УСД или соответствующий суд по прежнему месту регистрации при изменении регистрации по месту жительства получателя ЕПС и переезде в другой субъект Российской Федерации была закреплена в п. 2.10 Инструкции только 10 августа 2015 года (приказ Верховного Суда РФ №669кд, СД при Верховном Суде РФ №234 от 10.08.2015).

Каких-либо данных о том, что Тимошенко был ознакомлен с этой инструкцией, в материалах дела не имеется.

Между тем, как следует из материалов дела и показаний Тимошенко, факт его переезда на ПМЖ в Таганрог ни от кого не скрывал, УСД по Коми вело с ним переписку по его адресу в Таганроге.

Из официального запроса следственных органов Ростовской области от 20 февраля 2018 года и ответа начальника УСД по Коми, касающихся правового статуса судьи в отставке Тимошенко, имелись сведения о его постоянном месте жительства в Таганроге.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей природе крайним, исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью норм иной отраслевой принадлежности. В силу этого любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть чётко определены в законе, причем так, чтобы исходя непосредственно из текста нормы - при необходимости с помощью толкования, данного ей судами, - каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий или бездействия (постановления от 27 мая 2008 года №8-П, от 13 июля 2010 года №15-П и др.). Закрепление в уголовном законе составов преступлений против собственности должно проводиться с соблюдением принципов вины, равенства, справедливости и правовой определенности, с тем, чтобы содержание уголовно-правовых запретов одинаково воспринималось в правоприменительной практике и было доступно для понимания участникам общественных отношений, а сами запреты служили эффективной защите права собственности (Определение от 11 апреля 2019 года №862-О).

Действующее законодательство не содержит правовых норм, обеспечивающих такую ясность и правовую определённость, когда действия судьи в отставке, не уведомившего в письменном виде УСД о наступлении факта, влекущего прекращение выплат ЕПС, образуют состав умышленного преступления - мошенничества.

Согласно ФЗ от 08.01.1998 №7-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О СД при Верховном Суде РФ» именно СД организует материальное и социальное обеспечение судей, в том числе пребывающих в отставке (п. 18 ч. 1 ст. 6), в пределах своей компетенции контролирует расходование бюджетных средств судами, а также органами и учреждениями СД; проводит ревизии их финансово-хозяйственной деятельности (п. 2 ч. 2 ст. 6); УСД в пределах своей компетенции финансирует районные суды в субъекте Российской Федерации; контролирует расходование ими бюджетных средств, проводит ревизии их финансово-хозяйственной деятельности (п. 5 ст. 14); организует материальное и социальное обеспечение судей

районных судов, гарнизонных военных судов и мировых судей, в том числе пребывающих в отставке, работников аппаратов районных судов и гарнизонных военных судов (п. 11 ст. 14).

Кроме того, п. 2.9. Инструкции «О порядке назначения и выплаты ЕПС, ежемесячного денежного содержания по инвалидности судьям Верховного Суда РФ, федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и мировым судьям, ежемесячного возмещения в связи с гибелью (смертью) судьи, в том числе пребывавшего в отставке, нетрудоспособным членам семьи судьи, находившимся на его иждивении», утверждённой Приказом Верховного Суда РФ №669кд, СД при Верховном Суде РФ №234 от 10.08.2015 (ред. от 20.07.2020), предписывает копии документов, относящиеся к назначению ЕПС, направлять из УСД и соответствующих судов в СД при Верховном Суде РФ для проведения правового анализа и последующего финансирования назначенных выплат.

При этом совершенно отсутствуют какие-либо нормы, позволяющие государственному органу, в частности УСД самостоятельно обеспечить реализацию положений п. 6 Постановления Верховного Совета РФ от 20.05.1993 №4994-1 «О статусе судей» о том, что выплаты по коэффициентам и надбавкам при исчислении размера пожизненного содержания осуществляются при условии проживания судьи в местности, где такие коэффициенты предусмотрены.

Таким образом, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 14 УПК РФ о том, что все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом, толкуются в пользу обвиняемого, добросовестное заблуждение Тимошенко об отсутствии необходимости письменного обращения с заявлением в УСП по Коми о прекращении выплаты северных надбавок в связи с переездом его в другой субъект Российской Федерации, не относящийся к районам Крайнего Севера, в данном случае, являющееся гражданско-правовыми отношениями, не образует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 159.2 УК РФ, в связи с чем приговор и апелляционное определение подлежат отмене, а уголовное дело прекращению в связи с отсутствием в действиях Тимошенко состава преступления.

Удовлетворив кассационную жалобу осуждённого Тимошенко Судебная коллегия отменила приговор Верховного суда Республики Коми и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго АСОЮ; уголовное дело в отношении Тимошенко прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. На основании п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ за ним признано право на реабилитацию[1].

По имеющейся в СМИ информации Тимошенко, реализуя свое право на компенсацию морального вреда, причиненного за незаконным осуждением пока смог взыскать с государства только 20.000 руб.[2].

17. Система v.s. антисистема

Всегда ли судейское сообщество столь сурово в свой принципиальности, как это было по делу в отношении Тимошенко? Согласно Закону «О статусе судей» служитель Фемиды имеют право на надбавку к должностному окладу за ученую степени и ученое звание. По умолчанию документом подтверждающими право на такие надбавки являются соответствующие дипломы и аттестаты - документы выдаваемые ВАК. Время от времени судьи просят назначить им соответствующие выплаты, в обоснование законности которых они представляют в УСД различные, но не ВАКовского образца «бумажки». Скажем больше, некоторые УСД на основании таких «бумажек» производят начисление соответствующих надбавок.

В частности, такие такая надбавка выплачивалась суде Гладских, который за свои бесспорно умышленные действия решением региональной ККС был лишен статуса судьи. Несмотря на все прочее Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ под председательством С.В. Рудакова данное решение отменила, мотивируя это тем, что виноваты, в первую очередь, руководители соответствующего УСД, ошибочно принявшие «бумажку» за документ ВАК[3].

Как видим, по телу Тимошенко нет ничего нового: правонарушение, за которое последний был осужден, также было взращено должностными лицами УСД.

18. Система символов не сработала

Наш вывод первый и печальный: многоуровневая система защиты судей от незаконного уголовного преследования в отношении Тимошенко должным образом не сработала. Инстанции, давшие согласие на привлечение его к уголовной ответственности (в отличие от Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ, заседавшей под председательством С.В. Рудакова), в силу только внешне кому-то непонятных

[1] Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 апреля 2025 года №3-УД24-18-А2. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2025 год.

[2] См., например: https://progoroduhta.ru/novosti-regiona/69712

[3] Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 21 июля 2016 года №ДК16-40. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2016 год.

причин (на самом деле все ясно) уклонились установления фактически обстоятельств дела. Практики знают, что можно принять то решение, которое просто «легче отписать». Например, в своих документах указать, что мы то решения по существу спора не принимаем, всего лишь открываем путь для установления истины. Формально это так, но для судей рассматривающих дело по существу, это зеленый свет для постановления обвинительного приговора.

Вывод второй – осуждение Тимошенко это message, в первую очередь, судьям в отставке, живущим на «Юге», но получающим ЕПС на «Севере». Коллеги, вам нужные еще другие предупреждения?

Вывод третий - безусловно, дело Тимошенко – message Судебному департаменту при Верховном Суде РФ и всем УСД по регионам: будьте принципиальными изначально и последовательно…

Вывод четвертый – закон об уголовной ответственности должен быть ясным, четко-определенным, двусмысленное толкование актов, которые призваны заполнить «бланк» конкретной статьи Особенной УК РФ не допускается. Все сомнения толкуются в пользу обвиняемого.

Вывод пятый – объективное вменение не наш метод, особенно в тех случаях, когда у правонарушителя умысла на совершение преступления изначально не было.

Ответ на вопрос: сего больше в системе и антисистеме символов системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России рационального или иррационального (хаоса) – оставляем на усмотрение читателя…

19. Основные научно-практические выводы

1. Практически все существующие в мире символы систем (антисистем) обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве, свойственные им технологии – порождение эпохи индустриальной (века прошлого, а то и позапрошлого). Им совершенно нет места в постиндустриальном в обществе. В тоже время мы вынуждены констатировать, что будущая система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве, свойственные ей символы, знаки и эмблемы пока в тумане.

2. Несмотря на то, что анализируемые нами система и антисистема во многом абстракты, мы даже не пытаемся сбрасывать со счетов далеко не символическую роли личности (судьи) в организации управления процессом.

Смолин Алексей Юрьевич

кандидат юридических наук, начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России

Smolin Alexey Yuryevich

Candidate of Law, Head of the editorial and publishing department of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: A.Y.Smolin@yandex.ru

Процессуальная экономия как ориентир эволюции уголовного процесса от символизма к технологии

Procedural economy as a guideline for the evolution of criminal procedure from symbolism to technology

Аннотация. Исследуя природу идеи процессуальной экономии, автор обосновывает тезис о том, что указанная идея, представляя собой насущную потребность всех процессуальных отраслей права и деятельности, является вектором эволюции уголовного судопроизводства от максимума эмоциональности к максимуму рациональности (условно эту схему можно обозначить как путь «от символизма к технологии»). В статье анализируется, когда и почему возникает потребность в процессуальной экономии, а также, в чем конкретно проявляется рассматриваемая потребность в различных отраслях права и опосредуемой ими деятельности.

Ключевые слова: технология, процессуальная экономия, символ, процессуальная форма, эволюция уголовного процесса

Annotation. Exploring the nature of the idea of procedural economy, the author substantiates the thesis that this idea, representing a pressing need for all procedural branches of law and activity, is a vector for the evolution of criminal proceedings from maximum emotionality to maximum rationality (this process can be conventionally described as the path "from symbolism to technology"). The article analyzes when and why the need for procedural economy arises, as well as how this need is specifically manifested in various branches of law and the activities they mediate.

Keywords: technology, procedural economy, symbol, procedural form, evolution of criminal procedure

Для цитирования: Смолин А. Ю. Процессуальная экономия как ориентир эволюции уголовного процесса от символизма к технологии // Юридическая техника. 2026. № 20: материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 814–820.

Направление эволюции уголовного судопроизводства в определяющей степени зависит от системы концептуальных идей – принципов процесса. В качестве действенного исследовательского инструмента можно рассматривать подход, трактующий уголовный процесс как специфическую технологию установления объективной истины по делу и, следовательно, предполагающий существование особых принципов процесса, которые можно условно обозначить как технологические. Названные принципы определяют сущность уголовного судопроизводства в первую очередь в аспекте и контексте его информационно-познавательной функции и вне социально-политического контекста.

По степени своего методологического и идеологического влияния на становление, тенденции и перспективы развития уголовного судопроизводства ключевой такой идеей представляется идея процессуальной экономии1.

[1] О прогнозируемой автором эволюции современной «человеческой» модели уголовного судопроизводства в модель «постчеловеческую» см.: *Поляков М.П., Смолин А.Ю.* Принцип процессуальной экономии в контексте «третьего уголовно-процессуального технологического уклада» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 257-262.

Анализ проблемной ситуации предполагает исследование базовой потребности, лежащей в ее основе. Постараемся рассмотреть процессуальную экономию как насущную потребность процессуальных отраслей права и деятельности.

Подобная исследовательская задача предполагает поиск ответов как минимум на три вопроса:

1) когда и почему возникает потребность в процессуальной экономии?

2) всем ли отраслям процессуального права присуща потребность в процессуальной экономии?

3) в чем конкретно проявляется потребность в процессуальной экономии в различных отраслях права?

Кроме того, обозначенная задача предполагает поиск фактов, которые можно рассматривать как доказательства насущности анализируемой потребности в современный период.

Первый вопрос: когда и почему возникает потребность в процессуальной экономии? – нам представляется скорее риторическим, чем конкретно-историческим. Мы пришли к выводу о том, что идея процессуальной экономии сопровождает уголовный процесс на протяжении всей его истории. Подобный вывод верен и в отношении других процедурных отраслей права. Фактически потребность в процессуальной экономии появляется одновременно с процессуальной формой1. И это не случайное стечение обстоятельств. По нашему мнению, сама процессуальная форма (во всех ее отраслевых воплощениях) есть прямое следствие целенаправленного поиска наиболее экономичных путей организации деятельности.

Представляется, что идея экономии является элементом сущности всякой формы. На это обстоятельство косвенно обращают внимание и лучшие представители науки уголовного процесса. Профессор Н.Н. Полянский пишет по этому поводу: «Поскольку формы организуют и упорядочивают деятельность учреждений и лиц, они упрощают для них осуществление поставленных задач, экономизируют их силы и энергию»2.

Размышления в этом направлении (поднимаясь от особенного к общему) неизбежно приводят к выводу о том, что и сама процессуальная форма есть результат реализации принципа более высокого порядка. Условно этот принцип можно назвать «вселенским принципом экономии». Если присмотреться к природе, то можно увидеть, что он проявляет себя во всех ее сферах. Именно этот принцип лежит в основе эволюции животного и растительного мира3. Поэтому процессуальная форма, будучи в некотором смысле специфическим воплощением вселенского (природного) принципа экономии, внутренне сохраняет в себе эту идею экономии, трансформируя ее в юридический принцип процессуальной экономии.

Подобный вывод опирается не столько на анализ исторических источников, сколько на факты, формирующие представления об общих тенденциях развития уголовного процесса и других процессуальных отраслей права. Вместе с тем, в литературе, описывающей генезис процессуальной формы, можно встретить любопытные работы, подтверждающие последовательную реализацию принципа процессуальной экономии в юриспруденции.

В этой связи наше внимание привлекла статья И.А. Исаева «Символизм правовой формы: Историческая перспектива»4. В ней приводятся интересные цитаты из работ исследователей древней юриспруденции. Первая цитата приписывается Дж. Вико. Последний пишет: «Вся древняя юриспруденция была «насквозь поэтической», представляя совершившееся несовершившимся и несовершившееся – совершившимся, рожденного – еще не рожденным, живых – мертвыми, а мертвых – живущими в их наследстве. Эта юриспруденция ввела «множество пустых масок без субъектов», созданных фантазией права и базировавшихся на мифах. Все юридические функции древней юриспруденции были замаскированными истинами, а формулы, в которых выражались законы, в своей литеральной артикуляции не могли выражать более того, что они озвучивали... Древнеримское право было серьезной поэмой, которая представлялась римлянам на Форуме, а древняя юриспруденция была суровой поэзией» (Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. – Л., 1940. – С. 422)5.

Вторая цитата принадлежит П. Колмыкову: «Формула в праве составляет переход от символа к позднейшим внешним обрядам, которые лишены поэтических красок и выражают созревшую рассудительность народа, вступившего в мужской возраст. Эти внешние обряды суть юридическая проза: они заключаются в самых необходимых и существенных формах, которые без всяких чувственных примесей и прикрас служат чистым выражением мысли юридической в бесчисленных видах изустного и письмен-

---

[1] «Взаимоотношения» процессуальной формы и процессуальной экономии, по нашему мнению, выстраиваются примерно по той же схеме, что и отношения между уголовной репрессией и ее экономией (известный принцип уголовного права – принцип экономии репрессии): задачи обеих отраслей должны решаться наиболее легкими средствами.

[2] *Полянский Н.Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1927. С. 20.

[3] В философии данный принцип издревле известен под именем «принципа наименьшей силы (наименьшей меры сил)». См., напр.: *Авенариус Р.* Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил: Prolegomena к критике чистого опыта / Под ред. М.М. Филиппова; Пер. с нем. М., 2007.

[4] *Исаев И.А.* Символизм правовой формы: Историческая перспектива // Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 4–10.

[5] *Там же.*

ного делопроизводства» (Колмыков П. Символизм права вообще и русского в особенности. – СПб., 1839. – С. 12)1.

В приведенных цитатах, на наш взгляд, можно разглядеть предпосылки трех серьезных методологических моментов.

Первый момент связан с последовательным упрощением процессуальной формы. Метафорическое описание становления процессуальной формы как переход «от поэзии к прозе» как раз и способствует выражению этой тенденции.

Второй момент объясняет причины этого. В цитате П. Колмыкова есть четкое указание на прямую связь развития процессуальной формы и становления умственной зрелости человечества. Далее он еще раз отмечает: «В символах, формулах и позднейших формах делопроизводства, в сих трех эпохах истории обрядов юридических, видна одна и та же главная основа – необходимость внешнего выражения для понятий юридических; различие проистекает от постепенного развития умственной зрелости народа»2.

Взаимосвязь человеческого ума и процессуальной формы была замечена процессуалистами достаточно давно. В.Д. Спасович более ста лет назад написал: «Везде, у всех народов, ордаль, или суд Божий, есть признак ребяческой немощи умственной»3. А ведь ордалии – это яркая историческая веха в развитии процессуальной формы.

Третий момент, на который непременно следует обратить внимание, читая статью А.И. Исаева, заключается в смене исторических ориентиров. Древний процесс, будучи «поэзией», был нацелен больше на духовно-эмоциональную часть человеческой сущности. Судебные процессы относились по большей части к сфере искусства, судебные речи являлись настоящими творческими произведениями. Со временем духовно-эмоциональная сторона стала сдавать свои позиции, уступая стороне рациональной. Главным адресатом процессуальной формы (объектом воздействия) становится человеческий ум. Именно от ума как движущей силы развития процессуальной формы и производен известный термин «рационализация» уголовного процесса. Рационализация связана не с материальными инструментами (микроскопами, компьютерами и т. п.), а в первую очередь с основной методологической установкой процесса – все опирается на ум и к уму же апеллирует.

Ум является главным инструментом профессионалов. В прежние времена профессионально сформированный ум назывался правосознанием. В основе современной уголовно-процессуальной технологии расположился ум и его главное орудие – логика4. Именно то, что в процессе (а в уголовном процессе в первую очередь) опирается на ум (а опирается на ум основа, каркас процесса – доказывание) и составляет существо технологических принципов судопроизводства, одним из которых является принцип процессуальной экономии.

Процессуальная экономия это и есть экономичное построение процессуальной формы по принципу – ничего лишнего. А лишнее, как правило, определяется по критерию – больше рационального, меньше эмоционального.

За данной установкой неизбежно следует вывод о том, что потребность в процессуальной экономии в том или ином виде присутствует в любом историческом типе уголовного процесса, и не только уголовного. Можно обоснованно предположить, что все процессуальные отрасли с давних пор «озабочены» проблемой экономичности судопроизводства и закономерным желанием его освобождения от разного рода процессуальных излишеств и нагромождений.

Само собой разумеется, что данная «озабоченность» в виде проблемной ситуации спускается в «лаборатории» отраслевых юридических наук процессуального цикла. По этой причине исследователи разных видов судопроизводства (уголовного, гражданского, арбитражного, административного) солидарны в вопросе о необходимости поиска сути идеи процессуальной экономии.

Полагаем также, что не вызывает споров и проблема первенства в научном осознании указанной тематики. По мнению автора, процессуалисты всех отраслей могут смело выводить истоки потребности в процессуальной экономии из единого начала. Это начало самого неразделенного процесса как исторического явления.

Что касается сугубо нормативного осознания этой потребности, то в качестве условной точки отсчета можно взять, к примеру, конкретный исторический факт – Государев указ от 5 ноября 1723 года «О

[1] *Там же.*

[2] *Там же.*

[3] *Спасович В.Д.* Избранные труды и речи / Сост. И.В. Потапчук. Тула, 2000. С. 25.

[4] В других своих работах автор приходит к выводу, что и человеческих ум, вооруженный логикой, – весьма ограниченное средство познания уголовно-процессуальной реальности и прогнозирует в перспективе вероятную замену его «автоматом». Подробнее об этом см.: *Смолин А.Ю.* Совесть или алгоритм: о технологических перспективах и противоречиях уголовного процесса // Российский судья. 2021. № 5. С. 54-59; *Поляков М.П., Смолин А.Ю.* Технология уголовного процесса: «за» или «против» человека процессуального // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 189-192.

форме суда»1, нормативно зафиксировавший потребность в процессуальной экономии. Царским именем была зафиксирована проблема: «в судах много дают лишнего говорить, и много ненадобного пишут». Нетрудно отыскать и современные примеры нормативного осознания указанной потребности2.

Таким образом, мы дали ответ и на второй вопрос.

Теперь обратимся к вопросу: в чем конкретно проявляется потребность в процессуальной экономии в различных отраслях права?

Прежде всего, процитируем немецкого правоведа Р. Иеринга, который достаточно ясно и полно сформулировал суть указанной потребности. «Важно не только, чтобы право осуществлялось, – писал Р. Иеринг, – но и как оно осуществляется. Какая польза от уверенности в несомненном осуществлении права, если оно происходит таким тяжеловесным и медленным способом, что лицо, отыскивающее свое право, добивается его, когда уже лежит в гробу? …осуществление права должно быть, с одной стороны, неизбежным и тем самым – равномерным и несомненным, с другой – легким и быстрым»3. Степень «пригодности» права, по мнению Р. Иеринга, состоит в том, как механизм его реализации способствует максимальному упрощению и облегчению применения его положений в каждом конкретном случае4.

В своем Курсе гражданского процесса Е.В. Васьковский предложил понимать сущность процессуальной экономии как возможность достигать наибольших результатов с наименьшими усилиями. Подобная формула, которая может рассматриваться как формула потребности, на наш взгляд, прямо вытекает из следующей цитаты: «Процессуальная экономия может выражаться, во-1-х, в сбережении времени, или быстроте, во-2-х, в облегчении труда, или простоте, и, в-3-х, в уменьшении расходов, или дешевизне производства»5.

Как видим, формула процессуальной экономии Е.В. Васьковского выглядит следующим образом: быстрота – простота – дешевизна. Следовательно, насущная потребность в процессуальной экономии – это, по сути, потребность в быстром, простом и недорогом судопроизводстве.

Полагаем, что приведенная формула характеризует практическую потребность не только гражданского судопроизводства. Мы легко отыщем немало представителей уголовно-процессуальной науки, которые ратуют за это же применительно к уголовному судопроизводству.

В качестве аргумента приведем несколько цитат известных исследователей. Начнем с мнения П.Ф. Пашкевича (большого авторитета в этом направлении), предлагавшего «устранить из процессуальной формы все излишества, все, что без необходимости осложняет процесс и может быть заменено другими, более экономичными процессуальными средствами, достаточно гарантирующими должное отправление правосудия»6. «Судопроизводство, – подчеркивал он, – «не должно тормозиться необоснованной сложностью и неоправданной негибкостью процессуальных норм… Неоправданно сложная процессуальная форма там, где ее можно заменить более простой, порождает медлительность, бумажную волокиту, тормозит своевременную, наиболее эффективную охрану прав и законных интересов личности»7.

Не стоит прилагать особых усилий, чтобы увидеть, что речь в приведенной цитате идет о быстроте и простоте процесса. Эти же атрибуты процессуальной экономии в дополнении с дешевизной отстаивает Ю.К. Якимович. Размышляя о дифференциации форм судопроизводства в зависимости от категории сложности уголовных дел, он настаивает на упрощенной процедуре производства по тем из них, «для которых уголовно-процессуальная форма может быть существенно упрощена без вреда для достижения цели установления истины»8. Ресурсы, которые государство может выделить на обеспечение уголовного судопроизводства, ограничены, и система их распределения должна быть организована рационально. Исходя из необходимости «дешевизны, экономии судебных сил, …наиболее рационального распределения сил и средств… должна строиться и уголовно-процессуальная форма, которая была бы свободна от тех «излишеств», которые не могут быть обеспечены реально, …снабжалась лишь необходимым количеством формальностей и не содержала бы условий, недостижимых для государства при данном уровне его экономического развития»9.

---

[1] Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. № 4344. Приводится по: *Чернявская Т.А.* Материалы по истории процессуального права России конца XVII – начала XVIII веков: Учебное пособие. Н. Новгород, 1998. С. 30–33.

[2] См., напр.: Рекомендация № R (87) 18 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно упрощения уголовного правосудия (принята Комитетом министров 17 сентября 1987 года); Концепция судебной реформы в РСФСР (одобрена Постановлением Верховного Совета РСФСР 28 октября 1991 года).

[3] *Иеринг Р.* Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905. С. 19.

[4] *Там же.* – С. 19–22.

[5] *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. М., 1913. Т. I: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. С. 362.

[6] *Пашкевич П.Ф.* Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 54.

[7] *Пашкевич П.Ф.* Указ. раб. С. 41, 45.

[8] *Якимович Ю.К.* Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова / Под ред. М.С. Свиридова. Томск, 2001. С. 50 –51.

[9] *Там же*.

В цитате Ю.К. Якимовича отражены, на наш взгляд, три концептуальные вещи. Первый концепт предлагает рассматривать процессуальную экономию как некоего посредника между инвариантной (неизменной) целью судопроизводства и меняющимися жизненными обстоятельствами. Второй концепт – нельзя экономить на процессуальной форме в ущерб объективной истине. Третий концепт – рационализация.

Сбережение сил и времени ставит в центр трактовки исследуемой нами потребности и М.Л. Якуб. Он считает, что порядок уголовного судопроизводства должен обеспечивать достижение его задач «с наименьшей затратой сил, средств и времени со стороны государственных органов, должностных лиц и граждан»1.

Позиция М.Л. Якуба примечательна, кроме прочего, и тем, что наряду с указанием на необходимость экономии сил, времени и средств государства в процессе осуществления функции уголовного преследования, не оставлены без внимания и частные интересы граждан, обращающихся к государству за защитой своих прав и зачастую недостаточно компетентных для того, чтобы досконально разбираться в хитросплетениях юридических формальностей2.

Таким образом, к формуле: «простота – быстрота – дешевизна» добавляется еще один элемент – доступное средство защиты гражданина. Точнее, речь идет не о новом автономном элементе, а о соответствующей ориентации трех названных составляющих.

Вниманием к интересам участников процесса (правда, в основном в экономическом аспекте) отличается и позиция В.Т. Томина. Формула процессуальной экономии в его представлении выглядит так: «достижение поставленной законодателем цели уголовного процесса (исполнение назначения уголовного судопроизводства) осуществляется в пределах выделенных государством сил и средств и без превышения установленных законом сроков. Bis dat qui cito dat! Это раз. И два: никто не освобождал юристов от обязанности считать государственные деньги. Впрочем, и деньги участников процесса желательно считать тоже. По различным соображениям. И в различных аспектах»3.

Потребность в достижении цели уголовного процесса наиболее экономичными средствами неизбежно выводит исследователей на поиск альтернативных (читай – менее процессуальных) инструментов. Эта проблема была детально изучена Л.В. Головко. В своей монографии он неоднократно упоминает о том, что одной из важнейших задач, решаемых с помощью «альтернативных механизмов», является задача «ускорения уголовного судопроизводства и как следствие – облегчения бремени, лежащего на уголовной юстиции, которая в таком случае как бы «высвобождается» для того, чтобы сосредоточиться на преступности более, если угодно, серьезной»4.

Высказанные выше точки зрения можно уложить в русло, направленное на совершенствование процессуальной формы как таковой. Эти идеи, как правило, находят свое выражение через правотворческую деятельность. Во всяком случае, авторам этих идей нормативный путь решения проблемы представляется наиболее оптимальным.

Автор полагает, можно согласиться с тем, что данный путь имеет ряд преимуществ, но признавать его единственным нельзя. Идея процессуальной экономии может воздействовать на практику не только через норму права. О потребности в процессуальной экономии можно говорить и в сугубо организационном ключе, ставя в центр проблему выбора законных сил и средств. Усмотрение участников, ведущих уголовное судопроизводство, это тоже форма проявления рационального начала. Правда, лишь до определенных границ, ведь чрезмерное господство усмотрения правоприменителя, приводящее к избыточной вариативности принимаемых уголовно-процессуальных решений в условно идентичных судебно-следственных ситуациях, концепции «Уголовный процесс как технология» явно противоречит5.

В «организационно-управленческом» контексте о процессуальной экономии преимущественно рассуждают те авторы, которым наиболее привлекательной кажется тематика рационализации уголовного судопроизводства, организации его на принципах научной организации труда (НОТ).

Именно так – с позиции рациональной организации уголовно-процессуальной деятельности и требований научной организации труда – трактуют процессуальную экономию С.П. Сереброва и Н.И. Порубов6.

По мнению С.П. Серебровой, процессуальная экономия – это «принцип уголовного процесса, который базируется на требованиях НОУТ и выражается в целесообразном (рациональном) использовании процессуальных средств и форм для правильного и эффективного проведения уголовного судопроизводства по каждому уголовному делу, при непременном условии закрепления их в законе и постоянном

---

[1] *Якуб М.Л.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 25.
[2] *Там же.* С. 26.
[3] *Томин В.Т.* Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство. Н. Новгород, 2007. С. 64.
[4] *Головко Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 16.
[5] *Смолин А.Ю.* Уголовный процесс: технология или искусство? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3. С. 10-15.
[6] См.: *Сереброва С.П.* Рационализация уголовного процесса. Н. Новгород, 2002. С. 34; *Порубов Н.И.* Научная организация труда следователя. Минск, 1970. С. 200–201.

совершенствовании закона во исполнение этих задач при строжайшем соблюдении такого принципа уголовного процесса, как обеспечение законных интересов участвующих в процессе лиц»1. Результатом внедрения в уголовное судопроизводство исследуемого принципа, как считает С.П. Сереброва, должно стать увеличение его «пропускной способности»2.

Н.И. Порубов объясняет процессуальную экономию как «такую организацию труда..., предусмотренную или допускаемую уголовно-процессуальным законодательством, которая ведет к эффективному использованию времени, сил и средств...»3.

М.А. Гурвич (применительно к гражданскому процессуальному праву) подходит к проблеме с позиции необходимости наиболее полного и целесообразного использования установленных законом процессуальных средств для правильного и быстрого разрешения дела4.

А.П. Гуляев также связывает процессуальную экономию с научной организацией труда следователя, с необходимостью выбора и использования «в каждой конкретной ситуации наиболее рационального (в рамках закона) пути достижения стоящей перед ним задачи, разумного и экономного использования средств, установленных законом»5. Вместе с тем, А.П. Гуляев не рассматривает экономию как банальное упрощение деятельности следователя, а делает акцент именно на повышении ее рациональности.

Весьма интересными в организационном аспекте видятся результаты научных исследований П.С. Элькинд. Полина Соломоновна предъявляла к средствам достижения целей уголовного судопроизводства в числе прочих требования научной обоснованности, эффективности и экономичности. Эффективность этих средств связывалась ею с достижением наилучшего результата в конкретной уголовно-процессуальной ситуации и отождествлялась с оптимальностью. Экономичность же трактовалась с позиции минимизации затрат сил и средств субъектов уголовного судопроизводства для достижения предпочтительных результатов6.

Будучи концептуальным сторонником идеи процессуальной экономии, П.С. Элькинд не рассматривала ее только в упрощенческом ключе. Она дала понять (и мы с ней в этом солидарны), что «требование максимальной (выделено нами. – А.С.) экономичности средств достижения целей не исключает возможности (а иногда необходимости) пересмотра некоторых средств достижения целей уголовного судопроизводства в плане их усложнения»7. И это существенный аргумент в пользу неразрывного единства экономичности и эффективности средств достижения целей судопроизводства.

На наш взгляд, критерием необходимости устранения из уголовного судопроизводства всего, что его замедляет, является не отсутствие дополнительных процессуальных гарантий, а их обусловленность целями процесса. Необходимо помнить, что сами дополнительные гарантии могут стать излишними и превратиться, по словам М.Л. Якуба, «из средства к осуществлению задач правосудия в препятствие на его пути»8.

Вообще следует признать, что понимание всех элементов формулы процессуальной экономии требует компромиссного подхода. Возьмем, к примеру, элемент быстроты. А.С. Кобликов, признавая одним из условий успеха в борьбе с преступностью быстроту судопроизводства, предостерегает и от поспешности, осознавая, что на исправление ошибок всегда требуется гораздо больше времени и средств, чем на подготовку и принятие правильного первоначального решения9.

М.С. Строгович суть принципа быстроты предварительного расследования видел в требовании максимального приближения момента суда над совершившим преступление лицом к моменту совершения им преступления. Значение же этого приближения, по мнению М.С. Строговича, состоит в воспитательном воздействии на общество10.

В завершение статьи в концентрированном виде сформулируем ее основные выводы.

1. Исследовав природу процессуальной экономии, мы пришли к заключению о том, что идея процессуальной экономии сопровождает уголовный процесс и другие процессуальные отрасли права и деятельности на протяжении всей их истории. Указанная потребность появляется одновременно с процессуальной формой, поскольку и сама эта форма есть прямое следствие целенаправленного поиска человечеством наиболее экономичных путей организации соответствующих сфер юридической деятельности.

---

[1] *Сереброва С.П.* Указ. раб. С. 34.
[2] *Там же*.
[3] *Порубов Н.И.* Указ. раб. С. 200–201.
[4] См.: *Гурвич М.А.* Принципы советского гражданского процессуального права // Труды Всесоюзного юридического заочного института. М., 1965. Т. 3. С. 55.
[5] *Гуляев А.П.* Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 44.
[6] *Элькинд П.С.* Категории «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 103.
[7] *Там же*.
[8] *Якуб М.Л.* Указ. раб. С. 26.
[9] *Кобликов А.С.* Законность – конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М, 1979. С. 63–64.
[10] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. С. 63–64.

2. Эволюция процессуальной формы изначально протекала в русле стремления к большей экономичности. На основе изучения разработок общей теории права автор заключает, что «древний» юридический процесс был призван воздействовать преимущественно на духовно-эмоциональную часть человеческой сущности: судебные процессы относились по большей части к сфере искусства, судебные речи являлись настоящими творческими произведениями. Со временем духовно-эмоциональная сторона в сфере юриспруденции стала уступать стороне рациональной, а главным объектом воздействия процессуальной формы становится человеческий ум. Именно от ума как движущей силы развития процессуальной формы и производен известный термин «рационализация» уголовного процесса. То, что в процессе опирается на рациональность (а это в первую очередь доказывание), составляет существо технологических принципов судопроизводства, одним из которых является принцип процессуальной экономии.

3. Все процессуальные отрасли с давних пор «озабочены» проблемой экономичности судопроизводства и закономерным желанием его освобождения от разного рода процессуальных излишеств и нагромождений. Идея процессуальной экономии выражает стремление к экономичному построению процессуальной формы по принципу – ничего лишнего. А лишнее, как правило, определяется по критерию – больше рационального, меньше эмоционального.

4. Особый акцент необходимо делать на технологической сущности процессуальной экономии. Процессуальная экономия должна рассматриваться как специфический технологический принцип уголовного процесса. Определением «технологический» подчеркивается наличие в уголовном процессе идей, которые, во-первых, присущи уголовному судопроизводству любого исторического и географического типа, во-вторых, не меняются вслед за сломом политических систем, в-третьих, обеспечивают диалектическое взаимодействие между целью уголовного процесса и его средствами. Учитывая, что уголовный процесс является сложным явлением, включающим в себя не только юридические, но и культурно-политические аспекты, понятие «технологические принципы» помогает акцентировать ту часть сущности процесса, которая по большей части обусловлена информационными закономерностями установления объективной истины.

Тихонова Елизавета Николаевна

старший преподаватель кафедры управления Нижегородской академии МВД России

Tikhonova Elizaveta Nikolaevna

senior Lecturer of the Department of Management Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: etikhonova123@yandex.ru

Символы, используемые в делопроизводстве в органах внутренних дел Российской Федерации

Symbols used in office work in the internal affairs bodies of the Russian Federation

Аннотация. Статья содержит анализ ведомственного законодательства, предусматривающего использование символов в делопроизводстве в органах внутренних дел Российской Федерации. Изучены правила использования символов и типичные ошибки, допускаемые правоприменителями при подготовке и оформлении документов.

Ключевые слова: символы в праве, делопроизводство, органы внутренних дел, документирование, документ, Государственный герб Российской Федерации, оттиск печати, электронная подпись

Annotation. The article contains an analysis of departmental legislation that provides for the use of symbols in the office work of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The rules for using symbols and typical errors made by law enforcement officers when preparing and processing documents have been studied.

Keywords: symbols in law, office work, internal affairs bodies, documentation, document, State Emblem of the Russian Federation, seal impression

Для цитирования: Тихонова Е.Н. Символы, используемые в делопроизводстве в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая техника. – 2025. –№ 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 821–823.

Ведомственное законодательство, регламентирующее делопроизводство в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ), как и многие другие, совершенствуется с учетом изменяющихся реалий. Последние изменения, связанные с новыми информационными технологиями, коснулись и приказов МВД России. Так, приказ от 02.09.2024 № 515 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российский Федерации» (далее – приказ), в отличие от предшествующего, содержит больше положений, связанных с электронном документооборотом, в нем раскрываются новые понятия, характеризующие единую систему информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России и входящие в нее сервисы[1]. В ранее действовавшем приказе от 20.06.2012 № 615 с аналогичным названием еще не так явно прослеживался уход от бумажного документооборота с целью сокращения временных и материальных затрат.

Символы же, используемые сотрудниками ОВД РФ при подготовке и оформлении документов, остались неизменными. Это говорит о постоянстве законодателя в выбранной политике, их совершенстве и отсутствии противоречий с другими смежными нормативными актами. Сам по себе символ – это некий зашифрованный способ передачи информации, отличный от традиционного – буквенного. Динамично развивающаяся правовая система, безусловно, не может обойтись без них.

Но что именно считать символом в праве? Законодатель решил оставить без ответа данный вопрос в издаваемых нормативных правовых актах. Это породило множество дискуссий среди ученых о природе таких символов, их назначении и ключевых признаках. Н.С. Горчанова, проанализировав различные подходы, предлагает следующую дефиницию: «символ – это некая нормативно закрепленная условная

[1] Приказ МВД России от 02.09.2024 № 515 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 18.09.2025).

единица, создаваемая по договоренности субъектов правотворчества или правоприменителей для определенных групп, категорий людей, являющаяся своеобразной и эффективной формой передачи правового материала и предназначенная для совершенствования юридической деятельности»[1]. К делопроизводству в ОВД РФ это определение, безусловно, применимо без всяких ограничений и оговорок.

Сотрудники ОВД РФ, как правоприменители ранее обозначенного приказа, должны знать, какие символы можно применять при документировании, каков механизм их применения, что является недопустимым. К сожалению, слабое знание ведомственного законодательства приводит к увеличению временных затрат на некоторых этапах документооборота.

Одним из новшеств стало повсеместное получение должностными лицами ОВД РФ электронной подписи для использования в СЭДе[2]. Федеральным казначейством по заявлению сотрудников ОВД РФ выдаются сертификаты ключей проверки электронной подписи и материальный носитель такого сертификата - USB-токен. Сотрудники ОВД РФ, в свою очередь, привязывают выданный USB-токен к своей учетной записи в ИСОДе[3]. В результате подписания электронного документа таким способом на документе появляется символ – отметка об электронной подписи. Этот символ представляет собой прямоугольник, внутри которого содержится фраза о подписании документа электронной подписью, номер сертификата, срок его действия, сведения о владельце и геральдический знак. Использование электронной подписи допустимо как при работе с документами внутреннего обращения, так и при оформлении исходящих документов с соблюдением правил информационной безопасности.

Помимо отметки об электронной подписи, приказ определил еще 29 реквизитов-элементов, которые в различных комбинациях могут использоваться при подготовке и оформлении документов. Среди используемых реквизитов также есть правовые символы. Возглавляет данный список Государственный герб РФ. Федеральный конституционный закон, посвященный ему, содержит детальное описание, случаи применения и отсылку к кодексам в части, касающейся ответственности за неправильное использование[4]. Приказ же, во исполнение требований информационной культуры, не дублирует ФКЗ «О Государственном гербе РФ», а лишь уточняет, что в ОВД исключительное право на использование принадлежит Министру внутренних дел РФ и его заместителям. Помимо прочего, в приказе конкретизированы и размеры при использовании: 19 мм×21 мм.

Практика свидетельствует, что у обучающихся по образовательным программам в высших учебных заведениях системы МВД РФ отмечаются трудности в отличии Государственного герба РФ от геральдического знака – эмблемы ОВД РФ, предусмотренного Указом Президента РФ[5]. Разница даже в описательной части очевидна, что уж говорить и об изобразительной: крылья орла, щит и т.д., к тому же нормативные акты содержат в себе примеры выполнения символа в многоцветном и одноцветном вариантах. Отличия касаются и степени защищенности: охрана Государственного герба РФ осуществляется уголовным и административным законодательством, в то время как эмблема защищена нормами патентного права. Эмблема уже может использоваться и иными должностными лицами ОВД РФ. Законодательно запрещено использовать на документах геральдический знак, если на нем уже выполнен Государственный герб РФ. У эмблемы, как и у Государственного герба РФ, есть свои размеры при использовании – 17 мм×35 мм.

Обозначенные показатели нередко нарушаются правоприменителями в попытках уместить переносимые на другую страницу реквизиты, сужая или расширяя размеры орла. Такое попустительское отношение к реквизитам недопустимо. Оправдывают сотрудники себя тем, что содержание документа важнее формы. Безусловно, в этом есть доля истины. Но документ – это опосредованный способ связи между территориальными ОВД РФ как друг с другом, так и с обществом в целом. В первую очередь, представителям органов исполнительной власти надо начинать с себя, неукоснительно исполняя законодательство РФ, предъявляя такие же требования к гражданам.

Герб государства может использовать не только самостоятельно, но и помещаться на печати, в том числе, на печати федеральных органов исполнительной власти. Оттиск печати является еще одним символом, используемым в делопроизводстве наряду с ранее описанными. В каждом территориальном органе имеется своя гербовая печать (то есть одним из ее элементов будет изображение герба), так и несколько простых. Пункт 75 приказа гласит, что оттиск печати подтверждает право подписи должностного лица на документе. Некоторым документам для придания юридической силы не хватает личной

[1] Гончарова Н. С. Правовой символ: понятие и признаки // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. № 3 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-simvol-ponyatie-i-priznaki (дата обращения: 18.09.2025).

[2] Сервис электронного документооборота единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России.

[3] Письмо Казначейства России от 25.08.2023 № 95-09-11/15-377 «О вопросах создания и выдачи сертификатов» СПС КонсультантПлюс (дата обращения 21.10.2025).

[4] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О Государственном гербе Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 18.09.2025).

[5] Указ Президента РФ от 10.11.1998 № 1333(ред. от 20.12.2016) «Об учреждении геральдического знака – эмблемы органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Положением о геральдическом знаке – эмблеме органов внутренних дел Российской Федерации») // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 18.09.2025).

подписи должностного лица. Типичной ошибкой работы с вышеуказанным реквизитом является оставление следа от печати с захватом на личную подпись, в то время как приказ строго это запрещает. Оттиск должен захватывать только часть наименования должности и не более того. Для ликвидации такого рода нарушений рекомендуется исключить передачу печатей от одного сотрудника к другому. Выполнение характеризуемого реквизита должно быть одной из завершающих стадий непосредственно перед отправкой.

Рассмотренные символы являются не единственными, используемыми сотрудниками ОВД РФ при работе с документами. Но уже приведенные выше примеры подтверждают важность и преимущества использования символов. К каждому из них предъявляются свои правила оформления, определены пределы допустимого применения. Своевременное изучение обязательных требований использования символов поможет избежать ситуаций, когда неправильно оформленные документы возвращаются на доработку.

Шухарева Анна Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России

Shukhareva Anna Vasilyevna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Chief of the Department of Civil Law and Procedure,the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: Dychko-anna@mail.ru

Использование символов в правовой коммуникации субъектов гражданских отношений

The use of symbols in the legal communication of subjects of civil relations

Аннотация. В статье исследуется феномен использования символов в правовой коммуникации между субъектами гражданских правоотношений. Автор, опираясь на теоретико-цивилистический инструментарий, доказывает, что символы выступают не вспомогательным, а конститутивным элементом коммуникативных процессов в гражданском обороте. Анализируются функции правовых символов (идентификационная, легитимирующая, информационно-семиотическая), их виды (материальные, поведенческие, знаково-документальные) и роль в минимизации трансакционных издержек. Особое внимание уделяется юридической силе символических действий и документов в контексте принципа автономии воли сторон. Делается вывод о том, что современное гражданское право представляет собой не только систему норм, но и сложноорганизованное символическое пространство.

Ключевые слова: правовая коммуникация, символ, гражданские правоотношения, цивилистика, юридический факт, сделка, документ, автономия воли

Annotation. The article examines the phenomenon of the use of symbols in legal communication between subjects of civil law relations. The author, relying on theoretical and civilistic tools, proves that symbols are not an auxiliary, but a constitutive element of communicative processes in civil circulation. The article analyzes the functions of legal symbols (identification, legitimizing, informational and semiotic), their types (material, behavioral, symbolic and documentary) and their role in minimizing transaction costs. Special attention is paid to the legal force of symbolic actions and documents in the context of the principle of the autonomy of the will of the parties. It is concluded that modern civil law is not only a system of norms, but also a complexly organized symbolic space.

Keywords: legal communication, symbol, civil relations, civics, legal fact, transaction, document, autonomy of will

Для цитирования: Шухарева А.В. Использование символов в правовой коммуникации субъектов гражданских отношений // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 824–826.

На фоне формирования принципиально новых правовых явлений и тенденций, значимость классических инструментов регулирования, в числе которых – известные с глубокой древности правовые символы, не только не утрачивается, но и приобретает новое звучание. В правовой системе современной России данные символы выступают действенным инструментом правовой коммуникации, понимаемой как процесс трансляции правовой информации от правотворца через правоприменителя к конечному адресату.

Принимая во внимание, что в условиях современного этапа развития государства и права к ключевым характеристикам такой коммуникации относятся упорядоченность, определенность и единообразие понимания передаваемой информации, облекаемой все чаще в электронную форму, – обеспечение ее качества при растущих скоростях и объемах обработки, идентификации и кодирования с применением аудио-, видео- и мультимедийных форматов достигается благодаря фундаментальным формам выражения права. К их числу традиционно причисляют язык, текст, изображение и символы. Именно символы, как одна из таких форм, находят широкое применение для решения как традиционных, так и новей-

ших задач правового, в том числе индивидуального, регулирования, что подтверждает их практическую востребованность в русле общемировых тенденций.

Правовая реальность, будучи порождением человеческого духа и социального взаимодействия, по своей природе глубоко символична. Классическая цивилистика, сфокусированная на догматическом анализе норм и конструкций, нередко оставляла за скобками вопрос о том, как именно правовые смыслы транслируются и воспринимаются участниками оборота. Между тем, коммуникативный подход к праву позволяет раскрыть его как динамическую систему обмена сообщениями, в которой символы играют ключевую роль[1].

В теории права под символом принято понимать условный, чувственно воспринимаемый знак, который замещает более сложное абстрактное понятие или социальный институт, выступая его представителем Правовой символ – закрепленный законодательством условный образ (замещающий знак), используемый для выражения определенного юридического содержания и понятный окружающим людям[2]. В цивилистическом измерении символ – это коммуникативный актант, посредством которого воля субъекта (волеизъявление) обретает внешнюю, доступную для восприятия контрагентом и правопорядком форму.

Отличительной чертой правового символа является его институциональность. Он не просто обозначает некий объект, но и порождает определенные правовые последствия. Например, печать организации – это не просто кусок металла с гравировкой; это символ, удостоверяющий, что документ исходит от конкретного юридического лица и выражает его волю. Его использование превращает простой лист бумаги в юридически значимый документ.

Правовые символы как наглядные средства экономии правового воздействия способствуют снятию информационного (прежде всего, текстового) перегруза[3]. Благодаря своей образной природе они закрепляются в сознании граждан даже на подсознательном уровне, что, в конечном счете, работает на преодоление отчуждения между государством и обществом, усиливая легитимность и преемственность государственной власти.

Сфера правовых символов представляет собой особую дополнительную информацию о правовом регулировании, которая не подменяет собой основную, выраженную в нормах законодательства. Ее предназначение – привлечь внимание субъектов, предостеречь их о наступлении правовых последствий, зафиксировать юридическую значимость тех или иных действий. -

Как верно отмечал И. А. Ильин, «нелеп и опасен такой порядок жизни, когда смысл права выражается слишком сложно, запутанно и непонятно» [4]. Именно для исключения подобной сложности и используются символы. С одной стороны, они выступают необходимой предпосылкой для повышения четкости, определенности и лаконичности правового материала, а с другой – будучи инструментом законодательной техники, существенно усиливают формальную определенность права и точность юридического текста.

В контексте принципа автономии воли символы служат тем самым «языком», на котором свободные и равные субъекты «договариваются» о взаимных правах и обязанностях. Они минимизируют необходимость в развернутых вербальных объяснениях, выступая стандартизированными носителями правовой информации.

Предлагается следующая классификация символов в гражданском обороте:

1. Материальные символы: печати, штампы, товарные знаки, знаки обслуживания, голографические знаки на продукциях, фирменная символика. Их функция – идентификация и индивидуализация субъекта или объекта права.

2. Поведенческие (конклюдентные) символы: действия, явно свидетельствующие о намерении лица вступить в правоотношение (поднятие руки на аукционе, оплата проезда в транспорте, совершение сделки через «корзину» в интернет-магазине). Их функция – замещение прямого волеизъявления.

3. Знаково-документальные символы: сам документ как символ правоустановления (договор, акт, вексель, чек), а также специальные графические обозначения в документах (гербовая печать, подпись, апостиль). Их функция – фиксация и удостоверение прав и обязанностей.

Функциональный анализ позволяет выделить несколько ключевых ролей символов:

1. Легитимирующая функция. Символ придает действию или документу юридическую силу. Подпись уполномоченного лица легитимирует документ.

2. Информационно-семиотическая функция. Символы несут концентрированную правовую информацию. Знак «©» сразу сообщает о наличии авторских прав.

---

[1] См. Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 22 с..

[2] Давыдова М.Л. Классификация правовых символов // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9).

[3] Шарно О. И. Правовые символы как средства правоприменительной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 4–5.

[4] Ильин И. А. О сущности правосознания // Соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 160. URL: http: www.odinblago.ru/filosofiya/ilin/o_sushnosty_pravosozn/2/ (дата обращения: 10.09.2025).

3. Доказательственная функция. Символически закрепленные действия и документы служат доказательством в суде.

4.Функция снижения трансакционных издержек. Стандартизированные символы (например, типовые договоры, бланки) упрощают и ускоряют процесс правовой коммуникации, делая его предсказуемым.

Раскрывая доказательственную функцию символов следует отметить, что и судебной практике также пришлось столкнуться с правовой интерпретацией использования символов в правовой коммуникации на примере такого символа как «эмодзи». Арбитражный апелляционный суд Краснодарского края признал символ «палец вверх» эквивалентом подписи в договоре[1]. В рамках рассматриваемого дела предприниматель Арутюнян С.В. обратилась в суд с иском к ИП Руденко Р.Ю. о взыскании 480 000 рублей неосновательного обогащения в связи с нарушением условий договора купли-продажи киоска.

Истец указывала на утрату интереса к товару вследствие сезонного характера бизнеса и заявляла о требовании расторгнуть договор. Ответчик мотивировал неисполнение обязательств отсутствием надлежаще оформленного дополнительного соглашения о цвете киоска.

В процессе разбирательства суду была представлена переписка в WhatsApp, где Руденко предложил вариант цвета, а Арутюнян ответила на это сообщение, использовав символ «палец вверх». Суд квалифицировал данный жест как выражение согласия с предложенными условиями, отметив, что в общепринятом понимании этот эмодзи несет позитивную смысловую нагрузку и может трактоваться как подтверждение («хорошо», «согласен»).

Таким образом, поскольку цвет был фактически согласован сторонами, продавец был обязан исполнить обязательство. Доводы ответчика о неоднозначности трактовки эмодзи были отклонены, так как иное значение символа не было доказано. Важно отметить, что решающую роль в принятии решения сыграло наличие в договоре условия о придании переписке в мессенджере юридической силы.[2]

С точки зрения теории юридических фактов, символическое действие (конклюдентное) или символический документ являются тем самым «спусковым крючком», который приводит в движение механизм гражданско-правового регулирования.

Ярким примером является институт молчания в гражданском праве (ст. 158 Гражданского кодекса РФ). В определенных законом или соглашением сторон ситуациях молчание приобретает символическое значение и трактуется как форма выражения воли (символ согласия или отказа). Это демонстрирует, насколько глубоко символическое начало проникло в ткань гражданского права.

Электронная цифровая подпись является современным технологическим символом, полностью замещающим собственноручную подпись и наделенным той же юридической силой. Это доказывает, что природа символа остается неизменной, меняются лишь его технические формы.

Следует заключить, что во-первых, гражданско-правовая коммуникация не может существовать вне символического опосредования. Символы являются тем универсальным «кодом», который обеспечивает взаимопонимание субъектов и эффективность всего гражданского оборота.

Во-вторых, система символов в гражданском праве выполняет ряд ключевых функций, среди которых доминируют идентификационная, легитимирующая и функция снижения издержек.

В-третьих, символические действия и документы обладают свойством порождать юридические последствия, то есть выступают полноценными юридическими фактами.

Таким образом, современное гражданское право предстает не просто совокупностью норм, а сложным семиотическим пространством, где догматические конструкции оживают и реализуются через систему взаимопонимаемых и общепризнанных символов. Дальнейшее развитие цивилистической теории видится в более глубоком синтезе догмы права с достижениями семиотики, лингвистики и теории коммуникации.

[1]Решение Арбитражного суда города Москвы от 07.07.2021 по делу № А40-124668/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Bc8fmwwZhIrK/ (дата обращения: 13.09.2025).

[2] Суды в России признали эмодзи подтверждением согласованности условий сделки [Электронный ресурс] // Контралегал. – 2023. – URL: https://contralegal.ru/ru/articles/novosti/sudy-v-rossii-priznali-emodzi-podtverzhdeniem-soglasovannosti-uslovii-sdelki (дата обращения: 10.09.2025).

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Юридическая символика в исследованиях аспирантов, адъюнктов, соискателей, студентов, курсантов, слушателей

Алешина Мария Дмитриевна

адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

Alyoshina Maria Dmitrievna

Adjunct of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: aleshina29@list.ru

Идея неотвратимости наказания как символический принцип уголовного процесса

The idea of the inevitability of punishment as a symbolic principle of the criminal process

Аннотация. В статье рассматривается принцип неотвратимости наказания не только в его утилитарном, но и в символическом измерении. Анализируется его роль как фундаментального социального символа, укрепляющего авторитет государственной власти, восстанавливающего нарушенную социальную справедливость и формирующего правовую культуру общества. Доказывается, что именно символическая функция данного принципа лежит в основе его превентивного и воспитательного значения, а его эрозия ведет к подрыву общественного доверия к праву в целом.

Ключевые слова: идея неотвратимости наказания, символы в праве, уголовный процесс, принципы уголовного процесса

Annotation. The article examines the principle of the inevitability of punishment not only in its utilitarian, but also in its symbolic dimension. It analyzes its role as a fundamental social symbol that strengthens the authority of the state, restores violated social justice, and shapes the legal culture of society. The article argues that it is the symbolic function of this principle that underlies its preventive and educational significance, and its erosion leads to a breakdown in public trust in law in general.

Keywords: the idea of the inevitability of punishment, symbols in law, criminal proceedings, principles of criminal proceedings

Для цитирования: Алешина М.Д. Идея неотвратимости наказания как символический принцип уголовного процесса // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 827–829.

Символизм в праве занимает ключевую позицию в регулировании общественных отношений. Поскольку само понятие «символизм» имеет прочные корни в культурной сфере, не случайно символизм в праве представляет собой весьма интересную структуру и ключевые понятия. В.В. Серегина считает, что культурологический подход в исследовании права и государства предполагает рассмотрение данных явлений с точки зрения категорий культурологии, выявления и анализа культурных факторов, лежащих в основе процессов их формирования и функционирования[1]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения, т.к. именно культурологический фактор является базовым при построении закономерностей развития права и государства.

[1] Серегина В. В. Символизм в праве как отражение его культурологических особенностей //Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – №. 1. – С. 39.

Немаловажным аспектом является символизм в отдельных отраслях права. В частности, речь идет об уголовном процессе. В целом, уголовный процесс по своей сути является воплощением символизма. В современной жизни символизм не потерял своего значения, наоборот, ученые-процессуалисты на сегодняшний день большое внимание уделяют символам правосудия в уголовном процессе России. Например, А.В. Агутин обуславливает уголовный процесс с точки зрения русских святынь, моральных и религиозных норм[1]. Он предполагает, что концептуально отечественное уголовное судопроизводство должно опираться на русские святыни. По-нашему мнению, такой подход к символизму является весьма обоснованным, ведь русская православная традиция является неотъемлемым регулятором общественных отношений и в настоящий момент.

В условиях современности, развития научно-технического прогресса и цифровизации, особо остро встает вопрос сохранения символов и ритуалов[2]. Выше мы упоминали, что русская религиозная основа отражается в символах уголовного процесса, однако, это никак не закрепляется официально. Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что уголовная политика и принципы уголовного процесса являются наследием символов и ритуалов, которые берут свое начало еще возникновения Российского государства и права в нем. В древнем обществе символы были частью общественных и политических событий. Сейчас же можно с уверенностью сказать, что символизм служит концептуальным мостом в строительстве правовых норм и взаимодействия права с неформальными социальными институтами. Но современное правосудие стало более формализированным и менее символичным. Скажем, что на место «ордалий», которые в древние времена использовались как доказательство виновности лица, пришел принцип состязательности.

Ранее мы уже говорили о том, что принципы уголовного процесса являются продолжением символизма и ритуалистики правовой науки. В.Т. Томин указывал, что принципы необходимо понимать, как идеи максимальной степени общности, которые проведены в совокупности действующих в отечественном судопроизводстве уголовно-процессуальных норм и в практике их применения[3]. Не случайно основатель Нижегородской (Томинской) школы процессуалистов отмечал, что принципы уголовного судопроизводства могут существовать только тогда, когда они являются идеями общественного уклада. Мы, как наследники Томинской концепции, не можем не согласиться с данной точкой зрения. Более того, как уже было выяснено, символы также являются отражением общественной жизни и его традиций. В юридической литературе можно найти большое количество примеров, когда в древнем мире символизм в правосудии имел колоссальное значение. В данной статье мы не будем подробно рассматривать каждый конкретный пример, обусловимся лишь тем, что такие примеры существовали в каждом древнем государстве (Древняя Греций, Древний Рим, Древний Египет).

Особый интерес, исходя из темы исследования, для нас представляет идея неотвратимости наказания как символический принцип уголовного процесса. Сразу же оговоримся, идея неотвратимости наказания не является официальным закрепленным принципом в УПК РФ. Однако, можно с уверенностью сказать, что каждая норма уголовно-процессуального закона буквально пронизана данной идеей. Предполагая либеральные возмущения, скажем, что сама концепция неотвратимости наказания не предполагает возвращение к инквизиционному типу уголовного процесса. Напротив, идея неотвратимости наказания предполагает достижения назначения уголовного судопроизводства, защиту прав участников уголовного процесса. Не стоит рассматривать данную идею исключительно в практической или только теоретической плоскости, в таком случае, неотвратимость наказания потеряет свой глубинный смысл.

Истинная сила идеи неотвратимости наказания заключается в ее символической роли – роли гаранта социального порядка и справедливости. Не случайно, еще много столетий назад государство взяло на себя обязанность обеспечивать исполнение этой идеи и стало монополистом в сфере реализации идеи неотвратимости наказания. Именно поэтому можно считать, что идея неотвратимости наказания и ее телеологические амбиции служат проявлением символической природы, переходя от утилитарной цели к общественному договору. Раз мы говорим о том, что государство взяло на себя обязанность обеспечивать наказание и предупреждение преступности, то справедливым будет заметить, что одновременно с этим, государство взяло на себя обязанность по защите прав и законных интересов людей. В ответ общество признало авторитет государственной власти и непоколебимость ее законов.

Символ неотвратимости наказания служит мощным стабилизирующим фактором в обществе. Представим такую ситуацию, когда преступление осталось безнаказанным, а правоохранительные органы игнорируют противоправные действия лица. Прежде всего, это грозит негативными последствиями не только для общества, но и для государства в целом. У граждан потеряется не только доверие к пра-

[1] Агутин А. В. Символы русского уголовного процесса //Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – №. 3 (59). – С. 41.

[2] Акимова М. А., Тюменева Н. В. Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации //Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24. – №. 4. – С. 430.

[3] Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – Юрид. лит. – 1991. – С. 44.

воохранительным органам, но и случится некий символический сбой. Во-первых, таким образом подрывается вера в справедливость, общество видит, что негласный договор нарушен и государство не имеет сил или желания наказать «обидчика». Во-вторых, что самое страшное, стирается граница между правомерным и противоправным поведением. Как отмечал Ч. Беккариа: «Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания производит всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестким, но сопровождаемый надеждой на безнаказанность»[1]. Философ, по-нашему мнению, строил свою концепцию именно вокруг идеи неотвратимости наказания, его «неизбежности», которая рано или поздно все равно догонит лицо, совершившее преступление.

Идея неотвратимости наказания также служит гарантом восстановления символического баланса. Если рассматривать преступное посягательство с сакральной точки зрения, то можно понять, что оно представляет собой акт символического насилия над сложившейся системой норм и ценностей. Не случайно мы ранее упоминали А.В. Агутина, который рассматривает уголовный процесс с точки зрения теологии. Таким образом, можно говорить, что преступление посягает не только на моральные нормы общества, но и на религиозные институты, т.к. мы видим прямое нарушение закона. Конечно, такая концепция вряд ли может быть принята в современном мире, где светское общество давно позабыло религиозные догматы, но раз мы говорим о символизме, то отсылка к религиозной морали имеет право на существование. Уголовный процесс в этой парадигме представляет собой не просто процедуру установления истины, а ритуал восстановления нарушенного порядка.

Неотвратимость наказания предстает кульминацией этого ритуала. Сам факт того, что государственный механизм пришел в движение, т.е. возбудил уголовное дело, провел предварительное расследование, публично осудил виновного и назначил уголовное наказание, отправляет мощный символический сигнал в сторону всех людей: норма восстановлена, а справедливость восторжествовала. Это имеет огромное значение для потерпевшего, который будет уверен в том, что справедливость восторжествовала.

Хотелось бы, чтобы символизм как явление продолжалось и в праве. Несмотря на стремительную цифровизацию общества, права и уголовного процесса в частности, хочется вернуть уголовно-процессуальному закону сакральность. Одним из первых шагов в этом направлении мы видим символическое выражение идеи неотвратимости наказания. для этой цели предлагается уточненный вариант статьи 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства».

«Назначением уголовного судопроизводства является защита личности, общества и государства от преступлений путем быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был осужден и подвергнут справедливому наказанию.

Органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, должны стремиться к тому, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности; чтобы никто не подвергался незаконно и необоснованно мерам процессуального принуждения и иному ограничению прав и свобод личности».

По нашей оценке, взятая за основу концепция, существовавшая многие годы в УПК РСФСР (именно она положена в основу предлагаемой редакции) должна стать символическим фундаментом изменения нормы статьи 6 УПК РФ, которая будет пробуждать в людях дух уважения к закону, а также показывать всю силу и амбициозность уголовного процесса России.

В заключении стоит сказать, что символизм в праве имеет большое значение для правовой семьи в целом. Идея неотвратимости наказания представляет собой краеугольный камень уголовного процесса не столько в своем практическом, сколько в символическом воплощении. Она является социальным символом, который легитимирует государственную власть, поддерживает веру в социальную справедливость и обеспечивает нормативное единство общества.

[1] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – Directmedia. – 2014. – С. 110.

Андрианова Ульяна Дмитриевна[1]

слушатель факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации

Andrianova Ulyana Dmitrievna

Student of the Faculty of training specialists in the investigation of economic crimes Nizhny Novgorod Academy Ministry of Internal Affairs Of the Russian Federation

E-mail: andrianovaulia24@yandex.ru

Запрещённые символы в праве: правовые аспекты запрета нацистской, экстремистской и террористической символики

Prohibited Symbols in Law: Legal Aspects of the Prohibition of Nazi, Extremist, and Terrorist Symbols

Аннотация. Данная статья посвящена анализу правовых аспектов запрета на использование нацистской, экстремистской и террористической символики. В работе рассматриваются международные стандарты и национальное законодательство, регулирующие запрет на определённые символы, а также связанные с тематикой особенности судебной практики в России. Отдельное внимание уделяется проблемам балансировки свободы выражения мнений и необходимости борьбы с экстремизмом, а также перспективам совершенствования правовых механизмов в данной сфере.

Ключевые слова: запрещенные символы, символы в праве, нацистская символика, экстремистская символика, террористическая символика, правовые аспекты, международное право, национальное законодательство, судебная практика, свобода выражения, борьба с экстремизмом

Annotation. This article focuses on the legal aspects of the ban on the use of Nazi, extremist, and terrorist symbols. It examines international standards and national legislation that regulate the prohibition of certain symbols and the specific features of judicial practice in various countries. The article also addresses the challenges of balancing freedom of expression with the need to combat extremism, as well as the potential for improving legal mechanisms in this area.

Keywords: prohibited symbols, symbols in law, Nazi symbols, extremist symbols, terrorist symbols, legal aspects, international law, national legislation, judicial practice, freedom of expression, and the fight against extremism

Для цитирования: Андрианова У.Д. Запрещённые символы в праве: правовые аспекты запрета нацистской, экстремистской и террористической символики // Юридическая техника. – 2026. – №20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 830–833.

Исторически сложилось, что одним из ключевых направлений государственной политики России является борьба с фашизмом. В современном мире проблема регулирования запрещённой символики приобретает всё большее значение в связи с ростом экстремистских и террористических проявлений. Символы, ассоциируемые с экстремизмом, нацизмом и терроризмом, способны вызывать ненависть, провоцировать насилие и угрожать общественному порядку. Это требует от правовых систем различных стран разработки и применения эффективных механизмов регулирования и контроля.

Запрещённая символика представляет собой визуальные, текстовые знаки, использование которых ограничено или запрещено законодательством из-за их связи с экстремистскими, террористическими,

[1] Научный руководитель: *Казнина Ирина Алексеевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

нацистскими идеологиями[1]. В международной практике к таким символам относятся, например, свастика, гербы и эмблемы, ассоциирующиеся с периодом «Третьего Рейха», которые запрещены в соответствии с §86a. современного Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии, а также символы, используемые современными неонацистскими группировками: руны или определённые числовые обозначения[2].В США использование символики террористических организаций, таких как "Аль-Каида" или "Исламское государство", также запрещено в рамках закона о борьбе с терроризмом. В России в 2002 году был введен Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности", который определяет широкий перечень действий, относящихся к экстремизму, а также содержит статью о символике экстремистских организаций (ст.1; ст.4).Эти примеры показывают, что критерии разграничения символов к запрещенным в основном включают принадлежность к конкретным идеологиям или организациям, а также их потенциальную возможность негативного влияния на общественную безопасность.

В соответствии со ст.29 Конституции РФ в стране не допустимы любые формы агитации и пропаганды, связанные с разжиганием отношений ненависти, вражды в обществе. Однако, именно экстремистские организации нацелены на распространение ненавистных идеологий против определенной расы, реабилитацию нацизма[3]. Одним из способов борьбы с пропагандой экстремистской и террористической деятельности является введение юридической ответственности за демонстрацию и публичное распространение подобного рода символики. При принятии Кодекса об Административных правонарушениях (далее-КоАП РФ) ввели ст.20.3. **«**Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами», распространявшуюся на фашистскую атрибутику или символику, но постепенно данный перечень расширялся. На настоящем этапе в норму входит запрет на пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики, символики либо атрибутики и символики экстремистских организаций, либо иной, которая запрещена федеральными законами. После событий в 2022 году, резко обострившиеся международные отношения вызвали необходимость законодателю разработать и принять новую норму в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее-УК РФ) в виде статьи 282.4 «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»[4], которая предусматривает ответственность за повторно совершенные деяния, попадающие под юрисдикцию норм КоАПа РФ. Предлагаем рассмотреть далее исторические аспекты формирования запрета нацистской символики, а также проблемы практики применения данных статей.

Нацизм − политическое течение, в основе которого лежит идеология физического, психологического и интеллектуального превосходства одной нации, одного народа над всеми остальными и этим оправдывающая необходимость применения репрессивных мер (политических, экономических, и иных по отношению к остальной части человечества)[5]. История нацистской символики начинается в 20 веке на основе идей ариософии и немецкого националистического движения «фелькише» и использовалась Национал-социалистической немецкой рабочей партией для идентификации и пропаганды своей идеологии « арийской расы»[6]. Сущность концепции нацисты видели в задаче уберечь человечество от вырождения, способствовать прогрессивной революции. Именно поэтому они считали необходимым беречь арийскую расу, которую принимали за самую перспективную из всех, а вырожденческие разновидности, вроде евреев, цыган, русских–изолировали и уничтожали. Спустя много лет теория нацистов в их расовом превосходстве будет полностью разоблачена биологами и генетиками: проводившиеся эксперименты и опыты показали, что отличий между человеческими линиями гораздо меньше, нежели утверждали

[1] Морозов И. К. О понятии и особенностях запрещенных правовых символов // МНИЖ. 2018. №10-2 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatnii-i-osobennostyah-zapreschennyh-pravovyh-simvolov (дата обращения: 22.10.2025).

[2] *Головненков, П.В.* Уголовное уложение Федеративной Республики Германия// Научно-практический комментарий и перевод текста закона.URL:https://www.unipotsdam.de/fileadmin/projects/lshellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuauflage_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения 08.09.2025).

[3] *Григоров, Д.Н.* Проблемы ответственности за пропаганду и демонстрирование символики, на которую распространяется правовой запрет // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. №3 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-otvetstvennosti-za-propagandu-i-demonstrirovanie-simvoliki-na-kotoruyu-rasprostranyaetsya-pravovoy-zapret (дата обращения: 08.09.2025).

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.96 № 63-ФЗ (ред.от 28.02.2025) //СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2025).

[5] Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка: авторская редакция,2000. –1536 с.– Текст: непосредственный.

[6] Артамошин С.В. Националистские идеи в Германии в годы Веймарской республики// СибСкрипт. 2015. №3-2 (63).–URL:https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalistskie-idei-v-germanii-v-gody-veymarskoy-respubliki (дата обращения: 27.10.2025).

нацисты[1]. Но такой вывод получилось сделать только благодаря использованию новейших методов науки, что делало возможным существование идей нацизма в 1930-е годы. Если обратиться непосредственно к определенным символам, которые запрещены во многих странах, включая Россию, то в первую очередь стоит рассмотреть давно вошедшую в историю свастику. Она является центральным изображением, имеющем различные вариации, но самый известный–это вписанный в круг под углом 45 градусов под названием «бегущая». В 1920 году Адольф Гитлер выбрал его в качестве главного знака своей партии, объяснив его значение олицетворением борьбы за торжество арийской расы. Кроме свастики, известными являются флаг нацистской Германии, руна Вольфсангель (волчий крюк), ставшая эмблемой многих подразделений, нацистское приветствие (правая рука с поднятой ладонью и выкрик «Хайль!»), превратившееся в обязательное в Вермахте в 1944 году.

На практике возникает множество проблем относительно толкования норм уголовного и административного законодательства и привлечения лица к ответственности. Например, в Москве в одном из районных судов прошло заседание по делу гражданина Ульянова К.В., который признан виновным в совершении административного правонарушения по ч.1.ст. 20.3 КоАП РФ[2]. Сотрудниками полиции было установлено, что указанное лицо выставило объявление в сети «Интернет» о продаже жетона (медали), содержащего нацистскую атрибутику, что способствует прямой публичной демонстрации запрещенной символики. Однако, подсудимый и его защитник Байор В.В. обратились в Верховный Суд РФ с просьбой отменить судебные акты, приводя доводы об их незаконности: они указывали на то, что юридически значимые обстоятельства не были исследованы, не установлен умысел привлекаемого к административной ответственности лица на совершение вменяемого ему административного правонарушения. В частности, пояснялось: размещенное объявление содержит изображение жетона, основной символ которого закрыт (свастика на реверсе) белым квадратом, внизу находится пояснительный текст, где уточняется о возможности использования представленного жетона только в научно-исторических и художественных целях, не для пропаганды идей нацизма. В результате пересмотра суд пришел к выводу о том, что собранные доказательства недостаточно подтверждают умысел Ульянова на пропаганду и публичную демонстрацию нацистской символики. Также, виновный предпринял все возможные меры со своей стороны, чтобы не допустить распространение нацисткой атрибутики, закрыв свастику и приложив пояснительный текст в рамках объявления. В 2024 году в России было рассмотрено 6812 дел, 137 из них оправдано[3]. По сравнению с 2020 годом, где такого состава было около 300 административных дел, мы видим, что количество совершаемых деяний растет, и около 2-10 % из этих дел заканчиваются оправдательными решениями, что акцентирует внимание на недостаточно правильной интерпретации законодательных норм и неполно собранной доказательственной базы сотрудниками правоохранительных органов. В подтверждение этого случай из практики Уполномоченного по правам человека в Республике Крым, произошедший в июле 2024 года[4]. К нему обратилась многодетная мать в связи с несогласием привлечения к уголовной ответственности ее сына. Было установлено следующее: молодой человек с детства занимался восточными единоборствами и на своем плече нанес перманентное изображение с древнеславянским изображением, символизирующем солнце. Являясь специалистом боевых искусств, он на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» выложил тренировочный поединок со спарринг-партнером, на плече которого также была татуировка с аналогичным изображением. Так как нарисованная графика несколько схожа с нацистской символикой, то сразу после того, как спортсмен это понял, он ее свел, а указанный ролик удалил. Тем не менее, неожиданно молодой человек был привлечен к уголовной ответственности по признакам ст.282.4. УК РФ, его видеоролик с татуировкой уже попал в сеть «Интернет» и привлек внимание полиции. Сам юноша отрицал увлеченность нацизмом, пояснил, что является патриотом своей страны, выступает на соревнованиях исключительно под флагом России, активно пропагандирует спорт, занимается тренерской работой, воспитывает подрастающее поколение. Данные, характеризующие личность виновного были только положительными, но органы предварительного следствия не обратили на них должного внимания. Стоит отметить, что вменяемый состав преступления, как указано раннее, имеет административную преюдицию. Это значит, что привлечение к уголовной ответственности возможно только после привлечения к административной за совершенное аналогичное правонарушение. Ключевым аспектом являлось то, что привлечение сына заявительницы к ад-

[1] Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества [пер. с англ.Л.Сумм].–М.: Синдбад, 2025.– С.279.–Текст: непосредственный.

[2] Постановление Верховного суда Российской Федерации от 17.06.2017 г. № N 5-АД17-33// Официальный сайт суда. –URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17072017-n-5-ad17-33/ (дата обращения 09.09.2025).

[3] Судебная статистика РФ в публично-правовых спорах за 2024 год //Официальный сайт судебной статистики:[сайт].–URL:https://stat.апипресс.рф/stats/adm/t/31/s/1?ysclid=mfcjnzv5qs721895371 (дата обращения 09.09.2025).

[4] Уполномоченный по правам человека в Республике Крым помог многодетной семье добиться справедливости// Официальный сайт Правительства Республики Крым:[сайт].–URL:https://ombudsman.rk.gov.ru/articles/b9717f1c-9b05-4e92-b6a8-f1f1cb1064b5 (дата обращения 09.09.2025).

министративной ответственности по части 1 статьи 20.3 КоАП РФ было произведено с нарушением порядка предусмотренного административным кодексом. Молодой человек, являлся несовершеннолетним и принимал участие в рассмотрении дела об административном правонарушении без защитника и законного представителя. Данные обстоятельства в своей совокупности, ставили под сомнение обоснованность привлечения юношу к уголовной ответственности, решением Верховного Суда Республики Крым от 21 октября 2024 года постановление об административном правонарушении в отношении несовершеннолетнего было отменено, а производство по делу прекращено.

Одним из дискуссионных вопросов в проблеме правового аспекта запрета символики нацистской, экстремистской идеологии считается нанесение татуировок[1]. Зачастую в местах лишения свободы возбуждается большое количество уголовных дел о привлечении осужденных по ст.282.4. УК РФ, а также по ст. 20.3 КоАП РФ к административной ответственности за нанесение татуировок с изображением рун или свастики. С точки зрения объективности, чтобы вменять подобные составы, следует внимательно изучить гипотезы статей. Сам факт нанесения себе на тело перманентного рисунка с изображением, например свастики, не является фактом публичного демонстрирования. Но если лицо, находясь в местах отбывания наказания, публично показывает его, демонстрируя неопределённому кругу лиц, подкрепляя различными лозунгами и идеологическими убеждениями, призывая к совершению экстремизма, тогда возникает необходимость рассмотреть пропаганду. Возбуждать уголовное дело или привлекать к административной ответственности в этой ситуации возможно лишь при полной уверенности в доказательствах публичности и распространения нацистской атрибутики, так как кожа человека в подобных случаях приравнивается к средствам массовой информации и сети «Интернет». По нашему мнению, разумнее будет привлекать к ответственности не только осужденных, но и тех, кто наносит перманентные рисунки за распространение экстремистских материалов.

Проведённое исследование подтвердило актуальность темы, связанной с запретом нацистской, экстремистской и террористической символики, в условиях растущей угрозы экстремизма и радикализма. Анализ законодательства показал, что правовые нормы, регулирующие данный вопрос, содержат пробелы и противоречия, что осложняет их применение и может привести к злоупотреблениям со стороны правоохранительных органов. Необходимы более чёткие правовые механизмы, учитывающие защиту общества от пропаганды нацизма и экстремизма, но сохраняющие свободу слова.

[1] Темирханов М.А. Федоров А. Н. К вопросу о выявлении у осужденных перманентных рисунков (татуировок) на предмет сходства с нацистской атрибутикой и символикой // Право и государство: теория и практика. 2021. №9 (201). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vyyavlenii-u-osuzhdennyh-permanentnyh-risunkov-tatuirovok-na-predmet-shodstva-s-natsistskoy-atributikoy-i-simvolikoy (дата обращения: 09.09.2025).

Васильева Мария Алексеевна

аспирант, ассистент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Института русского языка Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова

Vasilieva Maria Alexeevna

Postgraduate student, assistant of the Department of Teaching Russian as a native and foreign language, Institute of the Russian Language, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University

E-mail: mavasileva@lunn.ru

Основные символы агрессии в языке современных англоязычных СМИ

The main symbols of aggression in the language of modern English-language media

Аннотация. В статье приводится анализ новостных заметок из британской газеты The Sun с целью выявления символов агрессии, способствующих дискредитации внешнеполитических и военных действий В. В. Путина, а также моделирования отрицательного имиджа лидера страны. Были выявлена тенденция к многократному повтору негативно окрашенных определенных лексем и словосочетаний, употребление глаголов, существительных, прилагательных и наречий с отрицательной коннотацией, речевой тактики «свой-чужой» при освещении событий, связанных с российско-украинским конфликтом и личностью президента России.

Ключевые слова: агрессия, речевая агрессия, язык СМИ, манипуляция сознанием

Annotation. The article presents the results of an analysis of news articles from the British newspaper ‘The Sun’ in order to identify symbols of aggression that contribute to discrediting Vladimir Putin's foreign policy and military actions, as well as modeling a negative image of the country's leader. There was a tendency to permanently repeat negatively coloured certain lexemes and phrases, the use of verbs, nouns, adjectives and adverbs with negative connotations, and the "friend or foe" speech tactics when covering events related to the Russian-Ukrainian conflict and the personality of the Russian president.

Keywords: aggression, speech aggression, mass media language, mind control

Для цитирования: Васильева М. А. Основные символы агрессии в языке современных англоязычных СМИ // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 834–836.

Агрессия, как сложное социальное явление, находит отражение в различных сферах человеческой жизни, включая язык. Англоязычная медийная сфера, в силу своего глобального влияния, обладает достаточно высоким манипулятивным потенциалом. Управляя вниманием и сознанием массового адресата, англоязычные средства массовой информации при освещении конфликтных ситуаций склонны применять агрессивные речевые тактики, граничащие с черной риторикой. Воздействующая функция СМИ активно изучается отечественными филологами, которые подчеркивают лидирующую роль указанной функции в современных средствах массовой информации, реализующейся с помощью речевой агрессии, в том числе.

По Е. В. Власовой, речевая агрессия в печатных СМИ – это «осуществляемое средствами языка *воздействие на сознание адресата*, а именно явное и настойчивое навязывание собеседнику (читателю) определенной точки зрения, лишающее его выбора и возможности сделать собственный вывод, самостоятельно проанализировать факты»[1]. Е. А. Шпомер высказывает следующее мнение: «… речевая агрессия в СМИ проявляется в *манипулировании общественным сознанием* с помощью вербальных

[1] *Власова Е. В.* Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х — 90-х гг. XX в.): дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2005. С. 96.

языковых средств и формировании в нем определенного отношения к событиям/фактам»[1]. В учебном пособии Г. А. Копнина, как и В. Е. Копылова[2], указывает, что «речевая агрессия может использоваться в *манипулятивных целях* (как особая речевая тактика), например с целью дискредитации того или иного общественного деятеля»[3].

Следовательно, вербальная агрессия способствует созданию негативного имиджа при упоминании конкретных персон. В связи с этим, газеты изобилуют разнообразными средствами выражения речевой агрессии, используемыми для формирования исключительно отрицательных ассоциаций с определенными политиками. Так, западные журналисты стремятся подорвать репутацию и дискредитировать намерения конкретного политического деятеля в своих публикациях. Нет сомнений, что в течение всего периода проведения специальной военной операции внешним врагом для запада был президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин.

Эмпирическим материалом настоящего исследования послужили новостные статьи из британской газеты *The Sun*, опубликованные в период с 16 по 23 июня 2025 года. Отбор газетных публикаций осуществлялся с помощью метода сплошной выборки на основе результатов поиска в электронных архивах изданий по следующим ключевым словам: *Putin, Ukraine, Russia*. Всего на наличие символов агрессии как средства конструирования отрицательного внешнеполитического имиджа В. В. Путина было проанализировано 10 газетных статей. Прежде чем перейти к результатам анализа статей в британской газете, обозначим средства моделирования негативного образа личности, которые могут быть использованы.

1. Глаголы с негативной коннотацией (*устранить, обмануть, захватить, оккупировать, уничтожить, ударить*);

2. Военная лексика (*нанести удары, убежище, захват, ядерное оружие, зона поражения, ракеты, война*);

3. Разговорная лексика (*отстать, дожать*);

4. Негативно окрашенные существительные/прилагательные (*враг, оккупация, террор, обман, агрессор, пропаганда, слабый, демилитаризованный*);

5. Противопоставление «свой-чужой» (*наше небо, этот путин*);

6. Графический приём (*кавычки, строчные буквы*);

7. Риторический вопрос (*Что это за бандитизм — присылать ракеты в центр жилого квартала, где дети?)*

Рассмотрим наиболее яркие примеры использования различных символов агрессии, характерные для медиадискурса газеты *The Sun* (здесь и далее перевод автора):

1. Негативно окрашенные существительные/прилагательные/причастия/глаголы (*Mad Vlad* – безумный Влад*; Putin goes crazy – Путин сходит с ума* (4)*; raging – беснующийся, разъярённый* (4); *Vladimir Putin becomes even crazier – Путин становится ещё безумнее; A fuming Vlad – кипящий от злости Влад; a maniacal Putin – маниакальный Путин; Deranged Putin – невменяемый/душевнобольной Путин; Putin exacts revenge – Путин требует мести; Putin is looking to get his revenge on Ukraine – Путин ищет способы отомстить Украине* (11); *the Russian tyrant – русский тиран* (6); *The Kremlin dictator – Кремлёвский диктатор* (3); *the despot – деспот* (2);

2. Притяжательный падеж *(Vlad's army – армия Влада; Putin's doomsday bomber fleet – флот бомбардировщиков судного дня Путина; Vladimir Putin's nuclear arsenal – арсенал ядерного оружия Владимира Путина; Putin's men – люди Путина; Putin's latest civilian strikes – последние удары Путина по мирному населению; Putin's sleuths – ищейки Путина* (11)*;*

3. Графический приём (*Putin plotting 'final killer offensive' to attack Ukraine on 3 fronts to win war – even as his losses near ONE MILLION – Путин планирует "последнее убийственное наступление" на Украину на трех фронтах, чтобы выиграть войну, несмотря на то, что его потери приближаются к МИЛЛИОНУ*);

4. Прецедентные феномены (*Volodymyr Zelensky oversaw Operation Spiderweb - much like Winston Churchill did – Владимир Зеленский курировал операцию «Паутина» в точности как Уинстон Черчилль; The strike against four airfields deep inside Russia is reminiscent of the most daring raids of the WW2 that turned the tide against the Nazis – Удар по четырем аэродромам в глубине России напоминает о самых дерзких рейдах Второй мировой войны, которые переломили ход борьбы с нацистами);*

5. Противопоставление «свой-чужой» (*a daring Ukrainian drone blitz – дерзкий удар украинского беспилотника; a coordinated assault – скоординированное нападение; calculated drone assault attack – продуманная атака дронов – Vladimir Putin has barbarically continued to target innocent civilians – Владимир Путин продолжил беспощадно целиться на невинных гражданских; Russia's war – война России; The tyrant could retaliate with one of his terrifying tactical nukes – Тиран мог бы нанести отомстить, нанеся от-*

[1] *Шпомер Е. А.* Проявление речевой агрессии в СМИ (на материале газеты «Комсомольская правда») // Вестник Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова. Языкознание и литературоведение. № 2 (36). 2021. С. 80.

[2] *Копылова В. Е.* Речевое манипулирование и речевая агрессия // Linguistica Juvenis. 2010. № 12. С. 97.

[3] *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование: учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 30.

ветный удар одним из своих ужасающих тактических ядерных снарядов; launch a deadly missile – запустить смертоносную боеголовку; his meatgrinder tactics – его тактика мясорубки).

Проведенный анализ показал, что авторы рассматриваемых новостных заметок стремятся показать лидера Российской Федерации неуравновешенным, душевнобольным человеком, ищущим любой способ, чтобы отомстить правительству Украины. Согласно вышеуказанным примерам, президент России становится всё более безумным, теряет контроль над своими эмоциями. Следовательно, все военные и политические действия, совершаемые по отношению к Украине, происходят только из-за его эмоциональной и психической нестабильности. Таким образом, авторы статей в британской газете намекают на нелигитимность власти В. В. Путина, его некомпетентность. Следует подчеркнуть, что некоторые слова и словосочетания повторяются много раз в газетных статьях и постепенно становятся отличительной чертой медиадискурса этой газеты. К таким лексемам относятся дисфемизмы *тиран 'a tyrant'*, *диктатор 'a dictator'*, *деспот 'a despot'*, а также глагол *отомстить 'to revenge'*, существительное *месть 'revenge'*, прилагательное *беснующийся 'raging'*. Количество упоминаний данных лексем указано автором в скобках.

Притяжательный падеж, употребленный в серии примеров №2, косвенно подчеркивает, что инициатором всех «агрессивных» действий по отношению к Украине, а главное, к гражданским лицам, только один – президент России. Примечательно, что только в одной новостной заметке автором было выделено полное употребление имени собственного (*Vladimir Putin*). В остальных же случаях употребляется сокращенная форма имени *Vlad*. Данное усечение, с одной стороны, показывает фамильярно-пренебрежительное отношение к лидеру страны, с другой стороны, может вызвать у реципиента негативные ассоциации, связанные с Владом Цепишем, который, согласно легенде, был вампиром и имел садистские наклонности. Таким образом, усиливается мифообраз Владимира Путина как кровавого тирана, чудовищного деспота. Этот мифообраз формируется и поддерживается путем многочисленных повторений вышеуказанного усечения имени собственного.

Управление вниманием адресата происходит на графическом уровне с помощью подчеркивания определенных слов или фраз, а также их написания прописными буквами или закавычивания. Управление сознанием же осуществляется через использование прецедентных феноменов, среди которых особенно выделяются прецедентные имена и ситуации, имеющие негативную окраску (пример №4). Отсылая читателя к событиям Второй мировой войны, авторы статей возрождают отрицательные эмоции, связанные с ними. Примечательно, что читателю дают понять, что эти эпохальные исторические события (Вторая мировая война и СВО) связаны, между ними проводится четкая параллель и ставится знак равенства. Данное уравнивание преследует цель – показать неизбежность повторного ужаса войны, определить круг «своих» и «чужих», апеллировать к исторической памяти, чтобы оправдать политические и военные решения Великобритании.

Манипуляция сознанием реципиентов усиливается с помощью реализации тактики «свой-чужой». Авторы рассматриваемых примеров №5 используют негативно окрашенные прилагательные, наречия, глаголы и существительные, чтобы осветить действия вооруженных сил Российской Федерации (*беспощадно 'barbarically', смертоносные 'deadly', отомстить 'to retaliate' и т.д.*). Примечательно, что журналисты британской газеты *The Sun* активно употребляют словосочетание *тактика мясорубки 'meatgrinder tactics'*, с зависимым словом *мясорубка 'meatgrinder'*, которое в публицистическом стиле имеет значение «кровопролитная война, битва»[1]. Многократный повтор указанного словосочетания формирует в сознании читателя нужную манипуляторам информационную картину мира – российско-украинский конфликт – это жестокое кровавое противостояние двух стран, несущее за собой многочисленные жертвы как среди солдат Украины, так среди мирного населения этого государства.

Подводя итоги, следует отметить, что в британской газете активное использование символов агрессии направлено на дискредитацию внешнеполитического имиджа В. В. Путина, который обвиняется в безумстве, непродуманных и жестоких действиях, агрессии, убийстве невинных. Средствами реализации агрессии являются негативно окрашенные эпитеты, существительные с отрицательной коннотацией, противопоставление «свой-чужой», навешивание ярлыков с помощью дисфемизмов, построение черно-белого мира, где есть два полюса: Путин и его союзники, и Украина и поддерживающие её страны НАТО. Здесь президент России выступает в роли абсолютного мирового зла. Также присутствуют намеки на то, что повторяется сценарий Второй мировой войны, но теперь Россия – агрессор, а так называемая армия Путина – это нацисты.

Таким образом, за счёт частотности употребления вышеописанных средств и тактик в массовом сознании формируются нужные адресату ассоциации, которые составляю «правильную» и выгодную для авторов информационную картину мира.

[1] https://gramota.ru/meta/myasorubka

Веллмэн Марина Владимировна

Legal Assistant at Poulin | Willey | Anastopoulo, LLC Class action and Mass Trots division (USA, South Carolina, Charleston), магистр по праву интеллектуальной собственности и праву информационных технологий государственного университета штата Огайо, магистр по направлению подготовки (40.04.01 – Юриспруденция) юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Wellman Marina V.

Associate Lawyer at Poulin / Willey / Anastopoulo, LLC, Department of Class Actions and Mass Riots (USA, South Carolina, Charleston), Master's degree in Intellectual Property Law and Information Technology Law of Ohio State University, Master's degree in the field of training (40.04.01 – Jurisprudence) of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: m-phototasck.baranova@yandex.ru

Специфика символов опережающего законодательства

The specifics of the symbols of the anticipatory legislation

Аннотация. В статье раскрываются особенности символов результатов опережающего правотворчества. Показана их организующе-прогностическая природа и познавательные возможности.

Ключевые слова: опережающее правотворчество, опережающее законодательство, символ опережающего законодательства, значение и возможности символов опережающего правотворчества

Annotation. The article reveals the features of the symbols of the results of advanced lawmaking. Their organizing and predictive nature and cognitive capabilities are shown.

Keywords: advanced law-making, advanced legislation, symbol of advanced legislation, the meaning and possibilities of symbols of advanced law-making

Для цитирования: Веллмэн М.В. Специфика символов опережающего законодательства // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 837–840.

Особенности символов, «рождающихся» и функционирующих в сфере опережающего законодательства, обусловливаются несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, специфична природа опережающего законодательства, которое не может не породить своеобразные юридически значимые символы. Опережающее правотворчество в самом первом приближении можно определить как особую относительно самостоятельную разновидность юридического нормосозидания, состоящего в процедурно-организационном механизме инновационного конструирования различных форм правовой реальности (юридических норм, идей и концепций законопроектов, базовых законов, кодексов по предмету, ранее не подвергавшемуся на том или ином уровне регламентации)[1].

[1] Подробнее о природе, организационно-управленческих, культурно-воспитательных возможностях опережающего правотворчества см.: *Баранова М.В.* Опережающее правотворчество в правовой системе современности// Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1. С. 43–45; *Баранова М.В.* Теоретико-методологические аспекты исследования функций правотворческого процесса: постановка базовой проблемы функциональной характеристики опережающего законотворчества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 39–53; *Баранова М.В.* Прогностическая функция опережающего правотворчества // Философия права. 2016. №5 (78). С. 67–71; *Баранова М.В.* Опережающие начала российского законодательства о биомедицинских клеточных продуктах как коллизионный фактор медицинского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 69–74; *Баранова М.В.* Исключение из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 82–90; *Баранова М.В.* Признаки и ценность опережающих бланкетных норм

Во-вторых, юридически значимые символы опережающего законодательства призваны играть особую роль и выполнять неординарные координационные и ориентирующие функции.

Каждый нормативный правовой акт опережающего нормосозидания есть результат **прогностического отражения** регулируемой действительности, официально зафиксированная позиция законодателя, **обращенная в будущее.** Будущее России как результат социально-культурного единения общества в условиях неопределенности немыслимо без активного использования опережающих (в том числе символических) юридических регуляторов.

«Открытость будущего», если толковать это словосочетание предельно широко, а не с узких позиций формального детерменизма и темпоральной логики, предполагает принципиальную возможность символизации опережающих правотворческих предметов.

В современной российской и зарубежной логике активно разрабатывается идея актуальности будущего в рамках ветвящегося времени: предлагается вариант построении логики развития без «точек выбора», в которых будущее может развиваться разными путями, по различным сценариям[1]. Соответственно – мыслимы познавательные ситуации, когда одни и те же социальные процессы могут адекватно отображаться разными символами. Юридическое опережение – **предсказательность**, которая может зарождаться и существовать в разных формах, в том числе и символических.

Именно в силу этих обстоятельств субъект опережающего правотворчества «вынужден» вести поиск особого рода символов – графически-схематической информации, «заглядывающей» в будущую (порой еще отсутствующую) правовую реальность. Используя язык метафор, можно, пожалуй, утверждать, что юридически значимые символы опережающего законодательства – своеобразные «маяки», освещающие вектор развития.

Космическое право и законодательство о научной деятельности по сути своей «обречены» на поиск и закрепление символов, выражающих творчество особой пробы. Символы космической деятельности не только отражают достижения в этой сфере – косвенно они предполагают возможность контактов с инопланетянами, внеземными цивилизациями.

Уставные документы территорий опережающего развития наглядно свидетельствуют о символической нацеленности этих образований на инновационные формы деятельности.

Здесь надо подчеркнуть, что символы территорий опережающего развития своими технико-юридическими возможностями вносят свою лепту в обеспечение единства экономического пространства. Аббревиатуры наименований территорий опережающего развития (особенно моногородов, опорных населенных пунктов) весьма разнообразны и, как правило, символичны.

Экспериментальные правовые режимы[2] – еще одно юридическое пространство, где успешно функционируют символы опережающего законодательства. Конечно, этот тип символов не играет в правовом экспериментировании ведущей, доминирующей роли. Но опережающее юридическое начало экспериментальных правовых режимов отражается и в их символике. Юридически значимые символы в этой

гражданского права // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2 (47). С. 154–156*; Баранова М.В.* Компетенция норморайтера в фокусе опережающего правотворчества и юридического прогнозирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 493–494; *Баранова М.В*. К вопросу об эпистемологических основаниях опережающего правотворчества // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1 (74). С. 130–137; *Баранова М.В., Мамчун В.В*. Опережающее правотворчество как форма правотворческого риска // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 3 (128). С. 43–61; *Баранова М.В.* Риски опережающего правотворчества// Юридическая техника. 2019. № 13: Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления : материалы XX Международного научно-практического форума «Юртехнетика». С. 650–653; *Баранова М.В.* О специфике новелл опережающего правотворчества современной России (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2021. № 15: Материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23—26 сентября 2020 года) / главный редактор проф. В.М. Баранов. Нижний Новгород: «Проспект», 2021. С. 665–670; *Веллмэн М.В.* Особенности и проблемы экспертизы актов опережающего правотворчества // Юридическая техника. 2022. № 16: Материалы XXIII Международного научно-практического Форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 года) / главный редактор проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. С. 597–600; *Веллмэн М.В.* Опережающее правотворчество как стратегическое направление совершенствования современного российского законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17: Материалы XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 21–24 сентября 2022 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2023.С.623-625.

[1] См.: *Пиманов А.С.* Онтология темпоральных логик и проблема детерминизма: автореф. дисс. … канд. философ. наук. – М., 2024. На с. 25 исследователь отмечает: «Неопределенное высказывание о будущем обретает стабильность только тогда, когда само будущее раскрывает себя».

[2] Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. – 968 с.

сфере «участвуют» в программном управлении. Так или иначе, но государственная политика будущего невозможна без подготовки и проведения различных проективных экспериментов в сфере символического знания, практики его распространения.

Как полагает С. М. Болдырев, «Дискурс – это совокупность коммуникативных актов (в основе которых лежит текст), объединенных по какому-либо признаку (тематически, функционально) и имеющих сходные лингвистические и экстралингвистические особенности»[1]. Абстрагируясь от «филологического акцента» дефиниции, отметим: **опережающее начало** – главный признак, который положен в основу тезисов значительной группы законодательных актов. Символы – один из многих вариантов демонстрации, проявления текстов законов, специальное технико-юридическое средство выражения некоторых из них.

Язык законодательных символов опережающего рода может быть как явный, так и латентный (скрытый). По этой причине скрытые или забытые смыслы законодательных символов нуждаются в толковании, в интерпретации с позиций будущего.

Особо есть резон отметить опережающую роль символов в **политико-идеологической** деятельности. В этом контексте уместно обратиться к Основам идеологии белорусского государства (утверждены Директивой Президента Республики Беларусь № 12 от 9 апреля 2025 года), где подчеркивается: прочная идейная основа позволяет обеспечить нацеленность белорусской модели общественного развития на опережение[2].

Блезу Паскалю принадлежит афористический тезис: «Прошлое и настоящее – наши средства, будущее – наша цель». Время определяет качество правовой науки: то, что сегодня относится к фундаментальному исследованию, завтра «преображается» в прикладную науку. В этом подлинная диалектика развития научного знания.

Обращение к символическим формам опережающего правотворчества с учетом цифровизации – закономерный путь обогащения содержания законодательства.

И последнее. В филологии при исследовании процессов развития научных знаний особо отмечается **опережающий характер совершенствования технических знаний**[3]. По аналогии – можно предположить, что знания о юридической технике, правовых технологиях (в том числе в символических форматах) призваны опережать развитие иных гуманитарных наук. Частным, но весомым в своей конкретности, подтверждением правильности этого тезиса является суждение Д.И. Новоселецкой на с. 7 : «Одним из центральным понятий технического знания в данном кластере выступает понятие «Дефект», которое *еще никогда не было представлено* (курсив мой. – М.В.) в системе базовых категорий других терминологических и гносеологических областей».

В юриспруденции, как известно, понятие «дефект» сравнительно давно и успешно исследовано специалистами разных отраслей законодательства[4].

---

[1] *Болдырев С.М.* Специфика манипулятивных технологий телевизионного новостного дискурса в мирное время и в период военного конфликта: автореф. дисс. … канд. филолог. наук. – Воронеж, 2024. – С. 10.

[2] Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» // https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (Дата обращения: 06.05. 2025).

[3] *Новоселецкая Д.И.* Терминологический кластер «техника и технологии» как лингвистическая модель представления технического знания: автореф. дисс. … филолог. наук. – Краснодар, 2024. – С. 1.

[4] *Каменева Е.Н.* Дефектные акты органов законодательной и исполнительной власти: автореф. дис… канд. юрид. наук. – М., 2002; *Гущев М.Е., Муравьев И.А.* Юридический дефект как общеправовой феномен. Учебное пособие / Под ред. проф. Баранова В.М.. – Нижний Новгород, 2006; *Шешко Г.Ф.* Дефекты Жилищного кодекса // Жилищное и коммунальное хозяйство. – 2006. – № 11; *Авакьян С.А.* О проблемах и дефектах // Муниципальное право. – 2007. – № 3; *Кутафин О.Е.* Проблема, аналогия и дефекты в конституционном праве // Научные труды Московской государственной юридической академии. – 2007. – Т.66. – № 4; *Матейкович М.С.* Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации// Государство и право. – 2007. – № 12. – С. 15–21; *Смирнов Л.В.* Типичные дефекты дефиниций в законодательстве Российской Федерации // Законодательная дефиниция: Логико-гносеологические, политико-юридические и практические проблемы: Материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Н. Новгород, 2007. – С. 327–339; *Херсонцев А.И.* Дефекты правотворчества и качество законодательных актов // Российский юридический журнал. – 2007. – № 1. – С. 89–95; *Головина С.Ю.* Дефекты Трудового кодекса РФ и способы их устранения // Научные труды российской академии юридических наук: В 3 т. – М.: Издательская группа «Юрист», 2008. – Т. 2. – Вып. 8. – С. 778–783; *Лапина И.А.* Дефекты законодательных актов субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – №21; *Калинин А.Ю.* Концепция внутреннего источника права и дефекты правообразования // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 5; *Мушинский М.А.* Проблемы диагностики правотворческих дефектов: науч.-практ. пособие. – Иркутск, 2009; *Жильцов М.А*. Дефекты трудового права. – Екатеринбург, 2010; *Мурыгина В.В.* Дефектность юридических фактов как негативная черта правовой системы: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Саратов, 2010; *Андреев Д.С.* Дефектные административно-правовые акты: автореф. дис… канд. юрид. наук. – М., 2011; *Баранов В.М.* Мониторинг дефектности нормативных пра-вовых актов / В.М. Баранов, М.А. Мушинский // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 79–88; *Шайхутдинов В.Ш.* Дефекты правотворчества в сфере социального обеспечения и их последствия // Российский юридический журнал. – 2011. – № 5. – С. 171–178; *Шайхутдинов В.Ш.* Дефекты правотворчества в сфере социального обеспечения и их последствия // Российский юридический журнал. – 2011. – № 5. – С. 171–178; *Кисличенко Е.И.* Дефекты законодательства субъектов Российской Федерации в сфере местного самоуправления: (на

В перспективе, по всей видимости, можно будет сконструировать модель опережающего представления юридико-технического знания. При этом надо иметь в виду, что опережающее правотворчество далеко не всегда предполагает **опережающее развитие**: некоторые акты опережающего законотворчества могут не только «тормозить» позитивную динамику общественно-государственного совершенствования, но и деформировать, «травмировать» её.

Государственные и общественные рекомендации, являясь нетипичными юридическими документами, обладающими особой нормативностью и специфической обязательностью[1], иногда становятся законодательными нормами. В этом ракурсе вполне резонно отмечать, фиксировать у них **опережающее начало**. Ведь в некоторых ситуациях рекомендации выступают предтечей, предпосылкой, прообразом **будущих** правовых норм. И в этом, на наш взгляд, заключается особая познавательная ценность рекомендательных актов – они «работают» на опережение.

В литературе, основываясь на базовом научном концепте прогнозирования будущего в праве, верно привлекается внимание к задаче минимизации влияния цифровых рисков на социальность государства.

«Задача цифровизации в рамках взаимоотношения с социальным государством, – пишут Е.В. Аристов и И.В. Понкин, – состоит в предложении цифровых решений, позволяющих снизить риски в распределении различных благ, злоупотреблений в обращении с бюджетными средствами социального назначения и их нецелевого использования, сделать социальную политику государства рациональной»[2].

Надо подчеркнут, что эта задача не менее актуальна и для **правового государства**, то есть не стоит ограничиваться лишь социальностью государства. Здесь остро встает проблема **приоритета** опережающих нормативных правовых актов при постановке и решении текущих и перспективных целей и проектов государства. Новейшие цифровые нормативные правовые решения опережающего характера, точно отражающие коренные потребности и интересы граждан (как бедных, так и богатых), выступают символами и одновременно свидетельствами стремления России и общества к правовому социальному демократическому государству.

примере Республики Марий-Эл): автореф. дис… канд. юрид. наук. – Казань, 2012; *Хлуденева Н.И.* Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. – М., 2014; *Белоусов С.А.* К вопросу о системном подходе в исследовании дефектов российского законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 4 (61). – С. 18–22; *Кожокарь И.П.* Дефекты в механизме гражданско-правового регулирования: монография. – Саратов: Саратовская гос. юридическая акад., 2015. – 377 с.; *Стельмах В.Ю.* Дефекты законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Журнал российского права. – 2020. – №10. –С. 92—104; *Коваль Е. А.* «Хотели как лучше»: дефект выражения воли нормотворца и правовые неопределенности // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 111–115; *Милинчук Д. С.* Правовая неопределенность в системе дефектов права // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 149–152; *Портянова П.Д.* Дефекты института гражданско-правовой защиты. – Москва: Юрлитинформ, 2022. – 160 с.; *Викулин, А. Ю.* Основы законодательной дефектологии / А. Ю. Викулин. – Москва : Новые печатные технологии, 2019. – Ч. 2 : Общие положения законодательства и их дефекты, т. 4, кн. 2 : Дефектоскопия действия закона в пространстве. назв.). – 2023. – 379 с.; *Галиев, М.С.* К вопросу о юридическом дефекте как социально-правовой патологии в разработке концепции дефектов правовой категории «защита» (теоретико-методологический аспект) / М.С. Галиев // Юридическая наука = Yuridical science. — Рязань, 2023. – № 9. – С. 10-12; *Викулин, А. Ю.* Основы законодательной дефектологии / А. Ю. Викулин. – Москва: Новые печатные технологии, 2019. — Ч. 2: Общие положения законодательства и их дефекты, т. 6. — 2024. — 451 с.

[1] Подробнее см.: *Баранов В. М., Маслов Д. Е.* Юридическая рекомендация: доктрина, практика, техника. – Москва: Проспект, 2018. – 256 с.

[2] *Аристов Е.В., Понкин И.В.* Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2 (68). С. 175-176.

Воробьева Мария Витальевна[1]

курсант 3 курса факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии МВД России

Vorobyova Maria Vitalievna

3rd year cadet of the Faculty of training specialists in the investigation of economic crimes of the Nizhny Novgorod Academy The Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail:vorobevamary@yandex.ru

Правовые основы противодействия распространению деструктивных символов

Legal Framework for Countering the Spread of Destructive Symbols

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы противодействия деструктивным символам в современном мире. Автор демонстрирует возможные варианты определения деструктивных символов, виды этих символов, а также пути противодействия их распространению. Делается вывод об опасности распространения деструктивных символов для общества и государства, важности юридической ответственности за распространение такой информации в сети «Интернет».

Ключевые слова: Деструктивные символы, дестабилизация общества, законодательство, правовые основы противодействия

Annotation. The article examines the legal basis for countering destructive symbols in the modern world. The author considers possible definitions of destructive symbols, the types of these symbols, and ways to counter their spread. The article concludes that the spread of destructive symbols poses a threat to society and the state, and that legal responsibility for the dissemination of such information on the Internet is crucial.

Keywords: Destructive symbols, destabilization of society, legislation, legal basis for counteraction

Для цитирования: Воробьева М.В. Правовые основы противодействия распространению деструктивных символов // Юридическая техника. – 2025. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 841–844.

В современных условиях развития общества особенную важность приобретает противодействие распространению деструктивных символов. Развитие цифровых технологий и процессы глобализации, создают новые вызовы в правовой сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Одной из ключевых проблем распространения деструктивных символов является их масштаб, сегодня, когда практически у каждого человека есть смартфон с выходом в информационные-телекоммуникационные сети, в том числе «Интернет» достаточно просто попасть под влияние смыслов, идей, заложенных в деструктивной информации.

Н.Г. Семионкина, М.А. Комова в своей статье выражают следующее мнение о деструктивных символах: «Понятие символа и атрибутики организаций, чья деятельность носит деструктивный характер скрывается в описании и изображении эмблематики и других знаков в учредительных документах этих организаций, которая используется при пропаганде и публичной демонстрации и имеет частое применение в татуировках, флагах, литературе, признанной экстремисткой. Символы и эмблематика деструктивных культов – это широкий круг изобразительных источников»[2]. Таким образом, символ деструктивных

[1] Научный руководитель: *Хужина Оксана Николаевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

[2]Семионкина Н.Г., Комова М.А. «Экспертиза символики деструктивных культов: проблема источников и судебный прецедент» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 4 (85). С. 73-78.

организаций – это изобразительный источник, который необходим для пропаганды и публичной демонстрации своих идей.

В рамках данной статьи под деструктивным символом предлагаем понимать специфический знак, созданный в целях отсылки к определенному деструктивному поведению(течению). Примерами таких символов, получившими законодательный запрет в России, можно назвать следующее: свастика – символ, вызывающий ассоциацию с нацистским движением; символика течений ЛГБТ[1]. Хочется отметить, что некоторые символы не имеют выраженную демонстрацию направленности деструктивного сообщества, и нетрадиционных идей. Таким примером можно назвать символ движения «Чайлд-фри». Помимо громкого лозунга, противоречащего традиционным ценностям, а именно: «Я не бездетный, я свободный от детей», их символом также принято считать ветку дерева Сакура. Возникает вопрос, как можно связать между собой данное движение и ветку дерева, растущего в странах Азии, ответ таков. Сакура имеет одну особенность, растение цветет, но не плодоносит. Такую ассоциацию обычному человеку на первый взгляд достаточно непросто провести, однако разрастание данного течения порождает и узнаваемость символа. Таким образом, деструктивные символы не всегда в открытом контексте отображают суть движения, поведения, направления негативного воздействия. Иногда смысл того или иного символа может быть скрыт или завуалирован, и казаться безобидным. Символы не всегда говорят сами за себя, и человек, не разбирающийся в такой символике, по своему незнанию может подвергнуть себя опасности не только социального характера, но и правового, например, демонстрируя публично такой символ, лицо может оказаться подвергнутым мерам государственного принуждения вплоть до юридической ответственности.

Изучив на просторах сети «Интернет» символику, которая подпадает под признаки деструктивной, приходим к выводу, что ее можно разделить на несколько видов в зависимости от идей, которые она несет: 1) символика, содержащая идеи вражды и призывы к межнациональной розни (символы экстремистской идеологии, символика пропагандирующая терроризм, а также символы, которые содержат в себе идеи мизогинии, эйблизма и др.); 2) символика, содержащая романтизацию преступной деятельности (связана с пропагандой жестокости, героизацией убийц и проч.); 3) символы, пропагандирующие аутодеструктивное поведение (содержат призыв к таким действиям как депрессивно-суицидальное поведение, селфхарм, склонение к расстройству пищевого поведения, призыв к употреблению алкогольной продукции, наркотических веществ и проч.) 4) символы, пропагандирующие антисемейные ценности (чайлдфри, нетрадиционные отношения, смена пола, инцест, порнография); 5) символы оккультного характера (распространение символики сатанизма, нео-язычества, других деструктивных культов). Безусловно, данная классификация является примерной, поскольку весь объем деструктивных идей и их символика не поддается измерению.

В сложившейся непростой ситуации, возникает вопрос, какие правовые меры противодействия на сегодняшний день существуют, и какие меры стоит добавить, в целях противодействия распространению деструктивной символики, а значит и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Рассмотрим правовые нормы, которые направлены на ограничение распространения деструктивной символики в частности, и деструктивной информации в целом.

Статья 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях содержит запрет на пропаганду и демонстрацию нацистской символики, символов экстремистских организаций, и других символов, которые запрещены на территории Российской Федерации федеральными законами Изучив диспозицию нормы, отметим, под действие состава будет подпадать и символика сообщества ЛГБТ, чайлдфри, свидетелей иеговых и других запрещенных в Российской Федерации организаций. Стоит отметить, что на сайте Министерства юстиции Российской Федерации есть официальный перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими[2]. Данный перечень, с позиции противодействия деструктивной символики, является одной из положительных мер противодействия, поскольку признание организации экстремистской, способствует ограничению распространения идей данной организации.

Статья 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закрепляет уголовную ответственность за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"»[3]. Стоит отметить, что статья также подразумевает ответственность для лиц, привлекавшихся ранее по статье 282.4 УК РФ, предусматривающей наказание за неоднократное распространение атрибутов и символики нацисткой, экстремисткой и иной атри-

[1]*Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

[2]Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими // URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата обращения: 19.10.2025).

[3]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. 18.06.1996.

бутики и символики, распространение которой запрещено Федеральным законом. На наш взгляд, статью 282 УК РФ можно дополнить примечанием, в котором указать, что под действием можно понимать в том числе распространение деструктивной символики, оказывающей влияние на возбуждение ненависти и вражды к группе лиц по различным признакам, а также распространение символики, унижающей человеческое достоинство.

Хочется отметить, что противодействие деструктивной символике также упоминается и в других нормативно-правовых актах. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», В самой первой статье можем увидеть, что в перечень понятий входит понятие «символика экстремистской организации», под которой законодатель предлагает понимать символику, которая указана в документах организации и в отношении которой принято и вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности[1]. В данном нормативно-правовом акте также подчеркиваются основные направления противодействия данному явлению, в них входят меры профилактики, направленные на предупреждение, выявление и устранение причин и условий, которые способствуют осуществлению данной противоправной деятельности, а также одной из мер противодействия будет выявление, пресечение и предупреждение самой экстремистской деятельности.

Определенные запреты присутствуют и в Федеральном законе «О рекламе», например, в данном нормативно-правовом акте имеется запрет на использование в рекламе бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении различных признаков человека (пола, расы, национальности и т.д.), также запрещено использование официальных государственных символов (флагов, гербов, гимнов), религиозных символов, объектов культурного наследия; не допускается распространение рекламы, которая содержит запрещенную информацию для детей, которая может оказать влияние на их развитие и психику[2].

Поскольку Российская Федерация стоит на защите традиционных ценностей, стоит отметить еще один Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», который запрещает распространение, демонстрацию и использование в любой форме нацистской символики, оскорбляющей чувства многонационального народа, и дискредитация памяти о понесенных жертвах во время Великой Отечественной войны[3].

Федеральный закон от 21 апреля 2025 года № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов» содержит запрет на публичное оправдание геноцида советского народа и нацистской идеологии, а также осуществление их пропаганды[4].

Не менее важным нормативным правовым актом является Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 года № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» в котором обращается внимание на деятельность политических экстремистов, заявляющих о их преемственности с национал-социалистами. Они активно распространяют, демонстрируют и используют лозунги, атрибутику и символику фашистов, тем самым оскорбляя память о жертвах и участниках Великой Отечественной войны. Также в данном указе на правоохранительные органы возлагается обязанность осуществлять более активную деятельность, направленную на профилактику, пресечение и предупреждение деструктивных проявлений, их пресечение и профилактику, государственным органам поручено модернизировать законодательство в целях борьбы с проявлениями идей фашизма, нацизма и других форм экстремизма[5].

Таким образом, нормативные правовые акты регулируют определенные вопросы стороны ограничения и запрета распространения деструктивной символики. Однако под их влияние не будет подпадать распространение символов связанных с романтизацией убийц, некоторых символов, составляющих пропаганду аутодеструктивного поведения, например, популяризирующих различные расстройства пищевого поведения или селфхарма, что в свою очередь означает, что на данный момент повлиять на распространение этих символов нельзя. Однако, снижать их влияние можно начать с уровня нормативных правовых актов субъектов РФ. Например, ввести законодательно на уровнях субъектов РФ обязанность для образовательных организаций и работодателей проводить психологическую профилактику влияния деструктивных материалов сети «Интернет» на граждан. Для обучающихся в образовательных организа-

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»// Российская газета. 30.07.2002.

[2]Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» //Российская газета. 15.03.2006.

[3]Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов»//Российская газета, N 99, 24.05.1995. (дата обращения: 25.10.2025)

[4]Русинова К. О. Развитие российского законодательства о противодействии пропаганде и демонстрации запрещенной атрибутики и символики // КриминалистЪ. 2025. № 3 (52). С. 55-63.

[5]О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 // Российская газета. 25.03.1995.

циях различных уровней целесообразно ввести занятия, направленные на профилактику расстройств пищевого поведения и культуре правильного сбалансированного рационального питания. Рекомендуем в эти занятия включить развитие полезных привычек и компоненты здорового образа жизни, что может способствовать снижению влияния пропаганды расстройств пищевого поведения.

В заключение отметим, что деструктивная символика создает серьезную угрозу национальной безопасности, сохранению и укреплению традиционных ценностей. Российское государство активно старается противодействовать этим вызовам. На данном этапе искоренить полностью данную символику невозможно, однако снижать уровень ее влияния вполне возможно. Мы верим, что формирующиеся правовые механизмы противодействия дадут положительные результаты.

Белянцева Анна Сергеевна[1]

слушатель Нижегородской академии МВД России

Belyantseva Anna Sergeevna

student of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: Rinka8658@gmail.com

Время как правовой символ в уголовном праве

Time as a legal symbol in criminal law

Аннотация. В представленной статье рассматривается категория время как правовой символ в уголовном праве, проводится разграничение понятий физического и правового времени, изучается категория символ в правовом пространстве, осуществляется соотношение категорий времени в праве и правового символа, приводятся конкретные примеры проявления времени в уголовном праве в роли правового символа, сделан вывод о значении такого проявления.

Ключевые слова: время, правовой символ, уголовное право, сроки, фикция

Annotation. The article reveals the concept of time as a legal symbol in criminal law, and distinguishes between the concepts of physical and legal time. The forms of symbols in criminal law and the place of time in the criminal law system are analyzed. Specific examples of the manifestation of time in criminal law as a legal symbol are presented, and a conclusion is drawn about the significance of such a manifestation.

Keywords: time, legal symbol, criminal law, timeline, fiction

Для цитирования: Белянцева А.С. Время как правовой символ в уголовном праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 845–848.

Многообразие сфер человеческой жизни неразрывно связано с категорией «время». Различные циклы и темпоральные периоды помогают ориентироваться окружающей реальности, пронизывают его быт и профессиональную деятельность. В области права время играет значительную роль, являясь самостоятельным явлением, отличающейся от физического (естественного) времени.

Прежде чем говорить о времени в правое, включая уголовное право, необходимо уяснить, допустимо ли отнесение «времени в праве» к числу правовым символам, можно ли говорить о том, что оно имеет «символичный» характер. В данном случае следует иметь ввиду, что физическое и правовое времена не тождественны, несмотря на то, что имеют единую основу.

В связи с неоднократным обращением к термину «физическое время», следует обозначить, что под ним понимается: «категория, выражающая последовательность существования сменяющих друг друга явлений и их длительность»[2]. Именно на *последовательность* обращаем особое внимание, так как на этом признаке, в основе своей, и лежит разграничение «видов» времени. Философы описывают его как «меру длительности всего происходящего, существующего»[3]. Физическое (естественное) время являет собой поток, который движется прямо, непрерывно и равномерно – таким оно представляется в физике и философии.

Время в юридических словарях не принято выделять отдельно, а только в качестве производных, таких как: «время отдыха», «служебное время», «временное хранение», «временные работники»[4]. Одна-

[1] Научный руководитель: *Кузнецов Александр Павлович* – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

[2] Ивлиев А.Д. Физика: Учебное пособие. 2 е изд., испр. — СПб.: Издательство «Лань», 2009 — 672 с.: ил. — (Учебники для вузов. Специальная литература). С. 16.

[3] Напр.: Большой академический словарь русского языка.Т. 3. Во-Вящий. М.; СПб.: Наука, 2005. С. 239.; Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. -СПб.: "Норинт", 1998. С. 157.

[4] См.: Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. - М.: ИНФРА-М, 2006.- VI, С. 114-115.

ко, в доктрине есть примеры толкования правового времени. Т.Л. Тениловой оно рассматривается как «особая функциональная категория юридической науки, выражающая возникновение, длительность и завершённость правовых предписаний и отношений, последовательность смены их состояний и обязательность их соблюдения всеми субъектами права[1]». Ранее упомянутая *последовательность* так же отражена и в дефиниции времени в праве, но она строится по другим правилам. Обладая искусственным характером, время в праве признается фикцией, оно неравномерно, субъективно, изменяется для исполнения роли «функциональной категории юридической науки», то есть следует нормативной логике, а не физическим законам. Для её реализации существуют особые правила, формирующиеся на основании того, что правовое время символично, а применение подобных правил допустимо при понимании их всеми субъектам правоотношений.

Символы способны так естественно «влиться» в правовую культуру, что перестают восприниматься таковыми. Одновременно с этим, время в праве, кажется совершенно не соотносящаяся с темой символов, тем не менее, значительно с ней переплетается. Для исследования проблемы отнесения к символам аспекта «время», стоит для начала установить, что собой представляет символ и каким образом он проявляется в области права.

В филологических словарях символ определяется как «предмет или действие, служащее условным знаком какого-либо понятия, чего-нибудь отвлечённого»[2]. Если в такой формулировке символ строго ограничен в выражении через предмет и действие, то в словарях по философии «символ – идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщённой, неразвернутой форме некоторое иное содержание»[3] - он выступает уже как *идея, образ, понятие*.

В юридической литературе термин «правовой символ» учеными трактуется в широком и узком смысле. В узком смысле он устанавливается действующим законодательством, в широком смысле термин «правовой символ» охватывает все символы, относящиеся к правовой культуры общества, интегрированные в его правовую систему[4].

Правовой символ, как и символ вообще, зачастую связан с устойчивой ассоциацией с графическим изображением, что нельзя признать верным, так как он выражается в двух формах:

1) В неязыковой (изображения, действия, предметы);

2) В словесной (слова, предложения, тексты)[5].

Применительно к исследуемой теме, интерес представляет именно вторая форма. Темпоральные конструкции в тексте закона реализуют символическую функцию, выражая правовое время в словесной форме.

Время и символ сближаются в праве через функцию выражения и закрепления социально-правовых смыслов. Определение что есть время и символ в правовом пространстве, позволяет их соотнести. Время в праве *имеет собственное содержание* (так как основывается на понятии физического времени) и одновременно *представляет* в обобщённой, неразвернутой форме *некоторое иное содержание* (особую правовую категорию). Вместе с этим такое время признается именно правовым символом, так как *является неотъемлемой частью правовой культуры* общества, интегрированной в его правовую систему.

В доктрине уголовного права, принято выделять две формы символа:

1). Составная часть уголовно-правовых явлений;

2) Средство законодательной техники[6].

Если в первом случае символы выступают как элементы состава преступления, отягчающих обстоятельств, уголовного наказания, то во втором, они формируют уголовно-правовую ткань, что требуется для формирования структуры Уголовного закона (разделы, главы, части и т.п.).

В нашем же случае говорим о том, что время в уголовном праве охватывает обе эти формы: выступает роли факультативного, квалифицирующего признака, отягчающего обстоятельства, пронизывает приёмы законодательной техники.

В подтверждение позиции о символическом характере времени в уголовном праве, обратимся к примерам в Уголовном законе.

Один из таких примеров - обратная сила закона. Она достаточно продолжительный период времени детерминирует дискуссии о правильности её применения. Так, например, этот вопрос подробно исследо-

[1] Тенилова Т.Л. Время в праве. Монография. – Н.Новгород, Нижегородская правовая академия, 2001. С. 19.

[2] Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс», 2007. С. 937.

[3] Философия: энциклопедический словарь. / под ред. А.А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2008. 1072 с.

[4] См.: Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. – 2008. – №. 2. – С. 57.

[5] См.: Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Норма, 2004. С. 6.

[6] См.: Гончарова Н.С. Символы в российском уголовном праве : автореферат дис. … кандидата юридических наук : 5.1.4. / Гончарова Наталья Сергеевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» ; Диссовет 24.2.390.03 (24.2.390.03)]. Саратов, 2023. С. 4.

вался А.А. Тилле и А. Градовским. В Конституции РФ[1] и Уголовном кодексе РФ[2] применение обратной силы закона упомянуто напрямую в статьях 54 и 10 соответственно. Но как же в данном случае выражается символичный характер времени? Исходя из указанной статьи Уголовного кодекса: «Уголовный закон <…> улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу». В формулировке заметно, что к лицу применимы нормы закона, не существующие на момент совершения преступления, вынесения приговора или применения к нему мер наказания. И, тем не менее, при условии их положительного влияния, к *действиям из прошлого* применяются *нормы из настоящего*.

Ещё одним примером применения времени с символическим характером – ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребёнка». А именно речь идёт о таком периоде как «сразу после». Доктрина не сходятся в установлении заданного промежутка: либо непосредственно после окончания физиологического процесса родов, то есть в течение первых часов[3], либо до окончания раннего послеродового периода, при этом окончанием родов следует признавать время рождения плаценты[4], либо послеродовой период, пока не предприняты меры к сохранению жизни ребёнка (отделена или перевязана пуповина, ребёнок обмыт, накормлен и т. д.)[5]. В связи с этим существует возможность субъективной оценки в каждом конкретном случае.

Похожая ситуация усматривается и в случае установления временного промежутка состояния аффекта (ст. 107 УК РФ). Его точное установление невозможно и так же индивидуально. Так, принято считать, что это состояние кратковременное и непродолжительное, буквально «эмоциональная вспышка». Оно *не может длится несколько часов*[6]. Но практике известны обратные случаи. Например, резонансное дело Васянкина, состояние аффекта которого, по заключению нижегородского эксперта и при повторной экспертизе в Москве в институте им. Сербского, длилось более двух часов.

Отсутствие механизма для определения точного временного промежутка для статей 106 и 107 УК РФ подтверждает вывод о символическом характере времени в праве – его зависимости от конкретных условий и методов установления. Отдельно стоит обозначить, что не идет речи о «абсолютной точности». Индивидуальный подход и отсутствие обязательности системы прецедентов – особенность и гордость российского судопроизводства, обеспечивающая его гуманность. Что в свою очередь не противоречит важности подходить к вопросу определения временных периодов с предельной ответственностью и научной обоснованностью.

В праве принято применять категорию сроков для характеристики темпоральных периодов. Весьма наглядными примерами, отражающими символичный характер времени в уголовном праве, являются сроки-фикции. К фикциям относят правила, тем или иным образом искажающие действительное воздействие времени на ход развития отдельных уголовно-правовых отношений[7]. О таких «искажениях» свидетельствуют некоторые слова, несвойственные физическому понятию времени. Обратим внимание на подобные случаи в Уголовном законе:

1. Время *засчитывается/не засчитывается* - ч. 2 ст. 51; ч. 2 ст. 58; ч. 4 ст. 72; ч. 3 ст. 73; ст. 103; ч. 3 ст. 104; части 3-3^5 ст. 72 УК РФ;
2. Срок *определяется* из расчета – ч. 3 ст. 49; ч. 4 ст. 50; ч. 5 ст. 53; ч. 6 ст. 53^1; ч. 2 ст. 55 УК РФ;
3. Одному дню *соответствуют* - ч. 1 ст. 71 УК РФ;
4. Время/срок *учитывается* - ч. 3 ст. 49; ч. 5 ст. 72 УК РФ;
5. Течение сроков *приостанавливается* – ч. 3 ст. 78; части 2 и 2^1 ст. 83 УК РФ;
6. Сроки *давности* – ст. 78 УК РФ;
7. Сроки *применяются/не применяются* - части 4 и 5 ст. 78; части 3 и 4 ст. 83 УК РФ;
8. Сроки *сокращаются* наполовину – ст. 94 УК РФ.

В указанных примерах ход времени искажается в угоду оптимизации законодательства, удобства его применения. Сами по себе фикции пусть и являются до сих пор достаточно спорным, но вынужденным приёмом юридической техники. Важно чтобы при искажениях соблюдались установленные правила их использования, а также что бы эти правила были известны и понятны всем участникам правоотношений.

Итоги рассмотрения заявленной темы свидетельствуют о том, что время в уголовном праве обладает не только нормативным, но и символическим содержанием. Будучи особой функциональной категорией юридической техники, правовое время обеспечивает действие правовых отношений. Фиктивность

[1] См.: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.
[2] См.: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
[3] См.: Караулов В.Ф. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2006. С. 190.
[4] См.: Пудовочкин Ю.Е. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В.Бриллиантова. М., 2010. С. 396.
[5] См.: Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 15.
[6] См.: Левитов, Н.Д. О психологических состояниях человека / Н.Д. Левин. — М.: Юрайт, 2009. — 72 с.
[7] См.: Абдулханнянов И.А. Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.4. / Абдулханнянов И.А.; ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД РФ». Нижний Новгород, 2023. С. 159.

правового времени не исключает его эффективности, напротив, она позволяет нормативно формализовывать значимые темпоральные периоды и обеспечить предсказуемость юридических последствий. В качестве правового символа в рамках уголовного права, время приобретает особую роль, в связи с тем, что уголовное право наиболее тесно связано с ограничением конституционных прав человека. Время, для уголовного права, это не просто измерительная категория, а правовой символ, реализующий принципы справедливости, неотвратимости наказания, гуманизма и рациональности. Символическая природа времени проявляется в содержании в нормах уголовного закона: в институтах обратной силы закона; временных отрезков состояний, влияющих на квалификацию деяний; сроках-фикциях. Тем самым категория времени становится неотъемлимым элементом правовой культуры отражающий единство естественного, социального и юридического в жизни человека.

Болдырев Владимир Игоревич[1]

курсант 2 курса факультета подготовки оперативного состава подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Нижегородской академии МВД России

Boldyrev Vladimir Igorevich

A 2nd-year cadet of the Faculty of training the operational staff of economic security and anticorruption units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: boldyrev_vladimir@internet.ru

Регистрация товарного знака. Особенности исследования символов при регистрации товарных знаков

Trademark registration. Features of symbol research during trademark registration

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию регистрации товарных знаков в Российской Федерации и особенностям экспертизы обозначений. Товарный знак рассматривается как уникальное средство индивидуализации, способствующее дифференциации товаров и услуг Анализируются разрешенные формы товарных знаков и основания для отказа в государственной регистрации, включая отсутствие различительной способности, общепринятый характер, наличие государственных символов, а также сходство до степени смешения с ранее заявленными или зарегистрированными знаками. Внимание уделено процедуре предотвращения смешения товарных знаков, основанной на фонетической, графической и смысловой оценке экспертами ФИПС. В качестве примера приводится судебная практика.

Ключевые слова: товарный знак, регистрация товарного знака, гражданский кодекс РФ, ФИПС, сходство до степени смешения, основания для отказа, экспертиза, самозанятые, правовая охрана

Annotation. The article is devoted to the legal regulation of trademark registration in the Russian Federation and the specifics of the examination of designations. A trademark is considered as a unique means of individualization, contributing to the differentiation of goods and services. The permitted forms of trademarks and grounds for refusal of state registration are analyzed, including lack of distinctiveness, generally accepted nature, presence of state symbols, as well as confusingly similar to previously declared or registered trademarks. Attention is paid to the procedure for preventing trademark confusion based on phonetic, graphic and semantic assessment by FIPS experts. Judicial practice is given as an example.

Keywords: trademark, trademark registration, Civil Code of the Russian Federation, FIPS, similarity to the point of confusion, grounds for refusal, examination, self-employed, legal protection

Для цитирования: Болдырев В.И. Регистрация товарного знака. Особенности исследования символов при регистрации товарных знаков // Юридическая техника. – 2025. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 849–851.

Регистрация товарного знака - уникальное обозначение продукта, услуги или компании, товарный знак является средством, который помогает потребителям отличать товары и услуги одних производителей от схожих товаров и услуг других производителей. В большей степени в виде товарного знака выступают: логотип, название, этикетка, упаковка, слоган. Законодателем Российской Федерации был утвержден перечень форм товарных знаков. Так в соответствии со статьей 1482 Гражданского Кодекса[2] Российской Федерации, возможно, зарегистрировать словесные, изобразительные и объемные товарные знаки. В данной статье также определенно, что любая цветовая гамма и её сочетание может быть у

[1] Научный руководитель: *Шухарева Анна Васильевна* – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 24.07.2024) // Контур.Норматив. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501868 (дата обращения: 29.09.2025).

товарного знака. К словесным обозначениям товарного знака может быть отнесено, сочетание букв, имеющие словесный характер, сочетание слов, предложения. В качестве изобразительного обозначения могут использоваться изображения живых существ, предметов, природных объектов, иные объекты, а также композиции любых фигур, линий и пятен. К объемным обозначениям относится фигуры и комбинации линий и фигур в пространственном расположении, а также трехмерные объекты. Комбинированные обозначения могут включать в себя сочетание элементов разных видов, таких как изобразительных, объемных, словесных и т.д. . Конечно, не все использованные виды товарных знаков могут быть зарегистрированы. Так в соответствии со статьей 1483 ГК РФ основаниям для отказа в государственной регистрации является:

1) Товарные знаки, не обладающие различительной способностью. К ним относятся отдельные буквы, которые не воспринимаются как слова, и не имеют словесного характера. Также цифры или же набор чисел, у которых отсутствует оригинальное графическое изображение. Общепринятая аббревиатура, которая используются повсеместно. Не может быть зарегистрирована, как товарный знак.

2) Общепринятые обозначения товаров определенного вида. Если же наименование товара начало нести общественный характер, и оно используется повсеместно, то регистрация такого обозначения, как товарного знака приравнивается к нулю.

3) Товарный знаки, обозначения которых не подлежит правовой охране в соответствии со статьей 1231.1 ГК РФ. К ним относятся государственные символы и знаки, наименование международных и межправительственных организаций, награды, знаки отличия и т.д.

4) Схожие товарные знаки[1] с рядом других обозначений, наименований или изображений, которые проходят стадию регистрации или же только заявлены на неё. Данный пункт имеет ряд исключений. Во-первых, если наименование товарного знака со схожим товарным знаком не находятся в одной сфере, то риск признания такого товарного знака незаконным снижается. Во-вторых, не запрещается получения разрешения[2] от собственника схожего товарного знака. Это осуществляется посредством оформления письма-согласия, которое может увеличить шансы, на то что товарный знак пройдёт стадию регистрации, но при одном условии, если он не будет вводить в заблуждение потребителей. (п. 6 ст. 1483 ГК РФ) Также не допускается к регистрации товарный знак, наименование которого может ввести в заблуждения относительно его названию, который содержит в себе определение географического объекта. Место, где товар мог производиться. Данные изменения создают защиту для региональных производителей, создающие свою продукцию с "географией". Роспатент отслеживает данные действия заявителей благодаря системе подачи заявления на регистрацию товарного знака. В заявлении указывается место проживания или же место нахождения заявителя.

Заявителем регистрирующий товарный знак, может выступать физическое, юридическое лицо, патентный поверенный или иной представитель. Патентным поверенным, является лицо, которое содействуют на основании гражданско-правового договора с изобретателями, компаниями, которым необходимо зарегистрировать товарный знак. Деятельность, права и обязанности патентных поверенных содержатся в Федеральном законом 30.12.2008 № 316-ФЗ "О патентных поверенных". Также одной из особенностей лиц, разрешающим регистрировать товарный знак является подписание Федеральный закон от 28.06.2022 №193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации»[3]. В соответствии с ним, создание собственного товарного знака могут осуществлять само занятые граждане, которым не надо подтверждать статус индивидуального предпринимателя. По словам руководителя Роспатента Юрия Зубова[4], данный закон предоставляет гражданам инструмент. С наличием, которого будет развиваться создание личных брендов. Также одной из особенностей для юридических и физических лиц является их право на регистрацию товарного знака в иностранных государствах. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (ст 1507)

Также необходимо разобраться с ситуацией, которая называется как смешивание товарного знака[5]. Она заключается в схожести двух и более товарных знаков, которые могут ввести в заблуждение потре-

---

[1] Неохраняемые элементы товарного знака: что нельзя зарегистрировать [Электронный ресурс] // Линтес: патентные поверенные. – 2024. – URL: https://www.lintes.ru/blog/tm/neokhranyayemye-elementy-tovarnogo-znaka/ (дата обращения: 29.09.2025).

[2] Согласие на регистрацию сходного товарного знака: образец и порядок оформления [Электронный ресурс] // Brandside. – 2024. – URL: https://brandside.ru/blog/pismo-soglasie-registraciya-tovarnogo-znaka (дата обращения: 29.09.2025).

[3] О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2022 № 193-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206280033 (дата обращения: 01.10.2025).

[4] О Федеральной службе по интеллектуальной собственности : постановление Правительства РФ от 21.03.2012 № 218 (ред. от 29.11.2023) // Роспатент : офиц. сайт. – URL: https://rospatent.gov.ru/ru/documents/218-postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-21-marta-2012-g-218 (дата обращения: 05.10.2025).

[5] . Сходство до степени смешения: что это такое и как его избежать [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/gardium/guide/shozhest-do-stepeni-smesheniya-chto-eto/ (дата обращения: 05.10.2025).

бителей, тем самым нанося ущерб правообладателю. Чтобы не произошла такая ситуация и не наступили последствия. Регулируемые Гражданским Кодексом РФ , то у лица при регистрации товарного знака есть возможности, как не создать смешивание. Во-первых, при регистрации любой формы товарного знака, он оценивается специалистами Федерального института промышленной собственности. ФИПС[1] - краткое наименование данного института, входит в подразделение Роспатента. У специалистов существует три главных признака при оценивании. Фонетический, графический и смысловой. Данная процедура может длиться в течение года, тем самым создавая неудобства лицам регистрирующих товарный знак, так как конечная оценка может быть также неудовлетворительной. Во-вторых, существует денежная услуга: «Предварительная оценка охраноспособности обозначения как товарного знака по указанным заказчиком классам МКТУ». Её предоставляет Роспатент. Платная услуга обязательно осуществляется до подачи документов на регистрацию товарного знака. Также стоит отметить осуществление услуг патентным поверенным, который обладает знаниями и навыками по созданию и оцениванию товарных знаков. Возможность появления смешивания товарного знака исходит ряда некоторых факторов, но ни как не из некомпетентности Роспатента и его подразделений. При оценивании, федеральная служба соотносит товарные знаки из списка известных товарных знаков, чтобы попасть в этот список правообладателю товарного знака необходимо доказать известность своего товарного знака. Также необходимо сказать про субъективизм специалистов ФИПС, так как двое экспертов могут сделать разные выводы. Если же товарный знак схож до степени смешивания с другим товарным знаком, то правообладателю, чей товарный знак находится дольше на рынке. Необходимо обратиться в суд. Так, например, рассмотрим решение дела Арбитражного суда[2] Новосибирской области 20 сентября 2019 года. По факту подачи иска ООО «Фэмилиа Трэйдинг» в отношении ООО «Альмира» с требованием прекратить использование обозначение «ФЭМИЛИ», который также использует истец. В ходе решения дела, суд рассмотрел материалы дела, выслушал стороны и пришел к мнению, что истец является правообладателем обозначения «ФЭМИЛИ» в реализации своей продукции, а ООО «Альмира», также использовала данное обозначение без получения исключительного права на использование данного обозначения от ООО «Фэмилиа Трэйдинг». По решению суда, ООО «Альмира» обязана выплатить компенсацию в размере одного миллиона рублей и судебные расходы по оплате госпошлины ООО «Фэмилиа Трэйдинг».

Регистрация товарного знака в Российской Федерации представляет сложный, регламентированный процесс, который направлен на защиту товарных знаков правообладателей от неправомерного использования и создания схожего товарного знака до степени смешивания другим лицом.

[1] Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по интеллектуальной собственности предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» : приказ Роспатента от 20.01.2020 № 12 // Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС). – URL: https://www1.fips.ru/documents/npa-rf/prikazy-fips/prikaz-fips-20012020-12.php (дата обращения: 05.10.2025).

[2] Решение Арбитражного суда города Москвы от 24.04.2024 по делу № А40-20130/2024 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/3E1M5wefhGxX/ (дата обращения: 05.10.2025).

Бочкарев Даниил Олегович

аспирант 1 года обучения кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского университета им. Н. И. Лобачевского

Bochkarev Daniil Olegovich

Graduate student 1 year of study of the department of theory and history state and law faculty Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: rambysh0w@gmail.com

Дополнение как символ целостности национальной правовой системы Российской Федерации

Supplement as a symbol of national integrity legal system of the Russian Federation

Аннотация. В статье анализируется институт дополнения как особый инструмент изменения нормативных установлений. Автором сделан вывод, что дополнение следует рассматривать как средство юридической техники с символическим наполнением. Главная функция дополнения в этом контексте – трансляция вектора развития законодательства. В исследовании сделан акцент, что в доктринальной области юридического знания дополнение только находится на стадии своего становления в качестве самостоятельного института, поэтому фактически подобная работа является «авангардом» в обозначенной проблематике.

Ключевые слова: правовая система, правовой символ, правотворчество, политический курс, нормативный правовой акт, изменение, дополнение, технико-юридическое средство

Annotation. The article analyzes an institution that acts as a special instrument for changing normative regulations. The author concludes that supplementation should be viewed as a legal technique with symbolic content. The primary function of supplementation in this context is to convey the vector of legislative development. The study emphasizes that, within the doctrinal field of legal knowledge, supplementation is only just emerging as an independent institution, making this work essentially a "vanguard" in this area.

Keywords: legal system, legal symbol, lawmaking, political course, normative legal act, amendment, supplement, technical and legal means

Для цитирования: Бочкарев Д.О. Дополнение как символ целостности национальной правовой системы Российской Федерации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 852–856.

Целостность правовой системы, как известно, зависит от множества факторов. Особое значение влияния на единство системы этом контексте сохраняют различные социально-экономические, политические, социологические и, разумеется, правовые явления общественной жизни. Профессора Н. И. *Матузов* и А. В. *Малько* справедливо ставят право во главу правовой системы, отмечая, что оно является её центральным звеном, стержнем[1]. Также не случайно исследователи первым элементом «палитры» правовых явлений, наполняющих такую систему, называют правотворчество. Очевидно, что вектор юридической практики обусловлен субъективными установками правоприменителя, однако, именно правотворчество задает те необходимые рамки, в которых юридическая практика признается легитимной.

Правоприменительное усмотрение в российской юридической науке традиционно рассматривается как деятельность субъекта по выбору наиболее оптимального решения в рамках предоставленных законом полномочий[2]. Поэтому исключительно от деятельности законодателя по созданию, изменению или отмене нормативных предписаний во многом зависит динамика права, качество его реализации. В этой

[1] Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М. : Юристь, 1997. С 85.

[2] Березин А. А. Пределы правоприменительного усмотрения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01, Нижний Новгород, 2007. С. 200.

связи нельзя не согласиться с утверждением: «качество закона является тем идеалом, к которому нужно стремиться»[1]. Действительно, без должного уровня законодательства всякая правовая система рискует утратить свою целостность. В этом ключе правотворчество выступает символом «живого», развивающегося права, поскольку позволяет своевременно реагировать на изменчивые потребности общества и, как итог, формализовать актуальные представления о социальных ценностях.

Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова определяет символ как определенный знак, способный отразить какое-либо понятие или явление[2]. Говоря про понимание категории «правовой символ», стоит обозначить, что в доктрине не выработано его единообразное толкование. Так, опираясь на массив юридической литературы, можно отметить, что эту категорию дефинируют по-разному: как условный образ, используемый законодательством для своего рода отображения сущности соответствующего юридического феномена[3]; как нормативную информационную модель[4]; как средство юридической техники[5]; как прием юридической техники[6].

Представляется, что сегодня в науке превалирует более узкий подход, обозначающий правовой символ как иллюстрацию, знак, образ правового механизма, который формирует общественное сознание (например, геральдика). В то же время интересна работа И. В. Мальцева, который проанализировал историографию ранее не освещенных отечественных и зарубежных подходов к пониманию правовых символов[7]. Представленный анализ показывает наиболее широкий подход обозначения сущности правовых символов, более характерный для древнего права. Так, феномен исследуется как явление (предмет, действие), которое носит юридическое значение и служит основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Очевидно, что деление на узкий и широкий подход в определении правового символа носит условный характер, поскольку зависит не только от выбранной исследователем методологии, но и от специфики его правопонимания.

А. В. Никитин, анализируя правотворческую практику, отмечал, что «процесс юридической регуляции не может обойтись без использования символов»[8]. Поэтому с точки зрения осуществления правотворчества, более близким видится подход, рассматривающий правовые символы через плоскость юридической техники[9]. По мнению О. И. Шарно, правовой символ – это юридико-техническое средство, которое упрощает восприятие правового массива, приобретает определенную форму и содержание в зависимости от политико-правового смысла. По нашему мнению, правовые символы, в контексте юридической техники, это арсенал инструментов, влияющих на обозначенный процесс юридической регуляции посредством эффективизации правовой коммуникации между законодателем и правоприменителем. В этом ключе правотворческая деятельность наделяется символическим смыслом и буквально отвечает на вопрос: «что этим сказать?». Если более точно, то именно акты правотворчества выступают в роли социально-правовых символов, поскольку они не только актуализируют правовую базу, опираясь на насущные социальные потребности, но и свидетельствуют о смене курса нормативного развития общественных отношений. В качестве подтверждения можно привести Федеральный закон от 29 июля 2009 года N 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации», который положил начало введения (возвращения) института административной преюдиции. Данный нормативный правовой акт символизировал собой смену курса уголовной-правовой политики в сторону гуманизации ответственности, обозначив переход от привычной модели криминализации деяний к превентивной в части определенных составов. Сложилась ситуация, при которой лицо нарушает уголовный запрет только в случае, если совершил повторное правонарушение в состоянии административной наказанности. Поэтому О. И. Шарно в своём определении правового символа акцентирует внимание на политико-правовом смысле его содержательной части, поскольку в нашем понимании, этот «смысл» и есть трансляция законодательной (политической) воли государства, как в случае с Федеральным законом от 29 июля 2009 года N 216-ФЗ. Таким образом, можно констатировать, что развитие и укрепление правовой системы во многом зависит от взаимодействия права и политики, фактически данные институты яв-

---

[1] Иванюк О. А. Качество закона и проблемы юридической техники // Журнал российского права. 2008. №2 (134). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zakona-i-problemy-yuridicheskoy-tehniki (дата обращения: 15.10.2025).

[2] Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Авторская редакция. — 2000. — С. 1536. — URL: https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB&mode=all (дата обращения: 15.10.2023)

[3] Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Нижний Новгород, 1997. С. 533.

[4] Глушаков Алексей Юрьевич Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-simvol-ponyatie-priznaki-klassifikatsiya (дата обращения: 16.10.2025).

[5] Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография. Волгоград, 2009. С.318.

[6] Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. С. 823 .

[7] Мальцев И. В. Ранняя историография исследования правовых символов // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. №3 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rannyaya-istoriografiya-issledovaniya-pravovyh-simvolov (дата обращения: 17.10.2025).

[8] Никитин А. В. Правовые символы : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01, Нижний Новгород, 1999. С. 241.

[9] Подход, предлагаемый О. И. Шарно, М. Л. Давыдовой.

ляются опорой ценностных ориентиров общества. А. В. Юрковский заслуженно отмечает, что «право и политика — это социальные ценности»[1].

Также стоит выделить сентенцию А. П. Мазуренко, который анализировал правотворческую политику и сделал значимый вывод, что правовые акты как средство реализации такой политики, в то же время, являются воплощением её результатов[2]. Все это говорит о символическом характере таких актов. Предполагается, что автор, говоря про правовые акты правотворческой политики, имеет в виду в том числе и акты изменения нормативных установлений. Стоит заметить, что современное состояние российской правовой системы осложняется их противоречивостью. Помимо появляющейся конкуренции юридических норм, сами акты, вносящие изменения в действующие правовые модели, отличаются неоднородностью подхода к их наименованию. В одних случаях такие документы именуются «О внесении изменений…»[3], в других – «О внесении изменений и дополнений…»[4], или, как ранее рассмотренный пример, – «О внесении изменения…», а применительно к Конституции Российской Федерации – «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов»[5]. Помимо трудностей с систематизацией перечисленных документов, отсутствие унификации к обозначению таких правовых актов влияет и на восприятие их юридической природы. Несогласованное наименование порождает следующие вопросы: различаются ли по своей сущности акты «о внесении изменений», «о внесении изменений и дополнений», а также иные схожие акты, корректирующие правовой материал? Почему в одних случаях говорится об «изменениях», а в других – об «изменениях и дополнениях»? Анализ содержания подобных документов позволяет сформулировать вывод, что под фактическим изменением в большинстве случаев подразумевается их дополнение нормативным материалом или же его изложение в новой редакции. Так, Федеральный закон от 14 марта 2022 года № 58-ФЗ содержит следующее положение: «внести…следующие изменения: 1) статью 23 дополнить частью 12 следующего содержания…». В то же время Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ гласит: «внести в Конституцию Российской Федерации… следующие изменения: а) часть 1 изложить в следующей редакции… б) дополнить частью 2.1 следующего содержания…». Примечательно, что еще в советский период времени С. С. Алексеев писал, что «как показывает практика правотворчества на всех его уровнях, значительная часть подготовительных работ по каждому акту связана с необходимостью «вписать» проект в нормативную систему»[6]. Таким образом, традиционно значительная часть правотворческих документов носит характер дополнения и расценивается как деятельность по нормативной адаптации новых положений без изменения единого механизма правового регулирования.

Только дополнение как инструмент «изменения» законодательства выполняет двоякую функцию – позволяет как сохранить преемственность текущего правового материала, так и снабдить его новым содержанием, обеспечивая единство правовой системы. Профессор Р. А. Ромашов подчеркивает, что «непрерывное изменение текста закона снижает его юридическую силу и в результате негативно сказывается на законоприменительной практике»[7]. Солидаризируясь с этим, отметим, что дополнение позволяет более корректно осуществить имплементацию, поскольку существующий базовый регламент из «текста закона» не исключается. В то же время даже на арене международно-правового регулирования, говоря о совершенствовании законодательства в области космического пространства, предпочтение отдается дополнению, нежели изменению. Так, О. Г. Парамузова в своей работе отмечала важность дополнения как инструмента развития космического права, называя его «более предпочтительным»[8]. В то же время, говоря о правовой системе Российской Федерации, можно заключить, что нормативные правовые документы, несущие в себе именно дополнение, являются символом «мягких» изменений нормативной базы, свидетельствуя о новом векторе развития законодательства.

---

[1] Юрковский Алексей Владимирович Право и политика // Сибирский юридический вестник. 2007. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-politika (дата обращения: 18.10.2025).

[2] Мазуренко А. П. Правотворческая политика в Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01, Ростов-на-Дону, 2004. С. 213.

[3] Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 12.

[4] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1).

[5] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11.

[6] Алексеев С. С. Функции применения права: в 2-х тт. / С.С. Алексеев, И.Я. Дюря-гин. - Т. 2. - М.: Правоведение, 1972. С. 90.

[7] Ромашов Р. А. Ошибки в сфере правотворчества: норма или девиация // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения : коллективная монография. Санкт-Петербург. 2018. С. 193.

[8] Парамузова О. Г. Международное правотворчество в аспекте решения проблем международной безопасностия // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения : коллективная монография. Санкт-Петербург. 2018. С. 401.

В отечественной правовой доктрине институт дополнения в настоящее время находится на стадии становления своего теоретического развития. Дополнение не являлось предметом комплексного доктринального исследования, его правовая природа, особенности построения, как и специфика взаимодействия с другим правотворческим инструментарием не подвергалась дифференцированному системному анализу. Кроме того, перспективное изучение данного феномена также обусловлено его законодательно не установленной правовой природой. Отсутствие регламентации института дополнения во многом является причиной рассогласованности в наименованиях подобной категории нормативных правовых актов, как было проиллюстрировано ранее. Исходя из этого, снижается системность правотворческого процесса, а как итог, это влияет и на его эффективность. Поэтому исследование дополнения как самостоятельного института носит не только теоретический характер, но и приобретает практическую значимость.

Анализируя рассматриваемый институт, в первую очередь, стоит отметить универсальность категории «дополнение», это междисциплинарный феномен, встречающийся во многих областях знания. Например, в лингвистике дополнение рассматривается как второстепенный член предложения, на которое направлено действие глагола или другого члена предложения[1]. В логике и математике данная категория трактуется как операция введения недостающих элементов, обеспечивающая полноту множества или суждения[2]. В философии – это форма диалектического развития, при которой новое не разрушает старое, а органично его расширяет[3]. Все это позволяет говорить о том, что дополнение является определенной «надстройкой» к чему-то существующему.

Такой же смысл вкладывается законодателем при добавлении этой категории в нормативные правовые акты, вносящие изменения. Однако де-факто мы наблюдаем терминологическое противоречие в силу того, что дополнение в рамках содержательной части таких документов рассматривается как изменение в широком смысле этого слова. Представляется, что это не является ошибкой и во многом такое понимание обусловлено тем, что методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов относят дополнение к арсеналу внесения изменений[4]. Так, статья 49 рекомендаций перечисляет инструментарий, относящийся к изменениям: 1) замена; 2) исключение; 3) новая редакция; 4) дополнение. Из этого следует, что дополнение, является особым инструментом изменения законодательства. Такое понимание задает два основных направления по трактованию института дополнения. С одной стороны, дополнение, это самостоятельный инструмент по внедрению нового правового материала. В то же время дополнение со стороны способа (инструмента) трансформации законодательства является видом изменения, что влечет более широкое рассмотрение правовой природы этого института. Тем не менее, отсутствие единообразного понимания только повышает значимость рассмотрения института дополнения с нескольких направлений. Что касается сравнения с другими инструментами изменения законодательства, то, по нашему мнению, именно дополнение способно наиболее полно и всестороннее урегулировать требуемое общественное отношение. В подтверждение этому Н. А. Власенко акцентирует, что дополнение необходимо в случаях, если характер и назначение действующего (принимаемого) акта требуют, чтобы он с исчерпывающей полнотой отражал важнейшие правовые предписания по регулируемому им вопросу[5].

В то же время в научном сообществе дополнение рассматривается по-разному. Существует тезис, что эта категория может выступать средством конкретизации юридических норм. Например, М. В. Залоило под дополнением подразумевает инструмент, за счёт которого переводятся абстрактные юридические нормы в более определенные правила[6]. В противовес этому, В. М. Баранов отмечает, что дополнение, это форма изменения содержания правовых установлений, которое является самостоятельным видом правотворческой процедуры и не может выступать конкретизацией юридической нормы[7]. Вместе с тем М. Л. Давыдова рассматривает дополнение как правило, внедряемое в законодательство, с целью обеспечения его эффективности[8]. Так же, подобно продолжению наблюдениям С. С. Алексеева, М. Л. Давыдова указывает, что «любые изменения должны быть юридически и стилистически «вписаны» в действующий законодательный массив таким образом, чтобы сохранить содержательную и языковую

[1] Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1947. – С. 156.
[2] Ивин А. А. Логика: учебник для вузов. – М.: Гардарики, 2006. – С. 234.
[3] Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: Политиздат, 1960. – С. 344.
[4] Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (редакция 2021 года). – Москва, 2021. – 52 с
[5] Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. – С. 151.
[6] Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.
[7] Баранов В. М. Правотворческая конкретизация: негативный ракурс // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №2 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravotvorcheskaya-konkretizatsiya-negativnyy-rakurs (дата обращения: 25.08.2025).
[8] Давыдова М. Л. Проблема изменений в праве в контексте умного регулирования // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 74.

целостность». По нашему мнению, дополнение, как символ правотворчества, как раз является тем инструментом, который способен не только сохранить целостность нормативного массива, как отмечает М. Л. Давыдова, но и качественным образом повлиять на саму правовую систему, поскольку правовое регулирование от неё неотделимо. Стоит заметить, что приведенные дефиниции свидетельствуют о том, что в доктринальном поле отсутствует сформированная единообразная модель понимания института дополнения, что, несомненно, актуализирует перспективу его изучения.

Особое внимание стоит обратить на вопрос о правовой природе дополнения. Как мы уже выяснили, дополнение, можно рассматривать и как символ правотворчества и как технико-юридической инструмент. Если изучать институт дополнение более «точечно», то представляется, что оно является средством юридической техники, но в то же время носит символический характер. М. Л. Давыдова дает определение средств юридической техники: «это специфические инструменты профессиональной юридической деятельности, обеспечивающие достижение ее целей»[1]. В доктрине выделяется их разновидность. Например, по мнению В. М. Баранова, существуют общесоциальные и юридические средства[2]. К группе общесоциальных В. М. Баранов относит и символы, а говоря про юридические средства, выделяет в качестве одного из их свойств – возможность нормативного закрепления. Поэтому специфика, уникальность дополнения как института правотворчества заключается в его дихотомии, оно является общесоциальным и одновременно с этим обладает свойством юридического средства в рамках инструмента юридической техники. Иными словами, дополнение является средством юридической техники с символическим наполнением в виде отражения текущего вектора развития нормативного регулирования. Следует так же констатировать, что вопрос об юридической природе рассматриваемого института требует дополнительного исследования и при его разрешении позволит наиболее эффективно выстроить систему взаимодействия дополнения с иными инструментами совершенствования законодательства современной России. В частности, ответ на этот вопрос позволит оценить количество юридически значимой информации, в которой задействовано дополнение. Результаты разрешения текущего вопроса могут быть использованы в законодательном, правореализационном и иных юридических процессах, что создаст дополнительные основания повышения эффективности деятельности участников правоотношений. Актуальность указанного вопроса также высока в силу динамичного развития различных сфер социальной жизни, которые требуют должной нормативной реакции. В данном контексте важно рассмотреть дополнение как действенный инструмент, позволяющий учитывать актуальные потребности общества и сохранять преемственность права.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что институт дополнения в настоящее время целесообразно рассматривать как технико-юридическое средство, позволяющее осуществить «мягкую» коррекцию правового материала путем сохранения базового регламента правовой конструкции, что, в свою очередь, способствует обеспечению целостности правовой системы и в то же время символизирует направление её развития.

[1] Давыдова М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01. Волгоград, 2010. С. 408.
[2] Баранов В. М. Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов. — Москва : Проспект, 2021. С. 46.

Воронин Никита Александрович

аспирант Костромского государственного университета (КГУ), заместитель начальника полиции (по оперативной работе) ОМВД России по Костромскому району

Voronin Nikita Alexandrovich

PhD student at Kostroma State University (KSU),Deputy Chief of Police (for Operational Work) of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kostroma region

E-mail: nikitos225918@mail.ru

Символическое правосознание на современном этапе развития общества

Symbolic legal awareness at the present stage of society development

Аннотация. В настоящей статье исследуется феномен символического правосознания как ключевого элемента правовой культуры в условиях цифровой трансформации и усложнения социальных коммуникаций. Автор доказывает, что на современном этапе развития общества, характеризующемся клиповым мышлением, визуализацией информации и ростом значения медиапространства, символические формы восприятия права выходят на первый план, зачастую подменяя собой рационально-критическое освоение правовой реальности. Анализируются позитивные и деструктивные аспекты влияния символического правосознания на уровень правовой активности граждан, легитимность власти и эффективность правоприменения. Делается вывод о необходимости целенаправленного формирования конструктивных правовых символов для укрепления правовой системы.

Ключевые слова: правосознание, символическое правосознание, правовая культура, правовая коммуникация, легитимность, правовая символика, цифровое общество, медиатизация права

Annotation. This article examines the phenomenon of symbolic legal awareness as a key element of legal culture in the context of digital transformation and the increasing complexity of social communications. The author proves that at the present stage of society's development, characterized by clip thinking, visualization of information and the growing importance of the media space, symbolic forms of perception of law come to the fore, often replacing the rational and critical development of legal reality. The article analyzes the positive and destructive aspects of the influence of symbolic legal awareness on the level of legal activity of citizens, the legitimacy of government and the effectiveness of law enforcement. The conclusion is made about the need for the purposeful formation of constructive legal symbols to strengthen the legal system.

Keywords: legal awareness, symbolic legal awareness, legal culture, legal communication, legitimacy, legal symbolism, digital society, mediatization of law

Для цитирования: Воронин Н.А. Символическое правосознание на современном этапе развития общества // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 857–860.

В настоящее время происходит парадигмальный сдвиг в способах восприятия и усвоения правовой информации современным обществом. Классическая юриспруденция, делающая акцент на нормативных текстах и логических конструкциях, оказывается недостаточно релевантной для описания процессов, происходящих в массовом правосознании. В эпоху доминирования визуальных образов, кратких сообщений и социальных медиа право все чаще воспринимается не через систему абстрактных норм, а через совокупность символов – эмоционально насыщенных, легко считываемых образов, которые несут в себе концентрированное правовое значение.

Стоит подчеркнуть, что право по своей природе символично. Оно невозможно без системы знаков, обозначающих власть, справедливость, наказание, порядок. Мантия судьи, герб государства, текст рос-

сийской Конституции, ритуал принесения присяги – все это классические правовые символы, выполняющие функции идентификации, легитимации и интеграции[1].

Однако на современном этапе происходит не просто усиление роли символического. Происходит его медиатизация и виртуализация. Символы создаются и тиражируются не столько государством, сколько медиа-средой, социальными сетями, популярной культурой. Образ «борца за справедливость» формируется не трудами правоведов, а кинематографом и новостными сюжетами. К примеру, символом борьбы с коррупцией может стать не статистический отчет, а единичный, но ярко поданный случай. Это приводит к тому, что символическое правосознание становится гибридным, существующим на стыке официальной правовой пропаганды и стихийно складывающихся в обществе представлений.

Возьмем во внимание классическое для нашего понимания и правоведения определение понятия «правосознание» – это «совокупность чувств, настроений, представлений, взглядов и т. п., в которых выражено отношение к действующему праву, к вновь создаваемым юридическим нормам, ко всей государственно-правовой действительности»[2]. Учитывая, что символизация представляет собой «выражение обобщенного смысла, абстрактного содержания через наглядную модель»[3], то символическое правосознание можно определить как пласт правосознания, в котором правовые явления, ценности и установки отражаются и усваиваются не в своей логической полноте, а в виде упрощенных, чувственно-наглядных образов-символов. Если рациональное правосознание оперирует понятиями и категориями, то символическое – архетипами, метафорами и ритуалами.

Представляется очевидным, что современное общество порождает специфические формы символического правосознания.

Во-первых, правовые символы становятся краткими и броскими. Они легко усваиваются, при этом, не требуют глубокого понимания правового контекста, подменяя его эмоциональной реакцией. Такая форма характеризуется клиповостью и фрагментарностью, а примерами являются вирусное видео с задержанием, хэштеги номинативной конструкции (к примеру, #ЭрикГарнер и др.)[4] и т.д. В данном контексте новостной заголовок о законе становится более мощным символом, чем сам текст закона. Поведение масс может резко измениться на основе упрощенной, а иногда и искаженной, символической трактовки нормы. Правовые мемы, хэштеги, видео в социальных сетях формируют отношение к праву у миллионов людей за часы, минуя традиционные институты социализации такие как учебные учреждения, семья.

Во-вторых, в сознании индивида сосуществуют и сталкиваются противоречивые символы, почерпнутые из разных источников: патриархальный символ «царя-батюшки» как вершителя правды – и либеральный символ «неприкосновенности частной жизни»; образ «строгого, но справедливого» полицейского из советского кино – и образ «ментов-оборотней» из современных блогов. Такие символы создают коллажность.

В-третьих, символическое правосознание обладает амбивалентным воздействием. С одной стороны, эффективные правовые символы (например, образ Верховного Суда Российской Федерации как гаранта справедливости) способны укреплять правопорядок, повышать доверие к институтам, служить целям правового просвещения в доступной форме. При этом, с другой стороны, деформированные символы ведут к правовому нигилизму, мифологизации права («у нас законы не работают»), формированию «осевого» правосознания, где закон противопоставляется «справедливости» как некоему высшему, внеправовому началу.

Все вышеобозначенное говорит о многогранности символического правосознания в современном мире. Как же влияет символическое правосознание на правовое поведение социума?

Правовое поведение граждан также все чаще определяется не расчетом правовых последствий (рациональная модель), а следованием усвоенным символам. Протестная активность, например, может быть реакцией не на конкретный закон, а на его восприятие как символа «несправедливости» или «произвола». Проще говоря, люди соблюдают или нарушают закон не только из-за установленного наказания, но и потому, что они определенным образом его воспринимают и интерпретируют. Это восприятие и есть сфера символического правосознания.

Поскольку право является сложной системой и обычный человек не знает всех законов, то символическое правосознание упрощает реальность. В качестве примера можно обозначить замену сложных норм простыми символами-установками («преступник должен сидеть в тюрьме», «закон надо уважать»,

[1] Уланов Н.Д. К вопросу о философско-правовой дефиниции правовых символов // Вестник ВИ МВД России. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-filosofsko-pravovoy-definitsii-pravovyh-simvolov (дата обращения: 12.09.2025).

[2] Кожевников В.В., Зверев В.О., Войнаровская Л.И. Виды правосознания в правоведении и возможная их деформация // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. №1 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-pravosoznaniya-v-pravovedenii-i-vozmozhnaya-ih-deformatsiya (дата обращения: 11.09.2025).

[3] Гончарова Н.С. Символизм в праве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016. №1 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/simvolizm-v-prave-1 (дата обращения: 11.09.2025).

[4] Золотайко А.И., Чудинов А.П. Хештег в полицейском интернет-дискурсе // Политическая лингвистика. 2022. №1 (91). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/heshteg-v-politseyskom-internet-diskurse (дата обращения: 12.09.2025).

«не укради» и т.д.). Человек может не знать особенности уголовного законодательства, но он усвоил эти символы и они действуют как морально-правовой компас, формируя привычное поведение. Условно, люди платят налоги не потому что знают Налоговый кодекс Российской Федерации, а потому что усвоили, что «платить налоги – это обязанность гражданина».

Точно также государство через символы (флаг, герб, гимн, торжественные церемонии на государственных праздниках и иные) создает образ законной и авторитетной власти. Соответственно, если люди воспринимают власть и закон как легитимные, то они склонны добровольно их соблюдать, даже если есть формальная возможность безнаказанно нарушить.

При всем при этом, символы могут не только побуждать к соблюдению закона, но и целенаправленно формировать определенные модели поведения, выступая как в некотором роде манипуляция. При этом, в качестве манипуляции в предложенном контексте следует понимать «как прежде всего управление, а психологическое и иное скрытое воздействие на объект манипулирования лишь форму последнего»[1]. Например, к символам страха можно отнести образ исправительных учреждений в средствах массовой информации, сообщения о жестких приговорах, в историческом контексте – публичные наказания. Символы одобрения, напротив, поощряют социально одобряемое поведение, выходящее за рамки простого соблюдения закона, к примеру, к таким символам можно отнести звание «Почетный донор», медали «За доблестный труд», «Мать-героиня» и др.

В результате кризиса символов может возникнуть правовой нигилизм. Это значит, что, когда традиционные правовые символы теряют свой авторитет, это напрямую ведет к росту противоправного поведения[2]. Если символ «Закон един для всех» постоянно конфликтует с реальностью, где есть «безнаказанные сильные», это вызывает когнитивный диссонанс. В связи с этим у людей формируется установка: «Закон – это пустая формальность, которую соблюдают только глупцы». Как следствие, это приводит к массовому несоблюдению правил – от бытового (переход дороги в неположенном месте) до серьезного (уклонение от налогов, коррупция). Нарушение закона становится новой символической нормой, признаком «ловкости». Глобально, в конечном итоге, правовой нигилизм может привести к хаосу и тормозить развитие правовой системы и общества в целом.

Соответственно, символическое правосознание влияет на правовое поведение социума не слабее, чем законодательство и система наказаний. В позитивном плане можно отметить, что оно создает основу для добровольного соблюдения закона, легитимирует власть, упрощает навигацию в сложном правовом поле и мобилизует на позитивные изменения. Однако, существуют и негативные аспекты: при разрушении или манипуляции символами оно порождает правовой нигилизм, цинизм и массовые нарушения.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что символическое правосознание на современном этапе перестает быть периферийным элементом правовой культуры, становясь ключевым фактором, определяющим легитимность власти, правовое поведение индивида и общую эффективность правовой системы. Клиповость, коллажность и медиатизация общественного сознания приводят к тому, что право все чаще воспринимается и усваивается не через рациональное изучение норм, а через эмоционально насыщенные, упрощенные образы-символы. Игнорирование данного феномена создает опасный разрыв между официальным правом и правовой психологией общества, когда формально действующие законы могут быть дискредитированы в массовом сознании вследствие формирования вокруг них деструктивных символических значений.

В связи с этим, представляется необходимым сформулировать концептуальные предложения по выстраиванию целенаправленной работы с правовыми символами.

На основании вышеизложенного, целесообразно исходить из того, что процесс символизации права объективен и необратим. Вопрос заключается не в том, должны ли мы контролировать эту сферу, а в том, как это делать, чтобы не допустить ее стихийной и зачастую деструктивной динамики, обеспечив гармонизацию общественного правосознания. Контроль здесь следует понимать не как цензуру, а как профессиональное, системное управление символическими процессами. В данной ситуации возможно введение трехуровневой модели такого контроля, где:

1) первым уровнем выступает государственно-институциональный. На нем должна обеспечивать работа по формированию осознанной государственной символической политики. Необходимо признать работу с правовыми символами легитимной и важной частью деятельности государственных институтов. Это предполагает не пропаганду, а последовательное и прозрачное воплощение ключевых правовых ценностей (справедливости, равенства, неотвратимости ответственности) в повседневной практике всех ветвей власти. Символом независимого суда является не мантия судьи, а реальная статистика оправдательных приговоров и отмены решений вышестоящими инстанциями. Из данного положения вытекает

[1] Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/manipulirovanie-yuridicheskimi-tselyami-ponyatie-i-priznaki (дата обращения: 15.09.2025).

[2] Момышева Ф.С., Феткулов А.Х., Сейтхожин Б.У., Хакимов Р.Р. Правовой нигилизм: понятие и пути преодоления // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №5-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-ponyatie-i-puti-preodoleniya (дата обращения: 15.09.2025).

приоритет «символов-действий» над «символами-заявлениями». Это означает, что наиболее эффективный контроль – это создание символов через правоприменительную практику. Публичное и строгое наказание коррумпированного высокопоставленного чиновника является гораздо более мощным символом борьбы с коррупцией, чем множество плакатов и программ. Необходимо проводить аудит текущей государственной деятельности на предмет ее символического резонанса. И, как следствие, модернизация правового просвещения. Классические лекции о содержании законов неэффективны. Правовое просвещение должно говорить на языке современных символов: создавать качественный визуальный контент (короткие видеоролики, инфографику), сотрудничать с популярными блогерами, формирующими общественное мнение, использовать форматы образовательного процесса для донесения базовых правовых принципов.

2) на втором уровне следует затрагивать профессиональное юридическое сообщество. Для этого совершенно необходима разработка профессиональных стандартов «символической гигиены». Юристы, судьи, правозащитники должны осознавать символический вес своих публичных высказываний и действий. Неосторожная фраза судьи или прокурора может стать символом всего правосудия в глазах миллионов. Профессиональное сообщество должно саморегулироваться, пресекая поведение, дискредитирующее символ права. Кроме того, в юридическое образование требуется интеграция семиотики и теории коммуникации. Будущие правоведы должны получать не только догматические знания, но и навыки анализа и создания эффективных правовых коммуникаций, понимая механизмы работы символов в обществе.

3) и, третьим уровнем выступает уровень гражданского общества и цифровой среды, где в совокупности существуют среда доверия и критического мышления. На этом уровне должно происходить стимулирование создания независимых «символических агрегаторов». Государство не должно быть монополистом в производстве правовых символов. Необходимо поощрять появление гражданских инициатив, независимых СМИ и правозащитных организаций, которые формируют альтернативные, основанные на фактах символы (например, проекты по мониторингу судебных заседаний или прозрачности госзакупок). Это создает здоровую конкурентную среду в символическом пространстве. Также, продолжать развивать цифровую и правовую грамотность населения. Ключевой задачей здесь является обучение граждан критическому восприятию информации. Умение отличать эмоциональный символ от фактического основания, проверять источники, понимать основы правовой логики – вот лучший иммунитет против манипуляций с деструктивными правовыми символами. Подчеркнем, что социальные сети и поисковые системы являются мощнейшими генераторами и усилителями символов. Необходимо вести диалог с их администрациями о выработке прозрачных алгоритмов модерации контента, связанного с правосудием и деятельностью государственных институтов, для противодействия целенаправленным кампаниям по дискредитации права.

В результате, констатируем факт, что контроль за работой с правовыми символами должен быть не репрессивным, а созидательным и диверсифицированным. Цель такого контроля – не навязать обществу удобные власти символы, а создать условия, в которых конструктивные, аутентичные и справедливые символы права будут иметь конкурентное преимущество перед символами нигилизма, произвола и несправедливости. Представляется, что только таким образом можно обеспечить не только формальную легальность, но и подлинную легитимность правовой системы в XXI веке.

Таким образом, символическое правосознание является не периферийным, а центральным элементом современной правовой жизни. Его игнорирование правовой доктриной и правоприменительной практикой создает опасный разрыв между официальным правом и правовой психологией общества. Следует подчеркнуть, что эффективность правовой системы зависит не только от качества законов, но и от того, какие символы права доминируют в общественном сознании и как они воспринимаются. Право живет не в книгах, а в головах людей, и говорит оно с ними на языке символов. Государственная правовая политика должна осознанно и профессионально работать с символическим измерением права, целенаправленно формируя и внедряя в общественное сознание конструктивные правовые символы, укрепляющие ценности правового государства, уважения к человеческому достоинству и верховенства права. Также, ключевой задачей должно являться противодействие деструктивной символике, которая размывает основы правопорядка. Это возможно только через прозрачность, последовательность и справедливость в деятельности самих правоприменительных органов, которые являются первичными генераторами правовых символов. Игнорирование символической составляющей права в настоящее время равносильно отказу от понимания того, как право реально живет и воспринимается в обществе.

Гилева Вероника Денисовна[1]

студент 2 курса очной формы обучения Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Gileva Veronika Denisovna

2nd-year full-time Student of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: vergilmads@gmail.com

Идеи-символы Французской буржуазной революции, как новые ценностные ориентиры социально-правовой повестки Новейшего времени

Ideas-Symbols of French Revolution as new values of the socio-legal agenda of contemporary world

Аннотация. В статье исследуются ключевые идеи-символы Французской буржуазной революции конца XVIII века, оказавшие влияние на формирование социально-правовой повестки Новейшего времени. Особое внимание уделяется анализу брачно-семейных отношений и некоторым аспектам уголовного права послереволюционной Франции через призму правового символизма.

Ключевые слова: правовой символ; Французская буржуазная революция; брачно-семейные отношения; уголовное право; идея-символ

Annotation. The article examines the key ideas-symbols of the French Revolution of the late 18th century, which had influenced on the formation of the socio-legal agenda of the contemporary world. Special attention is paid to the analysis of marriage and family relations and some aspects of criminal law in post-revolutionary France through the prism of legal symbolism.

Keywords: legal symbol; French bourgeois revolution; marriage and family relations; criminal law; idea-symbol

Для цитирования: Гилева В. Д. Идеи-символы Французской буржуазной революции, как новые ценностные ориентиры социально-правовой повестки Новейшего времени // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 861–864.

В настоящее время проблематика правового символизма вызывает научный интерес, что подтверждается увеличением количества публикаций по данной тематике. Исследование символов, как первоначально социального элемента, а уже позднее – правового, позволяет выявить механизмы их воздействия на общественное сознание и формирование культуры (в частности, правовой культуры).

Особенную актуальность приобретает изучение периодов истории, сопровождавшихся радикальной трансформацией правовых символов. Великая французская революция (1789-1799 гг.) представляет в этом плане уникальный материал для исследования, поскольку именно в этот период произошло создание новой системы правовых символов, призванных закрепить революционные идеалы и ценности.

Проблематика символов в праве находит свое отражение в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Понятие, функции и специфику «правовых символов» в различных областях социальной и правовой сфер рассматривают в своих работах О.И. Шарно, Н.С. Гончарова, Н.А. Какоурова и другие.

Социально-правовые преобразования эпохи Французской революции и их значение рассматриваются в работах М.М. Ковалевского и А.Н. Медушевского. Как отмечал русский социолог и правовед М.М. Ковалевский, уникальность революции во Франции заключалась в масштабе воздействия: она коренным образом преобразовала сферы землевладения, сословных отношений, гражданское и каноническое

[1] Научный руководитель: *Калинина Евгения Валерьевна* – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

право и не только во Франции, но и в Европе в последствии[1]. Агюлон М. уделял в своих работах особое внимание французской геральдике и символам, таким как флаг (знаменитый французский триколор) и гимн (Марсельеза). Анализ лозунгов и деклараций Французской революции, а также обосновывающих их идей был проведен профессором Е.О. Обичкиной[2].

Вопросами как гражданского, так и уголовного права Франции занимались наши соотечественники. Так, фундаментальный анализ Уголовного кодекса 1810 года и его сравнение с предшественником 1791 года приводится в трудах М. М. Исаева. Ф.М. Решетников в своей работе детально изучил влияние классической, антропологической и социологической школ на формирование политики наказаний XIX века. Реформам уголовного права Франции во второй половине XX века и созданию Уголовного кодекса 1992 года, а также его внутренней философии посвящены работы Н.Е. Крыловой.

Однако, комплексного анализа идей-символов Великой французской революции (таких как «братство», «гражданский брак», «ресоциализации преступника» и других) в качестве новых социально-ценностных ориентиров, повлиявших на современную реальность в том числе, не было проведено.

Известный лозунг французской революции «Свобода! Равенство! Братство!», является фундаментом, на котором была построена правовая система Франции начала XIX века. Эти же правовые ценности нашли свое отражение и в современном мире.

Преобразования в частноправовой сфере, спровоцированные событиями Французской революции, иллюстрируют не только смену правовых норм, но и фундаментальных политических и социально-правовых идей-символов. Коренные изменения произошли во всех ведущих областях жизни общества.

В частности, был затронут институт семьи и брака. До революции брак оформлялся религиозной процедурой, одновременно служил способом легитимации патриархальных основ общества. Король выступал всегда, как «отец» народа (глава государства), а в рамках семьи такую роль играл глава семейства. Иначе говоря, статус короля и статус отца семейства – это своеобразные символы, которые выражают власть, господство и необходимость подчинения им. Эти идеи берут свое начало еще в Древнем Риме, где римская семья (familia) — небольшая группа лиц, подчиненная единой власти домовладыки (отца семейства - pater familias) по естественным или юридическим причинам.

Революционное законодательство (в эпоху Наполеона) полностью изменило старые устои. Гражданский кодекс 1804 года (известный как Кодекс Наполеона) является одним из первых кодексов, закрепивших новые символы и порядки во французском обществе. Книга первая «О лицах» закрепляет наиболее значимые изменения в брачно-семейных отношениях.

Во-первых, брак – это теперь гражданский договор (акты гражданского состояния – нововведение в системе французского права). Договор (contrat) в брачном праве сделал символом брака взаимное согласие (accord mutuel). Имеется в виду согласие между двумя партнерами, двумя супругами. Признавая унаследованный от дореволюционного законодательства идею-символ согласия брачующихся, французское право придало ему принципиально новый акцент – секулярный, сделав процедуру заключения брака исключительно светской областью.

Тем не менее, на практике принцип автономии воли при вступлении в брак был ограничен для мужчин и женщин, не достигших возраста брачной самостоятельности. Согласно статье 144 Гражданского кодекса 1804 года (далее - ФГК), установлен брачный возраст для мужчины – 18 лет, для женщины – 15 лет. Однако достижение этого возраста не давало полной свободы в заключении брака. Законодатель сохранил обязательное требование согласия родителей для лиц, не достигших возраста брачной самостоятельности, который составлял 25 лет для мужчин и 21 год для женщин (статья 148 ФГК). В случаях отсутствия родителей, их роль переходила к дедушкам и бабушкам. При выявлении разногласий между родителями, решающим было согласие отца. Если же у одного из родителей не было возможности выразить свое согласие, то достаточно было согласия одного из них. Эти нормы показывают, что согласие могло быть как молчаливым, так и выраженным.

Родители, в данной ситуации, не рассматривались как «третьи лица» в негативном смысле, а скорее, как представители интересов своих детей. Их согласие — это не просто фикция, а необходимое правовое условие. Следовательно, это демонстрирует преемственность старых устоев, которые отдают дань уважения авторитету семьи и родителям (в случае их отсутствия старшему поколению – дедушкам и бабушкам), тем не менее, общая концепция брака все же была видоизменена в сторону его секуляризации.

Вторым ключевым моментом является то, что семья превратилась в самостоятельный частноправовой институт, вмешательство во внутренние дела которого со стороны государства и церкви были исключены. Это стало возможным благодаря отказу от церковной регистрации брака, поскольку «господ-

[1] Медушевский А. Н. Политические сочинения. Право и власть в условиях социальных трансформаций. — Санкт-Петербург. 2015. — Разд. II: Либеральная парадигма в политической философии нового и новейшего времени. [Электронный ресурс] URL: https://www.livelib.ru/book/2577/readpart-politicheskie-sochineniya-pravo-i-vlast-v-usloviyah-sotsialnyh-transformatsij-andrej-medushevskij/~4

[2] Обичкина Е.О. Лозунг братства во французской буржуазной революции конца XVIII века [Электронный ресурс] URL: https://www.socialcompas.com/2022/09/22/lozung-bratstva-vo-frantsuzskoj-burzhuaznoj-revolyutsii-kontsa-xviii-veka/.

ствующее положение католической церкви спало, что привело к снижению влияния канонического права на брак и семью»[1]. Гражданский кодекс 1804 года закрепил обязательную гражданскую регистрацию браков.

Эти коренные изменения имели символическое значение. С одной стороны, гражданская регистрация брака оказалась символом секуляризации общества и его фундамента – семьи. Следовательно, теперь брак и семья строились не на сакральной (религиозной), а на светской основе (светском законодательстве). Права супругов, а также их обязанности по отношению к обществу в целом и друг к другу в частности, теперь регламентирует и также гарантирует их защиту и соблюдение закон, а не Божий промысел.

С другой стороны, это символ признания обществом нового союза. Брак – это маленькая ячейка общества, в каком-то смысле слова своеобразное «братство». Если «свободе» и «равенству» в трактатах того времени уделяли достаточно внимания и эти символы были хорошо понятны каждому, то символ-идея «братство» был в тени и получил свое развитие чуть позднее. В те времена «брат» часто употреблялся в значении «единомышленник», а «лжебрат» - «отступник»[2]. В целом же символ-идея братства (fraternité) состоит в том, что это союз (объединение), подобный средневековым братствам, единомышленников, которые выступили против общего врага, восстали против старых (патриархальных) устоев, ради общей цели (идеи). Также «братство» - «символ принадлежности к лагерю революции»[3]. В постреволюционное время брак, как символ некоего «братства» играл свою конкретную роль. С помощью актов гражданского состояния, в которых фиксировались фамилии, профессии, происхождение супругов, места жительства, места регистрации брака и др., государство вело определенный учет новых «братств». Это, в свою очередь, давало толчок идее взаимной ответственности: как супругов друг перед другом, так и перед обществом в целом.

Тут же можно говорить об идее-символе гражданства, который состоит во взаимосвязи индивидов и государства. Граждане теперь полноценные участники общественной жизни (это одновременно их право и долг) и могут влиять на нее и на государство в целом. В свою очередь, государство «прислушивается» к мнению граждан, а также гарантируют им защиту (в частности, стремится к сохранению браков).

Обращаясь к уголовному праву Франции, важно отметить, что оно долго оставалось некодифицированным. Первый французский уголовный кодекс (далее - ФУК) появился только в 1791 году.

В дореволюционной Франции идея-символ наказания заключалась в мести, устрашении и публичном унижении человеческого достоинства. Преступление рассматривалось как заговор против власти (в частности, власти короля, как главного ее представителя). Следовательно, наказание демонстрировало «превосходство власти над подданным, выступая как возмездие за посягательство на его власть, его порядок»[4]. Стоит отметить, что в целом цели наказания сохранились неизменными и в ФУК 1791 года.

Даже в последующем французском уголовном кодексе 1810 года сохранялись такие виды наказаний, как клеймление (хоть и в качестве дополнительной меры уголовно-правового характера), выставление у позорного столба (carcan), закрепленное как позорящее наказание в статье 8, и другие. Существенные поправки были внесены после Июльской революции 1832 года. С того момента можно наблюдать изменение системы наказаний в сторону гуманизации. Ярким примером является исключение из ФУК 1810 года вышеперечисленных наказаний, а также отсечения кисти руки и другие корректировки[5].

Итак, произошел переход от возмездия и устрашения через физические страдания и публичные акты осмеивания к идее наказания как меры, которая даже будучи суровой, не должна пересекать грани человеческого достоинства. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в правовой системе начала закрепляться такая идея-символ, как «неприкосновенность человеческого достоинства».

Второй по значимости момент — это эволюция цели наказания, которая в конечном итоге пришла к идеям «ресоциализации» и «исправления» преступника. Процесс закрепления этих символов как цели наказания занял значительный временной промежуток. Долгое время господствовали идеи «устрашения общества» и «полной изоляции» или точнее «нейтрализации» преступника. Философской основной этого были взгляды классической школы уголовного права.

Ситуация начала меняться с появлением антропологической, а позднее – социологической школы (80-е годы XIX века). Однако их исследования в тот период были направлены на то, что побуждает «врагов общества», то есть преступников, совершать «злодеяния», а также были попытки заранее выявить

---

[1] Какоурова Н. А. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в буржуазном праве Франции (по гражданскому кодексу Наполеона 1804 г.) // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4. С. 8.

[2] Обичкина Е.О. Лозунг братства во французской буржуазной революции конца XVIII века [Электронный ресурс] URL: https://www.socialcompas.com/2022/09/22/lozung-bratstva-vo-frantsuzskoj-burzhuaznoj-revolyutsii-kontsa-xviii-veka/

[3] Обичкина Е.О. Лозунг братства во французской буржуазной революции конца XVIII века [Электронный ресурс] URL: https://www.socialcompas.com/2022/09/22/lozung-bratstva-vo-frantsuzskoj-burzhuaznoj-revolyutsii-kontsa-xviii-veka/

[4] Куликов М.В. Пенитенциарная система Франции как структурный элемент государства нового типа: драматические аспекты взаимодействия // Теория и практика социогуманитарных наук. 2018. № 4 (4). С. 129.

[5] Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. - М.: Спарк, 1996. С.6.

потенциальных преступников, на основании индивидуальных (возраст, пол и др.), физических (климат) и социальных (профессия) признаков[1].

Непосредственно идеи-символы «ресоциализация» и «исправление» появились благодаря французскому юристу Марку Анселю (основателю школы социальной защиты) и получили законодательное закрепление в Уголовном кодексе Франции 1992 года[2]. Например, это нашло свое выражение в статье 132-25, которая предусматривает для тюремного заключения сроком до одного года возможность исполнения в «режиме полусвободы» (там же указаны возможные причины введения данного «режима»). Данная мера направлена на постепенное включение осужденного в привычную жизнь общества. Можно подытожить, что все вышеизложенное символизирует веру в возможное изменение человека, а также социальную ответственность общества за своих участников.

На основании проведенного исследования можно заключить, что Великая французская буржуазная революция конца XVIII века стала не только политическим, но и коренным символическим переворотом, сформировавшим фундамент современного политического и социально-правового развития всей эпохи Нового времени. Провозглашенный лозунг «Свобода! Равенство! Братство!» нашел свое воплощение в правовых институтах, превратившись из революционной абстракции в работающие «правовые символы». В Конституции Российской Федерации глава 2, носящая название «Права и свободы человека и гражданина», закрепляет большое количество свобод (совести и вероисповедания (статья 28), мысли и слова (статья 29) и другие). Согласно статье 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»[3]; что тоже перекликается с идеей «свободы». Идея-символ «братства» находит отражение в преамбуле Конституции РФ, где есть упоминание о социальной сплоченности и «гражданском мире и согласии»[4].

Как было показано, в брачно-семейной сфере произошла секуляризация брака, который из религиозного ритуала превратился в гражданский договор, основанный на добровольном и взаимном согласии брачующихся. Это явилось символом освобождения индивидов из-под власти патриархальных устоев и утверждении идеи «гражданской свободы». В современном российском праве это находит отражение в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ). Статья 12 СК РФ закрепляет добровольность «гражданского брака», в свою очередь статья 13 устанавливает брачный возраст (по совместительству возраст брачной самостоятельности). На основе этих идей-символов, возникших во Франции, получил свое начало институт брачного договора, основанный на принципах свободы договора и автономии воли супругов при регулировании их имущественных отношений. Большинство людей в современном мире отдают предпочтение заключению брака в органах ЗАГС (записи актов гражданского состояния), тем не менее, сохраняется традиция венчания в церкви.

В уголовном праве долгое время сохранялись идеи-символы «устрашения» и «возмездия». В конечном итоге, зародившаяся в XIX веке идея «гуманизации» стала превалировать над старыми устоями. Это, в свою очередь, дало импульс к развитию символа «неприкосновенности человеческого достоинства». Также изменились и цели наказания в сторону «ресоциализации» и «исправления» преступника. Эти идеи-символы, зародившиеся во Франции, стали универсальным ориентиром в современном обществе и праве. Принцип человеческого достоинства является фундаментальным для большинства конституций, включая Конституцию РФ (статья 21), где отмечено, что «достоинство личности охраняется государством»[5]. В международном праве данная идея-символ закреплена в «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года. Для современного уголовного права, в частности российского, характерна такая цель наказания, как «исправление осужденного» (статья 43 УК РФ). Также в уголовном праве РФ существует институт условно-досрочного освобождения (УДО), его положения закреплены в статье 79 УК РФ. Аналогичные механизмы действуют в большинстве стран мира.

Таким образом, основные идеи-символы Французской буржуазной революции, действительно, повлияли на становление ряда современных правовых систем.

[1] Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран. —Классическая школа и антрополого-социологическое направление. 2-е изд. М., 1985. С. 80-81.
[2] Крылова Н.Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996., С.8.
[3] "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»
[4] "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»
[5] "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Гиринович Ксения Евгеньевна

аспирантка Костромского государственного университета (КГУ), помощник руководителя Костромской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации

Kirinovich Kseniya Evgenievna

is a postgraduate student at Kostroma State University (KSU), Assistant to the Head of the Kostroma Laboratory of Forensic Examination of the Ministry of Justice of the Russian Federation

E-mail: heykseni@rambler.ru

Смарт-контракты как самоисполняемый символ правоотношения

Smart contracts as a self-executing symbol of a legal relationship

Аннотация. В представленной статье проводится междисциплинарный анализ смарт-контракта как феномена, находящегося на стыке права, теории символов (семиотики) и информационных технологий. Автор доказывает, что смарт-контракт представляет собой не просто технологический инструмент, а новый тип юридически значимого символа, который материализует правоотношение в виде алгоритмического кода. Его самоисполняемость рассматривается как ключевой атрибут, трансформирующий традиционные представления об исполнении обязательств. В работе исследуется природа данного символа, его соотношение с классической договорной теорией, а также выявляются правовые коллизии и пробелы, возникающие из-за семантического разрыва между техническим исполнением кода и юридической волей сторон. Делается вывод о формировании новой парадигмы «символического правосознания» в цифровой среде.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровые правоотношения, символопонимание, семиотика права, самоисполняемость, блокчейн, алгоритмизация права, право и технологии

Annotation. The presented article provides an interdisciplinary analysis of the smart contract as a phenomenon located at the intersection of law, theory of symbols (semiotics) and information technology. The author proves that a smart contract is not just a technological tool, but a new type of legally significant symbol that materializes a legal relationship in the form of an algorithmic code. Its self-fulfillment is considered as a key attribute that transforms traditional ideas about the fulfillment of obligations. The paper examines the nature of this symbol, its relation to classical contractual theory, and identifies legal conflicts and gaps arising from the semantic gap between the technical execution of the code and the legal will of the parties. The conclusion is made about the formation of a new paradigm of "symbolic legal awareness" in the digital environment.

Keywords: smart contract, digital legal relations, symbolic understanding, semiotics of law, self-fulfillment, blockchain, algorithmization of law, law and technology

Для цитирования: Гиринович К.Е. Смарт-контракты как самоисполняемый символ правоотношения // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 865–868.

Цифровая трансформация общественных отношений порождает новые правовые формы, требующие переосмысления традиционных юридических конструкций. Одной из наиболее революционных таких форм является смарт-контракт (smart contract) – компьютерный алгоритм, предназначенный для автоматического исполнения условий договора в распределенной среде блокчейна.

Если говорить о традиционном договоре, то он является текстуальным символом правоотношения. Его текст – это знаковая система, призванная отразить волю сторон, объективировать их права и обязанности. Соответственно, текст договора является не просто набором слов, а критически важным юридически обязывающим документом, который формализует, структурирует и делает поддающимися правоприменению отношения между сторонами. Эффективность этого символа зависит от интерпретации его содержания человеком (судьей, юристом, сторонами) и от работы механизма принудительного исполнения (судебной системы, исполнителей). Между символом (текстом) и реальным исполнением существует зазор, заполненный риском недобросовестности, ошибками толкования и неэффективностью институтов. Смарт-контракт призван радикально сокращать этот зазор. Он представляет собой символ-

действие или самоисполняющийся символ. Код смарт-контракта – это не просто описание условий (к примеру, «если А, то Б»), это – техническая реализация этих условий. В данном случае символ (код) и исполнение сливаются воедино. Алгоритм не нуждается во внешнем толковании или принуждении; он является и законом, и судьей, и исполнителем в рамках заданной среды (блокчейна). Как отмечают исследователи, «в традиционной нецифровой среде для изложения мысли человеку необходимо определенное количество знаков: слов, пробелов, цифр и иных символов; в цифровой среде всего два знака – ноль и единица, разные сочетания которых и составляют машинный код, и в нем разночтений быть не может, поскольку для машины (ЭВМ) данный код является прямым алгоритмом действия»[1]. Таким образом, происходит переход от пассивного символа-описания к активному символу-механизму.

При том, что правовая природа смарт-контрактов остается дискуссионной, они активно распространяются в финансовой сфере (DeFi), логистике, управлении интеллектуальной собственностью и иных областях.

В научной литературе доминируют два подхода: технический (смарт-контракт как код)[2] и юридический (смарт-контракт как договор) [3]. Сегодня мы поговорим о третьем пути – семиотическом, рассматривая смарт-контракт как самоисполняемый символ, опосредующий цифровое правоотношение.

Начнем с того, что право исторически насыщено символами, обеспечивающими его социальную легитимность и функциональность (напр., печать, подпись, судейская мантия, текст закона). В традиционной теории права символ выступает материальным знаком, который замещает сложное юридическое содержание (волю законодателя, волю сторон, государственную власть) и вызывает определенные правовые последствия[4].

В цифровую эпоху происходит трансформация природы правового символа. Им становится не физический объект, а цифровой код, обладающий такими свойствами как:

а) алгоритмичность или гибкость, что означает, что символ является исполняемым, а не статичным: его можно легко изменять, копировать, передавать и обновлять, что позволяет правовым нормам адаптироваться к изменяющимся условиям,

б) самостоятельность, т.е. его значение и действие в значительной степени независимы от воли создателя после развертывания в сети,

в) криптографическая достоверность – подлинность символа обеспечивается математически, а не институционально (как, например, заверение нотариуса),

г) многофункциональность и масштабируемость, иначе говоря, один и тот же код может выполнять различные правовые функции, например, подтверждать права собственности, удостоверять личность или фиксировать транзакции. Он может быть легко масштабирован для использования в разных сферах и юрисдикциях,

д) инкапсуляция и прозрачность, которые заключаются в том, что в отличие от физического объекта, цифровой код может содержать в себе не только сам символ, но и сопутствующую информацию о его происхождении, содержании и условиях использования. При этом он может быть полностью прозрачным для владельца и контролирующих органов, но непрозрачным для неавторизованных лиц.

Также следует отметить, что классическое договорное право основано на интерперсональном доверии (доверии между сторонами) и, что еще важнее, на институциональном доверии (доверии к государству как к гаранту исполнения обязательств). Смарт-контракт заменяет эти формы доверия на технологическое доверие (англ. trustless trust)[5]. Отсюда вытекает, что доверие здесь возникает не к контрагенту и не к государству, а к математической корректности кода, к надежности блокчейн-протокола и к неизменности его правил. Правовой символ в виде смарт-контракта аккумулирует в себе доверие к алгоритмической предопределенности и децентрализованному консенсусу. Это порождает новый тип символического правосознания, для которого характерна вера в «непогрешимость» кода, что, в свою очередь, создает новые вызовы.

Таким образом, трансформация правового символа из физического объекта в цифровой код отражает общую тенденцию цифровизации права. Это формирует предпосылки для возникновения самоисполняемых символов, каковым и является смарт-контракт.

---

[1] Никиташина Н.А., Карамашев С.Б., Аксютин Ю.М. Предпосылки и риски развития цифрового права в контексте цифровой культуры // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2022. №3 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-riski-razvitiya-tsifrovogo-prava-v-kontekste-tsifrovoy-kultury (дата обращения: 04.08.2025).

[2] Крыцула А.А. Правовой режим смарт-контрактов: код или договор // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. №56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-smart-kontraktov-kod-ili-dogovor (дата обращения: 03.08.2025).

[3] Павлюк А.В., Кириллова Е.А. К вопросу о гражданско-правовой классификации смарт-контрактов // Российское образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 63.

[4] Давыдова М.Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-simvoly-i-simvoly-v-prave-ponyatie-znachenie-klassifikatsiya (дата обращения: 05.08.2025).

[5] Де Вера С.А. Цифровые активы и смарт-контракты: проблемы теории и практики // М.: Статут, 2022. С. 98.

Дискуссия о том, является ли смарт-контракт договором в классическом смысле, представляется малопродуктивной. Он не является договором сам по себе, но представляет собой техническую реализацию договора, его символ и механизм исполнения одновременно. Смарт-контракт может быть как договором, так и инструментом исполнения договора, поскольку он представляет собой компьютерную программу, которая автоматически исполняет условия, записанные в коде. Юридическая квалификация смарт-контракта зависит от того, насколько четко его условия отражают волю сторон и соответствуют нормам гражданского права, а также от наличия соответствующего правового регулирования в конкретной юрисдикции. Схожую позицию можно увидеть и в научной доктрине[1].

С точки зрения семиотики, смарт-контракт можно рассмотреть как единство трех уровней.

Во-первых, поскольку «тело» символа – это код, написанный на языке программирования, то можно выделить такой уровень как синтаксис (знак). На этом уровне смарт-контракт представляет собой чистый код – программный алгоритм, написанный на языке программирования (например, Solidity), который функционирует в блокчейне.

Во-вторых, юридическое содержание условий, которые стороны намеревались закодировать (например, «передать право собственности на токен X при получении суммы Y») обуславливает «душу» символа, то есть семантику (значение). Этот уровень связывает синтаксические знаки с их значением. Код смарт-контракта приобретает смысл, поскольку его инструкции соответствуют определенным условиям и действиям реального мира.

Третьим уровнем обозначим «действие» символа, то есть, к примеру, фактическое исполнение обязательств в блокчейн-среде (списание и зачисление активов). Этот уровень рассматривает смарт-контракт в контексте его использования и воздействия на участников и окружающую среду. Он отвечает на вопрос, для чего нужен этот «договор» и как он влияет на поведение людей.

Уникальность смарт-контракта заключается в том, что эти три уровня жестко связаны алгоритмически. В традиционных системах (например, в обычном юридическом договоре) эти уровни часто отделены друг от друга и требуют внешнего посредника для интерпретации и исполнения. В смарт-контракте же они интегрированы и автоматизированы. Код (синтаксис) не просто описывает условия (семантику), он непосредственно приводит к их исполнению (прагматике). Это делает его самоисполняемым символом – знаком, который не только обозначает правоотношение, но и является инструментом его материализации.

Конечно же, следует отметить, что самоисполняемость – это ключевой атрибут такого символа как смарт-контракт. Самоисполняемость – это свойство, которое отличает смарт-контракт от всех предыдущих правовых символов. Оно трансформирует саму суть обязательства. Это выражается в том, что, исполнение гарантируется не добросовестностью стороны и не принудительной силой государства, а математической точностью и неизменностью алгоритма, что приводит от доверия к контрагенту – к доверию к коду. Также от ретроспективного принуждения мы переходим к превентивному исполнению, ведь смарт-контракт делает нарушение технически невозможным в рамках своей логики, что устраняет саму необходимость в принуждении для добросовестных сторон, в то время как традиционное право реагирует на нарушение постфактум. Кроме того, в отличие от классического договора, который требует толкования его условий судом, код смарт-контракта толкуется виртуальной машиной блокчейна буквально и не допускает двусмысленностей (при условии отсутствия ошибок в коде).

Таким образом, самоисполняемость превращает правоотношение из социального института, требующего человеческого участия для его реализации и защиты, в самостоятельно функционирующий технологический процесс.

Несмотря на элегантность концепции, символ в виде смарт-контракта порождает правовые вызовы. К примеру, может возникнуть семантический разрыв, то есть несоответствие между тем, что стороны подразумевали (юридическая воля), и тем, что было закодировано (техническая воля). Ошибка в коде или его неполнота может привести к исполнению, юридически неадекватному исходному замыслу сторон. Буквальное «символопонимание» машиной может вступить в конфликт с принципом «доброй совести» и «разумности» в праве. Или возникает ряд вопросов в сфере правовой защиты и ответственности. Если самоисполняемый символ сработал ошибочно и причинил убытки, кто несет ответственность? Разработчик кода, стороны контракта, оператор или создатель платформы? Классические конструкции вины и противоправности поведения плохо применимы к ситуации автоматизированного исполнения. Кроме того, многие национальные законодательства еще не имеют четких норм для регулирования смарт-контрактов, что создает юридическую неопределенность в отношении их статуса, законности и применимости.

Все это позволяет сделать вывод о том, что смарт-контракт представляет собой принципиально новый тип правового символа – самоисполняемый символ цифрового правоотношения. Он материализует абстрактную договорную модель в виде формального алгоритма, который не только описывает, но и гарантированно исполняет условия договора. Эта трансформация знаменует переход от «пассивных»

[1] Karamanlioğlu A. Concept of Smart Contracts – A Legal Perspective // Kocaeli Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, Kosbed. 2018. №35. p. 37.

символов, требующих интерпретации и принуждения со стороны человека и институтов, к «активным» символам, которые сами являются исполнительным механизмом. Этот символ знаменует собой переход от эпохи текстуальной интерпретации к эпохе алгоритмической имплементации права. Это формирует основы новой, цифровой формы правопорядка, где доверие к праву опосредовано доверием к технологиям. Однако данная модель несовершенна и сталкивается с фундаментальными вызовами, связанными с несовершенством технологии, семантическим разрывом между кодом и правом, и коллизией с традиционными юридическими принципами. Разрешение этих коллизий требует дальнейшего развития как правовой доктрины (признание цифровых символов и разработки адекватных режимов ответственности), так и технологий (развитие «юридикальных» оракулов и стандартов кодирования).

Подытожим, что смарт-контракт как самоисполняемый символ не отменяет классическое право, но требует его адаптации и интеграции с новой технологической реальностью, где символ и правоотношение становятся единым целым. Смарт-контракт синтезирует в себе традиционную символическую функцию договора (объективация воли) и исполнительную функцию, превращаясь из абстрактной модели в материальную силу. Он является репрезентативным символом кризиса традиционных форм доверия (интерперсонального и институционального) и их замещения доверием к технологическим системам. Развитие смарт-контрактов требует от юридической науки разработки новых доктринальных подходов, которые позволили бы интегрировать «жесткость» кода с «гибкостью» классических правовых принципов. Перспективным видится развитие гибридных моделей, где смарт-контракт исполняет роль символа-исполнителя для стандартных операций, а за классическим правом сохраняется роль символа-арбитра для разрешения сложных споров о толковании воли и добросовестности. Смарт-контракт – это мощный символ будущего права, но его внедрение должно сопровождаться осознанием фундаментальных ограничений, присущих любой, даже самой совершенной, системе символов. Проведенный анализ позволяет утверждать, что смарт-контракт представляет собой не просто технологическую инновацию, а качественно новый самоисполняемый символ правоотношения. Этот символ знаменует собой переход от эпохи текстуальной интерпретации к эпохе алгоритмической имплементации права.

Гогитидзе Дарья Алексеевна

аспирант кафедры теории и истории государства и права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Gogitidze Darya Alekseevna

Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the South Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: dawa.98@mail.ru

Символы уважения в праве

Symbols of respect in law

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения феномена уважения в проекции к правовой символизации. Выдвигается гипотеза о позиционировании уважения в праве в качестве важнейшего элемента правовой культуры и легитимации правопорядка. На основе анализа доктринальных источников, нормативных правовых и интерпретационных актов аргументировано, что начиная с таких символов присяги и обращения «Ваша честь» до государственных атрибутов и ритуалов извинения, правовая символизация выполняет важнейшие функции: интегративную, воспитательную и легитимирующую. Автор подчеркивает, что игнорирование символической составляющей права ведет к снижению доверия к государственно-правовым институтам и эрозии правосознания, тогда как их институционализация способствует укреплению дисциплины, справедливости и уважения к личности в рамках построения правового, социального государства.

Ключевые слова: символы уважения, правовая культура, легитимность права, судебный этикет, присяга, правосознание, ритуал

Annotation. The article attempts to consider the phenomenon of respect in relation to legal symbolization. A hypothesis is put forward about the positioning of respect in law as an essential element of legal culture and the legitimization of the rule of law. Based on the analysis of doctrinal sources, normative legal and interpretative acts, it is argued that from such symbols of the oath and the address "Your Honor" to state attributes and rituals of apology, legal symbolization performs the most important functions: integrative, educational and legitimizing. The author emphasizes that ignoring the symbolic component of law leads to a decrease in trust in state legal institutions and the erosion of legal awareness, while their institutionalization helps to strengthen discipline, justice and respect for the individual within the framework of building a legal, social state.

Keywords: symbols of respect, legal culture, legitimacy of law, judicial etiquette, oath, legal awareness, ritual

Для цитирования: Гогитидзе Д.А. Символы уважения в праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 869–871.

Право традиционно рассматривается как система норм, регулирующих поведение субъектов через предписания, запреты и дозволения. Однако сегодня все более очевидным становится тот факт, что правовая система функционирует не только за счет императивных конструкций, но и через символические практики. Одним из таких регулятивных инструментов, как мы полагаем, можно считать уважение и его символы.

Ориентируясь на фундаментальные работы в области исследования правовых символов[1], предположим, что под *символами уважения в праве* понимаются *знаковые формы выражения признания достоинства, авторитета или легитимности правовых институтов, субъектов или ценностей.* К примеру, присяга сотрудников государственных правоохранительных органов[2], обращение в рамках су-

[1] Юридическая техника. Juridical Techniquues: учебник / под ред. В.М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2025. – С. 248.

[2] См.: О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025), ст. 28 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020; 2024. № 53. Ст. 8535.

допроизводства «Ваша честь» или «уважаемый суд»[1], государственные символы[2], процедуры вручения орденов и др.

Несмотря на фундаментальность приведенных выше примеров правовой символизации, стоит отметить, что правовая наука уделяет недостаточно внимания символической составляющей общего правопорядка. Такая тенденция воспринимается нами негативно в силу того, что именно символы уважения формируют правосознание, укрепляют доверие к государственно-правовым институтам и обеспечивают легитимность правоприменения. Как отмечает А.В. Поляков, «право — это не только текст, но и ритуал, не только норма, но и жест признания»[3].

В подтверждение сказанного отметим, что в условиях кризиса легитимности правовых институтов в ряде стран (включая Россию, где, по данным ВЦИОМ, доверие к судам в 2023 г. составило лишь 41%[4]) актуализируется необходимость изучения роли символов уважения как стабилизирующего элемента правовой культуры. Сосредоточим внимание на сказанном, приведя не только обоснование актуальности предпринятой попытки исследования символов уважения в праве, но и пути решения назревших проблем.

Прежде всего стоит остановиться на понятии и функциях символов уважения в праве. Символы уважения – это далеко не формально-юридический компонент правоотношений, а скорее элемент правовой коммуникации (объективируемый через такие нравственно-этические феномены, как забота, доверие)[5], выполняющие интегративную, легитимирующую и воспитательную функции. Они выражают признание ценности личности (например, обращение к подсудимому по имени и отчеству), авторитета закона (присяга должностных лиц) или суверенитета государства (государственный флаг, гимн).

Отметим, что в российском праве символы уважения закреплены как в конституционных нормах (ст. 71 Конституции РФ – государственные символы), так и в процессуальных кодексах. Так, ст. 2 Гражданского процессуального кодекса России обязывает суд обеспечивать «уважительное отношение к закону и суду», что реализуется, в том числе, через форму обращения и соблюдение процедурных норм (подписание процессуальных документов, ознакомление с ними и т.д.)[6].

Судебная практика подтверждает значимость правовой символики. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 19 июня 2018 г. № 2317-О подчеркивается, что «уважение к личности в судебном процессе – не формальность, а конституционная гарантия»[7].

Следовательно, предположим, что символы уважения непосредственно участвуют в формировании правовой культуры и обеспечивают легитимность государственной власти. Исследование Е.В. Лукашевой показывает, что в юридическом образовании недооценивается роль этикета и ритуала: лишь 12% учебных программ включают курсы по судебной этике[8]. Между тем, эмпирические данные свидетельствуют об обратной корреляции между соблюдением символических норм и количеством жалоб на судей: в регионах с высоким уровнем соблюдения процессуального этикета (например, в Республике Татарстан и г. Санкт-Петербурге) число жалоб на судей в 2022 г. было на 27% ниже среднероссийского показателя[9].

Следует отметить, что международное право также признает символы уважения как элемент правового порядка. Так, Европейский суд по правам человека в деле Kaminskis v. Latvia (2010) указал, что «уважительное обращение с личностью в ходе следствия – неотъемлемая часть права на справедливое судебное разбирательство»[10].

---

[1] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 01.04.2025), ч. 2 с. 154 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2025. № 14. Ст. 1587.

[2] См.: О Государственном гербе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (в ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 52 (ч. I). Ст. 5021; 2022. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[3] Поляков, А.В. Право и символ: философско-правовые очерки / А.В. Поляков. – М.: Юрайт, 2020. – С. 89.

[4] ВЦИОМ. Доверие к институтам власти в России: итоги 2023 года. — URL: https://wciom.ru (дата обращения: 12.04.2024).

[5] См.: Репьев, А. Г. Забота о человеке в контексте социальной функции права и государства: доктрина, практика, техника / А. Г. Репьев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 4 (141). – С. 15-24; Репьев, А. Г. Доверие как основа культуры правовой коммуникации / А. Г. Репьев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 2 (145). – С. 15-25.

[6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 31.07.2025), ст. 2 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2025. – № 31. – Ст. 4698.

[7] По жалобе гаражно-строительного кооператива «Полет» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 22 статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» и части 4 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в статьи 2 и 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2018 № 2317-О // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 26. – Ст. 3987.

[8] Лукашева Е.В. Правовая культура и этика юриста: учебное пособие. — М.: Проспект, 2021. – С. 54.

[9] Федеральная служба судебных приставов. Статистический сборник «Судебная система в цифрах», 2022. – М., 2023. – С. 44.

[10] Kaminskis v. Latvia, Application no. 25537/07, Judgment of 14 January 2010 // ECHR Reports. – 2010. – P. 12–15.

Зададимся в этой связи вопросом – как происходит институционализация символов уважения и попытаемся проследить цепочку эволюции: от ритуала к правовой норме. Так, многие символы уважения со временем институционализируются и приобретают нормативный статус. Например, присяга Президента РФ (ст. 82 Конституции РФ) изначально была ритуалом, но сегодня – конституционная обязанность. Аналогично, введение в 2021 г. обязательного произнесения присяги адвокатами[1] отражает стремление укрепить профессиональную этику через символическое действие.

Особую роль играют символы уважения в области военного права и административной деятельности (в частности, полиции). Так, в Уставе внутренней службы ВС РФ закреплён ритуал приветствия как «выражение уважения к личности и должности»[2]. Нарушение этого ритуала может влечь дисциплинарную ответственность, что подтверждает его формально-юридическую, нормативную силу.

Кроме того, символы уважения используются в рамках примирительных процедур по делам о мелком хулиганстве (ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) стороны часто приносят извинения – символическое действие, которое суды всё чаще учитывают как основание для смягчения наказания[3].

Резюмируем изложенный материал. Изучение доктрины права, положений нормативных и правоприменительных актов позволяет констатировать, что символы уважения – неотъемлемая часть правовой системы, выполняющая легитимационную, интегративную и воспитательную функции.

Символы уважения в праве формируют правовую культуру общества, повышают правосознание, обеспечивают повышение уровня доверия к институтам государства и снижают конфликтность в правоприменении. Многие символы уважения институционализируются, приобретая статус правовых норм и становясь объектом юридической ответственности. Важно понимать, что игнорирование символов уважения приводит к эрозии легитимности права и снижению эффективности правоприменения.

Таким образом, право не может быть сведено исключительно к тексту нормы – оно живет и в ритуале, и в жесте, и в словесной форме уважения. Признание символической составляющей права открывает новые горизонты для развития правовой культуры, судебной этики и правового образования. В условиях глобального кризиса доверия к праву и государству символы уважения становятся не факультативным компонентов, а необходимым условием устойчивости правопорядка.

[1] См.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024), ст. 13 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; 2024. № 18. Ст. 2386.

[2] Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 47 (ч. I). Ст. 5749; 2025. № 26 (ч. II). Ст. 3591.

[3] Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях за 2022 год / Верховный Суд РФ. – М., 2023. – 62 с.

Горбачева Ангелина Васильевна[1]

курсант 2 курса факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии МВД России

Gorbacheva Angelina Vasilevna

2nd year cadet of the faculty of training specialists in he investigation of economic crimes Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: gorbacheva-angelina2006@mail.ru

Правовая охрана государственных символов Российской Федерации

Legal protection of symbols of the Russian Federation

Аннотация. Государственные символы являются очень значимыми для государства атрибутами. Они нужны для сохранения суверенитета, поддержания народного единства и памяти о прошлом страны. Правовая охрана этих символов является важнейшей задачей государства, решению которой способствует мощная законодательная база.

Ключевые слова: символ, флаг, герб, гимн, государство, ответственность

Annotation. State symbols are very important attributes for the state, they are needed to preserve sovereignty, maintain national unity and the memory of the country's past. The legal protection of these symbols is the most important task of the state, which is facilitated by a powerful legislative framework.

Keywords: symbol, flag, coat of arms, anthem, state, responsibility

Для цитирования: Горбачева А.В. Правовая охрана государственных символов // Юридическая техника. – 2025. № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 872–874.

Государственные символы России – флаг, герб и гимн – отражают визуально и аудиально сущность государства, фиксируют его официальный образ, признаваемый как внутри страны, так и на международной арене. Они являются важными атрибутами суверенитета и национальной идентичности, воплощая историческую преемственность, суверенитет и единство многонационального народа России. В силу их высокого значения правовая охрана государственных символов представляет собой одну из фундаментальных задач современного российского государства, воплощаемая в законодательстве. Эта охрана реализуется через сложный механизм, включающий конституционное закрепление, детальную регламентацию на уровне федерального конституционного и федерального законов, а также установление юридической ответственности за посягательства на таковые, вплоть до уголовной.

Основополагающее значение для правового регулирования данного института имеет Конституция Российской Федерации. Именно в ней отражен сам факт существования государственных символов, их статус. Статья 70 Конституции РФ однозначно определяет, что «государственные флаг, герб и гимн Российской Федерации, их описание и порядок официального использования устанавливаются федеральным конституционным законом»[2]. Данная норма имеет императивный характер и относит вопросы регулирования государственной символики к исключительной компетенции федерального центра, что подчеркивает их особую важность и недопустимость произвольного регулирования на ином уровне. Таким образом, Конституция РФ закладывает прочный фундамент для всей последующей правовой системы охраны этих символов.

[1] Научный руководитель: *Хужина Оксана Николаевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

[2]Конституция Российской Федерации: Официальный текст (с изменениями). Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Официальный интернет портал правовой информации // https://www.pravo.gov.ru. 6 октября 2022 г.

Детальная регламентация вопросов, связанных с государственной символикой, базируется на ряде федеральных конституционных законов[1]. Данные акты выполняют несколько важных функций. Во-первых, они содержат официальное описание каждого символа, для исключения двусмысленности в его восприятии и воспроизведении. Например, нормативно определены цвета российского флага (белый, синий, красный), порядок расположения полос и их пропорции[2]. Во-вторых, эти законы устанавливают строгий перечень случаев обязательного, допустимого и недопустимого использования государственных символов. Определяются органы власти, помещения и транспортные средства, на которых флаг и герб должны быть размещены в обязательном порядке, регламентируется использование гимна в ходе официальных церемоний. В-третьих, законодатель прямо запрещает использование государственной символики, дискредитирующих ее, что создает правовую основу для привлечения нарушителей к юридической ответственности.

Непосредственная охрана государственных символов от нарушений обеспечивается нормами, указанными в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовном кодексе Российской Федерации, которые образуют основу действенного механизма юридической ответственности.

Административная ответственность за проступки, посягающие на государственную символику, установлена статьей 17.10 КоАП РФ «Нарушение порядка официального использования Государственного флага Российской Федерации, Государственного герба Российской Федерации или Государственного гимна Российской Федерации»[3]. Данная норма предусматривает наказание в виде штрафа для граждан, должностных и юридических лиц за несоблюдение установленного порядка использования символов, например, за искажение их изображения, нарушение пропорций или использование в не предусмотренных законом местах. Эта статья является наиболее часто применяемой, о чем свидетельствуют материалы судебной практики[4]. Думается, связано это с тем, что закрепленная в ней норма охватывает широкий спектр нарушений, которые, хотя и являются противоправными, не содержат признаков повышенной общественной опасности, характерных для преступления.

Более серьезные посягательства на государственные символы, рассматриваемые уже как преступления, подпадают под действие Уголовного кодекса РФ. Ключевой является статья 329 УК РФ «Надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации»[5]. Важно отметить, что объективная сторона преступления по ст. 329 УК РФ требует именно публичного характера действия, направленного на демонстративное выражение неуважения. Уголовно наказуемым признается именно надругательство, то есть умышленное публичное действие, выражающееся в глумлении, уничтожении, повреждении или осквернении официального изображения герба или флага. Законодатель не дает исчерпывающего перечня таких действий. В научной литературе встречаем следующее мнение по этому вопросу: «Наиболее распространенными способами надругательства над Государственным флагом РФ и Государственным гербом РФ являются их уничтожение или повреждение, нанесение на них надписей и рисунков оскорбительного содержания, использование в оскорбляющем общественную нравственность качестве, срывание с места их расположения, сжигание в присутствии толпы, топтание и другие подобные противоправные действия»[6]. Санкция по данной статье предусматривает значительные ограничения свободы, что свидетельствует о серьезности подобных деяний в глазах государства.

Несмотря на наличие четких правовых норм, правоприменительная практика в данной области сталкивается с определенными сложностями, в частности, с необходимостью разграничения административного правонарушения и преступления, а также с толкованием понятия «надругательство». Например, в судах рассматривались дела, где действия активистов, выражавших протест путем нанесения надписей на изображение флага, квалифицировались следствием по ст. 329 УК РФ. Однако в ряде случаев суды, исследуя обстоятельства дела (отсутствие умысла именно на глумление, а не на иное

---

[1]О Государственном флаге Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.12.2000. №52, ст. 5020; О Государственном гербе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.12.2000. № 52 ст. 5021; О Государственном гимне Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 3-ФКЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет портал правовой информации. URL: // https://www.pravo.gov.ru . 31 июля 2025 г.

[2]См.: О Государственном флаге Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.12.2000. № 52 ст. 5020.

[3]Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет портал правовой информации // https://www.pravo.gov.ru. 2025. 7 апреля.

[4]См.: Судебные и нормативные акты РФ: [Электронный ресурс]: URL: https://sudact.ru/law/koap/razdel-ii/glava-17/statia-17.10/?ysclid=mh0gwsootw597315243 (дата обращения: 24.10.2025).

[5]Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет портал правовой информации. https://www.pravo.gov.ru. 2025. 31 июля.

[6]Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Верхов. Суд Рос. Федерации; под ред. В. М. Лебедева. Москва: НОРМА, 2005 (Н. Новгород: ГИПП Нижполиграф). 919 с.

выражение позиции, контекст акции), переквалифицировали такие действия на ст. 17.10 КоАП РФ как нарушение порядка использования. Это подчеркивает, что квалификация каждого конкретного деяния требует тщательного анализа субъективной стороны и реальной общественной опасности.

Помимо прямой защиты от надругательства, правовая охрана государственных символов реализуется и через нормы, защищающие их от неправомерного использования в коммерческих или иных целях, что может порочить их достоинство. Так, использование изображения государственного герба или флага в качестве товарного знака или его элемента прямо запрещено статьей 1483 Гражданского кодекса РФ, если на это нет согласия соответствующего государственного органа[1]. Это предотвращает возможность ассоциации высших государственных атрибутов с частными коммерческими предприятиями или продукцией, что могло бы нанести ущерб их авторитету.

В заключение следует отметить, что правовая охрана государственных символов Российской Федерации представляет собой многоуровневую и комплексную систему. Она начинается с их конституционного закрепления в качестве незыблемых атрибутов государственности, продолжается в детальном нормативном регулировании их правильного использования и завершается установлением юридической ответственности. Эффективность этой системы обеспечивается не только суровостью санкций, но и последовательной правоприменительной практикой, направленной на адекватную квалификацию противоправных деяний. Почтительное отношение к государственным символам, поддерживаемое силой закона, является важнейшим условием воспитания патриотизма, укрепления конституционного строя и поддержания международного престижа российского государства. Таким образом, правовые нормы, направленные на охрану флага, герба и гимна, выполняют не только карательную и профилактическую функции, но и важнейшую идеологическую и консолидирующую роль в современном обществе.

[1]Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 2025. 23 июля.

Егорочкин Дмитрий Вадимович[1]

курсант 2 курса факультета подготовки оперативного состава подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Нижегородской академии МВД России

Egorochkin Dmitry Vadimovich

is a 2nd–year cadet in the faculty of training the operational staff of economic security and anticorruption units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: gromovfailer@gmail.com

Уголовная политика РФ в сфере охраны символов воинской славы в современных условиях

Criminal policy of the Russian Federation in the protection of military glory symbols in modern conditions

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные направления уголовной политики РФ в сфере охраны символов воинской славы в современности, их особенности и проблемы.

Ключевые слова: уголовная политика, реабилитация нацизма, символы воинской славы, осквернение, историческая память

Annotation. This article examines the main directions of the criminal policy of the Russian Federation in the field of protection of symbols of military glory in modern times, their features and problems.

Keywords: criminal policy, rehabilitation of Nazism, symbols of military glory, desecration, historical memory

Для цитирования: Егорочкин Д.В. Уголовная политика РФ в сфере охраны символов воинской славы в современных условиях // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 875–877.

В настоящее время тема защиты и сохранения памяти как о Великой Отечественной войне, так и о событиях истории России в целом является одной из центральных для нашего государства. Она пронизывает каждую сферу общественных отношений, начиная от мер поддержки ветеранам и поощрения проведения различных исследований на вышеприведённые темы и заканчивая установлением памятных дней и праздников. Логично, что всё это не могло обойти стороной и современное законодательство, и особенную актуальность тема защиты исторической памяти приобрела в связи с произошедшими событиями государственного переворота на Украине и нынешними событиями в условиях проведения СВО.

В настоящее время основным уголовно-правовым механизмом, обеспечивающим охрану символов воинской славы, является ч.3 ст.354.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично.

Рассматриваемая уголовно-правовая норма, как и вся ст.354.1 УК РФ в целом, была введена в состав действующего российского уголовного законодательства Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ.

На протяжении нескольких лет в ст.354.1 УК РФ не вносились какие-либо изменения вплоть до принятия Федерального закона от 05.04.2021 № 59-ФЗ, в соответствии с которым в статье появилась ч. 4 (введены квалифицирующие признаки для части 3: совершение преступления группой лиц, группой лиц

[1] Научный руководитель: *Креховец Александра Викторовна* – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

по предварительному сговору или организованной группой, или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»).

Кроме того, упомянутым Федеральным законом были внесены некоторые изменения и в предыдущие части ст.354.1 УК РФ. В частности, было криминализировано деяние в виде оскорбления памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны и усилено наказание за данный вид противоправного поведения. Размер штрафа увеличился с трехсот тысяч рублей до трёх миллионов. К уже существовавшим видам наказаний (обязательным и исправительным работам) были добавлены принудительные работы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, и, что важно, законодатель добавил наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет с лишением вышеуказанного права. То есть, мы можем говорить о значительном ужесточении уголовной политики в отношении защиты символов воинской славы, так как, помимо ощутимых повышений сумм штрафов, теперь ч. 3 ст. 354.1 УК РФ предусматривает гораздо более строгое наказание в виде лишения свободы.

Следует отметить, что похожая норма существует и в законодательстве об административных правонарушениях, которая отражена в ч. 4 ст. 13.15 КоАП РФ. В ней говорится, в т.ч, и о публичном осквернении символов воинской славы России, но совершенное конкретно юридическим лицом.

Достойно упоминания и то, что УК РФ предусматривает наказание за несколько схожий по «направленности» состав преступления в ст. 243.4, а именно за «уничтожение, повреждение либо осквернение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России». По справедливому замечанию А.В. Денисовой, соотношение указанных норм обусловило «возникновение ряда сложностей у правоприменителей при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, связанных с реабилитацией нацизма, преодолеть которые, на наш взгляд, возможно только путем разъяснения Пленумом Верховного Суда Российской Федерации особенностей реализации ст. 354.1 УК РФ в правоприменительной деятельности»[1].

Символы воинской славы в контексте исследуемой нормы выступают в роли предмета преступления.

Прежде всего, следует отметить, что само понятие «символ воинской славы» действующее российское законодательство не закрепляет. Более того, не существует перечня, в котором были бы закреплены данные символы, что, безусловно, вызывает некоторые затруднения в процессе уголовно-правовой оценки деяний, совершенных в отношении указанных предметов.

В ст.6 Федерального закона от 29.12.2022 №579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», упоминается Георгиевская лента, как символ воинской славы (также статус символа воинской славы носит и Знамя Победы, согласно Федеральному закону «О Знамени Победы» от 07.05.2007 № 68-ФЗ), однако, дефиниции указанных предметов также отсутствуют.

В этой связи следует привести пример судебной практики.

Так, в период времени с 23 часов 57 минут 20 января 2025 года по 00 часов 12 минут 21 января 2025 года в одном из городов Псковской области гражданин ФИО 1 в мемориальном комплексе «Сквер Павших борцов» использовал пламя «Вечного огня» для того, чтобы обжечь оплётку проводов с целью дальнейшего их сбыта. Суд квалифицировал деяния гражданина по ч.3 ст. 354.1 УК РФ, и, конкретно в данном случае, это очевидно, так как ничему другому (самим мемориальным сооружениям, например) ущерб причинён не был[2].

В одном из населённых пунктов Республики Бурятия гражданин в период времени с 01 часа 23 минут до 01 часа 36 минут, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в мемориальном комплексе «Мемориал Победы» сжег в пламени «Вечного огня» живые цветы и похоронный венок. В результате оплавления материалов венка некоторые элементы конструкций были повреждены и потребовали ремонта. После содеянного гражданин забрался на памятник «Мемориал Победы», лег на нее и уснул. Таким образом, суд квалифицировал деяния гражданина по двум статьям: ч.1 ст. 214 (Вандализм) и ч.3 ст. 354.1 УК РФ. При этом стоит упомянуть, что суд, согласно Федеральному закону от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 - 1945 годов», признаёт вышеописанный мемориальный комплекс как символ воинской славы[3]. То есть изначально можно говорить о то, что любые действия, посягающие на целостность или внешний вид сооружений, входящих в комплекс, можно рассматривать как осквернение символа воинской славы.

[1] Денисова, А. В. Проблемы квалификации преступных действий по реабилитации нацизма (ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) / А. В. Денисова // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 482. – С. 239-243.

[2] Приговор № 2-11/2025 от 20 апреля 2025 г. по делу № 2-11/2025 Псковского областного суда. URL: //sudact.ru/regular/doc/P7Nx0Ri5EFJq// (дата обращения: 31.10.2025)

[3] Приговор № 1-8/2025 от 16 апреля 2025 г. по делу № 1-8/2025 Верховного Суда Республики Бурятия. URL: //sudact.ru/regular/doc/qfYEqMLLUMNX/ (дата обращения: 31.10.2025)

На этих двух примерах мы можем проследить один из вариантов трактовки символа воинской славы как любого, подпадающего под требования вышеуказанного федерального закона, мемориального сооружения, имеющего отношение к Великой Отечественной войне. Однако, не стоит забывать и о тех предметах, которые законодателем напрямую отнесены к символам воинской славы, например – Георгиевской ленте.

В другом примере в Кемеровской области 02.05.2024, в период времени с 18 часов 50 минут до 18 часов 55 минут гражданин в социальной сети под записью о том, что в Государственной Думе напомнили о штрафах за порчу Георгиевской ленты, разместил собственный комментарий о том, что совершит на нее мочеиспускание и ему безразлично, оскорбился ли кто-нибудь из-за этого. Суд квалифицировал действия гражданина по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ. То есть лишь разместив комментарий указанного содержания уже совершил осквернение символа воинской славы[1]. Этот пример нам демонстрирует то, что вообще любые действия, так или иначе направленные на осквернение именно установленных законом символов сразу квалифицируются по частям 3 и 4 ст. 354.1 УК РФ.

Все три приведенных примера дают общее понимание, что правоприменитель приблизительно понимает под символами воинской славы, поэтому обратимся к доктрине и исследуем, как данную категорию понимают в науке.

Достаточно убедительные критерии отнесения некоторых предметов к символам воинской славы приводит Пешков В.В.:

«1) такой предмет должен быть легально признан символом воинской славы путем издания соответствующего федерального закона;

2) такие предметы должны обозначать память о фактах, имеющих серьезное военно-историческое значение и государственное признание;

3) такой предмет должен обладать определенной художественной формой, а зачастую и геральдическими атрибутами;

4) такой предмет должен быть торжественно установлен с проведением церемонии, вручения знамени и наград».[2]

Соответственно, наличие данных критериев уже значительно облегчает квалификацию некоторых деяний. Так, именно благодаря этим критериям было в разы корректнее отличать составы преступлений, предусмотренные п. «б» ч. 2 ст. 244 и ч. 3 ст. 354.1 УК РФ.

На наш взгляд наиболее полным же определением понятия «символ воинской славы» является определение, данное Шевелевой К. В.: «символ воинской славы – это некоторый вещественный, графический или звуковой знак, выраженный в форме элемента материального мира, который используются для отображения и признания героических деяний и достижений защитников Отечества в различные периоды истории государства.»[3] Данное определение хоть и сохраняет расширительный толк, но тем не менее даёт некоторые признаки, необходимые для эффективной работы правоприменителя в части установления предмета преступления.

Подводя итог, можно сделать вывод, что уголовно-правовая охрана символов воинской славы является важным инструментом реализации государственной политики по защите исторической памяти России. Можно проследить общую динамику ужесточения наказаний за преступления против символов воинской славы, что говорит о том, какую позицию в современном государстве отводит законодатель данным символам. Даже не смотря на вышеуказанное ужесточение, нельзя не отметить распространённость данного вида преступлений, что безусловно можно связать с уже озвученной проблемой расширительного толкования понятия «символ воинской славы». Таким образом, норма, закрепленная в ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, выступает не просто мерой уголовной репрессии, а гарантом защиты исторической правды и национального достоинства.

[1] Приговор № 2-26/2025 от 20 апреля 2025 г. по делу № 2-26/2025 Кемеровского областного суда. URL: //sudact.ru/regular/doc/MBNnqAjRgvQC/ (дата обращения: 31.10.2025)

[2] Пешков, В. В. Надругательство над телами умерших, местами их захоронения и реабилитация нацизма: некоторые вопросы соотношения / В. В. Пешков // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 58-64.

[3] Шевелева, К. В. Символ воинской славы как предмет преступлений / К. В. Шевелева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15, № 1(55). – С. 138-145.

Елыжев Андрей Евгеньевич

соискатель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Elyzhev Andrey Evgenyevich

applicant of the Chair of Theory and History of State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: andrei_elyzhev@mail.ru

Возраст как правовой символ

Age as a Legal Symbol

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты характеризующие возраст как особый правовой символ. Возраст выступает в качестве значимой характеристики физических лиц как субъектов права. Он выступает не только в качестве характеристики юридической зрелости, но и уязвимости субъектов, потребности их дополнительной защиты.

Ключевые слова: возраст, правовой символ, законодательство, субъект права, дееспособность

Annotation. This article examines certain aspects characterizing age as a special legal symbol. Age serves as a significant characteristic of individuals as legal entities. It serves not only as a measure of legal maturity but also as a measure of the vulnerability of legal entities and their need for additional protection.

Keywords: age, legal symbol, legislation, legal entity, legal capacity

Для цитирования: Елыжев А. В. Возраст как правовой символ // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 878–880.

Среди субъектов права ведущая роль принадлежит физическим лицам. В этой связи их характеристика представляет существенный как научный, так и практический интерес. Для интегрирования физических лиц в систему общественных отношений требуется их соответствия определенным требованиям, что позволяет признать их правосубъектность, включающей правоспособность и дееспособность. Важным составным элементом, характеризующим указанного субъекта является возраст. Именно возраст выступает в качестве обязательного правового символа, свидетельствующего о потенциальной возможности указанного лица включиться в систему общественных отношений. При этом следует отметить, что через призму правовой символики данное явление не получило должного освещения.

Мы исходим из принципиальной позиции, что символы имманентно свойственны праву. В специальной литературе правовой символ определяется как «создаваемый или санкционируемый государством условный знак, ценностное образование, выражающий определенное юридически значимое содержание и охраняемый государством»[1]. Достижение определенного возраста символизирует собой социальную зрелость и выступает в качестве обязательной характеристики дееспособности физического лица. Именно в силу определенного возраста за субъектом признается юридическая возможность осознанно выбирать соответствующий вариант поведения, принимать решения, нести ответственность за свое поведение.

Законодатель пошел дифференцированно к определению соответствующего возраста для признания дееспособности субъекта. В соответствие со статьей 60 Конституции РФ предусмотрено, что полная дееспособность граждан РФ наступает при достижении восемнадцатилетнего возраста. Аналогичное законоположение продублировано в статье 21 ГК РФ[2], которой закреплена полная гражданская дееспособность.

Следует отметить, что в действующем российском законодательстве наметились разнонаправленные подходы к учету возрастных характеристик физических лиц. С одной стороны наблюдается стремление снизить возрастные характеристики физических лиц с тем, чтобы они активно были интегрирова-

[1] Шалагинов П.Д. Функции правовых символов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 8.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

ны в общественные отношения. Так, статьей 27 ГК РФ предусмотрена эмансипация, то есть досрочное обретение несовершеннолетним полной дееспособности. Условием ее наступления является достижение шестнадцатилетнего возраста, работа по трудовому договору, по контракту, согласие родителей, усыновителей или попечителя на занятие предпринимательской деятельностью. Наряду с этим регламентируется специфика дееспособности несовершеннолетних (статья 26 ГК РФ) и малолетних (статья 28 ГК РФ), что свидетельствует об их частичной дееспособности и потенциальной возможности быть включенными в правовые отношения.

Данная тенденция проявляется и в других сферах общественной жизни, в частности, при охране здоровья. Так, в случае достижения несовершеннолетним возраста пятнадцати лет он имеет право самостоятельно давать согласие на оказание медицинского вмешательства или делать соответствующий отказ. В случае заболевания несовершеннолетнего наркоманией давать согласие на оказание вышеотмеченного вмешательства или отказ на него возникает при достижении несовершеннолетним шестнадцатилетнего возраста, что определено статьей 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1]. Возникает закономерный вопрос, в силу каких критериев законодателем избраны такие возрастные критерии. О значимости возрастного фактора при оказании медицинской помощи свидетельствует тот факт, что термин «возраст» и производные от него встречается в вышеуказанном законе более двадцати раз. Его дифференцированное использование направлено на защиту прав граждан с учетом их возрастных характеристик.

Законодатель закономерно связывает возраст со зрелостью субъекта, способностью качественно осуществлять соответствующую деятельность. Данная тенденция особенно очевидно проявляется на примере формирования судейского корпуса. В соответствие с частью 2 статьи 4 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации»[2] установлены следующие возрастные цензы для замещения должностей судей: Конституционного Суда РФ – 40 лет; Верховного Суда РФ –35; кассационного суда общей юрисдикции, апелляционного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, арбитражного суда округа, арбитражного апелляционного суда, специализированного арбитражного суда – 30 лет; арбитражного суда субъекта РФ, районного суда, гарнизонного военного суда, мировой юстиции – 25 лет. Установление соответствующих возрастных требований обусловлено социальной зрелостью, обретением жизненного опыта, что во взаимосвязи с профессиональным стажем свидетельствуют о потенциальной готовности кандидата к отправлению правосудия, что подтверждается, как правило, сдачей квалификационного экзамена.

Существует и обратная сторона возраста физического лица. Он может символизировать о потенциальной уязвимости физического лица. В этой связи возникает объективная потребность в защите определенных субъектов, прежде всего, несовершеннолетних и престарелых. Специфика прав несовершеннолетних и их защита определена главой 11 Семейного кодекса РФ[3]. Принимая во внимание широкую палитру общественных отношений, в которые потенциально могут вступить лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, вопрос регулирования соответствующих отношений детализируется нормами соответствующего отраслевого законодательства. Так, главой 42 ТК РФ определена специфика регулирования трудовых отношений несовершеннолетних. При этом нормами и других глав ТК РФ регламентируется особенности трудовой деятельности несовершеннолетних. Не взирая на дискуссионный характер нормативного правового регулирования деятельности указанного субъекта, данный вопрос не получил детализации в официальных позициях Верховного Суда РФ[4].

Учитывая влияние возрастных изменений субъектов на его деятельность, законодательно установлены соответствующие возрастные ограничения. Они обусловлены тем, что достижение определенного возраста влечет за собой снижение трудовой активности, возрастание роли потенциальных ошибок. Так, в соответствие со статьей 25.1 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[5] в качестве предельного возраста нахождения на государственной гражданской службе РФ установлен возрастной период в 65 лет. При этом существует специфика определения предель-

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.
[2] О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.
[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1, ст. 16.
[4] О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007 № 3.
[5] О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

ного возраста прохождения государственной службы для отдельных категорий государственных служащих[1].

Принципиально соглашаясь с необходимостью установления предельного возраста для осуществления соответствующих видов деятельности, следует отметить наличие ряда спорных вопросов. Так, в соответствие со статьей 14 Федерального конституционного закона «О статусе судей в Российской Федерации»[2] предельный возраст для судей установлен в 70 лет. В то же время существуют исключения. Так, в соответствие со статьей 12 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» не предусмотрено распространение предельного срока пребывания в должности судьи относительно Председателя Верховного Суда РФ[3]. Аналогичный подход закреплен в статье 12 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»[4] в отношении Председателя Конституционного Суда РФ.

Принимая во внимание статус руководителей высших органов судебной власти, видится необоснованным отсутствие возрастных ограничений в отношении указанных субъектов. Данная посылка в полной мере относится в отношении депутатов органов публичной власти. Схожий дефект обнаруживается и в трудовом законодательстве.

Значение возраста применительно к включению субъектов в определенные отношения должен быть определен по рекомендациям специалистов, прежде всего, работников здравоохранения, психологов, социологов и только после этого закрепляться в действующем законодательстве. Полагаем, что продуктивным было бы участие в законодательном процессе выше перечисленных специалистов в депутатских слушаниях, что позволит более качественно сформировать позицию законодателей. Необходимо учитывать возрастной фактор дифференцированно к соответствующим отношениям, принимая во внимание его динамику и опасность необъективного учета.

Особую остроту представляет возрастной фактор применительно к отношениям юридической ответственности[5]. Например, назрела необходимость в снижении возраста административной ответственности за отдельные административные правонарушения, который в настоящее время в силу статьи 2.3 КоАП РФ[6], безотносительно к совершенному противоправному деянию составляет 16 лет, до 14 лет за отдельные правонарушения. Такая практика успешно применяется в Республике Беларусь и других государствах СНГ[7].

Выше изложенное позволяет заключить, что возраст выступает в качестве значимого правового символа и дискуссионный характер его закрепления требует дополнительного комплексного осмысления. В данную дискуссию наряду с правоведами должны быть включены представители и других специальностей, что позволит выработать и верно закрепить соответствующие возрастные критерии.

---

[1] См.: Каляшин А.В. Возрастные ограничения состояния на службе сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: анализ новелл законодательства // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 46–50.

[2] О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1, ст. 1.

[3] О Верховном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6, ст. 550.

[4] О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

[5] См.: Макарейко Н.В. Административное право: учебное пособие. Сер. 60. Бакалавр. Прикладной курс. 10-е изд., пер. и доп. Москва, 2018. С. 183–186.

[6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

[7] Строева О.А., Бондаренко М.В. Отдельные аспекты вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Российский судья. 2019. № 7. С. 40–44.

Жарков-Симакин Егор Владимирович

аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Zharkov-Simakin Egor V.

Postgraduate student at N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

E-mail: mr.zharkov.egorka@mail.ru

Символическое значение директивы

Symbolic meaning of the directive

Аннотация. В статье исследуется директива как инструмент политико-стратегического управления, обладающая многомерным символическим значением. Историко-правовой анализ эволюции данного правового феномена выявляет сохранение его смыслового ядра, выражающего консолидацию управленческой воли, несмотря на трансформацию от советской модели к современной государственной системе. Методологическую основу составляет синтез концепции символизма права П.Д. Колмыкова с философскими подходами немецкой классической традиции и современной герменевтики. Раскрываются системообразующие функции директивы: легитимация стратегического курса, обеспечение целостности властной вертикали и визуализация иерархических взаимосвязей. Проведен анализ широкого спектра директив в различных правовых системах, который позволил выявить их дуалистическую природу с одной стороны как нормативно-правовых актов, с другой как символические манифесты государственного развития. В ходе исследования были рассмотрены различные виды директив, включая индивидуальные правоприменительные, нормотворческие, стратегические, координационные и программно-целевые. Особое внимание уделено способности директивы опосредовать взаимосвязь между стратегическим целеполаганием и оперативной деятельностью, обеспечивая преемственность управленческих практик.

Ключевые слова: директива, символ, символический смысл, политико-стратегическое управление, идеология государства, легитимация власти, государственное управление

Annotation. The article examines the directive as an instrument of political and strategic management possessing multidimensional symbolic significance. Historical and legal analysis of the evolution of this legal phenomenon reveals the preservation of its semantic core, expressing the consolidation of managerial will, despite the transformation from the Soviet model to the modern state system. The methodological basis consists of a synthesis of P.D. Kolmykov's concept of legal symbolism with the philosophical approaches of the German classical tradition and modern hermeneutics. The system-forming functions of the directive are revealed: legitimization of the strategic course, ensuring the integrity of the power vertical, and visualization of hierarchical interconnections. An analysis of a wide range of directives in various legal systems has been conducted, revealing their dual nature as both normative legal acts and symbolic manifestos of state development. The study examines various types of directives, including individual enforcement, normative, strategic, coordination, and program-target directives. Particular attention is paid to the directive's ability to mediate the relationship between strategic goal-setting and operational activities, ensuring the continuity of management practices.

Keywords: directive, symbol, symbolic meaning, political and strategic management, state ideology, power legitimation, public administration

Для цитирования: Жарков-Симакин Е.В. Символическое значение директивы // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 881–885.

Динамично трансформирующаяся система международных и внутригосударственных отношений обусловливает необходимость адаптации правовых механизмов, порождая уникальные юридические феномены, которые призваны заполнять пробелы в условиях, когда традиционные источники права неэффективны.

Особую значимость данные механизмы приобретают в контексте деятельности наднациональных образований и сложносоставных политико-территориальных систем, где требуется гармонизация разнородных правопорядков.

В подобных условиях на первый план выходят гибкие инструменты правового регулирования, которые, с одной стороны, являются законодательным ответом на объективную потребность в унификации законодательства без утраты национальной специфики, а с другой – несут на себе отпечаток конкретной политико-правовой культуры и исторического момента.

Ярким примером такого инструмента в праве Европейского Союза выступает директива[1]. Директива представляет собой уникальный правовой акт, который одновременно задает обязательный для достижения результат для государств-членов, но оставляет за их национальными властями свободу выбора форм и методов его имплементации. Фактически директива заняла нишу гибридного акта, сочетающего в себе черты международного договора (обязательность для сторон) и внутригосударственного нормативного предписания (прямое воздействие на правовые системы членов ЕС после трансформации), особым образом интегрируя наднациональные начала с национальным правовым суверенитетом.

Данный пример иллюстрирует, как в ответ на вызовы интеграции формируются атипичные правовые формы, предназначенные для реализации конкретных стратегических задач, стоящих перед наднациональной властью.

В современной российской правовой системе подобным востребованным феноменом становится директива как акт стратегического планирования и управления[2]. Не будучи классическим нормативным правовым актом в строгом понимании, директива широко используется органами государственной власти (например, в виде директив Президента или Совета Безопасности РФ) для определения стратегических целей и задач в сфере национальной безопасности, экономического развития и обороны.

Все это позволяет утверждать, что директива является действенным инструментом реализации полномочий верховной власти, особенно в тех сферах, где требуется оперативное, гибкое и целенаправленное регулирование, не всегда достижимое посредством традиционных законов и подзаконных актов.

Исторический анализ директивы как правового явления показывает преемственность её основных характеристик, которые трансформировались при переходе от советской к современной правовой системе и приобрели новое символическое значение. В этом контексте особую актуальность приобретает теоретическое наследие отечественной правовой мысли, в частности работы П.Д. Колмыкова о символизме права[3].

Анализ символического смысла директивы как акта политико-стратегического управления требует выхода за рамки ее формально-юридической природы. Эта позиция находит теоретическое обоснование в трудах Колмыкова П.Д., который в работе «О символизме права вообще и русского в особенности» утверждал, что «внутреннее содержание законов положительных... заключается в немногих явлениях духовной жизни народа, большою частью не выраженных в самом законе»[4]. Именно этот методологический подход позволяет рассматривать директиву не просто как правовой акт оперативного характера, но как сложный социально-правовой феномен, воплощающий глубинные особенности российской управленческой традиции.

Так, символическая природа директивы проявляется в ее способности транслировать базовые принципы управления, что соответствует идее Колмыкова П.Д. о единстве внутреннего содержания при «величайшем разнообразии внешних форм»[5]. Даже при внешней трансформации от внеправового партийного указания советской эпохи к формализованному акту современного законодательства, директива сохраняет свое символическое ядро, продолжая выражать единство управленческой воли и стратегических приоритетов государства в лице уполномоченного органа законодательной и исполнительной власти или должностного лица государственной власти (президента).

Рассматривая символический смысл директивы через призму учения Колмыкова, можно выделить несколько взаимосвязанных аспектов.

Во-первых, директива служит средством легитимации стратегического курса, придавая ей характер официально одобренного направления деятельности.

---

[1] Напр. Директива Европейского Парламента и Совета ЕС № 2019/789 от 17 апреля 2019 г. об установлении правил осуществления авторского права и смежных прав, применимых к определенным онлайн-трансляциям вещательных организаций и ретрансляциям телевизионных и радиопрограмм, а также внесении изменений в Директиву 93/83/ЕЕС. — Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L0789&qid=1675344923101&from=EN (дата обращения: 28.08.2025).

[2] Напр. Директивы представителям интересов Российской Федерации для участия в заседаниях советов директоров (наблюдательных советов) акционерных обществ, включенных в специальный перечень, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2003 г. N 91-р"(утв. Правительством РФ 25.05.2017 N 3538п-П13) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 28.08.2025)

[3] Колмыков, П. Д. О символисмъ права вообще и русскаго въ особенности // Национальная электронная библиотека . — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003542178/ (дата обращения 03.10.2025).

[4] Там же.

[5] Подробнее см. О символизме права вообще и русского в особенности : Речь, произнес. в торжеств. собр. Имп. Санктпетерб. ун-та орд. проф., д-ром прав Петром Калмыковым марта 31 дня 1839 г.. — Санкт-Петербург : тип. К. Крайя, 1839. — С.6-8

Во-вторых, директива выполняет интегративную функцию, символически объединяя различные уровни власти.

В-третьих, она выступает маркером иерархических отношений, что отражает мысль Колмыкова П.Д. о «великих событиях внутренней жизни народов», определяющих сущность правовых явлений[1].

Таким образом, символическое значение директивы как акта политико-стратегического управления заключается в ее способности одновременно формально регулировать деятельность государственного аппарата и символически воспроизводить ключевые принципы государственного управления.

Символическое значение директивы в той или иной степени, вслед за работой Колмыкова П.Д. в современной юридической доктрине нашла отражение в диссертационном исследовании Мальцева И.В.[2], научной статье Мальцева И.В.[3] научном исследовании Гончаровой Н.С.[4], а также научном исследовании Серегиной, В. В.[5].

Данная теоретическая конструкция находит свое практическое подтверждение при анализе содержания такого нормативно-правового акта как Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12[6] и позволяет выявить ее глубинный символический смысл как акта политико-стратегического управления.

Преамбула документа, провозглашающая Республику Беларусь государством, "построенным на принципах народовластия, гуманизма, социальной справедливости, равенства прав и возможностей, исторической преемственности", несет в себе мощный символический заряд легитимации существующего политического порядка.

Утверждение Основ идеологии белорусского государства (статья 1) символизирует институционализацию национальной идентичности и переход от стихийного формирования ценностей к их целенаправленному технико-юридическому оформлению[7].

Особенностью директивы является ее всеобъемлющий характер, проявляющийся в тотальном охвате всех сфер общественной жизни. Определение субъектов реализации идеологии, включая "государственные органы, учреждения образования, культуры, науки, спорта, здравоохранения, юридические лица, на которые возложены функции редакций средств массовой информации, общественные объединения и политические партии" (статья 3), создает символическую картину единства государства и общества.

Приоритетные сферы идеологической работы - "образование, культура, наука, спорт, этноконфессиональные отношения, а также семейная, молодежная, информационная и историческая политика" - образуют символические точки приложения усилий по формированию национального сознания.

Символический смысл директивы особенно ярко проявляется в механизмах ее реализации. Создание разветвленной системы идеологической работы с четкой иерархией подчинения и персональной ответственностью (статья 5-7) символизирует вертикальный характер власти. Централизованная координация под эгидой Администрации Президента (пункт 5.1) олицетворяет единство управленческой воли, а детальная регламентация кадровых назначений (пункт 5.4) демонстрирует символический контроль над ключевыми позициями в идеологической сфере.

При этом разделение информационной деятельности на пропагандистскую и контрпропагандистскую работу (пункт 3.1) отражает символическое противостояние признаваемых и не признаваемых в государстве ценностей.

Таким образом, директива выходит за рамки обычного нормативно-правового акта, приобретая характер символического манифеста государственного строительства. Ее символический смысл заключается в конституировании белорусской модели общественного развития как уникального исторического выбора, подлежащего защите и воспроизводству через систему идеологической работы. Документ символизирует переход от советской идеологической парадигмы к национальной модели, сохраняя при этом

---

[1] Подробнее см. О символизме права вообще и русского в особенности : Речь, произнес. в торжеств. собр. Имп. Санктпетерб. ун-та орд. проф., д-ром прав Петром Калмыковым марта 31 дня 1839 г.. — Санкт-Петербург : тип. К. Крайя, 1839. — С.14-20

[2] Подробнее см. Мальцев И.В. Символы в праве и в юридической науке : дис... канд.юр.наук 12.00.01 – Москва, 2021. – 341 с.

[3] Подробнее см. Мальцев И.В. Ранняя историография исследования правовых символов// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право - 2019 г. - №1 – 12 с.

[4] Подробнее см. Гончарова Н.С. Уголовно-правовые символы: понятие, виды, функции// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2019 г. - №1. – 11 с.

[5] Подробнее см. Серегина, В. В. Символизм в праве как отражение его культурологических особенностей / В. В. Серегина // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – № 1(6). – С. 39-47.

[6] Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (Дата обращения: 30.09. 2025).

[7] Подробнее см: Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (Дата обращения: 30.09. 2025).

преемственность в понимании роли государства как субъекта формирования общественного сознания, что особенно проявляется в возложении персональной ответственности на руководителей всех уровней.

Анализируя директиву как акт политико-стратегического управления через призму философского понимания символа, можно выявить ее глубинный символический смысл, который проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. Директива, будучи формальным правовым актом, одновременно выполняет роль сложного семиотического конструкта, связывающего стратегические цели государства с конкретными управленческими практиками.

В контексте философской традиции, восходящей к В. Ф. Й. Ш. Шеллингу, где символ понимается как "абсолютное единство общего и особенного", директива предстает как символический синтез стратегического замысла и оперативных управленческих решений[1]. Этот синтез проявляется в том, что директива не просто предписывает определенные действия, но и «актуализирует фундаментальные принципы государственного управления, воплощая их в повседневной политической практике» [2]. Тем самым через свои нормативные положения она транслирует базовые ценности и приоритеты, тем самым выполняя важнейшую символическую функцию - легитимации государственной власти и ее стратегического курса.

Развивая эту мысль, можно обратиться к концепции И. Канта, где символ представляет собой " synthesis speciosa " - фигурное соединение абстрактных понятий с чувственными представлениями[3]. В этом ключе директива осуществляет символический синтез между абстрактными стратегическими целями и конкретными управленческими действиями. Как отмечал Э. Кассирер, символические формы служат упорядочиванию хаоса, и директива в этом смысле выступает инструментом приведения многообразия управленческих практик к единому замыслу, преодолевая разрыв между нормативным и описательным (дескриптивным) аспектами управления[4].

Рассматривая герменевтический подход Г. Гадамера, где символ понимается как "осколок бытия, способный соединяться с соответствующим ему осколком в гармоническое целое", можно утверждать, что директива представляет собой такой "осколок" стратегического замысла, который призван дополнить "фрагмент" текущего управления до целостной системы политико-стратегического управления[5]. Эта целостность достигается через интерпретацию директивы субъектами управления, в процессе которой раскрывается ее символический потенциал и обеспечивается единство понимания стратегических целей на всех уровнях управления.

Важным аспектом анализа является семиотическое измерение директивы. В понимании Э. Сепира символический смысл проявляется в конденсационной природе директивы - она выступает как "сжатая форма заместительного поведения", позволяющая снять напряжение между стратегическими целями и тактическими возможностями[6]. Директива конденсирует в себе сложную систему политических и управленческих отношений, представляя их в свернутой, символической форме, что значительно повышает ее операциональную эффективность и способствует преодолению когнитивных разрывов в управленческих процессах.

В соответствии с трактовкой символа Лосева А. Ф. как "функции действительности", директива выступает одновременно и как отражение политической реальности, и как средство ее преобразования. Она не просто описывает существующее положение дел, но и задает вектор изменения действительности, выступая инструментом "переделывания" политического пространства. Этот преобразующий потенциал делает директиву мощным инструментом стратегического управления, способным не только регулировать, но и трансформировать политические отношения[7].

Символический смысл директивы как акта политико-стратегического управления заключается в ее способности осуществлять метафизическую связь между видимым и невидимым, между стратегическими целями и тактическими действиями, между настоящим состоянием и желаемым будущим политиче-

---

[1] Подробнее см: Шеллинг Ф. В. Й. Ш. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1/Сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга . — М.: Мысль, 1987 . — С. 58-60.

[2] Подробнее см: Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск, 1998. – С. 776–780.

[3] Подробнее см Кант, Иммануил. Критика практического разума и основоположение к метафизике нравов. – 1879 С.89-93 // Национальная электронная библиотека. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003592057/ (дата обращения 17.10.2025)

[4] Подробнее см: Кассирер; Познание и действительность Понятие о субстанции и понятие о функции / Эрнст Пер. Б. Столпнера и П. Юшкевича, 1912. — С. 213-215 // Национальная электронная библиотека. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003791567/ (дата обращения 20.10.2025)

[5] Подробнее см: Гафаров, Хасан Сабирович. Философская герменевтика Г.-Г. Гадамера: становление и развитие : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.03 / С.-Петерб. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2003. — 42 с..

[6] Подробнее см: Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. — С.439-450 // Национальная электронная библиотека. — URL: https://rusneb.ru/ (дата обращения 27.10.2025)

[7] Подробнее см: А.Ф. Лосев Греческая культура в мифах, символах и терминах / А.Ф. Лосев; Сост. и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. — СПб. : Алетейя, 1999. — С.217-225 // https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_33469/ (дата обращения 20.10.2025)

ской системы. Этот многогранный символический характер превращает директиву в важнейший элемент механизма государственного управления, обеспечивающий единство стратегического замысла и тактической реализации, а также преемственность управленческой культуры в условиях меняющейся политической реальности.

Таким образом, можно сказать, что директива – это не просто «документ содержащий указания», это символ воли, порядка и единства, и следовательно, её символический смысл заключается в том, что директива помогает власти не только управлять, но и укреплять доверие, консолидировать элиты и общество вокруг общих целей.

Проведенный анализ также позволил сформулировать классификацию директив в качестве инструментов политико-стратегического управления. Изучение юридических характеристик и функционального назначения данных актов дало основание для их классификации на индивидуальные правоприменительные, нормотворческие, стратегические, координационные и программно-целевые виды. Выделенные категории демонстрируют многогранность применения директив в системе государственного администрирования.

Журавлев Кирилл Андреевич

аспирант Костромской государственный университет (КГУ), начальник отдела № 1 ФГБУ Костромской лаборатории судебной экспертизы Минюста России

Zhuravlev Kirill Andreevich

is a postgraduate student at Kostroma State University (KSU), Head of Department No. 1 of the Kostroma Forensic Laboratory of the Ministry of Justice of the Russian Federation

E-mail: mr.Zhuravlevkirill@mail.ru

Символическая легитимность цифровой власти: новые вызовы для теории права

Symbolic legitimacy of digital power: new challenges for the theory of law

Аннотация. Цифровизация как символ современности опосредует вопросы легитимности цифровой власти, становится центральной проблемой современной юридической науки в условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни. Трансформация публичной власти под влиянием цифровых технологий порождает принципиально новые архитектуры управления, которые не всегда укладываются в традиционные конституционные рамки. В статье рассматриваются различные научные подходы к определениям понятий «цифровизация», «цифровая трансформация». Рассматриваются аспекты правовой легитимности цифрового государственного управления и тенденции развития теории права.

Ключевые слова: цифровизация государственной власти, цифровое управление, глобализация IT, цифровая среда, информационные сервисы, легитимность власти

Annotation. Digitalization as a symbol of modernity mediates issues of the legitimacy of digital power, becoming the central problem of modern legal science in the context of rapid digitalization of all spheres of public life. The transformation of public power under the influence of digital technologies generates fundamentally new governance architectures that do not always fit into the traditional constitutional framework. The article discusses various scientific approaches to the definitions of the concepts of "digitalization" and "digital transformation". Aspects of the legal legitimacy of digital public administration and trends in the development of the theory of law are considered.

Keywords: digitalization of government, digital governance, globalization of IT, digital environment, information services, the legitimacy of power

Для цитирования: Журавлев К.А. Символическая легитимность цифровой власти: новые вызовы для теории права // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 886–890.

Вопросом легитимности государственной власти на сегодняшний день, казалось бы, уже не стоит задаваться. Вопросы правосознания, вопросы перестройки государственно-политического режима современной России, особенности функций органов государственной власти и государственной службы и многое другое уже достаточно научно освещены, проработаны и задекларированы государственно-властным предписанием. Однако сегодня, возникает острая необходимость научной и доктринальной разработки вопросов легитимности цифровой власти, опосредованной всеобщей цифровизацией всех без исключения сфер общественной жизни.

Одним из основных сложнейших элементов изучения самого феномена цифровизации государственной власти, является то, что ни в теории, ни на практике нет единого и обобщенного подхода, регламентации и критериев оценок данного явления[1].

[1] Мельков С.А., Сушанский А.С. Цифровое государство, цифровое государственное и муниципальное управление: проблематизация и смыслы // Вестник Евразийской науки, 2020 № 6. URL: https://esj.today/PDF/49ECVN620.pdf (дата обращения 20.08.2025).

В настоящее время различными отечественными учеными и правоведами активно развиваются и прорабатываются вопросы цифровизации как в целом в праве, так и конкретно в отношении государственной власти, среди них стоит отметить следующих: Баранов В.М., Добролюбова Е.И., Минбалеев А.В., Шатковская Т.В., Честнов И.Л., Баранов П.П., Лановая Г.М., Мордовцев А.Ю., Небратенко Г.Г., Овсепян Ж.И., Гайвороская Я.В., Мирошниченко О.И., Кузнецова Т.Ф., Москвитина Н.В., Герасимова Т.А., Данилова Л.Н. и другие, что подчеркивает высокую научную и правовую значимость для отечественного права.

Возможности информационных технологий значительно превышают возможности, которыми сегодня пользуются граждане по всему Миру. Здесь и возникает второй проблемный аспект – широкая распространенность и вовлеченность цифровизации в общественную и правовую действительность. Как справедливо отмечают авторы: Э.А. Биттуева, Е.В. Сечинский, Г.А. Тришкин[1], направлениями для научной разработки должны выступать:

– последствия цифровизации для социального сектора, с точки зрения прогностических исследований о мере и степени влияния на процессы жизнедеятельности граждан и их пребывания в государстве с цифровой моделью управления;

– аспекты права и этики, касающиеся цифровой защищенности персональных данных, вопросов сокращения мошеннического влияния, опосредующих разработку и усовершенствование правовых механизмов;

– распространения технологий искусственного интеллекта, в части увеличения научных (теоретических и методологических) исследований о вопросах пределов внедрения, особенностях и возможностях контроля и надзора со стороны пользователя (в том числе государственного органа).

Соглашаясь с мнением авторов следует отметить еще одно важное направление, являющееся глобальным и системообразующим элементом научной разработки тенденций цифровизации – юридическая техника.

Современная отечественная парадигма такова, что нет точного определения понятия «цифровизация». Непосредственным примером может служить большое количество различных подходов исследователей в вопросах, что может выступать цифровизацией государственного управления, и в чем же сущность цифровизации в целом? Далее в работе будут рассмотрены несколько авторских понятий.

Так Т.Ф. Кузнецова считает, что цифровизация есть процесс преобразования отдельных предприятий или экономических отраслей в новые модели процессов, основанные на использовании информационных технологий[2].

В работе Н.В. Москвитиной и Т.А. Герасимовой отмечается, что цифровизацией можно считать процесс внедрения и использования информационных технологий и принципов цифровой экономики в социально-экономической жизни общества, опосредованной абсолютной автоматизацией, роботизацией и внедрением искусственного интеллекта[3].

Встречаются в научной литературе и более широкие подходы к данному понятию, так у ряда авторов: В.Г. Халина, А.П. Чижика, Г.В. Черновой и других, цифровизация трактуется как в «узком», так и в «широком» смыслах. Последнее представляет собой тренд эффективного мирового развития, а в «узком» понимании авторы это видят, как – преобразование информации в цифровую форму[4].

Переходя непосредственно к понятию, «трансформация» следует также остановиться на дефинициях, которые активно используются в изучении предпосылок и сущности вовлечения цифровизации в процесс государственного управления.

Е.И. Добролюбова и соавторы рассматривают цифровую трансформацию как качественное изменение содержания государственного управления, включая отдельные его процедуры и стадии управленческого цикла, а также функции и их типы, основанные на внедрении цифровых технологий[5].

Э.А. Биттуева, Е.В. Сечинский, Г.А. Тришкин полагают, что цифровая трансформация – это комплексный процесс изменений, результатом которого является достижение нескольких целей компании[6],

---

[1] Биттуева Э.А., Сечинский Е.В., Тришкин Г.А. Концептуальные основы и сущностные характеристики цифровизации государственного управления // Прогрессивная экономика. 2025. № 3. С. 139–149.

[2] Кузнецова Т.Ф. Цифровизация как культурная ценность и цифровые технологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 3-13.

[3] Герасимова Т.А., Москвитина Н.В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутск: ИГУ, 2019. С. 310-315.

[4] Катрин Е.В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник ЗабГУ. 2022. № 5. С. 49-54.

[5] Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Старостина А.Н. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности. // М. Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2021, 234 с.

[6] Примечание. Авторы рассматривают данное явление в точки зрения компании, юридического лица, трансформирующего свою внутреннюю организационную структуру управления на модель цифровых инструментов, однако, в данном контексте уместно применить подобный подход и к трансформации государственного управления (в широком смысле).

направленных на полную перестройку с учетом новых возможностей и требований, вызванных цифровыми технологиями[1].

Также стоит обратить внимание и на международный характер распространения цифровой трансформации государственного управления. В Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.11.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» под «цифровой трансформацией» понимают проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразования, но и в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов[2].

В ходе исследования цифровизации государственного управления отдельного внимания заслуживают подходы по отысканию эмпирических данных. Так С.А. Мельков, А.С. Сушанский в рамках своего исследования провели экспертный опрос по тематике цифрового государства[3]. Результаты исследования полностью коррелируют с общепризнанными и рассматриваемыми сегодня в науке, это – отсутствие единства, четкости и ясности в содержании понятия «Цифровое государство»; несформированность правовой регламентации данного явления; непременное вовлечение цифровизации в содержание деятельности государственных органов и государственного цифрового управления, в связи с чем требуются не только специалисты в области права с высочайшим уровнем знаний, но и с умениями и навыками в IT-секторе.

Рассматривая вопрос правовой регламентации стоит отметить, что сегодня подготовлен и принят Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 федерального закона "О персональных данных"»[4]. Ключевой смысл принятого Закона заключается во внедрении концепции правового экспериментального режима. Согласно нововведениям, столичное правительство получает право определять особые правовые условия для тестирования и применения технологий искусственного интеллекта в разнообразных областях.

Важно отметить, что данный Закон носит базовый характер и не фиксирует конкретные направления, где планируется использование ИИ-технологий. Хотя медиа уже неоднократно освещали потенциальные сферы применения искусственного интеллекта, представляется актуальным рассмотреть вероятные последствия принятия закона и оценить грядущие перемены в ближайшем будущем.

Анализируя рассмотренные нами положения по разработке научной доктрины цифровизации права в целом, следует, что авторы научных исследований приходят к определенного рода общим положениям, относительно того, что представляет из себя цифровизация и процессы трансформации. Однако, стоит особо подчеркнуть, что мнения авторов не приводят к общему пониманию явления, но в то же время, остаются верными. В данном случае, подобную асимметричность научных взглядов и действительного положения цифровизации в процессе отправления государственного управления может вызывать отсутствие либо же недостаточная разработанность юридической техники в контексте цифровизации. Поскольку традиционная модель, не способна принять во внимание существенные особенности цифрового элемента, являющегося системообразующим звеном всего процесса.

Говоря о имеющейся асимметрии, выявленной в ходе настоящего исследования, справедливо будет рассмотреть конкретную предлагаемую траекторию адаптационных изменений по совершенствованию юридической техники для регламентации единообразных подходов к изучению трансформации отечественного цифрового права.

Целесообразно разработать единые методологические основы, утвердив концептуальный документ (например, Доктрину трансформации правовой системы Российской Федерации). Внедрение данной Доктрины позволит добиться системных преобразований, повышающих эффективность правового регулирования в цифровую эпоху. Можно будет в действительности добиться повышения качества и обоснованности правотворчества; укрепить правовую определенность и выработать единообразие правоприменения, а также обеспечить развитие юридической науки и образования в целом. По результату,

[1] Биттуева Э.А., Сечинский Е.В., Тришкин Г.А. Концептуальные основы и сущностные характеристики цифровизации государственного управления // Прогрессивная экономика. 2025. № 3. С. 139–149.

[2] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.11.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/555625953 (дата обращения: 07.09.2025).

[3] Мельков С.А., Сушанский А.С. Цифровое государство, цифровое государственное и муниципальное управление: проблематизация и смыслы // Вестник Евразийской науки, 2020 № 6. URL: https://esj.today/PDF/49ECVN620.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

[4] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 федерального закона "О персональных данных"». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102722375 (дата обращения: 10.09.2025).

вместо фрагментарного и запаздывающего реагирования на технологические вызовы будет создана симметричная и адаптивная правовая система. Эта система сможет эволюционировать синхронно с развитием технологий, обеспечивая защиту публичных интересов и прав граждан, обеспечивать конституционные интересы Российской Федерации, не подавляя при этом инновации.

Также следует применить следующее «ядро» методов юридической науки, среди которых необходимо выделить: догматический метод, компаративный метод и историко-правовой метод.

Среди методов, интерпретирующих правоприменительную практику наиболее важным следует считать такой метод как конкретизированный. Что касается междисциплинарных методов в данном контексте следует применить статистический метод и социолого-правовой метод.

Таким образом, внедряя Доктрину и основные юридические методы, применяя системный и упорядоченный подход, это позволит обеспечить именно то единообразие и вектор развития, которые необходимы для формирования адекватной картины трансформации российского права.

Далее, рассмотрев аспекты доктринальной неупорядоченности, справедливо рассмотреть вопрос легитимности непосредственного использования и самой адаптации «живого права» в условия неограниченного цифрового пространства. Отметим, что классические теории легитимности, восходящие к работам Джона Локка о правлении[1] и Юргена Хабермаса[2] о легитимационных кризисах, основывались на принципах демократического волеизъявления, разделения властей и правовой обоснованности властных полномочий. В традиционной парадигме легитимность обеспечивалась через формальные юридические процедуры, законность принятия решений и институциональные механизмы сдержек и противовесов[3].

В цифровую эпоху эти основания претерпевают существенную трансформацию. Символическая легитимность цифровой власти все чаще формируется через восприятие технологической эффективности, алгоритмической беспристрастности и цифровой инклюзивности. Цифровые платформы и алгоритмы управления приобретают легитимность не благодаря формальному наделению властными полномочиями, а через символическое признание их эффективности и технологического превосходства, тем самым действуя в рамках стандартного правореализующего механизма. Возможно, этот феномен требует пересмотра традиционных теоретико-правовых подходов к пониманию природы публичной власти.

Современное развитие общественно-политических систем демонстрирует глубокие трансформации в институциональной организации публичной власти, которые невозможно осмыслить в рамках традиционных теорий конституционализма. Исследователи отмечают возникновение гибридных, сетевых и нелинейных моделей публичной власти, децентрализацией властных функций и возникновением полицентричных систем управления[4].

В этих новых архитектурах власти легитимность приобретает распределенный характер. Сетевая легитимность формируется через сложные взаимодействия множества элементов, каждый из которых обладает определенными ресурсами влияния и символического капитала. Гибридная легитимность сочетает традиционные формы юридической легальности с новыми символическими механизмами технологической обоснованности. Эти трансформации требуют переосмысления фундаментальных оснований публичной власти и ее архитектуры[5].

Концепции цифрового государства и электронного правительства представляют собой практические воплощения новых форм цифровой легитимности. Эти явления, как отмечает Т.С. Касимов[6], требуют теоретико-правового осмысления и описания, поскольку содержат в себе важнейшие понятия науки теории государства и права.

Важным элементом этого направления также становится концепция цифровых прав человека, которые рассматриваются как разновидность субъективных прав в конституционном, гражданском, уголовном, трудовом и других аспектах. Эти права понимаются как мера юридически возможного поведения личности, возникающая в связи с использованием цифровых данных и технологий, установленная соответствующим законодательством и позволяющая человеку удовлетворять свои потребности.

Таким образом, проанализировав ряд научных подходов к пониманию и сущности процесса цифровизации и опосредованной ею цифровой трансформации государственного управления, можно сделать вывод, что, при условии наличия высокой научной разработанности данного явления, с учетом применения нео-юртехники, отечественное право сможет найти способы законодательного закрепления цифро-

[1] Лезина Е.П., Голов Д.Э. Политико-правовое учение Джона Локка // Контентус. – 2022. – № 1. – С. 20-26.

[2] Хабермас Юрген. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. Общая редакция и вступительная статья О.В. Кильдюшов. Примечания, именной и предметный указатели Т.А. Дмитриев. – М.: Праксис, 2010. – 264 с.

[3] Поярков С. Ю. Трансформация современного конституционализма и новые архитектуры публичной власти: гибридные, сетевые и нелинейные модели в условиях цифровой эпохи // Право и политика. 2025. № 7. С. 160-182.

[4] Поярков С. Ю. Трансформация современного конституционализма и новые архитектуры публичной власти: гибридные, сетевые и нелинейные модели в условиях цифровой эпохи // Право и политика. 2025. № 7. С. 160-182.

[5] См. там же.

[6] Касимов Т.С. Теоретико-правовые аспекты цифрового государства и электронного правительства // ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика. 2020. № 4 (62). Часть I. С. 122-130.

вого государственного управления. Принимая во внимание существующие подходы к адаптации госуправления с использованием цифровых и информационных ресурсов, сегодня легитимность государственной власти, реализующей в таких форматах свои управленческие полномочия и функции своей правореализующей силы, все-таки, не лишается. Однако, нуждается в скорейшей профильной реновации и доработке.

Активное внедрение в управление государством данных IT-инструментов способствует наработке практических и теоретических взглядов для дальнейшей реализации цифровой трансформации отечественного государственного сектора. Данные процессы и практики, безусловно, важны, так как в условиях тестовых и научно-практических внедрений подобных систем и возможно добиться эффективный настройки инструментов, а также разработать доктринальные и практические модели их обобщения и закрепления. Сегодня информационные сервисы государственных органов, например, единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) «Госуслуги», официальный сайт Федеральной налоговой службы, официальный сайт Президента Российской Федерации и другие, в действительности можно назвать символами нарастающего внедрения цифровизации в отечественное право, но все-таки, ключевого правового закрепления, основанного на фундаментализме цифровизационной юридической науки они не имеют.

Феномен символической легитимности цифровой власти представляет собой один из наиболее значительных вызовов для современной теории права. Трансформация оснований легитимности в цифровую эпоху свидетельствует о глубоких изменениях в природе публичной власти, которые не могут быть адекватно осмыслены в рамках традиционных юридических концепций.

Ответом на эти вызовы должно стать развитие цифрового конституционализма как направления, способного адаптировать традиционные конституционные ценности к новым цифровым реалиям. Теория права нуждается в переосмыслении таких фундаментальных категорий, как источник права, субъект права, правовое регулирование, с учетом специфики цифровой среды. Не менее важной задачей является развитие цифрового права как комплексной отрасли, обеспечивающей регулирование общественных отношений, возникающих в связи с использованием данных в цифровой форме и цифровых технологий.

Киреев Иван Алексеевич[1]

студент 2 курса очной формы обучения Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Kireev Ivan Alekseevich

2nd-year full-time Student National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: kiriiv06@gmail.com

Эволюция толкований теории «двух мечей», как символа разграничения светской и духовной власти

Interpretational evolution of the «two swords» theory as the symbol of separation of secular and spiritual powers

Аннотация. В статье анализируется сущность, природа, генезис теории «двух мечей», историческая трансформация её толкований, а также место и тенденции развития в современном обществе. Автор предлагает классификацию факторов, повлиявших на искомую теорию, как символа разграничения компетенции светской и духовной власти.

Ключевые слова: теория «двух мечей», символ власти, разграничение светской и духовной власти

Annotation. The article analyzes the essence, nature and genesis of the "Two Swords" theory, the historical transformation of its interpretations as well as its place and trends in contemporary society. The author suggests classification of factors that had influenced the theory as a symbol of the separation of competence between secular and spiritual powers.

Keywords: "Two Swords" theory, symbol of authority, separation of secular and spiritual powers

Для цитирования: Киреев И.А. Эволюция толкований теории «двух мечей», как символа разграничения светской и духовной власти // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 891–893.

Распространившийся в последние полтора столетия тренд на секуляризацию общественной жизни, закрепленный в законодательстве многих стран, усложнил взаимодействие государственных и религиозных учреждений. Несмотря на отделение церкви от государства, последнее постоянно оказывается в ситуации, в которой кооперация с представителями духовенства позволила бы гораздо быстрее и эффективнее реализовывать управленческие цели, учитывая феномен религиозного авторитета, сохраняющегося даже в светском социуме.

Можно сколько угодно рассуждать о компромиссном распределении сфер их влияния и умозрительно выстраивать оптимальные модели соответствующего механизма правового регулирования, однако на практике оказывается, что установление жестких границ контрпродуктивно, а предложения о четком распределении компетенций утопичны ввиду очевидной необходимости синхронизирования усилий религиозных и государственно-властных учреждений.

Оценка ситуации в ретроспективе и анализ данного процесса позволят найти пути решения данной проблемы, а также выявить факторы, влияющие на её возникновение. Одним из ярких исторических символов разделения власти христианской церкви и европейских государств в Средневековье стала теория (доктрина) «двух мечей».

Символ «двух мечей» привлекал представителей различных социогуманитарных наук: философии, истории, религиоведения, юриспруденции. Преобладающее число специалистов изучало процесс становления и реализации теории как иерократии (папоцезаризма). Помимо этого, некоторыми учёными были исследованы философско-теологические учения европейского Средневековья, которые непосредственно формировали представление о теории «двух мечей», по вопросу борьбы за инвеституру между

[1] Научный руководитель: *Калинина Евгения Валерьевна* – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

духовенством и светскими правителями на примерах высказываний выдающихся мыслителей того времени[1].

Существенно поспособствовали пониманию проблемы и лингвистические научные разработки, позволившие раскрыть содержание и объем теологических понятий и институтов римского права, включенный в религиозный и политико-юридический терминологический аппарат. В ходе исследований, учёные подкрепляли свои взгляды историческими примерами, которые показывали отличие интерпретаций анализируемой теории, а также символики власти и методы борьбы за доминирование в разных странах Запада, в первую очередь, Германии и Франции.

Однако в научной литературе не так широко раскрыта трактовка теории «двух мечей» с юридической точки зрения, которая показывает и доказывает примат папской власти. Данная критика обусловлена недостаточностью анализа нормативно-правовых актов Средних веков (статья 1 Саксонского Зерцала; параграфы 311, 1465, 1474, 1475 Кутюмов Бовези) в рамках исследования символа разграничения власти.

Церкви Запада и Востока изначально пошли разными путями. Если вторая взяла курс на формирование симфонического единства со светской властью, признала за императором статус первосвященника[2], то политика первой привела к борьбе с императорами за инвеституру. Так, появились истоки уже широко известной теории «двух мечей». Учение папы римского Геласия I о «двух властях», основанное на евангелиях от Матфея и Луки, не только воплотило её в жизнь, но и дало мощный толчок в её становлении и развитии в последующие века.

Следует остановиться на самом символе «меча», по своей сути дуалистичном, употребляющемся в Священном Писании более четырёхсот раз. С одной стороны, «меч» символизирует нападение, рознь и обиду, с другой - защиту и благо. В любом случае, данный символ подразумевал силу воздействия, которая в Средние века осуществлялась, как наставления и воззвания к государям и народам, а также путём использования военной мощи и ресурсов последних, применяемые, в большинстве случаев, папой, что позволяло ему оставаться непогрешимым.

Церковь эффективно использовала терминологию римского права, а также продолжала развивать его правовые институты. Это знание позволяло ей набирать огромный круг соратников, повышать свой авторитет в русле признания и уважения, однако, он трансформировался в нечто большее. Так, В. В. Жилин сделал упор на изучение термина «авторитет», а также его слияние с категорией «власть» в средневековой Европе. Данная интеграция прослеживалась на примере отношений вышеупомянутых институтов - церкви и государства. Папа Геласий I, к примеру, в своём трактате, являющемся фундаментом теории «двух мечей», декларирует царскую власть и святой авторитет понтификов[3].

Весомая поддержка предполагаемым обладателям мечей исходила от научной элиты того времени, ставшей толкователем теории «двух мечей».

Интерпретаторов теории «двух мечей» в средневековой Европе можно разделить на три группы: 1) сторонников примата церкви, 2) апологетов примата государства и 3) тех, кто уравнивал «мечи» между собой. Одной из их задач являлось установление, каким образом символ власти попал в руки предполагаемых обладателей.

Сторонники первичности духовной власти обосновывали доминирование папы над императором и право первого отлучить государя от Церкви, тем, что мечи были даны изначально папе, а по его воле один из них был передан государю. Это, фактически, приводило к потере доверия вассалов ему присягнувших. Папа, в тоже время, обременялся ответственностью перед Богом за действия монарха.

Папой Иннокентием III были написаны трактаты, посредством которых «мечи» были сублимированы другими образами: «Солнцем» - папской властью и «Луной» - светской. Очевидно, что звезда превосходит спутник.

В противовес вышеописанной трактовки, получила развитие и иная интерпретация, которая гласила, что мечи были даны Богом напрямую и папе, и императору. Как следствие: превосходство духовной власти над светской несправедливо. На базе этого стали обосновывать и примат государства над церковью.

Марсилий Падуанский в работе «Защитник мира» изложил идею о том, что общество должно управляться законом человеческим, а не божественным. Так, А. Г. Сытин, исследуя труды философа, ярого противника папской власти, указал на заявленную М. Падуанским необходимость определить нормативное соотношение полномочий церковной и светской власти[4]. Помимо этого, Сытин противопоставил позиции Пап Геласия I, Григория I, богослова Б. Клервосского и др. – сторонников верховенства «меча духовного» с позициями И. Парижского и Д. Алигьери – сторонников верховенства «меча светского», вместе с этим показав контраст толкований изучаемой теории.

[1] Сытин А.Г. "Концептуальный сдвиг в понимании оснований политики в европейской мысли XIV В.: учение Марсилия Падуанского" Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 4. С. 35-43.

[2] Бедаев А.И. "Цезаропапизм или симфония: к вопросу о характере отношений духовной и светской власти в византийской империи" Культура. Духовность. Общество. 2014. № 11. С. 196.

[3] Жулев В. В.. "Понятие auctoritas в Средневековье" Философский журнал. 2018. № 25. С. 314-336.

[4] Сытин А.Г. "Концептуальный сдвиг в понимании оснований политики в европейской мысли XIV В.: учение Марсилия Падуанского" Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 4. С. 35-43.

Оттон Фрейзингенский, наряду с другими мыслителями, которые придерживались идеи равенства «мечей», настаивал на поиске компромисса в конкуренции между императорами и папами . Ему удалось обосновать доктрину таким образом, что оба меча стали занимать неотъемлемую и «равновеликую» роль на земле, взяв за основу Священное писание (Лк. 20:25: «Итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу…»). Здесь же прослеживается попытка разграничить компетенцию церкви и государства.

Помимо мечей, не менее важную роль играли и другие символы власти. Несмотря на борьбу церкви и государства за инвеституру, инсигнии их представителей нашли отражение друг в друге, чему посвятила часть своей работы Н.Р. Хан. Так, по словам учёного, «папа украшает свою тиару золотой короной, облачается в императорский пурпур, посылает впереди своей процессии имперские стяги. У императора появляется митра на короне, он надевает папские башмаки и другие церковные одежды…»[1]. Такой синтез показывает взаимодополнение духовной и светской власти, несмотря на их противоположную природу. Помимо этого, исследователь описал метафорический союз представителей институтов – символ верности короля государству и папы церкви.

Учитывая все вышеизложенное, можно прийти к выводу о комплексном характере факторов, в разные эпохи, влиявших на «наполнение» теории «двух мечей» и определявших ее интерпретационные трансформации.

Их также можно классифицировать по следующим критериям:

1) по охвату (пространства и событий):

- внешние (например, геополитические трансформации, специфика становления западно-европейских государств);
- внутренние (например, экономический; национальный;

внутригосударственное противоборство политических элит);

2) по направленности воздействия на общественные отношения (вектор воздействия):

- правовые факторы (партикуляризм права; изменение объема юрисдикции церковных и феодальных судов; поступательная централизация власти);
- неправовые факторы (финансовое положение Церкви; символическое ритуальное коронование папой нового правителя).

В конечном счёте, символ мечей утратил актуальность параллельно с постепенным формированием идей о создании светских государств, однако конкуренция властей, как акторов влияния на общественное мнение сохранилась.

[1] Хан Н. Р. Папоцезаризм и цезаропапизм как механизмы действия христианской теократии // Журнал «Вестник КРСУ». 2016. № 6 (16). С. 194-198.

Козлов Евгений Вячеславович

аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Kozlov Evgeny Vyacheslavovich

Postgraduate student of Department of Theory and History of State and Law at the Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov

E-mail: evgeny.kzlv@mail.ru

Символы проактивности законодательства

Symbols of proactive legislation

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования законодательства России с позиции внедрения в нормы права понятия проактивности и смысла, который вкладывается законодателем и нормотворцами в термин при его употреблении применительно к различным сферам правового регулирования. Отсутствие единого толкования дефиниции явно прослеживается в законодательстве, что наглядно проиллюстрировано в настоящей работе. По результатам анализа сделаны авторские выводы относительно понимания и сущности проактивности в том виде, в какой она присутствует в современном российском законодательстве.

Ключевые слова: юридическая проактивность, социальные ценности, правовая система, правовое регулирование, юридическая техника, правоотношения, законодательство

Annotation. The article presents the results of a study of Russian legislation in the terms of implementing the concept of proactivity into the law and the meaning that legislators and law-makers attach to the term when it is used in relation to various areas of legal regulation. The lack of a single interpretation of the definition is clearly evident in the legislation as it is illustrated in this paper. Based on the results of the analysis, the author draws conclusions regarding the understanding and essence of proactivity in the form that it appears in contemporary Russian legislation.

Keywords: legal proactivity, social values, legal system, legal regulation, legal technique, legal relations, legislation

Для цитирования: Козлов Е.В. Символы проактивности законодательства // Юридическая техника. – 2025. - № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород, ЮНИКОПИ, 2026. С. 894–897.

Право и символизм в современных научных работах, как правило, не взаимосвязаны. Российское право также не оперирует понятием символа, как некоего устоявшегося образца, что, как можно предположить, во многом обусловлено постоянной трансформацией права и, как следствие, неизбежной трансформации законодательства.

Применительно к праву символизм исследователями рассматривается как некая сумма знаний, воспринимаемая в качестве образца и передаваемая из поколения в поколение[1].

Можно согласиться с тем, что сумма знаний – это ценность, это своего рода опора для последующего развития, в том числе развития и трансформации права, развития законодательства. Однако рассматривать данную сумму как символ не стоит, потому что ценность знания так или иначе варьируется в разные времена, то есть одна и та же информация в разные временные периоды может быть либо ценной, либо полностью утратить ценность.

Некоторые исследователи полагают, что применительно к праву символ – это определенный знак, некоторая разновидность социальных знаков, которая устанавливается либо санкционируется государством[2].

[1] Серегина, В. В. Символизм в праве как отражение его культурологических особенностей // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – № 1(6). – С. 40.

[2] Суменков, С.Ю. Символ в праве // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». – 2024. – № 10. [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/c/simvol-v-prave-ea4607/?v=7565590. (дата обращения: 25.09.2025).

Такая трактовка понятия также представляется непротиворечивой, если сужать понятие непосредственно до символа, как некоего обозначения, которому придана правовая защита. Например, символы – это флаг, герб и гимн России. Именно в них наиболее наглядно проявляется символизм в его буквальном, в, некоторой мере, утилитарном понимании.

Однако, говоря о символизме, необходимо отметить, что его сущность шире. Символизм, как справедливо указывает С.С. Тихонова, проявляется в той роли, которую символы играют. «Символы призваны воздействовать на поведение субъектов данных отношений через эмоциональную сферу, формируя поведенческие условные рефлексы»[1].

Соглашаясь с данной точкой зрения, можно отметить, что появление понятия проактивности в нормах права России направлено на формирование проактивного поведения, что особенно актуально для деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, поскольку именно на такое поведение, как на необходимое в современных условиях, ориентирует их государство.

Правовое регулирование отношений в социуме традиционно базируется на подходе, который предполагает первоначальное формирование общественных отношений или возникновение определенной системной проблемы, разрешение которой необходимо переносить в плоскость права. Однако в последние годы в свете распространения политики сервисного государства, появления «цифрового правительства», повышения доступности государственных и муниципальных услуг, предоставление которых предполагает обращение к цифровым ресурсам, постепенно изменяется и подход к правовому регулированию, а непосредственно в нормах права появилось понятие «проактивность».

Допустимо утверждать, что появление понятия проактивности в законодательстве – это своего рода символ современности. Будучи неразработанным на уровне теории права, термин стал активно использоваться преимущественно в подзаконных нормативных правовых актах.

Указание на проактивность, как на символ изменения подхода к правовому регулированию и деятельности государственных органов, присутствует в Паспорте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», где установлен в качестве целевого состояния оказания государственных и муниципальных услуг наряду с развитием экстерриториальности как новый, только внедряемый механизм[2]. Позднее акцент на том, что принцип проактивности должен внедряться и в деятельности органов государства, сделал и Президент РФ, что, с точки зрения А.В. Мазеина, важно, поскольку имеет стратегическое значение[3].

Указанные Паспорт и Послание Президента РФ[4] не могут однозначно быть определены как источники права в России, потому что это, скорее, политические документы, определяющие последующее развитие и изменение законодательства. Тем не менее, проактивность в них фигурирует, как своего рода символ, потому что с этого периода термин все более активно используется, а впоследствии закрепляется в законодательстве.

Позднее, в 2020 году указание на проактивность (упреждающий, проактивный режим) появляется в законе, определяющем предоставление государственных и муниципальных услуг, но само понятие не конкретизируется, а закрепляются условия и порядок применения проактивного режима предоставления указанных услуг[5].

При этом проактивность связывается в законодательстве с рядом обязательных условий: сбором информации, получением согласия, поступлением информации, свидетельствующей о наличии оснований для предоставления государственной или муниципальной услуги. Правительство РФ конкретизирует данное положение, закрепляя непрерывность, то есть круглосуточное, без перерывов, предоставление услуг в проактивном режиме при возникновении к тому оснований, но акцентирует внимание на поступлении информации о том, что у лица возникло право на получение той или иной услуги[6], то есть упреждение (проактивный режим) фактически трансформируется в новый беззаявительный порядок, а сама суть проактивного режима, как не предполагающего обращение, изменяется.

---

[1] Тихонова, С. С. Отзыв официального оппонента о кандидатской диссертации Н. С. Гончаровой «Символы в российском уголовном праве» (Саратов, 2023): основные вопросы научной дискуссии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 3 (63). – С. 289.

[2] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16. Документ утратил силу. [Электронный ресурс]. – URL: http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf. (дата обращения: 25.09.2025).

[3] Мазеин, А. В. Понятие принципа проактивности в управленческой деятельности органов исполнительной власти: научные и легальные подходы // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3.1. – С. 230.

[4] Послание Президента Федеральному Собранию : Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 // Российская газета. – № 38. – 21.02.2019.

[5] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 509-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (ч. I). – Ст. 48.

[6] О Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан: Распоряжение Правительства РФ от 11.04.2022 № 837-р (ред. от 24.10.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 17. – Ст. 2941.

Анализируя использование понятия проактивности в законодательстве России, можно утверждать, что оно, по своей сути, близко к способности своевременно реагировать на изменения социальной среды, предотвращать или упреждать возможные негативные последствия и обеспечивать стабильность общественных отношений. Акцент на упреждении свидетельствует о том, что изменяется сам подход к разрешению возможных проблем, либо к минимизации последствий, оказанию помощи в сложной ситуации своевременно. Данное понимание приемлемо исключительно в отношении предоставления государственных и муниципальных услуг.

Одна из основных проблем правового характера в данном случае обусловлена тем, что руководство государства, ориентируя государственные органы и органы местного самоуправления на внедрение проактивности, не конкретизирует, что именно под этим следует понимать. В результате проактивность все чаще появляется в подзаконных нормативных правовых актах и каждый раз в понятие вкладывается разный смысл. Для иллюстрации утверждения можно привести несколько определений.

Так, например, Росздравнадзор закрепляет следующее определение: «Проактивность – это способ действовать не реагируя на воздействие извне, а создавая ситуацию, выбирая свои действия и запуская их по своей инициативе, опережая события и формируя нужные реакции у окружающих»[1].

Минтруд России приводит иные: проактивность – это «инициативное информирование граждан о возможности получения комплекса услуг в связи с возникновением различных жизненных ситуаций»[2], «заблаговременное, инициативное информирование граждан о мерах социальной защиты и иных событиях»[3].

Минэкономразвития России формулирует принцип проактивности, раскрывая его как «обеспечение максимального вовлечения в процесс подготовки инвестиционной декларации всех заинтересованных лиц, включая представителей бизнеса, предпринимательских объединений и экспертных сообществ»[4].

Приведенные выше формулировки свидетельствуют о том, что в настоящее время отсутствует единое представление о сущности проактивности, о том, что следует понимать как проактивность. Проактивность в понимании различных ведомств это, и способ действия, и способ информирования, и принятие мер к максимальной вовлеченности в процесс тех или иных субъектов. В каждом случае просматривается стремление адаптировать понятие под конкретную сферу общественных отношений, вложить в него собственный смысл, без учета того, что при правоприменении, в том числе в рамках различных процессов, возникнет обязательно ситуация разночтений, то есть в итоге поведение субъектов правоотношений не будет единообразным, что противоречит самой идее правовой регламентации, как направленной на выработку единого приемлемого поведения, которое определено как правомерное и предпочтительное в социуме, укладывающееся в нормативно установленные рамки дозволенного.

Негативным фактором выступает закрепление различных формулировок в нормативных правовых актах и иных официальных документах, которые являются основой для правоприменения, потому что фактически в условиях отсутствия понимания сущности не может быть эффективно реализована государственная политика и выполнено требование о полноценном внедрении проактивности.

Во многом возникновение подобной ситуации обусловлено отсутствием теоретической проработанности, обоснования тому, какой смысл целесообразно вкладывать в понятие проактивности, как новое для российского права и российского законодательства. В данном случае опережение норм права развития общественных отношений даже при наличии идеи улучшения негативно.

Если обратиться к анализу современной научной литературы, посвященной понятию проактивности и его реализации в законодательстве России, то можно увидеть, что в большинстве случаев рассматривается проактивность применительно к государственным услугам, отчасти – в иных направлениях в свете использования термина в нормативных правовых актах. При отсутствии единого понимания проактивности у законодателя и нормотворцев, в отсутствие проработанной доктрины права мнения исследователей существенно отличаются.

Некоторые исследователи, рассматривая проактивность, ограничиваются ее противопоставлением реактивности, указывая на качественное отличие: проактивность предполагает деятельность и действия на опережение, в том время как реактивность – только реагирование на уже сложившуюся ситуацию[1].

---

[1] О внесении изменений в приказ Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 15 декабря 2020 г. № 11931 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения на 2021 - 2023 годы»: Приказ Росздравнадзора от 30.12.2020 № 12641 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_395291/ (дата обращения: 25.09.2025).

[2] О реализации в отдельных субъектах Российской Федерации пилотного проекта по созданию семейных многофункциональных центров: Приказ Минтруда России от 06.04.2022 № 203 // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. – 2022. – № 6.

[3] Об автоматизированной системе взаимодействия с гражданами в социальной сфере: Приказ Минтруда России от 28.05.2019 № 362 // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. – 2019. – № 6.

[4] О внесении изменений в приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»)»: Приказ Минэкономразвития России от 20.09.2024 № 592 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_486534/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 25.09.2025).

Вследствие использования в законодательстве понятия «упреждения» для характеристики проактивности, принципа проактивности или режима проактивности, в некоторых случаях исследователи указывают на то, что проактивность по своей сути и есть упреждение, как качественная характеристика деятельности государственных органов или органов местного самоуправления[2].

Как особое правовое отношение предлагает рассматривать проактивность Р.Б. Головкин[3].

Данное представление о проактивности интересно и заслуживает внимания, поскольку указанный автор выделяет специфику проактивности применительно к праву. Как следствие внедряется уже иное понятие – юридическая проактивность, как специфичная и отличная от проактивности, упоминания о которой присутствует в неправовых работах. Подобный подход с учетом того, что вне правовых исследований понятие проактивности используется в ином смысле и основано на понимании ее как особого рода активности личности, позволяет разграничивать терминологию, исходя из сферы использования. В таком случае правоприменение не будет сопряжено с проблемой толкования термина, но только при условии его законодательного закрепления.

Резюмировать изложенное можно следующим образом. Символизм права – это отражение социальной действительности в нем. Появление тех или иных символов, а в данном конкретном случае – символов проактивности, свидетельствует о происходящих изменениях непосредственно в самом социуме. Возникшая необходимость упреждения, опережения возможных негативных последствий – это своего рода символ, который в настоящее время устойчиво переносится в нормы права и фиксируется в них, несмотря на то, что понятие проактивности до настоящего времени в российском праве отсутствует, как единый термин, как формулировка, которая была бы общей. Символизм в данном случае проявляется в том, что при отсутствии единого толкования дефиниции, она, тем не менее, активно внедряется в законодательство и используется для характеристики направлений политики государства, а также для целей указания того, каким именно образом надлежит действовать государственным органам.

Наибольшая определенность присутствует только в части определения проактивности государственных и муниципальных услуг, поскольку непосредственно в федеральном законе определено, как именно должен функционировать принцип проактивности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать и предложить качественно новое определение понятию проактивности в праве и определить ее как юридическую проактивность, под которой предлагается понимать социально значимую, социально полезную, регламентированную нормами законодательства деятельность субъектов правоотношений, направленную на упреждение и решение проблем правового характера, а также на оказание помощи и содействия лицам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

[1] Савельев, И. Проактивность vs реактивность: рассуждая о сущности антикризисного // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. – С. 360.

[2] См., напр.: Проактивность государственных услуг: потенциал, риски и правовые условия успеха / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов [и др.]. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – С. 10.

[3] Головкин, Р.Б. Понятие «юридическая проактивность» // Вестник Владимирского юридического института. – 2023. – № 2 (67). – С. 120.

Корешков Александр Сергеевич[1]

слушатель Академии управления МВД России

Koreshkov Alexander Sergeevich

student of the Academy of Management The Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: dkoresh@yandex.ru

Символы специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел

Symbols of the special legal status of an employee of the internal affairs bodies

Аннотация. В статье исследуется роль символов в формировании и выражении специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Автор рассматривает символы как невербальные средства визуализации особого правового положения, подтверждающие юрисдикционные полномочия, выполняющие воспитательно-профилактическую функцию и находящиеся под правовой охраной государства. На основе исторического анализа и современных правоприменительных практик обосновывается тезис о том, что символы (форменная одежда, знаки различия, награды и др.) объединяют правовые и нравственно-этические компоненты статуса полицейского, способствуя укреплению доверия общества и легитимности правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: символ, правовой статус, органы внутренних дел, доверие

Annotation. The article examines the role of symbols in the formation and expression of the special legal status of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The author considers symbols as non-verbal means of visualizing a special legal situation, confirming jurisdictional powers that perform an educational and preventive function and are under the legal protection of the state. Based on historical analysis and modern law enforcement practices, the thesis is substantiated that symbols (uniforms, insignia, awards, etc.) combine the legal and moral and ethical components of the status of a police officer, contributing to strengthening public confidence and the legitimacy of law enforcement.

Keywords: symbol, legal status, law enforcement agencies, trust

Для цитирования: Корешков А.С. Символы специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 898–901.

Политика современного российского государства характеризуется повышенным вниманием к защите прав человека, в особенности, если это касается личности, стоящей на страже безопасности государства, обеспечивающей его суверенитет, целостность, внутренний правопорядок.

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно в ходе своих выступлений обозначал не только значимость мер государственной поддержки военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов (в широком понимании данного словосочетания), но и на формировании новой «социальной элиты» из представителей «силовых» ведомств.

В частности, «подлинная, настоящая элита», – по мнению национального лидера, – «это все, кто служит России, труженики и воины»[2]. Представители данного слоя общества рассматриваются главой государства в качестве базиса правового, нравственного воспитания подрастающего поколения, духовной скрепы социума и каркаса преумножения традиционных национальных ценностей, сохранения са-

[1] Научный руководитель: *Рельев Артем Григорьевич* – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), профессор кафедры теории права, гражданского права и гражданского.

[2] См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. 2024. 1 марта.

мобытной отечественной идентичности. Поддерживают посыл верховного главнокомандующего и политики высшего ранга, государственные деятели и ученые-юристы[1].

Не будет открытием тезис, что в период распада советского государства, статус служителя правопорядка мягко говоря был размыт: как в организационно-правовом смысле, так и ментальном. С одной стороны, низкий уровень материального благосостояния, отсутствие действенных мер государственной поддержки (либо их дисфункционирование), а с другой – ослабление государственной цензуры, размывание преемственности поколений, утрата фундаментальных традиций, – в совокупности привели к дискредитации положения милиции в обществе и государстве. В художественных произведениях, в кинематографических работах – на смену высокому (в прямом и переносном смысле) образу советского милиционера в лице дяди Степы пришел образ алкоголе-зависимого, балансирующего на грани правомерного, маргинального и противоправного поведения «служителя правопорядка»[2].

Сегодня, стоит признаться, ситуация меняется в лучшую сторону. Во многом благодаря целенаправленной правовой политике государства, сотрудник органов внутренних дел все меньше ассоциируется с «оборотнем в погонах», о чем часто приходилось слышать в 90-е. Так, в результате реализации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции[3] удалось установить, что динамика уровня доверия к деятельности органов внутренних дел последние годы неуклонно растет. В частности, с 43,8% в 2020 году она поднялась до 54,8% в 2024 году[4]. Более десяти процентов за 5 лет – очень достойный показатель, при том, что в середине 2000-х индекс доверия не поднимался выше 30%.

Достижение вышеприведенных показателей – не случайность, а результат кропотливой работы Министерства внутренних дел Российской Федерации по поднятию имиджа и престижа службы полицейских. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что статус сотрудника органов внутренних дел – это совокупность не только правовых элементов, характеризующих его повседневную деятельность (права, обязанности, ограничения, запреты и пр.)[5], но и нравственно-этических, морально-волевых характеристик, не всегда свойственных «рядовому» гражданину. Не случайно, что конструкция специального правового статуса личности должна рассматриваться комплексно, всесторонне, учитывая наполнение ее нравственно-этическим содержанием[6]. Правы те авторы, кто в конструкцию специального правового статуса военнослужащего, сотрудника органов внутренних дел включает такие категории, как: долг, совесть, честь, достоинство и иные[7]. При этом, немаловажное значение сегодня приобретают элементы визуализации данного специального правового статуса. Происходит это через соответствующие символы.

Символы в праве – категория, которая не первый год привлекает внимание ученого сообщества и практиков: не только на уровне отдельных публикаций в периодической печати[8] или исследуемых в рамках научных монографий[9], но и в формате подготовки научно-квалификационных работ[10]. Символы, отражающие особенности правового статуса сотрудников органов внутренних и специфику их деятельность, – тема более редкая, но все же нашедшая отражение в науке[11].

Символы в специальном правовом статусе сотрудника органов внутренних дел – это, по нашему мнению, *совокупность коммуникативных средств (приемов) невербальной визуализации особого правового положения должностного лица, обеспечивающая подтверждение его юрисдикционных полномочий, служащая инструментом правового воспитания и передачи необходимой информации (ориен-*

---

[1] См., например: Председатель КС РФ Валерий Зорькин выступил с лекцией на Петербургском международном юридическом форуме // Российская газета. 2025. 20 мая.

[2] См., например: Вайнер А.А., Вайнер Г.А. Евангелие от палача. СПб.: Астрель, 2012. 480 с.

[3] См.: Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции: приказ МВД России от 01.12.2016 № 777 // СПС «Консультант Плюс».

[4] См.: Министерство внутренних дел Российской Федерации – Официальный сайт [Электронный ресурс]. Путь доступа: https://мвд.рф/publicopinion?ysclid=mck8gjago2480078140 (дата обращения: 01.07.2025).

[5] См.: Репьев, А.Г. Специальный правовой статус: сущность и содержание (на примере сотрудника органов внутренних дел) / А.Г. Репьев // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 3 (36). – С. 80-87.

[6] См.: Репьев, А.Г. Правовой статус личности сотрудника органов внутренних дел в специальных правовых режимах: теория и юридическая техника / А.Г. Репьев, О.В. Стрелкова // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 1 (69). – С. 28-35.

[7] См., например: Фарбер, И.Е Свобода и права человека в советском государстве / И.Е. Фарбер. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, – 1974. С. 116; Масленников, В.А. Конституционные права и обязанности граждан СССР: сущность и проблемы реализации / В.А. Масленников // Советское государство и право. – 1983. – № 6. – С. 5; Репьев, А.Г. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) / А.Г. Репьев, А.М. Репьева // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 3 (23). – С. 77-81.

[8] См.: Давыдова, М.Л. Символы в праве и правовые символы: понятие и значение / М.Л. Давыдова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 3(284). – С. 42-46.

[9] См.: Гончарова, Н.С. Символы в российском уголовном праве / Н.С. Гончарова. – М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2024. – 208 с.; Дорская, А.А. Символы зла в истории российского права / А.А. Дорская. – СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2018. – 163 с.

[10] См.: Мальцев, И.В. Символы в праве и в юридической науке / И.В. Мальцев: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2021. – 341 с.

[11] Репьев, А.Г. Визуализация правовых преимуществ: теоретико-правовой и исторический аспекты / А.Г. Репьев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (73). – С. 39-44.

тирующая других участников общественных отношений на правопослушное поведение) и охраняемая государством мерами принуждения.

Остановимся на аргументации приведенных качественных признаков символов в специальном правовом статусе сотрудника органов внутренних дел.

Первое, что выделено нами, это визуализация особого правового положения лица в государстве. Подобная характеристика имеет весьма прочную историческую основу, поскольку с момента появления первых должностных лиц, стоящих на охране государственности, защите правопорядка, – их статус выделялся из общества внешними атрибутами. При этом конкретными символами статуса и раньше, и сейчас выступают:

– предметы одежды (как правило, форменное обмундирование);

– головные уборы;

– знаки отличия (награды, символы отмеченных заслуг или многолетней добросовестной службы и пр.);

– предметы вооружения и специальные средства.

Как верно отмечает А.Г. Репьев, в России «знаки, символизирующие статус полицейского и отличающие его, к примеру, от других чиновников, появились в XIX в. До реформы императора Александра I единственным исключительным атрибутом полицейского был темляк, используемый при ношении сабли или шпаги»[1]. Сегодня, сотрудник органов внутренних дел, заступающий на службу, также ориентируется на установленные элементы форменной одежды, которая сопровождается ношением знаков: отличия (как правило, это медали и нагрудные знаки)[2] и различия (к ним относятся: нарукавные знаки; погоны, указывающие на имеющееся специальное звание сотрудника; вытканные знаки на специальной форменной одежде и др.)[3].

Второе, на что следует обратить внимание, – это роль символов в подтверждении юрисдикционных полномочий сотрудника органов внутренних дел. Так, при осуществлении надзора за соблюдением участниками дорожного движения соответствующих правил, «должностные лица, уполномоченные осуществлять надзор, должны находиться в установленной по сезону форменной одежде (особой форме одежды для несущих службу на мотоциклах), иметь <…> нагрудный знак, а в темное время суток и в условиях недостаточной видимости светящийся жезл»[4]. В представленном примере мы отмечает сразу три символа – невербальных средства подтверждения статуса должного лица, уполномоченного на применение мер государственного принуждения.

Третий, не менее важный момент, заключается в воспитательно-ориентирующей роли символов специального правового статуса сотрудника. В психологии есть такой прием – создание «эффекта присутствия». В самом общем виде он заключается в использовании максимально выразительных демонстрационных средств для достижения конкретного результата. В этом смысле, форменное обмундирование, специальные средства и иные символы специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел, – это прием предупреждения потенциальных правонарушений. Граждане, идентифицируя сотрудника полиции и выделяя его из всей массы участников, осознают риски совершения противоправного деяния, потенциальные неблагоприятные последствия своего вредного для общества поведения. Символ в статусе сотрудника органов внутренних дел – важное средство ранней профилактики правонарушений и преступлений. Не случайно наружные службы охраны общественного порядка (участковые уполномоченные полиции, сотрудники патрульно-постовой службы полиции и др.) несут службу в форменно обмундировании (за редким исключением для выполнения особого рода задач, но даже в этом случае из символов обязательно должен присутствовать специальный жетон с личным номером)[5].

Наконец, последнее на чем следует остановиться. Символы специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел – охраняются государством мерами принуждения. При этом, речь идет

[1] Репьев, А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника / А.Г. Репьев: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2020. С. 102-103. См. об этом подробнее: Сергеев, В.Н. Форменная одежда полицейских органов России в XIX в. – начале XX в.: социально-политический и культурно-исторический аспекты / В.Н. Сергеев: дис. … канд. ист. наук. М., 2007. С. 18.

[2] Медали и нагрудные знаки МВД России размещаются на форменном обмундировании с учетом требований Положения о государственных наградах Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (в ред. от 10.05.2024) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации». См.: Российская газета. 2010. 15 сент.

[3] См.: Об утверждении Правил ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия: приказ МВД России от 17.11.2020 № 777 (в ред. от 23.09.2024) // СПС «Консультант Плюс».

[4] Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 02.05.2023 № 264 // СПС «Консультант Плюс».

[5] См.: О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции»): приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 (в ред. от 06.02.2024), п. 13 // СПС «Консультант Плюс».

не только о мерах предупреждения и пресечения, но и о мерах юридической ответственности. В частности, объектом преступленного посягательства, ответственность за которое предусмотрена ст. 319 Уголовного кодекса РФ[1], выступает честь, достоинство представителя власти. Умышленное срывание с головы сотрудника таких символов специального правового статуса, как форменный головной убор или погоны, интерпретируется правоприменительными и судебными органами однозначно, а именно: как оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей, выражающиеся в публичных действиях, унижающих честь и достоинство[2]. Символы специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел (в проекции к конкретной личности представителя власти) находятся под особой защитой государства.

Подводя итоги кратко изложенного материала, отметим следующее:

Во-первых, символы специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел, как и столетиями ранее, сегодня являются неотъемлемым компонентом правового положения служителя правопорядка, а также важным нравственно-этическим приемом сохранения и преумножения традиций служению Отечеству, олицетворением высокого достоинства, добросовестности, чести.

Во-вторых, сегодня, в условиях нарастающих геополитических вызовов, внутренних угроз, символы приобретают важное значение в системе мер государственной поддержки, поощрения наиболее отличившихся сотрудников (к таким символам, например, относится ношение почетных знаков). Однако несмотря на принимаемые меры, современные полицейские по-прежнему нуждаются в упрочении мер стимулирования добросовестного служения на благо правопорядка, заботы органов власти о членах их семей и многом другом. Принимаемых сейчас мер явно недостаточно.

Полиция была и останется оплотом государственности, стержнем сохранения суверенитета и национальной идентичности. Следовательно, поддержка специального правового статуса сотрудников органов внутренних дел, насущная потребность и системная перспективная задача органов публичной власти.

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025), ст. 319 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 17. Ст. 2131.

[2] См.: О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 // Российская газета. 2023. 9 июня.

Кусакин Александр Андреевич

аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Kusakin Alexander Andreevich

PhD student of the chair of the theory and history of the state and law of the law faculty of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: mr.kusakin@mail.ru

Символический смысл поручения Президента Российской Федерации в отечественной правовой системе и юридической практике

Symbolic point of the assignment of the President of the Russian Federation in the domestic legal system and juridical practice

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о символизме поручения Президента Российской Федерации в правовой системе России. Анализируется его символическое значение в различных сферах правовой жизни современной России: в рамках проведения контрольно-надзорных мероприятий, в рамках правотворческого процесса и процесса правоприменения. На основании рассмотренных нормоположений и правоприменительной практики делается вывод о том, что поручение Президента Российской Федерации выступает средством выражения персонифицированной верховной власти, довлеющей над иными публичными институтами и органами.

Ключевые слова: поручение Президента РФ, символ в праве, символизм, правовой символ, органы публичной власти

Annotation. The article discusses the symbolism of the assignment of the President of the Russian Federation in the legal system of Russia. The article analyzes its symbolic significance in various spheres of the legal life of modern Russia: in the framework of control and supervisory measures, in the framework of the law-making process and the law enforcement process. Based on the reviewed regulations and law enforcement practice, it is concluded that the assignment of the President of the Russian Federation acts as a means of expressing a personalized supreme authority dominating other public institutions and bodies.

Keywords: assignment of the President of the Russian Federation, symbol in law, symbolism, legal symbol, public authorities

Для цитирования: Кусакин А.А. Символический смысл поручения Президента Российской Федерации в отечественной правовой системе и юридической практике // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 902–904.

Одной из особенностей отечественной правовой системы является наличие в ней поручения Президента Российской Федерации (РФ) как уникального правового феномена, отличного от классических нормативных и ненормативных правовых актов. Характерными чертами поручения Президента РФ как правового акта и правового феномена является, с одной стороны, его малоизученность в отличие от нормативных и ненормативных правовых актов, а с другой, его универсальность и связь с фигурой главы государства как в определенной степени с гарантом исполнения изложенных в поручении предписаний.

При этом само поручение является не только правовым, но и социально значимым явлением, поскольку олицетворяет собой проявление воли Президента РФ, выраженной в достижении возложенных на него Конституцией РФ целей и задач, направленных на реализацию в Российской Федерации принципов правового, социального и демократического государства.

Сказанное выше наделяет поручение характеристикой средства коммуникации между следующими субъектами: общество (отдельные его представители или социальные группы), Президент РФ и компетентные в решении определенных государственной значимых вопросов органы публичной власти и организации. При помощи поручения Президент РФ, во-первых, регистрирует общественный запрос на социальные изменения, во-вторых, определяет непосредственных исполнителей соответствующих запро-

сов от общества, в-третьих, наделяет непосредственных исполнителей воли Президента РФ, установленной в поручении, обязанностью выполнить не только прямое предписание главы государства, но и удовлетворить заявленные ранее общественные потребности.

Обращаясь к современному отечественному законодательству, можно увидеть, что поручение главы государства чаще всего используется в качестве основания для проведения того или иного контрольно-надзорного мероприятия[1]. В данном аспекте поручение Президента РФ выступает в качестве символа президентского контроля над деятельностью нижестоящих органов государственной власти. Отечественная правовая традиция предполагает иерархичность в построении взаимодействия органов государственной власти, что в настоящее время выражается в особой форме контроля над деятельностью органов публичной власти – президентском контроле. Президентский контроль не является формально установленным правовым институтом, поскольку глава государства в России не наделен контрольно-надзорными полномочиями, однако в литературе данный вид контроля указывается в качестве высшей его формы в силу особого правового статуса Президента РФ[2].

В это связи видится справедливым отметить наличие у главы государства конституционно обоснованного незакрытого перечня полномочий, ограниченного лишь рамками Конституции РФ, системой разделения властей и компетенцией федерального законодателя[3]. Особая роль Президента РФ, конституционные основы его правового статуса, а также существование в России традиционалистской политической традиции со стремлением персонификации верховной власти, порождают патерналистское восприятие контроля Президента РФ над деятельность органов публичной власти. С одной стороны, Президент РФ прямо не наделен контрольно-надзорными полномочиями, с другой, глава государства в России, обладая неоспоримым авторитетом как конкретная персона, находится в постоянной коммуникации с представителями органов государственной власти, обладающими указанной компетенцией, и поручение, как было указано выше, обладает свойством посредника между волей Президента РФ провести то или иное контрольно-надзорное мероприятие и деятельностью уполномоченного на то органа публичной власти.

Следующий аспект, в котором поручение Президента РФ является символом, это правотворческий процесс. Президент РФ регулярно издает поручения, направленные на модернизацию и трансформацию отечественного законодательства в самых разных сферах общественных отношений. Более подробно роль поручения в процессе правотворчества и законотворчества изложена в другой работе[4], по этой причине в рамках нынешней темы следует рассмотреть именно символический аспект поручения Президента РФ.

Само по себе издание нормативного правового акта во исполнение поручения главы государства не влечет за собой качественно иного характера самого акта. Говоря иными словами, юридические свойства нормативных правовых актов одного уровня, изданных во исполнение поручения Президента РФ и вне его, тождественны: такие акты подлежат изменению, отмене, применению, судебному контролю совершенно идентичным образом, однако здесь вступает в силу неформальная сторона вопроса, а именно, более значимый характер тех нормативных правовых актов, которые приняты по поручению главы государства.

Стоит еще отметить то, что во исполнение поручений Президента РФ разрабатываются социально значимые законопроекты. Так, например, во исполнение поручений главы государства разработаны и приняты законы в сферах совершенствования земельных и имущественных отношений с целью развития туризма в России[5], смягчения положения заемщика- субъекта малого и среднего предпринимательства в кредитных отношениях[6], совершенствования порядка взимания сбора за пользование объектами

---

[1] См., напр.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007; Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200; Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» (ред. от 26.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3774.

[2] См.: *Тарасов А.М.* Президентский контроль за правоохранительной деятельностью автореф. дисс. … докт. юрид. наук. М. 2003. С.13.; *Лягина Е.В.* Главенствующая роль президентского контроля в сфере государственной исполнительной власти // Современные тенденции развития экономики и образования региона : Сборник трудов V Региональной научно-технической конференции, Великие Луки, 04 марта 2021 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Мир науки", 2021. *Побежимова Н.И., Щербаков Н.С.* Президентский контроль в России, его место и роль в публичной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 5.;

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июня 1995 г. № 10-П // «Российская газета». 1995. № 155.

[4] *Кусакин А.А*. Поручение Президента РФ как основание проведения правового эксперимента // Юридическая техника. 2025. № 19. С.754-755.

[5] Паспорт проекта Федерального закона № 458276-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "О содействии развитию жилищного строительства" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (в части содействия развитию туризма на территории Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс»

[6] Паспорт проекта Федерального закона № 684400-8 «Об особенностях изменения условий договора кредита (займа) по требованию заемщика-субъекта малого и среднего предпринимательства или заемщика-физического лица, при-

водных биологических ресурсов[1] и т.д. При этом глава государства не осуществляет непосредственного контроля за ходом реализации законопроекта, вносимыми в него изменениями, он лишь указывает желаемый результат, который необходимо достигнуть при реализации его поручения, а уже ход самой реализации определяется компетентным органом. Однако символизм поручения в данном случае не теряется, оно выступает в определенной степени «маяком», сигнализирующим о векторе направления деятельности правотворческого органа публичной власти.

Также поручение Президента РФ выступает определенным правовым символом в отечественной правоприменительной практике. Так, достаточно большое количество судебных актов свидетельствует о том, что граждане требуют от судов обязать органы публичной власти исполнить отдельные поручения Президента РФ: например, поручения о газификации отдельных муниципальных образований либо поселений[2], необходимости реконструкции отдельных зданий и сооружений[3], составлении плана развития отдельных территорий[4].

При этом суды часто сталкиваются с необходимостью признания таких поручений доказательствами правоты той или иной стороны, поскольку ссылка истца (заявителя) либо ответчика (заинтересованного лица) на текст поручения сродни ссылку на акт целеполагания. В данном случае сторона процесса стремится не указать на норму права либо определенный подход правоприменителя к той или иной ситуации, а указать на мнение главы государства по общим вопросам, касающимся спорной ситуации в целом. Можно предположить, что такой подход обусловлен внутренним убеждением сторон процесса о важности и значимости поручений Президента РФ, об обязательности их учета судами при принятии решений, что и порождает подобные обращения к указанным правовым актам. Это подтверждает тезис о том, что поручение Президента РФ в данном случае выступает в качестве своеобразного символа, который становится для стороны процесса определенным аргументом в споре.

Таким образом, поручение Президента РФ в различных юридических процедурах становится символом президентской власти в целом, призванной привести к единообразию различные общественные отношения. В рамках контрольно-надзорных мероприятий это проявляется в патерналистском отношении к проводимым внеплановым проверкам и иным мероприятиям по контролю и надзору за деятельностью субъектов контроля, в рамках правотворческого процесса – в установлении вектора направления деятельности правотворческого органа, а в рамках судебных процессов – в обращении сторон судебного спора к поручениям как к аргументам в пользу их позиций. Объединяет указанные ситуации отношение к поручению главы государства как к символу персонифицированной верховной власти, призванной своим авторитетом и особым правовым статусом разрешать юридические конфликты в пользу тех сторон, нарушение прав и законных интересов которых посягает на принципы Российской Федерации как демократического, социального и правового государства.

меняющего специальный налоговый режим "Налог на профессиональный доход" (в части использования механизма "кредитных каникул" отдельными категориями заемщиков)» // СПС «КонсультантПлюс»

[1] Паспорт проекта Федерального закона № 1260570-7 «О внесении изменений в главу 25.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации" (в части совершенствования порядка взимания сбора за пользование объектами водных биологических ресурсов» // СПС «КонсультантПлюс»

[2] Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 января 2025 г. по делу № 88а-303/2025 // СПС «КонсультантПлюс»

[3] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 мая 2016 г. N Ф05-4225/2016 по делу N А40-71160/15 // СПС «КонсультантПлюс»

[4] Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 23 апреля 2024 г. № 06АП-1366/2024 по делу № А73-20297/2023 // СПС «КонсультантПлюс»

Леднев Артур Артурович

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академия управления МВД России

Lednev Artur Arturovich

Associate Professor of the Faculty of Training scientific and scientific-pedagogical personnel Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: arturlednev@list.ru

Символическая функция лексемы «эксперимент» в языке права: семиотический анализ

The symbolic function of the lexeme "experiment" in the language of law: a semiotic analysis

Аннотация. В статье предлагается семиотико-доктринальный анализ лексемы «эксперимент» в языке права и демонстрируется, что в текстах нормативных правовых актов она функционирует как юридический знак с символической предупредительно-директивной функцией специального режима.

Ключевые слова: правовые символы, лексема «эксперимент», правовой эксперимент

Annotation. The article offers a semiotic and doctrinal analysis of the lexeme "experiment" in the language of law and demonstrates that in the texts of normative legal acts it functions as a legal sign with a symbolic preventive and directive function of a special regime.

Keywords: legal symbols, lexeme «experiment», legal experiment

Для цитирования: Леднев А.А. Символическая функция лексемы «эксперимент» в языке права: семиотический анализ // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 905–907.

Под правовым символом понимаются закреплённые законодательством условные образы, используемые для выражения определённого юридического содержания[1]. В свою очередь, М. Л. Давыдова предлагает различать узкий и широкий смысл этого понятия. В узком смысле правовой символ - это символ, установленный или санкционированный действующим законодательством; такие символы нередко обозначают как нормативные (законодательные). В широком смысле правовой символ охватывает весь массив символов, составляющих часть правовой культуры общества и интегрированных в его правовую систему: сюда относятся как законодательно закреплённые символы, так и те, что не имеют прямого нормативного оформления, но устойчиво воспринимаются как правовые, поскольку выступают в общественном правосознании в качестве определённых правовых ценностей[2]. Указанная дифференциация задаёт методологическую опору и позволяет избежать терминологической расплывчатости. В дальнейших рассуждениях мы исходим именно из широкого понимания, не разрывая при этом связи с нормативным ядром: правовой символ рассматривается не только как геральдический или церемониальный знак, санкционированный нормой, но и как элемент правовой коммуникации, который стабильно «работает» в регулировании, направляя ожидания адресатов и обозначая границы допустимого поведения. Такой подход необходим для анализа тех языковых форм, которые, будучи закреплены в правовых текстах, выполняют символическую функцию и организуют практику правоприменения.

Исходя из указанного понимания правовой символики, обратимся к сфере правовых экспериментов, где символический слой проявляется на уровне языка нормативных правовых актов. Устойчивые формулы выступают распознаваемыми адресатами сигналами включения особого режима, а их многознач-

[1] Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М., 1999. – С. 347

[2] Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве : понятие, значение, классификация // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 57.

ность институционально снимается интерпретационными документами и внедряются через акты реализации, что обеспечивает согласованность понимания и воспроизводимость практики.

Далее под лексемой «эксперимент» в тексте нормативного правового акта понимается юридический знак с символической функцией предупредительного сигнала о специальном режиме. Такое словоупотребление не только информирует, но и задаёт нормативные ожидания: указывает на допустимые отступления от общего порядка, фиксирует временные и пространственные пределы действия, конституирует особый статус участника, связывает поведение адресатов с обязанностью информирования третьих лиц, а режим - с процедурами мониторинга и последующей оценки. Именно эта совокупность последствий делает лексему носителем символической функции в широком смысле.

Останавливаясь на функциях правовых символов, подчеркнём два опорных свойства, на которых строится их воздействие: конвенциональность и многозначность[1]. Первая означает, что символ действует постольку, поскольку его форма и смысл признаны и закреплены в правовом порядке: именно нормативная фиксация превращает условный образ в рабочий инструмент регулирования. Вторая указывает на потенциальную многозначность символа, требующую институционального «снятия» через интерпретацию и практику, чтобы обеспечить единообразие понимания и применения. На этом фоне прочие свойства функций получают предметное содержание: они образуют систему, а не простую сумму проявлений; направлены на преобразование общественных отношений в ходе реализации; сохраняют относительную стабильность во времени и подчинены достижению конкретной юридической цели[2]. В таком ключе легко показать переход к нашей теме: лексема «эксперимент» в тексте НПА выполняет символическую функцию именно благодаря своей конвенциональности (нормативной опоре, указывающей на специальный порядок) и управляемой многозначности (смысл которой закрепляется актами интерпретации и затем развертывается в актах реализации). Тем самым она становится не описанием, а механизмом: задаёт цель и пределы режима, обеспечивает системную связку смысла и процедуры и поддерживает устойчивость практики на всём протяжении эксперимента.

Корректным следует считать употребление, при котором цель эксперимента сформулирована предметно; пределы режима локализованы по времени, территории и кругу лиц; предусмотрен распознаваемый для третьих лиц порядок информирования; заданы процедуры мониторинга, оценки и принятия решения о трансформации или прекращении режима; обеспечена терминологическая согласованность между актом, разъяснениями и регламентами. При отсутствии любого из этих элементов символическая функция ослабевает, а знак теряет управленческую силу.

В исходной предпосылке мы рассматриваем правовой дискурс как систему взаимосвязанных знаковых подсистем, возникающих и развивающихся в институциональной коммуникации[3]. Эта линия чётко обозначена в работах Р. Кевельзона, где право описывается как «конгломерат знаков и знаковых систем», функционирующий параллельно и во взаимодействии с иными социальными кодами - политическим, экономическим, языковым[4]. В такой перспективе лексема «эксперимент» - не просто слово, а нормативно закреплённый знак с символической функцией: её появление в тексте акта сигнализирует адресатам о включении особого порядка и организует ожидания правоприменения[5]. Этот переход от слова к режиму и составляет предмет дальнейшего анализа.

Предполагается проверка перформативности лексемы как legisign через последовательность её интерпретантов: сначала интерпретационные акты снимают многозначность и закрепляют единый смысл исключений, затем акты реализации превращают этот смысл в процедуры, распределение компетенций и контрольные точки. Тем самым конвенциональность символа получает нормативную опору, а его многозначность переводится в управляемую форму правоприменения.

Опираясь на семиотику Ч. С. Пирса, различим три опоры. Во-первых, соотношение типа и экземпляра: «эксперимент» как *legisign* (языковое правило) реализуется в конкретных вхождениях текста НПА - *sinsign*; во-вторых, триадичность знака (объект - знак - интерпретант); в-третьих, цепочки *interpretants*, через которые исходный смысл стабилизируется и развертывается в практике[6]. В нашем контексте официальные разъяснения и методические письма выступают интерпретантами первого уровня (уточняют содержание и границы исключений), а регламенты, процедуры, шаблоны - интерпретантами второго уровня, превращающими смысл в действие.

---

[1] Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 100–121.

[2] Шалагинов, П. Д. Функции правовых символов: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / П. Д. Шалагинов; Нижегородская правовая академия (институт). — Нижний Новгород, 2007. — 165 с.

[3] Ковкель, Н. Ф. Семиотика права: проблемы опреде ления основных концептов и выбора парадигмы // Правове дение. – 2017. – № 4. – С. 38–59.

[4] Kevelson R. *The Law as a System of Signs*. New York: Plenum Press / Springer, 1988. 344 p

[5] Репьев А. Г. Правовые обещания и законные ожидания как компоненты модели общерегулятивных правоотношений //Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – №. 1 (150). – С. 41-53.

[6] Peirce C. S. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*: Vols. 1–8 / Eds. C. Hartshorne, P. Weiss, A. W. Burks. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1931–1958

Коммуникативная природа такого знака описывается функциональной лингвистикой Р. Якобсона: лексема выполняет адресно-направляющую (конативную) и метаязыковую функции - указывает адресату, как понимать последующий текст и чего ожидать от режима[1]. Для права решающей является перформативность: в логике речевых актов Дж. Л. Остина[2] и Дж. Р. Серля[3] нормативная формула не только сообщает, но изменяет положение дел, трансформируя права, обязанности и процедуры адресатов. Устойчивые обороты вида «в целях эксперимента…» действуют как институциональные перформативы: с момента их включения ограничиваются временные рамки, определяется круг субъектов, закрепляется особый статус участника, устанавливаются требования к информированию третьих лиц и к мониторингу. Эти эффекты конкретизируются и поддерживаются через акты интерпретации и акты реализации, обеспечивающие единый смысл и процедурное воплощение специального режима.

На нормативном уровне рассматривается текст нормы и сопутствующие дефиниции, в которых «эксперимент» выступает как юридический знак с символической функцией. На правореализационном уровне анализируются решения и регламенты, обеспечивающие процедурное воплощение зафиксированного смысла. На организационном уровне оценивается координация институтов, информационные потоки, порядок учёта и контроля, благодаря которым знак поддерживает устойчивость практики на всём протяжении режима.

В заключении сказанного отметим: лексема «эксперимент», хотя и не является правовым символом в строгом смысле, выполняет функции, традиционно приписываемые правовым символам. Её употребление в тексте нормативного акта конвенционально закреплено и распознаётся адресатами как сигнал специального режима; она несёт управляемую многозначность, снимаемую актами интерпретации и превращаемую в единый смысл для правоприменения. Такое словоупотребление имеет прямые нормативные последствия: заранее указывает на допустимые отступления от общего порядка, локализует действие по времени, территории и кругу лиц, конституирует особый статус участника, связывает режим с обязанностью информирования третьих лиц, процедурами мониторинга и последующей оценкой. Через акты реализации этот смысл приобретает процедурную форму - порядок действий, распределение компетенций и систему контрольных точек; тем самым «эксперимент» выступает не описательной меткой, а устойчивым элементом правовой коммуникации, организующим и координирующим практику.

[1] Jakobson R. Linguistics and Poetics // Sebeok T. A. (ed.). *Style in Language*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. P. 350–377.
[2] Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962
[3] Searle J. R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

Малик Дмитрий Валерьевич

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России

Malik Dmitry Valeryevich

Associate Professor of the Department of Public Law Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: malik.ufa@mail.ru

Символизация почетных правовых статусов: аспекты зарождения и развития

Symbolization of honorary legal statuses: aspects of origin and development

Аннотация. В статье автором анализируются генезис и эволюция визуализации почетных правовых статусов как особой формы социального признания, обусловленной религиозными, социально-экономическими и служебными основаниями. Автор констатирует, что на протяжении истории символы почётного статуса – от церковных регалий и купеческих привилегий до современных наград и знаков отличия – выполняли функцию визуальной дифференциации субъектов права, подчеркивая их честь, достоинство и заслуги перед обществом и государством. Аргументируется неразрывная связь прав и обязанностей в структуре почётного статуса, а также его роль в легитимации социальной иерархии через правовые и нравственные категории.

Ключевые слова: правовой символ, визуализация, статус личности, почетный правовой статус, правовые преимущества

Annotation. In the article, the author analyzes the genesis and evolution of the visualization of honorary legal statuses as a special form of social recognition due to religious, socio-economic and official grounds. The author states that throughout history, symbols of honorary status – from church regalia and merchant privileges to modern awards and insignia – have served the function of visual differentiation of subjects of law, emphasizing their honor, dignity and services to society and the state. The author argues for the inextricable link between rights and duties in the structure of honorary status, as well as its role in legitimizing the social hierarchy through legal and moral categories.

Keywords*:* legal symbol, visualization, personality status, honorary legal status, legal advantages

Для цитирования: Малик Д.В. Символизация почетных правовых статусов: аспекты зарождения и развития // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 908–911.

Сколько существует человек – как минимум столько же существует его внешняя социальная визуализация, личное позиционирование среди окружающих. Будет огромным заблуждением считать, что именно современное поколение исключительные визуалы и только они максимально сосредоточены на демонстрации своего положения в обществе (преимущественно посредством социальных медиа, где реальное положение не всегда совпадает с позиционируемым). История доказывает, что демонстрация социального положения (в особенности, если оно чем-то отличается от других), визуализация имеющихся возможностей, свобод, преимуществ через соответствующие вербальные и невербальные символы – «притча во языцех»[1].

[1] См.: Репьев А.Г. Почетные права и обязанности: доктрина, практика, техника // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 26-36; Репьев А.Г. Почетное право как элемент специального правового статуса // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: Сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной. М.: Саратовский источник, 2021. С. 166-170; Репьев А.Г. Визуализация правовых преимуществ: теоретико-правовой и исторический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 39-44; Репьев А.Г. Полицейское форменное обмундирование и знаки отличия как средства визуализации правовых преимуществ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы пятнадцатой междуна-

Возможно, не все с нами согласятся, но все же предположим, что с познавательной точки зрения максимально интересен процесс символизации особых правовых состояний, в частности почетного правового статуса. Это связано с тем, что данные субъекты правоотношений должны были быть выделены из окружающих, а способы их обособления порой были весьма нетривиальны. Попробуем тезисно остановиться на данном вопросе, кратко продемонстрировав генезис зарождения развития почетных правовых статусов и способы их обособления в обществе.

Исследование доктринальных источников в области истории, философии, иных социальных и гуманитарных наук позволило установить три основных критерия обретения субъектом почетного правового статуса (в рамках данного материала мы будем вести речь о физических лицах):

- религиозное (теологическое) основание;
- социально-экономическое основание;
- служебное (преимущественно государственное, реже общественно-полезное) основание.

Сообразно представленным основаниям возникали и развивались символы каждого конкретного почетного статуса – неотъемлемый атрибут нормативного правового опосредования данного специального правового положения. Правовые символы являлись безотлагательной частью процесса выделения из общей массы людей наиболее достойных.

Исторически общество развивалось таким образом, что одними из первых почетное положение в обществе обрели служители церкви (в широком, общесоциальном ее понимании), отправители религиозного культа. Обобщенно: представители патриаршества, священнослужители, жрецы и т.д. Именно поэтому, правовая символизация особое значение приобретает в рамках теологического понимания: мироздания в целом, а также общественных, и как следствие – юридических отношений в частности.

Так, в нашем государстве исторические памятники свидетельствуют о возведении служителей религиозного культа в ранг почетных представителей общества. Общеизвестно, что основным источником права Древней Руси была Русская Правда. Согласно данному акту структура правовой конструкции общества имела дифференцированную природу, в рамках которой выделялись субъекты с особым правовым статусом: (князья, бояре, княжьи мужи, тиуны, огнищане и пр.), а также категории с низким (или фактически отсутствующим правовым положением) статусом (смерды, закупы, холопы)[1]. Вместе с этим, определенное влияние на систему права оказывали церковные акты, изучая которые мы можем убедиться в наличии почетного статуса служителей религии. Так, церковный устав князя Владимира Святославовича выделял «богодетельных» людей, как субъектов, обладающих почетным статусом ввиду их особого достоинства. Некоторые иные акты средневековой Руси также свидетельствуют, что духовенство обладало значительными правовыми иммунитетами от княжеской юрисдикции[2]. В свою очередь честь и достоинство представителей религии позиционируются как неотъемлемый компонент почетного статуса[3].

Один из ключевых правовых памятников периода средних веков – Соборное Уложение, впервые на всей территории государства закрепило элементы почетного юридического статуса (в основном права и преимущества) на основании не только религиозной составляющей, но и социально-экономической. В частности, речь идет о торговых людях. Нормы Соборного Уложения особо охраняли права данных субъектов, включая неимущественные в виде чести и достоинства. Подтверждение тому – охранительные нормы, устанавливающие уголовную ответственность за «бесчестье». При этом ответственность за обиду, нанесенную почетному лицу из числа гостиной сотни купцов и суконной сотни, заметно разнилась[4].

По прошествии нескольких десятилетий, в результате издания органами власти двух фундаментальных нормативных актов (с разницей в век с небольшим), почетные правовые статусы лиц занятых торговлей, были упрочены. Изначально Манифест от 17 марта 1775 г.[5], а затем и Жалованная грамота

родной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. Ч. 2. С. 248-249; и др.

[1] См.: Русская Правда пространной редакции (по Троицкому I списку) // Памятники русского права / под ред. засл. деят. науки, проф. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1952. Вып. 1. С. 108-120.

[2] Жалованная данная и тарханно-несудимая грамота Великого князя Рязанского Олега Ивановича игумену Ольгова монастыря Арсению на село Арестовское (около 1371 г.) // Памятники русского права / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1955. Вып. 3. С. 96-97; Жалованная заповедная грамота Великого Князя Василия Дмитриевича митрополиту Фотию на непошлую дорогу через слободку Караш Ростовского уезда 1410-1425 гг. // Памятники русского права / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1955. Вып. 3. С. 102.

[3] См.: Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве: монография. М.: Проспект, 2015.. С. 30-31.

[4] См.: Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 92.

[5] См.: О высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою: манифест Екатерины II от 17.03.1775. М.: Печатан в Москве при Сенате, марта 19 дня 1775 года, 6 с.

городам[1] создали нормативную основу для выделения в обществе купцов (разделенных на 3 гильдии), дав не только беспрецедентную свободу предпринимательской деятельности, но и многочисленные возможности и послабления, среди которых были и почетные права. Так, купцы первой гильдии могли «ездить по городу в карете парою», а представители второй - «в коляске парою»[2].

Нельзя сказать, что в период между двумя вышеназванными нормативными правовыми актами государство создавало условия для укрепления почетного правового статуса лиц, по социально-экономическому основанию. Однако носили они больше «косметический», нежели какой-либо фундаментальный характер. К примеру, Манифест от 14 ноября 1824 г. с дополнениями несколько расширил (но не существенно) статусные характеристики почетных членов торгового сообщества, а также несколько дополнил их символизацию[3]. Купцы первой гильдии получили в качестве меры поощрения «по особенно важным заслугам» почетное право на ношение губернского мундира[4].

Уместно здесь будет упомянуть о неразрывной связи почетных прав с аналогичными обязанностями. Так, по нормам указанных выше актов за право пользования почетными возможностями, включая экономические и правовые преимущества, необходимо было вносить существенные денежные сборы, а также «по первому зову государя служить отечеству»[5]. Данный факт лишний раз подчеркивает неразрывную связь прав и обязанность, и данная связь применительно к почетному правовому статусу не исключение. При этом, невыполнение соответствующих обязанностей, например в виде невнесения соответствующей суммы, предполагало потерю почетного правового статуса[6].

Между тем, как мы кратко упоминали ранее, не только финансовая состоятельность, экономическая устойчивость приводили к тому, что конкретный субъект становился почетным членом общества. Такого положения исторически добивались и те, кто на протяжении длительного времени осуществлял социально-полезную, либо государственно-значимую деятельность.

Предположим, одним из первым примеров наделения почетным правовым статусом конкретного лица по служебному основанию был древнегреческий институт проксенов, существование которых датировано V веком до н.э.[7] Уважаемые люди греческих полисов (полководцы, ораторы, педагоги и др.) получали данный статус вследствие интеллектуальных и волевых способностей, в результате многолетней службы, известности, авторитета, что давало им возможность выступать в качестве судьи в спорах по торговым и прочим коммерческим делам, выполнять отдельные дипломатические функции[8]. В качестве поощрения и стимулирования социально- и государственно-полезной деятельности проксены обладали иммунитетом от фискальных обременений, обладали преимущественным правом рассмотрения своих ходатайств и заявлений. Правовым символом почетного правового статуса проксена был щит с гербом города-государства, который он представлял, вывешиваемый на стене его дома[9].

Сегодня, присвоение почетных правовых статусов, визуализация особого положения в обществе несколько изменились, но остались фактически незыблемыми по содержанию. Присвоение почетного статуса как символизация определенных заслуг и форма поощрения приближается по своему содержанию к формально-установленной процедуре наградной политики государства. Так, нынешние военнослужащие, доказавшие свою доблесть и честь, в подтверждение индивидуальных и коллективных заслуг также поощряются почетными статусами с соответствующими символами. К примеру, присвоение воинской части почетного статуса «гвардейская»[10] имеет устоявшиеся исторические формы публичного поощрения[11], символом чего является вручение соответствующего боевого знамени, выступающего «особо почетным знаком, отличающим особенности боевого предназначения, истории и заслуг воинской части»[12].

---

[1] См.: Грамота на права и выгоды городам Российской Империи от 21.04.1785. М.: Городская Типография, 1885. С. 17, 22.

[2] Там же.

[3] См.: Манифест и дополнительное постановление об устройстве гильдий и торговле прочих состояний от 14.11.1824 // Полное собрание законов Российской Империи. Т. 39. № 30115.

[4] Там же.

[5] Цит. по: Седов А.Н. Правовое положение дворянства в законодательных актах Российского государства второй половины XVIII века // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 436-437.

[6] См.: Манифест и дополнительное постановление об устройстве гильдий и торговле прочих состояний от 14.11.1824 // Полное собрание законов Российской Империи. Т. 39. № 30115.

[7] См.: Colleman Philipson The International Law and Customs of Ancient Greece and Rome. London, 1991. P. 87.

[8] Алиев Х.М. Правовые основы защиты консульским учреждением прав и интересов граждан и юридических лиц: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 14-15.

[9] Fenwick Charles G. The International Law, N.Y., 1934. P. 58.

[10] См.: 1488-му зенитно-ракетному полку присвоено звание гвардейского // Российская газета. 2025. 23 июля.

[11] См.: Бахрах Д.Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 68-78.

[12] См.: Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»): указ Пре-

Подводя итоги сказанному, сосредоточим внимание на главном. Подати, привилегии, вольности и прочие социальные и правовые преимущества являлись символами уважения лиц, обладающих почетным правовым статусом, - на протяжении всей истории человечества. В свою очередь ядром конструкции почетного правового статуса являлись нравственно-этические императивы, как правило, честь и достоинство. Важным моментом является аргументированный факт, что часто подобное почетное правовое положение сопровождалось и особыми процессуальными формально-юридическими правами, к примеру, абсолютной неприкосновенностью (физической и духовной), освобождением от налогов и иных фискальных обременений и пр.

зидента РФ от 10.11.2007 № 1495 (в ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 47 (1 ч.). Ст. 5749.

Матвеев Павел Владиславович

аспирант кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»

Matveev Pavel Vladislavovich

postgraduate student in the I.E. Farber and V.T. Kabyshev Department of Constitutional Law at the Saratov State Law Academy

E-mail: pavelm4tveeff@yandex.ru

Федеральная территория «Сириус» как символ развития научно-образовательного потенциала Российской Федерации

Federal territory "Sirius" as a symbol of the development of the scientific and educational potential of the Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей научно-образовательного кластера, функционирующего в федеральной территории «Сириус», как единого центра подготовки высококвалифицированных кадров, проведения исследований в наиболее актуальных направлениях науки, технологий создания благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов детей и молодежи. Проанализированы модели специального регулирования и экспериментального правового режима осуществления образовательной деятельности в федеральной территории «Сириус». Сделан вывод о символическом значении федеральной территории «Сириус» как центра притяжения, развития и поддержки талантов для будущего российской науки, технологий и инноваций.

Ключевые слова: наука, образование**,** специальное правовое регулирование, экспериментально-правовой режим, федеральная территория «Сириус»

Annotation. This article examines the characteristics of the scientific and educational cluster operating in the Sirius federal territory as a unified center for training highly qualified personnel, conducting research in the most relevant areas of science, and creating favorable conditions for the identification, self-realization, and development of talented children and youth. Models of special regulation and an experimental legal framework for implementing educational activities in the Sirius federal territory are analyzed. A conclusion is drawn about the symbolic significance of the Sirius federal territory as a center for attracting, developing, and supporting talent for the future of Russian science, technology, and innovation.

Keywords: science, education, special legal regulation, experimental legal regime, federal territory "Sirius"

Для цитирования: Матвеев П.В. Федеральная территория «Сириус» как символ развития научно-образовательного потенциала Российской Федерации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 912–916.

С момента внесения поправок в Конституцию Российской Федерации прошло уже 5 лет. Это политико-правовое событие имело своей целью повышение степени защиты прав и свобод человека и гражданина и их реализации[1]. Рассуждая о Конституции России как правовой основе развития общества и государства, профессор В.Т. Кабышев отмечал уникальность и неповторимость российского федерализма, являющегося одной из ценностей конституционализма и сочетающего в себе объективно обусловленную «как многообразием, так и самобытностью составных частей» ассиметричность[2]. В течение всего времени существования современного российского государства, государственно-территориальное

[1] Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. с учетом поправок от 4 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2022. 6 октября.

[2] Кабышев В. Т. С Конституцией по жизни: избранные научные труды / В. Т. Кабышев. – Москва : ООО "Формула права", 2013. – С. 93,115.

устройство никогда не находилось в статичном положении. Национальное многообразие, изменения геополитической конъюнктуры 2014 и 2022 годов, связанные с возвращением в состав России исторических территорий, политическая воля публичной власти (детерминированная потребностями общегосударственного значения) – основные причины подвижности территориального устройства, поиска оптимальных, эффективных форм публичного управления.

Так, именно вопросы, связанные с модернизацией организации и функционирования публичной власти в Российской Федерации, стали основными в ходе конституционной реформы 2020 года. Институт федеральных территорий, закрепленный в статье 67 Конституции, объективно выступает одной из самых заметных конституционно-правовых новелл.

Развитие государства невозможно без развития ее национальной науки. Об этом еще в XVIII веке высказывался основоположник современной российской науки, М. В. Ломоносов. Так, в статье от 1 ноября 1761 года «О размножении и сохранении российского народа», Ломоносов «стремился показать четкую связь между распространением… научных… знаний и благосостоянием российского народа»[1]. Стремление к новому знанию, решение важнейших научных проблем должно рассматриваться в тесной связи с вызовами, стоящими перед Отечеством, быть актуальными в свете задач инновационного, научно-технологического, социально-экономического развития. Корреспондирующей задачей государства, на наш взгляд, является создание необходимых правовых, организационных условий, способствующих вовлечению лиц в образовательную, инновационную и научную деятельность по направлениям, имеющим стратегическое значение для страны.

Создание федеральной территории «Сириус» обусловлено комплексом задач и целей, решение и достижение которых способствует устойчивому развитию Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 ст. 2 Законом № 437-ФЗ федеральная территория «Сириус» создана «в целях обеспечения комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, повышения ее инвестиционной привлекательности, необходимости сохранения олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, создания благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации». Территория Имеретинской низменности обладает уникальным географическим, рекреационным, культурным и спортивным, инфраструктурным потенциалом с богатым научно-исследовательским и образовательным инструментарием для осуществления законодательно установленных (ст. 2 Закона № 437-ФЗ) основных направлений деятельности, корреспондирующих к необходимости достижения национальных целей и задач, определенных в Указе Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2] и Указе Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 года № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий»[3] (далее – Указ № 231). Так, для достижения указанных выше задач и в целях обеспечения результативности образовательной, научной деятельности и развитием талантливой молодежи, федеральным законодателем установлена особая форма организации публичной власти в федеральной территории «Сириус», которая заключается в создании самостоятельных органов публичной власти федеральной территории и наделении их в соответствии со ст. 8 Закона № 437-ФЗ компетенцией, предусматривающей реализацию полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъекта и органов местного самоуправления городского округа за счет средств бюджета федеральной территории «Сириус», издавать в силу ч. 1 ст. 5 обязательные для исполнения на федеральной территории «Сириус» нормативные правовые акты. Во-вторых, в соответствии с п. 3 ч. 5 ст. 8 Закона № 437-ФЗ органы публичной власти федеральной территории «Сириус» вправе устанавливать особенности регулирования отдельных отношений в определенных ст. 44 Закона № 437-ФЗ сферах, а также вводить экспериментальный правовой режим в федеральной территории «Сириус».

Одной из основных задач функционирования органов публичной власти федеральной территории «Сириус», определенных в Указе № 231 является «привлечение молодежи в сферу исследований и разработок» и «содействие вовлечению исследователей и разработчиков в решение важнейших задач развития общества и страны». Образование федеральной территории «Сириус», исходя из содержания приведенной выше ст. 2 Закона № 437-ФЗ, обусловлено, в частности, целями «создания благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития», что предопределяет актуальность использования предоставленного федеральным законодателем нормативно-правового инструментария.

---

[1] Антипина О.Н. М. В. Ломоносов о знании // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2012. №2. С. 106.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3052. 2024. № 30. Ст. 4364.

Одним из основных документов, определяющих основные векторы развития федеральной территории как площадки развития талантов, является Постановление главы администрации федеральной территории «Сириус» от 19 июня 2022 года № 23-п «Об утверждении государственной программы федеральной территории «Сириус» «Образование и создание среды для самореализации и развития талантов в федеральной территории «Сириус» (далее – Государственная программа), определяющий основные цели функционирования органов публичной власти федеральной территории «Сириус» на период с 2023 года по 2028 год: создание уникальной среды для развития способностей и талантов детей и молодежи в федеральной территории «Сириус», формирование модели специального регулирования и экспериментального правового режима осуществления образовательной деятельности в федеральной территории «Сириус», введение интегрированных образовательных программ на основе образовательных программ общего, профессионального и дополнительного образования, а также масштабирование образовательной модели федеральной территории «Сириус» в субъектах РФ и зарубежных государствах-партнерах в сфере образования[1].

Опыт федеральной территории «Сириус» свидетельствует о становлении самостоятельной образовательной «экосистемы», включающей в себя образовательные организации каждого уровня образования (МБОУ «СОШ им. С. Л. Страховой», Президентский лицей «Сириус», Образовательный центр «Сириус», Научно-технологический университет «Сириус»), а также установление организационно-правовых особенностей регулирования образовательной сферы и мер социальной поддержки, реализуемые органами публичной власти федеральной территории «Сириус». В целях реализации цели 2 Государственной программы по формированию специального регулирования было принято Положение об особенностях осуществления образовательной деятельности в федеральной территории «Сириус», которым определяются соответствующие цели специального регулирования (ст. 1); механизмы специального регулирования, в частности, порядок приема на обучение по основным общеобразовательным программам в образовательных организациях, учредителем или одним из учредителей которых является администрация федеральной территории «Сириус», предусматривается необходимость обеспечения приема всех граждан, имеющих право на получение общего образования соответствующего уровня, постоянно проживающих в федеральной территории «Сириус» в связи с трудовой деятельностью их родителей (законных представителей) в органах публичной власти федеральной территории «Сириус», организациях ИНТЦ «Сириус» (ст. 3). Специальное регулирование также предполагает реализацию принципа открытости и установления эффективных форм взаимодействия созданного в федеральной территории «Сириус» образовательного кластера, объединяющего образовательную, научную, культурно-спортивную инфраструктуру публично-правового образования в целях обеспечения доступности объектов кластера для их использования (с. 4), а также широкое использование цифровых технологий в сфере образования, включая создание образовательных ресурсов и сервисов, учебно-методических комплексов, электронную библиотеку, а также использование технических средств, способствующих реализации дистанционного образовательного процесса (ст. 5)[2].

В соответствии с целями 2 и 3 Государственной программы в федеральной территории «Сириус» был внедрен экспериментальный правовой режим (далее – ЭПР), предметом которого является «образовательная деятельность, предусматривающая разработку и внедрение новой образовательной программы в области информационных технологий и информационной безопасности, в рамках которой предполагается разработка, апробация и внедрение новых технологий, ресурсов, средств обучения и воспитания в федеральной территории «Сириус». Особенность ЭПР заключается в ее отраслевой принадлежности к сфере IT [3]и интегрированном характере, подразумевающем получение среднего общего и высшего образования (специалитет) за 5 лет. Порядок поступления на IT-специалитет предполагает конкурсный отбор, к критериям которого относится получение основного общего образования в 2023 или 2024 году и наличие достижений, связанных с победой или получением статуса призера олимпиад (в том числе конкурса «Большие вызовы», организатором которого является Образовательный фонд «Талант и успех») по математике, информатике; членством в сборной команде России по математике и информа-

[1] Постановление главы администрации федеральной территории «Сириус» от 19 мая 2023 года № 53-п «Об утверждении государственной программы федеральной территории «Сириус» «Образование и создание среды для самореализации и развития талантов в федеральной территории «Сириус» (с изм. от 15 сентября 2025 г.) // Официальный сайт федеральной территории «Сириус». URL: https://newnextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/sZbi5HMrg8SxnMa (дата обращения: 30.09.2025).

[2] Положение об особенностях осуществления образовательной деятельности в федеральной территории «Сириус» (утв. Решением Совета федеральной территории «Сириус» от 28 января 2022 г. № 1-8/49) // Официальный сайт федеральной территории «Сириус». URL: https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/m6pxkib6CJXS56i (дата обращения: 30.09.2025).

[3] Постановление главы администрации федеральной территории «Сириус» от 09.02.2024 № 8-п «Об утверждении Программы экспериментального правового режима в федеральной территории «Сириус», направленного на разработку, апробацию и внедрение новой образовательной программы в области информационных технологий и информационной безопасности» // Официальный сайт федеральной территории «Сириус». URL: https://sirius-ft.ru/docs_adm/?ysclid=m8lzcv7tr4535291061 (дата обращения: 30.09.2025).

тике, а также наличием способностей и интереса в области IT и информационной безопасности в порядке индивидуального отбора. Обучение по образовательной программе, предусмотренной ЭПР, носит практикоориентированный характер, выражающийся в возможности практической подготовке в ряде крупнейших российских компаний, таких как АО «РЖД», ПАО «Ростелеком», ООО «ВК», ООО «Яндекс»[1]. Так, указанные особенности экспериментальной образовательной программы являются насущным ответом на потребность развития кадрового потенциала в IT-отрасли, закрепленной в поручении Президента Российской Федерации от 10 июля 2022 года № Пр-1224, п. 10[2], и ускоренной профессиональной подготовке будущих специалистов в данной сфере. Федеральная территория «Сириус» в этом процессе выступает как площадка для апробации и внедрения образовательных методов и технологий, обеспечивая необходимые организационные и правовые условия.

В рамках реализации цели 4 и направления 5 Государственной программы выражается, в частности, в деятельности, направленной на масштабирование опыта организации образовательной модели федеральной территории «Сириус» в субъектах и заключается в организации программ профессиональной подготовки и повышения квалификации для педагогических работников образовательных организаций Российской Федерации; организация и проведение всероссийских и международных мероприятий в сфере образования и организация деятельности региональных центров выявления и поддержки одаренных детей и иных организаций, с которыми Образовательным фондом «Талант и успех» заключено соглашение о сотрудничестве. Основной целью региональных организаций является поиск и сопровождение лиц, проявивших выдающиеся способности, являющихся победителями и призерами мероприятий, включенными в соответствующие перечни, утвержденные соответственно Министерством просвещения Российской Федерации[3] и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации[4].

Не менее важным фактором, способствующим реализации целей, установленных ст. 2 Закона № 437-ФЗ является социальная поддержка лиц, имеющих место жительства в федеральной территории «Сириус» и получающих образование в образовательных организациях, расположенных в федеральной территории «Сириус»[5]. Особую роль в данной деятельности принадлежит Социальному кодексу федеральной территории «Сириус», в соответствии с которым закрепляются следующие гарантии: социальная поддержка по оплате проезда на автомобильном транспорте общего пользования лицам, обучающимся в общеобразовательных организациях (ст. 11); социальная поддержка в виде 50-процентной кидки от действующего тарифа на проезд железнодорожным транспортом предоставляется лицам, обучающимся по очной форме обучения в образовательных организациях, расположенных в федеральной территории «Сириус» (ст. 12); мера социальной поддержки в виде единовременной выплаты при поступлении ребенка в первый класс общеобразовательных организаций (ст. 18); мера социальной поддержки в виде материнского (семейного) капитала федеральной территории «Сириус», распорядится которым возможно при получении образования ребенком (ст. 19).

Таким образом, в пределах федеральной территории «Сириус» функционирует научно-образовательный кластер, представляющий собой совокупность профильных организаций, к которым, в частности, относится, Инновационный научно-технологический центр «Сириус», что являет собой уникальный пример выстроенной вертикали «Образование – наука – реальный сектор экономики», которая

---

[1] Образовательная программа высшего образования, интегрированная с образовательной программой среднего общего образования // Официальный сайт Научно-технологического университета «Сириус». URL: https://siriusuniversity.ru/upload/medialibrary/7b5/m9gj8lr3ugyuh3emcgtbva32hocce0z2/ОП%20ИТ-специалитет.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

[2] Перечень поручений по итогам заседания попечительского совета образовательного фонда «Талант и успех» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/68870 (дата обращения 30.09.2025).

[3] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 30.08.2024 № 620 "Об утверждении перечня олимпиад и иных интеллектуальных и (или) творческих конкурсов, мероприятий, направленных на развитие интеллектуальных и творческих способностей, способностей к занятиям физической культурой и спортом, интереса к научной (научно-исследовательской), инженерно-технической, изобретательской, творческой, физкультурно-спортивной деятельности, а также на пропаганду научных знаний, творческих и спортивных достижений, на 2024/25 учебный год" // Официальный интернет-портал правовой информации. 03.10.2024. № 0001202410030024.

[4] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 30.08.2024 № 571"Об утверждении перечня олимпиад школьников и их уровней на 2024/25 учебный год" // Официальный интернет-портал правовой информации. 04.10.2024. № 0001202410040019; Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.09.2024 № 602 "Об утверждении перечня мероприятий для предоставления грантов Президента Российской Федерации лицам, поступившим на обучение в образовательные организации высшего образования, научные организации по программам магистратуры, на 2025/26 учебный год" // Официальный интернет-портал правовой информации. 18.10.2024. № 0001202410180008.

[5] Социальный кодекс федеральной территории «Сириус» (утв. Решением Совета федеральной территории «Сириус» от 22 декабря 2023 г. № 1-33/230) // Официальный сайт федеральной территории «Сириус». URL: https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/AZtb4SHzNwE4Kr5 (дата обращения: 30.09.2025).

представляет собой уникальный для Российской Федерации пример сосредоточения образовательного и научно-технологического потенциала в единый центр подготовки высококвалифицированных кадров, предоставления площадки для проведения исследований в наиболее актуальных направлениях науки, технологий и инноваций, к которым в соответствии с Решением Совета федеральной территории «Сириус» от 26 апреля 2024 года № 1-38/ 247 «О приоритетных направлениях развития науки, технологий и инновация федеральной территории «Сириус» относятся науки о жизни, информационные технологии, когнитивные и междисциплинарные исследования, экология и климат. Указанный перечень направлений обусловлен актуальными в настоящее время задачами научно-технологического развития России и является ориентиром для ученых, определяет социальную значимость проводимых в федеральной территории «Сириус» научных исследований в масштабах не только федеральной территории, но и России в целом.

Федеральная территория «Сириус» является для Российской Федерации уникальным публично-правовым образованием, имеющим своей основной целью осуществление деятельности по достижению целей, имеющих общефедеральное значение. Полномочия, предоставленные органам публичной власти федеральной территории «Сириус», позволяют данным органам осуществлять широкую деятельность в образовательной, научной, инновационной деятельности. Созданию федеральной территории «Сириус» опосредует необходимость «использования и развития территории для обеспечения государственного прогресса, гражданского мира и согласия, экономического благополучия»[1], что в полной мере выражается в официальной символике федеральной территории «Сириус» - гербе. Представляется, что заложенный смысл в главный символ федеральный территории «Сириус» в полной мере отражает причины ее создания и деятельность органов публичной власти, поскольку именно червленое яблоко на серебряном черенке, которое держит крылатый пес, является и символом обновления, символом постоянного стремления к знаниям и мудрости, преданности поставленной цели, что олицетворяет значение федеральной территории «Сириус» как центра притяжения, развития и поддержки талантов для будущего российской науки, технологий и инноваций.

[1] Кабышев С. В. Институт федеральной территории в системе российской государственности: методология конституционно-правового исследования // Журнал российского права. 2025.Т. 29. № 7. С. 7.

Мирный Даниил Сергеевич

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Mirnyi Dannil Sergeevich

postgraduate student All-Russian State University of Justice

E-mail: 79260658027@yandex.ru

Подмена символов абонентского номера как преступный механизм телефонного мошенничества

Substitution of subscriber number symbols as a criminal mechanism of telephone fraud

Аннотация. В настоящее время широкое применение в преступной деятельности, прежде всего в дистанционных хищениях, находит специфическая технология получения услуг связи – а именно подмена символов абонентского номера, используемого при установлении телефонного соединения. Применяя отдельные сетевые технологии, злоумышленники изменяют символы, отображающие принадлежность абонентского номера конкретному государству и конкретной сети связи, на заведомо подложные, тем самым вводя в заблуждение вызываемого абонента.

Типичным примером подобной деятельности выступает подмена символов иностранных телефонных номеров на символы российских телефонных номеров, что повышает уровень доверия вызываемого абонента и увеличивает шансы злоумышленника на установление контакта с жертвой, которая полагает, что вызов совершается с территории Российской Федерации в добросовестных целях.

В настоящей работе рассматриваются как техническая сторона подобной деятельности, так и целенаправленные усилия государства по противодействию ей.

Ключевые слова: телефонный номер, подмена номера

Annotation. Currently, a specific technique for obtaining communication services is widely employed in criminal activities, particularly in remote theft. This involves the substitution of characters in the subscriber number when establishing a phone connection.

Using separate network technologies, attackers modify the symbols that indicate the subscriber's location and network to fake ones. This leads to the called party believing that the call originates from a different country or network, increasing the likelihood of trust and contact with the criminal.

An example of this is the substitution of foreign phone numbers with Russian ones, which can increase the credibility of the caller and make the victim more likely to engage with them. This paper examines both the technical aspects of these activities and the efforts of governments to combat them.

Keywords: telephone number, caller ID spoofing

Для цитирования: Мирный Д.С. Подмена символов абонентского номера как преступный механизм «телефонного мошенничества» // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 917–919.

В наши дни как функционирование, так и развитие цифровой экономики немыслимо без применения современных коммуникационных технологий. От объёма и скорости передачи компьютерной информации, надёжности и быстродействия принимающих и передающих систем зависит сама возможность эффективного управления технологическим процессом, подразделением, коллективом, предприятием, отраслью, государством Наиболее широкое распространение по всему миру, в том числе и в России (в 2024 году – более 270 млн активных пользователей[1]) получила такая коммуникационная технология, как подвижная радиотелефонная связь (более известна как «мобильная»). К достоинствам названной технологии могут быть отнесены сравнительная доступность тарифов и оборудования для конечного поль-

[1] Минцифры: итоги года для российской телеком-отрасли – Текст : электронный // CNews : [сайт]. – 2025. – 9 апр. – URL: https://telecom.cnews.ru/news/line/2025-04-09_mintsifry_itogi_goda_dlya (дата обращения: 29.10.2025).

зователя, а также возможность передачи голосовой, текстовой, графической информации в реальном времени. Несмотря на бурный рост мобильного трафика, продолжает широко применяться в управленческих решениях и стационарная, так называемая «фиксированная» телефония, которая позволяет обеспечить сравнительно недорогой канал голосовой коммуникации.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что развитие информационно-коммуникационных технологий неизбежно привлекает внимание преступности, в том числе – транснациональной[1]. С учётом названных характеристик телефонии, а также принимая во внимание повсеместный характер её проникновения в жизнь населения всех стран мира, закономерным является повышенное внимание злоумышленников к возможностям названных технологий. В настоящее время различные виды телефонии находят широчайшее применение в актах «телефонного мошенничества»[2]. В подобных дистанционных хищениях реализация объективной стороны основывается на передаче голосовой информации в контуре сетей телефонной связи при совершении телефонного вызова, что позволяет злоумышленникам создать достаточно стабильный канал оперативного взаимодействия с жертвой, вводимой в заблуждение.

При этом необходимо отметить, что получение услуг телефонной связи само по себе не может способствовать преступной деятельности. Получение таких услуг действующим законодательством ставится в зависимость от соблюдения ряда требований, прежде всего – в части идентификации пользователя. Так, по закону клиенты российских мобильных операторов обязаны, до начала оказания услуг связи, пройти процедуру идентификации, предоставив достоверные сведения о себе оператору связи. Кроме того, для иностранных граждан и лиц без гражданства законом специально определён способ идентификации – посредством передачи биометрических данных в Единую биометрическую систему. Менее строгие требования предъявляются к идентификации пользователей фиксированной телефонии[3]. Кроме того, оператор связи, в целях идентификации вызывающего абонента, обязан в неизменном виде передавать абонентский номер, используемый им при установлении телефонного соединения[4].

Отсюда у злоумышленников, преследующих цель не идентификации, а анонимизации себя, возникает потребность в отыскании специальных технических механизмов, позволяющих обходить соответствующие требования законодательства. Одним из таких механизмов является подмена абонентского номера, которым сопровождается телефонное соединение.

Как известно, технологический механизм инициации и доведения телефонного вызова до вызываемого абонента требует использования уникального идентификатора – абонентского номера, который имеет унифицированный символьный формат (согласно рекомендациям Международного союза электросвязи) и состоит из цифр. Максимальная длина абонентского номера не превышает 15 цифр, каждая из которых определяет: код страны, код идентификации (включая географически определяемый), а также номер, идентифицирующий конкретного абонента. Каждое государство обладает утверждёнными системой и планом телефонной нумерации, сведения о котором доступны любому заинтересованному лицу[5]. К примеру, код страны, выделенный Российской Федерации, имеет вид «7»[6].

В совокупности указанные требования позволяют идентифицировать принадлежность вызывающего абонента конкретному государству, а также определить используемую им сеть связи. В частности, посредством анализа символов абонентского номера становится возможным не только установить принадлежность сети связи конкретному оператору связи, но и проследить её до конкретного населённого пункта – в случае, если в номере используется географически определяемый идентификатор.

Очевидно, что «телефонные мошенники», большинство из которых (по оценкам МВД России, около 80 процентов) действуют с территории иностранных государств[7], легальным путём не способны обеспечить инициацию телефонных вызовов, сопровождаемых абонентским номером, входящим в российскую систему и план нумерации, а также обеспечить доведение телефонного вызова с таким номером до российского абонента. При этом не вызывает сомнений, что телефонные вызовы, сопровождаемые именно

---

[1] Баранов, В. М. Транснациональная преступность как угроза экономической безопасности / В. М. Баранов, А. Ю. Чупрова // Бизнес в законе. – 2007. – № 3. – С. 151-158.

[2] Начальник УБК Москвы: ущерб от киберпреступлений исчисляется десятками миллиардов рублей – Текст : электронный // Интерфакс : [сайт]. – 2025. – 19 окт. – URL: https://www.interfax.ru/interview/1053401 (дата обращения: 29.10.2025).

[3] О связи : Федеральный закон № 126-ФЗ : принят Государственной Думой 18 июня 2003 года : одобрен Советом Федерации 25 июня 2003 года. Ст. 44. П. 1.1. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочная правовая система (дата обращения: 31.10.2025).

[4] Ст. 46. П. 9. // Там же.

[5] Международный план нумерации электросвязи общего пользования : Рекомендация МСЭ-Т Е.164. – Международный союз электросвязи. – Женева, 2005. – 32 с. – Текст: непосредственный.

[6] Об утверждении российской системы и плана нумерации : приказ Минцифры России от 31 января 2022 г. № 75 – Текст : электронный // Гарант.Ру : [сайт]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404665943/ (дата обращения: 31.10.2025).

[7] Начальник УБК Москвы: ущерб от киберпреступлений исчисляется десятками миллиардов рублей – Текст : электронный // Интерфакс : [сайт]. – 2025. – 19 окт. – URL: https://www.interfax.ru/interview/1053401 (дата обращения: 29.10.2025).

отечественной нумерацией, пользуются наибольшим доверием граждан России. Отсюда злоумышленники вынуждены применять технологии, позволяющие подменять символы телефонного номера, идентифицирующего его как принадлежащий иностранному абоненту, на заведомо подложные.

Такая подмена может разворачиваться по двум направлениям: а) подмена на символы, соответствующие российской нумерации; б) подмена на символы, схожие с российским абонентским номером. Если первый способ предполагает отображение вызываемому абоненту телефонного номера типичного для России формата (как правило, вида «+7 (495) …» и «+7 (499) …»), то второй способ требует отображения номера, до степени смешения схожего с российским – к примеру, номера Социалистической Республики Вьетнам (формата «+ 8(495) …»).

Практическая реализация подмены абонентского номера вызывающего абонента достигается использованием специальных технологий. Речь идёт, главным образом, об использовании виртуальных абонентских телефонных станций (так называемых «виртуальных АТС»), которые представляют собой программно-аппаратные комплексы, позволяющие совершать телефонные вызовы с использованием сети «Интернет». Трафик телефонных вызовов в таком случае выходит из контура телефонных сетей и пропускается с использованием сети передачи данных. На стыке названных сетей может осуществляться неконтролируемая подмена абонентского номера. Способствует указанной деятельности недобросовестная деятельность отдельных операторов связи, которые не исполняют требования законодательства к маршрутизации трафика.

Разумеется, что государство, в лице уполномоченных регуляторов, не могло остаться в стороне от противодействия такому явлению, как подмена абонентского номера. В последние годы власти России проводят последовательную политику по сокращению рисков использования сетей связи и средств связи в противоправных целях. Одним из важных направлений такой политики является принятие организационно-технических мер, направленных на пресечение наиболее распространённых технологий незаконного получения услуг связи. В свою очередь, заметным направлением, в котором развёртывались указанные меры в последние годы, как раз явилось противодействие подмене абонентского номера.

В 2022 году Роскомнадзором была создана информационная система «Антифрод», также известная под именем, полученным на этапе разработки – Единая платформа верификации вызовов (ЕПВВ). К ЕПВВ, в силу изменений, предусмотренных Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 319-ФЗ, обязаны подключаться все операторы связи, оказывающие услуги телефонии. Платформа обеспечивает проверку факта инициации телефонного вызова, сопровождаемого российским номером, со стороны российского же абонента. Такая проверка осуществляется в режиме реального времени. В случае, если от системы поступает отрицательный ответ (сведения не обнаружены), оператор связи обязан прекратить телефонное соединение, сопровождаемое «мнимым» российским номером. Только за прошедший год работа платформы позволила заблокировать более 606 млн телефонных вызовов с недостоверной нумерацией[1].

Вместе с тем очевидно, что незаконное получение услуг связи как явление изжито не до конца. Так, широкое распространение имеют так называемые «сервисы аренды» телефонных номеров, позволяющие незаконно получать услуги связи (голосовые вызовы, приём и отправка коротких текстовых сообщений) на абонентский номер, формально выделенный третьему лицу. Однако, принимая во внимание успешный опыт государства по противодействию подмене символов абонентского номера, следует ожидать дальнейшего сокращения технологических возможностей «телефонных мошенников».

[1] Роскомнадзор в 2024 году заблокировал 606 млн звонков с подменных номеров – Текст : электронный. РБК : [сайт]. – 2025. – 22 янв. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/679082449a794775dfd7550c (дата обращения: 29.10.2025).

Митькина Екатерина Игоревна[1]

курсант 3 курса факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии МВД России

Mitkina Ekaterina Igorevna

3rd year cadet of the Faculty of training specialists in the investigation of economic crimes of the Nizhny Novgorod Academy The Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: katemitkina957@gmail.com

Многозначность понятия «символ» и контексты его исследования в истории, философии, культурологии, политике, психологии, искусствоведении

The ambiguity of the concept of "symbol" and the contexts of its study in history, philosophy, cultural studies, politics, psychology, and art history

Аннотация. Мир символов присущ не одному поколению человечества. Он существовал и существует как обозначающий фактор или средство коммуникации. Центральное понятие исследования, символ. В представленной работе будет рассмотрена многозначность понятия «символ» и контексты его исследования в истории, философии, культурологии, политике, психологии, искусствоведении.

Ключевые слова: символ, обычай, мифический характер, эстетическая категория, симптом, искусство, культура

Annotation. The world of symbols is inherent in more than one generation of humanity. It has existed and continues to exist as a signifying factor or means of communication. The central concept of this study is the symbol. This paper will explore the multifaceted nature of the concept of "symbol" and its application in various fields, including history, philosophy, cultural studies, politics, psychology, and art history.

Keywords: symbol, custom, mythical character, aesthetic category, symptom, art, culture

Для цитирования: Митькина Е.И. Многозначность понятия «символ» и контексты его исследования в истории, философии, культурологии, политике, психологии, искусствоведении // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно- практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 920–923.

В древнегреческой культуре существовал обычай, согласно которому друзья при расставании разламывали на две части какой-либо предмет - к примеру, глиняную лампадку, статуэтку или восковую табличку с надписью. Позже, оказавшись в одной компании, они либо их наследники идентифицировали друг друга, соединив эти разорванные части, создававшие единый символ.

«Символ» в греческом языке означает «знак» или «примету». В эстетических, философских и культурологических исследованиях обозначение символа используют для определения категории, в которой отражается специфическое восприятие жизни через образы - портреты, статуи или иные художественные формы.

Образец поведения, слово или объект, что имеет конкретное значение для человека и отражает воспринимаемую им реальность, обозначается термином «символ». Первое упоминание этого понятия встречается у Пиндара (518–442 гг. до н.э.), где оно использовано практически случайно; мысль автора такова: ни один из живущих не получил от богов достоверного символа, способного предугадать будущее. Следовательно, первую известную связь слова «символ» с божественным происхождением можно проследить именно в этом контексте. У Эсхила (525–456 гг. до н.э.) появляется фраза «символ огня», обозначающая костер как знак триумфа. У Софокла (496–406 гг. до н.э.) встречается словосочетание «символ горя», которое несет схожее значение. Эврипид (480–406 гг. до н.э.) один из первых определяет символ как знак или примету, понятную лишь посвященным в дело. В общественной жизни греков VI ве-

[1] Научный руководитель: *Строков Алексей Александрович* – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Нижегородской академии МВД России.

ка до н.э. термин «символ» относится к предметам разного рода: от тессеров для голосования до договоров и свидетельств.

В период классической античности ясно просматриваются три главных составляющих, формирующих интуитивное представление концепта «символ»:

1. Символ представляет собой слово, в котором в сжатой и замаскированной форме заключены характеристики предмета (Демокрит);

2. Символ – это своего рода новое начало, созданное из его частей, но не тождественное им; понять смысл такого начала можно лишь интуитивно (Эмпедокл);

3. Символ всегда содержит в себе загадочный, таинственный смысл (Пифагор).

Плутарх выделял функцию символа, воздействующего на личность в моменты сомнений. Возникновение символа в ответственный период способно направить выбор человека, вызывая волевое усилие, что заканчивается однозначным решением. Новая интерпретация понятия «символ» сформировалась в древнегреческой философии стоицизма, которая вобрала наследие Демокрита, Эмпедокла, Аристотеля и особенно Платона. Стоики образно указывали, что природа творит символический мир, который человек и бог совместно наполняют смыслами.

В философской традиции позиция Дамаского наделяет символ мифологическим значением, связывая его с миром идей, которые повседневный язык не способен прямо передать. По словам философа: «Если возникает необходимость обозначить то, что по сути не имеет имени, выразить невозможное, либо назвать то, что лишено знака, ничто не препятствует присвоению высшему и неопределимому принципу высших, идеальных имен, таких как священные символы, и называнию его единственным».[1]

Р. Бекер описывал многогранность и многообразие символов такими словами: «Символ сравним с хрусталем, который меняет свойства светопропускания в зависимости от угла падения лучей на его поверхности. Можно также вообразить символ живым организмом, неразрывно связанным с нашим существом и постоянно преображающимся. Осознавая значение символа, одновременно он заставляет переосмыслить и рассудить, мы исследуем не только объект, но и себя, раскрывая направления, позволяющие душе движением стремиться к новым горизонтам».[2]

В художественной сфере символ выступает неотъемлемой эстетической категорией, обнаруживая себя через анализ близких явлений художественного образа, таких как знак и аллегория. Это понятие охватывает широкий спектр значений, поскольку символ – это одновременно и образ, интерпретируемый сквозь призму знаковости; он представляет собой целостный и глубоко многозначный знак. Важно подчеркнуть, что каждый символ является образом, однако любой образ способен в определенной мере функционировать как символ. Особенность категории символа кроется в выходе образа за пределы прямолинейного значения, подразумевая наличие особого смысла, связанного с образом, но не отождествляемого с ним. В структуре символа предметный образ и скрытый смысл выступают взаимосвязанными полюсами – без одного невозможно представить другое: смысл не получает выражения без сопровождающего его образа, а без смысла образ теряет целостность, распадаясь на отдельные элементы. Между этими компонентами возникает напряженность, раскрывающая природу символа. При переходе образа в символ он приобретает характеристику «прозрачности», позволяющей смыслу пронизывать образ насквозь, формируя глубину и перспективу восприятия. Особенность символа, отличающая его от аллегории, заключается в том, что смысл не поддается однозначному рациональному толкованию; он неотделим от образной структуры, не сводим к отдельной формуле, которую можно вложить и извлечь из образа.

Сравнение с знаком выявляет иные особенности символа: в несопровождаемой искусством практической знаковой системе полисемия часто рассматривается как препятствие для рациональной эффективности знака, в то время как символу многозначность придает дополнительное богатство содержания. Главная задача символа – выразить через отдельные явления целостное восприятие мира.

Термин «символ» относится к семиотическим понятиям с наиболее сложной многогранностью значений. Сочетание «символическое значение» зачастую служит условным синонимом знаковости. При наличии определенного соотношения между выражением и содержанием, с акцентом на условность подобной связи, исследователи выделяют символическую функцию и символы.

Символ традиционно выполняет функцию знака, вмещающего содержание, выступающее средством передачи определенного, зачастую более глубокого культурного смысла. Следует отличать символ от реминисценции или цитаты, в которых внешний уровень выражения выступает без самостоятельной ценности; скорее он функционирует как индикатор, наводящий на более обширный текст посредством метонимической связи. В отличие от этого, символ воспринимается как завершенный текст, содержащий законченный смысл и выразительные средства, характеризующийся цельной структурой и четкими границами, благодаря чему он резче выделяется на фоне семиотического поля. Мы утвержда-

[1] Лосев А. Ф. Итоги тысячелетнего развития, кн. I-II. – М.: Инфра-М, 2022 – с. 409.

[2] Мир символов живёт в нас. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bez-granic.ru/main/yazyk-simvolov/symbols-language-of-eternity.html (дата обращения 24.09.2025)

ем, что именно данное обстоятельство выступает решающим условием для того, чтобы символ мог выполнять свои функции.

Элемент архаики присущ символу всегда. Среди культур существуют пласт текстов, которые играют роль архаических; здесь проявляется наибольшая концентрация символов. Данный феномен не случаен: большинство символов укореняются в архаичной основе, начинается которой в дописьменные эпохи. В те времена простейшие знаки служили сжатым мнемоническим кодом устно передаваемых текстов и сюжетов в рамках духа культуры. Эффективность символов в передаче объемных и значимых смыслов сжатой формой сохраняется доныне.

Однако другая сторона архаики символа не менее занимательна: он выступает законченной текстовой единицей, непременно не входящей в синтагму, либо сохраняющей самостоятельность по семантике и структуре при включении. Символ легко выделяется из семиотического поля и адаптируется к новому контексту текста. Это определяет его главную характеристику: символ не ограничен одним временным культурным срезом, он проникает вертикально - от прошлого к будущему. Память символа глубже и древнее памяти окружающих текстов, находящихся вне сферы символики.

Зигмунд Фрейд, основатель психоанализа, исследовал сновиденческие символы и утверждал, что невротические симптомы можно рассматривать как «символы воспоминаний, связанных с травматическим опытом». Эрих Фромм, представитель неофрейдизма, полагал: определение символа как средства обозначения чего-либо является недостаточно точным, хотя приемлемо для символов, выражающих внутренние состояния человека, чувства и мысли посредством зрительных, слуховых или обонятельных ощущений. Карл Густав Юнг, создатель аналитической психологии, рассматривал множество символов как проявления универсальных структур коллективного бессознательного - архетипов.[1]

В рамках психоаналитической теории термин «символ» приобрел узкие, специализированные смыслы. Под символом понимают бессознательное отражение объекта; оно маскирует или искажает его реальный смысл, что же приводит к измененному осознанному восприятию. В дополнение к этому символы принимают форму внешнего сходства с бессознательными потребностями человека, воплощая и отражая внутренние конфликты личности. Отсюда следует, что символы во многом зависят от скрытых в подсознании желаний индивида.

Помимо этого, они защищают личность от эмоциональной боли, и дают возможность извлечь пользу из сложных жизненных обстоятельств. Символ формируется на фоне серьезных конфликтов ценностей, кризисных моментов, концентрируя внимание и укрепляя память. Однако избыточное заострение внимания на одной конфликтной стороне затрудняет логическую рефлексию, вызывая склонность к восприятию противоположной стороны с крайностными переживаниями, которые символ впоследствии поддерживает и воспроизводит.

В политической практике символы направлены в первую очередь на массовую аудиторию, призванную вызывать мгновенные ассоциации. Они функционируют как упрощенные и часто преувеличенные средства, позволяющие быстро воздействовать на широкие слои общества. Принято рассматривать символизацию в политике как вид коммуникативной знаковой деятельности. Обычная ситуация, когда политический символ является общим для многих граждан и выполняет функцию знака, понятного обществу. Символическая практика формирует уникальные общественные связи, создает атмосферу, порой иллюзорную, единства, индивидуальности и прогресса, что связывается с реальными социальными и политическими процессами. Эффективность символов зависит от искренности и достоверности первоначального восприятия. Символы нельзя объективно проверить или доказать, поскольку они переживаются эмоционально и бессознательно.

Политический символ выполняет разнообразные функции, дополняя различные аспекты политической деятельности:

Функции символа включают:

– мобилизационную, заключающуюся в возникновении мотивирующих побуждений с целью отстаивания собственных взглядов, прав и намерений, а также формировании прочных ассоциаций при контакте с символом;

– информационно-коммуникативную, которая обеспечивает передачу определенной информации, подразумеваемой и сконцентрированной в символе;

– функцию политической социализации, являющуюся одним из способов усвоения политических знаний, ценностей и норм посредством символа;

– идентификационную функцию, подразумевающую процесс отождествления себя с символикой и узнавание символа через содержащийся в нем смысл;

– манипулятивную функцию, выражающуюся в скрытом воздействии посредством символа, вызывающем бессознательную реакцию чувств и эмоций.

В формировании и регулировании общественного мнения символы, используемые в политической деятельности, занимают существенное место. Национальные символы идентичности, в числе важнейших, способствуют укреплению восприятия роли государства и определению его статуса в международ-

[1] Юнг К.Г. Психология бессознательного/К.Г. Юнг – М.: КАНОН-ПЛЮС, 2021. – с.180.

ном сообществе. Классическими представителями таких символов, подчеркивающих полномочия и авторитет государственных институтов, считаются исторические регалии монархий, включая короны, венцы, скипетры, троны и сходные символы. Более того, на протяжении многих столетий символика служила индикатором религиозной и культурной идентичности.

Политический дискурс характеризует два типа символов: явные и скрытые. Первые непосредственно отображают конкретные образы, идеи либо события. Вторые, как, например, «символ мира», способны вызвать широкий спектр ассоциаций, таких как пацифизм, гуманитарные ценности и миссия миротворчества. Символ орлиной головы воспринимается однозначно - как знак преданности и патриотизма. Скрытые символы не имеют четких связей с конкретными понятиями, однако способны вызвать разнообразные эмоциональные отклики и ассоциативные цепочки. Совместно с гиперинформационными технологиями современности они усиливают психологическое воздействие политических средств. Современное общественно-политическое пространство, тесно сплетенное с глобальными информационными сетями, порождает богатство интерпретаций, что вызывает множество разнообразных реакций, завершающих восприятие символа.[1]

В современном политическом дискурсе часто проявляются трудности, связанные с некорректным использованием символики. Государственные эмблемы применяют без веских оснований, подвергая их оскорблениям; политики порой высказывают необоснованные мнения, что способствует формированию ложного образа, нарушению установленных процедур и совершению действий, оскверняющих символы. Подобные явления обусловлены недостатком понимания значимости и роли символики. Нарушение правил использования государственных символов снижает уважение к ним и к нарушителям нормативов со стороны общества. Кроме того, наблюдается тенденция к собственной интерпретации символов и символических знаков, что негативно сказывается на их восприятии, искажая их значение и вызывая общественное неприятие нововведений. Продолжающаяся такая динамика приведет к заметному изменению отношения к политической символике, сопровождающемуся ее обесцениванием и утратой доверия к политическим структурам, представленным через эти символы. Основные принципы и характерные черты каждого знака окажутся под угрозой, разрушив привычные и выработанные десятилетиями нормы грамотного применения символики. Итогом анализа и обзора становятся следующие ключевые положения:

Таким образом, термин «символ» характеризуется многозначностью — его интерпретация зависит от контекста, в котором употребляется. Часто под символом подразумевают знак, обозначающий нечто скрытое и таинственное, порой связанное с мистикой или сверхъестественным. Кроме того, символом может служить объект, поведенческая модель или слово, обладающее значимостью для индивида и отражающее реальность в условной форме.

Исторически интерес к символу как самостоятельной эстетической категории зародился в конце XVIII века. В тот период И. В. Гете и К. Ф. Мориц рассматривали символ как цельное и органичное единство «смысла» и «бытия».

В философском анализе М. Мамардашвили и А. Пятигорский подчеркивается условная двойственность понятия «символология»: символ одновременно выступает как обозначение конкретной реальности и несет определенный смысл, связанный с сознанием.

Культурологический подход рассматривает культуру с позиции многообразия символов. Каждая историческая эпоха обладает своей системой символов, которая функционирует в качестве уникального культурного кода, подлежащего изучению как особый объект. Исследование символов позволяет выявить специфическую индивидуальность отдельных культур.

Политика: графические символы находят применение в разнообразных сферах, таких как искусство, религия, политика, наука и многие другие отрасли.

Психология: с точки зрения психологии, символ предстает как архетипический образ. К. Г. Юнг предполагал, что образы формируются в личном бессознательном и отображают индивидуальный психологический процесс, который стимулирует творческую деятельность.

В сфере искусствоведения символ играет роль универсальной эстетической категории, которая становится ясной при сопоставлении с аналогичными понятиями художественного образа и с такими категориями, как знак и аллегория.

[1] Символы в политической дискурсивной практике. Опыт деконструкции. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://research-journal.org/archive/8-134-2023-august/10.23670/IRJ.2023.134.138 (дата обращения 25.09.2025)

Наимов Сиявуш Саидхалимович

адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

Naimov Siyavush Saidkhalimovich

Adjunct of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: siyovush_naimov@mail.ru

Символическое значение поводов к возбуждению уголовного дела в УПК Республики Таджикистан

The symbolic meaning of the reasons for initiating a criminal case in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan

Аннотация. Автор статьи применяет символический подход к оценке системы поводов к возбуждению уголовного дела в Республике Таджикистан. С помощью данного подхода выявляются исторические и идеологические предпосылки поводов и перспективы развития системы поводов в целом. Отмечается высокий эвристический потенциал символического подхода при раскрытии юридических понятий.

Ключевые слова: поводы к возбуждению уголовного дела, уголовный процесс Республики Таджикистан, символические поводы, fundamenta inguisitionis, искусственные поводы

Annotation. The author of the article applies a symbolic approach to assessing the system of grounds for initiating a criminal case in the Republic of Tajikistan. This approach reveals the historical and ideological background of the grounds and the prospects for the development of the system of grounds as a whole. The author notes the high heuristic potential of the symbolic approach in revealing legal concepts.

Keywords: reasons for initiating a criminal case, criminal proceedings in the Republic of Tajikistan, symbolic reasons, fundamenta inguisitionis, artificial reasons

Для цитирования: Наимов С.С. Символическое значение поводов к возбуждению уголовного дела в УПК Республики Таджикистан// Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 924–926.

Тема символов в праве имеет разностороннее значение. Она отличается высоким познавательным потенциалом. Взгляд на сущность уголовно-процессуального права через призму «символического подхода» позволяет разглядеть интересные, но не всегда заметные стороны различных процессуальных институтов. В настоящей статье мы попытались применить «символический подход» к осмыслению поводов к возбуждению уголовного дела, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан. Задача, которую мы пытались решить с помощью этого подхода, заключалась в том, чтобы раскрыть важные нюансы этих поводов.

«Символический подход» – это название во многом условное. В нашем понимании оно означает такой исследовательский взгляд на систему поводов, который позволяет рассмотреть связи этого явления с другими явлениями и событиями, обнаружить новые связи и закономерности. И с помощью этих оттенков составить более глубокое представление о сущности поводов.

Формула «символическое значение поводов» тоже должна пониматься с определенными оговорками. В первую очередь она призвана презентовать поводы, как знаки других важнейших уголовно-процессуальных понятий, которые составляют костяк понимания уголовного судопроизводства в целом. И через эти знаки обнаруживаются методологические и даже идеологические основания поводов к возбуждению уголовного дела. Формула «символическое значение поводов» может выводить на понятие «символических поводов». Слово «символические поводы» может толковаться в том смысле, что перед нами формальная оболочка с проблемным содержанием. И в этом смысле «символическими поводами» можно назвать поводы плохо реализуемые на практике, искусственные.

Разговор о символическом значении поводов мы начнем с того, что сам факт присутствия в законодательстве Республики Таджикистан системы четко сформулированных поводов к возбуждению уголовного дела символизирует приверженность нашего национального уголовного судопроизводства (во вся-

ком случае, на его досудебном этапе) к уголовному процессу розыскного типа. Кроме того, это побуждает нас вспомнить древнюю символическую формулу начала уголовного судопроизводства – fundamenta inguisitionis..

Данная латинская формула прямо говорит о том, что имеет место важнейший старинный принцип запуска уголовного процесса, типологически опирающегося на розыскное начало. Юристы дореволюционной школы всегда вспоминали этот принцип и, как правило, уважительно представляли его именно в латинском оригинале[1]. Поэтому «символический взгляд» позволяет заметить, что поводы и основания выводятся из фундаментального принципа fundamenta inguisitionis. Формула «Повод и основания к возбуждению уголовного дела», имеющаяся в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан – это прямой выход на этот принцип и своеобразная «присяга» розыскному (следственному) типу уголовного процесса.

Непосредственная связь с данным принципом укрепляет фундаментальные представления о национальном уголовном процессе. Помогает понять, что уголовный процесс Республики Таджикистан не просто отражение и во многом продолжении советской модели, а уголовный процесс, опирающийся на фундаментальные положения юридической теории всемирного масштаба.

Приверженность уголовного судопроизводства Таджикистана принципу fundamenta inguisitionis требует строгости в следовании положениям данного учения. Мы имеем в виду строгость подхода к понятию и сущности поводов и оснований к возбуждению уголовного дела. Анализ положений главы 17 УПК Республики Таджикистан и аналогичных глав УПК стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, в частности, оценка системы поводов, показывает, что имеют серьезные отступления от данного основополагающего принципа. Непонимание истинной сущности повода и оснований отражается на системе поводов к возбуждению уголовного дела, приводит к появлению в этой системе «мертворожденных элементов»

Данное обстоятельство требует серьезного обращения к теоретическим аспектам понятия поводов и оснований к возбуждению уголовного дела, выявления и реабилитации незаслуженно забытых теоретических постулатов, которые позволят сконструировать идеальную систему поводов к возбуждению уголовного дела в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан.

Как видим, первое символическое значение поводов вывело нас на ряд важных обстоятельств, необходимых не только в плане теоретического осмысления, но и в практическом смысле. Система поводов, лежащая в центре значимого уголовно-процессуального института, является своеобразной визитной карточкой уголовного судопроизводства.

Символическое значение имеет не только система поводов. С полной уверенностью можно говорить о том, что каждый повод в системе поводов это тоже определённый символ. Например, такой общеизвестный и исторически устойчивый повод, как заявление о преступлении, символизирует многие юридические нюансы. В частности, названный повод является знаком того, что в его основе лежит публичное начало уголовного судопроизводства. Заявление о преступлении, как законный повод к возбуждению уголовного дела, дает понять, что любой гражданин, а не только потерпевший от преступления, может заявить о преступлении, о котором ему доподлинно известно или же о котором он подозревает или догадывается. Через этот повод каждый гражданин может реализовать свой гражданский долг, защитить себя и общество от преступлений. Поэтому повод «заявление о преступлении» символизирует открытость государства к общественному содействию со стороны каждого гражданина. Через это воплощается как сама ценность, так и способ реализации публичного интереса.

Второй повод называется «явка с повинной». Он не менее известен и не менее символичен, чем предыдущий повод. В уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран он называется чуть иначе – «заявление о повинной». Но и в подобной трактовке легко различить старинную нормативную лексику, в которой очень много символических оттенков. Законодатель так и не подобрал для этого повода современной формулировки. Да он, судя по всему, и не собирался этого делать. Мы считаем, что формула «явка с повинной» нужна законодателю по причине ее символического значения. Уже в самом этом наименовании есть символические нотки, которые связывают уголовное судопроизводство Республики Таджикистан с далекими историческими предпосылками. Теоретически доказано, что розыскной тип уголовного процесса вырос из церковного судопроизводства, с помощь которого церковь боролась с еретическими проявлениями. Церковная инквизиция ставила своей целью в первую очередь добиться раскаяния грешника – признания им своей вины перед церковью. Прошло много веков и, казалось бы, что ни о каком раскаянии преступников речь сегодня не идёт, но само имя этого повода – «явка с повинной» – говорит о том, что его волеизъявление крайне важно. В имени этого повода слышится эхо того покаяния грешника, которого так желало церковное правосудие. Это мы улавливаем и в таком понятии, как чистосердечное признание обвиняемым своей вины. Таким образом, можно говорить о том, что язык уголовно-процессуального закона должен быть не только понятным и информативным, он должен быть и символичным.

[1] Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016.С. 245.

Два приведенных повода символизируют приверженность уголовного судопроизводства к старинным ценностям, преемственность уголовно-процессуальных традиций. Через символизм в уголовном судопроизводстве происходит слияние эпох и поколений. И если даже современное поколение процессуалистов этого не видит и не замечает, то эти уголовно-процессуальные символы всё равно воздействуют на подсознание ученых и практиков.

Но поводы к возбуждению уголовного дела символизирует не только прошлое уголовного процесса. Символ – это не только мостик в ретроспективу. В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан есть поводы, устремленные в будущее. Таким поводом является повод, который в уголовно-процессуальном кодексе Таджикистана обозначен как «сообщения в средствах массовой информации, в том числе в Интернет». Процедурно этот повод пока детально не разработан. На наш взгляд, этот повод достаточно трудно воплощается в жизнь, поскольку сам по себе он противоречив. И противоречив, в том числе, в символическом смысле. Он символизирует нормативное воплощение подходов, которые уголовный процесс исторически не приемлет. Так, есть незыблемое правило, что заявление о преступлении не может быть анонимным. По сути, анонимным не может быть ни один повод к возбуждению уголовного дела. Всякая безликая и безымянная информация, имеющая значение для уголовного дела, в конечном итоге проверяется конкретным уполномоченным субъектом, от лица которого и будет сформирован конкретный «авторский» повод. А вот такой повод, как сообщения в Интернет, символизирует намек на то, что отношение к анонимности в уголовном судопроизводстве в современном контексте может быть пересмотрено. Таким образом, само имя повода, в которое внедряется слово «Интернет», символизирует предпосылки принципиальных методологических изменений. И в то же время, данный повод говорит о том, что ему уготована судьба чисто «символического повода», то есть повода, который будет применяться эпизодически, да и то в формате других поводов к возбуждению уголовного дела.

Сама система поводов к возбуждению уголовного дела, обнаруживаемая в законодательстве Республики Таджикистан, символизирует приверженность не только к розыскному, но и к советскому типу уголовного процесса. Это тоже очень важное обстоятельство. Оно обозначает, что данный тип, является не политическим, а технологическим типом уголовного судопроизводства. Ему присущи многие достижения, от которых не стоит отказываться. Само наличие самостоятельной стадии возбуждения, от чего уголовный процесс Республики Таджикистан не собирается отрекаться, говорит о том, что следовать в привычном русле развития уголовно-процессуального законодательства, – это правильный курс.

Сама формула «символические поводы к возбуждению уголовного дела» может быть многозначной. Она может выражать явление, которое напоминает данный повод, символизирует память о нём. Кроме того, данная формула может быть намёком на будущее развитие как одного повода, так и всей системы поводов к уголовному делу.

По нашему мнению, символическое значение могут иметь не только поводы, которые включены в систему поводов к возбуждению уголовного дела. Символическое значение может иметь и отсутствие в системе определённых поводов. Например, ранее советским уголовно-процессуальным кодексам были известны такие поводы, как сообщение народных дружин и других общественных формирований. Современным кодексам эти поводы неизвестны. А это символизирует, что произошли серьезные подвижки в идеологических основах современного уголовного судопроизводства.

В заключении статьи следует отметить, что «символический подход» к поводом к возбуждению уголовного деля является весьма полезным исследовательским инструментом.

Огородова Екатерина Юрьевна

аспирант, ассистент кафедры административного и финансового права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, советник ООО Юридическая компания «Войнов, Маслов и партнеры»

Ogorodova Ekaterina Yurievna

PhD Student, Assistant at the Department of Administrative and Financial Law, Faculty of Law, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Advisor to Voynov, Maslov and Partners Law Company LLC

E-mail: ogorodova@unn.ru

Символы и знаки в методологии исследования специальных технических средств как источников доказательств

Symbols and signs in the methodology of investigating special technical means as sources of evidence

Аннотация. Статья посвящена особенностям методологии исследования специальных технических средств как источников доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях и роли правовых знаков и символов в данной деятельности. Целью статьи является изучение вопроса о понятии и функциях правовых символов и знаков при изучении института специальных технических средств в административном праве. Автор приводит позиции ведущих ученых по указанному вопросу. Особое внимание уделено классификации методов исследования применительно к специальным техническим средствам и их взаимосвязи с правовыми символами и знаками.

Ключевые слова: специальные технические средства, правовой символ, правовой знак, методология, метод

Annotation. The article is devoted to the peculiarities of the methodology for investigating special technical means as sources of evidence in proceedings on administrative offenses and the role of legal signs and symbols in this activity. The purpose of the article is to study the concept and functions of legal symbols and signs in the study of the institution of special technical means in administrative law. The author cites the positions of leading Russian and foreign scholars on this issue. Particular attention is paid to the classification of research methods as applied to special technical means and their interconnection with legal symbols and signs.

Keywords: special technical means, legal symbol, legal sign, methodology, method

Для цитирования: Огородова Е.Ю. Символы и знаки в методологии исследования специальных технических средств как источников доказательств // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 927–932.

Несмотря на то, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ, Кодекс)[1] вступил в силу более 23 лет назад и постоянно совершенствуется, многие положения действующего законодательства не позволяют в полной мере решить вопросы, возникающие при привлечении лиц к административной ответственности, в том числе в случае фиксации правонарушений при помощи специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи (далее — специальные технические средства).

Например, Е.В. Япрынцев говорит о том, что существующая система норм, «формировалась под влиянием конъюнктурных факторов, носит фрагментарный и бессистемный характер»[2]. Е.П. Колодеев

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. Российская газета. №166, 30.07.2025.

[2] Япрынцев Е.В. Административная ответственность титульных владельцев земельных участков // Аграрное и земельное право. 2019. №4 (172). С. 118.

также отмечает, что «проблемы в правовой регламентации [автоматизированной системы фиксации административных правонарушений с применением специальных технических средств, прим. авт.], как мы это видим, не сокращаются»[1].

И, к сожалению, приведенные утверждения сохраняют свою актуальность и по сей день.

При этом, очевидно, что для совершенствования законодательства требуется не только учет проблем, возникающих в правоприменительной практике, но и научная обоснованность вносимых в законодательство изменений, в связи с чем особую значимость приобретают вопросы использования символов и знаков как непосредственно в правовом регулировании, так и в рамках методологии исследования.

Как отмечал А.В. Никитин, «познание природы правовых символов, их роли в механизме правового регулирования, проникновение в их сущность, содержание, форму и особенности, служат необходимой предпосылкой формализации правового материала, оптимизации правотворческой и правоприменительной деятельности»[2].

Для начала определимся, о каких именно правовых символах и знаках применительно к специальным техническим средствам может идти речь.

В силу ст. 26.8 КоАП РФ под специальными техническими средствами понимаются специальным образом утвержденные измерительные приборы, показания которых отражаются в протоколе или постановлении по делу об административном правонарушении.

Соответствующий дорожный знак 6.22 «Фотовидеофиксация»[3] обозначает места возможного применения работающих в автоматическом режиме стационарных или передвижных специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи для фиксации нарушений правил дорожного движения.

О значении данного правового символа или знака для методологии исследования специальных технических средств и пойдет речь далее.

Применяя классификацию М.Л. Давыдовой[4], в первую очередь обозначим, что анализируемый нами правовой знак относится к предметным статичным символам — он существует в виде объекта материального мира и не меняет свою форму.

Говоря о значении символов и знаков в методологии исследования специальных технических средств, необходимо выделить ряд функций, реализация которых напрямую связана с научным совершенствованием нормативного материала.

Руководствуясь предложенным М.Л. Давыдовой[5] перечнем, обозначим две базовые функции правовых символов:

– регулятивную, направленную на регулирование социальных отношений посредством обязательных требований, обозначенных, в том числе, посредством дорожных знаков, свидетельствующих о работе специальных технических средств. Например, П.Д. Шалагинов, видел именно в данной функции сущность правового символа и его назначение для общества[6];

– информационную, связанную с передачей информации о факте фиксации обстановки или событий в режиме реального времени с возможностью последующего привлечения к ответственности за совершение административного правонарушения. Значение указанной функции раскрывается можно обозначить следующим образом: «Правовой символ должен быть понятен окружающим, т.е. по возможности должен быть ясен смысл, который в нем заключен»[7], что нехарактерно для иных видов символов [8].

Из этого следует, что по своей функциональной роли, исследуемый нами правовой символ относится к регулятивным, выступающим в качестве юридических фактов, влекущих конкретные правовые последствия.

При этом важно отметить, что предлагаемая трактовка обозначения специальных технических средств как объекта материального мира позволяет нам рассматривать понятия «правовой знак» и «правовой символ» как синонимичные, однако исключительно в контексте оценки их ценности с точки зрения доведения до субъектов значимой правовой информации.

---

[1] Колодеев Е.П. Действие принципа презумпции невиновности при применении статьи 2.6.1 КоАП РФ «Административная ответственность собственников (владельцев) транспортных средств» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №22. С. 57.

[2] Никитин А. В. Правовые символы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1998. С. 6.

[3] Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 №1090 (ред. от 16.07.2025) «О Правилах дорожного движения» // Российские вести. №227. 23.11.1993. СЗ РФ. 02.06.2025. № 22 (Часть I). Ст. 2857

[4] Давыдова, М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 304, 306, 307.

[5] Указ. соч. С. 294-295.

[6] Шалагинов, П. Д. Функции правовых символов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007 // [Электронный ресурс] URL: https://www.dissercat.com/content/funktsii-pravovykh-simvolov (дата обращения: 19.10.2025 г.).

[7] Гончарова Н.С. Правовой символ: понятия и признаки // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. №3. С. 70

[8] Глушаков А.Ю. Правовой символ: понятие, признаки, классификация // Социология власти. 2009. №2. С. 199.

В то же время, если исходить их позиции И.В. Мальцева[1] о необходимости разграничения обозначенных понятий посредством определения их одно- или многозначности, очевидно, что знак, указывающий на применение специальных технических средств, является исключительно «правовым знаком», но не приобретает ценности «правового символа».

Определив значимость нормативных информационных моделей[2] для правового регулирования, перейдем непосредственно к методологии исследования нормативного материала и определению значения правовых символов и знаний в данном контексте.

Любое исследование предполагает наличие методологических основ, как базового структурного элемента[3].

Нельзя не согласиться с И.П. Малиновой, которая отмечает: «автор перед тем, как приступить к проведению своего исследования, должен сначала определить методологию и соответственно с тем выяснить, какой дискурс он будет использовать. В противном случае возникнут терминологическая путаница и концептуальная размытость»[4].

Методология имеет существенное значение в познании проблем как теории, так и практики научно-технического обеспечения правоохранительной деятельности[5], в том числе, когда мы говорим о применении специальных технических средств.

При этом единого мнения о составляющих элементах методологии юридических исследований как единой системы среди ученых так и не сформировалось. П.В. Васильев вовсе характеризует ситуацию в указанной области как своего рода методологический хаос[6]. Данная ситуация является вполне объяснимой: в условиях отсутствия нормативного регулирования базовых терминов, используемых наукой при изучении правовых явлений[7], ученые свободны в своих рассуждениях и дискуссиях относительно их природы и составляющих элементов.

Вполне логичным при анализе методологических аспектов исследования специальных технических средств будет, в первую очередь, обратиться к всеобщим философским методам, которые определяют не только совокупность необходимых для исследования методов, но и фиксируют мировоззренческую позицию ученого[8].

В своих трудах М.Е. Труфанов отмечает, «важно, из какого «материала» человек создает идеальный образ, предшествующий процессу исследования. И, прежде всего, на наш взгляд, это должны быть философские знания»[9].

В отличие от советского периода в настоящее время критикуется признание метода материалистической диалектики в качестве единственного всеобщего метода познания. Ученые все чаще отдают предпочтение методологическому плюрализму.

Так, например, А.И. Демидов, критикуя диалектику как базовый метод познания, говорил о том, что «в правовой науке мы имеем дело с определенной ретардацией в методологии, выражающейся в стремлении сохранить привычную марксистскую парадигму истолкования правовой реальности»[10].

Применительно к методологии изучения института доказывания, А.М. Баранов также отмечает, что «методология диалектического материализма и марксистское учение об объективной истине в современном мире уже не являются господствующей теорией»[11].

Однако отказ от превалирующего применения методологии диалектического материализма и переход к методологическому плюрализму вовсе не означает, что данный метод должен отходить на второй план, обязывая исследователей основывать свои исследования на метафизике.

При определении базового метода исследования правоведам, в первую очередь, нужно помнить, что метафизика позволяет изучить явления в их статическом состоянии, что в рамках прикладного юридического исследования не особо целесообразно.

---

[1] Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 105-106.

[2] По Глушакову А.Ю. Там же.

[3] Никиташина Н. А. Методология науки как процесс научной деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №10-2. С. 38.

[4] Малинова И.П. История и философия науки // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. №5. С. 109.

[5] Епифанов С.С. Понятие методологии в теории и практике научно-технического обеспечения правоохранительной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Юридическая наука. 2016. №2. С. 115.

[6] Васильев П.В. О возможностях критериального подхода к изучению принципов российского законодательства // Юридическая техника. 2020. №14. С. 113.

[7] Давыдова М. Л. Указ. соч. С. 140.

[8] Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 257.

[9] Труфанов М.Е. О смысле разделения административно-правовых знаний на общую и особенную части: философско-правовой аспект // Вестник КРУ МВД России. 2019. №4 (46). С. 88.

[10] Демидов А.И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С. 16.

[11] Баранов А.М. О цели доказывания в современном уголовном процессе России // Уголовная юстиция. 2018. №11. С. 25.

Постоянное видоизменение общественных отношений, изменение законодательства Российской Федерации и ее субъектов, юридической практики их применения, развитие техники, применяемой в качестве специальных технических средств, появление новых составов административных правонарушений в сфере дорожного движения и благоустройства, говорят нам о необходимости динамического исследования обозначенного нами института, как наиболее действенного способа по его совершенствованию. Инструментарий для исследования специальных технических средств как источников доказательств в административном праве нам предоставляет именно диалектический метод.

В.М. Баранов, В.Б. Першин и М.В. Баранова, соглашаясь с данной позицией, говорят о том, что «диалектическая методология открывает реальные возможности «вычленения» юридического из огромной сферы социального, обеспечивает многообразие форм, методов, средств правовой регуляции. Трудно переоценить способность материалистической диалектики по мере накопления достоверных политико-правовых данных, расширять либо ограничивать предмет юридического анализа»[1].

Высказанное суждение в полной мере относится также и к исследованию специальных технических средств как источников доказательств в административном праве:

– принцип всеобщей связи и взаимообусловленности – например, рассмотрение специальных технических средств не изолированно, а с учетом их взаимосвязи с правами и обязанностями участников процесса, процедурами фиксации и оценки доказательств, а также административным законодательством в целом, исследование влияния научно-технического прогресса на развитие специальных технических средств;

– принцип развития – например, изучение истории создания и применения анализируемого нами института;

– принцип единства и борьбы противоположностей – например, изучение противоречий между интересами государства и интересами личности при использовании специальных технических средств в доказывании, обеспечивающих оперативную и объективную фиксацию административных правонарушений, но влекущих отказ от презумпции невиновности;

– принцип перехода количественных изменений в качественные – например, анализ того, как увеличение количества используемых специальных технических средств влияет на эффективность административного производства.

Таким образом, применение метода материалистической диалектики позволяет комплексно и системно подойти к изучению специальных технических средств как источников доказательств в административном праве, выявить противоречия, тенденции развития и перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Определившись со всеобщим философским методом, положенным в основу нашего исследования, рассмотрим общенаучные методы познания. К таковым относят, в первую очередь, методы эмпирического познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, наблюдение и т.д.[2].

С уверенностью можно сказать, что эти методы в полной мере проявляются в прикладных юридических исследованиях, к которым относится и изучение специальных технических средств.

Анализ – предметом научного анализа в подобного рода исследованиях всегда становятся непосредственно сами административно-правовые нормы в их действующей редакции, а также практика их применения и статистические данные.

Синтез – КоАП РФ включает в себя ряд положений, так или иначе регулирующих порядок применения и последствия фиксации административных правонарушений специальными техническими средствами: статьи 1.5, 2.6.1, 2.6.2, 12.9, 12.15, 12.16, 12.21.1, 12.21.3, 12.21.4, 20.25, 26.2, 26.8, 28.1, 29.5, 29.6, 29.10, 30.2, 30.8 Кодекса. Метод синтеза позволит нам научно объединить и рассмотреть в едином ключе воздействие всех этих норм.

Дедукция – на основе полученной синтезированной картины правового регулирования, методом дедукции можно выявить конкретные проблемы юридической практики, обосновав их неточностью или коллизионностью правовых норм.

Индукция - на основе частных фактов неверного или неточного применения административно-правовых норм мы можем выявить общие проблемы их построения.

При изучении практики применения специальных технических средств как института административного права не менее важное значение имеет исторический метод. Как отмечает И.В. Сорокина, применение исторического метода в науке административного права заключается в «разработке определенных методик мониторинга процессов изменений административно-правовых норм в историческом аспекте, особенностей применения норм прав на различных этапах развития общества»[3]. Цель приме-

[1] Баранов В.М., Першин В.Б., Баранова М.В. Место и роль метода материалистической диалектики в юридическом исследовании // Философия права. 2007. №3. С. 11.

[2] Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. Пособие – М. : Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. - С. 226.

[3] Сорокина И.В. Административное право: вопросы методологии // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2019. №2 (27). С. 12.

нения данного метода заключается в учете исторических аспектов введения исследуемого института в законодательство Российской Федерации, особенностей его реализации в настоящем для совершенствования его регулирования в будущем.

В свою очередь системный метод, по верному замечанию И.Г. Напалковой, «обеспечивает широкую возможность рассмотрения права в его целостности, взаимосвязанности структурных элементов, позволяет находить способы и приемы решения важнейших общественных проблем»[1]. Системный метод позволяет исследовать применение специальных технических средств «как особую, целостную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов (научно-технические средства, тактика, методы, субъекты организации и применения научно-технических средств, их функции, права, обязанности, компетенции, умения, навыки)»[2]. Одновременно работу специальных технических средств можно рассматривать как неотъемлемый элемент более обобщенной системы – системы организации правоохранительной деятельности.

Особую важность в аспекте прикладных юридических исследований приобретает метод моделирования. Как нами неоднократно отмечалось, основным результатом прикладных юридических исследований является построение новых правовых норм, либо разработка рекомендаций по их изменению.

При этом сам текст нормы, предлагаемый исследователем, представляет собой модель будущей административно-правовой нормы или ее новой редакции. На основе этой модели, исследователь изучает возможности включения новой нормы (или редакции нормы) в правовую систему, а также ее влияние на правовое регулирование. Эта модель в дальнейшем выносится на обсуждение юридического сообщества и, в некоторых случаях, даже приобретает характер законодательной инициативы и, в конечном счете, становится нормой права.

Таким образом, немаловажную роль в исследовании специальных технических средств имеют общенаучные методы, предоставляющие исследователю широкий арсенал средств познания института в рамках отраслевой юридической науки.

Не менее значимыми для исследования являются специальные методы познания, разработанные в неюридических науках, но в последствии используемые юристами для познания государственно-правовых явлений[3].

В прикладных юридических исследованиях в области административного права, по нашему мнению, ключевое значение приобретают статистические и социологические методы.

Статистические методы в вопросах исследования специальных технических средств[4] могут быть использованы для оценки степени эффективности административно-правовых норм на основе количества совершаемых административных правонарушений, фиксируемых посредством специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме.

Социологические методы традиционно включают в себя опросы, анкетирования, интервьюирования различных категорий лиц. К числу опрашиваемых могут относиться как лица, непосредственно работающие с административно-правовыми нормами – судьи, сотрудники правоохранительных органов, адвокаты, юристы и т.д., так и простые граждане, на поведение которых, в том числе, влияет как функционирование специальных технических средств, так и их обозначение посредством правовых знаков и символов[5].

Как верно указывал А.В. Никитин[6], «в отличие от текста нормативно-правового акта правовой символ оказывает на человека не только рациональное, но и эмоциональное воздействие, т.е. влияет на поведение людей на подсознательном, рефлекторном уровне. <...> Однако этот эффект может носить как положительный, так и отрицательный характер».

Использование указанных методов позволяет выявить реальные проблемы, возникающие в процессе применения норм, устанавливающих порядок и последствия применения специальных технических средств.

Перечисленные методы в прикладном административно-правовом исследовании выполняют, в первую очередь, вспомогательную роль в получении ориентирующей исследователя информации, эмпирических данных, подлежащих обработке в том числе с использованием общенаучных методов.

В аспекте изучения специальных технических средств нам необходимо рассмотреть и частноправовые методы, к которым относят, в первую очередь, формально-юридический и сравнительно-правовой.

---

[1] Напалкова И.Г. Методология системного познания права // Философия права. 2019. №1 (88). С. 71.
[2] Епифанов С.С. Указ. соч. С. 119.
[3] Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 96.
[4] Например, Отчет Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации №1-АП о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» // URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8773 (дата обращения: 07.04.2025).
[5] Например, Видеокамеры на дорогах — борьба с аварийностью или способ отъема денег? Опрос ЗР // URL: https://www.zr.ru/content/news/906839-videokamery-borba-s-avarijn/ (дата обращения: 07.04.2025).
[6] Никитин А.В. Указ. соч.

Помимо вышеперечисленных отдельные авторы предлагают свой перечень частноправовых методов. Так, например, И.В. Понкин дополнительно выделяет юридико-телеологический, юридико-функциональный, конкретно-исторический правоведческий, юридико-аксиологический, юридико-аксиоматический и иные методы[1]. Однако мы остановимся на двух базовых.

Согласно подходу И.А. Кузьмина[2], суть формально-юридического метода состоит в познании правовых категорий и явлений исходя из их места в правовой действительности, выполняемых ими функций, а также изучении взаимосвязей между правовыми явлениями в условиях, когда на них не воздействуют иные факторы (политические, экономические, социальные и др.).

В рамках прикладного исследования обозначенного нами института формально-юридический метод может быть применен для толкования действующего законодательства, познания места правовых норм, регулирующих применение специальных технических средств, в системе права, познания категории «специальные технические средства» в сугубо правовом смысле, уточнения дефиниции и т.д.[3].

Сравнительно-правовой метод в рамках прикладного административно-правового исследования специальных технических средств применяется для сопоставления правовых норм разных государств, в том числе для выявления сходств и отличий, а также для выработки наиболее оптимальной, с учетом опыта зарубежных государств, модели будущей нормы[4].

Частноправовые методы, как и рассмотренные ранее методы других уровней, будучи органично «уложенными» в систему методов исследования специальных технических средств, предоставляют исследователю обширный инструментарий для изучения обозначенного института как в максимальном «отрыве» правовых аспектов от всего неправового, так и, наоборот в качестве части объективной реальности, в том числе, в международном социально-правовом пространстве.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что научным сообществом зачастую критикуется нестабильность законодательства об административных правонарушениях. И это не случайно. Подобная ситуация негативно влияет на правоприменительную практику, поскольку способствует совершению юридических ошибок в процессе осуществления правоохранительной деятельности.

Однако на современном этапе развития общества существует объективная необходимость дальнейшего совершенствования отечественного законодательства об административных правонарушениях, в том числе относительно правил и последствий применения в доказывании специальных технических средств, путем научно обоснованных изменений.

Прикладное административно-правовое исследование невозможно без определения подлежащей применению методологии исследования, как системы методов познания явления, а также анализа применяемых в ней правовых знаков и символов.

Только применение методов всех уровней – общенаучных, специальных и частноправовых, и достижений разных наук, в том числе неправовых, с учетом нормативных информационных моделей позволит получить наиболее полное представление об исследуемом явлении.

---

[1] Понкин И.В. Иллюстрированное введение в научно-исследовательскую работу. Приложение № 2 к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики» / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2025. - С. 59-60.

[2] Кузьмин И.А. Формально-юридический метод в составе методологии компаративистского исследования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. №2 С. 22-23.

[3] Например, Сургутсков В.И., Бекмурзинова К.К. Принцип объективной истины, доказывание и его субъекты по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 79 - 93.

[4] Например, Сухарева Н.В., Падеров П.В. Вопросы правоприменительной практики использования специальных средств фото- и видеофиксации для привлечения к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения: сравнительно-правовой анализ норм об административной ответственности в российском и зарубежном законодательстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. №4 (53). С. 642.

Пантелеева Полина Алексеевна[1]

курсант 3 курса факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии МВД России

Panteleeva Polina Alekseevna

3rd year cadet of the Faculty of training specialists in the investigation of economic crimes of the Nizhny Nov-gorod Academy The Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: polina.panteleeva.2021@mail.ru

Разработанность учения об уголовно-правовых символах в современном уголовном праве

The development of the doctrine of criminal law symbols in modern criminal law

Аннотация. В статье осуществляется внутринаучная рефлексия на предмет разработанности проблем символов в уголовном праве, приводятся основные исследования, посвященные им, делается вывод о том, что уголовно-правовые символы относительно недавно попали в научную орбиту представителей уголовно-правовой доктрины, несмотря на это существует множество правоприменительных проблем, сопряженных с их использованием.

Ключевые слова: юридическая техника, инструментарий, правило, прием, средство, символ, степень разработанности, уголовно-правовая доктрина

Annotation. The article provides an in-depth reflection on the development of the problems of symbols in criminal law, presents the main studies on this topic, and concludes that criminal law symbols have only recently entered the scientific orbit of criminal law doctrine, despite the fact that there are many law enforcement issues associated with their use.

Keywords: legal technique, toolkit, rule, method, means, symbol, degree of development, and criminal law doctrine

Для цитирования: Пантелеева П.А. Разработанность учения об уголовно-правовых символах в современном уголовном праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 933–935.

Действующее уголовное законодательство не отличается юридико-техническим совершенством, что выражается в бессистемности вносимых в него изменений, допускаемых пробелах, противоречиях и неточностях. Все это создает трудности в толковании и применении уголовно-правовых норм и делает уголовный закон не ясным для адресатов. По этой причине не зря в последние десятилетия в доктрине уголовного права уделяется большое внимание проблемам юридико-технического обеспечения процесса уголовного правотворчества[2]. Встречающиеся в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) изъяны демонстрируют то, что правотворческие органы зачастую не учитывают особенности использования юридико-технического инструментария, представленного соответствующими правилами, приемами и средствами. Это отчасти связано с тем, что названные инструменты не исследованы надлежащим образом в уголовно-правовой доктрине, что выражается в отсутствии целостного системного понимания их регулятивных возможностей и уголовно-правовой специфики.

К одному из распространенных и оригинальных средств юридической техники уголовного права относится *символ*. Под символом в теории права понимается «закреплённый законодательством условный

[1] Научный руководитель: *Абдулханнянов Ильяс Абдулхаевич* – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

[2] См.: Баранов В.М., Абдулханнянов И.А. Инструментарий юридической техники в контексте частно-правовых теорий. Рецензия на диссертацию О.В. Танимова «Теория юридических фикций» (Москва, 2023. 438 с.), представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2024. № 3. С. 320.

образ (замещающий знак), используемый для выражения определенного юридического содержания[1]»; «уникальные, стабильные, выраженные в особой форме ценностные объекты, условно представляющие субъектов права на разных семантических уровнях, установленные, используемые и охраняемые в соответствии с нормами права»[2].

Н.Н. Вопленко выделяет три основополагающих функции правовых символов: предупредительно-ориентационную, функцию усиления регулятивного эффекта и функцию экономии языковых и юридических средств[3]. В.М. Баранов и В.Б. Исаков говорят о номинативной, коммуникативной и информационно-сберегательной функции символов в праве[4].

В уголовном праве символ как средство техники достаточно широко используется в процессе конструирования различных признаков составов преступлений. Примерами этого могут выступать ст. 324, 326, 329 УК РФ и некоторые другие. Кроме того обнаруживается тенденция по увеличению количества уголовно-правовых норм, построенных при помощи описываемого логического средства юридической техники, что демонстрирует его востребованность уголовным законом. Так, в разные годы оказались криминализированы уничтожение и повреждение воинских захоронений, памятников, стел, обелисков и иных объектов, увековечивающих память погибших защитников Отечества, либо посвященных дням воинской славы России (ст. 243[4] УК РФ); неоднократная пропаганда и демонстрирование экстремистской или нацистской атрибутики или символики (ст. 282[4] УК РФ); осквернение символов воинской славы (ч. 3, 4 ст. 354[1] УК РФ). Появление названных норм детерминировало появление множества трудностей, связанных с толкованием символических предметов преступлений, поскольку УК РФ не раскрывает их содержание, порождая неоднозначную правоприменительную практику и научные дискуссии.

Обратившись к степени научной разработанности проблемы уголовно-правового символа можно заметить, что ему, в отличие от других средств юридической техники[5], долгое время не уделялось внимания, его сущность и специфика в вопросах определения преступности и наказуемости деяний игнорировались учеными. В советской уголовно-правовой доктрине символу не было посвящено ни одного монографического исследования, он не изучался сквозь технико-юридическую призму.

В постсоветских (современных) трудах по юридической технике уголовного права, несмотря на осмысление широко перечня вопросов, включая и дискуссию о перечне правил, приемов и средств, символ чаще всего не упоминается в числе таковых вовсе[6].

Первое целенаправленное изучение символа в уголовном праве было предпринято представителем Ярославской уголовно-правовой школы О.Е. Спиридоновой в своей диссертации «Символ как предмет преступления»[7], по итогам которой впоследствии была выпущена монография[8]. Указанный автор на основе обобщения положений теории права сформулировал понятие символа в уголовном праве – условный материальный носитель (знак), в котором объективируется содержание предмета преступления. Можно заметить, что О.Е. Спиридонова избрала узкий подход к пониманию символа рассмотрев его исключительно в роли предмета преступления. Обратившись к содержанию УК РФ можно заметить, что символ в уголовном праве применяется также для формулирования признаков объективной стороны – средства (ст. 286[1] УК РФ. Неисполнение сотрудником органов внутренних дел приказа, где средством

---

[1] Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права: краткая энциклопедия // Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД России, 1997. С.74

[2] Мальцев И.В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 102

[3] Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 73

[4] См.: Баранов В.М., Исаков В.Б. Словарь правовых символов и знаков / Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника». Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 6-7.

[5] См.: Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве: дис. …канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. 208 с.; Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дис. …канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. 201 с.; Маршакова Н.Н. Классификация в российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладной анализ: дис. …канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 240 с.; Войтович А.П. Примечания в уголовном законе: сущность, виды, общая характеристика: дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2006. 184 с.; Сомова Ю.В. Примечания в уголовном законодательстве: теоретико-прикладной анализ: дис. …канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. 223 с.; Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: дис. …канд. юрид. наук. Воронеж, 2021. 302 с.; Абдулханнянов И.А. Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование: дис. …канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2023. 325 с.

[6] См., например: Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: Монография: Изд-во Воронежского государственного университета, 2004. 272 с.; Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве. Курс лекций. Нижний Новгород, 2008. 244 с.; Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 208 с.; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 704 с.; Пронина М.П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 352 с.

[7] Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления: дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. 215 с.

[8] Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве: монография. Санкт-Петербург: Юридический центр. Теория и практика уголовного права и уголовного процесса, 2005. 448 с.

выступает форменная одежда представителя власти; ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и места совершения преступления (ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации»).

Кроме того, в описываемой работе представлено видовое многообразие символов-предметов преступлений и приведена их характеристика. К таковым О.Е. Спиридонова отнесла символы Государственной границы, форменную одежду и государственные награды.

Вторым (и на сегодняшний день крайним) комплексным исследованием, посвященным уголовно-правовым символам, стала диссертация Н.С. Гончаровой. Под символом она понимает условную знаковую единицу, используемую в уголовном законе в качестве законодательной графики и средства, предназначенного для отражения явлений объективной действительности, экономии уголовно-правой материи и содержащую определенную идею (символический аспект)[1]. В отличие от ранее описанной работы, Н.С. Гончарова совершенно справедливо обращает внимание на объективацию символов в уголовном праве не только в качестве предмета преступления, но и в роли средства (орудия) совершения преступления и места совершения преступления. Это позволило ей доказать широкую распространенность символов в уголовном праве, описать их функции и представить видовое классификационное многообразие. На основании этого Н.С. Гончарова сформулировала ряд предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства, в частности по изменению заглавия и диспозиции ст. 329 УК РФ, ст. 323 УК РФ, дополнению его новыми составами преступлений, отраженными в ст. 264^4 УК РФ «Неправомерные действия с дорожными знаками и разметкой», ст. 324^1 УК РФ «Хищение либо вымогательство государственных наград», ст. 329^1 УК РФ «Незаконные действия в отношении государственных символов» и конкретизации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58.

Несмотря на оригинальность выдвинутых положений, связанных с криминализацией ряда деяний, представляется, что они нуждаются в большей, главным образом криминологической, обоснованности. К сожалению, данный аспект не нашел своего отражения в исследовании Н.С. Гончаровой.

Наряду с упомянутыми монографическими трудами, на страницах научной литературы в последние годы встречается множество публикаций, посвященных отдельным разновидностям символа в уголовном праве[2]. Все это свидетельствует о том, что проблематика символов в уголовном праве не исчерпана и требует своей дальнейшей целенаправленной разработки.

Проведенное обзорное исследование степени разработанности учения об уголовно-правовых символах в современном уголовном праве позволяет сформулировать следующие обобщенные выводы:

Во-первых, несмотря на большое внимание к многочисленным проблемам юридической техники уголовного права, символы относительно недавно (в постсоветское время) стали выступать в качестве обособленного целостного предмета научного исследования.

Во-вторых, символы как средство юридической техники все активнее используются в процессе конструирования отдельных составов преступлений, что отражает их регулятивный потенциал и функцию материализации объекта преступления.

В-третьих, распространенность символов в уголовном праве требует выявления и разрешения новых научных проблем, связанных, в частности, с формализацией их видового многообразия, соотношением с иными средствами юридической техники и практикой однозначного толкования их содержания.

---

[1] Гончарова Н.С. Символы в российском уголовном праве / под ред. докт. юрид. наук, доц. К.К. Панько. М.: Юрлитинформ, 2024. 208 с.

[2] См.: Шервани Э.Н.К. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. №2-2; Макарова А.Ю., Осипова К.В. Памятники истории и культуры как предмет преступления // Теория и практика современной науки. 2016. № 11; Кучин О.С. Средства и орудия как элемент механизма преступной деятельности экстремистского характера // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 4-2; Темнякова А.А. Объект и предмет подделки документов, печатей, штампов, государственных наград // Отечественная юриспруденция. 2018. № 1; Тагамлицкий А.С. Уголовная ответственность за преступления, нарушающие правила дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств // Вестник науки и образования. 2019. № 2-2; Булгакова В.Р. Уголовно-правовая охрана государственных наград как предмета подделки // ЮП. 2020. № 2; Гончарова Н.С. Форменная одежда представителя власти как символ-предмет и символ-средство совершения преступления // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2; Шевелева К.В. Символ воинской славы как предмет преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 1; Скоробогатов А.В. Историческая память как объект преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 2; Козаев Н.Ш. Историческая память в содержании объекта уголовно-правовой охраны // Краснодарский университет МВД России. 2025. № 1.

Прынова Виктория Ивановна

адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

Prynova Victoria Ivanovna

Adjunct of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: prinovavictoriya@mail.ru

Правовой символ как средство юридического содействия

Legal assistance as a condition for the effectiveness of a legal experiment

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли правового символа в процессе оказания юридического содействия. Автор обосновывает, что правовой символ представляет собой не только традиционный регулятор общественных отношений, но и эффективное средство юридической техники, обеспечивающее совершение юридически значимых деяний.

В работе проводится четкое разграничение между понятиями «юридическое содействие» и «правовая помощь», «юридическая помощь». Особое внимание уделяется многоаспектному анализу функций правового символа в процессе оказания юридического содействия. Исследуется трансформация символов в цифровую эпоху на примере квалифицированной электронной подписи как современного средства выражения воли субъекта.

Отдельно рассматривается юридический дизайн как инновационный инструмент визуализации правовой информации и оптимизации юридического содействия. При этом автор отмечает двойственное значение при использовании символов, которые могут служить как инструментом позитивного содействия, так и средством противоправной деятельности.

Ключевые слова: правовой символ, юридическое содействие, правовая помощь, юридическая помощь, юридическая техника

Annotation. The article is devoted to the study of the role of the legal symbol in the process of providing legal assistance. The author substantiates that the symbol of law is not only a traditional regulator of social relations, but also an effective means of legal technique that ensures the performance of legally significant acts.

The article clearly distinguishes between the concepts of "legal assistance," "legal aid," and "legal help." Special attention is paid to the multifaceted analysis of the functions of the legal symbol in the process of providing legal assistance. The article explores the transformation of symbols in the digital era using the example of a qualified electronic signature as a modern means of expressing the will of an individual.

Legal design is also considered as an innovative tool for visualizing legal information and optimizing legal assistance. At the same time, the author notes the dual meaning of the use of symbols, which can serve both as a tool for positive assistance and as a means of illegal activity.

Keywords: legal symbol, legal assistance, legal aid, legal services, legal technology

Для цитирования: Прынова В.И. Правовой символ как средство юридического содействия // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 936–938.

На сегодняшний день российская система права обладает большим символическим элементом, пронизывающим серьёзную часть правовых отношений. При этом его функции носят достаточно широкий характер. Правовые символы опосредуют коммуникацию между государством и обществом, обеспечивает культурную преемственность путём передачи символов из поколения в поколение, упрощают для понимания населения сложные правовые конструкции. В этом аспекте правовые символы являются важнейшим звеном, соединяющим норму права и правовое общественное сознание. Вместе с тем, необходимо понимать, что правовые символы также могут рассматриваться как универсальный инструмент многих юридически значимых деяний, позволяющих легче и быстрее достичь поставленных целей. Кроме того, некоторые символы могут являться обязательным условием для наступления юридических значимых последствий. Например, использование электронной подписи при подаче искового заявления в электронной форме в суд позволяет подать заявление в установленной форме. Или же использование печати для придания вещественным доказательствам легитимного статуса позволяет должным образом

выполнить юридически значимое деяние в виде приобщения доказательств к материалам дела. Всё это свидетельствует о том, что правовой символ сегодня — это не только регулятор общественных отношений, но и также средство юридической техники, позволяющее выполнять то или иное юридически значимое действие.

Правовой символ рассматривается нами в широком значении. За основу берётся определение, предложенное М.Л. Давыдовой «Понятие «правовой символ» в широком смысле охватывает все символы, являющиеся частью правовой культуры данного общества, интегрированные в его правовую систему»[1]. Вместе с тем, в настоящем исследовании будет рассматриваться роль символа при осуществлении такого юридически значимого деяния, как юридическое содействие. Выбор именно этого юридически значимого деяния обусловлен, в первую очередь, низким уровнем доктринального исследования данного правового явления. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть то, что актуальность исследования подтверждается не только общетеоретическим пробелом в праве, но и также широкой практической распространённостью настоящего правового явления в российском, а также в зарубежном праве. Как справедливо отмечает А.М. Хужин «для нас познавательный исследовательский интерес представляет не просто малоисследованный правовой феномен, обладающий предметными признаками и свойствами, но и непосредственная востребованность юридической практики в таком научном познании»[2]. Действительно, существование в правовой системе юридического содействия носит, скорее «аксиоматический» характер. Это объясняется его историческими корнями, берущими своё начало ещё с момента возникновения в мире права и государства. Появление правового феномена в виде юридического содействия вызвано необходимостью оказания «правовой помощи» населению, не обладающему специальными знаниями и, как следствие, не способному правильно воспринимать зарождающиеся нормы права. При этом здесь уместно сделать оговорку в части, касающейся того, что в настоящем исследовании понятия «юридическое содействие», «правовая помощь» и «юридическая помощь» не рассматриваются как синонимы. На наш взгляд, они соотносятся как часть и целое. Вывод о том, что правовая помощь является разновидностью юридического содействия сделан на основании того, что правовая помощь всегда носит положительный характер, т.е. направлена на содействие в «законодательно установленных формах и разумно безопасными средствами»[3]. В то время, когда юридическое содействие представляет собой более широкий феномен, включающий в себя также и «негативное содействие», не предполагающее в себе никакой юридической полезности. Речь идёт об оказании такого содействия, которое носит противоправный характер и влечёт за собой наступление определённых юридических последствий, например, пособничество в совершении преступления. «Положительную природу» правовой помощи отмечает Д.В. Таланов в диссертации на соискание степени кандидата юридических наук «указание на то, что помощь является правовой, служит индикатором её юридической полезности, востребованности и обоснованности» [4]. Если же разграничивать юридическую помощь от юридического содействия, то опираясь на определение, предложенное в диссертации В.С. Кашковского[5], можно выделить следующее отличие. Юридическая помощь предполагает в себе «помощь, оказываемую в результате осуществления профессиональной деятельности юриста»[6], а юридическое содействие, на наш взгляд, может оказываться не только лицом, обладающим специальными юридическими знаниями, но и также иными субъектами. Например, просто гражданами – в рамках содействия правосудию (дача свидетельских показаний, содействие оперативно-розыскной деятельности и пр.).

Возвращаясь к роли символа в рамках оказания юридического содействия, необходимо выделить следующий тезис. Символ является важнейшим средством, обеспечивающим эффективную коммуникацию между участниками правовых отношений в рамках юридического содействия. Его функциональное значение проявляется в ряде аспектов.

Символ может являться *средством легитимизации акта* юридического содействия. Так, ряд правовых символов служат визуальным подтверждением того, что лицо, оказывающее содействие, имеет на это полномочия. Например, печать нотариуса является не просто формальным атрибутом, а визуальным маркером, свидетельствующим о профессиональном статусе субъекта оказания содействия и придающим совершаемым действиям официальный характер.

При этом важно отметить, что в цифровую эпоху роль символов как средства юридического содействия претерпела трансформацию и многократно возросла. Квалифицированная электронная подпись –

[1] *Давыдова М. Л.* Символы в праве и правовые символы: понятие и значение / М. Л. Давыдова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 3(284). – С. 42-46. – EDN KXHUZJ.
[2] *Хужин А. М.* О концепции юридически значимых деяний / А. М. Хужин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – Т. 1, № 69. – С. 68-72. – EDN PZJMBD.
[3] Таланов Д.В. Правовая помощь как объект общетеоретического анализа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2011. - 34 с.
[4] Таланов Д.В. Правовая помощь как объект общетеоретического анализа: дис. ... канд. юрид. наук. - Нижний Новгород, 2011. - 218 с.
[5] Кашковский В.С. Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое явление : вопросы теории и практики : : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тамбов, 2009. - 24 с.
[6] Там же.

это яркий пример современного юридического символа. Она является не просто техническим реквизитом, а полноценным образом воли субъекта. Ее использование при подаче искового заявления в электронном виде, подписании договора или направлении юридически значимого сообщения представляет собой деяние, где символ *гарантирует аутентичность, юридическую силу и безопасность совершаемого действия*. Без этого символа целый пласт дистанционного юридического содействия был бы небезопасен.

Не менее важной функцией правовых символов, справедливо проявляющейся и в рамках юридического содействия является *обеспечение экономии правового воздействия*, а также *снятие информационного* (прежде всего текстового) *перегруза*[1]. Особо ярко это можно видеть на примере юридического дизайна (Legal Design). Его интеграция в правовую реальность, а также в практику оказания юридического содействия открывает новые возможности для повышения эффективной правовой коммуникации и обеспечения доступности правовой помощи. Если традиционные правовые символы (Фемида, весы правосудия) несли главным образом ценностно- ориентирующую нагрузку, то юридический дизайн решает более практические задачи – перевод сложных правовых конструкций на язык визуальных образов, понятных простому населению.

Наконец, нельзя игнорировать и риски, связанные с использованием символов. Одни и те же символы могут быть инструментом как позитивного, так и негативного юридического содействия. Ярким примером использования правового символа в рамках негативного юридического содействия может являться дропперство, которое до 2025 года не рассматривалось как отдельное уголовно-наказуемое деяние. Дроппер есть классический пособник, предоставляющий «канал» для обналичивания и легализации преступных доходов. Предоставление данных для дальнейшего использование в преступной деятельности зачастую происходит с помощью символов (номер банковской карты, пароль от неё, логин и пароль от аккаунта банковского счета и иное). Здесь уместно поднимать вопрос о том — является ли обозначенный ранее порядок цифр и букв правовыми символами? На наш взгляд - является, поскольку они выполняют все ключевые функции правовых символов: регулятивную (регулируют общественные отношения), информационную (несёт в себе определённую информацию), хранения и передачи юридически значимой информации[2], экономическую и иные. Использование поддельной печати, фальсифицированной подписи, чужой квалифицированной электронной подписи и прочего при оказании негативного юридического содействия – деятельность, направленная на умышленное искажение символико - правовой коммуникации в целях достижения противоправных целей. Такие действия направлены на введение в заблуждение, использование доверия, ассоциируемого с официальными символами, и подрыв авторитета правовых институтов.

Подводя итог исследованию можно сделать вывод о том, что правовой символ в процессе юридического содействия выполняет многогранную роль. Его правильное и профессиональное использование значительно повышает эффективность юридического содействия, в то время как злоупотребление символами может превратить их в орудие негативного содействия, подрывающее правопорядок.

[1] *Шарно, О. И.* Правовые символы как средства правоприменительной техники: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2014.
[2] Шалагинов П.Д. Функции правовых символов : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007.

Ратин Владимир Владимирович[1]

слушатель 5 курса Нижегородской академии МВД России

Ratin Vladimir Vladimirovich

Student of the 5th grade of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ratin.vladimir@yandex.ru

Институт обвинения и символизирующие его идеи в отечественной и зарубежной правовой традиции

The institution of prosecution and the ideas symbolizing it in the Russian and foreign legal tradition

Аннотация. В представленном исследовании проводится анализ основных этапов становления института обвинения в отечественном уголовном судопроизводстве, выделяются ключевые особенности уголовного процесса англосаксонской и континентальной правовой системы. На основе сравнительного анализа предлагается переосмыслить уголовное преследование и существующий порядок привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве России, внести изменения в уголовно-процессуальный закон.

Ключевые слова: обвинение, уголовное преследование, прокурор, следователь, обвинительное заключение, следственный судья

Annotation. The presented study analyzes the main stages of the formation of the institution of prosecution in Russian criminal proceedings, highlights the key features of the criminal process of the Anglo-Saxon and continental legal system. Based on a comparative analysis, it is proposed to rethink criminal prosecution and the existing procedure for bringing a person as an accused in criminal proceedings in Russia, and to amend the criminal procedure law.

Keywords: accusation, criminal prosecution, prosecutor, investigator, indictment, investigating judge

Для цитирования: Ратин В.В. Институт обвинения и символизирующие его идеи в отечественной и зарубежной правовой традиции // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 939–944.

На настоящий момент состояние института обвинения в уголовном судопроизводстве России не в полной мере соответствует ценностям правового государства и демократического общества, изложенным в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), назначению и разумному сроку уголовного судопроизводства, установленным соответственно в ст.ст. 6 - 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Это подтверждается снижением эффективности института привлечения лица в качестве обвиняемого, дублированием и однородностью процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого, ограниченностью полномочий прокурора и др.

Актуальность темы обуславливается перечисленными выше проблемами и подтверждается объективной потребностью в оптимизации досудебного производства с целью соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства и процессуальных сроков стороной обвинения. Одним из решений существующих в уголовном судопроизводстве проблем, на наш взгляд, является сравнительно-правовой анализ отечественной и зарубежной правовой традиции института обвинения, идей, которые лежат в его основе и предстают некими ориентирующими «символами» для правоприменения. Под правовым институтом обвинения понимается совокупность уголовно-процессуальных норм, устанавливающих порядок привлечения лица для участия в уголовном деле в качестве обвиняемого, обеспечивающих его право на защиту и другие уголовно-процессуальные гарантии в применении мер пресечения и при производстве следственных действий с его участием.

[1] Научный руководитель: *Царева Юлия Викторовна* – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Генезис правового института обвинения целесообразно изучать с Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС 1864 г.)[1], большинство положений которого с изменениями были в дальнейшем перенесены в кодифицированные уголовно-процессуальные акты советского и современного демократического государства.

В УУС 1864 г. не дано понятие обвинению, однако из системного толкования ст.ст. 47, 298, 299, 510, 519 и 520 данного памятника права следует, что обвинение того или иного лица в совершении преступления возможно при наличии достоверных и достаточных доказательств.

Судебный следователь производил следственные и процессуальные действия, устанавливая «с полным беспристрастием … как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» (ст. 265 УУС 1864 г.). По окончании предварительного следствия судебный следователь объявлял всем участвующим в деле лицам, что следствие «заключено», и отсылал все производство к прокурору (ст. 478 УУС 1864 г.). После чего он составлял обвинительный акт, с которым предавал уголовное дело суду.

Защитник как участник уголовного судопроизводства участвовал с момента передачи окружным судом обвинительного акта и списка лиц, вызываемых в суд, подсудимому.

УУС 1864 г. прямо не предусматривал составление постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Однако практика тех лет показала необходимость в конкретизации порядка предъявления обвинения. Особым наказом Санкт-Петербургского окружного суда 1887 г. (п. 2 ст. 286) судебный следователь обязывался составлять специальное постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого. Данный процессуальный акт выносился судебной властью (то есть судебным следователем) тогда и только тогда, когда в уголовном деле имелись достаточные основания, поскольку указанное процессуальное решение влекло за собой ограничение в правах и положении привлеченного[2]. В период царской России институт обвинения «символизировал» идею соблюдения прав и свобод обвиняемого, реализуемую судебной властью, при которой свои обязанности исполняли прокуроры и следователи. Положения УУС 1864 г. легли в основу Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УПК РСФСР) 1922 г.[3]

Согласно новому кодифицированному правовому акту, предварительное следствие осуществляли народные следователи, которые также существовали при суде. В обязанности следователя уже официально входило предъявление обвинения (ст.ст. 131-132 УПК РСФСР 1922 г.) и составление обвинительного заключения по окончании предварительного следствия (ст.ст. 206-215 УПК РСФСР 1922 г.). По поступившему уголовному делу с обвинительным заключением прокурор был вправе: вернуть следователю уголовное дело на доследование; прекратить уголовное дело, если нет законных поводов и достаточных оснований; предать уголовное дело суду с предложением утвердить обвинительное заключение; внести изменения в обвинительное заключение следователя и, составив новое, предать его с уголовным делом суду (ст.ст. 225-236 УПК РСФСР).

Суд имел право изменить формулировку обвинения в данном процессуальном акте, поручив одному из судей составление нового обвинительного заключения (ст. 240 УПК РСФСР 1922 г.).

Содержание УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. были аналогичны, изменения касались судоустройства в связи с принятием Постановления IV Сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) IX Созыва 1922 г.[4]

Указанный порядок предъявления обвинения следователем и утверждения обвинительного заключения судом действовал до принятия Постановления ВЦИК, Совета народных комиссаров РСФСР 20 октября 1929 г.[5] Теперь обвинительное заключение по делу утверждал прокурор, по некоторым уголовным делам, поступившим в органы предварительного следствия от дознавателя, обвинительное заключение утверждал следователь, после чего оно вместе с материалами уголовного дела поступало в суд.

В УПК РСФСР 1960 г.[6] прокурор стал надзирающим органом над дознанием и предварительным следствием, в результате чего обвинительное заключение мог утверждать только прокурор. Также он был полномочен возвратить уголовное дело на дополнительное дознание или следствие, прекратить уголовное дело, возвратить его дознавателю или следователю с письменными указаниями о пересоставлении обвинительного заключения или составить новое с применением закона о менее тяжком преступлении. В случае, если требовалось изменить обвинение на более тяжкое преступление, то прокурор возвращал уголовное дело органу дознания или следователю для предъявления нового обвинения.

[1] Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137 (дата обращения: 21.09.2025).
[2] Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1905. С. 290-291.
[3] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВЦИК 25.05.1922) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 20-21. Ст.230.
[4] Постановления IV Сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета IX Созыва. М. : ВЦИК, 1922. 12 с.
[5] Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров. Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. 20 октября 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. № 43-90.
[6] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

Суд имел право внести изменения (исключить отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении) в обвинительное заключение, но при условии, что новое обвинение по своим фактическим обстоятельствам не отличалось от предыдущего.

Защитник вступал в уголовное дело на стадии предания обвиняемого суду, когда народный судья выносил определение о назначении или допущении защитка (ст. 247 УПК РСФСР 1922 г.). Позже у обвиняемого возникло право пользоваться услугами адвоката в досудебном производстве по окончании предварительного следствия, при ознакомлении с материалами уголовного дела, в исключительных случаях (по делам о преступлениях несовершеннолетних, а также лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту) – с момента предъявления обвинения (ст. 47 УПК РСФСР 1960 г.).

Таким образом, анализируя основные положения уголовно-процессуального закона советского государства, выявлено смещение функции утверждения обвинения от судебной власти к прокурорской. Если во времена царской России постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительный акт находились в непосредственном ведении окружных судов, при которых исполняли свои должностные полномочия судебные следователи и прокуроры, то в период существования советского государства данные процессуальные акты стали составляться должностными лицами исполнительной власти – следователями и дознавателями, – после чего подлежали утверждению прокурором. Суд был лишен права утверждать обвинительное заключение и составлять новое, что стало вполне логичной закономерностью в связи с усилением роли исполнительной власти, которая обеспечивала соблюдение социалистического законодательства и защищала советский строй от преступной деятельности.

Представляется, что институт обвинения стал менее формализованным, чем в период действия УУС 1864 г., его значение как гарантии соблюдения прав и свобод обвиняемого было нивелировано, поскольку соответствующие полномочия уже принадлежали следователям при прокуратуре, органов внутренних дел или органов государственной безопасности.

Институт обвинения символизировал сильную и полномочную исполнительную власть, которая осуществляла привлечение лица к уголовной ответственности самостоятельно, без соответствующего утверждения суда, который рассматривал уголовное дело, где обвиняемый post factum был введен в свой процессуальный статус.

По современному УПК РФ (от 18.12.2001 г.) действие института защиты распространено практически на все стадии уголовного судопроизводства согласно ч. 3 ст. 49 УПК РФ; предъявление обвинения регулируется нормами главы 23 УПК РФ, из сложившейся практики правоприменения, данное процессуальное действие следователь производит не менее двух раз; надзор прокурора за деятельностью следователя сократился, что выразилось в его решениях по уголовному делу (ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Суд первой инстанции рассматривает уголовное дело по существу в пределах предъявленного лицу обвинения и может применить уголовный закон о менее тяжком преступлении (п. 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). В случае, если фактические обстоятельства уголовного дела указывают на необходимость изменения обвинения в сторону ухудшения положения обвиняемого, то суд возвращает уголовное дело прокурору (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

Таким образом, модель уголовного судопроизводства, созданная во второй половине XX века, реконструирована в связи с тенденциями демократизации и гуманизации публично-правовых отношений во вновь созданном государстве в 1991 г. В связи с необходимостью обеспечения права на защиту обвинительный уклон досудебного производства компенсируется гарантированным участием защитника с любого момента производства по уголовному делу. Предъявление обвинения и составление обвинительного заключения с момента принятия первого УПК РФ 1922 г. стало прерогативой следователей, постепенно становившихся процессуально независимыми от судебной и прокурорской власти. Вопросы объема обвинения, квалификации деяния, инкриминируемого обвиняемому, разрешались исключительно должностными лицами следственных органов под контролем руководителя следственного органа и прокурора, а в дальнейшем – суда. Можно сделать вывод о том, что суд при рассмотрении уголовного дела по существу связан доводами стороны обвинения, официально изложенными в процессуальных актах, и не может в ходе судебного заседания разрешить вопрос о переквалификации деяния обвиняемого на более тяжкое, изменить фактическую сторону обвинения.

Верной точкой зрения видится мнение о реформировании существующей модели уголовного судопроизводства посредством адаптации достижений зарубежной уголовно-процессуальной традиции к отечественному законодательству.

Так, в Соединенных Штатах Америки (далее – США) уголовное судопроизводство регулируется нормами Конституции США, Титулом 18 Свода законов США, законами отдельных штатов. Производство по уголовным делам дифференцируется в зависимости от тяжести совершенного преступления: для преступлений небольшой тяжести – мисдиминоров (misdemeanors) – предусмотрено суммарное (упрощенное) производство, включающее полицейское расследование, рассмотрение уголовного дела магистерским судом, который проверяет обоснованность предъявленного обвинения; для тяжких преступлений – фелоний (felonies) – обязательная процедура предъявления обвинения, обоснованность которого

предварительно проверяется Большим жюри, коллегиальным судебным органом, состоящим из граждан, не являющихся юристами по профессии.

Статистика с официальных источников показывает, что большинство уголовных дел вне зависимости от тяжести совершенного преступления разрешаются судом на основе заключенной «сделки о признании» (plea bargain) между обвиняемым и прокурором: 91,2 % всех фелоний, по которым осужденные признали свою вину и заключили соглашение с прокурором; 2,3 % всех фелоний, по которым судебное заседание проводилось в общем порядке; 6,5 % всех фелоний, по которым уголовное дело прекращено и обвинения сняты. По мисдиминорам статистика аналогична (58,3 % - сделка о признании, 1,1 % - общий порядок судебного разбирательства), однако велик объем прекращенных уголовных дел - 40,4 %[1].

В США сложилась практика, чем-то похожая на предопределенность разрешения ходатайств следователя (дознавателя) перед судом, – более 90 % всех обвинительных актов, представляемых Большому жюри прокурором, утверждаются, после чего обвиняемого предают суду. Однако известны редкие случаи, когда Большое жюри отказывало прокурору в предъявлении обвинений, считая их необоснованными. В августе 2025 года Большое жюри отказалось предъявлять обвинения Шону Данну, который бросил сэндвичи в федерального агента, поскольку посчитало, что признаки тяжкого преступления не были доказаны прокуратурой[2]. Наибольший резонанс произвел отказ Федерального Большого жюри в предъявлении обвинений Эдварду Дане и Натали Джонс, подозреваемых в угрозах убийству Трампу[3].

Несмотря на то, что данный коллегиальный судебный орган утверждает подавляющее число обвинительных актов прокурора, это не преуменьшает его роли в уголовном судопроизводстве США, поскольку практике известны редкие случаи, когда обвинения прокурора признаются присяжными «no true bill» (т. е. не подтвержденными достаточными доказательствами). Безусловно, несогласие Большого жюри с точкой зрения стороны обвинения является в известной доле политизированным протестом граждан того или иного Штата против политики, проводимой в стране. Однако вердикт Большого жюри является в любом случае обязательным, вне зависимости от того, какими аргументами руководствовались его члены, поскольку их заседания являются тайными.

Таким образом, основные особенности уголовного судопроизводства США и официальные статистические данные свидетельствуют о том, что обвинение реализуется полномочиями должностных лиц правоохранительных органов под руководством прокуратуры и контролируется посредством участия независимых членов гражданского общества (Большим жюри) в уголовном судопроизводстве. Большая часть лиц (более 90 %), подозреваемых в совершении фелонии или мисдиминора, признает вину и заключает соглашение с прокурором, что облегчает дальнейшее судебное производство. Лишь наименьшая часть дел рассматривается судом в общем порядке. Факт того, что решения Большого жюри более чем на 90 % предопределены, тем не менее сохраняет значимость данного судебного органа как одной из процессуальных гарантий обоснованного обвинения, что подтверждается его немногочисленными оправдательными вердиктами.

В целом, институт обвинения в уголовном судопроизводстве США выражает идею обоснованного и мотивированного уголовного преследования, контролируемого членами гражданского общества и обеспеченного процессуальными гарантиями, улучшающими положение подозреваемого (обвиняемого) в случае признания им вины.

Континентальная правовая система имеет совершенно другую процессуальную форму привлечения лица в качестве обвиняемого. Во Франции в связи с реформой уголовно-процессуального законодательства 4 января 1993 г. данный институт был переименован в «привлечение лица к рассмотрению» в целях соблюдения фундаментального принципа – презумпции невиновности.

На настоящий момент во Франции действует Уголовно-процессуальный кодекс от 1958 г. с изменениями и дополнениями (далее – УПК Франции), по которому досудебное производство состоит из трех самостоятельных стадий – дознания, осуществляемого офицерами судебной полиции, возбуждения уголовного преследования прокурором на основе собранных доказательств и предварительного следствия, на котором следственный судья производит необходимые процессуальные действия для выяснения всех обстоятельств уголовного дела. Стадия дознания является обязательной, тайной и письменной, по ее итогам прокурор определяет, необходимо ли проведение предварительного следствия, или же дело подлежит передаче для рассмотрения суду. Французское уголовно-процессуальное законодательство четко и исчерпывающе регулирует полномочия властных участников уголовного судопроизводства, однако «умалчивает» о процессуальном статусе подозреваемого (обвиняемого), поскольку уголовный про-

[1] U.S. Department of Justice. Office of Justice Programs. Bureau of Justice Statistics. Federal Justice Statistics, 2023. March 2025. URL: https://bjs.ojp.gov/document/fjs23.pdf (дата обращения: 16.10.2025).

[2] MSNBS. It matters why the grand jury in D.C. declined to indict sandwich thrower Sean Dunn. URL: https://www.msnbc.com/msnbc/amp/shows/deadlinewhitehouse/blog/rcna227748 (дата обращения: 17.10.2025).

[3] APNews. More rebukes for prosecutors: Grand jurors refuse to indict 2 people accused of threatening Trump. URL: https://apnews.com/article/trump-grand-jury-nathalie-rose-jones-threat-crackdown-23295257ae267b93435612360bd7f724 (дата обращения: 17.10.2025).

цесс во Франции традиционно рассматривается как система действий государственных органов[1], а не как публично-правовое правоотношение. Поэтому лицо приобретает статус подозреваемого в ходе проведения дознания судебной полицией, поиска доказательств, свидетельствующих о причастности данного лица. Прокурор возбуждает уголовное преследование в отношении конкретного лица или по факту, в зависимости от собранных доказательств офицерами полиции. В случае, если преступление относится к категории тяжких, то прокурор выносит требование о производстве следствия и передает уголовное дело следственному судье; в случае, если совершено преступление меньшей тяжести и в материалах уголовного дела представлены исчерпывающие доказательства, то прокурор определят уголовное дело для рассмотрения суду.

Примечателен тот факт, что полномочия офицеров судебной полиции зависят от момента совершения преступления: если о нем становится известно непосредственно в момент его совершения, то проводится дознание по очевидным преступлениям (проступкам), в котором должностные лица судебной полиции имеют широкие полномочия по производству следственных действий, ареста и задержанию преступников; если информация о совершенном преступлении поступает намного позже его совершения – осуществляется первоначальное дознание, в котором большинством полномочий обладает прокурор.

Процессуальный статус обвиняемого лицо приобретает лишь в тот момент, когда в уголовном деле будет достаточно доказательств, указывающих на его виновность, и когда данное лицо будет привлечено следственным судьей для рассмотрения уголовного дела. Прокурор может указать конкретное лицо, которое предположительно совершило преступление, в требовании о производстве предварительного следствия. Следственный судья в дальнейшем правомочен привлечь данное лицо или другое к рассмотрению уголовного дела, поскольку обладает процессуальной независимостью.

Следственный судья на основе сформированной доказательственной базы вызывает конкретное лицо к рассмотрению уголовного дела, уточняет его анкетные данные, разъясняет право на защиту и допрашивает по расследуемым обстоятельствам.

Специфика досудебного производства по уголовным делам во Франции заключается в том, что дознание является тайным (секретным), проводится судебной полицией в целях отыскания доказательств, уличающих в совершении преступления то или иное лицо, не подозревающее, что в отношении него проводятся процессуальные действия. В этой особенности знаменитые французские юристы П. Шамбон[2], Ж. Прадель[3] и др. видели главное преимущество и достоинство своей модели уголовного судопроизводства, в связи с чем негативно отзывались о проведенной реформе 4 января 1993 г. Таким образом, институт обвинения во французской уголовно-процессуальной традиции отличается функциональным характером, выражающимся в подробно урегулированных полномочиях властных субъектов, и неукоснительным соблюдением принципа презумпции невиновности в такой степени, что в УПК Франции был упразднен сам термин «обвиняемый». Институт обвинения по УПК Франции содержит в себе идею законного «прокурорского» уголовного преследования и независимого предварительного следствия судебной власти, которая сохраняет свою главенствующую роль во французском уголовном процессе. Подход к предъявлению обвинения в Федеративной Республике Германия (далее – ФРГ) выглядит совсем иначе, чем ранее рассмотренные примеры: несмотря на то, что немецкий уголовный процесс заимствовал некоторые черты французской модели, он сохраняет индивидуальные, свойственные только ему черты.

В Германии досудебное производство состоит из дознания, предъявления государственного обвинения и предания обвиняемого суду. Прокуратура является «госпожой дознания», обладает руководящей ролью в расследовании преступлений, и в ее подчинении находятся сотрудники полиции, выполняющие указания соответствующего прокурора по производству следственных и процессуальных действий для выяснения обстоятельств уголовного дела[4]. Функция уголовного преследования относится исключительно к органам прокуратуры, предстает ее монопольным правом, которое закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ от 1877 г. с изменениями и дополнениями (далее – УПК ФРГ), должностные лица которых обеспечивают официальность, объективность и полноту расследования. Примечателен тот факт, что среди основополагающих идей уголовного судопроизводства выделяется принцип целесообразности уголовного преследования, заключающийся в праве органов прокуратуры самостоятельно принимать решение о прекращении производства по уголовному делу в связи с определенными в законе основаниями (незначительная вина, отсутствие публичного интереса и др.). В этой особенности уголовного судопроизводства Германии проявляется прагматизм, черта немецкого национального характера. Так же, как и в УПК Франции, в уголовно-процессуальном законе Германии отсутствует официальное определение обвиняемого. Подразумевается, что лицо выступает в качестве обвиняемого в широком смысле во всех

[1] Головко, Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 76.
[2] Chambon, P. Propos critiques et desabuses sur une reforme mort-nee de la procedure penale // Melanges en 1'honneur du professeur Jean Largier, Grenoble, 1993, p. 197.
[3] Pradel, J. Observations breves sur une loi a refaire (a propos de la loi du 4janvier 1993 sur la procadure panale) // Recueil Dalloz-Sirey, 1993, Chronique X., p. 40.
[4] Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм./ Вернер Бойльке; Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 62-63.

стадиях досудебного производства, поскольку в отношении него проводятся следственные и процессуальные действия, применяются меры процессуального принуждения. УПК ФРГ устанавливает три степени подозрения – начальное, достаточное и сильное. Первая из них заключается в том, что имеются фактические данные, указывающие на возможную причастность лица к совершению преступления. Когда информация о причастности подтверждается результатами следственных действий, образуется достаточное подозрение. В этом случае прокурор обязан предъявить государственное обвинение лицу, и данным актом ввести его в процессуальный статус обвиняемого (в узком смысле слова). Сильное подозрение, основанное на сформированных доказательствах, свидетельствует о высшей степени вероятности того, что определенное лицо совершило расследуемое прокуратурой преступление. Последняя степень подозрения предназначена для избрания обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу.

Судья, получив уголовное дело с обвинительным заключением, проверяет достаточность подозрения, согласно которому обвиняемый, вероятно, совершил инкриминируемое ему в вину деяние, и выносит одно из решений: об открытии судебного разбирательства; об отклонении судебного разбирательства; о временном приостановлении производства по делу; о прекращении процесса по причинам целесообразности. Действия и решения судьи по поступившему к нему уголовному делу с обвинительным заключением образуют стадию предания обвиняемого суду, которой заканчивается досудебное производство.

Порядок предъявления обвинения в немецкой правовой традиции состоит из последовательных процессуальных действий и решений должностных лиц прокуратуры по уголовному делу. Неслучайно её называют «госпожой дознания», поскольку выяснение всех обстоятельств совершенного преступления, как отягчающих, так и смягчающих вину заподозренного лица, производство следственных действий, получение доказательств, формулирование государственного обвинения – находится в ведении соответствующих прокуроров и их помощников, являющихся сотрудниками полиции. Предъявленное лицу обвинение проверяется судебной властью на соответствие критериям достаточного подозрения во время стадии предания обвиняемого суду, что является дополнительной процессуальной гарантией стороны защиты.

В качестве вывода можно заключить: институт обвинения по УПК ФРГ символизирует идею официального уголовного преследования, которое по долгу службы осуществляет прокуратура, расследуя уголовные дела и принимая по ним самостоятельные (целесообразные) решения. В немецкой модели уголовного судопроизводства, как ни в чем другом, выражена прагматичная специфика национального духа и характера. Подводя итог анализу отечественных и зарубежных достижений уголовно-процессуальной науки и практики в рамках института обвинения и уголовного преследования, сформулируем основные результаты исследования в виде содержательных тезисов:

- современная модель уголовного судопроизводства России является закономерным результатом реформ советского законодательства, адаптированного под потребности новообразованной демократической страны. Существующие недостатки уголовно-процессуальных институтов, в том числе института обвинения, проявляются в практике правоохранительных органов, поскольку за основу построения уголовно-процессуальных отношений были взяты идеи социалистического государства (предъявление обвинения, его изменение в сторону ухудшения – отнесены к исключительным полномочиям следователей как представителей органов исполнительной власти). Нецелесообразно соотносятся полномочия следователей и прокуроров, которые выступая в роли государственных обвинителей, совершенно не вправе собственным решением изменить «формулу» следственного обвинения. Из-за указанных и других проблем досудебное производство затягивается, становится бюрократичным и нецелесообразным, что противоречит исходным началам назначения и разумного срока уголовного судопроизводства;

- зарубежная практика привлечения лица в качестве обвиняемого и уголовного преследования формировалась на протяжении десятилетий, о чем свидетельствуют года принятия кодифицированных уголовно-процессуальных законов. Общей чертой иностранных моделей уголовного судопроизводства является действенная система уголовно-процессуальных гарантий (в США – plea bargain) и «сдержек и противовесов» между участниками процесса (во Франции – прокуратура и следственный судья, в Германии – прокуратура, суд и следственный судья). Также отличительной особенностью является то, что предъявление обвинения относится к полномочиям прокурора, который в дальнейшем в суде будет представлять государственное обвинение, а не к полномочиям сотрудников следственных органов, чьи функции заканчиваются на производстве следственных действий. Формулирование обвинения относится к обязанностям прокурора, осуществляющего по закону уголовное преследование;

- как решение существующих проблем института обвинения в уголовном судопроизводстве России видится пересмотр полномочий следователя (дознавателя) и прокурора и их распределение по образцу континентальной правовой системы с некоторыми изъятиями: проведение расследования, получение доказательств путем производства следственных и процессуальных действий реализует следователь (дознаватель); формулирование обвинения, его предъявление и при необходимости изменение осуществляет прокурор, который на основе материалов уголовного дела с обвинительным процессуальным актом принимает соответствующее решение о предании обвиняемого суду или производстве дополнительного расследования. Проверку обоснованности и мотивированности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, и применения суровых мер пресечения необходимо поручить следственному судье, должность которого следует учредить при судах общей юрисдикции.

Седов Егор Игоревич[1]

курсант 2 курса факультета подготовки оперативного состава подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Нижегородской академии МВД России

Sedov Egor Igorevich

A 2nd year cadet of the Faculty of training the operational staff of economic Security and anti-corruption units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: es5813633@gmail.com

Правовое значение символа «эмодзи» в гражданском праве

The legal significance of the Emoji symbol in civil law

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме определения правового статуса эмодзи в условиях цифровой трансформации общества и их растущего использования в гражданско-правовых отношениях. Актуальность исследования обусловлена тем, что эмодзи выступают как средство выражения воли и эмоций, что потенциально позволяет признать их юридически значимыми действиями.

Ключевые слова: эмодзи, правовой статус, акцепт, гражданское право, цифровая трансформация, электронная коммуникация, юридически значимое действие

Annotation. The article is devoted to the urgent problem of determining the legal status of emojis in the context of the digital transformation of society and their growing use in civil law relations. The relevance of the study is because emojis act as a means of expressing will and emotions, which potentially allows them to be recognized as legally significant actions.

Keywords: emoji, legal status, acceptance, civil law, digital transformation, electronic communication, legally significant action

Для цитирования: Седов Е.И. Правовое значение символа «эмодзи» в гражданском праве // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 945–948.

Цифровая трансформация общества привела к существенным изменениям в способах коммуникации, что, в свою очередь, породило новые правовые споры. Одно из наиболее значительныхнововведенийв современной коммуникации, стало популярность использования символов – «эмодзи». Эмодзи в узком смысле – это графические символы, позволяющие в переписке передать эмоции с помощью идеограмм. Из-за своей практичности они очень быстро набрали популярность, проникнув в различные сферы общественной жизни, начиная от использования в бытовом общении, завершая деловой коммуникацией.

Актуальность данного исследования заключается в прогрессивно растущей тенденции использования эмодзи в средствах информационного общения. Символы становятся неотъемлемой частью современного интернет-общения, вследствие данного явления возникают споры в гражданско-правовых отношениях. Данное явление требует определения их правового статуса. Эмодзи выступают как средство выражения воли, проявления эмоций в деловой и бытовой переписки, что порождает возможность признания таких символов юридически значимыми действиями. Однако несмотря на популярность эмодзи, в правовой сфере их статус остается не установленным. Отсутствие правового статуса заключается в проблеме самих эмодзи – это их двусмысленность. Определенные символы имеют общепризнанное понимание, например палец вверх, обозначающий согласие, но так же есть часть изображений с двойным смыслом. Символы, не имеющие единого толкования, как раз и создают проблему определения правового статуса «эмодзи».

Использование рисунков, картинок и иных графических изображение для обозначения какого-либо предмета, действия или явления, не является современным нововведением. История использования

[1] Научный руководитель: *Шухарева Анна Васильевна* – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России.

пиктограмм и идеограмм берёт свое начало с древних времен существования человечества, когда рисунки использовались в целях письменности.Первая система закрепления информации на материальном источнике появилась в Шумерах, информация записывалась на глиняных табличках, а сама письменность была в виде значков[1]. Письменность Шумеров делилась на три этапа, для нашего исследования подходит первый этап формирования письменности древнего народа. Первый этап письменности характеризовался использованием предметных символов, например рыба на глиняной табличке изображалась, как значок, напоминающий по общим признакам рыбу. Но несмотря на казалось бы простату данного типа изложения информации, существовала проблема использования данных обозначений, заключалась она в многозадачности одного понятия. Так рисунок ноги, мог иметь несколько значений, например нога – в ее прямом понимание, как часть тела, а так же как и глаголы идти, принести. Но в сравнении с современным этапом развития символов, Шумерские обозначения имели определённую закреплённость, так как пиктограммы были переводимы в общее понимание, специальным слоем населения. То есть символы на данном этапе развития человечества, обладали определенной законодательной силой.

Вектор развитие идеограмм и пиктограмм в средневековый периодперешёл в области религии и искусства[2]. Примером их использования служат манускрипты. Изображения стали усложнённые, а их значение зависело от контекста текста. Следующим этапом развитиясимволов, стал современный период. Символы получили разнообразные направления, такие как транспорт, медицина, информационные технологии, а основополагающим принципом современных пиктограмм стала разработка дизайна с учётом ориентации на общее понимание, вне независимости от культурного кода народа. В современном этапе можно выделить две условные группы пиктограмм[3]. Разделение на группы связано с разным уровнем правового статуса. Первая группа обладает юридической закрепленностью, регулируется государством и имеет официальное толкование. К такой группе можно отнести дорожные знаки. Изображения на них, должны передать правило регулируемое государством, таким образом, чтобы регулируемое правило было доступно без наличия дополнительных знаний. Вторая группа обладает противоположными признаками первой группы, за исключение основного принципа современных пиктограмм. В данную группу входит предмет нашего исследования – «эмодзи». Первые знаки в информационной сфере появились в 1982 году. Для обозначения грустных или шутливых сообщений профессор Скотт Фалман создал «эмотиконы», комбинацию символов, напоминающие выражение эмоций. Современный вид информационных пиктограмм появился в Японии в 1999 году, программист Сигэтака Курита разработал набор из маленьких картинок, которые получили название «эмодзи». Свою популярность они приобрели в 2010 году, когда наличие данных символов стало стандартом информационных площадок. Задачи «эмодзи» заключаются в упрощение интернет общенияи передачи эмоционального состояния. Опираясь на данные задачи, можно прийти к выводу, что символы не требуют правового регулирования, так как служат неформальным форматом общения. Однако в современной обстановке информационной коммуникации, символы «эмодзи» стали использоваться и в решение условий договора. На этой основе появились противоречия в сфере гражданско-правовых отношений.

Правовая природа «эмодзи» юридической силой не обладает, но при определённых условиях символы могут рассматриваться как акцепт. Акцептом признается ответ лица на оферту согласно статье 438 Гражданского кодекса РФ. Если рассматривать «эмодзи» в данном аспекте гражданского права, то у символов появляется определенная правовая природа. Она ограничена множеством факторов и исключениями, за счет абстрактности символов и иных обстоятельств. При рассмотрении дела разбираются все обстоятельства, так символ «эмодзи», не может рассматриваться как отдельно составляющая дела. Эмодзи за счет своих особенностей, описываемых ранее в статье, будет лишь частью дела, основной аспект в данной практике будет уделен другим обстоятельствам дела. Суд в первую очередь будет рассматривать основной контекст переписки, на обычно сложившеюся практику общения, является ли использование эмодзи устойчивой деловой практикой сторон. Такой порядок рассмотрения судебного дела применялся в российской практике.

На данном этапе российская судебная практика не располагает достаточным количеством судебных дел для выявления закономерностей в данной области, но правовые прецеденты в российской судебной практике есть. Так в 2023 году впервые возникла судебная практика в отношении использования «эмодзи». Арбитражный апелляционный суд Краснодарского края признал символ «палец вверх» экви-

[1]Как древние шумеры создали первую в мире письменность [Электронный ресурс] // LiveLib. – URL: https://www.livelib.ru/translations/post/151069-kak-drevnie-shumery-sozdali-pervuyu-v-mire-pismennost (дата обращения: 05.09.2025)

[2]Пиктограммы: что это и как использовать [Электронный ресурс] // Sky.pro. – URL: https://sky.pro/wiki/digital-art/piktogrammy-chto-eto-i-kak-ispolzovat/ (дата обращения: 05.09.2025)

[3]Козлова Е. В. Понятие и функции эмодзи в коммуникации в интернет-коммуникации // КиберЛенинка. – 2021. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-funktsii-emodzi-v-kommunikatsii-v-internet-kommunikatsii/viewer(дата обращения: 07.09.2025).

валентом подписи в договоре[1]. Арутюнян Сирануш Володьевна, является покупателем киоска у Руденко Родиону Юрьевичу. Арутюнян обратилась в Арбитражный суд с иском о взыскании 480.000 тысяч рублей неосновательного обогащения. Требования иска основывались на несоблюдении договора купли-продажи предпринимателем Руденко, а именно не предоставление товара в указанный срок. Вследствие этого ИП Арутюнян утратила интерес к товару, так как киоск является сезонным бизнесом, поэтому волей истца является отказ от товара, с последующим расторжением договора. Руденко не передал товар в указанный срок мотивируя свое бездействие, то есть не соблюдение договора тем, что не было составлено дополнительного соглашения по цвету фургона. Однако суду была предоставлена переписка в мессенджере WhatsApp, в которой сторонами обсуждался цвет киоска. Руденко в ходе электронного общения предложил цвет фургона в соответствии цветовой таблице RAL, а Арутюнян ответила на его предложение символом эмодзи «палец вверх». Суд оценил символ отправленный Арутюнян как знак согласия, на выбранный цвет. Таким образом, продавец должен был приступить к выполнению обязательств, так как цвет киоска был согласован сторонами правоотношений. Руденко не выполнение своих обязательств оперировал на основании не подписания дополнительного соглашения по цвету киоска, так как результат достигнутый в переписки считал не действительным из-за использования эмодзи. Суд не признал доводы Руденко о большом спектре интерпретаций символа, так как жест, отображаемый в эмодзи в общепринятом понимание, является положительным и может толковаться как сообщение «хорошо». Продавец не смог дать иного значения символу, следовательно понимание символа как согласие стало не оспоримо. Стоит отметить, что суд не исходил только из конечного результата электронного общения. Так в рассмотрение дела учитывались разные аспекты данного правоотношения, а ключевым фактом, позволившим выиграть дело ИП Арутюнян стало согласие сторон договором по придачи юридической силы переписке в мессенджере[2]. Данный прецедент в российской практике позволил выделить основные условия, которые должно рассматриваться в решение дел, связанных с эмодзи.

Исходя из решения суда можно выделить, что на данном этапе в российском судопроизводстве могут фигурировать только символы с конкретной интерпретацией при этом с соблюдением других аспектов гражданских правоотношений. В зарубежной практике, в отличие от отечественной, есть случаи когда судом рассматривались правоотношения в которых использовались символы с многозадачными значениями.

Одной из неоднозначных и спорных практик зарубежных стран, стало решение израильского суда[3]. Владелец недвижимости Янив Дахан получил сообщение в мессенджере с запросом обсудить условия аренды дома. В сообщении были использованы символы «эмодзи» – «бутылка шампанского» и «танцующие фигуры». В процессе переговоров Дахан считал, что ответчик проявил заинтересованность в аренде, и снял объявление с публикации. Однако после этого потенциальный арендатор прекратил контакт. Дахан рассмотрел эту ситуацию как введение в заблуждение. Суд встал на сторону Дахана, трактуя эмодзи как символы, которые внушают оптимизм, и обязал ответчика выплатить денежную компенсацию владельцу недвижимости. Проблемы данного вопроса связаны с тем, что сочетание символов не имеет однозначной интерпретации. Использование символов может рассматриваться как выражение позитивного настроя арендатора в поисках жилья в целом или как форма общения, а не как конкретный интерес к определенному дому. Из-за отсутствия конкретики дела и специфики израильского права сложно оценить спорный характер данного вопроса. Однако, если рассмотреть это дело в контексте юридического пространства Российской Федерации, возможно выявить определенные проблемы, с которыми сталкивается наша правовая система. В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, представленная комбинация эмодзи не подлежит юридической квалификации, поскольку не несет четкого смысла, а лишь отображает визуальное представление объекта или действия. Таким образом, интерпретация этих символов оставалась бы на усмотрение каждого субъекта, участвующего в правоотношениях. Даже при анализе контекста текста оценка символов была бы затруднительной, что потребовало бы проведения экспертизы для выявления целенаправленности их использования со стороны арендатора в контексте данного судебного дела. Вторая ключевая проблема состоит в отсутствии юридической обязательности переписки через мессенджер, поскольку не было заключено никаких соглашений о придании ей правового статуса. Исходя из всех факторов данного судебного разбирательства, можно сделать вывод, что в России это дело не склонилось бы в пользу арендатора. Ввиду различий в правовых системах, отечественная правоприменительная практика оказывается менее многообразной и менее обширной по сравнению с зарубежной.

---

[1]Решение Арбитражного суда города Москвы от 07.07.2021 по делу № А40-124668/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Bc8fmwwZhIrK/(дата обращения: 13.09.2025)

[2]Суды в России признали эмодзи подтверждением согласованности условий сделки [Электронный ресурс] // Контрлегал. – 2023. – URL: https://contralegal.ru/ru/articles/novosti/sudy-v-rossii-priznali-emodzi-podtverzhdeniem-soglasovannosti-uslovii-sdelki (дата обращения: 10.09.2025)

[3] Kastrenakes J. Israeli court rules that an emoji can seal a deal [Electronic resource] // Engadget. – 2017. – URL: https://www.engadget.com/2017-05-21-israeli-court-emojis.html (датаобращения: 12.09.2025)

Анализ судебных актов в различных иностранных государствах показывает значительное разнообразие в данной области, включая регулирование не только гражданских правоотношений. Например, в течение 2021 года в Соединенных Штатах было проанализировано 586 судебных дел, в которых использовались эмодзи[1]. Учитывая общее количество судебных дел в США, этот вид анализа развивается быстро, приводя к появлению специалистов, изучающих эмодзи: их закономерности, интерпретации и возможные намерения использования. Например, профессор Эрик Голдман изучает данное направление, выявляя уникальные особенности символов, которые могут иметь различное значение как по отдельности, так и в комбинации[2]. Такой индивидуальный подход к интерпретации эмодзи может способствовать развитию субинститута.

В условиях стремительного роста актуальности эмодзи, обширной судебной практики все больше появляется доктринальных, легальных и нелегальных толкований эмодзи. В сети интернет существуют переводчики эмодзи, словари[3]. Данные ресурсы не обладают ни каким статус и созданы в любительских целях. Но данные ресурсы можно рассматривать как идею создания единого кодифицированного источника, на который можно будет ссылаться в судебных разбирательствах. Но несмотря на то, что если источник будет создаваться официально, с последующим наделением правового статуса, данный источник всё равно будет обладать определёнными неточностями, при этом сами символы от части утратят свою уникальность, так как будут нести конкретную информацию. Работа над таким справочником требует больших ресурсов и на данный момент проблемы создания делают такой источник нерентабельным, но если рассматривать в перспективе развития, то возможность официального закрепления эмодзи возможно.

Проанализировав зарубежную и отечественную практику, научные исследования можно выделить определенные закономерности в применении символов эмодзи. Пиктограммы, используемые в электронном обороте, не обладают юридическим статусом и могут рассматриваться только как акцепт при этом ориентируясь на контекст текста, но все же обладают перспективой в присвоение правового положения.

[1]Панченко Д. Ю. Акцепт или оскорбление: эмодзи, семиотика и право [Электронный ресурс] // Zakon.ru. – 2023. – URL: https://zakon.ru/blog/2023/8/21/akcept_ili_oskorblenie_emodzi_semiotika_i_pravo (дата обращения: 12.09.2025)
[2]Adejumo T. Emojis in court as evidence [Electronic resource] // TheBFTOnline. – 2023. – URL: https://thebftonline.com/2023/08/13/emojis-in-court-as-evidence/ (датаобращения: 13.09.2025)
[3]Все об Emoji в iOS 10 [Электронный ресурс] // iPhones.ru. – 2016. – URL: https://www.iphones.ru/iNotes/all-about-emoji-ios-10(дата обращения: 17.09.2025)

Серегина Екатерина Сергеевна

аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Seregina Ekaterina Sergeevna

postgraduate student of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

E-mail: katushellaa@mail.ru

Правовые символы в высшем образовании России: от традиций к современности

Legal symbols in higher education in Russia: from tradition to modernity

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых символов, автор анализирует их роль и эволюцию в системе высшего образования России. В статье рассматривается исторический контекст изучения символов, различные подходы к пониманию правовых символов в юридической науке, их признаки и функции. Предлагается авторское определение понятия "правовой символ". Особое внимание уделяется аксиологическому аспекту правовых символов и их значению в формировании правовой культуры. Анализируются пути повышения эффективности использования и изучения правовых символов в системе высшего образования России.

Ключевые слова: символы, правовой символ, высшее образование, традиционные ценности

Annotation. The article is devoted to the study of legal symbols, the author analyzes their role and evolution in the system of higher education in Russia. The article examines the historical context of the study of symbols, various approaches to understanding legal symbols in legal science, their features and functions. The author's definition of the concept of "legal symbol" is proposed. Particular attention is paid to the axiological aspect of legal symbols and their significance in the formation of legal culture. The ways of increasing the efficiency of using and studying legal symbols in the system of higher education in Russia are analyzed.

Keywords: symbols, legal symbol, higher education, traditional values

Для цитирования: Серегина Е. С. Правовые символы в высшем образовании России: от традиций к современности // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 949–952.

В условиях ценностного кризиса, с которым столкнулась Российская Федерация, особую актуальность приобретает вопрос формирования у подрастающего поколения прочных духовно-нравственных ориентиров, основанных на традиционных российских ценностях. Высшее образование играет ключевую роль в этом процессе, поскольку именно в высших учебных организациях происходит окончательное формирование мировоззрения и ценностных установок молодых людей, определяющих их дальнейшую гражданскую позицию и профессиональную деятельность. Одним из важнейших инструментов воспитания, формирования правовой культуры, а также приобщения к традиционным ценностям, является изучение и использование правовых символов в образовательном процессе.

Исследование символов, уходящее корнями в античную эпоху, представляет собой область знаний, не утратившую актуальность и значимость для современной науки. В период античности символы привлекали внимание мыслителей (Фалес, Анаксимандр, Платон, Аристотель и др.) с точки зрения философии, религии, мифологии. Например, древнегреческая мифология использовала символы для представления божеств, героев, концепций. В средние века символы преимущественно использовались для интерпретации священных текстов и для выражения эзотерических знаний. В эпоху Нового времени изучение символов приобрело систематический и междисциплинарный характер, символ стал рассматриваться как средство познания мира, выражения культурных ценностей и организации человеческого опыта. В настоящее время символы остаются предметом изучения многих наук, таких как философия,

социология, лингвистика, психология, семиотика и др. Юридическая наука также рассматривает символы в качестве предмета изучения и анализа.

Юридическое осмысление категории символ непосредственно связано с задачами и предметами правового регулирования общественных отношений. Известный советский и российский учёный-правовед С.С. Алексеев выделял такое свойство права как определенность[1]. Данное свойство означает, что право способно точно и формализовано описывать общественные отношения, требующие правового регулирования, а также устанавливать границы внешнего поведения людей и последствия их нарушения. Другими словами, право стремится четко очертить, что разрешено, а что запрещено, и какие последствия наступают при нарушении этих границ. В связи с этим с целью воздействия на сознание людей и регулирования их поведения право должно обретать материальную форму своего воплощения. Одной из таких форм и является правовой символ.

Слово "символ" происходит от греческого слова symbolon, что в переводе означает "условный знак", "опознавательная примета" или "знак, сопоставляющий форму и содержание", таким образом, в самом общем смысле, символ это идея, образ или объект, имеющий собственное содержание, форму и одновременно представляющий в обобщённой, неразвёрнутой форме некое иное содержание. Теорией права сформулировано понятие «правовой символ», при этом в науке отсутствует единый подход к пониманию природы и сущности правовых символов, несмотря на их длительное и достаточное широкое применение.

Проанализировав позиции ученых, можно выделить несколько подходов к пониманию правовых символов:

1) правовые символы в узком смысле (нормативные/законодательные символы) - символы, закрепленные в официальных источниках права и охраняемые государством;

2) правовые символы в широком смысле - символы, являющиеся частью правовой культуры, независимо от нормативного закрепления. С точки зрения данного подхода к правовым относятся, в том числе, символы, не имеющие законодательного закрепления. Это символы, которые в результате исторического развития, культурных особенностей и традиций укоренились в общественном сознании в виде общепринятых представлений и ассоциаций с правом и правовыми ценностями. Ярким примером является Фемида, как символ правосудия, справедливости и беспристрастности;

3) юридически-значимые символы. Сторонники такого подхода относят к правовым символам, в том числе, символы, отрицающие общепризнанные правовые ценности. Например, нацистская и экстремистская символика являются запрещенными действующим правом.

Правовые символы обладают специфическими признаками, характеризующими их особенности. К числу таких признаков следует отнести: нормативную закреплённость (с точки зрения узкого подхода к правовым символам), общеобязательность, особый порядок охраны и защиты со стороны государства, возможность применения мер государственного принуждения в случае нарушения норм, касающихся их использования. С помощью правовых символов передается информация правого характера, а их внешний образ тесно связан историческим развитием, культурой и традициями общества. Правовой символ должен быть понятен окружающим, т. е., по возможности, должен быть ясен смысл, который в нем заключен, что отличает его от иных видов символов[2]. Кроме того, к признакам относится образность, внешняя объективация, условность, общеизвестность, многократность применения, наглядность.

Заслуживает внимания анализ особенностей правовых символов в аксиологическом аспекте. Правовые символы, являясь важной частью правовой культуры, выступают в качестве знаков, представляющих определенные юридические понятия, и обладают особой ценностью. Они способствуют пониманию права, несут в себе информацию о фундаментальных ценностях, которые защищает право. Таким образом, правовые символы выполняют роль значимого для права ценностного объекта.

В теории права отсутствует единое мнение о классификации правовых символов. Так, Н.Н. Вопленко предлагает в качестве критерия классификации выделять форму внешнего выражения (устные, письменные, изобразительные, символы-действия)[3]. Правовые символы могут быть материальными (например, герб, флаг) и нематериальными (например, государственный гимн). По сфере действия выделяют международные символы, федеральные символы, символы субъектов федерации, символы муниципальных образований, символы учреждений, предприятий, организаций и общественных объединений. В зависимости от функциональной роли существуют следующие виды: регулятивные (дорожные знаки) и декларативные (награды). А.В. Никитин выделяет динамичные и статичные правовые символы[4]. Кроме того критерием для классификации может быть форма нормативного закрепления, сфера применения, выполняемые функции и т.д.

[1] Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Издательство НОРМА, 2001. 752 с.
[2] Бабаев, В. К., Баранов, В. М., Гойман, В. И. Словарь категорий и по нятий общей теории права. - Н. Новгород, 1992. 36 с.
[3] Вопленко Н.Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4. 73 с.
[4] Никитин, А. В. Правовые символы : автореф. дис. канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.

На основании проведенного анализа под правовым символом предлагается понимать особый вид социальных символов, имеющий собственное содержание и форму, установленный либо санкционированный государством условный знак, используемый в праве для воздействия на сознание людей, регулирования их поведения, передачи юридически значимой информации, обеспечения легитимности правового регулирования, а также отражающий ценности, защищаемые правом.

Правовые символы выступают средством правовой коммуникации, обеспечивают легитимность правового регулирования, а также выполняют такие функции как: опознавательная (способствуют идентификации и обозначению различных правовых понятий, категорий, институтов, процессов, субъектов), регулятивная (некоторые правовые символы несут в себе конкретные властные предписания, требующие от субъектов права совершения определенных действий или воздержаться от них, то есть участвуют в регулировании общественных отношений), охранительная (используются в качестве свидетельства об охране того или иного правового явления или института), идеологическая, информационная (передают юридически значимую информацию широкому кругу лиц, обеспечивая понимание и соблюдение правовых норм), воспитательная (оказывают эмоциональное, психологическое воздействие на субъект общественных отношений), образовательная и др.

Принцип системного единства образования и воспитания получил прямое закрепление в действующей Конституции России, которая в концентрированной, нормативно обобщенной форме отражает философию национального мировоззрения. Привитие национального мировоззрения в виде конкретных актуальных жизненных смыслов составляет одну из фундаментальных задач нашего образования[1].

Остановимся подробнее на воспитательной и образовательной функциях правовых символов. Символы, в том числе правовые, выступают в качестве связующего звена между общечеловеческими, правовыми ценностями, культурно-нравственными идеалами, духовными ориентирами и индивидуальным личностным опытом, тем самым воздействуя на внутренний и духовный мир личности и способствуя его развитию и обогащению. Символы служат регулятором сознания и поведения личности, участвуют в процессе обучения и воспитания подрастающего поколения. Яркость, внешняя выразительность, эмоциональная насыщенность символов легко воспринимается психикой, открывает путь к познанию обобщенного, не лежащего на поверхности смысла и делает их универсальным средством взаимодействия, иногда более действенным и совершенным, чем словесное обращение[2].

Сегодня приоритеты государственной образовательной политики направлены на развитие системы образования, обучения и воспитания как основы формирования личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству. В связи с этим, вопросы изучения правовой символики, популяризация государственных символов в русле духовно-нравственного воспитания граждан, прежде всего молодежи, приобретают общегосударственное значение. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»[3] к важнейшим направлениям обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации относит повышение уровня образования населения, воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина. При этом обучение и воспитание детей и молодежи должно осуществляться на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. Для достижения поставленной цели в содержание обучения и воспитания включено междисциплинарное изучение правовых символов, прежде всего государственных символов, что, в свою очередь, способствует приобщению подрастающего поколения к российским духовно-нравственным ценностям, культуре и исторической памяти.

История использования и изучения правовых символов в высших образовательных организациях многогранна, она отражает как общие тенденции развития страны, так и специфические тенденции развития системы образования. В период становления высшего образования в России, наряду с созданием университетов, происходило формирование университетской культуры, во многом заимствованной из Западной Европы. Одним из элементов такой культуры стало использование символов, которые отражали статус, автономию и образовательные цели учебных заведений. Первоначально, символика проявлялась преимущественно в таких формах как знаки отличия, университетские уставы, форменная одежда студентов и преподавателей и т.д. После Октябрьской революции произошёл радикальный пересмотр всех сфер общественной жизни, в том числе сферы образования. Дореволюционная правовая символика была отвергнута как чуждая новому социалистическому строю. Уставы учебных заведений были пересмотрены, ученые степени и звания под-

[1] Кабышев С.В. Конституция России; традиции прогресса (к 30-летию). М.: Издательский центр Университета им. О.Е.Кутафина (МГЮА). 2024. С.64.

[2] Манасова, Г. Н. Педагогический потенциал символов в истории и современной отечественной практике образовательного процесса : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Манасова Галина Николаевна. Владимир, 2007. 280 с.

[3] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

верглись реформированию, правовые символы в высшем образовании приобрели ярко выраженный идеологический характер, акцент делался на символах советской государственности. Распад СССР и переход к демократическим принципам государственного устройства потребовали переосмысления ценностей и подходов к образованию. Данный период характеризуется тенденциями к возрождению некоторых дореволюционных традиций и формированию новых правовых символов, которые отражали принципы демократического и правового государства.

Следует подчеркнуть, что в современный период в образовательных организациях высшего образования осуществляется комплексная работа, направленная на усвоение обучающимися знаний о правовых символах. В учебные программы включаются информация о государственных символах, проводятся тематические уроки, конкурсы, викторины, организуются экскурсии в музеи, просмотр фильмов и документальных передач, посвященных работе государственных органов, судов, правоохранительных органов. Правовые символы используются в наглядных пособиях, проводятся правовые олимпиады, конкурсы эссе, дебаты, посвященные правовым символам и ценностям. Студенты участвуют в правовых акциях и проектах, направленных на повышение правовой грамотности и укрепление правопорядка, осуществляется обсуждение произведений искусства и литературы, в которых находят отражение правовые символы.

Учитывая, что приобщение молодежи к правовым символам влияет на социализацию личности, ее становление, усвоение норм, установок, достойных образцов поведения, способствует формированию жизненной позиции на основе познания социального опыта, важно исключить формальный подход к изучению правовых символов. Образовательный процесс должен строиться на формировании у студентов понимания сущности и ценности правовых символов, а не на заучивании информации о внешнем виде и их значении. Символы должны восприниматься как ценность, иметь личностное значение для восприятия собственной принадлежности к государству и обществу. Для достижения данной цели необходимо повышать знания самих педагогов о правых символах и о методах их использования в учебной деятельности, ведь недостаточная правовая грамотность педагогов остается на сегодняшний день проблемным вопросом в российской системе образования.

Для повышения эффективности использования и изучения правовых символов в образовательной деятельности предлагается, во-первых, повышать квалификацию педагогических кадров посредством организации семинаров, тренингов, курсов повышения квалификации для педагогов, посвященных применению правовых символов в образовательном студентов, социальный и психологический контекст их развития, активно использовать информационные технологии для распространения информации о правовых символах, например, онлайн-ресурсы, мобильные приложения, социальные сети и т.д. В-третьих, внедрять современные методики обучения и воспитания, например, интерактивные учебные материалы, игровые технологии, проектную и исследовательскую деятельность. Особое внимание следует уделять празднованию государственных праздников, таких как День России, День Конституции, день Государственного флага Российской Федерации, день Государственного герба Российской Федерации и др. В-четвертых, привлекать к разработке образовательных материалов экспертов в области права и символики - юристов, историков, культурологов, искусствоведов. Важным шагом представляется работа по созданию актуальной единой концепции использования правовых символов в системе высшего образования, которая закрепит цели, задачи, принципы и методы использования правовых символов в образовательном и воспитательном процессе с учетом традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Результаты исследования показывают, что правовые символы, будучи неотъемлемой частью культуры высшего образования, обладают значительным потенциалом в формировании традиционных российских духовно-нравственных ценностей у студентов. Изучение и приобщение к правовым символам студентов содействует самоопределению личности, созданию условий для ее реализации, формированию гражданина, интегрированного в современное общество и нацеленного на его совершенствование, его ориентации на развитие гражданского общества и утверждение правового государства, воспитанию гражданственности и любви к Родине, формированию основ мировоззренческой, нравственной, правовой культуры. Правовые символы, воздействуя на эмоциональные чувства человека, формируют его отношение к праву, закону и государству, они помогают понять и усвоить основные правовые ценности. Государственные символы способствуют формированию чувства принадлежности к своей стране, уважения к ее истории и культуре, а также гордости за ее достижения в области права и государственного строительства. Знание и понимание природы правовых символов, а также ценностей, которые они олицетворяют, содействует предупреждению правонарушений, поскольку формирует у граждан понимание последствий нарушения закона и необходимости соблюдения правовых норм, повышению правовой грамотности и культуры учащихся, формированию у них навыков правомерного поведения. Развитие у студентов уважения к правовым символам является одним из факторов их приобщения к социо-культурным и российским духовно-нравственным ценностям.

Судденок Кристина Васильевна

аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

адвокат Адвокатской конторы №2 Нижегородской областной коллегии адвокатов

Suddenok Kristina Vasilyevna

Postgraduate student of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

Lawyer of the Law Firm No. 2 Nizhny Novgorod Regional Bar Association

E-mail: k.suddenok@gmail.com

Символическая роль согласия в правовой системе современной России

The symbolic role of consent in the legal system of modern Russia

Аннотация. Статья посвящена изучению соотношений понятий «символ» и «согласие». Рассматриваются две составляющие соотношения указанных понятий: с одной стороны, согласие в определенных случаях может быть выражено определенным символом, с другой стороны, реализация согласия на практике не всегда соответствует его идеальному представлению, в связи с чем согласие может играть символическую роль и использоваться как формальный атрибут, скрывающий реальное неравенство сторон.

Ключевые слова: согласие, символ, символ в праве, символическая роль

Annotation. The article is devoted to the study of the relationship between the concepts of "symbol" and "consent." Two components of the relationship between these concepts are considered: on the one hand, consent can be expressed through a specific symbol in certain cases, and on the other hand, the implementation of consent in practice does not always correspond to its ideal representation, which means that consent can play a symbolic role and be used as a formal attribute that conceals the actual inequality between the parties.

Keywords: consent, a symbol, a symbol in law, a symbolic role

Для цитирования: Судденок К.В. Символическая роль согласия в правовой системе современной России // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 953–956.

На протяжении всей истории право было тесно связано с символическими формами и процедурами. В современном российском законодательстве символы также играют жизненно важную роль. Право, являясь неотъемлемой частью социальной регуляции, естественно включило в себя символы как важный инструмент для регламентации общественных отношений. Так, юридические нормы, устанавливаемые государством, часто опираются на символы для подкрепления своей легитимности и эффективности. Государство, обладая властью, нуждается в наглядных способах утверждения этой власти и демонстрации своих приоритетов. Символы становятся своего рода «официальными иллюстрациями» государственной политики.

Чтобы понять всю важность символов в праве, необходимо сначала разобраться с понятием символа в более широком смысле. Слово «символ» происходит от греческого «σύμβολον», что означает «знак» или «опознавательная примета»[1]. В самом общем смысле символ – это некий объект, изображение, идея или даже действие, которое обладает собственным, прямым значением, но при этом служит для представления чего-то иного, более сложного и абстрактного.

В современных правовых системах существует большое количество символических форм и процедур. Поскольку согласие является общеправовым феноменом, обнаруживающим свое влияние во всех сферах правовой действительности, проявление символических форм и процедур не могло не затронуть и согласие.

[1] Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/bse/Символ (дата обращения: (28.10.2025).

Представляется возможным в самом общем виде определить согласие как зафиксированный в предусмотренном законодательством порядке акт волеизъявления управомоченного субъекта относительно собственных деяний или деяний третьих лиц, проявляющийся и формализующийся с учетом специальных технико-юридических требований в специальных формах юридического документа, правового акта, действиях по согласованию (возможно осуществляемых через достижение компромисса) либо в правомерном бездействии.

Исходя из приведённого определения понятия согласия можно выявить наличие доминантных точек в соотношении согласия и символов. Так, внешняя форма согласия должна соответствовать особым технико-юридическим требованиям, в том числе установленной форме объективации, которая может проявляться, в том числе, и в символической форме. Таким образом, согласие может выражаться, в том числе, с использованием различных символов, то есть символ является способом выражения согласия в целом или выражения его элемента. В качестве примеров можно привести следующие.

Первым и, пожалуй, самым распространенным, способом выражения согласия является проставление собственноручной подписи лица на договоре, акте, протоколе и ином документе. Эта подпись выступает своеобразным символом или набором символов, подтверждающих личность подписавшего, его волеизъявление, авторство документа и согласие с его содержанием. Другими словами, подпись служит бесспорным доказательством того, что именно это конкретное лицо выразило свою волю в данном документе. В силу положений пункта 2 статьи I.-1:107 Модельных правил европейского частного права «термин «собственноручная подпись» означает имя или символ, обозначающий лицо, проставленные рукой этого лица с целью идентифицировать себя»[1]. Следовательно, его подпись как набор символов, проставленных самим лицом, используется для его идентификации и точного выражения волеизъявления и согласия.

В Российской Федерации также закреплен статус электронной подписи, в отношении которой выделяются следующие разновидности: простая, усиленная неквалифицированная и усиленная квалифицированная, каждая со своей степенью защиты и юридической значимости[2]. Электронная информация, подписанная квалифицированной электронной подписью (по сути, неким символом), обладает статусом электронного документа, эквивалентного бумажному документу с собственноручной подписью, за исключением случаев, когда прямо предписано оформление документа исключительно в бумажном виде.

Помимо проставления подписи в качестве выражения согласия могут использоваться иные символы. В частности, проставление галочки в квадрате – общепринятый во многих странах знак, служащий для выражения согласия, подтверждения действия или осуществления выбора. Этот элементарный символ находит применение в разнообразных сферах, начиная от анкет, экзаменов и заканчивая избирательными процессами. Истоки символа галочки в квадрате уходят корнями в далёкое прошлое. Самые ранние упоминания о нём можно обнаружить в Древнем Египте, где он применялся в иероглифической письменности для обозначения одобрения или утверждения. Со временем символ галочки в квадрате стал повсеместно использоваться и укрепился в качестве обозначения выбора или подтверждения во многих культурах мира.

В сентябре 2025 года прошли выборы различных уровней во многих субъектах Российской Федерации (выборы губернаторов, выборы депутатов законодательных органов, муниципальные выборы). В бюллетенях для голосования проявление согласия путем проставления символа «галочки» является обыкновением.

Проставление символа «галочка» в квадрате широко применяется в интерфейсах разнообразных программ и на веб-сайтах, указанный символ стал удобным средством взаимодействия между пользователем и компьютерными системами. Таким путем выражается, к примеру, согласие на обработку персональных данных при использовании различных сайтов. Так, каждый человек ежедневно совершает большое количество «электронных» сделок, то есть фактически заключает договоры купли-продажи, оказания услуг, перевозки при помощи электронных сервисов. При этом обязательным условием для заключения данных электронных сделок является проставление галочки «согласен», клик мышкой компьютера в соответствующем поле, прохождение «CAPTCHA». Указанные «символические» формы выражения согласия не получили специальной нормативной правовой регламентации, поскольку законодательство «не успевает» за динамично изменяющимися общественными отношениями и активно развивающимися информационными технологиями. В связи с чем, в отсутствие специальной правовой регла-

[1] Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с. [Электронный ресурс]. URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17510&dst=100313&field=134&rnd=dgHPyQ#SHe7QxUGw25v5H7k1 , дата обращения (21.09.2025 г.).

[2] Федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи». [Электронный ресурс]. URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=A30F0D27C728AAC43C6C29E8C95724BE&mode=searchcard&base=LAW&n=503689&dst=1000000001&BASENODE=IiIiMSwwLDEiIiwiIjIsMSxMQVciIiI&rnd=kQdQiQ#Nrvww0Vsbg1DH9LA1, дата обращения (28.10.2025).

ментации, правовое значение выражения согласия в виде символов формируется правоприменительной практикой.

В настоящее время правоприменительной практикой сформирован однозначный подход, к примеру, относительно выражения согласия на приобретение дополнительных услуг в виде страхования при заключении кредитных договоров. Так, «выражение заемщиком согласия на приобретение дополнительных услуг подтверждено не только символами "V" в таблице, но и подписью <…> после перечисления услуг, дополнительно оказываемых заемщику»[1]. То есть выражение согласия путем проставления символа должно быть дополнительно подкреплено подписью гражданина, которая может быть осуществлена также в электронной форме.

Вместе с тем, правоприменительная практика установила различные правовые последствия исходя из способа проставления символа, выражающего согласие. По-разному интерпретируются символы, проставленные типографическим способом и собственноручно, что позволяет гражданину истинно выразить свое волеизъявление: «согласие клиента отмечено типографическим способом, а не собственноручно. Подпись потребителя в конце Договора оценивать в данном случае как выражение его согласия с указанным условием нельзя, так как отметка "х" проставлена не самим потребителем, а Банком. Возможность влиять на содержание и на заполнение, выдаваемых на подпись документов, у потребителя отсутствует»[2].

Таким образом, в настоящее время символические формы выражения согласия являются востребованным инструментом визуальной коммуникации в цифровой среде.

Помимо вышеприведенного соотношения понятий «символ» и «согласие» (где символ выступает способом выражения согласия), можно также говорить и об ином соотношении указанных понятий, где согласие играет символическую роль. «Символизация - это процесс, под воздействием которого предметы и действия наделяются иными функциями или значениями, изменяя или дополняя их первоначальный смысл»[3]. Символическая роль согласия в российской правовой системе сложна и многогранна. С одной стороны, согласие является основой многих правовых институтов, отражая принципы автономии воли, свободы договора и уважения к личности. С другой стороны, реализация этого принципа на практике не всегда соответствует его идеальному представлению, а иногда согласие используется как формальный атрибут, скрывающий реальное неравенство сторон. В частности, таким примером «символической» роли согласия может выступать согласие народа, выраженное посредством выборов, референдумов или деятельности избранных представителей. Указанное согласие не является абсолютным, согласие выражает лишь мнение «большинства». Кроме того, согласие народа с выбранными кандидатами презюмируется, несмотря на имеющиеся нарушения при проведении избирательных кампаний и голосовании.

Символическая роль согласия проявляется также и в гражданском праве. Установление договорных отношений в гражданском праве возможно только при выражении согласия субъектов правоотношений на возникновение этих отношений. Только выражение согласия является определяющим и необходимым условием для заключения договора. Вместе с тем, если говорить о договорах присоединения, в ситуациях, когда одна из сторон обладает значительным экономическим или социальным преимуществом, «согласие» присоединяющейся стороны носит «символический» характер. К примеру, заключение договора присоединения по договору оказания банковских услуг, при отсутствии возможности изменить какие-либо определенные условия договора, свидетельствует о символической роли согласия присоединяющегося к договору лица.

Еще одним примером символической роли согласия может выступать согласие на медицинское вмешательство или согласие на обработку персональных данных. Для того, чтобы получить квалифицированную медицинскую помощь, пациенту требуется оформить в первую очередь, согласие на обработку персональных данных, а затем (в случае необходимости) – согласие на медицинское вмешательство. На практике выдача согласия зачастую носит формальный характер, поскольку граждане не в полной мере ориентируются в специфике необходимых медицинских услуг и процедур, а также отсутствует возможность изменить или отказаться от подписания указанных согласий. Также законодательством преду-

---

[1] Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 15.02.2024 по делу N А38-4550/2023. URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=4A12B47022D4300773EA1860830B043B&mode=searchcard&base=ASVV&n=1932470&BASENODE=liliMiwyMTMsQVNQSSliLCliMiwyMDAsQVMiliwiljlsMixBUklilil&bases=32827%2C32828%2C32829%2C32830%2C32831%2C32832%2C32833%2C32834%2C32835%2C32836&rnd=4DHIvg#fs1wPxU8Uvc1Avvt, дата обращения (21.09.2025).

[2] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.09.2021 по делу N А40-126443/21-130-838, [Электронный ресурс]. URL: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=4A12B47022D4300773EA1860830B043B&mode=searchcard&base=ASMS&n=2963025&BASENODE=liliMiwyMTMsQVNQSSliLCliMiwyMDAsQVMiliwiljlsMixBUklilil&bases=32827%2C32828%2C32829%2C32830%2C32831%2C32832%2C32833%2C32834%2C32835%2C32836&rnd=4DHIvg#sqAyPxUwvhwyLO4i1, дата обращения (21.09.2025).

[3] Шалагинов П.Д. Функции правовых символов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Нижний Новгород. 2007. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/1/Downloads/autoref-funktsii-pravovykh-simvolov.pdf, дата обращения (21.09.2025)

смотрены ситуации, когда указанные согласия вовсе не требуются. Так, Федеральным законом от 25.12.2023 №678-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» законодатель разрешил оказывать экстренную скорую помощь без согласия пациента, определив совокупность критериев, когда медицинская помощь может быть оказана:

- медицинская помощь оказывается вне медицинской организации,
- медицинское вмешательство необходимо для устранения угрозы жизни человека,
- отсутствует выраженный до начала оказания медицинской помощи отказ гражданина (его законного представителя) от медицинского вмешательства[1].

В завершение следует отметить, что символ в праве — это не просто условный знак, а многомерный и сложный элемент правовой системы, выполняющий важнейшие функции по идентификации, коммуникации и регулированию общественных отношений. Осознание роли и значения правовых символов является необходимым условием для эффективного функционирования правовой системы и обеспечения законности и общественного порядка. Использование символов согласия упрощает и ускоряет процесс заключения соглашений, особенно в устной форме. Кроме того, символы согласия способствуют укреплению доверия между сторонами, поскольку они служат видимым подтверждением их общих намерений. В конечном итоге, символ согласия в праве является не просто формальным актом, но и важным инструментом поддержания правопорядка и стабильности в обществе.

[1] Федеральный закон от 25.12.2023 N 678-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Источник публикации
Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 25.12.2023.

Сурнина Алена Викторовна[1]

студент 2 курса кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Surnina Alyona Viktorovna

2nd year student of the Forensic Examination Department of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: surnination@gmail.com

Идентификационный жетон военнопленного как символ унижения и оберега в годы Великой Отечественной войны

Prisoner of war identification badge as a symbol of humiliation and amulet during the Great Patriotic War

Аннотация. Статья посвящена анализу идентификационного жетона советского военнопленного в немецких концлагерях в период Великой Отечественной войны. Рассматривается история возникновения жетона, его функциональное назначение в системе нацистских лагерей и его трансформация из простого средства идентификации в многогранный символичный образ. Особое внимание уделяется психологическому воздействию жетона на сознание заключенных, его роли в процессе дегуманизации и лишения личности. Анализируются воспоминания бывших узников, свидетельствующие о том, как жетон становился не только символом унижения, но и своеобразным оберегом, дарующим надежду на выживание.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военнопленные, нацистские лагеря, идентификационный жетон, дегуманизация, символический образ, память, история

Annotation. The article is devoted to the analysis of the identification badge of a Soviet prisoner of war in German concentration camps during the Great Patriotic War. The article examines the history of the badge, its functional purpose in the Nazi camp system and its transformation from a simple means of identification into a multifaceted symbolic image. Special attention is paid to the psychological impact of the badge on the consciousness of prisoners, its role in the process of dehumanization and deprivation of identity. The memoirs of former prisoners are analyzed, showing how the badge became not only a symbol of humiliation, but also a kind of talisman, giving hope for survival.

Keywords: The Great Patriotic War, prisoners of war, Nazi camps, identification badge, dehumanization, symbolic image, memory, history

Для цитирования: Сурнина А.В. Идентификационный жетон военнопленного как символ унижения и оберега в годы Великой Отечественной войны // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 957–960.

Период Великой Отечественной войны стал своего рода маркером того, как человек может относиться к определенной личности или судьбам других людей. Рассматривая этот вопрос, нельзя не обратить внимание на то, как немецкие оккупанты поступали с пленными советскими солдатами, офицерами, а так же мирными жителями на занятых территориях.

За время Великой Отечественной войны в плену немецкой армии находилось огромное количество советских граждан. По сведениям Генштаба Вооружённых Сил Российской Федерации, в плену содержалось 4 млн. 559 тыс. человек, однако зарубежные исторические источники приводят более высокую

[1] Научный руководитель: *Лапшин Вячеслав Евгеньевич* – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

цифру – от 5 млн. 200 тыс. до 5 млн. 750 тыс. человек[1]. В любом случае, это был первый массовый геноцид в отношении советских военнопленных, оставивший неизгладимый след в сознании многих людей по всему миру. Трудно представить, с какой невыносимой болью и унижениями столкнулись узники нацистских лагерей, какие физические и психические страдания они пережили, и как в дальнейшем складывались их судьбы после освобождения[2].

Одним из наиболее ярких примеров психологического воздействия на сознание заключенного была замена его имени на жетон с индивидуальным номером. По сей день эти исторические артефакты тяжелого времени, наряду с фронтовыми письмами, фотографиями, дневниками и т. п., вызывают у людей сильные эмоциональные переживания. В них незримой строкой, в простых с виду цифрах, слившихся в закодированный номер, сроднившись с металлической пластиной, покрывшейся ржавчиной, запечатлены имена советских солдат и офицеров, ставших узниками в нацистском плену.

В исторических исследованиях представлено множество вариаций процедур присвоения индивидуального номера, так сказать, начального этапа насильственной смены имени заключенного советского гражданина или военнослужащего. Например, это реализовывалось через татуирование, пришивание пронумерованных кусков ткани на одежду, выдачу специальных жестяных знаков с номером. В задачи автора входит рассмотрение идентификационного жетона военнопленного как многогранного символического образа, который на долгие годы заключения стал частью сознания и плоти узников немецко-фашистских лагерей.

Проанализировав обстоятельно подготовленный материал К. Степанчикова[3], содержащий исторические сведения о возникновении и применении идентификационных жетонов военнослужащих германской армии, можно сделать следующие выводы, определяющие ключевые направления нашего исследования:

– законодателями моды на ношение данных опознавательных знаков выступили военнослужащие немецкой армии;

– на поверхность жетонов наносилась соответствующая информация для последующей идентификации владельца;

– в результате трансформаций, связанных с выбором материала, размеров и геометрических форм, были приняты два основных типа жетонов (для военно-морских и сухопутных войск, включая военно-воздушные силы), сохранивших овальную форму;

– существовал и третий тип личного знака прямоугольной формы с закругленными краями, предназначенный для иностранных военнопленных;

– любой личный знак состоял из двух частей, разделенных сквозными узкими прорезями по всей длине. Верхняя часть имела два сквозных круглых отверстия для шнура, позволяющего носить жетон на шее, а нижняя – одно. Дублирование надписи в верхней и нижней частях обеспечивало сохранение информации на теле погибшего (для идентификации останков при перезахоронении или проведении экспертизы) и на отломленной части, которая использовалась для учета путем нанизывания через отверстие на специальный подвес.

Исходя из представленных обобщённых данных, наблюдается прямое заимствование данного знака из системы воинского учета в лагерный. Изначальное наделение военнопленных таким жетоном было обусловлено упрощением формы учёта и идентификации людей данной категории.

В XX веке кратно увеличивалось количество, массовость и масштабность войн, что влекло за собой повальные перемещения людей, следовательно, возрастала и потребность в простой, быстрой и стандартизированной идентификации личности. Вся подробная информация о человеке, такая как имя, пол и место рождения, хранилась в базах данных, куда ссылались символы, выгравированные на самом жетоне. Вместе с тем, такая утилитарная маркировка не только упрощала бумажную работу, но и заменяла целую биографию. Её выдачу осуществляли разные организации при приёме в лагерь или при захвате военнопленных.

Военнопленному, попавшему в немецкий лагерь, выдавался специальный идентификационный жетон. Он был выполнен в виде металлического прямоугольника с пятью протяжёнными горизонтальными отверстиями посередине, необходимыми для разламывания его пополам после смерти заключённого. На обеих половинах жетона указывался код лагеря и личный номер пленника. Перед захоронением тела одну из половинок жетона (имеющую одно сквозное отверстие) отправляли в личное дело узника, в то время как вторая (с продетым сквозь два отверстия шнуром) оставалась на его шее.

---

[1] См., например: Советские военнопленные во время Великой Отечественной войны // РУВИКИ: [сайт]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Советские_военнопленные_во_время_Великой_Отечественной_войны (дата обращения: 26.09.2025).

[2] См., например: Шутилин Ю. Судьба советских военнопленных после войны (последняя редакция: 2021) // Портал Проза.ру [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2021/06/10/276 (дата обращения: 23.09.2025); Дембицкий Н.П. Судьба пленных (последняя редакция: 09.06.2007) // Научно-просветительский журнал «Скепсис» [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_1250.html (дата обращения: 20.09.2025).

[3] Степанчиков К. Латунная бирка под «Железным крестом». Личные знаки военнослужащих германской армии // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. – М., 2000. – № 5. – С. 44–49.

Нацистские лагеря представляли собой не просто место физического уничтожения инакомыслящих и запугивания населения, но и сложную систему, направленную на изучение пределов дегуманизации, превращения индивида в безликий элемент всеобъемлющего тоталитарного режима. Одной из практик, применяемых в этих лагерях, являлось лишение заключённых их имён и замена их номерами. Принято полагать, что такая практика была обусловлена лишь необходимостью ведения учёта. Однако, по сути, маркировка номерами сводила личность к символу номерного знака, лишая её человеческих черт и тем самым упрощая сотрудникам лагеря ликвидацию пленников.

С момента присвоения заключенному идентификационного номера его личность начинала стираться. По воспоминаниям некоторых выживших, пленные со временем «срастались» с собственным номером и начинали использовать его вместо имени даже при общении с другими заключенными. Таким образом, люди могли не только не знать имен товарищей, но и забыть собственное имя. Истинной целью уничтожения личности было, в том числе, снятие с нацистов моральной ответственности за зверства, причинявшиеся в отношении узников лагерей. Не секрет, что пленников нередко подвергали пыткам и истязаниям, многих убивали, но, представив заключенных как набор цифр, лишив их личности, противнику было гораздо проще оправдать себя.

Писатель В.Я. Бойко в воспоминаниях так охарактеризовал свое состояние после данной процедуры: «После клеймения я превращался в безликое существо, в раба, лишенного родины, свободы, имени – всего того, без чего немыслимо человеческое существование»[1].

Весьма эмоционально в своем исследовании данное обстоятельство описал Б.Г. Якеменко: «Человек без имени, человек-номер, лишенный сознания личной уникальности и собственного образа – необходимых условий самовосприятия, как мыслящего, живого существа, сливался в массу таких же, как он, лишался возможности вступать в диалог с эсэсовцем, имеющим имя и звание, так как между номером и именем невозможна коммуникация, как она невозможна между человеком и неодушевленным предметом»[2].

Получить жетон с номером было трагедией, но куда хуже было этого жетона лишиться. Жетон вполне свободно мог быть отобран нацистом у военнопленного перед отправкой жертвы на смерть. Так, изначально воспринимаемый как проклятие, жетон становился своеобразным оберегом, символом того, что его хозяину даровано право на жизнь.

Стоит отметить, что символический образ насильно присвоенного идентификационного жетона зачастую становился связующей нитью между прошлым и настоящим, давая возможность не кануть в безвестность, а тешить надежду тем, что столь ненавистный и неизбежный кусок жести позволит сохранить память для потомков о его обладателе. Так, спустя многие годы, вследствие немецкой педантичности, проявившейся в четком учете всех военнопленных по их идентификационным номерам, происходит установление конкретного военнослужащего и места завершения его земного пути. Изначальное использование идентификационных жетонов в лагерях для военнопленных диктовалось соблюдением четкой проформы по учету находившихся там людей, соответственно, и его образ с точки семиотики был символическим, составляя формальный, но обязательный атрибут лагерного содержания. Однако спустя время он, как и многие другие идентифицирующие личность символы, кардинально переродился в символичный образ того жестокого времени, став частью неизгладимой судьбы любого человека, прошедшего эти испытания.

Тем не менее, некоторые военнопленные вовсе не получали свой номер, и это были прежде всего политические работники и руководители (комиссары)[3]. Жетоны не получали те, кто попадал в лагерь с целью мгновенного уничтожения. Ю.П. Цуркан, советский летчик-истребитель, которому довелось пройти через несколько нацистских лагерей, в том числе Штуттгоф и Маутхаузен, вспоминал: «Я посмотрел на китель полковника, – не было ни номера, ни винкеля. Человек обречен на уничтожение. Действительно, на следующий день Галинского увели в двадцатый блок»[4]. Назначение номера, с одной стороны, гарантировало заключенному временное существование и трудовую деятельность – тех же, кого после отбора сразу отправляли в газовые камеры, не маркировали. Однако этот ритуал (маркировки людей) существенно упрощал ликвидацию заключенных, поскольку уничтожали не личность, а лишь исключали её из системы, превращая в простое число, элемент масштабного конвейера жестокого мира нацистов.

Несмотря на то, что идентификационный жетон символизировал унижение и обезличивание человека, будучи инструментом тотального контроля государственной машины, в то же время для многих он считался своеобразным талисманом, оберегающим своего хозяина, дарующим ему надежду на выживание и возвращение на родину.

---

[1] Бойко В.Я. Слово после казни (последняя редакция: 23.11.2012) // ЛитЛайф [Электронный ресурс]. URL: https://litlife.club/books/147962/read?page=29 (дата обращения: 29.09.2025).

[2] Якеменко Б.Г. Присвоение номера в нацистских концентрационных лагерях как фактор расчеловечивания: по воспоминаниям советских узников // Вестник РУДН. История России. 2022. – № 3. – С. 436.

[3] См., например: Судьба комиссаров и политруков в немецком плену [Электронный ресурс]: Авиации СГВ форум // Авиация СГВ. URL: https://www.sgvavia.ru/forum/149-1293-1 (дата обращения: 15.09.2025).

[4] Цуркан Ю.П. Последний круг ада [литературная обработка Ванды Юрьевны Цуркан]. – М., 2017. – С. 319.

Идентификационный жетон мог быть использован при учете освобожденных или погибших военнопленных. Жетон служил юридическим маркером, его берегли, он был источником информации, в том числе благодаря ему подтверждался статус военнопленного при многочисленных проверках для возвращения на родину.

Сами по себе идентификационные жетоны военнопленных, лишенные исторического контекста, – лишь бездушные куски металла, наделенные цифрами и буквами. Только скрупулезное историческое расследование, когда поиск его владельца связан с установлением эпизодов лагерного содержания, пролитием света на его судьбу, составляет поистине бесценный вклад, служа образцом, достойным внимания и уважения. Символический образ идентификационного жетона военнопленного для многих современников не перестает быть следом горького прошлого, лагерей, войны… но и в то же время надеждой и памятью.

Танисов Роман Антонович

адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

Tanisov Roman Antonovich

is an associate professor at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: rtanisov@mail.ru

Институт подозрения как основополагающий символ уголовного процесса

The institution of suspicion as a fundamental symbol of the criminal process

Аннотация. В статье рассматривается институт подозрения как ключевой символ уголовного процесса, его роль и значение в современной правовой системе. Подозрение является фундаментальной категорией, которая определяет начало уголовного преследования, а также служит основой для применения мер процессуального принуждения. Особое внимание уделяется правовым аспектам формирования подозрения, его правовой природе, а также вопросам соблюдения баланса между обеспечением прав личности и эффективностью уголовного судопроизводства. В статье анализируются теоретические подходы к понятию подозрения, его место в системе уголовного процесса, а также практические аспекты его применения в контексте российской правоприменительной практики. В исследовании делается акцент на проблемах, связанных с возможными злоупотреблениями данным институтом и необходимостью совершенствования законодательства для минимизации рисков нарушения прав личности.

Ключевые слова: уголовный процесс, институт подозрения, правовая природа подозрения, презумпция невиновности, процессуальное принуждение

Annotation. The article examines the institution of suspicion as a key symbol of the criminal process, its role and significance in the modern legal system. Suspicion is a fundamental category that determines the initiation of criminal prosecution, and also serves as the basis for the application of procedural coercion measures. Special attention is paid to the legal aspects of the formation of suspicion, its legal nature, as well as issues of maintaining a balance between ensuring individual rights and the effectiveness of criminal proceedings. The article analyzes theoretical approaches to the concept of suspicion, its place in the system of criminal procedure, as well as practical aspects of its application in the context of Russian law enforcement practice. The focus is on the problems associated with possible abuses of this institution and the need to improve legislation to minimize the risks of violation of individual rights.

Keywords: criminal procedure, institution of suspicion, legal nature of suspicion, presumption of innocence, procedural coercion

Для цитирования*:* Танисов Р.А. Институт подозрения как основополагающий символ уголовного процесса // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 961–963.

Институт подозрения занимает центральное место в уголовном процессе России, являясь его основополагающим символом. О.С. Поликарпова считает, что подозрение, как правовая конструкция, выполняет важнейшую функцию – «оно связывает стадии предварительного расследования и судебного разбирательства, обеспечивая соблюдение принципа презумпции невиновности и гарантии прав личности»[1]. Анализируя природу и значение института подозрения, следует утверждать, что он является не только юридической категорией, но и отражением философских основ уголовного процесса, направленных на достижение баланса между интересами общества и правами индивида.

Сущность института подозрения заключается в том, что он фиксирует начальный этап формирования версии о возможной причастности лица к преступлению. Данное положение подчеркивается многи-

[1] Поликарпова О.С. Институт подозрения и начальная стадия уголовного процесса: взаимосвязанные перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4. С. 149-150.

ми учеными-правоведами. Так, И.В. Смолькова отмечает, что «подозрение – это фундаментальная категория, которая позволяет органам предварительного расследования структурировать процессуальные действия в условиях неопределенности»[1]. Действительно, оно служит инструментом для выдвижения гипотезы о виновности конкретного лица, однако не предполагает окончательной оценки его действий. Следовательно, подозрение является гибкой и динамичной конструкцией, которая обеспечивает возможность реагирования на обстоятельства дела на ранних стадиях уголовного производства.

Важным аспектом института подозрения является его связь с принципом презумпции невиновности. Российское законодательство закрепляет этот принцип в статье 49 Конституции РФ и статье 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Подозрение, будучи предварительным выводом о возможной причастности лица к преступлению, не должно нарушать права и свободы личности. В этом контексте О.А. Шелягина подчеркивает, что «подозрение представляет собой процессуальную форму, которая позволяет обеспечить баланс между необходимостью защиты общественных интересов и уважением прав человека»[2]. В данном контексте следует подчеркнуть, что оно выступает своего рода «фильтром», предотвращающим необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности.

Особое внимание следует уделить проблеме определения момента возникновения подозрения. В российской правоприменительной практике этот момент часто связывается с формальным возбуждением уголовного дела или задержанием лица по подозрению в совершении преступления. Однако в ряде случаев фактическое подозрение может возникнуть еще до официального оформления процессуальных документов. Данное обстоятельство порождает правовую неопределенность и создает риски нарушения прав личности. К примеру, О.С. Морозова указывает на необходимость четкого законодательного закрепления критериев возникновения подозрения, чтобы минимизировать возможность злоупотреблений со стороны органов предварительного расследования[3].

Таким образом, институт подозрения, как ключевой символ уголовного процесса России, занимает центральное место в системе уголовно-процессуального права. Подозрение задает рамки для последующих действий правоохранительных органов, формирует основу для применения мер процессуального принуждения и служит инструментом защиты прав личности.

Однако, несмотря на свою значимость, институт подозрения сталкивается с рядом проблем. Одной из ключевых является неопределенность момента его возникновения. В российской практике этот момент часто связывается с формальным возбуждением уголовного дела или задержанием лица, однако фактическое подозрение может возникнуть еще до этих действий. Данное обстоятельство создает ситуацию правового вакуума, когда лицо фактически находится под подозрением, но не имеет процессуальных гарантий. Еще одной проблемой является недостаточная регламентация критериев формирования подозрения. Законодательство не содержит четких указаний на то, какие доказательства или обстоятельства могут служить основанием для выдвижения подозрения, что приводит к субъективизму в действиях правоохранительных органов.

В этой связи, перспективы развития института подозрения связаны с необходимостью его дальнейшего совершенствования как в нормативно-правовом, так и в практическом аспектах. Одним из возможных направлений является разработка четких критериев формирования подозрения и закрепление их в законодательстве. Данное обстоятельство позволит минимизировать риски необоснованного привлечения лиц к уголовной ответственности. Также важно обеспечить более строгий контроль за действиями правоохранительных органов на стадии предварительного расследования, чтобы исключить случаи злоупотреблений и нарушения прав личности. Кроме того, следует активнее внедрять международные стандарты в национальное законодательство, чтобы повысить уровень защиты прав подозреваемых. Для наиболее детального рассмотрения представленных аргументов, была сформирована таблица (см. таблицу).

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Институт подозрения действительно играет ключевую роль в уголовном процессе России, обеспечивая его эффективность и справедливость. Он выполняет важные функции как с точки зрения защиты общественных интересов, так и с позиции обеспечения прав личности. Однако существующие проблемы в его реализации требуют принятия мер по совершенствованию нормативной базы и практики применения. Устранение правовых пробелов и адаптация национального законодательства к международным стандартам позволят укрепить институт подозрения как основополагающий символ уголовного процесса России.

Итак, институт подозрения является неотъемлемым элементом российской системы уголовного судопроизводства. Его дальнейшее развитие должно быть направлено на обеспечение баланса между эффективностью уголовного преследования и соблюдением прав личности.

[1] Смолькова И.В. Понятие и сущность подозрения в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2023. №2. С. 178.
[2] Шелягина О.А. Место и значение подозрения в уголовном процессе // Молодой ученый. 2019. № 18 (152). С. 259.
[3] Морозова О.С. Процессуальная природа подозрения в уголовном судопроизводстве // КриминалистЪ. 2022. №4 (41). С. 89.

Таблица

Анализ института подозрения как основополагающего символа уголовного процесса

Аспект	Подтверждение	Опровержение
Процессуальная отправная точка	Подозрение задает направление следственных действий и обеспечивает оперативность реагирования	Подозрение формируется на основе предположений без достаточного доказательного обоснования
Гарантии прав личности	Статус подозреваемого предоставляет лицу комплекс процессуальных прав	Отсутствие четких критериев возникновения подозрения лишает лицо возможности своевременно защитить себя
Баланс интересов	Подозрение обеспечивает баланс между интересами общества и правами личности	Возможности для злоупотреблений со стороны правоохранительных органов нарушают этот баланс

Туваева Анна Сергеевна[1]

курсант 2 курса факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии МВД России

Tuvaeva Anna Sergeevna

2nd year cadet of the faculty of training specialists in the investigation of economic crimes Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: atuvaeva@internet.ru

Георгиевская лента: от символики проекта «Наша Победа» до одного из официальных символов воинской славы России, международный аспект

George's ribbon: from the symbolism of the "Our Victory" project to one of the official symbols of Russia's military glory, the international aspect

Аннотация. За двадцать лет Георгиевская лента эволюционировала от символики некоммерческого проекта до одного из официальных символов воинской славы России, вышла на международный уровень использования. Однако, используя фикции и пробелы в национальном праве, в некоторых странах она находится под запретом. На примере ряда стран попытаемся понять, что не так с точки зрения юридической техники в этих запрещающих правовых актах.

Ключевые слова: символ, символика, победа, воинская слава, право, юридическая техника

Annotation. Over the past twenty years, the George’s Ribbon has evolved from the symbolism of a non-profit project to one of the official symbols of Russia's military glory, and it has gained international recognition. However, due to the use of fictions and gaps in national law, it is prohibited in some countries. In this article, we will explore the legal technicalities behind these prohibitions in several countries.

Keywords: symbol, symbolism, victory, military glory, law, legal technology

Для цитирования: Туваева А.С. Георгиевская лента: от символики проекта "Наша победа" до одного из официальных символов воинской славы России, международный аспект // Юридическая техника. – 2025. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 964–967.

В современной России широкое распространение в качестве неофициального символа памяти о подвиге нашего народа в годы Великой Отечественной Войны Георгиевская лента получила в 2025 году. В рамках развития интернет-проекта «Наша победа» журналистами РИА Новости и членами «Студенческой общины» г. Москвы был инициирован проект по раздаче россиянам Георгиевской ленты[2]. Одна из основных целей проекта - в использовании унифицированного уникального символа Победы в год ее шестидесятилетия различными социально-демографическими слоями населения для напоминания каждому россиянину о великом подвиге нашего народа.

Однако уж в 1769 году георгиевская лента (не как символ, а как сочетание цветов ленты) официально была обозначена в статуте ордена Святого Георгия, которым награждали за особо мужественные поступки, появилось описание самой ленты, на которой закреплялся сам знак ордена. Символично, что чередующиеся цвет порохового дыма и огня сражения (а именно такая аллегория использовалась разработчиком ордена), перекликались с цветами государственного герба Российской империи – черного орла на золотом фоне.

[1] Научный руководитель: *Русаков Михаил Иванович* – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права.

[2] "Георгиевская ленточка": история акции. // РИА НОВОСТИ: сайт. URL: https://ria.ru/20070424/64257206.html (дата обращения: 31.08.2025).

В 1807 году для низших чинов армии был учрежден Знак отличия Военного ордена Святого Георгия (так называемый солдатский Георгиевский крест), он тоже носился на ленте аналогичных цветов. При изменении статута знака отличия Военного ордена в 1913 году желтая полоса была заменена на ставшую привычную нам оранжевую. (с точки зрения геральдических правил желтый и оранжевые цвета одинаково отображают суть золотого фона)[1].

В советские годы лента с историческими цветами официально появилась на знаменах гвардейских частей и использовалась при обтягивании колодок ордена Славы, медали «За победу над Германией», ряда других наград.

С 2005 года география акции «Георгиевская лента» расширилась до десятков стран мира, в акции ежегодно принимают участие десятки миллионов людей, Георгиевская лента как символ Победы используется на занятиях по гражданско-патриотическому и духовному воспитанию в государственных и религиозных образовательных организациях, министерствах и ведомствах[2].

Возможно такая популярность и закрепление в сознании людей Георгиевской ленты как важного символа Победы вкупе с пробелами в российском праве по ее статусу, режиму использования и стали основанием для разработки и дальнейшего принятия в соответствии со всеми принципами юридической техники. в связи с большим неопределенным кругом лиц, для которых этот символ стал столь важным в их жизни, Федерального закона от 29.12.2022 №579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3], определившего официальный статус Георгиевской ленты как символа воинской славы России, закона, по которому использование Георгиевской ленты теперь законодательно регламентировано.

От краткой исторической справки перейдем к основному целевому посылу статьи – выявлению существующей правовой проблематики по отношению к официальному символу воинской славы России на международном уровне.

Из официального символа воинской славы России, символа Великой победы нашего многонационального народа в Великой Отечественной войне, недружественные нам государства, игнорируя общепринятые правовые международные принципы, игнорируя собственное законодательство, умаляя права своих и чужих граждан, внося порою раскол в общество[4] в погоне за благодарностью от западных «кураторов», пытаются сделать символ российской агрессии, использование которого запрещено, безосновательно де-юре ставя этот символ в один ряд с нацистской символикой, осужденную международным судом (Нюрнбергский трибунал, 1946 год). При чем речь идет как о прямом законодательном запрете, так и о косвенных, когда подменяются понятия и Георгиевская лента рассматривается в рамках давно принятого действующего законодательства по запрету символов тоталитарных государственных систем, хотя официального признания символом тоталитарной системы лента не имеет, либо ее ношение наказывается как отрицание, постановка под сомнение и оправдание геноцида[5].

Символ воинской славы России, символ Великой Победы, за которую наш народ заплатил десятками миллионами погибших людей, законодательно поставлен на один уровень с символами тех, кто начал эту войну, кто уничтожал целые народы Европы, Азии, Африки, неся с собой идеологию верховной расы. Такое отношение к Георгиевской ленте, как ее запрет, не имея под собой правовых или иных обоснований, имеет политическую подоплеку, ведь через искоренение тех или иных символов можно переписывать историю, фальсифицировать ее, менять прошлое в настоящем[6], менять траекторию развития в будущем.

«Окно Овертона»[7] открыто через апробацию подобного запрета, правовые и иные последствия в будущем могут коснуться миллионов и миллиардов жителей Земли, которые могут просто попасть под запрет, что сейчас и происходит в секторе Газа – одно государство запретило жителям другого государства находиться на своей исторической родине. Подмена символики, фальсификация истории, забытая память предков позволяет в итоге даже в XXI веке безнаказанно сжигать заживо людей, как это произошло в Одесском доме профсоюзов.

---

[1] Георгиевская лента: история сквозь века. // Президентская академия: сайт. URL: https://spb.ranepa.ru/news/georgievskaya-lenta-istoriya-skvoz-veka/ (дата обращения: 02.09.2025)

[2] Балковая, В. Г. Роль Георгиевской ленты в государственно-патриотическом воспитании прокурорских работников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – №4 (96). – С. 69–77.

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2022 года № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-дерации» // Российская газета. – 2023. – 9 января.

[4] Гамова, С. Гагаузия отменит молдавский закон о запрете Георгиевской ленты. Санду расколола общество перед Днем Победы // Независимая газета. 2022. 21 апреля.

[5] Борющиеся с «российским влиянием»: в каких странах запретили символику Дня Победы. // Readovka: сайт. URL: https://dzen.ru/a/ZjxwWZ50uRlj83xQ (дата обращения: 03.09.2025)

[6] Сорокина, М. А. Прошлое, как предмет символической политики. Зачем политики стремятся контролировать прошлое? // Образование и право. 2022. № 5. С. 31–35.

[7] От социального прогресса до манипуляции сознанием: как работает окно Овертона? // Forbes: сайт. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/488681-ot-social-nogo-progressa-do-manipulacii-soznaniem-kak-rabotaet-okno-overtona (дата обращения: 05.09.2025).

Согласно правилам юридической техники, любые правовые акты, включая законы, должны подчиняться общепринятым принципам. Полагаем, что запрет использования Георгиевской ленты в ряде стран вряд ли соответствовал принципу научности, так как налицо отсутствие соответствия существующим общественным и иным реалиям, отсутствует накопленный опыт и причинно-следственные связи с реалиями действительности, не доказана связь разрешения использования Георгиевской ленты с какими-либо негативными процессами в стране. в том числе в политико-правовой сфере[1] .

С нашей точки зрения не соблюден и принцип демократизма, ведь их принятие не соответствовало основным идеям гражданского общества этих стран. Мы не видим и принципа гуманизма – ведь запрет символа воинской славы России в других странах поставил конъюнктурные интересы ряда политиков выше общечеловеческих ценностей и права человека на выражение своего отношения к великим памятным датам.

Принцип системности, как мы полагаем, тоже был нарушен, так как эти законы «вырваны» из общего контекста законодательства этих стран по отношению к различным военным операциям в разных странах мира. И по отношению к официальным символам других государств – тоже.

Принцип профессионализма мы также позволим себе поставить под сомнение – на основании какого жизненного опыта разработчики взаимоувязали ношение Георгиевской ленты с осуждаемыми ими мерами Российского государства по защите своих территорий и жителей в зоне проведения специальной военной операции?

В правотворчестве по данному вопросу, по общепринятой логике и правовым традициям, должно было принять большое число различных субъектов права, особенно из числа общественных организаций, ведь перед юридическим закреплением на уровне закона страны необходимо было подтверждение насущности и потребности различных страт общества в подобном запрете[2].

Многие теоретики права считают правотворческий процесс многоуровневым процессом познания и оценки правовых потребностей общества, обязательной частью которого является изучение и подробный системный анализ общественных и общественно-политических явлений, которые требуют своевременного нормативно-правового закрепления[3]. Полагаем, что при разработке подобных законов эта часть процесса, особенно про оценку потребностей общества, была пропущена.

Как же граждане этих стран, в которых законодательно или неофициально введен запрет на использование Георгиевской ленты могут отстаивать свои права? На первый взгляд – можно обратиться в комитет ООН по правам человека, ведь юридически такой запрет является дискриминационным[4]. Но мы понимаем, что такое обращение требует особых знаний и подготовки. Более простой способ – обращение в европейский суд по правам человека. И такие обращения уже были, в частности - жалоба украинского гражданина Ю. Борзых на нарушение его прав ввиду действующего в стране запрета на ношение георгиевской ленты в общественных местах (дело 11575/24). Мы понимаем, что в рамках русофобских настроений ряда европейских стран подобное обращение не рассматривалось беспристрастно. Итогом стало «закономерное» ее отклонение по формальным признакам, так как истец не сумел доказать, что его нарушенные права, гарантированные Европейской конвенцией о защите прав человека, дискриминация по этническому принципу не привели к серьёзному вмешательству в его частную жизнь и не привели к моральным страданиям. То есть жалоба, как мы полагаем, рассматривалась изначально ангажировано, без подробного исследования фактов, проведения экспертиз и т.п.

Увы, в современных реалиях нагнетаемой русофобии, обращения в национальные суды также не приносят эффекта, даже если в суд обращаются не просто граждане, а депутаты парламента. Депутаты парламента обратились в молдавский Конституционный суд, посчитав неконституционным дополнение статьи КоАП, по поводу наказаний за ношение "знаков, используемых в контексте военной агрессии, военных преступлений и преступлений против человечности», к которым законопроект относил и Георгиевскую ленту. Суд отклонил жалобу, не рассматривая ее по существу, на основании лишь того, что законопроект еще не принят в последнем чтении[5] (хотя мы все понимаем, что последнее чтение – правовая формальность, некая фикция права и все поправки уже учтены), фактически «развязав руки» правящему большинству, для которого европейские «ценности» дороже традиций страны. Опять пресловутый формальный «закономерный» итог, попирающий, по нашему мнению, техники правотворчества и судопроизводства.

Отдельно стоит отметить, что запреты появляются и вне отдельных государств и политических систем. Георгиевская лента запрещена и во время проведения международных спортивных соревнований, к которым допущены российские спортсмены, в том числе в статусе нейтральных, в частности речь идет о запрете демон-

---

[1] Яловенко, Т. В. Юридическая техника : учебное пособие / Т. В. Яловенко. –Волгоград : ВА МВД России, 2022 – 88 с.

[2] Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001 С. 98

[3] Бойко С. В., Коннов Р. А. Понятие правотворчества // Cooloquium-journal. 2019 № 15 (39). С. 15–16.

[4] Юрист назвал дискриминацией запрет на георгиевскую ленту и российский флаг. // RG.RU: сайт. URL: https://rg.ru/2022/05/11/iurist-nazval-diskriminaciej-zapret-na-georgievskuiu-lentu-i-rossijskij-flag.html (дата обращения: 06.09.2025).

[5] Депутаты парламента Молдавии повторно оспорили в суде запрет на георгиевскую ленту. // ТАСС: сайт. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14538801 (дата обращения: 06.09.2025)

страции Георгиевской ленты, введенном в 2025 года Международной гимнастики[1], несмотря на то, что введение подобных запретов не входит в полномочия федерации, да и спорт должен оставаться вне политики.

Но несмотря на все эти странные правовые коллизии, пробелы, фикции, софистику и дихотомию при применении тех или иных статей зарубежного и международного законодательства при вопросах запрета Георгиевской ленты, память о подвиге нашего народа живет в сердцах россиян и иностранцев, правовые препоны не могут, да и не должны прошлое. Символ воинской славы нашей страны, символ Великой Победы над фашизмом выше судебных разбирательств и законодательных запретов. Так, по итогам 2025 года, в юбилейной двадцатой, ставшей международной, акции «Георгиевская лента» участвовало чем 8000 точек по ее раздаче в 50 странах мира на разных континентах, в том числе присоединившихся к ней впервые[2]. Ведь кроме официального символа воинской славы России, лента является символом Победы в войне, страшные последствия которой затронули сотни миллионов жителей Земли, символом сопротивления нацизму и диктаторству, а ее девиз – «Я помню. Я горжусь» - неофициальным символом немеркнущей памяти о героизме освобождавших мир от фашизма.

[1] Российским гимнастам запретили георгиевскую ленту, но разрешили вернуться на мировую арену. Что получили и что потеряли наши спортсмены? // Общественная служба новостей: сайт. URL: https://www.osnmedia.ru/sport/rossijskim-gimnastam-zapretili-georgievskuyu-lentu-no-razreshili-vernutsya-na-mirovuyu-arenu-chto-poluchili-i-chto-poteryali-nashi-sportsmeny/ (дата обращения: 06.09.2025)

[2] Акция «Георгиевская ленточка» охватила десятки стран. // Русский мир: сайт. URL: https://russkiymir.ru/news/335957/ (дата обращения: 06.09.2025)

Тургалиева Роза Дониёровна[1]

слушатель факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии Министерства Внутренних дел Российской Федерации

Turgalieva Roza Donierovna

Student of the Faculty of training spesialists in the investigation of economic crimes Nizhny Novgorod Academy Ministry of Internal Affairs Of the Russian Federation

E-mail: 12345678roza7@gmail.com

Символы доверия и легитимации в предварительном следствии по делам о международных экономических преступлениях

Symbols of trust and legitimacy in the preliminary investigation of international economic crimes

Аннотация. в статье рассматриваются основные показатели, демонстрирующие взаимопонимание между следственными органами по делам о международных экономических преступлениях различных государств, заинтересованных в привлечении преступников к ответственности.

Ключевые слова: экономическая направленность, политика, доверие, иностранные граждане, организованная преступность

Annotation. The article examines the main indicators that demonstrate mutual understanding between the investigative bodies of various countries involved in international economic crimes and interested in bringing the perpetrators to justice.

Keywords: economic focus, politics, trust, foreign citizens, organized crime

Для цитирования: Тургалиева Р.Д. Символы доверия и легитимации в предварительном следствии по делам о международных экономических преступлениях // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород. 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ,2026. С. 968–971.

Совершение преступлений иностранными гражданами на территории одного государства является большой проблемой для правоохранительных органов, поскольку требуются усилия в их розыске, связь с иными государствами, чьи граждане являются подозреваемыми или обвиняемыми в совершении преступлений. Однако международная преступность, то есть включающая в себя как граждан различных государств, так и разные территории, на которых происходят преступления, требует наибольшего внимания, ресурсных затрат и взаимопомощи, поэтому стоит рассмотреть процесс обмена информацией между государствами для расследования международных экономических преступлений, в которых имеются символы доверия и легитимация.

Для начала отметим, что символы доверия и легитимация необходимо характеризовать как действия, институты и иные инструменты, использующиеся странами для подтверждения их взаимоуважения и взаимопомощи, преследующие цель в контексте нашего исследования – привлечение к ответственности за преступные действия.

Итак, экономический сектор обладает запутанными финансовыми потоками, которые преступники пытаются тщательно скрыть, чтобы иметь представление о действиях организованных групп (а как правило, международные преступления совершаются именно двумя или более лицами с устойчивыми связями). В связи с этим между странами необходимы выстроенные взаимоконтакты.

Низкий уровень риска и высокая прибыль, связанные с экономическими преступлениями, делают их очень привлекательными для организованных преступных группировок. Вероятность того, что мошенничество будет раскрыто и виновные привлечены к ответственности, невелики из-за сложности расследо-

[1] Научный руководитель: *Саакян Артём Григорьевич* – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России

вания. Это особенно актуально для случаев мошенничества, которые можно раскрыть только благодаря международному сотрудничеству, а также для преступлений в интернете, для которых необходимо установить юрисдикцию.

В качестве международных экономических преступлений следует выделить:

Мошенничество в сфере страхования — это обман частных и государственных страховых компаний. Организованные преступные группировки всё чаще участвуют в мошеннических схемах, нацеленных на системы здравоохранения.

Мошенничество с пособиями направлено на получение социальных и трудовых пособий и тесно связано с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов.

Мошенничество с субсидиями ЕС — это когда преступники подают мошеннические заявки на получение грантов или участие в тендерах ЕС. Как правило, такие заявки основаны на ложных декларациях, отчётах о проделанной работе и счетах-фактурах.

Сговор на торгах — это когда преступные группировки дают взятки, чтобы получить информацию или напрямую повлиять на оценку заявок и выиграть тендер на оказание государственных услуг, конкурируя с легальными компаниями. Этот вид манипуляций особенно распространен в сфере энергетики, строительства, информационных технологий и утилизации отходов.

Мошенничество с кредитами и ипотекой заключается в том, что мошенники используют поддельные документы для получения банковских кредитов, которые никогда не возвращаются.

Организованные преступные группировки, действующие на международном уровне, извлекают выгоду из различий в национальном законодательстве. Индивидуальные и организационные факторы уязвимости, такие как недостаточная осведомлённость жертв и низкая оценка рисков целевыми группами, способствуют совершению большинства видов мошенничества.

В предварительном следствии процесс привлечения к ответственности лиц является энерго- и ресурсозатратным, так как следует обосновать наличие признаков состава преступления, а также обозначить доказательственную базу, указывающую на конкретных субъектов преступлений.

На наш взгляд, при взаимодействии нескольких государств в расследовании преступлений экономического характера необходимо обусловить, какие страны и на каких условиях будут привлекать к ответственности виновных лиц, то есть может возникнуть конфликт юрисдикций[1], под которым понимается ситуация, когда в компетенции двух или более юрисдикционных органов различных государств одновременно оказываются правомочия на рассмотрение одного и того же спора.

Конфликт юрисдикций осложняется следующими практическими событиями:

- алогические решения;
- затягивание процесса привлечения к ответственности;
- споры между национальными судами за вынесение приговора обвиняемому в преступлении лицу/лицам;
- дальнейшая отмена решений вышестоящими судами, в том числе на международном уровне.

Однако в рассматриваемом случае важно отметить, что для привлечения к ответственности будут задействованы национальные суды, исходя из территориальности совершенных преступлений, а также граждан государств, которыми были они совершены.

Как правило, результат достигается путем переговоров и происходит экстрадиция граждан странами, на территории которых были задержаны преступники, чтобы они понесли наказание там, где находится потерпевшая сторона[2].

К примеру, соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью[3]. В документе содержится информация о следующих положениях:

- направления сотрудничества (по каким преступлениям страны будут вести совместные мероприятия)
- формы сотрудничества (розыск лиц, обмен информацией о готовящихся преступлениях и иное)
- запросы об оказании содействия (при сборе характеризующего материала и подобное)
- обеспечение безопасности лиц (лица, являющиеся свидетелями, потерпевшими в рамках уголовного дела, а также их родственники, которым может угрожать опасность).

Россия также заключила договор с Китаем «Договор между Российской Федерацией и Китайской народной республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам».

---

[1] Красиков Д. В. Юрисдикционные коллизии в международном правосудии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2023. №3.

[2] Баршова, О. А. Экстрадиция как международно-правовая категория / О. А. Баршова, А. А. Стрелкова // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 117-4. – С. 19-21.

[3] Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Беларусь о направлениях торгово-экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 27.02.1996г. // Бюллетень международных договоров . 2008. N 4. С. 77 - 81. [электронный доступ] https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47717/

На наш взгляд, заключение соглашений также указывает на доверие и легитимацию между странами в вопросах сотрудничества в рамках расследования и привлечения к ответственности лиц, являющихся международными преступниками по уголовным делам экономической направленности.

Стоит отметить, что в мире свою деятельность осуществляет Международный уголовный суд, однако его юрисдикция распространяется на масштабные преступления, включающие в себя военные или против человечности. Международного суда по экономическим преступлениям не существует, поэтому привлечение к ответственности по экономическим преступлениям зависит от договоренностей стран.

Итак, в качестве символов доверия и легитимации между странами можно обозначить следующие критерии, имеющие значение для стран при совместном расследовании совершенных экономических преступлений либо имеющих с ними связь:

1. Соблюдение процессуальных норм, среди которых право на защиту, на справедливость и непредвзятость судебного разбирательства.

2. Обоснованность действий уполномоченного лица в одном государстве по отношению к гражданам другого государства.

3. Отсутствие давления на уполномоченных к расследованию лиц со стороны политики.

В качестве показателя доверия между государствами могут создаваться совместные следственные группы, именуемые Joint Investigation Teams, которые будут взаимодействовать при проведении следственных и процессуальных действий для установления причастности лиц к совершенным преступлениям.

Ярким примером является операция, направленная на привлечение к ответственности лиц, специализирующихся на хищениях денежных средств, граждан двух государств под предлогом участия в торговле на сырьевых рынках и фондовом рынке.

При взаимодействии следственных органов были проведены порядка 80 обысков и задержаны 60 человек, которые организовали преступную деятельность на территории России и Беларуси. По итогам взаимодействия были изъяты 30 миллионов рублей и 23 миллиона в иностранной валюте.

В нашей стране уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, находится в производстве Следственного департамента МВД России. В Беларуси уголовное дело о мошенничестве возбуждено Следственным комитетом. Расследование осуществляется в рамках международной следственно-оперативной группы.

Это является ярким примером международного сотрудничества в расследовании международных экономических преступлений и доверии между следственными органами двух стран.

Однако следует отметить и негативные моменты, которые могут возникать при расследовании международных экономических преступлений. Похитившие в России денежные средства на сумму 87 миллиардов рублей братья Ананьевы и их подельник Плиев были арестованы на Кипре и переданы России, также Кипрский суд удовлетворил ходатайство и арестовал счета указанных лиц. Подельник перечисленных Пидлужный является гражданином Украины и из-за политических мотивов не был выдан России, соответственно не мог быть привлечен к ответственности[1].

В качестве вывода данного примера следует отметить, что политическая обстановка между странами имеет большое значение и доверие между правоохранительными органами, к сожалению, зависит от взаимоотношений между главами государств, политического настроения.

В качестве положительного момента в последнем примере следует указать на власти и правоохранительные органы Кипра, которые не только помогли задержать преступников и обеспечить их сопровождение в Россию для привлечения к ответственности, но также арестовать счета виновных в преступлении лиц для дальнейшей передачи нашему государству в рамках расследования уголовного дела.

В Российской Федерации в 1996 году также был заключен многосторонний договор, именуемый как «Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере экономики», в списке стран, подписавших документ, находятся[2]:

- Азербайджан
- Армения
- Беларусь
- Грузия
- Казахстан
- Кыргызстан и еще 4 страны, подписавшие с Россией указанное соглашение.

До 2023 года в соглашении также была заявлена Украина, однако её представителем было заявлено, что с изменением обстоятельств Украина в одностороннем порядке прерывает соглашение с Росси-

[1] Кипрский суд арестовал активы Ананьевых и их жён на 267 миллионов евро. Новости «Интерфакс» https://www.interfax.ru/business/739699 [электронный ресурс], (дата обращения 08.10.2025)

[2] Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере экономики от 12.04.1996 //Бюллетень международных договоров октябрь 1996, №10, стр. 3 – 6 [электронный доступ] https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/52057/

ей и иными странами о борьбе с преступлениями в сфере экономики[1]. И снова политическая ситуация, на наш взгляд, повлияла на уровень доверия и легитимации между странами.

Возвращаясь к соглашению, отметим, что в нем содержится 16 статей с положениями о сотрудничестве между странами на международном уровне с целью выявления, пресечения и расследования преступлений экономической направленности. В частности, сотрудничество осуществляется следующим образом:

- обмен информацией по вопросам борьбы с экономической преступностью;
- обмен опытом;
- содействие в подготовке и повышении квалификации кадров;
- организации совместных научных исследований.

В целом, на международном уровне обозначенные страны проводят тесное сотрудничество и обмен информацией между правоохранительными органами для достижения целей, указанных в соглашении.

Итак, символом доверия выступают подписанные между представителям стран соглашения о взаимопомощи в борьбе с экономическими преступлениями на международном уровне.

Таким образом, символами доверия и легитимации между органами следствия при расследовании международных экономических преступлений выступают взаимоотношения между государствами, которые могут быть выражены взаимными соглашениями и договорами, обоснованностью действий должностных лиц по розыску и привлечению к ответственности иностранных граждан, а также отсутствием политических рамок, негативно влияющих на раскрытие преступности в наши дни.

При доверительных взаимоотношениях между странами возможно бороться с преступностью различными способами, согласовывая действия между следственными и правоохранительными органами на современном этапе, привлекая виновных лиц к ответственности с помощью доказательств, которые также могут быть переданы между странами.

[1] Украина вышла из соглашения с Россией о борьбе с преступлениями в экономике [электронный доступ]https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/52057/

Феоктистов Павел Алексеевич

аспирант 3 года обучения юридического факультета Тверского государственного университета , индивидуальный предприниматель

Feoktistov Pavel A.

is a 3-year postgraduate student at the Faculty of Law of Tver State University, Individual entrepreneur

E-mail: feoctistov.pavel.alx@xmail.com

Символика в архитектуре и дизайне многоквартирных жилых домов в контексте конституционной свободы творчества

Symbolism in architecture and design of apartment buildings in the context of constitutional freedom of creativity

Аннотация. В статье представлена конституционно-правовая оценка существующих юридико-технических возможностей реализации конституционного права на свободу творчества при создании символики в архитектуре и дизайне многоквартирных жилых домов.

Ключевые слова: Конституция РФ; конституционное право на жилище, конституционное право на свободу творчества, юридическая конструкция, юридическая техника, символика, дизайн, архитектура, синтез

Annotation. The article presents a constitutional and legal assessment of the existing legal and technical possibilities of realizing the constitutional right to freedom of creativity when creating symbols in architecture and design of apartment buildings.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; constitutional right to housing, constitutional right to freedom of creativity, legal construction, legal technique, symbolism, design, architecture, synthesis

Для цитирования: Феоктистов П.А. Символика в архитектуре и дизайне многоквартирных жилых домов в контексте конституционной свободы творчества // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехне-тика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 972–974.

Свобода творчества. Сколько возвышенных и высококультурных ассоциаций вызывает у обывателя это словосочетание. Однако для юриста, правоведа и наиболее компетентного с правовой точки зрения правопользователя[1] свобода творчества-отнюдь не фигура речи, а юридико-технически состоятельное, прежде всего конституционное право, предоставляющее каждому человеку в российской правовой и социальной действительности комплексную трёхсоставную, сложноподчинённую юридико-конструктивную «базу» обеспечения названного права.

Исходя из юридико-технического «форм-фактора» конституционного права на свободу творчества, имеющего место в рамках статьи 44 Конституции Российской Федерации[2] (далее-Конституция РФ), такое право предоставляется каждому, вне зависимости от его правового статуса. Однако эта же специфика обуславливает корреспондирующую обязанность, опять же, каждого заботиться, беречь и сохранять объекты культурного наследия. Подобная юридически-конструктивно сбалансированная модель предполагает наибольшую степень эффективности правопользования и очевидно преследует цель не только сохранить культуру, творчество и их «плоды» как материальные, таки нематериальные, но и обеспечить доступ для каждого к этим достижениям человеческой культуры.

Однако, вопреки предполагаемо привычным формам творчества, объектам культурного наследия и прочим «плодам» пользования исследуемым правом в актуальной отечественной правовой и правоприменительной действительности существует такой комплекс форм реализации права на свободу творчества как символика в архитектуре и дизайне многоквартирных жилых домов. Актуальность некой синте-

[1] Крусс, В. И. Теория конституционного правопользования / В. И. Крусс. – Москва: Инфра-М, 2007. – 752 с. – Текст: электронный.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС КонсультантПлюс. 2025. – Текст: электронный.

тической корреляции права на свободу творчества с правом на жилище в их конституционно-правовым выражении обуславливает объективно всеобъемлющая сущность обоих прав. Именно право на жилище в своей конструктивной идентичности в юридико-техническом «симбиозе» с правом на свободу творчества порождает правовую основу отношений по поводу символики в архитектуре и дизайне многоквартирных жилых домов. Почему именно многоквартирные жилые дома были востребованы в рамках настоящего исследования? Ответ заключается в том, что реализация описанных прав в рамках жилого дома, не являющегося многоквартирным, общежитием и прочей формой совместного пользования таковым большого числа людей во многом упрощает такое комплексное правопользование. Так, например, собственник так называемого «коттеджа» единолично сможет решить вопросы внешнего вида, технических характеристик такого объекта недвижимости. В случае же с многоквартирным жилым домом действующее жилищное законодательство[1], опосредующее названные конституционные нормы, предполагает методологическую основу в формате учёта прав и законных интересов всех жителей такого дома.

Внешний вид и возможность использования символики в архитектуре и дизайне многоквартирного дома предполагается в двух случаях: при строительстве дома, когда застройщик в своей свободе творчества ограничен нормами кодифицированного градостроительного законодательства[2], а также в ходе эксплуатации жителями дома, пользователями нежилых помещений дома общего имущества многоквартирного дома, к которому в соответствии с жилищным законодательством[3], относится: фасад, кровля, лестничные клетки, которые по своей сути и являются объектами реализации права на свободу творчества. Представляется правильным установить, что вторая форма правопользования непосредственно жителями такого дома в наибольшей степени отвечает их праву на свободу творчества в конституционном воплощении и качественном эквиваленте, поскольку несмотря на установленные всё тем же Жилищным кодексом РФ[4] нормами о согласовании со всеми собственниками помещений многоквартирного дома любого воздействия на общедомовое имущество, такая форма творчества в наибольшей степени может отвечать интересам граждан-пользователей правом на жилище в рамках отдельно взятого многоквартирного дома.

В качестве примера такого специфического правопользования синтезом права на свободу творчества и права на жилище предлагается рассмотреть ряд многоквартирных жилых домов, расположенных в г. Твери и на фасадах которых нарисованы граффити. Например, с 2018 г. на многоквартирном доме по адресу: г. Тверь, Смоленский переулок, д. 32 располагалось граффити с портретом Александра Исаевича Солженицына, приуроченное к 100-летию со дня рождения писателя. Портрет сопровождался подписью «жить не по лжи», отсылающей к публицистическому эссе автора. Факт такой реализации права на свободу творчества встретил критику со стороны жителей дома, которые в установленном жилищным законодательством порядке своё согласие на граффити не давали. В результате управляющей компанией было проведено ни одно собрание собственников помещений дома, в результате которых было принято решение с требуемым кворумом об удалении граффити с фасада дома[5]. Стоит отметить, что предусмотренный гражданским и жилищным законодательством юридический механизм общего собрания собственником является одной из немногих предтечей к защите нарушенного права на жилище и недопущения его нарушения. О его сущности и важности для такой защиты права на жилище проведено множество исследований[6][7].

Органы публичной власти г. Твери проводят встречи[8] с известными «художниками-граффитистами» в целях согласования и выделения для реализации их права на свободу творчества конкретных многоквартирных домов и иных сооружений и зданий, что, безусловно, учитывает мнение жителей таких домов, подтверждённое протоколом общего собрания собственников. В свою очередь, в г. Москве есть установленный порядок согласования нанесения граффити в том числе на фасад многоквартирного до-

---

[1] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. N 188-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. 2025. – Текст: электронный.

[2] «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС КонсультантПлюс. 2025. – Текст: электронный.

[3] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. N 188-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. 2025. – Текст: электронный.

[4] Там же.

[5] Решение о судьбе граффити на стене дома на Смоленском переулке примут собственники жилья. [Электронный ресурс] URL: https://www.tver.ru/about/info/news/35474/ (дата обращения 15.09.2025 г.). – Текст: электронный.

[6] Соболев, К. В. Правовая природа решения общего собрания собственников недвижимости / К. В. Соболев, А. А. Овчинников // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 9-1. – С. 271-279. – Текст: электронный.

[7] Акманов, Д. Р. О правовом статусе общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме / Д. Р. Акманов // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 25. – С. 22-28. – Текст: электронный.

[8] В Твери художника сначала оштрафовали, а затем предложили места для граффити. [Электронный ресурс] URL: https://tvernews.ru/news/244002/ (дата обращения 15.09.2025 г.). – Текст: электронный.

ма, что создаёт «процессуальное окно возможностей» для художников, не желающих совершать административное правонарушение, предусмотренное статьями 7.17, 20.1 КоАП РФ[1].

Однако есть и так называемая «положительная динамика» такого «синтетического правопользования» правом на жилище и на свободу творчества в контексте обозначенной ранее региональной специфики. Так, например, в том же г. Твери в 2025 г., по инициативе телеканала «Спас» на многоквартирных домах по адресам: Тверской пр-т, д. 13, ул. Новоторжская, д. 8 были созданы муралы с изображениями священномученика Фаддея, тверского архиепископа, и святого князя Михаила Тверского. Здесь следует выделить особую конструкцию правопользования, поскольку субъектом права на свободу творчества выступает не житель многоквартирного дома, а лицо, не имеющее правовой связи с таким домом, реализуя собственное право, однако эта реализация противопоставлена праву на жилище граждан, проживающих в этом доме. Однако в данном случае в связи с соблюдением установленного позитивными нормами права порядка согласования нанесения граффити (муралов) на фасады представленных домов, символика в дизайне этих домов стала тем самым искомым в настоящем исследовании синтезом конституционного права на жилище с правом на свободу творчества. Имеет значение и конкретные изображения православного святого и архиепископа, которые являются в прямом смысле символами, а именно-символами православной веры, доступ к лицезрению которых обеспечен именно «на стыке» конституционных прав различных правопользователей. Именно такой конституционно-предопределённый, юридико-технически состоятельный и достоверный формат правопользования и правоприменения позволяет достигать именно конституционно-провозглашённых форм обеспечения прав с учётом всех юридико-конструктивным, отчасти цивилистическим, процессуальным «барьерам» для символов в творчестве.

[1] "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. 2025. – Текст: электронный.

Цветков Валентин Викторович

научный стажер Юридического института (Санкт-Петербург)

Tsvetkov Valentin Viktorovich

Research intern at the Law Institute (Saint Petersburg)

E-mail: tsvetkov-val@mail.ru

Символы в наднациональном праве Евросоюза

Symbols in the supranational law of the European Union

Аннотация. В статье рассматриваются различные правовые символы Европейского союза как наднационального публично-правового образования, а именно официальные символы (флаг, девиз, гимн, евро), символы в сфере охраны труда и символы маркировки (CE). Каждая группа символов детально описывается с точки зрения значимости применительно к целям построения наднационального союза. Официальные символы подчеркивают важность общеевропейского единства, укрепляют деловые и культурные связи между различными народами, населяющими Европу, мотивируют участвовать в общеевропейской общественно-политической жизни и воспользоваться возможностями единого экономического пространства. Символы охраны труда повышают уровень осведомленности работников относительно способов и правил безопасности выполнения трудовой деятельности, способствуют гармонизации правил охраны труда государств-членов и мобильности трудовых ресурсов. Правовые символы в сфере маркировки повышают осведомленность потребителей о качестве и безопасности приобретенного продукта, что также играет важную роль в построении общего рынка, основанного на свободе предпринимательской деятельности на территории всего Союза.

Ключевые слова: правовые символы ЕС, официальные символы, символы маркировки, символы охраны труда, флаг, герб, гимн, евро

Annotation. The article examines various legal symbols of the European Union as a supranational public-law entity, namely official symbols (flag, motto, anthem, euro), symbols in the field of labor protection and symbols of marking (CE). Each group of symbols is described in detail in terms of significance in relation to the goals of building a supranational union. Official symbols emphasize the importance of pan-European unity, strengthen business and cultural ties between the various peoples inhabiting Europe, motivate to participate in the pan-European socio-political life and take advantage of the opportunities of a single economic space. Occupational safety symbols increase the level of awareness of workers regarding the methods and rules for the safety of work, contribute to the harmonization of labor safety rules of the Member States and labor mobility. Legal symbols in the field of labeling increase consumer awareness of the quality and safety of the purchased product, which also plays an important role in building a common market based on freedom of entrepreneurial activity throughout the Union.

Keywords: EU legal symbols, official symbols, labeling symbols, labor protection symbols, flag, coat of arms, anthem, euro

Для цитирования: Цветков В.В. Символы в наднациональном праве Евросоюза // Юридическая техника. – 2026. – № 20. Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехника» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 975–979.

Символ в праве представляет собой «установленный либо санкционированный государством условный знак, обладающий юридическим содержанием, представляющий собой информационно значимый образ, интегрированный в правовую систему и используемый в особом процедурном порядке»[1]. К таковым относятся государственные символы (как правило, это - герб, флаг, гимн), а также другие правовые знаки, среди которых - дорожные знаки, электронные подписи, знаки соответствия и даже абстрактные изображения или образы.

Примечательно, что рассматривая правовые символы в качестве объектов правоотношений, выявляется «отсутствие ярко выраженной отраслевой природы... Достаточно компактный корпус явлений, ассоциируемых в нормативных правовых актах с понятием «символ» (герб, эмблема, флаг, знамя, вымпел, гимн), применяется в нормах как публичного, так и частного права, относится как к публично-правовым образованиям, так и к частным лицам, что впервые позволяет говорить о концепции межотраслевого

[1] Суменков С. Ю. Символ в праве // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: https://bigenc.ru/c/simvol-v-prave-ea4607/?v=7565590 (дата обращения: 09.09.2025).

правового института правовых символов (символов субъектов права), а в перспективе – о соответствующей комплексной отрасли законодательства»[1].

Действительно, правовые символы получают свое распространение в совершенно различных сферах жизнедеятельности, однако использование некоторых из них зачастую строго регламентировано Конституцией либо специальными законами, принятыми в дополнение основополагающих конституционных норм.

Так, государственные символы Российской Федерации - установленные Конституцией Российской Федерации и принятыми в соответствии с ней федеральными конституционными законами отличительные знаки государства, подчеркивающие самобытность, суверенитет, форму правления, тип государственного устройства, национальные ценности. Во исполнение ст. 70 Конституции Российской Федерации принят ряд федеральных конституционных законов, которыми определяется порядок официального использования государственного флага герба и гимна Российской Федерации[2]. Основная цель формирования и использования государственных символов видится в сплочении и единства населения соответствующего государства. Из этого следует и принятие, уважение к собственной истории, культуре, самобытности, а также идентификация себя как граждан суверенного государства со свойственной ему географической, политической, культурной и иной спецификой. Последовательное и корректное использование государственных символов всегда способствует развитию чувства национальной гордости, воспитанию патриотических чувств.

В общепринятом понимании сложилось устойчивое убеждение, что такие символы, как гимн, флаг свойственны именно государствам и регламентируются в основном законе, поэтому их и именуют «государственными». Однако такие символы все чаще используются в различных интеграционных образованиях, в том числе в Содружестве Независимых государств (СНГ), Евразийском экономическом сообществе (ЕАЭС), Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), Совете Европы, Организации объединенных наций (ООН), Организации Североатлантического договора (НАТО). Особое место среди них занимает интеграционное образование особо рода – Европейский союз (ЕС).

Статус Евросоюза как особого наднационального образования следует из особого свойства права ЕС, которое единственное в своем роде способно воздействовать на права и законные интересы неопределенного круга лиц - как в самих государствах-членах, так и даже за его пределами. ЕС обладает также рядом признаков, которые характеризуют его как государство: 1) публичная власть и собственный аппарат публичной власти; 2) территория; 3) население (имеется категория «граждан ЕС»); 4) суверенитет; 5) собственная денежная и фискальная системы, основная роль в которой отводится Европейскому центральному банку; 6) собственная система права ЕС.

Официальными символами Евросоюза принято считать флаг, девиз, гимн и единую валюту (евро).

Как на странно, но свой флаг Евросоюз перенял от другой политической организации – Совета Европы. Со времени своего основания в 1949 г. перед Советом Европы стояла задача отыскать символ, способный олицетворять единение народов европейского континента. Звезды на небесно-голубом фоне образуют круг, олицетворяющий единение. Их двенадцать — число, символизирующее совершенство и изобилие, наводящее на мысль о двенадцати апостолах и двенадцати сыновьях Иакова, двенадцати подвигах Геракла и двенадцати месяцах года. В своем меморандуме от 16 июля 1951 г. Генеральный секретариат Совета Европы озадачился вопросом определения символики своего объедения. «Нет идеалов, какими бы возвышенными они ни были, и которые могли бы обойтись без своего символа»[3], – указанное в меморандуме как никогда лучше подчеркивает значимость символизма в сплочении Европы в столь непростое послевоенное время.

Парламентская ассамблея Совета Европы 25 октября 1955 г. единогласно останавливает выбор на небесно-голубом полотнище, в центре которого изображена корона из двенадцати золотых звезд. Комитет министров Совета Европы 9 декабря 1955 г. одобряет звездный флаг, а 13 декабря того же года его торжественно поднимают в Париже. В 1983 г. Европейский парламент принимает решение использовать флаг Совета Европы как свой и предлагает, чтобы он стал еще и флагом Европейских сообществ. В июне 1985 г. в Милане это предложение одобряет Европейский совет и учредил День Европы 9 мая. Опираясь на согласие Совета Европы, с начала 1986 г. учреждения Европейских сообществ используют его как свой собственный. Позже были приняты девиз и единая валюта. В 2004 г. в проекте Договора о создании Конституции для Европы[4] все эти символы признавались официальными символами Европейского союза.

---

[1] Мальцев И.В. Символы в праве и в юридической науке: резюме к дисс. кандидат наук: 12.00.01. М.: ФГАОУ ВО «НИУ «ВШЭ», 2021. С. 5.

[2] См. например, Федеральные конституционные законы от 25 декабря 2000 г.: № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» ; № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» ; № 3-ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[3] Council of Europe. Memorandum of the Secretariat General on the European Flag, AS/RPP II (3) 2. Strasbourg: Consultative Assembly, Committee on Rules of Procedure and Privileges, Sub-Committee on Immunities, 16 July 1951. P. 3.

[4] Treaty establishing a Constitution for Europe // Official Journal of the European Union 16.12.2004. P. 310.

Проект Конституции ЕС был полон символизма: предполагалось особое название для законодательных актов – «европейский закон» и «европейский рамочный закон», и для не законодательных актов – «европейский регламент» и «европейское решение», что упростило бы их понимание для рядового гражданина и внесло бы в терминологию актов ЕС большую прозрачность и символичность. Само принятие Конституции ЕС, очевидно, было направлено на все большую интеграцию, общеевропейское сплочение, что неизбежно бы привело к все большему размытию культурных и политических границ народов, населяющих Европу, что вызвало весьма сильное противодействие со стороны населения государств, испытывающих наибольшую культурно-политическую экспансию со стороны своих более могущественных европейских соседей.

Однако принятие проекта Конституции ЕС не состоялось по причине негативных результатов референдумов во Франции и в Нидерландах[1], что вызвало некого рода «конституционный кризис» в самом Евросоюзе, который преодолевался уже более скромными реформами основополагающих договоров.

Стоит отметить, что «наднациональные» символы Евросоюза не указаны в качестве официальных ни в одном из учредительных документов. С одной стороны, с формальной точки зрения это понижает легитимность используемых символов. С другой стороны, символы Евросоюза узнаваемы во всем мире и отсутствие регламентации символики в официальных документах не сказывается на достижении основных целей используемой символики.

Символическое описание флага Евросоюза гласит: «на фоне голубого неба двенадцать золотых звезд образуют круг, символизирующий союз народов Европы»[2], а геральдическое описание: «на лазурном поле круг из двенадцати золотых кефалей, вершины которых не соприкасаются»[3]. Особое внимание уделяется кругу, который символизирует абсолют, единство, совершенство. Стремление к развитию, содействие миру, ценностям и благосостоянию своих народов провозгласили государства-члены в ст. 3 основополагающего Договора о Европейском союзе[4].

Примечательно, что пятиконечные звезды, образующие круг, не соприкасаются, что указывает открытость Союза для вступления в него иных государств Европы, готовых разделять общеевропейские ценности. Подчеркивается также своеобразная роль ЕС как самостоятельного и активного члена международного сообщества и полноправного участника международных отношений. Синий же цвет флага традиционно ассоциируется с европейским континентом.

Европейский гимн – это вступление к «Оде к радости», четвертой части Девятой симфонии Людвига ван Бетховена. Мелодия «Оды к радости» проста, почти элементарна, обладает доступной и ясной музыкальностью, которую легко слушать. Главной целью Бетховена было достижение идеального баланса между единством и разнообразием в легко запоминающейся форме. В отрывках, воспевающих ценности истины, свободы, всеобщего братства и человеческого счастья, человек выходит победителем из всех своих физических и моральных гнетов.

Именно этот призыв к братству и дружбе, к любви и миру, образным символом которого является Ода, объясняет, почему Совет Европы, а затем и Европейские сообщества решили взять своим официальным гимном гимн братству, выходящему за рамки наций и различий между народами, чтобы создать нечто более возвышенное и исключительное в европейском обществе[5].

Девиз Союза – «Единство в многообразии». Для полного понимания того, что на самом деле означает этот девиз, необходимо сделать акцент на ценностях, общих для государств-членов ЕС, и, следовательно, на основополагающих ценностях Европейского союза. Ст. 2 Договора о ЕС перечисляет эти ценности: «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин»[6].

Как показывает история евроинтеграции, достижение баланса между единством и разнообразием имеет решающее значение не только для существования отдельно взятого государства, но и для построения наднационального образования. В случае с Евросоюзом слишком сплоченное единство грозит стандартизацией и, следовательно, разрушением национальной идентичности. Напротив, обширное разнообразие может легко помешать сближению намерений и, в долгосрочной перспективе, подорвать достижение единых макрополитических и экономических целей. Следует отметить, что единство в ЕС

---

[1] Нидерланды подкосили Конституцию ЕС // Газета.ru. 02.06.2005. URL: https://www.gazeta.ru/2005/06/02/oa_159431.shtml (19.09.2025).

[2] The symbols of the European Union / CVCE. Carlo Curti Gialdino. URL:http://www.cvce.eu/obj/the_symbols_of_the_european_union_full_text-ene135ba77-1bae-43d8-bcb7-e416be6bc590.html (09.09.2025).

[3] Там же.

[4] Consolidated Versions of The Treaty on European Union and of the Treaty Establishing the European Community // Official Journal of the European Union 29.12.2006. P. 321.

[5] The symbols of the European Union, Op. cit.

[6] Ibid.

достигается сложнее всего: у каждого государства-члена имеются свои национальные интересы, которые зачастую не совпадают, а порой и противоречат интересам остальных государств-членов и всего Союза в целом.

Евро (€) не был одним из первоначальных символов, созданных Советом Европы, и является специфическим символом ЕС, но он стал таковым с тех пор, как в 2002 г. заменил 12 национальных валют. Сейчас он используется большинством стран — членов ЕС и, следовательно (вместе с символом валюты), стал одним из наиболее осязаемых символов европейского единства для граждан Европейского союза (хотя, конечно, он не предназначен для обозначения всей Европы, как другие символы). Единая экономическая и валютная зона, евро служит четким ориентиром для Европы в ее стремлении к самоидентификации. В этом смысле евро выступает для европейских граждан «фактором примирения их идентичности», укрепляя чувство принадлежности и служа границей между народами Европы и остальным миром.

Выбранная тема памятников разных архитектурных стилей также отдает дань уважения возможностям человеческого труда, создающего великие произведения и совершенствующего их с течением времени, и является визуальным символом стабильности валюты. Чтобы подчеркнуть «сам потенциал дизайна», избегается любое прямое изображение существующих произведений.

Из этого был сделан правильный вывод, что послание, которое эти банкноты передают европейским гражданам, — это призыв к проектированию и достижению, поскольку любой объект, благодаря техническим и творческим инновациям, может быть перепроектирован и воссоздан, так что, согласно семиотической интерпретации, дальнейший прогресс в реализации замысла Европейского Союза тесно связан со способностью проектировать и пересоздавать события и объекты материального мира.

9 мая признан Днем Европы в память о Декларации, сделанной министром иностранных дел Франции Робером Шуманом 9 мая 1950 г.[1], которая традиционно считается датой начала строительства Европы. Смысл этого праздника заключается в том, чтобы осмыслить путь, который пришлось пройти для укрепления общесоюзных принципов и ценностей, принимая этот путь не как должное, а как следствие прогресса, достигнутого вследствие единства и общественного договора. День Европы призван сократить дистанцию между гражданами и институтами ЕС, приблизить отдельно взятого человека к важности общеевропейского единства, укрепить деловые и культурные связи между различными народами, населяющими Европу, мотивировать их участвовать в общеевропейской общественно-политической жизни и воспользоваться возможностями единого экономического пространства.

Наднациональные правовые символы в ЕС отнюдь не ограничиваются официальными символами: ЕС стал разрабатывать и уже регламентировать использование специальных символов, особенно, в сфере охраны труда и стандартизации.

Символы охраны труда в ЕС используются работодателями в целях обеспечения безопасности и/или охраны здоровья работников на производстве или рабочем месте. Так, Директива 92/58/ЕЭС[2] устанавливает требования к знакам безопасности и охраны труда, которые работодатели должны размещать в местах, где работники по-прежнему подвергаются риску, несмотря на другие профилактические меры. Знаки безопасности и/или охраны здоровья — это знаки, указывающие на конкретный объект, вид деятельности или ситуацию и предоставляющие информацию или инструкции по безопасности и/или охране здоровья на рабочем месте с помощью таблички, цвета, светящегося знака или звукового сигнала, вербальной коммуникации или жеста, в зависимости от ситуации.

Знаки безопасности могут быть в следующих формах: запрещающий знак, предупреждающий знак, обязательный знак, знак аварийного выхода или оказания первой помощи, информационный знак, табличка, дополнительная табличка, сигнальный цвет, символ или пиктограмма, светящийся знак, звуковой сигнал, вербальная коммуникация и жест.

Работники и их представители должны быть проинформированы обо всех мерах, принятых в отношении знаков охраны труда и техники безопасности на рабочем месте, а также должны получить соответствующие инструкции по использованию этих знаков[3].

Символы охраны труда, повышая уровень осведомленности работников относительно способов и правил безопасности выполнения трудовой деятельности, однозначно способствуют гармонизации правил охраны труда государств-членов ЕС и мобильности трудовых ресурсов, что является одной из ключевых целей деятельности Европейского союза - как в лице его институтов, так и самих государств-членов.

[1] Европейское строительство / Дипломатия Франции. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/la-france-et-l-europe/l-union-europeenne/la-construction-europeenne/ (19.09.2025)

[2] Council Directive 92/58/EEC of 24 June 1992 on the minimum requirements for the provision of safety and/or health signs at work (ninth individual Directive within the meaning of Article 16 (1) of Directive 89/391/EEC) // Official Journal of the European Union L 245. 26.8.1992.

[3] See also: Council Directive 89/391/EEC of 12 June 1989 on the introduction of measures to encourage improvements in the safety and health of workers at work // Official Journal of the European Union L 183. 29.6.1989

Помимо вышеуказанных символов, весьма распространенным европейским символом является маркировка соответствия «CE», которую можно встретить на различных изделиях, производимых в странах Европейского союза.

Знак «CE» на продукте указывает на то, что производитель или импортер этого продукта подтверждает его соответствие законодательству ЕС, и продукт может быть реализован в любой точке Европейской экономической зоны. Не все продукты нуждаются в маркировке «CE» для торговли в Европейской экономической зоне: только категории продуктов, на которые распространяются соответствующие директивы или правила, обязаны или могут иметь маркировку «CE». Большинство продуктов с маркировкой «CE» могут быть размещены на рынке только производителем при условии внутреннего производственного контроля без независимой проверки соответствия продукта законодательству ЕС. В зависимости от «уровня риска» продукта маркировка «CE» наносится на продукт производителем или уполномоченным представителем, который должен убедиться, что продукт соответствует всем требованиям маркировки «CE». В некоторых случаях, если продукт имеет «минимальный риск», он может быть сертифицирован самим производителем, который делает декларацию о соответствии и наносит маркировку «CE» на свой собственный продукт. Уровень риска определяется «категорией» каждого оборудования. Чем выше категория, тем выше риск. Так, например, маркировка «CE» требуется для групп продуктов, составляющих активные имплантируемые медицинские устройства, средства индивидуальной защиты, лифты, пиротехника и прочие группы продукции, обладающей высоким риском. Правила маркировки были введены Директивой Совета ЕС 93/68/EEC от 22 июля 1993 г.[1] Правовые символы в сфере маркировки повышают осведомленность потребителей о качестве и безопасности приобретенного продукта, что также играет важную роль в построении общего рынка, основанного на свободе предпринимательской деятельности на территории всего Союза.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что правовые символы в Европейском союзе призваны способствовать экономической, политической, идеологической и культурной интеграции многонационального европейского народа в целях достижения основных целей построения Союза.

[1] Council Directive 93/68/EEC of 22 July 1993 amending Directives 87/404/EEC (simple pressure vessels), 88/378/EEC (safety of toys), 89/106/EEC (construction products), 89/336/EEC (electromagnetic compatibility), 89/392/EEC (machinery), 89/686/EEC (personal protective equipment), 90/384/EEC (non-automatic weighing instruments), 90/385/EEC (active implantable medicinal devices), 90/396/EEC (appliances burning gaseous fuels), 91/263/EEC (telecommunications terminal equipment), 92/42/EEC (new hot-water boilers fired with liquid or gaseous fuels) and 73/23/EEC (electrical equipment designed for use within certain voltage limits) // Official Journal L 220. 30/08/1993.

Черепнина Екатерина Александровна

аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Cherepnina Ekaterina Aleksandrovna

Postgraduate student of the Department of Civil Law and Process, Faculty of Law, N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

E-mail: cherepninaa_23@mail.ru

Цифровой профиль гражданина как символ субъекта гражданских правоотношений

The digital ID of a citizen as a symbol of the subject of civil law relations

Аннотация. В статье анализируется правовое значение цифрового профиля гражданина как символа субъекта в гражданских правоотношениях, обосновывается необходимость его исследования в контексте разработки доктрины о цифровой личности. Автором определяется, что цифровой профиль сегодня используется коммерческими организациями для извлечения прибыли. Цифровой профиль содержит комплекс информации о гражданине, но его невозможно отделять от самого субъекта гражданских правоотношений, в связи с чем автором предлагается рассматривать цифровой профиль с точки зрения объекта гражданских прав.

Ключевые слова: цифровой профиль гражданина, субъект гражданского правоотношения, коммерческая организация-пользователь цифрового профиля, объект гражданских прав

Annotation. The article analyzes the legal significance of the digital profile of a citizen as a symbol of a subject in civil law relations, justifies the need for its research in the context of the development of the doctrine of digital personality. The author determines that the digital profile is currently used by commercial organizations to make a profit. The digital profile contains a set of information about a citizen, but it cannot be separated from the subject of civil law relations itself, and therefore the author suggests considering the digital profile from the point of view of the object of civil rights.

Keywords: a digital profile of a citizen, a subject of a civil legal relationship, a commercial organization-user of a digital profile, an object of civil rights

Для цитирования: Черепнина Е.А. Цифровой профиль гражданина как символ субъекта гражданских правоотношений // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. С. 980–982.

В последние годы в России и в мире активно развивается и внедряется институт цифрового профилирования гражданина и юридического лица. Финансовые организации, маркетплейсы, социальные сети, сервисы покупки железнодорожных и авиабилетов, информационные ресурсы поиска сотрудников и вакансий используют цифровой профиль гражданина и юридического лица в коммерческих целях. К примеру, ООО «КЕХ еКоммерц» (ресурс Авито), ООО «Яндекс», ООО «РВБ», ООО «Интернет Решения» (ресурс Ozon) вправе получать согласия гражданина с использованием инфраструктуры цифрового профиля при ознакомлении с предложением о заключении договора купли-продажи товара (выполнения работ, оказания услуг), заключении такого договора[1]. Таким образом, в сфере частно-правовых отношений заинтересованные субъекты предпринимательской деятельности активно обращаются к функционалу цифрового профиля, и перечень организаций постоянно расширяется.

Анализ научных трудов, посвященных институту цифрового профилирования и инфраструктуре цифрового профиля позволяет сделать вывод о том, что цифровой профиль как правовой и технологиче-

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 июля 2023 г. № 1790-р» от 25.03.2025 № 697-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025 г. № 13. Ст. 1534.

ский институт рассматривается преимущественно в качестве инструмента публичного права и государственного управления. В результате в юридической науке уже осмыслена необходимость основательного подхода к разработке правовой доктрины о цифровом профилировании в публично-правовом аспекте, обосновывалась актуальность исследования цифрового профиля в качестве элемента системы публичного управления[1]. Однако необходимо обратить особое внимание и на то обстоятельство, что задачами современной юридической науки являются не только определение сущности и правовой природы цифрового профиля для целей публичного управления, но и разработка фундаментальных правовых основ для организации системы цифрового профилирования в условиях цифровизации предпринимательской деятельности. Представители науки частного права подтверждают, что уже намечена тенденция наращивания сферы применения цифрового профиля не только как инструмента предоставления государственных или муниципальных услуг, но и как некую платформу, необходимую для минимизации рисков предоставления финансовых, банковских и иных услуг в цифровом виде[2]. Таким образом, установление значения цифрового профиля гражданина в современных гражданских правоотношениях является одним из ключевых проблемных вопросов, от решения которых зависит вся система гражданско-правовой регламентации отношений по использованию цифрового профиля в коммерческой деятельности.

В научных публикациях предпринимаются попытки уяснить правовую природу цифрового профиля как общеправового явления, выявить его универсальные характеристики. О.А. Степанов, М.М. Степанов утверждают, что допустимо говорить о цифровой личности как о новом субъекте правоотношений, составными частями которой является цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след[3]. Авторы отмечают, что цифровой профиль является наиболее важным элементом цифровой личности и представляет собой совокупность данных о лице в виртуальном пространстве, которые могут обрабатывать любые уполномоченные субъекты. Л.Г. Ефимова классифицирует цифровые профили на официальные и частные, при этом официальные цифровые профили могут быть определены как цифровой паспорт гражданина, а частные цифровые профили не могут обладать признаками достоверности из-за возможности включения в них любой информации на усмотрение гражданина. Автор оперирует категорией цифровая личность, частью которого является цифровой профиль, и идентифицирует цифровую личность как «информационно-программный комплекс, который используется субъектом права (пользователем) для дистанционного взаимодействия с другими пользователями в киберпространстве, в том числе для совершения сделок и выполнения других юридически значимых действий»[4]. При этом цифровой профиль, используемый для целей вступления в правоотношения, должен быть в некоторой мере персонализирован. Таким образом, автор рассматривает цифровой профиль как набор информационных данных, которые не могут самостоятельно осуществлять действия, порождающие правовые последствия, но при наличии технической составляющей для проявления правосубъектности цифровой профиль становится элементом цифровой личности, за которой стоит реальный субъект правоотношений, имеющий возможность через инфраструктуру цифровой личности реализовывать права и обязанности. Как следует из принимаемых законодательных актов, в России развитие законодательства об интернет-среде в направлении полной деанонимизации пользователей является одним из возможных вариантов. Концепция цифровой личности, частью которой будет являться цифровой профиль физического или юридического лица, нуждается в глубоком научном изучении, однако в нынешних реалиях её практическая реализация путем введения новых комплексных нормативных правовых актов представляется скорее преждевременной, так как цифровая личность прежде всего подразумевает полную идентификацию и верификацию лица на всех интернет-пространствах, включая платформы для совершения гражданско-правовых сделок.

В российском гражданском праве субъектом гражданского правоотношения признается физическое или юридическое лицо, обладающее правоспособностью и дееспособностью, имеющее возможность своими действиями создавать для себя права и обязанности[5]. Вступление в гражданско-правовые отношения, как и в любые другие правоотношения, требуют как идентификации субъекта, так и в некоторых случаях передачи иных, дополнительных данных о субъекте. Вместе с тем цифровой профиль — это совокупность данных и характеристик о лице, которые в цифровом формате фиксируют его правосубъектность и уникальность как участника гражданских правоотношений. Коммерческие организации, в том

[1] Игумнов В.В. Публично-правовое регулирование цифрового профилирования в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Игумнов Вячеслав Валерьевич. - Москва. - 2024. – 263 с.

[2] Сиземова О.Б., Бурова А.Ю. О принципах построения правового механизма цифрового профилирования граждан. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023;(1):139-150.

[3] Степанов О.А. Правовое регулирование генезиса цифровой личности / О.А. Степанов, М.М. Степанов // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 19-32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32.

[4] Ефимова Л.Г. Цифровая личность как способ присутствия субъекта права в киберпространстве. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025;1(4):32-41.

[5] Гражданское право. Общая часть : учебник / Под ред. М. В. Карпычева, О. Б. Сиземовой, А. М. Хужина. - Москва : Проспект, 2021. - 720 с. - ISBN 978-5-392-34870-1. - Текст : электронный // ЭБС "Консультант студента" : [сайт]. - URL : https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392348701.html (дата обращения: 22.10.2025). - Режим доступа : по подписке.

числе финансовые организации, социальные сети и IT-компании собирают информацию о пользователях и извлекают коммерческую выгоду из продажи данных иным организациям, методы её использования и интерпретирования являются закрытыми процессами и не урегулированы действующим законодательством в полном объёме, при этом известные случаи перепродажи данных демонстрируют, что данные о субъекте представляют материальный интерес для участников рынка. Информация о конкретном лице в эпоху информационного общества имеет ведущие характеристики: имущественная ценность (реальная или потенциальная), имущественный интерес в отношении такого объекта, цифровая форма.

Таким образом, понимание цифрового профиля как символа субъекта гражданских правоотношений имеет ключевое значение для дальнейшего поиска места цифрового профиля среди сложившейся системы субъектов и объектов гражданского права. Придерживаясь позиции, что цифровой профиль представляет собой отображение личности гражданина в цифровом пространстве, представляется разумным предложить считать цифровой профиль гражданина новым объектом гражданских прав. Признание цифрового профиля объектом гражданских прав соответствует современным реалиям цифровой экономики и управления, где информация и данные становятся активами, нуждающимися в построении механизма учета распоряжения правами, требующими защиты.

Чернов Андрей Дмитриевич[1]

студент 4 курса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Chernov Andrey Dmitrievich

4th year student of the Faculty of Law at the of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail : anch2004@gmail.com

Правовые символы как особое средство юридической мотивации

Legal symbols as a special means of legal motivation

Аннотация. В данной статье рассмотрены подходы к понятию правовых символов, мотивация, как важный фактор эффективной реализации права, а также мотивационное значение правовых символов. На примерах из законодательства показано признание важной роли правовых символов государствами.

Ключевые слова: правовые символы, государственные символы, мотивация, мотивация в праве, эффективная реализация правовых норм

Annotation. This article discusses approaches to the concept of legal symbols, motivation as an important factor in the effective implementation of law, and the motivational significance of legal symbols. Examples from legislation demonstrate the recognition of the important role of legal symbols by states.

Keywords: legal symbols, state symbols, motivation, motivation in law, effective implementation of legal norms

Для цитирования: Чернов А.Д. Правовые символы как особое средство правовой мотивации // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 983–986.

Сфера правового регулирования как в Российской Федерации, так и в других государствах постоянно и неуклонно расширяется. И, в связи с этим постоянно встаёт вопрос повышения эффективности этого регулирования. В сферу интересов государства попадают новые виды отношений, возникновение которых обусловлено цифровизацией, неуклонной, поступательной трансформацией типичных направлений действия права, появлением новых инновационных видов деятельности. Для повышения эффективности правового регулирования законодатель всё чаще прибегает к использованию особых средств выражения государственно-властных велений. Именно такими средствами выступают правовые символы.

В. К. Бабаев считал символ особым самостоятельным элементом правовой системы. Он определял его как «закрепленный законодательством условный образ (замещающий знак), используемый для выражения определенного юридического содержания»[2]. К таким символам можно отнести государственный флаг Российской Федерации[3], государственный герб Российской Федерации[4]. Здесь следует отметить, что перечень правовых символов, безусловно, не ограничивается исключительно гербом и гимном, поскольку символические элементы присутствуют в праве, представляя собой многоуровневую систему, в которой имеют место, как базовые государственные символы федерального уровня, так и, например, символы, используемые в коммерческой деятельности (элементы брендирования). Однако не все авто-

[1] Научный руководитель: *Баранова Марина Владимировна* – доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

[2] Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 74.

[3] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 1-ФКЗ О Государственном флаге Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52. – Ст. 5020.

[4] Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 N 2-ФКЗ "О Государственном гербе Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 52. – Ст. 5021.

ры придерживаются мнения о том, что законодательное закрепление является обязательной чертой правового символа.

А. В. Никитин, определял правовой символ как «создаваемый или санкционируемый государством условный образ, отличительный знак, представляющий собой видимое либо слышимое культурно-ценностное образование, которому субъект правотворчества придает особый политико-правовой смысл, не связанный с сущностью этого образования, охраняемый государством и используемый в особом процедурном порядке»[1]. При этом далеко не все учёные согласны с позицией, которая представляет субъектов правотворчества как единственных создателей правовых символов. Так Н. С. Гончаров указывает на возможность создания правового символа в результате деятельности правоприменителей[2].

Иной позиции придерживается П. Д. Шалагинов, определявший правовой символ как «создаваемый или санкционируемый государством условный знак, ценностное образование, выражающий определенное юридически значимое содержание и охраняемый государством»[3]. Данное определение даёт более широкий подход к понятию правового символа, по сравнению с подходом А. В. Никитина.

Таким образом, в современной правовой доктрине сосуществуют несколько позиций в отношении сущности правовых символов. При этом, подавляющее большинство представителей юридической науки однозначно склонно связывать правовые символы с властной деятельностью государства, с действующей нормативной правовой регламентацией.

Так, можно отметить существования нескольких подходов к понятию правового символа. Опираясь на данные подходы, можно выделить ряд важных признаков данного феномена правовой действительности. Правовой символ:

1. Создаётся или санкционируется государством. Данный признак является крайне важным, поскольку без признания государством символ не обретает юридическую природу и остаётся лишь элементом культуры.

2. Представляет из себя условный знак или образ. В этом, заключается сущность символа-его содержание «упаковано» в более ёмкую чем текст форму. Данный признак, хоть и не является присущим исключительно правовому символу, тем не менее крайне значим, поскольку отражает сущность такого явления как символ в целом.

3. Обладает как юридическим, так и социально-культурным содержанием. Юридическим содержанием символ наделяет государство, а социально-культурным-общество. При этом важно понимать, что с одной стороны государство может создавать символ, которому общество со временем придаст социально-культурный смысл, а с другой стороны государство может санкционировать символ, который к этому моменту уже наделён отдельным содержанием. В этом выражается особая-двойственная природа такого символа.

4. Охраняется государством. Данный признак имеет чрезвычайно важное значение, поскольку именно факт защиты со стороны государства в совокупности с наделением символа юридическим значением делает его именно правовым. Без государственной защиты возрастает риск неправомерного использования и неуважения к признанным государством символам, что может негативно повлиять на общий уровень правопорядка в обществе.

5. Используется в особом порядке. Конечно, тут сложно говорить о том, что любой правовой символ обязательно имеет сложный порядок использования. Вместе с тем следует признать, что вышеизложенные признаки логически подразумевают то, что использование такого символа должно иметь специфический порядок, чтобы государство могло выявлять факты посягательств на них, и осуществлять правовую защиту.

Сложно спорить с тем, что правовые символы окружают нас повсюду. К ним относятся не только уже упомянутые выше государственный флаг и государственный герб, но и, например фирменные наименования[4], товарные знаки и знаки обслуживания[5]. Такие символы получают государственное признание и защиту на основании норм гражданского законодательства и после их государственной регистрации.

Необходимо отметить, что помимо функции индивидуализации и особого обозначения правовые символы имеют «сакральное» значение, демонстрируют социальную значимость изображений, иных атрибутов, признанную государством, им охраняемую. Правовые символы обладают существенным мотивационным потенциалом, который реализуется в правовой действительности.

---

[1] Никитин А. В. Правовые символы: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 19.

[2] Гончарова Н. С. ПРАВОВОЙ СИМВОЛ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. №3 (30). С. 70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-simvol-ponyatie-i-priznaki (дата обращения: 19.10.2025).

[3] Шалагинов П. Д. Функции правовых символов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 8.

[4] Статья 1473. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

[5] Статья 1477. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

Мотивация от лат. «movēre» — это побуждение к действию, динамический процесс психофизиологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость, способность человека деятельно удовлетворять свои потребности. Традиционно учёные определяют мотивацию как «объяснение внутренних факторов или психологического состояния и отношения человека к тому, что должно быть сделано или достигнуто в качестве цели поведения»[1]. Мотивация является неотъемлемым атрибутом правомерного поведения гражданина, определяет особую ценность активной гражданской позиции.

Структуру мотива, составляют: «потребность человека; благо, способное удовлетворить эту потребность; действие, необходимое для получения блага; цена – издержки как материального, так и морального характера, связанные с осуществлением каких-либо действий»[2]. Можно сделать предположение, что мотив сопряжен не просто с действием, а с деянием в целом, поскольку бездействие, порой, является значимым атрибутом поведения в социуме, влияет на формирование и восприятие мотива.

Сущность мотивации, которую применяет государство, заключается в том, чтобы, ориентируясь на систему потребностей человека, обеспечить эффективное использование их потенциала для скорейшего достижения общественно значимых целей.

Таким образом мотивация является крайне важным фактором повышения эффективности правового регулирования и необходима для наиболее оптимальной реализации государственной политики. Государства активно используют мотивацию, в том числе в сфере правового регулирования. Вследствии этого можно говорить о существовании особой юридической мотивации, которую можно определить как побуждение к юридически значимому действию, динамический правовой процесс либо управление поведением человека в правовой среде, определяющий его направленность, организованность, активность, устойчивость; способность лица деятельно соответствовать требованиям действующего законодательства.

Правовые символы в некотором смысле уникальны. Они имеют не только правовую сущность, но и социальную. Именно за счёт социальной функции правовые символы могут иметь мотивационный потенциал, а за счёт своей правовой природы они пригодны для использования их в таком качестве государством. В этом ключе можно особо отметить формирующуюся за счёт правовых символов мотивацию к правомерному поведению субъектов, к более высокому качеству правоприменительной деятельности и правореализации в целом, к более высокому уровню правосознания и правовой культуры в социуме, что является крайне важным для государства. Само государство, его правотворческая функция, ее качества также зависят от наличия мотивации у субъектов правотворчества, что свидетельствует о двустороннем влиянии мотивации – и на граждан, и на государство (на отдельные его институты).

В настоящее время государства начинают осознавать важное мотивационное значение правовых символов. 25 августа 2025 года президент США Дональд Трамп подписал указ[3] об уголовном преследовании за сожжение и оскорбление флага США. В документе Трамп назвал флаг «самым священным и дорогим символом Соединённых Штатов Америки, американской свободы, самобытности и силы». Осквернение флага, по словам президента, является заявлением о презрении и враждебности к нации, которое может спровоцировать беспорядки, насилие или использоваться как инструмент запугивания американцев. Тем самым президент США признал важность такого правового символа как государственный флаг.

Если для США защита государственного флага представляет собой правовую инновацию, то в Российской Федерации традиционно защищаются важные государственные символы. В КоАП РФ с 2008 года закреплена норма, устанавливающая административную ответственность за нарушение порядка официального использования Государственного флага РФ, Государственного герба РФ или Государственного гимна РФ[4]. За надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации установлена уже уголовная ответственность[5].

Важно отметить, что не только такие важные государственные символы имеют правовую защиту. Для государства ценность представляют и иные символы, такие как товарные знаки, так как уважение к коммерческим символам, которые признаны государством, минимизирует риски недобросовестной кон-

[1] Лютенс Ф. Организационное поведение / пер. с англ. е изд. М., 1999. С. 50.

[2] Провалинский Дмитрий Игоревич Мотивация как элемент механизма реализации правовых стимулов // Теория и практика общественного развития. 2014. №17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-kak-element-mehanizma-realizatsii-pravovyh-stimulov (дата обращения: 19.05.2025).

[3] *Executive Order on the Protection of the American Flag* [Электронный ресурс]: [Указ о защите американского флага] // The White House. – 2024. – 3 July. – URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/08/prosecuting-burning-of-the-american-flag/ (дата обращения: 15.10.2024).

[4] 17.10. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

[5] Статья 329. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

куренции и способствует поддержанию высокого уровня правопорядка в обществе. За нарушения порядка использования товарных знаков установлена гражданско-правовая ответственность[1].

Таким образом мы видим, как государства мира признают важность правовых символов как фактора мотивации в праве и эффективной реализации норм права. На наших глазах возрастает как увеличение числа фактов применения правовых символов, так и усиление их защиты со стороны государств. Мотивационный потенциал символов является крайне актуальным в настоящее время. Все страны мира и наша страна, в частности, вступили в сложный и важный период своего развития. Государствам для достижения их целей и задач требуются все доступные средства мотивации граждан и в особенности правовые. И правовые символы обладают таким потенциалом. Анализируя данные тенденции, можно уверенно сказать, что данная тенденция будет усиливаться и дальше. Важно продолжать изучать его мотивационную функцию для предотвращения конфликтов в обществе и государстве, обеспечения их гармоничного и всестороннего развития.

[1] Статья 1515. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)" от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

БИБЛИОГРАФИЯ К XXVII ФОРУМУ «ЮРТЕХНЕТИКА» НА ТЕМУ «СИМВОЛЫ В ПРАВЕ (ДОКТРИНА, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА)»

Составители:

В. М. Баранов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Нижегородской области, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника», помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности;

В. Б. Исаков, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Закон о гербе, цветах и гимне Республики Польша и о государственных печатях. Принят 31 января 1980 года // Dziennik Ustaw. – 2024. – Poz.155/.

2. **Указ** Президиума Верховного Совета Литовской ССР о государственной, национальной и региональной символике // Советская Литва. – 1988. – 7 октября.

3. **Закон** СССР от 4 августа 1989 года «О статусе судей в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1989. – № 9. – Ст. 223 (п. 23).

4. **Постановление** Совета Министров РСФСР от 5 ноября 1990 года № 487 «Об организации работы по созданию Государственного флага и Государственного герба РСФСР» // Собрание постановлений РСФСР. – 1990. – № 25. – Ст. 261.

5. **Указ** Президента СССР от 13 октября 1990 года «О пресечении надругательства над памятниками, связанными с историей государства, и его символами» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 42. – Ст. 881.

6. **Закон** РСФСР от 21 марта 1991 года № 943-1 «О государственной налоговой службе РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 15. – Ст. 492.

7. **Закон** РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 16. – Ст. 503.

8. **Закон** РСФСР от 24 апреля «О Президенте РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 17. – Ст. 512.

9. **Закон** СССР «О введении специальных званий прапорщиков в органах внутренних дел» // Известия. – 1991. – 27 мая.

10. **Закон** СССР «О порядке вызова, пересылки и истребования личных документов советских граждан и иностранных, и лиц без гражданства из СССР за границу» // Известия. – 1991. – 1 июля.

11. **Закон** СССР «Об уголовной и административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры» // Известия. – 1991. – 15 июля.

12. **Закон** СССР от 3 июля 1991 года «О товарных знаках и знаках обслуживания» // Известия. – 1991. – 22 июля.

13. **Закон** РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» // Российская газета. – 1991. – 14 августа.

14. **Закон** РСФСР от 28 ноября 1991 года «О гражданстве РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 6. – Ст. 243.

15. **Закон** РСФСР от 19 декабря 1991 года «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 10. – Ст. 457.

16. **Закон** РСФСР от 25 декабря 1991 года «Об изменении наименования государства РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 2. – Ст. 62.

17. **Постановление** Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 февраля 1991 года «О некоторых вопросах использования наименований и символики РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 7. – Ст. 124.

18. **Закон** Российской Федерации от 17 января 1992 года «О Прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

19. **Закон** Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» // Российская газета. – 1992. – 6 мая.

20. **Закон** Российской Федерации от 12 марта 1992 года «О ритуальном пособии» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 14. – Ст. 713.

21. **Закон** Российской Федерации от 13 марта 1992 года № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 17. – Ст. 892.

22. **Закон** Российской Федерации от 2 июня 1992 года № 3183- I «Об учреждении медали “Защитнику свободной России”» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 32. – Ст. 1865.

23. **Закон** Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

24. **Закон** Российской Федерации от 8 июля 1992 года № 3245-1 «О внешней разведке» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 32. – Ст. 1869.

25. **Закон** Российской Федерации от 8 июля 1992 года № 3246/1-1 «О федеральных органах государственной безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 32. – Ст. 1871.

26. **Закон** Российской Федерации от 24 сентября 1992 года № 3536-1 «О внутренних войсках Министерства внутренних дел» // Российская газета. – 1992. – 13 октября.

27. **Закон** Российской Федерации от 23 сентября 1992 года «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // Российская газета. – 1992. – 17 октября.

28. **Закон** Российской Федерации от 25 сентября 1992 года № 3537-1 «О денежной системе Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – 21 октября.

29. **Закон** Российской Федерации от 9 октября 1992 года «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 46. – Ст. 2645.

30. **Закон** Российской Федерации от 19 ноября 1992 года № 3930-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Российская газета. – 1992. – 30 декабря.

31. **Патентный** закон Российской Федерации № 3519-1 от 23 сентября 1992 года // Российская газета. – 1992. – № 50.

32. **Положение** о ритуале совместного официального подъема Государственного флага Российской Федерации и государственных флагов республик в составе Российской Федерации: утв. постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 10 июня 1992 года // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 28. – Ст. 1616.

33. **Постановление** Верховного Совета Российской Федерации от 10 июня 1992 года № 2952-1 «Об утверждении Положения о ритуале совместного официального подъема Государственного флага Российской Федерации и государственных флагов республик в составе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 28. – Ст. 1616.

34. **Постановление** Верховного Совета Российской Федерации от 12 июня 1992 года «Об изображениях государственных символов бывшего СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 26. – Ст. 1450.

35. **Решение** Нижегородского городского Совета народных депутатов от 15 октября 1992 года № 11/9 «О символике Нижнего Новгорода» // Нижегородский рабочий. – 1992. – 9 декабря.

36. **Статья 21** Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

37. **Конституция Российской Федерации**. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013 (дата обращения: 22.05.2024).

38. **Закон** Российской Федерации от 14 января 1993 года «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 7. – Ст. 245.

39. **Закон** Российской Федерации от 15 января 1993 года «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 7. – Ст. 247.

40. **Закон** Российской Федерации 22 января 1993 года «О статусе военнослужащих» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 6. – Ст. 188.

41. **Закон** Российской Федерации от 11 февраля 1993 года № 4455-1 «О воинской обязанности и военной службе» // Российская газета. – 1993. – 3 марта.

42. **Закон** Российской Федер ации от 1 апреля 1993 года «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 17. – Ст. 594.

43. **Закон** Российской Федерации от 2 апреля 1993 года «О сборе за использование наименований «Россия», «Российская Федерация» и образованных на их основе слов и словосочетаний» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 17. – Ст. 600.

44. **Закон** Российской Федерации от 15 апреля 1993 года № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета. – 1993. – 15 мая.

45. **Закон** Российской Федерации от 15 апреля 1993 года «О статусе столицы Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 19. – Ст. 683.

46. **Закон** Российской Федерации от 28 апреля 1993 года «О государственной охране высших органов государственной власти Российской Федерации и их должностных лиц» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 21. – Ст. 745.

47. **Закон** Российской Федерации от 20 мая 1993 года «Об оружии» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 24. – Ст. 860.

48. **Закон** Российской Федерации от 10 июня 1993 года «О сертификации продукции и услуг» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 26. – Ст. 966.

49. **Закон** Российской Федерации от 9 июля 1993 года «Об авторском праве и смежных правах» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1242.

50. **Закон** Российской Федерации от 24 июля 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 29. – Ст. 1114.

51. **Положение** о Государственном гербе Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1993 года № 2050 «Государственный герб может помещаться на …орденах и медалях Российской Федерации» // Российская газета. – 1993. – 3 декабря.

52. **Указ** Президента Российской Федерации от 30 ноября 1993 года «О Государственном гербе Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 49. – Ст. 4761.

53. **Указ** Президента Российской Федерации от 11 декабря 1993 года «О Государственном флаге Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 51. – Ст. 4928.

54. **Указ** Президента Российской Федерации от 11 декабря 1993 года «О Государственном гимне Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – № 51. – Ст. 4929.

55. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 26 марта 1994 года № 239 «О символике, связанной с празднованием 300-летия Российского флота» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1994. – № 14. – Ст. 1101.

56. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 6 октября 1994 года № 1143 «Об утверждении Положения о государственном своде особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации» // Российская газета. – 1994. – 15 октября.

57. **Указ** Президента Российской Федерации от 15 февраля 1994 года № 319 «О штандарте (флаге) Президента Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1994. – № 8. – Ст. 587.

58. **Указ** Президента Российской Федерации от 2 марта 1994 года № 442 «О государственных наградах Российской Федерации» // Российская газета. – 1994. – 10 марта.

59. **Указ** Президента Российской Федерации от 23 мая 1994 года № 1010 «О военной форме одежды и знаках различия по военным званиям» // Российская газета. – 1994. – 3 июня.

60. **Указ** Президента Российской Федерации от 10 июня 1994года № 1183 «О защите потребителей от недобросовестной рекламы» // Российская газета. – 1994. – 16 июня.

61. **Указ** Президента Российской Федерации от 25 июля 1994 года № 1539 «О Государственной герольдии при Президенте Российской Федерации» // Российская газета. – 1994. – 30 июля.

62. **Указ** Президента Российской Федерации от 19 сентября 1994 года № 1926 «О Дне Конституции Российской Федерации» // Российская газета. – 1994. – 21 сентября.

63. **Федеральный** закон Российской Федерации от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ– 1994. – № 2. – Ст. 74.

64. **Федеральный конституционный закон** Российской Федерации от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

65. **Федеральный конституционный закон** Российской Федерации от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1589.

66. **Федеральный закон** Российской Федерации от 14 марта 1995 года № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. – 1995. – № 12. – Ст. 1024.

67. **Федеральный закон** Российской Федерации от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» // СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1928.

68. **Федеральный закон** Российской Федерации от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

69. **Указ** Президента Российской Федерации от 30 декабря 1995 года № 1341 «Об установлении почетных званий Российской Федерации, утверждении Положений о почетных званиях и описания нагрудного знака к почетным званиям Российской Федерации» // Российская газета. – 1996. – 13 февраля.

70. **Постановление** Правительства Российской Федерации «О символике государственных природных заповедников и национальных парков в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – № 42. – Ст. 4802.

71. **Постановление** Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 июня 1996 года № 7 «Об утверждении Регламента арбитражных судов» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 11.

72. **Правила** аннулирования регистрации товарного знака при ликвидации юридического лица – владельца товарного знака: утв. Роспатентом 27 июня 1996 года // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1996. – № 4. – С. 12–14.

73. **Указ** Президента Российской Федерации от 21 марта 1996 года № 403 «О Государственном геральдическом регистре Российской Федерации» // Российская газета. – 1996. – 27 марта.

74. **Федеральный закон Российской Федерации** от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

75. **Федеральный закон Российской Федерации** от 8 мая 1996 года № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» // СЗ РФ. – 1996. – № 20. – Ст. 2321.

76. **Федеральный закон Российской Федерации** от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2591.

77. **Федеральный закон Российской Федерации** от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» // СЗ РФ. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.

78. **Уголовный кодекс Российской Федерации** от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

79. **Федеральный закон Российской Федерации** от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.

80. **Федеральный закон Российской Федерации** от 26 декабря 1995 года№ 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

81. **Закон** Оренбургской области от 23 декабря 1996 года «О Гербе Оренбургской области» // Южный Урал. – 1997. – 24 января.

82. **Инструкция** о порядке оформления и выдачи паспортов гражданам Российской Федерации для выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Приказ МВД России от 26 мая 1997 года № 310 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1997. – № 13. – С. 25–50.

83. **Конвенция** ООН по морскому праву // СЗ РФ. – 1997. – № 48. – Ст. 5493.

84. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 28 августа 1997 года № 1108 «Об утверждении Правил предоставления услуг телеграфной связи» // Российская газета. – 1997. – 17 сентября.

85. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 года № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. – 1997. – № 33. – Ст. 3895.

86. **Постановление** Губернатора Вологодской области от 25 ноября 1997 года № 1140 «Об образовании геральдической комиссии при губернаторе области» // Законодательство Вологодской области. – 1997. – № 6.

87. **Приказ** Федеральной службы лесного хозяйства России от 31 декабря 1996 года №204 «Об утверждении Порядка выдачи разрешений на использование символики национальных парков» // Российские вести. – 1997. – 6 февраля.

88. **Указ** Президента Российской Федерации от 27 января 1997 года № 46 «Об учреждении военного геральдического знака – эмблемы Вооруженных Сил Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – 1 февраля.

89. **Указ** Президента Российской Федерации от 15 ноября 1997 года № 1231 «О флаге и геральдическом знаке – эмблеме Министерства Российской Федерации по делам гражданской оборо-

ны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // СЗ РФ. – 1997. – № 49. – Ст. 5589.

90. **Указ** Президента Российской Федерации от 17 марта 1997 № 240 «Об эмблеме и флаге организаций федеральной почтовой связи Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 13. – Ст. 1518.

91. **Федеральный конституционный закон** от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

92. **Федеральный** закон Российской Федерации от 21 июля 1997 года «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – 31 июля.

93. **Статья 34** «Символы государственной власти в судах» Федерального конституционного закона Российской Федерации от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – 6 января.

94. **Положение** о порядке проведения ревизии и маркирования специальными знаками визуального контроля средств в учете электрической энергии // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1998. – № 30.

95. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 года № 810 «О предоставлении Министерству общего и профессионального образования Российской Федерации полномочий на проставление апостиля на официальных документах об образовании, выдаваемых в Российской Федерации» // Бюллетень Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации. – 1998. – № 10.

96. **Постановление** Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 30 сентября 1998 года «О Федеральном законе “О Российском обществе Красного Креста и об использовании названия и эмблемы Красного Креста в Российской Федерации”» // СЗ РФ– 1998. – № 42. – Ст. 5095.

97. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 19 декабря 1998 года № 1512 «О государственной поддержке деятельности Международного союза общественных объединений» // Российская газета. – 1998. – 30 декабря.

98. **Распоряжение** Президента Российской Федерации от 13 ноября 1998 года № 398-рп «О мерах по организации производства изделий декоративно-прикладного искусства с использованием государственной символики» // Российская газета. – 1998. – 24 ноября.

99. **Статья 11** «Символы государственной власти в зале судебных заседаний мировых судей» Федерального закона Российской Федерации «О мировых судьях в Российской Федерации»: утв. Президентом России 17 декабря 1998 года // Российская газета. – 1998. – 22 декабря.

100. **Статья 28** «Пользование государственным флагом и гербом» Консульской конвенции между Российской Федерацией и Украиной. Вступила в силу 13 октября 1995 года // СЗ РФ. – 1998. – № 49. – Ст. 5971.

101. **Указ** Президента Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 1329 «Об учреждении военного геральдического знака – эмблемы федеральной службы охраны Российской Федерации» // СЗ РФ– 1998. – № 47. – Ст. 5740.

102. **Указ** Президента Российской Федерации от 10 ноября 1998 года № 1333 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СЗ РФ– 1998. – № 47. – Ст. 5741.

103. **Федеральный закон** Российской Федерации от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

104. **Федеральный закон** Российской Федерации от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1475.

105. **Закон** Республики Башкортостан от 06 июля 1999 года № 10-з «О государственной символике Республики Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. – 1999. – № 15. – Ст. 961.

106. **Инструкция** о порядке маркирования знаками соответствия с учетной информацией к ним, защищенными от подделок, товаров и продукции, реализуемых на территории Российской Федерации, и учете их движения. Утв. Министерством торговли Российской Федерации и Государственным комитетом Российской Федерации по стандартизации и метрологии 30 декабря 1998 года // Российская газета. – 1999. – 1 апреля.

107. **Определение** Конституционного Суда Российской Федерации от 3 декабря 1998 года по жалобе граждан Л.Н. Васильевой, А.Н. Евсеева, Н.П. Евсеева и Л.А. Налетова на нарушение их конституционных прав положением части второй статьи 146^7 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях // Российская газета. – 1999. – 29 апреля (фрагмент о товарной марке неустановленного образца).

108. **Постановление** правительства Москвы от 5 января 1999 года № 1 «Об утверждении Временного положения о порядке установки в Москве мемориальных досок и других памятных знаков» // Юридическая газета. – 1999. – № 11. – С. 13–14.

109. **Постановление** правительства Москвы от 19 января 1999 года № 33 «О введении защитного идентификационного знака на видео- и аудиокассеты, компьютерные информационные носители, лазерные и компакт-диски» // Юридическая газета. – 1999. – № 12. – С. 26–29.

110. **Приказ** министра внутренних дел Российской Федерации от 19 февраля 1999 года № 121 «О государственных регистрационных знаках транспортных средств» // Российская газета. – 1999. – № 12. – С. 30–32.

111. **Статьи 4,15, 16, 17, 18, 19, 21, 25, 27, 29, 30, 38, 39, 40, 45, 56** Кодекса Торгового мореплавания Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 1999 года № 81-ФЗ // Российская газета. – 1999. – 1– 5 мая (фрагменты о плавании судов под Государственным флагом Российской Федерации и флагом иностранного государства, о позывном сигнале судна).

112. **Статья 12** «Государственный флаг и герб» Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Ратифицирована Федеральным Собранием Российской Федерации 9 августа 1995 года // Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 3. – С. 37.

113. **Указ** Президента Российской Федерации от 6 января 1999 года № 19 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 марта 1994 года № 442 “О государственных наградах Российской Федерации”» // Российская газета. – 1999. – 26 января.

114. **Закон** Алтайского края от 1 июня 2000 года № 27-ЗС «О гербе Алтайского края» // Алтайская правда. – 2000. – 15 июня.

115. **Закон** Волгоградской области от 18 сентября 2000 года № 436-ОД «О Гербе и Флаге Волгоградской области» // Волгоградская правда. – 2000. – 3 октября.

116. **Указ** Президента Российской Федерации от 23 марта 2000 года № 555 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации» // Российская газета. – 2000. – 12 апреля.

117. **Указ** Президента Российской Федерации от 27 октября 2000 года № 1805 «О военном геральдическом знаке – эмблеме и флаге Федеральной службы специального строительства Российской Федерации» // Российская газета. – 2000. – 17 ноября.

118. **Федеральный** конституционный закон от 25 декабря 2000 года № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2000. – 27 декабря.

119. **Федеральный** конституционный закон от 25 декабря 2000 года № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2000. – 27 декабря.

120. **Федеральный** конституционный закон от 25 декабря 2000 года № 3-ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2000. – 27 декабря.

121. **Закон** Тамбовской области от 14 сентября 2001 года № 209-З «Об официальных символах Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. – 2001. – 28 сентября.

122. **Закон** Хабаровского края от 26 сентября 2001 года № 324 «О флаге и гербе Хабаровского края» // Сборник нормативных правовых актов Законодательной Думы Хабаровского края. – 2001. – № 9.

123. **Закон** Челябинской области от 8 января 2002 года № 64-ЗО «О гербе Челябинской области» // Ведомости Законодательного Собрания Челябинской области. – 2001. – № 13.

124. **Определение** Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2001 года № 116-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кирьянова Федора Павловича на нарушение его конституционных прав статьями 1 и 2 Закона города Москвы "Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы"// https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx (дата обращения: 20.05. 2024).

125. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 16 мая 2001 года № 382 «Об учреждении эмблемы Министерства Российской Федерации по налогам и сборам» // Российская газета. – 2001. – 18 февраля.

126. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2001 года № 833 «Об учреждении эмблемы Министерства путей сообщения Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 50. – Ст. 4737.

127. **Указ** Президента Российской Федерации от 14 мая 2001 года № 533 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага органов Федеральной фельдъегерской связи» // СЗ РФ. – 2001. – Ст. 2209.

128. **Указ** Президента Российской Федерации от 17 мая 2001 года № 547 «О знамени войск гражданской обороны» // СЗ РФ. – 2001. – Ст. 2414.

129. **Указ** Президента Российской Федерации от 25 июня 2001 года № 760 «О личном штандарте начальника Службы специальных объектов при Президенте Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 27. – Ст. 2739.

130. **Указ** Президента Российской Федерации от 25 июня 2001 года № 761 «О знамени Железнодорожных войск Российской Федерации» // СЗ РФ– 2001. – № 27. – Ст. 2740.

131. **Указ** Президента Российской Федерации от 15 октября 2001 года № 1228 «О флаге Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации и знамени войск Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 45. – Ст. 4248.

132. **Федеральный** закон Российской Федерации от 29 декабря 2000 года № 162-ФЗ «О знамени Вооруженных Сил Российской Федерации, знамени Военно-Морского Флота, знаменах иных видов Вооруженных Сил Российской Федерации и знаменах других войск» // Российская газета. – 2001. – 4 января.

133. **Федеральный** закон Российской Федерации от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

134. **Закон** Тамбовской области от 24 мая 2002 года № 27-З «О гимне Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. – 2002. – 15 июня.

135. **Кодекс** Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 1.

136. **Указ** Президента Российской Федерации от 4 февраля 2002 года № 141 «О знаменах видов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ– 2002. – № 6. – Ст. 564.

137. **Указ** Президента Российской Федерации от 6 марта 2002 года № 257 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы Государственной технической комиссии при Президенте Российской Федерации» // Российская газета. – 2002. – 22 марта.

138. **Федеральный** закон Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. – 2002. – № 48. – Ст. 4746.

139. **Закон** Приморского края от 21 января 2003 года № 32-КЗ «О флаге Приморского края» // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. – 2003. – № 15.

140. **Закон** Новосибирской области от 5 июня 2003 года № 119-ОЗ «О гербе Новосибирской области» // Советская Сибирь. – 2003. – 11 июня.

141. **Закон** города Москвы от 11 июня 2003 года № 39 «О гербе города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2003. – № 44.

142. **Определение** Конституционного Суда Российской Федерации17 апреля 2003 года № 127-Ооб отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Олега Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 6 Федерального закона "Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов", Закона Московской области "Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории Московской области" и статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx (дата обращения: 20.05.2024).

143. **Распоряжение** Президента Российской Федерации от 13 октября 2003 года № 471-рп «О Порядке выдачи свидетельств о регистрации официальных символов и отличительных знаков в Государственном геральдическом регистре Российской Федерации» // СЗ РФ– 2003. – № 43. – Ст. 4232.

144. **Указ** Президента Российской Федерации от 21 июля 2003 года № 821 «О военном геральдическом знаке – эмблеме и флаге Министерства обороны Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 32. – Ст. 3169.

145. **Федеральный** закон Российской Федерации от 16 сентября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2003. – 8 октября. – Ст. 9.

146. **Федеральный** закон **Российской Федерации** от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. – 2003. – № 24. – Ст. 2249.

147. **Закон** Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2004 года 151-З № 313-III «Об официальной символике в Республике Саха (Якутия)» // Якутия. – 2004. – 22 июля.

148. **Приказ** Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 9 декабря 2004 года № 158 «Об учреждении эмблемы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=240 (дата обращения: 22.05.2024).

149. **Приложение 7** к Инструкции о порядке оформления и выдачи паспортов гражданам Российской Федерации для выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2004. – № 6. – С. 127–132.

150. **Федеральный конституционный** закон от 28 июня 2004 года № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

151. **Федеральный** закон Российской Федерации от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

152. **Закон** Нижегородской области от 28 апреля 2005 года № 1418-III «О флаге Нижегородской области» // Нижегородские новости. – 2005. – 14 мая. – № 34 (600).

153. **Закон** Воронежской области от 5 июля 2005 года № 50-ОЗ «Об официальной и иной символике в Воронежской области» // Коммуна. – 2005. – 8 июля.

154. **Закон** об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистр права (LL.M) М. Дорфман; науч. ред. Н.И. Мацнев. – СПб., 2005. – С. 187.

155. **Закон** Московской области от 15 июля 2005 года № 183/2005-ОЗ «О гербе Московской области» // Ежедневные Новости. Подмосковье. – 2005. – 26 июля.

156. **Концепция** административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 года № 1789-р // СЗ РФ. – 2005. – № 46. – Ст. 4720.

157. **Определение** Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2005 года № 54 «Нормы закона субъекта Российской Федерации, касающиеся вопросов размещения символики субъекта Российской Федерации, признаны частично недействующими» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 12. – С. 1–3.

158. **Положение** о геральдическом знаке-эмблеме и флаге Федеральной службы по оборонному заказу: Утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 октября 2005 года № 1156 // СЗ РФ. – 2005. – № 42. – Ст. 4258.

159. **Постановление** Законодательного Собрания Нижегородской области от 16 декабря 2004 года № 1262 «О геральдической комиссии Нижегородской области» // Нижегородские новости. – 2005. – 5 февраля.

160. **Приказ** Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 января 2005 года № 23 «Об организации работ по реализации программы мероприятий по популяризации государственных символов России до 2010 года» // Бюллетень Министерства образования и науки Российской Федерации. Высшее и среднее профессиональное образование. – 2005. – № 5.

161. **Приказ** Федерального агентства по физической культуре и спорту от 30 января 2005 года № 11 «Об утверждении принципов использования на парадной и иной официальной спортивной форме сборных команд Российской Федерации изображения Государственного герба Российской Федерации и образцов его размещения» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2005. – 28 марта. – № 13.

162. **Решение** Казанского Совета народных депутатов от 24 декабря 2004 года № 37-21 «О символах муниципального образования города Казань» // Казанские ведомости. – 2005. – 12 января.

163. **Решение** Совета депутатов муниципального образования «Город Серпухов» Московской области от 29 июня 2005 года № 540/83 «О внесении изменений в решение Совета депутатов года Серпухова № 136/25 от 06.10.99 «Об утверждении герба, флага и гимна года Серпухова» // Серпуховские вести. – 2005. – 28 июля.

164. **Указ** Президента Российской Федерации от 1 октября 2005 года № 1156 «Об учреждении геральдического знака-эмблемы и флага Федеральной службы по оборонному заказу» // Российская газета. – 2005. – № 222 (3891). – 5 октября.

165. **Указ** Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 года № 1334 «Об учреждении геральдического знака-эмблемы и флага Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству» // Российская газета. – 2005. – 22 ноября; СЗ РФ. – 2005. – № 47. – Ст. 4833.

166. **Указ** Президента Российской Федерации от 24 ноября 2005 года № 1364 «Об учреждении флага Федеральной службы по техническому и экспортному контролю» // Российская газета. – 2005. – 6 декабря; СЗ РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 5016.

167. **Федеральный закон** Российской Федерации от 21 июля 2005 года № 97-ФЗ «О государственной регистрации уставов муниципальных образований» // СЗ РФ. – 2005. – № 30. – Ч. I. – Ст. 3108.

168. **Статья 12** «Государственный флаг и герб» Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан от 17 октября 1996 года // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 1.

169. **Гражданский кодекс** Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 5496.

170. **Закон** Костромской области от 28 апреля 2006 года № 13-4-ЗКО «О гербе Костромской области» // СП – нормативные документы. – 2006. – 11 мая.

171. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 13 июня 2006 года № 368 «Об учреждении эмблемы и флага Федеральной службы по надзору в сфере природопользования» // СЗ РФ. – 2006. – № 25. – Ст. 2728.

172. **Постановление** Законодательного Собрания Нижегородской области от 21 сентября 2006 года № 240-IV «О принятии Положения о нагрудном знаке Депутата Законодательного Собрания Нижегородской области» // Нижегородские новости. – 2006. – 14 октября.

173. **Решение** Совета депутатов городского поселения Наро-Фоминск от 23 ноября 2006 года № 3/14 «Об утверждении Положения о гербе городского поселения Наро-Фоминск» // Основа. – 2006. – 1 декабря.

174. **Указ** Президента Российской Федерации 24 января 2006 года № 42 «Об учреждении геральдического знака-эмблемы и флага Федеральной службы судебных приставов» // СЗ РФ. – 2006. – № 5. – С. 1967–1970.

175. **Указ** Президента Российской Федерации от 10 апреля 2006 года № 339 «Об использовании Государственного герба Российской Федерации на медалях выпускников образовательных учреждений

среднего (полного) общего и начального профессионального образования» // Российская газета. – 2006. – 13 апреля.

176. **Указ** Президента Российской Федерации от 25 апреля 2006 года № 428 «О Боевом знамени Президентского полка Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации» // Российская газета. – 2006. – 3 мая.

177. **Указ** Президента Российской Федерации от 29 мая 2006 года № 530 «Об использовании Государственного герба Российской Федерации на бланках и печатях мировых судей в Российской Федерации» // Российская газета. – 2006. – 31 мая. – № 114 (4080).

178. **Указ** Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 года № 838 «Об учреждении эмблемы Национального антитеррористического комитета» // СЗ РФ. – 2006. – № 32. – С. 9377–9378.

179. **Указ** Президента Российской Федерации от 22 ноября 2006 года № 1300 «Об учреждении геральдического знака-эмблемы и флага Федеральной регистрационной службы» // Российская газета. – 2006. – 30 ноября.

180. **Указ** Президента Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 1422 «О Боевом знамени воинской части» // СЗ РФ. – 2006. – № 52. – Ч. 3. – Ст. 5564.

181. **Федеральный закон** Российской Федерации от 5 декабря 2006 года № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2006. – 7 декабря.

182. **Федеральный закон** Российской Федерации от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

183. **Федеральный закон** Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – Ч. 1. – Ст. 3448.

184. **Федеральный закон** Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2006. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 5497.

185. **Часть 2** пункта 5 статьи 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации // Российская газета. – 2006. – 22 декабря (фрагмент о том, что символы не являются объектом авторского права).

186. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2007 года № 905 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору» // СЗ РФ. – 2007. – № 53. – Ст. 6609.

187. **Постановление** Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 года № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Российская газета. – 2007. – 5 мая.

188. **Приказ** Министерства юстиции Российской Федерации от 22 февраля 2007 года № 39 «Об утверждении Порядка принятия решения о государственной регистрации эмблем некоммерческих организаций, символики общественных объединений» // Российская газета. – 2007. – 22 марта.

189. **Решение** Совета депутатов сельского поселения Горское Одинцовского муниципального района Московской области от 26 июня 2007 года № 2/14 «О гербе сельского поселения Горское Одинцовского муниципального района Московской области» // Новые рубежи. – 2007. – 11 августа.

190. **Федеральный закон** Российской Федерации от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. – 2007. – 1 августа.

191. **Федеральный закон** Российской Федерации от 7 мая 2007 года № 68-ФЗ «О Знамени Победы» // СЗ РФ. – 2007. – № 20. – Ст. 2369.

192. **Федеральный закон** Российской Федерации от 1 декабря 2007 года № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6071.

193. **Федеральный закон** Российской Федерации от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

194. **Распоряжение** Правительства Нижегородской области от 6 декабря 2007 года № 1924-р «Об использовании герба Нижегородской области» // Нижегородские новости. – 2008. – 4 мая.

195. **Указ** Президента Республики Марий Эл от 28 февраля 2007 года № 32 «Об официальных символах власти Главы Республики Марий Эл и их использовании при вступлении в должность Главы Республики Марий Эл» // Собрание законодательства Республики Марий Эл. – 2007. – № 3. – Ст. 262.

196. **Устав** Пермского края от 27 апреля 2007 года № 32-ПК // Собрание законодательства Пермского края. – 2007. – № 5. – Ч. I.

197. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2008 года № 831 «Об учреждении эмблемы и флага Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, вымпела руко-

водителя Службы и вымпела морских и речных судов, используемых Службой для осуществления контроля в области морского и внутреннего водного транспорта» // СЗ РФ. – 2008. – № 46. – Ст. 5349.

198. **Постановление** Правительства Кировской области от 28 января 2008 года № 120/24 «О геральдическом регистре Кировской области» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. – 2008. – № 3.

199. **Статья 3** Федерального закона Российской Федерации от 26 декабря 2008 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2008. – 31 декабря.

200. **Указ** Президента Российской Федерации «Об учреждении эмблемы Государственного антинаркотического комитета» // Российская газета. – 2008. – 20 февраля.

201. **Указ** Президента Российской Федерации от 4 октября 2008 года № 1441 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага прокуратуры Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2008. – № 41. – Ст. 4652.

202. **Федеральный закон** Российской Федерации от 8 ноября 2008 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в статью 17.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. – 2008. – 11 ноября.

203. **Федеральный конституционный закон** Российской Федерации от 8 ноября 2008 года № 4-ФКЗ «О внесении изменения в Федеральный конституционный закон “О Государственном флаге Российской Федерации”» // Российская газета. – 2008. – 11 ноября.

204. **Административный** регламент исполнения Министерством юстиции Российской Федерации государственной функции по принятию решения о государственной регистрации эмблем некоммерческих организаций и символики общественных объединений: утв. приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 31 марта 2009 года № 97 // Российская газета. – 2009. – 30 апреля.

205. **Постановление** Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 9 декабря 2009 года № 184/1294-5 «О геральдической символике Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – 2009. – № 12.

206. **Указ** Президента Российской Федерации от 5 мая 2009 года № 502 «Об учреждении эмблемы Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – 12 мая.

207. **Указ** Президента Российской Федерации от 31 октября 2009 года № 1233 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы, флага и знамени Службы внешней разведки Российской Федерации» // Российская газета. – 2009. – 6 ноября.

208. **Указ** Президента Российской Федерации от 27 апреля 2009 года № 463 «О присвоении года Наро-Фоминску почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы» // СЗ РФ. – 2009. – № 18. – Ч. II. – Ст. 2226.

209. **Указ** Президента Российской Федерации от 12 декабря 2009 года № 1432 «Об учреждении знамени Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, знамен его территориальных органов, образовательных и иных организаций, находящихся в ведении этого Министерства» // СЗ РФ. – 2009. – № 51. – Ст. 6285.

210. **Федеральный конституционный закон** Российской Федерации от 10 ноября 2009 года № 6 «О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона “О Государственном гербе Российской Федерации”» // Российская газета. – 2009. – 13 ноября.

211. **Федеральный закон** Российской Федерации от 17 июля 2009 года № 145-ФЗ «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3582.

212. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.

213. **Статья 10** «Использование государственной символики Российской Федерации» Консульского устава Российской Федерации. Утвержден федеральным законом Российской Федерации от 5 июля 2010 года № 154 // Российская газета. – 2010. – 7 июля.

214. **Статья 13** «Флаг, вымпел и эмблема таможенных органов» Федерального закона Российской Федерации от 27 ноября 2010 года № 311 «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Российская газета. – 2010. – 29 ноября.

215. **Указ** Президента Российской Федерации от 9 февраля 2010 года № 168 «Об учреждении гербов и знамен войсковых казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации» // Российская газета. – 2010. – 11 января.

216. **Указ** Президента Российской Федерации от 22 апреля 2010 года № 499 «Об учреждении флага и знамени Федеральной службы безопасности Российской Федерации» // Российская газета. – 2010. – 28 апреля.

217. **Указ** Президента Российской Федерации от 14 июня 2010 года № 728 «Об учреждении знамени Федеральной службы исполнения наказаний, знамен ее территориальных органов, образовательных организаций высшего образования и профессиональных образовательных организаций» // СЗ РФ. – 2010. – № 25. – Ст. 3123.

218. **Федеральный закон** Российской Федерации от 19 мая 2010 года № 88 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления контроля за использованием государственной символики, незаконным ношением форменной одежды» // Российская газета. – 2010. – 21 мая.

219. **Федеральный закон Российской Федерации** от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 15.

220. **Закон** Нижегородской области от 9 августа 2011 года № 101 «О внесении изменений в статьи 4 и 9 закона Нижегородской области “О гербе Нижегородской области”» // Нижегородские новости, 2011. – 12 августа.

221. **Постановление** Правительства Нижегородской области от 12 октября 2011 года № 821 «Об утверждении порядка учета печатей правительства Нижегородской области и органов исполнительной власти Нижегородской области с воспроизведением государственного герба Российской Федерации» // Нижегородские новости. – 2011. – 29 октября.

222. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 24 марта 2011 года № 210 «Об организации деятельности, связанной с учреждением геральдических знаков федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, и о внесении изменений в акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 14. – Ст. 1935.

223. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 21 ноября 2011 года № 959 «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный академический Большой театр России» // СЗ РФ. – 2011. – № 49. – Ч. 5. – Ст. 7280.

224. **Приказ** Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 29 апреля 2011 года № 261 «Об утверждении символики государственного природного заповедника «Болоньский» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти (далее – БНА ФОИВ). – 2011. – № 28.

225. **Приказ** Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 10 мая 2011 года № 97 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» // Российская газета. – 2011. – 13 июля.

226. **Указ** Президента Российской Федерации от 11 мая 2011 года № 633 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы, флага и знамени Следственного комитета Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 20. – Ст. 2794.

227. **Указ** Президента Российской Федерации от 16 мая 2011 года № 640 «Об учреждении знамени Федеральной службы охраны Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 21. – Ст. 2926.

228. **Федеральный Конституционный закон** Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 1 «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.

229. **Федеральный закон** Российской Федерации от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

230. **Федеральный закон** Российской Федерации от 3 декабря 2011 года № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. – 2011. – № 49. – Ч. 5. – Ст. 7058.

231. **Закон** Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163 «О мировых судьях Нижегородской области» // Нижегородские новости. – 2012. – 22 декабря.

232. **Закон** Рязанской области от 7 марта 2012 года № 9-ОЗ «Об официальной символике в Рязанской области» // Рязанские ведомости. – 2012. – 12 марта.

233. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 12 мая 2012 года № 472 «Об утверждении Правил плавания по внутренним водным путям Российской Федерации спортивных парусных судов и прогулочных судов под флагами иностранных государств» // Российская газета. – 2012. – 12 мая.

234. **Постановление** Губернатора Тверской области от 16 февраля 2012 года № 18-пг «О Геральдическом реестре Тверской области» // Тверская жизнь. – 2012. – № 38–39.

235. **Приказ** Министерства юстиции Российской Федерации от 1 февраля 2012 года № 10 «Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по государственной регистрации эмблем некоммерческих организаций и символики общественных объединений» // Российская газета. – 2012. – 25 апреля.

236. **Приказ** Министерства транспорта Российской Федерации от 24 июля 2012 года № 253 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства железнодорожного транспорта

предоставления государственной услуги по принятию решений о примыкании к железнодорожным путям общего пользования строящихся, новых или восстановленных железнодорожных путей общего пользования и железнодорожных путей необщего пользования» // Российская газета. – 2012. – 7 ноября.

237. **Приказ** Федерального агентства лесного хозяйства от 17 января 2012 года № 16 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы, флага Федерального агентства лесного хозяйства и вымпела руководителя Федерального агентства лесного хозяйства» // БНА ФОИВ. – 2012. – № 12.

238. **Приказ** Министерства транспорта Российской Федерации от 17 июля 2012 года № 240 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федерального агентства воздушного транспорта» // БНА ФОИВ. – 2012. – № 49.

239. **Приложение** «Флаг и эмблема ЧВМГ» к Соглашению о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия (вступило в силу для Российской Федерации 3 ноября 2003 года) // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 3. – С. 17.

240. **Федеральный закон** Российской Федерации от 25 декабря 2012 года № 255 «О внесении изменений в статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности"» // Российская газета. – 2012. – 28 декабря.

241. **Федеральный закон** Российской Федерации от 25 декабря 2012 года № 257 «О внесении изменений в Федеральный закон “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” // Российская газета. – 2012. – 28 декабря.

242. **Указ** Президента Российской Федерации от 3 ноября 2012 года № 1472 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федеральной службы по финансовому мониторингу» // Российская газета. – 2012. – 7 ноября.

243. **Указ** Президента Российской Федерации от 15 февраля 2012 года № 191 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы Министерства юстиции Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2012. – № 8. – Ст. 990.

244. **Указ** Президента Российской Федерации от 12 июля 2012 года № 983 «Об учреждении флага и знамени Министерства внутренних дел Российской Федерации, знамен отдельных территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2012. – № 29. – Ст. 4078.

245. **Порядок** доступа граждан и транспортных средств в контролируемые зоны, а также правила осуществления отдельных видов деятельности в контролируемых зонах. Утвержден решением оперативного штаба по обеспечению безопасности при проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в года Сочи от 6 ноября 2013 года № 11 // Российская газета. – 2013. – 27 декабря.

246. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2013 года № 1156 «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» // Российская газета. – 2013. – 19 декабря.

247. **Приказ** Министерства экономического развития Российской Федерации от 27 февраля 2013 года № 91 «Об утверждении Требований к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения пользования сайтом в сети «Интернет», на котором будет проводиться продажа государственного или муниципального имущества в электронной форме» // Российская газета. – 2013. – 19 апреля.

248. **Приказ** Министерства внутренних дел Российской Федерации от 26 июля 2013 года № 575 «Об утверждении Правил ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия» // Российская газета. – 2013. – 9 октября.

249. **Указ** Президента Российской Федерации от 31 июля 2013 года № 659 «О порядке установления в Российской Федерации памятных дней и профессиональных праздников» // Российская газета. – 2013. – 2 августа.

250. **Федеральный закон** Российской Федерации от 28 декабря 2013 года № 416 «О внесении изменений в Федеральный закон “О лотереях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2013. – 30 декабря.

251. **Федеральный закон Российской Федерации** от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1649.

252. **Федеральный закон Российской Федерации** от 7 июня 2013 года № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 23. – Ст. 2866.

253. **Закон** Нижегородской области от 30 июня 2014 года № 82 «Об использовании копии знамени победы в Нижегородской области» // Нижегородские новости. – 2014. – 10 июля.

254. **Постановление** Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 августа 2014 года № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 10. – С. 1–10.

255. **Постановление** Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2014 года № 6 «Об утверждении геральдического знака – эмблемы Верховного Суда Российской Федерации». URL: http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=9256 (дата обращения: 22.05.2024).

256. **Постановление** губернатора Амурской области от 5 ноября 2014 года № 288 «Об именном кубке губернатора Амурской области» // Амурская правда. – 2014. – 15 ноября.

257. **Приказ** Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 3 сентября 2013 года № 225 «Об утверждении геральдического знака - эмблемы и флага Федерального агентства связи» // Российская газета. – 2014. – 31 января.

258. **Приказ** Федерального агентства по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств от 31 октября 2013 года № 2161 «Об учреждении знаков отличия Федерального агентства по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств» // Российская газета. – 2014. – 12 февраля.

259. **Приказ** Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 9 января 2014 года № 3 «Об утверждении образцов удостоверения и нагрудного знака производственного охотничьего инспектора» // Российская газета. – 2014. – 28 марта.

260. **Приказ** Министерства юстиции Российской Федерации от 11 июля 2014 года № 159 «О внесении изменений в приказ Минюста России от 17 июля 2013 года № 116 “О ведомственных наградах Министерства юстиции Российской Федерации”» // Российская газета. – 2014. – 1 августа.

261. **Приказ** Министерства регионального развития Российской Федерации от 10 апреля 2014 года № 108 «О ведомственных наградах Министерства регионального развития Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 6 августа.

262. **Приказ** Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 мая 2014 года № 214 «Об утверждении требований к знаку о запрете курения и к порядку его размещения // Российская газета. – 2014. – 6 августа.

263. **Приказ** Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 21 февраля 2014 года № 105 «Об утверждении символики федерального государственного бюджетного учреждения «Мордовский государственный природный заповедник имени П. ГОДА Смидовича» // БНА ФОИВ. – 2014. – № 18.

264. **Приказ** Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13 мая 2014 года № 209 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» // БНА ФОИВ. – 2014. – № 38.

265. **Протокол** о внесении дополнения в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об использовании миграционной карты единого образца от 5 октября 2004 года // Бюллетень международных договоров. – 2014. – № 2. – С. 21.

266. **Соглашение** между Правительством Российской Федерации и Правительством Греческой Республики о взаимной защите секретной информации. Вступило в силу 15 октября 2013 года // Бюллетень международных договоров. – 2014. – № 7. – С. 31–36.

267. **Соглашение** между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр о взаимной защите секретной информации. Вступило в силу 26ноября 2013 года // Бюллетень международных договоров. – 2014. – № 7. – С. 51–56.

268. **Указ** Президента Российской Федерации от 28 июля 2014 года № 533 «Об использовании Государственного герба Российской Федерации на знаках отличия Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса “Готов к труду и обороне” (ГТО)» // Российская газета. – 2014. – 1 августа.

269. **Указ** Президента Российской Федерации от 16 сентября 2014 года № 630 «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Счетной палаты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2014. – № 38. – Ст. 5052.

270. **Федеральный закон** Российской Федерации от 12 марта 2014 года № 35 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 14 марта.

271. **Федеральный закон** Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 128 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – 7 мая.

272. **Федеральный закон** Российской Федерации от 21 июля 2014 года № 236-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам символики некоммерческих организаций» // Российская газета. – 2014. – 23 июля.

273. **Федеральный закон** Российской Федерации от 4 ноября 2014 года № 332 «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 годов” и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. – 2014. – 7 ноября.

274. **Федеральный закон Российской Федерации** от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.

275. **Федеральный закон** Российской Федерации от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // СЗ РФ. – 2014. – № 14. – Ст. 1536.

276. **Приказ** Министерства образования и науки Российской Федерации от 11 августа 2016 года № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 53.05.06 Композиция (уровень специалитета)» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/0001201608310021 (дата обращения: 22.05.2024).

277. **Приказ** Министерства экономического развития Российской Федерации от 29 сентября 2016 года № 612 «Об утверждении Методических рекомендаций по оформлению многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с использованием единого фирменного стиля «Мои Документы» // URL: http://ar.gov.ru/ru-RU/document/default/view/496 (дата обращения: 22.05.2024).

278. **Соглашение между Правительством** Российской Федерации и Правительством Республики Сингапур об учреждении Российского культурного центра в Республике Сингапур // Бюллетень Международных договоров. – 2016. – № 3. – С. 99–103.

279. **Указ** Губернатора Орловской области от 8 июля 2016 года № 359 «О Геральдическом реестре Орловской области» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5700201607120004 (дата обращения: 22.05.2024).

280. **Приказ** Министра обороны Российской Федерации от 10 июля 2017 года № 434 «О геральдическом обеспечении Вооруженных Сил Российской Федерации» // URL: http://heraldy.mil.ru/files/ Prikaz434_10.07.2017.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

281. **Указ** Президента Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 549 «О порядке принесения Присяги гражданина Российской Федерации» // Российская газета. – 2017. – 17 ноября.

282. **Постановление** Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 года № 28 года Москва «О некоторых вопросах, возникших у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // Российская газета. – 2018. – 6 июля.

283. **Приказ** Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 25 января 2018 года № 22 «О порядке утверждения и использования символики федеральных государственных бюджетных учреждений, осуществляющих управление государственными природными заповедниками и национальными парками». URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/ View/0001201804050021 (дата обращения: 22.05.2024).

284. **Указ** Президента Российской Федерации от 15 мая 2018 года № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 2018. – № 21. – Ст. 2981.

285. **Федеральный закон** Российской Федерации от 3 августа 2018 года № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 32. – Ч. I. – Ст. 5082.

286. **Приказ** Министерства внутренних дел Российской Федерации от 14 февраля 2019 года № 70 «Об организации геральдического обеспечения в системе МВД России» // URL: https://media.mvd.ru/files/embed/1512789 (дата обращения: 22.05.2024).

287. **Указ** Президента Российской Федерации от 16 июля 2019 года № 335 «Об утверждении Положения о знамени Федеральной таможенной службы, описаний и рисунков знамени, флага и эмблемы Федеральной таможенной службы, типовых образцов знамен региональных таможенных управлений, таможен и образовательных организаций, находящихся в ведении Федеральной таможенной службы, описания и рисунка вымпела водных судов таможенных органов Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 29. – Ч. II. – Ст. 4005.

288. **Указ** Президента Российской Федерации от 18 ноября 2019 года № 561 «Вопросы Геральдического совета при Президенте Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 47. – Ст. 6649.

289. **Федеральный закон** Российской Федерации «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» // Российская газета. – 2019. – 20 марта.

290. **Федеральный закон** Российской Федерации принят Государственной Думой от 9 декабря 2020 года «О федеральной территории «Сириус»», одобрен Советом Федерации 16 декабря 2020 года // Российская газета № 292 (8346). – 2020. – 25 декабря 2020 года.

291. **Пункт 26 статьи 2** Федерального закона Российской Федерации от 14 июля 2022 года № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования в Российской Федерации» // Российская газета. – 2022. – 19 июля.

292. **Пункт 8 статьи 4** Федерального закона Российской Федерации от 14 июля 2022 года № 261-ФЗ **«**О российском движении детей и молодежи» // Российская газета. – 2022. – 19 июля.

293. **Федеральный закон** Российской Федерации от 29 декабря 2022 года № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2023. – 9 января.

294. **Указ Президента Российской Федерации** «О приведении отдельных категорий лиц к присяге» // Российская газета. – 2023. – 28 августа.

295. **Указ** Главы Республики Марий Эл от 06.03.2023 № 36 «Вопросы Геральдического совета при Главе Республики Марий Эл». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/1200202303070001 (дата обращения: 22.05.2024).

296. **Постановление** Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2023 года № 2267 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца и описания бланка паспорта гражданина Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2024. – № 1. – Ч. I. – Ст. 163.

297. **Постановление** Конституционного Суда РФ от 25 июня 2024 года № 33-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1276 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Издательский дом "Фест Хэнд"// Российская газета. – 2024. – 5 июля.

298. **Соглашение** о сотрудничестве государств-участников СНГ по предупреждению и пресечению использования ложных товарных знаков и географических указаний (вступило в силу для Российской Федерации 10 марта 2024 года) // Бюллетень международных договоров. – 2024. – № 6. – С. 19-24.

299. **Соглашение** между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о торговом судоходстве (вступило в силу для Российской Федерации 12 августа 1995 года) // Бюллетень международных договоров. – 2024. – № 6. – С. 30-34.

300. **Федеральный конституционный закон** от 23 марта 2024 года № 1-ФКЗ "О внесении изменения в статью 4 Федерального конституционного закона "О Государственном флаге Российской Федерации" // Российская газета. – 2024. – 27 марта.

301. **Федеральный закон Российской Федерации** от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации"// Российская газета. – 2024. – 15 августа.

302. **Федеральный закон Российской Федерации** от 9 ноября 2024 года № 378-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" (статья 5.27^2 «Нарушение требований законодательства Российской Федерации при осуществлении деятельности по трудоустройству граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации для работы на судах, плавающих под флагом иностранного государства») // Российская газета. – 2024. – 12 ноября.

303. **Федеральный закон Российской Федерации** от 28 декабря 2024 года № 522-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации // Российская газета. – 2025. – 9 января.

304. **Федеральный закон Российской Федерации** от 28 декабря 2024 года № 545-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»» (статья 5^2 «Музыкальные произведения и иные произведения, связанные с событиями или периодом Великой Отечественной войны») // Российская газета. – 2025. – 10 января.

305. **Федеральный закон Российской Федерации** от 20 марта 2025 года N 33-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" (статья 7 «Наименования муниципальных образований»; статья 8 «Официальные символы муниципальных образований») // Российская газета. – 2025. – 26 марта.

306. **Федеральный конституционный закон Российской Федерации** от 31 июля 2025 года № 2-ФКЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 6 Федерального конституционного закона «О Государственном флаге Российской Федерации» и статью 3 Федерального конституционного закона «О Государственном гимне Российской Федерации» // Российская газета. – 2025. – 7 августа.

307. **Федеральный закон Российской Федерации** от 31 июля 2025 года № 319-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российская газета. – 2025. – 8 августа.

308. **Определение** Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 года № 575-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сельковой Елены Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Юридическая информационная система "Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации". – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032024-n-575-o/ (дата обращения: 22.05.2024).

309. **Директива** Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» // https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (дата обращения: 06.05. 2025).

310. Конвенция о правовом статусе делегаций, направляемых в государства-участники Содружества Независимых государств от 8 октября 2024 года (вступила в силу для РФ 5 сентября 2025 года) // Бюллетень международных договоров. – 2025. – № 11. – С. 6 (статья 10 «Право делегации пользоваться флагом и эмблемой направляющего государства»).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

311. **Определение** Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2003 года по делу № 11-Г03-13 // Судебная система РФ : электронная библиотека су-

дебных актов. URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_26968.htm (дата обращения: 22.05.2024).

312. **Определение** Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2005 года по делу № 54-Г05-3 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 12.

313. **Решение** Пермского областного суда от 30 мая 2002 года по делу № 3-95 // Бюллетень Законодательного Собрания и администрации Пермской области. – 2002. – № 7.

314. **Постановление** Алтайского краевого суда от 10 декабря 2010 года по делу № 4а-894/2010 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.05.2024).

315. **Апелляционное определение** Московского городского суда от 22 мая 2012 года по делу № 11-2152 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.05.2024).

316. **Постановление** Новосибирского областного суда от 31 мая 2013 года по делу № 4-А-505-2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.05.2024).

317. **Постановление** Хабаровского краевого суда от 21 октября 2013 года по делу № 4а-482/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.05.2024).

318. **Статья 11 «Флаг и эмблема»** Соглашения между Правительством Российской Федерации и Евразийской перестраховочной компанией об условиях пребывания Евразийской перестраховочной компании на территории Российской Федерации. Вступило в силу 16 июля 2025 года // Бюллетень международных договоров. – 2025. – № 9. – С. 57.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

319. **Вишневецкий, К. В**. Теоретико-методологические основания криминологического исследования символики радикальных и экстремистских организаций / К. В. Вишневецкий, С. Ф. Самойлов, А. В. Некрасова; Краснодарский ун-т МВД России. – Краснодар: Изд. Дом - Юг, 2024. – 182 с.

320. **Методические рекомендации** по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований // Геральдика.ру : сайт. – URL: https://sovet.geraldika.ru/article/21037 (дата обращения: 22.05.2024).

321. **Общие принципы** разработки муниципальных флагов // Геральдика.ру : сайт. – URL: https://sovet.geraldika.ru/article/4316 (дата обращения: 22.05.2024).

322. **Основные нормы** составления территориальных и муниципальных гербов: методические рекомендации // Геральдика.ру : сайт. – URL: https://sovet.geraldika.ru/article/1992 (дата обращения: 22.05.2024).

323. **Правила** использования Государственного герба РФ // Геральдика.ру : сайт. – URL: https://sovet.geraldika.ru/article/4756 (дата обращения: 22.05.2024).

324. **Правила** использования Государственного флага РФ // Геральдика.ру : сайт. – URL: https://sovet.geraldika.ru/article/8162 (дата обращения: 22.05.2024).

325. **Типы** ранговых корон муниципальных образований // Геральдика.ру : сайт. – URL: https://sovet.geraldika.ru/page/13245 (дата обращения: 22.05.2024).

326. **Постановление** Законодательного Собрания Нижегородской области от 24 февраля 2022 года № 157 –VII «О внесении изменений в отдельные постановления Законодательного Собрания Нижегородской области (в Положение о Почетной грамоте Законодательного Собрания Нижегородской области и Положение о Благодарственном письме Законодательного Собрания Нижегородской области) // Нижегородские новости. – 2024. – 8 ноября.

327. **Белов, С. И.** Политика памяти и символическая политика в современных видеоиграх: учебное пособие / Белов Сергей. — Иваново : Информатика, 2025. — 83 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

328. **Общественная инициатива** № 70Ф17106 «Убрать с герба российского государства символы царского самодержавия и религиозной идентификации» // Российская общественная инициатива : сайт. – URL: https://www.roi.ru/17106/ (дата обращения: 22.05.2024).

329. **Общественная инициатива** № 54Ф28976 «Внести изменения в Государственный герб Российской Федерации» // Российская общественная инициатива : сайт. – URL: https://www.roi.ru/28976/ (дата обращения: 22.05.2024).

МОНОГРАФИИ И КНИГИ
(НАУЧНАЯ, УЧЕБНАЯ, ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА)

330. **Куницын, А. П.** Право естественное / А. П. Куницын. – СПб. : в Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. – 135 с.

331. **Куницын, А. П.** Право естественное. Ч. II. Право прикладное / А. П. Куницын. – СПб. : В Типографии Иос. Иоаннесова, 1820. – 164 с.

332. **Колмыков, П. Д.** О символисмъ права вообще и русскаго въ особенности. Речь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Санктпетербургскаго университета Ординарнымъ Профессоромъ Докторомъ Правъ Петромъ Колмыковымъ Марта 31 дня 1839 г. – С. Петербургъ, въ типографіи Карла Краяйя, 1839. – 93 с.

333. **Иванишев, Н. Д.** О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах, в сравнении с германской вирою. – Киев, 1840.

334. **Спасович, В. Д.** О правах нейтрального флага и нейтрального груза. – СПб., 1851.

335. **Русская** геральдика. – СПб., 1855.

336. **Сахаров, И. П.** Записки о русских гербах. – СПб., 1856.

337. **Языков, А. П.** О русском государственном цвете. – СПб., 1858.

338. **Иванов, П. И.** О знаках, заменяющих подписи в Древней Руси. – СПб., 1859.

339. **Мейер, Д. И**. Русское гражданское право. Общая часть / Д. И. Мейер. – СПб. : В Типографии Николая Тиблена и Комп., 1861. – 367 с.

340. **Мейер, Д. И.** Русское гражданское право. Гражданские права в отдельности / Д. И. Мейер. – СПб. : В Типографии Н. Тиблена и Комп., 1862. – 650 с.

341. **Дювернуа, Н. Л.** Источники права и суд в древней России. – М., 1869.

342. **Леонтович, Ф. И.** История русского права. Вып. I / Ф. И. Леонтович. – Одесса : В гор. тип. сод. Алексомати, 1869. – 151 с.

343. **Чельцов, Г.** Древние формы символа веры православной Церкви. – Спб., 1869.

344. **Якушкин, Е. И.** Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1 / Е. И. Якушкин. – Ярославль : В типографии Губернского Правления, 1875. С. III–XXXXVI.

345. **Ведров.** О денежных пенях по Русской Правде, в сравнении с законами салических франков. – М., 1877.

346. **Пахман, С. В.** Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. I / С. В. Пахман. – СПб. : В Типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877. – 447 с.

347. **Чижов, Н. Е.** Обычай и закон как формы права. – М., 1877.

348. **Соловьев, Е. Т.** Знаки собственности в России. Историко-археологический очерк. [О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта. Археологический очерк] / Е. Т. Соловьев. – Казань : Типография Губернского Правления, 1885. – 242 с.

349. **Леонтович, Ф. И**. Старый земский обычай / Ф. И. Леонтович. – Одесса : Типография А. Шульце, 1889. – 160 с.

350. **Салмина, Н. Г.** Знак и символ в обучении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 288 с.

351. **Шуровский, П. А.** Сборник национальных гимнов всех государств света. – СПб., 1890.

352. **Воронец, Е. Н.**Какие цвета установлены историей и русскими законами для отличительно русского флага? – Харьков, 1892.

353. **Дормидонтов, Г. Ф.** Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций / Г. Ф. Дормидонтов. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1895. – 176 с.

354. **Котляревский, А. А.** Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права / А. А. Котляревский // Сочинения А. А. Котляревского. – Т. IV. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1895. – 206 с.

355. **О цветах** русского флага. – СПб., 1896.

356. **Белов, М. Т.** Альбом штандартов, флагов и вымпелов Российской империи и иностранных государств. – СПб., 1898.

357. **Правда** о русских флагах. – Харьков, 1898.

358. **Харузин, Н. Н.** Очерки первобытного права / Н. Н. Харузин. – М. : Издание книжного магазина Гросман и Кнебель, 1898. – 178 с.

359. **Загоскин, Н. П.** История права русского народа. Т. 1 / Н. П. Загоскин. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1899. – 512 с.

360. **Харузин, Н. Н.** Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта / Н. Н. Харузин. – М. : Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. – 472 с.

361. **Дебольский, Н. Н.** Гражданская дееспособность по русскому праву. – СПб., 1903.

362. **Белов, М. Т.** Альбом штандартов, флагов и вымпелов Российской империи и иностранных государств. – СПб., 1904.

363. **Дурасов, В.** Гербовик всероссийского дворянства: В 2 т. – СПб., 1906–1907.

364. **Арсеньев, Ю. В.** Геральдика. – М., 1908.

365. **Белавенец, П. И.** Цвета русского государственного национального флага. – СПб., 1910.

366. **Воронец, Е. Н.** Как комиссия извратила цвета народно-государственного отличительного русского флага. – Харьков, 1910.

367. **Петражицкий, Л. И.** Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. II / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Типография М. Меркушева, Невский пр., № 8, 1910. – С. 319–758.

368. **Самоквасов, Д. Я.** К вопросу о государственных цветах древней России. – СПб., 1910.

369. **Алярд, К.** Книга о флагах. – СПб., 1911.

370. **Арсеньев, Ю. В.** О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах древней России. – СПб., 1911.
371. **Белавенец, П. И.** Краткие записи о старых русских знаменах. – СПб., 1911.
372. **Белинский, В. Е.** Русский национальный флаг и его реформа. – СПб., 1911.
373. **Россия.** Министерство юстиции и Особое совещание для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах : Докладная записка князя Путятина. – СПб., 1911.
374. **Трутовский, В. К.** К вопросу о русских национальных цветах и о типе государственного знамени России. – М., 1911.
375. **Сорокин, П.** Символ в общественной жизни. – Рига, 1913.
376. **Бернштейн, Н. Д.** История национальных гимнов. – Пгода, 1914.
377. **Что нужно знать** кавалеру ордена Св. Георгия. – М., 1915. – 16 с.
378. **Что нужно знать** кавалеру ордена Св. Владимира. – М., 1915. – 16 с.
379. **Что нужно знать** кавалеру ордена Св. Анны. – М., 1915. – 16 с.
380. **Что нужно знать** кавалеру ордена Св. Станислава. – М., 1915. – 16 с.
381. **Покровский, И. А.** Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Пг. : Издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1917. – 328 с.
382. **Кривицкий, А.** Традиции русского офицерства. – М., 1945.
383. **Неволин, К. А.** История российских гражданских законов. Т. 2 / К. А. Неволин. – СПб. : В Типографии Императорской Академии наук, 1851. – 452 с.
384. **Каменцева, Е. И.** Печати и гербы в СССР. – М., 1960.
385. **Баскаков, Э. Г.** Биография гербов, флагов, гимнов зарубежных стран. – М., 1967.
386. **Пирс, Дж.** Символы, сигналы, шумы / пер. с англ. – М., 1967. – 334 с.
387. **Уваров, Л. В.** Образ, символ, знак (анализ современного гносеологического символизма). – Минск, 1967.
388. **Ушаков, А. А.** Очерки советской законодательной стилистики : учебное пособие / А. А. Ушаков. – Пермь : [б. и.], 1967. – 208 с.
389. **Кисилев, Г. Ф.** Эмблемы мира и труда / Г. Ф. Кисилев, Н. Н. Сперансов. – М., 1968.
390. **Ленин, В. И.** Под чужим флагом // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26. – М.: Издательство Политической Литературы, 1969. – 590 с.
391. **Иванов, К. А.** Флаги государств мира. – М., 1971.
392. **Уваров, Л. В.** Символизация в познании. – Минск, 1971.
393. **Мамаев, К. К.** Флаги рассказывают. – Л., 1972.
394. **Пронштейн, А. П.** Вспомогательные исторические дисциплины : учебное пособие / А. П. Пронштейн, В. Я. Кияшко. – М. : Просвещение, 1973. – 112 с.
395. **Каменцева, Е. И.** Русская сфражетика и геральдика / Е. И. Каменцева, Н. В.Устюгов. – М., 1974.
396. **Вопленко, Н. Н.** Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. – М. : Юридическая литература, 1976. – 118 с.
397. **Вуд Джон и Жан Серре.** Дипломатический церемониал и протокол. Принципы, процедура и практика. Перевод с английского. Второе, исправленное издание. – Москва: Издательство «Прогресс», 1976. – 395 с.
398. **Лосев, А. Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.
399. **Драчук, В. С.** Рассказывает геральдика. – М., 1977.
400. **Лященко, М.** Твое красное знамя. – М., 1978.
401. **Караманцев, В.** Пролетарская символика. – М., 1978.
402. **Колесников, Г.** Ордена и медали СССР / Г. Колесников, А. Рожаев. – М., 1978.
403. **Ильинский, В.** Геральдика трудовой славы. – М., 1979.
404. **Кабуш, В. Т.** Пионерские символы, ритуалы в воспитании подростков. – Минск, 1979.
405. **Черданцев, А. Ф.** Толкование советского права / А. Ф. Черданцев. – М. : Юридическая литература, 1979. – 168 с.
406. **Валюлис, С.** Эстетика литовского символизма: Из курса лекций. – Вильнюс, 1980.
407. **Мантатов, В. В**. Образ, знак, условность / В. В. Мантатов. – М. : Высшая школа, 1980. – 160 с.
408. **Свасьян, К. А.** Проблема символа в современной философии (критика и анализ). – Ереван, 1980.
409. **Ардзинба, В. Г.** Ритуалы и мифы древней Анатолии. – Москва, 1982.
410. **Лосев, А. Ф.** Язык, символ, миф. – М., 1982.
411. **Мамардашвили, М. К.** Символ и сознание / М. К. Мамардашвили, А. Пятигорский. – Иерусалим, 1982.
412. **Календарные** обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983.
413. **Корнаков, П. К.** Знамена февральской революции // Геральдика: Материалы исследования. – М., 1983.
414. **Советская** политическая символика. – Каунас, 1983.
415. **Тэрнер, В.** Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

416. **Кобрин, В. Б.** Вспомогательные исторические дисциплины : учебное пособие / В. Б. Кобрин, Г. А. Леонтьева, П. А. Шорин ; под ред. В. Г. Тюкавкина. – М. : Просвещение, 1984. – 208 с.
417. **О государственных** символах Эстонской ССР. – Таллин, 1985.
418. **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов. – М., 1985.
419. **Государственные** символы Союза ССР и Казахской СССР. – Алма-Ата, 1986.
420. **Казьмин, И. Ф.** Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса / И. Ф. Казьмин. – М. : Юридическая литература, 1986. – 192 с.
421. **Спасов, Б. П.** Закон и его толкование / Б. П. Спасов ; пер. В. М. Сафронова. – М. : Юридическая литература, 1986. – 247 с.
422. **Использование** государственных символов СССР в воспитательной работе. – М., 1987.
423. **Поцелуев, В. А.** Гербы Союза ССР: Из истории разработки. – М., 1987.
424. **Гадамер, Х. Г.** Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. – М., 1988.
425. **Гарлушкин, В. Е.** Диалектика образа и знака. – М., 1988. – С. 128–135.
426. **Павлов-Сильванский, Н. П.** Феодализм в России. – М., 1988. – С. 43–47, 483–506.
427. **Салмина, Н. Г.** Знак и символ в обучении. – М., 1988.
428. **Соколов, Н. Я.** Профессиональное сознание юристов. – М., 1988. – С. 190–191.
429. **Ермилова, Е. В.** Теория и образный мир русского символизма. – М., 1989.
430. **Кисилева, Е. А.** Символизм – характерная черта донаучного миропонимания. – Курск, 1989.
431. **Похлебкин, В. В.** Международная символика и эмблематика: Опыт слов. – М., 1989.
432. **Рощин, Л. В.** Наши воинские символы. – М., 1989.
433. **Свасьян, К. А.** Философия символических форм Э. Кассирера. Критический анализ. – Ереван, 1989.
434. **Артюнова, Н. Д.** Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры. – М.; Л., 1990.
435. Введение в специальные исторические дисциплины: Учебное пособие. – М. : Издательство Московского университета, 1990. – 280 с.
436. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи / Репринтное воспроизведение издания 1899 года. – М., 1990.
437. **Лакиер, А. Б.** Русская геральдика. – М., 1990.
438. **Лысенк, Н. Н.** Русская государственная символика: Очерки. – Л., 1990.
439. Русская государственная символика. – Л., 1990.
440. **Семитко, А. П.** Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. – Свердловск, 1990. – С. 145.
441. Символы Родины и воинской доблести. – М., 1990.
442. **Соболева, Н. А.** Гербы городов Российской Федерации / Н. А. Соболева, В. В. Морозов, С. Д. Мякушев. – М., 1990.
443. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Юридическая литература, 1990. – 192 с.
444. **Агафонова, Е. А.** Гербы дворянских родов России / Е.А. Агафонова, М.Д. Иванова. – М., 1991.
445. **Антонов, В. И.** Символика в познавательном и идеологическом процессе. – Улан-Удэ, 1991.
446. **Никитин, А. В.** Гербы дворянских родов России. – М., 1991.
447. **Новиков, В.** Русский государственный орел. – М., 1991.
448. Объяснение Символа Веры, молитв и заповедей / Сост. протоиерей Г. Чельцов; Репринтное воспроизведение издания 1917 года. – М., 1991.
449. **Рубцов, Н. Н.** Символ в искусстве и жизни. Философские размышления. – М., 1991.
450. **Шепелев, Л. Е.** Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. – СПб., 1991.
451. **Аверин, И. М.** «Удобные» флаги и международное судоходство. – М., 1992.
452. **Папюс** Генезис и развитие масонских символов. История ритуалов / Пер. с фр. – СПб., 1992.
453. **Пиз, А.** Язык телодвижений. – Н. Новгород, 1992.
454. **Антонов, В. И.** Символ в обществе и культуре Востока. – М., 1993.
455. **Байбурин, А. К.** Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб., 1993.
456. **Байбурин, А. К.** Ритуал в традиционной культуре. Семиотизация мира в ритуале. – СПб, 1993.
457. **Голан, А.** Миф и символ. – М., 1993.
458. **Емельянов, В. В.** Ритуал в Древней Месопотамии. СПб. : Азбука-Классика ; Петербургское востоковедение, 1993. С. 21.
459. **Жоль, К. К.** Логика в лицах и символах. – М., 1993.
460. **Кобзев, А.** Учение о символах и числах в китайской классической философии. – М., 1993.
461. **Лосев, А. Ф.** Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993.
462. **Лосев, А. Ф.** Вещь и имя / А. Ф. Лосев // Лосев, А. Ф. Бытие – имя – космос. – М. : Мысль, 1993. – С. 802–880.
463. **Мельник, Г.** Должностные знаки Российской империи / Г. Мельник, И. Можейко. – М., 1993.
464. **Сапогова, Е. Е.** Ребенок и знак: Психологический анализ знаково-символической деятельности дошкольника. – Тула, 1993.

465. **Соболева, Н. А.** Символы России: Очерки истории государственной символики России / Н. А. Соболева, В. А. Артамонов. – М., 1993.
466. **Хорошкевич, А. Л.** Символы русской государственности. – М., 1993.
467. **Щепанская, Т. Б.** Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического исследования системы. 1986–1989 годы. – СПб., 1993.
468. **Барт, Р.** Воображение знака / Р. Барт // Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
469. **Белый, А.** Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст., примеч. Л. Л. Сугай. – М., 1994.
470. **Голан, А.** Миф и символ. – М., 1994.
471. Государственные символы Удмуртской Республики. – Ижевск, 1994.
472. **Дегтярев, А.** История Российского флага: Легенды, факты, споры. – М., 1994.
473. **Керлот, Х. Э.** Словарь символов. – М., 1994.
474. **Кобзев, А. И.** Учение о символах и числах в китайской классической философии. – М., 1994.
475. **Лавренов, В. И.** Герб Твери: история эмблемы и символы. – Тверь, 1994.
476. **Похлебкин, В. В.** Словарь международной символики и эмблематики. – М., 1994. – 560 с.
477. **Антонов, В. И.** Символ, наука, культура. – М. ; Улан-Удэ, 1995.
478. **Беннет, Д.** Сексуальные символы : в 2 ч. – М., 1995.
479. **Голан, А.** Миф и символ. – М., 1995.
480. **Гудман, Ф.** Магические символы. – М., 1995.
481. Государственные символы Республики Татарстан. – Казань, 1995.
482. Конституционное право Республики Узбекистан: Сборник нормативных актов / Сост. А. Х. Саидов. – Ташкент, 1995. – С. 103–119 (глава «Государственные символы»).
483. **Лосев, А. Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1995.
484. **Лосев, А. Ф**. Диалектика художественной формы / А. Ф. Лосев // Лосев, А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. – М. : Мысль, 1995. – 944 с.
485. Национально-государственная символика Республики Мордовии (флаг, герб, гимн). – Саранск, 1995.
486. **Похлебкин, В. В.** Словарь международной символики и эмблематики / В. В. Похлебкин. – М. : Международные отношения, 1995. – 560 с.
487. **Плюханова, М. Б.** Сюжеты и символы Московского царства. – СПб., 1995.
488. **Правовая** защита эмблем Красного Креста или Красного Полумесяца : сборник статей. – М., 1995.
489. **Религиозная** символика / сост. Д.В. Пивоваров. – Оренбург, 1995.
490. **Топоров, В. Н.** Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследование в области мифологического. Избранное. М., 1995 - 624 с.
491. **Шестимиров, А. А.** Товарные знаки : учебное пособие / А. А. Шестимиров. – М. : ВНИИПИ, 1995. – 293 с.
492. **Юрьев, Э. И.** Государственные символы Чувашской Республики. – Чебоксары, 1995.
493. **Бейли, Г.** Потерянный язык символов. – М., 1996.
494. Государственные символы Республики Адыгея. – Майкоп, 1996.
495. **Канке, В. А.** Этика. Техника. Символ. – Обнинск, 1996.
496. **Маковский, М. М.** Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996.
497. **Маркина, Н. Ю.** Интерпретация астрологической символики. – М., 1996.
498. Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. – СПб., 1996.
499. **Сумцов, Н. Ф.** Символика славянских обрядов. – М., 1996.
500. **Арсеньев, Ю. В.** Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Ю. В. Арсеньев. – Ковров : БЭСТ–В, 1997. – 368 с.
501. **Вилинбахов, Г. В.** Государственный герб России: 500 лет / Г. В. Вилинбахов. – СПб. : Славия, 1997. – 167 с.
502. **Власенко, Н. А.** Язык права. – Иркутск, 1997. – С. 28–32.
503. **Гаджиев, К. С.** Введение в политическую науку. – М., 1997. – С. 448–452, 512–515.
504. Герб и флаг России. X–XX века. – М.: Юридическая литература, 1997.
505. **Гура, А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.
506. **Дуров, В. А**. Русские награды XVIII – начала XX в. – М., 1997. – 159 с.
507. **Жельвис, В. И.** Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М., 1997 (фрагменты о мужских и женских символах).
508. **Звездина Ю.Н.** Эмблематика в мире старинного натюрморта. М.: НАУКА, 1997.
509. Конституционен съд: Юриспруденция. 1991–1996. – София, 1997. – Раздел X: Герб, печат, знаме, химн, столица. – С. 523–528.
510. **Мисюров, Д. А.** Политика и символы. – М., 1999.
511. **Норман, Д.** Символизм в мифологии / пер. с англ. – М., 1997.
512. Символ веры [Миниатюрное издание]. – Феникс, 1997. – 16 с.

513. **Аккалаева, Р. Х.** Пробирные клейма России. – М., 1998.
514. **Бабаев, В. К.** Теория права и государства в схемах и определениях / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А.Толстик. – М., 1998. – С. 87–88.
515. **Булычев, К.** (Моисейко И. В.) Полное собрание сочинений. – Историческая серия. – М., 1998. – Т. 5: Награды.
516. Государственные символы Республики Коми. – Сыктывкар, 1998.
517. **Делёз, Ж.** Логика смысла / Ж. Делёз // Делёз, Ж. Логика смысла. Фуко, М. Theatrum philosophicum. – М. : Раритет; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – С. 13–437.
518. **Кандауров, И. И.** Символика Хабаровского края / И. И. Кандауров, Ю. О. Стрелова. – Хабаровск, 1998.
519. **Колесников, Е. В.** Источники российского конституционного права. – Саратов, 1998.
520. **Краузерс, Ф.** Символизм богов и богинь / Ф. Краузерс, Э. Лехнер. – М., 1998.
521. **Кулапов, В. Л.** Теория государства и права / В. Л. Кулапов, И. Н. Сенякин. – Саратов, 1998.
522. **Лещев, С.** Постструктуралистские медитации: текст, символ, идеология. – М., 1998.
523. **Лехнер, Э.** Символика: Водяные знаки, печати, геральдика, клейма. – М., 1998.
524. **Луркер, М.** Египетский символизм. – М., 1998.
525. **Пайман, А.** История русского символизма / пер. с англ. – М., 1998.
526. **Патрикеев, С. Б.** Нагрудные знаки России: Альбом-каталог: В 2 ч. / С. Б. Патрикеев, А. Д. Бойнович. – СПб.; М., 1998. – Т. 2.
527. **Петерс, Д. И.** Жетоны Российской императорской армии. – М., 1998.
528. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск, 1998. – С. 776–780.
529. **Тодоров, Ц.** Теория символа / пер. с фр. С. Наумова. – М., 1998.
530. **Фергюсон, Д.** Христианский символизм / пер. с англ. – М., 1998.
531. **Эко, У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
532. **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
533. Государственные символы и награды Российской Федерации / сост. Ю. Л. Кушер. – М., 1999.
534. **Жюльен, Н.** Словарь символов. – Челябинск, 1999.
535. **Мисюров, Д. А.** Политика и символы / Д. А. Мисюров. – М. : РИП-холдинг, 1999. – 124 с.
536. **Овчинников, А. Н.** Символика христианского искусства. – М.: Родник, 1999. – 520 с.
537. **Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф.** Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб, 1999 – 717 с.
538. **Уайтхед, А. Н.** Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Изд. «Водолей», 1999.
539. **Холл, Дж.** Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М., 1999.
540. **Шутак, И. Д.** Теория и практика оговорок в праве: система понятий. Терминологический словарь / И. Д. Шутак. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России; Алетейя, 1999. – 203 с.
541. **Борунков, А. Ф.** Дипломатический протокол в России / А. Ф. Борунков. – М. : Международные отношения, 2000. – 240 с.
542. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. 1649–1917 годов : в 2 т. / сост. А. Кудин, А. Цеханович. – М., 2000.
543. **Кобозева, И. М.** Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
544. **Кононенко, В. В.** Чины и награды Российской империи. – Ростов н/Д, 2000. – 86 с.
545. **Лотман, Ю. М.** Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – С. 150–390.
546. **Пирс, Ч. С.** Начала прагматизма / Ч. С. Пирс. – СПб. : Лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ; Алетейя, 2000. – 318 с.
547. **Пирс, Ч. С.** Grammatica Speculativa / Ч. С. Пирс // Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков. СПб. : Лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ ; Алетейя, 2000. – С. 40–223.
548. Протокол Российской Федерации / А. К. Блинников [и др.]. – М. : Вагриус, 2000. – 190 с.
549. **Свасьян К.А.** Проблема символа в современной философии. – Б.: БГК, 2000. – 224 с.
550. **Сычева, С. Г.** Проблема символа в философии / С. Г. Сычева. – Томск : Издательство Томского университета, 2000. – 197 с.
551. Государственная символика РФ. – М.: Экзамен, 2001. – 64 с.
552. **Дробышевская, Т. В.** Личные неимущественные права граждан и их гражданско-правовая защита / Т. В. Дробышевская. – Красноярск : Красноярский государственный университет, 2001. – 131 с.
553. **Кассирер, Э**. Философия символических форм. Том 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 271 с.
554. **Кузнецов А**.А. Энциклопедия русских наград. – М.: Голос-пресс, 2001. – 512 с.
555. **Соцуро, Л. В.** Толкование норм права: теория и практика / Л. В. Соцуро. – Самара : Самарский юридический институт, 2001. – 121 с.

556. **Кассирер, Э.** Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 280 с.

557. **Кассирер, Э.** Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания / Э. Кассирер. – М.; СПб. : Университетская книга, 2002. – 398 с.

558. **Колоницкий, Б. И.** Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. – СПб., 2001.

559. **Лич, Э.** Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / пер. с англ. – М., 2001.

560. **Михайлов, Г. И.** Символы России и Вооруженных Сил. – М., 2001.

561. Флаги Российской Империи и СССР в документах / авт.-сост. В. А. Соколов. – М. : МГИУ, 2001. – 636 с.

562. **Кассирер, Э.** Философия символических форм. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. – 272 с.

563. **Кассирер, Э.** Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания / Э. Кассирер. – М.; СПб. : Университетская книга, 2002. – 398 с.

564. **Пчелов, Е. В.** Государственные символы России – Герб, флаг, гимн : учебное пособие. – М., 2002.

565. Нагрудные полковые знаки России. – М. ; Тверь; Минск, 2002. – С. 671.

566. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. – М., 2003. – 448 с.

567. **Грачёв, В. Н.** Гимны России – зеркало ее духовного состояния / В. Н. Грачёв. – М. : [Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского], 2003. – 132 с.

568. **Момотов, В. В.** Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. : монография / В. В. Момотов. – М. : ЗЕРЦАЛО-М, 2003. – 415 с.

569. **Пастуро, М.** Геральдика / М. Пастуро. – М. : Астрель, АСТ, 2003. – 144 с.

570. Символы таможенной службы России: Краткий исторический очерк о таможенной службе и ее символике. – М., 2003.

571. Специальные исторические дисциплины : учебное пособие / отв. ред. и сост. М. М. Кром. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 635 с.

572. **Тюпа, В. И.** Постсимволизм. – Самара, 1998. – 155 с.

573. **Тюпа, В. И.** Фрейм-анализ и анализ символов // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов; Е. Ш. Курбангалеева. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2003. – С. 300–312.

574. **Фалалеева, И. Н.** Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв. – Волгоград, 2003.

575. **Вилинбахов, Г. В.** История Российского герба и флага / Г. В. Вилинбахов. – СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. – 80 с.

576. **Вилков А.**И. Призовые часы в Российской Императорской армии. – М.:. 2004. – 111 с.

577. Вспомогательные исторические дисциплины: Учебно-методический модуль / под ред. В. А. Муравьева. – М. : Издательство Ипполитова, 2004. – 420 с.

578. **Государственная** символика Российской Федерации. – М., 2004.

579. **Гурвич Г.Д.** Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. – СПб., 2004. – С. 588, 595–601, 786–787.

580. **Зигуненко, С. Н.** Знаки и символы. – М., 2004.

581. **Кармадонов, О. А.** Социология символа. – М.: Academia, 2004. – 352 с.

582. Конституция как символ эпохи: в 2т./ под ред. С.А. Авакьяна. – Москва, 2004.

583. **Кристева, Ю.** Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

584. **Мисюров, Д. А.** Политика и символы в России. – М., 2004.

585. **Муратов, А. В.** Конституция и общественная практика. – М., 2004. – С. 186–195.

586. **Похлебкин, В. В.** Словарь международной символики и эмблематики. М.: «Международные отношения», 1994 - 558 с.

587. **Сапрыков, В. Н.** Государственная символика регионов России. – М., 2004.

588. **Свирепо, О. А.** Образ, символ, метафора в современной психотерапии / О. А. Свирепо, О. С. Туманова. – М., 2004.

589. **Сергеев, А. П.** Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. М. : Проспект, [ТК Велби], 2004. – 752 с.

590. Символы, святыни и награды Российской державы. – М., 2004.

591. **Вовк, О. В.** Знаки и символы в истории цивилизаций. – М., 2005.

592. Гербы современной России: Справочник: Гербы областей, районов, городов, поселков и сел, внесенных в Государственный геральдический регистр Российской Федерации, разработанные при участии Союза геральдистов России с 1992 года по 2004 год. – М., 2005.

593. Государственные символы Российской Федерации: Нормативные правовые акты. Методические рекомендации. – М., 2005.

594. **Загуненко, С. Н.** Знаки и символы. – М., 2005.

595. **Константино, М.** Флаги / Пер. с англ. М., 2005.

596. **Кругликов, Л. Л.**, Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. – – СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. — 336 с.

597. **Куминов, А. С.** Психоанализ символизма обыденной жизни. – СПб., 2005.

598. **Окороков, А. В.** Знаки русской эмиграции 1920-1990. – Москва: Collectorsbook, 2005. – 174 с.

599. **Пчелов, Е. В.** Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом контексте : монография / Е. В. Пчелов. – М. : РГГУ, 2005. – 159 с.

600. **Рудиченко, А. И**. Награды и знаки белых армий и правительств : гражданская война в России 1917-1922 / А. И. Рудиченко, В. А. Дуров ; Управление по сохранению культурных ценностей Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, Государственный Исторический музей, Государственный архив Российской Федерации. — Москва : Звезда и крест, 2005. — 423 с.

601. **Силаев, А.** Возрождение русской геральдики: Иллюстрированный рассказ о месте и значении национальной символики. – М., 2005.

602. Символическая логика: учебник / под ред. Я. А. Слинина, Э. Ф. Караваева, А. И. Мигунова. — СПб., 2005.

603. **Слейтер, С.** Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия / С. Слейтер ; пер. И. Жилинской. – М. : Эксмо, 2005. – 264 с.

604. **Сычева, С. Г.** Гносеология и онтология символа / Томский политехнический университет. – Томск, 2005.

605. Язык символов. Числа, фигуры, время. – М., 2005.

606. **Бернам, У.** Правовая система США. – М., 2006. – С. 609–610 (параграф «Регулирование форм символического выражения мнений»).

607. **Бугромеев, В. П.** Символ власти: флаги, гербы, правители, награды, деньги всех стран и времен: иллюстрированный энциклопедический справочник. – М., 2006. – 571 с.

608. **Иванов, А. А.** Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия. – М., 2006. – С. 49, 52, 58, 243.

609. **Климович, К. К.** Во власти символов: Популярный справочник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.; Рязань, 2006.

610. **Лоншакова, Е. А.** Государственные символы России / Е. А. Лоншакова, И. М. Наумова. – Н. Новгород, 2006.

611. Словарь терминов и знаков [тайная символика, а также все богатство символических знаний в трактовке от К. Юнга, З. Фрейда до Фрэзера и Шнайдера / авт.-сост. В. В. Адамчик. – М., 2006.

612. **Смирнов, Л. В.** Законотворческая техника в современной России : учебное пособие для вузов. – М.; Тула, 2006. – С. 83–94.

613. **Соболева, Н. А.** Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета / Н. А. Соболева. – М. : Языки славянских культур : Знак, 2006. – 487 с.

614. **Бурков, В. Г.** Государственные эмблемы и символы США и Канады : учебное пособие. – СПб., 2007.

615. **Бутромеев, В. П.** Символ власти: флаги, гербы, правители, награды, деньги всех стран и времен / В. П. Бутромеев, В. В. Бутромеев, Н. В. Бутромеева. – М., 2007. – С. 573.

616. **Глушаков, А. Ю.** Символизация права (теоретические аспекты) / А. Ю. Глушаков. – СПб. : [б. и.], 2007. – 153 с.

617. **Голованова, М. П.** Регалии империи. Государственное знамя – М., Куна, 2007. – С. 46.

618. Государственная символика Российской Федерации – М., 2007. – С. 63.

619. **Квятковский, Ю. П.** Символы Отчизны: Символы России (флаг, герб, гимн), Конституция, символы регионов. – М., 2007.

620. **Клементьева, М. В.** Символы и культурные традиции в процессе социализации : учебно-методическое пособие / Федеральное агентство по образованию, Тульский государственный университет, кафедра психологии. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2007.

621. **Кочев, В. А.** Основы конституционного (уставного) права субъектов Российской Федерации : учебное пособие для вузов. – Пермь, 2007. – С. 149–152.

622. Методические рекомендации по использованию государственных символов России при организации и проведении мероприятий, посвященных Дням воинской славы (Победным дням) России / Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве Российской Федерации. – М., 2007. – С. 111.

623. **Мечковская, Н. Б.** Семиотика. Язык. Природа. Культура / Н. Б. Мечковская. – М. : Издательский центр «Академия», 2007. – 432 с.

624. **Похлебкин, В. В.** Словарь международной символики и эмблематики. – М., 2007.

625. **Речицкий, В.** Символическая реальность и право / В. Речицкий. – Львов : ВНТЛ-Классика, 2007. – 732 с.

626. **Санти-Мадзини, Дж.** Геральдика: история, терминология, символы и значение гербов и эмблем / Дж. Санти-Мадзини. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 593 с.

627. **Сингаевский, В. Н.** Военно-государственные символы России. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, печ. 2007.
628. **Щелоков, А. А.** Увлекательная геральдика: факты, легенды, открытия в мире гербов и наград. – М., 2007.
629. **Баттистини М.** Символы и аллегории / Энциклопедия искусства. М.: Омега, 2008.
630. **Борисов, А. Н.** Комментарий к Закону Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (постатейный) / А. Н. Борисов. – М. : Юстицинформ, 2008. – 336 с.
631. **Бутромеев В. П.** Символ власти. – Москва: Белый город, 2008.
632. Государственная символика Российской Федерации и Республики Бурятия: Методическое пособие. – Улан-Уде, 2008.
633. **Генон, Р.** Символизм креста. – М. : Беловодье, 2008.
634. **Изотова М. А.** Полная энциклопедия орденов и медалей России / М. А. Изотова, Т. Б. Царев. – М., 2008. – 432 с.
635. **Кармадонов, О. А.** Символ в социологической теории, в эмпирике и в повседневной реальности : учебное пособие / Федеральное агентство по образованию, Иркутский государственный университет, Институт социальных наук. – Иркутск: НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2008.
636. **Кашанина, Т. В.** Юридическая техника / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2008. – 512 с.
637. **Кильюнен, К.** Государства и флаги / пер. с фин. – М., 2008.
638. **Марей, А. В.** Язык права средневековой Испании. От Законов XII Таблиц до Семи Партид / А. В. Марей. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 232 с.
639. **Медведев, М. Ю.** Геральдика или истинная наука о гербах / М. Ю. Медведев. – [СПб.] : Гербы и флаги, 2008. – 144 с.
640. **Овузу, Х.**Символы Египта / Пер. с англ. – СПб., 2008.
641. **Петрякова, А. В.** Флаги мира. – М., 2008.
642. **Подсумкова, А. А.** Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / А. А. Подсумкова, С. Е. Чаннов. – М. : Ось-89, 2008. – 672 с.
643. **Рапелли, П.** Символы власти и великие династии / пер. с итал. М. А. Юсим. – М., 2008.
644. **Рикёр, П.** Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М. : Академический Проект, 2008. – 695 с.
645. **Савицкая, С. В.** Символы: системность наложения: попул. излож. результатов науч. изыскания. – М., 2008.
646. **Тен, Ю. П.** Символы России и зарубежных государств. – Ростов-на-Дону, 2008.
647. **Тихонова, С. С.** Юридическая техника в уголовном праве: Курс лекций. – Нижний Новгород: Изд-во Деком, 2008. – С. 33–35.
648. **Хорошкевич, А. Л.** Герб, флаг и гимн: Из истории государственных символов Руси и России. – М., 2008.
649. **Безруков, М. П.** Гербы и флаги. Эмблемы суверенитета. Мировое сообщество: ил. ист.-геогр., религ.-культур., мифол. и соврем. описание гербов и флагов всех стран мира / М. П. Безруков, А. Е. Туровский. – 2-е изд., доп. и актуализ. – М., 2009.
650. **Давыдова, М. Л.** Юридическая техника: проблемы теории и методологии. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 287–313.
651. **Давыдова, М. Л.** Юридическая техника (общая часть) : учебное пособие. – Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 261–287.
652. **Коротун, В. Н.** Судебно-медицинская символика / В. Н. Коротун, В. И. Витер. – Пермь; Ижевск, 2009.
653. **Лызлов, Д. Н.** Юридическая техника: Учебное пособие / Д.Н. Лызлов, В.Ю. Картухин.– М.: Ось-89, 2009. – С. 44–47.
654. **Мисюров, Д. А.** Символы о символах: начала культурно-символической политики. – Изд. 2-е. – М., 2009. – 232 с.
655. **О'Коннелл, М.** Знаки и символы : ил. энцикл. / М. О'Коннелл, Р. Эйри. – М., 2009.
656. **Потрашков, С. В.** Награды России: история и символика наград. Военные и гражданские ордена, медали, знаки. Наградные знамена и оружие. Иностранные награды в истории России. – М., 2009. – 285 с.
657. **Семочкин, А. А.** Символы и симметрия. – М., 2009.
658. **Скоробогатов, А. В.** Политические идеи и символы в правовой культуре России на рубеже XVIII–XIX веков : монография. – Казань, 2009.
659. **Соколов, В. А.** Международные символы государств. – М., 2009.
660. **Тарунин, А. В.** Сакральный символ: история свастики. – М., 2009. – 542 с.
661. **Тен, Ю. П.** Символы России и зарубежных государств : учебное пособие. – 2-е изд., стер. – Ростов н/Дону, 2009.
662. Флаги и гербы городов Российской Федерации: изображения, описания, история, символика / автор-составитель К.Я. Нежинский. – М. : Эксмо, 2009.
663. **Фрайер, С.** Геральдика. Гербы – Символы – Фигуры / С. Фрайер, Д. Фергюсон ; пер. с англ. М.Б. Борисова. М. : АСТ; Астрель, 2009. 208 с.

664. **Шумихина, Л. А.** Метафизика симоволов русской культуры : учебное пособие. – Екатеринбург, 2009.
665. **Балязин, В. Н.** Символы и награды СССР / В. Н. Балязин, Н.А. Соболева. – М., 2010.
666. **Губаева, Т. В.** Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т. В. Губаева. – Москва : Норма : Инфра-М, 2010. – 176 с.
667. **Кеннер, Т. А.** Символы и их скрытые значения: происхождение и тайный смысл знаков и символов современного мира. – Москва; Тверь, 2010.
668. **Куренная, И. Г.** Территориальная символика Восточной Сибири (вторая половина XVII – начала XX в.). – Новосибирск, 2010. – 290 с.
669. **Кутенков, П. И.**Ярга-свастика – знак русской народной культуры : монография. – СПб., 2010.
670. **Мальцев, Г. В.** Очерки истории раннего права и государства / Г. В. Мальцев. – М. : Издательство РАГС, 2010. – 320 с.
671. **Миронов, А. Н.** Юридическая технология подготовки нормативных правовых актов. – М., 2010.
672. Обычай. Символ. Власть : сборник статей. – М., 2010.
673. **Палагина, Д. В.** Священные символы – связь миров. – М., 2010.
674. **Андреева Е.** Ю. Всё и Ничто: Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. 2 е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 584 с.
675. **Капусткин, А. С.** Официальная символика и наградная политика муниципальных образований / А. С. Капусткин, Д. Н. Лызлов. – Владимир, 2011.
676. Конституция и государственная символика Российской Федерации: в новейшей редакции: сборник. – Москва: Эксмо, 2011.
677. **Мамардашвили, М. К., Пятигорский, А. М.** Символ и сознание / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – СПб., Азбука, 2011.
678. **Марченко, М. Н.** Источники права / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2011. – 768 с.
679. Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях : материалы международной научно-практической конференции, 5–6 марта 2011 года / редкол. Б. А. Дорошин [и др.]. – Пенза ; Прага: Социосфера, 2011.
680. Символическая власть: социальные науки и политика. Socio / ΛΟΓΟΣ'2011: сб. ст. – М.: Университетская книга, 2011. – 348 с.
681. **Сметанников, И. С.** Гербы и флаги субъектов Российской Федерации. – М.: Всероссийское геральдическое общество, ООО «Компания Ритм Эстейт, 2003.
682. **Терновая, Л. О.** Геополитические символы глобального мира. – Москва: Изд-во РАГС, 2011.
683. **Царева, Е. А.** Символ в трансформациях социокультурных практик. – Курск, 2011.
684. Большая книга гимнов, флагов и гербов стран мира / авт.-сост. Ю. А. Ивановский. – М., 2012.
685. **Вилинбахов, Г. В.** Государственные символы России / Г. В. Вилинбахов, Г. В. Калашников, А. Н. Шендрик. – СПб., 2011.
686. **Гинс, Г. К.** Право и культура / науч. ред. В. М. Баранов. – М., 2012. – С. 120–125.
687. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г. А. Гаджиева. – М. : Норма; ИНФРА-М, 2012. – 672 с.
688. **Климович, К. К.** Во власти символов. – М., 2012. – 320 с.
689. **Мосунова, Н. А.** Нациопонимание: поиск объективных оснований и социальное конструирование / Н. А. Мосунова, Г. П. Корнев. – СПб., 2012. – С. 161–163 (фрагмент «К вопросу о символической характеристике национализма»).
690. **Поляков, М. П.** Внешняя (обрядовая) форма уголовного судопроизводства : учебное пособие / М. П. Поляков, Т. В. Полякова. – Н. Новгород, 2012.
691. Символы правосудия: от античности до современности / под ред. Ю. В. Глазова. – Белгород : Белгородская областная типография, 2012. – 140 с.
692. **Бочаров, В. В.** Неписаный закон. Антропология права. – СПб.: Издательство АИК, 2013.
693. **Бодрийяр, Ж.** Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула : [Тульский полиграфист], 2013. – 204 с.
694. **Журавков, А. Ю.** Монархи Европы. Историко-географический и геральдический справочник / А. Ю. Журавков. – Новосибирск : Издательство НГТУ, 2013. – 300 с.
695. Знаково-символическое бытие права. 11-е Спиридоновские чтения : мат. междунар. науч.-теор. конф. / под ред. д. ю. н., проф. И. Л. Честнова – СПб.: ИВЭСЭП, 2013. – 368 с.
696. **Ильин В.В.** Теория познания. Симвология. Теория символических форм. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 384 с.
697. **Наумов, О. Н**. Научная геральдика России / О. Н. Наумов / отв. ред. С. М. Каштанов. – М. : Старая Басманная, 2013. – 508 с.
698. **Черных, А. И.** Медиа и ритуалы. – М., СПб., 2013.
699. **Балязин, В. Н.** Символы и награды Российской державы / В. Н. Балязин, А. А. Кузнецов, Н. А. Соболева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 448 с.
700. **Краснов, Ю. К.** Юридическая техника : учебник / Ю. К. Краснов, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулова. – М. : Юстицинформ, 2014. – С. 169–188.

701. **Маковский, М. М**. ЯЗЫК – МИФ – КУЛЬТУРА: Символы жизни и жизнь символов. Изд. 2. – Москва: URSS, 2014. – 320 с.

702. **Махов, А. Е.** Эмблематика: макрокосм / А. Е. Махов. – М. : Intrada, 2014. – 600 с.

703. **Наговицын, А. Е.** Симвология: от философских теорий до практики сказкотерапии / А. Е. Наговицын, В. И. Пономарева. – М., 2014.

704. **Наумов, О. Н.** Очерки по русской геральдике: избранные труды / О. Н. Наумов. – М. : Старая Басманная, 2014. – 447 с.

705. **Пронина, М. П.** Специальные средства юридической техники : монография / под науч. ред. А. П. Кузнецова. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2014. – С. 138–194.

706. **Шевченко, Д. А.** Реклама. Маркетинг. PR : учебно-справочное пособие / Д. А. Шевченко. – М. : РГГУ, 2014. – 591 с.

707. **Щербаков, С. В.** Государственные символы Чувашской Республики: история создания, проекты, документы и материалы. – Чебоксары, 2014.

708. Язык и право : учебно-методическое пособие для студентов очной и заочной формы обучения по направлению «Юриспруденция». – Воронеж : Воронежский филиал РАНХ и ГС, 2014.

709. **Васильева, И. А.** История государственных символов России: учебное пособие направление подготовки: 09.03.-2 «Информационные системы и технологии», профиль подготовки: Информационные системы и технологии, квалификация выпускника: бакалавр/ И. А. Васильева, Л. В. Крюкова, Т. В. Мухортова, М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. авт. образовательное учреждение высш. проф. образования «Северо-Кавказский федеральный ун-т», Ин-т сервиса, туризма и дизайна (фил.) в г. Пятигорске. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2015.

710. **Гезен, А. М.** История славянского перевода символов веры: Критико-палеографические заметки. Изд. 2. – Москва : URSS, 2015. – 144 с.

711. **Гусев, И. Е.** Ордена, медали и наградные знаки от Петра I до современности. – М., 2015. – 159 с.

712. **Давыдова, М. Л.** Юридическая техника. Общая часть : учебник. – М.: Проспект, 2015.

713. **Исаков, В. Б.** Говорите языком схем : краткий справочник / В. Б. Исаков. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2015. – 135 с.

714. **Крам, Р.** Инфографика. Визуальное представление данных. – Санкт-Петербург, 2015. – 384 с.

715. **Оксамытный, В. В.** Юридическая компаративистика. – М., 2015. – С. 52–53.

716. **Исаков, В. Б.** Графенто 1: Графический язык правовой аналитики : учебное пособие / В. Б. Исаков. – М. : НИУ ВШЭ, 2016. – 50 с.

717. Социальная имитация: опыт анализа символической социальной реальности : монография / Ю. Г. Волков; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет». – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. –111 с.

718. **Мальковская, И. А.** Знак коммуникации: Дискурсивные матрицы. Изд. стереотип. – Москва: URSS, 2016. – 240 с.

719. **Розанов О.Н.** Азия и Африка в первой мировой войне: история в наградах. М.: 2016. – 248 с.

720. **Турцевич, И. Г.** Культ Весты в Древнем Риме. Изд. 2. – Москва : URSS, 2016. – 120 с.

721. Человек и его символы / И. Н. Сиренко, С. Н. Сиренко, Н. А. Сиренко. – Москва : Медков С.Б., «Серебряные нити», 2016. – 352 с.

722. **Гомбрих, Э.** Символические образы. Очерки по искусству Возрождения / Э. Гомбрих. – СПб. : Алетейя, 2017. – 408 с.

723. **Карнович, Е. П**. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. Изд. 4. – Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2017. – 256 с.

724. **Крапивник, Л. Ф.** Символ за пределами мифа и сакральной культуры : монография / Л. Ф. Крапивник ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования "Тихоокеанский государственный университет". – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2017. – 103 с.

725. **Мирсков, Ю. А**. Символика и жизнь / Ю. Мирсков. – Санкт-Петербург : Русская коллекция, 2017.

726. **Панов, Е. Н.** Знаки, символы, языки: Коммуникация в царстве животных и в мире людей. Изд. 7. – М. : URSS. 2017. – 504 с.

727. **Войшвилло, Е. К.**Символическая логика (классическая и релевантная): Философско-методологические аспекты. Изд. стереотип. – Москва : URSS, 2018. – 152 с.

728. **Дорская, А. А.** Символы зла в истории российского права : монография / А. А. Дорская. – СПб. : Астерион, 2018. – 162 с.

729. **Лаптев, В. В.** Русская инфографика / В. В. Лаптев. – СПб, 2018. – 399 с.

730. **Шило, А. В.** Культура-искусство-игра : монография / А. В.Шило. – Белгород : Белгородский государственный технологический университет, 2018. – 284 с.

731. **Ермаков, С. Э.** Символы в традициях восточных славян / С. Э. Ермаков, Д. А. Гаврилов. – Москва : Вече, cop. 2018. – 318 с.

732. **Пайк, А.** MagnumOpus, или Великое Делание : первая версия ритуалов и наставлений Древнего и принятого Шотландского устава Южной Юрисдикции для Соединенных Штатов Америки : [16+] / А. Пайк ; [пер. с англ. и вступ. ст. Е. Л. Кузьмишина]. – Москва : Ганга, 2018 (Москва : Т8 Издательские технологии). – 728 с. – (Масонство. Мартинизм. Герметизм ; 10). – Библиогр.: с. 525-534.

733. **Соболева, Н. А.** Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексиллологии / Н. А. Соболева ; Рос.акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : ЯСК, 2018. – 655 с.

734. **Войтов, А. Г.** Наглядность, визуалистика, инфографика системного анализа: учебное пособие / А. Г. Войтов. – М., 2019. – 212 с.

735. **Исаков, В. Б.** Словарь правовой аналитической графики : учебное пособие / В. Б. Исаков. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 272 с.

736. Нормография: теория и технология нормотворчества : учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. Ю. Г. Арзамасова. М. : Юрайт, 2019. – 460 с.

737. **Сорокин, В. В.** Дух права и буква закона: вопросы понимания, толкования и действия : монография. – М. : Юрлитинформ. – 2019. – С. 206-209.

738. Флаг над «Орлом»: к истории Государственного флага России и её первого военного корабля : [посвящается 350-летию Государственного флага Российской Федерации). – Москва ; Дединово, село, Московская область : Московский Новодевичий монастырь, 2019. – 231 с.

739. **Фридман, В. С.** От стимула к символу: Сигналы в коммуникации позвоночных. Часть 1: Основные определения и механизмы взаимодействий. Сигналы и их "материальные носители": демонстрации. Сигналы и механизмы коммуникации в действии. – Москва : URSS, 2019. – 560 с.

740. **Фридман, В. С.** От стимула к символу: Сигналы в коммуникации позвоночных. Часть 2: Знак в коммуникации животных. Эволюция систем сигнализации позвоночных. Методология анализа сигнальных систем. – Москва : URSS, 2019. – 424 с.

741. **Бодрийяр, Ж.** К критике политической экономии знака : сборник статей / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. – Москва : РИПОЛ классик ; [Санкт-Петербург] : Панглосс, 2020. – 350 с.

742. **Жижина, И. В**. Мониторинг запрещенной экстремисткой символики, используемой болельщиками при проведении массовых спортивных мероприятий: учебное пособие / И. В. Жижина, А. Н. Фролов. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России ; Курск : Университетская книга, 2020. – 58 с.

743. Структуры и символы. Абстракция–эмпирический факт. – Санкт-Петербург: Страта, 2020. – 231 с.

744. **Трахтенберг, В. Ф.** Блатная музыка: «Жаргон» тюрьмы / под ред. из предислов. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Изд.2-е. – М. : **ЛЕНАНД, 2020. – 136 с.**

745. **Третьякова Э.В.** Символизм «Ригведы»: Исследование сакрального содержания литературного памятника и особенностей санскрита. – М.: ЛЕНАНД, 2020. 280 с.

746. **Агаев, Г. А.** Уголовная ответственность за преступления, посягающие на порядок ведения официальной документации и использование символов государственной власти : учебное пособие / Г. А. Агаев, Ф. Ю. Сафин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации ; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. – Санк-Петербург : ГУАП, 2021. – 71 с.

747. **Гусев, И. Е.** Ордена и медали. Популярный иллюстрированный гид / И. Е. Гусев. – М., 2021. – 192 с.

748. **Данченко, В. Г.** Шведские знамена, штандарты и флаги = Swedishbanners, standardsandflags : каталог коллекции / В. Г. Данченко ; Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург : Издательство Государственного Эрмитажа, 2021. – 182 с.

749. **Именитов, Е. Л.** Государственная граница и пограничная служба: принципы, символы и доминанты / Е.Л. Именитов. – Москва : Родина, 2021. – 349 с.

750. **Корников, А. А.** Геральдическое многообразие России : современные гербы и флаги субъектов Российской Федерации / А. А. Корников ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Ивановский государственный университет. Иваново : Издательство Ивановского государственного университета, 2021. – 283 с.

751. **Лосев, А. Ф.** Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев; общая ред. и подгот. текста А. А. Тахо-Годи ; [вступит. ст. Л. А. Гоготишвили, с. 5–26]. – 2-е изд., испр. – Москва : Академический проект, 2021.– 755 с.

752. Международный стандарт. Медицинские изделия – Символы, которые должны использоваться с информацией, предоставляемой производителем. Часть 1. Общие требования (опубликовано в Швейцарии), 2021. – 63 с.

753. **Николаев, И. В.** Типология вербальных символов политической коммуникации : монография / И. В. Николаев; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. – 185 с.

754. **Порталь, Ф.** Египетский символизм и его сравнение с еврейским / пер. с англ., коммент., вступит. ст. И. А. Ильина. – Санкт-Петербург : Академия исследования культуры, 2021. – 188 с.

755. **Пчелов, Е. В**. Символы времени в истории культуры: от Пуссена до метро / Е. В. Пчелов. – Москва : Старая Басманная, 2021. – 102 с.

756. **Розин, В. М.** Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.

757. **Уилсон М.** Символы в искусстве. М.: Ад Маргинем Пресс, ABCdesign, 2021.

758. Флаг, герб и гимн Российской Федерации : [подробный иллюстрированный комментарий / текст комментар., подбор иллюстр.: А. А. Белов, Е. А. Хортова]. – Москва : Проспект, 2021. – 27с.

759. **Соломоник А.Б.** Язык как знаковая система. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2021. – 224 с.

760. **Юнг, К.** Символы трансформации / К. Юнг ; пер. с англ. – М. : URSS : ЛЕНАНД, 2021. – 583 с.

761. Актуальные вопросы нормативно-правового обеспечения геральдической работы в федеральных органах государственной власти Российской Федерации : материалы к межведомственному совещанию (апрель 2002). URL: https://sovet.geraldika.ru/pubs/7 (дата обращения: 22.05.2024).

762. **Багдасарян, В. Э.** Политическая символика : монография / В. Э. Багдасарян. – Москва : Инфра-М, 2022. – 221 с.

763. **Вилинбахов, Г. В.** Русские знамена / Г. В. Вилинбахов. – СПб. : Скрипторум, 2022. – 271 с.

764. **Ермаков, С. Э**. Знаки и символы восточных славян / С. Э. Ермаков, Д. А. Гаврилов. – Москва : Вече, 2022. – 382 с.

765. **Исаков, В. Б.** Говорите языком схем : краткий справочник / В. Б. Исаков. – 2-е изд. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2022. – 216 с.

766. **Калашникова, С. К.** Критерии оценки эффективности символической политики в контексте изучения практик региональной политики идентичности. Южно-российский журнал социальных наук. – 2022. – Т. 23. – № 3. – С. 33–47.

767. **Мальцев, И. В.** Символы в праве, правовой науке и юридическом образова НИИ : монография / И. В. Мальцев. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 254 с.

768. **Мартино, Д.** Сакральные знаки, цифры, символы / Д. Мартино, М. Ланди, Д. Мартино [и др.] ; пер. с англ. М. С. Мкртычевой. – Москва :Эксмо, 2022. – 408 с.

769. **Нагоев, З. В.** Обоснование символов и мультиагентные нейрокогнитивные модели семантики естественного языка / З. В. Нагоев, О. В. Нагоева ; Министерство науки и высшего образования РФ, Российская академия наук, Кабардино-Балкарский научный центр, Институт информатики и проблем регионального управления. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2022. – 148 с.

770. **Нойманн, Э.** Великая мать : женские изображения и символы / Э. Нойманн ; пер. с нем. О. Шилова. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер : – Прогресс книга, 2022. – 607 с.

771. **Ражнёв, Г. В.** Универсальный обратный словарь символов / под ред. В. В. Мишина. – Смоленск : Маджента, 2022. – 112 с.

772. Символы и смыслы патентования / Евразийская патентная организация. – [Б. м. : б. и.], 2022 (Б. м. : б. тип.). – [12] с.

773. **Черепенчук, В. С.** История флагов : от рыцарских знамен до государственных штандартов / В. С. Черепенчук. –Москва : Эксмо, 2022. – 302 с.

774. **Юнг, К. Г.** Архетип и символ. – М. : URSS, 2022. – 336 с.

775. **Алексеев, Э. А.** Символы и внеземные архитектурные пространства / Э. А. Алексеев. – Якутск : Айар, 2023. – 287 с.

776. Ароматы, ритмы и цвета в мировой истории : материалы конференции / отв. ред. Т. М. Гавристова ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, Ин-т Африки РАН. – Ярославль : Филигрань, 2023. – 148 с.

777. **Белый, А.** Символизм как миропонимание. – Москва : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 540 с.

778. **Берегова, О.** Славянский символ / О. Берегова. – Москва; СПб.: ДИЛЯ, 2023. – 425 с.

779. **Генон Р.** Символика креста/ пер. с фр. Т.М. Фадеевой, Б.Б, Виноградского. – 2-е изд. – Москва: Академический проект, 2025. – 663 с.

780. Доктор Сахадевадас Доктор Сахадевадас. Ведический символ чистоты и изобилия. – Москва : Амрита-Русь, 2023. – 160 с.

781. **Ивик, О.** Кровь и символы: История человеческих жертвоприношений. – М. : Альпина – нон – фикшин, 2023. – 340 с.

782. **Ивлиев, Г. П.** Символы и смыслы патентования. – Москва : ИД Городец, 2023. – 256 с.

783. Конституция Российской Федерации. Законы о флаге, гербе и гимне Российской Федерации. 9-е изд. - Москва: ВАКО, 2025. - 79 с. Акулов, Д. А. Георгиевские кавалеры Рязанской губернии / [Акулов Д. А., Павлухин А. Н.]. — Курск: Бабкина Г. П., 2023. - Т. 1. - 512 с.

784. **Кортунова Н.Д.** Знаки, символы и аллегории а искусстве. Как понимать и разбираться. М.: АСТ, 2023.

785. Краснодарская коллекция мнет и медалей. Аукцион №36. 13 мая 2023 года. – Москва, 2023. – 284 с.

786. **Медникова, М. Б.** Татуировки: неизгладимые знаки как исторический источник: [12+] / М. Б. Медникова. – Москва: АСТ, 2023. – 317 с.

787. Огонь как феномен и символ стихии в национальных культурах, языке, политике, экономике, экологии, юриспруденции и лингвокультурологии: взгляд из России, стран Северной Европы, Бенилюкса и Балтии: сборник статей второй международной междисциплинарной научной конференции (Москва, 1–11 апреля 2023 года): к 80-летнему юбилею факультета международных отношений / под ред. О. Е. Красовой, Т. А. Шишкиной. – Москва : МГИМО-университет, 2023. – 167 с.

788. **Омельченко, В. В.** Всадник, поражающий копьём дракона: знаки, образы, числа, слова, смыслы : от ветхозаветных времен до настоящего времени / В. В. Омельченко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Книгиздат, 2023. – 477 с.

789. **Печурина, О. А.** Семиозис знака в традиционных культурах. На материале значений нити, веревки, пояса и других ткацких артефактов: монография: [12+] / О. А. Печурина. – Санкт-Петербург : Планета музыки, 2023. – 286 с.

790. **Самойлов, С. Ф.** Выявление нацистской и экстремистской символики в деятельности органов внутренних дел : учебное пособие / С. Ф. Самойлов, А. В. Некрасова, А. С. Шандакова ; Краснодарский университет МВД России. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. – 148 с.

791. **Символы и знаки.** Универсальный язык человечества /сост. В.М. Рошаль. М.: Издательство АСТ, 2023.

792. Символы и ордена Российской империи : [для лиц старше 6 лет / редактор-составитель К. С. Жуков. – Москва : ОЛМА : Просвещение-Союз : Просвещение, 2023. – 206 с.

793. Террорестические и экстремистские организации в РФ: методические материалы / Р. А. Силантьев, С. А. Судьин, О. Ю. Стрекалова, Д. А. Шпилев. – Нижний Новгород, 2023. – 215 с. (фрагменты о символике террористических и экстремистских организаций и движений).

794. Английский символизм: своеобразие и европейский радиус : сб. науч. ст. / [ред. И. Ю. Замятина]. – СПб. : Алетейя, 2024. – 776 с.

795. Геральдика: исследования и практика = Heraldry: theory and practice: Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Петра Ивановича Белавенца, 20-22 февраля 2023 года / составители: А. А. Трипольская, К. С. Бурлаков. — Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2024. — 387 с.

796. Геральдика: исследования и практика = Heraldry: theory and practice: материалы научной конференции, 18-19 февраля 2022 года / составители: А. А. Трипольская, К.С. Бурлаков. — Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2024. — 457 с.

797. Гимн, Герб и Флаг Российской Федерации. Подробный иллюстрированный комментарий. – Москва : Проспект, 2024. – 32 с.

798. **Гончарова, Н. С.** Символы в российском уголовном праве : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2024. – 206 с.

799. Государственные символы Республики Турция : [подробный иллюстрированный комментарий / текст комментариев, подбор иллюстраций: У. Севинч и др.]. — Москва: Проспект: Блок-Принт, 2024. — 31 с.

800. Государственные символы Российской Федерации: учебно-методическое пособие / Р. А. Соколов, Д. В. Кузин, Л. В. Искровская [и др.]; под редакцией Р. А. Соколова; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. — Санкт-Петербург: Издательство РГПУ, 2024. — 106 с.

801. **Саван, Ж.** Казаки. Происхождение. Воинские традиции. Государева служба / пер. с фр. В. Е. Климанова. – М. : Центрполиграф, 2024. – 256 с.

802. **Кант, И.** Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах / И. Кант ; Балтийский федеральный университет им. И. Канта ; под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. – Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 1: Сочинения по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова ; пер. с нем. Д. О. Аронсона, А. Г. Жаворонкова, С. В. Лугового, А. К. Судакова ; под ред. Д. О. Аронсона, Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. С. Зильбера; предисл. А. Г. Жаворонкова; коммент. Д. О. Аронсона, А. Г. Жаворонкова, А. С. Зильбера, С. В. Лугового, М. В. Ровбо, А. К. Судакова. – 2024. – С. 238–242. (фрагмент о способности обозначения).

803. **Кашкадамова, И. Н.** Сто великих символов Древней Греции: 12+ / И. Н. Кашкадамова. — Москва: Вече, 2024. — 399 с.

804. **Кожевников В.В**. Правотворчество и основы юридической техники: учебник: в 2 ч. Часть 2. – Москва: Проспект, 2024. – С. 146, 172.

805. Конституция Российской Федерации. Законы о флаге, гербе, гимне и о языке: подарочное издание: [12+]. — Москва: АСТ, 2024. — 110, [1] с.

806. **Корников, А. А.** Российская геральдика : учебное пособие / А. А. Корников. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 211 с.

807. **Корников, А. А.** Геральдика Владимирской области / А. А. Корников ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Ивановский государственный университет. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2024. – 283 с.

808. Какие символы упаковки используются на продуктах GBUK? Британская фармакопея. Словарь символов. – URL: https://vernacare.com/symbols-glossary (дата обращения: 01.06.2024).

809. **Меликов, И. М.** Социальное бытие свободы. – М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2024. – С. 13–14.

810. Определения глоссария символов. – URL: https://www.bd.com/en-us/support/symbol-glossary-definitions (дата обращения: 01.06.2024).

811. **Понкин И.В.** Иллюстрированное введение в научно-исследовательскую работу. Приложение № 2 к учебнику «Методология научных исследований и прикладной аналитики» / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2025. – 80 с.

812. **Романова, Е. Е.** Научные войны: Искусство аргументации: компендиум-практикум на материале англоязычных научных текстов / Е. Е. Романова, Н. Г. Попова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. – С. 34–35.

813. Слово и жест. Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения») (Москва, 8 февраля 2024 года) : материалы конференции. / отв. ред. С. О. Савчук. − М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. – 64 с.

814. Тайны символов : зашифрованные знаки тайных обществ, архитектуры, мифологии, искусства, истории: 16+ / составители Л. М. Мартьянова, И. С. Пигулевская. — Москва: Центрполиграф, 2024. — 318 с.

815. **Успенский, П. Д.** Символика Таро: философия оккультизме в рисунках и числах. – Москва : Весь, 2023. – 107 с.

816. **Бейли Г.** Забытый язык символов. Расшифровка знаков и эмблем мистических обществ Средневековья/ Пер. с англ. И.А. Петровской, Л.А. Карповой. – М.: ЗАО Центр полиграф, 2024. – 573 с.

817. Кодификационно-семиотическая система мордовского этноса: прошлая и настоящая жизнь знака: монография / [И. В. Зубов, Т. Н. Охотина, И. И. Шеянова и др.]; Мордовская региональная общественная организация развития сельских территорий «Новое село». — Саранск : Научно-исследовательский институт гуманитарных наук, 2024. — 150 с.

818. **Фролов, Н. В.** С зелёным вязом на гербе из истории Вязников и Вязниковского края / Николай Фролов. — Владимир: Транзит-Икс, 2024. — 229 с.

819. **Харченко И.В., Дусева Н.Ю., Купин А.А.** Современные татуировки: классификация и криминалистическое значение: учебное пособие. – Волгоград: ВА МВД России, 2024. – 101 с.

820. **Циммер Г.** Мифы и символы в индийской культуре / пер. с англ. М.В. Воробьевой, С.В. Пахомова. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, 2024. – 190 с.

821. **Юнг, К. Г.** Символическая жизнь. Тавистокские лекции : [сборник: 16+]/ Карл Густав Юнг; перевод В. Желнинова, А. Чечиной. — Москва: АСТ, 2024. – 511 с.

822. **Антонов Д.И.** Нимб и крест: как читать русские иконы. – М.: Издательство АСТ, 2025. – 304 с.

823. **Асмус В.Ф.** Философия и эстетика русского символизма. – М.: ЛЕНАНД: URSS, 2025. – 100 с.

824. **Борисов, И. В.** Российская и советская геральдика: [происхождение, история, современность: 6+] / Игорь Борисов. — Москва: Эксмо, 2025. — 206 с.

825. **Генон Р.** Символика Креста. Царь мира. Заметки об инициации. Пер. с фр. Фадеевой Т.М. Изд. 2 , доп. – Москва: ЛЕНАНД, 2025. – 663 с.

826. Геральдика: исследования и практика = Heraldry: theory and practice: материалы научной конференции, посвященной 30-летию создания Государственной герольдии при Президенте Российской Федерации, 20-22 февраля 2024 года / составители: А. А. Трипольская, К. С. Бурлаков. — Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2025. — 347 с.

827. **Гхош, А.** Савитри: легенда и символ: 12+ / Шри Ауробиндо; перевод с английского Л. Ованесбекова. — Краснодар: BookBox; Ильский, поселок, Краснодарский край: Продюсерский центр ротации и продвижения, 2024. — Т. 2. 2025. — 433 с.

828. **Гильметдинова, Д. О**. Японские символы: путеводитель по аниме, манге и играм : [16+] / Даниелла Гильметдинова. — Москва: АСТ, 2025. – 191 с.

829. Главные символы великой страны, 1918-1991. От «лампочки Ильича» до лунохода : 16+ / Евгений Матонин. — Москва: Комсомольская правда, 2025. — 504 с.

830. **Денисов С**.А. Конституционная политология (общая теория). – Екатеринбург, 2025. – С. 138-139 (о роли символики в идеологии доконституционных политических систем).

831. **Канселье, Э.** Алхимия: несколько очерков о герметической символике и философской практике: [12+] / Эжен Канселье; перевел с французского Веков К. А.; [вступительная статья О. Фомина]. — Москва: Энигма: ОДДИ-Стиль, 2025. – 300 с.

832. **Коленько, А. П.** Георгиевский крест не снимается никогда...: [о героях Первой мировой войны] / Александр Коленько. — Барнаул: Новый формат, 2025. — 132 с.

833. **Нарский И.**, **Нарская Н.** Русская березка. Очерки культурной истории одного национального символа. – М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 600 с.

834. **Никонова А**. Зачем художнику детали? Вишни, голуби, розы и другие символы. – М.: Бомбора, 2025. – 368 с.

835. **Матонин Е**. Главные символы великой страны. От «лампочки Ильича» до лунохода. – М.: ИД «Комсомольская правда», 2025. – 504 с.

836. **Окороков, А. В.** Погоны — символы великих побед: в 2 томах / А. В. Окороков; Министерство культуры Российской Федерации, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — Москва: Институт наследия, 2025. — Т. 2. 2025. — 311 с.

837. **Поляков С.Э.** Феноменология символических репрезентаций / Сергей Поляков. – Санкт-Петербург: Питер: Прогресс книга, 2025. – 463 с.

838. **Пчелов Е.** История России языком дворянских гербов. – М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 592 с.

839. **Пчелов, Е. В.** Большая печать Ивана Грозного и начало российской территориальной геральдики / Е. В. Пчелов. — Москва: Старая Басманная, 2025. — 197 с.

840. Символы и ордена Российской империи: (для лиц старше 6 лет) / редактор-составитель К. С. Жуков]. — Москва: ОЛМА: Просвещение-Союз: Просвещение, 2025. — 206 с.

841. Символы и знаки от А до Я универсальный язык человечества: [со времен Древнего мира до наших дней: 16+] / составитель В. М. Рошаль. — Москва: АСТ, 2025. — 702 с.

842. **Фирмик Матерн, Ю.** Старинная символика градусов зодиака / Юлий Фирмик Матерн, Иоанн Ангел; перевод с латинского и комментарии С. Бартеневой [и др.; вступительная статья Р. Броля). 2-е изд. - Москва: Мир Урании, 2025. – 256 с.

843. **Фролкова В.** История метро Москвы. Развитие московского метрополитена и его культурные символы. – М.: Эксмо; БОМБОРА, 2025. – 224 с.

СТАТЬИ

844. **Снегирев, И.** О московском гербе // Ведомости Московской городской полиции. – 1855. – № 152.

845. **Павлов-Сильванский, П.** Символизм в древнем русском праве // Журнал Министерства просвещения. – 1905. – Июль. – С. 339–365.

846. **Иванов Вяч.** Заветы символизма // Борозды и межи. – М., 1916.

847. **Лукомский, В. К.** Герб как исторический источник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М. ; Л., 1947. – Вып. 17.

848. **Мордухай-Болтовский, Д. Д.** История и методика математического символа // Математика в школе. – 1948.

849. **Сигнев, А.** Как создавался Государственный флаг нашей Родины // Вопросы истории. – 1964. – № 11. – С. 213–214.

850. **Максяшев, П. Ф.**Когда в России было поднято красное знамя // Вопросы истории. – 1965. – № 3. – С. 206–207.

851. **Тахо-Годи, А. А.** Термин «символ» в древнегреческой литературе // Вопросы классической литературы. – М., 1980. – Вып. 7.

852. **Кулишер М.** Символизм в праве. Из сравнительной истории культуры // Вестник Европы. – 1883. – № 2. – С.747-773.

853. **Соколов, В. А.** Государственный флаг: проблемы внутри страны и на международной арене // Вопросы теории права, социалистической государственности и социального управления. – Томск, 1984. – Вып. 4. – С. 165–179.

854. **Лотман, Ю. М.** Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1987. – Вып. 21.

855. **Хорунжий, С. С.** Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки // Историко-философский ежегодник. – М., 1988. – С. 180–201.

856. **Бекешкина, И. Е.** Что думают киевляне о национальной символике? // Философская и социологическая мысль. – 1989. – № 10.

857. **Белова, Т. П.** Религия в системе символических форм культуры Э. Кассирера // Теоретическая конференция «Религия и атеизм в истории культуры». – Л., 1989. – С. 57–58.

858. **Бычков, В. В.** Традиция символизма в древнерусской эстетике // Византия и Русь. – М., 1989. – С. 133–138.

859. **Гаварткалидзе, А.** Грузинское знамя // Заря Востока. – 1989. – 21 мая.

860. **Пигулевский, В. О.** Символ, пародия и парадокс в неклассической философии // Эстетические категории и искусство. – Кишинев, 1989. – С. 115–135.

861. **Поцелуев, В. А.** Гербы Союза ССР: Из истории разработки. – М., 1987.

862. **Золина, П. М.** Рецензия на книгу: Поцелуев В. А. Гербы Союза ССР: Из истории разработки. – М., 1987 // Советское государство и право. – 1989. – № 4. – С. 150–152.

863. **Рыкова, М.** О влиянии философских религиозных взглядов В. Л. Соловьева на эстетику символизма // Человек культуры техники. – Владивосток, 1989. – С. 67–72.

864. **Талалай, М.** Российское знамя // Аврора. – 1989. – № 10.

865. **Топорнов, А. Л.** Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое исследование знаковых средств культуры. – Л., 1989. – С. 89–101.

866. **Туляганова, Т. М.** Символизация как форма организации научного предвидения в условиях современной НТР / Т. М. Туляганова, И. А. Джаббарова // Актуальные вопросы формирования научно-материалистического мировоззрения трудящихся. – Ташкент, 1989.

867. **Афанасьев, Г. Н.** Философско-художественная интерпретация понятия «символ» в творчестве А. Белого // Художественно-эстетические ценности в системе культуры. – Саранск, 1990. – С. 54–59.

868. **Багавеев, Г. А.** Политическая символика и политические традиции в социалистическом обществе // Общественный прогресс и вопросы развития социалистического общества. – Казань, 1990. – С. 33–36.

869. **Белят, М.** Советские модели в «Плейбое» // Горьковский рабочий. – 1990. – 12 марта.

870. **Вилинбахов, Г.** Флаги России // Наука и жизнь. – 1990. – № 12.

871. **Власов, Б.** За поджог памятника // Правда. – 1990. – 24 ноября.

872. **Гаврилов, Э. П.** О знаке охраны и владельце авторского права // Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 52–55.

873. **Гаврилова, С.** Как Петр Великий задумался над орденом // Российская газета. – 1990. – 18 августа.

874. Геральдика по-австрийски // Комсомольская правда. – 1990. – 6 марта.

875. Гербы городов Симбирской и Самарской губерний // Наука и жизнь. – 1990. – № 4.

876. Гербы городов Таврической губернии // Наука и жизнь. – 1990. – № 10.

877. **Гломозда, К. Е.** Украинская национально-государственная символика: особенности исторической традиции / К. Е. Гломозда, Д. Б. Яневский // Философская и социологическая мысль. – Киев, 1990. – № 1, 2, 3.

878. **Гринчишин, В. А.** Новое в наградном законодательстве и вопросы его дальнейшего совершенствования / В. А. Гринчишин, В. Ф. Опрышко // Советское государство и право. – 1990. – № 5. – С. 48–54.

879. **Ехало, В. А.** Шелдон Страйкер: социально-структурная разновидность символического интеракционизма // Философская и социологическая мысль. – 1990. – № 5.

880. **Катаева, Н. П.** Диалектика знака и символа в духов-ном освоении действительности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Рига, 1990.

881. Кто автор гимна? // Комсомольская правда. – 1990. – 29 апреля.

882. **Лакиер, А. Б.** Русская геральдика. – М., 1990.

883. **Литвинова, И.** Новый герб, гимн и флаг Латвии // Известия. – 1990. – 28 февраля.

884. **Лысенко, Н. Н.** Русская государственная символика: Очерки. – Л., 1990.

885. **Лысенко, О. В.** К проблеме полифункциональности ритуального символа // Религиоведческие исследования в этнографических музеях. – Л., 1990. – С. 17–23.

886. **Откровенный** разговор с комсомольскими делегатами: Ответы Президента СССР М. С. Горбачева на вопросы делегатов XXI съезда ВЛКСМ // Известия. – 1990. – 13 апреля.

887. **Поварнова, О. Я.** Цветовая символика иконы – два опыта истолкования (М. А. Волошин и П. А. Флоренский) // Актуальные проблемы истории и теории эстетики. – М., 1990. – С. 95–109.

888. **Страйкер, Ш.** Современный символический интеракционизм: направления // Философская и социологическая мысль. – 1990. – № 5.

889. **Стюарт, Д.** Возвращаясь к символической модели: нерепрезентативная модель природы языка // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. – Новосибирск, 1990. – С. 84–111.

890. **Флоренский, П. А.** Небесные знамения (Размышления о символике цветов) // Философская и социологическая мысль. – 1990. – № . – С. 112–117.

891. **Шуваев, И.** Символический смысл образования в человеческой жизни // Человек и духовность. – Рига, 1990. – С. 23–29.

892. **Агафонова, Е. А.** Гербы дворянских родов России / Е. А. Агафонова, М. Д. Иванова. – М., 1991.

893. **Антонов, В. И.** Символика в познавательном и идеологическом процессе. – Улан-Удэ, 1991.

894. **Байбурин, А. К.** Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. – М., 1991. – С. 23–42.

895. **Веретенников, А.** Люди и символы // Гласность. – 1991. – 19 сентября.

896. **Зоткина, О. Я.** Символ в «онтологии творчества» П. А. Флоренского (к характеристике «религиозного эстетизма») : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1991.

897. **Казаков, С.** Символ или человек? // Известия. – 1991. – 20 марта.

898. **Лысенко, Н.** Флаг национального Российского государства – каким ему быть? // Москва. – 1991. – № 12.

899. **Мусхелишвили, Н. Л.** О символичности проповеди / Н. Л. Мусхелишвили, Н. В. Шабуров, Ю. А. Шрейдер // Человек. – 1991. – № 4. – С. 144–153.

900. Национальный флаг РСФСР // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 34. – Ст. 1127.

901. **Сапрыков, В.** Здравствуй, птица? Возрождается Российская символика // Гласность. – 1991. – 3 октября.

902. **Русанов, И. В.** Тайна четырех мастей // Ваше здоровье. – 1991. – № 6.

903. **Чулаки М.** Герб? Гимн? Флаг? // Известия. – 1991. – 2 октября.

904. В моде советский флаг // Труд. – 1992. – 6 февраля.

905. **Дэвид, Л.** Национальные символы Америки / Л. Дэвид, А. Дэвид // США. Экономика, политика, идеология. – 1992. – № 9. – С. 51–56.

906. **Жилин, М.** Опять в столице льют колокола // Книжное обозрение. – 1992. – № 5.

907. **Захаров, М.** Американские звезды или двуглавый орел? // Известия. – 1992. – 4 декабря.

908. **Коршунов, В.** Почтовая связь // Закон. – 1992. – № 2. – С. 54–55 (фрагмент об эмблеме и флаге организаций Федеральной почтовой связи).

909. **Никитин, А. В.** О понятии правового символа // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе. – Н. Новгород, 1992. – С. 82–84.

910. **Новиков, В.** Стяг во имя Андрея Первозванного / В. Новиков, В. Шигин // Российская газета. – 1992. – 6 февраля.

911. **Романенко, Ю. Я.** Измерения символа в науке и культуре // Ступени. – 1992. – № 3.

912. **Сапрыков, В.** Государственные символы Карачаево-Черкесии // Наука и жизнь. – 1992. – № 2 ; 1996. – № 10.

913. **Сапрыков, В.** Над Россией флаг России // Наука и жизнь. – 1992. – № 2.

914. **Соболева, Н. А.** Герб Российского государства // Вопросы истории. – 1992. – № 10.

915. **Валинбахов, Г.** Родословная российского герба // Родина. – 1993. – № 1.

916. **Ведерников, В.** Частная собственность на... национальный гимн // Известия. – 1993. – 15 декабря.

917. **Голан, А.** Миф и символ. – М., 1993.

918. **Горменко, С. А.** Гармонизация законодательств по товарным знакам продолжается // Патенты и лицензии. – 1993. – № 9–10. – С. 17–19.

919. **Игнатьев, Р.** Россия вновь обрела свои символы // Российская газета. – 1993. – 17 декабря.

920. **Калашников, И.** От кафтана до мундира: о форме одежды, знаках отличия, воинской символике и ритуалах в истории Российской Армии // Вестник противовоздушной обороны. – 1993. – № 12. – С. 31–32.

921. **Карась, Н. М.** Государственное знамя // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 11. – С. 88–89.

922. **Микомлов, К.** Символика Дагестана: какой ей быть? // Наш Дагестан. – 1993. – № 163–164. – С. 15–17.

923. **Никитин, А. В.** Классификация правовых символов // Современные проблемы правоохранительной деятельности. – Н. Новгород, 1993. – С. 38–41.

924. **Пасютин, Э.** Двуглавый орел над Россией // Неделя. – 1993. – № 34.

925. **Полищук, В. И.** Символы огня и света в культуре // Философские науки. – 1993. – № 1, 2, 3.

926. **Сергеев, В. М.** Как защитить товарный знак в России? // Патенты и лицензии. – 1993. – № 9–10. – С. 12–14.

927. **Чернов, А.** Герб России: традиция против заблуждений // Известия. – 1993. – 14 сентября.

928. **Яремченко, А.** Как делали ордена // Тыл вооруженных сил. – 1993. – № 11. – С. 43–44.

929. **Белый А.** Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 256.

930. **Генон, Р.** Символика Креста: главы из книги / пер. с фр. // Согласие. – 1994. – № 3. – С. 208–218.

931. **Корнешов, Л.** Польза, честь и слава // Российская газета. – 1994. – 10 марта.

932. **Лосев, В.** Символика сухопутных войск Франции // Зарубежное военное обозрение. – 1994. – № 8. – С. 28–29.

933. **Малышко, В.** Полковые нагрудные знаки (русской армии до 1917 года) // Наука и жизнь. – 1994. – № 11.

934. **Мекель, Х.** Символическая выразительность – феноменологическое понятие? // Логос. – 1994. – № 6. – С. 127–143.

935. **Николаев, А.** Гербы, флаги, эмблемы вооруженных сил Австралии, воинские знаки и знаки различия военнослужащих // Зарубежное военное обозрение. – 1994. – № 8. – С. 14–16.

936. **Осипов, Б. И.** Метафора и символ: (Терминологический аспект) / Б. И. Осипов // Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная. – Омск : Изд-во Омского ун-та, 1994. – С. 50–60.

937. **Сапрыков, В.** Крылатый барс Татарстана: Государственные символы республики // Наука и жизнь. – 1994. – № 10. – С. 26–31.

938. **Сапрыков, В.** Белый лебедь – символ Удмуртии // Наука и жизнь. – 1994. – № 11. – С. 21–24.

939. **Громов, М.** Архитектурные символы России // Новый мир. – 1995. – № 9. – С. 143–149.

940. **Кравецкий, А. Г.** Опыт словаря литургических символов // Славяноведение. – 1995. – № 3.

941. **Лихачева, Л. С.** Символические формы передачи социокультурного опыта в этикете // Культура и традиции. – Екатеринбург; Нижневартовск, 1995. – С. 191–205.

942. **Островский, А. Б.** Православные нагрудные кресты (зримые черты символов) // Кунсткамера: Этнографическая тетрадь. – 1995. – Вып. 8/9.

943. **Сенявская, Е. С.** Героические символы: реальность и мифология (Великой Отечественной войны) // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 30–44.

944. **Фаизов, С.** Тугра – восточный герб России // Азия и Африка сегодня. – 1995. – № 4. – С. 76–80.

945. **Громов, В.** Щит и меч российской славы // Российская газета. – 1996. – 12 апреля.

946. **Махин, С.** Новая Россия – новые символы: какими могут быть флаг и ордена России // Новое время. – 1996. – № 20. – С. 36–37.

947. **Никитин, А. В.** Нижегородская правовая символика: история и современность // Город славы и верности России. – Н. Новгород, 1996. – С. 12–16.

948. **Рево, О.** Гербы народов Подольской губернии Российской империи // Наука и жизнь. – 1996. – № 12.

949. **Рустамов, Х.** Возродить институт присягательства // Российская юстиция. – 1996. – № 12.

950. **Субботин, И.** Три жизни русского флага // Российская газета. – 1996. – 14 июня.

951. **Абрамова, Н. А.** Символизм как специфический способ мышления и поведения китайцев // Гуманитарный вектор. – 1997. – № 2. – С. 40–45.

952. **Андреева, Г.** Символы государства: Государственный гимн как объект конституционного регулирования // Право и жизнь. – 1997. – № 11. – С. 158–164.

953. **Антонов, В. И.** Символизация в контексте социокультурных процессов // Вестник Московского государственного ун-та. – Серия 18: Социология и политология. – 1997. – № 4.

954. **Белла, Р.** Религия как символическая модель, формирующая человеческий опыт // Религия и право. – 1997. – № 2-3. – С. 52–53.

955. **Верников, В.** Сколько стоит национальный гимн Испании? // Известия. – 1997. – 8 октября.

956. **Витвицкий, А. А.** Нарушения правил изготовления и использования государственных клейм (Комментарий к ст. 181) // Северо-Кавказский юридический вестник. – 1997. – № 3.

957. **Колдобская, М.** Символы на параде: О российской государственной символике // Новое время. – 1997. – № 35. – С. 33–34.

958. **Копосов, Н. Е.** Замкнутая вселенная символов: к истории лингвистической парадигмы // Социологический журнал. – 1997. – № 4. – С. 33–47.

959. **Синицина, И.** Символы власти и права в искусстве // Азия и Африка сегодня. – 1997. – № 6. – С. 68–73.

960. Философ нашел крамолу в гимне // Известия. – 1997. – 15 марта.

961. **Вилинбахов, Г.** Герб России // Родина. – 1998. – № 2.

962. **Вопленко, Н. Н.** Правовая символика и международное право // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия: В 2 ч. / под ред. проф. В. М. Баранова. – Нижний Новгород, 1998. – Ч. 2. – С. 187–191.

963. **Данилина, Е.** Символика России в элементах фирменного стиля / Е. Данилина, А. Цапенко // Интеллектуальная собственность. – 1998. – № 3. – С. 104–106.

964. **Зинич, М. С.** Музыкальный символ России (о Гимне РСФСР) // Отечественный архив. – 1998. – № 4. – С. 83–84.

965. **Макаров, В. С.** Награды Отечества // Военная мысль. – 1998. – № 4. – С. 53–57.

966. **Османкин, Г. Ю.** Утверждение символов и формирование христианских канонов в культуре и искусстве Византии в IV–VII веках // Проблемы исторической культурологии : сборник научных трудов. – Нижневартовск, 1998. – С. 185–193.

967. **Савчук, В. В.** Символ крови // Культурология XX века : Дайджест: Диалог культур и духовное развитие человека. – IV (8). – М., 1998. – С. 119–122.

968. **Самусь, В.** Виновата ли державная птица в бедах России? / В. Самусь, А. Панов // Нижегородский рабочий. – 1998. – 4 марта.

969. **Степнова, Л. Н.** Социальная символика России // Социологические исследования. – 1998. – № 7. – С. 90–100.

970. **Тутутнов, В.** О гимне России замолвите слово // Российские вести. – 1998. – 7 октября.

971. **Чулаки, М.** Свастика и национализм // Известия. – 1998. – 11 августа.

972. **Этинген, Л. Е.** О символике сердца // Человек. – 1998. – № 5. – С. 44–56.

973. **Зандкюлер, Х. Й.** Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии. – 1999. – № 2. – С. 39–40 (фрагмент о допустимости установления в общеобразовательных школах креста как атрибута христианской символики).

974. **Киреев, Н.** Двуглавого орла перепутали с «лысым» орланом // Российская газета. – 1999. – 15 мая.

975. **Окмянский, В.** Старая песня о главном. Символы России // Нижегородские новости. – 1999. – 5 мая.

976. **Спиридонова, О. Е.** Государственная граница Российской Федерации и ее символы как предмет уголовно-правовой охраны // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: Сборник научных статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 1999. – С. 92–100.

977. **Спиридонова, О. Е.** Об уголовно-правовой охране государственных символов // Юридические записки. – Ярославль, 1999. – Вып. 3.

978. **Спиридонова О.Е.** Товарный знак как символ и предмет преступления в сфере экономической деятельности // Проблемы гуманитарного знания: на рубеже веков: Тезисы научно-практической конференции. – Архангельск, 1999.

979. **Черемных, Е.** Кризис гимна / Е. Черемных, И. Нагибин, А. Боде // Нижегородские новости. – 1999. – 5 мая.

980. **Денисов, И.** Драка за флаг // Известия. – 2000. – 6 декабря.

981. **Косич, И.** Все слушают стоя // Российская газета. – 2000. – 10 октября.

982. **Лотман, Ю. М.** Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX вв. // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. С. 402–404

983. **Максимович, С.** Символы России. Данные опроса фонда «Общественное мнение» // Аргументы и факты. – 2000. – № 25. – С. 12.

984. **Никитин, А. В.** Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники: Сборник статей / под ред. проф. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 440–450.

985. **Овчинников, О.** Уроки гимносложения // Известия. – 2000. – 23 мая.

986. **Пирс, Ч. С.** Икона, индекс, символ // Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М. : Логос, 2000. С. 200–222.

987. **Спиридонова, О. Е.** Деньги в уголовном праве: знаки или символы? // Юридические записки ЯрГУ. – Ярославль, 2000. – Вып. 4.

988. **Агюлон, М.** Французская республика и ее символика, 2001.

989. **Бабайцев, А. В.** Символы зеркала и зеркальности в политике // Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 года): В 5 томах. Т. 5. – М., 2005. – С. 9–10.

990. **Бокова, И. Н.** Незаконное использование товарного знака: проблемы реализации уголовной ответственности / И. Н. Бокова, С. В. Изосимов, А. П. Кузнецов // Российский судья. – 2001. – № 3. – С. 30–39.

991. **Никитин, В. В.** Адольф у Иосифа украл парад // Аргументы и факты. – 2001. – № 22.

992. **Спиридонова, О. Е.** О месте символа как предмета преступления в памятниках русского права XII–XVII вв. // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе : сборник научных статей. – Ярославль, 2001.

993. **Спиридонова, О. Е.** О символах – предметах преступления // Юридические записки студенческого научного общества : сборник тезисов научной студенческой и аспирантской конференции юридического факультета ЯрГУ. – Ярославль, 2001. – Вып. 1.

994. **Исаев, И. А.** Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Известия вузов. Правоведение. – 2002. – № 6. – С. 4–10.

995. **Спиридонова, О. Е.** Форменная одежда как символ власти в уголовном праве // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе : сборник научных статей. – Ярославль, 2002.

996. **Бурлачук, В.** Символические системы и конструирование социального смысла // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 3.

997. **Васильев, А. Л.** Проблемы конституционно-правового статуса официальных государственных символов в Российской Федерации // Научные труды Российской академии юридических наук. – М., 2004. – Вып. 4: В 3 т. – Т. 1. – С. 278–280.

998. **Горовой, Л.** Государственные символы Российской Федерации : материал к одноименной теме // Ориентир. – 2004. – № 12. – С. 54–58.

999. **Коваль, Г. М.** Флаги и знамена российских добровольных обществ (организаций) до 1917 года // Гербовед. – 2004. – С. 56–57.

1000. **Кондратьева, Ю. Б.** Символ как средство смыслового конструирования реальности // Объединенный научный журнал. – 2004. – № 26. – С. 46–48.

1001. **Мартынюк, И.** Символическая социальная реальность : методические подходы и практический опыт изучения / И. Мартынюк, Н. Соболева // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 3.

1002. **Фадеева, И. Е.** Символ и его интерпретаторы (о позиции наблюдателя в культурологических исследованиях) // Вестник Поморского ун-та. – Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2004. – № 2. – С. 50–59.

1003. **Фадеева, И. Е.** Теория и культурно-историческая феноменология символа: автореф. дис. … д-ра культурологии. – СПб., 2004.

1004. **Царева, Е. А.** Символ и общественная жизнь // Ученые записки Курского государственного ун-та. – Серия: Гуманитарные науки. – 2004. – № 1. – С. 56–60.

1005. **Шалагинов, П. Д.** О понятии функций правового символа // Современные проблемы государства и права : сборник научных трудов / под ред. В. М. Баранова, В.А . Толстика, А. В. Никитина. – Н. Новгород, 2004. – Вып. 7. – С. 108–113.

1006. **Алеев, Р.** Символы правосудия // Бюллетень нотариальной практики. – 2005. – № 3. – С. 47–48.

1007. **Бузанов, В.** «Персонажи» в элементах бизнес-символики // Хозяйство и право. – 2005. – № 5. – С. 103–104.

1008. **Вилинбахов, Р.** «Корона» значит «свобода» / Р. Валинбахов, С. Осипов // Аргументы и факты. – 2005. – № 50. – С. 11.

1009. **Ефимов, Д. М.** Позиционирование символики государства в СМИ как фактор формирования социального восприятия ее в студенческой среде : по материалам социологических исследований студентов высших учебных заведений г. Н. Новгорода и анализа современного СМИ // Современные гуманитарные исследования. – 2005. – № 5. – С. 389–392.

1010. **Заулина, О. А.** Символ как стилистический прием // Вестник Чувашского ун-та. – Серия: Гуманитарные науки. – 2005. – № 1. – С. 136–140.

1011. **Исаев, И. А.** Алхимический символизм как метафора политического // Известия Международной академии наук Высшей школы. – 2005. – № 3. – С. 187–196.

1012. **Кармадонов О.А.** Трансформация символов и символы трансформации: версия одного социально-политического суицида // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8. – № 2. – С. 22–39.

1013. Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Армении. Двусторонние договоры // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 9.

1014. **Лапухин, А.** Государственная символика и награды ФРГ // Зарубежное военное обозрение. – 2005. – № 1. – С. 12–13.

1015. **Ломакина, И. Б.** Символизм обычного права // Юридическое образование и юридическая наука: история, современное состояние и перспективы развития : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. Л. Поцелуев. – Иваново, 2005. – С. 74–93.

1016. МВД – это имя, отечество и фамилия: Закон никак не контролирует использование символики спецслужб коммерческими структурами // Российская газета. – 2005. – 25 мая.

1017. **Некрасов, М. А.** Обычай делового оборота как источник гражданского права // Гражданское право и законодательство в XXI веке: современные проблемы теории и практики. – М., 2005.

1018. **Светов, Ю.** Герольдмейстер России // Экспресс-интернет. – 2005. – № 13.

1019. **Шалагинов, П. Д.** Влияние реформ на регулятивную способность правовых символов Российской Федерации // Актуальные проблемы юридической науки: итоги научных исследований аспирантов, соискателей и студентов : сборник научных трудов. – Н. Новгород, 2005. – Вып. 2. – С. 115–118.

1020. **Аверинцев С.**С. Символ художественный // Собрание сочинений: София-Логос. Словарь / С.С. Аверинцев; под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. – К.: Дух и Литера, 2006.

1021. **Буковская, Н. В.** Роль религиозных символов в политике / Н. В. Буковская, Ю. А. Воеводина // Вестник Томского государственного педагогического ун-та. – Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – Вып. 12.

1022. **Веракса, А. Н.** Роль символического и знакового опосредствования в познавательном развитии // Вопросы психологии. – 2006. – № 6. – С. 14–24.

1023. **Волкова, М.** Флаг не герб – не по закону // Российская газета. – 2006. – 15 сентября.

1024. **Гуренко, Д. В.** Ритуалы и символы в судебной практике: правоантропологические аспекты // Юристъ-Правоведъ. – 2006. – № 4.

1025. **Добрынина, Е.** Ходить с флагом модно. Символы государства стали популярны у молодежи // Российская газета. – 2006. – 9 июня.

1026. **Жанцанова, М. Г.** Символ и исторический контекст : метаморфозы японской традиционной культуры / М. Г. Жанцова, М. В. Карнышева // Вестник Бурятского ун-та. – Серия 18: Востоковедение. – 2006. – Вып. 2.

1027. **Колясников, А.** Государственные и воинские символы России: Метариал к одноименной теме / А. Колясников, Д. Самосват // Ориентир. – 2006. – № 11. – С. 52–56.

1028. Краснодарский край // Известия Геральдической комиссии при главе администрации Краснодарского края / редкол. Н. А. Долуда [и др.]. – Краснодар, 2006 (глава «Геральдическая комиссия»).

1029. Материалы пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 2. – С. 5–6.

1030. **Мельникова, И. В.** Реальность символа // Омский научный вестник. – 2006. – № 6.

1031. **Некрасов, М. А.** Правовой обычай в отраслях российского права // Актуальные вопросы современного российского законодательства и организации деятельности УИС : сборник научных трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. – Рязань : Академия ФСИН России, 2006.

1032. **Некрасов, М. А.** К вопросу о понятии и реализации правового обычая в российском праве // Власть и общество в России: традиции и современность : сборник материалов II межрегиональной научной конференции. – Рязань: Академия ФСИН России, 2006.

1033. **Панченко, П. Н.** Национальное достояние России и уголовный закон: постановка проблемы и направления ее решения // Экономика как цель и как средство права / отв. ред. П. Н. Панченко. – Н. Новгород, 2006. – Ч. 2. – С. 6–7, 30.

1034. Статья 1264 Гражданского кодекса Российской Федерации «Проекты официальных документов, символов и знаков» // Российская газета. – 2006. – 22 декабря.

1035. **Александрова, М.** Трехцветная эпопея. 25 декабря 2000 года Президентом России был подписан закон о государственной символике // Нижегородские новости. – 2007. – 25 декабря.

1036. **Бабайцев, А. В.** Политический символизм цвета // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. – Серия: Социально-экономические науки и искусство. – 2007. – № 3. – С. 56–62.

1037. **Батурин, Ю.** Конституция как инсигния и символ правового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 1 (58). – С. 4–7.

1038. **Владыкина, Т.** Естественный гражданин // Российская газета. – 2007. – 12 декабря.

1039. **Власенко, Н. А.** Текст юридических документов: методология исследования // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов, 2007. – С. 485–505.

1040. **Гамзаева, С.** Триколор не для всех. Изображение государственного флага достойны носить только федеральные чиновники // НГ-РЕГИОНЫ. – 2007. – 26 марта.

1041. **Голуб, П.** ЕС без госсимволики. Из проекта новой конституции Евросоюза вычеркнули 378 страниц // Российская газета. – 2007. – 6 октября.

1042. День знамени // Российская газета. – 2007. – 22 августа.

1043. **Закатнова, А.** Под одним флагом. Партии заметили государственный символ // Российская газета. – 2007. – 23 августа.

1044. **Калиновский, И.** Сорванный флаг в природе. За надругательство над символом российской государственности хулиган получил судимость // Российская газета. – 2007. – 5 сентября.

1045. **Кашанина, Т. В.** Юридическая техника : учебник. – М., 2007. – С. 246–248.

1046. **Корнев, В.** Депутатам запретили использовать российский флаг / В. Корнев, И. Стулов, Ю. Николаев // Известия. – 2007. – 13 марта.

1047. **Короткая, Т. Я.** Ценностная иерархия культуры в философии Н. А. Бердяева // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Философские науки. – 2007. – № 2. – С. 103–109.

1048. **Лебедева, Н.** Тайна триколора. Знают ли россияне государственные символы России // Российская газета. – 2007. – 30 июня.

1049. **Махлина, А.**Триколор для патриотов // Нижегородские новости. – 2007. – 22 августа.

1050. **Некрасов, М. А.** К уточнению понятия «правовой обычай» как социальной нормы поведения // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы VI Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. – М. : МГЮА, 2007.

1051. **Рар, А.** Третий гимн мы почти отыграли… // Известия. – 2007. – 23 августа.

1052. **Федорович, Е. В.** Понимание символа в западной философской традиции // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 3. – С. 75–78.

1053. **Черячукин, В.** Права на официальные символы Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований // Интеллектуальная собственность: Промышленная собственность. – 2007. – № 5. – С. 33–38.

1054. **Шалагинов, П. Д.** Символические формы и процедуры в праве // Современные проблемы государства и права : сборник научных трудов / под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика, А. В. Никитина. – Н. Новгород, 2007. – Вып. 11. – С. 130–140.

1055. **Шалагинов, П. Д.** Формы реализации функций правовых символов: понятие и виды / П. Д. Шалагинов, А. В. Никитин // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – М., 2007. – № 6. – С. 15–17.

1056. **Щербина, Т.** Фальшивая страна. Люди, у которых выбор не стал потребностью, обречены выбирать из зол // Независимая газета. – 2007. – 28 ноября (фрагмент о гимне России).

1057. **Абидулин, А.** Символизм и власть во время правления султана Абдул-Хамида II (1876-1909) // Власть. – 2008. – № 10. – С. 125 – 128.

1058. **Бабаева, Т. Б.** Государственная символика: эстетические аспекты // Философия права. – 2008. – № 3 (28).

1059. **Бабайцев, А. В.** Архитипические основания и тотемистические мотивы современной государственной символики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – №5. – С. 5–10.

1060. **Давыдова, М. Л.** Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 56–63.

1061. Если украли 150 флагов, то надо повесить 300! // Известия. – 2008. – 13 ноября.

1062. **Забродина, Е.** Туркменбаши вычеркнули из гимна // Известия. – 2008. – 11 декабря.

1063. **Закатнова, А.** Правильное кино. «Единая России» готова поделиться гимном, гербом и флагом // Российская газета. – 2008. – 11 июня.

1064. **Козлова, Н.** Флаг нам в руки. Статью о нарушении использования государственных символов переписали // Российская газета. – 2008. – 11 ноября.

1065. **Колесниченко, А. А.** Характеристика правовой символики российского государства в постсоветский период // Философия права. – 2008. – № 3 (28). – С. 119–121.

1066. **Маланыч, И. Н.** Конституционное регулирование официальной символики в системе правовой политики Российской Федерации // Конституционные чтения. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2008. – Вып. 4: Актуальные проблемы науки конституционного права: Совершенствование федеративного устройства России, органов государственной власти и местного самоуправления / под ред. Т. Д. Зражевской. – С. 5–23.

1067. **Некрасов, М. А.** Особенности становления правового обычая в российском праве // История государства и права. – 2008. – № 21.

1068. **Некрасов, М. А.** Понятие и основные черты правового обычая // Человек: преступление и наказание. – 2008. – № 3.

1069. **Некрасов, М. А.** Традиция, обычай, обыкновение, обряд и ритуал как элементы социального и культурного наследия общества // Актуальные проблемы современного российского права : сборник научных трудов. – Невинномысск: НГГТИ, 2008.

1070. **Николаев, С.** Несостоявшийся гимн // Нижегородские новости. – 2008. – 23 октября.

1071. Основы учения русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. Приняты на Пленарном заседании Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 26 июня 2008 года // Журнал Московской патриархии. – 2008. – № 9. – С. 7. (о недопустимости надругательства в публичной сфере над символами, которые почитаются верующими людьми)

1072. **Петренко, В.** Образы, символы, представления в идеологической борьбе за ментальное пространство // Развитие личности. – 2008. – №1. – С. 17–32.

1073. **Попов, А. А.** «Схема» и «Символ»: на пути к не-дискурсивной концепции мышления / А. А. Попов, И. Д. Проскуровская // Философия науки. – 2008. – № 2. – С. 18–32.

1074. **Русакова, Н. Г.** Классификация присяги по законодательству Российской Федерации // Юридический мир. – 2008. – № 2. – С. 70–72.

1075. **Сорокина, Н.** Не могу молчать. Гимн Испании получил слова // Российская газета. – 2008. – 12 января.

1076. **Тельнова, Н. А.** Гносеологическая природа символов / Н. А. Тельнова, Т. М. Передвигина // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2008. – № 1. – С. 45–48.

1077. **Титаренко, Е. С.** Место символа сердца в антропологии Григория Нисского // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 7. Серия: Философия. – С. 139–150.

1078. **Шкель, Т.** С флагом по жизни.Сегодня парламентарии намерены окончательно закрепить норму, позволяющую россиянам использовать российский триколор неофициально // Российская газета. – 2008. – 15 октября.

1079. **Акимова, Д. В.** Проблема символа в концепциях культуры Э. Кассирера и Н. Бердяева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2009. – № 3, т. 2. Серия: Философия. – С. 121–129.

1080. **Барляева Е.А.** Символическое мышление и внутренняя форма языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология, востоковедение, журналистика. – 2009. – Вып. 4. – С. 42–47.

1081. **Баширова, М.** У нижегородцев скоро появится свой гимн // Нижегородские новости. – 2009. – 23 октября.

1082. **Вилинбахов, Г.** Размахивая флагом // Российская газета. – 2009. – 2 сентября.

1083. **Гасюк, А.** «Спартанец» без стяга. Флаг времен Трафальгарской битвы со скандалом продан на аукционе // Российская газета. – 2009. – 23 октября.

1084. **Глушаков, А. Ю.** Символы в праве: признаки, классификация // Закон и право. – 2009. – № 2. – С. 27–30.

1085. **Горшков, О. Е.** Символ как непознаваемая реальность // Вестник Поморского университета. – 2009. – № 5. – С. 44–48.

1086. **Давыдова, М. Л.** Символы в праве и правовые символы: понятие и значение // Правоведение. –2009. – № 3.

1087. **Знамиеровский, А.** Флаги: всемир. энцикл. – М., 2009.

1088. **Козлова, Н.** Флаг – в руки // Российская газета. – 2009. – 11 июня.

1089. **Краснолободцева, Н. К.** Юридическая техника как инструмент правотворчества // Правотворчество органов власти в Российской Федерации: проблемы теории и практики / под ред. О. И. Цыбулевской. – Саратов, 2009. – С. 160–161.

1090. **Люсый, А. П.** Диалектика символизации/десимволизации как фундаментальное основание прикладной культурологии // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 48–59.

1091. **Макарова, О.** С символикой не забалуешь // Нижегородские новости. – 2009. – 30 октября.

1092. **Миронов, С.** Законотворчество не терпит спешки. Председатель Совета Федерации Сергей Миронов на пресс-конференции подвел итоги весенней сессии и поделился своими мыслями по самым актуальным вопросам жизни страны // Парламентская газета. – 2009. – 10 июля.

1093. **Пчелов, Е.** Символика воинских регалий морских царей // Власть. – 2009. – № 2. – С. 114–116.

1094. **Фалалеева, И. Н.** Правовая обрядность у салических франков: попытка интерпретации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2009. – Вып. 11. – С. 49–55.

1095. **Федосенко, В.** Штрафная символика. Правительство внесло в Госдуму законопроект о наказаниях за неправомочное использование герба и флага // Российская газета. – 2009. – 29 октября.

1096. **Чернышев, А.** Не флагом едины. Единороссов проверяют на предмет неподобающего обращения с символом России // Коммерсант. – 2009. – 5 февраля.

1097. **Выжутович В.** Апелляция к символам // Российская газета. – 2010. – 4 июня.

1098. **Давыдова, М. Л.** Символические основы юридической техники // Доктринальные основы юридической техники/ отв. ред. проф. Н. А. Власенко. – М., 2010. – С. 252–263.

1099. **Зюков, А. М.** Правовая охрана национально-этнических символов / А. М. Зюков, Т. Ю. Гришина // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 4 (23). – С. 81–83.

1100. **Невелев А.Б.** Техника, символ и знак в предметно-энергитийном бытии человека // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2010. – № 1. – С. 144–152.

1101. **Пчелина, О. В.** Время символа и время симулякра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия. Философские науки. – 2010. – № 1. – С. 113–117.

1102. **Родионова, В.** Трансформации символических социальных практик в условиях технологизации // Власть. – 2010. – № 3. – С. 20–22.

1103. **Рябцев, А.** Оставить слово «Бог» в тексте гимна // Комсомольская правда. – 2010. – 27 марта.

1104. **Царёва Е.А.** Ценностная значимость символа: семиотический аспект анализа // Вопросы культурологии. – 2010. – № 7. – С. 8–13.

1105. **Шилков, Ю. М.** Символ и вымысел (о функциональных возможностях символа) // Кантовский сборник. – 2010. – № 1. – С. 68–74.

1106. **Ямпольская, Е.** Рубиновый скандал // Известия. – 2010. – 19 октября.

1107. **Горшков, О. Е.** Символ в социально-феноменологических моделях // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 3. – С. 51–55.

1108. **Ежов, В. С.** Виртуальная эстетика символов в социальной деятельности // Философия образования. – 2011. – № 2. – С. 179–187.

1109. **Игнатенко, И.** Свастика без запрета. На городских развалах свободно торгуют нацистской символикой // Российская газета. – 2011. – 6 апреля.

1110. **Колисниченко, А. А.** Государственно-правовые символы России: история и современность // Философия права. – 2011. – № 3 (46). – С. 44–46.

1111. **Лобанова, Я. С.** Проблема символа в философской герменевтике П. Рикера // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 1. – С. 53–56.

1112. **Приказано: воспеть!** Гимны российских регионов: история, авторы, курьезы // Проспект. Еженедельная газета. – 2011. – № 13. – 29 марта.

1113. **Фомин, А. А.** Государственный герб как правовое явление и исторические предпосылки его появления// Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14, Право. – 2011. – Вып. 2. – С.12–17.

1114. **Шарно, О. И.** Соотношение правовой культуры и правовых символов на примере избирательных технологий // Современное состояние и перспективы общественно-политического развития России и зарубежных стран: материалы I Международной научно-практической конференции. – Волгоград : МИРИА, 2011. – С. 214–217.

1115. **Шкель, Т.** Хранима Богом или нами? // Российская газета. – 2011. – 2 июня (фрагмент об атеистической редакции государственного Гимна России).

1116. **Инешин, А.** Непокорный селянин отстоял в суде право на любовь к Родине и флаг на бане // Комсомольская правда. – 2012. – 29 октября.

1117. **Малахова, Н. О.** Правовые символы в римском и современном судопроизводстве // Юридическая техника как профессиональное искусство юриста : материалы Международной студенческой научной конференции (Волгоград, 5–6 апреля 2011 года) / отв. ред. М. Л. Давыдова. – Волгоград, 2012. – С. 185–192

1118. **Николаев, И. В.** Понятие и конструктивистские свойства вербальных политических символов // Философия права. – 2012. – № 4 (53). – С. 34–39.

1119. **Поцелуев, С. П.** Выбор государственной символики: бюрократические и политические решения // Философия права. – 2012. – № 4 (53). – С. 39–43.

1120. **Ромашов Р.**А. Понятия «закон» и «конституция»: определение места в смысловой символике государства // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 1 (22). – С. 140-143.

1121. **Федоров Н.А.** Психологические потенциалы символа // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2012. – № 2. – С. 24–30.

1122. **Шарно, О. И.** Классификация правовых символов в контексте правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России: научно-методический журнал. – Волгоград, 2012. – Вып. 2 (21). – С. 22–27.

1123. **Шарно, О. И.** Символика правовой модернизации // Модернизация функций права и государства: традиции, установки, тенденции, перспективы: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (10–11 декабря 2011 года): в 3 т. / сост. В. В. Груздев. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – Т. 1. – С. 269–276.

1124. **Шарно, О. И.** Символы правовой модернизации // Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации : сборник докладов / под ред. А. В. Малько, В. М. Шафирова, А. В. Усса. – Красноярск : Изд-во СФУ, 2012. – С. 318–323.

1125. **Забродина, Е.** Серп и молот снова в законе. В Молдавии сняли запрет на коммунистическую символику / Е. Забродина, А. Федякина // Российская газета. – 2013. – 6 июня

1126. **Козлова, Н.** ГербоLife. Герб страны стали использовать как приложение к валенкам и упаковкам // Российская газета. – 2013. – 8 октября.

1127. **Тупаев А.В.** Идеология русского евразийства: концепты и символы // Философия права. – 2013. – № 6 (61). – С. 48-51.

1128. **Шарно, О. И.** Символы правосудия: общее и особенное в различных правовых системах // Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современности: актуальные проблемы : монография / авт. кол.: М. А. Дамирли. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 109–117.

1129. **Шарно, О. И.** Классификационная модель правоприменительной символики // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – № 3 (20). Серия 5, Юриспруденция. – С. 41–43.

1130. **Шарно, О. И.** Правовые символы информационных технологий // Современное состояние и перспективы общественно-политического развития России и зарубежных стран : материалы II Международной научно-практической конференции. – Волгоград : МИРИА, 2013. – С. 229–231.

1131. **Шарно, О. И.** Правовые символы как средства универсализации технологий правоприменительной деятельности в правовых системах со-временного мира // Техника (технология) юридической деятельности в контексте сравнительного правоведения : сборник статей участников круглого стола, проведенного в рамках Международного научно-методологического семинара «Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современного мира» (г. Волгоград, 17–18 декабря 2012 года) / под ред. М. Л. Давыдовой, М. А. Дамирли. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 79–85.

1132. **Шарно, О. И.** Specific Characteristic soft the Legal Symbols (Специфические особенности правовой символики) // Журнал Сибирского федерального университета. – Красноярск : Изд-во СФУ, 2013. – Т. 6. – № 1. Серия «Гуманитарные науки». – С. 25–30.

1133. **Агамагомедова, С.** Незаконное использование олимпийской символики: особенности выявления и проблемы судебной практики // Интеллектуальная собственность: Промышленная собственность. – 2014. – № 4. – С. 18–26.

1134. **Бронштейн, Б.** Слов не хватает. ДНР рассчитывает на Россию даже в написании гимна // Российская газета. – 2014. – 10 октября.

1135. **Выжутович, В.** Свержение символов // Российская газета. – 2014. – 7 марта.

1136. **Богданов, С. В.** Российские ордена и наградная практика в период правления Александра I // Вестн. Моск. ун-та. – 2014. – № 1.

1137. Конвенция 2006 года о труде в морском судоходстве. Вступила в силу для Российской Федерации 20 августа 2013 года // Бюллетень международных договоров. – 2014. – № 5. – С. 79–182.

1138. **Лихоманов, П.** Кресты и руны для нацгвардии. Нацистская символика может стать официальной на Украине // Российская газета. Неделя. – 2014. – 28 августа.

1139. **Петров, И.** Нацизм упекут за решетку. Любителям рисовать свастики отныне грозит арест на 15 суток // Российская газета. – 2014. – 6 ноября.

1140. **Планкин, К.** «Спартак» своим примером избавит футбол от провокаторов // Известия. – 2014. – 28 февраля.

1141. **Тюарский, В.** Сельских глав в Якутии наказали за отсутствие в их кабинетах госсимволов // Российская газета. – 2014. – 21 января.

1142. **Шарно, О. И.** Правовые символы как средства реализации принципов гражданского общества (на примере адвокатской деятельности России и стран СНГ) // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – № 2 (23). Серия 5, Юриспруденция. – С. 75–79.

1143. **Шарно, О. И.** Функции правовых символов в правоприменительной деятельности // Современное состояние и перспективы общественно-политического развития России и зарубежных стран : материалы III Международной научно-практической конференции. – Волгоград : ООО «МИРИА», 2014. – С. 141–144.

1144. **Выжутович, В.** Низвержение символов // Российская газета. – 2015. – 17 апреля.

1145. **Гогин, С.** Война – удачный маркетинг. Как российские продавцы используют символику 70-летия Победы для увеличения продаж // Новая газета. – 2015. – 20 мая.

1146. **Ковригина, Г. Д.** Значение и восприятие государственных символов в современном российском обществе // Дискуссия. – 2015. – № 7. – С. 91–96.

1147. **Козлова, Н.** Соблюдайте ноты. Верховный суд поддержал проект закона о защите гимна // Российская газета. – 2015. – 19 июня.

1148. **Суранова, М.** Символика преткновения. Как провести грань между пропагандой нацизма и использования его атрибутики в «мирных целях»? // Парламентская газета. – 2015. – 17–23 апреля.

1149. **Чинякова, Т.** Серпом и молотом – по злому умыслу. За неправомерное использование бывших госсимволов предлагают сажать за решетку // Нижегородские новости. – 2015. – 17 июля.

1150. **Якубенко, А.** Присяга как правовая категория // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации : материалы межвузовской научной студенческой конференции (Иркутск, 11 апреля 2015 года) / отв. ред. Т. Л. Курас. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – С. 102–105.

1151. **Вилинбахов, Г.** «На груди медаль «За отвагу», а рядом 10 непонятных значков» // Новая газета. – 2016. – 27 июня.

1152. **Фокеева В.П.** Феномен символа: основные парадигмы исследования // Уникальные исследования XXI века. – 2016. – № 8 (20). – С. 14–34.

1153. **Алферова, И. В.** «Неизреченная красота подвига…» (о наградной системе в первую мировую войну) // Вестник Брянского государственного ун-та. – 2017. – № 4 (34).

1154. **Горелик, А.** Запрет на демонстрацию свастики предлагают смягчить // Парламентская газета. – 2017. – 14–20 апреля.

1155. **Замахина, Т.** Символам снимут ограничения // Российская газета. – 2017. – 9 ноября.

1156. **Замахина, Т.** У орла не будет ограничений. Госдума разрешила использовать герб неофициально // Российская газета. – 2017. – 27 ноября.

1157. **Ковкель, Н. Ф.** Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы // Правоведение. – 2017. – № 4. – С. 38–59.

1158. **Ерохина, Ю. В**. Визуализация и познание в правовой системе // Проблемы системы и систематизации законодательства : сборник статей / под ред. В. Б. Исакова и Е. Н. Салыгина. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Факультет права. Кафедра теории и истории права. – М. : ИД «Юриспруденция», 2018. – С. 214–224.

1159. Знамя Российской империи предлагают сделать государственным флагом России // Парламентская газета. – 2018. – 13–19 апреля.

1160. **Замахина Т.** Документ в номере Госсимволы и общество получат защиту в интернете // Рабочая газета. – 2019. – 20 марта.

1161. **Замахина, Т.** Без цели пропаганды. Законодатели уточняют правила демонстрации нацистской символики // Российская газета. – 2019. – 26 июня.

1162. **Знаков В.В.** Знаки и символы в понимании субъектом мира // Южно-российский журнал социальных наук. – 2020. – Т. 21. – № 2. – С. 97–110.

1163. **Иванова М., Гареев Э., Бормотова А.** Роль символов в формировании картины мира // International Independent Scientific Journal. – 2020. – № 21-3. – С. 49–50.

1164. **Ключерова А.О.** Цветовая символика в рассказах Л.И. Добычина (на примере рассказов «Козлова», «Встречи с Лиз», «Отец» и «Портрет») // Добычинские чтения в Брянске: сборник статей II Всероссийской научнопрактической конференции (Брянск, 17 июня 2019 г.) / под редакцией О.В. Вороничевой. — Брянск: БГИТУ, 2019. – С. 42-47.

1165. **Куликов, В.** Символам укажут место. Музеи защитят от наказания за нацистскую атрибутику // Российская газета. – 2019. – 15 мая.

1166. **Малинова, О. Ю.** Политика памяти как область символической политики // Метод. – 2019. – № 9. – С. 285–312.

1167. **Полякова, Н. В.** К вопросу о символических аспектах современной белорусской политики памяти: национализм VSзападноруссизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 52. – С. 205–212.

1168. **Деметрадзе, М. Р.** Националистические символы и ценности в системе управления обществом / М. Р. Деметрадзе, В. В. Дзюбан, С. П. Шорохова // Вестник института мировых цивилизаций. – Москва, 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 36–42.

1169. **Исаков, В. Б.** Графический язык в праве. // Юрислингвистика. – 2020. – 17. – С. 12–15.

1170. **Клеандров, М. И.** Институт присяги российского судьи: дефектность формулы и конституционная ответственность за нарушение // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 58–71.

1171. **Пушкарева Г.В.** Символическое пространство государственного управления // Политическая наука. – 2020. – No 2. – С. 183–203.

1172. **Сергеев, С. А.** Политическая символика и символическая политика западноевропейских леворадикальных партий // Политическая наука = PoliticalScience (RU). – Москва, 2020. – № 3. – С. 172–189.

1173. **Шутов, А.** Флаги и коней на переправе не меняют / А. Шутов // Обозреватель = Observer. – Москва, 2020. – № 1 (360). – С. 66–76.

1174. **Бабилунга, Н**. Смена государственных символов – замена души народа / Н. Бабилунга // Молдово-Приднестровский регион. – Москва, 2021. – № 3/4 (69/70). – С. 119–124.

1175. **Герасименко, О.** Знаки отличия. У Союзного государства может появиться своя символика // Российская газета. – 2021. – 18 марта.

1176. **Данильченко, А. Е.** Истоки и особенности государственного герба Республики Адыгея / А. Е. Данильченко // Государственность Адыгеи: истоки, пути становления и развития. – Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2021. – С. 150–165.

1177. **Куликов, В.** Штирлицу вернут мундир. Кассационный суд запретил наказывать за демонстрацию свастики в исторических фильмах // Российская газета. – 2021. – 9 февраля.

1178. **Баранов В.М., Давыдова М.Л.** Правовая символизация (доктрина, практика, техника). Рецензия на монографию И. В. Мальцева «Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании»

(М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. 256 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 3 (59). – С. 161—166.

1179. **Гамова, С.** Гагаузия отменит молдавский закон о запрете георгиевской ленты. Санду расколола общество перед Днем Победы // Независимая газета. – 2022. – 21 апреля.

1180. **Исаев, И. А.** Институт и символ в политической теологии/ И. А. Исаев, В. Г. Румянцева // Актуальные проблемы российского права = ActualproblemsofRussianlaw. – Москва, 2022. – Т. 17. – № 6 (139). – С. 11–20.

1181. **Карлова Е.Н., Кульбашная Е.В.** Официальные воинские символы россии в восприятии разных категорий военнослужащих // Вестник Российской нации. – 2022. – № 5 (87). – С. 40–51.

1182. **Креписов, К. М.** Символ – норма онтологии культуры моногорода/ К. М. Креписов, В. А. Жилина // Художественная культура и трансформация индустриального менталитета в условиях моногорода : сборник научных трудов IV Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием / под общ. ред. В. А. Жилиной. – Магнитогорск, 2022. – С. 58–61.

1183. **Макин, С.** Гадание по гербу. Какой будет траектория полета двуглавого орла в 2023 году // Независимая газета. – 2022. – 20 декабря.

1184. **Мальцева, И. В.** Правовые вопросы использования официальных геральдических символов в сети «Интернет» // Правовые технологии в современной юриспруденции : материалы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной памяти проф. А. К. Черненко (Новосибирск, 21–22 апреля 2022 года) : в 2 ч. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сиб. ин-т упр. ; отв. ред. Д. А. Савченко. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2022. – Ч. 1. – С. 81–85.

1185. **Сорокина, М. А.** Прошлое, как предмет символической политики. Зачем политики стремятся контролировать прошлое? // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 31–35.

1186. **Фомина, Л. Ю.** Символы судебной власти в современном суде // Российское правосудие. – 2022. – № 9. – С. 63–71.

1187. **Адамович, О.** Пой, кто идет! К чему призывают национальные гимны разных стран // Комсомольская правда. – 2023. – 8–15 февраля.

1188. **Акинина, А. В.** К вопросу о словесном характере фирменного наименования, в которое включены цифры / А. В. Акинина // Язык. Право. Общество : Сборник статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 16–19 мая 2023 года / Под общей редакцией О.В. Барабаш, редколлегия: О.В. Барабаш, Н.А. Павлова, С.С. Пашковская. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2023. – С. 36-38.

1189. **Андриянова, В. А.** Символическая политика как инструмент формирования региональной идентичности / В. А. Андриянова, Н. П. Гаврилюк // Альманах «Крым». – 2023. – № 38. — С. 92-101.

1190. **Балковая, В. Г.** Роль георгиевской ленты в государственно-патриотическом воспитании прокуроский работников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – №4 (96). – С. 69–77.

1191. **Бронская, Е.В.** Символическая политика как технология вовлечения / Е.В. Бронская // Человек, сообщества, государства в социально-гуманитарных исследованиях. — Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2023. – С. 104-107.

1192. **Горшков, М. К.** Массовое историческое самосознание и национально-государственные символы в контексте укрепления российской идентичности // Россия: единство и многообразие: к 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 16–17 ноября 2022 года). – М. : РГГУ, 2023. – С. 237–247.

1193. **Госнелл, Г. Ф.** Символы национальной солидарности // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 338–348.

1194. **Денисов, А. Е.** СМИ и этнически значимые символы: между закреплением и влиянием (на примере кряшенской газеты «Туганайлар») // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20. – № 2. – С. 68–85.

1195. **Дерендяева, А. Д.** Праздничная культура как часть символических практик при формировании идентичности в Республике Казахстан / А. Д. Дерендяева // Современная идентичность в условиях глобальных вызовов. – Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2023. – С. 100–108.

1196. **Исаев, И. А.** Миф и порядок : от символа к норме / И. А. Исаев // История государства и права. – 2023. – № 7. – С. 2–9.

1197. **Креписов, К. М.** Игровая грань символической природы социальной нормативности/ К. М. Креписов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2023. – № 4. – С. 54–60.

1198. **Крылова, И. А**. О числовой символике в русской и китайской лингвокультурах / И. А. Крылова, Ю. Ху // Язык. Право. Общество : Сборник статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 16–19 мая 2023 года / Под общей редакцией О.В. Барабаш, редколлегия: О.В. Барабаш, Н.А. Павлова, С.С. Пашковская. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2023. – С. 221-224.

1199. **Небоженко, А.В**. Символическая политика прибрежных арктических государств / Небоженко А.В. // Принципы российской государственности: исторические смыслы и поли-тические перспективы. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2023. – С. 115-118.

1200. **Небоженко, А.В.** Феномен символического законодательства в экологической политике / Небоженко А.В., Поцелуев С.П. // Сова Минервы : ежегодный сб. науч. работ - студентов и аспирантов Ин-та философии и соц.-полит. наук Юж. федер. ун-та – 2023. – Ростов-на-Дону, 2023. – С. 51-64.

1201. **Некрасова, А.В.** Символика военных и гражданских под-разделений движения «Азов» / Некрасова А.В. // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, психологические, социологические и политологические аспекты. – Краснодар: Краснод. ун-т МВД России, 2023. – С. 114-122.

1202. Орел и павлин для русских равнин. Беседа редакции «Комсомольской правды» с экспертами по геральдике и эмблематике // Комсомольская правда. – 2023. – 29 ноября – 6 декабря. – С. 2–3.

1203. **Очур-Оол, Д. А.** Восприятие гимна в современном российском обществе / Д. А. Очур-Оол, А. Т. Суфиева // Гражданская идентичность современной молодежи: вызовы, решения, перспективы : сборник докладов по материалам Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов (Саратов, 17 мая 2023 года). – Саратов : ООО "Амирит", 2023. – С. 51–53.

1204. **Панфилова, В**. Смена флага Киргизии переросла в скандал. Жителям республики не нравится не столько новый вариант, сколько сама идея изменения государственного символа // Независимая газета. – 2023. – 12 декабря.

1205. **Панфилова, В.** За изменение флага Киргизии заплатит президент. Жапаров ответил на 100 вопросов делегатов Народного курултая // Независимая газета. – 2023. – 18 декабря.

1206. **Почекаев, Р. Ю.** Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации / Р. Ю. Почекаев, Н. В. Тарасов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки = RUDN journal of law. – Москва, 2023. – Т. 27. – № 3. – С. 595–608.

1207. **Прохоров, К. В.** Конституционно-правовое закрепление государственной символики // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 7. – С. 28–31.

1208. **Синицын, В. Г.** Сущность и структура клятвы в праве / В. Г. Синицын // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – Москва, 2023. – № 5. – С. 205–218.

1209. **Смулькина, Н. В.** Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение / Н. В. Смулькина, Н. Н. Рогач // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 89–106.

1210. **Сорокина, М. А**. Прошлое, как предмет символической политики. Зачем политики стремятся контролировать прошлое? // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 31–35.

1211. **Тихонова, С. С.** Отзыв официального оппонента о кандидатской диссертации Н. С. Гончаровой «Символы в российском уголовном праве» (Саратов, 2023) : основные вопросы научной дискуссии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 3 (63). – С. 289–294.

1212. **Тишков, В. А.** Ценности и символы российской нации// Россия: единство и многообразие: к 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 16–17 ноября 2022 года). – М. : РГГУ, 2023. – С. 552–563.

1213. **Третьякова К.А.** Криминалистический анализ символов на примере символа "порядок" в типовой речевой модели застревающего и параноида // Сборник избранных статей научной сессии ТУСУР. – 2023. – № 1–3. – С. 293–295.

1214. **Хенн, Д.** Почему немцы не замечают нацистскую символику на Украине. Память коротка // Российская газета. – 2023. – 30 мая.

1215. **Юсопова, А.Р.** Изучение символической политики на современном этапе: вклад З. Баумана / Юсопова А.Р. // Принципы российской государственности: исторические смыслы и политические перспективы. – Ростов-на-Дону; Таган-рог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2023. – С. 146-150.

1216. **Пухнавцев, О.** Солнце свободы 80 лет спустя. В ночь с 31 декабря 1943 года на 1 января 1944-го впервые прозвучал гимн СССР // Литературная газета. – 27 декабря 2023 года –16 января 2024 года. – № 51. – С. 4.

1217. **Аваков, А.** Власти Армении готовы отказаться от Арарата. В Ереване предлагают поменять гимн и герб // Независимая газета. – 2024. – 2 февраля.

1218. **Агафонов О. В.** К вопросу о символике и истории позабытого юбилейного Георгиевского знамени (по случаю 300-летия) Терского казачьего войска // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. -Эрмитажа, 2024. – С. 109-114.

1219. **Акимова, М. А.** Символы судебной власти и ритуалы правосудия: их перспективы в условиях цифровизации / М. А. Акимова, Н. В. Тюменева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, вып. 4. – С. 428-439.

1220. **Аксёнов А. А.** О проектах и гербах Камчатской области, а также ее областного города Петропавловска-Камчатского в первой половине XIX – начале XX века// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 169-206.

1221. **Антонов О. Н., Петрушкевич А. В.** Герб для фельдмаршала// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 228-235.

1222. **Баршев В.** Знай наших. Флаг на автономере станет обязательным // Российская газета. – 2024 – 11 ноября.

1223. **Батурин, Д. А.** Символы священной инициации в истории религий: перепекание в печи и купание в котле / Д. А. Батурин, Е. Б. Еренчинова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 9 : Философские науки. – Вып. 74. – С. 14-24.

1224. **Батюшкина, М.** Законодательные статьи о присягах (клятвах) // Юрлингвистика. – 2024. – № 32 (43). – С. 11–15.

1225. **Белкин, И. А.** Юридический статус ордена Белого орла // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1 (37). – С. 24–26.

1226. **Белова Г. В.** О перипетиях выбора проекта герба Козловки: Жомини да Жомини, от козерога до пчелы// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 425-434.

1227. **Болотов С.** Метеором проб и ошибок. В голосовании ЦБ за символы для тысячерублевки победил теплоход с крыльями // Российская газета. – 2024. – 13 декабря.

1228. **Болотов С.** Подводные крылья и камни. Определились лидеры онлайн-голосования за символы для новой тысячерублевки // Российская газета. – 2024. – 11 декабря.

1229. **Бубнов, А. Ю.** Герои и символы специальной военной операции: практики коммеморации в цифровой среде / А. Ю. Бубнов, М. А. Савельева // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. — 2024. — № 1. — С. 7-26.

1230. **Варсегова, Н.** Дизайн пятитысячной купюры изменился // Комсомольская правда. – 2024. – 29 октября.

1231. **Вислогузов В.** Бюджет около ноля. Символический профицит сменился символическим дефицитом // Коммерсантъ. – 2024. – 8 ноября.

1232. **Волох, А. И.** Опыт экспертной оценки материалов, содержащих признаки атрибутов экстремистской организации, нанесенных на человеческое тело в виде татуажных изображений / А. И. Волох, Г. Ю. Зинин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 12. – С. 355-357.

1233. **Воробьев, В.** Три ноги, крокодил и скелет… И чего на гербах только нет! (Какие послания зашифрованы в символах разных стран и регионов) // Комсомольская правда. – 2024. – 11–18 сентября.

1234. **Галкин, Н.** Флаг России на номерах машин будет обязателен // Российская газета. – 2024. – 30 октября.

1235. **Гасюк, А.** Пашинян атакует символы // Российская газета. – 2024. – 20 мая.

1236. **Гоглева, К. Ю**. Традиционные духовно-нравственные символы веры как объект конституционно-правовой охраны / К. Ю. Гоглева // Евразийский юридический – 2024. – № 10. – С. 105-108.

1237. **Демидова, М. В.** Символический капитал: интерпретации и виды / М. В. Демидова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2024. – Т. 40, вып. 3. – С. 392-403

1238. **Добровольская Л. И**. Цепи ордена Святого Андрея Первозванного в собрании Государственного Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 52-74.

1239. **Евгеньева, Т. В.** Символическое пространство как фактор формирования российской идентичности жителей Республики Крым и города Севастополя / Т. В. Евгеньева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2024. — Т. 14, № 2 (68). – С. 109-114.

1240. **Емелин И. Б.** Городские и губернские гербы после Октябрьской революции// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 396-399.

1241. **Журова, С.** Без роду, без племени? // Литературная газета. – 2024. – 3–9 апреля. – С. 2.

1242. **Замахина, Т.** Главный символ. Все учреждения образования обяжут вывешивать флаг РФ // Российская газета. – 2024. – 28 февраля.

1243. **Зарубин, А. В.** Проблемы уголовной ответственности за осквернение символов воинской славы России (ст. 3541 УК РФ) // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 7–8 июня 2024 года) / под ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокин; сост. Ю. А. Шутова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – С. 98–101.

1244. **Замахина Т.** Символику защитят. До пяти лет тюрьмы будет грозить за порчу имущества из-за вражды // Российская газета. – 2024. – 12 декабря.

1245. **Иванова Ж. Б., Чарина А. М.** Практика популяризации государственной символики в российских и зарубежных вузах // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 372-375.

1246. **Каменева, В. А.** Детерминированность ассоциатов от типа стимула (вербальный знак, символ, рисунок) и от значимости денотата для респондента / В. А. Каменева, Н. В. Рабкина // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 507. – С. 21-28.

1247. **Каменская Е.В.** Присяга как атрибут органов публичной власти // Конституционное развитие России : межвузовский сборник научных статей / [под ред. Т.В. Заметиной] ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. – Вып. 22. – С. 128-136.

1248. **Козлова Н.** Срок для паспорта. Срок принятия присяги иностранцами заканчивается // Российская газета. – 2024 – 11 ноября.

1249. **Колядинова, К. Н.** Мифологические и символические аспекты традиционных игр народа хэчжэ в Китае / К. Н. Колядинова // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. - 2024. - № 6. - С. 13-17.

1250. **Комаровская, Е.П**. Исторические уроки формирования комплекса государственных инсигний России / Комаровская Е.П., Мачульский А.Н. // Власть. – Москва, 2024. – № 3, т. 32. — С. 289-292.

1251. **Корнаков П. К.** Из нереализованного – проекты символики Верховного главнокомандующего Вооруженными силами Российской Федерации, или Фельдмаршальский жезл в военной геральдике Российской Федерации// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 321-329.

1252. **Кошелев А. В.** Гербы городов Томской губернии 1804 года: к истории создания и утверждения // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С.155-168.

1253. **Куликов В.** Заметут нарушения. За публикацию запрещенной символики предлагается отправлять на обязательные работы // Российская газета. – 2024. – 19 ноября.

1254. **Куликов, В.** Взялись за старое. Конституционный Суд допустил наказание за экстремистские символы, размещенные давно // Российская газета. – 2024. – 17 мая.

1255. **Лапиньш Е. А.** Орден Белого Орла Петра I из Таллинского музея рыцарских орденов// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 213-219.

1256. **Лейба, Г.** Межгосударственная символика. Как политики и политологи отметили День российского флага / Г. Лейба, Б. Иванова, К. Веретенникова // Коммерсантъ. – 2024. – 23 августа.

1257. **Лобанкова, И. П**. Символ и сознание в древнем мире и современном социуме / И. П. Лобанкова// Вестник Челябинского государственного университета. –2024. – № 9 : Философские науки. – Вып. 74. – С. 35-40.

1258. **Мальцев И. В.** Правовые вопросы «цифровой» геральдики// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 368-371.

1259. **Морозова, П.Е.** Доверие в символическом пространстве управления публичной политикой современной России /Морозова П.Е. // Власть. – Москва, 2024. – № 3, т. 32. – С. 182-187.

1260. **Никифоров, О.** Как в Германии нейтрализуют неугодных политиков // Независимая газета. – 2024. – 20 мая.

1261. **Никифоров, О.** Старшеклассники в ФРГ не видят преступления в «немецком приветствии» // Независимая газета. – 2024. – 27 июня.

1262. **Николаев, А.** Жарче в мире флага нет. С 18 апреля 1924 года главным символом СССР было красное знамя // Нижегородские новости. – 2024. – 24 апреля.

1263. **Пашков М. М.** Неутвержденные и самобытные гербы российского дворянства и их девизы. К проблемам исследования и атрибуции // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 250-258..

1264. **Переходенко К. В.** О коллекции цеховых значиков Вятских ремесленников// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 136-143.

1265. **Петраш Н.Д., Петраш Е.В.** Оценка влияния символов и образов контркультуры на формирование индивидуальной идентичности // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 7 (123). – С. 91–97.

1266. **Реброва Р. В.** Практика появления личных гербов в современной России// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 376-381.

1267. **Репин, А**. Лягушки не той расцветки. Суд оставил в силе приговор жительнице Нижнего Новгорода за радужные серьги // Коммерсантъ. – 2024. – 14 февраля.

1268. **Репин, А.** Жителя Дзержинска оштрафовали за демонстрацию нацистской символики в соцсетях // Коммерсантъ. – 2024. – 11 апреля.

1269. **Рязанцев, А. А**. Особенности процесса формирования и реализации символической политики на постсоветском пространстве: кейсы режимов памяти / А. А. Рязанцев // Вестник Поволжского института управления. — 2024. — Т. 24, № 5. – С. 31-38.

1270. **Сандалов И. А.** Боевые знамена внутренних войск Министерства внутренних дел России в 2008–2018 годах: особенности бытования (на примере знаменной коллекции Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации)// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 358-367.

1271. **Синегубов, С. Н.** Награждение государственными наградами СССР моряков Российского Императорского флота (1954-1956 гг.) / С. Н. Синегубов, С. П. Шилов, Я. Р. Галяутдинов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. - 2024. - Т. 10, № 3. - С. 114-128

1272. **Соколова И. В**. Московский герб на вокзалах столицы. Ретроспектива и // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 240-249.

1273. **Сотников, Г.** Детская кроватка ILoveHtlr. Как в Германии борются с распространением товаров с изображением Гитлера и символикой Третьего рейха // Российская газета. – 2024. – 10 января.

1274. **Табак, В. Н.** К вопросу о символической политике в современной Молдове (1989-2023) / В. Н. Табак // Россия и мир: научный диалог. – 2024. – № 3 (13). – С. 222-237.

1275. **Трипольская А. А., Чистяков А. Ю.** Узел счастья: элемент этнической символики в современной территориальной геральдике России// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 435-440.

1276. **Уханова П. С.** Символ черепа в геральдике, искусстве и моде // Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 47-51.

1277. **Шелковенко М. К.** Об опыте и проблемах системной работы по созданию официальной символики муниципальных образований Рязанской области (25 лет трудов геральдической комиссии Рязанской области)// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 385-395.

1278. **Шпунтов А. В., Богданов А. Е.** Генеалогические связи и гербы некоторых дворянских родов Черниговщины (Пучковские, Рубцы, Заблоцкие)// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С.264-280.

1279. **Юсупов, И. Ф**. Восприятие этнокультурных символов на субрегиональном и межрегиональном уровнях (по результатам исследований в приграничных районах Рес-публики Башкортостан) / И. Ф. Юсупов // Проблемы востоковедения. — 2024. — № 4. — С. 42-50.

1280. **Яровая Е. А.** Золотая печать-подвеска с гербом Демидовых и масонским девизом из собрания Государственного Эрмитажа// Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 119 : Геральдика: исследования и практика : Материалы научной конференции, 18–19 февраля 2022 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – С. 220-227.

1281. **Бекетова А.** Сложный путь назад. Нам вернули флаг и гимн, но есть нюансы // Российская газета. – 2025. – 29 сентября.

1282. **Беляков, А. В.** Печати большие и малые: о классификации государевых печатей в XV – XVII вв. / А. В. Беляков / Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2025. – № 1. – С. 44-59.

1283. **Бисенгалиев М.**К. Как Иван Грозный и Петр Великий вернулись в национальные символы // Независимая газета. – 2025. – 23 сентября.

1284. **Веретенникова К.** Накажут не рублем, так работой. Дума ввела новые санкции за демонстрацию запрещенной символики // Коммерсантъ. – 2025. – 22 января.

1285. **Веретенникова К.** Пора и крест знать. Поправки о защите религиозных символов от «затирания» приянты в первом чтении // Коммерсантъ. – 2025. – 11 июня.

1286. **Веретенникова К.** Депутаты оградят кресты. Защиту религиозных символов предложено расширить и углубить // Коммерсантъ. – 2025. – 19 июня.

1287. **Гамова С.С.** Флаг России на Конгрессе вина в Кишиневе вызвал скандал // Независимая газета. – 2025. – 20 июня.

1288. Нужен ли верующим закон о «ересях». По поводу дискуссии об искажении религиозных символов // Независимая газета. – 2025. – 24 марта.

1289. **Гармоненко Д.**, **Родин И.** Советские символы КПРФ защищает по мере возможности // Независимая газета. – 2025. – 27 февраля.

1290. **Емельяненко В.** Свастика против креста // Российская газета. – 2025. – 1 октября.

1291. **Емельяненко В.** Свастика против креста. Почему в мире растет преследование христиан христианами // Российская газета. – 2025. – 8 октября.

1292. **Замахина Т.** Против «крестопада». В России защитят религиозные символы // Российская газета. – 2025. – 11 июня.

1293. **Клещенко, Л. Л.** Символ возраста в политическом медиадискурсе : на примере Латинской Америки / Л. Л. Клещенко // Латинская Америка. – 2025. – № 1. – С. 6-18.

1294. **Когалов Ю.** Элегантно и символично // Российская газета. – 2025. – 21 августа.

1295. **Козина А.** Чемпион и рекордсмен Колесников – о пользе конкуренции и праве на флаг и гимн // Российская газета. – 2025. – 18 ноября.

1296. **Кубатьян Г.** Понтовики, снимите ордена // Комсомольская правда. – 2025. – 6 июня.

1297. **Кузьминых А.**Л. «Марш побежденных»: подготовка, организация и символическое значение конвоирования немецких военнопленных по Москве 17 июля 1944 г. // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 118-124.

1298. **Куликов В.** Лопата за свастику. За демонстрацию запрещенной символики будут отправлять на вечерние работы // Российская газета. – 2025. – 6 июня.

1299. **Лату, М. Н.** Лингвокреативная специфика эргонимов-жаргонизмов сферы инвестиций: особенности словотворчества / М. Н. Лату // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2025. – № 1. – С. 91-102.

1300. **Мельников А.** Когда свобода совести – только для домашних. Госдума приняла закон против «крестопада» и готовит другие новации // Независимая газета. – 2025. – 16 июля.

1301. **Николаев А.** На Стрелке будет возведен памятник – символ идеи русской свободы // Нижегородские новости. – 2025. – 26 ноября.

1302. **Понкин И.В., Понкина А.А.** О направлениях требуемого совершенствования законодательства России в целях сохранения и укрепления, правовой охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Ветеранские вести. – 2025. – 31 марта. <https://vvesti.com/obshchestvo/o-napravleniah-trebuemogo-soversenstvovania-zakonodatelstva-rossii-v-celah-sohranenia-i-ukreplenia-pravovoj-ohrany-i-zasity-tradicionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-cennostej>.

1303. **Родин И.** Госдума не запрещает, а всего лишь не допускает «крестопад» // Независимая газета. – 2025. – 28 мая.

1304. **Седов А.** Страна вручает ордена. Рассказываем о том, какие новые награды появились в России // Комсомольская правда. – 2025. – 5 -12 февраля.

1305. **Скобликов П. А.** Противодействие нацизму и экстремизму: выборочное исследование судебной практики по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в контексте действующего законодательства // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – № 1. – С. 162–179.

1306. **Скосырев** В. В символе поражения Америки появится символ триумфа Трампа // Независимая газета. – 2025. – 21 мая.

1307. **Шамберина Г.** КПРФ предложила нижегородским властям установить памятник Сталину // Коммерсантъ. – 2025. – 5 марта.

1308. **Шамберина Г.** Символ идеи русской Свободы хотят установить в акватории нижегородской Стрелки // Коммерсантъ. – 2025. – 19 ноября.

1309. **Ямшанов Б.** Флаг в твоем окне. Государственный флаг – это символ суверенитета, независимости и духовной общности народа // Российская газета. – 2025. – 22 августа.

1310. **Яценко, Д. В.** Набор данных рукописных символов русского языка / Д. В. Яценко, О. В. Граецкая, К. В. Смирнов // Вестник компьютерных и информационных технологий. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 46–54.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

1311. **Колотуша, О. М.** Наука и обыденное сознание (определение роли и функции символа) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1975.

1312. **Монтатов, В. В.** Диалектика отражения и гносеологическая функция знаков : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1977.

1313. **Уваров, Л. В.** Символизация как гносеологическая проблема (системный анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Минск, 1978.

1314. **Антонов, В. И.** Символ и его роль в познании : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1980.

1315. **Бабаев, В. К.** Логические проблемы социалистического права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Горький, 1980. – С. 69–72.

1316. **Нижеборский, А. К.** Проблема символа в гносеологии русского символизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1982.

1317. **Кичигин, П. И.** Символика как средство идейно-эмоционального воздействия в массовой культурно-просветительной работе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Л., 1983.

1318. **Кураченко, В. А.** Социально-эстетическая утопия русского символизма 1900-х годов : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1984.

1319. **Поликарпов, В. С.** Философский анализ роли символов в научном познании : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1985.

1320. **Плахова, А. В.** Социальная символика, ее место и роль в духовной жизни общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Л., 1986.

1321. **Варгас Атенсио, Р. А.** Право на флаг в современном международном праве : автрореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1987.

1322. **Ведмецкая, Н. В.** Концепция художественного творчества русского символизма: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1987.

1323. **Туляганова, Т. М.** Роль и место символа в социальном познании и практике : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ташкент, 1988.

1324. **Будякова, Т. П.** Развитие знаково-символической деятельности в дошкольном возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1989.

1325. **Субач, Г. В.** Отражательная функция символа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1989.

1326. **Катаева, Н. П.** Диалектика знака и символа в духовном освоении действительности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Рига, 1990.

1327. **Пригорницкий, В. В.** Символика календарных и семейных обрядов и праздников украинцев : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Минск, 1990.

1328. **Блохин, Ю. В.** Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1991. – 25 с.

1329. **Гашур, Б. Г.** Роль политического символа как атрибута власти : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1991.

1330. **Гмур, Б.** Роль политической символики как атрибута власти : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1991.

1331. **Зоткина, О. Я.** Символ в «онтологии творчества» П. А. Флоренского (к характеристике «религиозного эстетизма») : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1991.

1332. **Бурджалиани, А. А.** Проблемы символа в немецкой классической философии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Тбилиси, 1992.

1333. **Замятина, Е. А.** Познавательная роль символа в протонаучном мышлении : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Киев, 1992.

1334. **Андреева, А. А.** Охрана и использование товарных знаков по праву США и стран Европейского сообщества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.

1335. **Абдулин, А. Р.** Символы народного творчества как основа воссоздания традиционного искусства : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 1995.

1336. **Бобков, К. В.** Проблема символа в религиозно-эстетическом сознании Древней Руси : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1995.

1337. **Данилец, Л. П.** Гносеологическая природа числа как символика : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 1995.

1338. **Мухонгу, Н.** Международно-правовые аспекты морской сигнализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1995.

1339. **Шиверских, А.** Психологические особенности проявления ритуала и ритуального поведения в политической сфере : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1995.

1340. **Давиденко, Н. Ф.** Государственно-правовое регулирование товарного знака в России : дис. … канд. юрид. наук. – М., 1996. – 142 с.

1341. **Пантыкина, М. И.** Взаимосвязь символа и социального опыта : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Самара, 1996.

1342. Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. – СПб., 1996.

1343. **Аксенова, Ю. А.** Символы мироустройства в сознании детей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1997.

1344. **Афонасин, Е. В.** Значение символизма для достижения истинного гносиса в строматах Климента Александрийского : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1997.

1345. **Исаева, Т. А.** Мировоззренческая символика обрядов восточных ханты: историко-культурологический аспект : автореф. дис. ... канд. культурологии. – Нижневартовск, 1997.

1346. **Кармадонов, О. А.** Социальная функция символа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Иркутск, 1997.

1347. **Крюков, В. М.** Текст и ритуал в Древнем Китае (интерпретация эпиграфики эпохи Инь-Чжоу) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1997.

1348. **Шемякина, Е. М.** Миф и символ в философии культуры Эрнста Кассирера : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1997.

1349. **Зайцева, Е. А.** Правовая охрана общеизвестных товарных знаков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.

1350. **Никитин, А. В.** Правовые символы : дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1998.

1351. **Никитин, А. В.** Правовые символы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.

1352. **Албакова, Ф. Ю.** Роль символов в национально-этническом сознании : специальность 09.00.11 "Социальная философия" : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Албакова Фатима Юсуповна. – Москва, 2000. – 358 с.

1353. **Легойда, В. Р.** Символы и ритуалы в политических процессах в США: традиции и современность (Феномен "гражданской религии") : специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии" : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Легойда Владимир Романович. – Москва, 2000. – 242 с.

1354. **Саркисов, А. К.** Семиотика права (историко-правовое исследование правовых знаковых конструкций) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Саркисов Андрей Константинович. – Коломна, 2000. – 222 с.

1355. **Микиденко, Н. Л.** Символ в национальном самосознании: понятие, функции в обществе : дис. ... канд. социол. наук : 23.00.02 / Микиденко Наталья Леонидовна. – Новосибирск, 2001. – 152 с.

1356. **Спиридонова, О. Е.** Символ как предмет преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2002.

1357. **Вилинбахов, Г. В.** Государственная геральдика в России: теория и практика : дис. … д-ра истор. наук [в виде науч. докл.] : 07.00.09 / Вилинбахов Георгий Вадимович. – СПб., 2003. – 105 с.

1358. **Глушаков, А. Ю.** Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX – I половины XV вв. (историко-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Глушаков Алексей Юрьевич. – СПб., 2003. – 195 с.

1359. **Дмитриев, В. А.** Гражданско-правовая индивидуализация юридических лиц и результатов их деятельности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Дмитриев Владимир Андреевич. – Екатеринбург, 2003. – 210 с.

1360. **Краснов, С. Ю.** Обычно-правовое регулирование имущественных отношений у донских казаков во второй половине XIX века (историко-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Краснов Сергей Юрьевич. – Волгоград, 2003. – 202 с.

1361. **Кузнецова, С. В.** Правовые и символические аспекты легитимации политической власти в России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2003.

1362. **Кулагина, Н. В.** Символ как средство мировосприятия и миропонимания : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Кулагина Наталья Викторовна. – М., 2003. – 170 с.

1363. **Леонтьева, И. П.** Феномен символа: опыт осмысления и исследования в европейской культуре : автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2003.

1364. **Венгерская, О. Л.** Символ в когнитивной эволюции культуры : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Омск, 2004.

1365. **Глушаков, А. Ю.** Государственно-правовой символ в системе легитимации публичной власти Древней Руси IX – первой половины XV в. : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2004.

1366. **Зубкова, М. Н.** Правовой режим товарного знака: соотношение частных и публичных интересов : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Зубкова Мария Николаевна. – Самара, 2004. – 189 с.

1367. **Кармадонов, О. А.** Символическое как объект социального анализа : автореф. дис. … д-ра филос. наук. – Иркутск, 2004.

1368. **Карунная, Я. А.** Правовая природа средств индивидуализации коммерческих организаций : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Карунная Яна Александровна. – Новосибирск, 2004. – 213 с.

1369. **Наумов, О. Н.** Отечественная историография геральдики (XVIII-XX вв.) : дис. … д-ра истор. наук : 07.00.09 / Наумов Олег Николаевич. – М., 2004. – 661 с.

1370. **Олейник, С. М.** Философские модели интерпретации символов и их онтологические основания : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Барнаул, 2004.

1371. **Рогачев, Е. С.** Право на товарный знак по законодательству России и Франции : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Рогачев Елисей Сергеевич. – М., 2004. – 178 с.

1372. **Штанько, М. А.** Философские проблемы конструирования политической реальности: символический аспект : автореф. дис… канд. юрид. наук. – Томск, 2004.

1373. **Буторина, М. И.** Трактовка символа в раннехристианской мысли : автореф. дис. … канд. филос. наук. – СПб., 2005.

1374. **Коновалова, А. С.** Обычное право в российской правовой жизни : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Коновалова Алевтина Сергеевна. – М., 2005. – 173 с.

1375. **Ломакина, И. Б**. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Ломакина Ирина Борисовна. – СПб., 2005. – 368 с.

1376. **Мисюров, Д. А.** Роль государственной символики в моделировании политических процессов в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. политич. наук. – М., 2005.

1377. **Решетникова, А. А.** Гражданско-правовой режим средств индивидуализации субъектов предпринимательской деятельности и производимой ими продукции (товаров, работ, услуг) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Решетникова Александра Анатольевна. – М., 2005. – 201 с.

1378. **Алейниченко, В. Г.** Гражданско-правовая индивидуализация физических лиц в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Алейниченко Вячеслав Геннадьевич. – Ростов-на-Дону, 2006. – 191 с.

1379. **Захарян, Т. Б.** Сакральный символ в языке религии : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2006.

1380. **Ильин, С. М.** Правовой режим средств индивидуализации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ильин Сергей Михайлович. – Самара, 2006. – 165 с.

1381. **Кирсанова, Н. П.** Символические ресурсы политической власти : автореф. дис. … канд. соц. наук. – СПб., 2006.

1382. **Мельникова, И. В.** Природа символа в модусе эссенциально-энергийного единства : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Омск, 2006.

1383. **Селюков, М. А.** Индивидуализация юридических лиц : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Селюков Михаил Алексеевич. – Белгород, 2006. – 180 с.

1384. **Бакланов, П. А.** Профессиональные символы государственной службы : автореф. дис. … канд. соц. наук. – М., 2007.

1385. **Бузарова, Н. Х.** Средства индивидуализации граждан в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Бузарова Нина Хасановна. – Краснодар, 2007. – 222 с.

1386. **Васенина, А. Н.** Информационная функция современного Российского государства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – С. 23, 26.

1387. **Гришанин, Н. В.** Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры : автореф. дис. … канд. культурологии. – СПб., 2007.

1388. **Рябов, Н. В.** Этносимволические формы мордовской культуры: генезис и эволюция : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Саранск, 2007.

1389. **Саранчева, Н. В.** Символ как социокультурный феномен : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Волгоград, 2007.

1390. **Сафронова, Е. И**. Обычай как форма права (сравнительно-правовой анализ) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сафронова Екатерина Ивановна. – СПб., 2007. – 149 с.

1391. **Шалагинов, П. Д.** Функции правовых символов : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007.

1392. **Черняк, Л. Ю.** Общетеоретические проблемы государственного суверенитета : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Черняк Любовь Юрьевна. – Челябинск, 2007. – 22 с.

1393. **Лисина, Е. А.** Феномен ритуала в жизни общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Оренбург, 2008.

1394. **Прокопьев, А. И.** Правовое регулирование отношений по использованию товарного знака в России и странах Европейского Союза : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Прокопьев Алексей Игоревич. – М., 2008. – 200 с.

1395. **Тен, Ю. П.** Символ в межкультурной коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2008.

1396. **Туник, Г. А.** Современная российская геральдика как фактор отражения специфики Российского государства: историко-политологический анализ : дис. … д-ра полит. наук : 23.00.02 / Туник Галина Александровна. – М., 2008. – 460 с.

1397. **Бушуева, Л. П.** Все страны мира: Флаги и гербы: Современный справочник. – М.: РИПОЛ КЛАССИК; Ростов-на-Дону : Владис, 2009.

1398. **Мищанина, Т. А.** Знак как гносеологическая конструкция в познании неизвестного : автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2009.

1399. **Нужин, К. В.** Конституционно-правовое регулирование государственной символики в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Мытищи, 2009.

1400. **Шатковская, Т. В.** Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Шатковская Татьяна Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 596 с.

1401. **Филиппова, Н. П.** Знаки и символы региональной культурной идентификации: (на материалах Забайкальского края) : автореф. дис. … канд. культурологии. – Улан-Удэ, 2009.

1402. **Давыдова, М. Л.** Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград, 2010. – 408 с.

1403. **Некрасов, М. А.** Правовой обычай в современном российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

1404. **Мазаев, Д. В.** Гражданско-правовая защита прав на товарные знаки : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мазаев Дмитрий Владимирович. – М., 2011. – 226 с.

1405. **Небратенко, Г. Г.** Обычно-правовая система традиционного общества : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Небратенко Геннадий Геннадиевич. – Ростов-на-Дону, 2011. – 489 с.

1406. **Носков, Э. Г.** Онтология власти: тотальность и символический характер властеотношения : автореф. дис. … д-ра филос. наук. – Чебоксары, 2011.

1407. **Спирова, Э. М.** Символ как понятие философской антропологии : автореф. дис. … д-ра филос. наук : 09.00.13 / Спирова Эльвира Маратовна. – М., 2011. – 50 с.

1408. **Тарнапольская, Г. М.** Диалектика актуального и потенциального в бытии символа : автореф. дис. … д-ра филос. наук. – Новосибирск, 2011.

1409. **Уколов, К. И.** Концепция символа в философии религии Пауля Тиллиха : автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2011.

1410. **Царева, Е. А.** Фактор символического в трансформациях социокультурных практик : автореф. дис. … д-ра филос. наук. – Курск, 2011.

1411. **Горенштейн, Н. И.** Особенности ценностно-смыслового восприятия исторического события-символа представителями разных этнокультур : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Горенштейн Наталья Ильинична. – Ростов-на-Дону, 2012. – 159 с.

1412. **Колесниченко, А. А.** Государственные символы Российской Федерации и ее субъектов: историко-правовой анализ : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2012.

1413. **Помозова, Н. Б.** Символы как инструмент управления формированием гражданской идентичности: сравнительный анализ России и Китая : автореф. дис. … канд. социол. наук. – М., 2012.

1414. **Сюй, М. В.** Символ в культуре повседневности современного Китая : автореф. дис. … канд. культурологии. – Комсомольск-на-Амуре, 2012.

1415. **Телепина, Ю. В.** Феномен символа в цивилизационных образах культуры : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2012.

1416. **Уткина, А. Н.** Роль ритуала в трансляции содержания социальной памяти: социально-философский анализ : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Красноярск, 2012.

1417. **Грызова, У. И.** Символические средства социальных технологий в коммуникативных отношениях субъектов действия : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Саратов, 2013.

1418. **Лазебная, К. П.** Теория символического в творчестве П. А. Сорокина: историко-социологический анализ : автореф. дис. … канд. социол. наук. – М., 2013.

1419. **Лебедев, Н. А.** Логотип как форма массового сознания: структура, функции, эмблематика : автореф. дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / Лебедев Никита Андреевич. – Иваново, 2013. – 23 с.

1420. **Прилукова, Е. Г.** Знаково-символическое бытие власти в информационном обществе : автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11 / Прилукова Екатерина Григорьевна. – Челябинск, 2013.

1421. **Рябчикова, А. С.** Правовое регулирование средств индивидуализации некоммерческих организаций : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Рябчикова Александра Сергеевна. – М., 2013. – 143 с.

1422. **Сухович, Е. В.** Символ, симулякр и виртуальная реальность как категории философии культуры : автореф. дис. … канд. филос. наук. – Волгоград, 2013.

1423. **Жемчугов, А. А.** Идейно-символический подход к анализу взаимосвязи легитимности власти и характера политической картины мира : автореф. дис. … канд. полит.наук. – М., 2014.

1424. **Лукашевич, С. В.** Система средств индивидуализации физических лиц как субъектов гражданского права : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Лукашевич Светлана Владимировна. – Ульяновск, 2014. – 207 с.

1425. **Шарно, О. И.** Правовые символы как средства правоприменительной техники : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2014.

1426. **Бодров, Р. И.** Гражданско-правовые средства индивидуализации граждан (физических лиц): вопросы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Бодров Роман Игоревич. – М., 2016. – 173 с.

1427. **Якушевич, И. В.** Семантико-семиотическая модель символа и его языковое варьирование в поэтическом тексте: на материале русской поэзии XIX – XXвв. : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Якушевич Ирина Викторовна. – Москва, 2016. – 45 с.

1428. **Мальцев, И. В.** Символы в праве и в юридической науке: Резюме диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. –23 с.

1429. **Шапиро, Б. Л.** Всадник как символический образ власти в русской культуре XVI – начала XX вв.: материальный контекст : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии/ Шапиро Бэлла Львовна; [Российский государственный гуманитарный университет]. Москва, 2021. - 46 с.

1430. **Дерендяева, А. Д.** Эволюция государственной символики в контексте имиджевой политики Республики Казахстан (1991-2018 гг.) : специальность 5.6.2. «Всеобщая история» : автореферат диссер-

тации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Дерендяева Анна Дмитриевна ; [Алтайский государственный университет]. – Томск, 2022. – 25 с.

1431. **Сычева, С. Г.** Проблема символа в философии : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / Сычева Светлана Георгиевна. – Томск, 2002. – 336 с.

1432. **Богданова, М. В.** Современный православный свадебный ритуал как культурная система : специальность 5.10.1. «Теория и история культуры, искусства» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / Богданова Мирра Витальевна ; [Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева]. – Саранск, 2023. – 26 с.

1433. **Гончарова, Н. С.** Символы в российском уголовном праве: специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гончарова Наталья Сергеевна; [Воронежский государственный университет]. – Саратов, 2023. – 30 с.

1434. **Гарридо, В. В**. Историко-философское осмысление символа дракона в духовной культуре Китая: специальность 5.7.2. «История философии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Гарридо Валерия Владимировна; [Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы]. – Москва, 2023. – 28 с.

1435. **Карабанов, А. А.** Гимн российского государства как социокультурный феномен: специальность 5.10.1. «Теория и история культуры, искусства» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / [Российски научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева]. – Краснодар, 2023. – 23 с.

1436. **Ощепкова, Л. А.** Реализация жанрового канона в текстах государственных гимнов разных стран: специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ощепкова Людмила Андреевна ; [Новосибирский национальный исследовательский государственный университет]. – Красноярск, 2023. – 27 с.

1437. **Булгакова, В. Р.** Уголовно-правовая оценка подделки, изготовления или оборота поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ): специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» : автореферат дис-сертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Булгакова Виктория Руслановна; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Омск, 2024. – 26 с.

1438. **Вареник, Е. С**. Функционирование жестов в разных типах дискурса: полимодальный анализ устных повествований, описаний и инструкций: специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Вареник Екатерина Сергеевна; [Московский государственный лингвистический университет]. – Москва, 2024. – 26 с.

1439. **Ковалев, М. А.** Роль символьных методов в задачах искусственного интеллекта : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Ковалев Максим Александрович; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2024. — 31 с.

1440. **Маркова А. С.** Поэтика транскультурного символа: голубой цветок в немецкой, англоязычной и русской литературе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2024. – 30 с.

1441. **Пашков, П. А.** Полемика о Символе веры на Ферраро-Флорентийском соборе: источники и принципы их использования: специальность 5.11.2. «Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата теологии / Пашков Петр Алексеевич; [Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет]. – Москва, 2024. – 26 с.

1442. **Федотова, Н. Г.** Культурная память города как символический ресурс развития территории: специальность 5.10.1. «Теория и история культуры, искусства»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии / Федотова Наталья Геннадьевна ; [Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого]. — Ярославль, 2024. — 41 с.

1443. **Ян Пэнтао.** Символика костюма и моды в истории китайской культуры: специальность 5.10.1. «Теория и история культуры, искусства»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Ян Пэнтао; [Белгородский государственный национальный исследовательский университет]. — Белгород, 2024. — 26 с.

1444. **Белых, Е. С.** Социальная природа жеста как компонента мультимодальной коммуникации: специальность 5.12.1. «Междисциплинарные исследования когнитивных процессов»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Белых Екатерина Сергеевна; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. — Москва, 2025. — 28 с.

1445. **Исаева, С. Н.** Реализация стратегии уклонения в телевизионном дискурсе: анализ жестов в речи: специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Исаева Снежана Николаевна; [Московский государственный лингвистический университет]. — Москва, 2025. — 27 с.

1446. **Нго Суан Биен**. Символические характеристики огня в русской и вьетнамской лингвокультурах : специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Нго Суан Биен ; [Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина]. – Москва, 2025. – 24 с.

1447. **Михайлова, Д. В**. Условия охраноспособности и объем правовой охраны товарных знаков и знаков обслуживания в Российской Федерации : специальность 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Михайлова Дарья Вадимовна ; Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева. – Екатеринбург, 2025. – 24 с.

1448. **Ходаков, И. Д.** Ограничения исключительного права на товарный знак : специальность 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ходаков Илья Дмитриевич; [Российская государственная академия интеллектуальной собственности]. – Москва, 2025. – 26 с.

1449. **Янишевская, Я. А.** Гражданско-правовое регулирование интеллектуальной собственности на спортивную символику: специальность 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Янишевская Яна Андреевна; [Российская государственная академия интеллектуальной собственности). — Москва, 2025. — 27 с.

СЛОВАРНЫЕ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1450. **Кэрлот К.Э.** Словарь символов. М., 1994 - 608 с.

1451. **Холл, М. П.** Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. – Новосибирск, 1992.

1452. **Холл, М. П.** Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической, розенкрейцеровской символической философии. – Новосибирск, 1993.

1453. **Холл, М. П.** Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / пер. с англ. – СПб., 1994.

1454. **Фоли, Д.** Энциклопедия знаков и символов. – М., 1994.

1455. **Купер, Д.** Энциклопедия символов. – М., 1995.

1456. Энциклопедия восточного символизма / Составитель К.А. Вильянс. М., 1996 - 432 с.

1457. **Румянцев О.Г., Додонов В.Н.** Юридический энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 284. («Символы государственные (национальные)»)

1458. **Холл Дж.** Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: КРОН_ПРЕСС, 1997.

1459. **Бауэр, В.** Энциклопедия символов / В. Бауэр, И. Дюмотц, С. Головин / пер. с нем. – М., 1998.

1460. **Авакьян, С. А.** Герб государственный / С. А. Авакьян // Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А. Я. Сухарев. – М. : ИНФРА-М, 1999. – С. 179.

1461. **Авакьян, С. А.** Гимн государственный / С. А. Авакьян // Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А. Я. Сухарев. – М. : ИНФРА-М, 1999. – С. 190.

1462. **Авакьян, С. А.** Символы государственные (национальные) / С. А. Авакьян // Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А. Я. Сухарев. – М. : ИНФРА-М, 1999. – С. 888.

1463. **Кутафин, О. Е.** Флаг государственный / О. Е. Кутафин // Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А. Я. Сухарев. – М. : ИНФРА-М, 1999. – С. 1042–1043.

1464. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 1999.

1465. **Королев, С. В.** Знаки государственные / С. В. Королев // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Юристъ, 2001. – С. 354.

1466. **Чиркин, В. Е.** Государственный герб / В. Е. Чиркин // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Юристъ, 2001. – С. 211.

1467. **Чиркин, В. Е.** Государственный гимн / В. Е. Чиркин // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Юристъ, 2001. – С. 212.

1468. **Чиркин, В. Е.** Государственный флаг / В. Е. Чиркин // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Юристъ, 2001. – С. 216.

1469. **Макдоннелл, Л.** Знаки раличия и боевые награды Второй мировой. Иллюстрированная энциклопедия / пер. с англ. М. Новыша ; под ред. И. Сухова. – М. : Изд-во Эксмо, 2003. – 224 с.

1470. **Никола Убальдо.** Иллюстрированный философский словарь / пер. с ит. – М.: БММ АО, 2006. – С.440-443 (фрагмент о символе и символических формах).

1471. ГОСТ Р 54521-2011. Статистические методы. Математические символы и знаки для применения в стандартах. — М .: Стандартинформ, 2012. – 36 с.

1472. Новая Российская энциклопедия: в 12 т. / редкол.: В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов [и др.]. – М. : ООО «Изд-во “Энциклопедия”» : ИНФРА-М, 2003. – Т. XIV (1). – 2015. – С. 209 (статья «Ритуал»).

1473. Новая Российская энциклопедия : в 12 т. / редкол.: В. И. Данилов-Данильян, А. Д. Некипелов [и др.]. – М.: ООО «Изд-во “Энциклопедия”»: ИНФРА-М, 2003. – Т. XV (1). – 2015. – С. 138, 141 (статьи «Символ», «Символы официальные»).

1474. **Ивлиев, О. А.** Полная энциклопедия символов. – М., 2004. – С. 416.
1475. Энциклопедия: Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – М., 2004.
1476. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Авт.-сост. д-р ист. наук, проф. В.Э. Багдасарян, д-р ист. наук В.Л. телицын; под общ. ред. В.Л. Телицына. – 2-е изд. – М., 2005. – 495 с.
1477. **Слейтер, С.** Геральдика: Иллюстрированная энциклопедия / пер. с англ. – М., 2005.
1478. **Форти, С.** Символы : энциклопедия / пер. с. англ. – М., 2005.
1479. Большая энциклопедия символов и знаков / А. Егазаров, А. Ровнера. – М.; Тверь, 2006. – С. 723.
1480. **Бутромеев, В. П.** Символ власти : иллюстрированный энциклопедический справочник / В. П. Бутромеев, В. В. Бутромеев, Н. В. Бутромеева. – М., 2006.
1481. Иллюстрированная энциклопедия символов / А. Егазаров, А. Ровнера. – М.; Тверь, 2006. – С. 723.
1482. **Баешко, Л. С.** Энциклопедия символов / Л. С. Баешко, А. Н. Гордиенко. – М. ; Смоленск, 2007.
1483. **Коннел, М.** Знаки и символы : иллюстрированная энциклопедия / М. Коннел, Р. Эйри / пер. с англ. – М., 2007.
1484. Символ власти: Флаги, гербы, правительственные награды, деньги всех стран и времен : иллюстрированный энциклопедический справочник. – Москва : Белый город, 2007. – 575 с.
1485. **Шейнина, Е. Я.** Энциклопедия символов. – М. : АСТ; Харьков : Торсинг, печ. 2007.
1486. **Алексеенко, В. В.** Полная энциклопедия символов, эмблем и знаков / В. В. Алексеенко, И. С. Горецкая, Э. В. Коган. – М., 2008.
1487. **Фоли, Дж.** Энциклопедия знаков и символов. - М., 1996 - 432 с.
1488. **Нагаев, В. Г.** Знаки и символы: энциклопедия символов. – М., 2008.
1489. Новейшая энциклопедия символов, знаков и эмблем / В. В. Алексеенко [и др.]. – М.; Ростов-на-Дону, 2008.
1490. Полная энциклопедия символов и знаков / В. В. Адамчик. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2008.
1491. Символы и аллегории /энциклопедия искусства/ М. Баттистини. – М.: «Омега», 2008. – 384 с.
1492. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – М. : АСТ; СПб : Сова, печ. 2008.
1493. Словарь символов / авт.-сост. М. В. Адамчик. – Минск, 2011.
1494. Таблица математических символов // Википедия [Электронный ресурс]. 2018. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Таблица_математических_символов (дата обращения: 25.11.2018).
1495. **Дж. Тресиддер**. Словарь символов. - М., 1999 – 443 с.
1496. Справочник научных терминов и обозначений. – СПб.: Наукоемкие технлогии, 2019. – 254 с.
1497. Таблица математических символов. Сокращенная запись математического текста, математические обозначения. Математический алфавит. Математическая скоропись // Инженерный справочник. Таблицы DPVA.info [Электронный ресурс]. 2019. — URL: ps://www.dpva.ru/Guide/GuideUnitsAlphabets/Alphabets/TableOfM athSymbols/ (дата обращения: 25.11.2018).
1498. **Туровский, А. Е.** Энциклопедия гербов и флагов. Всестранымира = Encyclopedia of coats of arms and flags. Allcountriesoftheworld / А. Е. Туровский, А. В. Михновский ; Международный общественный фонд "Российский фонд мира". – Москва : Канон+, 2019 (Чехов (Московская область) :Чеховский печатный двор). – 487 с.
1499. **Черепенчук, В. С**. Гербы стран мира : большая энциклопедия геральдики. – Москва : Эксмо, 2021. – 254 с.
1500. **Суменков, С. Ю.** Символ в праве / С. Ю. Суменков. URL: https://bigenc.ru/c/simvol-v-prave-ea4607 (дата обращения: 22.05.2024).
1501. **Черепенчук, В. С.** Флаги мира: история, символика, неизвестные факты. Большая иллюстрированная энциклопедия: 12+. – Москва : Эксмо, 2024. – 318 с.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1502. **Alciato, A.** Emblemata [Эмблемата] / A. Alciato. – Francofvrti ad Moenvm, 1567. – [210 p.]
1503. **Gwillim, J. A** Display of Heraldrie: […] [Показ геральдики] / J. Gwillim. – London : Printed by William Hall for Raphe Mab., 1611 [1610]. – 284 p.
1504. Symbola et Emblemata [Символы и эмблемата]. – Amstelædami : Apud Henricum Wetstenium, 1705.
1505. **Mollenbecio, B. L.** Specimen Ivridicvm De Traditione Symbolica [Опыт юридического исследования символической передачи] / B. L. Mollenbecius. – Giessae – Hassorvm : Typis Henningi Mvlleri, 1708. – 74 p.
1506. **Hoffmann, J. T**. Dissertatio Jvridica De Jurisprudentia Symbolica [Юридический доклад о символической юриспруденции] / J. T. Hoffmann. – Ienæ : Litteris Mvllerianis, 1726. – 72 p.
1507. **Otto, E. De** Jurisprudentia Symbolica, Exercitationum TPIAΣ [Символическая юриспруденция. Опыт третий] / E. Otto. – Trajecti ad Rhenum : Apud Antonium Hofmans, 1730. – 364 p.
1508. **Grvpen, C. V.** Teutsche Alterthümer, zur Erleuterung des Sächsischen auch Schwäbischen Land- und Lehn-Rechts [Немецкие древности, к разъяснению саксонского и швабского земельного и ленного права] / C. V. Grvpen. – Hannover und Lüneburg : bey Johann Wilhelm Schmidt, 1746. – 128 p.
1509. **Schavmbvrgio, I. G.** Dissertatio Ivridica De Traditione Symbolica [Юридический доклад о символической передаче] / I. G. Schavmbvrg. – Lipsiae : Recvsa, 1746. – 56 p.

1510. **Savigny, F. C.** von. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft [О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции] / F. C. von Savigny. – Heidelberg : bey Mohr und Zimmer, 1814. – 162 S.

1511. **Dreyer, J. C. H**. Jurisprudentia Germanorum picturata [Иллюстрированная немецкая юриспруденция] / J. C. H. Dreyer // Beiträge zur Kunde der teutschen Rechtsalterthümer und Rechtsquellen / Hg. von E. Spangenberg. – Hannover : Im Verlage der Hahnschen Hofbuchhandlung, 1824. – S. 1–52.

1512. **Grimm, J.** Deutsche Rechtsalterthümer [Немецкие правовые древности] / J. Grimm. – Göttingen : In der Dieterichschen Buchhandlung, 1828. – 970 S.

1513. **Michelet, J.** Origines du droit français, cherchées dans les symboles et formules du droit universel [Истоки французского права, разыскиваемые в символах и формулах всеобщего права] / J. Michelet. – Paris : L. Hachette, libraire de l'université de France, 1837. – CXXIV, 452 p.

1514. **Chassan, M.** Essai sur la symbolique du droit, précédé d'une introduction sur la poésie du droit primitive [Очерк о символике права, которому предшествует введение в поэзию первобытного права] / M. Chassan. – Paris : Videcoq Fils ainé, Libraire-Editeur, 1847. – II, CXXVI, 404 p.

1515. **Jhering, R.** von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung [Дух римского права на различных ступенях его развития]. T. 2. Abt. 2 / R. von Jhering. – Leipzig : Druck und Verlag von Breitkopf und Härtel, 1858. – S. 321–695.

1516. **Arnold, W.** Cultur und Rechtsleben [Культура и правовая жизнь] / W. Arnold. – Berlin : Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung Harrwitz und Goßmann, 1865. – 439 p.

1517. **Bogišić, V.** Pravni običaji u Slovena [Правовые обычаи у славян] / V. Bogišić. – Zagreb : u štampariji Dragutina Albrechta, 1867. – 196 s.

1518. **L'arbre** des batailles d'Honoré Bonet [Древо битв Оноре Бонэ] / H. Bonet / Publié par E. Nys. – Bruxelles, Leipzig : Muquardt; Londre, New York : Trübner; Paris : Durand & Pedone-Laruiel, 1883. – 257 p.

1519. Do. Bartoli a Saxoferrato LL. Doct. Perusin. Tractatus de insigniis et armis [Трактат о знаках и гербах] / Bartolus a Saxoferrato / Hg. von F. Hauptmann. – Bonn : Druck und Verlag von P. Hauptmann, 1883. – 30 p.

1520. **Tribolati, F.** Grammatica araldica ad uso degli italiani [Геральдическая грамматика для использования итальянцами] / F. Tribolati. – Milano : Ulrico Hoepli, 1904. – XI, 187 p.

1521. **Beck, E.** Grundfragen der Wappenlehre und des Wappenrechts. Ein Versuch und ein Beitrag zum Ausbau der Wappenwissenschaft [Основные вопросы учения о гербах и геральдического права. Опыт исследования о развитии геральдической науки] / E. Beck. – Speyer am Rhein : Pfälzische Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 1931. – 314 p.

1522. **Cohen, J.** The Value of Value Symbols in Law Columbia [Значение символов стоимости в праве Колумбии] // Law Review, Nov., 1952. – Vol. 52. – No. 7 (Nov., 1952). – Pp. 893–898.

1523. **Brzobohatà K.** Symbol a symbolika v pràvu / K. Brzobohatà, T. Tyl. – Praha, 2006.

1524. **Kohlmann, G.** Neue Kölner Rechtswissenschaftliche Abhandlungen [Новые Кёльнские юридические трактаты] Ser.: Das Subjektiv-öffentliche Recht Auf Fehlerfreien Ermessensgebrauch / G. Kohlmann : DE Gruyter, 1964. – 104 p.

1525. **Chevalier, J.**Dictionnaire des symbols [Словарь символов] / J. Chevalier, A. Cheerbrant. – Paris, 1979.

1526. **Neubecker, O.** Wappenkunde [Гербоведение] / O. Neubecker. – München : Battenberg, 1980. – 264 S.

1527. **Lachmayer, F.** Visualisierung des Rechts [Визуализация права] / F. Lachmayer // Zeichenkonstitution. Akten des 2. Semiotischen Kolloquiums Regensburg 1978 / Hg. von A. Lange-Seidl. Bd. II. – Berlin – New York : Walter de Gruyter, 1981. – S. 208–212.

1528. **Webb, G.** Symbols and ideas – rules, guidelines and international law /G. Webb [Символы и идеи – правила, руководства и международное право]. – Text (visual) : unmediated // Victoria University of Wellington Law Review 28. – 1984. – P. 389–414.

1529. **Kevelson, R.** The Law as a System of Signs [Право как система знаков] / R. Kevelson. – New York : Plenum Press, 1988. – 331 p.

1530. **Kocher, G.** Zeichen und Symbole des Rechts. Eine historische Ikonographie [Знаки и символы права. Историческая иконография] / G. Kocher. – München : Verlag C.H. Beck, 1992. – 200 S.

1531. **Soggin, J. A**. Symbols of Law. A Contextual Analysis of Legal Symbolic Acts in the Old Testament [Символы закона. Контекстуальный анализ правовых символических актов в Ветхом Завете] / J. A. Soggin. – Text (visual) : unmediated // Vetus Testamentum. – 1992. – № 42 (4).

1532. **Martinez, J.** State displays of confederate symbols: legal challenges and the political question doctrine [Демонстрация символики конфедерации в штатах: юридические проблемы и доктрина политического решения] // Southeastern Political Review. – 1997. – Vol. 25. – № 1 – P. 163–180.

1533. **Brunschwig, C.** Visualisierung von Rechtsnormen. Legal Design [Визуализация правовых норм. Юридический дизайн] / C. Brunschwig. – Zürich : Schulthess, 2001. – 346 p.

1534. **Tomberg, M.** Studien zur Bedeutung des Symbolbegriffs: Platon, Aristoteles, Kant, Schelling, Cassirer, Mead, Riccœur [Исследования значения понятия символа: Платон, Аристотель, Кант, Шеллинг, Кассирер, Мид, Рикёр] / M. Tomberg. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2001. – 153 S.

1535. **Neubecker, O.** Heraldik. Wappen – ihr Ursprung, Sinn und Wert [Геральдика. Гербы – их происхождение, смысл и ценность] / O. Neubecker. – München : Orbis Verlag, 2002. – 288 p.

1536. **Fenster, M.** The Symbols of Governance: Thurman Arnold and Post-Realist Legal Theory [Символы управления: Турман Арнольд и постреалистическая правовая теория] / M. Fenster. – Text (visual) : unmediated // BUFFALO LAW REVIEW. – 2003. – Vol. 51. – P. 1053–1118.

1537. **Hatas, E.** Constructing the Identity of a Nation-State. Symbolic Conflict over the Preamble to the Constitution of the Third Republic of Poland [Формирование идентичности национального государства. Символический конфликт вокруг преамбулы к Конституции Третьей Республики Польша]// Polish Sociological Review. – 2005 – № 149. – P. 49–67.

1538. **Brzobohatà K.** Symbol a symbolika v pràvu / K. Brzobohatà, T. Tyl. – Praha, 2006.

1539. **Coskun, D.** Law as Symbolic Form: Ernst Cassirer and the Anthropocentric View of Law [Закон как символическая форма: Эрнст Кассирер и антропоцентрический взгляд на право]: Springer, 2007. – 398 p.

1540. **Röhl, K. F., Ulbrich, S.** Recht anschaulich. Visualisierung in der Juristenausbildung [Право наглядно. Визуализация в юридическом образовании] / K. F. Röhl, S. Ulbrich. – Köln : Halem, 2007. – 261 p.

1541. **Van Woensel, Caspar P.L**., Symbols and the Law. Brand, God, and ban: improper use and monopolization of signs with a high symbolic value [Символы и закон. Бренд, Бог и запрет: ненадлежащее использование и монополизация знаков с высокой символической ценностью], Amstelveen, Netherlands: deLex, 2007, Available at SSRN: https://ssrn.com/Annotation=1069044.

1542. **Scott Pakin** The Comprehensive LATEX Symbol List [Полный список символов LATEX], 2008. – URL: https://www.researchgate.net/publication/2893429_The_Comprehensive_LATEX_Symbol_List

1543. **Andreas Philippopoulos-Mihalopoulos**. Jirˇ´ı Prˇiba´nˇ, Legal Symbolism: On Law, Time and European Identity [Джирджи Прюибан, Юридическая символика: О праве, времени и европейской идентичности] // International Journal for the Semiotics of Law. – 2008. – № 21. – P. 185–188.

1544. **Ganztagsschule als** symbolische Konstruktion: Fallanalysen zu Legitimationsdiskursen in schultheoretischer Perspektive (Schule und Gesellschaft) [Школа полного дня как символическая конструкция: тематический анализ дискурсов легитимации в теоретико-школьной перспективе (школа и общество)] by Fritz-Ulrich Kolbe. – Germany : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – 252 p.

1545. **Bergmans, B**. Visualisierungen in Rechtslehre und Rechtswissenschaft. Ein Beitrag zur Rechtsvisualisierung [Визуализации в правовом учении и юриспруденции. Исследование о правовой визуализации] / B. Bergmans. – Berlin : Logos Verlag, 2009. – 118 S.

1546. **Manual on the Wearing** of Religious Symbols in Public Areas by Professor of Public International Law [Руководство по ношению религиозных символов в общественных местах, подготовленное профессором международного публичного права]Malcolm D Evans, 2009. – 126 p.

1547. **Kretschmer, M., Pratt A.** Legal form and cultural symbol [Правовая форма и культурный символ] / M. Kretschmer, A. Pratt. – Text (visual) : unmediated // Information, Communication and Society. – 2009. – Vol. 12. – № 2. – P. 165–177.

1548. **Schürmann, M. C.** Iurisprudentia Symbolica. Rechtssymbolische Untersuchungen im 18. und 19. Jahrhundert [Символическая юриспруденция. Символико-правовые исследования в XVIII и XIX веках] / M. C. Schürmann. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2011. – 301 p.

1549. **Miller H.** Governing Narratives Symbolic Politics and Policy Change (Public Administration: Criticism and Creativity) [Управляющие нарративы Символическая политика и политические изменения (Государственное управление: критика и креативность)], 2012. – 160 p.

1550. **Röhl, K. F**. Zur Rede vom multisensorischen Recht. Ein kumulativer Tagungsbericht [К вопросу о мультисенсорном праве. Сводные материалы конференции] / K. F. Röhl // Zeitschrift für Rechtssoziologie. – 2012/2013. – Bd. 33. – H. 1. – S. 51–75.

1551. **Berman, H.** Law and Language. Effective symbols of Community [Закон и язык. Действенные символы сообщества] / H. Berman. – Cambridge, 2013. – 218 p.

1552. **Brunschwig, C.** On Visual Law: Visual Legal Communication Practices and their Scholarly Exploration [О визуальном праве: практики визуальной юридической коммуникации и их научное исследование] / C. Brunschwig // Zeichen und Zauber des Rechts. Festschrift für Friedrich Lachmayer. – Bern : Editions Weblaw, 2014. – S. 899–933.

1553. **Wedeen, L.** Politics, Rhetoric, and symbols in contemporary Syria [Политика, риторика и символы в современной Сирии, Англия], England: University of Chicago Press, 2015 – 272 p.

1554. **Fordyce-Ruff, T.** Beyond the Basics: Typographic Symbols in in Writing [Типографские символы в письменном виде] / T. Fordyce-Ruff. – Text (visual) : unmediated // Advocate. – 2016. – № 5. – P. 58–59.

1555. **Leiman, T.** Where are the Graphics? Communicating Legal Ideas Effectively Using Images and Symbols [Где графические изображения? Эффективное распространение правовых идей с использованием изображений и символов]/ Tania Leiman. –Text (visual) : unmediated // Legal Education Review. – 2016. – Vol. 26. – Issue 1. – Article 3. – P. 47–67.

1556. **Edelman, L.** Working Law Courts, Corporations, and Symbolic Civil Rights [Работающие суды, корпорации и символические гражданские права]. – Chicago: University of Chicago Press, 2016. – 312 p.

1557. **Sengupta, A.** Symbols and the Image of the State in Eurasia [Символы и имидж государства в Евразии]: Springer, 2017. – 149 p.

1558. **Cusack, C.** Mutated Symbols in Law and Pop Culture [Мутировавшие символы в юриспруденции и поп-культуре] / Carmen M. Cusack. – New York : Peter Lang, 2018. – 224 p.

1559. **Bacquet, S**. Religious Symbols and the Intervention of the Law [Религиозные символы и вмешательство закона] / Sylvie Bacquet : Routledge, 2019. – 182 p.

1560. **Behrens, J.** 'Unknown Symbols': Online Legal Research in the Age of Emoji [Неизвестные символы: Онлайн-правовое исследование в эпоху эмодзи] (October 3, 2019).

1561. **Janny H. C. Leung** Shallow Equality and Symbolic Jurisprudence in Multilingual Legal Orders [Поверхностное равенство и символическая юриспруденция в многоязычных правовых системах]. – Oxford University Press, 2019. – 305 p.

1562. **Liashuk, A**. Symbols as non-verbal means of the law language [Символы как невербальные средства языка права] / A. Liashuk. – Text (visual) : unmediated // LEGEA ŞI VIAŢA. – Octombrie 2019. – P. 86–89.

1563. **Meulder de Maartje.** The legal recognition of sign languages: advocacy and outcomes around the world [Юридическое признание языков жестов: пропаганда и результаты по всему миру]: Multilingual Matters, 2019. – 352 p.

1564. **Nagpal, R.** Electronic Legal Databases in context to Connectors [Электронные правовые базы данных в контексте взаимодействия] / Symbols/ Command used in Legal Research: A comparative Study. // Library Philosophy and Practice (e-journal). – 2020. – 4247.

1565. **Ochilov, U. S.** Evolution of Legal Symbols as Means of Formation of Legal Behavior [Эволюция правовых символов как средства формирования правового поведения] / U.S. Ochilov. – Text (visual) : unmediated // International Journal of Social Science And Human Research. – 2021. – Vol. 04. – Issue 12. – P. 3541–3544.

1566. Symbols Glossary ICU Medical [Глоссарий символов Отделения интенсивной терапии. Медицинский]. – URL: https://pdf4pro.com/view/symbols-glossary-icu-medical-66221a.html

1567. Symbols of Law. What kinds of symbols are used to represent the law? [Какие символы используются для представления закона?]

1568. **Munzel-Everling, D.** Rechtsvisualisierung in den Bilderhandschriften des Sachsenspiegels [Правовая визуализация в иллюстрированных рукописях Саксонского зерцала] / D. Munzel-Everling. URL: http://www.munzel-everling.de/download/munzel_rechtsvisualisierung.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

1569. **Ogden, C. K.** The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism [Значение значения. Исследование влияния языка на мышление и научный символизм] / C. K. Ogden, I. A. Richards. – New York : A Harvest Book. Harcourt, Brace & World, Inc., s. a. – 363 p.

1570. **Hulme F.E.** Symbolism in Christian Art. Great Britain by Blandford Press, Link House, West Street, Poole, Dorset. 1976. 240 p.

1571. **Durandus,** The Symbolism of Churches and Church Ornaments. Leeds: T. W. Green, COMMERCIAL STREET. LONDON: J. G. F. & J. Rivington. CAMBRIDGE : T. Stevenson.1843. 389 p.

1572. **Churchward**, Signs and Symbols of Primordial Man. London. George Allen & COMPANY, LTD.New York: E. P. Dutton & COMPANY.1913.572 p.

1573. **Heath S.** Romance of Symbolism. Literary Licensing, LLC. 2014. 282 p.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНАЯ БИТВА «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ: НАУКА, ИСКУССТВО, ДОСТОИНСТВО, СУВЕРЕНИТЕТ»

В заключении пленарного заседания старшим преподавателем кафедры уголовного и уголовно-исполнительного Нижегородской академии МВД России И.А. Абдулханняновым и адъюнктом адъюнктуры Я.М. Абдулханняновой была проведена творческая интеллектуально-развлекательная битва по оригинальной тематике «Государственный герб: наука, искусство, достоинство, суверенитет».

Двум командам, сформированным из числа докторов наук в составе М.Л. Давыдовой, К.К. Панько, Р.А. Ромашова, С.Б. Полякова, Г.М. Лановой и кандидатов наук – О.Б. Купцовой, А.В. Парфенова, В.Н. Власенко, Е.Н. Тонкова, Е.А. Петровой, было предложено ответить на 12 вопросов, посвященных интересным культурно-историческим и государственно-правовым фактам, связанным с государственными гербами стран мира. Интеллектуальная викторина проводилась в формате классической игры «Что? Где? Когда?» и требовала от всех участников команд собранности, быстрой реакции и точных мыслей. После заданного вопроса давалась минута для «мозгового научного штурма» и формулирования командного ответа.

В упорной борьбе волевую победу справедливо одержала команда докторов наук, продемонстрировав высокий уровень эрудиции. Игра завершилась символичным награждением – призы и подарки получили члены обеих команд.

Помимо этого свои знания самостоятельно проверили присутствующие зрители – участники пленарного заседания, которые с не меньшим азартом, чем команды, пытались дать ответы на каверзные вопросы ведущих.

Проведенная интеллектуальная битва оставила положительные эмоции и способствовала более глубокому пониманию заявленной темы форума.

КОНКУРС ТВОРЧЕСКОГО ЭССЕ

«ЮРИСТ КАК ANIMAL SYMBOLICUM»: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ОБРАЩЕНИЯ К СИМВОЛИЧЕСКИМ ФЕНОМЕНАМ В НАУЧНОЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ, ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ, СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Члены жюри:

Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета (председатель);

Исаков Владимир Борисович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Мальцев Иван Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, государственный советник Новосибирской области 3 класса.

На конкурс было подано 18 работ, 4 из которых заняли призовые места.

Победители конкурса

1 место – **Синченко Георгий Чонгарович**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России;

2 место – **Гиринович Ксения Евгеньевна**, аспирантка Костромского государственного университета;

2 место – **Якубовская Екатерина Денисовна**, преподаватель кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России;

3 место – **Лунёв Роман Сергеевич**, преподаватель кафедры правовых и социально экономических дисциплин Академии управления городской средой, градостроительства и печати (Санкт-Петербург), член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств.

1 место

Синченко Георгий Чонгарович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России

СИМВОЛЫ ПРАВА. БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН МЕЖДУ ПИРСОМ И ГЕГЕЛЕМ

Я здесь и не здесь, Я везде и нигде,
В сыпучем песке и прозрачной воде…
Я разум, что вам до сих пор непонятен,
Я мал, и в то время я так необъятен.
По мотивам средневековой персидско-таджикской поэзии

Словом «символ» в речи, причем не только научной, охватывается несколько несовпадающих понятий. В семиотике американского философа и логика Пирса символ определяется как знак, произвольно и условно сопоставленный некоторому объекту. Напротив, по Гегелю, символ в своем собственном содержании «более или менее» совпадает с тем, что им символизируется. Свободно вибрируя между смысловыми полюсами, имя существительное «символ» отлично чувствует себя в повседневном обще-

нии. Мало кто не кривя душой возьмется отрицать, что на приглашение определенного рода ему доводилось, сближая большой и указательный пальцы руки, реагировать мягким полутоказом: «Спасибо. Не сто́ит. Ну разве что чисто символически…»

Подчеркиваемый первой трактовкой момент случайности образования пары «символ — объект» не выдумка. В самом деле, разве место Фемиды на самой вершине пирамиды правовой символики не могло достаться чему-то иному? Скажем, у истоков средневековой рецепции римского права стоял знаток и преподаватель грамматики и риторики Ирнерий. Согласно легенде, некий теолог обратился к нему за консультацией по поводу значения термина «ассарий (ас)» в Библии, тем самым подтолкнув к штудированию латинских юридических текстов, где фигурировало это название древней медной монеты. Так Ирнерий приступил к чтению лекций по римскому праву в Болонье. В свете сказанного не звучит совсем уж фантастически гипотеза о том, что ассарий мог превратиться в символ правового аспекта общественной жизни — наподобие доллара, положившего начало богатству героя американских комиксов Скруджа Макдака и хранимого им как зеница ока.

Вместе с тем благоприятный для сакрализации ассария исторический контекст не сложился. Зато состоялось возведение в символический ранг образа дамы с повязкой на глазах, мечом в одной руке и весами в другой. Впрочем, и здесь не все элементарно. Символ — это, обращаясь ко второму подходу и повторяя вслед за Гегелем, созерцание, т. е. некоторое произведение души. Весы правосудия дают себя созерцать, очерчивают круг интерпретаций, но жестко не навязывают тот смысл, который актуализируется во встрече созерцающего и созерцаемого и наполнит собой последнее. Мы упомянутый аксессуар привычно воспринимаем в качестве меры справедливости, обеспечивающей перевес добра над злом, а гомеровские греки, если поверить «Homo ludens» Хёизинги, понимали его как метафору «равновесия неверных шансов удачи и неудач. Об освящении нравственной истины <…> тут еще речи не идет».

Таким образом, обе точки зрения и соперничают, и дополняют друг друга. Пирс акцентирует подвижность сочетаний, а Гегель направляет внимание на их относительную устойчивость, без чего трудно представить себе символ в широком историко-культурном масштабе. Третье, бытовое словоупотребление также вне подозрений и приветствуется уже за то, что позволяет соприкоснуться с теплой компанией, не налегая на запас горячительных напитков. Вроде и момент совпадения зафиксирован, и дистанция независимости соблюдена… Завершив этими словами теоретическую часть, перехожу к фактографической.

Когда в 2011 году из-за очень крупной покупки для нашей семьи началась трудная финансовая полоса, мой проживающий не в России старый друг великодушно предоставил нам небольшую беспроцентную ссуду под условием «вернешь, когда сможешь». На семейном совете полученные по межбанковскому переводу двадцать «открыток в честь столетнего юбилея Бенджамина Франклина», как иногда шутливо называют стодолларовые банкноты США, были зачислены в стратегический резерв и помещены на хранение в сейф. Поскольку спустя год наше материальное положение более или менее нормализовалось, постольку я с легким сердцем отнес купюры — те же самые купюры! — в тот же самый банк с целью вернуть долг посредством аналогичного перевода за рубеж. И тут произошло непредвиденное: двенадцать из двадцати ассигнаций не были приняты кассиром на основании внутренних банковских правил по причине их, т. е. ассигнаций, *поврежденности*.

Не скрою: без небольшого шока не обошлось. Параллельно чутье подсказывало, что я по кроличьей норе провалился в Страну Чудес, о существовании которой даже не догадывался… И любопытство взяло верх. Через месяц-полтора на почве обсуждения факта неспортивного поведения уполномоченной кредитной организации с экспертами, анализа нормативной базы и ознакомления со специальной литературой созрели выводы: правовое положение инвалюты в России парадоксально, банки прибегают к официальной доктрине нерезидентных денег, когда им выгодно, и игнорируют ее, когда невыгодно, государство этому потворствует, в результате обычный клиент превращается в пешку в чужой игре. Соображения были положены на бумагу и в виде статьи предложены солидному юридическому журналу.

Новым сюрпризом явилась рецензия: составитель попенял автору как за пробелы в теоретической подготовке, так и за ностальгию по советским порядкам. Правда, горечь отказа смягчалась комическим привкусом. В то время как текст статьи был написан в жанре нарратива о рядовом гражданине, который буквально на ровном месте пострадал от банковского легального произвола, заслониться от своего рабского унижения изучением «Дороги к рабству» Хайека ему было рекомендовано от лица периодического издания, несколько ранее ознакомившего русскоязычного читателя с методологией нарративной юриспруденции. Между тем не секрет, что последняя сосредоточена как раз на демонтаже абстрактно-теоретического и формально-законнического отношения к феноменам правовой жизни. А она шла своим чередом.

Однажды я случайно посмотрел телепередачу, в которой уважаемый экономист и политик рассуждал о положении дел в системе «человек — банковская сфера — государство». И хотя он оперировал конкретным материалом другого свойства, общая тональность полностью согласовывалась с тем, что прояснил для себя я. Естественно, захотелось поделиться опытом. Нет, ни в коем случае не из видов на помощь с публикацией, но в надежде, что если такой человек найдет мой сюжет достойным внимания, то сможет авторитетно донести его суть до аудитории гораздо более широкой, чем вся сумма аудито-

рий, накопившаяся за десятилетия моей преподавательской практики. Поэтому я обозначил себя на его странице в социальной сети.

Адресат откликнулся оперативно и любезно, запросил рукопись и, видимо, сочтя вполне приличной, устроил ее судьбу на страницах одного центрального журнала. Целью это, повторяю, не выступало, но в качестве бонуса было встречено с благодарностью. А вот пригодился ли кому-нибудь мой сюжет — не знаю. Вряд ли, судя по практически нулевой реакции на статью.

Тем не менее оба, сюжет и текст, вне всякого сомнения сослужили службу мне лично. Ценность жизненного опыта в доказательстве не нуждается, а академическое письмо не последнее средство прочищения мозгов, без чего никакой опыт впрок не пойдет. И с тех пор, заметив банковскую вывеску или заглянув непосредственно в офис — при том, что с банками приходится держать ухо востро, без них по логике нашей современной жизни никуда — я нет-нет да и припоминаю эту давнишнюю забавную историю. Вместе с ней в голове автоматически прокручивается один из магистральных тезисов постклассического правопонимания: не существует «чистых» правовых явлений, которые не были бы одновременно психическими, экономическими и т. д. (И. Л. Честнов). Следовательно, верно и обратное: психические, экономические и прочие явления имеют или могут приобрести юридическую сторону. Часто она лишь незаметно соприсутствует другим формам активности, однако в любой момент готова выдвинуться на передний план. И коль скоро человек, вольно или невольно, отбрасывает юридическую тень (правовые оптимисты поправят: юридический отблеск), банк не смотрится совсем уж слабым кандидатом на роль одного из правовых символов. Ведь даже когда слово «банк» берется в буквальном значении финансового учреждения, к нему коннотативно присоединяются дополнительные смыслы, в том числе «коллекция, собрание минералов, изображений, данных…». Пусть в нашем случае это будет собрание различных измерений человеческих интересов и действий при непременном участии в них правового начала, почему нет?

Во всяком случае, такая символизация является фактом моей биографии. Разумеется, описанный вариант отнюдь не «железобетонный» и не единственный. Символические комбинации складываются, распадаются и собираются заново. Такую перспективу мы с помощью Чарльза Сандерса Пирса зарезервировали еще в самом начале эссе. А теперь подошли к его концу.

Да, едва не забыл проинформировать. Несправедливо дискриминированные заморские денежные знаки с портретом Франклина были экспериментально предложены другой уполномоченной кредитной организации, и та проявила степенность. Но это уже событие из мира фактов, а не символов.

2 место

Гиринович Ксения Евгеньевна

аспирантка Костромского государственного университета (КГУ), помощник руководителя ФГБУ Костромской лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ОБРАЩЕНИЯ К СИМВОЛИЧЕСКИМ ФЕНОМЕНАМ В НАУЧНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Человеческое восприятие мира редко ограничивается лишь буквальным и очевидным. Гораздо чаще наше сознание опирается на символы – сжатые, многогранные образы, несущие в себе скрытые смыслы, эмоции и целые пласты культурного опыта. Эти символические феномены служат мостами между внешней реальностью и нашим внутренним миром, между рациональным знанием и иррациональным чувством. На основании личного опыта я поведаю читателю, как символы функционируют в двух, казалось бы, полярных сферах: в строгой системе юриспруденции и в интимном пространстве семейной жизни.

Если бы меня попросили назвать самый элегантный и мощный символ в юриспруденции, я бы, не задумываясь, назвала презумпцию невиновности. Для обывателя «презумпция невиновности» просто сухая правовая норма, скучная формулировка из российского Уголовного кодекса: «Обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в суде». Но в профессиональной практике это понятие трансформируется из абстрактного принципа в живой, действующий символ, который определяет не только ход процесса, но и само миропонимание юриста.

Получая знания на первой ступени высшего образования, – бакалавриате, – я проходила практику в адвокатском бюро. Впервые именно там в рамках уголовного дела, где человек обвинялся в совершении серьезного преступления, я столкнулась с презумпцией невиновности. Общественное мнение, подогретое утечками в СМИ, уже вынесло ему суровый приговор. Даже я, его будущий защитник, юрист, внутренне испытывала когнитивный диссонанс: улики выглядели убедительно, а сам подзащитный не вызывал симпатий. Я ловила себя на мысли: «А что, если он действительно виновен?». Именно в этот момент мой наставник, опытный адвокат, сказал фразу, которая стала для меня ключом к пониманию: «Забудь о том, виновен он или нет. Твоя работа – заставить государство доказать это. Ты – хранитель презумпции». Эта фраза стала откровением. Презумпция невиновности в тот миг перестала быть статьей закона. Она материализовалась в зале суда в виде невидимого несокрушимого щита, который мы держали перед нашим доверителем. Бремя доказывания лежало не на нас, а на обвинителе. Каждый раз, когда прокурор не мог представить неопровержимое доказательство, этот щит становился прочнее. Он символизировал защиту отдельного человека от всесилия государственной машины. Принцип презумпции невиновности стал для меня олицетворением выбора общества в пользу ошибочного оправдания виновного, нежели осуждения невиновного. Он символизирует высшую ценность человеческой свободы и репутации над целесообразностью и жаждой наказания. Это символ того, что право сильного (в лице государства) должно быть ограничено процедурой и правилами. Кроме этого, презумпция невиновности диктует особую «символическую» хореографию в суде. Судья обращается к подсудимому не как к «преступнику», а как к «гражданину». Подсудимый сидит не на скамье позора, а на нейтральном месте, и до момента вынесения приговора его нельзя ограничивать в правах больше необходимого. Даже сам вердикт «невиновен» – это не констатация его ангельской чистоты, а констатация факта, что государство не смогло доказать обратное. Это ритуал, призванный ежедневно воспроизводить уважение к достоинству личности.

Результатом того процесса стало оправдание нашего подзащитного. И для меня это стало не личной победой, а триумфом самого символа. Абстрактный принцип, который я мысленно держала как щит, сработал. Он оказался сильнее общественного мнения, сильнее косвенных улик и сильнее инерции карательной системы.

Таким образом, презумпция невиновности – это не просто норма права. Это краеугольный символический феномен, который воплощает в себе этическое ядро всего правосудия: сомнение в пользу личности, уважение к ее свободе и недоверие к неограниченной власти. Это символ, который каждый юрист должен не только знать, но и чувствовать, как чувствуют пульс живого человека. Он превращает юриста из простого правоприменителя в хранителя фундаментальной справедливости.

Таким же символическим феноменом в праве является Фемида – богиня правосудия с весами, мечом и повязкой на глазах. Для студента-первокурсника это просто архаичный образ. Но с погружением в профессию этот символ наполняется глубочайшим смыслом. Весы – это не просто символ взвешивания аргументов, а символ соразмерности, баланса частного интереса и общественного блага. Меч – символ

неотвратимости наказания и силы государства, способной привести решение в исполнение. А повязка – возможно самый главный элемент – символ беспристрастности, независимости и объективности, напоминание о том, что закон един для всех, вне зависимости от статуса, богатства или личных симпатий. Этот собирательный образ стал для меня ежедневным моральным ориентиром как в процессе учебы, так и в практической деятельности.

В противовес этому, в семейной жизни символы действуют иначе – они лишены официальности и рождаются из спонтанного эмоционального опыта. Таким феноменом в моей семье стал самый обычный яблочный пирог по особенному бабушкиному рецепту. Для человека со стороны это просто выпечка, десерт к чаю. Но для нескольких поколений нашей семьи он давно превратился в символ связи, заботы и домашнего очага. Его запах, который заполняет квартиру по воскресеньям, символизирует окончание недели, общее собрание за столом, возможность поделиться новостями, которые скопились за неделю, и сложностями, требующими решения и мудрого совета. В трудные моменты, когда кто-то из членов семьи болел или переживал неудачу, первым делом кто-то шел печь «волшебный» пирог. Он стал невербальным посланием, символом поддержки, который говорил: «Ты не один, мы рядом, и ради тебя стоит приложить усилия». Он не имеет юридической силы, его рецепт нигде не запатентован, но его символическая сила для нашей семьи неизмеримо выше многих официальных документов. Бабушкин рецепт переходит из поколения в поколение в неизменном виде и является одним из символичных традиционных блюд нашей семьи.

Таким образом, обращение к символическим феноменам является неотъемлемой частью человеческого бытия. И в рациональной, систематизированной вселенной юриспруденции, и в эмоциональном хаосе семейной жизни символы выполняют одну и ту же фундаментальную функцию: они уплотняют сложные абстрактные понятия (справедливость, закон, любовь, поддержку) в простые, узнаваемые и действенные формы. Они являются языком, на котором говорят самые важные для человека и общества категории, делая их видимыми, осязаемыми и, в конечном счете, реальными.

3 место

Якубовская Екатерина Денисовна

преподаватель кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России, капитан полиции

ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Несколько лет назад в следственный отдел полиции одного из районов города Волгограда пришла юная выпускница ведомственного ВУЗа МВД России. Взяв с собой парочку любимых «красных» книжек – УК и УПК, поднявшись на нужный этаж, она увидела вполне привычную картину: в одном кабинете «оперативники» с задержанными беседовали со следователем и адвокатами; в другом заявитель рассказывал дежурному удивительную историю об утерянном гаджете (которых, к сожалению, бывает по сто на дню); в третьем эксперт и старый дежурный из СОГа решали, какую экспертизу назначить по изъятому с места происшествия окурку. Наша героиня решила зайти в четвертый кабинет, где, как ей показалось, обстановка была поспокойнее: посреди помещения установили ростовую куклу: одна девушка удерживала манекен, а вторая пыталась наносить удары. «А, ты наверное новенькая? Зайди к руководству, вторая дверь слева! Кружка с собой? Потом заглядывай к нам, выпьем чаю, расскажешь о себе. Мы сейчас поищем по кабинетам, найдем тебе стол и компьютер, будешь сидеть с нами!», - удивившись такому внимательному отношению со стороны новых коллег, девушка прошла в кабинет руководителя отдела.

«Проходи, присаживайся. Как зовут? Какой ВУЗ окончила? Скажи еще дату рождения, внесем тебя в график поздравлений. И самый главный вопрос: дела на практике расследовала? Да? Отлично. Вот тебе десять «глухарей» и парочка дел с лицами. Крайний срок сдачи в прокуратуру – двадцатое число. Изучи, вечером подойдешь и доложишь, что думаешь».

Взяв охапку подшитых дел, юный следователь отправилась к новым коллегам, где рассказала о задачах, поставленных руководителем пару минут назад. «Не переживай, разберемся» - сказали соседки по кабинету, - «Кажется, это были наши дежурные сутки. Скачай папки с бланками, пару обвинительных заключений по похожим делам, напиши себе план расследования, а мы тебе подскажем, как все правильно сделать».

Заручившись поддержкой наставниц, выпускница кропотливо изучала свидетельские показания, протоколы осмотров мест происшествий, материалы проверки и результаты судебных экспертиз. А следственная ситуация складывалась следующим образом: таксист высадил клиентку у бара, она расплатилась за поездку, но ей не хватило двух рублей. Она ушла в кафе, чтобы взять монетку и отдать ее водителю. Последний прошел за ней и на барной стойке увидел ее смартфон, который положил к себе в карман и уехал. Казалось странным: неужели из-за такой мелочи взрослый мужчина умудрился похитить дорогостоящий гаджет? С другой стороны, уголовное дело «одноклеточное», можно хоть завтра составлять обвинительное заключение и направлять прокурору. Но вот отсутствие явного мотива у предполагаемого преступника никак не давало покоя нашей героине. С этой мыслью она отправилась вечером к начальнику СО.

Внимательно выслушав новую сотрудницу, руководитель задал вопрос, который, на первый взгляд вообще не имел никакого отношения к уголовному делу: «Никогда не задумывалась о том, что означает факел на твоем шевроне?».

Девушка растерялась, ведь она ожидала любой вопрос, касающийся обстоятельств произошедшего, но никак не связанный с ее новой формой. «Факел – это символ; все тайное в процессе расследования должно стать явным. Твоя задача – исследовать обстоятельства, подлежащие доказыванию таким образом, чтобы ни у прокурора, ни у судьи, ни тем более у меня не возникло вопросов относительно причастности и вины лица. Подумай об этом, и скорректируй план расследования».

На следующий день наша героиня решила начать сбор характеризующего материала в отношении подозреваемого. Направила стандартные запросы: требования о судимости, запросы в наркологический и психоневрологический диспансер по месту жительства, получила бытовую характеристику от участкового, сведения из военного комиссариата, ЗАГСа … Результаты были ожидаемы: на учетах не состоит, не женат, детей не имеет, однако юного следователя смутил пункт об отсутствии военного билета без указания причин. Девушка поделилась результатами проделанной работы с коллегами по кабинету, на что услышала: «Дело осталось за малым: предъявить обвинение, допросить лицо в качестве обвиняемого и приступить к окончанию предварительного расследования, а «военник» можно и не подшивать к материалам дела, если есть сведения из диспансеров».

Однако пытливый ум не давал покоя: в голове крутились слова начальника СО про символ на шевроне, и, желая пролить свет на отсутствие военного билета у подозреваемого, следователь решила про-

верить фигуранта не только по месту жительства, но и по областным учетам, направив запросы в главные областные подразделения.

Чем же закончилась история, спросите вы. А я вам отвечу – все тайное стало явным. Как оказалось, отец подозреваемого работал врачом-психиатром в районном диспансере, и для своего сына подготовил справку об отсутствии сведений о постановке на учет от имени другого врача. В областном диспансере направили ответ на запрос, согласно которому подозреваемый на протяжении двадцати лет состоял на учете с диагнозом: «Параноидная шизофрения». А дальше: назначение судебно-психиатрической экспертизы, допуск законного представителя, направление представления в ГАИ о лишении водительских прав, постановление о применении принудительных мер медицинского характера…

Так начиналась моя карьера следователя. Спустя года, когда я веду занятия у групп будущих следователей, я задаю тот же вопрос, что задали однажды мне: «Никогда не задумывались о том, что означает факел на шевроне?»

4 место

Лунёв Роман Сергеевич

преподаватель социально-правовых и экономических дисциплин Санкт-Петербургского государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Академия управления городской средой, градостроительства и печати», советник Российской академии естествознания, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, член Общественного совета Муниципального образования «Лиговка-Ямская», член Санкт-Петербургского отделения «Союза журналистов»

«ЮРИСТ КАК ANIMAL SYMBOLICUM»: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ОБРАЩЕНИЯ К СИМВОЛИЧЕСКИМ ФЕНОМЕНАМ В НАУЧНОЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ, ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ, СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Юрист как animal symbolicum представляет собой человека, облеченного в символические значения, который использует язык, нормы и знаки в различных сферах жизни. В своей практике я сталкивался с символическими феноменами, которые проявляются в правовых текстах, ритуалах и общении.

В научных работах по юриспруденции я изучал, как юридические нормы формируют общественные отношения. Например, закон о защите прав потребителей не просто регламентирует поведение, но и формирует культурные ожидания. В преподавательской деятельности, с моей точки зрения, символы играют ключевую роль: семинары и дискуссии, основанные на реальных делах, которые создают пространство для осознания правовых концепций.

Хочу также сказать, что в семейной жизни символы также важны. Обсуждая юридические аспекты с близкими, я вижу, как правовые нормы отражаются в наших общих ценностях и восприятии справедливости. Так, юрист становится своего рода мостом между формальной правовой системой и повседневной реальностью, задевая глубинные символы доверия и безопасности в обществе.

Символы в юридической деятельности, с моей точки зрения, играют ключевую роль, формируя не только риторику, но и восприятие права. Я считаю, что юридическая терминология полна символических значений, которые помогают понять сложные концепции. Например, слова «справедливость» и «права человека» не просто обозначают определенные термины — они вызывают у нас ассоциации, эмоции и ожидания, создавая культурный контекст для правового обсуждения.

В риторическом дискурсе закон становится не просто набором правил, а символом порядка и защиты. Например, изображения весов правосудия олицетворяют баланс между правами и обязанностями. Это визуальное представление влияет на восприятие правосудия как справедливого и беспристрастного.

Я считаю, что символы также играют важную роль в правовом воспитании. Использование символов в обучении помогает студентам и молодым юристам осознать товарищескую природу права. Понимание и интерпретация символов формируют у них правильные профессиональные установки и этические нормы.

Таким образом, символы не просто сопровождают юридическую деятельность; они являются неотъемлемой частью формирования правового сознания и культуры.

Хочу отметить, что символическое значение правовых ритуалов является важной частью правовой культуры, укрепляющей доверие к системе права. Одним из наиболее ярких примеров является присяга, которую дают судьи, адвокаты и государственные служащие. Эта ритуализация представляет собой нечто большее, чем просто слова — она закрепляет обязательство следовать нормам закона и служить обществу. Присяга символизирует моральную и этическую ответственность, обеспечивая уверенность в правосудии. Клятвы, произносимые в судах, также являются ритуалом, полным символического присутствия. Они подразумевают честность и искренность, что подчеркивает важность правды в юридическом контексте. Клятва в суде служит постоянным напоминанием о последствиях за клевету и нарушением правового порядка.

Хочу подчеркнуть, что штандарты и гербы, используемые в судебных залах и правительственных учреждениях, имеют ярко символическое значение. Они олицетворяют правовую власть и традиции, передающиеся из поколения в поколение. Штандарт, как символ государства, напоминает о единстве и преемственности системы права.

В других сферах жизни также можно наблюдать символическое значение ритуалов. Например, в религии обряды и церемонии представляют собой способ передачи культурных и моральных ценностей. Эти символы укрепляют общность и идентичность, создавая связи между людьми.

Таким образом, правовые ритуалы, такие как присяги и клятвы, наряду с символами власти, играют важную роль в поддержании правопорядка и формировании общественного доверия. Они не просто участвуют в юридических процессах, но и становятся основой правового сознания и идентичности общества.

В моей профессиональной деятельности юриста символические феномены проявляются постоянно. Особенно запоминающееся событие произошло во время работы над делом, связанным с защитой прав человека. Я представлял интересы клиента, который оказался жертвой произвола. Этот случай стал настоящим уроком о силе правовой символики.

В зале суда, окруженном строгими черными креслами и высокими стенами, каждый элемент окутан символическим значением. Подавая документы, я ощутил, как они представляют собой не только юридические бумаги, но и надежду на справедливость. Судья, в своей мантии, олицетворял закон и порядок, одновременно вызывая трепет и уважение.

Во время аргументации нашей позиции я заметил, как слова приобретали вес, создавая атмосферу, где закон обретал жизнь. Каждый уважаемый термин, каждое обращение к праву становились частью мозаики, которая называлась правосудием. Это событие научило меня тому, что право — это не просто набор норм, а комплекс знаков и символов, влияющих на общественные отношения. Я понял, что юрист, как animal symbolicum, не просто интерпретирует законы, но и придаёт им смысл, формируя не только правовую реальность, но и культурные ожидания.

ФОТОЭТЮДЫ

Загородный отель «Дубки»

Открытие форума
Opening of the forum

Открытие форума
проф. В. М. Барановым

Президиум

Гимн «Юртехнетики»

Доклады на пленарном заседании
Reports at the plenary session

Проф. А. И. Овчинников, штатный клирик Главного воинского храма Южного военного округа св. Георгия Победоносца, проректор по научной работе Донской духовной семинарии (г. Ростов-на-Дону)

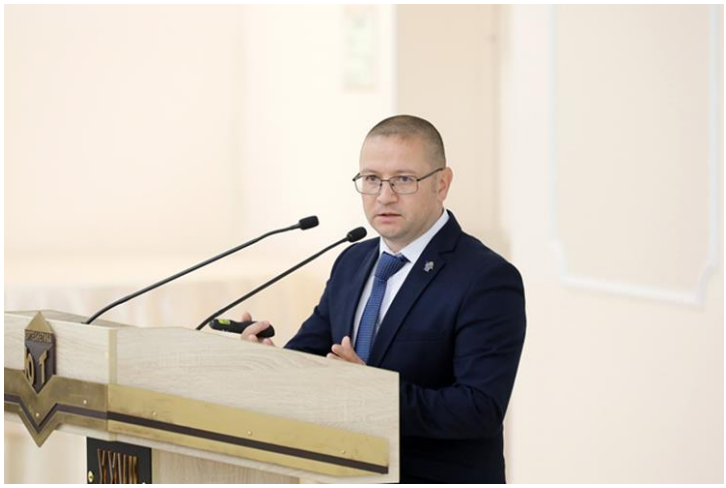

К.ю.н. И.В. Мальцев (г. Новосибирск)

Проф. А.С. Гамбарян (Республика Армения)

Проф. А. В. Петрянин
(г. Нижний Новгород)

Проф. С. Б. Кодан
(г. Екатеринбург)

Автограф-сессия и интерактивная презентация новых книг
Autograph session and interactive presentation of new books

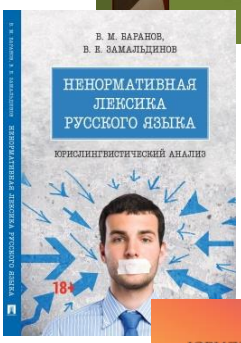

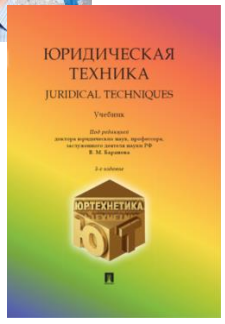
Московский Издательский Дом «Городец» и Фонд «Путь к закону»: презентация основных форматов деятельности в сфере юриспруденции кандидатом юридических наук, сотрудником *Фонда* «Путь к закону» Л. С. Афанасьевым

Презентация проф. В. Б. Исаковым Словаря правовых знаков и символов / В. М. Баранов, В. Б. Исаков. Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2025. 317 с.

Проф. В. М. Баранов презентовал:

- Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2025. 752 с.;
- Баранов В. М., Замальдинов В. Е. Ненормативная лексика русского языка: юрислингвистический анализ : монография. – Москва : Проспект, 2025. 160 с.;
- Техника правотворчества: природа, основные приемы, значение : ретроспективный библиографический указатель (эл. версия). Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2025. 3150 с.

Презентация профессорами Р. А. Ромашовым и М. В. Барановой монографии «Технико-юридический анализ правотворческой реальности современной России: к юбилею профессора В. М. Баранова» (Москва : Проспект, 2025. 576 с.)

Проф. Р. А. Ромашов и к.ю.н. Е. Н. Тонков презентовали монографии:

- Антропология права: постклассическая;
- Научно-исследовательская программа;
- Коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Издательство Алетейя, 2025. 612 с. (серия: Толкование источников права);
- Тонков Е. Н. Теория государства и права (в схемах и определениях): учебное пособие. СПб.: ФГБОУ ВО СЗИУ РАНХиГС; ИД «Алеф-Пресс», 2025. 198 с.
- Современные правовые учения в России: конец XX – начало XXI в.: монография / авторы: Г. Э. Адыгезалова, С. В. Арапов, Т. Э. Берзения, Л. П. Высоцкая, Е. В. Епифанова, С. А. Жинкин, Л. В. Карнаушенко, И. С. Кич, О. Ю. Красовская, Д. Е. Михель, О. Г. Морозова, Н. В. Паршина, Е. Н. Тонков, Д. Е. Тонков, И. Л. Честнов, А. А. Чупрова; под ред. Г. Э. Адыгезаловой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. 249 с.

Презентация к.ю.н. И. А. Абдулханняновым монографии и справочника:

- Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование. М.: Юрлитинформ, 2024. 218 с.;
- Фикция в праве: библиографический справочник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. П. Кузнецова. Нижний Новгород, 2025. 136 с.

Проф. Н. А. Власенко презентовал журнал «Вестник РУДН: Юридические науки». 2025. № 3. Тема выпуска «Международное право и право зарубежных стран»

Интеллектуально-развлекательная битва «Государственный герб: наука, искусство, достоинство, суверенитет»
Intellectual and entertainment battle "The State Emblem: science, art, dignity, sovereignty"

Круглый стол: обсуждение докладов пленарного заседания, выступления участников форума, дискуссии, реплики
Round table: discussion of the plenary session reports, forum participants' speeches, discussions, remarks

Проф. Р.А. Ромашов
(г. Санкт-Петербург)

Проф. В. В. Оксамытный
(г. Москва)

Проф. В. И. Червонюк
(г. Москва)

Проф. М. Л. Давыдова
(г. Волгоград)

Проф. А. И. Клименко
(г. Москва)

Проф. М. В. Баранова
(г. Нижний Новгород)

Д.ю.н. А. Г. Репьев
(г. Москва)

Проф. В.В. Денисенко
(г. Одинцово)

Проф. Г. М. Лановая
(г. Москва)

К.ю.н. Е. Н. Тонков
(г. Санкт-Петербург)

Проф. И. В. Минникес
(г. Иркутск)

Проф. А. А. Малиновский
(г. Москва)

Проф. Д. А. Пашенцев
(г. Москва)

Проф. Т. Д. Зражевскаяс
(г. Воронеж)

Проф. М. Г. Смирнова
(г. Санкт-Петербург)

Д.ю.н. В. С. Плетников
(г. Екатеринбург)

Д.ю.н. Н. В. Макарейко
(г. Нижний Новгород)

Проф. Т. Е. Грязнова
(г. Омск)

Проф. Б. Я. Гаврилов
(г. Москва)

К.ю.н.. В. В. Ковалева
(г. Краснодар)

Канд.филол.наук
А. К. Соболева (г. Москва)

Проф. А. А. Демичев
(г. Нижний Новгород)

К.ю.н. Н. С. Латыпова
(г. Уфа)

Член правления Федеральной нотариальной палаты, Президент Нижегородской областной нотариальной палаты, нотариус, занимающийся частной практикой в нотариальном округе - город областного значения Нижний Новгород, заместитель председателя городской Думы города Нижнего Новгорода, депутат городской Думы города Нижнего Новгорода, соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского К. Б. Лазорин (г. Нижний Новгород)

К.ю.н. Е. В. Перепелица
(Республика Беларусь)

К.ю.н. О. В. Плюснина
(г. Кострома)

Проф. С. Ю. Журавлев
(г. Нижний Новгород)

Проф. В. В. Трофимов
(г. Тамбов)

Д.ю.н. А. М. Хужин
(г. Нижний Новгород)

Д.ю.н. С. Э. Либанова
(г. Екатеринбург)

К.ю.н. И. В. Погодина
(г. Владимир)

Д.ю.н. Е. С. Зайцева
(г. Санкт-Петербург)

К.ю.н. Е. А. Петрова
(г. Иваново)

К.ю.н. С. В. Праскова
(г. Иркутск)

К.ю.н. В. Н. Власенко
(г. Москва)

К.ю.н. О. В. Костюнина
(г. Иркутск)

Д.ю.н. А. М. Каминский
(г. Ижевск)

Д.ю.н. С. Ю. Суменков
(г. Пенза)

К.ю.н. Т. С. Касимов
(г. Уфа)

Н. С. Чигринский
(г. Иркутск)

К.ю.н. А. А. Косых
(г. Москва)

К.ю.н. Е. А. Нестеров
(г. Москва)

К. А. Евплова
(г. Владимир)

К.ю.н. Г. Т. Ромашова
(г. Санкт-Петербург)

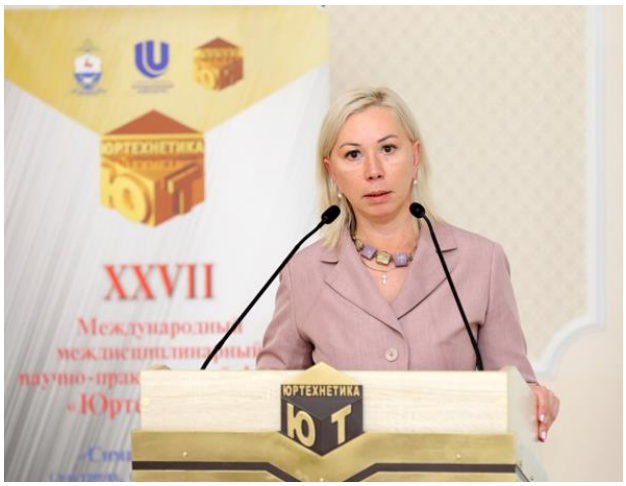
К.ю.н. М. Р. Ромашова
(г. Санкт-Петербург)

К.ю.н. М. В. Савельева
(г. Санкт-Петербург)

К.ю.н. В. С. Манохин
(г. Владимир)

К.ю.н. Е. А. Брылева
(г. Пермь)

Е. Л. Денисова
(г. Иваново)

К.ю.н. Л. Х. Сатушиева
(г. Нальчик)

К.и.н. О. В. Калюжная
(г. Санкт-Петербург)

К.ю.н. И. И. Мазуров
(г. Смоленск)

К.ю.н. Е. О. Чинарян
(г. Москва)

Е. А. Чинарян
(г. Москва)

К.ю.н. Ю. С. Балалаева
(г. Нижний Новгород)

К.ю.н. А. В. Ламтева
(г. Нижний Новгород)

К.ю.н. Д. В. Орлов
(г. Нижний Новгород)

Организаторы
интеллектуально-
развлекательной битвы
И. А. и Я. М. Абдулханяновы
(г. Нижний Новгород)

К.ю.н. О. Н. Хужина
(г. Нижний Новгород)

Участники Форума

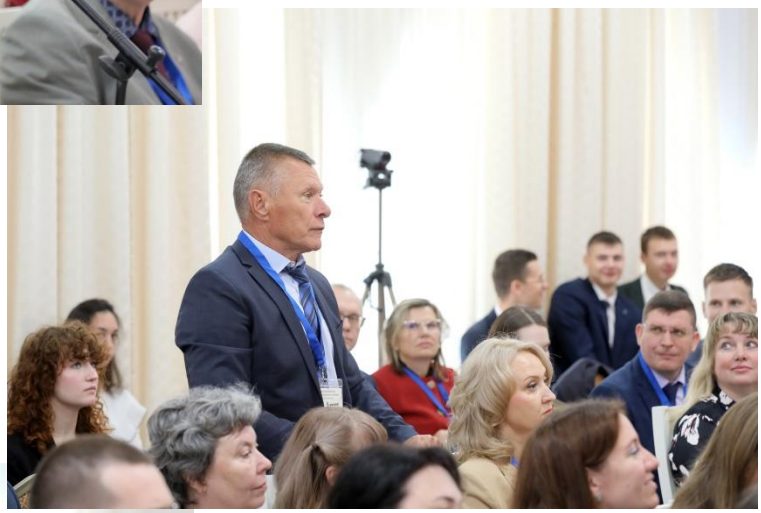

Вопросы и реплики из зала

Проф. В. Б. Исаков
(г. Москва)

К.ю.н. В. А. Чирикин
(г. Владимир)

Проф. Н. А. Колоколов
(г. Москва)

Проф. С. Б. Поляков
(г. Пермь)

Д.ю.н. И. В. Минникес
(г. Иркутск)

Проф. Г. М. Лановая
(г. Москва)

К.ю.н. М. В. Мальцев
(г. Новосибирск)

К.ю.н. Е. Н. Тонков
(г. Санкт-Петербург)

Проф. Р. А Ромашов
(г. Санкт-Петербург)

Проф. В. В. Денисенк
(г. Одинцово)

К.ю.н. С. В. Праскова
(г. Иркутск)

К.ю.н. В. Н. Власенко
(г. Москва)

К.ю.н. А. В. Парфенов
(г. Нижний Новгород)

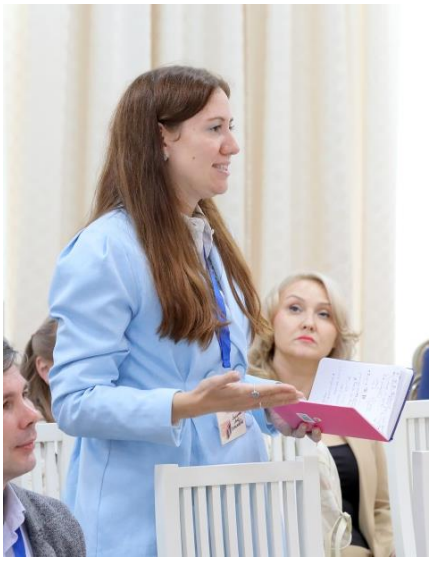
Проф. М. Л. Давыдова
(г. Волгоград)

К.ю.н. Е. В. Перепелица
(Республика Беларусь)

Проф. С. Б. Кодан
(г. Екатеринбург)

К.ю.н. А. В. Ламтева
(г. Нижний Новгород)

Проф. В. И. Червонюк
(г. Москва)

Проф. А. А. Малиновский
(г. Москва)

Слушатель НА МВД России
В. В. Ратин

Проф. С. Э. Либанова
(г. Екатеринбург)

К.ю.н. Е. А. Брылева
(г. Пермь)

Учитель –
проф. В. М. Баранов
и ученица – к.ю.н.,
председатель
судебного состава
судебной коллегии
по гражданским
делам
Нижегородского
областного суда
Е. А. Леонтенкова

Трибуна молодого ученого

Коссибанга Катерин Стевиа –
слушатель учебной группы
специального курса
по подготовке кадров
для зарубежных стран
Нижегородской академии
МВД России
(Центральноафриканская
Республика)

Слушатель 5 курса
Нижегородской академии
МВД России
В. В. Ратин

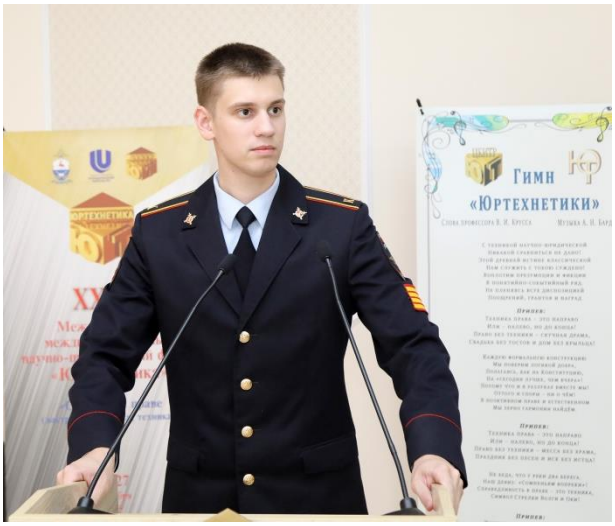

Курсант 4 курса
Нижегородской академии МВД России
П. А. Балак

Курсант 2 курса
Нижегородской академии
МВД России
А. С. Туваева

Курсант 4 курса
Нижегородской академии
МВД России
Н. Р. Павленков

Аспирант Г. Е. Гиринович
(г. Кострома)

Аспирант К. А. Журавлев
(г. Кострома)

Аспирант Н. А. Воронин
(г. Кострома)

Аспирант П. А. Феоктистов
(г. Тверь)

А. В. Воронин
(г. Тверь)

Культурная программа форума

Презентация
проф. Р. А. Ромашовым
публицистического издания
«Записная книжка»

Торжественный ужин

Открытие торжественного ужина гитарным дуэтом «Роза Ветров» (лауреаты конкурса «Серебряные струны» и Грушинского фестиваля Юрий Зимин и Альберт Апрельский)

Академик тамадалогии проф. Н. А. Колоколов

Приветственный тост соучредителя Форума Е. Е. Черных

XXVII
XXVII

oractical forum
netics»

Гимн
«Юртехнетики»

XXVII
Гимн
«Юртехнетики»
XXVII

Новая версия песни
«Я убью тебя, лодочник!»
в исполнении профессоров
Р. А. Ромашова
и А. И. Клименко
с инновационной
профессорской подтанцовкой

Гимн
«Юртехнетики»

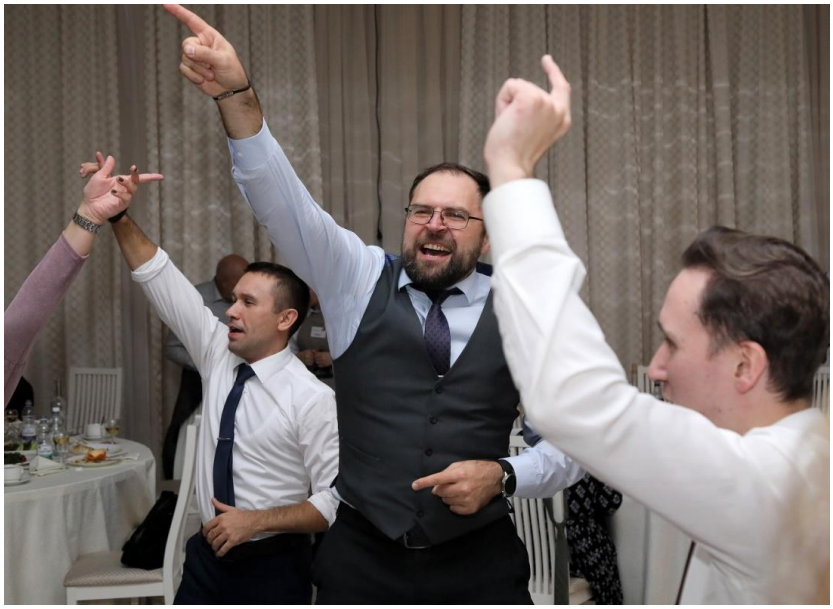

XXVII
International
interdisciplinary
scientific and practical forum
«Virtechnetics»

Профессорская кадриль

Сеанс спортивно-оздоровительной бани на сибирской пихте,
луговом сене с вениками из красного дуба
(авторская идея пармейстера проф. С. Ю. Суменкова)

Экскурсия
«ГОРЬКИЙ: писатель, город, завод»

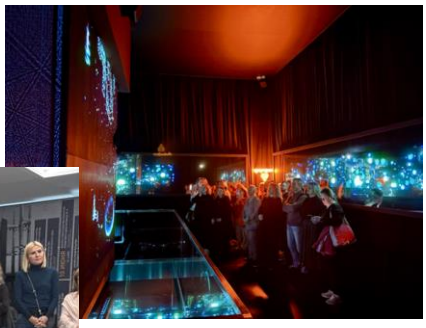

Научно-художественный проект «Атом. Будущее»

Музей «Домик Каширина»

Музей-квартира А.М. Горького

Обед в рюмочной «На дне»

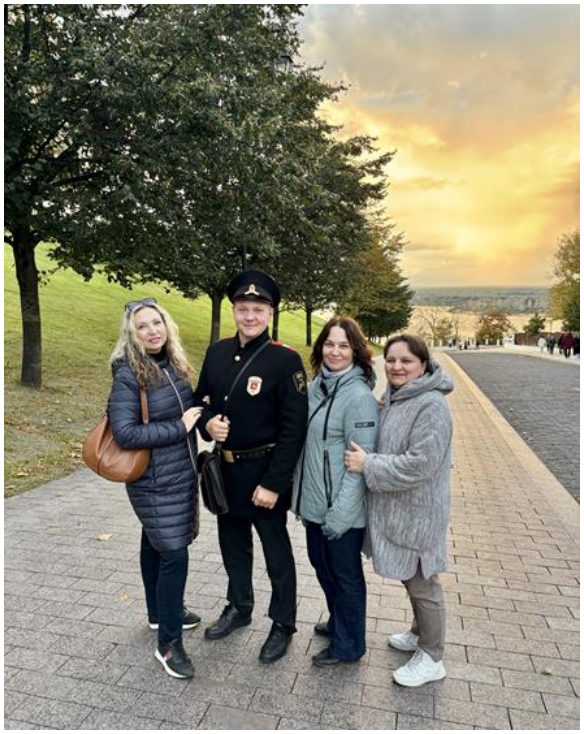

Прогулка по Кремлю и окрестностям после экскурсии с участниками конференции, любящими пешие прогулки

Проф. А. И. Овчинников в алтаре Свято-Троицкого Собора Серафимо-Дивеевского монастыря с отцом Григорием – наставником дьяконов, рукоположенных Нижегородской Епархией для прохождения сорокоуста

Вручение и.о. губернатора Нижегородской области **А.Н. Гнеушевым** и председателем Законодательного собрания Нижегородской области **Е.Б. Люлиным** профессору **В.М. Баранову** удостоверения и знака «Заслуженный юрист Нижегородской области»

Руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации канд. юрид. наук **И. В. Чечельницкий** огласил распоряжение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 6 августа 2025 года № 147 и вручил профессору **В.М. Баранову** почетный знак «За заслуги в защите прав человека»

Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации
Члену Экспертного совета
при Уполномоченном по правам человека
в Российской Федерации,
помощнику начальника Нижегородской
академии МВД России по
инновационному развитию,
доктору юридических наук,
профессору,
Заслуженному деятелю науки
Российской Федерации
Владимиру Михайловичу
БАРАНОВУ

Уважаемый Владимир Михайлович!

Примите самые искреннее поздравления с Юбилеем!

Выдающийся ученый, общественный деятель, педагог и наставник – если попытаться подытожить все, сделанное Вами, нужно признать, что этого хватило бы на несколько жизней в юридической науке.

Более 100 диссертаций защищено под Вашим научным руководством и консультированием! Сегодня уже Ваши ученики выступают в роли научных руководителей, передавая бесценные профессиональные и академические знания следующим поколениям.

За десятилетия упорного труда Вы стали основателем научной школы юридической техники правотворческого и правоприменительного процесса России, внесли вклад в развитие и юридическое осмысление таких парадигм, как истинность и справедливость правовых норм.

За профессорской кафедрой и в педагогической среде Вы – признанный лидер, центр внимания, авторитет, который умеет располагать к себе людей без всяких административных рычагов. Искрометный юмор, нужное слово, и всегда к месту, наряду с глубиной и высоким полетом мысли – все это дает Вам безграничные возможности решать любые проблемы на творческом пути.

Знаю Вас как настоящего патриота, дорожу нашей многолетней дружбой, Вашим научным мнением, высоко ценю Вашу деятельность в качестве члена Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

От всей души желаю Вам, уважаемый Владимир Михайлович, крепкого здоровья, творческого вдохновения, счастья и благополучия!

Ваша

Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации,
доктор юридических наук,
доктор философских наук,
профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации

С глубоким уважением и благодарностью,

Т.Н.МОСКАЛЬКОВА

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2025, № 8, с. 129–137
STATE AND LAW, 2025, No. 8, pp. 129–137

УДК 340

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ (К 80-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РФ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА БАРАНОВА)

© 2025 г. Б. С. Эбзеев

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, г. Москва

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Поступила в редакцию 06.05.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена юбилею выдающегося ученого и педагога, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владимира Михайловича Баранова. Проанализированы основные вехи его научной, педагогической и общественной деятельности, оценивается его вклад в науку и практику нормотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: В.М. Баранов, юбилей, поощрительные нормы, истина в праве, юридическая техника.

Цитирование: *Эбзеев Б.С.* Выдающийся ученый и организатор науки (к 80-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Владимира Михайловича Баранова) // Государство и право. 2025. № 8. С. 129–137.

DOI: 10.31857/S1026945225080131

AN OUTSTANDING SCIENTIST AND SCIENTIFIC ORGANIZER (TO THE 80th ANNIVERSARY OF THE DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED SCIENTIST OF THE RUSSIAN FEDERATION VLADIMIR MIKHAILOVICH BARANOV)

© 2025 B. S. Ebzeev

Central Election Commission of the Russian Federation, Moscow

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Received 06.05.2025

Abstract. The article is dedicated to the anniversary of the outstanding scientist and teacher, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Vladimir Mikhailovich Baranov. The main milestones of his scientific, pedagogical and social activities are analyzed, and his contribution to the science and practice of rulemaking and law enforcement is evaluated.

Key words: V.M. Baranov, jubilee, incentive norms, truth in law, legal technique.

For citation: *Ebzeev, B.S. (2025).* An outstanding scientist and scientific organizer (to the 80th anniversary of the Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Vladimir Mikhailovich Baranov) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 129–137.

Общепринято, что талант – один из непознанных феноменов человеческой природы. Но столь же верно, что великое благо для общества и счастье для человека, если выбор жизненного пути совпадает с дарованным ему талантом.

Владимир Михайлович Баранов родился 6 августа победного 1945 г. в Калининской (ныне – Тверской) области. После окончания средней школы в 1964–1967 гг. служил в Вооруженных Силах СССР. С 1968 по 1972 г. – студент Саратовского юридического института им. Д.И. Курского (ныне – Саратовская государственная академия права), именной стипендиат, председатель студенческого научного общества. Был рекомендован для дальнейшего обучения в очной аспирантуре. В 1975 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию по общей теории права на тему «Поощрительные нормы советского права»[1].

В 1978 г. вышла в свет его монография «Поощрительные нормы советского социалистического права»[2], ставшая классикой отечественной юриспруденции советского периода ее развития. Уже в этой книге проявились особенности методологии В.М. Баранова и принципов работы, задающих высокие стандарты юридической науки, доказательность аргументации, точность выводов и изящество исполнения.

Автор впервые с общетеоретических позиций и на основе анализа базовых принципов организации государственного поощрения рассмотрел правовую природу, структуру, функции поощрительных норм права, проанализировал конкретные пути повышения эффективности правовых форм поощрения. В книге были предложены неординарные рекомендации по совершенствованию нормотворческой и правоприменительной деятельности государства в области поощрения. По сей день являются актуальными представления автора о поощрительных нормах права как: а) средства обеспечения реализации иных социальных предписаний, технико-юридических и эстетических норм; б) фактора укрепления дисциплины в обществе; в) стимулятора социальной активности субъектов права; г) способа согласования личных, общественных и государственных интересов; д) средства воспитания развитого правосознания; е) положительного катализатора развития прогрессивных общественных отношений; ж) фактора мотивации

[1] *Баранов В.М.* Поощрительная норма советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1975.

[2] *Баранов В.М.* Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1978.

правомерного поведения. Исследователь доказал, что в условиях демократического государства и подлинно гражданского общества действует тенденция возрастания объема и роли поощрительных норм права. Не только с формально-юридических, но и морально-психологических позиций в книге показаны особенности структуры поощрительных норм права и специфика правоотношений, возникающих на их основе. Практически востребованными оказались предложения автора относительно систематизации многочисленных и разнообразных поощрительных норм права.

Логическим продолжением анализа правовых форм поощрения явилось исследование государственного депоощрения, осуществленное проф. В.М. Барановым 20 лет спустя, в 1998 г. Этот феномен трактуется исследователем полярным правовым формам поощрения, исторически сложившимся комплексным методом государственного стимулирующе-принудительного управленческого воздействия, выражающимся в межотраслевом правовом институте, регламентирующем отношения по уменьшению либо лишению награжденного за противоправную и иную социально негативную аморальную деятельность конкретной формы (меры, степени) поощрения посредством своевременного принятия в ходе особого процессуального производства специфичного правоприменительного акта, преследующего цель побудить субъектов к законопослушному или положительному гиперактивному поведению.

Своеобразным итогом исследования этой проблемы явилось опубликование в 2017 г. коллективной монографией «Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника)».

С 1975 по 1981 г. Владимир Михайлович работал в качестве преподавателя, старшего преподавателя, доцента кафедры теории государства и права Саратовского юридического института. С 1981 г. В.М. Баранов трудится в Нижегородской академии МВД России. Долгое время выполнял обязанности начальника кафедры государственно-правовых дисциплин, с 2000 по 2007 г. был заместителем начальника академии по научной работе. По достижении предельного возраста службы в МВД России вышел в отставку и ныне занимает должность помощника начальника академии по инновационному развитию научной деятельности. Полковник милиции в отставке.

В.М. Баранов – первопроходец в науке. В 1990 г. в Академии управления МВД СССР защитил докторскую диссертацию «Истинность норм советского права (проблемы теории и практики)»[3].

В монографии «Истинность норм советского права (проблемы теории и практики)», опубликованной в 1989 г., автор обосновывает необходимость истинностной оценки юридических норм. Впервые в общетеоретическом аспекте анализируется логико-гносеологическая и юридико-социологическая природа истинности норм права. Автор предпринял небезуспешную попытку выяснить сущность и причины проявления в праве ложных норм, предложил в целом приемлемые пути их устранения как элемента механизма торможения общественного и государственного развития. В.М. Баранов исследовал взаимосвязь истинности с социальной ценностью, эффективностью, динамизмом и справедливостью правовых норм. Особый интерес юридической общественности вызвал фрагмент работы о роли правовой практики как критерия истинности государственных установлений.

Автор определяет нормы права как процесс и результат отражения человеческой деятельности, раскрывает информационно-познавательный характер их содержания. По его убеждению, истинность – объективное свойство нормы права, выражающее проверяемую практикой меру пригодности ее содержания и формы в виде познавательно-оценочного образа соответственно отражать тип, вид, уровень либо элемент развития прогрессивной человеческой деятельности.

Истины ради отметим, что далеко не все правоведы разделяют позицию В.М. Баранова и его последователей, полагая, что к юридическим нормам применимы иные характеристики (эффективность, полезность, точность), но не истинность. При этом противники истинностной характеристики юридических норм обычно имеют в виду какой-то один вариант философского осмысления истины, какую-то одну концепцию (корреспондентскую, когерентную, прагматическую, онтологическую, экзистенциальную) истины. Они опускают из виду или сознательно «отбрасывают» многозначность истины. Сводить истину к характеристике знания, полагает В.М. Баранов, значит видеть лишь одно ее измерение. Между тем истина присутствует в познании множеством форм, проявляя тем самым многомерность как ее сущностную характеристику. Автор считает, что для практического освоения идей истинности норм права еще не пришло время и связывает ее будущее с дальнейшей разработкой регулятивной функции истины.

С 1999 г. научный интерес В.М. Баранова сфокусирован на проблемах юридической техники. Два десятилетия назад им организован и зарегистрирован в качестве юридического лица Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника».

[3] *Баранов В.М.* Истинность норм советского права (проблемы теории и практики): автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 1990.

Постсоветский период развития отечественной юриспруденции отмечен явным и незаслуженным падением интереса к догме права. В связи с этим отметим в надежде, что это явится путеводителем для ищущих, что по инициативе и под редакцией В.М. Баранова опубликовано 19 ежегодников «Юридическая техника», в которых освещаются не только методологические, но и прикладные вопросы этого феномена.

В первом и втором номерах журнала предприняты попытки исследовать сущность и место юридической техники в структуре юриспруденции, соотношение юридической техники и технологии, дефекты технико-юридического оформления правовых актов, опыт экспертизы федеральных и региональных законопроектов. Третий номер журнала (2009) посвящен малоисследованной проблеме – «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования». Тема четвертого номера журнала (2010) – «Правовые презумпции: теория, практика, техника», номер посвящен памяти проф. В.К. Бабаева. Пятый номер журнала (2011) аккумулирует материалы Международной научно-практической конференции «Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника». Шестой номер журнала (2012) – «Техника современного правотворчества: состояние, проблемы модернизации». Седьмой номер (2013) вышел в двух частях, охвативших проблемы юридической аргументации и юридической конструкции. Восьмой номер (2014) – «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника». «Стратегия, тактика, техника законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)» – тема девятого номера журнала (2015). Десятый номер (2016) называется «Законотворческая, интерпретационная, правоприменительная техника в контексте культуры и межкультурной коммуникации». Одиннадцатый (2017) номер журнала – «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника». Двенадцатый (2018) номер журнала – «Ограничения в праве: теория, практика, техника». Тринадцатый номер журнала (2019) – «Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления». Четырнадцатый номер журнала (2020) – «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации». Пятнадцатый номер журнала (2021) – «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)». Шестнадцатый номер (2022) – «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)»[4]. Семнадцатый номер журнала (2023) – «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)»[5]. Восемнадцатый номер журнала (2024) – «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности»[6]. Девятнадцатый номер журнала (2025) – «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)»[7].

Считая начальный этап законотворчества «слабым звеном» правотворческого процесса, В.М. Баранов привлек внимание специалистов к необходимости более широкого и тщательного анализа идей законопроектов, на монографическом уровне исследовал концепцию закона и преамбулы в праве.

В.М. Баранов активно занимается библиографической работой. Выдержал два издания ретроспективный библиографический указатель «Юридическая техника: природа, основные приемы, значение»[8]. Опубликован ретроспективный библиографический указатель «Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение»[9]. В расширенном варианте этот указатель был переиздан Нижегородской академией МВД России в 2015 г.

Под научной редакцией проф. В.М. Баранова вышли крупные новаторские сборники статей, посвященные различным практически значимым проблемам: «Проблемы юридической техники»[10]; «Законотворческая техника современной России:

[4] См. также: *Баранов В.М., Баранова М.В., Кроткова Н.В.* Правовая экспертиза: наука, практическое искусство или ремесло? Обзор XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2021. № 11. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520017530-4

[5] См. также: *Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В.* Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)») // Государство и право. 2022. № 12. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520023457-3

[6] См. также: *Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В.* Правовая аналитика в фокусе междисциплинарности. Обзор XXV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности» // Государство и право. 2023. № 12. С. 225–238. DOI: 10.31857/S102694520029371-9

[7] См. также: *Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В.* Правовое экспериментирование: достижения, просчеты, перспективы. Обзор XXVI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2024. № 12. С. 190–207. DOI: 10.31857/S1026945224120181

[8] Юридическая техника: природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / сост.: В.М. Баранов, Н.А. Климентьева. 2-е изд., доп. и перераб. Н. Новгород, 2005.

[9] Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / авт.-сост. В.М. Баранов. М., 2010.

[10] Проблемы юридической техники: об. ст. Н. Новгород, 2000.

состояние, проблемы, совершенствование»[11]; «Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность»[12]; «Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации»[13]; «Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы»[14]; «Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики»[15]; «Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах»[16]; «Кодификация законодательства: теория, практика, техника»[17].

В 1991 г. В.М. Баранову присвоено ученое звание профессора. В 1996 г. избран действительным членом Петровской академии науки и искусств, в 1996 г. – действительным членом Российской академии естественных наук; в 2004 г. – действительным членом Российской академии юридических наук. В 2008 г. избран Почетным профессором Нижегородской академии МВД России, Почетный ветеран Нижегородской академии МВД России.

В.М. Баранов получил широкую известность как ученый-правовед, исследующий не только актуальные проблемы теории, практики и техники правотворчества, логики права, истинности, ценности и эффективности юридических норм. Он внес значительный вклад в анализ системы и систематизации законодательства, рекламного законодательства, теневого права, экстерриториального пространства права, критики законодательства, теорию и практику юридических рекомендаций.

После опубликования В.М. Барановым в «Вестнике Саратовской государственной академии права» постановочной статьи «Норморайтер как профессия»[18] состоялась оживленная дискуссия по этой новаторской в теоретическом ключе и актуальной в практическом плане теме, в которой приняли участие 58 исследователей[19].

Им опубликовано более 650 научно-методических работ объемом 1713 п.л. Особенность научно-исследовательской манеры В.М. Баранова – в нетрадиционной постановке вопросов, выявлении таких аспектов, которые часто скрыты от глаз, в использовании многообразных методов познания и привлечении огромного статистического, нормативного, архивного, мемуарного и иного материала. Вот почему авторитет В.М. Баранова в науке является столь весомым, а его научно-методические работы получают многочисленные положительные отзывы российских и зарубежных юристов. Он является ответственным редактором многих межвузовских научных сборников, организатором проведения актуальных научно-практических конференций и круглых столов журналов «Государство и право», «Правоведение», международных симпозиумов по линии Совета Европы.

При научном консультировании проф. В.М. Баранова защищены 11 докторских диссертаций по специальности 12.00.01 (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве) – И.Н. Сенякин, Е.Г. Пономарев, Ю.В. Сорокина, Г.Г. Бриль, А.А. Демичев, В.А. Толстик, М.А. Пшеничнов, Н.А. Колоколов, А.М. Хужин, Н.В. Макарейко, А.С. Александров.

Под научным руководством проф. В.М. Баранова защищена 91 кандидатская диссертация по наиболее актуальным проблемам юридической теории и практики (правотворческие, правоприменительные, интерпретационные ошибки, правоприменительный риск, правовые символы, юридические фикции, преюдиции в праве, правовой нигилизм, правовое чувство, правовое состояние, образовательная функция Российского государства, правовая позиция, институционализация федеральных округов, юридическое поощрение, государственное депоощрение, примечания в праве, отсылки в праве, законодательные исключения, преамбула в праве, правила игры и законодательство, экстерриториальность права, юридическое делегирование, бланкетные нормы права, институт самозащиты, этнокультурная экспертиза).

Люди часто бывают слабы и обычное стремление к славе, столь характерное для театра, живописи или

[11] Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова: в 2 т. Н. Новгород, 2001.

[12] Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2002.

[13] Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003.

[14] Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Междунар. «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова и др. Н. Новгород, 2007.

[15] Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Междунар. симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года). Н. Новгород, 2008.

[16] Правотворческие ошибки: понятия, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: сб. / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М., 2008.

[17] Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009.

[18] *Баранов В.М.* Норморайтер как профессия // Вестник СГАП. 2017. № 6. С. 16–29.

[19] Материалы дискуссии опубликованы в: Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 333–502.

кино, часто приводит их к подмене искусства провокацией. Бывает это и в юриспруденции, хотя, возможно, не столь откровенно. Владимир Михайлович в своих трудах фундаментален. Они всегда оригинальны, строго логичны и отличаются изяществом исполнения, что роднит их с искусством.

Научную работу юбиляр осуществляет в неразрывной связи с юридической практикой. Неоднократно участвовал в подготовке проектов нормативно-правовых документов и предложений по совершенствованию законодательства и учебно-воспитательного процесса в специализированных вузах. Он принимал активное участие в подготовке экспертных заключений по «президентскому» проекту Конституции РФ, по уставам Нижегородской области и города Нижнего Новгорода. Являлся членом Экспертного совета МВД России, председателем Нижегородского отделения общественного центра «Правовая экспертиза» при Академии естественных наук. В соавторстве с ведущими специалистами Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ им подготовлены и изданы в Нижнем Новгороде в 2000 г. «Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов».

В.М. Баранов с 1991 г. – заместитель председателя диссертационного совета вуза, с 2004 г. – председатель докторского диссертационного совета при Нижегородской академии МВД России. При его непосредственном участи за 33 года в диссертационном совете вуза защищено 736 диссертаций, в том числе 63 докторских.

Он также состоит членом диссертационного совета, созданного на базе «Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского». Более 10 лет выполнял обязанности члена докторских диссертационных советов при НИУ «Высшая школа экономики», при Владимирском юридическом институте ФСИН России, а также при Санкт-Петербургском университете МВД России. Является главным редактором и входит в редакционные советы ряда журналов.

В.М. Баранов – преподаватель высшей квалификации. Стройность речи и точность расставляемых акцентов, живость и образность языка, широта кругозора и тонкое и всегда уважительное отношение к слушателям снискали Владимиру Михайловичу славу оратора. Его лекции отличаются новизной мышления, тесной связью с происходящими в стране общественно-политическими процессами и практикой деятельности юрисдикционных органов. Он – соавтор нескольких учебников и учебных пособий по теории государства и права. Одним из первых «перестроечных» учебников нового поколения стал курс лекций «Общая теория права» (Н. Новгород, 1993) под редакцией проф. В.К. Бабаева. Под редакцией В.М. Баранова в 2015 г. опубликован учебник «Юридическая техника», получивший гриф МВД России. В 2016 г. выпущен в свет двухтомный учебник «Юридическая техника». В 2024 г. издательством «Проспект» под редакцией В.М. Баранова издана обновленная и расширенная версия учебника «Юридическая техника».

Размышляя о качестве высшего юридического образования в современной России, проф. В.М. Баранов пришел к выводу и развернуто обосновал в серии научно-методических статей необходимость преобразования теории государства и права в Энциклопедию юриспруденции. Уровень общетеоретической подготовки правоведов, по его убеждению, может быть кардинально повышен, если Энциклопедия юриспруденции, содержательно обогатив, объединит в едином учебном курсе философию права, социологию права, психологию права, догму права и юридическую практику.

По инициативе и при участии В.М. Баранова изданы и систематически переиздаются две, казалось бы, полярные по жанру, но объединенные глубоким уважением к юридической деятельности книги – «Антология юридического анекдота»[20] и «Антология юридического некролога»[21]. Последнее по времени издание состоялось в 2019 г.: «Антологию юридического анекдота» опубликовало московское издательство «Проспект» объемом 57 п.л. (911 стр.). Московский издательский дом «Городец» выпустил в свет «Антологию юридического некролога» объемом 81 п.л. (1294 стр.), инновационной особенностью которой является завершающий эту скорбную книгу раздел, содержащий некрологи на английской языке о 409 американских юристах.

При этом Владимира Михайловича невозможно назвать «кабинетным» ученым. Он состоял в экспертной группе Комиссии по вопросам привилегий и льгот Верховного Совета СССР, являлся экспертом Правового управления Аппарата Государственной Думы ФС РФ. В 2000 г. руководил согласительной комиссией Приволжского федерального округа по приведению в соответствие нормативно-правовых актов Республики Башкортостан и Республики Татарстан с федеральным законодательством, руководил филиалом Ассоциации юристов России по Нижегородской области. С 2023 г. выполняет обязанности члена Экспертного совета по стратегическим вопросам государственной политики в сферах науки и высшего образования при Комитете Государственной Думы по науке и высшему образованию. В соответствии

[20] Антология юридического анекдота / сост. В.М. Баранов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

[21] Антология юридического некролога / автор идеи и сост. В.М. Баранов. 3-е изд., доп. М., 2019.

с решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции включен в состав Междисциплинарного совета по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции. Является членом Экспертного совета при этом правозащитном институте. Активно участвует в нормотворческой деятельности властей Нижегородской области и города Нижнего Новгорода.

Долгое время являлся членом экзаменационной комиссии Нижегородской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи.

Владимир Михайлович верен просветительской функции интеллигенции. Он систематически читает лекции по политико-правовой тематике перед населением области, практическими работниками органов внутренних дел. В центральных и местных газетах им опубликовано более 80 статей по проблемам формирования правового государства, повышения юридической культуры граждан и должностных лиц, реформированию юридического образования. В июле 1990 г. награжден Почетной грамотой правления общества «Знание» Российской Федерации.

Имеет государственные награды. В 1965 г. награжден медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1990 г. – медалью «Ветеран труда». Указом Президента РФ от 25 ноября 1994 г. № 2118 В.М. Баранову присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Указом Президента РФ от 29 сентября 2001 г. № 1171 награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Имеет медали «За безупречную службу» I, II и III степеней. Указом Президента РФ от 8 августа 2005 г. № 938 награжден орденом «Знак Почета».

В.М. Баранов отмечен и рядом иных ведомственных поощрений, в том числе нагрудным знаком «Почетный сотрудник МВД Российской Федерации».

В свою очередь, приказом Минюста России в 2005 г. награжден медалью Анатолия Кони, приказом Минобрнауки России в 2015 г. ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Многократно поощрялся властями Нижегородской области и города Нижнего Новгорода.

Общероссийским общественным движением «Россия Православная» 2005 г. отмечен медалью «За жертвенное служение». В 2018 г. Общероссийской общественной организацией «Российское профессорское собрание» отмечен национальной премией «Профессор года».

В 2018 г. за цикл работ по технике правотворчества, опубликованных московским издательством «Проспект», отмечен дипломом I степени победителя международного конкурса на лучшую научную книгу. В том же году В.М. Баранову присуждена Высшая юридическая премия «Фемида» в номинации «За вклад в развитие науки».

Владимир Михайлович с юности увлечен автопутешествиями, настольным теннисом. Коллекционирует юридическую литературу Российской Империи и книги серии «Жизнь замечательных людей». Владимир Михайлович – счастливый человек. Большой ученый, часто опережающий время, блестящий педагог, яркий оратор, выступления которого – всегда событие, выдающийся организатор науки. При этом сохранивший живую душу, теплом которой согревается множество людей. Он полон жизни, научного поиска и творческих планов. Многая и благая лета Вам, Владимир Михайлович, Вашей супруге – профессору Марине Владимировне Барановой, родным и близким!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология юридического анекдота / сост. В.М. Баранов и др. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
2. Антология юридического некролога / автор идеи и сост. В.М. Баранов. 3-е изд., доп. М., 2019.
3. *Баранов В.М.* Истинность норм советского права (проблемы теории и практики): автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 1990.
4. *Баранов В.М.* Норморайтер как профессия // Вестник СГАП. 2017. № 6. С. 16–29.
5. *Баранов В.М.* Поощрительная норма советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 1975.
6. *Баранов В.М.* Поощрительные нормы советского социалистического права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1978.
7. *Баранов В.М., Баранова М.В., Кроткова Н.В.* Правовая экспертиза: наука, практическое искусство или ремесло? Обзор XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2021. № 11. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520017530-4
8. *Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В.* Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)») // Государство и право. 2022. № 12. С. С. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520023457-3
9. *Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В.* Правовая аналитика в фокусе междисциплинарности. Обзор XXV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятель-

ности» // Государство и право. 2023. № 12. С. 225–238. DOI: 10.31857/S102694520029371-9

10. *Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В.* Правовое экспериментирование: достижения, просчеты, перспективы. Обзор XXVI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» // Государство и право. 2024. № 12. С. 190–207. DOI: 10.31857/S1026945224120181
11. Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Междунар. «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова и др. Н. Новгород, 2007.
12. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова: в 2 т. Н. Новгород, 2001.
13. Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009.
14. Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Междунар. симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года). Н. Новгород, 2008.
15. Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2002.
16. Правотворческие ошибки: понятия, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: сб. / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. М., 2008.
17. Проблемы юридической техники: сб. ст. Н. Новгород, 2000.
18. Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2003.
19. Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / авт.-сост. В.М. Баранов. М., 2010.
20. Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 333–502.
21. Юридическая техника: природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель / сост.: В.М. Баранов, Н.А. Климентьева. 2-е изд., доп. и перераб. Н. Новгород, 2005.

REFERENCES

1. Anthology of a legal anecdote / comp. V.M. Baranov et al. 3rd ed., reprint and add. M., 2007 (in Russ.).
2. Anthology of the legal obituary / author of the idea and comp. V.M. Baranov. 3rd ed., supplement. M., 2019 (in Russ.).
3. *Baranov V.M.* The truth of the norms of Soviet law (problems of theory and practice): abstract ... Doctor of Law: 12.00.01. M., 1990 (in Russ.).
4. *Baranov V.M.* Standard writer as a profession // Herald of the SSAP. 2017. No. 6. Pp. 16–29 (in Russ.).
5. *Baranov V.M.* The incentive norm of Soviet socialist law: abstract ... PhD in Law: 12.00.01. Saratov, 1975 (in Russ.).
6. *Baranov V.M.* Incentive norms of Soviet socialist law / ed. by M.I. Baitin. Saratov, 1978 (in Russ.).
7. *Baranov V.M., Baranova M.V., Krotkova N.V.* Legal expertise: science, practical art or craft? Review of the XXIII International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic "Law-making expertise (doctrine, practice, technique)" // State and Law. 2021. No. 11. Pp. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520017530-4 (in Russ.).
8. *Baranov V.M., Krotkova N.V., Baranova M.V.* Dynamism and stability of legislation: the dialectic of the functioning of science, practice, technology (Review of the XXIV International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic "Changes in legislation (doctrine, practice, technology)") // State and Law. 2022. No. 12. Pp. 173–185. DOI: 10.31857/S102694520023457-3 (in Russ.).
9. *Baranov V.M., Krotkova N.V., Baranova M.V.* Legal analytics in the focus of interdisciplinarity. Review of the XXV International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic "Legal analytics: intellectual technologies of legal activity" // State and Law. 2023. No. 12. Pp. 225–238. DOI: 10.31857/S102694520029371-9 (in Russ.).
10. *Baranov V.M., Krotkova N.V., Baranova M.V.* Legal experimentation: achievements, miscalculations, prospects. Review of the XXVI International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic "Experiment in legal regulation (doctrine, practice, technique)" // State and Law. 2024. No. 12. Pp. 190–207. DOI: 10.31857/S1026945224120181 (in Russ.).
11. Legislative definition: logical-epistemological, political-legal, moral-psychological and practical problems: proceedings of the International "Round Table" (Chernivtsi, September 21–23, 2006) / ed. by V.M. Baranov et al. N. Novgorod, 2007 (in Russ.).
12. Legislative technique of modern Russia: status, problems, improvement: collection of articles / ed. by V.M. Baranov: in 2 vols. Nizhny Novgorod, 2001 (in Russ.).
13. Codification of legislation: theory, practice, technique: materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, September 25–26, 2008) / ed. by V.M. Baranov, D.G. Krasnov. N. Novgorod, 2009 (in Russ.).
14. Specification of legislation as a technical and legal method of normative, interpretative, law enforcement practice: proceedings of the International the symposium (Gelendzhik, September 27–28, 2007). N. Novgorod, 2008 (in Russ.).
15. Rule-making in Russian municipalities: content, technique, effectiveness: collection of articles / ed. by V.M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2002 (in Russ.).
16. Law-making errors: concepts, types, practice and technique of elimination in post-Soviet states: collection / ed. by V.M. Baranov, I.M. Matskevich. M., 2008 (in Russ.).
17. Problems of legal technology: collection of articles. N. Novgorod, 2000 (in Russ.).

18. Russian and European human rights systems: correlation and problems of harmonization: collection of articles / ed. by V.M. Baranov. N. Novgorod, 2003 (in Russ.).

19. The technique of law-making. Nature, basic techniques, meaning: a retrospective bibliographic index / author-comp. V.M. Baranov. M., 2010 (in Russ.).

20. Legal science and practice. Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. Pp. 333–502 (in Russ.).

21. Legal technique: nature, basic techniques, meaning: a retrospective bibliographic index / comp.: V.M. Baranov, N.A. Klimentieva. 2nd ed., supplement and rev. N. Novgorod, 2005 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
член Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации; 109012 г. Москва,
Б. Черкасский пер., д. 9

Authors' information

EBZEEV Boris S. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Member of the Central Election Commission
of the Russian Federation; 9 B. Cherkassky Lane,
109012 Moscow, Russia

Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, no. 3 (71)

К юбилею Баранова Владимира Михайловича —

доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Нижегородской области, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, помощника начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президента Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

On the anniversary of Vladimir Mikhailovich Baranov —

Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Nizhny Novgorod Region, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development of Scientific Activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”

ПЕРСОНАЛИИ
PERSONALIA

О Баранове Владимире Михайловиче: к юбилею Учителя

Владимир Михайлович Баранов — мой, как и многих-многих других, Учитель. В его 80-летний юбилей хочется написать поздравление в оригинальной, может быть, в несколько провокационной манере, на грани фола используя прием аналогии, которым блестяще владеет сам Учитель. В этот Юбилей попробую провести параллели только по одной, но наиболее значимой стороне многомерной Личности Учителя — научной деятельности с наиболее «приземленной» (во всех смыслах) сельским хозяйством[1].

Итак, экстраполяция научной деятельности Владимира Михайловича на сельское хозяйство позволяет утверждать, что он:

— сельскохозяйственный товаропроизводитель[2] во всех предусмотренных формах, включая ведение личного подсобного хозяйства[3], создание сельскохозяйственных потребительских кооперативов[4], а также крестьянского (фермерского) хозяйства[5] и видах[6] сельскохозяйственных производств: растениеводство (бахчеводство, виноградарство, лесоводство, луговодство, овощеводство, плодоводство, полеводство, свекловодство, семеноводство, табаководство, хмелеводство, хлопководство, цветоводство, шелководство), животноводство (верблюдоводство, звероводство, козоводство, коневодство, кролиководство, муловодство, овцеводство, оленеводство, ословодство, птицеводство, пчеловодство, свиноводство, скотоводство (включая молочное скотоводство, молочно-мясное скотоводство и мясное скотоводство, собаководство) и рыбоводство;

— главный агроном, ибо «осуществляет контроль за проведением… (здесь и далее «опускаем» излишне специальные термины) экспертизы объектов. Осуществляет оформление и выдачу

[1] Сельскохозяйственная деятельность — это управление биотрансформацией (процессы роста, вырождения, продуцирования и размножения, вследствие которых в биологическом активе происходят качественные или количественные изменения) и сбор продукции с биологических активов (живущее животное или растение) с целью их продажи или преобразования в сельскохозяйственную продукцию (продукция, собранная с биологических активов) или в дополнительные биологические активы (совокупность сходных между собой живущих животных или растений). См. об этом подробнее: Международный стандарт финансовой отчетности (*IAS*) 41 «Сельское хозяйство» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Министерства финансов Российской Федерации от 28 декабря 2015 года № 217н) (ред. от 17 февраля 2021 года).

[2] В соответствии О развитии сельского хозяйства» таковым «признаются организация, индивидуальный предприниматель, осуществляющие производство сельскохозяйственной продукции (в том числе органической продукции, сельскохозяйственной продукции и продовольствия с улучшенными характеристиками), ее первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах) и реализацию этой продукции при условии, что в доходе сельскохозяйственных товаропроизводителей от реализации товаров (работ, услуг) доля дохода от реализации этой продукции составляет не менее чем семьдесят процентов за календарный год: федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 264-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 года).

[3] Личное подсобное хозяйство «ведется гражданином или гражданином и совместно проживающими с ним и (или) совместно осуществляющими с ним ведение личного подсобного хозяйства членами его семьи в целях удовлетворения личных потребностей». См. об этом: О личном подсобном хозяйстве: федеральный закон от 7 июля 2003 года № 112-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 года)) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28, ст. 2881.

[4] Сельскохозяйственный потребительский кооператив «признается сельскохозяйственный кооператив, созданный гражданами для совместной деятельности по производству, переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции, а также для выполнения иной не запрещенной законом деятельности, основанной на личном трудовом участии членов кооператива. Видами производственных кооперативов являются сельскохозяйственная артель, рыболовецкая артель и кооперативное хозяйство, а также иные кооперативы». См. об этом: О сельскохозяйственной кооперации: федеральный закон от 8 декабря 1995 года № 193-ФЗ (ред. от 22 июня 2024 года) // Собрание законодательства РФ.1995. № 50, ст. 4870.

[5] Крестьянское (фермерское) хозяйство «представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии». См. об этом: О крестьянском (фермерском) хозяйстве: федеральный закон от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 года) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24, ст. 2249.

[6] См. об этом: Об утверждении списка работ, производств, профессий, должностей, специальностей, в соответствии с которыми устанавливается повышение размера фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности» в соответствии с частью 14 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях», и Правил исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на установление повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и к страховой пенсии по инвалидности в соответствии с частью 14 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях»: постановление Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2018 года № 1440 (ред. от 5 апреля 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 50, ст. 7756.

Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, no. 3 (71)

документации в установленном порядке. Составляет планы работы, отчеты. Организует проведение исследований и экспертизы. Осуществляет руководство разработкой новых и совершенствованием существующих методов экспертиз и оказывает помощь при их внедрении. Осуществляет отбор образцов для последующего проведения исследований и экспертизы. Проверяет правильность проведения анализов, оформления документов. Проводит научные исследования. Изучает и внедряет технологии. Разрабатывает мероприятия, направленные на повышение плодородия и увеличение урожайности. Организует работу по выращиванию сортовых семян и посадочного материала. Организует работу по подготовке почвы к посеву и посадке. Осуществляет контроль за подготовкой семян и посадочного материала к посеву (посадке). Организует работы по посеву и уходу за полевыми культурами. Отбирает пробы продукции. Организует прием и регистрацию проб. Ведет рабочую документацию, обеспечивает ее сохранность[1]»;

— мелиоратор[2], поскольку его научная школа работает «в целях повышения продуктивности и устойчивости земледелия, обеспечения гарантированного производства сельскохозяйственной продукции на основе воспроизводства плодородия земель сельскохозяйственного назначения и земель, предназначенных для осуществления сельскохозяйственной деятельности, а также создания необходимых условий для вовлечения в сельскохозяйственное производство неиспользуемых и малопродуктивных земель и формирования рациональной структуры сельскохозяйственных угодий»[3];

— селекционер[4], который занимается «Выведением, совершенствованием, сохранением и использованием пород, типов, линий сельскохозяйственных животных для производства племенной продукции животноводства»;

— заслуженно удостоенный всех ведомственных[5], региональных[6] и государственных[7] наград для субъектов этой деятельности.

Лаврентьев Александр Рудольфович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Приволжского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»

[1] Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников сельского хозяйства: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15 февраля 2012 года № 126н

[2] Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по агромелиорации»» (зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 03 ноября 2020 года № 60723), основой профессиональной деятельности выступает «Управление плодородием почв, устойчивостью и продуктивностью агроэкосистем за счет реализации мелиоративных мероприятий на землях сельскохозяйственного назначения»: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 сентября 2020 года № 682н.

[3] См. об этом: О мелиорации земель: Федеральный закон от 10 января 1996 года № 4-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3, ст. 142.

[4] Об утверждении профессионального стандарта «Селекционер по племенному животноводству»: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21 декабря 2015 года № 1034н.

[5] О ведомственных наградах Министерства сельского хозяйства Российской Федерации (вместе с «Положением о Почетной грамоте Министерства сельского хозяйства Российской Федерации — ведомственном знаке отличия, дающим право на присвоение звания «Ветеран труда»», «Положением о медали «За вклад в развитие агропромышленного комплекса России»», «Положением о звании «Почетный работник агропромышленного комплекса России»», «Положением о Благодарности министерства сельского хозяйства Российской Федерации»): приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 24 августа 2016 года № 380 (ред. от 24 августа 2021 года)

[6] Об утверждении Положения о звании «Заслуженный работник агропромышленного комплекса Нижегородской области: постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 28 сентября 2023 года № 811-VII (ред. от 28 ноября 2024 года).

7 О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» для работников сельского хозяйства установлены две специальные награды: медаль «За труды по сельскому хозяйству», почетное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации»: указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099 (ред. от 10 мая 2024 года).

Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. no. 3 (71)

Баранов Владимир Михайлович — институт гражданского общества

Термин «институт гражданского общества» весьма популярен и достаточно часто встречается в действующем законодательстве, в частности, он употребляется в федеральных законах, стратегиях[1], доктринах[2], указах и распоряжениях Президента Российской Федерации, постановлениях и распоряжениях Правительства Российской Федерации, актах федеральных министерств и ведомств, в актах Генерального Прокурора Российской Федерации[3], соглашениях о сотрудничестве и взаимодействии[4], приказах государственных корпораций[5].

В то же время официальная дефиниция термина «институты гражданского общества» отсутствует, да и в научной литературе не сложилось единообразия, авторские подходы можно свести к нескольким трактовкам:

— одни ученые рассматривают институт гражданского общества в качестве направления деятельности граждан, объединенных в разнообразные организационные формы для решения социально значимых целей и задач[6];

— другие понимают институт гражданского общества как основанную на определенной институционной матрице форму организации совместной деятельности граждан, направленную на удовлетворение общественных потребностей[7];

— третьи считают, что институт гражданского общества должен обладать качествами добровольности участия и автономности от органов публичной власти, самоорганизации и самоуправляемости, самодеятельности и самоответственности, иметь правовое закрепление в действующем законодательстве, а также обладать способностью осуществлять гражданский контроль за действиями и решениями органов публичной власти (либо участвовать в осуществлении такого контроля)[8].

Чаще всего к институтам гражданского общества относят общественные формирования различной направленности: адвокатуру, нотариат, религиозные объединения, средства массовой информации, семью и отдельных граждан.

Несомненно, Личность Владимира Михайловича Баранова многогранна, он обладает широким спектром научных интересов, является профессором (1991), заслуженным деятелем науки Российской Федерации (1994); почетным сотрудником МВД России (2005); почетным работником высшего профессионального образования (2015), заслуженным юристом Нижегородской области (2025), мужем, отцом т. д.

Владимир Михайлович — самодостаточный и весьма эффективный институт гражданского общества, продемонстрируем данное утверждение на примере только одного вектора деятельности — соработничества с Законодательным Собранием Нижегородской области (далее — Совет).

[1] См., например: О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902; О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642 и другие.

[2] См., например: О Климатической доктрине Российской Федерации: Распоряжение Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 года № 861-рп // Собрание законодательства РФ. 2009. № 51, ст. 6305; Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646.

[3] См., например: О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью: приказ Генерального Прокурора Российской Федерации от 17 мая 2018 года № 296; Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 2 августа 2018 года № 471 и другие.

[4] См., например: Соглашение о взаимодействии между Российским союзом промышленников и предпринимателей и Генеральной прокуратурой Российской Федерации (Москва, 12 декабря 2011 года); Соглашение о сотрудничестве между Общественной палатой Российской Федерации и Торгово-промышленной палатой Российской Федерации (Москва, 6 апреля 2011 года) и другие.

[5] Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и принятию организациями Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» мер по предупреждению коррупции: приказ государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 20 декабря 2021 года № 389 и др.

[6] Калинина С. В., Кириллова Г. Н. Взаимодействие Федеральной миграционной службы России с институтами гражданского общества // Миграционное право. 2016. № 2. С. 27–30.

[7] Шелудякова Т. В., Шелудяков Е. С. Историческая трансформация понятия гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 21–24.

[8] Тихомиров Ю. А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 35–45.

Владимир Михайлович являлся членом научно-консультативного совета при Совете всех 5 составов, где занимал должность заместителя председателя (2009—2020).

Именно по предложению Владимира Михайловича, максимального привлечения к работе Совета научного сообщества был создан Реестр экспертов, который включал боле 100 представителей различных научных школ нижегородских вузов, что позволило всесторонне рассматривать самые сложные законопроекты, обеспечивать взаимосвязь доктрины законотворчества и правоприменения.

За период работы в составе Совета В. М. Барановым лично или в соавторстве (в составе временных творческих коллективов) были подготовлены экспертные заключения на такие важные законопроекты и проекты нормативных правовых актов, как:

1) проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», разработанный Министерством юстиции Российской Федерации[1];

2) проект Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)», внесенный депутатами Государственной Думы А. А. Агеевым, Д. Ф. Вяткиным, В. Н. Плигиным[2];

3) проект Федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации»[3];

4) проект Федерального закона «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации»[4];

5) проект постановления Законодательного Собрания № 391-5 «О внесении Законодательным Собранием Нижегородской области в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»»;

6) проект Закона Нижегородской области № 494-5 «О выборах Губернатора Нижегородской области»;

7) проект Закона Нижегородской области «О порядке реализации права законодательной инициативы граждан в Законодательном Собрании Нижегородской области»;

8) проект постановления Законодательного Собрания Нижегородской области «О принятии Положения о нормотворческом ходатайстве граждан в Законодательном Собрании Нижегородской области»;

9) проект Закона Нижегородской области «О внесении изменений в Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях» (относительно установления административной ответственности на платных парковках).

В. М. Баранов принимал участие в составе рабочих групп и стоял у истоков разработки проектов закона «О законодательной инициативе граждан в Нижегородской области»; «О бесплатной юридической помощи в Нижегородской области»; проектов постановлений Законодательного Собрания Нижегородской области «О плане мероприятий Законодательного Собрания Нижегородской области по повышению уровня правосознания населения Нижегородской области»; доклада «О состоянии законодательства Нижегородской области и об основных итогах деятельности Законодательного Собрания за 20 лет».

---

[1] Баранов В. М., Красильникова Н. А., Лаврентьев А. Р. Инициативное экспертное заключение по проекту федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», разработанному Минюстом России (экспертное заключение) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 375–380.

[2] Баранов В. М., Лаврентьев А. Р. Экспертное доктринальное заключение на проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)», внесенный депутатами Государственной Думы Российской Федерации А. А. Агеевым, Д. Ф. Вяткиным, В. Н. Плигиным (экспертное заключение) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 215–221.

[3] Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А., Федосин А. С. Экспертное заключение независимой доктринальной антикоррупционной экспертизы по проекту федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации» (экспертное заключение) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 381–384.

[4] Баранов В. М., Баранова М. В., Лаврентьев А. Р. Доктринальное экспертное заключение о содержании и технико-юридическом качестве проекта Федерального закона «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 272–282.

Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. no. 3 (71)

Также Владимир Михайлович входил в состав конкурсной комиссии областного конкурса «Я — законодатель!» (2010–2015). Именно он предложил расширить требования к работам, поступающим на конкурс, и вначале инициативно, в порядке эксперимента, а затем на нормативной основе проверять оригинальность работ с использованием системы «Антиплагиат».

Владимир Михайлович в период работы в составе Совета был идейным вдохновителем проведения Дня Законодательного Собрания в Нижегородской Академии МВД России (18 декабря 2013 года на тему «Законотворчество. Правопорядок. Конституция (к 20-летию Конституции Российской Федерации)»). В рамках мероприятия состоялась работа семи секций, два «круглых стола» на темы: «Проблемы законодательной регламентации участия граждан в охране общественного порядка»; «Конституционные гарантии прав граждан в сфере экологии, градостроительства и социальной защиты», расширенное заседание научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области на тему: «Конституция как инструмент социально-экономической, политической модернизации России», дискуссия в формате «мозгового штурма» на тему: «Мониторинг правоприменения нормативно правовых актов, принятых Законодательным Собранием Нижегородской области: достижения, изъяны, пути повышения эффективности», деловая игра с участием членов Молодежного парламента при Законодательном Собрании Нижегородской области на тему: «Алкоголизация несовершеннолетних Нижегородской области: состояние и приоритетные направления предупреждения», лекция-диспут для на тему: «Криминальное банкротство и бизнес в современной России» и методологический межкафедральный семинар молодых преподавателей и адъюнктов Нижегородской академии МВД России на тему «Идеология и законотворчество», в котором приняло участие около 1 тысячи человек.

Владимир Михайлович был идейным вдохновителем расширенного заседания Совета на тему: «О целесообразности подготовки систематического собрания дефиниций законодательства Нижегородской области[1] как необходимого этапа формирования свода законов Нижегородской области», концепции систематизации контрольных полномочий Законодательного Собрания[2], институционализации статуса координатора Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации федерального округа[3].

Баранов Владимир Михайлович — институт гражданского общества, его роль в соработничестве с Законодательным Собранием Нижегородской области рельефно подтверждает эту сторону многогранной[4] Личности Владимира Михайловича, другие грани опишут (раскроют, поведают, распишут, покажут, представят, изобразят, «подсветят», подадут, детализируют, интерпретируют, проиллюстрируют и т. п.) его многочисленные друзья, соратники, коллеги, ученики. Долгих лет!

Лаврентьева Наталья Александровна,
начальник отдела аналитики процессов и
внедрения бережливых технологий управления
цифровой трансформации и технологического развития
аппарата Законодательного Собрания Нижегородской области.

[1] Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Лукоянова Л. А. Нижегородское законодательство в дефинициях: краткий словарь-справочник. Нижний Новгород, 2012. 160 с.

[2] Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А. О концепции Закона Нижегородской области «О контрольных полномочиях Законодательного Собрания Нижегородской области» // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 4–5 июня 2015 года) / отв. ред. А. В. Мартынов. Нижний Новгород, 2015. С. 326–343.

[3] Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Лаврентьева Н. А. Институт координатора Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации федерального округа в системе публичного управления (на примере Приволжского федерального округа): содержательные и технико-юридические проблемы, перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 15–27.

[4] Многогранность (для справки): пирамида (тетраэдр) имеет 4 грани, куб (гексаэдр) – 6, октаэдр – 8, додекаэдр – 12, граненый стакан – 16, икосаэдр – 20, бриллиант (идеальная форма огранки) – 57, Баранов Владимир Михайлович – ∞0 (имея ввиду, что «упавшая» восьмерка образует символ бесконечности).

Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, no. 3 (71)

Уважаемый Владимир Михайлович!

От всей души поздравляем Вас с замечательным юбилеем – 80-летием! Эта значимая дата – яркое свидетельство того, насколько многогранна Ваша жизнь, наполненная неустанным служением науке, образованию и обществу.

Ваш жизненный путь служит примером беззаветной преданности делу. Многолетний труд в качестве ученого и преподавателя подарил миру множество талантливых учеников, которые сегодня продолжают Ваши начинания и развивают заложенные Вами традиции.

Ваши научные достижения стали важной вехой в развитии отечественной науки. Каждое исследование – это вклад в сокровищницу человеческих знаний, который будет служить ориентиром для будущих поколений ученых. Полученные награды – свидетельство Вашего упорства, профессионализма и преданности делу.

Общественная деятельность занимает особое место в Вашей биографии. Умение находить общий язык с людьми, готовность помогать и поддерживать тех, кто в этом нуждается, снискали Вам заслуженное уважение и признание в обществе.

В этот знаменательный день хочется пожелать Вам крепкого здоровья, бодрости духа и неиссякаемой энергии. Пусть каждый день приносит радость общения с близкими, удовлетворение от новых свершений и гордость за успехи учеников. Пусть рядом всегда будут те, кто ценит Ваш опыт и уважает Ваши достижения!

С уважением,
д.ю.н., профессор, ректор Пензенского государственного университета *А. Д. Гуляков*

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
**«Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева»**
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, 620066
телефон (343) 227-63-63, e-mail: rektorat@usla.ru, www.usla.ru
ОКПО 02069220, ОГРН 1026604932860
ИНН/КПП 6660008159/667001001

22.09.2025 № 3138/03

на № _____ от _____

Помощнику начальника академии по
инновационному развитию
научной деятельности
Нижегородской академии МВД России,
Заслуженному деятелю науки Российско
Федерации, д-ру юрид.наук, профессору

Баранову В.М.

Уважаемый Владимир Михайлович!

Коллектив Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева поздравляет Вас с юбилеем.

Ваш путь - яркий пример служения науке, стране, верности и преданности выбранным идеалам. Вы являетесь воплощением самых лучших черт российского ученого, гражданина, патриота и интеллигента.

Ваше имя по праву стоит в ряду самых выдающихся ученых России. Ваша научная жизнь способствовала широкому охвату самых различных тем, анализу сложных научных проблем. Именно с Вашим трудом связано появление новых перспективных направлений научной мысли, нацеленных на всестороннее изучение и анализ современных процессов в области юриспруденции.

Ваши научные труды востребованы при подготовке научных исследований профессорско-преподавательским составом и студентами УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева. Ваши заслуги как ученого, учителя, руководителя, юриста и доброго товарища являются достоянием современной юридической школы России.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, бодрости духа, удачи, счастья, творческих высот, семейного благополучия и верных друзей, новых достижений во всех областях Вашей многогранной профессиональной деятельности!

Ректор УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева,
заслуженный юрист Российской Федерации,
д-р юрид. наук, профессор

В. А. Бублик

УНИВЕРСИТЕТ
ЛОБАЧЕВСКОГО
Уважаемый
Владимир Михайлович!
Примите искренние поздравления
с юбилеем от себя лично и от всего коллектива
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского!

Ваш многолетний труд оставил неизгладимый след
в развитии отечественной юриспруденции.
Вы заслуженно признаны выдающимся ученым-правоведом,
чьи исследования охватывают широкий спектр проблем
юридической науки: теорию
и практику правотворчества, логику права,
эффективность юридических норм, систематизацию
законодательства, правовые формы поощрений,
теоретико-прикладные аспекты юридических ошибок,
особенности рекламного законодательства
и феномены теневого права.

За долгие годы безупречной службы
Вам были присвоены многочисленные государственные,
общественные, ведомственные награды и знаки отличия
за особые достижения в научной, педагогической,
административной и общественной деятельности.
Возглавляемая Вами с 1999 года научная школа
«Совершенствование юридической техники
как закономерность правотворческого процесса России
(история, теория, практика)»
стала успешным проектом, позволяющим объединять
ведущих представителей правовой науки
Российской Федерации и зарубежных стран.

Отрадно, что уже на протяжении нескольких лет
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского выступает надежным партнером
и соорганизатором знаменательного
юридического форума «Юртехника»,
проводимого под Вашим началом.

Ежегодный международный научно-практический форум «Юртехнетика» давно завоевал репутацию важного мероприятия в юридической среде, которое отличается высоким уровнем научной дискуссии.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, бодрости духа и жизненных сил, необходимых для дальнейших великих достижений и открытий. Мы искренне верим в то, что Ваш творческий потенциал останется непоколебимым, ведь именно Ваша творческая активность служит источником вдохновения для нескольких поколений учёных-правоведов.

Желаем процветания Вашему семейному очагу, гармонии и взаимопонимания в кругу близких и родных людей, которые являются опорой и поддержкой на жизненном пути. Ваше упорство, целеустремлённость и оптимизм достойны восхищения и служат примером для каждого, кому дорога профессия юриста и идея служение праву.

Ректор
ННГУ им. Н.И. Лобачевского *О.В. Трофимов*

Уважаемый Владимир Михайлович!

Президиум Ассоциации историков права поздравляет Вас с 80-летием и выражает благодарность за верное служение юридической науке, за огромный вклад в развитие теории права и юридического образования!

Историки права знают и ценят Вас как выдающегося ученого-правоведа, который внес неоценимый вклад в укрепление законности и правопорядка!

Желаем Вам, уважаемый Владимир Михайлович, крепкого здоровья, новых творческих достижений, благодарных учеников и последователей!

Председатель Президиума
Ассоциации историков права Д. А. Пашенцев

Доктору юридических наук, профессору,
Заслуженному деятелю науки
Российской Федерации

БАРАНОВУ
Владимиру Михайловичу

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ТРАНСПОРТА РУТ (МИИТ)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Уважаемый Владимир Михайлович!

От лица Юридического института Российского университета транспорта сердечно поздравляю Вас с Днем рождения!

Ваш профессиональный путь – яркий пример служения образованию и науке нашей страны.

Ваш вклад как ученого-правоведа трудно переоценить. Высочайшая самоотдача, любовь к своей профессии, глубокая вовлеченность в актуальные проблемы теории, практики и техники правотворчества – все эти качества характеризуют Вас как ярчайшего профессионала. Вами подготовлено не одно поколение ученых, в которых Вы раскрыли талантливых профессионалов.

Научные труды, автором которых Вы являетесь и изданные под Вашим руководством, затрагивают важнейшие аспекты государственно-правового строительства современной России.

Вы снискали благодарность коллег и руководства нашей страны за многообразную общественную деятельность.

От всей души желаю Вам крепкого здоровья, благополучия, новых творческих успехов, сил и вдохновения для новых свершений.

Директор Е. А. Нестеров

Москва, 2025 г.

Доктора юридических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
полковника милиции в отставке
БАРАНОВА
ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА
С ЮБИЛЕЕМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ
Омская академия
МВД России

Уважаемый
Владимир Михайлович!

От имени коллектива Омской академии МВД России примите наши искренние поздравления с 80-летним юбилеем!

Ваша профессиональная деятельность является примером преданного и честного служения Родине, развитию высшего профессионального образования. Ваше упорство и трудолюбие в сочетании с талантом позволили Вам достичь высшего научного уровня и стать заслуженным деятелем науки Российской Федерации.

Ваша научная школа известна не только в России, но и в странах СНГ и вносит весомый вклад в исследование актуальных проблем теории, практики и техники правотворчества, логики права, истинности, ценности и эффективности юридических норм Российского государства.

Многолетняя плодотворная работа в Нижегородской академии МВД России позволила подготовить тысячи высококвалифицированных сотрудников. Многие поколения выпускников продолжают начатое под Вашим руководством благородное дело воспитания и образования в системе МВД России.

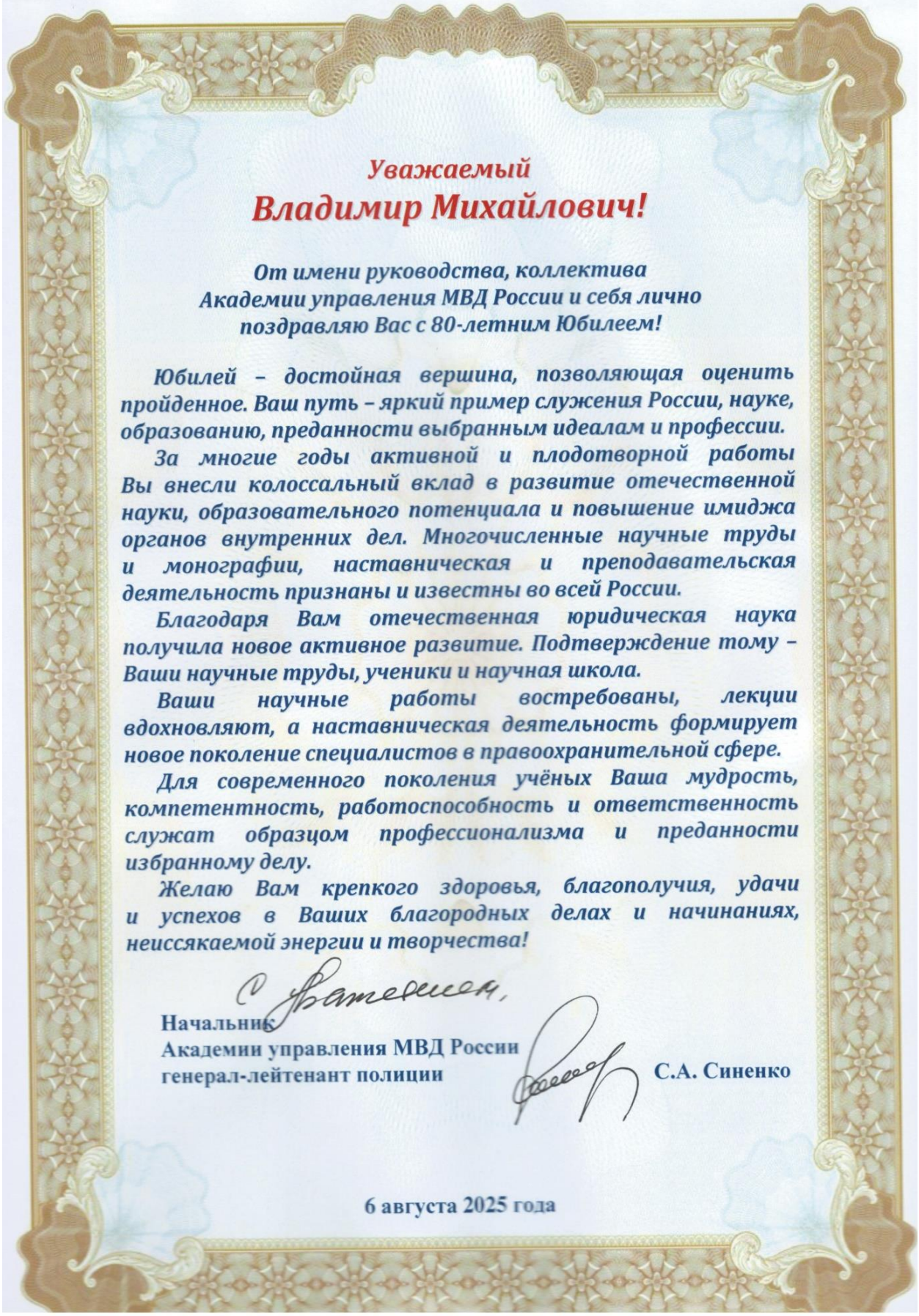
Ваш вклад в науку и образование был отмечен многими государственными наградами и поощрениями, но особо ценным является уважение всех тех, кто учился и работал под Вашим руководством. Все, кому довелось учиться и трудиться рядом, высоко ценят Вас за блестящий ум и эрудицию, высокую культуру, справедливость и человечность, умение помочь советом и делом, поделиться опытом.

Уважаемый Владимир Михайлович, желаем Вам крепкого здоровья и долголетия, хороших учеников, душевной и физической бодрости и оптимизма!

Начальник академии
генерал-майор полиции *С.К. Буряков*

6 августа 2025 г.

Академия управления МВД России
ЧЕСТЬ ЗНАНИЯ ЗАКОН
ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДОКТОРУ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ
БАРАНОВУ
Владимиру Михайловичу

Уважаемый

Владимир Михайлович!

От имени руководства, коллектива Академии управления МВД России и себя лично поздравляю Вас с 80-летним Юбилеем!

Юбилей – достойная вершина, позволяющая оценить пройденное. Ваш путь – яркий пример служения России, науке, образованию, преданности выбранным идеалам и профессии.

За многие годы активной и плодотворной работы Вы внесли колоссальный вклад в развитие отечественной науки, образовательного потенциала и повышение имиджа органов внутренних дел. Многочисленные научные труды и монографии, наставническая и преподавательская деятельность признаны и известны во всей России.

Благодаря Вам отечественная юридическая наука получила новое активное развитие. Подтверждение тому – Ваши научные труды, ученики и научная школа.

Ваши научные работы востребованы, лекции вдохновляют, а наставническая деятельность формирует новое поколение специалистов в правоохранительной сфере.

Для современного поколения учёных Ваша мудрость, компетентность, работоспособность и ответственность служат образцом профессионализма и преданности избранному делу.

Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия, удачи и успехов в Ваших благородных делах и начинаниях, неиссякаемой энергии и творчества!

С уважением,

Начальник
Академии управления МВД России
генерал-лейтенант полиции **С.А. Синенко**

6 августа 2025 года

ДОРОГА ЖИЗНИ…
(Владимир Михайлович Баранов – с 80-летним юбилеем!)

Дорога жизни не пряма, извилиста
Есть в ней подъемы, спуски и равнина
Идет по ней мужик, не жилистый
Но до чего ж умён! Как в Древней Греции Сократ,
а в части мудрости - Афина!

Верхом на технике он едет
Такой весьма критической
В миру её все называют
Какой-то… юридической

А давеча гляди –
придумал Юртехнетику[1]
Считает, что в юртехнике
Не та уж энергетика!

Сумел пролить он свет
На право теневое[2]
Красиво как оно звучит
Слыхали про такое?

Об умолчании законов
Он как-то всуе написал[3]:
Бывает, мол, что нормотворец,
Специально что-то не сказал!

А для проектов-то законов
Придумал он концепцию[4]
Дабы не мучили Госдуму
Альцгеймер и деменция
(Чтобы закон писать, сначала -
Нужно идею предложить
Иначе вам[5] не даст Баранов
В Испании спокойно жить!)

Писал он даже с Поляковым
Про нанотехнологии[6]
Такие у него друзья
Крутые, не убогие!

Адептам жизни, юридической
Баранов жизни не даёт[7]
Такой подход его, критический,
Наверно скоро их добьёт[8]

---

[1] См.: *Баранов В.М., Давыдова М.Л., Зыков Д.В.* Юртехнетика: сущее, должное, будущее. Аналитический обзор Международной интернет-конференции «Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современного мира» (Волгоград, 1—30 июня 2013 г.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 225; *Баранова М.В.* Юртехнетика как общеправовой феномен // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 5. С. 17-27.

[2] *Баранов В.М.* Теневое право: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. – 165 с.

[3] *Баранов В.М.* Риски «квалифицированного молчания законодателя»: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 63-81.

[4] *Баранов В.М.* Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 15-29.

[5] Некоторым «народным избранникам».

[6] См.: *Баранов В.М., Поляков С.Б.* Нанотехнологии юриспруденции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 13-26.

[7] См.: *Баранов В.М.* «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. М.: Блок-Принт, 2022.С. 6-30.

[8] В научном смысле конечно же.

Профессор Ромашов, недавно
Слагал о нём стихи
Досталось там, Михалычу,
За все его «грехи»[1]!

Юристу не поможет
Сегодня Википедия
Баранов продвигает
Проект «Энциклопедия»[2]
(Решил он правовую
Улучшить подготовку
«Не нужно рефлексировать»
Такая здесь уловка)

Идут к нему ученики
Искать благословения
Уж очень очередь большая
Терпения, терпения!

Хотел, к нему, и я сходить
Но, думаю отбреет
Ведь от трудов моих чудных
Порой химерой веет[3]
(В стихах своих я эту тему
Никак пройти не смог
Но это так, о наболевшем
Я вставил между строк)

Про нормы права он писал
Их истинность исследовал[4]
Сырых ему на то сказал
Аль не сказал, посетовал:

«Не может норма содержать
Такой характеристики!»[5]
И спор такой нельзя назвать
Какой-то беллетристикой

Придется разрешать его
Научным поколениям
Чтоб вставить слово в этот спор
Родиться нужно *гением*

Стихи я эти написал
Хотел благословения
Чтоб мне, Баранов, так сказал:
«**Терпения, терпения**!»
****
Обласканный он матушкой судьбою
Пройдя уже давным-давно Ступень к Парнасу
Сидит, обнявшись со своей женою
И ищет вдохновенья у Пегаса

[1] «Грехи» = научные взгляды. См.: *Ромашов Р.А.* Ода форуму "Юртехнетика" // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 772.
[2] См.: *Баранов В.М.* Энциклопедия юриспруденции как базовый элемент общегуманитарной подготовки специалистов для государственной службы в современных условиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 219-221.
[3] См., напр.: *Шаханов В.В.* «Уровневая» система познания права как гносеологическая матрица юриспруденции // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 3. С. 18-31; *Шаханов В.В.* Догма права в контексте «уровневой» системы познания права // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 8. С. 19-33.
[4] См.: *Баранов В.М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. – 397 с.
[5] *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ, 2004. С. 315-331.

Читает эти строки и быть может
Порой хотя б немного улыбнётся
Он не из тех, кого сомненье гложет
Конец? Нет, завтра снова всё начнётся!
P.S.: Ещё просил Вам написать
Мой друг – Свинин Евгений
Все кажется ему, что без пяти минут
Он вологодский *гений*!
****

Хотелось бы еще сказать по теме конференции[1]
Кто в чём здесь видит символы – такие вот тенденции
Хочу и свой вам предложить подход, вполне логичный
Я думаю, что символизм возможен даже личный!

Ученый тоже может быть предметом символизма
Не нужно здесь воображать картину аскетизма
И чтобы юртехнетики играть пластинке заново
На эту роль предложим мы **профессора Баранова**!
****

Назвать его нам хочется **персоною-доктриной**[2]
Своей он с нами делится научною картиной!

***Вячеслав Шаханов**,*
доцент кафедры теории и истории государства и права
Владимирского филиала РАНХиГС, канд. юрид. наук, доцент

Дорогой Владимир Михайлович!

С очередным юбилеем! По диалектике в один день взорвался злой атом в Хиросиме и мирная энергия Владимира Михайловича в Тверской области. Да не иссякнет энергия мирного атома. Нам без вождей нельзя!

Сергей Поляков

Дорогой Владимир Михайлович!

Сердечно поздравляю Вас с юбилеем! Ваш жизненный путь – образец служения идеалам науки и гуманизма! Вам принадлежат глубокие исследования в области научного обеспечения законотворческой деятельности. Благодаря Вашей выдающейся профессиональной компетентности и блестящему организаторскому таланту сформирована научная школа!

Особого восхищения заслуживает Ваше детище - Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника». Фолианты Центра - свидетельство Вашей титанической работы как создателя и редактора. Организованные Вами ежегодные научно-практические конференции - авторитетная площадка обмена мнениями. Это всегда событие мира юриспруденции! Ваша многогранная деятельность отмечена заслуженными государственными и ведомственными наградами!

В этот праздничный день примите, уважаемый Владимир Михайлович, искренние пожелания крепкого здоровья, семейного благополучия и новых успехов во всех сферах Вашей многогранной деятельности! Пусть Ваша мудрость, энергия и преданность научному делу еще долго служат на благо России!

Игорь Геннадьевич Дудко,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Премилый Владимир Михайлович!

Всеблагая весть, что Тверская область, Саратов, Нижний Новгород, Поволжье и вся матушка Россия, даже ракетные войска страны давно отбросили текущие дела и переключилась на подготовку к Вашему юбилею, докатилась и до берегов тихого Дона. Сим скромным провинциальным посланием, нарушая все правила режиссуры знаменательных дат, желаю хотя бы с галёрки влиться в мощную какофонию из фанфар, фейерверков и декламаций в главной аудитории Нижегородской академии МВД РФ. Пусть и моё нескладное поздравление обрушится на Вашу умную, симпатичную, заполненную инновационными научными проектами, благословенную голову. Поскольку Россия по второму кругу строит капитализм, где в особой цене материальный фактор, где приветствуется смелость и риск, воспользуюсь в

[1] XXVII Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (24-27 сентября 2025 года, Нижний Новгород).
[2] Согласно терминологии, активно продвигаемой профессором С.В. Бошно. См., напр.: *Бошно С.В.* Личные качества персоны-доктрины // Право и современные государства. 2024. № 2. С. 11-23).

начале обращения изысканным фрагментом чествования вельможного юбиляра его подчинённым из серебряного века Отечества: «В день тезоименитства я дам Вашему Превосходительству три тысячи и никто об этом не узнает. – Давайте мне пять, и говорите об этом кому угодно даже сегодня, в этом собрании». Первоприсутствующий юридического цеха Отечества! Я сейчас скажу Вам, о Вас и для Вас то, о чём другие, надеюсь, не домыслят и не узнают.

1. К этой дате Вы достигли многого – стали самым выдающимся учёным современности, активным пропагандистом юридических знаний, талантливым организатором науки, мощным движителем профессиональной мысли, безостановочным производителем эксклюзивных по тематике, мощных и аргументированных по содержанию, искусных по словесной изобретательности трудов. И всё это на фоне растущих притягательных свойств Вашей Личности – созидающей и хранящей узы дружества, любящей культуру и такт, трудоголика, приверженца домашнего уюта и красоты окружающего мира. Конечно, все люди, уже насладившиеся юностью и молодостью, приговорены понимать, как всё релевантно в жизни. Фаина Раневская искренне гордилась тем, что она не мужчина, иначе у неё и предстательная железа заболела бы. А получивший первую двойку первоклассник, придя домой, грустно произнёс: эх, быстрее бы на пенсию! С другой стороны, к перевалу в восемь десятков лет всякий убеждён, будто пройденная им дистанция сродни переходу через могучие Валдайские горы, что у этого мудрого возраста с лично отрепетированным характером есть свои преимущества, прелести и новые движущие пружины! Это верно.

2. Конечно, к 80-летнему возрасту человеческая личность испещрена житейскими шрамами. Есть они и у Владимира Михайловича, да ещё и знатные, для большинства вожделенные – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, обладатель множества государственных наград, член либо эксперт всех мыслимых национальных и надгосударственных комитетов, советов и прочих присутствий. Это – не шутка. Но далеко не ерунда и то обстоятельство, что юбиляр своими достижениями и своим признанием не кичится, по-юношески тянется к свежему и эксклюзивному, готов бежать от банальностей и в нарушение этикетных церемоний. Horribile dictum, но для сегодняшней эпохи именно данное качество следует признавать главным отличительным знаком истинной Личности.

3. Уверен, что пройдя огонь и воду, предстоящее испытание медными трубами Вы выдержите с достоинством и блеском. И потому, что заслужили чествование более, чем кто-либо другой. И потому, что награждёны Создателем иезуитской способностью отличать мозолистую похвалу от лицемерных здравиц (скажем в скобках, что данное предохранительное свойство отсутствует у большинства представителей человеческого рода, вознёсшихся на высшие ступени социальной лестницы). И потому, что покрыты несколькими защитными слоями самоиронии. Бьюсь об заклад, что и предстоящее торжество юбиляр попытается прервать или хотя бы подпортить сентенцией, будто вина он любит *тонкие*, а вот лесть предпочитает *грубую*.

4. Дорогой Владимир Михайлович! Если Вам когда-нибудь придёт на ум закапризничать против песенных слов «мои года – моё богатство», готов помочь. Предлагаю переставить местами цифры юбилейного возраста и внести получившийся код «08» в единый российский регистр телефонных сигналов, означающий «*интеллектуальную и нравственную помощь страждущим*». Отвечать на многочисленные звонки теоретиков общей и прикладной юриспруденции придётся Вам; извините, но такова духовная повинность лидера правовой науки.

5. Когда-то в Одессе знаменитую Цилю Марковну надменно хотели унизить вопросом «кем это она себя мнит?», на что последовал достойный ответ» «Не ваше дело, кем я себя мну!» Милый человек! Ответственно заявляю, что я мну себя Вашим поклонником, единомышленником и последователем. А потому в день юбилея прошу Вас и впредь служить благородным примером подвижничества и труженичества в нашей – очень ответственной да специфической сфере знаний. А ещё желаю огромной массы причин и поводов для радости, счастливых улыбок, мира в душе и тепла в сердце, крепкого здоровья и иммунитета от всех биологических и социальных угроз и рисков, постоянного внимания, расположения и поддержки от близких, прекрасного досуга, творческого вдохновения и чтобы естественные хлопоты побеждались наслаждениями.

Крепкого Вам здоровья, потомственно благодарных учеников, умных восторженных глаз в аудиториях, обильной досуговой релаксации. И помните: поскольку Вы с избытком преодолели повышенный пенсионный возраст, установленный недавно властями, можете теперь пользоваться только многочисленными правами и свободами, но обязанностями манкировать. А как истинно творческая личность Вы вправе теперь не только *творить*, но и *вытворять*. Наконец, полагающийся Вам лавровый венок носите лихо, набекрень и с вызовом, как это принято у героев рода человеческого мужского пола. Да будет так! Acsios!

С благодарностью
за постоянное расположение к себе, профессор ***А. И. Бойко*** *–*
прежде пролетарий умственного, а ныне преимущественно
справочно-отчетного труда, которого юбиляр может помнить
и даже понять и простить за стиль обращения

P.S: Писано с благоговением 6 дня августа месяца 2025 года от Рождества Христова из села Чалтырь Всевеликого войска Донского.

Дорогой и уважаемый Владимир Михайлович!

С сердечной теплотой и дружеской почтительностью поздравляю Вас со знаменательной Юбилейной датой! Вы символично родились в августе, чье наименование с латинского языка переводится как почетный титул «царственный», «величественный» и «священный», и по праву являетесь истинным великим Августом в отечественной юридической науке! Кроме всего, каждое любовно выпестованное Вами масштабное научное мероприятие представляется особым священнодействием в области юриспруденции и обретает поистине сакральный смысл.

Душевно желаю Вам, досточтимый Юбиляр, дальнейшего творческого долголетия, ибо оно является мощным источником и активного долголетия жизненного! Пусть же творческий источник будет вечно неиссякаемым, и Вы будете всегда насыщаться его богатством и щедро дарить научному сообществу новые оригинальные идеи и новые удивительные книги!

С неизменным уважением,
Александр Лушин

Дорогой Володя!

Прими мои искренние поздравления по случаю твоего славного юбилея - 80-летия. Красивая, впечатляющая дата. С этой вершины хорошо просматриваются твои очевидные достижения как оригинального и разностороннего ученого-исследователя, талантливого педагога и наставника, неутомимого организатора научной жизни. Твое присутствие в российской юридической науке зримо и осязаемо уже многие десятилетия. В общем, есть чем гордиться и быть удовлетворенным от сделанного. Доброго тебе здоровья и благополучия во всем, новых творческих и иных успехов.

Рад, что нашей дружбе уже почти 50 лет. Общение с тобой доставляет удовольствие, подпитывает энергией и оптимизмом.

Обнимаю, твой ***Владимир Кряжков***

Профессору Владимиру Михайловичу Баранову!
Дорогой и многоуважаемый Владимир Михайлович!

Позвольте мне поздравить Вас с юбилейным – далеко не последним –Днем рождения!!

Ваш образ быстротекущей, наполненной полезным делом и многообразными хлопотами жизни, немеркнущий стиль неустанной работы вызывают подлинное восхищение у соприкасающихся с Вами людей и жалкие попытки подражания!!!

Ваши многочисленные награды и иные регалии меркнут по сравнению с той глыбой теории права и государства, сосредотачивающейся в Ваших трудах (которые никогда не сгорят), посвященных правотворчеству, юридической технике и всему тому нужному для общества, что выходит из-под Вашего пера, то есть из Вашего компьютера и разносится по бескрайним весям России на благо ее ученых и других граждан!!!!

Разрешите пожелать Вам дальнейших производственных и прочих успехов, волжской бодрости, нижегородского куража, неказенного оптимизма, столичного здоровья, неунывающего трудолюбия, семейных и иных жизненных радостей, продолжения регулярных выпусков «Юртехники» и наращивания всего многочисленного разнообразного самого наилучшего бытия на благо коллег, читателей, законотворцев, правоприменителей, на зависть недоброжелателей, которые порой имеются у многих бескорыстных тружеников. До следующих научных работ, встреч и общений.

С неизменным и высочайшим уважением, Ваш участник первой в 1992 г.
Международной научно-практической конференции «Юртехника», 90-летний с 700 публикациями
профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
научный руководитель Отдела экологического и аграрного законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

5 августа 2025 года ***С. А. Боголюбов***

Профессору В.М. Баранову

Владимир Михайлович юбилей отмечает!
Сегодня юридическая техника отдыхает!
Она так рада не работать, бедолага!!!
Не тревожьте её, не надо!

Дайте технике этой чуть-чуть отдохнуть.
Знаете, ей тяжело. Ведь Вы определяет её путь!
Вы не допускаете, чтоб работала «как-нибудь»!
Рука Ваша верно её направляет,

Мастерски её сформировать позволяет!
Вы у руля много лет стоите смело,
Правите нормы со «знанием дела»,
А если что не так, посоветуете всегда…

Благодаря Вам юртехника высока!!!
Ведь на сентябрьский Ваш призыв
Слетаемся мы все! Хватает сил
Откликнуться на предлагаемые Вами темы.

Готовы обсуждать ошибки смело,
Закон и практику по праву изменить,
Его дополнить, чтоб безупречным ему быть!
Желаем с Вами закона верховенство сохранить!

И чтобы было вместе нам легко творить,
Мы каждый год спешим в Дубки,
Чтоб поделиться и новые идеи почерпнуть,
Таков уж 20 -летний наш общий путь…

А может больше мы творим с Вами рядом!
И нам не нужно никакой награды:
Готовы слушать Вас, читать по теории труды.
Кто нас направит, если же не Вы?

Мы вместе рады проводить эксперименты,
Ошибки в праве выявлять и прочие моменты,
Чтобы исправлять их науки ради,
Да и в законодательстве чтоб был порядок!

Так от последователей по праву разрешите пожелать:
Живите долго, успешно и счастливо!
Здоровья крепкого! Всего того, что необходимо
Для жизни полноты, ею наслаждения…

Короче говоря, - Вас с юбилейным днём рождения!!!

6 августа 2025 г.

Доктор юридических наук **И. И. Андриановская** (Москва)

СПИСОК НАУЧНЫХ, МЕТОДИЧЕСКИХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА В.М. БАРАНОВА

№ п/п	Наименование	Характер работы	Выходные данные	Объем, п. л.	Соавторы
1.	Статья «Поощрительная норма как особая разновидность норм советского социалистического права»	Печ.	В сб.: Вопросы теории государства и права. Вып. 3. Саратов: Изд-во СГУ, 1974. С. 86 – 102.	1	–
2.	Брошюра «Правовые формы поощрения в развитом социалистическом обществе; сущность, назначение, эффективность»	Печ.	Саратов: Изд-во СГУ, 1975. – 58 с.	3,25	–
3.	Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Поощрительная норма советского социалистического права»	Печ.	Саратов: Изд-во СГУ, 1975. – 23 с.	1,25	–
4.	Статья «О некоторых условиях повышения юридической эффективности поощрительных норм советского права»	Печ.	В сб.: Вопросы теории государства и права. Вып. 4. Саратов: Изд-во СГУ, 1976. С. 115 - 134	1,2	–
5.	Статья «Социалистическая законность как необходимое условие эффективного применения поощрительных норм советского права»	Печ.	В сб.: Вопросы укрепления социалистической законности на предварительном следствии. Труды ВСШ МВД СССР. Вып. 13. Волгоград, 1977. С. 28 – 32.	0,3	–
6.	Монография «Поощрительные нормы советского социалистического права»	Печ.	Саратов: Изд-во СГУ, 1978. – 146 с. Рец.: Правоведение. 1980. № 3; Правна мысль. 1980. № 2.	9,2	–
7.	Статья «Категория истины в советском правоведении: методологическое значение, состояние, перспективы исследования»	Печ.	В. сб.: Некоторые философские проблемы государства и права. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. С. 130 – 144.	0,9	–
8.	Статья «Соотношение истинности и эффективности советских юридических норм»	Печ.	В сб.: Актуальные вопросы советской юридической науки. Ч. 1. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. С. 24 – 29.	0,4	–
9.	Брошюра «Социалистический образ жизни молодежи и советское право»	Печ.	Саратов: Изд-во «Коммунист», 1979. – 34 с.	2	Эбзеев Б.С. Шаламов Г.П.

10.	Брошюра «Охрана правопорядка и борьба с правонарушениями – дело всей общественности»	Печ.	Саратов: Изд-во «Коммунист», 1979. – 16 с.	0,8	Бережнов В.М.
11.	Статья «Подготовка и проведение дискуссии на семинаре по теории государства и права»	Печ.	В сб.: Идейно-воспитательная работа и учебный процесс. Вып. 2. Саратов: Изд-во СГУ, 1979. С. 108 – 110 с.	0,2	–
12.	Теория государства и права. Методологические рекомендации для студентов первых и выпускных курсов дневной, вечерней и заочной форм обучения.	Печ.	Саратов: Изд-во СГУ. 1980 с. – 135 с.	8,5	Байтин М.И. Матузов Н.И. Борисов В.В. Витченко А.М. Семенеко Б.М.
13.	Статья «Истинность норм советского права как условие укрепления социалистического правопорядка»	Печ.	В межвузовском сб.: Правопорядок и правовой статус личности в социалистическом обществе в свете новой Конституции СССР. Саратов: Изд-во СГУ, 1980. С. 95 – 99.	0,4	–
14.	Статья «Взаимосвязь истинности и социальной ценности правовых норм в развитом социалистическом обществе»	Печ.	В межвузовском сб.: Вопросы теории государства и права. Государство, право и правопорядок развитого социализма. Саратов: Изд-во СГУ, 1980. С. 53 – 65.	0,8	–
15.	Логика, истина, право. Рецензия на монографию Бабаева В.К. «Советское право как логическая система» (М.: Академия МВД СССР, 1978. – 209 с.	Печ.	В межвузовском сб.: Вопросы теории государства и права. Государство, право и правопорядок развитого социализма. Саратов: Изд-во СГУ, 1980. С. 149 – 152.	0,3	Байтин М.И.
16.	Статья «Систематизация юридических актов (из опыта работы объединений Минрыбхоза СССР)»	Печ.	Рыбное хоз-во. 1981. № 11. М.: Изд-во «Легкая и пищевая промышленность». С. 23 – 29.	0,4	–
17.	Истинность как фундаментальная закономерность развития системы советского права. Выступление на заседании Круглого стола журнала «Система советского права и перспективы ее развития»	Печ.	Сов. гос-во и право. 1982. № 7. С. 117 – 119.	0,2	–
18.	Статья «Истинность юридических понятий как условие совершенствования норм советского права»	Печ.	В сб.: Правовые и организационные меры борьбы с правонарушениями против социалистической собственности. Горький: ГВШ МВД СССР, 1982. С. 21 – 32 с.	0,8	–
19.	Гносеологические, социологические и юридические проблемы со-	Печ.	В сб.: Правовые и организационные меры борьбы с	0,3	Байтин М.И. Бабаев В.К.

	циалистического правонарушения. Рецензия на монографию К.Т. Бельского «Социалистическое правосознание. Диалектика формирования и развития». Ярославль: Верх.-Волжск. кн. изд-во, 1979. – 382 с.		правонарушениями против социалистической собственности. Горький: ГВШ МВД СССР, 1982. С. 178 – 182 с.		
20.	Тезисы статьи «Принцип объективной истины советского правотворчества»	Печ.	Материалы Всесоюзной научной конференции «Теоретические проблемы законотворчества в социалистическом государстве» М.: ВНИИСЗ, 1983. С. 7 – 9.	0,2	–
21.	Статья «Педагогическое поощрение и его использование в повышении учебно-познавательной активности слушателей»	Печ.	В сб.: Проблемы совершенствования учебно-воспитательного процесса в вузах МВД СССР, 1983. С. 56 – 63.	0,5	–
22.	Рецензия на монографию К.Т. Бельского «Формирование и развитие социалистического правосознания» (М.: Высшая школа, 1982. – 188 с.)	Печ.	Правоведение. 1983. № 6. С. 97 – 99с	0,2	Байтин М.И. Бабаев В.К.
23.	Раздел брошюры «Познавательное содержание и социальная ценность советской Конституции»	Печ.	В брошюре «Роль советской Конституции в коммунистическом воспитании молодежи». Горький, 1983. – 41 с.	0,5	Миронов О. Кронский В.С.
24.	Статья «Установление объективной истины при разграничении административных и уголовных правонарушений»	Печ.	В сб.: Административные правонарушения, посягающие на социалистическую собственность и борьба с ними. Горький: ГВШ МВД СССР, 1983. С. 151 – 158.	0,5	Милюков С.Ф.
25.	Статья «Об истинности операторов модальности уголовного законодательства»	Печ.	В сб.: Актуальные вопросы обеспечения сохранности социалистической собственности. Горький: ГВШ МВД СССР, 1983. С. 194 - 195	0,2	–
26.	Рецензия на монографию Решетникова Ю.С. «Механизм правореализации в условиях развитого социализма» (Казань: Изд. Казанск. Ун-та, 1980. – 166 с.	Печ.	Сов. гос-во и право. 1983. № 3. С. 146 – 147 с.	0,2	Бабаев В.К.
27.	Истинность, ценность и эффективность нормы права. Рецензия на монографию Фаткуллина Ф.Н. Чулюкина И.Д. «Социальная ценность и эффективность правовой нормы» (Казань, 1977. – 147 с.)	Печ.	В межвузовском сб.: Актуальные проблемы ответственности за экономическую систему СССР. Горький: ГВШ МВД СССР, 1983. С. 188 – 192.	0,3	Байтин М.И. Бабаев В.К.

28.	Статья «Использование практики Верховного Суда в курсе теории государства и права»	Печ.	В сб.: Проблемы совершенствования коммунистического воспитания слушателей в вузах МВД СССР. Горький: ГВШ МВД СССР, 1984. С. 123 – 129.	0,5	–
29.	Учебно-методическое пособие «Курсовая работа по теории государства и права»	Печ.	Горьгий: ГВШ МВД СССР, 1984. – 121 с.	5	Галай Ю.Г. Гойман В.И. Кронский В.С. Альтшуллер М.Н.
30.	Статья «Юридическая квалификация правомерного поведения в процессе реализации норм советского права: понятие, необходимость, истинность»	Печ.	В сб.: Актуальные вопросы советского права (теория и практика). Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1985. С. 12 – 14.	0,3	–
31.	Статья «Повышение степени истинности законодательных понятий как средство совершенствования республиканского законодательства»	Печ.	В сб.: Проблемы совершенствования республиканской научной конференции. Ч. 1. Киев: Институт государства и права АН УССР, 1985. С. 115 – 120.	0,5	–
32.	Статья «Специализация как средство повышения степени истинности норм советского права и фактор упрочения социалистической законности»	Печ.	В межвузовском сб.: Развитие соц. государственности, законности и демократии в свете решений XXVI съезда КПСС и Конституции СССР. Калинин: Изд-во Калининск. Ун-та, 1985. С. 26 – 36.	0,8	Сенякин И.Н.
33.	Социалистическое право как ценность. Рецензия на монографию Рабиновича П.М. «Социалистическое право как ценность» (Львов: Вища школа, 1985. – 166 с.)	Печ.	В сб.: Вопросы идеологической, массово-политической работы в органах внутренних дел. Ленинград: ВВПУ МВД СССР, 1985. С. 154 – 157.	0,3	Сальников В.П.
34.	Книги о правомерном поведении личности. Обзорная рецензия на монографии Нурпиесова Е.К. «Психология правомерного поведения» (Алма-Ата, 1984. 128 с.) и Оксамытного В.В. «Правомерное поведение личности» (Киев: Вища школа, 1985. – 176 с.)	Печ.	Сов. гос-во и право. 1986. № 6. С. 142 – 145.	0,3	Гольман В.И.
35.	Логико-гносеологические и онтологические аспекты социалистического правосознания и правовой активности. Обзорная рецензия на монографию Сапун В.А. «Социалистическое правосознание и реализация советского права» (Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1984. 122 с.) и Шафирова	Печ.	В межвузовском сб.: Обеспечение охраны социалистической собственности в современных условиях. Горький: ГВШ МВД СССР, 1986. С. 181 – 189.	0,5	Бабаев В.К. Гойман В.И.

	В.М. «Правовая активность советских граждан. Вопросы теории» (Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1982. – 120 с.				
36.	Статья «Презумпция истинности норм советского права (к методологии исследования)»	Печ.	В межвузовском сб.: Методологические проблемы государства и права. Куйбышев: Изд-во Куйбышевск. ун-та, 1986. С. 103 – 115.	0,7	–
37.	Статья «О законодательном определении понятия «не трудовой доход» (логико-гносеологические и юридические проблемы)»	Печ.	В сб.: Проблемы борьбы с нетрудовыми доходами. Горький: ГВШ МВД СССР, 1987. С. 23 – 25.	0,2	–
38.	Статья «О повышении степени истинности правового закрепления деятельности (на примере охраны социалистической собственности)»	Печ.	В межвузовском сб.: Социально-правовые проблемы борьбы с посягательствами на соц. экономику. Горький: ГВШ МВД СССР, 1987. С. 120 – 128.	0,7	–
39.	Истинность как свойство норм советского права. Глава монографии	Печ.	В кн.: Нормы советского права. Проблемы теории. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 114 – 156. Рец. Правоведение. 1990. № 4.	2,2	–
40.	Правовая система социализма. Рецензия на коллективную монографию «Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи». Кн. 1. Отв. ред. Васильев А.М. М.: Юрид. лит., 1986. – 368 с.	Печ.	Сов. гос-во и право. 1987. № 7. С. 123 – 125.	0,3	Бабаев В.К.
41.	Статья «Правовое состояние как категория юридической науки»	Печ.	В кн.: Пути повышения эффективности политической работы в органах внутренних дел в свете решений XXVIIсъезда КПСС. Л.: ВВПУ МВД СССР им. 60-летия ВЛКСМ, 1987. С. 83 – 86.	0,3	–
42.	Учебно-методическое пособие «Юридический словарь по теории государства и права»	Печ.	Горький, 1987. – 61 с.	3	БабаевВ.К. Гойман В.И.
43.	Монография «Об истинности законодательных понятий»	Печ.	Горький, 1987. – 203 с. Депонирована в ИНИОН АН СССР №29206 от 22.04.87 г. Библиографический указатель ИНИОН АН СССР «Новая советская литература по общественным наукам. Гос-во и право.	9	–

			1987. № 10. С. 36.		
44.	Брошюра «Методические рекомендации работникам органов внутренних дел по применению Закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности»	Печ.	Горький, 1987. – 58 с.	3,7	–
45.	Государственные рекомендации: Юридическая природа, значение, эффективность. Рецензия на монографию Кулапова В.Л. «Рекомендательные нормы советского права» (Саратов, 1987.)	Печ.	В сб.: Организационно-правовые меры борьбы с нетрудовыми доходами. Горький: UDI МВД СССР, 1988. С. 170 – 179.	0,6	Бабаев В.К.
46.	Статья «Систематизация юридических актов как элемент содержания практического обучения слушателей»	Печ.	В сб.: Совершенствование содержания обучения специалистов для аппарата БХСС. Горький: ГВШ МВД СССР, 1988. С. 40 – 49.	0,5	–
47.	Монография «Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики»	Печ.	Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1989. – 400 с. Рец.: Радянское право. 1989. № 11; Актуальные проблемы политической работы в органах внутренних дел в свете решений XIX Всесоюзной партийной конференции. Сб. научных трудов. Л., 1989. С. 165 – 166; Сов. гос-во и право. 1990. № 3; Теоретические организационно-правовые проблемы применения наказания. Сб. научных трудов. Уфа, 1990. С. 170 – 175.	2,5	–
48.	Истинность законодательства как предпосылка формирования советского правового государства. Выступление на Круглом столе журнала «Советское государство и право» «Личность в социалистическом правовом государстве»	Печ.	Сов. гос-во и право. 1989. № 10. С.32 – 33.	0,2	–
49.	Рецензии на монографию Бойко Л.М. «Совершенствование законодательной техники в условиях социально-экономического развития советского общества» (Ташкент, 1988) и монографию Кожевникова С.Н. «Советский образ жизни и факторы его совершенствования (государственно-правовой аспект)» (Свердловск, 1988)	Печ.	В сб.: Система коммунистического воспитания в вузах МВД СССР и пути ее совершенствования. Горький: UDI МВД СССР, 1988. С. 163 – 174.	0,5	Бабаев В.К.
50.	Монография «Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры	Печ.	Л.: ЛВВПУ МВД СССР, 1989.	5	Сальников В.П. Кронский В.С.

	деятельности внутренних дел»				
51.	Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук «Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики»	Печ.	М.: Академия МВД СССР, 1990. – 33 с.	2	–
52.	Статья «Охрана социалистической собственности в системе функций Советского государства»	Печ.	В сб.: Функция охраны соц. Собственности в условиях перестройки. Горький: ГВШ МВД СССР, 1990. С.8 – 26.	1	Глебов А.П.
53.	Предисловие «Совершенствовать правовые гарантии развития и защиты социалистической собственности»	Печ.	В сб.: Функции охраны соц. Собственности в условиях перестройки. Горький: ГВШ МВД СССР, 1990. С. 3 – 7.	0,2	Черников В.В.
54.	Статья «О логико-гносеологической и юридической природе состояния»	Печ.	В межвуз. Науч. Сб.: Вопросы теории государства и права. Вып. 9. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1990. С. 36 – 54.	1	Байтин М.И.
55.	Статья «Принцип объективной истины советского правотворчества, его роль в укреплении правовой основы»	Печ.	В межвуз. Сб.: Укрепление правовой основы – закономерность развития Советского государства. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. Ун-та, 1990. С. 92 – 104.	0,8	–
56.	Право. Справедливость. Законность. Рецензия на монографию Блувштейна Ю.Д. «Уголовное право и социальная справедливость» (Минск, 1987)	Печ.	Сб. науч.трудов: Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел. Л.: ВПУ МВД СССР, 1990. С. 150 – 156.	0,6	Листков А.Н. Сальников В.П.
57.	Выступление на «Круглом столе» журнала «Советское государство и право» на тему «Исполнение законов»	Печ.	Сов. Гос-во и право. 1991. № 7. С. 3 – 5.	0,3	–
58.	Поисковые темы курсовых работ и научных докладов по общей теории советского права (организационно-методологическое и справочно-библиографическое пособие для слушателей дневного и заочного факультетов)	Печ.	Н. Новгород: НВШ МВД СССР, 1991. 28 с.	10,5	–
59.	Методические рекомендации слушателям дневной и заочной форм обучения для подготовки к государственным экзаменам по теории государства и права	Печ.	Н. Новгород: НВШ МВД СССР, 1991. – 28 с.	1,2	Альтшуллер М.Н.
60.	Программа «Общая теория права». Инициативный действующий проект	Печ.	Н. Новгород: НВШ МВД СССР, 1991. – 38 с.	1,6	Бабаев В.К.

61.	Общая теория права. Методические рекомендации к планам семинарских и практических занятий для слушателей 1 курса дневного факультета	Печ.	Н. Новгород, 1991. – 95 с.	4	Альтшуллер М.Н. Никитин А.В. Тостик В.А.
62.	Действие права и развитие демократии	Печ.	Демократия и законность: проблемы развития и соотношения. Межвуз. сборник. Самара: Изд. Самарс. Ун-та, 1991. С. 151- 157.	0,4	Гойман В.И. Сальников В.П.
63.	Рецензия на программу курса «Теория государства и права» (М., 1992)	Печ.	Гос-во и право. 1992. № 10. С. 35 - 38.	0,3	Бабаев В.К.
64.	Словарь категорий и понятий общей теории права.	Печ.	Н. Новгород: НВШ МВД РФ, 1992. – 98 с.	5,2	Бабаев В.К. Гойман В.И.
65.	Выступление на «Круглом столе» журнала «Государство и право» на тему «Законодательство в Российской Федерации: теоретические вопросы, проблемы и перспективы»	Печ.	Гос-во и право. 1992. № 10. С. 14 – 15.	0,3	–
66.	Эффективность уголовно-правовой политики. Рецензия на монографию Коробеева А.И., Усса А.В., Голика Ю.В. «Уголовная политика: тенденции и перспективы» (Красноярск, 1991. – 240 с.)	Печ.	Межвуз. сб. науч. трудов. Уголовно-правовые и криминологические проблемы охраны экономической системы. Н. Новгород, 1993. С. 208 – 213.	0,4	Сальников В.П. Милюков С.Ф.
67.	Выступление на «Круглом столе» журнала «Государство и право» на тему «Юридическое образование в России в современных условиях: новые подходы и модели»	Печ.	Гос-во и право. 1993. № 2. С. 18 – 20.	0,3	–
68.	Проблемы взаимосвязанного преподавания общей теории права и политологии.	Печ.	Проблемы гуманитарного образования в вузах МВД РФ. Материалы Всероссийской научно-методической конференции, 14 – 15 апреля 1993 г. СП., 1993. С. 63 – 67.	0,3	Толстик В.А.
69.	Проблемы преподавания политологии и юриспруденции.	Печ.	Право и политика. Тезисы докладов Российской научно-практической конференции. Ярославль, 1993. С. 78 – 90.	0,3	Толстик В.А.
70.	Основы государства и права. Учебное пособие для поступающих в НВШ МВД РФ.	Печ.	Н. Новгород, 1993. С. 3 – 4, 17 – 19, 27 – 36.	1	–
71.	Статья «Мир референдума»	Печ.	Нижегородский рабочий. 1993. 26 февраля.	0.4	–

72.	Статья «Гипертрофия местной власти»	Печ.	Нижегородские новости. 1993. 30 марта	0,4	–
73.	Статья «Юридическая норма или правовая тенденция»	Печ.	Нижегородские новости. 1993. 29 апреля.	0,6	–
74.	Формы (источники) права. Лекция.	Печ.	Общая теория права. Курс лекций. Под ред. Бабаева В.К. Н. Новгород, 1993. С. 247 – 265. Рец.: Гос-во и право. 1994. № 5. С. 82 – 107; Нижегородские юридические записки. Вып. 1. Н. Новгород, 1995. С. 194 – 197.	1	–
75.	Рецензия на монографию Сенякина И.Н. «Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики». Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1993. – 194 с.	Печ.	Гос-во и право. 1993. № 8. С. 156 – 158.	0,3	Бабаев В.К. Кожевников С.Н.
76.	Систематизация нормативных правовых актов.	Печ.	Н. Новгород, 1993. – 40 с.	2,1	Рахманина Т. Сырых В.М.
77.	Выступление «Зарубежный конституционный опыт и концептуальные ориентиры преподавания теории права» на межвузовской научно-практической конференции «Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел России» (Санкт-Петербург, 27 – 28 мая 1993г.)	Печ.	Гос-во и право. 1993. № 12. С 30.	0,2	–
78.	Статья «Государственное поощрение как средство активизации деятельности граждан по охране собственности» и предисловие к сборнику.	Печ.	Повышение правоохранительной активности граждан в обеспечении перехода к рынку. Н. Новгород, 1993. С. 3 – 6, 36 – 44.	1,2	Налбандян А.С.
79.	Проблема личности и социальная ответственность. Рец. на монографию Шабурова А.С. «Социальная ответственность личности в условиях перестройки». Свердловск, 1990. 167 с.	Печ.	Повышение правоохранительной активности граждан в обеспечении перехода к рынку. Межвузовский тематический сборник. Ч. 2. Н. Новгород, 1993. С. 57 – 63.	0,4	Сальников В.П. Янгол Н.Г.
80.	Качество закона. Рец. на монографию Миренского Б.А. «Методологические основы и методы совершенствования законодательства» Нукус, 1990 – 190 с.	Печ.	Повышение правоохранительной активности граждан в обеспечении перехода к рынку. Межвузовский тематический сборник. Ч. 2. Н. Новгород, 1993. С. 64 – 68.	0,3	Толстик В.А.
81.	Правовое государство и язык закона. Рец. на монографию «Язык	Печ.	Повышение правоохранительной активности граж-	0,3	Сальников В.П.

	закона». М., 1990. – 192 с.		дан в обеспечении перехода к рынку. Межвузовский тематический сборник. Ч. 2. Н. Новгород, 1993. С. 69 – 73.		Бородин В.В.
82.	Поведение человека как предмет уголовно-правового регулирования. Рец. на монографию Петровой Г.О. «Уголовно-правовое регулирование деятельности человека» Ставрополь, 1991. – 112 с.	Печ.	Повышение правоохранительной активности граждан в обеспечении перехода к рынку. Межвузовский тематический сборник. Ч. 2. Н. Новгород, 1993. С. 81 – 84.	0,3	Бабаев В.К. Панченко П.Н.
83.	Совершенствование правового воспитания молодежи в условиях перехода к рынку (на материалах конкретно-социологического исследования)	Печ.	Н. Новгород, 1994. – 27 с.	1,5	Карташов В.Н.
84.	Правовой статус полиции: международные стандарты и российской законодательство. Выступление на международном симпозиуме «Права человека и статус правоохранительных органов» (С.-Петербург, март 1994 г.)	Печ.	Гос-во и право. 1994. № 11. С. 96.	0,2	Мелешников А.В.
85.	Рецензия на «Курс лекций по теории государства и права» (Саратов, 1993)	Печ.	Правоведение. 1994. № 2. С. 120 – 121.	0,2	Кожевников С.Н. Толстик В.А.
86.	Статья «Перед кем ответственна представительная власть?»	Печ.	Нижегородские новости. 1995. 31 января.	0,3	–
87.	Статья «Проблемы преемственности в формировании правовых понятий»	Печ.	Вестник учебного отдела № 3. Материалы межкафедрального семинара по проблемам активных форм обучения. Н. Новгород, 1995. С. 63 – 65.	0,3	Толстик В.А.
88.	Учебная программа «Общая теория права. Инициативный действующий проект»	Печ.	Н. Новгород: НВШ МВД РФ, 1995. – 32 с.	1,8	Бабаев В.К.
89.	Статья «Об относительной самостоятельности учебного курса «Общая теория права» и целесообразности его преподавания в вузах МВД России»	Печ.	Вопросы теории и практики преподавания учебных курсов теории и истории государства и права в современных условиях. Уфа, 1995. С. 12 – 15.	0,4	Толстик В.А.
90.	Основы Конституции Российской Федерации. Учебное пособие для абитуриентов.	Печ.	Н. Новгород, 1995. – 205 с.	9	Евдокимов С.В.
91.	Монография «Основы гражданского образования» Глава «Право»	Печ.	Н. Новгород, 1995.	4,5	–

92.	Учебно-методическое пособие « Дипломная работа по общей теории права»	Печ.	Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1995. – 42 с.	2,5	Кожевников С.Н. Толстик В.А.
93.	Выступление на международной научно-практической конференции «Безопасность человека и преступность» на тему «Законодательное определение понятия «Безопасность человека»	Печ.	Гос-во и право. 1995. № 2. С. 115.	0,2	–
94.	Зарубежный конституционный опыт и концептуальные ориентиры преподавания теории права // Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел РФ. Материалы межвузовской научно-практической конференции 27 – 18 мая 1993 г. Ч. 2.	Печ.	СПб., 1995. С. 39 – 45.	0,5	–
95.	Основы Конституции РФ. Учебное пособие для абитуриентов, поступающих в юридические вузы.	Печ.	СПб., Изд-во юрид. ин-та МВД РФ, 1996. – 193 с.	9	Евдокимов С.В. Салников В.П.
96.	Выступление на Всероссийской научно-практической конференции « Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия» на тему «Теория права и новые реалии функционирования международного права»	Печ.	Гос-во и право. 1996. № 4. С. 38 – 40.	0,3	–
97.	О научно-методических проблемах современной социологии права». Рецензия на учебник Кудрявцева В.П. «Современная социология права» М.: Юрид. лит., 1995. – 297 с.	Печ.	Нижегородские юридические записки. Вып. 2. Н. Новгород, 1996. С. 137 – 139.	0,4	Мелешников А.В.
98.	О гражданской самозащите	Печ.	В сб.: Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского «Правовые средства и методы защиты законопослушного гражданина». Под ред. В.Т. Томина, И.А. Склярова. Н. Новгород, Изд-во ННГУ, 1996. С. 9 – 20.	1	–
99.	Поисковые темы научных и учебных исследований по общей теории права. Организационно-методическое и справочно-библиографическое пособие для адъюнктов и слушателей.	Печ.	СПб.: С.-Петербургский юрид. ин-т МВД РФ, 1996. – 417 с.	26	Сальников В.П.
100.	Статья «Теория права в контексте проблем взаимодействия международного и российского права»	Печ.	Российская правовая система и международное право: современные про-	0,5	–

			блемы взаимодействия. Ч. 1. Н. Новгород, 1996. С. 56 – 62.		
101.	Предисловие к сб. «Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия»	Печ.	Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Н. Новгород, 1996. С. 3 – 4.	0,1	Мелешников А.В.
102.	Статья «Лекция-диспут по общей теории права: методика организации и проведения»	Печ.	Вестник учебного отдела НЮИ МВД РФ. Н. Новгород, 1996. № 4. С. 66 – 71.	0,4	–
103.	Курсовая работа по общей теории права. Методические указания по написанию, оформлению и защите.	Печ.	Н. Новгород, 1997 – 17 с.	1	–
104.	Учебно-методическое пособие для слушателей по подготовке и защите дипломных работ по юридическим дисциплинам	Печ.	Ростов н/Д: РВШ МВД РФ, 1996. – 36.	2,1	Баранов П.П.
105.	Статья «О правовой демагогии» // Право. Власть. Законность. Нижегородские юридические записки. Вып. 3.	Печ.	Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. С. 10 – 28.	1	–
106.	Общая теория права. Краткая энциклопедия	Печ.	Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. – 200 с.	10,5	Бабаев В.К.
107.	Статья «Корпоративные и правовые нормы: некоторые проблемы взаимодействия в современной России» // Власть и общественность: социальные аспекты взаимодействия.// Н. Новгород, 1997. С. 135 – 146.	Печ.		0,7	–
108.	Статья-персоналия «К юбилею академика М.И. Байтина» // Право. Власть. Законность. Нижегородские юридические записки. Вып. 3.	Печ.	Н. Новгород, 1997. С. 215 – 218.	0,3	–
109.	Общая теория права (опыт тематической библиографии)	Печ.	Ростов н/Д, 1997. – 512 с. Рец.: Гос-во и право. 1998. № 6.	27	Баранов П.П.
110.	Статья «Акты гражданской самозащиты в системе правовых отношений Российской Федерации» // Правовые отношения в условиях социально-экономических преобразований. Сб. научных статей	Печ.	Владимир: Юрид. ин-т МВД РФ, 1997. С. 5 – 19.	1	–
111.	Учебное пособие «Основы Конституции Российской Федерации»	Печ.	Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. – 202 с.	11,2	Евдокимов С.В.
112.	Учебное пособие «Основы Конституции Российской Федерации».	Печ.	Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1998 - 215	12	Евдокимов С.В.

	Изд. 3-е.				
113.	Выступление на «Круглом столе» журнала «Государство и право» на тему «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву»	Печ.	Гос-во и право. 1998. № 7. С. 20 – 21, 27 – 29.	0,4	–
114.	Антология юридического анекдота.	Печ.	Ростов н/Д, 1998. – 704 с.	44	Баранов П.П.
115.	Конституционная законность и демократия. Рецензия на монографию Эбзеева Б.С. «Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд» (М., 1997) // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия. Ч. 2. Под ред. В.М. Баранова	Печ.	Н. Новгород, 1998. С. 214 – 220.	0,3	Кронский В.С.
116.	Нравственность и уголовный процесс. Рецензия на монографию Т.Н. Москальковой «Этика уголовно-процессуального доказывания» (М., 1996)	Печ.	Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия. Ч. 2. Под. ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 1998. С. 221 – 229.	0,4	Ковтун Н.Н.
117.	Право и язык. Рецензия на монографию Н.А. Власенко «Язык права» (Иркутск, 1997) // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия. Ч. 2. Под ред. В.М. Баранова.	Печ.	Н. Новгород, 1998. С. 230 – 239.	0,5	Туранский И.И.
118.	Систематизация и кодификация нормативно-правовых актов. Лекция.	Печ.	Н. Новгород, 1998. – 64 с.	2,7	–
119.	Теория права и государства в схемах и определениях. Учебное пособие	Печ.	М.: «Юрист», 1998. – 251 с.	5,3	Бабаев В.К. Толстик В.А.
120.	Теория юридической ответственности. Лекция.	Печ.	Н. Новгород, 1998. – 57 с.	3	–
121.	История философии права. Главы 2 и 4 объемом 221 стр.	Печ.	СПб., 1998. – 640 с.	11	Сальников В.П. Альбов А.П. Идрисов З.Ш. Масленников Д.В. Чеговадзе Л.А. Пешков А.И.
122.	К теории ограничения прав человека (вместо введения) // Теория и	Печ.	Н. Новгород, НЮИ МВД РФ, 1998. С. 3 – 5.	0,2	–

	практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Сборник научных трудов. Часть 1. Под. ред. В.М. Баранова.				
123.	Статья «Удовлетворение справедливых требований морали» как цель ограничения прав и свобод человека // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Сб. науч. тр. Ч. 1. Под ред. В.М. Баранова.	Печ.	Н. Новгород, НЮИ МВД РФ, 1998. С. 19 – 29.	0,8	–
124.	Статья «Правовая демагогия: природа, формы проявления, социальная опасность»	Печ.	Северо-Кавказский юридический вестник. Ростов н/Д, 1998. С. 13 - 31	1	–
125.	Конституционное право зарубежных стран. Учебно-методическое пособие.	Печ.	Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1998. – 105 с.	6	Пшеничнов М.А.
126.	Мир права в афоризмах, мудрых мыслях, эпиграммах.	Печ.	Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 1999. – 153 с.	8	Идрисов З.Ш.
127.	Статья «Юридическая герменевтика и задачи философии права»	Печ.	Философия права как учебная и научная дисциплина. Материалы Всероссийской научной конференции 18 – 29 апреля 1999 года. Под ред. проф. Баранова П.П., Верещагина В.Ю. // Ростов н/Д: Ростовский юрид. ин-т МВД РФ, 1999. С. 89 – 93.	0,3	Крусс В.И.
128.	Статья «Философия права как неотъемлемый элемент энциклопедии права»	Печ.	Философия права как учебная и научная дисциплина. Материалы Всероссийской научной конференции 18 – 29 апреля 1999 года. Под ред. проф. Баранова П.П., Верещагина В.Ю. // Ростов н/Д: Ростовский юрид. ин-т МВД РФ, 1999. С. 93 - 95.	0,2	–
129.	Статья «О законодательном определении категории «частная жизнь» (логико-гносеологические и юридико-психологические проблемы)»	Печ.	Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни. Сб. науч. тр. Ч. 1. Под ред. Баранова В.М. // Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999. С. 31 – 39.	0,5	–
130.	Тайна частной жизни и уголовно-процессуальный закон. Обзорная рецензия на монографии Смоль-	Печ.	Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни.	0,3	Бондарь И.В. Ковтун Н.Н.

	ковой И.В. «Тайна и уголовно-процессуальный закон» (М., 1997) и «Частная жизнь граждан: основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства» (М., 1997)		Сб. науч. тр. Ч. 1. Под ред. Баранова В.М. // Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999. С. 220 - 226.		
131.	О форме (источниках) конституционного права. Рецензия на монографию Колесникова Е.В. «Источники конституционного права» (Саратов, 1998 – 196 с.)	Печ.	Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни. Сб. науч. тр. Ч. 1. Под ред. Баранова В.М. // Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999. С. 236 - 249.	0,8	Евдокимов С.В. Лапшин И.С. Пшеничнов М.А.
132.	Статья «Систематизация нормативно-правовых актов России с позиции международно-правовых стандартов»	Печ.	Современное состояние Российского законодательства и его систематизация. Материалы «Круглого стола» журнала «Государства и право» (23 – 24 сентября 1998 года, Тула) // Москва: Юрид. ин-т МВД РФ, 1999. С. 6 – 13.	0,5	Пшеничнов М.А.
133.	Выступление на «Круглом столе» журнала «Государство и право» на тему «Современное состояние российского законодательства и его систематизация»	Печ.	«Государство и право». 1999 № 3. С. 26 - 27	0,2	Пшеничнов М.А.
134.	Теория государства и права. Учебник. Под ред. В.К. Бабаева.	Печ.	Москва: Юрист, 1999, Главы – 15, 19, 28. Глава 17. С. 265 – 281, 301 – 319, 351 – 368, 504 – 525.	3	– Русинов Р.К. Сальников В.П. Семитко А.П.
135.	Юридическая техника: природа, основные приемы, значение. Ретроспективный библиографический указатель.	Печ.	Н. Новгород, 1999 – 175 с.	6,5	–
136.	Обществознание. Пособие для поступающих в Нижегородский юридический институт МВД РФ.	Печ.	Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999. С. 95 – 150.	2,5	Евдокимов С.В., Ершов Н.Н., Лопатников В.А., Толстик В.А.
137.	Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов.	Печ.	Москва – Н. Новгород, 1999 – 17 с.	1	Рахманина Т.Н., Тихомиров Ю.А., Сырых В.М.
138.	Статья «Проблемы обеспечения соответствия Конституции России международным стандартам в области прав человека»	Печ.	Российский конституционализм: проблемы и решения (материалы международной конференции). //	0,4	Пшеничнов М.А.

			Москва: Институт государства и права РАН, 1999. С. 205 – 210.		
139.	Статья «Воспитание гражданина: другие приоритеты»	Печ.	Нижегородские новости. Н. Новгород, 1999. 14 апреля.	0,2	–
140.	Общая теория права: учебно-методический комплекс.	Печ.	Н. Новгород: Нижегородская правовая академия. 1999. – 134 с.	7	Никитин А.В.
141.	Общая теория права (ретроспективный библиографический тематический указатель)	Печ.	Ростов н/Д, 1999. – 856 с.	53,5	Баранов П.П.
142.	Антология юридического некролога	Печ.	Ростов н/Д, 1999. – 604 с.	75,5	Бабаев В.К. Баранов П.П.
143.	Статья «К вопросу о соответствии юридических обязанностей общенационального и регионального уровней»	Печ.	Правовая реформа: пути совершенствования. Материалы научно-практической конференции 15 – 16 марта 1999 г. // Ставрополь, 1999. С. 59 – 70.	0,5	Пшеничнов М.А., Хачатуров К.В.
144.	Предисловие к сборнику статей «Проблемы юридической техники»	Печ.	Н. Новгород, 2000. С. 8 – 15.	0,3	–
145.	Статья «Юридическая техника законотворчества в России и Украине: опыт сравнительно-правового анализа	Печ.	Проблемы юридической техники. Сб. статей. Под ред. Баранова В.М. Н. Новгород, 2000. С. 67 – 80.	0,6	Рабинович П.М.
146.	Статья «Примечания в российском праве: природа, виды, проблемы реализации»	Печ.	Проблемы юридической техники. Сб. статей. Под ред. Баранова В.М. Н. Новгород, 2000. С. 338 – 402.	2,7	Кондаков Д.С.
147.	Сценарий компьютерного урока «Юридические конструкции»	Печ.	Проблемы юридической техники. Сб. статей. Под ред. Баранова В.М. Н. Новгород, 2000. С. 725 – 736.	0,5	Мареев Ю.Л.
148.	Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника»	Печ.	Проблемы юридической техники. Сб. статей. Под ред. Баранова В.М. Н. Новгород, 2000. С. 737 – 750.	0,6	Варьяс М.Ю. Салыгин Е.Н.
149.	Запоздалые заметки о правовых фикциях. Обзорная рецензия классических трудов Д.И. Мейера, Г.с. Мэна, Г.Ф. Дормидонтова.	Печ.	Проблемы юридической техники. Сб. статей. Под ред. Баранова В.М. Н. Новгород, 2000. С. 783 – 802.	0,9	Курсова О.А.
150.	Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов. Изд-е 2-е, дополнения.	Печ.	Проблемы юридической техники. Сб. статей. Под ред. Баранова В.М. Н. Новгород, 2000. С. 803 –815.	0,5	Рахманина Т.Н., Тихомиров Ю.А. Сырых В.М.
151.	Статья «Инвективная (бранная)	Печ.	Концепция кадровой поли-	0,4	Куманеев В.В.

	лексика как культурно-воспитательная проблема»		тики МВД России и пути совершенствования кадровой и воспитательной работы с личным составом: состояние, опыт, проблемы. Труды выступлений участников научно-практической конференции от 28 апреля 1999 г. Под ред. В.В. Куманеева. Н. Новгород, 2000. С. 24 – 32.		
152.	Выступление на научно-методическом семинаре «Юридическая техника» (Н. Новгород, 13 – 18 сентября 1999 года) на тему: «Юридическая техника законотворчества в России и Украине: опыт сравнительно-правового анализа».	Печ.	Юристъ. 2000. № 1. С. 60 – 61.	0,2	Рабинович П.М.
153.	Обществознание: Пособие для поступающих в нижегородский юридический институт МВД России / Отв. ред. В.Б. Першин – 2-е изд.	Печ.	Н. Новгород, 2000. С. 138 – 279.	7	Архипов А.М. Евдокимов С.В. Никитин А.В. Толстик В.А.
154.	Статья «Понятие и значение примечаний в современном Российском законодательстве»	Печ.	Юристъ. 2000. № 2. С. 61 – 64.	0,3	–
155.	Проект концепции правового обеспечения экономической безопасности Приволжского Федерального округа.	Печ.	Портфель. Деловой инф. журнал. 2000. № 7.С. 2 - 14	1	Бабаев В.К. Аврамцев В.В. Карнаухов С.С. Хужин С.М. Чупрова А.Ю.
156.	Система права, система законодательства и правовая система. Учебное пособие.	Печ.	Н. Новгород, 2000. – 63 с.	3,3	Поленина С.В.
157.	Рецензия на монографию Тихомирова Ю.А. «Коллизионное право» (2000)	Печ.	Государство и право, 2000. № 7. С. 122 – 126.	0,3	Пшеничнов М.А.
158.	Статья «Суверенитет республики: реальность и закон».	Печ.	Российская газета. 2000. 30 сентября.	0,2	Лапшин И.С.
159.	Статья «Срочно! В Париж, по делу, или что делать в субъектах Российской Федерации»	Печ.	Российская газета. 2000. 7 октября.	0,3	Мелешников А.В.
160.	Статья «Конституционное судопроизводство в субъектах Российской Федерации»	Печ.	Россия и её субъекты: право и политика. Научно-практический журнал (г. Москва). 2000. № 1. С. 19 – 32.	0,8	Пшеничнов М.А.
161.	Статья «Преемственность ответ-	Печ.	Проблемы правовой ответ-	0,5	Пшеничнов

	ственности государства в контексте гармонизации международного права и российского законодательства»		ственности государства, его органов и служащих. Материалы «Круглого стола» журнала «Государство и право» 25 – 26 мая 1999 года. Белгород. 2000. С. 27 – 34.		М.А.
162.	Статья субъективное право и юридическая обязанность: проблемы гармонизации»	Печ.	Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Вып. 1. Владимир, 2000. С. 5 – 29.	1	Пшеничнов М.А.
163.	Статья «Теория юридического конфликта: философские и социолого-правовые аспекты»	Печ.	Юрист-правовед. 2000. № 1. С. 22 – 28.	0,4	Худойкина Т.В.
164.	Статья «Мир права» - новое в юридическом пространстве.	Печ.	Мир права. 2000. № 2. С. 1.	0,2	–
165.	Обзор «Юридическая техника и экологическое право: фрагменты обзора материалов научно-методического семинара»	Печ.	Экологическое право. Федеральный журнал. Издательская группа «Юрист», 2000. № 2. С. 45 – 46.	0,2	Кузнецов А.П. Изосимов С.В.
166.	Статья «Государственно-правовое воздействие на частную жизнь граждан в современной России: философско-правовой анализ».	Печ.	Философия права. 2000. № 2. С. 33-37.	0,6	Головкин Р.Б.
167.	Статья «О природе и роли примечаний в действующем российском законодательстве».	Печ.	Государство и право. 2000. № 12. С. 87-88.	0,3	–
168.	Предисловие к сборнику статей в 2-х томах. «Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование». Том 1.	Печ.	Н. Новгород, 2001. – с. 6-8.	0,3	–
169.	Статья «Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации».	Печ.	Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Сборник статей в 2-х томах. Том 1. Н. Новгород, 2001. – с. 82-133.	0,3	–
170.	Статья «Юридико-технические способы обеспечения преимущества специального закона перед общим».	Печ.	Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Сборник статей в 2-х томах. Том 1. Н. Новгород, 2001. – с. 298-312.	0,8	Сенякин И.Н.
171.	Статья «Законотворческие ошибки: понятие и типология».	Печ.	Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Сборник	0,7	Сырых В.М.

			статей в 2-х томах. Том 1. Н. Новгород, 2001. – с. 384-395.		
172.	«Законность и технико-юридическое обеспечение прав граждан. Полемические заметки о процессуальных проблемах расследования преступлений». Рецензия на монографию Михайленко А.Р. «Расследование преступлений: Законность и обеспечение прав граждан» (Киев, 1999. – 448 с.).	Печ.	Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Сборник статей в 2-х томах. Том 2. Н. Новгород, 2001. – с. 528-537.	0,5	Ковтун Н.Н.
173.	Параграф третий «Поощрительные нормы российского права и их значение в деятельности органов внутренних дел» главы одиннадцатой учебника «Теория права и государства». Под ред. проф. В.В. Лазарева	Печ.	М.: Право и закон, 2001. – с. 193-198.	0,3	–
174.	Статья «Правовая культура и юридическая демагогия в современной России: некоторые аспекты соотношения»	Печ.	Правовая культура в России на рубеже столетий. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (16-17 февраля 2001 года). Под ред. проф. Н.Н. Вопленко. Волгоград, 2001. С. 110-111.	0,3	–
175.	Институт аналогии в уголовном судопроизводстве. Рецензия на монографию Белоносова В.О. и Горожанина А.В. «Аналогия в уголовном процессе России» (Самара, 2001. – 140 с.)	Печ.	Криминологические проблемы современного российского общества. Сборник научных трудов. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001. С. – 237-249.	0,7	Ковтун Н.Н.
176.	Статья «Личная инкорпорация нормативных актов как необходимое условие профессионализма и деловой культуры сотрудника службы БЭП»	Печ.	Взаимодействие главного управления Нижегородской области и Нижегородской академии МВД России в разрешении оперативно-служебных задач: состояние, проблемы и перспективы: Сборник тезисов выступлений. – Нижний Новгород: ГУВД Нижегородской области, 2001. С. 196-203.	0,4	Баранова М.В.
177.	Статья «О «коррупциогенности» норм права»	Печ.	Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции «Современные проблемы противодействия преступности» (17-18 мая 2001 года). – Воронеж, 2001. – С.	0,3	–

			6-7.		
178.	Экспертное заключение по Закону республики Башкортостан от 11 апреля 2000 года № 63 «О государственной символике республики Башкортостан»	Печ.	Нижегородский юрист. Сборник научных статей. Вып. 4. Нижний Новгород, 2001. С. 60-63.	0,1	–
179.	Статья «О правовой демагогии»	Печ.	Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Вып. 2. Владимир: ВГПУ, 2001. – с. 15-31.	0,9	–
180.	Статья «Международное сравнительное исследование проблем коррупции и борьбы с ней: опыт общетеоретического анализа»	Печ.	Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сборник статей / Под ред. д.ю.н. П.Н. Панченко, к.ю.н. А.Ю. Чупровой, к.ю.н. А.И. Мизерия. – Нижний Новгород, 2001. – с. 25-66.	2,1	Исаков В.Б.
181.	Статья «Информационное право и информационное общество: философские проблемы взаимодействия»	Печ.	Философия права. 2001. № 1. С. 14-19.	0,6	Баранова М.В. Яночкин С.И.
182.	Статья «Правовая гармонизация»	Печ.	Государство и право на рубеже веков (Материалы Всероссийской конференции). – М., 2001. – С. 26-31.	0,6	Пшеничнов М.А.
183.	Статья «Метод альтернатив в теории государства и права»	Печ.	Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения (Материалы научно-практической конференции). – Саратов: СГАП, 2001. – С. 24-26.	0,5	–
184.	Статья «О концепции законопроекта»	Печ.	Юрист. – 2001. № 7. – с. 51-52.	0,4	–
185.	Статья «Об интегративности идеи в философии права»	Печ.	Философия права. 2001. №2 (4) – С. 5-8.	0,5	Денисов С.А.
186.	Статья «Философско-юридические аспекты правоприминительного риска»	Печ.	Юристъ-Правоведъ. 2001. №2 (3). – С. 17-22.	0,8	Мамчун В.В.
187.	Тезис статьи «Правовая культура и юридическая демагогия в современной России: некоторые аспекты соотношения»	Печ.	Государство и право. 2001. №10. – С. 107.	0,2	–
188.	Статья «Послевузовское образование в России: проблемы и пер-	Печ.	Проблемы юридической науки в исследованиях	1	Пшеничнов М.А.

	спективы совершенствования»		докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов: В 2 ч. / Под ред. проф. В.М. Баранова и доц. М.А. Пшеничнова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001. – Вып. 7. – Ч. 1. – С. 5-26.		
189.	Статья «О концепции законопроекта»	Печ.	Юрист. – 2001. - № 7. – С. 51-52.	0,4	–
190.	Статья «Проблема соотношения общего и специального законодательства»	Печ.	Юрист. – 2001. - № 8. – С. 51-52.	0,4	Сенякин И.Н.
191.	«Законность и технико-юридическое обеспечение прав граждан». Рецензия на монографию Михайленко А.Р. «Расследование преступлений (Киев, 1999. – 448 с.)»	Печ.	Юрист. – 2001. - № 8. – С. 61-62.	0,4	Ковтун Н.Н.
192.	Статья «Правовая демагогия»	Печ.	Вопросы теории государства и права. Вып. 3 (12). – Саратов. – 2001. – С. 38-58.	1	–
193.	Статья «Об интегративности идеи в философии права»	Печ.	Философия права. 2001. № 2. С. 5-8.	0,7	Денисов С.А.
194.	Книга «Антология юридического анекдота»	Печ.	Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2001. – 745 с.	40	Баранов П.П. Идрисов З.Ш.
195.	Монография «Теневое право»	Печ.	Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. – 165 С.	8,7	–
196.	Учебно-методический комплекс «Рекламное право».	Печ.	Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002. – 268 с.	16	Баранова М.В. Черячукин Ю.В.
197.	«Содержание и техника нормотворчества муниципальных образований». Редакторское предисловие к сборнику статей «Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность»	Печ.	«Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность: Сборник статей» / Под ред. проф. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2002. – с. 6-8.	0,2	–
198.	Статья «Нормативно-правовые основы деятельности органов местного самоуправления по упрочению законности (на опыте Нижегородской области)»	Печ.	«Нормотворчество муниципальных образований России: содержание, техника, эффективность: Сборник статей» / Под ред. проф. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2002. –	1	–

			с. 186-202.		
199.	Статья «Судебные ошибки в процессе развития форм российского права»	Печ.	Судебная власть в России. Роль судебной практики: Учебное пособие / Сост. Ю.А. Тихомиров. – М.: ГУ-ВШЭ, 2002. – С. 40-54.	0,8	–
200.	Статья «Экономическая составляющая правонарушения»	Печ.	Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России 2002. - № 2. – С. 5-8.	0,4	–
201.	Статья «Категория «экономическая безопасность» в конституциях мира (опыт технико-юридического анализа)»	Печ.	Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России 2002. - № 2. – С. 9-15	0,7	Бабаев В.К.
202.	Рецензия на монографию Сенчагова В.К. «Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие» (М.; 2002. – 128 с.)	Печ.	Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России 2002. - № 2. – С. 175-181	0,4	Нино Н.С., Пшеничнов М.А.
203.	Статья «Гражданская самозащита как демократическое средство взаимосвязи социального управления и самоуправления (политико-правовые проблемы)»	Печ.	Управление и самоуправление в обществе: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции цикла «проблемы социального управления: методология, теория, практика». Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2002. – С. 29-34	0,8	–
204.	Статья «Философские основы соотношения языка права и текста закона»	Печ.	Философия права. – 2002. - № 1(5). – С.5-14	0,8	Белов В.А., Александров А.С., Баранова М.В.
205.	Учебное пособие «Система права, система и систематизация законодательства в правовой системе России»	Печ.	Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2002. – 239 с.	12,6	Поленина С.В.
206.	Статья «Реформа послевузовского образования в России: пути достижения гармонии (вместо пре-	Печ.	Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и	0,3	Пшеничнов М.А.

	дисловия)»		соискателей: Сборник научных трудов: В 2 ч. / Под ред. проф. В.М. Баранова и доц. М.А. Пшеничнова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. – Вып. 8. – Ч. 1. – С. 5–12.		
207.	Рецензия «О «хрестоматийных истинах» теории и государства и права. Рецензия на работу Теория государства и права: Хрестоматия: В 2 т. / Авт.-сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М., 2001. – Т. 1. – 620 с.; Т. 2. – 604 с.»	Печ.	Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 109–111.	0,4	–
208.	Статья «Риторика и право»	Печ.	Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во \ Алт. Ун-та, 2002. – С. 113-124	0,5	–
209.	Учебно-методический комплекс «Рекламное право». – 2-е изд., перераб. и доп.	Печ.	Нижний Новгород: Нижегородский коммерческий институт, 2003. – 291 с.	22	Баранова М.В., Черячукин Ю.В.
210.	Статья «О теневом праве»	Печ.	Журнал Новая правовая мысль. Нижний Новгород, 2002. - № 1. – С. 13-21	0,3	–
211.	Учебник «Теория государства и права» / Под ред. В.К. Бабаева	Печ.	М.: Юристъ, 2002. – С. 266-281, 301-319, 351-387, 504-525	5,6	Русинов Р.К., Сальников В.П., Семитко А.П.
212.	Глава «Региональное законотворчество: методология и техника преодоления противоречий»	Печ.	Монография «Становление гражданского общества: личность, самоуправление, власть. Под ред. проф.Т.Д. Зражевской – Воронеж: Воронежский гос. ун-т. – 2002. – С. 286-305	1,2	Пшеничнов М.А.
213.	Предисловие «О правозащитной системе»	Печ.	Российская и европейская правозащитные системы: соотношение и проблемы гармонизации: Сборник статей / Под ред. д.ю.н., проф. академика РАЕН и ПАНИ, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. Н. Новгород. – 2003. – С. 7-10	0,3	–
214.	Статья «Право российских граждан на свободу передвижения в	Печ.	Российская и европейская правозащитные системы:	1,2	–

	свете стандартов Совета Европы и роль органов внутренних дел в его обеспечении»		соотношение и проблемы гармонизации: Сборник статей / Под ред. д.ю.н., проф. академика РАЕН и ПАНИ, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород. – 2003. – С. 232-254		
215.	Рецензия на учебник «Теория государства и права», подготовленный профессором Л.А. Морозовой (М., 2002. – 414 с.)	Печ.	Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: в сборник статей / Отв. ред. В.Б. Першин. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – Вып. 4. – С. 219-229	0,6	–
216.	Статья «С водой выплескивают ребенка. Под флагом либерализации уголовного наказания хотят разрешить ложную рекламу»	Печ.	«Нижегородские новости». – 2003. 7 мая	0,2	Баранова М.В.
217.	Статья «Пределы судебного следствия по уголовным делам об оскорблении и клевете в СМИ»	Печ.	Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 года. Часть 2. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Галерия, 2003. – С. 27-32	0,4	Александров А.С.
218.	Статья «Референдум как деструктивный фактор в федеративных отношениях»	Печ.	Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов Под. ред. В.М. Баранова, А.В. Никитина. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – Вып. 1. – С. 3-14.	0,8	Лапшин И.С., Мелешников А.В
219.	Статья «Юридическое поручение (проблемы теории и практики)	Печ.	Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов Под. ред. В.М. Баранова, А.В. Никитина. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – Вып. 1. – С. 15-22	0,5	Слукина Е.В.
220.	Статья «Целесообразность уголовной ответственности за заведомо ложную рекламу (об одной ошибочной законодательной инициативе Президента России)	Печ.	Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов Под. ред. В.М. Баранова, А.В. Никитина. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. –	0,8	Баранова М.В.

			Вып. 1. – С.148-164		
221.	Учебное пособие «Концепция законопроекта»	Печ.	Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – 190 с.	11,5	–
222.	Рецензия на монографию Овчинникова А.И., Овчинниковой С.П. «Евразийское правовое мышление Н.Н.Алексеева» (Ростов-на-Дону 2002. – 264 с.).	Печ.	Философия права . 2003. №1 С.102 – 103.	0,2	–
223.	Правовая позиция как общетеоретический феномен	Печ.	Н.Новгород. 2003. – 132 с.	7,9	Степанков В.Г.
224.	Статья « Институт юридической ответственности за ненадлежащую рекламу в России: состояние, дефекты, пути совершенствования».	Печ.	Проблемы реформирования федерального и регионального законодательства: Сборник научных статей межрегиональной научно-практической конференции (г. Киров, 19-20 мая 2003 г.). – Киров: ВСЭИ, 2003. – 228 с. Стр. 168-193.	0,5	Баранова М.В.
225.	Статья «Предложение об исключении статьи 182 УК РФ «Заведомо ложная реклама» - серьёзная угроза конституционной защите прав потребителей».	Печ.	Российский судья №8 2003. №8 С.42 - 48.	1	Баранова М.В.
226.	Статья «Юридическое поручение как общетеоретический феномен (к методологии анализа)».	Печ.	Юрист 2003.№7 с.15 – 17.	0,4	Слукина Е.В.
227.	Теория государства и права: Учебно-методический комплекс.	Печ.	Н.Новгород: Нижегородская академия МВД. России, 2003. – 251 с.	15,37	Толстик В.А. Никитин А.В.
228.	Статья: «Концепция законопроекта и её роль в повышении эффективности принятия закона».	Печ.	Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара, 16 – 17 декабря 2002 года, г. Казань. – М.: Издание Государственной Думы, 2003. С.36 – 45.	0,86	–
229.	Эссе «Благодарность ученому и человеку (памяти А.Б. Венгерова)»	Печ.	Труды Московской государственной юридической академии. Сборник статей. № 10 С. 12-16.	0,29	–
230.	Статья «Методологические возможности синергетики в обосновании нормативного правопонимания»	Печ.	Труды Московской государственной юридической академии. Сборник статей. № 10 С. 106-110.	0,29	–
231.	Статья «Эффективное обеспечение правовых, оперативных и	Печ.	Вестник Нижегородской академии МВД России,	0,46	–

	профессионально-кадровых основ экономической безопасности России – главная задача коллектива Нижегородской академии МВД Российской Федерации» // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения.		2003, № 3. С. 5-9		
232.	Статья «Конституционная безопасность и её обеспечение в деятельности Конституционного Суда России: теория и практика».	Печ.	Вестник Нижегородской академии МВД России, 2003, № 3. С. 10-19.	1,05	Бондарь Н.С.
233.	Статья: «Право российских граждан на свободу передвижения в свете стандартов Совета Европы и роль органов внутренних дел в их обеспечении»	Печ.	Международное публичное частное право 2003. № 5 (14). С 55-56	0,3	–
234.	Статья «Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия».	Печ.	Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты: Сборник статей / Под ред. доктора юрид. наук, профессора, академика РАЕН и ПАНИ. Заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2004. С. 33 – 74.	2,37	–
235.	Рецензия на монографию В.Д. Сорокина «Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень)».	Печ.	Федеральный журнал «История государства и права», 2003. №6.	7,44	Макарейко Н.В.
236.	Статья: «Российское законодательство и международно-правовые стандарты (теоретические и практические проблемы гармонизации)».	Печ.	Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика, А.В. Никитина. – Н. Новгород: НА МВД России, 2004. – Вып. 4. С. 3 – 11.	0,6	–
237.	Исключение статьи 182 УК РФ «Заведомо ложная реклама»: экономическая целесообразность, политико-юридическая ошибка или победа лобби? Доклад к публичному диспуту.	Печ.	Н. Новгород, Нижегородская академия МВД России, 2004. – 31 с.	1,5	Баранова М.В.
238.	Статья: «Уголовно-правовая политика России в сфере рекламного бизнеса: политические ориентиры, экономическая целесообразность, ошибки реализации»	Печ.	Оптимизация уголовной политики и экономического правопорядка на основе положений Федерального закона от 08.12.03 г. №	1,56	Баранова М.В.

			162-ФЗ. Материалы региональной научно-практической конференции / Отв. ред. П.Н. Панченко. – Н.Новгород: Стимул – СТ, 2004. С. 42 – 67.		
239.	Статья: «Проблема правопонимания в контексте теорий текста постструктурализма и герменевтики»	Печ.	Право і лінгвстика // Матерали міждународної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р. – Сімферополь: ДОЛЯ, 2003. – Ч. 1. С. 26 - 33.	0,4	Александров А.С.
240.	Статья: «Оценочные понятия рекламного права России: дефекты и пути совершенствования»	Печ.	Право і лінгвстика // Матерали міждународної науково-практичної конференції: У 2-х ч., 18-21 вересня 2003 р. – Сімферополь: ДОЛЯ, 2003. – Ч. 1. С. 99 – 105.	0,3	Баранова М.В.
241.	Статья: «Спорные вопросы производства по делам об административных правонарушениях по делам о рекламе»	Печ.	Журнал «Реклама и право», ИГ «Юрист», М., 2004. № 1, С. 37-40	0,5	Макарейко Н.В.
242.	Статья: «Творчество продолжается: профессор Павел Николаевич Панченко»	Печ.	Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике: Монография / Под ред. доктора юридических наук, профессора В.М. Баранова. – Н. Новгород: НА МВД России; Нижегородский филиал Государственного университета – Высшая школа экономики, 2004. С. 6 – 14.	0,42	–
243.	Статья «Философские и общеправовые проблемы применения дисквалификации»	Печ.	Философия права, 2004. № 1. С. 5 – 11.	0,81	Макарейко Н.В.
244.	Методологические проблемы обеспечения общественной безопасности в условиях реформирования государственной службы. Рецензия на монографию Поздышова А.Е. «Государственная служба в сфере обеспечения общественной безопасности».	Печ.	Философия права, 2004. № 1. С. 107 – 113.	0,81	–
245.	Конституционное право на самозащиту в современной России (опыт критического анализа новейшего диссертационного исследования)	Печ.	Юристъ-правовед, 2004. № 1. С. 101 – 108.	0,93	Сиятскова Л.А.

246.	Статья: «Конституционное право на самозащиту: природа, функции, механизм осуществления».	Печ.	Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика, А.В. Никитина. – Н. Новгород: НА МВД России, 2004. – Вып. 5. С. 247-264.	1,02	Сиятскова Л.А.
247.	Статья: «Традиции юридической техники: российский и зарубежный опыт»	Печ.	Зарубежный опыт и национальные традиции в отечественном праве: Материалы всероссийского научно-методологического семинара. Санкт-Петербург. 28 – 30 июня 2004г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. С. 121 – 128.	0,4	–
248.	Статья: «Об исключении статьи 182 УК РФ «Заведомо ложная реклама»: экономическая целесообразность, политико-юридическая ошибка или победа лобби?»	Печ.	Ленинградский юридический журнал. Научно-теоретический и информационно-практический журнал. № 1. – 2004. С. –	1,88	Баранова М.В.
249.	Статья: «Об исключении статьи 182 УК РФ «Заведомо ложная реклама»: экономическая целесообразность, политико-юридическая ошибка или победа лобби?»	Печ.	Журнал «Реклама и право», ИГ «Юрист», М., 2004. № 2, С. 2 - 17	1,88	Баранова М.В.
250.	Статья: «Конституционная самозащита граждан от преступных посягательств»	Печ.	Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (19 – 20 февраля 2004 г.). – М.: Московский университет МВД России, 2004. С. 32 – 38.	0,4	Сиятскова Л.А.
251.	Статья «Морально-правовые проблемы государственного поощрения и юридического депоощрения (размышления о Постановлении Правительства РФ от 25 февраля 2004 года № 105 «О федеральном военном мемориальном кладбище»)»	Печ.	Научно-теоретический и информационно-методический журнал «Юристъ-Правоведъ» Ростов н/Д, 2004 г. № 2 С. 23 – 26.	0,46	Девяшин И.В.
252.	Дипломная работа: Учебно-методическое пособие.	Печ.	Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2004. – 50 с.	2,6	Толстик В.А. Никитин А.В. Парфенов А.В. Баранова М.В.

253.	Тезисы выступления на Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства» на тему: «О конституционной самозащите граждан от преступных посягательств»	Печ.	Государство и право. 2004. № 10. С. 113.	0,2	Сиятскова Л.А.
254.	Статья «Подготовка специалистов для противодействия легализации преступных доходов: состояние и перспективы» // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения.	Печ.	Вестник Нижегородской академии МВД России № 4 Н. Новгород, 2004. С. 184 – 191.	0,12	–
255.	Эссе главного редактора // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения.	Печ.	Вестник Нижегородской академии МВД России № 4 Н. Новгород, 2004. С. 5.	0,84	–
256.	Кодекс рекламной деятельности Российской Федерации: необходимость, содержание, технико-юридические особенности.	Печ.	Журнал «Реклама и право», ИГ «Юрист», М., 2004. № 3, С. 41 – 48.	0,81	–
257.	Статья: «Рекламное право России в условиях глобализации. Тезисы выступления на «круглом столе» на тему: «Правовые системы России в условиях глобализации и региональной интеграции»	Печ.	Государство и право, 2004. № 12. С. 91 – 92.	0,2	Баранова М.В.
258.	Статья: «Правовое ограничение деятельности экстремистских религиозных объединений (проблемы теории и практики)»	Печ.	Социально опасные религиозные объединения, организационно-правовые и морально-психологические меры нейтрализации их деятельности: Материалы научно-практической конференции / Под ред. епископа Нижегородского и Арзамасского Георгия, депутата Государственной Думы Федерального Собрния Российской Федерации Ю.П. Сентюрина. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. С. 26 – 55.	1,52	–
259.	Брошюра «Поощрительная санкция» в российском праве: реальность или искусственно-ложная юридическая конструкция»	Печ.	Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – 76 с.	1,5	И.В. Девяшин, В.В. Чевычелов.

260.	Монография: «Примечания в российском праве»	Печ.	Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – 195 с.	2,1	А.П. Кузнецов, С.В. Изосимов, И.Н. Бокова, Д.С. Кондаков
261.	Статья «О соотношении действительности и возможности в праве»	Печ.	Проблеми філософії права. Том II. – Київ-Чернівці: Рута, 2004. С. 181 – 186.	0,15	Першина И.В., Першин В.Б.
262.	Статья «Действительность и возможность в праве: политико-юридический аспект»	Печ.	Философия права, 2004 № 4. С. 10 – 14.	0,25	Евлампиева Т.Б., Першина И.В.
263.	Статья: «Исключение статьи 182 УК РФ «Заведомо ложная реклама»: экономическая целесообразность, политико-юридическая ошибка или победа лобби?»	Печ.	Ленинградский юридический журнал. 2004. № 1 С. 145 – 160.	0,6	Баранова М.В.
264.	Юридическая техника: природа, основные приемы, значение: Ретроспективный библиографический указатель.	Печ.	2-е изд., доп. и перераб. – Н. Новгород: НА МВД России, 2005. – 287 с.	8,37	Климентьева Н.А.
265.	Статья «Методологическое значение категорий «возможность» и «действительность» в исследовании субъективного права»	Печ.	Философия права, 2005 № 1. С. 5 – 11.	0,51	Евлампиева Т.Б., Першина И.В.
266.	Правовые формы поощрения и депоощрения в современной России: проблемы теории и практики (Рецензия на монографию: Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 294 с.)	Печ.	Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: Сборник статей / Отв. ред. В.Б. Першин, И.А. Треушников. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – Вып. 5. – С. 372 – 390.	0,5	Девяшин И.В.
267.	Рецензия на учебное пособие Колоколовой Э.Е. «Адвокат – представитель в гражданском процессе» (М., 2004.- 135 с.)	Печ.	Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: Сборник статей / Отв. ред. В.Б. Першин, И.А. Треушников. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – Вып. 5. – С. 391 – 393.	0,12	–
268.	Предисловие к монографии Милюкова С.Ф., Л.А. Сиятсковой «Необходимая оборона по уголовному законодательству России как элемент гражданской самозащиты» (Н. Новгород, 2005.- 107 с.).	Печ.	Милюков С.Ф. Необходимая оборона по уголовному законодательству России как элементы гражданской самозащиты: Монография / С.Ф. Милюков, Л.А. Сиятскова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – С.4 – 9.	0,36	–
269.	Статья: «Кодекс рекламной дея-	Печ.	Рекламный бизнес, зако-	1,14	–

	тельности Российской Федерации: необходимость, содержание, технико-юридические особенности»		нодательство, экономическая безопасность личности и государства в современной России: Сборник статей / Под. ред. проф. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – С. 31 – 50.		
270.	Статья: «Проблемные вопросы теории судебных доказательств в свете судебной лингвистики»	Печ.	Право і лінгвстика // Матерали II міждународноі науково-практичноі конференціі: У 2-х ч., 23-26 вересня 2004. – Сімферополь: Елыньо, 2004 – Ч. 2. С. 114 - 124.	0,29	Александров А.С.
271.	Статья: «Грамматика права=тексту»	Печ.	Актуальні проблеми сучастноі науки в дослідженіях молодих учених. – Сімферополь. 2004. – Вип. 6. – С. 159 – 166.	0,2	Александров А.С.
272.	Монография: «Классификация в российском законодательстве»	Печ.	Монография. – Н. Новгород, 2005. – 260 с.	7,5	Чуманов Е.В.
273.	Рецензия на монографию Эбзеева Б.С. «Человек, народ,государство в конституционном строе Российской Федерации» (М.: Юрид.литра, 2005, – 576 с.)	Печ.	Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов / Под ред.В.М. Баранова,В.А. Толстика, А.В. Никитина. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России,2005. – Вып. 9. – Стр. 232–262	1,56	–
274.	Рецензия на монографию Панько К.К. «Методология и теория законодательной техники уголовного права.» (Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 272 с.)	Печ.	Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов / Под ред.В.М. Баранова,В.А. Толстика, А.В. Никитина. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России,2005. – Вып. 9. – Стр. 262 – 274	0,31	Панченко П.Н.
275.	Рецензия на монографию Панько К.К «Законотворческая техника в конкретной области права: уголовное право(антипанько)»	Печ.	Экономические интересы и правовые средства их обеспечения / Отв. ред. П.Н. Панченко. — Н. Новгород: «Стимул — СТ», 2005. — 292 с.	0,4	Панченко П. Н.
276.	Статья «Дефекты содержания, формы и реализации постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и лега-	Печ.	Пути повышения эффективности взаимодействия подразделений Министерства внутренних дел РФ с другими государственными органами в области проти-	0,754	–

	лизации (отмывании денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» от 18 ноября 2004 года № 23».		водействия легализации преступных доходов (стратегический и прикладной аспекты): Сборник статей / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. М. Баранова. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – С. 434 – 456.		
277.	Аналитический обзор: «Проблемы противодействия легализации преступных доходов в экспертных оценках сотрудников оперативных подразделений обеспечения экономической безопасности МВД России».	Печ.	Пути повышения эффективности взаимодействия подразделений Министерства внутренних дел РФ с другими государственными органами в области противодействия легализации преступных доходов (стратегический и прикладной аспекты): Сборник статей / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. М. Баранова. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – Стр.1264 — 1271.	0,46	–
278.	Статья «Национальный интерес и идея законопроекта: проблема трансформации».	Печ.	Правовое обеспечение национальных интересов: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 октября 2005 г.) / Под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. — М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. — С. 63 — 81.	1,75	–
279.	Статья «Значение концепции законопроекта в повышении эффективности принятия закона».	Печ.	Оценка законов и эффективности их принятия. Издание 2-е, перераб. и доп. — М.: Издание Государственной Думы, 2005. — С. 33 — 43.	0,89	
280.	Тезисы доклада на тему «Науковедческий аспект проблемы «нравственные основы теории государства и права»	Печ.	Государство и право, 2005. — № 8. — С. 92 — 93	0,125	–
281.	«Экономическая безопасность государства как правовое состояние. Эссе главного редактора»	Печ.	Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты тактике обеспечения. / Вестник Нижегородской академии МВД России, 2005. — п.5. – – С. 5 — 6.	0,232	–

282.	Обзор «Новые научные разработки проблем экономической безопасности государства, общества, личности и ее взаимодействия с иными видами безопасности»	Печ.	Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты тактике обеспечения. / Вестник Нижегородской академии МВД России, 2005. — п.5. – – С. 201 — 203.	0,348	–
283.	Рецензия на монографию А. В. Малько и В. В. Субочева «Законные интересы как правовая категория» (СПб., 2004. — 359 с.)Законный интерес: опыт построения теории.	Печ.	Философия права, 2005 г. – – № 3. — С. 98 — 103.	0,232	М. В. Першин И. В. Першин
284.	Статья «Рекламное право России в условиях глобализации»	Печ.	Правовая система России в условиях глобализации: Сборник материалов «круглого стола» / Под ред. Н. П. Колдаевой, Е. Г. Лукьяновой. – М.: «Ось-89», 2005. — С. 144 — 148.	0,156	М. В. Баранова
285.	Статья «Право российских граждан на свободу передвижения в свете стандартов Совета Европы и роль органов внутренних дел в его обеспечении»	Печ.	Миграция. Межэтнические отношения. Преступность: сборник статей / под редакцией доктора юридических наук А.П. Кузнецова, кандидата философских наук Е.А. Логинова. — Н.Новгород, 2005, С. 7 — 8.	0,116	
286.	Деструктивное воздействие права и национальные интересы	Печ.	Журнал Российского права. — 2005. — № 12. — С. 84 — 87.	0,35	–
287.	Глава 12. ФОРМА ПРАВА § 1. Понятие формы (источника) права	Печ.	Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.С. Мордовца, В.Н. Синюкова. — М., 2005. — С. 215 — 216.	0,116	–
288.	Глава 12. ФОРМА ПРАВА § 2. Виды форм (источников) права	Печ.	Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.С. Мордовца, В.Н. Синюкова. — М., 2005. — С. 217 — 227.	0,638	–
289.	Глава 19. ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ § 1 Понятие, необходимость и значение толкования норм права.	Печ.	Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.С. Мордовца, В.Н. Синюкова. — М., 2005. — С. 335 — 341.	0,203	А.В. Никитин
290.	Глава 19. ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ § 2. Способы (приемы) толкования норм права.	Печ.	Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.С. Мордовца, В.Н. Синюкова. — М., 2005. — С. 341 —	0,145	А.В. Никитин

			345.		
291.	Глава 19. ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ § 3. Виды толкования норм права по субъекту и объему.	Печ.	Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.С. Мордовца, В.Н. Синюкова. — М., 2005. — С. 345 — 349.	0,145	А.В. Никитин
292.	Глава 19. ТОЛКОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ § 4. Акты официального толкования норм права.	Печ.	Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.С. Мордовца, В.Н. Синюкова. — М., 2005. — С. 350 — 354.	0,145	А.В. Никитин
293.	Муниципальные правовые акты: Монография	Печ.	Н.Новгород, 2006. — 424 с.	12,3	А.В. Леонтенков
294.	Рецензия на монографию Поцелуева Е.Л. «Ретроспективная юридическая ответственность: понятие, признаки, основания, принципы, цели, функции, виды и стадии» (Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. — 60 с.)	Печ.	Журнал история государства и права, 2006 — № 1. — С. 46 — 48	0,35	–
295.	Материалистическая диалектика как метод юридического исследования	Печ.	Актуальные проблемы философии права : сборник статей участников научного семинара // под ред. профессора В.К. Бабаева. — Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2006. — С. 82 — 89.		В.Б. Першин
296.	Глава 15 «Форма права»	Печ.	Теория государства и права: учебник / Под ред. В.К. Бабаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2006.:С.287 — 303.		–
297.	Глава 17 «Правосознание, правовая культура и правовое воспитание» Стр. 328 — 347.	Печ.	Теория государства и права: учебник / Под ред. В.К. Бабаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2006.:С. 328 — 347.		–
298.	Глава 19 «Систематизация законодательства»	Печ.	Теория государства и права: учебник / Под ред. В.К. Бабаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2006.:С. 381 — 398.		–
299.	Глава 28 «Юридическая ответственность»	Печ.	Теория государства и права: учебник / Под ред. В.К. Бабаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2006.:С. 541 — 563.		–
300.	Общетеоретические и прикладные проблемы лишения государствен-	Печ.	Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД		И. В. Девяшин

	ных наград		России, 2006. — 56 с.		
301.	Статья «Феномен дискриминации граждан по национальному признаку (некоторые общеправовые проблемы)»		Проблемы дискриминации граждан по национальному признаку и деятельность правоохранительных органов в современной России: Материалы международного научно-практического семинара/ Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора В.М. Баранова. — Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006. — С. 3 –7.	0,29	–
302.	Статья «Государственное управление рекламой в современной России (по страницам новейшего диссертационного исследования)»	Печ.	Юристъ-Правоведъ, №2(17), 2006. — С. 6 – 12.	0,28	М.В. Баранова, Н.В. Макарейко
303.	Статья «Методологические предпосылки государственно-правового противодействия контрафактной деятельности»	Печ.	Контрафакт как угроза экономической безопасности России (политико-правовые, оперативно-разыскные и морально-психологические проблемы противодействия): Сборник статей / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, кандидата юридических наук, академика РАЮН, действительного члена Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка В.И. Каныгина. – Н.Новгород:Нижегородская академия МВД России, 2006. — С. 24 — 43.	1,16	–
304.	Статья «Преамбула как предмет методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов»	Печ.	Вестник Саратовской государственной академии права, 2006. — № 2. — С. 26 — 35.	0,58	Хачатурова Л.К.
305.	Философско-правовые проблемы российской гендерной политики. Рецензия на монографию Поленной С.В. «Гендерное равенство: проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин» (М.: Аспект Пресс, 2005. — 269 с.)	Печ.	Филсофия права, 2006 — № 3. — С. 102 — 106.	0,19	М.В. Баранова, В.А. Толстик
306.	Статья «Принцип суверенитета закона: природа, технико-юридическое выражение, проблемы реализации»	Печ.	Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика, А.В. Никитина. –	1,687	—

			Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006. — Вып. 10. — С. 3 – 29.		
307.	Рецензия «Административно-правовые средства предупреждения и пресечения нарушений рекламного законодательства в России (рецензия на диссертацию Лисецкой Р.М. Административная ответственность за нарушение законодательства о рекламе. – М., 2005. — 152 с.)»	Печ.	Современные проблемы государства и права: Сборник научных трудов / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика, А.В. Никитина. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006. — Вып. 10. — С. 234 – 249.	0,33	Баранова М.В., Макарейко Н.В.
308.	Рецензия на монографию С.Ф. Милюкова и Л.А. Сиятсковой «Необходимая оборона по уголовному законодательству России как элемент гражданской самозащиты» (Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – 107 с.)	Печ.	Журнал Казахстанской криминологической ассоциации «Предупреждение преступности». — 2006. — № 2. — С. 49 – 50.	0,33	—
309.	Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе	Печ.	Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения, 2006, № 6. — С. 11 — 15.	0, 58	—
310.	Международно-правовые основы обеспечения экономической безопасности	Печ.	Эссе главного редактора / Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения, 2006, № 6. — С. 6 — 11.	0,696	—
311.	Книжная полка (новые научные разработки проблем экономической безопасности государства, общества, личности и ее взаимосвязей с иными видами безопасности)	Печ.	Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения, 2006, № 6. — С. 378 — 388.	1,276	—
312.	Формирование правового пространства России в условиях глобализации: состояние и технико-юридические проблемы совершенствования законодательства (вместо предисловия)	Печ.	Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: Сборник статей // Под общ. ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации С.В. Полениной, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.М. Баранова, кандидата юридических наук	0,348	С.В. Поленина

			Е.В. Скурко. — М.; Н.Новгород, 2007. — С. 6 – – 11.		
313.	Статья: «Прогнозирование вариантов противодействия закону как необходимое условие его качества (технико-юридический аспект)»	Печ.	Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: Сборник статей // Под общ. ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации С.В. Полениной, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.М. Баранова, кандидата юридических наук Е.В. Скурко. — М.; Н.Новгород, 2007. — С. 34 – 39.	0,29	—
314.	Многополярность и полифункциональность законодательной дефиниции. Вместо предисловия	Печ.	Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21—23 сентября 2006 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Украины П.С. Пацуркивского, кандидата юридических наук Г.О. Матюшкина. — Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. — С. 12 — 23 с.	0,2	(в соавторстве с Матюшкиным Г.О., Пацуркивским П.С.)
315.	Теоретико-методологические предпосылки и историко-логические основания законодательной дефиниции	Печ.	Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21—23 сентября 2006 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деяте-	2,5	—

			ля науки РФ В.М. Баранова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Украины П.С. Пацуркивского, кандидата юридических наук Г.О. Матюшкина. — Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. — С. 24 – 66.		
316.	Логические основания законодательной дефиниции	Печ.	Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21—23 сентября 2006 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Украины П.С. Пацуркивского, кандидата юридических наук Г.О. Матюшкина. — Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. — С.240 – 260.	0,4	(в соавторстве с Першиным В.Б., Першиной И.В.)
317.	О законодательной дефиниции понятия «вопрос государственного значения»	Печ.	Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21—23 сентября 2006 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Украины П.С. Пацуркивского, кандидата юридических наук Г.О. Матюшкина. — Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр	0,35	(в соавторстве с Хайретдиновой М.Д.)

			«Юридическая техника», 2007. — С. 309 — 320		
318.	Методические рекомендации по использованию дефиниций в нормативных правовых актах	Печ.	Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21—23 сентября 2006 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Украины П.С. Пацуркивского, кандидата юридических наук Г.О. Матюшкина. — Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. — С. 1429 — 1434	0,1	(в соавторстве с Л.Ф. Апт, Т.А. Дорофеевой.)
319.	Технико-юридические проблемы формирования и реализации правовых позиций высших судебных инстанций современной России	Печ. .	Судебное правоприменение: проблемы теории и практики / Ред. В.М. Сырых. — М.: РАП, 2007. — С. 173 — 191.	1,187	—
320.	Особенности разработки и принятия Конституции Европы в сравнительном анализе с процессом подготовки и ратификации Конституции США	Печ.	Юрист-Правоведъ, 2007 – № 3. – С. 5-10.	0,8	С.О. Сереброва
321.	Место и роль метода материалистической диалектики в юридическом исследовании	Печ.	Философия права. — 2007. — № 3. — С. 7 — 12.	0,232	В.Б. Першин, М.В. Баранова
322.	Преамбулы нормативных правовых актов в практике судов общей юрисдикции (по материалам Верховного Суда Российской Федерации)	Печ.	Вестник СГАП. — № 3. — С. 8 — 15.	0,32	Л.К. Хачатурова
323.	«Текучее» правовое состояние как элемент динамической правовой системы государства (опыт осмысления научной гипотезы профессора В.П. Казимирчука)	Печ.	Ценности и образы права. Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2007. — № 4. — С. 140 — 148.	0,5625	—
324.	Раздел IV.Теория права Глава 18. Нормы права § 3 Поощрительные нормы права и их значение в деятельности органов внутренних	Печ.	Теория государства и права: учебник / под. ред. В. Я. Кикотя, В. В. Лазарева.— 3-е изд., перераб. и доп. —	0,3125	—

	дел.		М.: И. Д. «ФОРУМ»: ИНФРА – М, 2008. — С. 313 – –317.		
325.	Раздел IV.Теория права Глава 21 Систематизация нормативных правовых актов § 1 Понятие систематизации нормативных правовых актов. Учет, инкорпорация и консолидация как основные виды систематизации нормативных правовых актов.	Печ.	Теория государства и права: учебник / под. ред. В. Я. Кикотя, В. В. Лазарева.— 3-е изд., перераб. и доп. — М.: И. Д. «ФОРУМ»: ИНФРА – М, 2008. — С. 379—391.	0,8125	—
326.	Раздел IV.Теория права Глава 21 Систематизация нормативных правовых актов § 2 Кодификация как особая содержательная форма упорядочения нормативных правовых актов .	Печ.	Теория государства и права: учебник / под. ред. В. Я. Кикотя, В. В. Лазарева.— 3-е изд., перераб. и доп. — М.: И. Д. «ФОРУМ»: ИНФРА – М, 2008. — С. 391 – – 396..	0,375	—
327.	Транснациональная экономическая преступность : сущность и основные направления противодействия.	Печ.	Труды академии управления МВД России .Противодействие криминальным угрозам при обеспечении глобальной безопасности : организация , управление, подготовка кадров. — 2007. — № 2. — С. 69 — 75.	0,406	А. Ю Чупрова
328.	Идея законопроекта	Печ.	Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 28-39.	1,392	
329.	Статья «Преамбулы нормативно-правовых актов в практике конституционного правосудия»	Печ.	Вестник Сарат. гос. академии права. — 2007. — № 1. — С. 8-17.	1,16	Л.К. Хачатурова
330.	Свод законов Российской империи как политико-юридический результат разноплановой систематизационной деятельности.	Печ.	Систематизация законодательства в России: история и современность. 175-летию издания Свода законов Российской империи. Материалы «круглого стола». — 2008. — С. 15-21.	0,203	А.А. Демичев
331.	Предисловие «Конкретизация законодательства и социальное регулирование».	Печ.	Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года), 2008. — С. 9-15.	0,406	—
332.	Статья «Конкретизация права: понятие и пределы».	Печ.	Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормо-	0,522	В.В. Лазарев

			творческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 года),2008. — С. 16-33.		
333.	Статья «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве)»	Печ.	Пробелы в российском законодательстве. – 2008. № 1. С. 75-78.	0,464	——
334.	Статья «Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление».	Печ.	Журнал российского права.— 2008. — № 2. — С. 9-17.	0,8	——
335.	Статья «Категория «идея законопроекта» в понятийной системе теории правотворчества».	Печ.	Журнал российского права.— 2008. — № 2. — С. 153-154.	0,2	——
336.	Статья «Правовая природа Свода законов Российской империи в свете истории и теории систематизации нормативных актов»	Печ.	Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и Технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи: Материалы Международного круглого стола. Институт государства и права РАН (Москва, 18-19 января 2008 года) / Под ред. проф. В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана. — Н.Новгород, 2008. — С. 42-50.	0,3	А.А. Демичев
337.	Эссе главного редактора «Политические ориентиры законодательного обеспечения внешнеэкономической безопасности России»	Печ.	Журнал Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. — 2008. — № 1. — С. 7-9.	0,348	——
338.	Статья Идея и концепция законопроекта: некоторые содержательные и технико-юридические проблемы взаимосвязи	Печ.	Научные труды Российской академии юридических наук. Выпуск 8. В трех томах . Том 1. М., 2008. — 641-652.	0,96	——
339.	Эссе главного редактора «Правовая регламентация деятельности, имеющей стратегические значение для обеспечения экономической безопасности России»	Печ.	Журнал Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. — 2008. — № 2. — С. 6-7.	0,232	——

340.	Феномен публичности. Рецензия на монографию Ю.А. Тихомирова «Современное публичное право» (М., Эксмо, 2008. — 448 с.)	Печ.	Журнал российского права. — 2008. — № 11. — С. 154-159.	0,24	В.А. Толстик
341.	Статья «Инновационная роль научной школы в современной Российской юриспруденции »		Инновации в государстве и праве России. Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2008. – С. 9-23)	1,2	
342.	Статья «Признаки ошибочности концепции законопроекта»	Печ.	Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы Международного круглого стола (29-30 мая 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, И.М. Мацкевича. — М.: Проспект, 2009. — С. 91-115.	1,5625	–
343.	Юридические принципы технологии правовой кодификации		Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. – С. 60–73.	0,8 / 0,4	В. Н. Карташов
344.	Статья «Защита нравственности как конституционная цель ограничения прав и свобод человека: юридическая фикция или социально-политический программный ориентир»	Печ.	Конституция Российской Федерации как фактор укрепления экономического и социального правопорядка на новом этапе решения стратегических задач (к 15-ю принятия): Материалы региональной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 12 декабря 2008 года) / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ П.Н. Панченко, кандидата юридических наук А.В. Козлова: В 2 т. — Н. Новгород: Нижегородский филиал	0,986	–

			Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. – Т. 1. — С. 11-27.		
345.	Статья «Гармонизация международно-правовых и национальных механизмов противодействия легализации преступных доходов: сущность, формы, эффективность. Предисловие.»	Печ.	Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России: теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия: Сборник статей / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, доктора экономических наук, профессора Л.Л. Фитуни. – Н.Новогород: Нижегородская академия МВД России, 2009. – С. 13-16.	0,464	Л.Л. Фитуни
346.	Статья «Современные тенденции противодействия легализации доходов, полученных преступным путем»	Печ.	Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России: теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия: Сборник статей / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова, доктора экономических наук, профессора Л.Л. Фитуни. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. – С. 48-66	2,204	А.Ю.Чупрова
347.	Статья «Отрицание как логико-гносеологический признак критики законодательства»	Печ.	Ленинградский юридический журнал. – 2009. - №2 (16). – С. 7-22	3,84 / 1,28	В.Б. Першин П.В. Ремизов
348.	Статья «Философско-праксеологическая природа презумпции истинности юридических актов и творческий вклад профессора В.К. Бабаева в ее обеспечение»	Печ.	Актуальные проблемы философии права и государства: Сборник статей участников научного семинара / под ред. доцента С.П. Гришина. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2009. – С. 27-40.	0,812	–
349.	Ретроспективный библиографический указатель «Техника правотворчества. Природа, основные приемы, значение».	Печ.	М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 663 с.	41,43 75	

350.	Обзор Кодификационный процесс и результат. Обзор материалов Международной научно-практической конференции «Кодификация законодательства: теория, практика, техника» (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года)	Печ.	Журнал российского права, 2009. - №4. – С. 130-140.	2,75	В.А. Толстик
351.	Статья «“Удовлетворение справедливых требований морали” как цель ограничения прав человека»	Печ.	Права и свободы человека в современном мире (к 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию принятия Всеобщей декларации прав человека): Материалы Всероссийской научно-практической конференции 10 декабря 2008 года: В 2 т. / Под общ. ред. В.А. Толстика. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. – Т. 1. – С. 24–42.	1,102	–
352.	Эссе о В.К.	Печ.	В памяти учеников, коллег и друзей. К семидесятилетию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Владимира Константиновича Бабаева. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2009. – С. 17–30.	0,812	
353.	Статья «Гармонизация законодательства как общеправовой феномен»	Печ	Журнал российского права, 2009. – №6. – С. 41–46.	0,96	М.А. Пшеничнов
354.	Статья «Политико-правовая ценность экономической безопасности личности». Эссе главного редактора.	Печ.	Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России, 2009. - № 2(11). – С. 7-9.	0,348	
355.	Обзор «Кодификация законодательства как фактор стабильности права и экономики»	Печ.	Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России, 2009. - № 2(11). – С. 197-205.	3,132	Н.Н. Ковтун, В.А. Толстик

356.	Рецензия «Юридическая техника»: актуальное теоретико-прикладное и дидактическое издание. Рецензия на учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти «Юридическая техника» / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. – М.: Эксмо, 2009. – 272 с.	Печ.	Юридическая техника, 2009. – № 3. – С. 560–567.	1,00	
357.	Статья «О качестве изложения проблем юридической техники в вузовской учебно-методической литературе по теории государства и права постсоветского периода»	Печ.	Юридическая техника, 2009. – № 3. – С. 14–26.	1,625	
358.	Статья «Технолого-юридическая культура правоведа (дидактические проблемы формирования)»	Печ.	Юридическая техника, 2009. – № 3. – С. 76–93.	6,75	И.С. Назарова, В.И. Червонюк
359.	Статья «Проблемный метод в вузовском преподавании юридической техники»	Печ.	Юридическая техника, 2009. – № 3. – С. 94–101.	3,00	В.Б. Першин, И.В. Першина
360.	Обзор «Правотворческие ошибки как фактор дисгармонии правового развития (по материалам Международного научно-практического круглого стола «Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах» (Нижний Новгород, 29–30 мая 2008 года)) (окончание обзора, начало в журнале «Юридическая техника» № 2 за 2008 год)».	Печ.	Юридическая техника, 2009. – № 3. – С. 568–580.	3,25	М.А. Пшеничнов
361.	Статья «Проблемы юридической техники в воззрениях Л.С. Явича»	Печ.	Правоведение. – 2009. – № 6. – С. 55–63.	0,7	
362.	Рецензия на монографию: Рыбаков О.Ю. Право, отчуждение и согласие в современном Российском государстве. – М., 2009. – 248 с.	Печ.	Вестник СГАП. – 2010. – № 1 (71). – С. 222–225.	0,64 / 0,32	Сенякин И.Н.
363.	Глава в коллективной монографии «Юридические ошибки в сфере законодательного и правоприменительного регулирования экономики»	Печ.	Эффективность законодательства в экономической сфере // Научно-практическое исследование / отв. ред. – проф. Ю.А. Тихомиров. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 1-34.	2,125 / 4,25	Пшеничнов М.А.
364.	Монография «Презумпция истинности приговора»	Печ.	Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – 300 с.	5,8 / 17,4	Поляков М.П., Сычева О.Н.

365.	Статья Новая политика применения мер уголовно-процессуального принуждения к обвиняемым в совершении экономических преступлений: необходимость, проблемы реализации, перспективы модернизации	Печ.	Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (25–26 ноября 2010 года). – Н. Новгород, 2011. – С. 28–37.	0,6	
366.	Статья «Презумпция истинности юридического акта в свете доктринальных, политико-правовых и морально-психологических воззрений профессора В.К. Бабаева»	Печ.	Юридическая техника. – № 4. – 2010. – С. 41–54.	1,6	
367.	Статья «Опровержима ли неопровержимая правовая презумпция?»	Печ.	Юридическая техника. – № 4. – 2010. – С. 87–95.	1	Першин В.Б., Першина И.В.
368.	Глава «Проблемы идеологической нейтральности юридической техники»	Печ.	Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. – М., 2010. – С. 178–203.	1,508	
369.	Статья «Мониторинг дефектности нормативных правовых актов»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3 (14). – С. 79–88.	1,2/0,6	Мушинский М.А.
370.	Статья «Отказ в принятии обращения в Конституционный Суд Российской Федерации к рассмотрению: доктрина, практика, техника»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3 (14). – С. 72–78.	0,8 / 0,4	Баранова М.В.
371.	Монография «Юридический отказ (теория, практика, техника)»	Печ.	Монография – Н. Новгород, 2011. – 656 с.	38,048 / 12,7	Баранова М.В. Гладышева И.П.
372.	Рецензия «Юридический отказ в договорном праве России. Рецензия на монографию М.А. Егоровой «Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора» (М., 2010. – 528 с.)»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3 (14). – С. 424–429.	0,7 / 0,23	Баранова М.В., Першина И.В.
373.	Рецензия «Техника современного правотворчества. Рецензия на монографию А.Н. Миронова «Юридическая технология подготовки нормативных правовых актов» (М., 2010. – 352 с.)»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3 (14). – С. 429–435.	0,8 / 0,4	Давыдова М.Л.
374.	Статья «Об интегративности идеи в философии права»	Печ.	Философия права. – 2011. - № 2 (45). – С. 96–101.	0,7 / 0,35	Денисов С.А.

375.	Статья «Этнокультурная экспертиза в правотворческом процессе»	Печ.	Государство и право. – 2011. - № 6. – С. 28–33.	0,7 / 0,35	Овчинников А.И.
376.	Статья «Новая политика применения мер уголовно-процессуального принуждения к лицам, обвиняемым в совершении преступлений»	Печ.	Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Избрание меры пресечения судом: научно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. Н.А. Колоколова. – М., 2011. – С. 55-64.	0,625	
377.	Статья Гражданская самозащита в правозащитной системе государства		Социология и право. – 2011. - № 1. – С. 86–101.	0,8	
378.	Статья «Инновационная роль научной школы в современной российской юриспруденции»	Печ.	Вестник научных школ Нижегородской академии МВД России: Сборник статей / Под науч. Ред. М.П. Полякова. – Н. Новгород, 2011. – С. 9–29.	1,22	
379.	Монография «Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики)»	Печ.	Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. – 406 с.	23,6 / 11,8	Лутова Л.К.
380.	Правокультурное восприятие мира Г.К. Гинсом. Вступительная статья к книге Гинса Г.К. «Право и культура»	Печ.	М.: Юрлитинформ, 2012. – 320 с.). – С. 3–24.	1,28	
381.	Эссе «Учение Г.К. Гинса о праве» // Гинс Г.К. «Право и культура».	Печ.	М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 25–32.	0,47 / 0,11 п.л	Баранова М.В., Оксамытный В.В., Пономарева В.П.
382.	Библиография трудов Г.К. Гинса // Гинс Г.К. «Право и культура»	Печ.	М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 287–291.	0,3 / 0,15)	Торопкин С.А.
383.	Глава 6 «Презумпция истинности приговора»	Печ.	Монография «Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции» / Под ред. проф. Н.А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 75–196.	76,25 / 25,4	Поляков М.П. Сычева О.Н.
384.	Статья «Систематизация в правотворчестве: сущность, ценность, перспективы совершенствования»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 8–15.	0,9 / 0,45	Апт Л.Ф.

385.	Статья «Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 15–29.	1,74	
386.	Краткий словарь-справочник «Нижегородское законодательство в дефинициях	Печ.	Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2012. – 160 с.	9,28 / 3,1	Лаврентьев А.Р. Лукоянова Л.А.
387.	Статья «Основные направления модернизации техники современного правотворчества в России»	Печ.	Юридическая техника: Ежегодник. – 2012. – № 6: "Техника современного правотворчества: состояние, проблемы, модернизация". - С. 42–50.	1	
388.	Статья «Технико-юридические проблемы систематизации в современном правотворчестве»	Печ.	Юридическая техника: Ежегодник. – 2012. – № 6: "Техника современного правотворчества: состояние, проблемы, модернизация". - С. 61–66.	0,7 / 0,35	Апт Л.Ф.
389.	Статья «Имидж полиции как стратегический потенциал инновационного упрочения правопорядка»	Печ.	Полиция России: вчера, сегодня, завтра: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: В 2 т. / Под общ. ред. А.Н. Конева. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. – Т. 1. – С. 180–192.	0,75	
390.	Административная ответственность в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Рецензия на работу Г.А. Василевича, С.Г. Василевича «Административная ответственность за нарушения прав и свобод человека и гражданина» (Минск, 2012. – 152 с.)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 19. – С. 164–168.	0,6 / 0,3	Н.В. Макарейко
391.	Юридическая техника в современном вузовском правовом образовании. Введение к курсу лекций «Юридическая техника»		Юридическая техника: Курс лекций / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. – М., 2012. – С. 7–8.	0,12	
392.	Лекция 1. Юридическая техника как наука и учебная дисциплина.		Юридическая техника: Курс лекций / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. – М., 2012. – С. 9–23.	0,94 / 0,47	М.Л. Давыдова
393.	Лекция 2. Понятие, виды и значение юридической техники		Юридическая техника: Курс лекций / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. – М., 2012. – С. 25–40.	1,1 / 0,55	М.Л. Давыдова

394.	Лекция 6. Преамбула нормативного правового акта		Юридическая техника: Курс лекций / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. – М., 2012. – С. 92–112.	1,3	
395.	Лекция 11. Идея и концепция законопроекта		Юридическая техника: Курс лекций / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. – М., 2012. – С. 177–192.	1	
396.	Лекция 14. Примечания в праве		Юридическая техника: Курс лекций / Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. – М., 2012. – С. 225–237.	0,8	
397.	Налоговые правовые позиции судов: теория, практика, перспектива. Рецензия на книгу: Власенко Л.В. Налоговые правовые позиции судов: теория и практика. – М.: Норма, 2011. – 160 с.		Журнал российского права. – 2012. – № 4. – С. 127-131.	0,4 / 0,2	Н.М. Казанцев
398.	Статья «Институциональные реформы в ракурсе юридического плюрализма и контексте перспектив междисциплинарного экономико-правового подхода»		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 7–15.	1,1 / 0,5	Н.В. Киреев
399.	Статья «Зоны повышенного риска в деятельности органов государственной власти в ракурсе презумпции виновности чиновников»		Журнал российского права. – 2013. – № 2. – С. 76–83.	0,64	
400.	Статья «Специфика юридической аргументации в процессе критики законодательства»		Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 1). – С. 23–28.	0,7	
401.	Статья «Гармонизация законодательства как базовая юридическая конструкция инновационного правового развития государства»		Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 71–77.	0,8 / 0,4	М.А. Пшеничнов
402.	Юридические конструкции: сценарий компьютерного урока		Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 112–119.	0,92 / 0,46	Ю.Л. Мареев
403.	Библиография по теории, практике, технике формирования и реализации юридических конструкций		Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 906–915.	1,2	
404.	«Юридическая инноватика». Эссе главного редактора.		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21. – С. 7–14.	0,9	
405.	Методология эмпирического правового исследования: основные понятия и дискуссионные вопросы		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД Рос-	1,9 / 0,6	В.Б. Першин И.В. Першина

			сии. – 2013. – № 21. – С. 14–29.		
406.	Глава 15 «Форма права»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – С. 328–348.	1,1	
407.	Глава 17 «Правосознание, правовая культура и правовое воспитание»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изда-тельство Юрайт, 2013. – С. 376–398.	1,2	
408.	Глава 19 «Систематизация законодательства»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – С. 435–457.	1,2	
409.	Глава 28 «Юридическая ответственность»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – С. 632–658.	1,4	
410.	История и методология юридической науки (о содержании и роли данного учебного курса в образовательной программе магистратуры). Рецензия на учебник В.М. Сырых «История и методология юридической науки» (М., 2012. – 464 с.)		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 124–135.	1,4 / 0,7	Першин В.Б.
411.	Идея законопроекта как средство ранней диагностики качества современного российского законодательства. Выступление на межвузовском научно-практическом круглом столе «Качество современного российского законотворчества: состояние и пути повышения»		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 148–151.	0,5	
412.	Статья «Уголовный кодекс РФ в ракурсе юридической техники»		Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (Посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Материалы 8 Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31	0,8	

			мая 2013 года / Отв. ред. проф. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 9–20.		
413.	Гармонизация элементной структуры правоотношений в свете общетеоретических воззрений И.Е. Фарбера		Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 64–72.	0,72 / 0,36	Пшеничнов М.А.
414.	Право против коррупции. Рецензия на книгу «Правовые средства противодействия коррупции: научно-практическое пособие / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2012. 344 с.»		Журнал российского права. – 2013. – № 7. – С. 119–130.	0,96	
415.	Статья: «Государственно-правовая закономерность как основа предмета юридической науки»		Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. – Т. 1. – С. 136–151.		В.Б. Першин, И.В. Першина
416.	Юртехнетика: сущее, должное, будущее. Аналитический обзор Международной интернет-конференции «Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современного мира (Волгоград, 1–30 июня 2013 года)»		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 225–231.	0,81 / 0,3	Давыдова М.Л., Зыков Д.В.
417.	Закономерное исключение: доктрина, практика, техника. Рецензия на монографию С.Ю. Суменкова «Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ» (Саратов, 2012. 348 с.)		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 232–234.	0,3	
418.	Теневая экономика, теневое право, преступность. Рецензия на монографию И.С. Нафикова «Теневая экономика и организованная преступность в условиях города» (Казань, 2012. – 379 с.)		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 23. – С. 235–239.	0,6 / 0,3	Киреев Н.В.
419.	Баранов В.М. Конституционные основы технико-юридической аргументации плюрализма форм российского права.		Конституция, конституционализм, конституционализация правовых систем: актуальное соотношение понятий и трендов / сб. мате-	0,6	

			риалов по итогам научно-практ. конференции, посвященной 20-летию Конституции РФ, Тверь, 17-18 мая 2013 года / под общей ред. профессора Крусса В.И. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – С. 27 – 36.		
420.	Монография «Классификация в российском законодательстве (теоретико-прикладное исследование)»		Монография / под ред. А.П. Кузнецова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 160 с.	10 / 3,3	Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н.
421.	Монография «Преамбула нормативного правового акта (доктрина, практика, техника)»		Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.	15,5	
422.	Правотворчество в ракурсе демократизации (научно-практический, технико-юридический, дидактический аспекты). Вступительное слово профессора В.М. Баранова		Юридическая техника : Ежегодник. – 2014. – № 8 : Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника. – С. 7–21.	1,7	
423.	Статья «Принцип демократизации современного российского правотворчества: сущность, ценность, технико-юридические проблемы реализации»		Юридическая техника : Ежегодник. – 2014. – № 8 : Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника. – С. 27–39.	1,5	
424.	Статья «Достоинства и недостатки Отчета Федерального Собрания России о 20-летнем развитии отечественного законодательства. Выступление на межвузовском научно-практическом круглом столе «Отчет Федерального Собрания о 20-летнем развитии законодательства как стратегический, тактический и технико-юридический вектор социально-экономической, политической и юридической модернизации России»		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 279–282.	0,5	
425.	Глава 15 «Форма права»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – С. 328–348.	1,1	
426.	Глава 17 «Правосознание, правовая культура и правовое воспитание»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – С. 376–398.	1,2	

427.	Глава 19 «Систематизация законодательства»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – С. 435–457.	1,2	
428.	Глава 28 «Юридическая ответственность»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – С. 632–658.	1,4	
429.	Статья «The Problems of Democratic Reforms of the Lawmaking in Modern Russia (Проблемы демократического реформирования правотворчества современной России)»		Regulatory Reforms: implementation and compliance: proceedings of the Tenth Congress of the International association of Legislation in Veliky Novgorod, June 28-29, 2012 / under edition Luzius Mader, Sergey Kabyshev. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2014. – P. 115–127. (Реформы правового регулирования: применение и соблюдение: Выступления на 10 Конгрессе Международной ассоциации правотворчества в Великом Новгороде, 28-29 июня 2012 года / под ред. Люциус Мадера, Сергея Кабышева. – Баден-Баден: Изд. дом «НОМОС», 2014. – С. 115–127.)	0,8	
430.	Статья «Правотворческая конкретизация: негативный ракурс»		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 9–22.	1,6	
431.	Латентные правонарушения: параметры и проблемы контроля		Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / гл. ред. Р.А. Ромашов. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. – С. 104–110.	0,8	
432.	Плюрализм форм современного российского права в ракурсе конституционализма		Сперанские чтения «Законы для пользы и безопасности людей!» / материалы правового форума. – Владимир: Изд-во «Атлас», 2014. – С. 12–22.	0,6	

433.	Полицейский как субъект научного творчества (к вопросу о пределах доктринальной критики действующих нормативных и правоприменительных актов)		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 10–19.	1,2	А.С. Александров
434.	Статья «Критика законодательства как особая разновидность правовой коммуникации»		Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: К 60-летию Андрея Васильевича Полякова / Коллективная монография: в 2 т. – Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / под ред. М.В. Антонова, И.Л. Честнова; предисл. Д.И. Луковской, Е.В. Тимошиной. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. – С. 429–444.	1 / 0,5	П.В. Ремизов
435.	Теневое право как антиюридическая жизнь		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 9–21.	1,5	
436.	Определенность и неопределенность правового регулирования в общетеоретическом и отраслевом аспектах. Рецензия на автореферат диссертации А.В. Демина на тему «Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления» (М., 2014. 48 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.04 (финансовое право, налоговое право, бюджетное право)		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 325–327.	0,4 / 0,2	Бондарь Е.А.
437.	Статья «Недопустимый законодательный компромисс: логико-гносеологические, морально-психологические, технико-юридические основания и границы»		Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, А.В. Парфенова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. – Т. 1. – С. 52–72	1,2	
438.	Статья Идея и концепция законопроекта как базовые начальные факторы повышения эффективно-		Эффективность права: проблемы теории и практики. Материалы междуна-	1,5	

	сти современного российского правотворчества		родной научно-практической конференции (Краснодар, 10-11 октября 2014 года). Краснодар: Изд-во Кубанского государственного ун-та, 2014. С. 31-56.		
439.	Инициативное экспертное заключение по проекту федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», разработанному Минюстом России		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 375–380.	0,7 / 0,23	Красильникова Н.А., Лаврентьев А.Р.
440.	Экспертное заключение независимой доктринальной антикоррупционной экспертизы по проекту федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля и надзора в Российской Федерации»		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 381–384.	0,5 / 0,12	Лаврентьев А.Р., Трусов Н.А., Федосин А.С.
441.	Статья «Стратегия законотворчества современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации»		Юридическая техника : Ежегодник. – 2015. – № 9 : Стратегия, тактика, техника законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки). – С. 29–45.	2	
442.	Статья «Негативные аспекты конкретизации юридических норм»		Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – М.: РГУП, 2015. – С. 52–69.	1,12	
443.	Статья Концептуальные основы формирования современных антикоррупционных технологий		Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24-25 апреля 2014 года) / С.Е. Нарышкин, Т.А. Голикова, Т.Я. Хабриева; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. – С. 104–112.	0,6 / 0,3	С.Ю. Журавлев
444.	Техника правотворчества: природа, основные приемы, значение: ретроспективный библиографический указатель		Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. – 616 с.	72	

445.	Очерки техники правотворчества. Избранные труды		Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. – 667 с.	39	
446.	Статья Личное в правотворчестве: утопия, антропологический ресурс или необходимое технико-юридическое средство повышения качества		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2 (30). – С. 9–18.	1,2 / 0,6	В.В. Трофимов
447.	Экспертное доктринальное заключение на проект федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)», внесенный депутатами Государственной Думы А.А. Агеевым, Д.Ф. Вяткиным, В.Н. Плигиным		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2 (30). – С. 215–221.	0,8 / 0,4	Лаврентьев А.Р.
448.	Статья «Личное в правотворчестве: утопия, антропологический ресурс или необходимое технико-юридическое средство повышения качества (к постановке проблемы)»		Проблемы формирования нового российского права и новой российской государственности: на пути движения к «чистому золоту права»: сборник материалов I Всероссийской научной конференции. К юбилею профессора Н.А. Придворова, 5 февраля 2015 года / отв. ред., авт.-сост. предисл. В.В. Трофимов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 82–93.	0,7 / 0,35	В.В. Трофимов
449.	Юридическая техника: курс лекций		Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. – 830 с.	48	
450.	Владимир Михайлович Баранов. Библиографические материалы (к 70-летию со дня рождения)		Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. – 390 с.	23	
451.	Глава 15 «Форма права»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. проф. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – С. 328–348.	1,1	
452.	Глава 17 «Правосознание, правовая культура и правовое воспитание»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. проф. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – С. 376–398.	1,2	

453.	Глава 19 «Систематизация законодательства»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. проф. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – С. 435–457.	1,2	
454.	Глава 28 «Юридическая ответственность»		Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. проф. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2016. – С. 632–658.	1,4	
455.	Тезисы доклада «Контрольные полномочия регионального парламента: сущность, ценность, эффективность» на I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства» (Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 4–5 июня 2015 года)	Печ.	Административное право и процесс. – 2015. – № 10. – С. 86.	0,2	
456.	Статья «Социальное сотрудничество и социальный конфликт как объективная основа содержания и структуры права»		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 10–17.	0,9 / 0,45	В.В. Трофимов
457.	Экспертное доктринальное заключение о возможности представительства при процедурах присуждения и лишения ученых степеней в Экспертном совете ВАК		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 347–349	0,5 / 0,13	Н.Н. Ершов М.В. Карпычев А.М. Хужин
458.	Статья «Контрольные полномочия регионального парламента: сущность, ценность, эффективность»		Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 4-5 июня 2015 года) / Отв. ред. А.В. Мартынов. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 309–325.	1	
459.	Статья «О концепции закона Нижегородской области “О контрольных полномочиях Законодательного Собрания Нижегородской области”»		Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции	1,7	

			(Нижний Новгород, 4–5 июня 2015 года) / Отв. ред. А.В. Мартынов. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. С. 326–355.		
460.	Статья «Нижегородская научная школа “Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение”: становление, достижения, перспективы»		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской ака-демии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 18–22.	0,6	
461.	Рецензия «Логико-гносеологические, аксиологические, технико-юридические проблемы наградного права»		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской ака-демии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 361–370.	1,2	
462.	Статья «Энциклопедия юриспруденции - интегративное развитие общей теории права и государства»		Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: ИД Юриспруденция, 2016. – С. 48–72.	1,5	
463.	Статья Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность[1]		Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России, 2016 № 2 (34), С. 13-35.	2,5	
464.	Юридическая техника курс лекций		Том 1, Том 2./Под ред. В.М. Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 251 с.		
465.	Уголовный процесс и теория государства и права: грани взаимообогащения		Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России, 2016 № 2 (34), С. 396-398	0,3	
466.	Статья. «Связь» и «отношение» в праве: логико-методологический аспект соотношения понятий		7-е Бабаевские чтения. Связи в праве: проблемы теории, практики, техники // Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В., 2016. – С.69-84		

467.	Статья. «Конфликт служебных и личных интересов в здравоохранении субъекта РФ (правовые проблемы выявления и урегулирования)»		Актуальные вопросы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации.: материалы Всероссийской конференции научно-практической конференции (Казань, 9 ноября 2016). – Казань, С. 188-194	0,5	Чупрова А.Ю.
468.	Статья «Технико-юридические аспекты правовых коллизий». Вступительное слово профессора Владимира Михайловича Баранова.		Юридическая техника: Ежегодник. 2017. № 11: «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления», С. 8–15	0,93	–
469.	Статья «Коллизионные проблемы нравственного измерения современного российского законодательства: доктрина, практика, техника».		Юридическая техника: Ежегодник. 2017. № 11: «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления».– С. 66–80.	1,74	
470.	Статья «К вопросу о коллизии между правом и моралью».		Юридическая техника: Ежегодник. 2017. № 11: «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления».– С. 88–94.	0,27	Першин В.Б., Першина И.В.
471.	Триалог о коллизионных проблемах законодательного дисбаланса. Отзыв официального оппонента В.М. Баранова на диссертацию С.А. Белоусова «Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика)» (Саратов, 2015.– 501 с.), представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01 (теория и история государства и права, история политических правовых учений).		Юридическая техника: Ежегодник. 2017. № 11: «Коллизии законодательных, интерпретационных, правоприменительных актов: доктрина, практика, техника преодоления».– С. 723–730.	0,93	
472.	«Очерки техники правотворчества. Избранные труды»		Монография. М.: ЮСТИЦИЯ, 2017. 586 с.	37	
473.	Правовые исключения: теория, практика, техника. Отзыв официального оппонента о диссертации Суменкова Сергея Юрьевича на тему «Исключения в праве: общетеоретический анализ» (Саратов,		Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.–2017. – № 1 (37). – С. 145-157.	1, 39	

	2016. 475 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01 (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве)				
474.	Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника): монография. Рец.: Юдин К.А.; Воронин М.Ю. Государственное депоощрение в системе стимулирования правомерного поведения//Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России 2017. - №3 (39).- с.326-328; Петров А.А., Фролова Н.А., Панченко В.Ю. Теоретическое и праксеологическое исследование депоощрения по российскому праву// Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России 2017. - №3 (39).- с.329-332;		Москва.:ИНФРА-М,2017.– 448 с	7	Чернявский А.Г,Девяшин И.В., Пешехонов Д.А.
475.	Экстерриториальное пространство права: монография		Москва: Проспект.–2017.– 176с	3,6	Овчинников А.И.,Самарин А.А.
476.	Статья «Общеправовые и дидактические проблемы детерминации экономической преступности»		Причины экономической преступности: выявление, обучение, противодействие: материалы межвузовского межведомственного научно-практического круглого стола по обсуждению учебного пособия И.М.Мацкевича «Причины экономической преступности»/ под ред. В.М. Баранова.– Москва: РГ-пресс,2017.– с.27-37	1,04	_
477.	Выступление «Общетеоретические и учебно-методические аспекты социальной обусловленности экономической преступности» на круглом столе «Причины экономической преступности: выявление, обучение, противодействие»: материалы по обсуждению учебного пособия И.М. Мацкевича «Причины экономической преступности»/ под ред. В.М. Баранова.– Москва: РГ-пресс,2017.– с.173-181		Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России.–2017.–№3(39).– с.173-181	1,04	–
478.	Эссе о научной, преподавательской и практической деятельности профессора И.М. Мацкевича		Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД Рос-	0.8	-

	(очерк неформальной биографии)		сии.–2017.–№3(39).– с.160-166		
479.	Статья «Кодификация регионального антикоррупционного законодательства: система, проблемы, перспективы. Вместо предисловия».	Печ.	Антикоррупционное законодательство субъектов Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов. – Москва: Проспект 2017. с. 3-11	0.7	-
480.	Научно-вспомогательное справочное издание в формате инкорпорации законодательства – Сборник нормативных правовых актов «Антикоррупционное законодательство субъектов Российской Федерации»	Печ.	Москва: Проспект 2017. – 1120 с.	70	Бикеев И.И. Кабанов П.А. Магизов Р.Р. Хайрутдинова Л.Л.
481.	Статья «Уголовно-правовое наказание как технико-юридическая конструкция».	Печ.	III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно- исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. – Рязань :Академия ФСИН России, 2017 Т. 2 : Материалы Международной научно-практической конференции «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства». – 2017. – с. 21-28	0,464	Ромашов Р.А.
482.	Статья «Норморайтер как профессия»	Печ.	Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. - № 6 (119) – с. 16-29.	0,9	-
483.	Рецензия «Методологическая роль общетеоретического анализа правовой идеологии для отраслевых юридических наук, материальных и процессуальных систем действующего российского законодательства. Рецензия на монографию А.И. Клименко «Правовая идеология современного политически организованного общества» (Москва: Норма, 2017. 384 с.)»	Печ.	Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017.– № 4 (40).–	0,6	Конев А. Н.
484.	Статья «Кодификация антикоррупционного законодательства субъекта Российской Федерации	Печ.	Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах	0,8	-

	как технико-юридическое средство противодействия коррумпированности контрольно-надзорных органов исполнительной власти»		деятельности общества и государства: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 29-30 июня 2017 года) / отв.ред. А.В.Мартынов. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского, 2017. – с. 37-49.		
485.	Тезисы доклада «Кодификация антикоррупционного законодательства субъекта Российской Федерации как технико-юридическое средство противодействия коррумпированности контрольно-надзорных органов исполнительной власти» на III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства» (Нижний Новгород, 29-30 июня 2017 года)	Печ.	Государство и право. – 2018 №8. – с.158-159.	0,2	-
486.	Статья «Правовые и неправовые ограничения в технико-юридическом ракурсе Эссе профессора В.М. Баранова при открытии XIX форума «Юртехнетика»	Печ.	Юридическая техника: Ежегодник. 2018. № 12: «Ограничения в праве: теория, практика, техника».– С. 9–15.	0,8	-
487.	Статья «Государственная защита нравственности как цель правового ограничения (доктрина, практика, техника)»	Печ.	Юридическая техника: Ежегодник. 2018. № 12: «Ограничения в праве: теория, практика, техника».– С. 56–72.	1,97	-
488.	Статья «Правоотношения, возникающие при применении принудительной психиатрической терапии»	Печ.	Правовое государство: теория и практика. – 2018.- №1(51). – с.119-123. (включен в перечень рецензируемых ВАК Минобрнауки РФ изданий)	0,2	Погодиной Т.Г, Спасенниковым Б.А
489.	Доктринальное экспертное заключение о содержании и технико-юридическом качестве проекта Федерального закона «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» в ракурсе диалектики традиционных и опережающих начал	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 272–282.	0,4	Лаврентьев А.Р., Баранова М.В
490.	Виды предъявления для опознания, нужны ли изменения в УПК РФ?	Печ.	Проблемы экономики и Юридической практики. – 2017. - №4		Белозерова И.И., Зинковский С.Б., Гор-

					батенко О.Г., Кучерков И.А.
491.	Российская книга по философии права и юриспруденции на английском языке. Рецензия – презентация монографии С.И.Захарцева и В.П.Сальникова (The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing,2018. 270 p)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 304-307. (включен в перечень рецензируемых ВАК Минобрнауки РФ изданий и входит в международную базу данных Web of Science)	0,47	-
492.	Научно-вспомогательное справочное издание в формате инкорпорации законодательства – Сборник нормативных правовых актов «Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации»	Печ.	Москва: РГ-Пресс, 2018. 1152 с.	14,4	Бикеев И.И., КабановП.А, Магизов Р.Р., Хайрутдинова Л.Р.
493.	Предисловие «Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации» к сборнику нормативных правовых актов	Печ.	Москва: РГ-Пресс, 2018. с.3-39.	1,16	Кабанов П.А.
494.	Статья «Этнокультурные права человека на евразийском пространстве»	Печ.	Проблемы защиты прав человека на евразийском пространстве: обмен лучшими практиками омбудсменов: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 5 декабря 2017 года) / под.ред. Т.Н.Москальковой. – Москва: МГИМО-Университет 2018. – с.107-115.	0,3	Овчинников А.И.
495.	Монография «Критика законодательства: доктрина, практика, техника.	Печ.	Москва: Проспект, 2018. – 352 с.	11	Ремизов П.В.
496.	Монография «Юридическая рекомендация: доктрина, практика, техника.	Печ.	Москва: Проспект, 2018. – 256 с.	8	Маслов Д.Е.
497.	Статья «К вопросу о процессе и результате подготовки в России специалистов правотворчества»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.2018.№2(42) с.497-502 (включен в перечень рецензируемых ВАК Минобрнауки РФ изданий и входит в международную базу данных Web of Science)	0,82	-

498.	Антология юридического анекдота	Печ.	Москва: РГ-Пресс, 2018.-912 с.	57	-
499.	Феномен «научная школа» в представлении профессорского корпуса России (опыт социологического анализа)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.2018.№3(43) с.10 -27 (включен в перечень рецензируемых ВАК Минобрнауки РФ изданий и входит в международную базу данных Web of Science)	0,7	Иудин А.А., Шпилев Д.А.
500.	Опыт формирования и функционирования научной школы техники правотворчества:	Печ.	монография. – Москва: Проспект, 2019. – 496 с.	31	-
501.	Статья «Классификация антикоррупционного процессуального законодательства субъектов Российской Федерации»//	Печ.	Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. Т.12. - №4. – с.685-697(включен в перечень рецензируемых ВАК Минобрнауки РФ изданий)	0,4	Кабанов П.А.
502.	Статья «Конституция Российской Федерации и развитие конституционных социальных прав граждан»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.2018.№4(44) с.11-17 (включен в перечень рецензируемых ВАК Минобрнауки РФ изданий и входит в международную базу данных Web of Science)	0,41	Колесников Е.В.
503.	Введение «Юридическая техника в современном вузовском правовом образовании»	Печ.	Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В.М.Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – с.7-13.	0,56 / 0,56	-
504.	Лекция 1 «Юридическая техника как наука и учебная дисциплина»	Печ.	Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В.М.Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – с.14-31.	1,44 / 0,72	Давыдова М.Л.
505.	Лекция 2 «Понятие, виды и значение юридической техники»	Печ.	Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В.М.Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – с.32-48.	1,36 / 0,68	Давыдова М.Л.
506.	Лекция 6 «Преамбула нормативного правового акта»	Печ.	Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В.М.Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – с.105-127.	1,84	-

507.	Лекция 12 «Идея и концепция законопроекта»	Печ.	Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В.М.Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – с.217-234.	1,44	-
508.	Лекция 15 «Примечания в праве»	Печ.	Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В.М.Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – с.25-40.	1,28	-
509.	Лекция 16 «Перечень в правотворческих актах»	Печ.	Юридическая техника. В 2 т. Том 1: учебник для вузов / под ред. В.М.Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – с.41-53.	1,04	-
510.	Введение «Юридическая техника в современном вузовском правовом образовании»	Печ.	Юридическая техника : Учебник для бакалавриата и специалитета // Под ред. В. М. Баранова. – М. : Юрайт, 2018. С.9-15	0,56/ 0,56	-
511.	Лекция 1 «Юридическая техника как наука и учебная дисциплина»	Печ.	Юридическая техника : Учебник для бакалавриата и специалитета // Под ред. В. М. Баранова. – М. : Юрайт, 2018. С.16-33	1,44 / 0,72	Давыдова М.Л.
512.	Лекция 2 «Понятие, виды и значение юридической техники»	Печ.	Юридическая техника : Учебник для бакалавриата и специалитета // Под ред. В. М. Баранова. – М. : Юрайт, 2018. С.34-50	1,36 / 0,68	Давыдова М.Л.
513.	Лекция 6 «Преамбула нормативного правового акта»	Печ.	Юридическая техника : Учебник для бакалавриата и специалитета // Под ред. В. М. Баранова. – М. : Юрайт, 2018. С.107-129	1,84	-
514.	Лекция 12 «Идея и концепция законопроекта»	Печ.	Юридическая техника : Учебник для бакалавриата и специалитета // Под ред. В. М. Баранова. – М. : Юрайт, 2018. С.219-236	1,44	-
515.	Лекция 15 «Примечания в праве»	Печ.	Юридическая техника : Учебник для бакалавриата и специалитета // Под ред. В. М. Баранова. – М. : Юрайт, 2018. С.272-287	1,28	-
516.	Лекция 16 «Перечень в правотворческих актах»	Печ.	Юридическая техника : Учебник для бакалавриата и специалитета // Под ред. В. М. Баранова. – М. : Юрайт, 2018. С.288-300	1,04	-

517.	Статья «Свобода научного творчества и этика критики в современной российской юриспруденции (заметки на полях статьи профессоров Александровых)»	Печ.	Юридическое образование и наука, 2018, №12 . с.22-39	0,5	Мацкевич И.М.
518.	Статья «Норморайтер как профессия»	Печ.	Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлевой Ю.В., Ярцева Р.В. Н.Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – с.274-288	1,74	-
519.	Статья «Rechtstechnische Mängel des UK der Russischen Föderation mit rechtsvergleichendem Fokus» Статья «Технико-юридические дефекты Уголовного кодекса РФ в фокусе сравнительного правоведения»	Печ.	Aktuelle Probleme der Strafrechtswissenschaft im internationalen Vergleich Potsdam, 2018, p. 14-18. Седьмая международная конференция «Актуальные проблемы уголовно-правовой науки с точки зрения сравнительного правоведения», Потсдам, 2018, , с.14-18	0,2	-
520.	Статья «Критерии научной школы в юриспруденции: диалектика объективного и субъективного»	Печ.	Критерии в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24-25 мая 2018 года)/под общ.ред. В.А.Толстика, П.В.Васильева. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. – с.11-21	0,58	-
521.	Статья «Нижегородские страницы юридического наследия профессора В.П.Реутова»	Печ.	Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. –№ 1. , с.23–28.	0,4	
522.	Статья «Норморайтер как профессия»	Печ.	Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. - Москва: РГ-Пресс, 2019. – с.6-23	0,9	-
523.	Статья. К вопросу о процессе и результате подготовки в России специалистов правотворчества. Вместо заключения	Печ.	Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. - Москва: РГ-Пресс, 2019. – с. 329-337.	0,5	-

524.	Статья «Норморайтер как профессия»	Печ.	Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: РГ-Пресс, 2019.– с.6-23	0,9	
525.	Статья. К вопросу о процессе и результате подготовки в России специалистов правотворчества. Вместо заключения		Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп.– Москва: РГ-Пресс, 2019. – с. 352-360	0,5	
526.	Антология юридического некролога/ Автор идеи и составитель В.М..Баранов.	Печ.	М.: Издательский Дом «Городец», 2019. – 1296 с.	81,0	-
527.	Правовая рискология в технико-юридическом срезе Вступительное слово профессора В.М. Баранова при открытии XX форума «Юртехнетика»	Печ.	Юридическая техника №13. – 2019. – с.9-15	0,70	-
528.	Риски «квалифицированного молчания законодателя»: доктрина, практика, техника	Печ.	Юридическая техника – 2019. – №13. – с.63-81.	2,09	-
529.	Статья «Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы»	Печ	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. - №1(45). – с.11-19(ВАК)	0,6	Власенко Н.А.
530.	Статья «Кодекс Российской Федерации об оппозиционной политической деятельности: необходимость, содержание, технико-юридические особенности»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. - №1(45). – с.267-273 (ВАК)	0,7	-
531.	Статья «Технико-юридические дефекты Уголовного кодекса РФ в фокусе сравнительного правоведения»	Печ.	Союз криминалистов и криминологов.–2019.–№ 1, с.23–28.	0,6	
532.	Учебник новой формации по теории государственного управления. Рецензия на учебник И.В. Понкина «Теория государственного управления» (М.: ИНФРА-М, 2019. 529 с.)	Печ.	Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России.–2019– №3.–с.211–213 (ВАК)	0,2	Архипов Д.Н.
533.	Статья « Перегруженность российского законодательства и практики его применения нравственными стандартами: содержательные параметры, технико-юридические средства, социальная вредность».	Печ.	Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов/ отв. ред. В.М.Артемов, О.Ю. Рыбаков.– Москва:РГ–Пресс, 2019.– С. 298–309.	0,7	-

534.	Статья «Обход закона: сущность и проблемы противодействия»	Печ.	Противодействие злоупотреблению правом:теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–24мая 2019года) / подред. В.А. Толстика,В.М. Баранова, П.В.Васильева.–Н. Новгород: Нижегород-ская академия МВД России, 2019.– с.8-34.	1,5	-
535.	Глава 15 «Форма права»	Печ.	Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 265–281.	1,1	
536.	Глава 17 «Правосознание, правовая культура и правовое воспитание»	Печ.	Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изда-тельство Юрайт, 2019. – С. 304–322.	1,2	
537.	Глава 19 «Систематизация законодательства»	Печ.	Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 352–370.	1,2	
538.	Глава 28 «Юридическая ответственность»	Печ.	Теория государства и права: учебник для бакалавров / Под ред. В.К. Бабаева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 511–532.	1,4	
539.	Статья «Защита прав сотрудников органов внутренних дел в правозащитной системе России»	Печ.	Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Д. Н. Архипова, В. М. Баранова. – Москва : Проспект, 2019 – с. 8-10	0,2	
540.	Контроль за реализацией мер противодействия коррупции в организациях, создаваемых органами власти субъектов Российской Федерации для выполнения государственных функций	Печ.	Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы V Всероссийской научно-практической конференции	0,7	Кабанов П.А.

			(Россия, г. Нижний Новгород, 7-8 июня 2019 г.) /Отв. ред. доктор юридических наук, профессор А.В. Мартынов.– Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2019.– с.260-278.		
541.	Статья «Достоинство сотрудника органов внутренних дел как особый объект судебной защиты: доктрина, практика, техника»	Печ.	Защита прав сотрудников органов внутренних дел: доктрина, практика, техника : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. Д. Н. Архипова, В. М. Баранова. – Москва : Проспект, 2019 – с. 40-63.	1,4	
542.	Статья «Проблемы конвергенции естественных, гуманитарных наук и практик в технике правотворчества современной России (постановка проблемы)»	Печ.	Государственно-правовые исследования, научно-образовательный ежегодник // Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина .– выпуск № 5.– 2020.– с. 88–95		Трофимов В.В.
543.	Научно-вспомогательное справочное издание в формате инкорпорации законодательства – Сборник нормативных правовых актов «Правовое регулирование организации и проведения антикоррупционной экспертизы в субъектах Российской Федерации»	Печ.	Москва: Проспект, 2020.– 936 с.	58,5	Бикеев И.И. Кабанов П.А. Магизов Р.Р. Хайрутдинова Л.Р.
544.	Предисловие к научно-вспомогательному справочному изданию в формате инкорпорации законодательства – Сборник нормативных правовых актов «Антикоррупционная правовая экспертология (доктрина, практика, техника)»	Печ.	Правовое регулирование организации и проведения антикоррупционной экспертизы в субъектах Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов.– Москва: Проспект, 2020.– с.3-19	0,4	Кабанов П.А.
545.	Новаторский учебник по теории, практике, технике девиантного государственного управления. Рецензия на учебник Понкина И.В. Девиантология государственного управления. М.: ИНФРА-М, 2019.– 301 с.	Печ.	Вестник Саратовской государственной юридической академии.– 2020.– № 1(132).– с. 264–272.(ВАК)	0,6	
546.	Статья «Доктринальная экспертная оценка содержания и техники федерального закона «Об уполномоченных по правам человека в	Печ.	Вестник Саратовской государственной юридической академии.– 2020.– № 3 (132).– с. 15-28.(ВАК)	0,6	Баранова М.В.

	субъектах Российской Федерации»»				
547.	Статья «Национальная и международная экономическая безопасность как предмет междисциплинарных исследований и практик»	Печ.	На страже экономики. Научно-практический журнал.– 2020.–№2(13).– с.10–24.	1,7	
548.	Статья «А.П. Лопухин о справедливости суда нах Христом с точки зрения еврейского и римского права»	Печ.	Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А.П. Лопухина (1852-1904): монография / под ред. А.И. Овчинникова.– Москва: Проспект, 2020.– с. 100-111.	0,4	Парилов О.В.
549.	Статья «Критика законодательства в фокусе профессиональной этики правоведа (диалектика нравственного и технико-юридического компонентов)	Печ.	Профессиональная этика и нравственная философия: сближение в парадигме очеловечивания права: монография / отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков.– Москва: РГ-Пресс, 2021.– с. 312-329.	1,06	-
550.	Статья «Национальная и международная экономическая безопасность как предмет междисциплинарных исследований и практик»	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.– 2020.– № 3(51).– с. 228-230.(ВАК)	0,2	-
551.	«Юридическая дефектология в системе гуманитарного знания». Отзыв официального оппонента о диссертации Кожокаря И.П. на тему «Технико-юридщические дефекты в российском праве (М., 2020, 417 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.01(теория и история права и государства; история учений о праве и государстве)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.– 2020.– № 3(51).– с. 278 -288 (ВАК)	1,16	
552.	Статья «Истинность норм права в трактовке В.К. Бабаева: современная доктринальная оценка и перспективы развития»	Печ.	Научное наследие В.К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В.К. Бабаева (Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 года) / под ред. В.А. Толстика. – Нижний Новгород:	1, 04	-

			Нижегородская академия МВД России, 2020.– с.9-27		
553.	Доклад «Принцип презумпции невиновности»: симулякр, метафора или искусственная юридическая конструкция?		Юридическая техника. – №14. – 2020. – с.58-70	1,51	
554.	Нравственно-правовые проблемы идеи свободы в фокусе классической и неклассической философии права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)» (под ред. С.И. Захарцева). М.: Юрлитинформ, 2020. –288 с.)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.– 2020.– № 4(52).– с.159-162 (ВАК)	0,23	Баранова М.В.
555.	Статья «Борьба за право, борьба посредством права, борьба с неправом (о жизненных траекториях профессора В.А. Толстика)»	Печ.	Взгляд ученого: к 60-летию профессора Толстика Владимира Алексеевича / под. общ. ред. к.ю.н., доцента Н.А. Трусова. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. – с. 136-149	0,8	
556.	Статья «Творческий вклад профессора В.В. Лазарева в становление и модернизацию Международного научно-практического форума «Юртехнетика»	Печ.	Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 192-201(ВАК)	0,8	
557.	Технико-юридический анализ правотворческой реальности в современной России: Вступительные эссе и доклады на международных форумах «Юртехнетика» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба (1999-2019):в 2т. – Москва: Проспект, 2020; т. 1 – 520 с.; т.2. – 464 с.	Печ.	Москва: Проспект, 2020; т. 1 – 520 с.; т.2. – 464 с.	64,4 55,4	
558.	Статья «Инновационные юридические проекты в фокусе неудач (innovation failures): доктрина, практика, техника»	Печ.	Юридическая техника. – №15. – 2021.– 85-99	1,74	
559.	Статья «Юридические инновации в ракурсе правовой эволюции. Вступительное слово профессора В.М. Баранова при открытии XXII форума «Юртехнетика»»	Печ.	Юридическая техника. – №15. – 2021. – 8-18	1,28	
560.	Введение: «Юридическая техника в современном вузовском правовом образовании»	Печ.	Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С. 7-15	0,56	

561.	Раздел 1«Юридическая техника как наука и учебная дисциплина»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С. 16-37	0,69	Давыдова М.Л.
562.	Раздел 2 «Понятие, виды и значение юридической техники»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С. 38-59	0,69	Давыдова М.Л.
563.	Раздел 6 «Преамбула нормативного правового акта»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С.129-156	1,75	
564.	Раздел 12 «Идея и концепция законопроекта»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С.268-289	1,38	
565.	Раздел 15 «Примечания в праве»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С.333-352	1,25	
566.	Раздел 16 «Перечень в правотворческих актах»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С.353-372	1,25	
567.	Раздел 17 «Общая характеристика приложений в праве»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С.373-379	0,44	
568.	Раздел 18 «Исключения в праве как технико-юридический инструментарий»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2021. — С.380-404	0,78	Суменков С.Ю.
569.	«Запоздалые» размышления о конвергенции в праве. Рецензия на монографию Н.М. Коршунова «Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики» (М.: «НОРМА», 2011. 240 с.).	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России.– 2021.– № 1 (53).– С.344-353 (ВАК)	0,58	Мареев Ю.Л.
570.	Категория «экономическая безопасность» в конституциях государств Африки и Океании (опыт сравнительного анализа)	Печ.	На страже экономики. – Том 2021. – № 1 (16) ,2021. – С. 8-14 (ВАК)	0,41	Назарычев Д.В.
571.	Инновационная трактовка права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Право: новые идеи и прочтения» (М.: Юрлитнформ, 2021. 440 с.)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской ака-демии МВД России.– 2021.– № 2 (54).– С. 248-251 (ВАК)	0,25	Баранова М.В.

572.	Статья «Ученый, педагог, общественный деятель (творческий вклад В.В. Черникова в развитие Нижегородской академии МВД России)»	Печ.	Административное право и процесс. Федеральный научно-практический журнал. 2021. № 7. С. 59-63(ВАК); Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55).С. 158-165 (ВАК)	0,6 0,9	
573.	Осторожно – плагиат! Рецензия на учебное пособие А. С. Григорьева «Юридическая техника» (М., Юрайт, 2020. 183 с.)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55).С.151-155 (ВАК)	0,2	Власенко Н.А.; Давыдова М.Л.
574.	Тезисы «Норморайтер как профессия: доктринальная оценка аргументов противников подхода»	Печ.	Обзор материалов круглого стола «Методология и методика преподавания юридической техники в высшей школе». Теория государства и права. – 2021. – № 3 (24). – С. 186 (ВАК)	0, 2	
575.	Псевдоюридическая терминология как негативный фактор функционирования правовой науки	Печ.	Юридическая терминология: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 20–21 мая 2021 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород :Нижегородская академия МВД России, 2021. С. 57-94	1	
576.	«Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника : монография *Скурко Е.В. [Рецензия]* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 3. – С. 140-145. Рец. на кн.: Баранов В.М. ««Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника : монография. Москва :Блок-Принт, 2022. – 176 с. *Нематов А.Р., Скурко Е.В.* Рецензия на книгу: Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. – М. : Блок-Принт, 2022. – 176 с.//	Печ.	Москва :Блок-Принт, 2022. – 176 с.	11	

	Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 356-360. *Поляков С. Б*. Юридическая ответственность без правонарушения и государственного принуждения — доктринальный и практический нонсенс (Directly about the empty — Напрямую о пустом). Рецензия на монографию В.М. Баранова «“Позитивная юридическая ответственность”: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника» (Москва: Блок-Принт, 2022. 176 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 249—255.				
577.	Правовая орбитальность как метафора и междисциплинарный срез государственно-юридической действительности. Вступительное эссе редколлегии	Печ	Юридическая орбита. – 2021. - № 1. – С. 7-9	0,1	Баранова М.В., Черных Е.Е
578.	Статья «Интуиция в законотворчестве: постановка проблемы»	Печ.	Юридическая орби-та. – 2021. - № 1. – С. 21-27	0,8	
579.	Дефектность оказания медицинской помощи: качество законодательства, практика и техника его реализации. Рецензия на монографию А. А. Понкиной и И. В. Понкина «Дефекты оказания медицинской помощи» (М., ГЭОТАР-Медиа, 2021, 312 с.)	Печ.	Юридическая орби-та. – 2021. - № 1. – С. 364-370	0,2	Баранова М.В, Погодина Т.Г., Черных Е.Е.
580.	Технико-юридическая форма правовой неопределенности: сущность, основные виды, ценность функционирования	Печ.	Государственно-правовые исследования : научно-образовательный ежегодник. Вып. 4. 2021 (2020–2021 уч. год) : Актуальный вектор государственно-правовых исследований: проблема определенности в структурных компонентах правовой системы современного общества : материалы Международной научной конференции. Тамбов, 15–16 октября 2020 года / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.] ; гл. ред. В.В. Трофимов.— Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021.— С. 15-41	3	

581.	Правовая экспертиза: наука, практическое искусство или ремесло? Обзор XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)»	Печ.	Государство и право. 2021. № 11. С. 173-185 (ВАК+ SCOPUS)	0,5	Баранова М.В., Кроткова Н.В.
582.	Статья «Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент»	Печ.	Государство и право, № 1. 2022. С. 110-119 (ВАК+SCOPUS)	0,4	Лаврентьев А.Р., Трусов Н.А.
583.	«Правотворческая экспертология в системе юртехнетики. Вступительное слово профессора В. М. Баранова при открытии XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика»»	Печ.	Юридическая техника. – 2022. – № 16: Материалы XXIII Международного научно-практического Форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 года) / главный редактор проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. – С. 8-11	0,5	
584.	Доклад на пленарном заседании «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов как инструмент повышения качества правотворчества в субъектах Российской Федерации: практика правового регулирования»	Печ.	Юридическая техника. – 2022. – № 16: Материалы XXIII Международного научно-практического Форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 года) / главный редактор проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. – С. 63-74	0,7	Кабанов П.А.
585.	Некролог «Памяти И. Н. Сенякина»	Печ.	Юридическая техника. – 2022. – № 16: Материалы XXIII Международного научно-практического Форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 года) / главный редактор проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. – С. 683-685	0,3	
586.	Реплики по проблематике форума «Шесть этюдов о сущности и технике правотворческой экспертологии»	Печ.	Юридическая техни-ка. – 2022. – № 16: Материалы XXIII Международного научно-практического Форума «Юртехнетика» на	0,5	

			тему «Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 года) / главный редактор проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. – С.645-648		
587.	Институт координатора Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации федерального округа в системе публичного управления (на примере Приволжского федерального округа): содержательные и технико-юридические проблемы, перспективы развития	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 15-27. (ВАК)	0,5	Лаврентьев А. Р., Лаврентьева Н. А.
588.	Юбилей профессора д. А. Липинского (к 50-летию со дня рождения)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 295-297. (ВАК)	0,4 / 0,2	Макарейко Н.В.
589.	Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий	Печ.	Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 3. С. 5—21 (ВАК)	1,4	
590.	Оригинальное аналитическое исследование инновационных правовых технологий. Рецензия на монографию Дегтярева М.В. «Новейшие регуляторные технологии и инструменты: регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы» / Под ред. д.ю.н., проф. И.В. Понкина / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Буки Веди, 2022. 424 с.	Печ.	Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 3. С. 168–181. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-3-baranov (ВАК)	0,6	
591.	Правовая символизация (доктрина, практика, техника). Рецензия на монографию И. В. Мальцева «Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании» (М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. 256 с.)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 161—166. (ВАК)	0,4	Давыдова М. Л.
592.	Рецензия на диссертацию доктора юридических наук В. С. Плетникова на тему «Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения» (Екатеринбург, 2022. 397 с.)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 167—172. (ВАК)	0,2	Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А.

593.	Юридический отказ в ракурсе правового последствия: содержательные и технико-юридические проблемы	Печ.	Правовые последствия: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26– 27 мая 2022 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2022. – С.12–35	1,4	
594.	Динамизм и стабильность законодательства: диалектика функционирования науки, практики, техники (Обзор XXIV международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)»)	Печ.	Государство и право. 2022. № 12. С. 173–185(ВАК+ SCOPUS)	1,5 / 0,5	Баранова М.В., Кроткова Н.В.
595.	«Позитивная юридическая ответственность» как деструктивный элемент системы юридической науки, практики, образования	Печ.	Юридическая орбита. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. № 2. С.9–16.	0,9	
596.	An Innovative Fundamental Doctrinal Course in Theory of State and Law Рецензия «Теория государства и права». В. Б. Исаков (ред.) и др. Москва: Норма, 2020. Объем 1864 стр.	электронный	Legal Issues in the Digital Age. – 2022. – No 2. – P. 141-147. – DOI 10.17323/2713-2749.2022.2.141-147. – EDN PIUTYJ.		
597.	Законодательство России: движение, цикличность, ритм. Вступительное слово профессора В. М. Баранова при открытии XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика»	Печ.	Юридическая техника. – 2023. – № 17: Материалы XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 21–24 сентября 2022 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2023. – С.8-11	0,5	
598.	Изменение законодательства как социальная травма	Печ.	Юридическая техника. – 2023. – № 17: Материалы XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 21–24 сентября 2022 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. –	2,2	

			Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2023. – С. 40-58.		
599.	Правовая экспертиза в юридическом деле: допустимость, объект, предмет, методы	Печ.	Вестник Саратовской государственной юридической академии.– 2023. – № 1. – С. 15-35. (ВАК)	0,8	Баранова М.В., Поляков С.Б.
600.	Кодификация правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации: сущность, необходимость, перспективы	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 12-27.(ВАК)	1,9	
601.	Функциональные характеристики правовой идеологии в фокусе юридического образования	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 169-172.(ВАК)	0,2	Клименко А. И.
602.	Введение: «Юридическая техника в современном вузовском правовом образовании»	Печ.	Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2023. — С. 7-15	0,56	
603.	Раздел 1«Юридическая техника как наука и учебная дисциплина»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2023. — С. 16-37	0,69	Давыдова М.Л.
604.	Раздел 2 «Понятие, виды и значение юридической техники»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2023. — С. 38-59	0,69	Давыдова М.Л.
605.	Раздел 6 «Преамбула нормативного правового акта»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2023. — С.129-156	1,75	
606.	Раздел 12 «Идея и концепция законопроекта»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2023. — С.268-289	1,38	
607.	Раздел 15 «Примечания в праве»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2023. — С.333-352	1,25	
608.	Раздел 16 «Перечень в правотворческих актах»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2023. — С.353-372	1,25	
609.	Раздел 17 «Общая характеристика приложений в праве»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2023. — С.373-379	0,44	

610.	Раздел 18 «Исключения в праве как технико-юридический инструментарий»	Печ.	Юридическая техни-ка : учебник / под ред. В. М. Баранова. — Москва : Проспект, 2023. — С.380-404	0,78	Суменков С.Ю.
611.	Тема 15. «Форма права»	Печ.	Теория государства и права : учебник для вузов / В. К. Бабаев [и др.] ; под редакцией В. К. Бабаева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. – С. 281-299.	1,52	
612.	Тема 17. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание	Печ	Теория государства и права : учебник для вузов / В. К. Бабаев [и др.] ; под редакцией В. К. Бабаева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. – С. 323-344.	1,76	
613.	Тема 19. Систематизация законодательства	Печ.	Теория государства и права : учебник для вузов / В. К. Бабаев [и др.] ; под редакцией В. К. Бабаева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. – С.376-395.	1,6	
614.	Тема 28. Юридическая ответственность	Печ.	Теория государства и права : учебник для вузов / В. К. Бабаев [и др.] ; под редакцией В. К. Бабаева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. – С.544-568.	2	
615.	Особенности представления эмпирических данных в юридических диссертациях	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (62). С. 12-25.(ВАК)	0,54	Иудин А.А., Шпилев Д.А.
616.	60-летний юбилей профессора Ю.Н. Старилова	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (62). С. 203-205.(ВАК)	0,17	Макарейко Н.В.
617.	Фундаментальное и прикладное знание в юридическом образовании: трансдисциплинарный поиск баланса	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской ака-демии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 128-131.(ВАК)	0,5	

618.	Сущность права в фокусе гносеологии	Печ.	Сущность права : сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / [под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И.Н. Сенякина]; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. – С.47-67 (Скурко Е. В. Рецензия на книгу: Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов, 2022. 312 с. // Московский юридический журнал. 2024. № 1. С. 98–101.)	1,2	
619.	Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями	Печ.	Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 5 (97). – С. 39-46 (ВАК, 1К)	0,95	Репьев А.Г.
620.	«Мертвые» юридические нормы в фокусе оптимизации правового регулирования	Печ.	Оптимизация правового регулирования: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2023 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. — Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2023. — С. 12-41	1,7	
621.	Проблемы формирования и функционирования научных школ в юриспруденции (на опыте деятельности междисциплинарного нижегородского исследовательского проекта «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческого процесса России (история, теория, практика)»)	Печ.	Юридическая орбита. 2023. №3. С. 9-14	0,7	
622.	Правовая аналитика в фокусе междисциплинарности Обзор XXV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности»	Печ.	Государство и право. 2023. № 12. С. 225 - 238. DOI: 10.31857/S1026945200293 71-9 (ВАК)	0,6	Кроткова Н.В., Баранова М.В.

623.	Критика законодательства как универсальное направление и особая разновидность правовой аналитики (доктрина, практика, техника)	Печ	Государство и право. 2023. № 12. С. 229 (ВАК, 1 катег)	0,1	
624.	Вступительное слово профессора В. М. Баранова при открытии XXV Международного междисциплинар-ного научно-практического форума «Юртехнетика»	Печ	Юридическая техника. – 2024. – № 18: Материалы XXV Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности» (Нижний Новгород, 20–23 сентября 2023 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2024.– С. 9-10	0,2	
625.	Критика законодательства как универсальное направление и особая разновидность правовой аналитики (доктрина, практика, техника)		Юридическая техни-ка. – 2024. – № 18: Материалы XXV Международного междисциплинарного научно-практического фору-ма «Юртехнетика» на тему «Правовая аналитика: интеллек-туальные технологии юридиче-ской деятельности» (Нижний Новгород, 20–23 сентября 2023 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2024.– С. 39-49	1,3	
626.	Достоинство личности как конституционная ценность: концепция, практика, техника	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 14–31. (ВАК, 1 катег)	1,1	Ромашов Р. А.
627.	Энциклопедия юриспруденции как базовый элемент общегуманитарной подготовки специалистов для государственной службы в современных условиях	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С.229-221(ВАК, 1 катег)	0,2	
628.	О новых направлениях доктринальных исследований противодействия коррупции в современной России	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 16–28 (ВАК, 1 катег)	0,8	Кабанов П.А.
629.	Популяризация юридической науки в современной России: понятие, состояние, пути активизации. Статья переопубликована в	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С.212-	1,8	

	формате отдельной книги: «О роли юридической науки в современном российском обществе : сборник материалов»		226 (ВАК, 1 катег) кол. авторов ; под ред. В.М. Баранова; А.В. Малько. — Москва : КНОРУС, 2024. — С.27-42.		
630.	Отзыв на диссертацию. Цифровизация и частная жизнь: общеправовой анализ. Отзыв ведущей организации — федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» на диссертацию Авдеева Данилы Алексеевича на тему «Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни» (Владимир, 2024. 202 с.), представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 (Теоретико-исторические правовые науки)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С.	0,3	Толстик В.А.
631.	Мониторинг состояния представительства независимых экспертов в составе региональных антикоррупционных комиссий	Печ.	ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВА: Сборник научных работ / Гл. ред. С.Н. Токарева. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2024. Вып. 17. С. 95-102.	0,2	Кабанов П.А., Магизов Р.Р.
632.	Введение: «Юридическая техника в современном вузовском правовом образовании»	Печ.	Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В. М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — С. 5-13	0,6	
633.	Раздел 1«Юридическая техника как наука и учебная дисциплина»	Печ.	Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В. М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — С. 13-34	0,7	Давыдова М.Л.
634.	Раздел 2 «Понятие, виды и значение юридической техники»	Печ.	Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В. М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — С. 36-57	0,7	Давыдова М.Л.
635.	Раздел 6 «Преамбула нормативного правового акта»	Печ.	Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В. М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Про-	1,8	

			спект, 2024. — С.129-155.		
636.	Раздел 12 «Идея и концепция законопроекта»	Печ.	Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В. М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — С.271-292	1,4	
637.	Раздел 15 «Примечания в праве»	Печ.	Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В. М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — С.335-360	1,3	
638.	Раздел 16 «Перечень в правотворческих актах»	Печ.	Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В. М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — С.361-381	1,3	
639.	Раздел 17 «Общая характеристика приложений в праве»	Печ.	Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В. М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — С.382-389	0,5	
640.	Раздел 18 «Исключения в праве как технико-юридический инструментарий»	Печ.	Юридическая техника. Juridical Techniques : учебник / под ред. В. М. Баранова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2024. — С.390-415	0,8	Суменков С.Ю.
641.	Нанотехнологии юриспруденции	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 13–26. (ВАК, 1 катег)	0,8	Поляков С.Б
642.	Проблемы систематизации законодательства (доктрина, практика, техника). Отзыв на автореферат диссертации Гавашели Тамары Валерьевны на тему «Систематизация законодательства: теория и современная практика» (Москва, 2024. 24 с.), представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1. (Теоретико-исторические правовые науки)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С.316–319. (ВАК, 1 катег)	0,5	
643.	Инструментарий юридической техники в контексте частно-правовых теорий. Рецензия на диссертацию О. В. Танимова	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской ака-демии МВД России. 2024. № 3 (67). С.320–	0,6	Абдулханнянов И.А.

	«Теория юридических фикций» (Москва, 2023. 438 с.), представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук		330. (ВАК, 1 катег)		
644.	Реформирование антикоррупционного законодательства субъектов Российской Федерации: достижения, просчеты, перспективы	Печ.	Правовая реформа (история, теория, практика, техника) : сборник статей по материалам Международной научнопрактической конференции (Нижний Новгород, 31 мая 2024 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2024. — С. 31-55	0,5	Кабанов П. А., Магизов Р. Р.
645.	Институт ограничения свободы в фокусе междисциплинарности (системный доктринальный анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 года № 4-П)	Печ.	Юридическая орбита. – 2024. – № 4. – С. 13-23	0,6	Милюков С.Ф.
646.	Публично-правовые режимы в ракурсе инноваций (доктрина, практика, техника). Отзыв на автореферат диссертации Дегтярева Михаила Владимировича на тему «Инновационные публично-правовые режимы» (Москва, 2024. 48 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.2. (публично-правовые (государственно-правовые) науки)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С.246-248 (ВАК, 1 катег)	0,4	
647.	Правовой эксперимент и динамика истинности научного юридического знания. Вступительное слово (статья) профессора В. М. Баранова при открытии XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика»	Печ.	Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. – С. 10-20	1,3	
648.	Экспериментальный нормативный правовой акт как нетипичная форма российского права	Печ.	Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом	6,7	

			регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. – С. 61-118.		
649.	Правовое экспериментирование: достижения, просчеты, перспективы. Обзор XXVI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)»)	Печ.	Государство и право. 2024. № 12. С.190-207. (ВАК, 1 катег)	0,7	Кроткова Н. В., Баранова М. В.
650.	Цифровая трансформация правозащитной деятельности	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1 (69). С. 13–21. (ВАК, 1 катег)	0,3	Васяев А. А., Зуева Ю. В.
651.	Правовая демагогия как особая форма бытия политико-юридической действительности Статья переопубликована в формате отдельной книги: Право как форма бытия человека (к 300-летию И. Канта): Сборник статей и тезисов всероссийской научно-практической конференции (21 ноября 2024 г.) / Отв. ред. И.А. Треушников, С.Л. Ивашевский.	Печ.	Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1 (69). С. 187-194. (ВАК, 1 катег) Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 7-17.	0,9	
652.	Юридические фикции и структурность права (тематическая рецензия на монографию В. И. Червонюка «Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования». Москва: Юстицинформ, 2024. 942 с.)	Печ.	Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1 (69). С. 299-309. (ВАК, 1 катег)	0,6	Абдулханнянов И. А.
653.	Инновационный юрист. К 75-летию со дня рождения профессора В. Б. Исакова	Печ.	Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1 (69). С. 310-315. (ВАК, 1 катег)	0,7	
654.	«Очерки техники правотворчества. Избранные труды» (переиздание 2017 года)	Печ.	Монография. М.: ЮСТИЦИЯ, 2021. 586 с.	37,0	
655.	Монография. Свод кодифицированных актов Российской Федерации: теоретическая и практическая необходимость подготовки в условиях цифровизации общества.	Печ.	Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. — 198 с.	11,5	
656.	Достоинство сотрудника органов внутренних дел как особый объект правовой защиты	Печ.	Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 3s	0,8	Ромашов Р. А.

			(127). – С. 175-189. (ВАК, 1 катег)		
657.	Статья. Проблемы кодификации законода-тельства о научной деятельности в условиях цифровой модернизации	Печ.	Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 341-346. (ВАК, 1 катег)	0,7	
658.	Системность законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: сущность, ценность, технико-юридические средства обеспечения. Рецензия на монографию С. А. Малахова Системные связи норм законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации: монография. Москва: Издательство «ИНФРА-М», 2025. 229 с.	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 407–414. (ВАК, 1 катег)	0,5	Макарейко Н. В.
659.	Остановилось время Валерия Лазарева. Некролог.	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 440–442. (ВАК, 1 катег)	0,2	Толстик В.А.
660.	Техника правотворчества: природа, основные приемы, значение: Ретроспективный библиографический указатель	Печ.	– Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2025. – 3089 с.	365,4	
661.	Словарь правовых символов и знаков	Печ.	Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника». – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. – 317 с.	9,2	Исаков В.Б.
662.	Ненормативная лексика русского языка: юрислингвистический анализ : монография.	Печ.	Москва : Проспект, 2025. – 160 с.	5	Замальдинов В.Е.
663.	Ученый, юрист, политик, аналитик. Этюд о профессоре В.Б. Исакове.	Печ.	Лучшие аналитики России – наши современники. Вып. 2. Москва: КРАСАНД, 2025. С. 246-255.	0,6	
664.	Системность правовой ответственности: проблемы содержательного и технико-юридического повышения	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3 (71). С. 19–35. (ВАК, 1 катег)	0,4	Макарейко Н. В.
665.	Правозащитная система России: концепция, практика, техника. Отзыв на автореферат диссертации Чечельницкого Ильи Валентиновича «Теоретико-правовые основы	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3 (71). С. 266–270. (ВАК, 1 катег)	0,5	

	государственной правозащитной деятельности в Российской Федерации», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.1. (Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки))				
666.	Правотворчество как содержательный и технико-юридический системный механизм. Рецензия на учебное пособие С. В. Синюкова «Механизм правотворчества современного российского государства» (Москва: Проспект, 2025. 184 с.)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3 (71). С. 271–285. (ВАК, 1 катег)	0,9	Трофимов В. В.
667.	Экспериментальный правовой режим в фокусе прогнозирования (доктрина, практика, техника)	Печ.	Обеспечение безопасности и правопорядка в условиях особых правовых режимов (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 18 апреля 2025 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2025. – С.26-49.	1, 4	
668.	Концепция консолидации российского антикоррупционного законодательства. Рецензия на книгу: «Концепция консолидации законодательства российской федерации о противодействии коррупции»: научно-практическое пособие / А.И. Абрамова, М.В. Залоило, А.А. Донская [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: «Проспект», 2021. 112 с.	Печ.	Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18. № 3. С. 89–98.	0,3	Кабанов, П.А., Магизов, Р.Р.
669.	Юридическое псевдосотворчество публичной власти и гражданского общества (доктрина, практика, техника)	Печ.	Государственно-правовые исследования. Научно-образовательный ежегодник. 2025. Вып. 7–8. С. 67–85.	2,09	
670.	Рекомендация ВАК при Минобрнауки РФ (правовая природа, перспективы расширения сферы функционирования, технико-юридическое обеспечение реализации)	Печ.	Юридическая орбита: Научно-прикладной журнал. Ежегодник. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. – № 5. – С. 9–32.	2,67	
671.	Доктринальная экспертиза федерального законотворчества (концепция, практика, техника).Отзыв на автореферат диссертации Веселова Игоря Геннадьевича на	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 285–288.	0,46	–

	тему «Научно-экспертное обеспечение законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе (теоретико-правовое исследование)» (Санкт-Петербург, 2025. 26 с.), представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. (теоретико-исторические правовые науки)				
672.	Обзор защит диссертаций за 2025 год в диссертационном совете 03.2.009.01, созданном на базе Нижегородской академии МВД России	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 338–341.	0,23	Афанасьев А.Ю.
673.	Современный классик юриспруденции. Памяти профессора Юрия Александровича Тихомирова	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 342–348.	0,23	Баранова М. В., Михеева И. В.
674.	Преступность правоприменителей как социальный феномен современного российского общества. Рецензия на монографию: А. Б. Марданова «Преступность правоприменителей: криминологический анализ официальной статистики» (Санкт-Петербург: Юридический центр, 2025. 160 с.)	Печ.	Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 4 (72). С. 289–297.	0,31	Баранова М. В., Кабанов П. А.

Итого: 2153,31 п.л.

В организации, проведении и издании материалов XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» принял участие Попечительский Совет «Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»» в составе:

Степанкова Валентина Георгиевича – президента юридической компании «ЮКей», доцента кафедры адвокатуры МГИМО, кандидата юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации (председателя);

Ахмедова Теймура Ашрафа Оглы – учредителя и директора ОО «Хилтон», руководителя научно-исследовательского центра «Здоровое питание»;

Васяева Александра Александровича – адвоката, доктора юридических наук, доцента, профессора кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина;

Капца Игоря Андреевича – директора ООО «Таран»;

Лазорина Кирилла Борисовича – члена правления Федеральной нотариальной палаты, Президента Нижегородской областной нотариальной палаты, нотариуса, занимающегося частной практикой в нотариальном округе - город областного значения Нижний Новгород, заместителя председателя городской Думы города Нижнего Новгорода, депутата городской Думы города Нижнего Новгорода, соискателя кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.